

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

„ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХ“

1156
69

А. Э. БРЭМА

339
588

СО МНОЖЕСТВОМЪ ПОЛИТИПАЖЕЙ И ХРОМОЛИТОГРАФИЯМИ

ВЪ ДЕСЯТИ ТОМАХЪ

ПЕРЕВОДЪ СЪ 3-ГО НѢМЕЦКАГО ИСПРАВЛЕННАГО И ДОПОЛНЕННАГО ИЗДАНІЯ

Подъ редакцію магистра зоологіи К. К. Сентъ-Илера.

4860

Томъ III.

МЛЕКОПИТАЮЩІЯ.

Хоботныя. — Непарнокопытныя. — Парнокопытныя. — Сирены. —
Китообразныя. — Сумчатыя. — Птицезвѣри.

.....
Цѣна за томъ 6 руб.
.....

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО ТОВАРИЩЕСТВА „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЕЗА“ И К^О.
БОЛЬШАЯ ПОДЪЯЧЕСКАЯ, 80.

1893.

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 Мая 1893 г.

Оглавление III-го тома.

Иллюстрированной жизни животныхъ А. Э. Брэма.

Отрядъ IX: Хоботныя животныя. (Proboscidea).

	Стр.		Стр.
Сем. Слоны. Elephantidae.....	—	Азиатскій слонъ. E. asiaticus....	4
Родъ. Слоны. Elephas.....	1	Африканскій слонъ. E. africanus..	10

Отрядъ X: Непарнокопытныя. (Perissodactyla).

	Стр.		Стр.
I-е Сем. Лошади. Equidae.		Буршелева тигровая лошадь. E. burchellii.....	84
1-й родъ. Лошади. Equus.....	40	Тигровая лошадь Шалмана. E. charmanii.....	85
Тарпанъ.....	42	Зебръ. E. zebra.....	85
Цимбароны.....	45	II-е Сем. Тапиры. Tapiridae.....	92
Мустангъ.....	46	1-й родъ. Тапиры. Tapirus.....	92
Лошадь Пржевальскаго.....	49	Чапачный тапиръ. T. indicus...	93
Домашняя лошадь. Equus caballus.	49	Американскій тапиръ. T. terrestris.....	95
Арабская лошадь.....	50	III-е Сем. Носороги. Rhinocerotidae....	102
Берберская лошадь.....	53	1-й родъ. Носороги. Rhinoceros.....	102
Англійская чистокровная лошадь	54	Индійскій носорогъ R. unicornis.	105
Англо-арабская лошадь.....	55	Иванскій носорогъ. R. sondaicus	107
Тракенская лошадь.....	56	Бадакъ R. sumatrensis.....	108
Першеронъ.....	56	Кистеухій носорогъ. R. lasiotis...	108
Шотландскій пони.....	56	Двурогій носорогъ. R. bicornis...	109
Куланъ. E. hemionus.....	62	Тупоносый носорогъ. R. simus....	111
Онагръ. E. onager. T.....	71	IV-е Сем. Жираки. Hyracidae.....	126
Домашній осель. E. asinus.....	72	1-й родъ Жираки. Hyrax.....	126
Степной осель. E. asinus Africa- nus.....	72	Абиссинскій жиракъ H. abyssini- cus.....	128
Сомальскій осель. E. asinus soma- licus.....	73	Древесный жиракъ. H. dorsalis	133
Мулъ. E. mulus.....	80		
Лошакъ. E. hinnus.....	80		
Квагга. E. quagga.....	83		

Отрядъ XI: Парнокопытныя. (Artiodactyla).

	Стр.		Стр.
I-е Сем. Жирафы. Camelopardalidae..	135	1-й родъ. Верблюды. Camelus.....	146
1-й родъ. Жирафы. Camelopardalis..	135	Дромадеръ. C. dromedarius.....	146
Жирафа. C. giraffa.....	138	Двурогый верблюдъ. C. bactri- anus.....	158
II-е Сем. Верблюды. Camelidae.....	146		

	Стр.		Стр.
2-й родъ. Ламы. <i>Auchenia</i>	162	Зобастая антилопа. <i>A. gutturosa</i>	364
Гуанако. <i>A. huanaeo</i>	164	Пала. <i>A. melampus</i>	370
Лама. <i>A. lama</i>	167	Газель. <i>A. dorcas</i>	374
Пако. <i>A. ramos</i>	171	Горный скакунъ. <i>A. euchores</i>	375
Викунья. <i>A. vicugna</i>	173	7-й родъ. Бубаль. <i>Bubalis</i>	375
III-е Сем. Полорогія. Bovidae	176	Пигарга. <i>B. pygarga</i>	375
Козловья. <i>Carpinae</i>	177	Бѣлолобый бубаль. <i>B. albifrons</i>	375
1-й родъ. Козлы. <i>Carpa</i>	179	Сенегальскій бубаль <i>B. senega-</i>	
Козерогъ альпійскій. <i>C. ibex</i>	181	<i>lensis</i>	375
Пиренейскій козерогъ. <i>C. pyrena-</i>		Степной бубаль. <i>B. bubalis</i>	376
<i>ica</i>	195	Каама. <i>B. caama</i>	376
Безоаровый. <i>C. aegargus</i>	201	8-й родъ. Железистыя антилопы.	
Винторогій козель. <i>C. falconieri</i>	206	<i>Adenota</i>	379
Ангорская коза. <i>C. hircus ang-</i>		Абокъ. <i>A. megaceros</i>	380
<i>gensis</i>	211	9-й родъ. Болотныя антилопы.	
Кашмирская коза. <i>C. hircus lan-</i>		<i>Redunca</i>	380
<i>ger</i>	214	Болотный козель. <i>R. eleotragus</i>	380
Мамбрійская коза. <i>C. hircus mam-</i>		10-й родъ. Водяныя антилопы. <i>Co-</i>	
<i>brica</i>	215	<i>bubus</i>	382
Нильская коза. <i>C. hircus aegypt-</i>		Водяной козель. <i>K. ellipsiprymnus</i>	382
<i>tica</i>	216	11-й родъ. Коневидныя антилопы.	
Карликовая коза. <i>C. hircus re-</i>		<i>Piprotragus</i>	384
<i>versa</i>	216	Чалая антилопа. <i>H. leucorphaeus</i>	385
Таръ. <i>C. jamaica</i>	223	Черная антилопа. <i>H. niger</i>	386
2-й родъ. Бараны. <i>Ovis</i>	225	Бакерова антилопа. <i>H. bakeri</i>	386
Гривистый баранъ. <i>O. tragelaphus</i>	228	12-й родъ. Сернобыки. <i>Oryx</i>	387
Европейскій муфлонъ. <i>O. musim-</i>		Пассанъ. <i>O. capensis</i>	388
<i>on</i>	233	Бейза. <i>O. beisa</i>	388
Аргали. <i>O. argali</i>	237	Саблерогая антилопа. <i>O. leucoryx</i>	390
Качкаръ. <i>O. polii</i>	242	13-й родъ. Аддасы. <i>Addax</i>	393
Толсторогій баранъ. <i>O. montana</i>	245	Меддесъ-антилопа. <i>A. nasomacula-</i>	
Меринось. <i>O. aries hispanica</i>	252	<i>tus</i>	393
Черноголовая овца. <i>O. aries stea-</i>		14-й родъ. Винторогія антилопы.	
<i>toruga persica</i>	255	<i>Strepsiceros</i>	395
Овцебыки. <i>Ovibovinae</i>	259	Куду. <i>S. kudu</i>	395
3-й родъ. Овцебыкъ. <i>Ovibos</i>	259	15-й родъ. Лѣсныя антилопы <i>Trage-</i>	
Овцебыкъ. <i>O. moschatus</i>	260	<i>laphus</i>	398
Быки. <i>Bovinae</i>	265	Цестральская антилопа. <i>T. scrip-</i>	
4-й родъ. Быки. <i>Bos</i>	267	<i>tus</i>	399
Якъ. <i>B. grunniens</i>	268	Большая лѣсная антилопа. <i>T. sil-</i>	
Зубръ. <i>B. bison</i>	276	<i>vaticus</i>	400
Бизонъ. <i>B. americanus</i>	284	Мвули. <i>T. euryceres</i>	400
Широколобый быкъ. <i>B. frontalis</i>	295	Наконгъ. <i>T. spekii</i>	400
Гаоръ. <i>B. gaurus</i>	298	16-й родъ. Коровыя антилопы. <i>Bu-</i>	
Вантенгъ. <i>B. banteng</i>	303	<i>elaphus</i>	402
Занга. <i>B. africanus</i>	309	Канна. <i>B. orcas</i>	403
Зебу. <i>B. indicus</i>	309	17-й родъ. Пилгау. <i>Portax</i>	406
Шотландскій полудикій быкъ. <i>B.</i>		Пилгау. <i>P. pictus</i>	406
<i>scoticus</i>	313	18-й родъ. Четырерогія антилопы.	
Фрибургская порода быковъ. <i>B.</i>		<i>Tetraceros</i>	409
<i>taurus friburgensis</i>	317	Четырерогая антилопа. <i>T. quad-</i>	
Голландская порода быковъ. <i>B.</i>		<i>ricornis</i>	409
<i>taurus hollandicus</i>	317	19-й родъ. Хохлатыя антилопы. <i>Ce-</i>	
Дургамская порода быковъ. <i>B.</i>		<i>rhalolophus</i>	410
<i>taurus dunelmensis</i>	318	Дукеръ. <i>C. mergens</i>	411
Черный буйволъ. <i>B. caffer</i>	330	20-й родъ. Карликовыя антило-	
Рыжій буйволъ. <i>B. pumilus</i>	338	пы. <i>Neotragus</i>	412
Индійскій буйволъ. <i>B. arni</i>	341	Антилопа-девретка <i>N. hemprichii</i>	412
Керабау. <i>B. kerabau</i>	347	Мускусная антилопа. <i>N. moscha-</i>	
Аноа. <i>B. depressicornis</i>	349	<i>tus</i>	416
Горныя козы. <i>Aplocerinae</i>	351	21-й родъ. Красивыя антилопы	
5-й родъ. Горная коза. <i>Aplocerus</i>	351	<i>Calotragus</i>	416
Горная коза. <i>A. montanus</i>	351	Ориб. <i>C. scorarius</i>	417
Антилопы. <i>Antilopinae</i>	357	22-й родъ. Горныя антилопы. <i>Oreo-</i>	
6-й родъ. Антилопы. <i>Antilope</i>	360	<i>tragus</i>	419
Гарна. <i>A. cervicapra</i>	362	Антилопа-серна. <i>O. saltatrix</i>	419

	Стр.		Стр.
23-й родъ. Антилопы-козы. <i>Nemorhoedus</i>	422	Родъ. Кабарги. <i>Moschus</i>	529
Гораль. <i>N. goral</i>	422	Кабарга. <i>M. moschiferus</i>	529
24-й родъ. Серны. <i>Capella</i>	423	VII-ое Сем. Оленьки. Tragulidae	534
Альпийская серна. <i>C. rupicapra</i>	424	Родъ Оленькъ. <i>Tragulus</i>	534
Иберійская серна. <i>C. pirenaica</i>	424	Оленькъ-кантиль. <i>T. kanchil</i>	534
Атши. <i>C. saucasica</i>	425	VIII-ое Сем. Свиныя. Suidae	536
25-й родъ. Сайги <i>Colus</i>	436	1-й родъ. Настоящія свиньи. <i>Sus</i>	539
Сайгакъ. <i>C. tataricus</i>	436	Кабанъ. <i>S. scrofa</i>	539
26-й родъ. Гну. <i>Saloblepas</i>	440	Гривистая свинья. <i>S. cristatus</i>	540
Обыкновенный гну. <i>C. gnu</i>	441	Адаманская свинья. <i>S. andamanensis</i>	540
Полосатый гну. <i>C. taurinus</i>	443	Бородатая свинья. <i>S. barbatus</i>	540
IV-ое Сем. Вилороговья. Antilocapridae	445	Полосатая свинья. <i>S. vittatus</i>	540
Родъ. Вилороги. <i>Antilocapra</i>	445	Бородавчатая свинья <i>S. verrucosus</i>	540
Вилорогъ. <i>A. americana</i>	445	Целебеская свинья. <i>S. celebensis</i>	540
V-ое Сем. Олени. Cervidae	453	Тиморская свинья. <i>S. timorensis</i>	540
1-й родъ. Лоси. <i>Alces</i>	458	Папуасская свинья. <i>S. papuensis</i>	540
Лось. <i>A. palmatus</i>	458	Черная свинья. <i>S. niger</i>	540
Сѣвероамериканскій лось. <i>A. americanus</i>	470	Бѣлоборода свинья. <i>S. leucomystax</i>	540
2-й родъ. Сѣверные олени. <i>Rangifer</i>	471	Сенаарская свинья. <i>S. senarensis</i>	540
Сѣверный олень. <i>R. tarandus</i>	471	2-ой родъ. Африканскія дикія свиньи. <i>Potamochoerus</i>	551
Карибу. <i>R. caribu</i>	473	Кистеухая свинья. <i>P. porcus</i>	551
3-й родъ. Лани. <i>Dama</i>	483	Кустарная свинья. <i>P. africanus</i>	553
Лань. <i>D. vulgaris</i>	483	3-й родъ. Бабирусы. <i>Porcus</i>	553
4-й родъ. Настоящiе олени. <i>Cervus</i>	486	Бабируса. <i>P. babyrussa</i>	553
Благородный олень. <i>C. elaphus</i>	486	4-й родъ. Бородавочники. <i>Phacochoerus</i>	555
Калифорнскій олень. <i>C. barbarus</i>	496	Бородавочникъ африканскій. <i>Ph. africanus</i>	556
Вапити. <i>C. canadensis</i>	496	Беззубый бородавочникъ. <i>Ph. aethiopicus</i>	556
Болотный олень. <i>C. duvaucelli</i>	496	5-й родъ. Пекари. <i>Dicotyles</i>	559
Аксисъ. <i>C. axis</i>	498	Обыкновенный пекари. <i>D. torquatus</i>	559
Замбаръ. <i>C. aristotetis</i>	500	Мускусный пекари. <i>D. labiatus</i>	559
Длинногривый олень. <i>C. hippelaphus</i>	502	IX-ое Сем. Бегемотовья. Hippopotamidae	563
Валлихскій олень. <i>C. Wallichii</i>	502	Родъ. Бегемотъ. <i>Hippopotamus</i>	563
Свиной олень. <i>C. porcinus</i>	505	Большой бегемотъ. <i>H. amphibius</i>	563
5-й родъ. Мазамы. <i>Cariacus</i>	507	Либерійскій бегемотъ. <i>H. liberiensis</i>	578
Виргинскій олень <i>C. virginianus</i>	507		
Пампасовый олень <i>C. campestris</i>	513		
Бразильская косуля. <i>C. rufus</i>	516		
6-й родъ. Косули. <i>Capreolus</i>	517		
Косуля. <i>C. caprea</i>	518		
7-й родъ. Мунтжаки. <i>Cervulus</i>	526		
Мунтжакъ. <i>C. muntjac</i>	526		
VI-ое Сем. Кабарги. Moschidae	529		

Отрядъ XII: Сирены. (Sirenia).

	Стр.		Стр.
Сем. Сирены. Manatidae	580	2-ой родъ. Дюгонь. <i>Halicore</i>	586
1-ый родъ. Ламайтины. <i>Manatus</i>	582	Дюгонь. <i>H. dugong</i>	586
Ламайтинъ. <i>M. latirostris</i>	583	Капустница. <i>H. stelleri</i>	591
Узкобый ламайтинъ. <i>M. inunguis</i>	584		

Отрядъ XIII: Китообразныя. (Cetacea).

	Стр.		Стр.
I-ое Сем. Полосатики. Balaenopteridae	612	2-ой родъ. Большия полосатики. <i>Physeterus</i>	615
1-й родъ. Длиннорукие полосатики. <i>Megaptera</i>	612	Большой полосатикъ. <i>Ph. antiquorum</i>	615
Горбачъ. <i>M. longimana</i>	612		

	Стр.		Стр.
3-ий родъ. Полярные полосатики. <i>Sibbaldius</i>	618	Дельфинъ обыкновенный. <i>D. delphis</i>	649
Полярный полосатикъ. <i>S. borealis</i>	618	6-ой родъ. Иньи. <i>Inia</i>	652
4-ый родъ. Малые полосатики. <i>Balaenoptera</i>	620	Инья амазонская <i>I. amazonica</i> ..	653
Малый полосатикъ. <i>B. rostrata</i>	620	Тукуки. <i>I. tucuxi</i>	654
II-ое Сем. Настоящие киты. Balaenidae	622	7-ой родъ. Сусуки. <i>Platanista</i>	655
Родъ. Гренландскіе киты. <i>Balaena</i>	623	Сусукъ гангскій. <i>P. gangetica</i> ...	655
Гренландскій китъ. <i>B. mysticetus</i>	623	IV-ое Сем. Единороговые. Monodontidae	657
III-е Сем. Дельфины. Delphinidae	628	Родъ. Единороги. <i>Monodon</i>	657
1-ый родъ. Косатки. <i>Orca</i>	630	Единорогъ, нарвалъ. <i>M. monoceros</i>	657
Косатка. <i>O. gladiator</i>	630	V-ое Сем. Клюворылые киты. Hyperoodontidae	660
2-ой родъ. Морскія свиньи. <i>Phocaena</i>	634	Родъ. Клюворылы. <i>Hyperoodon</i>	660
Морская свинья. <i>Ph. communis</i>	634	Доглингъ <i>H. bidens</i>	660
3-ий родъ. Бѣлухи. <i>Beluga</i>	639	VI-ое Сем. Кашалотовые. Catodontidae	661
Бѣлуха. <i>B. leucas</i>	639	Родъ. Кашалоты. <i>Catodon</i>	661
4-ый родъ. Гринды <i>Globiocephalus</i>	641	Кашалотъ. <i>C. macrocephalus</i>	661
Гринда <i>G. melas</i>	641		
5-ый родъ. Дельфины. <i>Delphinus</i>	648		

Отрядъ XV: Сумчатые. (Marsupialia).

	Стр.		Стр.
I-ое Сем. Прыгающія сумчатые. Macropodidae	675	4-ый родъ. Сумчатые бѣлки <i>Petaurroides</i>	705
1-ый родъ. Настоящіе кенгуру. <i>Macropus</i>	676	Легунъ. <i>P. volans</i>	705
Исполинскій кенгуру <i>M. giganteus</i>	686	5-ый родъ. Сахарныя бѣлки. <i>Petaurus</i>	707
Надемелонъ <i>M. taetidis</i>	687	Сахарная бѣлка <i>P. sciureus</i>	707
Ржавобрюхій валаби. <i>M. billardieri</i>	688	6-ой родъ. Сумчатые мыши <i>Acrobates</i>	711
2-ой Родъ. Горные кенгуру. <i>Petrogale</i>	688	Сумчатая мышь. <i>A. rufmaeus</i> ..	711
Каменный кенгуру. <i>P. penicillata</i>	688	7-ой родъ. Пяткоходы. <i>Tarsipes</i> ...	711
Желтоногій кенгуру. <i>P. xanthopus</i>	688	Паткоходъ. <i>T. rostratus</i>	711
3-ий родъ. Зайцеобразные кенгуру. <i>Lagorchestes</i>	690	III-е Сем. Вомбатовые. Phascologyidae	713
Зайцеобразный кенгуру. <i>L. leporoides</i>	690	Родъ. Вомбатъ. <i>Phascolomys</i>	713
4-ый родъ. Древолазовые кенгуру. <i>Dendrolagus</i>	692	Тасманскій вомбатъ. <i>Ph. ursinus</i>	713
Медвѣдеобразный кенгуру. <i>D. ursinus</i>	692	Широколобый вомбатъ <i>Ph. latifrons</i>	713
5-ый родъ. Косматые потору. <i>Betongia</i>	692	Митчелевъ вомбатъ. <i>Ph. mitchelli</i>	713
Косматый потору <i>B. penicillata</i>	692	IV-ое Сем. Сумчатые барсуки. Peramelidae	716
6-ой родъ. Крысиные потору. <i>Potorous</i>	694	1-ый родъ. Извицки. <i>Perameles</i>	716
Крысиный потору <i>P. tridactylus</i>	694	Остроносая явница <i>P. nasuta</i>	716
7-ой родъ. Цѣпконоги <i>Hypsiprymnodon</i>	696	Полосатая явница <i>P. bougainvillei</i>	717
Цѣпконогъ. <i>H. moschatus</i>	696	2-ой родъ. Хероны <i>Choeopus</i>	719
II-ое Сем. Лазающія сумчатые. Phalangeidae	697	Херонъ <i>Ch. castanotis</i>	719
1-ый родъ. Сумчатые медвѣди. <i>Phascolarctus</i>	698	V-ое Сем. Хищныя сумчатые. Dasyuridae	721
Коала. <i>Ph. cinereus</i>	698	1-ый родъ. Сумчатые волки. <i>Thylacinus</i>	722
2-ой родъ. Кускусы. <i>Phalanger</i>	700	Мѣшкопесъ. <i>Th. cynocephalus</i>	722
Пятнистый кускусъ. <i>Ph. maculatus</i>	700	2-ой родъ. Дьяволы. <i>Sarcophilus</i>	724
3-ий родъ. Кузу. <i>Trichosurus</i>	703	Дьяволъ. <i>S. ursinus</i>	724
Кузу-лиса. <i>T. vulpecula</i>	703	3-ий родъ. Сумчатые куницы. <i>Dasyurus</i>	727
		Пятнистая сумчатая куница. <i>D. viverrinus</i>	727
		4-ый родъ. Сумчатые сопи. <i>Phascogale</i>	728
		Тафа. <i>Ph. penicillata</i>	728
		Желтоногая сумчатая мышь. <i>Ph. flavipes</i>	730

	Стр.		Стр.
5-й родъ. Сумчатые тушканчики.		1-й родъ. Двуутробки. <i>Didelphys</i>	736
<i>Antechinomys</i>	731	Опоссумъ. <i>D. marsupialis</i>	736
Сумчатый тушканчикъ. <i>A. laniger</i> .	731	Ракобдная двуутробка. <i>D. philandier</i>	736
6-й родъ. Мурашеѣды. <i>Murmeecobius</i> ..	732	2-й родъ. Плавунки. <i>Chironectes</i>	740
Мурашеѣдъ. <i>M. fasciatus</i>	732	Плавунъ. <i>Ch. mininus</i>	740
VI-е Сем. Двуутробки. <i>Didelphyidae</i> ..	733		

Отрядъ XV: Однопроходная. (Monotremata).

	Стр.		Стр.
I-е Сем. Ехидны. <i>Echidnidae</i>	744	2-й родъ. Перстистыя ехидны.	
1-й родъ. Иглистыя ехидны. <i>Echidna</i>	746	<i>Proechidna</i>	752
Австралийская ехидна <i>E. aculeata typica</i>	746	Шерстистая ехидна. <i>Pr. bruyunii</i> .	752
Тасманская ехидна. <i>E. aculeata setosa</i>	747	II-е Сем. Утконосовыя. <i>Ornitorhynchidae</i>	752
Папуасская ехидна. <i>E. aculeata lawesi</i>	747	Родъ. Утконосы. <i>Ornitorhynchus</i> ..	752
		Утконосъ <i>O. anatinus</i>	752

ОГЛАВЛЕНИЕ РИСУНКОВЪ.

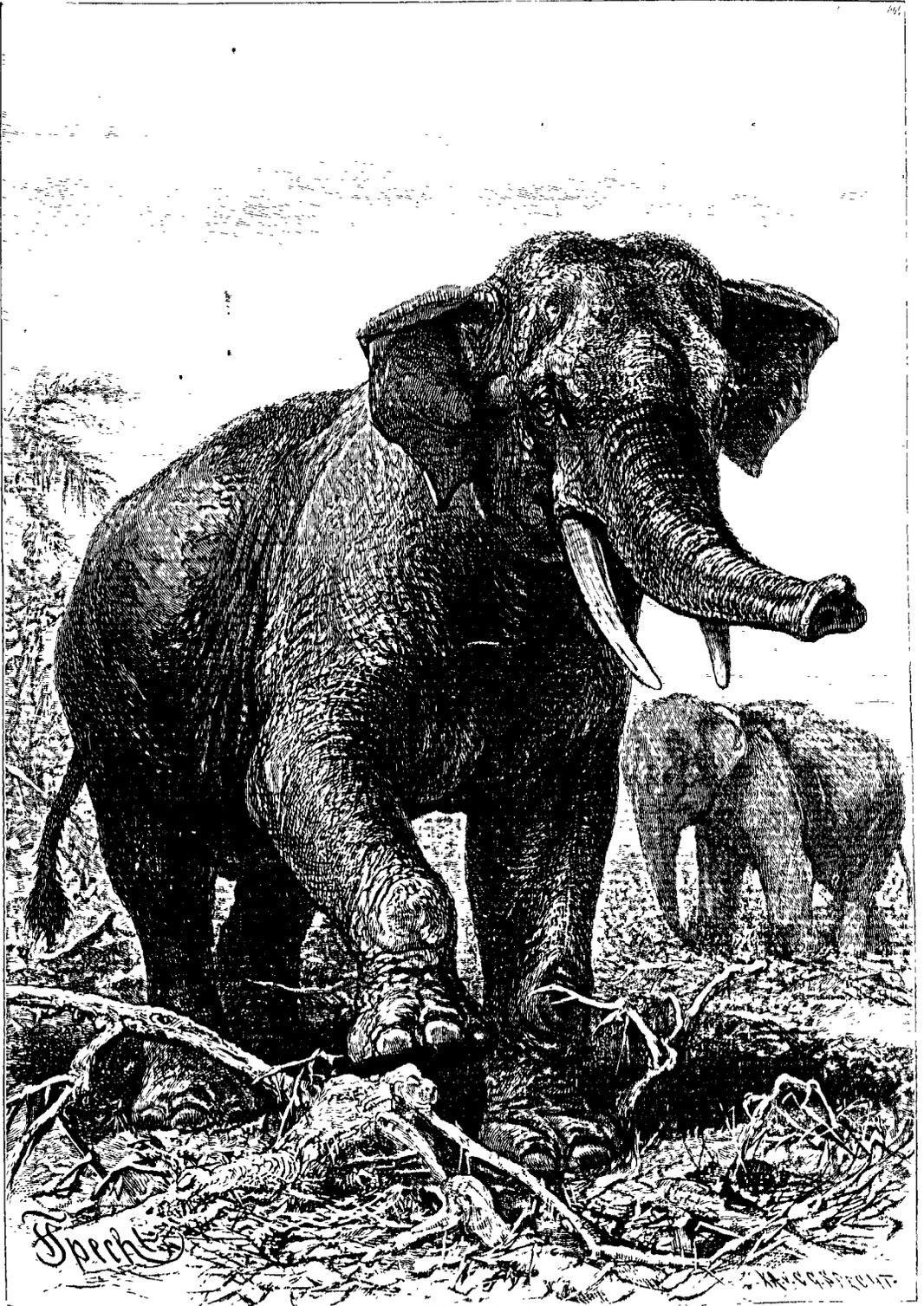
ОТДѢЛЬНЫЕ РИСУНКИ.

	Стр.		Стр.
Индійскій слонъ	1	Шотландскій полудикій быкъ.....	312
Африканскій слонъ.....	12	Газели	364
Арабская лошадь.....	48	Антилопы	376
Шотландскіе пони.....	56	Куду.....	396
Зебръ.....	88	Лани.....	484
Индійскій носорогъ.....	106	Благородный олень	496
Жирафа.....	138	Кабанъ.....	540
Дромадеръ.....	148	Полосатикъ горбачъ	612
Козерогъ.....	182	Ирландскій китъ и косатики.....	625
Лѣвъ.....	268	Исполинскій кенгуру.....	686
Зубры.....	278	Четыре карты въ концѣ тома.	

РИСУНКИ ВЪ ТЕКСТѢ.

Скелеть азіатскаго слона.....	2	Тупоносый носорогъ.....	112
Тарпанъ.....	43	Скелеть дамана	127
Скаковая англійская лошадь.....	55	Жиракъ Абиссинскій.....	129
Тракенская лошадь.....	57	Скелеть Жираффы	138
Першеронъ.....	59	Жираффа, достающая вѣтвь съ земли.	143
Куланъ.....	63	Скелеть дромадера.....	147
Степной осель.....	73	Двугорбый верблюдь.....	159
Домашній осель.....	75	Лама.....	168
Квагга.....	84	Пако.....	172
Дау.....	85	Викунья.....	174
Скелеть тапира	92	Скелеть альпійскаго козерога.....	178
Двуцвѣтный тапиръ.....	93	Ирренискій козерогъ.....	195
Американскій тапиръ.....	96	Безоаровый козель.....	202
Двурогій носорогъ.....	110	Винторогій козель.....	207

	Стр.		Стр.
Ангорская коза.....	212	Оленекъ-кавтиль.....	535
Тарь.....	223	Скелеть кабана.....	537
Скелеть муфлона.....	226	Беркширская свинья.....	546
Гривистый баранъ.....	228	Гарисонова свинья.....	547
Муфлонъ.....	234	Карликовая свинья.....	548
Качкаръ.....	242	Морщинистая свинья.....	550
Толсторогий баранъ.....	246	Кястеухая свинья.....	552
Мериносы.....	253	Бабирусса.....	554
Черноголовые овцы.....	255	Бородавочникъ африканскій.....	557
Овцебыкъ.....	260	Обыкновенный пекари.....	560
Скелеть зубра.....	266	Скелеть бегемота.....	564
Визонъ.....	285	Бегемотъ.....	565
Гаяль (быкъ).....	296	Ламантинъ.....	583
Гаяль (корова).....	297	Дюгонь.....	587
Гаоръ.....	299	Скелеть гренландскаго кита.....	611
Бангенгъ.....	304	Большой полосатикъ.....	615
Занга.....	309	Малый полосатикъ.....	622
Зебу.....	310	Гренландскій китъ.....	623
Фрибургская (швейцарская) порода ро- гатаго скота.....	318	Скелеть Дельфина.....	629
Голландская корова.....	319	Морская свинья.....	635
Дургамскій быкъ.....	320	Бѣлуха.....	640
Черный буйволъ.....	331	Гринда.....	642
Рыжій буйволъ изъ Сиерра-Леоне.....	338	Дельфинъ.....	649
Рыжій буйволъ изъ Конго.....	340	Инья.....	652
Керабау.....	348	Сусукъ.....	656
Аноа.....	350	Единорогъ.....	656
Скелеть Меддесъ-антилопы.....	354	Скелеть кашалота.....	662
Гарна.....	358	Кашалотъ.....	663
Горный скакунъ.....	371	Скелеть кенгуру.....	676
Каама.....	377	Надемелонъ.....	687
Болотный козель.....	381	Желтоногий кенгуру.....	689
Водяной козель.....	383	Зайцеобразный кенгуру.....	690
Черная и чалая антилопы.....	385	Медвѣдеобразный кенгуру.....	691
Бейза.....	389	Косматый потору.....	693
Саблерогая антилопа.....	391	Крысиный потору.....	695
Аддасъ.....	394	Пѣнковогъ.....	697
Пестрая лѣсная антилопа.....	399	Коала.....	698
Каппа.....	404	Пятнистый кускусъ.....	701
Нилгау.....	407	Скелеть Кузу-лисы.....	703
Четырерогая антилопа.....	410	Кузу-лиса.....	704
Дукеръ.....	411	Сахарная бѣлка.....	707
Ориби.....	418	Сумчатая мышь.....	710
Сасса.....	420	Пяткоходъ.....	712
Гораль.....	422	Скелеть вомбата.....	713
Серна.....	425	Тасманскій вомбатъ и Широколобый вомбатъ.....	714
Сайтагъ.....	437	Остроносая язвица.....	717
Гну.....	442	Херопъ.....	720
Полосатый гну.....	444	Скелеть сумчатого волка.....	721
Вилорогъ.....	446	Сумчатый волкъ.....	723
Скелеть благороднаго оленя.....	454	Дьяволъ.....	725
Лось.....	459	Пятнистая сумчатая кунница.....	727
Сѣверный олень.....	472	Тафа.....	729
Аксисъ.....	499	Желтоногая сумчатая мышь.....	730
Замбаръ.....	501	Сумчатый тулканчикъ.....	731
Виргинскій олень.....	508	Мурашеѣдъ.....	733
Нампасовый олень.....	515	Оносумъ.....	737
Бразильская косуля.....	517	Ракоѣдная двуутробка.....	740
Косуля европейская.....	518	Плавунъ.....	741
Муджакъ.....	527	Скелеть ехидны.....	745
Кабарга.....	530	Австралийская иглистая ехидна.....	747

ИНДИЙСКІЙ СЛОНЪ.

Отрядъ IX.

Хоботныя животныя. (Proboscidea).

Хоботныя животныя представляютъ собою группу, клонящуюся къ упадку, послѣднихъ представителей прежде многочисленнаго отряда млекопитающихъ; они служатъ живыми свидѣтелями прежнихъ временъ мірозданія, дошедшими до насъ представителями минувшихъ дней нашей планеты.

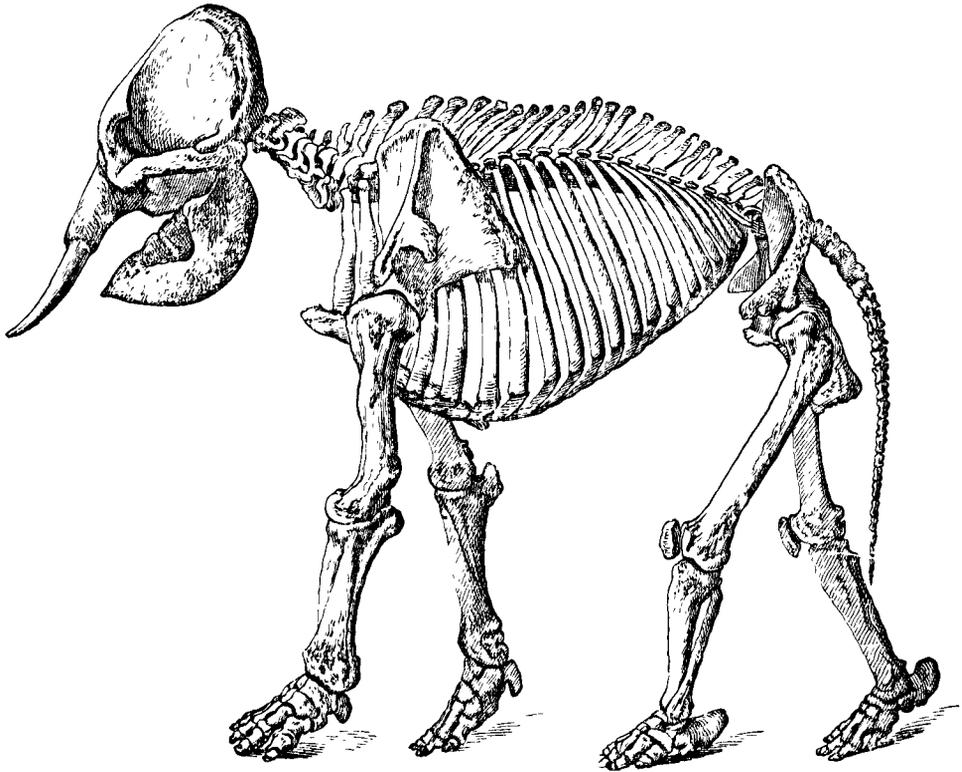
Изъ видовъ этого отряда, населявшихъ нашу землю, до нашихъ дней дожили лишь два или, можетъ быть, три вида одного семейства; но именно они то очевидно связываютъ настоящее время съ первобытнымъ міромъ: къ ихъ семейству принадлежали тѣ гиганты, хорошо уцѣлѣвшіе трупы которыхъ сохранили намъ въ теченіи тысячелѣтій сибирскіе льды.

Наши слоны, единственные еще живущіе представители семейства того-же имени (Elephantidae), отличаются длиннымъ подвижнымъ хоботомъ и зубами, а именно бивнями, которые считаютъ за видоизмѣненные рѣзцы. Тѣло коротко и толсто, шея очень коротка, голова кругла и вздута благодаря полостямъ въ верхнихъ костяхъ черепа; довольно высокія столбообразныя ноги имѣютъ по пяти соединенныхъ между собою пальцевъ и плоскія роговыя подошвы.

Важнѣйшимъ органомъ слона служитъ хоботь, продолженіе носа, отличающійся подвижностью, чувствительностью и особенно пальцеобразнымъ отросткомъ на концѣ. Онъ служитъ одновременно органомъ обонянія, осязанія и хватанія. Онъ состоитъ изъ кольчатыхъ и продольныхъ мускуловъ, распределенныхъ, по Кювье, въ 40.000 отдѣльныхъ пучковъ и позволяющихъ ему не только всячески изгибаться, но и вытягиваться и сокращаться. Для рта онъ замѣняетъ собою недостающую верхнюю губу, а для самого животнаго онъ такъ важенъ, что жизнь слона безъ него была-бы невозможна. Строеніе тѣла не позволяетъ слону опускать голову до земли, и животному было-бы поэтому трудно питаться, если-бы этотъ удивительный органъ не служилъ ему сразу въ качествѣ губы, пальца, кисти руки и всей руки. Этотъ хоботь прикрѣпляется къ плоской лицевой поверхности черепа къ лобнымъ, верхне-челюстнымъ, носовымъ и межчелюстнымъ костямъ; сверху онъ округленъ, снизу сплюсненъ и постепенно суживается отъ корня къ концу.

Всѣ остальные органы и даже органы чувствъ слона менѣ замѣчательны. Глаза малы, съ флегматичнымъ, но добродушнымъ выраженіемъ, уши, напротивъ,

очень велики и похожи на лоскуты кожи. Пальцы так тѣсно заключены въ общую кожу, что отдѣльное движеніе каждаго изъ нихъ невозможно. Они покрыты, правда, маленькими, но крѣпкими, широкими и плоскими, ногтеобразными копытами, которыя одѣваютъ лишь концы пальцевъ. У азіатскаго слона на переднихъ ногахъ по 5, на заднихъ по 4 такихъ копыта, у африканскаго спереди по 4, сзади по 3. Нерѣдко случается, что одного изъ копытъ недостаетъ, такъ какъ оно выпало и совершенно вытѣснено благодаря быстрому росту остальныхъ. Хвостъ средней длины, довольно круглый, доходитъ до колынаго сочлененія и оканчивается кистью изъ очень густыхъ, жесткихъ, похожихъ на проволоку щетинокъ.

Скелетъ азіатскаго слона.

Очень замѣчательны зубы. Въ верхней челюсти у слона два чрезвычайно развитыхъ бивня, но нѣтъ ни рѣзцовъ, ни клыковъ, а обыкновенно лишь по одному большому коренному зубу въ каждой челюсти. Этотъ зубъ состоитъ изъ довольно значительнаго числа отдѣльныхъ пластинокъ эмали, которыя связаны между собою особымъ соединительнымъ веществомъ. Онѣ образуютъ на жевательной поверхности у азіатскаго слона лентообразныя, у африканскаго ромбовидныя фигуры. Когда коренной зубъ, благодаря жеванію, настолько сотрется, что не можетъ болѣе нести свою службу, то позади его образуется новый, который постепенно подвигается впередъ и вступаетъ въ дѣятельность, прежде чѣмъ выпадетъ остатокъ предыдущаго. Наблюдали, что такая смѣна зубовъ происходитъ 6 разъ въ теченіи жизни и потому можно сказать, что у животнаго бываетъ до 24 коренныхъ зуба. Бивни, которые не мѣняются, растутъ непрерывно и потому могутъ достигать значительной длины и изумительнаго вѣса.

Кромѣ числа копытъ, формы головы и расположенія эмалевыхъ пластинокъ въ коренныхъ зубахъ азіатскіе и африканскіе слоны различаются еще и тѣмъ, что у первыхъ, несмотря на большой черепъ, уши относительно малы и бивни тонки, а у вторыхъ уши очень велики и бивни очень толсты. Кромѣ того большая часть самокъ перваго вида вовсе не имѣетъ бивней и немногія имѣютъ лишь зачаточныя, у втораго вида, напротивъ, большая часть самокъ имѣетъ довольно большіе бивни, хотя вообще меньше, чѣмъ у самцовъ. Впрочемъ и многіе самцы азіатскихъ слоновъ лишены бивней; на Цейлонѣ это случается особенно часто, такъ какъ, по словамъ Бэкера, лишь одинъ экземпляръ изъ 300 доставляетъ слоновую кость. На материкѣ эти беззубые самцы, называемые «муккназъ» встрѣчаются не такъ часто, а приблизительно въ отношеніи 1 : 10. Изъ хорошо вооруженныхъ нѣкоторые теряютъ, благодаря несчастному случаю, отчасти или вполнѣ свое оружіе; у другихъ-же иногда развивается лишь одинъ зубъ: если это правый зубъ, то такое животное, по Сандерсону, называется по имени бога мудрости, «гунешъ», и индусы воздаютъ ему божескія почести. Однозубые экземпляры вовсе нерѣдки и между африканскими слонами — самками, между тѣмъ какъ между самцами они встрѣчаются лишь въ видѣ исключенія. Иногда въ Африкѣ приходится слышать рассказы о слонахъ съ двойными или тройными бивнями; Бэнсъ рассказываетъ даже объ одномъ убитомъ въ 1856 г., къ югу отъ Замбези, слонѣ, у котораго было 9 вполнѣ развитыхъ бивней, 5 въ правой, 4 въ лѣвой челюсти. Они были расположены одинъ за другимъ и частью прямы, частью загнуты внизъ или назадъ; двѣ самыхъ крупныхъ пары вѣсили приблизительно по 30 килогр. каждая, остальные были гораздо меньше.

Смотря по областямъ, въ которыхъ водятся слоны, бивни по формѣ, строенію, а также и цвѣту представляютъ особенности, которыя вообще выражены настолько рѣзко, что знатоки слоновой кости могутъ, изслѣдуя нагроможденные зубы, опредѣлять съ достаточной увѣренностью, изъ какой страны происходятъ любые экземпляры. По письменному сообщенію В. Вестендарпа, можно, разсматривая зубы мамонта, какъ основную форму, слѣдующимъ образомъ опредѣлить въ главныхъ чертахъ особенности бивней. Бивни мамонта почти равномернo толсты и извиты, т. е. имѣютъ очень сильную кривизну вверхъ и кнаружи. Ближе всего къ нимъ стоятъ бивни сѣверо-индѣйскихъ слоновъ (Бенгалія, Бирма, Сіамъ), которые тоже еще равномерной толщины, но менѣе сильно согнуты кнаружи; бивни изъ Суматры вовсе лишены изгиба кнаружи. Изъ африканскихъ болѣе всего похожи на индѣйскіе толстые и сильно согнутые абиссинскіе бивни; тѣмъ далѣе отъ Абиссиніи къ западу и югу лежатъ области, откуда идетъ слоновая кость, тѣмъ бивни въ общемъ тоньше, прямѣе и сильнѣе утончаются къ концу. Этимъ признакамъ соотвѣтствуютъ и уклоненія въ отношеніяхъ полостей въ основаніи зубовъ. Средняя длина полости въ зубѣ мамонта равняется $\frac{1}{6}$ — $\frac{1}{5}$ всей длины зуба, въ зубѣ сѣверо-индѣйскихъ слоновъ по большей части $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{4}$, въ зубѣ абиссинскаго слона уже $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{3}$, а въ зубѣ слоновъ болѣе южныхъ областей (Замбези) даже $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{2}$.

Длиннѣйшіе изъ извѣстныхъ бивней нынѣ живущихъ видовъ слона происходятъ изъ Африки и именно изъ области озеръ. Вестендарпъ имѣетъ зубъ изъ средней Африки длиною въ 2,94 метровъ, а изъ сѣверной части Бэкеръ привезъ зубъ, имѣющій, по Стерндалю, даже 3,27 метровъ. Эти зубы однако тонки и относительно легки, такъ, первый изъ нихъ вѣситъ лишь 44 kgr. Въ прежнее время попадались, говорятъ, зубы вѣсомъ въ 120—130 kgr. и болѣе, однако это мало вѣроятно, судя по величинѣ находящихся въ собраніяхъ утвари и художественныхъ произведеній, сдѣланныхъ изъ слоновой кости. Понятно, что громадныя зубы должны

становиться тѣмъ рѣже, чѣмъ быстрѣе вывозится изъ Африки старая слоновая кость и чѣмъ ревностнѣе охотятся за слонами.

«Хорошо выросшіе клыки», пишетъ Вестендарпъ, «обыкновенно длиною до 2 метровъ, рѣдко 2,5 метра и при этомъ вѣсомъ въ 30—50 kgr., въ исключительныхъ случаяхъ 75—90 kgr. Самый тяжелый изъ зубовъ, привезенныхъ въ послѣднее время въ Европу, былъ купленъ на Восточномъ берегу фирмою Гейнрихъ Мейеръ. Длина его равнялась 2,60 метрамъ, вѣсъ 94 kgr. Какъ относительно величины слоновъ, такъ и относительно величины слоновыхъ зубовъ часто встрѣчаются невѣрныя свѣдѣнія даже въ специальныхъ сочиненіяхъ. Такъ напримѣръ, въ описаніи древнихъ предметовъ, сдѣланныхъ изъ слоновой кости, находящихся въ Британскомъ музеѣ, говорится, что зубы слоновъ въ прежнее время должны были быть гораздо больше, такъ какъ въ настоящее время не встрѣчается болѣе пластинокъ въ 40,6 см. длиною и 14,5 см. шириною, которая употреблялась тогда при выполненіи нѣкоторыхъ работъ. Это заявленіе не вѣрно, такъ какъ пластинки такого рода и въ настоящее время не представляютъ еще ничего необыкновеннаго и ежегодно доставляются въ большомъ количествѣ. Упомянутый выше зубъ, вѣсившій 94 kgr., могъ бы даже дать пластинки въ 20 см. ширины и 76 см. длины. Самая тяжелая совершенно безукоризненная пара зубовъ была вымѣнена въ Тете на Замбези въ 1882 г.; она вѣсила 144,5 kgr., каждый зубъ былъ длиною 2,27 метра, и наибольшій обхватъ посрединѣ зуба равнялся 0,6 метра. Самая красивая и длинная пара слоновыхъ зубовъ, которая когда-либо попадала въ Европу, находится въ моемъ собраніи: она вѣситъ 101 kgr., имѣетъ 2,57 метровъ въ длину, совершенно свободна отъ недостатковъ, происходитъ изъ Уганда (Восточная Африка) и заключаетъ въ себѣ слоновой кости на сумму 3775 марокъ». Вообще пары зубовъ значительной величины всегда представляютъ въ торговлѣ замѣчательную рѣдкость, такъ-какъ бивни одного и того-же слона обыкновенно не поступаютъ въ обмѣнъ вмѣстѣ. Этому способствуетъ прежде всего то обстоятельство, что оба зуба одного животного обыкновенно не остаются собственностью счастливаго охотника, такъ какъ, на основаніи господствующаго во многихъ областяхъ Африки охотничьяго права, тотъ зубъ, которымъ убитый слонъ касается земли, долженъ быть отданъ «господину земли», т. е. старшинѣ мѣстнаго племени.

Бивни азіатскаго слона гораздо меньше, чѣмъ у африканскаго, и лишь рѣдко достигаютъ длины болѣе 1,6 метра и до 20 kgr. вѣса. Однако въ видѣ исключенія встрѣчаются экземпляры, которые не слишкомъ уступаютъ по длинѣ бивней африканскимъ слонамъ. Наибольшій извѣстный зубъ принадлежалъ слону, у котораго былъ одинъ лишь этотъ здоровый зубъ, а другой былъ испорченъ и сломанъ; слонъ этотъ былъ убитъ въ 1863 г. сэромъ Викторомъ Брукомъ и Дугласомъ Гамильтономъ въ восточномъ Майсурѣ. Здоровый зубъ имѣлъ въ длину 2,4 метра, наибольшій обхватъ почти въ 0,43 метра и вѣсъ въ 40,8 kgr.: онъ выдавался наружу изъ головы на 1,75 метра. Левый больной зубъ былъ сломанъ на разстояніи 35 см. отъ черепа, остатокъ имѣлъ еще въ длину 0,99 метра, наибольшій обхватъ въ 0,5 метра и вѣсъ въ 22,2 kgr. Свѣжій зубъ теряетъ вообще при высыханіи, смотря по обстоятельствамъ, приблизительно до одной десятой и даже девятой части своего первоначальнаго вѣса.

* *
*

Азіатскій слонъ, называемый въ Индіи **Гай**, **Хати**, **Ани**, въ Бирмѣ **Шанхъ**, сингалезцами—**Аллиа**, малайцами—**Гадьяхъ**, на санскритскомъ языкѣ—**Хаста** и **Гайя** (*Elephas asiaticus*, *E. indicus*), на котораго мы обыкновенно смотримъ, какъ на прообразъ этого рода и семейства, есть большое, толстое, неуклюжее животное съ

массивной, широколобой головою, короткой шеей, сильнымъ тѣломъ и колоннообразными ногами. Его голова, которую онъ держитъ почти вертикально, существенно содѣйствуетъ усиленію подавляющаго впечатлѣнія, производимаго гигантскимъ животнымъ на зрителя. Она мощнаго сложенія и, при всей простотѣ своихъ формъ, хорошо развита. Она высока, коротка и широка, лицевая линія ея почти пряма, темя увѣнчано двумя высокими буграми, сильно выдающимися впередъ, которые составляютъ самую высокую точку тѣла животнаго и спереди связаны при основаніи валикообразнымъ возвышеніемъ. Возвышеніе продолжается по сторонамъ въ видѣ гребня, идущаго подъ тупымъ угломъ къ краямъ глазъ, и окружаетъ треугольныя углубленія, изъ которыхъ ясно выступаетъ корень носа или мѣсто прикрѣпленія хобота. Между толстыми краями глазъ, скуловыми костями, лобными буграми и основаніями ушей лежатъ корытообразныя углубленія. Позади края лба, нѣсколько выше скулового отростка верхнечелюстной кости, находится направленное спереди и сверху назадъ и внизъ, узкое, почти закрытое своими плоскими краями железистое отверстіе длиною въ 5 ст., изъ котораго по временамъ выступаетъ вонючее выдѣленіе, окрашивающее щеки въ темный цвѣтъ. Высоко на головѣ сидитъ ухо средней величины и неправильно четырехугольной формы, удлиненное внизу въ нѣсколько вытянутый кончикъ; верхній край его спереди и на внутренней сторонѣ завороченъ, а повислый конецъ загнутъ назадъ. Маленькіе, целевидные, очень подвижные, но некрасивые глаза лежатъ довольно глубоко въ орбитахъ, защищены толстыми вѣками, усаженными толстыми рѣсницами, и окружены кольцеобразно многочисленными складками кожи; зрачекъ ихъ очень малъ и круглъ, радужная оболочка кофейно-бураго цвѣта, глазное яблоко вокругъ самой радужной оболочки бѣловатое, а въ остальныхъ частяхъ окрашено каштаново-буроватымъ цвѣтомъ.

Изрѣзанные складками углы широкаго рта лежатъ недалеко отъ глаза, снизу и сзади отъ него, въ глубокой ямкѣ, образованной очень сильными жевательными мускулами и корнями бивней; нижняя губа довольно подвижна, часто свѣшивается внизъ и спереди образуетъ острый кончикъ. Между глазами, простираясь вверхъ до лба, лежитъ мѣсто прикрѣпленія почти вальковатаго хобота, который къ концу лишь немного и постепенно становится тоньше; въ вытянутомъ состояніи онъ достаетъ до земли, и потому животное должно обыкновенно держать его свернутымъ. Передняя часть его округлена, каждая изъ сторонъ нѣсколько сжата, задняя часть, ограниченная съ обѣихъ сторонъ выдающимся валикомъ, въ верхней четверти длины плоская, на остальномъ протяженіи болѣе или менѣе вогнута, передъ концемъ онъ окруженъ толстымъ, сзади вздутымъ въ видѣ шишки вальковатымъ кольцомъ, спереди снабженъ отличнымъ хватательнымъ органомъ, ясно отдѣленнымъ, коническимъ, пальцеобразнымъ отросткомъ, а на самомъ усѣченномъ концѣ его находится воронкообразное углубленіе, въ глубинѣ котораго лежатъ ноздри. Три переднія стороны необыкновенно растяжимаго и подвижнаго во всѣ стороны хобота покрыты кольцеобразными, тѣсно лежащими другъ около друга поперечными складками; къ концу хобота онѣ еще болѣе сближаются между собою и становятся тоньше; складки эти оканчиваются въ боковыхъ валикахъ хобота. Задняя сторона представляетъ, наоборотъ, продольныя складки и поперечныя зарубки. Бивни выходятъ изъ верхней челюсти, дѣлая сильный изгибъ. Шея коротка, къ головѣ нѣсколько приподнята и отчетливо отдѣлена отъ нея. Загривокъ мало замѣтенъ, такъ какъ спинная линія начиная отъ шеи, равномерно поднимается до лежащей приблизительно на серединѣ спины самой высокой точки, которая немного ниже головы, и отсюда круто падаетъ до корня хвоста. Брюшная линія

отъ груди, на которой находятся оба соска, нѣсколько опускается назадъ. Хвостъ прикрѣпленъ высоко, имѣеть круглый разрѣзъ и покрытъ поперечными складками, немного утончается къ концу и свѣшивается вертикально внизъ, достигая концомъ своимъ немного ниже колѣнъ.

Переднія ноги, начиная съ плечевого сочлененія, отдѣлены отъ туловища и кажутся гораздо выше заднихъ, особенно по той причинѣ, что подмышечныя впадины сильно углубляются между плечомъ и костями груди; локтевыя сочлененія ихъ, окруженныя круговыми складками кожи, сильно выдаются, кистевыя сочлененія лишь незначительно выдаются впередъ. Пясть передней конечности сильно сжата спереди и потому пятикопытная подушкообразная нога, расширенная во все стороны и снабженная голой подошвою, кажется особенно большою. Заднія ноги почти до колѣнъ затянуты кожей брюшной стороны тѣла; ихъ колѣна ясно замѣтны, такъ какъ непосредственно подъ ними ноги становятся гораздо тоньше и лишь затѣмъ снова постепенно утолщаются до очень низко лежащихъ пятокъ; нога, начиная отсюда, быстро расширяется спереди и сзади, такъ что подошва ея становится яйцевидной формы. Кожа тонко складчата въ опредѣленныхъ направленіяхъ, въ другихъ, которыя по большей части пересѣкають складки, она покрыта бороздками, почему поверхность ея кажется покрытой своеобразной сѣтью. Лишь на груди эти складки утолщаются въ мягкіе подвижные валики, похожіе на подгрудокъ рогатого скота. Благодаря упомянутой сѣти складокъ мало замѣтно, что волосъ почти вовсе нѣтъ; волосистой покровъ тѣла едва намѣченъ въ видѣ очень рѣдко разбросанныхъ на тѣлѣ щетинокъ, нѣсколько гуще сидящихъ вокругъ глазъ, на губахъ, нижней челюсти, подбородкѣ и задней части спины, и только на концѣ хвоста онъ развитъ въ видѣ двурядной рѣдкой кисти. Отдѣльные волосы бураго или чернаго цвѣта, на губахъ бѣловатаго; голыя мѣста кожи изъ-желта сѣраго цвѣта, на хоботѣ, нижней части шеи, груди и брюхѣ этотъ цвѣтъ переходитъ однако въ красноватомясной и испещренъ здѣсь частыми темными пятнышками. Копыта рогового цвѣта.

Размѣры слона по большей части преувеличивають и часто опредѣляютъ неверно. По старому охотничьему правилу двойной обхватъ ноги равенъ вышинѣ плечъ животнаго, при чемъ допускается ошибка въ 3—5 см. У самыхъ большихъ самцовъ вся длина отъ конца хобота до конца хвоста равняется приблизительно 7 метрамъ, изъ которыхъ около 2 метровъ приходится на хоботъ и до 1,5 метра на хвостъ; а высота у загривка доходитъ до 3 метровъ. Больше крупныхъ экземпляровъ трудно найти, а имѣющихъ болѣе 3,5 метровъ въ вышину и вовсе не встрѣчается. Сандерсонъ (который въ теченіи половины человѣческой жизни завѣдывалъ ловлей слоновъ въ Индіи и потому несомнѣнно можетъ считаться специалистомъ, достойнымъ довѣрія) измѣрилъ самыхъ крупныхъ изъ сотенъ слоновъ и опредѣлялъ ихъ высоту въ плечахъ: у двухъ самыхъ крупныхъ самцовъ она равнялась 3 и 2,95 метровъ, а у двухъ самыхъ крупныхъ самокъ 2,57 и 2,52 метра. И въ прежнія времена эти животныя не были больше; по крайней мѣрѣ Корзе въ концѣ прошлаго столѣтія не нашель ни одного, который былъ-бы болѣе 3 метровъ и изъ 150 штукъ лишь нѣкоторые изъ самыхъ крупныхъ самцовъ достигали 2,9 метра вышины въ плечахъ. Совершенно особнякомъ стоитъ одно указаніе Стердаля, относящееся къ новѣйшему времени: 3,22 метра. Все крупныхъ животныхъ можетъ равняться 4000 kgr. и даже больше.

Индусы, безспорно лучшіе знатоки слоновъ, различають по виду и зависящей отъ него пригодности къ работѣ три породы, которыя они называютъ **Кумирія**, **Двазала** и **Міерга**. Кумирія самый совершенный слонъ, сложенный тяжело и пропорціонально, съ объемистой грудью, мощнымъ тѣломъ и головою, прямой, плоской по-

нижающейся кзади спиною, съ полной четырехугольной задней частью и массивными, относительно короткими ногами, съ длиннымъ, но недостающимъ до земли хвостомъ и толстой кожей, покрытой многочисленными морщинами и складками. Его глазъ довольно великъ, ясеиъ и привлекателенъ. Въ тѣлесномъ и духовномъ отношеніи это—благородное животное, надежное и безстрашное, съ красивыми и размѣренными движениями, какъ-бы созданное для царской роскоши. Противоположность ему представляетъ мѣрга, сложенный легко и некрасиво, съ длинными ногами, маленькой головой, свинными глазами, согнутой покатою спиною, узкой грудью и полнымъ брюхомъ, съ слабымъ, отвислымъ хоботомъ и тонкой, легко повреждаемой кожей. Ничто въ немъ—ни видъ, ни характеръ—не свидѣтельствуютъ о благородной расѣ, такъ какъ онъ боязливъ и очень пугливъ, а потому ненадеженъ; тѣмъ не менѣе и онъ пригоденъ, какъ вьючное животное потому, что, благодаря длиннымъ ногамъ и легкому сложенію, можетъ быстро идти. Середину между благороднѣйшей и худшей породой занимаетъ двазала, который чаще всего и встрѣчается. Не искусство людей выводитъ эти три столь различныя породы; напротивъ, онѣ встрѣчаются въ одномъ и томъ-же дикомъ стадѣ, а слѣдовательно вѣроятнo находятся между собою въ тѣсномъ кровномъ родствѣ. По словамъ знающихъ людей нерѣдко встрѣчаются, правда, стада, состоящія лишь изъ двазалъ, но никогда не попадаются такія, которыя состояли-бы лишь изъ кумиріа или мѣрга; представители этихъ обѣихъ породъ смѣшаны съ средними формами въ числѣ 10—15 штукъ на сотню.

Животныя свѣтлаго цвѣта или хотя-бы лишь испещренныя свѣтлыми пятнами, такъ называемые бѣлые слоны, встрѣчаются очень рѣдко. Въ разказахъ объ Индіи лишь изрѣдка упоминается о такихъ экземплярахъ. Сандерсонъ видѣлъ лишь двухъ; одинъ изъ нихъ былъ съ свѣтло-голубыми глазами; но онъ прибавляетъ, что цѣна кумиріа чрезвычайно возрастаетъ въ томъ случаѣ, если онъ имѣетъ свѣтлыя пятна на лицѣ и ухахъ. Въ Сіамѣ, гдѣ высоко цѣнятся всѣхъ альбиносовъ, полагая, что они повелители животныхъ того-же вида, гдѣ бѣлый слонъ, какъ самое сильное изъ животныхъ, считается священнымъ и даже одинъ изъ титуловъ короля есть «господинъ бѣлаго слона»,—и тамъ, несмотря на всѣ усилія, могли добыть, повидимому, лишь экземпляры, окрашенные немного свѣтлѣе обыкновеннаго, а настоящаго альбиноса не имѣли вовсе. Когда Бокъ въ 1881 г. жилъ въ Бангкокѣ, ему показывали тамъ двухъ такихъ животныхъ, «которыя были свѣтлѣе остальныхъ и имѣли на ухахъ пару бѣлыхъ пятенъ. Различіе въ цвѣтѣ было едва замѣтно». Но именно въ это время былъ, какъ говорили, пойманъ въ горной странѣ дѣйствительно бѣлый слонъ, котораго везли къ королю. Въ объявленный день его прибытія весь городъ находился въ праздничномъ возбужденіи и встрѣча была обставлена чрезвычайной роскошью. Нантъ наблюдатель сошелъ къ рѣкѣ, чтобы тоже посмотрѣть, какъ будутъ выгружать священное животное, и слѣдующимъ образомъ описываетъ торжественную встрѣчу и героя праздника: «Въ это мгновеніе музыканты заиграли національный гимнъ; мы отошли въ сторону, чтобы пропустить процессію мимо себя. За трубачами шель отрядъ сіамскихъ музыкантовъ, одѣтыхъ съ головы до ногъ въ алыя одежды, съ тамтамами, раковинами, и другими неблагозвучными инструментами. Затѣмъ государственные слоны, три самыхъ большихъ впереди съ золотыми чепраками, которые, въ противоположность ихъ матовон кожѣ, сверкали и блестяли на солнцѣ; на спинѣ у нихъ были богато украшенныя и позолоченныя носилки. Затѣмъ нѣсколько лейбгвардейцевъ короля, герольды, камергеры и другіе чиновники, потомъ Его Величество, котораго несли на богато позолоченномъ и выложенномъ перламутромъ великолѣпномъ стулѣ, на которомъ онъ сидѣлъ, скрестивъ ноги, защищенный отъ палящихъ лучей солнца большимъ

позолоченнымъ зонтикомъ. За Его Величествомъ слѣдовали пажы и слуги съ блестящими золотыми сосудами для бетеля, вазами для чая и подарками для народа и особенно духовенства, въ честь счастливаго событія. Затѣмъ явился окруженный принцами и должностными лицами дядя короля и министръ сѣверной части Сіама и Лао, на плечахъ котораго лежало все бремя приготовленій къ приему благаго слона. Наконецъ явился и герой дня, самъ бѣлый слонъ въ обществѣ трехъ другихъ, такъ называемыхъ бѣлыхъ слоновъ, по сравненію съ которыми онъ, конечно, вполне заслуживалъ почетное мѣсто. Меня могли-бы, правда, считать слѣпымъ въ отношеніи цвѣтовъ, если-бы я назвалъ его «бѣлымъ»; но онъ дѣйствительно былъ совершенный альбиносъ: все его тѣло казалось блѣдно-красновато-бурымъ, на спинѣ находилось нѣсколько дѣйствительно бѣлыхъ волосъ. Радужная оболочка глаза, цвѣтъ которой считается хорошимъ признакомъ альбиноса, была блѣдно-желтаго цвѣта. Онъ смотрѣлъ очень мирно, карнакъ вель его, а не ѣхалъ на немъ верхомъ; его душевное спокойствіе составляло рѣзкую противоположность общему возбужденію: онъ какъ будто чувствовалъ свою важность».

«Удивительное животное было отведено въ специально построенное помѣщеніе, гдѣ оставалось около двухъ мѣсяцевъ, чтобы наконецъ, хорошо подготовившись и освободившись отъ всѣхъ злыхъ духовъ, занять мѣсто въ королевскомъ дворцѣ. Его сначала привязали веревкой за заднюю ногу къ бѣлому столбу на возвышенномъ помостѣ и повѣсили около него красную доску съ слѣдующей золотой надписью въ буквальномъ переводѣ: «Слонъ прекраснаго цвѣта; волоса, копыта и глаза бѣлы. Совершенство формы со всѣми знаками дѣйствительной принадлежности къ высокому семейству. Цвѣтъ кожи—цвѣтъ лотоса. Потомокъ ангела браминновъ. Приобрѣтенъ въ собственность могуществомъ и славой короля для служенія ему. Подобенъ кристаллу высочайшей цѣнны. Принадлежитъ къ высочайшему семейству слоновъ изъ всѣхъ существующихъ. Источникъ силы привлеченія дождя. Онъ такъ рѣдокъ, какъ чистѣйшій кристаллъ высочайшей цѣнности въ свѣтѣ». Дядя короля, Тшау-Фа-Маха-Мала заказалъ иностранцу сдѣлать красками изображеніе священнаго животнаго, но, осмотрѣвъ готовое произведеніе художника, онъ остался недоволенъ цвѣтомъ, который показался ему слишкомъ темнымъ, такъ какъ слонъ долженъ вѣдь быть бѣлымъ. Онъ просилъ Бока еще разъ хорошенько осмотрѣть животное и оказалось, что теперь кожа животнаго, благодаря усердной обработкѣ тамариндовой водою, приняла дѣйствительно болѣе свѣтлый тонъ, чѣмъ ея естественный: тѣмъ не менѣе она все еще вовсе не казалась благаго цвѣта, а лишь цвѣта свѣтлой кожи. И однако этотъ слонъ былъ самымъ бѣлымъ, какой былъ пойманъ на памяти людей, и на основаніи этого можно заключить, что не слѣдуетъ принимать буквально за истину старые рассказы сіамскихъ лѣтописей, которые говорятъ о бѣлыхъ слонахъ».

Въ Индіи, по словамъ Сандерсона, слонъ вырастаетъ вполне въ 25 лѣтъ, хотя своей полной силы онъ достигаетъ лишь въ 35 лѣтъ. Самецъ становится способнымъ къ размноженію приблизительно на 20-мъ году. Самки рождаютъ перваго дѣтеныша приблизительно въ возрастѣ 16 лѣтъ, а потомъ производятъ дѣтенышей приблизительно черезъ два съ половиною года; продолжительность беременности опредѣляется въ 18—22 мѣсяца и, какъ говорятъ, короче для дѣтеныша женскаго пола, чѣмъ мужскаго. Нѣсколько разъ наблюдались двойни. Поворожденные дѣтеныши бывають вышиною въ плечахъ около 90 см. и на второй день вѣсятъ въ среднемъ 90 kgr.; въ теченіи 6 мѣсяцевъ они исключительно питаются молокомъ, затѣмъ по немногу начинаютъ ѣсть нѣжную траву, но тѣмъ не менѣе питаются еще нѣсколько мѣсяцевъ преимущественно молокомъ. Большинство дѣтенышей рождается въ сентябрѣ, октябрѣ, ноябрѣ и лишь въ видѣ исключенія нѣкоторые рождаются въ другіе мѣсяцы.

Легко понять, что размноженіе этихъ гигантовъ незначительно. Состояніе течки узнается у слона прежде всего по тому, что двѣ железы около ушей выдѣляютъ въ большомъ количествѣ вонючую жидкость, между тѣмъ какъ виски въ то-же время опухаютъ. Само животное очень возбуждено; даже ручное становится часто страшно свирѣпымъ по отношенію къ своимъ жокакамъ, къ которымъ вообще относится превосходно. Въ Индіи это состояніе называется «мустъ». Какъ скоро замѣчаютъ его приближеніе, то стараются всячески стеречь животное и дѣлать его безвреднымъ, чтобы избѣжать несчастныхъ случаевъ. Даже привыкшіе къ нему лица, которыя ходятъ за нимъ, избѣгаютъ приближенія къ слону, ставшему теперь до нѣкоторой степени безумнымъ, и кормить и поить его на большомъ разстояніи. Впрочемъ, по Сандерсону, вовсе не всѣ слоны, одержимые «муствомъ», становятся злобными и буйными, а часто лишь сонными и равнодушными къ окружающему. Это состояніе длится отъ нѣсколькихъ недѣль до нѣсколькихъ мѣсяцевъ и почти исключительно замѣчается у самцовъ; однако упомянутый авторъ замѣчалъ его дважды и на недавно пойманныхъ самкахъ, но полагаетъ, что у дѣйствительно ручныхъ самокъ оно еще не замѣчалось. Сандерсонъ сомнѣвается притомъ же, составляютъ ли мустъ и течка одно и то-же явленіе, такъ какъ онъ четыре раза имѣлъ случай наблюдать совокупленіе слоновъ, два раза у дико живущихъ и два раза у прирученныхъ, и ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ у самцовъ не было и признака состоянія мустъ. Кромѣ того это состояніе наступаетъ лишь въ томъ случаѣ, если самцы содержатся хорошо, но никогда не случается у тѣхъ, которые въ дурномъ состояніи, и притомъ не прежде, чѣмъ животныя достигаютъ 30-лѣтняго возраста, хотя они способны къ размноженію уже съ 20-лѣтняго возраста.

Прежде полагали, что слоны спариваются лишь на свободѣ, вдали отъ людей, и хотѣли на основаніи этого заключить о большой стыдливости животнаго. Кромѣ другихъ уже Корзе наблюдалъ, что два недавно пойманныхъ слона совокуплялись передъ множествомъ зрителей. Сначала они ласкали другъ друга хоботами, затѣмъ спаривались четыре раза въ теченіи 16 часовъ совершенно какъ лошади. Время течки не опредѣлено. Разъ она обнаружилась въ февралѣ, другой разъ въ апрѣлѣ, третій въ іюнѣ, четвертый въ сентябрѣ и пятый въ октябрѣ. Стремящіяся къ спариванію животныя всегда возбуждены, и малѣйшій поводъ можетъ ихъ разсердить. Черезъ три мѣсяца послѣ спариванія Корзе замѣтилъ первые признаки беременности самки. Послѣ 20 мѣсяцевъ и 18 дней беременности самка родила дѣтеныша, который тотчасъ послѣ рожденія началъ сосать. Мать при этомъ стояла, а дѣтенышъ заворачивалъ хоботъ назадъ и бралъ вымя ртомъ. Почти всѣ наблюдатели согласны между собою въ томъ, что любовь матери къ своему дѣтенышу не особенно велика; напротивъ, замѣчали, что всѣ самки съ одинаковой нѣжностью занимаются дѣтенышемъ: дикія самки, какъ говорятъ, даютъ свое вымя всѣмъ дѣтенышамъ безъ исключенія. Этому послѣднему указанію совершенно опредѣленно противорѣчить однако Сандерсонъ, такъ какъ онъ могъ наблюдать довольно часто, какъ дурно обращаются другія матери съ осиротѣлыми или отбившимися отъ стада дѣтенышами; ему встрѣтилось лишь одно исключеніе. Дѣтеныши, которые при рожденіи имѣютъ 90 см. въ вышину, скоро увеличиваются и уже по истеченіи перваго года достигаютъ вышины въ 1,2 метра, годъ спустя—1,4 метра, къ концу третьяго года 1,5 метра. Съ самаго начала они кажутся относительно менѣе неуклюжими, чѣмъ другія молодыя животныя, выглядя даже милыми и забавными созданіями, держатся въ первое время своей жизни преимущественно подъ тѣломъ или между ногами своей матери и не оставляютъ этого безопаснаго мѣста даже тогда, когда мать начинаетъ идти болѣе быстрымъ шагомъ. Какъ кажется, они остаются нѣ-

сколько лѣтъ, во всякомъ случаѣ до рожденія новаго дѣтеныша подъ покровительствомъ самки, которая скоро приучаетъ ихъ къ ѣдѣ. Первая смѣна зубовъ происходитъ на второмъ году жизни, вторая на шестомъ, третья на девятомъ. Позднѣе зубы остаются дольше.

Животное это водится въ большей части лѣсистыхъ областей юго-восточной Азии: въ Индостанѣ отъ подножія Гиммалаевъ, гдѣ оно встрѣчается отъ Дехра Дунъ (къ востоку отъ рѣки Джумны) до Бутана, до южной оконечности, далѣе въ Ассамѣ, Бирмѣ, Сіамѣ, на Малаккскомъ полуостровѣ и, въ меньшемъ числѣ, на трехъ ближайшихъ большихъ островахъ: Цейлонѣ, Суматрѣ и Борнео. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ слонъ уже истребленъ или по крайней мѣрѣ сталъ очень рѣдокъ, вообще же въ предѣлахъ указанной области онъ живетъ еще во всѣхъ болѣе значительныхъ и обширныхъ лѣсахъ, какъ въ горахъ, такъ и на равнинѣ. Принадлежать ли слоны, водящіеся на Цейлонѣ, Суматрѣ и Борнео, къ одному виду съ слонами материка, или въ самомъ дѣлѣ составляютъ особый видъ (*Elephas sumatranus*), какъ увѣряетъ насъ старшій зоологъ Шлегель, опираясь на сравненіе скелетовъ материковаго и островнаго слона,—этотъ вопросъ мы оставляемъ нерѣшеннымъ.

* * *

Напротивъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что **Африканскаго слона** (*Elephas africanus*, *Loxodon africanus*) должно отличать отъ азіатскаго. Не стоитъ приводить всѣхъ его туземныхъ именъ. Арабы зовутъ его **Филь**, амхары—**Зохень**, жители Тигра—**Хармасъ**, галласы—**Арба**, на востокѣ и югѣ Африки называютъ его **Ндембо**, **Тембо**, **Нсову**, **Дсоу**, **Индлову** и т. д., на западѣ **Ндембо**, **Нсао** или **Нсау**, **Нсамба** и т. д. Онъ превосходить величиною своего азіатскаго родича, но форма тѣла его въ общемъ менѣе красива, хотя и должно ожидать, что и у него мы когда-нибудь научимся различать по внѣшнему виду породы точно такъ-же, какъ выше сказано объ азіатскихъ слонахъ. Тѣло его короче, но выше, чѣмъ у его родича; плоская голова съ тонкимъ хоботомъ, большими бивнями и огромными ушами, выпуклая линія спины, узкая грудь и некрасивыя ноги представляютъ совокупность признаковъ, которые ясно отличаютъ его отъ азіатскаго слона. На головѣ лобъ, начиная отъ носовыхъ костей, отступаетъ назадъ, образуетъ лишь слабо выдающуюся верхушку и снова плоско опускается за темянными костями къ затылку. Всѣ возвышенія и ямки головы болѣе плоски, чѣмъ у азіатскаго слона; края глазъ мало выступаютъ и глазъ почти совершенно наполняетъ орбиту; нижняя челюсть относительно слаба и жевательные мускулы мало замѣтны; хоботь, прикрѣпившись ко лбу, не образуетъ выпуклости и толстаго курья, а быстро утончается. Благодаря этому профиль головы получаетъ крайне характерный видъ и нѣкоторое сходство съ профилемъ хищной птицы. Наибольшая ширина головы находится между скуловыми костями, а лобъ и нижняя челюсть далеко отступаютъ назадъ, между тѣмъ какъ у азіатскаго вида ширина головы въ области висковъ, скуловыхъ костей и жевательныхъ мускуловъ приблизительно одна и та-же.

Хоботь спереди округленъ, съ боковъ нѣсколько сжатъ, сзади плоскій, но не вогнутъ, окруженъ широкими, къ концу болѣе частыми и суживающимися кольцевыми складками, изъ которыхъ каждая нижняя какъ-бы вырастаетъ изъ выше лежащей; подобно кольцамъ краевые валки его сильно перетянуты, но посрединѣ между перетяжками очень высоки, контуръ ихъ отчетливо зубчатъ. Оконечность хобота окружена лишь незамѣтнымъ валикомъ. Очень широкому пальцу, едва заслуживающему это имя, соответствуетъ подобная-же вытянутая часть задняго края отверстия: оба нароста могутъ плотно прикладываться другъ къ другу своими краями и такъ

запирать хоботъ, что остающимся видимымъ отверстіемъ окажется лишь поперечная щель. Носовая перегородка глубоко отступаетъ и продолговатыя прямыя ноздри лежать поэтому тоже въ бокаловидномъ углубленіи. Короткая, округленная нижняя губа не свѣшивается, а обыкновенно подтянута. Глаза малы и щелевидны; радужная оболочка свѣтло-красновато-желто-бураго цвѣта. Высоко на головѣ сидятъ на толстыхъ корняхъ громадныя уши, которыя не только покрываютъ весь затылокъ, но простираются еще и за лопатку. Они пятиугольныя; одинъ изъ угловъ, нижній, вытянутъ въ длинный кончикъ, достигающій далеко ниже горла; второй, передній верхній, выдается надъ шейю, на которой онъ лежитъ и прикрывается соответственнымъ угломъ другого уха. Начиная съ перваго угла до третьяго, лежащаго позади лопатки, край уха завернуть внутрь; напротивъ, остальная часть уха лежитъ на плечѣ, какъ кусокъ жесткой, слегка свернутой папки, или какъ кожа, употребляемая на подметки. Все ухо необыкновенно плоско, загнуто назадъ соответственно формѣ плеча и представляетъ лишь передъ самымъ слуховымъ отверстіемъ маленькое плоское углубленіе для воспріянія звука; слуховой проходъ хорошо защищенъ хрящами и нѣсколькими складками кожи. Отъ головы поднимается къ загривку тонкая шея, лежащая между ушами; позади ихъ спина сѣдлообразно вогнута, но съ середины довольно круто поднимается вверхъ, замѣтно возвышаясь надъ плечами и затѣмъ еще круче падаетъ къ низко прикрѣпленному, вертикально свѣшивающемуся тонкому и гладкому хвосту, который доходитъ до колѣнъ. Грудь лежитъ высоко между передними ногами, такъ что округленное полное брюхо значительно опускается сзади. Переднія ноги, которыхъ локти нѣсколько выступаютъ назадъ, суживаются до пясти и переходятъ затѣмъ, расширившись во все стороны и выдаваясь за пясть, въ подушкообразныя лапы съ почти круглой подошвой и четырьмя копытами. На заднихъ ногахъ, которыхъ бедра утолщаются до колѣнъ и представляютъ продолговато-четыреугольную форму, голени замѣчательно тонки, сильно расширяются къ пяткѣ и стоятъ на вытянутыхъ спереди и сзади неуклюжихъ ступняхъ съ яйцевидными подошвами, которыя имѣютъ по три копыта. Складки и щели сѣтеобразно-изборужденной кожи представляютъ болѣе грубое строеніе, чѣмъ у азиатскаго слона. За исключеніемъ рѣдкаго ряда волосъ на шеѣ и загривкѣ, рѣдкихъ черно-бурыхъ волосъ длиною до 15 см., свѣшивающихся съ груди и брюха, отдѣльныхъ волосъ вокругъ глазъ и на нижней губѣ и кисти на хвостѣ. Похожіе на проволоку волосы которой могутъ достигать длины въ 40 см. и болѣе, волосъ вовсе нѣтъ. Цвѣтъ кожи, густой аспидно-голубовато-сѣрый, затѣмняется приставшей грязью и пылью и переходитъ въ некрасивый желтовато-бурый.

У одного самца, убитаго Джономъ Киркомъ въ области Замбези, длина отъ конца хобота до темени равнялась 2,75 метровъ, длина изогнутой спинной линіи отсюда до мѣста прикрѣпленія хвоста 4,2 метра, длина хвоста 1,3 метра, вся длина слѣдовательно около 8 метровъ при высотѣ плечъ въ 3,14 метра. Несмотря на то каждый изъ бивней всилъ лишь 15 kgr., а слѣдовательно это животное вовсе не достигло еще старости.

Область распространенія африканскаго слона значительно сократилась въ теченіи нашего столѣтія и именно съ юга, и въ настоящее время простирается приблизительно отъ широты озера Чада на сѣверѣ до широты озера Нгами на югѣ. Точныхъ границъ установить нельзя, такъ какъ слоны не только предпринимаютъ далекія странствованія, но и мѣняютъ на время области, въ которыхъ живутъ, исчезаютъ изъ нѣкоторыхъ мѣстностей на годы и десятки лѣтъ и точно также неожиданно появляются въ другихъ. То-же относится и къ береговой полосѣ. Въ Верхней Гвинее, они, повидимому, за исключеніемъ странъ у устьевъ Нигера, нигдѣ болѣе не

подходить къ морю; даже въ Нижней Гвинее, по крайней мѣрѣ къ югу отъ Конго, они далеко отгѣснены внутрь страны; но къ сѣверу отъ Конго до Камеруна они водятся еще въ различныхъ береговыхъ мѣстностяхъ и иногда доходятъ даже до самаго моря; такъ, на примѣръ, Пехуэль-Лѣше еще въ 1882 г. видѣлъ съ парохода къ сѣверу отъ бухты Кориско, какъ стадо по крайней мѣрѣ изъ 30 штукъ, не торопясь, брело по берегу. Около Конго въ послѣднее десятилѣтїе отдѣльные бродячіе слоны доходили не разъ внизъ до пороговъ Гелала, и даже до Бома. На восточномъ берегу въ португальскихъ владѣніяхъ, а также въ береговой полосѣ между Виту и рѣкою Джуба слоны доходятъ, говорятъ, иногда до моря. Во внутренности же страны ихъ, повидимому, нѣтъ или по крайней мѣрѣ они встрѣчаются тамъ очень рѣдко, какъ, на примѣръ, въ мѣстностяхъ, орошаемыхъ южными притоками Конго. Въ области Замбези и въ сѣверныхъ частяхъ юго-западно-африканской страны, находящейся подъ покровительствомъ Германіи, они бродятъ еще въ довольно значительномъ числѣ, но и тамъ они скоро должны будутъ отступить передъ охотниками-промышленниками, преимущественно боэрами и англичанами. Совершенно обособленное мѣстопробываніе въ южной части Африки слоны, вмѣстѣ съ кафрскими буйволами, имѣютъ еще въ Капской колоніи и именно по официальнымъ извѣстіямъ въ пустынѣ Книсна, къ востоку отъ Моссельбай до горной цѣпи Аддо, около Воскресной рѣки.

Оба вида слоновъ были хорошо извѣстны древнимъ и уже давно привозились довольно часто въ Европу живыми. «Древніе египтяне», говоритъ Дюмихенъ, «не только знали африканскій видъ, но и слоновъ далекой Индіи и высоко цѣнили и тѣхъ, и другихъ. Цѣнные бивни этихъ гигантовъ животного царства составляли во всѣ времена египетскаго владычества главную составную часть ежегодной дани, которую должны были платить фараону жалкіе жители Куша и живущіе еще южнѣе негры, а также находившіеся подъ властью Египта народы Азіи. На островѣ, которымъ заканчивается на сѣверѣ къ Египту область ассуанскихъ пороговъ и который теперь называется Гезиретъ-Ассуанъ, возвышалась во времена древняго Египта столица перваго верхнеегипетскаго округа, которая, какъ и островъ, гдѣ она стояла, носила у грековъ и римлянъ имя Элефантины, что представляетъ лишь точный переводъ названія, которое городъ и островъ носили уже въ древнемъ Египтѣ, названія «острова слоновъ, города слоновой кости». Такъ назывался островъ и городъ потому, что прежде на этомъ мѣстѣ, какъ теперь въ лежащемъ напротивъ Ассуанѣ, была таможня для привозимой съ юга слоновой кости; уже въ древнѣйшія времена царства фараоновъ египетскіе мастера, столь искусные въ ремеслахъ, выдѣлывали изъ нея всякаго рода украшенія и различную утварь, служившую для практическихъ цѣлей обыденной жизни. Названіе слонъ на іероглифическомъ письмѣ изображалось знакомъ слога, который произносился «аб»; смотря по слѣдующему за этимъ слогомъ опредѣляющему изображенію «аб», кромѣ самого слона означаетъ также бивни, слоновую кость, а также островъ и городъ слоновой кости, Элефантину. Для означенія этой послѣдней на надписяхъ является даже иногда только изображеніе слона, причѣмъ знакъ слога «аб» выпускается. По отношенію къ тому, что древніе египтяне знали азіатскаго слона, особенно важна надпись, найденная Эберсомъ въ одной верхнеегипетской гробницѣ и именно въ Курнахъ на западной сторонѣ Оивъ. Гробница, какъ видно изъ находящихся на ней царскихъ именъ, относится къ XVII столѣтію до Р. X. и умершій, по имени Аменемхебъ, который имѣлъ честь сопровождать царя-героя Тутмосиса третьяго въ его азіатскихъ военныхъ походахъ, рассказываетъ на стѣнахъ своей гробницы о нѣкоторыхъ выдающихся происшествіяхъ изъ этого похода.

АФРИКАНСКІЙ СЛОНЪ.

Надпись гласитъ: «Я снова видѣлъ совершенный подвигъ владѣтеля Египта въ странѣ Ниниве, гдѣ онъ на охотѣ убилъ 120 слоновъ для слоновой кости».

О любви египетскихъ царей къ опаснымъ охотамъ разсказывается многое въ надписяхъ. Какъ у древнихъ египтянъ, такъ и у другихъ народовъ древности слонъ и слоновая кость обозначались одинаковыми словами. Геродотъ первый подразумѣваетъ подъ словомъ Elerphas дѣйствительно самое животное. Ктезій, придворный врачъ Артаксеркса втораго, былъ первымъ изъ грековъ, описавшимъ слона на основаніи собственнаго изученія. Онъ видѣлъ въ Вавилонѣ живого слона, который, должно быть, былъ привезенъ туда изъ Индіи; онъ первый распространилъ и сказку о томъ, что у слона нѣтъ сочлененій въ ногахъ, что онъ не можетъ ни ложиться, ни вставать и потому долженъ спать стоя. Насколько извѣстно изъ исторіи, Дарій первый употребилъ слоновъ для военныхъ цѣлей и именно противъ Александра Великаго. Изъ добытыхъ этимъ послѣднимъ слоновъ Аристотель видѣлъ нѣкоторыхъ и могъ довольно точно описать это животное. Начиная съ этого времени, слоны часто упоминаются въ исторіи. Почти 300 лѣтъ сряду они употреблялись даже въ Европѣ въ безконечныхъ войнахъ, которыя различные народы вели изъ за всемірнаго господства, пока наконецъ римляне не вышли побѣдителями изъ этихъ битвъ. Но рядомъ съ индѣйскими слонами употреблялись и африканскіе и именно кароагеняне умѣли дрессировать этихъ животныхъ и пользоваться ими во время войны, хотя позднѣе считали африканскихъ слоновъ неспособными къ прирученію.

Римляне употребляли своихъ слоновъ главнымъ образомъ для битвъ въ циркахъ и ихъ должно считать виновниками того, что слоны были истреблены къ сѣверу отъ Атласа. До какой степени дрессировали африканскихъ слоновъ, видно изъ того, что римляне научали ихъ въ циркахъ рисовать грифелемъ буквы, подниматься и опускаться по косо натянутой веревкѣ, носить вчетверомъ на носилкахъ пятаго, который изображалъ больного, танцовать въ тактъ, ѣсть за великолѣпно накрытымъ столомъ изъ золотой и серебряной посуды съ полнымъ соблюденіемъ утонченности и приличія и т. п. Но насколько часто древніе имѣли возможность наблюдать слоновъ живыми, настолько же неправильны дошедшія съ того времени до насъ описанія. Нѣкоторыя сказки и басни по странному случаю упорно сохранялись и, собственно говоря, мы лишь въ самое новѣйшее время дѣйствительно ознакомились съ этими гигантскими хоботными животными. Въ настоящее время имѣется рядъ превосходныхъ описаній обоихъ видовъ и потому можно составить подробную и вѣрную картину жизни этого животнаго.

Въ указанныхъ странахъ слоновъ находятъ въ каждомъ болѣе значительномъ лѣсу. Чѣмъ онъ богаче водою, чѣмъ поэтому онъ болѣе становится настоящимъ первобытнымъ лѣсомъ, тѣмъ чаще встрѣчаются въ немъ слоны. Но было-бы заблужденіемъ думать, что они попадаются лишь въ такихъ лѣсахъ. Утверждали, что это огромное млекопитающее боится холода и высокихъ горъ, но добросовѣстные наблюденія опровергаютъ это самымъ опредѣленнымъ образомъ. На Цейлонѣ именно холмистыя гористыя мѣстности составляютъ его любимое мѣстопробываніе. То-же относится и къ африканскимъ слонамъ. Въ странѣ богосовъ я находилъ ихъ пометъ даже на высотѣ 2000 метровъ и узналъ отъ туземцевъ, что въ сосѣднихъ областяхъ животныя постоянно встрѣчаются на высочайшихъ горахъ, слѣдовательно на высотѣ до 3000 метровъ. На той-же высотѣ нашелъ ихъ слѣды на Килима-Нджаро Фонъ-дербъ-Деккентъ, а послѣ него Гансъ Мейеръ даже на высотѣ до 4000 метровъ. Большую ловкость и неутомимую выносливость въ восхожденіи на высокія горы проявляютъ и ручные слоны. Странствующіе содержатели звѣринцевъ, какъ сообщаетъ мнѣ Уэллсъ, приводятъ ихъ въ лежащія выше всего городки Колумбін и Эквадора, хотя

для того, чтобы попасть на плоскогорья они должны проходить по горным дорогам вышиною в 4000 метров и больше.

Ни на высоких или средней высоты горах, ни на равнинах слон не держится постоянно в лесах, напротив, он меняет место пребывания не только по местности, но и смотря по обстоятельствам, и в короткое время переселяется часто чрезвычайно далеко. Так, в большей части Африки его целые месяцы встречают лишь в открытой степи, если только там есть деревья и кусты, созревающие плоды которых привлекают его, или же его находят в болотах, тростник которых составляет высочайшее растение во всей окрестности. Выбранное им место пребывания должно всегда удовлетворять одному условию: в нем не должно быть недостатка в воде. От одного стока к другому, от водоема к ближайшему лесу ведут тропинки и каждый пруд служит местом отдыха и освежения, так как слоны постоянно пользуются ими, чтобы охлаждать и очищать кожу купанием или по крайней мере обрызгиванием водою. «Не только до полудня и с наступлением темноты», говорит Гейглинг, «но даже в ясную погоду после полудня мы встречали в уединенных местах слонов, которые часто, стоя глубоко в воде или даже лежа, мутили и грязнили воду пометом и обрызгивали ею себя».

Как ни обыкновенны слоны во внутренности Африки, но иногда бывает трудно найти их место пребывания в данное время, так как они ведут очень кочующую жизнь. В ясные лунные ночи случается слышать, как замечает вышеупомянутый автор, топот стада повидимому в непосредственной близости, но уже до разсвета надо быть на месте, если хочешь застать его, так как животные, насытившись, отправляются обыкновенно в другую часть области и передвигаются так быстро, что сегодня они здесь, а завтра могут находиться на расстоянии 100 килом. и больше. При таких переходах они обыкновенно держатся определенных тропинок или пролагают себе новые, все равно, идут ли они через леса или болота, через крутые горы или узкие ущелья. Препятствий для них, повидимому, вовсе не существует: они переплывают, как хорошо это описывает Гейглинг, через реки и озера, без труда пробираются через самый густой первобытный лес, взбираются на крутые, каменистые и скалистые высоты, продвигая на твердой почве часто настоящие дороги, так как они идут не только тесной толпой, но обыкновенно выстраиваются в длинные ряды гуськом, и потому оставляют относительно узкие тропинки. Дороги эти ведут обыкновенно с высоты к воде; однако встречаются и тропинки, пересекающие остальные.

Вожак стада идет спокойно через лес, не обращая внимания на подлесок, который он мнет своими широкими ногами, не заботясь также о ветвях деревьев. На открытых, песчаных или же пыльных лесных полянах стадо слонов, повидимому, обыкновенно делает остановку, чтобы поваляться в песок, как это делают куры. На таких местах я наблюдал глубокие ямы, соответствующия величине слона, которые отчетливо показывали, что мощные животные здесь барахтались. В открытой степи они, по словам Швейнфурта, предпочитают идти по узким дорогам, проложенным в высокой траве человеком, хотя ширина их едва равняется четверти ширины тела животного; в горах они, напротив, пролагают себе, как и в лесу, тропинки и притом так умно, что приводят в изумление даже инженеров, которые должны проводить дороги в этих местах. Замечателен тот факт, что подобные дороги проходят даже через такие горы, на которых обыкновенные лошади встретили бы непреодолимые препятствия. Слоны всегда размыкают для своих дорог самые удобные горные проходы, ко-

горы только можно найти на обширномъ пространствѣ. По нѣкоторымъ изъ этихъ проходоу они ходятъ такъ постоянно и съ такихъ давнихъ поръ, что даже стерли своими ногами и совершенно отшлифовали твердый камень.

Слонъ только кажется неуклюжимъ, въ дѣйствительности-же онъ очень ловокъ. Обыкновенно онъ ходитъ спокойнымъ ровнымъ шагомъ какъ верблюдъ и жираффа, причемъ проходить по 4—6 килом. въ часъ, но этотъ спокойный шагъ можетъ быть настолько ускоренъ, что слонъ пробѣгаетъ по 15—20 килом. повидимому не очень торопясь. Если не слишкомъ жарко, то, подгоняемый жожакомъ, слонъ короткое время можетъ бѣжать такъ быстро, что въ часъ пробѣжалъ-бы 20—25 килом., если-бы могъ это выдержать долго. Онъ всегда движется шагомъ, въ самомъ лучшемъ случаѣ торопливо переваливаясь, и не можетъ бѣжать ни рысью, ни галопомъ; прыгать, т. е. одновременно приподнять отъ земли всѣ четыре ноги онъ, понятно, также не въ состояніи. Сильно испуганныя или подстрѣленные животныя непрерывно идутъ, не останавливаясь, на разстояніи 60—70 килом. и болѣе; Селусъ съ утра до вечера напрасно гнался по слѣдамъ за однимъ слономъ, котораго онъ оставилъ съ пятью большими пулями въ тѣлѣ и головѣ, считая его мертвымъ, и затѣмъ, къ своему удивленію, не нашелъ болѣе на мѣстѣ. Слонъ умѣетъ мастерски красться по лѣсу такъ тихо, что его вовсе не слышно. «Сначала», говоритъ Тенненъ объ азіатскомъ слонѣ. «дикое стадо съ громкимъ шумомъ бросается черезъ подтѣсокъ, но затѣмъ шумъ замѣняется полною тишиною, такъ что новичекъ ошибочно можетъ подумать, что убѣгающіе гиганты сбѣжали лишь нѣсколько шаговъ и затѣмъ снова спокойны стали». То-же самое рассказываетъ Селусъ и другіе и объ африканскомъ слонѣ. Часто случается притомъ, что хитрыя животныя, внезапно замѣтивъ вблизи врага, очень поспѣшно, но безъ шума удаляются. Иному новичку въ охотѣ на слоновъ случалось переживать, какъ въ Африкѣ, такъ и въ Азін, горькое разочарованіе, когда оказывалось, что желанная громадная добыча, къ которой онъ, повидимому, незамѣтно подкрался, давно безъ шума скрылась въ чащѣ. Переходя черезъ значительныя крутизны, слонъ становится настоящимъ лазающимъ животнымъ. Надъ однимъ, котораго я держалъ въ неволѣ, я съ истиннымъ удовольствіемъ наблюдалъ, какъ ловко онъ одолеваетъ крутые склоны. Онъ сначала очень умно стгибаетъ свои переднія ноги въ кистевыхъ сочлененіяхъ, понижаетъ такимъ образомъ переднюю часть тѣла и перемѣщаетъ впередъ центръ тяжести, затѣмъ скользитъ впередъ на согнутыхъ ногахъ, между тѣмъ какъ задними онъ ступаетъ, вытянувъ ихъ. Въ гору движеніе совершается такимъ образомъ еще довольно хорошо, но, двигаясь внизъ съ горы, тяжелое животное должно, понятно, преодолевать болѣе значительныя трудности, благодаря своему громадному вѣсу. Если-бы слонъ захотѣлъ идти при этомъ обыкновеннымъ образомъ, то онъ непременно потерялъ-бы равновѣсіе, перекувырнулся-бы впередъ и, можетъ быть, заплатилъ-бы жизнью за такое паденіе. Но осторожное созданіе такъ не поступаетъ, а опускается на колѣна на краю склона, такъ что грудь его опирается о землю, и крайне осмотрительно протягиваетъ передъ собою переднія ноги, пока онѣ гдѣ-нибудь не встрѣтятъ новой опоры, подтягиваетъ къ нимъ затѣмъ заднія и, скользя такимъ образомъ, подвигается по немногу внизъ.

Иногда случается однако, что слонъ во время своихъ ночныхъ скитавій тяжело падаетъ. Въ верхней долині Менза я видѣлъ несомнѣнные слѣды этого. Большое стадо, переходя главную долину, шло вдоль горнаго обрыва и попало при этомъ на узкую дорогу, которую дожди мѣстами подмыли. Одинъ слонъ ступилъ на нѣсколько выдающійся камень, которій, благодаря этому, покатился внизъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вывелъ изъ равновѣсія тяжелое животное и увлекъ его за собою. Слонъ,

должно быть, здорово кувырнулся, такъ какъ трава и кусты были сломаны и частью сорваны на пространствѣ равномъ, шириною длинѣ слона, на протяженіи по крайней мѣрѣ метровъ 16 внизъ. Болѣе крѣпкій и густой кустарникъ остановилъ наконецъ катящагося, такъ какъ отсюда слѣдъ велъ обратно вверхъ къ главной дорогѣ. Животное навѣрное поплатилось при этомъ болью въ костяхъ; серьезнаго вреда оно не потерпѣло. Сандерсонъ видѣлъ въ Индіи, какъ одинъ изъ его навьюченныхъ слоновъ сорвался на одномъ обрывѣ, благодаря тому, что подъ его ногами оборвалась часть земли съ узкой тропинки. Животное упало внизъ и пять разъ перевернулось на склонѣ, причѣмъ, понятнo, потеряло весь вьюкъ; тѣмъ не менѣе оно не потерпѣло никакого особеннаго вреда, скоро оправилось отъ своего сильнаго испуга и черезъ нѣсколько недѣль совершенно выздоровѣло.

Старое повѣрье, будто-бы слонъ не можетъ ложиться, самымъ основательнымъ образомъ опровергается на каждомъ экземплярѣ, который мы видимъ въ звѣринцѣ. Конечно нашъ гигантъ не всегда спитъ лежа, а часто и стоя; но если онъ хочетъ расположиться удобно, то съ такою-же легкостью, съ какою онъ и вообще движется, онъ ложится и встаетъ съ своего ложа. Не менѣе легко это неуклюжее животное плаваетъ, поэтому оно съ истиннымъ удовольствіемъ бросается въ воду и по желанію погружается въ глубину. Если слонъ захочетъ, онъ переплываетъ широкія и быстрыя рѣки, плыветъ иногда и совершенно подъ водою, причѣмъ выставляетъ надъ поверхностью воды только конецъ хобота. Переплывая черезъ воду, матери обыкновенно поддерживаютъ своихъ совершенно маленькихъ дѣтенышей хоботомъ; если же дѣтеныши уже сильнѣе, то они, какъ рассказываетъ Сандерсонъ относительно Индіи, часто влѣзаютъ въ водѣ на спину самки и перевозятся ею такимъ образомъ съ одного берега на другой. Взрослые плаваютъ быть можетъ лучше, чѣмъ какое-либо другое земное млекопитающее; 79 прирученныхъ слоновъ, которыхъ Сандерсонъ послалъ въ другую часть страны, должны были перейти нижней Гангъ, который раздѣленъ на множество рукавовъ; разъ они плыли цѣлыхъ 6 часовъ, не касаясь почвы, отдохнули затѣмъ короткое время на песчаной мели и затѣмъ снова проплыли безъ остановки три часа. При этомъ ни одинъ не погибъ и ни одинъ не отсталъ изъ за утомленія.

Хоботъ служить для слона превосходнымъ орудіемъ, пригоднымъ для различнаго употребленія, но онъ употребляется рѣже всего, или вовсе не употребляется такимъ образомъ, какъ бываетъ часто изображено на рисункахъ, напр. въ случаѣ нападенія для схватыванія врага, или при подниманіи большихъ тяжестей, или сламываніи большихъ деревьевъ. Лишь въ исключительныхъ случаяхъ онъ наноситъ имъ ударъ или схватываетъ имъ человѣка и притомъ очень рѣдко даже въ томъ случаѣ, когда укротители прокрадываются къ загородкѣ между недавно пойманными и еще злыми животными. Хоботъ очень чувствительная часть тѣла; поэтому при всѣхъ столкновеніяхъ и грубыхъ или опасныхъ дѣйствіяхъ, животное тщательно оберегаетъ его и для этой цѣли возможно тѣсно свертываетъ его. На основаніи многочисленныхъ наблюденій, Сандерсонъ прямо увѣряетъ, что индійскій слонъ идетъ на противника всегда тѣсно свернувъ хоботъ; относительно африканскаго Селусъ сообщаетъ намъ слѣдующее: «Я никогда не видалъ, чтобы слонъ напалъ, поднявъ хоботъ. Хоботъ главнымъ образомъ употребляется для того, чтобы схватывать пищу, набирать воду и отправлять то и другое въ ротъ, а также для того, чтобы обнюхивать и оцупывать предметы. Если слонъ повредилъ себѣ хоботъ, то, желая утолить жажду, онъ долженъ войти глубоко въ воду и пить такъ, какъ обыкновенно пьютъ животные, здоровымъ же хоботомъ онъ всасываетъ воду и выпускаетъ ее себѣ въ ротъ. Онъ отламываетъ хоботомъ вѣтви, а также ло-

маетъ и тонкія деревца, но для болѣе толстыхъ онъ пускаетъ въ дѣло ногу и давить ею, а чтобы сдвинуть что-нибудь, пользуется кромѣ того еще и частью головы ниже глазъ, гдѣ прикрѣпляется хоботъ. Если, служа человѣку, онъ долженъ поднимать большія тяжести, то онъ беретъ прикрѣпленную къ тяжести веревку въ ротъ и въ то же время кладетъ ее на одинъ изъ бивней, если они у него есть. Поэтому слоны, вооруженные бивнями, какъ вѣрно наблюдалъ и сообщилъ уже Мельхиоръ, болѣе производительные работники, чѣмъ беззубые слоны или самки. Бивни употребляются кромѣ того для различныхъ дѣйствиі, но всегда, какъ и хоботъ, съ большой осторожностью, и ужъ во всякомъ случаѣ не въ качествѣ рычага, чтобы катать каменные глыбы или вырывать корни деревьевъ. Они служатъ слону главнымъ образомъ въ качествѣ оружія для защиты и для нападенія, а въ другихъ случаяхъ животное по возможности шадитъ ихъ, такъ какъ они относительно легко ломаются. Самцы съ поврежденными бивнями или, по крайней мѣрѣ, однимъ отчасти или совершенно сломаннымъ, встрѣчаются всюду. Мерсеръ прислалъ Тенненту конецъ слоноваго зуба, діаметръ котораго равнялся 12 см., а вѣсъ 12 kgr. и который былъ обломанъ въ битвѣ съ другимъ слономъ. Туземцы услышали своеобразный шумъ, пошли на звукъ и видѣли, какъ это произошло.

Душевные способности слона соотвѣтствуютъ вышеупомянутымъ качествамъ его. Зрѣніе, кажется, не особенно развито; по крайней мѣрѣ всѣ охотники держатся того мнѣнія, что поле зрѣнія животнаго очень ограничено. Но тѣмъ лучше развиты обоняніе и слухъ, а вкусъ и осязаніе, какъ можно легко убѣдиться на содержимыхъ въ невольѣ, по крайней мѣрѣ, не слишкомъ слабы. О тонкости слуха этого животнаго могутъ рассказать всѣ охотники. Самаго незначительнаго звука достаточно, чтобы возбудить вниманіе слона: треска маленькой вѣтки довольно, чтобы нарушить его покой. Обоняніе превосходно развито и позволяетъ животнымъ чують на чрезвычайно большихъ разстояніяхъ; ни одинъ охотникъ не въ состояніи приблизиться къ нимъ на близкое разстояніе съ навѣтренной стороны. Селусъ рассказываетъ, что вожакъ стада, шедшаго гуськомъ, натолкнулся на его слѣды въ сухомъ пескѣ, тотчасъ остановился, осмотрѣлся и прислушивался въ теченіи нѣсколькихъ секундъ, потомъ повернулъ обратно и убѣжалъ. Сандерсонъ наблюдалъ тоже, что прирученные слоны при благоприятномъ вѣтрѣ чують своихъ родичей въ пустынной мѣстности на разстояніи около трехъ англійскихъ миль. Осязаніе также сосредоточено преимущественно въ хоботѣ, а пальцеобразный придатокъ на концѣ его по тонкости осязанія соперничаетъ съ привычнымъ пальцемъ слѣплого.

Голосъ у слона сильный, и звуки, которыми онъ выражаетъ свои чувства, разнообразны. Удовольствіе онъ проявляетъ очень тихимъ ворчаніемъ или бормотаніемъ, исходящимъ изъ горла, или слабымъ продолжительнымъ пискомъ, исходящимъ изъ хобота; страхъ онъ обнаруживаетъ сильнымъ ревомъ изъ самой глубины груди, внезапный испугъ — короткимъ рѣзкимъ трубнымъ звукомъ изъ хобота; если онъ въ ярости, раненъ или чѣмъ-либо озабоченъ, то издаетъ непрерывные, глубокие и громкіе горловые звуки; при нападеніи онъ, напротивъ, пронзительно трубить, при чемъ подъ словомъ «трубить» должно подразумѣвать однако лишь звучный визгъ хоботомъ. Станный шумъ производитъ, по словамъ Сандерсона, индійскій слонъ, если онъ встревоженъ или испуганъ чѣмъ-нибудь ему неизвѣстнымъ и старается прогнать или по крайней мѣрѣ запугать это невидимое или непоятное существо. Онъ сильно бьетъ и хлопаетъ по землѣ концомъ хобота и при этомъ каждый разъ сильно пытитъ имъ. Такъ поступаетъ, напримѣръ, охотничій

слонъ, почувявъ близость тигра, но не будучи въ состояніи найти его; такимъ-же образомъ цѣлый караванъ слонѡвъ привѣтствовалъ однажды на большой охотѣ за тиграми маленькую собачку, вышедшую изъ кустовъ, очевидно полагая, что появленіе ея имѣетъ какое-либо отношеніе къ тигру. Смущенный и озадаченный слонъ часто также просто всовываетъ хоботъ въ ротъ и слегка держитъ его губами.

Каждое стадо слонѡвъ представляетъ большое семейство, и наоборотъ каждое семейство составляетъ отдѣльное стадо. Число членѡвъ семьи можетъ быть очень различнымъ; стадо отъ 10, 15, 20 штукъ можетъ возрасть до нѣсколькихъ сотенъ. Андерсонъ видѣлъ у озера Нгами стадо изъ 50 штукъ, Бартъ у озера Чадъ—стадо изъ 96 штукъ, Вальбергъ въ странѣ Каффровъ—стадо изъ 200 штукъ. Отдѣльные путешественники говорятъ о 400 и 500 и даже 800 слонахъ, которыхъ они видѣли вмѣстѣ. Такъ, Гейглинъ увѣряетъ, что встрѣтилъ стадо, которое, по его мнѣнію, должно было состоять по крайней мѣрѣ изъ 500 штукъ, а также Киркъ утверждаетъ, что встрѣтилъ разъ на Замбези стадо изъ 800 штукъ. Въ такомъ изумительно большомъ количествѣ они, конечно, встрѣчаются лишь очень рѣдко и вообще можно принять, что въ такихъ случаяхъ находилось вмѣстѣ нѣскольکو стадъ, которыя лишь случайно сошлись во время болѣе значительнаго переселенія и короткое время шли однимъ путемъ. Въ Индіи, по словамъ Сандерсона, стада обыкновенно состоятъ изъ 30—50 головъ, однако вовсе нерѣдко встрѣчаются и вдвое болѣе многочисленныя. Если они держатся въ мѣстностяхъ, бѣдныхъ пищей, то часто раздѣляются на болѣе мелкія стада по 10 — 20 штукъ, которыя удаляются другъ отъ друга на нѣсколько англійскихъ миль. Однако всѣ держатся другъ около друга, руководясь главнымъ образомъ чувствомъ обонянія, и движутся въ одномъ направленіи. При этомъ матери съ дѣтенышами составляютъ передовой отрядъ, а самцы, вооруженные бивнями, называемые англичанами «tuskers», идутъ какъ попало сзади. Если-же стадо обращается въ бѣгство, то этотъ порядокъ совершенно измѣняется: самцы, которыхъ ничто не задерживаетъ, проходятъ впередъ и бѣгутъ впереди, между тѣмъ какъ матери, заботясь о дѣтенышахъ, слѣдуютъ за ними какъ могутъ. Сандерсонъ никогда не видалъ, чтобы «tusker» пытался прикрывать отступление стада, и Форзигъ, Шекспиръ и другіе не сообщаютъ ничего противоположнаго. Роль вожака стада играетъ всегда самка, а не самецъ. Въ Африкѣ, насколько можно дѣлать заключеніе на основаніи наблюденій Селуса, происходитъ то-же, что и въ Индіи, да это и понятно, такъ какъ движенія стада должны же сообразоваться съ силами самыхъ молодыхъ животныхъ стада, дѣтенышей, или-же стадо должно совершенно разсѣяться. «Если стадо пугается», пишетъ Сандерсонъ, «то дѣтеныши тотчасъ-же прячутся подъ брюхомъ матерей и затѣмъ рѣдко показываются снова. Непосвященный подумалъ-бы при этомъ, что стадо состоитъ лишь изъ взрослыхъ животныхъ, хотя въ немъ можетъ быть большое число дѣтенышей. Лишь два раза я видѣлъ, что спрятанные такимъ образомъ дѣтеныши пострадали во время бѣгства и смятенія большихъ стадъ, хотя я часто наблюдалъ такіе случаи».

Изъ одной мѣстности въ другую слоны идутъ обыкновенно гуськомъ; гдѣ они останавливаются, тамъ они разсѣиваются, чтобы искать корма. Съ 10 или 11 до 3 часовъ днемъ и ночью они обыкновенно отдыхаютъ и спятъ, причѣмъ многіе изъ нихъ ложатся. Въ болѣе холодную дождливую погоду они остаются весь день въ движеніи и вообще охотно оставляютъ мокрые лѣса и чащи и уходятъ на открытое мѣсто. Если рождается дѣтенышъ, то стадо, по крайней мѣрѣ въ Индіи, остается два дня около матери; по прошествіи этого времени дѣтенышъ можетъ странствовать вмѣстѣ съ остальными и съ помощью матери перебираться даже черезъ трудныя холмистыя страны и широкіе водные бассейны. Нѣкоторыя животныя одного стада пови-

димому особенно привязаны другъ къ другу, по крайней мѣрѣ они почти всегда вмѣстѣ; даже между прирученными слонами случаи такой дружбы очень обыкновенны. Хотя вожакомъ и передовымъ животнымъ стада бываетъ всегда одна изъ самокъ, однако настоящимъ властелиномъ стада всегда бываетъ сильнѣе всего вооруженный самецъ, самый сильный «tuskер». Всѣ самки и другіе самцы боятся его изъ-за его бивней, такъ что его вліяніе растетъ вмѣстѣ съ величиною его оружія. Ни одинъ слабѣе вооруженный «tuskер» не осмѣливается ему противиться. Прирученные слоны обоюго пола тоже отступаютъ передъ сильно вооруженными товарищами, хотя бивни въ неволѣ по большей части обрѣзаны, т. е. отпилены до извѣстной длины. Ручные самцы очень хорошо годятся для того, чтобы сдѣлать послушными недавно пойманныхъ дикихъ слоновъ, такъ какъ сильный самецъ можетъ въ короткое время запугать даже самыхъ буйныхъ; въ томъ случаѣ, если ихъ бивни укорочены, къ нимъ прикрѣпляютъ часто стальные острия, съ помощью которыхъ они могутъ бороться съ любымъ противникомъ.

Несмотря на то, что каждое замкнутое стадо составляетъ особое семейство. чужіе слоны, какъ напримѣръ молодые самцы и убѣжавшія прирученныя самки, по большей части безъ затрудненій принимаются въ общество, хотя могутъ встрѣчаться и исключенія. Во всякомъ случаѣ было-бы невѣрно предполагать, что такъ называемые «одинокіе слоны» — изгнанники, которымъ не удалось никуда примкнуть. Сандерсонъ совершенно опредѣленно возражаетъ противъ такого воззрѣнія. По его мнѣнію большинство этихъ животныхъ и именно чаще молодые, чѣмъ старые самцы, только кажутся одинокими, а скорѣе лишь по собственному желанію держатся временно нѣсколько въ сторонѣ отъ стада, а все-таки слѣдуютъ за передвиженіями всего общества. Дѣйствительно одинокій слонъ, который болѣе не ходитъ вмѣстѣ съ себѣ подобными, встрѣчается очень рѣдко и вовсе не бываетъ постоянно злобнымъ существомъ, «rogue», какъ называютъ его англичане. Однако онъ часто становится дѣятельнымъ грабителемъ плантацій и, ознакомившись съ безвредными хитростями сторожей, онъ перестаетъ бояться обычныхъ средствъ, которыми пугаютъ слоновъ. Нѣкоторые изъ этихъ одиночекъ становятся, правда, опасными для человѣка, который неожиданно потревожитъ ихъ или внезапно застанетъ врасплохъ; они, какъ и многія другія хорошо вооруженныя животныя, нападаютъ на людей до извѣстной степени, подъ впечатлѣніемъ перваго испуга. Но лишь очень немногіе изъ нихъ становятся «rogues», т. е. дѣйствительно злобными созданіями, которыя въ слѣпой ярости нападаютъ безпричинно на каждаго прохожаго, не будучи потревожены или раздражены. Таковъ былъ, напримѣръ, такъ называемый «Мандла-Рогъ», который жилъ въ серединѣ семидесятыхъ годовъ недалеко отъ Джабалпура въ центральныхъ провинціяхъ Індіи и умертвилъ очень много людей, пока двумъ англійскимъ офицерамъ не удалось застрѣлить его. Другого самца, который только-что начиналъ становиться бѣшеннымъ, убилъ Сандерсонъ, знавшій его уже цѣлые годы и именно не какъ одиночку, а какъ неразлучнаго товарища другого слона. Кинлохъ рассказываетъ о бѣшенныхъ слонахъ, встрѣчавшихся въ лѣсахъ у подножія Гиммалаевъ, что самые опасные изъ нихъ, подобно тиграмъ-людоедамъ, по временамъ даже совершенно прекращали сообщеніе по нѣкоторымъ дорогамъ, такъ какъ нападали на всѣхъ прохожихъ.

Насколько эти данныя могутъ прилагаться и къ африканскому слону, это должно пока оставаться нерѣшеннымъ, такъ какъ его мы еще мало знаемъ. Киркъ и Гейглингъ согласно сообщаютъ изъ восточныхъ и сѣверныхъ областей Африки, что самцы и самки составляютъ отдѣльныя стада, которыя соединяются лишь во время спариванія, и что и тамъ замѣчаютъ одиночекъ, которымъ никогда нельзя довѣрять, такъ какъ они нападаютъ, говорятъ, иногда на человѣка безъ вызова со

стороны послѣдняго. Селусъ, который охотился и наблюдалъ на югѣ, не говорить опредѣленно, что бы животныя каждаго пола составляли отдѣльные стада; во всякомъ случаѣ онъ часто встрѣчалъ смѣшанныя стада.

Движенія слона разбѣренны и осмотрительны, онъ спокоенъ и даже довѣрчивъ тамъ, гдѣ не научился еще видѣть въ человѣкѣ своего смертельнаго врага. Сказать, что онъ животное раздражительное было-бы невѣрно, такъ какъ въ дѣйствительности онъ миролюбивъ, безобиденъ и робокъ. Онъ крайне рѣдко нападаетъ, не будучи разсерженъ, напротивъ осторожно уступаетъ дорогу всѣмъ животнымъ, даже маленькимъ. Такъ-же мирно жили-бы слоны и съ человѣкомъ, если-бы онъ не преслѣдовалъ ихъ столь безпощадно.

Душевные способности слона слишкомъ преувеличиваются тѣми, кто наблюдалъ его въ прирученномъ состояніи, а не на свободѣ. Да и большая часть разсказовъ объ умѣ и сообразительности прирученныхъ слоновъ, которые безпрестанно повторяются: какъ напримѣръ о портномъ, который разъ вмѣсто того, чтобы по обыкновенію дать слону сладостей, укололъ его иглою и за-то былъ потомъ облилъ вмѣстѣ со своею работою грязной водою, когда слонъ возвратился съ рѣки, или разсказъ о слонѣ, который приподнялъ колесо орудія, чтобы оно не раздавило упавшаго солдата, и другія исторіи представляютъ скорѣе красивую выдумку, чѣмъ дѣйствительно наблюдавшіеся случаи. Слонъ въ дикомъ состояніи несомнѣнно обнаруживаетъ больше простоты, чѣмъ ума, а дрессированный, повидимому, поступающій по своимъ соображеніямъ, въ дѣйствительности дѣлаетъ лишь то, что указываетъ ему вожакъ. «Всмотримся», пишетъ Сандерсонъ, «дѣйствительно-ли дикій слонъ обнаруживаетъ большій умъ, чѣмъ какое-либо другое животное. Хотя его хоботъ представляетъ придатокъ, который могъ-бы превосходно защитить его отъ грубо устроенной и прикрытой нѣсколькими жердями и хвостомъ ловушки, онъ тѣмъ не менѣе постоянно попадаетъ въ нее. Его товарищи въ испугѣ убѣгаютъ оттуда, хотя они легко могли-бы помочь ему выбраться наружу, если-бы обтоптали землю на краю ямы. Если въ нее свалится молодой слонъ, то мать, правда, остается по близости отъ него, пока не придутъ охотники, но ей и въ голову не приходитъ помочь какъ-нибудь дѣтенышу; она и не подумаетъ наломать вѣтвей и бросить ему внизъ, чтобы онъ могъ утолить голодь. Правда, люди гораздо менѣе охотно повѣряютъ этому, чѣмъ если-бы имъ разсказали, что мать всячески помогаетъ своему дѣтенышу, бросаетъ ему траву, чтобы кормить его, приносить въ хоботѣ воду, чтобы его поить, или до тѣхъ поръ суетъ въ яму палки и вѣтви, пока ея дитя не будетъ въ состояніи выйти. Далѣе цѣлыя стада слоновъ загоняютъ въ совершенно плохо устроенныя изгороди, въ которыя нельзя было-бы загнать никакое другое дикое животное, а отдѣльныхъ слоновъ ловятъ даже такимъ образомъ, что нѣсколько людей подкрадываются къ нимъ съ ручными слонами и связываютъ имъ ноги. Убѣжавшихъ слоновъ такимъ-же образомъ ловятъ почти безъ труда; даже опытъ не придаетъ имъ понятливости. Такіе факты конечно несомнѣнны съ тѣмъ взглядомъ, будто-бы слоны необыкновенно умныя животныя, а еще гораздо менѣе съ тѣмъ, будто-бы они способны къ удивительной сообразительности. Наоборотъ, если слона назвать глупымъ животнымъ, то это нельзя считать несправедливостью; я могу даже утверждать съ увѣренностью, что извѣстные мнѣ разсказы объ его поступкахъ, если только они не представляютъ собою примѣры силы и понятливости, совершенныя по приказанію вожака, относятся къ привлекательнымъ выдумкамъ, предполагающимъ у слона слишкомъ высокія душевные качества.

«Люди, незнакомые съ характеромъ слона, видятъ часто въ его дѣйствіяхъ результаты самостоятельнаго размышленія, между тѣмъ какъ животныя просто

исполняютъ то, что имъ приказываютъ хозяева. Едва-ли между конемъ и всадникомъ существуетъ болѣе тѣсная связь, чѣмъ между слономъ и вожакомъ на его спинѣ. Самая выдающаяся черта въ характерѣ дрессированнаго слона есть именно его послушаніе, и онъ выполняетъ многое по самому легкому знаку всадника, вліяніе котораго вовсе и незамѣтно тому, кто не посвященъ въ искусство дрессировки. Это повело къ недоразумѣніямъ, которыхъ не избѣжалъ и Теннентъ; описывая поведеніе ручныхъ слоновъ при ловлѣ дикихъ родичей на Цейлонѣ, онъ говоритъ между прочимъ: «Прирученные слоны обнаружили полнѣйшее пониманіе всего происходившаго, какъ дѣли, къ которой стремились, такъ и средствъ достигъ ея. Они предусмотрительно замѣчали затрудненіе или опасность и «безъ приказанія» старались предотвратить ихъ». Вотъ до чего доходятъ въ своихъ размышленіяхъ тѣ, кто знаетъ слоновъ лишь поверхностно! Я видѣлъ за работою самыхъ отборныхъ изъ дрессированныхъ слоновъ, словленныхъ въ Майсурѣ и Бенгаліи; я самъ пользовался ими при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ и тѣмъ не менѣе могу увѣрить, что я не нашелъ ни одного, который выказалъ-бы себя способнымъ справиться безъ помощи человѣка съ какимъ-нибудь непредвидѣннымъ случаемъ.

«Вотъ, что я долженъ сказать объ умѣ слона. Разсмотримъ теперь нравъ его въ неволѣ. Я полагаю, что всѣ, кому приходится имѣть дѣло со слонами, согласятся со мною, если я скажу, что о хорошихъ качествахъ ихъ много сказать нельзя, а дурныя проявляются лишь въ видѣ исключенія. Довольно распространенное мнѣніе, что слоны коварны и мстительны, лишено основанія. Самцы впадаютъ иногда въ состояніе бѣшенства, во время котораго съ ними должно обращаться очень осторожно, такъ-какъ они тогда совершенно выходятъ изъ себя; но наступленіе этого состоянія можно замѣтить заблаговременно. Во всякое другое время самецъ совершенно надеженъ и лишь рѣдко бываетъ капризенъ. Самки-же всегда настолько добродушны, насколько можетъ быть добродушнымъ животное. Изъ сотенъ слоновыхъ самокъ я зналъ лишь двухъ съ норовомъ: одна не желала носить на своей шеѣ чужого жока, другая не терпѣла около себя ни одного туземца за исключеніемъ двухъ, которые за нею ухаживали. Лучшія качества слона—послушаніе, кротость и терпѣніе. Въ этомъ отношеніи его не превосходитъ ни одно домашнее животное даже при самыхъ неприятныхъ обстоятельствахъ: если ему приходится ждать подъ палящими лучами солнца или переносить хирургическую операцію, онъ рѣдко проявляетъ какую-либо раздражительность. Онъ никогда не отказывается сдѣлать что-либо, если его правильно обучаютъ, кромѣ развѣ того случая, когда имъ овладѣетъ страхъ. Слонъ, какъ дикій, такъ и ручной, чрезмѣрно боязливъ, и страхъ у него очень легко вызывается чѣмъ-нибудь непривычнымъ. Тѣмъ не менѣе многіе могутъ сдѣлаться очень мужественными, если искусно развить эти задатки; это доказываетъ поведеніе нѣкоторыхъ слоновъ на охотѣ за тиграми».

Дикіе слоны проявляютъ боязливость во всемъ, что они дѣлаютъ: отыскиваютъ-ли они пищу, или идутъ лизать соль, что они очень любятъ, или на водопой, или купаться, они всегда двигаются съ большою осторожностью. Обыкновенно они купаются только днемъ, и лишь очень томительный жаръ ночью можетъ соблазнить ихъ идти въ воду. Въ холодныя ночи даже прирученныя животныя неохотно переходятъ въ бродъ рѣки и озера и при этомъ стараются сохранить сухими по крайней мѣрѣ хоботъ и хвостъ. На водопой они идутъ обыкновенно скоро послѣ восхода солнца или незадолго до заката; лишь въ открытой мѣстности, въ степи, они часто приближаются къ уединеннымъ прудамъ вечеромъ, когда уже темнѣетъ. Такъ-же осторожно идутъ они отыскивать пищу, но, убѣдившись въ безопасности, тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ принимаются за дѣлу. Они ломаютъ вѣтви деревьевъ, какъ

бы для удовольствія, обмахиваются ими, отгоняютъ ими докучливыхъ мухъ и затѣмъ понемногу съѣдаютъ, предварительно нѣсколько скомкавъ ихъ. Хотя они ѣдятъ не торопясь и съ удовольствіемъ, тѣмъ не менѣе кормежка не проходитъ тихо и безъ шума; напротивъ, какъ описываетъ Гейглинъ изъ области верхняго Нила, она сопровождается по истинѣ адскимъ шумомъ. Хрустѣніе вѣтвей, трескъ ломаемыхъ часто общими силами толстыхъ сучьевъ и стволовъ, жеваніе, дыханіе, испражненіе, глухое перекачиваніе газовъ во внутренностяхъ, шлепанье по болоту тяжелыхъ ногъ, обливаніе тѣла съ помощью хобота, хлопанье огромныхъ ушей, которыя животныя часто разставляютъ какъ зонтики, чесаніе массивныхъ тѣлъ о толстые стволы деревьевъ и среди этого пронзительные трубные звуки животныхъ— все это соединяется въ оглушительное цѣлое. Такому шуму соответствуетъ и не поддающееся никакому описанію опустошеніе, производимое въ лѣсу стадомъ слоновъ. «Что мощная нога не вдавила въ землю», говоритъ нашъ изслѣдователь «то опрокидывается; самое толстое дерево выворачивается съ корнями, вѣтви его обламываются; подлѣсокъ лежитъ въ страшномъ безпорядкѣ, точно поваленный бѣшенымъ вихремъ; стволы, которые болѣе столѣтія противились бурямъ, надломаны какъ тростникъ». Вѣтви, болѣе чѣмъ въ руку толщиною, безпрепятственно проглатываются слонами: въ колбасообразномъ пометѣ, длиною въ 50 см., толщиною въ 12 см. и вѣсомъ въ 6 kgr., я находилъ куски вѣтвей въ 10—12 см. длиною и 4—5 см. толщиною. Низкія вѣтви, особенно находящіяся на высотѣ рта, они всовываютъ себѣ въ ротъ съ помощью хобота цѣлыми пучками или кустами и затѣмъ откусываютъ или, вѣрнѣе, отщемляютъ ихъ зубами. Очень толстыя вѣтви они вполнѣ или отчасти обдираютъ, оставляя древесину. Въ каждой странѣ есть деревья и кусты, которыхъ они ищутъ болѣе всѣхъ другихъ, ради ихъ плодовъ или листьевъ. Африканскіе слоны всегда предпочитаютъ вѣтви деревьевъ жесткимъ и малопитательнымъ травамъ ихъ родины, однако не пренебрегаютъ и этими послѣдними. Если стадо приходитъ на мѣсто, поросшее сочною травою, то пасется на немъ; при этомъ слоны схватываютъ пучки травы хоботомъ, вырываютъ ихъ съ корнями изъ земли, ударяютъ этими корнями о дерево, чтобы освободить отъ приставшей къ нимъ земли и затѣмъ суютъ пучекъ за пучкомъ въ глотку. Въ безплодныхъ степныхъ мѣстностяхъ они взрываютъ землю, чтобы добраться до находящихся въ ней сочныхъ корней. Индѣйскіе слоны предпочитаютъ, напротивъ, всякаго рода травы вѣтвямъ съ листьями и ѣдятъ послѣднія лишь иногда и въ маломъ количествѣ.

Выходя по ночамъ на пастбище, слоны иногда посѣщаютъ и засѣянные поля, и въ такомъ случаѣ стадо можетъ причинить большой вредъ. Но уже самаго нехитраго чучела или самой легкой изгороди бываетъ, говорятъ, достаточно, чтобы не допустить этихъ толстокожихъ на поля. Въ Индіи, гдѣ земледѣльцы, живущіе въ мѣстностяхъ, покрытыхъ джунглями, устраиваютъ поля отдѣльно на выжженныхъ мѣстахъ, выставляютъ сторожей и стараются прогнать случайно понавшихъ туда слоновъ шумомъ и факелами, которые приготавливаются изъ бамбуковыхъ щепокъ. Сторожа часто бываютъ настолько смѣлы, что подходятъ довольно близко къ непрошеннымъ гостямъ, но и грабители упрямы и часто врываются въ сосѣднюю плантацію, если ихъ прогонятъ изъ первой, и снова прогнанные посѣщаютъ затѣмъ другія. Въ инныя ночи полевые сторожа данной мѣстности вовсе не имѣютъ покоя, такъ-какъ постоянно отовсюду снова врываются на плантаціи слоны изъ джунглей и наѣдаются на ходу. Нѣкоторыя опытныя животныя довольно равнодушно относятся при этомъ къ шуму и размахиванію факелами и не такъ легко отступаютъ передъ угрожающими имъ людьми, какъ болѣе боязливое большинство стада. Такъ

Сандерсонъ разсказываетъ объ одномъ старомъ самцѣ, который былъ истиннымъ бичемъ селъ въ одной мѣстности въ Майсурѣ, такъ-какъ совершенно правильно налагалъ контрибуцію на ихъ рисовыя поля. Разъ утромъ лакомка, возвращаясь съ непопозволеннаго пастбища, былъ замѣченъ возлѣ самаго мѣстечка Морлей. Высыпавшіе жители подняли такой сильный шумъ, что даже этотъ закоренѣлый злодѣй сбился съ толку и во время бѣгства попалъ въ болото. Тамъ онъ завязъ и въ него стали сначала кидать камнями и дубинами. Но когда люди замѣтили, что слонъ безпомощно застрялъ, то они осмѣлились приблизиться съ пучками соломы, побросали ихъ на заднюю часть слона и подожгли кучу. Пока они обсуждали, какъ окончательно истребить врага, онъ собралъ послѣднія силы и выбрался изъ огня и болота. Хотя онъ былъ довольно сильно обожженъ, однако остался живымъ и еще нѣсколько лѣтъ мстилъ жителямъ села за ихъ жестокость, упорно продолжая опустошать ихъ разбросанныя полосы посѣвовъ. Индусы разсказываютъ также, что нѣкоторые изъ самыхъ смѣлыхъ грабителей подпускаютъ сторожей съ факелами совершенно близко къ себѣ, затѣмъ, посредствомъ хобота, извлекаютъ воду изъ глотки и гасятъ ею факелы. Эти и другія данныя основаны однако на неточномъ наблюденіи или просто выдуманы.

Слонъ тоже принадлежитъ къ сожалѣнію, къ тѣмъ животнымъ, которыя близятся къ гибели. Его не преслѣдуютъ для того, чтобы отмстить за причиняемый имъ вредъ, а лишь изъ любви къ охотѣ или ради драгоценной слоновой кости, и потому издавна ведутъ противъ него истребительную войну. Вредъ, причиняемый имъ, можно-бы еще терпѣть, хотя иногда слонъ и становится неприятнымъ, благодаря страннымъ прихотямъ. Такъ, индѣйскимъ строителямъ дорогъ слоны не разъ вытаскивали изъ земли столбы, которые люди съ трудомъ поставили, чтобы обозначить, гдѣ надо проводить дорогу, а въ Сенегамбіи жалуются, что они разрушаютъ телеграфныя линіи; тамъ ставили слишкомъ короткіе столбы, такъ-что проволоки висѣли очень низко и не позволяли животнымъ свободно проходить подъ ними. Слона безпощадно преслѣдовали въ Индіи и преслѣдуютъ еще въ Африкѣ. Въ Индіи и на Цейлонѣ изъ одной только страсти къ охотѣ стрѣляли и беззубыхъ или слабо вооруженныхъ самцовъ, даже беззубыхъ самокъ и дѣтенышей; быть можетъ еще чаще ловили ихъ въ ямы, гдѣ они нерѣдко получали такія поврежденія, что оказывались непригодными для работы. Въ Африкѣ охотятся ради слоновой кости за обоими полами, которые оба имѣютъ бивни, и притомъ какъ туземцы, такъ и европейскіе охотники-промышленники. Къ сожалѣнію, и эти послѣдніе не всегда щадятъ слоновъ, а часто убиваютъ и безъ пользы. Такъ десять лѣтъ тому назадъ нѣсколько бозровъ въ сѣверной части нынѣшнихъ нѣмецкихъ владѣній въ юго-западной Африки въ одинъ день перестрѣляли цѣлое стадо: 105 штукъ самцовъ, самокъ, дѣтенышей. Иной «спортсменъ» безъ колебанія стрѣляетъ въ перваго попавшаго ему слона, хотя и не надѣется вовсе убить его, затѣмъ только, чтобы поохотиться и на слоновъ. Животныя эти живучи, и выстрѣлы изъ обыкновенныхъ ружей ведутъ развѣ къ тому, что раненые слоны погибаютъ позднѣе отъ потери крови или нагноенія ранъ. Въ открытой мѣстности, какъ напримѣръ въ южной Африкѣ, гдѣ на хорошо обученной лошади можно двигаться на любомъ разстояніи отъ слона, обыкновенно употребляютъ для охоты англійское военное ружье и быстро посылаютъ изъ него пулю за пулей, пока животное не свалится. Тамъ-же, гдѣ муха цеце не дозволяетъ пользоваться лошадьми, особенно въ мѣстностяхъ лѣсистыхъ или богатыхъ кустарникомъ, охотятся нѣшкомъ и употребляютъ очень тяжелыя ружья съ гладкимъ стволомъ или тяжелыя двустволки, по большей части 8-ми линейнаго калибра, изъ которыхъ стрѣляютъ зарядомъ въ 20 граммовъ пороха и круглыми пулями въ 60 грам-

мовъ вѣсомъ. Длинные свинцовыя пули со стальнымъ наконечникомъ или разрывныя пули у опытныхъ охотниковъ вышли изъ употребленія, какъ неудобныя ухищренія. Такъ какъ въ чащѣ къ добычѣ подкрадываются совершенно близко и стрѣляютъ по большей части на разстояніи 30 шаговъ, то даже не особенно искусному стрѣлку не трудно попасть въ часть тѣла, которую наиболее легко ранить, если возможно, въ мѣсто величиною съ ладонь, лежащее между ухомъ и глазомъ. Въ такомъ случаѣ при очень сильномъ зарядѣ перѣдко одной пули бываетъ достаточно, чтобы свалить самаго громаднаго слона. Такъ какъ движенія животныхъ и безъ того не очень быстры и, особенно въ жаркіе дни, постоянно замедляются, и кромѣ того стада, на которыя нападаютъ сразу съ нѣсколькихъ сторонъ, легко приходятъ въ смятеніе, то люди, которые хорошо бѣгаютъ, особенно въ мѣстности, заросшей кустами, могутъ всегда скоро снова приблизиться къ стаду и убить изъ него еще нѣсколько штукъ. Селусъ въ южной Африкѣ не разъ убивалъ такимъ образомъ, слѣдуя бѣгомъ за убѣгавшимъ стадомъ, пересѣкая ему путь, причесая и т. д., до 5 слоновъ въ одинъ день и изъ одного стада. Такъ онъ собственноручно убилъ напр. въ 1873 году въ мѣстности между рѣками Гван и Замбези въ 4 мѣсяца 42 слона; его товарищъ Г. Ведъ, который вообще убилъ въ Африкѣ наибольшее число слоновъ, — 50 штукъ, а ихъ туземные охотники еще 40 штукъ, всего 132 слона и притомъ лишь отборныхъ, у которыхъ были самые крупные бивни.

Такія охоты правда такъ трудны, что лишь самые закаленные люди могутъ переносить ихъ, но опасность для охотника не такъ велика, какъ это можетъ казаться. Случается конечно, что раздраженные слоны бросаются на своихъ губителей, и нѣкоторые изъ послѣднихъ дѣйствительно испускали духъ подъ ногами лѣсныхъ гигантовъ, но тремъ четвертямъ изъ тѣхъ, которые подвергались нападенію, удавалось еще спастись, даже когда они находились уже такъ сказать между ногами животныхъ. Быстро и рѣшительно бросается иногда взбѣшенное животное на нападающаго, но рѣдко преслѣдуетъ его далеко, а довольствуется тѣмъ, что обращаетъ его въ бѣгство и удерживаетъ за собою поле битвы. Несмотря на такую умѣренность, всякій по мѣрѣ возможности старается не довести дѣло до нападенія со стороны слона; дѣйствительно, раздраженный слонъ, и помимо своей массы, подъ которой дрожитъ земля, производитъ неизгладимое впечатлѣніе на человѣка. Свернувъ хоботъ, нѣсколько приподнявъ уши, размахивая хвостомъ, онъ съ дикимъ ревомъ бросается на врага; передняя часть его какъ-бы вырастаетъ и во всякомъ случаѣ кажется больше и выше чѣмъ когда-либо, на заднихъ ногахъ появляются длинныя болтающіяся складки кожи, огромная масса быстро и неудержимо движется впередъ; гнѣвное солѣніе смѣшивается съ криками ярости, о которыхъ ухо, никогда не слышавшее такихъ звуковъ, не можетъ получить и представленія. Если при этомъ разсерженный великанъ догонитъ своего противника, то послѣдній неминуемо погибаетъ и подвергается справедливой мести, отъ которой его по большей части не могутъ спасти товарищи.

Истребленіе индѣйскаго слона произойдетъ еще не скоро. «Тотъ взглядъ», писалъ Сандерсонъ въ 1879 году, «что дикіе слоны уменьшились въ новѣйшее время въ числѣ, всюду распространены въ Индіи. Онъ возникъ, повидимому, вслѣдствіе того, что властями были изданы постановленія для защиты этихъ животныхъ, а также и потому, что уменьшеніе числа ихъ на Цейлонѣ не можетъ подлежать сомнѣнію. Но условія на этомъ островѣ не соотвѣтствуютъ условіямъ на материкѣ. На Цейлонѣ слоны всегда считались дичью, наиболее ревностно преслѣдуемой очень многими спортсменами и охотившимися за деньги туземцами, и число ихъ на этомъ островѣ не очень значительно. На материкѣ европейцы въ дѣйствительности убивали

ихъ всегда лишь очень мало, а туземцевъ вознагражденіе, выдаваемое въ Мадраской области, побуждало къ охотѣ лишь въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Они прекратили преслѣдованія, когда имъ перестали выплачивать вознагражденіе. Такъ какъ представленія благомыслящихъ чиновниковъ привели наконецъ къ тому, что туземные способы охоты, уродующіе такъ много животныхъ, были ограничены, то въ настоящее время дикій слонъ пользуется полной неприкосновенностью, какъ въ западныхъ областяхъ, такъ и въ безконечныхъ джунгляхъ и лѣсахъ, которые тянутся отъ подножія Гиммалаевъ къ Бирмѣ и Сіаму. Число слонѳвъ, которыхъ ловятъ ежегодно дозволенными закономъ средствами, относительно очень незначительно, и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ настоящее время пустынные мѣстности, которыя предоставили этимъ толстокожимъ, настолько обильно населены ими, какъ только можно пожелать. Я изучилъ записи относительно ловли слонѳвъ въ послѣднія 45 лѣтъ въ Бенгаліи и нашелъ, что теперешніе результаты лова не даютъ права заключать объ уменьшеніи числа животныхъ въ тѣхъ областяхъ, гдѣ охота возможна. Въ южной Индіи слоны за послѣднее время даже настолько размножились, что снова придется выступать противъ нихъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, чтобы защищать земледѣльцевъ отъ производимыхъ ими опустошеній, если не будутъ приняты болѣе цѣлесообразныя мѣры, чѣмъ теперь, для ловли и дрессировки дикихъ слонѳвъ, чтобы сдѣлать ихъ ручными. Мы можемъ лишь поздравить себя, что такое полезное и безобидное животное, какъ азіатскій слонъ, не подверглось такой печальной участи, какъ его африканскій родичъ, который быстро приближается къ истребленію». Въ докладѣ, сдѣланномъ позднѣе въ Симлѣ, Сандерсонъ приводитъ еще, что въ теченіи трехъ лѣтъ съ 1880 по 1883 г. въ сѣверо-восточной Бенгаліи, въ охотничьей области Дакка, было поймано 503 слона и притомъ на участкѣ длиною лишь въ 65 килом., а шириною вдвое меньше. Кромѣ того во время приготовленій къ облавѣ стадъ, видѣли еще около 1000 слонѳвъ. Напротивъ, съ 1868 по 1875 годъ въ той-же области ежегодно добывали въ среднемъ лишь по 59 штукъ. Самому Сандерсону удалось въ 1887 г. поймать сразу 140 слонѳвъ: это самый значительный результатъ ловли, какого когда-либо достигали въ Индіи. На основаніи этого легко понять, какъ много слонѳвъ водится еще въ нѣкоторыхъ областяхъ Индіи.

Въ Африкѣ туземцы и теперь, какъ въ незапамятныя времена, жестоко и безпощадно охотятся за этими громадными животными. Уже Страбонъ упоминаетъ, что живущія въ степяхъ Атбары «элефантофаги» («слоноѳды») перерубаютъ этимъ гигантскимъ животнымъ мечемъ ахиллесову жилу, чтобы овладѣть ими; номады, бродящіе по упомянутымъ степямъ, и нынѣ еще поступаютъ точно такъ-же. Они садятся на лошадь голые, чтобы имъ по возможности ничто не мѣшало, преслѣдуютъ стадо слонѳвъ, стараются разбить его, гонятся такъ быстро, какъ только могутъ бѣжать ихъ лошади, за отбившимся отъ стада слонѳмъ, бѣжить-ли онъ въ гору или съ горы, черезъ ущелья, лѣса, колючіе кустарники или по высокой степной травѣ, утомляютъ его, нападаютъ на него съ копьемъ и этимъ отвлекаютъ его вниманіе отъ товарища, который наноситъ сзади ударъ, разсѣкающій ахиллесову жилу. Бекеръ, который долгое время охотился въ обществѣ этихъ людей, полагаетъ, что нельзя найти словъ, чтобы описать ловкость и мужество этихъ охотниковъ, прекрасно владѣющихъ мечемъ. Выстрѣлъ, сдѣланный имъ въ слона, заставилъ животное лишь съ большей поспѣшностью устремиться къ чащѣ. «По въ то-же мгновеніе», рассказываетъ онъ, «охотники съ мечами бросились, какъ борзые собаки на травлѣ, по песчаной равнинѣ, отрѣзали слону отступленіе и выступили противъ него съ мечемъ въ рукѣ. Бѣшеное животное тотчасъ-же встрѣтило врага, который съ безразсудною храбростью

принялся за дѣло. Въмѣсто того, чтобы завлечь слона убѣгающимъ отъ него всадникомъ, какъ поступаютъ обыкновенно, всѣ охотники съ мечами мгновенно соскочили съ лошадей и пѣшкомъ въ глубокомъ пескѣ напали на громадное животное. Съ точки зрѣнія охотника нѣтъ болѣе великолѣпнаго и безумно опаснаго зрѣлища, чѣмъ такой бой, который могъ-бы поспорить съ любымъ боемъ гладиаторовъ. Слонъ былъ въ высшей степени бѣшенства и, казалось, зналъ, что охотники стараются подойти къ нему сзади; поэтому онъ съ большой ловкостью избѣгалъ открыть свой тылъ, причѣмъ съ чрезвычайной быстротою поворачивался во всѣ стороны, какъ на оси, и, опустивъ голову, выступалъ противъ одного противника за другимъ, издавая въ то-же время бѣшенный ревъ и вздымая хоботомъ облака пыли. Охотники увертывались съ проворствомъ обезьянъ, хотя глубокой песокъ помогалъ слону и настолько мѣшалъ имъ, что только съ чрезвычайными усилиями они могли избѣгнуть нападеній животнаго. Лишь благодаря рѣшительности и мужеству всѣхъ трехъ, они по очереди спасали другъ друга, причѣмъ, какъ только слонъ нападалъ на одного изъ нихъ, двое другихъ забѣгали съ боку и тѣмъ принуждали противника повернуться къ нимъ». Они занимаютъ слона такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока одному изъ нихъ не удается ударомъ меча перерубить ахиллесово сухожилие задней ноги слона и тѣмъ сдѣлать его неспособнымъ къ битвѣ.

И въ юговосточной Африкѣ, по ту сторону Замбези, а именно въ странѣ Машуна, охотились такимъ-же образомъ, пока туда не проникло хорошее огнестрѣльное оружіе. Въмѣсто меча туземцы, по словамъ Селуса, пользовались топоромъ съ широкимъ лезвиемъ и поодионокѣ подкрадывались къ слонамъ, которыхъ старались застать спящими и парализовать мощнымъ ударомъ по задней ногѣ. Они употребляли также ассагаи съ лезвиемъ длиною въ локоть и шириною въ кисть руки, съ короткой, толстой рукояткой, которые они вонзали слонамъ сверху между лопатокъ; для этой цѣли охотники взбирались на удобныя деревья, подъ которыми должны были проходить слоны пасущагося стада. Негры области верхняго Нила устраиваютъ на тропинкахъ, ведущихъ къ водопою, глубокия ямы, которыя книзу суживаются конусомъ, и на днѣ ямы вбиваютъ иногда толстый остроконечный коль. Ямы эти покрываются очень тщательно сверху, чтобы осторожный слонъ по возможности не замѣчалъ ихъ, и, чтобы придать этой дорогѣ видъ болѣе безопасный, бросаютъ собранный пометъ слоньевъ на тонкую покрывку, которая предательски скрываетъ яму, а также и на тропинку; при этомъ они стараются сдѣлать съ помощью засѣкъ такъ, чтобы слоны почти не могли избѣжать этой дороги. Гдѣ позволяетъ мѣстность, такія ямы выкапываютъ въ узкихъ долинахъ; тогда охотники сгоняютъ слоньевъ съ обширнаго пространства такъ, чтобы они должны были проходить по опасной долинкѣ и падать въ ямы, которыя они легко могутъ не замѣтить во время поспѣшнаго бѣгства.

Въ западной Африкѣ, въ области Огове, негры, какъ сообщаетъ Дю-Шалью, сплетаютъ въ видѣ сѣтки вьющіяся растенія, гонятъ затѣмъ слоньевъ въ огороженныя такимъ образомъ части лѣса и, когда животныя нерѣшительно останавливаются передъ переплетенными прутьями, пускаютъ сотни копій въ тѣло самыхъ сильныхъ и большихъ животныхъ, пока они не упадутъ. Чаше однако при такихъ лѣсныхъ охотахъ устраиваютъ изгороди въ видѣ широкаго полукруга и по возможности быстро совершенно загораживаютъ случайно вошедшихъ туда или загнанныхъ слоньевъ. Вокругъ разставляютъ затѣмъ стражу и зажигаютъ огни, чтобы отгонять животныхъ, приближающихся къ изгороди. Хотя самый маленькій слонъ легко могъ бы прорвать рѣдкую и некрѣпкую изгородь и убѣжать отъ дурно вооруженныхъ туземцевъ, однако пойманные не осмѣливаются это сдѣлать. Терпѣливые охотники

формально морятъ ихъ голодомъ, а по мѣрѣ возможности стрѣляютъ въ нихъ, колятъ ихъ копьями и наконецъ убиваютъ ихъ въ состояніи крайняго истощенія. Въ странѣ Ніамъ-Ніамъ созываютъ въ нѣсколько часовъ тысячи вооруженныхъ людей далеко раздающимися и повторяемыми въ каждой деревнѣ ударами барабановъ, которыми собираютъ народъ въ случаѣ тревоги, если рѣчь идетъ о важномъ предпріятіи. «Это случается прежде всего», пишетъ Швейнфуртъ, «если показываются слоны; для истребленія ихъ нарочно обыкновенно щадятъ степи, заросшія гуще и выше всего травой, и охраняютъ ихъ отъ степного пожара. Туда загоняютъ животныхъ, окружаютъ все пространство людьми, которые приносятъ съ собою горящія головы, и пожаръ начинается со всѣхъ сторонъ; слоны, частью задушенные дымомъ, частью обезсиленные самымъ огнемъ, становятся беззащитною добычей человѣка и ихъ добиваютъ, бросая въ нихъ копьями. Такъ какъ при такихъ истребительныхъ битвахъ безъ толку погибаютъ не только вооруженные большими драгоценными бивнями самцы, но и ихъ самки и дѣтеныши, то понятно, насколько быстро должно подвигаться годъ отъ году истребленіе этого благороднаго животнаго, которое могло бы стать полезнымъ человѣку, особенно въ странѣ, гдѣ вовсе нѣтъ ни животныхъ, пригодныхъ для перевозки тяжестей, ни другихъ средствъ сообщенія. Въ нѣкоторыхъ частяхъ страны, и прежде всего въ областяхъ, прилегающихъ къ сѣверной границѣ, гдѣ торговля слоновою костью процвѣтаетъ уже лѣтъ 20—25, слоны совсѣмъ исчезли, и было-бы нетрудно изобразить на картѣ соответствующія пятилѣтнимъ промежуткамъ зоны черезъ всю область рѣки Газелей, въ предѣлахъ которыхъ эти животныя, благодаря сильному преслѣдованію, частью отступили, частью вовсе истреблены».

Туземцы южной Индіи охотились прежде за слонами съ особаго рода огнестрѣльнымъ оружіемъ, называемымъ «джинджалль» и похожимъ на маленькую поворотную пушку. У двухъ изъ нихъ, принадлежащихъ Сандерсону, стволы вѣсятъ по 18,5 кгг. и стрѣляютъ почти полуфунтовымъ снарядомъ. На охотѣ два человѣка несли повѣшенный на шесть стволь, третій таскалъ подставку, имѣющую видъ треножника, а четвертый, руководившій охотою, выслѣживалъ, гдѣ остановились слоны, выбиралъ мѣсто для установки смертоноснаго оружія, направлялъ его и стрѣлялъ. Воспламененіе пороха производилось посредствомъ фитиля, который давалъ стрѣлявшему нѣсколько секундъ для того, чтобы поспѣшно убѣжать оттуда, такъ какъ орудіе, по большей части слишкомъ сильно заряженное, при выстрѣлѣ обыкновенно съ большою силою опрокидывалось назадъ и подвергало людей почти такой-же опасности, какъ и животное, въ которое стрѣляли. Обыкновенно въ выбранное животное стрѣляли на разстояніи 30—40 шаговъ, и оно, по большей части, умирало въ самое короткое время отъ тяжелой раны, причиненной большою пулей. Ловкіе охотники убивали, говорятъ, изъ такого джинджалла иногда по 5 и 6 слоновъ въ одинъ день.

Гораздо привлекательнѣе и человѣчнѣе, чѣмъ всякая охота, — овладѣвать живыми дикими слонами, чтобы приручать ихъ и заставлять служить человѣку. Индусы—мастера въ этомъ искусствѣ. У нихъ есть настоящій цехъ слоновыхъ ловцовъ, въ которомъ ремесло передается по наслѣдству отъ отца къ сыну. Искусство, хитрость, осторожность и смѣлость, съ которыми эти люди занимаются своимъ ремесломъ, по-истинѣ достойны удивленія. Они уходятъ вдвоемъ въ лѣсъ и ловятъ одного изъ слоновъ, составляющихъ семейство.

Лучшіе ловцы слоновъ на Цейлонѣ, называемые наники, идутъ по слѣдамъ слона, какъ хорошая собака по слѣдамъ оленя; незамѣтные для глаза европейца слѣды составляютъ для нихъ какъ-бы четко написанные листы понятной рукописи.

Люди эти мужественны и сообразительны; они умѣют вести слона, какъ имъ угодно, по желанію приводить его въ страхъ и въ ярость. Единственное оружіе ихъ состоитъ изъ крѣпкой и растяжимой петли изъ кожи оленя или буйвола, которую они, если выходятъ на ловлю поодиночкѣ, бросаютъ на ногу намѣченнаго ими слона. Для этого они неслышными шагами слѣдуютъ за нимъ, когда онъ идетъ, и въ удобный моментъ связываютъ его или даже, если онъ стоитъ спокойно, накладываютъ петлю на обѣ ноги. Какъ ухитряются они незамѣтно подкрасться къ пугливому животному, это было и остается загадкой. Европейецъ не можетъ слѣдовать за этими людьми въ такихъ экскурсіяхъ, такъ-какъ онъ испортилъ-бы все дѣло, и долженъ поэтому довольствоваться разсказами.

Сандерсонъ описываетъ и другіе способы лова, которые употребляются преимущественно на материкѣ. Въ ямы слоновъ ловятъ лишь туземцы на свой страхъ; значительно большая часть животныхъ при этомъ погибаетъ, такъ-какъ паденіе сопровождается вывихами и переломами костей или внутренними поврежденіями. Другой тоже еще очень грубый способъ ловли заключается въ томъ, что подвѣзжаютъ на ручныхъ слонахъ къ стаду дикихъ, преслѣдуютъ бѣгущихъ, не разбирая дороги, бросаютъ большія петли на голову настигнутому слону и силою принуждаютъ его сдаться въ плѣнъ. При неизбѣжномъ треніи петли взадъ и впередъ иной дикій слонъ подвергается удушенію или по крайней мѣрѣ получаетъ такіа поврежденія, которыя дѣлаютъ его негоднымъ къ употребленію. Точно такъ-же во время травли и именно въ густомъ лѣсу вовсе нерѣдки несчастные случаи со всадниками и ихъ слонами. Производителнѣе заманиваніе самыхъ большихъ самцовъ, которые и такъ охотно держатся въ сторонѣ отъ стада, посредствомъ дрессированныхъ самокъ. Если откроютъ мѣстопробываніе такого самца, то погонщики слоновъ, прикрывшись по возможности попонами, вывѣзжаютъ туда на 4 — 5 надежныхъ самокъ и ведутъ ихъ такъ, что онѣ кажутся свободными животными. Расхаживая взадъ и впередъ, поѣдая кормъ, онѣ постепенно приближаются къ дикому слону, если этотъ послѣдній не идетъ къ нимъ на встрѣчу—или, чуя людей, опротивѣе убѣгаетъ прочь. Но этотъ случай, повидимому, встрѣчается нечасто. Если дикій слонъ присоединится къ обществу ручныхъ самокъ, то онѣ подъ руководствомъ вожаковъ все дальше и дальше увлекаютъ его; но такъ какъ иногда проходитъ нѣсколько дней и ночей прежде, чѣмъ удастся дѣйствительно овладѣть обманутой жертвою, то въ отдаленіи слѣдуютъ запасные люди, которые черезъ каждые 12 часовъ смѣняютъ вожаковъ самокъ, отводя ихъ незамѣтно поодиночкѣ въ сторону. Куда ни повернется самецъ, за нимъ всюду слѣдуютъ дрессированныя животныя и стараются всячески утомить его, пока онъ не предастся беззаботно крѣпкому сну. Этого только и ждутъ вожаки. Между тѣмъ, какъ ручныя самки плотно окружаютъ жертву, двое людей стараются крѣпко обвязать самцу веревками заднія ноги и, если по близости есть дерево, то привязать къ нему. Если это удалось, то самокъ удаляютъ, и одинъ изъ ловцовъ хлопаетъ связаннаго во снѣ гиганта по бедру и иронически совѣтуетъ ему не терять присутствія духа. Проснувшійся въ испугѣ старается спастись и разорвать путы, а если не привязанъ къ дереву, то и убѣгаетъ, ковыляя связанными ногами. Перехитрившіе его, неторопясь слѣдуютъ за нимъ, пока онъ совершенно не выбьется изъ силъ, избѣгаютъ попасться ему подъ бивни, которые онъ теперь безъ колебанія пустилъ-бы въ дѣло, и навязываютъ ему новые путы. Дня черезъ два вожаки, навязавъ ему одинъ поводъ на шею, а другой на заднюю ногу, отводятъ его общими силами вмѣстѣ съ ручными слонами въ то мѣсто, гдѣ его окончательно укротятъ и приучатъ къ службѣ.

Гораздо интереснѣе и выгоднѣе, чѣмъ этотъ способъ охоты, тотъ, который

имѣеть цѣлью завладѣть цѣлыми стадами слоновъ. Для этой цѣли обыкновенно ожидаютъ начала сухого времени года и затѣмъ отправляются съ нѣсколькими сотнями опытныхъ туземцевъ и возможно большимъ числомъ ручныхъ слоновъ въ ту мѣстность, гдѣ обнаружено присутствіе многочисленнаго стада дикихъ слоновъ. Это стадо безъ шума окружаютъ сначала цѣпью загонщиковъ, разставленныхъ парами, смотря по природѣ мѣстности, на разстояніи 60 — 100 шаговъ другъ отъ друга, причемъ вся цѣпь занимаетъ отъ 5—10 километровъ. Опытомъ убѣдились, что такимъ образомъ оцѣпленное стадо слоновъ можетъ уйти, лишь благодаря грубой оплошности загонщиковъ. Въ нѣсколько часовъ люди, соблюдая полную тишину, устраиваютъ вдоль всего кольца слабую изгородь изъ расщепленнаго бамбука и т. п., а для себя дѣлаютъ щиты изъ вѣтвей; ночью зажигаютъ огни. Если окруженъ очень большой участокъ, обильный пищей и водою, то слоны обыкновенно причиняютъ нѣкоторое беспокойство лишь въ теченіи первыхъ ночей, а если они тѣмъ не менѣе приближаются къ изгороди, то ихъ прогоняютъ назадъ факелами, выстрѣлами и крикомъ. Слоновъ продолжаютъ держать оцѣпленными такимъ образомъ въ теченіи 4—10 дней, т. е. до тѣхъ поръ, пока не окончатъ одновременно начатую постройку крѣпкой загородки, «кхеддаса» въ удобномъ мѣстѣ внутри оцѣпленнаго пространства. Крѣпкая загородка вышиною около 4 метровъ, построенная изъ стволевъ и кольевъ, окружаетъ круглое пространство въ 20—50 метровъ въ поперечникѣ, оставляя свободный входъ шириною метра въ 4, который запирается тяжелой, опускной рѣшеткой; отъ него расходятся въ видѣ крыльевъ два частокола на разстояніи 100 метровъ. Какъ только эти приготовления закончены, то суживаютъ кругъ около оцѣпленнаго стада. Ближайшіе загонщики отходятъ на концы крыльевъ изгороди, стоящіе дальше подаются ближе къ слонамъ, сначала медленно и осторожно, потомъ быстрѣе. Когда наконецъ животныя дойдутъ до широкаго отверстія кхеддаса, то на нихъ съ крикомъ и выстрѣлами дѣлаютъ общій натискъ, который и загоняетъ ихъ между двумя частоколами въ узкія ворота кхеддаса. Перерѣзываютъ веревку, поддерживающую опускную рѣшетку, она падаетъ — и стадо поймано! Не всегда слоновъ можно загнать безъ приключеній; иногда животныя замѣчаютъ опасность, устремляются на загонщиковъ, прорываются, и ихъ приходится снова окружать, или-же ихъ вовсе не удается болѣе задержать. Обыкновенно же удается загнать разъ окруженное стадо въ ловушку и удержать въ ней, несмотря на ихъ беспокойство, а иногда и попытки разломать частоколь. Когда первая суматоха пройдетъ, въ кхеддасѣ посылаютъ ручныхъ слоновъ съ погонщиками и путами, которые постепенно овладѣваютъ отдѣльными животными и выводятъ ихъ въ окружающій лѣсъ, гдѣ ихъ привязываютъ цѣпами къ деревьямъ. Этимъ оканчивается ловля, и начинается прирученіе. Когда дикіе слоны, сначала болѣе или менѣе упрямые, привыкнутъ къ человѣку и ручнымъ слонамъ, ихъ увозятъ во дворы, гдѣ заканчивается ихъ дрессировка.

Большой главный торгъ слонами происходитъ ежегодно во время полнолунія въ октябрѣ и ноябрѣ въ Сонепурѣ на Гангѣ. Тысячи лошадей и сотни слоновъ привозятся туда и переходятъ изъ рукъ въ руки. Цѣны этихъ животныхъ чрезвычайно поднялись въ теченіи этихъ послѣднихъ десятилѣтій. Въ 1835 году средняя цѣна равнялась 900 маркамъ за штуку, въ 1855 г. уже 1500 маркамъ, въ 1874 въ Сонепурѣ было куплено для правительства Бенгаліи 20 слоновъ въ среднемъ по 2655 марокъ за штуку; въ слѣдующемъ году тамъ, говорятъ, нужно было купить еще 70 слоновъ по 2800 марокъ за штуку, но нельзя было приобрести ни одного за эту цѣну. Въ концѣ семидесятыхъ годовъ самая низкая цѣна равнялась 3000 марокъ и то за невзрослыхъ молодыхъ животныхъ, главнымъ образомъ самокъ; хорошіе ра-

бочіе слоны-самки стоили уже по 4000—6000 марокъ. Цѣна самцовъ, особенно тускеровъ, сильно зависитъ отъ ихъ вишняго вида; за пригодныхъ для пышныхъ зрѣлицъ охотно платятъ отъ 16000 до 30000 марокъ за штуку, а безукоризненный слонъ не разъ продавался за 40000 марокъ. При подобныхъ цѣнахъ въ счастливомъ случаѣ очень хорошо окупаются значительные расходы на необходимыя приготовления къ ловлѣ слоновъ. Послѣ того, какъ усилія Сандерсона въ Майсурѣ въ 1873 г. не увѣнчались успѣхомъ, ему удалось въ слѣдующемъ году произвести первую ловлю, а именно поймать цѣлое стадо: 9 дѣтенышей, 30 частью полувзрослыхъ, частью взрослыхъ самокъ и 16 самцовъ, въ томъ числѣ 3 мукна и 3 великолѣпныхъ тускера. Изъ этого стада одну злую самку пришлось застрѣлить во время загона, 9 штукъ умерло; остальные животныя были проданы за 75,080 марокъ. Всѣ расходы для лова въ 1873—74 гг. равнялись 31,120 маркамъ, слѣдовательно правительство получило чистой прибыли 43,960 марокъ. Эта прибыль возрасла-бы еще вдвое, если-бы съ пойманными животными обращались осмотрительнѣе.

Правда, ловля удается не всегда: добывается лишь немного слоновъ, или слишкомъ много ихъ умираетъ; въ такомъ случаѣ очень значительныя издержки для обширныхъ приспособленій часто совершенно пропадаютъ даромъ. Такъ въ одной Мадрасской области, хотя и было поймано съ 1874 до 1876 г. 76 слоновъ, но этимъ далеко не были покрыты, правда очень значительныя, издержки, равныя 260,000 марокъ, и промыселъ пришлось прекратить. Въ Даккѣ правительство передаетъ поэтому и туземнымъ предпринимателямъ право производить ловлю. Эти предприниматели должны за-то отдавать правительству даромъ половину тѣхъ изъ пойманныхъ слоновъ, которыхъ высота въ плечахъ болѣе 6 и менѣе 8,5 англійскихъ футовъ, и кромѣ того обязаны изъ половины, приходящейся на ихъ долю, продавать любой экземпляръ правительству по цѣнѣ, опредѣляемой въ 100 марокъ за каждый футъ ихъ роста въ плечахъ. Всѣ остальные экземпляры, которые не достигаютъ указанныхъ предѣловъ роста или превышаютъ ихъ, составляютъ безусловную собственность предпринимателей.

По Сандерсону, дикіе слоны въ Индіи ѣдятъ лишь въ маломъ количествѣ и лишь изрѣдка вѣтви съ листьями; главная пища ихъ состоитъ изъ сочныхъ травъ. Подобный кормъ должно, по возможности, давать и дрессированнымъ слонамъ, такъ какъ они при этомъ чувствуютъ себя лучше всего и прекрасно выживаютъ. Обильная и хорошая пища составляетъ для всѣхъ слоновъ первое условіе; часто считаютъ больными и лѣчатъ экземпляры, которые въ дѣйствительности просто голодаютъ и хирѣютъ вслѣдствіе недостаточнаго питанія. Этотъ авторъ указываетъ особенно на то, что едва-ли какое-нибудь домашнее животное менѣе подвержено заболѣванію, чѣмъ слонъ, котораго хорошо кормятъ, и склоненъ приписывать большую смертность слоновъ, принадлежащихъ правительству, главнымъ образомъ недостаточности питанія. Взрослые слоны получаютъ ежедневно въ Бенгаліи 181,4 kgr. зеленого корма или 108,8 kgr. сухого, въ Мадрасѣ 113,4 kgr. зеленого или 56,7 kgr. сухого. Этого совершенно недостаточно, такъ какъ, по Сандерсону, рабочий слонъ употребляетъ въ день вообще столько зеленого корма, сколько онъ можетъ добыть самъ на свободѣ, именно, достигшій полнаго роста около 365 kgr. (около 22 пудовъ) или около одной десятой или двѣнадцатой части своего вѣса. Поучительно слѣдующее произведенное имъ изслѣдованіе: онъ помѣстилъ 8 самокъ въ только-что очищенный хлѣвъ, за которымъ заботливо смотрѣли, и наблюдалъ въ теченіи 8 дней, сколько онѣ ѣли. Зеленый кормъ взвѣшивали, остатки тоже и одновременно опредѣляли убыль вѣса вслѣдствіе высыхания во время ѣды. Оказалось, что животныя съѣдали въ хлѣву въ каждые 18 часовъ въ среднемъ по 295 kgr.

зеленаго корма, хотя получали кромѣ того не менѣе 8 kgr. зерноваго корма, а остальные 6 часовъ дня оставались во время привоза корма въ джунгли, гдѣ могли бѣть, сколько угодно. Такимъ образомъ изъ этого и другихъ опытовъ вытекаетъ, что установленное правительствомъ въ Бенгаліи и Мадрасъ количество корма для слоновъ въ дѣйствительности далеко недостаточно. Опыты, произведенные затѣмъ по приказанію властей въ Бенгаліи, убѣдительно доказали то-же самое.

Издержки на все содержаніе взрослога слона-самки, считая въ томъ числѣ и жалованье погонщику и сторожу, равняется въ мѣсяць для одного животнаго въ Бенгаліи лишь 48 маркамъ, въ Мадрасъ-же 96 маркамъ, такъ-какъ здѣсь жалованье и цѣны на кормъ значительно выше.

Благодаря чувствительности его спины и ногъ, слона нельзя считать безукоризненно хорошимъ вьючнымъ животнымъ, особенно, если у него нерадивый погонщикъ, за которымъ хозяинъ не смотритъ постоянно. Рабочая сила его тоже не такъ велика, какъ обыкновенно предполагаютъ. Правда вьючный слонъ можетъ нести около одной тонны (1000 kgr.), слѣдовательно около четверти своего вѣса, но лишь по дорогѣ и на очень небольшое разстояніе, около 0,5 килом., а слонъ, принадлежащій правительству, слѣдовательно отборный, прекрасный и сильный самецъ, въ торжественныхъ случаяхъ носить по улицамъ и площадямъ тяжесть въ 800 kgr. въ видѣ парадной упряжи и всадниковъ. Но въ случаѣ продолжительныхъ переходовъ на слона нельзя класть среднимъ числомъ на ровномъ мѣстѣ болѣе 500 kgr., а въ холмистыхъ и болотистыхъ мѣстностяхъ лишь 350 kgr. Быстрые и легко навьюченные верховые слоны могутъ, правда, проходить въ день по 60 и 70 килом., для чего имъ нужно по крайней мѣрѣ 10—12 часовъ, но отъ вьючныхъ слоновъ, нагруженныхъ, какъ было сказано выше, можно при продолжительныхъ переходахъ требовать, чтобы они проходили въ день не болѣе половины этого разстоянія, если притомъ они получаютъ обильный питательный кормъ, и жаръ не очень томителенъ, а именно солнце не печетъ слишкомъ сильно.

Съ тѣхъ поръ, какъ Коппенфельсъ, на основаніи наблюденій, произведенныхъ въ западной Африкѣ, предложилъ въ предпоследнемъ десятилѣтіи пользоваться африканскими слонами, какъ вьючными животными, это не разъ пытались дѣлать при путешествіяхъ для изслѣдованія Африки. Чтобы доказать большую пользу дрессированныхъ животныхъ производились вычисления, которыя, впрочемъ, даютъ очень преувеличенныя представленія о способности слоновъ къ работѣ. Для расчетовъ пользовались не средними цифрами о грузахъ и скорости хода слоновъ, выведенными въ Индіи путемъ опыта, а теоретическими и преувеличенными числами, причемъ смѣшивались данныя, относящіяся къ двумъ разнымъ родамъ работы, которые не имѣютъ между собою почти ничего общаго. Дѣло въ томъ, что какъ нельзя изъ быстрого бѣга рысака и большой силы очень хорошей ломовой лошади вывести среднюю величину, опредѣляющую годность къ работѣ обыкновенной лошади, точно также нельзя вывести что-нибудь общее, взявъ за образцы дневные переходы легко навьюченнаго верхового слона и силу вьючнаго слона, проходящаго лишь небольшое разстояніе. Или дорога должна быть коротка, или ноша незначительна; большія разстоянія и большія тяжести, вмѣстѣ взятыя, не по силамъ слону. Вслѣдствіе этого заблужденія пришли къ выводу, что одинъ слонъ при экспедиціяхъ въ Африку могъ-бы замѣнять собою 100 носильщиковъ и болѣе. Но такъ какъ слону пришлось-бы идти безъ дорогъ и конечно не всегда по ровной мѣстности съ крѣпкимъ грунтомъ, то отъ него можно было-бы требовать только, чтобы онъ несъ принятыя въ Индіи небольшія ноши, именно въ 350 и самое большее 500 kgr. Это тяжести, которыя удобно могли-бы нести 14—20 носильщиковъ. Если-бы при этомъ экспе-

диция съ помощью словъ дѣлала въ среднемъ постоянно вдвое большіе дневные переходы, чѣмъ съ носильщиками, что было-бы очень тяжело, такъ какъ членамъ экспедиціи пришлось-бы все-таки по большей части идти рядомъ пѣшкомъ, то работу слона для африканской экспедиціи можно считать въ наилучшемъ случаѣ равною работѣ 28—40 носильщиковъ. При этомъ надо еще предполагать, что всѣ другія условія оказались-бы точно такими-же благоприятными, какъ въ Индіи.

Если сравнить затѣмъ услуги и издержки по содержанію слона въ Индіи, то окажется, что слоны необходимы въ бездорожной пустынѣ, черезъ которую нужно зачѣмъ-либо проѣзжать съ большой поклажей; напротивъ, въ странахъ, уже культурныхъ, гдѣ есть хорошо содержимыя дороги, желѣзныя дороги, водяные пути сообщенія и т. д., они излишни, такъ какъ тамъ всѣ другія перевозочныя средства быстрѣе и во всякомъ случаѣ дешевле. Употребленіе словъ, какъ съ военными, такъ и съ мирными цѣлями, будетъ всюду въ Индіи отступать на задній планъ, но мѣрѣ того, какъ отдѣльныя области будутъ совершенствоваться въ экономическомъ отношеніи. И рабочей слонъ долженъ уступить культурѣ. Не то въ пустынѣ; въ ней онъ оказываетъ важныя услуги и потому въ извѣстныхъ областяхъ Индіи его надо еще сохранять, а также можно было-бы съ выгодой пользоваться имъ въ Африкѣ. Однако при этомъ возникаетъ еще одно сомнѣніе: кажется, что его трудно акклиматизировать и, по крайней мѣрѣ въ качествѣ рабочаго животнаго, онъ сильно страдаетъ при далекихъ перемѣщеніяхъ, какъ отъ вліянія погоды, такъ и отъ перемѣны пищи. Въ какомъ отношеніи стоитъ смертность тѣхъ изъ нихъ, которыхъ употребляютъ въ тѣсныхъ предѣлахъ ихъ родины, къ смертности тѣхъ, которыхъ съ Цейлона перевозятъ на материкъ или изъ Индо-Китаю въ Индостанъ, или изъ сѣверныхъ областей въ южныя и наоборотъ,—этого, къ сожалѣнію, нельзя установить съ достовѣрностью на основаніи имѣющихся данныхъ. Что-же касается словъ, перевезенныхъ для бельгійской экспедиціи въ концѣ семидесятыхъ годовъ изъ Индіи въ восточную Африку, то они не оказались годными и скоро погибли. Были-ли это вообще негодныя животныя, или съ ними обращались не такъ, какъ слѣдуетъ, и слишкомъ обременяли ихъ, или жесткія скудные африканскія травы не доставляли имъ достаточной пищи, нельзя рѣшить. Во всякомъ случаѣ было-бы полезнѣе ловить и дрессировать для обширнаго употребленія по индійскому способу африканскихъ словъ, чѣмъ ввозить индійскихъ.

Со слономъ, какъ вьючнымъ животнымъ, надо вообще обращаться осторожно; кожа его крайне чувствительна и въ высокой степени подвержена нагноенію. У него легко заболѣваютъ также ноги, и въ такомъ случаѣ онъ цѣлые мѣсяцы бываетъ негоденъ для работы. Часто дѣлается у него и воспаленіе глазъ, и именно въ этомъ отношеніи врачи словъ приносятъ дѣйствительно такъ много пользы, что они славятся уже со времени древнихъ грековъ.

Продолжительность жизни дикаго слона Сандерсонъ опредѣляетъ по крайней мѣрѣ въ 150 лѣтъ, продолжительность жизни прирученныхъ словъ на материкѣ опытные индусы считаютъ равною среднимъ счетомъ 80 годамъ, а въ видѣ исключеній до 120 лѣтъ. Подробныя наблюденія объ этомъ были сдѣланы на Цейлонѣ. Изъ 240 словъ, принадлежавшихъ правительству и умершихъ между 1831 и 1856 годами, относительно 138 была записана продолжительность ихъ жизни въ неволѣ. На первомъ году умерло 72 (29 самцовъ и 43 самки), между первымъ и вторымъ 5 самцовъ и 9 самокъ. Долѣе всего прожила въ неволѣ одна самка, которая выдержала почти 20 лѣтъ. Изъ 72, умершихъ на первомъ году своей службы, 35 умерло въ теченіи первыхъ 6 мѣсяцевъ, многіе изъ нихъ совершенно непонятнымъ образомъ: они внезапно ложились и умирали. Эти числа показываютъ однако

лишь то, сколько времени отдѣльныя животныя прожили въ неволѣ, а не то, какого возраста они вообще достигали, такъ какъ не указано, въ какомъ возрастѣ они были пойманы. На Цейлонѣ бывали случаи, что слоны проживали въ неволѣ болѣе 140 лѣтъ. Сильно распространенное мнѣніе, что на свободѣ продолжительность ихъ жизни почти безгранична, происходитъ отъ того, что въ дикихъ мѣстностяхъ очень рѣдко находятъ ихъ трупы. Европейецъ, прожившій въ джунгляхъ непрерывно 36 лѣтъ и прилежно наблюдавшій слоновъ, часто высказывалъ удивленіе по поводу того, что хотя и видѣлъ много тысячъ живыхъ слоновъ, тѣмъ не менѣе ни разу не находилъ скелета слона, за исключеніемъ тѣхъ, которые умерли отъ какой-либо заразной болѣзни. То-же самое сообщаютъ Форсайтъ, Кинлохъ, Шекспиръ, Стердаль и другіе. Сандерсонъ тоже высказываетъ удивленіе по поводу того, что никогда не видѣлъ остатковъ умершаго слона, за исключеніемъ одного, который, какъ ему было извѣстно, умеръ отъ родовъ, и другого утонувшаго, который былъ унесенъ въ долину разлившимся потокомъ. Всѣ туземцы, которыхъ онъ спрашивалъ объ этомъ, не были счастливые его. У нѣкоторыхъ народовъ Индіи распространено поэтомъ повѣрье, что слоны вовсе не умираютъ. Сингалезцы-же рассказываютъ, что каждое стадо слоновъ хоронитъ своихъ мертвыхъ, и утверждаютъ даже, что каждый слонъ, чувствуя приближеніе смерти, отправляется всегда въ одну изъ уединенныхъ долинъ, лежащихъ между горами къ востоку отъ Адамоваго пика, гдѣ есть озеро съ чистой водой.

Впрочемъ вовсе нѣтъ ничего страннаго, что находятъ такъ мало остатковъ азіатскихъ слоновъ, умершихъ естественной смертью; вообще лишь крайне рѣдко случается, какъ въ пустынѣ, такъ и у насъ, натолкнуться на остатки умершихъ животныхъ, даже такихъ видовъ, которые встрѣчаются въ гораздо большемъ числѣ, чѣмъ слоны. Дѣло въ томъ, что заболѣвшія или ослабѣвшія отъ старости животныя, чувствуя близость смерти, отыскиваютъ всюду укромныя мѣста и оканчиваютъ тамъ свое существованіе. Въ Африкѣ, правда, можно легко натолкнуться на скелеты различныхъ звѣрей, а также и слоновъ, но здѣсь ихъ всюду преслѣдуютъ гораздо ревностнѣе, чѣмъ въ Азіи, и можно принять, что тѣ, остатки которыхъ попадаютъ на глаза, по большей части умерли не отъ болѣзни. Замѣчательнымъ исключеніемъ можно считать случай, сообщенный Юнкеромъ: туземцы замѣтили, что надъ одною горой въ области верхняго Нила носились птицы, питающіяся падалью; надѣясь, что имъ удастся добыть для себя часть добычи птицъ, они поднялись на гору и на вершинѣ ея нашли мертваго слона, бивни котораго они и принесли внизъ. Если-бы грифы не заманили жадныхъ до мяса людей на эту высоту, то кости животнаго распались-бы въ прахъ, а люди ничего не знали-бы объ этомъ. Въ юго-западной Африкѣ Андерсонъ наткнулся на свѣжій трупъ слона, но оказалось, что онъ былъ убитъ молніей.

Въ противоположность правильному лову слоновъ у индусовъ и ихъ разумному обращенію со слонемъ, основанному на тщательномъ наблюденіи, африканскія племена, занимающіяся охотой, поступаютъ чрезвычайно грубо и неискусно. Насколько извѣстно, лишь племена номадовъ, живущія въ степяхъ между верхнимъ Ниломъ и Краснымъ моремъ, слѣдовательно въ странахъ, орошаемыхъ Атбарой, производятъ болѣе или менѣе правильную охоту на живыхъ слоновъ и занимаются торговлею бивнями ихъ, центральнымъ пунктомъ которой, по Юнкеру, сдѣлалась съ 1857 г. Кассала. Казанова, Гагенбекъ, Рейхе развили это дѣло, а Гагенбекъ поставилъ сначала очень неправильный промыселъ на правильный путь. Казанова привезъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ сначала нѣсколько, а потомъ почти ежегодно по многу живыхъ африканскихъ слоновъ въ Европу, гдѣ ихъ не видали въ теченіи

сотенъ лѣтъ. Марно, сопровождавшій Казанову въ одномъ изъ его путешествій въ Кассалу, рассказываетъ, что обитатели стеней охотятся лишь за дѣтенышами, которые питаются еще молокомъ матери, да и ихъ добываютъ, лишь преслѣдуя и убивая ихъ матерей описаннымъ выше образомъ. Между тѣмъ какъ самые смѣлые охотники занимаются старыми животными, другіе пытаются овладѣть дѣтенышемъ, набрасываютъ на него петли, валяютъ его на землю и связываютъ ему всѣ четыре ноги. Сами охотники возвращаются въ деревню изъ своихъ поѣздокъ черезъ колючія чащи изцарапанными и изодранными, а лошади ихъ совершенно измученными, и тѣ, и другія нуждаются послѣ каждой охоты въ продолжительномъ отдыхѣ. По увѣренію Марно, даже самые молодые слоны причиняютъ часто значительныя затрудненія, какъ своимъ упрямствомъ во время лова и послѣ него, такъ и трудностями прокормленія и перевозки. Чтобы молодой слонъ, которому охотникъ помазалъ своимъ потомъ кончикъ хобота, постоянно слѣдовалъ за нимъ, какъ утверждаетъ Гейглингъ, это, повидимому, неизвѣстно въ странахъ, орошаемыхъ Атбарой; здѣсь постоянно примѣняютъ силу. Нужно нѣсколько человѣкъ, чтобы вести молодыхъ слонятъ короткими переходами до мѣстопробыванія торговца, и надо, чтобы вмѣстѣ съ нимъ шло постоянно стадо козъ, чтобы снабжать ихъ по дорогѣ молокомъ. Плѣнники Казановы помѣщались подъ тѣнистыми деревьями или-же ихъ защищали отъ жара растянутыми циновками; три раза въ день ихъ поили смѣсью молока съ водою, а болѣе взрослыхъ только водою, а кормили ихъ, кромѣ каши изъ муки дурры, молодыми колосьями дурры и вѣтвями различныхъ деревьевъ. Оказывается, что вода необходима даже совсѣмъ молодымъ слонамъ. Они не только пили ее, но употребляли большія количества, чтобы обрызгивать себя и охлаждать раны, которыя видимо причиняли имъ сильную боль.

Во время путешествія изъ Кассалы въ Суакимъ, которое продолжалось нѣсколько недѣль, каждого изъ самыхъ большихъ и умныхъ молодыхъ слоновъ вели по три человѣка, причѣмъ одинъ человѣкъ велъ животное, а двое держали веревки, привязанныя къ заднимъ ногамъ его, чтобы помѣшать ему убѣжать. Объ этомъ послушныя созданія однако не думали, а бѣжали за вожакомъ, какъ овцы за пастухомъ, пока что-нибудь не пугало ихъ. Они привыкли съ самаго начала идти тѣсною толпой, поэтому толкали и давили другъ друга, кричали и не хотѣли разлучаться даже на стоянкахъ, гдѣ ихъ приходилось привязывать поодинокѣ, чтобы они не перепутали своихъ поводьевъ; они сердито бросались бѣжать и не только тащили за собою, какъ попало, черезъ кустарники и колючія заросли своихъ вожаковъ, но побуждали и другихъ къ бѣгству, такъ-какъ привыкли бѣгать другъ за другомъ. Не разъ нѣкоторые изъ нихъ вырывались, но никогда не убѣгали, а всегда оставались по близости своихъ товарищей по участи. Одна маленькая самка, которую можно было пускать бѣгать безъ всякихъ путъ, ходила и лакочилась, когда раздавали кормъ, отъ одного товарища къ другому; маленькіе слоны всегда терпѣли ее, а взрослые прогоняли, такъ какъ были болѣе жадны до пищи. Лишь съ одною болѣе крупною самкою она заключила тѣсную дружбу, ѣла и пила съ нею, почти постоянно держалась по близости нея и спала всегда около нея. Почти у всѣхъ маленькихъ была привычка сосать уши сосѣднихъ слоновъ или платье и руки погонщиковъ. Обыкновенно ежедневно утромъ и вечеромъ шли по 5—7 часовъ, а въ промежуткахъ между этими переходами отдыхали; стадо на привалѣ кормили, поили, обливали водою и, послѣ того какъ люди и животныя отдохнутъ и поспятъ, продолжали путешествіе. Въ жаркіе дни слоны обмахивались своими большими ушами и обрызгивались выпитой раньше водою, которую они выталкивали изъ желудка въ ротъ и доставали оттуда хоботомъ. Этотъ послѣдній былъ постоянно въ движеніи:

если животныя не выбрызгивали воду, то посыпали себя пескомъ или окружали себя густыми облаками пыли. Отъ жары они терпѣли почти такъ-же, какъ отъ далекихъ переходовъ по твердой каменной почвѣ, отъ которой очень страдали ихъ толстыя подошвы. Большого труда стоило нагружать ихъ въ лодки, суда и товарные вагоны на желѣзныхъ дорогахъ и выгружать оттуда; однако хотя они сначала и обнаруживали сильный страхъ, но въ самое короткое время привыкали и къ этимъ совершенно новымъ для нихъ условіямъ.

Изъ наблюдений, собранныхъ какъ въ Африкѣ, такъ и въ Европѣ, слѣдуетъ, что и африканскій слонъ, подобно своему индѣйскому родичу, могъ-бы быть прирученъ и навѣрное съ большою выгодною сдѣланъ пригоднымъ для служенія человѣку на своей родинѣ, которая такъ бѣдна удобными для этого животными. Приписали-бы онъ столько-же пользы, какъ индѣйскій слонъ,—это вопросъ. Опыты древнихъ народовъ говорятъ, повидимому, противъ этого, а впечатлѣніе, которое онъ производитъ на наблюдателя, подтверждаетъ предположеніе, что африканскій слонъ не можетъ принести такую-же пользу, какъ азіатскій. Какъ рассказываютъ Плиніи, Ливій, Страбонъ и другіе римскіе писатели, индѣйскіе слоны рѣшительно превосходили африканскихъ силой и мужествомъ: въ битвѣ при Рафіа, которую Птоломей Филопаторъ далъ въ 217 г. до Р. Х. Антиоху, 73 африканскихъ слона египетскаго царя, какъ указываетъ Гартманъ, жалкимъ образомъ бѣжали передъ 102 слонами сирійскаго царя. Однако мы знаемъ, какъ отъ римлянъ, такъ и отъ нашихъ укротителей звѣрей, что африканскій слонъ способенъ вообще къ дрессировкѣ. Онъ можетъ быть, приносилъ-бы и меньше пользы, чѣмъ его родичь, но все-же очень много, если-бы только пожелали обращаться съ нимъ такъ-же, какъ обращаются индусы съ видомъ, водящимся на ихъ родинѣ. До сихъ поръ никто еще не принимался серьезно за то, чтобы воспользоваться имъ во время экспедицій въ Африкѣ; немногочисленные временно живущіе тамъ европейцы должны выполнять другія задачи, а туземцы слишкомъ низко стоятъ, слишкомъ лишены всякихъ потребностей, чтобы заняться прирученіемъ этихъ животныхъ, на что требуется много времени и терпѣнія. Были отдѣльныя слабыя попытки, и онъ конечно не остался-бы безплоднымъ, если-бы и въ Африкѣ, какъ въ Индіи, существовали-бы могущественные правители и страны съ правильными государственными учреждениями. Преданія нѣкоторыхъ народовъ повѣствуютъ о прирученныхъ слонахъ, на спинѣ которыхъ возсѣдали нѣкогда какіе-нибудь могущественные старшины, когда показывались своему народу. Старые рассказы сообщаютъ объ окруженномъ сказочнымъ ореоломъ великомъ владѣтелѣ царства Мономотапа (въ юго-восточной Африкѣ къ югу отъ Замбези и внутрь материка отъ Софалы), что онъ обыкновенно ѣздилъ на слонѣ. Дашперъ, который самымъ ревностнымъ образомъ собиралъ болѣе, чѣмъ два вѣка тому назадъ, всѣ данныя, касающіяся Африки, говоритъ въ своемъ описаніи царства Мономотапа: «Но тамъ вовсе не встрѣчается лошадей или другихъ верховыхъ животныхъ кромѣ слоньихъ, которые бродятъ въ кустахъ цѣлыми стадами, что доказываетъ и большое количество слоньихъ зубовъ, получаемыхъ оттуда. Здѣсь держится повсюду также одно животное, называемое альзинге и похожее на оленя». О дѣяніяхъ великаго владѣтеля этотъ авторъ рассказываетъ, между прочимъ, слѣдующее: «Когда онъ готовъ къ отъѣзду или собирается отправиться въ путь, то онъ уже никого не принимаетъ и не слушаетъ. Никогда также онъ не отправляется изъ своего дворца иначе, какъ черезъ только что убитую скотину, сидитъ-ли онъ на лошади (?), или на слонѣ, или на животномъ альзинге, которое онъ однако рѣдко употребляетъ, или даже когда выходитъ нѣшкомъ».

Послѣднее извѣстіе объ употребленіи прирученныхъ африканскихъ слоньихъ,

которое мы можем считать исторически вѣрнымъ, относится къ одному случаю, происшедшему въ годъ рожденія основателя религіи Магомета (569). 105-ая сура корана, «Эльфиль» начинается фразою: «Развѣ ты не думаешь о томъ, что сдѣлалъ твой Господь со всадниками на слонахъ?». Опираясь на мусульманскихъ толкователей текста, Валь замѣчаетъ: «Исторія, къ которой это относится, заключается въ слѣдующемъ: Абраха-Ибнъ-Эзельбахъ, абиссинскій вице-король Йемена, преданный христіанской религіи, хотѣлъ построить въ Сана, главномъ городѣ счастливой Аравіи, великолѣпную церковь, чтобы привлечь туда арабовъ и тѣмъ отклонить ихъ отъ посѣщенія храма въ Меккѣ. Когда-же корейшиты замѣтили, что число пилигриммовъ въ Каабу уменьшается, они послали одного араба, по имени Нофаила, который ночью пробрался въ новую церковь и осквернилъ ея алтарь и стѣны своими испражнениями. Этотъ постыдный поступокъ побудилъ раздраженнаго Абраху разрушить храмъ въ Меккѣ. Онъ выступилъ поэтому противъ Мекки во главѣ очень значительнаго войска, при которомъ находилось нѣкоторое число (указываютъ 13) слоновъ. Но когда войско прибыло туда и Абраха, сидя на своемъ слонѣ, называемомъ Махмудъ, хотѣлъ въѣхать въ городъ, то этотъ слонъ, бѣлый и значительной величины, отказался идти дальше, бросался на колѣни и шель по всѣмъ направленіямъ, только не къ Меккѣ, куда онъ долженъ былъ идти. Мусульманскіе авторы смотрятъ на это происшествіе, какъ на особую божественную защиту святого мекккаго храма; однако извѣстно, что слоны нерѣдко упрямятся такимъ образомъ. Эта война случилась въ томъ году, когда родился Магометъ. Зрѣлище войска слоновъ на войнѣ представляло для арабовъ нѣчто до такой степени новое, самый видъ громадныхъ созданий, которыхъ нѣтъ въ Аравіи, всѣхъ настолько поразилъ, а исходъ происшества показался столь чудеснымъ, что арабы начали считать года отъ этого дня, и это лѣтосчисленіе, общезвѣстное арабскимъ писателямъ, которое долгое время было въ употребленіи, называется «Эльфиль», лѣтосчисленіе или эпоха слоновъ. Введеніе особаго арабскаго лѣтосчисленія, названнаго въ память замѣчательнаго происшества, а также согласное свидѣтельство всѣхъ арабскихъ историковъ объ этомъ историческомъ фактѣ, хотя въ подробностяхъ рассказъ нѣсколько варьируетъ и украшенъ сказочнымъ элементомъ, говорятъ въ пользу подлинности этого событія».

Въ нашихъ зоологическихъ садахъ африканскій слонъ живетъ такъ-же хорошо, какъ и азіатскій, даже при такихъ условіяхъ, которыя мало соотвѣтствуютъ его естественнымъ потребностямъ, какъ на примѣръ, если у него нѣтъ достаточно обширнаго помѣщенія для свободнаго движенія или достаточно широкаго и глубокаго бассейна для купанья и онъ принужденъ удовлетворять потребность въ движеніи, ходя взадъ и впередъ или поднимая и опуская ноги, а, за недостаткомъ столь необходимой ему лужи, обрызгиваться по временамъ съ помощью хобота. Обыкновенно крайне добродушные и послушные слоны обоихъ видовъ могутъ однако по временамъ забывать всякое уваженіе къ своимъ сторожамъ, которыхъ они вообще горячо любятъ, и становиться въ такомъ случаѣ очень опасными. Время течки всегда сильно возбуждаетъ слона и дѣлаетъ безусловно необходимой крайнюю осторожность со стороны человѣка, который за нимъ ходитъ. По собраннымъ до сихъ поръ наблюденіямъ, самцовъ всегда слѣдуетъ больше бояться, чѣмъ самокъ, хотя и эти послѣднія могутъ сдѣлаться очень злыми и задорными. Каждый слонъ замѣчаетъ дружеское обращеніе съ нимъ и выказываетъ благодарность своему вожаку; суровость и несправедливость онъ забываетъ по большей части, но вовсе не всегда. Несмотря на то, онъ рѣдко причиняетъ значительный вредъ, и потому его не слѣдуетъ бояться больше, чѣмъ любого злобнаго жвачнаго, на примѣръ дикаго быка, болѣе круинаго оленя или сильной антилопы. Высоко развитыя вѣшнія

чувства. понятливость, кроткій характеръ слоновъ, бросаются въ глаза каждому наблюдателю. Онъ легко учится, играя, и показываетъ разные фокусы добровольно и охотно, а потому составляетъ одну изъ самыхъ выдающихся диковинокъ каждаго звѣринца, точно такъ-же, какъ скоро становится признаннымъ любимцемъ посѣтителей зоологическаго сада. Нужно ему количество пищи очень значительно: по словамъ Гаака азіатскій слонъ около 43 лѣтъ отъ роду, живущій во Франкфуртскомъ зоологическомъ саду, получаетъ ежедневно 8 kgr. пшеничныхъ отрубей, 8 kgr. ржаного хлѣба, 2 kgr. риса и 25 kgr. сѣна, помимо случайно сѣдаемой соломы изъ подстилки и даваемыхъ посѣтителеми лакомыхъ кусочковъ въ видѣ бѣлаго и чернаго хлѣба, сахара, овощей и т. п. То-же животное выпиваетъ ежедневно около 16 ведеръ воды. Слоны, живущіе попарно, нерѣдко совокупаются, но въ большей части наблюдавшихся до сихъ поръ случаевъ безъ результата. Различныя болѣзни, а также несчастные случаи часто внезапно похищаютъ нашихъ плѣнниковъ. Противъ болѣзней ветеринары по большей части оказываются безсильными, а разныхъ случайныхъ поврежденій можно избѣгать лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. Обыкновенныя дозы лѣкарствъ, какъ доказываетъ слѣдующій случай, не дѣйствуютъ на большихъ великановъ. Одному слону, страдавшему запоромъ, дали въ теченіи 10 дней 4 фунта алоэ, 1 ф. 5 унцій каломеля, 5 фунтовъ кастороваго масла, 12 фунтовъ коровьяго масла и 5 фунтовъ льнянаго масла, послѣ чего наступило наконецъ желаемое дѣйствіе. Къ числу несчастныхъ случаевъ я не отношу такихъ, когда, какъ случилось въ одномъ нѣмецкомъ зоологическомъ саду, хотѣли подвѣять лежащаго слона и при этомъ задушили его, или такіе, когда слонъ подавится рѣпой, которую ѣсть, или когда торговецъ животными теряетъ молодыхъ слоновъ, потому что крысы обгрызаютъ имъ подошвы, какъ это случилось съ Гагенбекомъ, которому такимъ образомъ пришлось лишиться трехъ слоновъ.

Мясо африканскаго слона имѣетъ вкусъ бычачьяго, но гораздо жестче и съ болѣе грубыми волокнами; жиръ сѣровато-бѣлаго цвѣта, нѣсколько грубозернистъ и твердъ и при этомъ такъ легко застываетъ, что уже при температурѣ 25° Ц. превращается въ довольно твердую массу. Такъ рассказываетъ Гейглингъ, который первый ѣлъ мясо слона въ свѣжемъ и сушеномъ видѣ и нашелъ его вкуснымъ. Кусокъ передней ноги, простоявъ на огнѣ 24 часа, далъ большое количество хорошаго бульона и вкуснаго мяса. Селусъ, напротивъ, называетъ слоновую ногу безвкусной пищею, но хвалитъ сердце, зажаренное на угольяхъ на вилообразныхъ палкахъ, какъ одно изъ тончайшихъ лакомствъ, какое только можетъ добыть охотникъ въ южной Африкѣ; онъ называетъ также вкуснымъ мясо у основанія хобота и то, которое вырѣзаютъ на головѣ надъ глазами; его, впрочемъ, надо варить очень долго, прежде чѣмъ оно станетъ мягкимъ. Что касается азіатскаго слона, то Теннентъ хвалитъ языкъ, а Корзе находитъ очень вкуснымъ зажаренный въ золѣ хоботъ. Негры разрѣзываютъ все мясо слона на длинныя полосы, высушиваютъ ихъ на солнцѣ или надъ огнемъ и растираютъ до употребленія въ грубый порошокъ, который примѣшиваютъ къ своимъ простымъ кушаньямъ. На охотахъ, которыя устраиваютъ въ странѣ Ніамъ-Ніамъ, иногда истребляютъ столько слоновъ, что потребность многихъ селъ въ мясѣ удовлетворяется на нѣсколько мѣсяцевъ. «Часто», говоритъ Швейнфуртъ, «я видѣлъ туземцевъ, которые шли къ своимъ хижинамъ, какъ мнѣ казалось, съ большой вязанкой хвороста: они несли свою долю слоноваго мяса, которое, будучи разрѣзано на длинныя ремни и высушено надъ огнемъ, совершенно принимаетъ видъ дровъ или прутьевъ».

Для всемірной торговли слонъ важенъ лишь въ одномъ отношеніи, но значеніе его очень велико, именно доставленіемъ слоновой кости. О сортахъ и вели-

чинѣ бивней говорилось уже выше. Сколько слоновой кости мамонтовъ поступаетъ ежегодно въ торговлю, нельзя опредѣлить: по словамъ Вестендарпа, изъ нея однако годны для промышленности лишь $\frac{3}{10}$, а $\frac{7}{10}$ не имѣютъ цѣнности. Все количество слоновой кости отъ нынѣ живущихъ видовъ слона, поступающее на мировой рынокъ, равнялось, на основаніи составленнаго этимъ авторомъ обзора за 1879—83 годы ежегодно среднимъ счетомъ 868,000 kgr. Изъ этого количества Цейлонъ и Суматра доставляли 2000 kgr., Индо-Китайъ 7000 kgr., Индостанъ 11000 kgr. и Африка 848,000 kgr. Изъ африканскаго вывоза въ годичномъ среднемъ на западный берегъ приходилось 284,000 kgr., на восточный берегъ (вмѣстѣ съ сѣвернымъ) 564,000 kgr.; по отдѣльнымъ областямъ вывозъ распредѣлялся слѣдующимъ образомъ: Сенегамбія и Верхняя Гвинея доставили 19,000 kgr., Нигерь и Бинуэ 89,000 kgr., Камерунъ и Габунъ 64,000 kgr., Конго 86,000 kgr., Бенгуэла 26,000 kgr., Южная Африка 29,000 kgr., Мозамбикъ 142,000 kgr., Занзибаръ 196,000 kgr., Абиссинія и страна Сомали 26,000 kgr., Египетъ и Триполисъ 171,000 kgr. Условія вывоза въ послѣднее время сильно измѣнились вслѣдствіе политическихъ событій въ восточной и сѣверо-восточной Африкѣ, измѣненія нѣкоторыхъ торговыхъ путей и удаленія или истребленія слонівъ. Такъ, изъ Конго въ 1889 г. было вывезено моремъ на 48,000 kgr. болѣе, а изъ Занзибара на 86,000 kgr. меньше, чѣмъ въ теченіи выше указаннаго промежутка времени, а вывозъ изъ южной Африки упалъ на 25,000 kgr. Въ общемъ Европа въ 1889 г. получила слоновой кости приблизительно на 100,000 kgr. меньше, чѣмъ прежде.

Цѣна слоновой кости въ теченіи 50 лѣтъ болѣе чѣмъ удвоилась. Хотя повышение цѣны было неправильнымъ и подвергалось частымъ совершенно неожиданнымъ колебаніямъ, но по десятилѣтіямъ оно шло слѣдующимъ образомъ: въ среднемъ одинъ килограммъ стоилъ въ 1840—50 г. 11 марокъ, 1850—60 г.—15, въ 1860—70 г.—15,50, 1870—80 г.—23, 1880—90 г.—24,50. «Тяжесть и качество зубовъ», пишетъ Вестендарпъ, «обуславливаютъ ихъ цѣну. Маленькіе твердые зубы вѣсомъ около 1 kgr., имѣющіе трещины, стоятъ теперь по 5 марокъ килограммъ, напротивъ за здоровые мягкіе зубы около 50 kgr. вѣсомъ платятъ по 30 марокъ килограммъ». Среднее ежегодное потребленіе слоновой кости въ періодъ 1879—83 г. нашъ авторъ опредѣляетъ въ 838,000 kgr., изъ нихъ въ Китайъ пошло 19,000 kgr., въ Индію—123,000 kgr., въ Америку 112,000 kgr., а въ Европу 535,000 kgr. Въ Европѣ изъ этого количества ежегодно перерабатывалось на рукоятки ножей 214,000 kgr., на гребни 138,000 kgr., на клавиатуру 112,000 kgr. и на биллиардные шары 42,000 kgr.

«По отношенію къ внутреннему строенію слоновыхъ зубовъ», пишетъ Вестендарпъ, «различаютъ прежде всего мягкую и твердую слоновую кость. Мягкая, называемая также мертвой или плотной, лучшаго качества, нѣжная и бѣлая, получается изъ Египта, Занзибара и Мозамбика, слѣдовательно изъ восточной части Африки. Она особенно пригодна для приготовленія клавиатуръ, гребней и биллиардныхъ шаровъ. Твердая, называемая также живой, прозрачной или стеклянной, привозится исключительно съ западнаго берега Африки, лучшая съ Габуна и Конго, меньше цѣнная съ Нигера и др. Она употребляется главнымъ образомъ на рукоятки ножей, рѣзные работы всякаго рода, ручки палокъ и зонтиковъ, переплеты и ручки щетокъ, вѣера и т. п.» Слоновая кость, вывозимая на судахъ съ сѣверной границы области слонівъ, всего грубѣе и наименѣе цѣнна, то-же можно сказать и о вывозимой съ южной границы до Капленда. Чѣмъ дальше отъ экватора, чѣмъ выше и суше лежитъ область, тѣмъ грубѣе слоновая кость и, напротивъ, чѣмъ ниже и влажнѣе мѣстность, тѣмъ слоновая кость, въ ней добываемая, нѣжнѣе и про-

зрачѣе. Съ Габуна мы получаемъ самую прекрасную, прозрачную, такъ называемую «зеленую», слоновую кость, изъ Сенегамбѣи и страны Дамара—самую грубую. Еще одно замѣчательное различіе заключается въ цвѣтъ, который принимаетъ тонкая наружная кора (цементъ) бивней. Зубы, привозимые съ восточнаго берега Африки свѣтлы, отъ чисто-бѣлаго до соломенно-желтаго цвѣта; зубы, вывезенные съ западнаго берега, изъ Нижней Гвинеи, преимущественно темнаго цвѣта и именно отъ коричнево-бураго до каштаново-бураго, часто даже буро-чернаго. Зубы изъ Верхней Гвинеи болѣе свѣтлаго цвѣта и отличаются отъ зубовъ съ Нигера корою желтовато-бѣлаго или соломенно-желтаго цвѣта; зубы изъ Сенегала отличаются болѣе свѣтло-сѣрой корою.

Часто высчитывали число африканскихъ слоновъ, которые должны были лишиться жизни, чтобы снабдить міровой рынокъ 848,000 kgr. слоновой кости. Рассчитать этотъ сдѣлать не такъ легко. Такъ какъ число вывезенныхъ зубовъ неизвѣстно, то его приходится опредѣлять путемъ вычисленія, устанавливая для этого, на основаніи возможно большаго числа зубовъ всѣхъ величинъ, средній вѣсъ одного зуба. По словамъ Вестендарна, который принимаетъ этотъ вѣсъ равнымъ 6,5 kgr., въ Африкѣ должны ежегодно добываться зубы 65,000 слоновъ. Пехуэль-Леше опредѣлилъ на западномъ берегу средній вѣсъ на основаніи многихъ сотенъ зубовъ въ 8,15 kgr., что соответствовало-бы около 52,000 слоновъ. Наибольшее значеніе имѣютъ сообщенныя Ноакомъданна П. Гессе, который тщательно изслѣдовалъ этотъ вопросъ въ Нижней Гвинее и въ теченіи многихъ лѣтъ взвѣсилъ почти 30,000 зубовъ, которые поступали на рынокъ. Онъ нашелъ средній вѣсъ въ 9 kgr.; это количество можно получить отъ 47,000 слоновъ. Если мы возьмемъ среднее изъ трехъ опредѣленій, то оказывается, что въ Африкѣ ежегодно почти 55,000 слоновъ должны доставить слоновую кость, чтобы покрыть указанный вывозъ—причемъ предполагается, что у cadaго животного дѣйствительно было по два бивня. а это, какъ мы уже видѣли выше, не вѣрно. Вычисленія Гессе повели еще къ дальнѣйшимъ поучительнымъ результатамъ: средній вѣсъ зуба въ прежніе годы былъ больше, чѣмъ впоследствии: въ 1881 г. онъ равнялся еще 10,2 kgr., въ 1886 г. уже лишь 7,6 kgr. Въ теченіи этого промежутка времени число мелкихъ зубовъ, по 4,5 kgr. и менѣе, по отношенію къ общему количеству, постоянно возрастаетъ: въ 1881 г. ихъ приходилось 37, а въ 1886 г. уже по 55,9 на 100 зубовъ. Отсюда должно вывести, что взрослые и сильно вооруженные слоны начинаютъ уже становиться рѣдкими, если не принять, что, вслѣдствіе открытія болѣе отдаленныхъ областей, оттуда поступило въ торговлю много мелкихъ зубовъ, оставшихся тамъ до настоящаго времени.

Правда, пока еще многочисленныя стада слоновъ бродятъ по обширнымъ пустынямъ Африки; но число ихъ все болѣе и болѣе уменьшается отъ преслѣдованій челоуѣка. Какъ на сѣверѣ и югѣ, такъ и на востокѣ и западѣ, а также и внутри Африки имъ когда-нибудь предстоитъ участь быть вычеркнутыми изъ списка живыхъ существъ.

Отрядъ X.

Непарнокопытныя. (Perissodactyla).

Отрядъ непарнокопытныхъ, подобно отряду хоботныхъ, заключаетъ лишь немногочисленныхъ выжившихъ представителей нѣкогда богато развитой вѣтви животнаго царства, которые всѣ достигаютъ крупныхъ размѣровъ. Они ступаютъ на снабженные копытами пальцы, причеиъ палецъ, соответствующій третьему пятипалой ноги, всегда развитъ сильнѣе всѣхъ остальныхъ. Зубная система непарнопалыхъ характеризуется малымъ развитіемъ или даже полнымъ отсутствіемъ клыковъ и соединенными посредствомъ валиковъ бугорками на коренныхъ зубахъ; рѣзцы есть въ обѣихъ челюстяхъ. Скелетъ никогда не имѣетъ ключицъ. Желудокъ всегда простой, желчный пузырь отсутствуетъ.

Около 25 извѣстныхъ видовъ непарнопалыхъ распространены почти по всей землѣ, за исключеніемъ Австраліи, и могутъ быть сгруппированы въ четыре рѣзко обособленныхъ семейства: семейство лошадей съ однимъ пальцемъ, семейство тапировъ—на переднихъ ногахъ съ четырьмя пальцами, на заднихъ—съ тремя, семейство носороговъ съ 3 пальцами и семейство дамановъ на переднихъ ногахъ съ 4-мя, на заднихъ съ 3-мя пальцами. Вслѣдствіе значительнаго различія между этими четырьмя семействами, даже по образу жизни, общее описаніе ихъ оказывается невозможнымъ.

Всѣ живущія теперь **Лошади** (Equidae) составляютъ настолько строго ограниченную группу и такъ сходны между собою, что ихъ можно соединить всѣхъ въ одинъ родъ.

* * *

Лошади (Equus. Pferde. Chevaux.) отличаются средней величиною, прекраснымъ сложеніемъ, относительно сильными конечностями и худощавой, вытянутой головою. имѣющей большіе живые глаза, заостренные подвижныя уши средней величины и широко открытыя ноздри. Шея толстая съ сильными мускулами, тѣло округлено и мясисто, волосы мягки и коротки, но плотно прилегаютъ къ кожѣ; на шеѣ они образуютъ гриву, на хвостѣ они также удлинены. Единственный палецъ, вооруженный изящнымъ копытомъ, представляетъ достаточный признакъ для отличія лошадей отъ всѣхъ остальныхъ непарнокопытныхъ. Въ каждой половинѣ верхней и нижней челюсти зубная система состоитъ изъ 3 рѣзцовъ, 6 длинныхъ четырехгранныхъ

коренныхъ зубовъ съ извилистыми складками эмали на жевательной поверхности и 1 маленькаго, немного загнутаго тупо-конического клыка (послѣдняго иногда и не бываетъ). Въ скелетѣ бросается въ глаза длина черепа. причеиъ лишь одна треть приходится на мозговую коробку, а двѣ трети на лицевыя кости. Спинныхъ позвонковъ 16, поясничныхъ—8, крестцовыхъ—5, число-же хвостовыхъ доходить до 21. Изъ органовъ пищева-ренія особаго вниманія заслуживаетъ узкій пищеводь, отверстие котораго въ желудокъ снабжено клапаномъ. Самъ желудокъ представляетъ простой, нераздѣленный на части, продолговато-округлый небольшой мѣшокъ.

Первоначальной области распространенія лошадей, остатки которыхъ мы впервые встрѣчаемъ въ третичныхъ пластахъ, должно считать наибольшую часть сѣвернаго полушарія. Въ Европѣ дикія лошади, повидимому, вымерли не слишкомъ давно: онѣ встрѣчались, какъ видно изъ свѣдѣннй, сопоставленныхъ В. Геномъ, даже въ западной Европѣ, напр. въ Вогезахъ, еще въ XVI столѣтн; въ Азш и Африкѣ онѣ еще и теперь бродятъ табунами по горамъ и высоко лежащимъ степямъ. Въ Америкѣ, гдѣ лошади вымерли раньше, онѣ снова одичали; даже въ Австралии есть уже одичавшя лошади. Пищей имъ служатъ травы и другія растенія; въ неволѣ онѣ научились ѣсть даже животныя вещества: мясо, рыбу, саранчу.

Всѣ лошади живыя, бодрья, подвижныя, умныя животныя; движенія ихъ прн-влекательны и горды. Обыкновенная походка видовъ, живущихъ на свободѣ, пред-ставляетъ довольно быструю рысь; при ускоренномъ бѣгѣ—легкнй галопъ. Мирныя и добродушныя по отношенію къ другимъ животнымъ, которыя не причиняютъ имъ вреда, онѣ боязливо избѣгаютъ человека и большихъ хищниковъ, но въ слу-чаѣ крайности мужественно защищаются отъ враговъ зубами и копытами. Ихъ размноженіе незначительно: кобыла послѣ продолжительной беременности рождаетъ лишь одного жеребенка.

Человѣкомъ порабощены по крайней мѣрѣ два, а вѣроятнѣе три вида этого семейства. Никакая исторія, никакое сказаніе не говоритъ намъ о томъ времени, когда они впервые были обращены въ домашнихъ животныхъ; неизвѣстно достоверно даже то, въ какой части свѣта были приручены первыя лошади. Полагали, что этимъ мы обязаны народамъ средней Азш; однако Перингъ, сравнивъ ди-лювіальныя остатки лошади съ соответствующими частями скелета нашей лошади, пришелъ къ выводу, что уже древніе полудикіе обитатели средней Европы одо-машнили лошадь. У насъ нѣтъ однако никакого надежнаго указанія относительно времени и народа, у котораго это прирученіе произошло.

«На древне-египетскихъ памятникахъ», сообщаетъ мнѣ мой ученый другъ Дюмихенъ, «изображенія лошадей не попадаютъ до временъ новаго царства, слѣ-довательно ранѣ XVIII-го или XVII-го столѣтія до нашей эры. Лишь послѣ освобожденія Египта отъ иноземнаго ига азіатскихъ гиксовъ, которые владычествовали тамъ почти половину тысячелѣтія, т. е. съ начала новаго царства, изображенія и над-писи доказываютъ намъ, что лошадь употреблялась у древнихъ обитателей долины Нила. Я вовсе не думаю однако, чтобы мы имѣли заключать, что лошадь была неизвѣстна египтянамъ раньше XVIII-го вѣка до Р. X., на основаніи этого отсутствія указаній на древнихъ памятникахъ, или лучше сказать, на основаніи того, что до сихъ поръ не найдено еще памятника, относящагося къ болѣе раннему времени и на которомъ изображена лошадь. Такимъ образомъ нѣтъ никакихъ доказа-тельствъ въ пользу выставленнаго Эберсомъ предположенія, что, «не подлежитъ никакому сомнѣнію, что введеніе этого животнаго въ Египетъ произведено ги-ксами». По отношенію къ этому вопросу я вполне раздѣляю взглядъ Шаба, что всѣ дошедшія до насъ свѣдѣнія о царствѣ заставляють думать, что у этихъ вар-

варовъ не было ни повозокъ, ни лошадей, и что поэтому древніе египтяне должны были знать лошадь уже задолго до владычества этихъ дикихъ племенъ, такъ какъ для прирученія коня и изобрѣтенія упряжи для него потребовалось, конечно, гораздо болѣе продолжительное время пребыванія лошади въ странѣ фараоновъ. Здѣсь, начиная съ XVII-го столѣтія, лошадью пользовались преимущественно для военныхъ цѣлей. Походы египтянъ новаго царства совершенно измѣняютъ свой видъ. Между тѣмъ какъ на памятникахъ стараго царства мы находимъ лишь изображенія тяжело и легко вооруженныхъ пѣшихъ войскъ, съ этого времени запряженные конями военныя колесницы занимаютъ первое мѣсто въ рядахъ египетскихъ войскъ, съ этого-же времени ихъ завоевательные походы простираются далеко въ глубь сосѣдней Азіи до странъ, лежащихъ на Евфратѣ и Тигрѣ. И такому употребленію для военныхъ цѣлей коня и колесницы, столь характерному для того времени, египтяне, повидимому, научились дѣйствительно лишь отъ азіатскихъ народовъ, записныхъ наѣздниковъ, конечно, хорошо знакомыхъ съ лошадью; къ нимъ однако не принадлежали гиксы, такъ какъ это былъ наступскій народъ. Но лошадь употребляли не исключительно для войны; различныя надписи ставятъ внѣ всякаго сомнѣнія, что древніе египтяне пользовались ею также при домашнихъ и сельскихъ работахъ. Мы читаемъ, что на лошади знатный египтянинъ выѣзжаетъ изъ своего помѣстья, на ней-же предпринимаетъ онъ путешествіе, запряженныхъ лошадей выводитъ для обработки полей, у земледѣльца «лошадь падастъ, таща плугъ» и т. д. Короче, множество мѣстъ указываютъ, что уже въ древнемъ Египтѣ умѣли всесторонне пользоваться этимъ благороднымъ домашнимъ животнымъ».

Несравненно болѣе скудныя данныя, чѣмъ египетскіе источники, даютъ остальные памятники относительно первыхъ періодовъ прирученія лошади. Мы принимаемъ, что въ Индіи, и Китаѣ ее употребляли въ качествѣ домашняго животного приблизительно въ то-же время, какъ въ Египтѣ, но мы не въ состояніи доказать этого; мы нашли ея остатки въ свайныхъ постройкахъ Швейцаріи, относящихся къ позднѣйшему каменному вѣку, но не можемъ ближе опредѣлить это время.

* *
*

Еще теперь въ стѣняхъ юго-восточной Европы *) во множествѣ бродятъ табуны лошадей; одни считаютъ ихъ дикими родоначальниками нашего домашняго животного, другіе думаютъ, что это есть одичавшіе его потомки. Эти лошади, которыхъ называютъ **Тарпанами**, обладаютъ всеми качествами настоящихъ дикихъ животныхъ, каковыми ихъ и считаютъ татары и казаки. Тарпанъ маленькаго роста, у него тонкія, но сильныя ноги съ длинными бабками, довольно длинная и тонкая шея, относительно толстая горбоносая голова, остроконечныя, направленные впередъ уши и маленькіе, живые, съ злымъ огонькомъ глаза; шерсть густая, короткая, волнистая, особенно на задней части, гдѣ ее можно почти назвать курчавою; зимою-же она становится жесткой, крѣпкой и длинной, особенно на подбородкѣ, гдѣ она образуетъ нѣчто вродѣ бороды; грива короткая, густая, взъерошенная и курчавая, хвостъ средней длины. Лѣтомъ въ окраскѣ преобладаетъ равномерный черно-бурый, желтовато-бурый или грязно-желтый цвѣтъ; зимою волоса дѣлаются свѣтлѣе, иногда даже бѣлыми, а грива и хвостъ равномерно-темнаго цвѣта. Пѣгихъ тарпановъ не встрѣчается никогда, вороныя рѣдки.

*) Уже давно тарпаны не встрѣчаются въ европейской Россіи и вообще свѣдѣнія, сообщаемыя Брамомъ о тарпанѣ, устарѣли.

Первыя подробныя данныя о тарпанѣ, сколько мнѣ извѣстно, доставилъ Гмелинъ на основаніи наблюденій, которыя названный изслѣдователь могъ произвести въ 1769 г.; а дальнѣйшими свѣдѣніями мы обизаны Палласу. Ихъ показанія довольно согласны между собой. «Лѣтъ двадцать тому назадъ», говоритъ первый, «здѣсь—около Воронежа—водилось довольно много дикихъ лошадей; но такъ-какъ онѣ приносили много вреда, то ихъ отгоняли все далѣе и далѣе въ степи и очень часто разсыивали ихъ». Авторъ рассказываетъ далѣе, какъ онъ получилъ новое извѣстіе о присутствіи этихъ животныхъ и, выѣхавъ затѣмъ на охоту, дѣйствительно уви-

Тарпанъ. $\frac{1}{25}$ наст. вел.

дѣлъ ихъ въ окрестностяхъ уѣзднаго города Боброва. Вмѣстѣ съ ними была русская кобыла. Убивъ жеребца, вожака стада, и двухъ кобылъ, онъ кромѣ того овладѣлъ также живымъ жеребенкомъ. Палласъ тоже считаетъ лошадь и тарпана за одинъ видъ. «Я начинаю болѣе и болѣе предполагать», говоритъ онъ, «что дикія лошади, бродящія въ яицкихъ и донскихъ, а также въ Барабинской степи, по большей части ничто иное, какъ потомки одичавшихъ киргизскихъ или калмыцкихъ лошадей, или онѣ произошли отъ жеребцовъ, принадлежавшихъ бродившимъ здѣсь прежде пастушескимъ народамъ; эти жеребцы то уводили отдѣльныхъ кобылъ, то цѣлые табуны и давали съ ними приплодъ». Иначе высказывается Раде: онъ пишетъ мнѣ

слѣдующее: «Въ началѣ пятидесятихъ годовъ къ востоку отъ нижняго Днѣпра тарпаномъ называли лошадь гнѣдой масти, неуклюжаго сложенія, малаго роста, съ тяжелой головою и нѣсколько дугообразнымъ очертаніемъ морды. Эту лошадь тамъ считали не одичавшей, а дикой. По словамъ господъ Базелль, которые имѣли большія помѣстья на низовьяхъ Днѣпра, и на слова которыхъ можно было вполне положить, тарпанъ держался въ стѣняхъ маленькими табунами и за нимъ охотились. Съ этими разсказами были совершенно согласны сообщенія швейцарцевъ Мерца и Филлиберта, въ имѣніи Атиманай у Азовскаго моря, недалеко отъ столь цвѣтущихъ поселеній меннонитовъ и вюртембергцевъ. И здѣсь мѣстные жители и переселенцы считаютъ это животное дикимъ. Я присоединяюсь къ этимъ взглядамъ».

Объ образѣ жизни тарпановъ разсказываютъ приблизительно слѣдующее: тарпановъ встрѣчаютъ всегда табунами, которые могутъ состоять изъ нѣсколькихъ сотенъ штукъ. Обыкновенно большой табунъ распадается на меньшія общества, похожія на семейства; во главѣ каждаго изъ нихъ стоитъ жеребецъ. Эти стада населяютъ обширныя, открытыя и возвышенныя степи и перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто, идя обыкновенно противъ вѣтра. Они чрезвычайно внимательны и пугливы, осматриваются, высоко поднимая голову, прислушиваются, настораживаютъ уши, раздуваютъ ноздри и почти всегда во-время замѣчаютъ угрожающую имъ опасность. Жеребецъ—единственный властелинъ общества. Онъ заботится о безопасности его, но зато не терпитъ никакихъ безпорядковъ между своими подчиненными. Молодыхъ жеребцовъ онъ прогоняетъ и, пока они сами не смеяютъ или не завоюютъ себѣ нѣсколькихъ кобылъ, они слѣдуютъ за большимъ табуномъ лишь на извѣстномъ разстояніи. Замѣтивъ что-нибудь подозрительное, жеребецъ начинаетъ фыркать и быстро двигать ушами, выбѣгаетъ, высоко поднимая голову, въ извѣстномъ направленіи, пронзительно ржетъ, если замѣчаетъ какую-нибудь опасность, и тогда весь табунъ срывается съ мѣста самымъ безумнымъ галопомъ. Иногда животныя исчезаютъ, какъ по волшебству: они прячутся въ какомъ-нибудь оврагѣ и ждутъ, что будетъ. Хищныхъ животныхъ храбрые и воинственные жеребцы не боятся. На волковъ они бросаются съ ржаніемъ и сбиваютъ ихъ на-земь ударами копытъ переднихъ ногъ. Басня, будто-бы они становятся кругомъ табуна головами внутрь и непрерывно бьютъ задними ногами, давно опровергнута.

Обитатели степей, разводящіе лошадей, боятся тарпановъ еще больше, чѣмъ волковъ, такъ-какъ они часто причиняютъ имъ большой вредъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ Гмелинымъ, они охотно держатся по близости большихъ стоговъ сѣна, которые русскіе крестьяне ставятъ часто въ большомъ разстояніи отъ селеній, и сѣно имъ такъ нравится, что два тарпана въ одну ночь могутъ уничтожить цѣлый стогъ. Гмелинъ полагаетъ, что этимъ обстоятельствомъ легко можно объяснить, почему они такъ жирны и круглы. «Но это», продолжаетъ онъ, «не единственный вредъ, который они причиняютъ. Тарпанъ-жеребецъ очень любитъ русскихъ кобылъ, и онъ никогда не упуститъ удобнаго случая овладѣть одною изъ нихъ и навѣрное уведетъ ее съ собою».

Тарпана трудно приручить; это животное кажется неспособнымъ переносить неволю. Передъ его крайне живымъ характеромъ, силой и дикостью оказывается безсильнымъ даже искусство опытныхъ въ обращеніи съ лошадьми монголовъ. «Осипъ Шатиловъ», замѣчаетъ Радде, «получилъ въ концѣ пятидесятихъ годовъ живого тарпана и послалъ его Императорской Академіи Наукъ, которая передала его Брандту. При спокойномъ содержаніи въ конюшнѣ тарпанъ велъ себя очень хорошо, пока отъ него требовали только, чтобы онъ ежедневно сѣдалъ даваемое ему сѣно; въ остальномъ-же онъ, какъ былъ, такъ и оставался злымъ, капризнымъ животнымъ».

при всякомъ удобномъ случаѣ которое настойчиво пыталось кусать и лягать подходящаго къ нему и не поддавалось даже самому кроткому обращенію. Такъ какъ въ Академіи его считали лишь одичавшей лошадей, то по прошествіи нѣкотораго времени его подарили одному любителю лошадей». Благодаря значительному вреду, который тарпаны приносятъ разведенію лошадей въ степяхъ, уводя съ собою часто цѣлыя табуны, за ними ревностно и ожесточенно охотятся. Особенно преслѣдуютъ жеребцовъ, такъ какъ если ихъ убиваютъ, то кобылы разсѣиваются и легко становятся добычей охотниковъ.

Приведенныя данныя оставляютъ нерѣшеннымъ вопросъ о происхожденіи домашней лошади; существующія возрѣнія противорѣчатъ другъ другу. Образъ жизни тарпана не позволяетъ дѣлать предположеній относительно того, чѣмъ онъ былъ первоначально, такъ какъ лошади дичаютъ легко и быстро. Этотъ фактъ убѣдительно доказываютъ табуны, населяющіе степныя области Южной Америки. Бросимъ-же прежде всего взглядъ на нихъ, основываясь на указаніяхъ надежныхъ людей.

* * *

«Основанный въ 1535 г. городъ Буэносъ-Айресъ», говоритъ Азара, «былъ въ послѣдствіи покинутъ. Уѣзжавшіе обитатели его не позаботились о томъ, чтобы собрать всѣхъ своихъ лошадей. Такимъ образомъ штукъ 5—7 остались и были предоставлены самимъ себѣ. Когда въ 1580 г. тотъ-же городъ былъ снова занятъ и населенъ, нашли уже множество лошадей, потомковъ этихъ немногихъ оставленныхъ, но уже совершенно одичавшихъ. Уже въ 1596 г. каждому было позволено ловить этихъ лошадей въ свою пользу. Таково происхожденіе безчисленныхъ стадъ лошадей, которыя бродятъ южнѣ Ріо-де-Лаплаты». Цимарроны (Cimarrones), какъ называютъ этихъ лошадей, живутъ теперь во всѣхъ частяхъ пампасовъ многочисленными табунами, которые иногда могутъ состоять изъ нѣсколькихъ тысячъ головъ. Каждый жеребецъ собираетъ себѣ столько кобылъ, сколько можетъ, но остается вмѣстѣ съ ними въ обществѣ прочихъ лошадей табуна. Особаго вожака не бываетъ.

Цимарроны досаждаютъ и причиняютъ много вреда, такъ какъ не только уничтожаютъ хорошія пастбища, но также уводятъ домашнихъ лошадей. Къ счастью они не являются никогда ночью. Съ удивленіемъ приходится замѣчать, что дороги, по которымъ они проходятъ, иногда бываютъ покрыты ихъ навозомъ на протяженіи нѣсколькихъ километровъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что они отыскиваютъ дороги, чтобы испражняться. А такъ какъ всѣ лошади имѣютъ привычку обнюхивать испражненія другихъ животныхъ того-же вида и увеличивать ихъ количество своими, то такія мѣста, покрытыя навозомъ, возрастаютъ до размѣровъ настоящихъ горъ. Дикари въ пампасахъ ѣдятъ мясо цимарроновъ, именно жеребятъ и кобылъ. Они ловятъ себѣ также нѣкоторыхъ изъ нихъ, чтобы приручать; испанцы-же не употребляютъ ихъ ни на что и крайне рѣдко ловятъ дикую лошадь для прирученія.

«Тщетно ищешь», говоритъ Чуди, который объѣхалъ пампасы въ началѣ шестидесятихъ годовъ, «по крайней мѣрѣ въ этой части пампасовъ, однороднаго типа въ породѣ лошадей; встрѣчаешь лишь пеструю смѣсь формъ, величинъ и цвѣтовъ. Особенно часто замѣчалъ я пестрыхъ, пѣгихъ лошадей. Я часто имѣлъ случай наблюдать много сотенъ согнанныхъ вмѣстѣ лошадей, но могу увѣрить, что я каждый разъ тщетно искалъ описаннаго различными путешественниками типа лошади пампасовъ. Ни въ головѣ, ни въ шеѣ, ни въ загривкѣ я не нашелъ признаковъ, которые можно было-бы считать общими для этихъ животныхъ. Я не хочу отвергать, что такой общій характеръ можетъ встрѣчаться у лошадей пампасовъ къ югу отъ

Буэнос-Айреса; но этого нѣтъ въ тѣхъ частяхъ страны, по которымъ я путешествовалъ».

Въ Парагваѣ нѣтъ одичавшихъ лошадей, какъ предполагаетъ Ренгеръ, благодаря одной мясной мухѣ, которая не встрѣчается въ пампасахъ Буэнос-Айреса. Она кладетъ яйца въ незажившій пупокъ жеребятъ и этимъ причиняетъ смертельные нарывы. Притомъ-же въ пампасахъ и кормъ обильнѣе, чѣмъ въ Парагваѣ. Но состояніе лошадей въ этой послѣдней странѣ очень приближается къ дикому состоянію вышеописанныхъ цимарроновъ. Объ этихъ животныхъ, которыхъ называютъ **мустангами**, настолько мало заботятся, что они положительно вырождаются. Они средней вышины, съ большой головою, длинными ушами и толстыми суставами; шея и тѣло однако сложены довольно правильно. Шерсть ихъ лѣтомъ коротка, зимою длинна; грива и хвостъ всегда рѣдки и коротки.

Лошади Южной Америки проводятъ весь годъ подъ открытымъ небомъ. Черезъ каждые 8 дней ихъ стогняютъ вмѣстѣ, чтобы онѣ не разбѣгались, осматриваютъ ихъ раны, очищаютъ ихъ, обмазываютъ коровьимъ пометомъ по времени до времени, приблизительно черезъ три года, обрѣзываютъ жеребцамъ гриву и хвостъ. Объ улучшеніи породы никто и не думаетъ. Пастбища тамъ плохія, такъ какъ почву покрываетъ единственный видъ травы. Весною эта трава сильно вырастаетъ, но производитъ тогда у лошадей поносъ и поэтому истощаетъ ихъ. Лѣтомъ и осенью мустанги поправляются и даже жирѣютъ; но какъ только ихъ начинаютъ употреблять для ѣзды, они спадаютъ съ тѣла. Зима самое худое время для нихъ. Трава вянетъ, животные должны поэтому довольствоваться жесткой вымокшей отъ дождей соломой. Эта пища вызываетъ у нихъ потребность въ соли. Можно наблюдать, какъ они по цѣлымъ часамъ остаются на солончакахъ и лижутъ соленую глину. При содержаніи въ конюшнѣ они не нуждаются въ соли. Лошади, которыхъ лучше кормятъ и о которыхъ больше заботятся, уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ приобретаютъ короткую и блестящую шерсть, крѣпкіе мускулы и благородныя формы.

«Обыкновенно», говоритъ Ренгеръ: «лошади эти живутъ стадами въ определенной области, къ которой привыкли съ юности. Каждому жеребцу поручаютъ 12—18 кобылъ; онъ собираетъ ихъ вмѣстѣ и защищаетъ отъ чужихъ жеребцовъ. Если ему даютъ слишкомъ много кобылъ, то онъ болѣе не охраняетъ ихъ. Жеребята живутъ съ матерями до третьяго или четвертаго года. Матки обнаруживаютъ большую привязанность къ жеребятамъ, пока тѣ еще сосутъ, и иногда защищаютъ ихъ даже противъ ягуара. Нерѣдко имъ приходится выдерживать битвы съ мулами, въ которыхъ временами возбуждается нѣчто въ родѣ материнской любви. Тогда они стараются хитростью или силой увести жеребятъ и даютъ имъ сосать свое лишнее молоко вымя, но бѣдные существа, конечно, погибаютъ при этомъ. Когда лошади достигаютъ возраста нѣсколько болѣе 2 или 3 лѣтъ, изъ молодыхъ жеребцовъ выбираютъ одного, даютъ ему молодыхъ кобылъ и приучаютъ его пастись вмѣстѣ съ ними въ особой мѣстности. Остальныхъ жеребцовъ кастрируютъ и соединяютъ въ особые стада. Всѣ лошади, принадлежащія къ одному тауну, никогда не смѣшиваются съ другими и такъ крѣпко держатся вмѣстѣ, что бываетъ трудно отдѣлить нѣсколькихъ пасущихся лошадей отъ остальныхъ. Если нарушаютъ такой порядокъ, напр. когда сгоняютъ вмѣстѣ всѣхъ лошадей одной фермы, то онѣ тотчасъ-же снова отыскиваютъ другъ друга. Жеребецъ ржаніемъ призываетъ къ себѣ своихъ кобылъ, меринны отыскиваютъ другъ друга и каждое стадо снова отправляется на свое пастбище. Для тысячи и болѣе лошадей нужно менѣе четверти часа, чтобы раздѣлиться на кучки по 10 — 30 штукъ. Я, кажется, замѣтилъ уже, что лошади одинаковой величины или одной масти легче привыкаютъ другъ къ другу,

чѣмъ разныя, а также, что чужія, ввезенныя изъ Банды Орианталъ и Антре Риосъ соединяются преимущественно между собою, а не съ мѣстными лошадьми. Животныя эти обнаруживаютъ притомъ большую привязанность не только къ своимъ товарищамъ, но и къ своимъ пастбищамъ. Я видѣлъ нѣкоторыхъ, которыя вернулись на старыя привычныя мѣста, пройдя разстояніе въ 80 часовъ пути. Тѣмъ болѣе кажется страннымъ то явленіе, что иногда лошади опредѣленной мѣстности начинаютъ то по одиночкѣ, то цѣлыми толпами убѣгать отсюда. Это случается главнымъ образомъ тогда, когда послѣ продолжительной сухой погоды вдругъ выпадаетъ сильный дождь. Онѣ, вѣроятно, боятся града, который нѣрѣдко сопровождаетъ такую погоду.

«Чувства этихъ почти дикихъ животныхъ кажутся болѣе острыми, чѣмъ у европейскихъ лошадей. Слухъ ихъ крайне тонокъ; ночью они движеніемъ ушей показываютъ, что улавливаютъ самый легкій, для всадника совершенно неслышимый шорохъ. Зрѣніе ихъ, какъ и у всѣхъ лошадей, довольно слабо; но, благодаря жизни на свободѣ, они пріучаются различать предметы на значительномъ разстояніи. При помощи обонянія они составляютъ себѣ понятіе объ окружающихъ предметахъ. Они обнюхиваютъ все, что кажется имъ незнакомымъ. Съ помощью этого чувства они научаются узнавать своего хозяина, упряжь, сарай, въ которомъ ихъ сѣдлаютъ, съ помощью его умѣютъ различать въ болотистыхъ мѣстностяхъ трясины, и находятъ въ темную ночь или въ густой туманъ дорогу къ своему жилищу или пастбищу. Хорошія лошади обнюхиваютъ своего сѣдока въ то время, когда онъ садится въ сѣдло, и я видѣлъ такихъ, которыя или вовсе не позволяли всаднику сѣсть на себя или не слушались его, если на немъ не было пончо или плаща, какой всегда носятъ деревенскіе жители, укрощающіе и объѣзжающіе лошадей. Если онѣ пугаются какого-нибудь предмета, то ихъ легче всего успокоить, давъ обнюхать этотъ предметъ. На большія разстоянія онѣ, правда, не чуютъ. Я рѣдко видѣлъ лошадь, которая-бы могла узнать о присутствіи ягуара въ 50 шагахъ и даже менѣе. Поэтому въ населенныхъ мѣстностяхъ Парагвая онѣ составляютъ самую обыкновенную добычу этого хищника. Когда въ сухіе годы источники, откуда мустанги привыкли пить, пересыхаютъ, то они скорѣе погибнуть отъ жажды, чѣмъ отыщутъ другіе, между тѣмъ, какъ рогатый скотъ ходитъ за водою часто на разстояніе до 10 часовъ пути. Вкусъ у нихъ развитъ различно; нѣкоторые легко пріучаются къ конюшенному корму и привыкаютъ ѣсть различные плоды и даже сушеное мясо, другіе скорѣе готовы околѣть отъ голода, чѣмъ тронуть иную пищу, кромѣ обыкновенной травы. Осызаніе у нихъ очень притуплено уже съ молодости, благодаря жизни подъ открытымъ небомъ и тому, что ихъ мучаютъ комары и слѣпни.

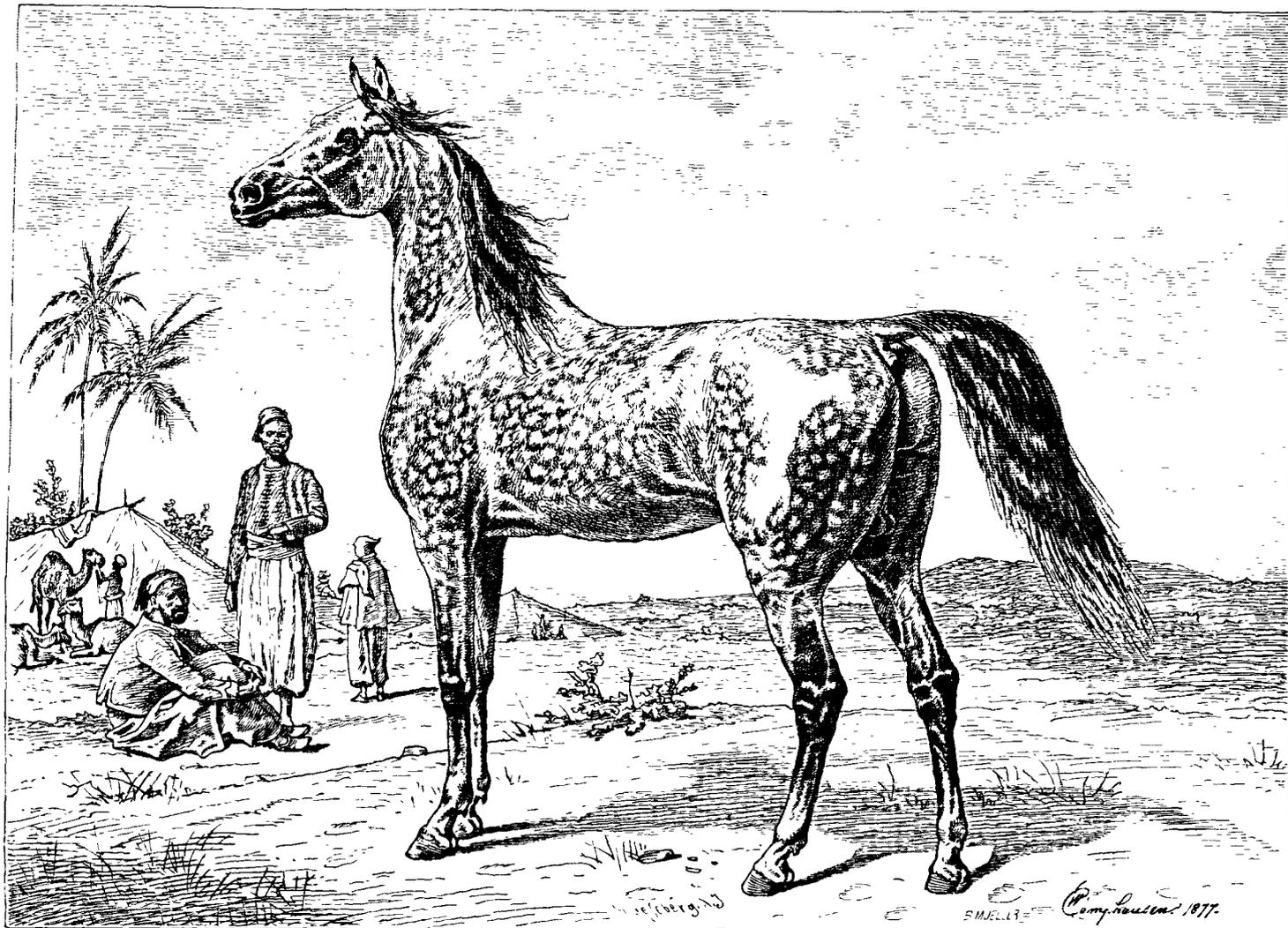
«Парагвайская лошадь обыкновенно добраго нрава; но часто ее портятъ грубымъ обращеніемъ во время укрощенія. Память ихъ достойна удивленія. Нѣсколько штукъ, одинъ только разъ совершившихъ путь отъ Вилла Реаль въ миссію, по прошествіи многихъ мѣсяцевъ убѣжали назадъ въ Вилла Реаль, находящуюся на разстояніи болѣе 50 миль. Вообще эти лошади подвержены немногимъ болѣзнямъ. Если онѣ получаютъ хорошій кормъ и не принуждены чрезмѣрно напрягать свои силы, то онѣ достигаютъ того-же возраста, какъ и европейскія лошади; но такъ какъ обыкновенно на ихъ долю не выпадаетъ ни хорошаго корма, ни хорошаго ухода, то двѣнадцатилѣтнюю можно считать уже старой. Жители Парагвая, впрочемъ, вовсе не пользуются лошадьми въ такой степени, какъ мы. Они держатъ ихъ главнымъ образомъ для размноженія и употребляютъ собственно только мериновъ. Однако нигдѣ нельзя встрѣтить больше наѣздниковъ, чѣмъ въ Парагваѣ. Лошадь служитъ средствомъ потакать природной лѣни ея хозяина, такъ какъ онъ ради

своего удобства выполняетъ верхомъ сотни мелкихъ дѣлъ, которыя могъ-бы гораздо скорѣе исполнить пѣшкомъ. У парагвайцевъ существуетъ даже особая поговорка: «чѣмъ былъ-бы человекъ безъ лошади!»

Жизнь одичавшихъ лошадей въ льяносахъ, расположенныхъ далѣе къ сѣверу, мастерски описалъ намъ, въ короткихъ словахъ А. Гумбольдтъ. «Въ продолженіи лѣта вертикальные лучи солнца, никогда не закрываемаго облаками, совершенно выжигаютъ и обращаютъ въ пыль весь травяной покровъ этихъ неизмѣримыхъ равнинъ; почва постепенно трескается, точно разорванная мощными подземными толчками. Окруженные густыми облаками пыли, мучимые голодомъ и томимые жаждой тамъ бродятъ лошади и рогатый скотъ; первыя высоко вытянувъ шею и нюхая противъ вѣтра, чтобы по влажности воздуха угадать близость еще не совсемъ высохшаго озера. Болѣе разсудительныя и хитрыя мулы стараются другимъ образомъ утолить жажду. Одно шарообразное и ребристое растеніе, дынный кактусъ, заключаетъ подъ своей колючей оболочкой обильную водою мякоть. Мулъ сбиваетъ передними ногами шипы и ѣсть прохладительный сокъ кактуса. Но черпать изъ этого живого растительнаго источника не всегда безопасно; часто можно видѣть животныхъ, которыя хромаютъ, занозившись шипами. Когда наконецъ за палющимъ дневнымъ жаромъ наступитъ прохлада ночи, столь-же продолжительная, то и тогда лошади и рогатый скотъ не могутъ отдохнуть. Вампиры преслѣдуютъ ихъ во время сна и садятся на ихъ спины, чтобы высасывать кровь.

«Когда наконецъ послѣ продолжительной засухи наступаетъ благодѣтельное дождливое время года, декорація совершенно измѣняется. Едва только смочится поверхность земли, какъ степь начинаетъ покрываться прекрасной зеленью. Лошади и рогатый скотъ выходятъ на паству, радостно наслаждаясь жизнью. Однако въ высокой травѣ прячется ягуаръ и вѣрнымъ прыжкомъ схватываетъ лошадь или жеребенка. Рѣки скоро выходятъ изъ береговъ и тѣ-же самыя животныя, которыя томились нѣсколько мѣсяцевъ отъ жажды, должны теперь вести жизнь земноводныхъ. Кобылы съ жеребятами отступаютъ на болѣе высокія мѣста, которыя долго выдаются въ видѣ острововъ надъ поверхностью воды. Съ каждымъ днемъ пространство суши уменьшается. Въслѣдствіе недостатка въ пастбищѣ стѣснившіяся животныя плаваютъ по цѣлымъ часамъ и скудно питаются цвѣтущими верхушками травъ, выступающихъ надъ поверхностью бурой болотной воды. Многіе жеребята тонутъ, многихъ схватываютъ крокодилы, раздробляютъ ихъ тѣло ударами хвоста и проглатываютъ. Нерѣдко на бедрахъ лошадей остаются слѣды зубовъ крокодила въ видѣ большихъ рубцовъ. Между рыбами онѣ тоже имѣютъ опаснаго врага. Болотная вода кишитъ электрическими угрями. Эти замѣчательныя рыбы обладаютъ достаточной силой для того, чтобы своими электрическими ударами убивать самыхъ крупныхъ животныхъ, особенно если сразу разрядить въ извѣстномъ направленіи всѣ свои батареи. Одну степную дорогу около Ури Туку пришлось оставить, въслѣдствіе того, что въ маленькой рѣчкѣ, пересекающей путь, накопилось такое множество угрей, что они ежегодно оглушали многихъ лошадей, которыя тонули во время переправы».

Надо сказать однако, что онѣ сами часто приносятъ себѣ болѣе вреда, нежели самыя опасныя враги. Ими иногда овладѣваетъ сильнѣйшій испугъ. Сотни и тысячи ихъ, какъ бѣшенныя, бросаются въ бѣгство, не останавливаясь ни передъ какимъ препятствіемъ, взбѣгаютъ на скалы или разбиваются въ пропастяхъ. Онѣ внезапно появляются въ стоянкахъ путешественниковъ, ночующихъ въ открытой степи, бросаются между огнями черезъ палатки и повозки, наводятъ паническій страхъ на вьючныхъ животныхъ, срываютъ ихъ съ привязи и увлекаютъ навсегда въ своемъ живомъ потокѣ. Такъ рассказываетъ Муррей, который

АРАБСКІЙ КОНЬ.

испытать и пережить такое нападеніе. Далѣе къ сѣверу индѣйцы увеличиваютъ собою число враговъ, которые отравляютъ существованіе этимъ животнымъ. Они ловятъ ихъ, приучаютъ къ сѣдлу и пользуются ими на охотахъ, при этомъ такъ мучаютъ ихъ, что даже самая бодрая лошадь погибаетъ въ короткое время. Какъ у бедуиновъ Сахары, такъ и у индѣйцевъ лошадь часто становится причиной самыхъ кровавыхъ битвъ. У кого нѣтъ лошадей, тотъ старается украсть ихъ. Конокрадство пользуется у краснокожихъ почетомъ. Шайки воровъ цѣлыя недѣли слѣдуютъ за кочующими племенами или караванами, пока не найдутъ случая отогнать всѣхъ верховыхъ животныхъ. Американскихъ лошадей ревностно преслѣдуютъ также ради шкуръ и мяса. Около Ласъ-Нокасъ, какъ рассказываетъ Дарвинъ, еженедѣльно убиваютъ большое число кобылъ ради шкуръ. На войнѣ отряды войскъ, посылаемые въ дальній путь, берутъ съ собою для пропитанія только стада лошадей. Эти животныя еще и потому удобнѣе для нихъ, чѣмъ рогатый скотъ, что допускаютъ большую подвижность войска.

Что домашнія лошади могутъ дичать и въ настоящее еще время, мы узнаемъ отъ Пржевальскаго. Во время своихъ путешествій по Монголіи этотъ прекрасный наблюдатель видѣлъ маленькіе табуны одичавшихъ лошадей, которые еще лѣтъ за десять до того жили въ домашнемъ состояніи; оставленные на произволъ судьбы жителями китайской провинціи Гансу во время Дунганскихъ смуть, онѣ въ теченіи этого короткаго времени стали настолько пугливыми, что убѣгали отъ человѣка, какъ настоящія дикія лошади.

Изъ такихъ примѣровъ ясно, какъ рискованно производить отъ такого рода дикихъ животныхъ наше домашнее животное. Тѣмъ не менѣе недавно полагали, что въ открытой Пржевальскимъ дикой лошади Джунгарской солончаковой степи (*Equus przewalskii*) нашли одного изъ родоначальниковъ нашей лошади; однако двое изъ самыхъ основательныхъ знатоковъ лошадей, Пьетремонъ и Сансонъ рѣшительно оспариваютъ близкое родство этого, еще недостаточно извѣстнаго животного съ настоящей лошадью, которая составляетъ подродъ *Equus*. Отъ второго подрода — осла (*Asinus*), она отличается хвостомъ, покрытымъ волосами, начиная отъ корня, и присутствіемъ мозолей и на заднихъ ногахъ. Подъ этимъ названіемъ подразумѣваютъ роговыя мозолистыя мѣста на внутренней сторонѣ запястья и ступни *).

Описаніе или хотя-бы перечисленіе почти безчисленныхъ породъ **Домашней лошади** (*Equus caballus*. Pferd. Cheval) не входитъ въ рамки этого сочиненія. Мы, согласно графу К. Г. Врангелю, раздѣляемъ ихъ на чистокровныя породы, полу-

*) Сообщаемыя здѣсь данныя о лошади Пржевальскаго совершенно невѣрны. Лошадь эта несомнѣнно составляетъ отдѣльный видъ (*Equus przewalskii*), какъ это доказалъ, основываясь на изслѣдованіи черепа и череповъ, находящихся въ музеѣ Академіи наукъ въ Петербургѣ, П. С. Поляковъ. (Лошадь Пржевальскаго. Съ двумя таблицами рисунковъ. С.П.Б. 1881). Лошадь Пржевальскаго отличается отъ домашней лошади хвостомъ, который покрытъ длинными волосами только на нижней половинѣ, отсутствіемъ челки и короткой гривой. Отъ ословъ же она отличается значительно: уши короткіе, голова и весь скелетъ лошадиный, копыта широкія и округленныя, на спинѣ нѣтъ ремня (темная полоска по хребетному столбу) и на всѣхъ четырехъ ногахъ есть мозоли, между тѣмъ какъ у ословъ онѣ бывають только на переднихъ ногахъ. По масти лошади Пржевальскаго всѣ саврасыя, т. е. песчано-рыжія сверху и постепенно бѣдѣе къ животу, который совсѣмъ бѣлый. По изслѣдованіемъ Полякова эти лошади, вѣроятно, жили прежде гораздо далѣе на западъ, можетъ быть до Урала, но нынѣ встрѣчаются только въ степяхъ и пустыняхъ, окружающихъ озеро Лобъ-Норъ. Очень возможно, что онѣ скрещиваются съ тарпанами и что могутъ даже считаться однимъ изъ дикихъ видовъ, участвовавшихъ въ образованіи породы домашнихъ лошадей. Считать ихъ одичавшими домашними лошадьми никакъ нельзя, такъ какъ онѣ все-таки по вышеуказаннымъ признакамъ, такъ ясно отличаются отъ настоящихъ лошадей, что приписать эти измѣненія вліянію одичанія совершенно невозможно. (Прим. редакт.).

кровныя и безкровныя. Даже если-бы я обладалъ знаніями, необходимыми для того, чтобы различать въ описаніяхъ породъ истинное отъ ложнаго, вѣрное отъ невѣрнаго, во всякомъ случаѣ это выходило-бы за предѣлы поставленной мною задачи; кромѣ того, специально о лошади написаны прекрасныя обширныя сочиненія. Здѣсь-же будетъ достаточно присовокупить нѣсколько словъ къ прекраснымъ изображеніямъ, которыми мы обязаны искусной рукѣ Кампгаузена, болѣе для того, чтобы объяснить подлинки, чѣмъ съ цѣлью дать полныя описанія.

Выше всѣхъ породъ лошадей стоитъ еще теперь **Арабская лошадь**. «Чистокровныя лошади», пишетъ графъ Врангель, «не имѣютъ болѣе благороднаго представителя, чѣмъ чистая арабская лошадь; она стоитъ на границѣ между естественными и культурными расами и, въ качествѣ благороднѣйшаго животнаго въ мірѣ, одинаково приводитъ въ восхищеніе и естествоиспытателя, и знатока лошадей, и поэта. Спрашивается только, что собственно надо понимать подъ названіемъ «арабская лошадь». Есть-ли это «сынъ воздуха», котораго, по согласнымъ указаніямъ компетентныхъ авторовъ, можно встрѣтить лишь въ Неджедѣ, или-же къ арабской расѣ принадлежатъ всѣ типы лошадей сѣверной Африки? По моему мнѣнію нельзя считать правильнымъ ни такое узкое толкованіе, какъ первое, ни такое широкое—какъ второе». Древность этой расы, во-первыхъ, вовсе не такъ велика, какъ принимаютъ обыкновенно и какъ охотно готовы увѣрять арабы. Они держатся того мнѣнія, что пять самыхъ замѣчательныхъ семействъ ихъ лошадей происходятъ отъ пяти кобылъ царя Соломона, что еще подтвердилъ Абдъ-эль-Кадеръ, споря съ Влентомъ. По графъ Врангель, опираясь на изслѣдованія А. Баранекиса, указываетъ, что лишь въ IV вѣкѣ нашей эры Амміанъ Марцеллинъ упоминаетъ о быстрыхъ лошадяхъ сарациновъ. «Въ VII-омъ столѣтіи, во времена Магомета, лошадь однако всюду употребляется въ Аравіи и съ этого времени становится предметомъ настоящаго культа сыновъ пустыни».

По общепринятымъ требованіямъ арабовъ благородная лошадь должна соединять въ себѣ: пропорціональное сложеніе, короткія и подвижныя уши, тяжелыя, изящныя кости, сухую морду, ноздри «такой-же ширины, какъ пасть льва», красныя, темныя, выпуклыя глаза, «по выраженію похожіе на глаза любящей женщины», нѣсколько изогнутую и длинную шею, широкую грудь и широкій крестецъ, узкую спину, крутыя бедра, очень длинныя истинныя ребра и очень короткія ложныя, поджарое тѣло, длинныя голени, «какъ у страуса», съ мускулами, «какъ у верблюда», черное одноцвѣтное копыто, тонкую и рѣдкую гриву и густой хвостъ, толстый у корня и тонкій къ концу. У арабской лошади должны быть четыре широкихъ части: лобъ, грудь, бедра и сочлененія; четыре длинныхъ: шея, верхнія части конечностей, брюхо и пахи, и четыре короткихъ: крестецъ, уши, стрѣлка и хвостъ. Эти качества доказываютъ, что лошадь—хорошей породы и быстра на бѣгу, такъ какъ она въ такомъ случаѣ сложеніемъ своимъ похожа «на борзую собаку, голуби и верблюда сразу». Кобыла должна имѣть: «мужество и ширину головы дикой свиньи, привлекательность, глаза и ротъ газели, веселость и умъ антилопы, плотное сложеніе и быстроту страуса и хвостъ короткій, какъ у гадюки».

Породистую лошадь узнаютъ также и по другимъ признакамъ. Ей нравятся деревья, зелень, тѣнь, проточная вода и притомъ въ такой степени, что при видѣ этихъ предметовъ она ржетъ. Она не пьетъ, пока не коснется воды ногою или ртомъ. Губы ея всегда сжаты, глаза и уши всегда въ движеніи. Свою шею она быстро вытягиваетъ направо и налѣво, какъ будто хочетъ говорить съ сѣдокомъ или просить о чемъ-нибудь. Далѣе утверждаютъ, что она никогда не спаривается со своимъ близкимъ родичемъ. По нашимъ понятіямъ арабская лошадь очень мала,

такъ какъ едва достигаетъ 1,5 м. высоты, очень рѣдко болѣе. Настоящія неджедскія лошади, по В. Г. Пальгрэву и Винченти, въ среднемъ тоже не превосходятъ этой величины. Пальгрэвъ не видѣлъ ни одной, которая достигала-бы вышины 1,6 м. Г. де Вогренанъ описываетъ неджедскихъ лошадей даже, какъ очень маленькихъ, и опредѣляетъ ростъ ихъ лишь въ 1,32—1,43 м. Понятно само собою, что животныя такой незначительной величины, хотя и могутъ спорить съ нашими крупными чистокровными лошадьми, но лишь по выносливости, а не по быстротѣ на бѣгахъ.

Въ глазахъ арабовъ лошадь самое благородное изъ всѣхъ созданныхъ животныхъ и потому она пользуется почти такимъ-же уваженіемъ, какъ знатный чело-вѣкъ, и большимъ, чѣмъ обыкновенный смертный. У народа, скудно населяющаго обширное пространство этой части земного шара, народа, который несравненно менѣе привязанъ къ землѣ, чѣмъ мы, жители запада, главное занятіе котораго составляетъ скотоводство, лошадь необходимо должна быть въ величайшемъ почетѣ. Она необходима арабу для жизни, для существованія, съ помощью ея онъ кочуетъ, путешествуетъ, верхомъ на ней пасетъ свои стада, благодаря ей блистаетъ въ битвахъ, на празднествахъ, общественныхъ собраніяхъ; онъ живетъ, любитъ и умираетъ на своемъ конѣ. Любовь къ лошади — чувство врожденное арабу, особенно бедуину: онъ всасываетъ съ молокомъ матери уваженіе къ этому животному. Это благородное созданіе — самый надежный товарищъ война, самый вѣрный слуга властелина, любимецъ всего семейства. Вотъ поэтому-то арабъ и наблюдаетъ за лошадью съ тревожною заботливостью, изучаетъ ея нравъ, потребности, воспитываетъ ее въ своихъ стихахъ, прославляетъ въ пѣняхъ, находитъ въ ней самый пріятный предметъ для бесѣды. «Когда творецъ пожелалъ создать коня», поучаютъ восточные мудрецы, «онъ сказалъ вѣтру: я хочу, чтобы отъ тебя родилось существо, назначенное для того, чтобы носить моихъ поклонниковъ. Это существо должно быть любимо и почитаемо моими рабами. Оно должно внушать страхъ всѣмъ тѣмъ, которые не слушаются моихъ заповѣдей». И онъ создалъ лошадь и воззвалъ къ ней: «Я сдѣлалъ тебя совершенною. Всѣ сокровища земли лежатъ передъ твоими глазами. Ты будешь повергать подъ свои копыта моихъ враговъ и носить на спинѣ моихъ друзей. Ты станешь сѣдалищемъ, съ котораго будутъ возноситься ко мнѣ молитвы. По всей землѣ ты должна быть счастлива и почитаема больше всѣхъ остальныхъ созданій, такъ какъ тебѣ будетъ принадлежать любовь господина земли. Ты должна летать безъ крыльевъ и побѣждать безъ меча!» Вслѣдствіе такого мнѣнія склонилось повѣрье, что благородная лошадь можетъ быть счастливой лишь въ рукахъ арабовъ; этимъ, говорятъ, объяснялось прежнее нежеланіе уступать коней иновѣрцамъ, которое теперь, правда, уже не строго соблюдается. Абдъ-эль-Кадеръ, когда онъ находился еще на высотѣ своего могущества, наказывалъ смертью всѣхъ правовѣрныхъ, на которыхъ ему доносили, что они продали христіанамъ одну изъ своихъ лошадей.

Всѣ арабы полагаютъ, что благородныя лошади уже цѣлыя тысячелѣтія сохраняются въ одинаковомъ совершенствѣ, и потому заботливо слѣдятъ за разведеніемъ своихъ коней. На жеребцовъ хорошей породы существуетъ очень большой спросъ: владѣльцы кобылы далеко, чтобы достать для случки такихъ жеребцовъ. Въ вознагражденіе за это владѣлецъ жеребца получаетъ въ подарокъ извѣстное количество ячменя, овцу и бурдюкъ молока. Брать деньги считается постыднымъ; тотъ, кто захотѣлъ-бы сдѣлать это, приобрѣлъ-бы позорное названіе «продавца любви лошади». Только въ томъ случаѣ, если отъ знатнаго араба требуютъ, чтобы онъ одолжилъ своего благороднаго жеребца для случки съ обыкновенной кобылой, онъ имѣетъ право отвергнуть просьбу. Во время беременности съ лошадью обращаются очень

осторожно, однако на ней не ѣздятъ лишь въ послѣдніи недѣли. Въ то время, какъ кобыла жеребится, должны присутствовать свидѣтели, чтобы удостовѣрить происхождение жеребенка. Жеребенка воспитываютъ съ особой тщательностью и съ юности смотрятъ на него какъ на члена семьи. Поэтому-то арабскія лошади стали домашними животными и ихъ можно смѣло пускать въ палатку хозяина или къ дѣтямъ.

Съ 18-го мѣсяца начинается воспитаніе благороднаго созданія. Сначала ѣздитъ на немъ пробуетъ мальчикъ. Онъ водитъ лошадь на водопой, на пастбище, чиститъ ее и вообще заботится о всѣхъ ея потребностяхъ. Оба учатся одновременно: мальчикъ становится наѣздникомъ, жеребенокъ—верховымъ конемъ. Но никогда молодой арабъ не заставитъ довѣреннаго ему жеребенка работать слишкомъ много, никогда не будетъ требовать отъ него того, что выше его силъ. За каждымъ движеніемъ животнаго слѣдятъ, обращаются съ нимъ съ любовью и нѣжностью, но не терпятъ упрямства и злости. Лишь на третій годъ надѣваютъ на него сѣдло; по окончаніи третьяго года его постепенно приучаютъ напрягать всѣ свои силы. Лишь тогда, когда лошадь достигла седьмого года, ее считаютъ выученной. Поэтому арабская поговорка говоритъ: «Семь лѣтъ для моего брата, семь лѣтъ для меня и семь лѣтъ для моего врага». Нигдѣ не проникнуты такъ сознаніемъ силы воспитанія, какъ въ пустынѣ. «Всадникъ обучаетъ свою лошадь какъ мужъ свою жену», говорятъ арабы. При этомъ надо однако замѣтить, что, по отзыву безпристрастныхъ знатоковъ, искусство верховой ѣзды стоитъ у арабовъ на очень низкой ступени: они по большей части очень плохіе или по крайней мѣрѣ грубые наѣздники и умѣютъ ѣхать лишь шагомъ или неправильнымъ галопомъ.

Хорошо воспитанная породистая арабская лошадь неутомима, хотя объ этомъ рассказывали и очень много басенъ. В. С. Блентъ много разъ объѣздилъ весь востокъ съ спеціальной цѣлью ознакомиться съ самыми лучшими лошадьми и закупить ихъ; онъ составилъ себѣ очень высокое мнѣніе объ арабской расѣ. Онъ высказываетъ объ этихъ лошадяхъ и ихъ всадникахъ въ главныхъ чертахъ слѣдующее: «Арабская лошадь—смѣлый скакунъ, можетъ-быть самый смѣлый во всемъ свѣтѣ. О быстротѣ ея бѣга сравнительно съ быстротою чистокровной англійской лошади я не могу говорить на основаніи опыта; однако я не думаю, что-бы на разстояніи 3-хъ англійскихъ миль арабская лошадь имѣла какіе-либо шансы обогнать англійскую скаковую лошадь, исключая развѣ того случая, когда эта послѣдняя была второстепеннаго качества. На протяженіи 5 миль дѣло принимаетъ другой оборотъ, и я увѣренъ, что на 20 миляхъ лишь отличная англійская лошадь можетъ равняться съ арабской. Она, повидимому, способна проходить съ тяжелою ношею изумительныя разстоянія, не уставая. Хотя объ этомъ рассказываютъ очень много, но едва-ли возможно выяснить что-либо определенное о дѣйствительной быстротѣ ихъ, такъ какъ бедуины не устраиваютъ правильныхъ скачекъ. Если-бы даже они хотѣли, то не умѣютъ объѣзжать своихъ лошадей такъ, чтобы онѣ могли вполне проявить всѣ свои бѣговыя способности. Ихъ приходится очень сильно погонять, чтобы онѣ прошли галопомъ безъ остановки болѣе 1—2 англійскихъ миль. Даже при необходимости торопиться, лошади постоянно прерываютъ ѣзду остановками и отдыхами, такъ что непрерывная ѣзда въ теченіи цѣлаго дня для нихъ вещь незнакомая. Тѣмъ не менѣе арабы пробѣгаютъ такимъ образомъ, т. е. галопомъ, прерываемымъ частыми отдыхами, чрезвычайно большія разстоянія и остаются въ пути иногда цѣлый мѣсяць; въ теченіи этого времени ихъ лошади получаютъ очень недостаточный кормъ и часто цѣлые дни не получаютъ воды, къ тому-же онѣ подвергаются всѣмъ переменамъ погоды—жарѣ, холоду и сильному вѣтру. Такимъ образомъ лошадей цѣнятъ болѣе за ихъ силу и выносливость при неблаго-

приятныхъ условіяхъ, чѣмъ за быстроту». Кромѣ того Блентъ не разъ указываетъ на то, что бедуины проявляютъ болѣе гордости, что владѣютъ хорошей лошадыю, чѣмъ привязанности къ ней; они очень хорошо знаютъ ихъ цѣну въ продажѣ и обращаютъ болѣе вниманія на происхожденіе лошади, чѣмъ на ея качества. Объ этомъ, впрочемъ, Винченти высказывается совсѣмъ иначе; онъ говоритъ: «Бедуинъ требуетъ безусловно одного, именно — чтобы родители кобылы были свободны отъ недостатковъ, или, другими словами, безукоризненная кобыла неизвѣстнаго происхожденія дороже ему, чѣмъ имѣющая недостатки, но могущая похвастаться блестящимъ родословнымъ деревомъ». Происхожденіе жеребенка опредѣляется по матери, т. е. принадлежность его къ тому или другому семейству лошадей опредѣляется по кобылѣ, а не по жеребенку.

Арабы различаютъ много семействъ своихъ лошадей; каждая область, каждое племя хвалится своими. Въ Аравіи, вообще въ областяхъ, лежащихъ между Краснымъ моремъ и Евфратомъ, различаютъ, по словамъ Блента, еще въ настоящее время 21 породу или семейство; изъ нихъ 5 — самыхъ знаменитыхъ, которые соединяются вмѣстѣ подъ названіемъ «Кхамса» и представляютъ породы, происшедшія, какъ было уже сказано, отъ пяти кобылъ Соломона. Наиболее древняя и благородная называется «Кехиланъ» или, какъ указываетъ Нибуръ, «Кохлани». Относительно самыхъ знаменитыхъ изъ всѣхъ арабскихъ лошадей, такъ называемыхъ «Неджеди», которыхъ разводятъ въ Неджедѣ, существуетъ какое-то недоразумѣніе. Пальгрэвъ говоритъ о нихъ съ увлеченіемъ; Де-Вогренанъ называетъ ихъ самой благородной расой на всемъ востокѣ; Винченти говоритъ, что арабскіе старшины изъ политическихъ соображеній иногда посылаютъ нѣсколько лошадей въ подарокъ турецкому султану, шаху персидскому и египетскому хедиву. «Если-бы не это, то торговцамъ лошадьми въ Сирійской пустынѣ едва-ли пришлось-бы увидѣть хотя-бы одну настоящую «неджеди»; Блентъ и Кольвилль высказываютъ очень основательныя сомнѣнія о ихъ подлинности. Такъ что еще и теперь приходится согласиться съ Шварцнеккеромъ, который писалъ объ этихъ лошадяхъ въ предпоследнее десятилѣтіе слѣдующее: «Въ концѣ концовъ самая благородная лошадь пустыни представляетъ такимъ образомъ довольно сказочное существо, которое много разъ описывали, рѣдко видѣли и вѣроятно еще рѣже привозили, а можетъ быть и вовсе не привозили въ Европу».

Интересно послушать похвалы, расточаемыя благородной лошади. «Не говори, что это животное моя лошадь, скажи, что оно мой сынъ! Она бѣгаетъ быстрѣе бурнаго вѣтра, быстрѣе, чѣмъ взглядъ скользитъ по равнинѣ. Она чиста, какъ золото. Ея взоръ ясенъ и зрѣніе такъ остро, что она видитъ волосокъ въ темнотѣ. Она догоняетъ на бѣгу газель. Орду она говоритъ: я несусь по воздуху такъ-же, какъ ты! Когда она слышитъ пѣніе дѣвушекъ, она ржетъ отъ радости, а свистъ пуль поднимаетъ ея духъ. Изъ рукъ женщинъ она выпрашиваетъ себѣ подачку, а врага бьетъ копытами въ лицо. Когда она можетъ бѣжать по желанію ея сердца, она проливаетъ изъ глазъ слезы радости. Для нея все равно, чисто-ли небо, или бурный вѣтеръ пылью застилаетъ солнце, такъ какъ благородный конь презираетъ ярость бури. На этомъ свѣтѣ нѣтъ лошади ей равной. Она несется съ быстротою ласточки, она такъ легка, что могла-бы танцовать на груди твоей возлюбленной, и та не ощутила-бы ея тяжести. Поступь ея такъ спокойна, что на подномѣ скаку ты можешь выпить на ея спинѣ полную чашку кофе, не проливъ ни капли. Она понимаетъ все, какъ сынъ Адама; ей недостаетъ лишь языка.»

Рядомъ съ настоящей арабской лошадыю стоитъ **Берберская** лошадь, лошадь сѣверной Африки, и Сахары, которой Домъ посвятилъ особое сочиненіе. Эта восточная порода нашла широкое распространеніе въ Европѣ. «Всѣ знатоки

лошадей согласны между собою въ томъ», говоритъ графъ Врангель, «что эта лошадь происходитъ отъ древней нумидійской расы, которая приобрѣла извѣстность еще во время Пуническихъ войнъ. Менѣе единогласія существуетъ относительно древнѣйшихъ предковъ берберской лошади. Абдъ-эль-Кадеръ утверждалъ, правда, очень опредѣленно, что берберская раса арабскаго происхожденія. Однако другіе авторы, познанія которыхъ въ исторіи, конечно, превосходятъ познанія, приобретенныя храбрымъ эмиромъ въ теченіи его славной жизни, защищаютъ такъ-же рѣшительно взглядъ, что берберская лошадь есть самостоятельная порода, возникшая въ сѣверной Африкѣ. Какъ обстоитъ дѣло въ дѣйствительности, рѣшить трудно. Самые благородныя берберскія лошади разводятся въ Тунисѣ; ближе всего къ нимъ стоятъ лошади въ алжирской части пустыни Сахары и послѣднее мѣсто занимаютъ мароккскія лошади». Тотчасъ послѣ настоящей пустынной арабской графъ Врангель ставитъ **Сирийскую** лошадь и такъ называемую Багдадли, т. е. багдадскую. Изъ менѣе благородныхъ, но болѣе крупныхъ и съ широкою костью восточныхъ расъ можно было-бы привести **курдскую**, **персидскую** и **туркменскую**; отъ послѣдней путемъ скрещиванія съ арабской лошадью произошла въ высшей степени благородная кавказская, **карабахская** лошадь. Туркменская раса, какъ указываетъ фонъ-Миддендорфъ, опираясь на данныя Вилькинса, приобрѣла свои превосходныя качества, благодаря тому, что на ея родину ввозилось очень много арабскихъ лошадей. Различаютъ двѣ породы: лошади текинскія, знаменитыя своей невѣроятной выносливостью во время длинныхъ переѣздовъ, и іомудскія, славящіяся своей быстротой. «Въ галопѣ», сообщаетъ намъ А. Вальтеръ, «іомудскій жеребецъ неспособенъ. Намъ никогда не попадались между туркменскими лошадьми хорошіе рысаки, да и туркменовъ можно видѣть ѣдущими исключительно шагомъ или галопомъ. Изумительна также невзыскательность этихъ лошадей и именно ихъ способность переносить жажду. Съ этими качествами онѣ соединяютъ положительно баснословную выносливость и твердость поступи, особенно если имъ приходится карабкаться по каменистой почвѣ въ самыхъ опасныхъ для путешествія горныхъ мѣстностяхъ». Этотъ отзывъ вполне подтверждаетъ Г. Мозеръ, описывая, на что способны эти лошади во время «аламановъ», разбойничьихъ наѣздовъ текинцевъ. Къ сожалѣнію, по А. Вальтеру, благородная раса туркменскихъ лошадей очень ухудшается, такъ какъ владѣльцамъ ихъ не позволяютъ заниматься разбоемъ, и они вслѣдствіе этого не до такой степени, какъ раньше, находятся въ зависимости отъ качествъ своихъ лошадей и поэтому охотно продаютъ самыхъ лучшихъ русскимъ офицерамъ. Впрочемъ, говорятъ, что то-же самое происходитъ со времени распространенія огнестрѣльнаго оружія и съ благородной породой арабскихъ лошадей.

«Самый благородный родственникъ арабской лошади въ Европѣ», говоритъ графъ Врангель, «это **англійская чистокровная** лошадь. Многіе знатоки утверждали даже, что различіе между этими обѣими расами заключается лишь въ небольшихъ отклоненіяхъ, вызванныхъ измѣненными условіями жизни, и что слѣдовательно въ жилахъ англійской чистокровной лошади течетъ несмѣшанная восточная кровь. Это утвержденіе свидѣтельствуетъ однако о недостаточномъ знакомствѣ съ исторіей англійской лошади, такъ какъ родословная расы этой доставляетъ намъ, напротивъ, неопровержимое доказательство того, что въ ней нѣтъ ни одной лошади, для которой можно было-бы доказать исключительно восточное происхожденіе, какъ съ отцовской, такъ и съ материнской стороны. Авторъ на основаніи историческихъ данныхъ принимаетъ, что въ Англій существовала уже облагороженная порода, прежде чѣмъ кто-нибудь сталъ думать о правильномъ скрещиваніи съ восточной кровью. Онъ пере-

числяетъ 24 самыхъ извѣстныхъ восточныхъ лошадей, ввезенныхъ въ Англiю до 1770 г. для завода; изъ нихъ лишь три: «Darley Arabian», «Byerly Turk» и «Godolphin Arabian» стали родоначальниками трехъ большихъ основныхъ поколѣній англiйскихъ чистокровныхъ лошадей. Эти послѣднiя представляютъ теперь ничто иное, «какъ продуктъ спорта, полученный путемъ продолжительнаго подбора лошадей, обученныхъ для скачекъ, такъ называемаго тренированiя, и обусловленный тщательнымъ спариванiемъ, воспитанiемъ и кормленiемъ». Авторъ указываетъ далѣе, «что драгоценнѣйшiя качества благородной лошади: быстрота, выносливость и энер-

Скаковая англiйская лошадь $\frac{1}{24}$ наст. вел.

гiя, могутъ быть получены и укрѣлены лишь путемъ упражненiя на скачкахъ». Какъ по формѣ тѣла, такъ и по качествамъ современная чистокровная лошадь во всѣхъ отношенiяхъ превосходитъ своихъ предковъ; между ними существуетъ большое число прекрасныхъ лошадей, которыя достигаютъ вышины 1,75 м. и болѣе. Сложенiе стало благороднѣе и пропорциональнѣе, чѣмъ у арабскаго коня. Ихъ вывозятъ во всѣ страны, населенныя европейцами, для того, чтобы облагораживать мѣстныя породы лошадей.

Третiй представитель чистокровныхъ лошадей—англо-арабская лошадь, происходящая отъ произведеннаго лишь недавно непосредственнаго скрещиванiя

англійской и арабской чистокровной лошади. Кромѣ того В. С. Влѣнтъ старается разводить въ Англии на своемъ конскомъ заводѣ, называемомъ Краббетъ Паркъ, чистую породу восточныхъ лошадей отъ родителей, купленныхъ имъ лично на ихъ родинѣ.

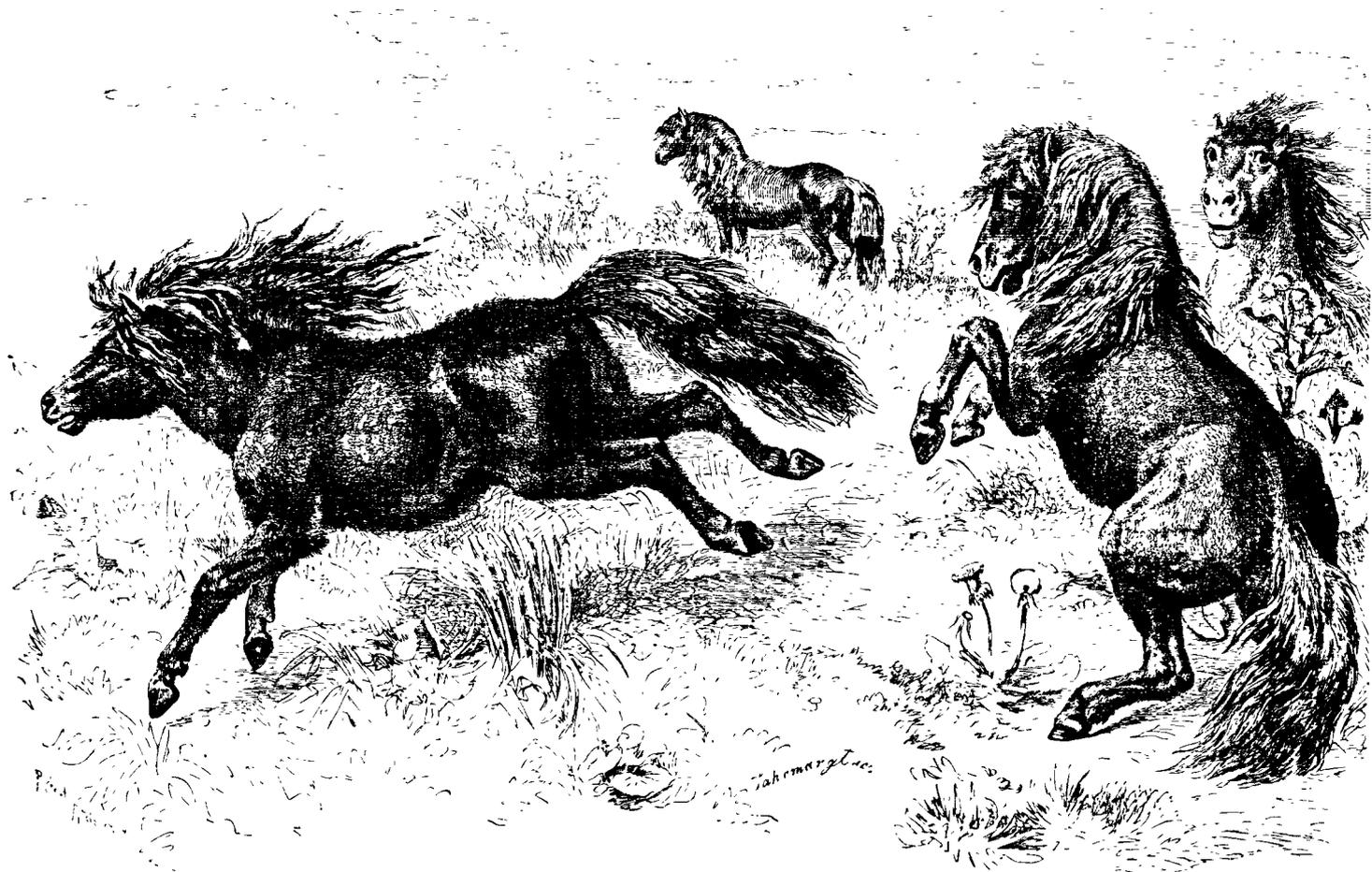
За чистокровными слѣдуютъ гораздо болѣе многочисленныя полукровныя породы. Общепринятое положеніе гласитъ: безъ скачекъ нѣтъ чистокровныхъ лошадей, безъ чистокровныхъ нѣтъ полукровныхъ, безъ полукровныхъ нѣтъ хорошихъ лошадей для общаго употребленія. Этотъ рядъ мыслей не требуетъ ближайшаго объясненія.

Въ Германіи на разведеніе лошадей стали обращать должное вниманіе лишь съ начала прошлаго столѣтія. До того времени довольствовались обыкновенными лошадьми и не старались облагородить породу. Въ концѣ XVII-го вѣка коневодство въ Германіи стояло, вѣроятно, повсюду на болѣе низкой ступени, чѣмъ въ средніе вѣка, когда, какъ извѣстно, съ востокомъ поддерживались несравненно болѣе оживленныя сношенія. О мѣстномъ коневодствѣ не было и рѣчи. Въ Пруссіи лишь Фридрихъ Вильгельмъ I поставилъ его на болѣе твердую почву. Прежде всего, чтобы снабдить свои придворныя конюшни хорошими лошадьми, онъ въ 1732 г. построилъ конскій заводъ Тракененъ и тѣмъ положилъ начало разумному облагороженію древне-прусской породы, оставленной до того времени безъ вниманія. Путемъ многократнаго скрещиванія съ восточными и особенно съ англійскими чистокровными лошадьми постепенно получили **Тракенскую** лошадь, прекраснѣ сложенную, выносливую и вообще хорошую во всѣхъ отношеніяхъ. Въ настоящее время ее съ полнымъ правомъ можно назвать нѣмецкой лошадью, тѣмъ болѣе что Тракенскій заводъ и его отдѣленія имѣли, и теперь еще имѣютъ, огромное вліяніе на разведеніе и облагороженіе всѣхъ вообще прусскихъ лошадей. Точно также они имѣютъ величайшее значеніе для нѣмецкой кавалеріи. «Поэтому вполне понятна та гордость», пишетъ графъ Врангель, «съ которой всѣ германскіе наѣзники указываютъ на восточную Пруссію, гдѣ находится этотъ заводъ».

Въ Германіи разводятъ другія полукровныя породы въ Ганноверѣ, Ольденбургѣ, Мекленбургѣ и Голштиніи. Далѣе къ этому-же отдѣлу принадлежатъ: въ Австріи линцианскія лошади и кладрубскія, близко сродныя съ испанской полукровной породой — **андалузской** лошадью; во Франціи англо-норманская и англо-бритонская лошадь; въ Россіи-орловская, а также нѣкоторыя породы донскихъ и кавказскихъ лошадей; въ Англии различныя породы высоко облагороженныхъ верховыхъ лошадей, извѣстныхъ подъ названіемъ Hunters, Hacks, Roadsters, а также ставшая рѣдкою большая клевелэндская лошадь; въ Америкѣ—нѣкоторыя породы рысаковъ. Лошади, происходящія отъ приведенныхъ здѣсь полукровныхъ породъ, какъ и слѣдовало ожидать, очень разнообразны какъ по сложенію, такъ и по качествамъ. Онѣ принадлежатъ къ легкимъ, среднимъ и тяжелымъ лошадямъ и употребляются въ качествѣ превосходныхъ верховыхъ или выѣздныхъ лошадей, или какъ хорошія рабочія лошади; нѣкоторыя изъ нихъ отличаются большою силою.

Изъ третьяго отдѣленія, обнимающаго безкровныя породы, мы приведемъ здѣсь лишь слѣдующія тяжелыя породы: **англійская, клайдесдэльская и ломовая** лошадь, **першероны, арденская лошадь, пинцгаунская, ютландская и русскій битюгъ**.

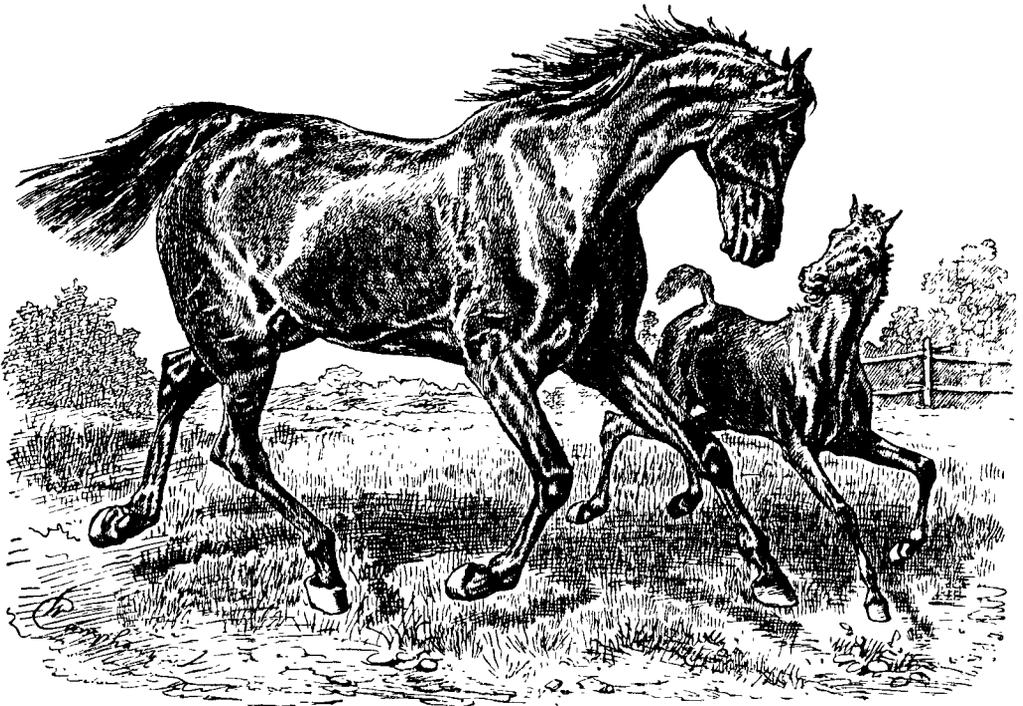
Лошади крупныхъ породъ могутъ достигать вышины 1.8 м. въ загривкѣ; противоположность имъ составляютъ **пони**, которые бывають часто вдвое меньше. Самая маленькая лошадь—**шотландскій пони** съ густою, длинною, косматою гривой и пушистымъ хвостомъ—достигаетъ обыкновенно 90 см. вышины, иногда лишь 85 см. и даже 82 см., слѣдовательно не больше крупной собаки. Лошади тяжелыхъ бель-

ПОНИ ШЕТЛАНДСКИХЪ ОСТРОВОВЪ.

гійскихъ, сѣверо-французскихъ или англійскихъ породъ вѣсятъ въ среднемъ 750 kgr., часто даже 800 kgr., въ рѣдкихъ — же случаяхъ вѣсъ ихъ доходить до 900—1000 kgr. Больше легкія рабочія лошади, каковы ганноверскія, ольденбургскія и другія, имѣютъ средній вѣсъ около 500 kgr.

Сообразно съ особенностями и рабочая сила лошадей бываетъ чрезвычайно различной. Въ общемъ можно сказать, что лошадь можетъ нести до 175 kgr., слѣдовательно въ среднемъ около четверти своего вѣса, но по твердой дорогѣ везеть 2500 kgr., а ломовики даже 3000—3500 kgr., т. е. тяжесть, которая въ среднемъ по крайней мѣрѣ въ четыре раза превосходитъ ея собственный вѣсъ. При такихъ условіяхъ лошадь проходитъ около 4 килом. въ часъ, а ненагруженная въ то-же время шагомъ — около 5 килом.; крупныя лошади съ болѣе легкимъ ходомъ идутъ шагомъ нѣсколько быстрѣе.

Тракенская лошадь. $\frac{1}{25}$ наст. вел.

Выѣздныя лошади спокойной рысью проходятъ 1 килом. въ 5—4 минуты, рысакъ то-же разстояніе почти вдвое скорѣе, самые лучшіе рысакъ въ упряжи на ипподромѣ могутъ пробѣгать 1 килом. въ 1,6—1,5 минутъ. Скаковыя лошади, которыя вмѣстѣ съ всадниками и сѣдломъ вѣсятъ немного болѣе 400 kgr., пробѣгаютъ по ровной дорогѣ въ среднемъ 900 м., иногда даже 1000 м. и болѣе въ минуту. Ноша легкой кавалерійской лошади равна 46 kgr., не включая сюда вѣса всадника, въ 60—80 kgr.; дневной переѣздъ ея 22—30 килом., усиленный переѣздъ 50—60 килом. При продолжительныхъ поѣздкахъ очень хорошія лошади, запряженныя въ легкій экипажъ, безъ вреда могутъ проходить ежедневно среднимъ счетомъ не болѣе 70—80 килом.

Кромѣ обыкновеннаго свѣжаго и сухого корма лошадь можно приучить къ тому, что она охотно ѣстъ и животную пищу, и при этомъ чувствуетъ себя совершенно хорошо, напр.: въ сѣверныхъ странахъ она приучается ѣсть сушеную

рыбу. Во время осады Меца (1870 г.) многія французскія лошади были подъ конецъ спасены отъ голодной смерти исключительно мясной пищей; онѣ чувствовали себя отлично, питаясь сырымъ или варенымъ мясомъ, котораго получали ежедневно по 2—3 kgr. Бедуины даютъ своимъ лошадямъ ячмень и верблюжье молоко, а особенно охотно саранчу. На нее, какъ указываетъ Винченци, смотрятъ въ пустынѣ, какъ на манну небесную.

Въ настоящее время домашняя лошадь распространена почти по всему земному шару. Ея нѣтъ лишь въ самыхъ холодныхъ странахъ и на нѣкоторыхъ островахъ, гдѣ человѣкъ еще не нуждается въ ней. Сухія мѣстности она предпочитаетъ влажнымъ, болотистымъ, хотя можетъ ѣсть болѣе грубое сѣно, чѣмъ другія домашнія животныя. Лошадей при разведеніи держатъ или въ дикомъ состояніи, или колудникомъ, или домашнемъ. Въ первомъ случаѣ, напримѣръ въ Россіи, табуны цѣлый годъ остаются въ степи и предоставляютъ самимъ себѣ. Рождающіяся тамъ лошади очень выносливы, сильны и неприхотливы, но никогда не достигаютъ такой красоты, какъ рожденные и воспитанныя подъ присмотромъ человѣка. Въ полудикомъ состояніи табуны лошадей бродятъ съ весны до осени по лѣсамъ или обширнымъ пастбищамъ, а зимою ихъ держатъ на конюшняхъ и ухаживаютъ за ними. Наконецъ высшую степень заботливости человѣка о лошади мы видимъ на конскихъ заводахъ, гдѣ разведеніе ведется подъ строжайшимъ присмотромъ.

Коневодство, какъ и требуетъ его высокое значеніе для народнаго хозяйства, стало наукой. Ей посвящаютъ себя все болѣе и болѣе крупныя научныя силы. Первое и главнѣйшее условіе успѣха заключается въ умѣломъ и искусномъ выборѣ производителей, причѣмъ должно постоянно имѣть въ виду ту специальную цѣль, которой хотять добиться въ потомствѣ. Послѣ выбора родителей результатъ разведенія обусловливается главнымъ образомъ цѣлесообразнымъ воспитаніемъ жеребятъ, такъ какъ задатки хорошихъ качествъ, унаслѣдованныхъ отъ родителей, развиваются лишь при благоприятныхъ для нихъ условіяхъ.

Спариваніе лошадей происходитъ между концомъ марта и началомъ іюня. Трехлѣтняя кобыла способна уже къ размноженію; жеребца же неохотно допускаютъ къ спариванію ранѣе конца четвертаго года. Начиная съ седьмого года, его достаточно для 50—100 кобылъ. Послѣднія рождаютъ черезъ 11 мѣсяцевъ послѣ совокупленія жеребенка, который является на свѣтъ зрячимъ и покрытымъ шерстью и черезъ нѣсколько минутъ послѣ рожденія можетъ стоять и ходить. Ему даютъ въ теченіи 5 мѣсяцевъ сосать, рѣзвиться и играть, а потомъ постепенно отучаютъ отъ молока. Въ первый годъ волоса его шерстисты, грива короткая, прямостоячая и курчавая, точно такъ, какъ и хвостъ; на второмъ году шерсть становится болѣе блестящей, грива и хвостъ длиннѣе и глаже. Послѣ 2 лѣтъ возрастъ довольно правильно опредѣляется по рѣзцамъ. Изъ нихъ черезъ 8—14 дней послѣ рожденія появляются вверху и внизу 2 среднихъ, такъ называемые зацѣпы; черезъ двѣ или три недѣли послѣ того по обѣимъ сторонамъ ихъ прорѣзывается еще по зубу. Черезъ 5—6 мѣсяцевъ выступаютъ наружные или угловые рѣзцы, и на этомъ заканчивается образованіе молочныхъ зубовъ. На видъ они короткіе, гладкіе, блестящіе, молочно-бѣлаго цвѣта. Послѣ выпаденія ихъ лошадь получаетъ постоянные зубы (лошадиные зубы). Въ половинѣ третьяго года выталкиваются и замѣняются новыми зубами такъ называемые зацѣпы; годомъ позже смѣняются слѣдующіе рѣзцы, въ ближайшемъ году угловые или вѣрнѣе наружные рѣзцы. Вмѣстѣ съ ними прорѣзываются клыки, что служитъ знакомъ, что животное окончило свое развитіе. Съ пятаго года для опредѣленія возраста лошади смотрятъ на ямки въ зубахъ, которыя называютъ также чашечками или забѣлинами; это черно-бурыя углубленія величиною въ чечевицу на

стертой поверхности зуба. Они стираются на внутренней парѣ рѣзцовъ нижней челюсти въ возрастѣ 5—6 лѣтъ, на среднихъ на 7-мъ году, на наружныхъ на 8-мъ году. Затѣмъ подобное стираніе и въ той-же послѣдовательности происходитъ на верхнихъ зубахъ, пока на одиннадцатомъ или двѣнадцатомъ году не исчезнутъ всѣ ямки. Съ теченіемъ времени постепенно измѣняется и форма зубовъ: именно, подъ старость они становятся уже. У нѣкоторыхъ лошадей ямки никогда не стираются.

Лошадь мѣняетъ лишь мелкіе, короткіе волосы и главнымъ образомъ весною.

Першеронъ. $\frac{1}{20}$ наст. вел.

Болѣе длинныя зимніе волосы въ это время такъ быстро выпадаютъ, что уже въ теченіи мѣсяца они вполнѣ исчезаютъ. Линяніе происходитъ постепенно и съ начала сентября или октября волоса начинаютъ снова замѣтно удлиняться. Грива и хвостъ не подвергаются линянію.

Къ сожалѣнію, лошадь подвержена многимъ болѣзнямъ. Важнѣйшія изъ нихъ — наכולный грибокъ, опухоль и позднѣйшее затвердѣніе пяточного сочлененія; мышь, — опухоль железъ подъ нижней челюстью; короста, — сухая или мокрая сыпь, при которой выпадаютъ волосы; саль, — сильное воспаленіе носовой перегородки, которое

страшно заразительно и переходитъ даже на человѣка, острое бѣшенство, болѣзнь мозга или оглушь—подобное-же страданіе; сѣрыя и черныя бѣлмы на глазахъ и другія. Кромѣ того животное мучаютъ многочисленныя внутренніе и наружныя паразиты

Лошадь можетъ достигать 40 лѣтъ и болѣе, но съ нею часто такъ дурно обращаются, что она иногда старѣеть уже въ 20 лѣтъ; нужно признать, что она лишь въ рѣдкихъ случаяхъ достигаетъ 30 лѣтъ. Лошадь, на которой ѣздилъ въ турецкую войну австрійскій фельдмаршалъ Ласи, по приказанію императора пользовалась заботливымъ уходомъ и, какъ говорить, достигла 46-ти лѣтняго возраста.

О качествахъ, привычкахъ, нравѣ и особенностяхъ лошадей, короче, объ ихъ духовной жизни, я предоставляю говорить Шейтлину. «Лошадь», по его словамъ, имѣетъ способность различать нищу, жилище, пространство, время, освѣщеніе, цвѣтъ, форму, также семейство своего хозяина, сосѣдей, друзей, враговъ, товарищей, людей и вещи. Она можетъ воспринимать впечатлѣнія и представленія, имѣетъ память и большую разностороннюю воспримчивость къ различнымъ состояніямъ своего тѣла и души. Она при различныхъ условіяхъ бываетъ въ хорошемъ или дурномъ расположеніи духа, довольна окружающей обстановкой или требуетъ чего ей хочется, она способна даже къ страстямъ, напимѣръ къ любви и ненависти. Лошадь очень умна и легко усваиваетъ дрессировку, такъ какъ чрезвычайно понятлива.

«Многія животныя видятъ и слышатъ лучше лошади. Она обладаетъ также не особенно тонкимъ обоняніемъ и вкусомъ, а осязаніе вообще слабое, нѣсколько тоньше лишь на губахъ. Зато ея способность изучать до мелочей близкіе предметы удивительна: она научается точно узнавать все ее окружающее, тѣмъ болѣе, что съ этимъ связывается превосходная память. Всякій отлично знаетъ, какъ хорошо помнить лошадь мѣста, свою конюшню, дороги и мосты, какъ вѣрно она узнаетъ тропинку, по которой хоть разъ прошла. Она даже знаетъ дорогу гораздо лучше, чѣмъ тотъ, кто ею управляетъ. Увѣренная въ своемъ знаніи, она на перекресткѣ упрямится и не хочетъ идти не по настоящей дорогѣ. Всадникъ или кучеръ могутъ спокойно спать и предоставить выборъ дороги лошади въ самую темную ночь. Многихъ пьяныхъ извозчиковъ выручали такимъ образомъ ихъ лошади и спасали путникамъ жизнь и имущество. Какъ быстро узнаетъ она постоянный дворъ, въ который хоть разъ заѣзжала, и всегда исполнѣ увѣрена, что надо опять заѣхать! Она какъ-будто подозрѣваетъ, что извозчикъ или всадникъ не такъ хорошо знаютъ этотъ постоянный дворъ, какъ она, какъ будто-бы она должна показать имъ дорогу. Но разъ миновавъ постоянный дворъ, она опять бѣжитъ совершенно спокойно, какъ-бы убѣдившись въ своей ошибкѣ, и признавъ, что хозяинъ поступилъ справедливо, такъ какъ онъ не хотѣлъ теперь заѣзжать туда. Однако она узнаетъ постоянный дворъ не по вывѣскѣ и охотно бѣжитъ мимо тѣхъ, въ которыхъ никогда еще не была. Своего прежняго хозяина и работника она сразу узнаетъ даже по прошествіи многихъ лѣтъ, подбѣгаетъ къ нему, ржетъ, видя его, лижетъ и обнаруживаетъ искреннюю радость; она только не знаетъ хорошенько, какъ выразить свой восторгъ. Она тотчасъ замѣчаетъ, если на нее сядетъ кто-нибудь чужой, а не хозяинъ, и иногда оглядывается назадъ, чтобы исполнѣ удостовѣриться въ этомъ. Она отлично понимаетъ значеніе словъ сторожа и исполнѣ имъ повинуется. Она идетъ изъ конюшни къ колодцу, къ повозкѣ, позволяетъ надѣвать сбрую, бѣгаетъ за работникомъ, какъ собака, сама идетъ обратно въ конюшню. На новаго человѣка или на новую лошадь она смотритъ осмысленно, совершенно иначе, чѣмъ корова на новыя ворота. Все новое сильно возбуждаетъ ее: новая телѣга, новая карета, все это ей интересно.

«Ея попятливость, память и добродушіе дѣлаютъ возможнымъ обученіе ея

всѣмъ фокусамъ, которымъ научаютъ слона, осла и собаку. Ей приходится отгадывать загадки, отвѣчать на вопросы, движеніемъ головы отвѣчать да и нѣтъ, ударами копыта, смотря на часы, отбивать который часъ и т. д. Она смотритъ на движеніе рукъ и ногъ своего учителя, понимаетъ значеніе словъ и взмаховъ кнута, такъ что въ умѣ ея существуетъ уже небольшой словарь. По приказанію она представляется больной, стоитъ съ глупымъ видомъ, разставивъ ноги, и вѣшаетъ голову, печально и какъ-бы утомленная шатается, медленно, тяжело опускается на землю, лежитъ, какъ мертвая, позволяетъ сидѣть на себѣ, раздвигать ноги, дергать за хвостъ, всовывать пальцы въ свои чувствительныя уши и т. д., но по новому знаку хозяина вскакиваетъ и снова бодра и весела: она исполнѣ поняла приказаніе. Сомнительно, что бы эта шутка, которую она часто должна повторять, ей нравилась: ей конечно пріятно лишь бѣгать и прыгать. Сколько времени надо, чтобы научить ее прыгать сквозь два большихъ обруча, разставленныхъ довольно далеко и затянутыхъ бѣлою бумагой, которые представляются ей бѣлою стѣною? Неудивительно, что человѣкъ можетъ и хочетъ учиться, а удивительно, что лошадь можетъ учиться. Въ самомъ дѣлѣ приходится спрашивать, не чему она можетъ научиться, а чему она не можетъ научиться.

«Кто хочетъ научить лошадь исполнить что-нибудь какъ человѣкъ, тотъ долженъ по крайней мѣрѣ сначала учить ее по-человѣчески, т. е. не побоями, угрозами или голодомъ, а дѣйствовать лишь добрымъ словомъ и обращаться съ нею совершенно такъ, какъ добрый и умный человѣкъ обращается съ другимъ. Что вліяетъ на человѣка, то вліяетъ и на лошадь. Во многомъ лошади очень похожи на дѣтей и въ хорошемъ, и въ дурномъ. Въмѣстѣ съ памятью мѣста лошадь обладаетъ и понятіемъ о времени. Она научается идти въ тактъ, ѣхать рысью, галопомъ и танцевать. Она умѣетъ также различать время, знаетъ утро-ли, полдень или вечеръ. Она не лишена даже музыкальнаго чувства и, какъ воинъ, любитъ звукъ трубы. Она весело бьетъ о землю копытомъ, когда слышитъ этотъ звукъ, призывающій къ скачкѣ или къ битвѣ; она знаетъ и понимаетъ также барабанный бой и вообще всѣ звуки, внушающіе ей мужество или страхъ. Она узнаетъ пушечную пальбу, но неохотно слышитъ ее, если ей пришлось видѣть на полѣ сраженія другихъ коней, убитыхъ выстрѣлами. Громъ тоже неприятенъ ей. Можетъ быть на нее дурно вліяетъ гроза.

«Лошадь очень подвержена страху и въ этомъ отношеніи походитъ на человѣка. Она пугается необыкновеннаго звука, необыкновеннаго предмета, развѣвающегося знамени, рубашки, вывѣшенной изъ окна и колеблемой вѣтромъ; тщательно осматриваетъ каменистую дорогу, осторожно входитъ въ ручей или въ рѣку. Лошадь, упавшая въ помойную яму и вытщенная оттуда, была сильно испугана; другая, соскочившая въ яму для ломки известняка, добровольно дала связать себя и вытщить: она хотѣла помочь спасавшимъ ее. На узкихъ горныхъ тропинкахъ она вся дрожитъ, такъ какъ знаетъ, что должна надѣяться лишь на свои ноги и не можетъ ни обо что опереться. Молніи она очень боится и въ грозу дрожитъ и потѣетъ. Если одна лошадь бросается въ бѣгство, то другая, не испуганная, можетъ удержать ее; обыкновенно-же испугъ овладѣваетъ и другой, и обѣ мчатся подъ вліяніемъ все возрастающаго страха, бѣшено летятъ черезъ все, что попадается на пути къ дому и останавливаются лишь на дворѣ или у стѣны. Сколько несчастій прямо или косвенно въ подобныхъ случаяхъ причиняетъ это животное, которое обыкновенно такъ разумно, послушно и благо нравно, которое повинуется хозяину, работнику, женщинѣ, дѣвушкамъ, — словомъ каждому, кто съ нимъ хорошо обращается!

«Лошадь, какъ дитя, можетъ удивляться, смущаться, пугаться отъ незначи-

тельныхъ обстоятельствъ; но ее легко можно вывести изъ заблужденія и, благодаря ея уму, ее не трудно познакомить съ новыми предметами. Ясно, что умъ ея можетъ помутиться, какъ у человѣка, что она можетъ сойти съ ума. Не одна лошадь была уже безвозвратно испорчена грубымъ обращеніемъ, руганью и побоями конюховъ. была лишена всѣхъ своихъ цѣнныхъ внутреннихъ качествъ и сдѣлалась совершенно глухой и сумасшедшей. Напротивъ, хорошее обращеніе облагораживаетъ лошадь, высоко ставитъ ее и дѣлаетъ полу-человѣкомъ.

«У лошади есть одно только истинное удовольствіе—скачка. Она отъ природы странникъ. Только ради удовольствія насущіяся лошади въ русскихъ степяхъ скачутъ, галопомъ слѣдуютъ по цѣлымъ часамъ за повозкой, уходятъ даже на разстояніе дневного пути съ увѣренностью, что найдутъ свой длинный обратный путь. На пастбищахъ онѣ весело рѣзвятся, бьютъ передними и задними ногами и дѣлаютъ разныя шалости, скачутъ вмѣстѣ, кусаютъ другъ друга. Есть такія зазорныя, которыя постоянно дразнятъ другихъ. Молодые дразнятъ даже людей. Это замѣчательный фактъ! Животное, которое пытается играть съ человѣкомъ, должно вѣдъ чувствовать себя близкимъ къ нему, почти видѣть въ немъ себѣ подобнаго!

«Жеребецъ страшное животное. Его сила громадна, его мужество непомерно, его глаза мечутъ огонь. Кобыла гораздо тише, добродушнѣе, послушнѣе, уступчивѣе; поэтому ее часто и предпочитаютъ жеребцу. Лошадь способна ко великимъ чувствамъ. Она любитъ и ненавидитъ, бываетъ завистливой и мстительной, коварной и т. д. Ни одна лошадь не похожа на другую. Одна зла и любитъ кусаться, лукава и коварна, другая довѣрчива и кротка. Или природа, или воспитаніе, или и то, и другое вмѣстѣ сдѣлали ихъ различными.

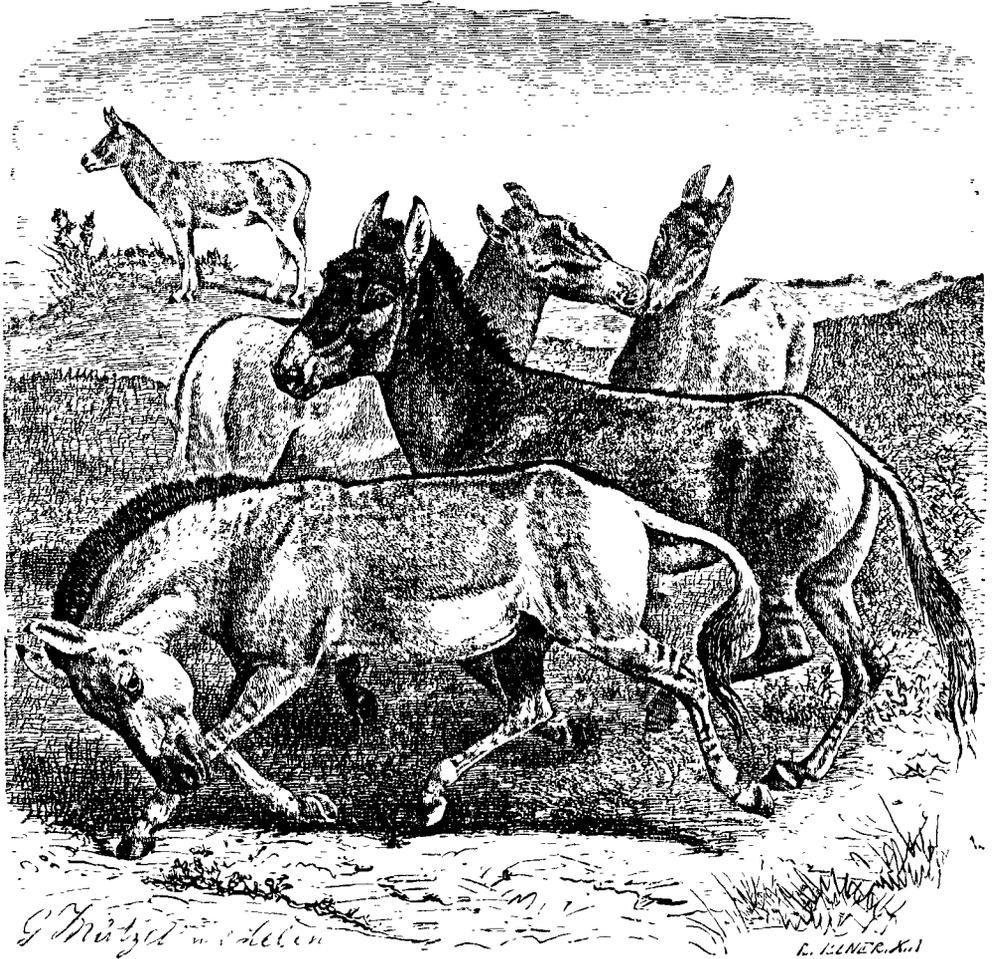
«Какъ различна судьба лошадей! Жребій большинства ихъ таковъ, что въ молодости ихъ любятъ и кормятъ овсомъ, въ старости заставляютъ возить тяжести и даютъ жесткую траву, бьютъ и презираютъ. Многихъ коней оплакивали люди и справедливо воздвигали имъ мраморные памятники. У нихъ есть дѣтство для игры, молодость для щегольства, зрѣлый возрастъ для работы, наконецъ наступаетъ возрастъ, въ которомъ онѣ становятся болѣе вялыми и слабыми; онѣ цвѣтутъ, созрѣваютъ и увядаютъ!»

* * *

Второй подродъ лошадей (*Asinus*) составляютъ **Ослы** и **Тигровая полосатая лошадь**; отъ настоящихъ лошадей они отличаются хвостомъ, покрытымъ длинными волосами лишь на концѣ, и отсутствіемъ мозолей на заднихъ ногахъ.

Куланъ киргизовъ. **Джиггетай** монголовъ, (по русски «длинноухій»), **Джанъ** тунгузовъ, **Кіангъ** тибетцевъ (*Equus [Asinus] hemionus, polyodon* и *Kiang, Asinus kiang* и *polyodon. Kulan. Dschiggetai*) описанъ слѣдующимъ образомъ Палласомъ, который открылъ его: «Этихъ джиггетаевъ нельзя собственно называть ни лошадьми, ни ослими. По своему вышнему виду они представляютъ нѣчто среднее между тѣми и другими, какъ мулы; поэтому-то Мессершмидъ, который первый обратилъ на нихъ вниманіе, назвалъ ихъ мулами, способными къ размноженію. Это однако вовсе не ублюдки; они образуютъ особый видъ, представляющій много своеобразнаго, и по тѣлосложенію гораздо болѣе красивы, чѣмъ обыкновенные мулы. Джиггетай имѣетъ нѣкоторыя прекрасныя статьи, которыя ставятъ его гораздо выше осла. Крайне легкое тѣло, тонкія конечности, дикій и быстрый взглядъ и прекрасный цвѣтъ волосъ—вотъ его преимущества. Стоячія уши, имѣющія болѣе красивую форму, чѣмъ у мула, тоже не безобразятъ его. Такимъ образомъ можно было-бы и не обратить вниманія на то, что его голова нѣсколько

тяжела, а маленькія копыта имѣютъ такую-же форму, какъ у осла. Его обезображиваютъ только прямая острая спина и некрасивый коровій хвостъ, такой-же, какъ у осла. Онъ нѣсколько больше ростомъ, чѣмъ маленькая порода муловъ и почти равенъ кленнеру. Форма головы тяжелая, грудь велика, снизу угловата и нѣсколько сдавлена. Спинной хребетъ не вогнутъ и не округленъ, какъ у лошади, и не такъ прямъ и угловатъ, какъ у осла, а плоско выгнуть внаружи и хребетъ образуетъ тупой уголъ. Уши длиннѣе, чѣмъ у лошади, но короче, чѣмъ у обыкно-

Куланъ. *Equus hemionus* $\frac{1}{18}$ наст. вел.

венныхъ муловъ. Грива коротка и стоитъ дыбомъ, совершенно какъ у осла; хвостъ и копыта также сходны съ ослиными. Грудь и плечи узки и далеко не такъ мясисты, какъ у лошадей; задняя часть также худощава, конечности-же чрезвычайно легки и тонки и притомъ довольно высоки. Масти джиггетай—свѣтлой желто-бурой; носъ и внутренняя сторона ногъ—чало-желтоватая; грива и хвостъ черноваты, а вдоль спинного хребта пробѣгаетъ изящная полоска въ видѣ черно-бурого ремня, который расширяется на крестцѣ и снова суживается къ хвосту».

Съ этими данными согласно описаніе Раdde, но оно во многихъ отношеніяхъ

дополняетъ ихъ. Зимой волоса достигаютъ длины 2,5 см. и кажутся въ это время косматыми и мягкими, какъ верблюжья шерсть; кончики ихъ серебристо-сѣраго цвѣта, у корня они блѣднаго желѣзно-сѣраго цвѣта; лѣтомъ волоса немного длиннѣе 1 см. и имѣютъ нѣсколько болѣе свѣтлый, желтовато-рыжій цвѣтъ съ сѣрымъ налетомъ; морда болѣе чѣмъ на треть ея длины отъ рта до внутренняго угла глаза и желобокъ между вѣтвями нижней челюсти становятся къ ихъ концу постепенно свѣтлѣе, переходя почти въ чистый бѣлый цвѣтъ, между тѣмъ какъ нижняя сторона лишь между передними ногами переходитъ въ несовсѣмъ чистый бѣлый цвѣтъ. Полоска по средней линіи спины, окрашенная въ темно-бурый цвѣтъ, переходящій въ желтый и сѣрый, къ серединѣ спины суживается отъ ширины пальца до ширины менѣе 1 см., затѣмъ быстро расширяется, на крестцѣ достигаетъ въ поперечникѣ 3-хъ пальцевъ, сохраняетъ эту ширину на всемъ протяженіи таза, потомъ очень быстро суживается и пробѣгаетъ по спинной сторонѣ хвоста въ видѣ тонкой продольной полоски; она всюду рѣзко отдѣляется отъ цвѣта тѣла. По бокамъ тѣла лишь въ пахахъ окраска становится свѣтлѣе. На ногахъ цвѣтъ тоже постепенно переходитъ въ болѣе свѣтлый по направленію сверху внизъ; полоса бурыхъ длинныхъ волосъ шириною въ палецъ окружаетъ все основаніе копыта и на передней сторонѣ ноги поднимается вверхъ, постепенно свѣтлѣя. Вся длина тѣла равняется приблизительно 2,5 м., изъ нихъ на голову приходится 50 см., на хвостъ безъ кисти 40 см.; высота у загривка колеблется между 1,3 м. и 1,5 м.; А. Вальтеръ опредѣлилъ однако въ 1887 г. высоту въ плечахъ одного большого совершенно взрослога жеребца лишь въ 1,11 м.

Палласъ считалъ джиггетая и кулана за разные виды. Если-бы онъ могъ лично ознакомиться съ ними, то онъ убѣдился-бы, что джиггетая и куланъ одно и то-же животное. Уже Эверсманъ сомнѣвается въ самостоятельности этихъ двухъ видовъ дикихъ лошадей; Радде согласенъ съ нимъ. А. Вальтеръ указываетъ, на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій, что туркмены, курды, персы, татары и др. не различаютъ двухъ видовъ дикихъ ословъ. Нельзя придавать особаго значенія тому, что нѣкоторые описанія названныхъ животныхъ во многомъ расходятся; также мало значенія можно придавать и различной длинѣ ушей; такимъ образомъ оказывается, что вся средняя Азія отъ восточнаго склона южнаго Урала до Гиммалаевъ и монгольско-китайской границы, а на западъ до пограничныхъ горъ Персіи населена лишь однимъ видомъ дикаго осла, а второй видъ, онагеръ древнихъ, ограничивается Малой Азіей, Сиріей и Палестиной, Персіей и Аравіей, а также западной частью Остъ-индскаго полуострова.

До новѣйшаго времени источникомъ свѣдѣній о жизни джиггетая служило данное Палласомъ описаніе этого животнаго; лишь съ начала 50-тыхъ годовъ мы получили цѣнныя дополненія къ этому первому сообщенію. Болѣе подробными свѣдѣніями мы обязаны Ходжсону, Адамсу, Хэй, Эверсману, Радде, Сѣверцову, А. Вальтеру, Пржевальскому и А. Русинovu. Я попытаюсь сопоставить въ дальнѣйшемъ изложеніи различныя данныя и дать такимъ образомъ по возможности полную картину жизни этого предполагаемаго прародителя осла.

Джиггетая или куланъ—дитя степи. Хотя онъ предпочитаетъ жить около озеръ и рѣкъ, но не избѣгаетъ однако и безплодныхъ, безводныхъ пустынь, точно также онъ не боится и горъ, если только онѣ носятъ степной характеръ, т. е. если не покрыты лѣсомъ. Главнымъ образомъ на основаніи различнаго мѣстоахожденія пробовали различать джиггетая и кулана. Считали невозможнымъ, по крайней мѣрѣ невѣроятнымъ, что-бы одно и то-же животное могло жить и на низменныхъ равнинахъ, и на высокихъ горахъ болѣе 3000 м. надъ уровнемъ моря. По мнѣнію братьевъ

Шлагинтвейтъ куланъ или кіангъ несомнѣнно долженъ былъ-бы погибнуть въ низменности. Это ни на чемъ не основанное воззрѣніе самымъ рѣшительнымъ образомъ опровергаетъ Пржевальскій, который видѣлъ безспорно одно и то-же животное пасущимся и на высокихъ горахъ сѣвернаго Тибета и на богатыхъ лугахъ около Куку-Нора. Ни разрѣженный воздухъ высокихъ горъ, ни палящій солнечный жаръ лѣтомъ и ледяная стужа зимою въ степяхъ, ни рѣзкія горныя вьюги, ни горячія облака песку, поднимаемая вѣтромъ въ пустынь, не препятствуютъ распространенію этого закаленного въ непогодахъ животнаго. Хотя онъ вовсе не зависитъ отъ человѣка, однако одинъ человѣкъ оказываетъ влияние на его распространеніе. Тамъ, гдѣ бродячіе пастушескіе народы еще не посѣщали обширныхъ пространствъ степей, куланъ еще можетъ жить, а тамъ, гдѣ пастухъ со своими стадами правильно проходитъ взадъ и впередъ, онъ спугиваетъ кулана. Эта дикая лошадь требуетъ полной, ничѣмъ не стѣсняемой свободы. Поэтому она водится только тамъ, гдѣ среди роскошныхъ пастбищъ разстилаются пространства настолько бѣдныя, бесплодныя и пустынные, что даже невзыскательный предшественникъ осѣдлага человѣка избѣгаетъ ихъ.

Уже во времена Палласа, послѣ того какъ въ степяхъ была учреждена пограничная стража, въ русскихъ владѣніяхъ рѣдко видѣли правильные табуны подъ предводительствомъ стараго жеребца, а только случайно забѣжавшихъ отогнанныхъ молодыхъ жеребцовъ или отдѣльныхъ кобылъ. Въ настоящее время эти быстрыя животныя отгнаны еще далѣе, но не истреблены вовсе въ расширившихся за это время предѣлахъ Россіи. Ихъ даже можно встрѣтить у самой границы Европы. Они живутъ еще теперь въ значительномъ количествѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ Акмолинской области, далѣе въ степной полосѣ между Алтайскими горами и озеромъ Зайсаномъ, и встрѣчаются къ востоку и югу отсюда во всѣхъ удобныхъ мѣстахъ въ южной Сибири и Туркестанѣ, хотя и не въ такомъ большомъ числѣ, какъ въ пустынныхъ степяхъ Монголіи и сѣверо-западнаго Китая или на горахъ Тибета. «Въ Туркменскихъ степяхъ», пишетъ А. Вальтеръ, «куланъ встрѣчается на всемъ ихъ протяженіи еще и теперь въ довольно значительномъ числѣ. Онъ удалился въ нетронутыя пустыни лишь изъ частей, оживленныхъ Закаспійской желѣзной дорогой и новыми военными постами. Въ началѣ постройки желѣзной дороги часто замѣчали большія стада около линіи въ окрестностяхъ Казанчика и между Душаккомъ и Кара-бендомъ. Теперь они, повидимому, исчезли отсюда. Чаше встрѣчаются они, какъ говорятъ, на бесплодныхъ степныхъ равнинахъ къ сѣверу отъ Атрека, а особенно ихъ много вдоль афганской границы, какъ и вообще въ холмистой пустынь между Тедженомъ и Мургабомъ. Такъ, недалеко отъ колодца Адам-илентъ, между Пуль-и-хатунъ и Акрабатомъ, я встрѣтилъ много ихъ въ апрѣлѣ 1887 г. рядомъ съ безчисленными стадами сайгаковъ».

Вѣроятно куланъ во всей своей обширной области распространенія не остается въ одной и той-же мѣстности изъ года въ годъ. Непостоянство погоды на его родинѣ принуждаетъ его кочевать. Съ наступленіемъ зимы отдѣльные маленькіе табуны собираются въ болѣе крупныя, соединяются съ другими, и постепенно число ихъ увеличивается до тысячи и болѣе головъ въ табунѣ. Затѣмъ они перекочевываютъ сообщи въ мѣстности, обѣщающія обиліе корма. Такъ, напр., названныя лѣтнія мѣстопребыванія въ Акмолинской области они ежегодно оставляютъ уже въ августѣ, чтобы перекочевывать по направленію къ такъ называемой Голодной степи Бед-пакъ. Мѣсяцъ спустя ихъ находятъ здѣсь въ прежнихъ ихъ зимнихъ мѣстопребываніяхъ и притомъ даже теперь еще въ такомъ множествѣ, что ихъ звучный топотъ далеко слышенъ по степи, и намъ рассказывали въ Сибири, что куланы не

разъ заставляли казаковъ на пограничныхъ постахъ браться за оружіе. Съ началомъ таянія снѣга они приступаютъ къ обратной перекочевкѣ и въ апрѣлѣ снова появляются на лѣтнихъ пастбищахъ. Это происходитъ ежегодно съ большою правильностью, притомъ какъ въ западной, такъ и въ восточной части области распространенія ихъ. «Самыя значительныя переселенія джиггетай», говоритъ Раде, «происходятъ осенью (въ восточной Сибири), такъ какъ они лишь тогда могутъ начать свои странствованія, когда жеребята послѣдняго лѣта достаточно окрѣпнутъ, чтобы совершать продолжительные и быстрые переходы. Въ концѣ сентября молодые жеребцы отдѣляются отъ табуновъ, при которыхъ остаются до 3-ьяго или 4-аго года, и удаляются по-одиночкѣ въ нагорныя степи, чтобы составить себѣ свои табуны. Въ такое время джиггетай всего неукротимѣе. По пѣлымъ часамъ молодой жеребецъ стоитъ на высочайшей вершинѣ крутого горнаго хребта, обратившись къ вѣтру, и смотритъ вдаль на степь. Ноздри его широко раздуваются, глаза его пронизываютъ пустыню. Онъ жадно ждетъ противника и, замѣтивъ его, тотчасъ быстрою галопомъ бросается на него. Тогда начинается кровавый бой изъ-за кобылъ». Всѣ жеребцы, убитые Раде, доказывали своими многочисленными рубцами, какъ эти лошади часто дерутся.

Число кобылъ, которыхъ завоевываетъ себѣ жеребецъ, колеблется, смотря по мѣстности и обстоятельствамъ, между 3 и 20 и болѣе, такъ что табуны можетъ состоять изъ 6—50 штукъ. Иногда и лѣтомъ соединяется вмѣстѣ нѣсколько табуновъ, но это бываетъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Тогда можно видѣть нѣсколько сотенъ кулановъ, которые извѣстное время пасутся вмѣстѣ, а потомъ снова раздѣляются на меньшія группы. Во главѣ каждаго табуна стоитъ жеребецъ въ качествѣ безграничнаго повелителя, проводника и руководителя. Смотри по его качествамъ, возрасту и храбрости, мужеству и силѣ, число кобылъ бываетъ больше или меньше. Жеребецъ безусловно необходимъ для существованія табуна; если его убьютъ, то кобылы разсѣиваются; если его побѣдятъ, онѣ слѣдуютъ за соперникомъ. Жеребецъ въ полной силѣ собираетъ вокругъ себя наибольшее число кобылъ, молодой, еще не испытанный—наименьшее. Пока жеребецъ еще не возмужалъ, его терпятъ въ табунѣ, но какъ скоро онъ начинаетъ чувствовать себя самцомъ, его безусловно изгоняютъ. Недѣли и мѣсяцы бродитъ онъ одиноко и завистливо, смотритъ издали на счастье болѣе сильнаго и стараго жеребца, пока мучительная ревность не пробудитъ въ немъ мужества для битвы и не принудитъ его къ вышеописанному вызову. Палласъ передаетъ разсказъ туземцевъ, что старые жеребцы въ періодъ спариванія изгоняютъ изъ своихъ табуновъ молодыхъ кобылъ, которыя еще не хотятъ совокупляться и даютъ болѣе молодымъ сотоварищамъ возможность составить собственную семью; это указаніе кажется основательнымъ, такъ какъ киргизскія лошади поступаютъ такимъ-же образомъ.

Общественность составляетъ основную черту характера этой дикой лошади и вообще всѣхъ однокопытныхъ. Точно такъ же, какъ зебръ, квагга и дау присоединяются къ стадамъ африканскихъ антилопъ и страусовъ, и джиггетай пасется на высокихъ горахъ вмѣстѣ съ различными дикими баранами, тибетской антилопой и якомъ, а на низменностяхъ вмѣстѣ съ дзереномъ (*Antilopa gutturosa*) и сайгой. Они мирно живутъ также вмѣстѣ съ отдѣлившимися отъ стада лошадыми. Русиновъ пишетъ мнѣ, что лошади боятся кулановъ и удаляются отъ нихъ, такъ какъ имъ, по видимому, противенъ запахъ ихъ родичей; этого не подтверждаетъ однако одно собственное мое наблюденіе. Когда мы 3-го іюня 1876 г. перерѣзывали упомянутую степь около озера Зайсана, причѣмъ не разъ наталкивались на кулановъ, мы однажды увидѣли также двухъ лошадей, стоявшихъ на хребтѣ длиннаго холма, которыхъ

Спугнутый куланъ бѣжитъ всегда противъ вѣтра, поднимаетъ на полномъ бѣгу голову и вытягиваетъ свой длинный хвостъ. Жеребецъ не только долженъ собирать табунъ, но онъ заботится также и объ его безопасности, постоянно оббѣгаетъ его кругомъ и въ случаѣ опасности подаетъ знакъ къ бѣгству. Нерѣдко онъ бѣжитъ рысью прямо на приближающагося охотника и въ такомъ случаѣ его легко застрѣлить. Иногда онъ долго слѣдуетъ за всадникомъ. «Разъ», рассказываетъ Хэй, «два кіанга долго бѣжали за пони, на которомъ ѣхалъ верхомъ одинъ изъ моихъ слугъ, и настолько приближались къ нему, что онъ даже боялся нападенія съ ихъ стороны». То-же сообщаетъ Вальдвинъ, который на охотѣ долженъ былъ отгонять этихъ любопытныхъ животныхъ.

Джиггетай легко уходитъ отъ преслѣдованій крупныхъ хищниковъ. Въ западно-азиатскихъ степяхъ, впрочемъ, и нѣтъ такихъ, которые преслѣдовали-бы кулановъ; живущіе здѣсь волки не смѣютъ нападать на здоровыхъ дикихъ лошадей, такъ какъ онѣ прекрасно умѣютъ защищаться противъ враговъ своими сильными копытами. Нападенію волковъ могутъ подвергнуться развѣ истомленные, больные экземпляры, идущіе въ сторонѣ отъ стада. Въ южныхъ и юго-восточныхъ частяхъ области распространенія кулановъ, врагомъ ихъ можетъ являться тигръ; но такъ какъ степи лишь мѣстами доставляютъ удобное для него мѣстопробываніе, а этихъ мѣстъ куланы избѣгаютъ, то, вѣроятно, и онъ не причиняетъ имъ значительнаго вреда. Болѣе опаснымъ врагомъ оказывается человѣкъ. Туземные кочующіе степные пастухи страстно любятъ охоту за куланами, тѣмъ болѣе, что она требуетъ отъ охотника большой ловкости. Рѣдко удается, даже на волнистой мѣстности, подкрасться на разстояніе ружейнаго выстрѣла. Только пуля, попавшая въ грудь, сваливаетъ это сильное, выносливое животное; раненое въ животъ или съ раздробленной ногою, оно убѣгаетъ почти съ такой-же быстротой, какъ и здоровое; скрывшись наконецъ изъ глазъ стрѣлка, оно прячется въ какой-нибудь ямѣ, умираетъ здѣсь и становится тогда добычей волковъ, а не охотника. Поэтому киргизы и монголы предпочитаютъ подстерегать дикую лошадь на водопой или ставятъ для нее петли въ то время, когда самый опасный врагъ ея, зима, приходитъ на помощь человѣку. Волковниковъ увѣрялъ А. Вальтера, что туркмены ловятъ ее даже въ крѣпкіе капканы, однако нашъ авторъ высказываетъ сомнѣніе въ вѣрности этихъ данныхъ.

Въ восточной Сибири, по словамъ Раде, охота производится инымъ образомъ. «Охотникъ, намѣревающийся подстеречь пугливаго джиггетая, выѣзжаетъ рано утромъ на свѣтло-рыжей лошади и направляется въ горы. Тихо ѣдетъ онъ по пустынѣ черезъ горы и долины и высматриваетъ дичь. Увидѣвъ ее издали, онъ старается незамѣтно приблизиться къ ней, и тогда-то начинается настоящая охота. Своей быстроногой маленькой лошаdkѣ охотникъ подвязываетъ хвостъ, чтобъ онъ не могъ свободно развѣваться по вѣтру, послѣ того ведетъ ее на какое-нибудь высокое мѣсто, а самъ ложится на землю шагахъ въ ста отъ того мѣста, гдѣ спокойно пасется его лошадь; положенное на короткую рогатку ружье его приготовлено къ выстрѣлу. Джиггетай замѣчаетъ лошадь и, принявъ ее за кобылу своей породы, направляется къ ней стремительнымъ галопомъ. Но, подбѣжавъ на короткое разстояніе, озадаченный, онъ останавливается и такъ стоитъ нѣсколько мгновеній. Это самая удобная минута для выстрѣла. Охотникъ цѣлитъ обыкновенно прямо въ грудь и нерѣдко кладетъ животное на мѣстѣ. Однако случается, что оно падаетъ только послѣ пяти всаженныхъ въ него пуль. Несмотря на тонкое чутье джиггетая, его чаще всего удается подстеречь, когда онъ въ вѣтреную погоду пасется въ широкомъ мѣстѣ какой-нибудь долины и медленно передвигается». Туркмены вмѣсто лошади употребляютъ

на охотѣ верблюдовъ. «Я видѣлъ», рассказываетъ Вальтеръ, «какъ сарыкскіе туркмены охотились на кулана съ помощью верблюда. Замѣтивъ издали джиггетая, охотникъ медленно гонитъ передъ собою ничѣмъ не нагруженнаго верблюда, позволяя ему отъ времени до времени останавливаться для того, чтобы понастись; такимъ образомъ подходятъ они къ намѣченной дичи, по возможности на разстояніе выстрѣла, при этомъ охотникъ, тщательно избѣгая понасть подъ вѣтеръ, все время прячется за верблюда и направляетъ стволъ ружья подъ грудь или шею своего живого щита.»

Выгода, приносимая охотой на кулана, довольно значительна. Киргизы и тунгузы высоко цѣнятъ его мясо. Первые сравниваютъ его съ мясомъ лошади, вторые считаютъ его особеннымъ лакомствомъ. По словамъ Вальтера, туркмены тоже его очень любятъ. Кожа съ крупа и бедеръ продается бухарцамъ, которые изъ нея выдѣлываютъ сафьянъ. Остальную кожу разрѣзаютъ и сплетаютъ для ремней и уздечекъ. Кожа хвоста вмѣстѣ съ длинной кистью волосъ обладаетъ, по народному повѣрью тунгузовъ, цѣлительной силой: если больному животному дать втянуть въ себя дымъ отъ сожженнаго на угольяхъ куска этой кожи—оно навѣрное выздоровѣетъ.

Въ послѣднее время въ отечествѣ кулана сдѣлано не мало попытокъ приручить его, но полнаго успѣха еще ни разу не достигнуто. Русиновъ сообщаетъ, что нѣкоторымъ киргизамъ удавалось, отъ времени до времени, поймать жеребятъ; они заставляли кобылъ выкармливать и выращивать ихъ. Маленькіе дикари скоро привыкаютъ къ своимъ кормилицамъ, сосутъ ихъ съ такимъ-же удовольствіемъ, какъ собственныхъ матерей, выказываютъ дѣтское послушаніе, не покидаютъ ихъ даже въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, а свободно пасутся съ домашними животными и держатся съ ними вблизи юртъ вмѣстѣ. Такимъ образомъ, пока они молоды и бесполезны, они возбуждаютъ самыя лучшія надежды. Однако поведеніе ихъ совершенно измѣняется, какъ только они начинаютъ входить въ полную силу. Оба кулана, которыхъ намъ показывалъ Русиновъ, пойманы были вскорѣ послѣ своего рожденія и выкормлены киргизскими кобылами. Первое свое лѣто они провели въ табунѣ, къ которому принадлежали ихъ кормилицы, и съ нимъ же легко пережили зиму въ холодной конюшнѣ. Очень скоро они привыкли ѣсть сѣно, овесъ и печеный хлѣбъ, охотно шли на зовъ челоуѣка и на предложенныя имъ лакомства, позволяли себя даже гладить и только не любили, чтобы дотрогивались до ихъ спины. Возмущавъ, однако ни разу не допустили осѣдлатъ себя, но кусались, били задомъ и страшно бѣсились, когда хотѣли имъ надѣть узду. Запречь ихъ въ экипажъ не было никакой возможности. Съ каждымъ годомъ становились они злѣе и неукротимѣе, такъ что наконецъ должны были отложить всѣ попытки къ прирученію ихъ.

Палласъ рассказываетъ объ одной привезенной въ Петербургъ кобылѣ кулана, за которой вначалѣ уходъ былъ самый плохой. Сюда прибыла она конечно очень исхудалой и такой слабой, что едва могла держаться на ногахъ, но скоро опять окрыла. Однако осенью она околѣла не отъ истощенія, а вслѣдствіе холода и сырости климата, почвы и пастбища, а, можетъ быть, и отъ тѣхъ средствъ, которыми ее лѣчили отъ парши, образовавшейся на ея кожѣ.

Другимъ подобнымъ сообщеніемъ мы обязаны Хэю, который привезъ кулана изъ Малаго Тибета въ Англію. Это животное поймано было въ ямѣ и въ неволѣ очень сдружилось съ одной бѣлой кобылой. Тибетскій лама не пожелалъ отпустить кобылу, почему Хэй купилъ мула въ товарищи кулану, которому, впрочемъ, это общество не пришлось по вкусу. Поэтому жизнь бѣднаго мула была далеко не изъ самыхъ счастливыхъ. Однако куланъ шелъ за нимъ слѣдомъ и, вообще, онъ чувствовалъ себя хорошо только въ сообществѣ лошади и въ особенности бѣлой. До-

рогой онъ выказывалъ страшное отвращеніе къ мостамъ и, когда его товарищъ вступалъ на мостъ, онъ выжидалъ, пока тотъ достигалъ противоположнаго берега и тогда безстрашно кидался въ самый быстрый потокъ и переплывалъ его почти по прямой линіи. Во время путешествія Седлетчъ былъ такъ полноводенъ и стремителенъ, что Хэй не нашель возможнымъ переправить кулана иначе, какъ въ лодкѣ. Но ввести его въ лодку оказалось дѣломъ весьма не легкимъ. Въ Силмѣ куланъ мало-помалу привыкъ къ виду незнакомыхъ ему людей. Все дождливое время онъ чувствовалъ себя здѣсь отлично, а когда послѣ этого спустились въ долину, онъ чувствовалъ себя бодрѣе возбужденнѣе, чѣмъ когда-либо, такъ что четыре человѣка едва могли его сдерживать и управлять имъ. Нерѣдко убѣгалъ онъ отъ своихъ сторожей, но всегда довольно скоро давалъ поймать себя. Конецъ пути пришлось ему сдѣлать въ лодкѣ, специально для него приготовленной. Но глухой звукъ пустоты подъ его копытами такъ испугалъ его, что онъ, оборвавъ узду и всѣ путы, однимъ прыжкомъ выскочилъ изъ лодки и согласился вступить въ нея обратно только тогда, когда дно ея обложили дерномъ.

Много пришлось вытерпѣть кулану во время пути въ Англію. Уже переѣздъ съ твердой земли на бортъ корабля былъ очень труденъ, такъ какъ бѣдное животное страшно пугалось высокихъ волнъ, и Хэй былъ очень доволенъ, когда наконецъ счастливо переправилъ его на корабль и водворилъ въ приготовленное ему стойло. Несмотря на то, что на дорогу было припасено большое количество сѣна, соломы, сухой люцерны и хлѣбнаго корма, скоро оказалось, что этихъ запасовъ не хватитъ на всю переправу. Овесъ былъ источенъ червями, почему куланъ долгое время упорно отъ него отворачивался. Кромѣ того матросы такъ необдуманно обращались съ сѣномъ и соломой, что для кулана два раза пришлось вынимать солому изъ тюфяковъ команды корабля. Онъ тоже не соглашался пить полусгнившую воду, которую ему предлагали; однако мало-помалу онъ ко всему привыкъ и, прежде чѣмъ корабль подплылъ къ острову св. Елены, онъ уже ѣлъ и пилъ все, что ему давали. Вскорѣ онъ такъ освоился со своимъ новымъ жилищемъ и такъ отлично умѣлъ соблюдать равновѣсіе, что его только въ самую бурную погоду пришлось подвѣшивать. Во время одной сильной бури онъ всѣми силами старался удержаться на ногахъ и выказывалъ большую благодарность за всякую предложенную помощь. Мало-помалу онъ сталъ совсѣмъ ручнымъ и узнавалъ Хэя по одному голосу. При переѣздѣ черезъ экваторъ онъ 3—4 дня сильно страдалъ отъ жары и даже заболѣлъ отъ нея; однако скоро выздоровѣлъ и все остальное время пути былъ совершенно здоровъ и даже проявилъ такой сильный апетитъ, что уничтожилъ въ четыре мѣсяца приготовленный на 6 мѣсяцевъ кормъ. Куланъ, по словамъ Хэя, оказался очень чувствительнымъ къ ласковому обращенію. Онъ бралъ предлагаемыя ему лакомства съ благодарностью и выражалъ свое удовольствіе тѣмъ, что загибалъ впередъ уши. На основаніи всѣхъ этихъ наблюденій Хэй высказываетъ мнѣніе, что куланъ вовсе не такое неукротимое животное, какъ думали прежде, и что его относительно не очень трудно подчинить власти человѣка. Хэй узналъ отъ туземныхъ жителей Тибета, что кулана скрещиваютъ, по возможности часто, съ лошадьми, и преисшедшихъ отъ этого скрещиванья муловъ цѣнятъ не только за ихъ собственные прекрасныя качества, но и за способность ихъ къ размноженію. Въ нашихъ зоологическихъ садахъ куланъ все еще принадлежитъ къ рѣдкимъ животнымъ, хотя онъ въ послѣднія 20 лѣтъ уже довольно часто встрѣчается въ нихъ, и въ Парижѣ плодился до 16 разъ. Его тоже успѣшно спаривали съ осломъ, кваггой, зебротъ и, наконецъ, съ лошадыю.

Въ сказаньяхъ и разсказахъ киргизовъ куланы играютъ важную роль. Одно

изъ самыхъ древнихъ сказаній говорить слѣдующее: когда-то жилъ одинъ киргизъ по имени Каргеръ-Бей, который былъ такъ-же богатъ, какъ и скупъ. Онъ умеръ, не оставивъ послѣ себя наслѣдниковъ. Но его богатство все-таки никому не досталось, потому-что всѣ его стада, въ знакъ поучительнаго примѣра соотечественникамъ, были превращены въ дикихъ степныхъ животныхъ: его овцы—въ сайгаковъ, его лошади въ кулановъ. Съ тѣхъ поръ тѣ и другія населяютъ пустыню.

* * *

Другая дикая лошадь Азіи, составляющая, можетъ быть, одинъ видъ съ куланомъ, есть **Онагръ** древнихъ; о немъ не разъ упоминается въ Библии. Ксенофонтъ встрѣчалъ много этихъ дикихъ лошадей вблизи Евфрата, Страбонъ, Варронъ и Плиніи—въ Малой Азіи, а Марселинъ—въ землѣ курдовъ. Складгеру, который сравнивалъ всѣхъ нынѣ живущихъ дикихъ лошадей между собой, кажется болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что водящійся въ пустыняхъ Индіи дикій осель не отличается отъ онагра; отъ Тристрама-же мы знаемъ, что этотъ послѣдній живетъ еще и въ настоящее время не только въ Месопотаміи, но также и въ Палестинѣ; нерѣдко пойманныхъ онагровъ привозили и въ Дамаскъ. Итакъ, область его распространения простирается отъ Сиріи, черезъ Аравію, Персію и Белуджистанъ до Индіи и даже далѣе на югъ (какъ говоритъ Стерндаль) до Гуджерата, а на востокъ не далѣе 75-го градуса восточной долготы.

Онагръ, называемый въ Индіи **Горкуръ**, въ Персіи **Гауръ** и **Кердетъ** или **Кердетшъ** (*Equus [Asinus] onager*, E. и *Asinus hemippus, indicus* и *hamar. Onagre*) значительно меньше джиггеталя, однако выше ростомъ и тоньше сложенъ, чѣмъ обыкновенный осель. Голова его соразмѣрно еще выше и больше, чѣмъ у кулана, толстыя губы его покрыты густыми, жесткими, щетинистыми волосами, уши довольно длинныя, но все-таки короче, чѣмъ у обыкновеннаго осла. Преобладающій цвѣтъ шерсти этого животнаго красивый бѣлый съ серебристымъ блескомъ, переходитъ на верхней части головы, на бокахъ шеи и туловища и на бедрахъ въ свѣтлорыжій. На плечахъ сбоку тянется бѣлая полоса, шириной въ руку; другая полоса идетъ вдоль всей спины и на задней сторонѣ бедеръ: посрединѣ ея проходитъ узкая полоса, въ видѣ шнура, кофейно-бураго цвѣта. Шерсть онагра еще мягче и шелковистѣе, чѣмъ у лошади. Зимніе волосы его можно сравнить съ шерстью верблюда, лѣтніе-же—въ высшей степени вѣжны и гладки. Торчащая кверху грива состоитъ изъ мягкихъ шерстистыхъ волосъ, длиною около 10 см., кисть хвоста почти въ пядь длины. По своему образу жизни онагръ напоминаетъ кулана. Жеребецъ ведетъ стадо, состоящее изъ кобылъ и жеребятъ обоихъ половъ; но, какъ кажется, жеребцы менѣе ревнивы, чѣмъ у родственныхъ видовъ; но крайней мѣрѣ, говорятъ, что часто во время переходовъ многіе жеребцы соединяются вмѣстѣ, однако при этомъ они нерѣдко кусаютъ другъ друга. Въ быстротѣ бѣга онагръ отнюдь не уступаетъ джиггетаю. Уже Ксенофонтъ утверждалъ, что онагръ далеко опережаетъ даже самую лучшую лошадь; новѣйшіе писатели также отдають справедливость быстротѣ его бѣга. Путешественникъ Портеръ съ удивленіемъ говоритъ объ этой дикой лошади. Въ провинціи Фарсъ его прекрасная борзая собака погналась за какимъ-то дикимъ животнымъ, которое его проводники приняли за антилопу. Тотчасъ-же погнались за нимъ полнымъ галопомъ и, благодаря ловкости собаки, удалось снова увидѣть его. Къ немалому изумленію увидѣли, что мнимая антилопа была на самомъ дѣлѣ дикая лошадь. «Я рѣшился», говоритъ путешественникъ, «погнаться на необыкновенно быстромъ арабскомъ конѣ вслѣдъ за этимъ красивымъ животнымъ; но всѣ усилія моего коня догнать его были напрасны; вдругъ дикая лошадь

остановилась, и это дало мнѣ возможность посмотреть на нее вблизи. Но потомъ она опять пустилась бѣжать съ быстротою молніи, прыгая, лягаясь, играя на бѣгу, какъ будто она нисколько не устала и травля доставляла ей удовольствіе».

Вышнія чувства онагра, особенно зрѣніе, слухъ и обоняніе, такъ тонки, что въ открытой стени къ нему совершенно невозможно подойти. Крайне умѣренный, онъ приходитъ къ водою много что черезъ день, почему его почти невозможно подкараулить. Самая любимая его пища—солончаковыя растенія; онъ также любитъ горькія травы, какъ одуванчики, осоть (*Sonchus arvensis*) и т. п. Также не пренебрегаетъ онъ различными видами клевера, луцерной и другими бобовыми растеніями. Но ему не нравятся вѣ душистыя, бальзамическія, а также болотныя и колючія растенія, ранункулы и репейникъ. Соленую воду онъ любитъ болѣе, чѣмъ прѣсную, но она должна быть чиста: мутной онъ никогда не пьетъ.

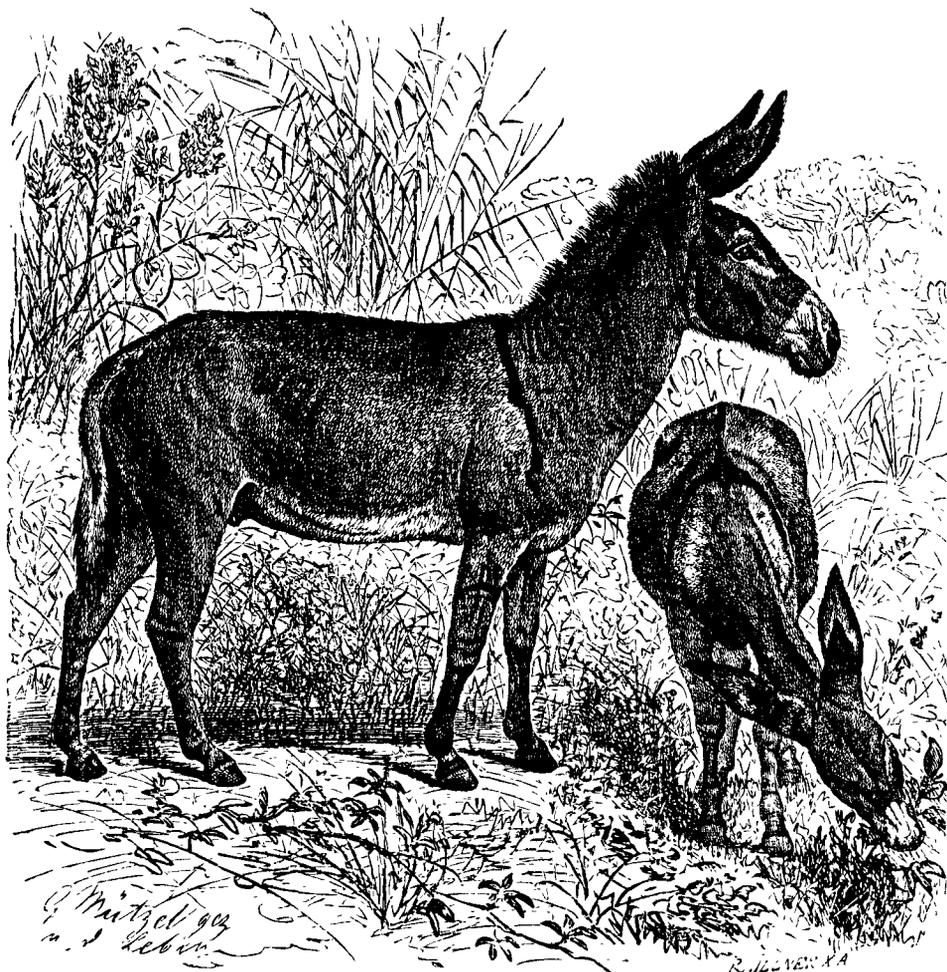
О времени случки и рожденія дѣтеныша ничего неизвѣстно; однако можно предполагать, что послѣднее бываетъ весной.

Мясо онагра высоко цѣнится всѣми народами, живущими въ странахъ, гдѣ онъ чаще водится. Даже арабы, которые вообще очень разборчивы въ пищу и ни за что не станутъ ѣсть ручного осла, считаютъ мясо онагра чистымъ. Вѣроятно то-же самое было и у евреевъ. Мы знаемъ, что римляне любили лакомиться молодыми онаграми. Плиній рассказываетъ, что лучшіе онагры водились во Фригійи и Ликаоніи. «Мясо жеребятъ этого животнаго было извѣстно какъ лакомство: его называли *Lalisiones*. Меценатъ первый ввелъ обычай подавать на своихъ пирахъ мясо жеребятъ муловъ вмѣсто этой чужестранной дичи». Персы употребляютъ не только мясо дикаго осла, но и его желчь, какъ средство противъ болѣзней глазъ. Поэтому всѣ эти народы усердно охотятся за этимъ благороднымъ животнымъ. Персы выѣзжаютъ на охоту цѣлой гурьбой, останавливаются на разстояніи 8—10 килом. отъ тропинокъ, гдѣ обыкновенно можно встрѣтить дикихъ ословъ, и затѣмъ преслѣдуютъ ихъ, смѣняя другъ друга до тѣхъ поръ, пока они, усталые, не сдѣлаются ихъ добычей. Еще постунаютъ иначе: роютъ ямы, покрываютъ ихъ слегка вѣтвями и травой и наполняютъ до извѣстной высоты сѣномъ, чтобы упавшія туда животныя не повредили себѣ членовъ; затѣмъ загоняютъ онагровъ въ долины, гдѣ устроены эти ямы; пойманныхъ жеребятъ продаютъ на племя за очень дорогую цѣну. Отъ этихъ жеребятъ, когда они вырастутъ, происходятъ отъ случки съ домашними ослами самые красивые и самые ловкіе верховые ослы, какіе только встрѣчаются въ Персіи и Аравіи. Они сохраняютъ всѣ хорошія качества своихъ дикихъ предковъ: красивое строеніе тѣла, бодрую осанку, быстроту бѣга, терпѣніе и умѣренность. Пибуръ говоритъ, что среди арабскихъ верховыхъ ословъ есть много такихъ, цвѣтъ которыхъ совершенно одинаковъ съ цвѣтомъ онагра.

* *
*

Дикій видъ, отъ котораго происходитъ домашній осель (*Equus [Asinus] asinus*. Esel. Ane) живетъ въ Африкѣ и тамъ встрѣчается въ двухъ разновидностяхъ. Первая изъ нихъ **Степной осель** (*Equus asinus africanus*, *Equus* и *Asinus taeniopus*) походитъ по своей величинѣ и наружному виду на своего ручного потомка въ Египтѣ, но по своему нраву и образу жизни на своихъ дикихъ азиатскихъ родичей. Онъ великъ ростомъ, сложенъ стройно и красиво, свѣтло-рыжаго цвѣта, нижняя сторона туловища свѣтлѣе; на спинѣ ясно обозначена черная полоса, другая проходитъ крестообразно по плечамъ, а на наружной сторонѣ голени находится нѣсколько болѣе или менѣе ясныхъ поперечныхъ волосъ. Грива короткая и прямостоящая. кисть-же хвоста, напротивъ, большая и длинная.

Отъ степного осла отличается **Сомальскій осель** (*Equus asinus somalicus*) своей большей величиной и болѣе длинной, висящей гривой. Онъ сѣраго цвѣта съ неясной полосой на спинѣ. Плечевого креста совсѣмъ нѣтъ, но на ногахъ находятся многочисленныя, ясныя, черныя поперечныя полосы. Его родина земля Сомали. Степной-же осель, который намъ болѣе извѣстенъ, водится въ степяхъ верхней Нубии. Онъ часто встрѣчается около Атбары, главнаго притока Нила, а также въ равнинахъ земли Барка; область его распространенія доходитъ до береговъ Чермнаго моря.

Степной осель. *Equus asinus africanus*. $\frac{1}{18}$ наст. вел.

Здѣсь онъ живетъ въ такихъ-же условіяхъ, какъ джиггетай и онагръ. Каждый жеребецъ ведетъ стадо, состоящее изъ 10—15 кобылъ, которое онъ охраняетъ и защищаетъ. Онъ очень пугливъ, остороженъ, такъ что охота на него въ высшей степени трудна. Отъ одного путешественника, который проѣхалъ путь между Краснымъ моремъ и Хартумомъ, я узналъ, что дикіе ослы, такъ-же, какъ лошади Парагвая, прибѣгаютъ на лагерный огонь, останавливаются за вѣскольکو сотенъ шаговъ отъ него и стоятъ какъ-бы въ изумленіи; при малѣйшемъ-же движеніи въ лагерь они поспѣшно убѣгаютъ, высоко поднявъ хвостъ. Говорятъ, они нерѣдко уведать ручныхъ ослицъ въ свои стада. Всѣ употребляемые на югѣ и, вѣроятно, также въ Абиссиніи

ручные ослы, какъ кажется, происходятъ отъ этого вида, потому что, по увѣренію арабовъ, дикіе ослы такъ необыкновенно похожи на ручныхъ, что можно ошибиться и не отличить ихъ. Мы показывали ослевъ, которые, какъ увѣряли, были пойманы въ молодости и приручены. Я не провѣрялъ справедливость этихъ словъ, но могу только сказать, что эти ослы отличались отъ другихъ, употребляемыхъ тамъ ослевъ только немного болѣе гордой осанкой и болѣе выносливостью.

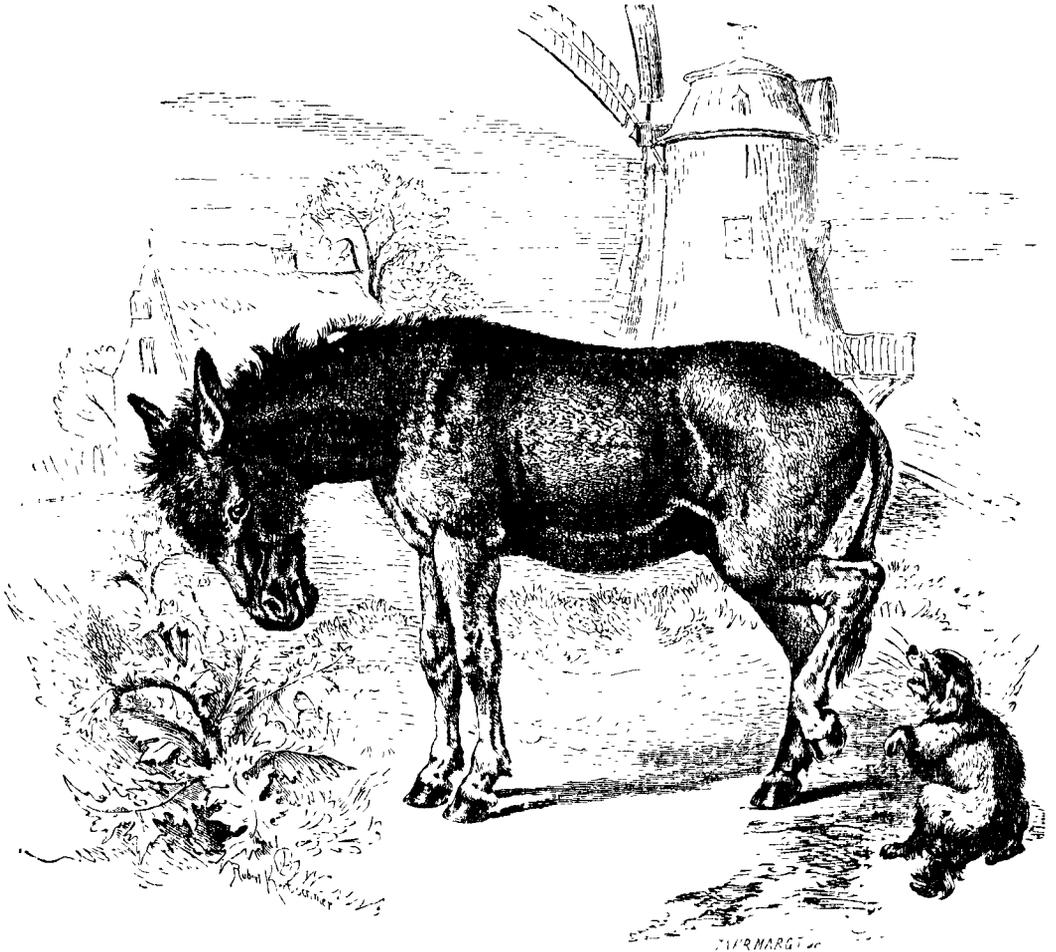
Полосатая нога этого животнаго и въ особенности сомальскаго осла—достойный вниманія признакъ. Они показываютъ, что осель является переходомъ отъ своихъ азіатскихъ сородичей къ тигровымъ лошадямъ. Степного осла приручали уже въ древнія времена; пойманныя дикія животныя употреблялись для облагораживанія ослиной расы. Древніе римляне тратили большія суммы на это облагораживаніе, а арабы до сихъ поръ занимаются этимъ. Только у насъ ручной осель обратился, вслѣдствіе постоянного пренебреженія, въ настоящаго урода.

Если сравнить осла, который въ западной Европѣ несетъ мѣшки на мельницу или везетъ телѣжку съ молокомъ, съ его южными собратьями, то можно легко принять ихъ за различные виды, такъ мало сходства между ними. Сѣверный осель, какъ извѣстно, лѣнливое, упрямое, часто строптивое животное, которое обыкновенно, хотя и несправедливо, считается олицетвореніемъ глупости и простоты; южный-же осель, особенно египетскій,—прекрасное, живое, чрезвычайно работающее и терпѣливое существо, которое въ исполненіи своей работы не только не уступаетъ лошади, но даже во многихъ отношеніяхъ превосходить ее. Зато о немъ заботятся гораздо больше, чѣмъ объ европейскомъ ослѣ. Во многихъ восточныхъ странахъ такъ-же стараются сохранить чистоту ослиныхъ породъ, какъ и самыхъ кровныхъ лошадиныхъ; для этого ослевъ кормятъ очень хорошо, не мучаютъ въ молодости и зато могутъ требовать отъ взрослыхъ услугъ, которыхъ былъ-бы не въ состояніи оказать нашъ осель. Совершенно правы тѣ, которые прилагаютъ много стараній къ дѣлу разведенія ослевъ, потому что на югѣ—это домашнее животное въ полномъ смыслѣ этого слова; его можно встрѣтить, какъ въ дворцахъ богатей, такъ и въ хижинахъ бѣдняковъ; онъ самый необходимый слуга для жителей юга. Уже въ Греціи и Испаніи попадаются очень красивые ослы, хотя они еще далеко уступаютъ осламъ восточныхъ странъ, особенно тѣмъ, которые употребляются въ Персіи, Туркменіи и Египтѣ. Греческій и испанскій осель по величинѣ равняются маленькому мулу; ихъ шерсть гладка и мягка, грива довольно длинная, кисть хвоста соразмѣрно очень длинна; уши также длинны, но красивой формы, глаза блестящіе. Большая выносливость, легкій, скорый шагъ и мягкій галопъ дѣлаютъ этого осла превосходнымъ для верховой ѣзды. Нѣкоторыя породы имѣютъ отъ природы иноходь, какъ, напримѣръ, самыя крупныя изъ всѣхъ когда-либо видѣнныхъ мною ослевъ, такъ называемые ослы испанскихъ угольщиковъ, которые главнымъ образомъ служатъ для того, чтобы доставлять уголь съ горъ на югъ. Кромѣ ослевъ большого роста въ Греціи и Испаніи встрѣчаются и менѣе крупныя, но они все-таки болѣе стройны и красивы и покрыты болѣе красивой шерстью, чѣмъ наши домашніе ослы.

Но арабскіе ослы, особенно тѣ, которые разводятся въ Іеменѣ, еще гораздо красивѣ этихъ прекрасныхъ животныхъ. Здѣсь существуетъ два сорта ослевъ: одни—большіе ростомъ, смѣлые, проворные, крайне пригодные для верховой ѣзды, другіе—меньше ростомъ, болѣе слабыя, употребляемые обыкновенно для переноски тяжестей. Первые произошли вѣроятно отъ скрещиванія съ онагромъ и его потомками. Подобныя-же породы встрѣчаются въ Персіи и Египтѣ, гдѣ платятъ очень дорого за хорошаго осла. Пригодный для верховой ѣзды осель тамъ стоитъ выше въ цѣнѣ.

чѣмъ посредственная лошадь: нерѣдко за него даютъ до 1500 марокъ на наши деньги.

Ослы лучшей породы встрѣчаются только у самыхъ знатныхъ людей въ странѣ. Такой осель бываетъ ростомъ съ обыкновеннаго мула и, начиная съ длинныхъ ушей, такъ на него похожъ, что ихъ трудно различить. Стройное тѣлосложеніе и прелестная мягкая, гладкая шерсть—составляютъ его отличительныя особенности. Обыкновенный осель, который есть у всякаго жителя страны,—средней величины,

Домашній осель. *Equus asinus*. $\frac{1}{16}$ наст. вел.

но тѣмъ не менѣе онъ очень прилеженъ, крайне умѣренъ въ пищѣ и очень терпѣливъ. Ночью онъ получаетъ свою главную пищу, твердые бобы, которые онъ раздробляетъ съ громкимъ шумомъ; днемъ-же ему по временамъ даютъ то пучекъ свѣжаго клевера, то пригоршню бобовъ. «Не можетъ быть животнаго лучше и полезнѣе, чѣмъ этотъ осель» говоритъ Богумиль Гольцъ. «Рослый мужчина можетъ сѣсть на осла, который бываетъ часто не болѣе шестинедѣльнаго теленка и несется на немъ въ галопъ. Эти, повидимому слабыя, животныя идутъ превосходною иноходью. Но мнѣ кажется просто сверхестественнымъ, откуда они берутъ силы носить на себѣ по цѣлымъ часамъ рысью и даже галопомъ взрослого человѣка по самой

сильной жарѣ: это уже переходитъ въ область тѣхъ ослиныхъ тайнъ, которыя не нашли еще автора, разгадавшаго ихъ». Верховому ослу коротко стригутъ шерсть на всеѣ тѣлѣ, кромѣ бедеръ, гдѣ ее оставляютъ длинною, но вырѣзываютъ тамъ разныя линіи и фигуры, такъ что это придаетъ животному совершенно особенный видъ.

Во внутренности Африки, гдѣ также осла употребляютъ какъ домашнее животное, встрѣчается мало облагоустроенныхъ ословъ, да и тѣ только недавно привезены туда. Осель, употребляемый обыкновенно въ восточномъ Суданѣ, во всеѣхъ отношеніяхъ уступаетъ египетскому. Онъ меньше ростомъ, слабѣе, упрямѣе и лѣнивѣе того, но все-таки онъ очень дорогъ жителю Судана—хотя его держать впроголодь или заставляютъ самого отыскивать себѣ кормъ. Въ средней Азіи ослы лучше, чѣмъ въ Суданѣ. «Осель», пишетъ А. Вальтеръ, «принадлежитъ въ Туркменіи къ наиболѣе употребляемымъ домашнимъ животнымъ: онъ непремѣнно бываетъ у каждаго жителя этой страны. Для осла очень пригоденъ какъ теплый, сухой климатъ, такъ и скудный степной кормъ этой страны. Туркменскіе ослы замѣчательно велики ростомъ, сильны и необыкновенно способны къ работѣ. Большею частью они бываютъ свѣтлыхъ цвѣтовъ: темно-бурые ослы встрѣчаются рѣдко. Чаще всего можно встрѣтить свѣтло-сѣраго осла, рѣдко чисто-бѣлаго и очень часто осла песочно-желтаго оттѣнка, который очень походитъ на окраску кулана. Сходство съ этимъ послѣднимъ еще увеличивается ясно обозначенными полосами на спинѣ и массивной головой. Рѣдко также у него бываетъ поперечная полоса на плечахъ, какъ у онагра. Какъ вообще въ средней Азіи, осель со своимъ сѣдокомъ служить здѣсь проводникомъ всякаго каравана верблюдовъ».

Въ древнія времена одичалые ослы встрѣчались на нѣкоторыхъ островахъ греческаго Архипелага и на островѣ Сардиніи; въ настоящее время они еще попадаются въ Южной Америкѣ. Такіе ослы, избѣжавшіе человѣческаго вліянія, принимаютъ въ скоромъ времени нравы своихъ дикихъ предковъ. Жеребецъ составляетъ себѣ стадо, и борется за него съ другими на жизнь и смерть; онъ чутокъ, остороженъ, бдителенъ и нелегко покоряется опять волѣ человѣка. Въ Южной Америкѣ такіе дикіе ослы встрѣчались въ прежнее время чаще; теперь-же они почти всеѣмъ исчезли.

Изъ вышеизложеннаго уже можно видѣть, какова область распространенія ословъ. Восточная часть Индостана и средней Азіи, сѣверная и восточная Африка, южная и средняя Европа и, наконецъ, Южная Америка — все это страны, въ которыхъ больше всего ословъ. Чѣмъ суше страна, тѣмъ ослы въ ней лучше. Сырость и холодъ осель менѣе переносятъ, чѣмъ лошадь. Поэтому въ Персіи, Сиріи, Египтѣ, Верберіи и Южной Европѣ находятся самыя лучшіе ослы, тогда какъ въ средней Африкѣ и въ средней Европѣ, составляющихъ границу области ихъ распространенія—самыя плохіе. Правда, въ средней Европѣ и во внутренней части Африки осель находится большею частью въ пренебреженіи, тогда какъ въ странахъ сѣверной Африки и въ Азіи по крайней мѣрѣ стараются его облагородить чрезъ скрещиваніе. Испанецъ, напримѣръ, украшаетъ своего осла различными кистями и бантами, пестрыми лентами, красивыми чапраками и т. п. и утверждаетъ, что его осель гордится своими украшениями и что вниманіе его хозяина доставляетъ ему удовольствіе, но тѣмъ не менѣе онъ обращается со своимъ четвероногимъ слугою очень дурно, заставляетъ его голодать, много работать и бьетъ его самымъ безжалостнымъ образомъ. То-же самое бываетъ и въ большей части странъ Южной Америки. «Въ Перу,» пишетъ мнѣ Гаскарль, «осель самое жалкое существо; тамъ онъ всеобщее вьючное животное. Онъ долженъ таскать на себѣ камни и бревна

для постройки дома, воду для хозяйства и другія тяжести, однимъ словомъ все то, что нужно человѣку, но чего онъ, по своей лѣни, не хочетъ самъ носить; при этомъ полновѣсный цамбо (помѣсь индѣйца и негра) садится еще сзади и безжалостно бьетъ бѣдное животное. Два всадника на одномъ ослѣ также не рѣдкость. У жителей Лимы существуетъ поговорка, именующая этотъ городъ небомъ женщинъ и адомъ ослевъ». Обыкновенный египетскій осель также иногда подвергается незавидной долѣ. Онъ рабъ каждаго, и каждый считаетъ его дуракомъ. Во всѣхъ южныхъ странахъ никто не ходитъ пѣшкомъ; даже нищій имѣетъ обыкновенно своего осла; онъ ѣдетъ на немъ до того мѣста, гдѣ хочетъ просить милостыню, затѣмъ оставляетъ его пастись, какъ онъ выражается, «на Божьемъ пастбищѣ», а вечеромъ опять ѣдетъ на немъ домой.

Нигдѣ, какъ кажется, ослы такъ часто не употребляются для верховой ѣзды, какъ въ Египтѣ. Здѣсь въ большихъ городахъ эти покладистыя животныя совершенно необходимы для удобства жизни. Ихъ нанимаютъ такъ-же, какъ мы нанимаемъ кареты, и совсѣмъ не считается стыдомъ пользоваться ими. При тѣснотѣ улицъ нѣкоторыхъ городовъ они одни умѣютъ сокращать и облегчать дорогу. Въ Каирѣ ихъ можно видѣть вездѣ среди непрерывнаго людского потока, тѣснящагося по улицамъ. Погонщики ослевъ въ Каирѣ образуютъ особое сословіе, настоящую касту; они способствуютъ характерности города такъ-же, какъ минареты и пальмы. Они необходимы, какъ туземцамъ, такъ и иностранцамъ; никто не можетъ приносить такъ много пользы и въ то-же время никто не умѣетъ такъ досадить, какъ эти погонщики. «Настоящая потѣха и вмѣстѣ съ тѣмъ настоящее мученіе», говоритъ Богумиль Гольцъ, «имѣть дѣло съ погонщиками ослевъ. Невозможно понять: добры они, или злы, строптивы или услужливы, лѣнивы или расторопны, лукавы или наглы; они представляютъ собой смѣсь всевозможныхъ качествъ. Путешественникъ встрѣчаетъ ихъ, какъ только онъ высадится на берегъ въ Александріи. Съ восхода и до заката солнца стоятъ они со своими животными на всякой площади. Прибытіе парохода—цѣлое событіе для нихъ: тутъ они стараются овладѣть несвѣдущимъ, и, по ихъ мнѣнію, глупымъ иностранцемъ. Они сначала заговариваютъ съ новопріѣзжимъ на 3-хъ или 4-хъ языкахъ, и горе ему, если онъ станетъ говорить по-англійски: тотчасъ-же изъ-за него возникаетъ драка между погонщиками; это продолжается до тѣхъ поръ, пока онъ не сдѣлаетъ лучшаго, что только онъ можетъ сдѣлать, а именно не взлѣзетъ на перваго попавшагося осла и не велитъ везти себя въ какую-либо гостинницу». Такими они кажутся сначала; но только тотъ, кто знаетъ арабскій языкъ и можетъ, вмѣсто этой тарабарщины, составляющей смѣсь изъ 3—4 языковъ, говорить съ ними на ихъ языкѣ, узнаетъ ихъ хорошо.

«Посмотри, господинъ, на этого осла, котораго я тебѣ предлагаю; вѣдь это настоящій паровозъ! Сравни его съ тѣми, которыхъ выхваляютъ тебѣ другіе погонщики. Они развалятся подъ тобой, потому что это жалкія созданія, а ты сильный человѣкъ! Но мой осель! Онъ побѣжитъ подъ тобою, какъ газель». «Вотъ кахиринскій осель», говоритъ другой, «его дѣдъ былъ самецъ газели, а праматерь—дикая лошадь. Ей ты, кахиринецъ, побѣги и докажи господину, что я говорю правду! Не посрами своихъ родителей, иди съ Богомъ, моя газель, моя ласточка!» Третій хочетъ превзойти обоихъ, называя своего осла «Бисмаркомъ», «Мольтке» и т. п., и это продолжается въ томъ-же родѣ до тѣхъ поръ, пока путешественникъ не сядетъ на одного изъ ослевъ. Тогда погонщикъ начинаетъ дергать, толкать, бить осла или колоть его заостренной на концѣ палкой, постѣ чего только животное пускается галопомъ; сзади-же бѣжитъ самъ погонщикъ, крича, понукая осла, ободряя его, болтая и надрывая свои легкія такъ-же, какъ осель, бѣгущій передъ нимъ. Такъ мчатся

они по улицамъ между животными и всадниками, между уличными повозками, навьюченными верблюдами, экипажами и пѣшеходами, и осель ни на одно мгновеніе не теряетъ своей бодрости, но скачетъ очень пріятнымъ галопомъ до цѣли путешествія. Каиръ—это высшая школа ослевъ. Только тамъ можно узнать и научиться цѣнить, уважать и любить это прекрасное животное.

Къ обыкновенному европейскому ослу можно, конечно, вполне примѣнить слова Окена: «Домашній осель такъ опустился вслѣдствіе постоянно дурного съ нимъ обращенія, что онъ теперь уже почти непохожъ на своихъ прародителей. Онъ не только отличается отъ нихъ гораздо меньшимъ ростомъ, но и цвѣтомъ шерсти, которая у него болѣе блѣднаго сѣро-пепельнаго цвѣта; уши его тоже длиннѣе и болѣе дряблы, чѣмъ у дикаго осла. Бдительность перешла у него въ упрямство, проворство въ медленность, живость—въ лѣность, умъ—въ тупость, любовь къ свободѣ—въ терпѣніе, мужество—въ равнодушіе къ побоямъ».

О немъ говоритъ также Шейтлинъ въ своемъ превосходномъ сочиненіи о душахъ животныхъ: «Ручной осель бываетъ чаще смѣтливъ, нежели глупъ; но при своемъ умѣ онъ не такъ добродушенъ, какъ лошадь; онъ болѣе хитеръ и коваренъ, и умъ его выражается чаще всего въ своеправіи и упрямствѣ. Въ юности, хотя онъ родится отъ рабыни, онъ очень рѣзвъ и любитъ забавные прыжки, какъ дѣти, и не предчувствуетъ, такъ-же, какъ и человѣческое дитя, своей печальной и ужасной судьбы. Какъ только онъ вырастетъ, его заставляютъ возить и таскать тяжести; къ этому его легко можно пріучить, что доказываетъ умъ, такъ какъ онъ долженъ подчиниться волѣ другого существа—человѣка. Теленокъ никогда этого не пойметъ, и даже жеребенокъ сначала не понимаетъ, чего собственно отъ него хотятъ. Но какъ ни терпѣливо носитъ осель свою ношу, нельзя сказать, чтобы онъ носилъ ее охотно: какъ только его разгрузить, онъ съ удовольствіемъ скачетъ и кричитъ своимъ ужаснымъ голосомъ. У него, кажется, совсѣмъ нѣтъ музыкальнаго чувства. Его уши дѣйствительно указываютъ на чѣто особенное.

«Его походка необыкновенно тверда. Только иногда онъ вдругъ ни за что не хочетъ сойти съ мѣста, а иногда-же, напротивъ того, вдругъ пускается вскачь. Всегда слѣдуетъ смотрѣть на его уши, потому что онъ постоянно ими двигаетъ и выражаетъ посредствомъ ихъ, какъ и лошадь, свои чувства и намѣренія. Онъ не обращаетъ вниманія на побои и изъ-за нихъ не ускоряетъ своего шага, что указываетъ частью на его упрямство, частью на толстоту его кожи. Онъ хорошо знаетъ своего хозяина; но не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы онъ такъ привязался къ нему, какъ лошадь. Однако онъ подбѣгаетъ къ нему и выказываетъ нѣкоторую радость. Замѣчательно то, что осель заранѣе чувствуетъ измѣненіе погоды: передъ дурной погодой печально свѣшиваетъ голову, или-же весело прыгаетъ, если будетъ ведро.

«Выраженіе его морды очень замѣчательно и очень рѣдко бываетъ вѣрно передано на картинахъ. Почти никогда не сохраняется своеобразное ослиное выраженіе этой морды. Форма его головы очень похожа на форму головы лошади, но взглядъ осла совершенно другой, чѣмъ у нея».

Всѣ внѣшнія чувства ручного осла хорошо развиты. Выше всего стоитъ слухъ, за нимъ слѣдуетъ зрѣніе, а потомъ обоняніе; осязаніе его очень слабо, вкусъ также не особенно развитъ, потому что иначе онъ-бы навѣрное былъ требовательнѣе и жаднѣе, чѣмъ лошадь. Его умственные способности, какъ говоритъ Шейтлинъ, не такъ ничтожны, какъ обыкновенно думаютъ. Онъ обладаетъ превосходною памятью и всегда найдетъ дорогу, по которой разъ прошелъ. Хотя онъ кажется глупымъ, но иногда бываетъ очень хитеръ и лукавъ, а также онъ совсѣмъ не такъ добродушенъ, какъ обыкновенно полагаютъ. По временамъ онъ даже выказываетъ ужасное

коварство. Иногда вдруг останавливается посреди дороги, и тогда его даже побоями нельзя заставить двинуться съ мѣста; иногда онъ бросается вмѣстѣ со своей ношей на землю, кусается и брыкается. Многие думаютъ, что причиной этому его тонкій слухъ, что его пугаетъ и оглушаетъ всякій шумъ, хотя, вообще говоря, онъ не трусливъ, а только капризентъ. Если ему завяжутъ глаза, то онъ останавливается на мѣстѣ; то-же самое бываетъ, если ему закроютъ или заткнутъ уши; только, когда онъ можетъ владѣть всѣми своими чувствами, онъ продолжаетъ свой путь.

Осель довольствуется самой плохой пищей и самымъ скуднымъ кормомъ. Трава и сѣно, до которыхъ ни одна порядочная корова не дотронется и которыми пренебрегаетъ лошадь, для него составляютъ лакомство; онъ даже предпочитаетъ чертополохъ, колючіе кустарники и травы. Но онъ очень разборчивъ въ питьѣ: онъ ни за что не станетъ пить мутной воды; она можетъ быть солона, но непременно чиста. Въ пустыняхъ часто не знаютъ, что дѣлать съ осломъ, потому что, несмотря на сильную жажду онъ не хочетъ пить мутной воды изъ кожанныхъ мѣховъ.

У насъ время случки ословъ бываетъ въ послѣдніе весенніе и первые лѣтніе мѣсяцы; на югъ-же, собственно говоря, продолжается цѣлый годъ. Осель выказываетъ ослицѣ свою любовь всѣмъ извѣстнымъ, уши раздрающимъ крикомъ: «И-а, и-а» и присоединяетъ къ этимъ протяжнымъ, 5—10 разъ повтореннымъ звукамъ, еще нѣсколько вздоховъ, похожихъ на сощбіе. Ни одна ослица не можетъ устоять противъ такого выраженія любви. Оно даже дѣйствуетъ на всѣхъ соперниковъ. Стоитъ только позвать въ странѣ, гдѣ много ословъ, чтобы самому это узнать. Какъ только раздается голосъ какой-нибудь ослицы, то происходитъ цѣлое смятеніе среди ословъ. Стоящій ближе всѣхъ къ ней осель чувствуетъ себя очень польщеннымъ тѣмъ, что можетъ отвѣтить на звуки, кажущіеся ему такими нѣжными, и онъ начинаетъ реветъ изо всѣхъ силъ. Второй, третій, четвертый, десятый думаютъ то-же самое; наконецъ ревутъ всѣ такъ, что можно оглохнуть или сойти съ ума отъ такого продолжительнаго рева. Я не берусь рѣшить, происходитъ-ли этотъ крикъ вслѣдствіе нѣжнаго чувства, или-же вслѣдствіе того, что осламъ доставляетъ удовольствіе такъ кричать; но достовѣрно, что одинъ осель можетъ возбуждать въ другихъ желаніе кричать. Описанные выше погонщики ословъ въ Каирѣ, которымъ, какъ кажется, доставляетъ большое удовольствіе крикъ этихъ животныхъ, вызываютъ это «и-а», звучащее такъ ужасно для цивилизованнаго уха, тѣмъ, что они сами стараются воспроизвести первоначальные звуки того неподражаемаго отрывистаго: ии, ии, ии, которое предшествуетъ главному мотиву ослиной пѣсни; послѣ того уже одинъ изъ ословъ беретъ на себя трудъ продолжить этотъ крикъ, выражающій радостное возбужденіе.

Черезъ 11 мѣсяцевъ послѣ случки (обыкновенно принимаютъ время въ 290 дней) ослица жеребится однимъ, очень рѣдко двумя совершенно развитыми, зрячими дѣтенышами, облизываетъ ихъ съ большою нѣжностью и даетъ имъ уже черезъ полчаса послѣ рожденія свое вымя. Черезъ 5-6 мѣсяцевъ осленокъ можетъ быть отнять отъ матери, но онъ еще долгое время всюду слѣдуетъ за нею. Даже въ самой ранней юности осель не требуетъ никакихъ особенныхъ заботъ и попеченій; онъ довольствуется, такъ-же, какъ взрослые ослы, всякой пищей, которую ему дадутъ. Онъ мало чувствителенъ къ переменамъ погоды и потому рѣдко хвораетъ. Это очень живое, рѣзвое животное, выражающее свою шаловливость и внутреннее душевное довольство забавными прыжками и движеніями. Онъ радостно встрѣчаетъ всякаго осла, а также привыкаетъ и къ человѣку. Когда его хотятъ разлучить съ маткой, то встрѣчаютъ сопротивленіе съ обѣихъ сторонъ; если-же это сопротивленіе не поможетъ, то оба выражаютъ свое горе и тоску тѣмъ, что испус-

каютъ по цѣлымъ днямъ жалобные крики или, по крайней мѣрѣ, выказываютъ сильное безпокойство. Мать мужественно защищаетъ свое дѣтище, когда ему грозитъ опасность и даже иногда жертвуетъ собой для него; она даже готова идти въ огонь и въ воду, чтобы только защитить своего осленка. Уже на второмъ году жизни осель достигаетъ своего полного роста; но только на третьемъ году онъ входитъ въ силу. Несмотря на то, что ослы должны много работать, они живутъ довольно долго. Были случаи, что ослы жили 40—50 лѣтъ.

Уже съ древнихъ временъ случали лошадь и осла и чрезъ такое скрещиваніе получали помѣси, которыя называются **Мулами**, если отецъ-осель, и **Лошанами**, если мать-ослица. Какъ тѣ, такъ и другіе по своему наружному виду похожи болѣе на мать, но нравъ свой болѣе наследуютъ отъ отца.

Мулъ (*Equus mulus*. Maultier. Mulet.) по своей величинѣ почти равенъ лошади и похожъ на нее строеніемъ своего тѣла, но отличается отъ нея формой головы, длиною ушей, короткими волосами у корня хвоста, толстыми бедрами и узкими копытами, напоминающими копыта осла. Цвѣтомъ своей шерсти онъ походитъ на мать; голосъ-же у него, какъ у отца. **Лошакъ** (*Equus hinnus*. Maulesel. Petit mulet) сохраняетъ невзрачную наружность, небольшой ростъ и длинныя уши своей матери; отъ лошади-же онъ наследуетъ болѣе длинную, тонкую форму головы, болѣе полныя бедра, вполне покрытый волосами хвостъ и ржаніе; отъ матери онъ принимаетъ, кромѣ наружнаго вида, также и лѣнь.

Лошадь и осель не скрещиваются добровольно, и поэтому размноженіе муловъ никогда не обходится безъ человѣческой помощи. Между осликами и лошадьми, живущими на свободѣ, замѣчали даже взаимную ненависть, которая доходила до ожесточенныхъ дракъ. Скрещиваніе требуетъ многихъ подготовокъ и особенныхъ условій. Осель охотно скрещивается съ кобылой; но кобыла съ осломъ или жеребецъ съ ослицей не такъ легко соединяются. Обыкновенно кобылъ, которую хотятъ случить съ осломъ, завязываютъ глаза, чтобы она не видѣла навязаннаго ей силой самца; передъ тѣмъ-же къ ней подводятъ красиваго жеребца, котораго потомъ замѣняютъ осломъ. То-же самое приходится дѣлать и съ жеребцами. Гораздо легче скрестить лошадь и осла, когда ихъ ростили вмѣстѣ, такъ что они привыкли другъ къ другу; тогда животныя утрачиваютъ болѣею частью свое естественное отвращеніе. Уже древніе римляне заботились о томъ, чтобы ослы и лошади, которые предназначались для разведенія муловъ, жили постоянно вмѣстѣ; испанцы и жители Южной Америки дѣлаютъ это еще и въ настоящее время. Молодыхъ ословъ черезъ нѣсколько дней послѣ рожденія отдаютъ кормить кобыламъ, материнская любовь которыхъ въ большинствѣ случаевъ побуждаетъ вскорѣ отвращеніе къ навязанному питомцу. Старая лошадь и ея пріемышъ въ скоромъ времени искренно привязываются другъ къ другу, и эта любовь иногда доходитъ до того, что осель выказываетъ большее отвращеніе къ осликамъ, чѣмъ къ лошадямъ. Въ Южной Америкѣ, говорятъ, есть ослы, которыхъ никакъ нельзя случить съ ослицами.

Поведеніе этихъ ословъ, вскормленныхъ лошадьми, очень странно. Южноамериканцы оставляютъ своихъ ослицъ на пространныхъ пастбищахъ на попеченіи ословъ, жеребцовъ, и тѣ весьма добросовѣстно исполняютъ возложенную на нихъ обязанность. Не такъ поступаютъ ослы, воспитанные съ лошадьми. Они вскорѣ излѣиваются и, вмѣсто того, чтобы идти впереди стада, они бѣгутъ за кобылами, какъ будто хотятъ, чтобы тѣ еще теперь ихъ охраняли. Поэтому приходится дѣлать такъ, чтобы кобылъ, назначенныхъ для разведенія муловъ, вель на половину осклопленный жеребецъ. Одно изъ самыхъ необходимыхъ условій при разведеніи

муловъ—это особенно тщательный уходъ за беременными кобылами и ослицами, потому что природа мститъ за насильственное нарушение ея законовъ. Именно, у кобылъ, слученныхъ съ осломъ, или у ослицъ, слученныхъ съ жеребцами, очень часто бываютъ выкидыши. Кобыла носить мула нѣсколько дольше, чѣмъ своего жеребенка, но зато новорожденный мулъ скорѣе становится на ноги, чѣмъ жеребенокъ; растеть онъ однако дольше, чѣмъ лошадь. Ранѣе четырехъ лѣтъ мула нельзя заставить работать; зато онъ сохраняетъ свою силу до 20-го, 30-го и даже нѣдко до 40-го года своей жизни.

Вслѣдствіе большей полезности разводять почти исключительно муловъ. Только въ Испаніи и Абиссиніи я видѣлъ лошаковъ; тамъ, кажется, совсѣмъ нѣтъ муловъ. Въ Персіи ихъ менѣе цѣнятъ, въ Туркменіи-же, по словамъ А. Вальтера, никогда не разводять и не держатъ ни муловъ, ни лошаковъ. «Ихъ можно видѣть», говорить этотъ натуралистъ, «въ Закаспійскомъ краѣ только въ Асхабадѣ среди идущихъ изъ Мешеда персидскихъ каравановъ». Мулъ соединяетъ въ себѣ преимущества своихъ обоихъ родителей. Его умѣренность и выносливость, мягкій, вѣрный шагъ—все это наследство осла; силу-же и мужество онъ получаетъ отъ матери. Во всѣхъ горныхъ странахъ безъ мула невозможно обойтись; въ Южной Америкѣ они такъ-же необходимы, какъ верблюды арабамъ. Хорошій мулъ можетъ нести тяжесть въ 150 kgr. и пройти съ ней ежедневно 20—28 килом. При этомъ замѣтили, что онъ мало теряетъ силы послѣ долгаго путешествія, даже когда ему даютъ мало пищи и когда эта пища такъ дурна, что лошадь не стала-бы ее ѣсть. Въ Бразиліи, по словамъ Чуди, мулъ въ высшей степени полезенъ, какъ для путешественниковъ, такъ и для перевозки товаровъ. «Его сила, выносливость, умъ и осторожность—все это качества, дающія ему преимущества передъ гораздо болѣе благородной лошадыю. Можно даже смѣло утверждать, что безъ мула степенъ развитія и образованности въ большей части Южной Америки стояла-бы гораздо ниже, чѣмъ она стоитъ теперь. Безъ сомнѣнія, нельзя не признать, что эти животныя имѣютъ много недостатковъ, которые затрудняютъ иностранцамъ обращеніе съ ними и требуютъ очень большого терпѣнія; но эти недостатки совершенно отступаютъ на задній планъ въ сравненіи съ необыкновенными достоинствами этихъ животныхъ во время долгихъ и трудныхъ путешествій».

Чуди, который много разъ имѣлъ дѣло съ погонщиками муловъ и ихъ животными, описываетъ очень подробно и поучительно ихъ жизнь и образъ дѣйствій. Нижеслѣдующее я заимствовалъ изъ его описанія: «Бразильскій погонщикъ муловъ, называемый «тронеиро», производитъ со своими мулами обмѣнъ товаровъ между различными частями страны. Онъ привозитъ изъ отдаленныхъ мѣстностей государства естественныя произведенія и различныя мѣстныя издѣлія на морской берегъ, а оттуда везетъ назадъ предметы ежедневной необходимости, а также предметы роскоши. Такимъ образомъ онъ служитъ посредникомъ въ торговлѣ и денежныхъ сношеніяхъ и играетъ немаловажную роль въ государственномъ хозяйствѣ. Онъ начинаетъ свое ремесло еще съ молодости, ходитъ мальчикомъ съ караванами муловъ и соединяетъ въ себѣ всѣ качества, необходимыя въ его трудномъ и тяжеломъ ремеслѣ, именно: мужество, рѣшительность, силу, проворство, присутствіе духа, большую выносливость и величайшую неприхотливость. Нѣсколько полей и луговъ и его мулы составляютъ все его имущество; послѣдніе—также его гордость. Каждый караванъ дѣлится на нѣсколько меньшихъ частей; въ каждой такой части по 8, а въ южныхъ провинціяхъ 10—12 животныхъ, которые находятся подъ надзоромъ одного погонщика. Эти караваны, которые слѣдуютъ одинъ за другимъ на извѣстномъ, довольно большомъ разстояніи,

идутъ во время путешествія вереницами одинъ мулъ за другимъ, приче́мъ каждое отдѣльное животное занимаетъ всегда одно и то-же мѣсто въ ряду и идетъ почти съ пунктуальной точностью по слѣдамъ предыдущаго. Первый мулъ (во-жакъ), называемый «мадринья», ведетъ весь рядъ. Это самый красивый, самый сильный и самый опытный мулъ изъ всѣхъ, отличающийся отъ другихъ своей богатой сбруей. На головѣ у него кисть изъ красной или пестрой хлопчатой бумаги, на лобномъ ремнѣ узды—большая серебряная бляха съ вензелемъ его владѣльца; на небольшомъ станкѣ придѣлано множество звонкихъ колокольчиковъ, которые при всякомъ движеніи головы весело звенятъ; всѣ ремни его узды, нагрудника и даже шлеи покрыты большимъ или меньшимъ числомъ серебряныхъ украшеній. Караваны эти совершаютъ каждый день короткіе переходы: они проходятъ, смотря по погодѣ и по качеству дороги, только 14, много что 21 километръ, на что употребляютъ 4—6 часовъ.

«Когда караванъ придетъ, послѣ такого дня пути, въ ранхо, т. е. большой, пустой, открытый съ одной стороны навѣсъ со столбами для привязыванія животныхъ, то прибывшимъ заранѣе тропейро бываютъ сдѣланы всѣ необходимыя приготовления для ночной стоянки, именно—привезенъ кормъ изъ сосѣдней лавки. Прибывшихъ муловъ немедленно привязываютъ къ вышеупомянутымъ столбамъ и разгружаютъ; приподнимаютъ ихъ вьючныя сѣдла и, когда спины остынутъ, снимаютъ ихъ; затѣмъ тщательно осматриваютъ ихъ спины, лѣчатъ пораненныя мѣста, прибываютъ недостающіе гвозди на подковахъ и вообще заботятся о подобныхъ необходимыхъ вещахъ. Между тѣмъ животные начинаютъ выказывать нетерпѣніе, такъ какъ они слышатъ шумъ, производимый погонщиками, которые насыпаютъ маисъ въ торбы; мулы ржутъ, скребутъ землю, топчутъ копытами и успокаиваются только тогда, когда каждому привяжутъ его торбу. Тогда они начинаютъ раздроблять зубами твердыя зерна и производятъ при этомъ такой шумъ, какъ пущенная въ ходъ дробильная мельница. Когда они кончатъ ѣсть, съ нихъ снимаютъ торбы и недоуздки; тогда они начинаютъ валяться по землѣ, ищутъ воду для питья, пока, наконецъ, ихъ не выгонятъ на пастбище. Заботливые тропейро пригоняютъ ихъ еще разъ вечеромъ въ ранхо и даютъ еще немного маису. Еще ранѣе, чѣмъ забрезжитъ утро, ихъ собираютъ на пастбищѣ и часто, послѣ долгихъ поисковъ и многихъ трудовъ, приводятъ въ ранхо, гдѣ ихъ кормятъ, нагружаютъ, и затѣмъ всѣ снова отправляются въ путь».

Въ Перу и Чили каждый годъ приводятъ значительное число муловъ и платятъ за нихъ сравнительно очень дорого. Ихъ употребляютъ какъ для верховой ѣзды, такъ и для перевозки тяжестей. «Въ Лимѣ» пишетъ мнѣ Гаскарль, «существуетъ своеобразный обычай, котораго я не встрѣчалъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ: при дѣловыхъ и другихъ посѣщеніяхъ мула оставляютъ на улицѣ, не привязывая его. Животное спокойно стоитъ передъ домомъ, въ который вошелъ его хозяинъ, не обращая вниманія на другихъ проѣзжающихъ взадъ и впередъ по улицѣ людей и животныхъ. Если-же ѣдутъ на мулѣ, который еще не привыкъ къ долговому ожиданію, то ему только надѣваютъ на глаза кожаные наглазники въ родѣ очковъ и идутъ спокойно своей дорогой. Въ Испаніи мула обыкновенно употребляютъ для упряжи и охотно платятъ такую-же сумму за пару хорошихъ муловъ, какъ за пару лошадей. Путешествіе въ испанскомъ дилижансѣ настоящая пытка. Пять паръ муловъ запрягаются одна за другой; на переднемъ, осѣдланномъ мулѣ сидитъ форейторъ, сзади на козлахъ кучеръ съ огромнымъ бичемъ, а рядомъ съ нимъ еще особенный погонщикъ муловъ съ толстой палкой.

Еще и въ новѣйшія времена не разъ утверждали, что мулы и лошаки без-

плодны. Однако это не всегда вѣрно. Уже съ древнѣйшихъ временъ извѣстны примѣры того, что помѣси лошади и осла рождали дѣтенышей; но такъ какъ такое необыкновенное происшествіе считали дѣломъ колдовства или событіемъ, предвѣщающимъ несчастье, то о подобныхъ случаяхъ часто умалчивали и потому до сихъ поръ мы можемъ говорить только о нѣсколькихъ примѣрахъ, подтверждающихъ плодородіе такихъ ублюдковъ. Первый извѣстный намъ случай произошелъ въ Римѣ въ 1527 году; позднѣе узнали о двухъ случаяхъ съ Санъ-Доминго. Въ Валенціи, въ Испаніи, въ 1782 году были скрещены красивая гнѣдая кобыла мула съ прекраснымъ сѣрымъ, андалузскимъ жеребцомъ, и на слѣдующій годъ, послѣ обычнаго періода беременности, она родила очень красиваго рыжаго жеребенка съ черной гривой, который имѣлъ всѣ качества хорошей, чистой лошадиной породы; онъ былъ чрезвычайно живъ и уже въ возрастѣ 2½ лѣтъ годился для верховой ѣзды. Эта-же кобыла родила черезъ два года второго, затѣмъ третьяго, четвертаго и наконецъ пятаго жеребенка, которые всѣ родились отъ того-же самаго жеребца и были такъ-же красивы, какъ первый. Также въ Эттингенѣ кобыла мула родила въ 1759 г. отъ жеребца—жеребенка мужского пола, который отличался только нѣсколько длинными ушами; въ остальномъ-же совершенно походилъ на молодую лошадь. Другой жеребенокъ, происшедшій отъ лошади и кобылы мула, былъ рожденъ въ Шотландіи; но онъ тотчасъ-же былъ убитъ простодушными крестьянами, которые сочли его за чудовище. Въ новѣйшее время тоже были сдѣланы наблюденія, которыя, безъ сомнѣнія, подтверждаютъ способность мула къ размноженію; такъ, въ послѣднія два десятилѣтія въ акклиматизаціонномъ саду въ Парижѣ мулы оказались плодоносными до второго колѣна.

* * *

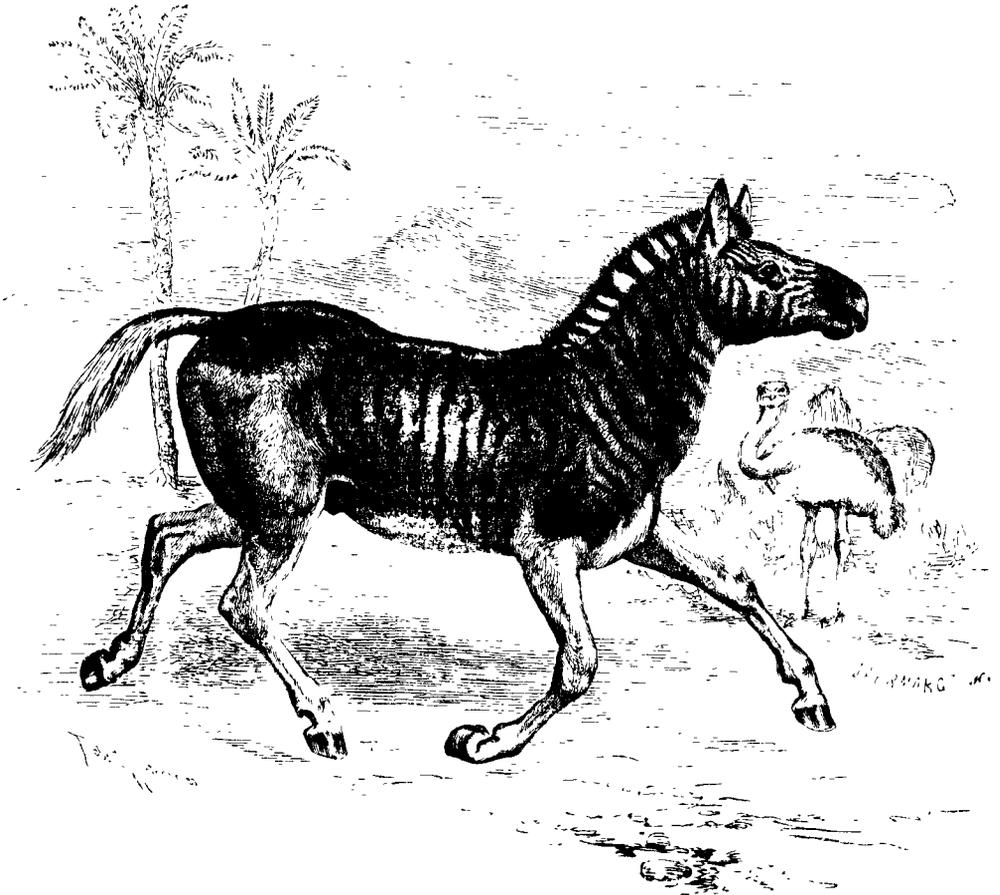
Одинъ древній латинскій писатель рассказываетъ, что Каракалла, въ Римѣ въ 211 году нашего лѣтосчисленія, выпускалъ на арену, вмѣстѣ съ тиграми, слонами и носорогами, также и «гиппотигровъ». Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что этотъ писатель, подъ именемъ гиппотигровъ, т. е. «тигровыхъ лошадей», подразумеваетъ одинъ изъ видовъ африканской полосатой лошади. Теперь различаютъ пять видовъ полосатыхъ дикихъ лошадей; вопросъ, справедливо-ли это раздѣленіе на отдѣльные виды, долженъ пока остаться нерѣшеннымъ.

Квагга (*Equus [Asinus] quagga*, *Hippotigris quagga*, *H. isabellinus*) походитъ своимъ внѣшнимъ видомъ и строеніемъ тѣла болѣе на лошадь, чѣмъ на осла, но значительно менѣе совершенна по формамъ, чѣмъ дау. Туловище ея стройное, голова небольшая и красивая; уши короткія, ноги сильныя. Вдоль всей шеи подымается короткая и примостоячая грива. Покрытый съ самаго основанія волосами хвостъ длиннѣе, чѣмъ у прочихъ тигровыхъ лошадей, но короче, чѣмъ у лошади. Шерстью квагга походитъ на лошадь; волосы коротки и плотно прилегаютъ къ тѣлу. Главный цвѣтъ шерсти гнѣдой, на головѣ болѣе темный; на спинѣ, крестцѣ и на бокахъ—свѣтлѣе; животъ, внутреннія стороны бедеръ и волосы—чисто бѣлые. По головѣ, шеѣ и плечамъ тянутся бѣловато-сѣрыя, впадающія въ рыжіи цвѣтъ полосы; на лбу и вискахъ онѣ расположены вдоль и очень часты, на щекахъ-же идутъ поперекъ и довольно далеко отстоятъ другъ отъ друга; между глазами и ртомъ онѣ образуютъ треугольникъ. На шеѣ насчитываютъ до десяти такихъ полосъ, которыя видны и въ гривѣ, на плечахъ—до четырехъ и на всемъ туловищѣ еще нѣсколько полосъ, которыя къ задѣ становятся все блѣднѣе. Вдоль всей спины до самаго хвоста тянется черно-бурая полоса, окаймленная рыжевато-сѣрымъ. Уши съ внутренней стороны покрыты бѣлыми волосами, снаружи они желтовато-бѣлыя, окаймленныя темно-коричневою полоской.

*

Самки и самцы очень похожи другъ на друга; только самка немного меньше ростомъ и хвостъ у нея короче. Взрослый самецъ достигаетъ 2 м., съ хвостомъ 2,6 м. длины; высота его у загривка—около 1,3 м.

Буршелова Тигровая лошадь или **Дау** (*Equus [Asinus] burchellii*, *Asinus* и *Hippotigris burchellii*, *Equus montanus* и *festivus*. Daub.) бесспорно самое благородное животное этой группы, такъ какъ видомъ своимъ больше всего напоминаетъ коня; она почти такого росту, какъ квагга. Длина ея 2 м., высота холки

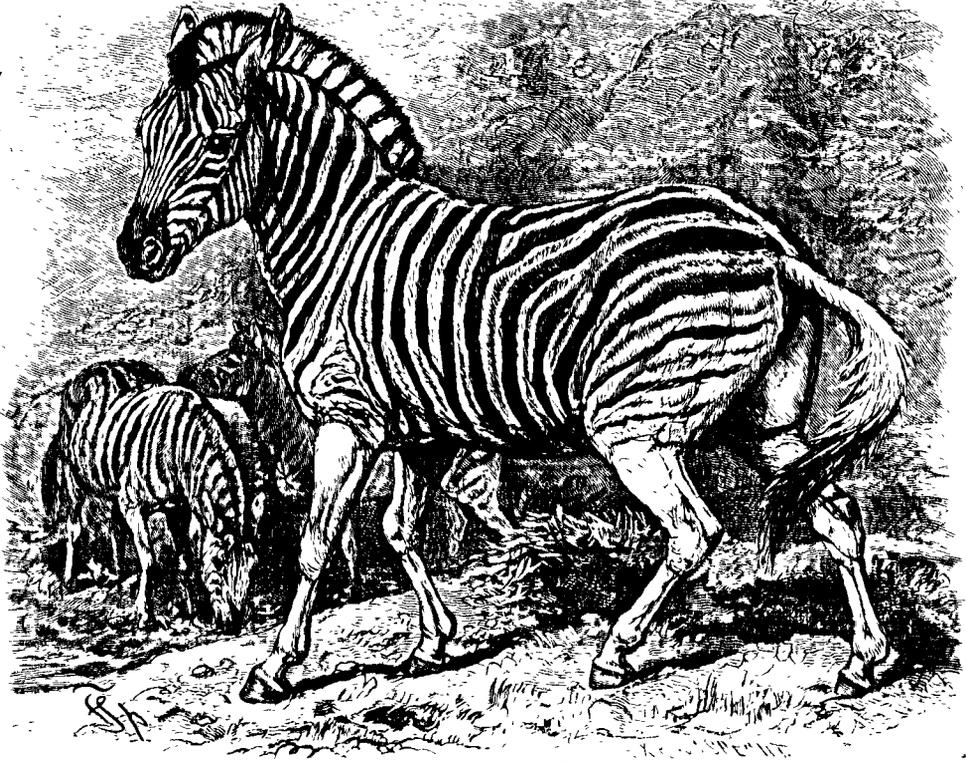

Квагга. *Equus quagga*. $\frac{1}{18}$ наст. вел.

1,3 м. Туловище круглое съ очень выгнутымъ затылкомъ; ноги крѣпкія, грива подымается въ видѣ гребня на 13 см. вышины; хвостъ какъ у квагги, или лучше сказать, какъ у лошади, почти до корня покрытъ волосами и довольно длиненъ; уши узкія и не очень длинныя. Мягкая, гладко-лежащая шерсть наверху свѣтло-рыжаго цвѣта, внизу бѣлая. Четырнадцать узкихъ черныхъ полосъ тянутся вверхъ по всей лицевой части, начиная съ ноздрей. Семь изъ нихъ уклоняются въ сторону и соединяются съ такимъ-же числомъ полосъ, идущихъ сверху—внизъ. Остальныя тянутся вкось по щекамъ и соединяются съ полосами на нижней челюсти; глаза окаймлены темнымъ кольцомъ. По срединѣ спины идетъ черная полоса съ бѣлой каймой. По шеѣ тянутся десять широкихъ черныхъ, иногда раздвоенныхъ полосъ, между которыми виднѣются узкія бурьяя полоски. Последняя полоса раз-

дваивается книзу и соединяется съ тремя-четырьмя другими полосками. Такія-же полосы идутъ кругомъ всего туловища, но рѣдко видны на ногахъ, которыя чисто бѣлаго цвѣта; однако существуетъ такъ много отступленій, что нельзя еще поставить общаго правила на этотъ счетъ. У дау восточно-африканскаго прибрежья полосы—окаймленныя желтымъ, шире, чѣмъ у зебра.

У **Тигровой лошади Шапмана** (*Equus [Asinus] chapmani*, *Chapmans Tigerpferd*) ноги покрыты полосами до самыхъ копытъ, но и тутъ встрѣчаются исключенія. Цвѣтъ шерсти колеблется между желтымъ съ шоколадными полосами и бѣлымъ съ почти черными полосами. Этотъ видъ, какъ уже замѣтилъ Бюклей, почти ничѣмъ не

Дау. *Equus burchellii*. $\frac{1}{16}$ наст. вел.

отличается отъ дау, и слѣдовало-бы принять для этихъ двухъ видовъ тигровой лошади вошедшее уже въ употребленіе между охотниками общее наименованіе нестрой квагги.

Зебръ или горная лошадь (*Equus [Asinus] zebra*, *Hippotigris zebra* и *antiquorum. Zebra. Zèbre*) почти такой-же величины, какъ дау, но отличается отъ него тѣмъ, что все его тѣло покрыто полосами. При болѣе тщательномъ изслѣдованіи выступаютъ еще другіе отличительные признаки. По тѣлосложенію онъ менѣе походитъ на лошадь, чѣмъ на осла, и преимущественно на джиггетая. Туловище его полное и сильное; ноги стройныя, шея изогнутая, голова короткая, морда толстая, хвостъ не очень длинный, покрытъ короткими, только на концѣ удлинющимися волосами, такъ что похожъ на ослиный; грива густая, но очень короткая. По бѣлому или желтоватому фону тянутся отъ самой морды до копытъ косыя полосы блестящаго чер-

наго или рыжеваго-бураго цвѣта; только задняя часть брюха и внутренняя сторона бедеръ не покрыты полосами. Вдоль спины видна и у зебра темно-бурая полоса, другая тянется вдоль брюха.

Наконецъ **Зебръ Гревя** (*Equus [Asinus] grevyi*) можетъ считаться ближайшимъ родичемъ зебра, однако полосы у него гораздо многочисленнѣе и уже, чѣмъ у настоящаго зебра.

Европейцы вѣроятно познакомились прежде всего съ зебромъ. Нельзя сказать съ полною достовѣрностью, что убитая Каракалой тигровая лошадь принадлежала именно къ этому виду, такъ какъ описаніе ея не совсѣмъ точно. Также позднѣйшій наблюдатель Пиллосторгъ, писавшій около 425 года о большихъ, дикихъ и пятнистыхъ ослахъ, даетъ весьма недостаточное описаніе этого дикаго животнаго. Первые болѣе подробныя свѣдѣнія имѣемъ мы отъ тѣхъ португальцевъ, которые послѣ своего переселенія въ восточную Африку, впервые познакомились съ зебромъ. Въ 1666 году первый настоящій зебръ былъ привезенъ въ Каиръ однимъ посломъ, изъ Ефіопіи, въ подарокъ султану. О жизни на свободѣ зебра читаемъ мы позднѣе у Кольбе, Шпаррмана, Левальяна, Лихтенштейна, Буршеля, Гарриса и Р. Бема, а въ новѣйшее время многіе наблюдатели, начиная съ Кювье, доставили намъ свѣдѣнія о жизни его въ неволѣ.

Область распространенія всѣхъ столь схожихъ видовъ этого семейства—различна, но до сихъ поръ еще не совсѣмъ точно разграничена; очень вѣроятно, что тутъ встрѣчаются и нѣкоторыя ошибки, тѣмъ болѣе, что различные виды еще не вполне опредѣлены. Настоящая родина тигровыхъ лошадей—восточная Африка. Въ ближайшихъ къ экватору странахъ западной Африки и во всей области Конго, за исключеніемъ ея отдаленнѣйшей юговосточной части—онѣ не встрѣчаются вовсе. На сѣверо-востокъ ихъ область распространенія ограничена 10 и 5 градусами сѣверной широты и на западѣ теченіемъ Нила (Баръ-Эль Джебель). «Онѣ не встрѣчаются», говоритъ В. Юнкеръ, «далѣе 33—34 градусовъ восточной долготы; я видѣлъ тигровыхъ лошадей только южнѣ озера Викторіи». Еще мало извѣстный видъ живетъ совершенно отдѣльно въ сѣверо-западной Африкѣ, къ югу, можетъ быть, до Сенегала и верховья Нигера. Квагга встрѣчается чаще въ восточныхъ, чѣмъ въ западныхъ частяхъ Капской области и къ сѣверу въ степи Калахари, также въ юго-западной части нѣмецкихъ африканскихъ владѣній до Куnene, а можетъ быть и сѣвернѣе. Въ 1878 году Зандеманъ часто встрѣчалъ въ Трансвальской области, и близъ залива Делаго цѣлыя стада ихъ, въ нѣсколько сотъ головъ. Ближе къ Замбези, или, какъ сообщаютъ П. И. Бота и г. Шиницъ, по направленію къ Куnene (а именно по теченію Замбези къ востоку отъ болотъ Чобе) появляются пестрыя квагги (тигровыя лошади Буршеля и Шанмана), но вѣроятно не настоящая квагга.

Зебръ, который предпочитаетъ горныя страны, живетъ, напротивъ того, во всѣхъ областяхъ, гдѣ встрѣчаются другія тигровыя лошади: въ Капской области встрѣчается онъ еще теперь около Крадока, появляется и на сѣверо-востокѣ, гдѣ видъ этотъ, впрочемъ, въ приморскихъ странахъ почти совсѣмъ вывелся, и гдѣ его мѣстожительство ограничивается немногими опредѣленными пространствами. Далѣе находятъ зебра около Бенгуэлы, а можетъ быть около Куанцы и къ востоку до 12-го градуса южной широты. Конечно, тутъ границы не могутъ быть опредѣлены съ точностью. Тигровыя лошади распространены по средней Африкѣ далеко въ глубь материка до самой страны озеръ и бродятъ, по словамъ Бема, въ большомъ количествѣ по ту сторону Дуалабы въ Уруа. Свѣдѣнія объ этомъ видѣ вообще весьма неясны и неточны: во всякомъ случаѣ дѣло идетъ о животныхъ, тѣло которыхъ покрыто полосами до самыхъ кончатъ; вѣроятно мы не ошибаемся, предпо-

гая подъ ними преимущественно пестрыхъ кваггъ. Впрочемъ фонъ-Генель особенно напираетъ на то обстоятельство, что эти тигровыя лошади появляются не только въ равнинахъ, но и прямо въ горныхъ дикихъ странахъ восточной Африки, на высотѣ 2,300 метровъ надъ уровнемъ моря. Наконецъ послѣдній видъ, зебръ Гриви, живетъ преимущественно на полуостровѣ Сомали, гдѣ его нашелъ Менгестъ, и въ сосѣднихъ странахъ. Границы распространенія этого вида къ югу (такъ какъ по всей вѣроятности дѣло идетъ о томъ-же животномъ) въ точности опредѣлены экспедиціей графа Телеки во время его путешествія. «Южнѣе одного градуса 30 минутъ сѣверной широты», пишетъ намъ фонъ-Генель, «исчезаетъ южная тигровая лошадь съ широкими полосами, лошадиной головой и лошадиными ушами, а выступаетъ сѣверная съ ослиными ушами, большой ослиной головой и очень узкими полосами на тѣлѣ. Эти узкія полосы такъ сливаются между собою, что животныя, даже въ близкомъ разстояніи, кажутся совсѣмъ сѣрыми, такъ что мы часто ихъ принимали за дикихъ или одичавшихъ ословъ и даже иногда за своихъ вьючныхъ животныхъ. Но жители Сомали говорили, что это былъ ихъ зебръ».

Тигровыя лошади живутъ обществами, отъ 10—30 штукъ; говорятъ, что ихъ часто встрѣчали стадами въ сто головъ и болѣе; но тогда онѣ, вѣроятно, собрались для переселенія въ другія мѣстности. Каждый видъ, какъ замѣчаютъ, живетъ отдѣльно. Можетъ быть тигровыя лошади боятся своихъ близкихъ родичей, другихъ-же животныхъ онѣ не чуждаются. Почти всѣ наблюдатели единогласно утверждаютъ, что среди стадъ кваггъ почти постоянно встрѣчаются антилопы, гну и страусы и даже буйволы. Говорятъ, что страусы—постоянные спутники дикихъ лошадей, вѣроятно потому, что послѣднія умѣютъ, изъ бдительности и осторожности этихъ птицъ-великановъ извлекать для себя величайшую пользу. По наблюденію Гарриса пестрыя квагги также часто соединяются съ кокуномъ или полосатымъ гну, а обыкновенная квагга съ обыкновеннымъ гну; можно почти сказать, что вышеупомянутыя животныя другъ безъ друга чувствуютъ себя неловко. Подобная дружба нѣкоторыхъ животныхъ съ болѣе пугливыми и умными, чѣмъ они сами—вовсе не рѣдкость. Въ такихъ случаяхъ самые осторожные члены подобныхъ смѣшанныхъ стадъ руководятъ всѣмъ обществомъ. Пока они спокойны, все стадо ни о чемъ больше не заботится, какъ о добываніи пищи и пріятномъ препровожденіи времени; когда они начинаютъ выражать безпокойство, все стадо становится на сторожъ; когда же они пугаются бѣжать—все общество бѣжитъ за ними безъ оглядки.

Всѣ тигровыя лошади необыкновенно быстрыя, подвижныя, бдительныя и пугливыя животныя. Онѣ носятся съ быстротою вѣтра, какъ по равнинѣ, такъ и по горамъ. Гаррисъ описалъ намъ 50 лѣтъ тому назадъ самыми живописными красками какъ ихъ внѣшній видъ, такъ и нравы. «На сѣверѣ Оранжевой рѣки», такъ выражается онъ, «тамъ, гдѣ кокунъ заступаеъ мѣсто своего родича гну, живетъ, въ самой тѣсной дружбѣ съ первымъ, дау цѣлыми стадами, въ которыхъ рѣдко насчитывается не менѣе 80—100 головъ. Трудно вообразить себѣ существо прекраснѣе этого красиваго, сильнаго, дикаго, быстрого обитателя пустыни; трудно описать то впечатлѣніе, какое вызываетъ видъ этихъ красивыхъ и сильныхъ животныхъ, когда они въ полномъ сознаніи своей свободы топчутъ копытами свою родную почву или несутся сомкнутыми рядами, спасаясь отъ преслѣдующаго ихъ всадника. Далекое кругомъ глазъ охотника встрѣчаетъ только песчаную равнину, красноватый цвѣтъ которой только тамъ и сямъ прерывается болѣе темными пятнами выжженной солнцемъ травы и скудно отгнѣняется одиноко стоящими группами перистолистныхъ мимозъ; дальній горизонтъ ограниченъ рѣзкою линіей горъ, какъ-бы плавающихъ въ прозрачномъ туманѣ. Посреди этого ландшафта подымается въ неподвижномъ воз-

духъ густое облако пыли, которое, подобно столбу дыма, восходитъ къ чистому, голубому небу. Нѣсколько коршуновъ кружатся надъ нимъ. Оно надвигается все ближе и ближе, и среди него появляются и опять исчезаютъ какія-то темныя существа, которыя, какъ-бы танцуя, движутся въ немъ. Отдѣляясь отъ темнаго облака, появляются, наконецъ, подъ яркими лучами солнца великолѣпныя животныя съ удивительно окрашенной и полосатой шерстью, и вдругъ на васъ несется вскачь, гремя копытами, какъ-бы цѣлый полкъ кавалеріи. Это табунъ тигровыхъ лошадей, авангардъ всего сомкнувшагося тѣсными рядами стада. Съ беспорядочной поспѣшностью мчатся онѣ съ поднятыми вверхъ головами и хвостами, въ тѣсномъ сообществѣ со своими жвачными товарищами. Теперь въ стадѣ стало замѣтно нѣкоторое колебаніе, и оно останавливается на минуту, чтобъ осмотрѣться. Съ раздутыми ноздрями, развѣвающейся гривой и хлеща себя хвостомъ по бедрамъ, неторопливо выступаетъ впередъ статный жеребецъ; узнавъ охотника, онъ громко фыркаетъ, возвращается вскачь къ стаду обратно, и опять несется оно съ громкимъ ржаніемъ, встряхивая полосатыми головами. Вскорѣ новая остановка и новый осмотръ. Нарушая ряды, гнѣвно загнувъ назадъ маленькія лошадиныя уши, подскакиваетъ къ вамъ легкомысленная кобыла, не преминувъ притомъ по дорогѣ легнуть копытомъ слишкомъ назойливаго обожателя, воспользовавшагося случаемъ дружески куснуть ее мимоходомъ. Съ радостнымъ ржаніемъ, побѣдоносно скидывая головою, свободная и вольная, какъ вѣтеръ, несется она, преслѣдуемая своимъ неустрашимымъ обожателемъ, и вскорѣ оба скрываются отъ глазъ вздымающейся вихремъ пыли».

Всаднику на хорошей лошади нетрудно догнать сомкнувшійся тѣсными рядами табунъ тигровыхъ лошадей, между тѣмъ какъ самый быстрый ѣздокъ не догонитъ одиноко скачущую пеструю лошадь. Разказываютъ, что молодыя квагги охотно даютъ себя поймать, если охотнику удастся вскочить въ средину стада и отдѣлить ихъ отъ матерей; тогда онѣ добровольно слѣдуютъ за лошадью, какъ прежде за собственной матерью. Вообще, между тигровыми лошадьми и домашними конями, повидимому, существуетъ извѣстная дружба; по крайней мѣрѣ пестрыя и обыкновенныя квагги часто присоединяются къ конямъ путешественниковъ и спокойно пасутся среди нихъ.

О жизни тигровой лошади въ восточной Африкѣ сообщаетъ намъ Бемъ, который часто ихъ встрѣчалъ табунами въ сто головъ и болѣе. Онѣ наносятъ иногда большой вредъ полямъ, особенно просынымъ. Встрѣчаются онѣ преимущественно въ степяхъ, однако днемъ ихъ часто можно видѣть въ рѣдкихъ лѣсахъ, гдѣ онѣ, спасаясь отъ солнца и оводовъ, стоятъ, тѣсно прижавшись другъ къ другу. Особенно часто находятъ тамъ пары во время течки. Вечеромъ при закатѣ солнца эти животныя выступаютъ одно за другимъ длинными вереницами изъ лѣса въ степь. Точно такъ же лошади спускаются вечеромъ на водопой, подъ предводительствомъ сторожевого жеребца. Въ ихъ сообществѣ встрѣчаются часто ибисы, буйволы, антилопы, которыя тогда служатъ сторожами не очень бдительнымъ зебрамъ, между тѣмъ какъ буйволы съ своей стороны полагаются на бдительныхъ зебровъ. Послѣдніе совсѣмъ не пугливы и при приближеніи охотника только медленно удаляются отъ него; и вообще, если въ открытомъ мѣстѣ съ ними нѣтъ антилопъ, то подкрасться къ нимъ довольно легко. Тогда они весело скачутъ по всей степи. Впрочемъ, они живучи и нелегко подстрѣлить ихъ. Ржаніе издали удивительно похоже на лай цѣлой своры собакъ. Мясо только-что убитаго животнаго приторно и сладковато, но вообще оно бѣло и недурно на вкусъ. Онѣ часто попадаются въ когти льву. Въ іюль и сентябрѣ мы видѣли часто жеребятъ; а въ срединѣ октября была убита однажды кобыла съ вполне выношеннымъ жеребенкомъ».

З Е Б Р Ы .

Все вышесказанное относится къ кваггамъ и другимъ родственнымъ видамъ. Совершенно иначе живутъ настоящіе зебры. По словамъ Гарриса они исключительно держатся горныхъ странъ, добровольно не спускаются въ равнины и никогда не смѣшиваются со своими родичами. На горахъ зебрь выбираетъ самыя дикія и отдаленныя мѣстности и кромѣ того обыкновенно ставитъ сторожа на выступѣ скалы, откуда удобнѣе всего обозрѣть всю окрестность. При малѣйшей тревогѣ все пестрое стадо пускается въ бѣгство и несется вдоль крутыхъ обрывовъ, мимо зіяющихъ пропастей съ такой быстротой, проворствомъ и увѣренностью, что человѣкъ не можетъ слѣдовать за ними, и охотнику рѣдко удается убить изъ своего дальнострѣльнаго ружья хоть одно изъ этихъ горделивыхъ животныхъ. Справедливѣе будетъ, впрочемъ, сказать, что зебры живутъ не исключительно на гористыхъ мѣстностяхъ, а только предпочитаютъ ихъ; точно также и пестрыхъ кваггъ можно встрѣтить какъ на горахъ, такъ и въ равнинахъ. Такимъ образомъ онѣ водятся въ Калигарѣ, въ странѣ Намаквѣ и по направленію къ Кунегѣ, гдѣ Шинцъ наблюдалъ ихъ въ извѣстныхъ ему уединенныхъ мѣстностяхъ, и даже въ обширной пустынной равнинѣ Намибъ, по всему протяженію бухты, гдѣ Пехуэль-Ленне ихъ часто встрѣчалъ въ 1884 году.

Относительно пищи полосатыя лошади не очень прихотливы, однако имъ далеко до безпритязательности осла. Родина доставляетъ имъ все необходимое для жизни, а когда кормъ въ одномъ мѣстѣ уничтоженъ, онѣ отыскиваютъ себѣ новыя благоприятныя мѣста. Когда засуха уничтожила всю зелень въ тѣхъ степныхъ пространствахъ, которыя составляютъ ихъ любимое мѣстопробываніе, онѣ предприимаютъ, подобно всѣмъ животнымъ, живущимъ стадами въ южной Африкѣ, временныя путешествія. Замѣчено, что онѣ въ это время, въ сообществѣ съ различными видами антилопъ, посѣщаютъ обработанныя земли и причиняютъ жителямъ большой убытокъ. Но, съ наступленіемъ дождливаго времени, онѣ добровольно оставляютъ населенныя мѣста, гдѣ подвергаются столькимъ неприятностямъ или, по крайней мѣрѣ, безпокойствамъ, и возвращаются на свои старыя пастбища.

Голосъ полосатыхъ коней такъ же мало напоминаетъ ржаніе лошади, какъ и крикъ осла. По описанію Кювье, квагга, до 20 разъ подъ рядъ испускаетъ слогъ «оа! оа!»; другіе же путешественники утверждаютъ, что она кричитъ: «ква, ква» или «квага» и такимъ образомъ объясняютъ происхожденіе готтентотскаго названія этого животнаго; дау испускаетъ короткіе звуки, вродѣ: «ю, ю, ю», которые онѣ, по крайней мѣрѣ въ неволѣ, рѣдко повторяетъ болѣе трехъ разъ подъ рядъ; о голосѣ зебра я не имѣю никакихъ свѣдѣній, и съ своей стороны могу сказать только, что никогда не слыхалъ, чтобы они кричали или ржали. Пехуэль-Ленне слыхалъ, что онѣ испускалъ звуки, напоминающіе грубое грудное ржаніе возбужденнаго жеребца. О голосѣ упомянутыхъ тигровыхъ лошадей, за которыми удалось наблюдать во время экспедиціи графа Телеки, Генель пишетъ намъ слѣдующее: «Южная квагга лаетъ и тявкаетъ почти какъ собака; сѣверная же положительно реветъ и голосомъ напоминаетъ льва; вообще въ ярости полосатая лошадь кричитъ какъ хищное животное, такъ что мы даже часто впадали вслѣдствіе этого въ обманъ».

Всѣ внѣшнія чувства тигровыхъ лошадей очень развиты. Уши чувствительны къ малѣйшему шуму и глаза рѣдко ошибаются. Въ умственномъ отношеніи почти всѣ виды равны между собою. Всѣмъ свойственны необузданное стремленіе къ свободѣ, своеволю, нѣкоторая доля дикости, иногда коварство и большое мужество. Отъ нападеній хищныхъ звѣрей онѣ храбро защищаются копытами и зубами. Гіены благоразумно держатся отъ нихъ въ сторонѣ. Вѣроятно всею, что одинъ только могучій левъ успѣшно справляется съ тигровой лошадыю; дерзкій леопардъ напа-

даетъ только на самыхъ слабыхъ. Злѣйшимъ врагомъ тигровой лошади опять-таки является человекъ. Трудность охоты на этихъ животныхъ и красота ихъ мѣха, для котораго находятъ разнообразное употребленіе, побуждаютъ европейцевъ къ преслѣдованію этихъ, въ сущности безобидныхъ животныхъ. Многіе колонисты южной Африки страстно за ними охотятся, но и абиссинцы, какѣтся, не менѣе усердно ихъ преслѣдуютъ, такъ какъ ихъ знатные люди любятъ украшать шею своихъ лошадей бахромой, составленной изъ пестрой гривы этихъ дикихъ родичей коня. Европейцы убиваютъ тигровыхъ лошадей пулями, туземцы—метательными копьями; но чаще всего попадаютъ эти красивыя твари въ западни, гдѣ ихъ убиваютъ безъ труда или берутъ въ неволю. Туземцы цѣнятъ только убитыхъ животныхъ, такъ какъ мясо ихъ они считаютъ лакомствомъ, и, по словамъ Гарриса, даже иногда оспариваютъ у льва остатки имъ убитыхъ зебрѣвъ.

Тигровыхъ лошадей несправедливо считали неукротимыми. Ничья твердая рука не бралась еще до сихъ поръ за прирученіе этихъ чудныхъ животныхъ, никто не стремился серьезно къ достиженію этой цѣли. Нѣкоторыя отдѣльныя попытки удались, другія оказались безуспѣшными. Кваггъ нѣсколько разъ удавалось приучить возить экипажи и носить тяжести: такъ, на примѣръ, въ Англіи Паркинсу удалось довести пару этихъ красивыхъ животныхъ до того, что они позволяли себя впрягать въ легкій экипажъ и ѣздить, какъ на обыкновенныхъ лошадяхъ. По другимъ сообщеніямъ подобныя попытки оказывались неудачными. Кювье рассказываетъ объ одной пойманной кваггѣ, что она иногда спокойно позволяла подходить къ себѣ близко и даже гладить, но вдругъ, безъ всякой видимой причины, начинала бѣшено легаться, и даже пыталась кусать своего хозяина. Когда ее хотѣли перевести изъ одной загородки въ другую, она начинала бѣситься, падала на колѣни и грызла зубами все, что только могла захватить. Шаррманъ рассказываетъ слѣдующее о первомъ опытѣ прирученія тигровыхъ лошадей, сдѣланномъ богатымъ поселенцемъ Канской области. Этотъ человекъ воспиталъ нѣсколькихъ молодыхъ пойманныхъ зебрѣвъ и поведеніе ихъ, казалось, было вполне хорошее. Въ одинъ прекрасный день ему пришла мысль запретъ въ свой экипажъ хорошенькихъ животныхъ. Онъ самъ взялъ въ руки возжи и поѣхалъ на своихъ бѣгунахъ. Ыада была, вѣроятно, очень быстрая, такъ какъ послѣ довольно значительнаго промежутка времени, счастливый обладатель зебрѣвъ очутился въ своей конюшнѣ безъ чувствъ, рядомъ съ совершенно изломаннымъ экипажемъ; зебры-же стояли совсемъ смирно. За другимъ молодымъ зебромъ въ дѣтствѣ заботливо ухаживали, а впоследствии нѣкоторое время не обращали на него вниманія, отчего его прежняя кротость и понятливость перешли въ лукавство и злобу. Тѣмъ не менѣе одному смѣлому наѣзднику вздумалось укротить это животное. Но едва успѣлъ онъ вскочить ему на спину, какъ зебрѣ началъ бѣшено бить задомъ, ударился о землю и остался лежать вмѣстѣ со своимъ всадникомъ; потомъ мгновенно вскочилъ опять на ноги, спрыгнувъ съ высокаго берега рѣки въ воду и тамъ сбросилъ сѣдока; но тотъ крѣпко держался за поводья и былъ благополучно вытащенъ самимъ зебромъ, который подплылъ къ берегу. Тутъ животное дало всаднику такой чувствительный урокъ, что онъ, безъ сомнѣнія, не забылъ его во всю жизнь: зебрѣ внезапно обернулся назадъ и откусилъ своему укротителю ухо.

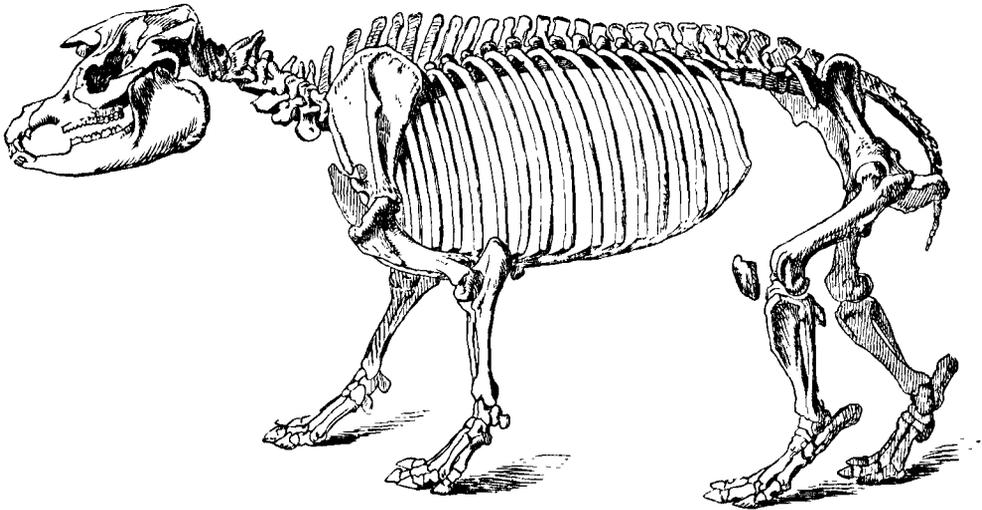
Эти и подобныя имъ опыты загугали жителей Канской области и заставили ихъ придти къ заключенію, что прирученіе тигровыхъ лошадей—дѣло невозможное; но всѣ серьезные наблюдатели не сомнѣваются, что со-временемъ пестрыхъ лошадей можно будетъ употреблять для домашнихъ услугъ. Баррау, по крайней мѣрѣ, утверждаетъ, что принявшись за дѣло съ большою осмотрительностью и терпѣніемъ,

чѣмъ это дѣлають голландскіе боэры въ Капитатѣ, — можно достигнуть несомнѣннаго успѣха; главное, не должно забывать, что съ гордымъ и храбрымъ животнымъ обращеніе должно быть иное, чѣмъ со слабымъ и боязливымъ, такъ какъ перваго цобоями и дурными обращеніемъ можно довести только до упрямаго сопротивленія, а не до покорности. Во всякомъ случаѣ, если прирученіе и возможно, то оно нелегко. Знаменитому укротителю лошадей Рарею гораздо больше пришлось трудиться съ зебрами, чѣмъ съ самыми неукротимыми лошадьми, но въ концѣ концовъ успѣхъ былъ полный. Кювье тоже сообщаетъ объ одномъ зебрѣ Парижскаго ботаническаго сада, который былъ такъ понятливъ и кротокъ, что на немъ можно было ѣздить верхомъ. Великолѣпныя учрежденія нашего времени для акклиматизаціи животныхъ представляютъ намъ совсѣмъ другія вспомогательныя средства, чѣмъ тѣ, которыми владѣли наши предки. Въ зоологическихъ садахъ будутъ воспитывать все болѣе и болѣе тигровыхъ лошадей, и отъ потомковъ, рожденных въ неволѣ отъ полуприрученныхъ животныхъ, конечно удастся достигнуть тѣхъ результатовъ, къ которымъ тщетно стремились съ дикими особями. Постоянство и твердость и въ этомъ случаѣ приведутъ вѣрнѣе всего къ цѣли.

Всѣ тигровыя лошади легко переносятъ неволю въ Европѣ. При хорошемъ кормѣ онѣ чувствуютъ себя отлично, а при хорошемъ уходѣ и плодятся. Вейнландъ въ издаваемой прежде имъ, а теперь Ноллемъ, газетѣ «Зоологическій садъ» помѣстилъ описаніе всѣхъ животныхъ, которыя плодились въ неволѣ. Изъ сообщенныхъ имъ свѣдѣній мы узнаемъ, что тигровыя лошади скрещивались не только съ себѣ подобными, но и съ другими однокопытными. Бюффонъ уже считалъ возможными подобныя скрещиванія, но сдѣланныя имъ самимъ попытки не удались. Лордъ Клейвъ повторилъ эти опыты и былъ счастливѣе: онъ случилъ кобылу зебра съ осломъ, который былъ для этого размалеванъ на подобіе зебра. Впослѣдствіи въ Парижѣ, безъ всякихъ подобныхъ подготовленій, родился отъ испанскаго осла и зебровой кобылы хорошо сложенный ублюдокъ, который, къ сожалѣнію, больше походилъ на отца, чѣмъ на мать и оказался чрезвычайно непонятливымъ. Въ Италіи въ 1801 году произошло скрещиваніе осла и зебра, а въ Шенбрунѣ (около Вѣны) — въ сороковыхъ годахъ скрещиваніе тѣхъ-же животныхъ удалось два раза, но, къ сожалѣнію, родившіеся ублюдки жили недолго. Впослѣдствіи опыты оказались еще удачнѣе и до сихъ поръ получились слѣдующіе ублюдки: отъ зебра съ ослицей, отъ осла съ кобылой зебра, отъ полусла съ кобылой зебра; отъ полусла съ кваггой и ослицей; отъ ублюдка зебра съ ослицей и наконецъ отъ ублюдка осла и зебра съ пони. Такимъ образомъ и между ублюдками доказана возможность плодовиатаго скрещиванія. Ублюдки обыкновенно походили на отца. На нѣкоторыхъ видны были однако такія-же полосы, какъ у зебровъ. Жеребець дау или квагги (видъ не былъ достаточно выясненъ) былъ слученъ однажды въ Англіи съ гнѣдой кобылой арабской породы, которая и родила ублюдка женскаго пола; послѣдній болѣе походилъ на мать, чѣмъ на отца: онъ былъ гнѣдой масти съ пушистымъ хвостомъ (нѣчто среднее между хвостомъ лошади и квагги), но съ весьма немногими поперечными полосками на шеѣ, на передней части спины и отчасти на ногахъ. Этотъ ублюдокъ квагги снова плодовиато скрестился съ арабскимъ жеребцомъ и произвелъ жеребенка, у котораго отъ дѣда сохранилась, по крайней мѣрѣ, короткая стоячая грива и рѣдкія полосы на тѣлѣ. Позднѣе сводили три раза вышеупомянутую арабскую кобылу съ воронимъ жеребцомъ, и, къ общему удивленію, на всѣхъ родившихся у нея жеребятахъ видны были болѣе или менѣе замѣтныя полосы. Такимъ образомъ первое совокупленіе съ животнымъ другого вида имѣло вліяніе на послѣдующее потомство.

Послѣ этихъ опытовъ, которые мы должны признать еще очень несовершенными, нельзя уже сомнѣваться, что всѣ одноконпытныя могутъ успѣшно скрещиваться между собою, и что родившіеся отъ этого скрещиванія ублюдки опять способны къ размноженію. Этотъ фактъ побѣдоносно опровергаетъ ученіе о постоянствѣ видовъ, вызвавшій такъ много споровъ между нѣкоторыми натуралистами и ихъ противниками. Кто, послѣ подобныхъ доказательствъ, захочетъ вѣрить въ непогрѣшимость излюбленнаго изреченія прежнихъ натуралистовъ: «только животныя, принадлежащія къ одному виду могутъ плодотворно спариваться и имѣть плодотворный приплодъ»? Современный натуралистъ конечно уже не присоединится къ мнѣнію, опровергнутому столькими фактами.

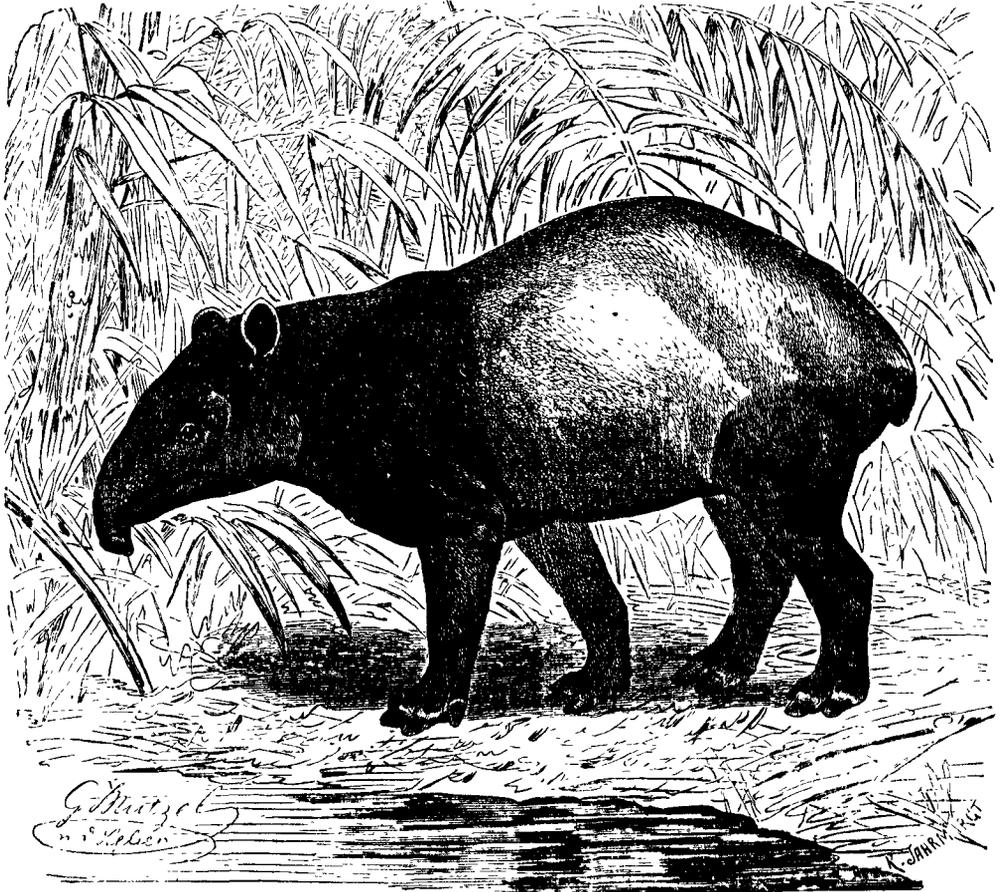
Самымъ близкимъ къ лошадямъ семействомъ мы считаемъ **Тапировъ** (Tapiridae), сравнительно небольшихъ и неуклюжихъ животныхъ, но въ которыхъ при-

Скелеть тапира.

вычный глазъ натуралиста тотчасъ замѣтитъ близкое сродство съ лошадью. Сродство это видно въ довольно статномъ туловищѣ съ удлиненной, узкой головой, стройной шеей, короткимъ хвостомъ и довольно высокими крѣпкими ногами. Стоячія уши коротки и довольно широки, косолежащія глаза, напротивъ, малы. Верхняя губа удлиняется въ видѣ хобота и далеко опускается надъ нижней губой. На переднихъ ногахъ по четыре, на заднихъ по три пальца. Густая шерсть вездѣ гладко прилегаетъ къ тѣлу. Короткіе, но густые волосы у американскихъ видовъ образуютъ съ середины головы до холки родъ гривы. Зубная система состоитъ изъ 3 рѣзцовъ и одного клыка на каждой сторонѣ челюсти, 7 коренныхъ зубовъ въ верхней и 6 въ нижней челюсти. Скелеть, въ которомъ видно большое сходство со скелетомъ другихъ непарноконпытныхъ, отличается довольно тонкими костями. Позвоночный столбъ состоитъ, кромѣ шейныхъ, изъ 18 спинныхъ, 5 поясничныхъ, 7 крестцовыхъ и 12 хвостовыхъ позвонковъ. Въ черепѣ длинная узкая лицевая часть сильно выдвинута сравнительно съ мозговой, замѣтно сдвинутой частью. Отдѣльно лежащія носовыя кости высоко приподняты, широкія скуловые дуги сильно наклонены впередъ; большія глазницы соединены съ глубокими височными впадинами.

Изъ американскихъ видовъ этого рода одинъ видъ, по крайней мѣрѣ, извѣстенъ намъ съ давнихъ поръ, между тѣмъ какъ прочіе открыты, описаны и опредѣлены только въ новѣйшее время. Удивительно, что американскій тапиръ прежде всѣхъ другихъ былъ описанъ научнымъ образомъ, между тѣмъ какъ объ индѣйскомъ мы получили точныя свѣдѣнія только въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Извѣстенъ былъ онъ, конечно, давно, только не намъ, а китайцамъ, которые упоминаютъ о немъ въ своихъ учебникахъ. Относительно тапировъ мы видимъ повтореніе того общаго правила, которое почти постоянно замѣчается въ семействахъ

Двувѣтннй тапиръ. *Tapirus indicus*. $\frac{1}{18}$ наст. вел.

животныхъ, имѣющихъ представителей какъ въ Старомъ, такъ и въ Новомъ Свѣтѣ: виды Стараго Свѣта стройнѣе, можно почти сказать совершеннѣе представителей этого рода въ Новомъ Свѣтѣ.

Двувѣтннй или Чапрачннй Тапиръ, котораго въ Бирмѣ зовутъ **Тарасху**, малайцы—**Куда-айеръ**, на Суматрѣ—**Саладангъ** и **Гиндоль**, на Малайскомъ полуостровѣ **Тенну**, а въ Китаѣ **Ме** (*Tapirus indicus*, *T. sumatranus*, *malayanus* и *bicolor*. *Rhinocœrus indicus* и *sumatranus*, *Schabrakentapir*. *Tapir à dos blanc*.) отличается отъ своихъ родичей значительно большимъ ростомъ и болѣе стройнымъ тѣлосложеніемъ и въ особенности цвѣтомъ. Голова его въ лицевой части уже, а черепъ болѣе выпуклый, чѣмъ у другихъ видовъ, хоботъ толще и длиннѣе, ноги

крѣпче и гривы совсѣмъ нѣтъ, но особенно важнымъ признакомъ для характеристики этого животнаго я считаю строеніе его хобота. Между тѣмъ какъ у американскихъ тапировъ онъ рѣзко отдѣляется отъ морды и принимаетъ видъ круглой трубки, у двуцвѣтнаго тапира верхняя губа незамѣтно переходитъ въ хоботъ, который имѣетъ такую-же форму, какъ у слона, т. е. на верхней сторонѣ округленъ, а на нижней плоскій.

Цвѣтъ его вездѣ одинаково длинной шерсти тоже весьма оригиналенъ. Основнымъ цвѣтомъ должно считать чисто-черный; отъ него рѣзко отдѣляется сѣровато-бѣлый чапракъ. Голова, шея и весь передъ, за лопатки, не исключая переднихъ ногъ, широкая полоса, идущая вдоль груди и середины брюха, заднія ноги, включая и бедра, такъ же какъ и хвостъ—чисто-чернаго цвѣта; остальное сѣровато-бѣлое. Уши окаймлены бѣлымъ. Почти невозможно изобразить словами оригинальный блескъ и переливы, которыми отличается какъ бѣлый, такъ и черный мѣхъ этого животнаго. Отдѣльные волосы съ корня до конца всегда одинаково окрашены. Копыта темно-рогового цвѣта, радужная оболочка глазъ темно-фіолетовая, круглые зрачки черные. Дѣтеныши, по словамъ терндаля, очень красиво и пестро окрашены, а именно: на верхней части туловища покрыты блѣдно-желтыми полосами и пятнами, а нижняя часть чисто-бѣлаго цвѣта. Точнаго измѣренія совершенно взрослаго самца я нигдѣ найти не могъ; но вотъ размѣръ взрослой самки, за которой я наблюдалъ: длина 2,5 м., включая хвостъ въ 8 см., при вышинѣ у зашейка 1 м., а у крестца 1,05 м.; длина головы отъ конца хобота до задней части уха 63 см., длина вытянутаго хобота 7 см., вытянутаго 16 см. Родина этого животнаго Тенассеримъ и Сіамъ отъ 15-го градуса сѣверной широты къ югу, Малайскій полуостровъ, Суматра и Борнео.

Удивительно то, что, несмотря на наши частыя сношенія съ Индїей и вообще съ южной Азіей, мы только въ 1819 году, и именно отъ Кювье, получили болѣе точныя свѣдѣнія о двуцвѣтномъ тапирѣ. Кювье не задолго передъ тѣмъ высказалъ мнѣніе, что въ настоящее время почти немислимо открытіе еще новыхъ большихъ млекопитающихъ и вдругъ, отъ своего ученика Діара получилъ самое лучшее доказательство несостоятельности этого мнѣнія. Діаръ прислалъ въ Европу прежде всего только изображеніе этого животнаго съ слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Когда я въ первый разъ, въ Барракиурѣ, увидалъ тапира, изображеніе котораго я вамъ пересылаю, то очень удивился, какимъ образомъ такое большое животное до сихъ поръ не было еще открыто и описано; еще болѣе удивился я, когда нашелъ въ азиатскомъ обществѣ голову подобнаго животнаго, которую еще въ апрѣлѣ 1806 года прислалъ туда губернаторъ Фаркуаръ съ замѣткой, что этотъ тапиръ встрѣчается въ лѣсахъ полуострова такъ-же часто, какъ носорогъ и слонъ». Діаръ, впрочемъ, ошибается, предполагая, что дѣйствительно никто ничего не зналъ о двуцвѣтномъ тапирѣ, такъ какъ не только китайцы, но и европейскіе наблюдатели задолго до Діара описали его. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что описаніе мудрыхъ китайцевъ оставляетъ желать многого. Въ очень древнемъ словарѣ «Эуль-я» слово «ме», названіе тапира, придано бѣлой пантерѣ, однако прибавлено, что ме тоже походить на медвѣдя, но имѣетъ небольшую голову и короткія ноги, что шкура его покрыта бѣлыми и черными пятнами и не пропускаетъ сырости. Изъ другого словаря «Хуэнь-Венъ» узнаемъ мы, напротивъ, что ме, хоть и похожъ на медвѣдя, но желтоватаго цвѣта и встрѣчается только въ странѣ Лу. Несравненно полнѣе и точнѣе описывается тапира въ Пенъ-цао-кана-му, книгѣ, соответствующей европейскимъ учебникамъ зоологіи. «Ме», говоритъ она, «походить на медвѣдя. Его голова маленькая, ноги короткія. Короткая блестящая шерсть покрыта черными и бѣлыми пятнами.

хотя нѣкоторые утверждаютъ, что это животное желтовато-бѣлаго, а другіе, что оно сѣровато-бѣлаго цвѣта. У него хоботъ какъ у слона, глаза какъ у носорога, хвостъ какъ у коровы, и ноги какъ у тигра». Кромѣ того, въ китайскихъ и японскихъ книгахъ встрѣчается часто изображеніе двуцвѣтнаго тапира, а особенно въ книгахъ, написанныхъ, напечатанныхъ и переплетенныхъ для удовольствія и назиданія юношества. На этихъ рисункахъ не является уже какъ совершенно знакомое обыкновенное млекопитающее.

Помимо китайской учености, исторія открытія двуцвѣтнаго тапира слѣдующая: гораздо раньше того времени, когда Диаръ описалъ его Кювье, а именно въ 1772 году, англичанинъ Вальфельдъ упоминаетъ о двуцвѣтномъ тапирѣ въ своемъ отчетѣ о путешествіи по Суматрѣ. Онъ принималъ это животное за бегемота и описалъ его въ этомъ смыслѣ, но въ приложенномъ при этомъ изображеніи нельзя не узнать тапира. Около того-же времени Мароденъ публиковалъ свое описаніе Суматры и далъ намъ въ ней уже положительныя свѣдѣнія о тапирѣ. Въ 1805 сэръ Стамфордъ Рэффльсъ тоже получилъ свѣдѣнія о немъ. Нѣсколько позднѣе нашелъ его уже Фаркуаръ въ окрестностяхъ Малакки и послалъ въ 1816 г. описаніе и изображеніе его въ азіатское общество. Въ томъ-же году доставленъ былъ живой тапиръ въ звѣринецъ въ Барракупурѣ, близъ Калькутты, гдѣ его и увидалъ Диаръ. Такимъ образомъ честь открытія этого непарнокопытнаго принадлежитъ не французамъ, а англичанамъ.

Въ 1820 году въ первый разъ доставлены были въ Европу кожа, скелетъ и внутренности этого, до той поры еще мало извѣстнаго животнаго. Съ тѣхъ поръ мы уже многое узнали о двуцвѣтномъ тапирѣ, хотя еще не можемъ похвалиться, что совершенно хорошо знаемъ его. О жизни тапира на волѣ мы не имѣемъ еще никакихъ свѣдѣній, а наблюденія о содержащихся въ неволѣ тоже не могутъ считаться удовлетворительными. Стерндаль называетъ его дикимъ и любящимъ удивленіе животнымъ, но говорить, что, пойманный молодымъ, онъ легко приручается и способенъ сильно привязаться къ своему хозяину.

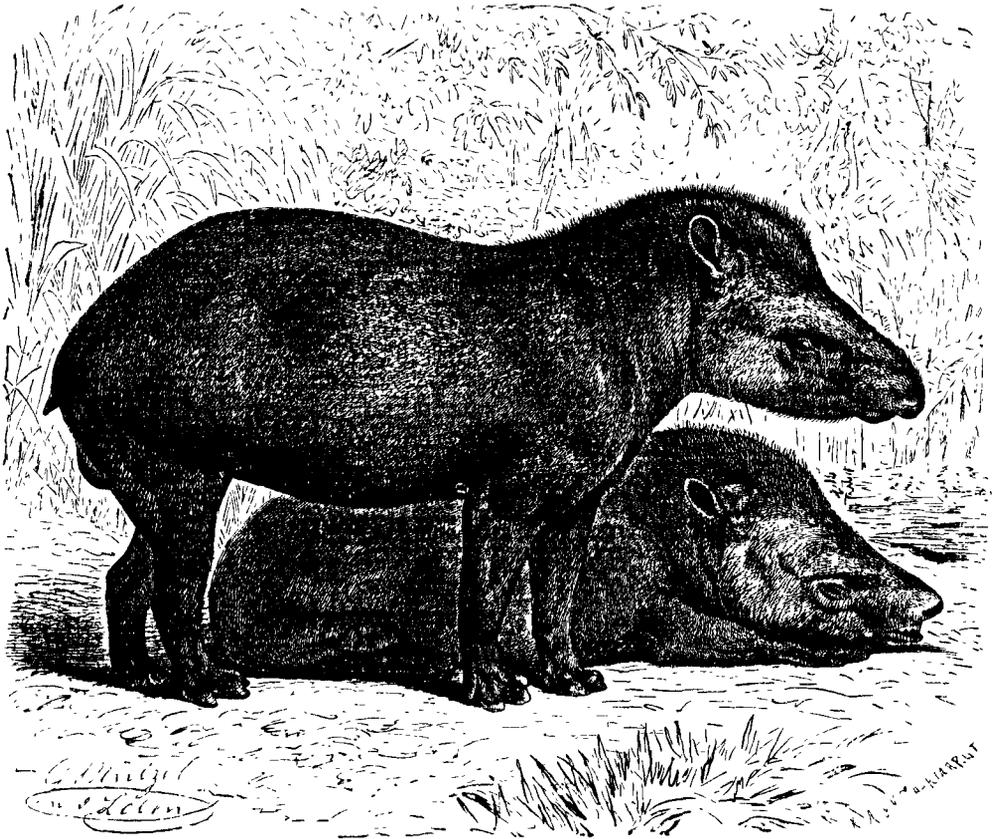
* *

Короткая грива и одноцвѣтный мѣхъ служатъ отличительными признаками **Американскаго Тапира**, котораго въ Бразиліи называютъ **Анта** или **Данта**, въ Гвианѣ **Майпури**, **Гамма**, **Гадоро** и **Тапирете** (*Tapirus terrestris*, *T. americanus suillus*, *anta*, *Hippopotamus terrestris*, *Tapir d'Amérique*. См. раскр. картинку «Ягуаръ» Т. I, стр. 516). Это первый видъ семейства тапировъ, съ которымъ мы познакомились.

Вскорѣ послѣ открытія Поваго Свѣта путешественники стали говорить о большомъ звѣрѣ, котораго они принимали за бегемота, вследствие чего натуралисты того времени дали ему названіе *Hippopotamus terrestris*. Только очень извѣстный наблюдатель Маркграфъ-фонъ-Либштадтъ даетъ намъ въ половинѣ XVIII столѣтія первое подробное описаніе и изображеніе этого животнаго. Позднѣйшіе путешественники и натуралисты дополнили первое описаніе, и въ настоящее время мы съ немногими большими животными такъ хорошо знакомы, какъ съ этимъ тапиромъ. Кто помнитъ тѣ отличительныя черты, на которыя я особенно напиралъ при описаніи его индѣйскаго сородича, тому не трудно будетъ узнать этого тапира. Тѣло его покрыто довольно равномерной шерстью, которая, только начиная съ половины головы до плечъ, удлиняется въ видѣ небольшой, стоячей гривы. Цвѣтъ шерсти черновато-сѣро-коричневый становится свѣтлѣе по бокамъ головы, а въ особенности на шеѣ и груди. Ноги и хвостъ, полоса, идущая по срединѣ спины, и затылокъ обыкновенно окрашены темнѣе. Уши имѣютъ бѣловато-сѣрую кайму. Встрѣчаются часто разновидности: бываютъ чалыя, сѣрыя, желтоватыя и бурья особи. У моло-

дыхъ животныхъ только на спинѣ такая же шерсть, какъ у родителей; верхняя часть головы густо покрыта круглыми пятнами, а вдоль каждой стороны туловища идетъ непрерывный рядъ свѣтлыхъ точекъ, которыя распространяются и на ноги. Съ возрастомъ эти пятна сливаются въ полосы, а къ концу второго года исчезаютъ совершенно. По измѣреніямъ Чуди, тапиръ достигаетъ, при 2 м. длины, 1,7 м. вышины, но Каплеръ утверждаетъ, что при этой длинѣ высота у плечъ достигаетъ только 1 м. Замѣчательно, что эти измѣренія относятся не къ самцу, а къ самкѣ, которая всегда больше ростомъ.

По новѣйшимъ изслѣдованіямъ оказывается, что, по всему вѣроятію, тапиръ

Американскій тапиръ. *Tapirus terrestris*. $\frac{1}{16}$ наст. вел.

водится только на югѣ и востокѣ Южной Америки, а на сѣверѣ и западѣ, такъ же, какъ и въ центрѣ, замѣненъ другими, хотя очень родственными, но не совсѣмъ одинаковыми видами, которыхъ мы оставимъ пока въ сторонѣ.

При описаніи жизни тапировъ мы должны руководиться сообщеніями Азары, Ренгера, принца фонъ Вида, Чуди, Шомбургка и др. объ американскихъ видахъ этихъ животныхъ, такъ какъ о жизни двуцвѣтнаго тапира мы не имѣемъ никакихъ точныхъ свѣдѣній. Впрочемъ, все виды до того схожи между собою, что совершенно достаточно обратить вниманіе на жизнь и нравы одного изъ нихъ, чтобы имѣть понятіе о другихъ.

Все тапиры постоянно живутъ въ лѣсахъ и старательно избѣгаютъ въ нихъ просѣкъ и открытыя мѣста. Эти животныя сами отступаютъ передъ нашествіемъ

людей все дальше въ глубину лѣсовъ, между тѣмъ какъ, по разсказамъ Гензэля объ Южной Америкѣ, всѣ остальные звѣри тропическихъ странъ устремляются постепенно къ болѣе населеннымъ частямъ лѣса. Тапиры протаптываютъ себѣ въ чащахъ южно-американскихъ лѣсовъ правильныя тропинки, которыя легко можно принять за дороги, продѣланныя индѣйцами, такъ что неопытные люди часто заблудятся слѣдовать по нимъ и такимъ образомъ лишь удаляются отъ населенныхъ мѣстъ. Этими тропинками тапиры пользуются только пока ихъ никто не беспокоитъ; но въ минуты испуга они безъ замѣтныхъ усилій пробиваютъ себѣ дорогу сквозь самыя непроходимыя чащи.

Тапиры преимущественно сумеречныя животныя. «Мы часто», говоритъ Чуди, «цѣлыми мѣсяцами бродили по густымъ дѣвственнымъ лѣсамъ, гдѣ живутъ тапиры въ большомъ количествѣ, не встрѣчая въ теченіи цѣлаго дня ни одного изъ нихъ. Повидимому, они въ это время скрываются среди густыхъ кустарниковъ, въ прохладныхъ, тѣнистыхъ мѣстахъ, преимущественно вблизи стоячихъ водъ, въ которыхъ они любятъ валяться». Но по совершенно глухимъ и темнымъ лѣсамъ бродятъ они и днемъ, какъ это увѣряетъ принцъ фонъ-Видъ; то-же утверждаетъ Каплеръ, который положительно говоритъ, что ему часто случалось и днемъ встрѣчать въ лѣсахъ этихъ животныхъ и даже видѣть, какъ они перебирались черезъ воду. При солнечномъ свѣтѣ они двигаются, конечно, неохотно и въ самый полдень постоянно ищутъ въ чащѣ лѣса спасенія отъ утомительной жары и еще болѣе отъ странно мучительныхъ комаровъ. «Когда безъ шума плывешь», пишетъ принцъ фонъ-Видъ, «рано утромъ или вечеромъ по рѣкѣ, то часто видишь, какъ тапиры спускаются къ водѣ, чтобы освѣжиться и освободиться отъ оводовъ. Нужно сознаться, что ни одно животное не умѣетъ лучше тапира оберегаться отъ этихъ докучливыхъ насѣкомыхъ: для этой цѣли онъ пользуется всякой лужей, всякимъ ручьемъ или прудомъ. Поэтому шкура убитыхъ тапировъ часто оказывается покрытой иломъ и землею». Къ вечеру тапиры отправляются на пастбище и вѣроятно находятъ въ движеніи цѣлую ночь; образомъ жизни они очень напоминаютъ нашего кабана, только они не соединяются такими большими стадами, какъ кабаны, но живутъ, подобно носорогу, большею частью одиноко.

Самцы, въ особенности, ведутъ уединенную жизнь и только во время полового возбужденія соединяются съ самками. Встрѣтить семейство тапировъ—большая рѣдкость, а общества болѣе чѣмъ въ три штуки попадаютъ только тамъ, гдѣ особенно хорошее тучное пастбище случайно привлекаетъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ тапировъ.

По движеніямъ своимъ тапиры напоминаютъ свиней: походка ихъ медленная, осторожная; лѣнливо плетутся они нога за ногу, причемъ голова всегда пригнута къ землѣ, и только обнюхивающій все кругомъ хоботь, который они постоянно поворачиваютъ то въ ту, то въ другую сторону, и постоянно движущіяся уши оживляютъ его, повидимому, безстрастную фигуру. Такъ движется тапиръ въ спокойномъ состояніи, но при малѣйшемъ подозрѣніи опасности онъ останавливается, хоботь и уши приходятъ на короткое время въ лихорадочное движеніе, послѣ чего животное стремительно пускается въ бѣгство. Пригнувъ еще ниже голову къ землѣ, оно несется по прямому направленію, не взирая ни на какія препятствія, черезъ чащи, точно такъ-же быстро, какъ по болоту и водѣ. «Когда случайно встрѣтишь тапира въ лѣсу», говоритъ принцъ фонъ-Видъ, «то онъ постоянно сильно пугается и тотчасъ шумно пускается въ бѣгство. На короткомъ разстояніи онъ довольно быстръ, но хорошая собака легко настигаетъ его, послѣ чего онъ обыкновенно останавливается передъ ней и защищается». Тапиръ отлично плавать и еще лучше

ныряетъ, поэтому онъ, не только во время послѣдшаго бѣгства, но и при всякомъ удобномъ случаѣ, безстрашно переплываетъ самыя широкія рѣки. Пржеіне натуралисты сомнѣвались въ этомъ, но новѣйшіе наблюдатели подтверждаютъ это мнѣіе.

«Съ первыми лучами солнца», такъ описываетъ Келлеръ-Лейцингеръ нравы тапира, «направляется онъ тяжелою поступью по протоптаннымъ дорожкамъ къ рѣкѣ, чтобы выкупаться, и, часто огибая крутой изгибъ рѣки, мы натыкались на толстокожаго, спокойно стоявшаго въ водѣ по самое горло. Онъ плаваетъ и ныряетъ съ удивительной ловкостью; нужно думать, что, преслѣдуемый собаками, онъ направляется къ рѣкѣ, не столько для освѣженія послѣ бѣшеная скачки, сколько для большей свободы движеній среди влажной стихіи». Вѣроятно тапиръ, какъ и бегемотъ, можетъ по-долгу бѣгать по дну рѣки; по крайней мѣрѣ у плѣннаго двудвѣтнаго тапира въ Барракупурѣ наблюдали, что онъ часто такимъ образомъ переходилъ съ одной стороны своего бассейна на другую, но никогда въ немъ не плавалъ.

Изъ внѣшнихъ чувствъ у тапировъ рѣшительно первенствуютъ обоняіе и слухъ, и, кажется, въ одинаковой степени; зрѣіе, напротивъ того, слабо, о вкусѣ трудно судить, однако я замѣтилъ на плѣнныхъ тапирахъ, что они прекрасно умѣютъ отличать различныя яства и весьма цѣнлятъ нѣкоторыя лакомства. Органами осязанія служатъ какъ хоботъ, такъ и вся кожа. Хоботъ — превосходное орудіе осязанія и находигъ самое разнообразное примѣненіе. Чувствительность кожи выказывается у него не только боязью лучей солнца и комаровъ, но и тѣмъ видимымъ удовольствіемъ, которое доставляетъ ему чесаніе кожи на разныхъ мѣстахъ его туловища. Наши плѣнники тотчасъ ложились, когда ихъ хотѣли чистить щеткой или вытирать, и при этомъ были послушцы, какъ дѣти; добровольно поворачивались то на ту, то на другую сторону и даже подымались на ноги, подставляя такимъ образомъ то ту, то другую часть тѣла подѣ дѣйствіе щетки.

Голосъ тапира—совершенно своеобразный, рѣзкій свистъ, никакъ не соответствующій, по словамъ Азары, огромнымъ размѣрамъ этого животнаго. Тотъ-же натуралистъ утверждаетъ, что свободно живущіе тапиры испускаютъ его только во время полового возбужденія; Шомбургкъ-же думаетъ, что такъ кричатъ только молодые тапиры. Но то и другое мнѣіе несправедливо. Плѣнные тапиры, какъ двудвѣтныи, такъ и американскій, часто свищутъ такимъ образомъ не только въ пору любви, но и во всякое другое время; обезпкоенный чѣмъ-нибудь американскій тапиръ издаетъ кромѣ того сердитое сопѣіе, котораго невозможно описать словами.

Все тапиры, повидимому, добродушныи, боязливыи и миролюбивыи животныи, которыи только въ крайнемъ случаѣ пускаютъ въ ходъ свои средства защиты. Они бѣгутъ передъ всякимъ врагомъ, даже передъ маленькой собакой, но больше всего боятся человека, превосходство котораго они хорошо оцѣнили. Это видно уже изъ того обстоятельства, что они гораздо осторожнѣе и боязливѣе въблизи плантацій, чѣмъ въ непроходимыхъ лѣсахъ. Однако и это правило имѣетъ свои исключенія. Въ извѣстныхъ случаяхъ тапиры храбро обороняются, и тогда они несомнѣнно опасные противники. Они бѣшено кидаются на врага, стараются его опрокинуть, и даже пускаютъ въ ходъ зубы, на подобіе нашей свиньи. Такимъ образомъ матери защищаютъ своихъ дѣтенышей, когда видятъ ихъ въ опасности: онѣ тогда безъ оглядки идутъ на встрѣчу врага, не обращая вниманія ни на какія раны. По словамъ Келлеръ-Лейцингера, «самка тапира не бѣжитъ со своими дѣтенышами отъ лающихъ собакъ; она мужественно становится передъ своимъ логовищемъ, стараясь собственнымъ тѣломъ защитить маленькихъ безпомощныхъ созданій, которыи кидаются ей подѣ ноги, дрожать и пронзительно свищать. Бѣда неосторожной собакѣ, осмѣлившейся отдѣлится отъ своры (которая въ такихъ случаяхъ держится въ почтитель-

номъ отдаленіи) и приблизиться къ разъяренному животному: высокоприподнятый, короткій хоботь обнажаетъ рядъ страшныхъ зубовъ, и подъ сильными передними ногами хрустятъ слабыя кости собаки, какъ тонкій хворостъ. Наконецъ прострѣленная безчисленными пулями подослѣвшего на лай собака охотника эта жертва материнской любви падаетъ на своихъ полумертвыхъ отъ страха дѣтенышей».

Вообще умственные способности тапировъ весьма ограничены, хотя эти животные вовсе не такъ тупы, какъ кажутся съ перваго взгляда. Кто наблюдалъ пойманныхъ тапировъ, тотъ знаетъ, что они по умственнымъ способностямъ стоятъ на одной ступени со свиньей, но во всякомъ случаѣ гораздо выше носорога и бегемота. «Молодой тапиръ», говоритъ Ренгеръ, «въ нѣсколько дней привыкаетъ къ своему хозяину и къ его жилищу, котораго онъ уже никогда не покидаетъ. Мало-по-малу пріучается онъ узнавать своего сторожа среди другихъ людей, ищетъ его и даже слѣдуетъ за нимъ на короткихъ разстояніяхъ; если-же путь ему покажется слишкомъ длиннымъ, онъ возвращается одинъ въ свое жилище. Онъ становится безпокойнымъ, когда не видитъ долго хозяина, и отыскиваетъ его вездѣ, гдѣ только можетъ. Впрочемъ онъ позволяетъ всѣмъ трогать и гладить себя. Со-временемъ онъ измѣняетъ свой образъ жизни настолько, что проводитъ большую часть ночи во снѣ; онъ тоже, подобно свиньѣ, пріучается мало-по-малу ѣсть всякую пищу и пожираетъ не только всякаго рода плоды и овощи, но и высушенное на солнцѣ вареное мясо, проглатываетъ ремешки, тряпки и т. п. вѣроятно влѣдствіе того, что ему нравится соленый вкусъ, который присущъ старой кожѣ и тряпкамъ. Когда ему позволятъ бѣгать на свободѣ, онъ самъ отыскиваетъ себѣ воду и часто почти цѣлыми днями лежитъ въ лужѣ, особенно если она находится въ тѣни. Нужно думать, что ему вода нужна болѣе для купанья, чѣмъ для питья. Каплеръ, который воспиталъ нѣсколькихъ молодыхъ тапировъ, говоритъ, что онъ всегда старался поскорѣе отъ нихъ освободиться, потому что они со временемъ становились несносными своей слишкомъ большой навязчивостью; взрослый тапиръ стащилъ однажды съ накрытаго стола всю скатерть со всѣмъ, что стояло на ней. Наблюденія надъ жившими у меня животными подтвердили правильность этихъ сообщеній. Оба вида въ одинаковой степени отличались крайнимъ добродушіемъ. Они были совершенно ручные, жили въ мирѣ между собой и со всѣми другими животными и были очень преданы знакомымъ имъ людямъ. Когда я подходилъ къ нимъ, они тотчасъ шли мнѣ на встрѣчу и обнюхивали лицо и руки, причемъ выказывалась удивительная подвижность ихъ хобота. Другихъ животныхъ, случайно попавшихся имъ на дорогѣ, они долгое время обнюхивали съ тупымъ любопытствомъ. Американскій тапиръ даже очень подружился съ помещенной около него водосвинкой и часто весьма нѣжно лизалъ ее въ теченіи нѣсколькихъ минутъ. Оба вида чрезвычайно лѣнны; они спятъ много, особенно въ жаркіе лѣтніе дни, и ночью тоже отдыхаютъ по нѣскольку часовъ. Всего подвижнѣе они при закатѣ солнца; тогда они бываютъ даже веселыми и рѣзвыми: они бѣгаютъ взадъ и впередъ по своей загороди, съ наслажденіемъ барахтаются въ водѣ, въ ней-же они и испражняются, пока могутъ двигаться на свободѣ. Голосъ ихъ можно слышать только въ рѣдкихъ случаяхъ; они иногда молчатъ цѣлыми мѣсяцами. На зовъ они не идутъ и вообще дѣлаютъ только то, что имъ нравится; очевидно имъ очень трудно преодолѣть врожденную лѣнь.

При хорошемъ уходѣ тапиры живутъ у насъ въ неволѣ довольно долго. Въ послѣднее время удавалось даже въ Европѣ довести ихъ до размноженія. Говорятъ, что на родинѣ двуцвѣтнаго тапира старались обратить въ домашнее животное, не столько ради мяса, сколько для перевозки экипажей и клади. Намѣреніе, можетъ быть и похвальное, но едва-ли удобоисполнимое: тапиръ недостаточно понятливъ, чтобы

приносить большую пользу въ качествѣ домашняго животнаго. Во всякомъ случаѣ онъ въ упряжъ едва-ли годится. Конечно было-бъ недурно прокатиться на парѣ двуцвѣтныхъ тапировъ по улицамъ какого-нибудь города въ Индіи, но едва-ли подобный способъ передвиженія можетъ соотвѣтствовать новѣйшимъ потребностямъ, такъ какъ заставить плѣннаго тапира бѣжать рысью гораздо труднѣе, чѣмъ можетъ показаться тѣмъ людямъ, которымъ впервые пришла эта мысль. Келлеръ-Лейцингеръ все-таки убѣжденъ, что анту можно обратить въ домашнее животное. Онъ утверждаетъ, что пойманные молодыми тапиры очень скоро становятся ручными, какъ собаки, и уже совершенно не думаютъ о бѣгствѣ. «Въ Куритибѣ, главномъ городѣ провинціи Парана», рассказываетъ этотъ наблюдатель, «нѣсколько лѣтъ по улицамъ бѣгалъ ручной, никому не принадлежавшій тапиръ, на которомъ съ утра до ночи катались верхомъ маленькіе негры. Температуру въ 2—3° ниже нуля, которая часто бываетъ тамъ въ іюнѣ и іюль—онъ переносилъ, казалось, легко.

На свободѣ тапиры питаются только растениями и особенно листьями деревьевъ. Въ Бразиліи они предпочитаютъ листья молодыхъ пальмъ. Нерѣдко нападаютъ они и на плантаціи и тогда доказываютъ, что сахарный тростникъ, манго, дыни и другія овощи имъ тоже очень по вкусу. Чуди увѣряетъ, что на плантаціяхъ, гдѣ разводятъ шеколадное дерево, они иногда причиняютъ убытки въ нѣсколько тысячъ марокъ, затапывая эти нѣжные растенія и обгладывая листья. Въ необитаемыхъ большихъ лѣсахъ они иногда цѣлыми мѣсяцами питаются только упавшими плодами деревьевъ, между которыми они особенно любятъ сливы-спондія, или сочными болотными и водяными растеніями. Къ соли они чувствуютъ особое пристрастіе; она необходима имъ, какъ и жвачнымъ. «Во всѣхъ низменныхъ мѣстностяхъ Парагвая», говоритъ Ренггеръ, «гдѣ почва содержитъ много сѣрно-кислаго и солено-кислаго натра, тапиры живутъ во множествѣ. Они здѣсь лижутъ пропитанную солью землю». По словамъ Келлеръ-Лейцингера, тапиры, подобно многимъ другимъ млекопитающимъ и птицамъ, ѣдятъ даже прямо глину, точно такъ же, какъ въ другихъ странахъ многіе люди очень любятъ ѣсть землю. Наши плѣнные анты также питали къ соли особенное расположеніе. Впрочемъ, они ѣдятъ все то, что ѣдятъ свиньи, но съ благодарностью принимаютъ всякую вкусную подачку. Древесные листья и плоды, сухари и сахаръ принадлежатъ къ ихъ любимымъ лакомствамъ.

Человѣкъ усердно преслѣдуетъ всѣ виды тапировъ изъ-за мяса и шкуры. Мясо тапира считается нѣжнымъ, сочнымъ и вкуснымъ. Толстую шкуру его дубятъ и разрѣзаютъ на ремни, которые округляютъ, дѣлаютъ мягкими посредствомъ втиранья въ нихъ горячаго жира, и потомъ употребляютъ на бичи и поводья. Изъ Аргентинской республики вывозится на рынки ежегодно множество подобныхъ ремней. Для обуви, по словамъ Чуди, эта шкура не годится; она трескается въ сухую погоду и разбухаетъ въ сырую. Копытамъ, волосамъ и другимъ частямъ тѣла тапира приписываютъ цѣлебныя свойства. На восточномъ берегу Америки простой народъ однако совсѣмъ не пробуетъ на себѣ дѣйствія этихъ средствъ, а довольствуется тѣмъ, что предлагаетъ ихъ постороннимъ. Но индѣйцы, какъ увѣряетъ Чуди, носятъ на шеѣ копыта этихъ животныхъ какъ предохранительное средство противъ падучей болѣзни, и даже принимаютъ ихъ во внутрь въ видѣ подсушеннаго и мелко истолченнаго порошка. Это-же средство въ индѣйской врачебной наукѣ занимаетъ почетное мѣсто, такъ какъ его употребляютъ тоже противъ чахотки, но тогда варятъ въ какао вмѣстѣ съ печенью вонючки. Наконецъ копыта тапира употребляются женщинами во время пляски, какъ кастаньеты.

Въ Америкѣ на тапира охотятся обыкновенно съ помощью собакъ, преслѣ-

дующихъ его до самой воды, къ которой тапиры постоянно слѣзали въ подобныхъ случаяхъ. Но тутъ у берега ихъ сторожить въ легкомъ челнокѣ охотникъ и преслѣдуетъ со сворой собакъ плавающее и ныряющее животное. Если водяное пространство не слишкомъ велико, его легко настигаютъ и убиваютъ пулей или длиннымъ охотничьимъ ножомъ. Конечно подобная охота не всегда оканчивается успешно и просто. Фонъ-Штейненъ чрезвычайно интересно описываетъ охоту на тапира, во время своей поѣздки по рѣкѣ Шингу. «Валентинъ замѣчаетъ близъ берега плывущаго тапира, и всѣ поспѣшно собираются на охоту. Иринео стрѣляетъ два раза: одна пуля попадаетъ въ пахъ, другая въ хоботь животного; Валентинъ посылаетъ ему зарядъ дробью за ухо; животное скрывается въ лѣсу. Собаки преслѣдуютъ его, и мы гребемъ изо всѣхъ силъ; раздаются опять выстрѣлы, но животное снова исчезаетъ въ чащѣ. Сбитыя съ толку собаки тупо глядятъ въ воду, только маленькій шпицъ стыскиваетъ вновь слѣдъ и преслѣдуетъ его, а остальные бросаются за нимъ; тапиръ, 0,5 километра дальше, опять бросается въ воду; бѣгъ залуски и страшное смятеніе; тапиръ то ныряетъ, то опять показывается на поверхности воды; Педро даетъ промахъ въ пяти шагахъ, посылаетъ ему велѣдъ стрѣлу, которая отскакиваетъ отъ шкуры; Мереллесъ опять стрѣляетъ почти въ упоръ, но мимо; кто-то другой попадаетъ въ цѣль; лодки почти наѣзжаютъ другъ на друга, каждый старается схватить животное; наша лодка чуть не опрокинулась и наполнилась водою. Тапира стараются проколотъ ножами; Туруна пронзаетъ его стрѣлой, жена его кричитъ взволнованнымъ голосомъ, махая руками, чтобы его схватили посредствомъ лассо; изъ-подъ ножа Антоніо кровь брызжетъ фонтаномъ, но животное опять ныряетъ подъ воду; но, вынырнувъ между двумя лодками, оно схвачено за ноги, убито и вытащено на ближайшую скалу. Животное это большихъ размѣровъ, величиною съ мула, и мѣхъ его кишитъ большими черными клещами. Красива только короткая, жесткая, стоячая грива, какъ у коней, изображенныхъ на древнихъ греческихъ памятникахъ».

Шомбургкъ описываетъ слѣдующимъ образомъ приключенія подобной охоты среди чащи лѣсовъ. «Едва мы только обогнули изгибъ берега, какъ увидѣли, къ нашему крайнему удовольствію, тапира со своимъ дѣтенышемъ, странствовавшихъ въ водѣ на одной изъ многочисленныхъ отмелей рѣки; но не успѣло еще слово «Майпури» сорваться съ устъ нашихъ индѣйцевъ, какъ оба звѣря насъ замѣтили, пустились бѣжать и исчезли въ густой бережной поросли. Такъ-же быстро, какъ они, подплыли мы къ берегу, почти одновременно съ ними выскочили на сушу и побѣжали за тапирами съ ружьями, стрѣлами и луками. Пробираясь по лѣсной опушкѣ, мы замѣтили, что бѣглецы старались спрятаться въ высокой травѣ и камышѣ, которые покрывали тутъ огромное пространство. Наши собаки находились въ нѣсколько отставшей третьей лодкѣ, и мы, европейцы, наученные давнимъ опытомъ, остановились въ недоумѣніи передъ непреодолимой стѣной тростника, которая внушала намъ невольный ужасъ. Но нашихъ индѣйцевъ ничто не могло удерживать: они, какъ змѣи, поползли между опаснымъ тростникомъ. Раздались одинъ за другимъ два выстрѣла, и радостный крикъ охотниковъ возвѣстивъ намъ удачу. Всѣ бросились по тому-же направленію и тѣмъ проложили намъ менѣе опасный путь; скоро мы увидали обоихъ охотниковъ, стоявшихъ, опершись на ружья, передъ трупомъ стараго тапира. Пуля Пурека, какъ оказалось при вскрытіи трупа, пробила ему легкое. Это была самка необыкновенной величины. Мы обступили густой толпой желанную добычу, какъ вдругъ трескъ раздвигающагося камыша далъ знать намъ о прибытіи собакъ, которыя съ жадностью стали лизать кровь тапира. Послѣ этого погнались за дѣтенышемъ, слѣдъ котораго скоро отыскали наши пре-

восходныя собаки. Когда испуганный звѣрекъ замѣтилъ за собой погоню, онъ пропитательно засвисталъ, но мы еще ничего не могли видѣть, пока рѣзкіе, свистящіе звуки не выдали намъ, что животное гнали по краю высокаго тростника къ открытому полю, почему мы посѣгнули взобраться на пригорокъ, чтобъ наблюдать за охотой. Едва успѣли мы достигнуть возвышенія, какъ животное выскочило изъ тростника, а за нимъ лающая стая и наши 30 индѣйцевъ, которые не отставали отъ собакъ; ихъ торжествующіе крики почти заглушали лай собакъ и крики ужаса тапира. Это было странное, невиданное еще мною зрѣлище! Силы преслѣдуемаго животнаго стали замѣтно ослабѣвать, и его скоро задержала наша прекрасная гончая собака; послѣ упорнаго, но тщетнаго сопротивленія съ его стороны, нашимъ индѣйцамъ удалось наконецъ перенести связанное по ногамъ животное въ лодку, среди оглушительныхъ радостныхъ криковъ и яростнаго лая собакъ. Оно было величиною въ большую свинью.

Теперь надо было перенести и старую самку на отмель, на что потребовались уже общія усилія всей компаніи. Мы привязали къ ногамъ исполина длинную веревку и поволокли его, сопровождаемые громкими криками. Скоро услужливыя руки разсѣкли на части огромное тѣло животнаго. Часть мяса отнесли въ копильню, остальное было сварено. Мясо нашли мы необыкновенно вкуснымъ: оно напоминало говядину не только вкусомъ, но и видомъ. Когда тапиръ былъ выпотрошенъ, индѣйцы тщательно собрали кровь, смѣшали ее съ мелко изрубленными кусками мяса и наполнили этой массой кишки. Однако они не сварили этой колбасы, а только прокоптили ее. Я попробовалъ и больше уже не захотѣлъ ѣсть ее въ другой разъ».

Дикіе отыскиваютъ тапировъ по слѣду и, открывши его мѣстопробываніе, окружаютъ его и выгоняютъ звѣря подъ пули охотниковъ. Въ Парагваѣ охотники прокалываютъ молодому тапиру (слишкомъ большому, чтобъ помѣститься на лошади) хоботъ черезъ одну изъ ноздрей и продѣваютъ въ это отверстіе ремень, съ помощью котораго и тащатъ его за собою. Каждое дерганье этого ремня причиняетъ животному нестерпимую боль, такъ что оно скоро уже безъ сопротивленія слѣдуетъ за своимъ жокакомъ.

Еще болѣе опасными врагами, чѣмъ человѣкъ, можемъ мы назвать большихъ кошекъ родины тапира. Всѣ путешественники утверждаютъ, что ягуаръ жестоко преслѣдуетъ всѣ виды американскихъ тапировъ. То-же можемъ мы сказать о тигрѣ относительно двуцвѣтнаго тапира. Рассказываютъ, что анта, если ягуаръ ему вскочитъ на шею, посѣгнуно бросается въ самую густую чащу, чтобы сбросить съ себя врага, что ему иногда и удается, такъ какъ когти хищника едва-ли могутъ глубоко вонзиться въ кожу тапира. Этотъ рассказъ не такъ невѣроятенъ, какъ кажется; по крайней мѣрѣ утверждаютъ, что на спинахъ убитыхъ тапировъ были найдены замѣтные слѣды когтей тигровъ и ягуаровъ.

* * *

Почти всѣ признаки, которые даютъ намъ право соединить лошадей, тапировъ и носороговъ въ одномъ и томъ-же отрядѣ животныхъ, уже бросаются въ глаза при первомъ взглядѣ и при поверхностномъ сравненіи этихъ животныхъ между собою; но одно только анатомическое изслѣдованіе можетъ съ точностью опредѣлить относительно близкое родство представителей вышеупомянутыхъ семействъ.

Носороги (*Rhinocerotidae*) неуклюжія, неловкія животныя, довольно значительной величины съ очень сильно вытянутой въ длину головой, на лицевой части которой возвышается одинъ или два рога. Шея коротка; покрытое толстой ко-

жей туловище почти совсѣмъ или только отчасти голо; хвостъ коротокъ; на ступняхъ коренастыхъ, но довольно стройныхъ ногъ сзади и спереди по три пальца, оканчивающихся копытами. Каждая отдѣльная часть тѣла, даже въ сравненіи съ соответствующими частями тѣла другихъ непарнокопытныхъ, имѣетъ особенный, своеобразный видъ. Голова узкая и длинная, особенно лицевая часть необыкновенно удлинена и вытянута впередъ. Черепныя кости, напротивъ, сильно сдавлены въ задней части, такъ что лобъ очень круто опускается внизъ и между ними и высоко приподнятыми носовыми костями образуется какъ-бы сѣдло, углубленное въ серединѣ и приподнятое по краямъ. Углы нижней челюсти довольно сильно выдаются въ стороны, сама-же челюсть, болѣе или менѣе изгибаясь, приподымается къ концу морды; отверстіе рта несоразмѣрно мало; верхняя губа вытянута въ серединѣ въ видѣ узкаго хоботообразнаго отростка; нижняя губа спереди округлена или какъ-бы обрублена; яйцевидныя, продолговатыя ноздри, имѣющія сзади видъ щели, расположены почти горизонтально и отдѣлены одна отъ другой большимъ промежуткомъ; глаза относительно очень малы; продолговатыя зрачки стоятъ поперекъ глазного яблока; верхнее вѣко вооружено густыми, но короткими рѣсницами. Уши имѣютъ обыкновенную форму и довольно велики; наружные края ихъ закруглены, а внутренніе до половины завернуты внутрь. Короткая, всегда морщинистая шея гораздо толще головы и незамѣтно переходитъ въ массивное туловище; это послѣднее отличается рѣзко выдающимся острымъ хребтомъ, округленнымъ, висачимъ брюхомъ и еще тѣмъ, что загривокъ нѣсколько выше крестца. Короткій хвостъ или сильно сжать съ боковъ и вездѣ одинаковой ширины, или имѣетъ конусообразную форму. Ноги носороговъ имѣютъ очень толстыя и широкія плечевыя и бедрачныя части и гораздо болѣе тонкія предплечья и голени; пясти и ступни еще тоньше. Ноги изогнуты какъ у такса, снаружи во внутрь и только съ пясти и ступни опять отвѣсно спускаются внизъ. Книзу ноги расширяются равномерно какъ сзади, такъ и спереди и оканчиваются мясистыми ступнями, подошвы которыхъ имѣютъ округленно-яйцевидную форму. Изъ трехъ, довольно красивыхъ копытъ, среднее вдвое шире боковыхъ. Очень толстая кожа у большей части видовъ образуетъ родъ рогового панцыря; она или плотно прилегаетъ къ тѣлу, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, образующихъ неглубокія складки, или раздѣляется на множество щитковъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга глубокими складками; щитки эти получаютъ нѣкоторую подвижность только вслѣдствіе того, что болѣе тонкая и гибкая кожа внутреннихъ бороздокъ этихъ складокъ даетъ возможность задвигать щитки одинъ за другой. Глаза и рыло окружены глубокими морщинами, способствующими поднятію и опусканію вѣкъ и сообщающими удивительную гибкость неуклюжимъ, но относительно очень подвижнымъ губамъ. Кожа покрыта меньшими перекрещивающимися бороздками, образующими замѣтныя рисунки, и кругловатыми возвышенностями очень правильной формы; все это вмѣстѣ придаетъ щиткамъ своеобразный, довольно изящный видъ. Болѣе или менѣе длинные волосы окаймляютъ уши и находятся еще на концѣ хвоста, образуя широкую, плоскую клять. Кромѣ того у нѣкоторыхъ видовъ на спинѣ торчатъ, тамъ и сямъ, негустыя щетинистыя пучки волосъ. Рота носороговъ представляютъ собою нажное образование и состоятъ изъ параллельныхъ, чрезвычайно тонкихъ, круглыхъ или угловатыхъ, полыхъ волоконъ рогового вещества; рога эти лежатъ своимъ широкимъ круглымъ основаніемъ на толстой кожѣ, покрывающей всю лицевую часть головы. Перѣдко у отдѣльныхъ экземпляровъ, кромѣ того, кожа на нѣкоторыхъ мѣстахъ головы покрыта роговыми наростами, въ нѣсколько центиметровъ вышины. Скелетъ носорога состоитъ изъ массивныхъ и широкихъ костей. Черепъ очень длиненъ и низокъ; лобныя кости

занимаютъ треть или четверть длины всего черепа и соединяются непосредственно съ широкими, крѣпкими носовыми костями, которыя образуютъ сводъ надъ носовою впадиной и иногда еще поддерживаются среднею носовою перегородкою. Подъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ прикрѣпляется рогъ, кости эти неровны, шероховаты, бугристы и тѣмъ шероховатѣе, чѣмъ рогъ больше. Межчелюстная кость развита значительно только у тѣхъ видовъ, у которыхъ рѣзцы не выпадаютъ; у тѣхъ же, которые теряютъ эти зубы въ ранней молодости, она совсѣмъ почти отсутствуетъ. Позвоночникъ состоитъ изъ крѣпкихъ позвонковъ, съ длинными остистыми отростками; къ 18—20 изъ нихъ прикрѣпляются сильно изогнутыя, толстыя и широкія ребра, однако грудобрюшная преграда прилегаеть уже къ 14—17 позвонку. Уже въ ранней молодости срастаются тѣ пять позвонковъ, которые образуютъ крестцовую кость. Хвостъ состоитъ изъ 22—23 позвонковъ. Всѣ остальные кости скелета бросаются въ глаза только своею тяжеловѣсностью и толщиной. Въ зубной системѣ постоянно недостаетъ клыковъ, а у африканскихъ видовъ и рѣзцовъ въ обоихъ челюстяхъ; азіатскіе-же виды большею частью сохраняютъ рѣзцы на всю жизнь. Кромѣ того каждая челюсть вооружена еще семью коренными зубами, которые какъ-бы состоятъ изъ нѣсколькихъ сросшихся между собою бугорковъ и столбиковъ; жевательная поверхность ихъ такъ стирается со временемъ, что на ней образуются различныя рисунки эмали.

О мягкихъ частяхъ тѣла слѣдуетъ тоже сказать нѣсколько словъ. Кожа верхней губы очень тонка и богата сосудами и нервами, языкъ большой и чувствительный, желудокъ простой, продолговатый. Между органами чувствъ—глаза поражаютъ своими малыми размѣрами.

Носороги, которые въ настоящее время встрѣчаются только въ восточной и эіопской областяхъ, въ древнія времена водились какъ въ южной Германіи, Франціи и Англіи, такъ и въ Россіи и Сибири. Изъ извѣстныхъ намъ до сихъ поръ вымершихъ видовъ стоитъ упомянуть объ одномъ, а именно о двурогомъ ископаемомъ носорогѣ съ окостенѣвшей носовою перегородкой (*Rhinoceros tichorhinus*), такъ какъ отъ него сохранились не только кости, но и цѣлыя куски кожи съ шерстью. Въ сѣверной Азіи отъ Оби до Берингова пролива нѣтъ ни одной рѣки, протекающей по ровной мѣстности, въ которой не нашлись-бы кости допотопныхъ животныхъ: слоновъ, буйволовъ и носороговъ. «Когда я», пишетъ Палласъ, «въ мартѣ 1772 г. пріѣхалъ въ Якутскъ, губернаторъ Восточной Сибири показалъ мнѣ заднюю и переднюю ноги носорога, покрытыя еще кожей. Животное это было найдено въ прибрежномъ пескѣ устья какой-то рѣки. Туловище и обѣ другія ноги оставили въ пескѣ». Послѣ того Палласъ продолжалъ на мѣстѣ разслѣдованіе этой находки, и вскорѣ привезъ голову и ногу въ Петербургъ. Позднѣе Брандтъ изслѣдовалъ эти остатки, и такимъ путемъ мы узнали, что допотопный носорогъ, населявшій въ наносное время среднюю и сѣверную Европу и сѣверъ Азіи, принадлежалъ, вмѣстѣ съ мамонтомъ, къ самымъ распространеннымъ видамъ большихъ животныхъ Старога Свѣта. Кромѣ Сибири кости его находили еще въ европейской Россіи, Германіи, Англіи и Франціи, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже въ изумительномъ количествѣ. Отличительный признакъ этого животного состоитъ въ томъ, что носовая перегородка, которая у остальныхъ видовъ носорога хрящевая, у него окостенѣла, что обусловливается, вѣроятно, непомѣрной длиной носовыхъ костей. Точно также это животное отличается отъ другихъ носороговъ своимъ внѣшнимъ покровомъ. Высушенная кожа его, грязно-желтаго цвѣта, не образуетъ складокъ, но толста, на губахъ зерниста и густо покрыта сѣтчатыми, круглыми порами. Мѣхъ, состоящій изъ жесткихъ остей и мягкаго подшерстка, пучкообразно выступаетъ изъ этихъ поръ; во всемъ остальномъ это животное такъ похоже на нынѣ живущихъ носороговъ, что его

можно только признать развѣ за особый видъ этого рода. Пищей ему служили, вѣроятно, иглы и молодые побѣги сосенъ; впрочемъ, достовѣрно это неизвѣстно.

Наше знакомство съ нынѣ живущими видами въ послѣднее время значительно обогатилось новыми свѣдѣніями, но не можетъ назваться еще вполне удовлетворительнымъ. Едва-ли мы хорошо изучили даже тѣ виды, которые недавно стали доставляться живыми въ наши зоологическіе сады, и могли быть сравнены между собою свѣдущими натуралистами. Флоуеръ въ 1876 г. специально изучилъ и описалъ эти семейства, и взгляды его, за немногими необходимыми исключеніями, будутъ служить основаніемъ нижеслѣдующихъ статей нашей книги.

По зубамъ и складкамъ кожи Флоуеръ дѣлитъ носороговъ на три главныя группы, которыя мы, съ своей стороны, признаемъ развѣ только подродами. Къ первой группѣ онъ причисляетъ носороговъ съ панциревидной кожей, ко второй—тѣхъ, кожа которыхъ образуетъ лишь неглубокія складки, къ третьей, —носороговъ съ постоянно одинаково расположенными складками кожи.

Панцирные носороги (*Rhinoceros*) характеризуются, кромѣ толстой, или покрытой глубокими постоянными бороздами и складками кожи, еще присутствіемъ лишь одного рога и сильно развитыми складками на шеѣ и бедрахъ, которыя, вмѣстѣ съ прочими складками, ограничиваютъ отдѣльные щитовидные панцири, покрывающіе все туловище. Въ каждой половинѣ верхней челюсти у нихъ по одному внутреннему большому сжатому рѣзцу, около котораго появляется иногда маленькій; а въ каждой половинѣ нижней челюсти по два рѣзца, изъ которыхъ внутренній очень маленькій, а наружный очень большой. Представителями этихъ носороговъ служатъ два живущіе нынѣ вида.

Носорогъ, называемый обыкновенно **Индѣйскимъ носорогомъ**, а на своей родинѣ—**Генда, Ганда, Генра и Горъ** (*Rhinoceros [Rhinoceros] unicornis, Rhinoceros indicus, asiaticus и stenocephalus. Nashorn. Rhinoceros*) достигаетъ, включая сюда 60 см. хвоста, 3,75 м. длины, 1,7 м. высоты въ плечахъ, и около 2000 кгг. вѣса. Онъ очень массивенъ и неуклюжъ, и отличается отъ своихъ сородичей относительно короткой, широкой и толстой головой и ему одному свойственнымъ расположеніемъ щитовъ. Сѣдлообразное углубленіе между очень круто спускающимся лбомъ и большимъ (около 55 см. высоты), нѣсколько загнутымъ на концѣ, рогомъ глубоко, но коротко. Нижняя челюсть спереди немного загнута вверхъ. Длинное и узкое ухо открыто по краямъ короткими волосами въ видѣ щетки; пасть широка, нижняя губа широка и угловата, хоботообразный отростокъ верхней губы коротокъ, хвостъ, доходящій до копытъ, большею частью спрятанъ въ глубокой складкѣ задняго прохода и закрываетъ ее; въ концѣ-же онъ сплюсненъ съ обѣихъ сторонъ и жидко покрытъ волосами. Большія, спереди выгнутыя, снизу остро срезанныя копыта оставляютъ свободной большую часть длинной, голой, мозолистой и твердой подошвы, имѣющей сердцевидную форму. Половые органы очень велики: у самцовъ членъ имѣетъ очень странный видъ, на вымени самокъ находится только одна пара сосцовъ. Все тѣло покрываетъ необыкновенно толстая кожа, гораздо болѣе твердая и сухая, чѣмъ у слона; она лежитъ на толстомъ слое рыхлой клетчатки, вслѣдствіе чего можетъ легко двигаться изъ стороны въ сторону. Кожа эта образуетъ роговой панцирь, раздѣленный на отдѣльные щитки многочисленными, правильно расположенными и глубокими складками, которыя обозначены уже у новорожденныхъ животныхъ.

Края этихъ складокъ приподняты въ видѣ валиковъ, но серединѣ-же кожа гораздо тоньше и мягче, но вообще она на-ощупъ кажется толстою, твердою доскою. Позади головы идетъ первая большая складка сверху внизъ, начинаясь отъ шеи, и образуетъ внизу родъ поперечнаго подгрудка; за ней подымается вверхъ и назадъ,

въ косомъ направленіи, вторая складка, которая сначала очень глубока, но къ загривку дѣлается все болѣе плоской и наконецъ совсѣмъ исчезаетъ. Около середины ея начинается третья складка, которая подымается къ шеѣ, наискось. За загривкомъ тянется четвертая глубокая складка, идущая по спинѣ и спускающаяся въ видѣ дуги за плечами. она-же переходитъ на переднія ноги, гдѣ спереди образуетъ поперечныя складки. Пятая складка начинается на крестцѣ, спускается вкось и впередъ по бедрамъ, обращивается вокругъ паха, направляется опять впередъ и тамъ исчезаетъ; но отъ нея идетъ новая вѣтвь, которая сначала огибаетъ передній край заднихъ ногъ, потомъ идетъ горизонтально черезъ колени и подымается къ заднему проходу, откуда идетъ въ видѣ толстаго валька горизонтально по бедрамъ. Двумя складками, идущими со спины внизъ, кожа носорога раздѣляется на три широкихъ пояса, изъ которыхъ первый лежитъ на шеѣ и плечахъ, второй— между плечами и поясницей, а третій на задней части тѣла. Эти пояса, за исключеніемъ средняго, раздѣляются поперечными складками на отдѣльные щиты, именно: образуется одинъ щитъ на затылкѣ, по одному на каждомъ плечѣ, одинъ на крестцѣ, и по одному на каждомъ бѣдрѣ. Обнаженная, за исключеніемъ указанныхъ мѣстъ, кожа вся покрыта неправильными, кругловатыми, болѣе или менѣе гладкими роговидными щитками или бородавками, которыя на наружной сторонѣ ногъ такъ близко находятъ одна на другую, что образуютъ родъ чешуйчатого панциря. Кожа на животѣ и внутренней сторонѣ ногъ раздѣлена многочисленными перекрещивающимися бороздками на мелкія поля. Вокругъ морды тянутся поперечныя складки. У молодыхъ животныхъ торчатъ, тамъ и сямъ, отдѣльные, жесткіе, толстые волосы, на подобіе щетины. Цвѣтъ кожи различный: у старыхъ животныхъ равномерно темно-сѣровато-бурый, болѣе или менѣе выпадающій въ рыжеватый или голубоватый. Въ глубинѣ складокъ кожа блѣдно-красноватаго или буровато-тѣльнаго цвѣта. Отъ пыли, ила и другихъ виѣшнихъ вліяній кожа носорога кажется темнѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Молодые животныя гораздо свѣтлѣе старыхъ.

Въ 1513 году королю португальскому былъ присланъ одинъ индѣйскій носорогъ. Въ Англію же первые живые носороги привезены были въ 1685, 1739 и 1741 годахъ. Какъ уже видно изъ перваго извѣстнаго намъ изображенія носорога, сдѣланнаго Альбрехтомъ Дюреромъ и воспроизведеннаго впоследствии Геснеромъ, у нѣкоторыхъ старыхъ животныхъ бывають на различныхъ частяхъ тѣла кожные наросты, имѣющіе большее или меньшее сродство съ рогомъ на носу. Эти наросты появляются иногда въ огромномъ количествѣ. Такъ, въ Антверпенскомъ зоологическомъ саду жилъ 18-ти лѣтній носорогъ, у котораго эти кожные рога были очень замѣтны. Отличаясь одинъ отъ другаго величиной и формой, рога эти походятъ другъ на друга тѣмъ, что все состоятъ изъ сплошной роговой массы. Какъ мнѣ сообщаетъ Мютцель, у вышеупомянутаго антверпенскаго носорога было въ 1875 году довольно много такихъ наростовъ на головѣ и на всѣхъ болѣе замѣтныхъ складкахъ кожи. Тѣ изъ нихъ, которые находились на бровныхъ наростахъ, были величиною только съ лѣсной орѣхъ; другіе-же значительно больше. Такъ напримѣръ, съ каждой стороны сильно выдающихся скуловыхъ костей у него было по 3—4 заостренныхъ на концахъ рога, длиною въ 2,5—7 см.; на каждомъ изъ большихъ теменныхъ бугровъ, закрытыхъ складкой кожи, лежащей передъ ушами, было по одному рогу, а на верхнемъ сгибѣ горловой складки былъ тоже толстый рогъ, длиною, по крайней мѣрѣ, въ 12 см.; вмѣстѣ съ другими близъ лежащими наростами онъ образовалъ какъ-бы пирамиду. Вся эта группа роговъ была направлена назадъ и, какъ большая часть подобныхъ наростовъ, гладко отшлифована спереди.

ИНДИЙСКИЙ НОСОРОГЪ.

Между лобными и теменными буграми замѣчались подобныя-же бородавки, величиной въ лѣсной орѣхъ; онѣ окружали шрамъ, въ 4 см. въ поперечникѣ, происшедшій вслѣдствіе выпаденія подобной-же мозоли. По срединѣ шеи поднимались пять прямыхъ роговъ, изъ которыхъ средній достигалъ 8 см. вышины. Наконецъ подобныя-же наросты находились наверху крестцовой складки и на верхней части хвоста. Какъ тѣ, такъ и другіе во многомъ отличаются отъ большихъ, морщинистыхъ бородавокъ, которыя покрываютъ бока носорога. По боковой ихъ поверхности проходятъ продольные желобки; гладко отшлифованная сторона блѣдно-желтаго цвѣта; по словамъ сторожа, эти кожные наросты иногда отпадали, и послѣ нихъ оставались рубцы, вродѣ тѣхъ красноватыхъ пятенъ, которыя остаются послѣ отпаденія оленьихъ роговъ.

Область распространенія этого носорога простирается еще въ настоящее время до сѣверной части Индіи по той узкой полосѣ земли, которая тянется отъ подошвы Гиммалаевъ, на востокъ отъ Пепала, до самыхъ отдаленныхъ областей Ассама. По словамъ Стерндаля, носороги очень долговѣчныя животныя. Одна пара, говоритъ Блайтъ, жила 45 лѣтъ въ Барракупурскомъ зоологическомъ саду.

За другой видъ этого подрода признаемъ мы **Яванскаго носорога**, котораго жители Явы называютъ **Вара** или **Варанъ**, жители Бирмы **Кіэн-зень**, (*Rhinoceros sondaicus*, *Rhinoceros javanicus*, *javanus*, *floweri*, *inermis* и *nasalis*. *Wara-Nashorn*. *Rhinoceros de Java*). Это одинъ изъ самыхъ маленькихъ видовъ носорога: при высотѣ 1,4 м. въ плечахъ, онъ имѣетъ въ длину около 3 м., включая сюда и хвостъ въ 50 см. Однако Кокбурнъ даетъ болѣе значительныя размѣры: по его словамъ одна самка имѣла 3,7 м. длины, хвостъ ея былъ въ 72 см., а высота въ плечахъ 1,67 м. Кинлохъ соглашается съ этими цифрами, и прибавляетъ, съ своей стороны, что взрослые экземпляры этого вида немного меньше или даже одного роста съ обыкновеннымъ индѣйскимъ носорогомъ. Въ остальномъ вара отличается отъ послѣдняго болѣе длинной головой, не имѣющей такой глубокой впадины у лба, какъ у другихъ видовъ, болѣе короткимъ рогомъ (около 25 см. длины), котораго, по словамъ Кинлоха, у самки даже совсѣмъ нѣтъ и болѣе длиннымъ хоботообразнымъ отросткомъ верхней губы. Расположеніе щитковъ и форма выпуклыхъ валиковъ кожи—тоже иныя, чѣмъ у его родича. Затылочный щитъ вары рѣзче отдѣляется; выдавался внизъ тупымъ угломъ. онъ доходитъ до нижней трети шеи, т. е. гораздо дальше внизъ, чѣмъ у индѣйскаго носорога; но зато онъ уже или короче, чѣмъ у этого послѣдняго, и оставляетъ на задней такое пространство, что плечевые щиты, отдѣленные другъ отъ друга у индѣйскаго носорога затылочнымъ щитомъ, у него совсѣмъ сходятся и образуютъ одинъ поясъ, который простирается отъ одного локтевого сустава до другого; этотъ поясъ, широкій внизу, къверху постепенно суживается. Кожные шипки у него гораздо меньшихъ размѣровъ, чѣмъ у индѣйскаго носорога, имѣютъ пяти или многогранную форму, и лежатъ въ видѣ мозаики одна около другой; въ срединѣ каждаго бугра находится углубленіе, и тутъ же растетъ по одному (а иногда и больше) пучку черныхъ, щетинистыхъ волосъ; у старыхъ животныхъ они обыкновенно на бокахъ стираются, остаются только на спинѣ, и покрываютъ кожу жидкимъ волоснымъ покровомъ. Цвѣтъ шерсти этого животнаго грязно-сѣровато-бурый.

Насколько намъ извѣстно, область распространенія вары гораздо обширнѣе, чѣмъ предшествующаго вида. Кинлохъ находилъ его въ 1878 году въ Сиккимъ-Терѣ; кромѣ того онъ попадается въ болотистыхъ низменностяхъ дельты Ганга (*Sander bans*), затѣмъ встрѣчается часто дальше на востокъ, въ болотахъ у подножія холмовъ южнѣ Ассама и, по словамъ Кокбурна, въ юго-западныхъ провинціяхъ

Китай, далье въ Бирмѣ и на Явѣ; на этомъ островѣ подымаются они иногда, по словамъ Юнгхуна, на 3000 метровъ надъ уровнемъ моря.

Можно-бы назвать **Полупанцирными** носорогами тѣ виды, которые Флоуеръ, по словамъ Грѣя, соединяетъ во второе полусемейство (*Cerathorhinus*). Ихъ отличительные признаки слѣдующіе: сильно-вытянутая голова съ отлогимъ лбомъ, на носовой и лицевой части которой находятся одинъ за другимъ два относительно короткихъ рога; широкія круглыя уши, закругленная нижняя губа и плохо развитыя шейныя и поясныя складки, раздѣляющія кожу на пояса, а не на щиты. Въ зубной системѣ мы замѣчаемъ наверху по одному сжатому, плоскому рѣзцу средней величины, а внизу по одному остроконечному рѣзцу.

Бадакъ, или **Полупанцирный носорогъ**, Суматрскій носорогъ европейскихъ торговцевъ звѣрми (*Rhinoceros [Cerathorhinus] sumatrensis*, *Rhinoceros sumatranus* и *crossii*, *Cerathorhinus sumatranus* и *niger*. *Halbpanzer-Nashorn*. *Rhinoceros de Sumatra*) мало или даже вовсе не уступаетъ по величинѣ индѣйскому носорогу. Согласно наблюденіямъ Мютцеля, тѣло его тоньше, а ноги выше, чѣмъ у послѣдняго, и онъ производитъ впечатлѣніе менѣе тяжеловѣснаго животнаго вслѣдствіе меньшаго развитія складокъ кожи. На умѣренно длинной головѣ лобныя бугры не такъ сильно выступаютъ впередъ, почему и глаза кажутся менѣе глубокими, нежели у его сородичей. Передняя часть рыла покрыта полукруглымъ роговымъ панциремъ, который почти закрываетъ ноздри и допускаетъ свободно двигаться только нижнему краю верхней губы. Вытянутая нижняя губа принимаетъ форму круглой ложки. Средней величины уши имѣютъ на внутренней поверхности наружнаго края толстый пучекъ волосъ; внутренній край уха окаймленъ плотно стоящими, похожими на рѣсницы, волосами рыжеватаго цвѣта. Шейныя борозды мало отличаются отъ складокъ его индѣйскаго сородича, но часть кожи, покрывающая плечи, своимъ нижнимъ краемъ спускается внизъ, образуя складку по серединѣ верхней части передней ноги; вторая, выходящая изъ затылочной впадины, борозда проходитъ подъ локтемъ, нѣсколько сзади его, и соединяется съ третьей складкой, которая за загривкомъ переходитъ на хребетный столбъ. Борозда, которая идетъ поперекъ туловища около бедеръ, едва доходитъ до паховъ и совершенно сглаживается на бокахъ. Складки заднихъ бедеръ, хотя и представляютъ большое сходство съ соответствующими складками индѣйскаго носорога, но такъ малы, что ихъ можно считать едва намѣченными, за исключеніемъ, впрочемъ, тѣхъ, которыя лежатъ надъ пястью. Не очень длинный хвостъ оканчивается маленькой кисточкой. Кожа вообще гладкая, и только въ немногихъ мѣстахъ ея находятся едва замѣтные утолщенія въ видѣ бородавочекъ. Разсѣянные по всему туловищу, щетинистые темно-бурые волосы гуще всего у затылка и по бокамъ брюха. По цвѣту полупанцирный носорогъ мало отличается отъ своего сородича: основнымъ цвѣтомъ является сѣро-коричневый, трудно поддающийся описанію; лобъ, глазная полость и верхъ носа темно-бураго цвѣта. Это животное водится на Борнео и Суматрѣ, гдѣ Розенбергъ нашелъ его слѣды на высотѣ 2000 метровъ надъ поверхностью моря.

На материкѣ Азіи живетъ сходный съ предыдущимъ видъ, открытый Склатеромъ, именно: **Кистеухій носорогъ** (*Rhinoceros [Cerathorhinus] lasiotis*, *Rauhohr-Nashorn*. *Rh. de Malacca*), который попадаетъ въ западной части восточной Индіи, въ особенности въ Тенассеримѣ и Араканѣ. Кожа у него тоньше, чѣмъ у выше описанныхъ видовъ и не обезображена вышеупомянутыми бородавчатыми наростами. Задній край ушей обрамленъ очень длинными волосами. Тѣло молодого животнаго, какъ говоритъ Стерндалъ, покрыто длинными, тонкими рыжеватыми волосами. По словамъ того-же натуралиста у него два рога. Одинъ такой носорогъ

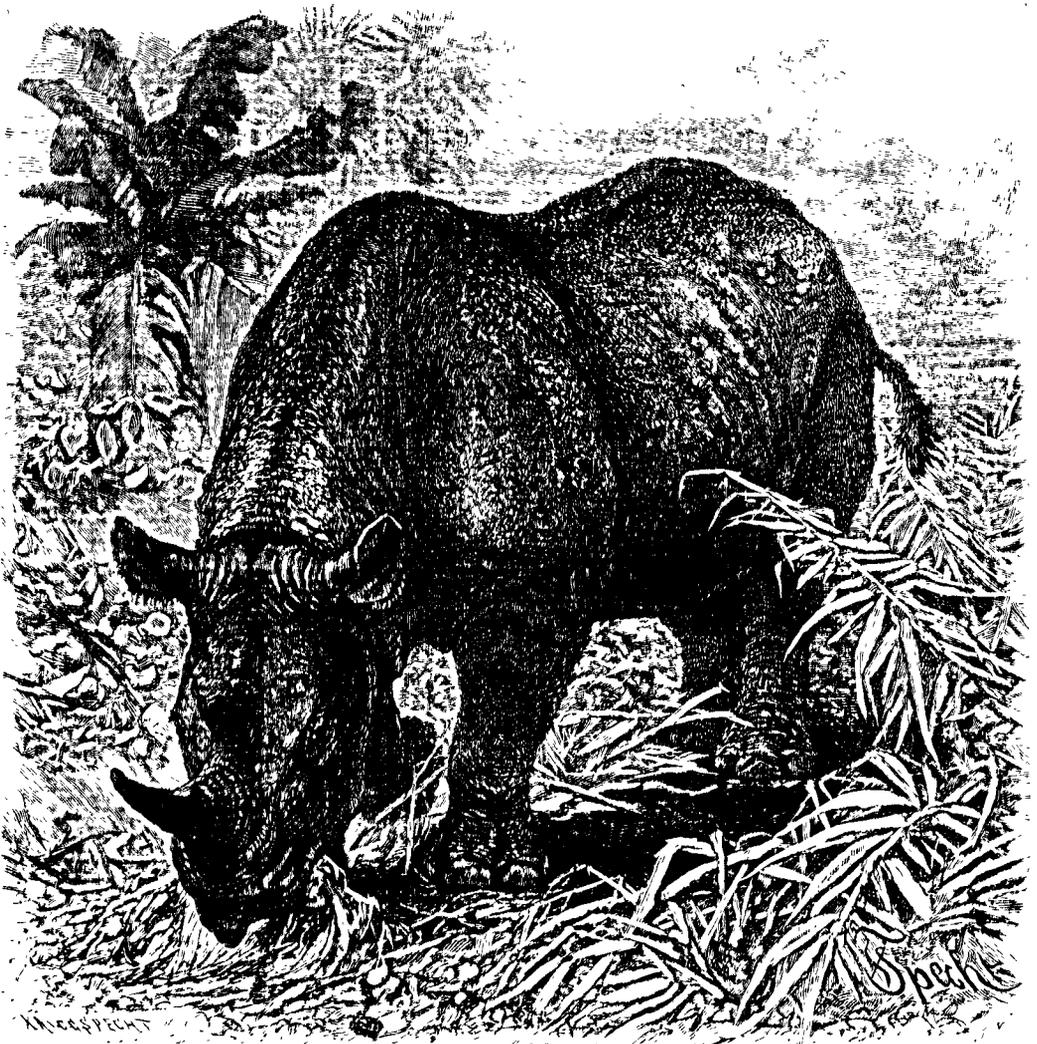
былъ пойманъ въ 1868 году въ Читагонгѣ, и купленъ за 25,000 марокъ для Лондонскаго зоологическаго сада.

Вовсе отсутствующіе или находящіеся только въ загадочномъ видѣ рѣзцы характеризуютъ вполне развитую зубную систему **Африканскихъ носороговъ**, которые составляютъ третій подродъ (*Atelodus*). Ихъ гладкая однообразная и безволосая кожа имѣетъ складки только на соединеніи шеи съ туловищемъ, и не образуетъ ни щитовъ, ни поясовъ; орудіемъ защиты являются два тонкихъ рога, расположенныхъ одинъ за другимъ.

* * *

Самый извѣстный представитель этого подсемейства — **Двурогій носорогъ**. **Черный носорогъ** бозровъ и англійскихъ охотниковъ, называемый у туземцевъ южной Африки **Бореле**, **Упетане** или **Упетіане** и въ тѣхъ случаяхъ, когда задній рогъ у него очень длинный, **Кейтлоа**. Арабы его называютъ **Аназа** и **Фертить**, абиссинцы — **Аварись** и **Арисъ**, сомали — **Вуиль**, у другихъ туземцевъ — **Гедангинъ**, **Чаль**, **Гаргаданъ** (*Rhinoceros [Atelodus] bicornis*, *Rhinoceros africanus*, *vomperi*, *brucei* и *keitloa*, *Atelodus* и *Rhinaster bicornis*. *Doppelnashorn*. *Rhinoceros d'Afrique*). Я его описываю по почти взрослой самкѣ Берлинскаго зоологическаго сада. Голова его можетъ быть и короче, нежели у другихъ африканскихъ носороговъ, но относительно длиннѣе, чѣмъ у панцирныхъ; задняя часть ея сильно выдается; лицевая часть отъ лба слегка вдавлена на подобіе сѣдла, нижняя челюсть замѣтно выгнута наружу, рыло маленькое; хоботообразный отростокъ верхней губы явственно, но не слишкомъ сильно развитъ; нижняя губа тупо закруглена; каждая губа покрыта глубокими, различнымъ образомъ расходящимися и растяжимыми складками. Окруженные морщинами глаза очень малы, зрачекъ продолговатый; уши, у корня которыхъ также пробѣгаютъ нѣсколько морщинистыхъ складокъ, короткія и широкія, покрытыя короткими, но густыми волосами только у основанія заворачивающагося внутренняго края. Первый рогъ прикрѣпленъ ко лбу овальнымъ основаніемъ, на всемъ своемъ протяженіи сжать съ боковъ, вытянуть впередъ и вверхъ съ немного загнутымъ назадъ кончикомъ; второй рогъ большею частью короче передняго, у основанія также сжать съ боковъ и имѣетъ спереди и сзади по округленному ребру, вслѣдствіе чего поперечный разрѣзъ его имѣетъ форму ромба съ округленными углами; онъ поднимается прямо вверхъ или немного наклоняется впередъ. Толстая и короткая шея, замѣтно превосходящая голову по толщинѣ, возвышается за загривкомъ и оканчивается внизу поперечнымъ подгрудкомъ, отдѣляющимся двумя довольно глубокими складками отъ головы и плечъ. Туловище очень длинное, затылочная и, къ серединѣ нѣсколько вдавленная, часть спинного хребта заострена; крестецъ широкій и закругленный, хотя тазовыя кости явственно обрисованы; хвостъ дрябло спускается внизъ. Сильно выгнутыя во внутрь ноги кажутся выше, чѣмъ у панцирнаго носорога, и не такъ безобразно толсты, нижнія части ихъ даже красиво сложены и имѣютъ правильно развитыя подошвы и копыта, которые по формѣ похожи на копыта другихъ носороговъ. Кромѣ двухъ вышеупомянутыхъ шейныхъ складокъ можно замѣтить еще одну короткую, за плечевой частью передней ноги, и другую, болѣе длинную, въ мѣстѣ прикрѣпленія задней ноги. Толстая безволосая кожа, за исключеніемъ упомянутыхъ морщинъ, равномерно гладкая, и только при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи оказывается покрытой безчисленными перекрещивающимися или пересѣкающимися желобками, между которыми образуются небольшія пространства разнообразной формы. Преобладающій цвѣтъ темно-сѣрый, похожій на шиферъ, мѣс-

тами смѣняющійся грязноватымъ рыже-бурымъ. У совершенно взрослога самца длина всего тѣла равняется 4 м., включая сюда длину хвоста въ 60 см.; высота около зашейка 1,6 м. Болѣе или менѣе отогнутые назадъ рога величиною доходятъ до 70—80 см. Только въ рѣдкихъ случаяхъ задній рогъ приблизительно такъ-же длиненъ или даже длиннѣе передняго; у большинства-же экземпляровъ

Двурогой носорогъ. *Rhinoceros bicornis*. $\frac{1}{20}$ наст. вел.

онъ не достигаетъ и половины длины передняго и часто имѣеть видъ округленнаго мозолистаго нароста.

У двурогога носорога въ молодости всегда есть рѣзцы. Въ кожной Африкѣ онъ питается исключительно листьями и корнями, но на сѣверо-востокѣ Генель находилъ въ желудкѣ убитыхъ только траву. Хотя въ настоящее время область распространенія носорога значительно уменьшилась къ югу, все-таки его можно встрѣтить въ большей части этой страны и преимущественно въ восточной ея половинѣ, а именно отъ 15 сѣверн. широты къ югу до лини, пересекающей

южную Африку отъ р. Кунене до озера Нгами. Отсюда граница области распространяется къ сѣверной излучинѣ Лимпопо и затѣмъ по восточной границѣ Трансваальской республики къ заливу Делагоа. Въ экваториальныхъ мѣстностяхъ западной Африки и, кажется, во всей области Конго носороги не встрѣчаются. Р. Бемъ нашелъ ихъ въ послѣднемъ десятилѣтіи на востокѣ, близъ озера Танганайки, но нигдѣ не видалъ ихъ въ большемъ количествѣ. Томсонъ часто видалъ ихъ въ землѣ Массай, а, по повѣршишимъ изслѣдованіямъ Джемса, они не рѣдки и въ области Сомали, но, кажется, онъ имѣлъ здѣсь въ виду другой видъ, къ которому мы сейчасъ перейдемъ. Согласно показаніямъ Нахтигала, двурогиі носорогъ часто попадаетъ въ Удаи и въ окрестностяхъ озера Шари. На югѣ, по наблюденіямъ Шинце въ восьмидесятыхъ годахъ, онъ довольно часто встрѣчается по Кунене, вверхъ по теченію, отъ Гумбе и рѣже по Кубанго и около озера Нгами: Селусъ говоритъ, что въ семидесятыхъ годахъ небольшое число ихъ водилось еще по болотамъ Чобе и довольно много въ поросшей кустами полосѣ земли, которая простирается къ югу отъ Замбези, на востокъ отъ водопада Викторія. Въ гористыхъ мѣстностяхъ это животное встрѣчается даже на высотѣ 2600 м.

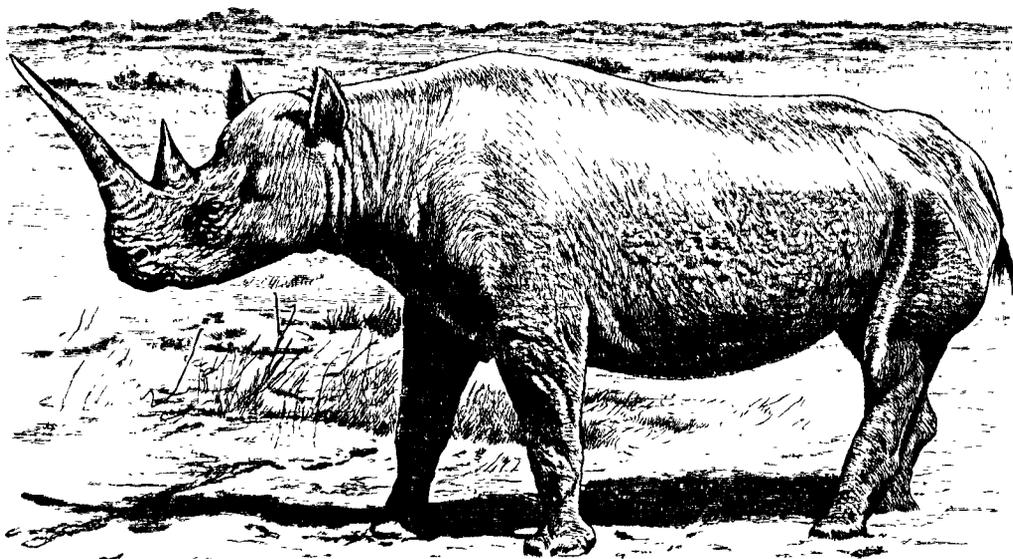
* *
*

Графъ Телеки и Генель, во время своего путешествія по восточной Африкѣ, перейдя къ сѣверу экватора, гдѣ встрѣтили новый видъ буйвола и тигровой лошади, натолкнулись подъ 1°30' сѣверн. широты на носороговъ, рѣзко отличавшихся отъ извѣстныхъ имъ другогихъ носороговъ, которыхъ имъ удалось убить и изучить до 80 штукъ. Живущіе сѣвернѣе носороги, которые, какъ сообщаетъ Генель, тамъ исключительно попадались ему, были по крайней мѣрѣ на треть меньше, чѣмъ раньше описанные, сложены стройнѣе, а также быстрѣе и проворнѣе въ движеніяхъ. Прежде достаточно было одного двурогаго носорога для дневного пропитанія цѣлаго каравана, теперь же для этого нужно было не менѣе двухъ животныхъ. «Оба красиво выгнутые рога по большей части не такъ рѣзко отличаются по длинѣ, какъ у двурогаго носорога, кверху понемногу суживаются, съ боковъ всегда равномерно сдвинуты, а иногда совершенно плоскіе». Далѣе тотъ-же естествоиспытатель прибавляетъ: «я наблюдалъ, какъ потрошили болѣе сотни носороговъ, какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ, и всегда находилъ въ желудкахъ ихъ только траву, а не листья».

Тупоносый или ширококрылый носорогъ, Монуку, Кобаба и Чикори у туземцевъ южной Африки, **Бѣлый носорогъ** у бозровъ (*Rhinoceros [Atelodus] simus*, *Rhinoceros camus*, *aswellii* и *burchellii*, *Atelodus simus*, *Ceratherium simum*, *Stumpfnashorn*, *Rhinoceros gris*) имѣетъ высоту около затылка почти въ 2 м., такъ какъ Чалманъ у самки опредѣлилъ ее въ 195,5 см., а Селусъ у самца — въ 198 см.; длина животнаго, включая хвостъ въ 60 см., достигаетъ 5 м., такъ что оно превосходитъ величиной всѣхъ сородичей того-же семейства.

Отличительные признаки этого вида слѣдующіе: голова такъ чрезмѣрно вытянута, что по длинѣ равняется почти трети всего туловища; морда широкая и угловатая; верхняя губа не выдается остриемъ, уши заостренныя и довольно длинныя, шея короткая. Тѣло очень толстое; кожа образуетъ двѣ складки, сбѣгающія съ затылка на грудь; цвѣтъ свѣтло-желтый или свѣтлый сѣро-коричневый. иногда переходитъ въ свѣтло-сѣрый, обыкновенно принимаетъ болѣе темный оттѣнокъ на плечахъ, бедрахъ и брюхѣ. Селусъ, который имѣлъ случай наблюдать въ пустынѣ много носороговъ, говоритъ, что преобладающая окраска этого вида темно-сѣрая, похожая на цвѣтъ шифера, и, опровергая мѣстное описаніе обонхъ африканскихъ видовъ, прибавляетъ: «какъ тотъ, такъ и другой видъ не бываютъ совершенно бѣ-

лаго или черного цвѣта, и я не могъ-бы поручиться, который изъ нихъ темнѣе». Еще существеннѣе, чѣмъ вышеприведенными признаками, тупоносый носорогъ отличается отъ своего сородича своеобразной формой черепа и меньшимъ числомъ спинныхъ позвонковъ, которыхъ у него не 20, а только 18; кромѣ того, рѣзцы, если и бываютъ, то пропадаютъ вскорѣ послѣ рожденія. Задній рогъ короче передняго, доходить до 60 см., но обыкновенно бываетъ только въ 6—12 см. Передній рогъ, по большей части мало или вовсе не согнутый, длиннѣе, чѣмъ у всѣхъ прочихъ видовъ этого семейства.

Тупоносый носорогъ. *Rhinoceros simus* $\frac{1}{30}$ наст. вел.

Въ настоящее время только очень рѣдко попадаются экземпляры, у которыхъ передній рогъ длиннѣе 80—90 см., потому что самыя старыя и большія животныя почти всѣ перестрѣлены; въ семидесятыхъ годахъ Селусъ находилъ еще рога въ 109, 122 и 137 см. Отличительнымъ признакомъ очень длинныхъ роговъ служитъ то, что они на концѣ какъ-бы плоско срезаны, потому что, когда животное пасется, они трутся о землю.

Животное это въ буквальномъ смыслѣ слова травоядное, потому что, по Селусу, оно питается только травой, чѣмъ и отличается отъ двурогаго носорога; вслѣдствіе этого оно водится преимущественно въ степяхъ, тогда какъ сородичъ его предпочитаетъ мѣста, заросшія кустарникомъ. Водится тупоносый носорогъ на

очень ограниченномъ пространствѣ и только въ южной Африкѣ, такъ какъ сомнительно, чтобы онъ встрѣчался въ степяхъ къ югу отъ Абиссиніи. Но въ настоящее время, вслѣдствіе безопадной и часто безсмысленной страсти къ охотѣ, носороги почти перевелись и на этомъ ограниченномъ пространствѣ южной Африки, гдѣ наши отцы могли ихъ встрѣтить до дюжины въ день, ночью же, на водоноѣ ихъ можно было видѣть по 20—25 штукъ. Въ средней части юго-западныхъ нѣмецкихъ владѣній, начиная отъ Китовой бухты, въ 1874 году были перебиты въ Дицдалѣ при Цоахаубъ послѣдніе экземпляры, какъ это видно изъ словъ Вильмера. Въ болотахъ Чобе, гдѣ Селусъ въ 1874 году встрѣчалъ этихъ животныхъ довольно часто, въ 1879 году они совершенно исчезли, такъ что и туземцы говорили, что они перевелись. По словамъ Шинце они встрѣчаются еще на западѣ южной Африки по Кунене, Кубанго и около озера Нгами; на востокъ-же они водятся только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ муха цеце вредитъ домашнему скоту, а потому косвеннымъ образомъ препятствуетъ вторженію охотниковъ. По Селусу, они еще довольно многочисленны въ сѣверо-восточной части земли Машуна, но, вѣроятно, вскорѣ ихъ изведутъ и тамъ; тогда ихъ послѣднимъ убѣжищемъ на востокѣ южной Африки останутся португальскія низменности по рѣкѣ Саби и, можетъ быть, еще окрестности залива Делагоа.

* * *

Древнимъ носорогъ былъ хорошо извѣстенъ. По Дюмихену, онъ встрѣчается на египетскихъ памятникахъ, какъ пояснительное изображеніе послѣ слова «ав». «Рисункомъ разрѣшаетъ всякое сомнѣніе на счетъ того, что здѣсь подразумѣвалось именно это животное, которое у древнихъ египтянъ, вѣроятно, называлось тѣмъ-же именемъ, какъ и слонъ, вслѣдствіе выгнутыхъ впередъ роговъ, напоминающихъ бивни». Я убѣжденъ, что его надо подразумѣвать подъ библейскимъ единорогомъ, о которомъ говорится въ книгѣ Іова: «Захочетъ-ли единорогъ служить тебѣ и переночуетъ-ли у яслей твоихъ? Можешь-ли привязать единорога къ бороздѣ, и станетъ-ли онъ боронить за тобою поле? Понадѣешься-ли на него, потому что у него сила велика, и предоставишь-ли ему работу твою? Повѣришь-ли ему, что онъ сѣмена твои возвратитъ и сложитъ на гумно твое?» (Іовъ. Гл. 39. ст. 9).

Въ еврейскомъ текстѣ это животное названо «Ремъ», и ему приписывается то одинъ, то два рога. Римлянамъ были извѣстны и однорогіе, и двурогіе носороги, и оба вида появлялись на аренѣ цирка. Плиніи говоритъ, что первый однорогіи носорогъ былъ привезенъ на игры въ Римъ въ 61 г. до Р. X. Помпеемъ; съ нимъ вмѣстѣ были привезены рысь изъ Галліи и павіанъ изъ Эіопіи. «Носорогъ», разсказываетъ Плиніи, «врожденный врагъ слона. Онъ побѣждаетъ послѣдняго въ бою, погружая ему въ животь свой рогъ, который предварительно оттачиваетъ на камнѣ». Этотъ писатель прибавляетъ также, что носороги встрѣчались вблизи Мероэ. «Въ городѣ Адулетонѣ, главномъ торговомъ пунктѣ троподитовъ и эіоповъ, находящемся въ пяти дняхъ плаванія отъ Птолемаиды, продается слоновая кость, рога носорога, кожа гиппопотама и т. п. товары». Первый говоритъ объ этихъ животныхъ Агатархидъ, затѣмъ Страбонъ, который видѣлъ носорога въ Александріи. Павзаній называетъ его «эіопскимъ быкомъ». Марціалъ воспѣваетъ оба вида:

„На обширной аренѣ, о Цезарь, носорогъ выигрываетъ въ честь тебя такіе бои, что этого нельзя было-бы и предвидѣть. Какъ свирѣпствуетъ чудовище, распалая страшной яростью! Какъ силенъ его рогъ, на которомъ онъ подбрасываетъ быка, какъ мячъ!“

такъ описываетъ онъ однорогаго носорога, а о двурогомъ прибавляетъ:

„Пока загонщикъ старается привлечь къ битвѣ носорога, исподволь раздражая это сильное животное, нетерпѣливые зрители теряютъ уже надежду на продолженіе боя. Но, наконецъ,

въ чудовищѣ просыпается врожденная ему ярость. Двойнымъ рогомъ своимъ онъ легко поднимаетъ сильнаго медвѣдя и подбрасываетъ его вверхъ, какъ быкъ собаку“.

Арабскіе писатели съ давнихъ поръ упоминаютъ объ обоихъ видахъ носороговъ, которыхъ раздѣляютъ на индѣйскихъ и африканскихъ; въ ихъ сказкахъ эти животныя нерѣдко являются существами волшебными. Извѣстный писатель Марко Поло, сообщенія котораго имѣютъ важное значеніе для зоологіи, первый послѣ большого промежутка времени прервалъ молчаніе относительно носорога. Онъ видѣлъ это животное въ XIII столѣтіи во время путешествія въ Индію, на Суматрѣ. «Тамъ водится», говоритъ онъ, «много слоновъ и «рогатыхъ львовъ», которые сложениемъ ногъ похожи на слоновъ, но меньше ихъ, а кожей болѣе походятъ на буйволовъ. На лбу у нихъ рогъ, который имъ ни къ чему не служитъ. Когда они нападаютъ на кого-нибудь, то опрокидываютъ соперника ударами копытъ и потомъ колятъ его языкомъ, который снабженъ нѣсколькими длинными остріями. Голова ихъ походитъ на голову кабана, и они держатъ ее всегда опущенною внизъ. Это грубыя, неопытныя животныя, которыя любятъ залѣзать въ тину». Въ 1513 году король португальскій получилъ изъ Индіи живого носорога, слухъ о которомъ проникъ въ другія государства. Альбрехтъ Дюреръ вырѣзалъ его изображеніе на деревѣ, руководствуясь присланнымъ ему изъ Лиссабона очень плохимъ рисункомъ. Изображеніе это представляетъ животное какъ-бы покрытымъ чапраккомъ и съ чешуйчатой броней на ногахъ; маленькій рогъ помѣщенъ и на плечѣ. Почти 200 лѣтъ этотъ рисунокъ знаменитаго мастера былъ единственнымъ изображеніемъ носорога; неудивительно поэтому, что Геснеръ тоже имъ воспользовался. Шардинъ, видѣвшій носорога въ Испагани, первый далъ въ началѣ прошлаго столѣтія болѣе точное его описаніе. Образъ жизни носороговъ былъ болѣе основательно описанъ Бонциусомъ въ срединѣ XVII столѣтія. Съ этого времени путешественники-естествоиспытатели описываютъ оба вида, но особенно подробно южно-африканскихъ носороговъ, такъ что и въ настоящее время легче дать общее понятіе о жизни всѣхъ носороговъ, чѣмъ отмѣтить отличительныя черты различныхъ видовъ.

Въ общемъ всѣ носороги походятъ другъ на друга образомъ жизни, нравомъ, качествами, движеніями и пищею; но все-таки у каждаго вида есть свои особенности. Напримѣръ, между азіатскими видами индѣйскій носорогъ считается очень злымъ животнымъ, яванскій добродушнѣе, бадакъ совершенно безобиднымъ. То-же самое относится и къ африканскимъ видамъ: двурогій носорогъ, несмотря на свой малый ростъ, считается свирѣпѣйшимъ изъ африканскихъ животныхъ, тогда какъ тупоносый носорогъ причисляется къ самымъ кроткимъ. Конечно, въ этихъ сообщеніяхъ есть доля правды, но вообще надо замѣтить, что каждый носорогъ смиренъ при первомъ столкновеніи съ человѣкомъ, иска его не раздражать, и дѣлается свирѣпымъ, когда съ нимъ дурно обращаются или дразнятъ. Суданскіе арабы склонны считать исполнскихъ животныхъ, каковы, напримѣръ, гиенопотамы и носороги, оборотнями: они вѣрятъ, что злой колдунъ можетъ принять видъ этихъ животныхъ, и стараются оправдать свое суевѣріе тѣмъ, что какъ гиенопотамовъ, такъ и носороговъ, ничѣмъ нельзя обуздать, когда они разъярены.

Любимымъ мѣстопребываніемъ носороговъ служатъ мѣста, обильныя водою, каковы: болота, широко разливающіяся рѣки, озера съ тѣнистыми, поросшими тростникомъ берегами, вблизи которыхъ находятся травянистыя пастбища, богатые ручьями лѣса и тому подобныя мѣстности. Африканскіе носороги охотно селятся также и въ сухихъ травянистыхъ или поросшихъ кустами мѣстностяхъ, если только вблизи есть большое болото. Самая сокровенная лѣсная чаща, недоступная другимъ существамъ, разступается передъ этими массивными толстокожими животными, ко-

торымъ не могутъ повредить самые ужасные шипы. Поэтому большинство видовъ встрѣчаются въ лѣсахъ, даже недалеко отъ морского берега; нѣкоторые-же виды чаще попадаются въ высокихъ мѣстахъ, чѣмъ въ низкихъ. Такъ напримѣръ, по Юнгхуну, яванскій носорогъ, хотя и попадаетъ на заросшемъ кустами берегу, но чаще въ горахъ на высотѣ 3000 м. По крайней мѣрѣ разъ въ день каждый носорогъ ходитъ къ водѣ, чтобы напиться и поваляться въ тинѣ. Это купанье въ грязи существенно необходимо всѣмъ живущимъ на сушѣ толстокожимъ, потому что, хотя строеніе ихъ кожи и оправдываетъ данное имъ названіе, все-таки они очень чувствительны къ укушенію мухъ, оводовъ и комаровъ, и только толстый слой ила до извѣстной степени защищаетъ ихъ. Прежде чѣмъ отыскивать себѣ пищу, носорогъ спѣшитъ къ топкимъ берегамъ озеръ, болотъ и рѣкъ, и, выкопавъ въ грязи яму, роется и валяется въ ней, пока спина, плечи, бока и брюхо не покроются слоємъ ила. Валянье въ грязи доставляетъ имъ такое удовольствіе, что они при этомъ громко ворчатъ и хрюкаютъ, и долго не могутъ разстаться съ пріятной ванной, которая заставляетъ ихъ даже забывать осторожность.

Носороги дѣятельнѣе ночью, чѣмъ днемъ. Сильный жаръ невыносимъ для нихъ; поэтому во время него они спятъ въ какомъ-нибудь тѣнистомъ мѣстечкѣ, лежа на половину на боку, на половину на брюхѣ, вытянувъ голову, или неподвижно стоятъ въ чашѣ лѣса, гдѣ листва высокихъ деревьевъ защищаетъ ихъ отъ лучей солнца. Всѣ естествоиспытатели согласны въ томъ, что сонъ у этихъ животныхъ очень крѣпкій. Многие охотники приближались безъ особенныхъ предосторожностей къ отдыхавшимъ носорогамъ: они не шевелились и походили на каменные изваянія. Обыкновенно грозный храпъ спящаго носорога слышенъ на довольно далекое разстояніе, и путешественникъ остерегается, хотя и не видитъ самого спрятавагося животнаго. Но случается иногда, что оно дышетъ тихо, и тогда можно внезапно очутиться передъ чудовищемъ, не подозрѣвая заранѣе объ его близости. Съ наступленіемъ ночи, а въ нѣкоторыхъ странахъ немного послѣ полудня, неповоротливое животное поднимается, беретъ грязную ванну, въ которой валяется въ свое удовольствіе, и отправляется на пастбище. Носороги селятся одинаково охотно въ густыхъ, непроходимыхъ для другихъ животныхъ лѣсахъ, на открытыхъ равнинахъ, въ водѣ такъ-же какъ и въ тростникахъ болотъ, какъ на горахъ, такъ и въ долинахъ. Тамъ, гдѣ носороги живутъ по сосѣдству со слонами, они обыкновенно пользуются дорогами этихъ послѣднихъ, но имъ не представляетъ затрудненія проложить ихъ и самимъ. Въ джунгляхъ Индіи встрѣчаются длинныя, какъ-бы по шнурку проведенныя ими дороги, по обимъ сторонамъ которыхъ растенія поломаны, а почва утоптана. Во внутренности Африки можно видѣть подобныя-же проходы. Перѣдко можно встрѣтить хорошо прогнанные дороги, которыя ведутъ черезъ скалистые или каменистые холмы отъ одного лѣса къ другому; вслѣдствіе постоянного прохода животныхъ по одному мѣсту, въ каменистой почвѣ дѣлается углубленіе, такъ что образуются глубокія тѣсныя дорожки. Гаскарль пишетъ: «На Явѣ я нашелъ такія дороги, какъ на высотѣ 3000 м. надъ уровнемъ моря, такъ и въ болотистыхъ береговыхъ равнинахъ южной части острова. Идя по этимъ дорогамъ, можно всегда быть увѣреннымъ, что выйдешь, наконецъ, къ источнику или къ лужѣ. Мѣстами поперекъ дороги, углубленной часто болѣе, чѣмъ на полметра, падаетъ дерево, подъ которое носорогъ можетъ пролѣзть только съ трудомъ; однако, онъ изъ за этого не перемѣняетъ своей обычной тропинки, такъ что нижняя часть ствола оказывается стертой и даже какъ-бы отполированной». Гейглингъ свидѣтельствуетъ, что двурогій носорогъ правильно держится разъ проложенныхъ путей, не ведетъ подобно слону бродячей жизни, а тѣмъ болѣе не любитъ перемѣнять своего мѣстопробыванія,

что дѣлаетъ только въ случаѣ сильной засухи. Морь, Юнгхунъ и Гаскарль разсказываютъ о вдавленныхъ дорогахъ двурогаго носорога, которыя можно встрѣтить къ югу отъ Замбези на крутыхъ скалахъ, горахъ и даже на почти отвѣсныхъ круглыхъ или заостренныхъ вершинахъ; этими дорогами иногда пользуются пѣшеходы.

Относительно пищи носорогъ столько-же походить на слона, какъ осель на лошадь. Онъ ѣстъ древесныя вѣтки и различныя сухіе кустарники, репейникъ, дрокъ, камышь, степную траву и тому подобное, но не откажется и отъ болѣе мягкаго корма. Какъ уже упомянуто при описаніи обоихъ африканскихъ видовъ носорога, представители одного вида питаются главнымъ образомъ листвою, преимущественно очень распространенныхъ въ тѣхъ мѣстахъ тернистыхъ мимозъ; другой-же видъ—кустовидно растущими травами. Если животныя встрѣтятъ обработанныя поля, то не упустятъ случая порядкомъ опустошить ихъ, такъ какъ имъ требуется большое количество пищи въ виду внушительныхъ размѣровъ желудка, длина котораго равняется 1,5 м., а ширина 75 см. Но они еще болѣе портятъ и топчутъ въ поляхъ, чѣмъ поѣдаютъ. Пища захватывается широкимъ ртомъ или отрывается хоботообразнымъ придаткомъ верхней губы. Я замѣчалъ на одномъ пойманномъ индѣйскомъ носорогѣ, что онъ вытянутой губой своей чрезвычайно искусно подбираетъ очень маленькіе кусочки, напримѣръ крошки сахара, которыя, съ помощью этого отростка, клалъ на высунутый языкъ. Всякую пищу животное пережевываетъ сейчасъ-же по принятіи, но самымъ грубымъ образомъ, такъ какъ пищепроводъ его достаточно широкъ, чтобы допустить пройти и большимъ кускамъ. Индѣйскій носорогъ можетъ вытянуть хоботообразный придатокъ верхней губы до 15 см., захватить имъ толстый пучокъ травы, вырвать его и положить въ ротъ. При этомъ ему, кажется, безразлично, чиста-ли трава или къ корнямъ пристала земля. Однако, онъ все-таки разъ ударитъ вырваннымъ пучкомъ по травѣ, чтобы отряхнуть главную массу приставшей земли, а потомъ спокойно кладетъ его въ широкую пасть и безъ труда проглатываетъ. Онъ охотно ѣстъ также корни, которые легко достаетъ себѣ. Находясь въ веселомъ настроеніи, онъ любитъ иногда, уже ради удовольствія, вырыть изъ земли маленькое деревцо или кустъ; съ этой цѣлью онъ до тѣхъ поръ подкапывается подъ корни своимъ сильнымъ рогомъ, пока можетъ, наконецъ, захватить растеніе и выдернуть его; послѣ этого новыми ударами отламываются корни, которые, наконецъ, пожираются. Притомъ замѣчено, что различныя виды обыкновенно выбираютъ различную пищу. Соответственно этому испражненія имѣютъ различный видъ и иногда на столько-же отличаются отъ испражнений слона, насколько въ другихъ случаяхъ на нихъ походить. Гаскарль часто находилъ въ катышкахъ кала яванскаго носорога, въ 5—7 см. въ діаметрѣ, обломки сучьевъ въ палецъ толщиной; Гейглинъ-же въ испражненіяхъ двурогаго носорога находилъ только мелко разжеванные волокна растеній. Нѣкоторые азіатскіе виды, кажется, имѣютъ обыкновеніе класть свои испражненія на извѣстныхъ мѣстахъ сообща, образуя мало-по-малу значительнаго размѣра кучи. Селусъ, однако, утверждаетъ, что оба вида, которые онъ наблюдалъ въ южной Африкѣ, поступаютъ въ этомъ отношеніи совершенно различно: тупоносый носорогъ оставляетъ свои испражненія тамъ, гдѣ они извергаются, не раскидывая ихъ рогами и не взрывая около нихъ землю, тогда какъ двурогий носорогъ обыкновенно разбрасываетъ свои испражненія, выкапывая рогомъ и мордой для нихъ ямки въ футъ глубиною, и часто вырываетъ въ землѣ вдоль дороги полукруглыя борозды. Уже по этимъ слѣдамъ легко отличить оба вида.

Нравъ носороговъ представляетъ мало привлекательнаго. Они или ѣдятъ, или спятъ, и почти не обращаютъ вниманія на все окружающее. Въ противоположность слонамъ они не живутъ стадами, а по большей части по-одиночкѣ или, самое

большее, группами въ 4—10 штукъ. Въ такихъ обществахъ мало единства: каждый живетъ самъ по себѣ и дѣлаетъ, что ему вздумается. Однако, нельзя утверждать, чтобы они всегда относились другъ къ другу съ тупымъ равнодушіемъ; напротивъ, не говоря уже о привязанности самки носорога къ своему дѣтенышу, нерѣдко устанавливаются дружескія, чтобы не сказать супружескія, отношенія между различными полами, которыя могутъ быть очень искренними и оканчиваются, можетъ быть, только со смертью. На свободѣ часто встрѣчаются пары, которыя все дѣлаютъ согласно, а между попавшими въ неволю и привыкшими другъ къ другу носорогами обоихъ половъ можно наблюдать по-истинѣ нѣжную любовь. Духовныя способности носорога кажутся такими-же тяжеловѣсными, какъ и тѣло, но какъ то, такъ и другое, въ дѣйствительности, невѣрно. Обыкновенно носорогъ ходитъ тяжело и нѣсколько неуклюже, а когда ложится и валется, то дѣлаетъ это, повидимому, чрезвычайно неискусно; но всѣ эти движенія выглядятъ болѣе неловкими, чѣмъ они бываютъ на самомъ дѣлѣ. Конечно, носорогъ не можетъ быстро оборачиваться и наклоняться, но на ровномъ мѣстѣ, разъ придя въ движеніе, онъ бѣжитъ очень быстро. Онъ не ходитъ иноходью, подобно слону, но шагаетъ, подвигая впередъ одновременно ноги, расположенныя по діагонали, какъ большинство животныхъ. Онъ можетъ также бѣжать очень быстро и крупной рысью. По наблюденіямъ Селуса, при ходьбѣ тулоносій носорогъ всегда держитъ голову низко наклоненною, а двурогій—высоко поднятою; кромѣ того молодой дѣтенышъ перваго вида бѣжитъ обыкновенно впереди, а второго вида—позади матери. Всякій носорогъ умѣетъ плавать, но предпочитаетъ держаться на поверхности воды и не ныряетъ безъ нужды. Однако нѣкоторые естествоиспытатели увѣряютъ, будто наблюдали, что онъ ныряетъ до самаго дна болотъ и рѣкъ, вырываетъ тамъ рогами корни и стебли водяныхъ растеній и выплываетъ съ ними на поверхность воды, гдѣ и съѣдаетъ ихъ.

Между органами внѣшнихъ чувствъ слухъ у носорога стоитъ первымъ, за нимъ слѣдуетъ обоняніе и уже послѣ него осязаніе. Зрѣніе развито очень слабо. Слухъ, должно быть, очень тонокъ, такъ какъ животное на далекомъ разстояніи слышитъ малѣйшій шумъ. Нельзя у него отрицать и присутствія вкуса: по крайней мѣрѣ, на ручныхъ я наблюдалъ, что сахаръ ихъ любимое лакомство, и они ѣдятъ его съ особеннымъ удовольствіемъ. Голосъ выражается въ глухомъ хрюканьѣ, которое переходитъ въ дикій хралъ и фырганье, когда животное сильно разъярено, а до такого состоянія его очень легко довести, такъ какъ его равнодушіе ко всему, что не касается корма, очень легко можетъ перейти въ противоположное чувство. Раффлсъ наблюдалъ, что яванскій носорогъ обращался въ бѣгство отъ одной собаки, а другіе путешественники видѣли, какъ носороги быстро убѣгали, почувявъ людей; но поведение ихъ измѣняется, когда животное раздражено. Тогда оно не обращаетъ вниманія ни на число, ни на степень вооруженности своихъ враговъ и, зажмуривъ глаза, прямо бросается на предметъ, вызвавшій его гнѣвъ. Въ такомъ случаѣ разсвирѣпѣвшему животному безразлично, находится-ли передъ нимъ группа вооруженныхъ людей или предметъ его ярости совершенно безобидный и незначительный. Красный цвѣтъ, должно быть, противенъ носорогу такъ-же, какъ и быку; по крайней мѣрѣ, видѣли, какъ онъ нападалъ на людей, одѣтыхъ въ платье яркихъ цвѣтовъ, хотя они не причиняли ему ни малѣйшаго вреда. Къ счастью, отъ бѣгущаго разъяреннаго носорога не трудно спастись. Опытный охотникъ, допустивъ его приблизиться на 10—15 шаговъ, отскакиваетъ въ сторону; бѣшеный противникъ пробѣгаетъ мимо него, терять слѣдъ, по которому шелъ раньше, и неудачу бросается впередъ, часто, чтобы излить свой гнѣвъ на совершенно невинномъ предметѣ.

Раздражительность носорога затемняетъ истинное проявленіе его характера

и затрудняетъ вѣрную и правильную оцѣнку его понятливости. Несмотря на выше приведенныя наблюденія, на свободѣ живущее животное еще слишкомъ мало извѣстно, чтобы мы были въ состояннн дать о немъ хотя до нѣкоторой степени вѣрное сужденіе; въ дѣйствительности, его очень рѣдко наблюдали, а при встрѣчахъ съ нимъ люди или нападали на него, или убѣгали. Слабо развитая мозговая часть черепа и маленькій мозгъ, во всякомъ случаѣ, не говорятъ за богатое умственное развитіе, а его тѣлесная неповоротливость, кажется, оправдываетъ предположеніе о душевной косности; но спрашивается, вѣрны-ли то и другое умозаключеніе? Хотя пойманные носороги также очень мало выказываютъ душевнаго развитія, но они и не даютъ повода приписывать имъ ту поразительную непонятливость, какою отличаются другія млекопитающія, какъ на примѣръ, всѣ сумчатые и большая часть грызуновъ. Они скорѣе и вѣрнѣе, чѣмъ послѣдніе, пріучаются узнавать своихъ сторожей, сживаются со своими обязанностями, привыкаютъ къ существенно отличающемуся отъ прежняго образу жизни: поэтому уходъ за ними не представляетъ никакого затрудненія. Они, вѣроятно, дали-бы еще лучшія доказательства своей понятливости, если-бы кто-нибудь взялъ на себя трудъ заняться ими, возбудить и образовать ихъ умственную дѣятельность, вмѣсто того, чтобы заботиться только объ ихъ неотложныхъ матеріальныхъ нуждахъ и во всемъ прочемъ только удивляться имъ или равнодушно предоставить ихъ самихъ себѣ.

О размноженіи носороговъ у насъ еще нѣтъ пока точныхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ самостоятельныхъ наблюденій. У индѣйскаго носорога время течки падаетъ на ноябрь и декабрь; въ апрѣлѣ или маѣ самка родитъ дѣтеныша, послѣ 17—18 мѣсячной беременности. Случкѣ часто предшествуютъ ожесточенныя битвы самцовъ между собою. Такъ, Андерсонъ былъ однажды свидѣтелемъ яростной битвы четырехъ носороговъ, изъ которыхъ онъ убилъ двоихъ; оказалось, что они покрыты ранами, вслѣдствіе которыхъ не могли найдаться до-сыта.

Самка мечетъ обыкновенно только одного дѣтеныша; это неуклюжее, маленькое, величиной съ полувзрослую свинью существо рождается съ открытыми глазами. Его красноватая кожа еще гладка, но зачатокъ рога уже замѣтенъ.

Въ послѣднее время наши свѣдѣнія о первыхъ дняхъ жизни носорога случайно обогатились довольно значительнымъ образомъ. 7-го декабря 1872 года была доставлена, по словамъ Бартлета, въ Лондонъ изъ Сингапура одна взрослая самка бадака. Это животное было поймано 7 мѣсяцевъ тому назадъ и, по отзыву охотниковъ, не задолго передъ тѣмъ имѣла случку съ самцомъ. Въ самый день прибытія, около 7 часовъ вечера, сторожъ, къ своему великому удивленію, услыхалъ слабый пискъ, исходящій, повидимому, изъ клѣтки носорога. При осмотрѣ самки оказалось, что она только что родила дѣтеныша и отгрызала у него пуповину. Къ удивленію сторожа животное, до той поры очень дикое, оказалось теперь спокойнымъ и кроткимъ; оно даже допустило сторожа послѣ того, какъ тотъ окликнулъ его, войти въ свое помѣщеніе, подоить себя и приложить дѣтеныша къ вымени. Когда на другой день утромъ Бартлетъ прибылъ на корабль, то увидалъ, что мать и дѣтеныша собирались перевезти на берегъ. По его совѣту ихъ разлучили изъ опасенія, чтобы мать, во время передвиженія и перегрузки клѣтки, не задавила-бы дѣтеныша. Но только что тяжелая клѣтка была благополучно установлена на телѣгу, мать выказала такое сильное безпокойство, что были принуждены отдать ей дѣтеныша. Сторожъ тоже вошелъ въ клѣтку и оставался въ ней все время переѣзда отъ доковъ до хлѣбовъ торговца и владѣльца звѣринца. Здѣсь потребовалось довольно много времени на выгрузку и водвореніе матери въ новое помѣщеніе, почему на-

или нужнымъ помѣстить пока дѣтеныша въ приемную, гдѣ довольно трудно было обуздать его дѣтскую шаловливость.

Когда мать была благополучно устроена въ своемъ помѣщеніи, ей тотчасъ-же привели дѣтеныша; тотъ принялся сосать мать, но, удовлетворивши свою потребность въ пищѣ, отошелъ отъ нея въ темный уголь и улегся тамъ, совершенно какъ это дѣлаютъ многія жвачныя, которыя только тогда и жмутся къ матери, когда голодны. Но что особенно удивляло Бартлета, это необыкновенная кротость и миролюбіе матери. Въ то время, какъ до родовъ она постоянно готова была напасть на своего сторожа и на всякаго подходившаго къ ней человѣка, теперь она позволяла сторожу входить въ свое помѣщеніе, донѣ себя, какъ самая ручная корова, допускала впослѣдствіи и постороннихъ лицъ подходить къ себѣ и принимала ихъ ласки безъ всякаго выраженія неудовольствія; однимъ словомъ вела себя совершенно какъ самый избалованный и изнѣженный изъ четвероногихъ обитателей какого-нибудь звѣринца. По мнѣнію Бартлета, она въ то время находилась въ невмѣняемомъ или совершенно истощенномъ состояніи; очень можетъ быть, что она все переносила ради своего дѣтеныша и поэтому такъ круто и измѣнила свое поведеніе. Въ это время она спокойно переносила дурное обращеніе и безпокойства, которыя нѣсколько дней спустя возбудили въ ней сильный отпоръ. Молодой бадакъ напоминалъ своей худобой, длиной своихъ конечностей и странными движеніями своей длинной большой головы молодого осла или тощаго поросенка. Передній рогъ уже былъ очень замѣтенъ и имѣлъ 2 см. высоты, задняго еще не было видно, но мѣсто его уже было обозначено голымъ пятномъ: почти черная кожа на всемъ тѣлѣ обросла густыми, курчавыми волосами, которые были особенно густы на внутренней и наружной части уха, кончикъ хвоста имѣлъ видъ щетки. Но особенно характерно было устройство его копытъ, расположенныхъ подъ мягкою ступнею, такъ что животное принуждено было ступать на переднюю и наружную часть копытъ. Длина его равнялась 1 м., высота въ плечахъ 60 см., вѣсъ 25 kgr.

Къ сожалѣнію, маленькое животное не долго прожило. По словамъ Ноля, которому Гагенбекъ сообщилъ всѣ подробности радостнаго событія, маленькій носорогъ, несмотря на нѣжный уходъ матери, которая кормила его днемъ отъ 7 или 8, а ночью 3, 4 раза, несмотря на быстрое прибавленіе въ ростѣ и вѣсѣ, наиденъ былъ утромъ 10 декабря мертвымъ въ хлѣву. По всей вѣроятности его задавила сама мать, которая пришла въ страшную ярость, когда унесли отъ нея дѣтеныша.

Изъ наблюденій надъ жизнью носороговъ на волѣ мы узнаемъ, что мать выказываетъ горячую любовь къ своему дѣтенышу, кормитъ его въ теченіи почти двухъ лѣтъ, все это время заботливо его охраняетъ и защищаетъ въ минуты опасности. Еще не знаютъ навѣрно, сколько времени дѣтенышъ остается при матери, точно также не приведены въ извѣстность отношенія между отцомъ и дѣтенышемъ. Первые мѣсяцы маленькій носорогъ растетъ чрезвычайно быстро. Дѣтенышъ, имѣвшій на третій день послѣ рожденія 60 см. высоты и 1,1 м. длины, выросъ въ одинъ мѣсяць на 13 см. въ высоту и на 15 въ длину. 13-ти мѣсяцевъ онъ уже былъ 1,2 м. вышины, 2 м. длины и 2,1 м. въ обхватѣ. Кожа въ первые мѣсяцы жизни темно-красная, позднѣе она получаетъ бурныя полосы по болѣе свѣтлому фону. У извѣстныхъ намъ видовъ складки кожи до 14 мѣсяцевъ едва замѣтны; но послѣ этого времени онѣ образуются такъ быстро, что въ теченіи немногихъ мѣсяцевъ совершенно исчезаетъ различіе между старыми и молодыми носорогами. Впрочемъ, носорогъ къ восьми годамъ достигаетъ только половины своего нормальнаго роста, а послѣ 13-ти лѣтъ замѣчено, что плѣнные носороги больше не прибавляютъ ни въ величинѣ, ни въ объемѣ. Рогъ отъ постоянного тренія загибается все

больше назад. Многие, въ особенности плѣнные, носороги имѣютъ привычку его такъ усердно оттачивать, что онъ уменьшается до едва замѣтнаго отростка. Совершенно стертые рога отростають вновь; сломанные принимаютъ иногда видъ совершенно непохожій на первоначальный, изъ чего слѣдуетъ, что мы не имѣемъ права опредѣлять видъ носорога по однимъ рогамъ.

Въ старое время ходило много басень о дружественныхъ и враждебныхъ отношеніяхъ носорога къ другимъ животнымъ. Такъ на примѣръ, говорили, что онъ со слономъ ведетъ упорную борьбу и постоянно одолеваетъ его. Разказы эти, передаваемые намъ еще Плиніемъ и повторенные при случаѣ другими путешественниками, очевидно басни. Весьма вѣроятно, что раздраженный носорогъ и нападаетъ на слона, но въ такихъ случаяхъ слонъ умѣетъ также защищаться, а не только подставлять свое тѣло подъ удары рога разъяреннаго противника. Достовернѣе свѣдѣнія о дружбѣ носорога съ болѣе слабыми животными. Андерсонъ, Гордонъ Кюмингъ и многіе другіе путешественники сообщаютъ, что постоянно видѣли какъ двурогаго, такъ и тупоносаго носорога въ сообществѣ съ услужливою птицею, такъ называемымъ волоклюемъ (*Vurhaga*). Она усердно сопутствуетъ огромному животному въ теченіи цѣлаго дня, предупреждаетъ его объ опасностяхъ, а сама питается покрывающими его паразитами; она поэтому всегда держится или въ непосредственной близи носорога, или даже сидитъ на немъ самомъ. Эти птицы—лучшіе друзья носорога и почти постоянно успѣваютъ предупредить его о грозящей опасности. Само собою разумѣется, что животное благодарно птицѣ за ея вѣрную службу и даже такое тупоумное млекопитающее способно понимать оказанное ему благодареніе, хотя-бы въ видѣ истребленія мучительныхъ насѣкомыхъ. Но я не вѣрю, чтобъ при приближеніи человѣка птицы эти клевали своего благодѣтеля прямо въ ухо, съ цѣлью разбудить его; скорѣе всего, что безпокойство, въ которое онъ сами приходятъ при близкой опасности, уже вполне достаточно для возбужденія подозрительности носорога. Извѣстно, впрочемъ, что особенно чуткія птицы всегда служатъ сторожами и сигнальщиками для другихъ, менѣе чуткихъ животныхъ.

Можно сказать, что у носорога, кромѣ человѣка, почти нѣтъ враговъ. Львы и тигры избѣгаютъ его, такъ какъ знаютъ, что ихъ когти недостаточно остры, чтобы нанести его панцирю достаточно глубокія раны; однако оставшему отъ матки молодому носорогу они могутъ быть очень опасны. Носорогъ боится нѣкоторыхъ маленькихъ животныхъ гораздо больше, чѣмъ большихъ хищниковъ, и видитъ въ слѣпняхъ и комарахъ злыхъ враговъ, противъ которыхъ онъ совѣмъ безсиленъ. Но, конечно, самый опасный врагъ носорога,—все-таки человѣкъ. Всѣ племена и народы, живущіе въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ онъ водится, жестоко преслѣдуютъ его. Въ прежнія времена утверждали, что пули не въ состояніи пробить его толстой кожи; однако не подлежитъ сомнѣнію, что ножъ, копье и даже мѣтко направленная стрѣла пробиваютъ ее. Туземные охотники стараются обойти неуклюжее животное за вѣтромъ, во время сна, и тогда бросаютъ въ него метательное копье или стрѣляютъ почти въ упоръ, чтобы придать пулѣ большую силу. Абиссинцы употребляютъ дротики, которыхъ всаживаютъ иногда отъ 50—60 въ одного носорога. Когда наконецъ животное истощено сильной потерей крови, какой-нибудь смѣльчакъ приближается къ нему и старается перерѣзать ему ахиллесову жилу, чтобы изувѣчить его и сдѣлать неспособнымъ къ дальнѣйшему сопротивленію. Пахтигаль разсказываетъ намъ по наслышкѣ, какъ охотятся на носорога въ южномъ Вадаѣ: «Всадникъ на хорошей лошади старается обратить на себя вниманіе животнаго въ то время, какъ другой охотникъ наводитъ ему всадить длинное, широкое и острое копье между вертлугомъ и хвостомъ. Охота подобнаго рода очень опасна,

и для нея требуется огромная сила и ловкость. Во внутренности страны, у устьевъ Баты, имѣютъ обыкновеніе убивать носорога съ высоты дерева, находящагося на его наслѣженномъ пути, при чемъ стараются всадить ему сверху копые въ спину около позвоночника». Въ Индіи охотиться выѣзжаютъ на слонахъ, но и имъ иногда грозитъ опасность отъ разъяреннаго животнаго. «Поднятый охотниками носорогъ», говоритъ Борри, «безстрашно бросался на толпу людей и, когда они передъ нимъ разступились, отскочивъ въ сторону, онъ пронесся прямо между образовавшимися рядами, и наткнулся на слона, на которомъ сидѣлъ губернаторъ; носорогъ тогда кинулся на слона, стараясь его поранить своимъ рогомъ, между тѣмъ какъ тотъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы схватить хоботомъ нападающаго противника. Наконецъ губернаторъ, улучивъ минуту, мѣткимъ выстрѣломъ положилъ его на мѣстѣ».

За африканскими видами носороговъ европейцы охотятся точно такъ-же, какъ за слонами: ночью ихъ подкарауливаютъ у водопоя, подкрадываются къ нимъ днемъ въ чащѣ лѣсовъ или даже въ открытомъ полѣ, стараясь подойти на возможно близкое разстояніе и всадить ему пулю изъ ружья большого калибра въ самое чувствительное мѣсто туловища. Само собою разумѣется, что такое сильное животное, какъ носорогъ, нападаетъ иногда на своихъ преслѣдователей, особенно если за нимъ гонятся на лошади, или онъ доведенъ до крайности, или раненъ. Андерсонъ не разъ былъ въ большой опасности отъ раненыхъ носороговъ. Одинъ изъ нихъ напалъ на него и даже повалилъ его, но не задѣлъ рогомъ, а только отбросилъ его на большое разстояніе задними ногами. Но не успѣло животное отбѣжать нѣсколькихъ шаговъ, какъ повернуло назадъ, снова напало на несчастнаго путешественника и на этотъ разъ нанесло ему опасную рану въ бедро. Къ счастью, носорогъ этимъ послѣднимъ нападеніемъ удовлетворилъ, повидимому, свою злобу: онъ стремительно бросился въ ближайшую чащу, и Андерсону удалось спастись. Гордонъ Кюмингъ тоже рассказываетъ, что однажды преслѣдуемый имъ яванскій носорогъ, который вообще считается не очень злымъ, яростно напалъ на него и сильно изранилъ. Онъ-же сообщаетъ, что двурогій носорогъ, безъ всякаго повода съ его стороны, вдругъ набросился на него и заставилъ долгое время бѣгать вокругъ куста. «Будь онъ такъ-же проворенъ, какъ безобразенъ, мнѣ-бы, вѣроятно, пришлось проститься съ жизнью; но обдуманная быстрота моихъ движеній спасла меня. Послѣ того, какъ онъ довольно долгое время походилъ вокругъ куста, пофыркивая и поглядывая на меня черезъ листву, онъ вдругъ испустилъ громкій крикъ и повернувшись назадъ, предоставивъ мнѣ поле битвы»

О многихъ подобныхъ происшествіяхъ и печальнаго, и комическаго свойства сообщаютъ намъ Бэнсъ, Шапманъ, Дрюмондъ, Гаррисъ, Освель и другіе путешественники. Но когда подумаешь, что въ теченіи болѣе ста лѣтъ цѣлыя тысячи носороговъ были убиты безъ особыхъ разговоровъ и толковъ, то подобные немногочисленные рассказы о несчастныхъ случаяхъ съ путешественниками не имѣютъ для насъ большого значенія. Многимъ охотникамъ удавалось въ теченіи дня пристрѣлить 5, 6 и даже до 8-ми этихъ животныхъ и остаться при этомъ невредимыми. Гаррисъ, напр., рассказываетъ, что въ концѣ тридцатыхъ годовъ онъ однажды только на англійскую милю удалился отъ своего экипажа, чтобъ отыскать убитую антилопу, и на этомъ короткомъ пространствѣ онъ встрѣтилъ до 22 носороговъ, изъ которыхъ онъ убилъ четырехъ мимоходомъ, не имѣя даже нужды уклониться отъ своей цѣли и не утруждая правильной охоты. Подобные и еще болѣе удивительные рассказы встрѣчаются безпрестанно въ запискахъ различныхъ охотниковъ, которые употребили всѣ старанія, чтобы въ теченіи немногихъ десятилѣтій совершенно истребить носо-

роговъ на огромныхъ пространствахъ. Вслѣдствіе этого мы позволяемъ себѣ думать, что охота на этихъ животныхъ не представляетъ слишкомъ большихъ опасностей, что вообще носороги вовсе не такъ свирѣпы и злобны, какими ихъ описывали въ прежнее время. Конечно, бываютъ случаи, что носороги набрасываются на противника, не дождавшись нападенія съ его стороны. Такъ, напримѣръ, рассказываютъ, что они иногда ночью вторгаются въ лагерь мимо сторожевыхъ огней, что днемъ разгоняютъ мирные караваны, что одинъ разъ даже напали на упряжныхъ воловъ. Но и въ этихъ случаяхъ произошло больше смятенія, чѣмъ настоящей бѣды, и вскорѣ сами нападающіе посѣпили скрыться изъ виду. Вѣроятно же всего, что тутъ носороги, подобно многимъ другимъ животнымъ, дѣйствовали подъ вліяніемъ внезапнаго страха, и напали на нарушителей своего спокойствія только за тѣмъ, что надѣялись между ними или мимо нихъ проскакать въ болѣе безопасное мѣсто. Между тѣмъ подобные случаи, въ которыхъ животные, дѣйствуя подъ вліяніемъ внезапнаго страха, только искали собственнаго спасенія, приняты были за проявленіе ихъ свирѣпости и злобы.

Извѣстный наблюдатель и опытный охотникъ Селусъ, который всегда такъ добросовѣстно провѣряетъ факты и очень не любитъ неосторожныхъ обобщеній единичныхъ случаевъ, говоритъ намъ слѣдующее о столь оклеветанномъ африканскомъ носорогѣ: «Нужно полагать, что нравы этихъ животныхъ не вездѣ одинаковы, но тамъ, гдѣ мнѣ случалось съ ними встрѣчаться, я не нашелъ ихъ опасными, и только у одного изъ встрѣченныхъ мною носороговъ замѣтилъ попытку напасть на меня. Это была спасающаяся отъ погони самка, которой я заступилъ дорогу съ цѣлю заставить ее перемѣнить направленіе; но вмѣсто того, чтобы повернуть въ сторону, она съ гнѣвнымъ сопѣньемъ бросилась прямо на меня; однако-же мнѣ удалось отскочить съ лошадыю въ сторону, и она благополучно промчалась дальше. Я, впрочемъ, не хочу утверждать, что двурогій носорогъ черезъ чуръ добродушное животное, но говорю только, что онъ далеко не такой раздражительный, свирѣпый и опасный звѣрь, какимъ его хотѣли изобразить нѣкоторые путешественники. Какимъ-бы то образомъ ни утвердилась за этимъ видомъ его дурная слава, она, вѣроятно, переживетъ его, но послѣ того, какъ я, въ теченіи восьми лѣтъ, убилъ до 100 носороговъ, я имѣю право сказать, что охота на нихъ менѣе опасна, чѣмъ охота на львовъ, слоновъ или буйволовъ».

Ловля носорога еще труднѣе охоты. Яванскаго носорога ловятъ, какъ сообщаетъ намъ Гаскарль, преимущественно ради его рога, который сбывается китайцамъ за высокую цѣну. Чтобы поймать его, роютъ на его пути узкія ямы, на днѣ вбиваютъ острые колья, и тщательно прикрываютъ ихъ вѣтками. Тяжелое животное, идя по своему обыкновенному пути, падаетъ въ яму на колья, которые проникаютъ въ его тѣло; впрочемъ даже и не раненый, онъ обыкновенно не въ состояніи вылезть изъ ямы безъ посторонней помощи. Взрослыхъ животныхъ убиваютъ безъ дальнѣйшихъ церемоній, такъ какъ живыми ихъ невозможно выгнать изъ ямы, молодыхъ-же стараются взять въ плѣнъ и отправить въ населенныя мѣстности, гдѣ надѣются ихъ продать. Въ Африкѣ ловятъ молодыхъ носороговъ, которыхъ отъ времени до времени доставляютъ на наши рынки слѣдующимъ способомъ: въ то время, когда дѣтеныши еще очень молоды, выѣзжаютъ на охоту и стараются напасть на слѣдъ самки съ ея дѣтенышемъ; мать убиваютъ, послѣ чего уже легко овладѣваютъ молодымъ носорогомъ. Иногда помогаетъ и случай, какъ это было, напримѣръ, при поимкѣ перваго кистеухаго носорога. Офицеры, охотившіеся въ сѣверной части Бенгальскаго залива за слонами для доставленія ихъ въ англійскія войска, услышали отъ туземцевъ о поимкѣ носорога. Оказалось, что животное, попавши въ береговой сыпучій песокъ, уже не было въ

состояніи изъ него выбраться само и потому было вытаснено на берегъ съ помощью веревокъ двумя стами человѣкъ. и привязано между двумя деревьями, гдѣ находилось и до той поры въ вождельномъ здравіи, такъ что никто не рѣшался его отвязать. Это извѣстіе заставило Гуда и Викеса отправиться съ восемью слонами на мѣсто, отстоявшее отъ нихъ на 16 часовъ ходьбы, гдѣ находилось пойманное животное. Прибывши туда, они нашли самку носорога въ 2,6 м. длины, при высотѣ въ плечахъ 1,3 м., но съ едва развившимися еще рогами. Они приказали привязать ее веревками между двухъ слоновъ и повели съ большими трудностями, но при живомъ участіи народа, въ Читагонгъ. Отсюда ее перевезли въ Калькутту и, наконецъ, продали въ Лондонскій зоологическій садъ за 25,000 марокъ.

Мы предполагаемъ, что всѣ виды носороговъ, иные скорѣе, другіе труднѣе, могутъ быть укрощены и, несмотря на свой раздражительный нравъ, довольно легко могутъ сдѣлаться ручными, если съ ними обращаться какъ слѣдуетъ. У плѣнныхъ во время морского путешествія замѣчалось какое-то тупое равнодушіе, изъ котораго не могли ихъ вывести никакія поддразниванья, въ другое время легко вызывающія ихъ гнѣвъ. Подобное-же дѣйствіе открытаго моря замѣчается и на другихъ животныхъ; на кораблѣ они становятся кротки и тихи. вѣроятно сознавая свое временное безсиліе. Но мы имѣемъ еще другія доказательства того, что пойманные носороги становятся замѣчательно ручными. Гарсфильдъ говоритъ, что бадакъ очень кроткое животное. Одинъ молодой носорогъ велъ себя замѣчательно добродушно съ людьми, позволилъ безъ сопротивленія везти себя въ большой повозкѣ и оказался такимъ-же смирнымъ, когда доѣхалъ до мѣста назначенія. Ему отвели во дворѣ замка въ Суро-Кертѣ помѣщеніе, окруженное ровомъ около метра глубины, и онъ ни разу не пытался перейти назначенный ему рубежъ. Онъ, казалось, совершенно примирился со своей судьбой и никогда не злился, несмотря на то, что съ перваго дня его прибытія многочисленное населеніе города сильно его дразнило, находя чрезвычайно забавнымъ продѣлывать разныя штуки надъ незнакомымъ лѣснымъ звѣремъ. Ему приносили въ огромномъ количествѣ вѣтки деревьевъ, ползучія растенія разныхъ сортовъ, сочныя листья и т. п., но онъ всему этому предпочиталъ пизангъ, и многочисленные посѣтители, замѣтившіе вскорѣ это пристрастіе, стали добросовѣстно заботиться о доставленіи ему въ изобиліи его любимой пищи. Онъ позволялъ себя трогать и осматривать со всѣхъ сторонъ; смѣльчаки даже садились ему на спину. Вода была ему существенно необходима: когда онъ не ѣлъ или не былъ занятъ поддразниваніями туземцевъ, то постоянно лежалъ въ глубокихъ ямахъ, вырытыхъ имъ самимъ.

Селусъ сообщаетъ намъ о замѣчательномъ случаѣ безграничной довѣрчивости со стороны молодого двурогаго носорога. Однажды утромъ, когда Селусъ со своимъ товарищемъ Вудомъ слѣшилъ на охоту, они неожиданно наткнулись въ засѣкѣ на стараго чернаго носорога, которому тотчасъ послали двѣ пули. Тяжело раненое животное старалось спастись бѣгствомъ, и тогда оказалось, что это была самка, которую тщательно старался догнать дѣтенышъ, родившійся, повидимому, только немного дней тому назадъ; онъ, впрочемъ, скоро прекратилъ погоню и залѣзъ подъ брюхо лошади Вуда въ то время, какъ Селусъ добивалъ мать. «Вернувшись къ своему товарищу», рассказываетъ дальше Селусъ, «я засталъ его сидящимъ подъ тѣнистымъ деревомъ, между тѣмъ какъ маленькій носорогъ стоялъ прижавшись къ его лошади, которая, казалось, вовсе не была обезножена присутствіемъ юнаго чудовища. Съ своей стороны носорогъ, бывшій ростомъ съ полу-взрослую свинью, не выказывалъ ни малѣйшаго страха, когда сопровож-

давнѣе насъ туземцы подходили къ нему и гладили его. Мнѣ бросилось въ глаза слѣдующее обстоятельство: вся спина его была покрыта обильнымъ потомъ, чего я никогда не замѣчалъ у взрослыхъ носороговъ. Такъ какъ осиротѣлый дикарь бѣжалъ за лошадей Вуда, какъ за своей собственной матерью, то мы рѣшились довести его до нашихъ повозокъ, оставшихся на разстояніи 6 англійскихъ миль за нами, и попытаться воспитать его. Мы поѣхали дальше, и маленькій носорогъ побѣжалъ за нами, какъ собачка. Жгучіе лучи солнца очевидно беспокоили его, такъ какъ онъ старался укрыться подъ каждымъ кустомъ; но не успѣвали мы отойти отъ него на тридцать шаговъ, какъ онъ взвизгивалъ и, помахивая хвостикомъ догонялъ рысью лошадь Вуда. Наконецъ мы достигли повозокъ и тутъ-то совершенно измѣнилось поведеніе до той поры довѣрчиваго животнаго. Испугали-ли его собаки, съ лаемъ набросившіяся на него, или видъ крытыхъ повозокъ, людей и разнообразныхъ предметовъ, или, наконецъ, всевозможные запахи, исходящіе изъ подобнаго лагеря — словомъ нашъ кроткій питомецъ превратился мгновенно въ настоящаго чертенка, который яростно набрасывался на людей, собакъ и даже на колеса повозокъ. Мы привязали его ремнемъ за шею и плечо, причемъ онъ бѣшено рвался, прыгалъ, нѣсколько разъ бросался на меня и больно тыкалъ мордой въ колѣни. Когда мы его привязали къ колесу повозки, онъ сталъ немного успокаиваться, но приходилъ опять въ бѣшенство, когда къ нему приближались люди или собаки. Какъ я и боялся, онъ ни за что не соглашался пробовать приготовленной нами пищи; молоко, можетъ быть, ему и понравилось-бы, но, къ сожалѣнію, у насъ не было въ лагерѣ коровъ. Такъ какъ всѣ попытки накормить его остались тщетными, и съ другой стороны можно было предвидѣть, что отпущенный на волю онъ или умретъ съ голоду, или будетъ растерзанъ львами или гиенами, я счелъ за лучшее подстрѣлить несчастное созданіе, которое такъ охотно-бы воспиталъ.

Въ нашихъ зоологическихъ садахъ носороги по большей части добродушны и кротки, позволяютъ себѣ трогать, гонять въ ту или другую сторону безъ всякаго сопротивленія и мало-по-малу привязываются къ сторожу, который хорошо обращается съ ними. Извѣстенъ намъ только одинъ случай, когда носорогъ, вѣроятно раздраженный приставаньемъ двухъ посѣтителей, бросился на нихъ и убилъ ихъ на мѣстѣ. Индійскій носорогъ Антверпенскаго зоологическаго сада былъ такъ добродушенъ, что позволялъ Кретчмеру, многіе рисунки котораго помѣщены въ нашемъ изданіи, входить въ свою клѣтку, чтобы удобнѣе срисовывать его со всѣхъ сторонъ. Пара индійскихъ носороговъ Берлинскаго зоологическаго сада выказала себя такими-же кроткими и покладливыми, между тѣмъ какъ жившій тамъ-же двурогій носорогъ оказался страшно злымъ и упрямымъ. Въ то время, какъ первые въ хорошую погоду ежедневно выходили въ открытую загородку, находящуюся при ихъ конюшнѣ, и часами купались въ обширномъ водоемѣ, второго, ни добромъ, ни силой, нельзя было принудить выйти изъ закрытаго помѣщенія, и приходилось обливать его изъ насоса. Ни одинъ сторожъ не рѣшался входить въ его конюшню и тѣмъ болѣе дотрогиваться до него, потому что онъ свирѣпо отстранялъ всякую подобную попытку и даже угрожалъ нападеніемъ на самыхъ знакомыхъ ему сторожей. Строгостью съ такими носорогами ничего не подѣлаешь, такъ какъ тупость и упрямство этого животнаго превосходитъ всякое понятіе, но въ подобныхъ случаяхъ добромъ все-же можно лучше подѣйствовать, чѣмъ силой, и ласковыя слова такъ-же, какъ предложенныя лакомства, приносятъ больше пользы, чѣмъ кнутъ, который, впрочемъ, все-таки оказывается необходимымъ орудіемъ при воспитаніи носороговъ.

Жизнь плѣнныхъ носороговъ протекаетъ весьма однообразно. Подобно жи-

вущимъ на свободѣ, они только рано утромъ, вечеромъ и часть ночи бодры и подвижны, насколько позволяетъ имъ помѣщеніе. Постъобѣденные часы проводятъ они во снѣ, взявши предварительно ванну. Въ часы отдыха носороги ложатся то на брюхо, съ подогнутыми подъ себя ногами, то на бокъ, любятъ тоже валяться въ песокъ, причемъ движенія ихъ гораздо болѣе легки, чѣмъ можно было-бы предположить при такомъ массивномъ туловищѣ. Во время сна голова съ вытянутой шеей лежитъ на землѣ, глаза закрыты, но уши, даже въ минуты самого глубокаго покоя, все-таки подвижны. Купаясь, носороги, если только позволяетъ водоемъ, входятъ въ воду по самое горло и стоятъ тамъ часами, вытянувъ голову и закрывая глаза. Какъ необходимо имъ ежедневное купанье или по крайней мѣрѣ обливанье, видно уже изъ поведенія тѣхъ носороговъ, которые не могутъ или не желаютъ входить въ воду и обливаются ежедневно изъ насоса. Пока сторожъ держитъ въ рукахъ насосъ, они тѣснятся около рѣшетки, вертятся и поворачиваются разными сторонами своего туловища, валяются по мокрому песку и вообще выказываютъ, насколько умѣютъ, большое наслажденіе. Въ это время можно быть увѣреннымъ, что они не позволяютъ себѣ никакой враждебной выходки. Тепловатая вода имъ пріятнѣе, чѣмъ совсѣмъ холодная, однако они купаются безъ особаго неудовольствія еще при температурѣ въ 14 градусовъ тепла въ водѣ и въ воздухѣ. Относительно качества пищи они не особенно прихотливы, хотя умѣютъ отличать лучшую пищу отъ худой, но количество пищи, употребляемое ими, довольно значительно: они уничтожаютъ ежедневно около 20 kgr. сѣна, 3 kgr. овса или другого зерна и 15 kgr. рѣпы. Вѣтки листовныхъ деревьевъ и клеверъ принадлежатъ къ ихъ любимымъ лакомствамъ. Бѣлый хлѣбъ и сахаръ имъ очевидно очень нравятся, но и обыкновенной соломой и болотными травами они не пренебрегаютъ. При правильномъ уходѣ они выживаютъ довольно долго и въ нашемъ климатѣ; извѣстны примѣры, что они 20, 30, а въ Индіи до 45 лѣтъ жили въ неволѣ; поэтому я думаю что имъ, съ полной справедливостью, можно приписать отъ 80—100 лѣтъ жизни.

Насколько мнѣ извѣстно, носороги еще ни разу не плодились въ неволѣ: но, по моему мнѣнію, нѣтъ причины предполагать, что размноженіе этихъ животныхъ въ неволѣ—вещь совершенно недостижимая. Весьма немногіе зоологическіе сады имѣли возможность приобрести пару носороговъ, а, если это и случалось, то почти никогда не было достаточно благоприятныхъ условій, чтобъ довести ихъ до случки.

Польза, приносимая убитымъ носорогомъ, далеко не можетъ окупить причиненный имъ при жизни вредъ. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ правильно воздѣлываютъ землю, онъ положительнаго не можетъ быть тершимъ; онъ какъ-бы созданъ только для пустыни. Почти всѣ части тѣла убитаго животнаго идутъ въ дѣло. Не только кровь, но и рога высоко цѣнятся восточными народами ради ихъ мнимой таинственной силы. На востокѣ можно видѣть въ богатыхъ домахъ множество кубковъ и сосудовъ, выточенныхъ изъ роговъ этого животнаго. Говорятъ, что влитая въ эти сосуды ядовитая жидкость начинаетъ тотчасъ кипѣть, такъ что видятъ въ нихъ вѣрное средство для охраненія себя отъ отравленія. Турки высшихъ классовъ постоянно носятъ съ собою такую чашечку и во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ выливаютъ въ нее свой кофе. Совсѣмъ не рѣдкость, чтобы турокъ, пришедши въ домъ, гдѣ не ожидается для себя ничего особенно хорошаго, велѣлъ слугѣ налить кофе, предлагаемый тамъ всякому посетителю, въ свою роговую чашечку, но страннѣе всего, что хозяинъ, повидимому, вовсе не обижается подобной оскорбительной выходкой. Еще чаще употребляютъ эти рога на рукоятки дорогихъ сабель; если умѣть хорошо ихъ выбрать и отполировать, то они принимаютъ прелестный кра-

сновато-желтый отѣнокъ и по справедливости могутъ считаться лучшимъ украшеніемъ оружія. Изъ кожи туземцы выдѣлываютъ обыкновенно щиты, панцири, блюда и другую домашнюю утварь. Мясо употребляютъ въ пищу, а жиръ высоко цѣнится, хотя европейцы и то, и другое не особенно хвалятъ. Сало иногда употребляется на различныя мази; мозгъ изъ костей тоже считается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ цѣлебнымъ средствомъ.

* * *

Въ дикихъ скалистыхъ горахъ Африки и западной Азіи замѣтна часто кипучая жизнь: маленькія животныя, величиною съ кролика, которыя грѣлись на солнцѣ на какомъ-нибудь выступѣ скалы, испуганныя появленіемъ человѣка, быстро пробѣгаютъ по отвѣсной скалѣ, прячутся въ безчисленныхъ расщелинахъ и оттуда выглядываютъ на необычайное для нихъ явленіе. Это—**жирыки**, самыя маленькія и красивыя изъ живущихъ нынѣ непарнокопытныхъ.

Мнѣнія естествоиспытателей сильно расходились относительно мѣста, которое должны занимать эти хорошенькіе обитатели скалъ среди млекопитающихъ. Палласъ, судя по ихъ внѣшности и образу жизни, относилъ ихъ къ грызунамъ, Окенъ видѣлъ въ нихъ сородичей сумчатыхъ животныхъ, Кювье поставилъ на ряду съ многокопытными. Теперь же, по примѣру Гексли, и это мѣсто у нихъ оспариваютъ и ихъ относятъ къ представителямъ совсѣмъ особеннаго отряда. Справедливо-ли это мнѣніе или нѣтъ, остается не рѣшеннымъ, но мы ихъ относимъ къ отряду непарнокопытныхъ. Они составляютъ отдѣльное семейство.

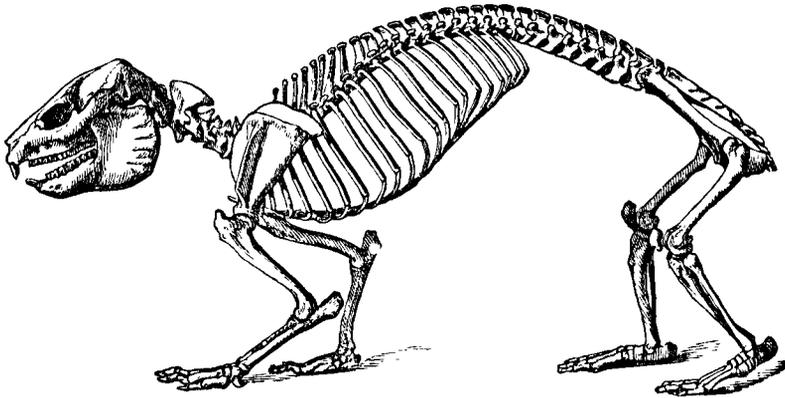
Наружные признаки **Дамановъ** или **Жириковъ** (Pugacidae) слѣдующіе: туловище вытянутое и овальное, голова относительно большая и неуклюжая, заостренная спереди и особенно сильно сплюснутая съ боковъ, верхняя губа раздвоена, мордочка изящная, глаза маленькіе и выпуклые, уши короткія, широкія, круглыя, совсѣмъ почти скрыты въ мѣхѣ; хвостъ едва замѣтный, ноги средней величины и довольно слабыя, нѣжныя ступни вытянуты и имѣютъ на переднихъ ногахъ четыре, а на заднихъ по три пальца, соединенныхъ до послѣдняго сустава кожей, и снабженныхъ за исключеніемъ задняго внутренняго пальца плоскими конытообразными ногтями, тогда какъ задній внутренній палецъ вооруженъ когтеобразнымъ ногтемъ; голая ступня покрыта, множествомъ, раздѣленныхъ глубокими трещинами, липкихъ присасывательныхъ мозолей. Туловище и конечности покрыты мягкимъ и густымъ мѣхомъ; этотъ мѣхъ у корня волнистъ и потому замѣняетъ недостающій подшерстокъ.

Относительно внутренняго строенія надо замѣтить слѣдующее: заостренный впередъ черепъ имѣетъ очень плоское темя, скуловая дуга образуется скуловой костью, отростокъ которой, направляясь вверхъ, соединяется съ лобной костью, такъ что височныя впадины и глазныя орбиты отдѣляются другъ отъ друга почти сплошнымъ костянымъ мостикомъ; загнутыя съ наружныхъ краевъ носовыя кости примыкаютъ къ межчелюстнымъ костямъ, а сзади и спереди къ верхнимъ челюстямъ; совершенно сросшаяся по срединѣ нижняя челюсть на концѣ очень широка.

Позвоночный столбъ состоитъ изъ 21—22 грудныхъ, 8—9 поясничныхъ, 5—7 крестцовыхъ, 5—10 хвостовыхъ позвонковъ и, какъ всегда, семи шейныхъ. Остальныя кости вытянуты, лучевая и малая берцовая кости сильно развиты и замѣтно отдѣляются отъ локтевой и большой берцовой кости. Зубная система очень своеобразна. Изъ рѣзцовъ боковые выпадаютъ, такъ что наверху и внизу остаются по два рѣзца, раздѣленныхъ пустымъ промежуткомъ. Верхніе рѣзцы полукруглые. въ разрѣзѣ трехгранныя, и на концѣ заостренные отъ частаго употребленія, нижніе

прямые, почти горизонтально сидятъ въ ячейкахъ, проникающихъ далеко назадъ; клыковъ совсѣмъ нѣтъ, поэтому между рѣзцами и семью коренными зубами, увеличивающимися спереди назадъ—образуется пространство. Изъ коренныхъ 4 ложнокоренныхъ и 3 истинныхъ. Внутренности тоже заслуживаютъ вниманія: желудокъ раздѣленъ перегородкой на два мѣшка, вначалѣ очень узкая толстая кишка расширяется по серединѣ и здѣсь-же съ обѣихъ сторонъ имѣетъ по короткому остроконечному приростку; печень съ нѣсколькими лопастями не имѣетъ желчнаго пузыря, матка двурогая, сѣменные железы лежатъ внутри туловища, тотчасъ за почками.

Уже въ древнія времена когтекопытныя упоминаются какъ обще-извѣстныя животныя. Виды, живущіе въ Сиріи и въ Палестинѣ, кажется, были извѣстны подѣ библейскимъ названіемъ «Сафанъ», переведеннымъ Лютеромъ словомъ «кроликъ». Въ Священномъ Писаніи говорится, что сафанъ живетъ обществами на скалахъ и отличается слабоуміемъ, взамѣнъ чего надѣленъ большимъ лукавствомъ.—Моисей относитъ сафана къ жвачнымъ животнымъ съ раздѣленными пальцами, которыхъ евреи

Скелеть дамана изъ Берлинскаго анатомическаго музея.

не должны были употреблять въ пищу и на этомъ основаніи, вѣроятно, и въ наше время, въ Абиссиніи, ни христіане, ни магометане не ѣдятъ мясо жиряковъ. Въ другихъ мѣстностяхъ, а именно въ сѣверной Аравіи бедуины не находятъ ничего предосудительнаго въ этой дичи и усердно преслѣдуютъ ее. Въ Сиріи жиряка и до сихъ поръ называютъ, «Ранемъ изразль» или «овца израильтинъ». Вообще-же они извѣстны въ Аравіи подѣ именемъ «ваббра». Греческіе монахи на Синаѣ называютъ ихъ «Хіерогрилліонъ». Въ Донголѣ ихъ зовутъ «кене» или «ноко», въ Абиссиніи «ашико».

Когтекопытныхъ надо принимать за животныхъ, характерныхъ для горъ, лежащихъ въ степяхъ и пустыняхъ. Ихъ разнообразныя, трудно различаемыя виды населяютъ горныя хребты Сиріи, Палестины, Нильскихъ странъ, западной и южной Африки; при этомъ на хребтахъ, вышиною въ 2000 и 3000 м. надъ уровнемъ моря они встрѣчаются въ количествѣ не меньшемъ, чѣмъ на холмахъ и вершинахъ, выступающихъ на подобіе острововъ, которые придаютъ такой особенный отпечатокъ степнымъ странамъ сѣверо-восточной Африки.

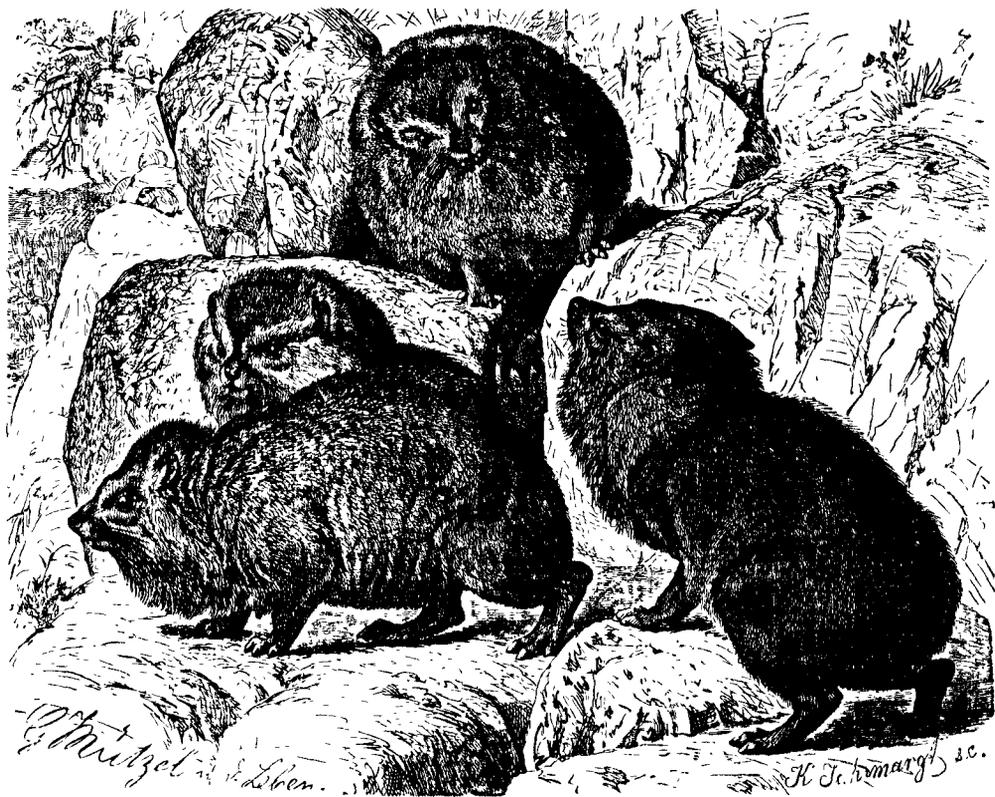
Который изъ видовъ извѣстныхъ нынѣ жиряковъ мы выберемъ для нашего описанія, почти безразлично, такъ какъ они всѣ совершенно схожи между собой по образу жизни, хотя нѣкоторые изъ нихъ и живутъ на деревьяхъ. Я предлагаю

здѣсь описаніе жизни **Абиссинскаго жиряка** (*Hyaena abyssinicus*) только потому, что самъ имѣлъ случай познакомиться съ нимъ во время своихъ охотничьихъ поѣздокъ по Абиссиніи. Длина этого животнаго простирается до 25—30 см.; мѣхъ его состоитъ изъ довольно длинныхъ, у корня волнистыхъ, но вообще прямыхъ и тонкихъ волосъ, которые у основанія сѣровато-коричневые, въ серединѣ изжелта-сѣрые, а передъ свѣтлымъ кончикомъ темно-коричневые, такъ что общія окраска имѣетъ блѣдно-сѣрый цвѣтъ съ темными или свѣтлыми крапинками. Цвѣтъ брюха свѣтлѣе, а именно блѣдно-желтый; отъ угловъ рта идетъ полоса желтовато-бѣлая; на спинѣ бурое пятно; ухо снаружи свѣтло-сѣрое, внутри желтое, глаза темно-коричневые, кончикъ носа черный. Разновидности встрѣчаются кажутся, довольно часто. Чѣмъ больше въ скалахъ расщелинъ, тѣмъ чаще встрѣчается это животное. Если тихо проѣзжать по ущелью, то можно видѣть, что они сидятъ рядами или еще чаще лежатъ на карнизахъ скалъ; они большіе лѣнтян и нѣженки и любятъ погрѣться подъ теплыми лучами солнца. Быстрое движеніе или громкій шумъ мгновенно вспугиваютъ ихъ: все общество тотчасъ-же оживаетъ, всѣ обращаются въ бѣгство и съ проворствомъ, свойственнымъ грызунамъ, исчезаютъ въ одинъ мигъ. Вблизи деревень они встрѣчаются чуть-ли не около самыхъ домовъ и почти не боятся туземцевъ, даже не прячутся отъ нихъ, какъ-бы зная, что тутъ никто и не думаетъ ихъ преслѣдовать, но при видѣ человѣка въ чуждой для нихъ одеждѣ или съ другимъ цвѣтомъ кожи, они мгновенно разбѣгаются по щелямъ скалъ. Гораздо больше страху, чѣмъ человѣкъ, внушаетъ имъ собака или какое-нибудь другое животное. Даже когда имъ удастся хорошенько запрятаться отъ него въ расщелинахъ скалъ, они долго еще издаютъ своеобразный звонкій крикъ, очень похожій на крикъ маленькихъ обезьянъ. Если вечеромъ или утромъ слышатся ихъ голоса, то абиссинцы предугадываютъ приближеніе крадущагося по скаламъ ихъ злѣйшаго врага, леопарда, такъ какъ извѣстно, что жиряки никогда не кричатъ послѣ солнечнаго заката, если ихъ никто не трогаетъ. Птицы тоже приводятъ ихъ въ ужасъ. Случайно пролетѣвшая мимо ворона или даже ласточка заставляетъ ихъ бѣжать назадъ въ свое укрѣпленное убѣжище.

Тѣмъ страннѣе кажется то, что эти глуповатые трусливые звѣрки живутъ въ дружбѣ съ животными, которыя могутъ быть опаснѣе и кровожаднѣе самыхъ хищныхъ орловъ. «Мнѣ случалось», рассказываетъ Рейглинъ, «находить на скалахъ, гдѣ жили коттекопытныя полосатую мангусту и агаму (вѣроятно *Stellio cyanogaster*), которыя, казалось, жили съ первыми въ полномъ согласіи. Если приблизишься къ скалѣ, то прежде всего увидишь забавныхъ жиряковъ по-одиночкѣ или группами, спокойно грѣющихся на солнцѣ или расчесывающихъ хорошенькой лапкой свою бороду; между ними сидитъ или бѣгаетъ проворная мангуста, а по скаламъ ползаетъ агама, иногда въ цѣлый футъ длины. Какъ только жирякъ, поставленный на-сторожѣ, на самой вершинѣ скалы, замѣтитъ врага, то приподымается и уже не спускаетъ глазъ съ незнакомаго предмета; вскорѣ глаза всего общества направляются въ ту-же сторону, вдругъ раздастся пронзительный свистъ, и всѣ спѣшатъ укрыться въ расщелинахъ скалы. Если тщательно обыскать послѣднюю съ охотничьей собакой, то увидишь жиряковъ и ящерицъ, совершенно забывшихся въ самыя глубокія расщелины, мангусту-же впереди въ оборонительномъ положеніи; она даже нерѣдко сердито лаетъ на собакъ изъ своей засады. Наблюдатель, спрятавшись по близости, увидитъ, какъ, спустя нѣкоторое время, покажется голова ящерицы, осторожно выглядывающей изъ щели въ ту сторону, гдѣ скрылся непріятель. Находя, вѣроятно, что опасность еще не миновала, она медленно ползетъ, плотно прижавшись къ скалѣ, съ приподнятой головой и шеей; вскорѣ за нею являются другія ящерицы, все

продолжая смотрѣть по тому-же направленію; иногда онѣ какъ-то, особенно изгибаютъ верхнюю часть туловища, причемъ издаютъ трескучій звукъ. Немного спусти показывается часть головы мангусты. Она осторожно и медленно выползаетъ изъ своего убѣжища, нюхаетъ по вѣтру и приподнимается на заднія лапы, чтобы лучше осмотрѣться. Наконецъ начинаютъ выглядывать жиряки, все еще внимательно посматривая въ ту сторону, гдѣ спрятался охотникъ; только когда ящерицы снова займутся ловлей насѣкомыхъ, исчезаютъ окончательно ихъ страхъ и осторожность, и восстанавливается общее спокойствіе.

Даманы неохотно покидаютъ свои скалы; когда вся трава, растущая на нихъ,

Жирякъ Абиссинскій. (*Mungo abissinicus*) $\frac{1}{4}$ наст. вел.

сѣдена, они спускаются, правда, въ долину, но на вершинѣ скалы всегда остается сторожъ, при первомъ знакѣ котораго все общество поспѣшно обращается въ бѣгство.

По своимъ движеніямъ и нравамъ жиряки представляютъ отчасти переходную ступень между неуклюжими носорогами и проворными грызунами. Когда они движутся по ровной мѣстности, походка ихъ относительно тяжела; они, подобно носорогамъ, медленно передвигаютъ ноги и, кажется, что какъ-бы крадутся по землѣ, боясь, чтобъ ихъ не увидѣли. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, они останавливаются, осматриваются, затѣмъ продолжаютъ свой путь по прежнему. Совсѣмъ иное бываетъ, если они чѣмъ-нибудь испуганы. Тогда они начинаютъ быстро прыгать короткими скачками по направленію къ скадамъ, и тутъ выказывается вся ихъ быстрота и лов-

кость. Лазаютъ дамань мастерски, такъ какъ нижняя часть ихъ ступни отлично приспособлена для этого; подушечки на ней мягки, но упруги, вслѣдствіе чего каждый шагъ приобретаетъ увѣренность, необходимую при быстромъ движеніи по наклоннымъ плоскостямъ. Они мнѣ сильно напоминаютъ ящерицъ съ липкими пальцами, такъ называемыхъ гекко, хотя и не могутъ, подобно этимъ подвижнымъ животнымъ, ходить по нижней сторонѣ горизонтальныхъ плоскостей, зато въ остальномъ ни въ чемъ не уступятъ имъ. Они бѣгаютъ вверхъ и внизъ головою, почти по отвѣсной поверхности, съ такою-же увѣренностью, какъ по ровной землѣ, буквально прилипаютъ къ скалѣ, надъ страшными обрывами, быстро бѣгаютъ вверхъ и внизъ по углубленіямъ и расщелинамъ, причемъ удерживаются въ послѣднихъ на любомъ мѣстѣ, упершись спиною въ одну стѣну, а ногами въ другую. Къ тому-же они опытные и ловкіе прыгуны. Имъ ничего не стоитъ сдѣлать прыжокъ въ 3—5 м. Можно видѣть, какъ они скользятъ, подобно кошкѣ, со скалъ въ 8—10 м. вышины, даже если онѣ совершенно отвѣсны или висятъ надъ пропастью; при этомъ три четверти разстоянія они пробѣгаютъ, а затѣмъ мгновенно отталкиваются отъ стѣны, чтобъ однимъ прыжкомъ очутиться на другомъ камнѣ.

Швейнфурту, какъ и мнѣ, казалось совершенно непонятной эта необыкновенная ловкость когтекопытныхъ и умѣнье лазать по самымъ гладкимъ плоскостямъ, пока случай не помогъ ему разрѣшить эту необъяснимую загадку. Одинъ туземный охотникъ обратилъ его вниманіе на то обстоятельство, что раненый жирякъ въ предсмертныхъ мукахъ такъ крѣпко прилипаетъ къ гладкой скалѣ, какъ будто приростае къ ней, и вскорѣ этотъ изслѣдователь самъ убѣдился въ истинѣ такого показанія: когда онъ однажды хотѣлъ снять со скалы раненаго имъ ашкоко, то встрѣтилъ такое сильное сопротивленіе, что долженъ былъ употребить значительную силу, чтобъ преодолѣть его. Внимательное изслѣдованіе крѣпкихъ и упругихъ, какъ каучукъ, ступней животного убѣдило этого внимательнаго наблюдателя, что когтекопытныя могутъ присасываться къ самымъ гладкимъ поверхностямъ посредствомъ произвольнаго сокращенія и растяженія средней складки мягкой части ступни. Швейнфуртъ справедливо замѣчаетъ, что подобное свойство, встрѣчающееся у пресмыкающихся и насѣкомыхъ, было не замѣчено до сихъ поръ у млекопитающихъ и вообще у теплокровныхъ.

Отличительной чертой нрава дамановъ является большая кротость, почти тупость, въ соединеніи съ невѣроятною пугливостью и трусостью; они очень общительны; ихъ почти никогда нельзя встрѣтить въ одиночку; и если это случается, то можно навѣрно сказать, что остальныхъ членовъ общества нѣтъ на лицо только въ настоящую минуту. Разъ избраннаго мѣстожительства они держатся крѣпко, будь оно очень обширно или очень мало. Иногда ихъ удовлетворяетъ одинокій большой обломокъ скалы, и самое большее, если ихъ можно видѣть одинъ день на одной, другой день на противоположной сторонѣ его. Въ хорошую погоду они лежатъ рядами на удобныхъ камняхъ, причемъ принимаютъ самыя лѣнивыя позы, поджавъ подъ себя переднія ноги и вытянувъ заднія, какъ это иногда дѣлаютъ зайцы. Но и въ такихъ случаяхъ нѣсколько дамановъ стоятъ на-сторожѣ.

Когтекопытныя, кажется, не брезгливы относительно пищи и ѣдятъ необыкновенно много. Родина ихъ, богатая душистыми горными растеніями, всегда доставляетъ имъ обильную пищу. Я часто ихъ видѣлъ пасущимися у подножія скалъ совершенно такимъ-же образомъ, какъ это дѣлаютъ жвачныя. Они откусываютъ траву своими зубами и при этомъ двигаютъ челюстями точно такъ-же, какъ это дѣлаютъ

двукопытныя, когда пережевываютъ жвачку. Нѣкоторые естествоиспытатели предпологали, что даманы дѣйствительно пережевываютъ пищу во второй разъ, но я долженъ сказать, что у тѣхъ дамановъ, за которыми я наблюдалъ, не замѣтилъ ничего подобнаго, по крайней мѣрѣ во время отдыха. Мнѣ кажется, что они совсѣмъ не любятъ воды или, по крайней мѣрѣ, весьма рѣдко пьютъ. Двѣ мѣстности, населенныя когтекопытными, вблизи богоской деревни Менза, лежатъ на обширной, совершенно безводной равнинѣ, за предѣлы которой, конечно, никогда не осмѣливаются перебѣгать эти трусливыя животныя. Во время моихъ наблюденій дождь шелъ, правда, еще довольно часто, такъ что они имѣли возможность напиться, но туземцы увѣряли меня, что они и во время засухи никогда не покидаютъ своего мѣстожительства. Тогда нигдѣ нельзя найти ни капли воды и для освѣженія остаются только ночныя росы, которыми, какъ извѣстно, довольствуются нѣкоторыя животныя.

Такъ какъ у самокъ дамановъ по шести сосковъ, то предполагали, что они мечутъ большое число дѣтенышей. Однако Швейнфуртъ утверждаетъ, что ихъ бываетъ не болѣе двухъ и что они являются на свѣтъ очень развитыми. Это сообщеніе совершенно согласуется со словами Рида, который часто видѣлъ въ Канской области самокъ съ двумя дѣтенышами, но я всегда сомнѣвался въ справедливости этого мнѣнія. Во всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ стадахъ, которыхъ я видѣлъ, было такъ мало дѣтенышей, что можно было заподозрить, будто среди нихъ не болѣе 2—3 плодящихся самокъ, что конечно рѣшительно невозможно допустить. Мнѣ также не случалось видѣть самки, окруженной многими дѣтенышами. На этомъ-то основаніи я считаю возможнымъ, что самка дамана мечетъ только по одному дѣтенышу.

Охота за даманами не представляетъ большихъ трудностей, если этихъ трусливыхъ животныхъ не тревожили нѣсколько разъ уже раньше. Обыкновенно охотнику удастся подстрѣлить сидящаго на нѣкоторомъ разстояніи сторожа. Но послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ все стадо становится очень пугливымъ и убѣгаетъ, издали завидя человѣка, и показывается снова только въ самыхъ высокихъ трещинахъ скалы. Живучесть этихъ маленькихъ созданій невѣроятна: даже тяжело раненыя успѣваютъ добираться до расщелины, гдѣ, конечно, всякіе поиски за ними оказываются напрасными.

Только въ Аравіи и южной Африкѣ дамановъ ловятъ изъ-за ихъ мяса, напоминающаго кроличье. На полуостровѣ Синаѣ бедуины роютъ яму, выкладываютъ ее плоскими камнями, закрываютъ каменной проваливающейся крышкой, поставленной на подпоркахъ. Какъ только даманъ примется ѣсть вѣтку тамариска, служащую приманкой, подпорки сдвигаются съ мѣста, крышка падаетъ, и глушенькій звѣрекъ попадаетъ въ тюрьму, стѣны которой оказываютъ непреодолимое сопротивление его слабымъ лапамъ, не приспособленнымъ къ рытью. Такимъ способомъ приобрѣлъ себя Эренбергъ, во время пребыванія своего въ каменистой Аравіи. 7 штукъ жиряковъ. Кафры, какъ утверждаетъ Кольбе, ловятъ руками живущихъ въ южной Африкѣ дамановъ (*Hyaena capensis*). Одинъ изъ туземцевъ, у котораго останавливался этотъ старый опытный наблюдатель, имѣлъ девяти-лѣтняго невольника, который пасъ стадо и потому часто взбирался на скалы; онъ приносилъ иногда домой такое количество своей любимой дичи, что едва могъ ее донести, и возбуждалъ этимъ всеобщее удивленіе, такъ какъ никто не могъ объяснить такого искусства въ ловлѣ этихъ проворныхъ животныхъ. Впослѣдствіи мальчикъ выдрессировалъ себя собаку, которая помогала ему на охотѣ. Канканы, разставленные передъ входами излюбленныхъ ими расщелинъ, могли бы тоже оказать услугу.

Многие путешественники рассказывают о пойманных даманах, которых они воспитывали. Граф Меллинь сравнивает прирученного им жиряка с медвѣдемъ, который ростомъ не больше кролика. Онъ называетъ его вполне беззащитнымъ существомъ, которое не можетъ ни спастись отъ погони быстрымъ бѣгствомъ, ни защититься зубами или когтями. Съ этимъ заявленіемъ вполне согласуются и мои собственные наблюденія надъ ранеными жиряками. Эренбергъ, напротивъ того, увѣряетъ, что «Ваббрь» очень задоренъ. Жившій у Меллина жирякъ боролся, правда, иногда съ комнатной собачкой и, ворча, пытался укусить ее, но вреда ей все-таки сдѣлать не могъ. Когда его выпускали на дворъ, онъ тотчасъ выбиралъ самый темный уголокъ, чаще всего кучу камней, за которыми и прятался. Любимымъ его мѣстопробываніемъ было окно, хотя онъ тутъ не имѣлъ почти ни минуты покоя: случалось-ли мимо пролетѣть воронѣ или голубю, онъ страшно пугался и стремглавъ бѣжалъ къ своему ящику, чтобы запрятаться въ него. Никогда не грызъ онъ рѣшетки своей кѣтки или веревки, за которую былъ привязанъ. Онъ иногда вскакивалъ на столъ, но двигался на немъ такъ осторожно, что никогда не разбивалъ ничего изъ разставленной на немъ посуды. Онъ охотно ѣлъ плоды, хлѣбъ, картофель и другія сырыя овощи; орѣхи, которые приходилось ему раскалывать, составляли для него любимое лакомство. Онъ былъ очень опрятенъ: какъ мочу, такъ и калъ онъ всегда оставлялъ на одномъ и томъ-же мѣстѣ и зарывалъ ихъ тщательно, какъ это дѣлаютъ кошки. Когда ему давали песку, онъ купался въ немъ, подобно курамъ. Пока его держали на привязи, онъ былъ мало подвиженъ и сонливъ, но всегда, когда пускали на свободу, цѣлый день прыгалъ по комнатамъ взадъ и впередъ. Особенно любилъ онъ теплую печку, на которой удобно растягивался и грѣлся. Слухъ его былъ очень тонокъ: онъ могъ различать не только голосъ, но и шаги тѣхъ людей, къ которымъ чувствовалъ особое расположеніе. На зовъ хозяина онъ отвѣчалъ тихимъ свистомъ, потомъ подходилъ къ нему, охотно позволялъ брать себя на колѣни и ласкать. Ридъ сообщаетъ нѣчто подобное о вывезенномъ имъ изъ Капской области даманѣ. Этотъ звѣрекъ воспитывался товарищемъ Рида, почему сталъ очень ручнымъ и сильно привязался къ своему хозяину, посѣщалъ его даже въ постели и любилъ прижиматься къ нему, очевидно наслаждаясь теплотой его тѣла; для этой-же цѣли лазалъ онъ иногда своему хозяину подъ жилетъ и взбирался ему на грудь. Другой даманъ, привезенный въ Англію, тоже любилъ общество своего хозяина, но былъ очень суетливъ, необыкновенно любопытенъ и трусливъ. Въ пищу онъ былъ разборчивъ, жадно лизалъ предложенную ему соль; воду онъ лакалъ или сосалъ. Въ дорогъ его кормили толченымъ маисомъ, хлѣбомъ, сыромъ, картофелемъ и лукомъ; въ Англіи-же онъ ѣлъ самую разнообразную растительную пищу. Даманы, привозимые въ Европу нашими торговцами звѣрьми, рѣдко живутъ въ неволѣ.

Бедуины въ Аравіи, какъ я уже говорилъ, очень любятъ мясо дамановъ. Пойманныхъ живыми они тотчасъ убиваютъ и потрошатъ ихъ тутъ же на мѣстѣ, такъ же какъ и застрѣленныхъ, и вмѣсто внутренностей набиваютъ ароматическими травами, частью для приданія мясу лучшаго вкуса, частью для сохраненія его отъ порчи. Другого употребленія жиряковъ эти люди не знаютъ, между тѣмъ какъ капскіе жители умѣютъ извлекать еще другую пользу изъ этихъ животныхъ. До сихъ поръ калъ жиряковъ, смѣшанный съ его мочей (смѣсь эта у голландскихъ поселенцевъ называется «барсучья моча»), появляется въ продажѣ подъ именемъ «Нугасситъ». Даже въ Европѣ есть доктора, которые прописываютъ это средство при извѣстныхъ нервныхъ болѣзняхъ. Жаль только, что дѣйствіе этого лѣкарства, какъ почти всѣхъ другихъ, заимствованныхъ изъ животнаго царства, основано на

одномъ воображеніи. Но на всякій случай, если Пугасеит дѣйствительно можетъ принести какую-нибудь пользу, я сообщаю своимъ читателямъ, что на всѣхъ скалахъ земли Богоса можно собрать сколько душѣ угодно этого лѣбарства. Благодаря своей страшной прожорливости, дамамы оставляютъ удивительное количество своего помета; на всѣхъ камняхъ, гдѣ они только посидѣли, онъ лежитъ цѣлыми кучами; въ щеляхъ-же скалъ можно его набрать цѣлыми четвериками.

То-же самое, что сказано объ абиссинскомъ жирякѣ, можно сказать о живущемъ въ южной Африкѣ и Нижней Гвиней до Конго, **Капскомъ жирякѣ** (*Pugax capensis*) и о живущемъ въ восточной Африкѣ, **Мозамбикскомъ жирякѣ** (*Pugax mosambicus*). Пехуэль-Леше видѣлъ перваго на тѣхъ скалахъ, гдѣ водится и ящерица агама (*Agame colanogum.*); впрочемъ, они къ ней никакого отношенія не имѣютъ, развѣ только, что оба животныхъ любятъ однѣ и тѣ-же щели. О **Мозамбикскомъ жирякѣ** Бемъ сообщаетъ, что онъ тоже живетъ вмѣстѣ съ агамой, но гораздо боязливѣе и осторожнѣе, чѣмъ этотъ мнимый его сторожъ. Здѣсь тоже его жирное мясо очень цѣнится туземцами.

* *
*

Бюттикоферъ, въ Либеріи, открылъ и описалъ еще одинъ отдѣльный видъ дамана, котораго мы можемъ назвать **Древеснымъ жирякомъ** (*Pugax [Dendrohyrax] dorsalis*). «Этотъ жирякъ», пишетъ Бюттикоферъ, «постоянный житель лѣсовъ и деревьевъ. Уже въ первый вечеръ послѣ своего прибытія я былъ пораженъ своеобразными звуками, которые раздавались въ сосѣднемъ лѣсу и которыхъ я вовсе не слышалъ въ первое мое пребываніе въ этихъ мѣстностяхъ. Это было пронзительное и отрывистое «керръ», которое, съ короткими промежутками, далеко разносилось по окрестности; я не зналъ, приписать-ли эти звуки птицѣ или какому-нибудь пресмыкающемуся, но во всякомъ случаѣ никакъ уже не млекопитающему. Туземцы однако утверждали, что виновникъ этихъ звуковъ млекопитающее, живущее въ дуплахъ деревьевъ и лазающее по стволамъ съ помощью своихъ длинныхъ зубовъ; по ихъ словамъ, это ночное животное, которое проводитъ день въ дуплахъ. Назначенное мною высокое вознагражденіе за поимку животнаго соблазнило туземцевъ, и мнѣ вскорѣ были доставлены, одинъ за другимъ, нѣсколько экземпляровъ его. Всѣ они были принесены мнѣ живыми въ корзинахъ, сплетенныхъ изъ толстыхъ прутьевъ на подобіе рыбныхъ вершей; предосторожность эта была необходима, потому что звѣрки сильно кусались и даже не позволяли дотрогиваться до своей кѣтки. Яростно грызли они прутья, сильно ударили передними лапами по землѣ и ерошили свои длинные волосы на спинѣ, причѣмъ эти волосы на задней части спины большею частью распадались на двѣ стороны, обнаруживая скрытую подъ ними голую, голубоватую полоску. Извѣстно, что эта полоса, встрѣчающаяся у всѣхъ когтекопытныхъ, образуется особенной подкожной железой.

«Большая часть этихъ животныхъ была поймана слѣдующимъ образомъ: выходя изъ дупла былъ на время заткнутъ, дерево обрублено; затѣмъ передъ открытымъ вновь отверстіемъ привязана крѣпкая рыбная сѣть, въ которую старались вогнать животное, стуча по стволу дерева. Гнѣзда ихъ находятся обыкновенно на высотѣ отъ 2,5 до 5 м. на стволахъ, всегда обвитыхъ лианами и не очень толстыхъ. Такъ какъ всѣ эти животныя были доставлены мнѣ безъ всякихъ тѣлесныхъ поврежденій, то я старался воспитать ихъ въ неволѣ. Послѣ многихъ бесплодныхъ попытокъ мнѣ наконецъ удалось напасть на годный для нихъ кормъ, именно листья

маніока. Однажды мы добыли изъ одного дупла пару старыхъ дамановъ съ дѣтенышемъ, которыхъ я вѣсколько дней продержалъ въ клѣткѣ. Но разъ ночью оба старыхъ жиряка вырвались изъ клѣтки, взобрались вверхъ по косяку двери и ушли черезъ верхнее отверстіе въ поле. Но дѣтенышъ остался, и съ нимъ мнѣ удалось то, что никогда еще не удавалось со взрослыми: онъ сталъ почти совсѣмъ ручнымъ, и я могъ, подъ нѣкоторымъ присмотромъ, пускать его обѣгать по комнатѣ. Само собою разумѣется, что я жаждалъ видѣть, какъ онъ лазаетъ, и это мнѣ тоже удалось сверхъ всякаго ожиданія, такъ какъ онъ вкорѣ сталъ взбираться по ножкѣ на мой рабочій столъ и оттуда по оконному косяку на укрѣпленную надъ окномъ досщечку. Изъ этого темнаго уголка онъ часами наблюдалъ за моей работой. Лазанье облегчалось ему тѣмъ, что животное прижимало голыя ступни къ обѣимъ сходящимся подъ углами сторонамъ четырехугольной ножки стола и оконнаго косяка, и съ большою легкостью взбирался наверхъ».

— — —

Отрядъ XI.

Парнокопытныя. (Artiodactyla).

Въ отрядъ парнокопытныхъ соединяють, согласно предложенію Окена, всѣхъ копытныхъ млекопитающихъ, у которыхъ на каждой ногѣ мы замѣчаемъ только два развитыхъ пальца, или эти два пальца гораздо болѣе развиты, чѣмъ три остальныхъ. Эти большіе пальцы соотвѣтствуютъ третьему и четвертому пальцу человѣческой руки, которые одинаковой величины, между тѣмъ какъ остальные пальцы всегда болѣе или менѣе недоразвиты. Палець, соотвѣтствующій человѣческому большому, у парнокопытныхъ почти всегда совершенно исчезаетъ. Скелеть, кромѣ того, отличается постояннымъ числомъ спинныхъ и поясничныхъ позвонковъ, которыхъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ породъ домашняго скота, бываетъ 19; ключиць у этихъ животныхъ никогда не бываетъ. Если еще добавить, что коренные зубы у нихъ никогда не бываютъ сплошь покрыты эмалью, то этимъ исчерпываются всѣ общіе признаки парнокопытныхъ. По образу жизни они между собою всѣ похожи тѣмъ, что питаются или исключительно, или по крайней мѣрѣ преимущественно растительною пищею. Въ другихъ отношеніяхъ этотъ очень богатый родами отрядъ представляетъ большое разнообразіе формъ; нѣкоторыя изъ сюда принадлежащихъ животныхъ такъ отличаются отъ остальныхъ, что долгое время натуралисты причисляли ихъ къ другимъ отрядамъ.

Парнокопытныхъ вовсе нѣтъ на материкѣ Австраліи и въ Новой Зеландіи; въ другихъ-же странахъ, гдѣ встрѣчаются сухопутныя млекопитающія, можно найти представителей этого отряда. Палеонтологическія формы парнокопытныхъ появляются только въ третичныхъ формаціяхъ.

Вслѣдствіе большого количества и разнообразія родовъ парнокопытныхъ отрядъ этотъ удобно раздѣлить на подотряды, именно: **Многокопытныхъ**, у которыхъ, кромѣ двухъ среднихъ пальцевъ, развиты второй и пятый, и **Двукопытныхъ** или **Жвачныхъ**, у которыхъ эти послѣдніе пальцы совсѣмъ исчезли или мало развиты. У первыхъ кости запястья и заплюсныя другъ отъ друга отдѣлены, у жвачныхъ-же онѣ всегда срослись; кромѣ того жвачныя отличаются отъ многочисленныхъ и всѣхъ другихъ млекопитающихъ особеннымъ строеніемъ желудка, о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже. Вслѣдствіе того, что жвачныя по своей организаціи стоятъ выше многокопытныхъ, мы съ нихъ и начинаемъ.

Жвачныя или Двукопытныя (*Bidactyla*), несмотря на большое разнообразіе формъ, по своей организаціи очень сходны между собой; большинство изъ нихъ имѣютъ рога, но есть и безрогія; у нѣкоторыхъ тѣлосложеніе стройное, у другихъ неуклюжее; нѣкоторыя красивы, другія безобразны, и роста бываютъ самаго различнаго. Общіе признаки ихъ примѣрно слѣдующіе. Шея у нихъ длинная и очень подвижная, голова около лба очень расширена и украшена простыми или вѣтвистыми рогами; глаза всегда почти большіе, живые и часто очень красивые; уши пропорціональныя и почти всегда стоячія; губы подвижныя, часто голыя и почти постоянно лишены усовъ и щетины; хвостъ рѣдко достигаетъ пятокъ, а часто бываетъ очень короткій. Тѣло покрыто короткимъ, густымъ, мягкимъ и гладкимъ мѣхомъ, волоса котораго иногда удлинняются на шеѣ, подбородкѣ, спинѣ и кончикѣ хвоста въ видѣ гривы, бороды или кисти. Волоса эти никогда не бываютъ щетинообразны, а часто очень тонки, волнисты и даже иногда кудрявы; окраска мѣха очень разнообразна. По строенію зубовъ и скелета двукопытныя очень сходны между собою. На нижней челюсти у нихъ бываетъ 6—8 рѣзцовъ, на верхней-же ихъ совсѣмъ нѣтъ или только 2; клыковъ также часто не бываетъ, а иногда по одному въ каждой сторонѣ челюсти, коренныхъ зубовъ бываетъ отъ 3—7 наверху и 4—6 внизу. Рѣзцы чаще всего имѣютъ форму лопатки съ острымъ краемъ. Если они встрѣчаются на верхней челюсти, то похожи на клыки; настоящіе клыки конусообразны и только рѣдко выдаются изо-рта; коренные зубы состоятъ изъ двухъ паръ полулунныхъ столбиковъ, на поверхности которыхъ возвышаются складки эмали такой-же формы. Личная часть черепа очень удлинена и къ концу морды суживается. Глазныя впадины отдѣлены отъ теменныхъ костяною полоскою, состоящею изъ отростковъ лобной и скуловой кости, мозговая часть черепа небольшого объема. Шейные позвонки необыкновенно длинны, узки и подвижны; число спинныхъ позвонковъ, къ которымъ прикрѣплены ребра, колеблется между 12—15, а число поясничныхъ позвонковъ—между 7 и 4; крестцовыхъ бываетъ отъ 4—6, а хвостовыхъ отъ 6—20, но въ большинствѣ случаевъ господствуютъ среднія изъ этихъ чиселъ. Ребра очень широки. Длина лопатки по крайней мѣрѣ въ два раза больше ея ширины, плечевыя кости очень коротки и толсты, а предплечье узко и длинно; пясть и ступня состоятъ изъ одной значительно удлинненной кости, на которой замѣтно сращеніе изъ двухъ отдѣльныхъ костей. У всѣхъ жвачныхъ безъ исключенія хорошо развиты только два пальца, третій и четвертый. Ротъ отличается очень сильными губными мускулами, а на небѣ замѣтны многочисленные роговыя складки и наросты; слюнные железы довольно велики; желудокъ состоитъ изъ четырехъ, въ рѣдкихъ случаяхъ изъ трехъ отдѣльныхъ частей: рубца, рукава, книжки и сычуга. Первый изъ нихъ соединенъ съ пищеводомъ, а послѣдній съ кишечнымъ каналомъ. Рубецъ, который бываетъ раздѣленъ мускуломъ на два отдѣленія, принимаетъ изъ пищевода лишь грубо разжеванный кормъ и небольшими комочками проталкиваетъ его въ рукавъ; стѣнки этого втораго желудка покрыты сѣтью складокъ, которыя нѣсколько растираютъ кормъ и образуютъ изъ него катышки, а сіи послѣдніе попадаютъ снова въ пищеводъ, а затѣмъ въ ротъ, гдѣ пища основательно пережевывается коренными зубами, смѣшивается съ большимъ количествомъ слюны и въ видѣ жидкой кашицы по желобообразному удлинненію пищевода попадаетъ въ книжку, а оттуда наконецъ въ сычугъ, въ которомъ выдѣляется желудочный сокъ. У верблюдовъ и оленьковъ (*Tragul*) третьяго желудка не бываетъ. Слѣзная кишка у жвачныхъ очень коротка, а у нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣчается отсутствіе желчнаго пузыря.

Для раздѣленія жвачныхъ на семейства большое значеніе имѣютъ рога, встрѣ-

чающіеся у большинства изъ низъ. По рогамъ жвачныхъ можно раздѣлить на три группы: **Полорогихъ**, **Плотнорогихъ** и **Безрогихъ**. У полорогихъ рога состоятъ изъ рогового футляра, сидящаго на костяномъ пенекѣ, который образуется на лобной кости; слѣдовательно рога эти должны быть разсматриваемы какъ видоизмѣненіе наружной кожи; они никогда не возобновляются, а только съ возрастомъ дѣлаются длиннѣе и у основанія толще. Рога плотнорогихъ имѣютъ совсѣмъ другое строеніе: они сидятъ на довольно короткихъ возвышеніяхъ лобной кости, состоятъ изъ плотнаго костеобразнаго вещества и бываютъ всегда вѣтвисты, причѣмъ число вѣтвей увеличивается съ возрастомъ. Эти рога ежегодно отваливаются и въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ замѣняются другими. Въ большинствѣ случаевъ только самцы украшены вѣтвистыми рогами, между тѣмъ какъ у полорогихъ рога встрѣчаются почти всегда у обоихъ половъ. Копыта по величинѣ и формѣ бываютъ очень разнообразны.

Жвачныя встрѣчаются во всѣхъ частяхъ свѣта, кромѣ Австраліи, причѣмъ нѣкоторыя группы имѣютъ обширную область распространенія, другія, напротивъ, встрѣчаются на довольно ограниченныхъ пространствахъ. Наиболее распространены быки и олени, а жираффы и кабарги встрѣчаются только на относительно небольшихъ пространствахъ. Оленей вовсе нѣтъ въ средней Африкѣ, а въ Южной Америкѣ—это единственные мѣстныя жвачныя животныя; кабарги встрѣчаются только въ Средней Азійи, жираффы только въ средней Африкѣ, а изъ группы оленьковъ въ Америкѣ вовсе нѣтъ представителей.

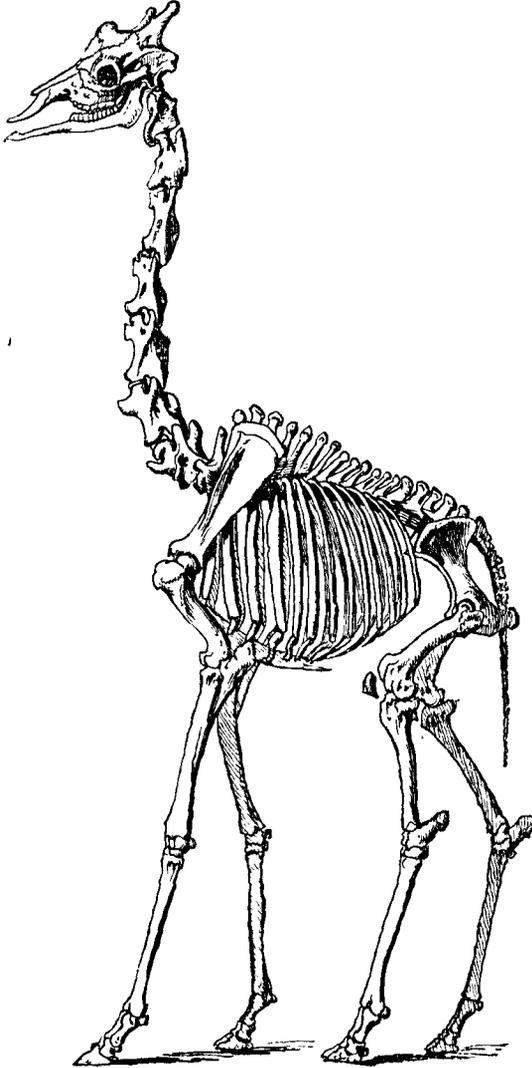
Почти всѣ двукопытныя—мирныя и пугливыя животныя, тѣло которыхъ представляетъ довольно совершенную организацію, но умственныя способности ихъ мало развиты. Многія изъ нихъ живутъ большими стадами, а остальные семьями или небольшими группами; одни изъ нихъ предпочитаютъ горы, другія—равнины; ни одно изъ нихъ не живетъ въ водѣ, но нѣкоторыя предпочитаютъ болотистыя мѣста сухимъ. Питаются они исключительно растительными веществами, именно травой, злаками, листьями, молодыми побѣгами и корнями; нѣкоторыя ѣдятъ зерна, другія—лишай. У самки чаще всего бываетъ только одинъ дѣтенышъ, иногда—два и только въ исключительныхъ случаяхъ—три. Большинство жвачныхъ, какъ въ дикомъ такъ и въ домашнемъ состояніи, приносятъ больше пользы, чѣмъ вреда, хотя нѣкоторые виды въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ обработка земли очень распространена, не могутъ быть терпимы въ дикомъ состояніи. Мясо, какъ дикихъ, такъ и домашнихъ животныхъ этого отряда употребляется въ пищу, кромѣ того въ дѣло идутъ кожа, рога и шерсть ихъ; какъ извѣстно, эти животныя доставляютъ больше всего матеріала для нашей одежды и обуви. Въ домашнемъ состояніи они выказываются не особенно умными, но послушными, терпѣливыми и выносливыми животными и потому сдѣлались необходимыми для человѣка. Немногіе только роды, именно кабарги, оленьки, вилороги и жираффы, не доставили человѣку ни одного домашнего животного; изъ всѣхъ другихъ группъ человѣкъ приручилъ себѣ по одному или нѣсколькимъ видамъ. Большинство дико живущихъ жвачныхъ составляетъ предметъ охоты, и въ этомъ отношеніи она очень высоко цѣнится.

Остатки жвачныхъ встрѣчаются лишь въ формаціяхъ третичнаго періода и виды эти мало отличаются отъ нынѣ живущихъ животныхъ.

Мы раздѣлимъ жвачныхъ на семь семействъ: **Жираффы**, **Верблюды**, **Полорогія**, **Вилороги**, **Олени**, **Кабарги** и **Оленьки**, которыхъ мы и будемъ разсматривать въ этомъ порядкѣ.

Между жвачными встрѣчаются такія животныя, которыя по формѣ своей

мало согласуются съ другими нынѣ живущими существами и скорѣе похожи на сказочные образы давнопрошедшихъ дней: къ такимъ существамъ можетъ быть отнесена жираффа. Варронъ отчасти правъ, называя это странное существо «помѣсью пантеры и верблюда», а позднѣйшихъ наблюдателей, конечно, можно извинить въ томъ, что они, зная это животное лишь по изображениямъ, встрѣчающимся на египетскихъ памятникахъ, считали его

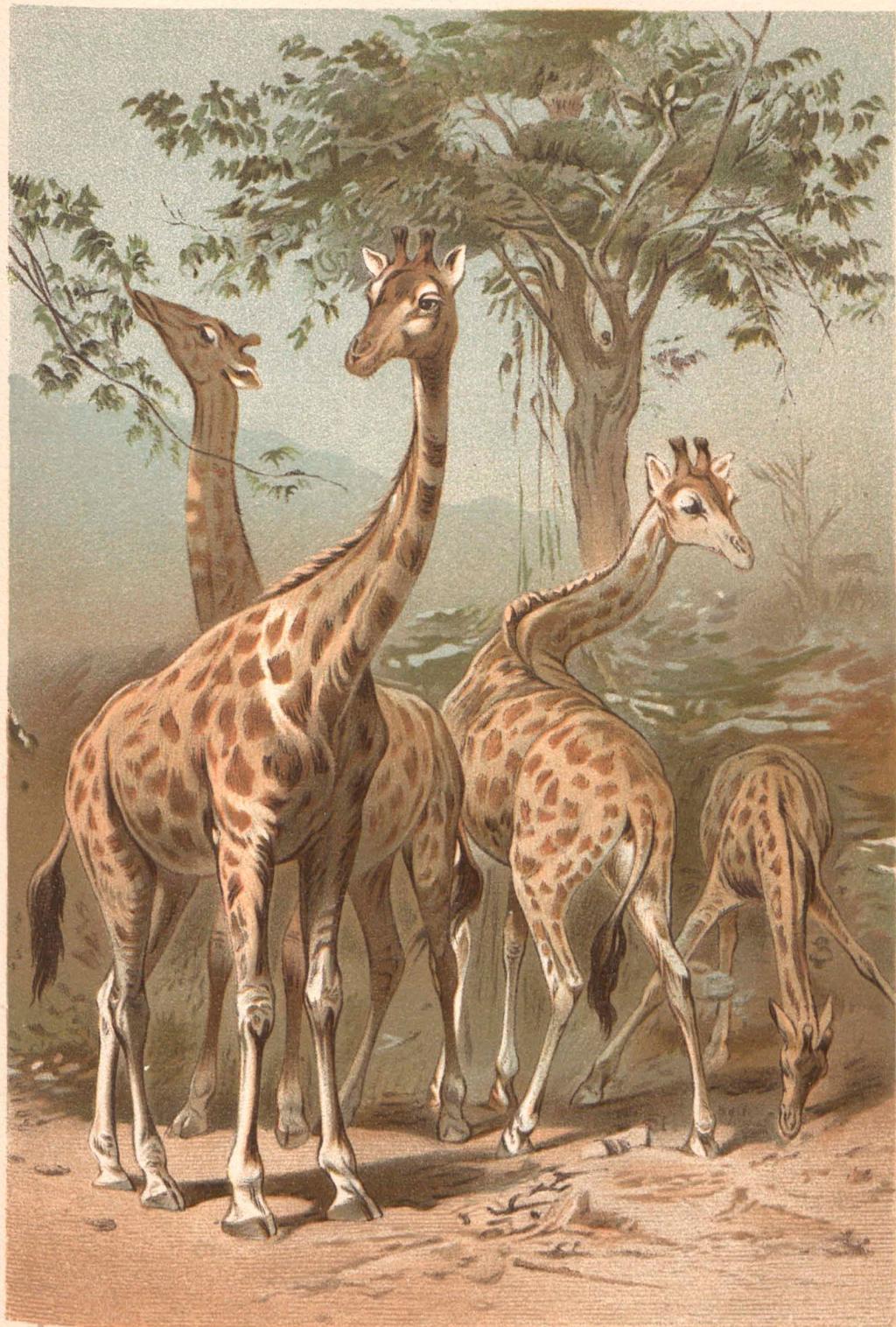

Скелетъ жираффы.

за праздную выдумку древнихъ художниковъ. Когда римляне при Юліи Цезарѣ и позднѣе впервые увидели жираффу на играхъ въ циркѣ, то въ высшей степени были удивлены странностью всей ея фигуры: то-же впечатлѣніе производитъ это животное и на насъ, когда мы смотримъ на живыхъ жираффъ въ зоологическихъ садахъ, хотя изображение и описаніе ихъ встрѣчаются нынѣ даже въ дѣтскихъ книжкахъ.

Жи́раффа можетъ считаться представителемъ отдѣльнаго семейства (*Camelopardalidae*), которое отличается наиболѣе характернымъ развитіемъ двухопытныхъ конечностей. Къ этому семейству относятся исчезнувшихъ животныхъ, *Sivatherium* и *Bramatherium*, остатки которыхъ найдены въ Индіи, и *Heladotherium*, открытыхъ въ Греціи; но изъ нынѣ живущихъ животныхъ **Жи́раффа** или вѣрнѣе **Зерафе** (*Camelopardalis giraffa*) есть единственный представитель этого семейства. Отъ всѣхъ другихъ млекопитающихъ она рѣзко отличается несоразмѣрно длинной шеей, очень высокими ногами, короткимъ, толстымъ туловищемъ съ покатой спиной, маленькой, изящной головой съ большими, свѣтлыми, красивыми глазами и двумя странными костяными пеньками, возвышающимися на лбу и покрытыми обыкновенной кожей съ волосами.

Вслѣдствіе своей длинной шеи и высокихъ ногъ, жираффа оказывается самымъ высокимъ и, относительно говоря, самымъ короткимъ изъ всѣхъ млекопитающихъ. На самомъ дѣлѣ длина ея тѣла не превышаетъ 2,25 м., а высота въ плечахъ доходитъ до 3 м.; голова-же находится на высотѣ 5—6 м. Хвостъ вмѣстѣ съ кистью имѣетъ 1,1 м. длины, а безъ кисти—80 см. Разстояніе отъ конца морды до начала хвоста около 4 м., а вѣсъ тѣла 500 kg. Измѣренія эти ясно доказываютъ, что жираффа по своему строенію значительно отличается отъ всѣхъ прочихъ

ЖИРАФФЫ.

млекопитающих; тѣлосложеніе ея такъ удивительно, что нуждается въ болѣе подробномъ описаніи. Если взглянешь на жираффу, то она кажется не только странною помѣсю пантеры и верблюда, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-бы соединеніемъ въ одно цѣлое отдѣльныхъ частей различныхъ животныхъ. Голова и туловище кажутся заимствованными отъ лошади, шея и плечи—отъ верблюда, уши—отъ быка, хвостъ—отъ осла, ноги—отъ антилопы, а кожа, покрытая красивымъ мѣхомъ, —отъ леопарда. Подобное пестрое соединеніе можетъ привести только къ безобразію животнаго, и дѣйствительно никто не назоветъ жираффу красивой и пропорціональной. Короткое туловище вовсе не соответствуетъ высокимъ ногамъ и длинной шеѣ. Сильно покатая спина по всѣмъ правиламъ искусства должна считаться безобразной, а необыкновенно высокій ростъ животнаго ни въ какомъ случаѣ не придаетъ ей красоты. Хороша только голова, очень красивы глаза и пестрая окраска, все-же остальное поражаетъ своею странностью.

Удлиненная голова жираффы, вслѣдствіе довольно узкой морды, кажется еще длиннѣе; на ней мы замѣчаемъ большіе, блестящіе, но крайне кроткіе глаза, большія, нѣжныя и замѣчательно подвижныя уши, длиною около 15 см. и два вышеупомянутыхъ пенька, которые нѣсколько напоминаютъ рога и немного короче ушей. Между ними возвышается округленный костяной наростъ, имѣющій видъ третьяго рога. Шея имѣетъ примѣрно такую-же длину, какъ и переднія ноги; она очень тонка и сжата со сторонъ и на спинной сторонѣ украшена короткой, какъ-бы обстриженной гривой. Туловище спереди около груди очень расширено, у загривка гораздо шире, чѣмъ около крестца, спина нѣсколько вогнута; на передней части туловища сильно выдаются нижніе концы лопатокъ, которыя соединены съ плечевыми костями почти подъ прямымъ угломъ; задняя часть гораздо уже, такъ что если смотрѣть на животное спереди, то задняя часть тѣла вовсе не замѣтна. Ноги довольно тонки, и всѣ почти одинаковой длины, копыта небольшія и имѣютъ красивую форму. Локтевая и малая берцовая кости совершенно не развиты; на длинной тонкой ступнѣ вовсе не замѣтно ихъ первоначального сросненія изъ двухъ костей и внизу надъ копытами мы не замѣчаемъ и слѣда шпорцевъ или неразвитыхъ пальцевъ, которые существуютъ у всѣхъ другихъ двукопытныхъ. На наружной части сустава, соединяющаго пастъ и ступню съ предплечьемъ и голенью, находятся мозоли, какъ у верблюда. Кожа у жираффы очень толстая и равномерно покрыта довольно короткими волосами, которые удлинняются только на гривѣ, на лобномъ костяномъ наростѣ и на концѣ хвоста. Основнымъ цвѣтомъ шерсти бываетъ песочно-желтый, который на спинѣ дѣлается нѣсколько темнѣе, а на брюхѣ переходитъ въ бѣловатый цвѣтъ. Все тѣло испещрено довольно большими, неправильными, большею частью угловатыми, темными или болѣе свѣтлыми пятнами ржаво-бураго цвѣта, причемъ они такъ часто расположены, что фонъ является только въ видѣ свѣтлой сѣтки. На шеѣ и на ногахъ пятна эти не такъ велики, какъ на туловищѣ. На брюхѣ и на внутренней сторонѣ ногъ пятенъ нѣтъ. Грива состоитъ изъ чередующихся чалыхъ и бурыхъ пучковъ волосъ. Уши спереди и у основанія бѣлаго цвѣта, а сзади—бураго. Кисть на концѣ хвоста черная. Перожденныя, еще не вполне выношенныя, жираффы имѣютъ мягкую свѣтло-сѣрую шерсть безъ пятенъ, но при рожденіи пятна уже замѣтны. Очень старшіе самцы получаютъ чрезвычайно темную окраску, а старшія самки, напротивъ того, дѣлаются свѣтлѣе, какъ будто шерсть у нихъ выцвѣтаетъ.

«Такъ какъ изображеніе жираффы встрѣчается въ іероглифическихкихъ писменахъ въ видѣ слогового знака», замѣчаетъ Дюмихенъ, «то изъ этого можно вывести, что древніе египтяне навѣрно знали это животное. Изображенія эти встрѣчаются также на стѣнахъ храмовъ и могильныхъ склеповъ, и по нимъ можно заключить, что жираффы

приводили съ юга въ видѣ дани. Изображеніе жираффы выражалось слогомъ «зеръ», который имѣлъ значеніе «большой, возвышенный, высокій». Обозначаль-ли звукъ «зеръ» названіе животного, съ точностью сказать нельзя, такъ какъ въ іероглифахъ не нашли еще такого мѣста, гдѣ-бы названіе жираффы было ясно выражено».

Нынѣшняя область распространенія жираффы простирается на всю восточную часть Африки отъ 16° сѣверной до 23° южной широты; только въ степи Калахари она живетъ нѣсколько южнѣе, но во всякомъ случаѣ за Оранжевой рѣкой еще встрѣчается. Ея нѣтъ во всемъ бассейнѣ рѣки Конго, и она неизвѣстна въ Верхней и Нижней Гвинее и въ областяхъ, лежащихъ за этими странами во внутренней части материка, такъ что на берегахъ Атлантическаго океана она встрѣчалась лишь въ юго-западной Африкѣ, но и здѣсь она совершенно истреблена нѣсколько десятилѣтій тому назадъ. Въ началѣ пятидесятихъ годовъ жираффъ еще убивали не очень далеко отъ Китовой губы; послѣднія жираффы, по словамъ Бринкера и Айрла, были убиты въ 1870 году гораздо дальше отъ берега, восточнѣе Окаганди. Теперь жираффы встрѣчаются въ степи Калахари, около озера Нгами и въ областяхъ между рѣками Кубанго и Кунене. Шинцъ сообщаетъ, что въ концѣ восьмидесятихъ годовъ онѣ встрѣчались изрѣдка въ областяхъ, лежащихъ на западѣ отъ вышеупомянутыхъ рѣкъ, сѣвернѣе и южнѣе солянаго озера Эгоза. Данкельманъ слыхалъ объ ихъ присутствіи въ горахъ Челла, во внутренности материка, за Моссамедесомъ, но не могъ убѣдиться въ правильности этого свѣдѣнія. На востокъ отъ озера Нгами, около рѣки Лимпопо, точно такъ, какъ въ области Метабеле, степи Калахари и около болотъ Чобе, онѣ еще довольно обыкновенны. Монтэю Керръ видалъ нѣсколько жираффъ еще въ 1884 году южнѣе Шопонга; а, по словамъ Селуса, съ 70-ыхъ годовъ онѣ стали появляться дальше на востокъ, въ области Метабеле, гдѣ прежде ихъ не было. Сѣвернѣе Замбези онѣ на большихъ пространствахъ вовсе не попадаются и снова появляются только въ нѣмецкихъ колоніяхъ восточной Африки, гдѣ онѣ, по словамъ Бѣма, встрѣчаются до озера Танганайка, но не западнѣе его. Отсюда жираффы распространены въ области Массай, въ верховьяхъ Нила и далѣе на сѣверо-западъ до озера Чадъ, а на сѣверо-востокъ до селенія Така, находящагося почти подъ одной широтою съ Кассалой. По крайней мѣрѣ Джемсъ, направляясь съ сѣвера на югъ, встрѣтилъ первыхъ жираффъ у потока Хоръ-Эль-Гапъ, около 15° сѣв. шир. По показаніямъ Юнкера, эти животныя въ западныхъ частяхъ бассейна Нила нигдѣ не переходятъ границы бассейна Конго и дальше на югъ встрѣчаются лишь на востокъ отъ Баръ-Эль-Джебеля. Жираффа можетъ считаться обитательницей по преимуществу кустарныхъ и мелколѣсныхъ степей Африки, но не избѣгаетъ и гористыхъ странъ. Финсеръ наблюдалъ ее въ области Массай до 1700 метровъ высоты надъ уровнемъ моря.

Въ своихъ родныхъ лѣсахъ жираффа живетъ конечно иначе. чѣмъ въ тѣсной загородкѣ зоологическаго сада. Удивительное соотвѣтствие строенія тѣла и внѣшняго вида жираффы съ окружающей обстановкою ея родины очень замѣтно. Гордонъ Кюммингъ пишетъ: «Когда видишь стадо жираффъ, пасущихся въ рощѣ живописныхъ зонтиковидныхъ мимозъ, украшающихъ степи ея родины, и наблюдаешь, какъ эти животныя, вслѣдствіе своей огромной вышины, могутъ безъ усилій обглаживать верхніе побѣги этихъ деревьевъ, то, не обладая даже особенною любовью къ красотамъ природы, невольно приходишь къ заключенію, что жираффы въ этой обстановкѣ дѣйствительно очень красивы». Всѣ другіе наблюдатели вполне соглашались съ этимъ мнѣніемъ. Сэръ Самуэль Бекеръ замѣчаетъ, что жираффа на своей родинѣ, безъ сомнѣнія, самое красивое животное. Ихъ часто встрѣчаютъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ находится много высохшихъ длинныхъ стволовъ мимозъ, ко-

торые, благодаря растущимъ на нихъ лишаямъ, издали удивительно похожи на шею жираффы. «Мнѣ часто случалось», говоритъ вышеназванный охотникъ, «ошибаться, глядя на эти стволы, и, только благодаря хорошему биноклю, я могъ замѣчать свою ошибку; даже мои полудикіе спутники должны были сознаться, что, несмотря на свое острое зрѣніе, привыкшее издали разглядывать предметы въ пустынѣ, они часто принимали высохшіе стволы за жираффы и, наоборотъ, настоящихъ жираффы принимали за деревья». Зато животныя эти еще яснѣе замѣтны, когда появляются на горизонтѣ въ безлѣсной пустынѣ; тогда они кажутся еще выше, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, и принимаютъ сверхъестественные размѣры.

Жираффы встрѣчаются обыкновенно небольшими семьями въ 6—8 штукъ; тамъ, гдѣ ихъ не тревожатъ, онѣ собираются въ большомъ количествѣ. Гордонъ Кюмингъ говоритъ о стадахъ въ 30 и 40 штукъ, но думаетъ, что чаще всего ихъ собирается около 16. Бэкеръ говоритъ, что встрѣчалъ стада даже въ 70—100 штукъ. Я въ Кордофанѣ всегда слыхалъ о семьяхъ, состоящихъ изъ небольшого числа экземпляровъ.

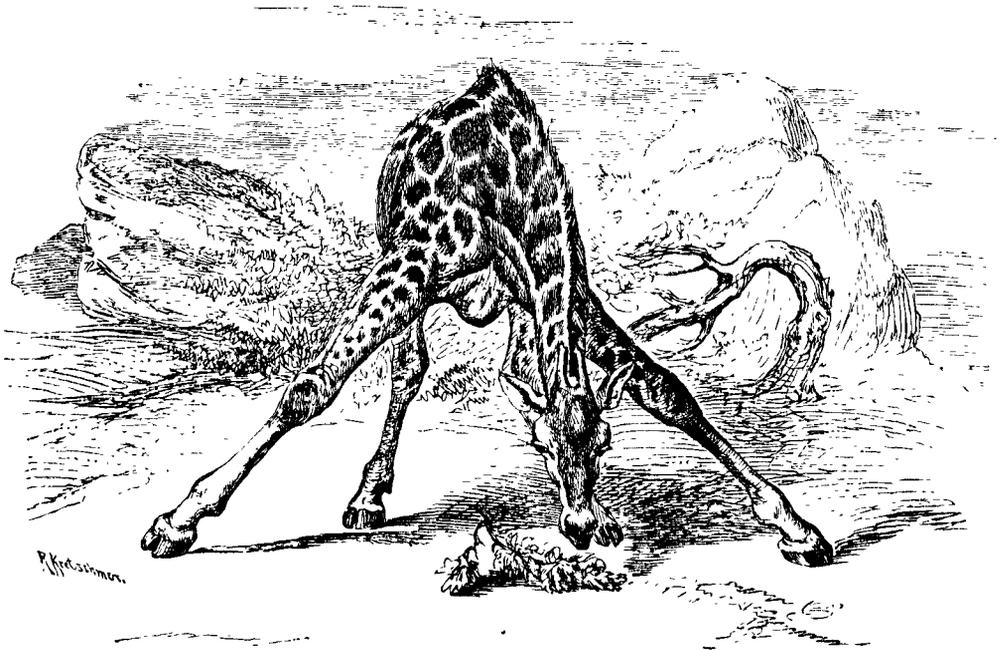
Всѣ движенія жираффы очень своеобразны. Красивѣе всего она выглядитъ, когда двигается спокойно, шагомъ: тогда ея движенія граціозны и величественны. При шагѣ она двигается иноходью, т. е. подвигаетъ разомъ впередъ обѣ конечности одной стороны; но во время бѣга движенія ея сильно измѣняются. Лихтенштейнъ очень наглядно описываетъ впечатлѣніе, которое производитъ это животное на наблюдателя во время бѣга. «Я приблизился», рассказываетъ онъ, «къ двумъ жирафкамъ почти на ружейный выстрѣлъ, и тогда только онѣ меня замѣтили и пустились въ бѣгство. Бѣгство это было однако такъ невыразимо странно, что я почти забылъ охоту отъ удивленія и смѣха. Очевидно быстрое передвиженіе этого животнаго представляетъ для него большія затрудненія при несоотвѣтствіи вышины передней части съ задней, и вышины тѣла къ длинѣ его. Если Левальианъ утверждаетъ, что видѣлъ, какъ жираффы бѣгаютъ рысью, то я могу почти съ увѣренностью сказать, что онъ никогда не видалъ этихъ животныхъ живыми. Возможно-ли предположить на самомъ дѣлѣ, что жираффа, у которой переднія ноги гораздо длиннѣе заднихъ, можетъ бѣжать рысью? При быстромъ движеніи она можетъ только скакать галопомъ, въ чемъ я убѣдился изъ собственнаго наблюденія. Но этотъ галопъ такъ безтолковъ, неуклюжъ и неповоротливъ, что на нѣкоторомъ разстояніи кажется, будто человекъ можетъ легко перегнуть ее пѣшкомъ. На самомъ дѣлѣ это не вѣрно, такъ какъ она дѣлаетъ очень большіе скачки, длинна которыхъ, по примѣрному вычисленію, простирается отъ 4 — 5 м. Вслѣдствіе вышины и тяжести передней части тѣла, жираффа при обыкновенномъ положеніи не въ состояніи приподнять ее одною силою своихъ мускуловъ; она должна откинуть шею назадъ, чтобы этимъ передвинуть центръ тяжести ближе къ заднимъ конечностямъ, тогда только она можетъ приподнять переднія ноги; при этомъ животное ихъ не сгибаетъ, но, упершись на заднія конечности и снова нагнувъ шею впередъ, касается вытянутыми передними ногами земли. При обратномъ движеніи шеи происходитъ поднятіе заднихъ конечностей. Такимъ образомъ при быстромъ движеніи шея жираффы качается то впередъ, то назадъ, какъ мачта корабля во время очень сильнаго волненія на морѣ». Во время бѣгства жираффа приподнимаетъ хвостъ и держитъ его выгнутымъ надъ спиною. Селуэъ утверждаетъ, что, несмотря на кажущуюся неповоротливость, жираффа во время бѣга очень удачно избѣгаетъ столкновенія съ вѣтвями встрѣчающихся деревьевъ, причѣмъ иногда очень граціозно нагибаетъ шею до самой земли. Чтобы догнать жираффу, пустившуюся въ бѣгство на нѣкоторомъ разстояніи отъ всадника, нужна очень быстрая лошадь. Въ описаніи путешествія

по восточной Африкѣ Бема, изданномъ Ноакомъ, мы находимъ слѣдующія строки относительно жираффы: «Самцы жираффы очень высоки и темнаго цвѣта: они подходят иногда очень близко къ деревьямъ и вечеромъ пробираются къ водопоямъ по протоптаннымъ тропинкамъ. Подойти къ нимъ очень трудно, такъ какъ они чрезвычайно осторожны и передвигаются довольно быстро, несмотря на кажущуюся неповоротливость; кромѣ того среди низкихъ кустарниковъ, гдѣ обыкновенно держатся жираффы, онѣ, благодаря длинной шеѣ, издали замѣчаютъ приближающихся людей. Однако путешественники часто видятъ въ кустахъ шеи этихъ животныхъ, такъ какъ они очень любопытны и часто по цѣлымъ часамъ въ нѣкоторомъ отдаленіи сопровождали нашъ караванъ по степи, хотя въ нихъ нѣсколько разъ стрѣляли. Жираффы бѣгутъ съ глухимъ топотомъ неправильными рядами, причемъ никогда не двигаются рысью».

Когда жираффа хочетъ что-нибудь достать съ земли ртомъ или собирается пить, то она принимаетъ очень странное положеніе. Въ старыхъ описаніяхъ говорилось, что она при этомъ становится на колѣни; можетъ быть въ исключительныхъ случаяхъ она это и дѣлаетъ, но чаще достигаетъ своей цѣли инымъ способомъ, именно: она раздвигаетъ переднія конечности, какъ можно шире и такимъ образомъ до того опускаетъ переднюю часть тѣла, что, нагнувши свою длинную шею, она можетъ достать мордой до земли. Кто этого не видалъ, тотъ не можетъ повѣрить, что жираффа принимаетъ такое удивительное положеніе. Впрочемъ Селусъ видалъ, что жираффы на водопой не только раздвигаютъ переднія ноги, но иногда загибаютъ ихъ назадъ, иногда же одну переднюю ногу выставляютъ впередъ, а другую назадъ, а Бемъ ясно высказываетъ, что замѣчалъ, какъ жираффы часто становятся на колѣни, чтобы щипать траву. Чтобы лечь на землю, она сначала сгибаетъ колѣни переднихъ ногъ, затѣмъ заднія ноги и ложится на грудь, какъ верблюдъ. Во время сна она ложится на бокъ, причемъ пригибаетъ къ животу одну или обѣ переднія ноги, шею она отгибаетъ назадъ, а голову часто кладетъ на бедро задней ноги. Сонъ ея очень чутокъ и продолжается недолго; говорятъ, что она можетъ нѣсколько дней оставаться безъ сна и отдыхаетъ тогда стоя.

Само собою разумѣется, что ница жираффы совершенно соотвѣтствуетъ своеобразному строенію ея тѣла. Животному этому очень неудобно щипать траву на землѣ, но зато оно можетъ легко срывать листья и молодые вѣтки съ деревьевъ, причемъ ему сильно помогаетъ длинный подвижной языкъ. Какъ извѣстно, большинство жвачныхъ пользуются языкомъ для хватанья пищи, но ни одно изъ нихъ не употребляетъ въ дѣло его такъ искусно, какъ жираффа. Языкъ для жираффы имѣетъ то-же значеніе, что хоботъ для слона: она можетъ имъ схватить самые мелкіе предметы, сорвать самый нѣжный листокъ и положить его въ ротъ. «Часто случалось въ нашихъ зоологическихъ садахъ», замѣчаетъ Овенъ, «что жираффы срывали у стоявшихъ около ихъ изгороди дамъ искусственные цвѣты, украшавшіе ихъ шляпы. Повидимому жираффы при схватываніи ницы руководствуются больше зрѣніемъ, чѣмъ обонаніемъ, и вслѣдствіе этого бываетъ, какъ въ выше приведенномъ случаѣ, что животное ошибается, принимая искусственные цвѣты за настоящіе». На своей родинѣ жираффы питаются преимущественно вѣтвями, почками и листьями различныхъ мимозъ; однако онѣ охотно ѣдятъ листья многочисленныхъ вьющихся растений, которыя въ такомъ большомъ количествѣ обвиваютъ деревья лѣсовъ средней Африки. Такъ какъ мимозы по величинѣ немного превышаютъ жираффу, то она срываетъ пищу безъ всякихъ затрудненій, причемъ замѣчается, что ея языкъ и губы точно такъ-же нечувствительны къ уколамъ острыхъ шиповъ мимозъ, какъ губы верблюда. Степную траву щиплетъ она рѣдко, питается ею однако иногда

весною, пока трава еще зелена. При питаніи сочной растительной пищей она, какъ и верблюдъ, можетъ долго обходиться безъ воды. Въ обыкновенныхъ случаяхъ она довольствуется той влагой, которая заключается въ свѣжихъ листьяхъ и побѣгахъ, и потому жираффу встрѣчаютъ иногда въ такихъ мѣстностяхъ, которыя на многія мили отдалены отъ рѣкъ, озеръ и ключей. Въ жаркое время года, когда на деревьяхъ листья большею частью высохли и ей приходится питаться высохшими степными травами, жираффа вечеромъ проходитъ нѣсколько верстъ, чтобы напиться воды въ грязныхъ водоемахъ и лужахъ, оставшихся въ оврагахъ отъ потоковъ, текущихъ здѣсь во время дождей. Въ этихъ мѣстахъ и можетъ осуществиться поэтическая картина нападенія льва на жираффу, описанная въ извѣстномъ стихотвореніи Фрейлиграта. Жираффа пережевываетъ жвачку стоя,

Жираффа, достающая вѣтку съ земли.

большею частью ночью и на это, повидимому, употребляетъ меньше времени, чѣмъ другія двукопытныя.

Внѣшнія чувства жираффы, особенно зрѣніе и слухъ, очень хорошо развиты и умственные ея способности нельзя назвать незначительными. Она очень понятлива и сравнительно со своей величиной и силой, необыкновенно добродушна, кротка и смирна; она не только живетъ въ мирѣ съ себѣ подобными, но никогда не ссорится съ другими животными, пока тѣ ей не надѣдають или не угрожаютъ. Въ случаѣ нужды она умѣетъ хорошо защищаться, не рогами, которые служатъ ей только украшеніемъ, но сильными ударами своихъ жилистыхъ ногъ. Подобнымъ образомъ дерутся между собою влюбленные самцы изъ-за благосклонности самокъ; жираффа ударами ногъ также защищаетъ своихъ дѣтенышей отъ крадущихся крупныхъ кошекъ, и удары эти такъ сильны, что могутъ повалить даже льва. Сторожа въ зоологическихъ садахъ должны очень опасаться леганья жираффъ, хотя въ большинствѣ случаевъ онѣ ведутъ себя очень смирно.

О размноженіи жираффъ мы кое-что узнали лишь въ послѣднее время. Изъ наблюденій, сдѣланныхъ до сихъ поръ въ различныхъ зоологическихъ садахъ, оказывается, что спариваніе происходитъ въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля, а рожденіе дѣтенышей въ маѣ или юнѣ; слѣдовательно беременность продолжается 431—444 дня, или $14\frac{1}{4}$ — $14\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ. Во время течки замѣчали, что и самецъ, и самка тихимъ голосомъ блеютъ. Самцы нападали другъ на другъ безъ особой горячности и терли своими лобными наростами бока и спину противника; серьезныхъ битвъ между ними никогда не замѣчали. Рожденіе дѣтеныша происходило легко и скоро, причемъ прежде всего появлялись наружу переднія ноги и голова молодого животнаго. Послѣ рожденія оно лежало съ минуту безъ движенія, а потомъ начинало дышать. Черезъ полчаса оно уже пробовало вставать, а еще черезъ 20 минутъ дѣтенышъ уже приблизился къ матери. Жираффа, повидимому, довольно равнодушна къ своему новорожденному дѣтенышу, и нужно было привести корову, которая цѣлый мѣсяць кормила молодую жираффу своимъ молокомъ. Десять часовъ послѣ рожденія молодое животное уже пробовало бѣгать, а на третій день уже прыгало. При рожденіи дѣтенышъ имѣлъ 2,1 м. длины, переднія конечности были вышиною въ 1,5 м., а хвостъ 50 см. Черезъ 9 мѣсяцевъ послѣ рожденія этого дѣтеныша самка опять спарилась съ самцомъ и отелилась черезъ 431 день дѣтенышемъ, который черезъ 12 часовъ послѣ рожденія сталъ сильно сосать матку. Черезъ три недѣли дѣтенышъ уже ѣлъ растенія и въ 4 мѣсяца уже пережевывалъ жвачку. Въ первую недѣлю своей жизни онъ имѣлъ ростъ въ 2 м., а черезъ девять мѣсяцевъ—3 м.

Какъ туземцы, такъ и европейцы усердно занимаются охотой за жираффами. Туземцы гонятся за ней на дромедерахъ и коняхъ до тѣхъ поръ, пока не догонятъ усталое животное; тогда они острымъ мечемъ перерѣзаютъ ей ахиллесовы жилы, отчего жираффа валится на бокъ, и ей перерѣзываютъ горло, чтобы воспользоваться ея мясомъ, которое въ Африкѣ очень цѣнится, и другими частями ея тѣла. Европейцы убиваютъ ее огнестрѣльнымъ оружіемъ, но могутъ приблизиться къ ней на разстояніе выстрѣла только послѣ усиленной травли, когда жираффа устаетъ. Необыкновенная высота этого животнаго даетъ ему большое преимущество передъ охотниками, именно, оно имѣетъ очень большое поле зрѣнія и издали замѣчаетъ приближающагося врага, хотя Гейглингъ и упоминаетъ, что ему удавалось нѣсколько разъ въ лѣсу незамѣтно приблизиться къ жираффамъ на разстояніе пистолетнаго выстрѣла, но, кажется, это былъ единственный примѣръ; всѣ другіе наблюдатели и охотники согласны въ томъ, что едва-ли къ какому-нибудь животному въ африканскихъ пустыняхъ такъ трудно приблизиться, какъ къ жираффѣ. При травлѣ жираффъ лошади охотниковъ устаютъ больше, чѣмъ при всякой другой охотѣ. Хотя жираффа и не слишкомъ быстро убѣгаетъ и подпускаетъ къ себѣ охотниковъ на довольно близкое разстояніе, но она легче переноситъ продолжительный бѣгъ, чѣмъ самая лучшая лошадь, если только мѣстность оказывается благоприятной для ея быстрого передвиженія: бѣжать въ гору жираффъ въ высшей степени затруднительно. Самуэль Бакеръ говоритъ, что при травлѣ жираффы охотнику приходится съ самаго начала пускать лошадь въ полный каррьеръ. Если дать жираффѣ опередить себя на пять минутъ, то лошадь не выдержитъ этой травли. По наблюденіямъ Селуса, жираффы пускаются въ самый быстрый бѣгъ только въ крайнихъ случаяхъ, и потому всегда возможно на не очень плохой лошади приблизиться къ нимъ настолько, чтобы быстро соскочивъ съ сѣдла, пустить имъ пулю въ догонку.

Польза отъ убитой жираффы очень разнообразна. Шкуру выдѣлываютъ въ видѣ кожи и мѣха, кисть хвоста идетъ на опухало, изъ копытъ дѣлаютъ различныя роговья

издѣлія, а прекрасное мясо ѣдятъ. Но выгоднѣе всего достать жираффу живою. Это удивительное животное всѣмъ нравится, вездѣ желаютъ имѣть его около себя. Въ городахъ центральной Африки часто можно видѣть изъ-за высокихъ стѣнъ пару выглядывающихъ головъ этихъ животныхъ, а также нерѣдко встрѣчали вблизи жилыхъ мѣстъ ручныхъ жираффъ, которыя свободно прогуливались. По прибытіи нашемъ въ Каркодъжъ, мѣстечко на Голубомъ Нилѣ, къ нашей баркѣ первая подошла жираффа, какъ-бы желая съ нами поздороваться. Она довѣрчиво и очень близко подошла къ нашей лодкѣ, ѣла изъ нашихъ рукъ хлѣбъ, сѣмена дурро и такъ дружелюбно обходилась съ нами, какъ-будто мы были ея старыми друзьями. Скоро замѣтила она, какое удовольствіе доставляло намъ ея присутствіе, и она по нѣсколько разъ въ день приходила во все время нашего пребыванія тамъ, чтобы дать себя поласкать. Арабское имя «Serafe», т. е. милая, изъ котораго, вслѣдствіе искаженія, получилось названіе «жираффа», стало мнѣ вполне понятнымъ. Я невыразимо радовался возможности наблюдать въ свободномъ состояніи и во всѣхъ движеніяхъ такое странное животное.

Въ Европѣ жираффы, которыхъ впервые увидѣли тамъ триста лѣтъ тому назадъ, заставили о себѣ много говорить. Животное это считалось какимъ-то баснословнымъ существомъ, несмотря на то, что Левальянъ довольно обстоятельно описалъ его. Египетскій паша, узнавши, что арабы изъ Сенаара успѣшно выкормили верблюжьимъ молокомъ пару молодыхъ жираффъ, назначилъ этихъ звѣрей въ подарокъ европейскимъ монархамъ и велѣлъ привести ихъ въ Каиръ, гдѣ они въ теченіи трехъ мѣсяцевъ отдыхали въ саду и готовились къ дальнему путешествію, а затѣмъ были отправлены на большихъ баркахъ въ Александрію, гдѣ ихъ и помѣстили на корабль для отправки въ Европу. Французскому и англійскому консулу достались обѣ самки, которыя благополучно прибыли къ мѣсту своего назначенія; посланная въ Лондонъ прибыла туда 11 августа 1827 года. Въ Парижѣ эти животныя произвели такой фуроръ, что даже имѣли вліяніе на моду и въ 1828 году еще причесывались à la girafe. Мой знакомый, Тибо, жившій въ Кордофанѣ, въ 1834 году снова привезъ въ Европу живыхъ жираффъ, на которыхъ онъ охотился и которыхъ поймалъ въ стѣняхъ обитаемой имъ страны. Молодыхъ жираффъ онъ поймалъ лишь послѣ того, какъ были убиты старыя. По его рассказамъ видно, что ловить ихъ очень трудно и хлопотливо. Надо по нѣсколько недѣль жить въ степяхъ, брать съ собой хорошихъ лошадей, верблюдовъ и коровъ, а арабамъ, безъ помощи которыхъ охота эта невозможна, нужно платить большія деньги за пойманныхъ животныхъ. Молодые жираффы безъ всякаго сопротивленія подчиняются своей судьбѣ, но требуютъ самаго тщательнаго ухода, для сохраненія своей жизни. Поэтому-то и берутъ съ собою на охоту дойныхъ коровъ, чтобы сейчасъ-же добытымъ животнымъ дать надлежащую пищу. Потомъ ведутъ уже совсѣмъ ручныхъ жираффъ съ мѣста ловли въ ихъ кормилицами къ морскому берегу, проходи въ теченіи дни небольшія пространства.

Къ сожалѣнію, привезенныя въ Европу жираффы только при самомъ лучшемъ уходѣ нѣкоторое время переносятъ заточеніе. Большая часть изъ нихъ околѣваетъ отъ особой болѣзни костей, которая и получила названіе «болѣзни жираффъ» и которая происходитъ, по всей вѣроятности, отъ недостатка движенія и неподходящей пищи. По опытамъ, которые я производилъ на лосяхъ, мнѣ кажется, что къ пицѣ жираффы для полнаго ихъ здоровья должно быть примѣшено нѣкоторое количество дубильной кислоты. Кромѣ того большое пространство и теплый полъ въ хлѣвѣ жираффы — необходимыя условія для сноснаго существованія въ неволѣ этого достойнаго участія животного.

Семейство верблюдовъ (Camelidae) отличается мозолистыми подошвами, отсутствиемъ роговъ и недоразвитыхъ пальцевъ, раздвоенной верхней губой и зубною системою. Последняя служитъ отличительнымъ признакомъ верблюдовъ, отдѣляющимъ ихъ отъ всѣхъ остальныхъ жвачныхъ. Они имѣютъ 2 (въ ранней молодости 6) рѣзцовъ въ верхней челюсти, между тѣмъ какъ въ нижней ихъ 6. Копыта очень малы и похожи на тупые когти на мозолистыхъ подошвахъ. Желудокъ состоитъ только изъ трехъ отдѣлений, такъ какъ книжка, по своей незначительной величинѣ, можетъ считаться частью сычуга.

Верблюды очень большія жвачныя, съ длинной шеей, вытянутой головой, туловищемъ, подтянутымъ въ пахахъ, и съ косматымъ, почти шерстистымъ мѣхомъ: шейные позвонки необыкновенно длинны и почти безъ отростковъ, ребра широки. Кости конечностей очень толсты.

Родина этихъ животныхъ сѣверная Африка, центральная Азія и юго-западная Америка. Немногіе виды, относящіеся къ этому роду, въ Старомъ Свѣтѣ всѣ обращены въ домашнее состояніе, а въ Новомъ Свѣтѣ немногіе приручены. Въ Америкѣ живутъ они на высокихъ горахъ, поднимаясь до 4000 м. надъ поверхностью моря; въ Старомъ-же Свѣтѣ встрѣчаются на сухихъ жаркихъ равнинахъ. Пищею служатъ имъ злаки, травы, древесные листья, вѣтви, репейники и колючія растенія. Они въ высшей степени выносливы и могутъ долго голодать и переносить жажду. Ходятъ они иноходью, бѣгаютъ-же, хотя и очень скоро, но переваливаясь и, повидимому, очень непоротливо. Дикія породы живутъ стадами, но всѣ безъ исключенія любятъ общество себѣ подобныхъ. Ихъ нельзя назвать кроткими, добродушными, умными и терпѣливыми животными, хотя они довольно легко подчиняются волѣ человѣка и признаютъ его власть. У самки рождается только одинъ дѣтенышъ, за которымъ она ухаживаетъ съ большою любовью.

Верблюды (*Camelus*) отличаются значительной величиной, однимъ или двумя горбами на спинѣ, а также у нихъ однимъ кореннымъ зубомъ больше, чѣмъ у ламъ. Внѣшній видъ ихъ некрасивъ, особенно поразительно безобразна голова, шерсть очень неровная, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ длиннѣе, вообще-же шерстистая. На груди, локтяхъ, коленныхъ и бабкахъ находятся мозолистые наросты. Различаютъ два вида верблюдовъ, изъ которыхъ одни населяютъ преимущественно Африку, другіе-же Азію; первые называются **Дромадерами**, вторые **Двугорбыми верблюдами**.

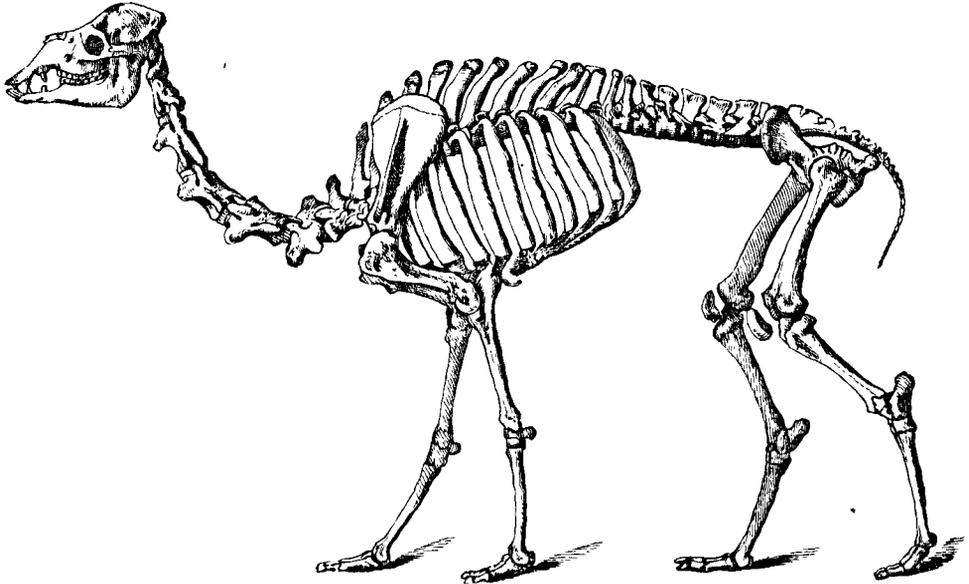
* *

Дромадеръ, безъ сомнѣнія, полезнѣйшее изъ всѣхъ домашнихъ животныхъ въ Африкѣ. Но, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я его наблюдалъ, это самое непривѣтливое, глупое, упрямое и неприятное созданіе, какое себѣ только можно вообразить. Славой своей онъ обязанъ своимъ тѣлеснымъ способностямъ, но его душевныя качества не могутъ похвалить даже добродушные арабы, хотя многіе изъ нихъ не могли-бы существовать безъ этого животнаго.

Дромадеръ или **Одногорбый верблюдъ** (*Camelus dromedarius*), **Джеммель** арабовъ, есть огромное жвачное животное, достигающее въ среднемъ отъ 2—2,3 м. вышины, и отъ 3—3,3 м. длины отъ морды до конца хвоста. Хотя между верблюдами не встрѣчается такъ много породъ, какъ у лошадей, но все-же и у этихъ животныхъ мы замѣчаемъ нѣсколько разновидностей. Вообще можно сказать, что въ степяхъ и пустыняхъ верблюды представляютъ собою стройное, высокое, длинноногое животное, между тѣмъ какъ въ плодородныхъ странахъ, именно въ сѣверной

Африкѣ, они гораздо тяжелѣе и болѣе неуклюжи. Между такъ называемыми «Бишаринами», или породой, которая разводится у бишарскихъ кочевниковъ, и египетскимъ вьючнымъ верблюдомъ существуетъ такая-же разница, какъ между арабской лошадыю и водовозной клячей. Первый изъ верблюдовъ—превосходное животное для верховой ѣзды, послѣдній-же—сильное вьючное.

Арабы различаютъ болѣе двадцати разнообразныхъ породъ дромадеровъ, такъ какъ въ Африкѣ подробное знакомство съ различными породами верблюдовъ имѣетъ такое-же значеніе, какъ у насъ коневодство, и между дромадерами встрѣчаются также породистые и непородистые. Голова дромадера довольно коротка, морда-же вытянута и вздута; очень высокое темя закруглено и выпукло; глаза, зрачки которыхъ имѣютъ горизонтально-продолговатый видъ, велики и съ тупымъ выраженіемъ, уши очень малы, но подвижны и стоятъ далеко на черепѣ. Верхняя губа

Скелетъ дромадера.

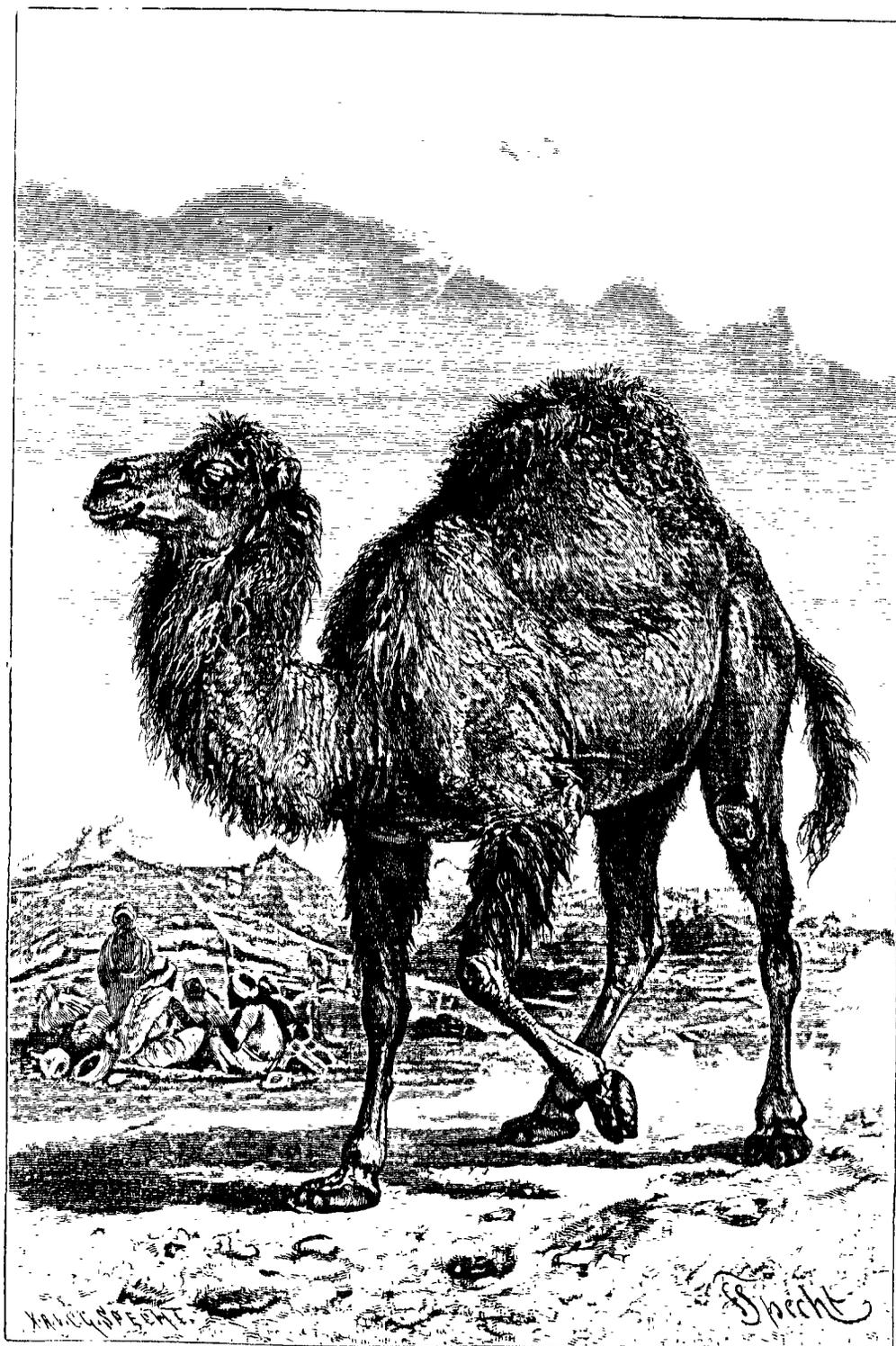
виситъ надъ нижней, которая въ свою очередь также отвисаетъ, какъ будто она слишкомъ тяжела для поддерживающихъ ее мускуловъ и не можетъ быть ими приподнята. Если смотрѣть на верблюда спереди, то губы его кажутся всегда раскрытыми, а ноздри съ боковъ стиснутыми. При быстромъ движеніи животного постоянно движутся его некрасивыя губы вверхъ и внизъ, какъ будто-бы онѣ не могутъ сохранить своего надлежащаго положенія. На затылкѣ находятся особенныя железы, которыя, посредствомъ двухъ каналовъ, открывающихся на поверхности кожи, постоянно, особенно-же во время размноженія, выдѣляютъ отвратительно пахнущую черную жидкость. Шея длинная, сжата съ боковъ, самое-же толстое мѣсто находится посерединѣ; туловище толсто и закруглено со всѣхъ сторонъ. Спинная линія идетъ отъ шеи дугообразно вверхъ до загривка, поднимается тамъ очень круто до верхушки горба, откуда снова круто спадаетъ къ хвосту. Горбъ стоитъ вертикально, но въ теченіи года измѣняетъ свою величину. Чѣмъ лучше питается верблюдъ, тѣмъ выше растетъ его горбъ, чѣмъ скуднѣе его пища, тѣмъ больше горбъ спадаетъ. У жирныхъ, хорошо упитанныхъ животныхъ, онъ имѣетъ видъ пирамиды и занимаетъ не менѣе четверти спины, у тощихъ-же онъ почти совсѣмъ

исчезаетъ. Въ дождливое время, доставляющее сочную растительную пищу, горбъ, почти совсѣмъ незамѣтный въ голодное и сухое время, очень быстро вырастаетъ, и его вѣсъ можетъ достигъ 15-ти kgr., между тѣмъ какъ вѣсъ этотъ можетъ понизиться до 2-хъ или 3-хъ kgr. Ноги худо сложены, и именно заднія бедра очень выдаются изъ туловища и тѣмъ увеличиваютъ безобразіе животнаго. Довольно длинные и широкіе пальцы на ногахъ покрыты до конца такой-же кожей, какъ и все тѣло. Ихъ раздѣленіе обозначается глубокой складкой на верхней части широкой мозолистой ноги. Внизу нога образуетъ какъ-бы подушку и округляется, какъ спереди, такъ и сзади. Слѣдъ, который оставляетъ животное, имѣетъ продолговатый оттискъ съ двумя перетяжками и двумя острыми углубленіями спереди, происходящими отъ маленькихъ копытъ. Оканчивающійся жидкою кистью хвостъ доходитъ до пяточного сустава. Шерсть мягкая, нѣсколько волнистая и значительно удлинена на темени, затылкѣ, подъ горломъ, на плечахъ и на горбѣ, а кончикъ хвоста утолщенъ. Своеобразны также мозоли, которыя находятся на груди, локтяхъ и суставахъ переднихъ конечностей на колѣнныхъ и пяточныхъ суставахъ; съ годами онѣ увеличиваются въ объемѣ и дѣлаются болѣе твердыми. Мозоли на груди сильно выдаются изъ остальной кожи, какъ особый горбъ, и составляютъ какъ-бы подушку, на которой покоится все тѣло, когда животное отдыхаетъ. Первоначально во рту дромадера замѣчается по 6-ти рѣзцовъ на верхней и нижней челюстяхъ; 4 среднихъ переднихъ зуба въ верхней челюсти очень рано выпадаютъ и снова уже не вырастаютъ, поэтому у взрослыхъ животныхъ и бываетъ въ верхней челюсти только 2 рѣзца, которые довольно велики, имѣютъ форму клыковъ, заострены и согнуты на концѣ, между тѣмъ, какъ въ нижней челюсти рѣзцы очень похожи на лошадиные. Кромѣ того въ каждой челюсти находятся клыки, которые въ верхней челюсти по своей величинѣ и своему виду скорѣе напоминаютъ клыки сильнаго хищника, чѣмъ зубы жвачнаго животнаго. И коренные зубы имѣютъ своеобразную форму.

Окраска верблюда очень разнообразна. Чаще всего, безъ сомнѣнія, встрѣчаются верблюды свѣтлаго песочнаго цвѣта, но бываютъ также сѣрые, бурые и совсѣмъ черные или-же съ блѣдыми свѣтлыми ногами, но ибѣгихъ никогда не бываетъ. Арабы считаютъ черныхъ верблюдовъ худшими и менѣе цѣнными, чѣмъ свѣтлыхъ, и потому они имѣютъ обыкновеніе убивать ихъ въ ранней молодости. Молодые верблюды отличаются отъ взрослыхъ мягкой шерстью, которая покрываетъ все тѣло, а также и болѣе красивымъ округленнымъ тѣлосложеніемъ, такъ какъ всѣ угловатости, замѣчаемыя у взрослыхъ верблюдовъ, появляются только съ годами.

Въ настоящее время дромадеръ извѣстенъ лишь какъ домашнее животное во всѣхъ странахъ Африки отъ Средиземнаго моря до 12°, а въ странѣ Сомали до 5° с. ш. такъ-же, какъ и въ юго-западной Азіи. На крайнемъ Востокѣ, въ Бухарѣ и Туркменіи дромадеръ встрѣчается рядомъ съ двугорбымъ верблюдомъ и, по словамъ А. Вальтера, тамъ попадаются очень высоко цѣнимые ублюдки обоихъ видовъ. Затѣмъ дромадера мы находимъ въ Персіи, Малой Азіи, Сиріи, Аравіи, по сѣверу Африки до Атлантическаго океана. Онъ находится также на Канарскихъ островахъ и, кромѣ того, ввезенъ въ Австралію, сѣверную Америку, Италію и южную Испанію. Въ сухихъ мѣстностяхъ сѣверной Индіи онъ чувствуетъ себя вполне хорошо. «На островѣ Занзибарѣ», говоритъ Гансъ Мейеръ, «дромадеры работаютъ у султана на маслобойняхъ, но худо переносятъ тамошній климатъ».

Первоначальной родиной дромадера, повидимому, была Аравія, такъ какъ въ сѣверную Африку, по всей вѣроятности, перевезли его довольно поздно. На древнеегипетскихъ памятникахъ не находятъ изображенія этого страннаго животнаго, а

ДРОМАДЕРЪ.

также не упоминають о немъ, какъ о туземномъ животномъ, римскіе и греческіе писатели, которые путешествовали по древнему Египту. «Песмотря на то», такъ пишетъ Дюмихенъ, «это животное было уже извѣстно древнимъ египтянамъ въ послѣднія времена древняго египетскаго царствованія. Названіе дромадеръ, по-видимому, заимствовано было изъ семитическихъ нарѣчій, такъ какъ египетское названіе «Камоааль» очевидно соотвѣтствуетъ еврейскому «Гамаль»; кромѣ того встрѣчается видоизмѣненіе этого названія «Камели» и «Камелія», въ коптскомъ-же удерживается оно въ видѣ «Гамауль» или «Джамауль». На одномъ изъ папирусовъ, относящихся къ тому времени, когда древняя египетская письменность была наиболѣе развита, говорится о путешествіи по Сиріи и Палестинѣ одного египтянина, который рассказываетъ, что путешественникамъ давали въ пищу верблюжье мясо. Въ другомъ-же папирусѣ того-же времени, переданномъ намъ Шаба, именно отъ XIV-го столѣтія до Р. Х. значится: «Верблюда, повинующагося каждому слову, привозятъ въ Египетъ изъ Эѳіопіи». Древніе египтяне, отлично умѣвшіе дрессировать животныхъ, кажется, научили и верблюда особаго рода танцу. Этотъ танецъ носилъ названіе «Кенъ-кенъ», но египтяне сами также имѣли подобный танецъ, который подражалъ неуклюжимъ движеніямъ танцующаго верблюда и вслѣдствіе этого получилъ названіе «Камели-камели» (камели—верблюдъ).

«На одномъ папирусѣ, относящемся къ вышеупомянутому царствованію Рамзеса, ясно говорится «*Tu her Seba Kameli er kenken*», по русски: «начинають обучать верблюда танцамъ». На другомъ папирусѣ говорится о томъ, что верблюдъ употребляется какъ вьючное животное. Эти примѣры достаточно указываютъ на то, что древніе египтяне уже въ XIV столѣтіи до Р. Х. были знакомы съ верблюдами и пользовались ими». Въ Библии это животное очень часто упоминается подъ названіемъ «Гамаль»; у Иова было сначала 3000, а потомъ 6000 верблюдовъ, у медіанитянъ-же и амалекитянъ ихъ было «какъ песку въ морѣ». Животными этими пользовались такъ-же, какъ и теперь. По сѣверной Африкѣ дромадеры распространились вмѣстѣ съ арабами. Ихъ прирученіе относится къ доисторическимъ временамъ. Неизвѣстно также откуда онъ происходитъ. Дикіе или одичалые верблюды этого вида теперь уже нигдѣ не встрѣчаются. Верблюдъ—настоящее животное пустыни и только въ самыхъ сухихъ и жаркихъ странахъ чувствуетъ себя хорошо, между тѣмъ какъ въ обработанныхъ и сырыхъ мѣстностяхъ онъ теряетъ многія изъ своихъ хорошихъ качествъ. Въ Египтѣ, вѣроятно благодаря обильному корму, разводили, мало-по-малу, большихъ и плотныхъ верблюдовъ, но они также потеряли многія изъ своихъ драгоцѣннѣйшихъ достоинствъ, именно легкость хода, выносливость, умѣренность, и потому арабы пустыни ихъ цѣнятъ невысоко. Въ экваторіальныхъ-же странахъ Африки, гдѣ растительность становится богаче, верблюды болѣе не встрѣчаются. Многія попытки проникнуть съ ними въ самый центръ Африки не имѣли никогда успѣха. Внутри области своего распространенія верблюдъ чувствуетъ себя хорошо и бываетъ постоянно здоровъ, далѣе къ югу онъ становится слабымъ и наконецъ при изобильной пищѣ вымираетъ безъ всякой видимой причины. Хотя арабы и утверждаютъ, что особая муха, которую они ужасно боятся, часто бываетъ виновницей смерти ихъ верблюдовъ, однако-же это мнѣніе основывается на заблужденіи: верблюдъ не можетъ выносить сырыхъ и жаркихъ странъ. Около сорока лѣтъ тому назадъ пробовали, говорить Гаскарль, развести его на Явѣ, но скоро увидали всю тщетность этой попытки, такъ какъ верблюды тамъ даже не размножались, взрослые-же скоро околѣвали отъ непривычнаго климата и пищи. Мы узнаемъ кромѣ того отъ Пахтигалия, что дромадеры даже въ Африкѣ плохо акклиматизируются, если ихъ переселяютъ изъ одной мѣстности

сти въ другую. Такъ погибаетъ болѣе статный верблюдъ южной части пустыни въ сѣверныхъ частяхъ Африки, а привезенный отсюда въ область озера Чадъ въ дождливое время года, тамъ постоянно околѣваетъ или-же дѣлается негоднымъ.

До сихъ поръ еще не постарались развести это полезное животное сѣвернѣ Сахары; но едва-ли можно сомнѣваться, что оно можетъ жить въ тѣхъ странахъ, которыя мало разнятся отъ его родины, особенно если принять во вниманіе климатическія условія его настоящей родины. Въ 1622 году Фердинандъ II Медичи велѣлъ привезти дромадеровъ въ Тоскану, къ которымъ, какъ говоритъ Гребергъ, въ 1736—39 году присоединили еще 14 штукъ, перевезенныхъ изъ Туниса, и до сихъ поръ эти животныя тамъ разводятся. Въ области Санъ-Россоре, около Пизы, на большой песчаной равнинѣ верблюды чувствуютъ себя вполнѣ хорошо и живутъ какъ на родинѣ. Въ 1810 году ихъ насчитывали 170 штукъ, а въ 1840 году только однимъ больше; болѣе 200, по словамъ Лессона, ихъ никогда не бывало. Дромадеры и въ настоящее время живутъ тамъ и могутъ считаться вполнѣ туземными животными. Самокъ держать для размноженія, а самцовъ для работъ, которыя они превосходно исполняютъ, такъ какъ гораздо лучше лошадей и воловъ способны перевозить тяжести по песчаному грунту, и ихъ гораздо дешевле содержать. Отсюда снабжаются дромадерами зоологическіе сады и звѣрницы. Въ Сициліи, куда ихъ также ввезли, хотѣли воспользоваться ими какъ вьючными животными для сѣрныхъ рудниковъ, но всѣ они погибли. Въ южной Испаніи также начали разводить верблюдовъ и получили благоприятные результаты.

Въ 1856 году правительство Соединенныхъ Штатовъ закупило черезъ посредство Генриха Вайна въ Смирнѣ 75 дромадеровъ и перевезло ихъ въ Сѣверную Америку, гдѣ они должны были служить вьючными животными въ степяхъ Техаса, Аризоны, Новой Мексики и т. д. Секретарь Смитсоновской академіи въ Вашингтонѣ, Г. Ланглей очень любезно извѣстилъ насъ о ходѣ этого предпріятія. «При началѣ междуусобной войны всѣ эти дромадеры попали во власть Южныхъ Штатовъ. Ихъ держали въ Кампо-Верде, находящемся приблизительно въ 60-ти англійскихъ миляхъ на сѣверо-западъ отъ Сантъ-Антоніо, въ Техасѣ и употреблялись для отправки почты между обоими мѣстами. Иногда проходили они туда обратно (120 англійскихъ миль) въ одинъ день. Въ Кампо-Верде число ихъ немного увеличилось отъ размноженія. По окончаніи междуусобной войны они снова перешли во владѣніе правительства Соединенныхъ Штатовъ. Но вслѣдствіе прекращенія войны животныя эти не пользовались болѣе внимательнымъ надзоромъ со стороны офицеровъ, и потому число ихъ значительно уменьшилось. Въ 1866 году правительство продало всѣхъ верблюдовъ въ Сантъ-Антоніо съ публичнаго торга. Нѣкоторыхъ отправили въ Аризону, но большинство въ сѣверный Техасъ, гдѣ ими пользовались скотоводы этой мѣстности. Вскорѣ послѣ этого ими перестали заниматься. Нѣкоторые околѣли, нѣкоторыхъ выпустили на волю и, говорятъ, что до сихъ поръ еще одинъ или два изъ этихъ верблюдовъ рыщутъ въ одичаломъ состояніи по мѣстности, называемой Льяно-Эстакадо. Въ то-же самое время, когда продавали это стадо съ публичнаго торга, нѣкоторые дромадеры были куплены въ Калифорнію, гдѣ должны были перевозить тяжести между Иніо въ Калифорніи, и Карзонъ въ Невадѣ, но такъ какъ результаты не оправдывали ожиданій, то этихъ также отпустили на волю. Мнѣ сообщали, что еще и въ настоящее время нѣкоторые верблюды, оставшіеся въ живыхъ, бродятъ въ одичаломъ состояніи въ пустыняхъ южной Аризоны и Калифорніи. Въ январѣ 1889 года былъ пойманъ въ Аризонѣ, въ мѣстечкѣ, называемомъ Жила-Бэндъ, одинъ изъ этихъ одичалыхъ дромадеровъ. Это было послѣднее извѣстіе, которое мы получили объ этихъ животныхъ».

Дромадеры разводятся въ большомъ количествѣ по всѣму сѣверу и востоку Африки. Безчисленные количества ихъ движутся по большимъ дорогамъ пустыни, между бассейномъ Нигера и сѣверомъ Африки. Число ежегодно околѣвающихъ на этихъ дорогахъ верблюдовъ не можетъ быть точно исчислено, но насколько оно велико можно лучше всего видѣть, когда самъ пройдешься по этой пустыни. Въ Пубійской пустынѣ такъ-же, какъ въ пустынѣ Баюда, нашелъ я въ началѣ и въ концѣ вышеупомянутыхъ дорогъ на пространствѣ нѣсколькихъ миль скелеты верблюдовъ, лежащихъ такъ часто одинъ отъ другого, что вся дорога обозначена ихъ чисто выбѣленными костями. Пустыня служитъ верблюдамъ не только отечествомъ и мѣсторожденіемъ, но также и мѣстомъ смерти и могилой; малое количество убиваемыхъ верблюдовъ въ сравненіи съ оканчивающими свою жизнь на трудовомъ пути, такъ незначительно, что не стоитъ о немъ упоминать.

Верблюдъ питается исключительно растительною пищею, но при этомъ вовсе не разборчивъ; конечно, можно съ увѣренностью утверждать, что умѣренность есть его главная добродѣтель: онъ довольствуется самымъ дурнымъ кормомъ. Онъ можетъ по цѣлымъ недѣлямъ питаться самыми сухими и жесткими растеніями, свойственными пустынѣ. При случаѣ онъ съ удовольствіемъ сѣдаетъ старую корзину или мату изъ расщепленныхъ черешковъ листьевъ финиковой пальмы. Въ восточномъ Суданѣ шалаши туземцевъ состоятъ изъ тонкихъ жердей, переплетенныхъ степной травой; эти хижины приходится окружать густою изгородью изъ колючихъ кустарниковъ, такъ какъ иначе верблюды сѣдали-бы весь шалащъ до основанія. Удивительно, что самыя большіе и острые шипы и колючки не ранятъ твердую часть верблюда. Я видѣлъ нѣсколько сотъ разъ, что дромадеры преспокойно сѣдали цѣлыя вѣтви акацій, которыя буквально были покрыты шипами. Фактъ этотъ получаетъ особое значеніе, если принять во вниманіе, что большинство этихъ шиповъ очень остры и могутъ даже проткнуть насквозь толстую подошву сапоговъ. Когда караванъ останавливается для отдыха и верблюдовъ пускаютъ свободно пастись для отысканія пищи, то они бѣгаютъ отъ дерева къ дереву и пожираютъ всѣ вѣтви, которыя могутъ достать. Они очень искусно отламываютъ вѣтви своими губами, а затѣмъ въѣдливо проглатываютъ ихъ, вовсе не обращая вниманія на то, въ какомъ направленіи сидятъ шипы на стеблѣ. Однако они очень довольны, когда могутъ достать сочныя растенія: они страшнымъ образомъ опустошаютъ поля, если могутъ до нихъ добраться, охотно ѣдятъ низкорослые бобы, горохъ и вику, а зерна всякаго рода служатъ имъ лакомствомъ. Во время путешествія по пустынѣ, когда вечеромъ необходимо по возможности уменьшить тяжесть вьюковъ, арабы берутъ съ собою только немного зеренъ дурро или ячменя и каждый вечеръ даютъ верблюду двѣ пригоршни этихъ зеренъ, высыпавъ кормъ въ складку своего бурнуса или просто къ себѣ на колѣни. Въ городахъ ихъ кормятъ часто конскими бобами, а въ деревняхъ они чаще всего получаютъ только жесткое сѣно или солому дурро. Однако кажется, что листья различныхъ деревьевъ и кустарниковъ составляютъ любимую пищу дроматерей; по крайней мѣрѣ замѣчено, что эти животныя точно такъ, какъ и жираффы, всегда направляются къ деревьямъ, если имъ предоставить свободу.

При сочномъ кормѣ дроматеръ можетъ по цѣлымъ недѣлямъ обходиться безъ воды, если только онъ не слишкомъ тяжело навьюченъ, не очень утомляютъ его длинными переходами и онъ можетъ выбирать себѣ кормъ по своему усмотрѣнію. Кочующія племена Баюды иногда по нѣскольку недѣль вовсе не заботятся о своихъ верблюдахъ, предоставляя имъ самимъ отыскивать кормъ, гдѣ хотятъ, и часто случается, что эти животныя все это время вовсе не пьютъ воды, а довольствуются листьями, покрытыми росой, и сочными травами. Иначе бываетъ во время засухи.

Утверждают, что въ это время верблюды могутъ отъ 14—20 дней обходиться безъ воды, но рассказы эти слѣдуетъ считать баснями, которыя возбуждаютъ улыбку у всякаго человѣка, знакомаго съ мѣстными условіями. Когда я въ октябрѣ 1847 и въ январѣ 1848 г. проѣзжалъ съ караваномъ по степи Баюда, то верблюды наши во время восьмидневнаго путешествія были напоены всего одинъ разъ, но въ это время въ степи еще было много зеленой травы, и дромадеры прекрасно выдержали путешествие. Когда-же я, два года спустя, въ іюнѣ мѣсяцѣ проѣзжалъ почти той-же дорогой, то на седьмой день пути верблюды наши были до того слабы, что валились на землю, хотя на четвертый день ихъ напоили. Мы должны были развьючить нѣсколькихъ верблюдовъ и на нихъ продолжать наше путешествие и, только благодаря этому, мы съ трудомъ добрались до Цила. Если караванъ находится въ пути въ налящій жаръ африканскаго лѣта, то верблюды должны, кромѣ достаточнаго количества корма, получать ежедневно и воду, и кромѣ того черезъ четыре дня имъ слѣдуетъ давать отъ 30—40 часовъ полного отдыха; только тогда они хорошо переносятъ дорогу. Но арабы очень рѣдко не поятъ ихъ въ теченіи четырехъ дней, и это случается обыкновенно только тогда, когда колодезь, изъ котораго надѣялись достать воду, высохъ. Однако въ послѣднее время мы получили точное свѣдѣніе, что въ крайнемъ случаѣ верблюды могутъ дѣйствительно довольно долгое время обойтись безъ питья. Когда Джэмсъ въ январѣ 1885 года со своей экспедиціей проходилъ черезъ страну Сомали, то его 103 вьючныхъ верблюда прошли 340 килом. въ 13 дней, не получивши во время пути ни капли воды. Конечно, солнце въ это время не очень сильно жгло, такъ какъ дни были довольно коротки, но все таки засуха была очень сильна, верблюды получали только плохой кормъ, и поэтому такое долгое воздержаніе отъ воды слѣдуетъ считать удивительнымъ фактомъ.

Въ прежнее время выносливость верблюда относительно питья пытались объяснить особеннымъ строеніемъ его желудка. Думали, что крупныя сѣтчатыя полости, замѣчаемыя въ первыхъ двухъ желудкахъ верблюда, служатъ запасными вмѣстителями для воды; въ старыхъ описаніяхъ путешествій по Африкѣ говорится, что путники, въ крайнемъ случаѣ убивавшіе своихъ верблюдовъ, находили нѣкоторое количество воды въ ихъ желудкахъ. Хотя я уже на родинѣ сомнѣвался въ справедливости этого факта, однако нарочно переспросилъ объ этомъ всѣхъ старыхъ, посѣдѣвшихъ въ степи, погонщиковъ верблюдовъ: ни одинъ изъ нихъ ничего не слышалъ объ этой исторіи и даже не могъ повѣрить, что кто-нибудь можетъ повторить такую страшную ложь. Впослѣдствіи, когда приходилось присутствовать при убойѣ верблюдовъ, которые наканунѣ были еще напоены, то я лично убѣдился, что нѣтъ никакой возможности выпить воду, которая въ теченіи цѣлаго дня была въ желудкѣ смѣшена съ пищею и желудочною слизью. Вообще весь верблюдъ имѣетъ очень неприятный запахъ, а кашлица изъ его желудка такъ страшно воняетъ, что даже полумертвый отъ жажды человѣкъ не рѣшится ее проглотить.

Весело смотрѣть, какъ усталые, голодные и жаждущіе верблюды подходятъ къ водопою или рѣкѣ. Они поднимаютъ головы, полузакрывши глаза обнюхиваютъ воздухъ, прижимаютъ уши назадъ и такъ сильно начинаютъ бѣжать, что вужно крѣпко сидѣть въ сѣдлѣ, чтобы не быть опрокинутымъ. Подбѣжавши къ водопою они съ жадностью кидаются къ водѣ и долго пьютъ съ особымъ наслажденіемъ. Животъ у нихъ значительно раздувается, и при дальнѣйшей жадѣ вода въ желудкѣ производитъ такой шумъ, какъ будто верблюдъ везетъ бочку, наполненную до половины водою. Въ дождливое время года, когда воды достаточно, арабы растворяютъ каменную соль или соленую землю въ лужахъ, гдѣ пьютъ верблюды. Соль необыкновенно увеличиваетъ аппетитъ благороднаго корабля пустыни, и тогда горбы ихъ дѣлаются высокими и твердыми.

Слѣдуетъ замѣтить, что выносливость верблюда въ значительной степени зависитъ отъ воспитанія. Какъ ни умѣренно это животное, но его легко избаловать, и тогда въ извѣстномъ отношеніи оно дѣлается никуда не годнымъ. Верблюды, живущіе въ пустынѣ, которые съ юности привыкли пить только черезъ 4—6 дней и должны питаться скудными растеніями своего отечества, безъ сомнѣнія болѣе пригодны для путешествія по Сахарѣ, чѣмъ дромадеры, которые живутъ въ мѣстностяхъ съ хорошею растительностью и потому привыкли къ обильному корму и ежедневному питью. Первые, т. е. верблюды пустыни, почти всегда меньше и худѣе, хотя это нельзя считать постояннымъ явленіемъ. Нахтигаль, описывая верблюдовъ страны Тибести, говоритъ, что число ихъ не очень значительно, но очень хвалить ихъ хорошія качества. «Шлема Тибу», продолжаетъ онъ, «вмѣстѣ съ жителями Эннеди выращиваютъ лучшихъ верблюдовъ восточной части Сахары, и верблюды эти относятся къ той породѣ, которая свойственна южной и среднен части пустыни и отличается отъ сѣверо-африканской породы, называемой иногда арабской. Последняя, т. е. арабская порода имѣетъ короткія толстыя конечности, плотное туловище, толстую голову на короткой шеѣ и мохнатую шерсть; верблюды эти очевидно болѣе пригодны какъ вьючныя животныя. Верблюды туареговъ и тибу имѣютъ болѣе стройное тѣлосложеніе, высокія ноги, короткую гладкую шерсть и маленькую голову на тонкой шеѣ; съ перваго взгляда замѣтно, что эти животныя болѣе способны къ быстрымъ движеніямъ, чѣмъ къ перевозкѣ тяжестей. Удивительно съ какою легкостью и умѣренностью эти животныя лазаютъ по горамъ своей родины. и Шейхъ-эть-Туннзи не преувеличиваетъ, утверждая, что тибу умѣютъ дрессировать верблюдовъ, какъ лошадей. Впослѣдствіи я имѣлъ возможность убѣдиться, что туареги и нѣкоторыя племена Аравійской пустыни еще лучше, чѣмъ тибу, дрессируютъ верховыхъ дромадеровъ. Съ сѣверными верблюдами невозможно слѣдовать за верблюдами племени тибу особенно по каменистому грунту и по горамъ; зато на равнинахъ при одинаковомъ кормѣ сѣверные верблюды болѣею частью выносливѣе.»

Когда смотришь на спокойно стоящаго дромадера, то никакъ нельзя себѣ вообразить, что это животное можетъ въ скорости соперничать съ арабскою лошадыю. однако это вѣрно. Верблюды, выращенные въ пустынѣ, представляютъ собою прекрасныхъ верховыхъ животныхъ и могутъ, не отдыхая, пробѣгать большія пространства, чѣмъ какое-либо другое домашнее животное. Всѣ верблюды, двигаясь шагомъ или рысью, идутъ, повидимому, очень неуклюжею иноходью, но у хорошо дрессированныхъ дромадеровъ иноходь эта очень удобна и граціозна. Когда верблюдъ идетъ тихимъ шагомъ, то онъ удивительно странно переступаетъ ногами и, кромѣ того, постоянно качаетъ головой поочередно впередъ и назадъ, поэтому тихая походка верблюда въ высшей степени некрасива. Но если верблюда хорошей породы пустить рысью, то онъ, не останавливаясь, сохраняетъ этотъ аллюръ и бѣжитъ легко и красиво. Быстроногихъ, дрессированныхъ верблюдовъ въ Африкѣ называютъ «хеджинъ» или «верблюдъ паломниковъ», а всадника его «хеджанъ», понимая, впрочемъ, подъ этимъ словомъ верхового почтари. Почтари эти въ короткое время пробѣгаютъ необыкновенно большія пространства. Особенно знамениты дромадеры, которыхъ выращиваютъ около города Эсна, въ Верхнемъ Египтѣ, но еще знаменитѣе дѣйствительно превосходные верблюды племени бинариинъ въ восточномъ Суданѣ. На такомъ хеджинѣ бѣжалъ Мехмедъ-Али изъ Каира въ Александрію, пробѣжавъ безъ отдыха 175 килом. въ 12 часовъ. Въ Египтѣ и Нубіи называютъ дромадеровъ, которые могутъ пробѣжать въ одинъ день десять станцій (Махада), «десятниками». (Аашари) и цѣнятъ этихъ животныхъ очень высоко, что совершенно справедливо, такъ какъ разстоянія между станціями среднимъ числомъ бываютъ отъ 10 до 14,

а иногда до 18 килом. Ни одна лошадь не выносит такой ѣзды, какъ-бы хороша она ни была. Хотя лошадь вначалѣ и перегоняетъ дромадера, когда оба идутъ рысью, но первая очень скоро отстаетъ, между тѣмъ какъ верблюдъ продолжаетъ весь день идти тѣмъ-же шагомъ. Если дать дромадеру среди дня нѣсколько отдохнуть, то на немъ можно ѣхать остальную часть дня, съ ранняго утра до поздняго вечера, въ теченіи 16 часовъ, причемъ безъ особаго напряженіе онъ пробѣгаетъ рысью 140 килом. Хорошій верблюдъ при обильномъ кормѣ и достаточномъ количествѣ воды для питья выдерживаетъ отъ 3 до 4 дней подъ рядъ такой ѣзды и можетъ въ это время проѣхать до 500 килом.

Обыкновенные дромадеры и вьючные верблюды идутъ гораздо тише. Первые при хорошихъ условіяхъ могутъ пробѣгать въ одинъ день лишь половину того, что пробѣгаютъ вышеупомянутые хеджины, но большею частью лишь 50 килом. въ сутки; вьючные-же верблюды, по словамъ Вильямса, съ ношею въ 150 kgr. проходятъ среднимъ числомъ лишь 4 килом. въ часъ, но могутъ безъ остановки идти 12 часовъ, а иногда и дольше. Нахтигаль имѣлъ случай довольно точно измѣрить скорость движеній каравановъ по пустынѣ и нашель, что верблюды проходятъ въ часъ 3,5 килом., если имъ позволяютъ, отъ времени до времени, на пути срывать траву для ѣды; если-же ихъ держать въ порядкѣ и не позволять имъ пасть по дорогѣ, то они, при благоприятныхъ условіяхъ, могутъ пройти 4 килом. и даже нѣсколько болѣе. При небольшихъ переходахъ и при хорошей дорогѣ караваны проходятъ иногда до 40 килом. въ сутки, но во время длиннаго пути, если считать необходимые для верблюдовъ дни отдыха, то караваны проходятъ среднимъ числомъ отъ 25—30 килом. въ сутки, слѣдовательно они достигаютъ почти той-же скорости, какъ европейская кавалерія при большихъ переходахъ. Чтобы ускорить бѣгъ верблюдовъ погонщики щелкаютъ языкомъ или бьютъ по воздуху бичами, что для хорошаго верблюда совершенно достаточно. Въ нѣкоторыхъ караванахъ привѣшиваютъ верблюдамъ бубенчики или колокольчики, что, повидимому, нравится этимъ животнымъ. Пѣніе ихъ также приободраетъ. Хотя при путешествіяхъ черезъ пустыню въ восточной части Африки тяжесть вьюковъ одного верблюда обыкновенно не превосходитъ 150 kgr., но очень часто случается, что вьюки бываютъ гораздо тяжелѣе. Въ средней Сахарѣ, по Нахтигалю, на верблюда кладутъ до 200 kgr., а на пути изъ Донгола въ Дарфуръ арабы кладутъ на cadaго верблюда до 400 kgr. Для того, чтобы урегулировать тяжесть вьюковъ на верблюдахъ, египетское правительство приказало не класть болѣе 250 kgr. на одно животное.

Арабъ требуетъ отъ хорошаго дромадера трехъ качествъ: во-первыхъ онъ долженъ имѣть покойный ходъ при рыси, во-вторыхъ не требовать кнута и въ третьихъ не кричать, когда встаетъ или ложится. Только тотъ, кто часто имѣлъ дѣло съ верблюдами, можетъ понять значеніе этихъ требованій, такъ какъ обыкновенный вьючный верблюдъ есть ужасное животное для верховой ѣзды. При обыкновенной иноходи верблюдъ бросаетъ ѣздока изъ стороны въ сторону, и онъ правильно покачивается, какъ китайскій истуканчикъ, впередъ и назадъ, направо и налево. Но если верблюдъ бѣжитъ рысью, то ѣздоку гораздо легче: боковое покачиванье прекращается и, если хорошенько усеѣтся въ сѣдло, то трясеть не больше, чѣмъ при ѣздѣ рысью на лошади. При очень сильномъ возбужденіи верблюдъ начинаетъ бѣжать галопомъ, но долго не можетъ выдержать этого аллюра; всадникъ-же, даже самый искусный въ верховой ѣздѣ, при этомъ непременно валится на землю, а верблюдъ весело бѣжитъ дальше и скоро переходитъ на обыкновенную рысь. Поэтому арабы приучаютъ хорошихъ верблюдовъ идти только рысью.

Верблюдъ, выращенный въ равнинахъ, почти не годится для употребленія въ горныхъ странахъ, такъ какъ подниматься на высоту ему чрезвычайно трудно;

центр тяжести верблюда, при его длинныхъ ногахъ, лежитъ очень высоко и потому при спускѣ съ горы ему очень затруднительно удерживать равновѣсіе. Однако, когда верблюды пасутся, то иногда сами лазаютъ по возвышенности, но дѣлаютъ это очень неуклюже. Въ водѣ верблюдъ чувствуетъ себя еще хуже; уже на водопояхъ онъ очень неловко входитъ въ воду, если же приходится съ верблюдами переходить черезъ большую рѣку, то затрудненія въ сильной степени увеличиваются; верблюдъ плавать не можетъ, а плоты и барки бываютъ большею частью слишкомъ малы для него, и потому приходится заставлять его плыть около плота, поддерживая его за голову и хвостъ, что, конечно, вовсе неудобно.

Голосъ дромадера трудно описать; въ немъ смѣшивается самымъ удивительнымъ образомъ стонъ и клекотанье, ворчанье и ревъ. Между внѣшними чувствами слухъ, вѣроятно, развитъ лучше другихъ, зрѣніе, кажется, гораздо слабѣе, а обоняніе навѣрно очень плохо развито. Осизаніе, напротивъ того, довольно тонкое, и верблюдъ очень часто выказываетъ присутствіе вкуса; однако во всякомъ случаѣ слѣдуетъ признать, что у этого животнаго внѣшнія чувства не особенно тонки. Не можетъ онъ также похвалиться душевными способностями. Чтобы хорошенъко судить о верблюдѣ, слѣдуетъ его наблюдать при такихъ условіяхъ, которыя даютъ ему возможность заявить свои умственные способности. Необходимо избрать одно животное и внимательно смотрѣть, какъ оно переноситъ самую тяжелую работу. Нельзя не признать, что дромадеръ выказываетъ удивительную способность самымъ ужаснымъ образомъ ежеминутно злится человѣку. При обыкновенныхъ обстоятельствахъ онъ выказываетъ только глупость и злость, но чѣмъ ближе съ нимъ знакомишься, тѣмъ болѣе убѣждаешься въ томъ, что къ вышеупомянутымъ порокамъ слѣдуетъ еще прибавить: трусость, страшное упрямство, противодѣйствіе всему разумному, ненависть и равнодушіе къ тѣмъ, кто за нимъ ухаживаетъ и оказываетъ ему благодѣяніе, и еще много другихъ дурныхъ качествъ. Верблюдъ выказываетъ всѣ эти свойства съ удивительнымъ постоянствомъ и можетъ вывести изъ терпѣнія всякаго человѣка, которому приходится имѣть дѣло съ этой скверной скотиной. Это можетъ съ увѣренностью сказать тотъ человѣкъ, котораго верблюды не разъ сбрасывали съ сѣдла, топтали ногами, кусали, злобно покидали въ пустынь и по цѣлымъ днямъ и недѣлямъ ежечасно раздражали и злили, причемъ были надъ животными испытаны всѣ средства исправленія и наказанія. Ко всему этому слѣдуетъ добавить, что отъ верблюда воняетъ гораздо хуже, чѣмъ отъ всякаго козла, что онъ точно такъ-же раздражаетъ ухо своимъ ревомъ, какъ органъ обонянія своею вонью, а глазъ постояннымъ видомъ своей необыкновенно глупой головы на длинной качающейся шеѣ. Но все это можно было-бы ему еще простить, если-бы онъ съ страшнымъ упрямствомъ не выказывалъ-бы постоянного противодѣйствія волѣ своего господина; на мой взглядъ это слѣдуетъ признать самымъ дурнымъ качествомъ верблюда. Между тысячами верблюдовъ, которыхъ мнѣ приходилось видѣть въ Африкѣ, мнѣ случилось встрѣтить только одного, выказывающаго нѣкоторую привязанность къ своему хозяину.

Все высказанное однако относится лишь къ дромадерамъ извѣстной небольшой области. Янналъ, который относится къ этому животному гораздо болѣе снисходительно, говоритъ: «Въ Верхнемъ Египтѣ и сосѣднихъ странахъ, можетъ-быть, дѣйствительно встрѣчаются выродившіяся породы верблюдовъ, которыя заслуживаютъ только что высказаннаго мнѣнія». Многіе другіе путешественники даже и въ этихъ мѣстностяхъ не встрѣчали у верблюдовъ такихъ дурныхъ качествъ, а о дромадерахъ иныхъ, болѣе обширныхъ странъ мы находимъ гораздо лучшіе отзывы. Такимъ образомъ верблюды юго-восточной Азии, страны Сомали и Сахары рисуются совершенно

другими красками, и описаніе очень опытнаго путешественника Нахтигали не противорѣчитъ этому взгляду. О верблюдахъ южнаго Марокко пишетъ Яннашъ слѣдующее: «Животныя эти очень красивы и идутъ скоро, такъ что даже за навьюченнымъ верблюдомъ трудно слѣдовать пѣшкомъ сильному человѣку. Они очень умны и имѣютъ тонкое обоняніе; они издали замѣчаютъ различные предметы еще раньше дальнорычкихъ арабовъ, а какъ часто мы удивлялись зоркому зрѣнію этихъ людей! Верблюды слѣдовали за своими жожаками, останавливались, шли шагомъ или рысью, ложились, вставали и поворачивали, направо или налево, и дѣлали все это по командѣ, безъ всякаго внушительнаго понуканья. Старыя животныя вовсе не нуждались въ уздѣ, а молодымъ обвязывали морду веревкой изъ алфы (волокно, получаемое изъ растенія (*Stipa tenacissima*). Они громко кричали и выказывали нѣкоторое упрямство только тогда, когда ихъ навьючивали. Во время пути они шли очень осторожно, постоянно осматривались по сторонамъ и тотчасъ останавливались, если замѣчали что-нибудь особенное. Главныя качества этихъ характерныхъ для африканской пустыни животныхъ составляютъ: выносливость, терпѣніе и дѣятельность, и тамошніе арабы выращиваютъ прекрасные экземпляры этого животнаго. Ни на одномъ изъ нихъ не было замѣтно ранъ и стертыхъ мѣстъ, какія мы во множествѣ видѣли потому у большинства верблюдовъ Атласа и Анти-Атласа».

Во время течки дромадеръ дѣлается страшнымъ звѣремъ. Это происходитъ въ сѣверной части Африки отъ января до марта, причемъ возбужденіе продолжается отъ 8—10 недѣль. Самецъ въ это время шумитъ, реветъ, кусается, бьетъ передними и лѣгаетъ задними ногами, не щадя ни своихъ товарищей, ни людей; онъ дѣлается до того безпокойнымъ и яростнымъ, что часто ему приходится надѣвать намордникъ, чтобы предупредить несчастные случаи. Одинъ изъ моихъ погонщиковъ былъ искалѣченъ бѣшеннымъ отъ полового возбужденія верблюдомъ. Яростное животное схватило его за руку въ то время, когда онъ укладывалъ вьюки, и однимъ укусомъ разможило ему локтевой суставъ. Человѣкъ этотъ остался калѣкой на всю жизнь. Бывали случаи, что верблюды въ это время наносили людямъ смертельныя раны.

Въ теченіи полового возбужденія безпокойство животнаго все увеличивается. Оно перестаетъ ѣсть, скрипитъ зубами и какъ только увидитъ другаго верблюда, выпячиваетъ изъ пасти большой кожистый пузырь противнаго вида, такъ называемый «ревуль» (*Brüllsack*); тогда верблюдъ начинаетъ реветъ, сопѣть и ворчать самымъ невыносимымъ образомъ. У молодыхъ самцовъ мѣшокъ этотъ еще не настолько великъ, чтобы выпячиваться изъ рта, а у старыхъ онъ имѣетъ иногда отъ 30—35 см. длины и настолько выступаетъ наружу, что достигаетъ величины человѣческой головы. Случается, что пузыри появляются по обѣимъ сторонамъ рта, но чаще выступаетъ лишь одинъ съ правой или лѣвой стороны. При выпусканіи мѣшка животное вытягиваетъ голову впередъ и надуваетъ пузырь воздухомъ, отчего кровеносныя сосуды, покрывающіе его поверхность, очень ясно выступаютъ. При вдыханіи пузырь спадаетъ и получаетъ видъ округленнаго кожистаго мѣшка, который прятается въ ротъ, но при выдыханіи снова выпячивается. Одинъ самецъ достаточно для 6—8 самокъ. Послѣ 11—13 мѣсячной беременности самка дромадера родитъ одного дѣтеныша.

Маленькій верблюдъ въ первые дни своей жизни представляетъ собою настоящаго уродца, но, какъ всѣ молодыя животныя, нравится своею веселостью и своимъ смѣльнымъ видомъ. Онъ рождается съ открытыми глазами и покрытъ довольно длинною, густою, мягкою, волнистою шерстью. Горбъ у него очень маленькій, и мозоли на ногахъ едва замѣтны. По росту онъ значительно превосходитъ новоро-

жденнаго жеребенка: сначала вышина его бываетъ въ 1 м., но черезъ недѣлю уже онъ гораздо выше. При дальнѣйшемъ ростѣ шерсть дѣлается еще болѣе густою и длинною, и молодой верблюдъ тогда очень похожъ на своего американскаго сородича, альпака. Тотчасъ по рожденіи онъ слѣдуетъ за своей матерью, которая съ любовью за нимъ ухаживаетъ. Когда двѣ самки съ дѣтенышами сойдутся вмѣстѣ, то сіи послѣдніе весело играютъ другъ съ другомъ, а матери одобрительно ворчатъ. Самка верблюда кормить своего дѣтеныша молокомъ больше одного года и въ это время выказываетъ много мужества и при случаѣ храбро защищаетъ его. Мать заботится только о своемъ собственномъ дѣтенышѣ и на чужихъ не обращаетъ никакого вниманія.

Въ началѣ второго года арабы отучаютъ молодого верблюда отъ молока. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достигаютъ этого тѣмъ, что дѣтенышу протыкаютъ острую палочку черезъ перегородку ноздрей: палочка эта щекотитъ и царапаетъ вымя матки, и она сама отгоняетъ его. На верблюжемъ заводѣ въ Санъ-Россоре около Пизы, по словамъ Ломбардини, отучаютъ молодыхъ верблюдовъ отъ молока инымъ очень страннымъ способомъ: у самокъ просто стригутъ шерсть, и дѣтеныши тогда не могутъ узнать своихъ матерей. Самку верблюда употребляютъ въ работу нѣсколько дней послѣ того, какъ она отелилась и дѣтенышъ постоянно бѣжитъ около нея. Молодыхъ верблюдовъ, уже отученныхъ отъ молока, берутъ также съ собой въ дорогу, чтобы они съ-молоду приучались къ большимъ переходамъ. Смотря по величинѣ и красотѣ верблюда, уже съ третьяго года его дрессируютъ къ верховой ѣздѣ или къ ношенію вьюковъ. Тамъ, гдѣ ихъ много, ихъ начинаютъ объѣзжать только на пятомъ году, а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ верблюды болѣе рѣдки, ихъ принуждаютъ работать уже начиная съ третьяго года. Верховыхъ верблюдовъ объѣзжаютъ мальчишки. Молодое животное сѣдлаютъ легкимъ сѣдломъ и надѣваютъ на морду петлю изъ веревки. Юный наѣздникъ садится верхомъ и заставляетъ верблюда идти рысью, но какъ только онъ переходитъ на галопъ, то онъ его останавливаетъ, заставляетъ встать на колѣни и бьетъ бичемъ: если верблюдъ идетъ шагомъ, то наѣздникъ пріободряетъ его голосомъ и маханьемъ хлыста до тѣхъ поръ, пока животное не приучится постоянно бѣжать рысью, когда на немъ сидитъ всадникъ. Въ концѣ четвертаго года молодого верблюда уже употребляютъ въ дѣло во время дальнихъ путешествій.

Часто разсказываютъ, что верблюды, на которыхъ положено болѣе тяжестей, чѣмъ они могутъ снести, остаются лежать: они не встаютъ даже тогда, когда съ нихъ снимутъ вьюки, и въ этомъ положеніи ожидаютъ смерти, негодуя на жестокость людей. Но разсказъ этотъ совсѣмъ невѣренъ. Чрезмѣрно навьюченный верблюдъ не встаетъ только тогда, когда не въ силахъ этого сдѣлать; если же облегчить его ношу и пріободрить его нѣсколькими ударами, то онъ всегда встаетъ на ноги. Другое дѣло, если во время труднаго пути въ пустынѣ верблюдъ валится подъ тяжестью своего вьюка; онъ тогда дѣйствительно уже не встаетъ, но не изъ-за упрямства, а вслѣдствіе полнаго истощенія; въ большинствѣ случаевъ онъ тутъ-же и окопѣваетъ, такъ какъ не можетъ найти около себя корма и питья, которые могли-бы возстановить его силы.

Цѣна хорошаго верблюда очень колеблется въ различныхъ странахъ. Отличный бишаринъ стоитъ, если его покупать изъ первыхъ рукъ, отъ 200—300 марокъ, а обыкновенный вьючный верблюдъ рѣдко стоитъ болѣе 90 марокъ. По европейскимъ понятіямъ цѣна эта, конечно, невысока, но въ Суданѣ это большія деньги. Молодыхъ и плохихъ верблюдовъ можно купить и за 30 марокъ. Почти вездѣ въ Африкѣ цѣна верблюда примѣрно равняется цѣнѣ осла, но въ Суданѣ оселъ стоитъ гораздо дороже хорошаго верблюда.

Верблюды подвержены многимъ болѣзнямъ, но онѣ принимаютъ видъ эпизотіи только въ тропическихъ мѣстностяхъ. Нахтигаль рассказываетъ, что верблюды одного каравана эпидемически страдали болѣзью, похожею на гриппъ, и прибавляетъ, что эти животныя вообще склонны къ легкимъ и серьезнымъ формамъ легочныхъ болѣзней, на которыя мѣстные жители однако не обращаютъ большого вниманія, что очень странно, такъ какъ верблюды необыкновенно скоро слабѣютъ отъ малѣйшаго расстройства своего здоровья и быстро окопѣваютъ даже отъ легкихъ болѣзней. Въ Суданѣ, говорятъ, очень вредитъ верблюдамъ одна муха; по словамъ Юнкера, муха эта называется «суррета» и ее не слѣдуетъ смѣшивать съ «цеце»; она встрѣчается уже около города Мареба въ Аравіи и опасна для всѣхъ домашнихъ животныхъ, но въ особенности для дромадеровъ. Однако большинство верблюдовъ окопѣваетъ не отъ болѣзней, а отъ истощенія во время длинныхъ переходовъ. Только очень немногихъ убиваютъ. Смерть верблюда не лишена нѣкоторой доли поэзіи, умираетъ-ли онъ на желтомъ пескѣ пустыни или на бойнѣ, Мясо старыхъ верблюдовъ считается многими жесткимъ и твердымъ: по словамъ Нахтигали, оно имѣетъ своеобразный вкусъ, къ которому онъ однако скоро привыкъ; мясо это переваривается легко, и въ нѣкоторыхъ странахъ его ѣдятъ съ удовольствіемъ. Вильямсъ считаетъ мясо молодыхъ верблюдовъ за очень лакомое блюдо. Верблюжьими кожами покрываютъ шатры и изготовляютъ изъ нихъ различныя издѣлія, хотя кожа эта не очень прочна. Верблюжья шерсть придется, и изъ нея дѣлаютъ сукно и другія матеріи.

Молоко верблюда такъ жирно и густо, что въ пищу его употреблять противно, и потому оно рѣдко находитъ примѣненіе. Пометъ верблюдовъ, напротивъ того, часто употребляется въ дѣло. При путешествіяхъ по пустыни, гдѣ чувствуется недостатокъ въ дровахъ, утромъ собираютъ круглые, крѣпкіе катышки верблюжьего помета, имѣющіе величину грецкого орѣха, и вечеромъ ихъ жгутъ для согрѣванія пищи. Въ тѣхъ мѣстностяхъ Египта, гдѣ мало лѣсовъ, старательно собираютъ навозъ верблюда и другихъ домашнихъ животныхъ, мнутъ его и готовятъ родъ круглыхъ лепешекъ, которыя сушатся на солнцѣ и употребляются для топлива.

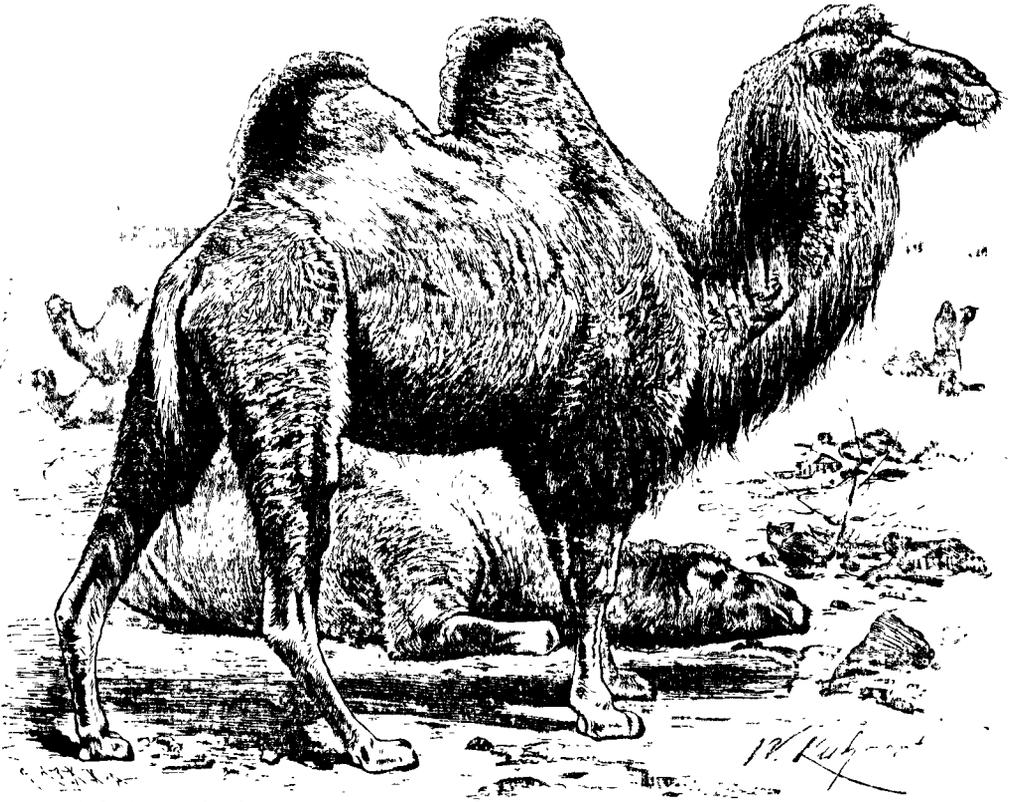
* *
*

Почти такое-же значеніе, какъ дромадеръ для Африки, имѣетъ **Двугорбый верблюдъ** (*Camelus bactrianus*. Trampeltier. Chameau.) для восточной и средней Азіи. Онъ отличается отъ вышеописаннаго верблюда двумя горбами, изъ которыхъ одинъ сидитъ на зашейкѣ, а другой передъ крестцомъ. Сложеніе тѣла у него неуклюжее и приземистое. Туловище длиннѣе, чѣмъ у дромадера, шерсть гораздо длиннѣе, а цвѣтъ обыкновенно темнѣе, чаще всего темно-бурый, а лѣтомъ рыжеватый.

Я очень сомнѣваюсь въ томъ, можно-ли двугорбаго верблюда считать отдѣльнымъ видомъ или слѣдуетъ его соединить въ одинъ видъ съ дромадеромъ. Оба вида легко скрещиваются, и потомство это способно къ размноженію. Ублюдки этихъ двухъ верблюдовъ, которыхъ Вальтеръ наблюдалъ въ Закаспійской области, постоянно болѣе походили на дромадеровъ, чѣмъ на двугорбыхъ верблюдовъ, но кромѣ хорошо развитаго задняго горба имѣли всегда зачатокъ второго. Вальтеръ, къ сожалѣнію, никакъ не могъ узнать, отъ какихъ родителей произошли эти ублюдки, т. е. принадлежалъ-ли отецъ или мать къ дромадерамъ, но всѣ ему говорили, что помѣси эти очень высоко цѣнятся, такъ какъ онѣ сильнѣе и выносливѣе среднеазиатскихъ верблюдовъ. Если считать этихъ животныхъ принадлежащими къ одному виду, то двугорбаго верблюда слѣдуетъ признать за первоначальную форму, а дромадера — за породу, полученную черезъ воспитаніе; киргизы и монголы утверждаютъ, что

всѣ дикіе верблюды—двугорбые. Пржевальскій въ семидесятихъ годахъ нашего столѣтія доказалъ, что во внутренней Азіи еще живутъ въ большомъ числѣ настоящіе дикіе верблюды, а не только одичалые (*Camelus bactrianus fergus*). Горбы у нихъ гораздо меньше, чѣмъ у домашнихъ, на переднихъ колѣнахъ замѣтны мозолистые наросты и черепъ имѣеть нѣсколько иное строеніе; насколько извѣстно, дикіе верблюды водятся въ южной Джунгаріи, восточномъ Туркестанѣ и Тибетѣ.

Двугорбаго верблюда разводятъ во всѣхъ степныхъ странахъ Средней Азіи, и онъ служитъ главнымъ образомъ для перевозки товаровъ между Китаемъ и южною Сибирью или Туркестаномъ. Въ Бухарѣ и Туркменіи его замѣняетъ уже дромадеръ

Двугорбый верблюдъ. *Camelus bactrianus*. $\frac{1}{23}$ наст. вел.

и совершенно вытѣсняетъ его тамъ, гдѣ степь принимаетъ видъ песчаной пустыни. Киргизы очень цѣнятъ верблюда, но къ разведенію его относятся не такъ внимательно, какъ къ разведенію другихъ домашнихъ животныхъ, и пользуются имъ гораздо менѣе, чѣмъ лошадей; для монголовъ восточной Азіи, напротивъ, этотъ верблюдъ имѣеть такое-же важное значеніе, какъ дромадеръ для арабовъ. Отдѣльныхъ породъ верблюдовъ немного, но онѣ довольно рѣзко отличаются одна отъ другой. Лучшіе верблюды разводятся въ южной части Тургайской области.

Хотя можно смѣло сказать, что двугорбый верблюдъ по своимъ привычкамъ и характеру очень похожъ на дромадера, но слѣдуетъ однако признать, что онъ болѣе добродушенъ: его легче словить, онъ охотнѣе повинуется приказаніямъ хозяина, ложится на землю безъ особыхъ усилій, причемъ издаетъ только слабое ворчанье

или громкій ревъ, и самъ собою останавливается, если вьюки на его спинѣ сдвинулись съ мѣста. Несмотря на это, двугорбый верблюдъ сохраняетъ главные качества, свойственныя всему роду. Слѣдуетъ высоко цѣнить его выносливость, неприхотливость, силу и постоянство, но кромѣ этого много хорошаго о немъ сказать нельзя. Его душевныя способности стоятъ столь-же низко, какъ и у дромадера: онъ точно такъ-же глупъ, равнодушенъ и трусливъ, какъ и его африканскій сородичъ. «Случается», пишетъ Пржевальскій, «что заяцъ, выскочившій изъ-подъ его ногъ, приводитъ его въ ужасъ: онъ быстро отскакиваетъ въ сторону и несется какъ безумный по степи, причѣмъ другіе верблюды слѣдуютъ за нимъ, не распознавъ въ чемъ дѣло. Большой черныи камень на дорогѣ, куча костей, свалившееся сѣдло пугаютъ его до того, что онъ теряетъ присутствіе духа и приводитъ въ замѣшательство весь караванъ. Если на него нападаетъ волкъ, то онъ и не думаетъ о защитѣ. Ему было бы легко повалить подобнаго врага однимъ ударомъ ноги, но онъ только плюетъ на него и оретъ во все горло. Даже вороны обижаютъ это безтолковое животное: онѣ садятся къ нему на спину и клюютъ наполовину закрывшіяся раны, натертыя вьюками, причѣмъ даже отрываютъ куски мяса отъ горба, верблюдъ-же и здѣсь не знаетъ, какъ справиться и только плюется и кричитъ. Исключеніемъ здѣсь служатъ самцы во время полового возбужденія, которые дѣлаются такими бѣшеными, что ихъ приходится привязывать цѣпями, чтобы они кого-либо не искалѣчили. Но какъ только время возбужденія пройдетъ, то и самцы дѣлаются смиренными и ко всему равнодушными, какъ прежде.

Верблюду этому также плохо живется на хорошихъ лугахъ; онъ требуетъ, напротивъ того, стѣнныхъ растеній, которыми съ трудомъ довольствуются другія травоядныя животныя, напримѣръ, полыни, дикаго лука, побѣговъ стѣнныхъ кустарниковъ, а главнымъ образомъ тѣхъ растеній, которыя свойственны солончакамъ; эти послѣднія особенно полезны для поддержанія его силъ и здоровья. Вообще соль необходима верблюду: онъ очень охотно пьетъ соленую воду стѣнныхъ водоемовъ и жадно хватается соль, осѣвшую по краямъ ихъ. Если въ пищѣ его не достаетъ соли, то онъ очень худѣетъ, даже въ томъ случаѣ, когда пасется на самомъ хорошемъ лугу. Мучимый голодомъ верблюдъ, по словамъ Пржевальскаго, ѣстъ все, что можетъ схватить, даже кожаные ремни, войлокъ, кости, шкуры животныихъ, мясо, рыбу и другіе предметы.

Спариваніе происходитъ отъ февраля до марта. Самка телится черезъ 13 мѣсяцевъ всегда однимъ дѣтенышемъ, который сначала столь безпомощенъ, что за нимъ необходимъ особый уходъ и приходится его прикладывать къ вымени матери; однако онъ скоро повсюду слѣдуетъ за самкою, которая его очень любить и бережетъ. Нѣсколько недѣль послѣ рожденія молодой верблюдъ начинаетъ ѣсть траву и его тогда отдѣляютъ отъ матери, которую доятъ, точно такъ, какъ и другихъ домашнихъ животныихъ. На второмъ году жизни верблюду прокалываютъ носовую перегородку и продѣваютъ въ это отверстіе палочку, къ которой привязывается узда, и съ этихъ поръ начинается его дрессировка. На третьемъ году жизни на немъ понемножку начинаютъ ѣздить верхомъ, на четвертомъ—его приучаютъ къ легкимъ вьюкамъ, а на пятомъ году онъ уже считается взрослымъ и способнымъ ко всякой работѣ. При хорошемъ обращеніи онъ можетъ служить до 25 лѣтъ.

Чтобы сѣдло не натирало спину верблюда, ему кладутъ на оба горба нѣсколько войлоковъ и на нихъ вьючное сѣдло, которое обыкновенно также подбито чѣмъ-нибудь мягкимъ; къ сѣдлу-же привязываютъ вьюки. Сильный верблюдъ можетъ проходить ежедневно отъ 30—40 килом., неся тяжесть въ 220 kgr., а нѣкоторые болѣе сильные верблюды до 270 kgr. (отъ 13—16 пудовъ); если вьюкъ на поло-

вину меньше, то верблюдъ можетъ рысью пробѣжать въ день отъ 60—80 килом. Лѣтомъ онъ можетъ обойтись безъ воды отъ 2—3, зимой отъ 5—8 дней, а безъ корма половину этого количества времени. При продолжительныхъ путешествіяхъ каждые 6—8 дней верблюдамъ надо давать 24 часа отдыха. Лѣтомъ въ Монголіи очень рѣдко навьючиваютъ верблюдовъ, у киргизовъ, напримѣръ, развѣ только для того, чтобы перенести юрту съ одного мѣста стоянки на другое, за то зимою онѣ несутъ тяжелую службу. По дорогѣ изъ Пекина въ Кяхту ему даютъ отдыхъ въ 10 или 14 дней только послѣ всего пути, который продолжается цѣлый мѣсяць, и такого рода работа продолжается всю зиму, т.-е. отъ 6—7 мѣсяцевъ; въ Закаспійскихъ степяхъ верблюдовъ никогда не заставляютъ безъ отдыха дѣлать такіе тяжелые переходы. Когда начинается лянъне, именно въ мартѣ, верблюдовъ берегутъ насколько возможно; когда большая часть волосъ выпадетъ или бываетъ вычесана, то животное покрываютъ войлоками и подстилаютъ войлоки на землю, гдѣ оно ложится, чтобы избѣжать простуды. Въ это время, а въ восточной Монголіи даже все лѣто, верблюдамъ даютъ почти полную свободу и позволяютъ по произволу пастись въ степи, только самокъ пять разъ въ день пригоняютъ къ юртамъ, чтобы ихъ пасть. Это свободное житье очень нравится животнымъ. Потерянная сила быстро восстанавливается на привольномъ пастбищѣ, и въ концѣ лѣта верблюдъ гордо шествуетъ, когда у него вырастаетъ новая шерсть. Въ киргизскихъ степяхъ они не только служатъ вьючными животными, но по-одиночкѣ или по-парно запрягаются въ возы, а на сыпучихъ пескахъ даже замѣняютъ почтовыхъ лошадей. Мозеръ очень жалуется на медленность подобной почтовой ѣзды: «Верблюдъ идетъ только шагомъ и отъ времени до времени издаетъ ужасный ревъ, который такъ сильно дѣйствуетъ на нервы путешественника, что ужасъ подобной ѣзды можетъ понять только тотъ, кто имѣлъ несчастье проѣхать такимъ образомъ нѣсколько дней подъ рядъ».

Успѣшный уходъ за верблюдомъ требуетъ хорошаго знакомства съ его натурой, большой опытности и необыкновеннаго терпѣнія. Киргизы и монголы считаютъ его за самое нѣжное изъ всѣхъ домашнихъ животныхъ и постоянно заботятся объ его благосостояніи. Зимой онъ легко переноситъ страшныя снѣжныя вьюги и въ это время года безъ слишкомъ большого затрудненія совершаетъ очень большіе переходы, зато лѣтомъ онъ страдаетъ отъ всякаго неблагоприятнаго измѣненія погоды; ему могутъ повредить какъ жаркіе дни, такъ и холодныя ночи. Зимой съ него не снимаютъ сѣдла даже при большихъ путешествіяхъ, а по прибытіи на мѣсто стоянки съ него снимаютъ только вьюки и осѣдланымъ пускаютъ на пастбища; лѣтомъ-же, даже при небольшихъ переходахъ, съ него нужно каждый день снимать сѣдло, чтобы избѣжать натертыхъ ранъ, причемъ однако нельзя сразу разсѣдлатъ его, а надо подождать, чтобы онъ совершенно остылъ; иначе онъ простудится и непременно погибнетъ. Верблюдъ не переноситъ слишкомъ большой тяжести. Любя общество себѣ подобныхъ, онъ плетется насколько хватить силъ, за другими верблюдами, но если онъ отъ усталости ляжетъ, то никакая сила не можетъ заставить его подняться. Въ такомъ случаѣ обыкновенно его поручаютъ владѣльцу ближайшей юрты и потомъ за нимъ нарочно приѣзжаютъ, когда онъ отдохнетъ отъ усталости и соберется съ новыми силами.

Несмотря на всѣ его недостатки, двугорбаго верблюда слѣдуетъ считать однимъ изъ наиболѣе полезныхъ животныхъ, которыхъ человекъ подчинилъ своей власти. Онъ во многихъ отношеніяхъ приноситъ пользу и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ не можетъ быть замѣненъ никакимъ другимъ домашнимъ животнымъ. Человекъ пользуется его шерстью, молокомъ, шкурой и мясомъ, запрягаетъ его въ возъ и употребляетъ какъ вьючное животное. На верблюдахъ перевозятъ тяжести по

безводнымъ пустынямъ, гдѣ лошади не могли-бы вынести трудности переѣзда, съ нимъ взбираются на горы до 4,000 м. высоты, гдѣ изъ домашнихъ животныхъ живеть кромѣ него, только якъ. Конь можетъ считаться товарищемъ, а верблюду—слугою обитателя степей.

Верблюды Новаго Свѣта принадлежать, какъ и нѣкоторыя другія животныя, къ такимъ существамъ, которыя сравнительно съ соответствующими формами Стараго Свѣта могутъ быть названы карликами. **Ламы** (*Auchenia*) очень похожи на верблюдовъ, но по росту гораздо меньше ихъ. Онѣ принадлежать къ обитателямъ горныхъ странъ и потому уже не могутъ достигнуть той-же величины, какъ верблюды Стараго Свѣта, которые живутъ въ обширныхъ равнинахъ. Впрочемъ ламы отличаются отъ верблюдовъ не только своей величиной, но также сравнительно большей головой, которая сильно выдвинута назадъ и имѣетъ острую морду, большими ушами и глазами, тонкой худощавой шеей и высокими стройными ногами съ двумя глубоко раздвоенными пальцами и незначительными мозолями, а также длинной и волнистой шерстью. На спинѣ горба нѣтъ, и туловище въ пахахъ еще болѣе поджато, чѣмъ у настоящихъ верблюдовъ. Оба рѣзца верхней челюсти книзу расширены и округлены, а у основанія узки; нижніе 6 рѣзцовъ имѣютъ широкія коронки съ ребрами на задней сторонѣ и стоятъ почти вертикально. Коренные зубы устроены довольно просто, и поверхность ихъ измѣняется съ возрастомъ, причѣмъ передній коренной зубъ, имѣющій видъ клыка, выпадаетъ еще во время ранней молодости. Скелетъ ламъ характеризуется очень длинными шейными позвонками, 11 спинными, 7 поясничными, 5 крестцовыми и 12 хвостовыми. Длинный узкій языкъ покрытъ твердыми роговыми бородавками: рубецъ раздѣляется на двѣ части, книжки въ желудкѣ вовсе нѣтъ; длина кишечника въ 16 разъ болѣе туловища.

Ламы раздѣляются на четыре вида, которые уже давно отдѣлены одинъ отъ другого и называются: **Гуанако**, **Лама**, **Пако** или **Алпана** и **Викунья**. Натуралисты еще не вполне согласны въ томъ, слѣдуетъ-ли считать всѣ эти отдѣльныя формы за особенные виды. Нѣкоторые считаютъ гуанако за первоначальную форму, отъ которой произошли ламы и алпаны и доказываютъ это между прочимъ тѣмъ, что ламы и гуанако плодоносно скрещиваются, и отъ нихъ рождаются способные къ размноженію ублюдки; другіе считаютъ незначительныя различія, существующія между вышеназванными формами, уже достаточно важными для того, чтобы образовать четыре отдѣльныхъ вида, согласно мнѣнію туземцевъ Америки. Чуди, натуралистъ, который изучалъ ламъ въ ихъ отечествѣ, присоединяется къ мнѣнію туземцевъ, и взглядъ его долго раздѣляли всѣ натуралисты. Если-же принять во вниманіе, какое сильное вліяніе на внѣшнюю форму животнаго можетъ имѣть прирученіе, то мы должны признать правильнымъ противоположный взглядъ, и ламу, точно такъ какъ и алпана, считать лишь за прирученныхъ потомковъ гуанако.

Гуанако и викунья до сихъ поръ еще встрѣчаются въ дикомъ состояніи, между тѣмъ какъ лама и алпана сдѣланы домашними животными съ незапамятныхъ временъ. Первые европейцы, посѣтившіе Америку, уже нашли обоихъ животныхъ прирученными; сказанія перуанцевъ относятъ прирученіе этихъ двухъ животныхъ къ первобытнымъ временамъ существованія чловѣка на землѣ и появленіе ихъ соединяютъ съ жизнью своихъ полубоговъ. У туземцевъ Америки существовалъ суевѣрный взглядъ на принесеніе этихъ животныхъ въ жертву богамъ; цвѣтъ жертвы былъ, напримѣръ, очень точно опредѣленъ, смотря по тому и другому празднику. Первые завоеватели Южной Америки, испанцы, уже нашли у горныхъ народовъ

значительныя стада ламъ и описали этихъ животныхъ, хотя не очень ясно, но довольно подробно, такъ что безъ труда можно узнать отдѣльныя породы.

Уже Хересь, описавшій завоеваніе Перу испанцемъ Пизарро, упоминаетъ о ламѣ, какъ о вьючномъ животномъ. «Шесть миль отъ Кахамалка», говоритъ онъ, «живутъ около озера, обросшаго деревьями, индѣйскіе пастухи, у которыхъ мы видѣли различнаго сорта овецъ: нѣкоторыя изъ нихъ такія-же небольшія, какъ и европейскія, а другія такъ велики, что индѣйцы ихъ навьючиваютъ различными вещами». Педро-де-Сіеца очень точно различаетъ четыре вида ламъ уже въ 1541 году. «Ни въ одной части свѣта», замѣчаетъ онъ, «не встрѣчается такихъ удивительныхъ овецъ, какъ въ Перу, Чили и въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Лаплаты. Онѣ принадлежатъ къ полезнѣйшимъ и лучшимъ животнымъ, созданнымъ Господомъ Богомъ въ видѣ особенной милости къ живущимъ тамъ людямъ, которые безъ этой скотины не могли-бы поддерживать своего существованія. Въ долинахъ и равнинахъ туземцы сѣютъ хлопчатникъ и изъ волоконъ его готовятъ себѣ одежду; на высокихъ-же горахъ и во многихъ другихъ мѣстахъ не растетъ ни одного дерева и нельзя сѣять хлопчатника, такъ что живущимъ тамъ индѣйцамъ не изъ чего было-бы изготовлять себѣ одежду; поэтому Господь Богъ послалъ имъ множество овецъ, но жестокія войны испанцевъ значительно уменьшили ихъ число. Туземцы называютъ этихъ овецъ «лама», а барановъ «уркосъ». По росту онѣ равняются маленькому ослу съ широкимъ крестцомъ и толстымъ животомъ. По шеѣ и ногамъ онѣ похожи на верблюдовъ, а по внѣшнему виду на овецъ. Животныя питаются травами, растущими на лугахъ, они очень ручныя и совсѣмъ не упрямы, только, когда имъ больно, они ложатся на землю и стонутъ, какъ верблюды. Самцы носятъ отъ 2—3 арробъ (арроба равняется почти пуду) на спинѣ, а мясо ихъ очень вкусно и не теряетъ своего достоинства вслѣдствіе того, что животныя носятъ тяжести. Тамъ встрѣчаются другія, похожія на нихъ животныя, которыя называются «гуанако», но по росту они больше ламъ. Большія стада гуанако рыщутъ въ дикомъ состояніи по степямъ и такъ скоро бѣгаютъ, что собакамъ ихъ трудно догнать. Кромѣ того тамъ встрѣчается еще другая порода этихъ овецъ, которыя зовутся «викунями»; онѣ бѣгаютъ еще быстрее, чѣмъ гуанако, и живутъ въ степяхъ, гдѣ питаются травами, которыя Богъ для нихъ создалъ. Шерсть ихъ очень хороша и по достоинству еще лучше, чѣмъ шерсть мериносовыхъ овецъ. Я не знаю, можно-ли дѣлать изъ нея сукно, но та матерія, которая изготовляется изъ шерсти викуни для знатныхъ особъ, можетъ быть названа превосходной. Мясо викуни и гуанако очень пріятно и по вкусу похоже на баранину. Въ городѣ Де-ла-Шацъ я ѣлъ конченное мясо жирнаго гуанако и мнѣ оно понравилось лучше всякаго другого. Наконецъ существуетъ еще домашняя порода этихъ животныхъ, которая носитъ названіе «пако», очень мохната и имѣетъ длинную шерсть. По виду они похожи на ламъ, но гораздо меньшаго роста. Ягнята ихъ чрезвычайно похожи на испанскихъ. Безъ этихъ овецъ было-бы невозможно перевозить такъ много товаровъ изъ Потози и въ этотъ городъ, который ведетъ очень большую торговлю».

Изъ вышесказаннаго явствуетъ, что въ теченіи послѣднихъ трехъ столѣтій четыре главныя формы ламъ не измѣнились. Всѣ породы ламъ живутъ въ горныхъ странахъ высокихъ Кордильеровъ. Имъ хорошо живется только въ довольно холодныхъ странахъ и потому на равнинахъ онѣ встрѣчаются лишь далеко на югѣ въ напасахъ Патагоніи. Около экватора обыкновенное мѣстожительство ихъ находится между 4000—5000 м. надъ поверхностью моря и ниже 2000 м. онѣ здѣсь разводятся плохо, между тѣмъ какъ въ болѣе холодной Патагоніи онѣ хорошо живутъ и на меньшей высотѣ. Дикіе виды поднимаются въ дождливое время года

на высокіе горныя хребты, а въ сухое время спускаются въ плодоносныя равнины. Онѣ живутъ большими или маленькими обществами, нерѣдко даже огромными стадами, и за ними усердно охотятся. * *

Гуанако или **Хуанако** (*Auchenia huapaco*, *Lama huapaco*) самое крупное и, хотя оно встрѣчается только въ дикомъ состояніи, одно изъ самыхъ важнѣйшихъ млекопитающихъ Южной Америки. По росту оно равняется примѣрно благородному оленю, а по внѣшнему виду представляетъ странную смѣсь формъ овцы и верблюда. У вполне взрослыхъ животныхъ общая длина тѣла равняется 2,25 м., причемъ длина хвоста около 24 см., а высота въ плечахъ 1,15 м. Голова находится на вышинѣ 1,6 м. Самка меньше ростомъ, но по внѣшнему виду и окраскѣ вполне похожа на самца. Туловище гуанако довольно коротко и сжато, около груди и плечъ оно выше и шире, а сзади уже, въ пахахъ сильно втянуто; шея длинная, тонкая, стройная и нѣсколько загнута впередъ; голова длинная и сжата съ боковъ, морда мало суживается и на концѣ тупая, верхняя губа выдается впередъ, глубоко раздвоена, покрыта рѣдкими волосами и очень подвижна, переносе покрыто волосами: длинныя узкія ноздри могутъ закрываться; уши длиною равняются примѣрно половинѣ головы, имѣютъ удлинненную яйцевидную форму и довольно узки; они покрыты волосами и очень подвижны. Глаза довольно велики и оживленны, зрачекъ у нихъ поперечный и на вѣкахъ, особенно на нижнихъ, замѣтны длинныя рѣсницы. Ноги высоки и стройны, части пальцевъ, касающіяся земли, довольно длинны и раздвоены до половины; на концахъ ихъ замѣтны небольшія узкія и острыя копытца, которыя нѣсколько загнуты въ сторону; нижняя сторона пальцевъ покрыта большими мозолями. На суставахъ переднихъ ногъ нѣтъ мозолей, которыя находятся у другихъ видовъ ламъ точно такъ, какъ у верблюдовъ. Хвостъ, который животное на ходу всегда приподнимаетъ, очень коротокъ, у основанія густо покрытъ волосами, а на кончикѣ почти голый. Вымя самки имѣетъ четыре сосца. Все тѣло покрыто длинною, густою и волнистою шерстью; она состоитъ изъ короткаго, тонкаго подшерстка и болѣе длинныхъ и жесткихъ волосъ ости. На мордѣ и лбу шерсть короткая, на темени уже нѣсколько длиннѣе, а, начиная съ задней части головы, она на всемъ тѣлѣ, исключая ногъ, образуетъ густое руно, которое однако никогда не достигаетъ мягкости шерсти другихъ ламъ. На животѣ и на внутреннихъ сторонахъ ногъ шерсть очень коротка, а на ногахъ коротка и жестка. Шерсть имѣетъ грязно-буровато-рыжій цвѣтъ, середина груди, брюха, внутренняя сторона конечностей и мѣсто подъ хвостомъ бѣловатаго цвѣта. Лобъ, окружность глазъ и верхняя часть спины черноватые, щеки до ушей темно-сѣрыя, внѣшняя часть ушей также темно-сѣрая, а внутренняя темно-бурая, на заднихъ ногахъ замѣтно овальное черное пятно. Радужная оболочка темно-бурая, рѣсницы черныя, а копыта черновато-сѣрыя.

Гуанако распространены почти по всемъ Кордиллерамъ, отъ покрытыхъ лѣсами острововъ Огненной Земли до сѣвернаго Перу. Они особенно часто встрѣчаются въ южныхъ частяхъ этого горнаго хребта, а въ населенныхъ мѣстностяхъ число ихъ отъ постоянныхъ преслѣдованій значительно уменьшилось; однако Герингъ встрѣчалъ еще нѣсколько экземпляровъ вблизи города Мендоца. Гуанако предпочитаютъ горныя высоты, но встрѣчаются и на равнинахъ: Дарвинъ нигдѣ не видалъ такъ много гуанако, какъ въ равнинахъ южной Патагоніи. Весною и въ то время, когда на горахъ встрѣчается молодая трава, животные эти поднимаются до границы вѣчныхъ снѣговъ, а въ началѣ сухого времени года, спускаются въ плодоносныя долины. Они избѣгаютъ высокихъ мѣстъ, покрытыхъ снѣгомъ, а въ долинахъ выбираютъ себѣ самыя богатая пастбища. Гуанако иногда предпринима-

ють большія странствованія, отыскивая себѣ пастбища. Дарвинъ видѣлъ однажды слѣды стада въ 30—40 штукъ въ Багія Бланка, въ 30 миляхъ отъ морского берега, гдѣ животныя эти очень рѣдки; они шли почти гуськомъ по прямому направленію къ тинистому и соленому заливу. По всей вѣроятности они замѣтили, что приближаются къ морю, потому-что они повернули обратно, почти такъ-же правильно, какъ это дѣлаетъ кавалерія, и въ томъ-же порядкѣ пошли назадъ въ гору. Моря, впрочемъ, они не боятся и безстрашно входятъ въ воду и переплываютъ отъ одного острова къ другому.

Они живутъ обществами и небольшими стадами. Мейенъ видалъ стада отъ 7—100 штукъ, которыя паслись около ручьевъ, а Дарвинъ замѣчаетъ, что чаще всего стада этихъ животныхъ бываютъ отъ 12—30 штукъ, но что онъ однако видалъ на берегахъ рѣки Санта-Круцъ огромное стадо, по крайней мѣрѣ въ 500 головъ. Стадо состоитъ большею частью изъ многихъ самокъ и одного сильнаго самца, который допускаетъ въ свое общество только молодыхъ, не вполне взрослыхъ животныхъ своего пола. Когда молодые достигаютъ извѣстнаго возраста, то начинаются драки, и слабые бываютъ принуждены удалиться и образовать отдѣльныя стада съ молодыми самками. Днемъ гуанако переходятъ изъ одной долины въ другую, пасясь почти безостановочно, ночью-же они никогда не ѣдятъ. Къ водопою они ходятъ утромъ и вечеромъ, соленую воду пьютъ точно такъ-же охотно, а можетъ быть даже и охотнѣе, чѣмъ прѣсную: спутникъ Дарвина видалъ, какъ стадо гуанако съ жадностью пило морскую воду около мыса Бланко. Питаются эти животныя преимущественно сочными травами, а въ случаѣ нужды—мхомъ. У гуанако есть очень странная привычка, какъ у нѣкоторыхъ антилопъ, выпускать свой пометъ въ одну общую кучу и только тогда начинать класть другую, когда первая возросла до значительнаго объема. Индѣйцы очень хорошо умѣютъ пользоваться этими кучами; они употребляютъ пометъ гуанако какъ топливо, и не должны трудиться надъ собираніемъ его. Около кучъ помета всегда находятся ямы въ сыпучемъ пескѣ или рыхлой землѣ, гдѣ гуанако валяются съ особеннымъ удовольствіемъ, что происходитъ почти всегда около полудня. Зимой они валяются въ снѣгу.

Всѣ движенія гуанако очень быстры, хотя не такъ скоро, какъ можно было бы предполагать. На равнинѣ хорошая лошадь скоро догоняетъ бѣгущее стадо, но обыкновенныя собаки только съ трудомъ за нимъ слѣдуютъ. Животныя эти бѣгутъ короткой, развалистой иноходью. Длинная шея при быстромъ бѣгѣ вытягивается впередъ. Гуанако прекрасно лазаютъ по горамъ; они, какъ серны, быстро поднимаются и спускаются по такимъ крутымъ откосамъ, гдѣ опытные ходоки по горамъ не могутъ держаться на ногахъ, при чемъ очевидно у животнаго не кружится голова, когда оно глядитъ въ глубину. Во время покоя животное это ложится, какъ верблюдъ, на грудь и на ноги и, такъ-же какъ и онъ, становится на колѣни и встаетъ. Когда они отдыхаютъ, то все время задумчиво пережевываютъ жвачку.

Обыкновенно гуанако очень дики и пугливы. Они постоянно озираются, видятъ враговъ издалека и бѣгутъ, какъ только замѣтятъ что-нибудь подозрительное. Когда они испуганы, то убѣгаютъ за нѣсколько верстъ, но держатся при этомъ извѣстныхъ, сильно протоптанныхъ тропинокъ. Вожакъ самецъ почти всегда пасется въ разстояніи нѣсколькихъ шаговъ отъ стада и очень зорко сторожитъ его. При малѣйшей опасности онъ издаетъ громкое бляенье; всѣ животныя мгновенно поднимаютъ головы, осматриваются во всѣ стороны и быстро пускаются въ бѣгство, при этомъ, по словамъ Мейена, самки и дѣтеныши бѣгутъ впереди, а старый самецъ образуетъ арьергардъ и головой толкаетъ переднихъ. Очень рѣдко случается, чтобы стадо этихъ животныхъ допустило человѣка приблизиться на разстояніе

выстрѣла. Мейенъ встрѣчалъ иногда гуанако, которые не бѣжали отъ него при встрѣчѣ; они проходили мимо лошадей, на минуту останавливались и съ любопытствомъ осматривали всадниковъ, а затѣмъ продолжали спокойно свой путь. Дарвинъ приписываетъ ихъ странное поведение, которое и ему случалось наблюдать, сильно развитому любопытству этихъ животныхъ. «Если подѣдешь», говоритъ онъ, «нечаянно къ отдѣльно пасущемуся животному или къ цѣлому обществу, то они обыкновенно стоятъ неподвижно и внимательно осматриваютъ всадника, затѣмъ отбѣгаютъ на нѣсколько шаговъ, снова останавливаются и смотрятъ на приближающагося человѣка. Въ горахъ Огненной Земли и въ другихъ мѣстахъ я нѣсколько разъ видѣлъ гуанако, которые не только блеяли и кричали, когда къ нимъ приближались люди, но очень смѣшно становились на заднія ноги и прыгали, какъ будто грози этимъ человѣку. Что они очень любопытны, это вполне достоверно; если человѣкъ ложится на землю и начинаетъ болтать ногами и руками, то они почти всегда приближаются, чтобы рассмотреть странное явленіе». Герингъ также наблюдалъ это. Когда онъ спокойно ѣхалъ верхомъ по долинамъ Кордильерскихъ горъ, то часто слышалъ надъ собою своеобразное блеянье и замѣчалъ гуанако-вожака, который неподвижно стоялъ надъ нимъ на крутой скалѣ и, выпуча глаза, осматривалъ его. Скоро около вожака собиралось все стадо, и точно такъ-же внимательно всѣ смотрѣли внизъ на проѣзжавшаго всадника.

Время спариванія бываетъ въ августѣ и сентябрѣ. Самцы въ это время сильно дерутся за право первенства въ стадѣ. Противники нападаютъ другъ на друга съ большимъ ожесточеніемъ и страшнымъ крикомъ, кусаются, лягаются, гоняются одинъ за другимъ и стараются повалить соперника и даже сбросить его съ крутизны. Послѣ 10—11 мѣсячной беременности самка рождаетъ вполне развитаго дѣтеныша, у котораго глаза уже открыты и все тѣло покрыто шерстью. Мать кормитъ его въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ, внимательно слѣдитъ за нимъ, относится къ нему съ большою нѣжностью и держитъ его около себя до полной возмужалости, когда молодой гуанако самъ способенъ къ размноженію и начинаетъ принимать участіе въ дракахъ, сопровождающихъ половое возбужденіе.

Иногда отдѣльные гуанако присоединяются къ стадамъ ламъ и викуній, не смѣшиваясь однако съ ними; но гуанако и альпаки очень часто пасутся вмѣстѣ на горныхъ лугахъ.

Гуанако защищается отъ нападенія другихъ животныхъ своего вида ляганьемъ и кусаньемъ, но отъ сколько-нибудь опасныхъ враговъ онъ трусливо убѣгаетъ, не думая о защитѣ. Даже большая собака можетъ удержатъ на мѣстѣ одного изъ этихъ крупныхъ животныхъ до тѣхъ поръ, пока приблизится охотникъ. Когда они приближнуть къ людямъ и собакамъ, то дѣлаются смѣлѣе, храбро ждуть своего противника и стараются его укусить или лягнуть, или употребляютъ свойственный всѣмъ ламамъ способъ защиты, именно: даютъ противнику близко подойти къ себѣ, отгибаютъ уши назадъ, принимаютъ вызывающій видъ и выплевываютъ въ лицо человѣка или въ морду животного свою слюну, а иногда находящуюся во рту траву или оторванную жвачку. Человѣкъ всегда былъ и будетъ самымъ страшнымъ врагомъ этихъ животныхъ; отъ другихъ они всегда могутъ спастись бѣгствомъ. Можетъ-ли кондоръ успѣшно нападать на нихъ, какъ иные утверждаютъ, это еще достоверно не доказано. Жители Южной Америки съ особенною страстью предаются охотѣ на гуанако, такъ какъ эта охота, вслѣдствіе цѣнной шкуры и вкуснаго мяса, довольно выгодна. Съ помощью хорошихъ собакъ стараются загнать пасущихся животныхъ въ узкое ущелье, гонятся за ними верхомъ и бросаютъ на шею ихъ лассо или ошеломляютъ ударами чугунныхъ шаровъ, прикрѣпленныхъ къ длин-

пымъ ремнямъ. Опытные охотники часто пользуются любопытствомъ гуанако, ложатся на землю и производятъ, какъ выше сказано, разные странныя тѣлодвиженія, чтобы привлечь къ себѣ животныхъ. По увѣреніямъ Дарвина, охотники успѣваютъ въ такомъ случаѣ сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ, такъ какъ гуанако не пугаются первыхъ выстрѣловъ, а считаютъ ихъ принадлежностью того страннаго явленія, которое привлекло ихъ вниманіе. На равнинахъ ихъ часто убиваютъ въ большомъ количествѣ, такъ какъ они, подобно глупымъ овцамъ, позволяютъ себѣ окружить нѣсколькими всадниками. долгое время недоумѣваютъ, куда спастись и наконецъ дозволяютъ себя загнать за какую-нибудь изгородь, откуда для нихъ уже нѣтъ спасенія. На откосахъ горъ они, напротивъ того, гораздо легче спасаются отъ своихъ преслѣдователей, и здѣсь бываетъ трудно къ нимъ приблизиться даже на разстояніе выстрѣла.

Раненые гуанако бѣгутъ, по словамъ Дарвина, къ рѣкамъ и околѣваютъ постоянно на берегахъ ихъ, но кажется, что даже не раненые, а больные и старыя животныя отыскиваютъ себѣ особенныя мѣста для того, чтобы тамъ лечь и умереть. «На берегахъ рѣки Санта-Круцъ», пишетъ вышеупомянутой натуралистъ, «я находилъ небольшія, большею частью обросшія кустарниками полянки, которыя были густо усыяны уже совсѣмъ бѣлыми костями. Я подробно изслѣдовалъ эти кости и нашелъ, что ни одна изъ нихъ не показывала слѣда зубовъ хищнаго звѣря, что совершенно исключаетъ возможность предположенія, что кости эти затасаны сюда какими-нибудь хищниками. По всей вѣроятности животныя еще до смерти залѣзли сюда въ кусты».

На южно-американскихъ равнинахъ и въ горахъ гуанако часто ловятъ живыми, чтобы ихъ приручить. Они очень смирны и пріятны, пока молоды; они до вѣрчивы и привязчивы, слѣдуютъ какъ собаки по стопамъ своего господина и ведутъ себя совершенно какъ ягнята; но чѣмъ они становятся старше, тѣмъ болѣе исчезаютъ у нихъ любовь и привязанность къ человѣку. Нерѣдко случается доводить ручныхъ гуанако до того, что они, на подобіе домашнихъ ламъ, пасутся около дома и къ вечеру сами возвращаются на дворъ; старыя животныя однако всячески стараются сбросить съ себя власть человѣка и плеваніемъ въ лицо доказываютъ, какъ онъ имъ неприятенъ. Плѣнныхъ гуанако легко кормить сѣномъ, травой, хлѣбомъ и зерномъ; ихъ теперь часто привозятъ въ Европу, гдѣ при хорошемъ уходѣ они даже размножаются.

* * *

Лама, вѣрнѣе **Льяма**, (*Auchenia lama*, *Lama peruviana*) встрѣчается преимущественно въ Перу и уживается тамъ лучше всего на высокихъ плоскогоріяхъ. Она ростомъ нѣсколько выше гуанако и отличается мозолистыми наростами на груди и на передней части сустава, соединяющаго предплечье съ кистью. Голова коротка и узка, губы покрыты волосами, уши коротки и мозолистая кожа на нижней сторонѣ пальцевъ очень велика. Онѣ бываютъ различнаго цвѣта: бѣлыя, черныя, пѣгія, рыжевато-бурыя съ бѣлыми пятнами, темно-бурыя, ярко-рыжія, желтовато-рыжія и т. д. Взрослое животное отъ конца ноги до темени достигаетъ 2,6—2,8 м., вышина въ плечахъ—около 1,2 м.

Акоста намъ рассказываетъ, «что индѣйцы водятъ черезъ горы цѣлыя стада этихъ «овецъ», навьюченныхъ различными товарами, причемъ число ихъ бываетъ 300—500 и даже до 1000 штукъ. Я часто удивлялся, видя подобныя стада, навьюченныя двумя или тремя тысячами слитковъ серебра, цѣною до 300 тысячъ дукатовъ, переправляющіяся черезъ горы въ сопровожденіи лишь нѣсколькихъ индѣйцевъ, которые погоняютъ животныхъ, навьючиваютъ и развьючиваютъ ихъ, и ведутъ въ полномъ порядкѣ подъ наблюденіемъ 2—3 испанцевъ. Караваны эти во время дороги

отдыхают под открытым небом и, несмотря на это, ничего не пропадает, до того велика безопасность дорогъ въ Перу. На стоянкахъ, около ручьевъ, окруженныхъ лугами, гдѣ могутъ пастись животныя, индѣйцы ихъ развьючиваютъ, устраиваютъ себѣ шатры, варятъ пищу и чувствуютъ себя очень хорошо, несмотря на трудности длиннаго пути. Если караванъ остается въ дорогѣ лишь одинъ день, то каждая изъ овецъ несетъ на себѣ 8 арробъ (почти 8 пудовъ) и проходятъ съ такой ношей въ день 8—10 легуа (29—36 килом.). Однако это могутъ дѣлать лишь тѣ животныя, которыя принадлежатъ бѣднымъ солдатамъ, совершающимъ по-

Лама. *Auchenia lama*. ¹/₁₈ наст. вел.

ходы черезъ Перу. Овцы эти любятъ холодный воздухъ и чувствуютъ себя вполне здоровыми на горахъ; на равнинахъ-же страдаютъ отъ жары. Случается, что онѣ бывають покрыты инеемъ и ледяными сосульками и все-таки остаются здоровыми. Тѣ изъ нихъ, у которыхъ шерсть коротка, имѣють очень смѣшной видъ. Иногда онѣ вдругъ останавливаются, приподнимають шею, внимательно осматривають своихъ проводниковъ и нѣкоторое время стоятъ неподвижно, не выказывая ни страха, ни недовольства. Случается, что онѣ внезапно пугаются и съ вьюками карабкаются на самыя неприступныя скалы, куда люди не могутъ за ними слѣдовать; тогда приходится ихъ застрѣлить, чтобы не потерять серебряные слитки, находящiеся въ ихъ вьюкахъ».

Только самцовъ употребляютъ какъ вьючныхъ животныхъ, а самокъ держатъ

лишь для завода. «Караванъ этихъ животныхъ», говоритъ Стефенсонъ, «представляетъ очень красивое зрѣлище: животныя эти, изъ которыхъ каждое несетъ до одного центнера тяжести, идутъ въ большомъ порядкѣ гуськомъ, слѣдя за передней ламой, которая служить вожакомъ и отличается отъ другихъ украшеннымъ недоуздомъ, колокольчикомъ и маленькимъ флагомъ на головѣ. Караваны эти проходятъ по свѣжнымъ вершинамъ Кордильеровъ и по крутымъ горнымъ тропинкамъ, гдѣ лошади или мулы могли-бы пройти съ большимъ трудомъ; при этомъ они такъ послушны, что погонщики ихъ не употребляютъ ни палокъ, ни кнутовъ, чтобы погонять и направлять ихъ. Отъ стоянки до стоянки ламы идутъ спокойно и не оставаясь». Чуди къ этому прибавляетъ, что ламы постоянно изъ любопытства оглядываются по сторонамъ. «Когда онѣ увидятъ вблизи какой-нибудь незнакомый предметъ, который ихъ пугаетъ, то вмгъ разбѣгаются въ разныя стороны и бѣдные погонщики могутъ только съ трудомъ снова собрать ихъ. Индѣйцы очень любятъ этихъ животныхъ и передъ навьючиваньемъ украшаютъ и ласкаютъ ихъ. Несмотря на хорошій уходъ и осторожность, при каждомъ путешествіи къ берегу моря много ламъ погибаетъ, такъ какъ онѣ не могутъ переносить жаркаго климата. Для возки экипажа и для верховой ѣзды этихъ животныхъ не употребляютъ; только очень рѣдко индѣецъ садится на одну изъ своихъ ламъ, когда приходится переѣзжать черезъ рѣку и проводнику не хочется промокнуть, но, переѣхавши на тотъ берегъ, всадникъ тотчасъ-же слѣзаетъ... Лама можетъ нести не болѣе 50 kgr. Если вьюкъ слишкомъ тяжелъ, то она ложится и не встаетъ до тѣхъ поръ, пока не облегчатъ ея ноши. Вьюки кладутся обыкновенно безъ всякаго сѣдла и войлока, на тонкій кусокъ матеріи, покрывающій густую шерсть животнаго, и привязываются къ туловищу шерстяными веревками. Навьюченныя такимъ образомъ ламы проходятъ въ день 10, много 20 килом. и идутъ такъ тихо, беззаботно и свободно, что тяжесть, повидимому, вовсе не беспокоитъ ихъ; при этомъ онѣ пасутся по дорогѣ, на равнинѣ расходятся въ разныя стороны, лазаютъ на горы, но слушаются голоса или свистка проводниковъ. Онѣ требуютъ необыкновенно мягкаго обращенія и тогда очень послушны; если-же съ ними обращаются непривѣтливо и грубо, то онѣ дѣлаются злыми, глупыми и ни къ чему непригодными. Лама есть животное, какъ-бы созданное нарочно для индѣйцевъ, которые отличаются необыкновеннымъ терпѣниемъ и хладнокровіемъ; благодаря этимъ качествамъ, туземцы могутъ легко справляться съ этими очень упрямыми животными».

Мейенъ считаетъ ламъ столь-же важными для перуанцевъ, какъ сѣвернаго оленя для лапландцевъ. На высокихъ плоскогоріяхъ Кордильеровъ держатъ огромныя стада этихъ животныхъ. Ночью ихъ запираютъ въ загородку, стѣны которой сдѣланы изъ камней, а днемъ выпускаютъ; онѣ тогда рысью бѣгутъ на пастбище безъ всякихъ пастуховъ, а вечеромъ сами возвращаются обратно. Съ ними часто пасутся гуанако и викуньи. Если кто пройдетъ верхомъ мимо стада, то ламы издали уже настораживаютъ уши, затѣмъ цѣлой толпой въ галопъ приближаются къ всаднику, останавливаются въ 30 или 50 шагахъ отъ него, любопытно осматриваютъ его, а затѣмъ возвращаются на пастбище.

Чуди считаетъ невѣрнымъ предположеніе Мейена о томъ, что ручныя ламы происходятъ отъ гуанако; по его мнѣнію, Мейенъ ошибочно принимаетъ различныя возрасты ламъ за переходныя формы отъ дикаго вида къ домашней породѣ. «Мейенъ, кажется, не знаетъ, что индѣйцы держатъ ламъ различнаго возраста отдѣльными стадами. Послѣ рожденія дѣтеныши остаются отъ 6—8 мѣсяцевъ при матеряхъ, но еще раньше, чѣмъ имъ минетъ годъ, ихъ собираютъ въ стадо и держатъ ихъ отдѣльно отъ годовалыхъ и двухгодовалыхъ ламъ, такъ что каждый возрастъ до трехъ

лѣтокъ пасется особо. Когда имъ минеть три года, онѣ считаются уже взрослыми и присоединяются къ большимъ стадамъ, въ которыхъ однако самцовъ держать отдѣльно отъ самокъ». Окончательное рѣшеніе этого спорнаго вопроса едва-ли можетъ послѣдовать раньше, чѣмъ будутъ найдены дикія ламы и алпаки.

О размноженіи ламъ Чуди сообщаетъ слѣдующее. «Спариваніе происходитъ только по наступленіи течки, которая выражается у самцовъ страшнымъ возбужденіемъ: противники гоняются другъ за другомъ, кусаются, лягаются и стараются свалить противника на землю. Всѣ сорта ламъ имѣютъ лишь по одному дѣтенышу, который сосетъ около 4-хъ мѣсяцевъ; у домашнихъ ламъ обыкновенно даже дольше. У этихъ ламъ часто случается, что прошлогодні ягнята сосутъ вмѣстѣ съ вновь родившимися. Во время испанскаго владычества былъ изданъ законъ, который, подъ угрозой смертной казни, запрещалъ держать пастухами при стадахъ самокъ молодыхъ, неженатыхъ индѣйцевъ. Гынѣ этотъ очень благодѣтельный законъ уже не имѣетъ силы, и несоблюденіе его ведетъ къ очень печальнымъ послѣдствіямъ. Отъ того-же натуралиста мы узнаемъ, что значеніе и цѣна ламъ въ Южной Америкѣ сильно упали съ тѣхъ поръ, какъ туда были привезены однокопытныя животныя; кромѣ того Чуди говоритъ, что въ стадахъ ламъ свирѣпствуютъ иногда страшныя болѣзни, отъ которыхъ погибаетъ большое множество этихъ животныхъ. Гарсилазо де-ла-Вега рассказываетъ, что страшная болѣзнь появилась въ первый разъ въ 1544—1545 году. Она имѣла сходство съ чесоткой, но была гораздо гибельнѣе. Начиная отъ внутренней стороны бедеръ, болѣзнь распространялась по всему тѣлу, образовывала толстыя коросты и глубокія раны, изъ которыхъ сочились кровь и гной, и животныя погибали черезъ нѣсколько дней. Чума эта была прилипчива, и отъ нея погибли, къ великому удивленію и ужасу какъ индѣйцевъ, такъ и испанцевъ, двѣ трети всѣхъ ламъ и гуанако. Позже ея заразились также алпаки и викуньи. Сначала больныхъ животныхъ зарывали живыми въ землю, затѣмъ лѣчили болѣзнь огнемъ и сѣрой, наконецъ нашли, что лучшимъ лѣкарствомъ служить свиное сало. Болѣзнь уменьшалась понемногу и наконецъ почти совсѣмъ исчезла, но Чуди говоритъ, что вовсе истребить ее не удалось, и отъ времени до времени она возвращается въ видѣ эпизоотіи. Въ послѣднее время нашли, что жиръ кондора служить хорошимъ лѣкарствомъ отъ этой болѣзни.

Мясо ламъ ѣдятъ вездѣ охотно, и однолѣтнія животныя (Chuchos) считаются особенно вкусными. Вполнѣ взрослыхъ ламъ убиваютъ большею частью для приготовления сушенога мяса, которое въ Перу и Боливіи называется «чарки». На плоскогорьѣ Пуна, между двумя хребтами Кордильерскихъ горъ, лѣтъ десять тому назадъ, за ламу среднимъ числомъ платили около 20 марокъ и соответственно этой цѣнѣ платили дороже или дешевле за сушеное мясо. Изъ шерсти готовятъ лишь грубыя матеріи и веревки; цѣна ея не велика. Въ рассказахъ вышеупомянутыхъ путешественниковъ находится примѣрно все то, что намъ извѣстно о жизни ламъ на ихъ родинѣ. Теперь можно видѣть этихъ животныхъ почти во всѣхъ зоологическихъ садахъ. Если ихъ держать нѣсколько штукъ вмѣстѣ, то они гораздо смирнѣе и ласковѣе, чѣмъ если ихъ держать по-одиночкѣ; тогда онѣ очевидно скучаютъ. Онѣ очень хорошо сживаются съ другими ламами и со сродными видами, а пары этихъ животныхъ живутъ очень дружно между собой. Онѣ научаются узнавать своихъ сторожей и обходятся съ ними сносно, но къ чужимъ людямъ относятся какъ верблюды, т. е. всегда раздражительно и недовѣрчиво. Въ Берлинскомъ зоологическомъ саду жила лама, которая отличалась замѣчательною непривѣтливостью; на рѣшеткѣ ей изгороди висѣло объявленіе съ просьбой не дразнить животное, но конечно слѣдствіемъ этого было то, что каждый прохожій, какъ на-

рочно, старался ее разсердить; поэтому животное это было постоянно раздражено. Какъ только кто-нибудь приближался къ ламѣ, она переставала пережевывать жвачку, закидывала уши назадъ, осматривала посѣтителя, затѣмъ приближалась къ нему и плевала ему въ лицо. Подобнымъ-же поведеніемъ отличались и прочія ламы, которыхъ я видалъ въ другихъ зоологическихъ странахъ и которыя были поручены моему попеченію, такъ что по совѣсти могу сказать, что я ни разу не видалъ кроткаго и послушнаго животнаго этого вида. Уходъ и содержаніе ламъ не представляють много хлопотъ. Она живетъ въ Европѣ точно такъ-же хорошо, какъ и гуанако, не требуетъ теплаго хлѣва и довольствуется навѣсомъ, защищающимъ ее отъ холодныхъ вѣтровъ, хорошо ѣстъ обыкновенное сѣно и даже легко размножается въ неволѣ.

* * *

Третій видъ этой группы, **Пако** или **Алпана** (*Auchenia pasos*, *Lama pasos*), ростомъ меньше ламы и по строенію тѣла нѣсколько похожа на нашу овцу, но шея у нея длиннѣе и голова красивѣе; шерсть ея очень длинна и удивительно мягкая; на нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ, по сторонамъ туловища, длина волосъ достигаетъ 10—12 см. Цвѣтъ шерсти бываетъ или совсѣмъ бѣлый, или черный, однако встрѣчаются и пѣгія животныя.

«Альпакъ», говоритъ Чуди, «держатъ большими стадами, которыя цѣлый годъ пасутся на высокихъ горныхъ лугахъ, и ихъ гонять внизъ къ хижинамъ индѣйцевъ только на время стрижки. Едва-ли существуетъ животное болѣе упрямое, чѣмъ алпака. Если одна изъ нихъ отдѣлена отъ стада, то она бросается на землю, и ни ласками, ни ударами вельзя заставить ее встать. Она переноситъ самые сильные удары и даже мучительную смерть, но ни за что не послушается. Отдѣльныхъ животныхъ можно тогда только заставить идти, когда ихъ присоединяють къ стадамъ ламъ или овецъ. Индѣйцы уже съ давнихъ временъ приготавливаютъ изъ шерсти алпакъ и ламъ одѣяла и плащи.

Въ Европѣ нѣсколько разъ пробовали развести алпакъ, но до сихъ поръ предпріятіе это имѣло мало успѣха, и всѣ безъ исключенія попытки имѣли печальный исходъ. Извѣстный натуралистъ Томсонъ разводилъ въ Кнауслеѣ, по приказанію графа Дерби. большое стадо алпакъ, и англійскіе естествоиспытатели надѣялись видѣть шотландское плоскогорье населеннымъ уже этими полезными своею шерстью животными. Однако надежда эта не осуществилась, и о дѣлѣ этомъ скоро замолчали. Въ Австраліи случилось кажется такъ же, какъ и въ Европѣ, хотя тамъ попытки были произведены въ гораздо большихъ размѣрахъ. Правительство Новаго Южнаго Валлиса назначило, по словамъ Чуди, довольно значительное вознагражденіе за разведеніе тамъ извѣстнаго количества алпакъ. Англичанинъ Лидсъ отважился на это нелегкое предпріятіе, какъ какъ болівіанское и перуанское правительство самымъ строжайшимъ образомъ запретили вывозъ живыхъ алпакъ и велѣли строго наблюдать за Лидсомъ, намѣренія котораго были имъ извѣстны. Несмотря на всѣ препятствія, предпримчивому человѣку удалось, наконецъ, привести въ Австралію 300 живыхъ алпакъ. Пять лѣтъ спустя изъ всѣхъ животныхъ осталось въ живыхъ едва около дюжины, несмотря на то, что правительство выдало на ихъ содержаніе около 300 тысячъ марокъ; потомство привезенныхъ ламъ, числомъ около семидесяти пяти, находилось въ самомъ жалкомъ положеніи. Потому это стадо рѣшили какъ можно скорѣе продать или отдѣлаться отъ него какимъ-либо другимъ способомъ, тѣмъ болѣе, что его содержаніе вело за собою значительные расходы.

Чуди сомнѣвается, чтобы попытки развести ихъ въ Европѣ въ большомъ количествѣ окончились благопріятно, такъ какъ альпакамъ необходимы пастбища на

открытомъ воздухѣ. Мнѣ кажется вполне возможнымъ, что на южно-европейскихъ плоскогоріяхъ Стараго Свѣта находятся мѣста, которыя представляютъ всѣ данныя условія для благоденствія этихъ животныхъ, но я не думаю, чтобы успѣхъ разведенія ихъ былъ-бы вполне удаченъ, тѣмъ болѣе, что этими мѣстами выгоднѣе могутъ воспользоваться для разведенія туземныхъ, уже привыкшихъ къ нашему климату животныхъ; алпаки же съ большимъ трудомъ переносятъ иго человѣка. Въ остальномъ эти животные отвѣчаютъ многимъ требованіямъ, которыя мы предъявляемъ нашимъ полезнымъ домашнимъ животнымъ. Они долгодѣтны, не особенно требовательны, очень быстро размножаются, такъ какъ самка бываетъ беременна

Пако. Auchenia pacos. $\frac{1}{18}$ наст. вел.

только 11 мѣсяцевъ, и доставляютъ, кромѣ превосходной шерсти, центнеръ (около 3 п.), которой стоитъ уже на западномъ берегу Америки около 300 марокъ, въ высшей степени вкусное мясо. На родинѣ ихъ не употребляютъ для ношенія вьюковъ и разводятъ исключительно ради шерсти и мяса. Чтобы получить шерсть, стадо сгоняютъ ежегодно въ одно мѣсто и стригутъ, что при ихъ строптивомъ нравѣ вовсе нелегкая работа; затѣмъ отпускаютъ на свободу и предоставляютъ имъ вести полудикій образъ жизни, который наиболѣе нравится алпакамъ.

По показаніямъ Акости, индѣйцы называютъ болѣе грубую шерсть «Ханаска», тонкую же — «Кумби». Изъ послѣдней они съ большимъ искусствомъ готовятъ салфетки для столовъ и другія цѣнные вещи, отличающіяся прочностью и глянцеви-

тостью. Перуанскіе инки имѣли хорошихъ мастеровъ по части тканья. Самые искусные жили у озера Титикака. Они окрашивали грубую и тонкую шерсть различными травами въ очень яркія краски. Въ настоящее время они умѣютъ ткать лишь теплыя одѣяла и плащи, но зато шерсть въ большомъ количествѣ отправляется въ Европу, и съ тѣхъ поръ, какъ Титъ Селтъ изобрѣлъ особый способъ пряжи и тканья этой шерсти, этой фабрикаціей занимаются въ большомъ размѣрѣ.

«Красивѣе ламы», говоритъ Чуди, «Викунья или Вигонь (*Auchenia Vicunia*, *Lama vicunia*, *Vigogne*). По величинѣ она стоитъ между ламой и пако, отличается же отъ обоихъ болѣе короткой и вьющеюся шерстью замѣчательной тонкости. Темя, верхняя сторона шеи, туловище и бедра окрашены въ особенный красно-желтый цвѣтъ (цвѣтъ викуньи); нижняя сторона шеи и внутреннія части конечностей — свѣтло-желтаго цвѣта, шерсть на груди, достигающая 12 см. длины, и нижняя часть живота — бѣлыя.

Въ продолженіи дождливаго времени года викуньи живутъ на хребтахъ Кордильеровъ, гдѣ растительность въ высшей степени скудна. Онѣ остаются постоянно на лугахъ, поросшихъ травой, вслѣдствіе того, что копыта ихъ мягки и чувствительны, и никогда не бѣгутъ, даже при преслѣдованіи, по каменистымъ голымъ вершинамъ и болѣе всего избѣгаютъ, какъ и наши серны, глетчеровъ и снѣжныхъ полей. Въ жаркое время года онѣ спускаются въ долины. Кажущееся противорѣчіе, что животныя зимою отыскиваютъ холодныя, лѣтомъ-же жаркія мѣста, объясняется тѣмъ, что въ продолженіи сухого времени хребты Кордильеровъ совсѣмъ высыхаютъ, и скудная вообще растительность доставляетъ имъ достаточную пищу лишь въ долинахъ, гдѣ есть источники и болота. Онѣ пасутся почти цѣлый день, и считается большою рѣдкостью застать стадо этихъ животныхъ лежащимъ. Во время течки самцы сильно дерутся между собою за первенство въ стадѣ, состоящемъ обыкновенно изъ 6—15 самокъ; въ каждомъ стадѣ можетъ быть только одинъ самецъ. Самецъ держится въ 2—3 шагахъ отъ своего стада, и тщательно оберегаетъ его, между тѣмъ какъ самки беззаботно пасутся. При приближеніи малѣйшей опасности вожакъ подаетъ знакъ громкимъ свистомъ и быстро ставится во главѣ стада. Всѣ животныя тотчасъ-же соединяются, съ любопытствомъ поворачиваютъ головы по тому направленію, откуда грозитъ опасность, и приближаются на нѣсколько шаговъ, а затѣмъ вдругъ обращаются въ бѣгство; самецъ слѣдуетъ за нимъ, часто останавливается и слѣдитъ за врагомъ. Движенія при быстромъ бѣгѣ состоятъ изъ галопа, причѣмъ животныя переваливаются съ боку на бокъ довольно тихими прыжками. Бѣгъ этотъ не настолько быстръ, чтобы этихъ животныхъ нельзя было-бы нагнать на равнинѣ всаднику на хорошей лошади. Но даже и на самой быстрой лошади невозможно этого сдѣлать, если викуньи находятся на горныхъ откосахъ, и въ особенности, когда онѣ бѣгутъ вверхъ, такъ какъ тогда онѣ имѣютъ большое преимущество передъ лошадьми. Самки рѣдкою вѣрностью и привязанностью вознаграждаютъ бдительность своего вожака и, если онъ бываетъ раненъ или убитъ, бѣгаютъ съ громкимъ свистомъ вокругъ него и позволяютъ даже перестрѣлять себя, но въ бѣгство не обращаются. Если-же смертоносный свинецъ поражаетъ самку, то все стадо убѣгаетъ. Напротивъ того, самки гуанако быстро удаляются, если ихъ вожакъ бываетъ убитъ.

«Въ февралѣ у каждой самки рождается одинъ дѣтенышъ, который тотчасъ-же послѣ рожденія выказываетъ необычайную выносливость и быстроту. Молодые самцы викуньи до тѣхъ поръ остаются при матеряхъ, пока не выростутъ; тогда стадо самокъ набрасывается на способныхъ уже къ размноженію самцовъ, тол-

каает и кусает их до тѣхъ поръ, пока они не убѣгутъ отъ нихъ. Эти послѣдніе собираются въ особенныя стада, къ которымъ присоединяются еще другія, состоящія изъ побѣжденныхъ самцовъ, и образуютъ общества, достигающія отъ 20—30 штукъ. Между ними, конечно, не всегда бываетъ спокойно. Такъ какъ это стадо не руководится вожакомъ, то всѣ животныя дѣлаются крайне недовѣрчивыми и чуткими, такъ что охотникъ лишь съ большою осторожностью и большимъ трудомъ можетъ при-

Викунья *Lichenia vicuña*. $\frac{1}{16}$ наст. вел.

близиться къ подобному стаду и очень рѣдко убиваетъ болѣе одного животнаго. Во время течки безпорядокъ въ стадахъ викуній бываетъ страшный: всѣ животныя толкуются на одномъ мѣстѣ, кусаются, лягаются и при этомъ издаютъ очень непріятный крикъ, нѣсколько похожій на ржаніе испуганныхъ лошадей. Крикъ этотъ трудно описать, но онъ настолько характеренъ, что, услышавъ разъ, его уже нельзя забыть. Чистый рѣдкій воздухъ передаетъ эти пронзительные звуки на такое большое разстояніе, что даже самый зоркій глазъ не можетъ еще различить животныхъ.

«Иногда встрѣчаютъ также одинокихъ викуній, къ которымъ легко приблизиться и которыхъ, если онѣ обращаются въ бѣгство, легко догнать на лошади и послѣ поймать арканомъ или лассо. Индѣйцы утверждаютъ, что эти животныя потому такъ кротки, что страдаютъ глистами. Мы вполне убѣдились въ вѣрности этого факта, такъ какъ при изслѣдованіи подобнаго животнаго нашли, что поджелудочная железа и печень представляли изъ себя кишачную массу, полную глистовъ. Мы, какъ и индѣйцы, склонны приписать причину этой болѣзни сырымъ настбищамъ, пощѣаемымъ викуньями, потому-что наблюденія указываютъ, что страдающихъ глистами животныхъ встрѣчаютъ почти исключительно въ теченіи дождливаго времени.

«Индѣйцы», продолжаетъ далѣе Чуди, «очень рѣдко употребляютъ огнестрѣльное оружіе на охотѣ за викуньями. Они устраиваютъ облаву, на которую каждое семейство плоскогорья должно доставить по крайней мѣрѣ одного человѣка; вдовы служатъ въ этой артели кухарками. Охотники забираютъ съ собою палки и огромные клубки бичевокъ. На подходящей равнинѣ палки втыкаютъ въ землю на разстояніи 12—15 шаговъ и связываютъ ихъ веревками на высотѣ 80 см. Такимъ образомъ огораживаютъ круглое пространство около двухъ верствъ въ окружности и съ одной стороны оставляютъ входъ, шириною въ нѣсколько сотъ шаговъ. Женщины навѣшиваютъ на веревки круга пестрые тряпки, которыя развѣваются по вѣтру. Когда все готово, мужчины, изъ которыхъ часть верхами, расходятся по сторонамъ и съ многихъ миль въ окружности сгоняютъ все стада черезъ отверстіе въ кругъ. Если надлежащее количество загнано, этотъ кругъ загораживаютъ. Пугливыя животныя не отваживаются перескочить черезъ веревку съ колеблющимися тряпками, и ихъ легко убиваютъ, такъ называемыми «белассами», которые состоятъ изъ трехъ чугунныхъ шаровъ, привязанныхъ на длинныхъ ремняхъ. Бросающій кружитъ имъ около головы и очень мѣтко съ размаху кидаетъ въ избранное животное, самъ-же опутываетъ ему ноги, и жертва падаетъ. Пойманныя такимъ образомъ викунии закалываются, и мясо дѣлится поровну между присутствующими; мѣха-же жертвуютъ въ церковь.

«Въ 1827-мъ году Боливаръ издалъ законъ, по которому пойманныхъ викуній не велѣно было убивать, а только стричь. Но законъ этотъ не имѣлъ силы, такъ какъ стрижка этихъ животныхъ, вслѣдствіе ихъ дикости, была почти невозможна. Во времена инковъ охоты устраивались въ гораздо большихъ размѣрахъ: собирали ежегодно до 30,000 индѣйцевъ, которые должны были загонять всю дичь по вышеупомянутому способу въ огороженное пространство, миль съ 20-ти въ окружности. При постепенномъ служиваніи круга загонщиковъ, индѣйцы подъ конецъ шли въ нѣсколько рядовъ, такъ-что ни одно животное не могло спастись. Вредныхъ животныхъ, какъ-то: медвѣдей, лисицъ и кугуаровъ убивали, а изъ оленей, ланей, викуній и гуанако убивали только извѣстное число. Иногда ихъ сгоняли, говорятъ, до 4000 штукъ. Если въ такія западни попадались гуанако, то они разрывали веревку или перескакивали черезъ нее, и тогда за ними слѣдовали и викунии. Поэтому обращали вниманіе на то, чтобы не загонять гуанако. Какъ только все викунии въ окруженномъ пространствѣ были убиты, то охоту продолжали въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ; она длилась около недѣли. Число убиваемыхъ въ настоящее время животныхъ простирается часто только до 50-ти, иногда-же бываетъ болѣе сотни. Я принималъ участіе въ продолженіи 5 дней въ такой охотѣ; убито было 122 викунии, и на вырученные отъ мѣховъ деньги выстроили новый алтарь въ церкви.

«Пойманныя молодыми викунии легко приручаются и ведутъ себя очень добѣрчиво; онѣ съ любовію привязываются къ хозяину и, какъ хорошо воспитанныя.

домашнія животныя, слѣдуютъ за нимъ по пятамъ; съ годами-же становятся, какъ и всѣ ихъ родичи, злыми и невыносимыми своимъ постояннымъ плеваніемъ. Одинъ пасторъ выростилъ съ большимъ трудомъ пару викуній. «Самка на пятомъ году убѣжала изъ своего заточенія съ ошейникомъ и кускомъ веревки, на которой была привязана. Она старалась пристать къ какому-нибудь стаду, но ее постоянно прогоняли кусаньемъ и ударами копытъ, и она принуждена была пасти на плоскогорьяхъ одна. Послѣ этого мы часто встрѣчали ее въ продолженіи цѣлыхъ мѣсяцевъ во время охоты, но при нашемъ приближеніи она убѣгала. Самецъ былъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ животныхъ этой породы, какую мы когда-либо видали, сила его соотвѣтствовала его росту. Если кто-нибудь къ нему близко подходилъ, то онъ становился на заднія ноги и ударомъ переднихъ валилъ на землю даже самаго сильнаго человѣка. Онъ не выказывалъ ни малѣйшей привязанности къ своему сто-рожу, хотя тотъ заботился о немъ въ продолженіи болѣе пяти лѣтъ».

Уже при Аюкѣ индѣйцы стригли также и викуній и приготавливали изъ ихъ шерсти очень цѣнныя одѣяла, которыя имѣли видъ шелковой матеріи и были очень прочны, такъ какъ не требовали окраски. Одежда изъ этой матеріи въ особенности годится для жаркой погоды. И до сихъ поръ еще ткуть изъ этой шерсти тончайшія и самыя прочныя матеріи, а также валяютъ мягкія войлочные шляпы, которыя очень долго носятяся.

Отъ всѣхъ видовъ ламъ получаютъ желудочные камни (безоары), которымъ въ прежнія времена придавали большое значеніе въ медицинѣ, но теперь ихъ разсматриваютъ по ихъ настоящему достоинству: это своеобразное желудочное выдѣленіе, главныя составныя части котораго состоятъ изъ углекислой и фосфорнокислой извести съ примѣсью желчнаго жира и размельченныхъ растительныхъ веществъ.

* *
*

Третье семейство жвачныхъ образуютъ **Полорогія** животныя (Bovidae), которыя составляютъ естественную, ясно очерченную группу, раздѣляющуюся на пять подсемействъ. Какъ ни близки кажутся олени къ полорогимъ, однако они отличаются отъ нихъ, какъ выше уже сказано, видомъ, строеніемъ и развитіемъ своихъ роговъ, которые имѣютъ свойство ежегодно сваливаться, вновь выростать и все болѣе и болѣе развѣтвляться. «Полорогія», говоритъ коротко и понятно Блазіусъ, «имѣютъ на лбу конусообразно заостряющіеся костяные наросты, которые окружены роговымъ футляромъ; эти костяные наросты растутъ постоянно въ длину, а у основанія и въ ширину. При ростѣ на этомъ костиномъ пенкѣ постоянно образуются новые роговые слои, для которыхъ старыя слои служатъ какъ бы футляромъ. И въ полыхъ рогахъ новая роговая масса отдѣляетъ старыя слои роговъ отъ костяного нароста, но эти старыя слои не отпадаютъ, какъ у оленей, такъ какъ конусообразный видъ поверхности старыхъ роговыхъ слоевъ препятствуетъ такому отпаденію. Новаго выростанія роговъ въ извѣстныя промежутки времени, какъ у оленей, здѣсь, повидимому, не происходитъ, но годовые слои рога очень ясно на немъ замѣтны волнообразными желобками или даже очень замѣтнымъ отдѣленіемъ старыхъ слоевъ рога отъ новыхъ. Нельзя не замѣтить, что выростаніе рогового вещества не весь годъ одинаково. Ежегодный приростъ рога также измѣняется, смотря по возрасту; чѣмъ старше животное, тѣмъ ежегодный приростъ бываетъ меньше». Прочими признаками этого семейства можетъ служить зубная система: всѣ принадлежащія сюда животныя имѣютъ 6 рѣзцовъ и 2 клыка только на нижней челюсти, на верхней-же спереди совѣмъ нѣтъ переднихъ зубовъ; кромѣ того, на каждой сторонѣ челюстей вверху и внизу мы находимъ по 6 коренныхъ зубовъ. Скуловая дуга очень плотная и не представляетъ отверстій; копыта широки и коротки; шерсть на всемъ тѣлѣ

равномѣрнѣе, чѣмъ, у оленей, и волосяныя щетки на заднихъ конечностяхъ встрѣчаются только въ видѣ исключенія.

Кромѣ зубной системы и роговъ трудно найти общіе признаки, свойственныя всѣмъ полорогимъ. Строеніе ихъ тѣла очень разнообразно, и къ семейству этому относятся какъ толстыя и массивныя животныя, такъ легкія, и граціозныя. Форма роговъ и копытъ, длина хвоста, волосяной покровъ и окраска бываютъ очень различны; слезныя ямочки иногда встрѣчаются, иногда нѣтъ; кончикъ морды покрытъ волосами или голый: однимъ словомъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи этихъ животныхъ замѣчаешь у нихъ много отличительныхъ признаковъ.

Образъ жизни полорогихъ точно такъ-же разнообразенъ, какъ и внѣшній видъ ихъ. Они распространены по всей землѣ, за исключеніемъ Южной Америки и Австраліи; множество видовъ ихъ встрѣчается во всѣхъ поясахъ земного шара и въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ: въ безводныхъ пустыняхъ точно такъ, какъ и въ богатыхъ растительностью тропическихъ лѣсахъ, въ болотистыхъ равнинахъ, точно такъ, какъ на высокихъ горахъ вблизи ледниковъ. Большинство изъ нихъ живутъ обществами, многія большими стадами, а нѣкоторыя такими огромными толпами, что подобныя многочисленныя скопленія животныхъ встрѣчаются между млекопитающими развѣ только у грызуновъ. Соотвѣтственно ихъ различному внѣшнему виду, нѣкоторыя изъ этихъ животныхъ двигаются тихо и неуклюже, другія— въ высшей степени быстро и ловко и, смотря по ихъ мѣстожительству, инныя хорошо плаваютъ, другія превосходно лазаютъ. Почти всѣ отличаются хорошо развитыми душевными способностями: внѣшнія чувства полорогихъ хорошо развиты, многія изъ нихъ отличаются понятливостью, но нѣкоторыя, напротивъ того, отъ природы очень глупы. Размножаются они довольно быстро, хотя большинство изъ нихъ имѣетъ лишь развѣ по одному дѣтенышу, рѣже—два, въ видѣ исключенія—три и только въ рѣдкихъ случаяхъ—четыре. Молодыя животныя по росту и по развитію не отличаются отъ другихъ жвачныхъ. Они рождаются очень развитыми и большею частью черезъ нѣсколько часовъ послѣ рожденія, иногда только черезъ нѣсколько дней, могутъ слѣдовать за своими родителями по самымъ опаснымъ мѣстамъ. У многихъ видовъ ростъ продолжается нѣсколько лѣтъ, но у большинства молодые уже черезъ годъ сами способны къ размноженію, и этимъ объясняется быстрое увеличеніе числа особей въ отдѣльныхъ стадахъ жвачныхъ.

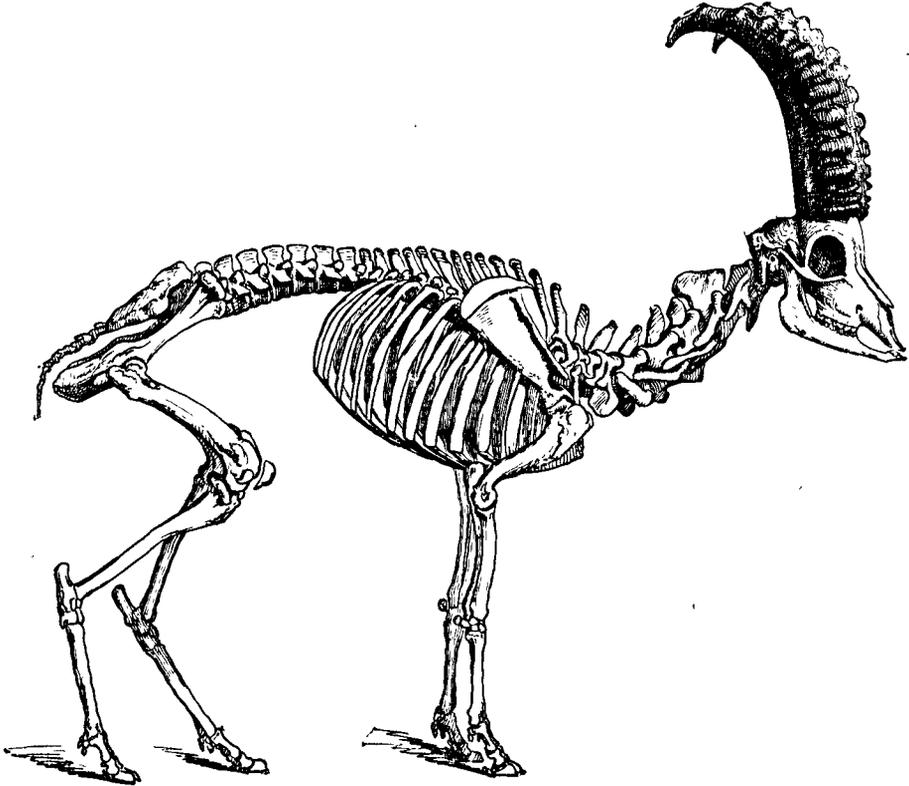
Полорогія имѣютъ для человѣка болѣе важное значеніе, чѣмъ всѣ прочія жвачныя, за исключеніемъ развѣ верблюдовъ. Между ними человѣкъ выбралъ себѣ самыхъ необходимыхъ домашнихъ животныхъ; отъ нихъ мы получаемъ значительную часть нашей пищи и матерьялъ для одежды; безъ нихъ человѣку нынѣ жить было-бы невозможно. Даже дикіе, пользующіеся неограниченной свободой, виды этого семейства приносятъ гораздо больше пользы, чѣмъ вреда. Такъ какъ они не столь сильно вредятъ нашему имуществу, какъ нѣкоторыя другія большія животныя, и почти всѣ безъ исключенія доставляютъ намъ вкусное мясо, шкуры, шерсть и рога, то и причиняемый ими вредъ вполне вознаграждается этой пользой. Почти всѣ дико живущія полорогія считаются охотничьими животными наравнѣ съ оленями. Кромѣ человѣка эти животныя имѣютъ еще и другихъ враговъ, но еще чаще, чѣмъ отъ насильственной смерти, они погибаютъ отъ голода и различныхъ, очень распространенныхъ у нихъ, повальныхъ болѣзней.

Полорогія раздѣляются, какъ уже выше сказано, на пять подсемействъ, именно: **Козловъ, Барановъ, Быковъ, Горныхъ Американскихъ Козъ и Антилопъ.**

Оба рода **Козловыхъ** (Caprinae), а именно козлы и бараны, имѣютъ между „жизнь животн.“ время. т. III. 12

собою такое близкое родство, что едва возможно указать их существенные отличительные признаки.

Характеризовать козловых можно следующимъ образомъ: всѣ принадлежащія къ этому роду виды достигаютъ только средней величины жвачныхъ животныхъ, имѣютъ крѣпкое, даже отчасти неуклюжее строеніе туловища, короткую шею и въ большинствѣ случаевъ сжатую голову; низкія и сильныя ноги снабжены относительно тупыми копытами и короткими закругленными шпорцами. Хвостъ круглый или широкій; въ послѣднемъ случаѣ онъ болѣе или менѣе треугольной формы и снизу голый. Уши короткія или средней величины; глаза довольно большіе съ косо поставленными, продолговато-четыреугольнымъ зрачкомъ. Рога, болѣе или менѣе

Скелеть Альпійскаго козерога.

сжатые и ребристые, наклонены назадъ и отогнуты въ сторону, большею частью закручены въ видѣ спирали, иногда-же выгнуты на подобіе лиры; обыкновенно они имѣютъ поперечныя складки и часто сильно вздуты. Рога составляютъ принадлежность обоихъ половъ, только у самокъ они значительно меньше, чѣмъ у самцовъ. Кромѣ того у нѣкоторыхъ козловъ бываютъ слезныя ямки и междукопытныя железы, у другихъ что-нибудь одно, а иногда и ни того, ни другого. Вся морда покрыта волосами, кромѣ встречающагося у нѣкоторыхъ видовъ голаго пятна между ноздрями. Очень густой покровъ тѣла состоитъ изъ длинныхъ волосъ ости и обильно разросшаго подшерстка. У самки на вымени два соска. У шести коренныхъ зубовъ, постепенно увеличивающихся къзадѣ, нѣтъ внутреннихъ эмалевыхъ столбиковъ, а вслѣдствіе этого также и образуемыхъ ими складокъ на жевательной поверхности, которая, кромѣ того, поражается тѣмъ, что полулунныя эма-

левья складки, встрѣчающіяся у всѣхъ жвачныхъ животныхъ, выступаютъ не ясно. Изъ восьми рѣзцовъ—наружные самыя короткія и широкія, а внутренніе—самыя длинныя и узкія. На черепѣ останавливаетъ вниманіе отсутствіе лобнаго поперечнаго возвышенія (какъ у быковъ) между рогами, и короткія, широкія носовыя кости, которыя впереди оканчиваются остріями, вовсе не связаны съ межчелюстными костями, а съ верхне-челюстными соединены лишь на очень небольшомъ пространствѣ. Въ остальномъ скелетѣ замѣчательны короткія, снабженные довольно длинными остистыми отростками шейные позвонки, обругленная форма тѣхъ грудныхъ позвонковъ, къ которымъ прикрѣплены 13 паръ реберъ, очень длинныя и узкія поперечныя отростки слѣдующихъ шести позвонковъ, не имѣющихъ реберъ, и т. д.

Козловыя распространены преимущественно въ сѣверныхъ странахъ Стараго Свѣта; ихъ вовсе нѣтъ въ Южно-Американской, Эѳіопской и Австралійской областяхъ, а въ Сѣверно-Американской и въ Восточной областяхъ встрѣчается лишь по одному виду этого семейства.

* *
*

Коренастое и крѣпкое туловище **Козловъ** (Сарга), которымъ мы, по справедливости, отводимъ высшее мѣсто среди этого семейства, опирается на сильныя, не очень высокія ноги; шея коротка, голова также относительно коротка и широка въ лобной части; хвостъ, стоящій торчкомъ, какъ уже выше сказано, треугольный и снизу голый. Глаза большіе и живые, слезныхъ ямокъ нѣтъ, уши стоячія, тонко заостренныя и очень подвижныя. Четырехугольныя, съ закругленными краями или сжатые съ боковъ рога имѣютъ ясныя кольца, соответствующія годовому приращенію, и съ наружной стороны вздуты; они встрѣчаются у обонхъ половъ и идутъ назадъ въ видѣ полумѣсяца, или выгибаются на концахъ на подобіе лиры. У козловъ они обыкновенно гораздо больше, чѣмъ у козъ. Мѣхъ двойной, такъ какъ тонкій подшерстокъ покрывается болѣе грубыми волосами ости. У многихъ видовъ остевые волоса прилегаютъ довольно плотно, у нѣкоторыхъ они удлиняются на извѣстныхъ мѣстахъ въ видѣ гривы, а у большинства на подбородкѣ—въ видѣ жесткой бороды. Окраска мѣха всегда болѣе или менѣе темная, землистая или цвѣта скаль, преимущественно бурая или сѣрая. Къ отличительнымъ признакамъ этихъ животныхъ слѣдуетъ отнести также рѣзкій запахъ, извѣстный въ обществѣ подъ названіемъ козлиной вони; онъ свойственъ всѣмъ козламъ во всякое время, но особенно дѣлается невыносимымъ во время течки.

Дикіе козлы водятся въ средней и южной Азіи, въ Европѣ и въ сѣверной Африкѣ; прирученныхъ-же животныхъ этого вида люди распространили въ настоящее время по всему свѣту. Это преимущественно жители горъ, особенно высокіхъ, гдѣ они отыскиваютъ наиболѣе уединенныя, пустынные мѣста. Многіе виды поднимаются за-границу вѣчныхъ снѣговъ. Любимымъ мѣстожительствомъ козловъ служатъ сухія настища на солнечной сторонѣ горъ, рѣдкія лѣса, отлогости и крутыя обрывы, а также голые утесы и скалы, выступающіе изъ подъ вѣчнаго снѣга и льда. Всѣ виды любятъ общительность. Козлы—подвижныя, живыя, безпокойныя, умныя и задорныя животныя. Они безпрестанно бѣгаютъ и прыгаютъ съ мѣста на мѣсто и только во время пережевыванія жвачки лежатъ спокойно. Одни лишь старыя самцы живутъ отшельниками; всѣ другіе постоянно держатся вмѣстѣ. Хотя козлы способны къ дѣятельности какъ днемъ, такъ и ночью, но все-таки они предпочитаютъ день. Свойства ихъ характера проявляются при каждомъ случаѣ. Они замѣчательно ловки въ лазаньи и прыганьи, причѣмъ выказываютъ много отваги, сообразительности и рѣшимости, дѣлающихъ имъ большую честь. Вѣрными шагами пробираются они по самымъ опаснымъ мѣстамъ въ горахъ, не

испытывая головокружения стоят на самых узких карнизах скалъ, равнодушно смотря вниз, въ зіяющія подъ ними пропасти, и съ дерзкою безпечною па-сутся на краю страшныхъ обрывовъ. Козлы обладаютъ, сравнительно съ ихъ величиною, громадною силой и замѣчательною выносливостью, благодаря которымъ могутъ существовать въ самой скудной мѣстности, гдѣ каждый листочекъ, каждый стебелекъ долженъ быть взятъ съ бою. Задорные и рѣзвые между собою, они обнаруживаютъ крайнюю осторожность и пугливость передъ другими животными; малѣйшій шумъ заставляеть ихъ обыкновенно убѣгать, хотя трудно предположить съ достовѣрностью, что они это дѣлають изъ страха, такъ какъ при необходимости козлы способны мужественно и храбро встрѣтиться лицомъ къ лицу съ опасностью; они дерутся съ положительнымъ увлеченіемъ, которое имъ очень идетъ.

Всевозможныя сочныя горныя растенія составляютъ главную пищу козловъ. Будучи большими лакомками, они выбираютъ себѣ всегда самыя лучшія растенія, отлично умѣють выискивать такія мѣста, которыя предоставляли-бы имъ хорошія пастбища, и для этого постоянно перекочевываютъ изъ одной мѣстности въ другую. Всѣ виды -- большіе любители соли и потому старательно посѣщаютъ тѣ мѣста, гдѣ находится это лакомство. Вода для нихъ необходима, вслѣдствіе чего они избѣгаютъ мѣстъ, въ которыхъ нѣтъ ни источниковъ, ни рѣкъ.

Вышіе органы внѣшнихъ чувствъ развиты, повидимому, довольно равномерно. Козлы очень хорошо видятъ, слышатъ и чуютъ, многіе виды даже на невѣроятныхъ разстояніяхъ. Ихъ душевныя способности стоятъ, какъ уже замѣчено, на довольно высокой ступени; ихъ прямо можно назвать умными и предусмотрительными животными. Хотя память у нихъ не особенно хороша, но опытъ научаетъ ихъ распознавать опасность, которую они умѣють предотвращать съ большою ловкостью. У нѣкоторыхъ видовъ проявляется иногда своенравіе, у другихъ прямо-таки злобность и хитрость. Количество дѣтенышей у самокъ колеблется между 1 и 4; всѣ живущія въ дикомъ состояніи козы рождаютъ не болѣе, какъ 2-хъ дѣтенышей заразъ, домашнія-же, впрочемъ, въ рѣдкихъ случаяхъ, приносятъ 4-хъ. Козлята появляются на свѣтъ вполне развитыми и съ открытыми глазами и, спустя нѣсколько минутъ по рожденіи, бывають уже въ состояніи слѣдовать за матерью. Дикіе козлята уже съ перваго дня своей жизни бѣгаютъ по горамъ съ такою-же отвагою и увѣренностью, какъ и взрослые.

Можно смѣло сказать, что всѣ козлы въ большинствѣ случаевъ полезныя животныя. Причиняемый ими вредъ такъ ничтоженъ, что въ немногихъ мѣстностяхъ можетъ быть принятъ во вниманіе, а польза, напротивъ, очень значительна, особенно тамъ, гдѣ этимъ животнымъ пользуются для извлеченія всевозможныхъ выгодъ изъ земли, дары которой иначе совсѣмъ-бы пропали. Пустынныя горы на югѣ Европы буквально усеяны стадами козъ, которыя поѣдаютъ траву на такихъ крутыхъ утесахъ, гдѣ не ступала еще ни одна человѣческая нога. Отъ дикихъ видовъ пользуются рѣшительно всѣмъ—мясомъ, шкурою, рогами и шерстью, а домашнія козы помимо того доставляютъ еще всевозможныя молочныя продукты на весь югъ.

Весьма трудно установить различіе между разными видами дикихъ козловъ, такъ какъ всѣ они очень схожи между собою, а наблюденія надъ ними сопряжены съ большими затрудненіями. Но можно почти съ увѣренностью сказать, что область распространенія отдѣльныхъ видовъ ограничивается извѣстными высотами, такъ что почти каждый большой горный хребетъ, на которомъ ютятся козлы, имѣетъ свой особенный видъ.

Всѣ виды можно раздѣлить на три отдѣльныхъ рода, которыхъ мы назовемъ

Козерогами, Козлами и Полу-козлами. Мы еще не можемъ точно опредѣлить, насколько разнится между собою образъ жизни различныхъ видовъ, такъ какъ до сихъ поръ въ состояніи обрисовать дѣятельность нѣкоторыхъ видовъ лишь въ общихъ чертахъ: происхожденіе нашихъ домашнихъ козловъ до сихъ поръ еще покрыто мракомъ неизвѣстности.

* *
*

Козероги, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, составляютъ особый родъ (*Ibex*. Steinböcke. Bouquetins.) и живутъ на такихъ горахъ и вершинахъ, гдѣ другія крупныя млекопитающія не могли-бы существовать. Только немногія жвачныя проникаютъ лѣтомъ вслѣдъ за ними на тѣ высокія пастбища, гдѣ они пасутся круглый годъ, спускаясь въ болѣе низкія ложбины только въ крайнемъ случаѣ, когда ихъ стонитъ съ высотъ чрезмѣрный холодъ. Ведя такой образъ жизни, немудрено, что всякій отдѣльный видъ имѣетъ весьма ограниченную область распространенія. Нѣкоторые натуралисты признаютъ не только для Европы, но и для всего свѣта лишь одинъ видъ козероговъ, но, мы останавливаемся на избранномъ подраздѣленіи и будемъ разсматривать ихъ какъ отдѣльный родъ, богатый видами. Одна Европа насчитываетъ три различныхъ вида козероговъ: первый изъ нихъ—**Козерогъ альпійскій** (*Capra ibex*) живетъ на Альпахъ, второй—**Козерогъ пиренейскій** (*Capra pyrenaica*)—въ Пиренейскихъ и другихъ горахъ Испаніи, третій—**Туръ** (*Capra caucasica*)—на Кавказѣ. Кромѣ того есть еще четвертый видъ козероговъ—**Тигъ** (*Capra sibirica*), который водится въ Сибири, пятый—**Бедень** (*Capra beden*)—въ Аравіи, шестой—**Вали** (*Capra walie*)—въ Абиссиніи и седьмой—**Снайнь** (*Capra skyn*)—на Гиммалайскихъ горахъ. Всѣ эти виды очень похожи одинъ на другой, какъ своимъ внѣшнимъ видомъ, такъ и окраской, и отличаются главнымъ образомъ только рогами и бородой. По настоящее время у насъ нѣтъ еще достаточныхъ данныхъ для окончательнаго рѣшенія вопроса, можно-ли всѣ эти формы считать за отдѣльные виды. Наши музеи до сихъ поръ еще не представляютъ для естествоиспытателей достаточнаго матерьяла для основательныхъ изысканій; даже лучшіе изъ нихъ обладаютъ не болѣе какъ 1 или 2 экземплярами козероговъ, а о коллекціи животныхъ, которая представляла-бы градацію всѣхъ возрастовъ и различныя индивидуальныя отклоненія, не можетъ быть и рѣчи. Такимъ образомъ на переходныя ступени отъ одного вида къ другому нѣтъ еще точныхъ указаній, и мы должны пока разсматривать упомянутыхъ козловъ, какъ различные виды.

Само собой разумѣется, что ближе всего намъ тотъ видъ козловъ, который живетъ на нашихъ Альпахъ. Его латинское названіе, *Capra ibex*, все еще невѣрно переводятъ общимъ именемъ «европейскаго козерога», хотя въ настоящее время два другихъ европейскихъ вида козероговъ встрѣчаются навѣрно въ большемъ числѣ экземпляровъ, чѣмъ собственно альпійскій, который, къ сожалѣнію, приближается къ совершенному вымиранию.

Альпійскій козерогъ (*Capra ibex* C. alpina, Aegoceros ibex и *Ibex alpinus*. Alpensteinbock. Bouquetin.)—гордое, стройное и видное животное съ туловищемъ въ 1,5—1.6 m. длины, 80—85 см. высоты въ плечахъ и 75—100 kgr. вѣсу. Глядя на него, тотчасъ-же признаемъ сильное и выносливое животное. Туловище его сжатое, шея—средней длины, голова—относительно маленькая, но съ большою выпуклостью на лбу; ноги сильныя и средней высоты; рога, имѣющіеся у обоихъ половъ, у старшихъ козероговъ достигаютъ очень значительной величины и толщины и выгнуты назадъ и нѣсколько въ стороны дугою или въ видѣ полумѣсяца. У корня, гдѣ рога всего толще, они очень близко сходятся другъ съ другомъ, затѣмъ постепенно расходятся, утончаясь къ концу. Въ

разрѣзъ своемъ они представляютъ продолговатый, сзади немного суживающійся четырехугольникъ. Ежегодныя утолщенія роговъ выступаютъ особенно рѣзко на передней поверхности, въ видѣ большихъ, выпуклыхъ, вздутыхъ рубцовъ или валиковъ, которые заходятъ отчасти и на боковую поверхность, только здѣсь они не поднимаются такъ высоко, какъ спереди. У корня роговъ и на концѣ эти рубцы постепенно становятся менѣе выпуклы; всего крупнѣе они въ серединѣ роговъ, гдѣ лежатъ плотно одинъ къ другому. Рога могутъ достигъ длины 80—100 см. при вѣсѣ въ 10—15 kgr. У самки они имѣютъ больше сходства съ рогами домашней козы, нежели самца козерога; они относительно малы, въ разрѣзѣ почти круглы, имѣютъ незначительныя поперечныя складки и просто загнуты назадъ. Даже у взрослыхъ животныхъ длина ихъ достигаетъ не больше 15—18 см. Въ первый-же мѣсяцъ жизни у дѣтеныша появляются признаки роговъ; у годовалаго козерога они представляютъ собою еще короткій пенёкъ, на которомъ вплоть у самага корня обнаруживается первый поперечный наростъ; на рогахъ двухлѣтняго козла появляется уже 2—3 вздутыхъ рубца, у трехлѣтняго животного рога достигаютъ длины 45 см. и число рубцовъ значительно увеличивается, а у вполне взрослыхъ козероговъ оно можетъ доходить до 24-хъ. Точными опредѣлителями возраста животного не могутъ служить ни эти рубцы, ни мало замѣтные ростовыя кольца между ними, ни плоскіе бугорки по обѣимъ сторонамъ роговъ, хотя охотники и думаютъ, что по числу ихъ можно опредѣлить возрастъ козла.

Мѣхъ козерога грубый и густой, различный въ разныя времена года: зимою длиннѣе, грубѣе, курчавѣе и болѣе тусклый, чѣмъ лѣтомъ, такъ какъ въ суровое время года онъ смѣшивается съ густымъ подшерсткомъ, который съ наступающимъ тепломъ выпадаетъ; на верхней сторонѣ туловища онъ пушистѣе, т. е. короче и гуще, чѣмъ на нижней. На задней части шеи и на затылкѣ волоса удлиняются въ видѣ гривы; кромѣ того у старыхъ самцовъ на загривкѣ закручивается вихорь, а подъ нижнею челюстью вырастаетъ маленькая борода не длиннѣе 5-ти см., которой вовсе нѣтъ у молодыхъ козлятъ и козъ. На остальномъ тѣлѣ волоса почти одинаковой длины. Окраска мѣха стоитъ въ зависимости отъ возраста и времени года. Лѣтомъ преобладаетъ рыжеватосѣрый цвѣтъ, зимою—желтовато-сѣрый или чалый. На спинѣ мѣхъ темнѣе, чѣмъ на животѣ; по хребту пробѣгаетъ едва отгѣняющаяся свѣтло-бурая полоса. Лобъ, темя, носъ, спина и горло—темно-бурые; на подбородкѣ передъ глазами, подъ ушами, позади ноздрей показывается ржаво-чалый отгѣнокъ; ухо снаружи чало-бурое, внутри бѣловатое. Спину отъ живота разграничиваетъ темная, почти черно-бурая продольная полоса, идущая по сторонамъ тѣла; кромѣ того грудь, передняя часть шеи и паха темнѣе прочихъ частей, а на ногахъ общая окраска переходитъ въ черно-бурую. Середина живота и мѣсто около задняго прохода—бѣлыя; хвостъ сверху бурый, на концѣ черно-бурый. Вдоль наружной поверхности заднихъ ногъ пробѣгаетъ свѣтлая бѣловато-чалая полоса. Съ возрастомъ окраска становится равномернѣе. Мѣхъ козы въ существенномъ сходенъ съ мѣхомъ козла, только въ немъ нѣтъ продольной полосы на спинѣ, онъ болѣе одноцвѣтенъ и съ желтовато-бурымъ отгѣнкомъ, подшерстокъ его окрашенъ въ болѣе темный цвѣтъ; грива у нея короче и менѣе замѣтна, чѣмъ у козла; борода нѣтъ и намека. Козлята мѣхомъ своимъ вполне походятъ на мать; у самцовъ только съ самага рожденія видны уже темныя продольныя полосы.

Уже сотни лѣтъ тому назадъ козероги стали значительно изводиться, и еслибы въ прошломъ столѣтїи не было принято особыхъ мѣръ для сохраненія этого вида, то ихъ, пожалуй, теперь не нашлось-бы ни одного экземпляра. Согласно старымъ

АЛЬПЫЙСКІЙ КОЗЕРОГЪ.

описаніямъ, козероги населяли прежде всё вершины швейцарскихъ Альповъ, а въ доисторическія времена водились даже на предгоріяхъ Альповъ. Во время римскаго владычества они были, повидимому, многочисленны, такъ какъ этотъ тщеславный народъ препровождалъ нерѣдко отъ 100—200 живьемъ пойманныхъ козероговъ въ Римъ для потѣшныхъ боевъ. Но уже въ XV ст. они стали переводиться въ Швейцаріи. Въ кантонѣ Гларусъ послѣдній экземпляръ былъ убитъ въ 1550 г.; въ Граубинденѣ въ 1574 г., смотритель замка могъ только съ большимъ трудомъ достать козерога для эрцгерцога австрійскаго. Въ горахъ Бергелія и Оберенгадина они въ XVII ст. еще не считались за рѣдкихъ животныхъ. Въ 1612 г. была запрещена охота на козероговъ подѣ страхомъ штрафа въ 50 кронъ, а 21 годъ спустя денежный штрафъ былъ замѣненъ тѣлеснымъ наказаніемъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія козероги еще попадались въ горахъ, окружающихъ долину Банья, а въ началѣ нынѣшняго — и въ Валлисѣ; съ тѣхъ поръ ихъ истребили въ швейцарскихъ Альпахъ.

Въ Зальцбургѣ и Тиролѣ козероги, согласно новѣйшимъ изслѣдованіямъ, вполне подтверждающимъ прежнія сообщенія, первоначально были разведены въ половинѣ XVI ст., вѣроятно, благодаря стараніямъ богатыхъ владѣльцевъ фонъ-Кейчбахъ; но они держались тамъ недолго. Вслѣдствіе того, что рога, кровь козерога и разныя другія части его тѣла считались цѣлебными, отчаянные браконьеры съ такимъ усердіемъ преслѣдовали это животное, что владѣлецъ охоты на своей собственной землѣ обратился въ 1566 г. къ архіепископу Зальцбургскому, прося огражденія его правъ охоты; дѣло кончилось тѣмъ, что въ 1584 г. архіепископъ принялъ въ свое вѣдѣніе право свободной охоты. Какъ онъ, такъ и его преемники принимали всевозможныя мѣры для обезпеченія неприкосновенности благородныхъ животныхъ. Они учетверили количество сторожей, завели сторожки лѣсничихъ на высочайшихъ вершинахъ Альповъ и приказывали ловить молодыхъ козлятъ, чтобы воспитывать ихъ въ особыхъ паркахъ. До сотни самыхъ ловкихъ и отважныхъ охотниковъ были заняты съ апрѣля до іюня ловлею въ сѣти козероговъ, которые при таяніи снѣговъ спускались въ долины, поближе къ пастушескимъ хижинамъ. Несмотря на это, въ продолженіи трехъ лѣтъ они могли поймать не больше 2 козловъ, 4 самокъ и 3 козлятъ. Такъ обстояло дѣло до конца прошлаго столѣтія, потому-что архіепископы пользовались козерогами для подарковъ иностраннымъ дворамъ. Въ то время за каждую, такъ называемую, «сердечную кость» козерога платили червонецъ, за найденный рогъ 2 рейхсталера, а за безоаровый камень 2 гульдена. По этой причинѣ въ Циллерталѣ въ 1666 г. вывелись почти всё козероги и оставалось всего только около 60 самокъ. Тогда были введены особые билеты на право охоты за козерогами, подписанные самимъ архіепископомъ, и безъ такого билета никто не смѣлъ убивать это животное. Мѣстнымъ землевладѣльцамъ платили ежегодно по 100 талеровъ, чтобы они не пускали никакого скота на тѣ высочайшія пастбища, гдѣ паслись козероги. Въ 1694 г. количество благородныхъ животныхъ увеличилось до 72 козловъ, 83 самокъ и 24 козлятъ. Но когда затѣмъ снова возросло браконьерство, животныхъ опять стали ловить, чтобы переселять ихъ въ другія мѣста или отсылать въ качествѣ подарковъ. Въ 1706 г. было поймано 5 козловъ и 7 самокъ, и съ тѣхъ поръ уже не встрѣчали тамъ ни одного козерога.

Новѣйшій неизвѣстный изслѣдователь, наблюденія котораго можно признать за достовѣрныя, такъ какъ онѣ были сдѣланы на самомъ мѣстѣ по ближайшимъ источникамъ, высказываетъ, между прочимъ, предположеніе, что епископы сами препятствовали размноженію козероговъ, приказавъ въ заключеніе перестрѣлять всёхъ этихъ животныхъ. Впослѣдствіи, именно архіепископъ Гвидобальдъ, графъ фонъ-

Тунъ, правившій въ 1654—1668 г., узнавъ черезъ своего лейбъ-медика Освальда Кремса о необыкновенной цѣлебности нѣкоторыхъ отдѣльныхъ частей тѣла козерога, приказалъ придворной аптекѣ въ Зальцбургѣ содержать правительственные склады для продажи по высокой цѣнѣ всѣхъ лѣкарственныхъ продуктовъ, добываемыхъ отъ козороговъ. Преемникъ его Максъ Гандольфъ, графъ фонъ-Кюнбергъ, охранялъ козороговъ съ охотничьими, а не торговыми цѣлями, а слѣдующій за нимъ епископъ, графъ Иоганнъ Эрнстъ фонъ-Тунъ, занимавшій архіепископскую кафедру съ 1687 по 1709 г. не только шелъ по стопамъ своихъ предшественниковъ, но и опередилъ ихъ, введя въ законъ объ охотѣ безчеловѣчное постановление: каждаго захваченнаго браконьера наказывать за его проступокъ отсѣченіемъ руки или ссылкой на галеры. Во время его правленія козероги достигли въ Тиролѣ и Зальцбургѣ своего высшаго распространенія, такъ что въ 1699 г. въ Флоренталѣ ихъ насчитывалось слишкомъ полтора ста штукъ. Семь лѣтъ спустя козероги совсѣмъ перевелись, и народъ приписывалъ это вмѣшательству Провидѣнія, которое нашло нужнымъ наказать архіепископовъ за ихъ безчеловѣчную жестокость относительно браконьеровъ. Но на самомъ дѣлѣ причина исчезновенія козороговъ была слѣдующая: архіепископъ Иоганнъ Эрнстъ самъ приказалъ истребить козороговъ, такъ какъ было доказано, что, вслѣдствіе грознаго закона, между лѣсничими и ворами происходили настоящія битвы и потому страшно увеличилось число смертоубійствъ. Съ тѣхъ поръ козороговъ держатъ здѣсь только въ зоологическихъ садахъ.

На южныхъ склонахъ Альповъ козероги также стали такъ быстро переводиться, что еще въ 1821 году Цумштейнъ горячо ходатайствовалъ за нихъ при тогдашнемъ пьемонтскомъ правительствѣ. Онъ выхлопоталъ запретный указъ на дальнѣйшую охоту за козерогами. Этому запрещенію мы обязаны тѣмъ, что козероги не окончательно еще вымеръ и по крайней мѣрѣ хоть въ ограниченной мѣстности, но все еще водятся. Чуди утверждалъ еще въ 1865 году, что съ нѣкоторыхъ поръ благородное животное снова появилось въ довольно многочисленномъ количествѣ на Монте-Роза, гдѣ въ послѣдній разъ въ семидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія видѣли ихъ вмѣстѣ 40 штукъ, а затѣмъ 50 лѣтъ сряду не попадалось ни одного животнаго. Впрочемъ, встрѣчавшіеся на Монте-Роза козероги не составляли собою постоянныхъ стадъ, а являлись въ качествѣ забредшихъ отдѣльныхъ экземпляровъ. «Я сдѣлалъ», говоритъ Кингъ въ своемъ сочиненіи объ итальянскихъ долинахъ Пенинскихъ Альповъ, появившемся въ 1858 году. «нѣсколько изслѣдованій въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ, причѣмъ руководился указаниями людей, вполне достойныхъ довѣрія, и никто изъ нихъ не могъ подтвердить, чтобы на ихъ памяти козероги появлялись на Монте-Роза или гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ. Когда я упомянулъ передъ ними о Валь-Турнаншъ, они только расхохотались. О Валь-де-Лисъ самыя большія свѣдѣнія мнѣ могли дать баронъ Пеккоцъ и братья Альбезини, лучшіе охотники Валь-Макуньяга; какъ тотъ, такъ и другіе утверждали, что козороговъ здѣсь нигдѣ больше не попадается. Исключительнымъ ихъ мѣстожительствомъ можно считать скорѣе Грайскіе Альпы, а именно высокія, лежащія въ полосѣ вѣчныхъ снѣговъ и льда долины Конъ (Cogne), Савараншъ, Гризаншъ, и также, можетъ быть, Динь (Dignes), слѣдовательно они населяютъ величественные уединенные склоны Альповъ между Пиемонтомъ и Савойей. Средоточіемъ ихъ является Пикъ-Гривола, откуда произошли всѣ добытые въ нынѣшнемъ столѣтіи экземпляры». Сотрудникъ «Охотничьей газеты», вѣроятно самъ баронъ Пеккоцъ, владѣтель большихъ помѣстій въ Валь-де-Лисъ, который ежегодно осенью ревностно охотится за сернами, даетъ въ 1864 году указанія почти на тѣ-же мѣстности, какъ и Кингъ, называя ихъ тогдашнею родиной козерога. Что положеніе

вещей не измѣнилось въ теченіи слѣдующихъ 10-ти лѣтъ, видно изъ сообщеній графа Вильчека, который въ 1874 году охотился на козероговъ въ долину Конь. Изъ его тогдашнихъ наблюденій оказалось, что нерѣдко попадались разсыянные экземпляры козероговъ, которые иногда заходили далеко отъ ихъ главнаго мѣстожительства: такъ, одинъ охотникъ встрѣтилъ въ 1874 большого козерога въ горахъ около Наудерса, на границѣ Тироля и Швейцаріи.

Нѣкоторыя обстоятельства указываютъ на то, что подобные набѣги старыхъ, живущихъ уединенно козероговъ случаются чаще, чѣмъ до сихъ поръ думали. Во всѣхъ мѣстахъ, граничащихъ съ областью распространенія этого животнаго, на Альпійскихъ горахъ можно, время отъ времени, слышать рассказы неустрашимыхъ охотниковъ или любителей, подымающихся на самыя высокія вершины, что они на той или другой наиболѣе опасной крутизнѣ встрѣтили рогатаго дьявола, который загораживалъ имъ дорогу или пытался низвергнуть ихъ въ пропасть, но, къ счастью, во время отсталъ отъ нихъ. При разслѣдованіи дѣла оказывалось, что призракъ, представлявшійся въ глазахъ охотника дьяволомъ, былъ ничто иное, какъ большой козерогъ, въ которомъ чертовскаго только и было развѣ, что его сверкающіе, огневые глаза, да рога. Насколько еще у горныхъ жителей распространено суевѣріе, заставляющее ихъ сопоставлять козерога съ дьяволомъ, видно также изъ того, что въ охотничьемъ районѣ долины Конь всякаго стараго козерога называютъ «большимъ дьяволомъ» (*un grand diable*), а какого-нибудь уже намѣченнаго козерога характеризуютъ болѣе опредѣленнымъ «*le grand diable*». Фонъ-Кадихъ также упоминаетъ о томъ, что съ тѣхъ поръ, какъ въ Холленгебурге (около Зальцбурга) были перевезены въ 1867 году козероги, мѣстные дровосѣки также нерѣдко стали встрѣчаться тамъ лицомъ къ лицу съ «дьяволомъ».

Здѣсь я ксати упомяну, что сохраненіемъ козерога до нашего времени мы обязаны исключительно королю Виктору Эммануилу, который, по словамъ Лессона и Сальвадори, вступивъ на итальянскій престолъ, принялъ энергическія мѣры противъ истребленія этихъ благородныхъ животныхъ и сталъ содѣйствовать ихъ размноженію. Въ упомянутомъ выше сообщеніи «Охотничьей газеты» за 1858 годъ говорится, что жители общинъ Конь, Валь Савараншъ, Шампорше и Бомбозе предоставили право свободной охоты на козероговъ въ исключительное вѣдѣніе короля. Въ 1863 году итальянскій король купилъ у жителей округа Курмажёръ право охоты за козерогами въ Валь д'Аоста на горной цѣпи Монблана, отъ Коль-де-Ферре до Коль-де-ля-Сейнь, и послѣ того онъ могъ оградить безопасность этого благороднаго животнаго, по крайней мѣрѣ противъ посягательствъ незаконныхъ охотниковъ.

По словамъ Туккота, члена англійскаго альпійскаго клуба, путешественникъ по горамъ можетъ въ охотничьихъ районахъ на каждомъ шагу натолкнуться на вывѣщенное предостереженіе, запрещающее въ этихъ долинахъ всякую охоту. Во всѣхъ главныхъ пунктахъ округовъ Конь, Кампилья, Серизоль и Савараншъ живутъ по два сторожа, состоящіе подъ начальствомъ оберъ-егермейстера, имѣющаго свое постоянное пребываніе въ Конь; на обязанности ихъ лежитъ самое строгое наблюденіе за неприкосновенностью королевскаго охотничьяго парка. Мѣры эти самымъ благоприятнымъ образомъ отозвались на численности козероговъ.

Заходилъ-ли козерогъ когда-нибудь прежде за-границы Альповъ и попадаетъ-ли онъ въ наше время гдѣ-либо въ другихъ горахъ, я не могу сказать опредѣленно. Многіе свѣдущіе въ охотѣ и зоологінъ трансильванцы увѣрили меня, что въ прежнія времена козероги жили также въ Трансильванскихъ Альпахъ, но уже въ концѣ прошлаго столѣтія совершенно тамъ вывелись. Иногда и теперь попадаютъ тамъ въ видѣ находки рога, но крестьяне высокихъ горныхъ долинъ не придаютъ имъ

никакого значения, хотя и сохраняют их. Больше цѣны имѣетъ въ моихъ глазахъ сообщеніе моего брата Рейнгольда, который указываетъ, что альпійскій козерогъ или, по крайней мѣрѣ, чрезвычайно похожій на него видъ водится въ западной части Пиренеевъ. Онъ основываетъ свое мнѣніе на экземплярѣ козерога, находящемся въ Мадридскомъ музеѣ, который, говорятъ, былъ родомъ изъ Пиренеевъ. Кромѣ того важны также показанія одного француза, де-Кутули, воспитывавшагося и получившаго образованіе въ Германіи; онъ утверждаетъ, что видѣлъ въ Пиренеяхъ только-что убитыхъ козороговъ съ рубчатыми, къ задѣ отогнутыми рогами. Этотъ ревностный охотникъ за сернами принялъ однажды участіе въ руководимой моимъ братомъ охотѣ на горныхъ козловъ; увидя въ убитыхъ на Сьерра-де-Гредосѣ козлахъ животныхъ, совершенно различныхъ отъ козороговъ главнаго пояса Пиренеевъ, онъ очень удивился и тотчасъ-же безъ всякихъ распросовъ указалъ на отличительные признаки роговъ этого вида.

Козероги держатся стадами различной численности; старые козлы примыкаютъ къ стаду только во время спариванія, такъ какъ въ остальное время они ведутъ отшельнической образъ жизни. «Лѣтомъ», пишетъ мнѣ графъ Вильчекъ, «козероги живутъ на самыхъ возвышенныхъ дикихъ и уединенныхъ скалахъ, избирая самые крутые и недоступные человѣку гребни, причѣмъ въ лѣтнее время держатся тѣнистой или сѣверной стороны горъ, а зимою обыкновенно спускаются ниже въ горныя ущелья». Самки съ дѣтенышами во все время года живутъ въ болѣе низкихъ горахъ, чѣмъ самцы, которые до того привязаны къ высокимъ утесамъ, что только недостатокъ въ пищѣ или сильные холода могутъ принудить ихъ спуститься ниже. Палящій зной альпійскіе козероги переносятъ гораздо труднѣе, чѣмъ сильный холодъ, къ которому они совершенно нечувствительны. Берту-фонъ-Бергхемъ, указанія котораго вошли въ большую часть жизнеописаній этого животнаго и еще теперь заслуживаютъ вниманія, говоритъ, что все козлы, старше 6-ти лѣтняго возраста, держатся болѣе возвышенныхъ мѣстъ и, забираясь все выше и выше на скалы, становятся такъ нечувствительны къ самому суровому холоду, что никакія бури не страшны имъ; ихъ часто видѣли неподвижно, какъ статуи, стоящими на вершинахъ утесовъ, несмотря на свирѣпствовавшую бурю, причѣмъ не рѣдко находили ихъ съ отмороженными кончиками ушей. Какъ серны, такъ и козероги пасутся по ночамъ въ самыхъ высокихъ лѣсахъ, но лѣтомъ они никогда не удаляются болѣе чѣмъ на разстояніе четверти часа ходьбы отъ подошвы отдѣльныхъ возвышенностей. Лишь только взойдетъ солнышко, они тотчасъ начинаютъ карабкаться на свои высокія пастбища, выскливая для отдыха болѣе теплыя и высокія мѣста, обращенныя на востокъ или на югъ. Послѣ полудня они снова спускаются внизъ, чтобы понастись и провести ночь по возможности въ лѣсу. Тутъ-то слышалъ отъ одного лѣсничаго, что всего чаще козороговъ можно видѣть передъ 6-ю часами утра и послѣ 4-хъ часовъ пополудни; въ остальное время они болѣею частью отдыхаютъ. Во время пастбы они часто останавливаются на узкихъ тропинкахъ или даже располагаются гдѣ-нибудь на опредѣленныхъ мѣстахъ, всего охотнѣе на выступахъ скалъ, которые прикрываютъ ихъ съ тыла и тѣмъ даютъ возможность спокойно озираться по сторонамъ. Опытные охотники увѣряютъ, что они видѣли нѣсколько дней сряду козороговъ стоящими на одномъ и томъ-же мѣстѣ, и эти указанія подтверждаются наблюденіями надъ козерогами, содержащимися въ неволѣ.

«Случайно, во время моихъ наблюденій надъ козерогами», замѣчаетъ Мютцель, который, изучая Шенбрунскихъ козороговъ, содержавшихся въ неволѣ, по нѣскольку часовъ въ продолженіи 10 дней проводилъ въ отвѣденномъ для этихъ жи-

вотныхъ помѣщеніи, «мнѣ бросилась въ глаза любовь маленькихъ стадъ къ порядку. Животныя какъ будто подчинялись извѣстнымъ законамъ, выработаннымъ ими самими, и строго держались ихъ. У Шенбрунскихъ плѣнниковъ стремленіе къ порядку обнаруживалось въ томъ, что почти каждый изъ взрослыхъ козероговъ имѣлъ свое определенное мѣсто для отдыха, а также и у яслей съ сѣномъ. На высокой стѣнѣ, окружающей ограду и ярко освѣщенной по утрамъ солнцемъ, какъ козлы, такъ и коза, рѣзко отдѣлявшаяся среди нихъ, лежали всегда на однихъ и тѣхъ-же мѣстахъ. Время отъ времени они вставали, чтобы набрать полный ротъ сѣна или чтобы заняться съ посятителями; тогда случалось, что какой-нибудь молодой козленокъ ложился на примятую, только что оставленную постель старшаго; но какъ только тотъ возвращался, юный пролаза тотчасъ-же вставалъ и покорно уступалъ мѣсто настоящему собственнику его. Онъ это дѣлалъ вовсе не изъ большого страха передъ старшимъ, такъ какъ тотчасъ-же доказывалъ противное, ложась тутъ-же по близости, причемъ не только не обращалъ уже никакого вниманія на своего почтеннаго сосѣда, но зачастую даже причинялъ ему нѣкоторое неудобство. Двѣ самки съ ихъ дѣтенышами имѣли также свои определенные мѣста отдохновенія на грудѣ камней, нарочно устроенной передъ оградой; обѣ постоянно лежали на однихъ и тѣхъ-же камняхъ. У яслей два самыхъ старыхъ козла занимали правое и лѣвое ихъ крыло, а пространство между ними находилось въ распоряженіи молодыхъ козловъ и самокъ. Въ положеніи туловища при лежаніи сказывается необыкновенная чуткость животнаго, такъ какъ почти всегда заднія ноги, помогающія ему быстро вставать, плотно поджаты къ туловищу, и только разъ я видѣлъ козла, отдохавшаго съ вытянутыми задними ногами. Изъ переднихъ ногъ одна почти всегда вытянута впередъ, а другая подогнута, но изрѣдка случается, что и обѣ переднихъ ноги бывають вытянуты. Меня ужасно занимала всегда поза старыхъ козловъ въ дремотѣ. При удобномъ случаѣ они утыкали кончикъ носа въ землю, пригнувъ голову съ тяжелыми рогами совсѣмъ къ груди и такъ низко, что переносье, лобъ и нижняя часть роговъ лежали почти на землѣ. При подозрительномъ шумѣ они на одну минуту поднимали голову, впрочемъ скоро снова опускали ее въ прежнее положеніе. Мнѣ это положеніе казалось такимъ своеобразнымъ, что я ежедневно по нѣскольку разъ заходилъ въ ихъ ограду, чтобы убѣдиться, не перемѣнили-ли они его и не было-ли оно случайнымъ».

Никакое другое жвачное, кажется, не способно жить на такихъ крутыхъ и высокихъ горахъ, какъ всѣ вообще дикія козы и козерогъ въ особенности. «Какіе смѣлые и быстрые прыжки дѣлаетъ это животное съ одного утеса на другой», говоритъ уже старикъ Геснеръ, «трудно даже повѣрить, если-бы самъ не видалъ этого. Гдѣ есть хоть малѣйшая точка опоры для его расщепленныхъ и острыхъ копытъ, тамъ онъ не видитъ никакихъ препятствій для достиженія въ нѣсколько прыжковъ любого утеса, какъ-бы высокъ онъ ни былъ и хотя-бы отстоялъ отъ другой скалы на далекомъ разстояніи». Всѣ наблюдатели соглашаются съ этимъ описаніемъ. Каждое движеніе козерога стремительно, сильно и вмѣстѣ съ тѣмъ легко. Козерогъ бѣгаетъ быстро и неутомимо, карабкается по горамъ съ удивительной легкостью и съ невѣроятной, иной разъ необъяснимой, увѣренностью и быстрой взбирается на самыя крутые утесы, гдѣ только можетъ помѣстить ногу. Едва замѣтна человѣческому глазу шероховатость совершенно достаточна для него, чтобы служить ему точкою опоры; разсѣлина скалы, маленькая щель и т. п. служатъ ступенями вполне удобной для него лѣстницы. Онъ ставитъ свои копыта такъ твердо и увѣренно, что можетъ держаться на самомъ маленькомъ пространствѣ. Графъ Вильчекъ подтверждаетъ эти указанія. «Сильный козерогъ», говоритъ онъ, «самое красивое охотничье

животное, которое я когда-нибудь видѣлъ. Движенія его головы такія-же горделивыя, какъ у оленя; почти несоразмѣрно большіе рога при малѣйшемъ движеніи головы описываютъ большую дугу. Сила его прыжковъ просто изумительна. Я видѣлъ, какъ серна и козерогъ шли внизъ по одной и той-же тропинкѣ. Серна прыгала зигзагами, какъ прыгаетъ птица, козерогъ-же несся по прямой линіи, подобно падающему камню, шутя преодолевая всякія препятствія. Когда на пути встрѣтилась отвѣсная скала, серна должна была быстро перескочить; напротивъ, козерогъ, благодаря своимъ гибкимъ копытамъ, могъ подвигаться впередъ медленными шагами и такимъ образомъ пройти разстояніе въ нѣсколько сажень: я видѣлъ его, какъ онъ, цѣпляясь по утесу, такъ широко разставлялъ свои копыта, что они обнимали площадь, въ три раза большую, чѣмъ обыкновенно».

Содержащіеся въ неволѣ козероги возбуждаютъ не менѣ интереса, чѣмъ живущіе на свободѣ. Шинцъ наблюдалъ, что они съ большою увѣренностью попадаютъ именно на то мѣсто, куда мѣтять. Однажды въ Бернѣ одинъ молоденькій козерогъ безъ разбѣга вскочилъ на голову взрослого мужчины и твердо удержался на ней всѣми своими четырьмя копытами. Другого видѣли стоящимъ всѣми четырьмя ногами на верхушкѣ столба; случалось также видѣть, что козерогъ стоялъ на узкомъ ребрѣ раскрытой двери или взбирался по отвѣсной стѣнѣ, не имѣя другихъ точекъ опоры кромѣ выступовъ, образовавшихся обвалившеюся штукатуркою. Направляясь параллельно стѣнѣ, онъ въ три прыжка очутился на верху. Передъ тѣмъ, какъ сдѣлать это, козерогъ становился лицомъ къ цѣли, измѣрялъ глазами разстояніе, раздѣлявшее его отъ нея, пробѣгалъ мелкими шажками такое-же пространство, нѣсколько разъ возвращался на прежнее мѣсто, раскачивался на ногахъ, какъ-бы желая испытать ихъ упругость, подскакивалъ и въ три прыжка былъ наверху. Подобныя-же упражненія въ ловкости можно было неоднократно наблюдать у козероговъ, содержащихся въ императорскомъ звѣринцѣ въ Шенбрунѣ, причемъ они пользовались очень тупымъ угломъ между двумя соединявшимися стѣнами, чтобы перелѣзть черезъ ограду въ 3 м. вышины. Они перепрыгивали съ одной стѣны на другую, поворачиваясь при каждомъ прыжкѣ, и такимъ образомъ, кажется безъ всякаго усилія, въ нѣсколько прыжковъ достигали верха. Прыгая, они будто не дотрогивались до скалы или до стѣны, а взлетали наверхъ, какъ брошенный мячикъ. Дѣйствительно надо удивляться той увѣренности, съ какою козерогъ прыгаетъ черезъ пропасти и трещины въ скалахъ. Играя, онъ носится съ одного утеса на другой и безъ колебанія бросается внизъ со значительной высоты. Старые писатели въ своихъ дѣтскихъ разказахъ придумывали удивительныя сказки, чтобы объяснить эту замѣчательную способность козероговъ; многія изъ этихъ басенъ пережили цѣлыя столѣтія и до сихъ поръ еще принимаются на-вѣру несвѣдущими людьми. Такъ, Геснеръ думаетъ, что животное главнымъ образомъ пользуется рогами для того, чтобы опираться на нихъ, когда кидается со значительной вышины, а также—чтобы задерживать ими скатывающіеся камни, угрожающіе ему гибелью. «Чувствуя приближеніе смерти, козерогъ подымается на самый высокій гребень горы, опирается своими рогами въ скалу и начинаетъ ходить кругами до тѣхъ поръ, пока рога со-всѣмъ не сотрутся: тогда онъ надаетъ и умираетъ».

Голосъ козерога похожъ на свистъ серны, только онъ болѣе протяжный. Въ испугѣ онъ издаетъ короткое чиханіе, въ гнѣвѣ громко фыркаетъ сквозь ноздри, въ дѣтствіи онъ блеетъ. Между органами чувствъ на первомъ мѣстѣ стоитъ зрѣніе. По изслѣдованіямъ Вильчека, зрѣніе козерога гораздо острѣе, чѣмъ у серны; чутье-же, напротивъ, значительно слабѣе; слухъ его прекрасный. Умственными способностями онъ одаренъ въ той-же мѣрѣ, какъ козлы, и вообще своими качествами во

многомъ схожъ съ домашними козлами. Въ немъ никакъ нельзя отрицать большой доли понятливости. Козерогъ на каждомъ шагу доказываетъ это выборомъ мѣстожительства и тропинокъ, по которымъ ходитъ, расчетливостью и постоянною осторожностью, умѣнемъ избѣгать опасностей и способностью легко примѣняться ко всякой перемѣнѣ обстоятельствъ. Подобно домашнимъ козламъ онъ привлекаетъ къ себѣ не только въ молодости, но даже и въ старости своими милыми, рѣзвыми шалостями; при этомъ онъ еще обладаетъ большою самонадѣянностью и при случаѣ обнаруживаетъ замѣчательную храбрость и страсть къ дракамъ и борьбѣ. Отъ опасныхъ животныхъ онъ расчетливо уклоняется, съ болѣе слабыми обходится надменно или презрительно. Съ сернами онъ, по увѣренію наблюдателя, не сходится; напротивъ, съ домашними козами ищетъ сближенія, можетъ-быть потому, что чувствуетъ свое близкое родство съ ними, и даже добровольно спаривается съ ними.

Въ тихихъ, уединенныхъ горныхъ долинахъ козероги пасутся въ полуденное время; въ тѣхъ-же мѣстностяхъ, гдѣ имъ можно опасаться непокойныхъ встрѣчъ, они гуляютъ только раннимъ утромъ или въ сумерки, можетъ быть даже ночью. Пища ихъ состоитъ изъ вкусныхъ альпійскихъ травъ, почекъ, листьевъ и молодыхъ побѣговъ, въ особенности они любятъ укропъ, полынь, тиміанъ, почки и вѣтви карликовыхъ ивъ, березъ, альпійскихъ рододендровъ и дрока, а зимой кромѣ того они ѣдятъ сухую траву и лишай. Излюбленнымъ ихъ лакомствомъ считается соль, и потому они предпочитаютъ держаться тѣхъ горъ, гдѣ есть солончаки; они до того увлекаются иногда этимъ лакомствомъ, что забываютъ даже свойственную имъ во всякое другое время осторожность. Раздающееся на далекое пространство хрюканье свидѣтельствуетъ о томъ высокомъ наслажденіи, какое испытываетъ козерогъ, вкушая соль.

Время спариванія совпадаетъ съ январемъ. Сильные козероги мужественно и неутомимо дерутся своими мощными рогами; подобно домашнимъ козламъ, они бросаются другъ на друга съ разбѣга, становятся на дыбы и, стараясь направить ударъ сбоку, сильно и съ шумомъ бодаются рогами. На крутыхъ обрывахъ эти битвы могутъ быть иногда опасны. Спустя пять мѣсяцевъ послѣ спариванія, въ большинствѣ случаевъ въ концѣ іюня или въ началѣ іюля, самка козерога рождаетъ одного или двухъ дѣтенышей, по величинѣ почти равныхъ новорожденному домашнему козленку; она до-суха облизываетъ ихъ и вскорѣ затѣмъ убѣгаетъ вмѣстѣ съ ними. Альпійскій козленокъ—въ высшей степени миловидное, живое и, какъ выражается Шдинцъ, «ласковое» созданіе; онъ является на свѣтъ покрытый пушистымъ подшерсткомъ и только къ осени обростаетъ настоящимъ мѣхомъ, состоящимъ изъ болѣе грубыхъ и длинныхъ волосъ ости. Уже по прошествіи нѣсколькихъ часовъ послѣ рожденія онъ почти съ такою-же увѣренностью и ловкостью бѣгаетъ по горамъ, какъ и мать. Эта послѣдняя окружаетъ своего дѣтеныша самою вѣжною любовью, постоянно лижетъ, водитъ съ собою, ласково блеетъ, то и дѣло подзываетъ къ себѣ и, пока онъ сосетъ, скрывается съ нимъ въ ущельяхъ скалъ, не оставляя его ни на минуту, кромѣ развѣ тѣхъ случаевъ, когда ей ужъ очень плохо приходится отъ злого человѣка, и она оказывается вынужденною спасать собственную жизнь, безъ которой и дѣтенышъ долженъ погибнуть. При угрожающей опасности она бѣжитъ по страшнымъ обрывамъ и ищетъ своего спасенія въ уединенныхъ расщелинахъ. Дѣтенышъ между тѣмъ очень ловко прячется за камни или въ какой-нибудь щели въ скалѣ. смиренхонько лежитъ тамъ, не шевелясь и только смотритъ, прислушивается и нюхаетъ на всѣ стороны. Странный цвѣтъ его мѣха до такой степени подходитъ къ общему тону скалистыхъ стѣвъ и камней, что даже самый проникательный соколиный глазъ не въ состояніи замѣтить или

отличить козленка отъ скалы, которая такимъ образомъ замѣняетъ ему на это время скрывающуюся мать. Какъ только опасность миновала, спасаемая самка возвращается къ своему дѣтенышу; если-же она почему-нибудь замедлитъ, то козленокъ выходитъ изъ своего убѣжища, зоветъ мать и затѣмъ снова поспѣшно прячется. Если мать убьютъ, то сначала козленокъ въ страхѣ убѣгаетъ, но всегда въ скоромъ времени возвращается и на долго остается въ той мѣстности, гдѣ потерялъ свою вѣрную защитницу.

Козероги легко и добровольно спариваются со своими близкими родичами, нашими домашними козами, и производятъ ублюдковъ, которые въ свою очередь тоже становятся плодовитыми. Такія скрещиванія происходятъ не только въ неволѣ, но и въ свободной жизни животнаго: въ долину Конь, какъ сообщаетъ Шинцъ, двѣ домашнихъ козы, проводившія зиму въ горахъ, возвратились домой весною беременными и скоро родили ублюдковъ съ очевидными признаками козероговъ. Въ Шенбрунѣ и Гельбронѣ чистокровныхъ альпійскихъ козероговъ случали съ подходящими для этой цѣли домашними козами и получали крѣпкое и сильное потомство, которое обыкновенно больше походило на отца, нежели на мать, хотя по рогамъ приближалось скорѣе къ типу домашнихъ козловъ. Цвѣтъ ихъ мѣха былъ не одинаковъ: походилъ то на отцовскій, то на материнскій. Ублюдковъ перваго скрещиванія случали опять съ козерогами, и такимъ образомъ получалось потомство, уже болѣе похожее на альпійскаго козерога; а родившіеся послѣ третичнаго скрещиванія козлята настолько приближались къ типу своего родоначальника, что ихъ даже трудно было отличить отъ чистокровныхъ альпійскихъ козероговъ.

Существуетъ масса разнородныхъ причинъ, тормозящихъ размноженіе козероговъ даже тамъ, гдѣ ихъ особенно старательно берегутъ. За исключеніемъ человѣка непосредственныхъ враговъ у альпійскаго козерога немного, и имъ почти не приходится страдать отъ нихъ. Большія хищныя птицы, какъ напримѣръ холзанъ и, можетъ быть, также ягнятвикъ, хотя и преслѣдуютъ маленькихъ козлятъ, но почти всегда безуспѣшно, благодаря зоркой бдительности ихъ матерей; взрослые козероги могутъ, правда, быть добычею рысей, волковъ и медвѣдей, однако въ моихъ личныхъ наблюденіяхъ я никогда не наталкивался на подобныя случаи и потому не могу ихъ подтвердить. Губительнѣе всѣхъ вышеупомянутыхъ враговъ, взятыхъ вмѣстѣ, вліяютъ на козероговъ неблагоприятныя условія ихъ мѣстожительствъ, столь негостепріимныхъ зимой и весной. По изслѣдованіямъ Вильчека, въ Валь Савараниѣ относительно большое число козероговъ ежегодно гибнетъ отъ обваловъ лавинъ, и притомъ жертвами катастрофы становятся чаще взрослые, сильные козероги, которые съ большей стойкостью смотрятъ въ глаза опасности, чѣмъ юные и робкіе козлята. Взрослая коза ягнится только черезъ годъ и не дѣлается беременной не только пока козленокъ сосетъ, но и вообще пока она съ нимъ ходитъ. Самымъ злѣйшимъ врагомъ козероговъ всегда былъ и будетъ человѣкъ, особенно браконьеръ. Охота на альпійскихъ козероговъ въ томъ видѣ, какъ она производится, можетъ считаться самымъ опаснымъ предпріятіемъ въ мірѣ. Все, что есть самаго рискованнаго въ охотѣ за сернами, можетъ быть отнесено, по краснорѣчивому описанію Шинца, и къ охотѣ за козерогами. Такъ какъ альпійскій козерогъ—животное очень рѣдкое, то браконьеръ вынужденъ иногда по 8—14 дней выжидать его, большею частію подъ открытымъ небомъ, вдали отъ всякаго человѣческаго жилья, претерпѣвать невзгоды отъ мороза и снѣга, отъ голода и жажды, отъ тумана и мятежей, проводить многія ночи подъ ледянищимъ вѣтромъ, не имѣя другого пристанища, кромѣ суровыхъ скалъ, и при всемъ этомъ часто рискуетъ вернуться домой съ пустыми руками. Даже въ благоприятномъ случаѣ ему нелегко дается приобрѣ-

тенная съ такимъ рискомъ добыча; онъ долженъ ловко обойти всѣ тѣ тропинки, на которыхъ возможна встрѣча съ караульщиками, долженъ обладать умѣньемъ безъ головокруженія карабкаться по самымъ опаснымъ крутизнамъ и умѣло тащить свою тяжелую ношу, чтобы быть въ состояніи донести до дому этотъ достойный столькихъ трудовъ трофей. Такимъ-то образомъ часто случается, что вмѣсто убитаго козерога охотникъ вноситъ въ свою бѣдную семью новую нужду и нищету, помимо того, что ежедневно подвергается опасности провалиться въ пропасть, попасть подъ мѣткую пулю караульщика, разбиться на-смерть и сдѣлаться добычей орловъ и коршуновъ. Удачно подстрѣленнаго козерога охотникъ, по словамъ Чуди, тутъ-же потрошитъ, чтобы тѣмъ облегчить себѣ ношу, затѣмъ связываетъ вмѣстѣ всѣ четыре ноги, притягиваетъ ихъ веревкою къ тяжелымъ рогамъ и перекидываетъ ношу себѣ черезъ голову; только такимъ способомъ и возможно охотнику, отягощенному кромѣ того ружьемъ и ягташемъ, пуститься въ обратный путь со своей добычей, имѣющей отъ 60 — 80 kgr. вѣсу.

Но какъ ни ужасна кажется подобная охота, она все-таки не можетъ сравниться съ презрѣннымъ способомъ ловли, какимъ занимаются иногда крестьяне. Несмотря на всѣ принятыя мѣры, и по сейчасъ все еще можно достать живыхъ дѣтенышей альпійскихъ козероговъ и притомъ за относительно незначительную цѣну; я самъ купилъ такого козленка за 400 марокъ. Такія вещи возможны, конечно, только потому, что изъ этихъ охотничьихъ мѣстностей все еще не могутъ окончательно изгнать итальянскихъ и швейцарскихъ браконьеровъ. За исключеніемъ тѣхъ немногихъ козероговъ, которые посылаются въ подарокъ зоологическимъ садамъ, всѣ остальные, предлагаемые къ продажѣ, — ворованныя животныя и притомъ всегда маленькіе козлята, только-что появившіеся на свѣтъ; матерей ихъ безошадно застрѣливаютъ тотчасъ-же вслѣдъ за родами.

Я обязанъ графу Вильчеку слѣдующими сообщеніями по поводу запрещенія правильной охоты на козероговъ въ упомянутыхъ выше областяхъ. Приобрѣтя себѣ право на охоту въ вышеназванныхъ кантонахъ, король Викторъ Эммануилъ потратилъ значительныя суммы на сохраненіе рода благородныхъ животныхъ и самъ ежегодно въ іюль и августъ, т. е. какъ только стаивалъ на глетчерахъ снѣгъ, проводилъ нѣсколько недѣль въ горахъ, живя въ это время въ расположенныхъ на высотѣ 3000 и 4000 м. надъ уровнемъ моря охотничьихъ сторожежахъ или даже въ простыхъ шатрахъ, вполне доступныхъ влиянію непогоды. Отсюда король отправлялся на охоту, причемъ ему зачастую въ продолженіи 5—6 часовъ приходилось пробираться по нарочно для него проложенной, но все-таки крайне опасной тропинкѣ, чтобы добраться до мѣста, гдѣ держался козерогъ, и которое уже заранѣе было извѣстно по изслѣдованіямъ егеря въ подзорную трубу. Въ такихъ случаяхъ собираютъ 100—200 загонщиковъ, чтобы загнать на опредѣленное мѣсто робкое животное. Стрѣлокъ между тѣмъ, одѣтый съ головы до ногъ во все сѣрое, устраивается въ засадѣ въ одной изъ нарочно устроенныхъ каменныхъ башенъ съ отверстіями для стрѣльбы, гдѣ долженъ сидѣть совершенно скрытымъ и не шевелиться, чтобы остаться незамѣченнымъ зоркимъ животнымъ, потому-что какъ только козерогъ замѣтитъ его, тогда все пропало, и всѣ старанія многочисленныхъ загонщиковъ будутъ напрасны. Такъ какъ козерогъ только послѣ пораненія или въ самыхъ крайнихъ случаяхъ спасается на глетчерахъ, то они часто служатъ боковой стѣною для загонщиковъ, которые не охраняютъ ихъ, равно какъ и недоступныя не только для людей, но и для животнаго скалистыя стѣны. Загонщики медленно двигаются впередъ, пробираясь по моренамъ, отлогостямъ и мало-мальски доступнымъ скаламъ и гонятъ передъ собою козерога. Животное идетъ съ крайнею осто-

рожностью, внимательно присматривается ко всему окружающему, часто останавливается и стоит, если его не гоняют, иногда по цѣлымъ часамъ на одномъ и томъ-же мѣстѣ, озираясь и разнюхивая во всѣ стороны, впередъ-же подвигается вообще очень недовѣрчиво и медленно. Неблагопріятный вѣтеръ въ этой охотѣ не имѣетъ такого значенія, какъ при охотѣ на сернь, такъ что его можно не принимать во вниманіе; но что важно, такъ это—необходимость по нѣскольку разъ поочередно каждому изслѣдовать одну и ту-же мѣстность, такъ какъ старые козероги, которымъ удалось улизнуть, навѣрняка снова разыщутъ свою прежнюю стоянку и вернуться къ ней на слѣдующій или на третій день. Въ то время козероги были еще настолько многочисленны, что ежегодно ихъ застрѣливали до 50-ти штукъ; козы, само собою разумѣется, считались неприкосновенными. Кромѣ такой охоты загономъ практикуется еще другой способъ—стойкою, причѣмъ козороговъ подкарауливаютъ на часто посѣщаемыхъ ими тропинкахъ или на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть залежи соли.

Пойманныхъ молодыми, альпійскихъ козороговъ можно растить очень удачно, если дать имъ въ качествѣ кормилицы домашнюю козу; они скоро становятся ручными, но съ возрастомъ однако утрачиваютъ это качество. Они имѣютъ много общаго съ характеромъ нашихъ домашнихъ козлятъ, только съ самаго начала проявляютъ гораздо большую самостоятельность и уже въ первыя недѣли своей жизни привлекаютъ общее вниманіе смѣлыми и ловкими попытками въ лазаньи. Подобно домашнимъ козлятамъ, они такъ-же любопытны, миловидны и рѣзвы и уже въ самомъ началѣ выказываютъ себя такими игривыми и забавными, что просто сердце радуется, глядя на нихъ. Со своей кормилицей они сближаются съ первыхъ дней, къ воспитателю-же своему привыкаютъ немного позже, но привыкнувъ, хорошо отличаютъ его отъ всѣхъ другихъ и проявляютъ живую радость, когда онъ послѣ нѣкотораго отсутствія снова приходитъ къ нимъ. Привязанность къ кормилицѣ своей они обнаруживаютъ въ дѣтской покорности; стоитъ только, напримѣръ, козѣ блеяніемъ позвать ихъ къ себѣ, они тотчасъ-же послушно бѣгутъ къ ней, хотя ихъ и очень соблазняетъ перспектива побѣгать на свободѣ по крутымъ возвышенностямъ, которыя воспитательницѣ ихъ кажутся опасными. Въ высшей степени воспріимчивые къ ласкамъ, они не переносятъ вѣшняго проявленія ихъ; всякую попытку со стороны сторожа приласкать ихъ отстраняютъ въ высшей степени комичною обороною, вызывающе напирая на него наклоненною головою съ короткими рогами. Когда имъ почесываютъ между рогами, они стоятъ смиренно и выглядятъ кроткими, какъ ягнята, впрочемъ и тутъ иногда, вмѣсто благодарности, шутя награждаютъ легкимъ, но чувствительнымъ толчкомъ роговъ. Чѣмъ старше они становятся, тѣмъ обнаруживаютъ все больше самонадѣянности и кичливости. Уже съ полувзрослыми козерогами надо оставить всякія шутки, а взрослыхъ вовсе нельзя затрогивать, потому что, если ихъ раздражить, они бываютъ способны сбить съ ногъ самаго сильнаго человѣка и нанести опасныя раны.

Пойманныхъ взрослыми альпійскихъ козороговъ также можно до извѣстной степени приручить. Графъ Вильчекъ слышалъ изъ собственныхъ устъ короля Виктора Эммануила, что альпійскіе козероги, такъ-же какъ и пиренейскіе, не выдерживаютъ обыкновеннаго способа перетаскиванія ихъ съ вершины горы внизъ, т. е. когда здоровый мужчина несетъ козерога со всевозможными предосторожностями, перекинувъ черезъ плечи; гораздо проще и легче переправить пойманнаго козерога на носилкахъ, на которыя его привязываютъ стоя, и затѣмъ осторожно несутъ внизъ. Въ первомъ случаѣ козерогъ обыкновенно уже черезъ нѣсколько часовъ умираетъ въ большинствѣ случаевъ даже на плечахъ несущаго его человѣка, тогда какъ при

осторожномъ переносѣ его на носилкахъ онъ въ большинствѣ случаевъ доставляется на мѣсто назначенія вполне невредимымъ. Одинъ принесенный такимъ способомъ козерогъ уже черезъ полчаса по прибытіи бралъ изъ рукъ хлѣбъ.

Разведеніе ублюдковъ отъ козероговъ и домашнихъ козъ обставлено извѣстными затрудненіями, что доказано опытами, которые, по словамъ Шинца, были произведены въ Бернѣ въ двадцатыхъ годахъ нашего столѣтія. Для содержанія животныхъ отвели часть городского вала и рва; здѣсь ихъ кормили соответственнымъ образомъ и получили удачный приплодъ. Какъ сами козероги, такъ и ублюдки ихъ скоро забыли оказанное имъ благодѣяніе и не обнаруживали къ человѣку ни расположенія, ни страха. Одинъ изъ ублюдковъ, разгуливая по городскому валу, нерѣдко нападалъ на часовыхъ, и при этомъ съ такимъ упорствомъ, что скоро возбуждалъ противъ себя ихъ ненависть. Въ другой разъ онъ прервалъ астрономическія наблюденія, предпріятыя на его башнѣ, и разорвалъ астроному рукавъ сюртука; наконецъ однажды ему вздумалось принять участіе въ народномъ гуляньѣ, и онъ ворвался на площадь, откуда разогналъ всѣхъ мирныхъ бюргеровъ, а въ заключеніе ему пришло желаніе взобраться на крышу зданія и разобрать здѣсь черепичную крышу. Многочисленныя жалобы, раздававшіяся со всѣхъ сторонъ, заставили начальство обратить на это особенное вниманіе: буйный козелъ былъ торжественно изгнанъ изъ города и переселенъ вмѣстѣ со своимъ семействомъ на одну гору, близъ Интерлакена. Козамъ жизнь на вершинѣ горы пришлась по-сердцу, но козелъ предпочелъ водвориться въ болѣе населенныхъ мѣстахъ. Отсюда онъ часто захаживалъ въ хижины альпійскихъ пастуховъ и, къ великому ихъ огорченію, свелъ дружбу съ домашними козами; съ этого времени онъ сдѣлался такимъ частымъ и назойливымъ гостемъ, что отдѣлаться отъ него не было уже никакой возможности, такъ какъ всякую попытку прогнать его онъ встрѣчалъ своими опасными рогами. Если пастухъ оказывалъ ему сопротивленіе, онъ, не задумываясь, шибалъ его съ ногъ и разъ чуть-было не разбилъ его до смерти; къ счастью подоспѣла пастушка, которая ловко и храбро схватила козла за бороду,—его самое чувствительное и единственное, можно сказать, слабое мѣсто.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ безчинствъ категорически рѣшено было удалить буйнаго козла. Четыремъ сильнымъ мужчинамъ поручили отвести его дальше въ горы, на вершину Саксетенталя. Козерога привязали на крѣпкую веревку, но онъ нѣсколько разъ дорогою опрокидывалъ на землю весь свой конвой. Тогда одинъ изъ опытныхъ охотниковъ принялъ на себя надзоръ надъ семействомъ козероговъ. Но и ему тоже пришлось плохо, такъ какъ козелъ, повидимому, не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о признательности. Однажды онъ вызвалъ своего надсмотрщика на поединокъ, который тотъ волею-неволей долженъ былъ принять, такъ какъ нападеніе совершилось на самомъ краю обрыва, и козелъ обнаруживалъ рѣшительное намереніе сбросить своего противника въ бездну. Тому пришлось цѣлый часъ бороться съ козломъ, прежде чѣмъ ему удалось отбиться отъ него. Не взирая на такой сильный присмотръ, козелъ не переставалъ совершать дальнѣйшія безчинства; онъ и тутъ сдѣлался грозой пастуховъ, на которыхъ нападалъ, спускаясь съ вершины горы къ самымъ хижинамъ ихъ. Если надсмотрщику-охотнику удавалось снова втащить его на гору, то, прежде чѣмъ тотъ успѣвалъ сойти внизъ, козелъ былъ уже въ долинѣ, взламывалъ своими крѣпкими рогами двери въ сараяхъ, гдѣ чувалъ присутствіе козъ, набрасывался на нихъ и преслѣдовалъ пастушекъ даже въ кухняхъ и молочныхъ погребахъ. Думали, что по минованіи полового возбужденія животное снова вернется къ своему прежнему обществу, которое тѣмъ временемъ мирно паслось на вершинахъ горъ, но надежда эта не оправдалась; когда его освободи-

дили изъ-подъ ареста и снова втащили на вершину, онъ черезъ нѣсколько дней опять внезапно появился въ Вильдерсвиллѣ и сталъ гоняться за стадомъ козъ, которыя стремглавъ убѣжали отъ его преслѣдованій въ деревню. Вслѣдствіе своей чудовищной производительной силы, нашъ козель въ короткій промежутокъ времени произвелъ отъ альпійскихъ домашнихъ козъ многочисленное потомство, которому передалъ въ наслѣдство многія изъ своихъ качествъ. Его потомки обладали такою-же любовью взбираться на самыя высокія вершины горъ, такимъ-же умѣньемъ оболыщать добродѣтельныхъ домашнихъ козъ, какъ и ихъ родитель, такъ какъ кроткіе инстинкты, восанные съ молокомъ благой матери, были подавлены въ нихъ грубыми страстями, унаслѣдованными отъ отца. Горные жители снова стали приносить жалобы на неугомоннаго козла, результатомъ чего было вторичное переселеніе его. Козла перевели на Гримзелъальпе, но и здѣсь онъ не измѣнилъ своего характера, вздорилъ со всѣми собаками, даже съ громадными псами, которыхъ смѣлымъ взмахомъ роговъ презрительно перебрасывалъ черезъ голову, вызываяще загораживалъ дорогу горному путнику и наводилъ ужасъ всюду, гдѣ и когда только показывался. Наконецъ правительство нашло нужнымъ вмѣшаться въ это дѣло и подвергло разбойника уголовному суду, которымъ это необузданное дитя свободы было приговорено къ смертной казни. Одна изъ полудикихъ козъ, которая жила съ нимъ въ тѣсной близости, оставалась до самой смерти относительно кроткою и смироною, но потомки, происшедшіе отъ случки съ домашними козами, съ возрастомъ тоже стали чрезвычайно злы и свирѣпы. Пока они были малы, то могли еще потѣшать пастуховъ своими рѣзвыми и забавными прыжками, но, выросши, они становились въ тягость хозяевамъ, вслѣдствіе чего были всѣ перебиты. Такъ окончилось разведеніе въ Бернѣ убудковъ альпійскаго козерога, не достигнувъ предполагавшейся цѣли.

Опытъ разведенія козероговъ въ Хёлленгебирге (около Зальцбурга) окончился неблагопріятно. Пауличке сообщаетъ на основаніи официальныхъ свѣдѣній, что изъ 20-ти убудковъ, завезенныхъ сюда въ 1867 г., съ теченіемъ времени одна коза была убита, а четыре штуки найдены погибшими; что случилось съ остальными — точно неизвѣстно. Въ настоящее время въ Хёлленгебирге, должно-быть, вовсе нѣтъ козероговъ, по крайней мѣрѣ тамъ въ продолженіи уже многихъ лѣтъ не видѣли ни одного. Удачнѣе оказался опытъ разведенія козероговъ въ Тенненгебирге (также недалеко отъ Зальцбурга), куда въ 1876 г. князь фонъ-Шлесъ переселилъ изъ Савойи 20 экземпляровъ. «Козерогъ», пишетъ кронпринцъ эрцгерцога Рудольфъ, «былъ водворенъ въ Тенненгебирге изъ Циллертала еще въ концѣ среднихъ вѣковъ, и тогда уже, конечно, поддерживался тамъ не безъ искусственныхъ вліяній; въ позднѣйшія-же времена его перевели туда изъ Піемонта, и послѣ разныхъ неудачъ прекрасное животное такъ хорошо акклиматизировалось, что совершенно сроднилось съ дикою и величественною природою этихъ горъ».

Въ первыхъ числахъ ноября 1856 г. вмѣстѣ съ братомъ Рейнгольдомъ и однимъ нашимъ обцимъ другомъ, я предпринялъ, въ сопровожденіи опытнаго туземнаго охотника, восхожденіе на Сьерру Неваду въ южной Испаніи, съ цѣлью поохотиться тамъ на козерога. Время охоты, собственно говоря, приходится на іюль и августъ, мы-же собрались попытать счастья въ ноябрѣ, когда свирѣпствуютъ снѣжныя мятели и холода, которые скоро заставили насъ, къ сожалѣнію, вернуться. Впослѣдствіи мой братъ охотился на козерога въ средней Испаніи гораздо удачнѣе, такъ какъ въ благодарность за оказанную имъ медицинскую помощь, онъ заручился содѣйствіемъ крестьянъ изъ деревень, лежащихъ у подошвы Сьерра-

де-Гредось. Снабженный всѣми необходимыми средствами и обладая замѣчательною наблюдательностью, онъ не ограничился одною простою охотою на пиренейскаго козерога, которыхъ ему удалось убить цѣлый рядъ, но воспользовался возможностью изучить на мѣстѣ нравы этого животнаго, и потому могъ дать обстоятельную картину этой интересной жизни, которую во всѣхъ отношеніяхъ обогатилъ наши свѣдѣнія о пиренейскомъ козерогѣ. Въ нижеслѣдующемъ я возвращусь еще къ на-

Пиренейскій козерогъ. *Capra pyrenaica*. $\frac{1}{12}$ наст. вел.

блюденіямъ, сдѣланнымъ моимъ братомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ дамъ первое обстоятельное описаніе этого прекраснаго животнаго.

Пиренейскій козерогъ — *Sabramontes* испанцевъ (*Capra pyrenaica*, *C. hispanica*, *Ibex* или *Aegoceros pyrenaicus* и *hispanicus*. *Bergsteinbock*. *Bouquetin des Pyrénées*.) величиною съ альпійскаго козерога, но существенно отличается отъ него устройствомъ и формою роговъ. Взрослый козерогъ имѣетъ 1,45—1,6 м. длины, изъ которыхъ 12 см. надо считать на хвостъ безъ кисти; высота въ зашейкѣ 75 см., а на крестцѣ 78 см. Коза достигаетъ всего трехъ четвертей этой длины, а въ вы-

шину она среднимъ числомъ на 10 см. ниже козла. Рога у козерога у корня такъ близко сходятся другъ съ другомъ, что разстояніе между ними спереди не превышаетъ 4-хъ см., а сзади даже 1 см.; сначала они круто взвиваются вверхъ, чуть-чуть нагибаясь наружу, съ первой трети своей длины рѣзко загибаются наружу, поворачиваются и расходятся лирообразно, отсюда идутъ, направляясь назадъ, въ началѣ своей послѣдней трети достигаютъ наиболѣе широкаго разстоянія между собою, къ концамъ снова сближаются и въ такомъ уже направленіи идутъ наверхъ. Въ разрѣзѣ своемъ они представляютъ форму груши, такъ какъ, имѣя спереди округленную форму, они сходятся съ противоположной стороны приблизительно подъ острымъ угломъ. Кромѣ задняго вздутаго ребра, образованнаго довольно отлогими дугами, видно еще второе, которое начинается спереди, прямо надъ лбомъ и, сходясь въ концѣ съ первымъ, идетъ вдоль всего рога на постепенно убавляющемся разстояніи и такъ перевивается съ заднимъ ребромъ, что въ первой трети длины рога оно находится впереди, а въ послѣдней—на наружной сторонѣ, тогда какъ болѣе замѣтное и острое заднее ребро все болѣе и болѣе обращается впередъ и вверхъ. Къ концу оба ребра постепенно сглаживаются, и рогъ выглядит почти круглымъ, хотя и здѣсь замѣтна наклонность образовать въ разрѣзѣ треугольникъ съ округленнымъ основаніемъ. Ежегодные рубцы или годовыя кольца роговъ ясно видны въ видѣ поперечныхъ валиковъ, хотя и не обнаруживаютъ такихъ опредѣленныхъ выпуклостей, какъ у альпійскаго козерога. Длина и толщина роговъ у козла съ возрастомъ замѣтно увеличиваются, тогда какъ болѣе слабые рога самки, по величинѣ почти равняющіеся рогамъ нашей домашней козы, мѣняются только до извѣстнаго возраста; они имѣютъ приблизительно 15 см. длины, загнуты просто назадъ и покрыты до второй трети своей длины многочисленными и плотно лежащими одинъ подлѣ другого тонкими валиками. «У меня есть», пишетъ мнѣ мой братъ, «рога стараго пиренейскаго козерога, стволы которыхъ имѣютъ 76 см. въ длину при 22 см. въ обхватѣ у корня, и лишь одиннадцать годовыхъ колецъ; но я не сомнѣваюсь, что длина роговъ, при измѣреніи по всѣмъ извилинамъ, можетъ доходить до одного метра».

Качество и окраска необыкновенно густого зимой и рѣдкаго лѣтомъ мѣха пиренейскаго козерога довольно существенно измѣняется не только по временамъ года, возрасту и полу, но, подобно тому, какъ и у всѣхъ другихъ горныхъ животныхъ, также и по мѣстности. При линяніи въ маѣ мѣсяцѣ, когда шерсть выпадаетъ густыми клочками и пучками, вырастаютъ по обыкновенію остевые волоса, которые имѣютъ почти совершенно одинаковую окраску отъ самаго корня до конца и къ концу августа достигаютъ 2 см. длины, тогда какъ гривобразная прядь волосъ, начинающаяся сейчасъ за рогами и продолжающаяся до перваго спинного позвонка, вмѣстѣ съ бородой и кистью хвоста не подвергаются такому линянію, а, напротивъ, частію пополняются постепеннымъ подростаніемъ волосъ. Поэтому эти разрастающіеся волоса имѣютъ круглый годъ приблизительно ту-же самую длину, именно на гривѣ 8—9 см., на бородѣ 9 см., а на хвостѣ 12 см., но лѣтомъ они значительно рѣже, чѣмъ зимою. Преобладающая окраска животнаго краснаго свѣтло-бураго цвѣта, который только на носовомъ гребнѣ, на лбу и на затылкѣ нѣсколько темнѣетъ отъ примѣшивающихся черныхъ волосъ; треугольное пятно, обращенное концомъ къ спинѣ, полоса, проходящая по бокамъ и отдѣляющая спину отъ живота, и передняя сторона ногъ—черныя; верхняя губа, щеки, стороны шеи, внутренняя сторона бедеръ—свѣтло-сѣрыя, остальная нижняя часть тѣла бѣлая. Въ позднюю осень начинается разростаніе короткаго, пушистаго, сѣровато-бѣлаго подшерстка, и одновременно съ этимъ происходитъ перекрашиваніе уже достаточно

подросшихъ волосъ ости, которые зимою достигаютъ 3—4 см. длины, становятся очень густыми и у корня имѣютъ свѣтло-сѣрый цвѣтъ, а въ двухъ остальныхъ третяхъ своей длины темный. Въ окраскѣ настоящаго, вполнѣ уже зимняго одѣянія преобладаютъ черный и сѣрый цвѣта, съ бурымъ отливомъ; первый изъ нихъ распространяется по переносью, лбу и передней части шеи, послѣдній-же между глазами и ушами по челюстнымъ сгибамъ, по сторонамъ шеи до лопатокъ и по бокамъ туловища до середины заднихъ бедеръ; но на всѣхъ названныхъ частяхъ подмѣшивается черный или черно-бурый цвѣтъ, такъ какъ многіе волоса ости имѣютъ черные кончики. Границы окраски можно опредѣлить такимъ образомъ: переносье до верхней губы, лобъ, нижняя челюсть, борода, вся передняя часть горла, грудь, сторона брюха, задняя часть головы, шея и спина черныя; передняя сторона ногъ до копытъ, долевая полоса въ 3—4 см. ширины, которая, начинаясь на затылкѣ, пробѣгаетъ прямой линіей вдоль всего хребта до конца хвоста, и включающаяся въ нее грива, имѣющая какъ лѣтомъ, такъ и зимою одну окраску, а также отдѣляющаяся отъ нея на лопаткахъ поперечная полоса, которая, скрещиваясь съ нею, спускается на переднія ноги—совершенно чернаго, какъ уголь, цвѣта. Верхняя губа, щеки отъ начала до угла челюстей, бока, начиная съ лопатокъ—свѣтло-сѣрые; полоса, обхватывающая бока снизу и сзади, и заднія бедра—черно-бурья, причемъ бедра какъ-бы окрашены отдѣльными сѣрыми волосами, и наконецъ полоса въ 3 см. ширины, которая начинается на грудной кости и, расширяясь на брюхѣ, обхватываетъ какъ его, такъ и внутреннюю поверхность заднихъ бедеръ, такъ-же какъ и продолженіе ея кверху, гдѣ она окаймляетъ съ обѣихъ сторонъ въ видѣ кромки черный хвостъ и подмѣшиваетъ нѣсколько волосъ въ длинную кисть хвоста, чисто-бѣлаго цвѣта.

Окраска козъ мѣняется мало, но также лѣтомъ бываетъ свѣтлѣе, чѣмъ зимою. Преобладающій цвѣтъ рыжеватый или свѣтло-бурый; черный цвѣтъ подается только на переднихъ сторонахъ ногъ, начинаясь съ запястья и плюсны до копытъ, а черный въ смѣси съ сѣрымъ—на заднихъ ногахъ. Кромѣ того полоса, проходящая вдоль грудной кости, въ 3 см. ширины и въ 6 см. длины, имѣетъ тоже черную окраску. Козлята ходятъ на мать, хотя, впрочемъ, преобладающая окраска ихъ не свѣтло, а темно-каштаново-бурая, и ноги у нихъ черно-бурья.

Отъ только-что описаннаго вида Шимперъ пытается отдѣлить въ особый видъ живущаго на южныхъ и восточныхъ горахъ Испаніи козерога, подъ именемъ *Sariga hispanica*; но отличительные признаки того и другого животнаго до такой степени сходятся между собою, что раздѣленіе это оказывается едва-ли возможнымъ. Козероги *Сиерра-де-Гредось*, такъ-же какъ и *Серранія-де-Ронда* и *Сиерра-Невада* въ Андалузіи, *Сиерра-де-Сегура* въ Мурціи, *Сиерра-де-Куэнча* и *Монте-Кароче* въ Валенціи, имѣютъ такіе-же рога, какъ и пиренейскій козерогъ, но они обыкновенно немного меньше и свѣтлѣе окрашены; въ особенности черный цвѣтъ на нихъ не такой сплошной, какъ у пиренейскаго. Я безъ всякаго колебанія соединилъ оба эти вида козероговъ, живущихъ въ Испаніи, въ одинъ.

Вслѣдствіе этого область распространенія пиренейскаго козерога дѣлается гораздо обширнѣе и простирается отъ берега Бискайскаго залива до Средиземнаго моря и отъ Пиренеевъ до *Серранія-де-Ронда*. Кромѣ выше названныхъ горъ козерогъ живетъ также въ *Сиерра-Морена*, *Монтесъ-де-Толедо*, въ Пиренеяхъ и во всѣхъ высокихъ горныхъ хребтахъ сѣверной и средней Испаніи, особенно часто онъ подается именно въ *Сиерра-де-Гредось*; напротивъ, на горахъ Кантабрійскаго берега его, кажется, совсѣмъ нѣтъ. «*Сиерра-де-Гредось*», описываетъ мой братъ, «составляетъ самый высокій подъемъ Кордильера Карпетто; высочайшая вершина этого

длиннаго хребта горъ, Альманпоръ, поднимающаяся до 2650 м., вмѣстѣ съ ея окрестностью составляютъ любимое мѣстопробываніе козероговъ. Зимомъ случается, что они спускаются ниже, преимущественно на южную сторону горъ, по направленію къ Эстремадурѣ, лѣтомъ-же ихъ въ избыткѣ можно встрѣтить въ ближайшей окрестности Альманпора и совершенно свободно наблюдать ихъ стада, состоящія обыкновенно изъ старыхъ козловъ.

«Большую часть года пиренейскіе козероги живутъ разъединившись по полямъ; только ко времени спариванія козлы соединяются съ козами и образуютъ тогда стада, нерѣдко довольно многочисленныя, насчитывающія въ себѣ 100—150 головъ. Я самъ однажды видѣлъ стадо изъ 135 козловъ; очень можетъ быть, что въ такомъ стадѣ соединились почти все живущіе на Гредосѣ козлы. Случилось мнѣ также однажды во время травли видѣть вмѣстѣ 74-хъ козъ, которыя обыкновенно имѣютъ привычку разсыпаться маленькими группами по всемъ горамъ. Презирая снѣгъ и холодъ, козлы живутъ круглый годъ въ избранныхъ ими мѣстностяхъ, исключительно на вершинахъ горъ, тогда какъ козы уже съ поздней осени стремятся къ южнымъ склонамъ, а въ суровыя зимы спускаются въ долины, даже до самыхъ деревень. Предводителемъ стада бываетъ всегда самый сильный и, что замѣчательно, самый старый и опытный козель. Можно видѣть, какъ козероги медленными шагами пробираются по крутымъ утесамъ и по узкимъ карнизамъ горнаго хребта, осторожно оглядываясь, зорко высматривая во все стороны и такимъ образомъ непрерывно вертятся. Проводникъ идетъ впереди стада и охраняетъ его; черезъ каждыя пройденныя 10—12 шаговъ онъ останавливается, поджидая стадо, которое тогда трогается съ мѣста, а затѣмъ продолжаетъ путь такимъ-же образомъ. Во время пастьбы стадо козероговъ выставляетъ отъ себя нѣсколькихъ караульныхъ, которые обязаны служить имъ въ качествѣ стражи и, безпрестанно озираясь во все стороны, предупреждать о малѣйшей опасности. Если такой сторожъ замѣтитъ что-нибудь подозрительное или вѣтеръ донесетъ до него близость врага, то онъ испускаетъ свистящее сопѣніе, покидаетъ свой сторожевой пунктъ и немедленно убѣгаетъ вмѣстѣ со всемъ остальнымъ стадомъ, несясь рысью или пускаясь въ галопъ, смотря по тому, насколько близка опасность. Пробѣжавъ нѣкоторое разстояніе, стадо останавливается, чтобы точнѣе изслѣдовать причину, нарушившую ихъ покой. Если поводомъ къ тому было появленіе человѣка, то стадо быстрыми шагами сбѣжитъ дальше и бѣжитъ безъ оглядки въ продолженіи получаса, а иногда такъ и цѣлаго часа, если-же нарушителемъ покоя является волкъ или собака, то козероги просто взбираются на крутой утесъ и здѣсь останавливаются на такомъ мѣстѣ, которое совершенно недоступно для названныхъ преслѣдователей. Кажется положительно невѣроятнымъ, какъ козероги могутъ, притомъ еще съ такою увѣренностью и съ поразительною ловкостью и быстротою, взбираться почти по отвѣснымъ скаламъ, на которыхъ незамѣтно ни малѣйшей точки опоры, и какъ уже самые маленькіе козлятки почти тотчасъ-же послѣ рожденія искусно умѣютъ цѣпляться своими остроугольными копытами за такіе утесы!

«Когда стадо считаетъ себя въ полной безопасности, часть его покойно ложится съ вытянутыми ногами, чтобы отдохнуть и пережевать жвачку, въ то время какъ другая часть щиплетъ траву и сочные побѣги альпійской растительности, выбирая преимущественно цвѣты низкихъ кустарниковъ дрока (*Spartium scoparium* и *S. horridum*), при этомъ 2 или 3 козла стоятъ постоянно на стражѣ. При сильномъ солнцекѣ стадо располагается въ тѣни скалистыхъ выступовъ или скрывается въ ущельяхъ, обезпечивъ себѣ предварительно покой выставленной на случай опасности стражей. Козлы всегда менѣе осмотрительны и осторожны, чѣмъ

козы. Особенно часто отстаютъ отъ стада старые самцы и въ такихъ случаяхъ допускаютъ иногда очень близко подойти къ себѣ подкрадывающемуся противъ вѣтра человѣку. Вмѣсто того, чтобы тотчасъ-же пуститься въ бѣгство, какъ почти всегда дѣлаютъ это козы, они вспрыгиваютъ на скалу или на высокій утесъ и отсюда смотрятъ нѣсколько минутъ на врага, такъ что часто сами даютъ ему этимъ возможность сдѣлать мѣткій выстрѣлъ. Я самъ убилъ однажды очень большого козла именно при такихъ обстоятельствахъ. Также и во время странствованій отдѣлившійся отъ стада козель проявляетъ менѣе осторожности, чѣмъ когда онъ слѣдуетъ вмѣстѣ съ другими. Одинъ козерогъ, затравленный охотниками, которые были разставлены на далекомъ разстояніи, пошелъ медленно на моего товарища; тотъ выстрѣлилъ въ него два раза, но промахнулся; послѣ выстрѣловъ козерогъ пустился было бѣжать, но, пробѣжавъ разстояніе не больше ста шаговъ, снова пошелъ спокойною походкою и очутился позади меня, но такъ какъ это мѣсто было загорожено отъ меня и открыто только съ тыла, то я и не предвидѣлъ, что позади стоитъ такая драгоценная добыча; козерогъ по крайней мѣрѣ 15 минутъ стоялъ на одномъ мѣстѣ и смотрѣлъ на меня, а затѣмъ спокойно пошелъ дальше. Объ этомъ, къ моей великой досадѣ, рассказывали мнѣ по окончаніи облавы товарищи по охотѣ.

«По отношеніи безвредныхъ животныхъ пиренейскій козерогъ не обнаруживаетъ ни страха, ни особенной пріязни. Иногда, впрочемъ, среди лѣта можно видѣть на Сіерра-де-Гредосъ, что козероги дружески насутся вмѣстѣ съ домашними козами, стада которыхъ изъ деревень, расположенныхъ при подошвѣ горы, заходятъ въ верхнія пастбища козероговъ.

«Въ началѣ ноября наступаетъ время спариванія. Козлы соединяются съ козами и тутъ между самцами, преимущественно наиболѣе старыми, происходятъ горячія схватки, представляющія во всякомъ случаѣ весьма занятное зрѣлище для молодыхъ животныхъ, которыя остаются безучастными свидѣтелями происходящаго. Въ декабрѣ полы уже снова расходятся; впрочемъ молодые козы, имѣющіе отъ роду 1—3-хъ лѣтъ, и послѣ еще забѣгаютъ въ стада козъ. Въ концѣ апрѣля или началѣ мая, т. е. послѣ 20—24-хъ недѣльной беременности коза производитъ на свѣтъ дѣтеныша, который уже черезъ нѣсколько часовъ послѣ своего рожденія свободно слѣдуетъ по стопамъ своей матери, старательно оберегаемый ею. Въ это время родившія самки держатся исключительно на южной, обращенной къ солнцу сторонѣ горъ и, вмѣсто голыхъ склоновъ, забираются въ поросшія древомъ покатою и овраги, въ которыхъ и проводятъ большую часть конца весны и начала лѣта. Когда что-нибудь испугнетъ козлятъ, они поспѣшно прибѣгаютъ подъ защиту матери и если, при горячемъ преслѣдованіи, не въ состояніи поспѣть за старыми козами, то прячутся за густымъ кустомъ, за обломкомъ скалы, или залѣзаютъ въ расщелину и остаются здѣсь до возвращенія матери. Въ области вѣчныхъ снѣговъ пиренейскія козы заходятъ неохотно, а когда съ ними козлята, то онѣ изъ осторожности совершенно избѣгаютъ ихъ.

«Пиренейскіе козероги также уже съ четверть вѣка тому назадъ стали значительно переводиться. Да иначе и быть не могло, такъ какъ испанцы не имѣютъ никакого понятія о важномъ значеніи сбереженія этого животнаго; притомъ каждый пастухъ въ этихъ горахъ владѣетъ оружіемъ и, во время своихъ длинныхъ стоянокъ на вершинахъ горъ, днемъ и ночью преслѣдуетъ благородныхъ козероговъ. Если-бы можно было ввести строгое запрещеніе охоты на козъ во время весеннихъ мѣсяцевъ, то пиренейскіе козероги, имѣющіе весьма мало другихъ враговъ кромѣ человѣка, въ короткій періодъ снова значительно расплодился-бы. Бо-

родатый ягнятникъ, холзанъ и орель-могильникъ часто схватываютъ козленка, но, по разсказу спрошенных мною пастуховъ, никогда не отваживаются уносить взрослога козла или козу. Для этихъ послѣднихъ, кромѣ человека, опасенъ развѣ одинъ волкъ, но и тотъ, вслѣдствіе того, что рѣдко поднимается на значительныя высоты, наноситъ имъ ущербъ собственно только зимою, когда стадо пиренейскихъ козероговъ уже спустилось въ долины; здѣсь волку случается застигать его врасплохъ, когда глубокіе снѣга отдѣляютъ его отъ спасительной скалы и препятствуютъ его уснѣшному бѣгству; при такихъ несчастныхъ обстоятельствахъ козероги въ изнеможеніи падаютъ или останавливаются на одномъ мѣстѣ и легко дѣлаются добычею алчныхъ хищниковъ.

«Испанскій охотникъ убиваетъ пиренейскаго козерога, или гоняясь за нимъ по слѣдамъ или подкарауливая его на стойкѣ. Я примѣнял на Сьерра-де Гредосъ охоту загономъ и достигъ замѣчательнаго уснѣха. Тщательно изслѣдовавъ предварительно направленіе вѣтра, я занялъ съ нѣсколькими вызванными мною стрѣлками гребень одной котловины въ долинѣ; между тѣмъ загонщики окружили намѣченную мѣстность и стали возбуждать засѣвшее тамъ животное, стараясь выгнать его оттуда громкими криками и бросая въ него камнями. Кромѣ единственнаго прохода, который велъ отъ насъ къ занятой охотниками котловинѣ, всѣ прочіе были замкнуты для козероговъ, такъ что имъ волей-неволей приходилось идти прямо на насъ. Мало-по-малу они взобрались на противоположащіе гребни; часто случается, что пройдетъ добрый часъ, прежде чѣмъ козерогъ попадетъ въ руки, и въ этомъ то и состоитъ главная прелесть охоты. Стадо обыкновенно такъ медленно приближается къ мѣсту засады стрѣлковъ, что хватается вполне достаточно времени, чтобы спокойно прицѣлиться и пустить смертельную пулю въ сердце ничего не подозрѣвающей жертвы. Я говорю—въ сердце, потому что если выстрѣлъ попадетъ въ другое мѣсто, то въ большинствѣ случаевъ добыча можетъ считаться потерянною для охотника. Часто бываетъ, что стадо козероговъ послѣ перваго выстрѣла остается спокойно стоять на своемъ мѣстѣ, какъ будто ничего не случилось, такъ что охотнику, предполагающему, что выстрѣлъ не достигъ цѣли, можно сдѣлать второй.

«Для туземнаго охотника польза отъ этой охоты бываетъ немаловажна. Убитое животное онъ потрошитъ тутъ-же на мѣстѣ, набиваетъ его ароматными травами и тащитъ свою тяжелую добычу, зачастую по самой опасной дорогѣ, съ рискомъ сломать себѣ шею, внизъ въ долину, до ближайшаго хутора, откуда везетъ дальше уже на мулѣ. Мясо козероговъ весьма любимо и потому всегда стоитъ въ высокой цѣнѣ; шкура и рога тоже ошачиваются очень хорошо.

«Цоимка пиренейскаго козерога живьемъ является просто дѣломъ случая. Опытные охотники часто пользуются глубокими снѣгами, чтобы, занявъ извѣстные проходы, затравить козерога собаками. При такой охотѣ часто случается ловить звѣря живьемъ. Въ прошлую зиму добыли такимъ образомъ семь козероговъ. Дѣломъ также отважнымъ горнымъ жителямъ удается иногда провезти козерога. Я самъ однажды былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ охотникъ, идя за вѣтромъ, незамѣтно подкрался къ ущелью, гдѣ спасался отъ жары сильный козерогъ, и тутъ, вмѣсто того, чтобы выстрѣлить въ него, попытался поймать его живьемъ, загородивъ ему узкій проходъ. Однако задуманная попытка не удалась, такъ какъ смѣлый охотникъ не могъ настолько твердо удержаться на мѣстѣ, чтобы не рисковать быть свергнутымъ въ пропасть козерогомъ, бросившимся бѣжать отъ него. Пойманныхъ старыми пиренейскихъ козероговъ, повидимому, содержать въ неволѣ невозможно. Каждому изъ семи пойманныхъ при мнѣ козероговъ связали вмѣстѣ всѣ ноги,

чтобы такимъ образомъ можно было отнести ихъ въ деревню. Пятеро изъ нихъ умерли еще дорогою черезъ два часа пути, главнымъ образомъ отъ испытаннаго ими мучительнаго страха; двое остальныхъ, хотя и были доставлены въ деревню еще живыми, но черезъ нѣсколько часовъ тоже умерли, не выдержавъ заточенія въ отведенномъ имъ хлѣву.»

* * *

Козлы (*Hircus*), въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, въ общемъ немного меньше козероговъ; рога ихъ болѣе или менѣе сплюснуты, у самцовъ острые и снабжены поперечными буграми или складками, у самокъ кольчатые или сморщенные. Во всемъ остальномъ козлы вполне схожи съ козерогами; ихъ очень трудно отличить другъ отъ друга, и потому это подраздѣленіе кажется сомнительнымъ.

Нашъ **Домашній козелъ** раздѣляетъ участь остальныхъ домашнихъ животныхъ: неизвѣстно отъ какого вида онъ происходитъ. О козлахъ, живущихъ въ дикомъ состояніи преимущественно въ Азіи, намъ извѣстно такъ еще мало, что мы положительно не въ состояніи хотя приблизительно опредѣлить численность ихъ видовъ. Многіе натуралисты думаютъ, что происхожденіе такого полезнаго домашняго животного мы должны приписать безоаровому козлу, который дѣйствительно во всѣхъ существенныхъ признакахъ похожъ на домашняго, только направленіе и изгибъ роговъ у него другой.

Безоаровый или **Дикій козелъ**, въ Персіи по Блэнфорду называющійся **Боць**, **Пазангъ**, **самецъ-пазангъ**, а **самца-боць** (*Capra aegagrus*, *Hircus* и *Aegoceros aegagrus*, *Capra bezoartica*, *Aegoceros pictus*, *Bezoargiege*, *Oegagre*), хотя нѣсколько меньше европейскаго козерога, но все-таки значительно больше нашего домашняго козла. Длина взрослага козла достигаетъ 1,5 м., длина хвоста 20 см., вышина въ зашейкѣ 95 см., а у крестца на 2 см. выше. Коза значительно меньше. Туловище козла довольно вытянутое, спина острая, шея средней длины, голова короткая, морда тупая, лобъ широкій, составляющій съ переносьемъ почти прямую линію, глаза средней величины, уши большія; ноги относительно высокія и сильныя, копыта съ тупымъ концомъ; хвостъ очень короткій и покрытъ равномерно длинными и косматыми волосами. Очень большіе и сильныя рога съ обѣихъ сторонъ сплюснуты и имѣютъ острые края какъ спереди, такъ и сзади; наружная ихъ сторона скруглена или вздута; уже у полузрослага животного они достигаютъ 40 см., а у старыхъ вырастаютъ часто до 80 см.; они начинаютъ загибаться у самаго корня въ видѣ довольно крутой и правильной дуги, которая у старыхъ самцовъ описываетъ приблизительно полукругъ; у корня они стоятъ близко другъ отъ друга, потомъ постепенно до половины ихъ длины отклоняются въ стороны, на концахъ снова круто поворачиваютъ впередъ и внутрь, такъ что на самомъ краю они на 12—15 см. сходятся ближе, чѣмъ на серединѣ, гдѣ разстояніе между ними достигаетъ 30—40 см. Правый рогъ слегка изогнутъ концомъ въ правую сторону, а лѣвый—въ лѣвую. Поперечныхъ бугровъ или узловъ, между которыми лежатъ многочисленные поперечныя складки, бываютъ у старыхъ козловъ до 10 и 12-ти. У обоихъ половъ есть довольно большая борода; остальной мѣхъ состоитъ изъ длинныхъ, жесткихъ, плотно прилегающихъ волосъ ости и короткаго, не очень тонкаго подшерстка. Окраска его свѣтлая рыжевато-сѣрая или ржаво-буровато-желтая; на сторонахъ шеи и къ животу она становится свѣтлѣе отъ обилія примѣшивающихся здѣсь волосъ съ бѣлыми кончиками; грудь и нижняя часть шеи—темныя, чернобурія; брюхо, внутренняя и задняя стороны бедеръ—бѣлыя. Вдоль всего хребта до одноцветно-чернаго хвоста проходитъ рѣзко разграниченная, суживающаяся къ задку, темная черно-бурая полоса. Позади переднихъ ногъ начинается такая-же

полоса, рѣзко отдѣляющая верхнюю сторону отъ нижней. Переднія ноги спереди и съ боковъ темныя черно-бурыя, на запястьѣ и ступнѣ пробѣгаютъ бѣлыя полосы. Голова по сторонамъ рыже-сѣрая, на лбу буро-черная; впереди глазъ и у начала переносыя темная черно-бурая; такого-же цвѣта подбородокъ и борода; губы бѣлыя.

Область распространенія безоароваго козла обнимаетъ собою обширное пространство въ западной и средней Азiи. Онъ водится на югѣ Кавказа, на Таврѣ и въ большей части горъ Малой Азiи и Персiи; Хуттонъ встрѣчалъ его и южномъ

Безоаровый козель. *Capra asgagrus*. $\frac{1}{18}$ наст. вел.

Афганистанѣ, а Стерндаль свидѣтельствуетъ объ его пребыванiи въ Белуджистанѣ до самаго Синда. По А. Вальтеру, «онъ разсѣянъ по всему Копеть-дагу до границы Афганистана и населяетъ отдѣльныя возвышенности Великаго Балхана. Какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ горахъ онъ держится овраговъ въ долинахъ и даже спускается въ степи. Но отъ Балханъ онъ, повидимому, не заходитъ сѣвернѣе горнаго хребта Каспiйскаго побережья. Во всякомъ случаѣ въ Куба-дагѣ, у Красноводска, его нѣтъ, а также онъ рѣдко встрѣчается на возвышенностяхъ полуострова Мангышлака и въ Усть-Уртѣ. Извѣстно, что въ Туркестанѣ его вовсе нѣтъ; въ Азiи такимъ образомъ самая сѣверная граница его распространенiя—Великiй Балханъ, куда онъ

проникъ изъ Копетъ-дага черезъ Кюранъ-дагъ и Малый Балханъ. Здѣсь, какъ и въ Копетъ-дагѣ они нерѣдко встрѣчаются стадами въ 30—90 головъ». Безоаровый козель водится также на многихъ островахъ Средиземнаго моря и въ особенности Архипелага и, можетъ быть, также на высокихъ горахъ Греціи. Изслѣдованія ставятъ внѣ сомнѣнія, что Гомеръ имѣлъ въ виду именно это животное, когда описывалъ островъ циклоповъ: «Безчисленное множество козловъ бродитъ по немъ въ дикомъ состояніи, потому что никогда человѣческая стези не вспугиваетъ ихъ».

Уже со временъ Белона, т. е. съ половины XVI столѣтія, было извѣстно, что на Критѣ живетъ дикій козель, а впослѣдствіи узнали, что это, или похожее на него животное, встрѣчается также на Цикладскихъ островахъ. Въ 1844 г. графъ фонъ-дербъ-Мюле сообщаетъ слѣдующее: «Островъ Іоура близъ Скопелоса, сѣвернѣе Эвбеи, который совершенно необитаемъ, — если не считать одного стараго отшельника живущаго тамъ, — кишитъ однимъ видомъ козловъ, какинъ именно, я не могъ узнать, несмотря на всѣ усилія и попытки съ моей стороны достать хоть одинъ рогъ. Эти козлы настолько злы, что нападаютъ на охотника и, если тотъ не поостережется, сбрасываютъ его со скалы. Въ 1839 г. противный вѣтеръ прибилъ къ этому острову греческую эскадру, которая въ короткое время заколола штыками до 20-ти штукъ козловъ. Эти козлы встрѣчаются также на горахъ Фелухи и Эта». Десятью годами позже Эргардъ сообщаетъ, что онъ также получилъ извѣстіе о пребываніи дикихъ козловъ на Критѣ и многихъ другихъ островахъ, а въ маѣ 1854 г. онъ уже владѣлъ дикимъ козломъ, убитымъ на одномъ маленькомъ, но очень скалистомъ и недоступномъ островкѣ, Еремомелосъ или Антимелосъ. Изслѣдованная шкура, снятая съ взрослого самца въ его лѣтнемъ одѣяніи, оказалась не соответствующею описаніямъ безоароваго козла, и это побудило Эргарда выдѣлить сомнительное животное въ новый видъ козловъ, подъ названіемъ **Пестраго козла** (*Aegoceros pictus*). Онъ еще болѣе утвердился въ своемъ взглядѣ послѣ того, какъ весною 1856 г. имѣлъ случай сравнить своего козла съ однимъ трехмѣсячнымъ козленкомъ, добытымъ на островѣ Іоурѣ, въ которомъ, какъ и въ другомъ, позднѣе полученномъ съ о-ва Крита, узналъ безоаровыхъ козловъ. Послѣ того, какъ стараніями англійскаго консула на о-вѣ Критѣ, Сандвита, въ Лондонъ былъ препровожденъ живой экземпляръ изъ живущихъ здѣсь дикихъ козловъ, признали, что всѣ дикіе козлы Архипелага и безоаровый козель составляютъ одинъ видъ, который мы на основаніи этого и причисляемъ теперь къ европейскимъ животнымъ.

Несмотря на это, Рейхеновъ недавно опять отдѣлилъ іоурскихъ козловъ Берлинскаго зоологическаго сада въ особый видъ, назвавъ его *Capra dorcas*. Весьма возможно, что это одичалый видъ домашняго козла, который походитъ на ублюдковъ домашняго и безоароваго козловъ. По Эргарду, живущій на горахъ материка, такъ называемый дикій козель, не имѣетъ никакого отношенія къ безоаровому козлу и есть ни что иное, какъ серна, которую необразованные охотники смѣшиваютъ съ козлами. Извѣстно также, что англійскіе охотники съ острова Корфу заходятъ иногда въ Албанскія горы, чтобы тамъ охотиться за дикими козлами; поэтому нѣтъ ничего невѣроятнаго, что безоаровый козель водится также и въ этой, до сихъ поръ мало изслѣдованной части Европы.

О жизни на свободѣ безоароваго козла на всѣхъ вышепоименованныхъ островахъ Эргардъ дѣлаетъ сообщенія, которыя впослѣдствіи были подтверждены Сандвитомъ. На Критѣ до сихъ поръ находятъ въ значительномъ количествѣ безоароваго козла, который водится на большей части горъ, но въ особенности на Идѣ, возвышающейся на 2450 м. надъ поверхностью моря, и въ окрестностяхъ ея. Обыкновенно стада собираются въ 40—50 головъ; ко времени-же спариванія, т. е. въ половинѣ осени,

они разбиваются на маленькія группы въ 6—8 штукъ. Коза рождаетъ большею частью еще до наступленія весны 2-хъ, рѣдко 3-хъ дѣтенышей, которые со дня своего рожденія присоединяются къ стаду, гдѣ находится ихъ мать. Иногда безоаровые козлы спариваются со своими прирученными потомками или родичами и производятъ тогда ублюдковъ, которые, наследуя дикій нравъ своего отца, проявляютъ стремленіе жить вдали отъ всякаго человѣческаго жилища на высочайшей вершинѣ Иды, на совершенно недоступныхъ человѣку мѣстахъ. Одинъ такой ублюдокъ, большій по величинѣ, чѣмъ всѣ его другіе родичи, въ пятидесятихъ годахъ бродилъ по Идѣ, и по своимъ совершенно сѣдымъ волосамъ былъ хорошо извѣстенъ каждому пастуху. Пища упомянутыхъ дикихъ козловъ состоитъ изъ всевозможныхъ, какъ сочныхъ, такъ и сухихъ травъ; но съ особенною любовью они ощипываютъ каперсовые кусты. На Антимелосѣ безоаровый козель издавна жилъ значительно меньшими стадами, чѣмъ на Критѣ, а въ послѣднихъ годахъ встрѣчался лишь поодиночно; такое быстрое уменьшеніе слѣдуетъ приписать не столько охотѣ, сколько несчастной случайности, такъ какъ бараны, съ годами перебравшіеся для пастбы на этотъ островъ, заразили ихъ чумою, отъ которой многіе и околѣли. Такъ какъ на ограниченной площади этого маленькаго островка не растетъ ни деревца, ни кустика, то, по Эргарду, пища козловъ можетъ состоять лишь изъ почекъ въ изобиліи растущихъ по всѣмъ островамъ Архипелага колючихъ травъ, а именно: дрока, кустарниковаго оршума (*Pimpinella magna*), кожевеннаго дерева (*Rhus coriaria*), тамариска, тиміана, зольника (*Anthyllis vulneraria*), перечной травы и т. п.

Въ западной Азіи, гдѣ безоаровый козель водится на всѣхъ возвышенностяхъ и въ большинствѣ случаевъ попадается въ изобиліи, онъ держится, по Кочи, обыкновенно въ горномъ поясѣ на высотѣ 1500 м. преимущественно въ тѣхъ горныхъ мѣстностяхъ, гдѣ вокругъ голыхъ утесовъ растутъ зонтичныя растенія съ желтыми цвѣтами, составляющія ихъ главную пищу. По сообщеніямъ турецкихъ охотниковъ, называющихъ безоароваго козла **Гейикъ**, а стараго козла **Токе**, онъ, подобно козерогу, любитъ держаться на самыхъ вершинахъ горъ по близости вѣчныхъ снѣговъ и глетчеровъ. По другимъ сообщеніямъ, животныя рано утромъ уходятъ изъ лѣсу, гдѣ провели ночь, на вершины горъ, пасутся на вершинахъ и на высокихъ склонахъ, часто въ непосредственной близости глетчеровъ, а вечеромъ снова возвращаются въ лѣса.

По своему образу жизни, нравамъ и по характеру, безоаровый козель живо напоминаетъ козерога. Быстро и беззаботно бѣгаетъ онъ по самымъ опаснымъ тропинкамъ, стоитъ иногда по цѣлымъ часамъ на выступѣ скалы и, не испытывая головокруженія, смотритъ въ ужасную бездну, превосходно лазаетъ, дѣлаетъ опасныя прыжки съ большою смѣлостью и ловкостью. Онъ въ высшей степени остороженъ и по большей части умѣетъ избѣгать опасности. Чувства его развиты въ совершенствѣ: онъ чувствуетъ на огромномъ разстояніи и слышитъ малѣйшій шумъ. Духовныя его способности стоятъ приблизительно на такой-же степени развитія, какъ и у козерога.

Во время спариванія, которое бываетъ въ ноябрѣ, козлы упорно и ожесточенно дерутся между собою, о чемъ въ достаточной мѣрѣ свидѣтельствуютъ зазубрины на рогахъ и отбитые отъ нихъ осколки. Роды наступаютъ въ апрѣлѣ или маѣ; молодыя козы рожаютъ по одному или по два дѣтенышей, старыя обыкновенно двойнхъ, а нерѣдко также и тронхъ. Козлята слѣдуютъ за матерью тотчасъ послѣ рожденія, на третій день своей жизни идутъ вмѣстѣ съ нею по самымъ опаснымъ тропинкамъ, растутъ быстро и, какъ всѣ козлята, очень любятъ играть и возиться.

По сообщеніямъ Кочи, для ловли такихъ козлятъ многіе горные жители изъ

Тавра передъ началомъ жатвы ячменя отправляются изъ своихъ горныхъ деревень на вершины и выискиваютъ беременныхъ безоаровыхъ козъ, которыя передъ родами избираютъ себѣ для родильнаго ложа мѣсто, куда имѣютъ обыкновеніе постоянно возвращаться. Когда такая самка найдена и доступъ къ ея родильному ложу признанъ возможнымъ, то охотники остаются въ скрытомъ убѣжищѣ, наблюдая за животнымъ, пока оно родить. На третій день послѣ родовъ они стараются поймать козленка, вслуговывая козу, чтобы она убѣжала. Если ловля удастся, то съ пойманной добычей слѣзая въ деревню, чтобы новорожденного дикаго козленка передать для вскармливанія домашней козѣ, которая только-что недавно родила, и притомъ въ первый разъ. Наши зоологическіе сады очень рѣдко получаютъ живыми безоаровыхъ козловъ, хотя пересылка съ ранней юности обжившихся животныхъ этого вида представляетъ мало затрудненій.

Въ западной Азіи у безоаровыхъ козловъ масса враговъ въ лицѣ хищныхъ животныхъ. Пардовая рысь и пантера въ Таврѣ, тигръ и левъ въ горахъ Персіи опасны взрослымъ козламъ, а орлы и можетъ быть также бородатый ягнятникъ повсюду преслѣдуютъ козлятъ. При восхожденіи на высокій Демавендъ въ сѣверной Персіи, Кочи случайно былъ свидѣтелемъ сцены преслѣдованія тигромъ безоаровыхъ козловъ, которыя изъ страха передъ злымъ врагомъ утратили свою обычную осторожность и вмѣшались въ пасущееся стадо муловъ этого путешественника, надѣясь найти здѣсь защиту. Только когда одинъ изъ погонщиковъ въ испугѣ указалъ на тигра, который былъ виденъ на возвышенности противъ козъ, на разстояніи почти 500 шаговъ, выяснилась эта, до сихъ поръ незамѣченная, черта характера дикихъ козъ.

Суевѣріе, существующее и по настоящее время, хотя давно уже опровергнутое, служитъ причиною того, что и человѣкъ во многихъ странахъ Азіи усердно преслѣдуетъ этихъ рѣзвыхъ дѣтей горъ. Думаютъ, что въ желудкахъ убитыхъ безоаровыхъ козловъ чаще, чѣмъ у другихъ жвачныхъ, находятъ тотъ именно «камень», который послужилъ поводомъ къ названію этого козла «безоаровымъ», и потому повсюду, гдѣ еще вѣрятъ въ чудодѣйственную силу безоароваго камня, ведется истребительная война противъ его производителей. Уже съ древнихъ временъ восточные властелины присвоили себѣ право торговли безоаровыми камнями. Еще старый Бонциусъ зналъ, что всѣ эти чудесные камни вовсе не имѣютъ приписываемаго имъ цѣлебнаго свойства. Румфъ рассказываетъ, что индусы смѣются надъ европейцами, которые утверждаютъ, что безоаровый камень находятъ въ желудкѣ дикаго козла, тогда какъ они со своей стороны хорошо знаютъ, что это лѣкарство добывается изъ желудка обезьянъ; извѣстно также, что пользуются рѣшительно всѣми безоаровыми камнями, добытыми не только отъ безоаровыхъ козловъ, но и отъ всякаго другого жвачнаго животнаго. Несмотря на это, гнусное шарлатанское средство и по сейчасъ цѣнится очень высоко во всей Индіи и Персіи и подстрекаетъ предприимчивыхъ охотниковъ къ постоянному истребленію безоаровыхъ козловъ.

Ни на островахъ Архипелага, ни на Кавказѣ, ни въ Таврѣ ничего, повидному, неизвѣстно о шарлатанско-цѣлебномъ свойствѣ безоароваго камня и потому здѣсь преслѣдуютъ безоароваго козла исключительно изъ-за его мяса, шерсти и роговъ. На Антимелосѣ и на Критѣ охотою на этого козла занимаются только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, притомъ весьма немногіе, хорошо знакомые съ горами пастухи, такъ какъ охота эта до сихъ поръ еще очень опасна. Къ этому слѣдуетъ прибавить высшую осторожность дикихъ козловъ, имѣющихъ обыкновеніе выставлять стражу, и чрезвычайную живучесть этого звѣря, который, даже смертельно раненый въ легкія, въ состояніи бѣжать по крутымъ скалистымъ стѣнамъ почти съ та-

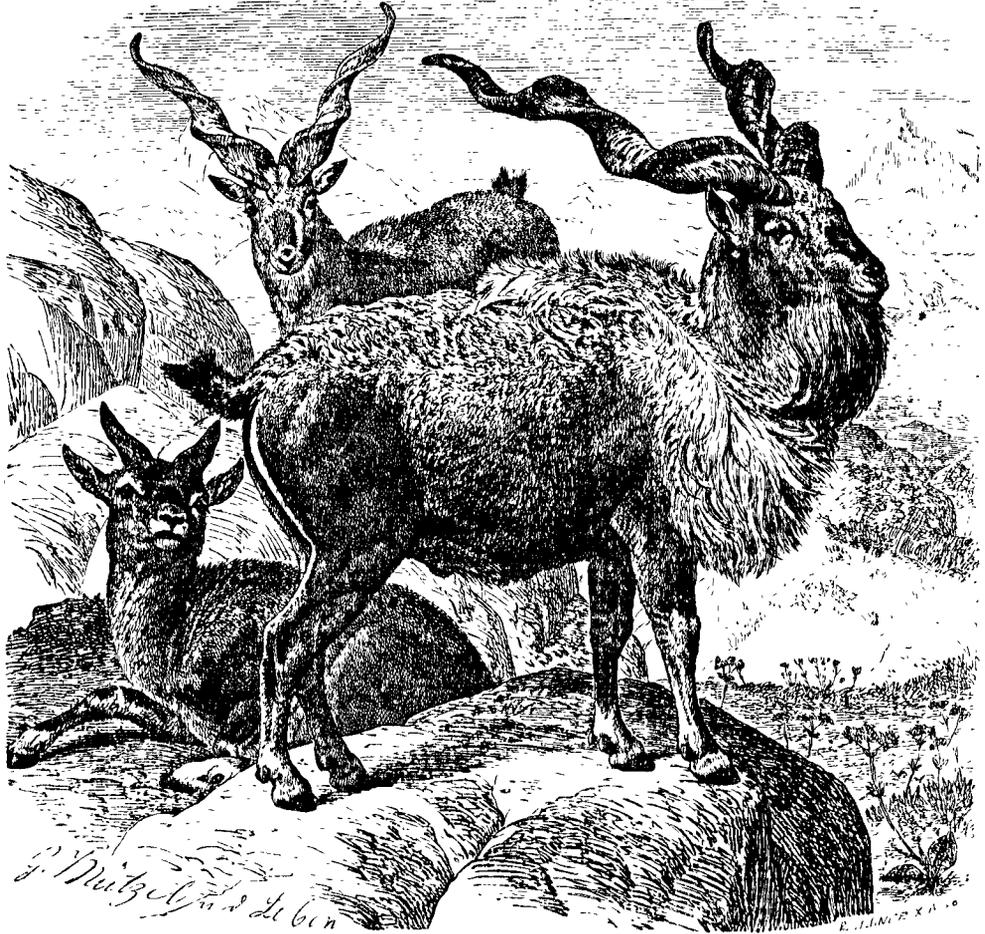
кою-же быстротою, какъ здоровый, и такимъ образомъ большею частью пропадаетъ для охотника. Застигнутые опасностью старые козлы бываютъ очень смѣлы и иногда сбрасываютъ неосторожнаго охотника въ страшную пропасть. Въ неприступныхъ прибрежныхъ мѣстностяхъ охота производится съ лодокъ посредствомъ дальнобойныхъ ружей. Мясо безоаровыхъ козловъ славится своимъ замѣчательнымъ вкусомъ, что и подстрекаетъ нѣкоторыхъ пастуховъ на опасную охоту; только рѣдко имъ удается убить эту драгоценную добычу, и лишь въ немногихъ хижинахъ виднѣется украшеніе изъ роговъ убитаго козла, какъ трофеей счастливой охоты. Эргардъ выражаетъ опасеніе, что, вслѣдствіе пагубнаго вліянія человѣка, со временемъ безоаровые козлы совсѣмъ переведутся на Антимелосъ; зато на о-вѣ Критѣ Сандвигъ пророчитъ имъ долгое и довольно безмятежное существованіе, такъ какъ на этомъ островѣ не встрѣчается никакого хищнаго животнаго, за исключеніемъ холзановъ и бородастыхъ ягнятниковъ, жертвами которыхъ дѣлаются только новорожденные козлята. На Таврѣ охота начинается, по Кочи, тогда, когда многочисленныя стада уже четыре недѣли какъ покинули горныя пастбища, хозяйственные запасы на зиму въ домахъ сдѣланы и послѣднія полевые работы закончены. Охотники поднимаются въ горахъ до самыхъ высокихъ луговъ, отыскиваютъ слѣды дикихъ козловъ и залегаютъ тогда на стойку, а если замѣтятъ хорошо протоптанныя тропинки, то устраивается облава. Нерѣдко въ продолженіи многихъ дней охотники одинъ за другимъ исходятъ всю гору, не встрѣтивъ ни одного изъ этихъ драгоценныхъ животныхъ, тогда какъ въ другое время часто съ перваго раза наталкиваются на группу въ 4—12 козловъ или козъ. Обыкновенный охотникъ считаетъ себя счастливымъ, если въ теченіи зимы добудетъ 4—5 безоаровыхъ козловъ.

Доставляемая охотою польза въ Таврѣ весьма значительна. Чрезвычайно вкусное мясо дикаго козла, напоминающее мясо нашей косули, такое-же нѣжное и мягкое, употребляется то въ свѣжемъ видѣ, то въ вяленомъ: въ послѣднемъ случаѣ его рѣжутъ длинными узкими полосами, сушатъ на воздухѣ и заготавливаютъ въ прокъ. Длинноволосый мѣхъ, добытый съ убитаго зимою козла, употребляется мусульманами на коврики для молитвы и, благодаря своему рѣзкому запаху, который они находятъ пріятнымъ, цѣнится очень дорого; коротковолосая лѣтная шкура идетъ на кожи, рога—на выдѣлку сабельныхъ эфесовъ, пороховницъ и другихъ мелочей; такимъ образомъ убитый безоаровый козель доставляетъ не мало барышей.

* * *

Между остальными козлами заслуживаетъ упоминанія **Винторогій козель**, называющійся въ Кашмирѣ и въ сосѣднихъ съ нимъ краяхъ **Маръ-нуръ** или **змѣвѣдъ**, **Ра-чи** или большерогій козель и **Тзура** или водяной козель (*Capra falconieri*, *Capra megaceros*. Schraubenziege. Chèvre à cornes torses), такъ какъ и онъ, по всей вѣроятности, содѣйствовалъ происхожденію породы нашихъ домашнихъ козъ. Винторогій козель въ величинѣ не уступаетъ альпійскому козерогу; общая длина его тѣла равняется 1,55 м., изъ которыхъ 18 см. приходится на хвостъ; высота въ зашейкѣ 80 см.; Кинлохъ, такъ-же какъ и Стеридаль, недавно опредѣлили высоту въ плечахъ гораздо большую; первый изъ нихъ считаетъ ее въ 110 см., а второй среднимъ числомъ даже въ 115 см.; изъ этого выходитъ, что винторогій козель гораздо крупнѣе альпійскаго козерога и вообще можетъ считаться самымъ большимъ изъ всѣхъ козловъ. Туловище его, опирающееся на средней высоты ноги, можно назвать скорѣе стройнымъ, чѣмъ толстымъ, шея довольно длинная, но сильная, голова относительно большая, уши маленькія и заостренныя, хвостъ средней длины, мѣхъ густой и у самцовъ характеризуется очень густой бородой и длинными волосами на

затылкѣ и на груди; у самокъ борода меньше, а на груди совсѣмъ нѣтъ свѣшивающихся гривой волосъ. Но всего характернѣе въ этомъ козлѣ его тяжелые своеобразные рога, хотя они болѣе, чѣмъ у другихъ дикихъ козловъ, мѣняются въ своей формѣ. Рога козы, длиною въ 25 см., сплюснутые и тупые; у козла, если высчитать всѣ изгибы, они могутъ достигать въ длину одного метра; въ поперечномъ разрѣзѣ рога представляютъ форму половины яйца, по обѣимъ краямъ котораго идетъ валькообразный кантъ; у корня они сходятся очень близко, затѣмъ идутъ болѣе

Винторогій козель. *Capra falconeri*. $\frac{1}{18}$ наст. вел.

или менѣе въ косвенномъ направленіи наверхъ и къзадѣ и закручиваются въ видѣ винта съ внутренней стороны къ наружной, то на болѣе узкомъ, то на болѣе широкомъ разстояніи, описывая такимъ образомъ $1\frac{1}{2}$ —2 оборота; задняя ихъ сторона сильнѣе наклонена, чѣмъ передняя; всѣ рога вокругъ покрыты поперечными валиками, годовыя кольца врѣзываются глубоко. У нѣкоторыхъ козловъ рога походятъ на штопоръ, у другихъ обороты шире, хотя и не теряютъ своей винтовой формы. Въ первомъ случаѣ они поднимаются отъ головы почти отвѣсно и совершенно прямо; во второмъ—болѣе изгибаются назадъ и кнаружи, сплюсциваются и получаютъ тогда столь своеобразную форму, что владельцев такихъ роговъ можно-бы

было отдѣлить въ особый видъ. Такъ это и случилось: на западѣ отъ Индостана, именно въ Афганистанѣ, водится винторогій козель, у котораго рога растутъ не въ видѣ штопора, а прямо, закрученные только вокругъ своей оси, и потому его разсматриваютъ, какъ отдѣльный видъ (*Capra jerdoni*). Кинлохъ, который часто охотился за этими козлами, стоитъ за то, что козловъ съ расходящимися рогами и съ прямыми слѣдуетъ выдѣлить въ отдѣльные виды, и основываетъ свое мнѣніе на томъ, что одни изъ нихъ держатся преимущественно въ восточныхъ мѣстностяхъ, а другіе—въ западныхъ, одни живутъ выше на лѣсистыхъ горахъ съ снѣжными вершинами, другіе-же держатся голыхъ, скалистыхъ горъ незначительной высоты, гдѣ лѣтомъ зачастую стоитъ большая жара. Стерндалъ, напротивъ, считаетъ разнорогихъ представителей нашего животнаго только за разновидности, изъ которыхъ онъ вмѣстѣ съ другими признаетъ четыре.

Хотя рога этихъ разновидностей въ самыхъ рѣзкихъ случаяхъ и представляютъ большое различіе, но существуетъ множество переходныхъ формъ, такъ что строгое раздѣленіе животныхъ на виды оказывается почти невозможнымъ. Къ тому-же остальные отличительные признаки животныхъ въ общемъ схожи, въ особенности качество и окраска мѣха; тѣ-же различія, которыя указываются въ новѣйшихъ статьяхъ Мацитайра, недостаточны, чтобы на нихъ основывать раздѣленіе на виды. Часто мѣхъ такъ значительно удлиняется на верхней части шеи, на плечахъ и вдоль спины до крестца, что принимаетъ видъ гривы, но особенно разрастается онъ на передней сторонѣ, гдѣ образуетъ не только густую бороду, но свѣшивается ниже шеи и по всей груди въ видѣ бахромы: у старыхъ козловъ волосы висятъ даже до ступней. Отъ спины къ животу они постепенно укорачиваются до ногъ, гдѣ, какъ и на носу, они всегдѣ короткіе. Длинные волосы мѣха—волнисты, а короткіе—гладки и ровны. Смотря по времени года, окраска ихъ мѣняется. Въ лѣтнемъ мѣхѣ преобладаетъ свѣтло-чалый или свѣтло-сѣро-бурый цвѣтъ, который на верхней части головы и на ногахъ дѣлается темнѣе, борода-же и хвостъ, обросшіи съ обѣихъ сторонъ волосами, темно-бурого цвѣта; длинноволосая часть мѣха испещрена волнистыми линиями, что происходитъ влѣдствіе того, что здѣсь многіе изъ волосъ, по большей части одноцвѣтныхъ, имѣютъ бурые кончики, которые, прикрываясь, вызываютъ упомянутое явленіе. Темная окраска ногъ сильнѣе всего выступаетъ на передней сторонѣ, откуда она распространяется по всеѣмъ ногамъ, до ступней, которыя свѣтлѣе. Внутренняя сторона ногъ и задняя сторона туловища свѣтлѣе, почти сѣровато-бѣлыя. Къ змѣѣ концы блѣднѣютъ, и густо разросшіея подшерстокъ выступаетъ тогда сильнѣе, отчего весь мѣхъ кажется гораздо свѣтлѣе, чѣмъ лѣтомъ. Рога свѣтло-сѣраго цвѣта, копыта и ложныя копыта черныя; радужная оболочка бронзоваго цвѣта. Коза значительно меньше козла по величинѣ, но не отличается отъ него по окраскѣ.

Винторогій козель былъ открытъ въ первый разъ барономъ Гюгелемъ на высочайшихъ горахъ Тибета, и названіе получилъ въ честь его друга Фальконера; подъ этимъ названіемъ онъ и былъ описанъ въ 1839 г. Вагнеромъ. Одновременно съ этимъ, именно въ 1840 г., съ козломъ этимъ ознакомился Винъ и также описалъ его, избравъ для научнаго опредѣленія животнаго употребительное мѣстное названіе «**Большерогій козель**». Отъ обоихъ путешественниковъ мы узнаемъ собственно только то, что этотъ козель живетъ на высочайшихъ горахъ своей родины; часто также показывается на низкихъ, но неприступныхъ скалахъ по близости воды, откуда и произошло его названіе тзура; туземцы думаютъ, что онъ есть змѣй, почему онъ и названъ марь-куръ (змѣѣдъ). Первое обстоятельное сообщеніе объ этомъ животномъ даетъ Адамсъ.

Отечествомъ винторогаго козла служатъ западная часть Гиммалайскихъ горъ и сѣверный Афганистанъ, можетъ быть до самой Персіи. Онъ водится въ Солимановыхъ горахъ и, по всей вѣроятности, также въ Гиндукушѣ, по всему Кашмиру и еще восточнѣе, вѣроятно на тибетской сторонѣ Гиммалая. Внутри посьщенной Адамсомъ области онъ встрѣчается маленькими группами, обыкновенно на бѣдныхъ растительностью и скалистыхъ горахъ, выше или ниже, смотря по времени года. О новѣйшихъ сообщеніяхъ Кинлоха уже говорилось выше. Образъ жизни винторогаго козла въ общемъ сходенъ съ жизнью скина или гиммалайскаго козерога и вообще всѣхъ дикихъ козловъ; однако скинъ и маркуръ только въ видѣ исключенія встрѣчаются въ одной и той-же мѣстности, такъ какъ, по словамъ свѣдущихъ туземцевъ, они не уживаются другъ съ другомъ, а напротивъ, какъ только сойдутся, тотчасъ поднимаютъ драку. Относительно народнаго повѣрья, характеризующаго винторогаго козла какъ змѣѣда, Адамсъ напрасно старался найти доводы, достаточно объясняющіе это повѣрье, и узнать только, что оно, несмотря на всю неосновательность, распространено между всѣми горными жителями. Кинлохъ тоже не добился никакого доказательства, которое подтверждало-бы справедливость такого мнѣнія, но, во всякомъ случаѣ, не опровергаетъ его.

Блайтъ признаетъ въ винторогомъ козлѣ ничто иное, какъ одичалую породу домашняго козла, но Адамсъ самымъ положительнымъ образомъ опровергаетъ это мнѣніе и рассматриваетъ маркура скорѣе какъ родоначальника нашего домашняго козла; новѣйшіе изслѣдователи соглашаются съ нимъ. Наблюденія, сдѣланныя надъ живымъ животнымъ, которое въ новѣйшее время снова было доставлено въ Европу и даже размножалось въ разныхъ зоологическихъ садахъ, болѣе содѣйствовали подтвержденію послѣдняго взгляда, чѣмъ перваго, такъ какъ винторогій козель вполне производитъ впечатлѣніе первобытнаго, а не перерожденнаго челоукомъ животнаго. Онъ проявляетъ тѣ-же качества, какъ и его родичи, въ особенности козероги и дикіе козлы, обнаруживаетъ такую-же силу, ловкость и проворство, такую-же предпримчивость, рѣзвость и любовь къ борбѣ и всѣ прочія отличительныя черты характера остальныхъ дикихъ козловъ, ни въ чемъ не различаясь отъ нихъ. Со сторожемъ своимъ онъ дружится лишь до извѣстной степени, добровольно не доходя однако до полнаго рабства. Въ молодости крайне веселый, задорный и игривый, но при этомъ все-таки осторожный и даже въ нѣкоторой степени робкій, съ возрастомъ онъ все больше и больше принимаетъ упрямый, вызывающій характеръ, свойственный всѣмъ козламъ, и подъ конецъ становится достойнымъ соперникомъ даже самаго сильваго мужчины.

* *
*

При попыткѣ выяснить вопросъ о происхожденіи нашей домашней козы и ея чрезвычайно многочисленныхъ породъ, исторія и преданіе оставляютъ насъ совершенно въ потемкахъ. Безоаровый и винторогій гиммалайскій козель, разумѣется, имѣютъ больше всего правъ считать себя праотцами этого полезнаго домашняго животнаго; но мы не можемъ опредѣлить, когда тотъ или другой видъ былъ приведенъ въ домашнее состояніе, имѣло-ли мѣсто скрещиваніе между обоими родами, когда впервые это случилось и какъ образовались настоящіе признаки породы. Во время перваго каменнаго періода домашняя коза въ Швейцаріи встрѣчалась чаще барана, но эта столь древняя порода ни въ какомъ отношеніи не отличалась отъ живущихъ въ настоящее время на Альпахъ обыкновенныхъ козъ. На египетскихъ памятникахъ мы можемъ сдѣлать почти такія-же наблюденія. «Мы находимъ», замѣчаетъ Дюмихень, «египетскую козу, изображенную на всѣхъ древнѣйшихъ па-

мятниковъ, но, насколько простираются наши знанія, мы узнаемъ посредствомъ рисунковъ и надписей, что съ древнѣйшихъ временъ козъ причисляли къ домашнимъ животнымъ древнихъ жителей Нильской долины, и во всякое время онѣ были главною составною частью ихъ стадъ. Въ изображеніяхъ и надписяхъ всѣхъ временъ египетскаго государства постоянно говорится о козахъ и козыхъ стадахъ, о пастьбѣ стадъ и козыхъ пастухахъ, о молокѣ и мясѣ козъ, объ ихъ мѣхѣ и кожѣ, изъ которой передъ повсемѣстнымъ употребленіемъ папируса, слѣдовательно въ древнѣйшія времена египетской исторіи, изготовлялся матеріалъ для письма. Когда въ исторіи говорится о древнихъ документахъ, то нерѣдко означается, что они были писаны на козловой кожѣ. Слово «Аръ» выражало собою въ египетскихъ письменахъ понятіе какъ козы, такъ равнымъ образомъ и козьею кожи; оно писалось въ обоихъ случаяхъ совсѣмъ одинаково и различалось только стоящимъ послѣ слова опредѣленнымъ знакомъ; знакъ этотъ означалъ приготовленную для надписей кожу животнаго и писанный на кожѣ документъ; этимъ же словомъ иногда обозначали цѣлый свитокъ рукописи. Одна замѣчательная надпись въ библиотекѣ при храмѣ Едфу говоритъ, что тамъ выставялись многочисленныя ящики, содержашіе въ себѣ папирусныя и кожаные свитки. Последніе и здѣсь обозначены словомъ «Аръ». На могильныхъ памятникахъ Гизеа и Сакхара, въ Сауейтъ-эль-Мейтинѣ и Бени-Гассанѣ, въ Сіутѣ, Оивахъ и Эль-Кабѣ всюду встрѣчаются изображенія козъ въ рисункахъ, характеризующихъ собою жизнь древнихъ египтянъ какъ сельскихъ хозяевъ».

«Я позволю себѣ привести здѣсь изслѣдованіе моего ученаго друга Гартмана, который обратилъ особенное вниманіе на домашнихъ животныхъ Египта и, какъ хорошій натуралистъ, сравнилъ животныхъ, изображенныхъ на египетскихъ памятникахъ, которыя встрѣчались во время его столь плодотворномъ для науки путешествіи въ сѣверо-восточную Африку съ нынѣ тамъ встрѣчающимися породами. Въ одномъ изъ историческихъ изданій въ 1864 г. Гартманъ напечаталъ свои труды, въ которыхъ онъ объ египетскихъ козахъ говоритъ слѣдующее: «Разводившіяся въ Египтѣ съ самыхъ древнихъ временъ между строителями пирамидъ, козы принадлежатъ къ **Эіопской** породѣ (*Capra hircus aethiopica*), которая родственна сирійской **Мамбрійской козѣ** (*Capra hircus mambrica*). Она характеризуется горбатымъ переносъемъ, длинными висячими ушами, густымъ, довольно длинноволосымъ мѣхомъ и длиннымъ висячимъ выменемъ; рога, которые образуютъ нѣсколько изворотовъ назадъ и впередъ, бываютъ у обоихъ половъ (но также могутъ и не быть у обоихъ половъ). Между ними особенно рѣзко отличаются двѣ породы: **Горбоносая Оиванская коза** (*Capra hircus thebaica*) и **Плосконосая Египетская** (*Capra hircus aegyptiaca*). Промежуточныя между обѣими формы часто встрѣчаются въ Египтѣ и Нубіи; продолжительныя скрещиванія производятъ нѣкоторыя помѣси то съ болѣе короткими, то съ болѣе длинными ушами, съ болѣе или менѣе горбатымъ носомъ, съ мясистыми сержками на шеѣ или безъ нихъ, такъ какъ скрещиванія этого животнаго съ **Ливійскою козою** (*Capra hircus libyca*) и сенаарскими ублюдками такъ-же, какъ и съ **Суданскою козою**—не рѣдки. Короткоухая египетская коза есть культивированная порода, полученная отъ искусственнаго подбора. Древніе въ большинствѣ случаевъ удачно изображали характеръ эіопской породы, и видно, что имъ были знакомы всѣ породы, кромѣ позднѣе появившейся короткоухой козы. Памятники въ Гизехъ указываютъ на ряду съ названною Фитцингеромъ **Оиванскою козою** (*Hircus thebaica*) также **Египетскую козу** (*Hircus aegyptiaca*). У всѣхъ козъ, изображенныхъ на этихъ памятникахъ, имѣется борода».

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что козы существовали уже съ самыхъ

древнихъ временъ и что онѣ ничѣмъ не отличались отъ живущихъ въ наши дни; это-то постоянство породы и затрудняетъ точное опредѣленіе ея происхожденія. Необыкновенная многочисленность этихъ породъ не даетъ въ настоящее время возможности составить полное перечисленіе ихъ, не говоря уже о строго научномъ и ясномъ описаніи всѣхъ ихъ. Каждый путешественникъ, который посѣтилъ мало изслѣдованныя до сихъ поръ страны внутренней Африки и Азіи, находитъ тамъ новыя породы козъ, и различіе между ними столь значительно, что многихъ изъ нихъ можно было разсматривать какъ отдѣльные виды. Фитцингеръ такъ и поступилъ, и родоначальниками домашней козы считаетъ слѣдующіе двѣнадцать видовъ или разновидностей: европейскую козу, варварійскую, суданскую, плоскорогоую, карликовую, ангорскую, кашмирскую, лохматую, непальскую, египетскую, мамбрійскую и оиванскую. Вышній видъ, величина, скручиваніе и ребристость роговъ, развитіе ушей и вымени, качество мѣха и т. п. столь-же различны у всѣхъ этихъ видовъ, какъ и величина ихъ тѣла, строеніе конечностей и окраска. Рога то вполнѣ достигаютъ величины и вѣса сильныхъ роговъ безоароваго козла, то слабѣе и сморщенные, то уменьшаются до размѣровъ маленькаго пенька; иногда даже ихъ совсѣмъ нѣтъ, или они удваиваются въ числѣ, такъ что у каждой козы ихъ по четыре; уши стоятъ торчкомъ или висятъ, направляются впередъ или назадъ, маленькія и красивыя или висятъ такими большими лопастями, что при ходьбѣ почти касаются земли. Кларкъ измѣрилъ такія уши у одной породы, живущей на островѣ св. Маврикія, и нашель, что при 12 см. ширины они имѣли 50 см. длины. По Гордону, какъ указываетъ и Дарвинъ, вымя значительно разнится у различныхъ породъ: у обыкновенной козы оно удлиненное, у ангорской—полукруглое, у сирійской и нубійской козъ двулопастное и т. д. Присутствіе межкопытныхъ железокъ на всѣхъ четырехъ ногахъ прежде служило отличительнымъ признакомъ барановъ, а отсутствіе ихъ—признакомъ козловъ; Ходжсонъ однако нашель, что у большинства гиммалайскихъ козъ эти железы на переднихъ ногахъ существуютъ. Одрикъ сообщаетъ намъ, что встрѣчающіяся въ сѣверо-западной Венгріи козы производятъ при ходьбѣ копытами трескъ, подобно тому, какъ сѣверные олени. Многія породы имѣютъ необыкновенно длинное руно съ шелковистымъ, тонкимъ подшерсткомъ; у другихъ на такомъ мѣхѣ бываютъ различныя приросты волосъ, въ видѣ гривы, боковыхъ пучковъ и т. п. Свойственный всѣмъ козламъ запахъ у нѣкоторыхъ видовъ усиливается до отвращенія, а у другихъ почти совсѣмъ утрачивается. Такимъ образомъ нельзя найти почти ни одного отличительнаго признака, который былъ-бы общимъ для всѣхъ породъ: несмотря на это всѣ виды удачно скрещиваются между собою и производятъ плодовитыхъ въ свою очередь ублюдковъ.

Было-бы совершенно бесполезно, если-бы даже размѣры нашей книги и позволяли это, описывать пространно всѣ эти безконечно-разнообразныя породы; тѣмъ не менѣе о нѣкоторыхъ изъ нихъ мы вкратцѣ поговоримъ.

* *

Какъ на самую благородную изъ всѣхъ породъ, мы, конечно, укажемъ прежде всего на **Ангорскую козу** (*Capra hircus angorensis*. Angoraziege. Chèvre angora), которая, по мнѣнію нѣкоторыхъ натуралистовъ, есть потомокъ винторогаго козла. Это—прекрасное крупное животное съ вытянутымъ стройнымъ туловищемъ, съ сильными ногами, короткой шеей и головой, съ своеобразно закрученными рогами и съ удивительнымъ мѣхомъ. Рога имѣются у обоихъ половъ. У козла они сплюснутые, не закрученные, съ острыми краями, и загибаются назадъ своими тупыми концами, идутъ обыкновенно отъ головы въ горизонтальномъ направленіи, обра-

зують широкій, двойной винтовой оборотъ и направляются концами вверхъ; такимъ образомъ они имѣють тройной выгибъ. У козы рога меньше, слабѣе, круглые и загнуты простой дугой; обыкновенно они не вздымаются надъ головой или шеей, а обвиваются около уха, т. е. просто изогнуты въ сторону, а затѣмъ впередъ и внизъ, причемъ доходящіе почти до глазъ концы ихъ направляются наружу. Только морда, уши и самая нижняя часть ногъ покрыты короткими, гладко прилегающими волосами; остальное руно, въ высшей степени роскошное, густое, длинное, тонкое.

Ангорская коза. *Capra hircus angorensis*. $\frac{1}{12}$ наст. вел.

мягкое, блестящее, шелковистое и курчавое, состоит преимущественно изъ подшерстка, который почти перерастаетъ скудные волоса ости. У обоихъ половъ имѣется довольно длинная борода, состоящая изъ прямыхъ жесткихъ волосъ. Преобладающая окраска мѣха у этой породы—ровная блестяще-бѣлая; изрѣдка встрѣчаются экземпляры, у которыхъ по свѣтлому фону разбросаны темныя пятна. Лѣтомъ руно вылѣзаетъ большими клочьями, но быстро вырастаетъ снова. Французскіе скотоводы нашли, что руно ангорской козы вѣситъ 1,25 и 2,50 kgr.

Ангорская коза, повидимому, была неизвѣстна древнимъ. Белонъ первый упоминаетъ объ этой густошерстой козѣ, руно которой тонко какъ шелкъ и бѣло

какъ снѣгъ и употреблялось на изготовленіе камлота. Названіе свое эта коза получила отъ одного маленькаго городка Ангоры въ турецкомъ Анатолійскомъ пацалыкѣ—въ Малой Азіи, который древнимъ былъ извѣстенъ по своему торговому значенію подъ именемъ Анкиры. Родина этихъ козъ—въ странѣ сухой и жаркой лѣтомъ и очень холодной зимою, хотя зима продолжается всего три или четыре мѣсяца. Когда на горахъ нельзя уже болѣе найти пищи, козъ переводятъ въ скверные хлѣва, а прочую часть года онѣ остаются на пастбищахъ. Козы въ высшей степени чувствительны, хотя худое содержаніе не способствуетъ тому, чтобы онѣ изнѣживались. Чистый, сухой воздухъ является необходимымъ условіемъ ихъ благосостоянія. Въ жаркое время года руно моютъ и чешутъ по нѣскольку разъ въ мѣсяць, чтобы поддержать его красоту и вызвать лучшій ростъ.

Количество козъ, разводимыхъ вообще въ Анатолиі, достигаетъ полумилліона. На одного козла приходится почти сотня козъ и даже болѣе. Стрижка козъ происходитъ въ апрѣлѣ и вслѣдъ затѣмъ шерсть, такъ называемая могорь, упаковывается. Одна Ангора доставляетъ почти миллионъ килограммовъ шерсти, стоимостью на 3,6 миллионъ марокъ. Часть ея расходуется на мѣстѣ и идетъ на изготовленіе толстыхъ матерій для мужского платья и тонкихъ — для женскаго, равнымъ образомъ на выдѣлку чулокъ и перчатокъ; вся остальная шерсть идетъ въ Англію. Въ Ангорѣ почти каждый житель занимается торговлею шерстью. Наблюденія показали, что тонкость руна уменьшается съ возрастомъ козы. У годовалыхъ животныхъ руно замѣчательно нѣжно; уже на второй годъ оно немного ухудшается; съ четвертаго же года быстро утрачиваетъ свои прежнія качества, а шестигодовалую козу слѣдуетъ убивать, потому-что она совсѣмъ уже не годна какъ производительница шерсти.

Еще съ перваго знакомства съ ангорскою козою дѣлали попытки акклиматизировать ее у насъ въ Европѣ. Испанское правительство въ 1765 г. привезло на Пиренейскій полуостровъ большое стадо ангорскихъ козъ; но что съ нимъ стало—никому неизвѣстно. Въ 1787 г. во французскія Альпы привезли нѣсколько сотенъ ангорскихъ козъ, которыя такъ удачно акклиматизировались тамъ, что сразу доставили большой барышъ. Затѣмъ ихъ доставили въ Тоскану и даже въ Швецію. Въ 1830 г. король Фердинандъ VII купилъ сотню ангорскихъ козъ, помѣстивъ ихъ сначала въ паркѣ замка Эль Ретиро близъ Мадрида, а потомъ перевелъ въ окрестности Эскуриала. Наблюденія показали, что въ этомъ, столь благопріятномъ для козъ краѣ шерсть отъ нихъ получилась такая-же тонкая, какъ и на мѣстѣ ихъ настоящаго отечества. Впослѣдствіи онѣ были завезены въ Южную Каролину, гдѣ акклиматизация ихъ также вполне удалась. Наконецъ, въ 1854 г. французское общество акклиматизаціи снова привезло ангорскихъ козъ во Францію, чтобы акклиматизировать здѣсь чужеземное животное, и до сихъ поръ не было никакой причины жаловаться на неудачи; увѣряютъ, что шерсть у козъ, родившихся во Франціи, даже тоньше, чѣмъ у ихъ предковъ. Только климатъ Франціи отразился на времени спариванія этихъ козъ. Въ началѣ своего водворенія здѣсь ангорскія козы спаривались въ октябрѣ, а впослѣдствіи стали спариваться въ сентябрѣ. Жары онѣ такъ-же мало боятся, какъ и большого холода; только вслѣдъ за стрижкой онѣ становятся настолько чувствительными, что простуда можетъ убить ихъ; сырость для нихъ положительно пагубна. По произведенному точному исчисленію выяснилось, что каждая коза даетъ ежегодно чистаго дохода 23,74 франка. Принимая во вниманіе, что во Франціи козы содержатся не на подножномъ корму, а въ хлѣвахъ, надо думать, что разведеніе ихъ въ странахъ съ сухимъ климатомъ, какъ Испанія, Алжиръ и т. п., дастъ еще большіе барыши. Уже теперь доказано, что разведеніе козъ го-

раздо выгоднѣе, чѣмъ овецъ, и надо ожидать, что это драгоцѣнное животное все больше и больше будетъ распространяться.

На Капландѣ ангорская коза также отлично привилась. Еще прежде Гендерсонъ, Уайтъ и другіе привозили сюда нѣсколькихъ козъ, а въ 1856 г. братьямъ Мозенталь удалось приобрести много ангорскихъ козъ самой чистой породы. Другіе продолжали это дѣло, и спросъ на козъ такъ поднялся, что въ 1880 г. за лучшихъ, недавно привезенныхъ козловъ платили отъ 2000 до 8000 марокъ. Приплодъ удался какъ нельзя лучше, и животныя отлично размножались. Вывозъ могоровой шерсти возросталъ удивительно быстро: въ 1862 г. онъ простирался всего до 500 kgr., а въ 1885 г. уже до 2,4 милліона kgr., стоимостью болѣе, чѣмъ въ 4 милліона марокъ. Поэтому нечего удивляться, что капландцы надѣются превзойти азиатъ въ количествѣ и въ качествѣ вырабатываемой у нихъ могоровой шерсти.

Почти столь-же драгоцѣнна, какъ только-что описанная, **Кашмирская коза** (*Capra hircus laniger. Kaschmirziege. Chèvre du Cachmire*), довольно маленькое, но очень стройное животное, длиною приблизительно въ 1,5 м., а высоту въ плечахъ 60 см. Туловище, опирающееся на крѣпкія ноги, вытянутое, спина округленная, крестецъ чуть-чуть выше зашейка; шея короткая, голова довольно толстая, глаза маленькіе, висячія уши немного длиннѣ половины головы; длинныя, сплюснутыя, винтообразно закрученныя рога имѣютъ съ передней стороны острые края, отъ корня загибаются въ стороны, затѣмъ поднимаются, направляясь косо назадъ, но концами снова изгибаются внутрь. Длинныя, прямыя, тонкіе и гладкіе волоса ости прикрываютъ короткій, необыкновенно тонкій, мягкій и пушистый подшерстокъ; только морда и уши покрыты короткою шерстью. Окраска измѣняется. Обыкновенно все туловище серебристо-бѣлаго или чуть-чуть желтоватаго цвѣта; впрочемъ встрѣчаются и одноцвѣтныя кашмирскія козы, а именно чисто-бѣлыя, блѣдно-желтоватыя или свѣтло-бурыя, а также темно-бурыя и черныя. У животныхъ со свѣтлой окраской подшерстокъ бѣлый или бѣловато-сѣрый; при темной-же окраскѣ мѣха онъ—пепельно-сѣрый. Отъ Тибета область распространенія этой красивой козы простирается черезъ Бухару, до Киргизскихъ степей. Въ Бенгалію она завезена; въ Тибетскихъ горахъ, откуда ее не изгоняетъ даже зима и самыя жестокіе холода, она попадаетъ часто.

Долгое время находились въ сомнѣніи, отъ какого животнаго пользуются шерстью, идущею на изготовленіе тончайшихъ шерстяныхъ тканей, пока французскій докторъ Бернье, который въ 1664 г., находясь въ свѣтъ Великаго Могола, посѣтилъ Тибетъ, не узналъ, что такую шерсть доставляютъ два вида козъ, изъ которыхъ одинъ живетъ въ дикомъ состояніи, а другой—въ домашнемъ. Впослѣдствіи армянскій купецъ, ѣздившій въ Кашмиръ по порученію одного турецкаго торговаго дома, сообщилъ, что ту тонкую шерсть, какую употребляютъ на ткани кашмирскіе ткачи, доставляютъ козы, живущія исключительно въ Тибетѣ. Козы доставляютъ шерсти больше по количеству, чѣмъ козы, но зато не такую тонкую. Стрижка животныхъ происходитъ въ маѣ и іюнѣ. Полученную шерсть очищаютъ и отдѣленные волоса ости идутъ на изготовленіе обыкновенныхъ матерій, а подшерстокъ подвергается вторичному старательному пересмотру и сортировкѣ. Большой спросъ существуетъ на чисто-бѣлую шерсть, которая обладаетъ блескомъ и красотою настоящего шелка. Съ одного животнаго снимаютъ около 0,3—0,4 kgr. годнаго къ употребленію пуха.

Во время владычества Великаго Могола въ Кашмирѣ находилось 40,000 ткацкихъ заведеній, гдѣ ткались шали; но постепенно эта значительная отрасль промы-

шленности ослабѣла, такъ что изъ 60,000 рабочихъ, которымъ эти ткацкія заведенія доставляли средства къ существованію, тысячи вынуждены были эмигрировать по недостатку заработка на мѣстѣ. И по-сейчасъ ткацкое производство въ Кашмирѣ не можетъ поправиться.

Весьма понятно, что съ самыхъ отдаленныхъ временъ европейцы стремились акклиматизировать у себя въ Европѣ это выгодное животное. Терво, который ввелъ во Франціи ткацкія заведенія для шалей, возымѣлъ мысль перевести на свою родину кашмирскихъ козь, а Жоберъ предложилъ ему свои услуги по этой части. Въ 1818 г. онъ отправился въ Одессу, гдѣ узналъ, что кочевники держатъ кашмирскихъ козь въ степяхъ между Астраханью и Оренбургомъ; тогда онъ поѣхалъ въ указанные степи, изслѣдовалъ качество пуха, снятаго съ мѣстныхъ козь и, убѣдившись такимъ образомъ въ достоинствѣ животныхъ, купилъ ихъ 1300 головъ. Купленное стадо онъ перевезъ въ Крымъ, въ Оеодосію, нагрузилъ имъ судно и въ апрѣлѣ 1819 г. высадился въ Марсели. Однако такое длинное, тяжелое морское путешествіе выдержали всего 400 козь, да и тѣ оказались такими изнуренными, что было мало надежды имѣть отъ нихъ приплодъ. Въ особенности пострадали козлы. По счастью какъ разъ въ это время французскіе натуралисты Діардъ и Дювосель прислали въ Парижскій зоологическій садъ здороваго, сильнаго самца кашмирской козы, полученнаго ими въ подарокъ въ Индіи. Онъ-то и былъ родоначальникомъ всѣхъ кашмирскихъ козь, живущихъ въ настоящее время во Франціи, который доставилъ странѣ 12—16 милліоновъ марокъ лишняго дохода. Изъ Франціи кашмирская коза была перевезена въ Австрію и Вюртембергъ; только здѣсь, къ сожалѣнію, не удерживается отъ нея потомства *).

* * *

Мамбрійская коза (*Capra hircus mambrica*) по своему длинноволосому мѣху походить въ нѣкоторой степени на кашмирскую козу, но отличается отъ нея своими необыкновенно длинными отвислыми ушами, какихъ нѣтъ ни у какой другой породы. Мамбрійская коза велика ростомъ и высока, но туловище ея сжато; довольно вытянутая голова на лбу чуть-чуть припухши, именно вдоль переносья. Оба пола имѣютъ рога, козелъ обыкновенно болѣе сильные и извилистые, чѣмъ коза. Рога описываютъ полукругъ; концы ихъ загнуты впередъ и вверхъ. Глаза маленькіе; уши почти въ полтора раза длиннѣе головы, относительно тонкія, тупо закругленные и на концахъ выгнутыя немного наружу. Роскошный, густой, лохматый, шелковисто-блестящій мѣхъ покрываетъ все тѣло, за исключеніемъ морды, ушей и нижней части ногъ, которыя обросши короткими волосами. У обоихъ половъ за мѣтна не особенно длинная и довольно рѣдкая борода.

Козы этой породы уже тысячи лѣтъ тому назадъ приведены въ домашнее состояніе, такъ что ихъ зналъ уже Аристотель. Въ настоящее время онѣ водятся въ большомъ количествѣ по близости Алеппо и Дамаска. Изъ Малой Азіи онѣ распространились по значительной части земного шара; ихъ во множествѣ держатъ киргизскіе татары, которые имѣютъ обыкновеніе срѣзать имъ длинныя уши болѣе, чѣмъ на-половину, чтобы при пастбѣ они не мѣшали имъ. О козахъ киргизскихъ степей Финшъ говоритъ, послѣ того какъ онъ описалъ бурдючную овцу. «Коза выглядитъ статнѣе овцы, съ которой зачастую держится вмѣстѣ, и иногда возбуждаетъ удивленіе. Это—крупныя, крѣпко сложенныя животныя съ короткой головой, длиною

*) Около Оренбурга изъ козяго пуха вяжутъ и ткуютъ очень легкіе и тонкіе платки, извѣстные подъ названіемъ Оренбургскихъ. Пухъ этотъ получается отъ козь кашмирской породы или ублюдковъ отъ нихъ.

бороною и сильнымъ развитіемъ, по большей части, бѣлыхъ волосъ, ниспадающихъ на туловищѣ до самаго колѣна, а на лбу—до глазъ, въ видѣ челки. Уши у нихъ висятія какъ у овецъ. Но самый характерный признакъ этой породы заключается въ своеобразномъ устройствѣ ихъ роговъ; они стоятъ по большей части торчкомъ, а концы ихъ заггибаются внутрь или закручиваются назадъ. Я не помню, чтобы встрѣчалъ когда-нибудь болѣе красивыхъ козъ, чѣмъ эти, если не считать прекрасныхъ длинно-шерстныхъ козъ, видѣнныхъ мною въ Болгаріи».

Теперь слѣдуетъ упомянуть о **Нильской** или **Египетской козѣ** (*Capra hircus aegyptica*. *Aegyptischeziege*. *Chèvre d'Egypte*), которая такъ часто попадаетъ изображенною на египетскихъ памятникахъ. Въ величинѣ она замѣтно уступаетъ нашей домашней козѣ, только у нея ноги выше, а рога короче; но особенно отличается она своею маленькою головою и горбатымъ носомъ. Роговъ обыкновенно нѣтъ у обоехъ половъ, а если есть, то они маленькіе, тонкіе, въ видѣ пеньковъ; бороды я также не видѣлъ у тѣхъ козъ, которыхъ мнѣ пришлось наблюдать. Относительно маленькіе глаза, тонкія, щелевидныя ноздри, тонкія, тупо-округленныя и плоскія уши, длиною почти съ голову и висятія въ видѣ лопастей, отвислыя сережки на шеѣ и гладкая, ровная, большею частью ярко-рыже-бурая окраска мѣха, переходящая на бедрахъ въ болѣе желтую,—составляютъ дальнѣйшіе отличительные признаки этой породы. Аспидно-сѣрыя или пятнистыя нильскія козы принадлежатъ къ рѣдкимъ явленіямъ. Пятна обыкновенно бываютъ почти круглыя и свѣтлѣе основной окраски.

Это животное разводится повсюду въ нижней Нильской долинѣ и распространяется до средней Нубіи, откуда уже начинается нижеслѣдующая порода.

Карликовая коза (*Capra hircus reversa*. *Zwergziege*. *Chèvre naine*)—животное не болѣе 70-ти см. длины, 50 см. высоты въ загривкѣ и не больше 25 kgr. вѣса—представляетъ собою граціознѣйшее созданіе въ цѣломъ родѣ. Туловище этой козы, опирающееся на короткія и сильныя ноги, сжатое; относительно широкая голова носить у обоехъ половъ короткіе, только въ палецъ длиною рога, которые у корня слегка заггибаются назадъ и наружу, а въ своей верхней трети снова чуть-чуть заворачиваются впередъ. Довольно короткій, но густой мѣхъ имѣетъ обыкновенно темную окраску, въ которой преобладаютъ смѣшанные черный и рыжеваточалый цвѣта. Часто бываетъ, что все тѣло испещрено по темному фону бѣлыми пятнами или крапинами. Черепъ, затылокъ, переносье и полоса, идущая вдоль спины, обыкновенно черныя, бока бѣловато-чалые. Отъ горла спускается на грудь черная полоса, которая здѣсь раздѣляется и расходится къ плечамъ, окружая ихъ до зашейка. Нижняя и внутренняя стороны черныя до широкой бѣлой полосы, которая проходитъ черезъ середину брюха. Рыжеватыя, желто-бурыя и совершенно черныя карликовыя козы встрѣчаются рѣдко.

Отечествомъ этой породы мы могли-бы признать все страны, лежація между Бѣлымъ Ниломъ и Нигеромъ. Въ долинѣ Бѣлаго Нила я встрѣчалъ карликовыхъ козъ въ большомъ количествѣ; Швейнфуртъ находилъ эту породу и еще другую, стоящую близко къ ней и очевидно принадлежащую къ тому-же виду, распространенною до внутренней Африки; несомнѣнно, что эти козы заходятъ и въ западныя береговныя мѣстности.

* * *

Благодаря всеми признанной пользы домашней козы, она въ настоящее время распространена почти по всей землѣ, по крайней мѣрѣ находится у всѣхъ народовъ, ведущихъ мало-мальски правильно-осѣдлую жизнь. Онѣ живутъ при самыхъ раз-

нообразныхъ условіяхъ, большею частью какъ свободныя стадныя животныя, которыя днемъ на волѣ разгуливаютъ по своимъ пастбищамъ, ночью-же содержатся подъ присмотромъ челоѣка. Одичалыя козы встрѣчаются тамъ и сямъ въ южно-азіатскихъ горахъ и на отдѣльныхъ маленькихъ островахъ Средиземнаго моря, какъ напримѣръ на островѣ Таволара близъ Сардиніи, гдѣ Ла Мармора наблюдалъ и убивалъ ихъ. По его словамъ, между этими удивительными козами, отличающимися своими мощными рогами и живущими безъ всякаго челоѣческаго присмотра и вліянія, попадаются бѣлые, черные, пятнистые и красно-бурые экземпляры; поэтому не подлежитъ никакому сомнѣнію, что это не дикія, а одичалыя козы.

Многочисленныя козы Робинзона острова въ Тихомъ океанѣ (на которомъ пять или шесть разъ разыгрывались робинзонады и между ними—самая извѣстная, описанная въ книгѣ Дефѣ) происходятъ отъ нѣсколькихъ особей, которыхъ тамъ водворилъ въ 1563 г. Хуанъ-Фернандецъ, открывшій этотъ островъ. Эти козы необыкновенно размножились въ ихъ новомъ, вполнѣ соответствовавшемъ ихъ привычкамъ гористомъ отечествѣ; но такъ какъ онѣ стали служить желанной добычей для случайно пристававшихъ къ этому острову враговъ испанцевъ, которые пользовались ими для продовольствія своего экипажа, то испанцы, чтобы истребить козъ, напустили на островъ собакъ. Эти послѣднія такъ значительно уменьшили численность козъ, что лордъ Ансонъ, который въ 1741 г. провель на Хуанъ-Фернандецъ два мѣсяца, съ іюня до сентября, вмѣстѣ со своей эскадрой, сильно заболѣвшей цынгой, насчиталъ всего только 200 головъ козъ, находившихся въ то время на островѣ и жившихъ небольшими стадами въ 20—30 штукъ. Лордъ Ансонъ описываетъ въ качествѣ очевидца, какъ находившіяся на этомъ островѣ и также одичалыя собаки нападали на козъ и какъ тѣ защищались. Онъ видѣлъ, какъ множество собакъ бросилось по горному склону, и замѣтилъ на вершинѣ стадо козъ. Когда тѣ увидѣли собакъ, то отступили къ мѣсту, тропинка къ которому шла по узкому карнизу. Здѣсь выступилъ козель-вожакъ и сталъ въ выжидательномъ положеніи, готовый каждаго приблизившагося преслѣдователя свергнуть въ пропасть. Собаки приблизились на 20 или 30 шаговъ, но не отваживались ступить на опасную, хорошо защищенную тропу и улеглись на землѣ, окончательно отказавшись отъ своего намѣренія. По отношеніи людей козы держались такъ трусливо, что команда Ансона едва могла добыть среднимъ числомъ одну козу въ день. Когда, 25 лѣтъ тому назадъ, Пехуаль-Лѣше посѣтилъ этотъ островъ, тамъ уже не попадалось больше одичалыхъ собакъ, а козъ, несмотря на то, что на нихъ усердно охотились, было опять больше, чѣмъ во время лорда Ансона. Онѣ выглядѣли очень робкими и держались исключительно на неприступныхъ мѣстностяхъ; окраска ихъ была сплошная красновато-бурая, изрѣдка попадались только отдѣльные экземпляры съ грязно-бѣлыми пятнами или крапинами, какъ у оленей. А. Эрмель, посѣтившій въ 1885 г. островъ Хуанъ-Фернандецъ, сообщаетъ, что колонисты, населяющіе островъ въ настоящее время, усердно занимаются не совсѣмъ безопасною охотою на козъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ и выдрессированными для этой цѣли собаками. По его словамъ, сосѣдній съ этимъ и не населенный вслѣдствіе своей неприступности островъ Санта-Клара также изобилуетъ козами. При случаѣ охотились и на этихъ козъ, особенно когда буйные каторжники были переведены сюда съ острова Хуанъ-Фернандца, который служилъ мѣстомъ ссылки преступниковъ изъ Чили.

Коза создана для горъ. Чѣмъ гора круче, уединеннѣе и недоступнѣе, тѣмъ лучше коза себя тамъ чувствуетъ. На югѣ Европы и въ прочихъ умѣренныхъ стра-

нахъ другихъ частей свѣта, бродя по горамъ, трудно не встрѣтить стада козъ; кто бывалъ въ Вартбургѣ, тотъ и въ Германіи могъ полюбоваться на ихъ жизнь. Онѣ способствуютъ оживленію самыхъ пустынныхъ скалъ и умѣютъ дѣлать привлекательными самыя унылыя мѣстности.

Всѣ качества козъ отличаютъ ихъ отъ столь родственныхъ имъ овецъ. Это — рѣзвое, веселое, любопытное, задорное созданіе, расположенное къ забавнымъ шалостямъ и могущее доставить большое удовольствіе всякому наблюдателю. Ленцъ отлично охарактеризовалъ козъ: «Уже двухъ-недѣльная козочка,» говоритъ онъ, «проявляетъ большую охоту къ разнымъ удивительнымъ прыжкамъ и отваживается на всякія опасныя похожденія. Инстинктъ влечетъ ее къ вершинамъ. Самое большое для нея удовольствіе — лазать по кучамъ дровъ или камней, по стѣнамъ или скаламъ, взбираться по лѣстницамъ и т. п. Часто случается, что она даже не въ состояніи снова спуститься внизъ съ той высоты, на которую взобралась. Ей незнакомо никакое головокруженіе, и она съ полнымъ спокойствіемъ идетъ или ложится на узкомъ карнизѣ надъ самой опасной бездною. Ужасны бываютъ схватки, происходящія между рогатыми козлами и даже козами, которые въ первый разъ сходятся другъ съ другомъ. Трескъ сталкивающихся между собою роговъ раздается на далекомъ разстояніи. Они безпощадно бодаются прямо въ глаза, въ морду, въ брюхо, однимъ словомъ, куда попало, и, кажется, совсѣмъ не чувствуютъ боли; подобныя драки, продолжающіяся часто по четверти часа, не оставляютъ другихъ слѣдовъ, кромѣ красныхъ глазъ. Безрогія козы борются одинаково какъ съ рогатыми, такъ и съ безрогими противниками и не обращаютъ вниманія, если на головѣ или на лбу выступаетъ кровь. Безрогія иногда кусаются, но это не опасно. Ни одна изъ нихъ не дерется ногами. Когда козу, свыкшуюся при совместной жизни съ другими, отдѣляютъ отъ нихъ, то она принимается жалобно блеять и долгое время ничего не ѣстъ и не пьетъ. Подобно человѣку, у козъ бываютъ разные капризы: храбрѣйшая изъ нихъ иногда пугается самой пустяшной причины и сломя голову удираетъ отъ кажущейся опасности».

Козель во всемъ своемъ поведеніи проявляетъ важность и сановитость и отличается отъ козы положительною отвагой и большею рѣзвостью. «Когда дѣло касается до лакомствъ или игръ и боданья», говоритъ Чуди, «онъ прикладываетъ все свое хитроуміе. Баранъ только въ молодости выказываетъ веселый характеръ, такъ же какъ и козерогъ: у козловъ рѣзвость держится дольше, чѣмъ у этихъ послѣднихъ. Вовсе не будучи по существу своему задорными, они тѣмъ не менѣе охотно вызываютъ другихъ на поединокъ». Я съ удовольствіемъ вспоминаю объ одномъ сильномъ козлѣ, который постоянно лежалъ на нашей деревенской улицѣ, невозмутимо пережевывая жвачку. Это было въ веселое время школьной жизни, и мы, баловники, не могли пройти мимо, чтобы не затронуть покойно растянувшееся животное. Одинъ изъ насъ, толкая лежавшаго козла рукой, старался раздражить его и вызвать на драку. Тотъ медленно вставалъ, вытягивался и, послѣ нѣкотораго размышленія, становился передъ своимъ непріателемъ, и тогда дѣло принимало оборотъ болѣе серьезный, чѣмъ того желалъ мальчикъ. Козель гнался за нами по всей деревнѣ, крайне недовольный, что мы поворачивали къ нему спины. Если только кто-нибудь изъ насъ оборачивался къ нему лицомъ, то онъ моментально останавливался и многозначительно кивалъ головою. Прослѣдовавъ за нами въ продолженіи 10 минутъ и убѣдившись, къ своему великому сожалѣнію, что съ такими трусами со славою подраться нельзя, онъ бросалъ насъ и рысью убѣгалъ опять въ деревню, сердясь, что отъ него ушелъ случай показать храбрость.

Коза имѣетъ естественное влеченіе къ человѣку; по характеру своему она честолюбива и въ высшей степени воспримчива къ ласкамъ. Въ высокихъ горахъ она слѣдуетъ за путешественниками и, прося подачки, провожаетъ ихъ часто въ продолженіи получаса; того, кто ей хоть что-нибудь подастъ, она никогда не забываетъ и всегда дружески привѣтствуетъ, какъ только онъ показывается. Когда коза знаетъ, что хозяева ее любятъ, то она дѣлается ревнивою, какъ избалованная собака, и бодаетъ другихъ, если хозяинъ оказываетъ имъ предпочтеніе. При своемъ умѣ и понятливости, она отлично замѣчаетъ, когда человѣкъ обращается съ нею несправедливо или когда наказываетъ ее по заслугамъ. Прирученный козелъ охотно и съ готовностью возитъ на себѣ мальчиковъ, но съ другой стороны оказываетъ рѣшительное сопротивленіе, если его безъ толку мучатъ и дразнятъ. Смышленность этого прекраснаго животнаго простирается еще дальше. Извѣстно, что ученыя козы исполняютъ по приказанію разные фокусы, а что онѣ дѣлутъ, такъ сказать, выразительные отвѣты на предложенные вопросы, не будучи къ тому заранѣе подучены, это я могу подтвердить собственнымъ опытомъ. Моя мать держала козъ, очень дорожила ими и потому окружала ихъ заботливымъ уходомъ. Она сейчасъ-же могла узнать, удовлетворительно-ли чувствуютъ себя ея воспитанницы или нѣтъ; для этого она подходила къ окну и спрашивала ихъ, на что получала точный отвѣтъ. Если козы чувствовали себя хоть сколько-нибудь забытыми, то, слышавъ голосъ своей хозяйки, тотчасъ-же громко вскрикивали; въ другое время онѣ держали себя тихо. Почти такъ-же онѣ поступали въ тѣхъ случаяхъ, когда бывали наказаны за что-нибудь несправедливо. Когда онѣ однажды забрались въ садъ и были прогнаны съ цвѣточныхъ грядъ и отъ плодовыхъ деревьевъ нѣсколькими ударами бича, то онѣ не издали ни единого звука; если-же ихъ ударяла въ хлѣву служанка, то онѣ жалобно кричали.

Въ высокихъ горныхъ областяхъ Испаніи козъ, благодаря ихъ уму, употребляютъ въ качествѣ проводниковъ въ стадахъ овецъ. Дорогія овцы-мериносы пасутся тамъ въ продолженіи всего лѣта на высокихъ горахъ, на югѣ Испаніи часто на вершинахъ, лежащихъ на 2000—3000 м. надъ уровнемъ моря. Здѣсь пастухи совсѣмъ не могутъ обойтись безъ козъ; однако они смотрятъ на это столь полезное имъ животное только какъ на неизбежное зло, потому-что козы подстрекаютъ овецъ къ опасному лазанью.

Въ Греціи козы почти единственное домашнее двукопытное животное, которое тамъ встрѣчаешь; онѣ оживляютъ всѣ горы и издали даютъ знать о себѣ путешественнику своимъ специфическимъ запахомъ. Во многихъ мѣстностяхъ козу предоставляютъ самой себѣ, такъ-же какъ почти повсемѣстно въ Альпахъ. Ихъ выгоняютъ на опредѣленные, очень дальнія пастбища, а осенью снова собираютъ, причемъ нерѣдко не хватаетъ нѣсколькихъ животныхъ; иногда имъ ежедневно или только разъ въ недѣлю посылаютъ съ работникомъ немного соли, которую онѣ нетерпѣливо ожидаютъ въ опредѣленный часъ и на опредѣленномъ, хорошо имъ знакомомъ камнѣ. Часто случается, что онѣ соединяются съ сернами и по цѣлымъ недѣлямъ проводятъ съ ними время въ свободномъ сожителствѣ. Такія съ дѣтства пасущіяся на горахъ козы ходятъ на своихъ дикихъ родичей не только по вѣншему виду, но также по увѣренности и смѣлости въ движеніяхъ; онѣ лазаютъ взапуски съ сернами и козерогами и такъ-же хорошо познаютъ жизнь въ горахъ съ ея радостями и горестями, съ ея прелестями и опасностями, какъ настоящее дикое горное животное. Въ Крайнихъ Альпахъ я по цѣлымъ часамъ наблюдалъ красивыхъ рыже-бурыхъ домашнихъ козъ почти съ такимъ-же наслажденіемъ, какое мнѣ доставляли серны. Онѣ пасутся безъ всякаго присмотра все

время небольшими группами, держатся определенных тропинокъ, приостанавливаются, избѣгаютъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ ихъ могутъ пришибить скатывающіеся камни, и обходятъ угрожающія опасности съ необыкновенною ловкостью и умѣньемъ. Дѣйствительно только въ рѣдкихъ случаяхъ, даже на самыхъ опасныхъ Альпахъ Каринтіи и Краины, козы бывають убиты падающими камнями или оканчивають свою жизнь на днѣ какой-нибудь пропасти.

Во внутренней Африкѣ козы также пасутся предоставленныя собственному благоусмотрѣнію, но вечеромъ все-таки загоняются въ такъ называемыя серобы—плетни изъ колючихъ растений,—гдѣ онѣ защищены отъ нападенія хищныхъ животныхъ. Нерѣдко тамъ встрѣчаютъ значительныя стада козь, изъ которыхъ половина буквально взлѣзаетъ на деревья, въ то время какъ другія пасутся на землѣ. Изъ всѣхъ козь, которыхъ я изучалъ, карликовая коза показала мнѣ наиболѣе подвижною и ловкою, такъ какъ, къ моему немалому удивленію, она доказала мнѣ, что жвачныя животныя могутъ взбираться на деревья. Привлекательное зрѣлище представляется глазамъ наблюдателя, когда 5—10 такихъ маленькихъ козь разсѣиваются по верхушкѣ большой акаціи. Какой-нибудь косо-наклоненный стволъ даетъ имъ возможность взлѣзть на верхушку, а тамъ сучья и вѣтви образуютъ дальнѣйшій путь. Часто это смѣлое созданіе можно видѣть въ положеніяхъ, которые почти невѣроятны для жвачнаго животнаго: коза стоитъ каждой изъ своихъ четырехъ ногъ на особомъ сучкѣ и, безопасно покачиваясь на своемъ шаткомъ помостѣ, умѣетъ не только поддерживать равновѣсіе, но, при необходимости, даже вытягиваться, нагибаясь, чтобы достать сочный листъ мимозы. Когда карликовымъ козамъ, во время ихъ странствованій по деревьямъ, приходится пробираться между зонтикообразными кустами степной растительности, которые затрудняютъ имъ восхождение, онѣ приподнимаются большею частью на задніи ноги и выглядятъ такъ странно, по словамъ Швейнфурта, что, при наблюденіи издали, походятъ на человѣческія фигуры. Тотъ, кто приблизится къ такому дереву, бываетъ внезапно окруженъ болѣе или менѣе значительнымъ числомъ рѣзвыхъ созданій, которые, по обычаю своей породы, у каждого подошедшаго къ нимъ человѣка просятъ подачки.

Въ южномъ Марокко, гдѣ произрастаетъ развѣтвляющееся почти съ самаго своего основанія аргановое дерево (*Argania sideroxyloïon*), которое своими раскидистыми сучьями доставляетъ большія удобства для лазанія, козы особенно часто упражняются въ своемъ лазальномъ искусствѣ; Яннашъ это описываетъ слѣдующимъ образомъ: «Мы были немало удивлены, когда во время нашего путешествія черезъ Анти-Атласъ и Зусъ, на высотѣ 10 м., мы замѣтили на верхушкахъ деревьевъ, между которыми проѣзжали верхомъ, 20 и даже болѣе козь во всевозможныхъ положеніяхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, стоя прямо, какъ палка, на заднихъ ногахъ, пытались обглодать листья верхнихъ свѣшивавшихся вѣтвей; другія въ безмятежномъ спокойствіи спали на высочайшихъ сучьяхъ, качавшихся отъ сильнаго вѣтра. Мы ударили по стволу и этимъ побезпокоили животныхъ, которые стремительными прыжками бросились съ верхнихъ качающихся вѣтвей на нижніе сучья, а оттуда соскользнули или прямо свалились на землю. При этомъ животныя издавали своеобразные звуки, похожія на «кудулу пурць, пурць, пурць, кудулу пурць, пурць, пурць,» которые я никогда не слыхалъ у европейскихъ козь.» Мясистый плодъ аргановаго дерева содержитъ въ себѣ орѣхъ съ твердой скорлупой, изъ зерна котораго жители нѣкоторыхъ областей выдѣлываютъ цѣнное масло, идущее на кушанье. Въ этомъ дѣлѣ, по словамъ сира Иозефа Гукера, помимо другихъ домашнихъ животныхъ, туземцамъ оказываютъ содѣйствіе также козы, которыя страстно любятъ эти плоды; при дѣлѣ у нихъ переваривается

только мясистая оболочка плода, орѣхъ-же потомъ при отрыгиваніи жвачки онѣ выбрасываютъ, такъ что; очищенные отъ оболочки, эти орѣхи собираются хозяевами.

Въ западной Африкѣ козы тоже бѣгаютъ на волѣ, взбираются на низкія деревья съ косыми стволами и перелѣзаютъ даже черезъ поперечныя загородки, но тамъ, гдѣ попадаются леопарды—ихъ злѣйшіе враги, по ночамъ ихъ старательно стерегутъ. Онѣ преданы какъ своимъ хозяевамъ, такъ и европейцамъ; путешественникъ, который ведетъ въ своемъ караванѣ козъ, въ крайнемъ случаѣ только вначалѣ долженъ позаботиться о нихъ, потому-что черезъ нѣсколько дней козы совершенно свыкаются съ караваномъ. По ночамъ онѣ довѣрчиво толпятся вмѣстѣ съ людьми у лагернаго очага и выскиваютъ себѣ наиболѣе уютное и тепленькое мѣстечко. При переходахъ однако,—это относится также и къ южно-африканскимъ козамъ—онѣ обнаруживаютъ гораздо меньшую выносливость, чѣмъ бараны. Въ общемъ онѣ отважны, упрямы и очень лакомы при выборѣ пищи. «Отвага этого животнаго», пишетъ Пехуэль-Леше, «по нашему понятію положительно необыкновенна; сильнѣйшія въ стадѣ заступаются за слабыхъ, и европейскія пастушьи собаки положительно не могутъ съ ними сладить. Наша злющая овчарка лучшей померанской породы отказывалась отправлять свою службу при стадѣ: ее слишкомъ часто сшибали съ ногъ даже козы, такъ-что она должна была обращаться въ постыдное бѣгство. Еще хуже приходилось чистокровному злому бульдогу, котораго въ факторіи одного португальца натравливали на нѣсколькихъ козъ. Онъ уже хорошо зналъ своихъ противниковъ и не отважился нападать на нихъ, а только скакалъ вокругъ нихъ съ громкимъ лаемъ. Въ концѣ концовъ вожаку-козлу надоѣдало это, онъ внезапно наскочивалъ на сильную собаку, опрокидывалъ ее, подымалъ на рога и отбрасывалъ на шесть шаговъ впередъ. Прежде чѣмъ сброшенная собака могла подняться, побѣдитель снова былъ надъ нею, и тутъ уже оказывалось необходимымъ вмѣшательство хозяина, чтобы спасти бульдога отъ серьезныхъ пораненій».

Въ Америку козъ завезли сначала европейцы. Въ настоящее время онѣ распространены одинаково какъ въ Сѣверной, такъ и въ Южной частяхъ Новаго Свѣта: однако разведеніемъ ихъ не вездѣ занимаются съ одинаковымъ усердіемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ это дѣло совсѣмъ въ забросѣ, какъ напримѣръ въ Перу и Парагваѣ, въ Бразиліи и Суринамѣ, тогда какъ въ Чили, напротивъ, о немъ очень радѣютъ. Въ Австралію это полезное животное также ввезено и достигло тамъ значительнаго распространенія.

По сдѣланнымъ наблюденіямъ, въ Германіи коза ѣсть изъ 576 сортовъ мѣстныхъ растений—449. При ѣдѣ особенно ярко выступаютъ ея непостоянство и прихотливость; она вѣчно бросается на новое кушанье, пощипываетъ вездѣ понемножку, пробуетъ и лакомится то отъ того, то отъ другого растенія и никогда не бываетъ удовлетворена. Особенно она падка до древесной листвы и поэтому приноситъ въ хозяйствѣ значительный ущербъ. Надо удивляться, что она безъ всякихъ дурныхъ для себя послѣдствій ѣсть нѣкоторыя растенія, которыя безусловно вредны другимъ животнымъ, таковы: молочай, чистотѣль, волчецъ (*Daphne*) и колючникъ (*Carlina vulgaris*), очитокъ (*Sedum acre*), мать и мачиха (*Tussilago farfara*), мелисса, шалфей, пестрый болиголовъ, собачья петрушка и т. п. травы, и съ большимъ удовольствіемъ лакомится курительнымъ табакомъ, старыми окурками и т. п. Отъ употребленія молочая у нея обыкновенно дѣлается поносъ. Тисъ и наперсточная трава (*Digitalis*) для нея ядовиты. Всего больше она любитъ молодые листья и цвѣты стручковыхъ растеній, листья капусты, рѣпы и большинства деревьевъ; всего полезнѣе для козы тѣ растенія, которыя растутъ на сухихъ, залитыхъ солнцемъ, плодородныхъ возвышенностяхъ; луга, загаженные навозомъ или вообще какими-нибудь вонючими веще-

ствами, не могут служить козамъ пастбищами: онѣ брезгаютъ даже тѣми, которые уже давно унавожены. На свободѣ пасущіяся козы для питья пользуются только водою; тѣ-же, которыя содержатся въ хлѣвахъ, получаютъ тепловатое мѣсиво изъ ржаныхъ струбей, соли и воды.

Коза уже съ полугодовалого возраста способна къ размноженію. Половое возбужденіе, продолжающееся обыкновенно отъ сентября до ноября и иногда вторично проявляющееся въ маѣ, сопровождается постояннымъ бляньемъ и помахиваніемъ хвостомъ. Если желаніямъ ея оказываютъ въ это время препятствіе, то она слегка заболѣваетъ. Козель въ своемъ цвѣтущемъ возрастѣ, т. е. когда ему отъ 2—8 лѣтъ, во всякое время готовъ къ услугамъ сотни козъ. Спустя 21—22 недѣли послѣ спариванія коза производитъ на свѣтъ одного или двухъ, рѣже трехъ и только въ видѣ исключенія 4 или 5 дѣтенышей. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ рожденія козлята пробуждаются и начинаютъ искать материнское вымя; на слѣдующій день они уже бѣгаютъ, а черезъ 4—5 дней всюду слѣдуютъ за своею матерью. Растутъ они очень быстро: на второмъ мѣсяцѣ прорѣзываются рожки, а по прошествіи года козлята достигаютъ почти своего полного роста.

Польза козы, которая во многихъ мѣстностяхъ можетъ быть справедливо названа добрымъ другомъ бѣдныхъ людей, очень значительна. Содержаніе ея обходится дешево, лѣтомъ-же сводится, такъ сказать, къ нулю, а между тѣмъ она снабжаетъ домъ молокомъ и неимущимъ доставляетъ также навозъ для полей. Ленцъ, который весьма добросовѣстно дѣлалъ наблюденія объ удоѣ козъ, нашель, что каждая коза, при хорошемъ кормѣ, можетъ дать въ годъ 942 литра (около 1200 бут.) молока.

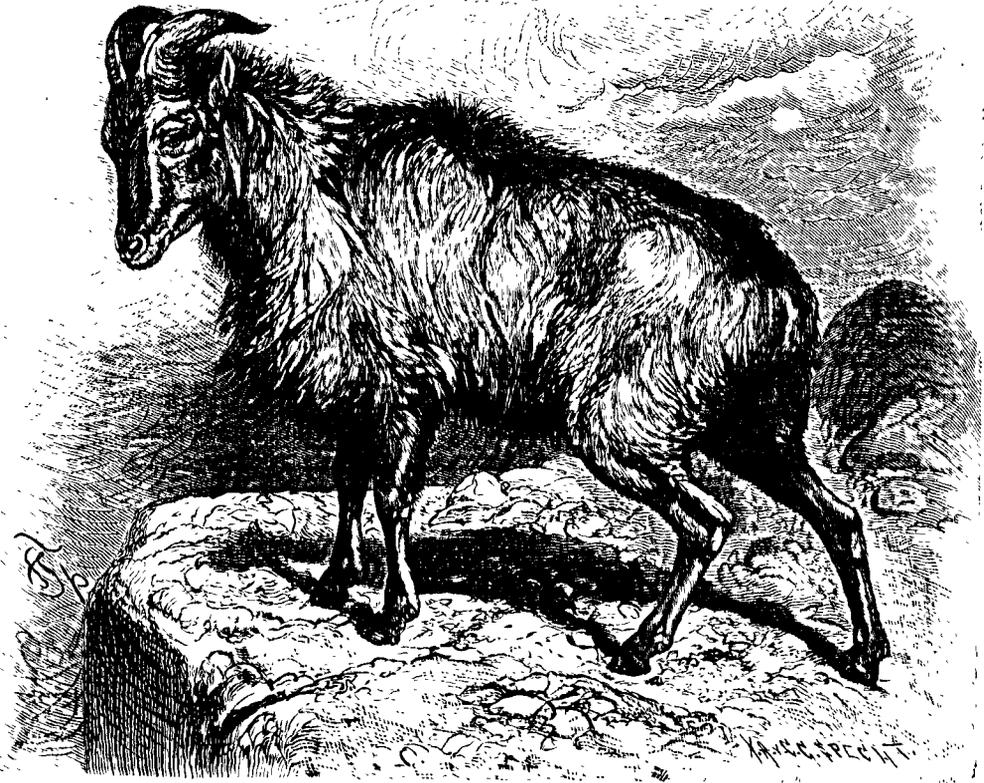
Мѣстами, въ Египтѣ на примѣръ, козъ съ переполненнымъ выменемъ держатъ у дверей молочныхъ лавочекъ и для всякаго желающаго доятъ козу тутъ-же у дверей. Покупатель имѣетъ ту выгоду, что получаетъ настоящее парное молоко, и купецъ не имѣетъ времени прибѣгать къ разнымъ ухищреніямъ по фальсификаціи молока. Въ Египтѣ, даже въ большихъ городахъ, можно зачастую встрѣтить на улицѣ женщину, за которой, бляя, бѣжитъ довольно многочисленное стадо козъ. Она выкрикиваетъ: «лебнъ, лебнъ хильве», т. е. «сладкое, сладкое молоко»; на этотъ крикъ тамъ и сямъ открываются калитки, и въ нихъ проскальзываютъ полузакрытыя покрывалами прислужницы или смуглый эіопъ, исполняющій должность повара въ домѣ какого-нибудь холостяка; покупатели садятся на корточкахъ на землю, торговка доитъ каждому по полной посудинѣ и затѣмъ отправляется дальше со своимъ бляющимъ стадомъ. Въ Суданѣ, какъ у кочевниковъ, такъ и у осѣдлыхъ жителей козъ доятъ два раза въ день; когда молоко слишкомъ накопится въ вымени, коза, какъ сумасшедшая, бѣжитъ къ простому шатру или дому своего хозяина, нужды нѣтъ, что сегодня этотъ шатеръ раскинутъ на одномъ мѣстѣ, а завтра совсѣмъ на другомъ, — коза всегда съ увѣренностью найдетъ краткосрочную стоянку своего хозяина.

Кромѣ молока и выдѣлываемаго изъ него масла и сыра, имѣющаго большое распространеніе въ Греціи, коза приноситъ пользу своимъ мясомъ, шкурою и рогами. Мясо молоденькихъ козлятъ очень вкусно, хотя иногда черезъ-чуръ уже нѣжно; мясо старыхъ козъ тоже недурно; и если мы не умѣемъ цѣнить его такъ, какъ другіе народы, то этимъ только оправдываемъ извѣстную пословицу, что «на вкусъ и цвѣтъ товарищей нѣтъ». Шкура идетъ на приготовленіе сафьяна, рѣже—на пергаментъ. Главнымъ источникомъ, доставляющимъ кожи лучшихъ сортовъ, является Востокъ. Изъ шкуръ козловъ тамъ готовятъ брюки и крѣпкія перчатки, въ Греціи—мѣха для вина, а въ Африкѣ—для воды. Всего выше цѣнятся въ кожевенномъ производствѣ шкуры обыкновенныхъ капскихъ козъ. Грубые волоса

мѣха кое-гдѣ употребляются на приготовленіе кистей или пряжи для вязанья. Рога идутъ у токарей на выдѣлку разныхъ вещей, а на Востокѣ и у полудикихъ народовъ такъ называемые знахари употребляютъ ихъ какъ кровоупускающее средство, вмѣсто банокъ. Такимъ образомъ это превосходное животное оказываетъ пользу какъ при жизни, такъ и послѣ смерти.

* * *

Представителемъ семейства **Полукозловъ** (*Hemitragus*) считается **Тарь**, какъ

Тарь. *Capra jemlaica*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

назвалъ это животное Гамильтонъ Смитъ, первый открывшій его. Отличительные признаки этого подрода заключаются въ сжатыхъ по сторонамъ и ребристыхъ спереди рогахъ, которые у самцовъ трехъ или четырехгранные и покрыты кольчатыми поперечными вальками, а у самокъ—болѣе округленные и морщинистые; кромѣ того—въ маленькомъ, големъ кончикѣ носа и въ томъ, что у самокъ четыре соска.

Тарь, называющійся въ Силлѣ **Теръ** или **Теръ**, въ Пеналѣ **Ихараль**, въ Кашмирѣ—**Красъ** и **Ягла** (*Capra jemlaica*, *Hemitragus jemlaicus*. Tahr.) представляетъ собою красивое, рослое животное, туловище котораго имѣетъ 1,8 м., а хвостъ 9 см. длины; высота въ зашейкѣ 87 см. Стерндаль опредѣляетъ высоту самца въ плечахъ даже въ 90—100 см. Въ отношеніи строенія своего тѣла тарь—настоящій

козель, такъ какъ даже рога, на которыхъ основывается главная родовая особенность, не выдѣляются значительнымъ отличіемъ отъ роговъ другихъ козловъ. Они стоятъ довольно высоко надъ глазами и у основанія своего очень близко одинъ отъ другого, поднимаются по косому направленію назадъ, почти прижимаясь къ макушкѣ, отклоняются одинъ отъ другого въ наружную сторону и въ своей послѣдней трети снова обращаются внутрь и внизъ, а самымъ кончикомъ опять наружу; въ поперечномъ разрѣзѣ они представляютъ треугольникъ, острымъ краемъ направленный впередъ; рога эти имѣютъ въ длину почти 60 см., а у козы гораздо меньше. Мѣхъ тара, состоящій изъ длинныхъ, грубыхъ волосъ ости и очень мягкаго, тонкаго подшерстка, по всему тѣлу очень густой, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже поразительно длинный. Морда, нижняя часть головы и ноги покрыты короткими волосами; шея, переднія бедра и задніе бока обросши длинною гривой, волоса которой достигаютъ 30 см. длины; у самки эти удлиненные пучки волосъ только намѣчены. Бороды у обоихъ половъ нѣтъ. По наблюденіямъ, сдѣланнымъ надъ козломъ Лондонскаго зоологическаго сада, лѣтній покровъ тѣла мало разнится отъ зимняго. Съ возрастомъ длина гривы замѣчательно увеличивается; мѣняется также и окраска. Старые козлы бѣловато-чало-бураго цвѣта и только отдѣльные мѣста на ихъ мѣхѣ темно-бурыя; широкая черная продольная полоса идетъ по лбу до конца морды и затѣмъ тянется вдоль всей спины до кончика хвоста. Козлята, какъ самцы, такъ и самки, темно-бураго цвѣта, а ноги ихъ, за исключеніемъ свѣтлой полосы на задней сторонѣ, почти черныя. Нерѣдко преобладающею окраскою бываетъ также блѣдная аспидно-сѣрая, къ которой по бокамъ подмѣшивается ржаво-красный цвѣтъ. Лобъ, верхняя сторона шеи и спины рыжіе или темно-бурые; горло, нижняя часть шеи, середина живота и внутренняя сторона конечностей грязно-желтыя съ аспидно-сѣрымъ налетомъ. Глаза окружены рыжей или темно-бурой полосой, которая отсюда расходится по сторонамъ морды и здѣсь, расширяясь, теряется; такое-же пятно находится на нижней челюсти. Рога и копыта—сѣровато-черныя. Нашъ рисунокъ изображаетъ молоденькаго козла Лондонскаго зоологическаго сада въ его лѣтнемъ одѣяніи. Таръ распространенъ по всему Гиммалайскому хребту, но водится только на значительныхъ высотахъ.

Маркгамъ даетъ описаніе мѣстопребыванія этого мало извѣстнаго животнаго. «Обыкновенное мѣстожительство тара», говоритъ онъ, «составляютъ скалистыя, изобилующія травой крутизны холмовъ, именно тѣ, на которыхъ не растутъ деревья; случается, что это животное поселяется и въ лѣсахъ, если почва ихъ кремнистая и скалистая. Если названныя мѣстности лежатъ на высотѣ, отстоящей болѣе чѣмъ на 2000 м. отъ поверхности моря, то лѣса на южныхъ и западныхъ склонахъ состоятъ преимущественно изъ дуба. Грунтъ тамъ сухой и обыкновенно кремнистый, деревья растутъ разрозненно, и низкая растительность имѣетъ здѣсь почти такой-же характеръ, какъ луга на безлѣсныхъ холмахъ этихъ возвышенностей. На сѣверной сторонѣ, гдѣ лѣса гуще и богаче деревьями, таръ никогда не встрѣчается, или только въ видѣ рѣдкихъ исключеній».

Относительно образа жизни тара на свободѣ до сихъ поръ еще очень мало свѣдѣній. По Адамсу, который часто встрѣчалъ его на горахъ въ Кашмирѣ, онъ держится стадами, день проводитъ въ лѣсахъ и въ тѣнистыхъ мѣстахъ, вечеромъ идетъ за кормомъ и нерѣдко пасется въ обществѣ винторогихъ козловъ.

Изъ охотничьихъ записокъ Кинлоха узнаемъ, что тары съ увѣренностью серны обходятъ наиболѣе опасныя мѣста скаль. Самокъ часто можно встрѣтить разгуливающими, старые-же козлы держатся преимущественно въ лѣсахъ и горныхъ ущельяхъ. Осенью животныя очень жирны, и козлы издають своеобразный запахъ, который

можно различить за 100 шаговъ. Кинлохъ отдаетъ предпочтеніе мясу самокъ въ ихъ тучное время, такъ какъ оно лишено этого специфическаго запаха.

Пойманные молодыми тары легко привыкаютъ къ домашней жизни, скоро приручаются, становятся такими-же веселыми, рѣзвыми и задорными, какъ остальные козлы и, по всей вѣроятности, могутъ безъ особеннаго труда превратиться въ совершенно домашнее животное. Въ Индіи многихъ изъ нихъ держали въ болѣе теплыхъ мѣстностяхъ и оказалось, что они безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій переносятъ несвойственный имъ климатъ. Кинлоху удалось, съ помощью туземнаго охотника, почти безъ труда поймать живьемъ и воспитать очень юнаго козленочка, котораго онъ нашелъ подлѣ его пасшейся матери. Онъ скоро сдѣлался его любимцемъ, былъ ручнымъ, какъ собака, но черезъ нѣсколько времени сталъ позволять себѣ разныя вольности; такъ напримѣръ, онъ любилъ прыгать между приборами накрытаго стола и присваивать приготовленный для обѣда хлѣбъ. Съ мелкимъ скотомъ тары скоро дружатся, и, повидимому, особенно охотно козлы сводятъ знакомство съ женскимъ поломъ—съ овцами и козами, съ большимъ сумасбродствомъ преслѣдуютъ ихъ и склонны заводить серьезныя ссоры съ козлами, которые не могутъ терпѣливо сносить постороннихъ вторженій въ ихъ права. Какъ ни рѣдко держали тара въ неволѣ, но все же успѣли сдѣлать наблюденіе, что онъ безъ всякихъ препятствій спаривается съ домашними козами и даже съ овцами; туземцы утверждаютъ, что для дикаго тара—козла самка мускусной кабарги также можетъ при случаѣ служить предметомъ ухаживанія. Однако такія тѣсныя отношенія не могутъ увѣнчаться желаемымъ успѣхомъ.

Изъ всѣхъ данныхъ слѣдуетъ, что тарь по характеру и по всему своему существу есть настоящій козелъ: онъ такой-же упрямый и рѣзвый, внимательный и самостоятельный, подвижный, неутомимый и осторожный, такой-же похотливый и потому большой задира и забіяка, какъ всѣ остальные виды этого рода.

* *
*

По строенію тѣла **Бараны** (*Ovis. Schafe. Moutons.*) стоятъ необыкновенно близко къ козламъ, въ нравственномъ-же отношеніи только дикіе виды обѣихъ группъ имѣютъ между собою сходство. Бараны отличаются отъ козловъ присутствіемъ слезныхъ ямокъ, плоскимъ лбомъ, угловатыми, почти трехгранными, спирально закрученными рогами съ поперечными складками, и отсутствіемъ бороды. Въ общемъ это—стройно сложенные животныя съ худощавымъ туловищемъ, тонкими, высокими ногами и короткимъ хвостомъ, съ головою, сильно суженною спереди, умѣренной величины глазами и ушами и косматымъ или шерстистымъ мѣхомъ. Въ скелетѣ незамѣтно значительнаго различія между ними и козлами, а равно антилопами и оленями; у барановъ 13 спинныхъ позвонковъ, 6 поясничныхъ и 3—22 хвостовыхъ. Внутреннее строеніе тѣла не представляетъ никакихъ особенностей.

Всѣ дикіе бараны живутъ на горахъ сѣвернаго полушарія. Область ихъ распространенія простирается отъ Азіи до южной Европы, Африки и сѣверной части Америки. Каждая горная цѣпь въ Азіи имѣетъ свой одинъ или даже нѣсколько видовъ; напротивъ, Европа, Африка и Америка очень бѣдны баранами и, насколько до сихъ поръ извѣстно, имѣютъ лишь всего по одному виду. Многіе виды очень близко подходятъ другъ къ другу и различіе основано главнымъ образомъ на рогахъ, устройствѣ, величинѣ и изгибѣ которыхъ разсматриваются какъ характерные признаки. У нѣкоторыхъ правый рогъ загибается отъ корня къ концу влѣво, а лѣвый—вправо: тогда концы роговъ выступаютъ наружу; у другихъ правый рогъ загибается въ правую сторону, а лѣвый—въ лѣвую: тогда концы роговъ направляютъ

ются назад и напоминают собою рога козловъ. Насколько основательно признанное и подтвержденное всѣми натуралистами раздѣленіе барановъ на виды, основанное на вышеупомянутыхъ различіяхъ въ рогахъ и другихъ признакахъ, въ настоящее время нельзя сказать съ увѣренностью; мы еще слишкомъ мало знакомы съ дикими баранами, чтобы рѣшить этотъ вопросъ. Но все-же несомнѣнно, что, несмотря на встрѣчающіяся немаловажныя измѣненія въ рогахъ одного и того-же вида, устройство роговъ несомнѣнно должно разсматриваться какъ одинъ изъ главныхъ отличительныхъ признаковъ для опредѣленія видовъ.

Всѣ бараны—настоящіе дѣти горъ и, повидимому, всего лучше чувствуютъ

Скелетъ муфлона.

себя на значительныхъ высотахъ; большая часть изъ нихъ поднимаются выше границы вѣчныхъ снѣговъ, нѣкоторые даже на возвышенности, стоящія на 6000 и 7000 м. надъ уровнемъ моря, гдѣ, кромѣ нихъ, могутъ существовать лишь козлы, одинъ видъ быковъ, кабарга и нѣкоторыя птицы. На равнинахъ живутъ только домашнія овцы, и по тѣмъ изъ нихъ, которыя водятся въ горныхъ мѣстностяхъ, сейчасъ можно узнать, какъ хорошо для нихъ приспособлена эта мѣстность. Мѣстожительствомъ дикихъ барановъ служатъ изобилующія травою пастбища или рѣдкіе лѣса, крутыя скалы и пустынные отлогости, среди которыхъ кое-гдѣ только попадается кустикъ. Смотря по времени года они переходятъ съ мѣста на мѣсто, съ вершинъ въ лоцины и обратно, лѣто заманиваетъ ихъ наверхъ, а холодная зима

загоняетъ въ болѣе теплыя мѣста, потому-что на высотахъ имъ нечѣмъ уже питаться. Пища барановъ состоитъ лѣтомъ изъ свѣжей, сочной альпійской растительности, зимою изъ мха, лишаяевъ и сухихъ травъ. Бараны большіе лакомки, когда имъ предоставляется богатый выборъ, и довольствуются до крайности малымъ, если этотъ выборъ скуденъ: такъ, зимою, сплошь и рядомъ, они поддерживаютъ свое существованіе только сухими травами, ростками, древесною корою и т. п., и такой недостатокъ въ пищѣ почти не отражается на ихъ благосостояніи.

На баранахъ болѣе, чѣмъ на другихъ домашнихъ животныхъ, за исключеніемъ можетъ быть только сѣвернаго оленя, видно, насколько рабство извращаетъ породу. Домашній баранъ представляетъ собою лишь далекій намекъ на дикаго. Козель и въ неволѣ сохраняетъ до нѣкоторой степени свою самостоятельность, баранъ же на службѣ у человѣка совершенно теряетъ самостоятельность и волю. Вся рѣзвость и проворство, вся подвижность и ловкость, его умѣнье лазать, осмысленное отношеніе ко всякой опасности и способность предотвращать ее, храбрость и стремленіе къ драмалнннн, — всѣ эти свойства характера дикаго барана совершенно утрачиваются у домашняго; онъ дѣлается прямою противоположностью своихъ свободныхъ собратьевъ. Эти послѣдніе во многомъ еще напоминаютъ рѣзвыхъ, умныхъ, бойкихъ и задорныхъ козловъ, такъ какъ походятъ на нихъ болышею частью своихъ качествъ и своею ловкостью, имѣютъ такой-же живой характеръ и ведутъ такой-же подвижный образъ жизни. Домашніе-же бараны, напротивъ, представляютъ изъ себя глуповатыхъ созданій и могутъ приводить въ восторгъ развѣ только сельскаго хозяина, который получаетъ большіе барыши отъ цѣннаго бараньяго руна. Безхарактерность этого животнаго отлично выражается во всемъ его образѣ жизни и привычкахъ. Сильнѣйшій баранъ трусливо отступаетъ передъ самой маленькой собакой; самое безобидное животное можетъ навести страхъ на цѣлое стадо; вся толпа слѣпо слѣдуетъ за своимъ вожакомъ, не обращая вниманія на то, выборный-ли онъ всего бараньяго стада или только случайно исполняетъ эту должность, бросается вслѣдъ за нимъ при явной опасности, прыгаетъ за нимъ въ шумный потокъ, хотя для всѣхъ очевидно, что каждый, отваживающійся на это, тутъ-же находитъ себѣ неизбѣжную смерть. Никакое другое животное нельзя обуздать съ такою легкостью, какъ домашняго барана, котораго поэтому очень легко пасти; онъ, повидимому, радуется, когда какое-нибудь другое созданіе снимаетъ съ него бремя заботъ о собственномъ благѣ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что такія животныя всегда добродушны, кротки, миролюбивы и безпечны. Въ основѣ ихъ душевныхъ качествъ лежитъ глупость, вотъ почему выборъ ягненка въ качествѣ эмблемы добродѣтельнаго человѣка не можетъ быть названъ удачнымъ. Въ южныхъ краяхъ, гдѣ бараны болѣе предоставлены себѣ, чѣмъ у насъ на сѣверѣ, ихъ душевныя способности развиваются иначе, и они тамъ гораздо самостоятельнѣе, смѣлѣе и отважнѣе, чѣмъ у насъ.

Размноженіе барановъ довольно значительно. Послѣ 20—25-ти недѣльной беременности самка приноситъ одного или двухъ, рѣже трехъ или четырехъ ягнятъ, которые вскорѣ послѣ своего рожденія уже въ состояніи слѣдовать за своими родителями. Самки дикихъ барановъ защищаютъ своихъ дѣтенышей съ опасностью собственной жизни и выказываютъ по отношенію ихъ необыкновенную любовь: домашнія овцы такъ-же равнодушны къ собственнымъ дѣтямъ, какъ къ чужимъ, и только безмысленно таращатъ глаза на человѣка, который отнимаетъ отъ нихъ ягнятъ, не думая защищаться и оказывать сопротивленіе. Въ относительно очень короткое время ягнята становятся самостоятельными и уже къ концу перваго года своей жизни сами способны къ размноженію.

Почти всѣ дикіе виды приручаются безъ особеннаго труда; они сохраняютъ свою бодрость по крайней мѣрѣ на одно поколѣніе и обыкновенно размножаются въ неволѣ. Они скоро привязываются къ тѣмъ людямъ, которые ходятъ за ними, идутъ на ихъ зовъ, охотно принимаютъ ласки и могутъ достигнуть такой высокой степени прирученности, что ихъ можно посылать пастись на луга съ другими домашними животными, не рискуя потерять ихъ, такъ какъ они и не подумаютъ воспользоваться удобнымъ случаемъ вернуть себѣ утраченную свободу. Вслѣдствіе громадной пользы, которую приносятъ овцы, человекъ распространилъ ихъ по всему земному шару и съ успѣхомъ развелъ ихъ даже въ тѣхъ странахъ, которыя первоначально были совершенно чужды имъ.

Гривистый баранъ. *Ovis tragelaphus*. $\frac{1}{12}$ наст. вел.

Мы начинаемъ описаніе дикихъ барановъ съ того вида, который отсутствіемъ слезныхъ ямокъ и слабымъ развитіемъ роговъ напоминаетъ козловъ; это—**Гривистый баранъ** (*Ovis tragelaphus*, *Ammotragus tragelaphus*. Mähnenschaf. Mouflon d'Afrique), представляющій собою, благодаря висящей длинной гривѣ, весьма замѣчательное животное. Туловище у него еще болѣе сжатое, чѣмъ у большинства другихъ барановъ; тѣло очень сильное; шея короткая; голова вытянутая, но красивая, въ лобной части широкая, къ мордѣ постепенно суживающаяся; переносье прямое; глаза большіе и необыкновенно выразительные, благодаря своей бронзоваго цвѣта радужной оболочкѣ, изъ которой рельефно выступаетъ поперекъ-стоящій зрачекъ; уши маленькія, тонкія и съ обѣихъ сторонъ равномѣрно заостренныя; голая часть морды очень мала и узка, на краю ограничена ноздрями. Сидящіе на лбу рога сначала наклоняются немного впередъ, потомъ постепенно загибаются на-

зadь и наружу, а концами немного внизъ и внутрь; въ поперечномъ разрѣзѣ они представляютъ треугольникъ; съ передней стороны они имѣютъ широкую, чуть-чуть выпуклую, въ серединѣ выступающую угломъ поверхность, тогда какъ другія обѣ поверхности совершенно ровныя и съ острыми краями; отъ корня почти до самаго конца рога онъ со всѣхъ сторонъ покрытъ толстыми, плотно другъ къ другу лежащими, не очень выпуклыми валикообразными кольцами, которыхъ нѣтъ только на сплюснутыхъ концахъ. Средней длины, широкой на концѣ, кистеобразный хвостъ свѣшивается внизъ, такъ-что волоса кисти достигаютъ пяточного сустава; ноги короткія и сильныя, копыта высокія, ложныя копыта малы и скрыты въ шерсти. Мѣхъ состоитъ изъ крѣпкихъ, жесткихъ, грубыхъ, но не особенно густыхъ волосъ ости и тонкаго, курчаваго, покрывающаго все тѣло подшерстка. На верхней сторонѣ шеи, на затылкѣ и на зашейкѣ волоса удлинняются въ видѣ торчащаго, короткаго гребня, а спереди и снизу они спускается до самой земли роскошною, густою гривою, которая начинается у горла, ниспадаетъ вдоль всей шеи, на подгрудкѣ раздѣляется и расходится далѣе по обѣимъ сторонамъ ключицы, продолжаясь по переднимъ ногамъ; тамъ, ниже колѣннаго сустава, она пополняется отдѣльными лучками волосъ, которые свѣшиваются спереди кистями какъ съ наружной, такъ и съ задней стороны; равнымъ образомъ ростъ волосъ усиливается вверху по сторонамъ шеи, гдѣ они образуютъ нѣчто въ родѣ пышныхъ подушекъ. Наконецъ по обѣимъ сторонамъ брюха висятъ курчавая грива, тогда какъ мѣхъ на остальныхъ частяхъ тѣла развитъ очень равномерно. Отдѣльные волоса имѣютъ у корня свѣтло-сѣрую окраску, затѣмъ темную буро-черную, дальше къ концу рыжеватобурюю, а самые кончики чало-желтые или черные. Черно-бурые волоса преобладаютъ только въ средней части полосы, проходящей вдоль затылка, но однако не во всю ширину гривистаго гребня; они выдѣляются также въ верхней части гривы на шеѣ. Такимъ образомъ въ общемъ выходитъ довольно однообразная чало-рыже-бурая преобладающая окраска этого животнаго, тогда какъ упомянутая полоса выглядитъ черною; середина брюха темно-бурая, волосистый вѣнчикъ надъ копытами, отчасти покрывающій ихъ, темно-каштаново-бурого цвѣта; бровныя дуги, морда, пятно позади уха въ челюстной впадинѣ, заднія бедра, переднія ноги назади, нижняя половина заднихъ ногъ и внутренняя сторона хвоста свѣтло-буро-желтаго цвѣта; плечевая область и внутренняя сторона плечъ и бедра бѣловато-свѣтло-буро-желтыя; длинные волоса гривы, за исключеніемъ нѣкоторыхъ съ черными кончиками, образующихъ пятна, имѣютъ свѣтло-буро-чалую окраску. Самка отличается отъ самца главнымъ образомъ болѣе короткою гривою, потому что рога у нея также довольно большіе и сильныя. Совершенно взрослые бараны достигаютъ общей длины отъ 1,8—1,9 м., включая сюда и хвостъ въ 25 см.; высота въ плечахъ отъ 95 до 100 см.; взрослая овца имѣетъ общую длину въ 1,55 м. при высотѣ въ плечахъ 90 см.; рога у барановъ могутъ быть въ 70 см. длины, считая всѣ ихъ изгибы, а у овцы въ 40 см.

Уже въ 1561 г. Кай Британикусъ описалъ гривистаго барана, мѣхъ котораго былъ доставленъ ему изъ Мавританіи. Съ тѣхъ поръ прошло много времени, прежде чѣмъ снова что-нибудь услышали объ этомъ животномъ: первый послѣ того упомянулъ о немъ Пеннантъ, а потомъ Жоффруа Сентъ-Илеръ. Послѣдній нашелъ его въ горахъ, по близости Каира; другіе натуралисты наблюдали его на Верхнемъ Нилѣ и въ Абиссиніи. Всего чаще попадаетъ онъ въ Атласскихъ горахъ. Р. Ян-нашъ нашелъ его въ южномъ Марокко, между Швикомъ и Вадъ-Драа. Относительно его образа жизни ничего не было извѣстно, такъ что, если-бы Буври не сообщилъ мнѣ нижеслѣдующаго, то я могъ бы познакомить развѣ только съ его жизнью въ

неволя, потому что во время моего путешествія мнѣ вовсе не попадалось это животное.

«Гривистый баранъ носить у туземцевъ южнаго Алжира общее имя **аруи**; баранъ въ частности называется фетшаль, овца—масса, а ягненокъ—каруффъ. Въ провинціи Константина животное это держится на южныхъ склонахъ Аурасскихъ горъ; по даннымъ, заимствованнымъ отъ арабовъ, оно должно также попадаться въ степяхъ, ограниченныхъ этими горами, и даже въ песчаной пустынѣ Вади-Синфъ. На западѣ гривистый баранъ встрѣчается въ Джебель-Амуръ и въ провинціи Оранъ на южномъ склонѣ Джебель-Сиди-Шейхъ. Несомнѣнно, что въ наиболѣе высокихъ горахъ марокккаго Атласа онъ многочисленнѣе, чѣмъ въ Алжирѣ, такъ какъ неприступность и безлюдность этихъ горъ, могутъ только привлекать къ себѣ это животное.

«Аруи любитъ высочайшіе скалистые карнизы горъ, куда можно проникнуть только черезъ цѣлый лабиринтъ обломковъ скаль и нагроможденныхъ валуновъ, вслѣдствіе чего охота на это животное въ высшей степени трудна и часто опасна; ктому-же она не обѣщаетъ большихъ выгодъ, такъ какъ гривистые барачи держатся по-одиночю. Только во время течки, которая бываетъ въ ноябрѣ, нѣсколько овецъ собираются вмѣстѣ, а къ нимъ присоединяются и бараны; они проводятъ совмѣстно нѣкоторое время, а затѣмъ снова расходятся каждый своей дорогой. Случается, что въ пору любви баранами происходятъ чрезвычайно упорныя схватки. Арабы увѣряютъ, что въ такихъ случаяхъ трудно бываетъ рѣшить, чему больше надо удивляться—тому-ли упорству, съ которымъ влюбленные бараны по полчаса и больше стоятъ другъ противъ друга съ наклоненной внизъ головою, или силѣ взаимнаго столкновенія, когда они ударяютъ другъ друга, или-же, наконецъ, крѣпости ихъ роговъ, выдерживающихъ такіе удары, которые, надо полагать, могли-бы раздробить черепъ слону. Пища аруи состоитъ лѣтомъ изъ сочной горной растительности, а зимою изъ лишаевъ и сухихъ травъ; можетъ быть ему приходятся также по вкусу нѣкоторые отдѣльно стоящіе низкіе, тернистые кустарники.

«Охоту на гривистаго барана я представлялъ себѣ легче, чѣмъ она оказалась въ дѣйствительности. Въ сопровожденіи Али-Ибнъ-Абея я вышелъ изъ оазиса Бискра и взялъ сѣверо-восточное направленіе къ Джебель-эль-Мелхъ, той части Аурасскихъ горъ, которая круто нависла надъ равниной и, какъ обыкновенно бываетъ, усѣяна у подошвы отдѣльными осколками скаль, разсыпанными по пустыннымъ покатосямъ. Мы должны были долго плутать, прежде чѣмъ выискали проходъ между этими горами камней. Съ большимъ трудомъ лѣзли мы наверхъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ и поднялись наконецъ на возвышенность, стоящую на 1600 ш. надъ уровнемъ моря; тамъ мы увидѣли прохладный, весело журчащій источникъ, манящій насъ на отдыхъ. Мы въ восторгѣ испили драгоценной влаги и, наклоняясь къ источнику, открыли слѣды аруи. Гривистый баранъ, который сегодня пилъ здѣсь, былъ для меня такъ-же пріятель, какъ и надеженъ: я зналъ, что онъ навѣрно снова вернется сюда. Мы ночевали по близости источника. Утро еще не брезжило, когда мы залегли въ засаду. Въ выжидательномъ безмолвіи мы пролежали, должно быть, съ полтора часа, какъ вдругъ замѣтили шедшаго медленными шагами прямо на насъ мощнаго фетшала. Каждое движеніе его было благородно и горделиво, каждый шагъ увѣренъ, твердъ и спокоенъ. Онъ осторожно искалъ наиболѣе отлогого берега и, найдя, нагнулъ голову, чтобы напиться; тогда сверкнулъ огонь изъ обоихъ нашихъ ружей. Баранъ съ крикомъ упалъ, но вдругъ снова вскочилъ и съ неимоверной быстротою бросился вскачь, чего раньше я никогда не видѣлъ у этихъ животныхъ. Подобно серну, увѣренно и смѣло неся онъ впередъ, а мы стояли смущенные и

только смотрѣли ему вслѣдъ. Онъ очевидно былъ раненъ, и далеко уйти не могъ, и потому мы бросились въ догонку. Но проходилъ часъ за часомъ, а мы все еще гонялись за бараномъ; слѣды привели насъ на край утеса, который висѣлъ крутымъ обрывомъ надъ котловиною въ 60 м. глубиною. Здѣсь слѣды терялись. Въ заключеніе арабъ полѣзъ въ котловину и едва достигъ ея дна, какъ радостный крикъ, раздавшійся оттуда, возвѣстилъ мнѣ, что мертвый баранъ лежалъ внизу.

«Судя по годовымъ кольцамъ роговъ, убитое животное могло имѣть 8—10 лѣтъ отъ роду, но какъ мой арабъ, такъ и другіе, которыхъ я потомъ спрашивалъ, единогласно высказались, что этого барана отнюдь нельзя было считать такимъ старымъ. Арабы — большіе любители мяса дикаго барана, да я и самъ долженъ сознаться, что оно чрезвычайно вкусно; жаркое изъ дикаго барана очень походить по вкусу на оленину. Изъ мѣха животного арабы готовятъ одѣяла или ковры подъ ноги; шкуры повсемѣстно дубятъ и выдѣлываютъ изъ нихъ сафьянъ.

«Хотя аруи можетъ быть причисленъ къ рѣдкимъ животнымъ, тѣмъ не менѣе горные жители не разъ ловили молодыхъ аруи петлями и уступали ихъ обыкновенно за весьма ничтожную сумму начальнику близъ лежащаго военного поста. Въ садахъ офицерскаго клуба въ Бискрѣ я видѣлъ одного молодого аруи, который вскакивалъ на стѣну, высотой въ 5 метровъ, огораживавшую его помѣщеніе, нѣсколькими почти перпендикулярными прыжками, съ такой-же легкостью, какъ будто онъ бѣжалъ по ровной землѣ, и тамъ наверху, на карнизѣ не шире ладони, онъ стоялъ такъ твердо, какъ только можно держаться въ положеніи, съ которымъ отлично освоился. По временамъ онъ доставлялъ себѣ удовольствіе тѣмъ, что пасся внѣ своей загородки и, если въ сосѣднемъ саду что-нибудь возбуждало его аппетитъ, то онъ не могъ противостоять искушенію, такъ какъ загородки и стѣны нигдѣ не были настолько высоки, чтобы составить препятствіе для прыжковъ и искусства въ лазаніи аруи. Часто онъ удалялся на довольно далекое разстояніе отъ своего помѣщенія, но всегда возвращался къ себѣ добровольно и по той-же самой дорогѣ. Предъ людьми онъ не выказывалъ ни малѣйшаго страха, подходилъ къ каждому и безъ всякихъ обиняковъ бралъ прямо изъ рукъ хлѣбъ и другія предлагаемыя ему лакомства».

Въ новѣйшее время гривистый баранъ часто привозится въ Европу живымъ и теперь уже не представляетъ болѣе рѣдкости. О жизни его въ неволѣ можно сказать немного, потому-что животное, несмотря на свою любовь къ лазанію, не проявляетъ никакихъ выдающихся качествъ. Въ противоположность нашему домашнему барану, онъ выказываетъ замѣчательную самостоятельность и упрямство, а въ физическомъ отношеніи онъ гораздо подвижнѣе и превосходитъ даже такого барана, который выростъ въ горахъ. Эта физическая подвижность не должна однако побуждать насъ дѣлать ложные выводы относительно его характера: гривистый баранъ такъ-же глупъ и ограниченъ, такъ-же упрямъ и своенравенъ, такъ-же пугливъ и трусливъ, какъ и домашній баранъ; поэтому обращаться съ нимъ очень трудно и его нелегко приручить. Онъ вовсе не выказываетъ того благонравія, какое выставляется въ вышеизложенномъ разсказѣ Буври. Онъ едва научается различать своего сторожа отъ другихъ людей, по крайней мѣрѣ никогда не смотритъ на него, какъ на воспитателя и друга, а много что видитъ въ немъ усерднаго слугу, который правильно приноситъ ему кормъ; въ настоящія дружескія отношенія онъ не вступаетъ съ нимъ. Пока этотъ баранъ молодъ, онъ бѣжитъ отъ всѣхъ людей, даже отъ тѣхъ, которыхъ онъ видитъ ежедневно, съ возрастомъ-же безмысленно и упрямо готовъ каждую минуту къ оборонѣ. Онъ выказываетъ положительную суровость, которую можно назвать угрюмостью; у него совершенно нѣтъ веселой задорности, свойственной нраву козловъ. Онъ можетъ приходиться въ гнѣвъ

отъ всякой малости и въ ярость отъ всякихъ пустяковъ и въ такихъ случаяхъ обыкновенно доказываетъ, что онъ хорошо знаетъ мѣру своей силы. Великаго, кто кажется ему опаснымъ, онъ пугается такъ-же, какъ и незнакомаго животнаго, напримеръ собаки, и при этомъ убѣгаетъ какъ сумасшедшій отъ периль своей загороди, со свойственнымъ всѣмъ баранамъ безразсудствомъ. Со своими близкими родичами, козлами и баранами, козерогами или муфлонами, онъ хотя иногда и уживается, но рѣдко на долгое время; какъ только онъ признаетъ, особенно самецъ, равнаго ему по происхожденію товарища, тотчасъ-же начинаеть съ нимъ драку, упорную, серьезную и неутомимую, такую-же какъ и съ самцами того-же вида, а если тутъ еще завяжется любовь, то дерется прямо-таки не на животъ, а на смерть, такъ-какъ бойцы не успокаиваются до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ не останется бездыханнымъ на мѣстѣ. Течка особенно усиливаетъ его неспрiятныя качества, именно драчливость и буйство, и дѣлаетъ барана опаснымъ иногда даже для самокъ. Послѣ всего сказаннаго ясно, что гривистый баранъ, конечно, не можетъ быть прiятеиъ въ неволѣ; благодаря своей величинѣ, строенію и своеобразной гривѣ онъ, конечно, производитъ на наблюдателя извѣстное впечатлѣніе, но не способенъ приковать его вниманіе на долго.

Почти черезъ 160 дней послѣ спариванія, иногда однимъ или двумя днями раньше или двумя—тремя днями позже, самка гривистаго барана рождаетъ одного или двухъ ягнятъ—маленькихъ, миловидныхъ, уже черезъ нѣсколько часовъ послѣ рожденія въ высшей степени подвижныхъ, очень рѣзвыхъ звѣрковъ, которые, благодаря своей страсти къ лазанью, напоминаютъ скорѣе козлятъ, нежели ягнятъ. Уже на вторые сутки послѣ рожденія они съ видимымъ удовольствіемъ поднимаются на всѣ возвышенности, какія найдутъ въ своей загородкѣ; на второй или третій день своей жизни они проявляютъ такое проворство и ловкость, которыя ясно доказываютъ, какъ трудно поймать ихъ на свободѣ. Ихъ первые дѣтскіе прыжки постепенно переходятъ въ задорную игривость. Мать слѣдитъ за всѣми движеніями своего потомства съ нѣсколько меньшимъ равнодушіемъ, какое мы привыкли видѣть въ домашней овцѣ; она иногда тоже лазаетъ за своими бойкими дѣтенышами или подманиваетъ ихъ къ себѣ блянемъ; по этому знаку они почти одновременно старательно ухватываются за вымя, причемъ сосутъ такъ-же, какъ и наши домашніе ягнята и козлята, сильными толчками въ вымя стараются добыть по возможности больше молока. При благоприятной погодѣ они вырастаютъ быстро; почти уже съ восьмого дня начинаютъ пощипывать отдѣльные стебельки травы, а черезъ мѣсяць ѣдятъ уже всякій кормъ, какой даютъ родителямъ, но все еще сосутъ и отучаются отъ молока только около времени спариванія или, вѣрнѣе, когда мать уже больше не подпускаетъ ихъ къ себѣ.

Относительно гривистаго барана тоже были сдѣланы попытки обратить его въ домашнее состояніе или, по крайней мѣрѣ, акклиматизировать его въ нашихъ горныхъ странахъ. Возможности успѣха въ томъ или другомъ направленіи нельзя отрицать. Климатъ нашъ не представляетъ къ тому никакихъ препятствій, и разведеніе ихъ также не сопряжено съ особенными затрудненіями; вопросъ лишь въ томъ, насколько можетъ быть у насъ полезенъ гривистый баранъ въ домашнемъ или дикомъ состояніи. Какъ домашнее животное онъ слишкомъ разборчивъ, требуетъ лучшей пищи и заботливаго ухода, такъ-какъ онъ, несмотря на свою кажущуюся мощность, очень легко, и часто безъ всякихъ видимыхъ причинъ, умираетъ. Изъ сообщеній газеты «Охотникъ» за 1888 г. видно, что князь Вольдемаръ Липпе приказалъ водворить въ Тевтобургскомъ лѣсу гривистыхъ барановъ и огородилъ ихъ проволочнымъ заборомъ помѣщеніе на двухъ старыхъ каменоломняхъ, гдѣ

благосостояніе ихъ было вполне обезпечено. Въ упомянутомъ году ихъ насчитывали тамъ 9 штукъ, размноженіе ихъ частью уже свершилось, частью еще ожидалось. Убитый княземъ баранъ вѣсилъ непотрошенный 114 kgr. Бургардъ сообщаетъ, что изъ той пары гривистыхъ барановъ, которую императоръ Наполеонъ III держалъ въ лѣсу Марли, овца очень скоро сдѣлалась жертвою одного браконьера; барана-же убилъ генералъ фонъ-Бредовъ-Бризентъ на одной облавѣ, происходившей во время осады Парижа.

Только два градуса широты раздѣляютъ гривистаго барана отъ **Европейскаго муфлона** (*Ovis musimon*, *Capra Aegoceros* и *Caprovis musimon*, *Capra* и *Aegoceros* *ammon*, *Mouflon d'Europe*) единственнаго дикаго барана, который живетъ въ Европѣ, а именно на горахъ Сардиніи и Корсики. Многие думаютъ, что въ прежнія времена муфлонъ водился и въ другихъ частяхъ южной Европы, на Балейскихъ островахъ и въ Греціи, но это мнѣніе однако не могли доказать. Въ Испаніи, юго-восточная часть которой нѣкоторыми считается родиной муфлона, онъ болѣе уже не встрѣчается, да по всей вѣроятности никогда и не водился тамъ. Его, вѣроятно, смѣшали съ козерогомъ. Я съ особеннымъ стараніемъ собиралъ свѣдѣнія о муфлонѣ и подробно изслѣдовалъ всѣ коллекціи, и вездѣ узнавалъ, что кромѣ козерога никакихъ другихъ дикихъ козловъ или барановъ не живетъ на Иберійскомъ полуостровѣ. Въ настоящее время муфлонъ, извѣстный у горныхъ жителей подъ названіемъ **муфроне**—для барана и **муфра**—для овцы, держится все еще стадами, въ которыхъ насчитываютъ иногда до полусотни головъ, но обыкновенно меньше. Графъ А. Шмизингъ-Керсенброкъ, охотившійся въ послѣднее десятилѣтіе на Корсику, говорить, что хотя тамъ есть еще много муфлоновъ, но онъ не видѣлъ и даже ничего не слышалъ о большихъ стадахъ, и во время облавы встрѣчалъ только отдѣльные экземпляры или много что по 4—5 заразъ и только одинъ разъ группу въ 7 штукъ. Древніе римляне отличаютъ корсиканскихъ муфлоновъ отъ сардинскихъ; Плиніи называетъ перваго изъ нихъ **мусономъ**, а втораго, какъ греки—**офіономъ**, родившихся-же отъ овцы **ублюдковъ** ихъ—**умбри**.

Изъ древнихъ извѣстій мы узнаемъ, что прежде эти дикіе бараны были необыкновенно многочисленны. Иногда на нѣкоторыхъ большихъ охотахъ случалось убивать 400—500 муфлоновъ, въ настоящее-же время рады, когда убьютъ одного; на охотахъ, которыя устраивались съ большими средствами, только въ очень рѣдкихъ случаяхъ добывали 30—40 штукъ. Уже въ концѣ прошлаго столѣтія, во времена аббата Цетти, которому мы обязаны первымъ жизнеописаніемъ муфлона, считалось въ высшей степени удачной охотой, когда убивали 100 муфлоновъ. По словамъ вышеназваннаго, очень опытнаго изслѣдователя, муфлоны живутъ вовсе не на всѣхъ горахъ Сардиніи, а только на отдѣльныхъ горныхъ цѣпяхъ, да и тутъ исключительно на высочайшихъ вершинахъ, они поднимаются иногда на такія возвышенности, съ которыхъ видно все омывающее островъ море. Данные, доставленные впоследствии Ла Марморой, скудны и недостаточны. Въ противоположность Цетти этотъ наблюдатель утверждаетъ, что въ серединѣ двадцатыхъ годовъ муфлонъ былъ на островѣ Сардиніи еще многочисленнѣе, чѣмъ во времена Плинія, но что, вслѣдствіе охоты на него улучшенными ружьями, численность его значительно уменьшилась и ктому-же на него пагубно подействовала суровая зима 1830 года.

Муфлонъ принадлежитъ къ самымъ маленькимъ видамъ дикихъ барановъ, хотя длина его, включая сюда хвостъ въ 10 см., достигаетъ 1,25 м., высота въ зашейкѣ 70 см., а вѣсъ около 40—50 kgr. Рога, считая всѣ ихъ извилины, достигаютъ почти 65 см. длины и отъ 4 до 6 kgr. вѣсу. Туловище короче,

чѣмъ у всѣхъ другихъ дикихъ барановъ. Довольно короткій волосной покровъ лежитъ гладко; особенно густъ мѣхъ зимою, когда короткій, тонкій и курчавый подшерстокъ сильно разрастается; на груди волосы удлиняются и образуютъ какъ-бы короткую гриву. Середина спины темно-бурая, остальная окраска красно-рыжая; на головѣ она переходитъ въ пепельно-сѣрую, а на мордѣ, крестцѣ, по краямъ хвоста, на концахъ ногъ и на нижней сторонѣ тѣла — въ бѣлую. Отдѣльные волосы красно-рыжіе, другіе черные, подшерстокъ пепельно-сѣрый. Зимою мѣхъ темнѣетъ и переходитъ въ каштаново-бурый цвѣтъ; тогда онъ на обоихъ бокахъ имѣетъ по рѣзко ограниченному отъ общей окраски большому, почти четырехугольному, блѣдно-желто-

Муфлонъ. *Ovis musimon*. $\frac{1}{12}$ наст. вел.

ватому или бѣловатому пятну. Рога у муфлона сильные и длинныя, у корня очень толстыя, начиная съ середины длины постепенно утончаются и заостряются; поперечный разрѣзъ ихъ представляетъ треугольникъ, каждая сторона котораго въ серединѣ съ болѣе или менѣе глубокой выемкой, причемъ одна изъ нихъ обращена къ соответствующей сторонѣ другого рога, вторая наружу, а третья внутрь. Оба рога у корня почти сходятся, но затѣмъ сейчасъ-же расходятся въ разныя стороны и изогнуты по косому направленію въ видѣ серпа внутрь, наружу и внизъ; на самомъ-же концѣ—внизъ, впередъ и внутрь. Правый рогъ изогнутъ въ лѣвую сторону, а лѣвый—въ правую. На поверхности роговъ выступаютъ отъ самаго корня почти до самаго кончика 30—40 складокъ, которыя сидятъ плотно одна подлѣ дру-

гой и болѣе или менѣе неправильны. Самка замѣтно меньше ростомъ и отличается болѣе свѣтлою окраскою мѣха и отсутствіемъ роговъ; они бываютъ только въ рѣдкихъ случаяхъ и тогда обыкновенно очень коротки, много что 5—6 см. длиною и тупопирамидальной формы.

Въ противоположность гривистому барану муфлонъ живетъ стадами, предводительство которыми принимаютъ на себя старые, сильные самцы. Это стадо, по словамъ Мимо, избираетъ своимъ мѣстожителемъ высочайшія горныя вершины и устраиваетъ свои стоянки на крутыхъ, болѣе или менѣе неприступныхъ скалахъ. Подобно другимъ стадно-живущимъ жвачнымъ, муфлоны имѣютъ своихъ сторожей, которые, замѣтивъ что-нибудь подозрительное, издають крикъ ужаса и этимъ извѣщаютъ объ опасности товарищей, причемъ тѣ тотчасъ-же обращаются въ бѣгство. Въ пору любви стадо раздѣляется на маленькія группы, состоящія изъ нѣсколькихъ овецъ и одного барана, который завоевываетъ себѣ это положеніе цѣною жаркой битвы. Насколько трусливъ и боязливъ муфлонъ въ обыденное время, настолько-же выказываетъ онъ себя смѣлымъ въ битвахъ съ себѣ равными. Въ декабрѣ и январѣ мѣсяцахъ въ горахъ часто слышится звукъ сталкивающихся между собою роговъ и, если осторожно подкрасться на этотъ шумъ, то можно видѣть, какъ два сильныхъ барана стоятъ другъ противъ друга съ наклоненными головами и съ такой силой насккиваютъ одинъ на другого, что просто неистожимо, какъ бойцы могутъ удержаться на мѣстѣ. Рѣдко случается, что одинъ изъ соперниковъ бываетъ столкнутъ съ утеса и низвергнутъ въ бездну.

Въ апрѣлѣ или маѣ, 21 недѣля послѣ спариванія, овца рождаетъ одного или двухъ ягнятъ, которые уже черезъ нѣсколько дней послѣ рожденія съ большою увѣренностью слѣдуютъ за матерью по самымъ опаснымъ тропинкамъ и скоро сравниваются съ нею въ ловкости. На 4-мъ мѣсяцѣ у молодыхъ баранковъ прорѣзываются рожки, къ концу перваго года они готовы уже къ спариванію, хотя полный ростъ ихъ и возмужалость завершаются только на третьемъ году.

Движенія муфлона живы, ловки, проворны и увѣренны, но онъ довольно скоро утомляется, по крайней мѣрѣ на ровной почвѣ; главное его искусство заключается въ лазаньи. Цетти говоритъ, что онъ очень боязливъ и при малѣйшемъ шумѣ весь дрожитъ отъ страха и убѣгаетъ какъ можно скорѣе. Если непріятель загонитъ его въ такое тѣсное мѣсто, гдѣ и искусство въ лазаньи не можетъ выручить его, то отъ страха онъ мочится или, какъ нѣкоторые думаютъ, умышленно прыскаетъ мочей въ своего врага. Къ его врагамъ слѣдуетъ причислить волка и рысь; ягнята часто становятся жертвою орловъ.

Человѣкъ примѣняетъ всевозможныя средства, чтобы добыть драгоценное животное. Въ пору любви муфлоновъ охотники прячутся въ чащи, и, подражая бледною овцею, привлекаютъ къ себѣ барановъ; самая обыкновенная охота все-же происходитъ по слѣдамъ, хотя она рѣдко доставляетъ богатую добычу. Слѣдить за баранами, по графу Шмизингъ-Керсенброкъ, еще труднѣе, чѣмъ за сернами, потому что у муфлоновъ гораздо острѣе зрѣніе и чутье. Рѣдко случается видѣть, что они пасутся въ обществѣ съ давняго времени одичалыхъ козъ, которыя равнымъ образомъ считаются хорошею охотничьею добычею. При облавѣ муфлоны поступаютъ такъ же, какъ серны; когда ихъ загоняютъ по-одиночю, они бѣгутъ очень быстро и большими скачками; если ихъ много, то они движутся гораздо медленнѣе, короткими прыжками и при этомъ, время отъ времени, останавливаются и высматриваютъ. При сильномъ снѣгѣ они забираются въ лоцины и присоединяются къ стадамъ домашнихъ козъ. Жаркое изъ муфлона—превосходное кушанье, такъ какъ оно соединяетъ въ себѣ пріятный вкусъ дичи со вкусомъ ба-

равнины. Въ концѣ мая для муфлона начинается тучное время, когда онъ становится почти такимъ-же жирнымъ, какъ полукормленный баранъ. Особенно лакомымъ блюдомъ считаются вычищенные, скрученные въ видѣ веревокъ и обжаренныя кишки, которыя тогда называются «корда». Кромѣ мяса пользуются шкурою и рогами муфлоновъ, но выше всего, взятаго вмѣстѣ, цѣнятся безоаровый камень, который изрѣдка находятъ въ первомъ отдѣленіи желудка муфлона и употребляютъ какъ самое вѣрное и дѣйствительное потогонное средство.

Старыхъ, взрослыхъ муфлоновъ никогда не удается поймать живьемъ; ловятся только маленькіе, послѣ того какъ застрѣлять мать. По Цетти, они скоро привыкаютъ къ своему воспитателю, но, несмотря на всю ту прирученность, которой они достигаютъ, муфлоны все-же сохраняютъ рѣзвость и живость нрава, свойственнаго ихъ дикимъ собратьямъ. Въ Сардиніи и Корсикѣ часто можно встрѣтить въ деревняхъ прирученныхъ муфлоновъ; нѣкоторые проявляютъ такую привязанность къ человѣку, что, подобно собакѣ, слѣдуютъ по его пятамъ, идутъ на его зовъ и т. д. Они надѣдаютъ только своею чрезмѣрною рѣзвостью. Они шныряютъ по всѣмъ угламъ въ домѣ, при этомъ опрокидываютъ разныя вещи, разбиваютъ горшки и производятъ разныя другія безчинства, особенно въ тѣхъ частяхъ дома, въ которыхъ никто ихъ не стѣсняетъ. Старые бараны становятся иногда настолько злыми, что ихъ невозможно укротить даже наказаніемъ, вообще они утрачиваютъ всякій страхъ къ людямъ, какъ только хорошо ознакомятся съ ними, и заводятъ тогда драки не только для защиты, но просто изъ задора. Всѣ муфлоны, которыхъ я наблюдалъ въ неволѣ, доказали мнѣ, что они мало понятливы, не разсудительны и чрезвычайно забывчивы. Я ставилъ имъ ловушки и приманивалъ ихъ туда положеннымъ кормомъ. Они каждый разъ шли въ петли и сѣти безъ малѣйшаго колебанія, хотя, повидимому, имъ было очень неприятно, когда они попадались въ западню. Единственные, подмѣченные мною, признаки ихъ умственной дѣятельности выражались въ нѣкоторой памяти мѣста, въ слабомъ воспоминаніи о полученномъ благодѣяніи, въ привязанности къ товарищамъ по сожитію и въ любви къ дѣтенышамъ.

Уже древнимъ было извѣстно, что муфлонъ плодотворно скрещивается съ домашней овцой, но они не знали, что ублюдки ихъ, названныя ими умбрами, были также плодовиты, какъ по отношенію другъ друга, такъ и къ домашнимъ овцамъ. Оба животныхъ, повидимому, чувствуютъ, какъ выражается Цетти, «что они одной крови и, несмотря на все различіе, находятъ одинъ въ другомъ общее происхожденіе. Муфлонъ самъ какъ-бы сознаетъ, что онъ—баранъ, а домашній баранъ, что онъ происходитъ отъ муфлоновъ. Ихъ голосъ служитъ имъ лозунгомъ. Иногда муфлонъ покидаетъ свое горное мѣстожительство и добровольно переходитъ къ овцамъ, чтобы пожить вмѣстѣ съ ними и спариться. Случается, что лишенный матери ягненокъ прибѣгаетъ къ самкѣ муфлона, блея слѣдуетъ за нею, прося пососать и, повидимому, взываетъ къ ея родственному состраданію, какъ-бы желалъ, по праву кровнаго родства, взвалить на нее бремя воспитанія сироты». Въ деревнѣ Атцара одинъ муфлонъ спарился съ овцою, которая родила умбра; этотъ послѣдній въ свою очередь спарился съ домашнею овцою и произвелъ слѣдующаго ублюдка. Дальнѣйшій опытъ скрещиванія далъ такой-же результатъ. Въ императорскомъ зоологическомъ саду въ Шенбрунѣ, какъ сообщаетъ Фитцингеръ, муфлоны по многу разъ спаривались съ нѣмецкими деревенскими овцами. Ублюдки этого скрещиванія спаривались иногда съ муфлонами, иногда съ домашними овцами, и всегда успѣшно. Многіе ублюдки имѣли большое сходство съ дикимъ бараномъ, только рога у нихъ были менѣе выгнуты и слабѣе. У нѣкоторыхъ самцовъ было по четыре рога, какъ у тѣхъ

барановъ, о которыхъ сообщаетъ Оппианъ и которые, по всей вѣроятности, были ничто иное, какъ такіе ублюдки. Напротивъ, ошты скрещиванія муфлона съ домашнею козою, остались безплодны.

Муфлона также легко содержать въ большихъ паркахъ, какъ и въ тѣсной неволѣ. Уже въ началѣ прошлаго столѣтія въ императорскомъ зоологическомъ саду близъ Вѣны жили муфлоны въ полудикомъ состояніи, пользуясь совершенно одинаковымъ уходомъ съ содержавшимися тамъ-же оленями и кабанями. Такъ какъ къ нимъ, время отъ времени, подвозили новые экземпляры муфлоновъ, то они сохранили всѣ привычки и нравы своихъ дикихъ собратьевъ: были такими-же пугливыми, такими-же живыми, какъ ихъ родоначальники изъ Сардиніи и Корсики, правильно размножались и, по справедливости, считались столь же рѣдкою, сколько и привлекательною дичью. Число ихъ, по всей вѣроятности, легко увеличилось-бы, если-бы рѣшились когда-нибудь подвезти къ нимъ свѣжій запасъ муфлоновъ въ большомъ количествѣ. Во всякомъ случаѣ всѣ данныя доказали, что муфлонъ можетъ хорошо у насъ акклиматизироваться.

* * *

Въ Средней Азіи и Сѣверной Америкѣ живетъ самая большая порода дикихъ барановъ, отличающаяся сильными рогами и высокими ногами. Въ новѣйшее время описано много видовъ азиатскаго дикаго барана; но все-же изысканіи эти отнюдь нельзя считать законченными, и при опредѣленіи видовъ допущены, можетъ быть, и нѣкоторые ошибки.

Аргали монголовъ, Арнарь киргизовъ, Угульде сойотовъ и бурятовъ (*Ovis argali*, *Aegoceros* и *Caprovis argali*, *Ovis ammon*) представляетъ собою очень крупнаго барана размѣровъ 9-ти мѣсячнаго теленка. Опредѣленный Брандтомъ самецъ аргали Берлинскаго музея есть сильное, но вовсе не дурно сложенное животное съ большой и широкой головой, постепенно суживающеюся къ мордѣ, съ глазами средней величины, съ маленькими, узкими, тупоконечными ушами, съ короткой шеей и очень короткимъ хвостомъ. Ноги высокія и стройныя, копыта узкія и короткія, скрытыя въ шерсти неразвитыя копыта малы. Могучіе, трехгранные широкіе рога имѣютъ въ разрѣзѣ треугольную форму. Узкое основаніе этого треугольника обращено впередъ и вверхъ, а вершина его—внизъ; у основанія рога стоятъ тѣсно прижатые одинъ къ другому, затѣмъ загибаются сначала назадъ и наружу, потомъ внизъ и въ стороны, концами-же своими снова назадъ и вверхъ; такимъ образомъ, если смотрѣть на нихъ сбоку, то кажется, что они описываютъ почти полный кругъ, а если смотрѣть спереди, то изгибъ праваго рога придется въ лѣвую сторону, а лѣваго—въ правую. Рога отъ самаго основанія покрыты рельефно выступающими и обхватывающими весь рогъ волнистыми или переходящими одинъ въ другой вальками, между которыми на промежуткахъ среднимъ числомъ въ 16 см., замѣтны глубокія бороздки ростовыхъ колець. Густые, волнистые и хрупкіе волоса ости, которые немного удлиняются лишь на подгрудкѣ и на запейкѣ, и тонкій, короткій подшерстокъ составляютъ волосяной покровъ животнаго, который распределенъ по всему тѣлу весьма равномерно, за исключеніемъ одного мѣста въ плечевой области, позади верхней части плеча, покрытаго короткими, жесткими волосами. Преобладающая окраска мѣха матовая блѣдно-сѣрая; на мордѣ, бедрахъ, на верхней половинѣ ногъ, по краямъ зеркала *) и на брюхѣ она замѣтно переходитъ въ болѣе темную бу-

*) Мѣсто, особо окрашенное, около задняго прохода.

ровато-сѣрую, а на передней части морды, на широкомъ зеркалѣ, на нижней половинѣ ногъ—въ сѣровато-бѣлую. Отдѣльные волоса, у корня бѣловатые, постепенно принимаютъ блѣдно-бурю окраску и имѣютъ большею частью свѣтлые кончики. Включая хвостъ въ 11 см., общая длина аргали достигаетъ 1,93 м., высота въ зашейкѣ 1,12 м.; ширина передней поперечной стороны роговъ 7 см., широкая сторона ихъ имѣетъ 14 см.; длина роговъ, считая всѣ изгибы, отъ корня до конца 1,22 м., расстояние между концами 93 см. Замѣтно болѣе слабая по сложенію овца аргали походить на барана рѣшительно всѣмъ, кромѣ роговъ, которые у нея гораздо меньше, т. е. короче.

Область распространенія аргали идетъ отъ горъ Акмолинскаго округа до юго-восточнаго склона монгольскаго плоскогорія и отъ Алтая до горъ Алатау, а быть можетъ и далѣе на югъ. Въ предѣлахъ такимъ образомъ очерченныхъ границъ онъ живеть отнюдь не во всѣхъ горныхъ хребтахъ; мѣстами же онъ въ послѣднее время истребленъ вовсе. На югъ его замѣняетъ качкаръ (*Ovis polii*), а на востокъ толсторогій баранъ (*O. montana*) или очень близкій его родичъ. Всѣ остальные дикія овцы такой-же величины, указанныя недавно Сѣверцовымъ, Брукомъ и Петерсомъ, определены лишь по нѣсколькимъ экземплярамъ и различаются только нѣкоторыми отклоненіями въ строеніи роговъ и едва замѣтнымъ измѣненіемъ окраски мѣха. Поэтому, въ крайнемъ случаѣ, я признаю ихъ только разновидностями трехъ выше названныхъ дикихъ овецъ, а не отдѣльными видами.

Аргали избѣгаетъ какъ сырыхъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ, такъ и значительныхъ высотъ. Любимымъ мѣстожительствомъ ему служатъ горные хребты отъ 600 до 1000 м. надъ уровнемъ моря, если они богаты голыми скалами, имѣютъ склоны, скудно покрытые лѣсомъ, и долины съ широкимъ и ровнымъ дномъ. Здѣсь живеть онъ, какъ зимой, такъ и лѣтомъ, приблизительно въ одной и той-же мѣстности, только въ видѣ исключенія переходя съ одного горнаго хребта на другой. Въ мѣстностяхъ, гдѣ они не подвергаются преслѣдованіямъ, нерѣдко въ теченіи многихъ лѣтъ кака-нибудь отдѣльная гора служитъ мѣстопробываніемъ одного и того же стада. Почти до самаго періода случки бараны бродятъ отдѣльно отъ овецъ, первые по 3—5 штукъ, вторыя большею частью по-одиночкѣ. Не задолго до случки они соединяются въ маленькія стада, среднимъ числомъ въ 10 и не болѣе 15 головъ.

Суточное распрѣбленіе времени у аргали отличается замѣчательной правильностью. Они—животныя дневныя. Рано утромъ оставляютъ они безопасныя убѣжища той мѣстности, въ которой живутъ—скалистыя площадки, недалеко отъ горныхъ вершинъ, трудныя для подъема и съ открытымъ горизонтомъ, оттуда не снѣпа спускаются они по склонамъ и пасутся у подошвъ горъ, или же въ сѣдловинахъ между ними, также въ болѣе широкихъ долинахъ, или на равнинахъ, расположенныхъ вокругъ горъ. При этомъ одно изъ животныхъ взлѣзаетъ на ближайшую скалу, чтобъ караулить и остается на стражѣ, смотря по надобности, болѣе или менѣе продолжительное время. Около полудня стадо взбирается на крутой склонъ, ложится здѣсь и, пережевывая жвачку, предается покою. Если мѣстность не безопасна, то и тутъ одно изъ животныхъ стоитъ на-стражѣ; если же стадо по-долгу ничто не тревожитъ, то всѣ беззаботно отдыхаютъ. Передъ вечеромъ они еще разъ отправляются на пастбище, пьютъ воду, полизавъ передъ этимъ немного соли, и наконецъ медленно взбираются опять на горы, чтобы до наступленія темноты добраться до мѣста своего почлега.

Лѣтомъ аргали употребляетъ въ пищу всѣ тѣ растенія, которыя ѣсть и домашнія овца; зимой онъ довольствуется мхомъ, лишайми и сухой травой. Для этого

онъ взбирается на вершины и края скалъ, съ которыхъ вѣтеръ сдуль снѣгъ и обнажилъ лишиа. Относительно водопоя онъ разборчивѣе, чѣмъ въ пищѣ, т. е. всегда приходитъ къ опредѣленному источнику, рѣшительно предпочитая его другимъ. Солончаки посѣщаются имъ часто, какъ лакомство, излюбленное всѣми жвачными. Пока слой снѣга не слишкомъ толстъ, зима мало тревожитъ его, такъ какъ онъ защищенъ отъ зимнихъ стужъ густымъ руномъ. Рассказываютъ, что когда идетъ сильный снѣгъ, аргали зарывается въ него и тѣмъ даетъ охотнику возможность убивать его лежачаго копьемъ: это относится вѣроятно только къ такимъ зимамъ, которыя ставятъ его окончателно въ безвыходное положеніе.

Время случки указываютъ различно. По свѣдѣніямъ, которыя Пржевальскій получилъ отъ монголовъ, семякъ аргали на юго-востокѣ высокой Гоби уже въ августѣ расположенъ къ случкѣ; по показаніямъ же, которыя я получилъ отъ киргизовъ, въ юго-западной Сибири—не ранѣе половины октября. Старые бараны ранѣе этого срока занимаютъ опредѣленные мѣстности и не допускаютъ сюда тѣхъ, которые помоложе или слабѣе ихъ. Съ равными по силѣ они вступаютъ въ бой изъ за мѣста и изъ за овецъ. Бои, которыми заканчивается ихъ ссоры, похожи на поединки домашнихъ барановъ.

Аргали-самка черезъ 7 мѣсяцевъ послѣ спариванія рождаетъ одного или двухъ ягнятъ; матери помоложе обыкновенно приносятъ только одного, старыя же, напротивъ, двухъ. Ягнята ихъ замѣтно больше, чѣмъ у домашнихъ овецъ: длина ихъ доходитъ до 65, а высота въ плечахъ до 54 см. Преобладающій равномерно блѣдно-сѣрый цвѣтъ на передней части головы и на верхушкѣ морды переходитъ въ темно-сѣрый, на зеркалѣ въ сѣровато-палевый, на нижней сторонѣ туловища, особенно въ пахахъ, въ блѣдно-желтый, короткая полоса на крестцѣ также темно-сѣраго цвѣта. Уже черезъ нѣсколько часовъ послѣ рожденія, ягнята всюду слѣдуютъ за своими матерями, даже по самымъ труднымъ тропинкамъ; они бѣгаютъ очень скоро и лазаютъ не хуже матерей. Если въ первые дни ихъ жизни имъ угрожаетъ опасность, то вѣроятно по знаку матери, они припадаютъ къ камнямъ среди скалъ, прижимая шею и голову къ землѣ, и становятся какъ-бы живыми камнями; такимъ образомъ они скрываются отъ взоровъ многихъ враговъ, тѣмъ болѣе, что послѣдніе обращаютъ все свое вниманіе на старую овцу, которая, продолжая бѣгство, отвлекаетъ ихъ отъ своихъ ягнятъ. Въ такомъ положеніи ягнята лежатъ долго и убѣгаютъ только тогда, когда врагъ ихъ спугнетъ. Если мать ихъ убьютъ, то они также прижимаются къ землѣ. Они очень милы, граціозны, проворны и ловки въ своихъ движеніяхъ; при сосаніи, подобно молодымъ козамъ, сильно толкаютъ вымя, весело прыгаютъ вокругъ матери и блеютъ, когда голодны, почти такъ-же, какъ домашнія ягнята, хотя голосъ ихъ замѣтно грубѣе. До ближайшаго періода случекъ они остаются въ обществѣ матерей, сосутъ же до тѣхъ поръ, пока старыя имъ это дозволяютъ.

Движенія аргали соответствуютъ его сильному, плотному и не лишенному граціи сложенію. Обыкновенный бѣгъ его—быстрая рысь, но самый быстрый способъ передвиженія, который я видѣлъ, это—галопъ, отличающійся необыкновенною легкостью; при этомъ переднія и заднія части тѣла животнаго попеременно высоко вскидываются. Во время бѣгства овцы аргали, соединенныя въ стадо, слѣдуютъ почти всегда одна за другою въ одинъ рядъ, совѣмъ такъ, какъ это дѣлаютъ козероги и серны. При передвиженіяхъ по скаламъ онѣ отличаются силой и ловкостью, и въ то же время быстротою и рѣшительностью. Повидимому онѣ безъ всякаго усилія взлѣзаютъ на круто поднимающіяся скалистыя стѣны, не задумываясь перепрыгиваютъ черезъ широкія пропасти и безъ опасенія соскакиваютъ въ зна-

чительныя глубины. По словамъ Пржевальскаго, рассказы о томъ, что баранъ въ случаѣ опасности бросается въ глубокія пропасти, и что при этомъ онъ всегда падаетъ на рога, оказывается чистѣйшимъ вымысломъ. «Собственные наблюдения убѣдили меня, что аргали соскакивалъ съ высоты въ 6—10 м., но падалъ всегда на ноги; къ тому же онъ старался даже скользить ногами по скалѣ, чтобы тѣмъ ослабить силу паденія.» Аргали рѣдко дѣйствуютъ необдуманно, рѣдко безразсудно увеличиваютъ быстроту своего бѣга, но точно также не уменьшаютъ и свойственную имъ скорость въ случаяхъ, которые у менѣ опытныхъ лазуновъ по горамъ, какъ при подъемѣ, такъ и при спускѣ, неизбежно вызвали бы измѣненія въ аллюрѣ. Преслѣдуемые, они часто останавливаются во время бѣгства, постоянно взлѣзаютъ на всѣ встрѣчающіеся имъ по пути возвышенности и холмы, чтобы осмотрѣться; возобновляютъ они свой бѣгъ только при новомъ приближеніи преслѣдователей, а безостановочно мчатся лишь черезъ широкія долины.

Внѣшнія чувства у нихъ, повидимому, развиты отлично и въ одинаковой степени. Они видятъ, слышатъ и обоняютъ прекрасно. Если возможно они оказываются разчорчивыми въ пищѣ и, по всей вѣроятности, не обижены природой и относительно осязанія. Въ нравѣ ихъ сказываются разсудительность и увѣренность въ себѣ; въ нихъ можно замѣтить также и нѣкоторую обдуманность въ поступкахъ. Проученные неоднократно преслѣдованіемъ, они постоянно обнаруживаютъ осторожность, не доходящую впрочемъ до пугливости; при противоположныхъ же обстоятельствахъ выказываютъ поразительную довѣрчивость. Пржевальскій въ горахъ Средней Азии встрѣчалъ такихъ довѣрчивыхъ аргали, что охотникъ могъ подойти къ стаду до разстоянія въ 500 шаговъ, не обезпокоивъ его. Въ мѣстностяхъ, гдѣ китайцы и монголы по недостатку ружей почти не преслѣдуютъ аргали, послѣдніе до того привыкли къ людямъ и къ ихъ дѣятельности, что часто пасутся возлѣ стада монголовъ и вмѣстѣ съ ними приходятъ къ водою, несмотря на то, что вблизи разбиты юрты. «Когда мы,» говоритъ Пржевальскій, «въ первый разъ замѣтили на разстояніи полуверсты отъ нашей палатки, на зеленомъ склонѣ горы спокойно пасущееся стадо этихъ гордыхъ животныхъ, мы не повѣрили своимъ глазамъ.» Увѣренные въ своей безопасности овцы-аргали здѣсь не позаботились выставить сторожей и безъ нихъ паслись даже въ углубленіяхъ, къ которымъ ловкому охотнику не трудно было бы подрастаться. Въ киргизскихъ степяхъ онѣ, конечно, не дозволяютъ себѣ подобной неосторожности. Особенность, достойная вниманія и характерная для аргали и другихъ дикихъ барановъ,—это нелѣпое и при нѣкоторыхъ условіяхъ очень опасное для нихъ любопытство. Уже старшій натуралистъ Стеллеръ разсказываетъ, что камчатскіе охотники изготовляютъ изъ своей одежды куклу, привлекаютъ къ ней вниманіе живущихъ въ тамошнихъ горахъ толсторогихъ овецъ и ихъ родичей и въ это время въ обходъ подкрадываются къ нимъ на разстояніе выстрѣла. Пржевальскій сообщаетъ объ аргали то-же самое; онъ провѣрилъ справедливость показанія монголовъ, повѣсивши свою рубашку на шомполь, воткнутый въ землю; этимъ онъ на четверть часа привлекъ вниманіе стада дикихъ овецъ, передъ тѣмъ было обратившагося уже въ бѣгство.

Несмотря на это, охота на аргали требуетъ большого искусства и мѣткости охотника и очень затрудняется тѣмъ, что аргали не вездѣ можно преслѣдовать. Подкрасться къ нему еще труднѣе, а между тѣмъ выстрѣлъ долженъ быть для него всегда безусловно смертельнымъ. Дичь эта очень цѣнится киргизами, и дѣйствительно мясо аргали превосходно, хотя имѣетъ нѣсколько острый вкусъ.

Взрослыхъ аргали кромѣ людей, преслѣдуютъ тигры, волки и горные волки, впрочемъ, въ рѣдкихъ случаяхъ успѣшно. Чаще всего этимъ хищникамъ удается

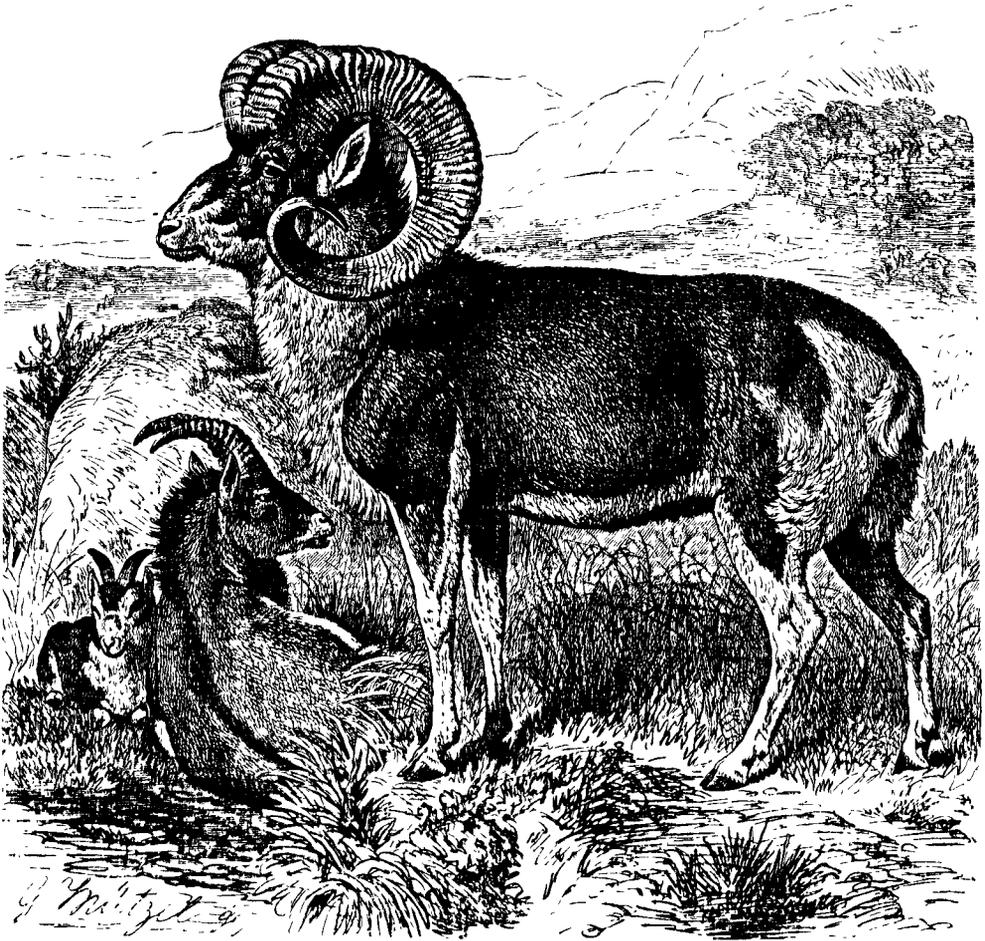
захватить ягненка аргали; самый ужасный врагъ послѣднихъ — это беркутъ (*Aquila fulva*). Его зоркій глазъ не ошибется и въ тѣхъ случаяхъ, когда ягненокъ аргали, какъ уже было описано, превращается какъ-бы въ камень; молодое беспомощное млекопитающее безвозвратно погибаетъ, если мать его не возвратится во время. Въ бытность нашу на охотѣ въ Аркатскихъ горахъ, киргизы принесли намъ ягненка, растерзаннаго могучей хищной птицей. Мы видѣли, какъ мать спасалась отъ загонщиковъ и вслѣдъ за тѣмъ возвратилась; но достаточно было и этого недолгаго отсутствія ея, чтобъ беркутъ успѣлъ схватить ягненка.

Товарищи наши по охотѣ поймали и принесли въ юрту живыми двухъ рѣзвыхъ ягнятъ. Они тотчасъ принялись сосать вымя козы, которую заставили быть ихъ кормилицей и несомнѣнно продолжали-бы жить и развиваться, если-бы киргизы послушались приказанія устроителя нашей охоты генерала Полторацкаго и согласились ухаживать за ними точно такъ-же, какъ и за своими домашними животными. Достать такихъ ягнятъ въ большемъ количествѣ и выростить ихъ не представляло-бы особенныхъ затрудненій. Если-бы удалось приручить ихъ, то получилась-бы домашнее животное, которое приобрѣло-бы большое значеніе. Животное это, привычное къ суровой зимѣ и къ знойному лѣту степи, лучше всякаго другого годилось-бы для распространенія въ прочихъ странахъ.

* *

Знаменитѣйшій путешественникъ среднихъ вѣковъ. Марко Поло, странствовавшій въ концѣ XIII вѣка по внутренней Азіи, рассказываетъ, «что въ горной странѣ Памиръ, на высотѣ болѣе 4000 м., онъ видѣлъ много дикихъ животныхъ, въ особенности гигантскихъ овецъ». Рога ихъ будто-бы имѣли длину въ три, четыре, даже въ 6 ладоней и употреблялись пастухами какъ сосуды для сохранения съѣстныхъ припасовъ. Многія изъ упомянутыхъ дикихъ овецъ становятся будто-бы добычей волковъ, и потому жители находятъ множество роговъ и костей, изъ которыхъ пастухи нагромозжаютъ кучи для указанія направленія дороги путешественникамъ, когда снѣгъ покроетъ равнину. Въ первой трети нашего столѣтія Бёрнсъ, въ своемъ путешествіи въ Бухару, упоминаетъ о томъ-же животномъ, которое по извѣстіямъ, полученнымъ имъ у киргизовъ, называется **Рассе**, а у жителей болѣе низменныхъ странъ **Кушгаръ**; оно больше коровы, но меньше лошади, бѣлаго цвѣта, съ длинными висящими волосами на подбородкѣ; живетъ оно на самыхъ холодныхъ высотахъ. Киргизы любятъ охотиться за нимъ: изъ-за мяса, которое цѣнится дорого, и убиваютъ его стрѣлами; въ случаѣ счастливой охоты необходима пара лошадей, чтобъ доставить на мѣсто эту огромную тушу. Спутникъ Бёрнса Вудъ подтверждаетъ показанія Марко Поло и прибавляетъ, что видѣлъ трупъ одной изъ овецъ. «Это было гордое животное, высотой съ двухлѣтняго жеребенка, съ большой бородой и двумя великолѣпными рогами, которые вмѣстѣ съ головой были такъ тяжелы, что трудно было поднять ихъ съ земли. Выпотрошенная туша составляла грузъ, достаточный для небольшой лошади. Мясо его было жестко и неприятно, осенью оно, говорятъ, гораздо лучше и даже имѣетъ тогда особенный вкусъ дичины». По сличеніи пары роговъ этого животного, привезенныхъ Вудомъ, Блайтъ призналъ, что вышеупомянутая овца не тождественна ни съ аргали, ни съ его американскимъ родичемъ; онъ описалъ ее подъ именемъ **Памирской овцы** и назвалъ въ честь перваго ея изслѣдователя Марко Поло. До новѣйшаго времени мы не имѣли ближайшихъ свѣдѣній о прекрасномъ животномъ и лишь Сѣверцову и Пржевальскому пришлось впервые познакомить насъ не только съ внѣшнимъ видомъ и окраской, но и съ образомъ жизни этого самаго большого изъ описанныхъ до

сихъ поръ дикихъ барановъ. Сѣверцовъ нашелъ въ Тянь-Шанѣ дикихъ барановъ, принадлежавшихъ, по его мнѣнiю, по меньшей мѣрѣ къ четыремъ отдѣльнымъ видамъ, и описалъ ихъ. Онъ впервые въ горной странѣ верхняго теченiя Нарына встрѣтилъ слѣды жвачнаго животнаго, извѣстнаго до сихъ поръ только по рогамъ, и не только собралъ большое количество череповъ съ рогами, но былъ настолько счастливъ, что убилъ нѣсколькихъ. Онъ далъ имъ названiе качкаръ. Почти одновременно съ нимъ въ 1874 году тѣхъ-же барановъ описалъ и Столичка, а черезъ

Качкаръ *Ovis polii* $\frac{1}{17}$ наст. вел.

три года и Пржевальскiй. Итакъ, въ настоящее время мы имѣемъ о нихъ достаточно полныя свѣдѣнiя.

Качкаръ (*Ovis polii*, *Sarqovis polii*) дѣйствительно достигаетъ величины, указанной Бёрнсомъ. Общая длина взрослого барана, по Столичкѣ, равняется 1,97 м., по Сѣверцову, даже безъ хвоста—2,04 м.; длина головы 35 см. и длина хвоста 11 см.; высота въ плечахъ 1,2 м., вѣсъ его около 230 kgr. Коренастое туловище покоится на крѣпкихъ, но тонкихъ и потому красивыхъ ногахъ; голову животное держитъ всегда высоко, морда выразительная, хотя и съ нѣсколько вздерну-

тымъ носомъ и съ висящими губами. Глаза умѣренно большіе, но живые съ каримъ зрачкомъ; уши сравнительно малы, узки и замѣтно заострены; слезныя ямки довольно большія и глубокія. Рога стараго барана почти трехгранные, на всей поверхности болѣе или менѣе замѣтно бороздчатые, соприкасаются одинъ съ другимъ у основанія, потомъ постепенно широкой дугой направляются впередъ, затѣмъ назадъ, описываютъ полный кругъ, потомъ ихъ сплюснутые концы опять обращены назадъ и кнаружи; при измѣреніи по изгибу они достигаютъ длины въ 1,5 м., имѣя у корней въ обхватъ 50 см.; рога овцы достигаютъ лишь 40 см. длины. Шерсть на задней части головы и на затылкѣ удлиняется, и образуетъ вокругъ шеи гриву изъ грубыхъ, шерстистыхъ волосъ, длиною въ 13—14 см. На спинѣ руно вдвое короче и состоитъ изъ толстыхъ, грубыхъ, очень густыхъ волосъ ости, между корнями которой пробивается, хотя и въ маломъ количествѣ, необыкновенно тонкій подшерстокъ. Общая окраска взрослага барана въ зимней одеждѣ, по Столичкѣ, сивая или свѣтло-бурая, какъ-бы покрытая инеемъ; на верхней сторонѣ шеи и на плечахъ эта окраска переходитъ въ рыжеватую или свѣтло-бурую; въ поясничной области она темнѣетъ, по срединѣ спины до самаго хвоста тянется темная полоса; голова сверху и по сторонамъ бурая, всего темнѣе на затылкѣ; середина нижней части шеи сѣровато-бѣлая, съ слабымъ свѣтло-бурымъ оттѣнкомъ. Бока туловища и верхнія части ногъ бурые въ перемежку съ бѣлымъ, потому что концы волосъ здѣсь имѣютъ бѣлую окраску; морда и нижнія части туловища, включая ноги и хвостъ чисто бѣлаго цвѣта, точно такъ какъ и широкое зеркало, которое простирается до середины верхней части бедеръ. Сѣверцовъ, которому ни разу не удалось убить самку, предполагаетъ, что она значительно меньше самца, какъ это замѣчается у всѣхъ извѣстныхъ ему дикихъ барановъ. Напротивъ того, Столичка утверждаетъ, что оба пола по величинѣ мало отличаются одинъ отъ другого. По окраскѣ самка отъ самца также мало разнится.

Въ настоящее время еще невозможно установить точно область распространенія качкара; кажется, что онъ живетъ не только въ области Тянь-Шаня и въ сѣверномъ Тибетѣ, а встрѣчается также на другихъ плоскогоріяхъ внугренней Азіи. Отъ своихъ родичей качкаръ, повидимому, отличается тѣмъ, что онъ населяетъ исключительно горныя вершины за границей лѣсовъ, а не спускается подобно имъ въ мѣстности, лежащія ниже. Сѣверцовъ признаетъ его настоящимъ бараномъ высокихъ плоскогорій Памира и особенно настаиваетъ на томъ, что только высокіе луга, лежащіе выше лѣсовъ, представляютъ условія, необходимыя для его существованія. Весьма вѣроятно, что къ этимъ высокимъ лугамъ привязываютъ его растущія тамъ пріятныя и питательныя альпійскія травы.

Помимо выбора мѣстопребыванія, которое сводитъ его съ дикимъ якомъ, многими горными антилопами и иногда съ дикимъ осломъ, качкаръ по образу жизни похожъ на аргали. Пржевальскій зимою встрѣчалъ стада отъ 5 до 15 головъ, въ исключительныхъ случаяхъ и по 25—30 штукъ. Въ каждомъ стадѣ находятся 2 или 3 барана, изъ которыхъ одинъ беретъ на себя предводительство и руководство надъ овцами. Последніе безусловно довѣряются бдительности предводителя; какъ только онъ пускается бѣжать, стадо слѣпо бросается за нимъ. Баранъ обыкновенно идетъ впереди и отъ времени до времени останавливается, чтобъ осмотрѣться; то-же самое дѣлаетъ и все стадо, но при этомъ сбивается въ тѣсную толпу и всѣ зорко смотрятъ въ сторону, откуда грозитъ опасность. Для большей предосторожности баранъ взбирается по временамъ на ближайшую скалу или холмъ. Тутъ онъ великолѣпнѣе, потому что весь его обликъ рѣзко обрисовывается на вершинѣ скалы, а грудь его въ лучахъ солнца блеститъ, какъ недавно вынавшій снѣгъ.

По утрам качкары пасутся на склонахъ горъ или въ долинахъ, но когда солнце подыметъ высоко, они укладываются для жвачки. Для этого они выбираютъ покатыя, защищенные отъ вѣтра склоны горъ, имѣющіе открытый во всѣхъ направленіяхъ горизонтъ; взрывши предварительно почву, они ложатся на землю. При отдыхѣ всего стада бараны обыкновенно располагаются нѣсколько въ сторонѣ, чтобъ ничто не препятствовало имъ наблюдать; если-же стадо состоитъ исключительно изъ барановъ, изъ трехъ и не больше четырехъ, то они располагаются одинъ возлѣ другого, но такъ, что головы ихъ обращены въ разныя стороны. Никогда они не забываютъ о такихъ мѣрахъ предосторожности.

Пржевальскій узналъ отъ монголовъ, что время рожденія ягнятъ приходится на іюнь, время-же случки на позднюю осень; это вполне согласуется со свѣдѣніями Сѣверцова; Столичка-же, вѣроятно ошибочно, признаетъ временемъ случки январь. Во время спариванія бараны не на жизнь, а на смерть дерутся другъ съ другомъ. Именно этимъ боямъ Сѣверцовъ приписываетъ происхожденіе паразитическихъ кучъ череповъ, которыя встрѣчаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Если-бы качкаровъ умерщвляли волки, то чаще попадались-бы черепа самокъ и ягнятъ, потому-что они легче старыхъ барановъ становятся добычей волковъ, между тѣмъ попадаютъ почти исключительно черепа взрослыхъ барановъ и притомъ въ возрастѣ около 4 лѣтъ слѣдовательно вполне возмужалые и способные къ бою. Ктому-же чаще встрѣчаются черепа барановъ среднего возраста, чѣмъ совсѣмъ старыхъ, хотя нерѣдко попадаютъ черепа и послѣднихъ. Черепа разбросаны не повсемѣстно; они лежатъ исключительно у подошвы крутыхъ скалистыхъ обрывовъ; между ними въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаются также черепа сибирскихъ козороговъ. Сверхъ того на вершинѣ скаль, у подошвы которыхъ бѣгутъ черепа, всегда имѣются плоскія мѣста, заросшія травой, т. е. излюбленные мѣста пастбищъ качкаровъ. На основаніи всего этого можно заключить, что упомянутыя пастбища служатъ баранамъ также мѣстомъ для поединковъ; съ этихъ площадокъ низвергается побѣжденный, а съ нимъ при случаѣ и побѣдитель.

Охота на качкаровъ ведется туземными охотниками въ Тянь-Шанѣ особеннымъ образомъ. Какъ-бы ловокъ ни былъ охотникъ, ему одному рѣдко удастся убить одного изъ дикихъ барановъ, потому что они только въ исключительныхъ случаяхъ падаютъ отъ перваго выстрѣла. По этой причинѣ какъ киргизы, такъ и казаки предпочитаютъ охотиться вдвоемъ. Вооружившись очень длинными и тяжелыми ружьями, которыя при стрѣльбѣ опираются на вилообразную рогатку, охотники выѣзжаютъ вмѣстѣ, выслѣживаютъ дичь, подкрадываются къ ней, по возможности незамѣтно подъ вѣтромъ, и стрѣляютъ. Если животное падаетъ, то охота этимъ кончается; если-же оно, какъ это чаще бываетъ, убѣгаетъ, то одинъ изъ охотниковъ съ возможной быстротой обгоняетъ его; другой преслѣдуетъ его на конѣ по всѣмъ извилинамъ пути, но стараясь скрыться отъ него, въ надеждѣ, что при случаѣ и ему удастся улучшить моментъ для выстрѣла. Трудность охоты увеличивается удивительной живучестью качкара; даже тяжело раненый нѣсколько разъ онъ въ состояніи бѣжать еще очень далеко. Эта нечувствительность къ ранамъ объясняется гигантской тѣлесной силой животного.

Мясо молодого барана-качкара, убитаго Сѣверцовымъ, представляло нѣчто среднее между жирной бараниной и дикой олениной и было очень вкусно; мясо же стараго барана никогда не бываетъ вкусно и сильно пахнетъ мускусомъ.

Кромѣ людей, качкара преслѣдуютъ тѣ-же хищныя животныя, какъ и аргали. По увѣренію монголовъ, злѣйшій врагъ стараго барана—его собственные рога: съ теченіемъ времени концы ихъ становятся такими длинными, что выступаютъ

передъ ртомъ животнаго, препятствуютъ ему питаться и обрекаютъ его на голодную смерть. Пржевальскій не имѣлъ возможности доискаться имѣются-ли какія-либо показанія, подтверждающія это.

* * *

Дикаго барана, живущаго въ Камчаткѣ, часто считаютъ однороднымъ съ американскимъ Толсторогимъ бараномъ (*Ovis montana, californiana, cervina* и *pygargus, Capra montana, Aegoceros montanus, Dickhornschaaf. Mi—attic*); онъ существенно отличается отъ послѣдняго рогами, хотя и похожими, но замѣтно слабѣе развитыми.

Ричардсонъ, а послѣ него Одюбонъ сообщаютъ, что толсторогій баранъ живетъ отъ 68° сѣв. широты приблизительно до 40°, въ Скалистыхъ горахъ и во всѣхъ мѣстностяхъ, лежащихъ далѣе на западъ, но вездѣ только въ самыхъ дикихъ и недоступныхъ горныхъ странахъ. Толсторогіе бараны находятъ все необходимое для жизни въ горахъ, особенно прорѣзанныхъ ущельями; для нихъ оказываются безопасными дорогами самые узкіе карнизы отвѣсныхъ скалъ; пещеры и гроты доставляютъ имъ желанныя убѣжища, трава—подходящую пищу, наконецъ, мѣста съ солью служатъ для удовлетворенія потребности, которая, какъ мы видѣли, присуща всѣмъ вообще жвачнымъ. Само собой разумѣется, что они, познакомившись съ человѣкомъ, стали предпочитать самыя дикія части горъ; прежде ихъ можно было, по крайней мѣрѣ, видѣть довольно часто, проѣзжая на пароходѣ по притокамъ «Отца рѣкъ» (Миссисипи). Тамъ принцъ Максъ фонъ Видъ (1832—34) впервые увидѣлъ этихъ животныхъ на вершинѣ высокой прибрежной скалы, съ которой они разсматривали пароходъ, съ шумомъ мчавшійся по рѣкѣ. Имѣющіяся у насъ свѣдѣнія о толсторогихъ баранахъ довольно скудны, особенно относительно образа ихъ жизни. Въ этомъ отношеніи первыя сообщенія Ричардсона все еще наиболѣе достовѣрны; позднѣйшія наблюденія не прибавляютъ ничего существеннаго. Что касается до описанія вѣншности, то оно не оставляетъ желать ничего большаго. Взрослые бараны имѣютъ длину въ 1,9 м., изъ которыхъ только 12 см. отходятъ на хвостъ, при высотѣ плечъ въ 1,05 м.; длина овцы—1,4—1,5 м., а высота 90—95 см. Баранъ достигаетъ 175 kgr. вѣсу, такъ какъ одни рога могутъ вѣсить до 25 kgr.; тяжесть овцы—130—140 kgr. Тѣлосложеніе у нихъ плотное съ крѣпкими мускулами; голова, очень похожая на голову козерога, велика; верхняя сторона морды совершенно плоская, глаза довольно большіе, уши—маленькія и короткія, шея—толстая; спина, такъ-же какъ и грудь,—широкая и сильная, хвостъ тонкій, бедра очень сильныя; ноги крѣпкія и плотныя, копыта—короткія, спереди срѣзанныя почти вертикально, прибавочныя копыта—широкія и тупыя. Длина могучихъ роговъ при измѣреніи по кривизнѣ доходить до 70 см., обхватъ ихъ въ основаніи—35 см. въ срединѣ—31 см., разстояніе между концами обоихъ роговъ—56 см. Рога снаружи плоскіе, а боковыя стороны, вслѣдствіе очень выступающихъ реберъ широкой наружной поверхности, образуютъ сзади почти правильную дугу; поэтому разрѣзъ этихъ роговъ, покрытыхъ снаружи многими поперечными бороздками, совершенно иной, чѣмъ у аргали. Рога толсторогаго барана у основанія стоятъ плотно другъ подлѣ друга, загибаются назадъ, потомъ внизъ и впередъ почти правильной дугой, и поворачиваются опять впередъ и вверхъ своимъ почти закругленнымъ концомъ. Сравненіе этихъ роговъ съ рогами аргали, приводитъ къ слѣдующему: рога толсторогаго барана никогда не сжаты съ боковъ и не плоски, напротивъ въ поперечномъ разрѣзѣ остаются широкими и представляютъ очень острыя ребра, между тѣмъ какъ рога аргали крѣпко сдавлены съ боковъ и потому имѣютъ болѣе плоскій видъ. Выступы, или такъ называемыя годовыя кольца, у толсторогаго барана стоятъ вполнѣ отдѣльно, и обнаруживаютъ рѣд-

кія, слабыя и узкія поперечныя бороздки; у аргали, напротивъ, валики стоятъ очень близко одинъ къ другому и простираются почти до четырехъ пятыхъ общей длины рога. Кромѣ того рога аргали обыкновенно еще толще, тѣмъ рога его родича. Гораздо меньшіе, похожіе на козлиные, сильно заостренные рога толсторогой овцы изгибаются простой дугой вверхъ, назадъ и кнаружи. Волоса не имѣютъ никакого сходства съ руномъ овцы, толсты, хотя и мягки на ощупь, слегка волнисты и имѣютъ не болѣе 5 ст. длины. Преобладающая окраска ихъ грязно-сѣро-бурая, которая вдоль спины постепенно становится болѣе темною; животъ, внутреннія и заднія стороны ногъ, заднія бедра и полоса надъ хвостомъ, которую

Толсторогий баранъ. *Ovis montana*. $\frac{1}{16}$ наст. вел.

можно сравнить съ зеркаломъ нѣкоторыхъ видовъ оленей, подбородокъ и пятно на сѣро-коричневомъ фонѣ на горлѣ—бѣлаго цвѣта. Голова свѣтло-пепельно-сѣрая, уши снаружи такія-же, какъ и голова, внутри, напротивъ, бѣловатыя; передняя сторона ногъ темнѣе спины, почти черно-бурая; верхняя часть хвоста свѣтлѣе, чѣмъ полоса на спинѣ. Старые бараны выглядятъ часто свѣтло-сѣрыми, иногда почти бѣлыми. Осенью и зимою бурый цвѣтъ сильно примѣшивается къ сѣрому; задняя часть спины и опушка около бедеръ остаются всегда чисто бѣлыми.

Первыя извѣстія о толсторогихъ баранахъ доставили два миссіонера изъ Калифорніи въ 1697 году. «Мы нашли», говоритъ патеръ Пиколло, «въ этой странѣ два вида неизвѣстныхъ намъ еще животныхъ и назвали ихъ овцами, потому что они до нѣкоторой степени походили на нихъ. Одинъ изъ видовъ величиною съ однолѣтняго или двухлѣтняго теленка; голова его похожа на оленю, а очень длинныя

рога—на бараньи. Хвостъ, подобно мѣху, пятнистый, но короче, чѣмъ у оленя; копыта, напротивъ, велики, круглы и расщелены, какъ у быка. Мясо этого животнаго я ѣлъ; оно очень нѣжное и вкусное. Овцы второго вида, изъ которыхъ нѣкоторыя бѣлыя, другія черныя, немногимъ отличаются отъ нашихъ; онѣ нѣсколько больше, имѣютъ также больше хорошей шерсти, которую легко пряхъ и ткать».

Въ благопріятныхъ мѣстахъ толсторогіе бараны встрѣчаются еще довольно часто. Принцъ фонъ-Видъ видѣлъ у рѣки Елаутонъ стада въ 50, 80 и больше головъ; Одюбонъ въ той-же мѣстности стадо въ 22 штуки; Ричардсонъ сообщаетъ, что животныя ходятъ обыкновенно группами отъ 3 до 30 головъ. Но эти сообщенія относятся къ временамъ, послѣ которыхъ прошло 50—70 лѣтъ; уже въ срединѣ семидесятыхъ годовъ Тильманъ жалуется, что въ своихъ охотничьихъ экскурсіяхъ онъ не видѣлъ въ горахъ толсторогихъ барановъ, ни разу даже не встрѣчалъ ихъ слѣдовъ. Овцы и ягнята обыкновенно образуютъ отдѣльные стада, напротивъ старыя бараны, за исключеніемъ времени спариванія, держатся отдѣльными обществами, или-же живутъ по-одиночкѣ. Въ декабрѣ они являются къ овцамъ и тогда происходятъ между ними серьезные поединки, какъ и между другими баранами при тѣхъ-же условіяхъ. Въ остальное время животныя мирно живутъ другъ съ другомъ, подобно нашимъ домашнимъ овцамъ, на которыхъ, вообще, по нраву они очень походятъ. Въ іюнѣ или іюлѣ овцы ягнятся; въ первый разъ онѣ имѣютъ по одному, позже обыкновенно по два дѣтеныша, которыхъ матери очень скоро начинаютъ водить на самыя недоступныя высоты.

Въ образѣ жизни толсторогіе бараны не отличаются ни въ чемъ существенномъ отъ своихъ родичей, даже отъ козороговъ. Какъ и послѣдніе—они превосходно карабкаются по горамъ. Какъ только они замѣчаютъ что-либо незнакомое, то убѣгаютъ на крутыя высоты и тамъ становятся на выдающіеся края скалъ, чтобы осмотрѣть мѣстность. Хриплый носовой звукъ служитъ при опасности сигналомъ для спасенія, и вслѣдъ за тѣмъ стадо, стремглавъ, обращается въ бѣгство. Если въ окрестности все спокойно, то они охотно спускаются въ долины и часто заходятъ тогда попасться на луга и травянистыя мѣста въ ущельяхъ или на берегахъ рѣкъ. Они ежедневно посѣщаютъ горныя ущелья, на стѣнахъ которыхъ имѣются осадки селитры и другихъ солей и здѣсь-то они всего легче становятся добычей человѣка. Опытный охотникъ Друмонъ сообщалъ Ричардсону, что толсторогіе бараны вовсе не трусливы и допускаютъ стрѣлку безъ затрудненій до желаемой близости въ мѣстностяхъ, рѣдко посѣщаемыхъ охотниками; но печальный опытъ скоро измѣняетъ ихъ нравъ, и тогда они становятся чрезвычайно осторожными. Познакомившись съ человѣкомъ, они боятся его въ такой-же мѣрѣ, какъ и другого своего злѣйшаго врага — волка. Мясо ихъ ѣдятъ какъ бѣлыя, такъ и индѣйцы, но оно имѣетъ особый овечій запахъ, который очень замѣтенъ особенно у барановъ, всего больше въ періодъ спариванія. Прочная и крѣпкая, вмѣстѣ съ тѣмъ мягкая и гибкая кожа въ очень большомъ спросѣ у индѣйцевъ для ихъ нарядныхъ кожаныхъ рубашекъ.

Поймать молодого толсторогаго барана всегда считалось очень труднымъ, такъ какъ онъ легко убѣгаетъ со своей матерью въ самыя непроходимыя мѣстности. Въ новѣйшее время это, впрочемъ, удалось, и на дальнемъ западѣ не только приручили молодыхъ барановъ настолько, что ихъ можно было свободно отпускать со стадами, но и успѣшно скрестили ихъ съ домашними овцами. Мясо ублюдковъ признается превосходнымъ; въ остальномъ опыты еще не настолько успѣшны, чтобы можно было сообщить о нихъ.

О праотцѣ нашихъ домашнихъ овецъ мы можемъ сообщить такъ-же мало точныхъ данныхъ, какъ и о происхожденіи другихъ жвачныхъ, перешедшихъ въ ручное состояніе и ставшихъ вполне домашними. Мнѣнія натуралистовъ объ этомъ очень расходятся. Одни думаютъ, что всѣ овечьи расы происходятъ отъ одного дикаго основного вида, который вѣроятно уже въ незапамятные времена совершенно вымеръ или поголовно перешелъ въ домашнее состояніе и такимъ образомъ нигдѣ не можетъ теперь встрѣтиться. Другіе, напротивъ, высказываютъ мнѣніе, что наши овцы произошли отъ нѣсколькихъ видовъ дикихъ овецъ и слѣдовательно представляютъ собою результатъ продолжительныхъ скрещиваній первоначальныхъ видовъ. Одни хотятъ признать основнымъ видомъ муфлона, другіе—аргали, нѣкоторые—гривистаго барана (*O. tragelaphus*) или водящагося въ Маломъ Тибетѣ — Ша (*O. vignei*). Иные же, къ которымъ я долженъ отнести и себя, сознаются открыто и честно въ своемъ незнаніи и справедливо утверждаютъ, что одни лишь предположенія не могутъ ускорить рѣшенія вопроса. Даже самыя тщательныя изысканія надъ немногими остатками костей, которые находили въ доисторическихъ залежахъ, и сравненіе изображеній на древнѣйшихъ памятникахъ, оказываются почти безъ результатовъ при необыкновенно большомъ разнообразіи овечьихъ породъ. Рютимейеръ въ свайныхъ постройкахъ Швейцаріи нашелъ остатки мелкой расы овецъ съ тонкими, длинными ногами и съ рогами вродѣ козлиныхъ; эти овцы отличались отъ всѣхъ извѣстныхъ существующихъ теперь породъ, но изъ этого можно только заключить, что уже въ очень раннее время овцы имѣли значеніе въ домашнемъ хозяйствѣ людей. Съ другой стороны на древнихъ памятникахъ мы уже узнаемъ овецъ, которыя въ существенномъ похожи на живущихъ еще и нынѣ. При этомъ нужно принять во вниманіе, что наши сельскіе хозяева хорошо доказываютъ намъ, какъ легко измѣнить овецъ постоянно продолжающимися скрещиваніями.

Изъ рисунковъ и надписей на каменныхъ египетскихъ памятникахъ можно, кажется, вывести несомнѣнный выводъ, что овца вошла въ домашнее хозяйство человѣка позже другихъ жвачныхъ животныхъ. «Я не могу не обратить вниманія въ этомъ трудѣ на тотъ замѣчательный фактъ», говоритъ Дюмикенъ, «что изъ числа жвачныхъ, именно, овцы, козы и быка, изъ которыхъ состоятъ теперь главнѣйшіе стада въ Нильской долинѣ, первая, т. е. овца, совсѣмъ отсутствуетъ на древнихъ египетскихъ памятникахъ. Все то, что можно сказать о распространенной въ настоящее время повсемѣстно въ Египтѣ курицѣ, а также лошади и верблюду, касается и овцы. Въ древнѣйшихъ усыпальницахъ, относящихся къ 5 и 4 тысячелѣтію до Рождества Христова и группирующихся вокругъ пирамидъ Гизы и Сакхары, стѣны безконечно богаты превосходными изображеніями, но именно среди нихъ ни разу не встрѣчается изображеніе овцы. Мы здѣсь видимъ порознь и группами быковъ и козъ, а также разнообразныя виды антилопъ, которыхъ древніе египтяне приручали и содержали большими стадами, но нигдѣ не встрѣчаемъ между ними овецъ. Едва ли можно согласиться, что древніе египтяне изъ благоговѣйнаго страха не могли ставить овецъ на ряду съ изображенными ими домашними животными, потому что баранъ былъ посвященъ Аммону Оивскому. Если бы это было такъ, то они не стали бы въ послѣдствіи изображать овецъ, не помѣщали бы также другихъ животныхъ, напримѣръ ибиса, на древнѣйшихъ памятникахъ и особенно часто быка длиннорогой породы, изъ которой выбирался священный Аписъ. Изъ этого совершеннаго отсутствія изображенія овцы на древнихъ памятникахъ скорѣе можно сдѣлать выводъ, что она принадлежитъ къ животнымъ, позднѣе ввезеннымъ въ Нильскую долину. Берлинскій египетскій музей обладаетъ двумя мумифицированными головами туземнаго африканскаго гривистаго барана, который встрѣчается также нѣсколько

разъ на изображеніяхъ памятниковъ, и Гартманъ склоненъ думать, что упомянутый баранъ помѣщенъ также на одномъ изображеніи въ могилѣ въ Гизѣ, на другомъ въ могилѣ Ти въ Сакхарѣ, и на третьемъ—въ могилѣ Бени Гасанѣ. Можетъ-ли происходить египетская домашняя овца отъ этого животнаго? Зоологъ съумѣеть отвѣтить на этотъ вопросъ; я же ограничусь здѣсь упоминаніемъ о вышеупомянутыхъ мумифицированныхъ головахъ, объ изображеніяхъ этого животнаго, а также и о совершенномъ отсутствіи овецъ въ древнѣйшія времена египетскаго царства. Хотя и въ позднѣйшихъ памятникахъ новаго царства, овца не попадаетъ на ряду съ другими домашними животными, изображенными въ видѣ стада, но встрѣчаются отдѣльные изображенія овцы, какъ напримѣръ бой барановъ, на прекрасномъ рисункѣ могилы въ Гурнѣ, сообщенномъ Приссомъ, на который недавно опять, вполне основательно, обратилъ вниманіе высокозаслуженный Шаба въ своемъ трудѣ, о которомъ мы упоминали по поводу верблюдовъ. Мы встрѣчаемъ также въ храмахъ новаго царства высѣченныхъ изъ камня барановъ, которые были выставлены рядами, какъ украшеніе ограды, по обѣимъ сторонамъ большихъ улицъ для процессій. Нерѣдко упоминается также въ надписяхъ того времени гіероглифическое «зерау», часто еще съ вышавшимъ «ер»—«зау»—названіе домашней овцы; Фитцингеръ считалъ ее даже отдѣльнымъ видомъ, подъ названіемъ **Ассуанской овцы** (*Ovis aries syenitica*) или **Вислоухой овцы** (*Ovis aries catotis*).

Упомянутая порода, по Гартману, отличается горбатымъ носомъ, длинными, довольно широкими, висящими ушами, нерѣдко большими рогами, загнутыми впередъ, внизъ и снова вверхъ, слѣдовательно съ однимъ завиткомъ; мѣхъ состоитъ изъ длинной, густой шерсти; хвостъ въ срединѣ имѣетъ толщину въ 6—8 см., а оканчивается болѣе тонкимъ придаткомъ. Отъ этой породы происходятъ опять многія разновидности. и на изображеніяхъ овцы, которыя оставлены на памятникахъ древними, легко узнать отличительныя расовыя особенности нашей настоящей **Курдючной овцы** (*Ovis aries platyura*). Она горбоноса, имѣетъ болѣе или менѣе длинныя, широкія, вялыя уши и иногда очень жирный, иногда тонкій хвостъ. Слѣдуетъ замѣтить, что по памятникамъ рога барановъ направлялись назадъ, кнаружи, потомъ внизъ, и опять назадъ и кнаружи; на гранитномъ баранѣ, привезенномъ Лещіусомъ изъ Джебелъ Баркала въ Берлинь, вполне замѣтны только что названныя особенности породы. То же самое, повидимому, можно замѣтить также о каменномъ баранѣ, найденномъ Тремо въ развалинахъ Собахъ выше Хартума на Голубомъ Пилѣ; на немъ, впрочемъ, изображено курчавое руно, не встрѣчающееся у нынѣшнихъ домашнихъ овецъ, разводимыхъ въ окрестностяхъ Напоты и Собаха, которыя покрыты не курчавымъ, а прямымъ руномъ. Трудно рѣшить, произошло-ли это по прихоти скульптора, или же потому, что онъ взялъ себѣ для образца барана изъ Верхняго Египта или Нубіи. Во время перваго своего путешествія, посвященнаго изслѣдованію памятниковъ въ мѣстности выше Хартума, Дюмихенъ нашелъ въ 1863 году, среди развалинъ стараго Собаха, еще одного барана, который походилъ на привезеннаго Тремо и теперь служитъ украшеніемъ двора правительственныхъ зданій въ Хартумѣ.

Изъ сообщеній названныхъ изслѣдователей можно заключить, что, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время египетскаго царства, разводились домашнія овцы, очень схожія съ живущими и теперь въ Пильской долинѣ; но вопросъ о происхожденіи этимъ вовсе не разрѣшается, потому что упоминаемыя породы такъ же мало, какъ и всякая другая подходятъ къ какому-либо дикому основному виду. Всѣ домашнія овцы именно и сходны между собой тѣмъ, что вовсе не похожи на нынѣшніе дикіе виды барановъ. Различіе между породами овецъ состоитъ главнымъ образомъ въ направленіи

роговъ, въ длинѣ и особенностяхъ хвоста, а также и въ волосяномъ покровѣ. «Всѣ до сихъ поръ извѣстныя дикія овцы», говоритъ Фитцингеръ, «отличаются значительно короткимъ хвостомъ, между тѣмъ среди домашнихъ попадаетея сравнительно очень немногихъ породъ, которыя раздѣляли-бы съ ними этотъ признакъ. Никакъ нельзя допустить, чтобы такое измѣненіе могло произойти отъ какихъ-либо особенныхъ причинъ, такъ какъ трудно себѣ вообразить, какимъ образомъ отъ подобныхъ причинъ могло-бы увеличиться число позвонковъ въ хвостѣ. Въ этомъ случаѣ слѣдуетъ отказаться отъ старыхъ привычекъ и отъ унаслѣдованныхъ предразсудковъ, и тогда навѣрное придутъ къ выводу, что домашняя овца, какъ большинство остальныхъ домашнихъ животныхъ, произошла отъ многихъ первобытныхъ видовъ». Чтобы подтвердить свое мнѣніе Фитцингеръ приводитъ десять различныхъ главныхъ породъ овецъ, которыя, по его мнѣнію, должны были произойти отъ отдѣльныхъ дикихъ видовъ: кромѣ муфлона, онъ называетъ еще жирноногую овцу, безхвостую, короткохвостую, винторогую или Критскую, обыкновенную домашнюю, курдючную длиннохвостую, вислоухую, длинноногую и длинношерстную. Убѣдительныхъ доводовъ въ пользу своего мнѣнія онъ не приводитъ, и потому, даже согласившись съ нимъ, мы ни на шагъ не придвинемся ближе къ цѣли.

Недавно вопросомъ о породахъ овецъ занимался также Дарвинъ и освѣтилъ его съ иной точки зрѣнія. Я постараюсь изложить здѣсь вкратцѣ самое важное изъ его указаній. По самымъ тщательнымъ изслѣдованіямъ этого превосходнаго наблюдателя, каждая страна имѣетъ свою собственную породу, а многія страны имѣютъ по нѣсколько породъ, значительно отличающихся одна отъ другой. Наиболѣе рѣзко обозначенною формою считается восточная овца съ длиннымъ хвостомъ, который, по Палласу, имѣетъ 20 позвонковъ, обильно проросъ жиромъ и признается лакомымъ кускомъ. Хотя Фитцингеръ эту породу и считаетъ за основную видъ, но въ своихъ висящихъ ушахъ она, какъ кажется, представляетъ признаки, выработанныя продолжительной неволей. То-же самое относится къ тѣмъ овцамъ, которыя имѣютъ двѣ большія массы жира на ягодицахъ, между тѣмъ какъ хвостъ мало развитъ. Видоизмѣненіе длиннохвостой расы, водящейся въ Анголѣ, представляетъ удивительныя массы жиру позади головы и подъ челюстями. По мнѣнію Ходжсона удлиненіе хвоста есть доказательство вырожденія первоначальнаго альпійскаго животнаго. Рога представляютъ безконечныя различія, у самокъ нерѣдко отсутствуютъ, съ другой стороны они умножаются до четырехъ, даже до восьми и въ такомъ случаѣ вырастаютъ на особомъ возвышеніи лобной кости. Поразительно, что, по наблюденіямъ Уайтса, (Youatts) вообще увеличеніе числа роговъ сопровождается, но не безъ исключеній, возрастаніемъ длины и грубости руна. Однимъ изъ признаковъ рода овцы считается существованіе лишь одной пары молочныхъ железъ; между тѣмъ, по Ходжесу, нѣкоторыя породы домашнихъ овецъ имѣютъ по четыре соска. То же самое можно сказать и о межкостныхъ железахъ: онѣ могутъ быть или не быть. Признаки, несомнѣнно пріобрѣтенныя лишь въ прирученномъ состояніи, или выражаются исключительно у самцовъ, или же являются у нихъ въ болѣе высокой степени развитія, чѣмъ у самокъ: такъ, у нѣкоторыхъ породъ овцы (иногда также и бараны) вовсе не имѣютъ роговъ, хотя они обыкновенно имѣются у самокъ дикихъ видовъ; у барановъ валахской породы рога поднимаются почти вертикально отъ лобной кости и затѣмъ красиво изгибаются винтомъ; у овецъ, напротивъ, они отклоняются почти подъ прямымъ угломъ отъ головы и затѣмъ своеобразно загнуты. Даже носъ съ горбомъ, который отличаетъ многія иноземныя породы, по Ходжесону, ничто иное, какъ продуктъ домашняго состоянія животнаго.

Подъ непосредственнымъ вліяніемъ жизненныхъ условій, овца измѣняется

легче другихъ домашнихъ животныхъ: такъ, киргизская овца съ курдюкомъ черезъ нѣсколько поколѣній, выросшихъ въ Россіи, вырождается, и массы жиру у нея исчезаютъ. Это показаніе, впрочемъ, рѣшительно отвергается О. Финшемъ; мнѣніе послѣдняго подтверждаетъ также Палласъ, доказавшій, что измѣненіи достигаются однимъ лишь повторяющимся скрещиваніемъ. Такимъ-же образомъ каракулевая раса, перенесенная изъ Бухары въ Персію или въ какую-нибудь другую страну, теряетъ свое тонкое вьющееся руно. Значительная жара также измѣняетъ руно: напр. въ Антигуѣ уже послѣ третьяго поколѣнія исчезаетъ настоящая шерсть, чтобъ уступить мѣсто жидкому волосаному покрову. Но съ другой стороны многія овцы, покрытыя густою шерстью, живутъ въ жаркихъ странахъ Индіи. Если ягнята въ низкихъ и жаркихъ частяхъ Кордильеровъ во время остриженны, то они сохраняютъ свое руно; если-же стрижка не произведена, то шерсть выпадаетъ клочьями и навсегда замѣняется короткими, блестящими волосами, какіе бываютъ у козы. Различныя породы овецъ въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній сохраняютъ свои особенности исключительно въ извѣстныхъ мѣстностяхъ и, повидимому, вполне приспособлены къ нимъ. Маршалъ рассказываетъ, что стада большихъ линкольнширскихъ и мелкихъ норфолькскихъ овецъ совместно выгонялись на большое пастбище, одна часть котораго была низменная, плодородна и сыра, другая — возвышенна, суха и покрыта тощей растительностью; когда овецъ выгоняли, то породы обыкновенно раздѣлялись: большія овцы шли на плодородную часть пастбища, а мелкія — на скудную, такъ что, несмотря на изобиліе травы, обѣ породы держались врозь, подобно воронамъ и голубямъ. Въ Лондонскій зоологическій садъ въ продолженіи цѣлаго ряда лѣтъ привозили овецъ изъ самыхъ различныхъ странъ земли; овцы, происшедшія изъ странъ съ жаркимъ климатомъ, никогда не выдерживали втораго года и умирали отъ чахотки. Подобныя явленія замѣчались и въ другихъ мѣстностяхъ Англіи: такъ, въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ болѣзни внезапно появлялись лишь у извѣстныхъ породъ овецъ, въ то время, какъ другія породы были здоровы. Даже продолжительность беременности не одинакова: она также измѣняется по породамъ и сокращается у благороднѣйшихъ изъ нихъ. Плодовитость также точно оказывается различной по породамъ; однѣ постоянно рождаютъ близнецовъ и даже тройни, въ то время, какъ другія, какъ извѣстно, даютъ только по одному ягненку. Всякій, знающій хоть что-либо объ этомъ предметѣ, ни въ какомъ случаѣ не станетъ сомнѣваться, что цѣлесообразный выборъ производителей можетъ произвести значительныя измѣненія у многихъ породъ овецъ. Заботливымъ выборомъ производителей можно уничтожить даже склонность къ вырожденію, и потому является возможность содержать извѣстныя породы овецъ, напримѣръ тонкорунныхъ, вездѣ, гдѣ только живутъ внимательные и понимающіе дѣло сельскіе хозяева.

Можно доказать, что у овецъ возникали внезапно новыя породы, какъ и у другихъ домашнихъ животныхъ; такъ, въ 1791 году въ Массачусетсѣ родился барашекъ, напоминавшій таксу, съ короткими кривыми ногами и длиннымъ туловищемъ; онъ сталъ родоначальникомъ особой породы овецъ, которыя не могли перепрыгивать черезъ ограды и потому считались очень удобными. Впослѣдствіи порода эта вымерла, потому что ее замѣнили мериносами, но до этого времени эти кривоножки передавали свои признаки потомкамъ до мелкихъ подробностей; когда-же ихъ скрещивали съ другими расами, онѣ давали потомство, которое, за рѣдкими исключеніями, вмѣсто признаковъ помѣси, представляло сходство съ породой отца или матери. Въ 1828 году во Франціи родился барашекъ меринось, отличавшійся длинной, прямой, гладкой, шелковистой, однимъ словомъ превосходной шерстью. До 1833 года владѣтель Гро воспиталъ такъ много овецъ этой породы, что постепенно могъ образо-

вать себя изъ нихъ цѣлое стадо, а черезъ нѣсколько лѣтъ былъ въ состояніи продавать ихъ. Первый баранъ и его непосредственные потомки были не велики, имѣли большую голову, длинную шею, узкую грудь и длинные бока; но этотъ недостатокъ былъ устраненъ заботливымъ скрещиваніемъ и выборомъ заводскихъ овецъ и барановъ. Дарвинъ говоритъ: «если-бы происхожденіе двухъ вышеупомянутыхъ породъ произошло-бы сто или двѣсти лѣтъ тому назадъ, то мы не имѣли-бы никакихъ свѣдѣній объ ихъ происхожденіи, и многіе естествоиспытатели утверждали-бы, не сомнѣваясь, что каждая форма происходитъ отъ какого-нибудь неизвѣстнаго основного вида, или-же произошла отъ скрещиванія съ нимъ».

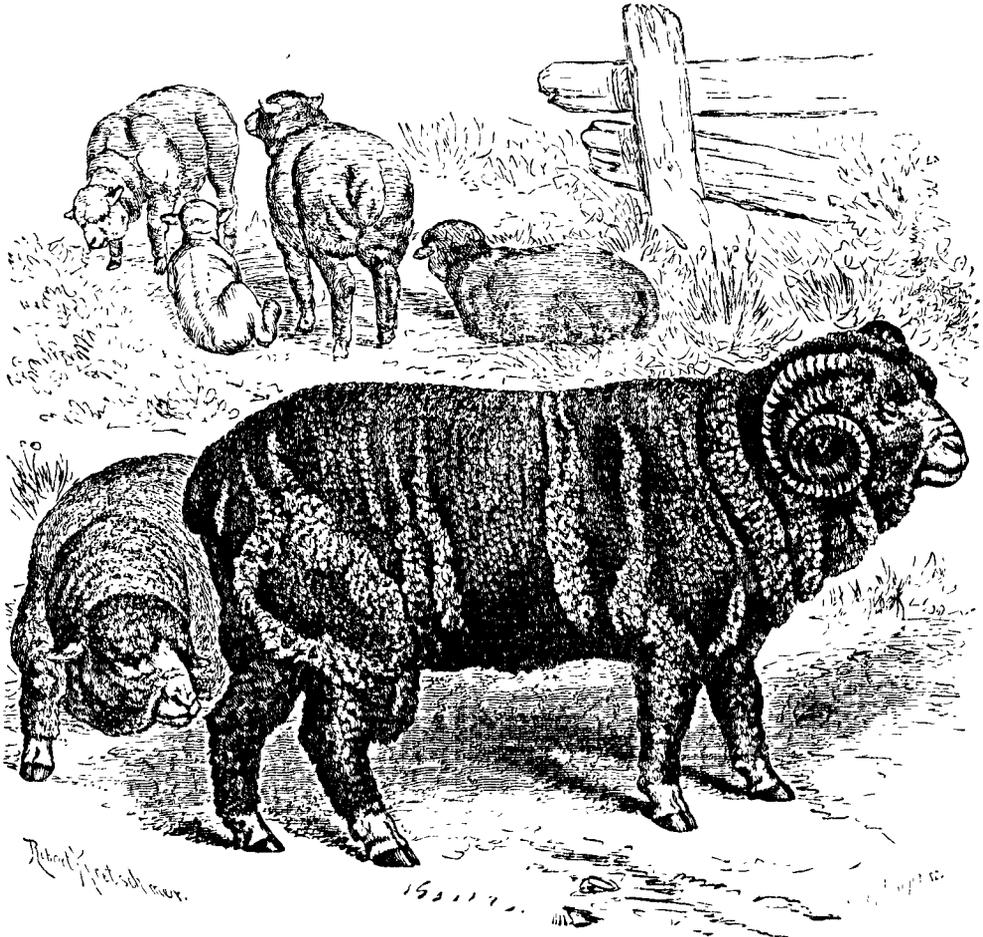
Вышесказаннымъ, повидимому, подтверждается мнѣніе, что различныя породы овецъ оказываются лишь результатами стараній человѣка, и что онѣ подвержены измѣненіямъ, какъ относительно внѣшняго вида, величины и устройства роговъ, такъ и руна, образа жизни, нрава и всѣхъ другихъ особенностей. Подробное описаніе и сравненіе всѣхъ породъ, болѣе или менѣе справедливо различаемыхъ и описываемыхъ, не входитъ въ рамки нашего труда.

Въ настоящее время важнѣйшей и наиболѣе выгодной породой изъ домашнихъ овецъ считаются **Мериносы** (*Ovis aries hispanica*) прибрѣтшіе, какъ извѣстно, въ Испаніи свои отличительные признаки и послужившіе для облагороженія почти всѣхъ другихъ европейскихъ породъ. Мериносы бываютъ средней величины и плотнаго тѣлосложенія и отличаются большой, плосколобой и горбоносой головой, съ тупой мордой, маленькими глазами и большими слезными ямками. Уши средней длины, оканчиваются длиннымъ остриемъ; крѣпкіе рога загнуты у основанія въ сторону и назадъ, потомъ закручены въ видѣ двойного винта и направлены впередъ и вверхъ; встрѣчаются они только у барановъ. Шея короткая и толстая, съ глубокими складками, внизу съ подгрудкомъ, у глотки съ зобовидной выпуклостью; ноги—относительно низки, но крѣпки и сильны, съ тупоконечными копытами; чрезвычайно густое руно, состоящее изъ короткой, мягкой и тонкой ости, обыкновенно очень правильно вѣется.

Чтобы познакомиться съ этимъ животнымъ и современнымъ положеніемъ разведенія его въ Испаніи, я обратился, при посредствѣ моего брата, къ дѣлопроизводителю общества овцеводовъ Испаніи г. Мигуэлю-Лопецу Мартинецу; отъ него я узналъ слѣдующее: «Въ Испаніи различаютъ три главныя породы овецъ: **Энтресина** или средняя порода, самая многочисленная, **Чурра** не столь многочисленная, и наконецъ **Мериносы**, самая благородная, которая, къ сожалѣнію, въ настоящее время численно очень уменьшается. Многіе иностранцы думаютъ, что въ Испаніи имѣлись прежде и теперь находятся одни лишь мериносы, и, конечно, въ продолженіи столѣтій они то и доставили нашимъ овцамъ величайшую славу. Но различныя причины, изъ которыхъ я приведу здѣсь только главнѣйшія, оказали могущественное вліяніе, благодаря которому они съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе уменьшались въ числѣ и замѣнялись вышеназванными двумя другими породами. Самыми главными причинами упадка овцеводства мы должны признать наши законоположенія. Разведеніе стадъ мериносовъ основывалось на такъ называемомъ правѣ лѣтняго пастбища, которое охранялось особеннымъ законоположеніемъ, называемымъ «Места.» «Местой» называлась совокупность особенныхъ правъ, которыми задерживалось развитіе земледѣлія и въ такой-же мѣрѣ поощрялось овцеводство. По этому закону вдоль дорогъ пастухи имѣли право по своему усмотрѣнію пасти свои стада во всякомъ мѣстѣ, а тамонніе владѣльцы могли не допускать ихъ на свои земли только по полученіи особаго королевскаго разрѣшенія, такъ что, по духу этого за-

кона, права землевладѣльцевъ и крестьянъ приносились въ жертву привилегіямъ стадовладѣльцевъ. Эти неумѣстныя права, которыя охранялись и по которымъ судилъ особый совѣтъ мѣсты, конечно были отмѣнены, какъ только явилась конституція, такъ какъ по новымъ законамъ землевладѣльцамъ возвращены были отнятыя у нихъ права.

«Новое положеніе вещей оказалось для стадовладѣльцевъ болѣе пагубнымъ, чѣмъ можно было ожидать. Землевладѣльцы, довольные приобретенными преимуществами,

Мериносы. *Ovis aries hispanica*. $\frac{1}{12}$ наст. вел.

стали тѣснить стада и пастуховъ. Не говоря уже о томъ, что дуга тотчасъ-же были превращены въ поля, виноградники и оливковые сады, и что за уцѣлвшія пастбища стали требовать неслыханную арендную плату, землевладѣльцы завладѣли также выгонами, водоюями, мѣстами отдыха и другими мѣстами, служившими для лѣтняго пастбища овецъ. Безъ пристанищъ по дорогамъ, безъ мѣсть, нужныхъ для отдыха послѣ труднаго пути, во время котораго стадовладѣльцы принуждены были дѣлать большіе крюки и платить высокую арендную плату за выгоны, они терпѣли невѣроятныя убытки, и многіе изъ нихъ, сердясь на новыя учрежденія, распродали большую часть своихъ стадъ. Другая причина также неблагоприятно дѣйствовала на послѣднія. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія значительная часть

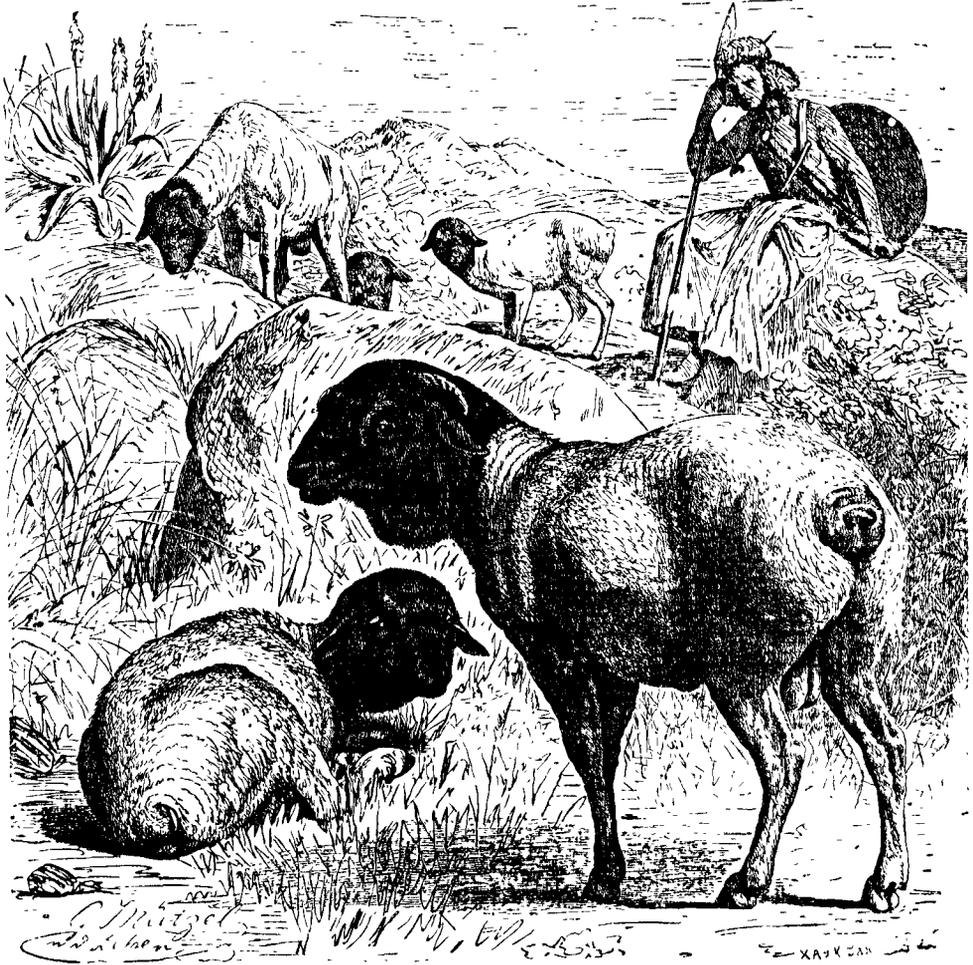
недвижимой собственности въ Испаніи не могла переходить въ другія руки; монастыри, крупные землевладельцы, селенія, города, корпораціи владѣли громадными пространствами, которыхъ они не могли, по существующимъ законамъ, продавать и обмѣнивать. Во всѣхъ частяхъ Испаніи было много подобныхъ недвижимостей, какъ на равнинахъ, такъ и въ горахъ. Вслѣдствіе своей громадности и неотчуждаемости онѣ только отчасти были воздѣланы. остальные-же части становились доходными исключительно благодаря стадамъ. Смотри по времени года. стада переходили въ горы, чтобы лѣтомъ пользоваться ихъ богатыми лугами, а зимою — обратно въ равнины, чтобы предохранить себя отъ зимней стужи высокихъ мѣстъ. Съ отмѣной существовавшихъ дотолѣ затрудненій, упомянутыя помѣстья были большею частью проданы; новые владѣльцы, конечно, начали воздѣлывать всѣ годныя пространства, и засадили ихъ виноградными или оливковыми садами, но этимъ ограничили пользованіе естественными лугами и причинили владѣльцамъ стада новые убытки; для большинства изъ нихъ указанные выше переходы изъ горъ въ равнины сдѣлались тогда даже невозможными. Такимъ-то образомъ стали уменьшать стада мериносовъ и старались постепенно замѣнить ихъ стадами овецъ другихъ породъ, для которыхъ вышеупомянутые переходы изъ горъ въ равнины не столь необходимы, и которыя доставляли-бы больше молока, лучшее мясо, и хотя-бы и худшую, но обильную шерсть. Этому преобразованію способствовало также усовершенствованіе приделенъ: научились обрабатывать и худшую шерсть, и поэтому цѣна на шерсть мериносовъ понизилась; выгода отъ разведенія ихъ все больше и больше уменьшалась, и такимъ образомъ дошло до того, что наибольшая часть знаменитыхъ большихъ стадъ, какъ и многія болѣе мелкія, имѣвшія меньше значенія, были отправлены на бойни, такъ что въ настоящее время видны только слѣды ихъ, и знаменитая порода «Негретти» совершенно исчезла».

Мой корреспондентъ приводитъ, впрочемъ, цѣлый рядъ именъ видныхъ испанскихъ овцеводовъ, которые до сихъ поръ держатъ мериносовъ, указываетъ также мѣстности, въ которыхъ стада пасутся. Я думаю однако-же, что это перечисленіе имѣетъ скорѣе значеніе для сельскохозяйственнаго, чѣмъ для зоологическаго труда и потому ограничусь упоминаніемъ, что, по сообщеніямъ Мартинца, въ настоящее время совершаютъ переходы не всѣ мериносы, и что многія стада превратились въ осѣдлыя. Мериносы отлично освоились въ англійскихъ владѣніяхъ мыса Доброй Надежды. Первыхъ овецъ, а именно саксонской электоральной породы, привезли туда изъ Саксоніи въ 1812 г. Рейцъ и М. фонъ-Бреда; другіе колонисты въ 1820 послѣдовали ихъ примѣру и привезли овецъ изъ Испаніи. Потомство ихъ и ублюдки скрещивались еще и съ другими благородными овцами, привезенными изъ Помераніи, Ганновера и Австраліи, пока не развели много породъ, болѣе пригодныхъ для различныхъ мѣстностей вышеозначенной колоніи.

Кромѣ мериносовъ я упомяну еще о **Курдючной** или **Жирнохвостой овцѣ** (*Ovis aries steatopyga. Fettsteisschaf. Mouton à large queue*). Во внутренней Азіи, какъ и въ сѣверовосточной Африкѣ въ несмѣтномъ количествѣ встрѣчаются овцы курдючной породы; ихъ разводятъ всѣ кочевники сѣверныхъ и внутреннихъ странъ, а также свободные негры. Эта овца довольно большое животное съ маленькими рогами, отличающееся отъ большинства другихъ домашнихъ видовъ своимъ некурчавымъ, а волосинымъ руномъ. Благодаря соразмѣрной короткости и толщинѣ волосъ, она по шерсти похожа на настоящую дикую овцу, мѣхъ ея не имѣетъ уже сходства съ настоящимъ шерстянымъ руномъ и не доставляетъ также шерсти, которую можно было-бы прядь и ткать. Только ягнята покрыты чрезвычайно нѣжнымъ и кур-

чавымъ мѣхомъ. Наше изображеніе представляетъ отличающуюся правильнымъ тѣлосложеніемъ и бросающуюся въ глаза окраской, **Черноголовую овцу**. (*Ovis aries steatoruga persica*. Mouton à tête noire). Животное средней величины, съ небольшими рогами, покрыто волосами, окрашенными на туловищѣ въ бѣловатый, а на головѣ и верхней части шеи въ рѣзко ограниченный, совершенно черный цвѣтъ.

О встрѣчающейся въ Туркменіи курдючной овцѣ сообщаетъ А. Вальтеръ слѣдующее: «Она составляетъ главную массу тамошнихъ стадъ и главное имущество

Черноголовыя овцы. *Ovis aries steatoruga persica*. $\frac{1}{12}$ наст. вел.

кочевниковъ. Курдюкъ у животныхъ большею частью не особенно сильно развитъ, кромѣ того онѣ, почти безъ исключенія, безрогія и отличаются длинными отвислыми ушами. Волосаной покровъ состоитъ изъ длинной, висячей, большею частью только у старыхъ слегка волнистой и мохнатой шерсти. Подобно всемъ степнымъ овцамъ она на солончаковой почвѣ даетъ отличное мясо и становится удивительно жирной, несмотря на скудную нищу пустыни. Молоко, по крайней мѣрѣ отчасти, на ряду съ козьимъ, перерабатывается въ сыръ. Ягнята въ большомъ количествѣ убиваются еще маленькими, такъ какъ мѣхъ ихъ очень красивъ и дорого цѣнится (мерлушка). Разводить преимущественно часто встрѣчающихся, а въ запад-

ныхъ частяхъ стени почти преобладающихъ овецъ, съ черной окраской, потому что на черныя овчины большой спросъ для высокихъ папахъ, употребляемыхъ на Кавказѣ. Впрочемъ встрѣчается также очень часто и совершенно бѣлая окраска, а именно въ стадахъ степей сѣвернѣе Красноводска. Далѣе попадаетъ много бѣлыхъ животныхъ съ черными головами и одноцвѣтно-бурыхъ; послѣднія преимущественно на востокъ у Мургаба; впрочемъ здѣсь еще чаще встрѣчаются свѣтло-бурыя съ темно-бурыми головами, а также бѣлыя съ бурыми головами, которыя преобладаютъ въ дельтѣ устья Теджена». Вышеупомянутыя овчины ягнятъ, поступающія въ торговлю вмѣстѣ съ таковыми-же изъ сосѣднихъ странъ подъ именемъ персидскихъ, астраханскихъ и крымскихъ, представляютъ цѣнный мѣхъ, и по тонкости своей и достоинству выдѣлки, въ которой азіатскіе народы особенные мастера, оплачиваются въ 5—15 марокъ за штуку, а нерѣдко и дороже.

Встрѣчающаяся въ киркизскихъ степяхъ курдючная овца, по Финшу, большого роста, плотнаго тѣлосложенія, съ довольно высокими ногами, съ выпуклымъ носомъ и висячими ушами. Вѣсъ ея достигаетъ отъ 65 до 80 kgr., причемъ $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{3}$ приходится на одинъ лишь курдюкъ. Грубая шерсть преимущественно употребляется на выдѣлку войлока. «Овецъ съ настоящимъ жирнымъ хвостомъ», пишетъ Финшъ, «нѣтъ въ киргизскихъ степяхъ, потому что у тѣхъ, которыхъ мы видѣли, а ихъ было очень много, не можетъ быть вообще и рѣчи о курдюкѣ, такъ какъ онѣ почти всѣ оказались безхвостыми. Дѣйствительно очень коротенькій хвостъ спрятанъ въ жировой подушкѣ, которая образуется на ягодицахъ и распространяется въ видѣ мѣшка надъ верхней и задней половиной бедеръ. Образованіе жировой подушки развивается слѣдовательно совершенно такимъ-же образомъ, какъ у черноголовыхъ овецъ, широко распространенныхъ въ средней Африкѣ, Аравіи и Персіи. Какъ у верблюдовъ во время голода постепенно почти совсѣмъ исчезаютъ горбы, такъ у киргизскихъ овецъ—ихъ курдюкъ».

Впрочемъ и въ южной Африкѣ водятся курдючныя овцы, и даже въ Капландѣ въ настоящее время во многихъ мѣстностяхъ фермеры содержатъ, кромѣ мериносовъ, этихъ овецъ, которыхъ насчитываютъ тамъ до милліона. Первые поселенцы нашли уже этихъ выносливыхъ, довольствующихся малымъ животныхъ во владѣніи у готентотовъ и продолжаютъ ихъ разводить, не измѣняя породы, ради отличнаго мяса.

Домашняя овца спокойное, терпѣливое, кроткое, ограниченное, рабски покорное, лишенное воли, боязливое и трусливое, короче сказать—скудное созданіе. Ей почти нельзя приписать какихъ-либо особенныхъ качествъ: она вовсе лишена характера. Только въ періодъ случекъ обнаруживается у нея отдаленное сходство съ нравомъ другихъ жвачныхъ и выказываются черты характера, которыя могутъ, хотя отчасти, возбудить къ ней участіе человѣка. Въ остальномъ овца выказываетъ такую духовную ограниченность, какой не встрѣчаешь ни у одного домашнего животнаго. Она ничего не понимаетъ и ничему не научается, поэтому сама не способна себѣ помочь. Если-бы своекорыстный человѣкъ не взялъ ее подъ особенную защиту, она перестала-бы существовать въ самое короткое время. Боязливость ея смѣшна, трусость жалка. Отъ всякаго невѣдомаго звука пугается цѣлое стадо; молнія, громъ, буря и гроза совсѣмъ лишаютъ ихъ присутствія духа, которое не можетъ иногда быть восстановлено даже величайшими усиліями человѣка.

Въ степяхъ Россіи и Азіи пастухамъ часто приходится много терпѣть отъ этого. Во время мятелей и бурь стада бросаются въ разсыпную, какъ безумныя мчатся по стени, низвергаются въ водоемы, даже въ море, иногда останавливаются и торчатъ на одномъ и томъ-же мѣстѣ, не сопротивляются заносящему ихъ свѣгу

и жестокому морозу и не думаютъ о томъ, чтобы какъ-нибудь оградить себя отъ непогоды или отыскать себѣ хоть пищу. Случается, что въ одинъ день погибаютъ тысячи. Въ Россіи также пользуются въ качествѣ проводниковъ овецъ козами, но и онѣ не всегда въ состояніи руководить этими глупыми животными.

Коль сообщаетъ, что старый пастухъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ изобразилъ бѣдствія, которыя причиняютъ снѣжныя бури стадамъ и пастухамъ. «Мы самъ съёмъ пасли наше стадо въ 2000 овецъ и 150 козъ въ степяхъ подь Очаковымъ. Въ первый разъ мы выгнали стадо въ мартѣ; погода была хорошая и показалась уже молодая трава. Къ вечеру пошелъ дождь и поднялся холодный вѣтеръ. Вскорѣ дождь превратился въ снѣгъ: становилось холоднѣе, наши платя обмерзали, и спустя нѣсколько часовъ послѣ захода солнца началъ бушевать и ревѣть сѣверо-восточный вѣтеръ, такъ что мы перестали видѣть и слышать. Мы находились въ незначительномъ разстояніи отъ овчарни и жилища и постарались добраться до нихъ. Между тѣмъ вѣтеръ встревожилъ овецъ и гналъ ихъ все дальше отъ жилища. Тогда мы стали пробовать вернуть обратно козловъ, за которыми стадо привыкло слѣдовать; но, насколько эти животныя мужественны при другихъ обстоятельствахъ, настолько-же они бояся холодныхъ бурь. Мы бросались во всѣ стороны, отбивали и гнали ихъ назадъ, противились и бурѣ, и стаду, но овцы тѣснились и давили другъ друга, а беспорядочная куча ихъ продолжала катиться все дальше и дальше въ продолженіи всей ночи. Когда наступило утро, мы не видѣли ничего вокругъ себя, кромѣ снѣга и мрачной, бурной пустыни. Днемъ продолжалась все та-же бѣшеная буря, и стадо двигалось даже скорѣе, чѣмъ ночью, когда оно задерживалось до нѣкоторой степени густой темнотой. Мы отдались на произволь судьбы; стадо быстрыми шагами двигалось впередъ: мы сами шли во главѣ, за нами блеющая и кричащая куча овецъ, далѣе рысью быки съ возомъ, нагруженнымъ запасами, а за ними стая нашихъ воющихъ собакъ. Въ этотъ день уже исчезли наши козы; нашъ путь вездѣ былъ усыянъ оставленными нами околѣвшими животными. Передъ вечеромъ стали двигаться нѣсколько медленнѣе, потому что овцы ослабѣли отъ голода и бѣга. Къ сожалѣнію, силы стали покидать и насъ. Двое изъ насъ заявили, что они больны и залѣзли подь шубы на возъ. Наступила ночь, а мы все еще не находили спасительнаго двора или деревни. Эта ночь была для насъ еще хуже, чѣмъ предыдущая, и такъ какъ мы знали, что буря гонитъ насъ какъ разъ на крутой берегъ моря, то и ждали каждое мгновеніе, что свалимся въ него вмѣстѣ съ нашимъ глупымъ скотомъ. Заболѣлъ еще одинъ изъ нашихъ людей. Когда наступилъ день, мы увидѣли нѣсколько домовъ, мелькнувшихъ въ сторонѣ отъ насъ черезъ снѣжный туманъ. Хотя они были отъ насъ совсѣмъ близко, не болѣе 30 шаговъ отъ наружнаго крыла мчавшагося стада, но глупыя животныя ни на что не обращали вниманія и по прежнему держались направленія, по которому ихъ гнало вѣтромъ. Въ борьбѣ съ овцами мы и сами потеряли наконецъ возможность добраться до домовъ,—насколько мы были во власти бѣшеной бури. Дома исчезли на нашихъ глазахъ, и мы неминуемо погибли-бы такъ близко отъ помощи, если-бы вой нашихъ собакъ не привлекъ вниманія обитателей. Это были нѣмецкіе колонисты и первый, узнавшій о нашей бѣдѣ, тотчасъ-же забилъ тревогу среди своихъ сосѣдей и работниковъ. И вотъ, въ числѣ 15 человекъ они бросились со снѣжными силами на встрѣчу нашимъ овцамъ, потянули и поволокли ихъ, а насъ и нашихъ больныхъ постепенно перетаскили въ свои дома и дворы. По пути пропали всѣ наши козы и 500 овецъ. Но и во дворѣ погибли еще многія, потому что, какъ только животныя замѣтили защиту, которую доставляли имъ дома и кучи соломы, какъ съ безумнымъ бѣшенствомъ стали толпиться, тѣсниться, давить другъ друга и такъ

тѣсно скучиваться, какъ будто злой духъ бури по прежнему гнался за ними. Мы сами обязаны были нашимъ спасеніемъ прежде всего Богу, а затѣмъ добрымъ нѣмцамъ, потому что не далѣе четверти часа пути отъ гостепріимныхъ домовъ былъ обрывъ въ море въ 20 сажень высоты».

Точно также ведутъ себя у насъ въ деревнѣ овцы во время сильныхъ грозъ, при наводненіяхъ или пожарахъ. Во время грозы онѣ скучиваются и ихъ невозможно сдвинуть съ мѣста. «Если молнія ударяетъ въ стадо», говоритъ Ленцъ, «то сразу погибають многія; если загорается овчарня, то овцы не выбѣгаютъ изъ нея, или даже прямо бросаются въ огонь. Я видѣлъ однажды большую, сгорѣвшую овчарню, наполненную изжаренными овцами; несмотря на всѣ старанія, удалось насильно спасти лишь немногихъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ задохлось почти цѣлое стадо изъ-за того, что въ овчарню вскочили двѣ охотничьи собаки и этимъ до того перепугали овецъ, что онѣ, скучившись, задушили другъ друга. Другое стадо до такой степени было разогнано и разсѣяно собакой какого-то прохожаго, что многія погибли въ лѣсу». Лучшимъ средствомъ спасти овецъ изъ горящей овчарни все-же оказывается изгнаніе ихъ оттуда, при посредствѣ знакомыхъ имъ овчарокъ.

Эти рассказы во многомъ характеризуютъ нравы овецъ. Конечно до известной степени и овца обнаруживаетъ умственные способности. Она пріучается узнавать своего хозяина, слѣдуетъ его зову и оказывается нѣкоторымъ образомъ послушной, кажется впечатлительной къ музыкѣ, по крайней мѣрѣ внимательно слушаетъ игру пастуха на дудкѣ, также предчувствуетъ и замѣчаетъ переменныя погоды.

Овца предпочитаетъ сухія и высоколежащія мѣстности низкимъ и сырымъ. По сообщеніямъ Линнея, она поѣдаетъ 327 видовъ обыкновенныхъ средневропейскихъ растений, и отказывается ѣсть 141 видъ. Куриная слѣпота, молочай, безвременникъ (*Colchicum autumnale*), пупавка (*Anthemis tinctoria*), хвощи, очитокъ (*Sedum acre*) и ситникъ (*Juncus*)—оказываются для нихъ ядомъ. Лучше всего онѣ развиваются, если могутъ имѣть разнообразныя сухія травы; кормъ изъ хлѣбныхъ растений дѣлаетъ ихъ слишкомъ жирными и портитъ имъ шерсть. Овца очень любитъ соль, а свѣжій водопой является необходимою потребностью для нея.

Половое возбужденіе впервые появляется у нихъ въ мартѣ и затѣмъ продолжается все лѣто. Древніе римляне допускали случки своихъ овецъ между маемъ и іюнемъ; сельскіе хозяева въ болѣе холодныхъ странахъ предпочитаютъ время отъ сентября до октября. Такъ какъ овца суйгна отъ 144 до 150 дней, то ягнята появляются въ половинѣ февраля и скоро получаютъ хорошій и свѣжій кормъ. Обыкновенно матка рождаетъ одного или двухъ ягнятъ, а трехъ очень рѣдко. Вначалѣ маленькихъ животныхъ слѣдуетъ заботливо предохранять отъ вліянія погоды, позже ихъ можно пускать на пастбище. На первомъ мѣсяцѣ жизни у нихъ прорѣзываются молочные зубы, на шестомъ мѣсяцѣ является первый постоянный коренной зубъ; на второмъ году жизни оба молочные рѣзца выпадаютъ и замѣняются постоянными, къ концу этого года показывается третій остающійся коренной зубъ, и постепенно выпадаютъ всѣ остальные молочные коренные зубы и замѣняются постоянными; только на пятomъ году замѣняются передніе коренные молочные зубы и вмѣстѣ съ тѣмъ оканчивается выростаніе зубовъ. Собственно только послѣ замѣны всѣхъ зубовъ слѣдовало-бы считать животное взрослымъ, но овца уже въ годовомъ, а баранъ въ восемнадцатимѣсячномъ возрастѣ способенъ къ случкѣ и оплодотворенію. Всѣ породы легко плодятся между собой, поэтому овцу легко можно облагородить.

Въ нашей странѣ это высоко цѣнимое домашнее животное имѣетъ мало враговъ, но уже на сѣверѣ и югѣ Европы за стадами довольно часто крадется волкъ. Въ Азіи, Африкѣ и Америкѣ овцы преслѣдуются большими кошками

и болѣе крупными дикими собаками, въ Австраліи врагами ихъ являются динго и сумчатый волкъ. Нашъ Мишка-медвѣдь также кое-гдѣ любитъ поживиться овцою. Ягнятамъ опасны орлы и ягнятники. Зато овцы, всего больше преслѣдуемая врагами, всего менѣе страдаютъ отъ повальныхъ болѣзней, и такимъ образомъ уравнивается потеря. Самая частая изъ всѣхъ болѣзней, это «вертежь», которая бываетъ преимущественно у молодыхъ овецъ; она происходитъ отъ пузырьчатки лентеца (*Taenia coenurus*), которая заводится въ мозгу. Другіе кишечные черви, такъ называемые печеночные (*Distomum hepaticum*), производятъ воспаленіе печени, нѣкоторые круглые глисты — воспаленіе легкихъ. Къ этому присоединяется еще кровавой ударъ, поносъ, воспаленіе железъ между копытами, оспа, раздутость брюха и другія часто очень гибельныя болѣзни.

Немного десятилѣтій тому назадъ польза отъ овецъ была несравненно больше, чѣмъ въ настоящее время. Въ странахъ, вполне обработанныхъ, содержаніе овецъ не доставляетъ теперь большихъ выгодъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ въ Австраліи, Новой Зеландіи, Капландіи и т. д. широко распространилось разведеніе овецъ; можно сказать — овца отстываетъ отъ культуры. Въ южныхъ странахъ пользуются и молокомъ ея, чтобы приготовить изъ него хорошій сыръ (на Кавказѣ «брыза»); напротивъ породистыхъ овецъ нигдѣ не доятъ, потому что отъ этого уменьшился-бы барышъ отъ шерсти.

Овцы могутъ доживать до 14-ти лѣтняго возраста; но уже на девятомъ или десятомъ году жизни выпадаетъ у нихъ большинство зубовъ. Онѣ становятся тогда негодными, и ихъ слѣдуетъ какъ можно скорѣе откормить и зарѣзать.

На негостепримныхъ пространствахъ далекаго сѣвера, въ тѣхъ безотрадныхъ странахъ, гдѣ земля только лѣтомъ неглубоко оттаиваетъ на поверхности, гдѣ малорослая древесная растительность едва прозябаетъ, гдѣ широко протянулись моховыя и лишайныя тундры, рядомъ съ сѣвернымъ оленемъ бродитъ еще и другое жвачное — **Овцебыкъ** или **Мускусный быкъ**. Прежде только что названный жвачный жилъ въ болѣе южныхъ мѣстностяхъ и, по словамъ Дункана, овцебыкъ упорно боролся за свое существованіе, какъ доказываютъ намъ оставшіеся отъ него обломки костей во многихъ прежнихъ руслахъ рѣкъ въ Европѣ и Азіи. Южная граница области его распространенія проходила прежде на 15 градусовъ широты ниже, а теперь въ Америкѣ, единственной части свѣта, обитаемой имъ, она начинается только съ 60 градуса сѣверной широты. По Гартлаубу, который собралъ различныя сообщенія сѣверныхъ путешественниковъ объ овцебыкѣ, область его распространенія нынѣ простирается черезъ пустыни или тундры сѣверо-американскаго материка на острова, лежащіе далѣе на сѣверъ и на большую часть Гренландіи. Юго-западной границей ихъ распространенія можетъ служить линія, служащая одновременно границей сѣверныхъ лѣсовъ; она начинается нѣсколько южнѣе 61 градуса сѣверной широты, у Гудзонова залива, направляется на западъ, приблизительно до середины Большого Медвѣжьяго озера подъ 66 градусомъ сѣверной широты, а отсюда идетъ въ сѣверо-западномъ направленіи къ мысу Батурста или до устья рѣки Мекензи. По сообщеніямъ Ричардсона, западнѣе рѣки Мекензи овцебыкъ не встрѣчается, но, по справкамъ Бичи, вѣроятно, что онъ распространяется и далѣе на западъ. Существованіе этого животнаго въ западной Гренландіи въ прежнее время часто подтверждалось, но часто и оспаривалось; на востокѣ, на островахъ, которые были посѣщаемы Сабиномъ и Клеверингомъ и названы по ихъ имени, существованіе его установлено лишь второю германскою полярною экспедиціей. Вслѣдъ затѣмъ

члены экспедиции, вѣздившіе на корабль «Полярисъ», встрѣчали овцебыка въ западной Гренландіи и притомъ подѣ 81° 38' сѣверной широты, изъ чего слѣдуетъ, что это животное на сѣверѣ достигаетъ крайнихъ предѣловъ распространенія какихъ-либо другихъ млекопитающихъ.

Овцебыкъ или **Мускусный быкъ**, называемый у эскимосовъ **Умингарокъ** (*Ovibos moschatus*, *Bos moschatus*, Schafochs. Boeuf musque) удивительнымъ образомъ соединяетъ въ себѣ признаки овецъ и быковъ, и поэтому, кажется, справедливо разсматривать его, какъ представителя особаго подсемейства (*Ovibovinae*). Эта переходная форма жвачныхъ похожа на овецъ и отличается отъ быковъ слѣдующими призна-

Овцебыкъ. *Ovibos moschatus*. $\frac{1}{4}$ н. в. в.

ками: отсутствіемъ подгрудка и голаго пятна на мордѣ, короткостью какъ-бы обрубленнаго хвоста, различными, т. е. неодинаково устроенными копытами, и двумя сосками на вымени. Сравненіе его черепа и скелета съ таковыми-же быковъ и овецъ приводитъ къ тому-же заключенію, какъ и обзоръ наружныхъ частей. По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей его родство съ овцами ближе, чѣмъ съ быками. Овцебыкъ Берлинскаго музея, котораго, вѣроятно, слѣдуетъ считать вполне взрослымъ, даетъ мнѣ возможность подробно описать его. Общая длина, включая короткій хвостъ въ 7 см., равняется 2,44 м., высота въ плечахъ 1.1 м. Туловище, покоющееся на короткихъ и сильныхъ ногахъ, массивно и одинаковой высоты сзади и спереди; шея короткая и толстая, хвостъ имѣетъ видъ спрятаннаго въ мѣхѣ отростка, голова очень тяжелая, относительно узка и высока; лобъ закрытъ большею частью рогами; надбровныя возвышенности высоко вздуты; продолговато-закругленные и не особенно маленькія уши спрятаны

въ мѣхѣ; глаза малы; большія овальныя ноздри расположены косо и окружены голымъ краемъ, который вмѣстѣ съ непокрытой волосами полосой, идущей по верхней губѣ отъ одной ноздри къ другой, замѣняетъ большое голое пятно на мордѣ быковъ; большая неуклюжая морда отличается своими толстыми губами. Рога закрываютъ почти весь лобъ, такъ какъ очень широкіе и плоскіе у корня они такъ сближаются по серединѣ, что между ними остается только узкая и глубокая борозда; рога до половины своей длины покрыты продольными валиками, которые можно замѣтить еще на концахъ въ видѣ толстыхъ полосъ. Самые рога загибаются сначала внизъ и немного назадъ, плотно прилегая къ головѣ, потомъ, приблизительно у нижняго края глазъ, прямо внизъ, потомъ поворачиваются впередъ и наружу и, наконецъ, обращаются острыми концами снова вверхъ. Копыта велики, широки и круглы; придаточныя копытца малы и сидятъ высоко. Рога окрашены въ свѣтло-сѣрый роговой, копыта въ темный цвѣтъ.

Туловище покрыто необыкновенно густымъ мѣхомъ, верхняя часть морды и ноги тоже. Довольно толстые волоса ости повсюду длинны и болѣе или менѣе волнисты, отъ подбородка до груди удлиняются въ гриву, почти достигающую до земли, а по бокамъ, особенно сзади, спускаются до копытъ въ видѣ длинной бахромы. Мѣхъ очень длинень такъ же на холкѣ, образуетъ здѣсь родъ сѣдла, которое начинается за рогами и лежитъ съ обѣихъ сторонъ шеи, закрывая даже уши. Только грива, все болѣе и болѣе удлиняющаяся отъ подбородка кзади, состоитъ изъ гладкихъ волосъ; остальной мѣхъ повсюду волнистъ, на краяхъ спиннаго сѣдла курчавый, сбитый на подобіе войлока, на опушкѣ морды волоса относительно коротки, но все-таки имѣютъ до 7 см. длины. За исключеніемъ морды и ногъ, покрытыхъ гладкими волосами, около 5 см. длиною, повсюду между остью замѣчается обильный подшерстокъ, пробивающійся хлопьями черезъ весь мѣхъ и переростающій его на задней части спины, такъ что здѣсь появляется пятно, похожее на чепракъ. Общая окраска темно-бурая, переходящая на мордѣ и волосахъ гривы въ болѣе темную; болѣе свѣтлая окраска замѣтна на сѣдлѣ. Губы, полоса, окружающая переднее мохнатое сѣдло, и мѣсто на задней части спины, образуемое выступающимъ подшерсткомъ, имѣютъ сѣровато-бурый цвѣтъ; нижняя часть ногъ и поперечная полоса, обхватывающая рога сзади и скрытая въ мохнатомъ мѣхѣ, желтовато-сѣрая. Исключая волосъ, окружающихъ вышеупомянутое сѣдло, которые свѣтлѣе на концахъ, всѣ остальные волоса окрашены по всей длинѣ въ одинъ цвѣтъ. Теленокъ нѣсколько дней послѣ рожденія уже почти совершенно похожъ на взрослое животное, покрытъ густымъ мѣхомъ и отличается по окраскѣ только тѣмъ, что блѣдно-сѣрый цвѣтъ подымается выше на ногахъ, а спина и подхвостье свѣтлѣе, чѣмъ у взрослыхъ.

Первое извѣстіе объ овцебыкѣ мы находимъ у испанскаго путешественника и историка половины XVI столѣтія, Гомараса, сообщающаго о «длинношерстныхъ, живущихъ въ странѣ Квивира, овцахъ величиной съ лошадей, съ очень короткимъ хвостомъ и удивительно большими рогами»; это описаніе можетъ относиться къ мускуснымъ быкамъ, однако можетъ возбуждать и сомнѣніе. Затѣмъ мы узнаемъ нѣчто определенное объ этомъ животномъ отъ французскаго путешественника и охотника за пушными звѣрями, Жереми, въ его сообщеніяхъ, появившихся въ 1720-мъ году о земляхъ, которыя окружаютъ Гудзоновъ заливъ. Какъ сообщаетъ упомянутый писатель, онъ встрѣчалъ на западномъ берегу Гудзонова залива подъ 59-мъ градусомъ сѣверной широты видъ быковъ, названныхъ имъ мускусными, потому что они такъ сильно пахли этимъ веществомъ, что «въ извѣстное время невозможно было употреблять въ пищу ихъ мясо. Этыхъ животныхъ при глубокомъ снѣгѣ убивали ударами копій, такъ

как они не въ состояніи были убѣжать». Жереми велѣлъ изготовить себѣ изъ шерсти этого животнаго чулки, которые были лучше и мягче, чѣмъ шелковые, слѣдовательно и въ этомъ отношеніи шерсть описываемаго животнаго достаточно характерна. Позже мы получаемъ болѣе подобныя извѣстія о мускусныхъ быкахъ отъ Армстронга, Бельчера, Франклина, Гирне, Макъ-Клинтока, Макъ-Кармика, Мечема, Парри, Ричардса и другихъ. Наконецъ при новѣйшихъ экспедиціяхъ его отыскиваютъ и на востокѣ, и на западѣ Гренландіи; свѣдѣнія немъ, если и не обогащаются существенно, то все-же кое-чѣмъ дополняются и, что особенно важно, новыя извѣстія подтверждаютъ прежнія. Если попытаться свести во едино всѣ сообщенія, получится приблизительно слѣдующее жизнеописаніе животнаго.

Въ своей обширной области распространенія мускусный быкъ живетъ во всѣхъ мѣстахъ, доставляющихъ ему хотя-бы временно пищу и пристанище. Собравшись въ стадо, которое измѣняется часто въ численности, они располагаются преимущественно въ долинахъ и низменностяхъ, Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ къ сѣверу они встрѣчаются, кажется, въ большомъ количествѣ: по крайней мѣрѣ члены второй нѣмецкой полярной экспедиціи на основаніи своихъ изслѣдованій утверждаютъ это относительно восточной Гренландіи. Имъ встрѣчались стада въ 20—30 головъ. Но на самыхъ отдаленныхъ островахъ на сѣверо-западѣ Мечемъ видѣлъ на небольшомъ участкѣ земли, длиною въ одинъ день ходьбы, 150 пасущихся мускусныхъ быковъ, а въ другой разъ около 70 штукъ на пространствѣ, которое онъ могъ окинуть взглядомъ. Быковъ въ стадѣ всегда немного сравнительно съ количествомъ коровъ, рѣдко бываетъ больше 2-хъ или 3-хъ вполне взрослыхъ, такъ какъ во время спариванія они жестоко дерутся и драки эти нерѣдко кончаются смертью одного изъ противниковъ, что доказываютъ валяющіеся трупы быковъ. Въ продолженіи лѣта эти стада предпочтительно держатся на сѣверѣ материка Америки, преимущественно вблизи рѣкъ; съ наступленіемъ-же осени передвигаются болѣе на югъ; въ это-же время они собираются большими стадами, между тѣмъ какъ раньше пасутся чаще особнякомъ. Когда крѣпость льда позволяетъ, то нерѣдко видно, какъ они длинными вереницами тянутся съ одного острова на другой, чтобы найти мѣсто, хотя временно изобилующее пищей; опустошивъ его, они перекочевываютъ дальше. Какъ далеко простираются ихъ странствованія, пока еще неизвѣстно; кажется однако, что на самомъ дальнемъ сѣверѣ они даже зимою не совсѣмъ бросаютъ свои стоянки, даже тогда, когда должны добывать себѣ пищу изъ-подъ глубокаго снѣга. Только удивительная неприхотливость даетъ имъ возможность выносить страшныя зимы. Медленно и осмотрительно проходятъ они по безконечнымъ снѣжнымъ пустынямъ, чтобы достигнуть мѣсть, обѣщающихъ имъ пропитаніе. Съ таяніемъ снѣговъ для нихъ наступаетъ время самое удобное для отысканія пищи, но зато богатое другими страданіями. Послѣ зимы, дававшей имъ лишь скудную, глубоко подъ снѣгомъ погребенную пищу, они теперь безъ труда питаются низкой растительностью, которая мѣстами роскошно распускается хотя на короткое время; но зато они сильно страдаютъ отъ комаровъ, появляющихся иногда по-истинѣ безчисленными роями, и одновременно должны выдержать еще и линяніе. Послѣднее, повидимому, проходить нелегко, по причинѣ плотности руна. Вѣроятно, стараясь покрыть себя корой въ защиту отъ своихъ мучителей, они часто валяются въ болотахъ и трясинахъ; въ это время они, кажется, выбираютъ менѣе открытыя мѣста стоянокъ; только послѣ окончательнаго линянія, они снова терпѣливо и неустанно продолжаютъ блуждать по обширнымъ пространствамъ своей печальной родины.

Въ концѣ августа происходитъ спариваніе, а въ концѣ мая, т. е. черезъ 9 мѣсяцевъ, корова телится. Теленокъ—маленькое, необыкновенно милое созданіе,

нѣжно любимое родителями, которые въ случаѣ опасности защищаютъ его съ величайшимъ мужествомъ. Члены 2-ой германской полярной экспедиціи въ одну изъ своихъ поѣздокъ на саянхъ нашли въ широкой долинѣ съ умѣренной растительностью 11 взрослыхъ овцебыковъ и 3-хъ телятъ, мирно пасшихся тамъ. Одни изъ животныхъ сначала подпустили пришельцовъ къ себѣ близко, повидимому, безъ опасенія и страха, но потомъ все-же бросились бѣжать; трое другихъ, за которыми слѣдовали два теленка, напротивъ, стали въ оборонительное положеніе, тѣсно сплотились, опустили головы, испуганно и дико храпѣли, не переходя, однако, къ нападенію. Телята стояли позади взрослыхъ животныхъ, которые отгоняли ихъ назадъ, всякій разъ когда дѣтеныши обнаруживали желаніе изъ любопытства выдвинуться впередъ. Нѣсколько выстрѣловъ обратили въ бѣгство храбрыхъ животныхъ, но и тутъ взрослые быки, также какъ и коровы, обнаружили удивительную заботливость, чтобы даже при самомъ быстромъ бѣгѣ ни одинъ изъ телятъ не отставалъ. Последніе, хотя имъ могло быть не болѣе 14 дней отъ роду, убѣгали на своихъ несо-размѣрно длинныхъ и тонкихъ ногахъ, какія бываютъ у многихъ юныхъ четвероногихъ, съ поразительной быстротой и скоро вовсе скрылись отъ своихъ враговъ.

Несмотря на свою неуклюжую фигуру, овцебыки двигаются съ удивительною легкостью, по словамъ Росса, даже съ ловкостью и проворствомъ антилопъ. Подобно козамъ они лазаютъ по скаламъ, безъ всякихъ усилій взбираются на крутыя стѣны и безъ головокруженія смотрятъ съ высоты внизъ. «Это было по-истинѣ прекрасное зрѣлище», описываетъ Копеландъ, «когда они прыгали съ изумительнымъ проворствомъ вверхъ по крутому, покрытому голыми камнями скату, гдѣ человѣку стоило-бы величайшихъ усилій удержаться на ногахъ. Подобно всѣмъ стаднымъ животнымъ, они и при подъемѣ держатся тѣсно другъ друга; иначе послѣдній, т. е. тотъ, который находится ниже всѣхъ, подвергся-бы настоящему граду камней, которые сбрасываютъ передніе, торопясь убѣжать». Если Копеландъ при первой встрѣчѣ съ мускусными быками удивлялся ихъ проворству и ловкости, то его еще болѣе поразило, когда онъ позже увидалъ, какъ они взбирались по скату базальтовой скалы, которая была такъ крута, какъ только могутъ быть круты базальтовыя скалы. Въ три или четыре минуты, не больше, они взобрались на высоту въ 150 м., на что потребовалось у преслѣдователей немало напряженій и цѣлыхъ полчаса времени. Въ этомъ они также обнаруживаютъ родство съ овцами, а между быками имѣютъ только одного родича, яка, который до нѣкоторой степени могъ-бы соперничать съ ними.

Относительно понятливости овцебыка, высказываются различныя сужденія, что объясняется всего проще тѣмъ, что европейцы, дѣйствительно способные къ наблюденію, очень рѣдко сталкивались съ ними. Маленькіе глаза съ тупымъ выраженіемъ не говорятъ объ особенномъ развитіи зрѣнія; почти спрятанныя въ мѣхѣ уши также мало свидѣтельствуютъ о тонкости слуха. Обоняніе, напротивъ, несмотря на плохое развитіе слизистой оболочки на мордѣ, должно быть тонкимъ, по крайней мѣрѣ такъ-же развито, какъ у овецъ; относительно вкуса и осизанія едва-ли можно выразить сужденіе по имѣющимся до сихъ поръ сообщеніямъ, но нѣтъ никакихъ основаній для предположенія, что эти чувства развиты у нихъ хуже, чѣмъ у быковъ. То-же самое можно сказать и относительно ихъ понятливости. Тѣ овцебыки, которые очень рѣдко, а можетъ быть и никогда не встрѣчались съ непримиримымъ врагомъ всѣхъ животныхъ, т. е. человѣкомъ, при встрѣчѣ съ нимъ часто обнаруживаютъ смущеніе и беспомощность; однако скоро соображаютъ въ чемъ дѣло и получаютъ правильное представленіе о той ужасной опасности, которой они подвергаются отъ противника, внезапно появившагося на ихъ родныхъ по-

ляхъ, посящаемыхъ развѣ волками или полярными медвѣдями. Сообразно этому, они измѣняютъ свою прежнюю довѣрчивость и, сознавая предстоящую опасность, своевременно обращаются въ бѣгство. Сначала они «стоятъ какъ вкопанные, пристально всматриваются въ совершенно имъ незнакомаго врага и лишь медленно и осмотрительно приходятъ къ какому-нибудь рѣшенію». По причинѣ своей довѣрчивости, они приближаются къ незнакомому существу и выказываютъ свое удивленіе разными странными тѣлодвиженіями и неуклюжими выходами; такъ, четыре мускусные быка вздумали заигрывать съ Пайеромъ, напавши на его астролябію.

Если многимъ охотникамъ удастся одновременно подкрасться съ разныхъ сторонъ къ спокойно пасущемуся стаду мускусныхъ быковъ, то послѣдніе, вмѣсто того, чтобы бѣжать и разсѣяться, скачиваются тѣснѣе и тѣмъ даютъ возможность по нимъ нѣсколько разъ выстрѣлить. Такая охота, по совершенно справедливому взгляду Пайера и Конеланда, вполнѣ безопасна и не труднѣе, чѣмъ стрѣляніе изъ пастушьей хижины по расположившемуся вокругъ нея стаду козъ или коровъ. «Лишь только охотникъ увидитъ животныхъ», говорится далѣе, «онъ долженъ лечь на брюхо, положить вольѣ себя запасной патрѣнъ, приготовить оружіе, сохранять полнѣйшую тишину и стрѣлять только тогда, когда любопытныя животныя приблизятся къ нему на разстояніе выстрѣла. Если, несмотря на близость, послѣдуетъ промахъ, онъ можетъ продолжать стрѣльбу до тѣхъ поръ, пока не убьетъ хотя одного изъ нихъ». Считаю, однако, неправильнымъ обобщать подобныя замѣчанія, тѣмъ болѣе, что этому противорѣчатъ показанія прежнихъ наблюдателей. Равенныя животныя приходятъ въ ярость и бѣшено бросаются на охотника, который можетъ считать себя счастливымъ, если не будетъ опрокинутъ ими или проткнутъ острыми рогами. Подобную непріятность испыталъ на себѣ Трамницъ; отправившись однажды на охоту за мускуснымъ быкомъ, онъ вернулся не только безъ добычи, но съ испорченнымъ ружьемъ и изорваннымъ платьемъ, такъ какъ быкъ повалилъ и топталъ его. Индѣйцы также утверждаютъ, что животныя эти очень хорошо умѣютъ пользоваться своимъ оружіемъ и убиваютъ даже медвѣдей и волковъ.

Эскимосы, которые ревностно охотятся за мускусными быками, тоже считаютъ ихъ не вполнѣ безопасными животными, тѣмъ болѣе, что за неимѣніемъ огнестрѣльнаго оружія, они, по старинному обычаю, принуждены убивать дичь стрѣлами. «Они уже осенью», пишетъ Россъ, «начинаютъ свои охотничьи походы, съ ловкостью и мужествомъ приближаются къ стаду, дразнятъ быковъ до тѣхъ поръ, пока послѣдніе на нихъ не бросятся, затѣмъ быстро сторонятся и втыкаютъ имъ въ брюхо копье, или пускаютъ въ нихъ свои стрѣлы». Однажды сэръ Джонъ Россъ самъ встрѣтился съ мускуснымъ быкомъ и сталъ травить его собаками. Животное дрожало отъ ярости и безпрестанно бросалось на собакъ, которыя однако ловко избѣгали ударовъ. Эскимось, принимавшій участіе въ охотѣ, сталъ пускать въ быка на очень близкомъ разстояніи одну стрѣлу за другой, но безуспѣшно; тогда Россъ выстрѣлилъ на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ и прострѣлилъ бѣднягѣ сердце, такъ что тотъ сразу повалился на землю. Нѣкоторые одинокіе быки преимущественно старые, по Пайеру и Конеланду, относятся къ выстрѣлу, даже нанесшему легкую рану, съ величайшимъ хладнокровіемъ и «довольствуются тѣмъ, что закрываютъ тѣло, опустивъ свою неуязвимую голову и избѣгая положенія, открывающаго бока. Случилось, что одному изъ этихъ животныхъ всадили зарядъ изъ ружья Венцля, которымъ на вылетъ прострѣливаютъ вдоль даже полярныхъ медвѣдей; выстрѣлъ попалъ въ лобъ, закрытый, какъ панциремъ, гигантскими рогами; быкъ перенесъ это, какъ ни въ чемъ не бывало, между тѣмъ какъ пуля упала на землю, сплюснутая въ лепешку».

Мясу ихъ присущъ всегда замѣтный мускусный запахъ; однако у коровъ онъ не настолько силенъ, чтобы сдѣлать его несъѣдобнымъ, какъ у быковъ, убитыхъ въ періодъ спариванія. Наши сѣверные путешественники находили, что мясо мускусныхъ коровъ превосходно; то же самое высказывали и другіе европейцы. Въ окрестностяхъ Форта-Уэльсъ индѣйцы ведутъ прибыльную мѣновую торговлю мясомъ убитой ими дичи. Разрѣзавъ мясо на довольно большіе куски, они вѣшаютъ его на воздухъ, даютъ ему совершенно высохнуть и доставляютъ тогда въ поселенія охотниковъ за пушнымъ звѣремъ, гдѣ его охотно покупаютъ. Шерсть и волоса высоко цѣнятся индѣйцами и эскимосами. Первая такъ тонка, что можно было-бы навѣрное выработывать изъ нея превосходныя ткани, если-бы только ее можно было имѣть въ достаточномъ количествѣ. Изъ хвостовъ эскимосы приготавливаютъ себѣ опухала отъ мухъ, а изъ кожи хорошую обувь.

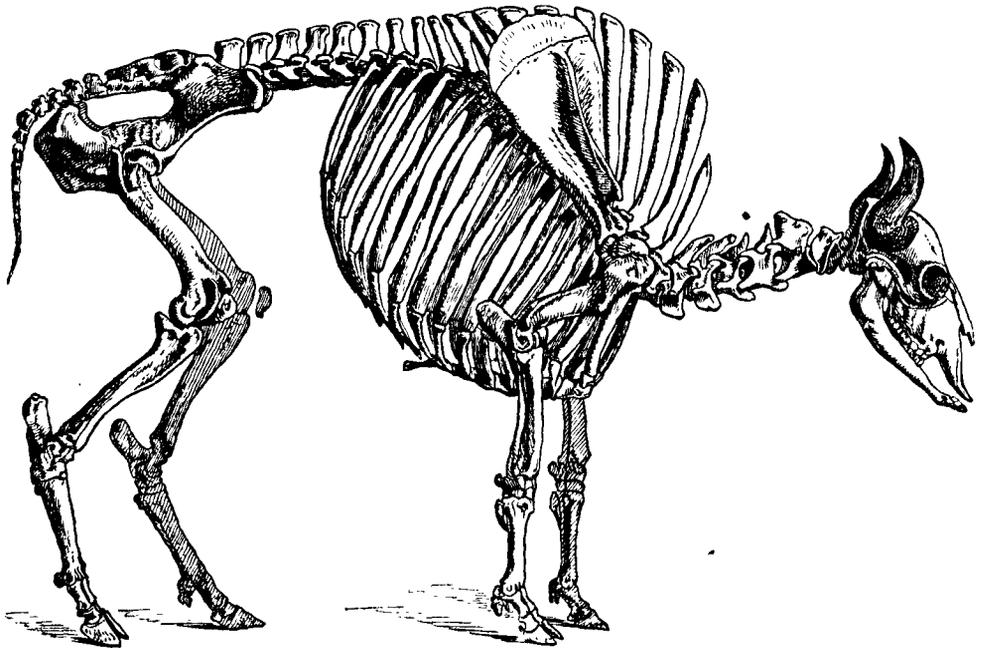
* * *

Быки (*Bovinae. Rinder. Bœufs*) образуютъ третье подсемейство полорогихъ. Это большія, сильныя и неуклюжія жвачныя, признаками которыхъ служатъ, главнымъ образомъ, болѣе или менѣе круглыя и гладкіе рога, широкая морда съ далеко отстоящими одна отъ другой ноздрями, длинный хвостъ, достигающій до пяточного сустава, съ кистью на концѣ, отсутствіе слезныхъ ямокъ и межкопытныхъ железъ; вымя у самокъ съ четырьмя сосками. Большинство имѣетъ также отвислый подгрудокъ или складку кожи на нижней части шеи. Скелетъ состоитъ изъ очень грубыхъ и толстыхъ костей. Черепъ широкъ у лба и къ мордѣ мало суженъ; круглыя глазныя впадины расположены по сторонамъ черепа далеко одна отъ другой; лобные отростки, на которыхъ сидятъ рога, выдвигаются по сторонамъ изъ задней части лобной кости; шейные позвонки очень коротки, но съ длинными остистыми отростками; къ 13—15-ти позвонкамъ прикрѣплены ребра, къ 12-му или 14-му прикрѣпляется грудобрюшная преграда; 6 или 7 позвонковъ образуютъ поясничную часть, 4 или 5 плотно слившихся между собою—крестецъ; число хвостовыхъ позвонковъ возрастаетъ до 19-ти. Устройство зубовъ ничѣмъ особеннымъ не выдѣляется. Обыкновенно самыми большими оказываются внутренніе рѣзцы на каждой челюсти, а наименьшими—нижніе наружные рѣзцы; изъ 4-хъ коренныхъ каждой половины челюсти, самые передніе обыкновенно малы, самые задніе-же очень развиты. Жевательная поверхность очень различна у разныхъ видовъ. Рога у корня расширяются и поэтому могутъ иногда закрывать почти весь лобъ, но у большинства оставляютъ его открытымъ; они гладки, округлены и только у основанія имѣютъ поперечныя морщины; сгибаются они различно: наружу или внутрь, назадъ или впередъ, вверхъ или внизъ, или-же имѣютъ лирообразную форму. Волосной покровъ обыкновенно коротокъ и гладко прилегаетъ къ кожѣ, но на извѣстныхъ частяхъ тѣла можетъ также удлиниться въ видѣ гривы.

Родиной быковъ нужно считать всю Европу и Африку, Среднюю и Южную Азію, а также и Сѣверную Америку; въ настоящее время виды, порабощенные человекомъ, распространены во всѣхъ частяхъ земного шара. Живущіе въ дикомъ состояніи населяютъ самыя различныя мѣстности; одни живутъ въ густыхъ лѣсахъ, другіе среди вольныхъ степей, одни на равнинахъ, другіе на горахъ, гдѣ они достигаютъ даже высотъ отъ 5000 до 6000 м. Нѣкоторые виды предпочитаютъ болотистыя мѣстности и топи, другіе—болѣе сухія мѣста. Только немногіе виды ведутъ осѣдлую жизнь, большинство же—бродячую. Тѣ, которые живутъ въ горахъ, спускаются зимой въ долины; живущіе на сѣверѣ передвигаются въ это время на югъ; другіе изъ-за недостатка корма переходятъ изъ однихъ мѣстъ своего пребыванія въ

страны, болѣе богатые растительностью. Всѣ безъ исключенія виды живутъ обществами и собираются въ большія или меньшія стада, подѣ предводительствомъ сильныхъ и опытныхъ животныхъ; нѣкоторые виды могутъ образовать полчища въ тысячи головъ. Старые самцы обыкновенно отдѣляются и живутъ отшельниками.

Хотя всѣ быки кажутся неуклюжими и неповоротливыми, но они въ состояніи быстро двигаться и обнаруживаютъ гораздо больше ловкости, чѣмъ можно было-бы предположить. Обыкновенно они движутся медленнымъ шагомъ; однако, бѣгаютъ также рысью и переходятъ иногда въ чрезвычайно неуклюжій галопъ, ускоряющій однако ихъ передвиженіе въ значительной степени. Виды, живущіе въ горахъ, лазаютъ мастерски, всѣ плаваютъ легко и хорошо, а нѣкоторые безъ опасеній переправляются черезъ широчайшія рѣки. Они обладаютъ необыкновенной силой и выносливостъ ихъ достойна удивленія. Изъ внѣшнихъ чувствъ выше всего

Скелетъ зубра.

обоняніе, слухъ тоже хорошъ, зрѣніе не особенно развито. Душевные способности незначительны; все-же дикіе обнаруживаютъ гораздо больше сообразительности, чѣмъ домашніе, которымъ нѣтъ необходимости напрягать своихъ душевныхъ силъ. Правъ у нихъ различный. Вообще, они кротки и доверчивы къ животнымъ, которыя для нихъ неопасны и имъ не надоѣдаютъ, но бываютъ также чрезвычайно свирѣпы, упрямы и въ высшей степени мужественны; раздраженные, они бросаются, презирая смерть, на всѣхъ хищныхъ звѣрей, даже на сильнѣйшихъ, и съ такой ловкостью умѣютъ пользоваться своимъ страшнымъ оружіемъ, что часто остаются побѣдителями. Въ общемъ миролюбивые другъ съ другомъ, въ извѣстные періоды, особенно въ періодъ случекъ, они вступаютъ въ бой, выказывая большую свирѣпость. Голосъ ихъ представляетъ ясное или глухое мычаніе или-же походить на хрюканье и ворчаніе, которое слышится, главнымъ образомъ, когда они возбуждены.

Пищу быковъ составляютъ очень различныя растительныя вещества. Они поѣдаютъ листья и нѣжныя почки, побѣги и вѣтви самыхъ различныхъ деревьевъ,

травы и злаки, древесную кору, мхи и лишай, болотныя и водяныя растенія, даже острую рѣжущую осоку и тростникообразныя растенія. Въ неволѣ они питаются всевозможными растительными веществами. Соль для всѣхъ служить лакомствомъ, вода есть насущная потребность; многіе съ удовольствіемъ валяются въ илистыхъ болотахъ или часами лежатъ въ рѣкахъ и прудахъ.

Случкѣ предшествуютъ жестокія битвы между быками; 9—12 мѣсяцевъ спустя корова телится однимъ теленкомъ, очень рѣдко двумя. Теленокъ всегда вполне развитъ и почти немедленно въ состояніи слѣдовать за матерью. Она обращается съ нимъ съ большою нѣжностью, кормитъ и чиститъ, облизываетъ и ласкаетъ его, а въ случаѣ опасности защищаетъ его отъ всякаго нападенія съ большимъ мужествомъ; у нѣкоторыхъ видовъ самцы также выступаютъ охранителями дѣтенышей.

Всѣ виды быковъ поддаются прирученію и тогда подчиняются болѣе или менѣе охотно человѣку, привыкаютъ любить и узнавать своихъ хозяевъ, идутъ на ихъ зовъ и повинуются даже слабому ребенку. Впрочемъ, они не отдадутъ своему хозяину предпочтенія передъ другими людьми, но, будучи разъ приручены, обращаются со всѣми людьми одинаково дружелюбно.

Охота на дикихъ быковъ принадлежитъ къ опаснымъ; особенно грознымъ противникомъ является раздраженный быкъ, слѣпая ярость котораго не знаетъ границъ. Но именно вслѣдствіе этой опасности, охота эта и кажется для многихъ привлекательной и нѣкоторые народы ее особенно высоко цѣнятъ.

Польза, приносимая ручными быками, совершенно искупаетъ незначительный вредъ, причиняемый живущими въ дикомъ состояніи. Послѣдніе вредятъ человѣку развѣ лишь обгладываньемъ деревьевъ и кустовъ въ лѣсахъ, уничтоженіемъ травъ на лугахъ и разныхъ насажденій на плантаціяхъ; прирученные, напротивъ, приносятъ ему пользу своею силою, своимъ мясомъ и костями, своей кожей и рогами, своимъ молокомъ, даже своею шерстью и навозомъ.

Охота на дикихъ быковъ приноситъ также немаловажный доходъ, потому что пользуются не только кожей ихъ, но также и мясомъ, которое, несмотря на часто присущій ему мускусный запахъ, служитъ отличной пищей.

* * *

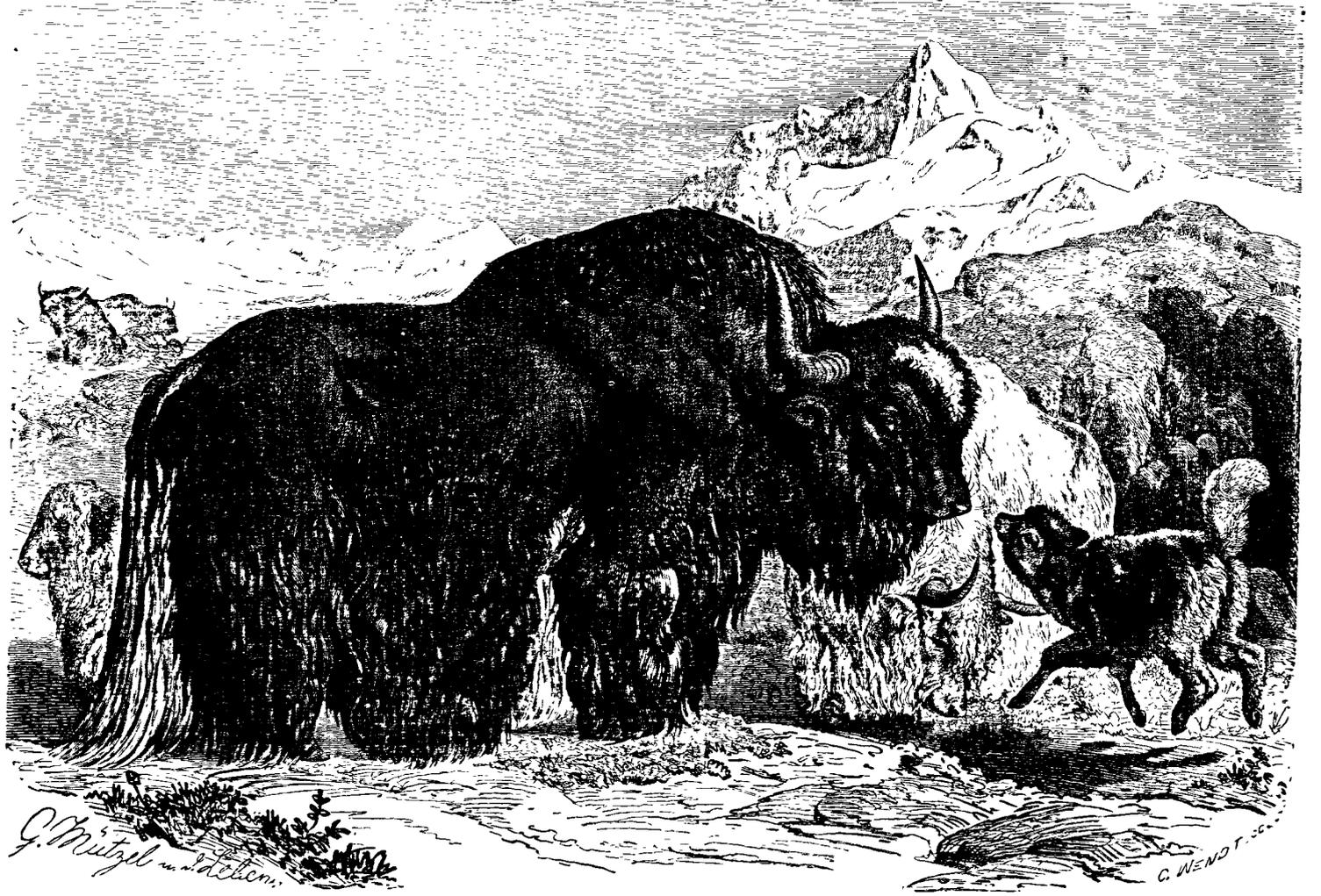
Обыкновенно всѣхъ быковъ соединяютъ въ одинъ родъ (*Bos*), но возможно также раздѣленіе ихъ на нѣсколько родовъ; во всякомъ случаѣ удобно распредѣлить виды между нѣсколькими подродами. Кромѣ общихъ признаковъ, признаками этихъ подродовъ могутъ считаться: широкая, голая, по бокамъ дугообразно ограниченная ноздрями морда, широкія, спереди и сзади почти одинаково устроенныя копыта и длинный хвостъ съ болѣе или менѣе длинной кистью на концѣ.

«Индійцы», такъ рассказываетъ еще Эліанъ, «приносятъ своему королю въ даръ быковъ двухъ родовъ, изъ которыхъ одни очень быстро бѣгаютъ, а другіе чрезвычайно дики. Они чернаго цвѣта, но хвосты, изъ которыхъ дѣлаютъ опахала, ослѣпительно бѣлаго цвѣта. Животное чрезвычайно пугливо и быстро спасается бѣгствомъ; но если къ нему слишкомъ приближаются собаки, то оно прячетъ свой хвостъ въ кусты, а головой обращается противъ враговъ, такъ какъ полагаетъ, что ему ничего не сдѣлаютъ, если не увидятъ хвоста; быкъ хорошо знаетъ, что его и ловятъ ради красоты послѣдняго. Но онъ заблуждается. Его убиваютъ отравленною стрѣлой, обрѣзаютъ хвостъ, снимаютъ съ него кожу, а мясо бросаютъ». За Эліаномъ упоминаютъ о немъ Марко Поло, Николо ди Конти, Белонъ

Пеннантъ и другіе путешественники, пока позднѣе Палласъ не составилъ болѣе подробнаго описанія, правда только ручного яка. Только въ послѣднее время путешественники Стюартъ, Турнеръ, Муркрофтъ, Гербертъ, Герардъ, Гамильтонъ Смитъ, Радде, братья Шлагинтвейтъ и Сѣверцовъ, въ особенности-же Пржевальскій, точнѣе познакомили насъ съ «*Poephagus*’омъ» древнихъ. Съ тѣхъ поръ, какъ ручные яки были доставлены въ наши зоологическіе сады, явилась также возможность и наблюденія надъ ними.

Якъ [*Poephagus*] *grunniens*, *Bison poephagus*. **Якъ**) служитъ представителемъ подрода или, по мнѣнію другихъ, рода **Длинношерстныхъ быковъ** (*Poephagus. Grunzochsen*), признаки которыхъ слѣдующіе: сложеніе туловища вообще мощное и плотное, голова умѣренной величины, очень широка и равномерно суживается отъ длиннаго и высокаго, но плоскаго лба къ некрасивой, округленной мордѣ; носъ выступаетъ впередъ, узкія ноздри вкось расходятся спереди, ограниченная ими сбоку широкая и голая часть морды суживается внизу на верхней губѣ въ узкую полосу, глаза малы и съ тупымъ выраженіемъ, узкій зрачекъ поставленъ поперекъ, небольшое ухо закруглено и вездѣ густо покрыто волосами. Рога, сжатые сверху и снизу, помѣщаются по сторонамъ лобнаго утолщенія; они спереди закруглены, сзади образуютъ ребро; весь рогъ покрытъ поперечными округленными, но довольно плоскими возвышенностями, которыя у корня болѣе замѣтны. Рога обращены сначала въ сторону, назадъ и наружу, потомъ снова впередъ и вверхъ. наконецъ, остриемъ своимъ наружу и назадъ. Шея короткая съ такимъ затылкомъ, какъ у нашего быка, задняя часть шеи и передняя часть загривка возвышаются горбомъ; спина до основанія хвоста понемногу опускается въ видѣ чрезвычайно волнистой линіи. Туловище у плечъ узкое, въ серединѣ вздутое и отвислое; хвостъ длиненъ и украшенъ спускающейся до земли густою кистью; ноги короткія, сильныя, копыта велики, расщелина между ними широка, и мозоли (побочныя копытца) хорошо развиты. Волосяной покровъ состоитъ вообще изъ тонкой и длинной шерсти, курчавой и волнистой на лбу до затылка, а часто покрывающей всю морду; на загривкѣ вдоль обонхъ боковъ она удлиняется въ низко висящую, мягко волнистую гриву, имѣющую видъ бахромы, которая волочится по землѣ, точно такъ, какъ и чрезвычайно густая, похожая на лошадиный хвостъ, кисть хвоста. Напротивъ, животъ и внутренняя сторона бедеръ, а также заднія и переднія ноги отъ локтевого или колѣннаго сустава внизъ—покрыты лишь гладкою, короткою, ровною шерстью. У старыхъ животныхъ шерсть красиваго ровнаго чернаго цвѣта, на спинѣ и бокахъ съ бурнымъ отливомъ; шерсть вокругъ морды сѣровая, а вдоль середины спины проходитъ серебристо-сѣрая полоса. Шерсть теленка имѣетъ сѣрый отбѣнокъ, шерсть молодого быка вполнѣ черная. Общая длина стараго быка простирается до 4,25 м., длина хвоста безъ кисти 0,75 м., высота до горба 1,9 м., длина роговъ 80—90 см.; вѣсъ 650—720 кгр.; длина-же старой коровы едва превышаетъ 2,8 м., высота 1,6 м. вѣсъ 325—360 кгр.

Якъ живетъ на плоскогоріяхъ Тибета и на всѣхъ связанныхъ съ ними горныхъ хребтахъ; высокія равнины между 4000 и 6000 м. высоты служатъ ему мѣстопробываніемъ. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ яки водились еще въ верхней долині Сетледжа и даже переходили на югъ отъ этой рѣки; но, по сообщенію Кинлоха, вслѣдствіе постоянныхъ преслѣдованій англійскихъ охотниковъ, они совершенно истреблены и вытѣснены отсюда. Голая почва негостепримныхъ равнинъ ихъ родины лишь кое-гдѣ обросла жалкой травой, которую зимой сильныя вьюги покрываютъ снѣгомъ; лѣтомъ-же вѣтры задерживаютъ усѣбное развитіе растительности. Среди такихъ пустынь якъ находитъ удовлетвореніе всѣхъ своихъ потребно-

Я К Ъ.

стей и защиту отъ челоуѣка, и потому легче, чѣмъ можно было-бы предполагать, выдерживаетъ борьбу за существованіе.

Подробными сообщеніями о жизни этого мощнаго животнаго на свободѣ мы обязаны Пржевальскому; во всѣхъ пройденныхъ имъ частяхъ сѣвернаго Тибета онъ находилъ повсемѣстно одинокихъ старыхъ быковъ и небольшихъ семьи яковъ, болѣе-же многочисленныя стада ихъ, напротивъ, встрѣчались только въ мѣстахъ, гдѣ находились болѣе богатая пастбища. Такія стада странствуютъ довольно далеко и болѣе или менѣе правильно; они появляются, по словамъ монголовъ, лѣтомъ на богатыхъ травою пастбищахъ, гдѣ ихъ зимою не замѣтишь. Они предпочитаютъ близость источниковъ, въ сосѣдствѣ съ которыми трава растетъ лучше. гольмъ плоскогоріямъ, гдѣ, напротивъ того, старые быки, по лѣни или по другимъ причинамъ, изъ году въ годъ остаются на тѣхъ-же мѣстахъ и живутъ въ одиночествѣ или-же соединяются самое большее съ 3-мя—5-ю себѣ подобными. Болѣе молодые; хотя уже взрослые быки, иногда присоединяются къ стаду старшихъ, чаще-же образуютъ свое собственное стадо, состоящее обыкновенно изъ 10—12 головъ и принимающее иногда къ себѣ стараго быка. Коровы, полузрелые бычки и телята, напротивъ, соединяются въ стада, въ которыхъ число ихъ доходитъ до сотенъ, по увѣренію монголовъ даже до тысячъ. Совершенно ясно, что такимъ массамъ трудно найти достаточно пищи на скудныхъ лугахъ, и потому они, пока пасутся, разбѣиваются на обширныхъ равнинахъ, но собираются вновь въ сомкнутыя стада во время отдыха или сильныхъ бурь, принуждающихъ ихъ ложиться. Почувявъ опасность, животныя смыкаются тотчасъ-же въ стада и помѣщаются въ середину телятъ; при этомъ нѣсколько взрослыхъ быковъ и коровъ, стараясь опредѣлить причину тревоги, расходятся въ разныя стороны отъ стада. Если приближается или стрѣляетъ охотникъ, то вся тѣснящаяся толпа обращается въ бѣгство рысью, часто и галопомъ; въ послѣднемъ случаѣ они бѣгутъ, опустивъ къ землѣ голову и поднявъ хвостъ. Такъ они мчатся безъ оглядки черезъ равнину, облако пыли окутываетъ ихъ, и земля дрожитъ подъ ударами ихъ копытъ на далекое разстояніе. Подобное дикое бѣгство продолжается однако недолго; внезапно испуганныя животныя рѣдко пробѣгаютъ больше одного километра, часто меньше. Стадо начинаетъ бѣжать медленно, и скоро восстанавливается прежній порядокъ: телята снова помѣщаются въ середину, а старыя животныя образуютъ вокругъ нихъ живое укрѣпленіе. Лишь въ томъ случаѣ, когда охотники вторично приближаются и стрѣляютъ, бѣгство стада дѣлается болѣе продолжительнымъ и дальнимъ. Старые быки, если ихъ спугнуть, лишь вначалѣ бѣгутъ галопомъ, потомъ крупною рысью.

Для логовища стадо выбираетъ, гдѣ это возможно, сѣверный склонъ горы, или глубокое ущелье, чтобы избѣжать солнечныхъ лучей. Якъ боится зноя больше, чѣмъ холода, и поэтому ложится охотнѣе всего на снѣгу, даже располагаясь въ тѣни; если нѣтъ снѣга, онъ взрываетъ землю и устраиваетъ себѣ ложе. Случается, впрочемъ, по крайней мѣрѣ зимой, что онъ иногда располагается на томъ мѣстѣ, гдѣ раньше пасся. Вода для него—необходимое условіе существованія. Безчисленные слѣды и кучи помета вблизи незамерзшихъ ручьевъ доказывали Пржевальскому, что водоемы постоянно посѣщаются яками. Только въ мѣстахъ, гдѣ далеко кругомъ нѣтъ воды, животныя довольствуются снѣгомъ.

Несмотря на свою силу, якъ въ ловкости и поватливости уступаетъ другимъ горнымъ животнымъ. Впрочемъ, относительно подъема на горы, онъ во всякомъ случаѣ можетъ соперничать съ дикими овцами и козерогами, потому что лазаетъ съ неменьшей увѣренностью, чѣмъ они, среди самыхъ высокихъ и дикихъ скалъ, по хребтамъ и крутымъ обрывамъ; во время бѣга по ровной поверхности его догонитъ всякая

лошадь. Изъ его ви́шнихъ чувствъ обоняніе далеко превосходитъ всѣ остальные. Якъ чуетъ человѣка уже на 500 шаговъ, но зрѣніемъ отличаетъ его отъ другихъ предметовъ въ ясный солнечный день едва лишь на 1000 шаговъ, при облачномъ небѣ самое большее на половинѣ этого разстоянія; слышитъ онъ такъ слабо, что только при непосредственной близости звукъ шаговъ или другой какой-либо шумъ пробуждаетъ въ немъ безпокойство. То, что его понятливость находится на низкой ступени развитія, доказывается уже его несоразмѣрно малымъ мозгомъ и еще больше поведеніемъ въ случаѣ бѣды и опасности. «Самое достопримѣчательное свойство яковъ», говоритъ Пржевальскій, «его лѣнь. Утромъ и вечеромъ онъ идетъ на пастбище; остатокъ дня посвящаетъ покою, которому предается стоя или лежа. Въ это время только отрыгиванье жвачки свидѣтельствуетъ, что онъ живъ, такъ какъ въ остальномъ онъ походитъ на высѣченное изъ камня изваяніе».

Однако этотъ образъ жизни совершенно мѣняется, когда приходитъ время спариванія. По словамъ монголовъ, время случки начинается въ сентябрѣ и продолжается цѣлый мѣсяць. Тогда быки и днемъ, и ночью въ безпокойствѣ и возбужденіи. Одинокіе быки собираются въ стада, бѣгають, какъ безумные, разыскивая коровъ и постоянно при этомъ хрюкая; когда они встрѣчаются съ другимъ быками, то становятся драчливо одинъ противъ другого, чтобы въ серьезномъ поединѣ добиться обладанія самкою. Подъ страшными ударами, отъ которыхъ иногда одинъ изъ роговъ ломается у основанія, сильныя животныя сталкиваются одно съ другимъ; ни одинъ изъ толстыхъ череповъ однако не ломается, а серьезныя раны, нанесенныя другъ другу, скоро заживаютъ. Удовлетворенные или пресыщенные и усталые, послѣ періода случекъ, они возвращаются на свои пастбища, умолкають и ведутъ снова тотъ-же образъ жизни, что и раньше. Черезъ 9 мѣсяцевъ послѣ случки корова телится и заботится о своемъ дѣтенышѣ въ продолженіи одного года, такъ какъ, по показанію монголовъ, она бываетъ стельною только одинъ разъ въ два года. Въ 6—8 лѣтъ якъ дѣлается взрослымъ, въ 25 умираетъ отъ старческой слабости, если болѣзнь или пуля охотника не сократятъ еще раньше его жизни. Другіе враги, которые могли-бы быть губительными для него, не поднимаются на его родныя высоты.

Охота на яковъ для храбраго и хорошо вооруженнаго стрѣлка настолько-же заманчива, насколько и опасна. Могучій звѣрь, если случилось, что первый выстрѣлъ не оказался смертельнымъ, иногда безъ размысленія бросается на охотника; послѣдній, даже обладая мужествомъ, ловкостью, хладнокровіемъ и наилучшимъ оружіемъ, никогда не можетъ съ увѣренностью рассчитывать на то, что слѣдующій его выстрѣлъ уложитъ яростно бросающагося, превосходящаго его силою противника. Пуля изъ самага дальнобойнаго ружья только тогда проникаетъ въ черепъ, когда перпендикулярно ударяетъ въ небольшое мѣсто, прикрывающее мало объемистый мозгъ, а ударъ въ бокъ бываетъ смертеленъ только въ томъ случаѣ, когда пробиваетъ сердце. Поэтому-то монголы боятся яка, какъ опаснаго чудовища, охотно уступаютъ ему дорогу, и если ужъ рѣшаются на охоту, то стрѣляютъ въ горнаго гиганта всегда изъ вѣрной засады и обществомъ въ 8—12 человѣкъ, надѣясь, что онъ ихъ не увидитъ и, получивъ рану, убѣжитъ, а черезъ 2—3 дня околѣетъ, и тогда будетъ отысканъ охотниками. Европеецъ полагается на свое ружье, заряжающееся съ казенной части, и на нерѣшительность яка. Послѣдній, несмотря на всю свою свирѣпость, не можетъ преодолѣть страха передъ смѣло наступающимъ на него человѣкомъ, медлитъ нападеніемъ и, послѣ продолжительнаго размысленія, обращается въ бѣгство, несмотря на полученные раны. Выносливость и живучесть его почти невѣроятны. Одинъ якъ, въ

котораго Пржевальскій и два его спутника стрѣляли до тѣхъ поръ, пока не помѣшала наступившая ночь, былъ найденъ окопѣвшимъ лишь на слѣдующее утро съ тремя пулями въ головѣ и 15 въ груди; лишь очень немногіе изъ всѣхъ яковъ, убитыхъ мужественнымъ охотникомъ, падали бездыханными на землю послѣ перваго-же мѣткого выстрѣла. Кинлохъ, въ общемъ, былъ счастливѣе на охотахъ и хотя нѣсколько разъ ему пришлось лишиться раненаго звѣря, но зато удавалось быстро одного за другимъ ранить трехъ изъ одного и того-же стада. Судя по его описанію, трудность охоты состоитъ отнюдь не въ томъ, чтобы застрѣлить звѣря, а гораздо болѣе въ томъ, чтобы подойти на достаточно близкое для выстрѣла разстояніе къ дикому животному, обладающему въ высшей степени острымъ чутьемъ.

Кинлохъ расхваливаетъ мясо яка, хотя онъ и находитъ его недостаточно жирнымъ; языкъ и мозгъ изъ костей онъ считаетъ лакомствомъ. Но еще выше можетъ быть, чѣмъ мясо, цѣнится въ печальномъ отечествѣ яка, пометъ, представляющій изъ себя единственное горючее вещество, какимъ можно воспользоваться на обнаженныхъ высотахъ Тибета.

Во всѣхъ странахъ, расположенныхъ около высокихъ горъ, гдѣ водится якъ, мы встрѣчаемъ его также прирученнымъ въ качествѣ полезнаго и важнаго домашняго животнаго. Общимъ видомъ и шерстью ручной якъ мало отличается отъ дикаго, но бываетъ совсѣмъ другого цвѣта. Ручные яки чистаго чернаго цвѣта очень рѣдки; обыкновенно, даже у наиболѣе похожихъ на дикихъ, замѣтны бѣлыя пятна; кромѣ того попадаются бурые, рыжіе и пѣгіе яки. Многія породы уже переродились, вѣроятно, благодаря скрещиванію съ другими видами быковъ. Кое-гдѣ ручные яки снова одичали и приняли свою первоначальную окраску. Стада ручныхъ тоже выживаютъ только въ холодныхъ высокихъ горныхъ странахъ и, погибая отъ сильныхъ жаровъ, переносятъ равнодушно холода. «Въ дни, температура которыхъ поднимается на нѣсколько градусовъ выше нуля», замѣчаетъ Шлагинтвейтъ, «случалось, что наши яки, какъ только ихъ разгрузить, кунались въ ближайшемъ ручьѣ, нисколько не страдая отъ этого». Когда англичанинъ Муркрофтъ поднялся на горный проходъ Нити, то его навьюченные яки сильно страдали отъ нестерпимой жары и, услыша въ ущельѣ шумъ горнаго ручья, рвались такъ неудержимо и бѣшено къ потоку, что два изъ нихъ свалились съ отвѣсной крутизны и разбились, упавши въ пропасть.

Тибетецъ пользуется якомъ, какъ вьючнымъ и верховымъ животнымъ. Со знакомыми людьми якъ обходится довольно дружелюбно, позволяетъ трогать, чистить себя и управлять веревкой, привязанной къ продѣтому черезъ носъ кольцу; съ чужими-же онъ ведетъ себя обыкновенно иначе, обнаруживаетъ безпокойство, опускаетъ голову къ землѣ и дѣлаетъ такія тѣлодвиженія, какъ-будто желаетъ вызвать противника на бой. Иногда имъ внезапно овладѣваетъ бѣшеный гнѣвъ: онъ трясется всѣмъ тѣломъ, высоко поднимаетъ хвостъ, хлещетъ имъ по воздуху и смотритъ угрожающими злыми глазами на своего хозяина. Извѣстную степень дикости онъ сохраняетъ всегда. Съ домашнимъ рогатымъ скотомъ якъ сживается хорошо, и потому нетрудно довести его до случки съ другими сортами рогатаго скота. Коровы обнаруживаютъ сильную привязанность къ своимъ дѣтенышамъ: отправляясь на пастбище, оставляютъ ихъ позже, чѣмъ домашнія коровы своихъ, вечеромъ возвращаются къ телятамъ за нѣсколько часовъ до захода солнца, нѣжно облизываютъ ихъ и тихо и ласково хрюкаютъ.

Якъ безъ труда носить на себѣ 100—150 kgr. по самымъ труднымъ скалистымъ тропинкамъ и снѣжнымъ полямъ. Съ его помощью возможно переправлять тяжести черезъ очень высокіе горные проходы, такъ какъ онъ двигается тамъ вверхъ

вполнѣ увѣренно, несмотря на разрѣженный воздухъ, обезсиливающій и пугающій другихъ животныхъ. Имъ нельзя пользоваться лишь на тропикахъ, усѣянныхъ большими камнями, потому что вьюкъ мѣшаетъ ему прыгать черезъ нихъ, какъ онъ это дѣлаетъ обыкновенно при другихъ условіяхъ. Муркрофтъ видѣлъ, какъ якъ, не задумываясь, безъ вреда соскакивалъ со скалистыхъ уступовъ въ 3 и даже 12 м. (?) высоты.

Какъ молоко, такъ и мясо ручного яка одинаково хороши. Изъ шкуръ яка выдѣлываютъ кожи, изъ шерсти вьютъ веревки. Всего драгоценнѣе хвостъ, который даетъ столь извѣстные бунчуки, давно славящіеся какъ военные значки у восточныхъ народовъ. Никколо ди Конти сообщаетъ, что «тонкіе волосы хвоста цѣнятся на вѣсъ серебра, такъ какъ изъ нихъ готовятъ опахала для царей и для служенія идоламъ, волоса эти оправляютъ въ золото и серебро для украшенія лошадей и слоновъ, укрѣпляютъ ихъ также на копьяхъ, какъ значки предводителей войска». Китайцы красятъ бѣлые волоса въ огненно-красный цвѣтъ и носятъ эти хвосты въ качествѣ кистей на лѣтнихъ шляпахъ. Белонъ сообщаетъ, что подобные хвосты стоятъ 4—5 червонцевъ и не мало содѣйствуютъ вздорожанію богатой конской сбруи, которую такъ любятъ турки и персы. Черные хвосты цѣнятся дешевле бѣлыхъ.

Яки, ввезенные въ Европу, живутъ здѣсь лучше, чѣмъ можно было ожидать. На этомъ основаніи надѣялись акклиматизировать въ Европѣ этого красиваго и полезнаго быка. Предполагали получить отъ этого большія выгоды, потому что якъ даетъ отличную шерсть, вкусное мясо, превосходное жирное молоко, онъ силенъ и неутомимъ въ работѣ, и довольствуется болѣе дешевымъ кормомъ, чѣмъ другіе быки. Въ горныхъ странахъ Тибета и Туркестана длинношерстные быки дѣйствительно оказываются драгоценными и полезными животными; но у насъ въ Европѣ условія иныя, чѣмъ въ этихъ странахъ, и поэтому еще вопросъ, окупится-ли водвореніе ихъ здѣсь. Въ своемъ отечествѣ якъ цѣнится главнымъ образомъ, какъ вьючное животное; но въ посѣщенныхъ Сѣверцовымъ частяхъ Тянь-Шаня, гдѣ якъ, повидимому, хорошо уживается, вмѣсто него для переноски тяжестей черезъ самые трудные горные проходы пользуются уже породой простыхъ быковъ, у которой копыта похожи на копыта яковъ, хотя и не такія широкія. Быки эти такъ-же хорошо, какъ яки, лазаютъ по скаламъ и съ такою-же легкостью дышатъ разрѣженнымъ воздухомъ высотъ. Мы не нуждаемся въ якахъ для нашихъ высокихъ горъ, потому что тамъ совершенно достаточно нашего альпійскаго скота и горныхъ козъ; якъ навѣрное не былъ-бы полезенъ имъ.

* * *

На западѣ Россіи, въ южной части древней Литвы, находится своеобразное сокровище. Это знаменитая Бѣловѣжская пуща, настоящій сѣверный первобытный лѣсъ, пространствомъ въ 2000 квадратныхъ километровъ. Онъ расположенъ совсѣмъ обособленно и, подобно острову, окруженъ полями, селами и вересковыми пустошами. Въ лѣсу находится лишь одна деревня, называющаяся такъ-же, какъ и пуща, но населенная не хлѣбопашцами, а лишь лѣсниками и егерями. Около четырехъ пятыхъ площади лѣса составляютъ сосны, сохраняющія за собой исключительное господство на большомъ пространствѣ; въ болѣе-же сырыхъ мѣстахъ между сосенъ появляются ели, дубы, липы, грабы, березы, ольхи, тополи и ивы. Въ этомъ лѣсу живетъ еще и теперь величайшее европейское млекопитающее—именно **Зубръ**. Лишь здѣсь и въ нѣкоторыхъ лѣсахъ Кавказа, а также въ роцѣ Мецердицъ въ Силезіи сохранилось еще въ настоящее время это мощное животное; на всей осталь-

ной поверхности земли оно уже истреблено. Въ Бѣловѣжской пушчѣ его охраняють строгіе законы и, если-бы въ теченіи многихъ столѣтій мѣнявшіеся владѣльцы этого удивительнаго звѣрнца не оказывали зубру подобнаго покровительства, то къ настоящему времени зубра можно было-бы найти развѣ только на Кавказѣ.

Въ прежнія времена дѣло было, конечно, иначе; можно доказать, что зубръ былъ распространенъ во всей Европѣ и въ значительной части Азіи. Во время процвѣтанія древней Греціи онъ часто попадался въ нынѣшней Болгаріи; въ средней Европѣ онъ водился почти повсемѣстно. Аристотель называетъ его «Бонассусъ» и дѣлаетъ точное описаніе его, Плиніи приводитъ его подъ именемъ «Бизона» и считаетъ родиной его Германію; Кальпурніусъ описываетъ его около 282-го года по Р. Х. Старинные письменные памятники упоминають о немъ въ VI-мъ и VII-мъ вѣкѣ послѣ Р. Х., а въ писмѣ о Нибелунгахъ говорится, что онъ живетъ въ Вогезахъ. Во времена Карла Великаго зубръ встрѣчался въ Гарцѣ и Саксоніи, около 1000-го года, по Эккегарду, это дикое животное попадалось у Сентъ-Галлена. Около 1373-го года онъ жилъ еще въ Помераніи, въ XV-мъ вѣкѣ въ Пруссіи, въ XVI-мъ — въ Литвѣ, въ XVIII-мъ, въ восточной Пруссіи, между Тильзитомъ и Лабіавой, гдѣ еще въ 1755 году браконьеромъ былъ убитъ послѣдній представитель этого вида.

Короли и магнаты Рѣчи Посполитой ревностно занимались охраненіемъ зубровъ. Ихъ содержали въ особыхъ садахъ и паркахъ, напр. близъ Остроленки, Варшавы и Замойска. Увеличивающееся народонаселеніе и обработка полей сдѣлали съ теченіемъ времени такую охрану невозможной: зубры удержались еще нѣкоторое время въ Прусской Литвѣ, въ мѣстности между Лабіавой и Тильзитомъ, гдѣ лѣсничіе оберегали ихъ, устраивая для нихъ зимой открытые сараи съ кормомъ. Чрезвычайно рѣдко удавалось словить нѣсколько штукъ, и употреблялись они тогда обыкновенно для подарковъ иностраннымъ дворамъ. Такъ, въ 1717 году два зубра были доставлены ландграфу Гессенъ-Кассельскому, столько-же английскому королю Георгу, а въ 1738 году нѣсколько штукъ—русской императрицѣ Екатеринѣ. Повсемѣстная чума рогатаго скота въ началѣ XVIII-го столѣтія уничтожила большую часть этихъ стадъ и, наконецъ, вышеупомянутый браконьеръ лишилъ жизни послѣдняго зубра. Несомнѣнно, что зубровъ, живущихъ въ Бѣловѣжской пушчѣ, постигла-бы та же участь, если бы польскіе короли, а потомъ русскіе императоры не охраняли рѣдкаго въ современномъ мірѣ животнаго.

По свѣдѣніямъ, дошедшимъ до меня черезъ покойнаго графа Лацаръ, дольше, чѣмъ въ Пруссіи, зубръ жилъ въ Венгріи, собственно въ лѣсистой Трансильваніи; на это указываетъ и тотъ фактъ, что народъ, можетъ быть въ воспоминаніе объ удачныхъ охотахъ, именемъ его называлъ нѣкоторыя горы, ручьи и даже селенія. Въ Турѣчской хроникѣ, которая была напечатана при королѣ Матвѣѣ I, находятся богато разукрашенныя начальныя буквы, изображающія распространенныя въ то время венгерскіе обычаи; на одномъ изъ такихъ украшеній мы видимъ венгерскаго короля, верхомъ, съ короной на головѣ; онъ замахивается высоко поднятымъ копьемъ на бѣшено мчащагося зубра. Во времена трансильванскихъ князей зубръ часто тамъ встрѣчался, и вполне подтверждается, что еще въ XVII в. его шкура была употребляема на разныя издѣлія. Какъ доказано, онъ еще въ 1729 году жилъ въ горныхъ лѣсахъ Венгріи, а въ концѣ прошлаго вѣка онъ еще встрѣчался въ горныхъ лѣсахъ Секлеровъ, недалеко отъ мѣстности Фюле.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію образа жизни и строенія тѣла вышеупомянутаго дикаго быка, я долженъ замѣтить, что подъ именемъ зубра я разумѣю животное, которое нѣмцами называлось иногда: Ur, Auer и Auerochs. Послѣднимъ именемъ, впрочемъ, древніе германцы называли совершенно другаго, давно вымершаго быка.

Прочитывая внимательно сочинения естествоиспытателей прошлых вѣковъ, приходишь къ заключенію, что прежде въ Европѣ жили рядомъ два вида дикихъ быковъ. Всѣ болѣе древніе писатели ясно различаютъ обоихъ животныхъ: древне-нѣмецкіе законы и извѣстія объ охотахъ прошлыхъ вѣковъ говорятъ о двухъ видахъ одновременно живущихъ дикихъ быковъ и описываютъ обоихъ съ достаточною точностью. Такъ какъ мы имѣемъ передъ собой для сравненія зубра и, слѣдовательно, можемъ видѣть, что описаніе его дѣйствительно соотвѣтствуетъ признакамъ, то того-же мы въ правѣ ожидать и относительно извѣстнаго намъ развѣ только по сохранившимся черепамя, **Первобытнаго быка** (*Aurochs*). Плиніи знаетъ «*Bonassusa*» или зубра, благодаря тому, что онъ былъ привезенъ живымъ въ Римъ, чтобы участвовать въ боѣ звѣрей въ циркѣ. Онъ отличаетъ его отъ быка «*Urus*» и обращаетъ вниманіе на то, что главнымъ признакомъ перваго служить густая грива, а втораго—большіе рога. Цезарь упоминаетъ о встрѣчающемся въ Германіи дикомъ быкѣ, имѣющемъ сходство съ домашнимъ, но обладающимъ болышими рогами; размерами-же онъ, по его словамъ, мало уступаетъ слону. Цезарь разумѣетъ тутъ не зубра, а первобытнаго быка. Съ еще болѣею опредѣленностью высказываются позднѣйшіе писатели. Лукасъ Давидъ сообщаетъ, что въ 1240 г. герцогъ Отто Брауншвейгскій подарилъ монахамъ дикаго быка и зубра, Крамеръ, — что князь Вратиславъ, около 1364 г. убилъ въ Помераніи зубра, «который былъ больше, чѣмъ дикій быкъ;» Матвѣй фонъ-Миховъ, — что въ литовскихъ лѣсахъ водятся зубры и дикіе быки, которыхъ туземцы называютъ Турами и Юмбронами; Эразмъ Стелла,—что зубръ (въ началѣ XV-го в.) встрѣчается рѣже, чѣмъ дикій быкъ. Австрійскій посолъ, баронъ фонъ-Герберштейнъ, въ своемъ сочиненіи о Россіи и Польшѣ, говоритъ съ обоихъ дикихъ быкахъ и прилагаетъ къ болѣе позднему изданію своей книги два рисунка, на которыхъ для поясненія стоятъ имена изображенныхъ животныхъ. Рисунокъ, на которомъ изображено животное, похожее на нашего домашняго быка, подписанъ слѣдующими словами: «Я — дикій быкъ, котораго поляки называютъ туромъ, нѣмцы *Aurochs*, а невѣжды бизономъ.» Другой рисунокъ, на которомъ нельзя не узнать зубра, подписанъ такъ: «Я—бизонъ, котораго поляки называютъ зубромъ, нѣмцы—*Wisent*, а невѣжды—*Urochs*.» «Въ Литвѣ,» говоритъ Герберштейнъ, «кромѣ животныхъ, свойственныхъ Германіи, есть еще бизоны, дикіе быки, сѣверные олени и дикія лошади. Бизоны по литовски называются зубрами, по нѣмецки невѣрно—*Aurochs* или *Uroch*, такъ какъ это названіе относится къ животному, похожему на быка, тогда какъ бизоны выглядятъ совершенно иначе. Последніе имѣютъ гриву, длинныя волосы на шеѣ и плечахъ, родъ бороды на подбородкѣ, шерсть, пахнущую мускусомъ, короткую голову, большіе свирѣпыя и огненные глаза, широкій лобъ и рога, разставленные такъ далеко врозь, что между ними могли-бы сидѣть три довольно тучныхъ человѣка; говорятъ, что польскій король Сигизмундъ дѣйствительно это и пробовалъ. Спина у бизоновъ возвышается по срединѣ въ родѣ горба, спереди-же и сзади, напротивъ, понижается. Охота на нихъ требуетъ большой силы и ловкости; охотники становятся за деревьями, выгоняютъ зубровъ собаками и закалываютъ тогда копьемъ. Дикіе быки водятся только въ Мазовіи, они-то и называются турами, у нѣмцевъ собственно *Uroch*, такъ какъ это дикіе быки, отличающіеся отъ ручныхъ лишь тѣмъ, что всѣ они чернаго цвѣта, съ бѣлою полоскою вдоль спины. Ихъ существуетъ немного и въ извѣстныхъ мѣстахъ они содержатся въ отгороженныхъ паркахъ. Ихъ случаютъ съ домашними коровами; но въ такомъ случаѣ туры не терпятъ въ своемъ стадѣ дѣтенышей, а телята, рожденные отъ такихъ ублюдковъ, появляются на свѣтъ мертвыми. Пояса изъ кожи туровъ дорого

бѣнятся: ихъ носятъ женщины. Польская королева подарила мнѣ два такихъ пояса, и одинъ изъ нихъ былъ очень милостиво принятъ австрійской императрицей.»

Опираясь на Герберштейна и Шнеебергера, Геснеръ даетъ намъ изображеніе и описаніе относящихся сюда животныхъ. Одинъ рисунокъ представляетъ, безъ сомнѣнія, нашего зубра, другой—сильнаго, коренастаго быка съ гладкой шерстью, безъ горба, съ болѣе крупными и крѣпкими рогами. Остальные писатели XVI-го столѣтія твердо держатся указаннаго различія. Мукаenze, имѣвшій возможность при польскомъ дворѣ часто видѣть живыми оба вида, ясно говоритъ, что въ королевскомъ паркѣ были бизоны и туры; Остророгъ-же даетъ совѣтъ всѣмъ, кто намѣренъ устранивать парки для дикихъ животныхъ, не держать вмѣстѣ зубровъ и туровъ, такъ какъ они ведутъ между собою жестокия битвы. Граціани (1669) увѣряетъ, что при посѣщеніи звѣринца въ Кенигсбергѣ онъ видѣлъ дикихъ быковъ и зубровъ, разнообразныхъ животныхъ одной породы; въ Пруссіи онъ пробовалъ и мясо телятъ дикихъ быковъ и нашель, что оно не отличается отъ мяса домашнихъ телятъ. Дикіе и домашніе быки, какъ говорятъ, иногда спаривались, однако телята, рожденные отъ такой помѣси, не выживали. Наконецъ, въ началѣ нашего столѣтія открыли старинную масляную картину, которая, по всей вѣроятности, была написана чуть-ли не съ первой четверти XVI-го в.; на ней изображено животное съ довольно жесткой шерстью, безъ гривы, съ большой головой, толстой шеей и небольшимъ подгрудкомъ. Его могучіе рога, подобно тому, какъ у венгерскихъ и римскихъ быковъ, обращены впередъ, а потомъ назадъ; у основанія они свѣтло-сѣраго, на концахъ густого-чернаго цвѣта. Мѣхъ равномерно черный, и только подбородокъ окрашенъ свѣтлѣе. Въ одномъ углу картины надпись: «Туръ.» Итакъ, въ изображенномъ животномъ мы видимъ передъ собой дикаго европейскаго быка. Только въ XVII-мъ вѣкѣ болѣшая часть писателей начинаютъ сомнѣваться и съ тѣхъ поръ говорятъ только объ одномъ дикомъ быкѣ, котораго называютъ то зубромъ, то Urochs'омъ. Послѣдній, т. е. настоящій туръ, между тѣмъ вымеръ, и писателямъ не представлялось уже возможности говорить на основаніи собственныхъ наблюденій. Позже неясность еще усиливается; стараются отыскать противорѣчія у упомянутыхъ писателей и утверждаютъ, что Ауер или туръ, существованіе котораго во всей Европѣ и многихъ частяхъ Азіи не подлежитъ сомнѣнію, благодаря находимымъ костямъ, особенно черепахамъ,—долженъ былъ вымереть въ доисторическія времена; приводятъ на основаніи формы череповъ еще многіе другіе виды дикихъ быковъ, или сомнѣваются въ томъ, чтобы такъ называемый первобытный быкъ (*Bos primigenius*) и Ауер (*Bos igrus*) принадлежали-бы къ одному виду, точно такъ-же, какъ черепъ предка зубра, подъ именемъ *Bos prisus*, желали отдѣлить въ особый видъ. По моему мнѣнію, возраженія, выставленныя противъ сообщеній древнѣйшихъ писателей, болѣею частью шатки, и мы поэтому въ правѣ признать существованіе двухъ отдѣльныхъ видовъ, жившихъ не очень давно въ Европѣ, именно зубра и тура*).

Бизоны (*Bonassus*) считаются представителями особаго подрода быковъ и отличаются небольшими, круглыми, обращенными впередъ и изогнутыми вверхъ рогами, очень широкимъ выпуклымъ лбомъ, мягкой и длиною шерстью и большимъ числомъ реберъ. У зубра 14 паръ реберъ, а у американскаго бизона 15 паръ.

*) Туръ, о которомъ говорится въ древнихъ русскихъ лѣтописяхъ, очевидно былъ не зубръ, а дикій быкъ, похожій на домашняго, но гораздо больше и свирѣпѣе. Зубры водились болѣе въ лѣсахъ, а туръ, вѣроятно, были скорѣе степными животными, отъ которыхъ отчасти произошла порода черкасскихъ быковъ. (Прим. редак.).

Хотя можно съ увѣренностью признать, что **Зубрь** (*Bos bison*, *Bos bonassus* и *priscus*, *Bonassus*. *Wisent*. *Bison d'Europe*) уменьшился въ ростѣ, онъ все-же еще и теперь могучее животное. Зубрь, убитый въ Пруссіи въ 1555 году, былъ 7 футовъ высоты и 13 ф. длины, при этомъ вѣсилъ 19 центнеровъ и 5 фунтовъ. Въ настоящее время самый большой зубрь рѣдко достигаетъ въ высоту болѣе 1,7, въ длину 3,4 м., а въ вѣсѣ 500—700 kgr. Зубрь представляется намъ образцомъ первобытной силы и мощности. Голова его умѣренно велика и не только не неуклюжа, а скорѣе стройна, лобъ высокъ и очень широкъ, переносе немного выгнуто, лицевая часть равномерно сужена къ концу, морда широкая и некрасивая; она занимаетъ все пространство между большими, круглыми, косо расположенными ноздрями; уши коротки и закруглены, глаза скорѣе малы, чѣмъ велики, края глазныхъ впадинъ выдаются надъ щеками; очень сильная, короткая и приподнятая шея образуетъ внизу подгрудокъ. На сильныхъ, но не короткихъ ногахъ, снабженныхъ большими овальными копытами и довольно маленькими мозолистыми пальцами, покоится массивное туловище; спина значительно возвышается отъ затылка до середины, откуда по немногу спадаетъ къ крестцу; хвостъ короткій и толстый. Рога разставлены далеко одинъ отъ другого, не слишкомъ толсты, круглы и остры; они загибаются сначала наружу, потомъ вверхъ и въ то-же время нѣсколько впередъ, затѣмъ внутрь и назадъ, такъ что верхушки стоятъ почти перпендикулярно къ основаніямъ. Туловище покрыто густымъ и длиннымъ мѣхомъ, состоящимъ изъ длинныхъ, болѣею частью завитыхъ волосъ ости и сбитаго, какъ войлокъ, подшерстка. Мѣхъ этотъ удлинняется на затылкѣ въ широкую челку, состоящую изъ гладкихъ волосъ и спадающую спереди на лобъ, а съ боковъ на виски; на спинѣ волоса образуютъ довольно высокій гребень, на подбородкѣ свѣшивается внизъ длинная и довольно жидкая борода. На шеѣ образуется изъ волосъ большая грива, охватывающая бока шеи и весь подгрудокъ. Все лице покрыто густыми волосами; ушные раковины на краяхъ мохнатые; на концѣ члена замѣтенъ также густой пучекъ волосъ, а на концѣ хвоста находится широкая и длинная кисть, спускающаяся почти до пяточного сустава. Общая окраска мѣха—свѣтло-бурая, болѣе или менѣе блѣдная, переходящая однако по обѣимъ сторонамъ головы и на бородѣ въ черный, на ногахъ въ темно-бурый цвѣтъ, на кисти хвоста въ черный, а на челкѣ въ свѣтло-коричневый цвѣтъ. Корова по тѣлосложенію замѣтно меньше и тоньше, чѣмъ быкъ, рога у нея слабѣе, грива менѣе развита; окраска у нихъ, однако, одинакова. Только что родившіяся теленокъ окрашенъ гораздо свѣтлѣе.

До послѣдняго времени вопросъ о томъ, встрѣчается-ли зубрь кромѣ русской Литвы еще и на Кавказѣ и, другими словами, принадлежитъ-ли живущій на Кавказскихъ горахъ дикій быкъ къ тому-же виду, какъ зубрь, остался нерѣшеннымъ. Мы до сихъ поръ получили мало свѣдѣній и еще теперь мало знаемъ объ этомъ животномъ. Первый, говорившій болѣе чѣмъ 200 лѣтъ тому назадъ, хотя и по слухамъ только, о существованіи «дикаго буйвола» на границѣ Мингрелин—былъ Архангело Ламберти. Къ концу прошлаго столѣтія Гюльденштедтъ нашель въ одной пещерѣ на Кавказѣ 14 зубровыхъ череповъ; Эйхвальдъ въ началѣ нашего вѣка собиралъ извѣстія о мѣстонахожденіи оставшихся еще въ живыхъ дикихъ быковъ, но только Бэръ могъ, на основаніи присланной ему въ 1836 г. барономъ фонъ-Розеномъ шкуры, удостовѣриться въ томъ, что кавказскій дикій быкъ и зубрь принадлежатъ къ одному виду. Съ тѣхъ поръ было много согласныхъ между собою сообщеній о дикомъ быкѣ Кавказа, пока въ 1866 г. тамъ былъ пойманъ молодой зубрь—самецъ и доставленъ въ Московскій зоологическій садъ. Такимъ образомъ установлено, что нашъ европейскій дикій быкъ имѣеть еще и другое мѣстопребываніе и мо-

жуть считается застрахованнымъ отъ истребленія по крайней мѣрѣ на ближайшее время.

Нордманъ, Торнау и Раде сообщили между тѣмъ дальнѣйшее свѣдѣнiя о существованiи, а также образѣ жизни кавказскихъ зубровъ и охотѣ на нихъ. Первый изъ трехъ сообщаетъ въ концѣ 30-хъ годовъ, что зубръ уже не встрѣчается вблизи горной дороги изъ Тамани въ Тифлисъ, но что внутри горныхъ цѣпей Кавказа попадаетъ нерѣдко; постояннымъ мѣстомъ его обитанiя служитъ пространство не меньше 200 килом. въ поперечникѣ, а именно побережья Кубани до истоковъ Бзыби или Капуэтти. Рудье, опираясь, конечно, на устные сообщенiя Торнау, рассказываетъ объ одной кавказской охотѣ на зубровъ на Большомъ Зеленчукѣ и замѣчаетъ, что животныя эти водятся не только на указанной рѣкѣ, но и въ скалистомъ, обильномъ ущельями побережьи Урупа и большой Лабы, а также въ хвойныхъ лѣсахъ главнаго хребта, ниже линiи вѣчнаго снѣга. Раде сообщилъ Брандту, изъ труда котораго я заимствовалъ нижеизложенныя извѣстiя о зубрахъ, что еще въ 1865 г. въ обширныхъ сосновыхъ лѣсахъ къ западу отъ глетчера Марухи ютились зубры, которые попадались тамъ стадами въ 7 — 10 головъ. Торнау, жившiй 3 года въ горахъ въ качествѣ плѣнника горцевъ и присутствовавшiй при охотахъ на зубровъ, часто видѣлъ становища этихъ животныхъ и тропинки, прокладываемыя ими даже на самыхъ крутыхъ обрывахъ, чтобы переходить изъ какой-нибудь скалистой долины къ ручью, гдѣ-бы можно было утолить жажду. Однажды на Зеленчукѣ онъ услышалъ громкiй шумъ, происшедшiй отъ топота стада зубровъ и отъ ломающихся вѣтвей и скоро послѣ того увидѣлъ до 20-ти коровъ и телятъ, которые слѣдовали за громаднымъ быкомъ, важно шагавшимъ съ опущенной головой; всѣ они направлялись къ обычному водопою.

Число зубровъ въ Бѣловѣжской пушцѣ согласно произведенной переписи доходило въ 1829-мъ г. до 711 штукъ, между которыми было 633 старыхъ, въ слѣдующемъ году возросло до 772 штукъ, но въ ближайшемъ затѣмъ году уменьшилось снова до 657 штукъ, вслѣдствiе происшедшаго въ эти годы польскаго мятежа. Дальнѣйшiя усиленiя охранительныхъ законовъ такъ благопрiятствовали размноженiю, что въ 1857 году число всѣхъ зубровъ, живущихъ въ Бѣловѣжской пушцѣ принимали въ 1898 штукъ; но можно сомнѣваться въ томъ, достигло-ли въ дѣйствительности наличное количество зубровъ этого числа. Въ 1863 г. считалось 874 штуки, и съ тѣхъ поръ количество ихъ колеблется отъ 800 до 900 штукъ; по словамъ Фризе, въ настоящее время ихъ даже 1500 штукъ.

Въ 1865 году князь фонъ-Плессъ сдѣлалъ попытку поселить зубровъ въ помѣсть Плессъ въ Силезiи въ паркѣ, пространствомъ больше 600 гектаровъ. Изъ Бѣловѣжьи по желѣзной дорогѣ были перевезены 1 быкъ и 3 коровы, которые хорошо ужились и даже размножились на новомъ мѣстѣ. Позже (1871) животныя были переведены въ лѣсъ Мецерцица. Какъ сообщаетъ Фризе, въ 1889 г. тамъ считывалось еще 11 зубровъ, хотя въ теченiи этихъ лѣтъ были застрѣлены 9 штукъ.

Лѣтомъ и осенью зубръ живетъ въ сырыхъ частяхъ лѣса, обыкновенно спрятавшись въ чащахъ; зимою-же предпочитаетъ болѣе сухой и выше расположенный лѣсъ. Очень старые быки живутъ одиноко, болѣе молодые въ продолженiи лѣта группами въ 16—20 штукъ, въ теченiи зимы небольшими стадами въ 30—50 головъ. Каждое стадо имѣетъ свое постоянное становище и всегда возвращается къ нему. До времени случки въ такомъ стадѣ господствуетъ полное согласiе; но два различныхъ стада съ самаго начала не уживаются вмѣстѣ, и меньшее всячески старается избѣжать большаго.

Зубры дѣятельны и днемъ и ночью, пасутся охотнѣе всего утромъ и вече-

ромъ, иногда также и ночью. Пищу ихъ составляютъ различныя травы, листья, почки и кора деревьевъ; они, насколько могутъ, совершенно обгладываютъ кору съ деревьевъ, пригибаютъ къ землѣ молодые гибкіе стволы, чтобъ достать до макушки, которую, большею частью, совсѣмъ уничтожаютъ. Ихъ любимое дерево, кажется, ясень, сочную кору котораго они предпочитаютъ всѣмъ другимъ; хвойныхъ-же деревьевъ они, напротивъ, не трогаютъ. Зимой они ѣдятъ почти исключительно кору, вѣтви и почки доступныхъ имъ лиственныхъ деревьевъ, кромѣ того, охотно также лишай и сѣхую траву. Въ Бѣловѣжской пушцѣ скошенное на лугахъ сѣно запасаютъ для нихъ въ стогахъ; но они не довольствуются этимъ, а насильно овладѣваютъ стогами соседнихъ деревень, ломая изгороди. Свѣжая вода для питья имъ необходима.

Хотя движенія зубра кажутся тяжелыми и неуклюжими, но, хорошенько разсмотрѣвъ ихъ, можно замѣтить однако, что они достаточно проворны. Ходятъ зубры скорымъ шагомъ, бѣгаютъ тяжелымъ, но быстрымъ галопомъ, причѣмъ опускаютъ голову къ землѣ, а хвостъ поднимаютъ кверху и вытягиваютъ. Они легко переходятъ въ бродъ или переплываютъ болота и рѣки. Между внѣшними чувствами первое мѣсто занимаетъ обоняніе; зрѣніе и слухъ развиты меньше, а вкусъ и осязаніе лишь посредственно. Нравъ зубровъ мѣняется съ годами. Молодые животныя бываютъ веселыми, живыми, игривыми и довольно добродушными существами; хотя они не очень кротки и миролюбивы, но все-же не злы; старые, напротивъ, имѣютъ сумрачный, даже свирѣпый нравъ; они дѣлаются раздражительными и не расположены къ какимъ-бы то ни было играмъ. Хотя и они обыкновенно не трогаютъ людей, которые ихъ не беспокоятъ, но малѣйшій поводъ можетъ пробудить въ нихъ гнѣвъ и сдѣлать ихъ чрезвычайно опасными. Лѣтомъ они стараются вообще избѣгать человѣка, зимою-же никому не уступаютъ дороги и случалось не разъ, что крестьянамъ приходилось долго ждать, пока зубру заблагоразсудится уйти съ занятой имъ дороги, по которой никто не можетъ пройти мимо него. Дикость, упрямство и вспыльчивость—отличительныя черты и этихъ быковъ. Болѣе молодые быки всегда пугливѣе и боязливѣе старыхъ, изъ которыхъ живущіе отшельнически могутъ дѣлаться истиннымъ бичемъ страны. Они, кажется, находятъ особое удовольствіе въ томъ, чтобы дразнить людей. Одинъ старый быкъ—вожакъ овладѣлъ на нѣкоторое время дорогой, проходящей черезъ Бѣловѣжскій лѣсъ, опрокидывалъ не разъ экипажи и причинялъ много несчастій. Лошади обнаруживаютъ передъ зубромъ еще издали страхъ и ужасъ и, почувявъ его, стараются убѣжать.

Періодъ случекъ, наступающій обыкновенно въ августѣ, а иногда только въ сентябрѣ, продолжается двѣ или три недѣли. Около этого времени зубры находятся въ наилучшемъ состояніи, тучны и сильны. Передъ случкою зубры забавляются своеобразными играми, а между быками бываютъ серьезныя битвы. Бѣшеному отъ любви животному, кажется, доставляетъ особое удовольствіе вырывать изъ земли не очень толстыя деревья и валить ихъ такимъ образомъ. Затѣмъ они начинаютъ драться, сперва можетъ быть только шутя, потомъ все серьезнѣе и серьезнѣе, наконецъ бѣшено бросаются другъ на друга и такъ сталкиваются рогами, что можно только удивляться, какъ оба не расшибутся отъ такого сильнаго удара. Мало-по-малу отшельники собираются въ стада, и поединки дѣлаются теперь еще ужаснѣе, потому что болѣе молодой и слабый быкъ долженъ или уступить, или умереть въ такомъ поединкѣ. Въ 1827 году въ Бѣловѣжскомъ лѣсу найденъ былъ околѣвшимъ трехлѣтній быкъ съ раздробленной ногой и отбитымъ у корня рогомъ. Не только быковъ находили убитыми послѣ періода случекъ, но и коровъ.

ЗУБРЫ.

Тотчасъ же по окончаніи періода спариванія старые быки снова отдѣляются отъ стада и возвращаются къ прежней тихой отшельнической жизни. Коровы телются черезъ 9 мѣсяцевъ послѣ случки, обыкновенно въ маѣ или въ началѣ іюня. Передъ этимъ онѣ отдѣляются отъ стада, находятъ удобное мѣсто гдѣ-нибудь въ глубинѣ лѣса, въ уединенной спокойной мѣстности и скрываются здѣсь съ теленкомъ въ теченіи нѣсколькихъ дней; при приближеніи-же опасности онѣ выстунають съ необыкновеннымъ мужествомъ на защиту своего дѣтца. Въ ранней юности, въ случаѣ опасности, теленокъ прижимается къ землѣ, поднимаетъ уши и ворочаетъ ими, широко раскрываетъ ноздри и глаза и пугливо смотритъ на врага. на встрѣчу которому спѣшить выступить мать. Тогда и человѣку, и звѣрю опасно приближаться къ самкѣ зубра—она храбро идетъ противъ всякаго врага. Въ теченіи нѣсколькихъ дней послѣ рожденія теленокъ слѣдуетъ за матерью, которая обращается съ нимъ съ необыкновенною нѣжностью. Пока онъ еще не умѣетъ какъ слѣдуетъ ходить, она головой нѣжно подталкиваетъ его впередъ и старается защитить его отъ холода и опасности, помѣщая его между своими передними ногами; когда онъ загрязнится, она до-чиста облизываетъ его: во время кормленія она стоитъ на трехъ ногахъ, чтобы ей теленку было удобнѣе достать вымя, а пока онъ спитъ, она охраняетъ его безопасность. Телята премилыя, граціозныя животныя, хотя уже съ юности проявляютъ задатки качествъ, которыя развиваются у нихъ къ старости. Они растутъ очень медленно и достигаютъ полныхъ размѣровъ вѣроятно только къ 8-му или 9-му году. Возрастъ, до котораго зубры вообще могутъ дожить, опредѣляется приблизительно въ 30 — 50 лѣтъ. Коровы умирають лѣтъ на 10 раньше быковъ; но и послѣдніе въ старости обыкновенно слѣпнутъ или лишаются зубовъ и тогда уже болѣе неспособны питаться надлежащимъ образомъ, а именно, не могутъ обкусывать молодыхъ вѣтвей; затѣмъ они быстро слабѣють и наконецъ околѣваютъ.

По сравненію съ другими быками, зубры размножаются медленно. Въ Бѣловѣжской пущѣ было приведено въ извѣстность, что коровы бывають стельными только развѣ въ три года разъ, а въ болѣе зрѣломъ возрастѣ остаются безплодными нѣсколько лѣтъ сряду. Въ 1829 г. изъ 258 коровъ отелилось только 93; изъ остальныхъ 165-ти болѣе большая часть были уже безплодны, меньшая—слишкомъ молоды.

Эти сильныя животныя превосходно защищаются отъ враговъ. Медвѣди и волки могутъ быть опасны только телятамъ, но лишь тогда, когда, по какой-нибудь причинѣ, матери нѣтъ въ живыхъ и дѣтенышъ беззащитенъ. Однако случается, что когда выпадаетъ глубокій снѣгъ, голодные волки голяютъ взрослыхъ зубровъ до изнеможенія и наконецъ одолеваетъ ихъ.

Юлій Цезарь сообщаетъ, что охотникъ, убившій одного тура или зубра, приобрѣтала большую славу, и всѣ древнія пѣсни очень ревностно восхваляютъ такихъ героевъ. Еще въ средніе вѣка рыцари и бароны доблестно сражались съ зубрами и турами. Одни охотились верхомъ на коняхъ, другіе пѣшкомъ, но всегда избирали оружіемъ нападенія копье. Охотники выходили всегда вдвоемъ: одинъ изъ нихъ приближался къ бѣшеному звѣрю и пытался нанести ему смертельный ударъ, другой старался криками и размахиваньемъ краснаго платка отвлечь вниманіе зубра отъ нападающаго и привлечь къ себѣ; въ это время первый, иногда при содѣйствіи собакъ, вонзалъ свое копье въ тѣло животнаго. По преданіямъ, которыми такъ богата исторія охоты Венгріи и Трансильваніи, охота на зубровъ составляла самое воодушевляющее и воинственное удовольствіе мадьярскаго рыцарства и знати сосѣднихъ странъ, тогда какъ простонародіе, напротивъ, чтобы овладѣть могучимъ животнымъ, сооружало на его тропяхъ глубокія ямы и коварно убивало зубра, провалившася въ нихъ.

Во времена первых венгерскихъ королей, охота на зубровъ занимала выдающееся мѣсто между обычными тогда охотами и сдѣлалась исключительнымъ правомъ короля или владѣтельнаго князя. Есть много сообщений о такихъ охотахъ. «Въ томъ-же году» (1534), говорится въ одной нѣмецкой рукописи, «дикіе быки, извѣстные въ Венгріи подъ названіемъ **Бегинъ** или **Беогинъ**, жившіе стадами въ горахъ Журжево въ странѣ Секлеровъ, причиняли много вреда и убивали ногами мужчинъ и женщинъ, ходившихъ въ лѣсъ. Поэтому-то Мойларъ Истванъ, согласно древнему обычаю, созвалъ въ день св. Фабіана на большую охоту старыхъ воеводъ. Тогда съѣхалось много господъ и знати, которые охотились удачно, а также порядочно попиrowsали.» Спустя сто лѣтъ охотились съ такою-же пышностью, какъ можно видѣть изъ письма Георга Ракочи I, князя Трансильванскаго къ Павлу Борнемиссеру въ 1643 году.

Въ Бѣловѣжской пушчѣ владѣтельныя особы предшествовавшихъ столѣтій, появлялись съ многочисленной свитой, созывали всѣхъ лѣсничихъ, принуждали всѣхъ окрестныхъ крестьянъ идти въ загонщики и образовывали такимъ образомъ отрядъ въ 2000—3000 человекъ, которые должны были гнать зубровъ къ мѣсту, гдѣ охотники стояли на безопасномъ помостѣ. Объ одной изъ самыхъ блестящихъ охотъ, устроенной польскимъ королемъ Августомъ III въ 1752 г., свидѣтельствуется еще и теперь пирамида изъ бѣлаго песчаника, въ 6 м. вышины, съ надписью на нѣмецкомъ и польскомъ языкахъ; въ одинъ день тогда было убито 42 зубра, 13 лосей и 2 косули; королева одна застрѣлила 20 зубровъ, не промахнувшись ни разу. 18-го и 19-го октября 1860 г. русскій императоръ устроилъ охоту: самъ государь застрѣлилъ 6 зубровъ быковъ и одного теленка, 2-хъ лосей и 6 ланей, 3 косули, 4 волка, одного барсука, одну лисицу и одного зайца. Великій герцогъ Веймарскій и принцы Карлъ и Альбрехтъ Прусскіе убили еще 8 зубровъ. Эта охота была подробно описана въ особомъ сочиненіи на русскомъ языкѣ.

Д. В. Долматовъ, главный лѣсничій казенныхъ лѣсовъ Гродненской губ. рассказываетъ о поимкѣ этихъ животныхъ. Государь императоръ общалъ королевѣ Викторіи для звѣринца двухъ зубровъ и поэтому приказалъ поймать нѣсколько штукъ ихъ. Это было въ іюлѣ. На разсвѣтѣ собрались 300 загонщиковъ и 80 охотниковъ съ ружьями, заряженными однимъ порохомъ, и обступили выслѣженное стадо. Долматовъ и его спутникъ, графъ Кисилевъ, привезшій царскій приказъ, увидѣли стадо, которое расположилось на холмѣ. Телята весело прыгали кругомъ, высоко подбрасывая песокъ своими проворными ногами, возвращались отъ времени до времени къ своимъ матерямъ, терлись о нихъ, лизали ихъ и затѣмъ снова весело прыгали. Звукъ рога вдругъ прервалъ эту идиллію. Въ страхъ стадо вскочило и, казалось, при помощи слуха и зрѣнія хотѣло распознать врага. Телята пугливо прижимались къ матерямъ. Когда раздался лай собакъ, стадо послѣшно выстроилось въ обычномъ порядкѣ. Телята были выставлены впереди, а взрослые образовали аррьергардъ, охраняя ихъ отъ нападенія собакъ. Старые зубры бѣшено прорвались сквозь цѣпь загонщиковъ и бросились дальше, не обращая вниманія на людей, крики и выстрѣлы. Но сразу посчастливилось поймать двухъ молодыхъ зубровъ: теленкомъ около 3-хъ мѣсяцевъ овладѣли безъ особаго труда; другой, приблизительно 15-ти мѣсячный, повалилъ на землю 8 человекъ и убѣжалъ, но, преслѣдуемый собаками, былъ снова пойманъ въ саду одного лѣсничаго. Четыре остальныхъ теленка, — 1 самецъ и 3 самки, были пойманы позже; изъ послѣднихъ одной было отъ роду всего нѣсколько дней. Ее сейчасъ-же отнесли къ домашней коровѣ, сѣрый цвѣтъ которой соответствовалъ мѣху зубровъ. Корова приняла съ большой нѣжностью дикаго бородатаго дѣтеныша; теленокъ къ общему удивленію, сосалъ отлично, но, къ сожалѣнію, 6 дней спустя

околѣлъ отъ имѣвшагося у него уже раньше нарыва на затылкѣ. Остальные телята въ первые дни своей неволи не принимали никакой пищи и только трехмѣсячный на слѣдующій-же день принялся сосать домашнюю корову и былъ очень веселъ и бодръ. Всѣ остальные, за исключеніемъ болѣе взрослога, сосали сначала молоко съ пальца лѣснаго сторожа, а затѣмъ жадно пили его изъ ведра. Въ короткій срокъ исчезъ ихъ дикій видъ; они перестали бояться людей и проявляли веселый и рѣзвый нравъ. Когда ихъ выпускали изъ стойлъ на просторный дворъ, всѣ поражались быстротой ихъ движеній. Они прыгали съ легкостью козы, сами заигрывали съ домашними телятами, боролись съ ними и, казалось, великодушно уступали имъ побѣду, хотя сами и были сильнѣе. 15-ти-мѣсячный зубръ-самецъ долго сохранялъ дикій, угрожающій взглядъ, раздражался при чемъ-нибудь приближеніи, трясъ головой, облизывался языкомъ и выставялъ рога; но черезъ два мѣсяца и онъ сталъ довольно ручнымъ и началъ проявлять расположеніе къ человѣку, кормившему его до этого времени. Съ тѣхъ поръ ему можно было предоставлять большую свободу.

Было замѣчено, что всѣ эти животныя охотно рыли ногами землю, подбрасывали ее вверхъ и, какъ лошади, поднимались на дыбы. Какъ только ихъ выпускали изъ стойлъ, они горячились, гордо поднимали голову, раздували ноздри, пыхтѣли и дѣлали самые веселые прыжки. Они съ трудомъ переносили заточеніе и тоскливо смотрѣли то на необозримые лѣса, то на зеленые луга; въ самомъ дѣлѣ, казалось, что они испытывали тоску по родинѣ или желали возвращенія полной свободы, потому что они всегда печально, съ опущенной головой возвращались назадъ въ стойло. Они выказывали сильное расположеніе къ своему сторожу; когда онъ уходилъ, смотрѣли ему вслѣдъ, когда-же онъ приближался, выходили ему на встрѣчу, терлись о него, лизали ему руки и вслушивались въ его голосъ.

Я видѣлъ впервые зубровъ въ звѣринцѣ въ Шенбрунѣ. Они жили въ продолженіи многихъ лѣтъ въ одномъ хлѣвѣ, передъ которымъ находился дворъ, огороженный толстыми бревнами. Очень крѣпкіе дубовые столбы изгороди, вкопанные на метръ въ землю и сверхъ того укрѣпленные подпорками, скрѣплялись перекладинами. При моемъ посѣщеніи у коровы былъ сосущій еще теленокъ, и заботливость о немъ выражалась очевиднымъ образомъ во всемъ ея поведеніи. Чтобы лучше разсмотрѣть рѣдкостныхъ животныхъ, я подошелъ къ изгороди ближе, чѣмъ было угодно коровѣ, такъ какъ она вдругъ опустила голову и устремилась на меня, мыча и далеко высунувъ синій языкъ, причемъ бросилась головой на балки съ такой силой, что даже дубовые столбы задрожали. Другое существо раздробило-бы себя черепъ при такомъ ударѣ: зубръ-же, безъ малѣйшаго вреда, повторилъ свои упражненія три или четыре раза подъ рядъ.

Позже я видѣлъ много другихъ зубровъ въ различныхъ зоологическихъ садахъ, наблюдалъ ихъ и собиралъ о нихъ свѣдѣнія. Они всѣ казались и кажутся мнѣ одинаковыми. Какъ ни ласковы они въ юности, съ возрастомъ ихъ врожденная дикость проявляется наружу, и даже надсмотрщики не могутъ довѣрять имъ. Упрямыми и непослушными они остаются навсегда, хотя мало-по-малу они и начинаютъ до извѣстной степени дружественно обращаться со знакомыми людьми. Каждая перемѣна въ положеніи или привычкахъ сейчасъ-же измѣняетъ ихъ хорошее настроеніе въ дурное. Во всякомъ случаѣ, зубры, заключенные въ замкнутомъ пространствѣ, не дѣлаются вообще болѣе ручными, чѣмъ на свободѣ, хотя-бы имъ приходилось ежедневно встрѣчаться съ человѣкомъ. Зубры, которыхъ содержали и кормили между Таплакеномъ и Лейкушкеномъ въ восточной Пруссіи, не только никогда не нападали на человѣка, но наконецъ стали такъ смѣлы, что подбѣгали къ людямъ и просили у нихъ подачки, такъ какъ привыкли почти всегда получать что-нибудь

отъ прохожихъ. Красный цвѣтъ возбуждаетъ и въ нихъ страшный гнѣвъ, и человѣкъ, одѣтый въ яркіе цвѣта, при встрѣчѣ съ зубрами болѣе или менѣе подвергается опасности. Однако, все-же кажется возможно подчинить власти человѣка это дикое животное. «Мой отецъ», пишетъ мнѣ графъ Лацаръ, «въ 1740 г. во время происходившаго въ Германштадтѣ сейма раздѣжалъ въ экипажѣ, запряженномъ зубрами». Упомянутый графъ приказалъ поймать и приручить этихъ животныхъ въ своихъ лѣсахъ въ Журжевѣ и такъ украсилъ ихъ богатою сбруею и золоченіемъ роговъ, что оригинальная запряжка возбуждала всеобщее удивленіе.

Въ нашихъ зоологическихъ садахъ, при сколько-нибудь благопріятномъ уходѣ, зубры прекрасно выживаютъ, безъ затрудненія спариваются и размножаются даже сильнѣе, чѣмъ на свободѣ. По наблюденіямъ Шелфа, періодъ стельности продолжается отъ 270 до 274 дней. Мать чрезвычайно нѣжно обращается съ новорожденнымъ, если только его не тронула человѣческая рука; она, напротивъ, приходитъ въ ярость и вымещаетъ на беззащитномъ теленочкѣ всякое непрошенное прикосновеніе надсмотрщика. Быка слѣдуетъ отдѣлять отъ стельной коровы, такъ какъ семейная жизнь этихъ животныхъ невозможна въ тѣсномъ помѣщеніи. Въ Дрезденѣ 22-го мая 1865 года, только что родившійся теленокъ былъ подхваченъ своимъ родителемъ на рога и переброшенъ черезъ изгородь; здѣсь онъ снова всталъ на ноги и былъ принесенъ въ хлѣвъ къ матери, разлученной между тѣмъ съ быкомъ. Коровы, обнюхавъ своего теленка и вѣроятно замѣтивъ, что къ нему уже прикасались человѣческія руки, подбросила его вверхъ и затоптала до смерти. Уже за много недѣль до отеленія самая крогкая корова-зубръ дѣлается дикой и злобной, а, отелившись и начавши кормить своего теленка, она ведетъ себя въ большинствѣ случаевъ такъ, какъ я выше описывалъ.

Многіе естествоиспытатели защищали тотъ взглядъ, что зубры до извѣстной степени участвовали въ образованіи нѣкоторыхъ породъ нашихъ домашнихъ быковъ; но, кажется, новѣйшими изслѣдованіями доказано какъ разъ обратное. Зубры и домашній рогатый скотъ чувствуютъ другъ къ другу сильное отвращеніе и, въ общемъ, такія отношенія не измѣняются, даже когда зубровъ-телятъ, пойманныхъ молодыми, держатъ постоянно вмѣстѣ съ ручнымъ скотомъ, какъ это дѣлалось въ Бѣловѣжской пущѣ. Но все-же и тутъ имѣются данныя противоположнаго свойства. «Въ Читскомъ округѣ», пишетъ Францъ Зульцевъ въ сочиненіи, появившемся въ 1781 г., «одному быку-зубру полюбилась домашняя корова, ходившая ежедневно въ стадѣ на пастбище, и онъ былъ съ ней въ такой тѣсной дружбѣ, что, къ немалому испугу деревенскихъ обывателей, не только провожалъ ее каждый вечеръ до воротъ дома, но и проникалъ въ ея хлѣвъ. Наконецъ, люди привыкли къ этимъ нѣжнымъ отношеніямъ, позволяли ему входить въ хлѣвъ и каждое утро выгоняли зубра вмѣстѣ съ коровой на пастбище».

Теперь едва-ли можно говорить о вредѣ или пользѣ, приносимой зубромъ. Въ Бѣловѣжскомъ лѣсу опустошенія, причиняемая этими дикими животными для своего прокормленія или въ бѣшенствѣ, не принимаются въ расчетъ, точно такъ, какъ и нельзя говорить объ ихъ пользѣ. По вкусу мясо зубра, говорятъ, занимаетъ среднее мѣсто между мясомъ домашнихъ быковъ и олениной; особенно-же славится мясо зубровъ-коровъ и телятъ. Поляки считали соленое мясо зубра превосходнымъ лакомствомъ и употребляли его на подарки дворамъ государей. Шкура даетъ крѣпкую и прочную, но мягкую и скважистую кожу, и теперь больше всего употребляется для выдѣлки ремней и постромокъ. Рога и копыта перерабатываются во всевозможныя вещи, которымъ приписываютъ извѣстныя лѣчебныя свойства. Наши предки приготовляли изъ прекрасныхъ крѣпкихъ роговъ главнымъ образомъ сосуды для питья;

кавказцы еще и теперь употребляют ихъ вмѣсто кубковъ для вина. На обѣдѣ, которымъ одинъ кавказскій князь чествовалъ генерала Розена, вмѣсто стакановъ для питья употреблялись 50—70 роговъ зубра, обдѣланныхъ въ серебро. (?)

* * *

Та же участь, которой подвергся зубръ въ теченіи столѣтій, постигла его единственнаго родича **Бизона**, въ невѣроятно короткій срокъ, можно сказать въ одно десятилѣтіе. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, по необозримымъ пространствамъ Сѣверной Америки рыскали еще милліоны этихъ мощныхъ животныхъ; въ настоящее же время тамъ бродить не болѣе нѣсколькихъ сотенъ бизоновъ. Исторія не знаетъ, да и впродъ не занесетъ на свои страницы, другого примѣра такого систематическаго уничтоженія, такого безжалостнаго массоваго истребленія, ради ничтожной выгоды, безобидныхъ и полезныхъ животныхъ, причемъ правительство ничего не сдѣлало для ихъ защиты. Теперь только бѣлѣющія кости, разбросанныя по далекимъ пустынямъ, указываютъ на нѣкогда безчисленныя стада сѣверо-американскихъ бизоновъ; число уцѣлѣвшихъ простиралось, по точнымъ свѣдѣніямъ Вильяма Горнедея, къ 1-му января 1889 г. лишь до 835 шт., включая тѣхъ 200, которые живутъ подъ охраной правительства въ паркѣ Йелоустонѣ. Это истребленіе бизоновъ совершено было главнымъ образомъ, съ начала 70-хъ годовъ, когда были проведены желѣзныя дороги, прорѣзывающія дальній западъ. Свыше 50-ти тысячъ индѣйцевъ, поддержаніе жизни которыхъ, отчасти или совершенно, обуславливалось существованіемъ бизоновъ, были-бы подвергнуты всевозможнымъ лишеніямъ и мученіямъ голода, если-бы правительство Соединенныхъ Штатовъ не снабжало ихъ всегда во-время средствами существованія.

Когда первые европейцы начали заселять Сѣверную Америку, площадь распространенія бизоновъ, по изслѣдованіямъ Аллена, простиралась почти отъ береговъ Атлантическаго океана на западъ до границъ Невады и Орегона, на югъ до 25-го градуса и на сѣверо-западъ приблизительно до 65-го градуса сѣверной широты, и охватывала какъ лѣсныя, такъ и степныя пространства. Съ усиливавшимся заселеніемъ область распространенія была ограничена съ востока скорѣе и значительнѣе, чѣмъ съ запада, такъ что въ 60-тыхъ годахъ нашего столѣтія она еще охватывала лишь среднія части Сѣв. Америки, собственно область прерій или полосу земли, лежащую приблизительно между 95-мъ градусомъ западной долготы и Скалистыми горами. Союзная Тихоокеанская желѣзная дорога, оконченная въ 1869 году, привлекла много охотниковъ на бизоновъ, благодаря тому, что она дѣлала возможной быструю продажу свѣжихъ кожъ. Полчища бизоновъ, въ числѣ еще многихъ милліоновъ, были раздѣлены этою дорогою на сѣверныя и южныя стада; съ этого времени истребленіе животныхъ по неудержимо впередъ, чему способствовала постройка другихъ желѣзныхъ дорогъ. Охотой, или вѣрнѣе убійствомъ, занимались какъ очень выгоднымъ промысломъ и притомъ такъ, что все южное стадо, число головъ котораго свѣдущими людьми еще въ 1871 году опредѣлялось слишкомъ въ 3 милліона головъ, къ 1875 г. было истреблено все, до незначительныхъ разсыянныхъ остатковъ. Подобнымъ-же образомъ истребленіе сѣверныхъ стадъ началось въ 1880 г. и было окончено къ 1883-му году. На необозримыхъ пространствахъ, недавно бывшихъ отечествомъ многихъ милліоновъ бизоновъ, бродили еще только тысячи ихъ толпами и небольшими стадами, стараясь избѣжать своихъ безжалостныхъ преслѣдователей; впрочемъ, большая часть этихъ разсыявшихся бѣглецовъ въ ближайшіе годы сдѣлалась жертвою охотниковъ, пока наконецъ охота не перестала быть выгоднымъ занятіемъ.

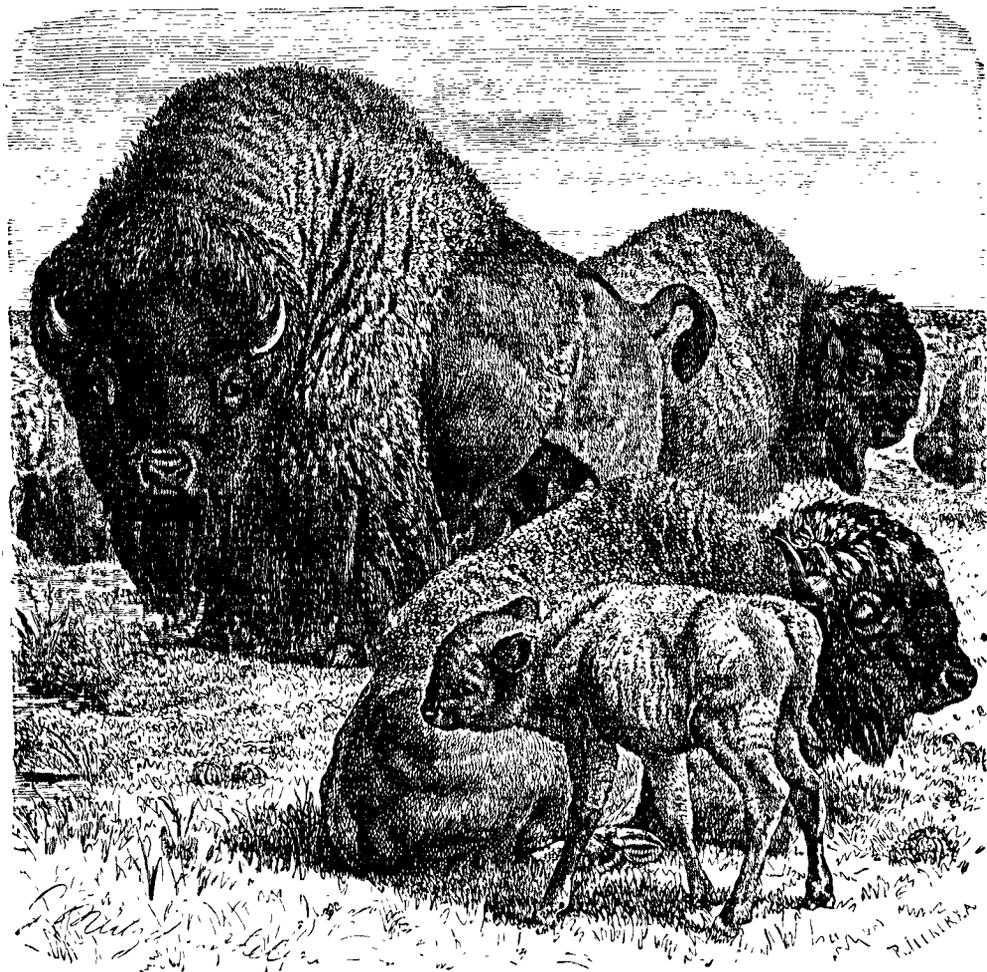
Горнедей пишетъ, что при сколько-нибудь разумномъ и своевременномъ регулированіи закономъ веденія охоты, можно было-бы изъ громаднаго числа бизонъ убивать ежегодно по полъ-милліона молодыхъ быковъ, выручать за нихъ до 10-ти милліоновъ марокъ, не причиняя стадамъ замѣтной убыли; теперь-же требуется много серьезныхъ усилій, чтобы сохранить сотню-другую изъ оставшихся въ живыхъ.

Нижеслѣдующее описаніе относится слѣдовательно къ животнымъ, которыя населяли своими стадами еще двадцать лѣтъ тому назадъ Сѣверную Америку, но теперь почти совершенно уничтожены.

Бизонъ или **Буффало** американцевъ (*Bos americanus*, *Bison* и *Bonassus americanus*, *Bison*) въ средѣ сѣверо-американскихъ животныхъ то-же, что зубръ въ Европѣ: это великанъ изъ всѣхъ мѣстныхъ сухопутныхъ млекопитающихъ. Длина быка равняется 2,7—3 м., не считая хвоста, длиною въ 50, а съ волосами—въ 65 см., высота въ плечахъ 1,7—1,9 м. у крестца 1,4—1,6 м.; вѣсъ колеблется между 600 и 1000 kgr. Почти всѣ охотники и наблюдатели, какъ Доджъ, Гиндъ, Макоунъ, Юнгъ различаютъ на ряду съ «степнымъ бизономъ» болѣе рѣдкаго «горнаго или лѣснаго бизона», отличающагося болѣе сл. бымъ тѣлосложеніемъ и болѣе короткими, но коренастыми ногами. Коровы почти всегда значительно меньше быковъ. Различія между бизономъ и зубромъ, которые, по мнѣнію немногихъ естествоиспытателей, принадлежатъ къ одному виду, значительнѣе, чѣмъ между другими столь-же близко родственными быками. Голова бизона очень велика, соразмѣрно гораздо больше и болѣе широколоба, также неуклюжѣе и тяжелѣе, чѣмъ у зубра, переносѣ болѣе выпукло, уши длиннѣе. У бизона подслѣповатые темно-каріе глаза, бѣлки которыхъ кажутся мутными, — очень небольшіе; ноздри расположены очень косо, продолговато-яйцевидной формы, съ выемками по срединѣ и внизу. Короткая, высокая и тонкая шея круто возвышается къ очень высокой холкѣ, отъ которой спина сильно опускается къ корню короткаго, толстаго хвоста; туловище, широкое въ грудной области, необыкновенно суживается сзади. Ноги относительно коротки и очень тонки, копыта и мозолистые пальцы малы и круглы. Такимъ образомъ отличительными признаками этого животного нужно считать: размѣры головы, необыкновенное развитіе передней части тѣла при удивительномъ суженіи задней, короткость толстаго хвоста и тонкость ногъ. Рога бизона значительно сильнѣе, толще у корня, тупѣе на концахъ и проще въ изгибѣ, чѣмъ у зубра; загнуты они назадъ, наружу и вверхъ, такъ что концы ихъ уже не сближаются. Мѣхъ похожъ на мѣхъ зубра. Голова, шея, плечи, передняя часть туловища и плечевыя части переднихъ ногъ, передняя часть бедеръ и конецъ хвоста покрыты длиною шерстью, образующей гриву на плечахъ и бороду на подбородкѣ и нижней части шеи; на лбу и затылкѣ шерсть вьющаяся и всклокоченная; всѣ остальные части тѣла покрыты лишь короткой и густой шерстью. Зимомъ шерсть значительно удлиняется; съ наступленіемъ весны зимній мѣхъ падаетъ большими клочьями. Окраска бываетъ очень равномерно сѣро-бурая; на гривѣ, т. е. на передней части головы, на лбу, шеѣ и подгрудкѣ болѣе темнаго цвѣта, переходящаго въ темно-бурый; рога и копыта, такъ-же какъ и голая морда, блестящаго чернаго цвѣта. Попадаются также животныя сѣрыя, бѣлыя и пѣгія съ бѣлыми пятнами. Отличительный признакъ быка, по описанію принца фонъ-Видъ, — двѣ пары сосковъ, лежащихъ близко одна возлѣ другой по обѣ стороны члена.

Въ противоположность зубру, положительно лѣсному жителю, бизона нужно считать, по крайней мѣрѣ, съ тѣхъ поръ, какъ площадь его распространенія умень-

шилась, характернымъ животнымъ тѣхъ необозримыхъ степныхъ пространствъ, которыя американцы называютъ преріями. Здѣсь бизоны жили обществами, но попадались повсюду лишь небольшими группами. «Большое стадо бизоновъ», по описанію Тильмана, «распадается на многочисленныя меньшія группы. Если низменность, покрытая сочной травой, издалика кажется буквально покрытой буйволами, то на болѣе близкомъ разстояніи глазъ скоро замѣчаетъ, что вся масса раздѣ-

Бизонъ. *Bos americanus*. $\frac{1}{27}$ наст. вел.

лена на отдѣльныя стада различной величины; каждое изъ нихъ, удаленное отъ другаго хотя-бы лишь на сотню шаговъ, имѣетъ собственнаго вожака и идетъ своей дорогой. Особенность этого раздѣленія та, что стада коровъ, предводительствуемыя болѣе молодыми быками, находятся всегда въ серединѣ, тогда какъ болѣе старыя быки соединяются въ меньшія стада и остаются всегда по окраинамъ большой группы. Мы двигались, въ продолженіи цѣлыхъ четырехъ дней пути, все время среди стадъ бизоновъ--быковъ; только потому натолкнулись мы на коровъ. Численность отдѣльныхъ стадъ очень различна; коровы собираются по 30 и болѣе штукъ; быковъ я видѣлъ въ числѣ отъ 6 до 16. Но различныя стада держатся часто такъ близко

другъ возлѣ друга, что глазъ можетъ увидѣть одновременно сотни и тысячи ихъ. Мнѣ неизвѣстно, живутъ-ли бизоны на сѣверѣ, гдѣ они многочисленнѣе и болѣе осѣдлы, еще большими массами. Разказы о сотняхъ тысячъ головъ, которыхъ нѣкоторые охотники видѣли въ одномъ мѣстѣ, кажутся мнѣ потому нѣсколько прикрашенными, что бизоны ходятъ почти всегда рядами и часто гуськомъ, съ равными промежутками, не только при передвиженіи съ одного мѣста на другое, но и во время ѣды, что, понятно, исключаетъ возможность видѣть разомъ такія громадныя массы этихъ животныхъ».

Ежегодно бизоны, съ большей или меньшей правильностью предпринимали странствованія. Съ іюля они тянулись къ югу, съ наступленіемъ весны возвращались снова на сѣверъ, раздѣленные на меньшія группы или стада. Эти странствованія, говорятъ, простирались отъ Канады до береговъ Мексиканскаго залива и отъ Миссури до Скалистыхъ горъ. Но эти сообщенія въ полномъ объемѣ своемъ нельзя считать доказанными, и мы вправѣ даже сомнѣваться, происходили-ли когда-либо такія отдаленныя странствованія. Много бизоновъ остаются въ продолженіи зимы почти на мѣстѣ своей осѣдности, а тѣ, которые странствуютъ, съ трудомъ могли-бы проходить указанныя выше громадныя разстоянія по совершенно незнакомымъ имъ мѣстностямъ. «Какъ сообщалъ мнѣ одинъ опытный охотникъ», пишетъ Тильманъ въ 1875 г., «и въ болѣе раннія времена бизоны были раздѣлены на сѣверную и южную группы: границу между ними представляла рѣка Республиканъ, составляющая сѣверное верховье рѣки Канзаса (т. е. около 40 град. сѣверной широты). Сѣверныя стада зимой не переходили этой границы въ своемъ походѣ на югъ, такъ-же какъ и южныя лѣтомъ не проникали дальше на сѣверъ». Горнедей въ своихъ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ проводитъ тотъ взглядъ, что происходили скорѣе протія перекочевки съ мѣста на мѣсто, чѣмъ отдаленныя странствованія. Такимъ образомъ могло случиться, что среди зимы В. Ф. Бутлеръ нашелъ въ сѣверныхъ странахъ стада, передвинувшіяся изъ своихъ самыхъ отдаленныхъ лѣтнихъ стоянокъ лишь на нѣсколько сотенъ километровъ разстоянія. Бутлеръ въ ноябрѣ и декабрѣ 1872 г., во время сильныхъ холодовъ (до 34 град. по Цельсію) и глубокаго снѣга, нашелъ многочисленныя стада бизоновъ у рѣки Саскачеванъ, приблизительно между 52 и 53 град. сѣверной широты. Можно было знать о проходящихъ стадахъ и тогда, когда самихъ бизоновъ не было уже видно, такъ какъ стаи тощихъ волковъ, а въ воздухѣ коршуны, орлы и вороны, слѣдовали за вѣрной добычей. Водворившись прочно гдѣ-нибудь, бизоны съ большою правильностью переходили съ мѣста на мѣсто, а именно отъ сочныхъ пастбищъ къ рѣкамъ, куда они направлялись, чтобы напиться и освѣжиться кунаньемъ; при этихъ переходахъ они вытантывали тѣ дорожки, которыя всѣмъ путешественникамъ черезъ преріи извѣстны подъ именемъ «буйволовыхъ тропинокъ». Буйволовыя тропинки идутъ большею частью по прямому направленію, по нѣсколькимъ сотнямъ слѣдовъ въ рядъ, и пересѣкаютъ рѣки тамъ, гдѣ берега удобны для спуска и подъема. Эти тропинки совершенно напоминаютъ тѣ, которыя проталтываетъ и по которымъ аккуратно проходитъ наизъ домашній скотъ, когда пасется въ большомъ числѣ на свободѣ въ лѣсахъ и на лугахъ.

Мюльгаузенъ въ 1851 г. видѣлъ въ преріяхъ на западъ отъ Миссури сотни тысячъ бизоновъ; Фребель въ 1858 г. переходилъ съ караваномъ повозокъ изъ Миссури въ Мексикку и въ продолженіи 8-ми дней ѣхалъ безпрерывно среди ихъ стадъ. «Семьями, толпами, стадами и цѣлыми массами», говоритъ Генвортъ Диксонъ, «съ топотомъ неслись передъ нами черныя, мохнатыя животныя, то съ сѣвера на югъ, то съ юга на сѣверъ; 40 часовъ сряду мы постоянно видѣли тысячи, десятки тысячъ, неисчислимыя стада этихъ животныхъ, мяса кото-

рыхъ, какъ можно думать, хватило-бы, чтобы снабдить вигвамы индѣйцевъ на цѣлую вѣчность».

«Тогда какъ», замѣчаетъ Финшъ, «въ началѣ октября (1872 г.) на пути въ Денверъ мы могли увидѣть лишь одного, двухъ бизоновъ, несмотря на то, что они были довольно многочисленны вблизи нѣкоторыхъ стоянокъ, напр. Буффало,—на обратномъ пути, мѣсяць спустя, мы встрѣтили ихъ уже у Китъ-Карзонъ въ Колорадо. Хотя главныя ихъ стада, по газетнымъ сообщеніямъ, находились уже у Арканзаса и Канадской рѣки. Во время охоты мы, конечно, никогда не встрѣчали ихъ такими массами, какъ Диксонъ; но, по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, его описаніе еще и для теперяшняго времени (1872 г.) оказывается вѣрнымъ. По пути, избранному быками—вожаками, все стадо слѣдуетъ привязанныхъ обстоятельствахъ, хотя-бы пришлось при этомъ переходить черезъ рѣки или спускаться съ отвѣсныхъ обрывовъ. Рельсовый путь обыкновенно изумляетъ ихъ; первые подошедшіе останавливаются и обнюхиваютъ колею, но затѣмъ, не медля, переходятъ черезъ нее и этимъ подають примѣръ всѣмъ слѣдующимъ. Бизоновъ не пугаютъ устроенныя вдоль полотна желѣзной дороги, многочисленные деревянныя защиты отъ снѣжныхъ заносовъ; они пользуются ими такъ-же, какъ и телеграфными столбами—трутся о нихъ. Избѣгая человѣческихъ поселеній, они въ то-же время нисколько не боятся отдѣльно расположенныхъ въ преріяхъ усадебъ и часто проходятъ вблизи таковыхъ. Нанпъ хозяинъ въ Монотони, надсмотрщикъ уединеннаго водоема на Канзасской желѣзной дорогѣ, убивалъ лишь тѣхъ животныхъ, которыя показывались совсѣмъ вблизи, чтобы облегчить себѣ доставку убитыхъ великановъ, и все-же круглый годъ снабжалъ свой домъ бизоновымъ мясомъ. Однажды утромъ, прежде чѣмъ мы успѣли окончить завтракъ, онъ убилъ трехъ могучихъ быковъ, не удаляясь отъ дома даже на 150 шаговъ. «Тильманъ, предпринимавшій въ 1875 г. охотничьи поѣздки на дальній западъ, въ своихъ описаніяхъ, однако, уже несогласенъ съ предыдущими наблюденіями. Нашъ изслѣдователь выражаетъ это въ слѣдующихъ словахъ: «Для истребленія было сдѣлано больше всего тремя желѣзными дорогами, прорѣзывающими преріи отъ Миссури до Скалистыхъ горъ. Въ началѣ десятилѣтія (70-хъ г.г.) охоты между Союзной Тихоокеанской и Канзасъ-Тихоокеанской желѣзными дорогами могли предприниматься съ вѣрнымъ расчетомъ на успѣхъ, и желѣзныя дороги Атчисонъ, Топека и Санта Фе, въ первые годы ихъ существованія, перевозили на востокъ до 200,000 шкуръ, теперь же бизонъ, какъ постоянная дичь, исчезъ, какъ между этими тремя дорогами, такъ и внутри полосы, шириной на много дней пути, лежащей на сѣверъ и югъ отъ обонхъ крайнихъ путей. Лишь немногія стада при передвиженіяхъ весной на сѣверъ и осенью на югъ могутъ еще переходить черезъ рельсы».

Къ августу и сентябрю мѣсяцамъ, съ которыми совпадаетъ періодъ случекъ, стада приходили въ возбужденіе, тѣсно сплочивались и образовывали волнующуюся массу. Быки гонялись за коровами, бросались другъ на друга и сражались до тѣхъ поръ, пока ихъ не оттѣсняли другіе. По описаніямъ нѣкоторыхъ, напримѣръ Катлина, эти единоборства очень страшны, но, по рассказамъ другихъ наблюдателей, напримѣръ Одюбона, Доджа и пр., они довольно безвредны. Толстый черенъ, вдобавокъ еще хорошо защищенный мѣхомъ, выдерживаетъ безъ вреда сильныя удары, а короткіе рога представляютъ изъ себя оружіе, совсѣмъ не приспособленное къ нанесенію смертельныхъ ранъ одинаково сильному противнику. Горнедей, опираясь на собственныя наблюденія и надежныя сообщенія, высказывается опредѣленно противъ воззрѣнія, будто-бы происходитъ обособленіе въ пары или семьи животныхъ, стремящихся къ случкѣ: напротивъ, скорѣе вся масса стадъ остается болѣе сплоченной, пока не проходитъ періодъ спариванія; затѣмъ происходитъ

описанное уже обычное дѣленіе. Телята рождаются, по словамъ вышеназваннаго писателя, по одному, но нерѣдко и по два, между мартомъ и іюлемъ, нѣкоторые-же только въ августѣ. Стельныя коровы, по возможности, уединяются заранее въ безопасное мѣсто и ждутъ тамъ, пока ихъ дѣтеныши не окрѣпнутъ настолько, чтобы примкнуть къ стаду. Съ этого времени быки выступаютъ охранителями телятъ; послѣдніе-же неуклонно стараются слѣдовать за матерями, пока ихъ не отгнѣнитъ слѣдующее поколѣніе. Телята сосутъ въ продолженіи 9-ти мѣсяцевъ, а иногда еще дольше.

Хотя бизонъ по наружности неуклюжее животное, онъ однако, двигается съ достаточной легкостью и, несмотря на короткія ноги, проходитъ значительныя разстоянія. Онъ никогда не ходитъ такъ лѣнливо, какъ домашніе быки, а, напротивъ, всегда поспѣшными шагами, бѣгаетъ рысью скоро и неутомимо, а въ галопѣ движется съ такой быстротой, что лошадь должна напрягать всѣ свои силы, чтобы догнать его. Его движенія очень своеобразны и отрывисты; когда онъ торопится, то фигура его описываетъ странныя волнистыя линіи, происходящія отъ того, что онъ подбрасываетъ массу своего тѣла то впередъ, то назадъ. Въ плаваніи онъ обнаруживаетъ такую-же силу и неутомимость, какія вообще отличаютъ его движенія; онъ безъ малѣйшей робости идетъ въ воду и переплываетъ широкія рѣки. Голосъ бизона—глухое ворчаніе, скорѣе глубокое грудное рычаніе, чѣмъ мычанье. Когда раздаются голоса тысячей бизонивъ, то образуется гулъ, который можно сравнить съ отдаленнымъ раскатомъ грома.

Изъ внѣшнихъ чувствъ выше всего стоятъ обоняніе и слухъ. Бизонъ обладаетъ превосходнымъ чутьемъ, а слышитъ на далекія разстоянія. Всѣ наблюдатели признаютъ его зрѣніе слабымъ, хотя глаза устроены у него хорошо и очень мало отличаются отъ глазъ другихъ жвачныхъ; вѣроятно, густой мѣхъ, окутывающій голову, мѣшаетъ имъ смотрѣть. Своими душевными способностями бизонъ не отличается отъ другихъ родичей. Онъ вообще не очень понятливъ, довольно добродушенъ, пугливъ и неспособенъ на быстрое возбужденіе; но, будучи раздраженъ, забываетъ всѣ обычные свои опасенія и смѣло идетъ на встрѣчу врагу. На плѣнныхъ бизонахъ замѣтнѣе, чѣмъ на остающихся на волѣ, что ихъ понятливость способна развиваться. Но даже дикіе умѣютъ отличать полезное отъ вреднаго; плѣнные-же обнаруживаютъ такое пониманіе своего положенія, какого едва-ли можно было ожидать отъ нихъ. Вполнѣ невѣрными оказываются прежнія указанія, что они не поддаются прирученію; они скоро вступаютъ въ почти дружескія отношенія съ человѣкомъ, который умѣетъ съ ними обращаться, по крайней мѣрѣ, научаются узнавать и до извѣстной степени любить своего воспитателя. Конечно, должно пройти не мало времени, прежде чѣмъ они избавятся отъ прирожденнаго страха и потеряютъ свою природную дикость. При всѣхъ обстоятельствахъ быкъ проявляетъ больше сознанія собственного достоинства, больше взыскательности и властолюбія и потому большую горячность и драчливость, чѣмъ корова.

Въ продолженіи лѣта невысокая, но сочная трава прерій доставляетъ достаточную пищу пасущимся бизонамъ; зимой-же они должны удовлетворяться скуднымъ пропитаніемъ и довольны, если, наряду съ концами вѣтвей и засохшими листьями, удастся найти тощую траву, лишай и мохъ. «Когда палящій солнечный жаръ сожжетъ зеленія пастбища, бизонъ довольствуется сухими пучками травы, и даже большіе осенніе пожары прерій оставляютъ среди черной равнины столько пощаженныхъ огнемъ оазисовъ, что стада находятъ, во время своихъ скитаній, достаточно пищи. Зимой, конечно, имъ труднѣе поддерживать свое существованіе, такъ какъ жалкихъ остатковъ, добытыхъ изъ-подъ снѣга, имъ едва хватаетъ. Этимъ жи-

вотнымъ труднѣе отказаться отъ воды, чѣмъ отъ обильной и свѣжей пищи. По утрамъ и по вечерамъ можно видѣть, какъ они медленно направляются къ вполне определенной цѣли—къ водопою; длинными рядами, одинъ за другимъ, съ весело играющими телятами по сторонамъ, идутъ они по вытоптаннымъ ими дорогамъ не шире одного шага, имѣющимъ видъ обыкновенныхъ тропинокъ. Здѣсь начинается тогда дѣятельная жизнь. Въ томъ-же порядкѣ, въ какомъ черные колоссы приближались къ водѣ, они начинаютъ утолять жажду большими слотками, сосуновъ подгоняють легкими толчками роговъ, и только кое-гдѣ между совсѣмъ старыми быками дѣло доходить до болѣе серьезной стычки, такъ что скрытый въ извѣстномъ отдаленіи наблюдатель можетъ явственно слышать, какъ стучаются другъ о друга сталкивающіеся рога.»

Жизни бизона угрожаетъ много серьезныхъ опасностей; ему также приходится вести борьбу за существованіе. Ему угрожаютъ не только человекъ и волкъ, но также холодъ и голодъ. Зима, болѣею частью тяжелая въ преріяхъ, истребляетъ сотни этихъ животныхъ, предварительно обезсиливъ и ослабивъ ихъ. Собственно говоря, бизонъ вооруженъ достаточно хорошо, чтобы противостоять холоду при благоприятныхъ условіяхъ: густой мѣхъ защищаетъ его отъ непогоды, а линяніе находится, какъ и слѣдовало ожидать, въ такомъ точномъ соотвѣтствіи съ временемъ года, что зима не застигаетъ его никогда врасплохъ. По условія его жизни могутъ сдѣлаться очень печальными, когда снѣжный покровъ земли глубокъ и животное, ищущее пропитанія, несмотря на всѣ усилія, не находитъ его въ достаточномъ количествѣ; тогда жиръ, накопленный за лѣто, быстро истрачивается, изнеможеніе все растетъ, и дальнѣйшее поддержаніе жизни оказывается невозможнымъ. Наконецъ ослабѣвшее животное спокойно и безнадежно ложится и безъ сопротивленія даетъ снѣгу похоронить себя. Зима можетъ прекратить существованіе бизоновъ и раньше, если они слишкомъ неосмотрительно довѣряются ледяному покрову рѣки. Ихъ обычай идти рядами одинъ за другимъ часто губителенъ въ такихъ случаяхъ; подъ громадною тяжестью стада бизоновъ ледъ ломается, животныя падаютъ въ воду, напрасно стараются выбраться, встрѣчаютъ препятствіе въ сотняхъ напирającychъ сзади товарищей и погибаютъ самымъ жалкимъ образомъ. Подобнымъ-же образомъ гибнутъ многіе бизоны, переправляясь лѣтомъ черезъ рѣки и желая выйти на берегъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ сыпучій песокъ или вязкій илъ затрудняютъ выходненіе на сушу.

Живыхъ враговъ у бизона точно такъ-же много, какъ и у другихъ видовъ этого рода. Говорятъ, что сѣрый медвѣдь не боится даже боя съ хорошо вооруженными быками и что волкъ опасенъ, по крайней мѣрѣ, молодымъ бизонамъ. Самымъ-же худшимъ врагомъ остается человекъ, особенно европейецъ, охоты котораго, какъ сообщаетъ Горнедей, приняла уже въ 20-хъ и 30-хъ годахъ нашего столѣтія опасныя размѣры. «Въ прежнія времена,» такъ изображаетъ намъ Мюльгаузенъ, «когда бизонъ могъ считаться, нѣкоторымъ образомъ, домашнимъ животнымъ индѣйцевъ, не было замѣтно уменьшенія необозримыхъ стадъ ихъ; наоборотъ, они размножались и жили спокойно на роскошныхъ пастбищахъ своей родины. Но вотъ въ этихъ мѣстахъ появились бѣлые. Большія шкуры съ роскошнымъ мѣхомъ понравились имъ, жирное мясо бизоновъ пришлось имъ по вкусу—отъ того и другаго они ожидали большихъ выгодъ. Сначала европейцы возбудили у степныхъ индѣйцевъ жадность къ блестящимъ украшеніямъ и опьяняющимъ напиткамъ; эти продукты отдавались въ возможно малыхъ количествахъ въ промѣнъ за охотничью добычу, и тутъ-то и началось опустошеніе. Тысячи бизоновъ были убиваемы ради ихъ языковъ, еще чаще ради мохнатого мѣха, и въ немногіе годы стала замѣтна

значительная убыль ихъ. Беззаботный индѣецъ не думаетъ о будущемъ: онъ живетъ и наслаждается лишь настоящимъ. Разъ убѣдившись въ выгодѣ охоты, онъ въ дальнѣйшихъ поощреніяхъ не нуждается и охотится на бизонѣвъ до тѣхъ поръ, пока послѣдній изъ нихъ не оставитъ ему своей шкуры. Несомнѣнно, недалеко то время, когда могучія стада будутъ жить лишь въ воспоминаніи, и 300,000 индѣйцевъ, лишенныхъ содержанія и гонимыхъ свирѣпымъ голодомъ вмѣстѣ съ миллионами волковъ сдѣлаются бичемъ для сосѣдней цивилизаціи, и въ качествѣ таковога будутъ затѣмъ истреблены самымъ жестокимъ образомъ.

«Способы, посредствомъ которыхъ животное становится жертвой своихъ преслѣдователей, очень разнообразны. Для индѣйцевъ прерія охота на бизонѣвъ представляетъ занятіе, не только доставляющее имъ пропитаніе, но и служащее для нихъ величайшимъ удовольствіемъ. Верхомъ на выносливыхъ лошадяхъ, пойманныхъ большею частью дикими въ степяхъ, они въ состояніи догнать каждую дичь на равнинѣ; они видятъ величайшую славу въ томъ, чтобы, при быстрой ѣздѣ на лошади, возможно успѣшнѣе посылать смертельные выстрѣлы въ бѣгущее стадо. Охотникъ въ лѣвой рукѣ держитъ лукъ и столько стрѣлъ, сколько онъ можетъ захватить, а въ правой — тяжелую нагайку, которою безжалостно гонитъ свою горячую лошадь въ середину бѣгущаго стада, стараясь подѣхать какъ можно ближе къ жирной коровѣ или молодому бычку. Умная лошадь легко понимаетъ намѣренія своего господина и спѣшитъ, не нуждаясь въ дальнѣйшемъ управленіи, прямо къ намѣченной добычѣ, чтобы доставить охотнику возможность въ удобный моментъ вонзить въ паха бизона стрѣлу, до самыхъ перьевъ. Едва лишь просвиститъ туго натянутая тетива лука, едва лишь острое желѣзо вонзится сквозь волнистую шерсть въ жирное мясо, — лошадь сильнымъ прыжкомъ удаляется отъ раненаго звѣря, чтобы уйти отъ роговъ разсвирѣпѣвшаго врага и выбрать новую жертву. Такимъ образомъ охота проносится по равнинѣ съ быстротою бури, пока утомленіе коня не принудитъ дикаря воздержаться на время отъ своей ненасытной страсти къ охотѣ. Между тѣмъ всѣ раненые буйволы отдѣляются отъ стада и лежатъ, изнемогая или околѣвая, на дорогѣ, по которой нѣсколько минутъ назадъ, съ шумомъ неслось огромное стадо. Жены охотниковъ идутъ по ихъ слѣдамъ и прилежно занимаются тѣмъ, что разрѣзываютъ добычу на части, доставляютъ лучшіе куски и шкуры въ вигвамы, гдѣ мясо разрѣзывается на тонкія полосы и сушится, шкура-же обрабатывается самымъ простымъ образомъ. Понятно, большая часть добычи достается волкамъ.

«Благодаря тому, что длинная грива на головѣ бизона закрываетъ ему глаза и мѣшаетъ ясно видѣть и слышать, охотнику легко подойти къ добычѣ, даже безъ лошади. Онъ покрываетъ себѣ голову и туловище шкурою волка и, подвигая передъ собой оружіе, ползетъ на рукахъ и ногахъ зигзагами къ своей цѣли. Если вѣтеръ внезапно не выдастъ индѣйца въ его нарядѣ, ему навѣрное удастся убить бизона совсѣмъ вблизи, не нарушая этимъ покоя всего остального стада. Даже шумъ ружейнаго выстрѣла не пугаетъ этихъ животныхъ, пока они не убѣдятся въ присутствіи человѣка при помощи своего тонкаго обонянія. Хорошо спрятанный стрѣлокъ можетъ уложить пулей безъ помѣхи нѣсколькихъ бизонѣвъ изъ спокойно насунагося стада: предсмертное хрипѣніе раненыхъ побуждаетъ, самое большее, одного или другого поднять пылливо свою мохнатую голову на нѣсколько мгновеній; затѣмъ они снова принимаются за свое обычное занятіе — начинаютъ пастись. Бѣдныхъ бизонѣвъ преслѣдуютъ во всѣ времена года, даже когда снѣжная мятель покрываетъ равнину глубокимъ покровомъ и излюбленная охота верхомъ на лошадяхъ становится невозможной. Стадо можетъ лишь медленно пробираться по снѣгу, глу-

биной въ нѣсколько футовъ; а догадливый индѣецъ, прикрѣпивъ къ ногамъ широкія плетенныя лыжи, которыя не проваливаются на рыхломъ снѣгѣ, спѣшитъ къ бредущимъ съ трудомъ великанамъ и закалываетъ копьемъ беззащитныхъ животныхъ».

Иногда группы или небольшой стада загоняютъ въ нарочно для того устроенныя крѣпкіе загоны и тамъ ихъ стрѣляютъ. Одюбонъ сообщаетъ, что изъ форта Унионъ палили въ стада даже изъ пушекъ Фребель рассказываетъ, что каждый разъ, какъ ихъ общество путешественниковъ нуждалось въ мясѣ, посылали ловкаго наѣздника раздобыть его. Человѣкъ этотъ вѣзжалъ въ середину стада, намѣчалъ какое-нибудь изъ животныхъ и подбирался къ нему, пока не удавалось приставить револьверъ къ его лѣвому плечу и выстрѣлить. Сопротивленія со стороны бизона не замѣчалось; сосѣдніе бизоны во время охоты лишь нѣсколько сторонились. Одинъ мексиканецъ, бывшій при караванѣ, дѣйствовалъ такъ ловко арканомъ, что ловилъ имъ не только бизоновъ-телятъ, но и взрослыхъ коровъ.

Однако, не всѣ охоты на бизоновъ сходятъ такъ удачно, какъ могло-бы казаться по сообщенному выше. Вѣтъ видѣлъ, какъ одинъ индѣецъ, продолжавшій нападать на раненаго бизона, долженъ былъ жестоко поплатиться за это. Животное внезапно обернулось, испуганная лошадь сбросила всадника и, прежде чѣмъ онъ успѣлъ вскочить, буйволъ пронзилъ ему грудь рогами. Другой подобный случай рассказываетъ Ричардсонъ. Вблизи Карлтонгоуза прикащикъ кампаніи Гудзонова залива выстрѣлилъ въ бизона и поспѣшилъ къ нему, чтобы узнать о результатѣ своего выстрѣла. Тогда раненый быкъ вдругъ поднялся, бросился на противника и нанесъ ему два или три удара, отъ которыхъ тотъ потерялъ сознание. Спутники нашли его тяжело раненымъ во многихъ мѣстахъ и плавающимъ въ крови; бизонъ лежалъ возлѣ него, очевидно выжидая, пока потерявшій сознание врагъ снова покажетъ признаки жизни. Одинъ охотникъ долженъ былъ просидѣть много часовъ на деревѣ, куда онъ скрылся отъ нападенія разсвирѣпѣваго бизона, такъ какъ послѣдній упорно осаждалъ его. Охоты верхомъ на лошадяхъ также далеко не всегда легки и безопасны. «То преслѣдованіе», говоритъ Финшъ «приводитъ къ поселенію луговыхъ собакъ, гдѣ въ изрытой землѣ легко падаютъ и лошади, и всадники, то вырытый дождемъ оврагъ, въ 3—4 м. глубиною, въ который ловкій бизонъ прыгаетъ безъ колебанія, останавливаетъ преслѣдователя, или-же лошадь въ послѣдній моментъ пугается хряпящаго чудовища, когда оно поворачиваетъ свою мощную мохнатую голову, и отскакиваетъ въ сторону, причемъ всадникъ вылетаетъ изъ сѣдла. Охота на буйволовъ даетъ также поводъ къ стычкамъ между разными индѣйскими племенами или между ними и бѣлыми».

Пока въ употребленіи оставались описанные способы охоты, едва-ли можно было предполагать дѣйствительное истребленіе бизоновъ, хотя ежегодно сотни тысячъ ихъ лишались жизни, хотя преслѣдователи двигались въ мѣстности, предназначенныя для охоты, настоящими хорошо организованными арміями съ главнокомандующими и низшими начальниками, съ возами припасовъ и лагерныхъ приспособленій. Пока охотились на лошадяхъ, нужны были соединенныя усилія 15—25 охотниковъ, чтобы, въ продолженіи одного охотничьяго сезона, добыть до 1000 бизоновъ. Результаты стали совсѣмъ иными въ послѣднія два десятилѣтія, когда начали употреблять почти исключительно подпалываніе, «тихую охоту», какъ называютъ американцы этотъ способъ истребленія. Хорошій стрѣлокъ получилъ возможность одинъ уложить во время одной охоты 1000—3000 штукъ; такъ напр. Жакъ Брейджесъ одинъ застрѣлилъ 1142 бизона въ теченіи 6-ти недѣль.

Такое успѣшное истребленіе сдѣлалось возможнымъ, благодаря употре-

бленію дальнобойныхъ тяжелыхъ ружей, заряжающихся съ казенной части, и благодаря почти непримѣрной глупости бизонувъ, у которыхъ самый горькій опытъ не пробудилъ пониманія угрожающей опасности. По доставленнымъ Горнедеемъ описаніямъ, тихая охота велась слѣдующимъ образомъ. Обыкновенно соединялись четыре человекъ, снаряжали себя для охоты сами, или-же это дѣлало лицо, у котораго они стосояли на службѣ. Они ѣхали по желѣзной дорогѣ до ближайшей отъ избранной мѣстности станціи, складывали здѣсь свой багажъ на повозки и направлялись къ мѣсту охоты. Одинъ изъ нихъ заботился о приготовленіи пищи, трое остальныхъ шли стрѣлять, каждый самъ по себѣ, съ ружьемъ, боевыми припасами и скорняжнимъ ножомъ. Все искусство состояло въ томъ, чтобы высмотрѣть стадо бизонувъ на такомъ мѣстѣ, гдѣ-бы стрѣлокъ могъ незамѣтно и противъ вѣтра подкрасться какъ можно ближе къ большому числу ихъ. Если это удавалось, человекъ клалъ возлѣ себя патроны, искалъ надежной опоры для своего ружья и убивалъ на повалъ вожака. Свистъ пули привлекалъ вниманіе стада, но не пугалъ его; ближайшіе сосѣди подходили къ вожаку, который съ прострѣленными легкими скоро сваливался. Второй быкъ, только-что задумавшій принять руководство стадомъ, падалъ самъ отъ второй пули, а за нимъ слѣдовали третій и четвертый, и т. д. Стрѣлявшій обращалъ вниманіе главнымъ образомъ на то, чтобы не увидѣли его движеній и чтобы убивать всегда то животное, которое пыталось отойти, потому что за нимъ послѣдовали-бы всѣ остальные. Цѣлясь съ большимъ удобствомъ и дѣлая приблизительно каждую минуту по выстрѣлу, сколько-нибудь опытный стрѣлокъ могъ легко убивать, съ разъ выбраннаго мѣста, цѣлыя дюжины глухыхъ созданій на разстояніи 200—250 м. Горнедей приводитъ, какъ доказательство, что нѣкто Андрьюсъ менѣе чѣмъ въ часъ убилъ съ одного мѣста 63 бизона; а отъ Макъ-Нанси онъ слышалъ, что другой стрѣлокъ могъ уложить на мѣстѣ даже 91 шт.; но Доджъ сообщаетъ о третьемъ человекѣ, который въ 45 минутъ убилъ не менѣе 112-ти бизонувъ внутри полукруга съ радіусомъ не болѣе 200 м. Когда стрѣльба окончена, начинается сдираніе, сушка, собираніе и упаковка шкуръ. Послѣ этого стрѣлокъ свѣшитъ попытать счастье на другомъ мѣстѣ.

Такъ какъ вездѣ, гдѣ жили бизоны, безчисленныя маленькія кампаніи вели такого рода охоту, то нечего удивляться, что беззащитныя животныя исчезли съ лица земли съ поразительной быстротой, какъ было описано уже вначалѣ. Какъ послѣднее средство овладѣть скудными остатками, явилось нападеніе на стада у водооя. Но день, въ который на всегда прекратилось хищническое избіевіе бизонувъ, наступилъ скоро, неожиданно даже для участвовавшихъ въ истребленіи.

Сушеное мясо бизонувъ, размельченное и смѣшанное съ жиромъ, извѣстно подъ названіемъ «неммиканъ»; для полярныхъ экспедицій къ нему обыкновенно еще примѣшиваютъ изюмъ и считаютъ вкуснымъ и питательнымъ кушаньемъ; языкъ-же считается лакомствомъ. Мясо коровъ еще жирнѣе, чѣмъ быковъ, а мясо телятъ чрезвычайно нѣжно. Изъ шкуръ индѣйцы приготовляли себѣ одежды, стѣны палатокъ и постели, сѣдла, пояса и т. п.; прежде обивали ими также остовы своихъ членковъ. Изъ костей они дѣлали станки сѣдель и ножи, которыми затѣмъ очищали кожи. Изъ жилъ они сучили себѣ тетиву для лука и нитки для шитья; изъ ногъ и копытъ варили прочный клей; крѣпкіе волосы головы и шеи скручивали въ веревки; изъ хвостовъ приготовляли онахала, чтобы отгонять мухъ; немочь служилъ топливомъ. Европейцы тоже любители мѣха бизона. Кожа превосходна, хотя нѣсколько рыхла; мѣхъ можно употреблять на ковры и полости всякаго рода; безукоризненные экземпляры, стоявшіе лѣтъ 30 назадъ еще 30—50 марокъ, теперь въ 3 и 4 раза поднялись въ цѣнѣ, а скоро и совсѣмъ не будутъ болѣе въ продажѣ. Шерсть,

которой съ одной шкуры можно получить до 4-хъ kgr., такъ-же хорошо поддается обработкѣ, какъ и овечья, и въ нѣкоторыхъ странахъ употребляется для производства теплыхъ и очень прочныхъ тканей.

Въ нашихъ зоологическихъ садахъ бизоны появились лишь нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. Одинъ англійскій лордъ, какъ мнѣ сообщали въ Лондонѣ, привезъ изъ Америки нѣсколько паръ и развелъ въ Шотландіи въ своихъ имѣніяхъ стадо въ 15—20 головъ; но послѣ его смерти бизоны были проданы. Два бизона, которыхъ я содержалъ, были вначалѣ очень пугливы и боязливы, поспѣшно пятились отъ приближавшагося человѣка, но нерѣдко и угрожали ему до такой степени, что возбуждали серьезныя опасенія; поэтому надсмотрщикъ иногда тяготился уходомъ за ними. Къ хлѣву или вѣрнѣе къ своимъ яслямъ они скоро привыкли, но принимались за ѣду только когда вблизи ихъ загородки все было тихо. Они чуждались незнакомыхъ людей и вообще выказывали рѣшительное нерасположеніе ко всякому болѣе тѣсному сближенію съ человѣкомъ. Все это измѣнилось черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Они признали власть надсмотрщика и добровольно подчинились ей, слушались оклика, довѣрчиво подходили къ рѣшеткѣ и брали изъ рукъ у него или у меня протянутую имъ пищу. Скоро они стали относиться и къ чужимъ въ такой-же мѣрѣ равнодушно, въ какой раньше боялись ихъ. Бизоны мало притязательны относительно пищи, хотя отлично умѣютъ различать хорошій кормъ отъ дурного. Они довольствуются тѣмъ-же кормомъ, какой дается домашнимъ коровамъ, но барду отъ солода они, кажется, не ѣдятъ. Въ хлѣвѣ они остаются какъ можно меньше, проводятъ время, даже въ самую суровую погоду, охотнѣе въ изгороди, чѣмъ въ закрытыхъ постройкахъ. Зимой мы нерѣдко находили ихъ лежащими на льду, часто совершенно засыпанными падающимъ снѣгомъ. При сильномъ дождѣ они, въ крайнемъ случаѣ, отворачивали только головы. Днемъ они спокойно и лѣниво остаются на одномъ и томъ-же мѣстѣ; къ заходу солнца они становятся бодрѣе, легко, ловко и весело прыгаютъ въ отгороженномъ для нихъ пространствѣ; ночью они постоянно двигаются. При надлежащемъ уходѣ они правильно размножаются, и рожденные въ неволѣ телята, энергически защищаемые своими матерями отъ какого-бы то ни было чужого прикосновенія, растутъ такъ-же легко, какъ и приплодъ нашего домашнего рогатаго скота. Несмотря на все это, бизоны и въ нашихъ зоологическихъ садахъ понемногу вымираютъ.

Хотя нѣкоторые предприимчивые фермеры задались цѣлью сдѣлать бизона на его родинѣ домашнимъ животнымъ, но достигнутые результаты нельзя назвать удовлетворительными. «Безчисленныя попытки разводить бизоновъ», пишетъ Горнедей, «были предпринимаемы и притомъ не только въ новѣйшее время. Уже въ 1701 году въ Маникинтоунѣ, на рѣкѣ Джемсѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ выше Ричмонда, поселенцы гугеноты начали обращать бизоновъ въ домашній скотъ. Далѣе исторически засвидѣтельствовано, что около 1786 г. въ Виргиніи разводили бизоновъ, а А. Галлатинъ сообщаетъ, что въ нѣкоторыхъ изъ сѣверо-западныхъ графствъ скрещиваніе бизоновъ съ домашнимъ скотомъ было обыкновенно. Въ 1815 г. Р. Виклефъ въ Лексингтонѣ и въ Кентуки предпринялъ цѣлый рядъ продуманныхъ и цѣнныхъ попытокъ скрещиванья бизоновъ съ домашними быками и продолжалъ ихъ болѣе 30-ти лѣтъ. Въ новѣйшее время обратили на себя большое вниманіе попытки скрещиванья, какъ Бедсона, такъ и Джонеса, преимущественно потому, что эти заводчики стремились улучшить теперешнюю породу домашняго скота соотвѣтственно существующимъ въ данной мѣстности условіямъ». Горнедей убѣжденъ, что если еще имѣется довольно бизоновъ для продолжительнаго и постепеннаго скрещиванія съ крупнымъ домашнимъ рогатымъ скотомъ, то послѣдній со временемъ

гораздо больше могъ-бы противостоять влияніямъ непогоды, именно суровой и снѣжной зимѣ холодныхъ областей Сѣверной Америки.

Конечно, теперь, когда бизонъ уже почти истребленъ, было-бы поздно предпринимать подобныя попытки въ большихъ размѣрахъ. Горнедей самъ высчитываетъ точно наличное число, которое могло-бы, въ лучшемъ случаѣ, послужить цѣлямъ американскихъ заводчиковъ: къ 1-му января 1889 г. въ Соединенныхъ Штатахъ содержалось для цѣлей разведенія 216 и для показа 40 бизонивъ; кромѣ того, въ общемъ было еще 40 ублюдковъ. Имѣются еще въ распоряженіи для этой цѣли 200 дикихъ бизонивъ, живущихъ подъ охраною правительства въ Йеллоустонскомъ паркѣ.

Остается нерѣшеннымъ вопросъ о томъ, сколько еще сохранилось живыхъ экземпляровъ, жалкихъ остатковъ многихъ миллионивъ, изъ тѣхъ бизонивъ, которые къ 1-му января 1889 года, въ количествѣ всего 85 штукъ во владѣніяхъ Соединенныхъ Штатовъ и около 550 шт. въ Британской Америкѣ, бродили въ дикомъ состояніи по необитаемымъ степямъ и лѣсамъ Сѣверномъ Америкѣ.

* * *

Быки въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, къ которымъ принадлежитъ нашъ крупный домашній скотъ, образуютъ особую группу (Bos). Они отличаются широкимъ, плоскимъ лбомъ, большими и у основанія не очень утолщенными рогами, которые прикрѣплены къ сторонамъ лобнаго возвышенія, и короткою и густою шерстью. У нихъ 13 или 14 спинныхъ позвонковъ съ ребрами, 6 поясничныхъ и 4 крестцовыхъ позвонка.

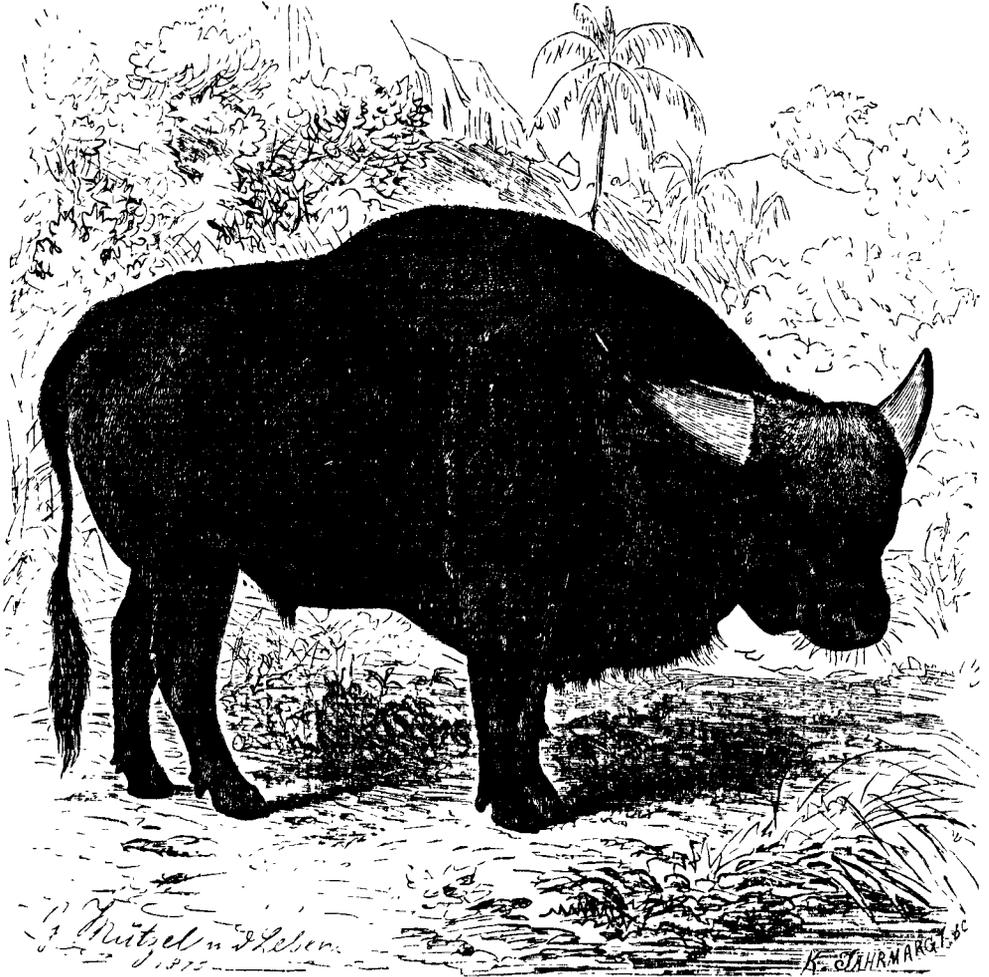
Мы еще не можемъ рѣшить окончательно, живутъ-ли на обоихъ полуостровахъ Индіи два или только одинъ видъ дикихъ быковъ выше указаннаго рода. Въ 1802 г. Ламбертъ сообщилъ научному міру описаніе дикаго быка, котораго онъ очень удачно назвалъ широколобымъ; описаніе это было сдѣлано по живому экземпляру, привезенному въ Англію. При этомъ Ламбертъ приводитъ краткое жизнеописаніе широколобаго быка, составленное Гаррисомъ, гдѣ говорится, что въ Индіи это животное называютъ «гаяломъ», что оно очень извѣстно туземцамъ, часто приручается и тогда приноситъ ту же пользу, какъ и домашній скотъ, а также, что его часто скрещиваютъ съ домашними коровами для улучшенія породы. Трайлъ описалъ 22 года спустя другого быка, также водящагося въ Индіи, подъ названіемъ «гаура», и считалъ его принадлежащимъ къ другому виду, чѣмъ гаяль. Живущіе въ Индіи англійскіе охотники и натуралисты подтверждали мнѣніе Трайла, а европейскіе ученые считали обоихъ животныхъ за одинъ видъ, но очень запутали вопросъ, давъ этимъ быкамъ самыя различныя названія. Сандерсонъ, мнѣніе котораго имѣетъ большое значеніе, такъ какъ онъ очень недавно охотился, какъ за гаяломъ, такъ и за гауромъ, склоненъ также къ соединенію обоихъ быковъ въ одинъ видъ, и Кинлохъ даже высказываетъ мнѣніе, что гаяль нынѣ совсѣмъ не встрѣчается въ дикомъ состояніи, а только въ домашнемъ; свободно бродящихъ животныхъ этого вида онъ считаетъ одичалыми. Большинство наблюдателей говорятъ только о гаурѣ, котораго легко видѣть вездѣ въ Индіи, а о гаялѣ умалчиваютъ; это объясняется тѣмъ, что его рѣдко видѣли, вслѣдствіе малой области его распространенія, находящейся однако среди тѣхъ же мѣстностей, гдѣ встрѣчается и гауръ.

О живущемъ въ Антверпенскомъ зоологическомъ саду быкѣ, который для этого сочиненія былъ описанъ и нарисованъ Мютцелемъ и вполне похожъ на животное, описанное Ламбертомъ, я могу сообщить слѣдующее.

Широколобый быкъ, **Гаялъ**, называемый также **Габи**, **Митунъ**, **Бунереагору** (*Bos frontalis*, *Gavaeus frontalis*, *Bos gavaeus* и *syllhetanus*. Gayal), по измѣреніямъ Ламберта и другихъ изслѣдователей, достигаетъ общей длины 3,6 м., изъ которыхъ 80 см. приходится на долю хвоста, и 1,5—1,6 м. высоты въ плечахъ. Корова отличается отъ быка только тѣмъ, что меньше ростомъ, сложена стройнѣе и имѣетъ болѣе короткіе рога. По Ходжсону, позвоночникъ состоитъ, кромѣ шейныхъ позвонковъ, изъ 14 спинныхъ, 5 поясничныхъ, 5 крестцовыхъ и 18 хвостовыхъ позвонковъ.

«Мнѣ никогда не приходилось», пишетъ мнѣ Мютцель, «видѣть животное, которое было бы названо столь вѣрно «широколобымъ», какъ именно это; да его иначе и назвать нельзя, потому что могучій, бросающійся каждому въ глаза своей необыкновенной широтой лобъ отличаетъ его отъ всѣхъ сородичей и при первомъ взглядѣ представляется самымъ замѣтнымъ признакомъ животнаго. Всѣ части тѣла въ высшей степени пропорціональны; все въ немъ подборнито и сильно, ни одна часть не выгладитъ неуклюжею; поэтому быкъ производитъ впечатлѣніе мощной силы и совершеннѣйшей красоты и долженъ быть признанъ очень ссвершеннымъ созданіемъ. Толстая, на короткой головѣ, морда образуетъ узкую часть притупленной пирамиды, основаніе которой лежитъ между рогами и углами нижней челюсти; впрочемъ, не всѣ стороны этой пирамиды равны между собою: стороны между рогами ровнѣе, чѣмъ другія. Носъ и морда мало отличаются отъ носа и морды бантенга. Переносье очень короткое и широкое; бровныя дуги очень сильно выдаются, выступаютъ сразу кнаружи и плоско идутъ черезъ лобъ, который за рогами ровнѣе все болѣе расширяется и вверху замыкается почти прямою линією. Ширина почти равнаго лба между рогами ровна его длинѣ отъ переносья до темяныхъ костей и составляетъ $\frac{2}{3}$ общей длины головы. Очень толстые рога имѣютъ круглую форму и отклоняются легкимъ загибомъ кнаружи и назадъ. Небольшіе глаза сидятъ довольно глубоко подъ надблѣзными дугами; прямостояція уши очень велики и заострены. Подъ подбородкомъ выступаетъ небольшой треугольный двойной подгрудокъ, который оканчивается у обѣихъ нижнихъ челюстей. Три или четыре глубокия складки кожи отдѣляютъ голову отъ продольнаго толстаго, похожаго на горбъ, возвышенія, которое покрываетъ всю шею, загривокъ, а также половину спины, и какъ истинная «бычачья шея» возбуждаетъ представленіе о значительной силѣ. Остальная часть туловища очень мясиста, подгрудокъ у шеи едва замѣтенъ или, по крайней мѣрѣ, совершенно сливается съ отложившимся на этомъ мѣстѣ жиромъ. Ноги сильны, но хорошо сформированы, копыта по своей величинѣ соответствуютъ имъ, однакожь коротки и спереди имѣютъ отвѣсную поверхность; тонкій хвостъ имѣетъ кисть, которая начинается у пятки и достигаетъ шпорцевъ. Короткая, толстая, гладкая и блестящая шерсть покрываетъ равномѣрно все тѣло, удлиняется только немного на нижней сторонѣ шеи, образуетъ на нижней четверти хвоста густую кисть, а также у пясти переднихъ конечностей кудрявые вихры. Преобладающая окраска совершенно чернаго цвѣта; волосы на лбу сѣраго или блѣдно-сѣраго цвѣта; вихры на переднихъ конечностяхъ темно-бураго цвѣта; подбородокъ, углы рта и край верхней губы—бѣлые. Внутренняя сторона голаго уха отлиываетъ розовымъ цвѣтомъ мяса; радужная оболочка темно-сѣрая; рога имѣютъ сѣровато-бѣлую, а ихъ острія—черную окраску. Къ описанію этому, на основаніи сообщеній Жердона, а также Сандерсона, можно прибавить, что у гаяла, какъ и у гаура, нижнія половины ногъ окрашены въ бѣлый цвѣтъ; такимъ онъ представленъ на рисункѣ Стеридала. Родной гаяла служатъ горныя страны къ востоку отъ Браманутры до Бирмы.

Гаяль по своей живости и проворству есть горное животное, и действительно онъ почти съ такою-же увѣренностью карабкается по горамъ, какъ и якъ. Онъ держится стадами, выходитъ утромъ, вечеромъ и въ ясныя ночи на пастбище, прячется отъ душнаго полуденнаго зноя въ густые лѣса и отдыхаетъ тамъ, жуя жвачку въ тѣни, любитъ воду, но не грязь, и поэтому избѣгаетъ болотъ, но наоборотъ любитъ прохладяться въ чистыхъ горныхъ ручьяхъ. Его вообще описываютъ

Гаяль (быкъ) *Bos frontalis*. $\frac{1}{22}$ наст. вел.

какъ кроткое и довѣрчивое животное. Никогда онъ не нападаетъ на людей и немедленно уступаетъ имъ дорогу; но отъ хищныхъ животныхъ, напротивъ, защищается смѣло и обращаетъ въ бѣгство даже тигра и пантеру. Его острые чувства предупреждаютъ его объ опасности, а его ловкость и быстрота бѣга спасаютъ, когда онъ рѣшается бѣжать.

Туземцы уже съ незамятныхъ временъ сдѣлали гаяля домашнимъ животнымъ и приручили или его самого, или скрещивали его съ другими породами рогатаго скота; они даютъ быку возможность на свободѣ случаться съ ихъ обыкновенными домашними коровами, а также часто берутъ себѣ телятъ гаяля для того,

чтобы увеличить стада своего домашняго скота. По словамъ Жердона, гаяль является домашнимъ животнымъ во всей мѣстности отъ Читагонга къ сѣверу до высокихъ горныхъ странъ, гдѣ можно видѣть его пасущимся вмѣстѣ съ якомъ, даже вблизи снѣжной границы.

Поймка дикихъ животныхъ производится различнымъ образомъ. По сообщеніямъ Гамильтона, мѣстные жители ловятъ дикихъ гаяловъ въ гораздо большемъ

Гаяль (корова). *Bos frontalis* $\frac{1}{22}$ наст. вел.

количествѣ, чѣмъ сколько приручаютъ. Съ этою цѣлью они огораживаютъ въ лѣсу подходящій участокъ изгородью изъ кольевъ, оставляютъ отверстія и вѣшаютъ въ нихъ крѣпкія петли, въ которыя и запутываются своєю шеей вгоняемыя въ отверстія животныя. Конечно, при этомъ многія изъ нихъ погибаютъ, потому что давятся при своихъ отчаянныхъ попыткахъ освободиться. Поэтому многіе изъ мѣстныхъ жителей предпочитаютъ дѣлать въ изгороди изъ кольевъ на столько маленькихъ воротъ, чтобы въ нихъ могли проскользнуть только телята и полувзрослыя животныя; сами-же они стерегутъ входы, которые тотчасъ-же и запираютъ, какъ только намѣченное животное войдетъ въ загородку.

По сообщаемому Гарродомъ описанію Макрасса, индусы, живущіе въ холмистой мѣстности Читагонга, поступаютъ гораздо хитрѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сложнѣе. Они скатываютъ изъ соли, земли и хлопчатой бумажы шары, величиною съ человѣческую голову, чтобы употреблять ихъ въ качествѣ приманокъ, и вмѣстѣ съ прирученными гаялами идутъ на встрѣчу дикимъ. Какъ только прирученные, что происходитъ быстро, сойдутся съ живущими на свободѣ, туземцы разбрасываютъ приготовленные шары; дикія животныя, которыхъ домашнія водятъ въ опредѣленные мѣста, замѣчаютъ, что въ этихъ шарахъ содержится для нихъ лакомство, начинаютъ ихъ сильно лизать и дѣлаютъ это тѣмъ усерднѣе, чѣмъ болѣе препятствія представляетъ имъ плотно закатанный въ хлопчатой бумагѣ комокъ. Туземцы-же постоянно заботятся о новыхъ запасахъ, и такимъ образомъ дикія животныя по цѣлымъ мѣсяцамъ держатся вмѣстѣ съ прирученными стадами, пока не устанавливается между ними тѣсная дружба. Тогда приближаются люди, которые сперва держались въ нѣкоторомъ разстояніи, чтобы не тревожить дикихъ животныхъ, съ прирученными гаялами, приучаютъ дикихъ постепенно къ виду человѣка, потомъ идутъ прямо въ середину стада, спокойно треплютъ и глядятъ своихъ животныхъ, а въ то же время дикимъ бросаютъ новыя приманки, глядятъ ихъ, какъ и прежде прирученныхъ; словомъ приучаютъ къ себѣ дикихъ животныхъ и заставляютъ ихъ идти за собой безъ всякихъ насильственныхъ средствъ, такъ что въ одинъ прекрасный день возвращаются въ деревню съ большимъ стадомъ. Гаялы добродушно и равнодушно подчиняются затѣмъ самой тѣсной неволѣ и даже до того привыкаютъ къ своему селу, что индусы, перекочевывая съ мѣста на мѣсто, принуждены бывають сжигать свои хижины — иначе стада продолжаютъ возвращаться на прежніе дворы.

Молоко гаяла весьма густое, а мясо славится своимъ превосходнымъ вкусомъ. Вотъ почему и дѣлаются попытки водворить такое цѣнное животное въ мѣстностяхъ Индіи, лежащихъ къ западу отъ его родины; но, повидимому, какъ прирученный гаялъ, такъ и дикій, любятъ только высоко расположенныя лѣсистыя мѣстности, но не жаркія равнины. Корова послѣ беременности, продолжающейся отъ 8—9 мѣсяцевъ, рождаетъ только одного теленка и кормитъ его 8—9 мѣсяцевъ; слѣдующій затѣмъ годъ она отдыхаетъ. Широколобый быкъ охотно спаривается съ другими породами рогатаго скота, и убудки, какъ при спариваніи другъ съ другомъ, такъ и съ другими родичами, оказываются плодородными. По Жердону, названіе *Bos sylhetanus* дается не одному только гаялу чистой расы, но и убудку отъ скрещиванія гаяла и зебу.

Гаоръ или Быкъ джунглей, называемый въ Индіи также **Бундоба**, **Бунпарра**, **Перамая**, **Гаоя**, **Карнона**, **Катуяени**, въ Бенгаліи—также **Гаялъ**, въ Бирмѣ—**Пейоунгъ**, малайцами—**Саландангъ**, англійскими охотниками—**Индійскимъ бизономъ** (*Bos* (*Bibos*) *gaurus*, *Gavaeus gaurus*, *Bos* или *Bibos* *cavifrons*, *Bibos* *subhemalachus* *Dschangelrind.*), по мнѣнію Ходжсона, есть представитель подвида **Бизоновидныхъ быковъ** (*Bibos*) и во всякомъ случаѣ, хотя и стоитъ близко къ гаялу, но отличается отъ него различными признаками внѣшняго и внутренняго строенія, въ особенности же числомъ позвонковъ.

Хотя описаніе Трайла и подробно, но не очень ясно. Эллотъ, описывая убитое имъ животное этого вида, утверждаетъ, что послѣдній существенно отличается отъ другихъ индѣйскихъ быковъ и болѣе походитъ на зубра и бизона, названіе котораго обыкновенно и придается ему англійскими охотниками. На этомъ основаніи, быть можетъ, слѣдуетъ смотрѣть на него, какъ на связующій членъ

между группой бизоновъ и быковъ. Съ другой же стороны хотятъ видѣть въ немъ очень близкаго родственника исчезнуваго европейскаго быка. Голова его короче, чѣмъ у обыкновеннаго быка, по выраженію Эллиота, четырехугольная, лобъ очень широкій, линія лица—изогнутая, морда удлиннная, впрочемъ меньше, чѣмъ у буйвола и домашняго быка, глазъ и ухо меньше, чѣмъ у буйвола, шея короткая, толстая и плотная, тѣло сильное, грудь широкая, плечи, какъ у большей части быковъ, приподняты, задняя часть короче и ниже, чѣмъ передняя, стѣ спинного бугра круто спускается назадъ, хвостъ очень короткій. Весьма развитыя ноги, изъ которыхъ передняя пара замѣтно ниже, чѣмъ задняя, выдаются своими необык-

Гаоръ. *Bos gaurus* $\frac{1}{22}$ наст. вел.

новенно сильными бедрами и плечевыми частями и большою толщиною голени. При корнѣ очень толстые, но круто заостряющіеся рога сидятъ по сторонамъ лобной кости и загибаются внутрь и кверху. Необыкновенно густая шерсть на верхней части шеи и плечахъ, а также на бедрахъ состоитъ изъ короткихъ, густо сидящихъ и нѣсколько жирныхъ волосъ, которые на нижней части шеи, на груди и отчасти между рогами удлиняются въ видѣ кудрявыхъ пучковъ. Преобладающая окраска прекраснаго темно-коричневаго цвѣта переходитъ на нижней сторонѣ въ желтовато-бурый, на ногахъ въ грязнобѣлый, на лбу въ свѣтло-сѣровато-коричневый, въ области глазъ въ сѣровато-черный цвѣта, причемъ слѣдуетъ замѣтить, что переднія ноги по бокамъ и съ внутренней стороны отливаютъ рыжеватымъ цвѣтомъ. Радужная оболочка имѣетъ свѣтло-голубую окраску. По измѣреніямъ

Эллиота, общая длина вполне взрослого быка этого вида достигает 3,8 м., длина хвоста 85 см., высота плеч 1,86 м., высота крестца от копыта до начала хвоста — 1,7 м. Сандерсон также нашел, что у самого большого из убитых им быков высота плеч достигала 1,83 м. Длина мощных рогов, измеренных по изгибу от острия к острию и по лбу, не превосходила 188 см., между тем как острия отстояли друг от друга только на 48 см., и расстояние между корнем и острием рога по прямой линии достигало 83 см. Поэтому рога быка должны иметь сильное закругление. Прекрасные фотографические снимки головы гаора, исполненные Кинлохом, показывают это весьма ясно; рога молодого быка гаора довольно сильно напоминают хорошо развитые рога молодого американского бизона. У старых быков рога значительно короче, потому что острия их сильно стираются и часто даже отламываются. Корова отличается от быка небольшой и красивой головой, более слабой шеей, отсутствием спинного бугра и более слабыми рогами, которые при корнях сидят близко друг от друга, а острия их обращены не друг против друга, но слегка назад, равно как и белой окраской ног. Впрочем в различных описаниях указывается на то, что окраска гаора бывает весьма разнообразна. Важнейшим признаком черепа служит необыкновенная толщина костей, которая, по словам Ходжсона, в три раза превосходит толщину костей домашнего быка. Позвоночник состоит из 13 грудных, 6 поясничных, 5 крестцовых и 19 хвостовых позвонков.

Так как гаор гораздо более распространен, чем широколобый бык и за ним чаще охотятся, то мы имеем больше сведений об его жизни; мы обязаны этим в особенности Эллиоту, Фишеру, Жердону, Райсу, Роджерсу, Томсону, Трайлу, Форенгу, Кинлоху, Сандерсону, Стердалю и другим. Как уже упомянуто, область распространения гаора весьма велика. Он встречается во всех заросших лесом горных и холмистых странах, даже довольно крутых и скалистых, — от южной оконечности Индии до Гималайских гор и к востоку через Ассам и Читагонг, по словам Стердаля, до Бирмы и на Малайском полуострове. Жердон сообщает, что гаор прежде водился также на Цейлоне и вымер в первое десятилетие нашего столетия; однакож, подтверждения этого сообщения получить не пришлось. Сандерсон, который охотился за гаором вблизи моря и даже на низменностях, считает себя однако в праве утверждать, что любимым местопребыванием его служат высоты от 600 до 1700 м. Дикие, заросшие лесом склоны и непроницаемый кустарник, заросли папортника, бамбуковые рощи, равно как и всякой другой, богатый травой, с высокими деревьями лес, служат для него желанным убежищем, в особенности в глубоких, богатых водою ущельях, на крутых, утесняных обрывах и едва доступных вершинах. Впрочем, иногда он появляется и на ровных местностях, когда заманивает его сюда свежая, сочная трава. Он славится своею способностью двигаться по самым непроходимым местам. По свидетельству Сандерсона, эти тяжелые животные также легко, как олени, взбираются на крутые склоны или плавною рысью и быстрым галопом спускаются в ущелья.

В северных местностях, по словам Кинлоха, гаор встречается стадами от 4 или 5 до 30 штук; в южных, по свидетельству Сандерсона, обыкновенно — стадами из 12 и редко из 30 или 40 голов. Когда трава на холмах вянет от жары или бывает уничтожаема огнем, отдельные группы, как свидетельствует о том вместе с Сандерсоном и Фишер, соединяются в многочисленные стада, которые вместе бродят по зеленым еще лесам, но лишь только выпадут первые капли дождя и появится новая растительность, как стада эти

снова раздѣляются, чтобы вести обычный образъ жизни. При неблагоприятной погодѣ, въ особенности во время бури, животныя эти прячутся въ долинахъ, чтобы укрыться отъ непогоды, а также въ бѣгствѣ ищутъ спасенія отъ мухъ и оводовъ, которые ихъ жестоко мучатъ. Нерѣдко, повидимому, они разыскиваютъ извѣстныя мѣста съ цѣлью, чтобы лизать землю, насыщенную поташемъ или содой и такимъ образомъ удовлетворить потребности въ соли, которой недостаточно въ обычной ихъ пищѣ. Вожакомъ стада всегда бываетъ старый, сильный быкъ, который только терпитъ подлѣ себя молодыхъ самцовъ, еще слишкомъ слабыхъ для того, чтобы возстать противъ его господства. Но лишь только онъ становится старымъ, теряетъ проворство и силу, а молодые быки между тѣмъ становится все сильнѣе, тогда происходитъ между ними борьба, которая въ концѣ концовъ завершается изгнаніемъ стараго вожака «Съ этихъ поръ», пишетъ Сандерсонъ, «онъ ведетъ, какъ я думаю, постоянно жизнь пустытника и только случайно иногда удается ему примкнуть къ чужому стаду, вожакъ котораго еще болѣе слабъ, чѣмъ онъ самъ. Впрочемъ, я никогда не видѣлъ очень старыхъ быковъ, состоящихъ при стадѣ». Этотъ же наблюдатель сообщаетъ, что гаора и слона, которые имѣютъ почти одинаковыя привычки и потребности, очень часто можно встрѣчать вмѣстѣ и въ дружескихъ отношеніяхъ.

Какъ и всѣ виды дикихъ быковъ, гаоръ живетъ вездѣ, по возможности, уединенно, старательно избѣгая близости человѣка. «Я видѣлъ», говоритъ Томсонъ, «большое число этихъ дикихъ животныхъ, но мнѣ не пришлось встрѣтить ни одного, который не обнаружилъ-бы живѣйшаго желанія избѣгать встрѣчи со мной». Обыкновенно гаоръ пасется только ночью, съ особеннымъ удовольствіемъ тамъ, гдѣ растетъ молодая трава, которую онъ вмѣстѣ съ нѣжными отпрысками бамбука предпочитаетъ всѣмъ другимъ растеніямъ. Если-же онъ живетъ вблизи обрабатываемой мѣстности, то нападаетъ на нивы, опустошаетъ ихъ и оказывается, смотря по обстоятельствамъ, настолько неотвязчивымъ и дерзкимъ, что едва можно выгнать его оттуда. Утромъ онъ возвращается съ пастбища и скрывается затѣмъ или въ высокой травѣ, или въ молодой бамбуковой чащѣ, чтобы здѣсь отдыхать, спать и пережевывать жвачку. Сандерсонъ сообщаетъ, что, по крайней мѣрѣ въ южной Индіи, гаоръ, въ противоположность всѣмъ другимъ лѣснымъ обитателямъ, никогда не посѣщаетъ плантаціи и нивы. «Индійскіе бизоны», продолжаетъ онъ, «занимаются ѣдою почти до 9-го часа утра и долѣе при пасмурномъ небѣ или во время дождливой погоды; затѣмъ они предаются покою въ бамбуковыхъ заросляхъ или кустарникѣ до послѣ-полудня и затѣмъ снова поднимаются, чтобы опять пасти и идти на водопой. Равнымъ образомъ и въ теченіи ночи нѣкоторые часы они предаются покою».

Гаоръ, какъ сообщаетъ Сандерсонъ, издастъ три ясно различимыхъ звука. Первый нисколько не походитъ ни на одинъ изъ извѣстныхъ звуковъ, издаваемыхъ другими быками, но напоминаетъ собою крикъ слона. Гаоры пользуются имъ для того, чтобы призывать другъ друга и притомъ на довольно значительномъ разстояніи; при отсутствіи неблагоприятныхъ условий, его можно слышать на разстояніи англійской мили. Призывъ этотъ походитъ на громкій лай. Второй звукъ—тихое «му», выражающее безпокойство или любопытство. Я слышалъ его у нѣсколькихъ коровъ, которыя замѣтили меня и моихъ охотниковъ ползущими на рукахъ и колѣняхъ въ травѣ, вышиною въ метръ; но, быть можетъ, насъ приняли за тигра, такъ какъ коровы почти на разстояніи 50 шаговъ въ теченіи получаса оставались на своемъ мѣстѣ, пока я, воспользовавшись удобной минутой, не выстрѣлилъ въ находящагося вмѣстѣ съ ними быка. Третій звукъ—сильное свис-

тящее соніе, которое они издають тогда, когда, будучи испуганы, обращаются въ бѣгство. Впрочемъ, мнѣ пришлось слышать гаора, преслѣдуемаго собаками, мычащимъ, какъ разъяренный домашній быкъ». Тотъ же наблюдатель сообщаетъ, что гаоры гибнуть отъ чумы, столь распространенной между индѣйскимъ домашнимъ рогатымъ скотомъ; они легко заражаются, когда посѣщаютъ тѣ участки джуглей, въ которыхъ пасты домашній заболѣвшій скотъ. Въ восточномъ Майсурѣ въ 1867 году гаоры въ такомъ громадномъ количествѣ наліи отъ чумы рогатаго скота, что погибло двѣ трети всѣхъ живущихъ тамъ животныхъ этого вида. Еще въ 1869 году Сандерсонъ находилъ скелеты ихъ валяющимися въ пустынѣ. Въ апрѣлѣ 1877 года въ той-же мѣстности чума появилась снова.

Во время спариванія старые быки ведутъ ожесточенную борьбу со своими соперниками, и, дѣйствительно, всѣ молодые самцы изгоняются изъ стада, пока, въ свою очередь, первые не бывають вынуждены уступить соединеннымъ нападеніямъ послѣднихъ. По словамъ Фишера, продолжительность беременности гаора такова-же, какъ и у домашнихъ коровъ. Телята рождаются послѣ періода дождей, слѣдовательно, между іюлемъ и октябремъ, въ одномъ мѣстѣ раньше, въ другомъ — позже. Сандерсонъ, который, конечно, въ данномъ случаѣ имѣетъ въ виду южную Индію, говоритъ опредѣленно, что телята рождаются большею частію въ сентябрѣ, но нѣкоторые въ апрѣлѣ и маѣ. Молодой теленокъ до поразительности похожъ на теленка домашняго рогатаго скота, вообще бываетъ рыжевато-бураго цвѣта, а на лбу и ногахъ, которыя позднѣе дѣлаются бѣлыми, слегка окрашенъ блѣдно-сѣрымъ цвѣтомъ. Корова, которой предстоить телиться, обыкновенно отдѣляется отъ стада и въ теченіи четырехъ дней держится отъ него отдѣльно съ своимъ дѣтенышемъ, пока этотъ послѣдній не окрѣпнетъ настолько, чтобы онъ могъ слѣдовать за стадомъ.

Молодые пойманные телята такъ-же легко становятся ручными, какъ и другія южно-азіатскія породы дикихъ быковъ, но ихъ нелегко сохранить живыми; по крайней мѣрѣ Фишеръ тщетно старался хотя-бы одного изъ многихъ, которыми онъ владѣлъ, воспитать до зрѣлаго возраста. Всѣ телята, за которыми онъ ухаживалъ, околѣли, одни ранѣе, другіе позже, вообще послѣ недолгой болѣзни, отъ чумы, одновременно свирѣпствовавшей и между дикими животными даннаго рода. Пойманные имъ телята собственно никогда не дѣлались ручными, и нельзя было домашнихъ коровъ принудить дать имъ сосать себя. Элліотъ, напротивъ, видѣлъ молодого теленка, который былъ пойманъ тотчасъ послѣ рожденія и по истеченіи семи мѣсяцевъ сдѣлался настолько ручнымъ, что лизалъ руку своего сторожа, а съ телятами буйвола обращался дружелюбно и игралъ. Опыты Фишера подтверждаются всѣми новѣйшими изслѣдователями; можно, конечно, воспитывать телятъ и, быть можетъ, въ теченіи года сохранять ихъ живыми, но они все-таки погибають, и не только отъ чумы, но, какъ думаетъ Сандерсонъ, на основаніи своихъ наблюденій, потому, что вообще не могутъ жить внѣ своей родной пустыни. Этотъ же естествоиспытатель, не желающій признавать гаюла и гаора за различные виды, замѣчаетъ при этомъ, что сдѣлавшіеся домашними гаюлы, которыхъ онъ наблюдалъ въ Читагонгѣ, все-таки ведутъ въ джунгляхъ полудикій образъ жизни. Они являються только вечеромъ и добровольно въ поселки, потому что тамъ имъ даютъ нѣсколько соли; только это лакомство и привязываетъ ихъ къ своимъ хозяевамъ. Нѣкоторые коровы доятъ, но при наступленіи утра все стадо снова самовольно отправляется въ лѣсъ. При такихъ условіяхъ, думаетъ Сандерсонъ, можно было-бы въ южной Индіи и гаора сдѣлать такимъ-же полудомашнимъ животнымъ—нужно только и здѣсь также ловко примѣнять мѣры, употребляемыя на востокъ отъ Бра-

мапутры. Однакожь до настоящаго еще времени не удалось перевести гаора, стараго или молодого, живымъ въ какую-либо другую страну.

Чтобы убить гаора, употребляютъ ружья большого калибра, какъ и вообще при охотѣ на всякаго рода крупную дичь. Охотятся за нимъ, выслѣдивъ по слѣду и выгоняя его изъ джунглей посредствомъ загонщиковъ. Опытные охотники охотятся вообще не за семьей или стадомъ, а только за старыми, уединенно живущими быками, которые, вмѣстѣ со слономъ, считаются самымъ сильнымъ звѣремъ, какаго только можно тамъ убить. При охотѣ существуетъ и опасность, о чемъ согласно свидѣлствуютъ и всѣ новые изслѣдователи, и хотя опасность эта часто весьма преувеличивается, но всѣ единогласно признаютъ, что раненый и преслѣдуемый быкъ можетъ при случаѣ оказаться такимъ противникомъ, которымъ не слѣдуетъ пренебрегать. Форсайтъ пишетъ: «Нѣкоторыми путешественниками, которые больше заботятся о томъ, чтобы разказами поднять высоко свой престижъ, а не передать простую истину, сообщаются ужасныя вещи о необузданной ярости гаора. Но самъ я постоянно находилъ ихъ крайне робкими, и никогда не подвергался ихъ нападенію, хотя и не разъ въ виду ихъ бывалъ въ такомъ положеніи, при которомъ каждый хоть сколько-нибудь склонный къ борьбѣ звѣрь, конечно, напалъ-бы на меня. За все время моихъ наблюдений мнѣ пришлось слышать только о двухъ достовѣрныхъ случаяхъ, когда гаоры, подвергнушіеся предъ тѣмъ преслѣдованію на охотѣ и потерявшіе отъ выстрѣловъ, перешли въ нападеніе. Вообще, конечно, легко себя представить, что взволнованные охотники принимаютъ за яростное нападеніе отчаянныя дѣйствія упорно преслѣдуемаго и думающаго только о бѣгствѣ звѣря. Много необычайнаго, что рассказываютъ о гаорѣ, какъ нельзя болѣе согласуется съ его внѣшней фигурой, такъ какъ разъяренный быкъ, безъ сомнѣнія, производитъ сильное впечатлѣніе, а отсюда возникаютъ дикія исторіи туземцевъ, которые, хотя вообще и говорятъ много о страшной свирѣпости звѣря, но не могутъ представить на то никакихъ доказательствъ, и кромѣ того поступаютъ такимъ образомъ изъ религіозныхъ побужденій, чтобы удержать европейцевъ отъ охоты. Однако нельзя сомнѣваться, что раненый и жестоко преслѣдуемый звѣрь иногда нападаетъ на своего противника и въ худшемъ случаѣ можетъ причинить ему вредъ или смерть». Точно также судятъ о гаорѣ Стерндалъ и Сандерсонъ. Но послѣдній высказываетъ мнѣніе, что и не раздраженный даже, а только испуганный гаоръ, можетъ оказаться опаснымъ для человѣка при нечаянной встрѣчѣ: если, напримѣръ, какой-нибудь туземецъ, разыскивая корни или медъ, ползетъ черезъ чащу и приближается къ отдыхающему быку. «Гаору покажется, что это пробирается какой-нибудь звѣрь черезъ траву и онъ продолжаетъ спокойно лежать, пока внезапно не появляется предъ нимъ человѣкъ. Звѣрь тотчасъ-же вскакиваетъ съ быстротою, какой нельзя было ожидать отъ такого великана, и видитъ нарушителя своего покоя передъ своими рогами: неудивительно, конечно, если онъ со злобой нападаетъ на него и отбрасываетъ въ сторону».

Мясо гаора, по мнѣнію Томсона, гораздо нѣжнѣе, чѣмъ мясо обыкновеннаго рогатаго скота; Сандерсонъ находитъ его грубоволокнистымъ, но очень вкуснымъ.

* * *

Самымъ красивымъ изъ всѣхъ извѣстныхъ еще доселѣ живущихъ въ дикомъ состояніи быковъ я долженъ признать **Бантенга** малайцевъ (*Bos banteng*, *Bos sondaicus*), животное, которое по красотѣ своего сложенія можетъ соперничать съ антилопой и кромѣ того отличается очень красивой окраской. Голова его небольшая, но широкая, у лобныхъ костей — высокая, лобъ выпуклый, морда къ концу сгу-

имѣеть темный сѣро-бурый цвѣтъ, съ красноватымъ оттѣнкомъ назадъ; пятно на верхнемъ углу ноздрей и полоса на верхней губѣ блѣдно-желтого цвѣта; верхняя губа, насколько она снабжена волосами, нижняя губа, очень небольшое пятно на нижней сторонѣ нижней челюсти, широкое зеркало, на которое можно смотрѣть какъ на главный и отличительный признакъ этаго быка, нижняя половина ногъ, волосы, похожіе на рѣсницы, на внутреннемъ и вѣншнемъ краѣ уха, равно какъ и вѣншній ушной уголь — бѣлаго цвѣта; покрытыя короткими волосами верхушки ушей — тѣлеснаго цвѣта, корни этихъ волосъ, занимающіе почти нижнюю третью часть ихъ, чернаго цвѣта. У замѣчательно стройной и красиво сложенной коровы, вмѣсто сѣровато-бурой, преобладаетъ свѣтлая рыжевато-бурая окраска, отъ которой кромѣ бѣлой отмѣтины ясно выдѣляется темная, начинающаяся у загривка и продолжающаяся до корня хвоста полоса по спинѣ; теленокъ во всемъ походитъ на мать. Общая длина со включеніемъ длиннаго хвоста въ 85 см., достигаетъ 2,9 м., высота у загривка—1,5 м. Число грудныхъ позвонковъ—13, поясничныхъ—6, крестцовыхъ—4, хвостовыхъ—18.

По свидѣтельству Саломона Мюллера, область распространенія бантенга обнимаетъ Яву, Борнео и восточную часть Суматры; по словамъ Блайта и Стерндаля, онъ водится также и на материкѣ, а именно на Малаккскомъ полуостровѣ, въ Тенассеримѣ и Пегу, вѣроятно и въ Бирмѣ. По мнѣнію Юнгхуна и Гаскарля, мѣстопробываніе его ограничивается покрытыми лѣсомъ горами, въ поясъ, лежащемъ на высотѣ между 600 и 2000 м. надъ уровнемъ моря; Мюллеръ, напротивъ, прямо говоритъ, что его можно встрѣтить въ лѣсахъ вдоль берега. «Охотнѣе всего онъ выбираетъ для своего мѣстопробыванія влажныя или болотистыя, вообще богатая водою части лѣса, почему ему болѣе нравятся ровныя горныя долины съ текущими по нимъ рѣчками, чѣмъ всѣ другія лѣсныя мѣстности. На Явѣ онъ встрѣчается всюду, и его можно видѣть какъ на горахъ восточной части, такъ и на горахъ, граничащихъ съ Зондскимъ проливомъ; кромѣ того его можно находить и въ другихъ лѣсахъ, но изъ многихъ мѣстностей острова, лежащихъ между горами, гдѣ пустыни превращены въ обрабатываемыя поля, онъ уже вытѣсненъ. Преимущественное мѣстопробываніе его составляютъ лѣса на высотахъ Преангерскаго регенства, въ особенности участки, которые находятся на высотахъ отъ 1200 до 2000 м. къ югу отъ плоской возвышенности Баядонъ. «Здѣсь», говоритъ Юнгхунъ, «случается иногда спугнуть быковъ и носороговъ, когда они щиплютъ траву по краю болота, пьютъ воду изъ соленнаго источника или, какъ ручныя буйволы, лежатъ въ грязной лужѣ. Если толстое тѣло носорога съ его складчатой и морщинистой кожей находятъ неуклюжимъ, даже отвратительнымъ и страшнымъ, то быку, который почти также великъ, но гораздо стройнѣе сложенъ, ни въ какомъ случаѣ нельзя отказать въ дикой красотѣ, когда онъ вскакиваетъ при видѣ ѣдущаго всадника и бѣжитъ въ лѣсъ. Пометъ его и слѣды на тропинкахъ, которыя быкъ проложилъ чрезъ лѣсъ, можно видѣть ежедневно и всюду, но встрѣтиться съ нимъ лицомъ къ лицу удается очень рѣдко, потому-что онъ лишь только слышитъ малѣйшій шумъ, удаляется въ заросшіе лѣсомъ убѣжища». Повидимому, онъ только въ исключительныхъ случаяхъ выходитъ пасться днемъ, но главнымъ образомъ избираетъ для этого ночь. «Хотя мы», замѣчаетъ Мюллеръ, «въ теченіи многихъ недѣль располагались лагеремъ въ горныхъ лѣсахъ, въ которыхъ онъ рѣдко показывался, тѣмъ не менѣе каждую ночь мы слышали его недалеко отъ мѣста нашего ночлега».

По сообщенію этого изслѣдователя, бантенгъ живетъ небольшими семьями, которыя состоятъ изъ вожака-быка и 4—6 коровъ. Старые, злые быки изгоняются изъ общества дружными усиліями молодого поколѣнія и осуждены влачить жизньъ

угрюмыхъ, ворчливыхъ пустынниковъ. Мягкая и сочная трава, покрывающая почву лѣса, цвѣты, листья и побѣги различныхъ деревьевъ и кустовъ составляютъ пищу бантенга; въ особенности-же онъ любитъ питаться молодыми побѣгами и листьями бамбука и аланга (*Alangium*).

Дикость и пугливость этого быка дѣлаютъ охоту за нимъ сколько-же опасною, столько и трудною. Хотя онъ дѣйствительно и убѣгаетъ, завидѣвъ приближеніе человѣка, но, доведенный до крайности или раненый, онъ уже не боится охотника, нападаетъ на него и пускаетъ въ дѣло свои острые рога съ такою-же ловкостью, какъ и успѣхомъ. Кромѣ уединенно живущихъ быковъ, слѣдуетъ больше всего бояться коровъ, которыя водятъ съ собою сосущихъ телятъ. Бантенга убиваютъ изъ ружья или гонятъ за нимъ въ травенистыхъ степяхъ верхомъ на лошади; когда охотникъ догонитъ преслѣдуемое животное, то употребляетъ въ дѣло тяжелый яванскій охотничій ножъ, но пользуется имъ, изъ опасенія быть изувѣченнымъ, лишь противъ коровъ и молодыхъ быковъ. Кромѣ того ставятъ петли изъ толстыхъ веревокъ или выкапываютъ ямы, которыя прикрываютъ потомъ вѣтвями и листьями. Г. О. Форбесъ находитъ охоту на бантенга чрезвычайно трудною: ему только однажды удалось, и то послѣ долгаго и утомительнаго подползанія, приблизиться къ стаду на разстояніе выстрѣла и убить лишь одного теленка. Мясо молодого и полувзрослаго бантенга даже европейцы, по причинѣ его нѣжности и свойственнаго вообще дичи тонкаго вкуса, находятъ превосходнымъ; жесткое и отчасти пахнущее мускусомъ мясо старыхъ быковъ употребляютъ въ пищу только бѣдные туземцы.

Взрослыхъ бантенговъ нельзя приручить, напротивъ телята дѣлаются вполне домашними животными, такъ какъ по природѣ своей животное отличается, повидимому, большею кротостью и мягкостью, чѣмъ всѣ остальные извѣстные дикіе быки. Телята эти пасутся вмѣстѣ съ домашнимъ скотомъ, когда вырастутъ спариваются съ нимъ, и порождаютъ прекрасно сложенныхъ ублюдковъ, такъ что на Явѣ практикуется обычай выгонять домашнихъ коровъ въ лѣса съ тѣмъ, чтобы онѣ могли тамъ спариваться съ живущими въ дикомъ состояніи быками-бантенгами.

Въ новѣйшее время нѣсколько паръ бантенговъ доставлено въ Европу, и они содержатся въ нѣкоторыхъ зоологическихъ садахъ, такъ какъ и у насъ они легко въ плѣну размножаются. Свойственныя природѣ этихъ животныхъ кротость и мягкость выгодно отличаютъ ихъ отъ большей части ихъ родичей и находятся въ гармоніи съ ихъ красотою, которая привлекаетъ къ себѣ взоры и натуралиста, и сельскаго хозяина. Уже во второмъ или третьемъ поколѣніи они почти совершенно становятся похожими на нашихъ рогатый скотъ, добровольно подчиняются господству человѣка, не только научаются узнавать своего хозяина, но и чувствуютъ къ нему рѣшительную привязанность, привыкаютъ къ пестрой толпѣ посѣтителей садовъ, доверчиво приближаются къ чужимъ, чтобы получить предлагаемое имъ лакомство, и вообще трудно бываетъ замѣтить, что они только недавно сдѣлались домашними животными. Только быкъ временами выказываетъ свойства дикаго животного; иногда онъ бываетъ капризнымъ и упрямымъ, при случаѣ впадаетъ въ гнѣвъ и даже угрожаетъ своему сторожу; но и онъ позволяетъ обращаться съ собою такъ-же, какъ обыкновенные домашніе быки, и съ нимъ легче справиться, чѣмъ съ полудикимъ домашнимъ скотомъ Испаніи или съ быками юго-восточныхъ европейскихъ и южно-американскихъ степей. Во всякомъ случаѣ, бантенгъ можетъ быть обращенъ въ домашнее животное такъ-же легко, какъ якъ и гаяль, даже, пожалуй, легче.

Всѣ телята содержимыхъ въ различныхъ зоологическихъ садахъ паръ рождались осенью. Телята эти вначалѣ ходятъ какъ-то неловко, словно на ходуляхъ, потому что они, въ отличіе отъ другихъ извѣстныхъ намъ быковъ, ступаютъ на

внѣшній край своихъ копытъ, и вслѣдствіе этого свои конечности держатъ весьма отвѣсно; но уже по прошествіи 8 или 10 дней они становятся настолько крѣпкими, что, подобно другимъ телятамъ, съ удовольствіемъ предаются веселымъ играмъ и при этомъ выказываютъ такую ловкость и проворство, которыя сильно отличаются отъ неловкихъ движеній, свойственныхъ телятамъ другихъ дикихъ быковъ. Мать относится къ нимъ съ истинно трогательною нѣжностью, и свойственная ей природѣ мягкость нагляднымъ образомъ выражается въ ея обращеніи со своимъ дѣтенышемъ. Однако она старается всѣми силами защитить своего теленка, пока онъ малъ, отъ всего, что можетъ нарушить его покой, выражаетъ неприязнь къ любимому въ другое время сторожу, становится упрямою, и даже готова напасть на людей.

* *
*

Всѣ до сихъ поръ описанные представители быковъ, по всей вѣроятности, не принимали никакого участія въ происхожденіи нашего крупнаго рогатаго скота, а если и принимали, то крайне незначительное. Хотя вопросъ о происхожденіи домашнихъ коровъ и быковъ, этихъ чрезвычайно полезныхъ и уже съ первобытныхъ временъ покоренныхъ человѣкомъ созданій, повидимому легче рѣшить, чѣмъ вопросъ о происхожденіи другихъ домашнихъ животныхъ; но и въ томъ и въ другомъ случаѣ все еще много для насъ остается неяснаго. Почти единогласно принимаютъ теперь, что крупный рогатый скотъ, который во всѣхъ трехъ частяхъ Стараго Свѣта болѣе или менѣе одновременно сдѣлался домашнимъ, не можетъ имѣть одного родоначальника, а нѣсколько различныхъ; но для опредѣленія этихъ родоначальниковъ недостаточны смѣлыя предположенія, касающіяся найденныхъ до сихъ поръ череповъ и костей вымершихъ быковъ. Изъ вышеизложеннаго видно, что и въ настоящее время еще многіе дикіе быки приручаются и обращаются въ домашнихъ животныхъ или, по крайней мѣрѣ, ими пользуются для улучшенія породы домашняго рогатаго скота; но время, когда человѣкъ впервые укротилъ дикихъ быковъ или, что вѣроятнѣе, составилъ изъ пойманнаго имъ молодого поколѣнія стада,—лежитъ за предѣлами исторіи и преданія. Самые ранніе рассказы уже упоминаютъ о стадахъ прирученнаго крупнаго рогатаго скота; мы находимъ ихъ изображенія на древнѣйшихъ памятникахъ странъ, которыя считаемъ колыбелью образованія и цивилизаціи; мы выкапываемъ ихъ остатки изъ илистой почвы близъ свайныхъ построекъ. Не безъ основанія мы придаемъ всѣмъ этимъ памятникамъ очень большое значеніе; но самое тщательное изслѣдованіе костей быковъ и коровъ, найденныхъ около свайныхъ построекъ, равно какъ и сравненіе древнѣйшихъ изображеній съ теперь живущими породами рогатаго скота, все еще мало проливаютъ свѣта на занимающій насъ загадочный вопросъ и вовсе не раскрываютъ намъ тайны происхожденія нашего рогатаго скота.

«Мы находимъ быковъ и коровъ,» пишетъ мнѣ по этому вопросу Дюмихенъ, «точно такъ, какъ и козу, уже въ древнѣйшія времена въ качествѣ домашняго животнаго жителей Нильской долины. Знатные египтяне въ надписяхъ на своихъ могильныхъ памятникахъ особенно охотно хвалятся обладаніемъ многочисленными стадами крупнаго рогатаго скота. Всѣ эти рисунки, въ большинствѣ случаевъ относящіеся къ древнѣйшему періоду, свидѣтельствуютъ о той великой заботливости, съ какою въ древнемъ Египтѣ ухаживали за быками и коровами. Рисунки эти представляютъ изображенія длиннорогаго и короткорогога рогатаго скота, быковъ, коровъ и телятъ, то пасущихся стадами, то перензывающихъ рѣки; на однихъ представленъ погонщикъ, ведущій отдѣльныхъ животныхъ за веревку или управляющій парю, запряженною въ плугъ; на другихъ видимъ быковъ, выгоняе-

мыхъ на токъ для вымолачиванія ногами сноповъ или загоняемыхъ въ хлѣвъ, гдѣ рабы даютъ имъ кормъ, чешутъ скребницею и доятъ, или тщательно осматриваютъ заболѣвшихъ животныхъ и даютъ имъ лѣкарства. Нѣкоторые рисунки изображаютъ случку, другіе рожденіе теленка, а рядомъ изображены два разъяренныхъ дерущихся быка; наконецъ мы видимъ закланіе жертвенныхъ животныхъ. Всѣ эти рисунки доказываютъ намъ, какъ внимательно относились древніе египтяне къ скотоводству. Вглядываясь внимательно въ изображенія животныхъ на этихъ превосходныхъ рисункахъ, мы ясно различаемъ три различныхъ породы рогатаго скота. Во первыхъ длиннорогую породу, которая, очевидно, была наиболѣе распространена; ей-же предоставлена была высокая честь доставлять священнаго Аписа. Порода эта въ свою очередь распадается на три разновидности: съ рогами, согнутыми въ видѣ лиры, или въ формѣ полумѣсяца, или наконецъ съ рогами, расходящимися далеко въ стороны. Вторая порода—короткорогіе быки, во всемъ сходная съ первой, но съ короткими и загнутыми въ формѣ четверти круга рогами. Третья порода—горбатые быки: изображенія ихъ встрѣчаются на рисункахъ, представляющихъ дань, которая подносится египетскимъ фараонамъ народами Судана.»

Относительно этихъ трехъ различныхъ породъ Гартманъ замѣчаетъ слѣдующее: «Форма головъ на всѣхъ этихъ рисункахъ соотвѣтствуетъ признакамъ головы зебу; это особенно ясно видно на такъ часто изображаемыхъ телятахъ: здѣсь замѣтенъ тотъ-же суживающійся къ задѣ лобъ, незначительный выступъ края глазныхъ впадинъ, бросающійся въ глаза плоскость и примизна верхняго очертанія морды. Горбатый быкъ, и нынѣ еще распространенный во всей внутренней Африкѣ, есть родоначальникъ какъ древняго, такъ и теперешняго египетскаго домашняго рогатаго скота, который, очевидно, принадлежитъ къ породѣ горбатыхъ быковъ. Черепа Аписа изъ Мемфиса представляютъ совершеннѣйшее сходство съ черепами рогатыхъ быковъ изъ Сенаара. Если ѣхать изъ Нижняго Египта вдоль Нила чрезъ Нубію и Донгоду въ Сенааръ, можно замѣтить, какъ египетскій домашній рогатый скотъ, отличающійся высокою холкою, постепенно переходитъ въ настоящихъ южноафриканскихъ горбатыхъ быковъ. Въ южной Донголѣ и въ пустынѣ Байюда попадаются уже только горбатые быки. Древняя египетская порода длиннорогихъ быковъ, въ особенности имѣющая рога въ формѣ лиры, совершенно походитъ на «зангу» абиссинцевъ; хотя у нея и нѣтъ высокаго жирового горба, однакожь этотъ послѣдній и у чистой породы горбатыхъ быковъ внутренней Африки часто весьма слабо развитъ. Древняя египетская порода длиннорогихъ быковъ вымерла въ настоящее время; даже тотъ, до нѣкоторой степени длиннорогій рогатый скотъ, котораго можно видѣть тамъ и сямъ въ Египтѣ, по величинѣ роговъ не представляетъ никакого сходства съ древнимъ длиннорогимъ скотомъ. Чума рогатаго скота и грубое съ нимъ обращеніе нанесли въ теченіи столѣтій великій ущербъ египетскому скотоводству, и чтобы возмѣстить потери, стали, какъ это дѣлается еще и въ нынѣшнее время, пригонять большія стада короткорогихъ сенаарскихъ горбатыхъ быковъ въ Египетъ и скрещивать съ ними остатки мѣстной длиннорогой и короткорогой породы. Такимъ образомъ порода длиннорогихъ быковъ постепенно уничтожилась въ Египтѣ или, лучше сказать, перешла мало-по-малу въ породу короткорогихъ. Что приведенные въ Египетъ и Нижнюю Нубію и здѣсь неоднократно скрещенные массивные горбатые быки Сенаара постепенно на сѣверѣ вырождались и превратились въ длинноногую, жидкую породу, имѣющую нѣкоторое сходство съ антилопами, но безъ жирового бугра, это должно быть приписано главнымъ образомъ климатическимъ условіямъ, измѣненному образу жизни и дурному уходу египетскихъ поселянъ и нубійцевъ за своимъ рогатымъ скотомъ.»

Такимъ образомъ, изъ сообщеній Дюмихена мы видимъ, что въ древнемъ Египтѣ уже въ раннія времена существовали различныя породы крупнаго рога-таго скота, а изъ сообщеній Гартмана,—что нѣкоторыя изъ нихъ совершенно исчезли или измѣнились до неузнаваемости, и, наоборотъ, нѣкоторыя сохранили почти все существенныя свои признаки.

Уже упомянутый выше **Занга** (*Bos africanus*), такъ мало измѣнившійся въ

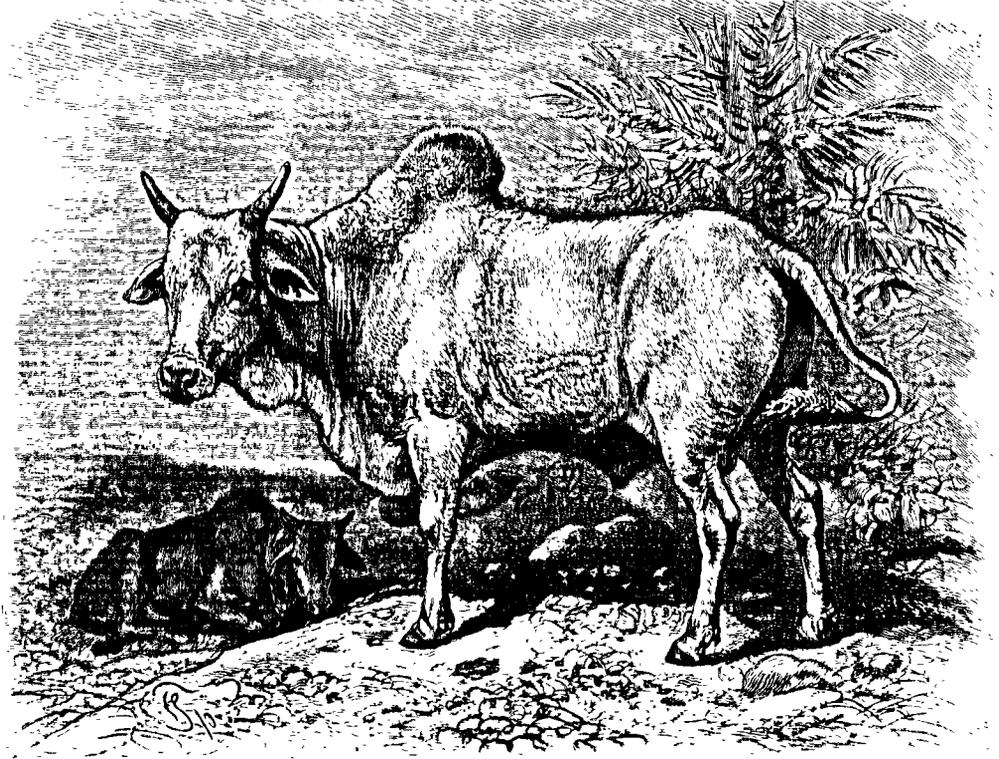
Занга. *Bos africanus*. $\frac{1}{22}$ наст. вел.

теченіи столѣтій, конечно, долженъ быть отнесенъ къ самой красивой породѣ горб-быхъ быковъ: онъ большого роста, стройнаго, но сильнаго тѣлосложенія, имѣетъ высокія ноги и достаточно длинный хвостъ, горбъ довольно развитъ, рога очень большіе и существенно отличаются отъ роговъ большей части европейскихъ породъ, такъ какъ, при длинѣ въ метръ, рога довольно близко сидятъ другъ отъ друга, сначала изгибаются въ сторону, затѣмъ пологой дугой кверху и далѣе вверхъ въ прямомъ направленіи, на послѣдней трети своей длины поворачиваютъ внутрь, а концами кнаружи. Шерсть у этого быка гладкая, тонкая и окрашена преимущественно въ каштаново-бурый цвѣтъ.

Хотя **Зебу** (*Bos indicus*, *B. Zebu*. *Höckerochs*) и замѣтно отличается отъ выше-

описаннаго быка и въ свою очередь раздѣляется на нѣсколько разновидностей, тѣмъ не менѣе мы должны смотрѣть на него, какъ на близко стоящій къ зангѣ видъ. Зебу почти такого-же высокаго роста, но большею частью гораздо коренастѣе и имѣеть болѣе короткія ноги, чѣмъ занга. Уши у него длинныя и отвислыя, рога замѣчательно короткіе, окраска не столь однообразная, такъ какъ обыкновенно преобладающій рыжевато или сѣровато-бурый цвѣтъ переходитъ въ блѣдно-желтый и бѣлый, нерѣдко встрѣчаются даже пѣгіе зебу. Кромѣ того иногда попадаются между ними, а въ Индіи даже нерѣдко, настоящіе карлики-зебу, которые достигаютъ величины небольшого осла.

Большая часть естествоиспытателей, начиная съ Линнея и кончая Дарви-

Зебу. *Bos indicus*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

номъ, смотреть на этого зебу, какъ на особый видъ быковъ, другіе-же признають его, какъ и африканскаго горбатаго быка, только разновидностью домашней породы. Но за самостоятельность этого вида говоритъ тотъ фактъ, что нѣкоторыя части скелета существенно отличаются отъ соответствующихъ костей нашего рогатаго скота, что у зебу, на примѣръ, однимъ позвонкомъ въ крестцѣ и двумя позвонками въ хвостѣ менѣе, чѣмъ у обыкновеннаго быка; далѣе, по словамъ Влайта, зебу довольно замѣтно отличается и по образу жизни, рѣдко ищетъ тѣни, не входитъ въ воду, чтобы въ ней стоять по колѣно, какъ европейскій быкъ, и т. п. Впрочемъ при нашихъ теперешнихъ свѣдѣніяхъ нелегко судить объ этомъ и трудно также отвергать безъ дальнѣйшихъ основаній противоположное мнѣніе другихъ натуралистовъ, которые соединяють въ одинъ видъ обыкновеннаго быка съ зебу.

По откуда происходитъ африканскій, а также и индѣйскій горбатый рогатый скоть, распадающійся на столь многія породы? Какому дикому виду мы должны приписать его происхождение? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы пока дать не можемъ. Мы, конечно, знаемъ, что зебу въ нѣкоторыхъ частяхъ Индіи живетъ совершенно независимо отъ человѣка въ лѣсахъ; однакожь не подлежитъ сомнѣнію, что встрѣчающіяся въ дикомъ состояніи животныя—потомки убѣжавшихъ отъ человѣка быковъ и коровъ, которые снова одичали. До настоящаго времени тщетно стараются отыскать родоначальника различныхъ породъ зебу. Послѣднія легко скрещиваются, какъ это съ полною опредѣленностію доказано различными опытами, со всѣми породами домашняго рогатаго скота и производятъ убудковъ, которые при самыхъ различныхъ смѣшеніяхъ крови, оказываются плодовитыми.

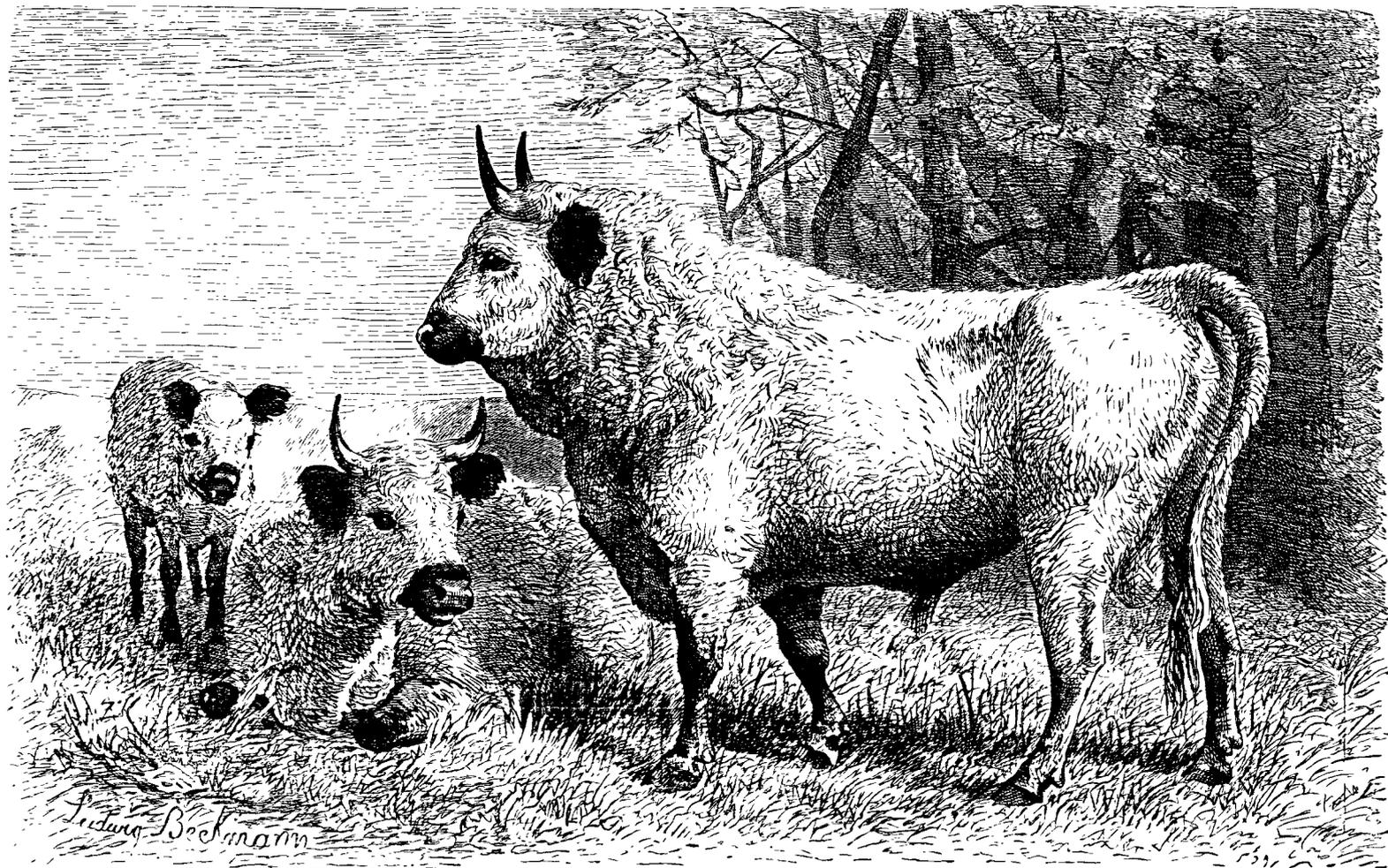
Нѣсколько легче представляется рѣшеніе вопроса о родоначальникѣ безгорбой, т. е. нашей европейской породы рогатаго скота, хотя и здѣсь далеко еще не сказано послѣдняго слова. По мнѣнію Рютимейера, въ происхожденіи живущихъ теперь въ Европѣ и отличающихся другъ отъ друга 40 или 50 породахъ рогатаго скота принимали участіе три различныхъ вида дикихъ быковъ: во первыхъ, **Первобытный быкъ** (*Bos primigenius*), который долженъ быть призванъ однороднымъ съ вышеупомянутымъ туромъ (по нѣмецки—Auer), во вторыхъ, **Длиннолобый быкъ** (*Bos longifrons*) и **Лобастый быкъ** (*Bos frontosus*); остатки ихъ найдены въ различныхъ частяхъ Европы. О послѣднемъ Нильсонъ думаетъ, что, быть можетъ, онъ и есть родоначальникъ норвежскаго горнаго рогатаго скота. На длиннолобога быка смотрятъ какъ на предка тѣхъ быковъ и коровъ, которые въ каменный вѣкъ содержались въ Швейцаріи въ качествѣ домашняго скота и впоследствии были перевезены римлянами въ Англію. Первобытный-же быкъ есть родоначальникъ крупнѣйшихъ европейскихъ породъ. Это послѣднее предположеніе, именно, что первобытный быкъ долженъ дѣйствительно считаться родоначальникомъ большинства породъ нашего рогатаго скота, подтверждается сравненіемъ его черепа съ черепомъ домашнихъ быковъ.

По мнѣнію Рютимейера, еще и въ настоящее время въ сѣверной Англіи и Шотландіи въ большихъ паркахъ существуетъ непосредственное, хотя и выродившееся потомство первобытнаго быка, по крайней мѣрѣ, этотъ натуралистъ, на основаніи тщательнаго сравненія черепа первобытнаго быка съ черепомъ шотландскаго быка, присланнымъ ему лордомъ Тэнкеруилемъ, увѣряетъ, что этотъ черепъ отличается отъ перваго гораздо менѣе, чѣмъ черепъ всякой другой породы. По противъ взгляда Рютимейера, какъ мы знаемъ, были сдѣланы возраженія; однакожь, въ пользу его говорить глубокая древность породы, представителемъ которой является шотландскій быкъ. Какъ упоминаетъ Уайтсъ, животное, совершенно похожее по описанію на шотландскаго быка, существовало въ Валлисѣ еще въ X-омъ столѣтіи. Четыреста головъ бѣлаго рогатаго скота съ красными ушами были присланы англійскому королю Іоанну, и сто такихъ-же, по словамъ древней рукописи, были потребованы въ возмездіе за какое-то преступленіе. Не подлежитъ сомнѣнію, что животное тогда жило еще въ дикомъ состояніи въ первобытномъ лѣсу, который распростирался поперекъ черезъ всю сѣверную Англію и Шотландію отъ Чиллингема до Гамильтона, и въ обоихъ паркахъ того-же имени по краямъ названнаго лѣса рогатый скоть сохраняется и теперь. Уже въ 1260 году, по приказанію Уильяма Феррарнеса паркъ Чартли въ Стоффордширѣ былъ окруженъ оградой съ цѣлю сохранить дикихъ быковъ на этомъ болотистомъ мѣстѣ. Примѣръ этотъ встрѣтилъ тѣмъ больше подражанія, чѣмъ рѣже становились животныя; подобнымъ-же образомъ стали поступать и другіе значительные землевладѣльцы, и уже до реформаціи шотландскій рогатый

скотъ можно было видѣть только въ огороженныхъ паркахъ, изъ которыхъ 14 существовали до начала нашего столѣтїя, а пять сохраняются и теперь.

Людвигъ Бекманъ, посѣтившій одинъ изъ этихъ парковъ позднею осенью 1874 года, сообщаетъ мнѣ о немъ слѣдующее: «Въ великолѣпномъ паркѣ, простирающемся въ длину на нѣсколько миль, который окружаетъ лѣтнюю резиденцію герцога Гамильтона въ Ланаркширѣ, находится обширная загородъ для упомянутыхъ быковъ. Ландшафтъ очень напоминаетъ собою сѣверно-нѣмецкія плодородныя равнины: по обширнымъ дугамъ разсѣяны въ большомъ числѣ могучіе дубы; молодой лѣсокъ и побѣги отъ корней, надъ которыми живописно выдаются посѣдѣвшїя отъ времени соломенные крыши строенїй для зимняго помѣщенїя и кормленїя рогатаго скота, покрываютъ тамъ и сямъ обширныя равнины. Въ непосредственной близости къ отвѣсному берегу шумнаго Авона лежатъ развалины древняго Кадцонбурга, отъ котораго получилъ свое названіе и теперешнїй паркъ для рогатаго скота. Утверждаютъ, что этотъ паркъ, съ его первобытными и отчасти вновь посаженными дубами-великанами, составляетъ послѣднїй остатокъ древняго Каледонскаго первобытнаго лѣса, въ которомъ шотландскїй рогатый скотъ съ древнихъ временъ водился въ дикомъ состоянїи. Я не могъ узнать, къ какому времени относится построенїе первой огады Кадцонскаго лѣса и когда въ первый разъ былъ замкнутъ въ немъ водившїйся въ дикомъ состоянїи рогатый скотъ. Гекторъ Бозтїусъ, извѣстный шотландскїй историкъ, не упоминаетъ объ этомъ паркѣ для рогатаго скота въ своей исторїи Шотландїи, напечатанной въ Парижѣ въ 1526 году; но онъ отчасти фантастическими красками описываетъ неукротимую дикость жившаго тогда въ Каледонскомъ лѣсу бѣлаго рогатаго скота, который, по его словамъ, обладаетъ «развѣвающимся львиною гривую»; Бозтїусъ присовокупляетъ, что въ горныхъ мѣстностяхъ Аргилешира и Норшира въ его еще время водились цѣлыя стада «неприрученныхъ коровъ». Старое поэтическое представленїе о бѣломъ бизонѣ съ развѣвающейся гривую удерживается и позднѣйшими писателями, между которыми, какъ извѣстно, и Вальтеръ Скоттъ пользовался имъ для выщего эффекта. Однако несомнѣнно, что теперешнїй шотландскїй быкъ не имѣетъ никакой гривы, и всѣмъ своимъ внѣшнимъ видомъ для непредубѣжденнаго наблюдателя скорѣе похожъ на заботливо и чисто содержимаго и прекрасно сложеннаго домашняго быка, чѣмъ на какого-то мнѣческаго первобытнаго звѣря. Уже одна бѣлая окраска такого большаго млекопитающаго, живущаго въ дикомъ состоянїи въ мягкомъ климатѣ острова, можетъ быть разсматриваема какъ нѣчто необычайное; кромѣ того, по моему мнѣнїю, гармонїя отдѣльныхъ частей тѣла, прямая спина, высокое прикрѣпленїе хвоста, и сильное развитїе складчатаго подгрудка у старыхъ быковъ несомнѣнно указываютъ на то, что когда-нибудь эти быки жили въ домашнемъ состоянїи или по крайней мѣрѣ подвергались влїянїю человѣка. Исторически доказанная глубокая древность расы даетъ право догадываться, что она уже въ языческія доисторическія времена, подобно бѣлымъ коровамъ богини Герты и священнымъ быкамъ браминовъ, должна была играть роль при жертвоприношенїяхъ друидовъ, и что столь часто упоминаемые дикіе бѣлые бизоны Каледонскаго лѣса, быть можетъ, представляютъ собою только одичавшее потомство священныхъ быковъ друидовъ.

«Издавна существующее разведенїе шотландскаго рогатаго скота въ паркѣ Гамильтона въ 1760 году пришлось прекратить вслѣдствїе усилившейся злобности животныхъ; но впоследствии они снова были загнаны въ паркъ. Живущїй теперь шотландскїй рогатый скотъ оказывается болѣе смиреннымъ, чѣмъ его предки; лицомъ, вполне заслуживающимъ довѣрїя, мнѣ было сообщено, что во время свирѣпствовавшей въ Шотландїи нѣсколько лѣтъ чумы рогатаго скота значительное число

Х. Д. В. Врандлинск. Н. Е. Х. Д.

АНГЛІЙСКАЯ ПОЛУДИКАЯ ПОРОДА БЫКОВЪ.

послѣдняго было введено въ расположенныя близъ Гамильтона каменноугольныя копи, чтобы предохранить его отъ опаснаго зараженія».

Прежде чѣмъ слѣдовать далѣе за Бекманомъ, я приведу прежнія свѣдѣнія объ этихъ животныхъ. **Шотландскій или Англійскій полудикій быкъ** (*Bos scoticus*) средняго роста, коренастъ и плотно сложенъ, шерсть у него густая, коротко-прилегающая, на маковкѣ и шеѣ длиннѣе и курчавѣе, вдоль шеи до холки представляетъ небольшую гриву; окраска шерсти молочно-бѣлая, исключая морды, ушей, роговъ и копытъ; уши внутри красновато-бурого цвѣта, передняя часть морды бурая, глаза черного цвѣта, копыта черныя; рога умѣренной длины, довольно тонки и заострены на концахъ, отъ основанія поворачиваются вверхъ и кнаружи и концами снова нѣсколько изогнуты внутрь, сѣровато-бѣлые съ черными кончиками. Позвоночникъ состоитъ изъ 13 спинныхъ, 6 поясничныхъ, 4 крестцовыхъ и 20 хвостовыхъ позвонковъ; такимъ образомъ шотландскій быкъ стоитъ ближе всего къ бантенгу, зебу и буйволу и отличается отъ обыкновеннаго домашняго быка меньшимъ числомъ крестцовыхъ и хвостовыхъ позвонковъ. Въ теченіи 33 лѣтъ родилось около дюжины телятъ съ бурыми и синими пятнами на щекахъ и спинѣ, но они тотчасъ-же были удалены точно такъ, какъ и другіе выродки, частью для того, чтобы сохранить породу въ совершеннѣйшей чистотѣ, частью въ угоду странному суевѣрію, что другихъ животныхъ, кромѣ бѣлыхъ, въ паркѣ не должно быть. Въ соосѣдствѣ съ Чарли господствуетъ мнѣніе, что, когда грозитъ какое-нибудь несчастье благородному дому Ферреръ, всякій разъ отъ бѣлой коровы родится черный теленокъ, почему и стараются, по крайней мѣрѣ на будущее время, отстранить грозящее несчастье.

По словамъ Бекмана, шотландскій рогатый скотъ въ паркѣ близъ Гамильтона отличается отъ того-же скота въ паркѣ близъ Чиллингема нѣсколько особой окраской. «У перваго, кромѣ морды и глазъ, вся внѣшняя и внутренняя сторона ушей окрашена чернымъ, какъ уголь, цвѣтомъ. и переднія конечности отъ копыта до колѣнъ имѣютъ черныя пятна. Вся остальная часть тѣла молочно-бѣлаго цвѣта, переходящаго у старыхъ животныхъ, именно на шеѣ и по животу, въ грязно-желтый или изжелта-бѣлый цвѣтъ. Шерсть мягкая и густая, длиннѣе, чѣмъ у обыкновеннаго домашняго скота, и нѣсколько волнистѣе, хотя не образуетъ отдѣльныхъ прядей. На курчавомъ лбу, вдоль загривка и спины волоса удлиняются до 4—5 см., не образуя, однакожъ, гривы. Вообще разсматриваемый издали шотландскій быкъ кажется почти гладкошерстнымъ; только на шеѣ быковъ волосы сильно курчавые. У различныхъ семействъ черная окраска нѣсколько измѣняется и, очевидно, зависитъ отъ подбора производителей. Нерѣдко встрѣчаются экземпляры съ синеватыми пятнами по сторонамъ головы и туловища. На живомъ животномъ это довольно трудно замѣтить, но зато тѣмъ яснѣе они выступаютъ на большей части головъ чучель, украшающихъ стѣны музеевъ и охотничьихъ залъ. На одной изъ доставленныхъ мнѣ фотографій только-что убитаго въ паркѣ близъ Гамильтона животнаго находятся на лѣвой сторонѣ тѣла многочисленныя, черныя какъ уголь пятна. Бевикъ сообщаетъ, что 40 лѣтъ тому назадъ въ Чиллингемѣ родилось нѣсколько телятъ съ черными ушами и носами, но они тотчасъ-же были убиты сторожами. Блайтъ упоминаетъ, что шотландскій скотъ близъ Гисбурна въ Йоркширѣ былъ совершенно бѣлаго цвѣта съ бурыми ушами, но при этомъ малаго роста, подвиженъ и безъ роговъ. Эта послѣдняя раса произошла изъ аббатства Уoley (Whalley) въ Ланкаширѣ и, какъ рассказываетъ преданіе, была привлечена при помощи музыки въ Гисбурнъ, при уничтоженіи монастыря въ 1540 году».

Знатные владѣльцы всѣхъ находящихся еще въ Шотландіи парковъ вмѣняютъ

себѣ въ особенную заслугу оказывать покровительство этимъ съ древнѣйшихъ временъ сохранившимся до насъ животнымъ и тратить немалыя суммы на ихъ содержаніе. У этого скота есть особые сторожа, которые, насколько возможно, охраняютъ ихъ отъ опасностей и отдѣляютъ слишкомъ старыхъ, злыхъ и уже негодныхъ быковъ.

Особенный интересъ къ парковому скоту съ давняго времени и посейчасъ обнаруживаетъ семейство Тенкеруила, и одному изъ послѣднихъ владѣльцевъ парка мы обязаны подробными свѣдѣніями объ этихъ животныхъ. «Во времена моего отца и дѣда», пишетъ лордъ, «о происхожденіи этихъ быковъ знали такъ же мало, какъ и теперь. Все-таки можно считать болѣе вѣроятнымъ, что быки парка Чартли произошли отъ дикаго быка, жившаго въ Англіи, и уже съ давняго времени были сохраняемы въ огороженномъ паркѣ. Самый паркъ весьма древній и, конечно, уже съ очень ранняго времени былъ приспособленъ къ содержанію этихъ животныхъ. Объ образѣ жизни нашего дикаго скота можно получить подробныя свѣдѣнія отъ сторожа парка, Келя, въ Чартли; мнѣ же извѣстно слѣдующее: скотъ имѣетъ всѣ свойства настоящихъ дикихъ животныхъ. Онъ прячетъ своихъ телятъ, пасется ночью, а днемъ спитъ и грѣется на солнцѣ. Свирѣлымъ онъ становится только тогда, когда его упорно преслѣдуютъ; вообще же робокъ и убѣгаетъ отъ каждаго человѣка, за видѣвъ его издали. Смотри по времени года и потому, какъ къ нему приближаются, онъ ведетъ себя различно. Лѣтомъ я по цѣлымъ недѣлямъ напрасно старался увидать хоть одного изъ нихъ, потому что въ это время животныя, почувствовавъ приближеніе человѣка, немедленно удаляются въ свой заповѣдный лѣсъ, куда никому не позволяется входить; зимой же, напротивъ, они приходятъ на мѣста, гдѣ ихъ кормятъ, и потому привыкаютъ къ людямъ, такъ что, особенно верхомъ, можно вѣхаться въ самую середину стада. У нихъ замѣчаютъ много своеобразнаго. Иногда, когда они спокойно пасутся и кто-нибудь подойдетъ къ нимъ близко подъ вѣтромъ, стадомъ овладѣваетъ странный ужасъ, и оно бѣжитъ галопомъ въ чащу лѣса. Если они спускаются въ нижнюю часть парка, что дѣлается въ опредѣленные часы, то идутъ, какъ кавалерійскій полкъ, правильными рядами; при этомъ быки находятся въ авангардѣ, а при возвращеніи въ арріергардѣ. Голосъ ихъ похожъ скорѣе на ревъ хищнаго животнаго, чѣмъ на мычаніе домашняго скота».

«Стадо», говоритъ сторожъ парка, Кель, прожившій въ Чартли болѣе 30 лѣтъ, «состоитъ теперь (1830 г.) приблизительно изъ 80 штукъ или около 25 быковъ, 40 коровъ и 15 телятъ. Ихъ чистая бѣлая окраска и прекрасныя поднимающіеся въ видѣ полумѣсяца рога придаютъ животнымъ, особенно когда они движутся массой, весьма красивый видъ. Самцы ведутъ ожесточенную борьбу за господство, пока нѣсколько сильныхъ не подчиняютъ себѣ остальныхъ слабѣйшихъ. Коровы телятся только на третьемъ году и сохраняютъ способность рождать въ продолженіи многихъ лѣтъ. Онѣ причутъ своего теленка въ теченіи первыхъ 4—10 дней и въ это время ежедневно ходятъ 2—3 раза кормить его. Если кто-нибудь приближается къ мѣсту, гдѣ находится теленокъ, то онъ прижимаетъ голову къ землѣ и лежитъ, притаившись, какъ заяцъ въ норѣ; телята сосутъ въ теченіи 9 мѣсяцевъ, а потомъ матери отгоняютъ ихъ. Быки парка очень хорошо переносятъ зиму, однакожь при сильномъ холодѣ ихъ кормятъ сѣномъ. Имъ рѣдко даютъ жить долѣе 8—9 лѣтъ, потому-что они позднѣе уменьшаются въ вѣсѣ. Быковъ обыкновенно убиваютъ на 6-омъ году ихъ возраста; тогда они вѣсятъ почти 750 kgr. Мясо ихъ прекрасное, жирное и по вкусу мало отличается отъ мяса домашняго скота. Одному изъ сторожей парка посчастливилось вырастить пару телятъ и кроткимъ обращеніемъ приручить ихъ. Оба животныхъ были такъ же добродушны, какъ наши домашніе. Быкъ прожилъ 18 лѣтъ, корова же не болѣе 5

или 6 лѣтъ. Ее скрещивали съ обыкновеннымъ быкомъ; но телята сохраняли чрезвычайное сходство съ матерью. Она давала мало молока но зато очень жирное. Въ дикомъ состояніи только очень немногія изъ животныхъ умираютъ отъ болѣзней».

Блекъ рассказываетъ въ 1851 году о дикихъ быкахъ Гамильтонскаго парка, что они днемъ пасутся на широкихъ полянахъ, а вечеромъ удаляются въ лѣсъ. Быки могутъ быть очень опасными: одинъ птицеловъ долженъ былъ просидѣть цѣлыхъ 6 часовъ на деревѣ, на которое онъ взобрался, спасаясь отъ разъяреннаго быка; писарь также былъ загнанъ на дерево и выдержалъ на немъ осаду до полудня слѣдующаго дня. «Если случится», пишетъ Фитцингеръ на основаніи древнихъ англійскихъ источниковъ, «что чужой человѣкъ зайдетъ въ паркъ и случайно наткнется на стадо, то быки, замѣтивъ незнакомаго, тотчасъ же начинаютъ ударами копытъ взрывать землю. Затѣмъ все стадо быстрымъ галопомъ обращается въ бѣгство, но удаляется однакожь не далѣе какъ на 150 шаговъ, описываетъ нѣсколько разъ большіе круги вокругъ человѣка и вдругъ грозно бросается на него съ поднятыми кверху головами; но, приблизившись на разстояніе 30—40 шаговъ, оно останавливается, чтобы дикими взглядами осмотрѣть предметъ, нагнавшій на него ужасъ».

Людвигъ Бекманъ вспоминаетъ объ этомъ старомъ англійскомъ сообщеніи, но во время своего посѣщенія Гамильтонскаго парка не замѣтилъ ничего подобнаго. «Я нашелъ», продолжаетъ онъ, «стадо лежащимъ спокойно на травѣ на разстояніи 200 шаговъ отъ дороги и пережевывающимъ жвачку. Среди скота стоялъ, какъ часовой, старый рыжій меринъ. При моемъ приближеніи животныя поднялись и пристально смотрѣли на меня съ изумленіемъ. Головы при этомъ не были закинута вверхъ къ спинѣ; даже недалеко отъ меня находившіяся молодыя животныя держали свои головы низко у колѣней. чтобы лучше разсмотрѣть меня, что придавало имъ необыкновенно смѣшной видъ. Когда я подошелъ на разстояніе около 80 шаговъ, все стадо медленно пришло въ движеніе. Я хотѣлъ обратить вниманіе преимущественно на поведеніе самаго стараго быка, котораго и нашелъ послѣ долгихъ поисковъ укрывшимся позади многихъ коровъ. Повидимому, онъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія безъ надобности подвергнуться опасности: ему и въ мыслѣ не приходило даже принять на себя роль руководителя, и, повидимому, его единственное стремленіе было направлено къ тому, чтобы спрятать свою собственную драгоценную персону за коровами или молодыми быками, такъ что мой оставшійся назади спутникъ невольно воскликнулъ: «Старый трусъ! Онъ долженъ-бы быть впереди, а между тѣмъ прячется за своими коровами!» Затѣмъ все стадо, состоявшее изъ 30 головъ, побѣжало рысью; по сторонамъ бѣжали галопомъ телята, чтобы не остаться позади; наконецъ всѣ внезапно обратились въ поспѣшное бѣгство и дикимъ галопомъ, съ поднятыми кверху хвостами, съ громкимъ топотомъ бѣлыми рядами взлетѣли на возвышенность съ могучими, посѣдѣвшими отъ древности, стволами деревьевъ: это былъ величественный видъ! Къ сожалѣнію, видъ этотъ былъ нѣсколько испорченъ присутствіемъ стараго мерина, который, задравши также свой куцый хвостъ, понесся за стадомъ, слѣдуя за всѣми его поворотами. Бѣжавшее стадо ушло, описавъ широкую дугу, и внезапно остановилось, причемъ головы всѣхъ животныхъ опять-таки неподвижно были направлены на меня. Я попытался второй разъ приблизиться, но теперь стадо убѣжало, когда я подошелъ шаговъ на 120, и остановилось только вдали отъ меня. Животныя были настолько пуливы, что при третьей попыткѣ приблизиться я, конечно, совершенно потерялъ-бы ихъ изъ глазъ; вотъ почему я счелъ за лучшее наблюдать ихъ изъ нашего экипажа съ помощью хорошей зрительной трубы. Спусти нѣсколько минутъ животныя ус-

покоились и одно за другимъ улеглись тутъ-же на мѣстѣ, чтобы пережевывать жвачку.

«Другая особенность шотландскаго скота та, что онъ пасется сомкнутымъ стадомъ; многіе авторы любятъ выставять ее какъ «привычку, унаслѣдованную отъ дикихъ животныхъ», причѣмъ особенно подчеркивается, что такой привычки не имѣетъ ни одна домашняя порода скота. Но если-бы, какъ я думаю, стадо домашняго рогатаго скота предоставили самому себѣ въ какой-нибудь обширной загороди, не доили-бы коровъ и заставили-бы сторожа стрѣлять изъ ружья въ быковъ, какъ на охотѣ за дикимъ животнымъ, то этотъ домашній скотъ въ короткое время сталъ-бы обнаруживать такое же недовѣріе ко всякому незнакомому чловѣку, какъ и настоящій шотландскій скотъ, и сталъ-бы вести себя такъ же, какъ этотъ послѣдній. Равнымъ образомъ и привычка шотландскаго скота убѣгать при преслѣдованіи, описывая широкую дугообразную линію, потомъ останавливаться на время и смотрѣть на врага, можетъ быть объясняема постояннымъ сознаніемъ, что онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ оградой парка, — и должна быть разсматриваема не какъ свойственная животнымъ въ дикомъ состояніи, но какъ пріобрѣтенная вслѣдствіе пребыванія въ паркѣ».

Способъ, которымъ охотились еще не задолго до конца прошлаго столѣтія за животными парка, живо напоминаетъ охоты древнихъ временъ. Въ назначенный день собирались сосѣдніе жители, кто на конѣ, кто пѣшкомъ, но всѣ съ хорошими ружьями. Нерѣдко число людей въ такой охотѣ доходило до 500—600, изъ которыхъ больше 100 были верхами. Пѣшіе занимали мѣста на стѣнахъ, которыми былъ окруженъ большой паркъ, или взбирались со своими ружьями на деревья вокругъ поляны, на которой предполагалось убить животное, между тѣмъ какъ верховые пускались по лѣсу и гнали стадо къ назначенному мѣсту. Если это удавалось, и быкъ, окруженный лошадьми, былъ почти во власти людей, тогда одинъ изъ верховыхъ, которому выпадала честь перваго выстрѣла, слѣзая съ лошади и стрѣляя по разяренному животному, доведенному страхомъ до бѣшенства. Затѣмъ стрѣляли всѣ остальные, бывшіе на разстояніи выстрѣла, и часто случалось, что по одному быку стрѣляли 30 разъ, прежде чѣмъ его убивали. Взбѣшенный болью отъ ранъ и неистовымъ крикомъ охотниковъ, окровавленный звѣрь уже не обращалъ вниманія на большое число людей и, собравъ послѣднія силы, бросался на лошадей и охотниковъ. Нерѣдко удавалось ему причинить тяжелыя раны тѣмъ и другимъ или произвести между ними такое смятеніе, что, воспользовавшись имъ, онъ убѣгалъ отъ дальнѣйшаго преслѣдованія. Несчастные случаи, сопровождавшіе эти охоты, были причиною постепеннаго прекращенія такихъ празднествъ.

Между быками мѣстной шотландской породы рогатаго скота попадаются отдѣльные экземпляры, совершенно прирученные, происходящіе, повидимому, отъ парковаго рогатаго скота. Они сохраняютъ всѣ его особенности, за исключеніемъ окраски, которая большею частью бываетъ чернаго, коричневаго, рыжаго или желтовато-бураго цвѣта, напротивъ, круги около глазъ и морда, какъ у живущихъ въ полудикомъ состояніи, чернаго цвѣта. Бекманъ обратилъ мое вниманіе на то, что, по сообщенію Кольхуна, и въ настоящее еще время существуютъ бѣлые быки той-же породы. «Я обыкновенно признавалъ», говоритъ названный изслѣдователь, «что послѣдніе остатки нашего туземнаго дикаго быка, ради безопасности, всегда замкнуты въ парки, огражденные высокими стѣнами; но нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ случилось встрѣтить на дорогѣ, ведущей черезъ болото въ Аргилеширъ, ручное стадо такого-же точно бѣлаго рогатаго скота, который щипалъ траву при дорогѣ. Оно не только не было обезпечено или раздражено моимъ присутствіемъ,

но, не обращая на меня вниманія, позволило мнѣ войти въ середину и продолжало спокойно пастись. Ихъ прекрасные, хорошо расположенные рога, черныя морды, бѣлоснѣжная шерсть и изящная вышность служили порукою за древность и чистоту ихъ происхожденія».

«Однакожь, не слѣдуетъ смѣшивать», говоритъ Бекманъ, «шотландскій парковый рогатый скотъ съ мохнатыми, тонкорогими и длиннорогими горными быками, которые разводятся на Гебридскихъ островахъ, живутъ тамъ въ полудикомъ состояніи и ежегодно большими стадами прогоняются чрезъ всю Шотландію. Эта совершенно самостоятельная порода по своему вышнему виду напоминаетъ гораздо болѣе, чѣмъ парковый рогатый скотъ, своего дикаго родоначальника, первобытнаго быка; но, несмотря на свой дикій видъ, крайне миролюбива и добродушна».

Здѣсь ксати можно упомянуть и о томъ, что сообщаетъ лордъ Джоржъ Ансонъ о рогатомъ скотѣ никому не принадлежащемъ, который онъ, во время своего путешествія по Тихому океану въ 1742 году, встрѣтилъ на Тиніанѣ, одномъ изъ Маріанскихъ острововъ, гдѣ онъ долженъ былъ сдѣлать продолжительную остановку изъ за тяжелой болѣзни своей команды. «Нерѣдко намъ приходилось видѣть», замѣчаетъ онъ въ своемъ дневникѣ, «стада быковъ изъ нѣсколькихъ тысячъ головъ, которыя паслись на обширныхъ лугахъ; они представляютъ собою замѣчательнѣйшее явленіе, такъ какъ всѣ животныя были молочно-бѣлаго цвѣта и только уши обыкновеннобураго или чернаго цвѣта».

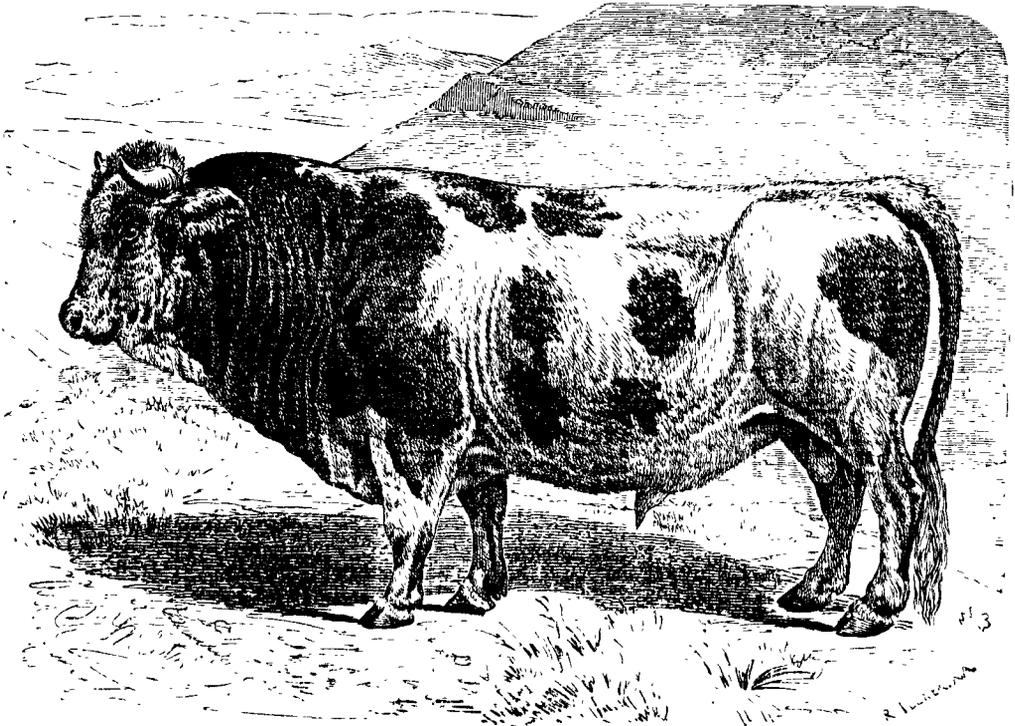
* *

Послѣ вышеприведенныхъ сообщеній о полудикомъ англійскомъ рогатомъ скотѣ намъ не покажется, конечно, удивительнымъ, что породы быковъ, смотря по тѣмъ цѣлямъ, которыя преслѣдуетъ человекъ при уходѣ за нимъ, и не въ очень продолжительное время, измѣняются въ ту или другую сторону и усваиваютъ признаки, отступающіе существенно отъ первоначальнаго типа; признаки эти передаются затѣмъ потомству; однимъ словомъ, мы не должны удивляться тому, что въ теченіи извѣстнаго времени могутъ возникать и снова исчезать новыя породы быковъ и коровъ.

Не имѣя возможности описать всѣ отдѣльныя породы безгорбыхъ домашнихъ коровъ и быковъ, я позволю себѣ упомянуть, по крайней мѣрѣ, о трехъ особенно выдающихся. Представителемъ альпійскаго рогатаго скота, котораго разновидности очень многочисленны и замѣчательно разнообразны, можно считать **Фрибургскую породу** (*Bos taurus friburgensis*). Животныя этой породы отличаются прекраснымъ тѣлосложеніемъ, съ умѣренно большою широколобою головою, короткою и толстою, снабженною сильнымъ подгрудкомъ шеею, продолговатымъ туловищемъ съ широкимъ задомъ, коренастыми конечностями, длиннымъ и густо опушеннымъ шерстью хвостомъ. Рога его относительно короткіе, довольно тонкіе, но имѣютъ весьма острые, слабо загнутые въ формѣ полумѣсяца въ сторону и вверхъ концы, рога обращены впередъ или назадъ; кожа покрыта гладкою шерстью съ черными или рыжевато-бурыми пятнами на бѣломъ фонѣ. Порода эта разводится главнымъ образомъ въ Фрибургѣ и сосѣднихъ кантонахъ Швейцаріи; она даетъ большое количество прекраснаго молока; мясо отличается превосходнымъ вкусомъ.

Распространеннѣйшею породою рогатаго скота на европейскихъ низменностяхъ должна быть признана **Голландская порода** (*Bos taurus hollandicus*), которая, по мнѣнію Фитцингера, есть непосредственное потомство европейскаго первобытнаго быка. Большой ростъ, довольно равномерное развитіе всѣхъ частей тѣла и всегда почти одинаковая окраска составляютъ выдающіеся признаки этой породы.

Голова длинная, къ мордѣ заостренная, шея длинная и тонкая, туловище бочкообразное, т. е. продолговатое и широкое, загривокъ узкій, крестецъ широкій, хвостъ умѣренной длины, переднія и особенно сильно развитыя заднія ноги высоки и сильны, но не безобразны, рога короткіе, тонкіе, большею частью направлены въ сторону и впередъ, окраска всегда пѣгая, такъ какъ на бѣломъ или сѣровато-бѣломъ фонѣ замѣчаются черныя пятна, а иногда также бурья и рыжія, большей или меньшей величины и очень различной формы. Кромѣ Голландіи, гдѣ этотъ скотъ разводится уже нѣсколько столѣтій, его можно найти въ большей части низменной Германіи, въ болѣе или менѣе чистомъ видѣ; нерѣдко имъ пользуются внутри страны для скрещиванія съ мѣстными породами. Голландская порода годна для откарм-

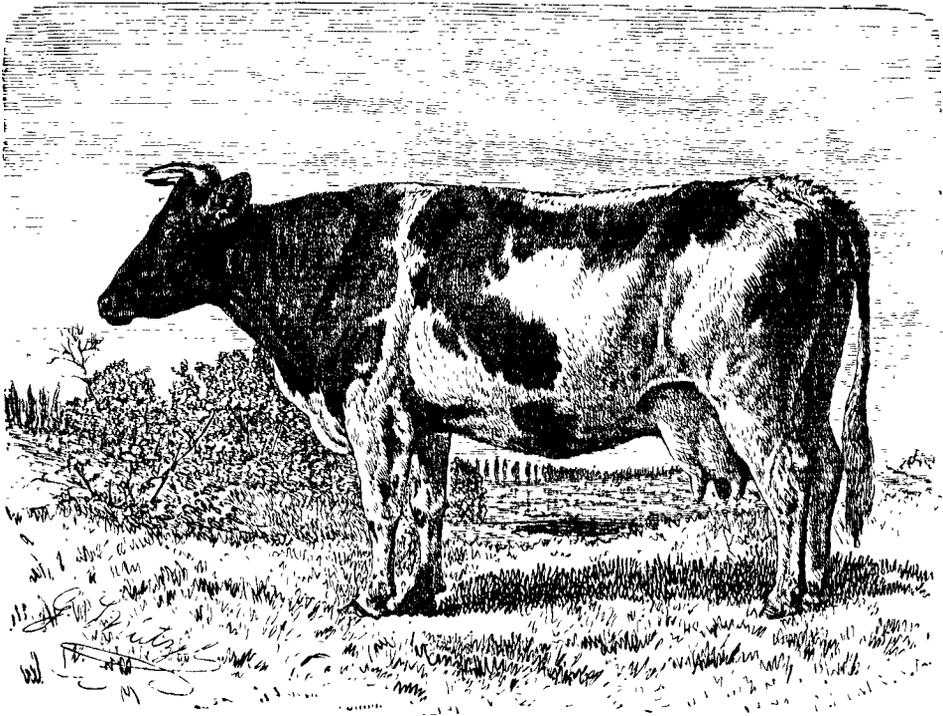
Фрибургская (швейцарская) порода рогатого скота. *Bos taurus friburgensis*. $\frac{1}{15}$ наст. вел.

ливанья и даетъ въ большомъ изобиліи молоко. Русскія холмогорскія коровы также происходятъ отъ голландской породы.

Какъ довольно безобразный по внѣшности, но вполне цѣлесообразный продуктъ продолжительнаго и искусственнаго подбора, можетъ быть упомянута наконецъ **Дургамская порода** или короткорогій мясной англійскій скотъ (*Bos taurus dunelmensis*. Shorthorn англичанъ). Это дѣйствительно нескладное животное съ маленькой головой и очень маленькими рогами, прямой спиной и короткими ногами, толстой шеей и дурно сложеннымъ тѣломъ; эта порода преимущественно назначена для откармливанія, дабы получить возможно большое количества мяса. Окраска гладкаго волосяного покрова чрезвычайно разнообразна. Первоначально дургамская порода разводилась исключительно въ графствахъ восточнаго побережья Англій; въ настоящее-же время ее можно встрѣтить во всѣхъ графствахъ Англій и Ирландіи, а также мѣстами въ Германіи, Голландіи и Фран-

ци. Что касается молока, то въ этомъ отношеніи она стоитъ ниже многихъ породъ, но зато превосходитъ ихъ всёхъ мясистою *).

Считаю долгомъ сообщить здѣсь нѣсколько свѣдѣній о домашнихъ, но вновь одичавшихъ быкахъ, хотя изученіе ихъ вовсе не разъясняетъ вопроса о происхожденіи нашего крупнаго домашняго скота. Насколько легко дикіе быки приручаются и становятся домашними животными, настолько же легко, будучи лишены заботъ и попеченій человѣка, снова принимаютъ обычаи и привычки, свойственные дикимъ животнымъ. Одичавшій рогатый скотъ, т. е. такой, который изъ прирученнаго состоянія снова перешелъ въ совершенно дикое или полудикое состояніе, встрѣчается главнымъ образомъ тамъ, гдѣ господствовали или продолжаютъ теперь еще господствовать испанцы; впрочемъ, и въ средней Европѣ можетъ случиться, что рогатый скотъ вырывается изъ

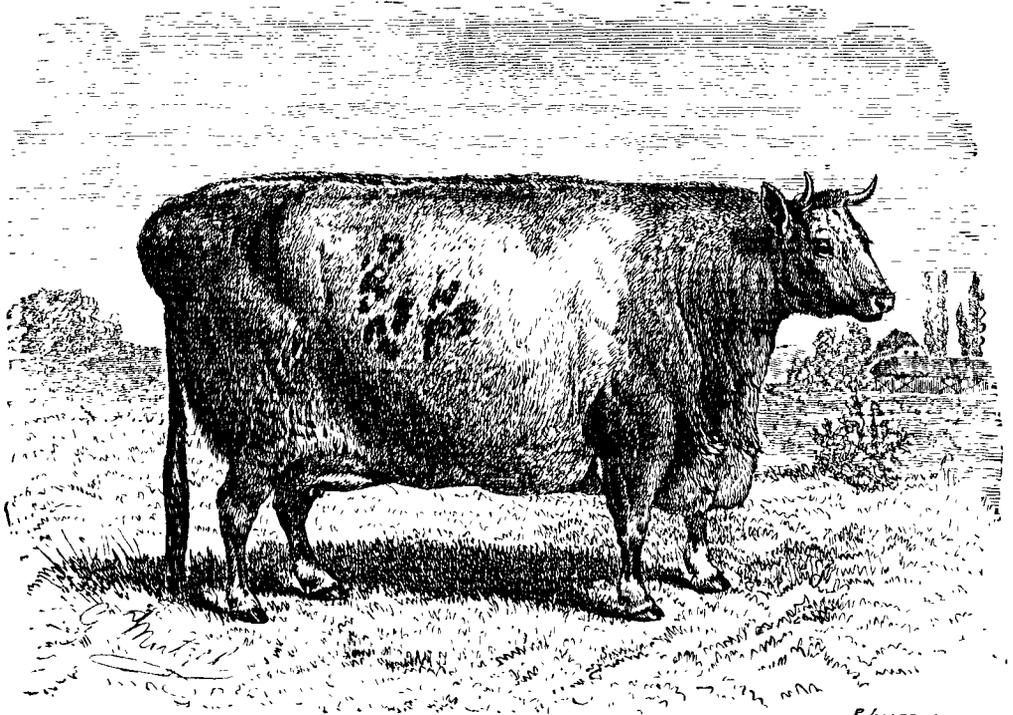
Голландская корова. *Bos taurus hollandicus*. $\frac{1}{25}$ наст. вел.

неволи и въ теченіи цѣлыхъ мѣсяцевъ живетъ въ лѣсу, какъ дикое животное. Лѣсничій Геншель въ Вильдальпенѣ приводитъ слѣдующій случай. Въ маѣ мѣсяцѣ съ пастбища убѣжалъ теленокъ, которому было около 4 недѣль, переплылъ чрезъ довольно широкій прудъ и удалился въ лѣсъ, въ которомъ и поселился. Неоднократныя попытки поймать его не удавались и сдѣлали его пугливымъ и осторожнымъ. Вскорѣ замѣтили его въ обществѣ оленей и косуль, къ которымъ онъ примкнулъ и съ которыми вмѣстѣ пасся. По особому приказанію владѣльца охоты его не трогали

*) Брэмъ здѣсь не говоритъ о многихъ замѣчательныхъ породахъ крупнаго рогатаго скота, изъ которыхъ стоитъ упомянуть: 1) Степную или Черкасскую породу, разводимую въ южной Россіи и отличающуюся мясистою и очень длинными рогами. На нее похожи Венгерская и Итальянская породы. 2) Горшую Швейцарскую породу, мелкую, неприхотливую и очень молочную, которая теперь разводится во многихъ странахъ.

до осени. Онъ продолжалъ оставаться въ обществѣ оленей, перенялъ ихъ обычаи и привычки и, безъ сомнѣнія, перезимовалъ-бы съ ними, если-бы не былъ въ октябрѣ убитъ. Но онъ уже успѣлъ принять всѣ привычки дикихъ животныхъ.

Тѣ быки, которые высоко цѣнятся въ Испаніи, такъ какъ составляютъ необходимую принадлежность извѣстныхъ боевъ въ циркахъ, произошли также отъ животныхъ, нѣкогда бывшихъ ручными. Теперь они живутъ, какъ совершенно дикій рогатый скотъ; по цѣлымъ годамъ они не входятъ въ хлѣвы, и, собственно говоря, никто о нихъ не заботится; только изрѣдка пріѣзжаетъ надсмотрщикъ, чтобы провѣрить число животныхъ. Быкъ этотъ не слишкомъ великъ ростомъ, но красивъ, необыкновенно силенъ и отличается своими довольно длинными, выгнутыми кнаружи

Дургамскій быкъ. *Bos taurus dunelmensis*. $\frac{1}{30}$ наст. вел.

и очень острыми рогами; окраска его, хотя и не всегда, но вообще темно-каштановаго и черно-бурого цвѣта. «Быки, которые своею свирѣпостью и вѣрнымъ видомъ кажутся пригодными для боя», такъ описываетъ В. Иестъ, «воспитываются слѣдующимъ образомъ: рожденный въ какомъ-нибудь большомъ помѣстьѣ, величиною до 10,000 гектаровъ, въ Кастиліи или Андалузіи, каждый изъ нихъ, по достиженіи одного года, пригоняется вмѣстѣ съ своими товарищами въ извѣстное мѣсто, гдѣ его клеймятъ для обозначенія принадлежности извѣстному хозяину. Пастухи, которые гонятъ стадо длинною палкою, снабженною острымъ наконечникомъ, скоро замѣчаютъ, какой быкъ обнаруживаетъ склонность къ нападенію, какой-нѣтъ. Быки, которые не боятся чувствительныхъ уколовъ остриемъ палки и неоднократно нападаютъ на загонщиковъ, подвергаются дальнѣйшему наблюденію; животныхъ-же, склонныхъ къ прирученію, обращаютъ въ домашній скотъ. Злымъ быкамъ насаживаютъ на рога подушки или деревянные шарики и предоставляютъ имъ пол-

ную свободу въ деревняхъ и маленькихъ городахъ; быки гуляютъ тамъ по главной площади, куда собирается также уличная молодежь и другіе любители боя быковъ. Толпа дѣтей разныхъ возрастовъ раздражаетъ и мучитъ быковъ всевозможными способами, не нанося имъ особеннаго вреда, и животное, лишенное возможности пользоваться своимъ оружіемъ, никогда не видавшее вмѣстѣ и десяти человѣкъ, естественно ведетъ себя при этомъ крайне неловко и чувствуетъ себя безпомощнымъ. Устроитель боя быковъ выбираетъ на лугу подходящее для того животное, достигшее 4—5 лѣтняго возраста, платя при этомъ чрезвычайно высокія цѣны; въ ночь передъ боемъ его помѣщаютъ въ стойло, находящееся при каждомъ амфитеатрѣ. Въ качествѣ жокаковъ для дикихъ животныхъ, боящихся людей, пользуются прирученными быками, которые оказываютъ такія-же услуги, какъ прирученные слоны при ловлѣ слоновъ въ Индіи».

Въ Новомъ Свѣтѣ условія для одичанія рогатаго скота были болѣе благоприятны, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ Колумбъ впервые привезъ его на Санъ-Доминго во время своего втораго путешествія. Здѣсь скотъ размножился съ такою быстротой, что уже спустя немного лѣтъ телята обоюго пола могли быть распространены по всему острову, а 27 лѣтъ спустя послѣ открытія Санъ-Доминго стада въ 4000 головъ были уже обыкновеннымъ явленіемъ. Въ 1587 году съ острова было вывезено 35000 бычачьихъ кожъ. Около 1540 года были перевезены быки изъ Испаніи въ Южную Америку. Они нашли здѣсь климатъ Новаго Свѣта до такой степени благоприятнымъ, что въ короткое время совсѣмъ освободились изъ-подъ власти человѣка, который и безъ того лѣниво смотрѣлъ за ними. Столѣтіе спустя они населяли пампасы въ такомъ неизмѣрномъ количествѣ, что при охотахъ за ними приходилось поступать, какъ впоследствии на сѣверѣ поступали при охотѣ на бизонівъ: убивали ихъ только для того, чтобы воспользоваться ихъ кожей. Мясо-же и жиръ предоставляли домашнимъ и дикимъ собакамъ и коршунамъ. Слѣдствіемъ такого безсовѣтнаго истребленія было то, что эти громадныя стада стали сильно рѣдѣть, и только теперь, когда начали обращаться съ ними лучше, они снова размножились.

На Фалкландскихъ островахъ рогатый скотъ совершенно одичалъ, и за нимъ иногда охотятся моряки, у которыхъ истощился весь запасъ мяса. Число одичавшихъ быковъ и коровъ молочно-бѣлаго цвѣта, которые были найдены лордомъ Джоржемъ Ансономъ въ 1742 году на островѣ Тиніанъ, имъ примѣрно нечисленно въ 10000 головъ. Такъ какъ люди его должны были беречь запасъ пороха, а между тѣмъ не прочь были полакомиться свѣжимъ мясомъ, то и пріучились догонять животныхъ бѣгомъ и, пользуясь ихъ замѣшательствомъ, валить ихъ на землю, что легко и удавалось. На островахъ Галапагосъ, на Филиппинскихъ островахъ, на Сандвичевыхъ островахъ и, по словамъ Бикмора, на Целебесѣ находятъ также одичавшій рогатый скотъ, равно какъ и въ Австраліи и въ Новой Зеландіи. «Здѣсь я встрѣчалъ его», пишетъ Ленденфельдтъ, «главнымъ образомъ на горныхъ лугахъ. Онъ чрезвычайно пугливъ, и я никогда не могъ приблизиться къ стаду на разстояніе выстрѣла. Говорятъ если какой-нибудь человѣкъ внезапно показывается вблизи стада, то быкъ-вожакъ тотчасъ-же бросается на него. Дикій рогатый скотъ, видѣнный мною въ Новой Зеландіи, былъ бѣлаго цвѣта съ бурными пятнами». Въ возвышенныхъ мѣстностяхъ внутренней Азіи также встрѣчается одичавшій рогатый скотъ и именно тамъ, гдѣ, по словамъ Пржевальскаго, стада остались безъ владѣльцевъ вслѣдствіе войнъ. Въ Колумбіи, какъ и въ большей части остальныхъ странъ Южной Америки, рогатый скотъ живетъ на полной свободѣ, но не въ равнинахъ, а на высотахъ Кордильеровъ. Когда іезуиты въ провинціи Санъ-Мартинъ должны

были отказаться от своей миссии, ихъ рогатый скотъ остался предоставленнымъ самому себѣ и ушелъ въ горы, на альпаяхъ которыхъ живутъ и до сихъ поръ маленькими стадами.

Итакъ, домашній рогатый скотъ въ однихъ странахъ освободился отъ власти человѣка, въ другихъ-же продолжаетъ быть его рабомъ съ самыхъ стародавнихъ временъ, какъ уже было замѣчено. Вообще рогатый скотъ вездѣ чрезвычайно чтили и чтутъ до сихъ поръ. Древніе египтяне поклонялись богу Апису въ видѣ быка и оказывали ему большія почести во время многихъ празднествъ. Богиня Изиды и позднѣе Ю грековъ представлялись съ рогами коровы на головѣ: объёмъ имъ приносили въ жертву быковъ, какъ особенно священныхъ животныхъ. Въ Ливіи рогатый скотъ жилъ въ прирученномъ состояніи, но его никогда не убивали, а пользовались только молокомъ. Въ Киренаикѣ считалось преступленіемъ ударить корову. Кельты смотрѣли на корову, какъ на даръ, непосредственно ниспосланный имъ божествомъ; а у теперешнихъ индусовъ существуетъ такой же культъ быковъ, какъ и у древнихъ египтянъ. Я уже, выше упоминалъ, что различныя племена считаютъ священными животными различныя виды быковъ, но въ сущности почитаніе ихъ вездѣ одно и то же. У кашмирскихъ браминовъ, по сообщенію Гюгеля, корова считается настолько священной, что каждый человѣкъ, убившій ее, наказывается смертью. Гёрцъ называетъ быковъ общественнымъ зломъ всѣхъ индусскихъ городовъ. Кто-нибудь изъ туземцевъ, въ намѣреніи сдѣлать доброе дѣло, выжигаетъ на тѣлѣ своихъ быковъ и коровъ знакъ Шивы, и эти животныя бѣгаютъ по улицамъ, не уступаютъ никому дороги, преслѣдуютъ и толкаютъ всѣхъ, кто имъ встрѣчается. Арабы племени Бахара, кочующаго между Бѣлой рѣкой и Кордофаномъ, занимствовали даже свое названіе отъ быковъ.

Такое-же почитаніе, какъ въ Индіи, оказываетъ нашему домашнему скоту и негрское племя Динка, живущее на Бѣломъ Нилѣ. «Все, что происходитъ отъ рогатаго скота», говоритъ Швейнфуртъ, «считается чистымъ и благороднымъ; пометъ, превращенный въ золу, употребляется для того, чтобы спать на немъ или чтобы бѣдить лице и тѣло; моча служить для омовеній и даже примѣшивается къ пищѣ, въ замѣнъ недостающей въ этихъ мѣстностяхъ Африки соли. Это послѣднее обстоятельство нѣсколько извиняетъ въ нашихъ глазахъ такое употребленіе мочи, которое для насъ кажется отвратительнымъ. Рогатый скотъ никогда не убиваютъ, за больными заботливо ухаживаютъ въ нарочно устроенныхъ для этого большихъ хижинахъ; ѣдятъ только палый скотъ или погибшій отъ несчастныхъ случаевъ. Впрочемъ Динка, повидимому, ничуть не отказываются принять участіе въ какомъ-нибудь пиршествѣ, гдѣ угощаютъ гостей бычачьимъ мясомъ, лишь-бы убитыя коровы не составляли ихъ собственности. Такимъ образомъ Динка почитаютъ своихъ быковъ и коровъ не столько какъ священныхъ животныхъ, сколько ради ихъ пользы. Однако трудно представить себѣ скорбь и страданія, испытываемыя тѣми, у которыхъ погибнетъ скотъ отъ случайной причины или отъ руки жестокосерднаго чужестранца. Подобнымъ-же образомъ цѣнятся и почитаются рогатый скотъ пастушескими племенами въ южной Африкѣ, изъ которыхъ нѣкоторыя владѣютъ многими сотнями тысячъ, если не милліонами его, очень хорошо за нимъ ухаживаютъ и, можно сказать, выработали настоящую «науку о рогатомъ скотѣ». При войнахъ, которыя они ведутъ другъ съ другомъ, главнымъ образомъ дѣло идетъ о томъ, чтобы овладѣть стадами противника; даже въ нѣмецкой юго-западной Африкѣ племя Шама ведетъ почти непрерывную войну съ племенемъ Гереро: война эта ведется большею частію въ формѣ открытыхъ или тайныхъ разбойничьихъ набѣговъ съ цѣлю захватить какъ можно больше скота у Гереро, которые имѣютъ его въ большомъ количествѣ.

Такимъ образомъ мы всюду встрѣчаемъ крупный рогатый скотъ, какъ любимое, почитаемое и цѣнимое животное. И не на землѣ только оказываютъ ему почтение, но причисляютъ его даже къ божествамъ. По древнимъ индѣйскимъ сказаніямъ корова создана прежде всѣхъ другихъ существъ, а быкъ Нанда, по мнѣнію этого народа, сторожитъ одну изъ двухъ дверей рая. Въ связи съ этимъ стоитъ, конечно, и названіе созвѣздія «быкъ». Даже у наиболѣе щепетильныхъ сектъ, которыя во всемъ видятъ что-нибудь нечистое, быкъ признается чистымъ животнымъ, общеніе съ которымъ только приноситъ пользу душѣ вѣрующаго. Суданцы съ большимъ удовольствіемъ слушаютъ, если ихъ называютъ почетнымъ титуломъ быка и, хвастаясь силою своихъ сыновей, сравниваютъ ее съ силою вола. Болѣе чѣмъ всякое другое животное, рогатый скотъ способствовалъ цивилизаціи людей. Коцебу замѣчаетъ, что съ появленіемъ Ванкувера на Сандвичевыхъ островахъ началась новая эра, потому что только вмѣстѣ съ введеніемъ скота началась тамъ цивилизація.

Какъ-бы ни показалось страннымъ, что можно говорить о хорошо пахнущемъ пометѣ коровъ, но фактъ этотъ не подлежитъ сомнѣнію послѣ наблюденій, какія неоднократно были сдѣланы О. Кунце, какъ въ средней Америкѣ, такъ и на азиатскомъ материкѣ, и на Явѣ «Подъ тропиками». пишетъ О. Кунце, «встрѣчается такой пометъ, который при извѣстномъ состояніи, вѣроятно послѣ того какъ достаточно высохъ и затѣмъ снова намокъ отъ росы, пахнетъ чрезвычайно хорошо, запахъ его представляетъ нѣчто среднее между запахомъ розы и ванили. Когда я въ Кастирикѣ искалъ орхидею *Cattleya darwini*, я, по крайней мѣрѣ, двадцать разъ былъ введенъ въ заблужденіе прекраснымъ запахомъ, который заставлялъ меня искать орхидею на окружающихъ деревьяхъ; я не находилъ ея, но всякій разъ, слѣдуя по направленію запаха, встрѣчалъ коровій пометъ. На Явѣ, у г. Брейтигама, который культивируетъ особый родъ травы для корма и уваживаетъ почву пометомъ буйволовъ, я видѣлъ кучи полувысохшаго помета и замѣтилъ тамъ тотъ-же пріятный запахъ; съ этихъ поръ я не могъ болѣе сомнѣваться относительно происхожденія этого благоуханія. Когда я ѣздилъ по дорогѣ въ Курипанъ, я весьма часто слышалъ тотъ-же пріятный запахъ, который издавалъ пометъ».

Взглядъ на жизнь домашняго рогатаго скота въ различныхъ странахъ на столько-же поучителенъ, на сколько и интересенъ. Придерживаясь историческаго порядка, мы обратимъ вниманіе на тѣ стада, которыя живутъ въ тѣхъ-же условіяхъ, какъ они жили и при нашихъ предкахъ. Скотоводство у кочевниковъ восточнаго Судана находится въ томъ же положеніи, какъ у ихъ предковъ нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ. Стада, которыми они владѣютъ, составляютъ ихъ единственное богатство. Оно опредѣляется числомъ овецъ и крупнаго рогатаго скота, какъ у лапландцевъ—числомъ ихъ оленей. Вся ихъ жизнь вполне зависитъ отъ скотоводства. Только разбоемъ приобрѣтаютъ они себѣ нѣкоторые необходимые для ихъ жизни предметы; но вообще ихъ содержитъ исключительно прирученный скотъ. Многія племена арабовъ, кочующихъ по болѣе плодороднымъ степямъ къ югу отъ 18° сѣверной широты, находятся въ постоянной войнѣ другъ съ другомъ изъ-за стадъ, и по этой-же причинѣ ведутъ постоянно бродячую жизнь. Само собою разумѣется, что въ этихъ мѣстностяхъ скотоводство ведется подъ открытымъ небомъ, никто и не думаетъ устраивать хлѣбовъ для своихъ домашнихъ животныхъ. Только тамъ, гдѣ часто появляется левъ, пробуютъ защищать мѣсто ночлега овецъ и козъ толстымъ плетнемъ изъ мимозъ. Тамъ-же, гдѣ не приходится платить дани царю пустыни, стадо оставляютъ ночевать тамъ-же, гдѣ оно пасется.

Даже самые богатые изъ нашихъ землевладѣльцевъ и скотоводовъ, включая голландцевъ и швейцарцевъ, едва-ли могутъ составить себѣ понятіе о численности

стадь этихъ кочевниковъ. Вблизи села Мельбесъ, о которомъ я уже упоминалъ, степь образуетъ широкую котловину, въ почвѣ которой вырыто много колодцевъ съ единственною цѣлью служить для водопоя сходящихся сюда въ полдень стадъ. Въ этой котловинѣ съ ранняго утра и до поздняго вечера и въ продолженіи всей ночи можно видѣть такую толпу и давку животныхъ и людей, что даже трудно описать. У каждаго колодца устроено 6—8 мелкихъ прудовъ для водопоя, въ родѣ большихъ природныхъ корытъ, выложенныхъ глинистой землей. Эти водоемы ежедневно наполняются и совершенно опоражниваются приходящими пить стадами. Начиная съ вечера, всю ночь и до полудня слѣдующаго дня около 100 человѣкъ работаютъ изо всѣхъ силъ, накачивая воду изъ колодцевъ и наливая ее въ пруды, причемъ къ водѣ прибавляютъ немного земли, содержащей соль. Обыкновенно не успѣваютъ еще наполнить пруды вполнѣ, какъ уже приходитъ стада. Со всѣхъ сторонъ тянутся неисчислимыя вереницы овецъ, козъ и другого рогатаго скота, сперва мелкій рогатый скотъ, а потомъ и крупный. Въ нѣсколько минутъ вся громадная котловина совершенно наполняется ими. Не видно ничего, кромѣ сплошной массы толпящихся животныхъ, между которыми кое-гдѣ выдѣляется человѣческая фигура. Тысячи козъ и овецъ идутъ непрерывно на водопой и столько-же тянется обратно. Когда котловина нѣсколько опорожнится, врывается крупный рогатый скотъ, который до тѣхъ поръ можно было сдерживать съ большимъ трудомъ, и тутъ уже ничего нельзя различить, кромѣ темной волнующейся массы, надъ которой поднимается лѣсъ острыхъ роговъ. Вездѣ только и виденъ бурый цвѣтъ скота, а людей, снующихъ тамъ и сямъ между животными, вовсе незамѣтно. Все мѣсто водопоя похоже на скотный дворъ, который цѣлые мѣсяцы никто не чистилъ. Несмотря на жгучее солнце, навозъ лежитъ на землѣ толстымъ слоемъ, въ которомъ вязнешь по колено; только пруды для питья содержатся всегда чисто. Къ вечеру уходятъ наконецъ послѣднія жаждущія животныя, и тотчасъ-же снова начинается накачиваніе воды, чтобы приготовить необходимое количество ея на слѣдующій день. По временамъ приходятъ сюда длинноногіе верблюды, тоже головъ по 500—1000 разомъ, пьютъ воду до сыта и отправляются своей дорогой. Я считаю невозможнымъ высчитать здѣсь количество рогатаго скота, потому что при подобной страшной толпѣ теряется всякая возможность счета, однакожь едва-ли я преувеличу, опредѣляя число ежедневно приходящихъ сюда животныхъ, по крайней мѣрѣ, въ 60.000 головъ крупнаго и мелкаго скота.

Выше упомянутое племя Динка также владѣетъ многочисленными стадами и такъ-же старательно заботится о нихъ, какъ и упомянутые арабы; днемъ выгоняетъ ихъ на луга, а ночью укрываетъ ихъ въ открытыхъ дворахъ, называемыхъ ими «мурахъ». «При сооруженіи такихъ загоновъ», говоритъ фонъ-Гейглинъ, «негры выбираютъ прежде всего по возможности сухое и возвышенное мѣсто—условія, которыя вообще рѣдко можно встрѣтить на Бѣломъ Нилѣ. Мѣсто это окружается грубымъ частоколомъ, и, когда вечеромъ скотъ бываетъ загнанъ въ загородку, входъ запирается стволами деревьевъ или колючими кустарниками».

«Бережно собранный коровій пометь подвергается въ теченіи дня просушкѣ на солнцѣ, такъ что всегда имѣется значительный запасъ сухого кала, который потомъ складываютъ въ равныя кучи, распределенныя въ извѣстномъ порядкѣ внутри изгороди. Когда стада возвращаются вечеромъ съ поля, подъ каждую изъ этихъ кучъ подкладываютъ небольшой огонь, и скоро надъ загономъ, какъ надъ большимъ костромъ, появляется довольно густое облако дыма. Такъ поступаютъ съ тою цѣлью, чтобы удалять различныхъ жалищихъ мухъ и доставить коровамъ, и безъ того дающимъ очень мало молока, необходимый ночной покой».

Это странное окуриваніе продолжается всю ночь, и запертыя животныя, судя по ихъ виду, чувствуютъ себя вполне довольными. вмѣстѣ съ тѣмъ отъ сгорания помета образуется тонкій пепелъ, который днемъ тоже сгребаютъ въ кучи, а къ вечеру имъ гладко посыпаютъ все огороженное пространство, и такимъ образомъ скотъ получаетъ отличную подстилку и новое вѣрное средство защиты противъ мухъ».

Въ горахъ Абиссиніи быки употребляются какъ вьючныя и упряжныя животныя, въ Суданѣ и Кордофанѣ ихъ содержатъ преимущественно для приплода, хотя и пользуются молокомъ для приготовления масла. Динки гордятся своими стадами. Въ южной Африкѣ быки оказываютъ особенно важныя услуги, такъ какъ безъ помощи этихъ животныхъ здѣсь не было-бы возможности предпринимать дальнихъ торговыхъ и охотничьихъ путешествій черезъ такія пустыни, которыя часто на значительныхъ разстояніяхъ бываютъ почти совершенно лишены воды и корма. Запряженные цугомъ въ числѣ отъ 5-ти до 8-ми паръ въ огромную снабженную досчатой покрывкой фуру, привычныя волю тянутъ тяжелую кладь по равнинамъ и сыпучимъ пескамъ, черезъ болота, рѣки и глубокіе овраги, по горамъ среди утесовъ съ пропастями, и по такому пути, который мы въ нашихъ мѣстахъ считали-бы рѣшительно непроходимымъ. При этомъ животныя глотаютъ огромное количество пыли, испытываютъ днемъ палящій солнечный жаръ, а ночью очень чувствительный холодъ, часто бываютъ принуждены сами отыскивать себѣ тощій кормъ и въ теченіи долгихъ дней довольствоваться скуднымъ количествомъ испорченной воды, а иногда и совсѣмъ обходиться безъ питья, что случается очень нерѣдко. Но выносливость южно-африканскихъ быковъ имѣетъ свои предѣлы, и рассказы о томъ, будто они въ пути могутъ оставаться 6—8 дней и болѣе безъ питья и пищи—сильно преувеличены. Въ самое жаркое время безъ питья они едва ли въ силахъ работать болѣе 40—60 часовъ, а въ прохладное время болѣе 70—90 часовъ; конечно, при крайнемъ напряженіи, они способны брести еще 20—30 часовъ, но потомъ падаютъ и околѣваютъ. Когда-же бѣдныя истомленные животныя достигаютъ наконецъ хорошаго водоема, то они пьютъ до тѣхъ поръ, пока опавшіе бока ихъ не раздуются отъ переполненія, какъ бочка.

Между этими быками встрѣчаются иногда прекрасныя животныя изъ той породы, которую первоначально развели, вѣроятно, Чуаны или Бочуаны и которая отличается мощными, широко расходящимися рогами; разстояніе между ними у ихъ кончиковъ доходить до 2 м. и болѣе, а у нѣкоторыхъ даже до 3 м. Отъ такъ называемаго «священнаго быка» Гереровъ, живущихъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ южной Африки, у Пехуаль-Леше хранятся великолѣпныя бѣлые, какъ слоновая кость, рога, отнюдь не принадлежащіе къ самымъ большимъ и все-таки съ концами, расходящимися на 159 см. Кроме того, въ этихъ странахъ онъ наблюдалъ еще другихъ быковъ съ большими и малыми, очень неодинаково въ разныхъ стороны загнутыми рогами, которые у иныхъ только слегка шатались, а у иныхъ качались и даже совершенно болтались. Въ тѣхъ случаяхъ, когда эти рога, иногда очень большіе, висѣли у нихъ особенно свободно, животныя могли, насколько допускала здѣсь кожа, двигать ими туда и сюда по черену и скрещивать ихъ какъ надъ ртомъ, такъ и надъ шеей; если-же животныя сами находились въ движеніи, то тогда эти рога мотались у нихъ вокругъ головы, какъ излишніе придатки. Развести такую породу быковъ не удастся; по словамъ туземцевъ, они всегда только случайно рождаются отъ обыкновенныхъ коровъ. Быки съ болтающимися рогами очень высоко цѣнятся для верховой ѣзды, такъ какъ они не въ состояніи причинить вреда ногамъ всадника. Подобныя роковыя образованія Гааке наблюдалъ у быковъ на островѣ

Св. Маврикія, но въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ, кромѣ названныхъ мѣстностей, это явленіе вездѣ не замѣчено.

Въ южной Россіи, и въ большей части Средней Азіи также содержатся значительныя стада рогатаго скота. По всей южно-русской степи пасутся табуны лошадей и стада овецъ и быковъ. Лѣтомъ изо дня въ день весь этотъ домашній скотъ ходитъ на волѣ; въ суровую, длинную зиму онъ дрогнетъ за какимъ-нибудь землянымъ валомъ, нѣсколько укрывающимъ его отъ непогоды. Если къ этому валу придѣланъ съ одной его стороны жалкій навѣсъ вмѣсто крыши, то такая постройка считается уже превосходнымъ скотнымъ дворомъ. Между названными животными быки занимаютъ главное мѣсто по своей численности, да и во многихъ отношеніяхъ имѣютъ передъ мелкимъ скотомъ большія преимущества: съ ними рѣже случаются несчастія во время столь опасныхъ для лошадей и овецъ снѣжныхъ мятелей, потому что они не теряютъ присутствія духа и прямо спѣшатъ домой, если только ихъ не застанетъ очень сильный буранъ. Почти во всѣхъ мѣстностяхъ этихъ странъ стада остаются предоставленными самимъ себѣ, и заботливость о нихъ пастуха проявляется только въ томъ, чтобы животныя по возможности держались вмѣстѣ и чтобы подрастающихъ быковъ отдѣлить отъ матокъ. Животныя до невѣроятности выносливы; они почти нечувствительны къ непогодамъ и могутъ довольствоваться очень плохимъ кормомъ. У киргизовъ и калмыковъ, употребляющихъ ихъ между прочимъ въ качествѣ вьючнаго скота, они ведутъ настоящій кочевой образъ жизни. Въ лѣтнюю пору степь, конечно, вездѣ даетъ имъ обильный кормъ; для перезимовки же избираются мѣстности, богатыя тростникомъ, и тогда скотъ долженъ довольствоваться одними высохшими листьями этого растенія. Въ южно-русскихъ степяхъ скотъ по утру поятъ и потомъ гонятъ его на поле; къ вечеру стада возвращаются сами, причемъ матки соединяются съ телятами, которыхъ утромъ отъ нихъ отдѣляютъ. Дойныя коровы и телята зимою получаютъ кормъ дома, а быки только тогда, когда на полѣ лежитъ глубокій снѣгъ.

Въ Венгріи прежде точно также мало заботились о разводимыхъ тамъ стадахъ, они должны были кормиться сами и отъ хозяевъ не получали ни крова, ни ухода. Нѣкоторые быки становились до того свирѣпыми, что не позволяли чело-вѣку приближаться къ себѣ. Телята сосали матокъ сколько хотѣли, и только на второй годъ ихъ жизни пастухи считали наконецъ нужнымъ отнимать ихъ отъ коровъ. Но положеніе скотоводства въ новѣйшее время существенно измѣнилось, и въ настоящее время, какъ сообщаетъ намъ Одрикъ, осталось очень мало стадъ, пользующихся прежней своей свободой. Даже въ Италіи быки живутъ еще въ полудикомъ состояніи. Въ Маремнахъ, въ этихъ почти совершенно плоскихъ, тамъ и самъ плодородныхъ, но большею частію болотистыхъ прибрежныхъ равнинахъ между Пиэзою и Псаполемъ, извѣстныхъ своимъ нездоровымъ климатомъ и потому малозаселенныхъ, бродятъ многочисленныя стада итальянскаго скота, который изъ года въ годъ живетъ здѣсь подъ открытымъ небомъ и дѣлаетъ дальніе переходы, подъ надзоромъ здоровыхъ и закаленныхъ пастуховъ. Въ Валахіи, Сербіи, Босніи и Болгаріи скотъ находится почти въ такихъ-же условіяхъ.

Совершенно инымъ уходомъ пользуется высоко-цѣнный домашній скотъ въ горахъ средней Европы, именно на Альпахъ, хотя и здѣсь во многомъ еще можно пожелать лучшаго. «Больше всего,» говоритъ Чуди, «недостаетъ тутъ цѣлесообразно построенныхъ скотныхъ дворовъ, иногда послѣднихъ даже вовсе не имѣется. Коровы ходятъ лѣтомъ по Альпамъ, общипывая малорослую, но сочную траву, которая не растетъ ни густо, ни высоко. А если весною или осенью внезапно выпадетъ снѣгъ, то стада съ жалобнымъ ревомъ собираются передъ хижиной, гдѣ они рѣдко

находятъ себѣ закрытое пристанище и гдѣ пастухъ часто не можетъ имъ дать даже клочка сѣна. При продолжительныхъ холодныхъ дождяхъ скотъ ищетъ себѣ защиты подъ утесами и въ лѣсахъ. Беременные коровы телятся вдали отъ людской помощи и вечеромъ, къ изумленію пастуховъ, являются съ полнымъ выменемъ и въ сопровожденіи рѣзваго теленка; не всегда, конечно, это дѣло кончается для нихъ благополучно. Но даже и при самомъ плохомъ уходѣ скотъ очень любитъ прекрасное, спокойное времяпребываніе на Альпахъ. Едва только весною вынесутъ въ долину къ стаду тотъ большой колокольчикъ, звонъ котораго такъ далеко раздается при отправкѣ стада на пастбище въ Альпы и при возвращеніи его домой, какъ въ толпѣ животныхъ тотчасъ-же обнаруживается общее возбужденіе. Коровы съ мычаніемъ и веселыми прыжками бѣгутъ на сборъ, слышавъ знакомый, многозначительный призывъ,—и если дѣйствительно все готово къ переселенію, а именно, если уже выступила впередъ самая красивая корова съ букетомъ на головѣ, съ повязанной на шеѣ пестрой лентой, на которой виситъ у нея самый звонкій колокольчикъ во всемъ стадѣ, если сильная лошадь навьючена котлами для сыра и всякими припасами, и быки несутъ скамеечки для доенія, привязанныя у нихъ между рогъ, а нарядные пастухи подхватываютъ свои альпійскія пѣсни, и веселый тирольскій напѣвъ оглашаетъ долину: вотъ тогда-то надо видѣть восторгъ, съ которымъ добродушныя, а иногда и черезъ-чуръ рѣзвыя животныя становятся въ ряды, чтобы начать шествіе въ горы. Часто коровы, оставленныя въ долину, самовластно уходятъ за подругами на отдаленные горные луга».

«Конечно, въ хорошую погоду въ горахъ коровамъ живется особенно хорошо. Росянка (*Alchemilla vulgaris*), ромашка и альпійскій подорожникъ даютъ имъ превосходный ароматическій кормъ. Солнце палитъ здѣсь не такъ жарко, какъ въ долину; несносные оводы не беспокоятъ ихъ полуденной дремоты, и если животныя все-же страдаютъ еще отъ другихъ насѣкомыхъ, то свободно бѣгающіе среди стада скворцы и желтыя плиски всегда готовы оказать имъ свои дружескія услуги. Животныя здѣсь бодрѣе, свѣжѣе и здоровѣе, чѣмъ въ долину, и плодятся правильнѣе и легче. Жизнь на волѣ лучше развиваетъ ихъ прирожденную понятливость, и предоставленный самому себѣ скотъ дѣлается внимательнѣе, осторожнѣе и имѣетъ лучшую память, чѣмъ тотъ, который находится подъ постояннымъ надзоромъ. Альпійская корова знаетъ всякій кустикъ, всякую лужу, изучила всѣ наилучшія мѣста съ кормомъ, знаетъ время удоя, издали узнаетъ призывающій голосъ своего пастуха и доврчиво къ нему приближается,—знаетъ когда она получить соль, когда должна идти къ хижинѣ или на водопой, предвидитъ приближеніе грозы, отлично распознаетъ вредныя для нея травы, охраняетъ и защищаетъ своего дѣтеныша и тщательно обходитъ опасныя мѣста. Несчастныхъ случаевъ она, правда, избѣжать не можетъ, не взирая на всю свою предусмотрительность. Голодъ манитъ ее къ непочатому еще, но жирному пастбищу; а между тѣмъ какъ корова тихо ступаетъ по каменистому косягору, рыхлый грунтъ понемногу поддается, и она начинаетъ скользить внизъ. Замѣтивъ, что ея собственныя усилія уже не помогутъ, она опускается на брюхо, закрываетъ глаза и, покорная своей участи, медленно увлекается на край бездны, или, задержанная въ паденіи разросшимися крѣпкими корнями дерева, спокойно ожидаетъ спасительной помощи пастуха.»

Такая жизнь стада есть, такъ сказать, поэзія скотоводства. Но въ другихъ странахъ на долю этихъ добродушныхъ животныхъ выпадаетъ мало радости. Въ Германіи, въ продолженіи лѣта нѣкоторой свободой, хотя болѣе или менѣе стѣсненной, коровы пользуются только въ горахъ и сѣверныхъ равнинахъ. Въ Тюрингенскомъ лѣсу онѣ еще пасутся такъ-же привольно, какъ и альпійскія стада. Въ этой

прекрасной горной странѣ нѣтъ ни одного сколько-нибудь пороснаго лѣсомъ мѣста, гдѣ-бы не видно было стада рогатаго скота. У каждаго изъ нихъ свой особенный звонъ, и его гармонія составляетъ предметъ гордости пастуховъ. Есть особыя знатоки тоновъ, настройщики колокольчиковъ, которые весною ходятъ изъ села въ село, чтобы настраивать эти колокольчики. Въ каждомъ стадѣ имѣется, по крайней мѣрѣ, восемь сортовъ колокольчиковъ, имѣющихъ различныя названія, соответствующія издаваемымъ ими низкимъ или высокимъ звукамъ; замѣчено, что животныя отлично знаютъ звонъ своего стада, и по этому звону заблудившіяся коровы отыскиваютъ обратный путь. Все лѣто стада остаются въ лѣсу, и только поздней осенью ихъ загоняютъ во дворы.

Въ Норвегіи скотъ живетъ въ такихъ-же условіяхъ, какъ и въ Швейцаріи. Норвежскіе быки и коровы, какъ и всѣ вообще тамошнія домашнія животныя, очень выносливы и долго остаются на воздухѣ, но вечеромъ всегда возвращаются въ теплыя помѣщенія. Само собою разумѣется, что жизнь на высокихъ горахъ, въ пастушьихъ хижинахъ должна имѣть и для людей, и для животныхъ въ Норвегіи такую-же привлекательность, какую наслаждаются пастухи и стада, живущіе на Швейцарскихъ Альпахъ. Къ сожалѣнію, не всѣ коровы пользуются любвеобильнымъ уходомъ нарядныхъ и опрятныхъ скотницъ, сообщающихъ такое милое оживленіе сѣвернымъ горамъ. Въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ, на примѣръ, стада пасутся безъ всякаго надзора, и тамъ нерѣдко случается, что заблудившееся животное долгое время бродитъ въ лѣсахъ, стараясь выбраться изъ болотъ и трясины, и только въ очень счастливомъ случаѣ возвращается къ человѣку,—исхудалое, обезсиленное и заморенное голодомъ. Ядовитое жало мошекъ въ жаркіе лѣтніе мѣсяцы въ свою очередь причиняетъ скотинѣ сильныя мученія и принуждаетъ хозяевъ обращаться къ такимъ-же мѣрамъ, къ какимъ прибѣгаютъ африканскіе негры; норвежцы зажигаютъ костры изъ торфа, дымящіяся цѣлую ночь для удаленія комаровъ и мошекъ и для обезпеченія ночного покоя привыкшихъ къ этому куриванію животныхъ. Также и сѣверо-американскій фермеръ защищаетъ ночью густымъ дымомъ свои пасущіяся по низменностямъ стада. Но на крайнемъ сѣверѣ собственно зима есть самое тяжелое время года для рогатаго скота. Короткое лѣто Норвегіи и Лапландіи не можетъ произвести столько корма, чтобы его хватило на всю зиму, а потому зимой скотъ кормятъ здѣсь не только сѣномъ и соломой, листвою и вѣтвями березы, оленьимъ мхомъ, лошадинымъ пометомъ, различными водорослями и многими болотными растеніями, но и рыбою, преимущественно головами наваги, которая, по счастью, именно во время крайняго недостатка корма, ловится въ особенно большомъ количествѣ. Рыбныя головы съ разными водорослями и мхами варятся въ котлахъ до тѣхъ поръ, пока кости обрастаютъ въ студень; получившуюся затѣмъ кашицевидную массу даютъ коровамъ, и онѣ ѣдятъ несвойственную имъ пищу съ жадностью. Жители Лофоденскихъ острововъ увѣряли меня, что подмошки, на которыхъ вывѣшивается навага для сушенія, приходится заботливо оберегать отъ коровъ, потому-что коровы любятъ лакомиться полувysушенной рыбою.

Въ большей части остальныхъ странъ Европы рогатый скотъ находится въ тяжкомъ рабствѣ у человѣка. Только въ Испаніи, наоборотъ, значеніе имѣетъ не корова, а быкъ; здѣсь онъ можетъ сдѣлаться героемъ дня и при обстоятельстве вызвать такое участіе, которое заставитъ испанца забыть все то, что касается его гораздо ближе. Испанецъ имѣетъ свое особое мнѣніе о красотѣ быка: онъ осматриваетъ и оцѣниваетъ его, какъ знатоки цѣнятъ у насъ породистую лошадь или хорошую собаку. Даже мимо смиреннаго рабочаго вола онъ не пройдетъ равнодушно, а къ теленку, сильно и красиво сложенному, относится съ величайшею вѣжностью. Это

происходить оттого, что испанцы, какъ живущіе въ своемъ первоначальномъ отечествѣ, такъ и переселившіеся въ Новый Свѣтъ, всѣ страстные охотники до такихъ зрѣлищъ, которыми когда-то восхищались древніе римляне, но которые теперь не могутъ уже быть терпимы образованными и вполнѣ культурными народами; вслѣдствіе этой страсти всякій попавшійся имъ на глаза быкъ вызываетъ у нихъ соображеніе о томъ, какъ-бы онъ годился и какую именно роль могъ-бы лучше исполнить въ боѣ быковъ.

Послѣ вышеизложеннаго мнѣ остается сказать очень немногое объ умственныхъ способностяхъ крупнаго домашняго рогатаго скота. Безспорно, животныя эти стоятъ на самой низкой ступени и послѣ овцы они самыя глупыя изъ домашнихъ животныхъ. Они, впрочемъ, знаютъ своего ближайшаго хозяина и до извѣстной степени любятъ его, повинуются ему, понимаютъ его зовъ, выражаютъ нѣкоторую преданность тому, кто особенно много занимается ими; но здѣсь играетъ роль скорѣе привычка, чѣмъ понятливость. «Душевные свойства», говоритъ Шейтлинъ, «проявляются сильнѣе у тѣхъ быковъ и коровъ, которые болѣе живутъ на волѣ, чѣмъ въ заперти. Альпійскія коровы скорѣе приучаются узнавать своего пастуха, имѣютъ веселый видъ, живѣе проявляютъ чувство радости, дѣлаются бодрѣе отъ звона колокольчиковъ, менѣе пугливы и дерутся храбро какъ въ шутку, такъ и серьезно. Самолюбіе у нихъ довольно слабо. Если одна изъ нихъ оттѣснить другую отъ корыта, то побѣжденной это ни почемъ: ей не стыдно и не досадно, она отходитъ въ сторону, опускаетъ голову и ѣсть. Побѣдительница тоже не выказываетъ ни малѣйшей гордости и никакого слѣда самодовольства и сейчасъ-же сама начинаетъ ѣсть. Передовая корова, конечно, чувствуетъ свою важность; это видно и по ея торжественной поступи и по тому еще, что она ни одной коровѣ не позволитъ идти впереди себя. Быкъ стоитъ выше самой умной коровы: онъ имѣетъ болѣе крѣпкое тѣлосложеніе, болѣе развитыя внѣшнія чувства, больше сознанія своей силы, больше мужества, быстроты и ловкости; во взглядѣ у него выражается больше энергіи и понятливости; онъ сознаетъ себя сильнымъ защитникомъ своего стада, смѣло идетъ на врага и храбро защищается; онъ не потерпитъ въ стадѣ посторонняго соперника и будетъ биться съ нимъ на жизнь и смерть».

Быки и коровы уже на второмъ году своей жизни способны къ размноженію. Беременность обыкновенно продолжается 285 дней, хотя срокъ этотъ можетъ значительно измѣняться, увеличиваясь и сокращаясь. Теленокъ поднимается на ноги и сосетъ матку уже на первый день послѣ рожденія. Новорожденный при самомъ появленіи на свѣтъ уже имѣетъ восемь рѣзцовъ. По истеченіи перваго года у него мѣняются оба среднихъ зуба, черезъ годъ оба ближайшихъ къ нимъ, въ концѣ третьяго года является слѣдующая третья пара, а еще черезъ годъ мѣняется наконецъ и послѣдняя пара зубовъ. На шестомъ году жизни зубы отъ первоначальнаго молочнаго цвѣта постоянно переходятъ въ болѣе желтый, а между 16-мъ и 18-мъ они начинаютъ падать и крошиться. Съ этой поры корова перестаетъ давать молоко а быкъ уже не годится для спариванья. Средняя долговѣчность быковъ и коровъ, кажется, не превышаетъ 25 лѣтъ. Различныя растенія въ свѣжемъ и сухомъ видѣ, горохъ всѣхъ сортовъ, молодые злаки и сочная трава составляютъ любимую пищу крупнаго рогатаго скота. Вредно дѣйствуетъ на нихъ лень, тисъ, волчецъ (*Daphne mezereum*) кошачья петрушка (*Cicuta virosa*), ситникъ, лютикъ (*Ranunculus*), желѣзнякъ (*Verbena officinalis*), молочай, молодая дубовая и орѣховая листва, сырой клеверъ и другія подобныя растенія. Петрушка, сельдерей, чеснокъ и лукъ уменьшаютъ количество молока. Тиміанъ лютикъ, подорожникъ употребляются ими въ пищу только въ случаѣ нужды; но всякіе плоды, карго-

фель, морковь составляют лакомство, а соль для них—потребность. Быковъ и коровъ по справедливости считаютъ самымъ прибыльнымъ изъ всѣхъ домашнихъ животныхъ.

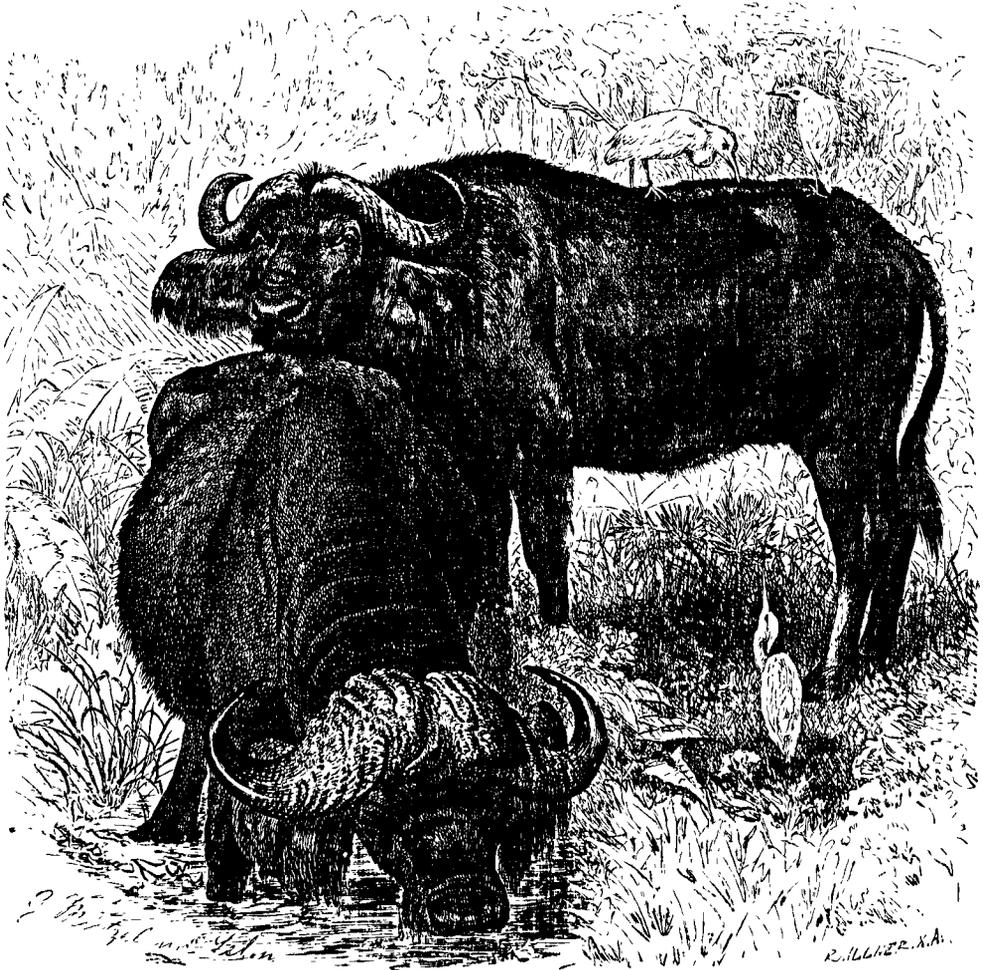
* * *

Буйволы (*Bubalus*), походя на остальныхъ быковъ, отличаются отъ нихъ болѣе неуклюжими, тяжелымъ туловищемъ, сравнительно короткими, сильными и толстыми ногами, довольно длиннымъ заканчивающимся кисточкой хвостомъ, широкой головой съ низкимъ, выпуклымъ лбомъ, некрасивой мордой, съ большимъ голымъ мѣстомъ около ноздрей; тусклыми и сердитыми глазами. Уши у буйволовъ бываютъ различной формы, но они всегда торчатъ въ стороны, довольно велики и широки, и покрыты на внутренней сторонѣ и по краямъ рядами и пучками волосъ. На заднихъ углахъ черепа сидятъ рога: они несоразмѣрно утолщены у корня и снабжены неправильными кольцами, толстыми валиками или неправильными буграми. Рога изгибаются сначала внизъ и назадъ, потомъ наружу и наконецъ вверхъ, иногда опять нѣсколько впередъ или они спускаются пологой дугой и легкимъ поворотомъ обрабаются кнаружи. Волосистой покровъ у буйволовъ необыкновенно рѣдокъ, и старая животная иногда почти совершенно его утрачиваютъ.

Между принадлежащими сюда видами мы прежде всего назовемъ **Черного буйвола**, извѣстнаго на своей родинѣ подъ разными именами, **Ніяти** или **Иніяти**, **Бого**, **Нгаранъ** (*Bos caffer*, *Bubalus caffer*, *B. acquinotialis* и *contralis*. Schwarzbuffel. Buffle noir). Это самый сильный и самый свирѣпый видъ этого рода, отличающийся въ особенности очень своеобразными рогами. Онъ сложенъ плотнѣе другихъ буйволовъ: голова у него сравнительно небольшая, совсѣмъ не безобразная и скорѣе даже довольно хорошо сложенная, съ нѣсколько узкимъ лбомъ, немного горбатымъ носомъ и широкой мордой. Глаза средней величины съ темно-карей радужной оболочкой и поперечнымъ зрачкомъ. Надъ глазами замѣчаются вздутія со многими продольными складками, а около переднихъ угловъ глазъ замѣчаются довольно глубокия ямки. Уши очень большія, верхній край у нихъ выгнуть и концы обращены внизъ; на нижнемъ краю замѣчаются двѣ выемчатая извилины, соответствующія сильно выдающимся двумъ внутреннимъ складкамъ; вдоль этихъ складокъ и по обоимъ краямъ уши обросли густыми, длинными волосами. Голая часть морды занимаетъ все пространство между ноздрями и среднею частью верхней губы; шея длинная, толстая, могучая; туловище около загривка поднимается невысоко, такъ что здѣсь образуется только слегка замѣтный плоскій горбъ; спина прямая или нѣсколько впалая; немного приподнятый крестецъ очень круто спускается къ хвосту; брюхо полное и висячее; хвостъ длинный, тонкій и заканчивается покрывающей половину его длины сильной, густой кистью волосъ.

Рога загибаются, начиная отъ корня, сначала въ стороны и назадъ, потомъ вверхъ и назадъ и наконецъ у кончиковъ еще замѣтно внутрь. У старыхъ быковъ рога необыкновенно широки, сплющены сверху внизъ, покрыты толстыми морщинистыми складками и такъ сильно закрываютъ весь лобъ, что отъ него остается свободной только узкая полоска по срединѣ. Далѣе отъ корня рога на всемъ протяженіи сохраняютъ свою плоскую форму, ограниченную спереди и сзади вдоль края выступающимъ ребромъ, и только ближе къ концу закругляются. За исключеніемъ ушей и оконечности хвоста волосы вездѣ необыкновенно жидки, такъ что отдѣльныя мѣста кажутся совершенно голыми, и собственно волосистой покровъ замѣтенъ только на головѣ и ногахъ. Поэтому окраска животного происходитъ не столько отъ его черныхъ волосъ, у которыхъ кончики дѣлаются болѣе свѣт-

лыми, сколько отъ темнаго цвѣта его сѣровато-бурой кожи. Коровы, телята и молодья животныя имѣютъ болѣе густые волосы и вслѣдствіе этого часто представляютъ грязновато-бурюю или тускло-рыжеватую окраску. Высота въ плечахъ у чернаго буйвола, смотря по полу и крѣпости сложенія, колеблется отъ 1,5—1,8 м. Рога, которые у самки на половину не такъ широки и не такъ массивны, какъ у самца, у обоихъ половъ достигаютъ длины 1—1,12 м. Рога представляютъ такія уклоненія

Черный буйволъ. *Bos caffer*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

отъ типической формы, что по виду ихъ пробовали установить различныя виды черныхъ буйволовъ; но въ основательности этого раздѣленія можно усомниться, потому-что прежде всего форма роговъ зависитъ отъ пола и возраста животнаго, и тутъ замѣтны всевозможныя переходныя формы; къ тому-же Бэкеръ и Гейглингъ встрѣчали въ однихъ и тѣхъ-же стадахъ животныхъ съ самыми разнообразными рогами.

Тѣмъ не менѣе нельзя безусловно отвергать общепринятое предположеніе, что въ странахъ сѣверо-восточной Африки живетъ кромѣ чернаго буйвола еще другой, хотя очень на него похожій, но по нѣкоторымъ признакамъ отличающійся буйволъ.

Блайтъ впервые назвалъ его **Тропическимъ буйволомъ** (*B. caffer* var. *aequinoctialis*) а Грэй позднѣе *B. centralis*. Экспедиція графа Телеки, какъ извѣстно изъ писемъ фонъ-Генеля, наткнулась на такого буйвола около Рудольфова озера послѣ того, какъ послѣднихъ несомнѣнныхъ черныхъ буйволовъ видѣли на 40 километрахъ южнѣе. Фонъ-Генелю, наблюдавшему одно стадо въ 15 головъ, а другое, въ которомъ было отъ 150—200, удалось убить корову. По его словамъ, животныя эти, при всемъ своемъ сходствѣ съ чернымъ буйволомъ, гораздо меньше его и имѣютъ болѣе короткіе загнутые рога, которые напомнили ему рога гну.

Область распространенія чернаго буйвола, точно такъ, какъ и жираффы, обнимаетъ большую часть восточной половины Африки. Въ Капландіи гдѣ его, по словамъ Кольбе, въ началѣ прошлаго столѣтія встрѣчали еще въ окрестностяхъ Капштадта, и гдѣ въ 1755 г. Шнаррманъ находилъ его повсюду вдоль юго-восточной береговой полосы, теперь онъ на ряду съ послѣдними слонами Капской колоніи, встрѣчается еще только въ совершенно отрѣзанномъ небольшомъ пространствѣ, именно въ лѣсахъ Книсна, между губами Моссель и Лигоа. Исчезъ онъ также и въ западной Африкѣ, гдѣ въ 1837 г. Джемсъ Александръ встрѣчалъ его въ Великой Намаландіи, а Чатманъ неподалеку отъ Киптовой бухты въ тростникахъ рѣки Цоахаубъ еще въ 1861 г. охотился за цѣлымъ стадомъ буйволовъ. Въ настоящее время южную границу его распространенія, какъ показываютъ Шинцъ, Селусъ, Зандеманъ и фонъ-Штюкраутъ, составляетъ линія, простирающаяся по Кубанго вдоль озера Нгами, отсюда къ востоку до Лимпопо, на востокъ отъ Трансвальской республики и на югъ приблизительно до залива Св. Лучи. Отъ этой линіи къ сѣверу въ большей части африканскихъ странъ онъ живетъ почти до 16-го градуса сѣв. шир. Какъ далеко заходить онъ на западъ, гдѣ живетъ другой видъ буйвола, точно установить нельзя, потому-что въ сообщеніяхъ путешественниковъ оба вида буйволовъ не различаются. Быть можетъ, онъ водится и сѣвернѣе, отъ Шильской долины на западъ до области озера Чадъ, а на югъ до истоковъ Кунены; въ самыхъ восточныхъ частяхъ области Конго его наблюдали Бемъ, Рейхардъ и Юнкеръ, но далѣе къ западу онъ, кажется, не попадаетъ нигдѣ. Онъ предпочитаетъ равнины гористымъ странамъ и для своего постоянного мѣстопробыванія всегда избираетъ мѣстность, гдѣ нѣтъ недостатка въ водѣ, такъ какъ вода или, по крайней мѣрѣ жидкая грязь, составляетъ главное условіе его благоденствія. Тѣмъ не менѣе онъ почти одинаково хорошо уживается въ первобытномъ лѣсу, какъ и въ кустарниковыхъ поросляхъ, среди густыхъ тростниковъ и въ открытой степи и отнюдь не бонится гористыхъ странъ; на Килиманджаро Гансъ Мейеръ нашелъ его слѣды до 3000 м. высоты. Какъ говоритъ Гейглинъ, почвенныя препятствія почти не существуютъ для этого сильнаго животнаго, которое съ одинаковымъ проворствомъ карабкается вверхъ и внизъ по самымъ крутымъ откосамъ ущелій, ломится сквозь чащи лѣсовъ, перебирается черезъ болота и съ легкостью переплываетъ широкія воды.

По своей природѣ чернѣй буйволъ принадлежитъ къ общественнымъ животнымъ и образуетъ съ себѣ подобными правильныя стада; тамъ, гдѣ его очень беспокоятъ, стадо большею частію состоитъ отъ 30—60 головъ, но въ мѣстахъ болѣе спокойныхъ оно заключаетъ въ себѣ сотни и даже тысячи головъ. Генель сообщаетъ намъ, что онъ вмѣстѣ съ графомъ Телеки къ западу отъ Килиманджаро, въ горахъ Меру, наблюдалъ стада отъ 400—500 штукъ, а подъ экваторомъ южнѣе отъ озера Баринго даже такія, въ которыхъ можно было насчитать до 5000 головъ. Именно въ этой странѣ, гдѣ путешественники, охотясь, провели около двухъ мѣсяцевъ, они могли ежедневно видѣть 10—20000 черныхъ буйволовъ. Коровы живутъ всегда мирно, а быки только до наступленія полового возбужденія, когда они

храбро бьются за первенство въ стадѣ коровъ; такимъ образомъ, говоритъ Драйсонъ, они нерѣдко изгоняютъ изъ своей среды какого-нибудь стараго сердитаго быка, который затѣмъ проводитъ въ одиночествѣ остатокъ дней своихъ. Селусъ замѣтилъ однако въ южной Африкѣ, что эти изгнанники охотно собираются въ особья стада отъ 8—15 головъ. Рожденіе телятъ, а также и случки происходятъ въ различные мѣсяцы года, сообразно чередованію временъ года въ разныхъ частяхъ обширной области ихъ распространенія. Въ Южной Африкѣ, говоритъ Селусъ, телята рождаются отъ января до марта.

Самые жаркіе часы дня черныи буйволъ лежитъ смиренно и неподвижно на одномъ и томъ-же мѣстѣ, причеиъ спитъ или пережевываетъ жвачку; убѣжищемъ ему нерѣдко служитъ дужа или грязная яма, отчего онъ часто бываетъ покрытъ корой толстой, засохшей грязи. По недостатку такого мягкаго и наиболѣе удовлетворяющаго его потребности ложа, онъ ищетъ себѣ прохлады въ чащѣ лѣса или въ ущельѣ, чтобы наслаждаться своимъ отдохновеніемъ безъ помѣхи, а въ открытыхъ равнинахъ довольствуется тѣнью какого-нибудь жалкаго куста или дерева. Въ послѣдніе часы дни или къ вечеру онъ подымается и съ перерывами пасется до ранняго утра, но не съ спокойнымъ довольствомъ, подобно другимъ быкамъ, а порывисто, въ тревожной торопливости отмахивается отъ докучливыхъ мухъ, часто выражаетъ свое раздраженіе глухимъ ревомъ, подозрительно обнюхиваетъ воздухъ всегда влажнымъ, толстымъ носомъ, поводитъ широкими ушами, украшенными длинными волосами, и сердито бьетъ себя по бокамъ кистью хвоста. Съ виду вѣчно сердитый, не выказывающій никогда желанія порѣзвиться, свирѣпый, злобный, коварный, онъ постоянно держитъ прикрытую чудовищными рогами широкую массивную голову полуопущенной, какъ-бы готовясь къ нападенію, и изъ-подъ этихъ могучихъ роговъ дико сверкаютъ большіе синеваго-черные глаза. Внѣшній видъ его смущаетъ всякаго даже самаго безстрашнаго наблюдателя выраженіемъ необузданной ярости, безумной лютости и сосредоточеннаго коварства. «Черные буйволы», говоритъ еще Кольбе, «очень опасныя животныя. Если они раздражены видомъ краснаго цвѣта или выстрѣлами и упорнымъ преслѣдованіемъ, то нельзя поручиться за свою жизнь: тогда они начинаютъ реветъ и бить землю ногами и уже ничего не боятся, никого не щадятъ, хотя-бы противники ихъ были хорошо вооружены и очень многочисленны. Въ ярости бросаются они въ огонь и въ воду, опрокидывая все, что находится на ихъ пути». — «Когда наступила ночь», рассказываетъ Швейнфуртъ, «и я только-что успѣлъ удобно улечься для отдыха, произошла тревога, неразъ повторявшаяся потомъ во время моего путешествія. Отъ гула дрожала земля, какъ отъ приближавшагося землетрясенія: весь обширный лагерь, казалось, пришелъ въ безпорядокъ, со всѣхъ сторонъ раздавались крики и ружейные залпы. Необыкновенно большое стадо буйволовъ во время своего ночнаго перехода опять натолкнулось на часть нашего лагера и обратилось въ дикое бѣгство черезъ кусты по всѣмъ направленіямъ. Многіе шалаши были опрокинуты, и жители ихъ, проснувшіеся въ испугѣ, рисковали быть растоптанными». Подобныя происшествія всюду случаются очень часто; но буйволы производятъ эти смятенія не изъ мести или злобы, а потому-что, какъ всякое дикое животное, въ страхѣ и суматохѣ, они инымъ способомъ помочь себѣ не умѣютъ. То-же самое испыталъ и В. Юнкеръ, когда, при обходѣ тростниковой чащи, между нимъ и передовымъ его товарищемъ внезапно пронеслись два буйвола, безъ всякаго намѣренія причинить кому-либо зло; конечно, животныя были испуганы не меньше людей.

Не будучи собственно трусливыми, буйволы однако отъ приближающагося человѣка обыкновенно спасаются бѣгствомъ и, если за ними охотятся очень часто,

старательно избѣгаютъ встрѣчи со своимъ злѣйшимъ врагомъ; но раздраженные и доведенные до крайности, они обращаются противъ него съ слѣпой рѣшимостью и въ своемъ изступленіи не боятся ни копій, ни пуль, причиняющихъ имъ тяжелыя раны. Раненый буйволъ, какъ это замѣтилъ Гейглингъ, въ томъ случаѣ, если онъ сейчасъ же не поднимъ на рога своего непріятеля, никогда не убѣгаетъ далеко, но прячется по близости въ высокой травѣ и коварно подстерегаетъ приближеніе преслѣдователей, чтобы броситься на нихъ съ быстротою молніи. Если враги не обратятся въ бѣгство или успѣютъ скрыться отъ него, то онъ яростно слѣдитъ за ними и чутьемъ старается открыть ихъ убѣжище. Шпаррманъ тоже увѣряетъ, что черный буйволъ прячется позади деревьевъ и, выждавъ удобный моментъ, когда къ нему приблизятся, внезапно бросается изъ засады и нападаетъ почти всегда удачно. Особенно опасны, говорятъ, изгнанные изъ стада отшельники. «Какъ извѣстно» пишетъ Драйсонъ, «по общему у всѣхъ животныхъ обычаю, они бѣгутъ отъ человѣка, если только онъ ихъ не ранилъ или не попался имъ на глаза въ то время, когда животное раздражено; но эти старые отшельники не нуждаются въ такихъ побужденіяхъ и по своему собственному почину сами идутъ на встрѣчу охотнику и первые вступаютъ въ бой».

Селусъ, застрѣлившій въ южной Африкѣ многія сотни буйволовъ, говоритъ, что преслѣдуемый буйволъ обыкновенно прячется, становясь поперекъ къ направленію своихъ слѣдовъ,—и «хотя», продолжаетъ онъ, «буйволъ, задѣтый пулею, непременно нападаетъ на преслѣдователя, если видитъ его прямо передъ собою; но если находится отъ него на разстояніи 60—80 шаговъ, то рѣшается на это очень рѣдко». Этотъ наблюдатель полагаетъ еще, что люди, подвергавшіеся различнымъ нападениямъ со стороны буйволовъ, которыхъ они не раздражали, не преслѣдовали и даже совсѣмъ не видѣли, должны были искупать вину другихъ охотниковъ, незадолго передъ этимъ ранившихъ животныхъ. Въ подтвержденіе этого онъ даже приводитъ нѣкоторыя точно извѣстныя ему отдѣльные случаи. Далѣе пишетъ Селусъ еще подробнѣе: «Я не считаю старыхъ изгнанниковъ опаснѣе стадныхъ быковъ: пока они не ранены, они въ большинствѣ случаевъ бѣгутъ отъ человѣка и, получивъ раны, оказываются ничуть не злѣе любого животного изъ стада при такихъ же обстоятельствахъ». Чтобы дать понятіе о страшной силѣ этихъ животныхъ, онъ рассказываетъ далѣе о томъ, какъ онъ однажды, сидя въ сѣдлѣ, былъ атакованъ подстрѣленнымъ буйволомъ, подбросившимъ его вмѣстѣ съ лошадейю на воздухъ, «точно собаку». Р. Вемъ, собиравшій свои свѣдѣнія въ восточной Африкѣ, пишетъ о буйволѣ: «Даже раненныя пулями животныя не рѣшаются нападать, а только принимаютъ угрожающее положеніе и режутъ, хотя ихъ дикость и свирѣпость всѣмъ извѣстны». Письменно сообщаетъ намъ Генель, что, по его и графа Телеки наблюденіямъ, подстрѣленный буйволъ всегда становится поперекъ къ своему слѣду и злобно слѣдитъ за своимъ преслѣдователемъ, стараясь даже подкрасться къ нему и неожиданно ударить его съ тыла.

Изъ всего сказаннаго можно заключить, что охота на буйволовъ при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ не лишена опасностей; они рѣдко сразу падаютъ мертвыми отъ выстрѣловъ и имѣютъ еще достаточно времени отомстить за себя. У озера Чадъ раненый буйволъ, неистовствуя среди людей Эдуарда Фогеля, опасно ранилъ человѣка и убилъ двухъ лошадей. Подстрѣленный Бакеромъ буйволъ былъ преслѣдуемъ его отрядомъ, нуждавшимся въ мясѣ, и былъ найденъ только на другой день: обезсилѣвъ, онъ залегъ въ глубокой илѣ, но сохранилъ еще настолько жизни, чтобы однимъ ударомъ рога пронзить храбрѣйшаго изъ своихъ преслѣдователей и умертвить его. Извѣстно, что такимъ-же точно образомъ въ 1861-мъ году погибъ одинъ

изъ нѣмецкихъ путешественниковъ по Африкѣ, баронъ Вильгельмъ фонъ-Гарниръ. Раненый имъ буйволъ ринулся на проводника изъ туземцевъ и бросилъ его на землю. Чтобы спасти находившагося подъ ногами человѣка и привлечь къ себѣ разъяренное животное, фонъ-Гарниръ мужественно ударилъ его прикладомъ ружья и былъ затѣмъ исколотъ и затоптанъ такъ, что его нашли въ видѣ неузнаваемой массы, потому что проводникъ его, вмѣсто того, чтобы съ своей стороны снѣшить на помощь своему великодушному господину, убѣжалъ и оставилъ самоотверженнаго заступника на произволъ судьбы. «Я посѣтилъ», говоритъ Бэкеръ, «съ понятной скорбью, могилу храбраго пруссака, отдавшаго свою благородную жизнь за жалкаго, ничтожнаго и трусливаго дикаря». Въ предпоследнемъ десятилѣтнн подъ рогами буйвола погибъ лордъ Рёссель, послѣ того, какъ онъ уже убилъ 39 штукъ этихъ животныхъ; Томсонъ въ землѣ Массаевъ былъ тоже на волосъ отъ смерти. Онъ неосторожно подошелъ къ тяжело раненому имъ и уже лежащему на землѣ быку, который мгновенно поднялъ его на рога, швырнулъ въ воздухъ и нанесъ ему тяжкія поврежденія, на долгое время лишившія его употребленія ногъ. Буйволъ еще стоялъ надъ нимъ и могъ-бы убить его, если-бы во время не явилась спасительная помощь со стороны. Если однако принять въ соображеніе, какое громадное число буйволовъ ежегодно ранятъ и убиваютъ, то число приведенныхъ несчастныхъ случаевъ сравнительно должно казаться совершенно ничтожнымъ. «Бываютъ, конечно», говоритъ опытный въ этомъ дѣлѣ Селусъ, «разные неблагополучные случаи на охотѣ за буйволами, но опасности этой охоты мнѣ все-же кажутся очень преувеличенными». Къ этому въ другомъ мѣстѣ разскащикъ прибавляетъ еще слѣдующее: «Всѣ рисунки, изображающіе южно-африканскихъ буйволовъ, несущихся на врага съ низкоопущенной головой, могутъ быть названы выдумками, потому-что въ такомъ положеніи эти животные не приближаются никогда; напротивъ того, они всегда держатъ морду, приподнятой къ верху, опрокидываютъ рога на плечи и только въ моментъ столкновенія наклоняютъ голову внизъ».

Умирающій буйволъ, если онъ не погибнетъ сразу отъ пули, обыкновенно медленно падаетъ на землю, протягиваетъ голову впередъ и издаетъ короткій своеобразный ревъ. Только очень неопытный охотникъ легкомысленно рѣшится приблизиться къ нему, не услышавъ отъ него этого послѣдняго непередаваемого и хорошо извѣстнаго предсмертнаго стога.

Противъ чернаго буйвола европеецъ выступаетъ исключительно съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, а туземецъ вооружается или копьемъ, или устраиваетъ особеннаго рода западни, чтобы прежде обезоружить свою добычу. Въ южной Африкѣ, гдѣ преимущественно охотятся европейцы, охотники часто соединяются и вмѣстѣ преслѣдуютъ буйволовъ очень далеко. «Слѣдъ буйвола», говоритъ Драйсонъ, «походитъ на слѣдъ обыкновеннаго быка; у старыхъ животныхъ копыта расходятся между собою шире, а у молодыхъ они болѣе сближены; слѣдъ коровъ длиннѣе, уже и меньше, чѣмъ у быковъ. Охотникъ слѣдуетъ за ними, когда они ночью выходятъ въ открытое поле. Такъ-какъ они бродятъ всю ночь, а на день возвращаются въ свои логовища, то можно отыскать ихъ слѣды вѣвъ лѣса и идти по нимъ, пока обоняніе не укажетъ на близость животныхъ. Подойдя къ дичи очень близко, о чемъ можно судить по свѣжести слѣда, благоразумнѣе всего подождать, пока животное какимъ-нибудь шорохомъ не выдастъ своего убѣжища, потому-что буйволы очень часто подолгу двигаются и ворочаются въ особенности передъ тѣмъ, какъ они ложатся на отдыхъ». Чтобы ранить буйвола по возможности смертельно, охотникъ приближается къ нему настолько близко, насколько можно считать это благоразумнымъ, и цѣлитъ или въ нижнюю часть лба или подъ лопатку.

Очень часто можно встрѣтить буйвола, какъ вообще всякаго обитателя пустыни совершенно случайно. Такъ, Швейнфуртъ разъ во время своего путешествія, по указанію старой рабыни, обратилъ вниманіе на неясный предметъ, казавшійся чернымъ пнемъ среди широкихъ листьевъ анонъ. «Еще я не успѣлъ подумать», говоритъ путешественникъ, «куда мнѣ собственно нужно было стрѣлять», какъ темная масса пришла въ движеніе и выставилась огромная пара роговъ. Въ такія минуты первой мыслью охотника бываетъ спустить курокъ и выстрѣлить; мысль о прицѣлѣ и обсужденіе послѣдствій—все это приходитъ послѣ, и я инстинктивно выстрѣлилъ. Но въ то-же самое мгновеніе съ гуломъ и трескомъ, какъ отъ падающаго съ горныхъ высотъ утеса, мимо меня бурей помчалось, скучившись въ массу и съ поднятыми кверху хвостами стадо рычащихъ буйволовъ штукъ въ 20. У меня зарябило въ глазахъ: на-угадъ я разрядилъ свою двустоволку; пуля могла ударить куда-нибудь—въ мясо, въ кости животнаго. Еще одно мгновеніе, и я не видѣлъ передъ собой ничего, кромѣ большихъ свѣтло-зеленыхъ листьевъ анонъ; буйволы исчезли, а вдали раздавался громъ отъ топота ихъ копытъ». Далѣе онъ сообщаетъ намъ, какъ для охоты за чернымъ буйволомъ негры Бѣлой рѣки примѣняютъ крѣпкій лукъ, въ которомъ тетива очень сильно натягивается посредствомъ рычага. «Очень крѣпкія веревки изъ ремней растягиваются ими въ высокой травѣ степей на мѣстахъ, посѣщаемыхъ буйволами. Одинъ конецъ ремня прикрѣпляютъ къ ближайшему дереву или прочно вбитому въ землю колу, а на другомъ концѣ его дѣлаютъ петлю, приводя ее въ сообщеніе съ лукомъ такимъ образомъ, чтобы при наступленіи на ремень онъ вслѣдствіе движенія рычага поднимался и закидывалъ петлю на ноги животнаго. Испугавшись, оно дѣлаетъ прыжокъ и еще сильнѣе затягиваетъ петлю. Этимъ моментомъ пользуются охотники, сидящіе въ засадѣ, и съ копытами устремляются на упавшее, или по крайней мѣрѣ, не способное уже къ быстрому бѣгу по высокой травѣ животное».

Мясо чернаго буйвола, какъ увѣряетъ Швейнфуртъ, по своей доброкачественности соперничаетъ съ мясомъ откормленныхъ домашнихъ быковъ, хотя оно жестче и имѣетъ болѣе грубыя волокна, но, несмотря на недостатокъ жира, очень сочно и вкусно.

Человѣкъ не есть единственный врагъ чернаго буйвола, и левъ также отваживается нападать на это могучее животное и можетъ, задравши ему голову и переломивъ шею, убить его. Во всякомъ случаѣ для южно-африканскихъ охотниковъ не рѣдкость встрѣтить такихъ буйволовъ, которые, хотя и освободились отъ этого сильнаго хищника и, быть можетъ, даже убили его, но въ борьбѣ съ нимъ получили глубокія раны на шеѣ и плечахъ. «Само собою разумѣется», говоритъ Селусъ, «что буйволы, такъ тяжело израненные львомъ, бываютъ очень раздражительны и свирѣпы».

Въ Европу перваго живого буйвола привезъ Гейглинъ. «Несмотря на свою необузданность въ пустынѣ», говоритъ онъ, «это животное, кажется, легко дѣлается ручнымъ и, быть можетъ, когда-нибудь его силой съумѣютъ воспользоваться. Подаренный мнѣ буйволъ-теленочъ былъ принятъ и вскормленъ домашней коровой и съ самаго начала отличался отъ своихъ родичей въ домашнемъ состояніи своимъ смышленнымъ видомъ и смѣшными выходками. Онъ зналъ всѣхъ, ласкающихъ его, встрѣчалъ ихъ радостнымъ мычаніемъ и слѣдовалъ за ними, пока это было можно; даже съ моими лошадьми, верблюдами и антилонами онъ былъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, и только появленіе жирафъ, которыхъ я держалъ на соседнемъ дворѣ, приводило его въ ужасъ». Я видѣлъ упомянутое животное, когда его только-что привезли въ Шенбрунскій звѣринецъ, а въ послѣднее время я многихъ другихъ, привезенныхъ Казановой и Рейхе въ зоологическихъ садахъ Амстер-

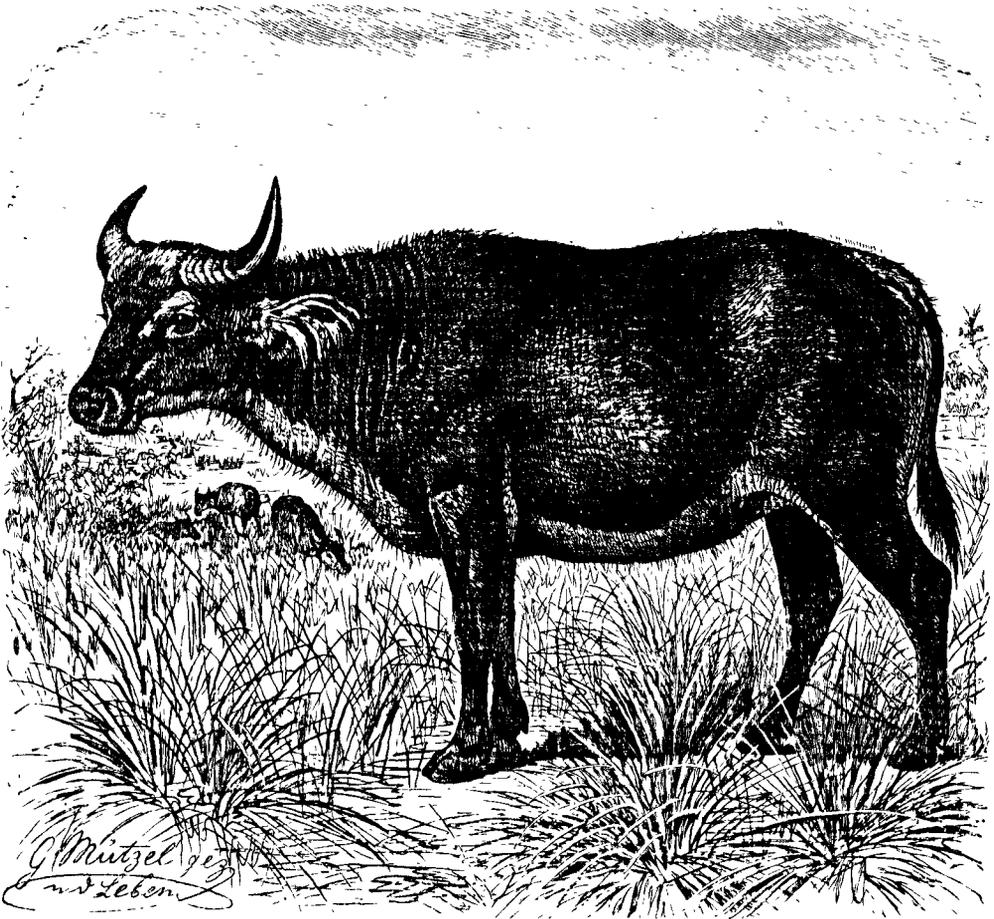
дама и Берлина. Животныя эти тоже, казалось, постепенно примирились со своею участію или, по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени привыкли къ плѣну; двигались обыкновенно очень спокойно внутри своей загородки; подружались со своимъ сторожемъ; на постороннихъ посѣтителей обращали вниманіе только тогда, когда ихъ манили лакомыми кусочками: въ такомъ случаѣ они спокойнымъ, мѣрнымъ шагомъ подходили къ рѣшеткѣ и равнодушно принимали то, что имъ подавалось. Со своимъ сторожемъ они жили очень хорошо: именно коровы понимали дружественное обращеніе съ ними знакомыхъ людей, знали свою кличку, позволяли трогать и гладить себя, и вообще въ нихъ не было замѣтно той свойственной ихъ породѣ дикости, которая отъ времени до времени прорывается у быковъ, даже довольно ручныхъ, и во всякомъ случаѣ мѣшаетъ даже сторожу дружественно съ ними сблизиться. Что имъ нельзя довѣрять, это, къ несчастью, на себѣ испыталъ одинъ изъ рабочихъ въ Берлинскомъ зоологическомъ саду. Его предупреждали, чтобы онъ одинъ не входилъ въ загородку этихъ животныхъ; но несчастный не побоялся приблизиться къ черному буйволу, вступившему въ бой съ якомъ, стоявшимъ по сосѣдству, съ намѣреніемъ развести бойцовъ. И безъ того уже возбужденный буйволъ дѣйствительно оставилъ прежняго противника, но только для того, чтобы ринуться на человѣка. Вѣжать было поздно: разъяренный быкъ поднялъ его на рога, бросилъ въ воздухъ, снова поймалъ на рога и наконецъ ударилъ о землю. Сознывая свою силу, животное грозило такой-же участію и другимъ сторожамъ, спѣшившимъ на помощь умирающему товарищу; но сильное и продолжительное наказаніе толстыми плетями сломило его буйный нравъ, и съ тѣхъ поръ онъ никогда уже не осмѣливался вставать противъ власти человѣка.

Въ нѣкоторыхъ зоологическихъ садахъ черный буйволъ плодился; рожденные въ неволѣ дѣтеныши мало отличаются отъ непосредственно вывезенныхъ изъ Африки телятъ. Какъ тѣ, такъ и другіе растутъ такъ-же скоро, какъ и прочіе быки; только мощные ихъ рога развиваются очень медленно, и надо полагать, что нужно много лѣтъ, чтобы они получили свой описанный выше видъ.

Еще въ 1555 г. Белонъ видалъ уже такіе рога, вѣроятно южно-марокккаго происхожденія, которые могли принадлежать черному буйволу; ихъ сравнительно малые размѣры заставили его предположить о существованіи небольшого африканскаго буйвола. Вслѣдъ за нимъ Грэй и Пеннантъ тоже упоминали объ этомъ животномъ, а Тертонъ впервые, какъ доказалъ Брукъ, а именно въ 1806 году, описалъ этотъ видъ, существованіе котораго потомъ было признано (1837) Грэйемъ и (1863) Блайтомъ. Между тѣмъ музеи приобрѣтали все новые рога и новыя шкуры, а въ 1839 году въ Англію доставленъ былъ первый живой экземпляръ новаго вида буйволовъ, затѣмъ были доставлены и другіе экземпляры того-же вида, такъ что въ 1875-мъ году Мютцель могъ уже срисовать содержавшагося въ Антверпенскомъ зоологическомъ саду рыжаго буйвола. Несомнѣнное разнообразіе признаковъ многихъ экземпляровъ и основанныя на этомъ толкованія породили нѣкоторую неувѣренность въ терминологіи, которая въ свою очередь привела къ тому, что этотъ новый видъ неоднократно былъ присоединяемъ къ черному буйволу. Въ настоящее время однако нельзя сомнѣваться, что въ средней части западной половины Африки дѣйствительно существуетъ буйволъ, котораго надо строго отдѣлать отъ чернаго буйвола. Пока, сомнѣнію подлежитъ только тотъ вопросъ — принадлежать-ли всѣ западно-африканскіе виды къ одному общему виду или распадаются на нѣсколько видовъ, такъ какъ они имѣютъ различную окраску, — или блекло-желтую, или рыжую, или сѣрую, — и разнообразныя рога, которые

у иных оставляют лобъ совершенно открытымъ, а у другихъ совсѣмъ почти закрываютъ его и имѣютъ то болѣе круглую, то болѣе плоскую, но у корневой части болѣею частью всегда сильно уплощенную форму.

Рыжій буйволъ, какъ его принято называть въ противоположность черному буйволу, въ Нижней Гвинее называется **Мпаназе** и **Ніяли**, а въ Верхней Гвинее у европейцевъ извѣстенъ подъ именемъ **Кустарной коровы** (*Bos pumilus*, *Bubalus brachyceros* и *reclinis*. Rotbüffel. Buschkuh. Buffle roux), относится къ черному буй-

Рыжій буйволъ изъ Сиерра-Леоне. *Bos pumilus* $\frac{1}{20}$ наст. вел.

волу приблизительно такъ, какъ у насъ косуля относится къ благородному оленю. Высота плечъ у этого буйвола достигаетъ 1,2—1,5 м., и вѣсъ наиболѣе крупнаго животнаго едва превышаетъ 350 kgr. Волоса, покрывающіе его свѣтлую кожу, болѣею частью густые и на нижней сторонѣ тѣла нерѣдко даже нѣсколько мохнаты, имѣютъ вообще окраску желтоватаго, рыжеватаго или буроватаго цвѣта, но попадаются также и болѣе темные экземпляры, которые издали кажутся почти черными. Мютцель въ Антверпенѣ видѣлъ рыжаго буйвола изъ Сиера Леоне, имѣвшаго почти совсѣмъ безволосое, розовое брюхо, рѣзко ограниченное отъ остальнаго свѣтло-желтаго волосяного покрова. Конецъ хвоста, украшенный кисточкой, а также и нижнія части ногъ у этого вида черные. На верхнемъ краѣ очень большаго уха

сидятъ очень замѣтные, свѣтло желтые пучки волосъ, имѣющіе 15—18 см. длины, которые свѣшиваются чаще всего на темную ушную раковину. Рога часто сидятъ на боковыхъ частяхъ лба, что замѣчается, кажется, только у экземпляровъ изъ сѣверо-западной части Африки; они плоскіе или круглые и простой дугой загибаются кверху, какъ показываетъ первый рисунокъ (стр. 338). Судя по письменнымъ сообщеніямъ, рисункамъ и присланнымъ образцамъ роговъ, разные изслѣдователи, какъ Бютикоферъ въ Либеріи, Клингъ въ области Таго и Цинтграфъ отъ Камеруна до Адамауа, находили только такихъ рыжихъ буйволовъ, у которыхъ рога хотя и плоскіе, но просто серпообразно загнуты и лобъ оставляютъ почти совсѣмъ открытымъ. Напротивъ того у экземпляровъ типа, живущаго въ Нижней Гвинеи и внутреннихъ областяхъ, рога закрываютъ большую часть лба, какъ это показано на второмъ рисунокѣ (стр. 340); у корня очень плоскіе, достигающіе 10—12 см. ширины при промежуточномъ разстояніи отъ 3—6 см., сильно утончающіеся рога направляются сначала въ стороны и круто кверху, на двухъ третяхъ своей длины дѣлаютъ довольно острый загибъ и заканчиваются круглыми, точно выточенными и тонкими концами, изгибающимися клереди и внутрь. Наибольшее разстояніе между рогами 35—40 см.; концы роговъ отстоятъ другъ отъ друга на 20—25 см., разстояніе между вѣшнимъ краемъ корня и кончикомъ равняется 25—36 см.

Область распространенія рыжаго буйвола въ западной половинѣ Африки должна обнимать большую часть лежащихъ между тропиками странъ, въ которыхъ черный буйволъ не водится. Въ прибрежныхъ странахъ эти животныя водятся отъ Сенегамбіи до самой Анголы; внутри материка—къ сѣверу, какъ можно заключить, судя по рогамъ, вывезеннымъ какъ Клипертономъ, такъ и экспедиціею Байки,—они попадаются еще въ западной части области озера Чадъ и по верхнему Нигеру и, на основаніи наблюденій Цинтграфа, особенно часто также въ травянистыхъ степяхъ Адамауа; къ югу, по точнымъ сообщеніямъ Поггеса, ихъ можно встрѣтить въ выше лежащихъ южныхъ частяхъ области Конго по Кассаи и Лулуа. Восточныя границы ихъ растроаненія, по Бауману, проходятъ въ Конго приблизительно черезъ водопады Станлея. Юнкеръ, какъ видно изъ его писемъ, въ изслѣдованной имъ области находилъ однихъ черныхъ, а не рыжихъ буйволовъ, и тоже самое извѣстно о земляхъ по верхнему Дуалабо, изслѣдованныхъ Бемомъ и Рейхардомъ.

Рыжій буйволъ одинаково живетъ какъ въ равнинахъ, такъ и въ гористыхъ странахъ. «Его движенія никакъ нельзя назвать неуклюжими», говоритъ Пехуэлъ Леше, «и по травянистой или покрытой кустарникомъ степи онъ бѣжитъ почти такъ-же хорошо, какъ крупныя антилопы. Съ большимъ проворствомъ двигается онъ по обрывистымъ склонамъ горъ, усѣяннымъ обломками скалъ, и карабкается вверхъ и внизъ по самымъ крутымъ отвѣсамъ глубокихъ овраговъ. Такими большими стадами, какія образуютъ черныя буйволы, рыжихъ буйволовъ я не встрѣчалъ, но чаще всего они попадаютъ семействами отъ 3—5 штукъ; а общества въ 10—12 головъ уже очень рѣдки; часто можно видѣть ихъ и въ одиночку. Болотистыхъ мѣстъ рыжій буйволъ для купанья, кажется, не посѣщаетъ. Онъ держится преимущественно на открытыхъ лугахъ, усѣянныхъ рощами; мнѣ, по крайней мѣрѣ въ обширномъ густомъ лѣсу никогда не попадались его слѣды».

Въ теченіи дня онъ отдыхаетъ среди низкихъ колючихъ степныхъ кустовъ и въ молодыхъ поросляхъ, подобно антилопамъ; иногда онъ попадаетъ въ самыхъ небольшихъ рощахъ, а также вдоль порослаго лѣсомъ рѣчного берега. Въ утренніе и вечерніе часы онъ очень подвиженъ, а ночью пасется. Нерѣдко онъ забирается на плантаціи, но въ особенности охотно посѣщаетъ опустошенныя пожаромъ полосы, гдѣ только

что начинает пробиваться молодая трава: там мирно пасется онъ рядомъ съ антилопами, не смѣшиваясь однако съ ними и не сообразуя своихъ дѣйствій съ ихъ поступками. Онъ не нуждается въ нихъ, ни какъ въ проводникахъ, ни какъ въ сторожахъ, потому что онъ самъ очень внимателенъ, пугливъ и обладаетъ очень острыми чувствами. Онъ распознаетъ человѣка и обоняніемъ, и зрѣніемъ на разстояніи, по крайней мѣрѣ, 300 шаговъ. Замѣтитъ-ли онъ вдали что-нибудь подозрительное, сейчасъ-же поднимаетъ голову, нюхаетъ воздухъ короткими затыжками и дѣлаетъ нѣсколько шаговъ впередъ, не сводя глазъ съ безпокоющаго его предмета; при этомъ

Рыжій буйволъ изъ Конго. *Bos pumilus*. $\frac{1}{20}$ наст. вел.

часто грозно трясетъ головой, опять подается впередъ и, поднявъ кверху хвостъ, спасается наконецъ бѣгствомъ. Помимо частаго и довольно громкаго сопѣнія, которое выдаетъ его даже въ темнотѣ, я слышалъ кое-когда его короткое хрюканье, но рева никогда не слышалъ.

Хотя въ открытомъ мѣстѣ онъ очень пугливъ, но, спрятавшись въ чащу, лежитъ тамъ съ большимъ упрямствомъ. Отсюда никакимъ шумомъ его нельзя выманить: онъ пропускаетъ мимо своего уѣжища даже загонщиковъ и собакъ и встаетъ только тогда, когда они сами непосредственно на него наткнутся.

Но и въ такомъ случаѣ онъ еще медлитъ защищаться. Другое дѣло, если его задѣнетъ пуля: тогда онъ можетъ сдѣлаться столь-же опаснымъ, какъ и черный буйволъ, если еще не опаснѣе вслѣдствіе своей ловкости. Получивъ тяжелую рану,

онъ прячется въ ближайшіе кусты, становится здѣсь нетолько поперекъ своему слѣду, но и наискось къ нему подъ вѣтромъ, подстерегаетъ запальчиво слѣдующаго за нимъ стрѣлка, чтобы напасть на него неожиданно, причемъ нерѣдко подхватываетъ на рога и всякаго, случайно мимо идущаго человѣка. Но не всякій рыжій буйволъ бѣжитъ послѣ первой раны, въ особенности если прямо передъ собою видить охотника или пороховой дымъ. Въ Конго однажды во время утренней охоты Линднеръ подвергся нападенію коровы тотчасъ за несовѣтъ удачно сдѣланнымъ по ней выстрѣломъ, но подпустилъ ее къ себѣ очень близко и вторую пулю убилъ ее на повалъ. Не такъ счастливо отдѣлался Коппенфельсъ: онъ уже давно благополучно охотился на рыжаго буйвола въ землѣ Оговэ; но разъ, не успѣвъ выстрѣлить вторично, былъ поднятъ на рога и, брошенный на землю, такъ страшно израненъ острыми рогами, что могъ-бы поплатиться жизнью, если-бы нѣсколькими счастливыми ударами охотничьяго ножа ему не удалось свалить животное.

Бюттикоферъ, встрѣчавшій рыжаго буйвола въ Либеріи, говоритъ о «кустарной коровѣ» приблизительно двухлѣтняго возраста слѣдующее: «Цвѣтъ у нея желтовато-сѣрый, ноги черныя; попадаетъ также и болѣе темная разновидность. Буйволъ этотъ охотно держится вблизи обитаемыхъ мѣстъ въ самыхъ колючихъ кустарникахъ и ночью забирается на рисовыя и маниоковыя плантаціи, гдѣ онъ въ продолженіи одной ночи до-чиста обгладываетъ большія пространства, а остальное опустошаетъ, — топчетъ одни растенія и вырываетъ съ корнемъ другія. Такимъ образомъ въ Булумѣ какъ разъ около моего жилья была совершенно разорена одна маниоковая ферма; но, несмотря на нѣсколько ночей, проведенныхъ на караулѣ, мнѣ не посчастливилось убить ни одного изъ этихъ животныхъ. Когда свѣтитъ луна, «кустарныя коровы» не показываются».

* *
* *
* *

Не черный буйволъ, и не рыжій, а живущій еще въ наше время въ юго-восточной Азіи буйволъ является родоначальникомъ перешедшихъ въ домашнее состояніе и сдѣлавшихся совершенно ручными буйволовъ этой породы, которые водятся уже въ Дунайскихъ странахъ и въ Италіи, а еще въ большемъ количествѣ въ Египтѣ и Индіи. Первоначально предполагали существованіе многихъ породъ азіатскихъ буйволовъ; но до сихъ поръ еще никому не удалось сравнить отличающіеся между собою большею частію только по виду роговъ типы и этимъ устранить всѣ сомнѣнія относительно ихъ видового различія; поэтому мы можемъ пока, по примѣру всѣхъ новѣйшихъ изслѣдователей, всѣ породы азіатскихъ буйволовъ соединить въ одинъ видъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ области распространенія, преимущественно, какъ мнѣ думается, въ восточныхъ, эти животныя оказываются крупнѣе и рога у нихъ больше, но представляютъ большое разнообразіе формъ. Эти различія заставили Ходжсона принять нѣсколько разновидностей, смотря по тому, какую форму имѣютъ рога животнаго: у однихъ они бывають длинныя, почти прямыя, широко расходящіяся и закинутыя назадъ, а у другихъ они болѣе короткія, сильно загнуты и направляются вверхъ. Въ британскомъ музеѣ сохраняются два рога, составляющіе пару, но отдѣленные отъ черепа каждый изъ нихъ по своему внѣшнему загибу имѣетъ 198 см.; если вообразить ихъ на головѣ животнаго, то они должны образовать дугу въ 4.27 м! Въ той-же коллекціи сохраняется еще полная неотдѣленная отъ черепа пара роговъ, которая по своему общему внѣшнему загибу отъ острія до острія и черезъ черепъ имѣетъ 3,7 м.

Индѣйскій буйволъ, извѣстный подъ разными названіями: Арна-Байнза, Джангли-Байнза, бхлъ-Арна, а корова, — Арни, а также Мунгъ и Дшера-крумли (*Bos* [Bubalus] arni, *Bubalus arni*, *Bos bubalus*, *Bubalus buffelus* и *vulgaris*. Indischer Büf-

fel, Buffle indien), имѣть около 2,3—3 м. общей длины, включая сюда и длину хвоста 50—60 см., при 1,4—1,8 м. высоты плечъ. По Стерндалю, у крупнаго быка высота плечъ нерѣдко достигаетъ 1,93 см., а длина туловища по линіи отъ морды только до корня хвоста даже 3,12 м. Голова у него короче и шире, чѣмъ у домашняго быка, лобъ большой, лицевая часть короткая и толстая, спереди со складками, но безъ подгрудка; туловище нѣсколько продолговатое, но полное и округленное; на загривкѣ возвышается небольшой горбъ; спина со впадиною, высокій крестецъ кругло спускается кзади, грудь узкая, пахи втянутые, хвостъ небольшой; крѣпкія, сравнительно низкія ноги снабжены длинными, широкими копытами, которыя могутъ сильно раздвигаться. Глаза невелики и имѣютъ дикое и задорное выраженіе; длинныя и широкія уши торчатъ въ стороны горизонтально и на вѣшной сторонѣ имѣютъ короткій волосяной покровъ, а на внутренней, наоборотъ, покрыты длинными пучками волосъ. Большіе могучіе рога, у корня утолщенные и расширенныя, постепенно суживаются и оканчиваются тупыми концами, до половины своего протяженія они покрыты сильными поперечными морщинами, а къ концу и на задней поверхности совершенно гладки и въ разрѣзѣ представляютъ неправильный треугольникъ. Рѣдкій, жесткій щетинистый волосяной покровъ удлинняется только на лбу, на плечахъ, по всей передней части шеи и немного на хвостѣ; напротивъ того, задняя часть спины, крестецъ, грудь, брюхо, лопатки и большая часть ногъ почти совершенно голые: отъ этого въ общей окраскѣ животнаго преобладаетъ темно-сѣрая или почти черная кожа, а цвѣтъ волосъ изсиня-сѣрый, приближающійся то къ бурому, то къ рыже-бурому, бываетъ рѣдко замѣтенъ. Попадаются бѣлые и пятнистые экземпляры, но рѣдко. Корова отъ быка отличается только нѣсколько меньшимъ ростомъ, а отъ другихъ видовъ рогатаго скота—своимъ выменемъ, потому-что всѣ четыре соска у нея находятся почти въ одномъ поперечномъ ряду. Область распространенія дикоживущаго индѣйскаго буйвола простирается отъ Терая у подошвы Гиммалайскихъ горъ черезъ всю Бенгалію и восточнымъ землямъ средней Индіи къ югу, почти до Годовари, а къ востоку, черезъ Ассамъ и Бирму, по свидѣтельству Бока, по крайней мѣрѣ, до сѣверо-западной части Сіама; на островѣ Цейлонѣ это животное размножилось особенно сильно.

Какъ и всѣ животныя этого семейства, индѣйскій буйволъ большой любитель воды и потому живетъ только въ болотистыхъ мѣстностяхъ своей родины, по низовьямъ рѣкъ, или въ непосредственной близости небольшихъ, хотя-бы даже только временно содержащихъ воду озеръ, или наконецъ около мелкихъ лагунъ по взморью. Хотя его движенія и неуклюжи, но онъ силенъ и выносливъ и отлично плаваетъ. Изъ чувствъ самыми острыми оказываются обоняніе и слухъ; зрѣніе и осязаніе слабы, а вкусъ въ особенности долженъ быть мало развитъ, такъ какъ индѣйскій буйволъ довольствуется самою плохую пищею, которой пренебрегаютъ другіе быки. Буйволы пасутся преимущественно ночью и охотно посѣщаютъ плантаціи, гдѣ они производятъ сильныя опустошенія. Туземцевъ они нисколько не боятся, чувствуютъ себя полными хозяевами на полюбившихся имъ поляхъ и совершенно на нихъ поселяются, а на всякую попытку людей къ ихъ изгнанію отвѣчаютъ немедленнымъ нападеніемъ. Форсайтъ рассказываетъ, что онъ какъ разъ въ такое именно время прибылъ однажды къ одному злополучному земледѣльцу, которому небольшое стадо буйволовъ въ продолженіи цѣлыхъ недѣль не позволяло ступить на поле, и которому онъ успѣлъ спасти, по крайней мѣрѣ, остатокъ его жатвы, убивъ назойливаго буйвола-вожака и одну корову, послѣ чего остальное стадо разсѣялось.

Индѣйскаго буйвола считаютъ животнымъ сердитымъ и капризнымъ, а сила и мужество его такъ велики, что индусская поэзія изображаетъ его достойнымъ

противникомъ тигра. «Буйволъ-быкъ очень силенъ и всегда готовъ къ бою», сообщаетъ Ходжсонъ, «онъ не только осмѣливается нападать на взрослого слона, но и можетъ при случаѣ причинить ему смерть».

Форсить на одной охотѣ верхомъ на лошади подвергся неоднократно преслѣдованію одной коровы изъ стада, хотя онъ ее совсѣмъ не беспокоилъ. И Жердонъ рассказываетъ тоже, что раздраженное животное дѣйствительно часто, колеблясь, идетъ на охотничьяго слона; къ этимъ словамъ онъ прибавляетъ слѣдующее. «Буйволы далеко не пугливы, исключая тѣхъ мѣстностей, гдѣ по нимъ часто стрѣляютъ; можно приблизиться къ нимъ на разстояніе выстрѣла, даже и со слонами, безъ которыхъ нельзя вести успѣшную охоту. На меня однажды устремилось цѣлое стадо; но достаточно было сдѣлать одинъ или два выстрѣла по нападающимъ, чтобы обратить ихъ въ бѣгство».

Голосъ буйвола—глубокій, звучный ревъ. Время спариванія, по словамъ Ходжсона, приходится на осень; тогда многочисленныя стада распадутся на отдѣльныя группы, собирающіяся вокругъ каждаго быка. Телята рождаются обыкновенно по одному, а иногда по два, послѣ 10-мѣсячной беременности. По сообщеніямъ Штольца, индусы ловятъ буйволовъ большею частью въ зрѣломъ возрастѣ. Съ этой цѣлью устраивается загородка, а у входа въ нее двумя расходящимися рядами на деревьяхъ помѣщаются люди: они запасаются пучками сухого хвороста и производятъ сильнѣйшій шумъ въ то время, когда между этими рядами бѣжитъ гонимое извнѣ стадо. Такимъ образомъ животныя попадаютъ въ загородку, гдѣ ихъ спутываютъ арканами. Потомъ, завязавъ имъ глаза и заткнувъ уши, ихъ выводятъ и мало-по-малу приучаютъ къ домашнимъ и полевымъ работамъ.

Индѣйскій буйволъ есть до нѣкоторой степени природный врагъ тигра и въ борьбѣ съ нимъ почти всегда оказывается побѣдителемъ. Райсъ рассказываетъ, что тигръ нападаетъ иногда на взрослыхъ буйволовъ; но они защищаются отчаяннымъ образомъ и весьма часто отрицаютъ у хищника возможность продолжать свое ремесло. Если одинъ буйволъ подвергнется нападенію, то другіе слѣзая на помощь и обыкновенно принуждаютъ непріятеля искать спасенія въ бѣгствѣ. Пастухи, стерегущіе ручныхъ буйволовъ, не боятся ѣздить верхомъ на этихъ животныхъ по самой непроходимой чащѣ лѣса. Райсъ видѣлъ однажды, какъ буйволы, почувявъ запахъ крови подстрѣленнаго тигра, пришли въ совершенное изступленіе и цѣлымъ стадомъ бѣшено пустились преслѣдовать его по свѣжему слѣду, ломая кусты, взрывая землю копытами и наконецъ, совсѣмъ обезумѣвъ отъ ярости, къ великому прискорбію пастуха, стали драться между собою. Джонсонъ рассказываетъ, что разъ тигръ напалъ на одного изъ самыхъ заднихъ людей въ караванѣ. Пастухъ, находившійся по близости со своими буйволами, поспѣшилъ на помощь къ человѣку и ранилъ звѣря. Этотъ тотчасъ бросилъ свою первую жертву и схватилъ пастуха; но буйволы, увидѣвъ своего хозяина въ опасности, бросились на хищника и напали за него съ такимъ усердіемъ, что онъ остался на мѣстѣ мертвымъ. Съ Стердалемъ былъ такой-же случай.

Какъ и какимъ путемъ распространился ручной буйволъ—мы этого не знаемъ; но можно предположить, что онъ съ воюющими и переселяющимися народами дошелъ до Персіи, гдѣ его застали уже спутники Александра Македонскаго. Позднѣе магометане переселили его въ Сирію и Египеть. Въ 596 г. нашего лѣтосчисленія въ царствованіе Агилульфа онъ появился, къ немалому изумленію европейцевъ, въ Италіи. Сначала, какъ кажется, распространеніе его шло очень медленно; но нынѣ онъ встрѣчается отъ южнаго Китая въ обоихъ полуостровахъ Индіи, въ Афганистанѣ, Персіи, Арменіи, Сиріи и Палестинѣ. Изъ Азіи онъ перешелъ въ Турцію,

Грецію, водится теперь въ Придунайскихъ низменностяхъ и въ Итали и очень распространился по Египту, но не въ Нубіи.

Индійскій буйволъ любитъ жаркія болотистыя или богато орошенныя водою страны, подобно всѣмъ другимъ родственнымъ ему видамъ; Нильская дельта служитъ для него раемъ. Въ нижнихъ долинахъ Дуная онъ тоже ведетъ привольную жизнь; въ итальянскихъ болотахъ онъ является единственнымъ представителемъ рода быковъ, потому-что другіе виды не выносятъ здѣшняго нездороваго климата. Въ Нижнемъ Египтѣ онъ живетъ повсюду и, послѣ козы, есть единственное домашнее животное, снабжающее туземцевъ молокомъ и масломъ. Какъ по дельтѣ, такъ и по Верхнему Нилу во всякой деревушкѣ среди хижинъ имѣется большая лужа, служащая исключительно для того, чтобы доставить буйволамъ удобное купанье. Гораздо чаще, чѣмъ на пастбищѣ, буйволовъ можно видѣть въ водѣ, если только вода есть; при этомъ они погружаются такъ глубоко, что на поверхности воды высывается только голова, да небольшая часть спины. Съ наступленіемъ нильскихъ наводненій для нихъ начинается пора полного блаженства. Плавая, странствуютъ они по затопленнымъ полямъ, питаются луговыми злаками и жесткой осокой необработанныхъ полей, соединяются большими стадами, рѣзвятся въ водѣ и возвращаются домой только тогда, когда коровы желаютъ избавиться отъ отягощающаго ихъ избытка молока. Очень красиво смотрѣть, когда стадо буйволовъ переправляется черезъ рѣку, шириною не менѣе километра. Множество пастуховъ, преимущественно дѣтей 8—10-лѣтняго возраста, безопасно сидятъ у нихъ на спинахъ, и вѣрныя животныя несутъ ихъ надъ страшной глубиной среди высоко вздымающихся волнъ. Нельзя вдоволь налюбоваться ихъ мастерствомъ въ плаваніи. Глядя на то, что они продѣлываютъ въ водѣ, можно подумать, что они родились въ этой стихіи. Они ныряютъ, ложатся бокомъ, почти на спину, то совсѣмъ отдаются теченію, не шевеля ни однимъ членомъ, или, какъ по шнурку, пересѣкаютъ рѣку въ совершенно прямомъ направленіи перпендикулярно къ берегу. Они навѣрно проводятъ въ водѣ ежедневно отъ 6 до 8 часовъ и, привольно вытянувшись на днѣ, жуютъ свою жвачку съ такимъ-же самодовольнымъ видомъ, съ какимъ занимаются этимъ дѣломъ ихъ родичи, отдыхая на землѣ. Всѣ буйволы выказываютъ безпокойство и даже злобу, если они долгое время бываютъ лишены воды. Грязныя лужи нравятся имъ гораздо менѣе чистаго пруда и прохладныхъ волнъ рѣки: поэтому въ Египтѣ во время засухи случается видѣть жирныхъ, грузныхъ буйволовъ, несущихся вскачь какъ въ моменты сильнѣйшей ярости, чтобы стремглавъ броситься въ воду. Въ Индіи и также въ Итали ихъ страсть къ водѣ бываетъ причиною гибели многихъ людей, потому-что запряженные въ фуры буйволы безумно бросаются къ рѣкѣ и тонутъ вмѣстѣ съ кладью и экипажами.

На сушѣ буйволъ оказывается гораздо безпомощнѣе, чѣмъ въ водѣ. Поступь у него грузная, а бѣгъ, хотя и довольно быстрый, но очень утомляетъ его. Въ сильномъ гнѣвѣ или, какъ было выше сказано, подъ влияніемъ стремленія къ водѣ, это грузное животное пускается иногда галопомъ, если только этимъ выраженіемъ можно обозначить рядъ тяжелыхъ и неуклюжихъ его прыжковъ. И все-таки онъ не можетъ проскакать такимъ образомъ болѣе 100—200 шаговъ, а постепенно начинаетъ бѣжать рысью и вскорѣ движется уже своимъ обыкновеннымъ спокойнымъ шагомъ.

Увидавъ въ первый разъ домашняго буйвола, можно въ самомъ дѣлѣ испугаться его. Выраженіе морды у него показываетъ необузданно дерзкій, скрытный и дикій нравъ; въ глазахъ можно прочесть лютость и коварство. Скоро однако убѣждаешься въ томъ, что было-бы совершенно несправедливо судить о буйволѣ

по его внѣшнему виду. Въ Египтѣ, по крайней мѣрѣ, это животное оказывается въ высшей степени добродушнымъ, такъ что управлять имъ любой крестьянинъ, не задумаясь, поручить самому малому ребенку. Непокколебимое равнодушіе ко всему, что не касается воды и ѣды, за исключеніемъ новорожденнаго теленка для коровы, составляетъ отличительное свойство нрава этого животного. Съ тупымъ равнодушіемъ покоряется онъ неизбѣжной участи, безразлично тянетъ плугъ и телѣгу, позволяетъ гнать себя на поле и обратно и ничего не требуетъ кромѣ удобнаго купанья въ теченіи нѣсколькихъ часовъ сряду. Служа преимущественно какъ упряжное животное и для верховой ѣзды при переправѣ черезъ Нилъ, онъ рѣдко употребляется для обработки полей, развѣ только въ томъ случаѣ, когда феллаху вздумается заставить верблюда пахать землю. Этотъ послѣдній, само собою разумѣется, исполняетъ очень непріятную для него работу со всѣми признаками крайняго неудовольствія, и тогда буйволъ является самымъ незамѣнимымъ для него товарищемъ. Идетъ онъ, какъ всегда, своимъ спокойнымъ мѣрнымъ шагомъ, и ему рѣшительно все равно — отдыхаетъ-ли вмѣсто того, чтобы везти, идущій съ нимъ рядомъ верблюдъ, и порывается-ли онъ бѣжать или нѣтъ. Важно и поучительно упирается онъ, усмиряя своего строптиваго товарища по ярму, такъ что волей-не-волей верблюдъ сообща отбываетъ съ нимъ дневную повинность.

Главную добродѣтель буйвола составляетъ его дѣйствительно безпримѣрная умѣренность. Верблюдъ, восхваляемый какъ образецъ наименѣе требовательныхъ животныхъ, и осель, считающій репейникъ лакомствомъ, не выдерживаютъ сравненія съ буйволомъ, потому-что онъ именно пренебрегаетъ сочными, вкусными для прочихъ быковъ травами и ищетъ для себя самыхъ жесткихъ, твердыхъ и безвкусныхъ растений. Буйволъ, который въ продолженіи лѣта самъ себя добывалъ кормъ по своему усмотрѣнію, если ему въ хлѣвѣ бросали въ ясли сочные злаки, клеверъ и траву, оставляя все нетронутымъ, скучая по болѣе простой пищѣ. Болотные злаки и всякія болотныя растенія, какъ-то: камышъ, осоку и другія подобныя — короче всякую растительную пищу, которую не захочетъ ѣсть ни одно травоядное, онъ пожираетъ съ наслажденіемъ, какъ самый лакомый кормъ. И онъ отлично перерабатываетъ эту пищу, потому-что корова даетъ вкусное и очень жирное молоко, изъ котораго въ большомъ количествѣ готовится хорошаго достоинства масло. Египтянинъ называетъ своего «Джамуса» самымъ полезнымъ въ домѣ животнымъ, и дѣйствительно онъ правъ. Неприятность причиняетъ буйволъ одною своею неопрятностью. Иногда онъ смахиваетъ на свинью, только-что валявшуюся въ грязи потому-что и самъ, подобно этой любительницѣ лужъ, не пропускаетъ случая освѣжиться въ такой ваннѣ. Висять-ли потомъ на его рѣдкихъ щетинистыхъ волосахъ комки грязи въ палецъ толщиною, или во время долгаго купанья въ свѣтломъ Нилѣ онъ успѣлъ, какъ слѣдуетъ, вымыться — это для него безразлично, или, по крайней мѣрѣ, такія мелочныя непріятности онъ умѣетъ сносить спокойно и съ достоинствомъ. Говорятъ, что по временамъ въ красномъ знамени пророка онъ видитъ предметъ, возбуждающій его негодованіе, и тогда съ неустойной злобой бросается на священную хоругвь. За это правовѣрные турки считаютъ его отверженнымъ животнымъ, попирающимъ самымъ ужаснымъ образомъ высшіе законы; но египтяне, памятуя приносимую имъ пользу, безъ размысленія прощаютъ ему эти проступки противъ священныхъ обычаевъ, въ той, быть можетъ, увѣренности, что милость Алаха будетъ оказана даже и такому нечестивцу. Различныя азіатскія племена тоже ставятъ буйвола очень высоко, и многія изъ нихъ оказываютъ ему почти божескія почести.

Буйволъ очень молчаливое созданіе. Отдыхаетъ-ли онъ въ своей прохладной ваннѣ, пасется-ли онъ или работаетъ, никогда онъ не издастъ ни единого звука.

Только коровы, имѣющія сосунковъ, или быки, приведенные въ ярость, пускаютъ иногда въ дѣло свои голосовыя средства: тогда раздается въ высшей степени неблагозвучный раздражающій громкій ревъ,—что-то среднее между мычаньемъ нашего обыкновеннаго рогатаго скота и хрюканьемъ свиньи.

Въ болѣе сѣверныхъ странахъ своей области распространенія буйволы, предоставленные самимъ себѣ, совокупаются въ апрѣлѣ и въ маѣ; послѣ 10-ти мѣсячной беременности корова телится. Новорожденный теленокъ очень нескладное созданіе, но мать любитъ его съ нѣжностью и во время опасности защищаетъ со свойственнымъ рогатому скоту геройствомъ. На четвертомъ и пятомъ году буйволъ становится уже взрослымъ; жизнь его продолжается отъ 18—20 лѣтъ. Съ коровами зебу и другихъ горбатыхъ быковъ онъ спаривается охотно, а съ домашними коровами, напротивъ того, очень рѣдко и никогда по своему собственному почину. Такое скрещиваніе до сихъ поръ не имѣло никакого успѣха, потому-что дѣтенышъ, происходящій отъ буйвола-отца, еще въ утробѣ матери достигаетъ уже такого большаго роста, что при рожденіи или его приходится убить, или матери грозитъ опасность быть изувѣченной.

Буйволъ приноситъ сравнительно большую пользу, чѣмъ нашъ рогатый скотъ, такъ-какъ онъ почти никакого ухода не требуетъ и кормится такими растеніями, которыми пренебрегаютъ остальные домашнія травоядные. Въ болотистыхъ мѣстностяхъ онъ оказывается особенно полезнымъ животнымъ даже при воздѣлываніи полей, потому-что недостатокъ понятливости у него восполняется огромной физической силой. Такъ, Колкхунъ видѣлъ его въ южномъ Китаѣ работающимъ на болотистыхъ рисовыхъ поляхъ; чтобы онъ не бросалъ въ лицо рабочимъ слишкомъ много грязи хвостомъ, принято привязывать хвостъ къ шеѣ. На Цейлонѣ онъ служитъ какъ вьючное и какъ упряжное животное: въ первомъ случаѣ имъ пользуются для доставленія тяжелыхъ грузовъ соли съ берега во внутрь страны, а во второмъ случаѣ для перевоза телѣгъ по такимъ дорогамъ, гдѣ сила всякаго другого быка оказывается недостаточною. Въ одной мѣстности между Баттикахоа и Тринкомале туземцы употребляютъ его, какъ сообщаетъ Теннентъ, для очень остроумной охоты за водяной птицей, которая массами живетъ въ обширныхъ соляныхъ болотахъ и илистыхъ озерахъ и совершенно свыклась съ буйволами, имѣющими здѣсь сообще съ ними мѣстопребываніе. Этихъ послѣднихъ пріучаютъ по волѣ охотника двигаться по болоту и въ илистой водѣ, такъ что они, прикрывая собою стрѣлка, даютъ ему возможность подойти къ дичи на необходимое для выстрѣла разстояніе. Подобнымъ-же образомъ пользуются буйволомъ и въ сѣверныхъ частяхъ Индіи, подкрадываясь къ оленямъ, и наконецъ также точно ведется съ нимъ и ночная охота за всякою другою дичью.

Мясо буйволовъ вслѣдствіе своей жесткости и присущаго ему мускуснаго запаха, не употребляется въ пищу, по крайней мѣрѣ, европейцами; но мясо телятъ, говорятъ, очень хорошо, а жиръ по вкусу и нѣжности не уступаетъ свиному салу. Толстая, крѣпкая шкура этихъ животныхъ даетъ превосходную кожу; а изъ роговъ ихъ выдѣлываютъ прочную утварь разнаго рода.

Только въ одной Индіи, да еще, быть можетъ, въ Персіи имѣются у буйвола враги, которые въ состояніи ему вредить. Въ Дунайскихъ низменностяхъ рѣдко случается, чтобы стая волковъ осмѣлилась напасть на буйвола, и этотъ буйволъ долженъ быть по какимъ-нибудь причинамъ слишкомъ обезсиленъ и истомленъ, чтобы такіе враги сдѣлались для него опасными. Подобнымъ образомъ происходитъ дѣло и въ Индіи, хотя здѣсь противъ него выступаетъ тотъ самый непріятель, который преслѣдуетъ и дикаго буйвола, а именно тигръ. Бываютъ, конечно, случаи,

когда этотъ страшный хищникъ находитъ себѣ жертву среди буйволовъ; но вѣрно также и то, что стадо буйволовъ всякаго тигра обращаетъ въ бѣгство.

* *
* *
* *

Въ юго-восточныхъ азиатскихъ странахъ, напримѣръ на Суматрѣ, Явѣ, Тимотѣ, Борнео, Целебесѣ, Филиппинскихъ островахъ и другихъ, живетъ частію въ одичаломъ, частію въ домашнемъ состояніи, другой видъ буйвола, **Керабау**, **Карбау** или **Карбо** (*Bos kerabau*, *Vubalus kerabau*). Это животное по виду и по нраву почти ничѣмъ не отличается отъ только-что описаннаго континентальнаго буйвола. Короткіе, жесткіе волосы на тѣлѣ керабау такъ жидки, что кожа просвѣчиваетъ вездѣ; только на шеѣ, на темени и на переднихъ частяхъ ногъ волосяной покровъ становится нѣсколько гуще, а между рогами образуетъ чолку. Общій цвѣтъ кожи сѣрый отъ темно-шифернаго до свѣтло-голубовато-пепельнаго; на внутренней сторонѣ бедеръ и въ паховой области тѣлесно-красноватый, а на нижнихъ частяхъ ногъ бѣлый; волосы окрашены приблизительно такъ-же, какъ и кожа. По полученнымъ мною сообщеніямъ отъ Гаскарля и Розенберга, на Явѣ попадаетъ еще рыжеватая разновидность, которую можно было-бы причислить къ альбиносамъ, такъ какъ у рыжеватыхъ керабау глаза тоже красные. Бикморъ утверждаетъ, что случается встрѣчать экземпляры свѣтло-тѣлеснаго цвѣта, но совершенно бѣлыхъ можно видѣть очень рѣдко.

Какъ уже было сказано, керабау такъ мало отличается отъ только-что описаннаго дикаго буйвола, что его слѣдуетъ разсматривать, какъ произведенную искусственнымъ подборомъ породу или въ крайнемъ случаѣ, разновидность индѣйскаго буйвола. Дикихъ керабау, какъ пишетъ мнѣ Розенбергъ, нигдѣ больше нѣтъ; но есть одичалые керабау, дѣлающіеся очень опасными для европейцевъ, впрочемъ, какъ всѣ вообще буйволы, даже самые ручные, которые охотно повинуются яванскому ребенку, съ европейцемъ-же рѣдко осваиваются. Гаскарль пишетъ мнѣ по этому поводу, согласно съ Розенбергомъ: «Хотя на Явѣ даже маленькимъ дѣтямъ довѣряютъ керабау, нисколько не боясь какой-нибудь свирѣпой ихъ выходки, тѣмъ не менѣе къ европейцу они всегда относятся враждебно. Туземный ребенокъ сидитъ на керабау и можетъ дѣлать съ нимъ все, что ему угодно; но это-же самое животное преслѣдуетъ европейца, быть можетъ, вслѣдствіе странной для него чужеземной одежды, сначала угрожая ему взорами, а потомъ кидаясь на него съ опущенной къ землѣ головой.» Обыкновенно керабау, также какъ въ другихъ мѣстахъ буйволовъ, употребляютъ для различныхъ услугъ, но главнымъ образомъ ихъ приучаютъ ходить подъ верхомъ. На Явѣ кромѣ этого ихъ запрягаютъ въ экипажи, въ видѣ пристяжныхъ для быстрой ѣзды на почтовыхъ лошадяхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда предстоитъ путь по крутизнамъ. «Только на высокихъ подъемахъ,» пишетъ О. Кунце, «лошади останавливаются, и тогда припрягаютъ впереди пару керабау, потому-что буйволы оказываются крѣпче и искуснѣе для восхожденія въ горы, а также по ровному пути могутъ пробѣжать нѣкоторое пространство легкимъ галопомъ. Передъ тѣмъ и послѣ этого они лежатъ въ грязи рисовыхъ полей или, гдѣ есть пруды и рѣки, въ водѣ по самую голову. Ихъ можно видѣть и въ другихъ мѣстахъ повсюду, гдѣ находятся человѣческія жилища большею частію стоящими или лежащими въ водѣ такъ глубоко, что на поверхности воды отъ всего туловища остаются только гигантскіе рога и небольшая часть головы. Кормъ имъ даютъ въ загонахъ, обнесенныхъ бамбуковымъ частоколомъ. Замѣчательнъ тотъ фактъ, что этихъ буйволовъ никогда не трогаютъ крокодилы, безразлично нападающіе на всякое другое животное—даже на зебу и на лошадей. Въ

дождливое время года для тамошнихъ обитателей буйволы положительно необходимы, такъ какъ они представляютъ единственную возможность передвиженія по непроходимымъ тогда дорогамъ. Тяжести перевозятся тогда на саняхъ, легко скользящихъ по влажной землѣ; возница сидитъ на затылкѣ животного и правитъ имъ по своему усмотрѣнiю.

Мясо яванскаго керабау, какъ говоритъ Гаскарль, европейцами почти никогда не употребляется въ пищу; но туземцы, напротивъ, его очень любятъ и даже кожу и мякоть его ногъ считаютъ за лакомство; языкъ керабау даже на столѣ

Керабау. *Vos kerabau*. $\frac{1}{20}$ наст. вел.

у живущаго на Лвѣ европейца оказывается желаннымъ блюдомъ. Что-же касается альбиносовъ, которыхъ вообще считаютъ тамъ болѣе слабыми, то, по свидѣтельству Розенберга, ни мясо, ни молоко ихъ въ пищу не употребляются.

Въ новѣйшее время въ Европу часто привозятъ живыхъ керабау, которые не разъ плодились уже въ различныхъ зоологическихъ садахъ и скрещивались съ обыкновенными буйволами. По своему нраву и привычкамъ они совершенно на нихъ походятъ и имѣютъ точно такой-же, какъ у нихъ, голосъ, но сравнительно съ своимъ большимъ ростомъ необыкновенно слабый и невыразительный.

Нѣкоторые естествоиспытатели признали антилопой одно очевидно принадлежащее къ быкамъ жвачное животное, несмотря на то, что его внѣшній видъ, нравъ и образъ жизни уже при первомъ взглядѣ свидѣтельствуютъ объ его родствѣ съ быками. Несомнѣнно однако, что это животное больше другихъ быковъ приближается къ антилопамъ. **Аноа**, котораго слѣдуетъ считать представителемъ одноименнаго съ нимъ подвида, извѣстенъ у побережныхъ малайцевъ подъ именемъ **Бандого-туту** и **Сапиутанъ** (*Bos depressicornis*, *Anoa*, *Antilope* и *Probubalus depressicornis*, *Antilope compressicornis*, *platyceros* и *celebica*). Животное это, какъ уже выше сказано, изъ всѣхъ быковъ особенно близко стоитъ къ антилопамъ и, исключая нѣкоторыхъ искусственныхъ породъ, должно считаться карликомъ въ семействѣ быковъ, такъ какъ оно, при высотѣ плечъ 1,3—1,4 м. по длинѣ туловища со включеніемъ 30 см. длины хвоста достигаетъ въ крайнемъ случаѣ только 2 м.

Туловище у него коренастое и толще всего въ среднихъ своихъ частяхъ, а къзади утрачиваетъ свою массивность; загривокъ поднимается выше, чѣмъ крестецъ; шея короткая, слегка округленная; голова въ лобной части широкая, а къ мордѣ заостряется; голая часть носа большая и занимаетъ всю верхнюю губу; переносье нѣсколько горбатое. Темно-каріе глаза съ кругловатымъ зрачкомъ снабжены сверху большими рѣсницами; ухо короткое, довольно тонкое, на внѣшнемъ краю отворачивается, а на внутреннемъ загибается; покрыто волосами только у корня, а къ концу, напротивъ, обнажено, но во внутреннемъ углу имѣетъ пучекъ бѣлыхъ волосъ. Рога у корня широко отстоятъ одинъ отъ другого и, помѣщаясь у краевъ лобной кости, направляются вверхъ и немного къзади, слегка загибаясь кнаружи; каждый отдѣльный рогъ довольно явственной трехгранной формы; внизу рога имѣютъ кольцевыя полосы, ихъ поверхность дѣлается кверху гладкой и конусообразной; заканчиваются они шиловиднымъ остриемъ. Средней длины хвостъ постепенно утончается отъ корня книзу и на концѣ имѣетъ жидкую кисть волосъ. Низкія, толстыя, широко раставленные ноги снабжены округлыми и совершенно бычачьими копытами, съ довольно длинными выступающими неразвитыми копытцами. Слезныя впадины отсутствуютъ. Волосы на всемъ тѣлѣ не очень длинные и довольно жидкіе, особенно рѣдки надъ концемъ морды и подъ глазами. Шерсть имѣетъ свойственную антилопамъ общую темно-бурую окраску, принимающую болѣе свѣтлый оттѣнокъ на почти обнаженныхъ частяхъ морды и переходящую на внѣшней сторонѣ ушей въ грязный свѣтло-бурый цвѣтъ, а на нижней сторонѣ въ свѣтло-бурый. По срединѣ нижней челюсти замѣтно бѣлое пятно, а другое полукруглой формы находится на нижней части шеи; подъ старость эти пятна пропадаютъ; плечевыя и паховыя области съ внутренней стороны окрашены въ желтовато-бѣлый цвѣтъ. Такимъ-же цвѣтомъ окрашены и бабки, надъ которыми однако спереди тянется охватывающая ихъ съ боковъ полоса такимъ образомъ, что свѣтлый тонъ является въ видѣ двухъ боковыхъ пятенъ. У отдѣльныхъ экземпляровъ замѣчается еще подъ каждымъ глазомъ по одному небольшому, а на щекахъ съ обѣихъ сторонъ по одному или по два бѣлыхъ пятна.

О жизни аноа на волѣ и въ настоящее время еще почти ничего неизвѣстно. Путешественники, посѣщавшіе область ихъ распространенія, говорятъ о нихъ вскользь, и даже Розенбергъ, убившій за охотѣ многихъ животныхъ этого вида, сообщаетъ только то, что они необыкновенно осторожны, и что поэтому охота за ними очень затруднительна. Аноа, какъ кажется, встрѣчается почти исключительно на Целебесѣ и только въ гористыхъ мѣстностяхъ этого острова. Попавшихся въ неволю очень рѣдко доставляли въ Европу; первые изъ привезенныхъ были доставлены въ Роттердамъ, а затѣмъ и другіе экземпляры—въ Антверпенъ, Амстер-

дамъ, Лондонъ, Берлинъ и Франкфуртъ на Майнѣ. Аноа своимъ видомъ совершенно похожъ на маленькаго быка и ктому-же, по обычаю своихъ родичей, лѣнивъ, не любитъ движенія, по цѣлымъ часамъ стоитъ на одномъ и томъ-же мѣстѣ, занятый ѣдой или жвачкой, и, кажется, очень мало или даже вовсе не заботится объ окружающемъ его мѣрѣ. Всегдашняя поступь его — медленный шагъ, но иногда онъ рѣшается сдѣлать нѣсколько неуклюжихъ скачковъ, подобно прочимъ видамъ быковъ. Какъ всѣ буйволы, аноа отличается своею молчаливостью; очень рѣдко удается услышать его голось, и это бываетъ простое, короткое блеяніе, которое скорѣе всего можно было-бы назвать стономъ. Свое родство съ буйволомъ

Аноа. *Bos depressicornis*. $\frac{1}{16}$ наст. вел.

аноа доказываетъ своимъ пристрастіемъ къ водѣ и вообще къ сырости и затѣмъ еще, какъ замѣчаетъ Гаакъ, своимъ сильнымъ мускуснымъ запахомъ. Онъ пьетъ много и длинными глотками, останавливается только для передышекъ, намѣренно опрокидываетъ поставленный для него сосудъ съ водою, чтобы имѣть влажную поверхность, съ удовольствіемъ катается потомъ по мокрой землѣ, а если есть возможность, то съ наслажденіемъ идетъ въ воду купаться или прохладиться. Относительно пищи онъ показываетъ такую-же неразборчивость, какъ и буйволы и, подобно имъ, съ особенною охотою ѣсть болотныя, водяныя растенія. Испражненія его имѣютъ видъ широкихъ лепешекъ и этимъ онъ опять доказываетъ свою несомнѣнную принадлежность къ семейству быковъ. Служителю онъ хотя и позволяетъ ласкать и чистить себя, но иногда принимаетъ и относительно его угрожающій видъ. Съ другими животными, напр. съ антилопами, онъ ведетъ себя весьма недружелюбно,

а во время случки бываетъ очень злобенъ. Такъ въ Амстердамѣ въ зоологическомъ саду, гдѣ много разъ росли аноа, первая самка была убита разъяреннымъ самцомъ, который нанесъ противившейся его желаніямъ коровѣ смертельный ударъ рогомъ.

Объ одномъ аноа, живущемъ въ Франкфуртскомъ зоологическомъ саду, Гааке пишетъ мнѣ слѣдующее: «Лѣтомъ 1888 года мы получили теленка аноа, ростомъ съ полувзрослую овцу, который игралъ съ дѣтьми своего прежняго хозяина и былъ до того ручной, что онъ спѣшилъ на зовъ и всюду по саду слѣдовалъ за служителемъ. Онъ отличался такою игривостью, какой я не наблюдалъ ни у какого другого жвачнаго животнаго, и очень любилъ, когда я приходилъ навѣстить его. Особенную радость доставлялъ я ему, приводя къ нему во время такихъ посѣщеній собаку мою, Кору, которая сама была не прочь порѣзвиться съ веселымъ буйволенкомъ и возилась съ нимъ въ загородкѣ до тѣхъ поръ, пока ее не утомляла буйная шаловливость аноа, острые рога котораго давали себя чувствовать очень неприятно. Весною 1889 г. нашъ аноа изрядно выросъ; я давно не былъ у него и когда наконецъ случайно подошелъ къ его загородкѣ, то обрадованное монмъ приходомъ животное, порываясь ко мнѣ, поднялось даже на рѣшетку передними ногами. Я вошелъ въ загородку, но аноа такъ неистово и больно привѣтствовалъ меня ударами роговъ по икрамъ, что я былъ вынужденъ отстранить животное. Обиженный этимъ аноа тѣснилъ меня тѣмъ упорнѣе, а такъ какъ попыткой къ бѣгству я могъ навлечь на себя чувствительные и притомъ съ изумительной быстротой повторявшіеся удары, то я, волей-неволей, предпочелъ вступить съ нимъ въ правильную борьбу. Когда мнѣ послѣ довольно продолжительнаго времени удалось наконецъ крѣпко схватить его за рога обѣими руками и удержать его въ такомъ положеніи, я находился въ совершенномъ изнеможеніи и былъ близокъ къ обмороку. Я вывелъ аноа изъ загородки и, оставаясь снаружи, втокнулъ его обратно головою впередъ; инымъ способомъ я не могъ освободиться отъ своего любимца, уснѣвшаго уже сдѣлаться очень опаснымъ животнымъ. Не считая незначительныхъ ссадинъ на кожѣ, изъ этого сраженія я вынесъ на лѣвой рукѣ и на обоихъ бедрахъ глубокія раны, потребовавшія нѣсколько недѣль для излѣченія; этимъ покончили мои визиты въ загородку аноа. Хотя животное и до сихъ поръ съ легкимъ бляньемъ бѣжитъ на зовъ мой и другихъ знакомыхъ, но всегда съ опущенной къ землѣ головой и видимо стараясь нанести посѣтителю удары, которые хотя и могутъ, пожалуй, считаться за ласки, но все-таки не дозволяютъ даже служителю входить въ его стойло или въ загородку.

Такимъ образомъ бычачья природа сказывается въ этомъ буйволѣ въ своей первобытной простотѣ. Но рога служатъ этому животному не для одного нападенія. Пока не выросъ нашъ аноа, я могъ часто наблюдать, какъ онъ, ложась спать, забиралъ рогами пучъ подстилочной соломы и оставлялъ ее у себя на рогахъ во время сна. Очень возможно, что этимъ способомъ молодые аноа въ первобытномъ лѣсу стараются закрыться отъ враговъ».

* * *

На высокихъ горахъ Сѣверной Америки живетъ одно рогатое животное, которое по формѣ роговъ такъ сильно отличается отъ всѣхъ другихъ полорогихъ, что его считаютъ теперь представителемъ отдѣльнаго подсемейства, именуемаго **Горными козами** (*Arlocerinae*); прежде его признавали то антилопой, то козой.

Снѣговая коза, Бѣлая коза или Сѣверо-американская горная коза, называемая въ Канадѣ **Нане** (*Arlocerus montanus*, *Ovis montana*, *Capra*, *Antilope*, *Rupicapra*).

capra и *Mazama americana*, *Aplocerus* или *Haplocerus americanus* и *lanigerus*, *Capra Colombiana*, *Antilope lanigera*, *Mazama sericea* и *dorsata*. Schneeziege. *Aplocère des neiges*) имѣть видъ домашней козы, но вслѣдствіе очень пышнаго волосяного покрова кажется тучиѣе и какъ-бы съ болѣе короткою шею, хотя собственно по тѣлосложенію ее надо назвать стройной. Голова у нея продолговатая, глаза большіе, уши не особенно длинныя и къ концу сильно заостряются; короткій хвостъ сверху и съ боковъ покрытъ пушистою шерстью; коренастыя ноги по причинѣ богатаго волосяного покрова кажутся еще толще, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ; шпорцы и покрытыя въ верхней своей половинѣ жесткими волосами настоящія копыта соотвѣтствуютъ крѣпкому строенію ногъ, хотя существенно не отличаются отъ соотвѣствующихъ органовъ у другихъ дикихъ козловъ. Бѣлый, одноцвѣтный по всему тѣлу мѣхъ состоитъ изъ длинныхъ, твердыхъ волосъ ости и изъ тонкаго, длиннаго, и прямого подшерстка, причемъ оба вида волосъ выступаютъ то отдѣльно, то сообща, распредѣляясь однако по частямъ тѣла различнымъ образомъ. По лицу на лбу растетъ исключительно тонкая, густая шерсть безъ ости; шея, бока, брюхо и бедра одѣты смѣшаннымъ волосянымъ покровомъ; на затылкѣ, по верхней части шеи, на спинѣ, хвостѣ и въ гривоподобномъ украшеніи нижней части шеи, на груди, плечахъ и передней сторонѣ заднихъ бедеръ подшерстка совершенно нѣтъ. На задней части головы поднимается густой, длинный пучокъ волосъ, ниспадающій во всѣ стороны и переходящій въ гриву вдоль шеи и спины; на подбородкѣ и нижней челюсти виситъ пышная борода, выходящая правильными отдѣльными кудрями; шею украшаетъ свѣшивающійся на лопатки воротникъ изъ длинныхъ волосъ, который въ видѣ бахромы продолжается по передней сторонѣ плечъ и предплечій и почти сплошь одѣваетъ переднія ноги, оставляя свободной одну ихъ нижнюю треть. Заднія ноги покрыты такою-же бахромой, но она начинается только надъ пяточнымъ суставомъ; наконецъ, хвостъ тоже имѣетъ длинную, густую кисть остистыхъ волосъ. Всѣ части лица сплошь одѣты шерстью, даже глаза сверху и снизу до самаго разрыва вѣкъ и носъ по самый край ноздрей; отвислыя уши, напротивъ того, покрыты исключительно густою, жесткою остью, направляющеюся отъ корня къ концу. Мѣхъ похожъ на овечій, на ощупь жирный и въ значительной степени слипается, такъ-что отдѣльные волосы оказываются явственно скрученными другъ съ другомъ. Общая длина животнаго равняется 1,2—1,4 м., длина хвоста 9 см.; высота въ плечахъ достигаетъ 68—74 см., а въ крестцѣ 73—78 см. Рога имѣются у обоихъ половъ съ тою только разницею, что у козловъ они оказываются болѣе толстыми и длинными, имѣють отъ 20—27 см. длины; они слабой дугой направляются вверхъ, назадъ и кнаружи. У корня они почти круглые, а на первой половинѣ своего протяженія покрыты небольшими кольцевыми бороздками, на второй трети съ боковъ нѣсколько сплюснуты, а кверху снова закругляются; на нихъ нѣтъ ни реберъ, ни возвышеній, но часто замѣчается двойное вздутіе, изъ которыхъ одно появляется на половинѣ высоты, а другое ближе къ концу.

Область распространенія сѣверо-американской горной козы простирается на всю сѣверную часть Скалистыхъ горъ и къ сѣверу доходитъ до 65° с. ш. По свидѣтельству Барда, чаще всего эта коза попадается на возвышенностяхъ острова Вашингтона въ Ледовитомъ океанѣ и, по сообщеніямъ принца фонъ-Вида, преимущественно у истоковъ рѣки Колумбіи. Объ образѣ жизни этого животнаго мы имѣемъ свѣдѣнія, полученныя только въ самое недавнее время. Горная коза живетъ въ такомъ поясѣ и на такой высотѣ, гдѣ кормомъ для нея могутъ служить одни мхи, лишай, да нѣкоторые изъ наиболѣе выносливыхъ видовъ альпійской флоры, а въ особенно благоприятныхъ случаяхъ нѣсколько уродливыхъ приземистыхъ сосе-

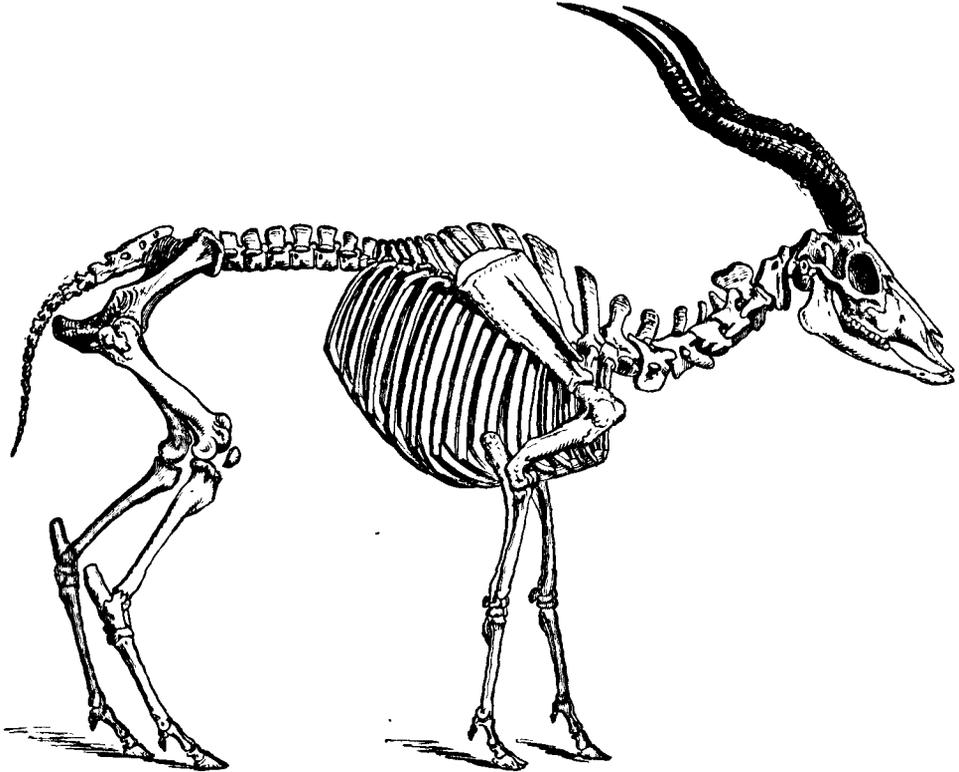
нокъ (*Pinus contorta*) и кое-какой тощій кустарникъ. Тѣмъ не менѣе и въ наше еще время она ведетъ довольно привольную жизнь и испытываетъ нужду только зимою, когда голодъ принуждаетъ ее на время покидать свои горныя пастбища. Лѣтомъ она поднимается въ горы до 4,000 м. высоты, и для своего мѣстопробыванія предпочтительно избираетъ мѣстности, лежащія по нижней границѣ таянія снѣговыхъ полей; зимою спускается нѣсколько ниже, но никогда не выходитъ изъ горнаго хребта. Въ этихъ снѣжныхъ пустыняхъ, лишь изрѣдка посѣщаемыхъ человѣкомъ, она безпечно странствуетъ по своимъ извилистымъ тропинкамъ, со свойственной ей увѣренностью, перескакивая съ одного утеса на другой и взбираясь на вершины, кажущіяся недоступными. Въ отличіе отъ другихъ породъ козъ, здѣсь предводительство принимаетъ на себя козель, а за нимъ вереницею слѣдуютъ козы и козлята. Испуганныя выстрѣломъ или чѣмъ-нибудь другимъ, животныя полнымъ галопомъ мчатся по краямъ страшнѣйшихъ обрывовъ и перепрыгиваютъ черезъ пропасти другъ за другомъ, попадая на то-же самое мѣсто, съ легкостью и прелестью движеній, которыя напоминаютъ скорѣе крылатое существо, чѣмъ четвероногое животное. Чрезвычайно осторожная и одаренная необыкновенно тонкимъ слухомъ и обоняніемъ, горная коза въ большинствѣ случаевъ дѣлаетъ тщетными всѣ усилія охотника приблизиться къ ней, а потому наблюдать и убить ее одинаково трудно. Дѣтеныши рождаются, вѣроятно, въ началѣ іюня, такъ какъ около этого времени можно видѣть маленькихъ козлятъ, слѣдующихъ за матерью, обыкновенно по одному и въ рѣдкихъ случаяхъ по два. Это вообще очень милыя и, какъ всѣ вообще козлиныя породы, очень игривыя созданія.

За исключеніемъ немногихъ естествоиспытателей и страстныхъ горныхъ охотниковъ-европейцевъ, охотою на этихъ безлюдныхъ высотахъ занимаются одни индѣйцы, которые однако не особенно гонятся за этой горною козою. Дичь эта не цѣнится, потому-что мясо у нея жесткое, и даже маленькіе козлята сохраняютъ присущій козлу запахъ, претящій даже индѣйцамъ, несмотря на то, что ихъ, какъ извѣстно, уже никакъ нельзя назвать особенно разборчивыми въ пищу. По этой причинѣ за горною козою охотятся исключительно ради ея мѣха, продаваемого потомъ въ торговыя факторіи или употребляемого индѣйцами для незатѣйливыхъ одѣялъ. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ шкуры этихъ козъ стояли въ довольно высокой цѣнѣ, потому что тогда носили муфты и воротники изъ мѣха одной африканской обезьяны, а подкрашенный мѣхъ сѣверо-американской горной козы, по своему сходству со шкурой этой обезьяны, шелъ для такого-же употребленія; но съ перемѣною моды стоимость шкуры понизилась.

Лордъ, наблюдавшій бѣлую горную козу и внимательно изслѣдовавшій приготавлиаемыя изъ ея шерсти ткани, думаетъ, что это животное способно жить на нашихъ европейскихъ горахъ; но при этомъ онъ забываетъ, что кашмирскую козу, приносящую очевидно большую пользу, мы могли-бы развести гораздо легче, чѣмъ эту дикую породу, которая, насколько мнѣ извѣстно, еще нигдѣ не содержалась въ неволѣ и даже въ большинствѣ музеевъ до сихъ поръ еще не встрѣчается.

Антилопы (*Antilopinae*) образуютъ между полорогими наиболѣе богатое формами, но и наиболѣе низко стоящее семейство. Къ нему принадлежатъ, между прочимъ, самыя красивыя и самыя изящныя полорогія. Конечно, этого нельзя сказать о всѣхъ сюда относящихся животныхъ, такъ какъ именно нѣкоторые изъ антилопъ менѣе всего соотвѣтствуютъ тому представленію, которое связано у насъ съ ихъ наименованіемъ. Вообще въ этомъ семействѣ повторяются формы, встрѣчающіяся въ дру-

гихъ семействахъ полорогихъ: рядомъ съ самыми стройными и красивыми представителями здѣсь встрѣчаются также такія неуклюжія, грузныя созданія, которыхъ на первый взглядъ скорѣе всего можно-бы причислить къ семейству быковъ, а не къ антилопамъ. По этой причинѣ характеристика этихъ послѣднихъ представляетъ такія-же значительныя затрудненія, какъ и характеристика всего отряда, причемъ выдѣлить признаки семейства оказывается дѣломъ отнюдь не легкимъ, такъ какъ многія антилопы имѣютъ больше сходства съ быками и козами, чѣмъ съ прототипомъ этого семейства, который мы съ давняго времени привыкли видѣть въ знакомой намъ газели. Вообще однако объ антилопахъ можно сказать, что это животныя стройнаго тѣлосложенія, похожія на оленей, съ короткимъ, почти всегда плотно прилегающимъ

Скелеть Мендесъ-антилопы. *Addax nasomaculatus*.

къ тѣлу волоснянымъ покровомъ и болѣе или менѣе выгнутыми рогами, развитыми у обоихъ половъ почти одинаково. Нѣкоторые роды ихъ необыкновенно схожи между собою по тѣлосложенію, и только внѣшній видъ роговъ, копытъ и хвоста, а также нѣкоторыя измѣненія волосяного покрова служатъ вѣрными признаками для ихъ различенія. Но число антилопъ такъ велико, что въ крайнихъ членахъ общаго ряда уже трудно бываетъ подмѣтить родственныя черты; а такъ какъ съ большимъ числомъ видовъ увеличивается и различія между ними, то поэтому антилопы относительно разнообразія типовъ превосходятъ всѣ прочія семейства полорогихъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ животныхъ, напоминающихъ по своей массивности быковъ и по своей стройности козулъ; другихъ, которыя похожи на маленькую нѣжную кабаргу, и нѣкоторыхъ—напоминающихъ по внѣшнему виду лошадей. Хвостъ у нихъ обыкновенно бываетъ короткій, какъ у быковъ или совсѣмъ неразвитый, какъ у нѣкоторыхъ оле-

ней. На шеѣ иногда бываетъ небольшая грива; вокругъ морды шерсть можетъ такъ своеобразно разрастись, что получается подобіе бороды, какъ у козъ. Рога представляютъ то простую, то двойную дугу, иногда дѣлаютъ нѣсколько винтообразныхъ оборотовъ; концы ихъ загибаются назадъ или впередъ, внутрь или наружу. У нѣкоторыхъ экземпляровъ оба рога вмѣстѣ представляютъ видъ лиры; у другихъ вѣтви роговъ, каждая порознь, заворачиваются на подобіе винта, попадаютъ также совершенно прямые, или только со слабой кривизной. Бываютъ рога круглые и граненые, сплюснутые и ребристые; поперечныя борозды, обозначающія возрастъ, вообще выступаютъ явственно, но иногда бываютъ и едва замѣтны; у одного рода даже встрѣчаются четыре рога. Внутреннее строеніе тѣла антилопы, мало подвергавшееся точнымъ изслѣдованіямъ, почти такое-же, какъ у другихъ полорогихъ животныхъ. Самки на вымени имѣютъ иногда 2, а иногда 4 соска. Онѣ рожаютъ обыкновенно одного дѣтеныша, рѣдко двухъ; время беременности продолжается по большей части 9 мѣсяцевъ. Теленокъ по истеченіи 14—18 мѣсяцевъ достигаетъ полнаго роста, хотя въ эту пору онъ не всегда еще оказывается способнымъ къ размноженію.

* *

Вся Африка, южная, западная и средняя Азія, южная и средняя Европа служатъ родиной антилопамъ. Каждый видъ имѣетъ, повидимому, свою любимую пищу; этимъ и обуславливается его область распространенія, до тѣхъ поръ, пока тамъ не явится человѣкъ и не изгонитъ въ другія страны этихъ боязливыхъ и быстроногихъ животныхъ. Большинство изъ нихъ любятъ равнину, но нѣкоторыя рѣшительно предпочитаютъ гористыя страны низменностямъ и достигаютъ границы вѣчныхъ снѣговъ; однѣ живутъ въ открытыхъ, бѣдныхъ растительностью мѣстностяхъ, другія встрѣчаются въ рѣдкихъ поросляхъ, инныя-же въ густыхъ лѣсахъ, а нѣкоторыя даже на болотахъ и топкихъ мѣстахъ. Крупныя виды живутъ группами или стадами, часто очень большими, болѣе мелкіе—парами или, по крайней мѣрѣ, не столь многочисленными обществами. Антилопы пасутся и днемъ и ночью; ихъ движенія большею частью живы, быстры и притомъ чрезвычайно граціозны. Ни одно изъ млекопитающихъ не можетъ превзойти въ быстротѣ нѣкоторые изъ видовъ этихъ животныхъ, а въ граціи положительно никто не можетъ сравниться съ ними. Важнѣе всего для нихъ воздухъ, свѣтъ и безграничный просторъ; поэтому-то онѣ обитаютъ въ пустыняхъ и оживляютъ ихъ мертвое однообразіе. Только немногіе виды бѣгаютъ неуклюже и тяжело и утомляются отъ непродолжительнаго преслѣдованія; остальные какъ-бы воодушевляются во время бѣга. Внѣшнія чувства ихъ очень остры: онѣ обладаютъ прекраснымъ зрѣніемъ, слухомъ и чутьемъ; очень разборчивы въ пищѣ и вообще воспримчивы къ внѣшнему вліянію. Антилопы не особенно умны, но все-же онѣ умнѣе, чѣмъ другія семейства этого отряда. Будучи по природѣ любопытными, бодрыми, веселыми и игривыми, какъ козы, онѣ, подвергнувшись разъ преслѣдованію, пользуются пріобрѣтеннымъ опытомъ, ставятъ сторожей и дѣлаются въ высшей степени лугливыми. Однѣ изъ нихъ отличаются миролюбивымъ, другія подчасъ бываютъ очень злы. Ихъ голосъ, сходный съ бляеніемъ, стономъ или свистомъ, слышенъ обыкновенно только во время спариванія.

Пища ихъ исключительно растительная; онѣ ѣдятъ преимущественно травы, листья, почки и молодые побѣги растений. Нѣкоторыя довольствуются самой скудной пищей, другія-же очень разборчивы и питаются лишь самыми сочными и вкусными растеніями. При свѣжемъ, зеленомъ кормѣ большинство изъ нихъ можетъ долго терпѣть жажду; тѣ, которыя живутъ въ безплодной пустынѣ, могутъ вполне обойтись безъ воды въ теченіи нѣсколькихъ дней и даже недѣль. Антилопу можно назвать

полезными животными, и при этомъ едва-ли нужно дѣлать какія-нибудь исключенія; въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ онѣ водятся, онѣ рѣдко причиняютъ значительный вредъ; напротивъ, онѣ полезны своимъ мясомъ, рогами и прекрасными шкурами. Поэтому за ними усердно охотятся народы, населяющіе ихъ отечество. Нѣкоторыя, съ незапамятныхъ временъ, прославленные антилопы, были восхваляемы поэтами и путешественниками, изъ-за другихъ альпійскіе охотники сотни разъ рискуютъ своей жизнью. Вообще всѣ виды антилопъ привлекательны для человѣка. Кромѣ того слѣдуетъ замѣтить, что большинство изъ нихъ, по крайней мѣрѣ на родинѣ, хорошо переносятъ неволю, плодятся и радуютъ своихъ хозяевъ легкой приручаемостью и довѣрчивостью. Нѣкоторыя становятся совсѣмъ домашними животными и въ старину дѣйствительно считались таковыми.

Насколько мы можемъ прослѣдить историческіе и миѳическіе рассказы—и тѣ, и другіе упоминаютъ объ отдѣльныхъ видахъ антилопъ. «Довольно значительное число видовъ,» пишетъ мнѣ Дюмихень, «мы встрѣчаемъ въ изображеніяхъ на древне-египетскихъ памятникахъ и особенно на стѣнахъ Гизека, Сакхара, Оивъ, Бени-Гассана и Эль-Каба. Чаще всего, и по истинѣ восхитительно, изображается древними египтянами граціозная газель, и особенно часто молодое животное, узнаваемое по не вполне развитымъ рогамъ. Раза два попадаются между изображеніями подѣ имемъ «кагесъ» обѣ разновидности вышеупомянутой антилопы, а именно изабелловая газель родомъ изъ Малой Азіи и Аравійской пустыни и черноносая газель. Также часто встрѣчается изображеніе саблерогой антилопы (*Oryx leucorhynchus*), иначе степной коровы, называемой въ іероглифахъ «Махетъ» и мендесъ-антилопы (*Oryx nasomaculata*), именуемой «Nutu.» Изъ другихъ видовъ антилопъ встрѣчаются куду и ледра, изъ сернобыковъ—бейза (*Oryx beisa*), изъ водяныхъ антилопъ зингъ-зингъ (*Kobus singsing*), водящійся въ Абиссиніи водяной козелъ (*Kobus ellipsiprimnus*), встрѣчающійся по верхнему теченію Бѣлаго Нила, бѣлая антилопа (*Antilope dama*) родомъ оттуда-же абокъ (*Adenota macaceros*); наконецъ изъ бубаловъ попадаютъ сенегальскій бубаль и тора, называемые «Шезау»; первый изъ Сенаара, другой—изъ степной области, находящейся на западномъ склонѣ абиссинской горной возвышенности.» Между этими антилопами есть нѣсколько видовъ, о существованіи которыхъ мы узнали только благодаря изслѣдованіямъ Гейглина, Швейнфурта, Юнкера и другихъ, такъ какъ они встрѣчаются только въ Центральной Африкѣ. Вотъ какъ далеко проникали древніе египтяне въ погонѣ за открытіями и изслѣдованіями, чтобы удовлетворить своей страсти къ приобрѣтенію всевозможныхъ животныхъ! «Древніе египтяне,» продолжаетъ Дюмихень, «убивали антилопъ стрѣлами. На египетскихъ изображеніяхъ мы видимъ охотника обыкновенно въ сопровожденіи степной борзой собаки, называемой въ іероглифахъ «теземъ,» а нынѣшними арабами «слугуй»; изрѣдка сопутствуетъ ему гіена, которую древніе жители страны фараоновъ умѣли также хорошо приручать и дрессировать, какъ и гепарда. При охотѣ на водяныхъ козловъ употребляли пращу. Особеннаго вниманія заслуживаетъ тотъ фактъ, что саблерогія и мендесъ-антилопы были у древнихъ египтянъ домашними животными и притомъ не въ видѣ отдѣльныхъ экземпляровъ, а цѣлыя стада на-ряду съ коровами и козами. Такъ напримѣръ, въ одной изъ гробницъ Сакхара перечисляется богатство знатнаго египтянина: 405 быковъ рѣдкой породы, 1225 быковъ—обыкновенной, 1220 телятъ длиннорогой породы, 1138 телятъ короткорогой, 1135 газелей, 1308 саблерогой и 1244 мендесъ-антилопъ.»

Въ виду значительнаго числа представителей семейства антилопъ, трудно распредѣлить ихъ по естественнымъ группамъ. Обыкновенно основываютъ классификацію на сходствѣ ихъ съ оленями, козами, быками и т. п.; но этого недостаточно,

и поэтому еще и до сихъ поръ рога служатъ лучшимъ признакамъ для рациональной группировки и классификаціи.

Мы приводимъ лишь важнѣйшіе виды этого богатѣйшаго подсемейства жвачныхъ.

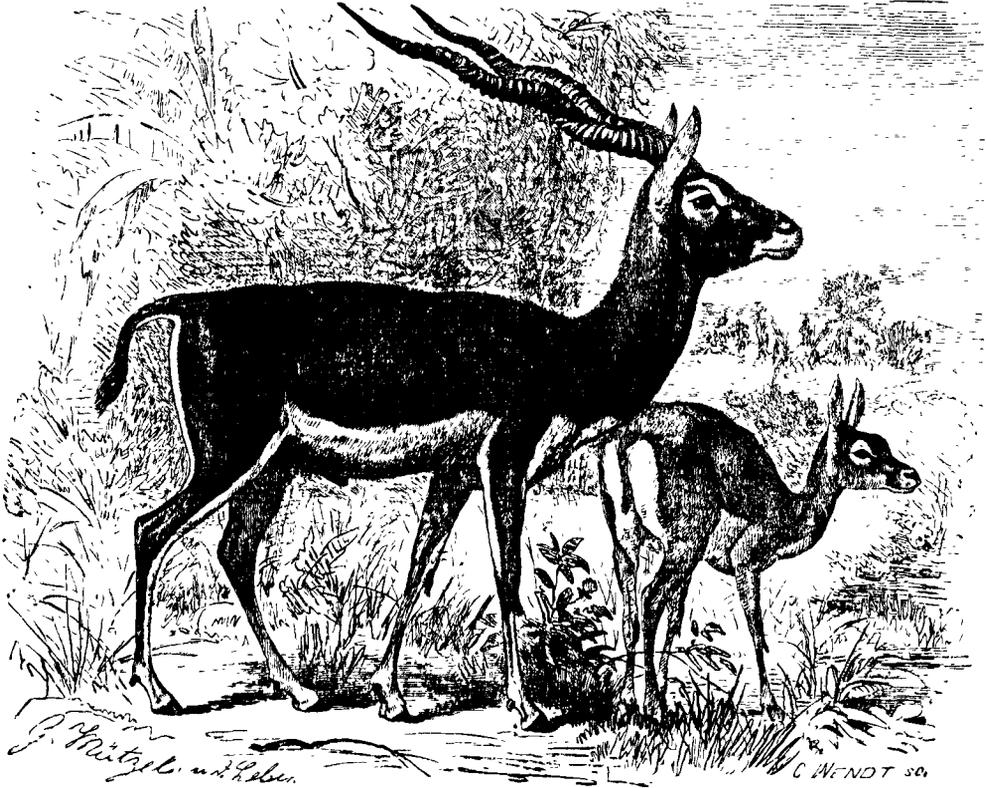
* * *

Описаніе свое мы начнемъ съ антилопъ (*Antilope*) собственно. Называемый мною такъ родъ, который однако распадается на многіе подроды, отличается среднимъ ростомъ, равнымъ приблизительно росту нашего сѣвернаго оленя, удлинненными рогами, имѣющими форму лиры или винтообразно закрученными, большими слезными ямочками, (только въ исключительныхъ случаяхъ онѣ малы), присутствіемъ наховыхъ железъ и небольшой голой мордой, ограничивающейся почти только безволосымъ пятномъ на верхней губѣ.

Оленекозыми антилопами называются виды съ закругленными, загнутыми вверхъ и назадъ, винтообразно закрученными, кольчатыми, почти прямыми рогами, которые носятъ однако только самцы; у нихъ короткій хвостъ, густо обросшій волосами, большія подвижныя слезныя ямочки, а также железы между пальцами, въ пахахъ и копытныя. Самки имѣютъ два соска. Эта группа считается особымъ подродомъ (*Cervicapra*).

Гарна, въ Индіи называемая также **Гирунь**, **Кальвить**, **Бурета**, **Баруть**, **Сасинь**, **Фандайетъ**, **Чигри**, **Джинда** и пр., по санскритски **Мригъ** или **Мирга** (*Antilope cervicapra*, *Cervicapra* и *Antilope bezoartica*, *Capra cervicapra* и *bezoartica*, *Sterspiceros cervicapra*, *Hirschziegenantilope*, *Antilope des Indes*) играетъ важную роль въ индѣйской мѣологіи. На небесной картѣ она изображена запряженной въ колесницу луны и представлена въ видѣ стрѣлы боговъ; въ индусскихъ знакахъ зодіака она занимаетъ мѣсто козерога, и, на ряду съ многими другими животными посвящена богинѣ Чандра или лунѣ. Она немного меньше, стройнѣе и гораздо изящнѣе нашей лани. Длина туловища 1,2—1,3 м., длина хвоста 15 см., высота у загривка 80 см. Туловище у нея слегка вытянутое, коренастое, спина довольно прямая и сзади выше, чѣмъ у загривка; шея тонкая и сжатая съ боковъ; голова довольно круглая, сзади высокая, впереди она значительно суживается, лобъ широкій; носъ прямой, на концѣ загнуть внизъ. Ноги высоки, стройны и тонки, заднія нѣсколько длиннѣе переднихъ. Подъ сравнительно большими и чрезвычайно живыми глазами находятся слезныя ямки, образующія какъ-бы карманы, которые могутъ произвольно открываться и закрываться. Уши большія и длинныя, снизу закрытыя, въ серединѣ расширенныя, къ концу они суживаются и заостряются. Волосы короткіе, густые, гладкіе, довольно жесткіе и, подобно волосамъ большинства оленеобразныхъ животныхъ, нѣсколько завиты. На груди, на плечахъ и между бедрами волосы образуютъ ясныя проборы, а около роговъ и пупка—вихры; на внутренней сторонѣ ушей они раздѣляются на три продольныхъ ряда. На кистевомъ суставѣ (колѣнѣ) и на концѣ хвоста волосы удлиняются и образуютъ небольшіе пучки, нижняя-же сторона хвоста совсѣмъ лишена волосъ. Цвѣтъ шерсти измѣняется, смотря по возрасту и полу. У старыхъ самцовъ шея, спина и бока имѣютъ темную буро-сѣрую окраску; полоса того-же цвѣта на ногахъ спускается, постепенно суживаясь, до нижней части пальцевъ; лобъ, темя, уши, затылокъ, задняя часть шеи и бедеръ и верхняя часть хвоста желтовато-сѣраго цвѣта; передняя часть морды, кольцеобразныя пятна вокругъ глазъ, подбородокъ, зеркало окруженное узкой ржаво-рыжей каемкой, вся нижняя сторона тѣла, начиная съ груди, и внутренняя сторона—бѣлыя. Черную окраску имѣютъ концы морды, весь поросшій волосами, за исключеніемъ узенькой полосы между ноздрями, рога, а также

красивыя, сжатые и острые копыта средней величины и заднія маленькія копытца, которыя не велики, сплюснуты и притуплены. Радужная оболочка буровато-желтая, а поперечно-стоящій зрачекъ совершенно черный. У самокъ окраска гораздо свѣтлѣе — темная чало-бурая; на бокахъ — по продольной полосѣ, какъ-бы по линиямъ темнаго желтовато-грязнаго цвѣта, лобъ черно-бурый; кольцеобразныя пятна вокругъ глазъ и корни ушей—бѣлые. Остальныя части имѣютъ ту-же окраску, какъ и у самцовъ. Молодыя животныя отличаются отъ старыхъ самокъ обыкновенно болѣе рыжеватымъ оттѣнкомъ окраски. Рога, существующіе только у самцовъ, достигаютъ обыкновенно длины 40—50 см. и только изрѣдка 60—65 см.; они

Гарна. *Antilope cervicapra*. $\frac{1}{10}$ наст. вел.

слабо винтообразно закручены, большею частію три или четыре раза, иногда впрочемъ и пять разъ. У основанія они очень сближены, у конца-же удалены другъ отъ друга на 30—40 см. Смотря по возрасту, рога бывають крѣпче или слабѣе; они покрыты кольцеобразными бороздками за исключеніемъ концовъ, которые гладки. У очень старыхъ самцовъ насчитываютъ часто болѣе 30 такихъ бороздокъ; число ихъ однако не вполне соответствуетъ годамъ и росту животнаго.

Гарна живетъ въ открытыхъ, низменныхъ мѣстностяхъ Индостана кромѣ нижней Бенгаліи и Малабарскаго берега; по Стердалю, она не встрѣчается западнѣ Инда, но къ востоку попадаетъ до Ассама. Обыкновенно гарны собираются въ стада въ 20—30, а часто и въ 40—60 головъ, Жердонъ видѣлъ однако стада, какъ онъ думаетъ, въ нѣсколько тысячъ головъ, а Скоттъ сообщаетъ даже о стадѣ въ 8—10,000 головъ. Вѣроятно эти животныя, какъ и африканскія антилопы, въ

случаѣ нужды собираются иногда въ такія большія стада, когда отправляются на водопой или на пастбище. Гарны всегда предпочитаютъ открытыя мѣстности густымъ зарослямъ, такъ какъ онѣ чрезвычайно осторожны. Вильямсонъ рассказываетъ, что когда стадо пробирается на какое-нибудь излюбленное пастбище, то всегда отправляются впередъ нѣсколько молодыхъ самцовъ и старыхъ самокъ. Эти стоража особенно внимательно осматриваютъ кусты, за которыми могъ-бы спрятаться охотникъ. «Было-бы нелѣпо», увѣряетъ этотъ наблюдатель, «натравливать на нихъ борзыхъ, потому что успѣха можно ожидать только тогда, когда застанешь ихъ врасплохъ; въ противномъ-же случаѣ гарны моментально обращаются въ бѣгство и скрываются съ поразительной быстротой. Высота и длина ихъ прыжковъ приводить всякаго въ изумленіе: онѣ поднимаются болѣе чѣмъ на 3 м. отъ земли, а длина скачковъ равняется 6—10 м., такъ что кажется, будто онѣ издѣваются надъ собаками». Поэтому индѣйскіе князья и не пробуютъ охотиться за ними съ собаками, а пускаютъ на нихъ соколовъ или охотничьихъ леопардовъ. Эти красивыя антилопы питаются злаками и сочными травами. Онѣ могутъ долгое время обходиться безъ воды.

Для спариванія, повидимому, нѣтъ опредѣленнаго времени; оно можетъ происходить во всѣ времена года, смотря по мѣстности. Черезъ 9 мѣсяцевъ послѣ спариванія самка рождаетъ одного, вполне развитаго дѣтеныша, прячетъ его впродолженіи нѣсколькихъ дней въ кустахъ, старательно кормить и затѣмъ приводитъ его въ стадо. Самки способны къ размноженію со второго года, а самцы не раньше, чѣмъ съ третьяго. Гарны чрезвычайно плодовиты. Во Франкфуртѣ, какъ сообщаетъ Гааке, первый дѣтенышъ родился у самки въ октябрѣ 1888 г., а въ юлѣ 1890-го третій дѣтенышъ былъ уже почти взрослымъ животнымъ; притомъ еще до его рожденія новое поколѣніе тоже начало размножаться. Повидимому въ связи со спариваньемъ находится особое раздраженіе слезнаго мѣшка. На содержавшихся въ неволѣ животныхъ наблюдали, что весь кожистый мѣшокъ подъ глазами, который обыкновенно кажется просто узенькой складкой, совсѣмъ выпячиваются наружу, когда животное раздражено. Гладкія внутреннія стѣнки мѣшка выдѣляютъ сильно пахучее вещество, которое вытекаетъ наружу отъ тренія о деревья или камни и вѣроятно служитъ къ тому, чтобы привлекать животныхъ другого пола. Во время течки слышится голосъ обыкновенно молчаливаго самца; это родъ бленія; самка издаетъ звуки въ томъ-же родѣ, когда сердится.

Въ Индіи злѣйшими врагами гарны является тигръ, пантера и волкъ. Индусы также ревностно охотятся за нею и оригинальнымъ способомъ ловить ее живую. Для этой цѣли употребляютъ ручнаго самца, котораго пускаютъ въ стадо дикихъ антилопъ, навязавъ ему на рога веревку со многими петлями. Какъ только чужой самецъ появится въ стадѣ, вожакъ тотчасъ-же вступаетъ съ нимъ въ драку, въ которую вмѣшиваются и самки; при этомъ нѣсколько штукъ обыкновенно запутываются въ петляхъ веревки, рвутся и мечутся во всѣ стороны, въ концѣ концовъ падаютъ и становятся вполне беззащитными. Европейцы охотятся на гарнь съ ружьемъ и при томъ преимущественно стараются подкрасться къ вожаку стада, отличающемуся красивыми длинными рогами. Вожакъ всегда убѣгаетъ послѣднимъ, когда стадо, обезпеченное чѣмъ-нибудь, покидаетъ свое пастбище. Застигнутые врасплохъ оба пола не всегда ищутъ спасенія въ бѣгствѣ, но умѣютъ хорошо и скоро запрятаться въ густой кустарникъ, причемъ онѣ такъ тихо лежатъ тамъ, вытянувши головы, что охотнику, по свидѣтельству Вальтера Эллиота, не легко бываетъ разыскать ихъ. Жердонъ подтверждаетъ это наблюденіе, а Стерндаль рассказываетъ, что одинъ самецъ, преслѣдуемый имъ, прыгнулъ даже въ воду и, ныр-

нувь, старался спрятаться въ тростникѣ. Тотъ-же наблюдатель сообщаетъ, что гарны не любятъ покидать свое мѣсто пастбы и упорно возвращаются на него даже, тогда когда ихъ отгонять оттуда на разстояніе нѣсколькихъ миль.

Пойманныя смолоду животныя становятся чрезвычайно ручными. Они легко переносятъ неволю, до времени течки хорошо уживаются съ подобными себѣ и радуютъ хозяина своей довѣрчивостью и привязанностью. Однако надо остерегаться дразнить или раздражать ихъ. Если ихъ приучить, напримѣръ, брать хлѣбъ изъ рукъ и держать высоко кусокъ лакомага для нихъ кушанія, то они, чтобы полакомиться, поднимаются на заднія ноги, подобно ручнымъ оленямъ; если-же при этомъ ихъ обмануть, то они сердятся, начинаютъ дрожать и выказываютъ свою досаду боданьемъ. Они чувствуютъ себя лучше всего, если имъ дадутъ много простору. Въ большихъ паркахъ они представляютъ прекрасное зрѣлище, благодаря своей миловидности и граціозности и становятся здѣсь гораздо болѣе ручными, чѣмъ въ загородкахъ, гдѣ самцы бросаются иногда на своихъ сторожей и наносятъ имъ удары рогами. Въ Индіи гарнь часто приручаютъ какъ священныхъ животныхъ; уходъ за ними поручаютъ женщинамъ, которыя поятъ ихъ молокомъ; передъ ними играютъ музыканты. Только брамины имѣютъ право ѣсть ихъ мясо. Изъ ихъ роговъ изготовляютъ особое оружіе, скрѣпляя ихъ основанія желѣзными или серебряными шипами такъ, что острія обращены въ противоположныя стороны. Это оружіе носятъ какъ палку и употребляютъ въ видѣ дротика.

Безоаровые камни, извлекаемые изъ желудка этой антилопы, считаются чрезвычайно дѣйствительнымъ лѣкарствомъ и находятся въ большомъ употребленіи.

* * *

Зобастая антилопа, называемая монголами **Дзеренъ**, а китайцами **Хоангянгъ** (*Antilope gutturosa*, *A. orientalis*, *Capra flava*, *Procapra gutturosa*. Кропфантилопе. Dseren) отличается отъ гарны чрезвычайно маленькими слезными ямками и отсутствіемъ пучковъ волосъ на колѣняхъ и потому считается представительницей особаго подрода (*Procapra*). Она значительно меньше лани; длина самца, котораго монголы называютъ **Онэ**, 1,4 м.; причѣмъ 42 см. приходится на голову и 17 см. на хвостъ, высота у загривка 80 см., а у крестца 83 см.; самка, называемая жителями монгольскихъ степей **Сергакчинъ**, имѣетъ только 1,2 м. въ длину, а высоты ея у загривка 74 см. Туловище у этихъ антилопъ стройное, голова короткая и толстая; шея у самца отличается очень большой гортанью, которая на серединѣ выдается въ видѣ зоба; отъ него къ подгрудку идетъ проборъ, слабо поросшій волосами; хвостъ короткій, сверху косматый, внизу голый; ноги стройныя и изящныя, заднія немного выше переднихъ, копыта образуютъ какъ-бы треугольный сводикъ; колѣна переднихъ ногъ гладкія. Характерными признаками этой антилопы могутъ служить также: большія ноздри, напоминающія по формѣ букву S; губа, разрѣзанная по серединѣ, поросшая, равно какъ и подборокъ, рѣдкими волосами; голые края вѣкъ, маленькія, почти закрытыя волосами слезныя ямки и острия, умѣренной величины уши, на внутренней сторонѣ которыхъ находятся три неясно выраженныхъ желобка. Окраска шерсти мѣняется смотря по временамъ года. Лѣтомъ нижняя губа, шея, передняя часть верхней губы и пространство около задняго прохода съ образующимся здѣсь зеркаломъ бываютъ чисто бѣлыя; голова сбоку свѣтлаго грязно-желтаго цвѣта, носъ и лобъ свѣтлаго буравато-сѣраго; верхняя часть шеи, макушка и затылокъ имѣютъ рыжеватый оттѣнокъ; вся спина и бока яркаго грязно-желтаго цвѣта; шея снизу до самой груди желтоватобѣлая, нижняя часть тѣла, рѣзко ограниченная отъ желтыхъ боковъ, и внутренняя

сторона бедеръ до плюсны—бѣлыя, копыта—черноватая. Волоса даже лѣтомъ бываютъ длинныя, обыкновенно одноцвѣтныя, только изрѣдка съ бѣлымъ концемъ. Зимняя окраска отличается отъ лѣтней, по свидѣтельству Радде, преобладаніемъ свѣтлыхъ оттѣнковъ какъ на верхней, такъ и на нижней сторонѣ тѣла; блѣдный буро-сѣрый цвѣтъ переносся спускается также на переднюю верхнюю часть щеки и подъ внутренній глазной уголь; на спинѣ сзади волосы длиннѣе, чѣмъ спереди, и длина ихъ колеблется между 3 и 5 ст.; зимняя шерсть такая густая, что совсѣмъ бываетъ незамѣтно подшерстка. Наружная поверхность ушей покрыта густыми свѣтло-желтыми волосами; вдоль переднихъ ногъ спереди, начиная съ колѣна и до копытъ идетъ буровато-сѣрая полоса, становящаяся книзу темнѣе и шире. Рога, имѣющіеся только у самцовъ, у основанія тѣсно сближены, къ концамъ-же расходятся и загнуты назадъ и внутрь; на нихъ имѣется около 20 кольцеобразныхъ утолщеній и только концы гладки.

Зобастая антилопа, объ образѣ жизни которой даютъ подробныя свѣдѣнія Палласъ и Радде, водится въ Монголіи, въ степяхъ между Китаемъ и Тибетомъ, а также въ Восточной Сибири, преимущественно на возвышенной Гоби, т. е. всегда въ мѣстностяхъ открытыхъ. По свидѣтельству Радде, замѣчается постепенное отступленіе ея на югъ и на востокъ, что наблюдалось также по отношенію къ джигеттаю и аргали. Палласъ встрѣчалъ еще зобастыхъ антилопъ по верхнему теченію Онона, гдѣ онѣ теперь болѣе не водятся. Онѣ чрезвычайно проворны и прыгаютъ не хуже другихъ антилопъ; воды онѣ боятся и пускаются вылавъ только въ послѣдней крайности. Время течки наступаетъ въ началѣ декабря, и во время нея самцы яростно сражаются изъ-за самокъ. Дѣтеныши—обыкновенно двое—рождаются въ серединѣ іюня и, по рассказамъ монголовъ, лежатъ еще три дня послѣ рожденія, но затѣмъ становятся такими сильными и крѣпкими, что при преслѣдованіи не отстаютъ отъ матери. Поздней осенью зобастая антилопа отправляется въ дальнія странствованія, причину которыхъ вѣроятно нужно видѣть въ томъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ области ея распространенія, напр. въ южной части Гоби, почти совсѣмъ не выпадаетъ снѣга, а немногія водныя вмѣстилища покрываются довольно толстымъ слоемъ льда, такъ что мучимыя жаждой животныя отправляются на поиски за водой или, по крайней мѣрѣ, хотя за снѣгомъ. При этомъ они спускаются въ сѣверныя равнины, собираются въ большія стада, достигающія такихъ размѣровъ, что они напоминаютъ громадныя стада странствующихъ южно-африканскихъ горныхъ скакуновъ и другихъ тамошнихъ видовъ. «До чего многочисленны бываютъ подчасъ ихъ стада», говоритъ Радде «въ этомъ я могъ убѣдиться, путешествуя въ октябрѣ 1856 года за Аргуныю въ предѣлахъ Монголіи; здѣсь, оставленные ими слѣды и навозъ встрѣчались въ такомъ количествѣ, какъ будто тутъ проходили стада овецъ въ тысячи головъ. Тогда мы не могли уже догнать этихъ антилопъ; онѣ, по выраженію пограничныхъ казаковъ, были «вѣтренны», т. е. непостоянны или быстры и, гонимыя жаждой, бѣжали безостановочно все дальше и дальше».

Тотъ-же изслѣдователь сообщаетъ, что лѣтомъ рѣдко охотятся за зобастыми антилопами, такъ какъ тогда онѣ встрѣчаются только небольшими группами; зато ихъ ревностно преслѣдуютъ во время ихъ странствованій. Чтобы подойти къ нимъ на разстояніе выстрѣла, охотники употребляютъ различные приемы. Пока еще не выпалъ снѣгъ, антилопы небольшими стадами приходятъ около полудня къ замерзшимъ прѣсноводнымъ озерамъ и, чтобы напиться, копытами пробиваютъ тонкую ледяную кору. Притомъ онѣ обыкновенно ежедневно приходятъ на одно и то же мѣсто, такъ что охотникъ можетъ заранѣе лечь въ засаду гдѣ-нибудь по близости; если антилопъ застигнуть врасплохъ на льду, то онѣ легко падаютъ и дѣлаются до-

бычей охотника Обыкновенно за этими антилопами охотятся вдвоемъ, причѣмъ одинъ охотникъ гонитъ животныхъ по направленію къ другому. Особенно искусно выслѣживаютъ и убиваютъ зобастыхъ антилопъ степные тунгузы; у нихъ даже молодыя дѣвушки загоняютъ животныхъ подѣ выстрѣлы. Одному охотнику при удачной зимней охотѣ случается иногда застрѣлить до 200 антилопъ, такъ какъ онѣ, какъ было сказано, собираются такими массами, что достаточно дѣлиться въ ихъ ноги, чтобы однимъ выстрѣломъ свалить 3 или 4 изъ нихъ. Во времена Палласа на нихъ устраивались большія охоты, причѣмъ отрядъ всадниковъ старался окружить антилопъ и загнать ихъ къ водѣ, которой онѣ чрезвычайно боятся; загнанныя, онѣ предпочитаютъ повернуть назадъ и быть перебитыми охотниками, чѣмъ броситься въ воду.

Пойманныя молодыми зобастыя антилопы приручаются такъ-же хорошо, какъ и другіе родственные имъ виды. Палласъ видѣлъ нѣсколькихъ, которыя не боялись входить въ комнаты, а Радде слышалъ, что иногда онѣ пасутся на свободѣ вмѣстѣ съ овцами и козами, не требуя за собой никакого присмотра.

* * *

Одна изъ самыхъ прелестныхъ антилопъ внутренней Африки это—**Пала** или **Импала**, южно-африканскими колонистами называемая *Roodebosc*, *Roombuk*, который по предложенію Зиндевалля считается представителемъ особаго подрода **Высокорогихъ антилопъ** (*Aeucaseros Hochhornantilopen*). Отличительными признаками этой группы являются рога, растущіе только у самцовъ и достигающіе длины въ 50 см., стройные, угловато-лирообразные, изогнутые отъ основанія наружу и вверхъ, а надъ серединой сгибающіеся подѣ угломъ внутрь и назадъ; за исключеніемъ гладкихъ концовъ они покрыты грубыми кольцами и неровны. Другіе признаки этихъ антилопъ слѣдующіе: обращенный назадъ длинный пушистый пучекъ волосъ на заднихъ ногахъ на пяткѣ, длинныя острыя уши, заостренный хвостъ, имѣющій 25 см. въ длину и отсутствіе шпорцевъ.

Пала (*Antilope melampus*, *Aeucaseros melampus*, *Pala*.) ростомъ немного больше лани, но гораздо изящнѣе ея. Длина ея 2 м., изъ которыхъ 30 см. приходится на хвостъ, высота у загривка около 95 см. Окраска головы, шеи и верхней стороны туловища нѣжнаго желтово-ржаво-бураго цвѣта; назади онѣ становится свѣтлѣе; нижняя сторона и зеркало чисто-бѣлыя; съ краевъ зеркала идетъ дугообразная чернобурая линія, спускающаяся на бедра; впереди глазъ находится продолговатое бѣлое пятно, а между рогами черное; вдоль спины идетъ черная полоса. Безрогая самка окрашена точно также и имѣетъ два соска.

Лихтенштейнъ открылъ палу въ южной Африкѣ; позднѣйшіе путешественники встрѣчали ее и въ восточной Африкѣ приблизительно до 12° сѣверной широты. Въ прежнія времена пала встрѣчалось тысячами въ Бечуайской области; но, по сообщенію Фритша, пули охотниковъ произвели такое опустошеніе въ ея стадахъ, что теперь въ южной Африкѣ она стала уже рѣдкостью. Въ отличіе отъ родственныхъ видовъ эта антилопа населяетъ лѣсистые берега рѣкъ и только изрѣдка показывается въ открытыхъ мѣстностяхъ. Обыкновенно она пасется небольшими обществами въ 6—8 головъ, хотя изрѣдка встрѣчаются стада и въ 12—20 головъ, причѣмъ тогда въ стадѣ бываетъ 3—4 самца. Селусъ имѣлъ случай наблюдать стада въ 10—15 штукъ, состоявшія изъ однихъ самцовъ; онѣ же сообщаетъ, что эта антилопа въ южной Африкѣ нигдѣ не встрѣчается такъ часто, какъ близъ Чобе, гдѣ будто-бы случается видѣть стада въ 100 головъ. Бемъ и Рейхардъ встрѣчали въ восточной Африкѣ, особенно далѣе въ глубь страны, около Лаулаба стада головъ въ 200.

Пала—животныя миролюбивыя, скорѣе доврчивыя, чѣмъ боязливыя; но, подвергнувшись нѣсколько разъ преслѣдованіямъ со стороны челоуѣка, они становятся очень пугливыми. Антилопы эти имѣютъ чрезвычайно изящный видъ, и стадо ихъ, легкими и граціозными скачками движущееся среди кустарниковъ, представляетъ весьма живописное зрѣлище. «Гордо и высоко», говоритъ Гейглинъ, «держитъ самецъ свою благородную голову съ прекрасными глазами; движенія его высокихъ, тонкихъ, словно выточенныхъ ногъ смѣлы и быстры». Изяществу формъ и быстротѣ движеній вполне соответствуетъ замѣчательная даже среди антилопъ острота чувства. Отъ ея зоркихъ глазъ не легко бываетъ укрыться подкрадывающемуся врагу, а отъ тонкаго слуха не ускользнетъ малѣйшій шорохъ: тотчасъ-же стройныя шеи вытягиваются кверху, вожакъ бьетъ по землѣ копытами, и все стадо обращается въ бѣгство. Если стадо ничѣмъ не обезпечено, то животныя развлекаются разнообразными тѣлодвиженіями или играми; одни пасутся и въ то-же время караулятъ стадо, другія лежатъ въ тѣни и жуютъ жвачку; молодыя антилопы весело скачутъ вокругъ своихъ матокъ, внимательный глазъ которыхъ все время слѣдитъ за ними; самцы забавляются борьбой, а нѣкоторые дѣлаютъ забавныя прыжки, подскакивая сразу всѣми четырьмя ногами и зачастую перепрыгивая другъ черезъ друга. По опубликованнымъ Ноакомъ сообщеніямъ Бема, этотъ изслѣдователь въ восточной Африкѣ встрѣчалъ въ ноябрѣ кормящихъ, а въ декабрѣ еще беременных самокъ въ послѣдніе періоды. Онъ-же сообщаетъ, что самцы обыкновенно фыркаютъ, но часто такъ-же, какъ и самки, перекликаясь другъ съ другомъ, издають свистящіе звуки.

Южно-африканскіе охотники ревностно преслѣдуютъ эту антилопу; мясо у нея, какъ и у большинства ея родичей, суховато, но нѣжное и вкусное, а шкура идетъ на выдѣлку красивыхъ своей окраской одѣялъ и потому очень цѣнится.

* *
* *

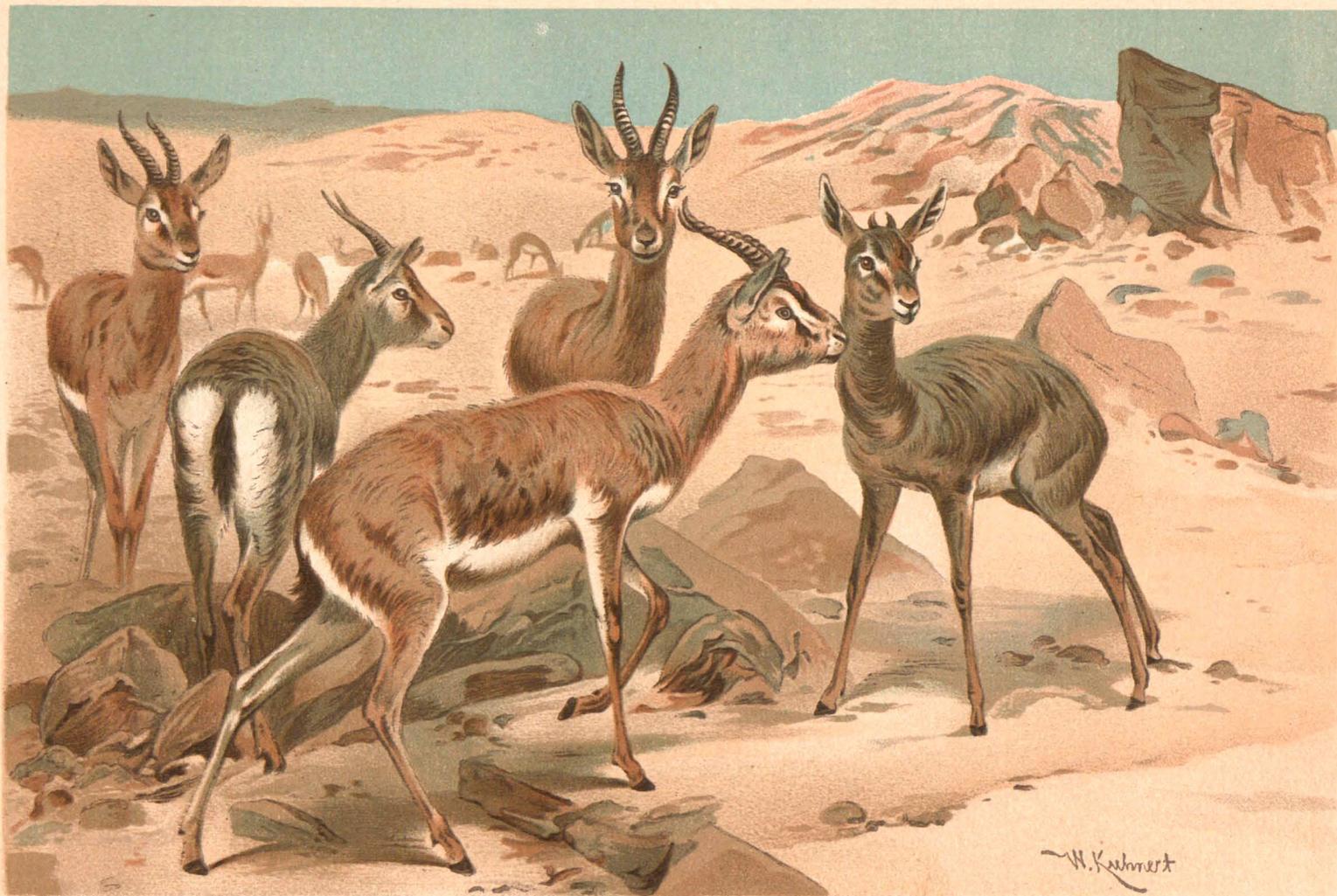
Газели (*Gazella*) стройныя, чрезвычайно миловидныя антилопы съ кольчатыми миловидными рогами, слезными ямками, паховыми железами, длинными, острыми ушами, маленькими шпорцами. У самокъ два соска. Хвостъ короткій и съ пучкомъ волосъ на концѣ; кромѣ того пучки имѣются еще только на запястьѣ. У обоихъ половъ есть рога.

Газель представляетъ въ пустынѣ прекрасную картину, которая съ давнихъ поръ вдохновляла восточныхъ поэтовъ, увлекательно воспѣвавшихъ это прелестное созданіе. Даже пришелецъ съ запада, если ему удастся увидѣть газель на свободѣ, понимаетъ, отчего она бываетъ такъ безконечно дорога жителю востока; въ немъ возбуждается часть того восторга, который заставляеть восточнаго поэта посвящать ей самыя восторженные хвалебныя гимны, вытекающіе въ звучныхъ римахъ. Сынъ пустыни сравниваетъ глаза женщины, покорившей его сердце и зажегшей въ немъ страсть, съ глазами газели; стройную бѣлую шею, вокругъ которой обвиваются его руки въ часы любви, онъ не умѣетъ назвать лучше, чѣмъ шейю газели; благочестивому челоуѣку это изящное созданье служить символомъ, выражающимъ стремленіе его сердца къ возвышенному; словомъ, газель своей красотой околдовываетъ всякаго. Изъ за ея миловидности древніе египтяне посвятили ее величественной Изидѣ и приносили ея дѣтенышей въ жертву этой богинѣ. Красота газели послужила для сравненій автору «Пѣсни пѣсней»: ее онъ подразумеваетъ подъ именами «серны» и «полевой лани», съ которыми онъ сравниваетъ возлюбленнаго или которыми заклинаеть дочерей Иерусалима. Для женскихъ грудей, согласно восточнымъ понятіямъ, тамъ-же есть только одно сравненіе: «какъ двойныя серны, пасущіяся среди лилій». Арабскіе поэты всѣхъ временъ не находятъ словъ, чтобы

достойно описать газель; самые древніе литературные памятники этого народа восхваляютъ ее, а уличныя пѣвцы еще и нынѣ прославляютъ ея красоту.

Газель (*Antilope dorcas*, *Capra*, *Gazella*, *Gazella africana*. *Gazelle*.) ростомъ нѣсколько меньше нашей косули, но сложена гораздо изящнѣе и стройнѣе ея, а также и красивѣе окрашена. Старые самцы достигаютъ 1,1, а съ хвостомъ и 1,3 м. длины; ихъ высота у загривка 60 см. Туловище ихъ плотно, но кажется стройнымъ благодаря высокимъ ногамъ; спина слабо изогнута, у крестца выше, чѣмъ у загривка, хвостъ сравнительно длинный съ густыми волосами на концѣ. Ноги чрезвычайно нѣжны и стройны, съ изящными копытами. Шея вытянутая, голова средней величины, сзади она широка и высока, спереди нѣсколько суживается, а у морды слегка закруглена; уши равны приблизительно $\frac{1}{4}$ длины головы: глаза большіе, огненные, оживленные, съ почти круглымъ зрачкомъ; слезныя ямки средней величины. Преобладающая окраска песчано-желтая, на спинѣ и ногахъ переходящая въ болѣе или менѣе темную красно-бурую. По обѣимъ сторонамъ тѣла тянется еще болѣе темная полоса и отдѣляетъ ослѣпительно бѣлую нижнюю часть тѣла отъ темной верхней. Голова окрашена свѣтлѣе спины; бурая полоска спускается отъ глазного угла къ верхней губѣ; переносье, горло, губы, кольцо около глазъ и полоска по обѣимъ сторонамъ переносья—желтовато-бѣлыя: уши, вдоль которыхъ идутъ три полоски очень густо растущихъ волосъ—желтовато-сѣрыя съ черной каймой. Хвостъ у основанія темно-бурый, въ нижней части черный. У нѣкоторыхъ цвѣтъ шерсти переходитъ нѣсколько въ сѣрый и очень похожъ тогда на цвѣтъ персидской газели, которую, подобно многимъ другимъ разновидностямъ, нѣкоторые изслѣдователи считаютъ за особый видъ. Рога различны, смотря по полу животнаго. У самца они всегда больше, и кольчатая бороздка на нихъ, указывающія на возрастъ, всегда яснѣе выражены, чѣмъ у самки. Какъ у самокъ, такъ и у самокъ рога обращены вверхъ и назадъ, концы ихъ снова загнуты впередъ и нѣсколько внутрь, такъ что, если смотрѣть на нихъ спереди, то они напоминаютъ древнюю лиру. Съ возрастомъ годичныя кольца на рогахъ болѣе и болѣе придвигаются къ концамъ; у очень старыхъ самокъ они доходятъ почти до самыхъ концовъ, вѣроятно потому, что рога постепенно стираются. Кольца эти находятся только приблизительно въ отношеніи съ возрастомъ газели; у воспитаннаго въ неволѣ самца, которому былъ годъ съ четвертью, было уже 5 колець на его еще очень короткихъ рогахъ.

Газель встрѣчается отъ Марроко до Аравіи и Сиріи и отъ береговъ Средиземнаго моря до Абиссинскихъ горъ и степей внутренней Африки. Мѣстообитаніемъ ея можно считать всю пустыню и окружающія ее степи. На Абиссинскихъ горахъ, какъ свидѣлствуетъ Гейглинъ, она достигаетъ высоты не болѣе, чѣмъ на 1500 м. Чѣмъ степь богаче растительностью, тѣмъ чаще встрѣчается это животное, но при этомъ слѣдуетъ напомнить, что мѣсто, богатое растительностью, по понятіямъ жителей сѣверо-восточной Африки, далеко не то-же, что по нашимъ. Мы-бы очень ошиблись, если-бы предполагали найти газель постоянной обитательницей дѣйствительно плодородныхъ долинъ; въ такія мѣста она забѣгаетъ только изрѣдка и, повидимому, всегда чѣмъ-нибудь къ этому вынужденная. Она, правда, предпочитаетъ низменности раскаленнымъ возвышенностямъ, но только низменности пустыни: въ рѣчныхъ долинахъ она встрѣчается такъ-же рѣдко, какъ и въ горахъ. Ея любимыя мѣста—мимозовыя рощи, а еще болѣе тѣ несчажныя мѣстности, гдѣ ряды холмовъ смѣняются долинами, а мимозы разсѣяны повсюду, не образуя рошей или порослей. Мимозы эти и составляютъ главную ея пищу. Газель попадаетъ также и въ травянистыхъ степяхъ и притомъ иногда въ большомъ количествѣ;

ГАЗЕЛИ.

но и здѣсь она предпочитаетъ мѣстности, поросшія рѣдкимъ кустарникомъ, волнуящиеся травянымъ зарослямъ. Въ степяхъ Кордофана встрѣчаются стада въ 40—50 штукъ, которыя совершаютъ большія странствованія, хотя, можетъ быть, и не въ продолженіи всего года; на своихъ любимыхъ мѣстахъ онѣ встрѣчаются однако только маленькими стадами въ 2, 3, 8 головъ, а часто и по одиночкѣ. Вблизи Средиземнаго моря онѣ попадаются рѣдко; чѣмъ ближе подыматься къ Пубіи, тѣмъ газели встрѣчаются чаще; говорятъ, что ихъ больше всего въ пустыняхъ и степяхъ, лежащихъ между Краснымъ моремъ и Ниломъ. Небольшія стада представляютъ обыкновенно отдѣльныя семейства, состояція изъ самца, самки и дѣтеныша, который остается съ родителями до слѣдующей течки. Но часто также встрѣчаются и стада, состояція изъ однихъ самцовъ, вѣроятно прогнанныхъ болѣе сильными соперниками. Эти самцы живутъ очень дружно до времени спариванья.

Каждый путешественникъ, которому приходится бывать въ пустынѣ, хотя-бы только въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, можетъ увидать газель, а кто знаетъ ея образъ жизни, тотъ навѣрно разыщетъ ее во всѣхъ частяхъ ея области распространенія для наблюденій. Будучи дневнымъ животнымъ, газель показывается въ самое благоприятное время. Только въ самое жаркое время дня, отъ полудня часовъ до 4-хъ вечера, она охотно отдыхаетъ, пережевывая пищу подъ тѣнью мимозы; въ остальное-же время почти всегда находится въ движеніи. Замѣтить ее однако не очень легко, такъ какъ сходство ея окраски съ преобладающимъ свѣтомъ почвы затрудняетъ это. Мы перестаемъ различать ее уже на разстояніи $\frac{1}{2}$ мили, но соколиные глаза жителей Африки замѣчаютъ ее часто и на разстояніи больше мили. Стадо стоитъ обыкновенно около кустовъ мимозы, верхушки которыхъ расширяются какъ зонтики и укрываютъ такимъ образомъ животныхъ. Газель, стоящая на-сторожѣ, пасется, другія-же лежатъ недалеко отъ нея и жуютъ жвачку, или просто отдыхаютъ. Замѣтить можно только ту, которая стоитъ; лежащая газель до того похожа на камень, что даже опытный охотникъ можетъ ошибиться. Пока не случилось ничего необыкновеннаго, стадо остается въ однажды выбранной мѣстности и только переходитъ съ одного мѣста на другое; но оно тотчасъ-же оставляетъ свое пастбище, если подвергается преслѣдованію. Иногда бываетъ достаточно просто переменъ вѣтра, чтобы заставить газель перекочевать на другое мѣсто. Она становится обыкновенно подъ вѣтромъ, охотнѣе всего такъ, чтобы ей можно было видѣть съ высоты лежащую передъ ней долину, а вѣтеръ давалъ-бы ей возможность чутъ опасность за спиной. Когда ее что-нибудь тревожитъ, то она сперва взбѣгаетъ на холмъ или гору, останавливается на вершинѣ и внимательно осматриваетъ мѣстность, чтобы найти самое лучшее убѣжище.

Газель несомнѣнно очень высоко одаренное животное. Въ подвижности она не уступитъ ни одной другой антилопѣ, притомъ она жива, проворна и чрезвычайно граціозна. Бѣгъ ея замѣчательно легокъ, кажется, будто она едва касается земли. Убѣгающее стадо представляетъ дѣйствительно великолѣпное зрѣлище; когда опасность уже близка, кажется, что онѣ бѣгутъ какъ-бы шутя. Часто газели просто изъ шалости прыгаютъ на 1—2 м. отъ земли, перескакивая одна чрезъ другую, нерѣдко также онѣ перепрыгиваютъ черезъ камни и кусты, лежащіе на пути, которые очень легко можно было-бы обойти. Всѣ чувства газели прекрасно развиты. У нея превосходное чутье, острое зрѣніе и тонкій слухъ. Притомъ она умна, хитра и даже лукава, обладаетъ прекрасной памятью и, приобрѣтая опытъ, становится еще понятливѣе. У нея очень хорошій нравъ. Это мирное и нѣсколько пугливое созданіе, но далеко не настолько трусливое, какъ обыкновенно думаютъ. Въ стадахъ часто бываютъ драки между животными одного пола, особенно между самцами, ко-

торые охотно устраивают поединки въ честь своихъ прекрасныхъ подружекъ; съ самками они очень милы до времени спариванья, равно какъ и тѣ съ ними. Со всѣми другими животными газель живетъ въ мирѣ, и потому ее нерѣдко можно видѣть въ обществѣ другихъ, родственныхъ ей антилопъ.

Собственно говоря, газель нельзя назвать трусливой, но она осторожна и старательно избѣгаетъ всего необыкновеннаго для нея, даже всякаго животного, каждагося ей опаснымъ. Въ Кордофанѣ я ѣхалъ однажды вдаль отъ большой дороги по мало населенной мѣстности, гдѣ попадались очень обширныя травяныя заросли. Здѣсь въ продолженіи одного дня я видѣлъ до двадцати стадъ газелей, и притомъ стадъ очень большихъ. По видимому, эти газели еще не были знакомы съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Онѣ подпускали меня шаговъ на 40, потомъ спокойно удалялись, не обращая на меня особеннаго вниманія. Сначала эти прекрасныя животныя до того меня очаровали, что я и не думалъ по нимъ стрѣлять. Но скоро страсть къ охотѣ взяла верхъ. Я выстрѣлилъ въ перваго подвернувшася подъ ружье самца и убилъ его. Другіе побѣжали, но не далѣе 100 шаговъ, опять остановились и потомъ потихоньку продолжали свой путь. Мнѣ снова удалось приблизиться къ нимъ на разстояніе 80 шаговъ, и я застрѣлилъ втораго самца, наконецъ я убилъ третьяго изъ того-же стада, прежде чѣмъ оно окончательно обратилось въ бѣгство.

Разнообразіе климатическихъ условій странъ сѣверо-восточной Африки обуславливаетъ и большое различіе во времени спариванья газелей. На сѣверѣ оно начинается съ августа и тянется до октября; къ странамъ, лежащихъ подъ экваторомъ, оно начинается только въ концѣ октября и продолжается до конца декабря. Самцы громкимъ бляніемъ вызываютъ другъ друга на бой и дерутся такъ сильно, что ломаютъ себѣ рога: мнѣ случилось убить нѣсколькихъ самцовъ, у которыхъ одинъ изъ роговъ былъ отломанъ у самаго корня. Самка издаетъ звукъ тихій, но ясный.

Она, конечно, отдаетъ предпочтеніе самому сильному самцу, который не терпитъ соперниковъ. Довѣрчиво разгуливаетъ съ нимъ самка и охотно позволяетъ ему ласкать себя. Самецъ слѣдуетъ за каждымъ шагомъ своей красавицы, обнюхиваетъ ее со всѣхъ сторонъ, нѣжно третъ голову объ ея шею, лижетъ ей морду и вообще старается всячески выказать ей свою любовь. Самка рождаетъ одного дѣтеныша, на сѣверѣ въ концѣ февраля или въ началѣ марта, на югѣ въ мартѣ или въ маѣ; беременность продолжается слѣдовательно 5—6 мѣсяцевъ. Большинство изъ тѣхъ, которыхъ я убивалъ въ концѣ марта и началѣ апрѣля, были беременны, и у многихъ дѣтеныши были уже очень развиты. Въ первые дни послѣ рожденія молодя животныя чрезвычайно безпомощны созданья, и потому часто случается, что проворные арабы и абиссинцы ловятъ ихъ руками. Чѣмъ дѣтенышъ безпомощнѣе, тѣмъ мать больше любитъ его. Не слишкомъ сильнымъ врагамъ она храбро идетъ на встрѣчу; однако молодому животному приходится претерпѣть много опасностей, прежде чѣмъ оно научится бѣгать такъ-же быстро, какъ его родители. Мы едва-ли преувеличимъ, если скажемъ, что половина дѣтенышей газели и другихъ родственниковъ ей и такихъ-же слабыхъ, какъ и она, животныхъ погибаетъ жертвою безчисленныхъ, подкарауливающихъ ихъ хищниковъ. Правда, газели размножились бы чрезмѣрно безъ этихъ плотоядныхъ животныхъ, которыя восстанавливаютъ равновѣсіе въ природѣ.

Пойманныя молодыми газели черезъ нѣсколько дней становятся ручными и легко и долго переносятъ неволю, особенно въ своемъ отечествѣ. Красота глазъ этихъ животныхъ настолько пѣнится всѣми восточными народами, что женщины, ожидающія прибавленія семейства, держатъ газелей изъ-за того только, чтобы гла-

замъ ихъ ребенка сообщилась красота глазъ этого животнаго. Часто женщина по долгу сидитъ передъ газелью и смотритъ въ ея прекрасные глаза, проводитъ пальцами по ея бѣлымъ зубамъ и затѣмъ дотрогивается до своихъ зубовъ, произнося при этомъ особыя заклинанія, въ которыя онѣ еще вѣрятъ. Въ большихъ городахъ сѣверной и восточной Африки, въ домахъ европейцевъ постоянно встрѣчаются ручныя газели, и между ними есть много такихъ, которыя такъ привыкли къ чловѣку, что ихъ можно считать настоящими домашними животными. Онѣ слѣдуютъ за своимъ господиномъ какъ собаки, входятъ въ комнаты, просятъ подачки за столомъ, убѣгаютъ прогуляться по сосѣднимъ лугамъ или пустынямъ, и охотно и весело возвращаются домой съ наступленіемъ вечера или когда услышатъ любимыи голосъ своего хозяина. Даже у насъ газели живутъ по нѣскольку лѣтъ при хорошемъ уходѣ за ними. Само-собой разумѣется, что этихъ нѣжныхъ дѣтей юга надо тщательно охранять отъ зимнихъ холодовъ. Имъ необходимы поэтому теплый хлѣвъ на зиму и довольно большой паркъ для лѣта. Стадо газелей лучше всякихъ другихъ животныхъ украшаетъ большой садъ или паркъ. Красивая косуля кажется въ сравненіи съ газелью неуклюжей и неловкой; почти всѣ жвачныя уступаютъ ей въ граціи и миловидности. Ручныя газели кротки и довѣрчивы даже съ чужими; только самцы пускаютъ иногда въ дѣло свои рога, но почти всегда съ желаніемъ поиграть, а не съ намѣреніемъ поранить. Кормить прирученныхъ газелей можно сѣномъ, хлѣбомъ и ячменемъ, а лѣтомъ клеверомъ и другими травами. Онѣ очень охотно пьютъ пойло изъ отрубей, какое получаютъ обыкновенно домашнія козы. Воды имъ надо очень немного: въ день достаточно средней величины стакана, чтобы вполне утолить ихъ жажду. Зато имъ необходима соль, которую онѣ лижутъ съ жадностью. Газели успѣшно размножаются въ неволѣ всюду, гдѣ ихъ хорошо содержать, на югѣ конечно лучше, чѣмъ въ нашемъ суровомъ климатѣ. Въ Каиро одна газель въ теченіи 5 лѣтъ рождала ежегодно по здоровому дѣтенышу и благополучно выращивала ихъ, да и въ нашихъ зоологическихъ садахъ такіе случаи—не рѣдкость.

На родинѣ газели за ней охотятся ревностно, можно даже сказать—страстно. Охотятся или съ ружьемъ или съ соколами, а также травятъ борзыми. Соколиная охота требуетъ большаго числа людей, лошадей, собакъ и соколовъ, а потому она обходится очень дорого, и доступна только самымъ богатымъ людямъ. По сообщенію Спони, Халиль-Паша на подобной охотѣ губилъ ежегодно не менѣе 15 лошадей и 30 собакъ. Рано утромъ, еще до разсвѣта, отправляются въ пустыню, сохраняя во время пути полное молчаніе; уже заранѣе, ночью, мѣсто охоты окружаютъ людьми. Охотниковъ поджидаютъ на немъ ловчіе; кромѣ того здѣсь-же находится верблюды съ водой и пищей. Впереди идутъ проводники, люди опытные въ охотѣ, до тонкости изучившіе всѣ привычки газели, и указываютъ охотникамъ, куда они должны ѣхать. Медленно и безшумно, по возможности идя противъ вѣтра, приближаются къ стаду, пользуясь, какъ прикрытіемъ, всѣми попадающимися по пути неровностями почвы. На извѣстномъ разстояніи съ опытнаго сокола снимаютъ колпачекъ и спускаютъ птицу, какъ только она замѣтитъ газелей. Соколы взвиваются въ вышину, а затѣмъ, словно стрѣла, надаетъ сверху на газель и старается вонзить свои когти по близости ея глазъ. Испуганное животное старается избавиться отъ врага, упершись головой и катаясь по землѣ, и иногда это ему удается, но соколь сейчасъ-же опять вѣцпляется въ свою добычу. Пока все это происходитъ, собаки не видятъ еще газелей, но онѣ по опыту узнаютъ, что охота уже началась, когда съ сокола снимутъ колпачекъ, начинаютъ горячиться и тянуть изо всѣхъ силъ своры, такъ что становится невозможнымъ сдерживать ихъ долѣе.

Когда ихъ освободятъ, онѣ во всю прыть несутся по направленію къ тому мѣсту, гдѣ спустился соколъ, за которымъ онѣ все время слѣдили; вслѣдъ за ними мчатся во весь опоръ и охотники. Если соколъ хорошо обученъ, то онъ съумѣетъ задержать всякую не очень крупную антилопу на столько, чтобы собаки могли догнать и свалить ее. Для участниковъ эта охота очень занимательна. Каждый разъ, когда соколъ, догнавъ убѣгающую газель, устремляется на нее и старается вонзить ей когти въ шею и голову,—у всѣхъ вырывается радостный крикъ; а если сильный соколъ вцѣпившись въ шею газели, долго не выпускаетъ ее и не даетъ себя стряхнуть, то охотники шумно выражаютъ свое одобреніе. Когда борзья настигнутъ и свалить дичь, то собаки и газель образуютъ какую-то общую груды, въ которой нельзя ничего разобрать; въ этотъ моментъ необходимо, чтобы хотя одинъ изъ охотниковъ прискакалъ; онъ долженъ взять сокола, добить газель, отогнать отъ нея собакъ и накормить сокола. Случается, что соколъ вмѣсто газели нападетъ на зайца и тогда уже, конечно, охоту приходится бросить.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣверной Африки охотники преслѣдуютъ газелей верхомъ и стараются убить ихъ съ лошади. Но это нелегко: какъ ни быстроноги кони пустыни, но и имъ трудно догнать убѣгающую газель. Послѣ продолжительной травли, въ которой обыкновенно участвуютъ нѣсколько всадниковъ попеременно, все-таки удается достаточно приблизиться къ измученному животному, и тогда гибель его неизбежна. Охотники съ замѣчательной мѣткостью бросаютъ подъ ноги газели толстыя палки и почти навѣрняка переламываютъ ей какую-нибудь кость. Тогда уже ничего не стоитъ схватить несчастное искалѣченное животное.

Охота съ ружьемъ даетъ обыкновенно богатую добычу. Когда мы, т. е. я и мой спутникъ, Фанъ-Аркель, замѣчали стадо газелей, то продолжали свой путь, развѣ только немного уклоняясь отъ первоначальнаго направленія и приближались къ стаду, насколько это казалось намъ нужнымъ. Затѣмъ одинъ изъ насъ соскакивалъ гдѣ-нибудь за кустомъ съ мула, передавалъ его сопровождавшему насъ слугѣ и подкрадывался къ животнымъ зачастую ползкомъ, непременно сообразуясь съ направленіемъ вѣтра; другой ѣхалъ дальше. Вожакъ стада обыкновенно съ любопытствомъ смотрѣлъ на идущихъ и забывалъ при этомъ наблюдать за окружающимъ. Охотникъ пользовался этимъ временемъ, и въ большинствѣ случаевъ ему удавалось сдѣлать удачный выстрѣлъ изъ-за кустовъ на разстояніи не больше, какъ въ 90—150 шаговъ. Оставшіяся въ живыхъ газели убѣгали послѣ выстрѣла, какъ можно скорѣе, всего охотнѣе къ ближайшему холму, на который онѣ и взбирались.

Тамъ онѣ останавливались, словно желая убѣдиться въ происшедшемъ; намъ не разъ удавалось подкрасться и къ этимъ, точно стоявшимъ на сторожѣ, животнымъ. Иногда на высокихъ холмахъ скоплялось все болѣе и болѣе газелей, которыя, будучи испуганы нашими выстрѣлами, сбѣгались со всѣхъ сторонъ, чтобы осмотрѣть мѣстность со своихъ наблюдательныхъ постовъ. Я могу смѣло сказать, что онѣ служили великолѣпнымъ украшеніемъ холмовъ, по большей части не покрытыхъ растительностью. Прекрасныя очертанія ихъ тѣла такъ рѣзко выдѣлялись на темно-голубомъ фонѣ неба, что даже издалека можно было ясно различить всѣ члены ихъ. Часто случалось также, что перенуганныя газели забѣгали за одинъ изъ многочисленныхъ низкихъ холмовъ, разсѣянныхъ по пустыни и, потерявъ изъ виду охотника, тотчасъ-же останавливались. Сначала онѣ не разъ вводили меня въ заблужденіе этимъ страннымъ поведеніемъ. Я осторожно взбирался на холмъ и искалъ газелей вдаль, а онѣ стояли внизу прямо подо мной. Стукъ падающаго камня или какой-нибудь другой произведенный мною шумъ вспугивалъ ихъ, и онѣ убѣгали съ поразительной быстротой. Но никогда не приходилось мнѣ видѣть,

чтобы газель убѣгала отъ человѣка со всей свойственной ей быстротой, которую она выказываетъ только тогда, когда за ней гонятся собаки. Я не берусь описать словами зрѣлище, которое представляютъ тогда эти животныя, скажу только, что, когда смотришь на убѣгающую во всю прыть газель, кажется, словно она не бѣжитъ, а летитъ; но и это выраженіе еще не даетъ истиннаго понятія объ ея быстротѣ.

Въ Кордофанѣ и въ другихъ частяхъ внутренней Африки не у всякаго есть огнестрѣльное оружіе, считающееся тамъ преимущественно оружіемъ бѣлыхъ и все еще внушающее туземцамъ нѣкоторый страхъ; поэтому тамъ занимаются чаще ловлей газелей, чѣмъ охотой на нихъ. Для ловли употребляютъ такъ называемыя тарелки, которыя разставляютъ на небольшихъ разстояніяхъ другъ отъ друга на такомъ мѣстѣ, гдѣ часто бываютъ газели, причемъ каждую окружаютъ петлей, къ которой привязывается толстая палка. Тарелка состоитъ изъ обручей съ дырками, въ которыя вставлено множество палочекъ; послѣднія сходятся концами къ центру обруча, направлены нѣсколько внизъ и заострены на концѣ. Каждый такой снарядъ кладутъ въ небольшую яму, вырытую въ песокъ, которую обкладываютъ кольцеобразно согнутымъ кускомъ кожи, чтобы она не засыпалась пескомъ. Газель, спокойно идущая своей дорогой, наступаетъ на западню, ея гладкое копыто скользитъ по гибкимъ палочкамъ къ серединѣ, ея нога проваливается и глубоко погружается въ яму; такимъ образомъ она оказывается въ ужасныхъ оковахъ, острія которыхъ преобильно колятъ. Газель старается освободиться, выдернуть ногу и при этомъ затягиваетъ петлю. Испугавшись, она пускается бѣжать, но палка, которую она волочитъ за собой, пугаетъ ее еще больше; она мчится во всю прыть, палка колотитъ ее по ногамъ и въ концѣ-концовъ перешибаетъ одну изъ нихъ. Неспособное болѣе къ бѣгству животное тогда уже легко попадаетъ въ руки человѣка. Такимъ способомъ ловятъ много газелей, да и другихъ антилопъ, но все-таки это не самый выгодный способъ. Самую богатую добычу даетъ охота со степными борзыми, которыя ловятъ иногда 30—40 штукъ газелей въ день.

Грандіозныя травли устраиваютъ иногда бедуинскія племена, причемъ въ случаѣ удачи погибаютъ сразу сотни газелей. Въ нѣкоторыхъ пустыняхъ, гдѣ водится очень много антилопъ, встрѣчаются мѣстами сложенныя изъ камней стѣны, вышиной въ человѣчeskій ростъ и выше; эти стѣны по немногу расходятся, тянутся по пустынѣ на большія протяженія, такъ что съ одного конца онѣ отстоятъ другъ отъ друга по меньшей мѣрѣ на милю, съ другого-же конца сближаются и образуютъ пространство въ родѣ огороженного двора. Если случится, что вблизи этихъ стѣнъ соберется большое количество антилопъ, то цѣлое племя бедуиновъ предпринимаетъ охоту на нихъ. Всадники, образуя большой полукругъ, стараются загнать дичь въ огороженное пространство, что очень часто вполне удается имъ. Разъ газели очутились между стѣнами, имъ уже нѣтъ спасенья; въ страхъ-же онѣ даже почти не пытаются перескочить черезъ стѣны. Въ концѣ-концовъ стадо загоняется въ загороженное пространство, и тогда при крикахъ торжества начинается отвратительнѣйшая бойня, не имѣющая рѣшительно ничего общаго съ охотой въ истинномъ смыслѣ этого слова. У газелей немного враговъ кромѣ человѣка; самые злые изъ нихъ леопарды, шакалы и другія степныя собаки, да пожалуй еще нѣкоторые виды орловъ.

* * *

На газелей очень похожи **Скакуны** (*Antidorcas Springantilopen. Springbock*), отличающіеся однако однимъ существеннымъ признакомъ отъ всѣхъ своихъ родичей; у нихъ вдоль спины, начиная приблизительно съ середины ея, тянется складка

изъ удвоеннаго верхняго слоя кожи, покрытая очень длинными волосами; пока животное идетъ спокойно, складка эта бываетъ сомкнута, при сильныхъ-же движеніяхъ, особенно при прыжкахъ, она раскрывается. Рога, имѣющіеся у обоихъ половъ, прямо поднимаются надъ-лбомъ, загибаются сначала наружу и назадъ, затѣмъ снова немного впередъ, а концы ихъ завернуты нѣсколько внутрь, такъ что въ общемъ форма роговъ обратно лирообразная. Туловище сильное, но въ тоже время изящное, голова средней величины, шея стройная, хвостъ не слишкомъ длинный, ноги высокія. Уши у нихъ длинныя и острыя, глаза очень большіе, блестящіе и съ длинными рѣсницами, слезныя ямки небольшія и мало замѣтныя.

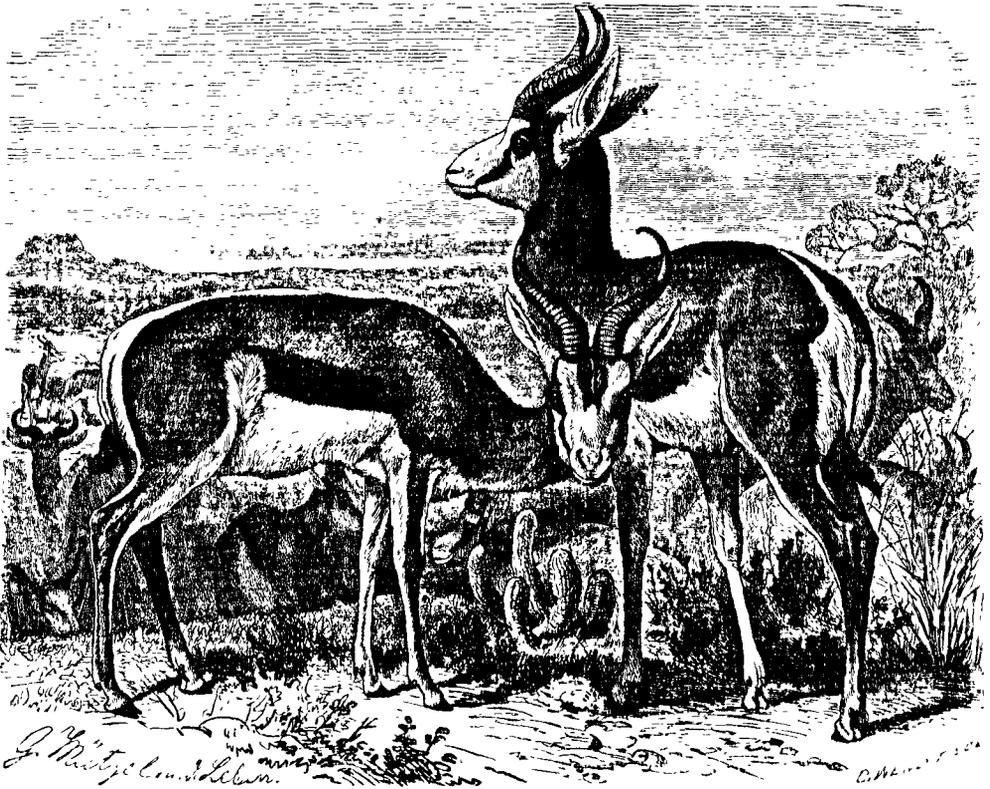
* *
*

Единственнымъ представителемъ этого подрода является **Горный Скакунъ** (*Antilope euchore*, *Gazella* и *Antidorcas euchore*. *Antilope dorsata* и *saliens*. Springbock.), замѣчательная антилопа, имѣющая въ длину 1,5 м., изъ которыхъ 20 см. приходится на хвостъ, а въ вышину у загривка 85 см. Окраска ея темная коричневато-желтая, довольно яркая; полоса орѣхово-бураго цвѣта идетъ отъ роговъ черезъ глаза къ носу; того-же цвѣта широкая полоса тянется по бокамъ отъ плеча къ бедру, всѣ-же остальные части бѣлыя. Такимъ образомъ Лихтенштейнъ не очень ошибался, считая преобладающую окраску этихъ животныхъ чисто бѣлой, и что только отъ плеча до бедра по обѣимъ сторонамъ спины идетъ по широкой полосѣ грязно-желтаго цвѣта съ бурой каймой внизу. Бѣлоснѣжные волосы, покрывающіе спинную складку, имѣютъ отъ 20 до 25 см. въ длину. Самка окраской нисколько не отличается отъ самца. Вымя у нея съ двумя сосками. Черные рога самца по прямой линіи достигаютъ иногда 28—30 см., если же принять въ расчетъ изгибы, то и 30—40 см.; на нихъ бываетъ около 20 кольчатыхъ утолщеній, но концы ихъ гладки. У самки рога короче, тоньше, меньше изогнуты и колець на нихъ меньше.

Скакуны водятся только въ южной Африкѣ; по крайней мѣрѣ не подтверждаются показанія, что они будто-бы встрѣчаются въ узкой восточной части полосы, лежащей подъ экваторомъ и даже въ Суданѣ. Еще и теперь они попадаются въ Капской землѣ, именно въ сѣверо-западной ея части, но главнымъ образомъ они населяютъ безконечныя малонаселенныя степи и пустынные мѣстности, тянушіяся между Оранжевой рѣкой и областью Игами. Сѣвернѣе, гдѣ пространства, заросшія травой и кустарникомъ, становятся гуще и переходятъ въ заросли, скакуны попадаютъ все рѣже и рѣже и наконецъ совсѣмъ исчезаютъ. Въ восточной части южной Африки они обыкновенно не заходятъ дальше 19-го градуса сѣв. широты; во всякомъ случаѣ ихъ никогда не встрѣчаютъ около Замбези; въ западной части, особенно по береговой полосѣ, гдѣ пустынные мѣстности простираются гораздо дальше на сѣверъ, скакуны водятся еще и около Бенгуэлы. Сѣверная граница области ихъ распространенія конечно еще не установлена точно; Монтейро двадцать лѣтъ тому назадъ, зайдя въ глубь страны за Моссамедъ, видалъ еще тамъ странствующее стадо скакуновъ въ нѣсколько тысячъ головъ. Главнымъ мѣстопробываніемъ скакуновъ надо считать Калахари и многія мѣстности нѣмецкихъ колоній въ юго-западной Африкѣ. Здѣсь они бродятъ стадами въ 2—5 или въ 30—40, а иногда и въ 100—200 головъ; они переходятъ съ мѣста на мѣсто, разбиваются на маленькія стада или собираются въ большія, смотря по тому, на сколько ихъ беспокоятъ преслѣдованіями, а также въ зависимости отъ количества выпадающаго дождя, которымъ обуславливается обиліе или недостатокъ корма и наполненіе или высыханіе водоемовъ. Когда время отъ времени въ южной Африкѣ наступаютъ сильныя засухи, то ска-

куны, не находя корма, покидаютъ населяемая ими мѣстности и перекочевываютъ въ другія.

Къ странствующимъ присоединяется стадо за стадомъ и въ концѣ концовъ они собираются въ количествѣ многихъ тысячъ. За ними слѣдуютъ хищныя животныя и уничтожаютъ утомленныхъ или павшихъ животныхъ. То въ разсыпную, то плотной толпой движутся они все по одному и тому-же направлению, истребляя всюду по дорогѣ послѣдніе остатки бѣдной растительности, и, наконецъ, подобно стаѣ саранчи, нападаютъ на болѣе плодородныя мѣстности. Въ настоящее время эти переселенія, называемыя боэрами «Трекбокенъ», утратили свое значеніе и случа-

Горный скакунъ. *Antilope cauchore*. $\frac{1}{14}$ наст. вел.

ются гораздо рѣже, не потому, чтобы теперь скакунамъ не приходилось терпѣть временами такой нужды, какъ прежде, а просто отъ того, что количество ихъ значительно уменьшилось. Но всего еще нѣсколько десятилѣтій тому назадъ нашествіе скакуновъ для южно-африканскихъ поселеній бывало иногда настоящимъ бѣдствіемъ. Изъ различныхъ показаній видно, что послѣднее громадное стадо скакуновъ, больше чѣмъ въ 10,000 головъ, перекочевавшее изъ Калахари, появилось около Оранжевой рѣки, приблизительно на 21° восточной долготы, въ концѣ семидесятыхъ или началѣ восьмидесятыхъ годовъ.

Вотъ что мы читаемъ у Гордона Кюмминга, описывающаго то, что происходило лѣтъ 40 тому назадъ: «Каждый путешественникъ, видѣвшій, подобно мнѣ, громадныя количества скакуновъ во время переселеній и вѣрно описывающій видѣнное, можетъ опасаться, что къ разсказу его отнесутся съ чедовѣріемъ—до того по-

разителенъ видъ этихъ переселяющихся стадъ. Вѣрно и мѣтко сравнивали ихъ съ опустошительными стадами саранчи, которыя такъ хорошо извѣстны путешествующему по этой странѣ чудесъ; подобно этимъ стаямъ, они въ нѣсколько часовъ уничтожаютъ всякую растительность, встрѣчающуюся имъ на пути, и въ одну ночь истребляютъ плоды долготѣяго труда земледѣльца. 28-го декабря я въ первый разъ имѣлъ удовольствіе увидѣть кочующее стадо скакуновъ. Мнѣ кажется, что это было самое величественное зрѣлище изъ всѣхъ видѣнныхъ мною въ этомъ родѣ. Часа за два до разсвѣта я лежалъ, проснувшись, въ повозкѣ и прислушивался къ хрюканью самцовъ, которое слышалось приблизительно на разстояніи 200 шаговъ. Я думалъ, что просто большое стадо скакуновъ пасется недалеко отъ меня; но когда разсвѣло, я увидѣлъ, что рѣшительно вся равнина покрыта несмѣтнымъ количествомъ ихъ. Они медленно бродили взадъ и впередъ, и покрывали все пространство, начиная отъ прохода въ длинномъ ряду холмовъ на западѣ, откуда они выходили и черезъ который устремлялись словно потокъ все новыя стада ихъ, и до возвышенности приблизительно на одну милю къ сѣверо-востоку, за которой они исчезали. Часа два я стоялъ на передкѣ моей повозки, любуясь этимъ удивительнымъ зрѣлищемъ; мнѣ стоило нѣкотораго труда убѣдить себя, что происходящее передо мной была дѣйствительность, а не фантастическій сонъ охотника. Между тѣмъ неисчислимыя количества животныхъ безостановочно прибывали, пробираясь черезъ упомянутый проходъ между холмами. Наконецъ я осѣдлалъ лошадь, взялъ ружье, отправился со своими спутниками въ самую середину стада и стрѣлялъ до тѣхъ поръ, пока не убилъ 14 штукъ. Тогда я закричалъ «стой, довольно!» и мы занялись убитыми животными, которыхъ надо было защитить отъ прожорливыхъ коршунѣвъ. Какъ ни громадно было стадо скакуновъ, которое я видѣлъ утромъ, но то, которое мнѣ пришлось увидать вечеромъ, далеко превосходило его по размѣрамъ. Переѣхавъ черезъ низкій рядъ холмовъ, изъ за которыхъ стремились стада скакуновъ, я увидѣлъ, что вся равнина и даже склоны окружавшихъ ее пригорковъ были покрыты не отдѣльными группами, но сплошной массой скакуновъ. Насколько могъ оглядѣть глазъ, имъ кишѣла вся окрестность, вдали они сливались въ какую-то неясную толпу живыхъ существъ. Было-бы напрасно стараться опредѣлить число видѣнныхъ мною въ этотъ день антилопъ, но я, не опасаясь преувеличить, могу утверждать, что мы видѣли ихъ нѣсколько сотъ тысячъ».

Мы готовы были-бы считать это живое описаніе, принадлежащее извѣстному африканскому охотнику, за настоящую охотничью сказку, если-бы справедливость этого разсказа не подтверждалась всѣми путешественниками. Левальянъ также упоминаетъ о стадахъ въ 10—50,000 штукъ, которыхъ преслѣдуютъ львы, леопарды, рыси и гиены; а Эдуардъ Кречмеръ разсказываетъ (лѣтъ сорокъ тому назадъ) о стадахъ скакуновъ въ нѣсколько милліоновъ штукъ. Во время засухи, длившейся уже болѣе года, отъ которой погибло множество животныхъ, Кречмеръ въ обществѣ нѣсколькихъ бѣзровъ отправился до разсвѣта къ проходу, черезъ который, повидимому, должны были ворваться въ страну стада скакуновъ. Вскорѣ показались первыя антилопы, сперва по 2 и по 3, а затѣмъ по 20—30 и даже по 200—400. Наконецъ весь проходъ наполнился ими; надъ ними поднимались столбы пыли и носились коршунѣвы. Спустили собакъ, и онѣ исчезли въ этой массѣ; раздалась выстрѣлы. Въ короткое время было убито болѣе 200 животныхъ. Быстро были сдѣланы приготовления, чтобы увезти ихъ. Вдругъ ворвалось новое стадо, приблизительно въ 20.000 головъ. Одинъ изъ людей былъ увлеченъ имъ и такъ смятъ, что его нашли безъ сознанія и совершенно засыпаннымъ землей; онъ однако мало-по-малу пришелъ въ себя, такъ какъ, къ счастью, лежалъ лицомъ къ землѣ. Въ этотъ разъ было

снова убито до 100 штукъ; кромѣ того нѣсколько сотъ антилопъ разбилось, падая со скалъ,—до того эти животныя тѣснили другъ друга въ проходѣ. Отрѣзавъ всѣмъ имъ головы, мы положили ихъ на телѣги и отвезли домой. Въ это время черезъ другіе проходы также ворвались стада скакуновъ, и пространство въ 6 нѣмецкихъ миль наполнилось милліонами этихъ животныхъ. Дома у насъ всѣ были заняты разрѣзываніемъ мяса на тонкія полоски; ихъ развѣшивали на каждой жердочкѣ, на спинкахъ кроватей, словомъ, всюду, гдѣ только было возможно; вокругъ него тотчасъ-же начинали кружиться рои мухъ. Окорока солили, шкуры растягивали на полу и прибавали деревянными гвоздями; просушенные, онѣ служатъ отличными коврами. Мясо, очень вкусное въ сушеномъ видѣ, идетъ на различныя употребленія.

Странствующіе скакуны идутъ не всегда по одному и тому же направленію. Обыкновенно они возвращаются со странствованія по другой дорогѣ, путь ихъ представляетъ такимъ образомъ громадный удлинненный эллипсисъ или большой четырехугольникъ, поперечникъ котораго бываетъ равенъ нѣсколькимъ сотнямъ миль. Животныя проходятъ этотъ путь въ промежутокъ времени отъ 6 мѣсяцевъ до цѣлаго года. Удивительно, какъ плотно держатся иногда такія стада. Гаррисъ рассказываетъ, что стадо овецъ, попавшее въ средину странствующихъ скакуновъ, принуждено было бѣжать съ ними. Говорятъ, что даже могучій левъ, обыкновенно ревностно охотящійся за этими антилопами, попадаетъ иногда прямо-таки въ плѣнь къ такому стаду. Скакуны, бѣгущіе позади стада, конечно, не могутъ противустоять безчисленнымъ голоднымъ врагамъ, преслѣдующимъ ихъ; но ни львамъ, ни леопардамъ, ни гіенамъ и шакаламъ, сопровождающимъ стадо, ни тысячамъ коршунуновъ, парящимъ надъ нимъ, нѣтъ нужды много трудиться, такъ какъ изъ несмѣтнаго множества переселяющихся скакуновъ ежедневно погибаетъ отъ недостатка въ пищѣ такое громадное количество, что всѣ хищники могутъ наѣсться ими до-сыта.

Разсказываютъ, что животныя, бѣгущія впереди, постоянно смѣняются. Тѣ изъ нихъ, которыя предводительствуютъ отрядомъ, находятъ, конечно, больше пищи, чѣмъ слѣдующія, которымъ приходится искать ее тамъ, гдѣ уже насытились тысячи штукъ; такимъ образомъ передовымъ животнымъ пропитаніе достается безъ труда, и они становятся жирными и лѣнливыми. Но тутъ-то и кончается счастливое для нихъ время: болѣе голодныя тѣсняются впереди, а разжирѣвшія отстаютъ и попадаютъ въ самый конецъ стада. Нѣсколько дней пути и голода подстрекаютъ ихъ занять прежнее мѣсто, и такимъ образомъ въ стадѣ происходитъ постоянное передвиженіе спереди назадъ и наоборотъ.

Поселенцы очень удачно называли описываемую нами антилопу скакуномъ. Убѣгая отъ какого-нибудь врага, она дѣлаетъ рядъ странныхъ отвѣсныхъ скачковъ: при чемъ, выпрямляя сразу ноги, она подлетаетъ высоко въ воздухъ и въ это же время расправляетъ складку на спинѣ, покрытую длинными бѣлоснѣжными волосами; животныя эти представляютъ тогда дѣйствительно чудное зрѣлище. Этотъ способъ передвиженія даетъ возможность отличить ихъ отъ всякихъ другихъ антилопъ. «Видъ быстро убѣгающаго стада скакуновъ», говоритъ Лихтенштейнъ, «представляетъ большой интересъ для всякаго, не только для охотника. Иѣкоторое время животныя бѣгутъ очень быстро; но, когда на пути имъ попадается кустъ или скала, они, живо перескочивъ черезъ нихъ, останавливаются, оглядываются назадъ, а потомъ вдругъ все стадо снова приходитъ въ движеніе и попеременно то бѣжитъ, то прыгаетъ». Они дѣлаютъ прыжки иногда болѣе, чѣмъ въ 2 м. въ вышину и 4—5 м. въ длину, повидимому, безъ малѣйшаго напряженія. Передъ скачкомъ они пригибаютъ голову къ переднимъ ногамъ, отталкиваются затѣмъ сразу всѣми четырьмя ногами

и подымаются, сильно согнувъ спину, на только-что указанную высоту, чаще однако на нѣсколько меньшую; при этомъ складка на спинѣ раскрывается на подобіе вѣера. Подпрыгнувъ, они словно висятъ нѣкоторое время въ воздухѣ, опускаются потомъ сразу на всѣ четыре ноги и снова поднимаются отъ земли, точно хотятъ улетѣть. Но такимъ образомъ они передвигаются только на нѣсколько сотенъ шаговъ, а потомъ бѣгутъ чрезвычайно легкой рысью. Замѣтивъ врага, они внезапно останавливаются, поворачиваются и всматриваются въ испугавшій ихъ предметъ.

Обыкновенно скакуны пасутся въ обществѣ гну, бѣлолобыхъ бубаловъ, кваггъ и страусовъ, хотя нерѣдко попадаютъ и стада, состоящія исключительно изъ скакуновъ. Быстрый, какъ вѣтеръ, и отлично сознающій это преимущество скакунъ, по словамъ Гарриса, разгуливаетъ совершенно спокойно въ пестромъ обществѣ другихъ животныхъ; иногда онъ, поднявъ шею, подходитъ въ другому скакуну—самкѣ, особенно понравившейся ему, и время отъ времени распрямляетъ свою спинную складку, такъ что подымающіеся бѣлые волоса совершенно измѣняютъ его внѣшность, такъ какъ коричневый цвѣтъ тогда уже не является болѣе преобладающимъ. Но за играми онъ никогда не перестаетъ заботиться о своей безопасности. Болѣе внимательный, чѣмъ какая-бы то ни было другая антилопа, онъ всегда первый подаетъ знакъ къ бѣгству и предводительствуетъ убѣгающимъ стадомъ. Замѣтивъ какой-нибудь незнакомый предметъ, онъ наостряетъ уши, поднимаетъ голову, нетерпѣливо забѣгаетъ немного впередъ, чтобы убѣдиться, нѣтъ-ли какой-либо опасности. Если подозрѣнія его оправдываются, то онъ нагибаетъ голову и начинаетъ, по выраженію туземцевъ, «блистать», т. е. дѣлать, какъ было описано, высокие скачки, выказывая въ нихъ всю свою красоту. Гаррисъ также утверждаетъ, что животное на бѣгу можетъ подниматься на 3 м. надъ землей и перепрыгивать разстояніе въ 5 м.

Туземцы, которымъ странствующія стада скакуновъ доставляютъ обильную пищу и цѣлый рядъ праздничныхъ дней, заботясь о нихъ, зажигаютъ степь передъ дождливымъ временемъ года, чтобы здѣсь земля раньше покрылась свѣжимъ зеленымъ ковромъ сочной травы. Скакуны, выбирающіе себѣ для корма обыкновенно самыя нѣжныя растенія, являются въ изобиліи на приготовленные для нихъ пастбища, доставляя легкую добычу человѣку.

Скакуны, пойманные смолоду, скоро приручаются. Тѣ, которыхъ мнѣ пришлось видѣть или самому воспитывать, были пугливы и осторожны съ чужими, но очень рѣзвы и шаловливы со знакомыми. Въ неволѣ нѣсколько скакуновъ вмѣстѣ не всегда уживаются; особенно несносны бываютъ самцы, которые мучатъ даже самокъ, или, по крайней мѣрѣ, очень надоѣдаютъ имъ. Однако, несмотря на эту неуживчивость, въ неволѣ они все-таки бываютъ очаровательны. Ихъ мягкій, великолѣпно окрашенный мѣхъ, красота ихъ формъ и изящество движеній приковываютъ вниманіе всякаго, даже и тогда, когда животныя заперты въ загородкѣ и потому не могутъ проявить всей своей граціи. Къ сожалѣнію, къ намъ привозятъ мало живыхъ скакуновъ. Хорошая половина изъ отправляемыхъ съ мыса Доброй Надежды погибаетъ во время длиннаго морского путешествія, остальные часто не переносятъ суроваго климата, а особенно тѣсноты отводимого имъ помѣщенія. Большинство изъ умирающихъ въ зоологическихъ садахъ сами бываютъ виновниками своей смерти: безъ всякой понятной причины, они иногда бросаются на рѣшетку и ломаютъ ноги или наносятъ себѣ другія раны, отъ которыхъ и погибаютъ.

* *

Вслѣдъ за газелями мы опишемъ **Бубаловъ** (*Bubalis*, *Kuhantilopen*, *Bubales*),

такъ какъ они составляютъ до извѣстной степени переходъ отъ изящныхъ газелей къ менѣ стройнымъ и легкимъ видамъ того-же семейства. Къ этой группѣ, въ свою очередь подраздѣляемой нѣкоторыми натуралистами, принадлежатъ большія, сильныя, почти неуклюже сложенные антилопы съ высокою холкою, покатою спиной, некрасивой, сильно вытянутой въ длину головой и широкой мордой. Шея у нихъ короткая, ноги крѣпкія; у обоихъ половъ есть рога, возвышающіеся на лобномъ утолщеніи различно, но всегда двойко изогнутые; слезныя ямки невелики, паховыя-же ясно выражены; голое пространство на мордѣ небольшое или совершенно отсутствуетъ.

Сравнительно стройными видами этой группы является **Пигарга** (*Buntbock* поселенцевъ и охотниковъ въ южной Африкѣ) и **Бѣлолобый бубаль** (*Blessbok*), считающіеся поэтому представителями особаго подрода (*Damalis*).

Первый изъ нихъ, **Пигарга** (*Bubalis pygarga*, *Antilope*, *Damalis* и *Gazella pygarga*, *Buntbock*, *Gazelle rouge*) достигаетъ вышины 1,2 м. у загривка и длины въ 2 м., причемъ 45 см. приходится на хвостъ. Окраска головы съ боковъ, шеи, верхней части спины и боковъ — темно-бурая съ красноватымъ оттѣнкомъ. Бѣлую окраску имѣютъ: пятно, начинающееся у роговъ и занимающее всю переднюю и верхнюю часть головы, уши, треугольное пятно на задней части щекъ, нижняя сторона туловища, внутренняя поверхность ногъ, вообще нижняя ихъ половина, начиная съ голени и предплечья, и наконецъ, верхняя половина хвоста. Плечо и бедро, соединенныя полосой съ свѣтло-коричневою каемкой, а также два кольцеобразныхъ пятна на предплечьяхъ и кончикъ хвоста окрашены въ черный цвѣтъ. Самка отличается отъ самца только меньшимъ ростомъ и болѣе стройными рогами. У самца рога, сидящіе на лобномъ утолщеніи, имѣютъ 40 см. въ длину. Они направлены у основанія кверху и наружу, въ серединѣ назадъ и въ бокъ, а на концѣ прямо кверху; двѣ нижнія трети роговъ полосатыя и снабжены 10—15 сильно вздутыми кольцеобразными утолщеніями; концы-же гладкіе и черные.

Бѣлолобый бубаль (*Bubalis albifrons*, *Antilope albifrons*, *Blessbock*, *Antilope chauve*) въ общемъ очень похожъ на пигаргу, но нѣсколько меньше ея и имѣетъ болѣе короткіе рога. И у него такое-же бѣлое пятно на передней части головы, какъ у пигарги; уши, узкое треугольное зеркало, нижняя часть ногъ и вся внутренняя ихъ поверхность также бѣлая; голова и шея красно-бурая; сѣдлообразное пятно на спинѣ и плечи синевато-бѣлыя; плечо и бедро, а также соединяющая ихъ широкая полоса и кольцеобразныя пятна на предплечьяхъ и голени—бурыя, а кисточка у хвоста—черная.

Въ центральной Африкѣ, а также западнѣе ея, рядомъ съ вышеописанными антилопами попадаетъ одинаковый съ ними по росту **Сенегальскій бубаль** (*Bubalis senegalensis*, *Damalis*, *Antilope* и *Boselaphus Senegalensis*, *Senegalantilope*, *Koba*), отличающійся короткими, узловатыми, мало изогнутыми рогами; у основанія они очень сближены и направлены прямо кверху, затѣмъ расходятся, концы-же ихъ снова сближаются. Цвѣтъ мѣха сѣрый, земляной; около глазъ по темно-сѣрому пятну; кромѣ того на бедрахъ и на голени по большому пятну того-же цвѣта.

* * *

Второй подродъ составляютъ настоящія **Коровы антилопы** (*Alcelaphus*, *Kuhantilopen*), одинъ видъ которыхъ живетъ въ сѣверной Африки, другой въ южной, а третій (*A. lichtensteini*) въ восточныхъ областяхъ, къ сѣверу отъ Замбезе и, пожалуй, также въ собственно восточной Африкѣ; здѣсь-же, какъ было установлено, водится и четвертый видъ (*A. sokei*), который, по сообщенію Ноака, Бѣмъ встрѣчалъ особенно часто на западномъ берегу Танганайки, но, повидимому, принималъ просто за ка-

аму. Упомянемъ еще о пятомъ видѣ, живущемъ въ южной Африкѣ, у котораго рога шире разставлены и не такъ угловато изогнуты, какъ у остальныхъ; бечуаны зовуть его **Цессебе**, а боары *Bastardhartebeest* (*Alcelophus lunatus*, *Bubalis lunata*).

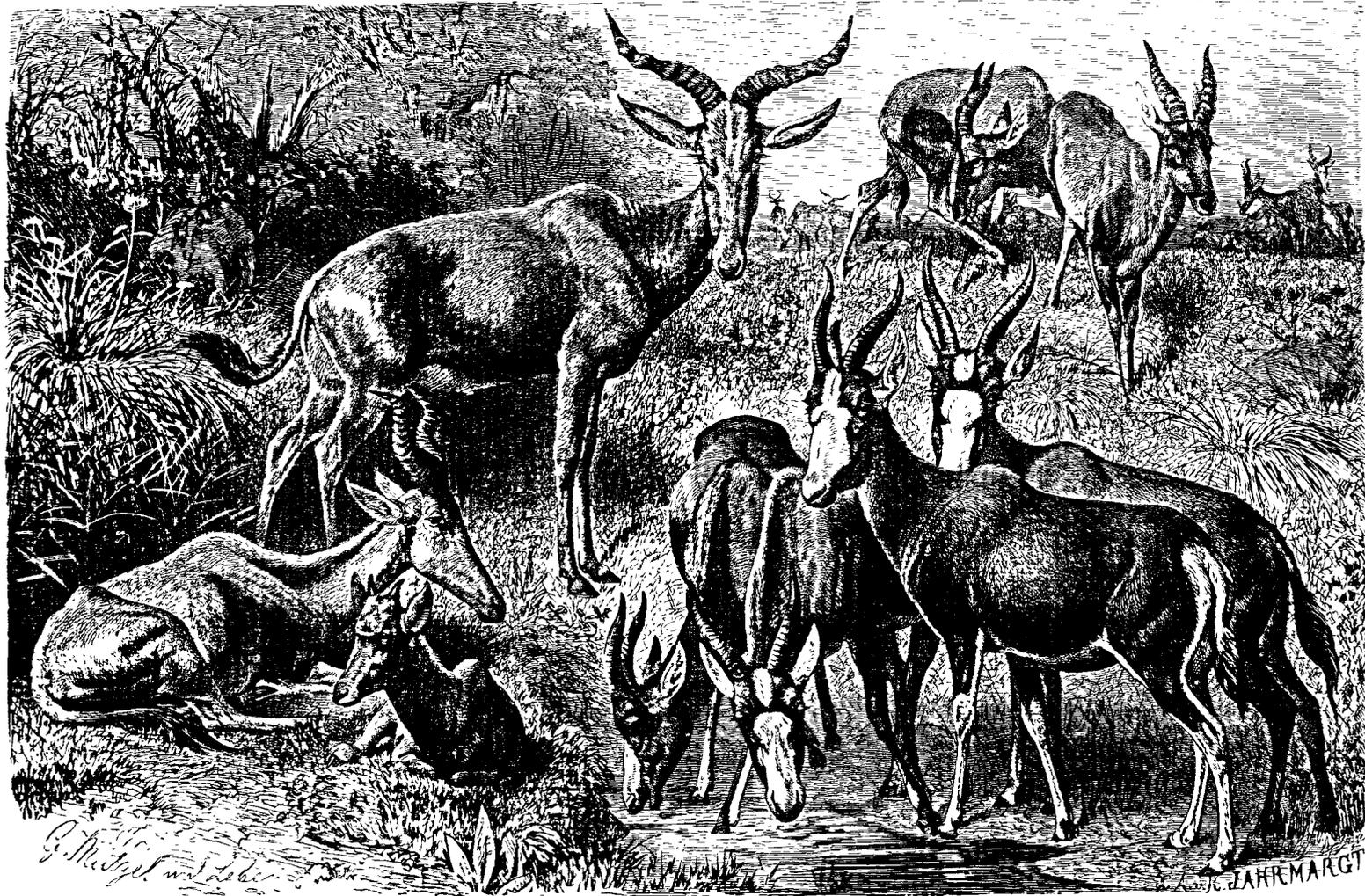
Первый изъ упомянутыхъ видовъ—**Степной бубаль** или **Тора** (*Bubalis bubalis*, *Antilope*, *Alcelaphus*, *Boselaphus*, *Damalis* и *Acronatus bubalis*, *Bubalis mauretanica*, *Steppenkuhantilope*, *Bubal*), называемый **Тэтэль** арабами и **Тори** или **Тора** абиссинцами, который уже древнимъ былъ извѣстенъ подъ названіемъ *Bubalus*. Онъ имѣетъ до 2,8 м. въ длину, причемъ почти $\frac{1}{2}$ м. приходится на хвостъ, а вышина его у загривка не менѣе 1,5 м. Кругловатыя слезныя ямки окружены каемкой изъ волосъ; уши большія, длинныя и заостренныя. Гладкій мѣхъ сплошь окрашенъ въ свѣтлый рыжевато-бурый цвѣтъ, только большая кисть на хвостѣ—черно-бурая. Крѣпкіе рога сидятъ высоко на макушкѣ, и на двухъ нижнихъ третяхъ снабжены винтообразными утолщеніями. У основанія рога очень сближены, слабо изогнуты и направлены вверхъ; затѣмъ они круто загибаются назадъ, тупые-же концы смотрятъ прямо вверхъ.

* *

Южно-африканская **Каама**—*Hartebeest* боаровъ, **Кама** бечуановъ (*Bubalis caama*, *Antilope*, *Alcelophus*, *Boselaphus* и *Acronatus caama*, *Каама*) отличается отъ тора еще болѣе узкой и длинной голсвой, болѣе толстыми и еще болѣе рѣзко изогнутыми рогами, сравнительно небольшими ушами и своей окраской. Короткіе рога, толстые у основанія, снабжены приблизительно 16-ю узловатыми утолщеніями, сначала вмѣстѣ направляются прямо вверхъ, затѣмъ параллельно другъ къ другу слегка впередъ, а послѣдняя треть и острые концы смотрятъ нѣсколько наружу и почти подъ прямымъ угломъ загнуты назадъ. И у этой антилопы преобладающій цвѣтъ шерсти—прекрасный свѣтло-бурый; лобъ и передняя часть головы—темно-бурые; двѣ продольныя полосы, начинающіяся на предплечьяхъ и голени, идущія постепенно суживаясь, вдоль предплечья и предплечья, и кисть на хвостѣ окрашены въ черный цвѣтъ; бѣлую окраску имѣютъ: кольцеобразныя пятна вокругъ глазъ, нижняя часть груди, животъ, внутренняя сторона бедеръ и широкое, имѣющее форму полумѣсяца зеркало, заходящее и на бедра.

Образъ жизни и характеръ всѣхъ вышеописанныхъ антилопъ, какъ близкихъ родичей, чрезвычайно сходны. Самая красивая изъ нихъ пигарга и наиболѣе близкій къ ней бѣлолобый бубаль водятся въ центральной Африкѣ, предпочитая степи, богатые стоячими водами, прочимъ мѣстностямъ. Тамъ, куда рѣдко проникалъ бѣлый человѣкъ съ его смертоноснымъ оружіемъ, можно видѣть, какъ рассказываетъ Гаррисъ, многія сотни этихъ антилопъ, которыя болѣе или менѣе многочисленными стадами бродятъ не подалеку отъ болотъ; онѣ жадно лижутъ вывѣтривающуюся изъ почвы соль, въ опредѣленное время идутъ на водоной и потомъ снова разбиваются по широкой степи. Среди нестраго стада пигаргъ нерѣдко попадаются бѣлоголовый бубаль и почти всегда гну или кокуны, скакуны и страусы; благодаря этому, стада эти особенно бросаются въ глаза путешественнику и возбуждаютъ въ немъ желаніе поохотиться. Въ прежнія времена пигарга попадалась также и въ Капской землѣ въ неменьшемъ количествѣ, чѣмъ скакуны; но она подвергалась тамъ такому жестокому, часто безцѣльному истребленію со стороны охотниковъ, что теперь, какъ и куду, встрѣчается только на земляхъ нѣкоторыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, гдѣ ее старательно охраняютъ. Бѣлолобаго бубала постигла бы вѣроятно та же участь, если бы область распространенія его не находилась нѣсколько сѣвернѣе, чѣмъ родина пигарги.

Съ сенегальскимъ бубаломъ насъ впервые познакомилъ Гейглингъ. Дол-

Степной бубаль.

Пигарга.

Бѣлобый бубаль.

Сенегальскій бубаль.

гое время знали только черепъ и рога этого красиваго животнаго, которое теперь изрѣдка привозятъ въ Европу живьемъ. Въ Суданѣ въ дождливое время года эти антилопы пасутся на сухихъ открытыхъ лугахъ стадами въ 10—30 головъ; когда пруды и лужи пересохнуть, онѣ переселяются въ болотистыя мѣстности, лежащія близъ большихъ рѣкъ. Нѣкоторою неуклюжестью движеній онѣ напоминаютъ степного бубала и, подобно ему, не очень боятся человѣка. вмѣстѣ съ вышеупомянутыми антилопами, тора встрѣчается однако только изрѣдка въ центральной Африкѣ, такъ

Каама. *Bubalis caama*. $\frac{1}{16}$ наст. вел.

какъ ея область распространенія находится сѣвернѣе или, вѣрнѣе, сѣверо-восточнѣе. Въ степяхъ по западнымъ склонамъ Абиссинскихъ горъ и въ обширномъ районѣ плоскогорья Барка и Атбара она встрѣчается часто, нерѣдко также въ степяхъ и пустыняхъ къ западу отъ Шила; говорятъ, что эти антилопы въ одиночку попадаютъ еще и вблизи оазисовъ западнаго Египта; въ западной же части пустыни, южнѣе Атласа, онѣ несомнѣнно водятся въ большомъ количествѣ. Но хотя тора является такимъ образомъ однимъ изъ весьма распространенныхъ въ Африкѣ видовъ, она все-таки сильно уступаетъ въ этомъ отношеніи каамѣ, водящейся не только въ южной Африкѣ, но и въ восточной и сѣверной частяхъ центральной, такъ какъ Гейглинъ и Швейнфуртъ встрѣчали ее въ большомъ количествѣ во всей

области верхняго теченія Нила. Благодаря наблюденіямъ названныхъ изслѣдователей, особенно Швейнфурта, мы знакомы теперь съ каамой больше, чѣмъ со всѣми другими родственными ей видами, и потому на ней всего удобнѣе остановиться нѣсколько подробнѣе, чтобы составить себѣ понятіе о всей этой группѣ.

Каама водилась прежде въ сѣверной части Капской земли, но теперь постоянными преслѣдованіями она вытѣснена оттуда за Оранжевую рѣку. Только въ сѣверной части колоній и странахъ, посѣщаемыхъ охотниками, она встрѣчается въ значительномъ количествѣ; а въ серединѣ восточной Африки, въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ она принадлежитъ къ обыкновеннѣйшимъ антилопамъ. Швейнфуртъ указывалъ на нее какъ на наиболѣе распространенный видъ въ земляхъ Бонго и Ньямъ-Ньямъ. «Всего чаще», говоритъ онъ, «попадаютъ стада въ 5—10 штукъ въ необитаемыхъ пограничныхъ пустыняхъ; въ заселенныхъ мѣстностяхъ каама предпочитаетъ рѣдкій кустарникъ, растущій близъ рѣчныхъ долинъ, но на послѣднія не заходитъ. Она имѣетъ привычку въ полдень отдыхать, стоя около стволовъ деревьевъ или ярко освѣщенныхъ солнцемъ термитовыхъ кучъ, и тогда, благодаря своей неподвижности, она часто остается незамѣченной ищущимъ ее охотникомъ, такъ какъ ея окраска почти не отличается отъ сходнаго по цвѣту фона выбираемыхъ ею для отдыха мѣсть». По словамъ Гарриса, въ южной Африкѣ во главѣ каждаго стада находится старый самецъ, который, подобно самцамъ многихъ другихъ видовъ антилопъ, очень ревнивъ и не терпитъ въ своемъ стадѣ соперника. Несмотря на некрасивое сложеніе и безобразную голову, придающихъ каамѣ странный неуклюжій видъ, въ ея наружности иногда есть все-таки что-то величественное, особенно когда она бѣжитъ галопомъ. Правда, сначала кажется, будто она прихрамываетъ на заднія ноги, но когда она какъ слѣдуетъ разбѣжится, то совершенно не производитъ болѣе этого впечатлѣнія; тогда она бѣжитъ быстрой, но спокойной рысью, гордо закинувъ украшенную рогами голову, подобно благородному коню, высоко поднимая ноги, какъ это дѣлаютъ лошади въ циркѣ и ударяя себя по бѣлымъ бедрамъ блестящимъ чернымъ хвостомъ. Не менѣе подвижныя, чѣмъ всѣ другія антилопы, каамы часто забавляются, дѣлая удивительные прыжки или неожиданные повороты, а иногда онѣ затѣваютъ очень странныя игры, которыя Швейнфуртъ описываетъ слѣдующимъ образомъ. «Забавляющееся стадо каамъ, на разстояніи едва-ли 500 шаговъ отъ дороги, привлекло наше вниманіе. Онѣ играли другъ съ другомъ такимъ образомъ, что, казалось, дѣлали повороты, будто управляемыя невидимыми всадниками, и все это происходило въ виду длиннаго каравана, растянушагося на добрыхъ полчаса пути. Онѣ бѣгали попарно вокругъ группы деревьевъ, словно по аренѣ; при этомъ небольшія группы, изъ 3—4 каамъ, стояли, внимательно наблюдая за бѣгающими и время отъ времени смѣняли ихъ. Эта странная игра продолжалась до тѣхъ поръ, пока наши собаки не бросились на нихъ и не разогнали ихъ во всѣ стороны. Все это я наблюдалъ совершенно такъ, какъ я теперь старался описать. Вѣроятно это странное поведеніе каамъ объясняется тѣмъ, что было время течки и подъ влияніемъ страсти онѣ не замѣчали грозящей имъ опасности». Насколько правдоподобно это предположеніе Швейнфурта, видно изъ того, что подобныя игры переходятъ у каамъ и родственниковъ имъ видовъ въ серьезные поединки, какъ только въ стадѣ, кромѣ признаннаго его главы, появится другой сильный самецъ. При этихъ поединкахъ каамы, подобно бубаламъ, описываемымъ древними, бросаются на колѣни и, пригнувъ голову къ переднимъ ногамъ, приближаются въ такомъ положеніи другъ къ другу, такъ что почти сталкиваются лбами и начинаютъ бить рогами съ такой силой, что звукъ ударовъ бываетъ слышенъ на далекомъ разстояніи. Подобно оленямъ, бойцы нерѣдко такъ сильно сдѣпляются рогами, что бываютъ не

въ состояніи разойтись, если у одного изъ нихъ не отломается рогъ. Раны, которыя наносятъ другъ другу самцы, бывають глубоки и опасны. Говорятъ, что, защищаясь отъ непріятеля, эти антилопы принимаютъ ту-же позу, что при поединкахъ.

До сихъ поръ еще нѣтъ точныхъ указаній относительно того, сколько времени продолжается у каамы беременность. По сообщенію Гарриса, самка рождаетъ по одному дѣтенышу въ апрѣлѣ и сентябрѣ, слѣдовательно спариванье должно происходить дважды въ годъ. Привезенныя въ зоологическіе сады Германіи, каамы отлично размножались въ неволѣ, и телятъ удавалось выращивать безъ особаго труда. Дѣтенышъ, родившійся въ Франкфуртскомъ зоологическомъ саду, былъ больше новорожденнаго оленя и чрезвычайно походилъ на теленка, болѣе, чѣмъ взрослыя каамы на корову; у него были высокія ноги, длинная голова, но притомъ очень выгнутый лобъ; окраска его была рыжеватая, какъ и у взрослыхъ животныхъ. Тотчасъ же послѣ рожденія онъ уже бѣгалъ съ матерью, но движенія его были еще очень неловки, и когда онъ бѣжалъ галопомъ, то напоминалъ жираффу. Изъ наблюденій надъ молодыми животными оказывается, что рога появляются у нихъ приблизительно на 3-мъ мѣсяцѣ, но только черезъ нѣсколько лѣтъ они пріобрѣтаютъ характерную для каамы изогнутость, такъ что нѣкоторое время они бывають совсѣмъ не похожи на рога взрослого животнаго, да и вообще форма ихъ постоянно измѣняется, пока они растутъ.

Бубалы, воспитываемые въ неволѣ смолоду, становятся чрезвычайно ручными, слѣдуютъ по пятамъ за своимъ хозяиномъ, берутъ у него изъ рукъ хлѣбъ и другія лакомства и всячески выказываютъ свою привязанность къ нему. Но, къ сожалѣнію, эти хорошія отношенія продолжаются недолго: какъ только эти животныя сознаютъ свою силу они, особенно самцы, начинаютъ проявлять свойственную имъ драчливость и притомъ всего болѣе достается отъ нихъ именно тѣмъ лицамъ, къ которымъ ранѣе они были наиболѣе привязаны. Старымъ животнымъ нельзя довѣрять, какъ и другимъ крупнымъ антилопамъ; они капризны, раздражительны и притомъ обыкновенно не только защищаются, но сами являються нападающей стороной.

Кромѣ львовъ, леопардовъ и другихъ крупныхъ хищниковъ изъ семейства кошекъ, ревностно преслѣдующихъ бубаловъ, имъ приходится страдать и отъ нападающихъ на нихъ паразитовъ. Одинъ видъ оводовъ кладетъ имъ яйца подъ кожу, другой въ слизистую оболочку носа; изъ этихъ яицъ развиваются личинки, которыхъ антилопамъ удается иногда удалить всѣхъ сразу изъ носу чиханьемъ или фырканьемъ; въ противномъ случаѣ онѣ причиняють животнымъ сильныя страданія.

За бубалами всюду, гдѣ они встрѣчаются, охотятся и туземцы, и бѣлые. Когда ихъ преслѣдуютъ, они обыкновенно стараются сохранять одно и то-же разстояніе между собой и охотникомъ, какъ-бы въ насмѣшку надъ нимъ, такъ какъ съ этого разстоянія ихъ можно застрѣлить развѣ только изъ очень дальнобойнаго ружья. Мясо бубаловъ всюду очень цѣнится, такъ какъ оно вкуснѣе мяса большинства другихъ антилопъ. Въ Капской землѣ его рѣжутъ на полосы, сушатъ на воздухѣ и потомъ употребляютъ для варки крѣпкаго супа. Изъ шкуры дѣлають одѣяла, изъ дубленой кожи ремни и сбрую, изъ твердыхъ и блестящихъ роговъ вытачивають разныя вещицы.

* * *

Мало изученная группа **Железистыхъ антилопъ** (*Adenota. Rückendrüsenaantilopen*) обитаетъ главнымъ образомъ въ западной и Центральной Африкѣ. Эти антилопы красотой формъ напоминають газелей; довольно толстыя рога ихъ отъ основанія направляются прямо вверхъ, затѣмъ наружу и назадъ, а концы слегка загибаются впередъ; внизу рога сплюснуты, по срединѣ полосаты, а на концѣ гладки;

они покрыты отъ самаго корня рядомъ толстыхъ полукольцевъ. Уши у этихъ антилопъ большія, хвостъ короткій, ноги умѣренной высоты. У нихъ есть слезныя ямки. а у нѣкоторыхъ видовъ кромѣ того и железистый горбикъ на спинкѣ. У самокъ нѣтъ роговъ.

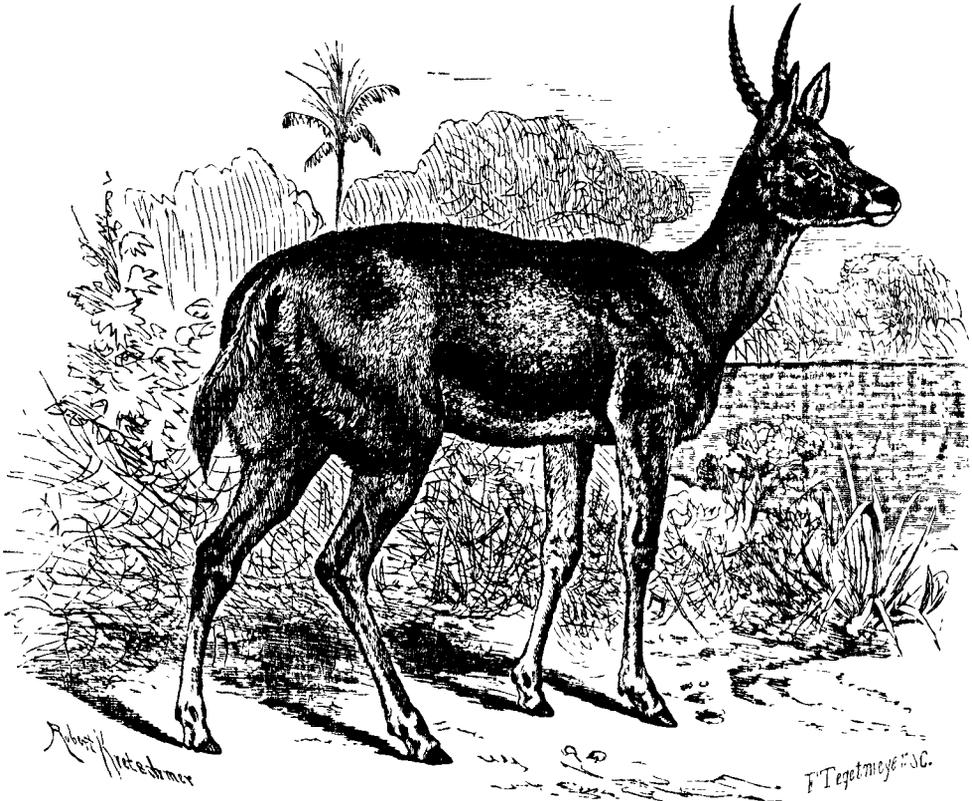
Гейглинъ описалъ одинъ изъ видовъ этихъ антилопъ, называемый неграми **Абокомъ** (*Adenota megaceros*, *Antilope* и *Redunca megaceros*. Абок) и живущій по верхнему теченію Бѣлаго Нила. Абокъ ростомъ съ большую лань; у него коренастыя ноги, на шеѣ длинныя волоса, довольно длинный, на концѣ пушистый хвостъ, на загривкѣ жировой горбъ. Рога имѣютъ 60 см. въ длину, по серединѣ они сильно загнуты назадъ и наружу. Преобладающая окраска его длинной, жесткой шерсти темно-бурая, цвѣта умбры; пятна около глазъ, виски, уши, кончикъ носа, пятно на затылкѣ и горбъ желтовато-бѣлыя, вся нижняя сторона---бѣлая. «Повидимому», говоритъ Гейглинъ, «абокъ не постоянно живетъ по берегамъ Абиада или Бѣлаго Нила, впадающаго въ него Собата и въ находящихся близъ этихъ рѣкъ степяхъ, а удаляется въ глубь страны во время дождливаго времени года. Зимой и весной онъ обыкновенно пасется днемъ въ открытой степи; вечеромъ, куда ни заглянешь, всюду въ степи виднѣются густыя облака пыли и слышится глухой шумъ; и облака, и шумъ постепенно приближаются, и тогда видно, что это бѣгутъ на водопой стада абоковъ, и притомъ не какая-нибудь сотня-другая, а несмѣтное множество этихъ животныхъ. Абокъ одинаково хорошо чувствуетъ себя какъ на сушѣ, такъ и въ болотѣ или въ водѣ; онъ съ легкостью пробирается черезъ самыя тонкія мѣста и, не задумываясь, переплываетъ рѣчки. Абока нельзя назвать пугливымъ животнымъ, его легко убить изъ засады или изъ лодки, когда цѣлое стадо переплываетъ рѣчку».

* * *

Болотныя антилопы (*Redunca*, *Riedantilope*), подобно бубаламъ, имѣютъ сходство съ газелью. Это большія или средней величины антилопы, коренастыя, съ довольно длиннымъ хвостомъ; рога, сидящіе низко почти надъ глазами, есть только у самцовъ; они круглы, у основанія кольчаты, концы ихъ загнуты впередъ. Слезныя ямки выражены неясно. У самки четыре соска.

Изъ принадлежащихъ къ этому роду антилопъ наиболѣе извѣстенъ **Болотный козель** (*Redunca eleotragus*, *Antilope eleotragus* и *arundinacea*, *Cervicapra arundinacea*, *Eleotragus reducus* и *arundinaceus*. *Riedbock*, *Ritbok*). Это красивое животное имѣетъ вмѣстѣ съ хвостомъ 1,4—1,5 м. въ длину; высота его у загривка около 95 см., а у крестца 80 см. Вообще болотный козель похожъ на нашу козую, но сложенъ нѣсколько стройнѣе. Туловище его нѣсколько вытянуто, задняя часть нѣсколько сильнѣе передней; шея длинная и тонкая, сжата съ боковъ и изогнута какъ у оленей; сравнительно большая голова суживается кпереди; лобъ широкій, переносье прямое, морда оканчивается тупо. Длинныя, большія, узкія и заостренныя уши съ обѣихъ сторонъ покрыты густыми волосами, копыта средней величины, нѣсколько выпуклыя, шпорцы плоскія и расположены косвенно. Хвостъ умѣренной длины, покрытъ чрезвычайно густыми волосами. Довольно короткая и густая шерсть лежитъ не такъ гладко на тѣлѣ, какъ у другихъ описанныхъ нами антилопъ; она удлиняется на брюхѣ, на задней сторонѣ плеча, а также на передней части шеи до груди; на серединѣ спины, на нижнемъ концѣ передней части шеи и на темени волосы образуютъ вихры. На вискахъ подъ ушами находится круглое голое пятно. Спина и бока у болотнаго козла обыкновенно имѣютъ

рыжевато-сѣро-бурую окраску; переднія ноги внизу и съ внутренней стороны—бѣлыя. На вѣшной сторонѣ ногъ цвѣтъ переходитъ въ желтоватый; голова, шея и наружная сторона ушей—чалыя, глаза окружены бѣлымъ кольцомъ; заднія ноги рыже-сѣрыя, но передней сторонѣ ногъ тянется неясная темно-бурая полоса. Хвостъ сверху чало-бурый, снизу бѣлый; копыта и побочныя копытца черныя. Иногда встрѣчаются экземпляры этой антилопы, у которыхъ цвѣтъ мѣха переходитъ или въ болѣе желтовато-сѣрый, или въ болѣе рыжеватый. Самка отличается отсутствіемъ роговъ и меньшимъ ростомъ. У самцовъ рога достигаютъ длины въ 30, рѣдко въ 40 см.; они загнуты просто впередъ, расходятся въ стороны и почти до самыхъ концовъ покрыты небольшими кольчатыми утолщеніями.

Болотный козель. *Redunca eleotragus* ¹/₁₀ наст. вел.

Болотный козель водится въ южной и въ восточной части центральной Африкѣ; здѣсь, по сообщенію Швейнфурта, только за большими болотами, находящимися въ области верхняго теченія Нила. Эти животныя держатся обыкновенно попарно въ заросляхъ кустарника вблизи озеръ и болотъ, встрѣчаются также въ заросляхъ ситника, тростника и высокой осоки, растущей во временно пересыхающихъ рѣкахъ. Въ виду того, что болотный козель рѣдко показывается въ открытых мѣстностяхъ, его нечасто удается встрѣтить, хотя онъ и принадлежитъ къ числу весьма распространенныхъ антилопъ.

Вотъ что сообщаетъ объ его образѣ жизни Драйсонъ: «Обыкновенно болотный козель лежитъ, спрятавшись, въ осоку и даетъ подойти къ себѣ очень близко; спугнутый, онъ отбѣгаетъ на небольшое разстояніе, останавливается и оглядывается

на преслѣдователей. При этомъ онъ чихаетъ особеннымъ образомъ, что вѣроятно должно служить предостереженіемъ другимъ находящимся по близости антилопамъ. Этотъ звукъ часто бываетъ причиной гибели животнаго, указывая охотнику на его присутствіе. Болотный козелъ очень любитъ молодые всходы полевныхъ злаковъ, за что каффы глубоко ненавидятъ его; они всячески стараются прогнать его, и если имъ на охотѣ удастся уничтожить хоть одного болотнаго козла, то они вполне довольны результатомъ охоты, такъ какъ они ни о чемъ не заботятся болѣе, чѣмъ о защитѣ своихъ полей отъ этого животнаго. Мнѣ не разъ случалось приобрести дружбу цѣлой деревни, застрѣливъ нѣсколькихъ «имсиги», которые досаждали жителямъ въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль. Живучесть болотнаго козла по-истинѣ поразительна. Часто случается, что онъ убѣгаетъ, какъ ни въ чемъ не бывало, будучи прострѣленъ пулей на вылетъ, и хотя въ большинствѣ случаевъ бѣгство не спасаетъ его, но онъ все-таки пропадаетъ для охотника». Селусъ утверждаетъ, что болотный козелъ до сихъ поръ встрѣчается во внутренней части южной Африки всюду, гдѣ есть низменные луга и воды, богатыя тростниками. Рѣдко попадають болѣе 3—4 штукъ вмѣстѣ и въ такихъ случаяхъ обыкновенно двое изъ нихъ еще молодые; большею-же частью эти животныя держатся попарно. Хотя они никогда не встрѣчаются вдали отъ воды, но выбираютъ все-таки сухія мѣста и вовсе не отыскиваютъ болотъ и трясины; когда ихъ преслѣдуютъ и загоняютъ къ водѣ, они иногда не рѣшаются перебраться даже черезъ очень мелкія мѣста. Когда они встревожены или испуганы, то, подобно сернамъ, испускають рѣзкій свистъ.

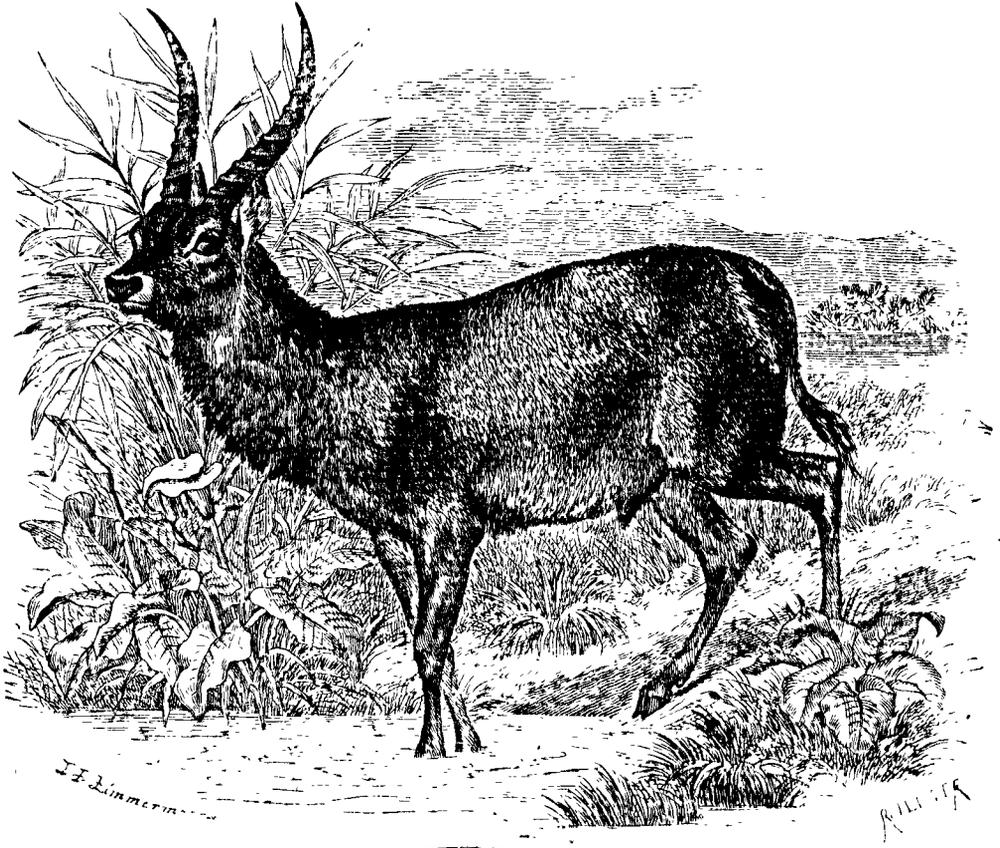
О размноженіи болотныхъ козловъ нѣтъ еще никакихъ свѣдѣній; также мало знаемъ мы и о жизни этихъ антилопъ въ неволѣ, хотя онѣ извѣстны уже давно, и въ Европу часто привозили ихъ шкуры, но еще не было доставлено ни одного живого экземпляра.

* *

Близкими родственниками болотныхъ антилопъ являются **Водяныя антилопы** (*Kobus. Wasserböcke*); къ этому семейству принадлежатъ крупныя, пропорціонально сложенные виды съ довольно длинной шерстью, часто съ гривой. Длинные кольчатые рога, имѣющіеся только у самцовъ, слегка изогнуты сначала назадъ и къверху, затѣмъ впередъ и въ стороны. Голое пятно на мордѣ у нихъ средней величины, хвостъ съ длинной кистью; копытныя железы есть, но слезныхъ ямокъ и железъ нѣтъ.

Къ этому семейству принадлежитъ **Водяной козелъ** (*Kobus ellipsiprampus, Wasserbock. Kob.*), красивое животное ростомъ почти съ оленя; онъ имѣетъ 2 м. въ длину вмѣстѣ съ хвостомъ, на который приходится около 50 см. и 1,3 м. въ высоту у крестца. Волосы у него жирныя и жесткія, короткія, чрезвычайно густыя только на маковкѣ, губахъ, наружной сторонѣ ушей и ногахъ; на всемъ-же остальномъ туловищѣ они длинныя и косматые. Преобладающій цвѣтъ мѣха сѣрый, такъ-какъ только кончики волосъ окрашены въ бурый цвѣтъ. На головѣ, туловищѣ, хвостѣ и бедрахъ мѣхъ имѣетъ рыжій или рыжевато-бурый оттѣнокъ. Брови, узкая полоса подъ вѣками, верхняя губа, морда, бока шеи и небольшая лентообразная полоса около горла—бѣлыя, точно такъ-же, какъ и полоса, которая тянется по задней части бедеръ, направляясь отъ крестца впередъ и внизъ и образуя очертаніе. Самка сложена менѣе плотно, чѣмъ самецъ и отличается болѣе блѣдной окраской. Довольно толстыя рога, которыми обладаютъ одни самцы, изогнуты у основанія слегка назадъ, затѣмъ болѣе или менѣе впередъ и наружу, концы-же ихъ снова сближаются; измѣренныя по кривизнѣ они имѣють около 80 см. въ длину и почти до самыхъ концовъ бывають покрыты толстыми кольчатыми утолщеніями съ острыми краями.

А. Смитъ встрѣчалъ эту антилопу маленькими стадами въ 8—10 штукъ по берегамъ рѣкъ въ южной Африкѣ, къ сѣверу отъ Куррихано. Гейглинъ и послѣ него Швейнфуртъ познакомились съ водянымъ козломъ, путешествуя по сѣверо-восточной части Центральной Африки, а Пехуаль Леше встрѣчалъ его мѣстами въ довольно большомъ количествѣ въ западномъ Конго, а изрѣдка также и въ другихъ мѣстностяхъ Нижней Гвинеи и въ Верхней Гвинее по рѣкѣ Вольта. Вѣроятно онъ водится во всей восточной Африкѣ на ряду съ другой, очень трудно отличимой отъ него водяной антилопой (*Kobus singsing*). Въ каждомъ стадѣ нахо-

Водной козель. *Kobus ellipsiprymnus*. $\frac{1}{18}$ наст. вел.

дятся 2 или 3 самца; но изъ нихъ только одинъ вполне взрослый, который, повидимому, не терпитъ соперниковъ. Несмотря на почти неуклюжее сложеніе, водяной козель производитъ на видъ пріятное впечатлѣніе. У него живые выразительные глаза, выражающіе сознание собственного достоинства, даже свирѣности: движенія его граціозны. Пока пасется, онъ выглядитъ немного неоворотливымъ; но, когда онъ встревоженъ, въ наружности его является какая-то представительность и даже величественность, особенно, когда онъ высоко подниметъ голову, что придаетъ ему чрезвычайно живое и умное выраженіе. По наблюденіямъ Гейглина, онъ—не настоящее болотное животное и держится главнымъ образомъ въ высокихъ заросляхъ тростника, иногда въ ростъ человѣка. Подобно коневиднымъ антилопамъ, онъ имѣетъ обыкновеніе взбираться на постройки термитовъ и съ высоты

своего величія осматриваетъ свои болотистыя владѣнія; но, благодаря этой привычкѣ, часто выдаетъ свое присутствіе; впрочемъ, когда онъ пробирается среди кустарника, его также нетрудно замѣтить, такъ какъ бѣлыя пятна на его бедрахъ рѣзко выдѣляются на темномъ фонѣ листы. Онъ не особенно пугливъ и обыкновенно подпускаетъ къ себѣ охотника на довольно близкое разстояніе. Вожакъ стада, замѣтивъ опасность, тотчасъ-же бросается бѣжать стремительнымъ галопомъ, а вслѣдъ за нимъ несется и все стадо, направляясь обыкновенно къ водѣ, добѣжавъ до которой, животныя кидаются съ разбѣга въ волны.

И въ южной Африкѣ, какъ сообщаетъ Селусъ, преслѣдуемые водяные козлы спасаются, бросаясь въ воду. Но въ западной Африкѣ они далеко не всегда отличаются такой привычкой къ водѣ. Здѣсь, по сообщенію Пехуэль-Леше, они встрѣчаются часто далеко отъ воды въ совершенно сухихъ и скалистыхъ мѣстахъ, а также на крутыхъ склонахъ холмовъ, по которымъ они лазаютъ съ большой ловкостью. Когда они убѣгаютъ отъ охотника, то и не думаютъ направляться къ водѣ, а прячутся въ густой травѣ сырыхъ мѣсть въ степи въ поросшихъ кустарникомъ лощинахъ или оврагахъ. Обыкновенно водяные козлы держатся стадами по 3—8, иногда по 15—20 головъ, рѣдко число ихъ доходитъ до 30. Стадомъ всегда предводительствуетъ старая самка, а не самецъ; въ большомъ стадѣ самокъ бываетъ всегда гораздо больше, чѣмъ самцовъ, и изъ послѣднихъ-же всегда только одинъ—большой, сильный, другіе же 2 или 3 еще слабые. Окраска водяныхъ козловъ нерѣдко значительно варьируетъ; она впадаетъ то въ чалый цвѣтъ, то въ рыжій, то въ серебристо-сѣрый или темно-сѣрый; встрѣчаются даже старые самцы съ почти совершенно чернымъ мѣхомъ, бродящіе иногда одиноко. Чтобы успѣшно охотиться за водянымъ козломъ, надо быть отличнымъ стрѣлкомъ, такъ какъ если его сразу не убить наповаль, то онъ убѣгаетъ обыкновенно очень далеко и пропадаетъ для охотника, которому трудно бываетъ преслѣдовать его по болотамъ и густымъ зарослямъ тростника или кустарника. Говорятъ, что мясо ихъ почти невозможно употреблять въ пищу, такъ какъ оно жестко, волокнисто и имѣетъ сильный непріятный запахъ, изъ-за котораго отъ него отказываются даже голодные каффры. Гаррисъ увѣряетъ, что иногда этотъ дурной запахъ заставляя его бросить убитую имъ антилопу, такъ какъ онъ былъ не въ состояніи снять съ своей добычи шкуру. Швейнфуртъ, напротивъ, находилъ, что иѣжное, хотя и не жирное, мясо молодыхъ животныхъ, очень вкусно. Селусъ, подобно Гаррису, считаетъ мясо водяного козла очень плохимъ и утверждаетъ, кромѣ того, что жиръ этого животнаго имѣетъ непріятное свойство прилипать повсюду во рту, если его не ѣсть совершенно горячимъ.

* * *

Однимъ изъ красивѣйшихъ представителей описываемаго нами семейства является **Коневидная антилопа** (*Hippotragus. Pferdeböcke.*), названная такъ потому, что у нихъ на затылкѣ и шеѣ растетъ густая грива. Рога, имѣющіеся у обоихъ половъ, сидятъ на лобномъ утолщеніи, загнуты дугообразно назадъ и почти до гладкихъ концовъ покрыты рѣзкими кольчатыми утолщеніями. Формой головы эти антилопы напоминаютъ серну, уши же у нихъ, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ Гаррисъ, имѣютъ сходство съ ослиными. Шея у нихъ короткая и толстая; на стройныхъ ногахъ покоится довольно плотное туловище; высота его у задривка болѣе чѣмъ у крестца. Хвостъ длинный, съ большой кистью; слезныхъ ямокъ у нихъ нѣтъ, на ихъ мѣстахъ находится только по пучку волосъ; нѣтъ также копытныхъ железъ и паховыхъ ямокъ. У самки два соска.

Въ старинныхъ описаніяхъ путешествій по южной Африкѣ часто упоминается

объ антилопѣ, называемой поселенцами Капской земли голубымъ козломъ; но уже съ начала нынѣшняго столѣтія эта антилопа болѣе не встрѣчается въ области поселеній. Вѣроятно этотъ голубой козель былъ ничто иное, какъ ярко окрашенный самецъ **Чалой антилопы** (*Hippotragus leucorphaeus*, *Antilope leucorphaea*, *equina* и *glauca*, *Aegocerus leucorphaeus* и *equinus*, *Ozanna leucorphaea*. *Falbenantilope*. *Egocère bleu*) называемой коловистами «*Bastardgemsbock*». Это большое, красивое живот-

Черная и чалая антилопы. *Hippotragus niger*. *Hip. leucorphaeus*. $\frac{1}{20}$ наст. вел.

ное имѣть 2,2 м. въ длину (безъ хвоста, имѣющаго 75 см.) и 1,6 м. въ вышину у загривка; преобладающая окраска мѣха—ржавая съ нѣсколько желтовато-молочно-бѣлымъ оттѣнкомъ. Уши, имѣющія 35 см. въ длину, остры и на концѣ загибаются назадъ и внизъ; хвостъ покрытъ короткими волосами, только на концѣ его находится довольно большая кисть. Грива на затылкѣ состоитъ изъ высокостоящихъ жесткихъ волосъ и похожа болѣе на гриву осла или зебра, чѣмъ на лошадиную; на передней части шеи волоса также удлиняются, не образуя однако гривы. Передняя часть головы черноватая, полосы впереди и позади глазъ и нѣтно между рогами—бѣлыя;

туловище рыжевато-бѣлое, волосы гривы на концахъ бурые, пятно на груди черновато-сѣрое, на ногахъ шерсть имѣеть нѣсколько болѣе темно-рыжій оттѣнокъ. Какъ сообщаютъ Гартманъ и Селусъ, иногда попадаются чалыя антилопы, имѣющія грязно-желтую окраску съ рыжеватымъ или чало-сѣрымъ оттѣнкомъ, а иногда совсѣмъ сѣрую, какъ у осла. Самка имѣеть одинаковую окраску съ самцомъ, но ростомъ она меньше его. У самца довольно большіе рога, достигающіе 75 см. въ длину по кривизнѣ. Они загнуты назадъ, расходятся кверху и почти до концовъ покрыты кольчатыми утолщеніями и имѣють до трехъ четвертей длины почти яйцо-видное сѣченіе; изгибъ и наклонъ ихъ бываютъ весьма различны. У самокъ длина роговъ меньше—около 65 см., и они обыкновенно менѣе изогнуты, чѣмъ у самцовъ.

Второй видъ коневидныхъ антилопъ былъ открытъ Гаррисомъ—это **Черная антилопа** или **черный козелъ** (*Hippotragus niger*, Antilope и *Ozanna nigra*, Rappenantilope *Egocère noir*); ростомъ она почти нисколько не уступаетъ чалой антилопѣ, длина ея вмѣстѣ съ хвостомъ почти 3 м., а высота у загривка 1,5 м. Уши у нея значительно меньше, чѣмъ у предыдущей, длиной въ 25 см., прямые и заостренные. Грива на затылкѣ и спинѣ состоитъ изъ мягкихъ волосъ; на шеѣ она тоже хорошо развита. Голова длинная, суживающаяся къ мордѣ; хвостъ снабженъ большой кистью. Преобладающая окраска темная, блестяще-черная, только мѣстами имѣющая буроватый оттѣнокъ. Съ обѣихъ сторонъ морды спускается по широкой бѣлой полосѣ, начинающейся надъ глазомъ; передняя и нижняя части морды, грудь, брюхо, верхняя половина внутренней стороны бедеръ и внутренняя поверхность ушей также бѣлыя; уши у корня, пятно на затылкѣ и ноги ниже колѣнъ имѣють свѣтлую орѣхово-коричневую окраску. Самки замѣтно меньше самцовъ и имѣють темно-бурюю, мѣстами черноватую окраску. У обоеихъ половъ есть рога, которые очень похожи на рога чалой антилопы, но они больше и еще сильнѣе изогнуты; у самцовъ они достигаютъ длины въ 110 см., у самокъ—въ 85 см.

Третій относящійся сюда видъ, **Бэнэрова антилопа** (*Hippotragus bakeri*, Bakers *Pferdeantilope*, *Egocère de Baker*) очень похожа на чалую антилопу; она водится, повидимому только въ восточной и сѣверо-восточной частяхъ Центральной Африки.

Прежде полагали, что родиной чалой и черной антилопъ является исключительно южная Африка; теперь-же мы знаемъ, что оба эти вида водятся и во внутренней части восточной Африки, гдѣ они распространены къ сѣверу до верховьевъ Нила. Въ средней-же части западной Африки ихъ, повидимому, нѣтъ; но чалая антилопа, по наблюденіямъ Пехуэль-Леше, встрѣчается въ Нижней Гвинее начиная отъ южной ея границы до Кинзембо. Оба вида попадаютъ, какъ въ открытой степи, такъ и въ гористыхъ и скалистыхъ мѣстностяхъ, поросшихъ низкимъ кустарникомъ, обыкновенно они ходятъ небольшими стадами въ 6—12 штукъ; но Селусу случилось встрѣчать въ южной Африкѣ чалыхъ антилопъ обществами въ 20 головъ, тамъ-же онъ видалъ и стада черныхъ антилопъ въ 50 и болѣе головъ. Бемъ также наблюдалъ «маленькія общества и большія стада» черныхъ антилопъ. Сильные старые самцы нерѣдко встрѣчаются и въ одиночку. Эти антилопы бываютъ болѣе или менѣе пугливы, смотря по тому, насколько онѣ подвергались преслѣдованіямъ со стороны человека. Бѣгъ у нихъ быстрый, но, повидимому, онѣ довольно скоро утомляются. Кромѣ того ихъ рога служатъ хорошимъ оружіемъ для защиты. «Раненая черная антилопа», пишетъ Селусъ, «бываетъ довольно опасна и, подобно чалой антилопѣ и пассану, можетъ надѣлать немало хлопотъ цѣлой сворѣ собакъ»:

я знаю случай, когда такая антилопа тремя взмахами своихъ длинныхъ роговъ убила трехъ собакъ».

Гордонъ Кюммингъ говорить съ восторгомъ о черной антилопѣ. «Проѣзжая верхомъ по лѣсу», говоритъ онъ, «я увидалъ одно изъ прекраснѣйшихъ твореній природы—старого самца черной антилопы, одного изъ самыхъ красивыхъ и величественныхъ африканскихъ животныхъ. Это была первая антилопа, видѣнная мною, и я никогда не забуду впечатлѣнія, охватившаго меня при этомъ зрѣлищѣ, столь восхитительномъ для охотника. Антилопа стояла среди стада антилопъ—паль, какъ разъ на нашемъ пути и къ сожалѣнію, замѣтила насъ раньше, чѣмъ мы ее. Я кликнулъ свою свору и пустился за ней въ погоню. Но день былъ душный и жаркій, и собаки были утомлены, а такъ какъ и лошадь у меня была не изъ лучшихъ, то я скоро отсталъ, и прекрасное животное ушло далеко и навсегда скрылось изъ моихъ глазъ. Ночью я, какъ ни старался, не могъ уснуть: образъ антилопы не переставалъ носиться передо мною».

* * *

Къ числу антилопъ, извѣстныхъ и славившихся еще въ древности, принадлежатъ **Сернобыки** (*Oryx. Spiessböcke. Oryx*), изображенія одного изъ видовъ которыхъ часто встрѣчаются на египетскихъ и нубійскихъ памятникахъ. Тутъ можно видѣть сернобыка въ самыхъ разнообразныхъ позахъ, обыкновенно съ веревкой на шеѣ въ знакъ того, что за нимъ охотились и поймали его. Въ залахъ большой Хеопсовой пирамиды находится нѣсколько изображеній сернобыка съ однимъ только рогомъ. Ссылаясь на эти изображенія, нѣкоторые натуралисты утверждаютъ, что сернобыкъ подаль поводъ къ возникновенію сказанія объ единорогѣ, тогда какъ подъ библейскимъ «Ремомъ» или единорогомъ положительно можно понимать только носорога. Древніе разсказывали о сернобыкахъ самыя удивительныя вещи. Они думали, что сернобыкъ, подобно стадамъ козъ, знаетъ время восхожденія Сириуса, становится противъ этой звѣзды и какъ-бы поклоняется ей; далѣе, что онъ мутитъ и загрязняетъ воду, чѣмъ и навлекалъ на себя ненависть египетскихъ жрецовъ; что онъ можетъ мѣнять по произволу рога, носить ихъ то четыре, то два, то наконецъ только одинъ и т. п.

Еще и въ концѣ среднихъ вѣковъ и даже до позднѣйшаго времени считали правдоподобными описанія древнихъ. «Между дикими козами», говоритъ старинный авторъ Геснеръ, «есть также особый родъ животныхъ, называемыхъ *Oryx*: у нихъ волоса обращены кончиками къ головѣ, чего никогда не бываетъ у другихъ животныхъ, у которыхъ они всегда направлены отъ головы назадъ». Оппіанъ слѣдующимъ образомъ описываетъ *Oryx*'а: «Животное *Oryx*», говоритъ онъ, «живетъ въ лѣсахъ и ненавистно для другихъ дикихъ звѣрей; оно совершенно бѣлое, кромѣ морды и щекъ; у него крѣпкій, жирный и толстый затылокъ, украшенный высокими, прямостоящими черными и очень острыми рогами; они до того тверды, что превосходятъ крѣпостью желѣзо и другіе металлы, а также камни; природа и свойства его совершенно дикія и жестокія, ибо онъ не страшится лая собакъ, не обращаетъ вниманія ни на хрюканье кабана, ни на мычанье быка, ни на ревъ льва, ни на жалобный голосъ пантеры; не покоряется онъ силѣ и могуществу человѣка, но часто одолеваетъ и убиваетъ самаго сильнаго охотника. Они даже часто убиваютъ другъ друга. Иные писатели утверждаютъ, что у этого животнаго только одинъ рогъ, и дѣйствительно говорятъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ встрѣчаются дикія козы съ однимъ рогомъ».

Въ древности, по свидѣтельству Гартмана, изображали сернобыковъ, какъ съ прямыми, такъ и съ изогнутыми рогами, и притомъ иногда чрезвычайно удачно; ихъ часто приручали и убивали для жертвоприношеній. На памятникахъ ихъ изо-

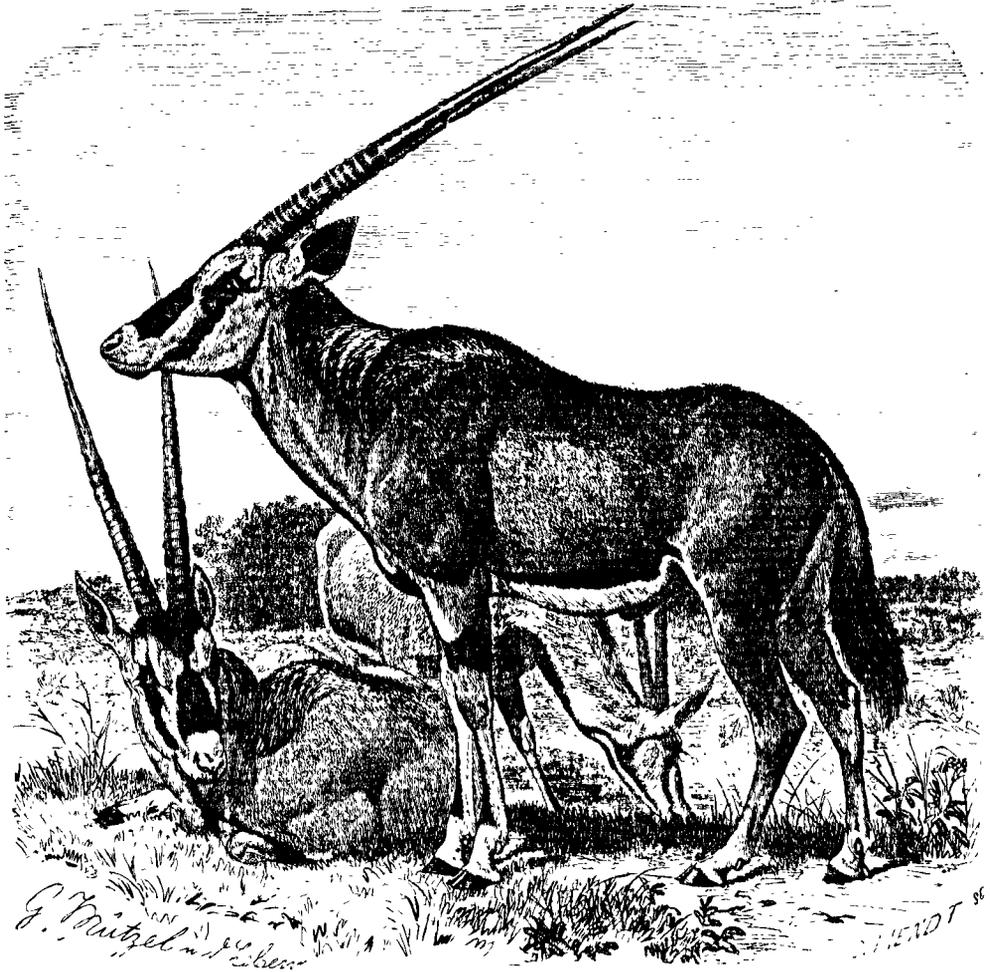
браженія встрѣчаются не иначе какъ рядомъ съ изображеніями древнихъ египтянъ. Это обстоятельство, равно какъ и то, что сернобыки никогда не являются въ качествѣ дани, полученной изъ южныхъ странъ, заставляетъ думать, что египетско-нубійскій видъ этой антилопы водился въ достаточномъ количествѣ въ пустынныхъ долинахъ земли фараоновъ, такъ что не было надобности искать его на дальнемъ югѣ. Повидимому, сернобыки были приведены въ Азію евреями, персами и другими народами, занимавшимися здѣсь ихъ прирученіемъ.

Сернобыки принадлежатъ къ самымъ крупнымъ и сильнымъ видамъ антилопъ, но, несмотря на свое коренастое сложеніе, производятъ довольно величественное впечатлѣніе. Голова у нихъ значительно вытянута въ длину, но не безобразна, профиль ея почти прямой или только слегка выпуклый: длина шеи умѣренная, очень плотное туловище покоится на сильныхъ, не очень высокихъ ногахъ, хвостъ довольно длинный съ большою кистью на концѣ; глаза большіе и выразительные, уши довольно короткія, широкія и закругленныя; рога, имѣющіеся у обоихъ половъ, длинные и тонкіе, отъ самаго основанія покрыты кольчатыми утолщеніями; они или совершенно прямы, или только незначительно загнуты назадъ и слегка расходятся къ концамъ. Слезныя и паховыя ямки отсутствуютъ. Всѣ извѣстные до сихъ поръ виды этихъ антилопъ настолько похожи другъ на друга, что многіе считаютъ ихъ только разновидностями одного и того-же вида. Но, когда различныхъ сернобыковъ видишь рядомъ, то убѣждаешься въ неосновательности этого мнѣнія.

Наиболѣе типичнымъ представителемъ этого рода считается обыкновенно **Пассанъ** или **Капскій сернобыкъ**, *Gemsbock* голландцевъ, называемый бечуанами **Кунама** (*Oryx capensis*, *Antilope oryx* и *recticornis*, *Oryx gazella*. Passan. Pazan). Длина тѣла этого статнаго животнаго 2,4 м., длина хвоста 40 см., а вышина у загривка 1,2 м. Шерсть его, густая и гладкая, состоитъ изъ короткихъ, жесткихъ волосъ, которые, за исключеніемъ гривы, похожей на гребень, торчащей на верхней сторонѣ шеи и на передней части спины, а также пучка длинныхъ щетинистыхъ волосъ на нижней сторонѣ шеи, почти вездѣ одинаковой длины. Шея, затылокъ, спина и бока имѣютъ желтовато-бѣлую окраску; голова, уши, верхняя часть бедеръ, грудь, животъ и ноги книзу отъ послѣдняго сустава—ослѣпительно бѣлые. Полоса на лбу, широкое пятно на передней части носа, полосы, идущія отъ роговъ къ глазамъ и продолжающіяся до нижней челюсти, и другія двѣ параллельныя имъ полосы, отдѣляющія бѣлую окраску головы отъ желтовато-сѣрой, а также наружный край ушей—совершенно черныя. Благодаря такой окраскѣ, пассанъ издали кажется какъ-бы взнузданнымъ. Кромѣ того черную окраску имѣютъ: пятно, которое начинается на спинѣ, а на крестцѣ расширяется и принимаетъ ромбовидную форму, предплечье, голень, полоса на передней сторонѣ концевъ пальцевъ, другая лентообразная полоса, идущая отъ середины груди впередъ и вверхъ къ паховой области, и, наконецъ, большая кисть на хвостѣ; грива-же и пучокъ волосъ подъ шеей черно-бураго цвѣта. Большіе черныя рога, которыми снабжены оба пола, или только слегка изогнуты, или совершенно прямы; нижняя ихъ половина болѣе или менѣе кольчата, верхняя гладка и кончается очень остро. У самцовъ рога толще, но въ то же время замѣтно короче, чѣмъ у самокъ; у послѣднихъ они достигаютъ 120 см., у первыхъ 105 см. въ длину.

Насколько извѣстно, пассанъ встрѣчается только въ южной Африкѣ; въ сѣверо-восточной его замѣняетъ другой очень близкій къ нему видъ, **Бейза** (*Oryx beisa*, *Antilope beisa*. Beisa. Algazel.). Это животное и есть вѣроятно *Oryx* древнихъ, такъ какъ цвѣтъ его подобенъ «весеннему молоку». Бейза ростомъ не уступаетъ пассану, съ которымъ онъ очень сходенъ по окраскѣ; у обоихъ половъ болѣе или

менѣе прямые рога, длиною около 1 м. Основная окраска нѣсколько свѣтлѣе, чѣмъ у пассана, желтовато-чало-сѣрая или желтовато-бѣлая; ротъ и кончикъ носа, передніе и задніе углы глазъ, основаніе ушей, середина брюха и переднія ноги чисто бѣлыя. Черную окраску имѣютъ: треугольное пятно на лбу, начинающееся у корня роговъ и узкой полоской соединенное на переносѣ съ другимъ продолговатымъ пятномъ въ видѣ колокола; два пятна, окружающія глаза и спускающіяся по щекамъ до угловъ рта; ошейникъ изъ двухъ лентообразныхъ полосъ, которыя отъ

Бейза. *Oryx beisa*. 1/2 н. наст. вел.

корня ушей спускаются, постепенно расширяясь, на шею и идутъ загибъ по срединѣ нижней челюсти, полоса, съ передней части шеи переходящая на грудь, раздваивающаяся здѣсь и, обогнувъ ноги, тянущаяся дальше по обѣимъ сторонамъ живота до паховъ, широкія косо расположенныя кольца вокругъ предплечья, пятна на передней поверхности плюсны, кисть хвоста и, наконецъ, рога. Грива на шеѣ и волосы гребня на передней части спины рыжіе; хвостъ и внутренняя сторона ушей чало-сѣрые. края ушей окаймлены черной полоской. Окраска у обѣихъ половъ одинакова. Бейза водится въ сѣверо-восточной Африкѣ приблизительно до 20° сѣв. широты.

Третій видъ сернобыковъ, называемый обыкновенно у насъ **Саблерогой антилопой**, а у арабовъ **дикой** или **степной коровой** (*Oryx leucorhynchus*, *Antilope leucorhynchus* и *ensicornis*. *Säbelantilope*. *Oryx du Soudan*) нѣсколько неуклюже предыдущихъ видовъ и имѣетъ такіе-же длинные и кольчатые, но болѣе изогнутые рога, направленные наружу и назадъ; вслѣдствіе значительнаго изгиба роговъ, концы ихъ смотрятъ внизъ. Короткіе, грубые и гладко прилегающіе волосы, удлиняющіеся только на спинномъ хребтѣ и наверху затылка, имѣютъ довольно однообразную окраску. Основной цвѣтъ болѣе или менѣе чистый желтовато-бѣлый, который на нижней части тѣла и на внутренней поверхности ногъ становится нѣсколько свѣтлѣе, а на шеѣ переходитъ въ рыжеватый; на головѣ шесть матово-бурыхъ пятенъ: одно между рогами, два между ушами, два между рогами и глазами, и шестое тянется полосой вдоль переносья. Старые самцы достигаютъ слишкомъ 2 м. длины, при высотѣ у загривка въ 1,3 м.

Область распространенія саблерогой антилопы обнимаетъ всю сѣверо-восточную часть Центральной Африки; она встрѣчается часто въ Сенаарѣ и Кордофанѣ, рѣже въ среднемъ и западномъ Суданѣ; къ сѣверу же, по Нахтигалю, попадаетъ въ Тибести, а также въ степи Баюда и нѣкоторыхъ пустынныхъ долинахъ Нубіи.

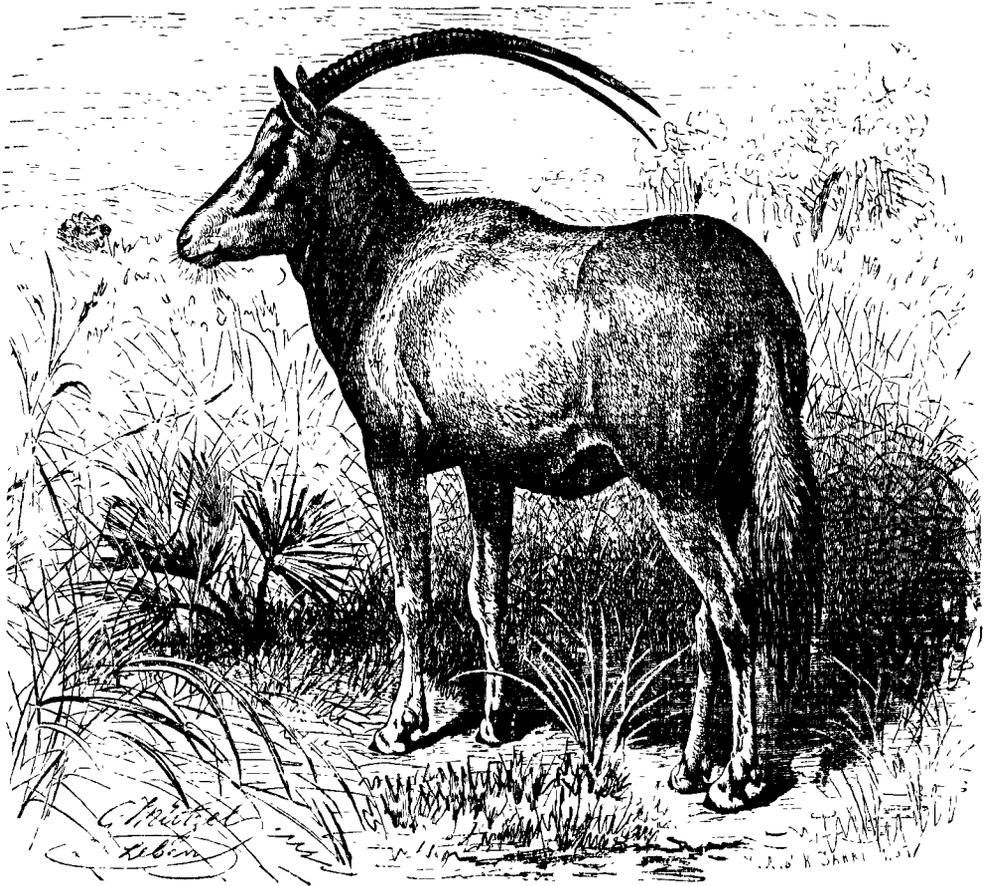
Въ образѣ жизни всѣ виды сернобыка довольно сходны между собой, но въ настоящее время сдѣлано еще мало наблюденій надъ ихъ жизнью на свободѣ, и свѣдѣнія наши объ этихъ столь извѣстныхъ еще въ древности животныхъ чрезвычайно скудны.

«Сернобыкъ», говоритъ Гордонъ Кюммингъ, «кажется, самой природой предназначенъ къ тому, чтобы населять сухія степи южной Африки; строеніе его тѣла превосходно приспособлено къ жизни въ этой мѣстности. Онъ живетъ въ такихъ бесплодныхъ мѣстахъ, гдѣ, кажется, и кузнечикъ не нашель-бы себѣ пищи, и, не смотря на страшно жаркій климатъ своей родины, обходится совершенно безъ воды. Изъ собственныхъ наблюденій и рассказовъ боэровъ я убѣдился, что онъ никогда не пьетъ воды, даже если-бы и представился къ этому случай». Въ совершенно такихъ-же условіяхъ живутъ и сѣверные сернобыки, хотя они не такъ равнодушны къ водѣ, какъ пассанъ. Правда, эти стройныя животныя, которыхъ, благодаря ихъ большому росту, можно замѣтить издали, встрѣчаются въ жаркихъ безводныхъ степяхъ южной Нубіи и Кордофана, такъ что, глядя на нихъ, недоумѣваешь, какимъ образомъ они ухитряются утолять здѣсь свою жажду; но въ этихъ-же мѣстахъ водится много и другихъ животныхъ, пьющихъ воду, да и содержащіяся въ неволѣ сернобыки не отказываются отъ питья.

Сернобыки встрѣчаются обыкновенно парами или очень небольшими обществами; часто случается видѣть одну мать съ теленкомъ. Только изрѣдка попадаются болѣе значительныя общества, и стада пассановъ въ 20 слишкомъ головъ, которыхъ видалъ Гордонъ Кюммингъ, вѣроятно встрѣчаются нечасто. Въ ненаселенныхъ мѣстностяхъ эти прекрасныя животныя нигдѣ не составляютъ рѣдкости, но нигдѣ также не бываютъ и особенно многочисленны; при томъ они такъ чутки и пугливы, что удается увидать только очень немногихъ изъ живущихъ въ опредѣленной мѣстности; они убѣгаютъ обыкновенно раньше, чѣмъ всадникъ успѣетъ приблизиться къ нимъ. По моимъ наблюденіямъ, сернобыки по возможности избѣгаютъ лѣсовъ; въ Кордофанѣ они держатся исключительно въ степи. Здѣсь богатая растительность даетъ имъ сытный кормъ, такъ что, до наступленія времени нужды и голода, т. е. зимой, они успѣваютъ запастись достаточнымъ количествомъ жира, чтобы нѣкоторое время прожить, питаясь кое-какъ сухой травой и голыми пруть-

ями. Только попадающіеся тамъ и сямъ кусты мимозъ даютъ имъ тогда болѣе свѣжую пищу. Обѣдая листья, сернобыки высоко поднимаютъ шею и опираются иногда передними ногами о стволъ дерева, чтобъ достать до болѣе высокихъ вѣтокъ.

Сернобыки очень быстроногія животныя. Шагъ у нихъ легкій, рысь твердая, галопъ тяжелый, но выносливый и равномерно ускоряющійся. Однако, по крайней мѣрѣ пассана, какъ сообщаетъ Селусъ, на лошади можно загнать до такой степени, что онъ отъ утомленія въ концѣ концовъ останавливается. Съ другими антилопами сернобыки живутъ, повидимому, въ ладу, по крайней мѣрѣ южно-африканскій пас-

Саблерогая антилопа. *Oryx leucorix*. $\frac{1}{10}$ наст. вел.

санъ часто мирно пасется рядомъ съ канной. Самцы саблерогой антилопы, какъ мнѣ приходилось наблюдать лично, иногда чрезвычайно неуживчивы и въ дурномъ расположеніи духа бываютъ иногда очень опасны для другихъ животныхъ. Вообще къ чести сернобыковъ надо сказать, что какъ они ни пугливы, но не похожи на антилопу по трусости, а скорѣе напоминаютъ характеромъ быковъ. Разсерженныя, они съ яростью бросаются на противника и стараются поранить его самымъ жестокимъ образомъ. Противъ нападенія собакъ они защищаются очень ловко: наклонивъ рога, они начинаютъ быстро мотать головой вправо и влево съ такой силой, что могутъ проткнуть собаку насквозь, если та не успеетъ во время увернуться. Лихтенштейнъ рассказываетъ, что одинъ изъ его спутниковъ нашель

въ большой стени Каррао скелетъ леопарда и сернобыка, лежащими рядомъ. Сернобыкъ успѣлъ убить страшнаго врага ударомъ роговъ, но и самъ умеръ отъ полученныхъ ранъ. Гаррисъ полагаетъ, что нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что иногда и льва постигаетъ подобная участь. Въ минуту опасности сернобыкъ бросается не только на собакъ, но и на человѣка. На Гордона Кюмминга, какъ онъ пишетъ самъ, напалъ сернобыкъ, и онъ спасся отъ смерти только потому, что разбѣжавшееся на него животное упало за нѣсколько шаговъ, истощенное отъ потери крови.

О размноженіи сернобыковъ на свободѣ мы не имѣемъ обстоятельныхъ свѣдѣній: Вейнландъ замѣтилъ, что беременность у саблерогихъ антилопъ продолжается 248 дней.

На сернобыковъ охотятся большею частію на лошадяхъ. Гордонъ Кюммингъ описываетъ яркими красками такую охоту и говоритъ, что онъ преслѣдовалъ почти цѣлый день уже раненаго пассапа, прежде чѣмъ тотъ окончательно выбился изъ силъ. Ни одна антилопа не представляетъ болѣе великолѣпнаго вида, какъ быстро несущійся сернобыкъ. Я самъ охотился за бейзой. Два раза я видѣлъ это красивое животное въ мартѣ 1862 г., а именно въ Самхарѣ, въ первый разъ только одного самца, во второй разъ небольшое общество въ шесть штукъ. Какъ самецъ, такъ и другіе пустились въ бѣгство, едва завидя насъ. Мы попробовали было прокрасться къ послѣднимъ; однако поворотъ оврага, совершенно скрывавшаго насъ отъ нихъ, неожиданно поставилъ насъ подѣ вѣтеръ, и мгновенно животныя пустились бѣжать. Такимъ образомъ я убѣдился въ томъ, что бейза обладаетъ такимъ-же хорошимъ чутьемъ, какъ сѣверный олень, такъ какъ мы были на разстояніи 500 шаговъ отъ него. Случайно то-же самое стадо, спустя полчаса, приблизилось къ намъ на разстояніе 70-ти шаговъ. т. е. на ружейный выстрѣлъ, и только особенное несчастье помѣшало мнѣ убить великолѣпный экземпляръ самца: я забылъ, что дробовой стволъ моего ружья былъ слѣва, пустилъ въ стройное животное зарядъ дробы въ плечо и былъ такъ ошеломленъ своимъ неудачнымъ выстрѣломъ, что не спохватился даже выстрѣлить второй разъ. Хотя самецъ и былъ раненъ, но онъ однако не напалъ на меня, какъ то можно было ожидать изъ указанія Рюшеля, но довольно медленной рысью, молча постѣдовалъ за другими.

Степные кочевники ловятъ иногда молодыхъ сернобыковъ и привозятъ ихъ въ городъ съ цѣлью продать ихъ знатнымъ туземцамъ или европейцамъ. Такимъ образомъ, во время пребыванія моего въ Африкѣ, я приобрѣлъ нѣсколько представителей этого вида. Я не могу отозваться съ похвалою о плѣнныхъ животныхъ. Они были лѣнны, надоедливы, неуживчивы. Они хорошо переносятъ неволю, узнаютъ хозяина и привыкаютъ къ нему; однако ни въ какомъ случаѣ имъ не нужно довѣрять, такъ какъ они иногда, какъ-бы шутя, наносятъ опасныя раны своими рогами. Ихъ не должно держать съ другими животными, такъ какъ они вскорѣ начинаютъ обижать своихъ товарищей. Иногда они ссорятся и между собой и наносятъ другъ другу сильныя удары рогами. Притомъ они очень упримы и только съ большимъ трудомъ удается справиться съ ними. До сихъ поръ еще я вспоминаю съ досадою о нѣсколькихъ дняхъ моего путешествія. Мы получили молодую самку саблерогой антилопы и очень желали взять ее съ собой. Проще всего было, конечно, привязавши ее за рога, заставить идти рядомъ съ верблюдомъ, но животное не пожелало слѣдовать за нами, и арабы единогласно утверждали, что «молодая степная корова» была еще не въ состояніи идти. Поэтому, одному изъ нашихъ слугъ велѣно было взять съ собой большое, но безпомощное животное на верблюда. Для этого вокругъ тѣла антилопы обвязали коверъ, который прикрѣпили къ сѣдлу. Антилопа,

казалось, была очень недовольна такимъ способомъ передвиженія и бодала слугу и верблюда своими острыми рогами. Верблюду, который вначалѣ только ворчаньемъ выражалъ свое неудовольствіе, наконецъ надоѣло такое непривычное обращеніе и онъ пустился вскачь. Тогда я самъ попробовалъ принудить антилопу продолжать путь, но и мнѣ досталось отъ ея роговъ. Мы сдѣлали новую попытку заставить ее идти съ нами, но она не удалась изъ-за упрямства животного. Ее вторично посадили на спину верблюда, и я уже думалъ, что дѣло идетъ на ладъ, какъ вдругъ антилопа, вырвавшись изъ ковра, бросилась бѣжать во всю прыть. Мы пустились за нею въ погоню, но не могли догнать. Теперь животное показало, что можетъ бѣжать и слишкомъ дорожить своей свободой, чтобы дать себя снова поймать.

Въ послѣднее время саблерогія антилопы привозились часто въ Европу, гдѣ онѣ въ зоологическихъ садахъ хорошо освоивались съ неволей и легко размножались. Не такъ часто встрѣчается бейза и еще рѣже пассанъ.

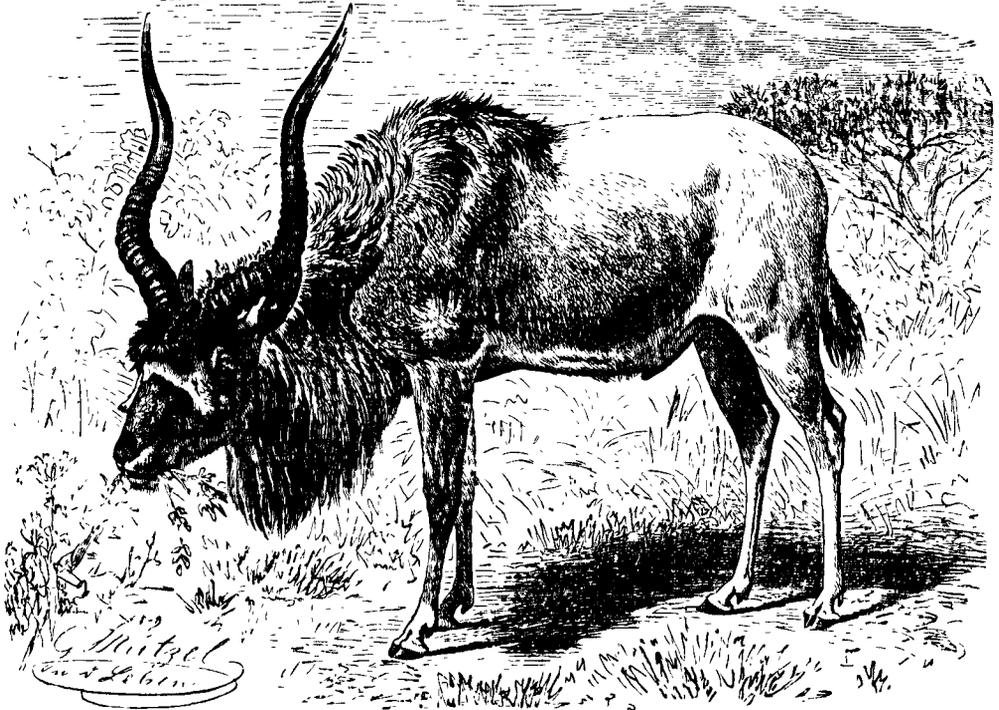
Мясо и шкура сернобыковъ употребляются обыкновеннымъ образомъ. Изъ прямыхъ роговъ пассана и бейзы часто дѣлаютъ наконечники копій. Для этого ждутъ, пока роговая оболочка при гніеніи не отдѣлится отъ крѣпкихъ пеньковъ, снимаютъ рога, прикрѣпляютъ ихъ къ обыкновеннымъ древкамъ—и оружіе готово. Европейцы Капской колоніи полируютъ рога, украшаютъ серебряными набалдашниками и употребляютъ какъ трости. * * *

Аддасы (*Addax, Mendes antilopen*) примыкаютъ всего ближе къ сернобыкамъ, такъ какъ ихъ легкіе винтообразно или лирообразно изогнутые, кольчатые по всей длинѣ, тонкіе и длинныя рога, одинаково развивающіеся у самца и самки, составляютъ единственное существенное отличіе отъ предыдущаго рода. На египетскихъ памятникахъ часто встрѣчаются изображенія аддасовъ. Рога, украшающіе головы божествъ, жрецовъ и царей древняго Египта, срисованы съ роговъ этой антилопы. Изъ Египта знакомство съ этимъ животнымъ распространилось и дальше. Уже древніе римляне и греки знали ихъ хорошо; Плиніи упоминаетъ о нихъ подъ греческимъ именемъ *Strepsiceros* и подъ латинскимъ *Addax*, изъ которыхъ послѣднее вѣроятно съ давнихъ поръ было туземнымъ названіемъ этой антилопы, такъ какъ еще и до сихъ поръ арабы называютъ ее Абу-Аддасъ.

Мендесъ-антилопа или **Аддасъ** (*Addax nasomaculatus, Antilope* и *Strepsiceros addax, Oryx nasomaculata. Antilope nez-taché*) довольно неуклюжее животное; туловище у нея коренастое, у загривка замѣтно приподнятое, у крестца сильно закругленное, голова вытянута въ длину, но широка сзади; ноги сильныя и довольно толстыя. Шерсть густая и, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, короткая и жесткая. Спереди роговъ у корня ихъ имѣется хохлакъ, свѣшивающійся на лобъ; отъ ушей до затылка тянется полоса длинныхъ волосъ; переднюю часть шеи украшаетъ длинная грива. Бурый цвѣтъ шерсти на головѣ, шеѣ и гривѣ довольно рѣзко отдѣляется отъ основного желтовато-бѣлаго. Подъ глазами тянется широкая полоса, позади глазъ, равно какъ и на верхней губѣ—бѣлыя пятна; кисть на довольно длинномъ хвостѣ состоитъ изъ бѣлыхъ и бурыхъ волосъ. Въ холодное время года желтовато-бѣлый цвѣтъ шерсти постепенно переходитъ въ сѣрый. У самца цвѣтъ шерсти темнѣе и грива больше, чѣмъ у самки. Молодые животные бываютъ совсѣмъ бѣлые. Длина туловища 2 м., высота у загривка слишкомъ 1 м. Рога, направленные вверхъ и назадъ, образуютъ два винтовыхъ поворота, постепенно расходятся кверху, съ самаго основанія обхвачены кривыми, несовѣмъ правильно расположенными кольцами числомъ отъ 30 до 45; на послѣдней трети, впрочемъ, они прямы и совершенно гладки.

Мендесъ-антилопы водятся во внутреннихъ странахъ сѣверной Африки къ

югу отъ 18° сѣверной широты, начиная отъ странъ, орошаемыхъ Ниломъ, до области озера Чада. Онѣ живутъ въ самыхъ сухихъ мѣстахъ, гдѣ, по увѣренію кочевниковъ, на огромномъ разстояніи нѣтъ ни капли воды; если можно довѣрять этимъ людямъ, то аддасы въ состояніи обходиться безъ воды по дѣльмъ мѣсяцамъ. Они робки и пугливы, какъ и другія антилопы, проворны и неутомимы на бѣгу, но все-таки подвергаются многимъ преслѣдованіямъ. Изъ животныхъ ихъ преслѣдуютъ только гіены и каракаль; зато съ особеннымъ усердіемъ на нихъ охотятся туземныя знатныя особы. Повелители кочевниковъ и бедуиновъ считаютъ мендесъ-антилопу однимъ изъ благороднѣйшихъ животныхъ для охоты и преслѣдуютъ ихъ частію для того, чтобы воспользоваться ихъ мясомъ, частію, чтобы испытать быстроту своихъ

Аддасъ. *Addax nasomaculatus*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

лошадей и борзыхъ собакъ, а также, чтобы добыть молодыхъ животныхъ и затѣмъ приручить ихъ.

Охотники собираются въ числѣ 12—15 человекъ и берутъ съ собой своихъ слугъ, палатки, превосходныхъ борзыхъ и ученыхъ соколовъ. Какъ только завидятъ стадо аддасовъ или другихъ антилопъ, живущихъ въ этихъ мѣстахъ, по возможности незамѣтно стараются приблизиться къ нимъ. Подъѣхавъ къ нимъ довольно близко, слуги соскакиваютъ съ верблюдовъ или лошадей и, держа собакъ на длинной сворѣ, зажимаютъ имъ рты, чтобы онѣ не лаяли. Потомъ указываютъ умнымъ животнымъ на находящуюся еще вдали дичь и, наконецъ, разомъ спускаютъ всѣхъ со своры. Едва только успѣютъ это сдѣлать, благородныя собаки пускаются стрѣлой по равнинѣ, и вся кавалькада несется за ними, ободряя и воодушевляя ихъ разными ласковыми словами и приговариваніями. «О, братъ мой, другъ, господинъ, сѣвни, быстроногій, уродившійся отъ птицы, подобной соколу, сѣвни! Онѣ тамъ,

спѣши, мой возлюбленный, бѣги, несравненный!» За льстивыми словами слѣдуютъ угрозы, похвалу смѣняетъ брань, смотря по тому, собака-ли нагоняетъ антилопу, или послѣдняя удаляется отъ собаки. Антилопа пробуетъ убѣжать отъ врага, бросается то вправо, то влѣво, прыгаетъ черезъ собаку, отскакиваетъ назадъ. Собака постоянно перерѣзываетъ ей дорогу и нагоняетъ ее все ближе и ближе. Наконецъ антилопа останавливается и выставляетъ свои рога; но въ тотъ самый моментъ, когда она пригибаетъ голову къ землѣ, чтобы нанести опасный ударъ своему противнику, собака хватается ее за шею, валитъ на землю и перегрызаетъ ей затылокъ или артерію. Такая охота часто продолжается нѣсколько недѣль. Охотники питаются убитой дичью, которая иногда бываетъ такъ обильна, что они почти каждый день могутъ посылать нагруженнаго верблюда къ своимъ палаткамъ, чтобы подѣлиться добычей съ женами и дѣтьми.

Живыхъ мендесъ—антилопъ часто привозили въ Европу и содержали въ зоологическихъ садахъ. Характеромъ онѣ напоминаютъ своихъ близкихъ родственниковъ сернобыковъ. Онѣ такъ же капризны и неуживчивы, какъ послѣдніе. Впрочемъ, бываютъ и исключенія. Антилопа, полученная герцогомъ Тосканскимъ изъ Египта, нисколько не дичилась людей, позволяла себя гладить, ласкать и лизала руку своему сторожу. Иногда ей приходила охота поиграть, и тогда она становилась непріятной, такъ какъ неожиданно наклоняла рога и начинала бодать и бить тѣхъ, къ которымъ только-что ласкалась. При малѣйшемъ подозрѣніи она, настороживши уши, принимала оборонительное положеніе. На собакъ и другихъ враговъ она бросалась съ пригнутыми къ спинѣ рогами, упиралась передними ногами въ землю, наклоняла рога впередъ и начинала быстро колотъ ими снизу вверхъ; она также била передними и задними ногами. Голосъ ея походилъ то на хрюканье, то на слабое мычанье. Послѣдній звукъ она издавала, прося ѣсть. Эти животныя довольствуются простымъ кормомъ, живутъ долго въ неволѣ и размножаются безъ особенной трудности.

* * *

Винторогими антилопами (*Strepsiceros*. *Antilopes à cornes torses*. *Schraubenantilope*) называютъ большихъ антилопъ съ винтообразно-изогнутыми, сплюснутыми и ребристыми рогами, которые имѣются только у самцовъ, съ пестрой, полосатой или какъ-бы разрисованной свѣтлыми тѣнями шерстью. Слезныя ямки отсутствуютъ. Конецъ морды иногда покрытъ волосами, иногда голый.

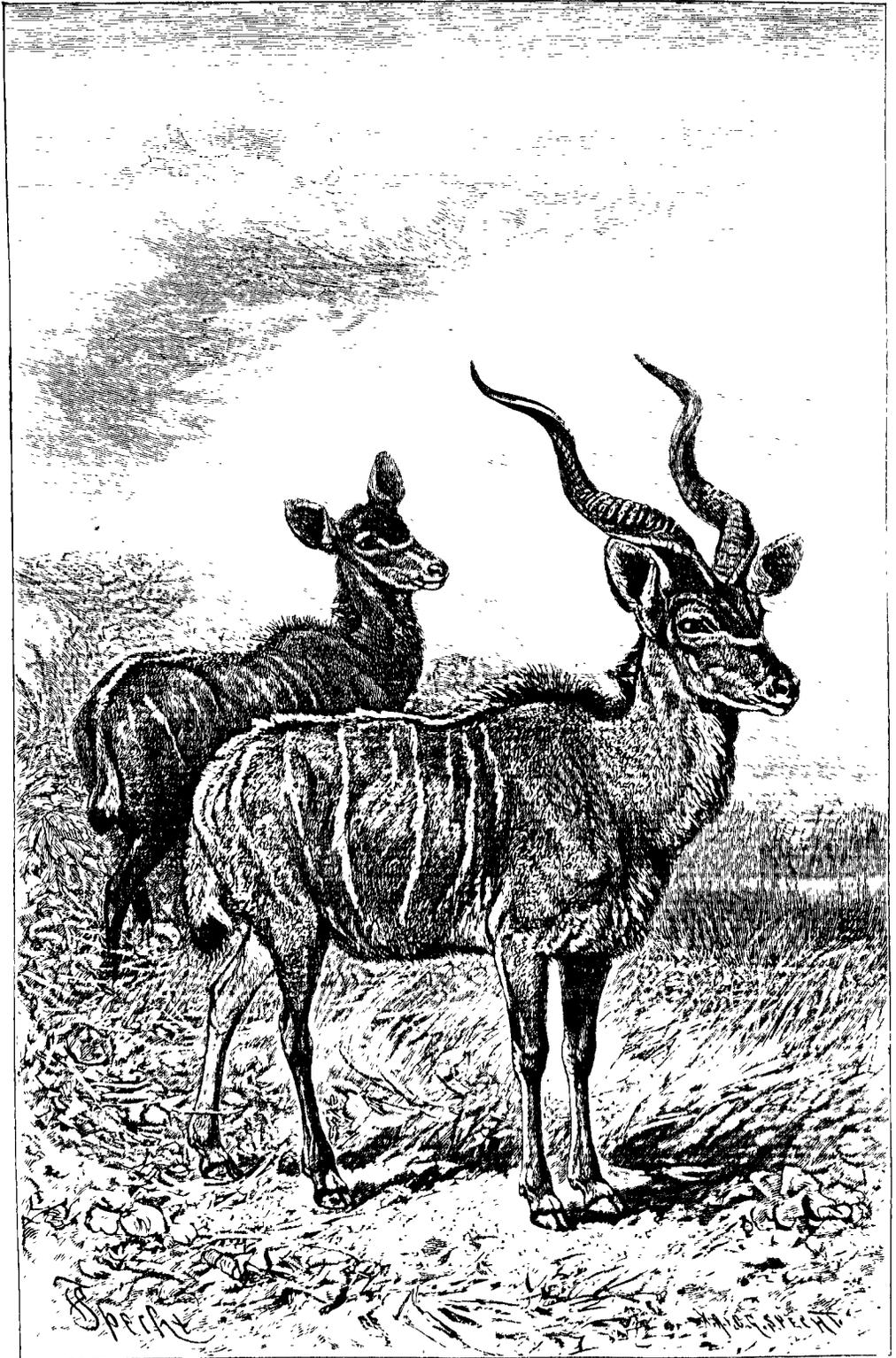
Представителемъ этой группы считается стройный **Куду** (*Strepsiceros kudu*, *Antilope strepsiceros* и *zebra*, *Tragelaphus kudu*, *Strepsiceros excelsus*, *Kudu*. *Coudous*), превосходящій величиной нашего оленя. Взрослые самцы имѣютъ отъ носа до конца хвоста (въ 50 см.), 3 м. длины при 1,7 м. высоты у загривка, и достигаютъ вѣса въ 300 kgr. и даже больше. Самка значительно меньше, но измѣренная мною однажды взрослая самка все-таки имѣла 2,5 м. длины и 1,5 высоты у загривка. По тѣлосложенію куду напоминаетъ во многихъ отношеніяхъ оленя. Туловище коренастое, шея средней длины, голова довольно короткая съ широкимъ лбомъ и заостренной мордой, верхняя губа покрыта волосами; глаза большіе, уши длиннѣе половины головы. Короткіе, гладко лежащіе, нѣсколько жесткіе волосы удлиняются наверху шеи и спины, а у самцовъ отъ подбородка до груди образуютъ родъ бороды. Основной цвѣтъ шерсти, трудно опредѣляемый—рыжеватый буро-сѣрый, переходитъ на задней части живота и на внутренней сторонѣ ногъ въ бѣловато-сѣрый; грива на затылкѣ темнобурая или черная, а у очень старыхъ животныхъ,—но крайней мѣрѣ вдоль всей передней части шеи—свѣтло-сѣраго цвѣта; хвостъ сверху темно-бурый, снизу—бѣлый, кисть—черная. На темномъ фонѣ основ-

ной окраски резко выступают бѣлыя полосы, числомъ отъ 7 до 9-ти, изъ которыхъ нѣкоторыя развѣтвляются. Онѣ идутъ въ одинаковомъ разстояніи другъ отъ друга по бокамъ, начиная отъ спины внизъ. Между глазами лежитъ бѣлый полумѣсяцъ. обращенный выпуклостью къ концу морды. У самки всѣ полосы слабѣе и блѣднѣе; у молодыхъ животныхъ ихъ больше, чѣмъ у старыхъ. Рога составляютъ по истинѣ красу этого животнаго, и ни у одного вида антилопы нѣтъ такихъ великолѣпныхъ. По прямой линіи они имѣютъ до 90—100 и даже 105 см., разстояніе между обоими верхними концами доходитъ до 70—80 см. Трудно понять, какимъ образомъ животное можетъ такъ легко и гордо носить свой тяжелый головной уборъ. Отъ основанія рога идутъ косо назадъ и болѣе или менѣе расходятся. Винтовые повороты на нихъ находятся всегда на одномъ и томъ-же мѣстѣ, одинъ на первой трети, а другой приблизительно на второй трети длины. У основанія, на передней сторонѣ роговъ, имѣющихъ въ нижней трети слабыя и неправильныя кольца, начинается острый киль, который на всемъ своемъ протяженіи слѣдуетъ за всѣми поворотами и теряется только у самой верхушки, гдѣ рога совершенно гладки и круглы.

Наше знакомство съ куду началось только со второй половины прошлаго столѣтія. Хотя древніе даютъ намъ довольно вѣрное описаніе *Strepsiceros'a*, но они знали его лишь по наслышкѣ; наши предки также не были знакомы съ этими винторогими антилопами, рога которыхъ однако часто привозились въ Европу. Только къ концу прошлаго столѣтія доставили живого куду въ Голландію, и съ тѣхъ поръ мы имѣемъ свѣдѣнія объ этомъ стройномъ животномъ; однако вполне точнаго описанія его образа жизни все еще не существуетъ.

Куду, называемый арабами **Тедаль** или **Нелеть**, въ Абиссиніи **Агазень** и на тигрійскомъ нарѣчій **Гаруа**, обитаетъ въ значительной части Африки, такъ какъ его встрѣчаютъ въ восточной части материка отъ Капской колоніи до областей, орошаемыхъ Ниломъ. Въ Капской колоніи, подобно пигаргѣ, они встрѣчаются лишь на земляхъ крунныхъ владѣльцевъ, которые охраняютъ ихъ отъ окончательнаго истребленія. Далѣе къ сѣверу куду встрѣчается въ значительномъ количествѣ, за исключеніемъ нѣмецкой восточной Африки, гдѣ Бемъ видѣлъ его только изрѣдка; проникая же далѣе во внутрь страны къ озеру Танганайка, этотъ изслѣдователь совсѣмъ его не встрѣчалъ. Въ серединѣ западной Африки, слѣдовательно также и въ области Конго, куду также, повидимому, совсѣмъ нѣтъ. Хотя онъ живетъ преимущественно въ скалистыхъ и горныхъ мѣстностяхъ, но иногда встрѣчается въ южной Африкѣ и въ низменностяхъ; онъ любитъ равнины, поросшія кустарникомъ и деревьями, а также попадаетъ въ густыхъ заросляхъ колючаго кустарника, но его нельзя считать лѣснымъ животнымъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Въ земляхъ Богосовъ мы находили его не ниже 600 и не выше 2000 м. надъ уровнемъ моря всегда возлѣ обрывовъ горъ, гдѣ онъ величественно ходилъ между зелеными мимозами. Сильные самцы живутъ въ одиночку, самки же любятъ соединяться въ небольшія кучки отъ 4 до 6 штукъ. Южно-африканскіе охотники наблюдали, что молодые самцы, отбитые старыми отъ стада, собираются вмѣстѣ и ведутъ угрюмую жизнь холостяковъ.

По сдѣланнымъ нами наблюденіямъ и по свѣдѣніямъ, которыя мы могли собрать, куду по образу жизни похожъ на нашего оленя. Онъ держится извѣстнаго, впрочемъ довольно большаго пространства и бродитъ по немъ взадъ и впередъ. Своей гордой осавкой и изящной, размѣренной поступию онъ напоминаетъ оленя. Пока куду не встревоженъ, онъ ходитъ довольно медленно вдоль утесовъ, тщательно избѣгая колючихъ кустарниковъ, и пасется на удобныхъ мѣстахъ. Почка и листья различныхъ кустарниковъ составляютъ главную его пищу, но онъ не пренебрегаетъ и

КУДУ.

травами. Вспугнутый, онъ бѣжитъ довольно тяжело и пускается въ галопъ только на ровномъ мѣстѣ. Но и тогда его бѣгъ бываетъ довольно медленъ. Чтобы не зацѣпиться въ кустарникахъ, онъ долженъ пригибать свои рога такъ далеко назадъ, что концы ихъ почти касаются спины. Прежде чѣмъ пуститься бѣжать, онъ очень громко фыркаетъ, а иногда издаетъ звукъ, похожій на глухое бляенье. Впрочемъ эти звуки принадлежать только самкѣ; самецъ кричитъ только во время спариванія, но зато такъ же выразительно, какъ нашъ олень.

Въ Абиссиніи время течки у животнаго начинается въ концѣ января. Съ высокихъ мѣстъ слышатся тогда голоса самцовъ, вызывающихъ соперниковъ на бой. Едва-ли подлежитъ сомнѣнію, что между влюбленными самцами происходятъ жестокия драки, такъ какъ куду вообще чрезвычайно храброе и воинственное животное. Рожденіе дѣтенышей совпадаетъ съ началомъ большихъ дождей, обыкновенно къ концу августа: беременность, слѣдовательно, продолжается 7 или 8 мѣсяцевъ. Чрезвычайно рѣдко можно видѣть самцовъ около родившихъ самокъ: обыкновенно на одной матери лежитъ забота о кормленіи, надзорѣ и защитѣ дѣтеныша.

Во всѣхъ странахъ, гдѣ водится гордый и красиво окрашенный куду, онъ подвергается жестокому преслѣдованію. Его мясо, какъ я самъ имѣлъ случай убѣдиться, превосходно и напоминаетъ вкусомъ оленину. Костный мозгъ считается величайшимъ лакомствомъ у нѣкоторыхъ южно-африканскихъ племенъ. Каффы, какъ только убьютъ куду; прежде всего очищаютъ кости отъ мяса, разбиваютъ ихъ и высасываютъ мозгъ сырой, какъ онъ есть. Кожа также высоко цѣнится на югѣ Африки и въ нѣкоторыхъ случаяхъ считается незамѣнимой. Колонисты платятъ за нея очень дорого и употребляютъ ее на приготовленіе бичей, особенно кончиковъ бичей, которые необходимы для щелканья. Кромѣ того кожа идетъ на ремни, которыми шьютъ шкуры или шнуруютъ тюки, а также на сбрую, сѣдла, сапоги и т. п. Въ Абиссиніи кожу дубятъ, а стволы роговъ, отдѣленныхъ отъ кости посредствомъ гнѣнія, употребляютъ для храненія меда, соли, кофе и т. п.

Охотятся на куду различными способами. Филиппини предпочиталъ всѣмъ другимъ способамъ охоту изъ засады. Онъ зналъ любимыя мѣста дичи и старался подкрасться незамѣченнымъ къ высокимъ, виднымъ издалика животнымъ. Всего чаще онъ охотился послѣ обѣда, такъ какъ агазенъ въ это время спускается обыкновенно въ долину на водоной. Засада на тропинкѣ также можетъ имѣть хорошій результатъ, потому что куду по большей части ходитъ по одной и той же дорогѣ. Во всякомъ случаѣ надо приближаться къ нимъ осторожно, такъ какъ они чрезвычайно бдительны, и ихъ замѣчательно острые органы чувствъ даютъ возможность узнавать во время о приближеніи непріятеля. Каффы, плохое оружіе которыхъ совсѣмъ не годится для такой чуткой дичи, изобрѣли свой собственный способъ охоты: они собираются большими партіями и преслѣдуютъ испугнувшихъ ими антилопъ, зная, что онѣ устаютъ очень скоро. Гоняя ихъ то туда, то сюда, они направляютъ дичь на одну изъ партій охотниковъ, которые продолжаютъ ихъ преслѣдовать и такимъ образомъ, не давая животнымъ ни минуты покоя, принуждаютъ ихъ бѣжать изо всѣхъ силъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ. Жены охотниковъ размѣщаются на различныхъ мѣстахъ съ сосудами изъ страусовыхъ яицъ, наполненныхъ водой для омовенія утомленныхъ охотниковъ; послѣднимъ удается наконецъ, благодаря необыкновенной выносливости, утомить стройную антилопу, и тутъ всѣ съ криками радости подбѣгаютъ къ желанной добычѣ. Противъ собакъ, которыя нагоняютъ куду черезъ нѣсколько минутъ, онъ всегда храбро защищается, причѣмъ бьетъ также и ногами; его твердыя копыта настолько остры, что онъ можетъ нанести ими опасныя раны. Поэтому каффы и не употребляютъ своихъ вѣрныхъ помощни-

ковъ при травлѣ куду, а справляются большею частью своими собственными силами, бросая стóлько дротиковъ въ окруженное со всѣхъ сторонъ животное, что оно наконецъ умираетъ отъ нанесенныхъ ему ранъ.

Мы приготовляли мясо куду по европейски, и я могу увѣрить, что я рѣдко ѣлъ болѣе вкусное; особенно хороши были сочные куски, вырѣзанные изъ филея. За исключеніемъ чело́вѣка, взрослый куду имѣетъ мало враговъ. Что царь звѣрей, левъ, справляющійся съ дикимъ буйволомъ, не боится острыхъ роговъ куду, едва-ли подлежить сомнѣнію; однако самецъ оказывается сильнѣе леопарда и дикихъ собакъ. Но зато куду имѣетъ маленькихъ враговъ, которые ему сильно надоѣдаютъ. Одинъ нѣмецкій купецъ въ Массауа передалъ мнѣ пару роговъ куду, на которыхъ были особенныя кожистыя придатки и просилъ: «не отрѣзывайте эти наросты, такъ какъ я ихъ замѣтилъ еще на живой антилопѣ». Послѣ тщательнаго изслѣдованія, эти странныя клочки оказались ничѣмъ инымъ, какъ паутиной личинки осы, которая проточила роговую часть до самой сердцевины кости и затянула паутиной проточенныя отверстія. Я не беру на себя отвѣтственности за достовѣрность этого факта, такъ какъ, быть можетъ, я былъ введенъ въ заблужденіе, т. е. насѣкомое могло выбрать себѣ жилище въ рогахъ послѣ смерти агазена.

Куду, пойманные молодыми, дѣлаются очень ручными. Андерсонъ, которому удалось поймать молодое животное, называетъ его милымъ и игривымъ созданіемъ. Когда его поймали, оно было еще такъ безпомощно, что ему приходилось давать молоко изъ бутылки, слегка заткнутой пробкой изъ полотна. Но скоро воспитанникъ такъ привыкъ къ своему хозяину, что сдѣлался совсѣмъ домашнимъ животнымъ. Въ Капской колоніи, безъ сомнѣнія, сдѣлали-бы попытку приручить куду и пользоваться имъ какъ домашнимъ животнымъ, если-бы не узнали, что они подвержены ужасной «лошадиной чумѣ», которая истребляетъ какъ ихъ, такъ и многихъ другихъ южно-африканскихъ животныхъ.

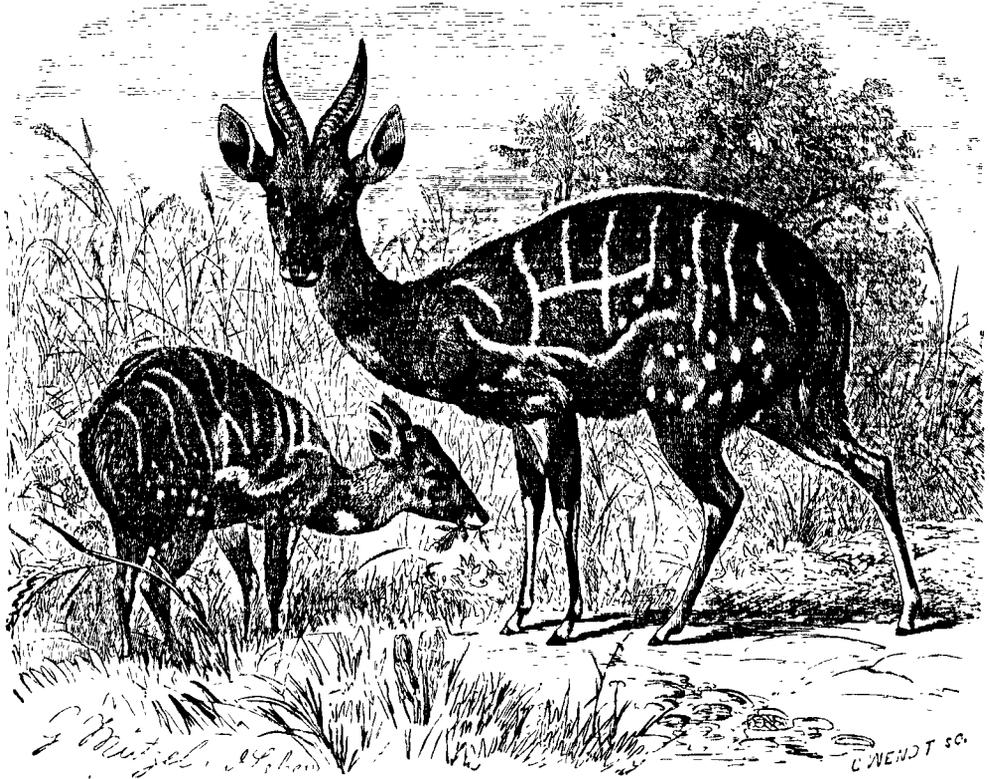
Въ Европу до сихъ поръ куду привозили только въ небольшомъ числѣ и еще и теперь это животное считается большой рѣдкостью.

Въ заключеніе слѣдуетъ еще упомянуть, что арабы считаютъ самца и самку куду различными животными и потому даютъ имъ особыя названія. Самецъ въ окрестностяхъ Манассы называется **Гарреа** («смѣлый»), самка—**Неллетъ** («проворная или сильная»).

Лѣсные козлы или **лѣсныя антилопы** (*Tragelaphus. Waldböcke. Tragelaphes*) чрезвычайно изящно сложенные антилопы, ростомъ съ косялю или даже съ оленя, съ короткими или средней длины рогами, имѣющимися только у самца, спиннымъ волосатымъ гребнемъ и оригинальной окраской. Голова стройная, спереди равномерно суживающаяся, морда тонкая и изящная, голое пятно на рылѣ грушевидной формы кверху закругленное, за ноздрями съ выемкой у губъ остро-вытянуто; глаза большіе съ поперечными зрачками; уши также большія, широкія, къ концу закругленные, снабжены снаружи очень короткимъ, а внутри по нижнему краю широкимъ рѣсницевиднымъ пучкомъ волосъ; шея стройная, туловище высокое, сжатое съ боковъ, закругленное наверху спины и утолщающееся спереди назадъ. Плечи и бедра широкія и сильныя, вверху же ноги очень тонкія, копыта чрезвычайно изящныя, хвостъ широкій и довольно длинный. Слезныя ямки отсутствуютъ. Рога имѣютъ удлинненно-лицевидное поперечное сѣченіе, и на каждомъ изъ нихъ находится по два ребра, одно на передней, другое на задней сторонѣ, которые вмѣстѣ съ рогами слегка винтообразно закруглены. Рога сидятъ надъ глазами и составляютъ почти продолженіе лицевой линіи, только немного наклонены впередъ или

назадъ и изогнуты наружу; концы-же ихъ совсѣмъ параллельны. Отличительнымъ признакомъ этой группы можетъ также служить густой, чрезвычайно нестро разрисованный мѣхъ. Волоса вдоль всей спины удлиняются въ гребень.

Чаще другихъ представителей этого рода къ намъ привозится живую — **Пестрая лѣсная антилопа** (*Tragelaphus scriptus*, *Antilope scripta* и *maculata*. Schirrantilope. Guib), называемая въ нижней области Конго **Нгулунгу**, а въ восточной Африкѣ **Мпонго**. Общая длина взрослого самца 1,6 м., изъ которыхъ около 15 см. приходится на хвостъ, высота у загривка 85, у крестца 90, рога 20—30 см. Самецъ по себѣ густой и длинный мѣхъ образуетъ вдоль всей спины гребневидную гриву. и удлиняется также на задней части бедеръ и на хвостѣ, отъ котораго волоса рас-

Пестрая лѣсная антилопа. *Tragelaphus scriptus*. $\frac{1}{14}$ наст. вел.

ходятся въ видѣ вѣера во всѣ стороны. Въ ея пестрой окраскѣ, которая, впрочемъ, довольно измѣнчива, чередуются три цвѣта. Такъ какъ волоса на головѣ и шеѣ рыжіе, только у основаніи сѣрые, имѣютъ черные и сѣроватые концы, то эти части кажутся другого цвѣта, чѣмъ все тѣло животного; голова бываетъ чало-сѣраго цвѣта, шея, передняя часть туловища и спины темно-рыжегато-сѣраго, бока и бедра—чисто-рыжіе. Черно-бурю окраску имѣютъ: переносье, передъ груди, предплечье и нижніе суставы пальцевъ; гребень волосъ на передней части спины—буро-черный, волоса на задней части спины буро-черные съ бѣлыми кончиками; наконецъ совсѣмъ бѣлыя—пятна подъ глазами, на нижней челюсти и у основанія ушей, верхняя губа и подбородокъ, поперечное пятно на горлѣ и широкій, въ формѣ полумѣсяца, ошейникъ на границѣ шеи и груди, плечи и пахи, переднія и внутрен-

ния стороны ногъ отъ запястья и пятки до бабки, пятно на пальцахъ и рисунокъ на бокахъ. Рисунокъ этотъ видоизмѣняется не только у различныхъ животныхъ, но иногда у одного и того-же бываетъ неодинаковъ съ обѣихъ сторонъ тѣла. Онъ состоитъ обыкновенно изъ слѣдующихъ полосъ и пятенъ: полоса умѣренной ширины, идущая вдоль нижней половины туловища, сливающаяся съ ней приблизительно на равныхъ разстоянiяхъ вертикальныя полоски, иногда перекрещенныя еще полосою, и круглыя или яйцевидныя пятна, которыхъ мало на плечахъ и много на бедрахъ, гдѣ часть ихъ скучена, часть-же расположена по дугообразной линiи. Наконецъ, бѣлыми-же бываютъ волоса вдоль обѣихъ сторонъ хвоста, который самъ окрашенъ въ рыжевато-бурый цвѣтъ. Радужная оболочка темно-карая, рыло черное, рога сѣроватыя, копыта блестяще-черныя. Область распространенiя пестрой лѣсной антилопы, или вѣроятно ея и нѣсколькихъ трудно отличимыхъ отъ нея видовъ, обнимаетъ, вѣроятно, сѣверную часть южной Африки, во всякомъ случаѣ всю ея западную половину, а также нѣкоторыя части и восточной Африки, гдѣ Бемъ и Кайзеръ ее часто встрѣчали.

Съ вышеописанной антилопой очень сходна по окраскѣ только еще болѣе пятнистая, **Большая лѣсная антилопа** (*Tragelaphus silvaticus*. Buschbock. Bosbok), живущая преимущественно въ южной Африкѣ, но, по сообщенiю Ноака, попадающаяся и въ западной; ростомъ она нѣсколько больше предыдущей. Окраска этой антилопы бываетъ очень разнообразна и, по словамъ Селуса, она до того варьируетъ въ южной Африкѣ, смотря по мѣстности, что различные экземпляры этого животнаго принимались за отдѣльные виды. «Общимъ признакомъ всѣхъ большихъ лѣсныхъ антилопъ» говорить Селусъ, «которыхъ я видѣлъ отъ Капской колонiи до Чобе, является обнаженная полоса вокругъ шеи, какъ будто отъ ошейника, вытершаго шерсть и оставившаго только мягкiй подшерстокъ».

Третiй видъ лѣсныхъ антилопъ **Пятнистая лѣсная антилопа**, которую жители Лоанго называютъ **Мвули** (*Tragelaphus euryceros*, *Tragelaphus albovirgatus*, *Euryceros euryceros*. Mvuli), по окраскѣ мѣха сходна съ предыдущей, но отличается отъ нея тѣмъ, что имѣетъ часто очень замѣтныя бѣлыя пятна подъ глазами, впереди нихъ и надъ ними, равно какъ и у основанiя ушей; окраска этихъ антилопъ также значительно варьируетъ. Ростомъ онѣ съ оленя и являются одни изъ наиболѣе красивыхъ и статныхъ антилопъ. У самца рога толстыя, лирообразно-изогнутыя и довольно гладкiе, съ не очень ясными кольцами и ребрами; рога эти достигаютъ обыкновенно 60—65 см. длины и въ рѣдкихъ случаяхъ 70 и даже 80 см., толщина-же ихъ часто бываетъ очень значительна. Родиной мвули считается западная Африка; судя по рисункамъ и сообщенiямъ Друммонда, онѣ встрѣчаются также въ юго-восточныхъ областяхъ Африки.

Совершенно сходенъ съ мвули по виду и строенiю роговъ четвертый видъ этихъ антилопъ (*Tragelaphus sreakii*), который, впрочемъ, имѣетъ одноцвѣтную окраску, по крайней мѣрѣ въ зрѣломъ возрастѣ; Селусъ рассказываетъ, что мѣхъ молодого животнаго имѣетъ тѣ-же полосы и пятна, какъ мѣхъ взрослой большой лѣсной антилопы. Обитатели области Нгами и Чобе называютъ этотъ видъ **Наконгъ** или **Ситутунга**; точно также будемъ называть его и мы. Наконгъ живетъ преимущественно въ богатыхъ водой и болотами сѣверныхъ областяхъ южной Африки и вѣроятно также у побережья Нижней Гвинеи, какъ полагаетъ Ноакъ, особенно у устья Конго.

О жизни всѣхъ этихъ лѣсныхъ антилопъ мы знаемъ только то, что онѣ жи-

вуть по-одинокѣ и рѣдко попарно, частью въ похожихъ на парки саваннахъ, покрытыхъ группами деревьевъ, кустарниковъ и зарослей и перерѣзанныхъ водными бассейнами, частью-же въ сырыхъ низменностяхъ и даже въ болотистыхъ мѣстностяхъ, заросшихъ тростникомъ и осокой. О видѣ, встрѣчающемся въ восточной Африкѣ, Бемъ пишетъ слѣдующее: «Пестрая лѣсная антилопа заслуживаетъ собственное названіе «водяного козла». Она встрѣчается почти всегда непосредственно по близости воды, даже часто на мелкихъ мѣстахъ, лежащихъ на песчаныхъ отмеляхъ рѣкъ, особенно-же тамъ, гдѣ небольшая лужайка чередуются съ обширными тростниковыми зарослями. Онѣ прокладываютъ крытые ходы среди густого прибрежнаго тростника, въ тѣни котораго и стоятъ часто по брюхо въ водѣ. Походка ихъ очень своеобразна: при каждомъ шагѣ онѣ качаютъ головой и шеей; убѣгая отъ охотника, онѣ пригибаются къ землѣ и почти ползкомъ проскальзываютъ чрезъ кустарники. Рысь ихъ похожа на рысь косули, только тяжелѣе: онѣ дѣлаютъ также широкіе и высокіе прыжки, хвостъ ихъ при этомъ поднять совершенно вверхъ. Крикъ испуганнаго самца, часто слышимый по ночамъ вблизи рѣкъ, очень громокъ и состоитъ изъ низкихъ лающихъ тоновъ; онъ напоминаетъ крикъ очень сильнаго самца косули. Подстрѣленные антилопы издаютъ пронзительное жалобное блеянье. Остротой чувствъ и осторожностью онѣ не отличаются». Западно-африканская пестрая лѣсная антилопа, по мнѣнію Пехуэль-Леше, не выказываетъ такой склонности къ водѣ, какую наблюдалъ Бемъ у восточно-африканской; въ жаркіе дни онѣ чаще скрываются по-одинокѣ или попарно въ лѣсныхъ поросляхъ и даже въ кустарникахъ и луговыхъ заросляхъ совершенно сухихъ мѣстностей. Парочку такихъ антилопъ во время течки наблюдали въ іюлѣ въ Лоангобай. Онѣ вели себя совершенно такъ-же, какъ и наши косули; страстный призывъ самца совершенно походилъ на такой-же крикъ нашей лани. Таковъ-же образъ жизни и у мвули, только онѣ предпочитаютъ сырыя низменныя мѣста, поросшія кустарникомъ, и даже болота. Чутье и зрѣніе у него такъ-же остры, какъ и у пестрой лѣсной антилопы, но, подобно той, онѣ очень доверчивы, разгуливаютъ повсюду и въ жаркое время дня отдыхаютъ даже вблизи селеній. Оттого ихъ, а также болѣе мелкихъ родичей пестрой лѣсной антилопы встрѣчаютъ часто въ такихъ мѣстахъ, гдѣ ихъ всего менѣе ожидали, и убиваютъ большею частью случайно, когда за ними и не собирались охотиться. Какъ ни доверчивы мвули, но если его побеспокоятъ, то онѣ сумѣютъ довольно ясно доказать своему преслѣдователю, что въ остротѣ чувствъ и въ быстротѣ и легкости прыжковъ онѣ не уступаютъ нашему оленю: черезъ ручьи, рвы и развѣсистые кусты онѣ прыгаетъ такими могучими прыжками, на которые неспособны ни куду, ни пасанъ. Образъ жизни наконга походитъ болѣе всего на восточно-африканскихъ пестрыхъ лѣсныхъ антилопъ, какъ ихъ описываетъ Бемъ. «Наконгъ», пишетъ Селусъ, «встрѣчается исключительно въ обширныхъ болотахъ и топяхъ, какъ напримѣръ въ Мабабе, Тамалаканъ, Мачабе и Чобе и, должно быть, находится тамъ въ безчисленномъ множествѣ, хотя ихъ рѣдко видятъ, такъ-какъ они только по ночамъ выходятъ изъ-подъ прикрытія тростника. Въ 1879 г. я пытался подстрѣлить нѣсколько штукъ этихъ животныхъ на Чобе, вѣздя день и ночь въ челнокѣ среди тростника; хотя многихъ изъ нихъ я вслугнулъ и слышалъ, какъ они плескались въ водѣ, убѣгая, но живую видѣлъ только одну самку. Зато однажды утромъ я нашелъ красиваго, уже мертваго, самца, который, очевидно, погибъ въ поединкѣ съ другими самцами. Самка, которую я видѣлъ, стояла по грудь въ водѣ и обѣдала молодые побѣги тростника; замѣтивъ меня, она тотчасъ-же скрылась. Туземцы рассказывали мнѣ, что эти антилопы, будучи застигнуты врасплохъ охотникомъ, часто не убѣгаютъ, а стараются спрятаться, погружаясь въ воду, такъ-что бываетъ ви-

день только кончикъ носа; тогда охотники осторожно приближаются къ нимъ въ лодкѣ и убиваютъ ихъ копьями. Такъ какъ всё «ситутунги», шкуру которыхъ мнѣ приходилось видѣть, очевидно были убиты копьемъ, а не пулей, то я не сомнѣваюсь въ истинѣ этихъ разсказовъ».

Голосъ южно-африканской большой лѣсной антилопы, какъ утверждаетъ Гаррисъ, поразительно похожъ на лай маленькой собаки. Хотя мясо всѣхъ лѣсныхъ антилопъ не особенно цѣнится, все-же ихъ усердно преслѣдуютъ всюду, гдѣ онѣ водятся, такъ какъ охота за ними чрезвычайно завлекательна. Нѣкоторыя изъ этихъ антилопъ съ удивительной храбростью защищаются отъ собакъ, а иногда бросаются даже и на охотника. Друммондъ говоритъ, вѣроятно, о большой лѣсной антилопѣ, когда разсказываетъ, что въ южной Африкѣ старыя самцы антилопы иногда вступаютъ въ бой съ леопардомъ; кромѣ того, онъ самъ видѣлъ, какъ однажды легко раненая лѣсная антилопа бросилась на одного изъ загонщиковъ и ударомъ роговъ совершенно распоролъ ему животъ, такъ что онъ умеръ черезъ нѣсколько дней.

Немногія изъ крупныхъ антилопъ переносятъ неволю такъ легко, какъ пестрыя лѣсныя антилопы. Хотя на волѣ онѣ питаются преимущественно нѣжными листьями, почками и молодыми побѣгами, которые онѣ обламываютъ своимъ необыкновенно длиннымъ и подвижнымъ языкомъ, но скоро привыкаютъ и къ корму домашняго скота; благодаря ихъ нетребовательности, уходъ за ними бываетъ очень легокъ. Этимъ и объясняется, что живыя лѣсныя антилопы такъ часто доставляются въ Европу. У насъ на сѣверѣ ихъ необходимо охранять отъ непогоды и зимой держать въ тепломъ хлѣвѣ; если не забываютъ принимать эти предосторожности, то онѣ отлично выживаютъ и часто размножаются. Если за ними заботливо ухаживаютъ и обращаютъ на нихъ вниманіе, то онѣ становятся чрезвычайно ручными, сами добываются, чтобы ихъ ласкали и очевидно чувствуютъ себя тогда хорошо, когда съ ними много занимаются. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ капризны, непостоянны и очень легко отъ игриваго и шаловливаго первоначальнаго настроенія переходятъ къ свирѣбному; при этомъ онѣ принимаютъ самую странную позу: съеживаются, изгибаютъ спину горбомъ, какъ кошки, ошетиываютъ шерсть на спинномъ гребнѣ и поднятномъ хвостѣ и внезапно нагибаются впередъ и внизъ, чтобы боднуть того, съ кѣмъ онѣ только что мирно играли.

Всѣ западно-африканскіе туземцы увѣрили Пехуэль-Лѣше, что пестрая лѣсная антилопа и мвули охотно ловятъ и поѣдаютъ маленькихъ грызуновъ и птицъ.

* * *

Группа **Коровихъ антилопъ** (*Buselaphes*, *Rindsantilopen*, *Antilopes vaches*) является до известной степени связующимъ звеномъ между антилопами и быками. Туловище принадлежащихъ къ этой группѣ антилопъ неуклюжее, коренастое, толстое и сильное, шея коротка и толста, голова велика, хвостъ похожъ на коровій, кожа на передней части шеи образуетъ большой висячій подгрудокъ. Рога, имѣющіеся у обоихъ половъ, сидятъ на вершинѣ лобной кости, уклоняются нѣсколько назадъ отъ лицевой линіи, довольно прямы, или только слегка дугообразно изогнуты, ребристы и такъ какъ ребро винтообразно закручивается, то они кажутся закрученными; нижняя ихъ часть покрыта поперечными морщинами. Голое мѣсто на мордѣ маленькое, узкое, но ясно выраженное; слезныхъ ямокъ нѣтъ. Самка очень похожа на самца: у нея вымя съ четырьмя сосками.

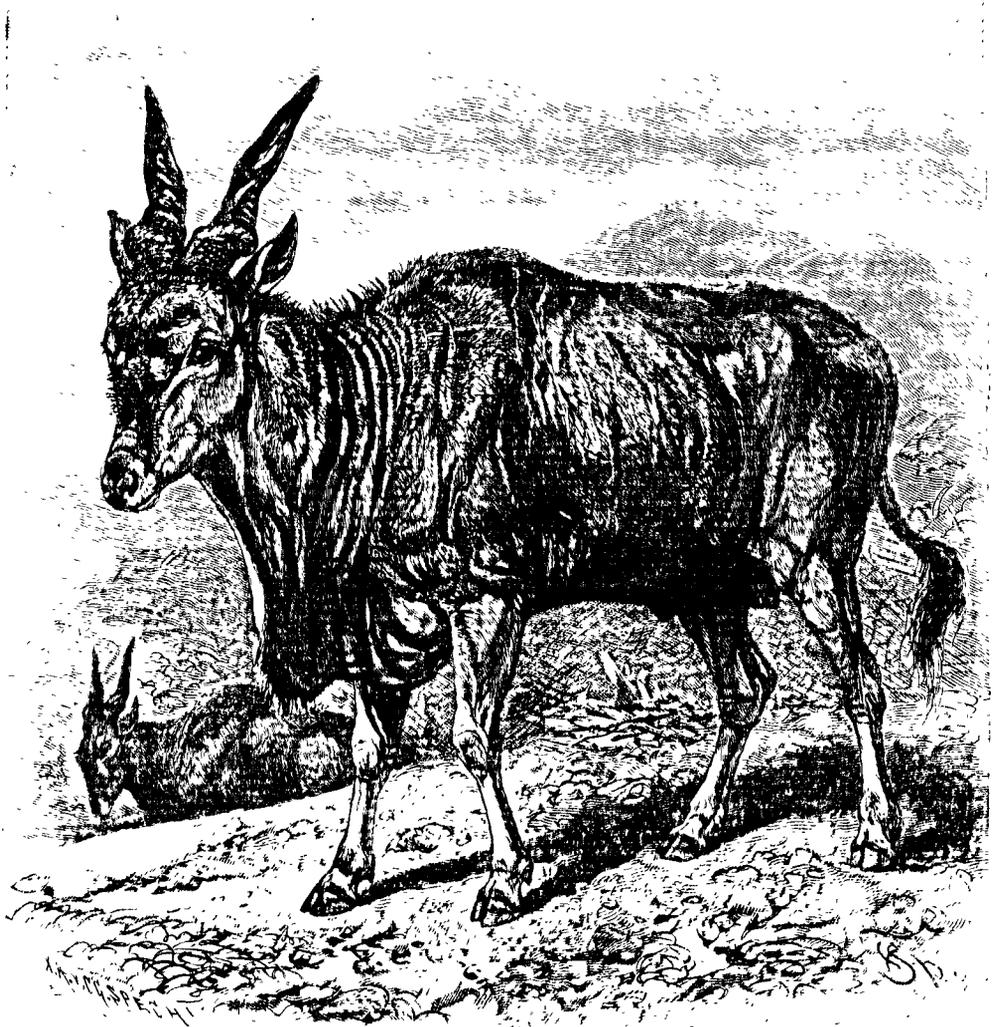
Представителемъ этого рода является **Канна** или **Элень**, самое крупное и неуклюжее животное во всемъ подсемействѣ. «По всѣмъ вѣроятіямъ», замѣчаетъ со-

вершено правильно Швейнфуртъ, «эта антилопа обязана своимъ названіемъ «Eland» (лось) пылкой фантазіи какого-нибудь начитаннаго поселенца; голландскому бозру сѣверное животное казалось какимъ-то мифическимъ существомъ, встрѣчающимся только въ сказаніяхъ героическихъ временъ и потому онъ былъ съ лосемъ мало знакомъ. Хотя канна по окраскѣ и по формѣ роговъ совсѣмъ не сходна съ лосемъ, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ она все-таки напоминаетъ этого сѣвернаго великана; густые косматые волоса внизу на шеѣ, производящіе издали впечатлѣніе зоба, щетинистые волоса на лбу, торчащіе пучкомъ, а особенно большой хвостъ и грива на заплечьѣ, до извѣстной степени оправдываютъ данное этой антилопѣ названіе. Но гораздо болѣе бросается въ глаза ея сходство съ африканскими породами зебу, видъ которыхъ вообще наводитъ на мысль объ ихъ близкомъ родствѣ съ антилопами. Еще болѣе, чѣмъ упомянутые нами признаки канны, такое сближеніе вызываетъ ея сравнительно короткія ноги, какъ-бы вздутое круглое туловище, большой висячій подгрудокъ, выдающійся горбомъ загривокъ, наконецъ грязно-желтая окраска мѣха».

Канна или Эленъ, называемая въ южной Африкѣ **Пифо, Импофо, Мофо, Инзефо, Доо** и т. д. (*Buselaphus oreas*, *Antilope* или *Domalis oreas*, *Alce capensis*, *Antilope*, *Oreas* или *Buselaphus Canna*. *Elen*, *Elandantilope*. *Canna*) достигаетъ длины почти 4 м., изъ которыхъ 70 см. приходится на хвостъ; высота ея у загривка 1,5—1,9 м.; вѣсъ 500 kgr., а, по Гаррису, доходитъ даже до 1000 kgr. Окраска измѣняется въ зависимости отъ возраста, а, по наблюденіямъ Селуса, также и въ зависимости отъ мѣстности. У взрослыхъ самцовъ верхняя часть тѣла свѣтло-бураго или желтовато-сѣраго цвѣта съ ржаво-краснымъ оттѣнкомъ, бока желтовато-бѣлые, нижняя часть тѣла и наружная поверхность голени и предплечье—также желтовато-бѣлыя, голова свѣтлаго желтовато-бураго цвѣта, а грива на затылкѣ и пучекъ волосъ на подгрудкѣ желтовато-бурые или темно-рыжіе. Полоса на спинѣ почти такого-же цвѣта. Надъ кистевымъ сочлененіемъ переднихъ ногъ находится бурое пятно, а надъ копытами рыже-бурое кольцо. Самки значительно меньше самцовъ и не такъ коренасты, рога у нихъ длиннѣе и стройнѣе, обыкновенно шире разставлены и болѣе или менѣе изогнуты, подгрудокъ или малъ, или его совсѣмъ нѣтъ, окраска всегда темнѣе, чѣмъ у самцовъ. Часто встрѣчаются полосатые канны, причемъ иногда полосатость эта выражена очень ясно, иногда-же совсѣмъ слабо; обыкновенно полосы бываютъ поперечныя. Нѣкоторые южно-африканскіе охотники, руководствуясь этими полосами, различаютъ нѣсколько видовъ канны. Самые длинныя рога, какіе приходилось измѣрять Селусу, имѣли у самцовъ (у которыхъ они сильно стираются) 76 см., а у самокъ 86 см. въ вышину. У очень старыхъ самцовъ рога бываютъ часто всего въ 30—40 см. въ длину. Дѣтенышъ канны, родившійся въ Франкфуртскомъ зоологическомъ саду, имѣлъ 65 см. въ длину, голова у него была очень тонкая и изящная, украшенная маленькими рогами, величиной въ 3 см.; ноги высокія, суставы на нихъ необыкновенно сильно раздуты; окраска была такая-же красивая желтовато-сѣрая, какъ и у матери, но на одномъ боку у него было 10, а на другомъ 8 бѣлыхъ поперечныхъ полосокъ, шириной не болѣе 1 см., тянувшихся отъ спины къ брюху.

Грэй и впоследствии Гейглингъ описали другіе виды коровьихъ антилопъ, но по всѣмъ вѣроятіямъ, они считали таковыми просто разновидности канны. Вѣдншіе признаки канны, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ Швейнфуртъ, такъ измѣнчивы, какъ и у каамы и другихъ крупныхъ антилопъ; особенно большимъ разнообразіемъ отличаются форма, изгибъ и винтообразные обороты роговъ. «Сколько я ни видалъ каннъ», говоритъ тотъ-же изслѣдователь, «всегда окраска ихъ чрезвычайно короткой и гладкой шерсти была желтоватая, цвѣта дубленой кожи, а по

бокамъ грязно-желтая; торчащіе-же кверху волоса гривы черные. Повидимому, въ посѣщенныхъ мною мѣстностяхъ канны всегда бываютъ полосатыя и этимъ отличаются не только молодые животныя, какъ полагали нѣкоторые путешественники: мнѣ случалось видѣть очень старыхъ самцовъ, у которыхъ на бокахъ было по 15 узенькихъ поперечныхъ полосокъ чисто бѣлаго цвѣта. Полосы эти шириной не бо-

Канна. *Buselaphus orcas*. $\frac{1}{20}$ наст. вел.

лѣ какъ въ палецъ; онѣ начинаются отъ самаго хребта и доходятъ до середины брюха, гдѣ часто находится большое черное пятно».

Область распространенія канны оказывается гораздо обширнѣе, чѣмъ предполагали прежде. До изслѣдованій, произведенныхъ Гейглиномъ и Швейнфуртомъ, думали, что канна водится только на югѣ Африки, теперь-же мы знаемъ, что она распространена во всей южной, а также въ восточной части Африки и встрѣчается даже значительно сѣвернѣе экватора.

Въ прошломъ столѣтіи онѣ еще водились внутри Капской земли; въ началѣ

нынѣшняго столѣтія, когда эту страну посѣтилъ Лихтенштейнъ, онѣ держались еще довольно большими стадами головъ въ 20—30 на границѣ поселеній; теперь-же ихъ вытѣснили далѣе въ глубь страны и южнѣ тропика Козерога онѣ стали уже настолько рѣдки, что Фритшъ предполагаетъ, что онѣ были послѣднимъ путешественникомъ, встрѣтившимъ южнѣ тропика стадо въ 50 головъ. Однако почти не подлежитъ сомнѣнію, что теперь канна водится въ южной части Калахарн.

Въ странѣ Бонго, по верхнему теченію Бѣлаго Нила, какъ сообщаетъ Швейнфуртъ, канны вовсе не рѣдкость, хотя здѣсь уже почти не попадаются такія большія стада, какія, по словамъ Гарриса, представляютъ обычное явленіе въ южной Африкѣ. Любимое мѣстопробываніе каннъ—травяныя степи, рѣдко поросшія мимозами; во время засухи онѣ перекочевываютъ отсюда въ богатыя водами низменности. Но странно, что вмѣстѣ съ тѣмъ канны встрѣчаются и въ гористыхъ мѣстностяхъ и притомъ въ самыхъ дикихъ, почти недоступныхъ мѣстахъ. Гансъ Мейеръ на плоскогоріи Килиманджаро встрѣтилъ на высотѣ 4400 м. нѣсколько стадъ этихъ антилопъ и даже на высотѣ 4700 м. видѣлъ слѣды ихъ. Канны любятъ также пастись на невысокихъ холмахъ, которые въ южной Африкѣ часто, подобно островамъ, выдаются надъ каменистыми и лишенными растительности равнинами. Обыкновенно онѣ держатся обществами по 8—10 штукъ, изъ которыхъ только одинъ или два самца. Но въ извѣстные періоды такія общества соединяются въ большія стада: Гаррисъ упоминаетъ о стадѣ головъ въ 300, а Селусъ еще въ прошломъ десятилѣтіи видалъ въ области Чобе стадо болѣе, чѣмъ въ 100 головъ. Издали такое стадо можно принять за стадо домашнего скота: одни животныя медленно расхаживаютъ, пощипывая траву, другія грѣются на солнцѣ или отдыхаютъ подъ тѣнью жидкихъ мимозъ, пережевывая жвачку; словомъ, такое общество поразительно похоже на пасущихся коровъ. При перемѣнѣ мѣста пастбища канны, подъ предводительствомъ стараго самца, медленно бѣгутъ тѣсною толпою по прямому направленію, подобно кавалерійскому полку, который подъ надежнымъ начальствомъ мелкою рысью подвигается впередъ. Если канну преслѣдуютъ, то она убѣгаетъ не особенно быстрой, но очень крупной рысью, а въ послѣдней крайности пускается въ галопъ и бѣжитъ такимъ образомъ очень долго. Молодые самцы и самки могутъ бѣжать гораздо быстрѣе и дольше, чѣмъ старыя; ихъ часто не удается поймать даже на отличной лошади, старыя-же и жирныя самцы обыкновенно скоро устаютъ, и опытному охотнику на хорошей лошади почти всегда удается настичуть и убить ихъ.

По сообщенію Лихтенштейна, ница каннъ состоитъ изъ тѣхъ-же травъ, которыя въ заселенныхъ мѣстностяхъ доставляютъ отличный кормъ для овецъ и быковъ, пахучесть которыхъ, повидимому, оказывается чрезвычайно полезной для всѣхъ жвачныхъ. «Когда потрошатъ это животное, то распространяется запахъ отъ травъ, находящихся въ желудкѣ и кишкахъ, хотя тѣ-же травы, когда онѣ только что сорваны, вовсе не такъ ароматичны и, только попробовавъ ихъ на вкусъ, замѣчаешь ихъ пряность». Подобно многимъ другимъ представителямъ семейства быковъ и антилопъ, старыя самцы канны распространяютъ такой сильный запахъ мускуса, что, благодаря ему, не только случается еще издали открыть присутствіе этихъ животныхъ, но можно бываетъ даже узнать мѣсто ихъ отдыха, когда они уже давно покинули его.

Въ мѣсяцы засухи, когда канны находятъ мало корма, онѣ бываютъ довольно вялы; но въ остальное время между старыми самцами часто происходятъ жестокія драки, при которыхъ иногда они наносятъ другъ другу опасныя раны и ломаютъ рога. Нѣкоторые, особенно злыя самцы, всегда прогоняютъ всѣхъ остальныхъ самцовъ изъ стада и такимъ образомъ заставляютъ ихъ соединиться вмѣстѣ; сами-же

остаются полными властелинами надъ всѣмъ самками. Повидимому, время спариванія у нихъ не связано съ опредѣленнымъ временемъ года, по крайней мѣрѣ Гаррисъ увѣряетъ, что въ разные мѣсяцы можно видѣть беременных самокъ и маленькихъ телятъ. По наблюденіямъ, произведеннымъ надъ находившимися въ неволѣ животными, беременность продолжается 282 дня. Пойманные молодыми, канны приручаются чуть-ли не легче, чѣмъ даже добродушные дикіе виды быковъ; онѣ охотно даютъ какой-нибудь коровѣ выкормить себя, а подростши, пристають къ стаду домашняго скота; даже въ старости онѣ остаются довольно миролюбивыми и не причиняютъ хозяину особыхъ хлопотъ.

Канны были одно время обыкновеннымъ явленіемъ въ зоологическихъ садахъ Европы, но теперь онѣ здѣсь вымираютъ. Всѣ имѣющіеся у насъ экземпляры оказываются, какъ сообщаетъ Вейнландъ, потомками двухъ паръ, которыхъ въ 1840 и 1851 г. привезъ въ Англію лордъ Дерби. Изъ Лондона канны распространились сначала по садамъ и паркамъ Великобританіи, а оттуда уже попали въ зоологическіе сады остальной Европы. Онѣ обнаруживаютъ добродушіе и глупость обыкновенныхъ быковъ и плодятся довольно легко; поэтому полагали, что ихъ стоитъ акклиматизировать; но успѣшные опыты, предпринятые съ этой цѣлью, пришлось бросить, такъ какъ не было достаточнаго подвоза новыхъ животныхъ изъ Африки, и порода стала вырождаться.

Однажды закололи молодого бычка и пробовали его мясо на королевскомъ столѣ въ Виндзорѣ, а также въ Тюльери въ Парижѣ, и за обѣдомъ обѣихъ палатъ. Съ особенной похвалой отзывались всѣ объ удачномъ расположеніи слоевъ сала между мышцами. Англичане, которые въ этомъ хорошіе судьи, увѣряютъ, что нѣтъ на свѣтѣ болѣе вкуснаго мяса. Они подтверждаютъ отзывы прежнихъ путешественниковъ по южной Африкѣ, которые единогласно восхищаются мясомъ канны. Поэтому неудивительно, что за этой выгодной дичью ревностно охотятся всюду, гдѣ она встрѣчается. Въ Капской землѣ прежде ловили каннь, выкапывая волчьи ямы, а также тенетами, которыя разставлялись вокругъ полей и садовъ. Теперь-же охотятся на нихъ почти исключительно верхомъ: за животнымъ гонятся, пока оно не выбьется изъ силъ, и тогда убиваютъ изъ ружья.

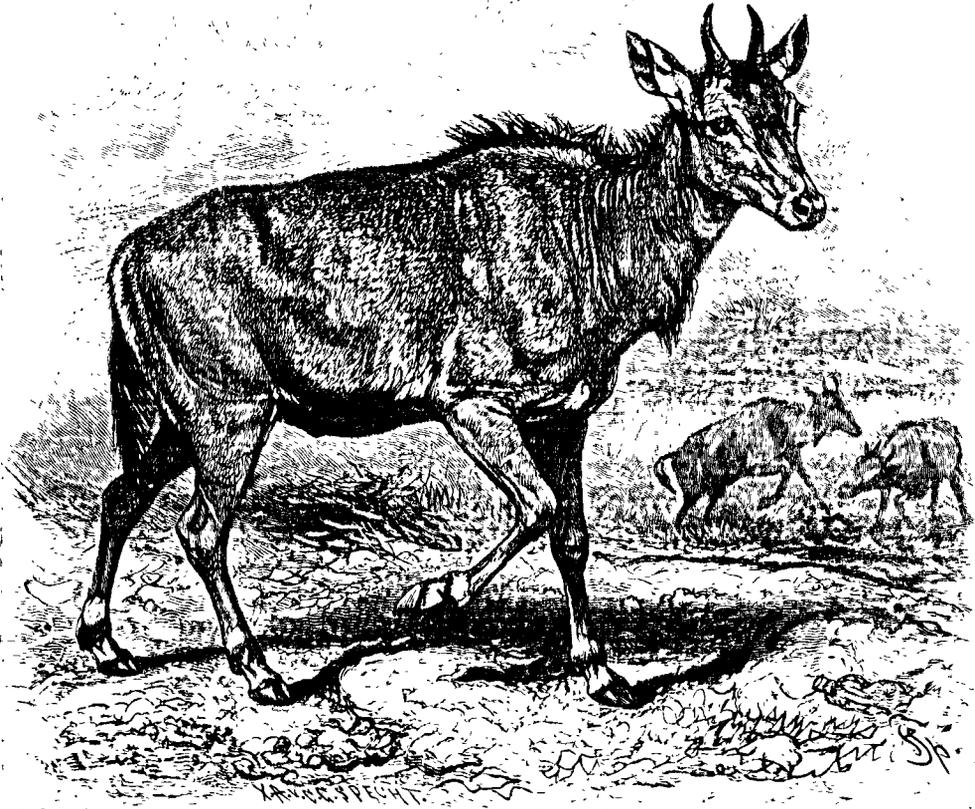
Охота за каннами бываетъ чрезвычайно выгодна. Мясо ихъ сушатъ и солятъ, или обертываютъ шкурами и въ телѣгахъ везутъ домой: здѣсь оно подвергается копченію, и въ такомъ видѣ даетъ очень здоровую и дешевую пищу. Къ жиру ихъ, котораго иногда бываетъ очень много, примѣшиваютъ немного бычачьяго сала и квасцовъ и приготавливаютъ изъ него хорошія свѣчи, а изъ необыкновенно толстой и крѣпкой кожи выдѣлываютъ превосходные ремни.

Кромѣ человѣка у канны есть еще много другихъ враговъ, но большинство изъ нихъ для нея не особенно опасно. Разные паразиты мучатъ ее не менѣе, чѣмъ рогатый скотъ; но изъ хищниковъ для нея страшнѣе только одинъ левъ.

* *

Послѣднее время къ намъ стали привозить довольно часто одну индѣйскую антилопу, называемую **Нилгау** (*Portax pictus*, *Antilope picta*, *albipes*, *leucopus* и *tragocamelus*. Nilgau. Nyl-Ghau), которая въ прошлыхъ столѣтіяхъ, даже въ самой Индіи еще довольно рѣдко встрѣчалась въ неволѣ. Антилопа эта у путешественниковъ извѣстна подъ названіемъ **Голубого быка**, а въ Индіи ее зовутъ **Нилгаръ**, **Нилгай**, **Гурайя**, **Марави**, **Мануготу** и пр. Нилгау и по формѣ тѣла и по цвѣту является однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ видовъ семейства антилопъ и представляетъ нѣчто среднее между оленемъ и быкомъ. Голова, шея и ноги у него короткія,

остальныя части тѣла напоминають быка. Туловище довольно короткое и толстое, у загривка оно выше, а въ груди шире и крѣпче, чѣмъ сзади. На холкѣ находится небольшой горбъ. Шея умѣренной длины, голова узкая, тонкая со слегка выпуклымъ лбомъ; морда широкая съ продолговатыми ноздрями, верхняя губа покрыта волосами; средней величины глаза живые, слезныя ямки небольшія, но глубокія, уши большія и длинныя. Вертикально стоящія, конические рога изогнуты почти полумѣсяцемъ; они толсты у корня, спереди слегка ребристы и имѣють 20—25 см. въ длину. Оба пола имѣють рога, но у самокъ они значительно меньше, а иногда

Нилгау. *Portax pictus*. Члѣн наст. вел.

ихъ даже совсѣмъ не бываетъ. Ноги высокія и относительно толстыя съ большими широкими копытами, и притупленными, сплюснутыми шпорцами. Хвостъ спускается до пятокъ; наверху онъ покрытъ короткими, а по бокамъ и на концѣ длинными волосами, такъ что имѣеть нѣкоторое сходство съ перомъ. У самки двѣ пары сосковъ. Тѣло покрыто короткой, гладко прилегающей, нѣсколько жесткой шерстью, которая на затылкѣ удлиняется въ торчащую кверху гриву, а на передней части шеи подъ горломъ въ длинный, низко спускающійся пучекъ. Общій цвѣтъ шерсти темный буровато-сѣрый съ легкимъ голубоватымъ отливомъ. Нижняя половина каждаго отдѣльнаго волоса бѣлая или чадая, а верхняя—чернобурая или голубовато-сѣрая. Передняя часть живота, переднія ноги и наружная поверхность

бедеръ—черновато-сѣрыя; заднія ноги черныя, средняя и задняя часть живота и внутренняя поверхность бедеръ бѣлыя. Двѣ поперечныя полосы того-же цвѣта окружаютъ въ видѣ колецъ нижніе суставы ногъ; на горлѣ находится большое бѣлое пятно, имѣющее форму полумѣсяца. Темя, лобъ, грива на затылкѣ и пучекъ волосъ подъ горломъ черноватые. Старыя самки имѣютъ болѣе чалый оттѣнокъ, приближающійся часто къ сѣро-бурому цвѣту оленей. Взрослые самцы достигаютъ длины въ 2,4—2,6 м., изъ которыхъ 45—50 см. приходится на хвостъ, и вышины у загривка въ 1,3—1,4 м.

Родина нилгау въ Остѣ-Индіи, отъ подножія Гиммалайскихъ горъ до Майсура; по Жердону, онъ встрѣчается всего чаще въ средней части Индіи; къ сѣверу-же отъ Ганга и на самомъ югѣ онъ становится рѣдкимъ, а въ Ассамѣ—совсѣмъ его нѣтъ. По Адамсу и въ Пенджабѣ онъ также встрѣчается очень рѣдко. Нилгау не любитъ гористыхъ мѣстностей, но все-же попадаетъ тамъ, если онѣ богаты негустыми лѣсами и джунглями. Иногда онъ появляется и въ открытыхъ, только слегка поросшихъ кустарникомъ мѣстностяхъ, но въ томъ только случаѣ, если можетъ найти здѣсь воду, такъ какъ онъ, по сообщенію Стердаля, ежедневно ходитъ на водопой. Говорятъ, что онъ испражняется всегда на одномъ и томъ-же мѣстѣ. Обыкновенно нилгау держатся стадами въ 6—20 головъ, одинокіе старые самцы ходятъ отдѣльно. Болѣе почти ничего не извѣстно о жизни нилгау на свободѣ, кромѣ того, что они пасутся чаще утромъ и вечеромъ, чѣмъ ночью, а въ жаркіе часы дня отдыхаютъ. Впрочемъ Стердалю случалось встрѣчать ихъ во всякое время дня. Когда наступаетъ время спариванія, между самцами происходятъ жестокія драки. Нилгау вообще смѣлое животное и иногда, преслѣдуемый охотникомъ, онъ вдругъ поворачивается и храбро нападаетъ на него. Въ неволѣ они становятся довольно ручными, и въ Индіи иногда такія прирученныя животныя пользуются полной свободой и, несмотря на это, не убѣгаютъ на волю. Но они все-же никогда не утрачиваютъ совершенно своей свирѣпости, и сторожа побаиваются ихъ, особенно во время течки. Въ Англии однажды нилгау, увидѣвши человѣка, приблизившагося къ его загородкѣ, бросился на него такъ стремительно, что, ударившись о столбы, сломалъ себѣ одинъ изъ роговъ и вскорѣ затѣмъ умеръ; одинъ самецъ, котораго я воспитывалъ, опасно ранилъ своего сторожа.

Въ движеніяхъ этой антилопы есть много особенностей. Обыкновенно она ходитъ, какъ всѣ другія, но, какъ только ее что-нибудь разсердить, она выгибаетъ спину, втягиваетъ шею и медленно крадется, мрачно озираясь и косясь во всѣ стороны; при этомъ она поджимаетъ хвостъ между ногами. Впрочемъ Гаакъ сообщаетъ, что такъ ходитъ только самцы; онъ считаетъ эту походку просто проявленіемъ полового стремленія. На полномъ скаку у нилгау гордая, величественная осанка, и онъ очень красивъ, особенно когда бѣжитъ, поднявъ свой пушистый хвостъ.

Беременность самки продолжается 8 мѣсяцевъ; первый разъ она рождаетъ одного теленка, а затѣмъ обыкновенно по два. Въ Индіи время спариванія приходится на мартъ мѣсяць, а дѣтеныши рождаются въ декабрѣ. Въ европейскихъ зоологическихъ садахъ самки разрѣшались отъ бремени постоянно въ лѣтніе мѣсяцы. Первый теленокъ воспитанной мною пары родился 8 августа. По цвѣту и бычки, и телки ходятъ на мать, и только къ концу второго года самецъ получаетъ свою постоянную окраску. Дѣтеныши только черезъ нѣсколько дней послѣ рожденія приобрѣтаютъ живость, свойственную другимъ новорожденнымъ антилопамъ; обыкновенно онъ лежитъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ родился, и только изрѣдка покидаетъ его. Самка относится къ нему чрезвычайно заботливо; когда онъ сосетъ, она нѣжно облизываетъ его и при этомъ поджимаетъ хвостъ, такъ что немного прикрываетъ имъ

дѣтеныша. Содержащіяся въ неволѣ самки недовѣрчиво слѣдятъ за сторожемъ, когда онъ подходитъ къ дѣтенышу; онѣ даже приближаются къ нему, чтобы, въ случаѣ нужды, заступиться за свое дѣтище; впрочемъ, кромѣ этого онѣ ничѣмъ не проявляютъ своего возбужденія. Телята растутъ быстро; сначала они бываютъ очень игривы, но вскорѣ становятся такими же угрюмыми, какъ и взрослые животныя.

Европейскіе охотники не находятъ охоту за нилгау особенно увлекательной. Животное застрѣливаютъ, подкравшись къ нему, или гонятся за нимъ верхомъ; тогда его нетрудно бываетъ загнать, если пустить лошадь во весь опоръ и сразу заставить животное запыхаться. Уже съ давнихъ поръ подданные индѣйскихъ князей считаютъ за особое удовольствіе приводить къ своему повелителю пойманныхъ антилопъ этого вида, и потому ее можно встрѣтить иногда въ саду того или другого вельможи. Только въ 1767 г. была привезена въ Англію первая пара нилгау; въ концѣ прошлаго столѣтія ихъ привезли во Францію, Голландію и Германію. Теперь ихъ можно встрѣтить въ каждомъ зоологическомъ саду, гдѣ они отлично размножаются. Изъ всѣхъ антилопъ, повидимому, всего легче было бы акклиматизировать въ Европѣ нилгау. Въ зоологическій садъ, принадлежащій итальянскому королю, привезли въ 1860 г. четырехъ нилгау, а въ 1862 г. еще 12 штукъ. Здѣсь они такъ быстро расплодились, что черезъ 3 года образовалось стадо изъ 14 самцовъ и 35 самокъ. Въ 1866 г. попробовали выпустить ихъ въ лѣсъ; они прожили на свободѣ всю зиму, несмотря на то, что по временамъ температура была весьма низкая, и только изрѣдка они укрывались отъ непогоды, забираясь подъ стогъ сѣна. Въ лѣсу животныя ѣли охотнѣе листья акаціи, чѣмъ зелень дуба и орѣшника; они съ особеннымъ удовольствіемъ ѣли также капусту и салатъ.

Въ качествѣ дичи нилгау не особенно цѣнится въ Индіи, но мясо во время убитаго животнаго бываетъ иногда очень вкусно и сочно.

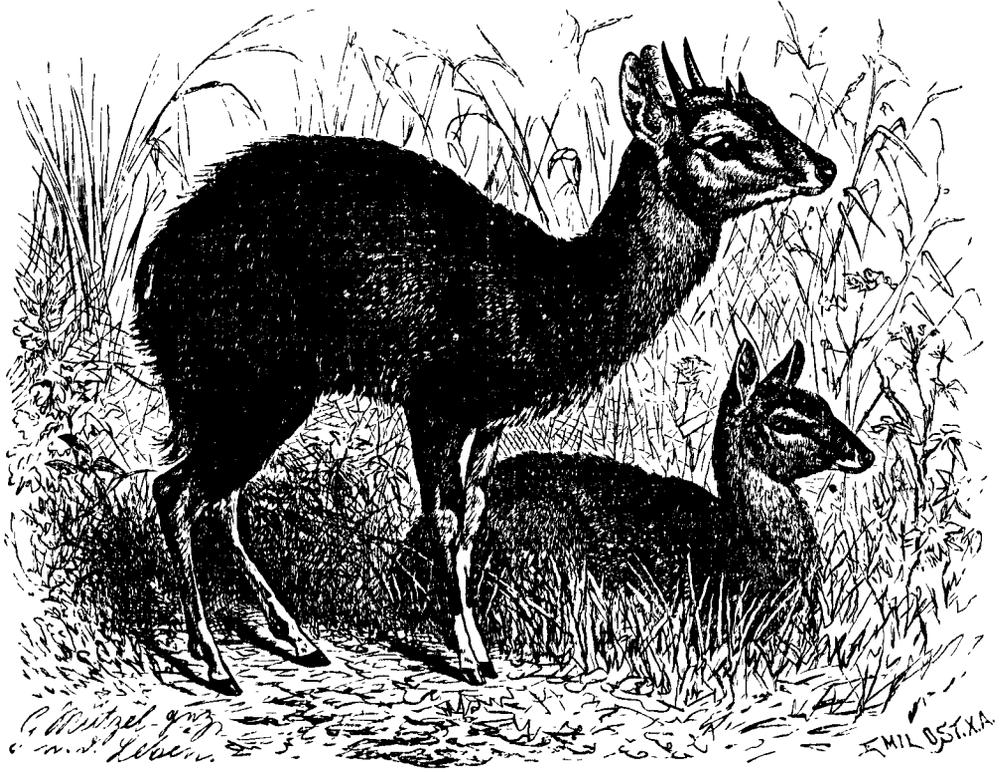
*
*
*

Прежде чѣмъ перейти изъ Индіи снова въ Африку, эту настоящую родину антилопъ, мы займемся еще однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ видовъ всего семейства и даже всѣхъ жвачныхъ вообще—**Четырерогой антилопой** (*Tetraceros quadricornis*, *Antilope quadricornis*, *A. striaticornis*, *iodes* и *chikara*. *Vierhornantilope*. *Cervichèvre à quatre cornes*) представительницей рода *Tetraceros*, называемой въ Индіи **Берки**, **Джангли-бакра**, **Дода**, **Бируль**, **Котри** и пр. Гардвикомъ она невѣрно названа **Чикарой**, такъ какъ это названіе принадлежитъ собственно **Индѣйской газели** (*Antilope* или *Gazella bennetti*). Между домашними жвачными встрѣчаются экземпляры съ 4 и даже 8 рогами, но они ни въ какомъ случаѣ не составляютъ особаго вида и могутъ быть разсматриваемы только какъ странныя исключенія изъ общаго правила. Ни у одного изъ дико живущихъ животныхъ не встрѣчается такой аномаліи въ ростѣ роговъ, какъ у этой антилопы. Такимъ образомъ, насколько извѣстно изъ сдѣланныхъ до сихъ поръ наблюдений, она представляетъ совершенно единичное явленіе. Одинъ путешественникъ увѣряетъ, правда, что видѣлъ еще одинъ видъ, родственннй съ этимъ, до сихъ поръ единственно-извѣстнымъ, но, при нашемъ поверхностномъ знакомствѣ съ послѣднимъ, мы не можемъ оцѣнить значеніе признаковъ, описанныхъ этимъ путешественникомъ, и рѣшнть, составляютъ ли они видовые признаки, или только отличія пола или возраста.

Четырерогая антилопа — небольшое изящное животное. Она имѣетъ 70—80 см. въ длину; длина хвоста 12 см., вышина у загривка 60—65 см. Отличительными признаками животнаго являются: большія закругленныя уши, длинныя слезныя ямки, широкій голый кончикъ носа, стройныя ноги и длинный мѣхъ буро-

чалый наверху и бѣлый на нижней сторонѣ туловища. Самки окрашены свѣтлѣе самцовъ. Рога имѣютъ только самцы. Передняя пара ихъ сидитъ надъ внутреннимъ угломъ глазъ, слегка загнута впередъ, внизу кольчатая, концы же совершенно гладкіе. Задняя пара роговъ достигаетъ длины въ 10—12,5 см., а передняя всего только въ 3—3,7 см., но у нѣкоторыхъ животныхъ она представляетъ только двѣ едва замѣтныя шишки. Четырерогая антилопа, повидимому, водится во всей Ост-Индіи и мѣстами встрѣчается даже очень часто; ея любимое мѣстопробываніе — холмы, поросшіе лѣсомъ или кустарникомъ. На Цейлонѣ она совсѣмъ не водится, не часто попадаетъ и восточнѣ Бенгальскаго залива.

Пугливость этой антилопы дѣлаетъ наблюденія надъ ея жизнью на свободѣ

Четырерогая антилопа. *Tetracerus quadricornis*. $\frac{1}{10}$ наст. вел.

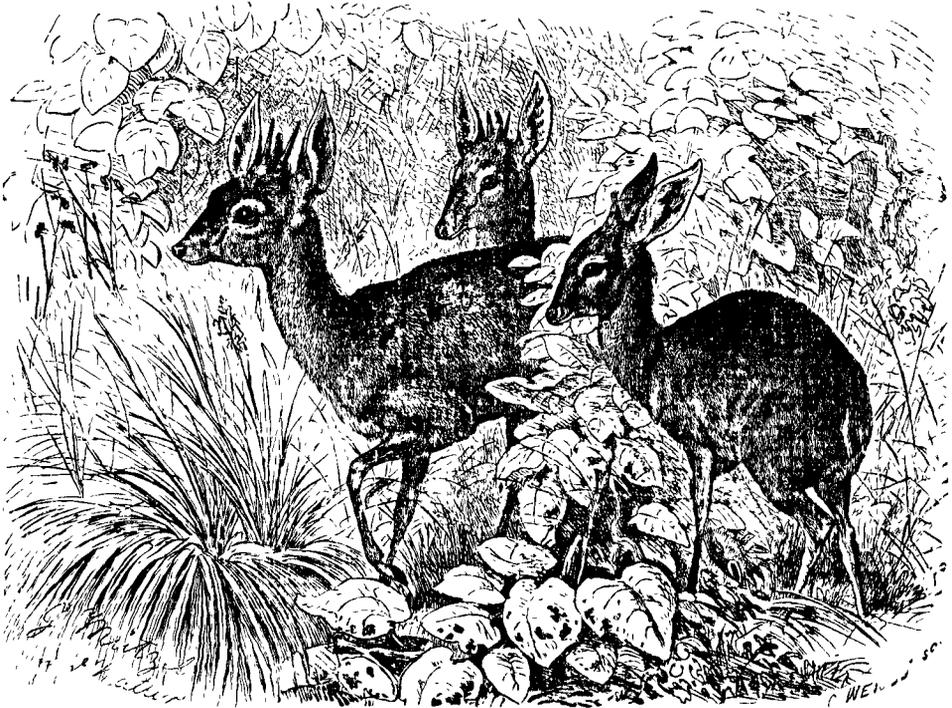
весьма затруднительными; о тѣхъ же немногихъ, которыхъ удавалось видѣть въ неволѣ, знаютъ только, что даже пойманныя молодыми, онѣ дѣлаются съ возрастомъ все злѣе и злѣе. Самцы ко времени спариванія становились до того свирѣпыми, что бросались безстрашно на всѣхъ домашнихъ животныхъ и даже нападали съ яростью на сторожа, который ежедневно кормилъ ихъ. Четырерогія антилопы, принадлежавшія Гардвику, плодились въ неволѣ. Самка родила сразу двухъ телятъ. Мясо четырехрогой антилопы сухо и мало цѣнится.

* *

Хохлатыми антилопами (*Cephalolophus*, *Schopfantilopen*) называютъ небольшіе виды съ прямыми, слегка загнутыми впередъ рогами, — обыкновенно составляющими отличіе одного только самца, но иногда вырастающими и у самокъ, съ большимъ го-

лымъ рыломъ, морщиной между глазами и носомъ, и длиннымъ пучкомъ волосъ между рогами, который онѣ могутъ подымать въ видѣ хохла.

Дукеръ (*Cephalolophus mergens*, Capra, Antilope, *Cephalolophus* и *Grimmia mergens*, *Antilope picticans*. Ducker. Deukerbok) одинъ изъ самыхъ крупныхъ видовъ этой группы, достигаетъ длины 1,1 м., изъ которыхъ около 20 см. приходится на хвостъ; вышина его у загривка 55 см. Прямые шиловидные рога съ 4—6 плоскими кольчатыми утолщеніями не длиннѣе или даже значительно короче ушей и совсѣмъ исчезаютъ въ волосахъ хохла; они имѣютъ отъ 7 до 10, рѣдко до 12,5 см. въ длину, какъ говорить Селусъ. Въмѣсто слезныхъ ямокъ передъ глазами находится

Дукеръ. *Cephalolophus mergens*. $\frac{1}{4}$, наст. вел.

изогнутая голая полоска. Ноги очень стройны, копыта и шпорцы малы; хвостъ, оканчивающійся кистью, коротокъ. Цвѣтъ мѣха различный: верхняя сторона обыкновенно сѣро-оливковаго цвѣта; у самца она бываетъ также темно-желто-бурой съ черными крапинками вдоль спины и бедеръ; у ладжекъ и на передней сторонѣ ногъ цвѣтъ переходитъ въ черный, а на нижней сторонѣ — въ бѣлый. Область распространения этой антилопы — преимущественно южная Африка, гдѣ и въ настоящее время она водится въ большомъ количествѣ въ мѣстностяхъ, поросшихъ кустарникомъ. По сообщенію Ноака, изрѣдка она встрѣчается вплоть до Нижней Гвинеи и вѣроятно также въ восточной Африкѣ.

Дукеръ одна изъ первыхъ антилопъ, съ которой встрѣчается путешественникъ, прибывающій въ Канскую землю, такъ какъ это животное водится въ заросляхъ кустарника, тянущихся вдоль берега моря, чаще, пожалуй, чѣмъ въ лѣсахъ внутри страны. Какъ всѣ небольшія и карликовыя антилопы, дукеры бродятъ въ лѣсу или по одиночкѣ или парами. Никогда не встрѣтишь ихъ на совершенно открытомъ мѣстѣ: они всегда прячутся среди кустовъ. Черезъ самую густую чащу вѣт-

вей дукеръ пробирается такъ ловко, осторожно и хитро, что вполне заслуживаетъ названіе, данное ему голландскими поселенцами (Duiker-ползунъ). Вспугнутый со своего логовища, онъ однимъ большимъ скачкомъ достигаетъ ближайшаго куста и затѣмъ бѣжитъ или пробирается ползкомъ между низкими вѣтвями такъ искусно и быстро, что ему часто удается благополучно уйти отъ охотника.

«При приближеніи человѣка или другого врага», говоритъ Драйсонъ, «дукеръ остается спокойно въ своемъ логовищѣ. Неподвижно и пристально, словно изваяніе, смотритъ онъ на приближающагося, пока не убѣдится, что его замѣтили: тогда онъ внезапно вскакиваетъ, бросается бѣжать, дѣлаетъ множество крутыхъ поворотовъ, шмыгаетъ по кустамъ или прыгаетъ черезъ нихъ, а когда онъ увѣренъ, что скрылся отъ своихъ преслѣдователей, то пригибается и ползетъ черезъ кусты и траву такъ осторожно и въ то-же время живо, что думаешь, что онъ или совсѣмъ исчезъ, или смирно лежитъ, спрятавшись гдѣ-нибудь. Но онъ на самомъ дѣлѣ никогда не ложится, а пробирается ползкомъ все дальше и дальше, пока не уйдетъ довольно далеко; тогда онъ ускакиваетъ и убѣгаетъ во всю прыть. Онъ обманываетъ часто самаго опытнаго охотника и самую умную собаку; впрочемъ, если слѣдить за нимъ внимательно и замѣтить мѣсто, гдѣ онъ улегся, то къ нему подойти легко противъ вѣтра. Однако, чтобы завладѣть имъ, въ него нужно пустить хорошій зарядъ, такъ какъ, хотя онъ и не великъ, но выносить зарядъ довольно крупной дроби. Винтовку при охотѣ на дукера употреблять неудобно, такъ какъ нужно стрѣлять очень мѣтко, чтобы попасть въ него во время его неправильныхъ скачковъ. Часто случается, что послѣ выстрѣла онъ убѣгаетъ, какъ будто въ него не попало ни одной дробинки; потомъ вдругъ останавливается, и бываетъ ясно видно, что онъ раненъ. Мнѣ случилось видѣть, что даже смертельно раненый дукеръ вскакиваетъ, какъ ни въ чемъ ни бывало. Самая простая собака можетъ догнать дукера. Старая легавая собака, съ которой я охотился, нѣсколько разъ догоняла даже не раненыхъ самцовъ и задерживала ихъ до тѣхъ поръ, пока я не приближался на столько, что легко могъ застрѣлить ихъ. Изъ кожи дукера въ Канской землѣ плетутъ длинныя кнуты, изъ мяса варить превосходный супъ. Самое мясо южно-африканскихъ дукеровъ не важно: оно слишкомъ сухо и безвкусно; но всѣмъ гастрономамъ я рекомендую — какъ необыкновенно лакомое блюдо — печень этой маленькой антилопы. Боэры шпигуютъ мясо дукера жиромъ канны или бегемота и приготавливаютъ такимъ образомъ очень вкусное жаркое».

* *
*

Подъ названіемъ **Карликовыхъ антилопъ** (*Neotragus*) соединяютъ самые мелкіе виды этого семейства, чрезвычайно сходные между собою и очень изящно сложенные. Только самцы носятъ маленькіе и тонкіе, прямо стоящіе, шилообразные рожки, которые снизу обхвачены немногими кольцами или полукольцами. Кромѣ этого для нихъ характерны кругловатая голова и острая морда съ маленькимъ голымъ пятномъ. Образъ жизни и привычки ихъ очень сходны у различныхъ извѣстныхъ нынѣ видовъ, такъ что будетъ достаточно, если я дамъ описаніе одной изъ карликовыхъ антилопъ, которую я самъ наблюдалъ, и съ нимъ сопоставлю все то, что извѣстно о другихъ видахъ.

Антилопа-Левретка, Бени—Израэль обитателей Массовы, Эдро жителей Тигре. (*Neotragus hemprichii*, *Antilope hemprichiana*, *Nanotragus hemprichii*. Windspielantilope) одно изъ самыхъ красивыхъ нынѣ существующихъ жвачныхъ. У самца бываетъ пара маленькихъ роговъ съ 10—12 утолщеніями въ видѣ полуколець на нижней половинѣ наружной стороны и съ загнутыми напередъ концами; они почти

закрѣты сильно развитымъ хохломъ волосъ и совсѣмъ заслонены длинными ушами. Тѣло короткое, хвостъ очень малъ и покрытъ короткою шерстью; конечности средней величины, но чрезвычайно слабы, копыта длинны, узки и заострены; побочныя копыта почти незамѣтны. Очень нѣжная и довольно длинная шерсть покрываетъ все тѣло. Окраска кажется рыжей или сѣро-синеватой, потому что отдѣльные волоски, у основанія сѣро-бурые, имѣютъ мало замѣтный темный кончикъ, а передъ нимъ свѣтлое или красное колечко. На спинѣ окраска переходитъ въ красновато-бурую, на переносѣ и на лбу—въ свѣтло-рыжеватую. Плечи часто имѣютъ пятна; нижняя часть тѣла и внутренняя сторона конечностей бѣлыя. Широкия полосы надъ и подъ глазами тоже бѣлыя; уши окаймлены черноватой полоской, рога же, копыта и слезныя ямочки—черныя.

Въ Абиссиніи, начиная отъ морского берега и до 2000 м. надъ поверхностью моря, антилопу-левровку рѣдко гдѣ не встрѣтишь на подходящихъ для нея мѣстахъ. Почти всѣ карликовыя антилопы населяютъ кустарниковыя лѣса, которыми такъ богата Африка. Чащи, которыя были-бы для большихъ антилопъ совершенно непроницаемы, доставляютъ этимъ малюткамъ превосходное мѣстожительство. Для нихъ всегда найдется дорожка даже между самыми густыми древесными сплетеніями и лазейка между опаснѣйшими колючками. Это животное рѣшительно предпочитаетъ долину высокой мѣстности. Больше всего она любитъ зеленыя лѣсныя опушки овраговъ, гдѣ во время дождей течетъ вода. Тутъ находятся для нея великолѣпныя убѣжища. Мимозы, терны, нѣкоторыя кусты молочая и другіе болѣе высокія растенія оплетены и обвиты настоящею сѣтью вьющихся растеній. Тамъ встрѣчаются прекрасныя листовныя бесѣдки, снаружи совершенно закрытыя кустарниками и внутри которыхъ можетъ незамѣтно спрятаться животное, или же узкіе проходы, которые однако соединены между собою безъ перерыва на далекія пространства. Удаляясь отъ оживляющихъ растительность рѣкъ, кустарники рѣдѣютъ, и начинается расти зеленая сочная трава. Здѣсь антилопу-левровку можно навѣрно встрѣтить. Онѣ живутъ, какъ и многіе ихъ родичи, о которыхъ мы имѣемъ свѣдѣнія, лишь попарно, но никогда не обществами. Только въ томъ случаѣ, когда у парочки бываетъ дѣтенышъ, нуждающійся еще въ материнской заботливости, родители также водятъ его за собой.

Сначала охотнику трудно найти это маленькое животное, но, когда онъ ознакомится съ его нравомъ и обычаями, то легко отыскиваетъ его, такъ какъ съ увѣренностью приступаетъ къ дѣлу. Окраска ихъ мѣха вполне согласуется съ окружающею мѣстностью и совершенно съ нею сливается. Это главнымъ образомъ и даетъ возможность скрыться нашимъ карликамъ. «Нужно имѣть очень опытный глазъ», совершенно вѣрно замѣчаетъ Драйсонъ, «чтобы увидѣть лѣсную или бѣлолобую антилопу, такъ какъ цвѣтъ ихъ мѣха настолько подходитъ къ полумраку кустарника, что можно было-бы совсѣмъ незамѣтить маленькое существо, если-бы оно во время бѣга не задѣвало встрѣчающихся вѣтвей. Обыкновенно самецъ вскакиваетъ и убѣгаетъ раньше, чѣмъ охотникъ спохватится, что дѣйствительно видѣлъ его. Когда я охотился со своими каффрами, соколиный глазъ которыхъ пронизываетъ чащу лѣса, часто случалось, что они говорили съ большою увѣренностью: «Бѣлолобая антилопа идетъ тамъ, смотри тамъ она, тамъ, тамъ!» Но эти указыванья пальцемъ были для меня напрасны. Я сколько угодно могъ напрягать свое зрѣніе и смотрѣть на указанное пятнышко, я видѣлъ все, что угодно, кромѣ антилопы». Почти также случилось у меня вначалѣ и съ антилопой-левровкой. Но глазъ охотника скоро намечивается. Если тщательно обыскать кустарники и обратить свое вниманіе преимущественно на темныя, открытыя мѣста въ зелени, то тамъ навѣрно

можно увидѣть этихъ дѣтей лѣса. Когда они бывають спугнуты, то становятся именно на эти прогалины; ихъ весьма хорошо развитыя внѣшнія чувства, а именно тонкій слухъ, который вполне соотвѣтствуетъ величинѣ ихъ ушей, указываетъ имъ на приближеніе человѣка гораздо раньше, чѣмъ тотъ догадается объ ихъ присутствіи. При малѣйшемъ подозрительномъ шорохѣ самецъ вскакиваетъ, и внимательно прислушивается по тому направленію, откуда донеслись звуки; но это изслѣдованіе его не удовлетворяетъ: онъ долженъ также все видѣть, поэтому онъ потихоньку идетъ къ одной изъ такихъ прогалинъ, становится тамъ, какъ статуя, и смотритъ на приближающагося врага. Самка слѣдуетъ за нимъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, но предоставляетъ заботиться о безопасности ему до тѣхъ поръ, пока это возможно. Самецъ стоитъ прямо, высоко поднимая голову; ни одинъ мускулъ его не шевелится, за исключеніемъ ушей и хохолка на головѣ, который такъ поднимается, что совсѣмъ закрываетъ нѣжные маленькіе рога. Онъ внимательно прислушивается и глядитъ на угрожающій ему предметъ. Новое движеніе врага заставляетъ его совсѣмъ застыть на мѣстѣ. Поднятая нога остается въ томъ-же положеніи, уши не шевелятся, а глаза уставляются въ одну точку; ничто не указываетъ на присутствіе хитраго существа. Когда ему кажется, что опасность миновала, то онъ пригибается къ землѣ и неслышно прокрадывается обратно въ чащу; при этомъ такъ тихо и равномерно поднимаетъ каждую ногу, точно человѣкъ идетъ на цыпочкахъ. Выйдя изъ чащи на противоположной ея сторонѣ, онъ спѣшитъ покинуть болѣе рѣдкіе кустарники и снова возвращается въ свое зеленое убѣжище, описавъ большой кругъ около врага. Когда его подстерегаютъ, то онъ охотнѣе всего возвращается обратно, если-же его гонятъ, то онъ идетъ заворотами впередъ, постоянно держась зеленой опушки, и снова тамъ скрывается. Вѣрная самка слѣдуетъ за нимъ по пятамъ въ незначительномъ отдаленіи. До тѣхъ поръ пока не раздастся выстрѣлъ или не показалась собака, испугнутая парочка тихонько пробирается своимъ путемъ. Прежде чѣмъ обратиться въ бѣгство, самецъ издаетъ рѣзкое фырканье, которое повторяетъ до шести и до восьми разъ, если по немъ стрѣляли и дали промахъ, или сразу не убили. Эта парочка рѣдко убѣгаетъ очень далеко. Уже послѣ нѣсколькихъ скачковъ они возвращаются обратно; самецъ останавливается, настораживается, затѣмъ продолжаетъ путь, снова останавливается и такъ, черезъ каждые 10—20 шаговъ, прерываетъ свой бѣгъ. Если-же въ него стрѣляли, хотя-бы неудачно, то онъ первые 400—600 шаговъ бѣжитъ во всю прыть. Только тогда и выказывается вся его быстрота. Онъ передвигается большими дугообразными скачками впередъ, прижимая во время прыжковъ переднія ноги близко къ тѣлу, между тѣмъ какъ заднія и голову сильно вытягиваетъ впередъ. За карликовой антилой, несущейся во всю прыть, очень трудно слѣдить. Движенія такъ быстро слѣдуютъ одно за другимъ и при этомъ видъ животнаго такъ сильно измѣняется, что глазу она кажется какимъ-то страннымъ созданіемъ. Нерѣдко случается принять это красивое жвачное за зайца; только послѣ нѣкоторыхъ упражненій научаешься вѣрно распознавать его во время полного бѣга.

Каждая пара антилопъ-левротокъ, повидимому, придерживается разъ выбраннаго мѣста до тѣхъ поръ, пока ее оттуда не прогоняютъ, или она не найдетъ по близости лучшаго убѣжища. Охотникъ уже издали можетъ опредѣлить кустъ или то мѣсто чащи, гдѣ онъ найдетъ антилопу-левротку; самый густой, обвитый ползучими растениями кустъ, занимающій не болѣе 25 кв. м., почти навѣрно и служитъ имъ кровомъ. Онѣ ѣдятъ преимущественно листья кустовъ, въ которыхъ живутъ. По всей вѣроятности, мимозы составляютъ главную часть ихъ пищи. Кромѣ нѣжныхъ перистыхъ листьевъ, которые, какъ можно думать, удовлетворяють этихъ малень-

кихъ лакомокъ, эти антилопы не пренебрегаютъ также зелеными побѣгами и почками. Антилопа-левретка, такъ-же какъ и газель, выкапываетъ себѣ небольшую ямку, въ которую прячетъ свои испражнения. По виду, величинѣ и цвѣту похожее на заячьи орѣшки, оно доставляетъ охотнику всегда вѣрный признакъ, по которому онъ безошибочно опредѣляетъ, можетъ-ли онъ надѣяться найти ту парочку, которой принадлежитъ ямка, или уже она убита, или по крайней мѣрѣ согнана. Обыкновенно такое отхожее мѣсто этихъ чистоплотныхъ животныхъ находится между двумя самыми густыми кустами, недалеко отъ ихъ любимаго мѣсто-пробыванія.

Относительно размноженія карликовыхъ антилопъ до сихъ поръ имѣются лишь очень скудныя указанія. Я тоже мало что объ этомъ разузналъ. Я не могу съ достовѣрностью сказать, когда спариваются антилопы-левретки, точно также какъ и то, сколько времени продолжается беременность. Абиссинскій охотникъ рассказывалъ мнѣ, что самцы во время спариванія, которое обыкновенно должно совпадать съ окончаніемъ большихъ дождей, часто употребляютъ въ дѣло съ большою яростью и силой свои рожки, какъ они ни кажутся малы; однако при этомъ я долженъ повторить, что абиссинцы не вполне надежныя рассказчики, такъ какъ они поддакиваютъ людямъ на вопросы, безъ дальнѣйшихъ разсужденій отвѣчаютъ утвердительно, и рассказы свои прикрашиваютъ еще разными баснями. Изъ сотенъ бени—израэль, которыхъ мнѣ приходилось встрѣчать, я не видѣлъ ни одного одинокаго самца, напротивъ того вездѣ и всегда мнѣ попадались только парочки. Эренбергъ указываетъ на май мѣсяць, какъ на время рожденія дѣтей у этихъ животныхъ; я же видѣлъ у нихъ телятъ уже въ мартѣ, чаще-же въ апрѣлѣ. Во второй половинѣ марта всѣ мною убитыя самки антилопъ были, какъ я убѣдился къ моему великому огорченію, на снося. Въ апрѣлѣ я видѣлъ парочки съ дѣтенышами и даже досталъ за нѣсколько дней до того родившагося теленочка.

Кажется, что въ Абиссиніи ловятъ лишь молодыхъ, недавно родившихся антилопъ-левретокъ, по крайней мѣрѣ я не могъ получить взрослыхъ животныхъ, несмотря на всѣ мои старанія. Каффы-же ставятъ для водящихся у нихъ карликовыхъ антилопъ на дорогѣ силки, которые затягиваются около одной изъ конечностей антилопы; если-же имъ нужно только мясо, то они ставятъ такіе силки, которые задушатъ животное. Для этого дерево пригибаютъ къ землѣ, привязываютъ къ нему силокъ, ставятъ его въ густомъ кустарникѣ на тропинкѣ и тамъ втыкаютъ небольшой колышекъ, чтобы бѣгущая антилопа столкнула его; при этомъ шея ея оказывается уже просунутой въ силокъ, дерево вдругъ разгибается и принимаетъ свое настоящее положеніе, бѣдняжка болтается на воздухѣ и черезъ нѣсколько минутъ околѣваетъ.

Мясо этихъ животныхъ довольно жестко и волокнисто, но ѣсть его все-таки можно. Оно годится больше для супа, чѣмъ для жаркого. По совѣту Драйсона, я попробовалъ печенку карликовой антилопы и долженъ вполне согласиться съ этимъ опытнымъ человѣкомъ, что блюдо это настоящее лакомство.

Относительно карликовыхъ антилопъ, пойманныхъ взрослыми, я самъ не могъ сдѣлать никакихъ наблюденій, а вышеупомянутый дѣтенышъ, несмотря на тщательный уходъ, жилъ лишь нѣсколько дней. Жена моя, которая особенно полюбила это въ самомъ дѣлѣ прелестное созданіе, держала для него дойную козу и съ большою заботливостью наблюдала за его питаніемъ. Онъ безъ церемоніи сосалъ свою кормилицу и, казалось, въ первые дни своей неволи чувствовалъ себя вполне хорошо; онъ такъ привыкъ къ козѣ, что не выказывалъ передъ нею ни малѣйшаго страха и подавалъ намъ самыя лучшія надежды. Но вдругъ у него сдѣлалась на горлѣ опу-

холь, и онъ на слѣдующій день околѣлъ. Отъ другихъ наблюдателей я узналъ, что карликовыхъ антилопъ уже нѣсколько разъ держали въ неволѣ. Увезенныя съ родины однако онѣ скоро умирали, и поэтому ихъ очень трудно привезти въ Европу живыми. Только въ Капской области и въ другихъ частяхъ Африки ихъ можно было продержатъ въ комнатѣ или во дворѣ нѣсколько дольше. Говорятъ, что пойманныя молодыми, эти животныя скоро выказываютъ искреннюю привязанность къ своему господину, идутъ на его зовъ, охотно позволяютъ трогать себя, чесать, носить на рукахъ и вообще безъ сопротивленія подчиняются волѣ человѣка; поэтому-то такъ часто говорятъ объ ихъ добродушіи, кротости и ласковости. Хлѣбъ, морковь, картофель и зелень достаточны для питанія плѣнниковъ; они не пренебрегаютъ также плодами и цвѣтами; какъ и большинство другихъ жвачныхъ, они лижутъ соль съ удовольствіемъ, вода для нихъ необходима. Эдро такъ чистоплотны, что ихъ безъ затрудненія можно сдѣлать комнатными животными; только ихъ моча непріятно пахнетъ. Если они ищутъ хозяина, то издаютъ тихое блеянье; страхъ выражаютъ фырканьемъ, что можно замѣтить во время грозы: они фыркаютъ при каждомъ сильномъ ударѣ грома. Изъ морщинокъ, замѣняющихъ слезныя ямки, у нихъ часто выступаетъ клейкая, маслянистая жидкость. Это вещество пахнетъ мускусомъ, и животныя выражаютъ большое удовольствіе при этомъ запахѣ. Во всемъ остальномъ нравъ ихъ нѣсколько не мѣняется въ неволѣ: они не оставляютъ своей пугливости, поспѣшно уѣзжаютъ и даже забиваются куда-нибудь или прячутся, если кто-нибудь, въ особенности чужой, дѣлаетъ порывистое движеніе; однако, нѣкоторое время спустя они выказываютъ знакомымъ ту-же довѣрчивость, какъ и прежде.

Живыя карликовыя антилопы привозятся въ Европу очень рѣдко. Самая главная причина, кажется, заключается въ томъ, что въ продолженіи дороги трудно доставлять этимъ нѣжнымъ и слабымъ животнымъ подходящий кормъ. Лишь послѣ того, какъ я обратилъ вниманіе моихъ африканскихъ друзей на то, что всѣ карликовыя антилопы на свободѣ питаются вѣтвями, что ихъ надо кормить вмѣсто сѣна сухими древесными листьями, мнѣ удалось получить изъ Занзибара близкаго сородича антилопы - левретки, **Мускусную антилопу** (*Neotragus moschatus*). За этимъ необыкновенно изящнымъ созданіемъ тщательно ухаживали, и оно сдѣлалось очень ручнымъ; поэтому по прїѣздѣ оно не выказывало, какъ другія только что пойманныя антилопы, ни слѣда страха; оно тотчасъ почувствовало себя какъ дома въ назначенномъ для него помѣщеніи и съ благодарностью принимало всѣ ласки и заботы о немъ. Каждое его движеніе было въ высшей степени граціозно. Во время ходьбы маленькое животное держалось обыкновенно очень прямо, голова и шея были немного наклонены, каждый шагъ довольно правильно сопровождался маханьемъ хвоста вверхъ и внизъ. Послѣ тщательнаго выбора оказалось, что антилопа охотнѣе всего ѣла кормъ, состоящій главнымъ образомъ изъ наръзанной моркови, картофеля, капусты съ примѣсью небольшого количества отрубей. При этомъ пойманное животное пощипывало верхушки травы, откусывая одну за другой, и спокойно пережевывало. Единственный звукъ, который я у него слышалъ, было фырканье и тихое блеянье, вродѣ овечьяго.

Послѣ человѣка злѣйшимъ врагомъ карликовыхъ антилопъ является повсюду, конечно, леопардъ. Даже болѣе маленькіе виды кошекъ могутъ преслѣдовать беззащитнаго малютку; очень возможно, что и орелъ то тамъ, то сямъ угаскиваетъ дѣтеныша. Шакалы, лисицы и другія подобныя животныя тоже причисляются къ врагамъ бенизраэль и ея родичей.

* * *

Подъ названіемъ **Красивыхъ антилопъ** (*Calotragus Zierböckchen*) Сундевалъ.

соединяетъ многихъ другихъ маленькихъ, также въ высшей степени красивыхъ и нѣжныхъ антилопъ съ голымъ пятномъ на мордѣ, расположенными вкось дугообразными слезными ямками, короткимъ, оканчивающимся кистью, хвостомъ и маленькими прямыми или на концѣ немного загнутыми рожками, которые бываютъ только у самцовъ.

Одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ представителей этого рода есть **Ориби** (*Calotragus scorarius*, *Antilope scorarea* и *melanura*, *Scorophorus scorarius*, *Bleichbock*, *Ourébi*). Это животное едва-ли меньше нашей козули: длиною оно 1,1 м., высота у загривка 60 см., а въ крестцѣ еще немного выше. Оно поражаетъ изяществомъ и правильностью тѣлосложенія. Окраска свѣтло-рыжая или свѣтло-бурая на верхней сторонѣ тѣла и почти бѣлоснѣжная на нижней сторонѣ, т. е. на животѣ и на внутренней и задней сторонѣ конечностей. Пятно надъ глазами, губы, подбородокъ и внутреннія стороны ушей бѣловатые, между тѣмъ какъ края послѣднихъ кажутся буро-черными. Маленькіе рога, встрѣчающіеся, какъ и у карликовыхъ антилопъ, лишь у самцовъ, поднимаются почти прямо, загибаются сначала слабо назадъ, а затѣмъ немного впередъ; они имѣютъ у основанія около 9 колець и достигаютъ 12 см. высоты. На переднихъ конечностяхъ отъ колѣнъ спускаются довольно длинныя пучки волосъ. Хвостъ коротокъ и оканчивается кистью. Родина ихъ южная Африка, но Селусъ находилъ ихъ также сѣвернѣе Замбези.

Жизнь ориби описываетъ Драйсонъ слѣдующимъ образомъ. «Большинство животныхъ, въ особенности антилопъ, избѣгаютъ, по возможности человѣка, и крупныя виды ихъ въ Капской землѣ предпочитаютъ селиться на сотни миль отъ жилищъ плантаторовъ. Однако между ними встрѣчаются и такія, которымъ, повидимому, вполнѣ чуждъ всякій страхъ передъ злѣйшими ихъ врагами, и которыя такъ привязываются къ своей родинѣ, что живутъ тамъ до послѣдней возможности, или до тѣхъ поръ, пока за довѣріе имъ не приходится заплатить жизнью. Очень вѣроятно, что нѣкоторыя мѣстности такъ удобны для этихъ животныхъ, что, если гдѣ-нибудь ихъ совершенно истребляютъ, то туда сейчасъ-же приходятъ неизвѣстно откуда другія, чтобы тамъ поселиться. То-же самое можно сказать и объ ориби. Это миловидное, красивое животное водится въ самомъ близкомъ разстояніи отъ жилища человѣка, т. е. именно тамъ, гдѣ ему ежедневно приходится скрываться отъ своего злѣйшаго врага. Если охотникъ каждый день бродитъ по своимъ владѣніямъ и притомъ убиваетъ всѣхъ ориби, которые попадаются, то ему не приходится ждать и пяти дней, чтобы снова найти дичь. Если онъ по прошествіи этого времени снова выйдетъ на охоту, то навѣрно увидитъ много этихъ маленькихъ антилопъ, которыя опять поселились вокругъ деревень. Ихъ встрѣчаютъ обыкновенно парами въ долинахъ; даже если ихъ преслѣдуютъ, онѣ рѣдко стараются скрыться въ кустарникахъ или въ лѣсу. Ихъ обыкновеннымъ мѣстожителемъ служитъ высокая трава, остающаяся послѣ степныхъ пожаровъ, или-же склоны холмовъ, богатыхъ ущельями, гдѣ онѣ скрываются между скалами и камнями.

«Способъ бѣгства ориби, когда онъ испугнутъ или потревоженъ по истинѣ можетъ привести въ восторгъ. Они убѣгаютъ съ большою скоростью, вдругъ подскакиваютъ на метръ на воздухъ, снова бѣгутъ, подскакиваютъ еще разъ и т. д. Дѣлаютъ они это, должно быть, съ намѣреніемъ лучше осмотрѣть ближайшія окрестности, такъ какъ они слышномъ малы, чтобы видѣть черезъ траву. Иногда ориби подскакиваетъ нѣсколько разъ подъ рядъ, въ особенности, если онъ замѣтитъ при первомъ прыжкѣ какой-нибудь подозрительный предметъ; тогда неопытному глазу можетъ показаться, что это существо одарено крыльями и имѣетъ способность про-

держаться на воздухъ. Если, напримѣръ, собака напала на его слѣдь и усердно бѣжитъ за нимъ по высокой травѣ, то ориби подпрыгиваетъ нѣсколько разъ подъ рядъ, внимательно поглядываетъ въ это время въ ту сторону, откуда приближается его преслѣдователь, дѣлаетъ вдругъ крюкъ и теряется довольно часто изъ вида врага. Опускаясь на землю, животное становится всегда сначала на заднія ноги. Вспугнутый ориби въ первыя минуты своего бѣгства продѣлываетъ то-же по землѣ, что поднявшійся бекасъ по воздуху. Онъ бросается зигзагами изъ стороны въ сторону, съ быстротою молнии пролѣзаетъ или перескакиваетъ черезъ траву и, прежде чѣмъ охотникъ успѣетъ прицѣлиться, онъ обыкновенно бываетъ отъ него уже шагахъ во ста. Хорошіе охотники бьютъ этихъ антилопъ крупною дробью.

Ориби. *Caprotragus scorpius*. $\frac{1}{10}$ наст. вел.

Первые дни я слѣдовалъ ихъ примѣру, но потомъ нашелъ, что лучше и правильнѣе употреблять вмѣсто дрови пулю. Тамъ, гдѣ трава достигаетъ высоты двухъ метровъ, я былъ однако принужденъ охотиться на лошади, чтобы видѣть животное. Именно такому способу охоты я обязанъ тѣмъ, что могъ точно наблюдать за этой дичью.

«Если ориби раненъ пулей, то можно быть увѣреннымъ, что добыча не уйдетъ, такъ какъ это нѣжное созданіе не можетъ перенести такого сильнаго заряда, какъ лукеръ или болотный козель. Конечно я предполагаю при этомъ, что охотникъ со вниманіемъ слѣдитъ за поспѣшно убѣгающей дичью. Обыкновенно, если ориби чувствуетъ себя тяжело раненымъ, то старается какъ можно лучше спрятаться въ высокой травѣ. Отсюда онъ потихоньку пропалзываетъ до куста, большого камня или муравейника, притаивается тамъ и ожидаетъ смерти. Если за нимъ идти, то большею частью находишь его лежащимъ въ подобныхъ мѣстахъ. Если онъ еще не околѣлъ, то вскакиваетъ такъ скоро, какъ позволяютъ его силы, и убѣгаетъ дальше. Вначалѣ

многіе ориби уходили отъ меня; когда-же я ближе познакомился съ ихъ привычками, то со вниманіемъ сталъ слѣдить за ними и кружилъ около подобнаго убѣжища, постепенно приближаясь, до тѣхъ поръ, пока не былъ твердо увѣренъ, что подбѣхалъ на ружейный выстрѣлъ. Единственный дѣтенышъ, который бываетъ у этого животнаго, легко можетъ быть пойманъ хорошей собакой; мясо ориби считается у поселенцевъ лакомствомъ и готовится съ особеннымъ искусствомъ».

О жизни ориби я не нашелъ нигдѣ никакихъ указаній.

* * *

Всѣ горныя антилопы отличаются отъ остальныхъ короткимъ, сильнымъ тѣлосложеніемъ. Стройность формъ, а особенно высота конечностей, которыя придаютъ нѣкоторымъ видамъ такой граціозный видъ, почти совсѣмъ исчезаютъ у этихъ жителей горъ. Тѣло ихъ, напротивъ того, толсто, ноги коротки и копыта ихъ расположены такъ, что вся тяжесть животнаго покоится на концахъ ихъ. Поэтому нога пріобрѣтаетъ совершенно особенный видъ; копыто укорочено, оно выступаетъ не такъ остро впередъ, но болѣе закруглено, шпорцы спускаются гораздо ниже, чѣмъ у живущихъ въ долинахъ. Болѣе или менѣе густой и жесткій мѣхъ доказываетъ, что онѣ населяютъ холодныя возвышенности. Такое тѣлосложеніе встрѣчается у всѣхъ подобнаго рода животныхъ. Относительно-же роговъ бываютъ различія, потому-что они встрѣчаются иногда у обоихъ половъ, иногда-же только у самцовъ. Длина ихъ также очень разнообразна.

Между причисляемыми сюда антилопами **Антилопа-Серна** бозровъ, **Сасса** абиссинцевъ (*Oreotragus saltatrix*, *Antilope saltatrix* и *oreotragus*, *Calotragus oreotragus*. Klippsspringer.) представляетъ собою особый родъ. По своему наружному виду это прелестное животное занимаетъ приблизительно среднее мѣсто между серной и нѣкоторыми маленькими видами козъ. Тѣло сжато, шея короткая, голова тупая и закругленная, хвостъ очень коротокъ, конечности низки и нѣсколько неуклюжи; очень длинныя, широкія уши, большіе глаза, окаймленные голымъ рубцомъ съ ясно обозначенными слезными ямочками; раздвоенныя копыта высоки, на концахъ сплюснуты, снизу кругло отточены; мѣхъ грубый, жесткій и очень густой,—вотъ наиболѣе существенные признаки этого животнаго. У самца короткіе, прямые, черные рога, достигающіе 10 см. длины и прямо стоящіе на головѣ, имѣютъ у основанія ясныя кольца. Общей окраской сасса похожа на нашу косулю. Сверху и снаружи она оливково-желтая съ черными крапинами; внизу блѣднѣе, но тоже съ крапинами; только горло и внутреннія стороны конечностей чисто-бѣлыя; губы еще свѣтлѣе горла. Окраска ушей состоитъ изъ чернаго фона, снаружи съ короткими, внутри-же съ длинными, бѣлыми и по краямъ темно-бурыми волосами. Отдѣльные волоса у основанія бѣло-сѣрые, къ концу темнѣе, бурѣе или-же черныя, а на самомъ концѣ бѣловато-желтые или темные, немного буровато-желтоватые. Длина животнаго около 1 м., высота около 60 см.

«Я часто замѣчалъ», говоритъ Гордонъ Кюммингъ, «на днѣ пропасти, двухъ или трехъ этихъ привлекательныхъ созданій, лежащихъ обыкновенно другъ около друга на большомъ плоскомъ выступѣ скалы, защищенномъ тѣнью дерева отъ палящихъ лучей полуденнаго солнца. Если я вспугивалъ ихъ, то они во время бѣгства дѣлали невѣроятные скачки съ упругостью резинового мяча со скалы на скалу, черезъ пропасти и ущелья и всегда съ необыкновеннымъ проворствомъ и увѣренностью». Сколько мнѣ извѣстно, Рюппель первый настойчиво утверждалъ, что сасса и антилопа-серна одно и то-же животное. До его научнаго путешествія по Абиссиніи

не имѣли свѣдѣній о томъ, что эта антилопа встрѣчается въ такихъ сѣверныхъ мѣстностяхъ; по крайней мѣрѣ до него всѣ натуралисты указываютъ на южную Африку, какъ на родину антилопы-серны. Впослѣдствіи Бемъ находилъ ихъ также въ западной Африкѣ.

Антилопа-серна или сасса встрѣчается на довольно высокихъ горахъ; въ землѣ же богосовъ достигаютъ высоты надъ уровнемъ моря приблизительно 600—2500 м.

Sassa. Oreotragus saltatrix. $\frac{1}{10}$ наст. вел.

Онѣ живутъ парами, какъ и хохлатые антилопы, но все-таки часто можно видѣть маленькія стада ихъ, состоящія изъ трехъ и даже четырехъ штукъ; это—или семейство съ дѣтенышемъ, или двѣ пары, соединившіяся и пасущіяся нѣкоторое время вмѣстѣ. Въ хорошую погоду каждое такое стадо отыскиваетъ по возможности самыя возвышенныя мѣста, при продолжительныхъ-же дождяхъ спускается глубже въ долину. Утромъ и вечеромъ парочки взбираются на скалистые утесы, охотнѣе всего на такіе, которые ближе къ вершинѣ горы, и стоятъ тамъ, тѣсно сдвинувъ ноги, какъ часовые, по цѣлымъ часамъ безъ движенія. Пока трава еще мокра отъ росы, онѣ бродятъ

по скаламъ и кряжамъ, во время-же полуденнаго зноя отыскиваютъ убѣжища подъ деревьями или подъ большими скалами. Особенно любятъ онѣ тѣнистыя выступы, съ которыхъ открывается внизъ широкій видъ. Время отъ времени по крайней мѣрѣ одна изъ нихъ появляется на ближайшей вершинѣ, чтобы осмотрѣть окрестность. Каждая пара придерживается избраннаго мѣста съ большою привязанностью. Пасторъ Филиппини изъ Мензы могъ съ полною точностью сказать, на какой горѣ стоитъ пара сассъ; онѣ могъ опредѣлить сколько минутъ ходьбы до ихъ мѣстопробыванія.

Пища антилопъ-сернь состоитъ изъ мимозъ и другихъ древесныхъ листьевъ, травъ и сочныхъ альпійскихъ растений; ѣдятъ онѣ утромъ и послѣ полудня до поздняго вечера. Въ это время сасса совсѣмъ прячется между кустами молочая (*Euphorbia*) или въ высокой травѣ вокругъ каменныхъ глыбъ. Напрасно охотникъ старается найти и безъ того трудно замѣчаемое животное, но зато рано утромъ и вечеромъ онѣ издали можетъ ихъ легко найти, благодаря чистотѣ горнаго воздуха и въ особенности благодаря принимаемой ими позиціи—на самыхъ высокихъ камняхъ.

Нельзя сказать, чтобы сасса была особенно пуглива, но это по всей вѣроятности происходитъ единственно вслѣдствіе того, что абиссинцы очень мало охотятся. Вспугнутыя, онѣ выказываютъ всѣ свои дарованія. Съ быстротою птицы эти проворныя созданія перепрыгиваютъ съ одного уступа на другой, по самымъ крутымъ скаламъ и мимо страшныхъ пропастей, карабкаясь съ одинаковою ловкостью какъ вверхъ, такъ и внизъ. Малѣйшая неровность достаточна ей, чтобы крѣпко поставить свою ногу. Ея движенія при всевозможныхъ положеніяхъ одинаково вѣрны и скоры. Всего больше удивляешься силѣ ея конечностей, когда сасса бѣжитъ вверхъ на гору. Каждый мускуль ея ногъ напряженно работаетъ. Тѣло кажется еще болѣе сильнымъ, чѣмъ обыкновенно, сильныя конечности кажутся выкованными изъ упругой стали. При каждомъ прыжкѣ животное подлетаетъ высоко на воздухъ; то кажется, что оно совсѣмъ скрылось изъ глазъ, то снова оно покажется и опять исчезаетъ между камнями или между высокими растеніями, которыя покрываютъ склоны ущелій. Съ невѣроятной быстротою животное стремится вдаль; нѣсколько мгновений спустя, оно уже снова выскакиваетъ изъ кустовъ. Иногда случается, что вторично можно начать преслѣдованіе и еще разъ успѣть выстрѣлить въ животное. Въ страхахъ, гдѣ огнестрѣльное оружіе не общеупотребительно, всѣ животныя сначала обращаютъ очень мало вниманія на пальбу, и особенно серны, которыя, вѣроятно, такъ привыкли къ грохоту и треску скатывающихся съ горъ камней, что выстрѣлъ едва-ли тревожить ихъ. Если заранѣе приготовить два заряда, то можно убитъ обоихъ животныхъ, такъ какъ сасса постоянно остается нѣсколько мгновений около своего убитаго товарища, смотреть на него съ большимъ ужасомъ и издаетъ при этомъ, свойственное большому количеству антилопъ, рѣзкое фырканье, выражающее страхъ или предостереженіе. Князь Гогенлоэ убилъ однажды двухъ самцовъ двойной пары двумя выстрѣлами, быстро слѣдующими одинъ за другимъ. Время вывода дѣтей у сассы, кажется, совпадаетъ въ Абиссиніи съ началомъ большихъ дождей. Въ мартѣ я встрѣтилъ парочку, которую еще сопровождалъ почти полугодовой дѣтенышъ. Подробнѣе абиссинцы ничего не могли мнѣ рассказать, хотя сасса всѣмъ имъ хорошо извѣстна.

Единственная антилопа—серна, которую я видѣлъ въ зоологическомъ саду, жила въ 1875 году въ Берлинѣ. Надо замѣтить, что это животное, должно быть, попало подъ присмотръ людей еще новорожденнымъ теленочкомъ, такъ какъ по довѣрчивости его можно было сравнить только съ самыми кроткими домашними животными. Она безъ страха приближалась ко всякому, кто къ ней приходилъ, обнюхивала протянутую руку, какъ и всякій другой предметъ, который возбуждалъ

ея любопытство и охотно ѣла лакомства, но сама ихъ никогда не выпрашивала. Изъ положеннаго-же ей корма, напротивъ, всегда прихотливо выбирала лучшее. Это животное, кажется, предпочитало траву и колосья древеснымъ вѣтвямъ и листьямъ, но это, можетъ быть, лишь вслѣдствіе долгой привычки.

* *
* *
*

Та чрезвычайная ловкость, которою мы восхищаемся у антилопы—серны, присуща и индѣйскому **Горалу**, животному, принадлежащему къ роду **Антилопъ-козь** (*Nemorhoedus*). Это названіе оправдывается наружнымъ видомъ относящихся сюда жвачныхъ, такъ какъ антилопы эти имѣютъ большое сходство съ козами. Рога встрѣчаются у обоихъ половъ и похожи на козы. Снизу они

Гораль. (*Nemorhoedus goral*). $\frac{1}{10}$ наст. вел.

обхватены кольцами, поднимаются сначала прямо, затѣмъ къ концу немного загнуты назадъ, но не имѣютъ ребрышекъ, какъ у козь. Слезныхъ и паховыхъ ямочекъ нѣтъ. До сихъ поръ извѣстны лишь немногіе виды этого рода, да и тѣ недостаточно хорошо.

Гораль (*Nemorhoedus goral*, Antilope, Capricornis и *Hemitragus goral*. Goral) величиною съ козу. Длина его тѣла немного болѣе 1,2 м., хвостъ—10 см. съ волосистой кистью—20 см., высота у загривка 75 см. Короткіе тонкіе, закругленные рога имѣютъ отъ 15—22 см. длины, у основанія они стоятъ очень близко другъ къ другу, къ концу-же расходятся. Количество годовыхъ колець колеблется между 20 и 40. Слѣдующіе признаки характерны для этого вида: короткое, тѣло съ прямою спиной, тонкія ноги, шея средней величины, короткая, къ переду служивающаяся голова съ яйцевидными большими глазами и длинными узкими ушами; шерсть короткая густая, слегка стоячая, завитая на туловищѣ и на шеѣ, сѣраго или крас-

новато-бурого цвѣта; сверху на бокахъ, а также и снизу, за исключеніемъ желтой продольной полосы на брюхѣ, покрыта черными и красноватыми крапинами; подбородакъ, горло и идущая сзади щеки къ уху полоса бѣлая, грива-же вдоль спины черная. Рога самки короче и тоньше, чѣмъ у самца; у обоихъ половъ, впрочемъ, они одинаковы по положенію и окраскѣ.

Область распространенія горала ограничивается, по словамъ Адамса, Жердона и Кинлоха, Гиммалайскими горами, и именно поясомъ, находящимся между 1000 и 2600 м. высоты. По Кинлоху, онъ живетъ обществами, иногда большими стадами; обыкновенно-же они раздѣляются на маленькія группы, а ходятъ также по одиночкѣ и парами. Они селятся какъ въ лѣсахъ, такъ и на голыхъ скалахъ и на каменистыхъ склонахъ горъ, но больше всего любятъ обрывистые утесы, покрытые жидкимъ кустарникомъ и рѣдкими группами деревьевъ. Отъ палящаго солнца они стараются скрыться въ тѣни, когда-же небо покрыто тучами они часто пасутся въ продолженіи цѣлаго дня. Они часто встрѣчаются вблизи жилищъ и привыкли къ пастухамъ и дровосѣкамъ; поэтому ихъ мало беспокоитъ появленіе охотника, и такъ какъ почва тамъ по большей части неровная, то къ нимъ нетрудно подкрадываться. Звукъ выстрѣла не особенно тревожитъ пасущихся вблизи гораловъ, и если они даже обращаются въ бѣгство, то все-таки не имѣютъ обыкновенія далеко уходить. Движенія горала мало въ чемъ уступаютъ или даже совсѣмъ не уступаютъ движеніямъ антилопы—серны. Туземцы Непала считаютъ его за самое быстрое изъ всѣхъ созданий. Вспугнутый гораль, какъ и серна, издаетъ рѣзкое фырканье и стремится съ поразительной быстротой своей дорогой, не разбирая хороша она и удобо-проходима, или-же на ней можно сломать голову. На самыя крутыя скалистыя стѣны взбираются они съ такою-же ловкостью, какъ и серны.

По словамъ Жердона беременность ихъ продолжается 6 мѣсяцевъ, и дѣтеныши рождаются въ маѣ и юнѣ. Животныя, пойманныя молодыми, выращиваются съ помощью козы и легко дѣлаются ручными; пойманныя-же болѣе взрослыми даже при самомъ внимательномъ уходѣ остаются пугливыми и дикими. При этомъ ихъ очень трудно держать въ неволѣ, потому что они, какъ и козероги, взбираются на стѣны и постоянно убѣгаютъ, если не принять особыхъ мѣръ предосторожности. Гораль, находившійся у одного англійскаго намѣстника, былъ помѣщенъ въ огороженномъ со всѣхъ четырехъ сторонъ пространствѣ; онъ нѣсколько разъ пробовалъ перепрыгнуть черезъ изгородь, высотой около 3 м., и при каждомъ прыжкѣ достигалъ желаемой высоты. Въ Европу до сихъ поръ не привозили живыхъ гораловъ, и даже чучелы этихъ животныхъ принадлежатъ въ музеяхъ къ числу рѣдкостей.

* * *

Къ этимъ иностраннымъ антилопамъ можно причислить и нашу европейскую серну, это прелестное и такъ часто преслѣдуемое дитя нашихъ горъ. Она считается представительницей особаго рода (*Capella*), признаки котораго слѣдующіе: тѣло довольно толстое и короткое, шея тонкая, голова короткая, къ мордѣ сильно суживающаяся, верхняя губа морщинистая, носъ покрытъ волосами, разстояніе между ноздрей небольшое, хвостъ короткій, ноги длинныя и сильныя, копыта довольно широкія и внутренняя сторона ихъ гораздо ниже наружной; копыта заднихъ ногъ короче копытъ переднихъ ногъ. Недоразвитыя копытца снаружи плоски. Уши острия, почти въ половину всей длины головы, примѣрно такой-же величины, какъ маленькій, не очень волосатый хвостъ. Рога имѣются какъ у козла, такъ и у козы; они сильно закруглены, у основанія кольчаты, средняя часть исполосована продольными бороздками и кончики такъ гладки, что кажутся отполированными. Съ

основанія они поднимаются перпендикулярно тмени вверхъ, кончики загибаются назадъ и почти параллельно корню спускаются внизъ. Рѣзцы закругленные и толстые съ остріемъ почти одинаковой ширины, какъ и корень; слезныхъ ямокъ не существуетъ, зато—за корнемъ роговъ есть двѣ железистыя впадины.

Серна (*Capella rupicapra*, *Capra* и *Antilope rupicapra*, Gemse, Chamois) единственный видъ этого рода достигаетъ въ длину 1,1 м., изъ числа которыхъ 8 см. приходится на хвостъ. Вышина въ загривкѣ 75, а въ крестцѣ 80 см. Вѣсъ тѣла 40 и 45 kgr. Рога, измѣренные по кривизнѣ, имѣютъ около 25 см., у самца они больше, круче изогнуты и отстоятъ одинъ отъ другого дальше, чѣмъ у самки. Во всемъ остальномъ оба пола почти совсѣмъ сходны между собою, хотя ростомъ козлы всегда больше козъ. Довольно жесткая шерсть ихъ лѣтомъ коротка, т. е. не превышаетъ 3 см., у корня сѣро-бурая, на концахъ свѣтло-рыжая; зимой она бываетъ 10 и 12 см. длины, а на загривкѣ волоса, образующіе такъ называемую чолку, достигаютъ 18 и 20 см. длины и на концахъ чернаго цвѣта. Вслѣдствіе этого цвѣтъ шерсти бываетъ различный, смотря по времени года. Лѣтомъ верхняя часть тѣла имѣетъ грязноватый красно-бурый или ржаво-красный цвѣтъ, на нижней же части тѣла онъ переходитъ въ свѣтло-рыжій; вдоль всей спины по срединѣ идетъ черно-бурая полоса; на горлѣ цвѣтъ шерсти свѣтло-желтый, на затылкѣ—желтовато-бѣлый, на плечахъ, на груди, на бедрахъ и въ пахахъ—окраска темнѣе; поперечная полоса около хвоста представляетъ цѣлый рядъ переходовъ отъ желтаго къ бѣлому. Хвостъ на верхней поверхности и у основанія красно-бурый, на нижней-же и на концѣ—черный. Отъ одного уха къ другому, надъ глазами, въ видѣ повязки, идетъ тонкая, черноватая полоса, которая рѣзко выдѣляется на свѣтломъ лбу; надъ внутренними углами глазъ, между ноздрями и верхней губой, замѣтны красновато-желтыя пятна. Зимой спина серны темно-бурая или блестящая буровато-черная, брюхо бѣлое, нижнія части ногъ свѣтлѣе верхнихъ и переходятъ въ красноватый цвѣтъ; какъ кончики ногъ, такъ и голова желтовато-бѣлые. Темя и морда нѣсколько темнѣе.

Темная полоса, идущая отъ кончика морды къ ушамъ, черно-бурая. Цвѣтъ шерсти измѣняется такъ постепенно, что чисто лѣтняя и чисто зимняя одежда держится только очень короткое время. Молодые особи красно-бурого цвѣта, а около глазъ свѣтлѣе. Свѣтло окрашенные экземпляры и альбиносы попадаются очень рѣдко; уродливости роговъ также встрѣчаются рѣдко; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ показываютъ черепа съ четырьмя рогами, но это ничто иное, какъ обманъ; въ такомъ случаѣ берутъ четырехрогіе черепа обыкновенной козы и искусственно отдѣлываютъ рога, загибая ихъ крючками, какъ у сернь. Если случаются какія-нибудь уродливости, то онѣ происходятъ отъ пораненія роговъ.

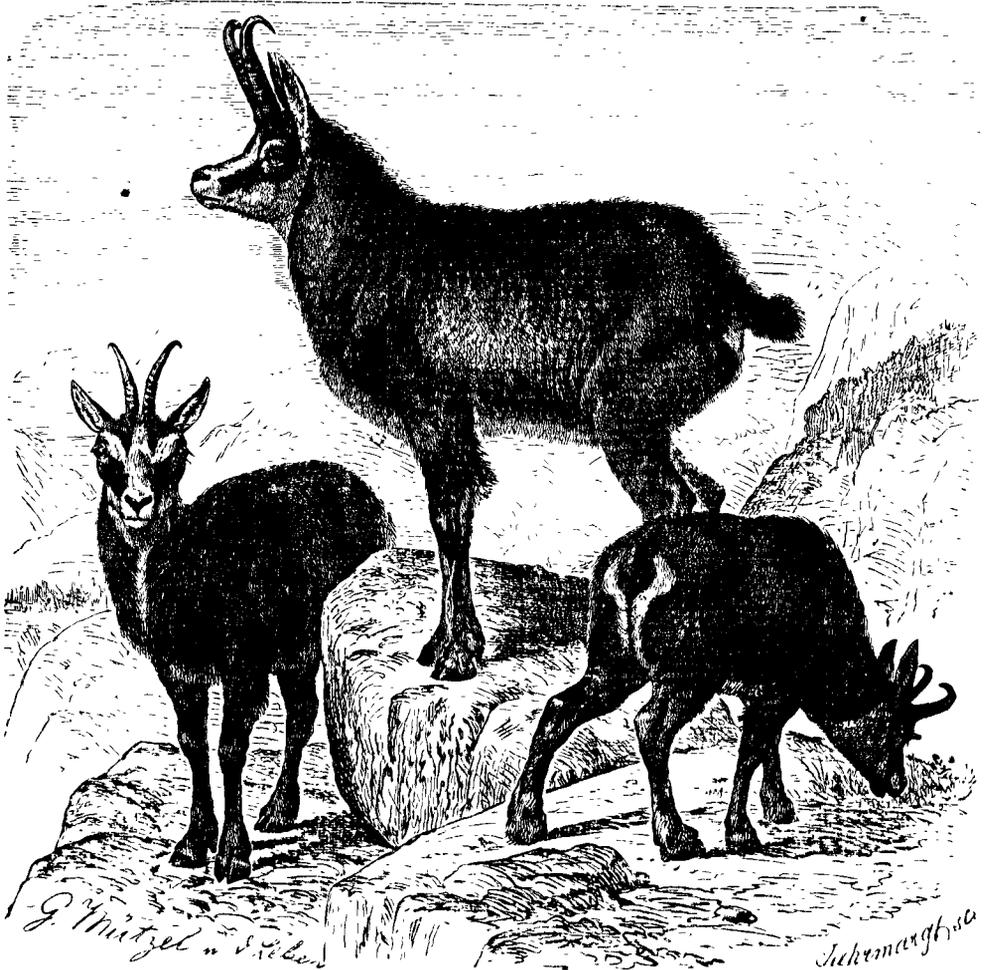
Всѣ охотники различаютъ каменныхъ и лѣсныхъ или глетчерныхъ и лѣсныхъ сернь. Окраска первыхъ менѣе темна и тѣло ихъ менѣе мясисто, чѣмъ у вторыхъ, очевидно вслѣдствіе того, что на ихъ долю выпала менѣе питательная пища; но обѣ эти формы нельзя разсматривать даже какъ разновидности.

Нѣкоторые естествоиспытатели высказывали мнѣніе, что серны, живущія на Пиренеяхъ и въ горахъ Кантабрійскаго берега, а также серны, живущія на Кавказѣ, рѣзко отличаются отъ Альпійскихъ сернь и поэтому могутъ считаться особыми видами, но мы, въ данное время, еще не имѣемъ достаточно вѣскихъ доводовъ для доказательства справедливости этого предположенія.

По словамъ моего брата **Иберійская серна**, называемая въ Пиренеяхъ **Изаръ** (*Capella iberica*, Isard) отличается отъ обыкновенной серны своимъ небольшимъ ростомъ, поразительно маленькими рогами и рыжимъ цвѣтомъ лѣтней одежды, безъ

темной полосы на спинѣ. Говорятъ, что Кавказская разновидность, **Атши** (*Capella caucasica*) очень сильно разнится отъ Альпійской серны; я думаю однако, что въ обоихъ описанныхъ случаяхъ дѣло идетъ только о мѣстныхъ разновидностяхъ, наблюдающихся у всѣхъ млекопитающихъ, имѣющихъ большую область распространения, поэтому сомнѣваюсь, возможно-ли ихъ разсматривать какъ особые виды.

Настоящей родиной сернь слѣдуетъ считать Альпы. Область ихъ распространения несомнѣнно простирается гораздо дальше, такъ какъ серны встрѣчаются

Серна. *Capella rupicapra* $\frac{1}{2}$ наст. вел.

на Аbruцахъ, Пиренеяхъ, въ горахъ Кантабрійскихъ береговъ, въ Греціи, Далмаціи, въ Карпатахъ и преимущественно на вершинѣ высокой Татры, въ Трансильванскихъ Альпахъ и наконецъ на Кавказѣ, въ Крыму и въ Грузіи. Центромъ же мѣстопребыванія этого животнаго слѣдуетъ считать Альпійскія горы. Старанія развести сернь въ Норвегіи остались тщетными, и дѣло это не привело ни къ какимъ результатамъ; впрочемъ надо замѣтить, что за него никогда не принимались съ должной энергіей.

Въ настоящее время въ Швейцаріи серны встрѣчаются рѣдко, безъ сомнѣнія

гораздо рѣже, нежели въ восточной части Альповъ, именно въ Баваріи, Зальцбургѣ, въ сѣверной части Тироля, въ Штиріи и Каринтіи. Здѣсь крупныя, богатые землевладѣльцы и арендаторы охотничьихъ участковъ, знатоки охоты, заботятся о нихъ и берегутъ ихъ, поэтому онѣ здѣсь размножаются успѣшнѣе.

Высокія, неприступныя вершины Карпатскихъ горъ служатъ хорошимъ убѣжищемъ для многихъ изъ нихъ, хотя здѣсь никто о нихъ не заботится.

Нельзя принять общераспространеннаго мнѣнія, что серна животное альпійское въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. такое, которое живетъ исключительно въ горномъ поясѣ выше хвойныхъ лѣсовъ, въ непосредственной близи глетчеровъ; ее слѣдуетъ причислить къ лѣснымъ антилопамъ. Тамъ, гдѣ ее не беспокоятъ, она рѣшительно предпочитаетъ лѣсные участки. Конечно, лѣтомъ серны большими или меньшими стадами поднимаются въ горы, проживаютъ по нѣскольку недѣль и даже мѣсяцевъ близъ глетчеровъ и вѣчныхъ снѣговъ, избирая по временамъ самые высоколежащіе дуга или голыя безлѣсные скалы. Большая часть сернъ въ извѣстной мѣстности встрѣчаются однако въ теченіи лѣта въ верхней части лѣсной полосы, а такъ называемыя глетчерныя серны спускаются въ лѣса во время сильной непогоды, особенно-же передъ бурей, приближеніе которой, повидимому, чувствуютъ часто за два дня; онѣ заходятъ туда также поздней осенью и зимой, но какъ можно скорѣе возвращаются опять на привычныя высоты, такъ какъ вѣтеръ сноситъ съ нихъ снѣгъ и онъ таетъ на вершинахъ ранѣе, нежели въ долинахъ. Лѣтомъ серны поселяются временно на сѣверныхъ и западныхъ склонахъ горъ, въ остальные-же времена года, напротивъ, на восточныхъ и южныхъ; это объясняется просто: серна, какъ и всякая чуткая дичь, въ выборѣ мѣста сообразуется съ погодой. Стадо пасется на извѣстномъ, не очень ограниченномъ пространствѣ, безъ особыхъ видимыхъ причинъ покидаетъ его и, смотря по мѣстности, перекочевываетъ довольно далеко, по увѣренію опытныхъ охотниковъ, на 10 и 12 часовъ ходьбы, и такимъ образомъ, хотя рѣдко, но является иногда въ такихъ мѣстахъ, гдѣ съ незапамятныхъ временъ не попадались серны. Старые козлы болѣе склонны предпринимать подобныя путешествія, чѣмъ козы, молодые козлята и вообще серны, которыя соединяются въ стада для спариванія. Ночью серны отдыхаютъ. Съ разсвѣтомъ онѣ поднимаются съ ночлега, выбраннаго ими съ вечера, уходятъ на пастбище, причѣмъ всегда тихо направляются подъ горы внизъ. Передъ полуднемъ онѣ лежатъ съ поджатыми ногами въ тѣни нависшаго утеса, или подъ сѣнью старой развѣсистой ели и пережевываютъ жвачку, въ полдень встаютъ и тихо направляются въ гору; затѣмъ, послѣ полудня опять нѣсколько часовъ отдыхаютъ подъ деревьями, на гладкой площадкѣ торчащаго утеса, на снѣговомъ полѣ, или въ другомъ подобномъ, случайно выбранномъ мѣстѣ; онѣ очень капризны, постоянныхъ мѣстъ не любятъ, а появляются то тамъ, то сямъ и рѣдко дважды посѣтятъ одно и то-же логовище. Вечеромъ онѣ идутъ еще разъ пастись и съ наступленіемъ сумерекъ укладываются на покой. Въ лунныя лѣтнія ночи, изрѣдка, въ видѣ исключенія, онѣ допускаютъ отступленіе отъ такого правильнаго распредѣленія дня. Позднею осенью и зимой онѣ пасутся цѣлый день; когда выпадаетъ снѣгъ, то водворяются въ наиболѣе защищенныхъ частяхъ горъ, преимущественно на солнечной сторонѣ, такъ какъ тутъ снѣгъ держится менѣе прочно, чѣмъ въ тѣнистыхъ мѣстахъ. Ночлегъ онѣ выбираютъ очень различно, но всегда располагаются тамъ, гдѣ горизонтъ далеко открытъ, и гдѣ ничто не препятствуетъ видѣть вдаль. Особенныхъ приготовленій серна не любитъ и безъ дальнихъ разсужденій останавливается тамъ, гдѣ приглянется.

Серны, какъ животныя въ высшей степени общительныя, собираются иногда

очень большими стадами; въ составъ этихъ обществъ входятъ козы, ихъ козлята и молодые козлы не старше второго и въ крайнемъ случаѣ третьяго года. Взрослые козлы въ большинствѣ случаевъ живутъ отдѣльно, каждый самъ по себѣ, исключая времени спариванія, и только немногіе подбираютъ себѣ въ товарищи одного, двухъ и много—трехъ самцовъ, но въ тѣсную дружбу съ ними надолго никогда не вступаютъ. Руководить стадомъ часто берется старая, опытная коза, хотя, надо замѣтить, что никто ее на эту должность не избираетъ и за недостатокъ бдительности предводительницу немедленно изгоняютъ изъ стада. Въ большинствѣ случаевъ этотъ вожакъ направляетъ движеніе стада, которое, однако, на осторожность его одного не полагается. Въ каждомъ отдыхающемъ стадѣ нельзя не замѣтить одну или двухъ сернь, прямо стоящихъ и озирающихся вокругъ; онѣ-то обыкновенно и даютъ знать всѣмъ присутствующимъ о приближеніи опасности; дѣлая это, онѣ не исполняютъ возложенной на нихъ обязанности, но повинуются инстинкту, который присущъ всѣмъ въ равной мѣрѣ и проявляется у всѣхъ одинаковымъ образомъ. Каждая серна, замѣтивъ что-либо подозрительное, издаетъ далеко слышимый свистъ, сопровождая его ударами передней ноги; убѣдясь въ дѣйствительномъ существованіи опасности, стадо обращается въ бѣгство, причемъ одна коза, вѣроятно самая старая, бѣжитъ первая; за нею слѣдуетъ, какъ говоритъ Гриль, ея младшій козленокъ, за нимъ зрѣлѣе и наконецъ все стадо въ большемъ или меньшемъ безпорядкѣ. Относительно движеній серна можетъ соперничать съ остальными, уже описанными горными видами этого семейства. Она искусно карабкается, увѣренно прыгаетъ и бѣгаетъ проворно и ловко въ такихъ опасныхъ мѣстахъ, гдѣ альпійская коза не сумѣла-бы пройти. При медленныхъ движеніяхъ походка ея тяжеловата, нѣсколько неуклюжа и вообще вся фигура не особенно красива, но какъ только она, испугавшись чего-нибудь, обращается въ бѣгство, то все существо ея преобразуется. Видъ ея приобретаетъ бодрость, отвагу и благородство; она несется быстрыми прыжками, проявляя въ каждомъ движеніи столько-же силы, сколько и граціи. О необыкновенной ея способности прыгать сдѣлано нѣсколько определенныхъ наблюденій: такъ, Шинцъ утверждаетъ, что фонъ Вольтенъ измѣрилъ прыжокъ серны, и оказалось, что разстояніе его простирается на 7 м. Вышеуказанный наблюдатель видалъ, какъ ручная серна прыгала на стѣну въ 4 м. вышины и обратно, вспрыгивая при этомъ прямо на спину служанкѣ, которая тамъ жала траву. Тамъ, гдѣ существуетъ хоть незначительный выступъ, серна можетъ устоять; въ нѣсколько прыжковъ она забирается на высоту, какъ-бы взлетая, и старается при этомъ съ разбѣга прыгнуть вкось, быстро достигая такимъ образомъ высоты. Вверхъ ей легче прыгать, нежели внизъ. Передними ногами, которыя у ней гибки, она ступаетъ съ необыкновенной осторожностью, боясь расшатать и свалить камни. Часто тяжело раненая, спасаясь бѣгствомъ, она несется по самымъ опаснымъ тропинкамъ и даже тогда, когда одна нога у ней прострѣлена, она движется съ неменьшимъ проворствомъ, чѣмъ здоровая.

«Какъ-бы часто ни приходилось наблюдать сернь», говоритъ Кобель, «нельзя не поражаться тому, какъ онѣ взбираются на совершенно отвѣсныя стѣны скалъ, по тропинкѣ настолько опасной, что даже онѣ не рискуютъ идти скоро, а пробираются осторожно. Внезапно раздается выстрѣлъ, между испуганными животными подымается суматоха, но и тутъ, въ толкотнѣ, ни одна изъ сернь не упадетъ въ пропасть, если не ранена. Выступъ въ 2 ст. выручаетъ ихъ; необыкновенно смѣлыми прыжками переносятся онѣ черезъ мѣста, не представляющія точекъ опоры, и имъ достаточно малѣйшаго мѣстечка, чтобы опять стать на ноги. Паденія онѣ при слу-

чаѣ также храбро переносятъ, и нужно быть самому очевидцемъ, чтобы повѣрить ихъ искусству. «Въ подтвержденіе сказаннаго, Мюльбахъ передавалъ мнѣ, что онъ видалъ, какъ самецъ серны, думая прыгнуть на намѣченное мѣсто, промахнулся и, не коснувшись стѣны, полетѣлъ въ бездну, глубина которой, по мнѣнію Мюльбаха, была не менѣе 100 м. По счастью животное упало на груды мелкаго щебня, который уменьшилъ силу паденія. Безъ замѣтныхъ поврежденій и даже безъ явныхъ признаковъ боли, опомнившись и не задумываясь ни на минуту, оно продолжало свой путь, какъ здоровое, и забралось на стѣну въ другомъ мѣстѣ. Несмотря на ловкость сернь, по увѣренію Шютта, имъ случается забраться въ такія мѣста, что онѣ не могутъ двинуться ни взадъ, ни впередъ, не находятъ тропинокъ и должны или погибнуть голодной смертью, или броситься въ пропасть. Чуди исправляетъ это показаніе, говоря, что серна пытается испробовать всѣ средства, чтобы сдѣлать невозможное возможнымъ и спрыгиваетъ въ глубину, даже рискуя разбиться до смерти. «Серна никогда не унываетъ и не останавливается безпомощно и безнадежно, какъ обыкновенно козы, которыя въ затруднительныхъ случаяхъ стоятъ и блеютъ, выжидая, чтобы пастухъ пришелъ ихъ выручить, рискуя собственною жизнью. Серна въ такомъ случаѣ скорѣе рѣшится на самый опасный прыжокъ; конечно это можетъ очень рѣдко случиться, такъ какъ онѣ гораздо болѣе сообразительны, чѣмъ козы. Если серна попадаетъ на узкій карнизъ, откуда нѣтъ выхода, то она на мигъ останавливается передъ бездною, затѣмъ съ быстротою молніи поворачиваетъ обратно, преодолевая страхъ даже передъ встрѣчею съ человѣкомъ. Если она преслѣдованіемъ доведена до необходимости спрыгнуть съ почти отвѣсной стѣны и не имѣетъ возможности найти ни одного выступа хотя-бы въ ладонь величиною, чтобы ослабить силу паденія лишь маленькой остановкой, она бросается внизъ съ откинутой головой и шеей, упираясь тяжестью тѣла на заднія ноги, которыя скользятъ внизъ по утесу и такимъ образомъ задерживаютъ, по возможности, быстроту паденія. Присутствіе духа этого животнаго до того изумительно, что если оно при паденіи замѣчаетъ какой-нибудь спасительный выступъ, то начинаетъ работать тѣломъ, грести ногами, какъ при плаваніи, чтобы добраться до него, описывая такимъ образомъ во время паденія кривую линію». Что серны умѣютъ скользить вдоль стѣнъ, какъ описалъ Чуди, вполне извѣстно всѣмъ охотникамъ Штиринъ и Каринтіи. Моргагенъ также рассказывалъ мнѣ, что упорно преслѣдуемая серна въ крайности спрыгиваетъ съ высоты 12—16 м. и въ большинствѣ случаевъ удачно.

Въ высшей степени осторожно движется серна по занесеннымъ снѣгомъ ледникамъ и искусно избѣгаетъ скрытыхъ подъ снѣгомъ разсѣлинъ, хотя не можетъ ихъ видѣть. Также медленно и заботливо спускается она съ крутыхъ утесовъ. Нѣкоторыя животныя изъ стада выбираютъ тропинки, другія зорко выекаютъ могущія представиться опасности. «Мы видѣли», рассказываетъ Чуди, «какъ стадо сернь переходило черезъ опасный, очень крутой карнизъ, покрытый мелкими камнями, и не могли достаточно налюбоваться терпѣніемъ и умомъ этихъ животныхъ. Одна серна шла впереди всѣхъ и осторожно подымалась вверхъ, между тѣмъ какъ другія, дожидаясь своей очереди, не трогались съ мѣста, пока первая не достигла вершины и пока ни одинъ камень уже не катился внизъ; только тогда послѣдовали за ней вторая, третья и такъ далѣе. Животныя, прибывшія наверхъ первыми, не рассыпались тотчасъ по лугу, но остановились на краю обрыва, не сводя глазъ съ другихъ сернь, пока всѣ до послѣдней не присоединились благополучно къ нимъ». Опытные охотники говорятъ, что серна выказываетъ такую-же осторожность и ловкость при переходахъ черезъ шумящіе горные потоки. Въ крайнемъ случаѣ она, правда, безъ оглядки бросается въ воду и, переплывши, несется далѣе, но, когда

ее никто не преслѣдуетъ. она долго высматриваетъ удобное мѣсто для переправы, бѣгаетъ туда и сюда по краю потока, осматриваетъ различныя мѣста и наконецъ выбираетъ то, которое кажется ей болѣе пригоднымъ для исполненія ея намѣренія. Преслѣдуемая на близкомъ разстояніи, испуганная или раненая, она иногда рѣшается переплыть альпійское озеро, въ надеждѣ спастись отъ врага. Необыкновенная память мѣста очень помогаетъ сернѣ во время ея отважныхъ путешествій. Она замѣчаетъ каждую тропинку, по которой прошла хоть разъ, и знаетъ въ окрестностяхъ своего мѣстожителства, можно сказать, каждый камешекъ; поэтому она чувствуетъ себя дома только на высокихъ горахъ; покинувши-же ихъ кажется неловкой и растерянной. «Лѣтомъ 1815 года», сообщаетъ далѣе Чуди, «самецъ серны, вѣроятно спасавшійся отъ погони, вдругъ появился на лугахъ близъ Арбона, къ немалому удивленію жителей; перескочивши безпрепятственно всѣ изгороди, онъ бросился въ озеро, гдѣ долго плавалъ туда и сюда, пока его полумертваго отъ усталости не взяли на лодку. Нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ была поймана въ Рейнской долинѣ молодая серна, завязшая въ болотѣ».

Не всѣ внѣшнія чувства развиты у серны одинаково, но во всякомъ случаѣ они не менѣе остры, чѣмъ у другихъ ея родичей. Лучше всѣхъ чувствъ развиты слухъ и обоняніе, зрѣніе кажется слабѣе. Острота обонянія обнаруживается не въ одномъ тонкомъ чутьѣ, но и въ изумительномъ умѣнѣ находить слѣды и съ неизмѣнною увѣренностью держаться его. Такимъ образомъ можно видѣть во время охоты въ горныхъ лѣсахъ, какъ иногда заблудившійся козленокъ, безъ всякаго колебанія, пускается по тому-же пути, по которому принуждена была спастись его мать, что, конечно, нельзя объяснить ничѣмъ инымъ, какъ прекрасно развитымъ чутьемъ. Точно также замѣтили, что серна тотчасъ останавливается и даже нерѣдко возвращается назадъ, наткнувшись на человѣческій слѣдъ. Относительно чутья, серны, вѣроятно, не уступаютъ никакой другой антилопѣ. Кто хочетъ наблюдать поближе сернъ, тотъ долженъ обязательно встать за вѣтромъ, такъ какъ иначе чуткія животныя тотчасъ-же обращаются въ бѣгство. Трудно опредѣлить, на какомъ разстояніи дѣйствуетъ чутье серны, но можно сказать съ увѣренностью, что оно простирается гораздо дальше ружейнаго выстрѣла. Во всякомъ случаѣ, изъ всѣхъ остальныхъ чувствъ серны обоняніе прежде всего и вѣрнѣе всего предупреждаетъ ее о близкой опасности и побуждаетъ къ нѣспѣшному бѣгству. Слухъ чаще ее обманываетъ, хотя и онъ очень тонокъ. Шумъ скатывающагося съ высоты камня мало ее беспокоитъ: она привыкла къ нему въ горахъ; даже звукъ выстрѣла не производитъ на нее особеннаго впечатлѣнія. Конечно, когда серны поймутъ значеніе этого звука и выучатся узнавать его среди другихъ звуковъ, то онъ бѣгутъ безъ оглядки; но во многихъ случаяхъ онъ мгновенно останавливается, услышавши выстрѣлъ, и даютъ такимъ образомъ охотнику случай выстрѣлить въ нихъ вторично. Это объясняется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ горахъ даже охотникъ съ трудомъ распознаетъ то направленіе, откуда раздается выстрѣлъ, и даже не всегда можетъ опредѣлить, слышалъ-ли онъ звукъ выстрѣла или шумъ сорвавшагося и скатившагося съ высоты камня. Нѣтъ сомнѣнія, что серны очень дальнорозки, но однимъ зрѣніемъ онѣ не распознаютъ врага, стоящаго неподвижно или на половину спрятавшагося, пока онъ не двинется съ мѣста. Какъ большая часть животныхъ, серны только тогда признаютъ въ человѣкѣ врага, когда замѣчаютъ въ немъ наступательное движеніе.

Изъ всего предшествующаго видно довольно ясно, что умственные способности серны достигаютъ высокаго развитія. Она собственно не пуглива, а только въ высшей степени осторожна: она отлично знаетъ всѣ опасности, которымъ можетъ подвергнуться, живя среди горъ, знаетъ о вредѣ, который ей могутъ нанести ска-

тывающіеся лавины или камни и старается по возможности избѣгать этихъ опасностей. Какъ всякое другое преслѣдуемое животное, серна ведетъ себя совершенно различно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ за ней охотятся, чѣмъ тамъ, гдѣ охота не дозволена. Къ челоуѣку она, правда, всегда относится недоуѣрчиво, но не такъ тщательно избѣгаетъ его присутствія, какъ это можно было-бы заключить изъ предыдущаго. Хотя она вообще и избѣгаетъ близости построекъ, однако ее иногда можно встрѣтить около одиноко стоящихъ пастушескихъ или охотничьихъ хижинъ, гдѣ она, не обращая вниманія на выходящій изъ трубы дымъ, на лужайкѣ, передъ самымъ домомъ, щиплетъ траву. Такимъ образомъ охотникъ на серну Кламфереръ наблюдалъ изъ охотничьяго дома на Элендсталѣ, что двѣ серны нѣсколько дней подъ рядъ появлялись около его жилища и паслись тамъ. Кроме сообразительности у серны замѣчается еще хитрость и лукавство. Замѣтивъ челоуѣка и признавъ въ немъ врага, она часто долго стоитъ на одномъ мѣстѣ, но послѣшно пускается въ бѣгство, какъ только думается, что никто уже не слѣдитъ за нею. Она тоже очень любопытна и потому легко дается въ обманъ точно такъ, какъ газели и дикія козы, благодаря тому, что ея вниманіе легко отвлечь и обратить на другой предметъ. Этимъ свойствомъ серна очень напоминаетъ козу, съ которой она имѣетъ еще одну общую черту: склонность ко всевозможнымъ шалостямъ и играмъ. Молодыя серны устраиваютъ преселыя шуточные битвы и такимъ образомъ готовятъ себя къ настоящимъ, которыя ожидаютъ ихъ, когда онѣ сдѣлаются взрослыми. «Онѣ носятся», говоритъ Чуди, «взадъ и впередъ по самымъ узкимъ выступамъ скалъ, стараются столкнуть другъ друга своими крошечными рожками; иногда дѣлаютъ видъ, что нападаютъ съ одной стороны, а вдругъ бросаются на противника съ другой и дразнятъ другъ друга самымъ забавнымъ образомъ. Часто можно даже видѣть, какъ все стадо забавляется удивительными прыжками или продѣлываетъ всевозможныя гимнастическія упражненія».

Кламфереръ говоритъ объ одной очень оригинальной игрѣ, которой иногда предаются серны. и въ вѣрности его сообщенія нельзя сомнѣваться, такъ какъ оно совершенно подтверждается лѣсничимъ Вишелемъ: когда серны лѣтомъ доберутся до плотнаго снѣга, называемаго «фирнъ», и чувствуютъ себя совершенно выѣ опасности, онѣ часто забавляются тѣмъ, что бросаются, поджавши подъ себя ноги, съ вершины крутого спуска ледника внизъ. Сначала онѣ стараются сильнымъ напоромъ всѣхъ четырехъ ногъ привести себя въ движеніе, а потомъ катятся уже внизъ на пространствѣ 100—150 м. по снѣжной поверхности, какъ-бы на салазкахъ, при чемъ снѣгъ высоко вздымается кругомъ и осыпаетъ ихъ бѣлой пылью. Докатившись до низу, онѣ вскакиваютъ на ноги медленно и карабкаются вверхъ по той-же дорогѣ, по которой только-что скатились. Прочія серны весело посматриваютъ на катящихся товарищей, и то одна, то другая присоединяются къ забавѣ. Часто одна и та-же серна скатится 3—4 раза съ вершины ледника до подошвы его; иногда цѣлый рядъ ихъ катится внизъ одна за другой, однако, какъ-бы онѣ ни были заняты игрой, бдительность ихъ никогда не ослабѣваетъ, и одинъ видъ челоуѣка, даже на очень далекомъ разстояніи, тотчасъ заставляетъ ихъ бросать забаву и мгновенно уничтожаетъ беззаботность подозрительныхъ животныхъ.

Съ другими безвредными млекопитающими серны не имѣютъ почти никакого общенія; съ нѣкоторыми, какъ на примѣръ съ овцами, онѣ живутъ даже въ постоянной враждѣ или, по крайней мѣрѣ, смотрятъ на нихъ съ видимымъ отвращеніемъ. Какъ только овцы появляются на настибахъ тѣхъ высотъ, на которыхъ обыкновенно живутъ и серны, послѣднія совершенно покидаютъ ихъ и появляются только поздней осенью когда овечьей пометъ совершенно вывѣтрится. Повидимому, ихъ не

столько беспокоить многочисленность появляющихся стадъ, какъ имъ противенъ запахъ овечьяго помета. Козъ, которыя поднимаются еще выше овецъ, и могутъ посѣщать почти всѣ тѣ вершины, гдѣ живутъ серны, слѣдовательно еще болѣе мѣшать имъ, онѣ не избѣгаютъ; напротивъ, часто сами подходятъ къ нимъ. Къ крупному рога-тому скоту, оленямъ и козулямъ серны тоже относятся дружелюбно, по крайней мѣрѣ ихъ не боятся и даже часто пасутся вмѣстѣ съ ними.

Ко времени течки, которая начинается у сернь въ половинѣ ноября и продолжается до конца декабря, взрослые самцы присоединяются къ стадамъ, безостановочно перебѣгаютъ съ мѣста на мѣста, отъ одного стада къ другому, причемъ теряютъ весь свой жиръ въ 6—8 дней. Голосъ ихъ, родъ глухого хрюканья, котораго втеченіе всего остального времени совсѣмъ не слышно, теперь раздается безпрестанно. При ихъ появленіи молодые самцы испуганно разступаются, взрослые же, находящіеся при стадѣ, выступаютъ обыкновенно впередъ, борются съ вновь прибывшими и между собою, такъ какъ сильный самецъ не терпитъ себѣ соперника въ стадѣ, хотя-бъ оно состояло изъ 30—40 головъ. Въ это время самецъ страшно ревнивъ и яростенъ: подозрительно осматривается онъ кругомъ, не замѣчая въ своемъ возбужденіи даже присутствія охотника; задорно несется онъ на встрѣчу всякому появляющемуся сильному самцу и тотчасъ вступаетъ съ нимъ въ битву, если тотъ не соглашается отступить. Съ самками они ведутъ себя нетерпѣливо и грубо, гоняются за ними усердно и силой покоряютъ тѣхъ, которыя не поддаются добровольно. И здѣсь такъ-же, какъ съ оленями, случается, что самецъ обманывается въ своихъ ожиданіяхъ и, вслѣдствіе бѣшеной ревности и драчливости, даже прогладываетъ самку, такъ какъ молодые самцы пользуются всякимъ случаемъ, чтобы удовлетворить свое половое стремленіе, пока другіе самцы дерутся. Возбужденіе у самокъ бываетъ почти такъ-же сильно, какъ у самцовъ; чѣмъ недоступнѣе онѣ кажутся вначалѣ, тѣмъ охотнѣе поддаются впоследствии ласкамъ самцовъ, возбуждаютъ ихъ даже къ совокупленію, какъ это доказано наблюденіями, и не довольствуются одной-двумя случками. Относительно продолжительности беременности сернь мнѣнія различныхъ натуралистовъ очень различны. Шенфъ, къ сообщеніямъ котораго я еще вернусь, удостовѣрился, что у жившихъ у него сернь, дѣтеныши рождались на 150 день послѣ случки; ошибки тутъ быть не могло, такъ какъ злобность самца, послѣ случки, принудила Шенфа отдѣлать его отъ самки. Всѣ-же охотники за сернами утверждаютъ, что беременность болѣе продолжительна. На Штирійскихъ и Каринтійскихъ Альпахъ течка начинается также въ ноябрѣ и кончается, повидимому, къ 10 декабря; самка-же мечетъ только въ концѣ мая или въ началѣ іюня, такъ что беременность нужно считать въ 28 недѣль или 200 дней. Смотри по положенію, высотѣ и свойствамъ горъ, на которыхъ живутъ серны, время течки и рожденія дѣтенышей отдалается на нѣсколько дней или недѣль; но трудно все-таки допустить такое различіе въ продолжительности беременности, какъ это можно заключить по двумъ вышеприведеннымъ сообщеніямъ. У старыхъ самокъ иногда рождаются два, рѣдко три дѣтеныша. у молодыхъ всегда бываетъ только по одному.

Маленькія серны прелестныя созданія, покрытыя пушистою шерстью блѣдно-красноватаго цвѣта; тотчасъ послѣ рожденія, едва успѣвъ обсохнуть, онѣ слѣдуютъ за матерью шагъ за шагомъ и дня черезъ два становятся такъ-же подвижны, какъ она. Въ продолженіи шести мѣсяцевъ мать очень нѣжна со своимъ дѣтенышемъ, заботится о немъ и обучаетъ всѣмъ тѣмъ искусствамъ, которыя нужны ему въ жизни; зоветъ она его голосомъ, очень схожимъ съ бляніемъ козы, учитъ его лазать и прыгать и нѣсколько разъ продѣлываетъ передъ нимъ какой-нибудь особенно искусный прыжокъ, пока убѣдится, что малышъ можетъ такъ-же ловко повторить его.

Дѣтеныши чувствуютъ къ матери самую нѣжную привязанность и не покидаютъ ее даже послѣ смерти. Охотники часто замѣчали, какъ молодые серны возвращались къ своимъ убитымъ матерямъ и съ жалобнымъ блянѣемъ стояли около нихъ; извѣстны даже примѣры, что они прямо давали себя брать съ тѣла матери, хотя въ то-же время выражали свой страхъ передъ людьми глухимъ блянѣемъ. Говорятъ, что сиротки иногда находятъ вторыхъ матерей въ другихъ самкахъ, которыя принимаютъ ихъ и заботливо воспитываютъ. Самецъ ни мало не заботится о своемъ потомствѣ, однако, пока не наступило половое возбужденіе, обращается съ молодыми сернами довольно ласково и даже радуется ихъ веселости, хотя самъ остается всегда серьезнымъ. Молодые серны растутъ необыкновенно быстро: уже на третьемъ мѣсяцѣ вырастаютъ у нихъ рожки, а въ три года онѣ достигаютъ почти совершеннаго возраста или, по крайней мѣрѣ, становятся способными къ размноженію. Говорятъ, что серны живутъ отъ 20—25 лѣтъ, но это сообщеніе не вполне проверено еще опытомъ.

Случается иногда, что серна присоединяется къ пасущимся на Альпахъ козамъ и приобретаетъ расположеніе какой-нибудь козы, вслѣдствіе чего происходитъ скрещиванье. Въ послѣднее время много говорили о томъ, что результатомъ подобныхъ любовныхъ отношеній получалась помѣсь серны и козы. Я не считаю невозможнымъ подобное плодовитое скрещиванье козъ и сернь, но думаю, что къ подобнымъ сообщеніямъ слѣдуетъ относиться очень осторожно, пока они не проверены наблюденіями, исключаящими всякое сомнѣніе. Несмотря на множество опасностей, которымъ подвергаются въ жизни серны, онѣ размножаются необыкновенно быстро въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ шадятъ и благоразумно охотятся за ними. По словамъ опытнаго охотника фонъ-Кобеля, серна единственная дичь, которая сравнительно мало страдаетъ отъ суровой зимы. На крутыхъ обрывахъ, съ которыхъ снѣгъ сдулъ вѣтеръ, подъ отвѣсами скалъ или раскидистыми деревьями, которыя задерживаютъ нѣсколько его паденіе на землю, онѣ находятъ постоянно кое-какой кормъ; между тѣмъ какъ олени и косули принуждены для этого спускаться въ долины, гдѣ безъ искусственнаго корма часто погибаютъ. Но это размноженіе, какъ замѣчаетъ Кобель, имѣетъ свои предѣлы, такъ какъ обусловливается свойствомъ мѣстности, для извѣстнаго количества сернь: требуется извѣстное пространство земли, и, когда онѣ слишкомъ размножились на какомъ-нибудь мѣстѣ, то излишекъ покидаютъ его и переселяется на другія горы.

Въ теченіи лѣта серны питаются самыми лучшими, сочными и вкусными альпійскими растениями и преимущественно тѣми, которыя растутъ у снѣговой линіи; кромѣ того, онѣ объѣдаютъ молодые ростки и побѣги кустарниковъ тѣхъ-же высотъ, начиная съ альпійской розы и кончая молодыми вѣтвями хвойныхъ деревьевъ. Поздней осенью и зимой имъ приходится довольствоваться длинной травой, торчащей изъ-подъ снѣга, а также мхомъ и лишаями разнаго рода. Соль имъ необходима, какъ почти всемъ жвачнымъ, но онѣ легко обходятся безъ воды для питья и жажду, вѣроятно, утоляютъ вылизываніемъ росы съ листьевъ. Онѣ лакомки, когда оказывается это возможнымъ, и неприхотливы, когда это необходимо; при хорошемъ кормѣ онѣ быстро толстѣютъ и въ такой-же мѣрѣ увеличиваются въ объемѣ и вѣсѣ; при недостаточномъ питаніи опять быстро худѣютъ. Когда глубокій снѣгъ покрываетъ землю, онѣ съ трудомъ перебиваются, такъ какъ даже въ лѣсахъ, у подошвы горъ, не всегда находятъ достаточно корма, хотя говорятъ, что серны могутъ цѣлыми днями или даже недѣлями, питаться только длинными лишаями, висящими съ нижнихъ вѣтвей деревьевъ въ видѣ бахромы. Около стоговъ сѣна, оставляемыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Альповъ подъ открытымъ небомъ, собираются иногда

цѣлыя стада сернь; онѣ выѣдаютъ въ этихъ стогахъ такія большія углубленія, что могутъ подъ сѣномъ спрятаться отъ непогоды. Въ тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ не остаются сѣна въ полѣ, онѣ остаются въ самыя суровыя зимы безъ корму и очень бѣдствуютъ. Чуди считаетъ невѣроятнымъ, чтобъ серны когда-нибудь зимой умирали отъ голода, но опытные охотники слишкомъ хорошо знаютъ, что въ суровыя зимы ихъ погибаютъ сотни на небольшомъ пространствѣ.

Зима приноситъ съ собою не только голодь, она страшна еще сернамъ снѣжными лавинами, которыя погребаютъ подъ собою иногда цѣлыя стада ихъ. Серны, правда, узнаютъ объ этой опасности и стараются выбрать защищенныя мѣста, но тѣмъ не менѣе нерѣдко погибаютъ отъ лавинъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ убиваютъ катящіеся съ высоты камни и обломки скалъ. Повальныя болѣзни уносятъ не мало жертвъ изъ стадъ, и цѣлый рядъ враговъ, на примѣръ рыси, волки, медвѣди, орлы и ягнятники, преслѣдуютъ ихъ по пятамъ. Рыси поджидаютъ ихъ зимою въ лѣсахъ и часто производятъ между ними большія опустошенія; волки преслѣдуютъ ихъ по глубокому снѣгу, медвѣди-же часто страшно пугаютъ бѣдняжекъ. Рассказываютъ, что однажды въ Энгадинѣ медвѣдь гнался за серной до самой деревни, гдѣ она спряталась отъ него за кучей дровъ. Не болѣе защищены онѣ и отъ нападений орловъ и ягнятниковъ, которые, какъ молнія съ яснаго неба, вдругъ опускаются на нихъ, уносятъ молодыхъ сернь съ собою въ когтяхъ, старыхъ-же стараются спихнуть въ пропасть, несмотря на ихъ сопротивленіе. Къ этимъ въ населенныхъ мѣстностяхъ почти исчезнувшимъ преслѣдователямъ присоединяется самый страшный врагъ сернь, человекъ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ законъ и правила охоты не ограждаютъ отъ истребленія этихъ благородныхъ животныхъ. Необузданные горные жители и по сіе время мало обращаютъ вниманія на охотничьи законы, почему въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ всякій можетъ охотиться, стада сернь весьма немногочисленны; между тѣмъ, какъ мы сказали выше, онѣ очень быстро размножаются тамъ, гдѣ ихъ заботливо охраняютъ.

Издавна охота за сернами считалась удовольствіемъ, достойнымъ высокопоставленныхъ особъ. Германскій императоръ Максимилианъ любилъ взбираться на высоты, чтобы поохотиться за этими проворными дѣтьми Альповъ. Онъ даже подымался на такія вершины, откуда, какъ гласитъ сказаніе, только благодаря чуду могъ спуститься опять въ долину, населенную людьми. Послѣ него только немногіе нѣмецкіе государи охотились такъ страстно за сернами. Впослѣдствіи стали охотиться и архіепископы альпійскихъ странъ, которые издали даже законы для огражденія и защиты животныхъ, становившихся уже гораздо болѣе рѣдкими. Во время вѣрованія въ чудесную силу «безоаровыхъ камней», за сернами охотились немилосердно. Послѣ того настала промежутокъ покоя, продолжавшійся болѣе ста лѣтъ. Изъ владѣтельныхъ особъ тогда полюбилъ охоту за сернами эрцгерцогъ Іоаннъ Австрійскій. Его примѣру послѣдовали Баварскіе короли и нѣкоторые германскіе герцоги. Въ настоящее время охота за сернами стала почти исключительно княжескою забавою. Мѣстности, населенныя этими животными, находятся во владѣніи императора австрійскаго, короля баварскаго, различныхъ эрцгерцоговъ австрійскаго императорскаго дома и богатыхъ магнатовъ этой страны; онѣ охраняются бдительными лѣсничими, живущими въ центрѣ своихъ участковъ, почему ихъ владѣтелямъ и представляется нынче возможность успѣшно охотиться ежегодно съ нѣкоторымъ удобствомъ.

«Объ охотѣ на сернь», говоритъ Кобель, «много написано даже такими личностями, которыя едва-ли присутствовали на двухъ, трехъ охотахъ; онѣ, смотри по настроенію и пережитымъ приключеніямъ, описывали ее то самую опасною изъ

всѣхъ, то не болѣе трудною, чѣмъ охоту за зайцами и ланями. Уже одинъ характеръ той мѣстности, гдѣ происходитъ эта охота, придаетъ ей болѣе романтичный оттѣнокъ, чѣмъ всѣмъ остальнымъ родамъ охоты. Что касается до опасностей, которымъ подвергается охотникъ, то онѣ совершенно зависятъ отъ приѣмовъ охоты и отъ обстоятельствъ, ее сопровождающихъ. Тотъ, кто присутствовалъ при многихъ охотахъ на сернь, конечно, вспомнить не безъ внутренняго содроганія, о нѣкоторыхъ пережитыхъ имъ ужасныхъ минутахъ, когда: напримѣръ, взбираясь по скаламъ или переходя пропасть, онъ вдругъ бывалъ осыпанъ цѣлымъ дождемъ камней, сброшенныхъ бѣгущими сернами, и едва успѣвалъ скрыться подъ выступъ скалы, или когда, карабкаясь на гору за подстрѣленной серной, нечаянно попадалъ на такія мѣста, гдѣ каждый неудачный, но, къ сожалѣнію, и необходимый шагъ или прыжокъ могъ имѣть самыя печальныя послѣдствія. Само собою разумѣется, что при этомъ охотникъ долженъ быть совершенно застрахованнымъ отъ головокруженія. Но все-таки, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, можетъ случиться у самаго крѣпкаго человѣка припадокъ головокруженія. Такъ, напримѣръ, мнѣ случилось побывать на двухстахъ охотахъ, во время которыхъ я попадалъ въ положенія, которыхъ никакъ не желалъ-бы пережить вторично, и не могу вспомнить, чтобы у меня при спускѣ или подъемѣ на крутизны когда-либо закружилась голова; однако со мной это случалось нѣсколько разъ, когда я долго сидѣлъ на опасномъ мѣстѣ или продолжительное время засматривался внизъ. Не должно, конечно, воображать себѣ, что какъ серны, такъ и охотники все время карабкаются по обрывамъ, какъ мухи по стѣнамъ. Мѣстность бываетъ иногда такъ благопріятна, что можно достигнуть добычу безъ особыхъ трудовъ и особаго искусства, особенно при погонѣ; такъ напримѣръ, если животное бѣжитъ по горной тропинкѣ, по лѣсу или у подошвы горы. Едва-ли можно назвать другую охоту, которая представляла-бы такое разнообразіе разныхъ приключеній, какъ охота за сернами.

«Вообще не совсѣмъ легко подстрѣлить взрослога самца, но и тутъ случай играетъ весьма важную роль. Часто бываетъ, что охотнику приходится стрѣлять тамъ, гдѣ онъ менѣе всего ожидалъ этого. Совершенно нельзя предвидѣть тоже при охотѣ закономъ, съ какой стороны появится дичь, такъ какъ обрывы, ложбины и пропасти чрезвычайно разнообразны по формѣ и положенію. Если серны слышатъ только отдаленный шумъ погони, и она не слишкомъ близка, онѣ часто довѣрчиво поднимаются на вершину скалы и стоятъ тамъ съ полчаса, постоянно оглядываясь въ ту сторону, откуда ожидается опасность. Когда-же охотникъ внезапно появится передъ ними, онѣ мгновенно пускаются бѣжать внизъ, по крутому обрыву и исчезаютъ въ ущельѣ, чтобы вскорѣ опять появиться на какомъ-нибудь выступѣ горнаго хребта. Стадо сернь, пока никто его не преслѣдуетъ, спускается со скалъ почти всегда по одной и той-же дорогѣ: черезъ пропасти перескакиваютъ онѣ одна за другой; потомъ можно видѣть, какъ цѣлая вереница спускается зигзагами длинною цѣпью. Онѣ охотно прячутся въ кустарникъ и едва можно понять, какъ онѣ умудряются такъ быстро пробираться сквозь тѣсно стоящіе другъ къ другу и сплетшіеся между собою стволы и сучья деревьевъ. Когда вѣтеръ со стороны охотника, то серны, почуявъ его, конечно тотчасъ-же снимаются съ мѣста, но болѣе сильное впечатлѣніе производитъ на нихъ видъ самого охотника, такъ какъ брошенные въ нихъ сверху камни, хотя и заставляютъ ихъ вскочить на ноги, когда падаютъ около нихъ, но не особенно пугаютъ ихъ. Онѣ прекрасно знаютъ, когда имъ могутъ быть опасны эти камни и когда нѣтъ; поэтому, если онѣ защищены навѣсомъ скалы, то спокойно стоятъ на мѣстѣ, не обращая вниманія на самый сильный дождь камней. Въ туманные дни охота на сернь можетъ имѣть успѣхъ только въ томъ

случаѣ, если загонщиковъ очень много, такъ что они могутъ сомкнуться вокругъ загнаннаго стада кольцомъ.

«Высокіе горные хребты представляютъ множество узкихъ ущелій и ложбинъ, куда серны охотно спускаются. Когда онѣ карабкаются оттуда вверхъ, а стрѣлокъ стоитъ на вершинѣ горы, то подстрѣлить ихъ легко. По одиѣмъ тропинкамъ проходятъ цѣлыя стада, по другимъ ходятъ только взрослые самцы; хорошіе охотники знаютъ все это точно такъ, какъ и хитрости лисицы. Старые самцы, впрочемъ, очень хитры, и я часто видѣлъ, какъ они со дна ущелья карабкаются вверхъ въ то-же самое время, какъ загонщикъ, не замѣчая животнаго, съ громкимъ крикомъ и свистомъ, спускается въ ущелье по близости. Серны такъ хорошо умѣютъ иногда спрятаться, что загонщики могутъ увидать ихъ только въ ту минуту, когда прямо очутятся передъ ними. Пока онѣ не чуютъ охотника ихъ ничто не можетъ заставить сойти съ мѣста. При приближеніи стада можно часто не безъ удовольствія замѣтить, что серны довольно легкомысленныя животныя: онѣ совершенно полагаются на самку-вожака и, когда она, прислушиваясь и осматриваясь кругомъ, останавливается, остальные бросаются въ сторону, наскакиваютъ и наталкиваются другъ на друга, пока не увидятъ передъ собою охотника.

«Охотнику легко ошибиться относительно разстоянія, отдѣляющаго его отъ намѣченной дичи, особенно если ихъ раздѣляетъ ущелье; поэтому многіе выстрѣлы пропадаютъ даромъ. Обыкновенно принимается за правило, что не стоитъ стрѣлать, если нельзя ясно рассмотреть рога. Лучшіе выстрѣлы считаются подъ лопатку, но ранятъ часто и въ животъ. Подстрѣленная серна обыкновенно скоро падаетъ; однако, если ее преслѣдуютъ или напускаютъ на нее собакъ, она убѣгаетъ и влѣзаетъ большею частью на крутую скалу, куда собака не можетъ за ней слѣдовать; тогда прицѣпляются въ нее снизу, и подстрѣленное животное падаетъ съ крутизны. На очень крутыхъ горахъ нельзя употреблять собакъ для отысканія дичи, унавшей въ пропасть, но слѣды крови на сѣрыхъ камняхъ помогаютъ охотнику въ этихъ розыскахъ. Случается, впрочемъ, что охотнику невозможно проникнуть на то мѣсто, гдѣ лежитъ серна, и тогда она для него потеряна».

Жаркое изъ серны можетъ, по отличному вкусу, поспорить со всякимъ другимъ; на мой взглядъ, оно превосходитъ даже жаркое изъ косули, которая, какъ извѣстно, считается у насъ самою нѣжною и вкусною дичью, такъ какъ отличается прянымъ, ей одной свойственнымъ вкусомъ. Только въ пору любви оно нѣсколько отзывается козлятиной и вообще напоминаетъ козье мясо, чѣмъ и пользуются изобрѣтательные швейцарскіе трактирщики: вымочивъ и приправивъ козье мясо извѣстнымъ образомъ, они подаютъ его иностраннымъ путешественникамъ за мясо серны. Почти также высоко цѣнятся ея шкура, изъ которой выдѣлывается превосходный кожевенный товаръ. Рога тоже идутъ въ дѣло; наконецъ длинные волосы, растущіе вдоль спиннаго хребта, служатъ украшеніемъ шляпъ, какъ охотниковъ по профессіи, такъ и охотниковъ любителей.

Въ народной поэзіи жителей нашихъ Альповъ серна играетъ ту-же роль, какъ газель у жителей Востока. Сотни пѣсенъ описываютъ серну и охоту за ней съ большими подробностями и очень заманчиво. Множество басенъ приплетаются къ описанію ея образа жизни, насколько онѣ доступны пониманію народа. Вслѣдствіе весьма распространеннаго предразсудка охотникъ разрѣзаетъ сердце только-что убитой дичи, чтобъ выпить еще теплую кровь, въ увѣренности, что этимъ придастъ силу своимъ мускуламъ и вышнимъ чувствамъ и навсегда освободится отъ опасныхъ головокруженій. Другой предразсудокъ ограждаетъ отъ пули бѣлую серну, такъ какъ охотникъ, застрѣлившій такое животное, по преданію рано-ли, поздно-ли уби-

вался до смерти, упавши съ высоты въ пропасть. Когда дѣло касается сернь, то понятіе о правѣ собственности такъ спутывается въ умахъ самыхъ честныхъ обитателей горъ, что каждый альпійскій охотникъ до сихъ поръ видитъ въ каждой сернѣ свою собственность, за которой онъ можетъ гнаться, гдѣ-бы она ему ни встрѣтилась.

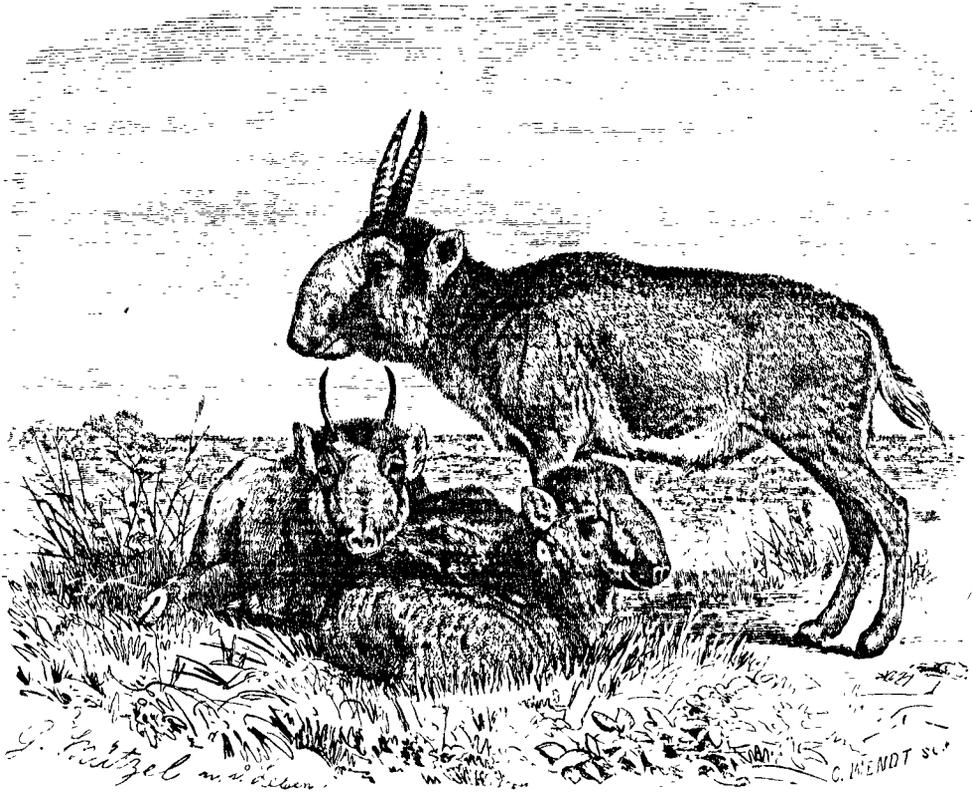
Пойманныя молодыми серны легко дѣлаются ручными. Ихъ кормятъ козьимъ молокомъ, сочными травами и кореньями, капустой, рѣпой и хлѣбомъ. Можно также поручить вскармливаніе дѣтеныша добродушной козѣ, причѣмъ маленькія, рѣзвыя дѣти горъ еще лучше растутъ. Весело играютъ онѣ съ козленкомъ, задорно возятся съ собакой, довѣрчиво слѣдуютъ за своимъ хозяиномъ и нѣжно ласкаются къ нему, подходя за кормомъ. Онѣ инстинктивно отыскиваютъ самыя высокія мѣста: куча камней на дворѣ, высокая стѣна и другія возвышенія становятся скоро ихъ любимыми мѣстопробываніями; тамъ стоятъ онѣ иногда цѣлыми часами. Хотя плѣнные серны никогда не становятся такими сильными, какъ живущія на свободѣ онѣ все-же, повидимому, вполне хорошо чувствуютъ себя и въ неволѣ. Въ старости у нѣкоторыхъ изъ нихъ появляется какая-то дикость, и тогда онѣ довольно чувствительно бодаются своими маленькими рожками. Неприхотливый ихъ характеръ очень облегчаетъ имъ неволю. Въ старости онѣ еще менѣе разборчивы, чѣмъ въ юности. Съ самаго рожденія онѣ привыкаютъ ко всякимъ невздамъ, поэтому довольствуются и зимою легкой соломенной подстилкой подъ открытымъ навѣсомъ. Но, запертыя въ конюшню, онѣ скучаютъ: имъ необходимъ просторъ для движеній и свѣжая вода. Серны, пойманныя въ старости, остаются всегда боязливыми и дикими.

До сихъ поръ еще мало примѣровъ, чтобы серны плодились въ неволѣ; когда же это случается, то слѣдуетъ тотчасъ-же удалить самца. По словамъ Чуди, въ 1853 году, жившая у Лауфера ручная серна родила дѣтеныша, который умеръ скоро послѣ рожденія; въ маѣ-же 1855 года она опять принесла здороваго и бодрого дѣтеныша. Въ 1863 году Шепфу удалось случить двухъ ручныхъ сернь, и 30 іюня того-же года родился отъ этой парочки здоровый дѣтенышъ мужского пола; ему дали въ кормилицы козу, и онъ сталъ поправляться и расти такъ быстро, что въ полтора года достигъ почти величины своей матери. Старая серна годъ проходила яловой, а на слѣдующій опять родила. Въ Шенбрунѣ тоже удалось выростить нѣсколько сернь.

* * *

Живущая на юго-востокѣ Европы и въ Азіи степная антилопа, называемая **Сайга** или **Сайганъ**, самецъ—**Маргачъ**. у калмыковъ—**Горосунъ** (*Colus tataricus*, *Antilope saiga* и *scythica*, *Capra* и *Saiga tataricus*, *Ibex imberbis*. *Saiga*), отличается отъ всѣхъ уже извѣстныхъ антилопъ такими значительными особенностями, что можетъ по всѣмъ правамъ считаться представительницей особаго рода этихъ животныхъ. Своимъ внѣшнимъ видомъ и образомъ жизни она походитъ на овцу, другими признаками напоминаетъ сѣвернаго оленя. Это довольно неуклюжее животное съ толстымъ и коренастымъ туловищемъ и довольно стройными, но низкими ногами; длинная и мягкая шерсть покрываетъ все тѣло гладкимъ пушистымъ мѣхомъ. Но отличительнымъ признакомъ этого вида все-таки остается оригинальная форма его морды, а въ особенности устройство носа. Послѣдній далеко выдается за нижнюю челюсть и раздѣленъ посрединѣ продольной бороздкой, онъ хрящеватый и покрытъ кожей, которая легко морщится, вслѣдствіе чего очень подвиженъ; тупой конецъ и большія круглыя, по краямъ волосатыя, а внутри голыя поздри придаютъ ему хоботообразный видъ, вслѣдствіе чего этихъ живот-

ныхъ можно-бы назвать «хоботными антилопами». Рога, которые встрѣчаются только у самца, посажены довольно далеко другъ отъ друга надъ глазами впадинами, они изогнуты въ видѣ лиры, имѣютъ на нижней части едва замѣтныя кольцообразныя полоски, на концахъ заострены и гладки: цвѣтомъ они блѣдно-рыжеватыя и прозрачны. Почти совершенно скрытыя въ мѣхѣ уши коротки, широки, неуклюжей формы и покрыты съ внутренней стороны жидкими косматыми волосами. Небольшіе глаза, сидящіе далеко другъ отъ друга, въ очень выдающихся глазныхъ впадинахъ, имѣютъ почти голая вѣки, вооруженныя вверху во всю ихъ ширину, а внизу только по серединѣ, щетинистыми рѣсницами; зрачекъ продолговатый, а

Сайгакъ. *Colus tataricus*. $\frac{1}{12}$ наст. вел.

радужная оболочка желтовато-бурая. Слезныя ямочки, расположенныя въ нѣкоторомъ разстояніи отъ угловъ глазъ, довольно велики, но отверстія ихъ очень малы; они окружены голымъ кольцомъ и наполнены непріятно пахнущимъ жирнымъ веществомъ. Раздвоенныя губы покрыты снаружи свѣтло-сѣрыми волосами, а на наружныхъ краяхъ имѣютъ черныя пятна. На шеѣ выдается кадыкъ, не образуя, впрочемъ, настоящаго зуба. Стройныя ноги немного загнуты внутрь, переднія копыта коротки и окружены сзади мозолистою кожею, которая спускается съ бабокъ; снесреди-же копыта имѣютъ трехгранную форму; заднія, по формѣ очень схожи съ передними, только острѣе. Маленькіе, тупые шпорцы (неразвитые пальцы) на заднихъ ногахъ толще и далеко отстоятъ отъ копыта. Короткій хвостъ у основанія довольно широкъ, покрытъ сверху короткими, къ концу болѣе длинными волосами; подъ хвостомъ голое пятно. Очень глубокія наховыя ямки, ограниченныя склад-

кой кожи, идущей отъ мошонки къ бедрамъ, тоже отдѣляютъ сильно пахучее жирное вещество. Лѣтомъ короткая шерсть едва достигаетъ 2 см. длины, поздней-же осенью вырастаетъ до 7 см. и болѣе. Спина и бока лѣтомъ сѣровато-желтаго цвѣта, конечности ниже колѣнъ темнѣе, шея и нижнія части туловища, такъ-же какъ и внутренняя часть ногъ — бѣлыя; лобъ и верхняя часть головы желтовато-сѣраго или пепельно-сѣраго цвѣта; на спинѣ у крестца идетъ копьеобразное пятно черно-бураго цвѣта, обросшее болѣе грубыми и длинными волосами. Къ зимѣ мѣхъ становится свѣтлѣе и получаетъ желтовато-сѣрую, сверху бѣловатую окраску. У молодыхъ сайгаковъ волосы мягче; у новорожденныхъ-же отъ макушки до половины спины — курчавые и болѣе темные, чѣмъ у старыхъ, а на макушкѣ и спинѣ почти черные. Длина взрослаго самца 1,3 м., причеиъ хвостъ имѣетъ 11 см.; высота въ плечахъ едва достигаетъ 80 см.; длина роговъ взрослаго самца, измѣряя по изгибу, 25—30 см. У самки на вымени два соска.

Сайгакъ населяетъ степи восточной Европы и Сибири, отъ польской границы до Алтая *). Начиная отъ южныхъ придунайскихъ странъ и Карпатовъ, онъ встрѣчается въ степяхъ юго-восточной Польши и Малороссіи вдоль Чернаго моря, у Кавказскихъ горъ, Каспійскаго и Аральскаго морей до Иртыша и Оби къ сѣверу до 55° сѣверной широты. Сайги живутъ всегда небольшими семьями, но въ началѣ осени собираются стадами въ нѣсколько тысячъ головъ, и совершаютъ довольно правильные переходы съ одного мѣста на другое; только къ веснѣ возвращаются онѣ на старыя мѣста. Очень рѣдко можно встрѣтить сайгу, отдѣлившуюся отъ другихъ, такъ какъ старые самцы даже лѣтомъ не покидаютъ стада. Палласъ замѣтилъ, что во время общаго отдыха нѣсколько сайгъ всегда бодрствуютъ и оберегаютъ тѣхъ, которыя покоятся на травѣ, пережевывая жвачку. Когда одинъ изъ этихъ сторожей ложится въ свою очередь, то на его мѣсто встаетъ другой, котораго прежній поднимаетъ съ мѣста, и какъ-бы приглашаетъ себѣ на смѣну своеобразнымъ кивкомъ головы или ставши къ нему носъ къ носу. Только когда избранный замѣститель всталъ на ноги и принялъ бодрствованіе на себя—ложится первый. Однако, несмотря на такую осторожность, нельзя сказать, чтобъ сайгакъ былъ-бы слишкомъ богато одареннымъ отъ природы животнымъ. Онъ не выказываетъ особенной ловкости въ движеніяхъ и не обладаетъ ни слишкомъ тонкими чувствами, ни большими умственными способностями.

Взрослый маргачъ бѣжитъ, правда, такъ быстро, что ни лошади, ни гончей собакѣ его не догнать; молодые-же скоро утомляются, да и старые часто дѣлаются добычей хищниковъ, напримѣръ волковъ. Они ступаютъ одновременно діагонально расположенными ногами и бѣгъ ихъ не изященъ, потому что они некрасиво вытягиваютъ шею и опускаютъ при этомъ низко голову. Они, правда, могутъ довольно быстро и далеко прыгать, но движенія ихъ при этомъ нисколько не напоминаютъ граціозныхъ скачковъ прочихъ антилопъ, а, напротивъ того, неловки и тяжеловаты.

Изъ внѣшнихъ чувствъ лучше всего развито у сайгаковъ обонаніе, такъ какъ они отлично чуютъ врага. Зрѣніе ихъ должно быть слабо, потому что, ослѣпленные солнцемъ, они даже иногда прямо натываются на повозки и въ виду врага нерѣшительно и глухо оглядываются кругомъ, какъ будто не могутъ распознать находящагося передъ ними предмета. Объ умѣ этихъ животныхъ тоже нельзя сказать ничего особенно лестнаго. Они пугливы, какъ вообще все степныя животныя, но во всякомъ случаѣ не разсудительны и въ минуту настоящей опасности рѣдко умѣ-

*) Пинѣ только изрѣдка встрѣчается между Дономъ и Волгою, и почти исключительно за Каспійскимъ моремъ.

ютъ умно выпутаться изъ бѣды. Кромѣ того, они едва-ли умѣютъ отличать своихъ злѣйшихъ враговъ отъ другихъ безобидныхъ животныхъ и, завидя еще вдали незнакомое имъ существо, послѣшно обращаются въ бѣгство; прежде всего они сбѣгаются въ одну группу, боязливо осматриваются, потомъ уже бѣгутъ одинъ за другимъ, длинной вереницей, въ полномъ безмолвіи, постоянно оглядываясь назадъ. Маргачъ обыкновенно бѣжитъ впереди, но случается, что предводительствуетъ старая самка. При этомъ только одни дѣтеныши блеютъ какъ овцы, взрослыя-же сайги всегда молчатъ.

Пища ихъ состоить большею частью изъ солончаковыхъ растеній, покрывающихъ, въ большомъ изобиліи, нѣкоторыя мѣста жаркихъ безплодныхъ татарскихъ степей, по которымъ протекають соляные источники. По словамъ Палласа, эти животныя во время ѣды постоянно идутъ задомъ и хватаютъ пищу сбоку, такъ какъ висящій надъ нижнею губою носъ мѣшаетъ имъ питаться иначе; говорятъ тоже, что они при питьѣ втягиваютъ воду не только ртомъ но и носомъ. По оба эти показанія, изъ которыхъ послѣднее сообщено еще Страбономъ, лишены всякаго основанія, такъ какъ нисколько не подтвердились моими собственными наблюденіями надъ плѣнными животными. Вѣроятно вслѣдствіе особенной пищи мясо сайгака принимаетъ ѣдкій, смолистый запахъ, который, въ особенности съ непривычки, такъ противенъ, что рѣдко кто рѣшается это мясо употреблять въ пищу. Время течки наступаетъ около конца ноября; въ это время самцы сильно борются между собою. Беременность самки продолжается обыкновенно до мая; около половины этого мѣсяца онѣ мечутъ по одному, вначалѣ весьма неуклюжему, дѣтенышу.

Несмотря на дурной вкусъ мяса этихъ животныхъ, степные жители страстно охотятся за ними. Ихъ преслѣдуютъ на лошадяхъ и съ собаками и обыкновенно настигаютъ легко, особенно, если приходится пробѣжать большія пространства, такъ какъ сайги скоро запыхиваются. Такъ-же, какъ и другимъ антилопамъ, сайгамъ опасны самыя незначительныя раны. Киргизы продѣлываютъ тропинки въ жесткой степной травѣ и тростникѣ, срѣзая стебли до извѣстной высоты, потомъ загоняютъ туда лошадьми стада сайгъ, которыя, поранившись объ острые концы тростника, погибаютъ отъ этихъ ранъ. Но еще чаще убиваютъ ихъ изъ огнестрѣльнаго оружія или ловятъ съ помощью приученныхъ къ тому хищныхъ птицъ, но употребляютъ для этой охоты не соколовъ, а большихъ орловъ, которые издавна принадлежать къ злѣйшимъ врагамъ антилопъ и, охотясь за ними, какъ будто слѣдуютъ своему естественному инстинкту. Волки тоже производятъ страшныя опустошенія въ стадахъ этихъ животныхъ и пожираютъ мясо убитыхъ, оставляя одни черена и рога, которые киргизы и казаки и продаютъ въ Китай по дешевой цѣнѣ. Но этимъ еще не ограничивается число враговъ сайгака. Одинъ видъ слѣпней кладетъ свои яйца подъ ихъ кожу и иногда въ такомъ количествѣ, что вылупившіяся личинки образуютъ на кожѣ сильныя опухоли, которыя воспаляются и губятъ животное.

Сайги, пойманныя въ молодости, становятся очень ручными и слѣдуютъ за своимъ хозяиномъ, какъ собаки, и даже переплываютъ за нимъ рѣки; онѣ убѣгаютъ отъ встрѣтившихся имъ дикихъ животныхъ своего вида, и по собственному побужденію возвращаются вечеромъ въ свои хлѣва. Черезъ посредство Московскаго зоологическаго сада, а позднѣе, стараніями торговца звѣрьми Стадера, сайгаковъ нѣсколько разъ привозили и въ нѣмецкіе зоологическіе сады, но они все-таки до сихъ поръ принадлежатъ къ рѣдкимъ животнымъ. По словамъ Стадера, ихъ обыкновенно ловятъ нѣсколько часовъ послѣ рожденія и подпускаютъ подъ козъ и овецъ, которыя воспитываютъ ихъ до той поры, когда они могутъ самостоятельно питаться и въ состояніи перенести трудный переѣздъ. Послѣ году ихъ переселяютъ уже дальше.

Молодые животныя имѣютъ совершенно особенный видъ и столько-же напоминаютъ сѣверныхъ оленей, какъ и овецъ. Но по движеніямъ они настоящія антилопы. Обыкновенно спокойная и правильная ихъ рысь иногда прерывается нѣсколькими быстрыми скачками, причемъ они довольно высоко поднимаются отъ земли. Пасутся они, какъ и прочія жвачныя, спокойно подвигаясь впередъ; всячая верхняя губа при этомъ въ вѣчномъ движеніи и все время трется о землю.

Къ измѣненіямъ температуры они совершенно нечувствительны: въ самыя холодныя ночи они охотно остаются на дворѣ, не входя даже въ хлѣвъ, и утромъ ихъ находятъ, покрытыхъ инеемъ или занесенныхъ снѣгомъ, на тѣхъ-же самыхъ мѣстахъ, на которыхъ они удобно разлеглись вечеромъ. Укладываются они на ночь тоже не безъ нѣкоторыхъ предварительныхъ церемоній: они прежде всего долго отыскиваютъ удобное мѣсто, потомъ обходятъ его нѣсколько разъ кругомъ, затѣмъ опускаются на переднія ноги и наконецъ на бокъ. Жившіе у меня сайгаки ѣли всякую пищу, которую я имъ давалъ; какъ и всѣ прочія антилопы, они были очень падки на соль, но кромѣ того ежедневно проглатывали довольно значительное количество земли. Пометъ ихъ похожъ на пометъ нашихъ овецъ и козъ.

Хотя сайги, за которыми я наблюдалъ, очень скоро становились ручными и привыкали къ своему сторожу, однако-же очень не многія долго прожили въ неволѣ. Виною тому была скорѣе ихъ собственная глупость, чѣмъ несоотвѣтственная имъ пища, такъ какъ погибшія животныя умирали вслѣдствіе своей пугливости и неловкости: испуганныя какимъ-нибудь необыкновеннымъ происшествіемъ, они, какъ безумные, наскakивали на знакомую имъ давно рѣшетку, при чемъ, случалось, ломали себѣ шею или оставались висѣть на прутьяхъ рѣшетки. Уже первое впечатлѣніе, производимое на зрителя сайгаками, не особенно благопріятное, такъ какъ опытный наблюдатель тотчасъ увидитъ ихъ растерянность и глупость, а ихъ поведеніе вполне подтверждаетъ вѣрность перваго впечатлѣнія.

* *
*

Самая замѣчательная изъ антилопъ, конечно **Гну** (*Catoblepas*), чрезвычайно странное жвачное животное, служащее, такъ сказать, соединительнымъ звеномъ между антилопами, быками и лошадьми и представляющее, можно сказать, каррикатуру благородныхъ и изящныхъ формъ вышеупомянутыхъ животныхъ. Когда видишь гну въ первый разъ, просто недоумѣваешь, какое именно животное имѣешь передъ глазами. Оно имѣетъ видъ лошади съ раздвоенными копытами и бычьей головой и доказываетъ своими дѣйствіями и привычками, что и правъ его вполне соответствуетъ странной смѣси этихъ двухъ типовъ. Невозможно назвать гну красивымъ животнымъ, какъ-бы изящно ни были сложены отдѣльныя части его тѣла. Отличительные признаки этого рода, имѣющаго весьма мало видовъ, слѣдующіе: толстое туловище на довольно высокихъ и стройныхъ ногахъ спереди приподнято выше, чѣмъ сзади; голова почти квадратная, морда такъ-же широка какъ у быковъ, ноздри прикрыты складками кожи; окруженные кольцами лучистыхъ бѣловатыхъ щетинокъ глаза имѣютъ дикое и злобное выраженіе; уши короткія и заостренныя. Рога бывають у обоихъ половъ; они сидятъ очень низко на лбу, сплюснены, очень широки, покрыты рубцами, изогнуты отъ основанія книзу, а концами опять обращены вверхъ. Хвостъ покрытъ длинными волосами, на подобіе лошадиныхъ, волосы на лбу, спинѣ, шеѣ и щекахъ густые и длинныя, на остальныхъ частяхъ тѣла гладко прилегающіе; ноздри снабжены внутри подвижными клапанами; на щекахъ, вмѣсто слезныхъ ямочекъ, находится желваки, покрытые железками.

Обыкновенный Гну, Wildebeest—боэровъ, **Илабутума** --каффрировъ (*Catoblepas gnu*, *Antilope* и *Bos gnu*, *Bos connochaetes*, *Gnu*, *Gnou*), достигаетъ 2,8 м. длины; изъ этого числа на хвостъ, безъ волосъ, приходится 50 см., а съ волосами 86—90 см.; вышина въ плечахъ 1,2 м. Преобладающій цвѣтъ шерсти темно-сѣровато-бурый, мѣстами темнѣе или свѣтлѣе, то съ желтымъ, то съ рыжимъ, то съ черноватымъ отливомъ. Грива кажется бѣловатой, потому что волосы на ней у корня бѣловато-сѣрые, въ серединѣ черные, а на концахъ рыжеватые; длинные пучки волосъ на груди, шеѣ, переносѣ и надъ глазами бурые; щетины вокругъ глазъ, усы и борода бѣловатые; волосы на хвостѣ у основанія сѣро-бурые, а на концѣ тоже бѣловатые. Самка меньше ростомъ и рога у нея меньше, чѣмъ у самца; цвѣтъ шерсти у обоихъ половъ одинаковый; у новорожденныхъ гну нѣтъ роговъ, но они уже имѣютъ гриву на затылкѣ и шеѣ.

Гну живетъ въ южной Африкѣ, однако въ Капской землѣ онъ уже истребленъ. По рассказамъ лучшихъ наблюдателей, гну ежегодно кочуетъ съ мѣста на мѣсто; А. Смитъ думаетъ, что ихъ къ тому побуждаетъ врожденный инстинктъ, который заставляетъ ихъ двигаться впередъ, безъ оглядки, даже на встрѣчу своей собственной гибели точно такъ, какъ перелетныхъ птицъ. По моему-же мнѣнію они кочуютъ, какъ и прочія антилопы, вслѣдствіе недостатка корма на прежнемъ мѣстѣ. Гну чрезвычайно подвижныя, рѣзвыя животныя, способныя оживить своимъ присутствіемъ самую обширную степь. «Изъ всѣхъ животныхъ», говоритъ Гаррисъ, «гну, кажется, самое неуклюжее и странное, какъ по своему внѣшнему виду, такъ по своимъ правамъ и привычкамъ. Созданный странной прихотью природы, онъ во всѣхъ своихъ движеніяхъ такъ неуклюжъ и комиченъ, что невозможно смотрѣть на него безъ смѣха. Опустивъ между стройныхъ и сильныхъ ногъ свою мохнатую и бородатую голову и разметавъ по вѣтру длинный бѣлый хвостъ, эти уморительныя и пугливыя животныя производятъ самое дикое и смѣшное впечатлѣніе на наблюдателя. Иногда гну вдругъ останавливается, дѣлаетъ видъ, что хочетъ защищаться; опускаетъ низко голову, какъ-бы собираясь пустить въ ходъ рога; глаза мечутъ искры, и громкое и выразительное рычанье, напоминающее ревъ льва, раздается по степи, но черезъ мгновеніе онъ уже скачетъ, распутивъ свой длинный хвостъ по вѣтру, прыгаетъ, подымается на дыбы, вертится на мѣстѣ, падаетъ на колѣни, опять вскакиваетъ на ноги, а минутой спустя несется, стремглавъ, по степи, такъ что только пыль клубится за нимъ облаками». Каждый путешественникъ, бывшій во внутренней части южной Африки, легко можетъ познакомиться съ этимъ животнымъ, такъ какъ оно въ высшей степени любознательно и подходитъ къ каждому предмету, который возбуждаетъ его вниманіе, а въ особенности къ человѣку. Любящій общество, подвижный и неутомимый, не связанный никакими привычками къ водѣ, къ степи или къ тѣнистымъ рощамъ, гну съ каждымъ временемъ года перемѣняетъ свое мѣстопребываніе и путешественникъ можетъ встрѣтить его вездѣ большими стадами, большею частью въ обществѣ кваггъ и антилопъ-прыгуновъ (*Antilope eusagae*), съ которыми они живутъ весьма дружно. Подобныя смѣшанныя стада находятся въ безпрерывномъ движеніи, такъ какъ гну едва-ли нуждаются въ отдыхѣ и ежеминутно способны выкидывать самыя удивительныя гимнастическія упражненія.

Гордонъ Кюмингъ слышалъ, что гну не спасается даже отъ большаго числа охотниковъ. Косматыя стада этихъ странныхъ и грозныхъ на видъ антилопъ носятся безконечными кругами около своихъ преслѣдователей, выдѣлывая самыя удивительныя прыжки. Какъ только охотники подходятъ ближе къ тому или другому животному, съ цѣлью застрѣлить его, всѣ остальные окружаютъ ихъ справа

и слѣва и становятся на мѣсто, только что покинутое всадниками. Можно иногда видѣть, какъ старые самцы въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, по одиночкѣ или небольшими группами въ 4—5 штукъ, стоятъ цѣлое утро неподвижно въ стени и тупо смотрятъ передъ собою, наблюдая за движениями остальныхъ животныхъ. При этомъ они издаютъ, отъ времени до времени, особенные звуки, вродѣ короткаго рѣзкаго храна или громкаго сопѣнія. Многие путешественники называютъ гну олицетвореніемъ необузданной любви къ свободѣ и приписываютъ ему необычайную силу и мужество. Готтентоты и каффры рассказываютъ всевозможныя басни про этихъ животныхъ и даже европейцы, вѣроятно подъ вліяніемъ удиви-

Гну. *Catoblepas* (му. $\frac{1}{11}$ наст. велич.

тельной внѣшности гну, позволяютъ себѣ сообщать о немъ самыя странныя вещи.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ поведеніи гну столько-же загадочнаго, какъ и во всей его фигурѣ. Движенія его своеобразны. Гну настоящій иноходецъ и даже въ галопѣ ступаетъ почти всегда тѣ на обѣ правыя, то на обѣ лѣвыя ноги. Всѣ его движенія быстры, капризны, дико и необузданны. При этомъ онъ игривѣе и задоривѣ всякаго другого жвачнаго. Когда дѣло дойдетъ до борьбы, то самцы такъ-же мужественны, какъ и самки. Голосъ ихъ имѣетъ сходство съ мычаньемъ быковъ. Голландскіе поселенцы изображаютъ своеобразный крикъ молодыхъ животныхъ словами: *Nonja, gudtn avond* («барышня, добрый вечеръ»).

Изъ внѣшнихъ чувствъ, зрѣніе, обоняніе и слухъ превосходны; умственныя-же способности, кажется, довольно незначительны. Всѣ игры гну носятъ характеръ гл-

раздо болѣе безумнаго и бѣшеннаго, чѣмъ обдуманнаго веселья. Въ неволѣ гну оказывается необузданнымъ и дикимъ, вовсе не чувствительнымъ къ ласкѣ и заботамъ. но вмѣстѣ съ тѣмъ довольно равнодушнымъ къ лишенію свободы. Онъ, правда, подходит охотно къ рѣшеткѣ своей ограды, если ему что-нибудь бросаютъ, но не выражаетъ никакой благодарности за подачку и равнодушно переходитъ отъ одного зрителя къ другому. Въ спокойномъ состояніи онъ имѣетъ много общаго съ быками; и только иноходью онъ существенно отъ нихъ отличается; при этомъ задняя нога всегда приходитъ въ движеніе раньше передней. Его очень трудно заставить бѣжать рысью; если-же хотятъ принудить его къ этому силой, то онъ приходитъ въ бѣшенство, но все-же не двигается скорѣе. Самки гну мечутъ въ разное время года по одному дѣтенышу, который съ первыхъ дней жизни выказываетъ наклонность къ тѣмъ-же прыжкамъ и проказамъ, которыми отличаются его родители, но вслѣдствіе своего малаго роста кажется еще смѣшнѣе. Мать выказываетъ своему дѣтенышу горячую привязанность и для его защиты готова подвергнуться всякой опасности.

Охота на взрослыхъ гну имѣетъ свои трудности, вслѣдствіе необычайной быстроты и выносливости этихъ животныхъ. Спасаящейся отъ погони гну имѣетъ необыкновенное сходство съ дикими быками. Все ихъ поведеніе, когда они чѣмъ-нибудь встревожены, напримѣръ закидываніе головы назадъ, привычка присѣдать къ землѣ и лягаться, прежде чѣмъ пуститься бѣжать, живо напоминаетъ этихъ жвачныхъ животныхъ. Подобно быкамъ, они имѣютъ обыкновеніе передъ бѣгствомъ внимательно оглядѣть предметъ, внушающій имъ страхъ. Случается, что стадо гну даетъ къ себѣ подбѣжать нѣсколькимъ охотникамъ, не трогаясь при этомъ съ мѣста. Гну рѣдко попадается въ ямы или веревочныя петли. Взрослые плѣнники мечутся, какъ безумные, молодые-же, когда ихъ выкармливаютъ коровнымъ молокомъ и заботливо за ними ухаживаютъ, становятся скоро ручными, такъ что ихъ можно посылать на пастбище съ домашнимъ скотомъ и предоставлять полную свободу. Но такъ какъ боэры думаютъ, что молодые гну часто страдаютъ кожными болѣзнями и могутъ заразить ихъ домашній скотъ, то рѣдко занимаются воспитаніемъ ихъ, вслѣдствіе чего эти животныя не очень часто появляются въ нашихъ зоологическихъ садахъ.

Полезьа отъ убитаго гну та-же, что отъ другихъ африканскихъ дикихъ жвачныхъ: мясо ѣдятъ, такъ какъ оно сочно и вкусно, изъ шкуры выдѣлываютъ разныя кожаныя вещи, а изъ роговъ—ручки для ножей и другіе предметы.

* * *

Второй видъ этого рода, **Полосатый Гну**, *Blauw Wildebeest* боэровъ, **Коконъ**, **Инконеко**, **Нумбо**, и т. д., **Унсосо** туземцевъ (*Catoblepas taurinus*, *Antilope taurina* и *gorgon. Streifengnu*. *Gnou à bandes*) значительно больше обыкновеннаго гну. Длина его болѣе 3 м., вышина въ плечахъ 1,6 м.; кромѣ того онъ отличается отъ своего родича болѣе выпуклымъ носомъ, болѣе высокимъ затылкомъ и болѣе длинной гривой. Преобладающій цвѣтъ шерсти сѣрый, отъ котораго ясно отдѣляются поперечныя черныя полосы; лицевая часть черно-бурая, верхъ головы, волосы на бородѣ и нижней челюсти—черныя, голова съ боковъ грязно-бурая, бока имѣютъ рыжій оттѣнокъ, верхняя часть переднихъ ногъ съ наружной стороны рыжеватобурая съ внутренней свѣтло-сѣровато-бурая, нижняя часть ногъ свѣтлѣе; верхняя половина хвоста желтовато-бурая, нижняя совсѣмъ черная.

Полосатый гну тоже водится въ южной Африкѣ; Селуэцъ не встрѣчалъ его сѣвернѣе р. Замбези, а Бемъ не видалъ его въ восточной Африкѣ; Фишеръ, напротивъ, нашелъ его въ странѣ Массан, а Рейглингъ въ областяхъ верхняго Нила. Животное

это избѣгает холмистыхъ и скалистыхъ мѣстностей, и любитъ преимущественно равнины, поросшія травой, на которыхъ различныя породы мимозъ группируются небольшими рощами; здѣсь живетъ онъ всегда въ сообществѣ дау, какъ обыкновенный гну въ сообществѣ квагги. Подобно своему родичу, онъ тоже перекочевываетъ съ мѣста на мѣсто, смотря по временамъ года. По нраву и привычкамъ онъ мало чѣмъ отличается отъ своихъ родичей. Онъ также любитъ бѣшено кричать и дурачиться, подсакивать близко къ людямъ и съ любопытствомъ оглядывать ихъ; при этомъ онъ дѣлаетъ видъ, что готовится къ нападенію, но вдругъ останавливается, поворачиваетъ назадъ и бѣшено несется по степи, стараясь какъ можно

Полосатый гну. *Calotlepas taurinus*. $\frac{1}{20}$ наст. вел.

поспѣшнѣ скрыться съ глазъ врага. Когда онъ пасется спокойно, то живо напоминаетъ буйвола, но когда придетъ въ движеніе, то похожъ единственно на своего родича, которому онъ вполне уподобляется, какъ образомъ жизни, такъ и нравомъ.

* *

Къ полорогимъ жвачнымъ мы должны присоединить еще одно животное, котораго до нынѣшнихъ временъ считали антилопою, хотя особенное устройство его роговъ, существенно отличающихся отъ роговъ прочихъ полорогихъ, вполне противорѣчитъ этому взгляду. По всей вѣроятности это то самое животное, о которомъ еще сообщаетъ намъ въ 1815 году Германецъ, называя его «Тейтламацеме»; родиной его онъ считаетъ Мексику. Но научное описаніе этого замѣчательнаго жвачнаго появилось только недавно, и тогда явилась возможность исправить ошибку, такъ

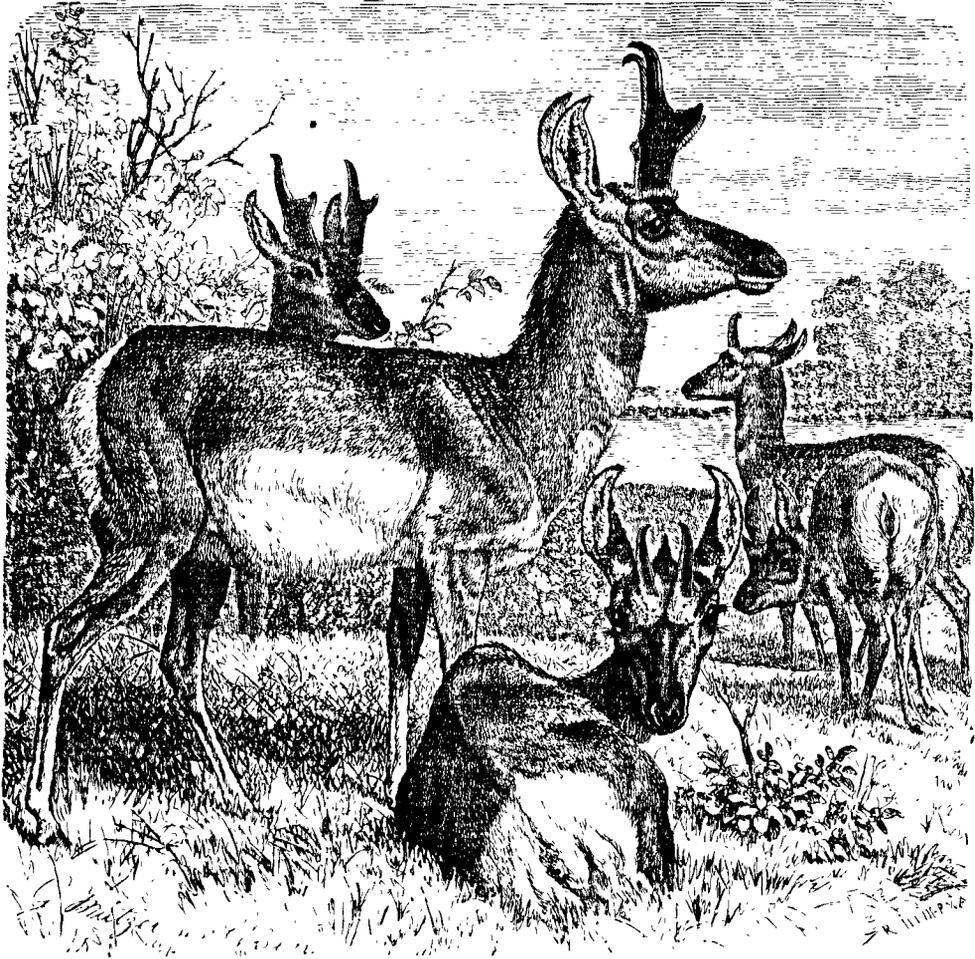
долго и упорно державшуюся среди ученаго міра, и указать то мѣсто, которое принадлежитъ этому животному въ семействѣ жвачныхъ.

Вилорогъ отличается отъ всѣхъ полорогихъ тѣмъ, что его рога, хотя полые, но вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣтвистые, не растутъ всю жизнь, какъ у полорогихъ, но спадаютъ отъ времени до времени и вновь вырастаютъ, какъ у оленей, но совершенно инымъ образомъ. Дальнѣйшія особенности слѣдующія: своеобразныя железы подъ ушами, на крестцѣ, на ягодицахъ по сторонамъ хвоста, и подъ колѣнями, отсутствіе слезныхъ ямочекъ и паховыхъ железъ, копыто, напоминающее ногу жираффы безъ заднихъ или ложныхъ пальцевъ, особое строеніе волосъ и т. д. Всѣ эти признаки дали поводъ Муріесу, который анатомировалъ это животное, назвать его «антилопой съ оленьей головой, ногами жираффы, железами какъ у козы, и шерстью какъ у овцы», чѣмъ онъ доказалъ, лучше всего, что вилорогъ вовсе не антилопа. Всѣ отличительные признаки этого замѣчательнаго жвачнаго такъ своеобразны и существенны, что его нельзя присоединить ни къ какому семейству его отряда, а слѣдуетъ разсматривать отдѣльно, какъ представителя особаго семейства **Вилороговыхъ** (*Antilocapridae*).

Вилорогъ, котораго зовутъ на его родинѣ тоже **Кабри**, **Кабритъ** и **Берендо** (*Antilocapra americana*, *Antilope americana*, *furcifer*, *palmata* и *antiflexa*, *Antilocapra* и *Dicranoceros furcifer*, *Cervus homalus* и т. д. Gabelbock. Cabri), фигурой своей напоминаетъ сильную антилопу; общая длина его 1,5 м.; изъ этого числа на хвостъ идетъ 17—20 см.; вышина въ плечахъ 80 см., а у крестца 20 см. Голова некрасива, похожа на баранью, вытянутая впередъ, суживается постепенно къ мордѣ, а въ концѣ закруглена со всѣхъ сторонъ, лобъ вдавленъ, около глазъ замѣтны выпуклости; большіе темные, выразительные глаза окружены и защищены сильно выдающимися краями глазныхъ впадинъ, передній уголъ этого края выше задняго; на верхнемъ и нижнемъ вѣкѣ замѣчаются щетинистыя рѣсницы; уши довольно длинны и острыя, наружный край ихъ отогнуть, внутренний въ верхней части образуетъ выемку. Шея недлинная, туловище не кажется очень толстымъ, потому что покоится на довольно высокихъ и стройныхъ ногахъ; хвостъ короткій, немного суженный книзу, напоминаетъ болѣе обрубленный хвостъ нѣкоторыхъ породъ оленей, чѣмъ хвостъ антилопы; копыта острыя, похожія на овечьи.

Очень густой мѣхъ покрываетъ все туловище, исключая небольшого голога кольца, окружающаго ноздри, и узкой полоски между ними, покрытой рѣдкими волосами; шерсть состоитъ изъ длинныхъ, волнистыхъ, хрупкихъ и жесткихъ волосъ, безъ подшерстка, которые отъ давленія рукой совершенно прилегаютъ къ тѣлу и не принимаютъ болѣе прежняго положенія. Шерсть удлинняется на затылкѣ и крестцѣ въ видѣ небольшой гривы въ 7—10 см. длины. Рога окружены какъ-бы пушистымъ вѣнкомъ волосъ, которые на ушахъ и ногахъ значительно укорачиваются и становятся рѣже. Въ рисунокѣ мѣха преобладаютъ три различныхъ, рѣзко другъ отъ друга отличающихся цвѣта, что придаетъ этому животному большую пестроту. Красивый нѣжно-рыжевато-чалый цвѣтъ покрываетъ большую часть шеи, всю спину, также какъ и верхнюю часть бедеръ, и принимаетъ на наружной сторонѣ ногъ и ушей нѣжно-рыжевато-желтый отгѣнокъ. Бока, почти съ половины туловища, нижняя и внутренняя часть живота и верхняя часть ногъ—бѣлые; того же цвѣта внутренность ушей и пятнышки подъ каждымъ изъ нихъ, бока головы вмѣстѣ съ губами, подбородкомъ и горломъ; два расположенныя другъ надъ другомъ пятна, изъ которыхъ одно соединяется поперечной полоской съ бѣлой грудью, третье пятно, доходящее до плечъ и, наконецъ, рѣзко ограниченное зеркало, доходящее до верхней трети бедеръ, и волосы на хвостѣ — тоже бѣлые; только около

самого хвоста проходить темная полоса. Наконецъ черно-бураго цвѣта: верхняя часть морды отъ макушки до конца носа, узкая полоска вокругъ глазъ и за щеками, продолговатое, почти закрытое волосами пятно, имѣющее видъ щели и окружающее выводное отверстіе железы, середина затылка и концы волосъ гривы. По срединѣ лицевой части тянется красновато-бурая полоса; окружность глазъ—блѣдно-ржаваго цвѣта, такъ какъ волоса у основанія сѣры, а концы ихъ желтовато-бурые. Рога и копыта черные. Рога бываютъ у обоихъ половъ, но, по свидѣтель-

Вилорогъ. *Antilocapra americana*. $\frac{1}{13}$ наст. вел.

ству Тильмана, они развѣтвляются только у самца. Рога сидятъ по срединѣ лба, подъ самыми глазами, круто поднимаются вверхъ и только на верхушкѣ загнуты крючкомъ; у старыхъ самцовъ рога имѣютъ вдвое большую ширину, чѣмъ толщину, такъ какъ внизу они сильно сплющены; наружная ихъ поверхность не имѣетъ ни колець, ни бороздъ, но чрезвычайно шероховата, груба и бугриста и мѣстами покрыта короткими острыми шипиками. У самцовъ рога бываютъ отъ 25—30 см., а у самокъ 8—10 см. длины.

Хотя вилорогъ, какъ по скелету, такъ и по внутреннему строенію тѣла, имѣетъ существенное сходство съ другими антилопами, но Муріесъ находить у него и въ

этомъ отношеніи особенности, которыя вполнѣ оправдываютъ его выдѣленіе въ особое семейство. Его длинный и низкій черепъ имѣетъ большое сходство съ черепомъ оленя и замѣчательнѣ своими пеньками для роговъ, которыя съ боковъ сдвѣлены, спереди тонки, какъ лезвіе ножа, и тутъ образуютъ тупой уголъ; его глазныя впадины окружены выдающимися краями; уголъ нижней челюсти образуетъ замѣтную дугу. Остальныя кости скелета изящны и тонки, позвоночный столбъ состоитъ, кромѣ шейныхъ позвонковъ, изъ 13 спинныхъ, 6 поясничныхъ, 4 крестцовыхъ и 5 хвостовыхъ позвонковъ. Зубная система ничѣмъ не отличается отъ зубной системы антилопы; желудокъ состоитъ изъ четырехъ частей; желчный пузырь есть.

Образъ жизни вилорога подробно описанъ намъ Левисомъ и Кларкомъ, Ричардсономъ, Одубономъ, Спенсеромъ, Бэрдомъ, принцемъ фонъ-Видъ, а въ новѣйшее время Канфильдомъ, Бартлаттомъ, Финшемъ и Тильманомъ. Вилорогъ распространенъ по всему западу Сѣверной Америки на сѣверъ до Саскачевана и на югъ до Ріо-Гранде, и отъ Миссури до береговъ Тихаго океана. Любимое мѣсто-пребываніе вилорога—покрытая короткой травой преріи. По словамъ Финша, онъ часто встрѣчается въ обширныхъ равнинахъ Канзаса и Техаса и въ степяхъ между Скалистыми горами и Сиера Невадой или въ западныхъ странахъ между этими горами и моремъ. Но онъ вовсе не живетъ, какъ утверждали раньше, исключительно на плоскихъ равнинахъ, такъ какъ Тильманъ встрѣчалъ его на голыхъ горныхъ долинахъ Скалистыхъ горъ на высотѣ до 2500 м. Принявъ во вниманіе то обширное пространство земли, на которомъ должно жить стадо вилороговъ, чтобы быть сытымъ, я думаю, что мы имѣемъ право назвать вилорога осѣдлымъ животнымъ. Левисъ и Кларкъ, которымъ мы обязаны открытіемъ вилорога, утверждаютъ, правда, что онъ зимою перебирается съ равнинъ на горы, но переходы эти объясняются принцемъ фонъ-Видомъ тѣмъ, что животныя боятся холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ, дующихъ въ долинахъ, гдѣ кромѣ того добываніе пищи затруднено выпавшимъ глубокимъ снѣгомъ; вслѣдствіе этого вилороги принуждены переходить на цѣли холмовъ или спускаться въ лежащія между ними овраги, гдѣ они и находятъ пастбища, защищенныя возвышенностями. Подобныя же странствованія предпринимаютъ они и весною, когда изсыкаютъ источники, которыми они пользовались до той поры.

Объ ежедневной жизни вилороговъ и о тѣхъ измѣненіяхъ, которымъ она подвергается въ теченіи года, сообщаетъ намъ подробнѣе и точнѣе всѣхъ Канфильдъ, который, по его собственному увѣренію, такъ-же хорошо изучилъ нравы и привычки этихъ животныхъ, какъ хозяинъ—привычки и потребности своихъ домашнихъ козъ и овецъ. «Я прожилъ», говоритъ онъ, «нѣсколько лѣтъ въ южной части Монтерейскаго округа въ Калифорніи; долина, въ которой я жилъ, имѣла въ длину нѣсколько миль и въ ширину полмили и была окружена холмами, обросшими густою травой; здѣсь наблюдалъ я за вилорогами, охотился за ними, убилъ до 150 штукъ, а нѣсколькихъ поймалъ и воспиталъ. Могу сказать, что они почти каждый день проходили мимо моего дома или пили у источника шагахъ въ ста отъ моего жилища. Въ послѣднемъ случаѣ было нетрудно подстрѣлить ихъ изъ револьвера Кольта. Они появлялись то группами въ 6—8 штукъ, то цѣлыми стадами въ нѣсколько сотъ головъ.

«Съ 1-го сентября до 1-го марта собираются они огромными обществами, состоящими изъ самцовъ, самокъ и ягнятъ. Къ концу этого времени самки отдѣляются отъ стада для родовъ и присоединяются къ прочимъ самкамъ и ихъ дѣтенышамъ только по прошествіи продолжительнаго времени, вѣроятно для совмѣстной защиты отъ койотовъ. Все это время старые самки проводятъ въ одиночествѣ и

попарно, предоставляя молодыхъ животныхъ обоимъ половъ ихъ собственной участи. Эти послѣднія бродягъ, повидимому, безучастныя и скучающія, въ продолженіи 1—2 мѣсяцевъ и въ это время посѣщаютъ мѣста, гдѣ ихъ обыкновенно не видно остальное время года. Черезъ два или три мѣсяца они тоже присоединяются къ самкамъ съ ихъ дѣтенышами, наконецъ появляются и старыя самцы, такъ что съ 1-го сентября можно видѣть стада вилороговъ въ сто, а иногда и въ тысячу головъ. Но стадо никогда не покидаетъ своего мѣсторожденія и не удаляется отъ него далѣе, чѣмъ на нѣсколько миль. Лѣтомъ оно подвигается ближе къ водѣ и правильно появляется разъ въ сутки или два раза въ теченіи трехъ сутокъ у водооя. Но большую часть года, пока вилороги могутъ пользоваться свѣжей травой, они совсѣмъ не нуждаются въ водѣ. Даже въ то время года, когда кругомъ не видать уже было ни травинки, ни листочка, мнѣ случалось находить свѣжій кормъ въ желудкѣ убитаго мною вилорога».

Мы уже знаемъ отъ прежнихъ наблюдателей, что пища вилороговъ состоитъ преимущественно изъ низкой сочной травы прерій; кромѣ того они ѣдятъ мохъ, коренья, а, можетъ быть, и вѣтки деревьевъ. Соленую воду и чистую соль они чрезвычайно любятъ, подобно всѣмъ вообще жвачнымъ; поэтому они живутъ преимущественно около тѣхъ мѣстъ, гдѣ почва пропитана солью. Возлѣ солончаковъ можно часто ихъ видѣть лежачими по цѣлымъ часамъ, послѣ того, какъ они вдоволь нализались соли и напились воды.

Повидимому, одинъ голодъ можетъ прогнать ихъ оттуда. При хорошемъ пастбищѣ они становятся осенью очень жирными, зимою-же, когда снѣгъ покрываетъ землю на цѣлый футъ, они терпятъ большую нужду и должны довольствоваться самой скудной пищей. Тогда вилорогъ быстро спадаетъ съ тѣла; ходьба по снѣгу его сильно утомляетъ, и онъ довольно часто погибаетъ.

Всѣ наблюдатели единогласно восхищаются быстротой и проворствомъ вилороговъ. Можетъ статься, что нѣкоторые виды антилопъ и превосходятъ ихъ въ этомъ отношеніи, но среди животныхъ луговыхъ степей Америки они безспорно занимаютъ въ этомъ отношеніи первое мѣсто. Легко и быстро, «подобно вѣтру въ полѣ», несутся они по равнинѣ, высоко вскидывая свои стройныя ноги. При этомъ они превосходятъ выносливостью всѣхъ жвачныхъ Америки. Финшъ утверждаетъ, правда, что при медленной ходьбѣ они волочатъ ноги, низко опускаютъ голову и что обыкновенная ихъ походка, короткая иноходь, весьма некрасива, но тѣмъ изящнѣе и красивѣе они, когда несутся полнымъ галопомъ. «Вспугнутое стадо вилороговъ», говоритъ Финшъ, «представляетъ такое невыразимо-прекрасное зрѣлище, что, увидавши его разъ, никогда не забудешь». Граціозныя животныя несутся вдоль холмовъ, въ гору и подъ гору съ такою-же увѣренностью и быстротой, какъ и на ровномъ мѣстѣ, и, по словамъ Одюбона, при этомъ такъ проворно перебираютъ своими передними ногами, что невозможно разглядѣть отдѣльныхъ движеній, и они только мелькаютъ передъ глазами, какъ спицы колеса. Канфильдъ увѣряетъ, что вилороги, спасаясь отъ погони, никогда не бѣгутъ по прямому направленію, а мечутся сначала туда и сюда передъ самымъ предметомъ, внушающимъ имъ страхъ, и вдругъ останавливаются въ ста шагахъ отъ него. Они тоже имѣютъ привычку первые 30—40 шаговъ бѣгать рысью, подпрыгивая, какъ лани, всѣми четырьмя ногами разомъ. Послѣ этого они вытягиваютъ туловище, какъ борзые собаки, и пробѣгаютъ полнымъ галопомъ огромныя пространства. По словамъ Одюбона, они тоже легко переплываютъ широкія рѣки. Такія переправы предпринимаютъ они для отысканія лучшихъ пастбищъ, и индѣйцы въ этихъ случаяхъ устраиваютъ особый родъ охоты. Вилороги одарены очень острыми чувствами. Они видятъ очень

далеко, слышать провосходно и за нѣсколько сотъ шаговъ чуютъ врага, крадущагося подъ вѣтромъ. Чуткіе и пугливые, относительно даже умные и во всякомъ случаѣ очень осторожны, вилороги всегда умѣютъ для своихъ дневныхъ стоянокъ выбирать такія мѣста, откуда-бы имъ открывался видъ на всю окрестность; они тоже отлично умѣютъ воспользоваться направлениемъ вѣтра и, кромѣ того, всегда выставляютъ сторожа. Они тщательна избѣгаютъ близости человѣческаго жилища, но домашнихъ животныхъ не чуждаются и даже часто пасутся безбоязненно въ виду коровъ и лошадей. «Вилорогъ», говоритъ Тильманъ, «всегда пасется на открытомъ мѣстѣ и избѣгаетъ лѣсовъ, поэтому лѣшему трудно за нимъ охотиться, но тѣмъ легче подѣхать къ нему на лошади или въ экипажѣ». Какъ Тильманъ, такъ и Финшъ особенно наираютъ на то обстоятельство, что вилороги почти никогда не пугаются вида летящаго имъ на встрѣчу поѣзда желѣзной дороги, а, напротивъ того, бѣгутъ ему вслѣдъ и провожаютъ на нѣкоторомъ протяженіи. Но одинъ видъ даже одинокаго человѣка пугаетъ ихъ больше, чѣмъ цѣлый желѣзнодорожный поѣздъ.

Половое возбужденіе начинается въ сентябрѣ. Около шести недѣль самцы находятся въ возбужденномъ состояніи и борются между собою довольно яростно. Самый ранній срокъ рожденія дѣтенышей—май, самый поздній—половина іюня. Обыкновенно самка мечетъ двухъ дѣтенышей, совершенно похожихъ по цвѣту мѣха на родителей, только на немъ еще нѣтъ пятенъ. Годовалыя самки рѣдко приносятъ болѣе одного дѣтеныша. Послѣ двухъ недѣль молодой вилорогъ дѣлается настолько сильнымъ и проворнымъ, что можетъ вмѣстѣ съ быстрогой матерью спасаться отъ преслѣдованія волка или другихъ четвероногихъ враговъ. Но если случится, что волкъ подобрется къ безпомощному еще дѣтенышу, то мать обнаруживаетъ противъ своего страшнаго противника изумительное мужество: она бросается на него, бьетъ коротенькими рожками и пускаетъ въ ходъ свои переднія ноги, которыми умѣетъ наносить очень чувствительные удары; если волкъ не очень силенъ и не очень голоденъ, она нерѣдко обращаетъ его въ бѣгство. Принцъ фонъ-Видъ нашелъ однажды въ концѣ апрѣля въ преріи только-что родившагося дѣтеныша; при видѣ всадниковъ, онъ пугливо прижался къ землѣ и легко могъ-бы быть захваченъ живымъ, если бы охотники могли его взять съ собою. Матери не было по близости; она, вѣроятно, отправилась за пищей, какъ это часто дѣлаютъ и наши олени.

Молодые вилороги, какъ почти всѣ жвачныя, растутъ сравнительно весьма быстро. Уже около конца іюня появляются у обоихъ половъ короткіе, тупые конусообразные рожки, которые въ декабрѣ достигаютъ 2-5 см. величины; но съ этого времени они больше не растутъ, а скоро совсѣмъ спадаютъ, и на ихъ мѣсто вырастаютъ новые. Но вся процедура сбрасыванія и новаго выростанія роговъ у вилороговъ такъ существенно отличается отъ обыкновенной смѣны роговъ другихъ оленей, что я обстоятельно хочу потолковать объ этомъ предметѣ.

Первый натуралистъ, который сдѣлалъ наблюденія надъ смѣною роговъ вилорога и записалъ ихъ, былъ Канфильдъ; но изслѣдованіе его объ этомъ предметѣ, посланное Барду въ сентябрѣ 1858 года, было впервые обнародовано этимъ натуралистомъ лишь въ 1886 году. Поэтому-то Бардлатъ, воспитавшій вилороговъ въ Лондонскомъ зоологическомъ саду, по праву считается первымъ писателемъ, обогатившимъ науку свѣдѣніями объ этомъ, повидимому, невѣроятномъ фактѣ. Оба эти сочиненія, вполне согласныя между собою, подтверждаются другими наблюденіями: такъ, напримѣръ, у меня есть отчетъ Мютцеля, который, на основаніи собственныхъ наблюденій, такъ ясно изобразилъ процессъ сбрасыванія роговъ, что

я бы на немъ основалъ все дальнѣйшее изложеніе, если-бъ не придерживался того мнѣнія, что право приоритета должно охранять во что-бы то ни стало.

Послѣ довольно длиннаго вступленія Бартлэтъ сообщаетъ, что у вилорога, воспитаннаго имъ, были маленькіе рога, которые въ серединѣ октября вдругъ начали быстро расти, причѣмъ они не только увеличивались въ длину, но и въ тоже время все больше и больше удалялись другъ отъ друга. Утромъ 7-го ноября сторожъ не безъ нѣкотораго волненія сообщилъ ему, что вилорогъ потерялъ одинъ изъ своихъ роговъ; Бартлэтъ сейчасъ-же отправился въ хлѣвъ и пришелъ въ него какъ разъ въ то время, когда у вилорога отпалъ и второй рогъ. Съ наименьшимъ удивленіемъ замѣтилъ онъ, при болѣе тщательномъ осмотрѣ животнаго, два новыхъ рога на мѣстѣ старыхъ; они были покрыты длинными, прямыми и мягкими волосами, а ихъ костяные пеньки были окружены роговымъ веществомъ.

Кровотеченія, которымъ обыкновенно сопровождается потеря настоящихъ полыхъ роговъ или отпаденіе роговъ оленей, не было замѣтно вовсе. Новые рога казались толще, чѣмъ внутренняя полость старыхъ, обстоятельство, объяснимое тѣмъ, что густые волосы у основанія роговъ скрывали постепенное приподыманіе старыхъ роговъ. На основаніи быстрого роста новыхъ роговъ можно было съ достовѣрностью вывести, что процессъ этотъ вполнѣ нормальный: очевидно, что животное должно было перемѣнить свои рога. Это предположеніе вполнѣ подтверждается сообщеніями Канфильда, опубликованными въ докладѣ Бартлэта. Одинъ изъ воспитанныхъ вышеупомянутымъ американцемъ вилороговъ достигъ возраста трехъ лѣтъ и въ теченіи этого времени такъ правильно сбрасывалъ рога, что можно было наблюдать не только двукратную перемѣну роговъ, но даже и ихъ дальнѣйшее развитіе. Прежде чѣмъ продолжать цитировать Канфильда, я сообщу наблюденія Мютцеля, потому что они значительно полнѣе сообщеній Бартлэта.

«Молодой вилорогъ», пишетъ нанчъ художникъ, «имѣлъ при своемъ прибытіи въ Берлинскій зоологическій садъ прямые рожки въ 3 см. длины, сжатой конусообразной формы; кончики ихъ загибались во внутрь и мало выступали изъ за длинныхъ волосъ верхней части головы. Первое время они, казалось, не увеличивались въ вышину и только послѣ 4 мѣсяцевъ сталъ замѣтенъ сильный ростъ, такъ что наконецъ они достигли 9 см. вышины. Разъ утромъ сторожъ нашелъ отпавшій рогъ. Въ немъ было соответствующее конусообразному пеньку углубленіе въ видѣ воронки; на концѣ онъ былъ массивенъ, но у краевъ воронки очень тонокъ; снаружи былъ гладокъ, у корня изборожденъ, подобно древесной корѣ, а сверху и снизу покрытъ одиноко стоящими волосами, которые, казалось, выросли изъ роговой массы. Кротость животнаго позволила сдѣлать подробный осмотръ головы. Костяной отростокъ, который закрывался отпавшимъ рогомъ, былъ покрытъ черноватой, тонкой, мягкой, похожей на каучукъ кожей, которая вполнѣ обрисовывала форму кости со всѣми ея бороздками. Эти послѣднія, въ глубинѣ которыхъ видны были слабыя слѣды крови, винтовой линіей сбѣгались къ концу рога. Эта тонкая кожа составляла образовательный слой для будущаго рога, который быстро развивается и съ поразительной быстротой увеличивается въ ростѣ, во всю длину растущаго вмѣстѣ съ нимъ костяного пенька и въ каждой точкѣ ея поверхности. Уже въ августѣ онъ достигъ 17 см. длины, а наибольшій діаметръ его равнялся почти 4—5 см. Рогъ былъ покрытъ глубокими бороздками и четкообразными наростами; кромѣ того на роговой массѣ росли волосы. Другой рогъ долгое время слабо держался на костяномъ пенькѣ и, казалось, былъ прикрѣпленъ къ кожѣ только своимъ нижнимъ краемъ, потому что его можно было слегка повертывать пальцами вокругъ оси безъ того, чтобы животное обнаружило малѣйшую боль или даже неудовольствіе. Только черезъ нѣ-

сколько мѣсяцевъ животное потеряло второй старый рогъ, который сидѣлъ на новомъ какъ простой футляръ, т. е. безъ всякой органической съ нимъ связи, но все-таки имѣлъ вредное вліяніе на развитіе новаго рога. Вѣроятно вслѣдствіе поврежденія костяного пенька, причиненнаго неловкимъ движеніемъ подвижнаго животнаго, этотъ рогъ изогнулся наружу, тогда какъ кончикъ прежде отпавшаго былъ изогнутъ во внутрь. Вилообразные отростки начали показываться въ августѣ. Но вначалѣ приняли форму большой круглой шишки, похожей на выростающую вѣтвь роговъ оленей. Уже 19 октября тотъ-же самый виловогъ сбросилъ рога во второй разъ и сначала позже выросшій и криво растущій рогъ, который достигъ 13 см. длины. Только самый кончикъ былъ сплошной; толщина стѣнки постепенно убавлялась по направленію къ основанію, такъ что суживающаяся кверху полость доходила почти до конца рога. Наружная сторона была скудно, а внутренняя очень густо усажена бѣлыми волосами; короткій, т. е. едва достигающій 3 см. лобный пенекъ, былъ покрытъ толстымъ слоемъ новаго рогового вещества, которое образовало острый кончикъ и было богато кровеносными сосудами, но, по-видимому, не обладало чувствительностью; этотъ отростокъ можно было еще согнуть безъ большого усилія. Черезъ 14 дней отпалъ и второй рогъ».

Такъ какъ этотъ виловогъ, къ сожалѣнію, скоро околѣлъ, то дальнѣйшія наблюденія стади невозможны; но получилось полное подтвержденіе данныхъ Канфильда. Отъ этого послѣдняго узнаемъ мы еще слѣдующее. Третьи рога измѣняютъ свою форму такимъ образомъ, что поперечный разрѣзъ ихъ не круглый, а яйцевидный и на этихъ рогахъ сразу видна развилина. У корня каждаго костяного пенька и сначала отдѣльно отъ него образуется второй пенекъ, который очень скоро соединяется со старымъ пенькомъ и служитъ для образованія новаго рога. Рога имѣютъ въ длину 23 см., а развилина или вѣтвь около 8 см. Къ слѣдующему іюню наконецъ рога вполнѣ развиваются, оставаясь послѣ каждой смѣны болѣе или менѣе одинаковыми и увеличиваясь только въ вышину. Можно предположить, что новое роговое вещество образуется отъ срастанія волосъ, которые находятся между костянымъ пенькомъ и роговымъ футляромъ и которые въ данное время начинаютъ разрастаться и сталкиваютъ старые рога. Съ ноября до января незамѣтно строгаго различія между волосами и собственно рогомъ; все это мѣсто густо покрыто волосянымъ войлокомъ, который не слѣзаетъ, какъ у оленей, но постепенно отпадаетъ вмѣстѣ съ утолщеніемъ рогового вещества. Лѣтомъ тоже очень ясно замѣтно различіе между волосами и рогами.

Пойманные въ старости виловоги, какъ кажется, не могутъ свыкнуться съ потерей свободы. Тѣ, которыхъ ловили зимою въ глубокомъ снѣгу, оставленные въ огороженномъ мѣстѣ, казались въ высшей степени добродушными, даже довѣрчивыми, но только до тѣхъ поръ, пока продолжалась ихъ слабость и усталость. Какъ только голодъ былъ удовлетворенъ, у нихъ являлось страстное стремленіе къ неограниченной свободѣ, и они проявляли свою природную дикость. Тогда они начинали бѣгать и прыгать, какъ бѣшеные, на рѣшетку своей изгороди и бѣсновались до тѣхъ поръ, пока не падали за-мертво. Даже вскорѣ послѣ рожденія взятыхъ животныхъ обыкновенно умирали послѣ недолгой неволи, если только не пользовались особенно тщательнымъ уходомъ. Канфильдъ собралъ объ этомъ богатая свѣдѣнія. По его мнѣнію, маленькихъ виловоговъ въ возрастѣ нѣсколькихъ дней легко поймать и воспитать; недѣльныхъ-же уже гораздо труднѣе выходить. Изъ 20 дѣтенышей, которыхъ только что упомянутый наблюдатель поймалъ въ продолженіи трехъ лѣтъ, ему удалось воспитать только двухъ. причемъ онъ сначала давалъ имъ молоко изъ коровьяго рога съ придрѣланнымъ къ нему и обвязаннымъ тряпками стволомъ пера, а

потомъ приучилъ ихъ пить парное молоко изъ сосуда. Почти все пойманное вилороги несомнѣнно отъ несвойственного имъ коровьяго молока страдали сначала поносомъ; если имъ удавалось счастливо его перенести, они жили два, три мѣсяца, росли медленно, болѣли золотушными нарывами или воспаленіемъ суставовъ, слабѣли, худѣли и умирали. Нашъ любитель животныхъ достигъ-бы болѣе благоприятныхъ результатовъ, если-бы онъ далъ молодымъ дикарямъ здоровую и добрую козу въ мамки, потому что, какъ онъ самъ говоритъ, молоко вилорога такъ густо, что никакъ не можетъ быть замѣнено коровьимъ. Канфильдъ увѣряетъ, что никогда не видѣлъ воспитанной въ неволѣ самки вилорога и поэтому считаетъ самцовъ несравненно болѣе сильными и живучими; я же замѣчу отъ себя, что послѣднее мнѣніе опровергнуто, потому что живыхъ самокъ вилорога уже привозили въ Европу.

Тотъ вилорогъ, надъ смѣною роговъ котораго Канфильдъ производилъ свои наблюденія, былъ очень милъ и веселъ, а также выказывалъ много подвижности и смѣлости. Днемъ онъ пасся всегда въ виду дома, а ночью спалъ близъ него; любилъ бѣгать вмѣстѣ съ собаками и, такъ какъ ни одна изъ нихъ не могла его догнать, то онъ становился во главѣ стаи, даже если собаки ночью травили койота. Вмѣстѣ со своимъ хозяиномъ онъ съ удовольствіемъ ходилъ на охоту, и, если хозяинъ терялъ его или собакъ изъ виду, онъ бѣжалъ прямо домой, иногда на разстояніи 12 англійскихъ миль. Часто присоединялся онъ къ своимъ дикимъ товарищамъ, когда тѣ бродили въ долину, но всегда возвращался назадъ, даже когда ему случалось доходить съ ними до самыхъ холмовъ. Охотно давалъ онъ слегка чесать себѣ голову или играть рогами, но не позволялъ дотронуться ни до какой другой части тѣла, а если кто пробовалъ это сдѣлать, онъ становился настолько-же неприступнымъ и упрямымъ, насколько прежде былъ кротокъ и милъ. Къ несчастью, одинъ мулъ ударомъ ноги сломалъ ему ногу. Въ лубкѣ и забинтованный онъ быстро поправился, но утратилъ свою прежнюю ловкость и влѣдствіе этого скоро сталъ добычей волковъ. Привезенные въ Европу вилороги замѣчательно плохо уживались и погибали отъ различныхъ болѣзней. Содержавшійся въ Берлинскомъ зоологическомъ саду вилорогъ умеръ отъ глистомъ.

Еще 20—25 лѣтъ тому назадъ охота на вилороговъ производилась вяло, по сообщеніямъ принца Вида, и то только «въ крайнемъ случаѣ, когда нельзя было достать мяса бизонювъ». Въ то время индѣйцы были самыми опасными врагами этого животнаго; теперь-же европейцы не уступаютъ имъ въ страсти къ этой охотѣ. По словамъ Одюбона, индѣецъ перенимаетъ у волка способъ охоты, основывая его тоже на любопытствѣ вилороговъ; онъ принимаетъ необыкновенныя позы, дѣлаетъ руками и ногами странныя движенія и такимъ образомъ заставляеть изумленное животное приблизиться на разстояніе выстрѣла. Вышеупомянутый наблюдатель увѣряетъ, что онъ самъ могъ убѣдиться въ вѣрности этихъ показаній. «Во время одной изъ нашихъ охотъ», говоритъ онъ, «мы подошли къ вилорогу и рѣшили озадачить его вышесказаннымъ способомъ. Мы легли на спину въ траву и подняли на воздухъ сначала одну, а потомъ другую ногу. Замѣчательно то, что вилорогъ медленно сталъ подходить къ намъ, хотя и съ величайшей осторожностью и большимъ недоувѣріемъ. Но онъ все ближе и ближе подходилъ къ намъ и скоро дѣйствительно оказался на разстояніи выстрѣла». Въ настоящее время, по словамъ Финна, никто не знаетъ о подобной охотѣ и смѣются надъ такими охотничьими расказами. Однако Тильманъ упоминаетъ о сильномъ любопытствѣ этого животнаго, указывая на то, что онъ самъ видѣлъ удивительныя примѣры этого. Вообще тамъ, гдѣ водятся вилороги, немало встрѣчается людей, которые-бы занимались охотой на нихъ, такъ какъ она сопря-

жена съ большими трудностями. Обыкновенный родъ охоты — это охота съ ружьемъ по слѣду, которая требуетъ по крайней мѣрѣ столько-же терпѣнія и напряженія, сколько охота на сернь. Между тѣмъ какъ на охотѣ за сернами охотнику очень помогаетъ знакомство съ излюбленными тропинками, по которымъ ходятъ эти животныя, при охотѣ на вилорога онъ долженъ полагаться единственно на свое искусство подкрадываться; а кто по собственному опыту знакомъ съ безлѣсными степями Запада, знаетъ, чего это стоитъ.

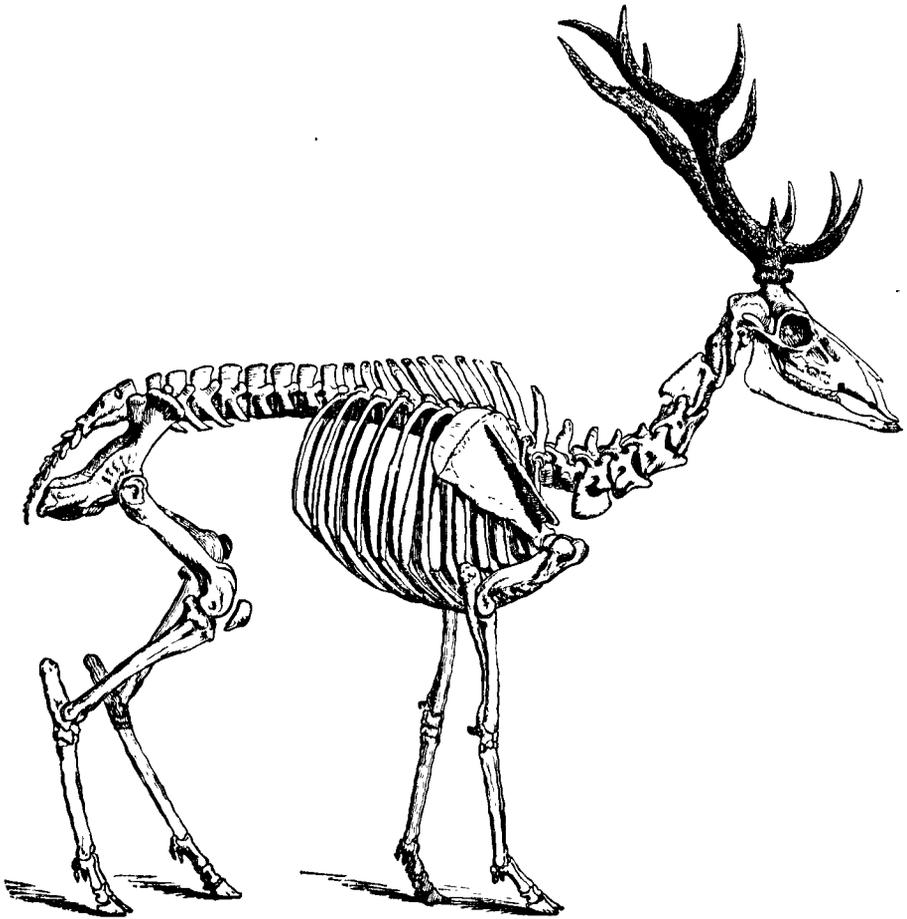
Польза отъ этой охоты немаловажна. Многимъ людямъ противно мясо этого животнаго, вслѣдствіе свойственнаго ему сильнаго отталкивающаго запаха; но большинство европейцевъ находятъ, что оно имѣетъ совѣмъ отличный отъ мяса оленей и косуль, необыкновенно пріятный вкусъ и потому по праву можетъ считаться однимъ изъ тончайшихъ блюдъ западныхъ странъ Сѣверной Америки. Жиръ отличается своей твердостью, почему изъ него выдѣлываютъ свѣчи. Легкая и мягкая кожа употребляется индѣйцами на изготовленіе рубашекъ, а европейцами на выдѣлку перчатокъ.

Ни одна группа изъ всего отряда не можетъ быть такъ легко охарактеризована, какъ семейство **Оленей** (Cervidae). Это жвачныя съ вѣтвистыми рогами. Этими словами мы достаточно ихъ опредѣлили, потому что все остальное рядомъ съ этой особенностью имѣетъ второстепенное значеніе. Отъ кабарги, имѣющей болѣе простую организацію, олени отличаются значительной величиной, почти всегда хорошо развитыми слезными ямочками, отсутствіемъ или слабымъ развитіемъ клыковъ и встрѣчающимися у большинства видовъ особенными волосяными щетками на заднихъ ногахъ. Олени стройны и красивы, туловище изящно и довольно вытянуто, шея сильна и пропорціональна, голова къ концу морды сильно сужена, ноги высоки и тонки; пальцы снабжены очень развитыми задними копытцами и узкими, острыми копытами. Большіе живые глаза, прямостояція, узкія, довольно длинныя и подвижныя уши, гладкая верхняя губа и 6 коренныхъ зубовъ на каждой челюсти — вотъ прочіе признаки этого семейства.

Рога бываютъ большею частью только у самцовъ. Это, какъ сказано выше, парные вѣтвистые отростки, состоящіе изъ вещества, похожаго на кость, которые ежегодно отпадаютъ и потомъ снова вырастаютъ. Ихъ выростаніе и отпаденіе находится въ тѣсной связи съ половую дѣятельностью. Рога у оскопленныхъ оленей остаются всегда въ одномъ и томъ-же положеніи, т. е. они носятъ ихъ постоянно, если они были оскоплены въ то время, когда у нихъ были рога; или остаются безъ роговъ, если были оскоплены какъ разъ въ то время, когда они только-что сбросили рога; у тѣхъ оленей, у которыхъ отрѣзана только одна изъ сѣмянныхъ железъ, рога вырастаютъ только съ неповрежденной стороны. Уже до рожденія оленя мѣсто, гдѣ должны вырости рога, обозначается сильнымъ утолщеніемъ черепа. На шестомъ или восьмомъ мѣсяцѣ послѣ рожденія образуется возвышеніе лобной кости — костяной пенекъ, который приподымаетъ за собою наружные покровы и остается на всю жизнь; это такъ называемая «дудка» (Rosenstock), на которой и вырастаютъ потомъ рога. Сначала рога имѣютъ одинъ стволъ, вслѣдствіи они развѣтвляются все болѣе и болѣе, причемъ отъ главнаго ствола идутъ отростки, число которыхъ можетъ дойти до 12 на каждой сторонѣ.

«Съ годами у оленя», говоритъ Блазіусъ, «происходитъ значительная перемѣна въ рогахъ. Первое и самое значительное измѣненіе испытываютъ дудки, которыя при постоянномъ ростѣ костяныхъ пеньковъ съ каждымъ годомъ все расширяются и все болѣе приближаются къ серединѣ лба; такимъ образомъ выступъ лба по-

немногу подвигается назадъ и вмѣстѣ съ тѣмъ относительно уменьшается мозговая часть черепа. Но еще удивительнѣе измѣненіе въ формѣ роговъ и числѣ вѣтвей. Молодые рога, зарожденіе которыхъ и служитъ причиною отпаденія старыхъ, сначала покрыты богатой сосудами волосистой кожей, шишковаты, мелки и гибки. Сначала появляются на главномъ стволѣ нижнія, затѣмъ верхнія вѣтви, и, когда онѣ окончательно развились и концы ихъ окостенѣли, кровообращеніе останавливается,

Скелетъ благороднаго оленя.

и олени чувствуютъ потребность удалить кожу или кору, которая начинаетъ отваливаться сама собой».

Измѣненіе роговъ и дальнѣйшее ихъ развитіе идетъ слѣдующимъ путемъ: прежде чѣмъ олень достигнетъ одного года, образуются, какъ непосредственное продолженіе дудки, конусообразные прямые отростки; эти отростки у нѣкоторыхъ видовъ оленей отпадаютъ и въ слѣдующемъ году въ такомъ-же видѣ снова появляются; но у большинства оленей рога получаютъ уже на второмъ году одинъ или два отростка или вѣтви. Весною третьяго года повторяется тотъ-же процессъ, но вновь выросшій рогъ имѣетъ еще одну лишнюю вѣтвь сравнительно съ предыдущимъ годомъ; такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока рога не достигнутъ наибольшаго своего развитія. Болѣзни или плохая пища нерѣдко задерживаютъ развитіе, причемъ вновь

выросшіе рога насчитываютъ одною или двумя вѣтвями менѣе, чѣмъ прежде; точно также обильная пища и покойная беззаботная жизнь можетъ ускорить развитие роговъ.

Максъ Шмидтъ такъ точно и вѣрно описываетъ образованіе и развитіе роговъ, что я не могу сдѣлать ничего лучшаго, какъ въ послѣдующемъ изложеніи опираться на его изслѣдованія. У новорожденного оленя мѣсто, на которомъ впоследствии вырастаютъ рога, обозначается обыкновенно закрученными волосами и кажется скорѣе углубленнымъ, чѣмъ возвышеннымъ. Къ концу перваго года или въ началѣ втораго постепенно вырастаютъ дудки и, какъ только онѣ достигнутъ окончательной своей величины, становятся замѣтными первые признаки выростающаго настоящихъ роговъ. Дудка всегда покрыта кожей и, смотря по виду животнаго, достигаетъ различной высоты: причѣмъ иногда она едва подымается надъ поверхностью лобной кости, иногда бываетъ въ 2—5 см.; а въ нѣкоторыхъ случаяхъ достигаетъ 15 см. Вѣтви, появляющіяся на рогахъ на второмъ году, бываютъ или низкими бугристыми, или-же вытянутыми и конусообразными, очень различной величины, смотря по виду животнаго; на низкихъ всегда, а на длинныхъ только иногда появляется раздвоеніе. Подобнымъ образомъ совершается и въ послѣдующіе годы развитіе роговъ.

Рога на дудкѣ прикрѣпляются такимъ образомъ, что большія или маленькія возвышенности на корнѣ роговъ какъ-бы вставлены въ соотвѣтствующія углубленія на поверхности дудки, и наоборотъ. Это соединеніе такъ тѣсно, что въ поперечномъ разрѣзѣ только-что образовавшихся роговъ оно совсѣмъ незамѣтно, и только послѣ высыхания кожи представляется на разрѣзѣ въ видѣ тонкой зубчатой линіи. Вслѣдствіе этого, если силою ломать рогъ, который еще не скоро долженъ отпасть, то онъ нелегко сломится въ мѣстѣ соединенія, а скорѣе дудка отломится отъ лобной кости.

У большинства оленей за нѣсколько дней до сбрасыванія роговъ замѣчается опухоль кожи, которая окружаетъ дудку и корни роговъ; олень бережетъ свои рога, избѣгаетъ ударовъ ими и этимъ показываетъ, что испытываетъ необычное болѣзненное чувство на этомъ мѣстѣ.

Рога спадаютъ или вслѣдствіе собственной тяжести, или благодаря какому-нибудь внѣшнему толчку. Въ высшей степени рѣдко отпадаютъ оба рога заразъ; большею частью проходитъ нѣкоторое время, отъ нѣсколькихъ минутъ до нѣсколькихъ дней, между отпаденіемъ перваго и втораго рога. По всему поведенію оленя, особенно по тому, какъ онъ держитъ голову и опускаетъ уши, видно, что сбрасываніе роговъ, если не причиняетъ ему боли, то во всякомъ случаѣ сопряжено съ неприятнымъ чувствомъ. Уже за нѣсколько дней передъ тѣмъ онъ не бодается, но заціццается, какъ самка, ударами переднихъ ногъ. Послѣ отпаденія одного рога его безпокоитъ неравномѣрная тяжесть, заставляющая его сильно наклонять голову въ одну сторону; онъ часто трясетъ ея, какъ будто хочетъ сбросить и второй рогъ. Случается, впрочемъ, довольно рѣдко, что онъ насильственно удаляетъ рога; это бываетъ чаще всего тогда когда они были неправильны.

Непосредственно за отпаденіемъ начинается и новое образованіе головного украшенія. Земмерингъ взялъ на себя трудъ наблюдать за ростомъ роговъ благороднаго оленя, содержавшагося въ неволѣ, и затѣмъ записалъ свои наблюденія; его описанія дадутъ очень вѣрную картину этого процесса. «Сейчасъ-же послѣ отпаденія одного изъ роговъ», говоритъ онъ, «нижній край его былъ сухъ, по крайней мѣрѣ крови не было; кровеносные сосуды здѣсь слѣдовательно окончательно засохли и были пусты. Замѣтно было спереди и сзади, а сплошь только по краю дудки между

бугорками (Perlen), окружающими ее верхнюю поверхность, отверстія многочисленныхъ каналовъ, черезъ которые питающіе сосуды достигали кожи роговъ. Болѣе мелкіе изъ нихъ содержали въ себѣ артеріи, которыя почти все брали свое начало изъ сонной артеріи. Во время образованія роговъ вѣтви сонной артеріи необыкновенно сильно развѣтвляются и удлинняются; онѣ окружены еще болѣе толстыми венами, костяные каналы которыхъ видѣются между каналами артерій; путь этихъ венъ еще яснѣе обозначается въ болѣе широкихъ бороздкахъ роговъ. Вслѣдствіе того, что олени сильно трутся своими рогами о деревья, когда сдираютъ съ нихъ сухую кожу, на краяхъ гладкихъ концовъ роговъ эти каналы сглаживаются и окончательно исчезаютъ. Сердцевина роговъ на нижней поверхности менѣе тверда и крѣпка, чѣмъ края ихъ, а также болѣе ноздревата и шероховата и потому не такъ тѣсно слита съ пенькомъ лобной кости, и соединена съ ней не настоящимъ швомъ. Послѣ отпаденія обоихъ роговъ олень, живущій на волѣ, ищетъ покоя, ложится въ уединенное мѣсто и кажется усталымъ и робкимъ, чувствуя потерю своего оружія. Онъ низко держитъ голову, избѣгаетъ всякаго толчка, всякаго прикосновенія лба о твердые предметы.

«Круглая площадка, на которой сидѣлъ рогъ, имѣетъ 50 м.м. въ діаметрѣ, покрыта сгусткомъ крови и сукровицы, но уже окаймлена вздутымъ черновато-фіолетовымъ кольцомъ, шириною въ 8 м.м.; это-то новообразование сосудовъ, явившееся, повидимому, еще до отпаденія рога, проникнувъ изъ кожи, окружающей дудку, произвело размягченіе и отпаденіе рога. Кровь въ дудкѣ задерживается отсыханиемъ отжившихъ роговъ; сосуды переполняются кровью на верхушкѣ пеньковъ и образуютъ вздутое кольцо, которое понемногу и подтачиваетъ рога, отдѣляетъ ихъ отъ кожи лба и такимъ образомъ содѣйствуетъ ихъ отпаденію. Изъ этого сосудистаго валика впоследствии образуется вѣнчикъ дудки (Rose) съ ее жемчуговидными бугорками (Perlenkralz) посредствомъ выдѣленія известковой костяной массы. Ее еще нѣтъ у первыхъ роговъ молодыхъ оленей, тонкій стволъ которыхъ сидитъ на высокомъ отросткѣ лобной кости. Съ каждымъ годомъ этотъ стволъ увеличивается въ ширину, но уменьшается въ высоту, потому что при отпаденіи рога уничтожается всегда верхній слой его.

«Уже на второй день послѣ отпаденія мѣсто язвы покрывается черновато-красно-коричневою корою, стягивается къ серединѣ, между тѣмъ какъ вздутое кольцо становится шире и выше. На четвертый день рана собственно уже очень мала, въ діаметрѣ около 28 м.м., кольцо-же въ 12 м.м. ширины, выпукло и морщинисто, его тонкая верхняя кожица такъ чувствительна, что изъ подъ нея легко сочится кровь. То же самое замѣтно и на 8-ой день; только кольцо видимо становится шире и выше, но остается вполнѣ круглымъ, не возвышаясь надъ окружающими волосами. На 14 день середина ранки снова замѣтно уменьшается. Кровянистое кольцо во всей своей окружности, а особенно спереди, переходитъ за край покрытаго волосами лобнаго отростка, такъ что ясно виденъ зачатокъ глазной вѣтви роговъ, которая должна образоваться. Считая отъ его верхушки, эта опухоль, или скорѣе шишка, имѣетъ въ діаметрѣ около 72 м.м., тогда какъ сзади кольцо бываетъ только 16 м.м. ширины. На 20 день эти темно-сѣрыя шишки, раздувшіяся во все стороны, начинаютъ покрываться бѣловатыми волосами; ихъ верхняя кожа становится тверже и не только то мѣсто сильнѣе выступаетъ, гдѣ долженъ образоваться глазной отростокъ, но и задняя часть шишки, изъ которой долженъ вырости стволъ рога, становится шире, выше и плотнѣе. Въ это-же время окончательно исчезаетъ маленькая углубленная сердцевина, и шишка начинаетъ быстрѣе расти и въ высоту, и въ ширину. Кромѣ глазнаго отростка, который на 23 день достигаетъ

60 м.м. длины, замѣтно еще раздѣленіе шишки на переднее меньшее и заднее большее полушарообразное утолщеніе, изъ которыхъ образуется вторая вѣтвь и самый стволъ рога. Онъ густо покрытъ бѣловатыми волосами и потому получаетъ сѣрую окраску. Въ теченіи слѣдующихъ 10 дней видъ шишекъ значительно измѣняется: зачатки роговъ со всѣми развѣтвленіями уже ясно замѣтны, всѣ вѣтви обозначаются болѣе или менѣе выдавшимися частями и бугорками шишки. Послѣдняя походитъ на растеніе, которое весною послѣ зимняго покоя образовало свой стебель, на которомъ еще только показываются листья и цвѣты, послѣ того какъ закончился ростъ корня. Теперь только замѣтно голубоватое, богатое кровеносными сосудами кольцо, образовавшееся на верхнемъ краѣ дудки у основанія роговъ: это начало образующейся, такъ называемой «розы» съ ея четкообразно расположенными бугорками. Надъ нимъ возвышается глазная вѣтвь; конецъ рога становится очень широкимъ и начинаетъ вѣтвиться. 12 дней спустя, на 45 день роста, послѣднее развѣтвленіе роговъ еще не совершилось окончательно. На 59 день всѣ вѣтви стали довольно длинными, а глазная вѣтвь уже заострилась. Верхняя часть рога окончательно развѣтвляется на 62 день и вполне образуется на 79, но все еще бываетъ покрыта густо заросшей волосами и богатой сосудами кожей, которая, должно быть, очень чувствительна, потому что олень все еще бережетъ свои рога. Еще на 120 день, когда рога совсѣмъ выросли и вѣтви ихъ даже на концахъ достигли крѣпости кости, изъ глазной вѣтви сочится кровь при малѣйшемъ раздраженіи. Еще черезъ 20 дней олень, о которомъ шла рѣчь, принялся тереть рога о деревьяхъ».

Только-что описанный процессъ образованія роговъ относится ко всѣмъ оленямъ, съ тою разницей, что у однихъ ростъ требуетъ больше времени, у другихъ меньше. Послѣ того, какъ кора или кожистая оболочка сослужила свою службу, она сохнетъ, и олень оттираетъ висящія лохмотья ея о деревья и кусты, причемъ въ то же самое время рога становятся темнѣе, главнымъ образомъ отъ сока попорченныхъ ими растеній. Обыкновенно форма роговъ очень правильна, хотя мѣстными условія и пища могутъ производить нѣкоторыя измѣненія въ нихъ. Для характеристики вида рога всегда могутъ служить отличительными признаками, хотя нѣкоторые натуралисты и считаютъ этотъ способъ опредѣленія видовъ не научнымъ.

По внутреннему устройству тѣла олени сходны съ остальными жвачными и не требуютъ особаго описанія. Что у оленей нѣтъ желчнаго пузыря, было указано выше.

Уже съ незапамятныхъ временъ олени были распространены по всей землѣ. Въ настоящее время они водятся во всѣхъ частяхъ свѣта, за исключеніемъ Эоіопской и Австралійской областей; они живутъ во всѣхъ климатахъ, въ равнинахъ, какъ и на горахъ, въ открытыхъ мѣстахъ и лѣсахъ. Одни живутъ на высотахъ, на подобіе сернь, другіе запрятавшіеся насколько возможно въ густыхъ лѣсахъ, иные въ песчаныхъ степяхъ, другіе въ тосяхъ и болотахъ. Смотря по времени года, они мѣняютъ свое мѣстожительство, причемъ, отыскивая пищу, то поднимаются на высоты, то опускаются въ равнины. Нѣкоторые бродятъ и, смотря по обстоятельствамъ, иногда предпринимаютъ довольно большія странствованія. Всѣ они общественныя животныя, нѣкоторыя собираются громадными стадами. Старые самцы обыкновенно отдѣляются лѣтомъ отъ стада и живутъ одиноко или съ другими самцами. Во время течки они присоединяются къ стадамъ самокъ, вызываютъ своихъ соперниковъ на бой, сильно дерутся между собой, кажутся тогда въ высшей степени возбужденными и измѣняются во всемъ своемъ существѣ. Большинство ихъ—ночныя животныя, хотя многія, именно тѣ, которыя живутъ на высокихъ горахъ и въ незаселенныхъ мѣстностяхъ, выходятъ за кормомъ и днемъ. Всѣ олени—живыя, боязливныя и под-

вижныя существа, быстрыя въ своихъ движеніяхъ, съ тонко-развитыми виѣшними чувствами, но умственно не высоко одаренныя. Ихъ голосъ состоитъ изъ короткихъ глухихъ рычаній у самцовъ и блеющихъ звуковъ у самокъ.

Пищу оленя составляютъ исключительно растенія; по крайней мѣрѣ мнѣніе, что сѣверные олени ѣдятъ пѣструшекъ, вовсе не доказано. Травы, цвѣты, листья, хвой, почки, молодые побѣги и вѣтки, злаки, овощи, ягоды, кора, мохъ, лишай и грибы составляютъ ихъ главную пищу. Соль для нихъ лакомство, а вода необходимость.

Оленья самка мечетъ отъ 1 до 2, въ рѣдкихъ случаяхъ трехъ дѣтенышей, которые являются на свѣтъ вполне сложившимися и уже черезъ немного дней слѣдуютъ за матерью. У нѣкоторыхъ видовъ и отецъ ласково относится къ своему потомству. Оленята очень охотно принимаютъ ласки матери, которая заботится о нихъ самымъ нѣжнымъ образомъ и защищаетъ ихъ отъ всякихъ опасностей.

Въ странахъ, гдѣ земледѣліе и лѣсоводство ведутся согласно современнымъ требованіямъ, олени не могутъ быть терпимы. Вредъ, приносимый этими красивыми животными, превосходить ту небольшую пользу, которую они могутъ доставить.

Къ несчастью, они не могутъ мириться съ земледѣльческимъ и лѣснымъ хозяйствомъ. Еслибъ не было законовъ объ охотѣ, которая по справедливости считается однимъ изъ благороднѣйшихъ и самыхъ мужественныхъ удовольствій, всѣ олени были бы уже давно истреблены въ западной Европѣ. До этого еще правда дѣло не дошло, но всѣ виды этого, во многихъ отношеніяхъ замѣчательнаго семейства, близятся къ вѣрной гибели, и вѣроятно въ скоромъ времени ихъ можно будетъ видѣть только въ паркахъ и зоологическихъ садахъ.

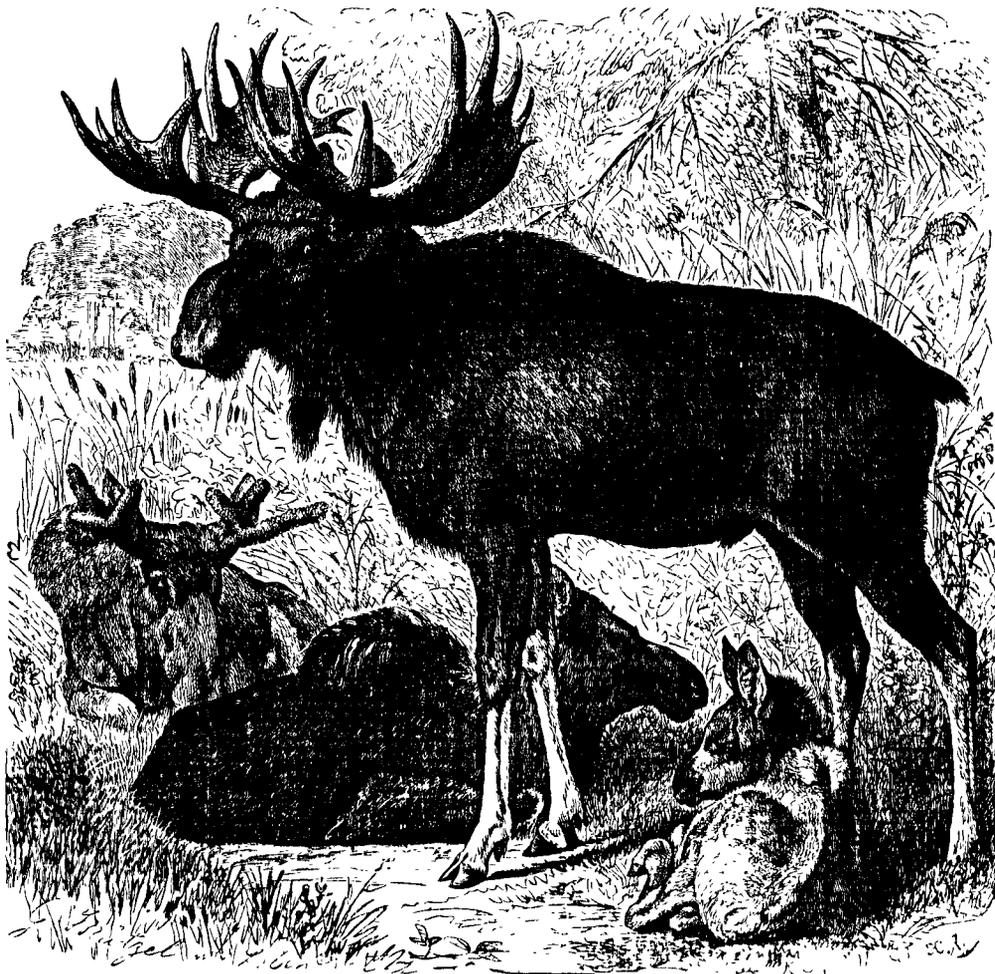
Прирученіе оленей не такъ легко, какъ обыкновенно думаютъ. Конечно тѣ, которые съ раннихъ лѣтъ были подъ властью человѣка и привыкли къ нему, въ молодости бываютъ милы, добѣрчивы и привязчивы. Съ годами же все болѣе и болѣе исчезаютъ эти качества, и почти всѣ старые олени угрюмы, раздражительны и драчливы. Даже сѣверный олень, уже съ давнихъ поръ живущій въ неволѣ, не представляетъ исключенія въ этомъ отношеніи. Его прирученіе вовсе не столь полное, какъ это мы замѣчаемъ у другихъ жвачныхъ; можно сказать, что это лишь на половину домашнее животное.

* * *

Мы начнемъ съ великановъ этого семейства. **Лоси** (*Alces*) и въ настоящее время имѣютъ только одного или, если мы будемъ считать американскаго лося за отдѣльный видъ, двухъ представителей. Это очень крупное, нѣсколько неуклюжее животное съ короткой и толстой шеей, широкимъ и короткимъ туловищемъ, высокими ногами и вѣтвистыми рогами, концы которыхъ расширены въ видѣ лопатокъ и вырѣзаны на подобіе пальцевъ. У нихъ есть маленькія слезныя ямки, волосяныя пучки на внутренней сторонѣ ступней и межкопытныя железки; клыковъ вовсе нѣтъ. Голова безобразная; покрытая волосами верхняя губа свѣшивается надъ нижней; глаза маленькіе; уши длинныя и широкія; хвостъ короткій.

Лось (*Alces palmatus*, *A. jubatus* и *antiquorum*, *Cervus alces*. Ech. Elen. Elan.) былъ очень хорошо извѣстенъ еще древнимъ. Происхожденіе его нѣмецкаго названія еще не выяснено: одни писатели увѣряютъ, что оно произошло отъ стараго слова «elend» или «elent», которое значило «сильный», другіе же предполагаютъ что оно произошло отъ славянскаго слова «елень» (олень). Уже древніе римскіе писатели считали Германію родиной лося. «Въ Герцинійскомъ лѣсу», говоритъ Юлій Цезарь, «живетъ лось (*Alces*), животное, похожее по виду и шерсти на козу, но больше ея и безъ роговъ, а ноги его не имѣютъ сочлененій; эти животныя не ложатся на землю, когда от-

дыхаютъ, и не могутъ подняться, когда упадутъ. Чтобы спать, они прислоняются къ деревьямъ, поэтому охотники подкапываютъ эти деревья или срубаютъ ихъ такъ, чтобы они легко могли упасть вмѣстѣ съ прислонившимся къ нимъ животнымъ». Плиній прибавляетъ, что лось имѣетъ очень большую верхнюю губу и потому, когда пасется на травѣ, то долженъ пятиться назадъ, чтобы зацепить ее. Павзаній говоритъ, что рога бываютъ только у самцовъ. При Гордонѣ III, между 238 и 244 годами послѣ Р. X. въ Римъ было привезено 10 штукъ лосей. Во время своего

Лось. *Alces palmatus*. $\frac{1}{24}$ наст. вел.

тріумфальнаго вѣзда въ Римъ Авреліанъ велѣлъ вести передъ собою нѣсколько лосей. Въ средніе вѣка тоже упоминается объ этомъ животномъ, а именно въ пѣснѣ о Нибелунгахъ, гдѣ оно называется «Elk». Если преданіе справедливо, то лось встрѣчался еще въ тѣ времена по всей Германіи, до крайняго запада; при описаніи охоты Зигфрида въ Вогезахъ говорится:

«Послѣ того онъ снова убилъ зубра и лоса, четырехъ сильныхъ туровъ и свирѣпаго огромнаго оленя (*Schellk. Rangifer megaloceros*)».

Въ грамотахъ императора Оттона Великаго, въ 943 г. мы находимъ запрещеніе

охотиться, безъ разрѣшенія епископа Бальдериха, въ лѣсахъ Дрента, на Нижнемъ Рейнѣ, за оленями, медвѣдями, сернами, кабанями и «за тѣми дикими животными, которыхъ по-нѣмецки называютъ «Elo» или «Schelo»». Такое-же запрещеніе находимъ мы въ одной грамотѣ Генриха II въ 1006 и въ законоположеніяхъ Конрада II въ 1025 году. Въ сѣверо-германскихъ торфяныхъ болотахъ, около Брауншвейга и другихъ мѣстахъ до сихъ поръ находятъ рога лосей. Епископъ Упсальскій Олаусъ Магнусъ, имя котораго уже не разъ упоминалось нами, первый далъ болѣе подробное описаніе лоса: «Эти животныя» говоритъ онъ, «подобно оленямъ, рыщутъ большими стадами въ пустыняхъ, и охотники часто загоняютъ ихъ большими собаками въ разставленныя сѣти и западни, чтобъ потомъ убить ихъ копьями и стрѣлами; горностаи тоже иногда бросается на нихъ, когда они стоятъ прямо или пасутся, хватается ихъ за горло и прокусываетъ его, такъ что они истекаютъ кровью. Но съ волками лоси иногда вступаютъ въ бой и часто убиваютъ ихъ ударами копытъ, особенно на льду, гдѣ лоси держатся крѣпче, нежели волки». «Въ Помераніи», говоритъ Канцовъ, (1530 г.) «есть большіе вересковые пустыри, гдѣ разводятъ лосей. Это животное получило и названіе отъ своего безилія *), такъ какъ у него нѣтъ никакихъ средствъ для защиты. Правда, у него есть широкіе рога, но онъ не умѣетъ ими пользоваться, а прячется въ непроходимые лѣса и болота, гдѣ онъ вполне защищенъ отъ враговъ. Однако онъ далеко чувствуетъ человѣка и собаку, что тоже часто его спасаетъ, но едва собаки догоняютъ его, какъ его тотчасъ-же ловятъ или убиваютъ. Копыта его считаются хорошимъ средствомъ противъ падающей болѣзни, поэтому изъ нихъ дѣлаютъ кольца и носятъ ихъ на пальцахъ». Нѣкоторые думали, что у него ноги не сгибаются въ колѣняхъ, но это невѣрно», и т. д. Геснеръ, который передаетъ намъ басни древнихъ писателей о лосѣ, придерживается того-же мнѣнія, что названіе «elend» очень пристало лосю. «Это животное дѣйствительно жалкое и съ полнымъ правомъ названное несчастнымъ (elend): оно постоянно страдаетъ отъ разныхъ болѣзней, отъ которыхъ, говорятъ, избавляется только тогда, когда положить копыто правой задней ноги въ лѣвое ухо».

Въ послѣднія столѣтія въ Европѣ повсемѣстно стало очень быстро и значительно уменьшаться количество этихъ животныхъ. Еще въ XVII-мъ, можетъ быть даже и въ XVIII-мъ столѣтіи лосъ попадался иногда въ Саксоніи и Силезіи. Въ Саксоніи былъ убитъ послѣдній лосъ въ 1746 г., въ Силезіи, по словамъ Гаугвица, послѣдняго лоса убили въ 1776 г. Въ Помераніи онъ, кажется, продержался также долго; въ восточной Пруссіи въ это время лоси были еще довольно распространены; но и здѣсь, уже послѣ Семилѣтней войны, пришлось издать указъ объ охраненіи этого оленя. Въ началѣ этого столѣтія въ лѣсахъ Шорель, Тзулькиенъ и Скаллизенъ было еще много лосей. Въ лѣсу Ибенгоретъ, около Тильзита, они, подъ защитою королевскаго постановленія, сохранились до нашихъ дней. Хотя число этихъ животныхъ въ 1848 г., когда были временно уничтожены всѣ охранительные законы объ охотѣ, и тамъ уменьшилось до 16 штукъ, а въ слѣдующемъ году даже и до 11 штукъ; но строгій надзоръ и привозъ шведскихъ лосей снова увеличили число ихъ, такъ что къ 1874 г., по заявленію главнаго королевскаго лѣсничаго Акста, въ Ибенгоретскихъ лѣсахъ число возросло до 76 шт., а въ настоящее время круглымъ числомъ до 100 штукъ. Кромѣ того въ главныхъ лѣсныхъ участкахъ Гаутеденъ, Тапіау, Фриценъ, Штерибергъ, Грейбенъ и Блудау, расположенныхъ

*) По-нѣмецки слово Elend—лосъ похоже на слово Elend—нужда, безпомощность:

въ Кенигсбергскомъ округѣ, находятся еще отъ 70—80 штукъ лосей. Вотъ почему и до сихъ поръ мы можемъ считать лося нѣмецкимъ животнымъ.

Кромѣ этихъ, находящихся подъ строгимъ надзоромъ, лѣсныхъ уголковъ, лосей встрѣчаютъ еще въ болѣе сѣверныхъ широтахъ всѣхъ изобилующихъ лѣсомъ странахъ Европы и Азіи. Въ нашей части свѣта онъ встрѣчается еще въ прибалтійскихъ низменностяхъ, слѣдовательно кромѣ восточной Пруссіи, въ Литвѣ, Курляндіи и Лифляндіи, а также въ Швеціи и Норвегіи и почти во всѣхъ лѣсахъ сѣверной Россіи. Въ Норвегіи онъ водится въ юговосточныхъ провинціяхъ, въ Швеціи въ прилегающихъ къ Норвегіи западныхъ провинціяхъ или, другими словами, въ обширныхъ лѣсахъ, покрывающихъ такъ называемыя Кьеленскія горы, слѣдовательно въ провинціяхъ Вермеландъ, Далекарлія, Гергедаленъ, Остердаленъ, Гедемаркъ, Гульбрандсдаленъ и Вальдерсдаленъ. Въ Азіи лось еще гораздо болѣе распространенъ, чѣмъ въ Европѣ. Тамъ онъ живетъ отъ 50° с. ш. черезъ весь сѣверъ до Амура и встрѣчается вездѣ, гдѣ есть густые лѣса, до полосы, гдѣ прекращаются лѣса. Въ бассейнѣ Лены, близъ Байкальскаго озера, на Амурѣ, въ Монголіи и въ землѣ тунгузовъ онъ встрѣчается еще въ значительномъ количествѣ.

Лось огромное животное. Длина туловища отъ 2,6—2,9 м., длина хвоста приблизительно, 10 см., высота въ плечахъ 1,9 м. Очень старые лоси вѣсятъ иногда до 500 kgr.; средній же вѣсъ нужно считать отъ 300—400 kgr. Туловище лося сравнительно коротко и толсто, грудь широка; на загривкѣ нѣчто въ родѣ горба, спина прямая, а крестецъ спущенъ. Ноги очень высокія, сильныя, всѣ равной длины и оканчиваются узкими, прямыми, глубоко-разсѣченными копытами, соединенными между собою растяжимой перепонкой. Заднія копыта легко касаются земли, если почва мягкая. На короткой сильной шеѣ сидитъ большая вытянутая голова, которая у глазъ сжужена и оканчивается длинной, толстой, раздутой, спереди какъ-бы обрубленной и тупой мордой. Морда эта сильно обезображена хрящеватымъ носомъ и переходящей далеко за нижнюю, толстой, сильно вытянутой верхней губой, которая очень подвижна, морщиниста и покрыта волосами. Маленькіе, тусклые глаза глубоко сидятъ въ сильно выдающихся по краямъ глазныхъ впадинахъ, слезныя ямки незначительны. Большія, длинныя, широкія, но остроконечныя уши расположены на задней части головы, но такъ подвижны, что могутъ быть пригнуты другъ къ другу. Рога взрослого лося очень велики, широки, плоски, и имѣютъ треугольную лопатообразную форму; они покрыты бороздами и на внѣшнихъ краяхъ имѣютъ нѣсколько длинныхъ зазубринъ. Рога эти направлены въ стороны и поддерживаются короткими, толстыми, округленными дудками, верхняя поверхность которыхъ имѣетъ на краяхъ мало бугорковъ. Въ первую осень у молодого самца замѣчается на мѣстѣ роговъ волосистый бугорокъ; на слѣдующую весну вырастаетъ дудка; на вторую весну прямой отростокъ длиною около 30 см., который спадаетъ только въ слѣдующую зиму. Рога затѣмъ развѣтвляются все болѣе и болѣе. На пятomъ году образуется плоская лопатка, которая расширяется и раздѣляется по краямъ все на большее и большее число зубцовъ, иногда доходящее до 20. Глазныя вѣтви срастаются также съ лопаткою. Эти рога бывають вѣсомъ до 20 kgr.

Шерсть лося длинная, густая и прямая. Она состоитъ изъ волнистыхъ, тонкихъ и ломкихъ волосъ ости,—между которыми находится короткій, тонкій подшерстокъ; по вершинѣ затылка проходитъ большая, очень густая, по срединѣ раздѣленная грива, которая отчасти продолжается на шеѣ и груди и бываетъ длиною до 20 см. Странно то, что шерсть на брюхѣ направлена сзади напередъ. Цвѣтъ

шерсти довольно равномерно рыжевато-бурый; на гривѣ и по сторонамъ головы онъ переходитъ въ блестящій темный черно-бурый, на лбу—въ красно-бурый, а на концѣ морды въ сѣрый; ноги бѣловато-пепельнаго цвѣта, круги около глазъ сѣрые. Отъ октября до марта цвѣтъ его шерсти свѣтлѣе, болѣе перемѣшанъ съ сѣрымъ. Самка едва-ли меньше самца, но роговъ не имѣетъ, копыта же ея длиннѣе, уже и задніе копытца короче и менѣе оттопырены. Голова напоминаетъ голову осла или мула. Зимній покровъ отличается у самокъ отъ самцовъ отвѣсно-стоящей узкой бѣлой полоской, ниже половыхъ органовъ. На охотничьемъ языкѣ нѣмцы примѣняютъ къ лосю тѣ-же выраженія, которыя относятся къ оленямъ и ланямъ. У насъ въ Россіи лось—самецъ называется **Сохатый**.

Дикіе пустынные лѣса, изобилующіе непроходимыми болотами и топями, особенно такіе, въ которыхъ преобладаютъ ветла, береза, осина и вообще лиственные деревья, служатъ по преимуществу мѣстомъ жительства лосей. Въ Ибенгоретскомъ лѣсу есть около 500 гектаровъ, покрытыхъ елями, соснами и березами, 1500 гектаровъ торфяныхъ болотъ и 10,000 гектаровъ ольховыхъ рошъ, съ кое-гдѣ отдѣльно стоящими березами и ясенями. Между кустами ольхи и по краямъ рововъ растутъ на большомъ протяженіи ивы, тростникъ, камышъ, осока и очень высокая крапива; всѣ эти растенія образуютъ тамъ непроходимыя чащи. Это поросшее лѣсомъ сырое мѣсто составляетъ лосю всѣ условія для удобной жизни; въ томъ случаѣ, если въ большихъ сырыхъ лѣсахъ чернотѣся нѣтъ недостатка въ разныхъ сортахъ ивы, то и они представляютъ не мало удобствъ для жизни этого животнаго. Болота и топи, кажется, совершенно необходимы для его благоденствія и здоровья. Это неуклюжее животное скрывается лѣтомъ въ болѣе глухихъ и сырыхъ мѣстностяхъ, а зимою выходитъ на болѣе возвышенныя мѣста, не страдающія отъ наводненія и не покрывающіяся льдомъ. Въ тихую, ясную погоду лось предпочитаетъ лиственные лѣса; въ дождь, снѣгъ и туманъ—хвойные. Чувствуя недостатокъ въ пищѣ и покоѣ, онъ часто мѣняетъ свое мѣстопребываніе. Въ Ибенгоретскомъ лѣсу зимою онъ покидаетъ ясные чащи и переходитъ на торфяныя болота и высоко расположенные сосновые лѣса. Въ Лифляндіи, Россіи и Скандинавскомъ полуостровѣ онъ перекочевываетъ на большія разстоянія; поэтому въ Восточной Сибири, когда на возвышенностяхъ бываетъ много снѣгу, онъ спускается въ долины; а въ очень снѣжныя зимы доходить до безлѣсныхъ, высоко расположенныхъ степей, которыхъ вообще старательно избѣгаетъ. Лось никогда не устраиваетъ себѣ ложа, но большую часть располагаетъ прямо на землѣ, не обращая вниманія на то, болото-ли или топь, сухую землю или покрытую снѣгомъ почву избираетъ онъ для своего отдыха.

Чтобы по возможности полно и правдиво представить жизнь лосей, я собиралъ о нихъ свѣдѣнія въ самомъ Ибенгоретѣ; черезъ главныхъ лѣсничихъ Визе, Акста и лѣсничаго Рамоната я досталъ столь-же подробныя, сколько и поучительныя свѣдѣнія. Вслѣдствіе запрещенія охоты на лосей въ продолженіи нѣсколькихъ десятилѣтій, въ Ибенгоретскихъ лѣсахъ онъ живетъ конечно при лучшихъ условіяхъ, нежели въ другихъ мѣстахъ и почти потерялъ всякій страхъ передъ человѣкомъ; однако ведетъ себя не какъ плѣнное, а какъ вполне свободное животное, проявляетъ всѣ свойства послѣдняго и потому наблюденіями надъ нимъ можно руководствоваться при описаніи жизни лосей.

Въ образѣ жизни лоси во многомъ отступаютъ отъ оленей. Подобно послѣднимъ, они соединяются въ стада различной величины, и только во время рожденія телятъ старые лоси отдѣляются отъ этихъ стадъ и составляютъ обыкновенно новыя общества. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ они хотя и повсюду распространены, но попадаются рѣдко, какъ напримѣръ, въ Восточной Сибири, они соединяются зимою

въ маленькія группы, а лѣтомъ странствуютъ постоянно по-одиночкѣ или только развѣ мать съ теленкомъ. Въ Ибенгоретскихъ лѣсахъ поздней осенью, когда ольховыя рощи затоплены водою, они ищутъ убѣжища въ торфяныхъ болотахъ и лѣсистыхъ возвышенностяхъ и собирается тогда стадами въ 25—40 штукъ. Эти стада состоятъ обыкновенно изъ самцовъ и молодыхъ животныхъ, потому что матки, изъ чрезмѣрной заботливости о своихъ дѣтенышахъ, встрѣчаютъ очень недружелюбно не только самцовъ, но и другихъ самокъ съ ихъ телятами. Вообще лоси живутъ недружно между собою. Каждое животное готово драться съ другимъ; они всегда сгоняютъ другъ друга съ теплыхъ мѣстъ; маткамъ-же съ дѣтенышами всѣ должны уступать: онѣ не имѣютъ жалости даже къ осиротѣвшимъ дѣтенышамъ, но, напротивъ, и ихъ гонятъ отъ себя, точно такъ, какъ и другихъ животныхъ. Самцы, пока не настаетъ время течки, оказываются гораздо болѣе общительными, чѣмъ самки, принимаютъ, напримѣръ, осиротѣлыхъ маленькихъ лосей въ свое стадо. Во время же течки, наоборотъ, они проявляютъ драчливость, свойственную самцамъ всѣхъ жвачныхъ, стараются каждый для себя согнать и держать вмѣстѣ какъ можно больше самокъ, и отгоняютъ отъ нихъ другихъ самцовъ. Весною стада совершенно разсѣиваются и, за исключеніемъ самокъ съ дѣтенышами, живутъ по-одиночкѣ или вдвоемъ и втроемъ.

Лось, еще болѣе, чѣмъ олень, ненавидитъ всякаго рода безпокойства. Онъ любитъ безусловный покой и покидаетъ то мѣсто, гдѣ его часто тревожатъ. Въ Ибенгоретскихъ лѣсахъ, гдѣ онъ уже привыкъ немножко къ человѣку, можно убѣдиться, что это свойство вполнѣ зависитъ отъ его лѣни. Здѣсь это животное стало такимъ безпечнымъ и лѣнливымъ, что едва двигается, если заслышитъ какой-нибудь шумъ, а поднимается съ своего ложа только тогда, когда охотникъ находится отъ него всего въ 40 и даже 30 шагахъ. Но даже и тогда онъ не убѣгаетъ, а чаще съ большимъ упрямствомъ и задоромъ сопротивляется что въ соединеніи съ его бессмысленнымъ любопытствомъ, бросаетъ не особенно выгодный свѣтъ на его умственные способности. Тамъ, гдѣ онъ считаетъ себя въ безопасности, онъ спитъ, обыкновенно только утромъ и послѣ полудня, а, начиная съ 4 часовъ дня, въ продолженіи всего вечера, ночи и ранняго утра—пасется; въ противномъ случаѣ, онъ выбираетъ ночь для того, чтобы выходить за кормомъ. По словамъ Вангенгейма, пища его состоитъ изъ листьевъ и побѣговъ болотной ивы, березы, ясеня, осины, рябины, клена, липы, дуба, сосны и ели; въ пустыряхъ-же—изъ молодого тростника и камыша, изъ проростающихъ злаковъ и льна. Въ Ибенгоретскихъ лѣсахъ лось не брезгаетъ и другими породами кустовъ и деревьевъ, кромѣ названныхъ уже раньше, какъ напр. крушины, орѣха, ольхи. Съ нихъ онъ объѣдаетъ, съ тѣхъ поръ, какъ уменьшились ивовыя породы, особенно охотно годовалые отпрыски, рѣже двухгодовалые побѣги и никогда не ѣстъ большихъ вѣтокъ. На болотахъ онъ преимущественно ѣстъ верескъ, пушицу (*Eriophorum*), хвощи, которыми онъ иногда совершенно набиваетъ брюхо. Въ маѣ и въ іюнѣ хвощи и одуванчики составляютъ его главную пищу.

Новѣйшіе изслѣдователи единогласно замѣчаютъ, что лось не ѣстъ хлѣбныхъ злаковъ. «Сколько разъ я ни справлялся объ этомъ», пишетъ мнѣ Левисъ, «я никогда не слышалъ въ Лифляндіи о томъ, чтобы лось заходилъ въ хлѣба или льняные поля и производилъ-бы тамъ опустошенія. Наоборотъ, я часто замѣчалъ, что они предпочитали растущій непосредственно около хлѣбнаго поля тростникъ и кустарники». Также Мейеринкъ замѣчаетъ: «Хлѣбныя поля они никогда не посѣщаютъ, также не ѣдятъ ни картофеля, ни другихъ полевыхъ овощей и древесныхъ плодовъ. Они питаются ивнякомъ, ветлами, верескомъ, черникой, сосновыми побѣгами и даже болотнымъ багульникомъ (*Ledum palustre*), растенія, до которыхъ не дотро-

гивается никакое другое лѣсное животное. Полямъ они могутъ повредить развѣ только тѣмъ, что случайно пройдутъ по хлѣбу и сточутъ его своими большими копытами». Сообщенія ибенгорстскихъ лѣсничихъ, о которыхъ я уже упоминалъ, отчасти это подтверждаютъ. Молодые всходы лосѣ не трогаютъ, также какъ и хлѣбъ въ колосьяхъ, но ѣсть его только въ то время, когда онъ вырастаетъ, а овесъ, когда онъ наливаются. Это подтверждается и тѣмъ, что онъ пощипываетъ хлѣбныя поля въ маѣ и юнѣ очень аккуратно, тогда какъ раньше того времени онъ никогда не заходитъ въ нихъ. Указаніе Мейеринка на то, что лосѣ ѣсть багульникъ, по мнѣнію ибенгорстскихъ лѣсниковъ ошибочно, такъ какъ никто изъ нихъ не замѣтилъ этого. Въ случаѣ, когда лосѣ находятъ въ достаточномъ количествѣ ивовые отпрыски, онъ ими исключительно питается: въ желудкѣ лосей, убитыхъ принцемъ Фридрихомъ Карломъ Прусскимъ и Мейеринкомъ, нашли только пережеванные листья и древесину ивняка *).

Въ Восточной Сибири лосѣ главнымъ образомъ питается побѣгами карликовой и кустовой березы, а также съ особеннымъ удовольствіемъ лакомится мясистыми корневищами нѣкоторыхъ водяныхъ растений, для которыхъ онъ спускается лѣтомъ въ долины къ озерамъ и добираться до которыхъ ему приходится вплавь. Точно также онъ поступаетъ и въ Ибенгорстѣ, чтобы достать отдѣльно растущія въ водѣ растенія. ѣсть короткую траву, какъ другіе олени, онъ не можетъ, потому-что ему мѣшаетъ длинная, свѣшивающаяся верхняя губа, но онъ можетъ срывать какъ выросшій хлѣбъ, такъ и высокіе травяные стебли. Для этого, какъ и для обламыванія вѣтокъ, онъ умѣетъ очень ловко употреблять свою длинную хоботообразную губу. При сдираніи коры съ дерева онъ пользуется своими зубами, какъ стамеской, отрываетъ кусокъ коры, захватываетъ его губами и зубами и деретъ кверху длинной полосой. Болѣе высокіе стволы онъ головою наклоняетъ внизъ и обламываетъ верхушки; при этомъ онъ, конечно, предпочитаетъ всѣ деревья и кусты съ сочной корой, какъ осина, ясень, ива и тополь, такъ что нерѣдко объѣдаетъ кору даже съ очень большихъ осинъ. Изъ хвойныхъ деревьевъ онъ болѣе другихъ любитъ сосну, тогда какъ ели касается только въ крайнемъ случаѣ.

Въ Ибенгорстѣ онъ такъ мало обращаетъ вниманія на рабочихъ, что въ ихъ присутствіи подходитъ къ свѣже-срубленнымъ соснамъ, чтобы объѣсть съ нихъ иглы. Какъ было замѣчено, вѣтви срубленныхъ деревьевъ онъ предпочитаетъ вѣтвямъ деревьевъ, сломленныхъ вѣтромъ; вѣроятно изъ-за большого удобства, зимою, ему въ угоду, тамъ имѣютъ обыкновеніе, черезъ правильные промежутки, срубить большія сосны. Онъ можетъ ѣсть даже вѣтки, толщиною больше, чѣмъ въ палецъ, и такъ хорошо разжевываетъ ихъ, что въ испражненіяхъ его попадаются только мелко раздробленныя древесныя волокна. Онъ постоянно чувствуетъ потребность пить воду и долженъ много выпить, чтобы вполнѣ утолить свою жажду.

Движенія у лося далеко не такъ граціозны и легки, какъ у благороднаго оленя. Онъ не можетъ долго бѣжать, но ходитъ очень быстро и подолгу. Нѣкоторые писатели

*) Въ Финляндіи охота на лося запрещена и обложена большимъ штрафомъ, такъ что эти животныя тамъ пользуются большою безопасностью. Въ той мѣстности, которую я знаю (85 верстъ отъ Петербурга, около Церкіярви) лосей можно видѣть и лѣтомъ, и помѣть ихъ замѣтенъ во многихъ мѣстахъ въ большомъ количествѣ. Несмотря на то, что тамъ часто сѣютъ овесъ въ лѣсу, окруживши поле загородкомъ, которая, конечно, не составила-бы препятствія для лося, на опустошеніе лосями полей не жалуются. Зимой-же они ѣдятъ сѣно изъ плохо выстроенныхъ сараевъ и стоговъ. Нивъ въ той мѣстности немного, и помѣть лосей чаще всего находятъ на пустыряхъ, заросшихъ черникой и брусникой, а также около канавъ, гдѣ растутъ лѣсная малина и мамура. Эти растенія лоси, повидимому, особенно любятъ

утверждаютъ, что онъ можетъ пройти 30 нѣмецкихъ миль въ день. Завидя человека или передъ препятствіемъ, онъ обыкновенно на минуту останавливается, а потомъ отправляется дальше, рѣдко оборачиваясь въ случаѣ опасности, но чаще продолжая идти съ прежнимъ спокойствіемъ.

О чрезвычайно странномъ движеніи его на топкихъ болотахъ рассказываетъ Вангенгеймъ. Тамъ, гдѣ почва его не держитъ во время бѣга, лось опускается на животъ, вытягиваетъ переднія ноги прямо впередъ, зацѣпляется передними копытами, упирается задними и такимъ образомъ скользитъ по тинистой поверхности; тамъ, гдѣ почва колеблется, онъ ложится даже на бокъ и передвигается впередъ движеніями ногъ. Рамонъ увѣряетъ, что нѣсколько разъ видѣлъ этого рода движенія лося и во всѣхъ отношеніяхъ подтверждаетъ сообщенія Вангенгейма. «Въ слишкомъ топкихъ болотахъ», прибавляетъ Лёвисъ «лось, впрочемъ, иногда застрѣваетъ самымъ жалкимъ образомъ. Такъ, въ апрѣлѣ 1866 г. въ имѣніи Олерсгофъ, въ Лифляндіи, одинъ большой лось такъ погрузился въ тину осушеннаго озера, что прибѣжавшіе люди могли обвязать его веревками, затѣмъ съ большимъ трудомъ вытянули его и принесли въ усадьбу, гдѣ его продержали въ конюшнѣ въ продолженіи 3-хъ недѣль». Особенно опасными для него бываютъ тинистыя мѣста съ крутыми берегами, до краевъ которыхъ онъ не можетъ достать передними ногами; но онъ легко избавляется отъ опасности, если можетъ поставить согнутыя переднія ноги на твердую землю, послѣ чего онъ притягиваетъ безъ особеннаго усилія туловище и такимъ образомъ вытягиваетъ себя изъ трясины. Лось плаваетъ мастерски. Онъ не только изъ нужды бросается въ воду, но даже и для собственнаго удовольствія, какъ многіе быки, чтобы выкупаться или освѣжиться. Въ Восточной Сибири онъ даже отыскиваетъ глубокія горныя ущелья, гдѣ долго лежитъ снѣгъ, въ которомъ онъ любитъ валяться. Онъ не можетъ долго ходить по гладкому, непокрытому снѣгомъ льду и если ему случится упасть на скользкой поверхности, то онъ только съ большимъ трудомъ поднимается опять на ноги.

Мои ибенгорстскіе друзья утверждаютъ, что сначала лось бѣжитъ очень хорошо и по гладкому льду, но скоро копыта его «нагрѣваются» или, вѣрнѣе, размягчаются и онъ тогда начинаетъ очень часто падать. Во время бѣга бываютъ слышны удары неразвитыхъ копытцевъ о мягкую часть ноги. Звукъ этихъ ударовъ охотники называютъ «звономъ» (Schellen). При послѣднемъ бѣгѣ лось закидываетъ рога назадъ почти совсѣмъ горизонтально, а морду поднимаетъ вверхъ; вслѣдствіе этого онъ часто спотыкается и легко падаетъ; затѣмъ, чтобы снова подняться, онъ особеннымъ образомъ подергиваетъ передними ногами, а задними забираетъ далеко впередъ. Это и послужило основаніемъ баснѣ, будто лось подверженъ падучей болѣзни. Бѣгушаго лося ничто не останавливаетъ, ни лѣсная чаща, ни рѣки, ни озера, ни болота, встрѣчающіяся на пути. Слѣдъ его производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто здѣсь прошелъ тяжелый откормленный быкъ, и представляетъ ту особенность, что по немъ нельзя узнать, прошелъ-ли самецъ или самка. По словамъ же Акста, слѣды лося-самца болѣе круглы и коротки, тогда какъ слѣды самки, наоборотъ, удлиненные и имѣютъ яйцевидную форму; но только очень опытный глазъ можетъ отличить эти, почти незамѣтные признаки, тѣмъ болѣе, что копыта рѣдко бываютъ цѣльными, а большею частью края ихъ спереди и съ боковъ отбиты и вообще повреждены.

Лось слышитъ отлично, но зрѣніе и чутье у него не очень тонки. По внѣшности онъ кажется неуклюжимъ и глухимъ, что, повидимому, и оправдывается на самомъ дѣлѣ. Всѣ поступки его указываютъ на ограниченный умъ. Онъ совсѣмъ не робокъ и вовсе не можетъ быть названъ осторожнымъ, едва умѣетъ узнавать насто-

ящую опасность от воображаемой, на все окружающее смотреть вполне безучастно, трудно примѣняется къ измѣнившимся обстоятельствамъ и вообще обнаруживаетъ, что мало способенъ къ усовершенствованію. Наклонность къ общежитію у него вовсе не развита; твердаго сплоченія стада у лосей совсѣмъ незамѣтно. Каждое отдѣльное животное дѣйствуетъ по собственному усмотрѣнію и только телята слѣдуютъ за матерью; въ стадѣ вожака, какъ у другихъ оленей, не бываетъ. Ёда и покой, кажется, составляютъ высшую задачу жизни лоса, только половое возбужденіе нѣсколько измѣняетъ однообразіе его жизни.

Старые лоси сбрасываютъ рога въ ноябрѣ или во всякомъ случаѣ не ранѣе октября, молодые, по крайней мѣрѣ, мѣсяцемъ позже; первые сдираютъ кожу съ роговъ въ іюль, послѣдніе только въ августѣ, а иногда и позже. Выростаніе новыхъ роговъ представляетъ ту особенность, что вначалѣ оно идетъ чрезвычайно медленно и только съ мая начинается быстрее. Течка наступаетъ въ Остзейскихъ губерніяхъ въ концѣ августа, а въ европейской и азиатской Россіи въ сентябрѣ или октябрѣ. Въ это время самцы очень раздражительны. Вообще можно сказать, что только въ рѣдкихъ случаяхъ и то только старые лоси кричатъ, подобно оленямъ, причѣмъ испускаемый ими звукъ значительно сильнѣе, ниже и громче, но во время полового возбужденія голосъ его звучитъ почти какъ у благороднаго оленя, лишь отрывистѣе и жалобнѣе, подобно голосу самцовъ лани, только грубѣе. Этимъ крикомъ онъ вызываетъ на единоборство своихъ соперниковъ, съ которыми потомъ вступаетъ въ ожесточенную борьбу; случается, что онъ въ это время нападаетъ и на человѣка. Тогда лось, безъ устали, день и ночь, перебѣгаетъ съ мѣста на мѣсто, низко опустивъ голову, какъ-бы отыскивая чей-то слѣдъ, преслѣдуетъ цѣлыми днями взрослыхъ самокъ и даже переплываетъ за ними широчайшія рѣки. Старые самцы отгоняютъ молодыхъ, которые рѣдко, поэтому, находятъ возможность удовлетворить своему естественному побужденію; тогда они бѣгутъ, точно бѣшеные, по прямому направленію, заходятъ даже въ населенныя мѣстности, которыхъ обыкновенно боязливо избѣгаютъ и наконецъ такъ же спадаятъ съ тѣла, какъ старые самцы послѣ дѣйствительной случки. Самое совокупленіе очень непродолжительно, но часто возобновляется: по окончаніи его, самецъ никогда самъ не подымается съ самки, а она выползаетъ изъ подъ него. Беременность лосихи продолжается отъ 36—38 недѣль, въ концѣ апрѣля она мечетъ въ первый разъ одного, въ слѣдующіе раза двухъ дѣтенышей и большею частью разнаго пола. Крайне рѣдко случается, что родятся заразъ три теленка, да и то они почти всегда такъ слабы, что умираютъ. Телята вскакиваютъ на ноги, какъ только мать ихъ оближетъ, но вначалѣ качаются изъ стороны въ сторону, какъ пьяные, и мать должна подталкивать ихъ, чтобъ сдвинуть съ мѣста; но уже на третій или четвертый день они бѣгутъ за матерью и сосутъ ее почти до слѣдующей точки, даже тогда, когда становятся такъ велики, что должны подъ нея ложиться, чтобъ сосать. Въ первые дни жизни они гораздо болѣе напоминаютъ ослось, чѣмъ оленей, и эта наружность совершенно соответствуетъ ихъ беспомощности. Левисъ пишетъ мнѣ, что въ ранней молодости лоси такъ пугаются всякаго нападенія, что тотчасъ ложатся на землю и безъ всякаго сопротивленія даются въ руки охотнику. Мать горячо любитъ своихъ дѣтенышей; если-же ей не удастся отстоять ихъ, то она, отыскивая ихъ слѣдъ, бродитъ цѣлыми днями по тому мѣсту, гдѣ ихъ захватили.

Несмотря на силу лоса, ему опасны, кромѣ человѣка, еще многіе враги, какъ напримѣръ: волкъ, рысь, медвѣдь и росомаха. Волкъ обыкновенно осиливаетъ его зимою, въ то время, какъ снѣгъ покрываетъ землю густымъ слоемъ; медвѣдь боль-

шею частью подкарауливаетъ отдѣльныхъ животныхъ, но остерегается нападать на цѣлое стадо, а рысь, и росомаха, прячутся на деревья и вскакиваютъ на спину проходящаго мимо нихъ лося, а также вцѣпляются когтями въ шею животною и перекусываютъ ему сонныя артеріи. Этихъ послѣднихъ животныхъ должно считать самыми опасными врагами сильнаго лося; такъ какъ волки и медвѣди сами должны остерегаться его: лось, даже въ то время, когда у него нѣтъ большихъ роговъ, умѣетъ съ ловкостью и силой защищаться крѣпкими и острыми копытами своихъ переднихъ ногъ. Одного, ловко направленнаго удара этимъ оружіемъ достаточно, чтобы убить на повалъ или изувѣчить волка. Доказательствомъ тому можетъ служить слѣдующій случай: нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на собаку одного чиновника лѣснаго вѣдомства, въ Ибенгорстѣ, напалъ на глазахъ ея хозяина старый лось, который вѣроятно выбѣжалъ изъ сосѣдняго лѣснаго участка; онъ погнался за собакой и скоро догналъ ее, такъ какъ она, вслѣдствіе глубокаго снѣга, не могла скоро бѣжать. Лось повалилъ ее на землю и началъ бить передними ногами такъ сильно, что она черезъ нѣсколько минутъ превратилась въ безформенную массу. Взрослыя самки съ телятами обыкновенно задоритѣ самцовъ, но и эти послѣдніе, особенно во время течки, тоже иногда бросаются на человѣка. Это испыталъ на себѣ лѣсной сторожъ въ Ибенгорстѣ, Миллеръ: въ сентябрѣ 1873 года онъ проходилъ съ своей собакой по лугу въ низменной части лѣса; вдругъ къ нимъ приблизился, безъ всякаго повода съ ихъ стороны, большой, сильный лось съ явнымъ намѣреніемъ напасть на нихъ. Лѣсничій принужденъ былъ искать убѣжища отъ нападеній лося на стогѣ сѣна, стоящемъ на высокихъ жердяхъ, но и тамъ лось стерегъ его и преслѣдовалъ все время, пока Миллеръ, ища спасенія, перебѣгалъ отъ одной кучи сѣна къ другой; это продолжалось до самой двери дома, куда, наконецъ, удалось сторожу счастливо добраться; но лося даже и отъ двери трудно было отогнать. Въ этомъ случаѣ, вѣроятно, гнѣвъ лося возбудила собака, сопровождавшая сторожа. Однако извѣстны случаи, что разъяренные лоси напали на людей, которые шли безъ собакъ. Впрочемъ, Рамонъ увѣряетъ, что отъ преслѣдованій лося можно сравнительно легко отдѣлаться тѣмъ, что при всякомъ его нападеніи быстро бросаться въ сторону.

Лось мало обращаетъ вниманія на остальныхъ животныхъ, кромѣ хищныхъ звѣрей и несносныхъ паразитовъ. Иногда бывають даже такіе случаи, что его находятъ среди стада рогатаго скота. Какъ сообщаетъ Радде, позднею осенью 1851 г. около озера Тарайноръ въ Азіи появились шесть лосей и присоединились къ стаду коровъ, съ которыми они мирно паслись въ продолженіи нѣсколькихъ дней. Прогнанные жителями степей, которые никогда не видали такихъ животныхъ, они отправились назадъ по той же дорогѣ, по которой пришли, оставались еще нѣкоторое время около пограничнаго поста въ Дурулугинскѣ и отсюда опять ушли въ лѣса. Въ началѣ сентября 1867 года подобный же случай произошелъ въ лѣсу Ибенгорста. Однажды послѣ полудня пастухъ, пасшій стадо, увидѣлъ большого лося, который шелъ изъ сосѣдняго лѣса, находившагося на разстояніи 800 шаговъ отъ него; лось этотъ направлялся напрямикъ къ стаду коровъ. Когда онъ приблизился, его увидѣлъ быкъ, бросился на него и вступилъ съ нимъ въ драку. Между ними произошелъ ужасный бой, потому что лось, находившійся въ половомъ возбужденіи, принялъ вызовъ. Вскорѣ онъ одержалъ верхъ надъ быкомъ, повалилъ его на землю и съ громкимъ ревомъ принялся такъ безжалостно бодать побѣжденнаго врага въ бока, не обращая вниманія на крики пастуха, что быкъ скоро не былъ въ состояніи подняться. Пастухъ побѣжалъ за помощію на сосѣдній дворъ: но даже и тогда, когда пришли нѣсколько человѣкъ и всѣ вмѣстѣ начали

кричать и шумѣть, лось продолжалъ бить быка рогами. Только убѣдившись, что его неосторожный противникъ лежитъ на землѣ побѣжденный, измученный и беззащитный, лось спокойно удалился, побѣдоносно поднявъ голову, и отправился назадъ по той-же дорогѣ, по которой пришелъ. Быкъ былъ жестоко израненъ и получилъ нѣсколько тяжелыхъ поврежденій.

Лоси, пойманные въ молодости, скоро становятся ручными: ихъ можно даже приучить къ тому, чтобы они уходили на пастбище и снова возвращались въ хлѣвъ; однако у насъ они рѣдко долго переносятъ неволю. Говорятъ, что въ Швеціи лосей, пойманныхъ молодыми, приучали настолько, что ихъ можно было употреблять для ѣзды на саняхъ. Но прибавляютъ, что законъ запретилъ подобное превращеніе дикихъ звѣрей въ домашнихъ на томъ основаніи, что, вслѣдствіе быстроты бѣга и выносливости лосей, невозможно было догнать преступниковъ, убѣгавшихъ на нихъ. Позднѣйшія попытки сдѣлать лосей домашними животными не удалось. Молодые животныя сначала, какъ казалось, хорошо росли, но потомъ начинали постепенно худѣть и вскорѣ затѣмъ умирали.

Я видѣлъ въ Берлинскомъ зоологическомъ саду молодого лося, котораго Ульрихъ нашелъ въ лѣсу Ибенгорста и воспиталъ. «Когда это животное выросло», говоритъ А. Мюллеръ, которому сообщилъ объ этомъ самъ Ульрихъ, «то стало бѣгать за человѣкомъ, какъ ручной баранъ, и лизало самымъ нѣжнымъ образомъ лицо и руки своему господину. Ему очень понравился садъ, въ который онъ ходилъ сначала только въ сопровожденіи людей, такъ какъ его отлучили отъ молока, и онъ сталъ вполне понимать пользу учрежденія, которое доставляло ему обильную пищу. Когда вскорѣ садъ заперли отъ него, онъ ловко перескочилъ туда черезъ заборъ; тогда заборъ возвысили еще до 2 м.; но и это препятствіе онъ преодолѣлъ, не повредивъ своихъ ловкихъ ногъ. Лось любилъ сопровождать своего господина, когда тотъ ходилъ въ лѣсъ и его часто приходилось силой прогонять назадъ. Однажды, когда ему позволили идти съ хозяиномъ, онъ обѣжалъ лѣсъ вдоль и поперекъ и нашелъ своихъ родичей. Внимательно посмотрѣлъ онъ на нихъ и, казалось, что они сильно интересовали его; однако ему больше понравилось жить у главнаго лѣсничаго, и онъ спокойно вернулся съ нимъ назадъ». О дальнѣйшей судьбѣ этого лося Болле рассказываетъ слѣдующее: «Въ началѣ февраля 1861 г. онъ прибылъ невредимымъ въ Берлинъ и былъ помѣщенъ въ отгороженномъ мѣстѣ, гдѣ могъ свободно двигаться. Его держали совершенно согласно даннымъ предписаніямъ, и до лѣта онъ чувствовалъ себя, повидимому, хорошо. Наступившія потомъ жары, казалось, были ему непріятны; однако онъ оставался здоровымъ. Вообще можно сказать, что это животное, судя по его поведенію, заболѣло только незадолго до своей смерти. Оно умерло отъ первой поразившей его болѣзни».

Позднѣ я почти то же самое наблюдалъ на нѣсколькихъ жившихъ у меня въ неволѣ лосяхъ. Первый, воспитанный мною, былъ привезенъ изъ Швеціи; при своемъ прибытіи онъ не подавалъ большихъ надеждъ. Несмотря на самый тщательный уходъ, онъ безпрестанно хворалъ и когда я думалъ, что откормилъ его, онъ снова худѣлъ. Трудно было сомнѣваться, что при такихъ условіяхъ животное скоро умретъ. Долгое время я ломалъ себѣ голову, чѣмъ-бы помочь бѣдному созданію; наконецъ мнѣ пришла мысль, что пищу, которую мы давали до тѣхъ поръ плѣннику, можно улучшить прибавленіемъ къ ней дубильныхъ веществъ. Мысль эта была приведена въ исполненіе, и съ тѣхъ поръ нашъ лось сталъ ѣсть безъ разбора предлагаемую ему пищу, вслѣдствіе чего поправился во всѣхъ отношеніяхъ и чувствовалъ себя настолько хорошо, насколько вообще такое животное можетъ себя чувствовать въ неволѣ. Я никогда не видѣлъ, чтобы онъ сорвалъ хотя-бы одну

травку. Ему даже трудно брать съ земли брошенную ему, скошенную траву, такъ что ему слѣдуетъ класть пищу въ ясли, укрѣпленныя довольно высоко на стѣнѣ.

Заборъ, за которымъ держать лося, долженъ быть высокъ, потому что, несмотря на неуклюжесть его движеній, лось перепрыгиваетъ безъ труда стѣну, вышиной въ 2 м.; для этого ему не надо даже разбѣга. Онъ спокойно идетъ до самой изгороди, затѣмъ вдругъ становится на заднія ноги, перекидываетъ согнутыя переднія черезъ рѣшетку и потомъ свободно перепрыгиваетъ, волоча за собой свои длинныя заднія ноги. Мой плѣнникъ нѣсколько разъ убѣгалъ изъ своей загородки и пасся въ саду, въ ближайшихъ кустахъ. Ему было-бы легко перепрыгнуть даже черезъ заборъ сада; однако онъ этого никогда не дѣлалъ. Обыкновенно онъ спокойно ложился внѣ своей загородки и безъ сопротивленія позволялъ сторожу надѣть на себя недоуздокъ и вести назадъ. Къ другимъ животнымъ лось относится очень равнодушно, не обращаетъ вниманія на собакъ, которыя приводятъ въ сильное волненіе другихъ оленей, а также мало заботится о своихъ родичахъ, посаженныхъ въ одномъ съ нимъ отдѣленіи, или-же въ сосѣднемъ. Онъ превосходно уживается съ сѣверными оленями, можетъ быть, потому, что ему нравится ихъ спокойный характеръ. Зато ему, кажется, ненавистны проворныя и живыя породы оленей и онъ старается бить ихъ и свои враждебныя попытки бросаетъ только тогда, когда убѣдится въ ихъ бесполезности.

На лося охотятся или изъ засады, или на большихъ охотахъ съ загонщиками, или-же посредствомъ крѣпкихъ сѣтей. На крайнемъ сѣверѣ охотники преслѣдуютъ лося на лыжахъ и стараются загнать его на ледъ, гдѣ и убиваютъ. Польза, которую извлекаетъ человѣкъ изъ убитаго животнаго, значительна. Мясо, шкура и рога его употребляются такъ-же, какъ олени. Мясо жестче, но мѣхъ плотнѣе и лучше, чѣмъ у оленя. Въ средніе вѣка кожа лося (лосина) высоко цѣнилась и дорого стоила. «Изъ его кожи, когда она обработана въ видѣ замши», говоритъ старый Геснеръ, «дѣлаютъ хорошія куртки, которыя выдерживаютъ какъ дождь, такъ и удары, и уколы оружія и употребляются еще и теперь вмѣсто брони. Лосиная кожа стоитъ отъ 3—4 червонцевъ и отличается отъ оленьей тѣмъ, что она имѣетъ скважины и если держать подъ ней руку, то чувствуешь сквозь нее дыханіе». И въ позднѣйшія времена кожу этого животнаго цѣнили выше, чѣмъ кожу другихъ животныхъ, почему и охотились за лосемъ безъ пощады. Императоръ Павелъ I воздвигъ цѣлое гоненіе на лосей, чтобы добывать необходимую, по его мнѣнію, кожу лося для рейтузъ своей конницы. Нѣкоторые сѣверные народы считаютъ лакомствомъ рога, когда они еще въ хрящевомъ состояніи, а также уши и языкъ лося. Лапландцы и сибиряки расщепляютъ сухожилія и употребляютъ ихъ такъ-же, какъ сухожилія сѣверныхъ оленей. Особенно славятся кости лося:—онѣ тверды и ослѣпительной бѣлизны. Въ прежнія времена умѣли извлекать изъ лося еще больше пользы. Изъ разныхъ частей его тѣла приготовляли различныя лѣкарства, и суевѣріе находило богатую пищу въ чудесныхъ исцѣленіяхъ, которыя будто-бы они производили; въ древней Пруссіи это животное считали почти за божество. Въ особенности высоко цѣнились копыта лося, потому что ихъ считали превосходнымъ средствомъ противъ падучей болѣзни и другихъ немочей. За нихъ очень дорого платили; ихъ скоблили напилкомъ и принимали внутрь этотъ порошокъ, носили также въ видѣ колецъ и употребляли въ дѣло инымъ образомъ. Ихъ также часто поддѣлывали, т. е. замѣняли коровьими копытами. Умные люди уже въ концѣ XVI-го столѣтія не вѣрили въ цѣлебныя свойства этихъ копытъ: «Геснеръ», замѣчаетъ его переводчикъ, «говоритъ: я узналъ, что такія средства иногда помогали, иногда-же нѣтъ; дай Богъ, чтобы другія средства помогли-бы больше противъ болѣзни, но все-таки я думаю, что при употребленіи этого лѣкарства очень много дѣйствуетъ суевѣріе, и потому оно помогаетъ

больше или меньше, смотря по силѣ вѣры. Мнѣніе, что копыта лося помогаютъ отъ падучей болѣзни, возникло вслѣдствіе того, что животное это само часто страдаетъ отъ этой болѣзни. вмѣсто копытъ лося (этого надо остерегаться) цирульники и шарлатаны продаютъ иногда коровьи копыта. Однако есть люди, которыхъ нельзя ввести въ обманъ: не обращая вниманія на другіе признаки, они отличаютъ ихъ уже по запаху: если отколотъ кусочекъ и бросить на горячіе уголья, то копыта лося хорошо пахнутъ, тогда какъ коровьи дурно».

Однако вся польза, приносимая лосемъ, не искупаетъ причиняемаго имъ вреда. Животное это можно назвать настоящимъ истребителемъ лѣсовъ; оно такъ опасно для молодыхъ порослей, что, если заниматься лѣсоводствомъ, согласно требованіямъ нашего времени, то не слѣдуетъ не только разводить, но и щадить лосей. Въ лѣсахъ его родины убытокъ еще не такъ великъ, какъ можно было-бы думать, потому что эти лѣса находятся почти въ первобытномъ состояніи. Въ лѣсахъ Ибенгорста лось тоже не причиняетъ такого большого вреда, чтобъ требовалось настоятельнаго истребленія въ нихъ этого животнаго. Но чѣмъ необходимѣе истреблять этихъ животныхъ въ тѣхъ лѣсахъ, гдѣ ведется правильное лѣсное хозяйство, тѣмъ важнѣе заботиться объ охраненіи и разведеніи лосей тамъ, гдѣ причиняемый ими вредъ можно назвать незначительнымъ.

Сѣверо-американскій лось, Музе, Монза и Мусва у индѣйцевъ, **Моозе и Моозедеръ** у англичанъ (*Alces americanus*, *A. machlis*, *malchis* и *muswa*, *Cervus orignal* и *lobotus*. *Musthier*. *Orignal*) отличается отъ лося, живущаго въ Старомъ Свѣтѣ, главнымъ образомъ глубокими надрѣзами на рогахъ и отдѣлившеюся отъ сплошнаго рога главною вѣтвью, рѣдкими волосами на холкѣ и болѣе темнымъ цвѣтомъ шерсти. Животное это еще не вполне изслѣдовано, хотя нѣкоторые естествоиспытатели берутся опредѣлять его не только по шкурѣ, но и по копченнымъ окорокамъ. Я видѣлъ его живого рядомъ съ нашимъ европейскимъ лосемъ, но не былъ въ состояніи найти между обоими животными существенно важнаго различія и думаю, что едва-ли его можно считать за отдѣльный видъ. Рога сѣверо-американскаго лося больше и тяжелѣе, чѣмъ у нашего и достигаютъ вѣса въ 30—40 kgr. Гамильтонъ Смитъ описываетъ этого лося такъ: «Сѣверо-американскій лось—самое большое животное изъ семейства оленей, потому что у загривка онъ выше лошади. Животное это производитъ своею громадностью сильное впечатлѣніе; если кто отрицаетъ это, тотъ, вѣроятно, видалъ только чучелу самки или дѣтеныша. Мы имѣли случай видѣть самцовъ на свободѣ, въ полномъ цвѣтѣ возмужалости, съ хорошо развитыми рогами, и должны сознаться, что ни одно животное не производитъ такого поражающаго впечатлѣнія. Голова его болѣе двухъ футовъ длины, но выглядитъ неуклюжей; глаза сравнительно малы и впалые; уши похожи на ослиныя, длинны и покрыты волосами; число зубцовъ на рогахъ доходитъ до 28».

Въ настоящее время сѣверо-американскій лось водится лишь на сѣверѣ Америки, а именно: въ Канадѣ, Новомъ Брауншвейгѣ и около Фунди-Бей. Франклинъ встрѣчалъ его у устья Мекензи и восточнѣе по Мѣдной рѣкѣ подъ 65° сѣверной широты. Мекензи находилъ его на вершинахъ Скалистыхъ горъ и при истокѣ рѣчки Элькъ. Сѣверо-американскій лось сбрасываетъ рога позднѣе, чѣмъ европейскій, обыкновенно въ январѣ и февралѣ, а въ суровыя зимы только въ мартѣ. Пища его, вѣроятно, такая-же, какъ у европейскаго лося.

Индѣйцы усердно гоняются за сѣверо-американскимъ лосемъ и охотятся на него различными способами. Одна изъ любимыхъ уловокъ ихъ состоитъ въ томъ, чтобы загнать животное въ воду, гдѣ они окружаютъ его въ лодкахъ и безъ труда убиваютъ. Они увѣряютъ, что, поѣвъ мяса лоси, можно смѣло предпринять путе-

шествіе въ три раза большее, чѣмъ послѣ всякой другой ѣды. Изъ роговъ животного они выдѣлываютъ большія ложки; кожей обтягиваютъ лодки. Молодые сѣверо-американскіе лоси могутъ быть легко приручены; въ нѣсколько дней приучаются узнавать своихъ сторожей и довѣрчиво слѣдуютъ за ними; но съ приближеніемъ старости и они становятся дикими, строптивыми и опасными.

* *

Сѣверные олени (*Rangifer*), какъ самки, такъ и самцы, имѣютъ рога, которые, начиная съ короткой дудки, дугообразно изогнуты сзади напередъ; на концахъ они расширены въ видѣ лопаты, а также и надглазныя вѣтви, часто состоящія только изъ одного отростка, имѣютъ форму пальцевъ и покрыты неглубокими бороздами. Широкия копыта и длинныя, но тупыя заднія копыта отличаютъ этотъ видъ оленей отъ другихъ. Внѣшность сѣверныхъ оленей вообще довольно неуклюжая, особенно некрасива голова, ноги сравнительно коротки, хвостъ очень малъ. Только старые самцы имѣютъ въ верхней челюсти клыки, да и то не всегда.

Сѣвернаго оленя слѣдуетъ отмѣтить, какъ самое полезное животное этого семейства. Цѣлые народы обязаны ему своимъ благосостояніемъ и даже жизнью, такъ какъ безъ этого нѣсколько необычнаго домашняго животного они не могли-бы существовать. Лапландцамъ и другимъ сѣвернымъ народамъ сѣверный олень гораздо болѣе необходимъ, чѣмъ намъ рогатый скотъ или лошадь, а арабу—верблюдъ и коза, потому что онъ замѣняетъ имъ почти всѣхъ прочихъ домашнихъ животныхъ. Домашній сѣверный олень даетъ мясо чтобы накормить, а шкуру, кости и жилы, чтобы одѣть своего хозяина; онъ даетъ молоко, служитъ вьючнымъ животнымъ и на легкихъ саночкахъ перевозитъ семейство лопаря или самоѣда со всѣмъ его домашнимъ скарбомъ съ одного мѣста на другое; другими словами, сѣверный олень дѣлаетъ возможной кочевую жизнь сѣверныхъ народовъ.

Я не знаю животного, на которое-бы тяжесть неволи и рабства наложили такой замѣтный отпечатокъ, какъ на сѣвернаго оленя. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что встрѣчающійся еще теперь дикимъ сѣверный олень есть прародитель этого домашняго животного. Домашніе олени, живущіе безъ присмотра человѣка, дичаютъ въ короткое время, и черезъ нѣсколько поколѣній нисколько не отличаются отъ дикихъ. Трудно найти двухъ животныхъ, которыя, при такомъ близкомъ родствѣ, отличались-бы другъ отъ друга нравомъ и образомъ жизни такъ сильно, какъ домашній отъ дикаго сѣвернаго оленя. Первый—печальный рабъ своего бѣднаго угрюмаго хозяина, второй—гордый властелинъ горныхъ вершинъ, живущій тамъ на подобіе серны и одаренный благородной красотой, свойственной всѣмъ оленямъ. Кто видѣлъ табуны дикихъ сѣверныхъ оленей и стада домашнихъ и сравнивалъ ихъ, тотъ едва можетъ повѣрить, что оба они имѣли одного предка.

Сѣверный олень (*Rangifer tarandus*, *Cervus tarandus*, *Tarandus rangifer*, *arcticus* и *groenlandicus*, *Reinther*, *Reinne*) довольно крупное животное, величиной съ благороднаго оленя, но ниже его. Длина его туловища равняется 1,7—2 м., длина хвоста—13 см., высота у загривка 1,08 м. Рога уступаютъ въ величинѣ и тѣмъ болѣе въ красотѣ рогамъ благороднаго оленя, но тѣмъ не менѣе довольно велики. Туловище сѣвернаго оленя отличается, кажется, только болѣе широкимъ задомъ; но шея и голова гораздо толще и не такъ красивы, ноги ниже и копыта менѣе изящны, чѣмъ у благороднаго оленя; во всякомъ случаѣ, сѣверному оленю не достаетъ также гордой осанки благороднаго оленя: онъ держится не такъ красиво, какъ это животное. Шея почти такой-же длины, какъ и голова, толстая, сжатая и очень мало выгнутая вверхъ; лицевая часть головы немного суживается, тупорылая; пе-

реносе прямое; уши короче, чѣмъ у настоящаго оленя, но такой-же формы; глаза большіе и красивые; слезныя ямочки малы и покрыты пучками волосъ; кончикъ носа совершенно обросъ шерстью; ноздри расположены вкось; верхняя губа отвисла; ротъ очень широкъ. Бедрa толстыя; ноги мясистыя и низкія; копыта очень большія, широкія, плоскія, приплюснутыя и глубоко надрѣзаны; заднія копытца почти касаются земли. У домашнихъ сѣверныхъ оленей копыта такъ расширятся, что домашнюю и дикую породу безусловно можно было-бы считать различными видами, если-бы принимать во вниманіе только устройство копытъ. Вообще, дикіе

Сѣверный олень. *Rangifer tarandus*. $\frac{1}{15}$ наст. вел.

олени сложены гораздо красивѣе и изящнѣе, чѣмъ домашніе, которые отъ ухода челоуѣка и подъ охраной его нисколько не облагородились, но, напротивъ того, стали безобразнѣе и слабѣе.

Шерсть сѣверныхъ оленей гуще, чѣмъ у всѣхъ прочихъ видовъ оленей. Волоса у него очень длинныя, густыя, вьющіяся, волнистыя, состоятъ изъ крупныхъ клѣточекъ, довольно жестки и хрупки; только на головѣ и на передней части шеи волосы мягче и болѣе упруги, а также на ногахъ, гдѣ они еще длиннѣе. На передней части шеи находится грива, которая иногда спускается до груди; на скулахъ волоса также удлиняются. Зимой шерсть по всему тѣлу достигаетъ 6 см. длины, а

такъ какъ волоса лежатъ очень густо одинъ на другомъ, то образуется руно по крайней мѣрѣ въ 4 см. толщины, что вполне объясняетъ, почему сѣверный олень очень легко переноситъ сильную стужу. Иногда случайно, а иногда, и даже чаще, въ зависимости отъ времени года, преобладающій цвѣтъ его различенъ. Дикіе сѣверные олени мѣняютъ довольно правильно два раза въ годъ шерсть и ея цвѣтъ. Съ наступленіемъ весны вылѣзаетъ густое и длинное зимнее руно, и на его мѣсто появляется короткая одноцвѣтная сѣрая шерсть; между ея волосками вырастаютъ мало-помалу другіе, бѣлые концы которыхъ все больше и больше тѣснятъ сѣрые волоски, пока, наконецъ, все животное не дѣлается сѣроватымъ и отчасти желтоватымъ, поразительно похожимъ по цвѣту на грязный тающій снѣгъ. Это линяніе обыкновенно начинается съ головы, подлѣ глазъ, и потомъ распространяется все дальше и дальше. Внутренняя сторона ушей всегда покрыта бѣлыми волосами; пучки волосъ такого-же цвѣта находятся на внутренней сторонѣ ступней; рѣсницы черныя. У домашнего сѣвернаго оленя цвѣтъ шерсти лѣтомъ на головѣ, спинѣ, брюхѣ и ногахъ—темно-бурый; темнѣе всего, почти черный, на спинномъ хребтѣ, свѣтлѣе на бокахъ, которые обыкновенно пересѣкаются двумя свѣтлыми продольными полосами. Шея гораздо свѣтлѣе спины, нижняя часть тѣла бѣлая, лобъ обыкновенно самаго темно-бурого цвѣта, глаза окружены чернымъ кольцомъ, голова съ боковъ бѣлая. Зимой темный цвѣтъ пропадаетъ, и вездѣ проростаютъ бѣлые волоса; но многіе сѣверные олени отличаются зимой только болѣе длинной шерстью, а цвѣта не мѣняютъ.

Рога самокъ обыкновенно меньше и не такъ сильно развѣтвлены, какъ у самцовъ, но у тѣхъ и другихъ отличаются главнымъ образомъ тѣмъ, что стволы роговъ очень тонки и только у основанія закруглены, а кверху дѣлаются плоскими; надглазная вѣтвь, которой часто на одномъ рогѣ не бываетъ, оканчивается на переднемъ концѣ широкой лопаточкой и такъ близко подходит къ мордѣ, что между ними съ трудомъ можно просунуть палецъ. Надъ нею выдается средняя вѣтвь, которая также плоская и вѣтвистая. Конецъ рога имѣетъ форму вытянутой лопатки съ разнообразными зубцами. Чрезвычайно рѣдко можно встрѣтить такъ правильно развившіеся рога, какъ у благороднаго оленя; часто случается, что даже главныя вѣтви, какова, на примѣръ, надглазная, почти совсѣмъ исчезаютъ. Нѣкоторые естествоиспытатели считаютъ встрѣчающихся въ Америкѣ сѣверныхъ оленей за особый видъ и подтверждаютъ свое мнѣніе тѣмъ, что тамъ попадаетъ также и европейскій сѣверный олень, который будто-бы отличается отъ американскаго величиной, цвѣтомъ и образомъ жизни. Американскій сѣверный олень, называемый **Карибу** (*Rangifer caribu*), говорятъ, больше сѣвернаго оленя, имѣетъ не такіе большіе рога и болѣе темный цвѣтъ и живетъ уединенно, преимущественно въ лѣсахъ.

Уже древніе знали сѣвернаго оленя. Юлій Цезарь описываетъ его довольно вѣрно. «Въ Герцинійскомъ лѣсу», говоритъ онъ, «водится быкъ, похожій на оленя, у котораго на лбу находятся рога, большей величины, чѣмъ у прочихъ быковъ; верхушка рога раздѣляется на зубцы на подобіе пальцевъ руки. У самки такіе-же рога». Плиній въ своемъ описаніи смѣшиваетъ сѣвернаго оленя съ лосемъ. Элианъ рассказываетъ, что дикіе скиѣты ѣздить на ручныхъ сѣверныхъ оленяхъ верхомъ, какъ на лошадяхъ. Олаусъ Магнусъ (въ 1530 году) придаетъ сѣверному оленю три рога: «Два большихъ рога», говоритъ онъ, «расположены, какъ у оленя, но только вѣтвистѣе и имѣютъ иногда до 15 вѣтвей. Третій рогъ находится посреди головы и служитъ для защиты отъ волковъ». Этотъ писатель знаетъ, что пища сѣвернаго оленя состоитъ изъ горнаго мха, который онъ откапываетъ изъ-подъ снѣга; что ихъ держать и стерегутъ стадами; что въ другомъ климатѣ они быстро

вымирають. Онъ рассказываетъ, что король шведскій въ 1533 году подарилъ десять сѣверныхъ оленей нѣсколькимъ прусскимъ вельможамъ, которые ихъ выпустили на волю. Онъ же сообщаетъ, что пастухи съ пасущимися оленями проходятъ по долинамъ ежедневно до 50000 шаговъ, и что животные эти употребляются для далекихъ путешествій; свидѣтельствуется также о пользѣ ихъ и примѣненіи, говоря, что шкура ихъ употребляется на одежду, постели, сѣдла и т. п.; жилы—на шнурки и нитки, кости и рога—на луки и стрѣлы; копыта—какъ средство противъ судорогъ и т. д. Слѣдующіе естествоиспытатели перемѣшивали относительно сѣвернаго оленя правду съ вымысломъ, пока Шефферъ изъ Страсбурга въ 1675 году довольно вѣрно не описалъ это животное въ своемъ сочиненіи о Лапландіи. Но великій Линней первый самъ, и весьма тщательно, наблюдалъ сѣвернаго оленя. Послѣ него очень многіе естествоиспытатели описывали сѣвернаго оленя, а потому о немъ теперь собрано достаточно свѣдѣній.

Родина сѣвернаго оленя—сѣверъ Стараго Свѣта и, если причислить карибу къ тому-же виду, то и сѣверныя страны Новаго Свѣта. Онъ встрѣчается вездѣ сѣвернѣе 60 градуса, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ спускается до 52 градуса, а на сѣверѣ постоянно его находятъ еще около 80 градуса с. ш. Въ дикомъ состояніи его можно встрѣтить на покрытыхъ снѣгомъ горахъ Скандинавіи и Лапландіи, въ Финляндіи, во всей сѣверной Сибири, на Гренландіи и на самыхъ сѣверныхъ горахъ материка Америки. Сѣверный олень живетъ также на Шпицбергенѣ; въ Исландіи, куда онъ былъ завезенъ болѣе 100 лѣтъ тому назадъ, онъ совершенно одичалъ и распространился уже въ значительномъ числѣ по всѣмъ горамъ этого острова. Въ Норвегіи я встрѣчалъ сѣверныхъ оленей въ значительномъ числѣ въ Доврефилдѣ; по увѣренію моего стараго Эрика, ихъ должно быть по крайней мѣрѣ около 4000 головъ въ одной этой горной цѣпи. Попадаютъ они также и на горахъ около Бергена и доходятъ тамъ на югъ навѣрно до 60° сѣв. широты. Въ сѣверной Азіи сѣверные олени распространяются гораздо дальше на югъ, но тамъ нигдѣ не попадаютъ въ значительномъ числѣ и постоянно убываютъ. Въ настоящее время они живутъ еще небольшими стадами въ восточной части Саянскихъ горъ, у истоковъ Иркуты, Китоя и Джиды, около Байкальскаго озера и на Яблоновомъ хребтѣ, но и здѣсь годъ отъ году дѣлаются рѣже. Напротивъ, трудно найти въ Азіи гору сѣвернѣе 50° с. широты, гдѣ-бы не было сѣвернаго оленя; на всемъ этомъ пространствѣ онъ водится въ значительномъ числѣ, какъ въ дикомъ, такъ и въ домашнемъ состояніи.

Сѣверный олень такое-же дитя горъ, какъ и серна, и водится только на обширныхъ безлѣсныхъ, покрытыхъ только мхомъ и скудной альпійской травой площадяхъ сѣверныхъ горъ, которыя въ Норвегіи называются «фіельды». Здѣсь ихъ обыкновенное мѣстопробываніе составляетъ горный поясъ отъ 1000 до 2000 м. высоты. Никогда онъ не заходитъ въ лѣсистую полосу, какъ и вообще боязливо избѣгаетъ лѣсовъ. Голыя горныя площади и отлогости, гдѣ между камнями прозябаютъ скудная растительность, или тѣ обширныя тундры, которыя кое-гдѣ покрыты ягелемъ (оленьимъ мхомъ), должно считать главнымъ мѣстопробываніемъ дикаго сѣвернаго оленя, и только при переселеніи съ одной горной цѣпи на другую проходятъ они черезъ болитистыя, вязкія, низкія равнины; но и при такихъ переходахъ они избѣгаютъ лѣсовъ. Палласъ сообщаетъ, что въ сѣверной Сибири это животное попадаетъ иногда въ лѣсахъ, и Врангель подтверждаетъ это. Отъ обоихъ этихъ писателей мы узнаемъ, что въ Сибири сѣверный олень совершаетъ длинныя и правильныя путешествія. Чтобы избавиться отъ оводовъ, сѣверный олень, по Палласу, переходитъ лѣтомъ съ открытыхъ мѣстностей въ лѣса и возвращается оттуда на тундры только къ зимѣ. Какъ при переходахъ черезъ горы, такъ и во время странствованія по

равнинамъ, сѣверные олени соединяются въ громадныя стада, которыя идутъ, напоминая своими рогами движущійся лѣсъ, вытаптываютъ длинныя тропинки и переходятъ черезъ большія рѣки приблизительно въ однихъ и тѣхъ-же мѣстахъ. Самки съ дѣтенышами открываютъ шествіе, а самцы замыкаютъ его. «Къ концу мая», дополняетъ Врангель, «сѣверный олень большими стадами покидаетъ лѣса, гдѣ зимой ищетъ защиты отъ страшнаго холода, и направляется къ тундрамъ, отчасти потому, что находить тамъ лучшую пищу, отчасти чтобы спастись отъ мухъ и комаровъ, которые съ наступленіемъ весны несмѣтными роями стоятъ въ воздухѣ. При весеннемъ переходѣ сѣверные олени не имѣютъ большаго значенія для тамошнихъ инородцевъ, потому что въ это время года животныя очень тощи и отъ укуловъ насѣкомыхъ покрыты желваками и ранами; но въ августѣ и сентябрѣ, когда сѣверные олени возвращаются съ равнины снова въ лѣсъ, они здоровы, тучны и даютъ вкусное питательное мясо. Въ благопріятные года переселяется нѣсколько тысячъ сѣверныхъ оленей, которые, хотя и раздѣляются на стада въ 200—300 головъ, но всё держатся довольно близко другъ къ другу, такъ что вмѣстѣ образуютъ несмѣтную массу. Дорога ихъ неизмѣнно одна и та-же. Для перехода черезъ рѣку они выбираютъ такое мѣсто, гдѣ къ берегу ведетъ сухая покатая дорога, а на противоположной сторонѣ находится отлогая отмель, которая облегчаетъ имъ поднятіе на берегъ. Въ водѣ всѣ животныя каждаго отдѣльнаго стада тѣснятся другъ къ другу, и вся поверхность покрывается плывущими оленями». На материкѣ Америки, такъ-же какъ и въ Сибири, животныя странствуютъ съ горъ на морской берегъ и обратно. По показанію Франклина, они оставляютъ прибрежныя страны съ рожденными здѣсь дѣтенышами въ июль и августѣ; въ октябрѣ достигаютъ границы этой скудной полосы, а зимой ищутъ защиты и пропитанія въ лѣсахъ. Едва начинается таять горный снѣгъ, они снова выходятъ изъ лѣсовъ и мало-по-малу переселяются въ равнины. Слѣдомъ за ними идутъ стаи волковъ, и многія животныя дѣлаются ихъ жертвами, а толпы индѣйцевъ поджидаютъ ихъ въ знакомыхъ проходахъ, гдѣ животныя дѣлаютъ правильныя остановки.

Въ Норвегіи сѣверные олени не странствуютъ, а, самое большее, переходятъ съ одной горной цѣпи на другую; какъ далеко простираются эти переходы, еще не изслѣдовано. Зато ихъ родныя горы обставлены такъ, что доставляютъ имъ всѣ выгоды, приобретаемыя въ Сибири странствованіями. Во время размноженія комаровъ сѣверные олени удаляются только къ глетчерамъ и снѣговымъ полямъ; осенью-же зимой и весной спускаются въ нижніе пояса горъ. Всѣ дикіе сѣверные олени въ высшей степени любятъ общезительность. Стада ихъ гораздо больше, чѣмъ у всѣхъ прочихъ видовъ оленей; отдѣльныхъ животныхъ можно встрѣтить только чрезвычайно рѣдко, и это всегда старые самцы, которые изгоняются изъ стада.

Сѣверные олени прекрасно приспособляются къ жизни въ тѣхъ сѣверныхъ странахъ, которыя лѣтомъ представляютъ болото, а зимой—сплошное снѣговое поле. Широкія копыта помогаютъ имъ такъ-же хорошо ходить по болотистымъ и снѣжнымъ мѣстамъ, какъ и удерживаться на крутыхъ скатахъ. Сѣверные олени ходятъ довольно скорымъ шагомъ или быстрою рысью. При каждомъ шагѣ слышится своеобразный скрипъ, похожій на трескъ, производимый электрической искрой. Я много трудился надъ тѣмъ, чтобы найти причину этого звука. Наблюдая за животнымъ долгое время насколько возможно тщательнѣе, я считалъ себя въ правѣ заключить, что упомянутый звукъ происходитъ отъ соприкосновенія неразвитыхъ копытъ съ большими копытами и, дѣйствительно, я могъ произвести подобный-же звукъ, потирая ноги одна о другую. Однако, сѣверные олени, которыхъ я наблюдалъ въ зоологическихъ садахъ, доказали мнѣ, что мое мнѣніе было невѣрно, потому что они производятъ

подобный же скрипъ, не поднимая ногъ съ полу: они издають этотъ звукъ, стоя на всѣхъ четырехъ ногахъ и наклоняясь немного впередъ или въ сторону. Я могу поручиться, что при подобныхъ наклоненіяхъ маленькія копытца не касаются большихъ. Остается только предположить, что этотъ звукъ образуется въ суставахъ, подобно тому, какъ, вытягивая пальцы, мы заставляемъ ихъ издавать трескъ. Съ этимъ взглядомъ согласенъ и Вейнландъ; того-же мнѣнія лапландцы, которыхъ я спрашивалъ черезъ норвежцевъ, а также и норвежскіе естествоиспытатели. Но одинъ опытъ говоритъ противъ этого. Именно, обязывали сѣверному оленю полотною копыта и шпорцы, и тогда не слышно было ни малѣйшаго звука. Этотъ опытъ, конечно, еще не доказываетъ, какъ это принимаетъ производившій его естествоиспытатель, что трескъ происходитъ отъ соприкосновенія копытъ со шпорцами, потому что это соприкосновеніе должны были-бы замѣтить, а этого не случилось. Кромѣ того, молодые сѣверные олени не издають треска, а у старшихъ этотъ странный звукъ прекращается, когда они ходять по глубокому и мягкому снѣгу. При медленной ходьбѣ по болотистымъ тундрамъ сѣверный олень такъ раздвигаетъ копыта, что слѣдъ, имъ оставляемый, болѣе напоминаетъ слѣдъ коровы, чѣмъ оленя; подобнымъ-же образомъ ходить онъ по снѣгу, въ которомъ не тонеть, если онъ хоть немного осѣлъ. Плаваетъ сѣверный олень очень легко. Высшія внѣшнія чувства у сѣвернаго оленя превосходно развиты. Обоняніе у него, дѣйствительно, выдающееся и простирается на 500—600 шаговъ, въ чемъ я лично убѣдился; слышитъ онъ, по крайней мѣрѣ, такъ-же хорошо, какъ благородный олень, а видитъ такъ зорко, что охотникамъ приходится старательно скрываться, идя даже противъ вѣтра. Притомъ животное это большой лакомка, потому что выискиваетъ лучшія альпійскія травы, а въ осмачаніи его легко убѣдиться, когда его мучатъ комары: домашній сѣверный олень вздрагиваетъ при малѣйшемъ прикосновеніи насѣкомаго. Всѣ охотники, наблюдавшіе сѣверныхъ оленей, приписываютъ имъ понятливость и даже нѣкоторую долю хитрости; что они въ высшей степени боязливы и осторожны, не подлежитъ сомнѣнію. Къ другимъ животнымъ они не выказываютъ ни малѣйшаго страха. Они до вѣрчиво подходятъ къ лошадямъ и коровамъ, которыя пасутся на ихъ высотахъ, и тамъ, гдѣ водятся домашнія животныя ихъ-же вида, охотно сближаются съ ними, хотя хорошо знаютъ, что имѣють дѣло не съ равными себѣ. Отсюда вытекаетъ, что осторожность и страхъ ихъ въ отношеніи къ человѣку есть только слѣдствіе опыта, и потому въ нихъ нельзя не допустить известной степени понятливости. Это поразительно подтверждается изслѣдованіями Кюкенталя и Вальтера. Въ западной части Шпицбергена, гдѣ за сѣвернымъ оленемъ много охотились, Кюкенталь въ 1886 году замѣтилъ, что онъ чрезвычайно боязливъ; въ восточной-же части Шпицбергена онъ съ Вальтеромъ могъ въ 1889 году въ теченіи двухъ часовъ убить ихъ 11 штукъ, изъ которыхъ 6 принадлежали къ одному стаду, состоявшему всего изъ 7 головъ; такая удача въ охотѣ была слѣдствіемъ того, что здѣсь животное было совершенно незнакомо съ человѣкомъ и его губительнымъ оружіемъ. «Животныя», пишетъ этотъ естествоиспытатель, «не убѣгали, когда мы прицѣливались, а только удивленно смотрѣли на насъ, кромѣ одного, которое лучше поняло, въ чемъ дѣло, и убѣжало во всю прыть. Хотя мы видѣли невдалекѣ еще третье стадо, но рѣшили прекратить охоту, которая въ отношеніи такихъ до вѣрчивыхъ животныхъ представляла мало доблести».

Дикій сѣверный олень питается лѣтомъ сочными альпійскими травами, а именно листьями и цвѣтами подснежнаго лютика, оленьяго щавеля, жабника и т. д.; зимой—лишайми. Въ Норвегіи онъ и зимой избѣгаетъ богатаго пищей лѣса. но чаще ходитъ тогда на болота, чтобы поѣсть тамъ различныхъ травъ. Очень охотно ѣстъ онъ почки и молодые побѣги карликовой березы, но не другихъ ви-

довъ березъ. Выборъ пищи всегда въ высшей степени тщательный и ограниченъ немногими растениями. Откапываетъ травы сѣверный олень всегда передними копытами, а не рогами, какъ часто утверждаютъ. Онъ усерднѣ всего ищетъ пищи утромъ и вечеромъ; въ полуденные часы онъ спитъ, отгрыгая жвачку, чаще всего на снѣжныхъ поляхъ или глетчерахъ или, по крайней мѣрѣ, вблизи нихъ. Спитъ-ли онъ ночью, неизвѣстно.

Въ Норвегіи у сѣверныхъ оленей въ концѣ сентября начинается течка. Рога, которые сбрасываются въ концѣ декабря или въ январѣ, достигаютъ теперь полнаго развитія, и самецъ умѣетъ употреблять ихъ въ дѣло. Громкимъ крикомъ вызываетъ онъ соперника; протяжно и выразительно кричитъ, затѣвая въ виду всего, теперь большого, стада частыя драки со сталкивающимися съ нимъ соперниками. Храбрые борцы часто переплетаются рогами и иногда по цѣлымъ часамъ остаются какъ-бы прикованными одинъ къ другому; при этомъ случается, какъ и у благородныхъ оленей, что болѣе слабые самцы, которые въ періодъ размноженія изгоняются сильнѣйшими, пользуются случаемъ и спариваются въ это время съ самками. Самецъ обращается съ самкой очень дурно и долго гоняетъ ее передъ собою; остановившись послѣ долгаго бѣганья, онъ облизываетъ избранную подругу, поднимаетъ голову вверхъ, испуская при этомъ быстрые, заглушающіе другъ друга, похожіе на хрюканье звуки; надуваетъ губы, опять сжимаетъ ихъ, опускаетъ заднюю часть тѣла и вообще выражаетъ свои чувства странными тѣлодвиженіями. Самое совокупленіе происходитъ очень быстро, причемъ самецъ, какъ-бы чихая, фыркаетъ носомъ. Въ апрѣлѣ самки начинаютъ телиться: такимъ образомъ, онѣ ходятъ стельными почти 30 недѣль. Самка дикаго сѣвернаго оленя никогда не приноситъ болѣе одного дѣтеныша заразъ. Это—маленькое, миловидное созданіе, которое мать нѣжно любить и долго кормитъ молокомъ. Въ Норвегіи дѣтеныша сѣвернаго оленя называютъ «Vokkalb» или «Semlekalb», смотря по тому, мужского онъ пола или женскаго; взрослые также носятъ названіе Vok и Semle. Къ веснѣ беременная самка отдѣляется съ самцомъ отъ стада и ходитъ съ нимъ до рожденія дѣтеныша, а иногда и позднѣе. Такія семейства можно встрѣтить часто. Годовалые олени и молодыя самки образуютъ съ своей стороны большое стадо, которое ведетъ яловая самка. Только когда дѣтеныши выростутъ, семейства эти снова присоединяются къ стадамъ. Сѣверные олени такъ заботятся о своей безопасности, что, пока остальные животныя изъ стада спятъ, отгрыгая жвачку, вожакъ стоитъ на сторожѣ; если-же онъ захочетъ отдохнуть, то сейчасъ-же поднимается другое животное и продолжаетъ сторожить. Никогда стадо сѣверныхъ оленей не пasetся на скатахъ, гдѣ, противъ вѣтра, легко можетъ быть застигнуто врасплохъ, но всегда выбираетъ такія мѣста, съ которыхъ приближеніе врага можно увидѣть издали; въ случаѣ чего они быстро убѣгаютъ, часто за нѣсколько миль. Но на удобныя мѣста они снова возвращаются, спустя нѣсколько дней.

Охота за сѣвернымъ оленемъ можетъ служить удовольствіемъ лишь для страстнаго охотника или истаго естествоиспытателя, которые не боятся трудовъ и лишеній. Въ Норвегіи для людей опытныхъ охота съ ружьемъ лучше всѣхъ прочихъ способовъ. Нерѣдко обстрѣливаемое стадо такъ ошеломляется первымъ выстрѣломъ, что значительное время стоитъ въ оцѣненіи и убѣгаетъ, только увидѣвъ стрѣлковъ. Это знаютъ норвежскіе охотники и потому любятъ ходить на охоту вдвоемъ, втроемъ и вчетверомъ; одновременно подкрадываются къ стаду, условившись, цѣлятся въ намѣченныхъ животныхъ и даютъ выстрѣлить сначала одному, послѣ чего принимаются за стрѣлбу и остальные. Для многихъ народовъ Сибири охота за сѣвернымъ оленемъ имѣетъ очень важное значеніе. «Юкагиры и другіе

народы Сибири, живущіе по рѣкѣ Анюѣ», говоритъ Врангель, «совершенно зависятъ отъ сѣвернаго оленя, который здѣсь, какъ и въ Лапландіи, почти исключительно доставляетъ имъ пищу, одежду, повозки и жилища. Охота за сѣвернымъ оленемъ рѣшаетъ, будетъ-ли въ продолженіи года голодъ или благосостояніе, и здѣсь время переселенія этихъ животныхъ представляетъ важнѣйшую часть года. Когда животныя во время своихъ правильно повторяющихся путешествій приходятъ къ рѣкѣ и готовятся переплыть черезъ нее, охотники въ своихъ быстрыхъ, какъ стрѣла, челнокахъ стремительно выплываютъ изъ-за кустовъ и камней, за которыми до сихъ поръ скрывались, окружаютъ стадо и стараются задержать его, пока два или три самыхъ искусныхъ изъ нихъ, вооруженные короткими рогатинами, проникаютъ въ средину плывущихъ животныхъ и въ невѣроятно короткое время убиваютъ или тяжело ранятъ громадное число ихъ, причемъ раненныя животныя успѣютъ только достигнуть берега, гдѣ попадаютъ въ руки ожидающихъ тамъ женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей. Но все-таки охота эта сопряжена съ большой опасностью. Въ громадной массѣ близко другъ къ другу плывущихъ животныхъ маленькій легкій челнокъ каждую минуту можетъ опрокинуться; кромѣ того, преслѣдуемыя животныя защищаются, насколько возможно: самцы—рогами и зубами, а самки—передними ногами, которыя онѣ имѣютъ обыкновеніе вскидывать на бортъ челнока. Если при этомъ челнокъ опрокидывается, то охотникъ обыкновенно погибаетъ, потому что ему почти невозможно выбраться изъ средины плывущаго стада».

Подобнымъ-же образомъ, по сообщеніямъ Кинга, охотятся за сѣвернымъ оленемъ индѣйцы Сѣверной Америки. Эти дикари также почти исключительно живутъ на счетъ этого животнаго. Громаднаго стада сѣверныхъ оленей въ нѣсколько тысячъ головъ тянутся весной на сѣверъ, къ Ледовитому океану, а осенью обратно на югъ. Тогда они имѣютъ подъ кожей спины и бедеръ слой жира въ 7—12 см. толщиной и составляютъ поэтому въ это время главный предметъ охоты. Животное убиваютъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, ловятъ въ петли, убиваютъ при переправѣ черезъ рѣки рогатинами, вырываютъ глубокія ямы-западни или дѣлаютъ изъ вѣтвей и кустарника двѣ изгороди, оставляя въ обѣихъ узкіе промежутки, въ которые ставятъ петли; потомъ гонятъ стадо между изгородами и ловятъ тѣхъ животныхъ, которыя пытаются прорваться, или наповаль убиваютъ ихъ при выходѣ. По рассказамъ Тренцеля, индѣйцы одного племени ходятъ на охоту попарно. Передній держитъ въ одной рукѣ рога сѣвернаго оленя, второй, который идетъ по пятамъ за нимъ, несетъ пучокъ вѣтокъ, которыми третъ по рогамъ; голове они повязываютъ бѣлымъ мѣхомъ. Замѣтивъ эту странную группу, сѣверный олень останавливается и удивленно вглядывается. Тогда оба индѣйца стрѣляютъ заразъ, спѣшатъ за стадомъ, заряжая на бѣгу, и стрѣляютъ еще нѣсколько разъ.

Индѣйцы умѣютъ пользоваться дикимъ сѣвернымъ оленемъ, какъ лапландцы своимъ ручнымъ. Изъ роговъ и костей они готовятъ остроги и удочки, расколотыми берцовыми костями соскребаютъ мясо, жиръ и волосы съ кожи; оленьимъ мозгомъ они смазываютъ шкуры, чтобы сдѣлать ихъ мягче. Выдубленныя посредствомъ копченія на кострахъ изъ гнилушекъ кожи они натягиваютъ на колья палатокъ; невыдубленныя кожи доставляютъ имъ тетивы для лука и сѣти; изъ сухихъ жилъ выдѣлываются, посредствомъ расщепливанія, тонкія витки. Мягкія, покрытыя пушистою шерстью пикурки дѣтенышей доставляютъ одежду. Индѣйцы съ головы до пятъ закутываются въ шкуры сѣверныхъ оленей, постилаютъ хорошо выдубленную мягкую кожу на снѣгъ, покрываются второй, и могутъ въ такомъ видѣ выдержать самые суровые холода. Ни одна часть тѣла сѣвернаго оленя не остается у нихъ безъ полезнаго примѣненія, не исключая пищевой кашицы въ желудкѣ. Когда эта

послѣдняя полежить и подвергнется извѣстному броженію, то считается въ высшей степени вкуснымъ блюдомъ. Кровь варится и обращается въ супъ, кости толкутся и также варятся; добытый изъ нихъ костный мозгъ смѣшивается съ саломъ и сушенымъ мясомъ или употребляется для смазыванія лица и волосъ.

Дикій сѣверный олень имѣетъ много враговъ кромѣ человѣка. Самый опасный изъ нихъ волкъ. Онъ осаждаетъ стада постоянно, а упорнѣе всего зимой. Когда снѣгъ дѣлается настолько крѣпкимъ, что можетъ выдержать сѣвернаго оленя, этому коварному разбойнику очень рѣдко удается завладѣть животными; но обстоятельства мѣняются при свѣжемъ снѣгѣ. Тогда сѣверный олень глубоко вязнетъ въ пушистой пеленѣ, скоро устаетъ и легче можетъ быть пойманъ хищникомъ, скрывающимся гдѣ-нибудь за скалой или густымъ кустарникомъ. Въ горахъ волки собираются большими стаями какъ разъ въ то время, когда сѣверные олени собираются въ большія стада, и тогда начинается нескончаемая борьба за существованіе. На протяженіи сотенъ миль волки бѣгутъ за странствующими оленями, вслѣдствіе чего люди, именно изъ-за волковъ, проклинали такіа сборища сѣверныхъ оленей. Въ Норвегіи сѣверныхъ оленей хотѣли развести въ южныхъ горахъ, но это оказалось невозможнымъ изъ-за волковъ. Изъ Финмаркена или Норвежской Лапландіи были вытребованы съ лапландскими пастухами 30 сѣверныхъ оленей, которые удачно размножились въ горахъ около Бергена. Уже черезъ 5 лѣтъ 30 сѣверныхъ оленей размножились до нѣсколькихъ сотенъ головъ, и владѣльцы этихъ стадъ начали уже мечтать о богатствѣ, какъ вдругъ явились въ большомъ количествѣ волки, которые съ самаго начала выказывали себя злѣйшими врагами новаго стада. Казалось, будто волки со всей Норвегіи собрались въ одномъ мѣстѣ, такъ часто стали они попадаться тутъ. Такъ какъ бдительность была удвоена, то они не ограничились охотой за одними сѣверными оленями, а громадными стаями спускались въ долины, жадно похищали вблизи скотныхъ дворовъ рогатый скотъ и овецъ, угрожали людямъ и сдѣлались наконецъ такими нахальными, что стада сѣверныхъ оленей пришлось частью заколотъ, частью пристрѣлить, частью выпустить на волю; однимъ словомъ разведеніе оленей должно было прекратиться. Россомаха, рысь и медвѣдь также стараются поживиться сѣвернымъ оленемъ. Рядомъ съ этими большими хищниками къ злѣйшимъ врагамъ сѣвернаго оленя слѣдуетъ причислить совсѣмъ маленькихъ, но жестокихъ насѣкомыхъ, которыя страшно мучатъ этихъ животныхъ.

Пойманный молодымъ сѣверный олень очень скоро дѣлается ручнымъ; но ложное представленіе составилъ-бы тотъ, кто сталъ-бы сравнивать прирученныхъ оленей съ другими домашними животными. Даже потомки тѣхъ, которые съ незапамятныхъ временъ жили въ плѣну, вовсе не такіе ручные, какъ другіе наши домашнія животныя, но все еще находятся въ полудикомъ состояніи. Только лапландцы и ихъ собаки въ состояніи управлять и повелѣвать такимъ стадомъ.

Впрочемъ, оленеводствомъ занимаются не только лапландцы и лопари, а также многіе инородцы сѣверной Россіи и Сибири. Домашній сѣверный олень составляетъ опору и гордость, радость и богатство, мученіе и тягость для лапландца; по его понятіямъ, тотъ, кто считаетъ своихъ оленей сотнями, достигъ предѣла земного счастья. Нѣкоторые лапландцы имѣютъ 2—3000 штукъ сѣверныхъ оленей, но большая часть имѣетъ ихъ не болѣе 500 головъ; впрочемъ, норвежецъ никогда не узнаетъ точное число головъ въ стадѣ, такъ какъ всѣ лапландцы вѣрятъ, что волкъ или непогода сейчасъ-же уничтожитъ нѣсколькихъ животныхъ, если ихъ владѣлецъ безъ нужды будетъ говорить объ ихъ числѣ. Съ презрѣніемъ смотритъ лапландецъ фіельдовъ, истый оленеводъ, на своихъ остальныхъ земляковъ, которые отказались отъ

кочевой жизни и занимаются рыбной ловлей по рѣкамъ, озерамъ и морскимъ заливамъ или нанимаются въ услуженіе къ скандинавамъ; одного себя считаетъ онъ истиннымъ свободнымъ человѣкомъ, онъ не знаетъ ничего выше своего «моря», какъ онъ имѣетъ обыкновеніе называть большое стадо сѣверныхъ оленей. Жизнь дорога ему, и онъ думаетъ, что ему выпалъ лучшей жребій на землѣ.

А между тѣмъ, что за жизнь ведутъ эти люди! Не они распоряжаются ею, а стада: сѣверные олени идутъ куда хотятъ, а лапландцы должны за ними слѣдовать. Лапландецъ-оленеvodъ ведетъ истинно собачью жизнь. По цѣлымъ мѣсяцамъ онъ проводитъ большую часть дня подъ открытымъ небомъ; лѣтомъ его осаждаютъ и мучать комары, зимой донимаетъ холодъ, отъ котораго онъ не можетъ защититься. Часто онъ даже не можетъ развести огня, потому-что на высотахъ, по которымъ пасется его стадо, нѣтъ лѣсу; часто онъ долженъ голодать, такъ-какъ заходить дальше, чѣмъ предполагалъ. Скудно защищенный одеждой, онъ отданъ на произволъ всѣхъ случайностей погоды; образъ жизни довелъ его до полуживотнаго состоянія. Онъ не моется, питается самими отвратительными веществами, на которыя голодъ заставляетъ его набрасываться; часто у него нѣтъ другого спутника, кромѣ его вѣрной собаки, съ которой онъ честно, по справедливости, дѣлитъ свое скудное пропитаніе. И все это онъ охотно и съ любовью переноситъ ради своего стада!

По образу жизни домашніе сѣверные олени почти во всѣхъ отношеніяхъ отличаются отъ дикихъ. Какъ я уже замѣтилъ выше, они меньше и не такъ красиво сложены, какъ дикіе, позже мѣняются рога, размножаются также позже и постоянно странствуютъ. Въ іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ они живутъ въ горахъ или на морскомъ берегу, въ сентябрѣ возвращаются оттуда, и въ это время лапландецъ, достигнувъ своей осенней стоянки, маленькаго домика, гдѣ онъ сохраняетъ все необходимое для жизни, позволяеть своимъ оленямъ наслаждаться полной свободой, такъ-какъ они находятся теперь «въ странѣ мира», потому-что ни одного волка нѣтъ по близости. Въ это время происходитъ течка, и при этомъ случается, что домашніе олени смѣшиваются съ дикими, къ величайшей радости владѣльца стада, который черезъ это получаетъ лучшее потомство. Съ первымъ снѣгомъ сѣверныхъ оленей опять ловятъ и стерегутъ, потому-что въ это время ихъ надо болѣе, чѣмъ когда-либо оберегать отъ волковъ. Но вотъ настаетъ весна и съ ней новая свобода; животныя еще разъ собираются въ стада, потому-что въ это время самки телятся и даютъ превосходное молоко, которому нельзя давать пропадать; въ это время они опять гонятся въ мѣста, гдѣ мало комаровъ. Такъ продолжается изъ года въ годъ.

Стадо сѣверныхъ оленей представляетъ въ высшей степени своеобразное зрѣлище. Оно несомнѣнно походить на движущійся лѣсъ, съ тѣмъ, конечно, только различіемъ, что на деревьяхъ этого лѣса нѣтъ листьевъ. Сѣверные олени идутъ плотной массой, какъ овцы, но быстрыми эластичными шагами и такъ скоро, какъ ни одно изъ нашихъ домашнихъ животныхъ. По одну сторону ихъ идетъ пастухъ со своими собаками, которыя ревностно стараются держать стадо въ сборѣ. Онѣ безпрестанно бѣгаютъ вокругъ, моментально подгоня къ стаду каждое животное, которое отъ него удалится, и держать стадо въ тѣсной массѣ. Съ ихъ помощью лапландцу легко поймать любого оленя изъ стада посредствомъ аркана, которымъ онъ очень искусно владѣетъ. Между домашними сѣверными оленями господствуетъ, кажется, мирная общительность. Насколько самки строптивы при доеніи, настолько-же ласковы онѣ къ дѣтенышамъ, и позволяютъ сосать себя даже чужимъ.

Если вблизи есть хорошее пастбище, лапландецъ для облегченія доенья устраиваетъ загонъ, куда каждый вечеръ загоняютъ самокъ. Своей бѣготней взадъ и впередъ и постояннымъ бляньемъ сѣверные олени напоминаютъ овецъ, хотя громкій

ихъ крикъ скорѣе походитъ на хрюканье свиньи. Вообще большая часть содер-жимыхъ въ стадахъ сѣверныхъ оленей невелики ростомъ; изъ нѣсколькихъ сотенъ можно выбрать только очень немного крупныхъ животныхъ. Притомъ неприятно поражааетъ неправильность роговъ. Приближаясь къ загону, слышишь сначала несмолкаемое бляенье, а потомъ, при непрерывномъ движеніи, трескъ, какъ будто-бы сотни электрическихъ батарей были пущены въ ходъ въ одномъ мѣстѣ. Внутри загона лежатъ нѣсколько большихъ древесныхъ стволовъ, къ которымъ животныя крѣпко привязываются во время доенья. Безъ аркана ни одна самка не отдастъ своего молока; поэтому каждый лапландецъ и лапландка постоянно носятъ таковыя при себѣ. Арканъ состоитъ изъ длиннаго ремня или веревки, которые легко свертываются въ кольцо; его крѣпко держатъ за оба конца и бросаютъ такъ, чтобы оно обвилось вокругъ шеи или роговъ животнаго; затѣмъ кольцо все укорачиваютъ, пока животное не подойдетъ совсѣмъ близко; тогда ему дѣлаютъ на мордѣ глухой узелъ, чѣмъ крѣпко и надежно обуздываютъ его и принуждаютъ къ безусловному повиновенію. Потомъ животное крѣпко привязываютъ къ колодѣ и начинаютъ доить. Въ это время самка дѣлаетъ всевозможныя усилія, чтобы убѣжать; но лапландцы умѣютъ справляться съ ними и особенно строптивымъ животнымъ такъ крѣпко затягиваютъ у носа петлю, что они поневолѣ должны стоять спокойно. Тотъ, кто доить, приближается сзади, нѣсколько разъ плашмя ударяетъ по вымени и выдаиваетъ до чиста. Молоко имѣетъ пріятную сладость и густо, какъ сливки. Сейчас-же послѣ доенья загонъ отворяется, и скотъ снова выгоняется на пастбище, все равно были-ли животныя собраны рано утромъ или поздно вечеромъ, такъ-какъ они пасутся днемъ и ночью.

Различныя повальныя болѣзни производятъ между сѣверными оленями жестокия опустошенія; кромѣ того суровый климатъ препятствуетъ увеличиваться стадамъ такъ, какъ можно-бы было ожидать по плодовитости оленей. Молодые и нѣжные дѣтеныши не выдерживаютъ холода или такъ страдаютъ отъ сильныхъ снѣжныхъ бурь, что, совершенно ослабѣвъ, не могутъ слѣдовать за стадомъ; взрослые животныя въ очень глубокомъ снѣгу не находятъ болѣе достаточно корму, и хотя лапландецъ старается при такихъ обстоятельствахъ доставить имъ пищу въ лѣсу, для чего срубаетъ поросшія лишайми деревья, онъ все-таки не можетъ накормить стада, какъ слѣдуетъ. Очень плохо, если послѣ снѣга пойдетъ дождь, вслѣдствіе чего снѣгъ покроеся твердой корой, которая мѣшаетъ сѣверному оленю добывать себѣ пищу. Тогда горькая нужда посѣщаетъ лапландцевъ, и люди, которые, по тамошнимъ понятіямъ, считались богатыми, при такихъ обстоятельствахъ дѣлаются иногда въ одну зиму бѣдняками. Тогда они начинаютъ красть сѣверныхъ оленей, чѣмъ возбуждаютъ къ себѣ вражду остальныхъ оленеводовъ, которые безъ разсужденій убиваютъ ихъ, если застанутъ на мѣстѣ преступленія.

Значительная польза, которую домашніе сѣверные олени приносятъ своимъ владельцамъ, не можетъ съ нашей точки зрѣнія быть вполне оцѣнена. Все, что можетъ дать животное, каждая отдѣльная часть тѣла, мясо, кровь, молоко и приготовляемый изъ него вкусный сыръ употребляются въ дѣло. Мягкіе еще рога сѣвернаго оленя такъ-же охотно ѣдятъ, какъ и лоси; изъ мягкихъ шкуръ пыжиковъ (дѣтенышей) готовится одежда; шерсть прядутъ и ткуютъ; изъ костей приготовляются различныя орудія; сухія жилы употребляются на нитки. Кромѣ того животное должно еще, именно зимой, перевозить семейство со всѣмъ имуществомъ съ одного мѣста на другое. Въ Лапландіи сѣвернаго оленя употребляютъ главнымъ образомъ для ѣзды въ упряжи, рѣже какъ вьючное животное, потому что, вслѣдствіе слабаго крестца сѣвернаго оленя, ему очень трудна такая

служба. Тунгузы и коряки ѣздятъ также на сильныхъ самцахъ верхомъ, надѣвая на нихъ маленькое сѣдло какъ разъ на переднія лопатки, и съ широко разставленными ногами садясь на него верхомъ. Въ Лапландіи на сѣверныхъ оленяхъ никто не ѣздитъ верхомъ, и только самыхъ сильныхъ самцовъ, или «оленьихъ быковъ», какъ ихъ называютъ норвежцы, употребляютъ для ѣзды въ упряжи. За сильныхъ животныхъ охотно платятъ отъ 30 до 50 марокъ, тогда какъ обыкновенный сѣверный олень стоитъ самое большее 12—18 марокъ. Сѣверныхъ оленей не приучаютъ заранѣе къ ѣздѣ; безъ дальнихъ разсужденій выбираютъ изъ стада любое крупное животное и запрягаютъ его въ чрезвычайно удобныя сани, соответствующія мѣстнымъ условіямъ страны и природѣ сѣвернаго оленя. Они, конечно, совершенно отличны отъ нашихъ и походятъ скорѣе на лодку. Состоятъ они изъ тонкихъ березовыхъ досокъ, которыя, начиная отъ широкаго днища, изгибаются на подобіе лодки и сколачиваются гвоздями, образуя родъ корыта, передняя часть котораго закрыта. Само собою разумѣется, что въ такихъ саняхъ можетъ сидѣть только одинъ человекъ, который необходимо долженъ протянуть ноги прямо передъ собой; но такъ какъ сани набиты оленьими шкурами, то и въ такомъ странномъ положеніи чувствуешь себя тепло и покойно. Для провозки тюковъ и дорогихъ товаровъ имѣются сани, которыя могутъ быть закрыты надвигной крышкой, а въ общемъ похожи на ящикъ. Обыкновенно впереди путешественника ѣдетъ лапландецъ на оленѣ-вожакѣ для осмотра дороги, такъ какъ само собою разумѣется, что по снѣжному покрову ѣдутъ по прямому направленію, не зная навѣрно, какая подъ снѣгомъ почва. На рѣкахъ и озерахъ по обѣимъ сторонамъ дороги втыкаются вѣхи, для того, чтобы всѣ вѣхали по одному и тому-же мѣсту, отчего дорога дѣлается ровной и твердой. Сзади ѣдутъ 3—4 саней съ кладью и сѣстными припасами для путешественника, а въ случаѣ необходимости и съ мхомъ для животныхъ; такимъ образомъ полный поѣздъ состоитъ обыкновенно, по крайней мѣрѣ, изъ 6 саней. Очень простая упряжь состоитъ собственно изъ одного широкаго куска кожи, который шивается вдвойнѣ, чтобы быть мягкимъ со всѣхъ сторонъ. Эта круглая обвязка оканчивается двумя большими пуговицами, которыя при закладкѣ продѣваются черезъ петлю, сдѣланную изъ конца ремня, служащаго гужомъ. Послѣдній проходитъ между передними ногами и долженъ былъ-бы проходить подъ брюхомъ, но обыкновенно сѣверный олень переступаетъ черезъ него, и онъ болтается то по правую, то по лѣвую сторону животнаго. Простая уздечка оканчивается петлей, которая одѣвается животному на морду, гдѣ привязывается вторымъ ремнемъ, который проходитъ между рогами. Животнымъ управляютъ, дергая узду съ извѣстной силой то вправо, то влѣво. Хорошій сѣверный олень пробѣгаетъ съ санями около 10 километровъ въ часъ и можетъ везти тяжесть отъ 120 до 140 kgr., но обыкновенно на него нагружаютъ гораздо меньше. Въ Норвегіи лѣтомъ сѣвернаго оленя не употребляютъ для ѣзды. Если сильныхъ, хорошо выкормленныхъ сѣверныхъ оленей шадить, т. е. употреблять ихъ для ѣзды только по нѣсколько часовъ утромъ и вечеромъ, то можно, не утомляя ихъ, проѣхать невѣроятно большія пространства.

Тѣсная неволя не очень нравится сѣверному оленю, но онъ живетъ въ нашихъ зоологическихъ садахъ, при соответствующемъ уходѣ, очень хорошо и правильно размножается. Однако, безъ оленьяго мха ихъ нельзя держать долгое время; они пренебрегаютъ самымъ лучшимъ сѣномъ, когда могутъ питаться этой лучше всего подходящей для нихъ пищею, и, очевидно, съ отвращеніемъ ѣдятъ всякій другой растительный кормъ, за исключеніемъ хлѣба. Климатъ средней Германіи, т. е. господствующій во внутреннихъ материковыхъ странахъ лѣтній зной, не нравится сѣверному оленю, тогда какъ къ самому суровому зимнему холоду онъ совершенно

равнодушень. Поэтому онъ способенъ уживаться лучше всякаго другого чужеземнаго оленя на безлѣсныхъ вершинахъ всѣхъ горъ, на которыхъ растутъ мхи и лишай. Здѣсь онъ могъ-бы себя чувствовать очень хорошо, привыкъ-бы въ короткое время къ тамошнему корму, размножался-бы и могъ-бы сохраняться для охоты. Безъ сомнѣнія, дѣлалось нѣсколько попытокъ поселить его въ Германіи, но, насколько мнѣ извѣстно, ни при одной изъ нихъ не ознакомились со свойствами животнаго, его образомъ жизни и главными условіями для желаемаго успѣха. Если-бы съ самаго начала доставили стадо сѣверныхъ оленей по крайней мѣрѣ въ 20—30 головъ въ подходящую горную мѣстность (каковыхъ множество въ Германіи), и предоставляли-бы ихъ тамъ самимъ себѣ, то безусловно достигли-бы цѣли. За это говорятъ всѣ наблюденія, которыя сдѣланы до сихъ поръ. Такъ какъ лѣсоводство и земледѣліе принуждаютъ насъ все болѣе и болѣе истреблять нашихъ мѣстныхъ оленей, то мы должны были-бы по крайней мѣрѣ озаботиться о замѣнѣ ихъ другими оленями, которые могли-бы служить цѣлью охоты для любителей этого удовольствія. Сѣверный-же олень тѣмъ удобенъ, что онъ по образу своей жизни не вредитъ лѣсоводству и земледѣлію. Я уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ указалъ на него и старался доказать, что онъ можетъ жить въ нашихъ горахъ; предпринимавшіяся до сихъ поръ попытки хотя не отвѣчали моимъ желаніямъ, но подтвердили мои предположенія. Впередъ слѣдуетъ производить опыты съ большою настойчивостью и знаніемъ дѣла: они будутъ по всей вѣроятности увѣнчаны успѣхомъ. Вкусное мясо сѣвернаго оленя такъ нравится у насъ, что въ благопріятное время года правильно доставляется изъ Скандинавіи на наши рынки.

* * *

Рядомъ съ сѣверными оленями должны быть поставлены **Лани** (*Dama*). Отличительные признаки этого рода состоятъ въ круглыхъ, состоящихъ изъ двухъ вѣтвей роговъ, которые кверху расширяются въ длинную лопатку съ отростками по краямъ, обращенными назадъ и впередъ.

Лань любить скорѣе умѣренныя, чѣмъ холодныя страны, и по этой причинѣ издавна живетъ въ мѣстностяхъ, расположенныхъ около Средиземнаго моря. Область ея распространенія, простирается на югъ до сѣверной окраины Сахары, а на сѣверъ—до южной Швеціи и Норвегіи. Кювье получилъ дикую лань изъ лѣсовъ южнаго Туниса, Белонъ нашель ее на Греческихъ островахъ; въ Сардиніи и въ Италіи прежде она, кажется, попадалась часто. Уже древніе писатели упоминаютъ о ней, какъ о постоянной жительницѣ ихъ родины, Аристотель подъ именемъ *Prox*, Плиніи подъ именемъ *Platyceros*. Въ настоящее время это животное въ германскихъ зоологическихъ садахъ попадаетъ, можетъ быть, чаще, чѣмъ въ Испаніи, Франціи и Италіи; но многочисленнѣе всего лани въ Англии, гдѣ ихъ разводятъ въ большомъ числѣ въ паркахъ богатыхъ землевладѣльцевъ. Холмистая мѣстность, въ которой отлогія равнины смѣняются невысокими возвышенностями, роши, кустарники, листовные лѣса, гдѣ почва поросла низкой травой, лучше всего пригодны для лани; она какъ-бы создана для парка, и трудно пріобрѣсть для такихъ обширныхъ мѣстностей лучшее украшеніе, чѣмъ лань, латинское названіе которой намекаетъ на то, что это «дамская» дичь.

Лань (*Dama vulgaris*, *Dama platyceros* и *maura*, *Dactyloceros* и *Cervus dama*, *Damhirsch*, *Dämmling*, *Daim*.) уступаетъ въ величинѣ благородному оленю. Въ общемъ длина ея тѣла равняется 1,6 м., включая сюда хвостъ въ 16—19 см., высота въ плечахъ равняется 85—90 см., а высота крестца 90—96 см., вѣсъ ея рѣдко превышаетъ 100—120 kgr. Самка ростомъ меньше. По виду и сложенію лань на-

поминает козу; от оленей она отличается болѣе короткими и менѣе сильными ногами, сравнительно толстымъ туловищемъ, болѣе короткой шеей и рогами и удлиненнымъ хвостомъ, а также и цвѣтомъ. Ни одинъ изъ свойственныхъ Германіи дикихъ видовъ этого рода не представляетъ такихъ видоизмѣненій въ окраскѣ шерсти, какъ лань, которая измѣняется цвѣтомъ въ зависимости отъ времени года и возраста. Лѣтомъ бока, бедра и конецъ хвоста красновато-бурые, животъ и внутренняя сторона ногъ бѣлые; черныя кольца окружаютъ ротъ и глаза; волоса на спиѣ при основаніи бѣлые, въ серединѣ красно-бурые и на концахъ черные. Зимой верхняя часть головы, шеи и ушей буровато-сѣрая, спина и бока черноватые, животъ пепельно-сѣрый, иногда впадающій въ рыжій. Нерѣдко встрѣчаются также совершенно бѣлые экземпляры, которые не мѣняютъ цвѣта по временамъ года и зимой отличаются только болѣе длинной шерстью. Иѣкоторые самцы имѣютъ въ молодости желтоватую шерсть; рѣже встрѣчаются черныя животныя.

Относительно образа жизни и тѣлодвиженій лань во многихъ отношеніяхъ походитъ на благороднаго оленя. Органы чувствъ обоихъ животныхъ находятся на одинаковой степени развитія, и духовныя ихъ качества почти одинаковы. Однако лань не такъ боязлива и осторожна, какъ олень, не на такомъ далекомъ разстояніи чувствуетъ человѣка, а именно только на 300 шаговъ; часто въ свѣтлые дни пасется на открытыхъ лѣсныхъ полянахъ и ходитъ на водопой не такъ правильно и далеко, какъ ея родичъ. Въ быстротѣ, силѣ прыжка и проворствѣ лань уступаетъ оленю, на бѣгу она выше поднимаетъ ноги, при не очень быстромъ бѣгѣ прыгаетъ на подобіе козы, приподымая разомъ всѣ четыре ноги и поднимая хвостъ. Она еще можетъ перескочить препятствія въ 2 м. высоты; въ случаѣ надобности она плаваетъ такъ-же хорошо, какъ благородный олень, но никогда не валяется въ грязи. Ложится она всегда, подгибая всѣ четыре ноги, и никогда на бокъ. Укладываясь на покой, лань опускается сначала на переднія ноги, а когда встаетъ, поднимаетъ сначала заднія. Пища обоихъ видовъ оленя та-же самая; но лань чаще объѣдаетъ кору, чѣмъ олень, и потому вреднѣе. Очень странно, что это животное ѣстъ иногда ядовитыя растенія, отчего умираетъ.

Хотя лань вообще живѣе и безпokoйнѣе оленя (они находятся въ такомъ-же отношеніи, какъ кроликъ и заяцъ), но она болѣе привязана къ мѣсту, въ которомъ живетъ, и къ извѣстному водопою, а также обыкновенно собирается въ большія стада. Лѣтомъ сильныя самцы ходятъ по-одиночкѣ или маленькими стадами, а подростки и молодые олени съ самками и дѣтенышами. Въ серединѣ октября взрослые самцы присоединяются къ стаду и выгоняютъ подростковъ и молодыхъ оленей, которые принуждены вслѣдствіе этого образовывать небольшія стада; но когда у сильныхъ самцовъ половое возбужденіе прекращается, то слабыя опять присоединяются къ стаду. Лани, у которыхъ течка начинается въ то время, когда у оленя она оканчивается, очень возбуждены въ это время. Перекличка самцовъ съ самками, которую можно часто слышать около полуночи, не особенно громкая и не имѣетъ ничего грубаго; звукъ этотъ походитъ на сухое короткое фырканье или на хрипъ человѣка, котораго давятъ. Въ зоологическихъ садахъ держать только трехъ или четырехлѣтнихъ самцовъ, потому-что старые дѣлаются такъ драчливы, что это мѣшаетъ размноженію стада. Одного самца достаточно на восемь самокъ; уже подростки по одному году въ состояніи плодотворно совокупляться. Черезъ 14 дней течка прекращается.

Самка ходитъ беременною 8 мѣсяцевъ и телится обыкновенно въ іюнѣ однимъ дѣтенышемъ и рѣдко двумя. Дѣтенышъ въ первые дни жизни совсѣмъ безпомощный, а потому самка должна старательно охранять и оберегать его. Маленькихъ хищ-

Л А Н И .

никовъ, которые выказываютъ желаніе завладѣть дѣтенышемъ, мать отгоняетъ уда-рами переднихъ ногъ; отъ большихъ хищныхъ животныхъ она медленно уходитъ, чтобы отманить ихъ отъ мѣста, гдѣ спитъ ея скрытый дѣтенышъ, потомъ бѣжитъ быстро и возвращается на прежнее мѣсто только послѣ безчисленныхъ поворотовъ и обходовъ. Когда дѣтенышу лани минетъ 6 мѣсяцевъ, у него, если онъ мужского пола, появляются на дудкахъ возвышенія, отъ которыхъ къ концу слѣдующаго февраля выходятъ прямые рога, безъ вѣтвей, которые растутъ до августа, когда олень сдираетъ съ нихъ кожу. На второй годъ у роговъ являются развилины; на третій годъ вырастаетъ надглазная вѣтвь, а при очень хорошемъ кормѣ на каждомъ стволѣ выступаетъ одинъ или два тупыхъ отростка, которые въ слѣдующіе года увеличиваются въ числѣ. Только на пятый годъ начинается образование лопаточекъ, которыя съ теченіемъ времени увеличиваются и получаютъ большее число зубцовъ по краямъ. Рога старыхъ самцовъ часто очень красивы и вѣсятъ отъ 5 до 7 кгг. Изъ дѣтеныша женскаго пола черезъ годъ образуется нетеля, а послѣ первой течки настоящая самка. Старые самцы сбрасываютъ рога въ маѣ, годовые-же только въ іюлѣ; обыкновенно оба рога сбрасываются не въ одно время, а второй спадаетъ по истеченіи 2—3 дней послѣ перваго. Къ августу или сентябрю вырастаетъ новое головное украшеніе.

Слѣды лани болѣе заострены спереди и сравнительно длиннѣе, чѣмъ у оленя; они болѣе походятъ на слѣды козы, но, само собою разумѣется, больше ихъ.

Охотятся на ланей или большими облавами, или просто съ ружьемъ; удобна также охота засадою, потому-что животное держится постоянныхъ тропинокъ. По легче всего убить лань изъ ружья, если охотникъ имѣетъ помощника, и оба, напѣвая и присвистывая, идутъ вдоль дороги и постепенно приближаются къ лани. Подойдя на разстояніе выстрѣла, охотникъ останавливается, прячется за стволъ дерева или другое какое-нибудь прикрытіе, а помощникъ, напѣвая или посвистывая, идетъ дальше, пока первый не выстрѣлитъ. «Мнѣ не разъ удавалось», говоритъ Дитрихъ, «обманывать слѣдующимъ образомъ старыхъ ланей, стоявшихъ на открытыхъ большихъ пространствахъ. Въ такомъ мѣстѣ, гдѣ животное не могло меня видѣть, я снималъ сюртукъ и жилетку и такъ спускалъ рубашку на брюки, что она походила на блузу извозчика. Потомъ съ винтовкой въ рукѣ я продолжалъ идти. Животное замѣчало меня и различными движеніями показывало, что не совсѣмъ спокойно. Продолжая припѣвать и приплясывать, я дѣлалъ новую попытку приблизиться къ нимъ; животныя, не убѣгая, начинали также весело прыгать, пока мой выстрѣлъ не обращалъ шутку въ серьезное дѣло и не убивалъ одного изъ самцовъ». Къ отдѣльно пасущемуся животному довольно легко подкрасться, если идешь противъ вѣтра; отъ лошадей и повозокъ лань почти всегда убѣгаетъ. Лань любитъ, даже во время облавы, забираться въ низкіе густые кустарники и въ сытное время года дѣлается такой лѣнливой и неповоротливой, что на отдѣльно покоящихся животныхъ наталкиваются почти какъ на зайцевъ.

Шкура лани ради ея растяжимости и мягкости цѣнится дороже, чѣмъ шкура благороднаго оленя. Мясо ея очень вкусно и лучше всего съ іюля до середины сентября, когда животное сильно жирѣетъ. Но ко времени спариванія мясо самца приобрѣтаетъ козлиный запахъ.

Для населенія парка лань годится лучше всякаго другого вида оленей, скоро дѣлается доврѣчивой, расхаживаетъ и днемъ по открытымъ мѣстамъ, весела, даже игрива и очень расположена къ рѣзвости. Въ извѣстномъ отношеніи лань можетъ считаться предсказательницей погоды: когда она особенно безпокойна и рѣзва, можно довольно вѣрно заключить, что скоро наступитъ неблагоприятная, дурная

погода. Веселость свою лань сохраняетъ и въ тѣсной неволѣ, къ которой скоро привыкаетъ. Пойманный молодымъ, вскормленный коровимъ или козьимъ молокомъ дѣтенышъ лани дѣлается чрезвычайно ручнымъ и можетъ быть доведенъ до того, что бѣгаетъ за своимъ хозяиномъ какъ собака, сопровождая его на охоту въ качествѣ легавой.

Лань, кажется, особенно любитъ музыку. Даже дикая лань, если услышитъ звукъ трубы, приближается, чтобы послушать. Находящiеся въ неволѣ самцы лани, когда приближается время спариванiя, дѣлаются злыми и драчливыми, какъ всѣ содержимые въ тѣсной тюрьмѣ олени, смѣло бросаются на человѣка и могутъ ему причинить чувствительный вредъ. По нѣкоторымъ свѣдѣнiямъ, въ безумной дерзости они пристають даже къ другимъ видамъ оленей и не образумливаются, даже получивъ отъ нихъ суровый отпоръ.

* *
* *

У оленей, т. е., въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова, у благородныхъ оленей, обитающихъ въ обихъ сѣверныхъ областяхъ, рога имѣютъ круглые стволы и вѣтви и встрѣчаются также только у однихъ самцовъ. Изъ всѣхъ болѣе или менѣе многочисленныхъ вѣтвей по крайней мѣрѣ три направлены впередъ; надглазная и средняя вѣтвь встрѣчаются всегда, вторая (Eissprosse) иногда и не имѣется. На внѣшней сторонѣ плюсны находятся пучки волосъ. Слезныя ямки ясно замѣтны. У старыхъ оленей самцовъ (рѣже и у очень старыхъ самокъ) клыки верхней челюсти значительно выдаются надъ остальными зубами. Благородные олени представляютъ собой особый подродъ одноименнаго съ ними рода (*Cervus*).

Наиболѣе красивыми и благородными животными этого подрода является самый извѣстный видъ, **Благородный олень** или **Мараль** (*Cervus elaphus*. *Edelhirsch*. *Cerf*). Несмотря на свою стройность, онъ чрезвычайно сильнаго и красиваго тѣлосложенiя и при этомъ держится съ такимъ благородствомъ и гордостью, что съ полной справедливостью носить данное ему прозвище. Его величина весьма непостоянна и зависитъ отчасти отъ породы, отчасти отъ обитаемой имъ мѣстности. Длина всего его тѣла достигаетъ 1,85—2,15 м., изъ которыхъ около 15 см. приходится на долю хвоста; высота плечъ 1,2—1,5 м. и общiй вѣсъ 160—170 kgr.; но встрѣчаются и необыкновенно крупные олени, которые вѣсятъ 300 kgr. и болѣе. Самки значительно меньше ростомъ и обыкновенно также другой окраски. Въ отношенiи величины наибъ благородный олень, уступая только валити и персидскому оленю, превосходитъ всѣ остальные извѣстные виды этого рода. У него продолговатое, суженное въ пахахъ тѣло, съ широкой грудью и сильно выступающими впередъ плечами; прямая и плоская спина, которая у загривка нѣсколько выпукла, а у крестца закруглена; длинная, стройная, суженная съ боковъ шея и длинная голова съ высокимъ и широкимъ затылкомъ, сильно суженная спереди, съ плоскимъ, вдавленнымъ между глазъ лбомъ и прямой переносицей. Его глаза средней величины, живые, съ овальными зрачками. Слезныя ямки расположены вкось по направленiю къ угламъ рта; онѣ довольно велики и образуютъ узкое, продолговатое углубленiе, на внутреннихъ стѣнкахъ котораго отлагается жирная, кашицеобразная масса, которую животное въ послѣдствiи выдавливаетъ тренiемъ о деревья. Стройныя, средней величины, но тѣмъ не менѣе сильныя ноги поддерживаютъ туловище, и прямыя, острые, узенькiя и изящныя копыта охватываютъ конецъ его пальцевъ; неразвитыя копытца, или шпорцы, продолговато-округленныя, на концахъ какъ-бы обрублены и свѣшиваются прямо внизъ, не касаясь однако земли. Хвостъ очень коротокъ, конусообразной формы и на концѣ суживающiйся. Тонкiй подшерстокъ и грубые,

жесткіе волоса ости, плотно прилегающіе одинъ къ другому, довольно гладко покрываютъ его тѣло и значительно удлиняются только на передней части шеи. По моему мнѣнію, его зимній покровъ состоитъ не изъ волосъ ости, но исключительно изъ разросшагося, своеобразно измѣненнаго подшерстка, среди котораго находятся нѣсколько одинокихъ волосъ обыкновеннаго вида. Но, впрочемъ, вѣрное объясненіе происхожденія волосъ зимняго покрова нашихъ оленей затруднительно, и ошибочный взглядъ въ этомъ случаѣ легко возможенъ. На тугой, не отвислой верхней губѣ благороднаго оленя находятся три ряда длинныхъ тонкихъ щетинокъ; подобныя волосяныя образованія находятся также и надъ глазами. Смотри по времени года, полу и возрасту, окраска оленей измѣняется. Зимой волоса ости сѣровато-бураго, лѣтомъ скорѣй красновато-бураго цвѣта; подшерстокъ пепельно-сѣраго цвѣта съ бурыми кончиками. У морды окраска волосъ переходитъ въ черноватый, на задѣ въ желтоватый цвѣтъ. Только у телятъ въ первые мѣсяцы на красновато-буромъ фонѣ появляются бѣлыя пятна. Основной цвѣтъ измѣняется различнымъ образомъ: иногда принимаетъ черно-бурый, иногда желтый оттѣнокъ. Олени, у которыхъ на темномъ фонѣ замѣтны бѣлыя пятна, или совершенно бѣлые олени, считаются рѣдкимъ явленіемъ. Въ послѣднее время нашихъ оленей съ успѣхомъ скрещивали съ оленями изъ породы валити.

Рога у оленя сидятъ на короткой дудкѣ; они имѣютъ одинъ стволъ съ многочисленными вѣтвями и держатся совершенно прямо. У корня стволы роговъ довольно круто изгибаются параллельно лбу назадъ и въ стороны, затѣмъ они снова изгибаются уже менѣе крутыми изгибами внутрь и затѣмъ сближаются своими концами. Въ самомъ низу, на передней сторонѣ ствола, находится надглазная вѣтвь, направляющаяся впередъ и заворачивающаяся затѣмъ вверхъ; надъ нею выступаетъ на большемъ или меньшемъ разстояніи вторая вѣтвь, посрединѣ ствола вырастаетъ средняя вѣтвь, а на верхушкѣ образуется такъ называемая «крона», вѣтви которой по своему положенію и величинѣ, смотря по возрасту или породѣ оленя, представляютъ разнообразныя измѣненія. Стволы круглой формы, но шероховаты, въ большемъ или меньшемъ количествѣ покрыты круглыми бугорками (Perlen), въ особенности въ нижнихъ частяхъ, и испещрены прямыми и извилистыми продольными бороздками. Кончики вѣтвей гладкія, какъ-бы отполированныя—грязновато-бѣлаго или желтоватаго цвѣта, между тѣмъ какъ остальная часть роговъ, смотря по соку тѣхъ растений, о которыхъ олень ихъ теръ, принимаетъ яркій свѣтло-бурый или черновато-бурый оттѣнокъ. Крупные рога вѣсятъ 5—8 kgr., но и въ наше время въ видѣ исключенія они могутъ достигать вѣса въ 10—12 kgr. и болѣе. Стволы, измѣренные по изгибамъ, могутъ имѣть въ длину 80—120 см., и только въ крайне рѣдкихъ случаяхъ длина ихъ достигаетъ не только 80—110, но даже 130 см. Самые тяжелые, еще съ прежнихъ вѣковъ сохранившіеся рога (въ Морицбургѣ), вѣсятъ 18,8 kgr., самые тяжелые рога новѣйшаго времени отъ оленя, убитаго въ 1844 г. въ Таунусѣ, вѣсятъ, по словамъ Домбровскаго, 15,5 kgr. По словамъ того-же автора, самые длинные изъ вообще извѣстныхъ роговъ, длина которыхъ, измѣренная по изгибамъ, простиралась отъ 133—132 см. были сняты съ оленя въ Баденѣ въ 1762 г.; у нихъ было 26 вѣтвей. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ встрѣчаются олени, которые вполне правильно развиты, но у нихъ вырастаетъ всегда только одинъ рогъ, и также другіе, у которыхъ вообще не бываетъ роговъ *).

Еще и въ наше время олени живутъ почти во всей Европѣ, исключая крайняго

*) Здѣсь пропущена очень сложная нѣмецкая охотничья терминологія, касающаяся оленей, такъ какъ соответствующихъ русскихъ терминовъ, сколько мнѣ извѣстно, существуетъ.

сѣвера, а близкія имъ породы также и въ значительной части Азии. Граница ихъ распространения въ Европѣ простирается до 65, въ Азии до 55 градуса сѣверной широты; южной границей служатъ Кавказъ и горы Манджуріи. Во всѣхъ обитаемыхъ ими странахъ ихъ численность значительно уменьшилась, или ихъ совершенно истребили, какъ наиримѣръ въ Швейцаріи и во многихъ частяхъ Германіи. Въ наибольшемъ количествѣ они встрѣчаются еще въ Польшѣ, Галиціи, Богеміи, Моравіи, Венгріи, Трансильваніи, Каринтіи, Штирии, и Тиролѣ; но еще чаще, чѣмъ въ этихъ странахъ, они встрѣчаются въ Азии, главнымъ образомъ на Кавказѣ и въ лѣсныхъ мѣстахъ южной Сибири. Крупнѣйшіе олени встрѣчаются отъ Венгріи до Буковины, въ Помераніи и восточной Пруссіи, наиболѣе мелкіе — въ Эльзасѣ и Лотарингіи. Олени предпочитаютъ гористыя мѣстности равнинамъ; въ особенности они любятъ пространства, покрытыя непрерывнымъ лѣсомъ, главнымъ образомъ лиственнымъ. Здѣсь они, сообразно возрасту и полу, разбиваются на отдѣльныя, большей или меньшей величины стада; старыя самки, телята, годовалые и двухгодовалые самцы и самки обыкновенно соединяются вмѣстѣ; болѣе крупныя олени образуютъ отдѣльныя небольшія стада; старые-же олени большей частью живутъ въ одиночку до наступления течки. Сообразно съ этимъ, самыя большія стада образуются изъ самокъ и молодыхъ оленей, небольшія — изъ самцовъ средняго возраста. Во главѣ стада постоянно находится самка — вожакъ, съ дѣйствіемъ котораго сообразуются всѣ остальные. Это происходитъ даже во время течки, пока самецъ не разгонитъ самокъ. Зимой олени спускаются съ горъ въ долины, лѣтомъ поднимаются на крайнія вершины лѣсистыхъ горъ. Но въ общемъ, пока ихъ никто не тревожитъ, они остаются вѣрны своему мѣстопробыванію и только во время течки, или при смѣнѣ роговъ, или, наконецъ, въ случаѣ недостатка пищи, они добровольно покидаютъ старое пастбище. Мягкіе рога принуждаютъ крупныхъ оленей жить или въ очень низкомъ кустарникѣ, или въ рѣдкомъ лѣсу, въ которомъ они не задѣвали-бы рогами за сучья; если въ лѣсу становится очень неспокойно, то они иногда поселяются въ хлѣбныхъ поляхъ или на выгонахъ, покрытыхъ низкимъ кустарникомъ. Весь день олени лежатъ скрытыми въ своемъ логовищѣ и только къ вечеру выходятъ пастись, причѣмъ лѣтомъ нѣсколько раньше, чѣмъ зимой. Только въ мѣстностяхъ, гдѣ они чувствуютъ себя вполне въ безопасности, они пасутся иногда и днемъ. На пастбище они обыкновенно отправляются или быстрой рысью, или скорымъ шагомъ; утромъ-же возвращаются, наоборотъ, медленно. Даже когда солнце уже давно взошло, они еще не покидаютъ опушки лѣса, потому что утрення роса, покрывающая листья, имъ крайне непріятна.

Всѣ движенія благороднаго оленя легки, изящны и въ то-же время горды и граціозны; въ особенности отличаются своей благородной осанкой самцы. Обыкновенная походка оленя довольно быстрая; мелкимъ шагомъ олени подвигаются впередъ весьма скоро, а въ галопѣ почти съ невѣроятной быстротой. При мелкой рыси олень вытягиваетъ шею впередъ, когда-же онъ скачетъ въ галопъ, то закидываетъ ее назадъ.

Онъ, шутя, точно забавляясь, дѣлаетъ огромные прыжки, безъ колебанія преодолеваетъ всевозможнаго рода препятствія и, въ случаѣ необходимости, переплываетъ, не задумываясь, не только широкія рѣки, но даже (особенно часто въ Норвегіи) морскіе заливы. Охотника занимаетъ каждое движеніе животнаго, каждый слѣдъ, оставляемый имъ, и вообще все то, что свидѣтельствуетъ объ его присутствіи. Уже въ древнія времена всѣ признаки, свидѣтельствующіе о присутствіи оленя, тщательно наблюдались. Опытный охотникъ скоро научается безошибочно узнавать по слѣду, принадлежитъ-ли онъ самцу или самкѣ, даже довольно вѣрно

опредѣляетъ возрастъ оленя. Наши предки знали 72 подобныхъ признака, по которымъ охотникъ могъ судить объ оленѣ, видя только его слѣды. Дитрихъ-же Винкель полагаетъ, что число ихъ можно было-бы сократить до 27. Я приведу только нѣкоторые изъ нихъ. Если олень тученъ, то слѣды его правой и лѣвой ноги не прямо лежатъ одинъ за другимъ, но помѣщаются рядомъ; по величинѣ шаговъ узнается тяжеловѣсность оленя. По шагамъ можно узнать самца, потому что слѣды его ногъ дальше отстоятъ другъ отъ друга, чѣмъ у самки. Если шагъ его болѣе 75 см., то у него уже могутъ быть рога о десяти вѣтвяхъ. Слѣды самца еще узнаютъ тѣмъ, что они спереди тупѣе, а у самки они довольно острые. Внимательные охотники замѣчаютъ также, что самецъ обрѣзываетъ копытами стебли травы, когда ходитъ по лугу, а самки ихъ только придавливаютъ; затѣмъ объ оленѣ судятъ по комкамъ земли, которые онъ отбрасываетъ копытами, а также по листьямъ и травѣ, которые защемляются между копытами, а потомъ выпадаютъ. Къ этимъ слѣдамъ причисляются еще слѣды, оставляемые оленемъ на деревьяхъ при сдираниіи кожи съ роговъ. Непривычному охотнику, если онъ даже только-что видѣлъ рядомъ самца и старую самку, весьма трудно было-бы отличить ихъ слѣды, пройдя за ними нѣсколько шаговъ.

Изъ органовъ чувствъ благороднаго оленя слухъ, обоняніе и зрѣніе развиты прекрасно. Онъ чувствуетъ человѣка на разстояніи до 600 шаговъ. У него также необыкновенно острый слухъ; отъ него не скроется ни малѣйшій шорохъ, раздающійся въ лѣсу. Относительно его характера и умственныхъ способностей мнѣнія рѣзко расходятся. Охотникъ склоненъ видѣть въ своей любимой дичи соединеніе всѣхъ совершенствъ; менѣе увлеченный наблюдатель, сравнивающій оленя съ другими животными, не столь высокаго мнѣнія о немъ. По новѣйшимъ понятіямъ, олени не добродушнѣе и не умнѣ остальныхъ дикихъ жвачныхъ животныхъ. Они чрезвычайно робки и пугливы, но не умны и не понятливы. Память оленя, повидимому, слаба и понятливость незначительна. Мало-по-малу онъ набирается опытности и хорошо пользуется ею. Когда его страсти возбуждены, онъ часто забываетъ объ опасностяхъ, на которыя онъ обыкновенно прежде всего обращаетъ вниманіе. Добродушнымъ его назвать никакъ нельзя. Самецъ эгоистично помышляетъ исключительно о своей выгодѣ и этому чувству подчиняетъ все остальное. Онъ постоянно грубо и черство обращается съ самкою и въ особенности во время течки. Привязанность къ теленку обнаруживается только у самки; самцу-же это чувство чуждо. Пока молодой олень нуждается въ посторонней помощи, онъ податливъ и воспримчивъ къ ласкамъ, но едва онъ начинаетъ сознавать свою силу, какъ забываетъ объ оказанныхъ ему благодѣяніяхъ. Другихъ животныхъ онъ боится или относится къ нимъ равнодушно, а часто даже и непріязненно; съ болѣе слабыми существами олень обращается дурно. Коль скоро онъ считаетъ себя обиженнымъ, или если его раздражили, онъ морщитъ верхнюю губу, скрежещетъ зубами, злобно ворочаетъ глазами, нагибаетъ книзу голову и готовится къ нанесенію удара. Во время течки олень дѣлается вполне безумнымъ: онъ забываетъ все, пренебрегаетъ даже пищей и, повидимому, исключительно обращаетъ вниманіе на самокъ, о которыхъ такъ мало заботился прежде, и на другихъ самцовъ, одержимыхъ подобной-же страстью. Олень во время течки представляетъ въ лѣсу—прекрасное, а въ зоологическихъ садахъ за рѣшеткою—отвратительное явленіе. Самка—нѣжнѣе, податливѣе, привязчивѣе, однимъ словомъ, добродушнѣе самца, но въ общемъ похожа на него. На волѣ она вслѣдствіе отсутствія роговъ, еще болѣе пуглива, чѣмъ послѣдній и поэтому всегда принимаетъ на себя предводительство стадомъ; настоящую-же понятливость она обнаруживаетъ столь-же мало, какъ и

самецъ. Необыкновенно тонкіе органы чувствъ, благодаря которымъ они обыкновенно во время узнають о всякой опасности, заставляють судить о нихъ, какъ о животныхъ болѣе умныхъ, чѣмъ они есть на самомъ дѣлѣ.

Несомнѣнно, что олени являются такими робкими животными оттого, что они путемъ опыта научились видѣть въ человѣкѣ своего злѣйшаго врага и узнали его страшное могущество. Въ мѣстностяхъ, гдѣ они увѣрены въ безопасности, они дѣлаются чрезвычайно доврчивы. Въ Пратерѣ, близъ Вѣны, существовали прежде крупныя стада этихъ стройныхъ животныхъ, которыя вполнѣ привыкли къ толпѣ гуляющихъ и, какъ я могу увѣрить изъ собственнаго опыта, подпускали къ себѣ безъ боязни человѣка шаговъ на 30. Одинъ изъ этихъ оленей мало-по-малу сдѣлался до того смѣлымъ, что, не робѣя, подходилъ къ столамъ, разгуливалъ среди нихъ и лизалъ прекрасныя ручки дамъ, выпрашивая у нихъ такимъ образомъ, какъ это вошло уже въ обыкновеніе, сахару или пирожнаго. Это чудное животное, не дѣлавшее вреда тѣмъ, кто относился къ нему ласково, и встрѣчавшее рогами всякаго злонамѣреннаго или желающаго подразнить его человѣка, погибло печальнымъ образомъ. Неловкимъ движеніемъ оно запуталось вѣтвями роговъ въ сквозной спинкѣ стула, поднимая голову, сбросило сидящаго на немъ человѣка на землю, испугалось, еще болѣе запуталось въ стулѣ вѣтвями и, придя отъ этой неожиданной обузы въ неописанный ужасъ, съ страшною быстротою понеслось по парку, перепугало остальныхъ оленей и начало, точно бѣшеное, бросаться на прохожихъ, такъ что его наконецъ пришлось пристрѣлить. Въ мѣстахъ, гдѣ ихъ кормятъ, олени становятся часто удивительно ручными.

Иначе ведетъ себя олень, если онъ заключенъ въ узкомъ пространствѣ или если наступило время течки. Въ обоихъ случаяхъ его раздражаетъ всякая малость, и онъ бросается даже на людей. Въ старыхъ и новыхъ охотничьихъ книгахъ повѣствуется о многихъ случаяхъ, когда олени нападали на людей безъ всякаго съ ихъ стороны повода, наносили имъ пораненія или даже убивали ихъ. «Въ 1637 году», рассказываетъ Флеммингъ, «въ замкѣ Гартенштейнѣ въ придворной кухнѣ ежедневно кормили молодого оленя и бѣдную дѣвушку. Осенью этотъ олень однажды встрѣтилъ несчастную дѣвушку въ лѣсу и нанесъ ей рогами смертельный ударъ. Но еще прежде, чѣмъ ее похоронили, оленя въ наказаніе застрѣлили и бросили на съѣденіе собакамъ». Въ паркахъ, гдѣ у оленей мало-по-малу исчезаетъ врожденная боязнь къ человѣку, они дѣлаются гораздо опаснѣе, чѣмъ въ лѣсу. Ленцъ на Калленбергѣ, близъ Кобурга, видѣлъ одного оленя, который убилъ уже двухъ дѣтей и бросался даже на своего сторожа, когда послѣдній не хотѣлъ давать ему больше корма. Въ Готѣ одинъ ручной олень въ припадкѣ бѣшенства бросился на своего прежде весьма любимаго сторожа; его рогъ проникъ черезъ глазъ въ мозгъ, такъ что послѣдній тотчасъ-же упалъ мертвымъ на землю. Въ Потсдамѣ одинъ совершенно ручной бѣлый олень убилъ возмутительнымъ образомъ своего сторожа, съ которымъ жилъ въ величайшей дружбѣ. Подобныхъ случаевъ можно было-бы привести еще множество. Самки не добродушнѣе и не менѣе требовательны, чѣмъ самцы, но только не такъ хорошо вооружены и потому менѣе опасны. Но и ихъ гнѣвъ вспыхиваетъ, какъ солома на огнѣ, и онѣ пользуются своими копытами съ такой-же силой, какъ и ловкостью, когда имъ хочется заявить свое нерасположеніе или дурное настроеніе духа. Тѣмъ не менѣе, какъ самца, такъ и самку можно до извѣстной степени приручить и даже научить нѣкоторымъ такъ называемымъ фокусамъ; но въ этомъ отношеніи ихъ можетъ превзойти каждая коза. Польскій король Августъ III катался въ 1739 г. на восьми оленяхъ; Цвейбрюкенскіе и Мейнингенскіе герцоги имѣли экипажныя закладки, состоящія

изъ бѣлыхъ оленей. Въ наше время такое примѣненіе благородныхъ животныхъ можно въ крайнемъ случаѣ встрѣтить развѣ въ циркахъ и у ярмарочныхъ фокусниковъ.

Въ отношеніи ухода и пищи плѣнные благородные олени не особенно разборчивы, поэтому они очень хорошо сохраняются даже въ тѣсномъ заключеніи, свободно плодятся и производятъ со своими ближайшими родичами помѣси, способныя въ свою очередь къ размноженію. Воспользовавшись этимъ, въ послѣднее время неоднократно были сдѣланы не вполнѣ безуспѣшные опыты скрещиванія благороднаго оленя съ вапити, чтобы развести въ умѣренныхъ мѣстахъ болѣе крупную породу оленей. Смотри по времени года, олени разнообразятъ свою пищу. Зимой она состоитъ изъ озимыхъ посѣвовъ и многихъ растений, растущихъ вблизи источниковъ, изъ почекъ, древесной коры, вереска, листьевъ ежевики, омелы и другихъ растений; весной пищей ему служатъ почки и молодые побѣги съ листьями и безъ оныхъ, всевозможныя травы и злаки: позднѣе онъ ѣстъ хлѣбныя зерна, рѣпу, капусту, различные плоды, картофель, буковые орѣшки и желуди. По словамъ Блазіуса, олени сѣверной Германіи стали питаться картофелемъ и обдирать сосновую кору только лѣтъ 50 тому назадъ, и вообще, повидимому, въ теченіи времени неоднократно измѣняли свою наклонность къ той или другой пищѣ. Во время течки самцы питаются только самымъ необходимымъ, ѣдятъ множество грибовъ, причемъ даже такіе, которые для человѣка ядовиты. Какъ и большинство жвачныхъ животныхъ, олени чрезвычайно любятъ соль.

Крупные олени сбрасываютъ рога уже въ февралѣ, самое позднее въ мартѣ и окончательно замѣняютъ ихъ новыми къ концу іюля; молодые олени, главнымъ образомъ годовалые самцы, часто носятъ рога еще въ маѣ, но уже въ августѣ они ихъ окончательно замѣняютъ новыми и сдираютъ съ нихъ кожу. Со смѣной роговъ совпадаетъ до извѣстной степени линяніе оленей; половая-же дѣятельность находится въ соотношеніи, какъ съ тѣмъ, такъ и съ другимъ. Послѣ того, какъ олень смѣнилъ рога, у него появляются волоса лѣтняго покрова, а ко времени, когда линяніе и смѣна роговъ закончены, самки телются. Олень спаривается еще въ лѣтнемъ покровѣ; волоса ости у него начинаютъ выпадать вскорѣ послѣ спариванія, а затѣмъ постепенно происходитъ развитіе зимняго покрова.

«Течка», говоритъ Дитрихъ Винкель, «у оленей начинается въ началѣ сентября и продолжается до середины октября. Уже въ концѣ августа, когда олени наиболѣе жирны, у крупнѣйшихъ изъ нихъ проявляется половое возбужденіе. Они выражаютъ его особымъ крикомъ (звукомъ крайне пріятнымъ для охотника, но для музыкальнаго уха вовсе не мелодичнымъ), причемъ у нихъ съ самаго начала распухаетъ шея. Мѣсто, гдѣ олень уже разъ спаривался, онъ снова избираетъ до тѣхъ поръ, пока его тамъ не беспокоятъ и не вырубятъ тамъ деревья. Мѣста эти очень хорошо извѣстны охотникамъ. По сосѣдству съ этими мѣстами, небольшими стадами въ 6, 8, 10—12 штукъ группируются самки, но, можетъ быть изъ желанія понравиться, прячутся отъ самца. Послѣдній, не переставая, бѣгаетъ взадъ и впередъ, пригибая морду къ землѣ, чтобы почуять, гдѣ находится стадо или куда оно удалилось. Если онъ при этомъ встрѣчаетъ болѣе слабыхъ или годовалыхъ самцовъ, то прогоняетъ ихъ и самъ становится полновластнымъ властелиномъ стада, за которымъ съ этихъ поръ слѣдить съ величайшей строгостью. Ни одна изъ избранныхъ имъ подругъ не смѣетъ отъ него удалиться даже шаговъ на 30; онъ ихъ всѣхъ сгоняетъ на избранное мѣсто. Здѣсь у олени, окруженнаго столькими самками, половая страсть увеличивается ежечасно; но самки, или по крайней мѣрѣ наиболѣе молодыя и застѣнчивыя изъ нихъ, все еще колеблются, и онъ, не переставая, гоняетъ ихъ взадъ и впередъ, такъ что мѣсто спариванія совершенно выталтывается.

«Съ утра до вечера стонетъ лѣсъ отъ криковъ самцовъ, которые въ это время питаются только самымъ необходимымъ и лишь иногда отправляются освѣжиться въ сосѣднемъ источникѣ или лужѣ, куда должны сопровождать ихъ и самки. Другіе менѣе счастливые соперники завистливо отвѣчаютъ на эти крики. Они приближаются съ твердымъ рѣшеніемъ испытать всѣ средства, чтобы храбростью или хитростью занять ихъ мѣста. Едва олень, находящійся при самкахъ, замѣтитъ другаго, какъ, пылая ревностью, готовится къ встрѣчѣ послѣдняго. Начинается поединокъ, нерѣдко оканчивающійся смертью одного, а иногда и обоихъ противниковъ. Опустивъ рога, они яростно бросаются другъ на друга и съ достойной удивленія ловкостью стараются поочередно, то нанести ударъ противнику, то отразить послѣдній. Далеко по лѣсу раздаются удары роговъ и горе тому противнику, который вслѣдствіе ли старческой слабости или случайно, подставитъ обнаженное мѣсто! Противникъ его навѣрно воспользуется этимъ, чтобы нанести ему рану острыми концами своихъ надглазныхъ вѣтвей. Извѣстны случаи, когда во время поединка рога оленей до того крѣпко сплетались, что слѣдствіемъ этой случайности являлась смерть ихъ обоихъ; но даже и въ подобномъ случаѣ никакимъ человѣческимъ усиліемъ нельзя было разнять животныхъ, не сломавъ кончиковъ роговъ. Недавно, въ октябрѣ 1888 г. въ Мозигкауерской пустошѣ въ Ангальтскомъ герцогствѣ были опять найдены еще свѣжіе трупы двухъ крупныхъ двѣнадцатиконечныхъ оленей, которые, сцѣпившись въ дракѣ рогами, утонули въ лужѣ. Часто, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, поединокъ остается нерѣшеннымъ. Побѣжденный покидаетъ поле битвы лишь при полнѣйшемъ изнеможеніи; побѣдитель-же находитъ награду въ ненасытныхъ, разнообразныхъ наслажденіяхъ, которыя доставляетъ ему благосклонность самокъ, наблюдавшихъ за ходомъ битвы. Во время боя иногда удается совѣмъ молодымъ самцамъ на короткое время завладѣть правами, изъ за которыхъ старшіе такъ упорно дерутся; они подкрадываются къ самкамъ и пользуются тѣмъ, что обыкновенно выпадаетъ на ихъ долю лишь спустя недѣли три, когда болѣе крупные олени, совершенно обезсиленные, покидаютъ мѣста спариванія. Для совершенія самаго акта спариванія оленю нуженъ очень небольшой промежутокъ времени. Самки сами не отличаются всегда супружескою вѣрностью и любятъ разнообразіе точно такъ, какъ и самцы. Онѣ при всякомъ случаѣ стараются вознаградить себя за тѣ притѣсненія, которыя налагаются на нихъ ревнивыми причудами самцовъ. Прежде имъ приписывали такую воздержанность, что увѣряли, будто онѣ незамѣтно покидаютъ самца, какъ только почувствуютъ себя беременными; позднѣйшія наблюденія доказали противное.

«Беременность самки длится отъ 40—41 недѣли. Въ концѣ мая или въ іюнѣ, смотря по тому, когда произошло оплодотвореніе во время совокупленія, она рождаетъ одного, въ рѣдкихъ случаяхъ двухъ дѣтенышей. Когда приближается время родовъ, она ищетъ уединенія и покоя въ самой чащѣ лѣса. Телята въ первые три дня своей жизни до того безпомощны, что не трогаются съ мѣста. Ихъ можно даже взять руками. Въ это время мать рѣдко покидаетъ ихъ и то на короткое время; даже если ее вспугнуть, то она удаляется только настолько, насколько нужно, чтобы притворнымъ бѣгствомъ отвлечь дѣйствительную или воображаемую опасность. Ловить безъ сѣтей теленка, имѣющаго отъ роду болѣе недѣли, значило-бы напрасно тратить время. Съ этого времени онъ повсюду слѣдуетъ за матерью и тотчасъ-же прячется въ высокой травѣ, какъ только она подастъ голосъ, т. е. издастъ испуганный крикъ или начнетъ сильно и быстро бить передними ногами о землю. Теленокъ сосетъ матку до наступленія слѣдующей течки и съ молодости научается ею выбирать пригодную для себя растительную пищу».

Самка считается взрослой уже на третьемъ году, самцу-же нужно нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ онъ приобрѣтетъ всѣ права на самостоятельное господство въ стадѣ. На седьмомъ мѣсяцѣ у него впервые вырастаютъ рога, и съ этихъ поръ онъ смѣняетъ свое головное украшеніе уже ежегодно. Я считаю весьма поучительнымъ привести здѣсь краткій обзоръ тѣхъ измѣненій, которымъ подвергаются рога молодого самца; при этомъ я буду ссылаться на Блазіуса, который отнесся къ этому предмету съ точки зрѣнія естествоиспытателя. «Для благороднаго оленя», говоритъ онъ, «охотничій способъ опредѣленія его лѣтъ по числу вѣтвей на рогахъ еще менѣе вѣренъ, чѣмъ для самца косули. Хотя въ численности вѣтвей часто замѣчается нѣкоторая не-правильность, такъ какъ число ихъ съ годами у оленя иногда даже уменьшается, но въ развитіи этихъ придатковъ все-таки существуетъ строгая послѣдовательность, и потому точное опредѣленіе возраста животнаго очень часто не противорѣчитъ численности вѣтвей и величинѣ роговъ; однако простое охотничье опредѣленіе лѣтъ по числу вѣтвей рѣдко бываетъ вѣрно. Для научнаго изслѣдованія форма и величина роговъ гораздо важнѣе численности вѣтвей. При счетѣ вѣтвей больше вниманія слѣдуетъ обращать на ихъ положеніе, а не на число. Значеніе имѣютъ только тѣ вѣтви, которыя находятся въ соприкосновеніи съ главнымъ стволомъ; всѣ-же развѣтвленія, удаленныя отъ него, могутъ разсматриваться какъ случайныя отступленія, не обусловливаемыя существенными измѣненіями законовъ ихъ образованія. Главный стволъ у основанія имѣетъ лишь одинъ слабый и правильный изгибъ; затѣмъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится средняя вѣтвь, стволъ вдругъ колѣнообразно отгибается назадъ, при чемъ кончикъ его постоянно сохраняетъ направленіе внутрь. У оленя съ 12-ью вѣтвями на рогахъ стволъ образуетъ второе колѣно подъ кроной, у оленя съ 14-ью вѣтвями—третье еще выше, а съ 20-ью вѣтвями еще четвертое, причемъ остріе роговъ все-таки обращено внутрь. Всѣ эти изгибы сохраняются и при выростаніи послѣдующихъ роговъ. Мы замѣчаемъ также поразительное измѣненіе надглазной вѣтви въ теченіи ея развитія: сначала она находится довольно высоко, затѣмъ все приближается къ дудкѣ. Вначалѣ она образуетъ съ главнымъ стволомъ острый уголъ, впослѣдствіи этотъ уголъ дѣлается все болѣе тупымъ. Подобныя измѣненія происходятъ со средней и второй вѣтвью и съ зубцами на кронѣ.

«Годовалый олень имѣетъ высокіе рога безъ вѣтвей, которые равномерно выгибаются наружу, не образуя никакихъ колѣнъ, концы-же ихъ все-таки обращены внутрь. У двухгодовалого оленя имѣются на главномъ стволѣ небольшія, приподнятыя вверхъ надглазныя вѣтви, очень удаленныя отъ дудки. У оленя съ тремя вѣтвями на каждомъ рогѣ главный стволъ, имѣющій въ общемъ почти такую-же форму, приблизительно въ серединѣ образуетъ довольно крутой колѣнообразный изгибъ. Обѣ стороны этого колѣна образуютъ обращенныя выпуклостью назадъ дуги; у перегиба начинается небольшая загнутая вверхъ средняя вѣтвь; надглазная вѣтвь нѣсколько опустилась. Средняя вѣтвь можетъ не существовать не только на одномъ, но и на обоихъ рогахъ. Тогда мы, судя по охотничьему правилу, имѣли-бы передъ собою лишь двухгодовалого оленя, а по формѣ и развитію роговъ слѣдуетъ его признать трехгодовалымъ. Если случайно, кромѣ того, нѣтъ надглазной вѣтви, то, по охотничьему правилу, мы-бы трехгодовалого оленя считали-бы одногодовалымъ. У оленя съ восьмиконечными рогами (4 вѣтви на каждомъ рогѣ) къ надглазной и средней вѣтви прибавляется еще конечная вилообразная вѣтвь, причемъ она больше другихъ и стоитъ почти вертикально. И въ этомъ случаѣ второстепенныя вѣтви часто обозначены только изгибами главнаго ствола: охотники должны-бы были такихъ оленей считать лишь трехгодовалыми. У оленя съ десятиконечными рогами впервые появляется вторая надглазная вѣтвь (Eissprosse), но она можетъ быть обозначена лишь въ видѣ простого

остраго бугорка на главномъ стволѣ: тогда оказывается пятигодовалый олень, котораго, по настоящему, нужно считать четырехгодовалымъ. Наконецъ и крайняя вилообразная вѣтвь можетъ быть едва замѣтна: тогда олень имѣетъ лишь шесть вѣтвей на обоихъ рогахъ; можетъ даже случиться, что не развивается и средняя вѣтвь, и олень, съ зоологической точки зрѣнія считающійся пятилѣтнимъ, имѣетъ рога, похожіе на рога двухлѣтняго. У оленя съ двѣнадцатю вѣтвями впервые появляется крона. Главный стволъ образуетъ изгибъ назадъ, причѣмъ кончикъ рога обращенъ внутрь. Здѣсь впервые замѣчается, что концы вѣтвей не лежатъ въ одной и той-же равномернo изогнутой плоскости: исключеніе составляетъ кончикъ главнаго ствола, такъ какъ онъ образуетъ второй изгибъ. Часто замѣчается недоразвитіе вѣтвей у роговъ. Чаше всего отсутствуетъ вторая надглазная вѣтвь, но и другихъ вѣтвей часто не бываетъ. Иногда, напротивъ, конецъ вѣтвей развѣтвляется и олень сразу получаетъ большее число вѣтвей, чѣмъ полагается по охотничьему счету.

Поэтому необыкновенная многочисленность вѣтвей многихъ знаменитыхъ роговъ, какъ напримѣръ шестидесятишестиконечнаго оленя (33 вѣтви на каждомъ рогѣ) въ Морицбургѣ, убитаго курфюрстомъ Фридрихомъ III въ 1696 г. около Фюрстенвальде, въ глазахъ натуралиста не имѣетъ большого значенія. Болѣе 20 правильныхъ вѣтвей на обоихъ рогахъ встрѣчаются чрезвычайно рѣдко; оленей съ 18-ью вѣтвями можно видѣть во всякой посредственной коллекціи, среди-же живыхъ оленей шестнадцатиконечные нерѣдко еще встрѣчаются и теперь. При обильной пицѣ случается, что при новой смѣнѣ роговъ олень съ шести вѣтвей перескакиваетъ разомъ на десять; но еще чаще случается, что при смѣнѣ повторяется старое число вѣтвей и столь-же часто число ихъ уменьшается. Въ этомъ отношеніи десять вѣтвей представляютъ замѣчательную границу. У оленя, носившаго хоть одинъ годъ крону, число вѣтвей, если и уменьшается, то никогда не бываетъ менѣе десяти.

«Что касается до количества вѣтвей», пишетъ Домбровский, «то нужно замѣтить, что большинство роговъ, украшающихъ въ наше время Морицбургъ, принадлежали оленямъ, жившимъ не на свободѣ. Это были особенно крупные, молодые самцы, которыхъ ловили въ молодости и держали затѣмъ въ огороженномъ пространствѣ на возможно лучшемъ кормѣ; когда-же они наконецъ, благодаря такому нездоровому и неестественному переразвитію, приобрѣтали особо развитые рога, на нихъ устраивали облаву для кого-нибудь изъ высокопоставленныхъ лицъ». Вышеназванный авторъ дѣлаетъ это замѣчаніе для того, чтобы указать, что при сравненіи роговъ стараго и новѣйшаго времени обращается слишкомъ большое вниманіе на число вѣтвей. На основаніи весьма обширныхъ изслѣдованій, произведенныхъ въ новѣйшее время, Домбровскийъ выводитъ слѣдующее заключеніе: «Мы такимъ образомъ приходимъ къ поразительному, пріятному всему охотничьему міру заключенію, что олени нашего времени не только могутъ равняться рогами (кромѣ многочисленности вѣтвей) съ баснословными, возбуждающими удивленіе экземплярами Морицбурга, но во многихъ отношеніяхъ ихъ превосходятъ. Если прибавить къ этому, что почти ежегодно во время тѣчки убиваютъ оленей, вѣсъ которыхъ простирается отъ 270—282 kgr. то, полагаю, уже окончательно несомнѣннымъ долженъ быть признанъ фактъ, что никогда не водились болѣе крупные олени, чѣмъ тѣ, которыхъ встрѣчаешь въ наше время, въ нашихъ хорошо устроенныхъ охотничьихъ паркахъ». Въ новѣйшее время Домбровскийъ сообщаетъ въ охотничьей газетѣ, что вѣсъ одного оленя въ Галиціи простирался до 298 kgr.

Въ извѣстномъ отношеніи поразительнымъ является фактъ, что у всякаго здороваго оленя вырастаютъ рога той же формы и въ такомъ-же положеніи, какъ

и въ предыдущемъ году. Если они отстояли у него далеко или близко другъ отъ друга, торчали впередъ или назадъ—они и въ послѣдствіи сохраняютъ такую-же форму; если же надглазныя или вторыя вѣтви, или другія вѣтви отличались какимъ-нибудь особеннымъ изгибомъ, онъ сохраняется въ той-же формѣ и при послѣдующихъ смѣнахъ роговъ. Охотники, имѣвшіе возможность производить частыя наблюденія, увѣряютъ, и не безъ основанія, что нѣкоторыя особенности роговъ передаются оленями изъ рода въ родъ въ теченіи многихъ поколѣній; они увѣряютъ даже, что въ состояніи по рогамъ различать оленей извѣстныхъ семействъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что при развитіи особенно большихъ роговъ существенное значеніе имѣютъ, какъ охота, въ смыслѣ препятствія оленямъ достигнуть ихъ полнаго развитія, такъ и климатъ, пища, обширность и свойство ихъ мѣстожительства.

Врагами оленей являются волкъ, рысь, росомаха и изрѣдка медвѣдь. Самые страшные изъ нихъ—волкъ и рысь. Первый стаями преслѣдуетъ оленей въ глубокомъ снѣгу, трава ихъ до изнеможенія; рысь бросается сверху имъ на шею, когда они, ничего не подозрѣвая, проходятъ мимо деревьевъ. Но самымъ страшнымъ врагомъ во всякомъ случаѣ есть и будетъ человекъ, хотя въ настоящее время онъ ихъ и не такъ страшно преслѣдуетъ и убиваетъ, какъ прежде. Я думаю, что могу здѣсь умолчать объ охотахъ на оленей, такъ какъ подробное описаніе ихъ завлекло-бы насъ слишкомъ далеко, да притомъ желающіе всегда могутъ прочесть о нихъ въ другихъ книгахъ. Въ настоящее время это благородное удовольствие чрезвычайно ограничено, и большинствомъ нынѣшнихъ охотниковъ специалисты не убивало ни одного оленя: эта дичь бережется для высокопоставленныхъ особъ. Грандіозныя травли оленей верхомъ на лошадяхъ и съ многочисленными собаками, очевидно, введены въ Германію изъ чужихъ странъ; онѣ по самому своему существу представляютъ рѣзкія противорѣчія нѣмецкимъ нравамъ. Нѣмцы прежде ходили на охоту за оленями только съ ружьемъ. Веселое было когда то время, когда нѣмецкіе охотники владѣли почти исключительно только нѣмецкими винтовками, считая гладкоствольные дробовики неизбѣжнымъ зломъ! На охоту отправлялись съ большими приготовлениями, и весело, оживленно пролетало время, въ особенности, когда одинъ изъ неопытныхъ охотниковъ на оленей дѣлалъ какую-нибудь ошибку. Это время, конечно, миновало. Когда-то существовавшее сословіе нѣмецкихъ егерей уже теперь исчезаетъ. Тѣ же, которые еще теперь могли-бы принадлежать къ этому сословию, большей частью сдѣлались лѣсничими и оберегаютъ чужую дичь. Тѣмъ не менѣе можно съ особою радостью замѣтить, что истые охотники, сохранившіе искусство и нѣсколько грубый юморъ своихъ предковъ, еще не вездѣ перевелись.

Сильно мучатъ оленей также нѣкоторые виды слѣпней. Эти отвратительныя насѣкомыя кладутъ подъ кожу оленя яйца точно такъ-же, какъ и у сѣвернаго оленя, зрѣлымъ личинки продырявливаютъ бѣднымъ животнымъ почти всю шкуру. Вши, гнѣздящіяся у него въ волосахъ, мухи и комары также беспокоятъ оленя въ высшей степени. Чтобы избавиться отъ этихъ крайне ненавистныхъ ему насѣкомыхъ, онъ часто по цѣлымъ часамъ проводитъ время въ водѣ. Кромѣ того олени подвержены многимъ болѣзнямъ. Сибирская язва нерѣдко является между ними повальной болѣзью; воспаленіе печени, поносъ, цынга и чахотка иногда причиняютъ страшныя опустошенія; кромѣ того много оленей погибаетъ въ холодныя зимы отъ голода и мороза.

Къ сожалѣнію, вредъ, приносимый оленями, значительно превышаетъ приносимую ими пользу. Только на этомъ основаніи ихъ истребили въ большинствѣ мѣстностей Германіи. Хотя ихъ мясо, шкура и рога высоко цѣнятся, и охота на нихъ

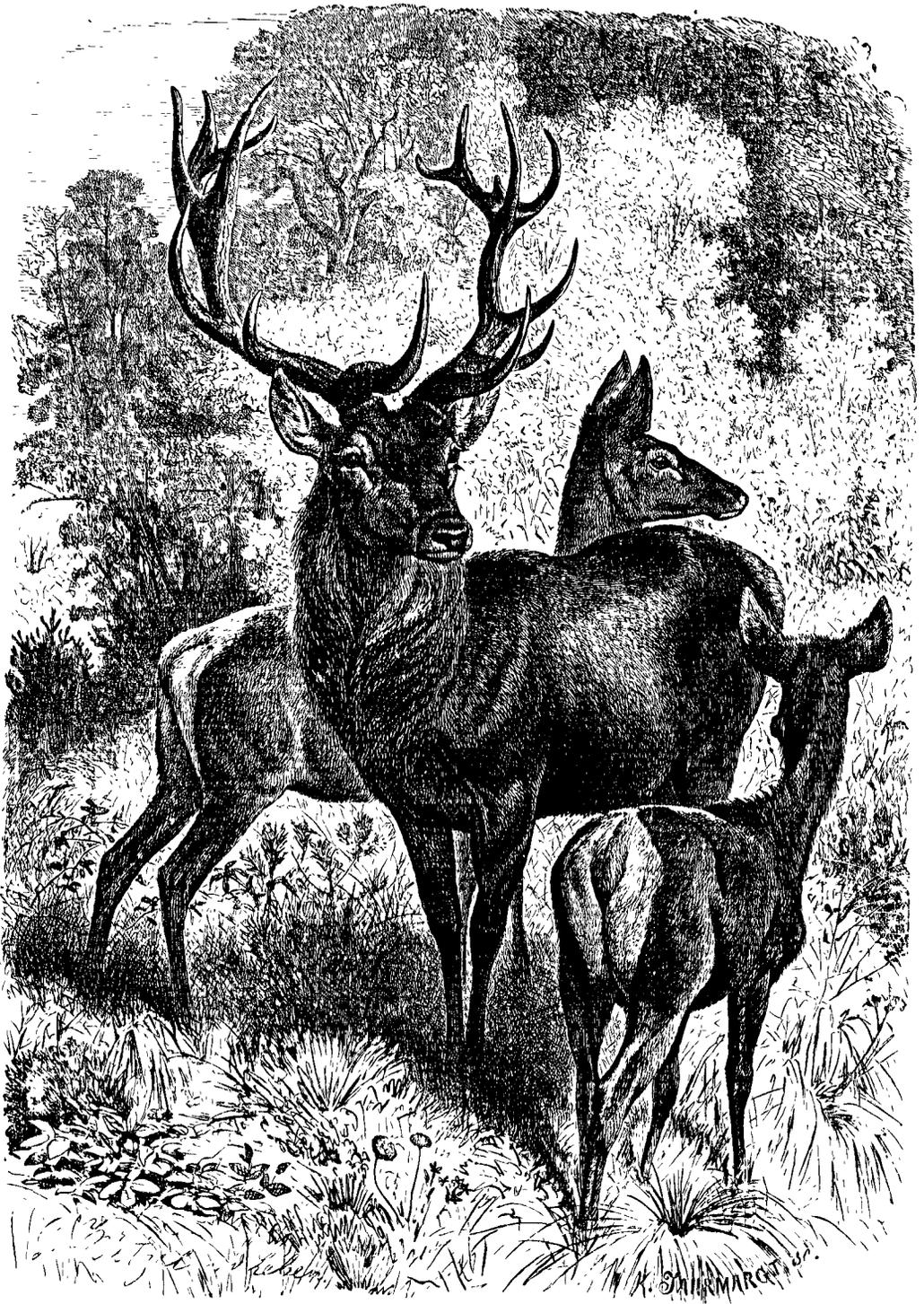
доставляет большое удовольствіе, тѣмъ не менѣ вредъ, причиняемый оленемъ, этимъ не искупается. Присутствіе большого числа оленей приносит большой вредъ лѣсамъ и не можетъ быть терпимо при правильномъ лѣсоводствѣ.

Въ прежнія времена каждой части оленя приписывалось суевѣрное значеніе; въ наше время этихъ суевѣрій придерживаются, повидимому, одни китайцы, употребляющіе еще мягкіе рога въ видѣ лѣкарства и платящіе за нихъ огромныя деньги. Шпорцы, слезныя железы, внутренности, кровь, половые органы, верѣдко находимые въ желудкѣ безоаровые камни, даже испраженія считались у насъ прежде замѣчательными цѣлительными средствами и поэтому чрезвычайно цѣнились. Изъ оленьихъ копытъ приготовлялись кольца, какъ предохранительныя средства отъ судорогъ; оленьи зубы оправлялись въ золото и серебро, и охотники носили ихъ какъ талисманы; да впрочемъ и въ наше время ихъ носятъ какъ воспоминаніе о счастливыхъ охотахъ. О нравахъ оленя рассказываютъ много басенъ, и даже охотники долго вѣрили въ нихъ, пока болѣе подробныя изслѣдованія не ознакомили насъ ближе съ жизнью оленя.

Съ сѣверо-западной Америки существуетъ видъ оленей, извѣстный подъ названіемъ **Калифорнскаго** (*Cervus barbarus*); хотя нѣкоторые и отдѣляютъ его въ особый видъ, но вѣрнѣе разсматривать его какъ разновидность, потому что онъ во всѣхъ отношеніяхъ болѣе другихъ оленей похожъ на благороднаго. Изъ остальныхъ видовъ стоитъ упомянуть еще о крупнѣйшемъ видѣ всего рода, именно о **Канадскомъ оленѣ** или **Вапити** (*Cervus canadensis*, *Wapiti*).

* * *

Между остальными видами этого семейства прежде всего упомянемъ видъ, извѣстный у индѣйцевъ подъ названіемъ **Барая**, **Баразинга**, **Маха**, **Ииннаръ**, а у англичанъ -- подъ именемъ **Болотнаго оленя** (*Cervus* [*Rucervus*] *duvaucelli*, *C. bahraïnja* и *elaphoides*, *Sumpfhirsch*, *Cerf de Duvaucel*), который считается представителемъ особаго подрода (*Rucervus*). Его тѣло въ длину достигаетъ около 2 м., изъ коихъ 20 см. приходится на долю хвоста, высота плечъ — 1,15 м.. Олень этотъ стройно сложенъ, высокъ ростомъ, его относительно короткая голова имѣетъ пирамидальную форму, сильно суживающуюся по направленію къ мордѣ, большія, поразительной ширины уши и чрезвычайно большіе и красивые глаза. У него высокія, но сильныя ноги; его короткій хвостъ сравнительно длиннѣе хвоста нашихъ благородныхъ оленей, но не достигаетъ и половины длины хвоста лани. Этотъ олень въ изобиліи покрытъ густой шерстью; отдѣльные волосы довольно тонки и длинны, но такъ какъ они не одинаковой длины, то его шерсть кажется взъерошенной. Извнѣ уши равномерно покрыты короткой шерстью, внутри-же покрывающая ихъ шерсть весьма длинная, неравномерно распределенная, почти лохматая. У основанія каждый изъ волосковъ, покрывающихъ туловище, темнаго сѣро-бураго цвѣта, затѣмъ бурый цвѣтъ принимаетъ болѣе золотистый оттѣнокъ, на концѣ-же каждаго волоска на разстояніи около 2 м.м. окраска снова темнѣетъ. Лѣтомъ общая окраска золотистаго, красновато-бураго цвѣта; только книзу она переходитъ въ буроватый и свѣтло-желтый оттѣнокъ, такъ какъ кончики волосъ на этой части тѣла сѣроватаго и, отчасти, свѣтло-желтаго цвѣта. По всей спинѣ проходитъ широкая темно-бурая полоса, распространяющаяся также по большей части хвоста, кончикъ котораго окрашенъ въ свѣтло-бурый цвѣтъ; эта полоса особенно выдѣляется, благодаря цѣлому ряду небольшихъ пятенъ свѣтло-желтаго цвѣта, расположенныхъ по ея обѣимъ сторонамъ. Лобъ и переносе красновато-бураго цвѣта съ золотистымъ отливомъ. Го-

БЛАГОРОДНЫЙ ОЛЕНЬ.

лова и обѣ стороны морды—сѣраго, нижняя часть морды, горло и подбородокъ сѣровато-бѣлаго цвѣта. За обнаженной частью морды тянется довольно широкая темно-бурая полоса, которая еще замѣтна на почти бѣлой нижней губѣ. Вторая, чуть замѣтная полоса, являющаяся какъ-бы продолженіемъ темно-бурой окраски, тянется отъ одного глаза къ другому, выгибаясь по направленію къ концу морды. Весьма своеобразными являются длинныя щетиноподобныя волоса, которые, торча каждый въ отдѣльности, окружаютъ глаза и морду. Буроватыя уши на вѣншей сторонѣ окаймлены темной полоской, у основанія-же они, напротивъ, желтовато-бѣлаго цвѣта; также окрашена и внутренняя сторона бедеръ—желтоватаго, голени переднихъ ногъ—буровато-сѣраго, пятки—блѣднаго свѣтло-сѣраго цвѣта; на заднихъ ногахъ окраска ступней темнѣе окраски бедеръ. Коньки очень большія и могутъ чрезвычайно широко раздвигаться.

Рога отличаются своей шириной и многочисленными развѣтвленіями. Они въ общемъ довольно похожи на рога лоса, хотя о лопаткахъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Стволы съ самаго основанія изогнуты въ сторону и кверху и только слегка наклонены назадъ; у самаго основанія, рѣзко выдѣляясь, растетъ чрезвычайно длинная и толстая надглазная вѣтвь: сперва она направляется прямо впередъ, а затѣмъ, отгибаясь наружу, приподнимается кверху. За нею на разстояніи двухъ третей отъ основанія, главный стволъ раздѣляется на двѣ, почти одинаковыя вѣтви, которыя въ свою очередь еще развѣтвляются. Задняя изъ этихъ вѣтвей, которую можно считать за продолженіе главнаго ствола, образуетъ крону; она распадается на большой конечный отростокъ, который почти прямо торчитъ кверху и отогнуть назадъ, и на два несоразмѣрно короткихъ, побочныхъ отростка, обращенныхъ назадъ. Передняя вѣтвь, обращенная наружу, загибается кверху, а затѣмъ впередъ, послѣ чего также развѣтвляется на нѣсколько вѣтвей. Рога достигаютъ въ среднемъ 90 см. высоты и снабжены обыкновенно 14—15, по словамъ Жердона даже 17 вѣтвями. Одинъ барая, котораго я видѣлъ, былъ привезенъ въ Европу годовалымъ теленкомъ съ простыми остроконечными рогами, но на нихъ уже замѣчалась склонность къ развѣтвленію. Въ началѣ февраля онъ ихъ сбросилъ, послѣ чего у него сразу появились рога, каждый стволъ которыхъ былъ снабженъ надглазною вѣтвью и двумя другими вѣтвями съ развилинами на концѣ. Слѣдующіе затѣмъ рога отличались отъ этихъ только большей величиной, но не числомъ вѣтвей.

Барая живетъ семьями и большими стадами въ лѣсистыхъ областяхъ Индіи, начиная отъ Ассама и подножія Гиммалайскихъ горъ до низменностей дельты Ганга и центральныхъ провинцій. только къ югу отъ рѣки Нарбада его встрѣчаютъ рѣдко. Онъ предпочитаетъ мѣстности, поросшія рѣдкимъ лѣсомъ или лѣсистые участки съ открытыми полянами и долинами, изобилующими водой, или даже болотами. По словамъ Ходжсона, этотъ олень никогда не появляется въ гористой мѣстности Гиммалаевъ. Его пища, повидимому, состоитъ преимущественно изъ травы, коры и древесныхъ побѣговъ. Кювье опредѣлилъ впервые это животное по присланнымъ ему рогамъ; значительно позднѣе удалось добыть чучело этого оленя, живымъ-же его впервые увидѣли лишь въ наше время. Графъ Дерби, владѣвшій наиболѣе богатымъ зоологическимъ садомъ, повидимому, первый въ Европѣ пріобрѣлъ живыхъ бараявъ; впоследствии олени этой породы были доставлены въ Лондонъ, а въ наше время ихъ можно встрѣтить въ нѣсколькихъ зоологическихъ садахъ; но вообще они вездѣ еще рѣдки.

О времени течки и рожденія дѣтенышей еще ничего неизвѣстно, но, судя по выростанію роговъ, можно заключить, что у этого оленя оно совпадаетъ

со временемъ течки и рожденія дѣтенышей нашего благороднаго оленя. По наблюденіямъ, произведеннымъ мною надъ однимъ оленемъ этого вида, бывшемъ на моемъ попеченіи, я заключаю, что барая можно-бы у насъ акклиматизировать. Онъ, повидимому, прекрасно переноситъ нашъ климатъ; при этомъ это такое прелестное существо, что могло-бы служить лучшимъ украшеніемъ любого парка или лѣса. У него гордая, слегка задорная осанка, красивая и вмѣстѣ съ тѣмъ сдержанная походка; онъ болѣе оживленнаго или, точнѣе говоря, болѣе веселаго нрава чѣмъ прочіе олени.

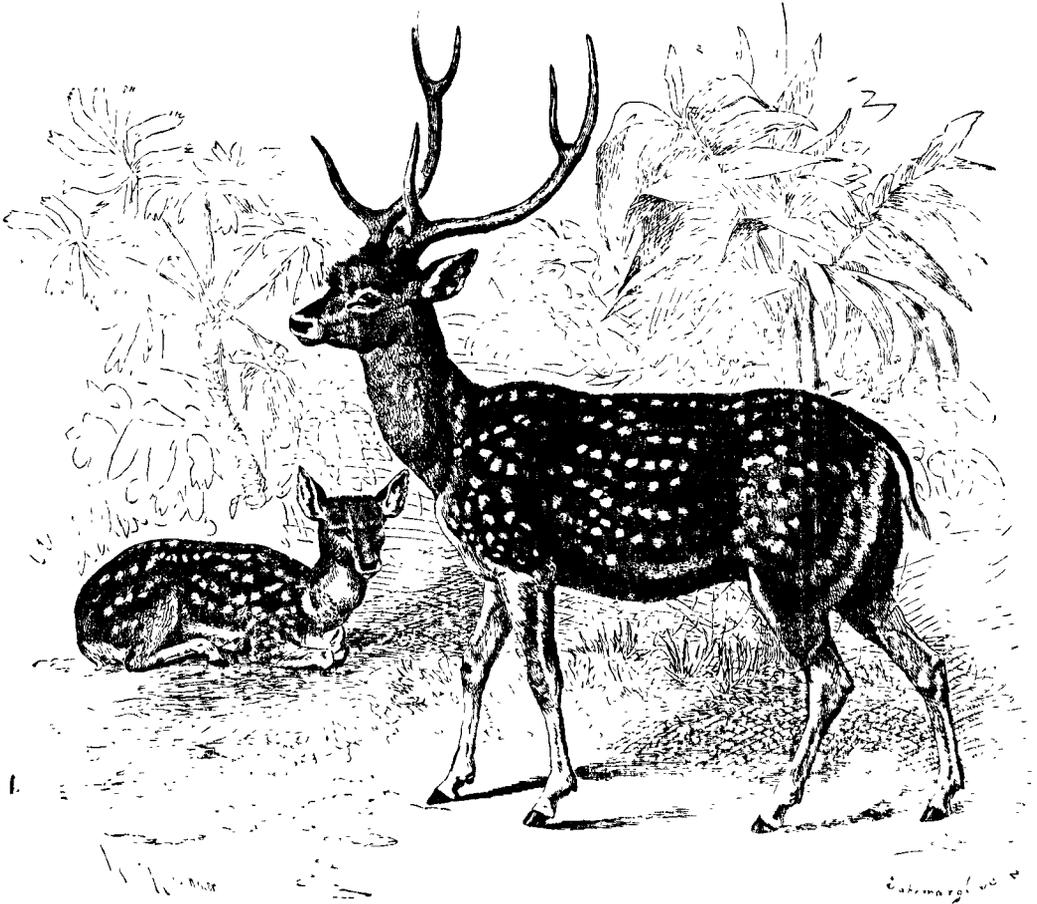
Мой плѣвникъ былъ весьма шаловливое животное, пускавшееся на всякія штуки. Со своимъ сторожемъ онъ находился въ прекрасныхъ отношеніяхъ, зналъ свое имя и охотно прибѣгалъ, когда его звали; однако онъ всегда пользовался случаемъ, чтобы боднуть его, скорѣе, впрочемъ, изъ желанія поиграть, чѣмъ серьезно. Часто онъ съ вызывающимъ видомъ подходилъ къ помѣщеннымъ рядомъ съ нимъ благороднымъ оленямъ и начиналъ затѣмъ черезъ рѣшетку драться даже съ крупнѣйшими изъ нихъ. Одного бѣлаго оленя, великана въ сравненіи съ нимъ, онъ безпрестанно дразнилъ, раздражалъ и вызывалъ на поединокъ, такъ что мнѣ пришлось наконецъ перевести его, чтобы не подвергать барая опасности.

Кричитъ онъ отрывисто, довольно тонкимъ блеющимъ голосомъ, напоминающимъ крикъ молодой испуганной козы, только звукъ этотъ болѣе отрывистый. Барая, въ противоположность другимъ оленямъ, кричитъ во всякое время года, отчасти ради собственнаго развлечения. Онъ обыкновенно всегда откликается на зовъ.

* * *

Изъ прочихъ индѣйскихъ оленей прежде всего заслуживаетъ нашего вниманія **Аксисъ**, извѣстный у англичанъ подъ именемъ **Пятнистаго оленя**; въ Индіи онъ носитъ названія **Читаль**, **Бурія**, **Дупи**, **Сарга**; **Микна**; на Цейлонѣ, по словамъ Келларта, его зовутъ **Тикмуха** (*Cervus [Axis] axis*, *Axis maculatus*, *A. oryzeus*, *A. major* и *medius*, *Tüpfelhirsch*. *Axis*). Онъ считается представителемъ особаго подрода (*Axis*). Аксисъ меньше барая, такъ какъ, при длинѣ тѣла въ 135—150 см., достигаетъ въ плечахъ лишь 90—95 см. высоты; зато если судить по окраскѣ, то его можно назвать однимъ изъ красивѣйшихъ, если не красивѣйшимъ изъ всѣхъ оленей. Его вытянутое туловище поддерживается короткими ногами, вслѣдствіе чего кажется довольно толстымъ; шея, относительно, толстая; голова короткая, правильно сложенная, сильно суживающаяся къ мордѣ, уши средней величины, узкой, ланцетообразной формы; хвостъ довольно длинный, закругленный. Основная окраска его тѣла красивая сѣровато-красно-бураго цвѣта; полоса, проходящая по спинѣ, очень темная, на холкѣ почти чернаго цвѣта; горло, животъ и внутренняя сторона ногъ желтовато-бѣлыя, внѣшняя сторона ногъ желтовато-бурая. Семь рядовъ довольно неравномѣрно разбросанныхъ пятенъ образуютъ на обоихъ бокахъ узоръ. Въ нижнемъ ряду пятна расположены до того тѣсно, что на заднихъ бедрахъ и въ пахахъ сливаются въ одну почти непрерывную полосу. На головѣ и боковыхъ частяхъ нижней части шеи пятна нѣтъ. Надъ лбомъ, отъ одного глаза къ другому, тянется подковообразная, выгибающаяся впередъ, темная полоса; середина свѣтлаго темени тоже обыкновенно темнѣе. Бурая полоса, находящаяся надъ голою частью морды, узка и отдѣляется отъ нея треугольнымъ пятномъ желтоватой окраски. Сѣровато-бурая окраска внѣшней стороны уха у основанія слегка свѣтлѣе, чѣмъ около середины. Внѣшняя сторона хвоста свѣтло-бурая; нижняя—бѣлая; цвѣтъ ея становится замѣтнымъ только тогда, когда животное приподнимаетъ хвостъ. Внутренняя сторона бедеръ довольно чистаго бѣлаго цвѣта. Прекрасные лирообразные рога при основаніи отогнуты назадъ, затѣмъ, вы-

гибаясь наружу, приподнимаются кверху. Надглазная вѣтвь исходитъ непосредственно изъ основанія ствола и обращена впередъ, а затѣмъ, выгибаясь наружу, растетъ кверху; виллообразная верхняя вѣтвь начинается выше середины ствола и, отклоняясь немного назадъ, приподнимается слегка кверху. Длина крупнѣйшихъ роговъ, о которыхъ сообщаетъ Форсайтъ, измѣренная по изгибамъ, достигаетъ 96 см. Рога, впрочемъ, бываютъ очень разнообразны, какъ по величинѣ, такъ и по формѣ; поверхность ихъ то гладкая, то шероховатая. Измѣненія эти находятся, повидимому, въ зависимости отъ мѣстности, гдѣ олени живутъ; по той-же причинѣ

Аксисъ. *Cervus axis*. $\frac{1}{15}$ наст. вел.

между этими оленями различаютъ крупную и мелкую разновидность, что повело къ попыткамъ раздѣлить ихъ на нѣсколько видовъ.

Область распространенія аксиса обнимаетъ всю Индiю съ Цейлономъ, исключая Пенджаба и восточныхъ земель до Кохинхины. Это животное населяетъ какъ равнины, такъ и холмистыя мѣстности, встрѣчается въ предгорiяхъ Гиммалайскихъ горъ и болотистыхъ низменностяхъ устья Ганга, въ густыхъ лѣсахъ, а также въ джунгляхъ, обыкновенно по близости воды. Тамъ, гдѣ условия для нихъ благоприятны, они встрѣчаются весьма часто и образуютъ большiя стада, которыя до утра пасутся на открытыхъ мѣстахъ, а на день обыкновенно удаляются подъ сѣнь лѣса.

За аксисомъ ревностно охотятся какъ туземцы, такъ и англичане; вслѣдствіе этого, вѣроятно, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ подвергнулся преслѣдованіямъ, онъ точно такъ-же пугливъ, какъ и наши олени. Тѣмъ не менѣ пойманный аксисъ весьма скоро дѣлается совершенно ручнымъ. Уже много лѣтъ тому назадъ этотъ видъ былъ ввезенъ въ Англію; при этомъ убѣдились, что онъ переноситъ умѣренный климатъ превосходно. Изъ Англій они были впоследствии разосланы дальше, между прочимъ и въ Германію. Въ одномъ паркѣ близъ Людвигсбурга они, какъ говорятъ, живутъ уже болѣе 50 лѣтъ. Изъ произведенныхъ до нашего времени изслѣдованій видно, что ихъ дальнѣйшему распространенію препятствуетъ непостоянство времени ихъ размноженія. Большинство оленей этой породы, если можно вообще такъ выразиться, приспособлены къ нашему климату; рога они сбрасываютъ во-время и приступаютъ къ спариванію въ наиболее благоприятное время года; беременныя самки рожаютъ дѣтенышей также весной, и въ этомъ случаѣ послѣдніе прекрасно развиваются. Но бываютъ единичные случаи, когда самки аксиса рожаютъ телятъ въ серединѣ зимы, что дѣлаетъ желаемое развитіе акклиматизированной породы сомнительнымъ, если не невозможнымъ, потому-что само собой разумѣется, что большинство, рожденныхъ зимой телятъ погибаютъ самымъ жалкимъ образомъ, какъ вслѣдствіе вліянія погоды, такъ и вслѣдствіе недостатка подходящей пищи для матери. Если-бы этого не было, то, вѣроятно, всѣ большіе парки теперь были-бы населены этой красивой дичью, такъ-какъ въ общемъ существуетъ немного оленей, способныхъ, подобно аксису, такъ оживлять собой огороженный паркъ. Движенія этого животнаго, конечно, не столь красивы, быстры и выдержаны, какъ движенія прочихъ равныхъ ему по величинѣ оленей, но во всякомъ случаѣ достаточно миловидны, чтобы доставлять удовольствіе взору охотника. О нравахъ аксиса я не могу сообщить ничего, что-бы могло считаться для него характернымъ. Въ этомъ отношеніи онъ, вѣроятно, болѣе всего походитъ на ланей.

* * *

Большинство остальныхъ индѣйскихъ оленей носятъ своеобразный отпечатокъ, сильно отличающій ихъ отъ ихъ родичей, живущихъ въ Европѣ или Америкѣ; этотъ отпечатокъ однако скорѣе чувствуется, чѣмъ поддается описанію. Въ общемъ можно сказать, что животныя, образующія подродъ *Rusa*, болѣе или менѣе коренасты, имѣютъ довольно толстыя конечности, короткую шею и голову и относительно длинный хвостъ; они покрыты грубыми, ломкими и рѣдкими волосами. Рога, встрѣчающіеся только у самцовъ, никогда не имѣютъ болѣе шести вѣтвей на обоихъ рогахъ. Стволы роговъ слегка загибаются наружу и назадъ и, кромѣ надглазной вѣтви, образуютъ всего только одно виллообразное развѣтвленіе. Голова обыкновенно сзади гораздо шире, чѣмъ спереди, но около морды притуплена и все еще довольно широка. Глаза у нихъ большіе, слезныя ямки часто необыкновенно развиты; уши относительно малы. У нѣкоторыхъ видовъ на шеѣ снизу бываетъ грива, которая однако мало похожа на мохнатые волосы на шеѣ нашихъ оленей. Замѣчательнъ длинный хвостъ, всегда густо покрытый волосами.

По моему мнѣнію, къ числу самыхъ красивыхъ и благородныхъ оленей этого подрода слѣдуетъ отнести **Замбара**, оленя, котораго довольно хорошо описалъ еще Аристотель подъ именемъ **Конеолена** (*Hippelaphus*). Этотъ олень въ Индіи извѣстенъ кромѣ того подъ именами **Джерай**, **Маха**, **Меру**, **Кадаба** и пр.; въ Бирмѣ его зовутъ **Шапъ**, на Цейлонѣ—**Гона-руза** (*Cervus* [*Rusa*] *aristotelis*, *Hippelaphus aristotelis*, *Cervus niger*, *C. saumur*, *jarai* и *heterocervus*. *Sambar*. *Cerf d'Aristote*). Об-

щая длина его тѣла простирается до 2,1—2,4 м., изъ коихъ около 30 см. приходится на долю хвоста; высота въ плечахъ 1,25—1,35 м. Геснеръ, Каюсъ и другіе прежніе естествоиспытатели считали *Hirpe'arphus* за лося или за близкій ему видъ, Эркслебенъ и Линней присоединяли его къ благороднымъ оленямъ; Бюффонъ считаетъ его разновидностью послѣднихъ, хотя Аристотель ясно говоритъ, что его рога никогда не имѣютъ болѣе трехъ вѣтвей. Кювье объяснилъ наконецъ это недоразумѣніе, предположивъ, вѣроятно совершенно справедливо, что Аристотель подразумевалъ подъ этимъ породу оленей, которую онъ наблюдалъ въ Индіи. Аристотель

Замбаръ. *Cervus aristotelis*. $\frac{1}{18}$ наст. вел.

могъ при этомъ, конечно, имѣть въ виду длинногриваго оленя; во всякомъ случаѣ замбара вполне справедливо назвали въ честь древняго естествоиспытателя. Отъ родственнаго ему длинногриваго оленя онъ, кромѣ роста, отличается главнымъ образомъ, болѣе темной окраской. Послѣдняя на спинѣ или совершенно черная, или черно-бурая; отдѣльные волоски у основанія бѣловатаго, затѣмъ черновато-бурого цвѣта; концы волосковъ обведены цвѣтными полосками, большей или меньшей величины, которыя при извѣстномъ освѣщеніи сообщаютъ темно-бурому мѣху красноватый оттѣнокъ. На передней части шеи основная окраска переходитъ въ сѣро-красноватый бурый, на груди и брюхѣ—въ черноватый, между задними бедрами въ бѣловатый цвѣтъ. Подбородокъ красновато-бѣлый съ бурыми пятнами, верхняя губа

грязновато-бѣлая; одинъ пучокъ волосъ на внутреннемъ краѣ уха—бѣловатый. Самка окраской вполне походить на самца, да и теленокъ немногимъ отличается отъ взрослыхъ. Рога замбара постоянно имѣютъ только по три вѣтви. Жердонъ-же увѣряетъ, что онъ, въ особенности въ южной Индіи, видалъ многихъ замбаровъ, у которыхъ, вмѣсто вилообразнаго развѣтвленія, была трехконечная крона. Элліотъ-же упоминаетъ о рогахъ, даже съ четырехконечною короною. Рога то болѣе гладки, то болѣе шершавы, въ различной степени изборожжены и покрыты шишечками; средняя длина роговъ, измѣренныхъ по изгибамъ, достигаетъ 90 см., хотя не рѣдки рога и въ 100 см.; въ видѣ-же исключенія встрѣчаются рога въ 110, даже въ 120 см. Надглазныя вѣтви достигаютъ длины въ 30—45 см. При этомъ стволы отличаются особенной толщиной: надъ дудками они достигаютъ 17—24 см. въ обхватѣ, около середины 14—20 см. Какъ наши благородные олени, такъ и замбары нѣкоторыхъ областей отличаются отъ замбаровъ прочихъ мѣстностей необыкновенной величиной тѣла, крѣпостью и формою роговъ. На основаніи этихъ бросающихся въ глаза и другихъ, менѣе значительныхъ особенностей, этихъ животныхъ раздѣляютъ на нѣсколько видовъ.

Область распространенія замбара обнимаетъ всю Британскую Индію съ Цейлономъ, Бирмой, Сіамомъ, нѣкоторыя части Малайскаго полуострова и Гайяна. На Гиммалайскихъ горахъ этотъ олень поднимается на высоту 3000 м. Холмистыя, покрытыя лѣсомъ или гористыя мѣстности онъ предпочитаетъ равнинамъ и въ лѣсахъ и джунглей на открытыхъ мѣстахъ встрѣчается рѣдко; по словамъ Стерндаля, онъ обыкновенно пьетъ разъ въ три дня, слѣдовательно, не особенно часто ищетъ рѣкъ и источниковъ. Пища его состоитъ изъ травы, молодыхъ побѣговъ древесныхъ породъ и различныхъ плодовъ; такъ какъ эти животные избѣгаютъ солнечныхъ лучей, то они въ продолженіи всего дня пребываютъ въ тѣнистыхъ мѣстахъ, пасутся-же ночью вплоть до утра, какъ въ одиночку, такъ и парочками, а также маленькими и большими стадами. Самцы сбрасываютъ рога въ апрѣлѣ, новые-же окостенѣваютъ у нихъ въ концѣ сентября; по словамъ Жердона, около этого времени у самокъ начинается течка, и ихъ своеобразный крикъ бываетъ слышенъ главнымъ образомъ по утрамъ и подъ вечеръ. Самка рождаетъ лишь одного дѣтеныша: подробности-же объ ея беремености и рожденіи теленка намъ неизвѣстны. Для индѣйскихъ охотниковъ замбаръ имѣетъ такое-же значеніе, какъ благородный олень для нашихъ; за нимъ охотятся, преимущественно, съ ружьемъ, по слѣду; иногда также, подстерегая его у мѣста, гдѣ онъ обыкновенно пьетъ, и наконецъ тамъ, гдѣ они встрѣчаются въ большемъ количествѣ, на нихъ устраиваются также правильныя облавы. Его движенія, говорятъ, не особенно красивы, но довольно быстры, даже на чрезвычайно неровной почвѣ; если онъ сильно стѣсненъ, то весьма часто спасается, переплывая рѣки. По словамъ Жердона, въ Гиммалайскихъ горахъ туземцы иногда окружаютъ въ глубокомъ, рыхломъ снѣгѣ многихъ замбаровъ и закалываютъ копытами или убиваютъ ихъ ударами дубинъ. Тотъ-же писатель находитъ, что мясо ихъ твердо, въ рѣдкихъ случаяхъ жирно, хотя иногда и довольно вкусно.

Въ нашихъ зоологическихъ садахъ замбаръ не считается болѣе рѣдкостью.

* * *

Длинногривый олень (*Cervus (Rusa) hippelaphus*, *C. rusa*, *bengalensis*, *maximus*, *unicolor*. Mähnenhirsch. Roussa—Itan) величиной немногимъ уступаетъ замбару и благородному оленю; на родинѣ его превосходить въ этомъ отношеніи только одинъ обитающій на юго-западѣ Азіи, **Валлихскій олень**. (*Cervus Wallichii*, *Wallichhirsch*,

Cerf de Wallich). Длина тѣла взрослого оленя достигаетъ по крайней мѣрѣ 2 м., изъ коихъ 30 см. приходится на долю хвоста, высота въ плечахъ около 1 м. Самка значительно меньше. Въ общемъ самецъ похожъ на другихъ индѣйскихъ оленей. У него сильное, сжатое тѣло, поддерживаемое короткими ногами, вслѣдствіе чего послѣднія кажутся болѣе толстыми, чѣмъ у благородныхъ оленей; шея у него толстая, голова относительно очень короткая, но широкая, уши маленькія, снаружи густо, внутри скудно покрытыя волосами, глаза большіе, и слезныя ямочки, расположенныя подъ ними, необыкновенно развиты. Шерсть, смотря по времени года, различная. У оленей съ вполнѣ развитыми рогами покровъ состоитъ изъ грубыхъ, ломкихъ и довольно рѣдкихъ волосъ, трудно поддающейся описанію блѣдной, сѣровато-бурой окраски. Вдоль спины проходитъ то болѣе, то менѣе ясно обозначенная темная, т. е. болѣе темно-бурого цвѣта полоса. Передняя часть ногъ приблизительно такого-же цвѣта, какъ и спина; внутри-же и съ боковъ ихъ окраска значительно свѣтлѣе. По моимъ наблюденіямъ, довольно характерна узкая свѣтло-сѣрая или бѣлая полоса, которая отъ конца морды тянется по верхней губѣ. Самецъ и самка совершенно одинаковаго цвѣта, да и дѣтенышъ, рожденный въ то время, когда родители имѣютъ вышеописанный покровъ, не отличается отъ нихъ окраской. Это, по моему, заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ всѣ остальные извѣстные мнѣ настоящіе олени, не принадлежащіе къ виду, о которомъ идетъ рѣчь, въ молодости пятнисты. Весьма замѣчательна у этого оленя довольно большая грива, которая развивается у него на нижней части шеи и подбородкѣ и волоса которой по своему качеству едва отличаются отъ прочихъ. Вскорѣ послѣ смѣны роговъ самецъ и въ то-же время и самка мѣняютъ свою окраску. Оба тогда становятся темносѣраго цвѣта съ болѣе или менѣе замѣтнымъ, блѣдно-бурымъ отливомъ. Рога отличаются чрезвычайно толстыми стволами, которые вслѣдствіе этого кажутся короткими; они плотно сидятъ на короткомъ пенекѣ, у основанія легкимъ изгибомъ отклоняются назадъ и наружу, около середины прямо приподнимаются къверху и затѣмъ снова слегка загибаются внутрь. Надглазныя вѣтви начинаются непосредственно надъ дудкою; онѣ крѣпки и длинны и загибаются концами впередъ, къверху и внутрь; вилообразное развѣтвленіе начинается приблизительно на разстояніи 30 см. отъ основанія роговъ; оно направляется впередъ, затѣмъ, отгибается наружу, къверху. Концы стволовъ и отростковъ изборозжены и покрыты круглыми бугорками.

Насколько теперь извѣстно, родина длинногриваго оленя — Ява; на Борнео онъ, вѣроятно, акклиматизировался, благодаря содѣйствію человѣка: говорятъ, что султанъ Соеріанзе выпустилъ въ травянистыхъ равнинахъ близъ Булу-Лампей парочку этихъ оленей и что послѣднихъ слѣдуетъ считать родоначальниками всѣхъ остальныхъ оленей, встрѣчающихся теперь на Борнео. Путешественники упоминаютъ, что эти олени образуютъ очень большія стада, предпочитающія лѣсамъ открытыя степныя долины. Гривистый олень, извѣстный на Явѣ подъ именемъ **Мендьянганъ** или **Минианганъ**, живетъ тамъ преимущественно въ травѣ аллангалангъ, достигающей почти человѣческаго роста, которая на протяженіи многихъ миль покрываетъ степи или отлогіе склоны горъ; тѣмъ не менѣе они однако поднимаются въ гору на высоту до 2000 м., причемъ избираютъ для своего мѣстожителства опушки лѣсовъ. По окончаніи течки старые самцы отдѣляются отъ стадъ самокъ и до слѣдующей точки ведутъ отшельническую жизнь; однако они все-таки сохраняютъ извѣстныя отношенія къ этимъ стадамъ; при наступленіи сухого времени года они вмѣстѣ съ ними перекочевываютъ къ постояннымъ воднымъ бассейнамъ, а при наступленіи дождливаго времени или весны отправляются съ ними опять въ болѣе возвышенныя мѣстности. Въ самое жаркое время дни самцы и самки лежатъ, спря-

тавшись въ травѣ, тростникѣ, или кустарникѣ, передъ заходомъ солнца они отправляются на водопой, а при наступленіи вечера на пастбище. Они необыкновенно любятъ воду: это можно наблюдать и надъ плѣнными, которые по-истинѣ съ жадностью купаются въ илстой водѣ. Относительно пищи у меня нѣтъ точныхъ данныхъ, но, судя по плѣннымъ, можно заключить, что ихъ пища въ сущности сходна съ пищей замбара.

Движенія длинногриваго оленя заслуживаютъ краткаго описанія. О бѣгѣ оленя я лично, къ сожалѣнію, не могу судить и слѣдовательно долженъ вѣрить путешественникамъ, которые говорятъ, что онъ бѣгаетъ весьма быстро и неутомимо и во время полнаго галопа прерываетъ свой бѣгъ короткими скачками; о спокойной-же походкѣ гривистаго оленя я могу говорить по собственнымъ наблюденіямъ. Плѣнные олени нашихъ зоологическихъ садовъ отличаются своими движеніями отъ всѣхъ остальныхъ оленей. Ни одни изъ извѣстныхъ мнѣ оленей не выступаютъ съ такимъ достоинствомъ и торжественностью, какъ длинногривый олень. Его походка чрезвычайно походитъ на заученную, такъ называемую испанскую походку манежной лошади. Каждое его движеніе похоже на движеніе лошади при вышеупомянутомъ аллюрѣ. Можно подумать, что олень проникнуть, повидимому, чувствомъ собственного достоинства и желаетъ это показать. Онъ обдуманно поднимаетъ ноги, вытягиваетъ ихъ совершенно на манеръ манежной лошади и красиво опускаетъ ихъ снова на землю, сопровождая при этомъ каждый шагъ соотвѣтствующимъ движеніемъ головы. Тѣмъ не менѣ сомнѣваешься, выражаетъ-ли это поведение гордость или злость, такъ какъ величественная походка постоянно сопровождается подозрительнымъ вздергиваніемъ верхней губы, которое у всѣхъ оленей служитъ признакомъ сильнаго возбужденія. Замѣчу еще, что преимущественно при подобной походкѣ длинногриваго оленя слышенъ сильный трескъ, какъ и при движеніяхъ сѣвернаго оленя. Самецъ часто ходитъ вышеописанной походкой и только изрѣдка начинаетъ нѣсколько быстрѣе бѣгать въ своей оградѣ, самка-же, напротивъ, часто играя, прыгаетъ, выказывая при этомъ большое проворство и ловкость. При разбѣгѣ она низко нагибаетъ голову и вытягиваетъ впередъ шею; при этомъ, прежде чѣмъ пуститься бѣжать, она странно покачиваетъ головой изъ стороны въ сторону; эта привычка очень характерна для нея. Въ остальномъ мои наблюденія надъ плѣнными животными согласуются съ показаніями путешественниковъ. Чувства длинногриваго оленя чрезвычайно развиты, въ особенности превосходны чутье и слухъ; не менѣе прекрасно и зрѣніе. Къ тому-же эти олени бдительны и осторожны. Они быстро научаются узнавать своего сторожа, не входя однако съ нимъ въ дружескія отношенія. Можетъ быть эти олени, которые въ молодости попали въ неволю, также ручиѣютъ, какъ и остальные олени, но про тѣхъ, которые были на моемъ попеченіи, я этого сказать не могу, хотя и очень старался ихъ приручить.

Если по образу жизни плѣнныхъ длинногривыхъ оленей заключить о жизни оленей, живущихъ на волѣ, то временемъ течки слѣдуетъ считать наши зимніе мѣсяцы. Въ зоологическихъ садахъ гривистые олени сбрасываютъ свои рога въ маѣ, а въ сентябрѣ они сдираютъ съ нихъ кожу. 20-го ноября одинъ изъ моихъ плѣнныхъ оленей впервые сталъ подавать голосъ: очень стрывистое, глухое, слабое блянье. Съ этого времени онъ сталъ очень раздражителенъ, склоненъ къ дракѣ и къ разрушенію, какъ вообще всѣ олени во время течки; въ особенности же онъ былъ озлобленъ на сторожа, съ которымъ прежде находился въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ. Во все это время онъ распространялъ невыносимый козлиный запахъ, который иногда усиливался до того, что положительно заражалъ весь хлѣвъ. Въ исходѣ декабря и самка слабыми звуками стала извѣщать потребность въ самцѣ, а 7-го января

послѣдовало спариваніе. Эта самка родила 18-го октября дѣтеныша; итакъ можно считать, что время ея беременности продолжается полныхъ девять мѣсяцевъ. Теленокъ съ перваго-же дня былъ очень бодръ и, къ моему величайшему удовольствію, замѣтно развивался. Мать его стерегла и оберегала съ такою-же заботливостью, какъ и мужествомъ, угрожая даже хорошо знакомому ей сторожу, котораго обыкновенно боялась.

Съ олущенной головой, съ поднятымъ хвостомъ и широко раскрытыми слезными мѣшками она смѣло наступала на всякаго посѣтителя и старалась отогнать его сильными ударами переднихъ ногъ, причемъ прикрывала теленка собственнымъ тѣломъ. Около 4 мѣсяцевъ спустя онъ достигъ почти половины величины матери, но сосалъ еще до шестого мѣсяца. За пищу, которую давали маткѣ, онъ принялся уже на третьей недѣлѣ.

На грандіозныхъ облавахъ малайскихъ князей часто убиваютъ нѣсколько сотъ длинногривыхъ оленей, хотя при этомъ употребляютъ не огнестрѣльное оружіе, но исключительно мечъ и копье, чтобы убивать ихъ, или арканъ, чтобы захватить ихъ живыми. «На Явѣ», пишетъ мнѣ Гаскарль, «охота на оленей производится верхомъ. Огряды всадниковъ стоятъ въ разныхъ мѣстахъ травянистой степи, готовые встрѣтить вспугнутыхъ въ лѣсной чащѣ оленей и всякую другую дичь, которую выгоняютъ въ открытое мѣсто туземцы при помощи большого стада буйволовъ, числомъ часто болѣе, чѣмъ изъ ста головъ; всадники загораживаютъ имъ путь, гонятся за ними, настигаютъ ихъ и перерубаютъ имъ мечомъ спинной хребетъ. Въ новѣйшее время вмѣсто этой рѣзни ввели ловлю при помощи петли, прикрѣпленной на концѣ копья. Трогательно бываетъ видѣть самку съ теленкомъ, которыхъ преслѣдуютъ. Она все время старается заслонить и зашитить его и для этого выдѣлываетъ самые причудливые прыжки во всѣ стороны, до тѣхъ поръ, пока наѣзники не раздѣлятъ ихъ и самкѣ приходится конечно подъ часъ уже слишкомъ поздно искать спасенія въ бѣгствѣ. Теленка поймать тогда уже легче».

По словамъ Юнгхуна, на этого оленя охотятся исключительно изъ-за его мяса, которое рѣжется на тонкіе ломти, натирается солью, сушится на солнцѣ, потомъ подъ названіемъ «Дженденгъ», вмѣстѣ съ неизмѣннымъ рисомъ, составляетъ любимѣйшее блюдо за столомъ яванскихъ вождей; но и у европейцевъ мясо его считается прекраснымъ кушаньемъ. Шерсть и кожа его въ дѣло не употребляются.

* * *

Свиной олень у англичанъ, **Пара, Каръ-лагуна, Сугорія, Нутурини-харанъ** у индѣйцевъ, **Виль-муха** у сингалезцевъ (*Cervus (Rusa) porcinus*, *Axis* и *Hyalaphus porcinus*, *Cervus dodur* и *niger*. Schweinshirsch. Cerf-cochon.), одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ индѣйскихъ видовъ, достигаетъ при 1,2—1,3 м. общей длины, изъ коихъ приблизительно 20 см. приходятся на долю хвоста, вышины плечъ отъ 65—70 см. и принадлежитъ къ самымъ неуклюжимъ животнымъ всего семейства. Сложеніе его довольно тяжеловѣсное, у него толстое брюхо, короткія ноги, короткая шея и короткая голова. Волоса его все еще грубы, жестки и ломки, но гораздо тоньше и менѣе волнисты, нежели у длинногриваго оленя и у близкихъ ему родичей.

Окраска, повидимому, измѣняется весьма разнообразно, и на этомъ основывается недостатокъ согласія, который встрѣчается въ описаніяхъ свиного оленя. (Обыкновенно общая окраска его бываетъ прекраснаго кофейнаго цвѣта, который у самца можетъ принимать черно-бурый оттѣнокъ, а у самки болѣе свѣтлый; окраска каждаго волоса въ отдѣльности пенельно-сѣраго цвѣта, посредникъ черно-бураго, а передъ темнымъ кончикомъ онъ покрытъ свѣтло-коричневыми колеч-

ками. Впрочемъ эти свѣтлыя кольца при общей окраскѣ имѣютъ относительно мало значенія; у самки онѣ замѣтнѣе, чѣмъ у самца. Полоса вдоль спины и вокругъ морды, вторая, копытообразной формы полоса между глазами, по направленію къ мордѣ, и продольная полоса посреди лба имѣютъ болѣе темный, почти черный цвѣтъ; нижняя часть брюха и ноги сѣроватыя, приблизительно темно-пепельнаго цвѣта; голова, и обѣ стороны шеи, горло, уши и неправильно расположенныя пятна по обѣ стороны тѣла имѣютъ болѣе свѣтлую окраску, а именно блѣдно-сѣрую; кончики нижней челюсти, нижняя часть и кончикъ хвоста, какъ и прикрытое хвостомъ продолговатое пятно, блѣло цвѣта. Болѣе свѣтлыя пятна я замѣчалъ у всѣхъ свинныхъ оленей, которыхъ видѣлъ живыми, но у самокъ со свѣтлою окраскою они всегда выступаютъ больше, нежели у темныхъ, у которыхъ эти пятна иногда почти совсѣмъ исчезаютъ, и показываются только тогда, когда приподнимаютъ волосы.

Мѣхъ молодого оленя отличается отъ мѣха стараго только тѣмъ, что пятна, повидимому, больше и свѣтлѣе. По словамъ Жердона, только телята до шестаго мѣсяца бываютъ покрыты красивыми пятнами, хотя у многихъ старыхъ животныхъ и на лѣтней шкурѣ еще видны матовыя пятна. Макъ-Мастеръ, говоря объ оленяхъ въ Бирмѣ, подтверждаетъ показаніе Жердона только въ отношеніи телятъ и обращаетъ особенное вниманіе на то, что на болѣе взрослыхъ экземплярахъ онѣ вообще никогда не замѣчалъ пятенъ. Рога оленя обыкновенно имѣютъ по три вѣтви; стволы слабы, сидятъ на довольно высшихъ дудкахъ и достигаютъ величины въ 35—40 см.

Родиной свиного оленя является большая часть Британской Индіи и Бирма. Чаще всего онѣ встрѣчается въ мѣстностяхъ, расположенныхъ по Гангу, рѣке въ Центральной Индіи, а въ Малабарѣ его совсѣмъ нѣтъ, и его замѣняетъ близкій родственникъ ему видъ. По словамъ Жердона, его нѣтъ и на Цейлонѣ, между тѣмъ какъ Стеридалъ приводитъ его какъ жителя этого острова. Обыкновенно животныя эти встрѣчаются по-одиночкѣ, иногда-же ихъ можно найти по 2 и по 3 вмѣстѣ. Они живутъ охотнѣе въ мѣстахъ, заросшихъ травой и кустарникомъ, нежели въ джунгляхъ или въ большихъ лѣсахъ, хотя они и здѣсь при случаѣ встрѣчаются на болѣе обширныхъ прогалинахъ. Днемъ они, лежа, прячутся въ своихъ убужищахъ и па-сутся ночью; спугнутые они убѣгаютъ съ опущенной головой довольно своеобразнымъ и неуклюжимъ образомъ, чѣмъ и заслужили свое наименованіе. Олень обыкновенно сбрасываетъ свои рога въ апрѣлѣ, а течка наступаетъ въ концѣ сентября или въ октябрѣ.

Большинство свинныхъ оленей, населяющихъ наши зоологическіе сады, мы получаемъ изъ Бенгаліи. Они очень хорошо переносятъ нашъ климатъ, но при холодной, суровой погодѣ чувствуютъ потребность въ закрытомъ помѣщеніи, чтобы укрыться; они легко размножаются даже въ тѣсномъ пространствѣ. По словамъ Стеридала, они успѣшно скрепчиваются съ аксисомъ и ублюдки ихъ способны къ размноженію. Судя по плѣннымъ оленямъ, способности ихъ хуже развиты, чѣмъ у другихъ оленей. Самка труслива, пуглива и не умна, самецъ смѣлъ даже въ отношеніи къ человѣку, задоренъ, властолюбивъ и склоненъ къ насилию. Передъ течкой онѣ упражняютъ свою силу на всевозможныхъ предметахъ; бьется о деревья и рѣшетки, роетъ дернъ своими короткими рогами и разбрасываетъ оторванные куски во всѣ стороны, угрожаетъ каждому приближающемуся, нагнувъ голову въ сторону и злобно наступая на него бокомъ; онѣ не задумываясь, прямо идутъ на человѣка и весьма чувствительнымъ образомъ пускаетъ въ ходъ свое орудіе. У одного воспитаннаго мною свиного оленя время течки наступило въ іюль, спариваніе послѣдовало 16 августа, а рожденіе теленка 1-го апрѣля; такимъ образомъ продолжительность беременности опредѣляется въ 228 дней.

Насколько извѣстно, у свиного оленя на родинѣ его тѣ-же враги, какъ и у его родичей. На охотѣ его обыкновенно убиваютъ, сидя на спинѣ слона, такъ-какъ густая растительность тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ онъ обитаетъ, едва допускаетъ охоту по слѣду съ ружьемъ и другіе способы ловли. Мясо его считается очень вкуснымъ.

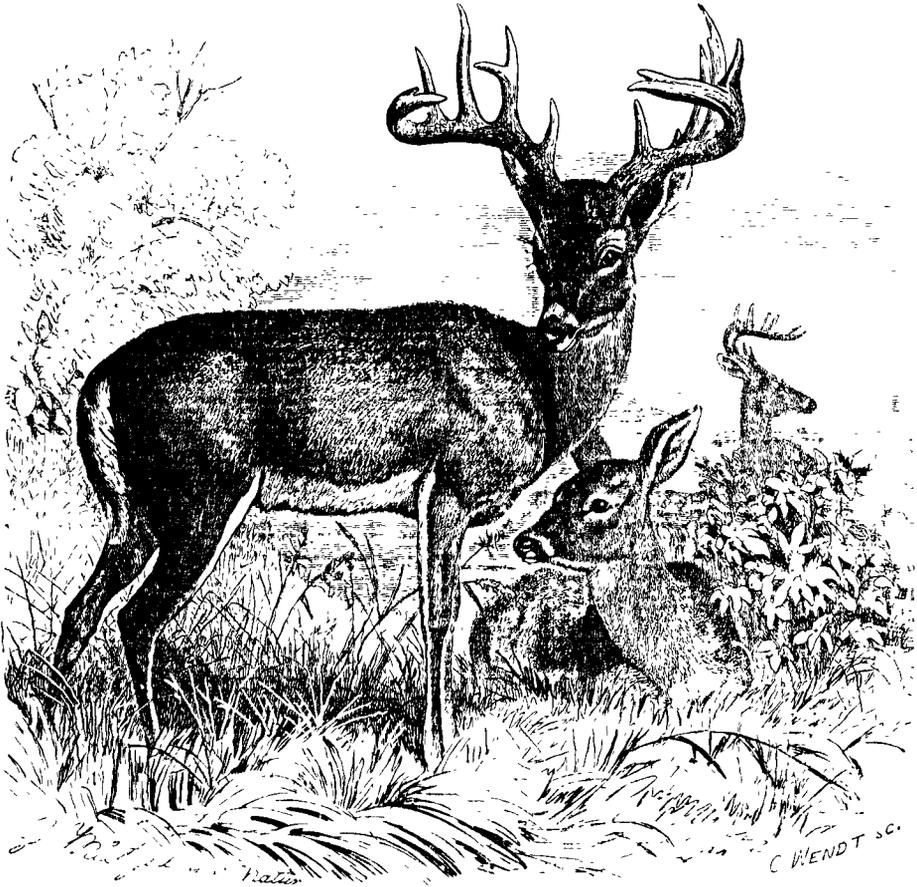
* *

Американскихъ оленей, за исключеніемъ трехъ видовъ, причисляютъ къ одному роду **Мазама** (*Cariacus*); предѣлы распространения ихъ представляетъ материкъ отъ 50—60° с. ш. до Патагоніи. Родъ, установленный на основаніи внутренняго строенія, распадается на четыре подрода, изъ которыхъ о трехъ главныхъ мы скажемъ дальше. Въ Сѣверной Америкѣ и въ сѣверной части Южной Америки живутъ мазамы (*Cariacus*), красивые, граціозные олени, отличающіеся какъ своимъ строеніемъ, такъ и рогами у самцовъ. Они очень стройны, шея и голова у нихъ длинныя, ноги средней вышины, но тонкія, хвостъ довольно длинный. Рога или раздѣлены виллообразно, или изгибаются дугообразно сзади наружу и впередъ и развѣтвляются на 3—7 вѣтвей, которыя всѣ направлены внутрь; первая надглазная вѣтвь всегда имѣется, второй надглазной и средней не бываетъ. Глаза большіе и выразительные, уши довольно большія и ланцетовидныя; съ наружной стороны они покрыты очень короткими волосами, такъ что кажутся почти совсѣмъ голыми; напротивъ того, внутри и въ особенности съ боковъ они гуще опушены. Густые, мягкіе ярко окрашенные волоса покрываютъ ихъ кожу, они удлиняются на подобіе гривы у самца, а хвостъ оканчивается пучкомъ волосъ, какъ у самца, такъ и у самки.

Самый извѣстный принадлежащій сюда видъ **Виргинскій олень** (*Cariacus virginianus*, *Cervus virginianus*, *Mazama virginiana*, *Virginiahirsch*, *Cerf de Virginie*) имѣетъ въ нѣкоторомъ отношеніи сходство съ нашей ланью, съ которой можетъ сравняться приблизительно величиною, но сразу отличается отъ нея изящнымъ тѣлосложеніемъ, а въ особенности длинной, тонкой головой, которая красивѣе, чѣмъ у всѣхъ другихъ оленей. По увѣреніямъ принца фонъ-Вида виргинскій олень, впрочемъ, часто достигаетъ большаго размѣра, чѣмъ наша лань, и немногимъ уступаетъ благородному оленю. Окраска его измѣняется смотря по временамъ года. Лѣтомъ на его шкурѣ преобладаетъ прекрасный равномерный желто-бурый цвѣтъ, который на спинѣ принимаетъ болѣе темную, а съ боковъ болѣе свѣтлую окраску; брюхо и внутренняя сторона ногъ блѣднѣе; верхняя часть хвоста темно-бурого цвѣта, нижняя часть и боковыя стороны его ослѣпительной бѣлизны. Характерной является окраска головы, которая всегда темнѣе остального туловища, а именно окрашена въ сѣровато-бурый цвѣтъ. Переносица обыкновенно бываетъ очень темнаго цвѣта, но по обѣ стороны нижней губы и на концѣ верхней челюсти тянутся бѣлыя пятна, которыя соединяются почти въ одно кольцо. Зимой спина оленя имѣетъ сѣровато-бурый цвѣтъ и соответствуетъ приблизительно зимней окраскѣ нашей косули; брюхо красноватое, ноги желтовато-красно-бурыя, наружная часть ушей темно-сѣровато-бурая, а края и кончики ихъ черноватые, внутри они бѣлыя. Пятно снаружки подъ ухомъ, нижняя часть головы, задняя часть переднихъ бедеръ, брюхо, внутренняя и передняя часть заднихъ бедеръ, нижняя поверхность тонкаго, очень длиннаго и густо обросшаго волосами хвоста—также совершенно бѣлаго цвѣта; окраска морды одинакова, какъ зимой, такъ и лѣтомъ. Судя по измѣреніямъ принца фонъ-Вида, длина оленя средней величины достигаетъ 1,8 м., длина хвоста 30 см., длина головы приблизительно столько-же, длина уха 15 см., вышина роговъ 30 см., а длина каждого ствола, измѣреннаго по кривизнѣ, приблизительно 50 см.

Въ плечахъ такой олень имѣеть 1 м. вышины. Самка, которая значительно меньше ростомъ, достигаетъ только 1,3 м. длины и не болѣе 80 см. вышины. У теленка на темно-коричневомъ фонѣ расположены хорошенкя бѣлыя или палевыя пятна, въ остальномъ онъ походитъ на своихъ родителей.

По указаньямъ американскихъ изслѣдователей, этотъ прекрасный олень распространенъ по всѣмъ лѣсамъ Сѣверной Америки, за исключеніемъ самыхъ сѣверныхъ; въ Канадѣ, онъ однако встрѣчается. Онъ распространенъ отъ восточнаго берега Сѣверной Америки до Скалистыхъ горъ, а на югѣ до Мексики. Говорятъ,

Виргинскій олень. *Cariacus virginianus*. $\frac{1}{15}$ наст. вел.

что въ прежнія времена его находили повсюду въ большомъ количествѣ; въ настоящее время его почти, совершенно вытѣснили изъ густо населенныхъ мѣстностей, или, по крайней мѣрѣ, ему пришлось удалиться въ болѣе обширныя горныя лѣса. Благодаря Одюбону и другимъ изслѣдователямъ, мы въ настоящее время довольно хорошо знакомы съ образомъ жизни и нравами виргинскаго оленя. Въ общемъ, образъ жизни его походитъ на образъ жизни нашего благороднаго оленя. Подобно ему виргинскій олень образуетъ стада, къ которымъ присоединяются взрослые олени во время течки. Олень сбрасываетъ рога въ мартѣ, а въ концѣ іюня или въ августѣ нарастаютъ новыя; затѣмъ онъ въ октябрѣ сдираетъ кожу съ роговъ, и въ это-же время наступаетъ течка.

Къ этимъ краткимъ словамъ, заимствованнымъ у принца фонъ-Вида, я хочу прибавить еще кое-что изъ описаній Одюбона. «Этотъ олень», говоритъ онъ, «сильно привязанъ къ разъ избранному имъ мѣсту и послѣ преслѣдованій всегда снова возвращается къ нему. Конечно, онъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней обыкновенно не ложится на одно и то же логовище, но его все-таки находятъ въ той-же мѣстности, часто не болѣе какъ въ 50 шагахъ отъ того мѣста, съ котораго его спугнули раньше. Любимымъ мѣстопробываніемъ ему служатъ заброшенные поля, отчасти снова поросшія кустарникомъ, за которымъ онъ прячется. Въ южныхъ штатахъ, именно лѣтомъ, когда его меньше преслѣдуютъ, онъ отыскиваетъ себѣ самыя окраины плантацій и пребываетъ здѣсь весь день въ темной чащѣ среди тростника, дикаго винограда и тернистаго кустарника, во всякомъ случаѣ какъ можно ближе къ мѣсту своего пастбища. Впрочемъ, далеко не всѣ олени отдають предпочтеніе подобнымъ мѣстностямъ: часто также находятъ многочисленныя слѣды ихъ на поляхъ, куда онъ приходитъ издалека. Въ гористыхъ мѣстностяхъ можно замѣтить иногда такого оленя, стоящаго на выдающемся уступѣ скалы, какъ это часто дѣлають козероги и серны; но обыкновенно дичь эта скрывается въ различныхъ низкихъ кустарникахъ, близъ свалившихся деревьевъ и въ тому подобныхъ мѣстахъ. Въ холодное время года онъ предпочитаетъ защищенные и сухія мѣста; тогда онъ охотно стоитъ за вѣтромъ и грѣется на солнцѣ; лѣтомъ онъ въ теченіи дня удаляется въ тѣнистыя части лѣса и держится по близости маленькихъ рѣчекъ или прохладныхъ потоковъ. Чтобы избавиться отъ преслѣдованій комаровъ и слѣпней, онъ часто спасается въ рѣку или прудъ и лежитъ тамъ по самый носъ въ водѣ.

«Пища этого оленя различна, смотря по времени года. Зимой онъ обгладываетъ вѣтки и листья кустовъ; весною и лѣтомъ онъ выбираетъ, къ тому-же съ величайшимъ наслажденіемъ, самую нѣжную траву и, поѣдая маисъ и другія зерна, часто заходитъ на поля. Онъ чрезвычайно любитъ разнаго рода ягоды, орѣхи и тому подобные плоды. При такомъ богатомъ выборѣ пищи можно было-бы думать, что онъ всегда представляетъ собой вкусную дичь; но это совершенно несправедливо, потому что за исключеніемъ извѣстнаго времени года этотъ олень очень худощавъ. Олени жирны отъ августа до ноября. Намъ самимъ приходилось убивать такихъ, которые вѣсили около 80 kgr., и намъ сообщали, что отдѣльныя экземпляры достигаютъ вѣса болѣе чѣмъ въ 90 kgr. Течка, по крайней мѣрѣ въ Каролинѣ, наступаетъ въ ноябрѣ, а иногда и раньше. Тогда олень постоянно на ногахъ, почти постоянно рыщетъ, отыскивая своихъ противниковъ. Когда онъ сходитъ съ другими оленями, то начинается ожесточенный поединокъ, въ которомъ иногда одинъ изъ нихъ погибаетъ; нерѣдко два одинаково сильныхъ оленя до того сцѣпляются рогами, что не могутъ больше расцѣпиться и погибають жалкимъ образомъ. Мы старались рознять переплетенные такимъ образомъ рога, но наши ловкость, ни сила не были достаточны, чтобы выполнить это. Мы нѣсколько разъ видѣли двѣ, а одинъ разъ три пары роговъ, перепутанныхъ такимъ образомъ. Течка продолжается приблизительно два мѣсяца и у болѣе старыхъ оленей начинается раньше, нежели у молодыхъ. Около января олени сбрасываютъ свои рога и съ этого времени живутъ дружно всѣ вмѣстѣ.

«Самки жирнѣе всего отъ ноября до января, послѣ чего худѣють, по мѣрѣ приближенія времени родовъ, и снова полнѣють, когда телята сосутъ ихъ. Последніе въ Каролинѣ рождаются въ апрѣлѣ; годовалыя самки, напротивъ, рождають только въ маѣ или іюнѣ. Въ сѣверныхъ штатахъ время родовъ наступаетъ немного позднеѣе чѣмъ въ Флоридѣ и Техасѣ. Удивительно, однако исполнѣе справедливо, то обстоятельство, что въ Алабамѣ и Флоридѣ большинство телятъ рождаются въ ноябрѣ.

Самка прячетъ своего только-что родившагося теленка подъ густымъ кустомъ или въ высокой травѣ и навѣщаетъ его нѣсколько разъ въ день, а именно утромъ, вечеромъ и ночью. Только позднѣе она беретъ съ собой дѣтеныша. Когда телятамъ только нѣсколько дней отъ роду, они иногда спятъ такъ крѣпко, что ихъ можно захватить прежде, нежели они замѣтятъ приближеніе человѣка. Они очень скоро дѣлаются ручными и спустя нѣсколько часовъ уже сильно привязываются къ своимъ хозяевамъ. У одного изъ нашихъ друзей былъ теленокъ—самка, котораго послѣ того, какъ онъ былъ взятъ въ плѣнъ понесли къ козѣ, и онъ былъ вскормленъ ею; мы также видѣли другихъ, которые были вскормлены коровами. Они хорошо ведутъ себя въ неволѣ, но мы нашли, что эти баловни иногда бываютъ очень неудобны. Одна парочка, которую мы держали у себя въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, привыкла посѣщать нашъ рабочій кабинетъ черезъ открытое окно и продѣлывала это также тогда, когда окна были закрыты, не заботясь о стеклахъ. У этихъ животныхъ, казалось, вообще была наклонность къ разрушенію; они лизали и грызли переплеты нашихъ книгъ и производили часто большой безпорядокъ въ нашихъ бумагахъ. Они не щадили ни одного куста въ саду, какъ-бы дорогъ онъ намъ ни былъ; они даже глодали лошадичую сбрую и въ концѣ концовъ накинудись на нашихъ молодыхъ утокъ и цыплятъ, откусывали имъ головы и ноги, а изуродованное тѣло бросали.

«Самка телится первый разъ, когда ей по крайней мѣрѣ два года отъ роду, и то приноситъ всегда одного теленка, тогда какъ въ послѣдствіи приноситъ двоихъ. Сильная, здоровая самка часто рождаетъ и трехъ телятъ, а въ животѣ одной убитой нами самки мы нашли даже четырехъ вполне развившихся дѣтенышей. Однако обыкновенно родится ихъ не болѣе двухъ. Самка чрезвычайно любитъ своего теленка и тотчасъ прибѣгаетъ на его зовъ. Индѣйцы употребляютъ хитрость, подражая на дудочкѣ зову теленка, чтобы привлечь матку, которая тогда падаетъ жертвой ихъ стрѣлъ. Намъ самимъ два раза удалось заманить этихъ животныхъ, подражая голосу теленка. Противъ человѣка матка не осмѣливается защищать свое дѣтище и думаетъ только о спасеніи. Виргинскій олень очень общителенъ, и его часто можно видѣть въ западныхъ преріяхъ чрезвычайно многочисленными стадами въ нѣсколько сотъ экземпляровъ. Послѣ течки, какъ мы уже упоминали, самцы также собираются въ стада и присоединяются къ самкамъ, которыя большую часть года проводятъ вмѣстѣ.

«Этотъ олень одно изъ самыхъ молчаливыхъ животныхъ. Онъ рѣдко издаетъ звукъ. Теленокъ испускаетъ тихое блеянье, которое чуткое ухо матери слышитъ, можетъ быть, на разстояніи 100 шаговъ; она же манитъ своего теленка тихимъ ворчаньемъ. Громкій крикъ мы слышали только тогда, когда дичь бывала ранена. Самецъ издаетъ, если его вспугнуть, отрывистое фырканье; но мы также слышали ночью пронзительный свистъ, похожій на свистъ серны, приблизительно на разстояніи полу-мили. Чутье ихъ такъ прекрасно, что одинъ олень можетъ отыскать другого только однимъ чутьемъ. Въ одно осеннее утро мимо насъ пробѣжала самка; 10 минутъ спустя мы замѣтили самца, который преслѣдовалъ ее, обнюхивая носомъ землю по всѣмъ извилинамъ ея пути; черезъ полчаса показался другой олень и спустя довольно долгое время третій годовалый олень. и всѣ они преслѣдовали тѣ-же слѣды. Зрѣніе ихъ, кажется, не очень развито; по крайней мѣрѣ, мы наблюдали, что когда мы останавливались, то животныя часто проходили мимо насъ въ нѣсколькихъ шагахъ, не замѣчая насъ, между тѣмъ какъ они тотчасъ убѣгали, какъ только мы шевелились или подходили къ нимъ по вѣтру. Слухъ у нихъ такъ-же тонокъ, какъ и чутье.

«Виргинскій олень не можетъ существовать безъ воды и принужденъ каждую ночь отыскивать рѣки или ключи. Въ 1850 году была общая засуха въ нашихъ

южныхъ штатахъ, вслѣдствіе чего дичь массами покидала свои логовища и направлялась въ страны, болѣе изобилующія водой. Олени очень любятъ соль. Охотники, которымъ это извѣстно, и которые знаютъ, гдѣ находятся солончaki, вблизи ихъ всегда удачно охотятся. Если можно назвать этого оленя ночнымъ животнымъ, то нужно прибавить, что въ преріяхъ и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ его мало беспокоятъ, онъ отправляется на пастбище также утромъ и въ полдень. При такихъ обстоятельствахъ онъ отдыхаетъ обыкновенно только въ обѣденные часы. Конечно, въ штатахъ, лежащихъ у Атлантическаго океана, гдѣ его постоянно тревожатъ охотники, онъ рѣдко поднимается со своего логовища до заката солнца. Впрочемъ, весной и лѣтомъ его днемъ можно видѣть чаще на пастбищѣ, чѣмъ зимой.

«Въ мѣстностяхъ, гдѣ олени постоянно тревожатъ, онъ подпускаетъ охотника гораздо ближе къ себѣ, нежели въ странахъ, гдѣ его беспокоятъ рѣдко. Онъ лежитъ спокойно, но отнюдь не потому, что спитъ или не сторожитъ, а потому, что боится быть замѣченнымъ, если побѣжитъ, и надѣется лучше скрыться въ лежачемъ положеніи. Мы видѣли его, когда онъ лежалъ: заднія ноги готовы къ прыжку, уши прижаты къ затылку и глаза зорко наблюдаютъ за каждымъ движеніемъ нарушителя тишины. При такихъ обстоятельствахъ охотникъ можетъ надѣяться на успѣхъ только тогда, когда онъ медленно обходитъ вокругъ звѣря и дѣлаетъ видъ, будто не замѣтилъ его, но затѣмъ внезапно выстрѣлитъ въ него, прежде нежели онъ успѣетъ подняться со своего логовища. Не испытавъ еще преслѣдованій, онъ старается, при появленіи охотника, проскользнуть незамѣченнымъ въ согнутомъ положеніи.

«Походка этого оленя различна. Когда онъ бѣжитъ, то низко опускаетъ голову и продолжаетъ свой путь тихо и осторожно, только иногда пошевеливая ушами и хвостомъ. Самая большая самка всегда бываетъ вожакомъ стада, которое тянется, такъ называемой, индѣйской вереницей, т. е. гуськомъ; они рѣдко идутъ по два въ рядъ. Походка незапуганнаго оленя спокойна. Если его потревожить, но притомъ не слишкомъ испугать, то онъ два или три раза подпрыгиваетъ кверху, затѣмъ съ притворной неловкостью падаетъ на три ноги, нѣсколько минутъ спустя оборачивается въ противоположную сторону, приподнимаетъ свой бѣлый хвостъ и вертитъ имъ изъ стороны въ сторону. Вслѣдъ затѣмъ онъ дѣлаетъ нѣсколько высокихъ скачковъ, причѣмъ поворачиваетъ голову во всѣ стороны, чтобы по возможности распознать причину тревоги. Прыжки и скачки его такъ милостивы, что на нихъ можно смотрѣть только съ удивленіемъ и восхищеніемъ. Напротивъ того, если олень увидитъ предметъ своего испуга, прежде нежели онъ поднимется со своего логовища, то онъ, принавъ къ землѣ, стрѣлой пускается бѣжать, держа голову и хвостъ на одной линіи съ туловищемъ и такимъ образомъ пробѣгаетъ разстояніе въ нѣсколько сотъ шаговъ, какъ будто желая перегнать самаго лучшаго коня. Но такимъ образомъ онъ можетъ бѣжать не долго. Мы видѣли нѣсколько разъ, что его обгонялъ и гналъ обратно ловкій вѣдокъ, и знаемъ, что стая хорошихъ собакъ, приблизительно послѣ часового гона, догоняетъ оленя, если только ему не удастся добраться до болота или до рѣки, куда онъ въ такомъ случаѣ тотчасъ бросается. Впрочемъ, онъ лѣзетъ въ воду и безъ особенной необходимости и плаваетъ очень быстро, глубоко погружая въ воду туловище и держа только голову надъ водой. Мы по опыту знаемъ, что олень перебиваетъ иногда очень большія рѣки въ двѣ англійскія мили ширины, и притомъ съ такой быстротой, что лодка едва можетъ перегнать его. У южныхъ морскихъ береговъ Сѣверной Америки, усталый и преслѣдуемый собаками олень бросается въ море, плыветъ одну или двѣ мили отъ берега и обыкновенно возвращается къ тому-же мѣсту, откуда выплылъ.

«Когда мы ночью ѣхали верхомъ по лѣсу мимо оленей, то часто слышали, какъ они ногой били землю, или-же до насъ долетало ихъ громкое фырканье. Затѣмъ все стадо мчалось на короткое разстояніе впередъ и снова било землю ногами и фыркало. Впрочемъ, такъ вели они себя, кажется, только ночью. Мясо ихъ самое вкусное изо-всѣхъ сортовъ дичи, которую намъ приходилось пробовать. Оно нѣжнѣе, чѣмъ мясо вапити или европейскихъ видовъ оленей; вкуснѣе всего мясо ихъ бываетъ въ то время, когда они тучны.

«Для добычи этой дичи индѣйцы должны были употреблять всю свою хитрость и терпѣніе, пока въ ихъ охотничьи районы не вошелъ бѣлолицый человѣкъ со своимъ ружьемъ, конемъ и собаками. Дикарь оспаривалъ эту дичь у волка и у пумы, при чемъ употреблялись самыя разнообразныя приемы для охоты. Чаше всего убивали оленей, подражая зову теленка или самца. Иногда также дикарь надѣвалъ на себя шкуру убитаго оленя, рога котораго онъ привязывалъ къ своей головѣ и очень вѣрно подражалъ походкѣ и всѣмъ другимъ движеніямъ оленя; такимъ путемъ ему удавалось пробраться въ самую середину стада и убить изъ лука нѣсколько оленей прежде, чѣмъ стадо обращалось въ бѣгство. Но съ тѣхъ поръ, какъ вошло въ употребленіе огнестрѣльное оружіе, большинство племенъ забросило лукъ и стрѣлу и стало употреблять ружье.

«Бѣлый человѣкъ охотится, соображаясь съ устройствомъ мѣстности. Въ гористыхъ странахъ онъ предпочитаетъ идти по слѣду оленя пѣшкомъ, въ густыхъ лѣсахъ онъ беретъ себѣ на помощь собакъ и, вмѣсто штуцера, пользуется тогда двустволькой, заряженною крупною картечью. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, когда выпадаетъ глубокій снѣгъ, употребляютъ въ дѣло лыжи и преслѣдуютъ на нихъ дичь, которая при подобныхъ условіяхъ можетъ подвигаться лишь медленно. Въ Виргиніи законы правильной охоты не такъ строго соблюдаются: тамъ ставятъ вблизи воды крѣпкіе, стальные калканы или вбиваютъ въ землю съ внутренней стороны изгородей на поляхъ острые колья, на которые натыкаются олени, при перепрыгиваніи черезъ заборъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ охота производится съ лодки: зная мѣста, въ которыхъ дичь обыкновенно переплываетъ черезъ рѣки или морскіе заливы, ее выгоняютъ при помощи собакъ, преслѣдуютъ въ лодкѣ и стрѣляютъ въ плывущихъ животныхъ. Весьма оригинальна охота съ огнемъ. Для нея требуется два охотника. Одинъ изъ нихъ несетъ желѣзную сковороду, на которой, при помощи смолистаго дерева, поддерживается небольшое пламя; другой, идущій совсѣмъ близко рядомъ съ нимъ, несетъ ружье. При видѣ непривычнаго огня среди лѣса, олени до того бываютъ поражены неожиданностью, что спокойно останавливаются; въ глазахъ ихъ тогда отражается свѣтъ пламени, что и даетъ охотнику возможность приблизиться. Часто случается, что послѣ выстрѣла нѣкоторыя животныя снова возвращаются къ огню. Единственная непріятность при такого рода охотѣ заключается въ томъ, что охотникъ, замѣтившій оба огненныхъ глаза, не въ состояніи бываетъ отличить, имѣетъ ли онъ передъ собою оленя, или животное изъ своего стада: и весьма нерѣдко случается, что во время такихъ охотъ убиваютъ домашнихъ животныхъ, пасущихся въ лѣсу.

«Насъ увѣряли, что виргинскаго оленя всегда можетъ догнать и схватить хорошая борзая собака. Пара такихъ превосходныхъ собакъ, привезенныхъ въ Каролину изъ Европы, обыкновенно уже настигала оленя, когда тотъ едва успѣвалъ пробѣжать разстояніе въ нѣсколько сотъ шаговъ. Легавыя собаки употребляются для того, чтобы выслѣдить и выгнать оленя, затѣмъ уже борзые продолжаютъ преслѣдованіе. Къ величайшему нашему сожалѣнію, мы должны подтвердить опасенія охотниковъ, что эта дичь быстро убываетъ и, можетъ быть,

скоро совершенно исчезнетъ. Уже въ настоящее время въ Каролинѣ едва-ли находится пятидесятая часть тѣхъ оленей, которые жили тамъ 20 лѣтъ тому назадъ. Въ сѣверныхъ и среднихъ штатахъ онъ уже истребленъ и водится еще въ большомъ количествѣ только въ южныхъ штатахъ, гдѣ обширные лѣса, топи и болота препятствуютъ воздѣлыванію земли, хотя и здѣсь уже многіе плантаторы раздарили своихъ собакъ, потому что для нихъ не находится больше работы».

Къ этому описанію Одюбона, которое я, впрочемъ, перевелъ не очень точно, и передалъ только вкратцѣ, я хочу прибавить еще только то, что, по моимъ личнымъ наблюденіямъ, плѣнные виргинскіе олени, которые содержатся соотвѣтствующимъ образомъ, принадлежатъ къ числу самыхъ пріятныхъ ручныхъ животныхъ. Въ одномъ отношеніи Одюбонъ, пожалуй, совершенно правъ: для комнаты они, какъ и всѣ олени, не годятся, но зато служатъ величайшимъ украшеніемъ какого-нибудь парка или луга, собственно для нихъ обнесеннаго заборомъ. Они въ короткое время привыкаютъ къ своему хозяину и выказываютъ большую привязанность къ нему. Виргинскіе олени, за которыми я ухаживалъ, доверчиво подходили къ знакомымъ особамъ и не только брали у нихъ ласково предложенныя лакомства, но еще лизали съ благодарностью руки. Къ несчастью, есть одно неблагоприятное обстоятельство, которое препятствуетъ содержанію этихъ оленей въ болѣе тѣсныхъ помѣщеніяхъ: они часто ломаютъ свои тонкія ноги и обыкновенно такъ несчастливо, что исцѣленіе ихъ бываетъ трудно или невозможно. Одинъ неловкій скачекъ въ хлѣвъ можетъ вызвать подобное несчастье, но еще чаще, чѣмъ въ хлѣвахъ они погибаютъ этимъ способомъ, когда, шутя, играютъ вблизи рѣшетокъ, или, во время течки, гонятся другъ за другомъ, не слѣдя за каждымъ шагомъ. Въ большихъ паркахъ виргинскіе олени живутъ гораздо лучше. Здѣсь они, сверхъ всякаго ожиданія, развиваются прекрасно, такъ-какъ въ ихъ первоначальной родинѣ приблизительно тотъ-же климатъ, какъ въ средней Европѣ; они сильно плодятся, въ скоромъ времени образуютъ порядочныя стада и потому лучше всякаго другого оленя акклиматизируются въ Германіи.

Конечно, они причиняютъ здѣсь по крайней мѣрѣ столько-же вреда, какъ олени или лани и потому всегда могутъ быть терпимы только въ загороженныхъ пространствахъ, исключительно имъ предоставленныхъ.

* *
*

У **Зачаточнорогихъ оленей** (*Blastocerus*), нѣсколько похожихъ на виргинскаго оленя и его родичей, но живущихъ въ Южной Америкѣ, рога развѣтвляются вилкообразно; передняя вѣтвь, которая всегда слабѣе задней, иногда имѣетъ двѣ развилины, а задняя вѣтвь всегда раздѣлена на концѣ на два отростка.

Самый извѣстный видъ этого рода **Пампасовый олень** или **Гвазуи** (*Cariacus* [*Blastocerus*] *campestris*, *Cervus campestris* и *leucogaster*, *Mazama campestris*. *Pampashirsch*. *Gouazou-Ti*) животное средней величины; длина его тѣла достигаетъ 1,1 до 1,3 м., а длина хвоста 10 см., высота въ плечахъ 70 см., а крестца 75 см.; по фигурѣ и окраскѣ онъ похожъ на другихъ оленей. Волоса у него толстые, грубые, ломкіе и глянцевитые, спина и верхняя часть тѣла свѣтло-красновато-бурого или блѣдно-желто-бурого цвѣта, бока, передняя часть шеи и внутренняя часть ногъ гораздо свѣтлѣе. Нижнія части, а именно подбородокъ, горло, грудь и продольныя полосы на внутренней части бедеръ грязно-бѣлаго цвѣта; брюхо, задняя часть бедеръ, нижняя сторона и кончикъ хвоста чисто бѣлые; наружная часть ушей свѣтло-красновато-бурая, внутренняя—бѣловатая. Вокругъ глазъ видно бѣлое кольцо, а на

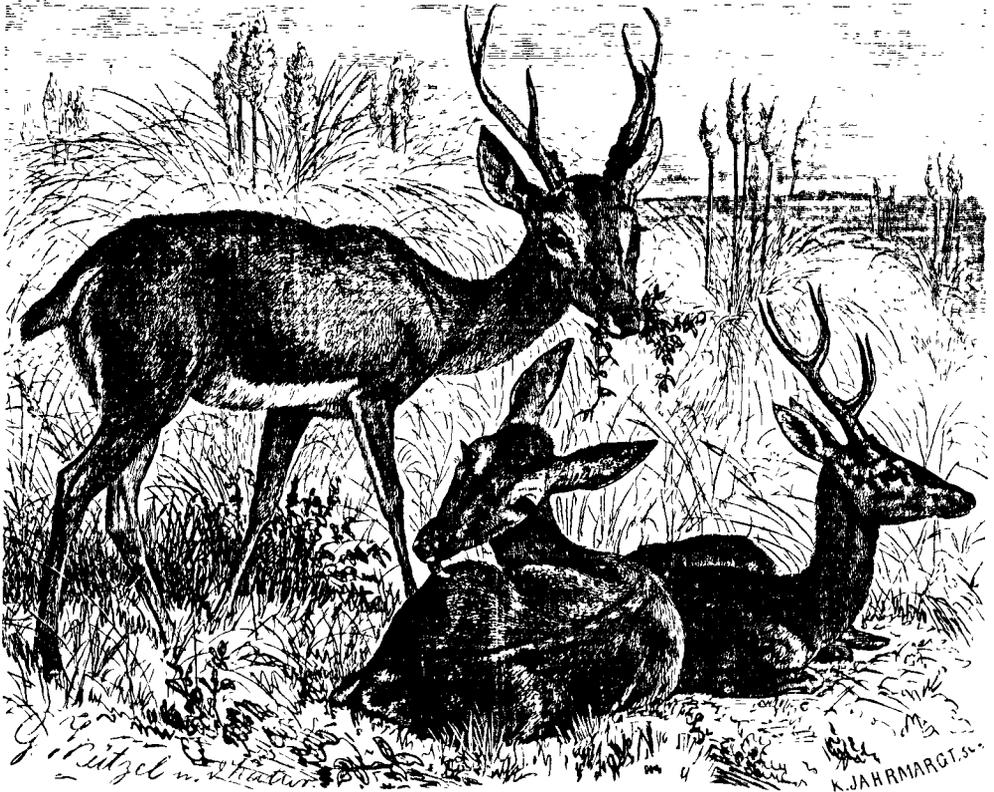
концы верхней губы находятся бѣлыя пятна. Рога его напоминаютъ намъ рога нашей косули, но они длиннѣе, тоньше и отличаются болѣе длинными вѣтвями. Они только немного загибаются назадъ, нижняя часть нѣсколько наружу, а верхняя снова внутрь. Надглазная вѣтвь находится приблизительно на разстояніи 5 см. надъ верхнею частью дудки и имѣетъ около 10 см. длины; наверху стволъ образуетъ развилину, передній отростокъ которой направленъ прямо къверху, между тѣмъ какъ задній загнуть концомъ назадъ. Иногда встрѣчаются рога, у которыхъ отъ передней части ствола отдѣляется еще вторая вѣтвь, направленная впередъ. Длина роговъ рѣдко достигаетъ болѣе 25 см. длины; рога въ 30 см. длины составляютъ исключеніе.

Парагвай, Уругвай и сѣверная Аргентина составляютъ родину этого всюду многочисленнаго оленя. По словамъ Ренггера, онъ преимущественно встрѣчается на открытыхъ и сухихъ полянахъ, въ малонаселенныхъ странахъ, между тѣмъ, какъ онъ избѣгаетъ близости болотъ и лѣсовъ даже тогда, если его сильно преслѣдуютъ. Онъ живетъ парами и маленькими стадами; старый самецъ живетъ отдѣльно. Днемъ олень отдыхаетъ въ высокой травѣ и лежитъ такъ спокойно, что можно проскакать мимо него, и онъ не пошевелинется. Онъ дѣлаетъ это потому, что думаетъ скрыться этимъ путемъ; а между тѣмъ чутье и слухъ его тоньше, а движенія его быстрѣе и болѣе ловки, чѣмъ у многихъ другихъ оленей. Его можетъ догнать только очень хорошая лошадь; если-же онъ успѣлъ забѣжать впередъ, то и самая лучшая скаковая лошадь не въ состояніи настичь его. Послѣ заката солнца онъ отпавляется на пастбище и бродитъ тамъ всю ночь. Самка рождаетъ только одного дѣтеныша весною или осенью и нѣсколько дней спустя приводитъ его къ самцу. Родители выказываютъ относительно дѣтенышей большую заботливость и любовь. Какъ только грозитъ опасность, они прячутъ его въ высокой травѣ, сами показываются охотнику, отвлекая его отъ слѣдовъ теленка, и затѣмъ окольными путями снова возвращаются къ нему. Если дѣтеныша поймаютъ и если ихъ не преслѣдуютъ собаки, то они никогда далеко не уходятъ отъ охотника, напротивъ того, безпокойно описываютъ вокругъ него большіе круги и приближаются даже на разстояніе выстрѣла, если слышатъ жалобный крикъ теленка. Пара такихъ оленей однажды преслѣдовала добрыхъ полчаса Ренггера, когда тотъ увелъ съ собой дѣтеныша.

Пампасовый олень, пойманный молодымъ, становится необыкновенно ручнымъ. Онъ научается узнавать всѣхъ членовъ семьи, всюду слѣдуетъ за ними, слушается ихъ зова, играетъ съ ними и облизываетъ имъ руки и лицо; съ домашними собаками и лошадьми онъ не только живетъ въ мирѣ, но иногда и поддразниваетъ ихъ толчками; чужихъ людей и собакъ онъ избѣгаетъ. Онъ питается всякимъ сырымъ и варенымъ растительнымъ кормомъ и, подобно своимъ родичамъ, очень любитъ соль. Въ хорошую погоду онъ рѣзвится на волѣ; въ обѣденные часы жуетъ жвачку, а въ дождливую погоду прячется въ хлѣвъ.

Взрослый олень, особенно во время течки, издаетъ очень непріятный запахъ, напоминающій запахъ негра; эта вонь до того сильна, что ее ощущаешь даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ за четверть часа пробѣжалъ самецъ. «Однажды я бросилъ свой арканъ на рога гвазуи», рассказываетъ Ренггеръ «и не снялъ его, пока не убилъ животного; тѣмъ не менѣе онъ уже успѣлъ пропитаться такимъ зловоніемъ, что я въ продолженіи 14 дней не могъ употреблять его». У меня есть также пара роговъ, стволы которыхъ еще покрыты кожей, и которые теперь еще, по прошествіи 8 лѣтъ, сохранили свойственный этому оленю запахъ. Запахъ этотъ является не раньше перваго года отъ роду и, какъ увѣрялъ меня одинъ охотникъ, его совѣмъ не

бываетъ у оленя, если оскотить это животное въ молодости. Чтобы убить гвазуи надо устраивать облавы. Нѣсколько охотниковъ на лошадяхъ образуютъ полукругъ въ степи и поджидаютъ дичь, которую на нихъ гонятъ другіе охотники, съ помощью собакъ. Какъ только одинъ изъ оленей достаточно приблизился къ охотнику, онъ быстро подвѣзжаетъ къ оленю и кидаетъ ему арканъ съ шарами на рога или между ногъ. Самое главное правило то, чтобы охотникъ не бросался раньше времени на подходящее животное; иначе оно замѣтитъ его издали и тогда охотникъ уже болѣе не будетъ въ состояніи догнать спасающееся животное. Если за оленемъ гонятся долгое время, то онъ, подобно нашей лани, часто дѣлаетъ прыжки въ сторону, чтобы отвлечь собакъ отъ слѣдовъ, и наконецъ, нагнувшись, прычется въ такомъ

Пампасовый олень. *Cariacus campestris*. $\frac{1}{12}$ наст. вел.

мѣстѣ, гдѣ находятъ высокую траву. Въ случаѣ опасности онъ обнаруживаетъ храбрость и отъ людей и собакъ защищается рогами или ударами переднихъ ногъ. Если ѣхать осторожно по пампасамъ, то иногда также удается съ лошади застрѣлить этого оленя въ тотъ моментъ, когда онъ вскакиваетъ на ноги. Исключая человѣка, опаснымъ врагомъ этой дичи является только пума. Мясо молодыхъ животныхъ приятно, мясо старыхъ самокъ нѣсколько жестко, а мясо самцовъ, изъ-за запаха, совершенно несъедобно. Кожу отдѣлываютъ и употребляютъ на чапراки и одѣяла.

* *

Въ южной Америкѣ живутъ нѣсколько маленькихъ оленей, которые также составляютъ особый подродъ, потому что рога самцовъ состоятъ только изъ двухъ ство-

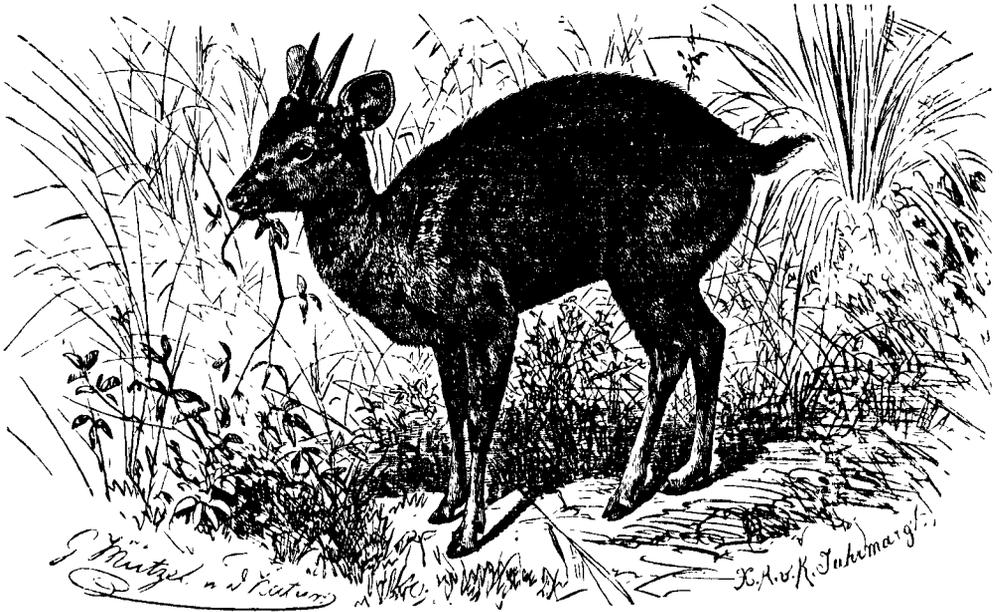
ловъ безъ развѣтвленій. Ихъ называютъ **Копьерогими оленями** (*Coassus*) и ихъ можно узнать по маленькому росту и стройному тѣлосложенію; рога ихъ состоятъ изъ двухъ короткихъ, иногда едва замѣтныхъ отростковъ, растущихъ почти параллельно одинъ другому, и направленныхъ вѣсь къверху и назадъ; у основанія они довольно толсты, затѣмъ постепенно суживаются и оканчиваются остриемъ; поверхность ихъ покрыта морщинистыми бороздками. У этихъ оленей довольно длинный, густо обросшій волосами хвостъ, маленькія слезныя ямочки, пучокъ волосъ на лбу и кисточки волосъ на внутренней сторонѣ ступней. Какъ у самца, такъ и у самки въ молодости есть клыки, которые впоследствии выпадаютъ.

Бразильская Косуля или **Гуазупита** (*Cariacus (Coassus) rufus*, *Subulo rufus*, *Cervus rufus*, *simplicicornis* и *dolichurus*. *Rotspiesshirsch*. *Gouazou—Pita*), самый большой видъ этой группы, крупнѣе ростомъ нашей косули и достигаетъ почти величины годовалой самки лани; длина ея 1,1 м., длина хвоста 10—11 см., высота рога 7 см., высота въ плечахъ 60 см. Туловище у нея продолговатое, шея короткая и стройная, голова короткая, спереди очень узкая, уши довольно большія, но не особенно длинныя, глаза маленькіе и живые, слезныя ямочки едва замѣтны, ноги высокія, стройныя и очень красиваго сложенія. Гладкая и плотно прилегающая шерсть свойствомъ своимъ напоминаетъ мѣхъ нашей косули. На головѣ и на ногахъ онъ очень коротокъ, хотя довольно густъ; на лбу онъ поднимается въ видѣ небольшой челки. Общая окраска волосъ желтовато-буро-сѣрая; мѣсто между глазами, лобъ и темя темно-буро-сѣраго цвѣта, который на нижней сторонѣ шеи, груди и брюха переходитъ въ сѣрый. Внутренняя сторона ногъ бѣлая, хвостъ сверху желтовато-бурый, а снизу бѣлый.

Бразильскія косули живутъ въ довольно большомъ количествѣ въ Гвианѣ, Бразиліи, Перу и Парагваѣ. Онѣ встрѣчаются какъ въ равнинахъ, такъ и въ горахъ, поднимаясь даже на высоту 5000 м. надъ уровнемъ моря. Мѣстомъ ихъ пребыванія служатъ лѣса и низкіе кустарники. Въ низменныхъ мѣстахъ онѣ предпочитаютъ тѣнистые, густые первобытные лѣса, въ гористыхъ странахъ отдѣльные кусты; пампасовъ онѣ избѣгаютъ. Днемъ онѣ спокойно лежатъ въ густомъ кустарникѣ; съ закатомъ солнца отправляются пастись на опушку лѣса. Онѣ иногда пощипываютъ и оцусошаютъ близъ лежащія плантаціи, но въ большинствѣ случаевъ довольствуются кормомъ, который растетъ въ лѣсу. На воздушныхъ мѣстахъ онѣ преимущественно ощипываютъ молодые побѣги арбузовъ, проростающій майскъ, молодую капусту, а прежде всего бобы. Такимъ образомъ онѣ до разсвѣта странствуютъ взадъ и впередъ, послѣ чего снова возвращаются въ лѣсъ. Эти олени всегда встрѣчаются по-одиночкѣ и попарно, но никогда не стадами. Оба пола живутъ дружно и вмѣстѣ воспитываютъ дѣтенышей и заботятся о нихъ. Самка большей частью въ декабрѣ или январѣ рождаетъ обыкновенно только одного дѣтеныша. Теленокъ уже на 3—5-й день послѣ рожденія слѣдуетъ за матерью на всѣхъ ея прогулкахъ; сначала онъ бѣжитъ рядомъ съ ней, а потомъ забѣгаетъ впередъ. Въ минуту опасности онъ прячется въ кусты, а мать спасается бѣгствомъ. Животныя эти бѣгаютъ быстро, но они не выносливы; и потому ихъ можно на хорошихъ лошадяхъ скоро утомить, догнать и овладѣть ими съ помощію лассо. Хорошія собаки въ не очень густомъ лѣсу могутъ догнать самаго крупнаго оленя этого вида въ какіе-нибудь полчаса. Туземцы нерѣдко ловятъ телятъ, чтобы приручить ихъ. Ихъ, однако, надо держать на привязи или въ заперти, иначе они часто причиняютъ большой вредъ плантаціямъ. Въ молодости они доврчивы и послушны, но когда становятся старше, то дѣлаются злыми; не только самцы, но и самки бросаются на человѣка. Олени эти, пойманные въ молодости, сначала очень привязываются къ своему дому, но впо-

слѣдствіи все больше и больше удаляются отъ жилища и наконецъ совсѣмъ перестаютъ возвращаться, хотя и не совершенно забываютъ свое старое мѣстожительство. Ренгеръ видѣлъ, какъ одинъ олень, преслѣдуемый нѣсколькими собаками, искалъ убѣжища въ своемъ хлѣвѣ, изъ котораго убѣжалъ 10 мѣсяцевъ назадъ.

Я довольно продолжительное время воспитывалъ самку, которая была чрезвычайно милое, красивое животное. Она, должно быть, провела всю молодость въ обществѣ людей, по крайней мѣрѣ она выказывала ко всѣмъ людямъ довѣрчивость и привязанность. Я могъ ее трогать, гладить, поднимать, уносить, безъ малѣйшей попытки съ ея стороны убѣжать или оказать противодѣйствіе. За всѣ оказанныя ей ласки она лизала ласкающую руку или лицо своихъ друзей. Съ другими оленями она ладила прекрасно, и вообще была миролюбивое, кроткое, даже нѣжное созданіе. Она, очевидно, страдала отъ суроваго климата сѣверной Германіи, но, впрочемъ,

Бразильская косуля. *Cariacus rufus*. $\frac{1}{10}$ наст. велич.

легче переносила холодъ, нежели я ожидалъ; дождя она не боялась, напротивъ того, частенько сильно промокала. Зато она никогда не валялась въ лужахъ и питала отвращеніе къ грязи. Она боязливо избѣгала холоднаго вѣтра и отъ него всегда спасалась въ свой хлѣвъ. Она рѣдко щипала траву въ своей оградѣ и, вѣроятно по привычкѣ, предпочитала сухую пищу, прежде всего хлѣбъ и сухари.

Охота за бразильскими косулями очень проста. Ихъ травятъ собаками, или-же охотникъ стрѣляетъ ихъ изъ засады, что обѣщаетъ больше всего успѣха. Кромѣ человѣка на нихъ охотится всякаго рода хищные звѣри. Кожа ихъ употребляется только на чапراки, мясо ихъ всѣ ѣдятъ охотно.

* * *

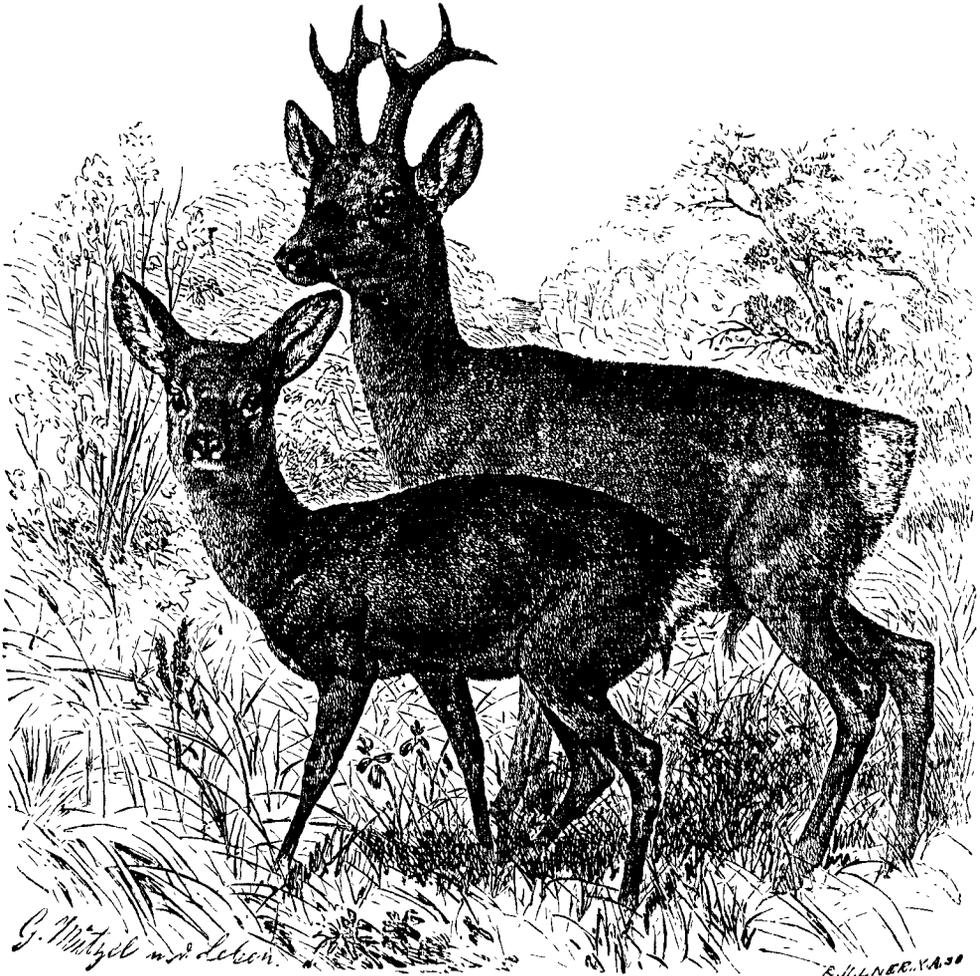
Косуля является представителемъ особаго рода (*Capreolus*), отличительные признаки котораго составляютъ закругленные, мало развѣтвленные, вилообразные шершавые рога, часто покрытые красивыми бугорками и лишенные надглазыхъ вѣтвей. Зубная система состоитъ изъ 32 зубовъ, такъ какъ клыки отсутствуютъ или вѣтрѣаются лишь весьма рѣдко.

Косуля европейская, Дикая коза русскихъ охотниковъ (*Capreolus caprea*, *Servus pygargus* и *capreolus*, *Capreolus vulgaris* и *pygargus*. Reh. Chevreuil) достигаетъ 1,3 м. въ длину и 75 см. въ вышину у крестца; неразвитый хвостикъ едва достигаетъ 2 см. длины. Самецъ вѣситъ 20—25, а въ рѣдкихъ случаяхъ даже до 30 кгг; самка вѣситъ меньше. Сравнительно съ благороднымъ оленемъ косуля болѣе плотнаго сложенія, голова у нея короткая и притупленная, шея стройная и длиннѣе головы, туловище относительно не очень стройное, спереди толще, нежели сзади, спина почти прямая, холка ниже крестца. Ноги у нея высокія, стройныя, копыта маленькія, узкія и острыя, глаза большіе и живые, верхнія рѣсницы длинныя; — слезныя ямочки у нея очень маленькія и, собственно говоря, только слабо намѣчены, такъ какъ онѣ образуютъ длинныя, неглубокія, голыя, трехугольныя впадины, длиною не болѣе 6 м. Уши средней величины и находятся на далекомъ разстояніи другъ отъ друга. Рога отличаются широкими дудками и относительно толстыми стволами, усѣянными сильно выдающимися шаровидными бугорками. Стволъ роговъ обыкновенно имѣетъ только двѣ вѣтви; этимъ однако не ограничивается развитіе, котораго могутъ достигнуть рога у косули. «Счетъ вѣтвей у роговъ, по охотничьему правилу» говоритъ Блазіусъ, «не можетъ точно выразить естественный законъ постепеннаго развитія роговъ. Съ зоологической точки зрѣнія имѣетъ значеніе не столько число вѣтвей, сколько общая форма роговъ, въ связи съ которой число вѣтвей приобретаетъ нѣкоторое значеніе.

Въ первую зиму у годовалаго самца вырастаютъ неразвѣтвленные тонкіе рожки съ едва замѣтнымъ круговымъ утолщеніемъ у основанія ствола; у двухъ-годовалого стволъ развѣтвляется приблизительно посрединѣ. Главная вѣтвь идетъ отъ развѣтвленія подъ угломъ назадъ, а вторая впередъ. Кольнообразный изгибъ главнаго ствола гораздо важнѣе присутствія передней вѣтви; и самца можно принять за двухъгодовалого, если у роговъ его существуетъ этотъ изгибъ, а нѣтъ передней вѣтви. У трехъгодовалого самца изогнутая назадъ главная вѣтвь дѣлится вторично и послѣ развѣтвленія снова изгибается напередъ, между тѣмъ какъ передняя вѣтвь направлена кончикомъ назадъ. Второй кольнообразный изгибъ характеризуетъ трехъгодовалого самца, и оленя по возрасту и рогамъ можно считать трехъгодовалымъ, если главные стволы его роговъ имѣютъ оба кольнообразныхъ изгиба, даже если другихъ вѣтвей и нѣтъ. Развитіемъ этихъ трехъ вѣтвей обыкновенно заканчивается ростъ роговъ, такъ какъ при послѣдующихъ смѣнахъ у самца повторяется то же самое число вѣтвей, но иногда рога еще усложняются. У четырехъгодовалого самца одна изъ двухъ вѣтвей выше второго развѣтвленія или изгиба дѣлится снова и образуетъ боковой отростокъ. Рога съ пятью вѣтвями, это высшая степень развитія головного украшенія косули, которая мнѣ извѣстна. Рога такой формы мнѣ извѣстны лишь изъ Сирміи и Кроаціи. На рогахъ косули часто развиваются на внутренней сторонѣ главнаго ствола подъ направленною впередъ среднею вѣтвью по необыкновенно большому бугорку съ каждой стороны. Бугорокъ этотъ достигаетъ иногда до 25 м. м. въ длину и можетъ тогда по охотничьи считаться за вѣтвь».

Всякаго рода аномаліи роговъ встрѣчаются у косулей необыкновенно часто. Въ коллекціяхъ можно видѣть рога самыхъ странныхъ формъ: одни изъ нихъ имѣютъ цѣлый рядъ настоящихъ, съ охотничьей точки зрѣнія, вѣтвей, другіе лопатообразно сплюснены и усажены отростками по краямъ. Встрѣчаются самцы съ тремя рогами и тремя дудками, или съ одною дудкою и однимъ простымъ рогомъ, наконецъ такъ называемые париковые рога (*Perückengehörn*), которые состоятъ изъ большого числа округленныхъ шишекъ, но вѣтвей не имѣютъ. У очень

старыхъ самокъ иногда также появляются короткія дудки на лбу и вырастаютъ небольшіе рога. Радде получилъ изъ Саянскихъ горъ одинъ рогъ, который росъ у самки по срединѣ лба. На нихъ имѣются 4 довольно длинныя, выходящія изъ одного и того же основанія вѣтви, расходящіяся въ два противоположныхъ направленія. Блокъ сообщаетъ мнѣ про другіе такіе рога, что они состояли изъ двухъ стволовъ около 5 см. длиною и могли обмануть даже стараго охотника, который принялъ эту косулю за самца и убилъ.

Косуля европейская. *Capreolus caprea*. $\frac{1}{12}$ наст. вел.

Густая шерсть косули измѣняется смотря по времени года, причеъ, какъ мнѣ кажется, лѣтомъ развиваются только волоса ости, а зимою исключительно подшерстокъ, какъ это бываетъ у оленя. Волоса ости коротки, упруги, жестки и круглы, подшерстокъ-же длинный, волнистый, мягкій и ломкій, и совершенно иначе окрашенъ, нежели ость. Верхняя и наружная части туловища лѣтомъ бывають темно-рыжаваго цвѣта, зимою буро-сѣраго, нижняя и внутренняя сторона конечностей окрашены всегда свѣтлѣе. На лбу и на переносицѣ примѣшивается черно-бурый цвѣтъ, по обѣимъ сторонамъ головы и надъ глазами рыжевато-желтый; подбородокъ, нижняя челюсть и маленькое пятнышко по обѣ стороны верхней губы имѣють бѣлую

окраску; за серединой нижней губы выступает маленькое бурое пятнышко. Наружная часть ушей немного темнѣе остального туловища, внутри они покрыты желтовато-бѣлыми волосами. Задъ и задняя часть бедеръ рѣзко отличаются своей свѣтлой окраской; лѣтомъ они желтоватаго, а зимою бѣлаго цвѣта. У телятъ на красноватой основной окраскѣ выступаютъ рядами маленькія, кругловатыя, бѣлыя или желтоватыя пятна. Въ нѣкоторыхъ странахъ встрѣчаются отступленія отъ этой окраски, которыя передаются нѣсколькимъ поколѣніямъ, встрѣчаются черныя, бѣлыя, пятнистыя и серебристаго цвѣта косули.

Относительно косули у нѣмцевъ существуетъ такое-же множество специально охотничьихъ терминовъ, какъ и относительно оленей; перечисленіе ихъ не представляеть интереса для русскихъ читателей, такъ какъ соотвѣтствующихъ русскихъ терминовъ не существуетъ.

За исключеніемъ самыхъ сѣверныхъ странъ, косуля распространяется по всей Европѣ и по большей части Азіи. Въ настоящее время она еще живетъ въ Германіи, Италіи, Испаніи, Португаліи, Франціи, Бельгіи, Голландіи, Англии и Шотландіи, Венгріи, Галиціи, Трансильваніи, по низовьямъ Дуная, въ южной части Швеціи, въ Польшѣ, въ Литвѣ и во всей сѣверной Россіи; въ Турціи и Греціи встрѣчается рѣдко, но снова появляется въ Крыму, на Кавказѣ, въ Арменіи, Малой Азіи, Палестинѣ и Персіи; она встрѣчается также въ средней и южной частяхъ Сибири, въ мѣстахъ, покрытыхъ лѣсами, далѣе на востокъ до устьевъ Амура, и на югъ до высокихъ горъ средней Азіи; но въ голыхъ безлѣсныхъ высокихъ степяхъ попадаетъ лишь рѣдко и только отдѣльными экземплярами. Въ Швейцаріи она истреблена вовсе, за исключеніемъ отдѣльныхъ небольшихъ стадъ, а тамъ, гдѣ встрѣчается, она не уходитъ высоко на горы, между тѣмъ какъ на Кавказѣ поднимается на высоту 2000 м., а въ горахъ южной Сибири даже на высоту 3000 м. Возможно, что азиатскую косулю, какъ особый, болѣе крупный видъ (*Capreolus Pygargus*) слѣдовало бы отдѣлить отъ европейской, и что косуля Манчжуріи представляеть собой разновидность послѣдней (*C. pygargus mandchuricus*): между тѣмъ Брокке получилъ съ Эльбруса на Кавказѣ косулю, ничѣмъ не отличающуюся отъ европейскихъ экземпляровъ. Въ общемъ можно сказать, что внутри своей области распространения косуля водится, какъ въ большихъ лѣсахъ, такъ и въ молодыхъ рощахъ и поросляхъ, если они только изобилуютъ кустарникомъ, причемъ безразлично, расположены-ли эти лѣсныя пространства въ гористыхъ мѣстностяхъ или въ равнинахъ, состоятъ ли они изъ хвойнаго или изъ лиственнаго лѣса. Послѣдніе, особенно если они растутъ на болотистой почвѣ, повидимому, въ особенности нравятся косуль. Зимой она съ высотъ спускается въ долины, лѣтомъ-же поднимается еще выше. Въ Сибири она ведетъ всюду довольно правильную кочевую жизнь, когда ей становится трудно или невозможно перезимовать на своихъ лѣтнихъ стоянкахъ. Нѣчто подобное можно встрѣтить уже въ нашихъ высокихъ и среднихъ горахъ, съ тою только разницею, что здѣсь эти странствованія не простираются на столь большія пространства. Въ Сибири косуля съ наступленіемъ холоднаго времени года непременно покидаетъ мѣста своего лѣтняго пребыванія, собирается въ многочисленныя стада и тогда уже окончательно избѣгаетъ горъ, чтобы провести зиму въ лѣсахъ равнины. При этомъ она иногда сходится съ зобастой антилопой, которая, собственно говоря, ведетъ образъ жизни, совершенно противоположный образу жизни косули.

Странствованія эти начинаются тотчасъ послѣ течки и, строго говоря, продолжаются всю зиму; между тѣмъ съ наступленіемъ оттепели начинается постепенное передвиженіе въ горы. Въ Сибири косуля какъ лѣтомъ, такъ и зимою

избѣгаетъ чистаго чернолѣся, зато предпочитаетъ низкія части долинъ, плоскія предгорья, невысокіе и не очень густо заросшіе лѣсомъ холмы, или держится въ густомъ кустарникѣ альпійскаго пояса, избирая здѣсь для своего мѣстопробыванія по преимуществу чащу дубовъ, сосенъ и сибирской ели.

Въ Германіи она охотно живетъ въ предлѣсахъ, даже въ такихъ, которыя почти не соединены со сплошными лѣсными пространствами; нерѣдко держится она среди обширныхъ луговъ, а въ началѣ лѣта иногда даже совершенно удаляется на поля и ложится днемъ въ высокіе хлѣба. Осѣдлой дичью, въ строжайшемъ смыслѣ слова, она является только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ она чувствуетъ себя вполне безопасною; но и отсюда она охотно предпринимаетъ отдѣльныя прогулки, или съ цѣлю найти извѣстнаго рода кормъ, или для того, чтобы отыскать своихъ товарищей. Она во всѣхъ отношеніяхъ дорожитъ свободою больше оленя и несравненно больше лани, въ особенности-же любитъ она перемѣну мѣста, корма и даже общества. Она не только разборчива, но положительно капризна; сегодня ей правится здѣсь, завтра тамъ, при случаѣ она переноситъ всевозможныя безпокойства, а иногда опять-таки эти безпокойства ей до того непріятны, что она совершенно покидаетъ мѣстность.

Движенія косули проворны и граціозны. Она можетъ производить удивительно большіе дугообразные прыжки и безъ замѣтныхъ усилій прыгаетъ черезъ широкіе рвы, высокіе заборы и кусты, плаваетъ и лазаетъ она также хорошо. Она прекрасно слышитъ, чувствуетъ и видитъ; она хитра, осторожна, но притомъ и очень довѣрчива. «Каждый взглядъ ея выражаетъ ласку и довѣрчивость», говоритъ Дитрихъ Винкель, «тѣмъ не менѣе она ручиѣтъ только въ томъ случаѣ, если воспитана человѣкомъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ; въ противномъ случаѣ она, даже при самомъ лучшемъ уходѣ, сохраняетъ свойственную ей въ дикомъ состояніи робость и боязнь передъ людьми и животными. Боязнь эта доходитъ до того, что въ минуту опасности она иногда не только издаетъ отрывистый крикъ испуга, но часто даже должна отказаться отъ попытки спастись бѣгствомъ, такъ какъ она легко теряетъ всякую способность бѣжать, и тогда, боязливо топчась на одномъ мѣстѣ, нерѣдко становится жертвою простыхъ, совсѣмъ не быстрыхъ крестьянскихъ собакъ и въ особенности хищныхъ звѣрей. Только въ такихъ паркахъ, гдѣ мало стрѣляютъ и никогда не безпокоятъ косуль, онѣ настолько перестаютъ бояться человѣка, что, не смущаясь, продолжаютъ пастись и тогда, когда человѣкъ проходитъ мимо нихъ не дальше, какъ на разстояніи 20—30 шаговъ. Ни одну дичь нельзя чаще застать въ логовищѣ, какъ косулю: должно быть, она или спитъ, или-же, если не спитъ, а легла только для того, чтобы пережевывать жвачку, то подъ густымъ кустомъ или въ высокой травѣ чувствуетъ себя достаточно безопасной отъ бдительныхъ взоровъ своихъ преслѣдователей».

Что касается «ласковости и довѣрчивости», которую превозноситъ Винкель, то при болѣе близкихъ сношеніяхъ съ косулей эти качества далеко не оправдываются. Въ молодости она дѣйствительно очень мила, но въ старости очень своенравна, упряма и зла. Даже старая самка, и та имѣетъ свои причуды, но у нея недостаетъ силы для того, чтобы по желанію выразить свои намѣренія; но самецъ—неуживчивое, злое, властолюбивое животное; съ болѣе слабыми и нерѣдко даже съ самкой онъ обращается ужасно, безъ всякой жалости истязаетъ своихъ дѣтенышей, если только ему кажется, что они мѣшаютъ его похотливости, подставляетъ рога всѣмъ животнымъ, которыхъ ему нечего бояться, или которыя болѣе не пугаютъ его, и можетъ наносить очень опасныя раны. Ему никогда не слѣдуетъ довѣряться, потому что онъ въ высшей степени непостоявенъ и измѣнчивъ; его раз-

дражительность необыкновенно велика, а также нельзя не упомянуть и об его настойчивости. Онъ не способенъ на истинную привязанность, преданность или самопожертваніе; въ опасности онъ первый не безъ замѣчательной хитрости и лукавства старается убѣжать; ему и въ голову не приходитъ защитить самку или дѣтеныша. Онъ не всегда, но часто лжетъ къ обоимъ, но врядъ ли изъ истиннаго расположенія, а главнымъ образомъ изъ любви къ обществу и удобству, такъ какъ онъ знаетъ, что осторожная самка постоянно заботится о безопасности своего теленка, и этимъ пользуется. Онъ, собственно говоря, даже во время течки не выказываетъ самкѣ ни любви, ни нѣжности; главная черта всего его существа—это исключительно похотливость и эгоизмъ. Косули никогда не образуютъ такихъ большихъ стадъ, какъ олени. Большую часть года онѣ живутъ семейей, одинъ самецъ съ одной, рѣдко съ 2—3 самками и ихъ дѣтенышами. Стада въ 12—15 экземпляровъ можно видѣть только тамъ, гдѣ недостаетъ самцовъ. Самецъ, вѣроятно только тогда разстается съ самкой, когда другой самецъ, помоложе его, занимаетъ его мѣсто, и онъ, озлобленный, считаетъ нужнымъ уединиться въ глушь. Это главнымъ образомъ происходитъ раннимъ лѣтомъ, но продолжается не дольше какъ до течки. Тогда онъ съ безпокойствомъ бродитъ взадъ и впередъ, чтобы отыскать молодыхъ самокъ. Послѣ спариванія, онъ обыкновенно остается при самкѣ; когда-же эта самка уже беременна, то онъ ищетъ себѣ другую, которая до слѣдующей весны и остается его любимой подругой. Зимой иногда сходятся нѣсколько семействъ и довольно долгое время живутъ вмѣстѣ. Телята до слѣдующаго періода течки остаются со взрослыми косулями, затѣмъ выгоняются ими и часто образуютъ самостоятельныя стада. Днемъ косуля остается въ одной изъ спокойныхъ частей своего временнаго мѣстопребыванія, представляющаго вѣрное убѣжище; подъ вечеръ, въ спокойныхъ мѣстностяхъ, въ поздніе послѣобѣденные часы она отправляется пасть въ молодые кустарники, лѣсныя поляны и луга, или на поля; подъ утро она снова возвращается въ чащу лѣса или высокіе хлѣба, передними ногами разрываетъ мохъ или дернъ и такимъ образомъ устраиваетъ себѣ постель или логовище для отдыха. Она держится, хотя и не постоянно, извѣстныхъ тропинокъ.

Бдять онѣ почти то-же самое, что и благородные олени; но лакомая косуля избираетъ болѣе нѣжныя растенія. Кормъ ея состоитъ главнымъ образомъ изъ листьевъ, молодыхъ побѣговъ разнообразнѣйшихъ листовыхъ деревьевъ, изъ почекъ хвойныхъ деревьевъ, незрѣлыхъ посѣвныхъ злаковъ и разныхъ травъ. Въ Германіи она питается какъ листьями и молодыми побѣгами дуба, вяза, березы, осины, бѣлаго бука, остроалчататаго клена, такъ и нѣжными вѣтвями хвойныхъ деревьевъ, въ особенности-же сосны; она также питается сурѣницей (рапсомъ), пшеницею, рожью, ячменемъ, овсомъ, горохомъ, капустой и клеверомъ, всевозможными травами, также желудями и другими древесными плодами. Въ Сибири, кромѣ этихъ и имъ подобныхъ видовъ растеній она также ѣстъ побѣги полыни, лапчатки (*Potentilla*) и др. Она очень охотно лижетъ соль, а чистая вода для нея необходима; но въ дождь или сильную росу она довольствуется находящимися на листьяхъ каплями. Она иногда забѣгаетъ и въ сады, вкусныя овощи которыхъ ей нравятся, и при этомъ смѣло и ловко перепрыгиваетъ черезъ довольно высокіе заборы.

Отъ оленя косуля отличается тѣмъ, что она не вырываетъ картофеля и не мнетъ такъ много хлѣба на поляхъ, ложась въ него; зато она въ лѣсахъ и садахъ обгладываетъ молодыя деревья и этимъ причиняетъ ощутительный вредъ.

По странному стеченію обстоятельствъ исторія размноженія косули стала извѣстна лишь въ новѣйшее время. Много лѣтъ подъ рядъ происходили споры о томъ,

когда именно настаётъ время течки у косули. Различали настоящую и ложную течку; полагали, что первая происходитъ въ августѣ, а вторая въ ноябрѣ. Исторія размноженія косули въ короткихъ словахъ слѣдующая: послѣ того, какъ сброшенные взрослымъ самцомъ въ октябрѣ или ноябрѣ рога образовались и развѣтвились снова, а самецъ также содралъ съ нихъ кожу, что обыкновенно происходитъ въ концѣ марта, самое позднее въ апрѣлѣ, онъ уже становится не такимъ безобиднымъ, какимъ былъ въ то время, когда былъ обезоруженъ. Но все-таки онъ еще не находится въ возбужденномъ состоянii, ведетъ себя скорѣе какъ сносный сожитель самки и даже иногда, какъ заботливый отецъ, принимаетъ участiе въ уходѣ за своими и чужими дѣтенышами. Въ половинѣ iюля эти прекрасныя отношенiя прекращаются. Имъ овладѣваетъ безпокойство, страсть къ борьбѣ и дракѣ; сильный самецъ во всякомъ случаѣ разстается съ своими прежними сожителями, рыщетъ въ окрестностяхъ на далекое разстоянiе, угрожающимъ образомъ идетъ на встрѣчу другимъ самцамъ, довольно часто подаетъ голосъ, издавая глухой, отрывистый звукъ, «бэ, бэ» или «бе, бе, бе», и начинаетъ гоняться за молодыми, хотя очень возбужденными, но стыдливими самками, т. е. съ горячностью гоняетъ ихъ взадъ и впередъ. Его возбужденiе возрастаетъ съ каждымъ днемъ; онъ часто съ безумнымъ ожесточенiемъ дерется съ своимъ соперникомъ, нападаетъ и на другихъ животныхъ, въ рѣдкихъ случаяхъ даже на людей, истязаетъ, даже убиваетъ телятъ, какъ скоро ихъ присутствiе ему кажется номѣхой. и бѣшено и безпощадно обращается съ самками, которыя не тотчасъ подчиняются его волѣ. Его ревность и драчливость доходитъ до того, что онъ изъ-за соперника обыкновенно оставляетъ въ сторонѣ желанную красавицу и, не обращая на нее больше никакого вниманiя, ожесточенный и жаждущiй боя, бросается на самцовъ, которые, какъ и онъ, гонятся за самками. Эти послѣднiя, почти столько-же возбужденныя, какъ и онъ, соответствующимъ образомъ выражаютъ свои чувства, обращая на себя вниманiе самца, и приглашая его къ себѣ рѣзкимъ звукомъ, который звучитъ какъ «i, i, ie, ie, i, ie». Молодой самецъ съ горячностью, не задумываясь, спѣшитъ на этотъ зовъ, болѣе старшiй идетъ осторожнѣе, совсѣмъ старшiй, опытный подходитъ крадучись, какъ лиса, чтобы потребовать дань любви. Старая самка, большей частью, немедленно удовлетворяетъ его: годовалая-же, напротивъ, сопротивляется буйному ухаживателю и долгое время заставляетъ гоняться за собой; ея большей частью овладѣваетъ сильный страхъ, который она выражаетъ звуками «i, ia, ia, ia», но въ концѣ концовъ она также подчиняется волѣ самца. Такъ какъ, достигнувъ извѣстнаго возраста, этотъ послѣднiй всегда гонится за молодыми самками, а старыхъ оставляетъ болѣе или менѣе безъ вниманiя, то молодые самцы обыкновенно довольствуются послѣдними. Если въ какомъ-нибудь районѣ, который-нибудь полъ преобладаетъ, то та часть, которая не добилась случки, выселяется для того, чтобы искать счастья въ другомъ мѣстѣ. Оплодотворенное яичко, какъ доказано уже съ неопровержимой достовѣрностью изслѣдованiями обергермейстера фонъ-Фельдгейма, а также Поккеля, Циглера и Бишофа, около 4 мѣсяцевъ, а именно до половины декабря остается въ совершенно неразвитомъ состоянii, но затѣмъ, съ необыкновенною быстротою, начинаетъ правильно развиваться, пока зародышъ, въ маѣ или iюнѣ, не достигнетъ совершенной зрѣлости. Слѣдовательно косуля бываетъ беременна также приблизительно 40 недѣль и, сколько извѣстно, отличается отъ другихъ своихъ родичей исключительно лишь тѣмъ, что зародышъ необыкновенно долгое время пребываетъ въ одномъ и томъ-же состоянii. Хотя послѣднее можно считать общимъ правиломъ, однако и тутъ встрѣчаются исключенiя, а именно можетъ случиться, что самка оплодотворяется нѣсколькими недѣлями позже, а рождаетъ все-

таки во время. Напримѣръ, у плѣнныхъ самокъ, которыя не могли сойтись съ самцомъ во время течки и снривались лишь позднею осенью (при особенно благоприятныхъ обстоятельствахъ, и въ видѣ исключенія, еще и въ это время наступаетъ течка) онѣ также оплодотворяются и производятъ на свѣтъ своего теленочка едва-ли позже другихъ самокъ. Объ этой запоздалой течкѣ до меня съ разныхъ сторонъ дошли сообщенія, на столько совпадающія между собой, что я не имѣю права больше сомнѣваться въ вѣрности этихъ наблюденій. Тѣ наблюденія, которыя производились мною на пойманныхъ косуляхъ, я не стану переносить на косуль, живущихъ на волѣ, но долженъ однако замѣтить, что и между этими послѣдними дѣйствительно наблюдалось оплодотвореніе въ октябрѣ и ноябрѣ. Дня 4 или 5 передъ родами самка прискиваетъ себѣ спокойное мѣсто, по возможности въ самой уединенной части лѣса и тамъ рождаетъ своихъ телятъ. Самки, которыя помоложе, обыкновенно рожаютъ только одного теленка, тѣ, которыя постарше, имѣютъ двухъ, въ рѣдкихъ случаяхъ даже трехъ. Мать съ заботливостью прячетъ своихъ дѣтенышей отъ каждаго приближающагося врага, и, предчувствуя малѣйшую опасность, предупреждаетъ ихъ знаками, топая одной ногой или издавая отрывистый звукъ, похожій на чириканье. Въ самой ранней молодости телята припадаютъ къ землѣ, какъ только слышатъ этотъ звукъ: впоследствии они спасаются съ матерью. Въ первые дни жизни телятъ, когда они еще слишкомъ безпомощны, самка прибѣгаетъ къ притворству и старается отвлечь отъ нихъ вниманіе врага. Если-же она не могла воспрепятствовать тому, чтобы у нея похитили дѣтеныша, то она слѣдуетъ за похитителемъ, даже и за человѣкомъ, и выражаетъ свою озабоченность тѣмъ, что зоветъ ихъ и, не переставая, испуганно бѣгаетъ взадъ и впередъ. «Меня», говоритъ Дитрихъ Винкель, «эта материнская нѣжность не разъ доводила до того, что я снова возвращалъ свободу теленку, котораго уже вводилъ съ собою, и мать зато вполне награждала меня тѣмъ, что заботливо осматривала свое дѣтище, чтобы убѣдиться въ томъ, не причинили-ли ему какого-либо вреда. Она радостно прыгала вокругъ малютки, оказавшагося невредимымъ, и, казалось, осыпала его нѣжностями, точасъ предлагая ему сососать».

Приблизительно около 8-ми дней послѣ рожденія мать беретъ дѣтенышей съ собою на пастбище, а спустя 10—12 дней они уже достаточно сильны, чтобы бѣжать за ней. Тогда она возвращается съ ними на прежнее мѣсто, какъ-бы съ намѣреніемъ теперь представить отцу его потомство. Они сосутъ матку до августа, но уже на второмъ мѣсяцѣ отъ роду ѣдятъ мелкую зеленую траву. Мать приучаетъ ихъ выбирать подходящую пищу. Четырнадцать мѣсяцевъ отъ роду они достигаютъ половой зрѣлости.

Уже въ концѣ 4-го мѣсяца лобная кость образуетъ вынуклость; въ слѣдующія затѣмъ 4 недѣли образуются маленькія, постепенно возвышающіяся шишки, а въ зимніе мѣсяцы уже пробиваются первые рожки, длиною въ 8—10 см. Въ мартѣ молодой самецъ съ наслажденіемъ и гордостью сбрасываетъ кожу съ роговъ, а въ слѣдующемъ декабрѣ мѣсяцѣ онъ сбрасываетъ рога. Въ теченіи 3 мѣсяцевъ образуются вторые рога. Въ свое время они сбрасываются немного раньше, чѣмъ въ прошлую осень и замѣняются третьими. Старые самцы, какъ сказано, сбрасываютъ рога уже въ ноябрѣ.

За косулей охотятся почти такимъ-же способомъ, какъ и за другими оленями, хотя въ настоящее время, въ районахъ, гдѣ съ дичью обращаются не по-охотничьи, для истребленія ея больше пользуются дробовикомъ, нежели винтовкой. Опытные охотники во время течки приманиваютъ самца, подражая любовному призыву самки, и затѣмъ убиваютъ его. Въ Сибири на тропинкахъ косуль устраиваютъ волчьи ямы, травятъ ихъ собаками и на лошадахъ, когда снѣгъ, послѣ оттепели,

покрылся тонкимъ слоємъ льда, осторожно подбъзжаютъ къ нимъ въ саняхъ и убиваютъ ихъ; закалываютъ ихъ, когда онѣ переплываютъ рѣки во время своихъ странствованій; въ общемъ - же ведутъ неправильную охоту въ родѣ того, какъ нѣмецкіе браконьеры и крестьяне. Кромѣ человѣка коосулю преслѣдуютъ рысь, волкъ, дикая кошка и лисица; первые безъ различія преслѣдуютъ большихъ и малыхъ косуль, послѣдвія исключительно телятъ, которые иногда также дѣлаются жертвой крошечной кровожадной ласки. Польза, которую косуля приноситъ человѣку, довольно значительна; вредъ, который она причиняетъ, относительно невеликъ, но тѣмъ не менѣе больше, нежели приносимая ею польза. Она въ особенности безпощадно хозяйничаетъ въ молодыхъ лѣсахъ и въ теченіи нѣсколькихъ дней уничтожаетъ долготлѣтніе тщательные труды лѣсничихъ. Въ Германіи часто употребляютъ въ пищу прекрасное мясо ихъ; рога, кожа и мѣхъ также идутъ въ дѣло; въ Сибири изъ мѣха ихъ выдѣлываютъ шубы.

Какъ въ паркѣ, такъ и въ зоологическомъ саду или вообще въ болѣе тѣсномъ заключеніи коосулю труднѣе содержать, нежели другихъ оленей, потому что необузданный нравъ ея не терпитъ никакого принужденія. Если паркъ слишкомъ малъ, то она чахнетъ, постепенно слабѣетъ и наконецъ погибаетъ, даже и въ томъ случаѣ, если ее снабжаютъ соответствующимъ ея вкусу кормомъ. Въ зоологическихъ садахъ коосулю относятъ къ числу тѣхъ животныхъ, которыхъ трудно долго сохранить. Нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствительно процвѣтаютъ не только при опытномъ уходѣ знатока, но и при такихъ обстоятельствахъ, которыя должны привести въ изумленіе даже сторожа, такъ какъ онѣ собственно не пользуются никакимъ уходомъ; но эти послѣднія составляютъ исключеніе изъ общаго правила. Косуля оказывается очень разборчивымъ и капризнымъ животнымъ, которое трудно удовлетворить; она — избѣженное, слабое существо и потому далеко не всегда размножается въ неволѣ, и часто погибаетъ вслѣдствіе самой незначительной причины. Воспитанная съ молоду, она легко ручнѣетъ, дружится съ людьми и животными, ведетъ себя какъ настоящее домашнее животное и тогда доставляетъ большое удовольствіе. Но удовольствіе доставить можетъ лишь самка, а ни въ какомъ случаѣ не самецъ; послѣдній со временемъ выказываетъ свой настоящій нравъ, онъ дѣлается смѣль, назойливъ и нахаленъ, тогда какъ самка постоянно остается кроткой.

«У одного изъ моихъ братьевъ», говоритъ Дитрихъ Винкель, «была ручная самка, которой, повидимому, больше всего нравилось общество людей. Она часто лежала у нашихъ ногъ и охотно пользовалась позволеніемъ лежать на диванѣ рядомъ съ моей невѣсткой. Собака и кошка были ея сотоварищами. Если-же она чувствовала себя ими обиженной, то она жестоко наказывала ихъ ударами ногъ. Эта милая самка одна или съ нами, выходила гулять на свободѣ. Во время течки она обыкновенно нѣсколько дней и ночей проводила въ лѣсу, но не забывала изрѣдка на короткое время навѣщать своихъ благодѣтелей; затѣмъ, когда чувствовала себя въ послѣдней стадіи беременности, возвращалась домой и рождала во время. По телята, вскормленные материнскимъ молокомъ этой ручной косули, остались дикими и потому въ октябрѣ слѣдующаго года были выпущены на волю. Наша косуля покидала самца даже во время течки, когда хозяйнъ звалъ ее по имени, и слѣдовала за своимъ повелителемъ до опушки лѣса; но здѣсь она разставалась съ нимъ и подавала своему супругу обыкновенный призывный знакъ къ приближенію».

Поведеніе прирученныхъ самцовъ всегда отличается отъ поведенія самокъ. Врожденная имъ боязливость, благодаря привычкѣ, притушается; они знакомятся съ человѣкомъ и знаютъ, что ни онъ, ни собаки ничего не смѣютъ сдѣлать имъ, и становятся тогда не только нахальными, но даже опасными. Одинъ молодой

самецъ, котораго держалъ другъ моего отца, главный лѣсничій Гервартъ, забралъ себя въ голову, что собачья будка для него очень удобное помѣщеніе и залѣзалъ въ нее, когда только ему приходила фантазія. Если-же собака «Баско», о которой уже упоминалось раньше, лежала въ это время въ будкѣ, то самецъ храбро начиналъ бить сильнаго пса передними ногами, пока тотъ, поджавъ хвостъ, не покидалъ будки и не уступалъ мѣста своевольному нахалу. Умная собака очень хорошо знала, что не смѣетъ ни въ чемъ отказать любимцу своего хозяина, и, положительно, до смѣшнаго позволяла ему властвовать надъ собой. На болѣе старыхъ самцовъ дѣти ни подъ какимъ видомъ не должны смотрѣть какъ на товарищей своихъ игръ; они не боятся даже взрослыхъ людей, не говоря уже о женщинахъ и дѣтяхъ.

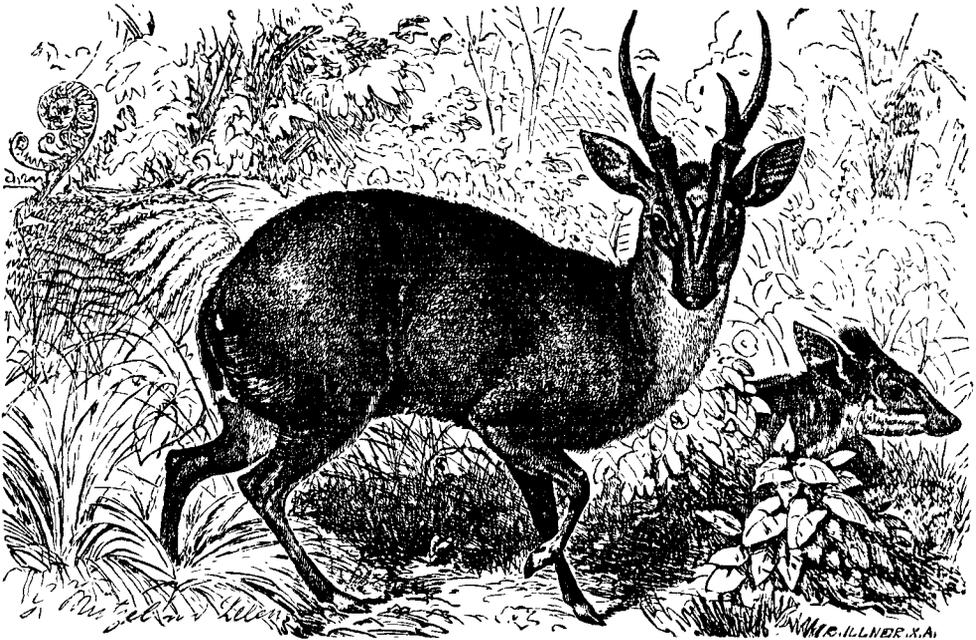
* *

Въ заключеніе бросимъ еще взглядъ на родъ **Мунджакъ** (*Cervulus*), которые отличаются своей незначительной величиной, очень короткими, мало развитыми рогами, поразительно длинными клыками, глубокими и широкими слезными ямками и недостаткомъ волосяной щетки на заднихъ ногахъ. Принадлежащіе сюда виды населяютъ южныя части материка Азіи, начиная отъ южнаго Китая, а также и близъ лежащіе острова.

Мунджакъ или **Кидангъ**, называемый англичанами *Ripgesicht*, въ Индіи—**Каку**, **Ратва**, **Каниури**, въ Бирмѣ—**Ги**, на Зундскихъ островахъ—**Кидангъ**, **Мунджакъ** и **Кидшангъ**, на Цейлонѣ—**Велли** и **Хуламуха** (*Cervulus muntjac*, *C. aureus*, *Cervus muntjac*, *moschatus* и *subcornutus*, *Prox* и *Stylocercus muntjac*. *Munt-Jack*), самый извѣстный видъ этого рода, нѣсколько меньше нашей косули; длина его достигаетъ отъ 115—120 см., изъ которыхъ 15—18 занимаетъ хвостъ, высота въ плечахъ 65—70 см. Животныя эти на югѣ Индіи, по словамъ Виктора Брооке, меньше ростомъ, чѣмъ на сѣверѣ, а самыя большія, кажется, водятся на Зундскихъ островахъ; по измѣреніямъ Кинлоха, оказывается, что у Гиммалайскихъ горъ высота въ плечахъ мунджака достигаетъ лишь 45 см. Мунджакъ довольно стройный, сильный олень, съ средней величины шейей, короткой головой, высокими и стройными ногами, средней длины хвостомъ и лохматымъ мѣхомъ; мѣхъ—короткій, гладкій и густой, шерсть—тонкая, блестящая и жесткая. Окраска тѣла на верхней сторонѣ—темно-желтовато-бурая, къ срединѣ спины—темнѣе и впадаетъ въ каштаново-бурый; на задней сторонѣ шеи—коричневаго цвѣта; на мордѣ—желто-бурая; вдоль передней стороны шероховатыхъ дудокъ замѣтны темно-бурыя полосы; наружная сторона ушей темно-желто-бурая, а внутренняя ихъ сторона, подбородокъ, горло, задняя часть живота и внутреннія стороны конечностей, заднія части щекъ и нижняя часть хвоста—бѣлыя; передняя часть живота и грудь желтѣе и по обѣимъ сторонамъ покрыты бѣлыми пятнами. Переднія конечности темно-бурыя, голени спереди—бѣлыя, сзади съ темными полосами; надъ черными копытами находится маленькое бѣлое пятно. Рога бѣловатые, впадающіе немного въ желтоватый цвѣтъ; но встрѣчаются и отклоненія отъ этой окраски. Рога сидятъ на очень длинныхъ шероховатыхъ дудкахъ и направляются косо назадъ, наклоняются сначала немного наружу и впередъ, затѣмъ къ концу вдругъ крючкообразно изгибаются назадъ и внутрь. Внизу рогъ образуетъ одинъ стволъ, затѣмъ замѣтна короткая, толстая, остроконечная надглазная вѣтвь, направляющаяся впередъ и вверхъ. Шероховатая дудка очень своеобразны; онѣ поднимаются на 8—10 см. вверхъ, покрыты густо заросшей волосами кожей, которая на верху около вѣнчика (*Rose*) образуетъ каемку изъ пучкообразно расположенныхъ волосъ, и оканчиваются очень

узкимъ вѣнчикомъ; состоящимъ изъ ряда большихъ шарообразныхъ желваковъ. Съ возрастомъ эти шероховатая дудки становятся толще, и количество желваковъ на нихъ увеличивается. На самыхъ рогахъ ясно замѣтны глубокия продольныя борозды, но бугорковъ нѣтъ; они достигаютъ, безъ высокихъ дудокъ, отъ 5—12 см. длины. У самки вмѣсто роговъ волосяной хохоль.

Мунджаки водятся на Суматрѣ, Явѣ, Борнео, Банкѣ и Малаккскомъ полуостровѣ, а также въ Бирмѣ, Хайнанѣ и Британской Индіи. По Жердону, они поднимаются въ Гиммалайскихъ горахъ почти до 3000 м. высоты и живутъ въ лѣсахъ, предпочитая холмистыя и гористыя страны. По Горсфилдуду, они выбираютъ для своего жительства извѣстныя мѣстности, къ которымъ такъ привязываются, что добровольно никогда ихъ не покидаютъ. Нѣкоторыя мѣста съ незапамятныхъ вре-

Мунджакъ. *Cervulus muntjac*. $\frac{1}{12}$ наст. вел.

мень считаются любимѣйшимъ убѣжищемъ этихъ оленей. Не особенно возвышенныя страны, въ которыхъ встрѣчаются то холмы, то долины, и главнымъ образомъ, которыя прилегаютъ къ подошвамъ самыхъ высокихъ горъ или приближаются къ большимъ лѣсамъ, соединяютъ, повидимому, въ себѣ всѣ подходящія условія для жизни этого животнаго. На Явѣ подобныя мѣстности часто встрѣчаются; ихъ покрываетъ тамъ высокая трава, кусты и средней величины деревья, которыя образуютъ группы и небольшія рощи, прерываемыя лишь узкими полосами обработанной земли. Здѣсь можно встрѣтить мунджака или по-одиночкѣ, или парами; болѣе двухъ вмѣстѣ встрѣчаются они такъ рѣдко, что Вадвинъ и особенно Макъ-Мастеръ сообщаютъ, какъ нѣчто необыкновенное, что они видѣли одинъ разъ четырехъ и другой разъ трехъ животныхъ вмѣстѣ. Кромѣ того, они больше всего любятъ богатая водою и не населенныя мѣста; животныя эти крадутся, какъ лиса, съ низконаклоненной головою, сквозь непроходимую чащу, между сломанными вокругъ деревьями и умѣютъ проворно пробираться черезъ самыя маленькія отверстія. Крикъ мунджака слышенъ какъ днемъ, такъ и ночью; это хриплый,

рѣзкій, звучный крикъ или лай, благодаря которому животное и получило разныя названія. Кинлохъ говоритъ, что голосъ этотъ необыкновенно громокъ для такого маленькаго животнаго и что иногда можно слышать въ продолженіи часа «лай» вспугнутаго мунджака. Течка бываетъ въ мартѣ и апрѣлѣ; продолжительность беременности еще не опредѣлена.

Жердонъ сообщаетъ еще, что языкъ мунджака чрезвычайно длиненъ, и онъ можетъ имъ облизывать всю переднюю часть головы. Уже Маркгамъ сообщаетъ, что у этого животнаго во время бѣга часто слышно замѣчательное хрустеніе или трескъ, точно двѣ подвижныя кости сильно ударяются одна о другую. Кинлохъ, который также слышалъ этотъ особенный звукъ, старался разыскать причину его. «Мнѣ не удалось», пишетъ онъ, «вполнѣ удивлительно разрѣшить эту загадку, но я думаю, что шумъ происходитъ или отъ стука челюстей другъ о друга, или отъ рѣзкаго хлопанья языка о небо. Во всякомъ случаѣ этотъ звукъ производить не удлиненные клыки самца, такъ какъ я слышалъ его и у самки, которую довольно долго держалъ рукою».

Туземцы Явы мало охотятся, по словамъ Горсфильда, на мунджака, но знатныя особы этой страны находятъ въ этой охотѣ большое удовольствіе. Мунджака оставляютъ за собой очень ясный слѣдъ, и потому собаки легко и вѣрно гонятся за нимъ. Если животное видитъ, что его преслѣдуютъ, то не пускается бѣжать далеко, какъ олень, а бѣжитъ сначала, какъ можно скорѣе, затѣмъ тише и осторожнѣе, описывая большію дугу, и постепенно снова возвращается на свое прежнее мѣсто. Туземцы, которые хорошо знаютъ его нравъ, утверждаютъ, что мунджака безсильное и лѣнивое животное. Если его нѣсколько разъ вспугнуть и онъ сдѣлаетъ нѣсколько такихъ круговъ, а преслѣдованіе не прекращается, то онъ наконецъ спрячется въ густой кустарникъ, лежитъ тамъ безъ движенія и не обращаетъ вниманія на приближеніе охотника, какъ-бы чувствуя себя въ полной безопасности. Если охотнику не удастся убить животное въ первый день, то стоитъ ему только возвратиться на слѣдующій туда-же, откуда онъ его сначала согналъ, и онъ навѣрно его найдетъ на томъ-же мѣстѣ. Многіе изъ богатыхъ людей на Явѣ, держатъ правильно выдрессированныя стаи собакъ, исключительно лишь для этой охоты. Какъ только собаки нападаютъ на слѣдъ звѣря, то горячо принимаются за преслѣдованіе; охотникъ можетъ тогда потихоньку за ними слѣдовать, такъ какъ онъ обыкновенно приходитъ еще во время на то мѣсто, гдѣ собаки и мунджака находятся въ жаркой схваткѣ. Мунджака очень смѣлое животное и очень ловко умѣетъ пользоваться своими рогами и клыками. Многія собаки бываютъ ранены, когда его схватываютъ, и получаютъ на затылкѣ и шеѣ или на животѣ глубокія раны, стоящія имъ жизни. Но не особенно живучій олень бываетъ все-таки убитъ или соединенными усиліями собакъ, или-же выстрѣломъ охотника.

На островѣ Банчка между двухъ близко стоящихъ деревьевъ, вѣшаютъ петлю и въ косомъ направленіи дѣлаютъ изъ деревьевъ двѣ стѣны; мунджака загоняютъ съ помощью собакъ сначала туда, а затѣмъ онъ попадаетъ въ петлю, стараясь спастись отъ преслѣдованія между деревьями. Кромѣ человѣка, ихъ усердно преслѣдуютъ тигры и пантеры. Но мягкій климатъ и богатство пищи ихъ родины настолько имъ благоприятствуютъ, что всѣ потери, которыя человѣкъ и хищныя животныя причиняютъ ихъ стадамъ, скоро покрываются новыми поколѣніями.

На своей родинѣ мунджака выдерживаетъ неволю очень хорошо, но и въ Европѣ также довольно сносно. Его часто можно видѣть, какъ у европейцевъ, такъ и у туземцевъ; однако если его хотятъ содержать, какъ слѣдуетъ, то ему необходимо большое пространство для движенія и обильный кормъ. Стервдаль наблюдалъ

въ Индіи, что находящіеся у него мунджаки жадно пожирали всякое мясо. Вообще преданный и привязчивый къ своему хозяину, мунджакъ все-таки остается настоящим оленемъ—вспыльчивымъ, легко раздражающимся и даже злобнымъ, какъ и всѣ его родичи. Во время защиты и при нападеніи онъ употребляетъ не только свои рога, но и зубы; онъ бросается, по словамъ Шмидта, какъ кусающаяся собака, на противника и наноситъ ему при случаѣ хотя не опасныя, но мучительныя раны. По всей вѣроятности, они поступаютъ также во время борьбы съ своими соперниками—самцами. Кинлохъ упоминаетъ объ ихъ длинныхъ клыкахъ, какъ о превосходномъ оружьи, такъ какъ животныя умѣютъ ими ловко пользоваться; изъ очень достовѣрныхъ источниковъ увѣрили его, что приготовившійся къ оборонѣ самецъ не только тяжело ранитъ этими зубами, но иногда и убиваетъ даже самыхъ сильныхъ собакъ. Мясо мунджака считается хотя не жирнымъ, но вкуснымъ блюдомъ.

Нѣкоторые натуралисты присоединяютъ къ оленямъ многихъ маленькихъ жвачныхъ съ высшей степени красивымъ тѣлосложеніемъ, между которыми находятся также карлики всего этого отряда: здѣсь имѣются въ виду **Кабарги** и **Оленьки**; мы-же разсматриваемъ ихъ, какъ отдѣльныя семейства.

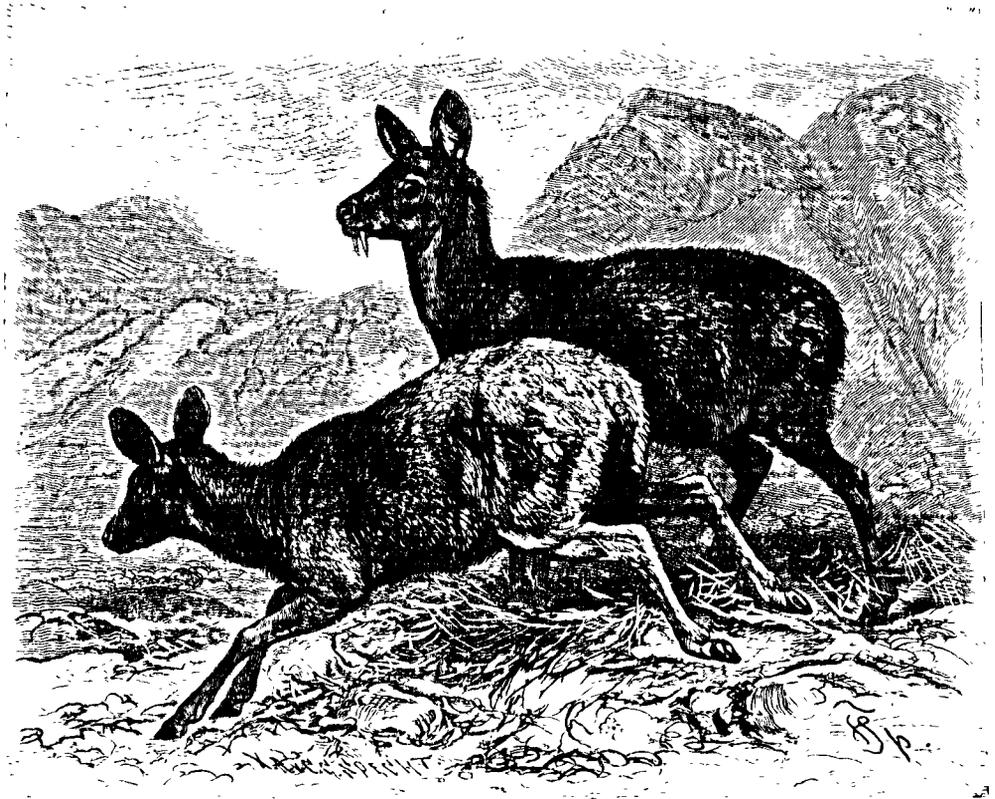
Кабарги (*Moschidae*, *Moschusthiere*, *Chevrotains*) не имѣютъ ни роговъ, ни слезныхъ ямочекъ, ни щетокъ на заднихъ ногахъ, и хвостъ у нихъ очень коротокъ. Самцы кабарги и оленьки отличаются отъ всѣхъ прочихъ жвачныхъ длинными выступающими наружу большими клыками въ верхней челюсти, которые торчатъ по бокамъ рта и направлены нѣсколько назадъ. Въ верхней челюсти нѣтъ рѣзцовъ, въ нижней на каждой сторонѣ замѣчается по три рѣзца и одному клыку и кромѣ того въ обѣихъ челюстяхъ по шести коренныхъ зуба. Внутренности у нихъ такія-же, какъ у антилопъ и оленей; желудокъ имѣетъ четыре отдѣленія, между тѣмъ какъ у оленьковъ недостаетъ третьяго желудка—книжки. У самца кабарги около пупка находится особый железистый мѣшокъ, который выдѣляетъ мускусъ. Отъ оленей кабарги совершенно ясно отличаются недостаткомъ роговъ, слезныхъ железъ, присутствіемъ желчнаго пузыря и другими признаками, такъ что отдѣленіе этихъ животныхъ въ особое семейство вполне законно. Высокія горы Китая и Тибета составляютъ родину кабарги. Онѣ живутъ тамъ въ скалистыхъ мѣстахъ, рѣдко въ долинахъ, куда спускаются лишь, если суровая зима прогонитъ ихъ съ высотъ и недостатокъ пищи заставитъ ихъ искать убѣжища въ болѣе умѣренныхъ странахъ.

Жизнь кабарги, какъ и большинства жвачныхъ, начинается лишь послѣ заката солнца; въ продолженіи дня онѣ лежатъ спрятавшись и спать. Онѣ веселы, проворны, легки и быстры въ своихъ движеніяхъ, великолѣпно прыгаютъ, лазаютъ и бѣгаютъ, подобно сернѣ, по снѣжнымъ полямъ. Онѣ выказываютъ большую робость и пугливость и стараются убѣжать при малѣйшей опасности. Къ жизни въ неволѣ кабарги привыкаютъ очень скоро, легко приручаются и заключаютъ съ человѣкомъ довольно тѣсную дружбу, не оставляя однако вполне природенную имъ робость.

За кабаргою охотятся ради ея мяса и мѣха, но въ особенности ради мускуса, который, какъ извѣстно, и по сіе время, считается въ высшей степени важнымъ лѣкарствомъ.

Это семейство имѣетъ лишь одного представителя, именно **Кабаргу**, называемую въ Гиммалайскихъ горахъ **Кастура**, а также **Русь**, **Ронсъ** и **Мазанъ-Наба**, въ Тибетѣ **Алатъ** и **Лалава**, китайцами **Ше** и **Шангъ**, а самецъ также **Ше-Гангъ**, тунгузами **Дзанга** и **Дшига**, остяками **Бьесъ** и другими народами **Гонде**, **Микчанъ**, **Таберга**, **Торго**, **Гифаръ**, **Кудари** (*Moschus moschiferus*, *M. leucogaster*, *chrysogaster* и satu-

gatus. Moschusthier. Chevrotain musqué). Это красивое жвачное отъ 90—100 см. длины и 50—55 см. высоты въ плечахъ, причеъ задняя часть немного выше передней, коренастаго тѣлосложенія, со стройными конечностями, шей довольно длинной, на мордѣ тупо закругленной головой; съ глазами средней величины, обрамленными длинными рѣсницами; съ очень подвижными зрачками и съ ушами, длиною съ половину головы. Ноги оканчиваются довольно маленькими, длинными, узкими и острыми копытами, которые однако могутъ съ помощью находящейся между ними складки кожи быть очень широко разставлены и облегчаютъ вмѣстѣ съ доходящими до земли недоразвитыми копытцами ходьбу по

Кабарга. (*Moschus moschiferus*) $\frac{1}{22}$ наст. вел.

снѣжнымъ полямъ и глетчерамъ, такъ что кабарга двигается по нимъ твердо и увѣренно. Хвостъ короткій и толстый и почти трехугольной формы, у самца онъ весь голый, за исключеніемъ кончика, на которомъ находится пучокъ волосъ. Плотно прилегающій мѣхъ покрываетъ тѣло и удлиняется только по обѣимъ сторонамъ груди между задними бедрами и на шеѣ. Отдѣльные волоса жестки, довольно длинны, грубы, волнисты, и клѣточное строеніе у нихъ замѣтнѣе, чѣмъ у всякихъ другихъ волосъ. Окраска, по показаніямъ Адамса, Маркгама. Кинлоха и другихъ, очень непостоянна. Отдѣльные экземпляры бываютъ сверху очень темные, снизу же грязно-бѣлые, другіе красно-бурые, иные сверху желто бурые, снизу бѣлые, у другихъ на спинѣ замѣтенъ продольный рядъ свѣтлыхъ пятенъ. Клыки у самцовъ высовываются на 5—7 см. изо рта и сначала слабо загнуты наружу, затѣмъ серпообразно назадъ. Ихъ наружная сторона—плоская, задній-же край сплюсненъ и обра-

зуетъ рѣзущій край, конецъ очень острѣе. У самки также есть клыки, но они не выступаютъ изъ-подъ губъ.

Мускусная сумочка находится на задней части живота, между пупкомъ и половыми органами, и имѣетъ видъ мѣшкообразной, немного выступающей круглой сумки, около 6 см. длины, 3 см. ширины и 4—5 см. высоты. Плотнo прилегающіе наклоненные другъ къ другу волоса покрываютъ мѣшокъ съ обѣихъ сторонъ и оставляютъ по срединѣ круглое голое мѣсто. Здѣсь находятся рядомъ два маленькихъ отверстія, которыя соединены съ полостью мѣшка двумя короткими канальцами. Переднее отверстие, имѣющее форму полумѣсяца, покрыто снаружи болѣе грубыми, внутри-же тонкими, длинными, перепутанными волосами; заднее, находящееся въ связи съ половыми частями, окружено пучкомъ длинныхъ волосъ ости. Маленькія железы внутри мѣшка выдѣляютъ мускусъ, который выступаетъ изъ передняго канальца, когда мѣшокъ переполненъ. Только у взрослой кабарги мѣшокъ достигаетъ своей настоящей величины и имѣетъ полное количество мускуса. Можно принять 30 граммъ за среднее количество этого драгоценнаго вещества, встрѣчающагося въ мѣшкѣ; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ его находили даже вдвое больше. Молодые самцы доставляютъ лишь около восьмой части этого количества. Во время жизни животнаго мускусъ имѣетъ плотность мази, но въ сухомъ видѣ обращается въ зернистую или порошкообразную массу, которая имѣетъ сначала красно-бурый цвѣтъ, съ теченіемъ-же времени темнѣетъ и становится совсѣмъ угольно-черной.

Какъ греки, такъ и римляне ничего не знали про кабаргу, хотя они, какъ прекрасно замѣчаетъ Окенъ, страстно любили всякія благовонныя мази и получали ихъ большею частью изъ Индіи и Аравіи. Китайцы, напротивъ того, употребляли мускусъ уже нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ. Мы получили первое ясное понятіе о немъ отъ арабовъ. Уже Абу-Сена говоритъ, что лучшій мускусъ получался изъ Тибета и его находили въ пупкѣ животныхъ, изъ вида антилопъ, изъ рта которыхъ выступаютъ два клыка на подобіе роговъ. Мозадіусъ прибавляетъ, что тибетскій мускусъ потому лучше китайскаго, что животное въ Тибетѣ ѣстъ бѣлоусъ (*Nardus stricta*) и другія благовонныя травы, которыхъ нѣтъ въ Китаѣ. Въ 1300 году Марко Поло далъ намъ подробныя свѣдѣнія. Онъ описываетъ кабаргу и прибавляетъ: «при полнолуніи у кабарги вырастаетъ на пупкѣ кровавый пузырь, и тогда охотники отправляются ловить ее, вырѣзаютъ этотъ пузырь, сушатъ на солнцѣ и получаютъ самый лучшій бальзамъ, который гдѣ-либо извѣстенъ». Позднѣйшіе путешественники рассказываютъ объ этомъ животномъ всякій вздоръ, до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, Палласъ не далъ намъ тщательно составленное жизнеописаніе этого животнаго. Кромѣ него, мы обязаны Адамсу, Кинлоху, Маркгаму, Кампбеллю, Ходжсону, Радде, Вильсону подробными свѣдѣніями объ этомъ интересномъ животномъ.

Область распространенія кабарги простирается отъ Амура до Каспійскаго моря и отъ 60° с. ш. до Китая и восточнаго полуострова Индіи. Чаще всего она встрѣчается въ окрестностяхъ Байкальскаго озера и въ Монголіи и Гиммалайскихъ горахъ, гдѣ лѣтомъ она рѣдко спускается ниже 2500 м. надъ поверхностью моря; въ этихъ странахъ она мѣстами такъ многочисленна, что охотники въ одну зиму могутъ убить ихъ нѣсколько сотъ штукъ. Кинлохъ, однако, сообщаетъ, что въ тѣхъ частяхъ Гиммалайскихъ горъ, гдѣ много охотятся, она сдѣлалась чрезвычайно пугливой. Круглые косогоры и большіе лѣса служатъ любимымъ мѣстопробываніемъ этого замѣчательнаго животнаго, гдѣ они попадаютъ по-одиночкѣ или, самое большее, по двое. Кинлохъ сравниваетъ образъ жизни кабарги съ жизнью зайца, такъ какъ она, подобно послѣднему, устраиваетъ себѣ маленькое логовище и очень крѣпко спитъ въ немъ въ продолженіи дня. Для настѣнца она предпочитаетъ ко-

согоры, гдѣ луга, покрытые травой, перемежаются съ мелкимъ кустарникомъ, и только въ сумерки или утромъ выходитъ на открытыя поля. Походка ея состоитъ изъ ряда скачковъ, за которыми слѣдуютъ короткія остановки исключительно съ намѣреніемъ убѣдиться въ безопасности. Тогда она опять начинаетъ идти тихими шагами и снова переходитъ въ свойственный ей галопъ. Встрепанная она издаетъ шипящій звукъ, а при поимкѣ громко и звонко кричитъ. Ея слѣды можно тотчасъ отличить отъ слѣдовъ всѣхъ другихъ горныхъ жвачныхъ, такъ какъ оба недоразвитыя копытца (шипорцы) оставляютъ за собою ясный оттискъ. Если слѣды ея найдены, то можно съ увѣренностью рассчитывать снова ее увидѣть на томъ-же мѣстѣ, гдѣ ее видѣли раньше. Движенія кабарги одинаково быстры и увѣренны. Она бѣгаетъ съ быстротою антилопы, прыгаетъ съ увѣренностью козерога и лазаетъ со смѣлостью серны. На снѣжныхъ поляхъ, гдѣ проваливается каждая собака, и человекъ можетъ едва двигаться, кабарга спокойно бѣгаетъ, почти не оставляя за собою замѣтнаго слѣда. При преслѣдованіи онѣ прыгаютъ какъ серны, безъ всякаго вреда, со значительной высоты или бѣгаютъ по утесамъ, гдѣ имъ едва представляется возможность упереться ногами. Въ случаѣ нужды онѣ безъ разсужденія переплываютъ широкія рѣки.

Ихъ внѣшнія чувства превосходны, душевныя-же способности довольно незначительны. Кабарга пуглива, однако не умна и не разчетлива. Попавъ въ затруднительное положеніе, она часто не знаетъ, что дѣлать, и бѣгаетъ взадъ и впередъ, какъ помѣшанная. Только-что пойманная кабарга ведетъ себя точно такъ же.

Время спариванія у нихъ наступаетъ обыкновенно позднею осенью, въ ноябрѣ и декабрѣ, въ Гиммалайскихъ-же горахъ, по Ходжесону, вообще зимою. Самцы устраиваютъ жестокія битвы и пускаютъ съ большой ловкостью въ дѣло свои острые клыки. Они выходятъ другъ противъ друга, стараются обвиться шеями, чтобы всадить свои зубы въ шею противника, и дѣлаютъ тогда глубокія раны въ кожу и мясо. Говорятъ, что почти всѣ взрослые самцы сохраняютъ на себѣ рубцы отъ такихъ побоевъ. Въ продолженіи этого времени они распространяютъ положительно невыносимый запахъ мускуса; охотники говорятъ, что его можно ощутить на разстояніи четверти мили. Относительно того, правда-ли, что самцы, какъ утверждали прежде, во время течки выпораживаютъ свои мускусныя мѣшки на древесные стволы и другіе твердые предметы, намъ съ достовѣрностью ничего не сообщали. Шесть мѣсяцевъ послѣ спариванія у самки рождается одинъ или два нестрыхъ дѣтеныша, которыхъ она съ нѣжною любовью держитъ при себѣ до слѣдующаго спариванія и тогда ихъ прогоняетъ. Дѣтеныши при рожденіи вполне развиты, и ихъ хвостъ еще покрытъ шерстью, но уже въ ранней молодости самцы отличаются отъ самокъ своей тупой мордой и болѣе значительнымъ вѣсомъ. На третьемъ году они дѣлаются вполне взрослыми.

Пища ихъ, смотря по мѣстожителству, чрезвычайно разнообразна. Зимой она состоитъ преимущественно изъ древесныхъ лишайевъ, лѣтомъ-же изъ альпійскихъ травъ, которыя растутъ на возвышенныхъ лугахъ. Говорятъ, что кабарги очень прихотливы и выбираютъ себѣ только лучшія и самыя пряныя растенія. Хорошія или дурныя качества мускуса зависятъ, кажется, главнымъ образомъ отъ пастбищъ, хотя еще неизвѣстно, какихъ растеній недостаетъ сибирскимъ кабаргамъ. Эти послѣдніе питаются, по словамъ Палласа, кореньями болотныхъ травъ, листьями ягодныхъ кустовъ, альпійскихъ рододендровъ, брусничкой и различными лишайми. Коренья онѣ выкапываютъ копытами изъ-подъ мха или снѣга. Въ Гиммалайскихъ горахъ, говорятъ, онѣ пожираютъ змѣй.

Охота за этими важными животными хотя выгодна, но, по крайней мѣрѣ

въ Сибири, очень затруднительна. Ея чрезвычайная пугливость рѣдко позволяетъ охотнику подойти къ ней на разстояніе выстрѣла. Чаще всего для ловли кабарги разставляютъ на протоптанныхъ ею тропинкахъ веревочные силки и находятъ ее иногда еще живую, иногда же уже задушенною. У Енисея и около Байкала оцѣпляютъ долину кольями, вбитыми одинъ около другого на подобіе забора, за исключеніемъ небольшого прохода и ставятъ на этомъ узкомъ проходѣ силки. Тунгузы приманиваютъ кабаргу, подражая бленію ея телятъ, и затѣмъ убиваютъ ее стрѣлами. При этомъ нерѣдко случается, что, вмѣсто ожидаемаго жвачнаго, показываются медвѣди, волки и лисицы, которые также были обмануты зовомъ воображаемаго телька и надѣялись на добычу. «Опытные охотники», говоритъ Радде, «пользуются постоянствомъ привычекъ кабарги, чтобы подкараулить ее. Вспугнутая дичь спасается быстрыми скачками со скалы на скалу и скоро скрывается съ глазъ стрѣлка, но онъ ложится въ засаду, такъ какъ увѣренъ, что животное, обѣжавъ вершину горы, на которой оно выбрало себѣ мѣстопребываніе, снова возвращается на то-же мѣсто, съ котораго ее согнали. Ловъ ихъ также основывается главнымъ образомъ на этомъ свойствѣ кабарги». Впрочемъ, замѣчаетъ Радде, лову кабарги особенно мѣшаютъ росомаха, сибирская ласка и вороны. Четвероногіе хищники идутъ по ея слѣдамъ и пожираютъ животныхъ и попавшихся въ силки, которые ставятся на отдаленныхъ мѣстахъ, куда трудно взбираться и которые не всегда могутъ быть во время осмотра охотниками. Орель бородачъ и другія хищныя птицы подстерегаютъ молодыхъ, пантеры-же и леопарды, по словамъ Адамса, также и старыхъ, взрослыхъ животныхъ этого вида. Англійскіе охотники убиваютъ эту дичь въ Гималайскихъ горахъ изъ засады или на облавѣ съ загонщиками.

Это животное высоко цѣнится въ Индіи даже европейцами; мускусный мѣшокъ его стоитъ отъ 20 до 30 марокъ. Паилучшій мускусъ изъ Китая вывозится въ Англію; но чистымъ получаютъ его очень рѣдко: хитрые китайцы уже съ древнихъ временъ усердно производили поддѣлку этого драгоценнаго вещества. Одинъ священникъ изъ Тунки рассказывалъ Кинасту, что китайцы подвергаютъ мускусный мѣшокъ сибирской кабарги передъ дальнѣйшимъ употребленіемъ особому виду броженія, зарывая его въ землю туда, гдѣ зимовали овцы, затѣмъ оставляютъ его лежать тамъ известное время и вынимаютъ только послѣ того, какъ онъ получитъ желаемыя свойства, высушиваютъ и приготавливаютъ къ продажѣ. Древнѣйшіе путешественники сообщаютъ странныя вещи о силѣ запаха мускуса. Тавернье и Шарденъ говорятъ, что охотники бывали принуждены передъ обрѣзываніемъ мѣшка затыкать себѣ ротъ и носъ, такъ какъ неосторожное вдыханіе этого испаренія производило смертельныя кровотеченія. Шарденъ увѣряетъ, что онъ никогда не могъ приблизиться къ продавцу мускуса и принужденъ былъ поручить закупки третьему лицу. Этотъ запахъ, по его увѣреніямъ, невыносимъ, а для непривычныхъ европейцевъ—даже опасенъ. Мѣхъ этихъ животныхъ употребляется во многихъ мѣстахъ на шапки и зимнюю одежду или изъ него выдѣлываютъ замшу, которая тоньше замши, получаемой отъ косули. Самки кабарги, несчастнымъ образомъ попавшія въ одну изъ поставленныхъ ловушекъ, прежде просто выбрасывались русскими охотниками; съ нихъ никогда не сдирали даже кожи.

О жизни этихъ животныхъ въ неволѣ еще мало обстоятельныхъ свѣдѣній. Въ 1772 году одна кабарга послѣ трехлѣтняго путешествія прибыла въ Парижъ и выжила тамъ три года. Она околѣла отъ волосяного шарика, который образовался отъ проглоченныхъ ею волосъ и закрылъ собою выходное отверстіе желудка. Дочка-же поръ она была постоянно здорова и весела, и потому французскіе натуралисты думали поселить это полезное животное на Альпахъ. Ее кормили намочен-

нымъ рисомъ, хлѣбнымъ макишемъ, лишаями и дубовыми вѣтвями. Она была жива, весела и очень подвижна и представляла изъ себя нѣчто среднее между косулей и газелью. Она постоянно оставалась пугливой и робкой и не дѣлала никому вреда. Muskusный запахъ, который она распространяла, былъ настолько силенъ, что можно было по обонянію отыскивать это животное. Кинлохъ видѣлъ одно животное, которое въ 1868 году было поймано молодымъ, вполне приручилось и прекрасно питалось молокомъ и хлѣбомъ, листьями и цвѣтами даже тогда, когда его перемѣстили съ горъ въ индѣйскую низменность. Оно было смѣло и безстрашно, имѣло обыкновеніе весело играть и забавляться съ дѣтьми хозяина и маленькой собачкой. Другая ручная кабарга выказывала приблизительно тѣ-же свойства.

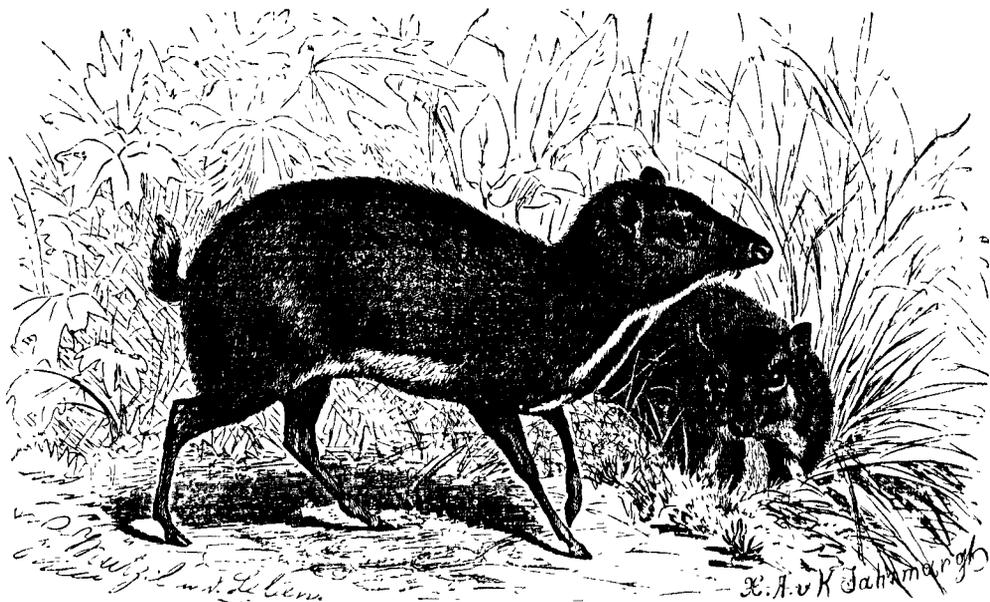
Последнее семейство жвачныхъ заключаетъ въ себѣ тѣхъ животныхъ, которыя представляютъ собою переходную ступень къ свиньямъ; это **Оленьки** (Tragulidae). Они отличаются отъ другихъ жвачныхъ желудкомъ, имѣющимъ лишь три отдѣленія, отъ кабарги—недостаткомъ железы, выдѣляющей мускусъ, и голымъ мозолистымъ краемъ плюсны. Родъ и видъ *Hyemoschus aquaticus* съ Гвинейскаго берега особенно отличается отъ всѣхъ остальныхъ жвачныхъ тѣмъ, что третья и четвертая кости въ пясти переднихъ ногъ совсѣмъ не срастаются, и соответствующія кости плюсны у заднихъ пальцевъ срастаются лишь позднѣе.

Принадлежація сюда животныя, относительно дѣленія которыхъ на роды и виды натуралисты еще не вполне согласны между собою, населяютъ западную Африку и южную Азію. Вообще, это красивыя животныя, нѣсколько напоминающія своимъ видомъ косулю, съ довольно толстымъ туловищемъ, стройною, красивой формы головою, прекрасными, свѣтлыми глазами, тонкими ножками, толщиною едва превышающими карандашъ, съ высшей степени красивыми копытами, маленькимъ, хорошенькимъ тушымъ хвостикомъ, мягкой, гладкой шерстью съ разнообразной окраской.

Оленькъ - Кантшилъ (*Tragulus kanchil* или *Tragulus pygmaeus*. Kantschil. Chevrotain pygmée) имѣетъ около 45 см. длины, изъ которыхъ 4 см. приходится на хвостъ; высота въ плечахъ достигаетъ 20 см., въ крестцѣ двумя см. болѣе. Довольно тонкая шерсть на головѣ—красновато-чалая, на бокахъ свѣтлѣе, на темени темнѣе и почти черная, на верхней части тѣла—красновато-желто-бурая, вдоль спины сильно смѣшана съ чернымъ, на бокахъ—свѣтлѣе, на верхней сторонѣ шеи съ бѣлыми крапинами, а на нижней—бѣлая. Отъ нижней челюсти съ обѣихъ сторонъ проходитъ по бѣлой полосѣ, по сторонамъ шеи до плечъ. За ними слѣдуютъ по темной полосѣ, которая внизу, т. е. по серединѣ шеи, заключаютъ въ себѣ третью бѣлую полосу. Иногда вдоль живота проходитъ еще желтоватая полоса. Конечности чаложелтая, предплечье и голень—свѣтло-ржаво-красныя, нижнія части конечностей желтовато-чалыя. Разнообразіе цвѣта шерсти объясняется особенною окраскою отдѣльныхъ волосъ. На спинѣ нижняя часть ихъ бѣлая, далѣе къ концу темнѣе, затѣмъ слѣдуетъ рѣзкій переходъ въ свѣтло-желтый или оранжевый цвѣтъ, но концы черные. Смотри по тому, отпадаетъ-ли чернѣйшій кончикъ каждаго волоска или снова появляется и насколько свѣтлое колечко, находящееся передъ нимъ, выступаетъ, мѣняется и рисунокъ мѣха; на бѣлыхъ-же мѣстахъ отдѣльные волоса—чисто-бѣлые. Болѣе взрослые самцы имѣютъ сильно загнутые клыки, направленные назадъ; сплюснуты со сторонъ, съ боку какъ-бы выдолблены и имѣютъ назадъ рѣжущій край. Клыки эти на 3 см. выступаютъ изъ десенъ. Маленькія тонкія копыта—свѣтло-бурого рогового цвѣта. Молодыя животныя ничѣмъ не отличаются отъ взрослыхъ.

Эти красивые звѣрки живутъ на Явѣ, около Сингапура и на Малаккскомъ полуостровѣ; на Суматрѣ, Борнео, Цейлонѣ и въ Индіи; начиная отъ южной оконечности полуострова до Гималайскихъ горъ на высотахъ до 600 м., каншиль замѣняется родственными ему видами. На Явѣ онъ живетъ болѣе въ горахъ, чѣмъ на равнинѣ, на южныхъ опушкахъ дѣвственныхъ лѣсовъ, покрывающихъ горы, и главнымъ образомъ въ окружающихъ ихъ кустарникахъ, откуда онъ можетъ въ нѣсколько минутъ достигъ склоновъ, покрытыхъ травой. Его никогда не встрѣчаютъ стадами, такъ-какъ онъ живетъ по-одиночкѣ и только во время спариванія — попарно. Днемъ онъ лежитъ, всегда спрятавшись въ густомъ кустарникѣ, отдыхая и жуя жвачку; съ наступленіемъ сумерекъ выходитъ на пастбище и отыскиваетъ себѣ для пищи всевозможные листья, травы и ягоды. Вода для него необходима.

Всѣ движенія маленькаго животнаго въ высшей степени красивы, легки и

Оленекъ-каншиль. (*Tragulus kanchil*) $\frac{1}{4}$ наст. вел.

притомъ очень проворны. Оно дѣлаетъ сравнительно большіе прыжки и съ ловкостью преодолеваетъ на своемъ пути всевозможныя препятствія. Но его нѣжныя конечности скоро отказываются ему служить, и оно легко могло-бы попасть во власть своихъ враговъ, если-бы не обладало средствомъ защиты, которое состоитъ въ особенной хитрости. Обыкновенно при преслѣдованіи каншиль старается спрятаться въ кустарникѣ и какъ только увидитъ, что дальше не можетъ идти, то ложится спокойно на землю и представляется мертвымъ, какъ и опоссумъ при подобныхъ же обстоятельствахъ. Непрiятель приближается, думая схватить свою добычу, но не тутъ-то было: прежде чѣмъ онъ къ ней подойдетъ, наше маленькое животное дѣлаетъ одинъ или два прыжка и съ быстротою молніи убѣгаетъ. Туземцы кромѣ того присочиняютъ, что самцы оленьки умѣютъ инымъ образомъ защищаться отъ нападений дикихъ животныхъ. Они будто-бы подпрыгиваютъ на воздухъ и зацѣпляются своими выдающимися клыками за сучья деревьевъ. Рэффлѣ замѣчаетъ, что малайцы про самаго хитраго лгуна говорятъ, «онъ такъ-же лукавъ, какъ каншиль!» Относительно размноженія этихъ животныхъ извѣстно немного: вѣро-

ятно, что у нихъ, какъ и у другихъ жвачныхъ, рождается только одинъ дѣтенышъ. По Жердону и Стеридалу, время рожденія дѣтенышей у живущихъ въ Индіи бываетъ въ іюнѣ и іюль, и ихъ родится по два.

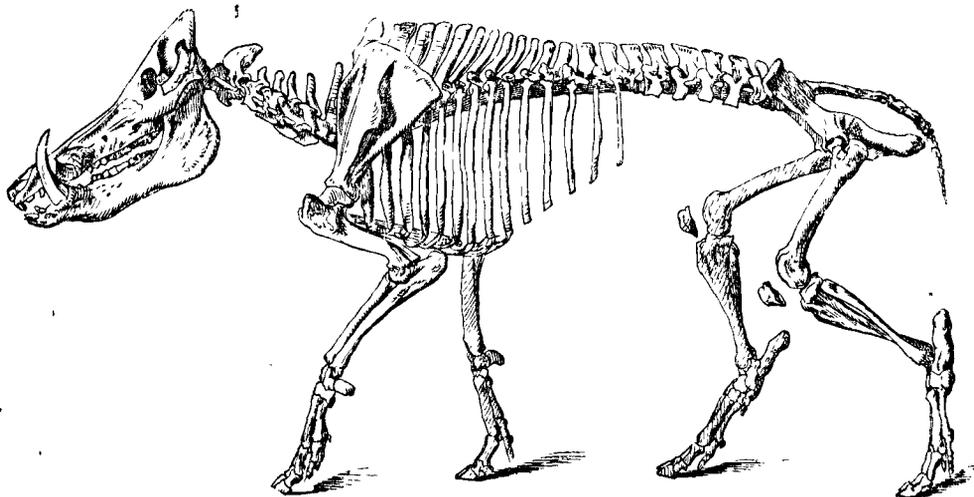
Въ настоящее время этихъ и другихъ оленьковыхъ часто привозили въ Европу и держали тамъ въ неволѣ довольно продолжительное время. Многіе хозяева звѣринцевъ развозили повсюду нѣкоторые виды оленьковыхъ и выставляли ихъ на показъ. Я не разъ воспитывалъ и часто видалъ это животное. Наружный видъ его красивъ и миловиденъ; оно чрезвычайно чистоплотно и постоянно чистится и облизываетъ себя. Большіе прекрасные глаза заставляютъ предполагать въ немъ способное и высоко одаренное животное; однако это не вѣрно, такъ какъ оно ни въ какомъ случаѣ не выказываетъ особенной понятливости; это скорѣе спокойное, тихое и скучное созданіе. Весь день распределяется у него между ѣдою, пережевываніемъ жвачки и сномъ. Рѣдко слышенъ его нѣжный тихій голосъ, похожій на слабый звукъ рожка. «Благодаря добротѣ одного члена нашего общества», такъ пишетъ Бодинусъ, «мы получили пару кантшиловъ. Но, несмотря на тщательный уходъ, свѣжую траву, клеверъ, хлѣбъ, молоко и овесъ, эти и безъ того меланхолическія животныя были вовсе не въ удовлетворительномъ состояніи. Они смиренно сидѣли, и шерсть ихъ была взъерошена и щетиниста, такъ что я рѣшилъ дать имъ рябины, такъ какъ на своей родинѣ они питаются главнымъ образомъ плодами. Эти маленькія, хорошенькія созданья съ настоящею жадностью напали на нее и ежедневно уничтожали большое количество этихъ ягодъ. Хорошимъ слѣдствіемъ этого корма было возбужденіе аппетита и замѣтное улучшеніе ихъ благосостоянія. Большіе глаза у нихъ разгорѣлись, шерсть сдѣлалась гладкою и блестящею, тѣло округлилось, и я убѣдился, что это маленькое, нѣжное созданіе вполне хорошо себя чувствовало-бы, если-бы его сразу кормили рябиной, молокомъ, бѣлымъ хлѣбомъ и травой».

«Хорошіи кормъ и цѣлесообразный уходъ повліяли и на способность къ размноженію; спустя нѣсколько времени самка сдѣлалась очень объемиста, и скоро у нея родился дѣтенышъ, но, къ сожалѣнію, мертвый. Мои надежды получить впоследствии живыхъ дѣтенышей были однако разрушены самымъ грустнымъ образомъ. Однажды я нашелъ самку въ ея маленькой конурѣ мертвою; осталось совсѣмъ неразъясненнымъ, произошла ли смерть отъ нѣсколькихъ ранъ на груди, нанесенныхъ ей острыми зубами самца, или отъ несоотвѣтствующей пищи, принесенной, можетъ быть, недоброжелательными посѣтителями зоологическаго сада, которые, къ стыду человѣчества, часто вредятъ помѣщеннымъ здѣсь животнымъ».

Жители Явы усердно преслѣдуютъ это животное и охотно ѣдятъ его мягкое и сладковатое мясо. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оправляютъ его нѣжныя ножки въ золото и серебро и употребляютъ ихъ для набиванія курительныхъ трубокъ.

Ко второй группѣ непарнокопытныхъ животныхъ относятся нежвачныя парнокопытныя, которыя раздѣляются на два семейства: свиней и бегемотовъ. Тѣло свиней съ боковъ сжато; почти клинообразная голова туна на переднемъ концѣ, хвостъ тонкій, длинный и завернуть колечкомъ; удлиненная морда на кончикѣ имѣетъ расширеніе, въ видѣ пятачка, въ которомъ находятся двѣ ноздри; уши довольно большія, обыкновенно прямо стоящія; косо лежащіе глаза несоразмѣрно малы; ноги стройны и тонки, копыта ихъ расположены правильно попарно, внутренняя пара, несущая тяжесть тѣла, гораздо больше наружной. Тѣло покрыто болѣе или менѣе густою щетиной. На брюхѣ свиньи замѣтно много сосковъ, расположенныхъ въ два ряда. Кости скелета тонки и изящны. Къ 13 или 14 позвонкамъ прикрѣплены ребра,

затѣмъ слѣдуютъ 5—6 поясничныхъ позвонковъ, 4—6 составляютъ крестецъ и 9—20 хвостъ; къ 11-му ребру прикрѣпляется грудобрюшная преграда. Ребра тонки и закруглены. У нѣкоторыхъ свиней есть всѣ три рода зубовъ, какъ въ верхнемъ, такъ и въ нижнемъ ряду. Количество рѣзцовъ не одинаково и колеблется отъ 1—3 въ каждой половинѣ верхней, и отъ 2—3 въ каждой половинѣ нижней челюсти. Подъ старость зубы нерѣдко выпадаютъ. Клыки есть у всѣхъ и замѣчательны по своей формѣ: трехгранные, сильно загнутые и кончиками обращенные вверхъ. Остальные зубы, количество которыхъ измѣняется, сплюснуты; настоящіе коренные широки и имѣютъ много бугорковъ. Изъ мускуловъ характерны двигатели губъ, а именно: двигатели верхней губы сильно развиты и даютъ хоботу силу для рытья. Кроме того у свиней сильно развиты слюнные железы, желудокъ ихъ круглый съ большимъ слѣпымъ отросткомъ; кишечникъ почти въ десять разъ длиннѣе всего тѣла животнаго. При усиленномъ питаніи подъ кожей отлагается слой жира, толщиною

Скелетъ кабана.

въ нѣсколько сантиметровъ. Свиньи живутъ во всѣхъ странахъ земного шара, исключая материка Австраліи. Живутъ онѣ преимущественно въ большихъ, влажныхъ, болотистыхъ лѣсахъ гористыхъ и низкихъ мѣстностей, въ чащахъ, въ кустарникахъ, на сырыхъ низинахъ и на поляхъ, покрытыхъ густою травой. Всѣ онѣ любятъ воду или, вѣрнѣе, болото, лужи, берега рѣкъ и озеръ, вырываютъ себѣ въ грязи и тинѣ ямы и лежатъ тутъ отдыхая, погруженные на половину въ воду; нѣкоторые виды разыскиваютъ себѣ ямы подъ корнями деревьевъ и устраиваютъ тамъ свои логовища. Большая часть изъ нихъ очень общезитительны; несмотря на это, образуемыя ими стада рѣдко бываютъ значительныхъ размѣровъ. Образъ жизни ихъ—ночной, такъ какъ даже въ мѣстахъ, гдѣ ничто ихъ не тревожитъ и имъ некого бояться, онѣ начинаютъ свою дѣятельность не ранѣе наступленія сумерекъ. Во всякомъ случаѣ онѣ не такъ неуклюжи и беспомощны, какъ кажутся; движения ихъ относительно проворны. Походка у нихъ довольно скорая, бѣгъ быстрый, галопъ ихъ есть цѣлый рядъ совсѣмъ своеобразныхъ скачковъ, причемъ каждый изъ нихъ сопровождается выразительнымъ хрюканьемъ. Всѣ свиньи плаваютъ прекрасно и даже переплываютъ морскіе проливы, чтобы перебраться съ одного острова на другой. Вѣбннія чувства, именно обоняніе и слухъ, у нихъ хорошо развиты: онѣ отлично чуютъ и слышатъ. Напротивъ, маленькіе слабые глаза, кажется, не очень далеко ви-

дять, и чувства вкуса и осязанія также плохо развиты. Отъ угрожающей опасности онѣ предусмотрительно и трусливо убѣгаютъ, но если дѣло дошло до необходимости обороняться, то дерутся храбро, даже переходя иногда въ наступленіе на противника. При этомъ онѣ стараются его настичь и поранить своими острыми бивнями: это ужасное оружіе онѣ употребляютъ съ такою ловкостью и силой, что могутъ сдѣлаться очень опасными.

Всѣ кабаны съ большимъ самопожертвованіемъ защищаютъ самокъ, а эти послѣднія въ свою очередь своихъ поросятъ. Вполнѣ приручить ихъ, кажется, невозможно, такъ какъ они непонятливы и упрямы; остальные качества ихъ также не особенно симпатичнаго свойства. Хрюканье ихъ очень своеобразно, оно выражаетъ какъ-бы пріятное самодовольство и добродушное настроеніе. Старые кабаны, впрочемъ, иногда ворчатъ какъ медвѣди. Свиньи—животныя всеядныя въ обширнѣйшемъ смыслѣ этого слова. Онѣ пожираютъ все съѣдобное, что-бы ни попало, ничѣмъ не брезгая. Очень немногія питаются исключительно растительной пищей, кореньями, травами, плодами и полевыми овощами, луковичами, грибами и т. п.; другія-же, рядомъ съ этой пищей, пожираютъ насѣкомыхъ и ихъ гусеницъ, улитокъ, червей, лягушекъ, мышей, даже рыбъ; надалѣ составляетъ для нихъ лакомство. Прожорливость ихъ такъ всѣмъ извѣстна, что о ней не стоитъ много распространяться. Она превосходить всѣ другія ихъ качества, кромѣ безпримѣрной неопытности, вслѣдствіе которой человекъ такъ не любитъ свиней.

Только немногіе виды свиней мечутъ по одному поросенку или по небольшому числу ихъ; у большинства-же ихъ бываетъ очень много, въ нѣкоторыхъ случаяхъ больше, чѣмъ у какого-либо другого млекопитающаго, т. е. до 24 штукъ. Поросята—веселыя, живыя и пріятныя существа, которыя могли-бы понравиться каждому, если-бы неопытность, которую они отъ рожденія наследуютъ отъ своихъ родителей не отталкивала насъ отъ нихъ. Они растутъ поразительно скоро и къ году уже достигаютъ половой зрѣлости. Поэтому страны, гдѣ они себя чувствуютъ хорошо, кишатъ ими, и, хотя о нихъ тамъ никто не заботится, во ихъ оттуда очень трудно выжить. Необыкновенная способность къ размноженію и выносливость при измѣняющихся обстоятельствахъ дѣлаютъ ихъ удобными для разведенія въ хозяйствѣ. Никакія другія животныя не дѣлаются домашними и, обратно, не дичаютъ такъ скоро, какъ свиньи. Насколько молодыя дикія свиньи быстро привыкаютъ къ неволѣ и къ грязному хлѣву, настолько-же быстро и домашнія свиньи дичаютъ въ лѣсу; достаточно имъ пробыть нѣсколько лѣтъ на волѣ внѣ вліянія человека, чтобы опять превратиться въ злыхъ дикихъ животныхъ, которыя мало чѣмъ отличаются отъ прародителей, и обыкновенно поросята перваго-же помета дѣлаются вполнѣ сходными съ дикими свиньями. Тамъ, гдѣ занимаютъ хозяйствомъ въ большихъ размѣрахъ и обрабатывается много полей, свиньи невыносимы, такъ много онѣ наносятъ вреда. Поэтому вездѣ, гдѣ хозяиномъ мѣстности дѣлается человекъ, тамъ дикихъ кабановъ преслѣдуютъ и стараются уничтожить. Охота на нихъ считается однимъ изъ самыхъ благородныхъ развлеченій и представляетъ много привлекательнаго, такъ какъ тутъ охотникъ имѣетъ дѣло съ животнымъ, которое въ крайнемъ случаѣ умѣетъ постоять за себя и продаетъ свою жизнь недешево. Злѣйшимъ врагомъ дико живущихъ свиней человекъ является только на сѣверѣ. Подъ тропиками нѣкоторыя тамъ живущіе виды составляютъ добычу большихъ кошекъ и дикихъ собакъ, которыя подѣ часъ производятъ страшныя опустошенія въ стадахъ свиней. Лисицы, небольшія кошки и хищныя птицы нападаютъ только на поросятъ, и то съ большою осторожностью, такъ какъ боятся матки, которая, какъ уже было сказано, хорошо умѣетъ зацѣпить толпу своихъ дѣтенышей.

Всѣ свиньи земного шара сходны между собой по строенію тѣла и по образу жизни. Небольшая разница только и можетъ быть въ большей или меньшей неуклюжести, въ количествѣ копытъ и зубовъ и въ устройствѣ клыковъ.

Свиньи (*Sus*) въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова характеризуются слѣдующими признаками: у нихъ 3 рѣзца, по одному загнутому кверху клыку въ видѣ бивня, по 4 ложно коренныхъ, 3 настоящихъ коренныхъ въ каждой половинѣ челюсти; всего значить 44 зуба; по 4 копыта на каждой ногѣ и въ большинствѣ случаевъ 10 и не менѣе 8 сосковъ на животѣ у самки, овально-яйцевидныя уши, обросшія волосами, и довольно длинный хвостъ, покрытый волосами.

Нашъ **Кабанъ** или **Дикая свинья** (*Sus scrofa*, *Sus aper* и *fasciatus*. Wildschwein. Sanglier) вполне соответствуетъ вышеуказаннымъ признакамъ. Это большое, сильное и вполне способное защищаться животное, достигаетъ полныхъ 2 м. общей длины или 1,8 м. длины туловища, 25 см. длины хвоста, при вышинѣ 95 см. въ крестцѣ; оно вѣситъ отъ 150—200 kgr. Объемъ и вѣсъ тѣла сильно мѣняются въ зависимости отъ мѣстожительства, времени года и свойства пищи. Кабаны, живущіе въ болотистыхъ мѣстахъ, обыкновенно больше ростомъ, чѣмъ проживающіе въ сухихъ мѣстахъ; тѣ, которые живутъ на островахъ Средиземнаго моря, не похожи на живущихъ на материкѣ. По наружному виду кабанъ очень похожъ на своихъ потомковъ, т. е. на домашнихъ свиней; только тѣло его короче и болѣе сжато, ноги толще, голова немного длиннѣе и тоньше, уши стоячія, длиннѣе и острѣе, чѣмъ у домашнихъ свиней. Орудіе для защиты, т. е. бивни, больше и острѣе. Цвѣтъ шерсти разнообразный; у нѣмецкихъ охотниковъ они извѣстны подъ именемъ «черной дичи», такъ какъ сѣрые, рыже-бурые, бѣлые и пѣгіе встрѣчаются рѣдко. Поросята ихъ полосатые, т. е. по сѣровато-красному фону у нихъ видны желтыя полосы, идущія довольно правильно спереди назадъ; полосатость эта исчезаетъ уже въ первый мѣсяцъ ихъ жизни. Волосной покровъ ихъ состоитъ изъ жесткихъ, длинныхъ, заостренныхъ, на кончикѣ часто расщепленныхъ щетинокъ. Между ними, смотря по времени года, растетъ болѣе или менѣе густой, мягкій подшерстокъ, называемый свиннымъ пухомъ. На нижней части шеи и на задней части живота щетина обращена кпереди, на остальныхъ частяхъ тѣла назадъ, на спинѣ щетина образуетъ родъ гребня или гривы. Обыкновенная ихъ окраска — черная, концы же щетинокъ желтовато-сѣрые, вслѣдствіе чего и общій цвѣтъ кажется свѣтлѣе. Уши темно-бурыя, хвостъ, конецъ морды, нижнія части ногъ и копыта черныя. Окраска на передней части морды пятниста; ржаво-бурыя кабаны, а также пестрые или на половину черныя съ бѣлымъ, которые изрѣдка попадаются, считаютъ потомками одичалыхъ домашнихъ свиней, которыя были когда-то выпущены съ цѣлью увеличенія числа дикихъ свиней. Для обозначенія возраста кабановъ и для опредѣленія частей тѣла и движеній нѣмецкіе охотники изобрѣли цѣлую техническую терминологию, которую не считаемъ нужнымъ переводить, такъ какъ она интересна исключительно для нѣмецкихъ охотниковъ.

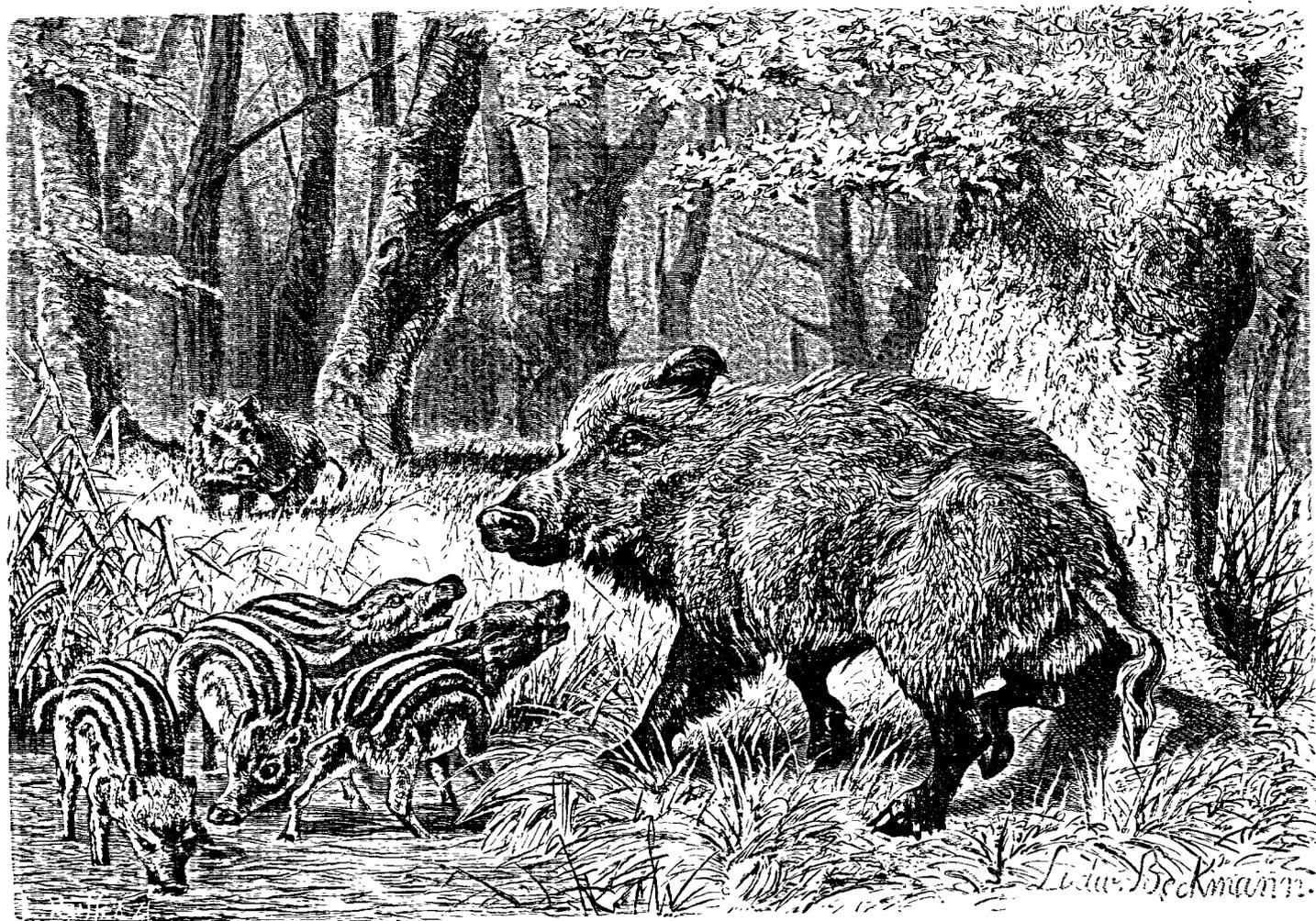
Кабаны прежде водились почти во всей Европѣ и въ средней части ея встрѣчались также часто, какъ и въ южной; теперь же, на горе охотниковъ и на радость сельскихъ и лѣсныхъ хозяевъ, они во многихъ странахъ и въ цѣлыхъ мѣстностяхъ вовсе истреблены или же живутъ въ паркахъ, гдѣ ихъ берегутъ любители охоты. Область распространенія ихъ не заходитъ сѣвернѣе 55 градуса сѣверной широты.

Въ Германіи кабановъ водится все еще гораздо больше, чѣмъ того-бы желали сельскіе хозяева. Они живутъ тутъ въ совершенно дикомъ состояніи. Ихъ много

въ Эльзасѣ, въ Прирейнскихъ странахъ, въ Гессенѣ, въ Нассаускомъ герцогствѣ, въ Ганноверѣ, Помераніи, Восточной и Западной Пруссіи, кое-гдѣ въ Бранденбургѣ и Силезіи, въ Ангальтѣ, Саксоніи, Тюрингіи, и они, собственно говоря, вывелись вполнѣ только въ нѣкоторыхъ безлѣсныхъ долинахъ и въ невысокихъ горныхъ мѣстностяхъ Германіи. Количество ихъ еще больше въ гористыхъ частяхъ Франціи и Бельгіи, нежели въ Германіи; также много ихъ водится еще въ Польшѣ, Галиціи, Венгріи, на Дунайскихъ низменностяхъ, на западѣ и югѣ Россіи. на Балканскомъ и на Пиренейскомъ полуостровахъ. Въ Азіи кабаны водятся отъ Кавказа до Амура и отъ 55 градуса широты до сѣвернаго склона Гиммалайскихъ горъ. Въ Малой Азіи, Сиріи и Палестинѣ водится дикая свинья. называемая Грэмъ *Sus lubicus*, которая, вѣроятно, принадлежитъ къ тому-же виду.

Кабаны размножаются только въ удобныхъ мѣстностяхъ, напримѣръ въ отсутствующихъ въ степныхъ горныхъ возвышенностяхъ, между тѣмъ, какъ въ горахъ Тянь-Шаня живутъ вплоть до лѣснаго пояса, т. е. на высотѣ 3300 м. надъ уровнемъ моря. Въ Африкѣ они распространены во всѣхъ удобныхъ для нихъ странахъ сѣвернаго берега этой части свѣта. Только за вышеуказанными границами области распространенія замѣня кабана водятся другіе виды свиней, которые еще недостаточно тщательно изучены, поэтому не могутъ быть точно опредѣлены. Такъ, на материкѣ Индіи дикую свинью замѣняетъ **Гривистая свинья** (*Sus cristatus*. Mähnschwein. Sanglier à crinière), на Андаманскихъ островахъ **Андаманская свинья** (*Sus andamanensis*), на Борнео—**Бородатая свинья** (*Sus barbatus*. Bartschwein. Sanglier barbu); **Полосатая свинья** (*Sus vittatus*. Bindenschwein. Sanglier à bandes.), **Бородавчатая свинья** (*Sus verrucosus*. Pustelchwein. Sanglier à verrues); первая изъ нихъ живетъ и на Явѣ, Амбоинѣ и Бангкѣ, вторая встрѣчается также на Явѣ и Церамѣ. На островѣ Целебесѣ живетъ—**Целебесская свинья** (*Sus celebensis*), на Тиморѣ,—**Тиморская свинья** (*Sus timorensis*), въ Новой Гвинее—**Папуасская свинья** (*Sus papuensis*. Papuaschwein. Bène) и **Черная свинья** (*Sus niger*. Schwarzschwein. Sanglier noir); въ Японіи и на островѣ Формозѣ—**Бѣлобородая свинья** (*Sus leucomystax*. Weissbartschwein. Sanglier à barbe blanche); во внутренней части сѣверо-восточной Африки—**Сенаарская свинья** (*Sus senarensis*). Сильный индійскій кабанъ не боится поединка съ тигромъ и нерѣдко остается побѣдителемъ; вообще только неопытные тигры, говоритъ Стерндалъ, рискуютъ связываться съ этими старыми силачами.

Кабаны живутъ преимущественно въ сырыхъ и болотистыхъ мѣстахъ, все равно, будь это лѣсистыя низменности или безлѣсныя мѣста, только-бы они были покрыты болотными растеніями; больше всего, впрочемъ, они любятъ обширныя чащи молодыхъ хвойныхъ зарослей. Во многихъ мѣстахъ Египта дикія свиньи изъ году въ годъ живутъ на поляхъ сахарнаго тростника, никогда не покидая ихъ. Тутъ онѣ питаются тростникомъ, валяются въ грязи проведенной на поля воды и чувствуютъ себя до того хорошо, что никакими средствами ихъ оттуда не выжить. Въ Азіи онѣ также иногда покидаютъ лѣсистыя мѣста и на время забираются на луга, изыскивая близость проточной или стоячей воды. Для отдыха свинья вырываетъ себѣ яму такой величины, чтобы только въ ней помѣститься и если возможно, то выстилаетъ эту берлогу мягкимъ мхомъ, сѣномъ и листьями и затѣмъ укладывается въ ней отдыхать, высыпаясь властью. Цѣлое стадо устраиваетъ точно такимъ-же образомъ общее логовище, которое называется «котломъ» у охотниковъ. Всѣ животныя стараются улечься въ немъ головами въ средину. Желая устроиться зимой потеплѣе, самки покидаютъ котлы и логовища и предпочитаютъ забираться въ кучи старой содомы или перепрѣлагаго тростника, куда совершенно закапываются; поэтому охотники, наталкивающиеся на подобныя гнѣзда. бывають свидѣтелями престраннаго явленія: холмъ,

КАБАНЫ.

къ которому они подходят ничего не предполагая, начинаетъ двигаться и вдругъ выпускаетъ изъ нѣдръ своихъ цѣлое стадо свиней-матокъ.

Какъ животныя общительныя, кабаны живутъ всегда стадами, которыя устраиваются всегда такъ: матки ходятъ отдѣльно съ поросятами, съ ними молодые и слабые кабаны; особенно сильные кабаны часто подбираютъ себѣ отдѣльное стадо взрослыхъ самокъ; старые кабаны живутъ большею частью отшельниками и только во время спариванія примыкаютъ къ стадамъ. Обыкновенно днемъ стадо лежитъ, лѣниво растянувшись въ берлогѣ, а подъ вечеръ всѣ вылѣзаютъ и идутъ пастись. Сначала они, по выраженію охотниковъ, «идутъ рыться» въ лѣса и на луга т. е. взрываютъ землю своимъ пяточкомъ, или снѣпать къ ближайшей лужѣ, въ которой они валяются съ полчаса. Кажется, такія прохладительныя ванны имъ необходимы, такъ какъ они иногда бѣгаютъ за нѣсколькими милями, чтобы разыскать воду. Послѣ того, какъ всѣ успокоятся, они отправляются пастись на поля, и ихъ не легко прогнать оттуда, гдѣ они разъ водворились. Выколосившіяся поля очень трудно уберечь отъ свиней, такъ какъ въ это время ихъ оттуда ничѣмъ не выживешь. Сѣвѣдаютъ онѣ гораздо меньше, чѣмъ опустошаютъ и въ этомъ-то и состоитъ ихъ главный вредъ. Въ лѣсахъ и на лугахъ кабаны отыскиваютъ кормъ въ почвѣ, именно трюфели, гусеницъ, насѣкомыхъ и всякихъ червей; осевью-же и зимой желуды, буквые орѣшки, простые лѣсные орѣхи, каштаны, а въ поляхъ хлѣбныя зерна, картофель, свеклу и всякіе другіе овощи. Они жрутъ всевозможныя вещества, какъ растительнаго, такъ и животнаго царства: павшихъ животныхъ и птицъ, даже трупы своихъ собратьевъ, положительно уподобляясь въ нѣкоторыхъ случаяхъ хищнымъ животнымъ, такъ какъ нападаютъ на молодыхъ оленей, преслѣдуютъ и убиваютъ подстрѣленныхъ или ослабѣвшихъ отъ недостатка корма благородныхъ оленей, ланей и косуль, а въ случаѣ сильнаго голода сѣвѣдаютъ даже своихъ дѣтенышей. Если зима жестокая и въ пицѣ чувствуется недостатокъ, то они иногда перекочевываютъ, предпринимая подъ часъ даже довольно далекія путешествія. Домашнія свиньи свойствами своими еще очень во многомъ напоминаютъ своихъ предковъ и по привычкамъ однихъ легко можно судить о привычкахъ другихъ. Само-собою разумѣется, что дикая свинья существо гораздо болѣе совершенное и храброе, нежели наша искаженная рабствомъ домашняя обитательница хлѣвовъ. Движенія дикихъ, хотя нѣсколько тяжеловаты и неуклюжи, зато быстры и необузданны. Бѣгаютъ онѣ скоро и охотнѣе всего съ самаго мѣста поднимаются въ галопъ по прямому направленію, такъ какъ кабаны не любятъ дѣлать крутыхъ поворотовъ. Они съ поразительнымъ искусствомъ продираются сквозь такія чащи, которыя для всѣхъ другихъ существъ положительно непроницаемы. Плаваютъ свиньи прекрасно и если тогдѣ требуютъ обстоятельства, то могутъ переплыть широкія пространства, отъ одного морского острова до другого; наблюдатели замѣчали, что онѣ легко проплываютъ разстояніе въ 7 и 8 километровъ.

Всѣ дикія свиньи осторожны и внимательны, хотя не трусливы, такъ какъ вполне спокойно могутъ положиться на свою силу и на свое оружіе. Видятъ онѣ очень плохо, но зато слышать и чуютъ очень хорошо; чувство обонянія развито у нихъ не хуже, чѣмъ у оленей, такъ какъ онѣ чувствуютъ приближеніе человѣка за 500—600 шаговъ. Главный лѣсничій Ганцеръ наблюдалъ, какъ онѣ, наткнувшись на свѣжій слѣдъ человѣка, пораженные останавливаются. Цельзя сказать, чтобы вкусъ у нихъ былъ плохо развитъ, такъ какъ при изобиліи разнообразной пищи онѣ всегда отдають предпочтеніе всему лучшему. Онѣ не такъ глухи и безчувственны, какъ обыкновенно думаютъ. Ведутъ онѣ себя во всякомъ случаѣ ни глухо, ни неловко, а проявляютъ перѣдко замѣчательную хитрость. Все существо ихъ представляетъ

странную смѣсь самоувѣреннаго спокойствія, невиннаго добродушія, необузданности и необыкновенной раздражительности. Если ихъ не сердить, то онѣ первыя никогда не обидятъ человѣка, но противъ собаки онѣ съ первой-же минуты встрѣчи возбуждены и всячески стараются вступить съ ней въ бой. Всѣ самки вообще, а особенно поросся, не переносятъ ни обидъ, ни даже поддразниваній. Если человѣкъ смирно идетъ своей дорогой, то свинья или не обращаетъ на него никакого вниманія, или быстро убѣгаетъ отъ него; если-же ее раздражить, то она вступаетъ въ бой даже съ вооруженнымъ человѣкомъ и въ бѣшенствѣ своемъ слѣпо и яростно бросается на своего противника. Дитрихъ Винкель разсказываетъ, что, бывши еще непытнымъ юношей, онъ однажды, мимоходомъ, ударилъ хлыстомъ свинью, которая обыкновенно отличалась миролюбіемъ, и привелъ ее этимъ въ такое состояніе, что долженъ былъ потомъ скакать въ галопъ, чтобы спастись отъ ея ярости. «Раненныя свиньи» говоритъ онъ «опасны даже охотникамъ; онѣ неизмовѣрно быстро догоняютъ человѣка или животное, которое преслѣдуютъ, и своими бивнями могутъ наносить опасные удары, причемъ рѣдко останавливаются и никогда не обращаются въ бѣгство. Если въ такое время не потерять присутствія духа, то лучше всего подпустить животное совсѣмъ близко и затѣмъ быстро спрятаться за дерево; если-же это невозможно, то слѣдуетъ посторониться, и свинья, не приготовленная къ такому маневру, по неловкости своей, пронесется мимо. Въ крайности-же, если ни время, ни случай не дали возможности воспользоваться однимъ изъ этихъ средствъ къ спасенію, то остается послѣднее—броситься на землю, на томъ основаніи, что кабанъ не можетъ ударить внизъ, а бьетъ всегда вверхъ». Самка не способна придать въ такое бѣшенство, какъ самецъ, но разсерженная, она не уступаетъ ему въ мужествѣ. Хотя она своими клыками не такъ сильно ранитъ, но въ поединкѣ можетъ стать опаснѣе кабана, такъ какъ разъяренная останавливается передъ противникомъ и начинаетъ кусаться такъ сильно, что часто вырываетъ куски мяса. Даже слабыя свиньи и поросся нападаютъ на человѣка, причемъ матери съ непоколебимымъ мужествомъ защищаютъ своихъ малютокъ. Самки, которыя еще водятъ пороссятъ, долго преслѣдуютъ похитителей своихъ дѣтенышей.

Разсматривая бивни кабановъ, понимаешь, почему это оружіе слѣдуетъ считать опаснымъ. У всѣхъ видовъ свиней клыки или бивни самцовъ отличаются отъ клыковъ самокъ. Клыки эти уже на второмъ году жизни вырастаютъ на верхней и нижней челюстяхъ, направляясь при этомъ непременно кверху. У трехлѣтняго кабана бивни нижнихъ челюстей вырастаютъ гораздо болѣе бивней верхнихъ челюстей; они растутъ косо и потомъ загибаются кверху. Клыки верхней челюсти съ самаго начала загибаются кверху и почти въ половину короче нижнихъ. Всѣ бивни трехгранной формы, бѣлые, блестящіе и чрезвычайно острые; съ годами, вслѣдствіе постояннаго тренія одинъ о другой, они дѣлаются все острѣе и какъ-бы натачиваются; чѣмъ старше кабанъ, тѣмъ крѣпче его клыки и тѣмъ болѣе загнуты кверху. Удары, наносимые ими, не только опасны, но могутъ быть даже смертельны. Нападающій звѣрь съ необыкновенною ловкостью бьетъ своимъ оружіемъ по ногамъ или вонзаетъ его въ тѣло своего врага и, при помощи безпрестанныхъ вскидываній головы и потряхиванія, производитъ длинные разрѣзы, до того глубокіе, что на бедра человѣка кабанъ прорываетъ всѣ слои мускуловъ до костей, или пропарываетъ всѣ брюшные покровы такъ, что внутренности вываливаются. Такой участи подвергаются чаще всего нападающія собаки. Нанося свои ужасные удары большимъ животнымъ, взрослые кабаны даже подпрыгиваютъ и немилосердно раздражаютъ лошадейъ грудь и брюхо. Очень старые самцы уже менѣе опасны, нежели шести и семилѣтніе, такъ какъ клыки ихъ нижней челюсти съ годами сильно загиба-

ются внутрь. Впрочемъ, кабаны нападаютъ на охотника не тотчасъ послѣ выстрѣла, а какъ всё безъ исключенія сильныя животныя: когда получаютъ рану, спѣшатъ спрятаться и лишь въ томъ случаѣ, если охотникъ, разыскивая ихъ, подойдетъ слишкомъ близко, животныя вступаютъ въ бой. Тогда въ сильнѣйшей ярости кабанъ стучитъ клыками, третъ ихъ другъ о друга, какъ-бы натачивая ихъ, фыркаетъ, бѣшено хрюпаетъ и съ поразительной быстротой нападаетъ на врага. Если промахнется кабанъ, то онъ несется дальше, между тѣмъ какъ самка старается вернуться и продолжаетъ кусаться. Вообще нравъ ихъ своеобразенъ, глядя по обстоятельствамъ и по субъективнымъ особенностямъ отдѣльныхъ животныхъ. Иногда большія свиньи поражаютъ отвагой, иногда-же сильныя взрослые кабаны даютъ тягу, пугаясь тявканья простой дворняшки. Повторяемъ, что взбѣшеннаго кабана ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ считать неопаснымъ врагомъ, и опытный охотникъ не долженъ рисковать подходить слишкомъ близко къ подстрѣленному животному.

Голосъ кабана совершенно такой-же, какъ у нашей домашней свиньи. Когда онъ идетъ спокойно, то добродушно похрюкиваетъ; самки, поросята и молодые кабаны громко визжатъ. Взрослые-же кабаны даже при самыхъ болѣзненныхъ пораненіяхъ не издаютъ ни звука. Голосъ ихъ грубѣе голоса свиньи и часто переходитъ въ злобное ворчанье.

Время спариванія начинается съ конца ноября и продолжается 4, 5, иногда и 6 недѣль. Если дикая свинья случайно поросится два раза въ годъ, то это заставляетъ предполагать, что она была когда-то домашней и случайно переселилась въ лѣсъ; дикія-же поросята только одинъ разъ. По мѣрѣ приближенія поры увлеченій, бывшіе отшельники возвращаются въ стада, занимаютъ опять главенствующую роль, изгоняютъ слабыхъ кабановъ изъ стада и ухаживаютъ за самками до тѣхъ поръ, пока достигнутъ своей цѣли. Между равносильными животными бываютъ безпрестанныя столкновенія и долгая борьба. Удары, которыми храбрецы награждаютъ другъ друга, бываютъ, впрочемъ, рѣдко смертельны, такъ какъ приходится по клыкамъ и по толстой кожѣ. При дракахъ между равными споръ остается нерѣшеннымъ и обыкновенно кончается тѣмъ, что они, хотя очень неохотно, мирятся съ присутствіемъ навязчивыхъ противниковъ. Изгнанники-же, говоритъ Дитрихъ Винкель, печально бродятъ, образуя только между собой небольшія стада и волей-неволей заглушая въ себѣ потребность увлеченій, пока угнетатели ихъ наконецъ добровольно уступятъ отнятыя права и удалятся въ свое прежнее одиночество. Очень рѣдко, но случается, что и на долю кого-нибудь изъ молодежи попровориѣ выпадаетъ счастье попользоваться тѣмъ, что вполне вознаграждаетъ его за прежнія лишенія. Ласки, которыя расточаетъ ошалѣлый влюбленный, совсѣмъ страннаго свойства, а именно: онъ безпрестанно толкаетъ предметъ своей страсти рыломъ, куда попало, и иногда даже очень безцеремонно; не очень щепетильныя самки, повидимому, понимаютъ цѣну подобныхъ ласкъ и принимаютъ ихъ благосклонно.

Черезъ 18—20 недѣль послѣ спариванія свиньи поросятся, причемъ слабыя матки приносятъ отъ 4 до 6, здоровыя-же, крѣпкія—отъ 11—12 поросятъ; свинья заблаговременно приготовляетъ себѣ гдѣ-нибудь въ чащѣ берлогу, выстилаетъ ее мхомъ, хвоей и листьями, тщательно скрываетъ и держитъ тутъ своихъ нѣжно любимыхъ малютокъ первыя двѣ недѣли ихъ жизни, покидая ихъ и гнѣздо только изрѣдка и то на короткое время, чтобы похватать какой-либо пищи. По прошествіи этихъ 14 дней, она выводитъ свою семью на свѣтъ Божій и учитъ рыть землю, а маленькіе, живые дѣтеныши показываютъ ей, какъ хорошо они умѣютъ дѣйствовать своимъ рыльцемъ съ пятачкомъ. Нѣсколько свиней иногда сходятся вмѣстѣ и во-

дят поросятъ сообща, причѣмъ случается, что если одна изъ матерей лишается жизни, то остальные начинаютъ заботиться и кормить сиротъ. Такое маленькое стадо пестрыхъ звѣрковъ представляетъ очень симпатичное зрѣлище, такъ какъ маленькіе поросята прेमилыя и забавныя созданія. Цвѣтъ шерсти ихъ очень имѣ къ лицу, рѣзвость и шаловливость дѣтенышей составляютъ полный контрастъ съ неповоротливостью и серьезностью родителей. Матки важно выступаютъ впередъ, а поросята, пища и похрюкивая, бѣгутъ за своими родительницами то кучкой, то въ разсыпную, то останавливаются, пороются, выкинуть какую-нибудь неуклюжую шуточку, то опять засуетятся и, толкаясь, торопятся за матерью. По временамъ они начинаютъ се до того осаждаѣ, что принуждаютъ остановиться и удовлетворить ихъ неотступному требованію дать имъ пососать; насытившись, снова весело удираютъ, и такимъ чередомъ дѣло идетъ всю ночь, и даже днемъ въ берлогѣ они не могутъ уюмониться и улечься смирно, вертятся и копошатся тамъ безъ конца. «Ничто», говоритъ Винкель, «не можетъ превзойти той храбрости и неустрашимости, съ которой мать семейства защищаетъ своихъ дѣтенышей или приемышей отъ опасности. При первомъ жалобномъ пискѣ поросенка свинья бросается къ нему и, презирая опасность, нападаетъ на всякаго врага, будь это даже человѣкъ, который пытается похитить у нея дѣтеныша».

18-ти и 19-ти мѣсячныя дикія свиньи достигаютъ уже половой зрѣлости, 5-ти и 6-ти лѣтнія считаются взрослыми, а живутъ онѣ, кажется, до 20—30 лѣтъ. Домашнія свиньи живутъ не такъ долго, такъ какъ жизнь въ неволѣ и недостатокъ соответствующей пищи значительно сокращаютъ ихъ дни. Дикія свиньи очень мало подвержены болѣзнямъ. Только очень жестокіе холода съ глубокимъ снѣгомъ отнимаютъ у нихъ возможность рыться и разыскивать пищу, а кора, намерзающая на снѣгу, ранитъ ноги ихъ и бываетъ причиной того, что многія изъ нихъ околѣваютъ. Главные враги дикихъ свиней у насъ волки и рыси, иногда-же и кумушка-лиса рѣшится стянуть поросеночка; въ южныхъ странахъ за этой лакомой дичью усердно охотятся большія кошки въ родѣ тигра. Но самымъ жестокимъ ихъ врагомъ все-же остается человѣкъ, ибо охота на кабановъ съ давнихъ временъ считалась самымъ благороднымъ и мужественнымъ развлеченіемъ. Въ настоящее время она ничто иное, какъ забава, а никакъ не поединокъ между охотниками и животнымъ. Конечно, прежде было иначе, особенно тогда, когда самымъ употребительнымъ оружіемъ на охотѣ были самострѣлъ и рогатина. Рогатина—это копые съ широкимъ обоюдоострымъ стальнымъ лезвіемъ и съ крючкомъ въ 8 см. длиною; она употреблялась для того, чтобы охотникъ могъ встрѣтить и задержать наступленіе яростнаго звѣря. Для этого надо было стать противъ бѣгущаго кабана, рукой сильно прижать къ животу конецъ деревянной рукоятки, стараясь лѣвой рукой направить лезвіе, куда слѣдуетъ. Когда ослѣпленное злобой животное подбѣгало, то слѣдовало намѣтить копые такъ, чтобы остріе приходилось противъ нижней части шеи повыше грудной кости; ударъ наскაკивающаго кабана былъ всегда такъ силенъ, что все копые до крючка, который препятствовало иди дальше, вонзалось въ грудь животнаго; при умѣломъ употребленіи этого оружія оно должно было проколоть сердце. Для болѣе слабыхъ свиней было достаточно охотничьяго ножа, который употребляли такъ: держа правой рукой рукоятку, выставляли впередъ ножъ, прижимая его къ согнутому колѣну, при этомъ тѣломъ опираясь на лѣвую отставленную назадъ ногу. Свинья сама натыкалась на ножъ. На югѣ и теперь еще часто практикуется подобная охота только съ маленькими видоизмѣненіями. Бедуины въ Сахарѣ и англичане въ Индіи охотятся за кабанамъ верхомъ на лошадяхъ и пронзаютъ животное сверху внизъ острыми копыями. Въ случаѣ промаха,

вслѣдствіе собственной неловкости, всадники спасаются бѣгствомъ отъ нападенія разсвирѣпѣвшаго животнаго; проскакавъ нѣсколько времени, они круто поворачиваютъ назадъ, догоняютъ звѣря, наносятъ ему ударъ за ударомъ, пока не убьютъ его.

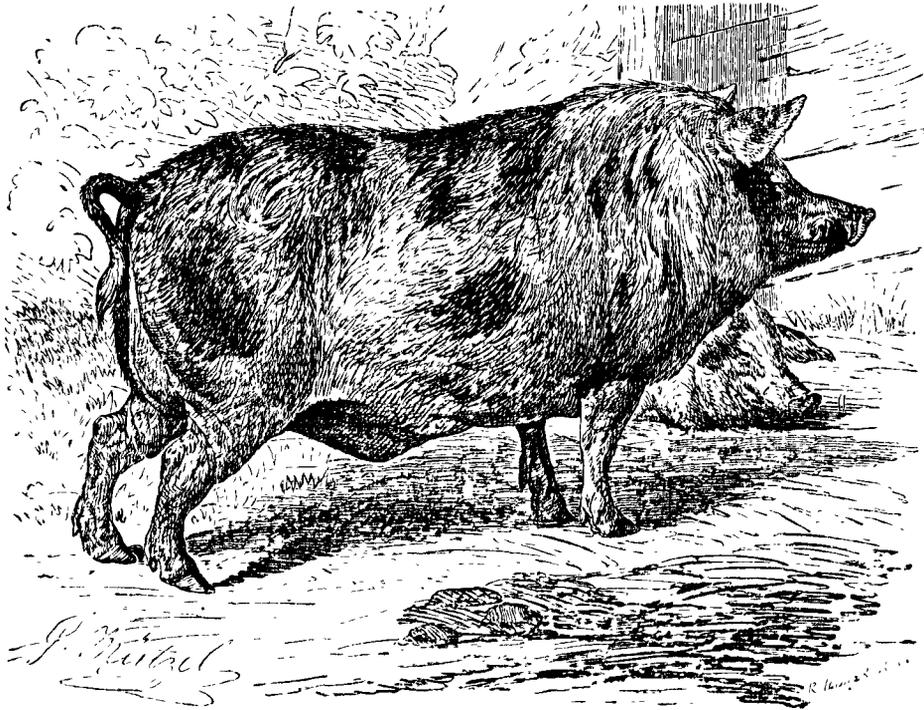
Отъ собакъ дикія свиньи защищаются съ неослабѣвающимъ ожесточеніемъ. Для этой охоты прежде употребляли легавыхъ, а также особыхъ, такъ называемыхъ, кабаньихъ собакъ; это были смѣлыя, сильныя, горячія животныя, которыхъ намѣренно содержали въ полудикомъ состояніи и употребляли исключительно для охоты на кабановъ. Легавыя должны были разыскивать и поднять, а кабаньи собаки преслѣдовали и, по выраженію охотниковъ, «накрывали» дичь, т. е. задерживали кабана, и набрасывались на него со всѣхъ сторонъ. Не успѣвали собаки еще схватить врага, т. е. впиться ему въ уши, какъ уже у иной былъ распоротъ животъ или нанесена куда-нибудь другая рана. Обѣ стороны одинаково храбро сражались, но если на одного кабана спускали 8 и 9 штукъ сильныхъ, отважныхъ собакъ, то ему приходилось сдаться. Преслѣдуемый кабанъ очень умно выбираетъ положеніе для обороны, а именно, предохраняя свою спину, онъ прислоняется къ толстому стволу или отступаетъ въ чащу, гдѣ защищенъ сзади и съ боковъ, а спереди злобно отбивается отъ нападающихъ. Больше всего, конечно, доставалось передовымъ собакамъ. Если-же одинъ изъ этихъ незамѣнимыхъ псовъ выплясывалъ въ кабана, то никакія уловки его не спасали, собаки держали его до тѣхъ поръ, пока не подоспѣвалъ охотникъ, чтобы покончить со звѣремъ. Кобель замѣчаетъ, что собаки приходили въ такую ярость, что верховой охотникъ долженъ былъ остерегаться вмѣшиваться въ бой, такъ какъ онъ иногда бросались и на лошадь, и на всадника.

Мясо дикихъ свиней не даромъ цѣнится очень высоко, потому что соединяетъ въ себѣ со вкусомъ свиного мяса вкусъ дичины. Голова и задніе окорока считаются самыми лакомыми кусками. Колбасы, приготовляемыя изъ кабаньяго мяса, также чрезвычайно вкусны; не менѣе цѣнится бѣлый жиръ, — сало, которое въ хорошее время бываетъ толщиною въ ладонь. На берега египетскихъ озеръ, гдѣ кабаны водятся большими стадами, часто являлись европейскіе мясники и нѣсколько мѣсяцевъ подъ рядъ охотились за дичью, «нечистой» по мнѣнію магометанъ. Изъ мяса убитыхъ животныхъ они тутъ-же дѣлали колбасы и продавали ихъ, наживая большой барышъ. Кожа также идетъ въ дѣло, а щетина раскупается на-расхватъ. Какъ-бы велика ни была приносимая ими выгода, она никогда не сравнится съ убытками, наносимыми кабанями хозяйству.

Не однѣ наши дикія свиньи, но, какъ кажется, и многіе другіе индѣйскіе, малайскіе и азіатскіе ихъ родичи съ давнихъ поръ сдѣлались домашними животными. По мнѣнію Жюліена, еще за 4900 лѣтъ до нашего лѣтосчисленія въ Китаѣ уже разводили домашнихъ свиней. Кютимейеръ, изслѣдователь свайныхъ построекъ, опредѣлилъ, что уже въ то время въ Швейцаріи были два вида этихъ полезныхъ домашнихъ животныхъ. Дюмихенъ пишетъ мнѣ: «Хотя свинья и принадлежитъ къ тифоновымъ животнымъ (животныя, посвященныя злему божеству Тифону), она все-таки водилась у древнихъ египтянъ въ домашнемъ быту, такъ какъ въ надписяхъ говорится о ней, а также встрѣчаются изображенія какъ отдѣльныхъ свиней, такъ и цѣлыхъ стадъ. Но, кажется, ихъ содержали только съ цѣлью приносить въ жертву въ нѣкоторые главнѣйшіе праздники въ году». Въ Библии о нихъ часто упоминается. Въ Одиссеѣ говорится о нихъ, какъ объ общеизвѣстныхъ домашнихъ животныхъ.

Съ этихъ незапамятныхъ временъ появилось и снова исчезло множество породъ, да и теперь еще нѣкоторыя породы исчезаютъ, другія появляются, соответственно требованіямъ прихоти или благодаря случайности. Фитцингеръ и Патузюсъ

думаютъ, что всё нынѣ существующія расы произошли отъ двухъ видовъ, а именно: отъ нашего дикаго кабана и южно-азиатской гривистой свиньи (*Sus cristatus*); это, впрочемъ, не исключаетъ возможности участія индѣйскихъ, малайскихъ, китайскихъ и другихъ свиней въ образованіи домашнихъ породъ. Какъ особенности различныхъ породъ, такъ и исчезновеніе прежнихъ и происхожденіе новыхъ, совершаются подъ вліяніемъ челоуѣка и зависятъ или отъ естественнаго и искусственнаго подбора, или отъ перемѣняющихся условій жизни домашнихъ свиней. У свиней, которымъ можно рыться, говорить Патузюсъ, рыло остается вытянутымъ и въ неволѣ, и дѣлается значительно короче у тѣхъ, которыя постоянно живутъ въ хлѣбахъ. Этотъ одинъ примѣръ ясно показываетъ, какъ извѣстный уходъ влечетъ за собой измѣненія въ важнѣйшихъ отличительныхъ признакахъ животнаго, и остается только указать на

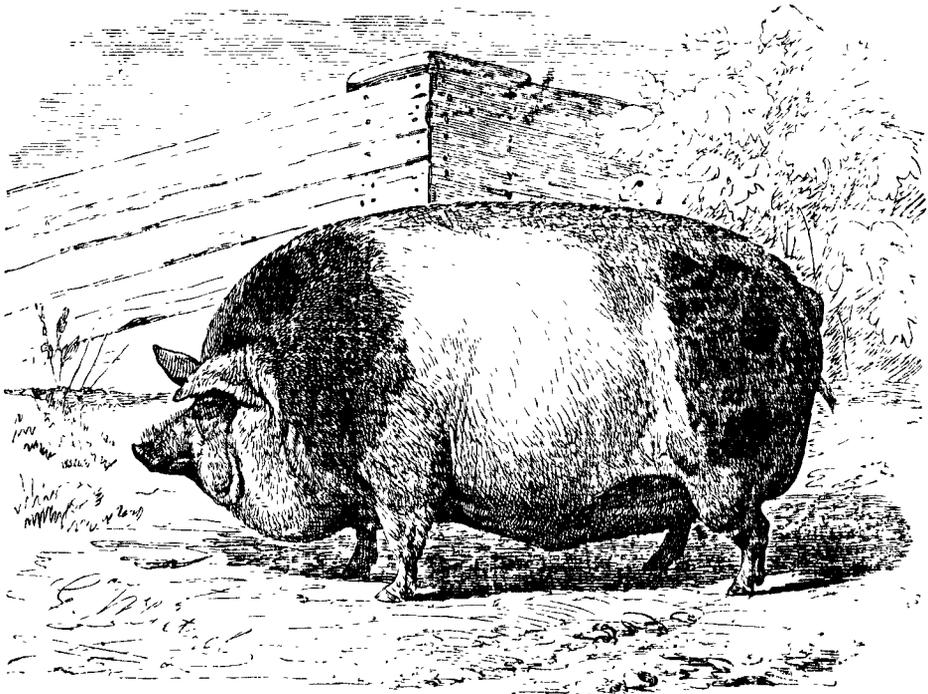
Беркширская свинья. $\frac{1}{11}$ наст. вел.

значеніе и вліяніе умѣло производимаго скрещиванія, чтобы дать понять, что мы теперь имѣемъ свиней, которыя во многомъ отличаются отъ первобытнаго вида.

Всѣ настоящія лучшія породы, вызывающія удивленіе хозяевъ, получились искусственно подъ вліяніемъ челоуѣка: толстыя **Беркширы**, жирныя **Гарисоновы** свиньи и уродливая **Карликовая свинья**; точно также искусственна и **Морщинистая свинья**, въ которой выразился капризъ японскихъ разводителей. Мы предоставляемъ другимъ описывать какъ выше названныя, такъ и остальные породы, а бросимъ лишь бѣглый взглядъ на образъ жизни и свойства этого животнаго.

Въ настоящее время свиньи распространены въ большей части странъ земнаго шара. Вездѣ, гдѣ на сѣверѣ занимаютъ земледѣліемъ, тамъ свиньи живутъ какъ домашнія животныя, на югѣ-же—болѣе въ дикомъ состояніи. Такъ какъ болотистыя страны наиболѣе соотвѣтствуютъ ихъ образу жизни, то онѣ тотчасъ измѣняются, если переселить ихъ въ гористыя мѣстности. Чѣмъ выше онѣ поднимаются, тѣмъ больше

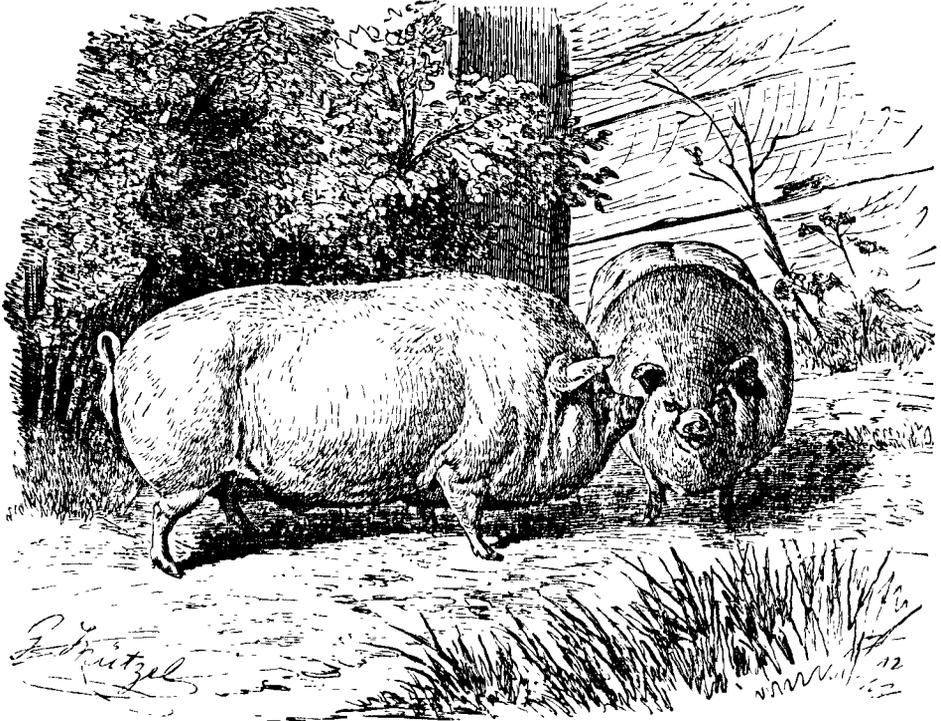
онѣ принимаютъ отпечатокъ горныхъ животныхъ. Тѣло дѣлается меньше и сжатѣе, голова короче и менѣе заостренная, лобъ—шире, шея укорачивается и дѣлается шире, задняя часть тѣла—болѣе округленная, ноги сильнѣе. Всѣ утверждаютъ, что горныя свиньи, лишаясь жиру, приобретаютъ мясо гораздо нѣжнѣе и вкуснѣе, а плодovitость ихъ уменьшается. Климатъ, почвенныя условія, воспитаніе и скрещиваніе имѣютъ вліяніе и на окраску; откуда и происходитъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ преобладаетъ одинъ, а въ иныхъ другой цвѣтъ свиней. Въ Испаніи, на примѣръ, почти всѣ свиньи черныя, между тѣмъ какъ у насъ на сѣверѣ таковыя, какъ извѣстно, очень рѣдки. Свиней держатъ и откармливаютъ или въ хлѣвахъ, или-же большую часть года пасутъ ихъ на свободѣ. Въ-заперти онѣ больше и жирнѣе, зато слабѣе и болѣе подвержены болѣзнямъ, чѣмъ тѣ, которыя большую часть

Гарисонова свинья. $\frac{1}{18}$ наст. вел.

жизни проводятъ на волѣ; эти послѣднія нѣсколько выше на ногахъ и худѣе, но при этомъ сильнѣе, самостоятельнѣе и храбрѣе первыхъ. Лѣсное разведеніе свиней, если такъ можно выразиться, практикуется не только въ Америкѣ, а также въ большей части Россіи, въ Придунайскихъ равнинахъ, въ Греціи, Италиі, на югѣ Франціи и въ Испаніи. На Скандинавскомъ полуостровѣ и въ Финляндіи свиньи бѣгаютъ цѣлое лѣто, гдѣ имъ нравится, съ деревяннымъ треугольникомъ на шеѣ, который, не стѣсняя ихъ движеній, мѣшаетъ имъ пролѣзать въ загороженныя мѣста. Путешествуя по Норвегіи, вы встрѣчаете свиней спокойно и правильно бѣгающихъ по большимъ дорогамъ, гдѣ онѣ подбираютъ для своего пропитанія отбросы и все что попадаетъ съѣдобное. Въ южной Венгріи, Кроаціи, Славоніи, Босніи, Сербіи, въ Турціи и Испаніи онѣ совершенно предоставлены самимъ себѣ, и забота о нихъ ограничивается тѣмъ, что посматриваютъ, чтобы онѣ не ушли далеко. При этомъ пользуются лѣсами и особенно дубовыми, гдѣ онѣ находятъ обильную пищу. Въ

Испании онѣ уходятъ на горы, въ Сiera-Невада, напримѣръ, взбираются на высоту 2500 м. и разыскиваютъ себѣ пищу въ такихъ мѣстахъ, гдѣ другія животныя ничего-бы не нашли. Привольная жизнь очень сильно дѣйствуетъ на развитіе ихъ тѣлесныхъ и душевныхъ способностей. Онѣ бѣгаютъ хорошо, лазаютъ ловко и сами заботятся о своей безопасности. При содержаніи свиней въ полудикомъ состояніи, ихъ держать на волю лѣтомъ, а зимой загоняютъ въ хлѣва. Напрасно думаютъ, что для благосостоянія свиней, имъ необходима грязь и нечистота. Новѣйшія наблюденія показали, что и это домашнее животное, какъ и остальные, гораздо успѣшнѣе развивается въ чистотѣ, чѣмъ при худомъ уходѣ въ грязныхъ помѣщеніяхъ; поэтому образованные сельскіе хозяева теперь болѣе не

Карликовая свинья. $\frac{1}{12}$ наст. вел.

запираютъ своихъ свиней въ отвратительныя тюрьмы, именуемая свинными хлѣвами, а держать ихъ въ болѣе обширныхъ, прохладныхъ помѣщеніяхъ, которыя легко чистить; при этомъ воспитывающіяся въ нихъ свиньи выходятъ гораздо здоровѣе и сильнѣе, чѣмъ въ прежнихъ грязныхъ труппахъ. Самое лучшее, если есть возможность выложить полъ большими каменными плитами.

Свиньи очень прожорливы, упрямы, неловки и не проявляютъ привязанности къ человѣку. Впрочемъ и это правило не безъ исключеній. Тѣ свиньи, которыя съ малолѣтства находились не въ одиночествѣ, а вблизи человѣка, какъ это нерѣдко бываетъ въ деревнѣ, кажутся болѣе развитыми и гораздо болѣе понятливы, чѣмъ другіе ихъ собратья. Мнѣ рассказывалъ одинъ лѣсничій, что у него была такъ называемая китайская свинка, которая бѣгала за нимъ какъ собаченка, знала свое имя и на зовъ тотчасъ прибѣгала, всходила по лѣстницѣ и вела себя въ комнатѣ совершенно прилично, исполняла приказанія и продѣлывала разные фокусы. Она

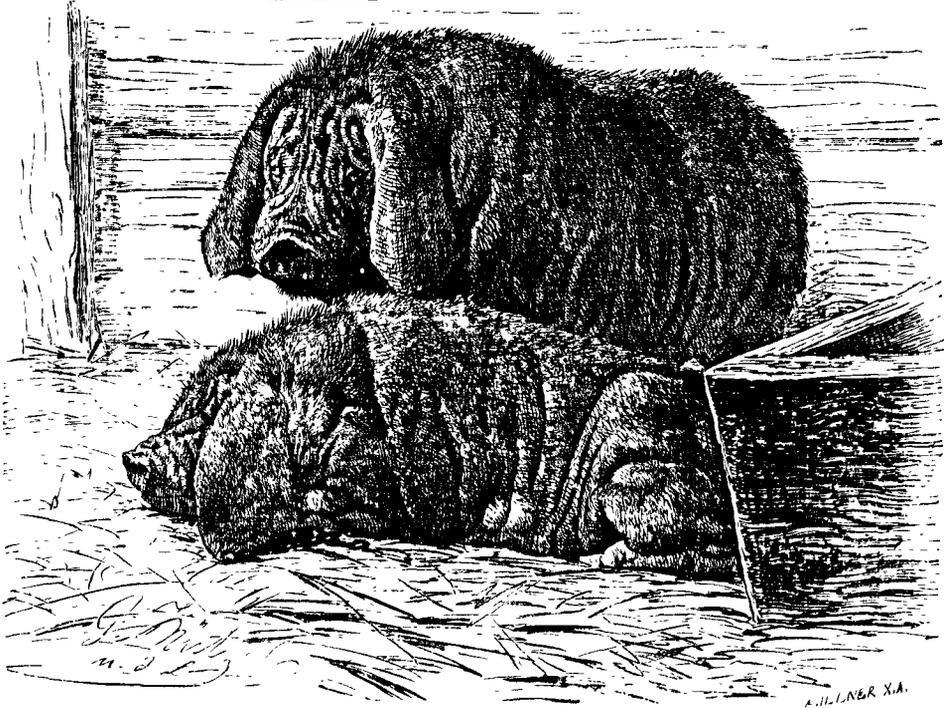
была приучена искать въ лѣсу сморчки и искала ихъ очень прилежно *). Во Франціи свиней научаютъ вырывать специально трюфели. Онѣ, впрочемъ, выучиваются разнымъ другимъ искусствамъ. Когда Людовикъ XI бывалъ боленъ и ничто не могло разсѣять унынія его, тогда ему приводили нѣсколько штукъ хорошо дрессированныхъ поросятъ, разодѣтыхъ очень пестро, которые плясали и играли подъ звуки волынки и тѣмъ вызывали улыбку короля. Подобное-же развлеченіе они доставляли, какъ извѣстно, и большой императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ. Нѣкоторыя свиньи были научены складывать изъ большихъ буквъ подвижной азбуки продиктованныя имъ слова и указывать часы. Одинъ англичанинъ приучалъ свинью ходить на охоту. «Слудъ», такъ звали ее, была большая любительница охоты и тотчасъ-же присоединялась къ каждому охотнику. Она любила всякаго рода охоту, кромѣ охоты на зайцевъ, которыхъ она, казалось, вовсе не замѣчала. Чутье ея было такъ развито, что она узнавала слѣдъ птицы за 40 шаговъ. Долго употребляли Слуда на охотѣ, но наконецъ ее пришлось убить, такъ какъ она терять не могла овецъ и постоянно пугала стада. Многія свиньи могли возить экипажи. Одинъ крестьянинъ изъ окрестностей мѣстечка Сентъ-Альбанъ въ Америкѣ, прїѣзжалъ очень часто въ городъ на четверкѣ свиней, быстро объѣзжалъ разъ или два вокругъ рынка въ галопъ, кормилъ ихъ и затѣмъ черезъ нѣсколько часовъ снова возвращался на нихъ домой. Другой крестьянинъ держалъ пари, что верхомъ на своей свиньѣ доѣдетъ отъ своего дома до Норфолька, разстояніе въ четыре англійскія мили, въ часъ времени, и выигралъ закладъ.

Всѣ эти рассказы убѣждаютъ, что свиней легко учить и что ихъ способности не настолько ограничены, какъ думаютъ обыкновенно. Гензель, конечно, правъ, говоря, что способности этого животнаго такъ плохо цѣнятся только оттого, что мало ихъ наблюдаютъ, и, наоборотъ, онъ увлекается, утверждая, что способности свиней выше способностей лошадей. Удивительно, что свиньи всегда проявляютъ извѣстное отвращеніе къ собакамъ; какъ домашнія, такъ и дикія свиньи при случаѣ не брезгаютъ падалью, но никогда не тронуть собачьяго мяса. На чужихъ собакъ онѣ нападаютъ цѣлыми стадами; поэтому охотникамъ, прогуливающимся съ собаками по деревнямъ, гдѣ выпущены свиньи, слѣдуетъ быть осторожными. Въ полѣ, на свиномъ выгонѣ, во всякомъ случаѣ собака въ большей безопасности, нежели на проѣзжей дорогѣ или въ деревнѣ, гдѣ свиньи очень ясно показываютъ собакамъ, что тутъ онѣ дома, у себя. Иногда домашнія свиньи нападаютъ на ребенка, а полудикія стада опасны даже для взрослыхъ.

Подобные случаи, бывшіе въ южной Венгріи, описываетъ наслѣдный принцъ эрцгерцогъ Рудольфъ. «Сѣрые лохматые волкодавы и коренастые пастухи, состоящіе разбойники на видъ, тихо подвигаются за пасущимися животными. Каждый пастухъ вооруженъ пистолетомъ, частью чтобы пугать волковъ, рыщущихъ по вечерамъ, частью-же, чтобы защищаться отъ сильныхъ свирѣлыхъ борововъ, называемыхъ, впрочемъ, какъ-бы въ насмѣшку, домашними животными. Я слыхалъ отъ мѣстныхъ жителей, что каждый годъ нѣсколько пастуховъ погибаютъ жертвою своихъ собственныхъ свиней: онѣ нападаютъ на нихъ, особенно на спящихъ, и убиваютъ».

*) Не могу отказать себѣ въ удовольствіи передать то, чему мы всѣ были очевидцами. У насъ была свинья, которая росла въ одной конюшнѣ съ жеребенкомъ и до того привыкла къ нему, что спала не иначе, какъ рядомъ съ нимъ и пищала, если ее не пускали въ стойло, гдѣ стоялъ жеребенокъ, таскала туда солому и, когда лошадь выводили поить, а впоследствии запрягали, то она слѣдовала за ней буквально по пятамъ. Ее конечно тогда запирали въ конюшню, чтобы не имѣть такого курьезнаго провожатаго, и свинья жалобно кричала. Впоследствии 4-хъ лѣтнюю лошадь продали и, такъ какъ ничто не вѣчно подъ луною, то и Манка наша забыла свою подругу кобылицу. (Прим. редактора).

Вообще все домашнія свиньи — настоящія всеядныя животныя. Нѣтъ такого питательнаго вещества, которымъ-бы онѣ пренебрегали. Только до нѣкоторыхъ растений онѣ не дотрогиваются, и нѣкія приносы могутъ причинить имъ смерть: все остальное онѣ ѣдятъ охотно какъ то, что ѣсть человекъ, такъ и еще многое другое, выбирая пищу какъ изъ растительнаго, такъ и изъ животнаго царства. Въ паровыхъ и вспаханыхъ поляхъ онѣ даже полезны: во первыхъ онѣ уничтожаютъ мышей, улитокъ, дождевыхъ червей, стрекозъ, куколокъ бабочекъ и кромѣ того разныя сорныя травы, причѣмъ сами очень хорошо отъѣдаются, и кромѣ того очень хорошо разрыхляютъ почву. Нѣкоторые полагаютъ, что черныя свиньи имѣютъ то преимущество, что никакія ядовитыя растенія имъ не вредятъ, а потому въ нѣкоторыхъ странахъ ихъ пред-

Морщинистая свинья. $\frac{1}{16}$ наст. вел.

почитаютъ, а иногда исключительно ихъ только и разводятъ. Въ отдаленныхъ частяхъ свѣта, какъ европейцы, такъ и туземцы усердно распространяютъ это мнѣніе о неязвимости черныхъ свиней по отношенію къ ядамъ вообще и даже къ змѣиному.

При откармливаніи домашнихъ свиней стараются, чтобы онѣ какъ можно меньше двигались, между тѣмъ какъ при выращиваніи ихъ на племя слѣдуетъ заботиться, чтобы помѣщеніе позволяло имъ побѣгать и повозиться. Не менѣе того важно, чтобы хлѣвы были чисты и теплы. Случка происходитъ обыкновенно два раза въ годъ: въ началѣ апрѣля или въ началѣ сентября. Спустя 16—18 недѣль свинья поросится и приноситъ 4—6, иногда 12—15 и въ рѣдкихъ случаяхъ 20—24 поросенка. О дѣтенышахъ она не очень заботится и даже не всегда готовится себѣ къ этому времени гнѣздо. Нерѣдко случается, что многочисленное семейство становится ей въ тягость и она пожираетъ собственныхъ чадъ, если ей случится предварительно нечаянно задавить ихъ. За нѣкоторыми матками надо слѣдить за-долго передъ родами и избѣгать кормить ихъ животною пищею. У хорошей моло-

дой свињи поросятамъ даютъ сосать четыре недѣли и нисколько о нихъ не заботятся во все это время. По прошествіи мѣсяца ихъ отдѣляютъ отъ нея и вскармливаютъ легкою питательною пищею. Растутъ они очень быстро и уже по прошествіи восьми мѣсяцевъ сами способны къ размноженію.

О выгодахъ, доставляемыхъ зарѣзанной свиноей, здѣсь не стоитъ распространяться, ибо каждый знаетъ, что нѣтъ такой частицы во всемъ тѣлѣ свињи, которая бы не шла въ дѣло.

* *
* *

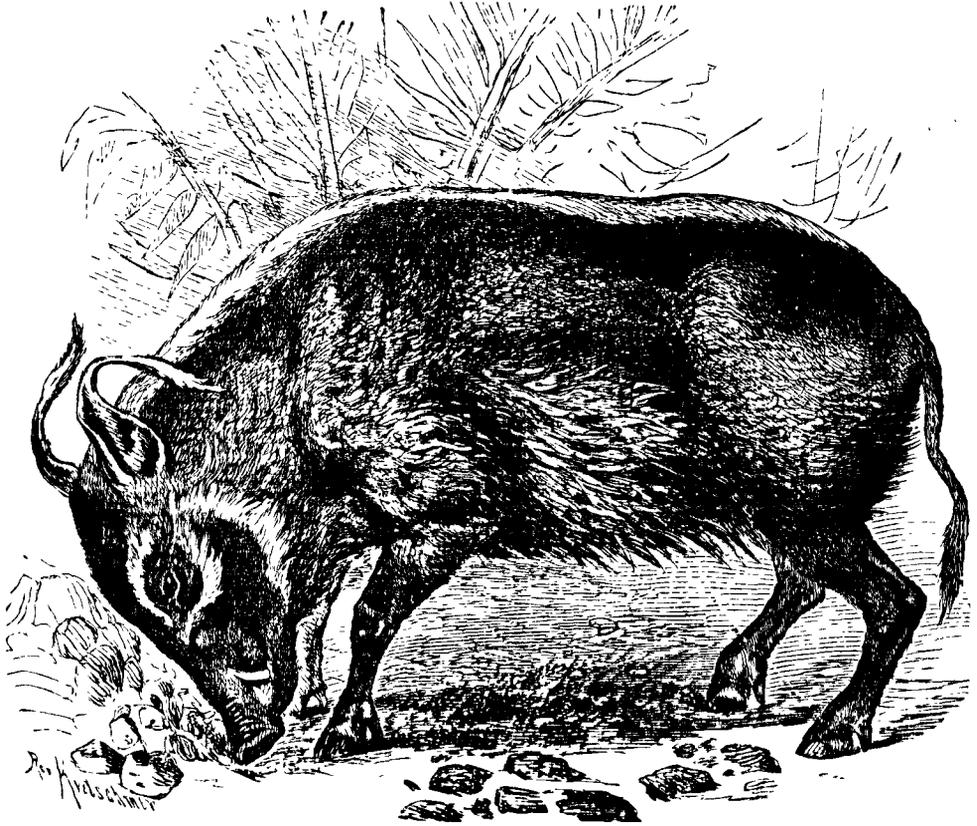
Къ только что поименованнымъ свинымъ относится и **Африканскія дикія свињи** (*Potamochoerus*) безспорно самые красивые члены этой семьи; отличительными признаками ихъ служатъ костяные бугорки, расположенные между глазами и носомъ, удлиненыя лицевыя части черепа, не очень длинное и тонкое рыло, длинныя, узкія, сильно заостренныя уши, украшенныя пучкомъ волосъ, умѣренной длины, покрытый волосами хвостъ и лишь четыре соска на брюхѣ самокъ. Зубы ихъ мало отличаются отъ зубовъ прочихъ описанныхъ свиноей, именно тѣмъ, что въ каждой челюсти только по шести коренныхъ зубовъ.

Кистеухая свинья (*Potamochoerus porcus*, *Sus guinensis*, *porcus*, *penicillatus* и *pictus*, *Potamochoerus penicillatus* и *albifrons*, *Choiropotamus pictus*. Pinselschwein. Sanglier à pinceaux) извѣстна уже съ половины XVII-го столѣтія и есть самая красивая изъ всѣхъ свиноей. По величинѣ она совершенно одинакова съ кабаномъ, взрослая, впрочемъ, достигаетъ 55—60 см. вышины въ плечахъ и 1,5—1,6 м. въ длину, включая сюда и хвостъ въ 25 см. Кожа покрыта тонкой и мягкой, густой и плотно прилегающей щетиной, которая нѣсколько длиннѣе по сторонамъ головы, на нижней челюсти и на нижней части шеи, образуетъ на спинѣ короткую и жидкую гриву, подъ глазами пучки, а на щекахъ густыя бакенбарды, и на кончикѣ почти голаго хвоста разрастается въ густую кисть. Преобладающій цвѣтъ затылка, загривка, спины и боковъ прекрасный, яркій красновато-бурый съ желтымъ отливомъ, или темный красновато-желтый; лобъ, темя и уши, а также ноги—черныя; грива, края ушей, брови, полоса подъ глазами и бакенбарды бѣлыя или желтовато-бѣлыя. Морда и нижнія части тѣла сѣроватыя и послѣднія почти бѣловато-сѣрыя. Дѣтеныши такіе-же полосатые, какъ поросята кабановъ, очень красиво окрашенныя и живые звѣрки. Родина этихъ животныхъ западная Африка, хотя Бемъ упоминаетъ о томъ, что видалъ ихъ и въ восточной Африкѣ, а именно вмѣстѣ съ нижеописаннымъ видомъ.

О жизни кистеухой свињи на волѣ мы имѣемъ очень ограниченныя свѣдѣнія, хотя животное это было извѣстно европейцамъ уже во время Маркграфа (въ половинѣ XVII столѣтія); уже тогда ее ловили и вывозили живую, такъ какъ Маркграфъ видѣлъ ее въ Бразиліи, а не въ западной Африкѣ. Члены экспедиціи Гюсфельда въ Лоанго нѣсколько разъ ловили дѣтенышей этого животного; одну изъ молодыхъ свинокъ помѣстили въ клетку съ обезьянами, съ которыми она очень хорошо уживалась и потѣшала свою уморительною веселостію. О живущихъ въ дикомъ состояніи кистеухихъ свиныхъ Пехуэль-Лёше говоритъ: «Это очень живыя и подвижныя существа; судя по слѣдамъ, онѣ живутъ большими стадами, главнымъ образомъ во влажныхъ лѣсахъ, по близости рѣкъ, встрѣчаются однако нерѣдко и въ горахъ. Сталкиваясь съ ними очень близко въ лѣсной чащѣ, слышишь ихъ хрюканье, чаще-же всего онѣ совѣмъ особенно самодовольнымъ образомъ и добродушно мурлычатъ. Спугнутыя, онѣ рѣдко убѣгаютъ съ шумомъ, напротивъ, надѣясь быть незамѣченными, скрываются потихоньку. Онѣ чрезвычайно живучи, такъ какъ довольно долго бѣгутъ раненыя съ засѣвшей пулей; мясо ихъ очень вкусно».

Первая живая кистеухая свинья получена въ Лондонскій зоологическій садъ въ 1852 году; съ тѣхъ поръ уже много ихъ привезено въ Европу; впрочемъ, въ большинствѣ зоологическихъ садовъ онѣ считаются еще рѣдкостью. Я видалъ ихъ довольно часто, могъ даже наблюдать и не нашель, что бы онѣ по свойствамъ и образу жизни во многомъ отличалась отъ нашихъ дикихъ свиней и остальныхъ своихъ родичей. Судя по моимъ собственнымъ наблюденіямъ и по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, ее можно считать довольно добродушнымъ созданиемъ.

Чтобы довести ее до состоянія довольства, которое такъ свойственно хорошо содержимымъ свиньямъ, необходимы: теплый хлѣвъ, передъ нимъ солнечное мѣ-

Кистеухая свинья. *R. moschiferus* porcus $\frac{1}{2}$ наст. вел.

стечко, гдѣ-бы не трудно было рыть землю, куча соломы, куда можно влѣзть до половины или, зарывшись, безпрепятственно отдыхать, и наконецъ корыто съ подходящею ѣдой; вотъ тѣ неприхотливыя условія, которыя вполне удовлетворяютъ ихъ. Кто много ими занимается помимо удовлетворенія необходимѣйшихъ потребностей, приобретаетъ скоро ихъ расположеніе и также легко можетъ ихъ приручить, какъ и молодыхъ кабановъ. Во взглядѣ ихъ рѣшительно преобладаетъ веселое выраженіе, а не сердитое, и самое обращеніе ихъ подтверждаетъ производимое впечатлѣніе. Къ нашему климату, какъ и всѣ дикія свиньи, онѣ привыкаютъ довольно легко и если защитить ихъ отъ сильныхъ холодовъ, то хорошо переносятъ зимніе морозы; можно-бы возлагать на нихъ большія надежды, если-бы онѣ лучше заботились о своихъ дѣтенышахъ, которыми, живущія въ неволѣ, сильно пренебрегаютъ.

Второй видъ этой породы—**Кустарная свинья** (*Potamochoerus africanus*, *Sus africanus*, *larvatus*, *hoiropotamus* и *choiropotamus*, *Phacochoerus larvatus* и *hoiropotamus*, *Potamochoerus larvatus* и *Choiropotamus africanus*. Larvenschwein. Sanglier à masque) живетъ, повидимому, только въ южной и восточной Африкѣ и ростомъ больше другихъ. Тѣло равномернo покрыто волосами до самой гривы на затылкѣ, которая не топорщится, а лежитъ гладко; грива и длинные бакенбарды бѣловато-сѣрые, морда блѣдно-сѣрая, тѣло-же все сѣровато-бураго цвѣта.

Объ этой восточно-африканской породѣ Бемъ говоритъ слѣдующее: «Кустарная свинья живетъ почти всегда стадами, преимущественно въ сырыхъ чащахъ и въ болотахъ, очень любитъ воду; ночью она выходитъ на обработанныя поля, рано утромъ возвращается въ лѣсныя пустыни, а иногда уже подъ вечеръ покидаетъ ихъ. Она такъ опустошаетъ поля, что туземцы принуждены даже иногда покидать изъ-за нихъ свои жилища. По образу жизни она не стличается отъ нашихъ дикихъ свиней. Поросится въ декабрѣ, январѣ или въ маѣ. На берегахъ Ликулве цвѣтъ ихъ частью красноватый; въ Каремѣ-же ярко-желто-бурый. Молодая свинья, подаренная намъ у Кингани (на юго-западъ отъ Занзибара), попала въ Гамбургскій зоологическій садъ; она была очень дика и зла. У рѣпки Вала одинъ самецъ безъ всякаго къ тому повода напалъ на нашего проводника и слегка ранилъ его въ ногу.

* * *

На Целебесѣ и сосѣднихъ западныхъ островахъ, именно на Сулмѣ, Монголѣ и Буру живетъ совсѣмъ особенная свинья. Она гораздо стройнѣе прочихъ и выше ростомъ и кромѣ того отличается своимъ сильнымъ, короткимъ и узкимъ рыломъ, маленькими глазами безъ рѣсницъ, маленькими узкими торчащими ушами, довольно короткимъ, украшеннымъ кистью хвостомъ и рѣдкимъ волосатымъ покровомъ. Особенно-же поразительны ея клыки, которые достигаютъ такой длины, что могутъ быть сравнены съ рогами.

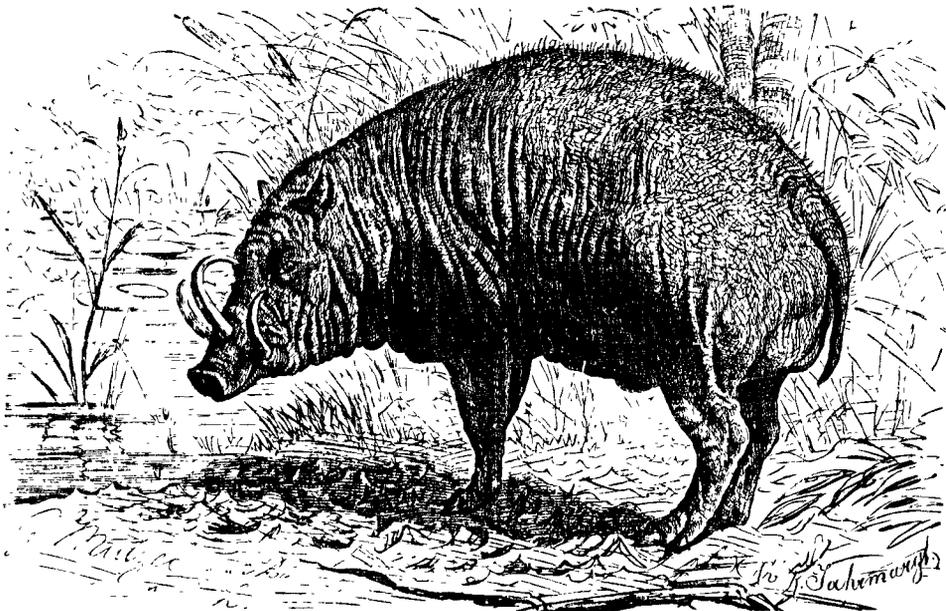
Европейцы назвали это животное мѣстнымъ, очень характернымъ прозвищемъ, «Бабируса», что означаетъ кабань-олень. Своими клыками онъ такъ отличается отъ прочихъ свиней, что имѣетъ полное право быть представителемъ особаго рода (*Porcus*).

Бабируса (*Porcus babyrussa*, *Sus babyrussa*, *Aper orientalis*, *Babyrussa alfigus*. Hirscheber. Babiroussa) животное очень большое. Новѣйшіе охотники утверждаютъ, что они видѣли отдѣльные экземпляры, которые по величинѣ равнялись ослу средняго роста. Общая длина тѣла взрослага животнаго 1,1 м., хвоста—20 см. Вышина въ плечахъ и въ крестцѣ около 80 см. Тѣло длинное, круглое и полное, съ боковъ слегка сжато, спина кругловатая, шея короткая и толстая, голова несообразнo мала, вытянута, лобъ также закругленный, рыло очень тонкое, выдается надъ нижней губою и, какъ у всѣхъ свиней, оканчивается голымъ хрящевымъ пятчкомъ съ твердыми, мозолистыми краями; на этомъ пятчкѣ расположены ноздри. Ноги у этой свиньи мускулистыя, но довольно длинныя; на всѣхъ конечностяхъ по четыре копыта; на переднихъ они развѣ немножко дальше отстоятъ другъ отъ друга, чѣмъ у прочихъ свиней; хвостъ тонкій и висячій. Клыки верхней челюсти, которые у самца очень длинны, тонки и остры, проростають сквозь кожу морды; они на передней сторонѣ закруглены, съ боковъ сплюснуты, сзади съ тупымъ ребромъ, растутъ кверху, загибаясь одновременно назадъ, такъ что подъ старость вростають въ кожу лба и принимаютъ полукруглый видъ. Болѣе короткіе и болѣе толстые бивни нижнихъ челюстей прямѣе и направлены въ стороны. У самки клыки очень коротки,

верхние пробуравливают морду, как у самцов, но торчат не больше, как на дюйм. Рѣзцовъ въ верхней челюсти 4, въ нижней—6 и по 5 коренныхъ зубовъ вверху и внизу. Всего два соска, и они находятся въ пахахъ.

Тѣло покрыто довольно рѣдкими, разбросанными щетинами, которыя нѣсколько гуще растутъ вдоль позвоночника на спинѣ, между многочисленными складками тѣла и на концѣ хвоста, гдѣ онѣ даже образуютъ маленькую кисть. Кожа толстая, твердая, грубая и морщинистая, а на мордѣ, около ушей и на шеѣ образуетъ глубокия складки. Верхняя и наружная части грязно-буровато-сѣраго, а на внутреннихъ частяхъ ногъ сплошного ржаво-рыжаго цвѣта. По срединѣ спины идетъ желтовато-бурая полоса, образуемая кончиками щетины. Уши черноватыя.

Кажется, бабируса былъ извѣстенъ уже въ древности; но крайней мѣрѣ филологи старались отнести къ этому животному нѣсколько мало понятныхъ названій, встрѣчаю-

Бабируса. *Poreus babyrussa*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

щихся у древнихъ писателей. Черепъ его знали уже нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ, чучела-же привозились и прежде, какъ и теперь, очень рѣдко. Рисунки походили на каррикатуры, а описанія ихъ образа жизни были ничто иное, какъ собраніе глухихъ басенъ. Съ тѣхъ поръ, какъ нѣсколько живыхъ экземпляровъ было привезено въ Европу, явилась возможность дѣлать наблюденія, снять съ нихъ вѣрные изображенія и описать ихъ образъ жизни, но послѣднее и особенно жизнь на свободѣ такъ мало поддается изученію, что еще до сихъ поръ въ описаніяхъ этихъ встрѣчается много баснословнаго. Целебесъ и только, по мнѣнію Розенберга, сѣверная часть его должна считаться родиной бабирусы. Кромѣ того онъ находится на вышепоименованныхъ островахъ, между тѣмъ какъ его нѣтъ ни на остальныхъ Зундскихъ островахъ, ни на Австралійскомъ и Азіатскомъ материкѣ. По образу жизни онъ не отличается отъ прочихъ свиней. Болотистые лѣса, тростниковыя поросли, лужи и озера, гдѣ есть много водяныхъ растений,—вотъ его любимыя мѣста. Здѣсь они собираются большими или малыми стадами, днемъ спятъ, ночью пасутся и ѣдятъ все, что попадаетъ съѣдобнаго. Бабируса ходитъ довольно скорымъ шагомъ, бѣгаетъ быстро, чѣмъ наши

дикія свиньи, однако, понятно, нельзя сравнить, какъ прежде думали, его бѣгъ съ быстрою эластичною походкою оленя. Чтобы какимъ-нибудь образомъ объяснить себѣ поразительное развитіе его клыковъ, придумали басню, что онъ зацѣпляется ими за низкіе сучья деревьевъ, чтобы поддержать голсу, или что онъ для собственного развлеченія, вися на нихъ, покачивается взадъ и впередъ. Доказано, что бабируса прекрасно плаваетъ и не только въ прѣсно-водныхъ посѣщаетъ всѣ мѣста, гдѣ можно найти пищу, но и очень смѣло переплываетъ съ одного острова на другой черезъ морскіе проливы.

Изъ внѣшнихъ чувствъ лучше другихъ развиты слухъ и обоняніе. Звукъ голоса—протяжное, слабое хрюканье. Умственное развитіе таково-же, какъ и у прочихъ свиней. Бабируса не любитъ встрѣчаться съ людьми, въ случаѣ-же нападенія онъ защищается такъ-же храбро, какъ и всѣ остальные кабаны, пуская въ ходъ свои нижніе клыки, которые представляютъ такое грозное оружіе, что заставляютъ призадуматься самыхъ смѣлыхъ людей. Туземцы убиваютъ ихъ стрѣлами, иногда-же устраиваютъ травлю, причемъ бабирусы пытаются спастись бѣгствомъ.

Говорятъ, что въ февралѣ мѣсяцѣ самка мечетъ одного или двухъ поросятъ, маленькихъ, милыхъ звѣрковъ 15 и 20 см. длины; мать ихъ нѣжно любитъ и защищаетъ. О размноженіи ихъ больше ничего неизвѣстно. Если удастся поймать поросятъ очень маленькими, то они скоро дѣлаются ручными, привыкаютъ къ людямъ, при случаѣ сопутствуютъ имъ и, выражая благодарность, потряхиваютъ ушами и виляютъ хвостомъ. У предводителей туземныхъ племенъ часто можно встрѣтить живыхъ бабирусъ, такъ какъ туземцы считаютъ ихъ необыкновенными существами и держать въ неволѣ, какъ диковинку. Но такіе случаи прирученія бывають очень рѣдки, и поэтому ручной бабируса стоитъ даже на мѣстѣ очень дорого.

Маркусъ, голландскій правитель Молуккскимъ острововъ, подарилъ французскимъ натуралистамъ Куа и Гэмару, посѣтившихъ его во время своего кругосвѣтнаго путешествія, пару бабирусъ; это была первая живая пара, привезенная въ Европу въ 1820 году. Оба животныхъ сдѣлались довольно ручными. Самка была болѣе дика, чѣмъ самецъ, и, когда сторожа стали его измѣрять, то она подбѣжала сзади и хватала людей за платье. Къ стужѣ они были въ неволѣ очень чувствительны, безпрестанно тряслись, ежились и даже лѣтомъ зарывались въ солому. Въ мартѣ мѣсяцѣ самка принесла одного темно-бурого дѣтеныша и съ первой-же минуты рожденія его сдѣлалась очень раздражительна и зла, не подпускала никого къ поросятку, рвала сторожамъ платье и кусала все кругомъ. Къ сожалѣнію, животныя прожили недолго. Холодный климатъ погубилъ ихъ. Къ обыкновенной пицѣ свиней они привыкли очень скоро; картофель и мука съ водою имъ очень нравились. Дѣтенышъ ихъ—самецъ—росъ очень быстро и по прошествіи нѣсколькихъ недѣль былъ уже довольно великъ. Онъ околѣлъ, не достигши двухлѣтнаго возраста, и къ этому времени клыки еще не проросли сквозь кожу. Позднѣе въ Лондонскомъ зоологическомъ саду появлялись живые бабирусы, но всегда составляли большую рѣдкость и выносили неволю одни хуже, другіе лучше.

* * *

Въ Африкѣ кромѣ дикой африканской свиньи водятся чудовища того-же семейства, именно **Бородавочники** (*Phacochoerus*). Это самыя неуклюжія и уродливыя изъ всѣхъ свиней: приземистыя, на короткихъ ногахъ, главнымъ образомъ отличающіяся своею некрасивою головою и необыкновенными зубами. Тѣло ихъ съ боковъ не сжато, цилиндрическое, на срединѣ спины вдавлено, шея короткая, голова огромная, лобъ широкій и низкій, вся морда замѣтно расширена, особенно несоразмѣрно

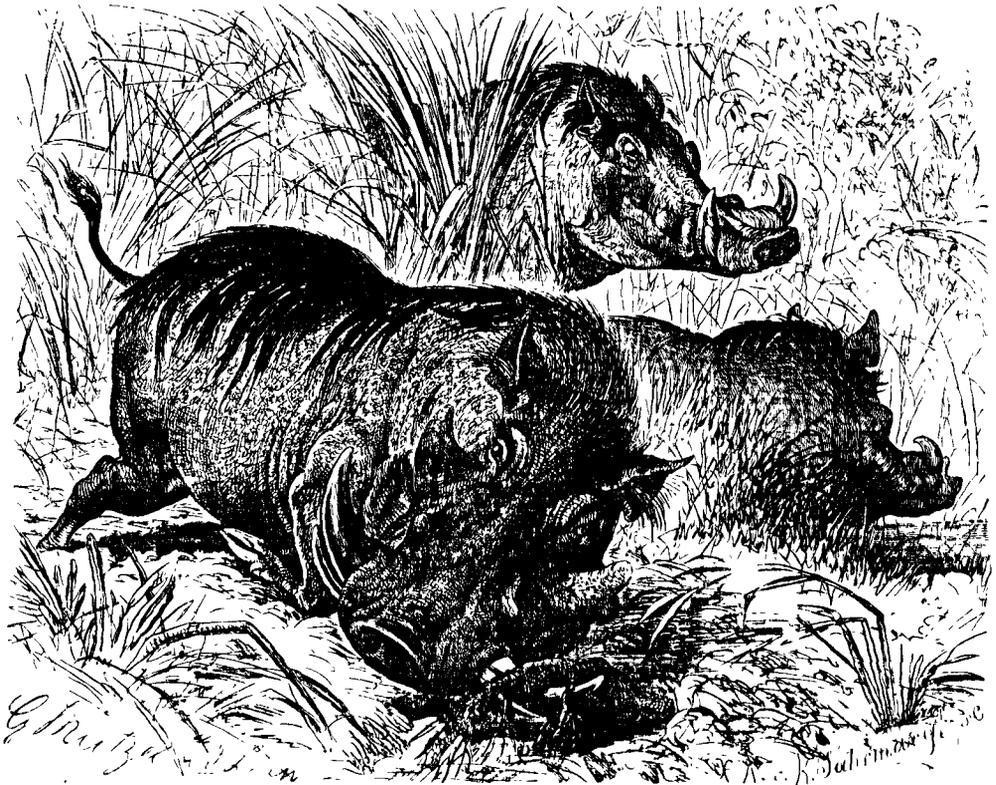
широка верхняя губа. Морда съ обѣихъ сторонъ обезображена тремя бородавчатыми наростами, изъ которыхъ одинъ въ нѣсколько сантиметровъ вышины, заостренъ и подвиженъ, то поднять кверху, то виситъ подъ глазами; другой, поменьше, всегда торчитъ кверху и находится спереди на верхней челюсти; третій у основанія очень длинный, начинается у нижней челюсти и доходитъ до самаго рта. Глаза маленькіе, на выкатѣ, какъ у бегемота окаймлены снизу большими полудунными складками, которыя можно сравнить съ слезными ямками; можетъ быть, здѣсь и находится какая-нибудь железа. Уши заостренныя, пяточокъ такъ расширенъ, что образуетъ спереди удлинненную яйцевидную плоскость. На каждой изъ короткихъ, довольно красивыхъ ногъ по четыре копыта; на кистевыхъ суставахъ переднихъ ногъ находятся широкія мозоли. Длинный хвостъ имѣетъ видъ бича и кончается густою кистью. Кромѣ бакенбарды и гривы на спинѣ тѣло покрыто кое-гдѣ очень рѣдкими разбросанными щетинами. Во рту первоначально бываетъ по 6 рѣзцовъ на верхней и нижней челюсти, затѣмъ—гигантскіе, очень большіе клыки, которые болѣе или менѣе искривлены, на концѣ тупые, спереди и сзади изборождены продольными ровками и загнуты кверху, какъ у всѣхъ свиней; кромѣ того по 6 коренныхъ зубовъ въ каждомъ ряду, вверху и внизу. Слѣдовательно всѣхъ зубовъ 40, изъ которыхъ не только коренные зубы, но и рѣзцы болѣею частью выпадаютъ. Такъ какъ это случается не всегда, то Грэй считалъ себя въ правѣ соединить два вида этихъ свиней въ одинъ; но сравненіе между собою бородавочниковъ, южно и средне-африканскаго, выясняетъ, несомнѣнно, что какъ-бы они не были сходны между собою, но совершенно основательно должны быть разсматриваемы, какъ два различныхъ вида.

Бородавочникъ африканскій (*Phacochoerus africanus*, *Phacochoerus* или *Phascochoerus aciani*, *incisivus*, *barbatus* и *haroja*. *Sus africanus*, *Porcus silvestris*. *Warzenschwein*. *Phacochoere à incisives*.) достигаетъ 1,9 м. общей длины, включая длинный хвостъ въ 45 см.; въ плечахъ имѣетъ 70 см. высоты. Особенности его наружнаго вида составляютъ: очень длинное широкое рыло, вдавленное въ срединѣ, верхній профиль котораго образуетъ плоскую, книзу вогнутую дугу; вверху торчащія бородавки и не очень изогнутые бивни. По зубамъ онъ отличается тѣмъ, что 2 рѣзца въ верхней челюсти и 6 въ нижней не всегда выпадаютъ правильно. Волоса на бокахъ и на нижней части живота коротки и рѣдки, даже въ холодное время года, въ теплеее время и особенно послѣ линянія они такъ незначительны, что сѣровато-аспидная кожа совсѣмъ ясно видна, и мягкія тонкія щетинки, ее покрывающія, придаютъ кожѣ только болѣе свѣтлый оттѣнокъ. Напротивъ, грива, идущая вдоль всей спины отъ лба до крестца, сильно расширяется на спинѣ, состоитъ изъ толстыхъ, почти нестибающихся черныхъ волосъ съ коричневыми концами, которые такъ длинны, что ниспадаютъ на бока до брюха. Глаза съ густыми рѣсницами окружены жесткой щетиной, подобная-же щетина образуетъ на нижней челюсти замѣтные бакенбарды. Наконецъ, довольно длинный пучокъ волосъ образуетъ хвостовую кость. Область распространенія африканскаго бородавочника преимущественно восточная часть средней Африки.

Въ Южной Африкѣ его замѣняетъ **Беззубый бородавочникъ** (*Phacochoerus aethiopicus*, *Phacochoerus* и *Phascochoerus edentatus*, *typicus* и *pallasii*, *Sus aethiopicus*, и *angalla*, *Aper aethiopicus*, etc. *Hartlauffer*. *Engalo*.) Сложеніемъ, ростомъ и цвѣтомъ онъ очень похожъ на предыдущаго, однако очень рѣзко отличается отъ него тѣмъ, что лицевая линія образуетъ выпуклую дугу и придаетъ короткой головѣ курносый видъ. Глазныя бородавки очень длинны и висятъ; клыки гораздо толще, болѣе изогнуты въ сторону, а рѣзцы по крайней мѣрѣ подъ старость выпадаютъ

изъ обѣихъ челюстей. Волосной покровъ тоже другой: грива нѣсколько шире и короче, передняя часть ея стоитъ между ушами въ видѣ хохла, отъ котораго волоса ниспадають во все стороны; бакенбарды не такъ велики, на бокахъ шерсть, напротивъ, гуще и больше, чѣмъ у другаго бородавочника.

О привычкахъ и образѣ жизни африканскаго бородавочника еще по настоящее время мы имѣемъ очень неточныя свѣдѣнія. Сѣверная порода встрѣчается въ Абиссиніи на высотѣ до 3000 м. надъ уровнемъ моря, у Бѣлаго Нила, во всехъ поросшихъ кустами мѣстностяхъ, на поляхъ, тростникахъ или въ почти непроницаемыхъ бамбуковыхъ рощахъ, которыя эти животныя предпочитаютъ другимъ, такъ

Бородавочникъ африканскій. *Phacochoerus africanus*. $\frac{1}{12}$ наст. вел.

какъ бѣлые спаржелоподобныя молодыя побѣги бамбука составляютъ ихъ любимую пищу. По мнѣнію Гейглина, бородавочники собираются стадами разной величины такъ-же, какъ большинство видовъ этого семейства. Они пасутся съ вечера до утра, день охотнѣе всего проводятъ въ логовищѣ, преимущественно-же въ болотѣ, тамъ, гдѣ можно улечься въ воду. По свѣдѣніямъ Бема, въ восточной Африкѣ бородавочникъ предпочитаетъ сухіе лѣса и степи, поросшія травой, и можетъ быть разсматриваемъ какъ не кочующее животное, такъ какъ отъ времени до времени его всегда можно найти въ извѣстномъ округѣ. Стадами онъ живетъ рѣдко, чаще попарно, и самка покидаетъ неохотно даже подстрѣленнаго самца. Старые самцы предпочитаютъ даже одиночество. Пищу ихъ, по мнѣнію Рюшеля, составляютъ корни, изъ чего дѣлается понятнымъ значеніе ихъ огромныхъ клыковъ. Чтобы добыть пищу, животное становится на колѣни переднихъ ногъ, подталкивается задними ногами и скользитъ на мозоли-

стых наростахъ, которыми снабжены колѣни. Въ такомъ положеніи оно, чтобы добраться до своей любимой пищи—корней и клубней—начинаетъ прорывать глубокія борозды, дѣйствуя больше клыками, чѣмъ пяточкомъ. Кромѣ того они ѣдятъ и всякую животную пищу: гусеницъ, куколокъ, жуковъ, червей и даже пресмыкающихся и падалъ.

«Несмотря на огромные клыки и дѣйствительно сильное тѣлосложеніе», говоритъ Гейглинъ, «эти животныя не очень злы и даже подстрѣленные не умѣютъ такъ хорошо защищаться, какъ европейскіе кабаны. Мясо ихъ менѣе вкусно, чѣмъ мясо нашихъ дикихъ свиней и часто причиняетъ расстройство желудка, а нерѣдко даже и поносъ; оно менѣе вредно, если употребляется соленымъ или сушенымъ». Швейнфуртъ также говоритъ, что онъ убѣдился въ неудобоваримости мяса бородавочника; Вемъ, напротивъ, восхваляетъ его и говоритъ, что худое мнѣніе о немъ предыдущаго натуралиста составилось, вѣроятно, потому, что онъ ѣлъ мясо стараго кабана или такого, который былъ убитъ во время полового возбужденія. Далѣе Вемъ продолжаетъ. «Даже подстрѣленные самцы издають громкій визгливый крикъ; смертельно раненные стонутъ и хрипятъ; на охотника они рѣдко нападаютъ». О размноженіи ихъ онъ замѣчаетъ слѣдующее: «Въ іюнѣ я застрѣлилъ поросую свинью; въ іюлѣ другую съ годовалыми поросятами, которые вслѣдъ за матерью всѣ были убиты; въ концѣ сентября намъ попались свинья, кабанъ и десять маленькихъ поросятъ; въ декабрѣ—свинья съ довольно большими поросятами, которые всѣ убѣжали вмѣстѣ съ тяжело раненою матерью».

О беззубомъ бородавочникѣ Шпаррманъ пишетъ. «Этихъ животныхъ здѣсь называютъ «лѣсными свиньями». Они живутъ въ ямахъ, выкопанныхъ въ землѣ и очень опасны, потому что бросаются на человѣка, какъ стрѣла, и своими длинными клыками распарываютъ ему животъ. Они живутъ стадами и, бросаясь въ бѣгство, тащатъ въ пасти каждый по поросенку. Это выглядитъ очень странно. Въ Кандебо они спариваются съ домашними свиньями и производятъ дѣтенышей, способныхъ къ размноженію». Позднѣйшіе писатели подтверждаютъ слова Шпаррмана. «Я избралъ», рассказываетъ Гордонъ Куммингъ, «предметомъ своихъ преслѣдованій одного стараго кабана и отбѣнилъ его отъ стада. Послѣ того какъ я верхомъ гнался за нимъ 10 миль, мы очутились на довольно отлогомъ склонѣ; здѣсь я рѣшился на него напасть. Но именно въ тотъ моментъ, когда я принялъ это рѣшеніе, я попалъ въ настоящій лабиринтъ ямъ: это были жилища бородавочниковъ. Приблизившись къ одной изъ нихъ, кабанъ остановился и исчезъ, пропихиваясь въ нее при мнѣ довольно ловко задомъ; затѣмъ я его больше не видѣлъ». По наблюденіямъ Смита, бородавочникъ настолько-же безстрашенъ, какъ и свирѣпъ. При нападеніи онъ рѣдко обращается въ бѣгство, а, напротивъ, охотно вступаетъ въ бой. Логовища устраиваетъ въ ямахъ, подъ корнями деревьевъ или между обломками скалъ; самые отважные охотники не рѣшаются нападать на него, когда онъ въ берлогѣ, потому что онъ неожиданно появляется изъ нея, очень быстро начинаетъ наносить удары направо и налево и до самой смерти продолжаетъ ожесточенно бороться.

Первый бородавочникъ былъ привезенъ съ Канской земли въ Европу въ 1775 году. Его держали недолго въ зоологическомъ саду въ Гагѣ, гдѣ его считали за очень добродушное существо, пока въ одинъ прекрасный день не обнаружилась его свирѣдость: онъ бросился на своего сторожа и нанесъ ему своими ужасными клыками смертельную рану. Желая случить его съ домашней свиньей, къ нему посадили такую, но онъ ей распоролъ животъ. Относительно пищи онъ не отличался ничѣмъ отъ обыкновенныхъ свиней. Онъ ѣлъ всякіе хлѣбные злаки, кукурузу, гречу, рѣпу, зеленые коренья и очень охотно хлѣбъ. Въ новѣйшее время

оба вида этихъ животныхъ встрѣчаются во всѣхъ зоологическихъ садахъ. Я видалъ ихъ обоихъ въ Лондонѣ, Антверпенѣ и Берлинѣ, нѣкоторыхъ мнѣ удавалось наблюдать болѣе продолжительное время и я нашелъ, что по свойствамъ оба они вполне сходны между собой. Они отличаются отъ прочихъ свиней не по существеннымъ качествамъ, но по движеніямъ. Живя на родинѣ подъ землею, они соответственно этому въ неволѣ стараются какъ-нибудь спрятаться, забираются въ самые темные углы хлѣбовъ и залѣзаютъ такъ глубоко въ свою соломенную подстилку, что нерѣдко вовсе скрываются подъ нею.

Во время ѣды и рытья они непремѣнно припадаютъ на кистевые суставы переднихъ ногъ и ползутъ описаннымъ Рюшелемъ способомъ такъ ловко и такъ долго, что такія необыкновенныя движенія слѣдуетъ считать за привычныя. Я не отвергаю возможности сдѣлать ихъ ручными, но въ настоящую дружбу съ хозяиномъ они не вступаютъ.

* *

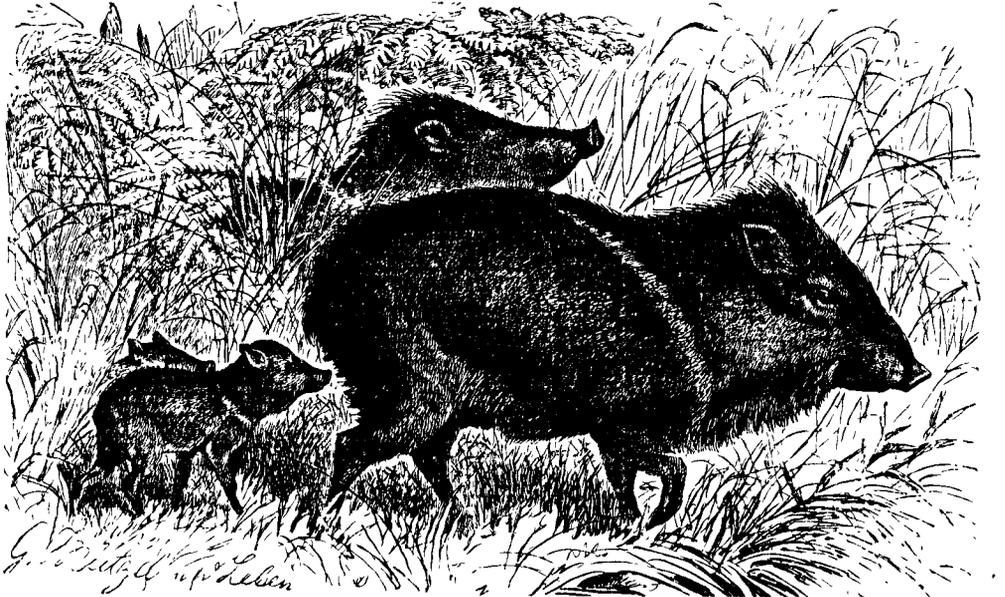
Отличительными признаками **Пекари** (*Dicotyles*) служатъ зубы, которыхъ бываетъ 38, а именно, 4 рѣзца на верхней и 6 на нижней челюсти, 4 клыка и по 6 коренныхъ на каждой сторонѣ обѣихъ челюстей. Клыки не выворочены кверху и не пробуравливаютъ верхней губы. Туловище короткое, голова и рыло также коротки, конецъ рыла заостренъ, уши маленькія, узкія, съ тупымъ кончикомъ; на заднихъ ногахъ нѣтъ наружнаго маленькаго копытца, такъ что на нихъ лишь по три копыта. Хвостъ мало развитъ, на задней части спины находится особая железа, а у самки только два соска.

Пекари или **Таяссу** (*Dicotyles torquatus*, *Sus tajaca* и *torquatus*, *Dicotyles tajaca* и *minor*, *Notophorus torquatus*. *Nabelschwein*. *Pecari*) у туземцевъ носитъ названія: **Ваганзу**, **Тагазу**, **Тасту**, **Апуя**, **Перака**, **Пакила**, **Пакиліе** и т. д. Это маленькая свинья, у которой голова короткая и морда тупая, впрочемъ, тѣлосложеніе довольно стройное. Длинная густая щетина у основанія темно-бураго цвѣта, затѣмъ кольцеобразно чередуется желтый съ чернымъ; на концѣ щетины опять черновато-бурая. Между ушами и на срединѣ спины она удлиняется, не образуя гривы. Общій цвѣтъ животнаго темно-бурый, переходящій на бокахъ въ желтовато-бурый, перемѣшанный съ бѣлымъ. Брюхо также бурое, грудь спереди бѣлая, отъ плечъ спускается кверху бѣловато-желтая, довольно широкая полоса. Изъ спинной железы постоянно вытекаетъ жидкость съ сильнымъ запахомъ, который, повидимому, животнымъ очень нравится, такъ какъ они часто обоюдно трутся носами о железу.

Другой видъ этого-же рода, **Мускусный пекари** (*Dicotyles labiatus*, *Sus labiatus* и *albirostris*, *Dicotyles albirostris*. *Bisamschwein*. *Tagnicat*) называется у туземцевъ: **Таньикати**, **Таититу**, **Койруни** **Поини** и **Ипуре**. Онъ ростомъ замѣтно больше предыдущаго, имѣетъ 1,1 м. длины, включая мало развитой хвостъ въ 5 см., при 40—45 см. высоты въ плечахъ. Отъ другого вида онъ рѣзко отличается большимъ бѣлымъ пятномъ на нижней челюсти и общей окраской тѣла. Толстая, грубая, ребристая щетина очень рѣдко покрываетъ тѣло, кромѣ спины, начиная отъ затылка, гдѣ она нѣсколько длиннѣе. Цвѣтъ щетины сѣровато-черный, но каждый волосъ на срединѣ имѣетъ красновато-черное кольцо, которое, впрочемъ, едва замѣтно; вслѣдствіе этого окраска тѣла довольно равномерна сѣровато-черная, при чемъ яркое свѣтлое пятно на щекахъ выдѣляется необыкновенно рѣзко.

Во всѣхъ лѣсныхъ мѣстностяхъ южной Америки до 1000 м. надъ уровнемъ моря оба вида пекари составляютъ привычное явленіе. Мускусные пекари бродятъ по лѣсамъ большими стадами въ нѣсколько сотъ штукъ, подъ предводитель-

ствомъ сильнѣйшихъ борововъ; стада обыкновенныхъ пекари меньше и состоятъ только изъ 10—15 головъ. Всѣ они ежедневно мѣняютъ свое мѣстопребываніе, такъ что, собственно говоря, постояннымъ странствованиямъ ихъ нѣтъ конца. По увѣреніямъ Ренггера, можно цѣлый день идти по ихъ слѣдамъ и ни одного изъ нихъ не увидать. «Въ ихъ переходахъ», говоритъ онъ, «ничто ихъ не задерживаетъ: ни открытыя равнины, которыхъ они обыкновенно избѣгаютъ, ни вода. Если они дойдутъ до открытаго мѣста, то несутся черезъ него напрямикъ, если-же рѣка или потокъ преграждаютъ имъ путь, то они, не задумываясь ни минуты, бросаются впасть. Я видалъ, какъ они переплывали рѣку Парагвай въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ширина ея равнялась получасу пути. При переправѣ, въ стадѣ господствуетъ большая толкотня. Всѣ самцы плывутъ впереди, а матери каждая со своими дѣтенышами позади. Уже издали слышно приближеніе

Обыкновенный пекарн. *Dicotyles torquatus*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

стада. не только по глухимъ звукамъ, которые они издають, но и по треску сучьевъ сломанныхъ на пути кустарниковъ». Бонпланъ былъ однажды на ботанической экскурсіи съ проводникомъ-индѣйцемъ, который вдругъ сталъ просить натуралиста спрятаться за дерево, опасаясь какъ-бы бѣгущее стадо этихъ свиней не опрокинуло Бонплана на землю. Пекари разыскивають себѣ кормъ днемъ и ночью, и вѣроятно недостатокъ въ подходящей пищѣ и есть причина, заставляющая ихъ постоянно перекочевывать. Пищу эту составляютъ всевозможные древесные плоды и корни. Ихъ зубы такъ крѣпки, говоритъ Шомбургкъ, что они могутъ раскусить самыя крѣпкія пальмовыя сѣмена. Въ населенныхъ мѣстностяхъ они врываются на плантаціи и опустошаютъ поля. Говорятъ, что кромѣ растительной пищи, они также пожирають змѣй, ящерицъ, червей и гусеницъ. По движеніямъ и по нраву они похожи на нашихъ дикихъ свиней, но не такъ прожорливы и не такъ нечистоплотны, ѣдятъ въ мѣру, воду ищутъ только во время жары и влѣзають въ нее только, чтобы покусаться. Днемъ они охотно забираются въ дупла или въ ямы подъ корнями большихъ деревьевъ; особенно если за ними

охотятся, то они укрываются въ такихъ укромныхъ уголкахъ. Внѣшнія чувства развиты плохо, умственные способности ограничены. Слухъ и обоняніе, повидимому, развиты лучше, зрѣніе слабое.

Нѣкоторые путешественники рассказываютъ чудеса о храбрости этихъ свиней; спокойные наблюдатели судятъ о нихъ безпристрастно. «Проходя», рассказываетъ Шомбургкъ, «по одному лѣсистому оазису, мы услышали необыкновенный шумъ, который можно было сравнить съ шумомъ бѣгущаго табуна, и который, казалось, все приближался. Индѣйцы съ криками подняли ружья, натянули луки и ожидали приближенія шумѣвшихъ, которые не замедлили появиться, при чемъ оказалось, что это огромное стадо мускусныхъ пекари. Какъ только они насъ увидели, тотчасъ приостановили свой дикій бѣгъ, испустили крикъ, похожій на хрюканье нашихъ свиней, и пустились удирать въ другую сторону. Мимо насъ стадо промчалось съ визгомъ, ужасно стуча и скрежеща зубами. Пораженный такимъ необыкновеннымъ явленіемъ, прервавшимъ наше молчаливое путешествіе, я въ первую минуту забылъ стрѣлять и, не слыша выстрѣловъ спутниковъ, чтобы наверстать пропущенное, я только что хотѣлъ выстрѣлить, какъ сосѣдъ мой индѣецъ выхватилъ у меня ружье. Это привело меня еще въ большее изумленіе, но скоро загадка разъяснилась. Когда главная часть стада уже промчалась мимо насъ, а позади были только оставшіе, тогда ружья и стрѣлы были опять подняты и мы убили четырехъ свинокъ. Удивительно, что собаки вели себя такъ-же спокойно, какъ и мы, и даже легли на землю. Индѣйцы говорили мнѣ, что стрѣлять въ такое стадо чрезвычайно опасно, такъ какъ всѣ животныя съ испугу разсыпаются въ разныя стороны и во время такого бѣгства разрываютъ всякое живое существо, попадающееся имъ на встрѣчу и уничтожаютъ все своими бивнями. Въ то время, какъ разъяренное стадо несло мимо насъ, мой негръ Гамлетъ, перепуганный и дрожащій, стоялъ подлѣ меня и подтверждалъ этотъ рассказъ, говоря, что его отецъ такимъ образомъ погибъ, получивъ смертельную рану отъ кайруни, когда выстрѣлилъ въ подобное бѣгущее стадо. Если-же стрѣлять по отсталымъ, то главная часть стада безпрепятственно продолжаетъ свой путь».

Шомбургкъ сообщаетъ дальше, что охота на пекари у индѣйцевъ болѣе другихъ въ ходу, потому что она самая выгодная. Собаки, съ которыми на нихъ охотятся, дрессированы совсѣмъ особенно, и это тѣмъ необходимѣе, что обѣ породы этихъ свиней питаютъ къ нимъ непримиримую вражду. «Дрессировка состоитъ въ томъ, что собаки при встрѣчѣ со стадомъ, должны отдѣлать одну изъ оставшихъ и задерживаютъ ее до тѣхъ поръ, пока подоспѣютъ охотники и убьютъ животное. Какъ только эта убита, собаки пускаются въ догонку за стадомъ и опять отдѣляютъ другую, третью, четвертую и т. д. Въ случаѣ если собаки слишкомъ горячи и бросаются въ средину стада, то ихъ ожидаетъ почти вѣрная смерть, такъ какъ онѣ остаются на полѣ битвы съ распоротыми животами. Такой-же участи подвергается и пума, и ягуаръ, разъ они вломились въ стадо; оба животныхъ, кажется, сознаютъ опасность и слѣдятъ за стадомъ издалека, предпочитая напасть на оставшихъ. Громкіе радостные крики раздаются въ средѣ охотниковъ, если имъ удается загнать стадо мускусныхъ пекари въ рѣку. Какъ только животныя влѣзутъ въ воду, индѣйцы бѣгутъ за ними и начинаютъ ихъ бить дубинами; для этого ударяютъ разъ или два по рылу; второй ударъ убиваетъ ихъ непременно. Убитую свинью преспокойно оставляютъ плавать, чтобы смертельнымъ ударомъ покончить еще съ нѣсколькими другими и когда убивать больше невозможно, то начинаютъ вылавливать добычу».

А. Гумбольдтъ и Рентгеръ ничего не знаютъ о ходячихъ баснословныхъ рассказахъ про пекари. «На мускусныхъ пекари, говоритъ послѣдній, «охотятся

частью из-за мяса, частью же из-за повреждений, производимых ими на плантациях. Обыкновенно их разыскивают съ собаками въ лѣсахъ и убиваютъ выстрѣлами или ударами копыя. Совѣмъ не такъ опасно, какъ рассказывали, нападать на стада этихъ животныхъ. Какой-нибудь неопытный охотникъ, конечно, могъ получить нѣсколько ранъ, если онъ одинъ отважился идти противъ большого стада; если-же охотиться съ собаками и подступать со стороны или сзади, то охотнику не грозитъ опасность, такъ какъ животные торопятся удраить и защищаются развѣ только отъ небольшихъ собакъ. Такъ какъ они часто забираются на плантаціи, то съ одной стороны ея выкапываютъ яму метра въ 3 глубину, ждутъ пока они появятся, затѣмъ съ крикомъ натравливаютъ на нихъ собакъ по направленію къ ямѣ; если стадо велико, то ровъ наполняется ими почти до половины. Я видалъ въ одномъ помѣстьѣ, какъ 24 штуки попались въ такую яму и были убиты копыями охотниковъ. Тѣхъ, которые въ дѣвственныхъ лѣсахъ забираются подъ корни, выкуриваютъ оттуда дымомъ. Такимъ способомъ мы однажды убили 15 штукъ. Индѣйцы ловятъ мускусныхъ пекари въ петли».

Самка мечетъ почти всегда одного и очень рѣдко двухъ поросятъ, которые, если не въ первый день послѣ рожденія, то во всякомъ случаѣ очень скоро послѣ того, всюду слѣдуютъ за матерью и не хрюкаютъ, а скорѣе блеютъ какъ козы. Поросята эти легко приручаются и при хорошемъ уходѣ дѣлаются настоящими домашними животными. «Пекари», говоритъ Гумбольдтъ, «воспитанный въ домашней обстановкѣ, дѣлается такимъ ручнымъ, какъ наша свинья и косуля, и кроткій нравъ его напоминаетъ намъ анатомическое сходство пекари съ жвачными животными». «Стремленіе къ свободѣ», говоритъ Ренгеръ, «исчезаетъ у нихъ совершенно, а на мѣсто его является величайшая привязанность къ новому мѣстожителю, къ домашнимъ животнымъ и къ человѣку». «Пекари никогда не уходитъ одинъ далеко отъ дому. Онъ хорошо ладитъ съ остальными домашними животными и нерѣдко даже играетъ съ ними. Особенно-же онъ преданъ людямъ, съ которыми живетъ. Часто онъ отдыхаетъ вблизи людей, отыскиваетъ ихъ, если долго не видалъ, при свиданіи выражаетъ радость прыжками и криками, слушается голоса, идетъ на зовъ, и сочувствуетъ имъ по цѣлымъ днямъ въ лѣсу и въ полѣ. О приближеніи чужихъ къ дому его хозяина онъ даетъ знать хрюкая и приподымая щетину на спинѣ. На чужихъ собакъ, если онѣ не слишкомъ велики, онъ тотчасъ-же бросается и наноситъ имъ серьезныя раны своими клыками, но не бьетъ ими, какъ кабаны, а кусаетъ». Шомбургкъ и Валлисъ подтверждаютъ и дополняютъ эти свѣдѣнія. Послѣдній пишетъ: «Ручные пекари, по моимъ наблюденіямъ, очень смиренны и не пугаются даже чужихъ, которыхъ они обнюхиваютъ съ любопытствомъ. Расположеніе свое они выказываютъ ворчаніемъ и ложатся къ ногамъ хозяина, чтобы ихъ ласкали». По мнѣнію Шомбургка, обыкновеннаго пекари трудно приручить, чѣмъ мускуснаго, который бѣгаетъ за хозяиномъ, какъ собака, однако кусаетъ чужихъ, которые его дразнятъ или не приобрѣли его расположенія. При появленіи Шомбургка въ индѣйской деревнѣ пекари выказывали возбужденіе болѣе сильное, чѣмъ другія домашнія животные; они, очевидно, были очень поражены и вмѣстѣ съ тѣмъ сильно сердились и выказывали это тѣмъ, что топорщили щетину на спинѣ и сопѣли особеннымъ образомъ; звукъ этотъ пекари издають всякій разъ какъ увидятъ новый, имъ незнакомый предметъ. Они привыкали къ новому человѣку только по прошествіи нѣсколькихъ дней. Свою врожденную ненависть къ собакамъ они не теряютъ и въ неволѣ».

Обыкновенные пекари привозятся въ Европу въ значительномъ количествѣ, а мускусные пекари гораздо рѣже. Оба вида довольно хорошо переносятъ нашъ кли-

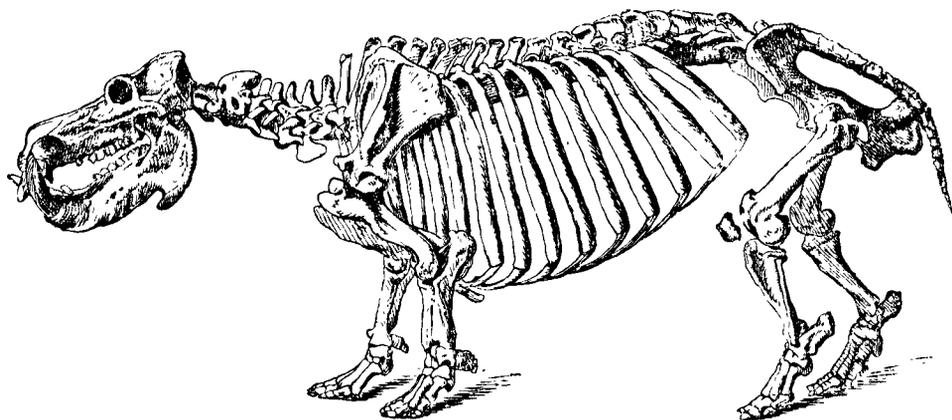
мать и даже размножались у насъ. При обыкновенномъ свиномъ кормѣ они живутъ у насъ нѣсколько лѣтъ. Особенной дружбы къ человеку я у нихъ не замѣчалъ; можетъ быть, при относительной свободѣ они становятся добродушнѣе, но въ тѣсной загородкѣ они оказываются, напротивъ, противными, вспыльчивыми, злыми и мстительными созданиями, которыхъ опытные сторожа боятся больше, чѣмъ крупныхъ представителей этого семейства.

Кожа пекари идетъ на мѣшки и ремни, а мясо употребляется въ пищу бѣдными людьми. Оно довольно вкусно, но вовсе не похоже на свиное мясо. Толстаго слоя сала у нихъ никогда не бываетъ, а только тоненькія прослойки довольно жидкаго жира. Если мускуснаго пекари передъ смертью долго гоняли, то мясо приобретаетъ запахъ отдѣленія спинной железы; чтобы этого избѣгнуть, слѣдуетъ какъ можно скорѣе ее вырѣзать. Въ другихъ случаяхъ, кромѣ времени течки, можно дать убитой свиньѣ лежать въ своей кожѣ до полного охлаждения, причемъ мясо не получаетъ никакого непріятнаго вкуса или запаха.

Несравненно неуклюжѣ всѣхъ другихъ двукопытныхъ животныхъ—**Бегемотъ** или **Гиппопотамъ**, называемый у суданцевъ **Джамусъ эль Бааръ** и **Зезіетъ**, у абиссинцевъ **Гомари**, у галласовъ—**Роби**, въ восточной Африкѣ—**Кибоко** и **Матаомбо**, въ юго-восточной Африкѣ—**Имвубу** и **Игубу**, въ Нижней Гвинее—**Мвубу** и **Нгуву** (*Hippopotamus amphibius*, *H. australis*. Flusspferd. Hippopotame). Въмѣстѣ съ родичемъ своимъ, гораздо меньшаго размѣра, еще мало извѣстнымъ и встрѣчающимся въ Верхней Гвинее, **Либерійскимъ Бегемотомъ**, это единственный еще существующій представитель особеннаго семейства **Бегемотовыхъ** (*Hippopotamidae*). Гораздо вѣрнѣе грековъ, названіе которыхъ мы приняли для бегемота, вѣрнѣе арабовъ, которые называютъ его «Рѣчнымъ Буйволомъ», называли этого неуклюжаго великана древніе египтяне, именно «Рѣчной Свиньей», такъ какъ, если вообще допустить сравненіе, то бегемота можно скорѣе всего сравнить со свиньей.

Разсматривая исключительно одну внѣшность бегемота, мы находимъ, что онъ отъ другихъ млекопитающихъ отличается въ особенности своей головой. Отличительными признаками ея служатъ четырехъугольная форма, маленькія уши и глаза, наискось другъ противъ друга лежація большія дугообразно разсѣченныя ноздри, которыя вмѣстѣ съ другими органами чувствъ образуютъ высшія точки плоскости, въ которую углубляются лобъ и части лица. Голова эта еще отличается безобразной мордой, гладкой и толстой, сзади суженной, а спереди расширенной; конецъ морды вздутъ и верхняя губа круто спадаеть внизъ, покрывая и закрывая со всѣхъ сторонъ отвратительную пасть. Шея у бегемота короткая и сильная, туловище хотя и удлиненное, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезмѣрно утолщенное, и потому чрезвычайно неуклюжее; спина около крестца выше, нежели въ плечахъ, но срединѣ вдавлена, брюхо необыкновенно толстое и круглое, виситъ такъ низко, что оно на ходу по тинистой почвѣ касается земли, хвостъ короткій и тонкій около кончика, съ боковъ сдавленный. Четырехкопытныя ноги его несоразмѣрно коротки и толсты, а пальцы ихъ, соединенные между собой короткими перепонками, всѣ выступаютъ впередъ. Только на кончикѣ хвоста торчатъ короткія, похожія на проволоку щетинки; на другихъ частяхъ тѣла можно замѣтить лишь очень немного короткихъ щетинистыхъ волосъ на толстой кожѣ въ 2 см. толщины, которая около шеи и на груди образуетъ нѣсколько глубокихъ складокъ. Кожа его перекрецивающимися бороздками дѣлится на чешуеобразныя площадки большаго или меньшаго размѣра. Онѣ имѣютъ своеобразную мѣдно-коричневую окраску, которая на верхней части переходитъ въ

грязно-темно-бурый, а на брюхѣ скорѣ въ свѣтло-фіолетово-бурый цвѣтъ. Довольно равномерно распредѣленные коричневатая и синеватая пятна придаютъ всей этой однообразной массѣ нѣкоторое разнообразіе. Впрочемъ окраска измѣняется, смотря по тому, сухой-ли бегемотъ или мокрый. Когда онъ только-что выходитъ изъ воды, то спина его кажется голубовато-бурой, а нижняя часть почти тѣлеснаго цвѣта; напротивъ того, высохнувъ, кожа кажется темнѣе, почти черно-бурого или грифельнаго цвѣта, или, если ему на спину ударяетъ солнце, то она принимаетъ равномерно голубовато-сѣрый оттѣнокъ. Джонъ Киркъ нѣсколько разъ встрѣчалъ въ восточной Африкѣ почти бѣлые и пятнистые экземпляръ, также и такіе, у которыхъ только ноги были бѣлыя. Бемъ, напротивъ, встрѣчалъ свѣтло-буро-фіолетовыхъ бегемотовъ. Въ Нижней Гвинее окраска бегемотовъ, по наблюдениямъ экспедиціи Гюсфельда на Лоанго, была не то блѣдно-розовая, грязно-бурая и желтоватая, не то буроватая или сѣро-голубоватая и темно-сѣрая, грифельнаго цвѣта. Когда животное довольно продолжительное время находится внѣ воды или возбуждено, то волосные сосуды кожи выдѣляютъ кровянистую жидкость.

(Скелетъ бегемота.)

Вся длина совершенно взрослага самца-бегемота, включая 45 см. длины хвоста, достигаетъ 4,2—4,5 м., при 1,5 вышины въ плечахъ. Всѣ этихъ животныхъ достигаетъ среднимъ числомъ 2000—2500 kgr., а у стараго самца иногда до 3000 kgr.; одна голова такого великана вѣситъ полныхъ 200 kgr. Челюсти бегемота отличаются отъ челюстей свиньи, съ которой у него больше всего общаго, не столько количествомъ, сколько расположеніемъ зубовъ. Въ каждой половинѣ челюсти находятся два рѣзца, 1 клыкъ и 7 коренныхъ зубовъ, стало быть зубной аппаратъ состоитъ изъ 40 зубовъ. Два среднихъ рѣзца нижней челюсти, отстоящіе другъ отъ друга на нѣкоторомъ разстояніи, гораздо больше, чѣмъ боковые, могутъ быть сравнимаемы съ клыками, но имѣютъ горизонтальное положеніе; рѣзцы-же верхней челюсти, средния пара которыхъ раздѣлена еще большимъ промежуткомъ, меньше, загнуты и расположены вертикально. Громадные клыки нижней челюсти, которые въ среднемъ могутъ достигать 50 см. длины (у Пехуэль-Леше имѣются клыки двухъ старыхъ самцовъ, длина которыхъ достигаетъ отъ 67 до 69 см.) и 4 kgr. вѣса, имѣютъ трехгранную форму, изогнуты въ дугу, на концѣ косо срѣзаны и иполосованы глубокими продольными бороздками. Верхніе клыки, направленные книзу, замѣтно короче и тоньше, но также согнуты и косо обрублены. Коренные зубы, изъ коихъ первый обыкновенно выпадаетъ въ старости, и величина которыхъ возрастаетъ спереди

назадъ, имѣютъ конусообразную форму и покрыты бороздками; 4-й 5-й и 6-й зубъ снабжены четырьмя бугорками на жевательныхъ поверхностяхъ, на которыхъ отъ

Бегемотъ. *Hippopotamus amphibius*. $\frac{1}{20}$ насг. вел

долгаго употребленія образуется рисунокъ, похожій по очертаніямъ на листъ трилистника. Скелетъ бегемота необыкновенно массивенъ во всѣхъ своихъ частяхъ, черепъ почти четырехгранный, сверху плоскій и приплюснутый, затылокъ маленькій,

глазныя впадины имѣютъ высокіе края, образованные лобною и скуловою костями; остальные кости скелета толстыя, неуклюжія и тяжелыя. Изъ внутреннихъ частей особенно поражаетъ раздѣленный на четыре части желудокъ.

Бегемотъ былъ хорошо извѣстенъ древнимъ народамъ, какъ достаточно доказываютъ намъ это памятники египтянъ, Библія и сочиненія грековъ и римлянъ. «Бегемотъ», пишетъ мнѣ мой ученый другъ Дюмихенъ, «въ египетскихъ рукописяхъ называется не гиппопотамомъ, а рѣчной свиньей: «Реръ», т. е. валяющееся животное; это названіе относилось одинаково къ валяющимся какъ въ водѣ, такъ и въ грязи бегемоту и свинѣй. Судя по изображеніямъ и надписямъ, гиппопотамъ въ древнія времена вѣроятно былъ очень обыкновененъ въ Нилѣ. Охота на это животное принадлежала къ любимѣйшимъ занятіямъ знатныхъ египтянъ. На стѣнахъ гробницъ, въ особенности древняго Египта, часто находятся изображенія, которыя наглядно показываютъ намъ, какъ охотились на этихъ водяныхъ исполиновъ, отчасти убивая ихъ гарпунами, или овладѣвая ими посредствомъ металлическихъ крючковъ, прикрѣпленныхъ къ двумъ или тремъ веревкамъ». Въ Библіи (Кн. Іова. Гл. 40, ст. 10) говорится о бегемотѣ слѣдующее: «Вотъ его сила въ чреслахъ его и крѣпость его въ мускулахъ его... Ноги у него, какъ мѣдныя трубы; кости у него, какъ желѣзные прутья... Вотъ онъ пьетъ изъ рѣки и не торопится; остается спокоенъ, хотя-бы Іорданъ устремился ко рту его». Греческіе и римскіе писатели, начиная съ Геродота и кончая Плиніемъ, часто упоминаютъ о немъ, описываютъ его, какъ умѣютъ, и довольно вѣрно характеризуютъ его нравы и привычки. Всѣ позднѣйшіе писатели ссылаются главнымъ образомъ на свѣдѣнія древнихъ, и новыя сообщенія, по словамъ Белона, впервые сдѣлалъ Геснеръ, не пояснивъ однако этимъ жизнеописанія животнаго, составленнаго изъ вѣрныхъ и невѣрныхъ показаній. Въ настоящее время, чтобы встрѣтить это животное, нужно, удаляясь отъ сѣвера, проникнуть довольно далеко во внутрь Африки. Именно по Нилу эти животныя удалились сильно въ глубь страны, на югъ, въ верхнее теченіе «рѣки, которая скрываетъ свои истоки».

Только, когда проникнешь во внутренность страны, какъ-бы воскресаютъ въ живомъ видѣ изображенія, начертанныя четыре тысячи лѣтъ тому назадъ на стѣнахъ египетскихъ храмовъ. Тамъ и понынѣ встрѣчаешь тѣхъ-же животныхъ и такихъ-же людей, какъ во времена давнопрошедшія. Тамъ, на ряду съ павіаномъ и крокодиломъ, священнымъ ибисомъ и клювачемъ (Tantalus) встрѣчаются сохранившіеся еще понынѣ слоны, носороги и бегемоты. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ человѣкъ достигъ безусловнаго господства, послѣдніе сдѣлались жертвою страшнаго огнестрѣльнаго оружія; тамъ-же, гдѣ человѣку единственной защитой служитъ копье или лукъ, люди и по нынѣ являются единственными врагами бегемота. Еще лѣтомъ 1600 г. неаполитанскому врачу Церенги удалось вблизи Даміятты, стало-бытъ у начала одного изъ рукавовъ Нила, поймать въ ямы двухъ бегемотовъ и такимъ образомъ раздобыть ихъ шкуры, которыя затѣмъ были привезены въ Римъ, куда прежде привозились ихъ живые предки. Въ настоящее время бегемоты истреблены во всемъ Египтѣ, а также въ Суданѣ, гдѣ, еще въ началѣ этого столѣтія, Рюшнель встрѣчалъ ихъ въ довольно большомъ количествѣ. Противъ города Харгума, у слиянія Бѣлаго и Голубаго Нила, лежитъ маленькій лѣсистый островокъ. На немъ, еще въ 1851 году я видѣлъ хорошо извѣстную парочку бегемотовъ, которая ежегодно во время полноводія приплывала изъ мѣстностей, расположенныхъ у верховьевъ этой рѣки, и я не разъ безуспѣшно посылалъ въ ихъ головы ружейныя пули. Въ настоящее время бегемотъ представляетъ собою обыкновенное явленіе въ большинствѣ рѣкъ и озеръ Африки, между 17° сѣверной и 25° южной широты, но на юго-востокѣ онъ даже заходитъ за эту границу.

Въ восточной, южной и западной Африкѣ бегемоты, спускаясь по теченію рѣкъ, подходятъ гораздо ближе къ морскому берегу, нежели въ ея сѣверной части; они даже перѣдко выплываютъ въ море: Деккенъ увѣрялъ меня, что на Занзибарѣ нѣсколько разъ видѣли бегемотовъ, которые очевидно могли перебраться на него только съ противоположащаго морского берега. Бемъ сообщаетъ, что они еще и въ новѣйшее время выплываютъ въ морскую воду изъ устья Кингани: въ западной Африкѣ Конпенфельсъ нѣсколько разъ наблюдалъ ихъ въ мѣстностяхъ, лежащихъ около устья рѣки Огове, Гертвигъ убилъ одного во время прибои волнъ у береговъ Лоанго, а Линднеръ упоминаетъ о томъ, что эти животныя показываются изъ воды въ устьяхъ Конго. Такимъ-же образомъ они путешествуютъ и вверхъ по рѣкѣ, на сколько имъ это позволяетъ течение; поэтому они водятся даже въ Абиссиніи, въ озерѣ Тана, лежащемъ на высотѣ 1940 м. надъ уровнемъ моря. Во всѣхъ рѣкахъ съ измѣняющимся уровнемъ воды они ведутъ настоящую кочевую жизнь; при убыли воды они цѣлымъ обществомъ отправляются изъ мѣстностей, лежащихъ у верховья, по рѣкѣ внизъ, и наоборотъ, снова поднимаются вверхъ, когда верхняя часть русла пополняется дождями. Можетъ также случиться, что во время такихъ перекочевокъ, они на долго поселяются въ понравившемся имъ мѣстѣ, какъ это, по словамъ Керстена, случилось на маленькомъ островкѣ Мафиі, лежащемъ на югъ отъ Занзибара.

Бегемотъ болѣе другихъ толстокожихъ привязанъ къ водѣ, потому что онъ вылѣзаетъ изъ нея на сушу собственно только въ исключительныхъ случаяхъ. Это бываетъ только тамъ, гдѣ рѣка не изобилуетъ растеніями, при томъ всегда по ночамъ и только ради корма; въ видѣ исключенія это случается также и днемъ, когда онъ вылѣзаетъ на песчанья отмели, чтобы погрѣться на солнцѣ. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ «столицы Ада», какъ называютъ Хартумъ путешественники по Судану, по берегамъ рѣкъ, на илистыхъ отмеляхъ, можно видѣть множество слѣдовъ этихъ животныхъ, имѣющихъ видъ глубоко вдавленныхъ ямъ, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ корытообразной борозды. Ямы происходятъ отъ ногъ, борозда-же отъ влочившагося по илу брюха, по которое чудовище погружается въ мягкой илистой почвѣ. Мѣста выходовъ на высокіе и сухіе берега совершенно не соотвѣтствуютъ неуклюжести этого животнаго, потому что они часто бываютъ до того круты, что только человѣкъ въ состояніи взобраться на нихъ, и то только тогда, когда будетъ держаться справа и слѣва за сучья; потому совершенно непонятно, какимъ образомъ это неуклюжее толстокожее въ состояніи совершать такія упражненія. Отъ выходовъ кромѣ того короткая тропа ведетъ во внутренность лѣса; но часто, какъ о томъ сообщаетъ и Бемъ, эти тропинки, иногда похожія на ложбины, простираются далеко черезъ лѣса и степи, перерѣзываютъ большіе изгибы рѣкъ, а у Дьювскихъ водопадовъ рѣки Луфиры тропинки эти углубляются даже въ красный песчанникъ. Въ землѣ Машуновъ, около Умніати, Селусъ замѣтилъ подобную тропу съ ясными двойными слѣдами, которая обходила быстрое теченіе рѣки, имѣла около 10 см. глубины и была выдолблена въ весьма твердой кристаллической горной породѣ.

Въ благопріятныхъ водныхъ мѣстахъ свѣдущій человѣкъ весьма скоро можетъ открыть присутствіе этихъ гигантскихъ животныхъ. Въ промежуткахъ отъ 3-хъ, много 4-хъ минутъ, при тихой погодѣ, кое-гдѣ видишь лучеобразно поднимающуюся на высоту около половины метра водяную пыль и вмѣстѣ съ тѣмъ слышишь громкое сопѣнье или хралѣнье: въ томъ мѣстѣ только-что вынурнулъ бегемотъ, чтобы подышать воздухомъ. Если находишься достаточно близко, то можно отчасти замѣтить и голову послѣдняго -- безформенную, красную или бурю массу,

на которой различаются два острія—уши, и четыре бугра—глаза и ноздри. Кромѣ верхней части головы находящагося въ водѣ бегемота рѣдко можно увидѣть другія части, да и голову, если ее увидишь въ первый разъ, не легко распознать. Если стоять подь вѣтромъ и держать себя спокойно, то можно безъ труда наблюдать за плавающимъ взадъ и впередъ или какъ-бы играющимъ въ водѣ животнымъ: тогда можно видѣть, что на вдавленномъ лбу, между глазами и ушами остается небольшая ямка, вмѣщающая достаточное количество воды для того, чтобы въ немъ могли жить золотая рыбка или парочка гольцовъ. Бегемотъ чрезвычайно рѣдко остается подь водой болѣе 3-хъ—4-хъ минутъ, не дыша. Сообщенія путешественниковъ, говорящихъ о 10-ти или 15-ти минутномъ пребываніи этого животнаго подь водон, происходятъ, вѣроятно, отъ невѣрныхъ наблюденій. Дѣло въ томъ, что если бегемотъ потревоженъ, то онъ появляется на поверхность крайне осторожно; онъ выставляетъ наружу только одні ноздри и дышетъ такъ тихо, что его легко можно не замѣтить; или-же тихо уплываетъ подь водой и вынырнетъ въ другомъ мѣстѣ, при чемъ можетъ случиться, что на первоначальномъ мѣстѣ, вмѣсто него, наблюдается другое приплывшее туда животное.

Бегемоты живутъ обществами; по-одиночкѣ проживаютъ лишь старые самцы. Общество часто довольствуется для долговременнаго пребыванія большою, глубокою лужею. Если они живутъ въ узкихъ и не очень глубокихъ водныхъ пространствахъ, многія части которыхъ въ жаркое время высыхаютъ, то они цѣлый день не покидаютъ опредѣленныхъ мѣстъ. Тамъ они, вѣроятно, какъ это впервые замѣтилъ Гейглингъ, вырываютъ посреди русла ямы, длинныя, глубокія впадины вдоль рѣки, въ которыхъ они легко могутъ нырять, а, въ случаѣ преслѣдованія, и скрыться. Иногда нѣсколько такихъ впадинъ соединены между собой проливами, вродѣ глубокихъ канавъ, и образуютъ подводную тропу животныхъ. Если въ одномъ мѣстѣ пастбище скудѣетъ, то бегемотъ, не спѣша, перебирается на другое. Днемъ общество покидаетъ воду только въ совершенно безлюдныхъ мѣстахъ, для того, чтобы отчасти на неглубокихъ мѣстахъ вблизи берега, или на самомъ берегу, погрѣться на солнцѣ и предаться сладкой полудремотѣ. При этомъ удобно растянувшіяся животныя выражаютъ самодовольство валяющихся свиней или купающихся въ рѣкѣ буйволовъ. По временамъ самцы хрюкаютъ, какъ свиньи, и одинъ за другимъ приподнимаютъ головы, чтобы убѣдиться въ безопасности. Впрочемъ они не особенно заботятся о томъ, что происходитъ вокругъ нихъ и только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они познакомились съ человѣкомъ и его страшнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, они остерегаются своего главнаго, можно сказать, единственнаго врага.

Подь вечеръ общество оживляется. Хрюканье самцовъ усиливается, и все стадо, играя, начинаетъ нырять и высовываться на поверхность рѣки; отъ времени до времени начинается веселая гонка. Въ особенности охотно они, повидимому, показываются вблизи кораблей, а также на вечернихъ прогулкахъ провожаютъ лодки на довольно значительныя разстоянія. Своимъ сонѣньемъ и хрюканьемъ, ревомъ и полосканьемъ, они иногда производятъ такой адскій шумъ, что положительно могутъ утомить путешественника. Они съ удивительной легкостью плаваютъ во всякой глубинѣ, ныряютъ и выплываютъ, подвигаются впередъ толчками или скачками, съ поразительной быстротой поворачиваются во все стороны и, разбѣгая волны, могутъ соперничать въ быстротѣ съ лучшей весельной лодкой. При спокойномъ плаваніи этого животнаго и никогда не можъ замѣтить напряженныхъ движеній: поверхность воды остается гладкой и неподвижной; но происходитъ совершенно противоположное, когда разъяренный звѣрь бросается на врага

или, раненый, бѣснуется въ рѣкѣ. Тогда онъ необыкновенно сильно отталкивается задними ногами, большими прыжками поддается впередъ такъ сильно, что волнуется чуть не цѣлое озеро и образуетъ высокія волны; сила его движеній даже на столько велика, что онъ, какъ доказано, можетъ приподнять и разрушить довольно большія лодки. Въ томъ случаѣ, если внезапно потревожить сонъ бегемотовъ и вспугнуть ихъ, когда они спокойно грѣются на солнцѣ или спятъ на берегу рѣки, то и тогда они доказываютъ, что совсѣмъ не такъ неуклюжи въ своихъ движеніяхъ, какъ кажутся: большимъ прыжкомъ они соскакиваютъ въ воду съ довольно высокаго мѣста, какъ утверждаетъ Бекеръ, даже тогда, когда вода находится подъ ними на глубинѣ 6 м., и вздымаютъ при этомъ такія волны, какъ будто проѣхалъ полнымъ ходомъ маленькій колесный пароходъ. «Описать, хотя-бы приблизительно, голосъ этихъ великановъ», совершенно справедливо говоритъ Гейглинъ, «не во власти человѣческаго слова. Онъ состоитъ изъ рева, имѣющаго отдаленное сходство съ ревомъ буйвола, звучитъ одной протяжной или нѣсколькими, быстро другъ за другомъ слѣдующими нотами и представляетъ собой низкій, далеко раздающійся басъ, который, какъ кажется, исходитъ изъ громадной пустой бочки. По неволѣ думаешь, что этотъ ревъ есть проявленіе величайшаго гнѣва и раздраженія, а между тѣмъ звѣрь мирно играетъ. Ревъ нѣсколькихъ борющихся бегемотовъ, внезапно раздающійся въ ночной тишинѣ пустыни, соединяясь съ шумомъ, ныхтѣньемъ и плескомъ ныряющихъ гиппопотамовъ, производитъ необыкновенно грандіозное впечатлѣніе, которое, кажется, сознаютъ и дикіе звѣри: шакалъ, гіена и даже левъ смолкаютъ и прислушиваются, когда, подобно гулу землетрясенія, проносится надъ поверхностью водъ громовой голосъ бегемота и, смягченный въ отдаленіи дѣйствиельнымъ лѣсомъ, раздается на громадное разстояніе». Во всякомъ случаѣ голосъ бегемота своей могучей силой превосходитъ голоса всѣхъ другихъ животныхъ, но во всей силѣ слышится сравнительно рѣдко.

Въ мѣстахъ верхняго теченія Нила, принимающихъ видъ озеръ и богатыхъ растительностью заливовъ, бегемотъ не покидаетъ русла рѣки даже ночью, или покидаетъ его весьма рѣдко. Онъ ѣсть днемъ и ночью находящіеся въ водѣ растенія. Какъ обыкновенно на свѣтѣ случается, что нѣжное и изищное должно подчиняться грубой и матеріальной силѣ, такъ бываетъ и здѣсь: чтимый религіей давно отжившихъ народовъ считавшійся изображеніемъ божества, лотосъ, этотъ величественный царственный братъ нашей скромной, миловидной кувшинки, служить главной пищей бегемоту. Тростникъ и даже камышь при случаѣ также имъ пожирается. Въ той части Абіада (Голубого Нила), гдѣ онъ превращается то въ тихое, спокойное озеро, то въ гниющее болото, или-же образуетъ множество острововъ съ райской прелестью роскошной растительности, а сама рѣка является здѣсь и тамъ въ видѣ ручейка, тихо несущаго свои воды, тамъ гиппопотамы и крокодилы водятся сотнями, исключительно въ водѣ, нисколько не заботясь о вѣншнемъ мірѣ. Знаменитый папирусъ, лотосъ, граціозный амбачъ (*Aedemone mirabilis*) и сотня другихъ растеній даютъ здѣсь обильную пищу нашему толстокожему. Въ такихъ мѣстахъ можно видѣть, какъ онъ безпрестанно погружается въ воду, чтобы достать себѣ пищи со дна. Бегемотъ, пожирающій эти растенія, представляетъ собою, по-истинѣ, отвратительное зрѣлище. Неуклюжая голова исчезаетъ въ глубинѣ, роется въ водяныхъ растеніяхъ, и вода становится мутной на большое пространство отъ поднятой тины; потомъ бегемотъ является снова съ большимъ, толстымъ пучкомъ сорванныхъ растеній, котораго ему едва хватаетъ, чтобы набить себѣ пасть, кладетъ пучокъ на поверхность воды и разжевываетъ и перетираетъ его тутъ тихо и спокойно. По обѣ стороны морды далеко высовываются вѣтви и стебли растеній;

съ толстыхъ губъ все время стекаетъ зеленоватый сокъ растений, смѣшанный со слюной; нѣкоторые на половину разжеванные комки травы выбрасываются и снова проглатываются; его маленькіе глаза неподвижно уставлены вдаль и громадныя рѣзцы и клыки видны во всей своей величинѣ.

Дѣло происходитъ иначе въ мѣстностяхъ, гдѣ бегемотъ долженъ выходить для пастбища на сушу. Приблизительно, спустя часъ послѣ заката солнца, гиппопотамъ выходитъ изъ воды, прислушиваясь и озираясь съ величайшей осторожностью; вблизи населенныхъ мѣстъ онъ отправляется на поля. Здѣсь онъ вторгается, опустошая все, и въ одну ночь уничтожаетъ нерѣдко растенія цѣлаго поля. Ихъ прожорливость непомѣрна и, несмотря на плодородіе ихъ отечества, они могутъ обратиться въ истинный бичъ страны, если ихъ много, ибо, насытившись, они топчутъ своими неуклюжими ногами и ломаютъ, валяясь, на подобіе свиней, въ глубокихъ ямахъ, гораздо больше, чѣмъ имъ въ дѣйствительности нужно для насыщенія. Они пожираютъ всѣ виды культурныхъ растений и всѣ овощи, которые разводятся въ странѣ, а также, судя по Бэкеру, и арбузы, изъ коихъ каждый составляетъ лишь одинъ глотокъ, хотя онъ величиною съ добрую тыкву. Испражняется бегемотъ обыкновенно при выходѣ изъ воды, при чемъ пометь, въ которомъ никогда не находятъ остатковъ вѣтокъ и корней, коры, и другихъ древесныхъ частей, онъ разбрасываетъ сильными и быстрыми движеніями хвоста, такъ что слѣды его можно найти на кустахъ и довольно высоко на стволахъ деревьевъ.

На пути къ пастбищу гиппопотамъ наноситъ вредъ не только опустошеніемъ полей, но является иногда чудовищемъ, опаснымъ для жизни человѣка и животныхъ. Четыре громадныя клыка на челюстяхъ служатъ страшнымъ оружіемъ противъ другихъ звѣрей. Рюпнель рассказываетъ, что однажды бегемотъ растерзалъ четырехъ рабочихъ воловъ, которые спокойно стояли у водочерпальнаго колеса. «У Кингани», рассказываетъ Бемъ, «одинъ изъ нихъ бросился внезапно на двухъ женщинъ, которыя проходили вечеромъ, громко разговаривая, мимо нѣсколькихъ пасущихся гиппопотамовъ, и, укусивъ ихъ нѣсколько разъ, изувѣчилъ такъ, что обѣ отъ этого умерли». На одного араба, который хотѣлъ заштитить свои дыни отъ нападенія чудовища, по словамъ Бэкера, бегемотъ бросился немедленно и убилъ его однимъ ударомъ зубовъ. Ободренный этимъ случаемъ тотъ-же звѣрь сталъ, при различныхъ обстоятельствахъ, нападать на пастуховъ и ихъ стада и этимъ навелъ такой страхъ на жившихъ въ окрестностяхъ людей, что никто больше не осмѣливался приближаться къ водамъ, обитаемымъ этими животными. Но, между тѣмъ, не вездѣ смотрятъ на гиппопотама, какъ на необыкновенно опасное животное, всегда готовое къ нападенію; въ нѣкоторыхъ областяхъ его не боятся на сушѣ, но зато боятся на водѣ. Правда, онъ рѣдко нападаетъ на большія суда, но маленькимъ наноситъ иногда, случайно или намѣренно, большой вредъ. «Правъ бегемотовъ», пишетъ изъ восточной Африки Бемъ, «далеко не всегда миролюбивъ, въ чемъ мы убѣдились, напримѣръ, въ Кингани. На рѣкѣ Унгалла они часто прямо преграждали намъ путь, а также, ныряя и появляясь вновь, нападали непосредственно на нашу лодку, такъ что мы должны были поспѣшно удалиться подъ прибрежныя кусты. При этомъ, однажды, бегемотъ нанесъ нашему челну такой ударъ своими зубами, близко вынырнувъ около насъ, что лодка едва не перевернулась».

Такого рода простыя и точныя указанія на вредъ, приносимый бегемотами, встрѣчаются довольно рѣдко; въ большинствѣ случаевъ пересказывается только слышанное, описывается и удостоверяется лишь то, что самъ рассказчикъ не видалъ. «Лейтенантъ Видалъ», такъ рассказываетъ Овенъ, «на легкомъ челнокѣ только-что

пустился въ свое плаваніе по рѣкѣ Темби, въ юго-западной Африкѣ, какъ вдругъ онъ почувствовалъ чрезвычайно сильный ударъ снизу, такъ что задняя часть лодки почти совсѣмъ высунулась изъ воды, а рулевой былъ выкинутъ за бортъ. Въ слѣдующее мгновеніе изъ воды показался громадный бегемотъ, дико и грозно бросился съ разинутой пастью на лодку, ухватился за нее своими страшными клыками и вырвалъ сразу семь досокъ; потомъ онъ удалился, но появился опять, чтобы возобновить нападеніе, и былъ удержанъ отъ своего намѣренія только выстрѣломъ въ морду. Лодка, которая сейчасъ-же стала наполняться водой, была, къ счастью, настолько близка отъ берега, что его можно было достигъ раньше, чѣмъ она затонула. Вѣроятно судно коснулось спины животнаго, и этимъ вызвано было нападеніе».

Подобные рассказы, разнообразно прикрашенные и преувеличенные, повторяются, конечно, не во всѣхъ мѣстностяхъ, населенныхъ этими толстокожими, но во многихъ изъ нихъ вообще въ большомъ ходу, и, кому случалось ихъ слышать, можетъ думать, что въ нихъ повѣствуется объ ежедневныхъ приключеніяхъ. Это однако столь-же невѣрно, какъ если мы предположимъ, что на желѣзныхъ дорогахъ чуть не ежедневно случаются крушенія. Такъ какъ бегемоты мѣстами встрѣчаются въ довольно значительномъ количествѣ, сравнительно даже массаи, то, будь они дѣйствительно такъ опасны, жизнь человѣка на столь оживленныхъ водахъ должна была-бы прекратиться или, по крайней мѣрѣ, была бы сопряжена съ большими помѣхами. Однако, ничего подобнаго не замѣчается. Безчисленное число разъ проплываютъ утлые челноки туземцевъ мимо и между этими гигантскими животными и не подвергаются нападенію. Но случись такому животному, хотя-бы нечаянно, при появленіи изъ воды коснуться или опрокинуть челнокъ, вслѣдствіе испуга или воображенія, что на него нападаютъ, даже попортить оный, то этому, какъ вообще свойственно человѣческой натурѣ, придается такое громадное значеніе, что чрезвычайно рѣдкія исключенія становятся наконецъ правиломъ.

Столкновенія и даже несчастные случаи, конечно, бываютъ, но значительно рѣже, чѣмъ слѣдовало-бы заключить, судя по разсказамъ. Несчастія, и лично пережитыя приключенія, засвидѣтельствованныя надежными очевидцами, происходятъ въ высшей степени рѣдко. Спокойный наблюдатель, который часто встрѣчался съ съ бегемотами и велъ на нихъ правильную охоту, приходитъ къ тому убѣжденію, что страхъ передъ ними, хотя и имѣетъ нѣкоторое основаніе, тѣмъ не менѣе слишкомъ преувеличенъ, и что часто неуклюжія шалости этого чудовища и невинное желаніе поиграть весьма легко принимаются за злобныя и умысленныя нападенія. Поведеніе этихъ животныхъ, конечно, чрезвычайно разнообразно и находится отчасти въ зависимости отъ внѣшнихъ условій, отчасти отъ характера и опытности бегемота. Можно даже принять, что въ различныхъ мѣстностяхъ они обладаютъ различными нравами.

Особенно опасенъ бываетъ бегемотъ, когда ему приходится защищать дѣтеныша. О зарожденіи, рожденіи дѣтеныша и времени беременности только въ послѣднее время были сдѣланы наблюденія надъ плѣнными, такъ какъ послѣдніе неоднократно плодились. О размноженіи этихъ животныхъ на свободѣ извѣстно только то, что дѣтеныши рождаются приблизительно въ первой трети дождливаго времени, т. е. въ различныхъ мѣстахъ Африки въ весьма различное время, смотря по тому, когда наступаетъ весна тропическихъ странъ. Нѣжно озабоченная своимъ дѣтенышемъ, мать видитъ опасность даже въ самыхъ безобидныхъ явленіяхъ. Вѣроятно и отецъ не дремлетъ, оберегая свое потомство. Мать легко узнаетъ: она ни на мигъ не отпускаетъ изъ виду свое дѣтище и охраняетъ каждое его движеніе съ материнскою

любовью и нѣжной заботливостью. Иногда неуклюжее животное весело играет со своимъ любимцемъ; оба они въ шутку ныряютъ и всплываютъ и, ворча, какъ-бы бесѣдуютъ другъ съ другомъ. Во всякомъ случаѣ, дѣтенышъ сосетъ подѣ водой, но Гейглингъ сообщаетъ также, что самка, произведя на свѣтъ свое дѣтище на сушѣ, или въ болотѣ въ наиболѣе скрытыхъ мѣстахъ, не всегда тотчасъ ведетъ его къ рѣкѣ, но иногда сажаетъ въ яму, которую маленькое животное не можетъ покинуть безъ помощи матери. Въ водѣ самки обыкновенно носятъ своихъ дѣтенышей верхомъ на затылкѣ и, чтобы они могли дышать, приподнимаютъ ихъ надѣ водой чаще, нежели высовываются сами. Выносить-ли самка своихъ дѣтенышей постоянно верхомъ на себѣ на сушу—достовѣрно еще неизвѣстно, но, что это по крайней мѣрѣ случается, свидѣтельствуетъ Гопкинсъ, наблюдавшій одинъ подобный случай.

Стѣнная ярость раздраженнаго бегемота достаточно ясно свидѣтельствуетъ, что охота на это животное безъ огнестрѣльнаго оружія, изъ котораго можно стрѣлять очень сильными зарядами, не можетъ служить удовольствіемъ охотнику-любителю. Легкія ружейныя пули, пущенныя даже на весьма небольшомъ разстояніи, не имѣютъ почти никакого успѣха. «Съ однимъ изъ бегемотовъ, котораго мы убили», рассказываетъ Рюппель, «мы боролись четыре часа. Еще немного, и чудовище уничтожило-бы нашъ большой баркасъ, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣхъ насъ. 25 пуль, пущенныхъ въ голову чудовища на разстояніи около двухъ метровъ, пробили только кожу и кость около носа. Всѣ остальные пули застряли въ его толстой кожѣ. При каждомъ фырканиі животное обрызгивало баркасъ большими струями крови. Тогда мы воспользовались наконецъ крѣпостнымъ ружьемъ, прикрѣпленнымъ къ лафету и находившемся у насъ въ лодкѣ; употребленіе его, вслѣдствіе небольшого разстоянія, казалось намъ сначала излишнимъ. Но лишь послѣ 5 пуль, выпущенныхъ изъ этого орудія, на разстояніи немногихъ метровъ, и произведшихъ въ головѣ и тѣлѣ животнаго страшнѣйшія разрушенія, чудовище испустило духъ. Темнота ночи еще болѣе увеличила ужасъ поединка». Однако, не только одни чрезвычайно большія животныя, но и животныя меньшихъ размѣровъ и даже самки могутъ доставить неосторожнымъ охотникамъ довольно много хлопотъ, если они не вооружены тяжелыми ружьями. Въ борьбѣ съ такими охотниками бегемотъ, разумѣется, скорѣе научается признавать превосходство человѣка, и страхъ тѣмъ скорѣе и сильнѣе овладѣваетъ имъ, чѣмъ надежнѣе дѣйствуетъ огнестрѣльное оружіе.

Свѣдѣнія, собранныя Фалькенштейномъ и Пехуэль-Леше въ западной Африкѣ, также подтверждаютъ вышесказанное. «Какъ только мы узнали», пишетъ послѣдній, «что бегемоты, при отправленіи на пастбище, не придерживаются одного и того-же пути, то напали на нихъ на водѣ. Этотъ способъ охоты при нѣкоторой рѣшительности всегда достигаетъ цѣли. Правда, когда мы въ первый разъ отважились приблизиться въ небольшахъ челнокахъ къ этимъ чудовищамъ, то почувствовали нѣкоторое замираніе сердца, потому что многочисленные рассказы объ этихъ опасныхъ животныхъ не преминули и на насъ произвести впечатлѣніе. У насъ далеко не прибавилось мужества, когда вдругъ девять гигантскихъ головъ, какъ-бы желая преградить намъ дорогу, выстроились передъ нами въ рядъ и спокойно ожидали нашего приближенія. Намъ однако необходимо было раздобыть мяса для насъ и нашихъ людей; такимъ образомъ мы съ отчаянной храбростью подплыли шаговъ на 20 и дали залпъ. Съ этого момента весь нашъ страхъ перешелъ на бегемотовъ. Послѣдніе распознали серьезнаго врага, и съ этой минуты животныя эти, къ сожалѣнію, черезъ-чуръ стали заботиться о томъ, чтобы скрыться отъ насъ въ безопасное мѣсто. Впослѣдствіи, когда намъ нужно было добывать мясные запасы для

себя и для туземцевъ, мы постоянно преслѣдовали этихъ животныхъ на водѣ, въ утлыхъ челнокахъ, и не разъ совершали удачную охоту. При этомъ казалось, что бегемоты, по отношенію къ врагу, который имъ уже показалъ свое превосходство, даже въ критическихъ обстоятельствахъ весьма бдительны и осторожны, и ни въ какомъ случаѣ не могутъ считаться глупыми и злобными животными.

«При впаденіи Нанга въ Куйлу мы видѣли двухъ взрослыхъ бегемотовъ-самцовъ, дравшихся изъ-за пяти самокъ, которыя глядѣли на поединокъ. Мы пристали къ берегу, сварили наше кушанье и съѣли его, наблюдая между тѣмъ эту, какъ-бы допотопную любовную сцену, безпрепятственно происходившую не далѣе двухъ сотъ шаговъ отъ насъ. На небольшой глубинѣ на серединѣ рѣки двигались оба могучіе исполина, одинъ розоватою, другой грифельнаго цвѣта; послѣдній, съ однимъ только ухомъ, былъ намъ знакомъ еще съ прежнихъ охотъ. Вода доходила имъ до плечъ. Съ широко разинутой пастью они сталкивались другъ съ другомъ точно два локомотива, кусались и толкались, били другъ друга задними ногами и производили страшный шумъ. Затѣмъ они отдыхали, пятились медленно назадъ, не сводя глазъ другъ съ друга, и съ злобнымъ фырканьемъ снова кидались одинъ на другого. Такія схватки слѣдовали одна за другой; ни одинъ изъ бойцовъ не желалъ уступить. Подчасъ и одна изъ самокъ отъ избытка удовольствія выдѣлывала, изгибая спину, замѣчательные прыжки; она совершенно прямо подпрыгивала кверху или вскидывала на воздухъ заднія ноги, совсѣмъ вродѣ того, какъ наши коровы, выражающія на пастбищѣ свое весеннее игривое настроеніе; иногда и все общество принимало участіе въ этой неуклюжей игрѣ. Пробывъ по крайней мѣрѣ часа два только внимательными зрителями, мы вскочили въ челнокъ, чтобы принять участіе въ сраженіи, потому-что на этотъ разъ мы навѣрняка ожидали нападенія со стороны разъяренныхъ великановъ. Но едва послѣдніе замѣтили наше приближеніе, какъ тотчасъ-же удалились; мы успѣли только разъ выстрѣлить и потеряли желанную добычу изъ виду. То-же самое почти случилось съ нами при каждой охотѣ, когда намъ не приходилось имѣть дѣло съ животными, которымъ мы были еще незнакомы. Остальныя сдѣлались до того хитрыми, что нерѣдко притаивались у самаго берега подъ нависшими надъ нимъ кустарниками, и охотникъ совершенно спокойно проѣзжалъ мимо въ непосредственной близости отъ нихъ. Одинъ старый бегемотъ, житель Банін, извѣстный уже всѣмъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, за которымъ я охотился въ продолженіи трехъ дней и не имѣлъ возможности ни разу выстрѣлить, неоднократно выражалъ свое страшное неудовольствіе по поводу настойчиваго преслѣдованія тѣмъ, что кувыркался въ взбудораженной водѣ, что, конечно, выглядѣло чрезвычайно смѣшно. Такъ какъ мы разъѣзжали на лодкахъ по всей низменности, то бегемоты вскорѣ почували себя не вполне въ безопасности и большею частью удалились въ отдаленныя глубокія болота и горные потоки. Тамъ мы еще разъ нашли ихъ собравшимися въ стада, а туземцы рассказывали, что тамъ произошло настоящее переселеніе ихъ.

«Тѣ европейцы, которые никогда не охотились на гинопотамовъ, раздѣляютъ часто страхъ со многими туземцами, который на опытнаго человѣка производить смѣшное впечатлѣніе: они страшатся всего гигантскаго и неизвѣстнаго, чего имъ не приходилось еще испытывать. Тѣ-же немногія лица, которыя подобно намъ, охотились на гинопотамовъ, могли только подтвердить наши свѣдѣнія. Мы главнымъ образомъ заботились не о томъ, чтобы защититься отъ этихъ животныхъ, которыхъ считаютъ столь страшными, но о томъ, чтобы приблизиться къ нимъ настолько, чтобы быть въ состояніи пустить смертельную пулю. Мы можемъ съ увѣренностью сказать, что на тѣхъ рѣкахъ и озерахъ, гдѣ мы охотились, бегемоты никогда,

по крайней мѣрѣ умышленно, не преслѣдуютъ увѣренно и обдуманно дѣйствующаго непріятели; при этомъ считаю долгомъ замѣтить, что молодыхъ и самокъ мы постоянно щадимъ. Конечно, животное въ слѣпомъ бѣшенствѣ неукротимой злобы можетъ на небольшой глубинѣ опрокинуть челнокъ, а затѣмъ, можетъ статься, и сорвать свою злость на немъ и его экипажѣ, но, при осмотрительномъ управленіи и хорошихъ гребцахъ, подобнаго столкновенія не трудно избѣжать. Я просто сообщая о томъ, что мы пережили и наблюдали и не желаю сомнѣваться въ свѣдѣніяхъ, собранныхъ другими путешественниками въ другихъ мѣстностяхъ, но во всякомъ случаѣ я настаиваю на томъ, что склонность къ неограниченному обобщенію единичныхъ, а можетъ быть и не вполне вѣрно понятыхъ страшныхъ происшествій и приключеній, никакъ не можетъ служить къ распространенію вѣрныхъ взглядовъ.

«Тамъ, гдѣ, благодаря трусливому поведенію человѣка, бегемоты сдѣлались от-важными, они, пожалуй, могутъ присвоить себѣ съ нѣкоторой гордостью господство надъ человѣкомъ въ своихъ владѣніяхъ; но и такія животныя ведутъ себя, смотря по обстоятельствамъ, весьма различно. Поэтому я не желаю соблазнять неопытнаго и неосмотрительнаго охотника, не располагающаго хорошимъ оружіемъ и надежными людьми,—неосторожно накликаютъ на себя опасность. Подчасъ ему можетъ плохо придтись. Линднеръ въ продолженіи трехъ лѣтъ убилъ на рѣкахъ въ низменности Конго 49 бегемотовъ и употребилъ ихъ для пропитанія своей прислуги въ колоніи. Съ нимъ при этомъ три раза случалось, что разсвирѣпѣвшія животныя изъ большихъ стадъ напали на его довольно большую лодку, сильно качали ее толчками и разъ даже попортили зубами ея кормовую часть. Но такъ какъ Линднеру пришлось предпринимать чрезвычайно много охотъ, чтобы приобрести такую многочисленную добычу, то подобныя нападенія всегда предварительно разъяренныхъ животныхъ можно считать сравнительно рѣдкими происшествиями.

«Стрѣльба на большомъ разстояніи изъ безопаснаго мѣста по показывающимся изъ воды головамъ—занятіе во всякомъ случаѣ, недостойное охотника; это просто истязаніе животныхъ. Пули, ударяющія подъ острымъ угломъ, не убивая великановъ, причиняютъ имъ одну боль; животныя, подвергшіяся такому жестокому обращенію, легко могутъ въ слѣдствіи выместить свою злобу на невинныхъ. Кто желаетъ убить бегемота, долженъ взять винтовку большого калибра, подѣхать шаговъ на 30 и ближе, чтобы быть увѣреннымъ въ выстрѣлъ, и послать уставившемуся въ него животному пулю въ уголокъ глаза. Можно принять за правило, что каждое животное, не убитое выстрѣломъ на повалъ, слѣдовательно мозгъ котораго не раздробленъ, — потеряно для охотника. Если оно трясетъ головой или хрюкая и фыркая, быстро ныряетъ, то пуля не исполнила своего назначенія; если-же оно высоко приподнимается изъ воды, иногда опрокидываясь навзничъ, и затѣмъ тихо недвижно погружается внизъ, то оно навѣрно убито. Дальнѣйшимъ, никогда не обманывающимъ признакомъ служатъ большіе воздушные пузыри, выходящіе на томъ мѣстѣ, гдѣ животное погрузилось въ воду. Каждый гиппопотамъ, убитый въ водѣ, сперва тонетъ, но, по прошествіи 30—60 минутъ, или самое большее немногихъ часовъ, всплываетъ на поверхность. Это время колеблется отъ того, въ большей-ли, или меньшей степени переварена принятая пища и на сколько образовавшіеся газы распухли животъ».

Жители верхней области Нила, не владѣя огнестрѣльнымъ оружіемъ, были почти совершенно безсильны противъ бегемота; но все-таки они оставались его единственными опасными противниками, потому-что кромѣ пѣявокъ, комаровъ и глистовъ ни одно существо не нападаетъ на бегемота, и всѣ искусно вымышленные расказа-

зы о битвахъ между нимъ и крокодиломъ, слономъ, носорогомъ и львомъ должны быть безусловно отнесены къ области басень. Въ крайнемъ случаѣ молодой бегемотъ могъ-бы подвергнуться нападенію одной изъ большихъ кошекъ, если-бы мать не находилась постоянно вблизи, готовая къ отраженію всякой опасности. Человѣкъ всѣми способами старается защититься отъ этого вреднаго животнаго. Когда мы плыли по Нилу во время созрѣванія плодовъ въ заселенныхъ мѣстностяхъ на обоихъ берегахъ рѣки, видны были огни: они были зажжены исключительно какъ средство для устрашенія бегемотовъ, и тщательно поддерживались всю ночь напролетъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, при помощи барабановъ, производился постоянный шумъ, чтобы испугать рѣчныхъ великановъ. При всемъ этомъ они нерѣдко оказывались столь отважными, что возвращались обратно въ рѣку только тогда, когда съ криками, съ барабаннымъ боемъ и съ пылающими головешками въ рукахъ на нихъ бросалась огромная толпа людей.

Впрочемъ, кромѣ подобныхъ мѣръ къ защитѣ, еще искони на это чудовище нападали съ дротиками и копьями и производили на него охоту, насколько позволяло подобное оружіе. При этомъ поступали и поступаютъ въ сущности по способу древнихъ египтянъ, съ охотами которыхъ насъ познакомили изображенія на памятникахъ и нѣкоторые древніе писатели, главнымъ образомъ Діодоръ Сицилійскій. Объ остроумно придуманномъ приборѣ, состоящемъ изъ копья, придѣланнаго къ согнутому дереву, которое выпрямляется и убиваетъ бегемота, когда онъ, отправляясь на пастбище, проходитъ мимо, — въ сѣверо-восточной Африкѣ ничего не знаютъ, и только негры Абіада роютъ для нихъ ямы. Единственнымъ оружіемъ, которымъ пользуются жители верхняго Нила для охоты на бегемота и въ наше время, являются только копье и соответствующій росту животнаго дротикъ, къ которому привязана веревка съ поплавкомъ. Около полуночи охотникъ прокрадывается вдоль берега до мѣста, откуда эти животныя выходятъ, возвращаясь съ пастбища, становится подъ вѣтромъ въ кустарникъ и ожидаетъ, когда одно изъ нихъ приблизительно до половины погрузится въ рѣку. Тогда онъ изо всѣхъ силъ мечетъ гарпунъ въ его тѣло и бѣжитъ, въ надеждѣ, что испуганное его ударомъ животное бросится въ рѣку. Такъ обыкновенно и случается; но когда чудовище вылѣзаетъ на сушу, то непременно нападаетъ на своего противника. Затѣмъ охотникъ со своими помощниками, вслѣдъ за нанесеніемъ удара или на другое утро, садится въ одну изъ приготовленныхъ лодокъ и отыскиваетъ раненое животное по плавающему дротику или деревянному поплавку. Какъ только они найдены, къ нимъ подилываютъ съ величайшей осторожностью и, держа наготовѣ дротики и копья, вытягиваютъ веревку. При малѣйшемъ напряженіи ея бегемотъ съ бѣшеною злостью появляется на поверхности воды и устремляется на судно, но его встрѣчаютъ градомъ ударовъ копій и дротиковъ, часто принуждающихъ его къ отступленію. Впрочемъ, нерѣдко случается, что онъ настигаетъ баркасъ и раздробляетъ его своими клыками. Въ счастливыхъ случаяхъ его до тѣхъ поръ поражаютъ оружіемъ, пока онъ не издохнетъ.

Въ странѣ Машуна существуетъ способъ охоты, напоминающій собой ловлю слоньевъ въ ограды и томленіе ихъ голодомъ. Въ рѣкѣ Ханіане, которая, высохнувъ, образовала различной глубины впадины, Селусъ нашелъ довольно большое огороженное со всѣхъ сторонъ болото, въ которомъ еще остались небольшіе помосты, устроенные на высокихъ сваяхъ. Здѣсь туземцы открыли семью бегемотовъ, быстро огородили ихъ мѣстопребываніе заборомъ и, посредствомъ разставленной стражи, удержали ихъ отъ побѣга съ болота. Когда плѣнные приближались на достаточно близкое разстояніе къ помостамъ, то мужчины бросали въ нихъ тяжелыми копьями

и нанесенными ранами ускорили смерть несчастных, безъ того заморенныхъ голодомъ великановъ: несмотря на крайнюю нужду, они не отважились пробиться черезъ жалкія сооруженія своихъ преслѣдователей.

Прибыль отъ охоты на бегемотовъ довольно значительна. Какъ сало, такъ и высоко цѣнимое мясо ѣдятъ повсюду. Въ доброе старое время колонисты Капской земли не могли себѣ представить большаго удовольствія, какъ охоту на бегемотовъ. Мясо и сало убитаго великана свѣжевали на мѣстѣ охоты и на повозкахъ отправляли домой. Мясо молодыхъ животныхъ, говорятъ, отличается особенно приятнымъ вкусомъ, а сало старыхъ оказывается лучше свиного; языкъ въ свѣжемъ или копченомъ видѣ слыветъ лакомствомъ. Последнее утверждается почти всѣми охотниками, но, относительно достоинства мяса, многіе придерживаются другаго мнѣнія, находя его губчатымъ и безвкуснымъ. Въ восточной Африкѣ сало считается лучшей мазью для волосъ и тѣла. Изъ толстой кожи приготавливаются очень хорошіе бичи, палки и щиты; его зубы, по словамъ Вестендарпа, служатъ прекраснымъ матеріаломъ для многихъ тонкихъ токарныхъ издѣлій, такъ какъ ихъ масса своей чистотой, твердостью и бѣлизной превосходить даже слоновую кость. Однако для обработки ихъ необходимы искусные мастера. Изогнутые зубы нижней челюсти покрыты хрупкой, какъ стекло, эмалью, которая не поддается обработкѣ, такъ что ихъ приходится освобождать отъ нея, подвергая вытравленію, вслѣдствіе чего теряется около трети ихъ вѣса, и подвергшійся обработкѣ товаръ соотвѣтственно этому повышается въ цѣнѣ. Зубы верхней челюсти свободны отъ этой твердой эмали и поэтому поступаютъ въ обработку нетравленными. Соотвѣтственно годности къ употребленію и величинѣ отдѣльныхъ зубовъ устанавливается въ торговлѣ и цѣна на нихъ. Въ настоящее время одинъ килограммъ кривыхъ зубовъ стоитъ 4—6,5 марокъ, а прямыхъ 6—6,5 марокъ.

Ловля живьемъ этого чудовища похожа на охоту. Какимъ образомъ могли римляне ловить и перевозить бегемотовъ, мы не знаемъ; по словамъ древнихъ писателей, они доставляли въ столицу своей имперіи, для триумфальныхъ шествій и гладиаторскихъ боевъ, не только молодыхъ и полувзрослыхъ, но и старыхъ животныхъ. Въ 58 г. до Р. Х. эдилъ Скарвъ вывелъ на показъ римскому народу пять крокодиловъ и большого бегемота. Августъ, Антоній, Пій, Гордіанъ, Гелиогабалъ и Каръ также показывали ихъ въ циркѣ. По приказанію Коммода, въ циркѣ были убиты пять такихъ животныхъ. Начиная съ этого времени и до половины XVI-го столѣтія нашего лѣтосчисленія, ни одно изъ этихъ животныхъ не появлялось въ Европѣ, и затѣмъ снова минули 300 лѣтъ, прежде чѣмъ новыя животныя были доставлены намъ живыми. Тѣ изъ нихъ, которыхъ мы можемъ видѣть въ Европѣ, почти безъ исключенія пойманы молодыми. Само собой разумѣется, что прежде, чѣмъ помышлять о ловлѣ молодого животнаго, необходимо убить его мать. Слѣпая привязанность маленькаго неуклюжаго созданія къ своей матери значительно облегчаетъ ловлю. Молодое животное повсюду слѣдуетъ за раненой матерью и не покидаетъ даже ея трупа. Въ подобномъ случаѣ бросаютъ гарпунъ въ мѣнѣ чувствительное мѣсто его тѣла или стараются опутать его сѣтью и затѣмъ ужъ вытаскиваютъ на берегъ. Сначала оно старается вырваться, испускаетъ громкіе, провзительные крики и доставляетъ людямъ много хлопотъ; однако скоро привыкаетъ къ человѣку и слѣдуетъ за нимъ. По словамъ Шаррмана готентоты глядятъ вновь пойманныхъ бегемотовъ рукой по мордѣ, чтобы такимъ образомъ приучить ихъ къ своему запаху. Молодой бегемотъ охотно сосетъ корову; конечно, одной кормилицей онъ вскорѣ уже не можетъ довольствоваться, ибо молодой великанъ, по прошествіи недолгаго времени, нуждается въ молокѣ 2-хъ, 3-хъ и даже 4-хъ коровъ или 8—12 козъ.

По всѣмъ до сихъ поръ существующимъ наблюденіямъ, бегемотъ и въ Европѣ легко переноситъ продолжительную неволю. Если для пары животныхъ устроить такое помѣщеніе, гдѣ они могли-бы жить въ естественныхъ условіяхъ, т. е. такимъ образомъ, чтобы они могли находиться то въ водѣ, то на сушѣ, тогда можно разсчитывать на потомство. Бегемотъ принимаетъ всякую пищу, особенно-же ту, которую обыкновенно даютъ домашнимъ свиньямъ. Перваго плѣннаго бегемота, привезеннаго въ новѣйшее время въ Европу, я видѣлъ въ Каирѣ. Онъ тамъ такъ привыкъ къ своему хозяину, что бѣгалъ за нимъ повсюду, какъ собака, и былъ довольно послушенъ. Пищей для него служила смѣсь изъ молока, риса и отрубей; въ послѣдствіи онъ охотно сталъ ѣсть свѣжую зелень. Для перевозки этого животнаго построили отдѣльный ящикъ и взяли съ собой нѣсколько большихъ бочекъ нильской воды, чтобы можно было нѣсколько разъ въ день купать рѣчного обитателя; его дѣйствительно благополучно доставили въ Лондонъ.

Позднѣе два бегемота были доставлены въ Парижъ, а въ 1859 г. ихъ привезли въ Германію, гдѣ ихъ повсюду возили и выставляли на показъ. Въ концѣ концовъ оба эти животныя попали въ Амстердамъ, гдѣ они утратили значительную долю прежняго добродушія. Въ сентябрѣ 1861 года у нихъ стало проявляться стремленіе къ случкѣ; въ серединѣ мѣсяца послѣдовало совокупленіе. Оно происходило въ водѣ и повторялось нѣсколько разъ подъ рядъ съ короткими промежутками, причемъ самый актъ длился, какъ у лошадей, весьма недолго. Роды послѣдовали 16 іюля 1862 года, такъ что продолжительность беременности, которую было принято считать въ 10 мѣсяцевъ, слишкомъ преувеличена. Съ первой-же минуты послѣ рожденія прекрасно развитаго и здороваго дѣтеныша, рѣзко бросалось въ глаза грубое и жестокое обращеніе съ нимъ матери; она не позволяла ему сосать, швыряла его изъ стороны въ сторону и, вообще послѣ разлуки съ самцомъ, казалась въ высшей степени раздраженною. Дѣтенышъ околѣлъ спустя два дня послѣ рожденія, несмотря на всѣ старанія выкормить его искусственно. Еще день спустя, самка снова совокупилась. Она съ самаго начала гораздо болѣе была озабочена самцомъ, пришедшимъ въ ярость при видѣ дѣтеныша, чѣмъ своимъ дѣтищемъ.

Вестерманъ, управляющій Амстердамскаго зоологическаго сада, сообщилъ мнѣ въ послѣдствіи лично, что та-же самая самка родила еще нѣсколькихъ дѣтенышей и при этомъ постоянно спустя 7—8 мѣсяцевъ (7 мѣс. и 20—25 дн.) послѣ констатированнаго акта совокупленія; съ большинствомъ изъ этихъ дѣтенышей мать обращалась дурно. Отецъ, повидимому, каждый разъ ревновалъ самку къ своему потомству и велъ себя точно бѣшеный; этимъ онъ раздражалъ самку и, такимъ образомъ, настаивалъ на удаленіи сосуна, который въ первыхъ трехъ случаяхъ жилъ недолго. Хотя пробовали вскармливать дѣтеныша коровьимъ молокомъ, т. е. наполняли имъ большіе рожки и приучали маленькое животное принимать такимъ способомъ пищу, но, въ счастливомъ случаѣ, удавалось продлить его жалкое существованіе на 2—3 недѣли. Лишь при четвертомъ дѣтенышѣ, который родился въ августѣ 1865 года, попытки оказались счастливѣе. Хотя и къ нему въ первое время примѣнялись рожки, но затѣмъ различными опытами дошли до болѣе простаго способа кормленія: чуть теплое, разбавленное молоко просто вливалось въ чашку, затѣмъ приманивали молодого бегемота, опускали руку въ молоко и заставляли его сосать пальцы. Такимъ образомъ онъ опорожнялъ одну чашку за другой и замѣтно развивался. Вестерманъ самъ принялъ на себя этотъ трудъ и, благодаря его попеченіямъ, ему дѣйствительно удалось вырастить молодого бегемота. На второмъ мѣсяцѣ своей жизни онъ иногда ѣлъ салатъ, траву и другую растительную пищу, а на шестомъ мѣсяцѣ онъ уже велъ себя какъ старики. Въ послѣдствіи его

продали въ Сѣверную Америку; онъ однако погибъ во время пожара хрустального дворца, въ которомъ нѣкоторое время былъ выставленъ.

Въ слѣдующіе годы и въ Лондонскомъ зоологическомъ саду удалось достичь такого-же успѣха. Бартлэтъ представилъ превосходный докладъ о первомъ рожденіи разводимыхъ тамъ бегемотовъ, которое тщательно наблюдалось. Къ сожалѣнію не удалось сохранить жизнь молодому животному. «Никогда», заключаетъ Бартлэтъ, «я не зналъ животнаго, которое изъ-за своего дѣтища было-бы столь недовѣрчиво, бдительно и которое было-бы готово съ такой рѣшительностью защищать его, какъ эта самка бегемота. Она любитъ своего дѣтеныша съ ревнивою заботливостью и этимъ въ высшей степени затрудняетъ его вскармливаніе въ неволѣ, такъ какъ молодому животному постоянно грозитъ опасность быть сшибленнымъ съ ногъ и убитымъ бѣшенными движеніями матери». Въ слѣдующемъ (1872) году удалось, тоже въ Лондонѣ, выростить молодого бегемота, второго дѣтеныша той-же матери. Впослѣдствіи тѣмъ-же успѣхомъ могли похвалиться зоологическіе сады Антверпена и Петербурга.

Кромѣ человѣка, врядъ-ли существуетъ у бегемота опасный врагъ, который могъ-бы выступить противъ него. Тамъ, куда не проникаетъ человѣкъ со своимъ страшнымъ оружіемъ, бегемотъ, вѣроятно, достигаетъ глубокой старости. Хотя онъ растетъ сравнительно быстро, однако нужно пройти многимъ годамъ, прежде чѣмъ онъ достигнетъ своего полного роста. По всей вѣроятности, онъ становится способнымъ къ размноженію на второмъ и уже навѣрно на третьемъ году жизни; растеть же бегемотъ, какъ несомнѣнно показали наблюденія надъ плѣнными, нѣсколько лѣтъ даже послѣ того, какъ онъ произвелъ на свѣтъ дѣтенышей. Когда онъ наконецъ достигаетъ полного возраста, то зубы его все-таки увеличиваются въ длинѣ и толщинѣ. Въ какое время жизни бегемота начинается для него старческой возрастъ, и на сколько лѣтъ, вообще, можетъ продлиться его жизнь—неизвѣстно.

Другой, еще существующій представитель этого семейства толстокожихъ, **Либерійскій бегемотъ**, или, какъ его можно еще назвать **Маленькій бегемотъ** (*Hippopotamus liberiensis*, *Choeropsis liberiensis*, *Zwergflusspferd*, *Hippopotame nain*), значительно меньше ростомъ, чѣмъ вышеописанный и, какъ кажется, въ своемъ распространеніи ограничивается небольшою областью Верхней Гвинеи. Онъ отличается отъ своего гигантскаго родственника, кромѣ гораздо меньшаго роста, еще тѣмъ, что у него на обѣихъ сторонахъ нижней челюсти не хватаетъ по одному рѣзцу. Мильнъ-Эдвардъ въ описаніи говоритъ, что его кожа блѣдно-розоваго цвѣта; Іентинкъ-же указываетъ на то что этотъ цвѣтъ является только у хранящихся въ коллекціяхъ чучель, съ которыхъ сошелъ верхній слой кожи. Бюттикоферъ, видѣвшій недавно убитыхъ животныхъ, утверждаетъ, что спина у нихъ аспидно-чернаго, брюхо—грязно-зеленовато-бѣлаго, бока—зеленовато-сѣраго цвѣта. Взрослая самка, полученная имъ, по его взвѣшиванію, вѣсила всего 400 kgr. и, при высотѣ въ плечахъ въ 76 см., была длиной всего въ 185 см., изъ которыхъ 17 приходились на долю хвоста.

Образъ жизни этого животнаго до сихъ поръ мало извѣстенъ; онъ значительно отличается отъ образа жизни большого бегемота. Бюттикоферъ сообщаетъ объ этомъ слѣдующее: «Его любимымъ мѣстопребываніемъ служатъ лѣсъ и болото; въ рѣкахъ его, повидимому, не находятъ. Обстоятельство, которое дѣлаетъ охоту за нимъ столь трудною и часто безуспѣшною, заключается въ томъ, что онъ не ограничивается небольшою областью и не ходитъ по одинымъ и тѣмъ-же тропамъ, но распространяетъ свои странствованія на очень большое, хотя и не безграничное пространство. Какъ дикая свинья, съ образомъ жизни которой онъ имѣетъ много общаго, онъ ищетъ себѣ въ старомъ и молодомъ лѣсу кормъ, состоящій изъ всевозможныхъ

травъ и лѣсныхъ плодовъ, и затѣмъ удаляется въ обширныя, часто недоступныя охотнику болота. Отправляется-ли онъ за пищей ночью или днемъ, я не могу сказать ничего достовѣрнаго, но считаю болѣе вѣроятнымъ послѣднее. Его легко узнать, какъ по его своеобразному слѣду, такъ и по помету. Также достовѣрно извѣстно, что этотъ видъ не живетъ семьями, подобно обыкновенному бегемоту; либерійскій бегемотъ странствуетъ по лѣсу постоянно одинъ, и кажется, что каждая отдѣльная пара, если они вообще живутъ парами, обладаетъ обширною областью и что эти животныя вообще нигдѣ не встрѣчаются часто, однако въ тѣхъ мѣстностяхъ Либеріи, черезъ которыя я проѣзжалъ, ихъ вездѣ знаютъ, хотя-бы только по названію». По описанію этого наблюдателя слѣды либерійскаго бегемота не отличаются отъ слѣдовъ большого бегемота, но они, разумѣется, меньше и не такъ глубоки. Изжаренное на вертелѣ мясо молодого животнаго оказалось очень вкуснымъ и напоминало собой мясо кабана. До сихъ поръ не привозили въ Европу живымъ это рѣдкое животное; даже въ обитаемой имъ мѣстности путешественники его видѣли не часто. Его скелеты и чучела также составляютъ въ коллекціяхъ большую рѣдкость.

Отрядъ XII.

Травоядные киты или Сирены.

Жестоко-бы ошибся тотъ, кто при названіи сиренъ вспомнилъ-бы о сказочныхъ существахъ древняго міра—полуженщинахъ и полурыбахъ, которыя живутъ въ хрустальной глубинѣ моря и своимъ чуднымъ пѣніемъ, огненнымъ взоромъ, киваньемъ головы, играми и ласками увлекаютъ бѣднаго смертнаго съ цѣлью погубить его. Натуралисты въ этомъ случаѣ показали лишь свою любовь къ поэтическимъ названіямъ, но о древнемъ сказаніи вовсе не думали. Названіе сиренъ соответствуетъ описываемымъ нами животнымъ примѣрно такимъ-же образомъ, какъ имя греческой нимфы Гамадриады—уродливому и развѣ только въ глазахъ натуралиста красивому павіану (Гамадриллъ).

Сирены образуютъ отдѣльный отрядъ. По внутреннему строенію своего тѣла онѣ скорѣе всего походятъ на копытныхъ животныхъ и могутъ считаться особой группой копытныхъ, которыя приспособились къ постоянной жизни въ водѣ. Многие натуралисты причисляли ихъ къ китамъ, составляя изъ сиренъ отдѣльное семейство этихъ животныхъ; но описываемый нами отрядъ такъ сильно отличается отъ китовъ, что отдѣлить его оказалось вполне цѣлесообразнымъ. Отличительными признаками сиренъ могутъ служить: маленькая, отъ туловища ясно отдѣленная голова съ толстогубой мордой, щетинистыми губами, ноздрями, расположенными на концѣ морды; своеобразно устроенное неуклюжее туловище, покрытое рѣдкими щетинистыми волосами и, наконецъ, особое строеніе зубной системы. Мы замѣчаемъ у нихъ только двѣ переднихъ конечности, которыя имѣютъ видъ настоящихъ ластовъ. Кожа, прикрывающая все тѣло, покрываетъ и пальцы настолько, что суставы ихъ не могутъ двигаться отдѣльно. Только слѣды ногтей, замѣчаемые на концахъ этихъ ластовъ, указываютъ на существованіе отдѣльныхъ пальцевъ. Хвостъ, который замѣняетъ собою заднія конечности, оканчивается плесомъ, какъ у китовъ. Необходима большая доля фантазіи, чтобы даже издали принять этихъ животныхъ за сказочныхъ сиренъ: тѣло этихъ неуклюжихъ и массивныхъ животныхъ только тѣмъ и похоже на тѣло красивой женщины, что соски находятся на груди между ластами, а млечныя железы имѣютъ болѣе выпуклую форму, чѣмъ у прочихъ млекопитающихъ.

Отрядъ этотъ составляетъ одно семейство, въ свою очередь состоящее лишь изъ трехъ родовъ, изъ которыхъ одинъ, Морская Корова или Калустница, болѣе

уже не встрѣчается въ числѣ современныхъ животныхъ. Роды такъ сильно отличаются другъ отъ друга по своимъ зубамъ, что мы считаемъ болѣе удобнымъ говорить о зубной системѣ при описаніи отдѣльныхъ животныхъ. У капустницы вмѣсто зубовъ существовали лишь роговыя пластинки на внутренней сторонѣ нижней челюсти и на нѣбѣ, между тѣмъ какъ у другихъ двухъ видовъ замѣчаются зубы на обѣихъ челюстяхъ. На этомъ признакѣ основано раздѣленіе родовъ и, если принять во вниманіе новыя изслѣдованія Доллоса, который считаетъ недавно исчезнувшую капустницу за *Halicore*, потерявшую свои зубы, то въ этомъ отрядѣ окажутся лишь два рода: *Halicore* и *Manatus*.

Внѣшніе признаки живущихъ еще видовъ сиренъ тѣ-же, какъ у всего отряда. Относительно скелета и внутренностей можно замѣтить слѣдующее: Черепъ довольно короткій, сзади нѣсколько выпуклый; наиболѣе узкое мѣсто приходится около задней части лобной кости, скуловая дуга очень массивная, отъ височной кости отдѣляется очень широкой скуловой отростокъ; небольшія лобныя кости образуютъ переднюю свою часть границу носового отверстія и у передняго края ихъ лежатъ маленькія носовыя кости; межчелюстные кости у дюгоной сильно вздуты, такъ какъ въ нихъ сидятъ большіе рѣзцы, имѣющіе видъ бивней, у ламантиновъ-же эти кости не очень длинныя. Каменистая часть височной кости соединена съ окружающими костями посредствомъ шва, нижняя челюсть коротка, имѣетъ высокій суставный отростокъ и широкий, направленный впередъ вѣнечный отростокъ. Зубы замѣчаются на обѣихъ челюстяхъ. Кромѣ 7 шейныхъ позвонковъ, позвоночный столбъ состоитъ изъ спинныхъ, поясничныхъ и хвостовыхъ позвонковъ; крестцовыхъ совѣтъ нѣтъ; позвонки снабжены очень простыми отростками. Грудная кость составлена изъ нѣсколькихъ другъ за другомъ лежащихъ частей. Треугольныя лопатки на внутреннемъ переднемъ углу закруглены, съ довольно хорошо развитымъ гребнемъ, такъ что онѣ похожи на лопатки другихъ млекопитающихъ. Переднія конечности довольно хорошо развиты, пальцы подвижны и состоятъ лишь изъ трехъ суставовъ. Тазъ состоитъ у дюгова изъ двухъ длинныхъ, тонкихъ костей, которыя соединяются посредствомъ связи съ поперечнымъ отросткомъ четвертаго позвонка, не имѣющаго реберъ; онѣ соответствуютъ повздошнымъ костямъ; къ нимъ прикрѣпляются съ каждой стороны ребровидныя тонкія кости, представляющія сѣдалищныя и лобковыя части; кости эти внизу другъ къ другу приближаются, но не сходятся. У ламантина мы находимъ съ каждой стороны неправильно—треугольную кость, которая посредствомъ длинныхъ связокъ соединяется вверху съ позвоночнымъ столбомъ, а внизу съ противоположной ей костью. Зубы имѣютъ различное строеніе у обѣихъ родовъ. Желудокъ раздѣляется перехватомъ на широкий кардіальный и узкій пилорическій отдѣлъ; на первомъ замѣчается железистый слѣпой мѣшокъ, а на мѣстѣ перехвата въ нижнемъ отдѣлѣ находятся два слѣпыхъ отростка.

Мѣстожительствомъ сиренъ служатъ болотистые берега и морскія бухты жаркихъ странъ, устья рѣкъ и отмели ихъ. Животныя эти только рѣдко встрѣчаются въ умѣренномъ поясѣ, но точныхъ свѣдѣній мы объ этомъ не имѣемъ, такъ какъ ихъ трудно наблюдать. Однако намъ извѣстно, что сирены мѣняютъ свое мѣсто-пребываніе и иногда предприинимаютъ большія странствованія, именно поднимаются далеко вверхъ по теченію рѣкъ въ глубь страны и доходятъ иногда до озеръ, которыя соединены съ большими рѣками. Ихъ встрѣчаютъ или парами, или небольшими обществами и предполагаютъ, что пары эти, т. е. самецъ и самка, живутъ постоянно вмѣстѣ и никогда не расходятся. Сирены гораздо болѣе водныя животныя, чѣмъ ластоногія; онѣ только въ рѣдкихъ случаяхъ выдвигаютъ

переднюю часть своего массивнаго туловища на берегъ, выше поверхности воды. Онѣ далеко не такъ ловко плаваютъ и ныряютъ, какъ другія водныя млекопитающія: хотя онѣ двигаются въ водѣ довольно быстро, но избѣгаютъ глубокихъ мѣстъ, вѣроятно потому, что не могутъ хорошо спускаться въ глубину и подниматься изъ нея. На сушѣ онѣ передвигаются лишь съ величайшимъ трудомъ; лапы ихъ слишкомъ слабы, чтобы двигать на сушѣ ихъ объемистое туловище, тѣмъ болѣе, что оно не имѣетъ гибкости туловища ластоногихъ. Пищею сиренъ служатъ водоросли, морскія и встрѣчающіяся въ рѣкахъ, на мелкихъ мѣстахъ: это единственныя водныя млекопитающія, которыя кормятся исключительно растительною пищею. Онѣ срываютъ растенія своими толстыми губами и въ большомъ количествѣ проглатываютъ ихъ въ широкой пищеводъ, подобно бегемотамъ. Пометъ ихъ похожъ на пометъ рогатаго скота и въ большомъ количествѣ плаваетъ на поверхности воды въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ живутъ.

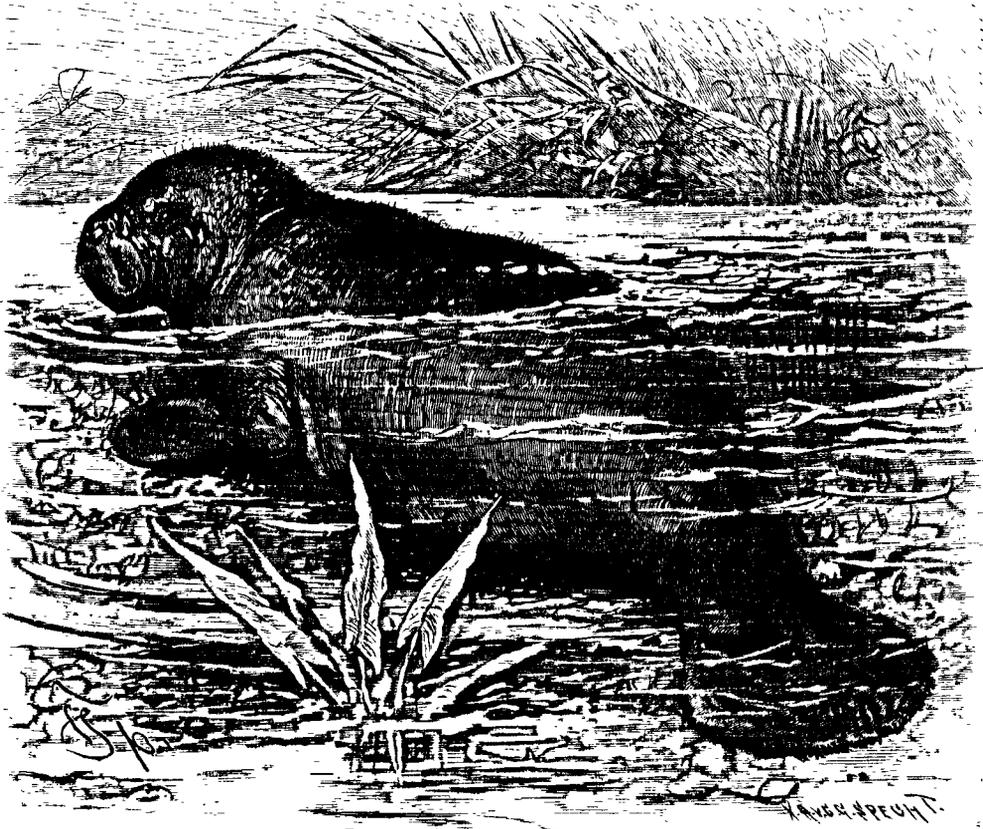
Какъ всѣ прожорливыя созданія, сирены представляютъ собою лѣнливыхъ и тупоумныхъ животныхъ съ мало развитыми внѣшними чувствами. Ихъ называютъ мирными и безвредными существами, но подъ этимъ слѣдуетъ подразумѣвать, что жизнь ихъ проходитъ только въ ѣдѣ и снѣ. Онѣ не пугливы, но и не смѣлы, живутъ въ мирѣ съ другими животными и вообще заботятся единственно только о своей пищѣ. Понятливость ихъ очень ограничена, однако вовсе отрицать ея присутствія нельзя. Оба пола другъ къ другу очень привязаны, оберегаютъ и защищаютъ одинъ другого, а матери ухаживаютъ за своими дѣтенышами заботливо и съ большою любовью; говорятъ, что когда мать кормитъ своего дѣтеныша, то придерживаетъ его, подобно женщинѣ, однимъ изъ лапъ и нѣжно прижимаетъ маленькаго къ своему толстому туловищу. При опасности и боли у нихъ изъ глазъ текутъ слезы, однако было-бы ошибочно изъ этого заключать объ особой чувствительности ихъ: слезы сиренъ не имѣютъ большого значенія и ихъ вовсе нельзя сравнивать съ притворными слезами сказочныхъ сиренъ. Голосъ этихъ животныхъ также вовсе не похожъ на чудное пѣніе морскихъ русалокъ, а состоитъ изъ слабого и глухого стона. При дыханіи ихъ слышится сильное сопѣнье. Слѣдуетъ замѣтить, что эти неуклюжія созданія не только переносятъ неволю, но даже могутъ быть въ довольно значительной степени приручены.

Мясо и жиръ ихъ, а также кожа и зубы находятъ примѣненіе, но какой-либо другой пользы онѣ не приносятъ.

* * *

У **Ламантиновъ** (*Manatus*) хвостовой плавникъ округленъ, толстое туловище немного похоже на рыбу и покрыто очень рѣдкими, короткими волосами, которые сидятъ чаще только на мордѣ и здѣсь имѣютъ форму довольно длинныхъ щетинокъ. На пальцахъ округленныхъ переднихъ лапъ замѣтны четыре плоскихъ ногтя. Рѣзцы встрѣчаются только у молодыхъ животныхъ; они скоро выпадаютъ, такъ-что у взрослыхъ мы находимъ лишь одни коренные зубы. Ихъ бываетъ на каждой сторонѣ челюсти отъ 7—8, но число это непостоянно, потому что у ламантиновъ зубы мѣняются, какъ у слоновъ; когда передніе совсѣмъ сотрутся, то сзади вырастаютъ новые, такъ-что число зубовъ можетъ измѣняться отъ 7—50. Мѣстожительствомъ обихъ американскихъ видовъ этого рода служитъ берегъ Атлантическаго океана отъ 25° с. до 19° ю. широты, а также и устья сюда впадающихъ рѣкъ. Африканскій видъ (*M. senegalensis*) живетъ въ озерѣ Чадъ и въ большихъ и маленькихъ рѣкахъ, которыя впадаютъ въ Атлантическій океанъ между 20° с. и 10° ю. широты; указанія о нахожденіи этого животнаго въ южной Африкѣ вѣроятно основаны на ошибкахъ.

Ламантинъ, Быкъ-Рыба португальцевъ, *Ania* индѣйцевъ (*Manatus latirostris*, *australis*, *americanus*, *atlanticus*, *Trichechus manatus*. Lamentin) видъ, извѣстный болѣе другихъ, имѣетъ 3 м. длины и вѣситъ 300, а, по Каплеру, даже 400 kgr.; туземцы, однако, утверждаютъ, что видали ламантиновъ гораздо большаго роста, въ 5 и даже 6 м. длины. Тѣло покрыто почти голой кожей, на которой сидятъ короткіе, щетинистые волосы, отстоящіе другъ отъ друга приблизительно на 2 см. Все тѣло окрашено довольно однообразно голубовато—сѣрымъ цвѣтомъ, который на спинѣ и на бокахъ немного темнѣе, чѣмъ внизу. Волоса имѣютъ желтоватый цвѣтъ. Первыми обстоятельными свѣдѣніями объ этомъ животномъ мы обязаны А.

Ламантинъ. *Manatus latirostris*. $\frac{1}{20}$ наст. вел.

Гумбольдту. У вскрытаго имъ ламантина, имѣвшаго около 3 м. длины и пойманнаго въ Карричанѣ на нижнемъ теченіи Ориноко, онъ нашелъ слѣдующее: верхняя губа у него очень выдается впередъ, покрыта нѣжной кожей и очевидно служить для ощупыванія близъ лежащихъ предметовъ, а полость рта, которая у только-что убитаго животнаго очень теплая, имѣетъ въ высшей степени своеобразное строеніе. Языкъ почти неподвиженъ; на каждой челюсти находится мясистая шишка, а противъ нея въ другой челюсти—углубленіе, одѣтое очень жесткой кожей: при закрытіи челюстей шишка хорошо помѣщается въ этомъ углубленіи. Если вскрыть животное со спины, то удивляешься длинѣ и ширинѣ его легкиихъ: они имѣютъ болѣе 1-го м. длины, состоятъ изъ чрезвычайно большихъ отдѣльныхъ пузырьковъ и

вообще похожи на огромные плавательные пузыри, въ которыхъ можетъ помѣститься очень много воздуха. Желудокъ раздѣленъ на нѣсколько отдѣленій, а кишки имѣютъ болѣе 30 м. длины.

Отъ этого ламантина другой американскій видъ, **Узлобый ламантинъ** (*Manatus inunguis, exunguis, australis, americanus, atlanticus*) отличается болѣе узкимъ и тонкокостнымъ черепомъ. Этотъ видъ достовѣрно найденъ въ верхнихъ частяхъ теченія Амазонской рѣки и Ориноко; можетъ-быть онъ встрѣчается и въ небольшихъ береговыхъ рѣкахъ Бразиліи на югъ до рѣки Св. Матѳея, гдѣ находили ламантиновъ, но видъ ихъ съ точностью не могъ быть опредѣленъ.

Ламантины живутъ на восточномъ берегу Флориды, на берегахъ Большихъ и Малыхъ Антильскихъ острововъ, въ рѣкѣ Св. Магдалины и на восточномъ берегу Южной Америки и въ рѣкахъ ея на югъ до мыса Норда, но по преимуществу въ Суринамѣ. Вѣроятно это есть единственный видъ сиренъ въ Мексиканскомъ заливѣ. А. Гумбольдтъ замѣтилъ, что въ морѣ ламантины любятъ держаться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятся источники прѣсной воды; они поднимаются высоко по теченію рѣкъ, а во время наводненій проникаютъ въ озера и болота. «Вечеромъ», рассказываетъ Гумбольдтъ, «мы прибыли къ устью Каньо-дель-Манати (рѣка ламантиновъ), названная такъ вслѣдствіе большого количества ламантиновъ, которые ежегодно тамъ ловятся. Вода тамъ покрыта очень вонючимъ пометомъ этихъ животныхъ. Ниже водопадовъ въ Ориноко, въ рѣкахъ Мета и Апуре они очень обыкновенны».

Образъ жизни ламантина почти такой-же, какъ и у другихъ сиренъ. Нѣкоторые путешественники утверждаютъ, что онъ иногда выходитъ изъ воды и пасется на землѣ, но уже въ прошедшемъ столѣтіи другіе наблюдатели самымъ опредѣленнымъ образомъ отрицали это. Онъ ѣстъ только ту траву, которая растетъ въ водѣ. Такъ какъ всѣ южныя рѣки въ мелкихъ мѣстахъ покрыты богатою растительностью, то корма ему хватаетъ вдоволь, и онъ не долженъ далеко плавать, чтобы его искать. Онъ пожираетъ такъ много травы, что его желудокъ и кишки буквально набиты пищею; наѣвшись, онъ ложится такъ, что морда его немножко выдается изъ воды, такъ что онъ не долженъ подниматься выше, чтобы дышать, и въ этомъ положеніи спитъ нѣсколько часовъ сряду днемъ. Во время его бодрствованія онъ высовываетъ голову изъ воды только тогда, когда дышитъ, что, впрочемъ, происходитъ очень часто, несмотря на большой объемъ его легкихъ; вотъ почему, вѣроятно, онъ держится по преимуществу въ мелкихъ мѣстахъ рѣкъ. Время спариванія, повидимому, еще неизвѣстно, и о размноженіи нѣтъ точныхъ свѣдѣній.

Нѣкоторые говорятъ, что у самки родится два дѣтеныша, другіе-же упоминаютъ лишь про одного. Всѣ превозносятъ любовь матери къ своему дѣтенышу. Вездѣ, гдѣ встрѣчается ламантинъ, за нимъ охотятся очень усердно. Мясо его очень вкусно, но считается нездоровымъ: отъ него, говорятъ, дѣлается лихорадка. По словамъ Гумбольдта, оно болѣе похоже на свинину, чѣмъ на говядину; соленое и высушенное на солнцѣ, оно сохраняется въ теченіи года. Уже Гонзало Овiedo хвалитъ мясо ламантина и рассказываетъ, что въ 1531 году онъ привезъ его даже въ Испанію и имъ угощалъ даже при дворѣ. «Оно всѣмъ такъ понравилось», говоритъ онъ, «что его считали за говядину, привезенную изъ Англіи». Многіе индѣйцы считаютъ мясо ламантина за самое вкусное кушанье и потому очень усердно за нимъ охотятся. Другія племена, напротивъ, полагаютъ, что тѣ люди, которые ѣдятъ это мясо, непременно умираютъ, и такъ ненавидятъ это животное, что когда Бониланъ анатамировалъ одно изъ нихъ, то всѣ туземцы попрятались, чтобы ихъ не заставили дотронуться до этого, по ихъ понятію, поганого мяса.

Охота на ламантиновъ довольно проста. На челнокъ приближаются къ тому

мѣсту, гдѣ пасутся эти животныя, и ждутъ, пока одно изъ нихъ не высунется изъ воды, чтобы подышать; тогда въ него пускаютъ стрѣлы, къ которымъ на бичевкѣ привязаны небольшія деревяшки, указывающія потомъ путь этого животнаго. или его бьютъ острогой, вытаскиваютъ въ лодку и уже тамъ рѣжутъ ножемъ. Чтобы втащить среди рѣки тяжелое животное въ лодку, употребляютъ слѣдующій приемъ: наполняютъ лодку на двѣ трети водою, подводятъ ее подъ ламантина, а затѣмъ вычерпываютъ воду ковшемъ, сдѣланнымъ изъ тыквы. Легче всего убиваютъ это животное въ концѣ наводненія, во время котораго они часто держатся въ озерахъ и болотахъ; когда вода начинаетъ сбывать, то ламантиновъ часто находятъ почти на сушѣ. Когда іезуиты миссіонеры завѣдывали поселеніями на нижнемъ теченіи Ориноко, то они вмѣстѣ съ индѣйцами ежегодно приходили къ устью рѣки, ниже впаденія Апуры, и организовали большія охоты на ламантиновъ въ пользу своихъ приходовъ. Жиръ его, который жгутъ въ лампадахъ церквей, а также употребляютъ и для кушаній, вовсе не имѣетъ противнаго запаха, свойственнаго ворвани китовъ и жиру нѣкоторыхъ другихъ млекопитающихъ. Толстую кожу разрѣзаютъ на ремни, изъ которыхъ дѣлаютъ бичи и употребляютъ такъ же какъ веревки, но они могутъ быть пригодны только въ сухомъ мѣстѣ, такъ-какъ въ водѣ они гніютъ.

Уже у старыхъ писателей мы находимъ указанія, что ламантина можно сдѣлать ручнымъ. Мартиръ, путешественникъ, который умеръ въ первой четверти шестнадцатаго столѣтія, рассказываетъ, что Кацикъ на островѣ Санъ-Доминго держалъ въ небольшомъ озерѣ «молодую рыбу, которую называютъ Манато» и приказалъ ее кормить ежедневно хлѣбомъ изъ кукурузной муки. «Ламантинъ постепенно сдѣлался совсѣмъ ручнымъ, приплывалъ, когда его звали, ѣлъ хлѣбъ изъ рукъ и позволялъ себя гладить; онъ нѣсколько разъ перевозилъ на своей спинѣ людей съ одного берега на другой, куда имъ было нужно. Эта добродушная и ручная рыба долго жила въ озерѣ, къ великому удовольствію всѣхъ людей. Изъ всѣхъ частей острова приходили посмотрѣть, какъ она по зову приближалась къ берегу и перевозила людей на своей спинѣ. Но однажды случился страшный ливень; въ озеро натекло много воды, которая стала выливаться въ море; она унесла Манато, котораго больше и не видали.» Гемаръ, который очевидно рассказываетъ ту-же исторію, прибавляетъ, что Манато жилъ 26 лѣтъ въ озерѣ Гуайнабо и подъ конецъ былъ ростомъ съ дельфина.

Сообщеніе новѣйшихъ писателей подтверждаетъ вѣроятность вышесказаннаго. Каплеръ занимался въ Суринамѣ прирученіемъ молодого ламантина и о немъ писалъ Розенбергу слѣдующее: «Когда я получилъ это животное, то велѣлъ сдѣлать плотину на небольшомъ ручейкѣ, впадающемъ въ рѣку, на разстояніи около 100 м. отъ устья его, и въ образовавшійся прудъ помѣстилъ моего питомца. Онъ сначала не принималъ никакой пищи, но пилъ молоко, которое однако приходилось вливать ему почти силой въ ротъ. Когда онъ досыта напивался молока, то трясъ головой, и мы ему впахивали въ ротъ куски спѣлыхъ банановъ. Его кормили два раза въ сутки, въ 5 часовъ утра и въ 5 часовъ вечера, и каждый разъ давали по полъ литра молока и отъ 6—8 маленькыхъ банановъ. Кормленіе продолжалось иногда до трехъ четвертей часа, такъ какъ ламантинъ часто уплывалъ, нѣсколько минутъ игралъ въ водѣ, возвращался къ берегу, а затѣмъ опять уходилъ. Впослѣдствіи онъ сдѣлался очень ручнымъ, но выказывалъ мало понятливости и, очевидно, имѣлъ слабое зрѣніе и слухъ. Когда я появлялся у его пруда и входилъ въ воду, то онъ всегда приплывалъ, обнюхивалъ мои ноги и когда я садился, то влѣзалъ ко мнѣ на колѣни. Къ сожалѣнію, животное это околѣло послѣ 17-ти мѣсячной неволи на пароходѣ, который долженъ былъ свезти его въ Англію».

Въ 1864 году Латимеръ, австрійскій консулъ въ Порто-Рико, держалъ пару живыхъ ламантиновъ въ большомъ, хорошо законопаченномъ ящикѣ, который имѣлъ по сторонамъ закрытыя досками помѣщенія; онъ потомъ послалъ животныхъ въ Англію, но съ ними случилось то-же, что съ ламантиномъ Каплера. Наконецъ узнали мы отъ Кунингама, что съ 1867 года два ламантина живутъ въ прудѣ одного общественаго сада въ Рио-де-Жанейро, гдѣ вмѣстѣ съ ними помѣщаются каймавы и нѣкоторыя водныя птицы. Въ 1870 году ламантины эти имѣли 1,5 м. длины и, по видимому, чувствовали себя вполне хорошо въ своемъ узкомъ помѣщеніи. Одинъ изъ нихъ очень полюбилъ общество лебедя, который жилъ въ томъ-же прудѣ, и птица привыкла къ своему странному товарищу, и плавала всегда около того мѣста, гдѣ находился ламантинъ, такъ что посѣтители по мѣстонахожденію лебедя узнавали, гдѣ слѣдуетъ искать ламантина. Этотъ ламантинъ сдѣлался настолько ручнымъ, что часто приходилъ брать изъ рукъ траву, которую ему предлагали, и высовывалъ довольно далеко изъ воды свою голову съ щетинистыми губами. Кунингамъ нѣсколько разъ видѣлъ, что онъ ѣлъ траву на берегахъ пруда, причемъ высовывалъ изъ воды переднюю часть тѣла и голову и опирался однимъ изъ лапъ на камень или край пруда; онъ довольно долго оставался въ этомъ положеніи и даже потихоньку подвигался впередъ, чтобы добраться до сочной травы.

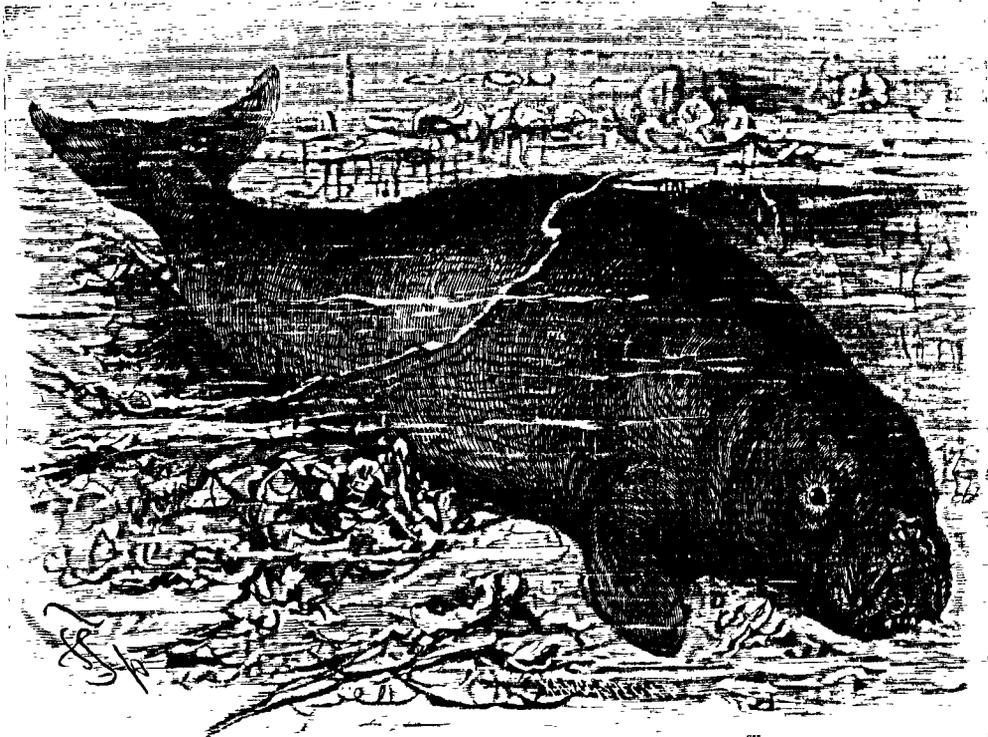
* *
* *

Китайцы и арабы уже нѣсколько столѣтій тому назадъ знали другого представителя семейства сиренъ, о которомъ мы, европейцы, до начала нынѣшняго столѣтія получали лишь изрѣдка очень неполныя свѣдѣнія, именно о **Дюгонѣ** (морская корова) малайпевъ (*Halicore dujong*, *H. cetacea*, *H. australis*). Возможно, что Мегасоень и Эланъ имѣли въ виду это животное, когда говорили о живущихъ въ Индѣйскомъ морѣ существахъ, имѣющихъ сходство съ женщиной, и не подлежитъ сомнѣнію, что «Морская Дѣва», которую анатомировалъ португальскій врачъ Боскецъ и «Морскіе Люди», и «Женщины», о которыхъ много рассказываетъ голландецъ Валентинъ, были дюгоны; однако эти описанія такъ неточны, что они ни на сколько не подвинули впередъ свѣдѣній объ этихъ сиренахъ. Французы Диаръ и Дювосель, которые изслѣдовали этихъ животныхъ, впервые намъ дали хорошее описаніе ихъ. Куа и Гэмаръ первые срисовали дюгоня, а Рюппель, нашедши ихъ въ Красномъ морѣ, доставилъ первое подробное описаніе ихъ образа жизни.

Дюгонъ достигаетъ длины отъ 3—5 м. Короткая и толстая шея непосредственно переходитъ въ туловище, которое равномерно округлено, отъ шеи до середины утолщается, а затѣмъ дѣлается постепенно тоньше къ хвосту. Передніе лапы находятся недалеко отъ ушныхъ отверстій, ближе къ нижней части туловища и не очень длинны, но широки; передній край ихъ округленъ, задній заостренъ, пальцевъ совсѣмъ незамѣтно и о присутствіи ихъ можно узнать лишь на ощупь; когтей нѣтъ и слѣда. Хвостъ образуетъ плоскій, горизонтальный плесъ, имѣющій форму полумѣсяца. На короткой толстой мордѣ особенно выдается, по словамъ Клюнцингера, плоская верхняя губа, которая назади болѣе отвисаетъ, чѣмъ спереди, и подъ которой находится толстый мясистый валекъ. Валекъ этотъ сзади соединяется съ своеобразной роговой пластинкой, покрывающей межчелюстную кость; подобная же роговая пластинка замѣчается и на нижней челюсти. Нижняя губа также образуетъ мясистый валекъ, сзади рѣзко притупленный. Ноздри, сидяція на верхней части морды, расположены очень близко одна отъ другой и состоятъ изъ двухъ серпообразныхъ щелей; глаза не велики, яйцевидной формы, очень выпуклы и чернаго цвѣта; они лежатъ въ косои щели, у которой на верхнемъ краю замѣчаются

рѣсницы, сидяція полукругомъ. Вѣкъ не бываетъ, но есть мигательная перепонка, и кромѣ того глаза могутъ быть закрываемы сжатіемъ окружающей ихъ кожи. Уши обозначены лишь маленькими круглыми отверстіями.

Верхняя часть тѣла покрыта гладкой и блестящей кожей, имѣющей сѣровато-синій свинцовый цвѣтъ, принимающій на головѣ и вдоль спины желтовато-зеленый оттѣнокъ; на нижней части тѣла кожа морщиниста, покрыта рубцами и имѣетъ голубовато-мясной цвѣтъ съ рѣдкими, продолговатыми пятнами. На всемъ тѣлѣ замѣчаются короткія, тонкія, но довольно крѣпкія щетины, которыя на верхней губѣ имѣютъ видъ иглъ. Ласты совершенно голыя, а на хвостѣ замѣтны только слѣды волосъ. Зубная система состоитъ изъ рѣзцовъ и коренныхъ зубовъ, которые

Дюгонь. *Halimione nativitatis*. 1/10 наст. вел.

корней не имѣютъ и къ старости часто выпадаютъ. Рѣзцы у самки короткіе и тупые, а у самца гораздо больше и трехгранной, долотообразной формы; коренныхъ зубовъ бываетъ въ каждомъ ряду по 5, и величина ихъ уменьшается спереди назадъ. Клыковъ совсѣмъ не бываетъ, но у самца вырастаютъ два длинныхъ рѣзца, достигающихъ 20—25 см. длины при 2 см. толщины; они имѣютъ видъ бивней, но 1/2 ихъ длины покрыты мясистыми деснами.

Дюгонь, кажется, встрѣчается во всѣхъ частяхъ Индѣйскаго океана и соединенныхъ съ нимъ морей. Его довольно часто находятъ около южныхъ береговъ Китая, во всѣхъ моряхъ, окружающихъ Зондскіе острова; къ сѣверу онъ распространенъ до половины Краснаго моря, гдѣ всѣ прибрежные жители его хорошо знаютъ. Если спросить тамошнихъ моряковъ о дюгонѣ, то всѣ они могутъ дать болѣе или менѣе подробное описаніе этого очень замѣтнаго животного. Его тамъ называютъ **Нэке-эль-Баръ** (Водяная верблюдица) или на югѣ **Джилидъ** (кожаный),

Джилдъ, Дауиле или Урумъ. На востокъ онъ живетъ на берегахъ Новой Гвинеи и Квенсленда на югъ до Моретонской бухты.

Если принять во вниманіе всѣ извѣстныя, хотя довольно скудныя свѣдѣнія объ этомъ животномъ, то можно вывести заключеніе, что дюгонь встрѣчается преимущественно въ морѣ и только изрѣдка въ прѣсной водѣ рѣчныхъ устьевъ, но никогда не заходитъ въ самыя рѣки; онъ держится близъ береговъ, а въ море заходитъ лишь до границы растительности на его днѣ. Любимымъ мѣстопребываніемъ этого звѣря можно считать мелкія бухты, гдѣ солнце свободно проникаетъ до дна моря и растительность поэтому особенно роскошно развивается. На берегъ онъ, вѣроятно, никогда не выходитъ; если иногда и находили дюгоней на сушѣ, то слѣдуетъ предположить, что они были занесены приливомъ и вслѣдствіе своей неповоротливости и лѣности не могли вернуться въ свою стихію, а предпочли дожидаться слѣдующаго прилива. Въ мелкихъ мѣстахъ дюгонь поднимается приблизительно каждую минуту на поверхность воды, высовываетъ носъ, а иногда и верхнюю часть тѣла, вдыхаетъ въ себя свѣжій воздухъ, а затѣмъ тихо и спокойно погружается снова въ воду. По словамъ рыбаковъ, дюгони живутъ парами и только изрѣдка небольшими семьями, однако это относится скорѣе къ животнымъ, живущимъ въ Аравійскомъ заливѣ, такъ какъ въ другихъ частяхъ Индѣйскаго океана ихъ иногда встрѣчали большими стадами. Ключингеръ мнѣ сообщаетъ, что, по словамъ арабскихъ рыбаковъ, дюгони встрѣчаются въ Арабскомъ морѣ по крайней мѣрѣ парами, а иногда до 10 штукъ вмѣстѣ. Всѣ наблюдатели говорятъ, что движенія дюгоня крайне медленны и тяжелы, но сила хвоста ихъ весьма значительна. Случалось иногда видѣть дюгоня, который, лѣниво лежа на днѣ моря, отрывалъ своими твердыми толстыми губами водоросли, растущія на склонахъ и на днѣ. Эти растенія составляютъ главную часть ихъ пищи и если на извѣстномъ мѣстѣ ихъ достаточно, то онъ вѣроятно и держится тамъ долгое время; когда-же одно изъ этихъ морскихъ пастбищъ опустошено, то дюгонь медленно переселяется въ другое мѣсто, гдѣ опять остается, пока находитъ тамъ водоросли. Очень можетъ быть, что сильныя бури, свирѣпствующія въ извѣстное время въ Индѣйскомъ океанѣ, имѣютъ вліяніе на перекочевки дюгоня: сильное волненіе заставляетъ его искать тихихъ заливовъ и проливовъ, гдѣ онъ можетъ спокойно лежать. Вліяніе буръ на странствованія этихъ животныхъ доказывается тѣмъ, что они иногда встрѣчаются въ такихъ мѣстахъ, гдѣ въ тихую погоду ихъ никогда не видно. Въ южныхъ частяхъ Краснаго моря на берегахъ Нубіи и Абиссиніи ихъ можно встрѣтить во всякія времена года, а далѣе на сѣверъ они заходятъ только въ зимніе мѣсяцы.

Душевные способности дюгоня вполне соотвѣтствуютъ неподвижности и неуклюжести его тѣла. Внѣшнія чувства у него развиты слабо, и одинъ только Ключингеръ приписываетъ дюгону нѣкоторую понятливость. Голосъ его состоитъ изъ пыхтѣнія или глухого стона, который у молодыхъ животныхъ болѣе рѣзокъ. Только во время спариванія у этихъ тупоумныхъ животныхъ замѣтно нѣкоторое возбужденіе; говорятъ даже что самцы сильно дерутся изъ-за самокъ и такъ при этомъ забываются, что ничего кругомъ не замѣчаютъ, почему охотники считаютъ это время самымъ лучшимъ для ловли. Разказываютъ, что оба пола защищаютъ другъ друга во время опасности. Нѣсколько разъ наблюдали, что самецъ заботливо плылъ за раненой самкой и старался защищать ее отъ преслѣдователей ударами своего сильнаго хвоста. Если убьютъ одно изъ спаренныхъ животныхъ въ отсутствіи другого, то оставшееся въ живыхъ долго плаваетъ на обычныхъ мѣстахъ, осматриваетъ въ окрестности всѣ излюбленныя пастбища и удаляется только тогда, когда замѣтитъ, что всѣ поиски напрасны.

Клюнцингеръ о размноженіи этихъ животныхъ узналъ отъ рыбаковъ слѣдующее: спариваніе и рожденіе дѣтенышей бываетъ зимой, изъ чего видно, что беременность продолжается около года. При спариваніи совокупленіе совершается три раза съ получасовыми промежутками. Во время родовъ самка ложится на поверхность воды брюхомъ къверху и снова погружается въ воду вмѣстѣ съ дѣтенышемъ лишь по прошествіи двухъ дней.

Дѣтенышъ при рожденіи имѣетъ около метра длины и сосетъ, по крайней мѣрѣ, въ теченіи года, причѣмъ мать его прижимаетъ ластомъ къ груди. Позднѣе онъ залѣзаетъ иногда на спину матери, чтобы отдохнуть на спокойномъ мѣстѣ. Мать выказываетъ нѣжнѣйшую любовь къ своему дѣтенышу, никогда не оставляетъ его и подвергается изъ-за него смертельной опасности. По прошествіи года дѣтенышъ отлучается отъ молока и начинаетъ свою самостоятельную жизнь. Клюнцингеръ, впрочемъ, не ручается за достовѣрность всѣхъ этихъ свѣдѣній. Во время спариванія и рожденія дѣтенышей за дюгономъ усердно охотятся, такъ какъ прибыль отъ него довольно значительна. Натуралистамъ однако нелегко добыть этихъ животныхъ, такъ какъ только немногіе рыбаки имѣютъ достаточно опытности и ловкости, чтобы совладать съ этимъ крупнымъ и сильнымъ животнымъ; большинство изъ нихъ вовсе не занимаются этой охотой. Днемъ можно видѣть спокойно пасущагося дюгоня только случайно: ночью-же его легче замѣтить по волненію почти всегда свѣтящагося моря. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ поднимается дюгонь, замѣчаютъ большею частью три свѣтящихся брызги, которыя, вѣроятно, соотвѣтствуютъ поднятію головы, середины спины и плеса этого животнаго. Опытные рыбаки по этимъ брызгамъ отыскиваютъ дюгоня. «Когда я путешествовалъ по Красному морю», пишетъ Клюнцингеръ, «многіе меня просили прислать въ Европу дюгоной, но никто изъ туземцевъ не могъ мнѣ ничего сообщить объ этихъ животныхъ. Когда я наконецъ имъ показалъ плохое изображеніе его, то они узнали въ немъ Джалида, но утверждали, что онъ встрѣчается весьма рѣдко. Такъ какъ требованія изъ Европы о доставкѣ этихъ животныхъ дѣлались все болѣе и болѣе настоятельными, то и я сталъ задавать больше вопросовъ туземцамъ и назначилъ довольно высокую цѣну за поймку дюгоня. Только по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ наконецъ зимою приплыла барка, на которой находился дюгонь въ 3 м. длины. Онъ былъ уже мертвый, но довольно свѣжій, съ цѣлой кожей и волосами. Черезъ нѣсколько дней привезли другого дюгоня, затѣмъ третьяго, четвертаго и еще другихъ; нѣкоторыхъ изъ нихъ привозили водою на баркахъ, другихъ сухимъ путемъ на верблюдахъ, иногда все животное, иногда только шкуру, снятую бедуинами, и однажды у меня на дворѣ были распилены цѣлыя четыре кожи этихъ животныхъ. Богатство добычи объяснялось тѣмъ, что бедуины, вслѣдствіе высокой цѣны, бросили всѣ свои другія занятія и исключительно занялись охотой на дюгоня. Животныхъ этихъ ловятъ толстыми сѣтями, когда они ночью приходятъ пастись въ бухты и проливы коралловыхъ рифовъ. Бедуины подкарауливаютъ ихъ въ этихъ мѣстахъ и бросаютъ тогда на нихъ сѣти. При этомъ слѣдуетъ соблюдать большую осторожность, такъ какъ дюгони очень пугливы и хитры, и поэтому только немногіе рыбаки умѣютъ съ ними справиться. Когда звѣрь чувствуетъ себя пойманнымъ, то страшно бьется, причѣмъ болѣе и болѣе запутывается въ сѣть; его тащатъ на сушу и тамъ убиваютъ или долго держатъ подъ водою, пока онъ не захлебнется». Въ южной части Краснаго моря дюгоня убиваютъ, какъ и въ Малайскомъ архипелагѣ, гарпунами. Охотой этой занимаются уснѣннѣе всего ночью, такъ какъ во время тишины легче услышать на большомъ разстояніи пыхтѣнье животнаго. По словамъ Раффаса, охотники стараются прежде всего попасть въ плескъ такъ какъ, ранивъ этотъ органъ, отнимаютъ у животнаго всю его силу.

Малайцы и абиссинцы ѣдятъ мясо дюгоня; послѣдніе, впрочемъ, вовсе не считаютъ его лакомствомъ и говорятъ, что его слѣдуетъ сначала нѣсколько дней влить на солнцѣ, сильно посолить, а затѣмъ долго варить. Только при такомъ приготовленіи оно дѣлается съѣдобнымъ, иначе оно нездорово и даже можетъ быть причиной многихъ болѣзней. Мясо молодыхъ животныхъ цѣнится гораздо выше, такъ какъ оно очень нѣжно и не такъ жирно. Европейцамъ мясо это почти всегда противно, вслѣдствіе своего сладковатаго вкуса, да и арабы ѣдятъ его не вездѣ, хотя по другимъ причинамъ, именно, они справедливо сомнѣваются, принадлежитъ-ли дѣйствительно это животное къ рыбамъ и не поганое-ли оно. Свободные отъ предрасудковъ люди цѣнятъ жиръ этого животнаго гораздо выше, чѣмъ мясо, а вполне взрослое животное можетъ доставить до 30 kgr. этого жира. Толстая кожа дюгоня, которую, какъ утверждаютъ нѣкоторые ученые, была обита Скинія Завѣта у евреевъ, по словамъ Рюппеля, не дубится, а ее на абиссинскомъ побережьѣ просто сушатъ на воздухѣ, а затѣмъ вырѣзаютъ изъ нея сандаліи. Но такъ какъ кожа эта сохраняетъ внутри себя сырость, то сандаліи изъ нея годятся только при сухой погодѣ; если онѣ попадутъ въ воду, то кожа разбухаетъ и размягчается. Въ прежнія времена выше мяса и кожи цѣнились зубы дюгоня, и изъ нихъ дѣлали четки, которымъ приписывали чудесныя свойства.

* *

«На всѣхъ берегахъ острова, особенно тамъ, гдѣ ручьи впадаютъ въ море и гдѣ собирается большое количество морскихъ растений, встрѣчается очень часто цѣлыми стадами во всякое время года животное, называемое русскими **Морская Корова**. Вслѣдствіе того, что морскія выдры стали все болѣе и болѣе рѣдки, и приходилось ихъ привозить съ сѣверной стороны острова, у насъ не стало хватать мяса для пищи и мы начали обдумывать средства завладѣть этимъ животнымъ и воспользоваться его мясомъ для приготовления кушанья. Поэтому 21-го мая я привязалъ большой, нарочно для этого сдѣланный, желѣзный крючекъ къ толстой веревкѣ и попробовалъ зацѣпить имъ морскую корову, чтобы вытащить ее на берегъ; опытъ этотъ однако не удался, такъ какъ кожа была слинкомъ тверда, а крючекъ недостаточно остеръ. Крючекъ измѣняли различнымъ образомъ и сдѣлали нѣсколько другихъ опытовъ, которые однако ни къ чему не привели, и морскія коровы часто уплывали въ море съ крючкомъ и веревкой. Наконецъ нужда насъ заставила приготовиться къ охотѣ съ острогой. Для этого въ концѣ юня исправили элботъ, который осенью былъ очень поврежденъ ударами о скалы, посадили на него гарпунщика, рулевого и четырехъ гребцовъ; первому дали острогу съ очень длинной веревкой, приготовленной какъ для ловли китовъ, а другой конецъ веревки отравили на берегъ, гдѣ его держали всѣ остальные сорокъ человекъ нашего экипажа. Послѣ этихъ приготовленій элботъ потихоньку подплылъ къ морскимъ коровамъ, которыя, безъ всякихъ опасеній, цѣлыми стадами наслѣсь на подводныхъ лугахъ у берега. Какъ только гарпунщикъ бросалъ въ одно изъ этихъ животныхъ свою острогу, люди, оставшіеся на берегу, постепенно тащили его къ берегу, а сидящіе въ элботѣ подплывали къ морской коровѣ и измучивали ее различными движеніями, а затѣмъ ударами большихъ ножей и штыковъ, причемъ кровь фонтанами выходила изъ ранъ; такимъ образомъ волокли это животное во время прилива на берегъ. Какъ только вода сбывала и животное оставалось на сушѣ, изъ него вырѣзали мясо и жиръ большими кусками и съ большою радостью несли ихъ къ нашимъ жилищамъ, гдѣ мясо сохраняли въ большихъ кадкахъ, а жиръ вѣшали на высокіе козлы. Въ скоромъ времени у насъ было такое обиліе этой пищи, что мы могли спокойно

и безпрепятственно продолжать постройку новаго судна, которое должно было служить намъ средствомъ къ спасенію».

Этими словами начинается часто упоминаемый нами натуралистъ Стеллеръ отчетъ о своемъ десяти-мѣсячномъ невольномъ пребываніи на еще вовсе неизвѣстномъ Беринговомъ островѣ въ 1741 году. Онъ говоритъ здѣсь объ одномъ изъ самыхъ удивительныхъ млекопитающихъ, которое теперь совершенно истреблено и вымерло, именно о такъ называемой **Капустницѣ** или **Морской коровѣ** (*Halicore stelleri*, *Rhytina stelleri*, *Borkentier*, *Stellère*). Привлеченные отчетомъ русской экспедиціи, въ которой участвовалъ Стеллеръ и которая сулила большія выгоды, множество китолововъ и смѣлыхъ авантюристовъ отправились въ Берингово море и устроили такую страшную бойню этихъ безпомощныхъ животныхъ, что морскія коровы скоро исчезли съ лица земли. Впослѣдствіи напрасно старались найти хотя одно животное этого вида. Каждому кораблю, отправлявшемуся въ Берингово море, давали инструкцію собирать свѣдѣнія о морскихъ коровахъ, но ни одинъ изъ нихъ не привезъ никакихъ извѣстій. Въ 1768 году экспедиція подъ начальствомъ Попова убила, говорятъ, послѣднюю капустницу, и Брагинъ, ѣздившій туда въ 1772 году, о нихъ уже не упоминаетъ. Норденшильдъ однако, который посѣтилъ Беринговъ островъ въ 1879 году, другаго мнѣнія: онъ спрашивалъ многихъ старыхъ людей и узналъ, что капустницъ убивали еще въ 1779 и 1780 годахъ, а видали нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя; поэтому онъ предполагаетъ, что животное это исчезло лишь въ 1854 году. Во всякомъ случаѣ остатки этого удивительнаго животного все не такъ рѣдки, какъ прежде предполагали, такъ какъ Норденшильдъ могъ собрать такъ много костей капустницы, что наполнилъ ими двадцать одинъ ящикъ; между ними было три цѣлыхъ черепа и нѣсколько немного поврежденныхъ.

Стеллеръ считалъ капустницу за ламантина, открытаго Гернаддецемъ, но изъ его описанія явствуетъ, что морская корова значительно отличается отъ другихъ извѣстныхъ видовъ сиренъ. Въмѣсто зубовъ у нея на челюстяхъ были четыре роговые жевательныя пластинки, которыя были прикрѣплены къ кожѣ десенъ. Уже этотъ отличительный признакъ хорошо характеризуетъ вышеназванное животное.

«Самыя большія изъ этихъ животныхъ», продолжаетъ Стеллеръ, «имѣли 4—5 сажени длины и въ самомъ широкомъ мѣстѣ въ серединѣ туловища $3\frac{1}{2}$ сажени въ окружности. Передняя часть туловища этого животного напоминаетъ тюленя, а задняя до хвоста—рыбу. Черепъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ черепомъ лошади, а когда онъ покрытъ мясомъ и кожей, то имѣетъ сходство съ головою буйвола, причѣмъ сходство это особенно замѣтно въ губахъ. Во рту вмѣсто зубовъ у него на каждой сторонѣ по двѣ широкихъ, продолговатыхъ гладкихъ кости, изъ которыхъ одна прикрѣплена наверху на небѣ, а другая къ нижней челюсти. Обѣ пластинки покрыты многими бороздками и выдающимися ребрами, расположенными въ видѣ угловъ, и этими пластинками животное разжевываетъ морскія растенія, служащія обыкновенно ему пищей. Губы покрыты многими толстыми щетинами, изъ которыхъ прикрѣпленныя къ нижней челюсти бываютъ толщиною со стержень пера курицы и свою внутреннюю пустоту очень наглядно представляютъ въ большомъ видѣ строеніе волосъ. Глаза этого огромнаго животного не больше глазъ овцы и вѣкъ не имѣютъ; ушныя отверстія до того малы и спрятаны, что ихъ вовсе нельзя замѣтить между множествомъ морщинъ и впадинъ кожи; только если снять кожу, то ушное отверстие выдѣляется своими черными, какъ-бы полированными краями, и оно такъ мало, что въ немъ едва помѣщается горошина. Наружнаго уха нѣтъ и слѣда. Голова соединена съ туловищемъ короткою, малозамѣтною шеєю. На груди выдѣляются переднія конечности страннаго вида и соски. Конечности состоятъ изъ двухъ су-

ставовъ, и конецъ ихъ имѣеть нѣкоторое сходство съ копытомъ лошади; на нижней сторонѣ ихъ замѣчается какъ-бы грубая щетка изъ короткихъ и густыхъ щетинокъ. Своими передними конечностями, на которыхъ не видно ни пальцевъ, ни костей, капустница загребаетъ воду при плаваніи и отрываетъ водоросли отъ каменистаго грунта, и когда онѣ при спариваніи ложатся на спину, то обхватываютъ другъ друга лапами, какъ руками. Подъ лапами находятся млечныя железы съ черными морщинистыми сосками, имѣющими два дюйма длины; на концѣ ихъ видно безчисленное количество отверстій млечныхъ каналовъ. Если ихъ подавить, то выходитъ большое количество молока, которое слаще и жирнѣе молока сухопутныхъ животныхъ, но въ остальномъ очень на него похоже. Спина этихъ животныхъ похожа на спину быка, бока и животъ округлены, при чемъ брюхо такъ наполнено кишками, что при малѣйшей ранѣ онѣ вылѣзаютъ съ большимъ шумомъ. Задняя часть тѣла животнаго внезапно очень суживается; хвостъ около плеса, который замѣняетъ заднія конечности, еще тоньше; однако и въ этомъ тонкомъ мѣстѣ онѣ имѣеть около 2-хъ футовъ въ поперечникѣ. Кромѣ хвостоваго плавника у животнаго другихъ на спинѣ нѣтъ, чѣмъ онѣ отличается отъ большихъ китовъ. Плесъ у него лежитъ плашмя, какъ у китовъ и у дельфиновъ».

«Эти животныя живутъ, какъ рогатый скотъ, цѣлыми стадами въ морѣ. Самецъ и самка плывутъ рядомъ и передъ собою подгоняютъ дѣтеныша. На берегахъ они занимаются исключительно отыскиваніемъ пищи. Спина и половина туловища постоянно находятся надъ поверхностью воды. Они крутъ, какъ и травоядныя животныя, тихо подвигаясь впередъ, отрываютъ морскую траву своими лапами и постоянно жуютъ. Строеніе желудка ихъ однако показало мнѣ, что они жвачки не пережевываютъ, какъ я сначала предполагалъ. Во время ѣды они постоянно двигаютъ головой, какъ быки, и черезъ нѣсколько минутъ высовываютъ голову изъ воды, вдыхаютъ свѣжій воздухъ, храпя и фыркая какъ лошади. Когда вода сбываетъ при отливѣ, морскія коровы уходятъ въ море, а съ приливомъ снова возвращаются и подходятъ такъ близко къ берегу, что мы могли доходить до нихъ и бить ихъ палками. Случалось, что эти животныя окружали раненаго товарища, стараясь не подпускать къ берегу, другіе пробовали опрокинуть элботъ, иногда ложились на бокъ и старались вынуть изъ тѣла острогу, что имъ нѣсколько разъ и удавалось. Мы не безъ удивленія замѣтили, что одинъ самецъ два дня сряду приплывалъ къ своей самкѣ, лежавшей мертвой на берегу, какъ-бы желая освѣдомиться о томъ, что съ нею дѣлается. Однако несмотря на то, что многіе были убиты, животныя все-таки возвращались къ тому-же берегу. Спариваніе происходитъ въ іюнѣ послѣ многихъ заигрываній.

«Когда морскія коровы хотятъ отдохнуть, то ложатся на спину въ какомъ-нибудь тихомъ заливѣ и тогда несутся по волнамъ, какъ деревянные колоды. Во всѣ времена года, на всемъ Беринговомъ островѣ можно встрѣтить огромныя стада капустницъ, такъ что жители восточнаго берега Камчатки ежегодно въ изобиліи запасаются ихъ мясомъ и жиромъ. Кожа морской коровы состоитъ изъ двухъ слоевъ: наружнаго—чернаго или темно-бураго цвѣта въ дюймъ толщины и почти такого твердаго, какъ мягкое дерево; около головы она вся покрыта рытвинами, морщинами и дырками. Слой этотъ состоитъ изъ множества отвѣсныхъ волоконъ, лежащихъ плотно между собой, какъ въ лучистомъ гинсѣ. Этотъ наружный слой, легко отстающій отъ кожи, состоитъ, по моему мнѣнію, изъ плотно стоящихъ видоизмѣненныхъ волосъ, что я замѣчалъ также у китовъ. Нижній слой кожи бѣлаго цвѣта, имѣеть толщину бычачьей шкуры и очень крѣпокъ. Подъ этими двумя слоями кожи лежитъ на всемъ тѣлѣ животнаго слой жира въ четыре пальца тол-

пиной, а затѣмъ уже мясо. Всѣхъ животнаго вмѣстѣ съ кожей, саломъ, костями и внутренностями я полагаю не менѣе 1200 пудовъ или 480 центнеровъ. Сало не мягко и не маслянисто, напротивъ, крѣпко, зернисто и бѣло какъ свѣтъ; когда оно пролежитъ нѣсколько дней на солнцѣ, то получаетъ пріятный желтый цвѣтъ хорошаго голландскаго масла. Въ кушаньѣ оно вкуснѣе лучшаго говяжьяго жира; топленое по виду и цвѣту похоже на хорошее оливковое масло, а по вкусу—на миндальное. Мы его пили чашками, не чувствуя никакого отвращенія. Хвостъ состоитъ почти исключительно изъ жира, который еще вкуснѣе, чѣмъ на другихъ частяхъ тѣла. Сало молодыхъ животныхъ похоже на сало молодыхъ поросятъ, а мясо ихъ на лучшую телятину. При варкѣ оно сильно разбухаетъ и занимаетъ почти вдвое больше мѣста, чѣмъ прежде, при чемъ поспѣваетъ черезъ полчаса. Мясо взрослыхъ животныхъ нельзя отличить отъ говядины; оно обладаетъ замѣчательнымъ свойствомъ не портиться даже въ самые жаркіе лѣтніе мѣсяцы, если лежить двѣ недѣли и болѣе на воздухѣ; оно не воняетъ даже тогда, когда мясныя мухи его изгадятъ такъ сильно, что оно кишитъ червями. Мясо это гораздо краснѣе мяса другихъ животныхъ; оно точно пропитано селитрой. Мы очень скоро на себѣ испытали, какъ оно здорово, такъ какъ всѣ мы почувствовали себя крѣпче и сильнѣе. Особенно замѣтно было полезное вліяніе этой пищи на матросахъ, страдавшихъ отъ цынги и еще не вполне поправившихся. Мясомъ морскихъ коровъ мы запаслись и для обратнаго путешествія и безъ него были-бы поставлены въ большое затрудненіе относительно нашего продовольствія.

«Меня сильно удивляло, что до моего путешествія въ Берингово море я въ Камчаткѣ ничего не слыхалъ о морской коровѣ, несмотря на то, что я распрашивалъ, старательно о всѣхъ животныхъ. На обратномъ пути я однако узналъ, что это животное водится повсемѣстно отъ Кроноцкаго мыса до залива Авачи, и иногда на берегу находятъ мертвыхъ морскихъ коровъ, выброшенныхъ моремъ; камчадалы, за недостаткомъ другого имени, называютъ ее «Калустницей».

Отрядъ XIII.

Китообразныя (Cetacea).

Киты между млекопитающими занимаютъ то-же мѣсто, какъ рыбы между позвоночными: это—животныя, живущія исключительно въ водѣ, и устройство тѣла которыхъ приспособлено для подобной жизни. Ластоногія проводятъ по меньшей мѣрѣ треть своей жизни на землѣ, они тамъ рождаются и отправляются на сушу, когда хотятъ погрѣться на солнцѣ или спать; сиренамъ дана по крайней мѣрѣ возможность иногда выползати на берегъ, китообразныя-же, напротивъ, проводятъ всю жизнь въ морѣ. Уже огромная величина указываетъ на мѣсто ихъ обитанія, такъ какъ подобные гиганты могутъ легко двигаться только въ водѣ, и одно лишь безкочечно богатое море можетъ дать имъ необходимое пропитаніе. Киты раздѣляютъ однако съ прочими отрядами млекопитающихъ главнѣйшіе отличительные признаки, именно: кровь у нихъ теплая, дышутъ они легкими и кормятъ своихъ дѣтенышей молокомъ. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, они еще болѣе отличаются отъ высшихъ млекопитающихъ. чѣмъ сирены. Всѣ необразованные люди, точно такъ какъ и всѣ народы, стоящіе на низшей степени развитія, причисляли и нынѣ еще причисляютъ китовъ къ рыбамъ, и лишь точное изслѣдованіе устройства ихъ тѣла и ихъ образа жизни указало на то мѣсто въ системѣ животнаго царства, которое они должны занимать.

Тѣло китообразныхъ массивно и неуклюже, безъ всякаго раздѣленія на части. Часто безобразно большая, и въ большинствѣ случаевъ не вполне симметричная голова постепенно переходитъ въ туловище, которое къ задней части тѣла понемногу суживается и оканчивается хвостовымъ плавникомъ (плесомъ). Заднихъ конечностей, которыя, за исключеніемъ сиренъ, встрѣчаются у всѣхъ млекопитающихъ, у китовъ вовсе нѣтъ; переднія превратились въ настоящіе плавники: только анатомируя ихъ съ помощью скальпеля, можно по костямъ увидать ихъ сходство съ конечностями другихъ млекопитающихъ, впрочемъ и тогда приходится замѣтить многія особенности ихъ. Часто встрѣчающійся жировой плавникъ, сидящій на спинѣ этихъ животныхъ, еще болѣе увеличиваетъ ихъ сходство съ рыбами. Прочими отличительными признами китообразныхъ служатъ: сильно расщепленный ротъ, не окаймленный губами, въ которомъ мы замѣчаемъ или обыкновенно большое количество зубовъ, или особыя небныя роговыя пластинки, а также отсутствіе мигательной перепонки на глазахъ и положеніе сосковъ назадъ

тѣла около половыхъ органовъ; тонкая, гладкая на ощупь, жирная и бархатистая кожа, на которой только въ видѣ исключенія на нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаются щетинообразные волоса. Кожа эта большею частью темнаго цвѣта и подъ нею между клѣточками нижняго слоя кожи отлагается необыкновенно толстый слой жира.

По внутреннему устройству своихъ органовъ киты также отличаются отъ прочихъ млекопитающихъ. Кости скелета замѣтельны своимъ губчатымъ строеніемъ и такъ проникнуты жидкимъ жиромъ, что отъ него едва-ли могутъ быть вполне освобождены; поэтому какъ ихъ не бѣлить, онѣ все-таки сохраняютъ желтый цвѣтъ и жирны на ощупь; зато въ костяхъ не встрѣчается внутренней, такъ называемой мозговой полости. Огромный черепъ рѣдко находится въ соотвѣтствіи съ величиною тѣла; кости на немъ очень странно передвинуты, не соединены между собою швами, а лишь мягкими частями; нѣкоторыя изъ нихъ очень мало развиты, другія необыкновенно увеличены, такъ что сравненіе черепа китообразныхъ съ черепомъ другихъ млекопитающихъ представляетъ немало затрудненій. Между тѣмъ какъ у беззубыхъ китовъ верхняя челюсть образуетъ очень выпуклую кверху дугу, у дельфиновъ, напротивъ, линія, проходящая отъ темени къ передней части челюстей, образуетъ съ горизонтальной линіей довольно большой уголъ. «Задняя часть затылочной кости», говоритъ Карусъ, «стоитъ почти вертикально, суставные отростки ея направлены назадъ, теменные кости образуютъ на поверхности черепа узкій поперечный рубецъ, къ которому прилегаютъ небольшія лобныя кости, замѣтныя только въ серединѣ и на вѣшнемъ краѣ, и на заднемъ концѣ соединенныя съ верхней челюстью; сильно отодвинутыя назадъ и кнаружи теменные кости на переднемъ своемъ краѣ имѣютъ скуловой отростокъ, къ которому прикрѣплена у беззубыхъ китовъ очень короткая, а у дельфиновъ длинная тонкая скуловая дуга, ограничивающая снизу глазную впадину. Верхнечелюстные кости очень сильно развиты и имѣютъ видъ свода; у дельфиновъ, у которыхъ онѣ особенно расширены, кости эти покрываютъ собою лобныя кости и доходятъ назадъ почти до гребня затылочной кости; между ними находятся межчелюстные кости, которыя распространены назадъ почти также далеко. Передъ самою мозговою частью черепа кости эти образуютъ двѣ боковыя дуги и заключаютъ между собою носовое отверстіе, на днѣ котораго виденъ сошникъ. Задняя часть этого отверстія ограничивается двумя маленькими носовыми костями. На задней стѣнкѣ носоваго прохода, который вертикально спускается въ глоточную полость, находится рѣшетчатая кость, снабженная только немногими большими отверстіями. Слезныя кости встрѣчаются не у всѣхъ китообразныхъ, а когда встрѣчаются, то отверстій не имѣютъ. Нижнія челюстные кости или имѣютъ видъ дугъ, загнутыхъ въ стороны, или двухъ прямыхъ костей; восходящей вѣтви у нихъ совѣмъ нѣтъ; суставная головка лежитъ непосредственно на верхнемъ краѣ задняго конца, а вѣнечный отростокъ едва замѣтитъ». Въ позвоночникѣ особенно замѣтельна шейная часть. Мы встрѣчаемъ здѣсь еще обыкновенное число позвонковъ, но они принимаютъ видъ тонкихъ кружковъ и, вслѣдствіе малой подвижности, иногда такъ срастаются, что только по отверстіямъ для выхода нервовъ можно убѣдиться, что ихъ дѣйствительно семь. Срастаются между собой большею частью передніе позвонки, но изрѣдка случается, что ихъ срастается шесть, а иногда и всѣ семь. Кромѣ шейныхъ позвонковъ, киты имѣютъ 11—14 спинныхъ, 10—24 поясничныхъ и 22—24 хвостовыхъ позвонковъ. Такъ какъ таза нѣтъ, и онъ обозначенъ лишь двумя малоразвитыми подвздошными костями, то не существуетъ и крестца, состоящаго у другихъ млекопитающихъ изъ нѣсколькихъ сросшихся позвонковъ. Всѣ вообще позвонки отличаются значительной простотой своихъ отростковъ. Число настоящихъ реберъ очень невелико; беззубые киты

имѣютъ лишь одну пару ихъ, а болѣе шести, кажется, не встрѣчается ни у одного животного этого отряда. Ложныхъ реберъ всегда гораздо больше, чѣмъ настоящихъ. Грудная кость у зубастыхъ китовъ состоитъ изъ многихъ другъ за другомъ лежащихъ, иногда срастающихся костей, а у беззубыхъ китовъ представляютъ собою одну кость, которая иногда продырявлена или имѣетъ на переднемъ краю глубокую вырѣзку. Треугольная лопатка не имѣетъ гребня. Переднія конечности состоятъ изъ очень короткихъ и плоскихъ костей, а пальцы отличаются большимъ числомъ суставовъ: вмѣсто обычныхъ трехъ суставовъ, изъ которыхъ состоятъ пальцы другихъ млекопитающихъ, у китовъ ихъ всегда бываетъ больше, исключая перваго и иногда пятаго пальца. Число суставовъ можетъ доходить у китовъ иногда до 13-ти.

Зубная система китообразныхъ не только отличается отъ зубной системы всѣхъ другихъ млекопитающихъ, но даже бываетъ различна у обѣихъ главныхъ группъ этого отряда. У всѣхъ китовъ, по изслѣдованіямъ Каруса, въ желобкахъ челюстей подъ слизистой оболочкой существуютъ въ раннемъ возрастѣ зародыши зубовъ, но они развиваются въ настоящія зубы только у зубастыхъ китовъ, и уже не смѣняются во время жизни, какъ у многихъ другихъ млекопитающихъ. «У беззубыхъ китовъ зародыши зубовъ пропадаютъ, а вмѣсто нихъ развиваются у этихъ животныхъ на верхней челюсти и на нѣбѣ совершенно своеобразные органы. Въ поперечныхъ складкахъ вырастаютъ роговыя пластинки, которыя свѣшиваются далеко внизъ; изъ нихъ наружныя, прикрѣпленныя къ верхней челюсти, самыя длинныя, а прикрѣпленныя къ небу — самыя короткія; это и есть такъ называемый **читовый усъ**».

Кромѣ того можно еще замѣтить слѣдующее. Языкъ имѣетъ значительную величину, слюнныхъ железъ не бываетъ, пищевода ведетъ въ желудокъ, который раздѣленъ на 4, 5 и даже 7 отдѣльныхъ мѣшковъ, но эти отдѣленія не соединены непосредственно, какъ у жвачныхъ, съ пищеводомъ, а расположены въ нилорической (выходной) части желудка и соединены между собой нѣсколькими отверстиями, имѣющими видъ воронокъ. Желчнаго пузыря не бываетъ, а почки имѣютъ нѣсколько лопастей. Сѣмянныя железы лежатъ внутри тѣла, а матка у китообразныхъ двурогая.

Органы дыханія устроены очень своеобразно. Носъ совершенно потерялъ значеніе органа обонянія и служитъ исключительно только для прохода воздуха. Носовыя отверстія находятся на самой выдающейся части черепа (дыхалы), отъ нихъ идетъ вертикальный проходъ въ носовую полость, а изъ нея въ верхнюю часть дыхательнаго горла, которая, по описанію Каруса, имѣетъ видъ конуса и далеко выдается впередъ въ глоткѣ, такъ что для прохода пищи остаются двѣ боковыя вѣтви. Такъ какъ надглоточнаго хряща не бываетъ, то глотаніе дѣлается возможнымъ только вслѣдствіе того, что пища проходитъ не надъ отверстиемъ дыхательнаго горла, а по обѣимъ сторонамъ его. Дыхательное горло не приспособлено къ образованію звуковъ голоса, но зато можетъ въ короткое время принять большое количество воздуха. Само дыхательное горло очень широко, а легкія имѣютъ значительный объемъ, и всѣ бронхи соединены между собой такъ, что легкое можетъ наполниться воздухомъ черезъ каждую изъ нихъ. Кромѣ того существуютъ и другія вспомогательныя средства для того, чтобы усилить дѣятельность легкихъ, напимѣръ, легочная артерія и легочная вена имѣютъ большія расширения, куда можетъ быть собрано значительное количество очищенной и неочищенной крови.

Мышцы имѣютъ простое строеніе, величина ихъ соотвѣтствуетъ величинѣ животного, и они необыкновенно сильны. Количество нервной массы очень незначительно; у кита, вѣсившаго 5000 kgr. и имѣвшаго 6 м. длины, мозгъ вѣсилъ

менѣе 2-хъ kgr., т. е. не болѣе, чѣмъ у человѣка, который рѣдко достигаетъ 100 kgr. вѣса. Всѣ органы внѣшнихъ чувствъ очень слабо развиты: глаза необыкновенно малы, а уши снаружи едва видны, какъ будто только обозначены. Изъ этого однако не слѣдуетъ заключать, что зрѣніе и слухъ совсѣмъ плохо развиты. Всѣ киты доказываютъ, что они видятъ хорошо не только вблизи, но даже издали, а также легко воспринимаютъ посредствомъ слуха различнаго рода звуки. Обоняніе у нихъ почти всегда очень плохое. Обонятельные нервы совсѣмъ не развиты у зубастыхъ китовъ, за исключеніемъ клюворыльхъ, у которыхъ, точно такъ, какъ у беззубыхъ китовъ, замѣчаются слабо развитые обонятельные нервы. О вкусѣ мы не можемъ ничего сказать, а осязаніе, какъ видно, въ извѣстной степени развито.

Можно съ увѣренностью сказать, что вышеописанное строеніе тѣла вполне хорошо приспособлено къ водной жизни китовъ. Горизонтально лежащій хвостовой плавникъ (плесь) очень удобенъ для того, чтобы подниматься и опускаться въ водѣ, и даетъ такимъ образомъ этимъ животнымъ возможность находить добычу въ различныхъ глубинахъ. Гладкость кожи облегчаетъ движеніе этихъ огромныхъ существъ, толстый слой жира уменьшаетъ ихъ вѣсъ, замѣняетъ внѣшній волосной покровъ и правильнѣе распредѣляетъ то сильное давленіе столба воды, которому подвергается китъ, когда онъ опускается въ глубину моря. Огромныя легкія даютъ возможность долго оставаться подъ водой, а расширенія артерій сохраняютъ значительное количество очищенной крови, которая необходима въ тѣхъ случаяхъ, когда животное по какой-либо причинѣ долго лишено возможности набрать количество воздуха, необходимое для окисленія крови.

Вслѣдствіе всего этого киты могутъ считаться настоящими обитателями открытаго моря. Большинство изъ нихъ избѣгаетъ по возможности береговъ, такъ какъ близость ихъ можетъ только повредить китамъ. Только нѣкоторые дельфины живутъ въ прѣсной водѣ, нѣкоторые другіе заходятъ въ рѣки, но рѣдко далѣе, чѣмъ замѣтенъ приливъ. Всѣ другія китообразныя живутъ только въ соленой водѣ, но принимаютъ болѣе или менѣе правильно короткія или дальнія странствованія по морьямъ. Объ этихъ странствованіяхъ очень дѣльно и подробно повѣствуетъ Эшрихтъ, и я заимствую его описаніе изъ превосходной книги Корнелиуса о странствованіи животныхъ.

«Китообразныя встрѣчаются во всѣхъ моряхъ, но ни одинъ видъ не имѣетъ точно опредѣленнаго мѣстопребыванія. Въ большинствѣ случаевъ самые крупныя виды ихъ держатся обширныхъ океановъ, и точно такъ, какъ въ Балтійскомъ морѣ появляется лишь морская свинья, черезъ Гибралтарскій проливъ проходятъ лишь большіе или маленькіе зубастые киты, а крупныя беззубые киты и кашалотъ въ Средиземномъ морѣ никогда не появляются. Въ большинствѣ морей самые крупныя киты подходятъ иногда очень близко къ берегу и даже входятъ въ небольшіе заливы, которыхъ обыкновенно избѣгаютъ; особенно часто такъ дѣлаютъ беременныя самки, очевидно разыскивая удобное мѣсто для родовъ. Такъ, напримѣръ, въ іюнѣ и іюль на западныхъ берегахъ Африки появляется кашалотъ, а въ сентябрѣ удаляется отъ туда уже съ новорожденнымъ дѣтенышемъ. Киты, питающіеся каракатицами, повидимому, держатся болѣе другихъ открытаго моря, такъ напримѣръ гринда и клюворыль, которые появляются только у одиноко стоящихъ въ морѣ скаль, напримѣръ около Ферерскихъ острововъ. Каждый видъ имѣетъ, какъ кажется, излюбленныя лѣтнія мѣстопребыванія и другія гораздо далѣе расположенныя зимнія; такимъ образомъ они, какъ странствующія на сушѣ животныя, направляются по извѣстному пути къ своему лѣтнему мѣстожителству, а поздно осенью, наоборотъ, перекочевываютъ въ другое море. Изъ этого слѣдуетъ, что не только одинъ и тотъ-же видъ.

но даже известные особи могут появляться ежегодно в очень отдаленных друг от друга странах; в некоторых морях они постоянно живут летом или зимою, а в других они бывают только проходом. Таким образом не одно береговое и даже открытое море не может считаться постоянным местопребыванием известного вида китообразных, так как эти животные пребывают в известной местности только в определенное время года, и то иногда очень недолго. Следовательно китообразные одного и того-же моря могут быть очень разнообразны летом и зимою. Наблюдатель, который знает море, как летнее местопребывание известного вида, опишет совсем других животных, чем тот, кто посетит это море зимою; поэтому при определении области распространения китов нужно обращать большое внимание на время года. Моря, в которых различные виды правильно живут летом и зимою, расположены иногда очень далеко одно от другого, и то море, которое служит летним местопребыванием известного кита, может служить зимним для другого вида. Это относится ко всем морям и ко всем берегам».

«Следовательно о распространении китообразных мы не можем составить себе должного представления, не обратив внимания на южные моря. Там в зимние месяцы мы должны найти не только те виды, но даже и тех животных, которые летом пребывают в северных водах. Первый ряд наблюдений мы можем привести относительно западных берегов Норвегии. Прежде всего в январе там замечают косатку, которая встречается в Девисовом проливе, но не постоянно. За ней через 8—14, а иногда через 3—5 дней является «большой кит», при чем здесь подразумевается не гренландский кит, но большой полосатик, так как первый, т. е. гренландский кит, за рыбами не гоняется и так близко к берегу не подходит. Если эти оба кита летом живут в Девисовом проливе и уходят оттуда в ноябре, то их появление в январе у норвежских берегов вполне соответствует расстоянию, и можно с достоверностью предположить, что это одни и те-же животные. В середине зимы, к западному берегу Норвегии собираются большие стаи сельдей и трески, которые загоняются в бухты своими преследователями, именно косатками, тюленями, морскими свиньями, а особенно большим полосатиком. Хотя последний, вследствие своего большого роста, не отваживается заходить на песчаные мели в маленькие проливы между островами, однако он живет там около полутора месяца и встречается на всем пространстве норвежского берега, имеющего около 600 километров длины. Оказывается, что присутствие в этих местах большого полосатика вполне соответствует его отсутствию в это время в арктических морях. Чтобы познакомиться со странствованиями северных полосатиков, следует кроме того обратить внимание на один общезвестный факт: киты эти выбрасываются на сушу на берегах Европы только весной и осенью, следовательно, очевидно, во время своих странствований из полярных морей в более южные и обратно. Очень важны также наблюдения, сделанные в морях, окружающих Бермудские острова, где в марте месяц постоянно является длиннорукий полосатик. Так как я, как кажется, достоверно убедился, что это тот же самый кит, который у гренландцев известен под названием «Кеноркак», то мы можем проследить, где это полярное животное проводит летние месяцы; вместе с тем это служит доказательством, что кит этот действительно странствует и что путешествие его простирается гораздо дальше границ северных морей, именно, что он очень часто, хотя не вполне правильно и ежегодно, переплывает северный тропик и даже встречается по ту сторону экватора. Что касается других полосатиков и морских свиней, то

странствованія ихъ болѣе ограничены: зимою они живутъ въ Девисовомъ проливѣ, а лѣтомъ у береговъ Норвегій».

«Въ прежнее время, точно такъ, какъ и теперь, въ декабрѣ, январѣ и февралѣ киты вовсе не встрѣчались въ тѣхъ мѣстахъ полярныхъ морей, которые въ это время года бываютъ покрыты льдомъ, именно, въ Баффиновомъ заливѣ, въ Гудзоновомъ проливѣ, около залива того-же имени и на всемъ пространствѣ между восточнымъ берегомъ Гренландіи до Шпицбергена и Новой земли. У самаго края этихъ ледяныхъ полей между плавающими льдинами или въ большихъ полыньяхъ, напримѣръ въ заливѣ Св. Лаврентія, въ сѣверной части Девисова пролива, на югъ отъ Шпицбергена и Новой земли, до сѣверныхъ береговъ Исландіи и, вѣроятно, до Нордкапа живутъ въ это время года гренландскіе киты и единороги. Въ южной-же части Девисова пролива и въ открытомъ морѣ около линіи твердаго льда встрѣчаются однако только бѣлухи. Большинство китовъ, питающихся рыбами, въ декабрѣ слѣдуютъ за стаями сельдей, именно настоящіе дельфины, морскія свиньи и полосатики; къ нимъ присоединяются косатки, которыя въ январѣ встрѣчаются большими толпами у норвежскихъ береговъ. Въ сѣверной части Атлантическаго океана можно найти въ это время гриндовъ, малыхъ полосатиковъ, а въ Бискайскомъ заливѣ гренландскихъ китовъ; кашалотовъ, а отчасти полосатиковъ можно встрѣтить по ту сторону сѣвернаго тропика, между которыми горбачъ держится преимущественно американскихъ береговъ. Большіе полосатики, какъ все большіе киты, вообще плаваютъ въ открытомъ морѣ и приближаются къ берегамъ лишь изрѣдка. Къ концу февраля большинство странствующихъ на югъ китовъ возвращаются назадъ и снова приближаются къ сѣверу; въ мартѣ толпы горбачей на своемъ обратномъ пути проходятъ мимо Бермудскихъ острововъ, и нѣкоторые животныя этого рода бываютъ въ это время выброшены моремъ на западные берега Европы. Гренландскій китъ тогда покидаетъ Бискайскій заливъ, а морскія свиньи уходятъ въ различные заливы сѣверной Европы и Америки. Въ апрѣлѣ въ Баффиновомъ заливѣ появляются единороги, гренландскіе киты и бѣлухи, которые потомъ приближаются къ сѣверному полюсу еще на нѣсколько градусовъ. Въ Девисовъ проливъ тогда приходятъ полосатики и морскія свиньи. Въ маѣ и юнѣ все моря около Шпицбергена, сѣверныхъ береговъ Гренландіи, въ сѣверной части Баффинова залива, а также около Канады, Ньюфаундленда и Лабрадора кишатъ китами; въ южныхъ частяхъ Баффинова залива встрѣчаются тогда, но однако не въ слишкомъ большомъ количествѣ, горбачъ, большой полосатикъ и малый полосатикъ, а также морскія свиньи».

«Кромѣ этихъ животныхъ во всякое время года тамъ можно найти хищныхъ дельфиновъ и нѣкоторые другіе виды, случайно забредшіе изъ Атлантическаго океана въ Девисовъ проливъ и въ другія части Полярнаго моря. Между тѣмъ въ это время между Исландіей, островомъ Янъ-Майенъ и Нордкапомъ шныряютъ маленькіе зубастые виды китовъ; между Исландіей и Шотландіей находимъ мы гринду, на сѣверовостокѣ Атлантическаго океана — кашалота и единорога; морскія свиньи заходятъ даже въ Балтійское море, а нѣкоторыя китообразныя, напримѣръ малые полосатики, заходятъ въ норвежскіе фьорды около Бергена. Изъ Атлантическаго океана многіе дельфины проходятъ въ Средиземное море, а оттуда въ Черное море, о чемъ уже говорить Белонъ въ XVI столѣтіи. Отъ конца юня до середины сентября все виды китовъ держатся въ самыхъ сѣверныхъ частяхъ своего мѣстожительства, а лѣтнее мѣстопробываніе этихъ сѣверныхъ видовъ, т. е. гренландскаго кита, единорога и бѣлухи, посѣщаются въ эти мѣсяцы большимъ и малымъ полосатикомъ, а также горбачемъ. Въ это время года, вѣроятно, кашалоты вмѣстѣ съ другими китами изъ Атлантическаго океана переходятъ въ Сѣверный Полярный; около Нордкапа стран-

ствууетъ тогда гренландскій китъ, а нѣсколько далѣе на юго-востокъ гринды, клюворылы и настоящіе дельфины. Европейскіе берега посѣщаются тогда лѣтними гостями изъ числа китовъ. Въ послѣдней половинѣ сентября начинается обратный переходъ къ югу: всѣ виды переходятъ тогда къ своему прежнему мѣстожительству, и это странствованіе продолжается до мая и іюня. Высоколобый клюворылъ поздно осенью появляется около Исландіи и южнѣе Ферерскихъ острововъ, гдѣ во время осеннихъ бурь многія изъ этихъ животныхъ выбрасываются на берега и скалы. Въ октябрѣ и ноябрѣ эти киты возвращаются къ своему зимнему мѣстопробыванію, куда прибываютъ въ декабрѣ».

«Сходство странствованій китовъ съ перелетомъ птицъ ясно высказывается въ правильности ежегоднаго ихъ появленія въ извѣстное время, причѣмъ замѣчается, что животныя эти возвращаются на тѣ-же самыя мѣста и плывутъ всегда одной и той-же дорогой. Осенью, около Михайлова дня, на южной части Ферерскихъ острововъ, особенно въ фіордѣ Квельбонъ ежегодно показываются 3, 4, а иногда 6 высоколобыхъ клюворыловъ. Правильное появленіе этихъ китовъ уже достовѣрно отмѣчено въ продолженіи 180 лѣтъ, а, по существующему у туземцевъ преданію, киты появлялись тамъ еще въ то время, когда жители тѣхъ острововъ были язычники. Въ Девисовомъ проливѣ около Якобсгафена, Фридрихсгафена и Писсельбика каждое лѣто около береговъ появляется горбачъ, и говорятъ, что это всегда такъ было. Малые полосатики каждое лѣто правильно приходятъ въ два фіорда, находящіеся на норвежскомъ берегу около Бергена».

«Привязанность эта къ извѣстному мѣстопробыванію тѣмъ болѣе удивительна, что киты тамъ подвергаются ежегодно жестокому преслѣдованію. Если это преслѣдованіе настолько сильно, что всѣ прибывшія туда животныя лишаются жизни, то постоянное возвращеніе къ излюбленнымъ мѣстамъ, очевидно, можетъ быть объяснено только какими-нибудь неизмѣняющимися условіями, зависящими отъ этой мѣстности: можно также предположить, что ежегодное истребленіе животныхъ препятствуетъ появленію такихъ опытныхъ старыхъ вожаковъ, которые-бы указали китамъ какое-нибудь другое мѣстопробываніе. Даже и тамъ, гдѣ преслѣдованіе не ведетъ къ уничтоженію всѣхъ животныхъ, толпы ихъ все-таки возвращаются; замѣчено, что если охотились въ извѣстномъ мѣстѣ за китомъ и онъ успѣлъ спастись, хотя раненый, то въ большинствѣ случаевъ въ слѣдующіе годы этотъ экземпляръ снова возвращается въ тѣ-же мѣста, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока люди его наконецъ не одолѣютъ. Такъ случилось съ однимъ полосатикомъ, котораго узнавали по дыркѣ въ спинномъ плавникѣ и котораго рыбаки одной шотландской бухты наблюдали двадцать лѣтъ сряду и даже назвали собственнымъ именемъ, «Holy Pike», пока наконецъ не убили его. Сюда-же относится сообщаемый Беннетомъ случай о кашалотѣ, который долго былъ извѣстенъ у китолововъ въ охотничьемъ поясѣ Новой Зеландіи подъ именемъ «Новозеландскаго Тома»; его узнавали по огромному росту, свирѣпости и бѣлой окраскѣ его горба. Всего удивительнѣе сообщеніе Стенструпа, которое я здѣсь привожу дословно. «Береговые жители Исландіи даютъ китамъ собственныя имена, и отдѣльные экземпляры ихъ имъ знакомы, какъ извѣстныя имъ лица. Киты выбираютъ постоянно одинъ и тотъ-же заливъ, чтобы рождать своихъ дѣтенышей, и матери возвращаются туда правильно черезъ два года. Исландцы обыкновенно убиваютъ дѣтеныша, но щадятъ мать, которая только тогда подвергается опасности, когда попадаетъ въ другой заливъ».

«Что касается путей для странствованій китовъ, то, при всей правильности ихъ, происходятъ однако нѣкоторыя измѣненія, что замѣчено у всѣхъ странствующихъ животныхъ. На направленіе пути ихъ имѣетъ вліяніе не столько теченіе, сколько,

повидимому, вѣтеръ, такъ какъ опытные люди утверждаютъ, что киты плывутъ всегда противъ вѣтра. Достоверно то, что не только отдѣльные киты, но даже цѣлыя стада ихъ иногда сбиваются съ пути, напримѣръ тѣ 32 кашалота, которые въ 1784 году, и тѣ 70 гриндовъ, которые въ 1812 году были выброшены на французскіе берега. Удивительнымъ примѣромъ продолжающагося извѣстное время измѣненія въ пути странствованія служатъ только что упомянутые гринды, которые постоянно проходили большими стадами мимо Ферерскихъ острововъ, а въ теченіи двадцати двухъ лѣтъ, съ 1754 до 1776 года, вовсе тамъ не показывались, но съ тѣхъ поръ снова ежегодно проходятъ, причемъ число ихъ въ послѣдніе годы даже увеличивается. Эти отклоненія отъ обычнаго пути, а также случайное посѣщеніе устьевъ рѣкъ и служить причиною, что многіе киты отъ времени до времени выбрасываются на сушу и служатъ добычей береговыхъ жителей, что въ прежнія времена случалось даже съ гренландскимъ китомъ, котораго нынѣ находятъ только на далекомъ сѣверѣ».

«Киты, какъ вообще всѣ странствующія животныя, любятъ жить большими стадами. Тамъ, гдѣ находится много корма, они иногда собираются въ числѣ нѣсколькихъ сотенъ и даже до тысячи головъ, причемъ въ этомъ стадѣ замѣчается нѣсколько различныхъ видовъ. По свидѣтельству береговыхъ жителей, въ стадахъ странствующихъ китовъ также замѣчаются киты различныхъ видовъ. Такъ какъ любовь самки къ своему дѣтенышу у китовъ можетъ быть сильнѣе, чѣмъ у всѣхъ другихъ животныхъ, и воспитаніе молодыхъ предоставлено одной матери, то большія стада китообразныхъ состоятъ преимущественно изъ самокъ съ дѣтенышами, которыя странствуютъ подъ предводительствомъ нѣсколькихъ старыхъ самцовъ. Итакъ соединеніе китовъ въ большія или маленькія стада зависитъ частью отъ пищи, которую они употребляютъ, частью отъ семейныхъ причинъ, однако у многихъ видовъ слѣдуетъ, кромѣ того, очевидно признать особый инстинктъ, который побуждаетъ ихъ собираться въ стада для странствованія».

Всѣ киты двигаются съ большою легкостью, они мастерски плаваютъ, безъ замѣтнаго напряженія, а нѣкоторые съ удивительною быстротою; они выказываютъ иногда такую необыкновенную силу своего огромнаго плеса, что, несмотря на страшную тяжесть своего тѣла, выскакиваютъ изъ воды и дѣлаютъ надъ поверхностью ея большіе прыжки. Они держатся чаще всего около поверхности воды и, можетъ быть, спускаются на большую глубину только тогда, когда ранены. Верхній слой воды служитъ обыкновеннымъ ихъ мѣстопребываніемъ, такъ какъ для дыханія они должны высовывать изъ воды голову и часть спины. Дыханіе ихъ происходитъ слѣдующимъ образомъ. Поднявшійся китъ прежде всего съ большимъ шумомъ выбрасываетъ воду, которая попала въ неплотно закрытыя ноздри, и это выбрасываніе происходитъ съ такой силой, что вода раздѣляется на множество мелкихъ брызгъ, которыя достигаютъ 5—6 м. вышины. Эти фонтаны удобнѣе всего сравнить со струею пара, выходящаго черезъ узкое отверстіе изъ котла, и сонные животнаго напоминаютъ шумъ, производимый этимъ паромъ. Фонтаны эти вовсе не состоятъ исключительно изъ воды, какъ фонтаны въ нашихъ садахъ, хотя многіе рисовальщики изображаютъ такимъ образомъ китовъ, и даже натуралисты считаютъ такіе фонтаны возможными. Тотчасъ послѣ выдыханія животное быстро стягиваетъ въ себя воздухъ, производи при этомъ замѣтнѣйшій стонущій звукъ; оно часто вдыхаетъ воздухъ 3, 4 и 5 разъ въ минуту, но фонтанъ замѣтенъ только при первомъ выдыханіи, хотя въ холодную погоду и во время другихъ выдыханій замѣтенъ выходящій паръ. Ноздри расположены у китовъ такъ удобно, что, при поднятіи на поверхность воды, они прежде всего выходятъ на воздухъ, такъ что китамъ дышать такъ же удобно, какъ и другимъ животнымъ. Спокойно плывущій боль-

шой китъ часто остается отъ 5—15 минутъ на самой поверхности воды, причемъ спокойно и правильно дышетъ, иногда, впрочемъ, онъ и дольше остается на самой поверхности, пока хорошенько не надышится. Послѣ этого обыкновенно онъ ныряетъ въ глубь, причемъ задняя часть тѣла и плесь поднимаются надъ поверхностью воды (китъ «кувыркается») и остается тамъ отъ 10—20 минутъ, а иногда и болѣе. Преслѣдуемые большіе киты могутъ однако оставаться подъ водой отъ 30—50 минутъ. Одинъ кашалотъ, раненый острогой, оставался, по наблюденіямъ Пехуэль Леше, подъ водою почти часъ, а другой даже 80 минутъ, причемъ послѣдній спустился на глубину 1300 м. Недавно Кюкенталь удостовѣрился, что раненый деглингъ (высоколобый клюворылъ), т. е. относительно небольшой китъ, который вытянулъ всего 300 м. бичевы, оставался подъ водою полныхъ 45 минутъ. Въ этихъ случаяхъ употребляется въ дѣло запасъ окисленной крови, накопившейся въ расширеніяхъ артерій. Въ концѣ концовъ животное однако должно выказать свою принадлежность къ млекопитающимъ, и китъ поднимается на поверхность воды, чтобы не задохнуться. По наблюденіямъ китолововъ, китъ, лишенный возможности возобновить воздухъ въ легкихъ, задыхается, какъ и всякій другой звѣрь, и даже довольно скоро. Китъ, однажды залутавшійся въ веревкѣ, которую притянули другого, только что убитаго кита къ кораблю, задохся по прошествіи нѣсколькихъ минутъ. Хотя киты дышатъ атмосфернымъ воздухомъ, но очень скоро околѣваютъ, когда попадаютъ на сушу.

Много разъ спорили о томъ, есть-ли у китовъ голосъ или нѣтъ. Вопросъ этотъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, по теоріи долженъ быть рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, такъ какъ у китовъ существуютъ голосовыя связки и нѣтъ причинъ, почему-бы онѣ не могли исполнять своего назначенія. Кромѣ того, существуютъ нѣсколько наблюденій относительно голоса китовъ. Во время большой опасности, при сильной боли отъ ранъ, а также когда они бывають выброшены на берегъ, киты иногда громко кричать. По удостовѣренію всѣхъ свидѣтелей, которые объ этомъ повѣствуютъ, звуки, испускаемые въ этихъ случаяхъ китами, невозможно сравнить съ крикомъ какаго-нибудь другого животнаго. Они похожи на ревъ, но, который, говорятъ, тѣмъ больше страшнѣе и ужаснѣе, чѣмъ больше ростомъ китъ, который его испускаетъ. Пехуэль-Леше пишетъ объ этомъ слѣдующее: «Сонѣные большіе китовъ слышно издали его можно сравнить съ шумомъ, производимымъ паромъ, который потихоньку выпускають изъ локомотива, но сонѣные это еще протяжнѣе и, смотря по виду животнаго, можетъ быть изображено буквами такъ: у-у-фф, ур-р-р-ф или блур-р. Иногда слышится при этомъ своеобразный стонъ или дрожащія звуки, какъ при громкомъ сонѣніи; особенно сильныхъ и страшныхъ звуковъ и однако никогда не слыхалъ, даже у сильно возбужденныхъ, раненыхъ и нападающихъ китовъ. Отъ многихъ опытныхъ людей, я правда, слыхалъ, что нѣкоторые большіе беззубые киты въ раздраженномъ состояніи издають сильный ревъ, но другіе столь-же опытные и не менѣе достовѣрные свидѣтели полагають съ большою увѣренностью, что и эти киты не имѣють голоса; съ этими послѣдними я долженъ согласиться. Очень можетъ быть, что нѣкоторые наблюдатели приняли за ревъ особенно громкое выдыханіе раненыхъ китовъ». Кюкенталь и Альфредъ Вальтеръ намъ также не могли сообщить ничего противорѣчащаго вышеприведенному мнѣнію.

Всѣ киты питаются животными и вѣроятно только случайно проглатываютъ вмѣстѣ съ ними и растенія; по крайней мѣрѣ, подлежитъ болѣе точному изслѣдованію вопросъ о томъ, питается-ли дѣйствительно, какъ утверждаютъ, полосатикъ водорослями, которыхъ часто въ большомъ количествѣ находятъ въ его желудкѣ и правда-ли, что дельфинъ проглатываетъ плоды, упавшіе въ рѣку. Добычей имъ слу-

жать большія и маленькія морскія животныя всевозможныхъ сортовъ; самыя крупныя виды питаются самыми мелкими морскими животными и наоборотъ, самыя мелкіе киты принадлежать къ числу самыхъ ярыхъ хищниковъ. Всѣ зубастые киты могутъ считаться хищными животными въ полномъ смыслѣ этого слова и многіе изъ нихъ не падятъ даже мелкихъ особей своего собственнаго вида; беззубые-же киты довольствуются маленькими животными: мелкой рыбешкой, раками, моллюсками безъ раковинъ, медузами и т. п. Можно себѣ представить, какую неимоверную массу пищи требуютъ эти морскіе гиганты: одинъ беззубый китъ пожираетъ, вѣроятно, ежедневно миллионы, даже миллиарды мелкихъ животныхъ.

О времени размноженія еще не достааетъ точныхъ свѣдѣній. Дѣтеныши, можетъ быть, рождаются во всякое время года, но, вѣроятно, чаще всего въ концѣ лѣта. Повидимому, въ это время стада разбиваются на пары, которыя живутъ нѣкоторое время вмѣстѣ. Передъ спариваніемъ самецъ выражаетъ свое возбужденіе хлопаньемъ по водѣ огромными ластами, производя этимъ при тихой погодѣ страшный шумъ. Очень часто онъ ложится на спину, иногда становится вертикально, головою внизъ, сильно волнуя воду своимъ широкимъ плескомъ; случается даже, что онъ всѣмъ своимъ гигантскимъ тѣломъ подпрыгиваетъ надъ поверхностью воды, снова ныряетъ въ глубину, опять появляется на поверхности и продѣлываетъ разныя другія движенія, чтобы понравиться самкѣ. Совокупленіе происходитъ различнымъ образомъ: или лежа, или бокомъ, или, наконецъ, стоя. Скаммонъ замѣчаетъ, что соединенныя силы двухъ китовъ такъ велики, что позволяютъ имъ при совокупленіи принимать всевозможныя положенія. Какъ долго продолжается беременность еще неизвѣстно, предполагаютъ, что самки носятъ отъ 6 до 10 мѣсяцевъ, но доказать это очень трудно. У небольшихъ китовъ цифры эти близки къ истиннымъ, но у большихъ китовъ беременность можетъ длиться и 21, и 22 мѣсяца, а, можетъ быть, и отъ 9 до 10. Въ пользу продолжительности беременности говоритъ наблюденіе Стенструпа, что самки возвращаются въ извѣстныя мѣста для родовъ только черезъ каждые два года. Гульдбергъ посредствомъ сравнительныхъ изысканій пришелъ къ выводу, что у крупныхъ полосатиковъ беременность, вѣроятно, продолжается 10—12 мѣсяцевъ, у самыхъ-же крупныхъ китовъ—болѣе года. Новорожденный, очень развитой дѣтенышъ, имѣетъ $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{4}$ длины тѣла своей матери.

О самомъ процессѣ родовъ мы не имѣемъ никакихъ указаній; особенно-же мало намъ извѣстно о томъ, какъ мать научаетъ дѣтеныша сосать и какъ она ему даетъ понять, гдѣ и какимъ образомъ искать необходимую ему пищу. Другія водныя млекопитающія рождаются на сушѣ, гдѣ они могутъ свободно дышать; если-же они рождаются на водѣ, какъ у сиренъ, то мать прижимаетъ дѣтеныша къ груди ластами и, вѣроятно, держитъ его во время сосанія надъ водой. Новорожденные-же киты, напротивъ того, должны, соответственно своему тѣлосложенію, тотчасъ послѣ появленія на свѣтъ жить такъ же какъ и взрослые и потому, чтобы не задохнуться, часто высовываются изъ воды. Изъ этого уже слѣдуетъ, что для поддержанія жизни они должны рождаться очень развитыми; несмотря на это, они требуютъ заботливаго ухода и долгаго кормленія молокомъ. Прежніе наблюдатели утверждали, что кормящая самка плыветъ, продолжая свой путь, и тащитъ за собой дѣтеныша, висящаго на соскѣ; Скаммонъ-же, напротивъ, опредѣленно говоритъ, что самка во время кормленія ложится бокомъ на воду, выставляя почти всю заднюю часть тѣла надъ поверхностью, словомъ—принимаетъ положеніе, при которомъ дѣтенышу было-бы удобно сосать. Положеніе и форма сосковъ очень удобны для дѣтеныша; концомъ морды онъ схватываетъ большіе и переполненные молокомъ соски, съ промежутками, отъ времени до времени показываясь надъ водою для дыханія. Небольшіе виды китовъ сосутъ,

повидимому, не такъ долго, какъ большіе, которые, вѣроятно, требуютъ около года, чтобы перейти къ обыкновенной пищѣ. По время кормленія мать заботится о дѣтенышѣ съ большою вѣжностью, ради него подвергается всѣмъ опасностямъ, которыя угрожаютъ его жизни, и пока жива, никогда не покидаетъ его. Растутъ молодые киты, вѣроятно, очень медленно, беззубые едва-ли сами способны къ размноженію раньше 20-го года. Никто не знаетъ, какъ долго продолжается жизнь кита. Предполагаютъ, что старческій возрастъ выражается тѣмъ, что туловище и голова принимаютъ сѣрый оттѣнокъ, а бѣлое брюхо желтѣетъ, жиръ дѣлается тверже и даетъ меньше ворвани, а сухожилия окостенѣваютъ; никто однако не можетъ указать, сколько нужно времени, чтобы произошли въ немъ всѣ эти перемѣны.

И у китовъ есть свои враги, особенно въ первое время ихъ жизни. Многіе акулы, а также косатка, охотятся за молодыми китами, нападаютъ даже на взрослыхъ и, умертвивъ ихъ, цѣлыми днями питаются трупомъ гигантской добычи, но человѣкъ для китовъ еще опаснѣе всѣхъ морскихъ чудовищъ. Онъ уже въ продолженіи болѣе тысячи лѣтъ охотится за многими видами этого отряда и нѣкоторыхъ успѣлъ уже почти истребить.

Вначалѣ человѣкъ, вѣроятно, довольствовался тѣми китами, которыхъ море само ему доставляло, т. е. такими, которые были выброшены бурями на берегъ. Только впоследствии онъ задумалъ начать борьбу съ этими морскими гигантами. Говорятъ, что баски первые въ XIV и XV столѣтіяхъ стали снаряжать особые суда для ловли китовъ. Въ первое время эти отважные мореплаватели довольствовались тѣмъ, что отыскивали полосатиковъ, которые приплывали въ Бискайскій заливъ, но уже въ 1372 году они ѣздили къ сѣверу и тамъ нашли богатую добычу. Около 1450 года бордосскіе судовладѣльцы также уже снаряжали корабли, чтобы охотиться за китами въ восточной части Медовитаго океана. Междоусобныя войны сильно затруднили мореплаваніе и торговлю басковъ, а послѣдовавшее въ 1633 году нападеніе испанцевъ на ихъ страну на всегда прекратило китовую ловлю этого народа; однако большіе успѣхи ихъ возбудили алчность другихъ береговыхъ народовъ, и уже въ XVI столѣтіи англійскія и скорѣе голландскія китоловные суда показались въ Гренландскихъ моряхъ. Рассказываютъ, что переселившіеся баскскіе рыбаки научили англичанъ и голландцевъ искусству китовой ловли. Городъ Гуль въ первый разъ снарядилъ корабли для китовой ловли въ 1598 году; въ 1611 году образовалось въ Амстердамѣ общество китолововъ, которое направляло свои корабли къ Шпицбергену и Новой Землѣ. Ловля эта въ скоромъ времени стала вестись въ большомъ размѣрѣ. Уже 60 лѣтъ спустя изъ голландскихъ гаваней въ одинъ годъ вышло 133 китоловныхъ судна; но наибольшій разгаръ китоловнаго промысла наступилъ позднѣе. Съ 1676—1722 года голландцы отправили 5886 китоловныхъ кораблей и словили въ это время 32,907 китовъ, цѣнность которыхъ достигала 300 милліоновъ марокъ. Еще въ концѣ прошлаго столѣтія этотъ прибыльный промыселъ велся въ большомъ размѣрѣ. Фридрихъ Великій въ 1768 году приказалъ снарядить нѣсколько китоловныхъ кораблей, а англичане въ это время уже посылали ежегодно 222 корабля для этой ловли. Скоро американцы стали самыми усердными китоловами. По исчисленіямъ, сдѣланнымъ Скаммономъ, съ 1835 по 1872 годъ, т. е. втеченіе 38 лѣтъ, 19,943 корабля занимались китовымъ промысломъ и добыли 3,671,772 бочки спермацету и 6,533,014 бочекъ ворвани, причѣмъ цѣнность этой добычи простиралась до 272,274,916 долларовъ. Скаммонъ вычислилъ, что для этого ежегодно убивали 3865 кашалотовъ и 2875 беззубыхъ китовъ. Къ этимъ числамъ слѣдуетъ еще прибавить подной пятой ихъ для раненыхъ и не найденныхъ

китовъ, такъ что общая сумма всѣхъ истребленныхъ животныхъ втеченіе 38 лѣтъ должна быть исчислена по крайней мѣрѣ въ 292,714 штукъ.

Хотя во время китовой ловли и случаются иногда несчастія, однако сама охота на китовъ не можетъ считаться опасной, если не принимать во вниманіе опасностей, происходящихъ отъ плаванія по полярнымъ морьямъ, переполненнымъ плывучими льдами. Китоловныя судна, впрочемъ, иногда погибаютъ въ большомъ числѣ. Въ 1819 году, изъ 63 кораблей погибло 10, въ 1821 году изъ 79—11, въ 1830 году изъ 80—21 корабль; американцы потеряли на сѣверѣ Берингова пролива въ 1871 году 33 судна, а въ 1876 году еще 12 кораблей. Къ счастью, при такихъ кораблекрушеніяхъ люди рѣдко погибаютъ, такъ какъ Полярное море почти всегда спокойно, и экипажъ имѣетъ время спастись на другіе корабли. Но китовый промыселъ не только труденъ и опасенъ, но представляетъ всегда рискованное предпріятіе, такъ что китоловы его очень мѣтко сравниваютъ съ лоттереей. «Насколько китовый промыселъ зависитъ отъ случайностей», говоритъ Гартвигъ, «можно видѣть изъ слѣдующихъ официальныхъ данныхъ. Въ 1718 году, 108 голландскихъ кораблей, отправившихся въ Гренландское море, словили 1291 китъ, цѣнность которыхъ простиралась до 12 милліоновъ марокъ; въ слѣдующемъ-же году 137 кораблей добыли лишь 22 кита. Вслѣдствіе этой неудачи въ послѣдующій затѣмъ годъ снарядили только 117 кораблей, которые добыли 631 китъ и такимъ образомъ вознаградили отчасти судовладѣльцевъ за потери предыдущаго года». Что при такомъ безтолковомъ и ничѣмъ не ограниченномъ преслѣдованіи число китовъ даже на самыхъ прибыльныхъ мѣстахъ должно уменьшиться, само-собою разумѣется. Линдеманъ въ своей книгѣ о полярныхъ рыбныхъ промыслахъ нѣмецкихъ гаваней приводитъ ясныя доказательства уменьшенія прибыли китоловнаго промысла не только у нѣмцевъ, но и у всѣхъ другихъ морскихъ націй.

Нѣсколько десятилѣтій тому назадъ снаряжали китоловныя корабли для продолжительнаго путешествія, и они гонялись преимущественно за тремя самыми большими видами китовъ, именно гренландскимъ китомъ, кашалотомъ и большимъ полосатикомъ, изъ которыхъ каждый, смотря по росту и рыночнымъ цѣнамъ, стоилъ 15 тысячъ, 30 тысячъ, а иногда до 40 тысячъ марокъ. Ловля кита происходитъ обыкновенно слѣдующимъ образомъ. Когда корабль прибудетъ въ море, гдѣ можно найти китовъ, то онъ крейсируетъ туда и сюда, причѣмъ на мачтѣ обыкновенно два матроса зорко смотрятъ во всѣ стороны. Ихъ возгласъ «Тамъ виденъ фонтанъ!» приводитъ весь экипажъ въ сильное возбужденіе. «По вѣншему виду замѣченнаго животнаго», говоритъ Пехуэль-Леше, «по его фонтанамъ, по формѣ спинного и хвостового плавниковъ, опытные люди тотчасъ узнаютъ, принадлежитъ-ли животное къ числу тѣхъ китовъ, ловля которыхъ особенно прибыльна, и вообще стоитъ-ли гоняться за китомъ. Когда это рѣшено, то, по приказанію капитана, лодки, которыхъ обыкновенно большое китоловное судно имѣетъ четыре, спускаются на воду. Эти лодки, длиною отъ 7—9 м. и шириною около 2 м., легки, но хорошо выстроены, безъ килля, и съ обѣихъ концовъ заострены для того, чтобы одинаково легко двигаться взадъ и впередъ и быстро поворачиваться. На носу, около гарпунника, приготовлено необходимое оружіе, состоящее обыкновенно изъ 4 гарпуновъ, многихъ копій, очень тяжелаго ружья, которое заряжается цилиндрическими разрывными пулями, короткой острой лопаты для вырѣзыванія жира, топора и большого ножа. Въ кормѣ, часть которой прикрыта небольшою палубой, спрятаны: комнасъ, ковшикъ и боченокъ, въ которомъ находится запасъ корабельныхъ сухарей, фонарь, свѣчки и спички для того, чтобы предохранить ихъ отъ сырости; другой боченокъ съ прѣсвой водой лежитъ обыкновенно по серединѣ лодки».

«Важнѣйшею частью снаряженія этой лодки слѣдуетъ считать веревку, около 350 саженой длины и толщиною въ большой палецъ, которая должна быть приготовлена изъ самой лучшей пеньки. Веревка эта самымъ тщательнымъ образомъ спирально расположена въ двухъ плоскихъ чанахъ, стоящихъ ближе къ кормѣ между скамьями для гребцовъ. Передъ охотой ее еще разъ внимательно осматриваютъ, такъ какъ, если она при ловлѣ запутывается, то можетъ произойти большое несчастье. Лежащія въ обоихъ чанахъ веревки наскоро сплетаются и образуютъ тогда одинъ длинный тросъ; въ мелкихъ водахъ берутъ лишь одинъ чанъ съ веревкой. Веревка эта идетъ сначала назадъ и задѣвается за большую кнопку изъ твердаго дерева, которая находится на самой кормѣ на правой сторонѣ отъ рулевого, оттуда она направляется по серединѣ лодки между гребцами къ носу, гдѣ проходитъ черезъ небольшой мѣдный блокъ. Изъ лѣваго чана вытаскиваютъ веревку въ 5 или 8 саженой и къ ней прикрѣпляютъ оба гарпуна, которые опытный гарпунщикъ, тотчасъ по приближеніи къ киту, въ него бросаетъ; чтобы удобнѣе схватить ихъ, гарпунщикъ кладетъ эти остроги на особый низкій станокъ съ уключинами. Экипажъ каждой лодки состоитъ изъ 6 человекъ: рулевого, который сидитъ на кормѣ и управляетъ лодкой посредствомъ длиннаго рулевого весла, могущаго однимъ ударомъ повернуть ее на четверть круга; гарпунщика, который также снабженъ рулевымъ весломъ и помогаетъ направлять судно, пока не готовится къ нападенію, и наконецъ четырехъ гребцовъ. Всѣ эти люди должны быть очень опыты, хорошо приучены къ взаимному содѣйствію и точно знать свои мѣста. Они должны работать безъ излишней команды, какъ-бы по чутью, и сообща дѣйствовать быстро и вѣрно, даже во время большой опасности: лодка ихъ должна походить на живое существо. Они смотрятъ за своей лодкой съ очень тщательной заботливостью, и въ этомъ они правы, такъ какъ они ей поручаютъ свою жизнь въ борьбѣ съ волнами и бурями, а также съ гигантской добычей, за которой гонятся».

«Хорошій гарпунщикъ долженъ умѣть вѣрно кинуть свою острогу на 4—5 саженой разстояніи. Въ большинствѣ-же случаевъ, къ киту подплываютъ гораздо ближе, иногда даже лодка касается его, такъ что гарпунъ не бросаютъ, а просто втыкаютъ въ его тѣло. Подобное смѣлое нападеніе, конечно, вѣрнѣе всего ведетъ къ гибели кита, но очень опасно. Какъ только остроги воткнуты, лодку сильно гонять назадъ, и это самый опасный моментъ; никогда нельзя ручаться, что раненый китъ случайно или нарочно своимъ огромнымъ плескомъ не опрокинетъ лодку снизу, или не ударитъ по ней сверху. Въ глубокомъ морѣ китъ большею частью ныряетъ отвѣсно внизъ, а въ мелкомъ быстро плыветъ впередъ на небольшой глубинѣ; въ обоихъ случаяхъ веревка быстро развивается, обходитъ кнопку на кормѣ и, туго натянутая, проходитъ между гребцами и съ страшной быстротой тянется за плывущимъ китомъ; случается, что въ одну минуту выходитъ отъ 100—150 саженой. Тогда нужно быть осторожнымъ. Кто нечаянно схватится за веревку, тотъ потеряетъ. Лодка быстро движется впередъ. Рулевой и гарпунщикъ мѣняются мѣстами, такъ какъ если гарпунщику предоставлено нанести первый ударъ киту, то рулевому принадлежитъ честь его убить. Само-собой разумѣется, что нельзя и думать объ удержаніи ныряющаго кита; китъ погрузилъ-бы лодку въ воду точно такъ-же легко, какъ рыба, попавшаяся на удочку тянетъ за собой поплавокъ. Если животное ныряетъ слишкомъ глубоко, то посильно зовутъ соседнюю лодку и какъ можно скорѣе привязываютъ новую веревку къ той, которая уже спущена; если этого не успѣютъ сдѣлать, то киту дозволяютъ вытянуть конецъ веревки и свободно съ нею плавать. Очень рѣдко удается снова схватить эту спущенную веревку, для чего гребутъ по тому направленію, куда ушелъ китъ, и стараются захватить плывущій конецъ».

«Въ большинствѣ случаевъ хватаетъ однако веревки одной лодки; китъ обыкновенно нырнетъ на глубину отъ 100—200 сажени и тамъ лежитъ, не двигаясь. Если веревка уже болѣе туго не натягивается, то ее, соединенными усиліями всѣхъ матросовъ, тянутъ кверху, чтобы побудить добычу подняться на поверхность воды. Если это не нравится капризному киту, то всѣ старанія вытащить его на поверхность остаются напрасными, и онъ спускается еще глубже. Борьба эта, смотря по величинѣ животнаго, продолжается 10, 20 или 30 минутъ, въ рѣдкихъ случаяхъ вдвое дольше, пока наконецъ китъ не почувствуетъ недостатка въ воздухѣ и самъ не поднимется наверхъ. Направленіе веревки указываетъ примѣрно то мѣсто, гдѣ онъ выплыветъ, и тамъ старается подойти къ нему другая лодка, чтобы бросить въ него вторую острогу. Если это удастся, то добыча можетъ считаться вѣрной. Вторично раненый китъ тогда или самъ нападаетъ на преслѣдователей, или быстро плыветъ по поверхности воды, такъ какъ недостатокъ воздуха не позволяетъ ему снова нырнуть. Затѣмъ начинается бѣшеная гоньба, причемъ отпускаютъ лишь небольшое количество веревки, нѣсколько разъ только превосходящее длину лодки. Пыхтя и фыркая, несется темное чудовище по волнамъ, которыя съ пѣной передъ нимъ разстушаются и иногда поднимаются вверхъ бѣлыми брызгами, когда оно неистово ударяетъ плесомъ по водѣ, чтобы избавиться отъ преслѣдователей. За нимъ несутся двѣ или три лодки со смѣлыми ловцами; лодки эти часто исчезаютъ въ пѣнѣ и брызгахъ, часто при бѣшеной ѣздѣ онѣ какъ-бы опускаются въ глубь, но безстрашно несутся впередъ среди безграничнаго океана, не обращая вниманія на наступающую ночь. Неподготовленный зритель навѣрно счелъ-бы эти лодки за морское привидѣніе. Наконецъ усталый китъ останавливается и въ безпомощной ярости начинаетъ валиться по волнамъ, махая во всѣ стороны страшнымъ хвостомъ. Тогда лодки осторожно приближаются, тщательно избѣгая хвоста животнаго, и люди стараются убить кита выстрѣломъ изъ большого ружья или втыкая копье позади плавниковъ, причемъ тонкое орудіе погружается въ тѣло животнаго до 2 м. въ глубь. Если онъ снова ныряетъ или спасается вилавъ, то гоньба повторяется, пока наконецъ не покончатъ съ нимъ или не отрѣжутъ веревки, если борьба окажется людямъ не подъ силу. Если разрывная пуля или копье достигли легкихъ, то китъ черезъ ноздри выдуваетъ кровь или, какъ выражаются моряки, «выкидываетъ красный флагъ»; въ этомъ случаѣ онъ умираетъ довольно скоро, но во время агоніи страшно бьется, и лодки въ это время осторожно держатся въ нѣкоторомъ отдаленіи».

«Продолжительность такихъ охотъ отъ перваго удара острогой до смерти кита продолжается отъ 1—2 часовъ, но время это бываетъ болѣе или менѣе продолжительно, смотря по преслѣдуемому животному. Въ рѣдкихъ случаяхъ китъ умираетъ отъ ранъ, нанесенныхъ острогами, и тогда охота продолжается иногда только 15 минутъ, но можетъ случиться, что она длится нѣсколько часовъ сряду; она можетъ быть совершенно безопасна для людей, но можетъ оканчиваться очень печально для нихъ: случается, что самъ китъ нападаетъ на лодки, которыя должны отъ него спастись; иногда китъ разбиваетъ лодки, и люди при этомъ погибаютъ. При охотахъ на большихъ китовъ, гдѣ мнѣ пришлось присутствовать, удалось ранить острогой 23 кита. Изъ этихъ 23 большихъ китовъ было захвачено 14, а 9 штукъ спаслось слѣдующимъ образомъ: одинъ кашалотъ при нырніи сразу вытянулъ 350 сажени веревки и ушелъ такъ далеко, что его больше уже не видали; второй кашалотъ разбилъ приближившуюся лодку и также исчезъ; при гоньбѣ за третьимъ кашалотомъ пришлось послѣ долгаго преслѣдованія отрѣзать веревку, такъ какъ начиналась буря и охоту невозможно было продолжать. Точно также пришлось отрѣзать веревку при преслѣдованіи трехъ гренландскихъ китовъ, потому что они

забрались въ плавучій лёдъ, куда за ними лодки не могли слѣдовать, четвертый гренландскій китъ удралъ вмѣстѣ съ веревкой, разбивши преслѣдовавшую его лодку, и наконецъ два кита освободились тѣмъ, что гарпуны выскочили изъ тѣла. Во время этихъ 23 охотъ были совсѣмъ разбиты двѣ лодки, а три болѣе или менѣе повреждены. Два человѣка были убиты китами ударами хвоста, одинъ гарпунщикъ былъ захваченъ веревкой и утонулъ, одинъ изъ гребцовъ былъ также выброшенъ изъ лодки веревкой, но выплылъ и былъ спасенъ»

Если корабль не можетъ скоро приблизиться къ убитому киту, то трупъ его лодки тянутъ на буксирѣ. Около корабля привязываютъ къ тонкому мѣсту около хвоста крѣпкую цѣпь и привязываютъ кита къ правому борту корабля такъ, чтобы онъ лежалъ на боку и голова его была направлена къ кормѣ. Къ главной мачтѣ прикрѣпляютъ двѣ большія тали, ходовые концы которыхъ прикрѣпляются къ шпилью. Къ борту корабля придѣлывается помость, имѣющая видъ рамы, который горизонтально виситъ надъ китомъ и на которомъ стоятъ люди, вырѣзающіе жиръ острыми лопатами, насаженными на длинныя ручки. Другая талья прикрѣпляется къ концу лапта, который такъ отрѣзается, что за нимъ тянется полоса сала въ 1,3—1,9 м. ширины; подтянувъ эту полосу сала подъ марсъ, накладываютъ на нее на высотѣ палубы вторыя тали и надъ ними перерѣзаютъ полосу, а отрѣзанную часть спускаютъ на первыхъ таяхъ въ жилую палубу, между тѣмъ какъ тали снова приподнимаютъ полосу сала до марса. Подниманіе сала—работа очень тяжелая и подвигается очень медленно; сильныя тали понемногу отрываютъ отъ мяса полосы сала, отрѣзанныя лопатами; это происходитъ вродѣ того, какъ очищаютъ яблоко отъ кожуры или отвертываютъ первый листъ у сигары. При этомъ тѣло кита должно медленно оборачиваться около продольной оси. Въ самомъ началѣ одинъ изъ матросовъ спускается на веревкахъ на тѣло кита и ударами топора отдѣляетъ у беззубыхъ китовъ верхнюю челюсть, а у кашалота нижнюю; ихъ притягиваютъ на палубу и отрѣзаютъ китовый усъ у гренландскаго кита, а у кашалота выламываютъ зубы, которые часто замѣняютъ слоновую кость. У кашалота разрубаютъ огромную голову на двѣ части для того, чтобы выпустить изъ нея спермацетъ. Обработка кита продолжается отъ 4—8 часовъ, смотря по сорту и величинѣ его, а также и по погодѣ; когда всѣ цѣпныя части вырѣзаны, то цѣпь развязывается и безформенный скелетъ съ мясомъ спускается на произволь судбы.

Подъ первой палубой огромныя полосы жира разрѣзываются на тонкіе продолговатые куски короткими лопатами и затѣмъ выбрасываются снова на палубу, гдѣ ручной машиной, которая двигаетъ валекъ съ острыми ножами, жиръ надрѣзывается на мелкія полоски, затѣмъ ихъ бросаютъ въ большіе желѣзные котлы, вдѣланные въ особыя печи, находящіяся на палубѣ. Очаги этихъ печей для безопасности окружены вмѣстилищами, наполненными водой. Сначала печи эти растапливаются дровами, а потомъ ихъ топятъ кусками кожи, оставшимися отъ растопленнаго жира; этого горючаго матерьяла хватаетъ для обработки жира всего кита. Полученная ворвань выливается сначала въ плоскій чанъ для охлаждения, а затѣмъ въ бочки. «Одѣтые въ самую плохую одежду», описываетъ Пехуэль Леше, «на половину голые, обмазанные ворванью и сажей матросы весело справляютъ свою работу около печей, при чемъ прыгаютъ, танцуютъ и махаютъ по воздуху своими орудіями. Тогда на кораблѣ господствуетъ оживленная дѣятельность. Особенно величественно это зрѣлище ночью, когда палуба освѣщается кусками китовой кожи, вынутыми изъ котла и подвѣшенными довольно высоко въ проволочной корзинкѣ. Пылающее пламя освѣщаетъ черныя клубы дыма, всю палубу, мачты съ ихъ парусами и даже небольшую часть моря около корабля. Днемъ можно издали замѣтить китоловное судно,

занятое вытопкою жира, по чернымъ клубамъ дыма, которые видны гораздо раньше, чѣмъ самъ корабль.

Кромѣ большихъ кораблей, которые снаряжены для 30—50 мѣсяцевъ плаванія по океану, отправляютъ также небольшія суда для 5—18 мѣсяцевъ плаванія въ извѣстномъ морѣ; эти послѣднія предназначаются большею частью для ловли небольшихъ китовъ, особенно полосатиковъ и дельфиновъ. Изъ нѣмецкихъ и шотландскихъ гаваней недавно начали отправлять пароходы въ Ледовитый океанъ на одно лѣто; они привозятъ въ гавань китовый жиръ въ сыромъ видѣ и топятъ его уже дома. Кромѣ того жители тѣхъ береговъ, около которыхъ въ извѣстное время года появляются киты, ставятъ на возвышенныхъ мѣстахъ людей, которые высматриваютъ приближеніе животныхъ, и тогда прямо съ берега высылаются лодки для ловли кита. Подобная береговая ловля производится уже въ теченіи многихъ десятковъ лѣтъ очень правильно и въ большихъ размѣрахъ въ сѣверной части Норвегіи. До конца шестидесятыхъ годовъ полосатиковъ почти никогда не преслѣдовали, потому что они даютъ небольшую добычу и очень рѣзвы и опасны своими быстрыми движеніями. Уже давно старались изобрѣсти такія огнестрѣльные орудія, снаряды которыхъ не только ранятъ, но сразу убиваютъ кита, такъ какъ орудія эти дали-бы возможность съ успѣхомъ преслѣдовать всевозможныхъ китовъ, даже тѣхъ, за которыми прежде не гонялись. Въ 1867 году Кордесу изъ Бремергафена удалось устроить небольшое орудіе, которое стрѣляло остроугою; Рейхтенъ старался ввести это новое орудіе у американскихъ китолововъ, а Фойнъ началъ въ Норвегіи съ пользою употреблять эту гарпунную пушку при ловлѣ полосатиковъ. Предпріятіе это казалось выгоднымъ, и въ 1882 году, когда кончился срокъ привилегіи Фойна, на сѣверномъ берегу Норвегіи образовалось общество, которое не только производитъ охоту на всевозможные виды китовъ, но перерабатываетъ чудовищные остатки, именно мясо и кости, въ искусственное удобреніе.

Объ этомъ способѣ ловли Кюкенталь, по устнымъ сообщеніямъ капитана Горна, повѣствуетъ слѣдующее: «Начиная отъ Тромзе на сѣверъ вдоль береговъ Финмаркена и Россіи расположено множество китоловныхъ станцій, изъ которыхъ самая восточная находится на островѣ Еретикѣ, въ устьѣ губы Уры. На каждой станціи находится заводъ для вытопки ворвани и обработки остатковъ. Около фабрики расположено нѣсколько жилыхъ строеній и сараевъ, а въ распоряженіи станціи состоятъ одинъ или два небольшихъ парохода, которые служатъ для китовой ловли. На этихъ пароходахъ вмѣсто бугшприта находится платформа, на которой стоитъ гарпунное орудіе. Снарядъ его состоитъ изъ тяжелаго чугунаго гарпуна, который тянетъ за собой веревку трехдюймовой толщины; ею, въ случаѣ удачи, притягиваютъ потомъ кита къ кораблю. Гарпунъ содержитъ въ себѣ кромѣ того въ рукояткѣ зарядъ съ взрывчатымъ веществомъ; если, вслѣдствіе движенія раненаго кита, веревка туго натянется, то разбивается стеклянный пузырекъ, находящійся около взрывчататаго вещества; жидкость изъ этого пузырька воспламеняетъ зарядъ, отчего происходитъ взрывъ, который чаще всего убиваетъ кита. Если взрыва не произойдетъ, то раненаго кита убиваютъ прежнимъ способомъ, посредствомъ копья. Трупъ убитаго животного, который большею частью плыветъ на поверхности моря, привязывается цѣпью къ кораблю и на буксирѣ тащится до завода, гдѣ его обрабатываютъ». По указаніямъ Кока, въ 1885 году на 23 станціяхъ 36 пароходами было словлено 1398 китовъ; въ 1886 году на 22 станціяхъ 39 пароходами было добыто 954 кита; въ 1887 году на 21 станціи 32 пароходами—854 кита и въ 1888 году на 21 станціи, 35 пароходами—717 китовъ. «Такая безопасная ловля», говорятъ Кюкенталь, «должна очевидно сильно уменьшить число китовъ, поэтому норвеж-

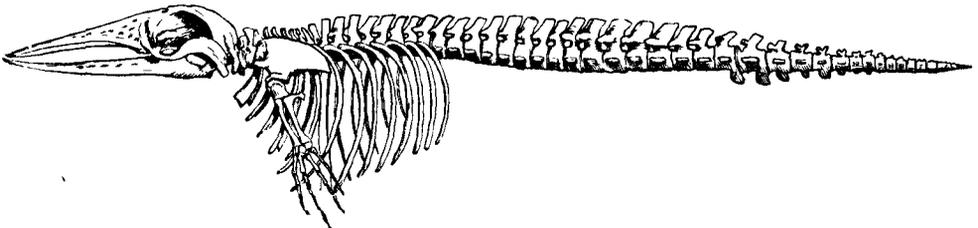
ское правительство издало законъ, запрещающій ловлю въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году, и кромѣ того оно дозволяетъ убивать китовъ только на разстояніи не ближе двухъ миль отъ берега. За неисполненіе этихъ правилъ назначенъ штрафъ въ 3 тысячи кронъ; русское правительство издало подобное-же постановленіе». Кюкенталь прибавляетъ, что въ этихъ водахъ ловятся четыре вида полосатиковъ. Отъ одного животнаго ворванью и китовымъ усомъ, смотря по его виду и величинѣ, получается отъ 800 до 5000 марокъ выгоды.

Киты раздѣляются на двѣ естественныя группы, которыя съ полнымъ правомъ могутъ быть названы подотрядами: **Беззубые киты** и **Зубастые киты**. У вторыхъ на обѣихъ челюстяхъ, а иногда только на одной находятся зубы, которые, разъ выросши, уже не замѣняются новыми; у нѣкоторыхъ видовъ, впрочемъ, зубы эти въ молодости выпадаютъ. Признакъ этотъ совершенно достаточенъ для того, чтобы отличить этотъ подотрядъ отъ беззубыхъ китовъ. По недавно высказанному мнѣнію Кюкентали слѣдовало-бы зубастыхъ и беззубыхъ китовъ считать за самостоятельныя отряды, которые произошли отъ двухъ различныхъ, живущихъ на сушѣ послѣдовыхъ животныхъ, причемъ зубастые киты по своему происхожденію гораздо древнѣе беззубыхъ. Внешнія сходства обѣихъ группъ происходятъ, по мнѣнію этого писателя, отъ одинаковаго приспособленія къ жизни въ морѣ.

Небогатѣй видами подотрядъ **Беззубыхъ китовъ** (*Mysticete. Bartenwale. Mysticètes.*) отличается тѣмъ, что у относящихся сюда животныхъ зубовъ нѣтъ, а на верхней челюсти и нѣбѣ вырастаютъ особыя роговыя пластинки. Прочими признаками могутъ служить: очень большая широкая голова, отдѣльныя продольныя дышалы, узкая глотка, очень большая каменистая часть височной кости и недостатокъ слезныхъ костей. Легче всего однако ихъ распознать по присутствію роговыхъ пластинокъ во рту. Онѣ вовсе не замѣняютъ зубовъ и не похожи на нихъ, ни по происхожденію, ни по способу прикрѣпленія къ челюсти. У очень молодыхъ китовъ находили въ челюстяхъ небольшія костяныя тѣльца, которыя можно считать зачатками зубовъ; позже вырастающія роговыя пластинки являются не на челюстяхъ, а на нѣбѣ, и не соединены непосредственно съ костями головы. Ихъ поперечное положеніе на верхнемъ сводѣ полости рта напоминаетъ небные зубы рыбъ. Эти пластинки состоятъ изъ рогового, а не костяного вещества, очевидно кожногаго происхожденія и имѣютъ видъ трехгранныхъ, рѣже четырехгранныхъ призмъ, у которыхъ можно различить наружное и внутреннее вещество. Первое состоитъ изъ тонкихъ, другъ на другѣ лежащихъ роговыхъ листочковъ, а послѣднее, т. е. внутреннее вещество, образуется параллельными трубочками, которыя на концѣ пластинки расщепляются на множество грубыхъ щетинокъ. Искривленные роговые листочки соединяютъ пластинки около ихъ корней, сидящихъ въ богатомъ кровеносными сосудами слоеъ кожи, который имѣетъ до 2 см. толщины; слой этотъ и служитъ для питанія пластинокъ. Онѣ имѣютъ трехугольную форму и висятъ вертикально съ нѣба по сторонамъ срединнаго продольнаго кия, образованнаго покрытымъ лишъ слизистой оболочкой сошникомъ. Самыя длинныя изъ этихъ пластинокъ, которыхъ насчитываютъ отъ 250 до 400, находятся по срединѣ каждой челюсти; самыя короткія на концѣ морды и сзади около мѣста прикрѣпленія нижней челюсти, причемъ отъ середины къ краямъ величина ихъ уменьшается постепенно. Впереди пластинки сидятъ очень тѣсно другъ около друга, сзади промежутки между ними увеличиваются. Если смотрѣть на этотъ аппаратъ сбоку, то онъ походитъ на гигантскій гребень, отдѣльныя зубцы котораго имѣютъ довольно гладкую и выпуклую поверхность. Если

же рассматривать его спереди, то онъ похожъ на сводъ, съ потолка котораго по сторонамъ находящагося посерединѣ кила висить множество длинныхъ гибкихъ волоконъ. Когда китъ закрываетъ ротъ, то нижняя челюсть помѣщаетъ въ себѣ весь роговой аппаратъ верхней челюсти; пластинки касаются, если не вездѣ, то, по крайней мѣрѣ, по краямъ, языка и совершенно отдѣляютъ небную полость отъ окружающей воды; такимъ образомъ пластинки эти образуютъ какъ-бы сито, останавливающее даже самыхъ маленькихъ и скользкихъ животныхъ, которыми эти киты питаются.

Беззубые киты—громадныя животныя съ очень большой головой, широко расщепленнымъ ртомъ, двойными дыхалами, скрытымъ ушнымъ отверстіемъ и очень маленькими глазами. Позвоночникъ ихъ состоитъ изъ 7 шейныхъ, 14—15 грудныхъ, 11—15 крестцовыхъ и 21 и болѣе хвостовыхъ позвонковъ. Одна лишь пара реберъ соединяется съ грудною костью, всѣ прочія должны считаться ложными. Челюсти имѣютъ громадную величину сравнительно съ очень небольшою мозговою частью черепа; онѣ согнуты большими дугами и спереди вытянуты въ видѣ клюва. Лопатки очень широки, а переднія конечности устроены различнымъ образомъ, но большого пальца въ большинствѣ случаевъ нѣтъ. Огромный языкъ по краямъ приросъ къ кожѣ рта и неподвиженъ. Отверстіе пищевода очень узко, а желудокъ раздѣленъ

Скелетъ гренландскаго кита.

на три части. Взрослые киты достигаютъ отъ 20—30 м. длины и вѣсятъ отъ 20 до 150 тысячъ кгг. Это самыя большія животныя изъ нынѣ живущихъ на землѣ. У большого кита масса тѣла соотвѣтствуетъ примѣрно 30—35 слонамъ или 150—170 быкамъ; изъ жира такого чудовища получается иногда до 300 гектолитровъ ворвани (болѣе 600 сорокаведерныхъ бочекъ).

Беззубые киты живутъ большею частью одиноко; они соединяются въ стаи вѣроятно только случайно, когда на одномъ мѣстѣ находится много корма. Большинство изъ нихъ живутъ въ Ледовитомъ океанѣ и только иногда выходятъ изъ бухтъ, образованныхъ ледяными полями; другіе странствуютъ въ болѣе южныя моря. Какъ уже выше сказано, они не всегда живутъ въ одномъ мѣстѣ, а довольно правильно переселяются. Несмотря на свою необыкновенную массивность, они двигаются въ водѣ быстро и ловко; большинство изъ нихъ прорѣзываютъ волны со скоростью парохода. Они плаваютъ въ прямомъ направленіи, но дугообразно, то приближаясь къ поверхности воды и даже иногда высывая часть тѣла изъ нея, то опускаясь въ глубь. Если ихъ не тревожатъ, то они чаще всего плаваютъ около поверхности воды, иногда ложатся на воду то на спину, то на бокъ, валяются, становятся вертикально и играютъ инымъ способомъ; случается, что они выдвигаются изъ воды на половину, а иногда даже совсѣмъ изъ нея выпрыгиваютъ. Когда море спокойно, то киты иногда спятъ на волнахъ, которыя ихъ покачиваютъ туда и сюда.

Пища этихъ самыхъ большихъ животныхъ состоитъ изъ мелкихъ рыбъ и маленькихъ незначительныхъ моллюсковъ, головоногихъ, медузъ и червей, изъ кото-

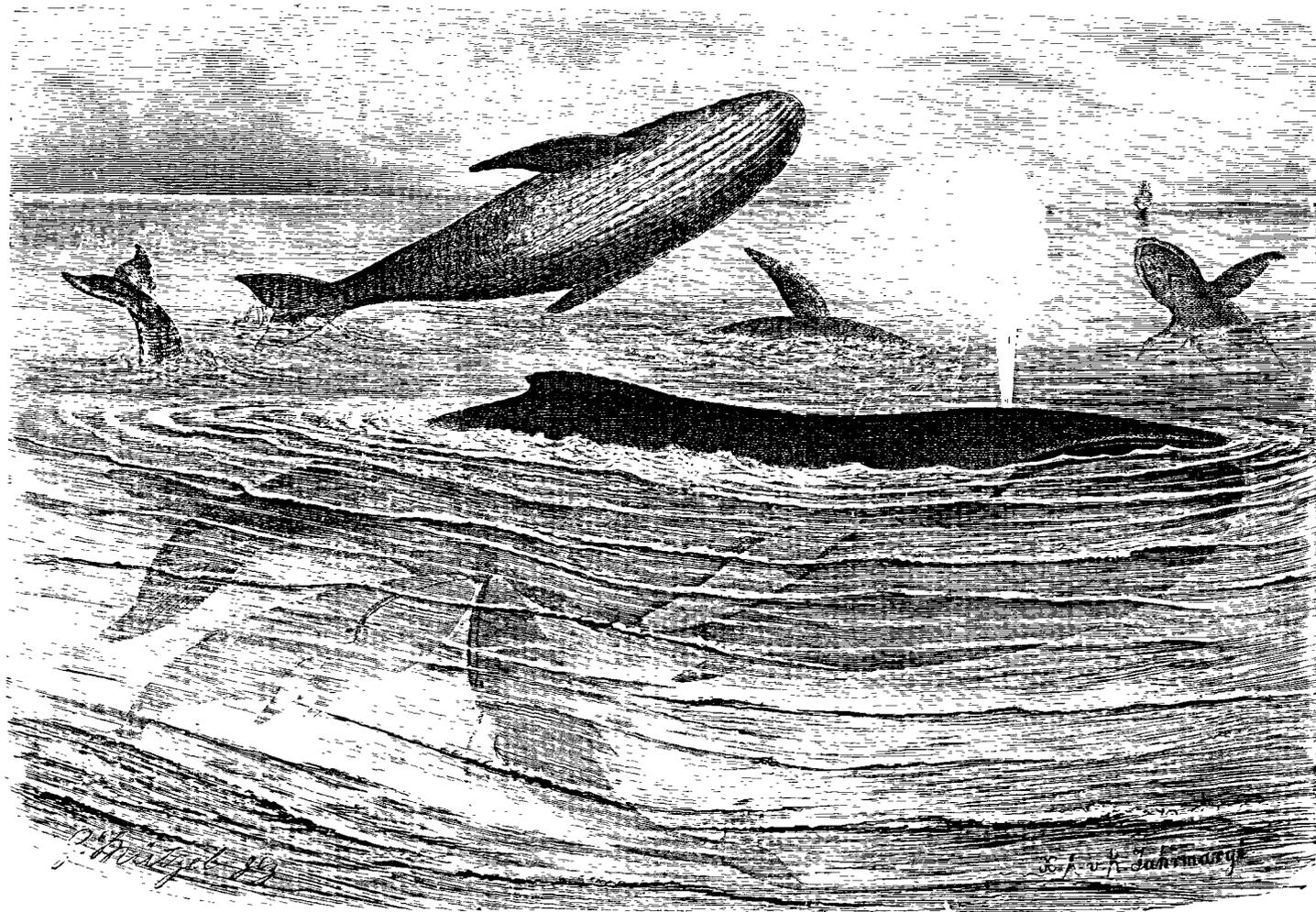
рыхъ многіе едва замѣтны простымъ глазомъ; но они заразъ проглатываютъ миллионы этихъ существъ. Китъ плыветъ, широко раскрывъ свою огромную пасть, наполняетъ всю полость рта водою и животными, въ ней живущими, и когда его чувствительный языкъ покажетъ ему на присутствіе большого числа ихъ, то онъ закрываетъ ловушку. Пластинки усовъ стоятъ перпендикулярно и образуютъ собою сито, которое при закрытомъ ртѣ пропускаетъ воду, но останавливаетъ всѣхъ находящихся въ ней животныхъ. Незначительное движеніе огромнаго едва подвижнаго языка проталкиваетъ студнеобразное вещество черезъ пищеводъ въ желудокъ. Ловушка снова раскрывается, и китъ плыветъ далѣе по волнамъ. Маленькая рыбка, которая случайно попадетъ въ эту живую вершу, конечно также проглатывается, а также и водоросли, попавшія въ ротъ.

По своимъ душевнымъ качествамъ беззубые киты похожи на описанныхъ уже нами сиренъ. Изъ внѣшнихъ чувствъ у нихъ лучше всего развиты зрѣніе, слухъ и осязаніе. По понятливости эти киты, кажется, стоятъ ниже зубастыхъ. Всѣ беззубые киты пугливы, робки и легко обращаются въ бѣгство; поэтому они живутъ въ мирѣ со всѣми остальными морскими животными. Когда на нихъ нападаютъ, то иногда пробуждается свойственная всѣмъ животнымъ смѣлость, которая въ нѣкоторыхъ случаяхъ переходитъ въ сильное раздраженіе; они тогда защищаются отчаянно и нерѣдко съ успѣхомъ, но въ большинствѣ случаевъ они наносятъ своимъ врагамъ мало вреда. Главнымъ орудіемъ защиты служить у нихъ плесь, о страшной силѣ котораго можно получить понятіе, если вспомнить, что посредствомъ его китъ подвигаетъ впередъ свое огромное туловище по волнамъ со скоростью парохода. Одинъ ударъ китоваго хвоста достаточенъ, чтобы разбить въ щепки большую лодку или подбросить ее на воздухъ; подобнымъ-же ударомъ убиваются сразу большія животныя и, конечно, также и человекъ. О размноженіи беззубыхъ китовъ мы знаемъ еще мало, развѣ только то, что самки рожаютъ одного, рѣдко двухъ очень большихъ дѣтенышей, имѣющихъ при рожденіи $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{4}$ длины матери; онѣ долго кормятъ ихъ молокомъ, очень къ нимъ привязаны, защищаютъ ихъ съ большимъ мужествомъ, часто поддерживаютъ ихъ, прижимая къ себѣ однимъ изъ ластовъ, и водятъ съ собою, пока дѣтенышъ не сдѣлается вполнѣ взрослымъ. Беззубые киты, вѣроятно, растутъ очень скоро, но все же проходятъ много лѣтъ, пока они не достигнутъ своего настоящаго роста.

* * *

Грэй раздѣляетъ этотъ подотрядъ на два семейства, изъ которыхъ первое **Полосатики** (*Balaenopteridae*. Furchenwale. Rorquals) отличается глубокими продольными бороздками, которыя находятся на горлѣ, шеѣ, груди и части живота; бороздки эти лежатъ другъ около друга, а иногда одна за другой и идутъ почти параллельно. Полосатики—животныя, относительно стройныя, имѣютъ всегда замѣтный спинной плавникъ, ласты у нихъ длинные ланцетовидныя, а роговыя пластинки во рту короткія, но широкія. Шейные позвонки не всегда срастаются; каменистыя части височной кости имѣютъ яйцевидную форму, и ширина лопатки больше ея длины.

Длиннорукий полосатикъ или **Горбачъ**, называемый у англичанъ *Bucketwal* и *Humpback*, у норвежцевъ *Rorhqual*, у гренландцевъ **Кепорнакъ** (*Megaptera longimana*, *M. boops*, *Balaena boops* и *longimana*, *Cyphobalaena boops*. *Bucketwal*. *Rorqual longimane*) можетъ считаться представителемъ особаго рода *Megaptera*, отличающагося очень длинными ластами, длина которыхъ достигаетъ одной пятой или даже четверти длины всего тѣла. Этотъ распространенный, во всѣхъ океанахъ встрѣчающійся китъ имѣетъ до 15 м. длины, ласты при одномъ метрѣ ширины бываютъ

ПОЛОСАТИКЪ ГОРБАЧЪ.

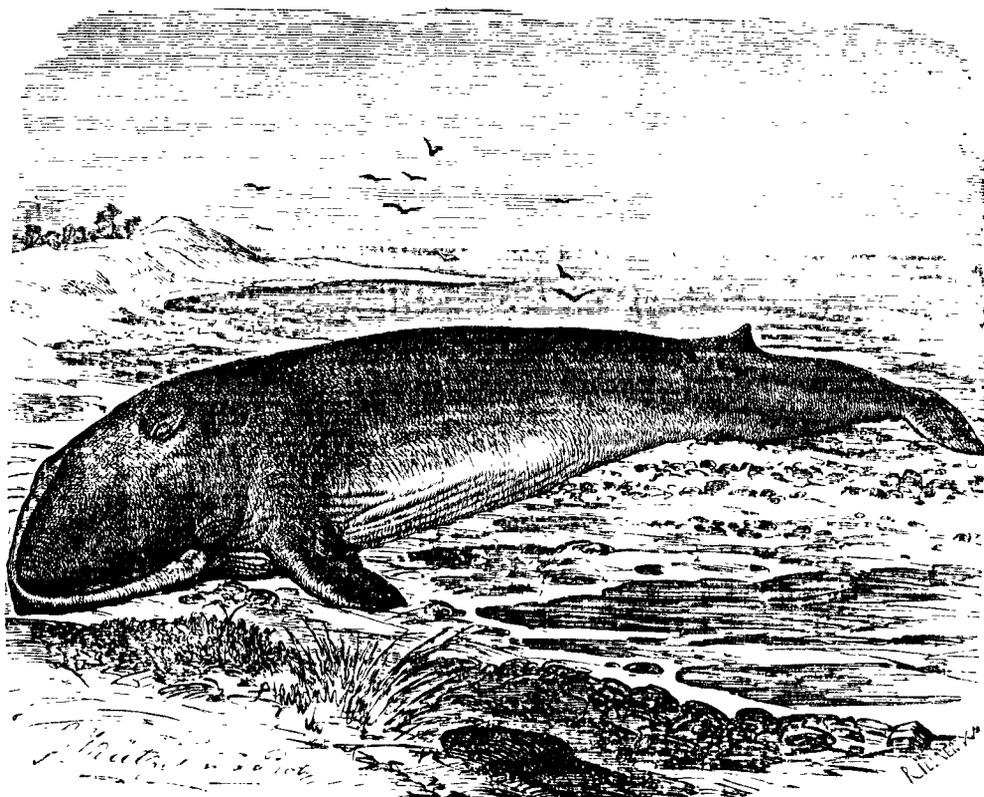
длиною отъ 3—4 м., ширина плеса доходить до 4 м. Это одинъ изъ массивныхъ и неуклюжихъ видовъ этого семейства. Сравнительно съ другими полосатиками онъ довольно безобразенъ: туловище его толстое и короткое, спина едва выпукла, а нижняя сторона тѣла, напротивъ, значительно выпукла, начиная отъ нижней челюсти; передняя часть туловища очень вздута, а задняя къ хвосту значительно утончена, нижняя челюсть замѣтно длиннѣе и шире верхней, ласты необыкновенно длинны, а плесь большой и широкой. На послѣдней четверти спины находится различнаго вида жировой плавникъ, который китоловы называютъ горбомъ; спереди на серединѣ подбородка находится наростъ въ видѣ бугра, а около крестца въ томъ мѣстѣ, гдѣ туловище дѣлается тоньше, примѣрно въ серединѣ между горбомъ и хвостовымъ плавникомъ, замѣчается бугорчатое возвышеніе, а на темени неправильно округленныя шишки, имѣющія около 10 см. длины при 2—3 см. ширины. На горлѣ и груди замѣчаются отъ 18—26 складокъ, имѣющихъ отъ 10—15 см. ширины; онѣ заходятъ за ласты, могутъ получить еще большее распространеніе и, какъ предполагають, служатъ животному для того, чтобы оно могло по желанію, въ большей или меньшей степени, расширять свою пасть. Окраска довольно гладкой кожи бываетъ очень разнообразна. Спинная часть тѣла бываетъ чаще всего однообразно черная, а брюшная сторона и ласты бѣловатаго цвѣта съ мраморнымъ рисункомъ; нѣкоторые киты сверху черные, снизу чисто-бѣлые, другіе совсѣмъ черные, снизу бѣлые, а ласты и хвостовой плавникъ пепельно-сѣрые. Ласты и плесь значительно разнятся по величинѣ и формѣ; у иныхъ ласты очень длинны, узки и на концѣ остры, у другихъ относительно широки и коротки, а у третьихъ принимаютъ среднюю форму. Хвостовой плавникъ имѣетъ иногда полулунную форму, съ узкими, острыми концами, иногда онъ широкъ и сзади какъ-бы обрубленъ; спинной плавникъ, вышеупомянутыя возвышенія и складки на нижней сторонѣ тѣла значительно разнятся у различныхъ экземпляровъ. Несмотря на все это, можно соединить всѣ виды этого полосатика, различаемые Грэмъ и другими натуралистами, въ одинъ общій видъ, такъ какъ всѣ эти разновидности встрѣчаются не только въ одномъ и томъ-же мѣстѣ, но даже въ однихъ и тѣхъ-же стадахъ, и всѣ эти животныя по нраву и привычкамъ ничѣмъ другъ отъ друга не отличаются.

Немногіе киты встрѣчаются морякамъ и китоловамъ чаще горбача въ большомъ числѣ и во всѣхъ широтахъ, начиная отъ экватора до Ледовитыхъ океановъ какъ сѣвера, такъ и юга; его можно встрѣтить и въ открытомъ морѣ, и вблизи берега, во всѣхъ большихъ заливахъ и широкихъ проливахъ, при чемъ замѣчено, что онъ ежегодно правильно странствуетъ отъ полюсовъ къ экватору. Въ заливѣ Монтерей въ Верхней Калифорніи длиннорукіе полосатики встрѣчаются въ наибольшемъ числѣ въ октябрѣ и ноябрѣ, и только немногіе изъ нихъ остаются тамъ отъ апрѣля до декабря, такъ какъ большія стаи ихъ весною переселяются къ сѣверу и остаются тамъ до сентября и, только начиная съ этого мѣсяца, снова направляются на югъ. На берегахъ Гренландіи, по словамъ Брауна, его находятъ только лѣтомъ, а на западныхъ берегахъ Америки и Африки онъ встрѣчается во всѣ времена года, но не во всѣ мѣсяцы въ однихъ и тѣхъ-же мѣстахъ. Появленіе горбача, впрочемъ, бываетъ довольно неправильно, и движенія его точно также не всегда одинаковы. Онъ рѣдко плыветъ прямо, по извѣстному направленію, но по дорогѣ то тамъ, то здѣсь, останавливается на болѣе или менѣе продолжительное время и часто измѣняетъ направленіе своего пути. Иногда его замѣчаютъ въ многочисленныхъ обществахъ, занимающихъ огромное пространство моря, которое только можно осмотрѣть съ верхушки мачты; иногда-же онъ встрѣчается по-одиночкѣ, но ведетъ себя такъ, какъ будто онъ окруженъ сотнею товарищей, т. е. играетъ и

плескается, какъ животныя, плывущія стаями. Характерными признаками для него служатъ: обыкновеніе сильно горбить спину и показывать то одну, то другую ласть, а также неправильность направленія при плаваніи. Даже тогда, когда онъ плыветъ подъ водой, то бросается туда и сюда по сторонамъ и опускается и поднимается въ водѣ точно такъ, какъ птица летаетъ по воздуху. Когда онъ въ спокойномъ состояніи опоражниваетъ и снова наполняетъ воздухомъ свои огромныя легкія, то выпускаетъ отъ 6 до 10 разъ сряду, а иногда отъ 15—20 разъ двойныя фонтаны, которые бывають то слабы, то очень сильны, иногда 1,5—2 м. вышины, иногда-же достигаютъ 6 м. Пища его состоитъ изъ мелкихъ рыбъ и ракообразныхъ животныхъ. Игривость горбачей еще увеличивается во время спариванія. Оба пола ласкають другъ друга очень страннымъ и забавнымъ образомъ; они хлопають другъ друга ластами и хотя эти удары должны считаться нѣжностями, но такъ сильны, что звукъ ихъ при тихой погодѣ слышенъ за версту. Послѣ этого они валяются съ одного бока на другой, слегка трутъ другъ друга ластами, поднимаются надъ поверхностью воды и даже иногда выпрыгивають изъ нея и дѣлають многія другія движенія, которыя гораздо легче можно наблюдать, чѣмъ описать словами. Продолжительность беременности въ точности неизвѣстна, но предполагають, что она не продолжается долѣе 12 мѣсяцевъ. Новорожденный дѣтенышъ имѣетъ отъ 4-хъ до 4½ м. длины и точно такъ-же вскармливается, какъ и удругихъ китовъ, причѣмъ мать выказываетъ къ нему сильную привязанность, воспитываетъ и защищаетъ его подобно другимъ самкамъ китообразныхъ.

Хотя выгоду отъ ловли горбача нельзя назвать незначительной, но въ этомъ отношеніи она стоитъ гораздо ниже той, которая получается отъ ловли кашалота и гренландскаго кита, главнымъ образомъ потому, что жиръ даетъ гораздо меньше ворвани, чѣмъ можно ожидать по объему. Китоловъ Валкеръ, по сообщенію Брауна, за неимѣніемъ лучшей добычи, словилъ въ заливѣ Диско 15 полосатиковъ и получилъ отъ нихъ столько жиру, что, по расчету, долженъ былъ-бы добыть изъ него до 70 бочекъ ворвани; на самомъ-же дѣлѣ онъ добылъ лишь 18 бочекъ. Поэтому горбача ловятъ только тогда, по крайней мѣрѣ около Гренландіи, когда никакой другой добычи не предвидится. Нѣсколько лѣтъ сряду около Фридрихсгафена въ южной Гренландіи ежегодно убивали нѣсколько горбачей, а далѣе на сѣверѣ на нихъ не обращали вниманія. Когда Браунъ жилъ въ гавани Эгедесмюнде, то онъ самъ видѣлъ, какъ большіе полосатикъ спокойно появлялись въ заливѣ и удалялись изъ него, такъ какъ никто изъ тамошнихъ рыбаковъ и не думалъ ихъ беспокоить. По словамъ Скаммона, за этимъ китомъ довольно правильно охотятся вдоль американскихъ и африканскихъ береговъ Атлантическаго океана. Убитый китъ идетъ ко дну; если это случится не на слишкомъ глубокомъ мѣстѣ и лодка не можетъ тамъ остаться, то мѣсто, гдѣ лежитъ китъ, обозначаютъ буйкомъ и ѣдутъ за помощью, чтобы вытащить его соединенными силами. На сѣверныхъ берегахъ Скандинавскаго полуострова за горбачемъ охотятся вышеописаннымъ способомъ, преслѣдуя его на парходахъ и стрѣля въ него гарпуннымъ орудіемъ; цѣна этого кита, по Кюкенталю, равняется приблизительно 2500 марокъ. Съ тѣхъ поръ, какъ бывшія русскія владѣнія принадлежатъ Соединеннымъ Штатамъ, американцы большею частью ѣздятъ къ Аляскѣ, чтобы охотиться за этимъ полосатикомъ. Однако и заливы Магдалина, Китовый и Монтерей, которые прежде считались лучшими мѣстами для охоты, и теперь еще доставляють хорошую добычу. Индѣйцы и эскимосы также убивають полосатика, несмотря на свое плохое оружіе.

По мнѣнію Грэйа, **Большой полосатикъ**, котораго часто смѣшивали съ другими видами этого рода, а нынѣ довольно точно опредѣлили, долженъ считаться представителемъ особаго рода (*Physalus*), признаки котораго слѣдующіе: голова занимаетъ примѣрно четвертую часть длины животнаго; спинной плавникъ находится на задней четверти спины, ласты прикрѣплены тотчасъ за головой; хвостовой плавникъ въ серединѣ вырѣзанъ и раздѣляется на двѣ замѣтныя отдѣльныя лопасти. Въ скелетѣ замѣчается отъ 61—64 позвонковъ, именно: 7 совершенно отдѣльныхъ шейныхъ, 15 (въ рѣдкихъ случаяхъ 14) спинныхъ, столько-же поясничныхъ и 24—28 хвостовыхъ; второй шейный позвонокъ имѣетъ широкіе боковые

Большой полосатикъ. *Physalus antiquorum*. $\frac{1}{175}$ наст. вел.

отростки, у основанія которыхъ замѣчается отверстіе; верхняя часть перваго ребра не двойная.

Большой Полосатикъ называется англичанами *Finnfish* и *Razorback*, шведами *Sillhval*, норвежцами *Sildrör*, исландцами *Sildreki*, гренландцами **Тунноликъ** (*Physalus antiquorum*, *Balaena antiquorum*, *physalus* и *musculus*, *Balaenoptera antiquorum*, *boops*, *physalus*, *musculus*, *acutorostrata* и *gibbar*, *Physalus vulgaris*, *Pterobalaena communis* и т. д. *Finnwal*, *Gibbar*), одинъ изъ наиболѣе стройныхъ китовъ, можетъ достигать 25 м. длины. Длина ластовъ достигаетъ $\frac{1}{10}$, а ширина ихъ $\frac{1}{50}$ длины тѣла; длина спинного плавника составляетъ $\frac{1}{5}$ длины тѣла. Самую большую свою толщину туловище имѣетъ тотчасъ за ластами, къ головѣ суживается лишь немного, а къ хвосту очень значительно; къ хвостовой части тѣло такъ сильно сжато съ боковъ, что вышина его въ два раза превосходитъ толщину. На большей части

хвостового плавника по срединѣ замѣтенъ киль. Ласты плоскіе, спереди выпуклые, а сзади вогнутые, вертикально стоящій и имѣющій не болѣе 60 см. вышины спинной плавникъ серповидной формы. Глаза лежатъ немного выше и сзади угловъ рта, очень маленькія ушные отверстія находятся между глазами и ластами; дыхалы имѣютъ видъ двухъ согнутыхъ косыхъ щелей, раздѣлены узкой перегородкой и окружены возвышеннымъ валькомъ. На передней части головы какъ на верхней, такъ и нижней челюсти расположено нѣсколько короткихъ щетинистыхъ волосъ, далеко отстоящихъ одинъ отъ другого, на подбородкѣ кромѣ того есть ямка съ пучкомъ щетинъ. Прочая часть тѣла совершенно голая, сверху густого чернаго цвѣта, снизу бѣлаго цвѣта, какъ фарфоръ; бороздки на нижней части тѣла—синевато-черныя. Эти бороздки начинаются у края нижней челюсти и оттуда тянутся вдоль нижней части тѣла до пупка, т. е. далѣе половины живота. Среднія изъ нихъ самыя длинныя, а наружныя самыя короткія. Онѣ похожи на надрѣзы, сдѣланные ножемъ, имѣютъ очень острые края отъ 1—2 см. глубины и отстоятъ другъ отъ друга на разстояніи около 4 см.; онѣ однако не продолжаютъ такимъ образомъ на всемъ протяженіи, но нѣкоторыя изъ нихъ оканчиваются, а въ промежуткахъ начинаются другія, которыя идутъ въ томъ же направленіи; нигдѣ однако эти бороздки не скрещиваются и всегда отдѣлены другъ отъ друга гладкой поверхностью кожи. Беззубыя челюсти имѣютъ съ каждой стороны отъ 350—375 роговыхъ пластинокъ, которыя спереди стоятъ очень тѣсно, а сзади имѣютъ болѣе широкіе промежутки. Края верхней челюсти внизу немного загнуты кнаружи, а сзади поднимаются въ видѣ дугъ къ глазамъ. Нижняя челюсть менѣе выгнута, такъ что обѣ челюсти неплотно закрываются. Нижняя губа служить для полного закрытія рта и совершенно прикрываетъ концы роговыхъ пластинокъ.

Мѣстопребываніемъ этого полосатика служить сѣверная часть Атлантическаго океана и граничащій съ нимъ Ледовитый океанъ. Особенно часто встрѣчается онъ около Медвѣжьихъ острововъ, Новой Земли и Шпицбергена, но и около Нордкапа довольно обыкновененъ. По наблюденіямъ Брауна полосатикъ не поднимается на сѣверѣ выше широты южной оконечности Гренландіи. Въ началѣ осени онъ переселяется въ болѣе южныя моря и потому встрѣчается также въ умѣренномъ и даже въ жаркомъ поясѣ. Увѣряютъ, что онъ даже попадаетъ иногда въ южныхъ полярныхъ моряхъ.

По внѣшнему виду уже можно догадаться, что полосатикъ двигается быстро и ловко; его считаютъ однимъ изъ самыхъ скоро плавающихъ китовъ. При спокойномъ плаваніи онъ держится прямого направленія и, по моимъ наблюденіямъ, для дыханія поднимается довольно часто на поверхность воды, среднимъ числомъ черезъ каждыя девяносто секундъ. Шумъ отъ выдыханія я уже слыхалъ на разстояніи одной морской мили. Шумъ этотъ очень коротокъ и силенъ, а двойные фонтаны достигаютъ 4 м. вышины. Большой полосатикъ очень часто появляется вблизи парусныхъ судовъ, плаваетъ кругомъ нихъ и иногда по цѣлымъ часамъ слѣдуетъ за ними. Часто онъ ложится на воду бокомъ и бьетъ ластами по волнамъ, вертится и валяется, бросается на спину, ныряетъ и вообще весело играетъ; случается даже, что онъ ударомъ огромнаго хвоста выбрасываетъ свое громадное туловище изъ воды. Пища полосатика состоитъ главнымъ образомъ изъ небольшихъ рыбъ, которыхъ онъ цѣлыми стаями загоняетъ къ берегу или льдинѣ и ловитъ въ большомъ количествѣ свою широкою пастью. При этомъ, вѣроятно, ему оказываютъ большія услуги бороздки на нижней части тѣла, такъ какъ онѣ даютъ возможность еще шире растворить пасть. Хотя нѣкоторые естествоиспытатели и сомнѣваются въ этомъ, однако слѣдуетъ допустить, что это вѣрно, такъ какъ другіе натуралисты

подтвердили это своими наблюденіями. Когда полосатикъ находитъ богатую добычу, то онъ нѣсколько дней сряду, а иногда и по недѣлямъ остается на томъ-же мѣстѣ, что, напримѣръ, случается, по словамъ Брауна, въ Гренландіи, гдѣ онъ во время нереста рыбы долго остается на тресковыхъ меляхъ около Рисколя, Голстенборка и въ другихъ мѣстностяхъ южной Гренландіи, при чемъ съѣдаетъ невѣроятно большое количество разныхъ видовъ трески. Демуленъ говоритъ, что въ его желудкѣ было найдено до 600 штукъ доршей (*Gadus callarias*), а Браунъ увѣряетъ, что число проглоченныхъ рыбъ доходитъ иногда до 800 штукъ. Если принять даже, что каждая рыба вѣситъ лишь одинъ килограммъ, то окажется, что 1200—1600 человекъ могли-бы насытиться однимъ приемомъ пищи этого громаднаго животнаго. Большой полосатикъ вмѣстѣ съ двумя близкими видами, полярнымъ и малымъ полосатиками преслѣдуютъ доршей и сельдей далеко на югъ, попадаютъ въ европейскіе моря и собираются иногда въ стаи, которыя нѣкоторое время охотятся сообща. Кромѣ рыбъ полосатикъ проглатываетъ голыхъ моллюсковъ и другихъ морскихъ животныхъ, а вмѣстѣ съ ними иногда такое большое количество водорослей, что нѣкоторые наблюдатели полагали, что онъ преимущественно питается ими послѣдними. Вслѣдствіе охоты за стаями рыбъ, плывущихъ къ берегамъ, большой полосатикъ чаще другихъ китовъ встрѣчается около опасныхъ для него береговъ, напримѣръ, его часто можно видѣть въ норвежскихъ фіордахъ и другихъ узкихъ морскихъ заливахъ, а потому онъ чаще другихъ выбрасывается волнами на берегъ.

Беременные самки бываютъ по крайней мѣрѣ 20 м. длины. О времени спариванія ничего неизвѣстно, но беременность продолжается болѣе 12 мѣсяцевъ. О числѣ дѣтенышей извѣстія довольно разнорѣчивы; большинство наблюдателей говорятъ лишь объ одномъ дѣтенышѣ, другіе-же утверждаютъ, что ихъ иногда бываетъ два. Мать относится очень нѣжно къ своему дѣтенышу, который при рожденіи имѣетъ уже отъ 4—5 м. длины; при опасности она по возможности защищаетъ его. Яростно бросается она на лодку своихъ преслѣдователей, бьетъ во все стороны хвостомъ и плавниками и не боится ранъ, когда дѣло идетъ о защитѣ дорогаго дѣтиса.

Охота за большимъ полосатикомъ довольно трудна, вслѣдствіе быстроты и внезапности его движеній, да при томъ она гораздо менѣе выгодна, чѣмъ охота за гренландскимъ китомъ. Сравнительно съ послѣднимъ, китоловы считаютъ этого полосатика за очень плохую добычу. Браунъ рассказываетъ, что китоловы, встрѣтившіе въ Девисовомъ проливѣ плывущій трупъ этого кита, осмотрѣли его, принявши за гренландскаго, но, убѣдившись въ своей ошибкѣ, бросили его безъ вниманія. При осмотрѣ оказалось, что не они первые видѣли этотъ трупъ, такъ какъ на его бокахъ были вырѣзаны названія многихъ другихъ кораблей, которые, слѣдовательно, также пренебрегали имъ. Иначе бываетъ тамъ, гдѣ охоту можно вести съ берега и воспользоваться всеми частями убитаго кита, какъ это случается на сѣверныхъ берегахъ Норвегіи. Въ нынѣшнее время, по Кюкенталю, большое животное этого вида цѣнится около 2500 марокъ, при чемъ короткія роговыя пластинки имѣютъ лишь 200 марокъ цѣнности.

У норвежскаго купца и естествоиспытателя Нордвигъ въ Вадзе я видѣлъ скелетъ большого полосатика, который въ Варангеръ-фіордѣ попалъ между шкерами въ такое узкое мѣсто, что скалы окружали его со всехъ сторонъ, такъ что животное не могло двинуться ни впередъ, ни назадъ и въ такомъ положеніи околѣло. Разъ случилось, что молодой полосатикъ весною 1874 года, вѣроятно преслѣдуя сельдей, попалъ въ Балтійское море и долгое время блуждалъ около южныхъ береговъ его. Во многихъ мѣстахъ онъ пугалъ рыбаковъ и наконецъ 23 августа, къ своему несчастію, попалъ въ Данцигскую гавань, гдѣ тогда стояли три нѣмецкихъ военныхъ

корабля. Морские офицеры сильно обрадовались возможности заняться столь интересной охотой. Прежде всего схватили ружья и приветствовали неопытного пришельца цѣлымъ дождемъ коническихъ пуль; китъ вслѣдствіе этого хотѣлъ уйти изъ негостепріимной гавани, но моряки бросились въ шлюпки и стали его преслѣдовать, осылая пулями при каждомъ появленіи на поверхности воды. Какъ впоследствии оказалось, въ мягкія части головы до черепа проникло 75 пуль, но ни одна изъ нихъ костей не пробилла. Китъ этому навѣрно удалось-бы спастись, если-бы одинъ изъ офицеровъ не вонзилъ свою шпагу въ нижнюю часть живота и не разрѣзалъ при этомъ одну изъ артерій; китъ наконецъ околѣлъ отъ потери крови.

* *

Съ большимъ полосатикомъ смѣшивали другаго кита, живущаго въ Полярныхъ моряхъ, и Грэй первый не только отличилъ его отъ предыдущаго, но образовалъ для него особый родъ, назвавъ его **Полярнымъ китомъ** (*Sibbaldius*), отличительные признаки котораго относятся преимущественно къ строенію скелета. Позвоночный столбъ состоитъ изъ 56—58 позвонковъ, изъ которыхъ 7 подвижныхъ шейныхъ, какъ у большого полосатика, 14 спинныхъ съ ребрами, 16 поясничныхъ и 20—22 хвостовыхъ; черепъ и верхнечелюстные кости очень широки, носовыя кости малы, нижняя челюсть слегка согнута, немного сжата съ боковъ и вблизи сочлененія имѣетъ замѣтный вѣнечный отростокъ. Лопатка очень широка, клювовидный отростокъ хорошо развитъ, ласть состоитъ изъ 4 очень короткихъ пальцевъ, между которыми второй и третій одной величины и длиннѣе прочихъ, внутренній палецъ гораздо короче наружнаго. Первое и второе ребро прикрѣпляются къ позвоночнику двумя головками. Туловище очень вытянуто, самое широкое мѣсто его находится на $\frac{1}{3}$ длины, считая спереди. Отъ широкой части оное постепенно утолщается, а сзади къ хвостовому плавнику точно также постепенно утончается; середина спины по обѣ стороны хребетнаго столба нѣсколько вогнута; ласти прикрѣплены очень низко по сторонамъ тѣла, примѣрно на первой четверти всего тѣла: они длинны, узки, спереди слабо загнуты, а сзади имѣютъ 4 лопасти, соотвѣтствующія суставамъ пальцевъ. Очень короткій и низкій спинной плавникъ находится отъ хвостоваго плавника на разстояніи около пятой части тѣла. Плесъ очень широкъ, концы его очень длинные и загнуты на подобіе двухъ скобокъ, маленькіе глаза расположены въ довольно глубокихъ ямкахъ и сидятъ нѣсколько выше и за сочлененіемъ нижней челюсти; едва замѣтное щелевидное ухо расположено на 8 см. позади глазъ; двойное дыхало находится на передней части лба впереди глазъ. Кожа сверху гладкая, а на горлѣ, груди и передней части живота замѣчается по крайней мѣрѣ 60 бороздокъ, стѣнки которыхъ образуютъ между собой прямой уголъ.

Полярный китъ или **Полярный полосатикъ**, называемый норвежцами *Blaahval* (*Sibbaldius borealis*, *Balaena borealis*, *Balaenoptera laticeps*, *gigas*, *boops*, *tenuirostris*, *sibbaldii* и *carolinae*, *Sibbaldius latirostris*, *Pterobalaena gigas*, *Riesenwal*, *Rorqual géant*) гораздо крупнѣе большого полосатика: нѣкоторые изъ нихъ оказались до 31 м. длины и имѣли ласти въ 4 м. Голова, спина, хвостъ и верхняя часть ластовъ чернаго цвѣта, а горло, грудь, животъ и нижняя часть ластовъ блестяще бѣлаго цвѣта. Многіе изъ этихъ китовъ, изслѣдованные Финшемъ тотчасъ послѣ ихъ смерти, были шиферно-сѣраго цвѣта и только внизу нѣсколько свѣтлѣе. Задній край ластовъ имѣлъ бѣлую каемку; окраска верхней и нижней части тѣла была на бокахъ рѣзко разграничена; поэтому слѣдуетъ предположить, что и у этого кита замѣчается не всегда одна и та-же окраска.

Объ образѣ жизни полярнаго кита до сихъ поръ мало достовѣрныхъ свѣдѣній, главнымъ образомъ потому, что его смѣшиваютъ съ большимъ полосатикомъ, поэтому мы считаемъ нужнымъ познакомить читателей съ другимъ сходнымъ видомъ того-же рода, который, можетъ быть, однако составляетъ лишь разновидность выше упомянутаго полярнаго кита, именно **Желтобрюхимъ Китомъ** (*Sibbaldius sulfureus*), Sulphurbotton сѣверо-американцевъ. Этотъ китъ длиною не меньше предыдущаго и у китолововъ считается за самаго большого изъ всѣхъ существующихъ китовъ. Смѣренный капитаномъ Ройсемъ, китъ этого вида имѣлъ 29 м. длины; нижняя челюсть имѣла 6,4 м. длины, окружность тѣла въ самомъ широкомъ мѣстѣ 11,6 м., вѣсъ примѣрно 147 тоннъ или 147 тысячъ kgr. Желтобрюхий китъ по стройности тѣла превосходить даже большого полосатика, туловище у него очень вытянуто, спина почти прямая, за исключеніемъ небольшого горба на головѣ, гдѣ находятся дыхалы, нижняя сторона замѣтно выгнута, спинной плавникъ прикрѣпленъ на послѣдней четверти длины тѣла; онъ не великъ, спереди округленъ и наверху съ выемкой; ласты прикрѣплены на первой трети длины тѣла, неособенно длинны, но довольно широки; хвостовой плавникъ широкой, оба конца вытянуты въ видѣ скобокъ, кожа сверху гладкая, внизу съ глубокими бороздками; окраска тѣла сверху черная, свѣтло-бурая и даже буровато-бѣлая, а снизу сѣрно-желтаго цвѣта.

Область распространенія этого кита, кажется, занимаетъ большую часть Тихаго океана, но до сихъ поръ не могла быть опредѣлена съ точностью. У береговъ Калифорніи, по словамъ Скаммона, онъ встрѣчается во все время года, но собирается особенно большими стаями лѣтомъ отъ мая до сентября; киты эти держатся не далеко отъ береговъ, безобязанно приближаются къ кораблямъ, стоящимъ на рейдѣ, и даже иногда слѣдуютъ за ними во время плаванія. Такъ случилось, напримѣръ, въ 1850 году съ кораблемъ «Плимутъ». Встрѣтивъ въ началѣ ноября большую стаю желтобрюхихъ китовъ, корабль этотъ продолжалъ путь, при чемъ замѣтили, что одинъ изъ китовъ отсталъ отъ товарищей и слѣдовалъ за кораблемъ въ теченіи 24 дней, держась очень близко отъ судна, что въ значительной степени безпокоило экипажъ. Особенно въ началѣ въ высшей степени боялись сосѣдства этого огромнаго животнаго, движенія котораго могли быть очень опасны для корабля, и потому всѣми силами старались отогнать докучливаго спутника. Но напрасно прибѣгали ко всякимъ средствамъ, чтобы освободиться отъ него; зная по опыту, что вонючая вода изъ трюма отгоняетъ всякаго кита, употребили сначала это средство, но напрасно выкачивали эту воду на него: китъ все-таки оставался около корабля. Затѣмъ стали кидать въ него разными предметами, бутылками, полѣньями и т. д., мѣтя въ голову и бросая съ такой силой, что каждый ударъ царапалъ его кожу, и наконецъ взяли за огнестрѣльное оружіе и пустили въ него нѣсколько пуль, но все напрасно; чудовище ни на что не обращало вниманія, слѣдовало по прежнему за кораблемъ, ныряло подъ него и держалось такъ близко отъ судна, что брызги отъ его фонтановъ попадали въ открытые люки каютъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что погода въ эти дни сильно мѣнялась: корабль иногда шель быстро впередъ подъ попутнымъ вѣтромъ, иногда почти не двигался съ мѣста на гладкомъ какъ зеркало морѣ, а случалось, что его кидало бурей во все стороны по волнамъ. При тихой водѣ можно было отлично рассмотреть огромное животное, имѣвшее до 24 м. длины, и даже видѣть каждый ударъ его плеса. Одинъ корабельный врачъ радовался возможности въ такой близости рассмотреть этого кита, все-же остальные желали отъ него отдѣлаться какимъ-нибудь образомъ. Въ концѣ ноября корабль этотъ встрѣтилъ барку «Кирквудъ», которая приблизилась для пере-

говорить; когда оба судна близко сошлись, то китъ оставилъ «Плимуть» и послѣдовалъ за «Кирквудъ», но скоро вернулся къ прежнему кораблю. Китъ началъ немного беспокоиться только тогда, когда стали подходить къ берегу, а когда корабль попалъ въ мелкую воду, то китъ оставилъ его. Къ его присутствію мало-по-малу привыкли, такъ какъ пришли къ убѣжденію, что никакими средствами его отогнать нельзя. Поэтому его болѣе не тревожили, назвали его «Blowhard» и воображали себѣ, что онъ знаетъ свое имя и приближается на зовъ къ кораблю. Никакого вреда онъ кораблю не причинилъ, кромѣ того, что брызгами своихъ фонтановъ перепачкалъ бѣлую окраску судна, такъ что наконецъ матросы стали считать его добрымъ товарищемъ.

Рѣдко видно, чтобы желтобрюхій китъ игралъ въ водѣ или выскакивалъ надъ поверхностью ея какъ другіе киты; если-же онъ это дѣлаетъ, то доставляетъ зрителямъ необыкновенно величественное зрѣлище. Всѣ опытные китоловы считаютъ его за самое быстроходное животное этого семейства и потому обыкновенно за нимъ не охотятся. При спокойномъ плаваніи онъ держится на поверхности воды, при нырніи онъ красиво округляетъ спину и при этомъ обыкновенно показываетъ свой огромный плесъ, который онъ высоко поднимаетъ надъ поверхностью воды, а затѣмъ сильно бьетъ имъ по волнамъ. Спариваніе большихъ полосатиковъ происходитъ во всякое время года; рожденіе дѣтеныша, который при появленіи на свѣтъ равняется по длинѣ $\frac{1}{6}$ или даже $\frac{1}{4}$ длины матери, происходитъ черезъ годъ или болѣе послѣ спариванія.

За желтобрюхимъ китомъ также правильно охотятся около сѣверныхъ береговъ Норвегіи. Кюкенталь считаетъ, что цѣнность ворвани и китоваго уса, получаемыхъ отъ одного подобнаго кита средней величины, равняется 5000 марокъ, изъ нихъ 1200 марокъ приходится на китовый усъ.

* *
*

Послѣднимъ родомъ семейства беззубыхъ китовъ слѣдуетъ считать **Малыхъ Полосатиковъ** (*Balaenoptera. Schnabelwal*); это самые маленькіе и граціозные изъ всѣхъ беззубыхъ китовъ; ласты у нихъ не слишкомъ длинныя; серповидный спинной плавникъ находится въ началѣ послѣдней трети длины тѣла; самые главные отличительные признаки ихъ однако слѣдуетъ искать главнымъ образомъ въ скелетѣ. Позвоночный столбъ состоитъ лишь изъ 48—50 позвонковъ, а именно: 7 большею частью сросшихся шейныхъ, 11 спинныхъ съ ребрами, 12 поясничныхъ и 18—20 хвостовыхъ; нижняя челюсть имѣетъ явственный вѣнечный отростокъ. Первое и второе ребро имѣютъ лишь одну головку.

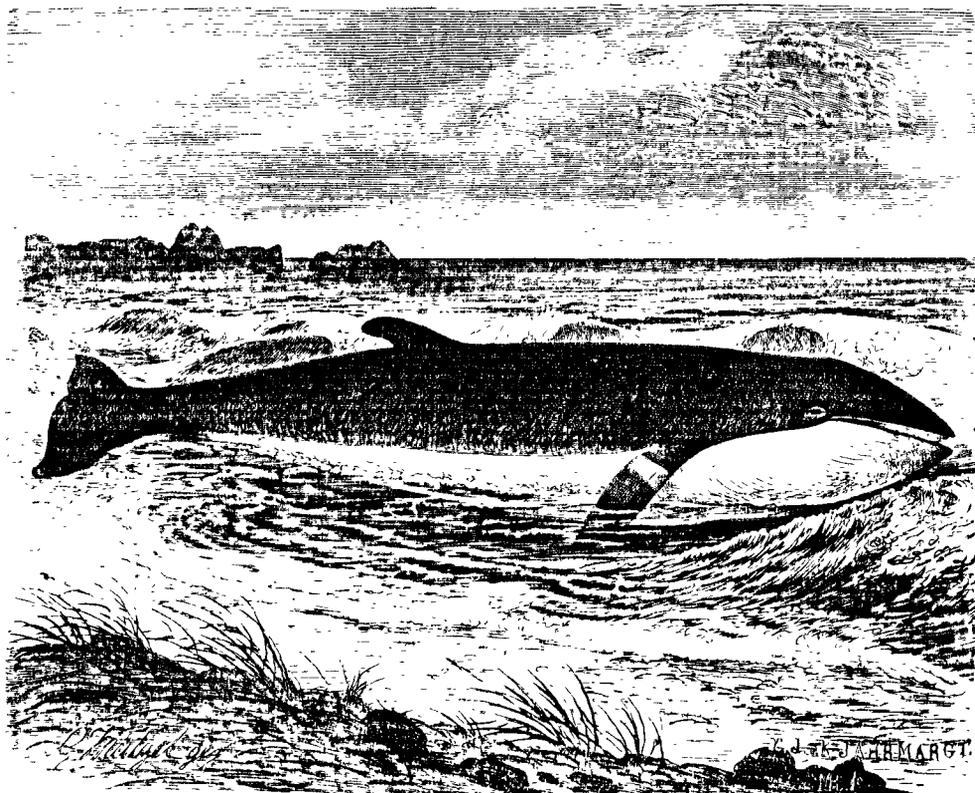
Родъ этотъ, кажется, довольно богатъ видами, но самый извѣстный изъ нихъ, это **Полосатикъ Малый** или **Полосатикъ-Карликъ**, называемый англичанами *Pikewhal* (Щучій китъ), норвежцами, *Vaagehval*, гренландцами — **Тикагуликъ**, камчадалами **Чинаглейсъ** и т. д. (*Balaenoptera rostrata*, *Balaena rostrata* и *boops*, *Rorqualus minor*, *Balaenoptera davidsoni*, *Zwergwal*, *Rorqual nain.*); это самый маленькій изъ беззубыхъ китовъ, длина котораго рѣдко превышаетъ 10 м. Скаммонъ измѣрилъ самку этого вида, длина которой равняется 8,2 м., длина лапа 1,25 м., ширина лапа 35 см. и ширина хвостоваго плавника 2,3 м. Туловище у него очень стройное и дѣйствительно немножко напоминаетъ вѣшнюю форму щуки; спинная линія лишь немного выпуклая, за исключеніемъ возвышенія около дыхаль и спиннаго плавника; брюшная линія образуетъ нѣсколько болѣе кругую дугу; голова сильно сжата около морды; ротовое отверстіе очень велико и расположено нѣсколько косо спереди назадъ: ма-

ленькіе глаза сидятъ нѣсколько сзади и выше угла челюсти; очень маленькое ухо лежитъ тотчасъ за глазомъ; дыхалы, которыя образуютъ двѣ щели, спереди расширены и находятся по срединѣ головы передъ и между глазами. Ласты сидятъ почти по срединѣ толщины тѣла въ концѣ первой трети длины туловища; они длинны и остры, спереди почти прямые, а сзади, начиная отъ очень тонкаго сочлененія, немного вогнуты; спинной плавникъ, высота котораго около 25 ст., наклоненъ назадъ и имѣетъ видъ толстаго серпа; хвостовой плавникъ довольно длинный и на заднемъ краѣ мало вырѣзанъ, киль на хвостѣ довольно плоскій. Верхняя сторона кожи малаго полосатика совершенно гладкая, а на брюшной сторонѣ замѣчается большое количество, отъ 60—70, параллельныхъ узкихъ и мелкихъ бородокъ, которыя расположены очень близко одна къ другой, начинаются, какъ обыкновенно, у нижней челюсти и продолжаются почти по всей брюшной поверхности. Верхняя часть тѣла очень темно-сѣраго, почти чернаго шифернаго цвѣта, брюшная сторона красновато-бѣлаго цвѣта, ласты сверху темные, снизу бѣлые какъ брюхо и имѣютъ по срединѣ бѣлую поперечную полосу. У нѣкоторыхъ экземпляровъ замѣчается нѣсколько щетинъ на концѣ верхней и нижней челюсти, но часто ихъ и не бываетъ.

Вѣроятно, слѣдуетъ признать, что недавно описанный Скаммономъ **Остроголовый китъ** принадлежитъ къ этому-же виду. Если это такъ, то область распространенія малаго полосатика простирается на все моря, расположенныя кругомъ сѣвернаго полюса. Зимой китъ этотъ переселяется на югъ и тогда появляется какъ около европейскихъ, такъ и у американскихъ и восточно-азиатскихъ береговъ; на Скандинавскомъ полуостровѣ онъ встрѣчается около западныхъ береговъ, но около Нордкапа онъ не водится. Въ Девисовомъ проливѣ и Баффиновомъ заливѣ его видно, по словамъ Брауна, только лѣтомъ, но не зимою, когда даже на югѣ Гренландіи онъ встрѣчается очень рѣдко. Далекія странствованія этого кита лучше всего доказываются тѣмъ, что его выбрасываетъ на берегъ чаще другихъ китовъ, а именно на сѣверныхъ и западныхъ берегахъ Европы. По дорогѣ онъ останавливается болѣе продолжительное или короткое время, смотря по желанію, въ мѣстахъ, богатыхъ кормомъ; иногда остается цѣлое лѣто около норвежскихъ береговъ, входитъ въ заливы и даже въ устья большихъ рѣкъ, а веслою возвращается снова на сѣверъ; подобнымъ образомъ онъ проплываетъ большую часть Тихаго океана. По своимъ движеніямъ онъ очень похожъ на большого полосатика. Обыкновенно онъ встрѣчается по-одиночкѣ, иногда парами и только иррѣдка большими обществами; чаще всего онъ плыветъ близко отъ поверхности воды, отъ времени до времени ныряетъ, а иногда играетъ на водѣ, какъ другіе киты. Когда онъ появляется на поверхности, чтобы дышать, то выбрасываетъ быстро и безъ шума тонкіе и низкіе фонтаны, подобно тому, какъ это дѣлаютъ молодые большіе полосатики; онъ вдыхаетъ воздухъ нѣсколько разъ, а затѣмъ уходитъ подъ воду на продолжительное время. Во время своихъ странствованій онъ не только посѣщаетъ различные заливы, но безстрашно появляется около кораблей и ныряетъ по близости ихъ по нѣскольку разъ. Въ полярныхъ моряхъ онъ держится вблизи ледяныхъ полей, часто проплываетъ подъ ними большія пространства и появляется только кое-гдѣ въ полыньѣ или трещинѣ, чтобы подышать, при чемъ высовывается такъ сильно, что можно видѣть большую часть его головы. Онъ питается, какъ все родичи, главнымъ образомъ, если не исключительно, маленькими и средней величины рыбами, можетъ быть также головоногими моллюсками и преслѣдуетъ добычу съ такою жадностью, что во время своей охоты часто попадаетъ на совѣмъ мелкія мѣста, откуда обратно выбраться не можетъ и тамъ и погибаетъ. О времени раз-

множения и беременности еще нѣтъ никакихъ свѣдѣній, но предполагаютъ, что самка бываетъ беременна отъ 11—12 мѣсяцевъ и новорожденный дѣтенышъ имѣетъ около 2,5 м. длины. Скаммонъ нашелъ въ октябрѣ въ изслѣдованной имъ самкѣ почти доношеннаго зародыша, который былъ длиною не болѣе 2 м.

У береговъ Америки, какъ западныхъ и сѣверныхъ, такъ и восточныхъ, за малымъ полосатикомъ не охотятся, по крайней мѣрѣ правильно; около сѣверныхъ и западныхъ береговъ Европы ловятъ его только тогда, когда онъ подходитъ очень близко къ берегу. Говорятъ, что рыбаки въ Норвегii, Исландii и Ферерскихъ островахъ, когда замѣтятъ около берега этого полосатика, то окружаютъ его на

Малый полосатикъ. *Balaenoptera rostrata*. $\frac{1}{75}$ наст. вел.

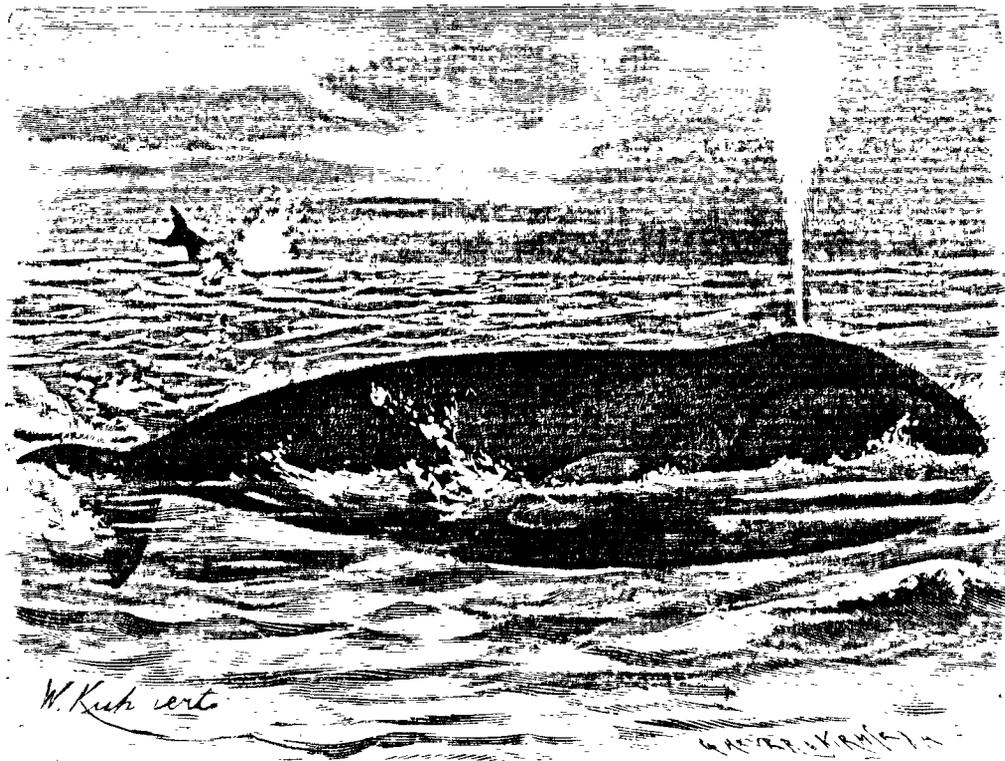
лодкахъ и громкими криками такъ пугаютъ его, что онъ бросается къ берегу и падаетъ въ мелкое мѣсто, гдѣ легко на него напасть и убить.

* * *

Настоящіе киты, которые составляютъ послѣднее семейство этой группы, неуклюже и массивнѣе всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами китовъ; у нихъ нѣтъ спинного плавника и бороздокъ на нижней части тѣла, ласты у нихъ широкіе, на концѣ какъ-бы обрубленные, пластинки во рту длинныя и узкія, шейные позвонки по большей части сросшіеся, каменная часть височной кости имѣетъ ромбическую форму, лопатки также ромбической формы и длина ихъ больше ширины.

Представителемъ этого семейства слѣдуетъ считать наиболѣе извѣстнаго Грен-

ландскаго кита, котораго американцы называютъ Bowhead, норвежцы Tveqhval, датчане Rethval (*Balaena mysticetus*. Nordwal. Baleine franche.), неуклюжее созданіе, у котораго всѣ части тѣла кажутся непропорціональными. Присущее людямъ стремленіе преувеличивать все странное и удивительное имѣло большое вліяніе на описаніе этого издавна извѣстнаго животнаго. Существуютъ однако и хорошія описанія этого кита. Уже мореходы, которые ловили этого кита 300—400 лѣтъ тому назадъ, говорятъ лишь о китахъ, имѣвшихъ не болѣе 20 м. длины, а Скоресби, который присутствовалъ при ловлѣ 320 китовъ, не нашелъ между ними ни одного, длина котораго превосходила 12 м.; Пехуэль-Леше даетъ слѣдующіе размѣры кита,

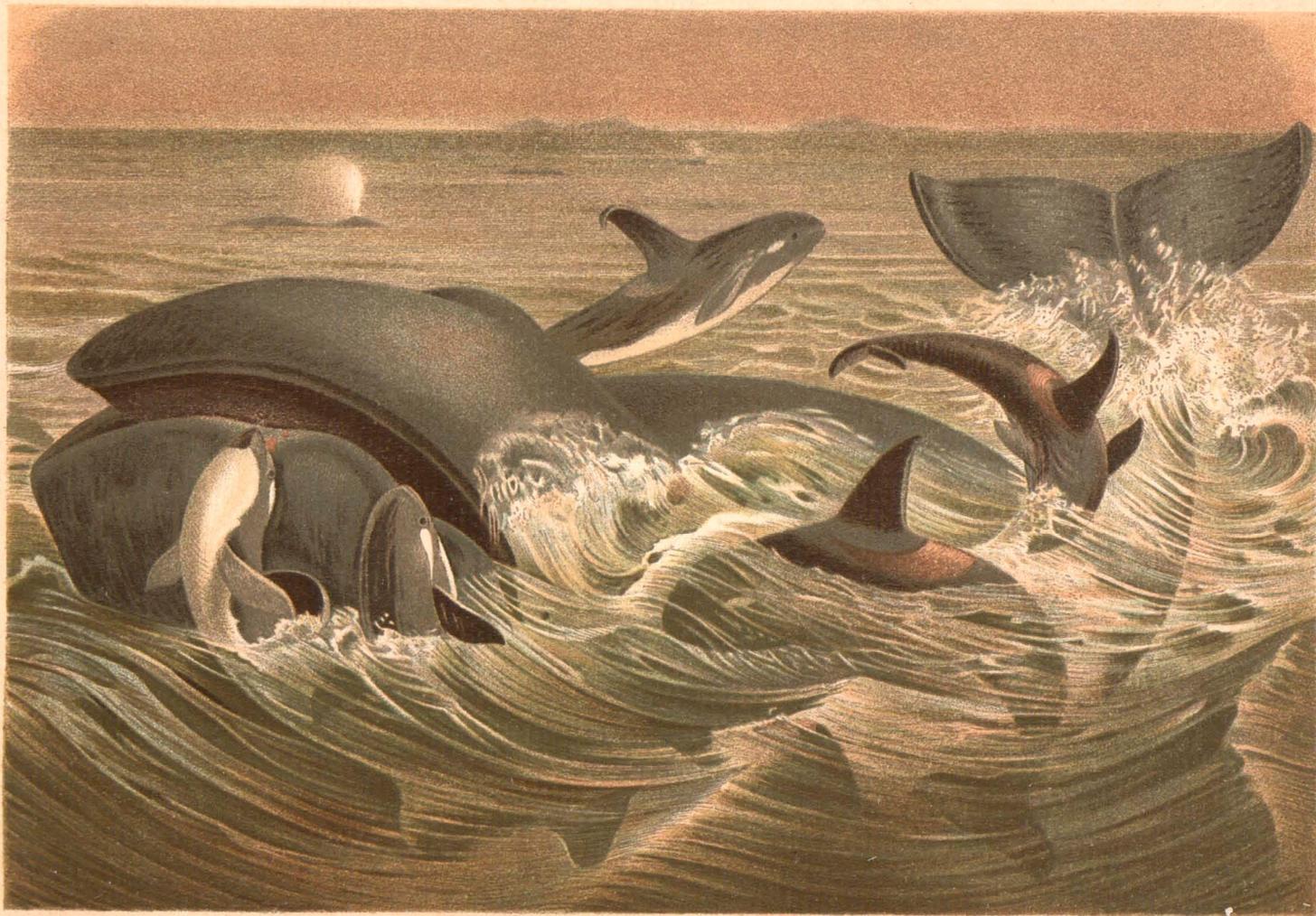
Гренландскій китъ. *Balaena mysticetus*. $\frac{1}{150}$ наст. вел.

убитаго въ Ледовитомъ океанѣ, сѣвернѣ Берингова пролива: длина тѣла 16,4 м., ширина хвоста—6,7 м., длина самыхъ большихъ роговыхъ пластинокъ—3,25 м. Однако нельзя отрицать, что иногда ловили китовъ и большихъ размѣровъ; а теперь такихъ китовъ находятъ въ отдаленныхъ частяхъ океана. Карлъ Гизеке разсказываетъ о китѣ, пойманномъ въ 1813 году, который имѣлъ 20,4 м. длины, и въ началѣ нынѣшняго столѣтія около Шницбергена убили кита, который примѣрно былъ такой-же величины и роговыя пластинки котораго имѣли до 5 м. длины. Браунъ также утверждаетъ, что послѣ описанія Скоресби длину китовъ обыкновенно убавляютъ и приводятъ измѣренія, сдѣланныя Годсиромъ, чтобы найти настоящіе размѣры китовъ: самка, которая была убита въ Девисовомъ проливѣ, отъ морды до развилки хвоста имѣла 19,8 м.; окружность тѣла за ластами—9,1 м., длина головы до сочлененія нижней челюсти—6,4 м., длина лапа—2,4 м., наибольшая ширина лапа,—1,2 м.,

ширина хвоста—7,3 м., длина самой большой пластинки во рту—5 м. Этот кит однако не может считаться самым большим китомъ: капитанъ А. Дейхарсъ, очень опытный и добросовѣстный китоловъ, сообщилъ Брауну, что въ 1849 году ему удалось убить кита, имѣвшаго 24,4 м. длины, хвостъ котораго имѣлъ 8,8 м. ширины.

Во всякомъ случаѣ китъ въ 18 м. длины представляетъ собою удивительное и даже страшное чудовище. Массивная голова занимаетъ, какъ видно изъ выше приведенныхъ измѣреній, около одной трети длины всего тѣла; въ пасти можетъ помѣститься средней величины шлюпка со своимъ экипажемъ, такъ какъ длина пасти отъ 5—6 м., а ширина—отъ 2,5—3 м. Въ сравненіи съ другими до сихъ поръ описанными животными этого отряда, гренландскій китъ болѣе массивенъ и толстъ, туловище короткое, толстое и круглое, къ хвосту оно сильно суживается, на серединѣ головы, около того мѣста, гдѣ находятся дыхалы, замѣчается небольшое возвышеніе, а внизу около горла—незначительное углубленіе; глаза, величиною едва превосходящіе глаза быка, расположены тотчасъ за сочлененіемъ нижней челюсти; уши, отверстія которыхъ не шире толщины гусиного пера, находятся немного позади глазъ; дыхалы имѣютъ видъ двухъ узкихъ щелей около 45 см. длины; и формою напоминаютъ латинскую букву S; они находятся на разстояніи 3 м. отъ конца морды на самой возвышенной части головы. Ласты этого кита относительно довольно широки, толсты, на передней части едва выпуклы, а на задней части сильно вогнуты и на верхней и нижней сторонѣ имѣютъ по короткому округленному килку; они прикрѣпляются тотчасъ за глазами, примѣрно на серединѣ тѣла. Во рту находятся отъ 300—360 роговыхъ пластинокъ (китоловы говорятъ, что число ихъ равняется числу дней въ году); самыя большія изъ нихъ могутъ имѣть до 5 м. длины и вѣсить отъ 3—3,5 kgr. Языкъ мягкій и всею своею нижнею поверхностью приросъ къ челюсти. Кожа вездѣ голая, за исключеніемъ нѣсколькихъ толстыхъ щетинокъ на концѣ обѣихъ челюстей и нѣсколько болѣе тонкихъ на сторонахъ головы и между дыхалами, гдѣ онѣ очень коротки, сидятъ въ два или три ряда и часто бывають совѣсьмъ стерты. Верхняя кожа, покрывающая тѣло, относительно говоря, довольно тонкая, крѣпкая, мягкая какъ бархатъ и похожа на сапожную кожу, пропитанную масломъ. Подъ нею лежитъ слой жира, имѣющій отъ 20—45 см. толщины. Окраска тѣла чрезвычайно измѣнчива; верхняя часть головы, по словамъ Брауна, окрашена въ сѣровато-бѣлый, какъ-бы молочный цвѣтъ, который на концѣ морды переходитъ въ черное пятно, имѣющее около 15 см. ширины. Остальная часть спины почти одноцвѣтна, именно темно-синяя, при чемъ старые киты темнѣе, а молодые свѣтлѣе. У старыхъ китовъ темный цвѣтъ туловища распространяется и на челюсти, между тѣмъ какъ у молодыхъ тамъ замѣчаютъ неправильныя бѣлыя пятна. За глазами и сочлененіями нижней челюсти замѣчаются обыкновенно два свѣтлыхъ пятна; подобное-же маленькое пятно находится на вѣкахъ, а у начала хвоста также видно нѣсколько неправильныхъ бѣлыхъ пятнышекъ. Видоизмѣненія этой окраски встрѣчаются, какъ выше сказано, довольно часто: киты бывають крупнопѣгіе и однообразно желтовато-бѣлые, какъ слоновою кость. Самки обыкновенно больше и жирнѣе самцовъ. Оба вымени ихъ, которые по величинѣ примѣрно равняются вымени коровы, окружены бѣлыми пятнами.

Гренландскій китъ живетъ въ сѣверныхъ частяхъ Атлантическаго и Тихаго океана, а также въ Ледовитомъ, но опредѣленнаго мѣстопребыванія не имѣетъ. Присутствіе и странствованія этого кита очевидно въ сильной степени зависятъ отъ состоянія льда въ различныя времена года. Всѣ точные наблюдатели полагають, что гренландскій китъ всегда держится вблизи льда, добровольно никогда далеко отъ льдинъ не

ГРЕНЛАНДСКІЙ КИТЬ И КОСАТИКИ.

уходить и направляется къ сѣверу, когда ледъ начинаетъ таять, а къ югу — когда вода снова замерзаетъ. Онъ такъ любитъ близость льда, что тотчасъ оставляетъ мѣстность, гдѣ ледъ растаялъ, и очень часто плаваетъ подъ ледяными полями: такъ, его иногда встрѣчали въ полыньяхъ, образованныхъ приливомъ и отливомъ среди огромныхъ ледяныхъ полей, гдѣ онъ очевидно показывается надъ поверхностью воды, чтобы подышать. По Гольбелю, который очень обстоятельно описалъ странствованія гренландскаго кита, онъ въ Девисовомъ проливѣ никогда не появляется южнѣе 65° с. ш., и даже молодые, подвижныя и далѣе странствующія животныя никогда не переходятъ 64° с. ш. Между 66° и 69° , какъ молодые, такъ и старыя киты правильно встрѣчаются лишь въ декабрѣ и январѣ, при чемъ ихъ можно видѣть одинаково часто какъ въ западныхъ, такъ и въ сѣверо-восточныхъ частяхъ Девисова пролива; они въ это время направляются или на югъ, или на востокъ. Около Гольстейнборга гренландскій китъ зимою до марта мѣсяца встрѣчается постоянно, но и здѣсь показываетъ свое стремленіе держаться около льда, такъ какъ его находятъ всегда около ледяныхъ полей, образующихся въ это время на западѣ до Девисова пролива, а также въ заливахъ и въ проливахъ между островами, въ это время также покрытыхъ льдомъ. Лѣтомъ онъ направляется къ сѣверу, покидая южныя берега Гренландіи въ мартѣ мѣсяцѣ, а болѣе сѣверныя — въ іюлѣ. Около 71° — 75° с. ш. его встрѣчаютъ исключительно только лѣтомъ, но никогда ни осенью, ни зимой.

Браунъ дополняетъ свѣдѣнія, сообщаемыя Гольбелемъ. Въ Девисовомъ проливѣ еще до сихъ поръ, хотя конечно не въ такомъ большомъ количествѣ какъ прежде, встрѣчаются болѣе или менѣе многочисленныя семьи гренландскихъ китовъ, которые держатся между 65° и 73° с. ш., иногда попадаются далѣе на сѣверъ и только очень рѣдко южнѣе 65° , куда очевидно они заходятъ только случайно. Въ западной части Баффинова залива киты эти проникаютъ во всѣ многочисленныя проливы между островами; они проходятъ, напримѣръ, по проливамъ Ланкастера, Баррау и Мельвилъ. Если они находятъ въ этой части Баффинова залива въ концѣ іюля прибрежный ледъ, то остаются тамъ довольно долго, и отъ конца іюня до конца августа или начала сентября держатся въ большомъ числѣ въ окрестностяхъ Понтбая, пролива Затменія и т. д. Тогда начинается ихъ странствованіе къ югу, а гдѣ они проводятъ зиму — неизвѣстно. Говорятъ, что они уходятъ изъ Девисова пролива въ ноябрѣ, направляются къ устью рѣки св. Лаврентія, тамъ производятъ на свѣтъ дѣтенышей и вмѣстѣ съ ними весною возвращаются въ Девисовъ проливъ; достоверно то, что зимою они встрѣчаются у береговъ Лабрадора и тамъ въ это время за ними охотятся, между тѣмъ какъ позднѣе нужно ѣхать въ заливъ Кумберландъ, чтобы найти китовъ. Вѣроятно они зимуютъ въ открытыхъ мѣстахъ моря, между Девисовымъ и Гудзоновомъ проливами и Лабрадоромъ. Такъ какъ ледъ позднѣе таетъ въ восточныхъ, чѣмъ въ западныхъ частяхъ этихъ морей, то они направляются тогда къ Гренландіи, гдѣ южнѣе 65° очень рѣдко встрѣчается прибрежный ледъ, почему они держатся сѣвернѣе этой широты. Браунъ твердо убѣжденъ, что киты, живущіе въ моряхъ около Шницбергена, никогда не странствуютъ большими обществами къ Девисову проливу, но остаются и зимою около Шницбергена, причѣмъ въ наше время едва-ли встрѣчаются южнѣе острова Янъ-Майена.

Въ Тихомъ океанѣ гренландскіе киты также не идутъ на югъ далѣе тѣхъ мѣстъ, гдѣ зимою встрѣчаются ледяныя поля. Въ Охотскомъ морѣ и его заливахъ они встрѣчаются только во время таянія льда и только иногда до начала лѣта, а въ другія времена года ихъ тамъ найти нельзя. Несомнѣнно, что при своихъ странствованіяхъ они проходятъ изъ Тихаго океана въ Ледовитый черезъ Беринговъ проливъ и обратно.

Гренландскій китъ также любитъ жить обществами. Чаще всего его встрѣчаютъ небольшими стаями отъ 3—4 штукъ, но во время своихъ дальнихъ странствованій киты собираются иногда въ довольно большія стада. Такъ напримѣръ Браунъ узналъ отъ Макъ-Бэна, что лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ было замѣчено необыкновенно большое стадо китовъ южнѣ Понтбая. Соединившись въ стаи, на нѣсколько сотъ штукъ, животныя эти плыли къ сѣверу, а черезъ нѣсколько дней по тому-же пути за ними слѣдовали огромныя стада моржей. Опытные китоловы утверждаютъ, что въ стадахъ встрѣчаются лишь киты, примѣрно, одного и того-же возраста, такъ что старые соединяются отдѣльно отъ молодыхъ. Какъ долго держатся эти киты стадами и въ какое время расходятся, неизвѣстно.

Движенія этихъ животныхъ неправильны, однако медленными и неуклюжими ихъ назвать нельзя. «Несмотря на массивность своего туловища», говоритъ Скоресби, «китъ можетъ двигаться быстро и ловко; въ 5 или 6 секундъ онъ можетъ скрыться отъ своихъ преслѣдователей, однако эта большая быстрота можетъ продолжаться только нѣсколько минутъ. Иногда онъ съ такою силою ударяется о поверхность воды, что совершенно изъ нея выскакиваетъ, иногда-же становится головою внизъ, поднимаетъ хвостъ на воздухъ и бьетъ имъ по водѣ съ ужасной силой. Шумъ отъ этого плесканья при тихой погодѣ слышится на большое разстояніе и волненіе воды распространяется очень далеко. Когда онъ раненъ гарпуномъ, то въ первыя минуты съ ужасною быстротою, какъ стрѣла, направляется въ глубину, такъ что иногда ломаетъ себѣ челюсть, ударяясь о дно въ мелкомъ мѣстѣ». По Брауну, послѣднее замѣчается главнымъ образомъ у молодыхъ китовъ, потому что старые обыкновенно спокойнѣе и лѣнивѣе; однако каждый изъ нихъ можетъ проплывать довольно большія разстоянія очень быстро. Когда китъ ничѣмъ не встревоженъ, то онъ приближается къ поверхности воды черезъ 10—15 минутъ, остается тамъ отъ 1—3 минутъ, чтобы подышать, и подъ конецъ отъ 4—6 разъ сильно втягиваетъ въ себя воздухъ. Оба фонтана его соединяются почти въ одинъ, и высота ихъ часто доходитъ до 4 м., такъ что они видны издали. Скоресби говоритъ, что гренландскій китъ, когда ищетъ себѣ пищи, то остается подъ водой отъ 15—20 минутъ; если-же онъ раненъ, то можетъ тамъ оставаться полчаса, а иногда даже цѣлый часъ; однако тотъ китъ, который пробылъ въ водѣ болѣе 40 минутъ, поднимается на поверхность ея въ сильномъ изнеможеніи. Скаммонъ приводитъ только одинъ случай, когда старый раненый китъ, который вѣроятно нырнулъ до самаго дна, такъ какъ голова его потомъ была вся покрыта иломъ, оставался подъ водою часъ и двадцать минутъ и вынырнулъ на поверхность еще живымъ, но очень ослабѣвшимъ.

О душевныхъ способностяхъ гренландскаго кита многого сказать нельзя. Изъ внѣшнихъ чувствъ довольно развиты только зрѣніе и осязаніе, однако предполагаютъ, что и другія внѣшнія чувства довольно хорошо дѣйствуютъ, когда китъ находится подъ водой, и оказываются очень слабыми только тогда, когда онъ на воздухѣ. Говорятъ, что китъ узнаетъ о присутствіи другихъ китовъ на удивительно большомъ разстояніи, но надъ водою глаза его видятъ очень недалеко. Слухъ его на воздухѣ такъ слабъ, что онъ, по наблюденіямъ Скоресби, не слышитъ громкаго крика на разстояніи длины корабля; когда-же онъ плыветъ подъ водой, то пускается въ бѣгство отъ незначительнаго плеска веселъ и какого-нибудь шума на кораблѣ. Между его душевными способностями слѣдуетъ упомянуть о привязанности его къ другимъ китамъ и замѣчательно сильно развитой любви самокъ къ своимъ дѣтенышамъ. О другихъ проявленіяхъ понятливости наблюдатели почти не упоминаютъ, все-таки можно замѣтить, что опытъ дѣлаетъ умнѣе даже эти неуклюжія созданія. Насколько извѣстно, никто никогда не слыхалъ, чтобы гренландскій китъ «ре-

вѣль», однако трудно согласиться со Скоресби, который утверждаетъ, что онъ не можетъ издавать никакого звука.

При хорошей погодѣ многіе наблюдали кита и во время его сна. Онъ тогда, какъ трупъ, лежитъ не шевелясь на поверхности воды, причемъ верхушка головы находится надъ водою; онъ тогда дышетъ спокойно, не выпуская фонтановъ и удерживается въ равновѣсіи тихимъ движеніемъ плавниковъ. Пища его состоитъ главнымъ образомъ изъ мелкихъ ракообразныхъ животныхъ, особенно ращепоногихъ, а также изъ мягкотѣлыхъ, по преимуществу крылоногихъ, которыя въ такомъ большомъ количествѣ встрѣчаются въ морѣ, что окрашиваютъ нѣкоторыя мѣста его поверхности въ оливковый цвѣтъ. Трудно предположить, чтобы онъ глоталъ крупныхъ рыбъ, и вѣроятно онъ проглатываетъ лишь тѣхъ небольшихъ рыбъ, которыя случайно попадутъ въ его огромную пасть. Количество мелкихъ морскихъ животныхъ, которыя необходимы киту, чтобы насытиться, не поддается никакому вѣщисленію. Пометь его окрашенъ въ красный цвѣтъ.

О размноженіи гренландскаго кита еще нѣтъ подробныхъ и обстоятельныхъ наблюдений. По согласнымъ между собою указаніямъ Скоресби и Брауна, спариваніе происходитъ въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ. Оба пола выказываютъ тогда сильное возбужденіе и предаются всѣмъ тѣмъ играмъ и движеніямъ, которыя при подобныхъ обстоятельствахъ свойственны другимъ китамъ. Совокупленіе происходитъ при вертикальномъ положеніи тѣла, причемъ и самецъ, и самка сжимаютъ другъ друга своими лапами, а самецъ сильно хлещетъ въ водѣ своимъ хвостомъ. Браунъ, точно такъ какъ и Скоресби, опредѣляетъ продолжительность беременности въ 10 мѣсяцевъ и очень опредѣленно отвергаетъ мнѣніе, что самка рождаетъ лишь черезъ два года, хотя не отрицаетъ трудности повѣрить наблюденіями это предположеніе. Обыкновенно рождается только одинъ дѣтенышъ и только въ рѣдкихъ случаяхъ — два. Рожденіе дѣтенышей происходитъ въ мартѣ или апрѣлѣ; въ послѣднемъ изъ вышеуказанныхъ мѣсяцевъ одинъ китоловъ убилъ дѣтеныша, у котораго еще висѣла пуговина.

Дѣтенышъ долго кормится молокомъ, можетъ быть даже цѣлый годъ; онъ сосетъ такъ, какъ выше описано: самка ложится немножко на бокъ, чтобы дѣтенышъ могъ удобно схватить сосокъ. По словамъ Скаммона, величина новорожденныхъ дѣтенышей бываетъ очень различна: среднимъ числомъ величина его опредѣляется отъ 3 — 5 т. Растетъ онъ чрезвычайно быстро, такъ что еще во время сосанья длина его достигаетъ 6 т., при окружности въ 4 т., причемъ вѣсъ доходитъ до 6000 kgr. По единогласному увѣренію всѣхъ наблюдателей, мать очень сильно привязана къ своему дѣтенышу. Маленькихъ китовъ, которые еще не понимаютъ опасности, ловить очень легко, главнымъ образомъ для того, чтобы приманить мать: она всегда приходитъ на помощь къ своему раненому дѣтенышу, вмѣстѣ съ нимъ поднимается на поверхность воды, чтобы подышать, гонить его передъ собой, чтобы онъ уплылъ, старается помочь ему, обхватывая его однимъ изъ ластовъ, и очень рѣдко оставляетъ его, пока онъ живъ; тогда бываетъ очень опасно приблизиться къ самкѣ. Изъ боязни за жизнь своего дѣтеныша, она забываетъ всѣ предосторожности, смѣло бросается на преслѣдователей и остается около маленькаго кита даже тогда, когда сама ранена нѣсколькими гарпунами.

Убитый китъ составляетъ очень цѣнную добычу. По наблюденіямъ Пехуэль Леше, киты отличаются между собою не только по росту, но также и по количеству жира: у китовъ одинаковаго роста слой жира бываетъ различной величины. Кромѣ того, жиръ бываетъ различнаго качества и въ иныхъ случаяхъ даетъ гораздо меньше ворвани, чѣмъ можно было-бы ожидать по объему. По наблюденіямъ этого натура-

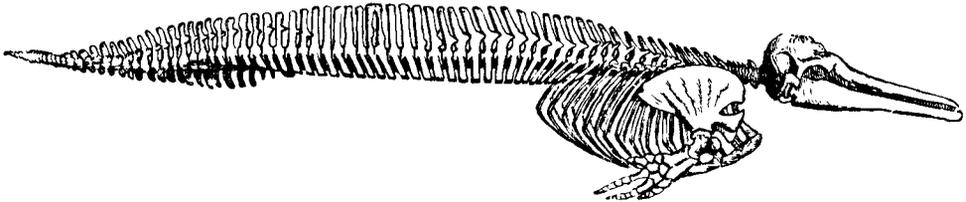
листа, гренландскій китъ даетъ среднимъ числомъ 12,000—15,000 литровъ ворвани, и отъ 700—1,000 kg. китоваго уса. Самое большое количество ворвани, по свѣдѣнiямъ, собраннымъ Пехуаль-Леше, далъ гренландскій китъ, убитый въ 1867 году въ Беринговомъ морѣ капитаномъ шкуны Тамерланъ Инсловъ, именно 36,500 литровъ. Смотри по очень измѣняющимся цѣнамъ ворвани и китоваго уса, прибыль отъ убитаго кита можетъ при наилучшихъ условiяхъ достигать 20,000 марокъ, но особенно большой китъ можетъ дать вдвое больше. Цѣна китоваго уса составляетъ большую половину этой прибыли, такъ какъ никакой другой видъ китовъ не даетъ китоваго уса такого прекраснаго качества, какъ гренландскій китъ. Мясо этого кита нельзя считать совсѣмъ не съѣдобнымъ. Французскiе корабельные повара, по Брауну, умѣютъ его хорошо готовить, а сѣверные народы ѣдятъ его безъ колебанiя и даже лакомятся жиромъ. Вдали отъ людей, гренландскій китъ достигаетъ, вѣроятно, глубокой старости. Мертвые киты, которые иногда попадаютъ китоловамъ, большею частью умерли отъ ранъ, нанесенныхъ острогами, но часто убиваютъ китовъ, у которыхъ желѣзо отъ прежнихъ гарпуновъ глубоко сидитъ въ жирѣ, и, повидимому, особаго безпокойства животному не доставляетъ. Кромѣ человѣка на кита нападаетъ только страшная косатка. Этихъ животныхъ сильно безпокоятъ различные паразиты, которые поселяются на ихъ тѣлѣ, особенно изъ класса ракообразныхъ, такъ называемый китовый клѣмъ (китовая вошь); ракъ изъ отряда плосконогихъ встрѣчается на спинѣ у кита въ количествѣ многихъ сотенъ тысячъ и такъ разѣдаетъ его кожу, что животное кажется пораженнымъ серьезною болѣзнию. Желудники (*Valanus*) живутъ также въ большомъ количествѣ у него на кожѣ; около нихъ произрастаютъ многiя водоросли, такъ что китъ часто носитъ съ собою цѣлый мiръ мелкихъ морскихъ животныхъ и растенiй.

Хотя нельзя отрицать, что число гренландскихъ китовъ значительно уменьшилось въ послѣднее время, трудно однако предположить, чтобы животныя эти скоро были совсѣмъ истреблены. Негостепримная родина китовъ представляетъ между своими ледяными полями такъ много убѣжищъ, совершенно недоступныхъ кораблямъ, что животныя эти пока еще обезпечены отъ полнаго истребленiя ихъ человекомъ.

Первое семейство **Зубастыхъ китовъ** (*Denticete*) заключаетъ въ себѣ **Дельфиновъ** (*Delphinidae*), не очень большихъ или маленькихъ китовъ, на обѣихъ челюстяхъ которыхъ, по всей длинѣ или мѣстами, находятся конусообразные зубы; ноздри у нихъ открываются по большей части въ одно отверстiе, имѣющее полулунную форму и расположенное поперекъ головы, кончиками впередъ. Туловище обыкновенно вытянуто, голова относительно небольшая, конецъ морды часто заостренъ, на верхней части тѣла обыкновенно бываетъ спинной плавникъ. Въ скелетѣ замѣчательна неправильность строенiя черепа, который въ общемъ имѣетъ форму пирамиды: задняя часть черепа на правой сторонѣ и лицевыя кости лѣвой стороны гораздо болѣе развиты, чѣмъ соответствующiя противоположныя части. Кромѣ того мы замѣчаемъ, что верхнечелюстные кости прикрываютъ собой лобныя; шейные позвонки часто срастаются; число позвонковъ во всемъ тѣлѣ очень велико; переднiя конечности развиты очень правильно и имѣютъ по пяти костей запястья и пясти; пальцевъ также пять, и они имѣютъ отъ 3—11 суставовъ. Пищеводъ отличается своей шириной; желудокъ раздѣленъ на три отдѣленiя; длина кишекъ въ двѣнадцать разъ больше длины тѣла.

Дельфины живутъ во всѣхъ моряхъ и предпринимаютъ большiя странствованiя; это—единственные изъ всѣхъ китовъ, которые поднимаются вверхъ по рѣкамъ и

даже всю жизнь живутъ въ рѣкахъ и сообщающихся съ ними озерахъ. Всѣ они любятъ жить обществами, и нѣкоторые собираются въ очень большія стаи, которыя по цѣлымъ днямъ и недѣлямъ вмѣстѣ скитаются по морю. Маленькіе виды дельфиновъ часто соединяются съ болѣе крупными и долго вмѣстѣ охотятся, причемъ, повидимому, ими предводительствуетъ одинъ изъ большихъ дельфиновъ. Вслѣдствіе своей большой подвижности и отсутствія страха передъ человѣкомъ, дельфины уже съ древнѣйшихъ временъ извѣстны рыбакамъ: о нихъ упоминается въ мифологіяхъ и поэтическихъ произведеніяхъ многихъ древнихъ народовъ. Почти всѣ дельфины плаваютъ необыкновенно быстро и ловко и потому прекрасно приспособлены для ловли рыбъ: они принадлежатъ къ числу самыхъ страшныхъ морскихъ разбойниковъ, и нѣкоторые виды нападаютъ на гренландскаго кита, котораго часто и осиливаютъ, благодаря своей ловкости и настойчивости. Главная пища ихъ состоитъ однако изъ головоногихъ и другихъ моллюсковъ, ракообразныхъ и лучистыхъ животныхъ; нѣкоторые, говорятъ, ѣдятъ водоросли и даже плоды деревьевъ, при чемъ будто-бы ихъ срываютъ съ деревьевъ, нависшихъ надъ водою. Всѣ дельфины очень прожорливы, кровожадны и жестоки; они хватаютъ все съѣдобное и не щадятъ даже дѣтенышей своей породы или другихъ близкихъ видовъ. Во время сна-

Скелеть дельфина.

риванія самцы дерутся между собою за обладаніе самкою, и соперникъ, убитый во время этихъ боевъ, бываетъ, вѣроятно, съѣденъ оставшимися въ живыхъ дельфинами. Самки рожаютъ дѣтенышей, которыхъ бываетъ одинъ или два, послѣ беременности, продолжающейся около 10 мѣсяцевъ, долго кормятъ ихъ молокомъ, заботливо берегутъ ихъ и защищаютъ во время опасности. По мнѣнію многихъ, дѣтеныши растутъ очень медленно.

Человѣкъ преслѣдуетъ дельфиновъ гораздо меньше, чѣмъ другихъ китовъ. Самыми страшными ихъ врагами являются другіе дельфины; но еще большее число ихъ погибаетъ по собственной своей винѣ, отъ слишкомъ большой жадности при преслѣдованіи добычи. Преслѣдованіе это производится съ такимъ азартомъ, что они не замѣчаютъ близости мелкаго берега и часто съ-разбѣгу попадаютъ на такое мѣсто, откуда уже выбраться не могутъ. Рыбаки часто находятъ на песчаныхъ берегахъ цѣлыя дюжины погибшихъ дельфиновъ. Во время агоніи многіе дельфины стонутъ и пыhtятъ, причемъ у нѣкоторыхъ замѣчается обильное слезотеченіе.

Люди получаютъ отъ многихъ видовъ дельфиновъ большую выгоду, такъ какъ почти всѣ части тѣла находятъ примѣненіе: мясо, жиръ и нѣкоторые внутренніе органы употребляются въ пищу. Кожа и кишки также идутъ въ дѣло, а изъ сала ихъ вытапливаютъ ворвань очень хорошаго качества. Мы можемъ ограничиться описаніемъ только наиболѣе извѣстныхъ и важныхъ видовъ этого семейства, такъ какъ всѣ дельфины очень похожи между собой по своимъ движеніямъ, привычкамъ и образу жизни.

Изъ многихъ разнообразныхъ видовъ этого семейства мы займемся прежде всего страшной косаткой, которая уже съ древнихъ временъ извѣстна своею прожорливостью. Наибольше бросающимся въ глаза признакомъ этого вида является очень длинный и узкій спинной плавникъ, который довольно справедливо сравнивается съ косою или саблей. Туловище довольно толстое, голова короткая, лобъ покатый, морда довольно широкая, короткая и тупая и не отдѣлена рѣзко отъ лобной части. Верхняя челюсть идетъ горизонтально отъ глазъ, страшная зубная система состоитъ изъ немногихъ, но очень большихъ и острыхъ зубовъ.

Косатка (*Orca gladiator*, *Delphinus orca*, *gladiator*, *grampus* и *duhamelii*, *Phocaena* и *Orcinus orca*. Schwertwal. Orque.) достигаетъ иногда 9 м. длины, но чаще бываетъ меньше ростомъ, такъ что среднюю ея длину слѣдуетъ считать 5—6 м. Ласты имѣютъ болѣе 60 см. длины при 15 см. ширины, плесь 1,5 м. ширины и спинной плавникъ достигаетъ почти такой-же вышины. Голова въ сравненіи съ величиною тѣла мала, темя немного вогнуто, лобъ сверху плоскій, спереди слабо выпуклый и довольно круто спускается къ широкой, короткой мордѣ. Пасть лежитъ довольно низко; маленькіе продолговатые глаза сидятъ тотчасъ за угломъ рта и только немного выше его; очень маленькое ушное отверстіе находится за глазами, почти въ серединѣ между ними и ластами, полулунное дыхало расположено за глазами на верхней части морды; шея незамѣтна; туловище веретенообразно округлено, спинная его часть мало выпукла, а на животѣ и на бокахъ выпуклость эта болѣе замѣтна. Хвостъ, длина котораго равняется почти трети тѣла, около плавника сильно сжатъ съ боковъ и какъ наверху, такъ и внизу заостренъ въ видѣ кила. Ласты, сравнительно съ длиною тѣла, коротки и широки, они расположены довольно низко на первой четверти длины тѣла, у основанія сужены и на концѣ округлены. Спинной плавникъ очень высокъ, имѣетъ форму косы, кончикъ которой часто наклоненъ въ сторону, и расположенъ за первую третью длины тѣла. Большой хвостовой плавникъ раздѣленъ на двѣ лопасти, по серединѣ глубоко вырѣзанъ и оканчивается острыми костями. Кожа совершенно гладкая и блестящая, а окраска ея довольно измѣчива. Большая часть верхней стороны болѣе или менѣе густого чернаго, нижняя, за исключеніемъ кончиковъ морды и хвоста, почти чистаго бѣлаго цвѣта: оба цвѣта довольно рѣзко разграничены, но у различныхъ недѣлимыхъ распространеніе ихъ не одинаково. За глазами замѣчается обыкновенно продолговатое бѣлое пятно. За спиннымъ плавникомъ находится полулунное, грязно-голубоватое или пурпуровое пятно, имѣющее, если посмотрѣть сверху, форму полумѣсяца, съ кончиками, обращенными впередъ; пятно это однако иногда вовсе незамѣтно. Иногда встрѣчаются экземпляры, окрашенные гораздо свѣтлѣе, свѣтло-бурые и даже желтовато-бѣлые.

Косатки, повидимому, въ прежнія времена были болѣе распространены, чѣмъ теперь. Римскіе писатели говорятъ объ ихъ присутствіи въ Средиземномъ морѣ. Плиніи рассказываетъ, что въ царствованіе Тиверія на берега Италіи были выкинуты моремъ около 300 штукъ китовъ, «похожихъ на слоновъ и барановъ, у которыхъ бѣлыя пятна были похожи на рога». Эліенъ къ этому прибавляетъ, что китъ, похожій на барана, имѣетъ на лбу бѣлую перевязь, которая формою похожа на діадему македонскаго царя. Подобные киты, по его словамъ, часто встрѣчаются около Корсики и Сардиніи.

Въ новѣйшее время о присутствіи косатки въ Средиземномъ морѣ ничего не слышно. Она водится въ сѣверныхъ частяхъ Атлантическаго и Тихаго океановъ, а также въ Ледовитомъ, однако заходитъ довольно правильно къ берегамъ Англіи, Франціи и Германіи. Въ противоположность другимъ китамъ косатка является въ

болѣ южныхъ моряхъ не въ зимніе, а въ лѣтніе мѣсяцы, появляясь въ маѣ и исчезая поздно осенью. По словамъ Тилезіуса въ сѣверныхъ моряхъ косатки встрѣчаются стаями правильно расположенными въ ряды, точно отрядъ солдатъ; каждый рядъ состоитъ изъ пяти животныхъ, которыя плывутъ вмѣстѣ, причѣмъ головы и хвосты опущены въ воду, а спинные плавники, какъ сабли, торчатъ надъ поверхностью. Стаи эти плывутъ очень быстро и зорко осматриваютъ море для отысканія добычи; Пехуэль-Леше утверждаетъ, что стаи состоятъ не менѣе какъ изъ 4, и не болѣе какъ изъ 10 штукъ. Нигдѣ косатки не встрѣчаются въ очень большомъ числѣ, но попадаются какъ въ открытомъ океанѣ, такъ и около береговъ; онѣ заходятъ иногда въ большіе заливы и даже въ устья рѣкъ. Если ихъ видишь плавающими при сильномъ волненіи моря, то издали кажется, что имъ очень трудно удержать въ равновѣсіи длинный спинной плавникъ, такъ какъ величина его какъ-бы вовсе не соответствуетъ ихъ стройному тѣлосложенію; но впечатлѣніе это оказывается невѣрнымъ при ближайшемъ разсмотрѣніи. «Когда видишь», говоритъ Пехуэль-Леше, «какъ эти разбойники своеобразно плывутъ по волнуемому морю и, граціозно двигаясь по водѣ, то высоко приподнимаются на волны, то низко между ними опускаются, невольно вспомнишь красивый полетъ ласточекъ по воздуху, причѣмъ сравненіе это еще болѣе подтверждается одинаковымъ расположеніемъ цвѣтовъ у обоихъ животныхъ: спина черная, брюшко бѣлое. Во всякомъ случаѣ между всѣми китами косаткамъ за красоту слѣдуетъ отдать пальму первенства. Онѣ обыкновенно очень долго остаются подъ водою, а затѣмъ около пяти минутъ пребываютъ на поверхности воды и выпускаютъ отъ 3—10 разъ непродолжительные, низкіе и тонкіе фонтаны. Однако верхняя часть туловища и головы не остается все время высунутой изъ воды, а послѣ каждаго выдыханія онѣ округленно изгибаются, ныряютъ, оставаясь однако очень близко отъ поверхности воды, снова на мгновеніе появляются чтобы вздохнуть и продолжаютъ двигаться такъ до тѣхъ поръ, пока надыхаются, и тогда, наклонно спускаясь, уходятъ въ глубину».

Косатки охотятся не только за маленькими рыбами, но нападаютъ также и на морскихъ гигантовъ, такъ какъ онѣ не только самыя большіе, но и самыя хищныя и прожорливыя изъ всѣхъ дельфиновъ. Уже Плиній говоритъ о нихъ: «Этотъ китъ неистовствуетъ, какъ разбойникъ; иногда онъ пріятельствуетъ въ тѣни большіхъ кораблей, которые стоятъ на якорѣ, и караулитъ тѣхъ людей, которымъ придется охоту купаться, иногда-же онъ высовываетъ голову изъ воды и смотритъ, иѣтъ-ли гдѣ рыбацкихъ челноковъ; увидя ихъ, онъ къ нимъ подплываетъ и опрокидываетъ ихъ». Послѣдующіе наблюдатели только дополняютъ описаніе древнихъ. Ронделле замѣчаетъ, что косатка преслѣдуетъ гренландскаго кита и кусаетъ его до тѣхъ поръ, «пока онъ не закричитъ, какъ разъяренный быкъ. Поэтому рыбаки, которые направляются къ Новому Свѣту, просятъ тамошнихъ варваровъ никоимъ образомъ не беспокоить косатокъ, такъ какъ съ ихъ помощью рыбакамъ легче осилить китовъ, тюленей и другихъ морскихъ животныхъ, такъ какъ косатки заставляютъ этихъ животныхъ изъ глубины моря приближаться къ берегу, гдѣ рыболовамъ легче ихъ убивать стрѣлами и копьями». По словамъ Андерсона, этихъ дельфиновъ въ Новой Англіи называютъ «Убийцами китовъ». Понтонпиданъ описываетъ косатку подъ именемъ *Speckhaueg*. «Десятокъ или болѣе этихъ животныхъ впиваются зубами въ бока большаго кита, висятъ на немъ иногда болѣе часа и не раньше отстаютъ отъ него, какъ оторвавши отъ него кусокъ жира, длиною въ локоть. Во время ихъ нападенія китъ жалобно реветъ и подпрыгиваетъ иногда на цѣлую сажень надъ водою, причѣмъ видно, что и въ животъ его впились неумолимые хищники. Случается, что косатки такъ обгрызаютъ свою жертву, что она почти совсѣмъ лишается кожи и жира.

Рыбаки находятъ тогда плавающими въ морѣ большіе куски сала, такъ какъ косатки его не ѣдятъ, а находятъ лишь удовольствіе въ мученіяхъ кита».

«Животное это», подтверждаетъ добросовѣстный натуралистъ Стеллеръ, «отъявленный врагъ гренландскаго кита и постоянно за нимъ гоняется. Если китъ скрывается въ заливѣ около берега, то косатки подкарауливаютъ его, собираются въ большомъ количествѣ и, окруживъ его со всѣхъ сторонъ точно плѣннаго, ведутъ въ открытое море, при чемъ слышно страшное пыхтѣнье и стоны; тамъ онѣ ныряютъ подъ кита и кусаютъ его своими страшными зубами. Выброшенные на берегъ, мертвые киты совершенно истерзаны косатками, но отъ нихъ ничего не сѣдено, что доказываетъ природенную вражду косатокъ съ китами». Изъ описанія Стеллера видно, что прежде считали спинной плавникъ за главное оружіе косатки при нападеніи. «Мнѣніе это, продолжаетъ Стеллеръ, «однако совершенно ложно, потому что этотъ плавникъ, хотя и бываетъ въ 2 локтя вышины и оканчивается тонкимъ остриемъ, такъ что издали въ морѣ кажется острымъ рогомъ или костью, однако на самомъ дѣлѣ — совсѣмъ мягокъ, состоитъ изъ одного жира и не заключаетъ въ себѣ никакой кости, которая могла бы служить для пораненія». Стеллеръ подтверждаетъ вышеупомянутое указаніе Плинія. «Всѣ тѣ», говоритъ онъ, «которые въ морѣ ловятъ рыбу, чрезвычайно боятся этого животнаго, такъ какъ оно часто опрокидываетъ лодки, если къ нему приблизиться или ранить его стрѣлой. Поэтому при встрѣчѣ его задабриваютъ подачками и заговариваютъ особыми заклинаніями, чтобы оно не дѣлало вреда рыбакамъ и относилось къ нимъ дружелюбно».

Ни одинъ изъ вышеупомянутыхъ разсказовъ не заключаетъ въ себѣ, повидимому, чего-либо сказочнаго или слишкомъ преувеличеннаго; каждый изъ наблюдателей говоритъ правду, однако ни одинъ изъ нихъ не высказываетъ ее во всей полнотѣ. Во всякомъ случаѣ косатка вполне заслуживаетъ краткой характеристики, высказанной о ней Линнеемъ: «Это тиранъ и мучитель китовъ и тюленей». Она не только равняется, но даже превосходитъ своею кровожадностью всѣхъ акулъ и другихъ морскихъ хищниковъ. Гдѣ-бы она ни показалась, она становится страшилищемъ всѣхъ существъ, за которыми охотится, и всѣ животныя удаляются, если только могутъ, изъ тѣхъ водъ, гдѣ она появляется. Прожорливость часто заставляетъ косатку приближаться къ берегу, причемъ особенно часто она появляется въ устьяхъ рѣкъ, кишашихъ рыбами, но при преслѣдованіи крупной добычи она часто уходитъ въ открытое море и остается тамъ по цѣлымъ днямъ и даже по цѣлымъ недѣлямъ. Тамъ, гдѣ встрѣчаются гренландскіе киты, бѣлухи и тюлени, тамъ, по замѣчаніямъ Брауна, можно всегда найти и косатку. Бѣлухи и тюлени, увидя своего страшнаго врага, въ смертельномъ страхѣ бросаются къ берегу, причемъ первая, т. е. бѣлуха, часто погибаетъ, такъ какъ легче дѣлается добычей косатки, да и тюлени рѣдко отъ нея спасаются. Всѣ китоловы сильно досаждаютъ при видѣ этого кита, потому что его присутствіе служитъ вѣрнымъ признакомъ того, что гренландскаго кита въ этихъ водахъ не встрѣтишь; чтобы спастись отъ ихъ преслѣдованія большой китъ часто прячется въ узкія мѣста между льдинами. «Въ 1827 году», разсказываетъ Гольбель, «я былъ свидѣтелемъ кровавой битвы, гдѣ главными дѣятелями оказались эти хищники. Большое стадо бѣлухъ было загнано въ небольшой заливъ по сосѣдству съ Божьей гаванью въ Гренландіи. кровожадными врагами своими, которые такъ окружили стадо, что ни одна изъ бѣлухъ не могла найти себѣ выхода въ открытое море. Здѣсь косатки буквально рвали несчастныхъ бѣлухъ въ куски. Онѣ умертвили гораздо больше этихъ животныхъ, чѣмъ сколько могли сѣсть, такъ что гренландцы, которые сами воспользовались этимъ случаемъ, чтобы напасть на бѣлухъ, кромѣ своей добычи еще собрали много животныхъ, умерщвлен-

ныхъ косатками». Эприхтъ вынулъ изъ желудка косатки, имѣющей 5 п. длины, остатки 13 морскихъ свиней и 14 тюленей; въ глоткѣ ея застрялъ пятнадцатый тюлень, который задушилъ хищника. Скаммонъ также нашелъ у убитой косатки желудокъ, переполненный молодыми тюленями и замѣтилъ, что даже большіе си-вучи избѣгаютъ встрѣчи съ нею, и въ случаѣ присутствія косатокъ въ водѣ ластоногія эти благоразумно остаются на берегу. Съ такою-же яростью нападаетъ косатка и на гренландскаго кита. «Въ морѣ часто плаваютъ куски китоваго уса», пишетъ Браунъ, «которые, по всей вѣроятности, оторваны у китовъ косатками; это, должно быть, и подало поводъ къ разсказу, что эти хищные дельфины особенно любятъ языкъ большого кита и потому прежде всего набрасываются на его пасть». Вѣрно-ли послѣднее предположеніе, остается еще открытымъ вопросомъ, но повѣствованіе о нападеніяхъ косатки на гренландскаго кита, кажется, вполне достовѣрно. Три или четыре этихъ чудовища, не задумываясь, нападаютъ на самаго крупнаго беззубаго кита, и сей послѣдній такъ запуганъ ихъ появленіемъ, что какъ-бы лишается силы и почти не старается защищаться отъ нихъ.

«Нападеніе этихъ морскихъ волковъ на морскаго кита», говоритъ Скаммонъ, «очень напоминаютъ оленя, затравленнаго стаею собакъ. Нѣкоторыя косатки повисаютъ на головѣ кита, другія впиваются ему въ брюхо, третьи хватаютъ его за губы или даже рвутъ ему языкъ, когда онъ отворяетъ свою огромную пасть. Весною 1858 года я былъ свидѣтелемъ такого нападенія трехъ косатокъ на самку полосатика съ дѣтенышемъ. Дѣтенышъ ростомъ былъ уже въ три раза больше косатки и цѣлый часъ бился съ тремя своими врагами. Жестокіе звѣри бросались поочередно то на самку, то на дѣтеныша и наконецъ умертвили послѣдняго, который пошелъ ко дну на глубинѣ около 5 сажень. Самка во время битвы тоже въ значительной степени обезсилила, такъ какъ у ней оказались глубокія раны на груди и на губахъ. Какъ только дѣтенышъ былъ убитъ, то косатки стали нырять ко дну, отрывали отъ его тѣла большіе куски мяса и появлялись снова на поверхности воды, чтобы ихъ тамъ пожрать; пока онѣ такимъ образомъ насыщались, испуганная мать успѣла спастись, но при плаваніи оставляла за собой длинный кровавый слѣдъ». По показаніямъ вышеупомянутаго опытнаго моряка, часто случалось, что косатки собирались около кита, раненаго острогой, и, несмотря на старанія китолововъ, утаскивали обезсиленаго кита подъ воду. Послѣ столь многихъ и согласныхъ между собою показаній едва-ли можно сомнѣваться въ справедливости этихъ разсказовъ. Однако слѣдуетъ принять во вниманіе и мнѣніе Пехуэль-Леше, который замѣчаетъ, что ненависть всѣхъ моряковъ къ косаткамъ бываетъ причиною многихъ преувеличиваній въ разсказахъ, касающихся послѣднихъ. Впрочемъ экипажъ того корабля, на которомъ ѣздилъ Пехуэль-Леше, видѣлъ разъ мертваго гренландскаго кита, у котораго были отъѣдены: лѣвая губа и большая часть языка; другихъ ранъ на тѣлѣ замѣчено не было. «Нѣсколько дней сряду передъ этимъ мы встрѣчали много косатокъ и потому имѣемъ полное право предполагать, что раны нанесены ими». По всей вѣроятности, эти страшныя животныя не щадятъ никакихъ другихъ китовъ, за исключеніемъ кашалота. Для чаекъ и другихъ хищныхъ морскихъ птицъ косатки являются желанными помощниками, такъ какъ при битвахъ ихъ съ другими животными всегда кое-что остается и на долю птицъ. По наблюденіямъ Скаммона, чайки очень хорошо умѣютъ отличать косатокъ отъ другихъ дельфиновъ и, летя по воздуху, по возможности слѣдуютъ за ними иногда на очень большія разстоянія, въ надеждѣ поживиться чѣмъ-нибудь отъ ихъ добычи.

О размноженіи этихъ хищныхъ дельфиновъ у насъ пока нѣтъ никакихъ свѣдѣній; неизвѣстно даже, когда у нихъ рождаются дѣтеныши. Хотя, по замѣчанію Стел-

дера, у косатокъ почти вовсе нѣтъ мяса, а все тѣло ихъ наполнено жидкимъ жиромъ, за ними нигдѣ правильно не охотятся. Это объясняется, по мнѣнію Скаммона, во первыхъ тѣмъ, что за этимъ животнымъ очень трудно гоняться, вслѣдствіе его быстрыхъ и неправильныхъ движеній, а, во вторыхъ, незначительностью выгоды отъ этой добычи, такъ какъ все-таки ворвани отъ него добывается мало. Нѣкоторыхъ изъ нихъ однако убиваютъ, если онѣ заходятъ въ рѣки: такъ, извѣстны три примѣра, что косатокъ ловили въ Темзѣ. Бэнксъ, который былъ свидѣтелемъ одной изъ такихъ охотъ, рассказываетъ, что косатка, раненая тремя гарпунами, еще имѣла настолько силы, что два раза протасила лодку отъ Блэкуэля до Гринича и одинъ разъ даже до Дептфорда. Уже сильно раненая, косатка эта плыла по рѣкѣ противъ теченія со скоростью 8 морскихъ миль въ часъ и долго сохраняла свои силы, хотя получала новую рану всякій разъ, какъ появлялась на поверхности воды. О другой косаткѣ, которая была выброшена на берегъ, рассказываютъ, что рыбакамъ стоило большого труда убить ее длинными ножами и баграми. Передъ смертью она выражала свои страданія громкимъ хрипѣньемъ и стономъ. Подробное описаніе этого животного было сдѣлано только въ 1841 году. Около голландской деревни Викъ-опъ-Зе была выброшена на берегъ косатка—самка, имѣвшая 5 м. длины, и одинъ мѣстный хорошій натуралистъ имѣлъ возможность ее подробно наблюдать. Когда онъ увидалъ ее въ первый разъ, то она еще сохраняла свою своеобразную окраску. Черный цвѣтъ верхней части тѣла былъ настолько глянцевиъ, что отражалъ всѣ цвѣта радуги, а бѣлый цвѣтъ живота по чистотѣ и блеску походилъ на самый лучший фарфоръ. Но уже черезъ нѣсколько дней кожа совершенно потеряла свою естественную окраску и понемногу стала отставать отъ тѣла, и черезъ недѣлю животное было совершенно обезображено наступившемъ гніеніемъ. Тогда только его стали продавать съ аукциона; нашлось много желающихъ участвовать въ торгѣ, и одинъ рыбакъ получилъ трупъ за 140 гульденовъ. Бѣдный человекъ однако оказался въ сильномъ начетѣ, такъ какъ получилъ только 40 гульденовъ за добытую ворванъ и почти столько-же за скелетъ, который нынѣ служитъ украшеніемъ богатаго Лейденскаго музея.

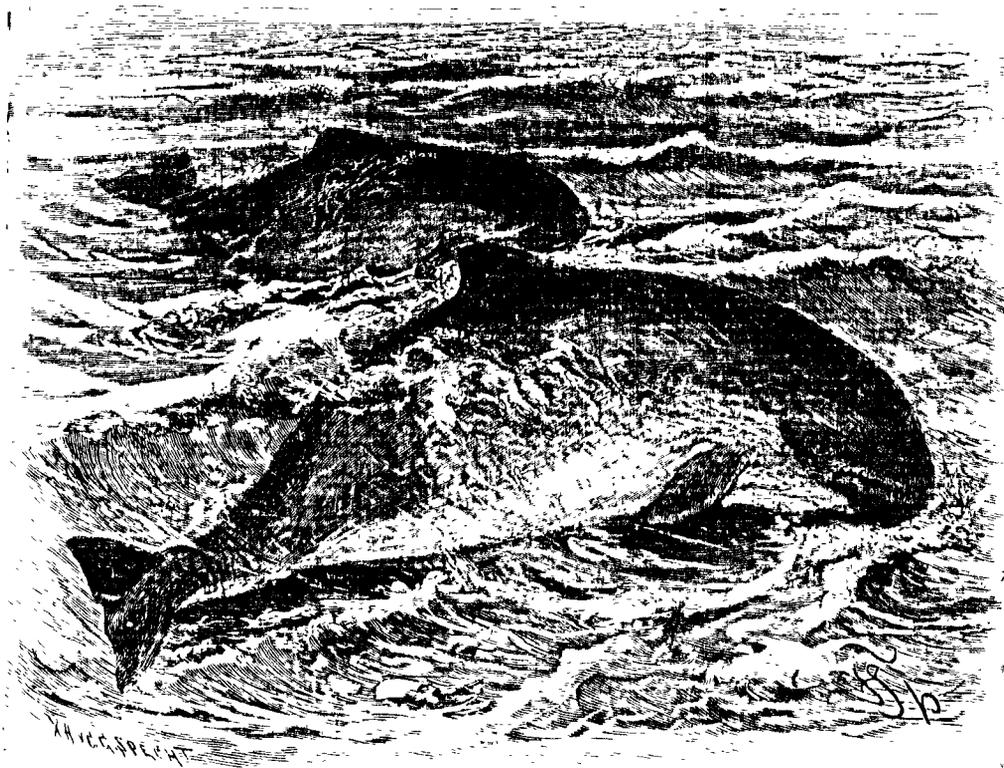
Косатка—настолько замѣтный и замѣчательный дельфинъ, что всѣ народы, имѣвшіе возможность наблюдать ее, дали ей особая прозвища, которыя въ большинствѣ случаевъ обозначаютъ понятія убійцы и разбойника. Американцы называютъ ее *Killer*, англичане—*Thrasher*, норвежцы—*Speckhugger*, *Hvalhund* и *Springer*, шведы—*Orağa*, датчане—*Ornswin*, португальцы и испанцы—*Orcas*; русскіе-же, напротивъ того, сравниваютъ этого дельфина съ ласточкой и потому и дали названіе косатки. Впрочемъ встрѣчаются нѣсколько разновидностей этого животного, которыя хотя и похожи другъ на друга по образу жизни, но по внѣшнимъ признакамъ, особенно по окраскѣ, величинѣ и формѣ спинного плавника, съ перваго взгляда сильно разнятся между собой.

* * *

Самымъ обыкновеннымъ дельфиномъ европейскихъ морей слѣдуетъ считать морскую свинью, представителя особаго рода, того-же названія (*Phocaena*), отличительные признаки котораго состоятъ въ слѣдующемъ: туловище короткое, толстое и веретенообразное, лобъ отлогій; широкій у основанія и треугольной спинной плавникъ довольно низокъ и находится почти на серединѣ спины. Зубная система состоитъ изъ многочисленныхъ прямыхъ, сжатыхъ съ боковъ и острыхъ зубовъ, коронка которыхъ на концѣ нѣсколько расширяется.

Морская свинья (*Phocaena communis*, *Delphinus phocaena*, *Phocaena rondeletii*. *Tümmeler*. *Marsouin*), у англичанъ называется *Porpoise*, у голландцевъ—*Bruinvisch*, у

шведовъ—Marsvin, у датчанъTumler, у исландцевъ—Brunskop, Svinehval и Hundfiskar, у норвежцевъ—Nise, у гринландцевъ—Nisa и Piglertok. Дельфинъ этотъ достигаетъ отъ 1,5—2 м. длины, въ рѣдкихъ случаяхъ даже до 3 м. и вѣса не болѣе 500 kgr. Голова у него небольшая, морда широкая, короткая и округленная, глаза расположены позади угла челюсти и имѣютъ продолговатую форму; радужная оболочка его желтовато-бурого цвѣта и имѣетъ видъ треугольника, обращеннаго вершиной внизъ; уши расположены недалеко за глазами и имѣютъ очень небольшія отверстия; дыхалы имѣютъ широкій полудлунный видъ и расположены на верхушкѣ головы между глазами. Туловище, спереди округленное, а въ задней части нѣсколько

Морская свинья. (*Phocaena communis*). 1/15 наст. вел.

сжато съ боковъ и съ острымъ краемъ наверху, а внизу немного сплющено. Хвостъ занимаетъ почти треть длины тѣла, нѣсколько сжатъ съ боковъ, сверху имѣетъ довольно острый, а снизу довольно округленный видъ; плавникъ его имѣетъ сзади вырѣзку въ видѣ тупого угла и раздѣленъ на двѣ лопасти. Ласты прикрѣплены въ концѣ первой четверти длины тѣла, расположены довольно низко и имѣютъ удлинненную яйцевидную форму; они замѣтно сужены у основанія, а на концѣ заострены. Спинной плавникъ спереди и наверху нѣсколько закругленъ, а сзади слабо вогнуть. Совершенно голая кожа мягкая, гладкая и блестящая, сверху темно-бурого или чернаго цвѣта съ зеленоватымъ или фиолетовымъ отливомъ, снизу бѣлаго цвѣта, причемъ это бѣлое пятно начинается узкимъ остриемъ около нижней челюсти, затѣмъ сильно расширяется и оканчивается у начала хвостоваго плавника. Ласты окрашены въ болѣе или менѣе темно-бурый цвѣтъ. Зубная система состоитъ изъ

20—25 зубовъ на каждой половинѣ челюсти, такъ что въ общемъ ихъ бываетъ отъ 80—100.

Морскихъ свиней можно видѣть при всякой поѣздкѣ черезъ Нѣмецкое море; онѣ попадаютъ въ большомъ числѣ около устьевъ западно-европейскихъ рѣкъ, въ которыя онѣ очень часто заходятъ довольно далеко во внутренность страны; онѣ много разъ попадалась въ Рейнѣ и Эльбѣ, и ихъ убивали около Парижа и Лондона. По словамъ Коллингвуда, ее каждый годъ видятъ въ Темзѣ около Гринича и Дептфорда и точно также въ нижнемъ теченіи Эльбы въ окрестностяхъ Гамбурга. При случаѣ она очень далеко заходитъ въ широкія рѣки и по цѣлымъ мѣсяцамъ живетъ въ прѣсной водѣ, если только водяное пространство довольно просторно. По досто-вѣрнымъ свѣдѣніямъ, ее встрѣчали въ Эльбѣ выше Магдебурга и по цѣлымъ недѣ-лямъ наблюдали въ нижнемъ теченіи Рейна. Въ рѣкѣ Варегамъ въ Дорзетширѣ, по словамъ Беля, однажды зимою видали двухъ морскихъ свиней, а другой разъ—трехъ.

Родиной морской свиньи слѣдуетъ считать весь сѣверъ Атлантическаго океана, отъ Гренландіи до Сѣверной Африки, включая сюда и Балтійское море. Повидимому, и этотъ дельфинъ лѣтомъ направляется къ сѣверу, а зимою къ югу. Въ Девисовомъ проливѣ, по словамъ Брауна, онъ появляется только весною, но не заходитъ далѣе 67°; въ сѣверныхъ водахъ онъ остается до поздней осени и тогда покидаетъ ихъ, чтобы снова направиться къ югу. Весною-же морская свинья появляется и въ Балтійскомъ морѣ, остается тамъ все лѣто и осень и только при наступленіи зимы она оставляетъ это море, которое повидимому ей очень нравится. Весною морская свинья слѣдуетъ за стадами сельдей и нападаетъ на нихъ съ такою жадностью, что часто бываетъ очень неприятна рыбакамъ. Прожорство этого животнаго вошло даже въ пословицу; оно перевариваетъ пищу очень быстро и требуетъ ее въ чрезвычайно большомъ количествѣ. Рыбаки ненавидятъ ее, потому что она мѣшаетъ при рыбной ловлѣ и иногда приноситъ дѣйствительный вредъ. Безъ труда разрываетъ она тонкія сѣти, которыми ловятъ сельдей, и пожираетъ всю рыбу, находящуюся въ нихъ. Болѣе толстыя сѣти часто бываютъ опасны и для нея самой, такъ какъ она въ нихъ запутывается и задыхается.

Какъ видно изъ только-что сказаннаго, морскую свинью слѣдуетъ причислить къ тѣмъ немногимъ китамъ, которые рѣшительно предпочитаютъ близость береговъ открытому морю. Она больше всего любитъ охотиться въ большихъ и малыхъ проливахъ, заливахъ и фюрдахъ и держится, какъ правильно замѣчаетъ Скаммонъ, охотнѣе всего въ тѣхъ частяхъ моря, гдѣ мутная рѣчная вода смѣшивается съ морскою; въ подобныя мѣста морская свинья безпрестанно вновь возвращается. Она любитъ общество, какъ и всѣ дельфины, но въ очень большія стаи собирается рѣдко; чаще всего ее можно встрѣтить небольшими стадами отъ 2—8 штукъ. Пла-ваетъ морская свинья прекрасно, разсѣкаетъ волны съ большою силою и удивительной быстротой и можетъ дѣлать прыжки надъ поверхностью воды, однако въ этомъ отношеніи не такъ подвижна, какъ другіе дельфины; по крайней мѣрѣ она не такъ часто, какъ ея родичи, играетъ около поверхности воды, что очень любятъ другіе дельфины. Она имѣетъ обыкновеніе плыть болѣе или менѣе близко отъ поверхности воды, на минуту высовываться, чтобы подышать, а затѣмъ нырять снова въ глубину, опускаясь головою почти вертикально внизъ. При этомъ она такъ сильно горбитъ свою спину, что принимаетъ почти шарообразную форму и, если она нѣсколько разъ сряду появляется надъ водою, то кажется, будто она кувырывается. Уже древніе замѣтили, что морская свинья особенно сильно играетъ на водѣ передъ бурей или во время нея: она тогда валяется, повидимому, съ особеннымъ удоволь-

ствіемъ по высоко поднимающимся волнамъ, кувыркается и дѣлается очень игривой. Она не боится даже тѣхъ мѣстъ, гдѣ бываетъ сильный прибой волнъ къ скаламъ, напротивъ того, особенно любитъ даже посѣщать эти мѣста и очень хорошо умѣетъ предохранить себя отъ опасности быть выброшенной на берегъ, что часто случается съ другими видами китовъ. Пока не было пароходовъ, морскихъ свиней было гораздо легче наблюдать, чѣмъ теперь. Она слѣдуетъ и за пароходами, но не приближается къ нимъ такъ близко и безбоязненно, какъ къ безшумно двигающимся паруснымъ судамъ. Обыкновенные купеческіе корабли морскія свиньи сопровождаютъ постоянно, пока они на значительное разстояніе не удалятся отъ берега. Ночью морскія свиньи часто собираются большими обществами около кораблей, стоящихъ на рейдѣ или въ гавани, и совершенно безбоязненно играютъ вблизи этихъ судовъ.

Морскія свиньи спариваются лѣтомъ, отъ іюня до августа включительно. Въ это время онѣ сильно возбуждены, съ быстротою стрѣлы носятся по волнамъ, яростно преслѣдуютъ другъ друга и отыскиваютъ самокъ. Тогда онѣ пренебрегаютъ всякими опасностями, бросаются, какъ безумныя, на мелкіе берега, ступаютъ головою о корабль и часто погибаютъ тѣмъ или другимъ способомъ. Послѣ беременности, продолжающейся 9 или 10 мѣсяцевъ, самки рожаютъ одного или двухъ дѣтенышей, которые очень малы: имѣютъ лишь 50 см. длины и 5 кг. вѣса. Мать относится къ дѣтенышамъ такъ же заботливо, какъ и другіе киты, водить ихъ повсюду съ собою, защищаетъ отъ опасностей и кормитъ молокомъ цѣлый годъ, такъ какъ только черезъ 12 мѣсяцевъ молодыя морскія свиньи достигаютъ возмужалости. Обильное молоко самокъ имѣетъ соленый вкусъ и сильно пахнетъ морской рыбой. Кроме селедокъ, которыя въ извѣстное время года составляютъ почти исключительную пищу морскихъ свиней, онѣ поѣдаютъ также макрелей, лососей, разныхъ другихъ рыбъ, а также водоросли; по крайней мѣрѣ послѣднія очень часто находятся въ желудкѣ этихъ китовъ. Повидимому, они не ѣдятъ мертвыхъ животныхъ и кусковъ мяса; Пехуэль Леше нѣсколько разъ пробовалъ ихъ кормить кусками мяса съ корабля, но онѣ никогда не хватили этихъ кусковъ.

Морская свинья есть единственный представитель этого отряда, который мнѣ случалось видѣть въ неволѣ. Въ Лондонскомъ зоологическомъ саду нѣсколько разъ пробовали держать въ особыхъ бассейнахъ морскихъ свиней и другихъ дельфиновъ, но до сихъ поръ результаты этого были всегда неудачны. Точно также неудаченъ былъ и мой опытъ содержанія морской свиньи въ неволѣ. Животное было мнѣ принесено въ августѣ мѣсяцѣ однимъ рыбакомъ, который его поймалъ наканунѣ вечеромъ и всю ночь продержалъ въ ваннѣ съ водой. Морская свинья эта была, повидимому, здорова и очень подвижна, и поэтому я надѣялся продержатъ ее живую по крайней мѣрѣ въ теченіи нѣсколькихъ дней. Ее тотчасъ пустили въ глубокой ровъ, наполненный водою, гдѣ она стала плавать взадъ и впередъ. Однако поверхность этого рва была покрыта ряской, и это растеніе такъ мѣшало киту при дыханіи, что я нашелъ нужнымъ перевести его въ болѣе обширный и чистый прудъ, гдѣ ему было свободнѣе двигаться. Онъ плавалъ въ этомъ прудѣ по всѣмъ направленіямъ и черезъ часъ, повидимому, сжился съ новымъ помещеніемъ, по крайней мѣрѣ онъ сталъ очень правильно, черезъ извѣстные промежутки времени, появляться на поверхности для дыханія, а затѣмъ снова исчезать въ глубинѣ. Гонялся-ли онъ за рыбами, находящимися въ прудѣ, я навѣрно сказать не могу, но на водныхъ птицахъ, плававшихъ тамъ, онъ вовсе не обращалъ вниманія, между тѣмъ какъ онѣ, очевидно, пугались кита и относились къ нему съ недоверіемъ. Гдѣ-бы черное животное не вынырнуло, вездѣ между птицами начи-

налась суматоха. Лебеди вытягивали вперед свои длинные шеи и съ удивленіемъ и недоувѣрчивостью смотрѣли на чудовище; гуси и утки съ крикомъ бросались къ берегу, выходили на сушу и оттуда со страхомъ слѣдили за движеніями необыкновеннаго животнаго. Такъ прожила морская свинья цѣлый день: она безостановочно плавала взадъ и впередъ, избѣгала мелкихъ мѣстъ въ прудѣ, черезъ извѣстные промежутки времени пускала свои фонтаны и давала намъ возможность, хотя на короткое время, слѣдить за ея движеніями. Мутная вода въ прудѣ, къ сожалѣнію, не позволяла намъ видѣть, что дѣлаетъ она подъ водой. На слѣдующее утро мы нашли ее уже мертвой. Эта быстрая смерть осталась для меня загадкой, такъ какъ нельзя предположить, чтобы прѣсная вода могла-бы такъ быстро привести къ гибели животное, дышащее легкими; многіе факты и мои собственные наблюденія противорѣчатъ этому. Точно также странно думать, что недостатокъ въ нищи въ теченіи 48 часовъ могъ служить причиной смерти такого крупнаго животнаго, какъ морская свинья. Однако слѣдуетъ скорѣе остановиться на второмъ предположеніи, потому что анатомическое изслѣдованіе трупа не указало никакихъ серьезныхъ поврежденій. Слѣдуетъ поэтому предположить, что извѣстная прожорливость китовъ не позволяетъ имъ долго жить въ неволѣ безъ нищи, точно такъ, какъ и кроту. Какъ долго можетъ прожить морская свинья на свободѣ, до сихъ поръ вовсе неизвѣстно.

По причинѣ своего хищничества морская свинья вездѣ считается врагомъ человѣка и ее усердно преслѣдуютъ, тѣмъ болѣе, что мясо и жиръ ея имѣютъ нѣкоторую цѣнность. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ извѣстное время года появляются стаи сельдей, въ море опускаютъ толстыя сѣти съ большими петлями, сквозь которыя сельди свободно могутъ проскользнуть, но которыя задерживаютъ морскихъ свиней. Въ Исландіи рыбаки ставятъ свои сѣти въ началѣ времени спариванія, во время котораго морская свинья не замѣчаетъ ничего окружающаго, такъ что приморскіе жители утверждаютъ, что она дѣлается слѣпою. Кое-гдѣ стрѣляютъ въ нихъ изъ ружей, но больше для того, чтобы показать свое искусство въ стрѣльбѣ, чѣмъ ради выгоды подобнаго рода охоты. Въ прежніи времена мясо ихъ очень цѣнилось. Уже древніе римляне умѣли дѣлать изъ него вкусныя колбасы; въ позднѣйшее время повара такъ хорошо его приготавливали, напримѣръ въ Англіи, что мясо это появлялось на столѣ самого короля и знатныхъ вельможъ. Нынѣ его ѣдятъ только бѣдные жители морскихъ береговъ и моряки, когда у нихъ чувствуется недостатокъ въ другомъ мясѣ; всѣ однако пренебрегаютъ имъ, если есть только возможность найти что-нибудь вкуснѣе. Мясо старыхъ животныхъ при варкѣ дѣлается очень чернымъ, жесткимъ и мочалистымъ, а также сохраняетъ вкусъ ворвани, поэтому оно трудно переваривается; мясо молодыхъ животныхъ, напротивъ того, говорятъ, довольно мягко и вкусно. Въ соленомъ и копченомъ видѣ оно кое-гдѣ употребляется въ нищу неприхотливыми жителями сѣвера. Ворвань, получаемая отъ морской свиньи, имѣетъ, говорятъ, хорошій вкусъ и очень цѣнится; гренландцы въ ней жарятъ свои кушанья и нюютъ ее съ удовольствіемъ въ чистомъ видѣ. Кожу, наконецъ, дубятъ, и она употребляется на разныя издѣлія.

* *
*

Мартенсъ, который въ 1671 году, въ качествѣ корабельнаго циркульника, сопровождалъ одно китоловное судно во время поѣздки къ Шпицбергену, въ первый разъ описалъ, между прочимъ, одного изъ самыхъ замѣтныхъ дельфиновъ, именно бѣлуху, которую нынѣ считаютъ отдѣльнымъ родомъ. Самымъ главнымъ отличительнымъ признакомъ этого рода слѣдуетъ считать отсутствіе спиннаго плав-

ника. Очень выпуклый лобъ почти отвѣсно спускается къ короткой, широкой и тупой мордѣ; челюсти снабжены немногими конусообразными зубами, которые у старыхъ экземпляровъ часто выпадаютъ. Короткіе и тупые лапы прикрѣплены на первой четверти длины тѣла и имѣютъ яйцевидную форму.

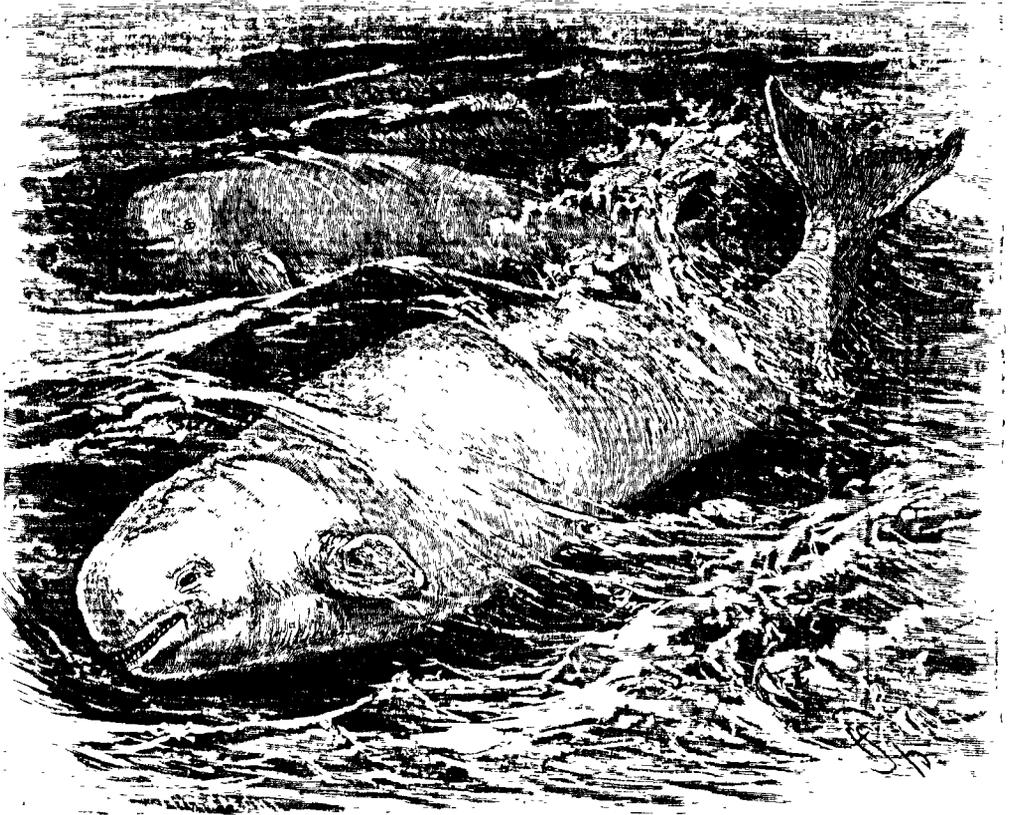
Бѣлуха, у гренландцевъ называется **Келелуанъ**, у самоѣдовъ—**Фиборга**, у юраковъ—**Гикъ**, у камчадаловъ—**Затча**, а у жителей Курильскихъ острововъ—**Печуга** (*Beluga leucas*, *B. catodon*, *Physeter catodon*, *Delphinus leucas* и *albicans*, *Delphinapterus leucas* и *albicans*. *Weissfich*. *Beluga*.). Она достигаетъ отъ 4—6 м. длины, лапы имѣютъ 60 м. длины и около 30 ширины; большой хвостовой плавникъ достигаетъ до одного метра ширины. Круглая голова относительно невелика, лобъ очень выпуклый, маленькіе глаза сидятъ на нѣкоторомъ разстояніи за угломъ рта, а полулунное дыхало расположено на передней части лба. Туловище довольно тонкое; двухлопастный хвостовой плавникъ имѣетъ сзади вырѣзку; кожа на тѣлѣ гладкая. У старыхъ животныхъ кожа желтовато-бѣлаго цвѣта, у молодыхъ-же буровато-или голубовато-сѣрая; впоследствии на ней являются свѣтлыя пятна, которыя все далѣе распространяются, и такимъ образомъ понемногу появляется окраска, свойственная взрослымъ животнымъ.

Область распространенія бѣлухи обнимаетъ собою все моря около сѣвернаго полюса, но далеко на югъ не простирается. На берегахъ Гренландіи ее можно видѣть только въ зимніе мѣсяцы, такъ какъ самое позднее въ іюнѣ мѣсяцъ она покидаетъ берега южнѣе 72°, чтобы направиться въ Баффиновъ заливъ и къ западнымъ берегамъ Девисова пролива; въ октябрѣ можно ее встрѣтить направляющейся къ западу, а зимою большею частью въ обществѣ нарваловъ она плаваетъ по близости ледяныхъ полей; только въ октябрѣ появляется она, по словамъ Гольбея, часто стаями въ нѣсколько тысячъ штукъ около 69°, въ началѣ декабря—около 64° и нѣсколько позднѣе—около 63°. Она держится во всехъ заливахъ южной Гренландіи въ продолженіи всей зимы, но уже въ апрѣлѣ и началѣ мая медленно начинаетъ подвигаться на сѣверъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ она появляется въ болѣе южныхъ моряхъ, однако уже нѣсколько разъ заходила къ берегамъ средней Европы. Такъ, въ 1793 году двѣ молодыя бѣлухи около 2 м. длины были найдены на пескѣ, въ одномъ изъ заливовъ Шотландіи, а въ 1815 году довольно взрослая бѣлуха жила около 3 мѣсяцевъ въ Эдинбургскомъ заливѣ, при чемъ приливала въ заливъ вмѣстѣ съ приливомъ и уходила въ открытое море вмѣстѣ съ отливомъ; она очень привыкла къ своей обстановкѣ, такъ что жители Эдинбурга нарочно выѣзжали въ заливъ, чтобы посмотрѣть на нее. Къ сожалѣнію, съ этимъ сѣвернымъ гостемъ тамъ очень худо поступили: рыбаки, можетъ быть и довольно основательно, утверждали, что бѣлуха уничтожаетъ лососей въ заливѣ, и потому стали ее очень усердно преслѣдовать. Благодаря своей быстротѣ и ловкости, бѣлуха долго спасалась, но наконецъ была убита мѣткимъ выстрѣломъ. Убитое животное однако, къ счастью, не пропало для науки: хорошіе натуралисты анатомировали его и составили такое подробное описаніе внутреннихъ его органовъ, какое не существуетъ ни для какого другого морского животного.

По увѣреніямъ гренландцевъ, бѣлуха рѣдко далеко уходитъ отъ берега и можетъ считаться, точно такъ, какъ и морская свинья, прибрежнымъ животнымъ. Случается, что она поднимается вверхъ по рѣкамъ на большое разстояніе отъ устья, и потому ее видали иногда въ глубинѣ материка; такъ, напримѣръ, Даль говоритъ о бѣлухѣ, которая была поймана въ 1863 году на разстояніи 700 английскихъ миль отъ моря въ одной рѣкѣ въ Сѣверной Америкѣ. Бѣлуха питается ма-

ленькими рыбами, раками и головоногими; кроме того въ ея желудкѣ постоянно находятъ песокъ, что дало поводъ гренландцамъ въ видѣ шутки утверждать, что бѣлуха не можетъ плавать безъ баласта.

По своимъ движеніямъ и привычкамъ бѣлуха во многихъ отношеніяхъ отличается отъ буйныхъ косатокъ, а также и отъ морскихъ свиней. Почти никогда не встрѣчается она по-одиночкѣ, но постоянно обществами, которыя иногда бываютъ чрезвычайно многочисленны. Видъ такого стада, по словамъ Фабера, представляетъ собою великолѣпное зрѣлище, такъ какъ бѣлоснѣжныя животныя, поднимаясь на поверхность воды для дыханія, иногда высовываются до половины своего туловища.

Бѣлуха (*Beluga leucas*) ¹⁾; наст. велич.

По наблюденіямъ Скаммона, въ этихъ стадахъ, состоящихъ, какъ изъ самцовъ, такъ и изъ самокъ, всегда замѣтны отдѣльныя группы изъ 2—3 экземпляровъ, вѣроятно отецъ, мать и дѣтенышъ. Гояясь за рыбами, держащимися на днѣ, напримѣръ камбалами, бѣлуха очень часто попадаетъ въ мелкія мѣста; въ этихъ случаяхъ она сохраняетъ спокойствіе духа и не бьется такъ, какъ это дѣлаютъ при подобныхъ обстоятельствахъ другіе киты, что часто ведетъ къ ихъ гибели. Въ началѣ и концѣ ея пребыванія на поверхности воды для дыханія слышатся звуки, которые, по словамъ Скаммона, похожи на слабое мычаніе быка; Браунъ же утверждаетъ, что звуки эти переходятъ иногда въ настоящій свистъ, похожій на пѣніе птицы, почему моряки въ видѣ шутки называютъ бѣлуху «морской канарейкой».

Китоловы встрѣчаютъ бѣлуху съ радостью, такъ какъ они считаютъ ее пред-

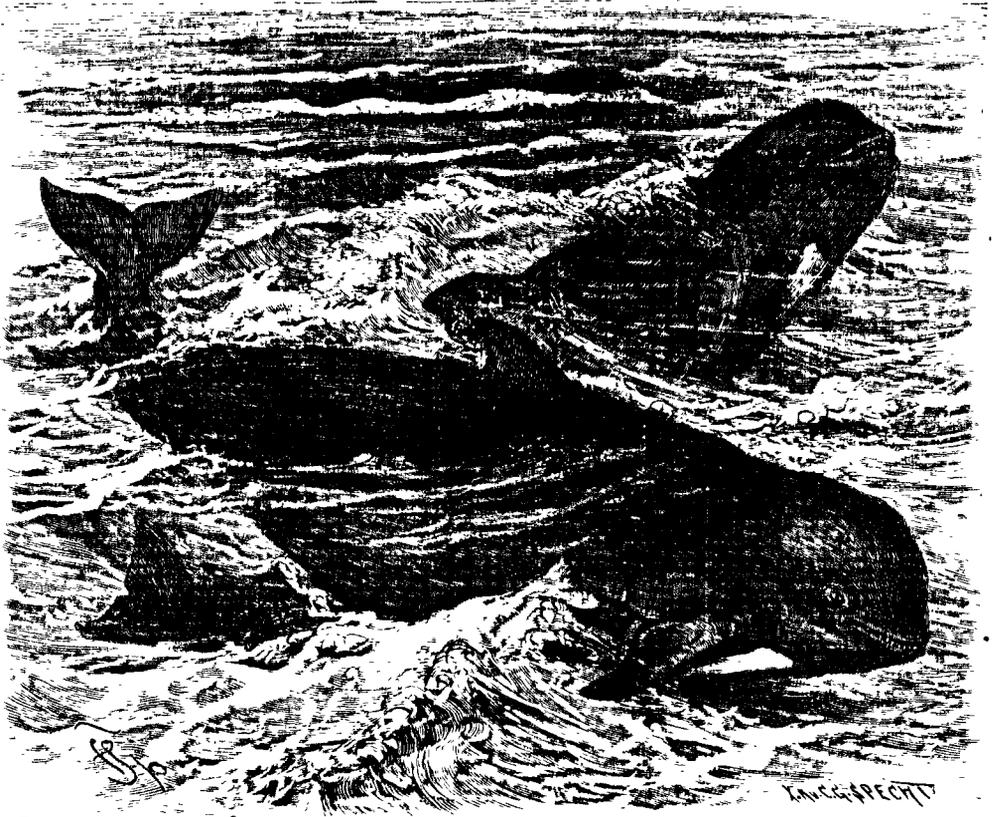
вѣстникомъ большого гренландскаго кита и часто плывутъ въ сопровожденіи стады этихъ животныхъ, ничѣмъ не безпокоя ихъ. При этомъ бѣлуха подплываетъ къ самымъ кораблямъ, качается на водахъ по близости ихъ, но остается все-таки пугливой и удаляется при малѣйшемъ шумѣ. Хотя животное это и имѣетъ довольно большую цѣнность, китоловы однако за нимъ не охотятся, такъ какъ, вслѣдствіе своей быстроты и ловкости, бѣлуха въ открытомъ морѣ почти всегда уходитъ отъ преслѣдованія, такъ что охота за нею тянется слишкомъ долго, чтобы быть выгодной для европейцевъ. Сѣверные инородцы относятся къ ней иначе: для нихъ бѣлуха изъ-за жира и мяса считается самымъ важнымъ изъ китообразныхъ животныхъ. Браунъ считаетъ, что въ Гренландіи ежегодно убиваютъ около 500 бѣлухъ и единороговъ, причемъ первыхъ гораздо въ большемъ числѣ, чѣмъ вторыхъ. Большинство ихъ ловятъ съ помощью сѣтей, которыя устанавливаются при входѣ въ фіорды и бухты, а также и въ проливахъ между островами. Точно такъ же ловятъ бѣлухъ инорвежскіе китоловы около Шпицбергена и Новой Земли. Инородцы сѣверной и восточной Сибири подобнымъ же образомъ охотятся за этимъ животнымъ и очень радуются появленію ихъ, такъ какъ вмѣстѣ съ ними появляется въ мелкихъ бухтахъ и устьяхъ рѣкъ множество рыбъ, которыя ищутъ мѣсть для нереста, напимѣръ дорши, трески, камбалы и лососи. Нѣкоторыя народности считаютъ этого кита въ извѣстной степени священнымъ животнымъ: такъ, самоѣды втыкаютъ черепа бѣлухъ на шесты, въ видѣ жертвы своимъ богамъ, а прочія части словеннаго животнаго употребляютъ въ пищу. Почти всѣ сѣверные народы единогласно утверждаютъ, что мясо и жиръ бѣлухи представляютъ собою пріятное кушанье, и старый путешественникъ Стеллеръ съ этимъ соглашается. Лапы и хвостовой плавникъ считаются за особія лакомства, если хорошо приготовлены. Кожу бѣлухъ сушатъ, дубятъ и употребляютъ на разныя издѣлія, напимѣръ въ Камчаткѣ изъ нея дѣлаютъ ремни, которые высоко цѣнятся по своей мягкости и прочности.

* * *

Сѣверныя окраины материковъ представляютъ собою негостепріимныя и бѣдныя страны. Люди тамъ не могутъ получить достаточнаго пропитанія отъ земли. Земледѣлія почти не существуетъ, и хлѣбъ приходится привозить изъ далекихъ, болѣе богатыхъ южныхъ странъ. Однако природа не такъ жестокосердна къ сѣвернымъ жителямъ, какъ можно было-бы подумать. То, чего не достаетъ на землѣ, доставляетъ имъ море; оно представляетъ собою извѣстнымъ образомъ ниву сѣверныхъ жителей; оно имъ замѣняетъ сокровищницы и амбары, однимъ словомъ доставляетъ имъ главное пропитаніе. Ни въ какой другой части земнаго шара человѣкъ такъ исключительно не связанъ съ моремъ, какъ на далекомъ сѣверѣ; нигдѣ не появляется такая страшная нужда, какъ только море по какимъ-либо причинамъ дѣлается недоступнымъ. Сѣверные жители живутъ главнымъ образомъ двумя занятіями—ловлею рыбъ и птицъ. Тамъ каждый занимается этимъ и потому раздѣляетъ горести и радости, труды и заботы, которыя связаны съ этими промыслами.

Между всѣми дарами, которые море предлагаетъ сѣвернымъ жителямъ, ни одинъ не достигаетъ такой важности, какъ китообразное животное, о которомъ мы сейчасъ будемъ говорить. **Гринда** или **Черный Дельфинъ**, у гренландцевъ носитъ названіе **Низернакъ** (*Globiocephalus melas*, *Delphinus melas*, *globiceps*, *deductor*, *grampus* и *swinewal*, *Phocaena melas*, *Globiocephalus swinewal*, *Grindwal*, *Kraulard à tête ronde*) и считается представителемъ рода **Круглоголовыхъ Китовъ** (*Globiocephalus*), главные признаки котораго состоятъ въ слѣдующемъ: голова шарообразная, сверху какъ-бы распухающая, лапы прикрѣплены очень низко и имѣютъ видъ серповъ, спин-

ной плавникъ возвышается на серединѣ тѣла и межчелюстные кости очень широки и покрываютъ собою верхнечелюстныя. Не только формою головы, но и строеніемъ всего тѣла гринда отличается отъ преждеописанныхъ и послѣдующихъ дельфиновъ. Туловище не веретенообразно, какъ у другихъ видовъ, а сжато съ боковъ, спина представляетъ собою, начиная отъ головы до начала хвостового плавника, почти прямую линію, которая круто спускается внизъ къ хвосту; брюхо, особенно въ передней части, очень выпукло; боковыя линіи тѣла имѣютъ форму отлогихъ дугъ, сближающихся около хвоста. Довольно высокій спинной плавникъ у основанія широкъ, передняя сторона его внизу почти прямая, а наверху загибается назадъ ду-

Гринда. *Globiocephalus melas* 1/36 наст. велич.

гой, задняя его сторона имѣетъ довольно глубокую вырѣзку. Ласты прикрѣплены близко около головы, у основанія очень сужены, наружный край ихъ образуетъ правильную дугу, концы заострены, задняя сторона образуетъ сначала округленный выступъ, а затѣмъ серпообразно выгнута къ концу лапы, который такимъ образомъ приобретаетъ форму короткой косы. Довольно большой двухсторонній хвостовой плавникъ снаружи округленъ, а сзади имѣетъ по серединѣ глубокую вырѣзку. Маленькіе глаза лежатъ надъ угломъ рта; полулунное дыхало расположено на одной восьмой части длины тѣла, считая спереди. Ротъ представляетъ собою щель, расположенную наискось, спереди назадъ; на каждой челюсти, въ довольно большихъ промежуткахъ сидятъ отъ 12—14 большихъ и толстыхъ конусообразныхъ зубовъ, острые кончики которыхъ направлены назадъ и внутрь; зубы эти увеличи-

ваются по длинѣ и толщинѣ спереди назадъ и при закрытыхъ челюстяхъ верхніе зубы приходятся въ промежуткахъ между нижними. Зубы эти однако выдаются изъ челюстей немногимъ больше одного сантиметра и, повидимому, не очень прочны, такъ какъ не только легко стираются, но у взрослыхъ животныхъ часто совсѣмъ выпадаютъ. Голая, гладкая и блестящая кожа сверху чисто чернаго цвѣта, а снизу сѣровато-чернаго, но на горлѣ почти всегда бываетъ широкое, бѣлое, сердцевидное пятно, кончикъ котораго направленъ назадъ; иногда у нѣкоторыхъ экземпляровъ пятно это превращается въ узкую полоску, которая тянется по животу почти до задняго прохода. Очень старые самцы достигаютъ отъ 6—7 м. длины, но большинство 1—1,5 м. меньше. У гриндъ, достигающихъ 6 м. длины, окружность тѣла въ самомъ толстомъ мѣстѣ бываетъ до 3 м., длина лапа—1,6 м., ширина лапа—50 см., высота спинного плавника 1,3 м., ширина хвостового 1,8 м.

Хотя почти ежегодно гринда выбрасывается на берегъ на какомъ-нибудь сѣверномъ островѣ, однако объ образѣ жизни и привычкахъ его въ открытомъ морѣ мы имѣемъ до сихъ поръ лишь очень неполныя свѣдѣнія. Настоящею родиною его слѣдуетъ считать сѣверный Ледовитый океанъ и сѣверную часть Тихаго океана. Изъ Ледовитаго океана онъ часто спускается въ сѣверную часть Атлантическаго, даже до широты Гибралтарскаго пролива, но не слѣдуетъ по опредѣленнымъ заранѣе путямъ, какъ другіе киты. Въ Тихомъ океанѣ распределеіе его нѣсколько иное: по словамъ Скаммона, гринда тамъ встрѣчается по преимуществу въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ водится кашалотъ, нерѣдко они собираются большими стадами вблизи береговъ, какъ въ сѣверныхъ, такъ и въ южныхъ частяхъ Тихаго океана. Болѣе чѣмъ другіе родичи онъ любитъ жить обществами, а иногда и большими стадами, состоящими изъ 10—20, а иногда и до 1000 штукъ; вожаками такихъ стадъ служатъ, повидимому, старые опытные самцы, за которыми другія животныя слѣдуютъ съ такимъ же равнодушіемъ и тупоуміемъ, какъ овцы за бараномъ-вожакомъ, что часто ведетъ къ ихъ гибели. По словамъ Пехуэль-Леше, они плаваютъ на подобіе другихъ дельфиновъ, какъ бы кувыркаясь послѣ всякаго вдыханія; они появляются на поверхности воды отъ 8—10 разъ сряду на короткое время, выпуская при этомъ съ сильнымъ шумомъ тонкій фонтанъ около 1 м. вышины. Когда они плаваютъ очень быстро, то такъ высовываются изъ воды, что видна вся голова и даже большая часть туловища. При хорошей погодѣ, когда море совсѣмъ гладкое, особенно въ болѣе южныхъ моряхъ, гринды собираются иногда большимъ стадомъ, которое въ полномъ безпорядкѣ, безъ всякаго движенія лежитъ на водѣ, при чемъ животныя держатъ голову постоянно надъ водою и предаются полному покою. Въ иныхъ случаяхъ можно встрѣтить животныхъ этого вида, которыя стоятъ въ водѣ почти въ вертикальномъ положеніи, выставивъ надъ поверхностью ея почти всю голову. По ловкости въ плаваніи гринды не уступаютъ большимъ дельфинамъ, но, повидимому, не такъ любятъ играть и возиться, какъ эти послѣдніе. «Я только разъ», замѣчаетъ Пехуэль-Леше, «видалъ ихъ играющими и прыгающими, именно во время сильной бури. Мы легли на дрейфъ, чтобы выждать бурю, и вдругъ увидѣли около самаго корабля тѣсную стаю въ нѣсколько сотъ гриндъ, которые съ большою поспѣшностью плыли противъ волнъ, смѣло бросаясь поперекъ ихъ, пронизывая волны своимъ тѣломъ и смѣшно кувыркаясь на другой сторонѣ. Они, казалось, хотѣли другъ друга перещеголять смѣлостью своихъ прыжковъ и странностью своихъ тѣлодвиженій; ни на минуту не останавливаясь, они быстро плыли впередъ и скоро скрылись изъ нашихъ глазъ».

Пища гриндъ состоитъ главнымъ образомъ изъ каракатицъ, но въ желудкѣ

убитых находили также и мелкіе виды трески, селедокъ, другихъ маленькихъ рыбъ, мягкотѣлыхъ и другихъ подобныхъ животныхъ. О времени спариванія этихъ дельфиновъ еще нѣтъ точныхъ свѣдѣній и, кажется, что спариваніе происходитъ не въ извѣстные мѣсяцы, а случается во всякое время года. Въ сѣверныхъ моряхъ большинство дѣтенышей родится, вѣроятно, въ концѣ лѣта, такъ какъ въ поздніе осенніе мѣсяцы и въ январѣ чаще всего встрѣчаются кормящія самки съ сосунами. Однако для Тихаго океана наблюденіе это оказывается невѣрнымъ; по словамъ Скаммона, въ гриндѣ, убитой на берегахъ Гватемалы, въ февралѣ мѣсяцѣ, нашли почти доношеннаго зародыша, имѣющаго около 1 м. длины, а въ Южномъ Ледовитомъ океанѣ, среди зимы, можно видѣть лишь полузрелыхъ дѣтенышей. Мать любитъ свое дѣтище точно такъ-же горячо, какъ и другія самки китовъ и даетъ ему сосать молоко даже тогда, когда она выброшена на мелкое мѣсто и гибель ея неминуема.

Никакое китообразное не выбрасывается на берегъ такъ часто и въ такомъ большомъ количествѣ, какъ гринда, причѣмъ общественность бываетъ для него почти всегда гибельна; можно съ нѣкоторою увѣренностью сказать, что эти животные гораздо чаще умираютъ на сушѣ, чѣмъ въ водѣ. Не проходитъ почти ни одного года, чтобы гдѣ-нибудь не было выброшено на берегъ большее или меньшее количество этихъ дельфиновъ. На Шетландскихъ островахъ въ 1779 г. попало на берегъ цѣлое стадо изъ 200 штукъ, а въ 1805 г. изъ 300; въ одномъ заливѣ на островѣ Исландіи, который извѣстенъ большимъ количествомъ гриндъ и потому называется китовымъ фіордомъ, въ 1809 и 1810 г.г. было поймано безъ всякаго труда 1100 штукъ этихъ китовъ. 7-го января 1812 года на сѣверныхъ берегахъ Бретани было выброшено волнами 70 штукъ. По всей вѣроятности, большинство случаевъ этого рода вовсе и не доходитъ до всеобщаго свѣдѣнія.

Не косатки, какъ прежде думали, а гринды напугали рыбаковъ Кильской бухты, появившись тамъ совершенно нечаянно въ большомъ количествѣ 24 ноября 1861 года. «Когда стало свѣтло», говоритъ Мебіусъ, который описалъ этотъ случай, «можно было видѣть, что большая часть внутренности бухты была наполнена этими китами. Они плыли рядами, отъ 4—6 штукъ и прямо направлялись въ гавань. За ними слѣдовало парусное судно съ нѣсколькими рыбаками, которые рано утромъ выѣхали на взморье, чтобы стрѣлять чаекъ. Черные саблевидные спинные плавники этихъ китовъ высоко подымались изъ воды, когда они высовывали спину, а затѣмъ голову, чтобы подышать. Послѣ всякаго дыханія они ныряли подъ воду. Черныя тѣла ихъ то подымались, то опускались въ водѣ и производили этимъ довольно замѣтное волненіе. Когда они дышали надъ поверхностью воды, то было слышно довольно сильное пыхтѣніе, а когда они выдыхали воздухъ изъ легкихъ, то выпускали фонтанъ въ 1—1,5 м. вышины. Чѣмъ ближе эти гиганты приближались къ городу Килю, тѣмъ больше лодокъ собиралось за ними, такъ какъ съ обоихъ береговъ моряки, рыбаки и любопытные сѣснили принять участіе въ необыкновенной охотѣ. Рыбаки задумали ихъ загнать въ самое узкое и мелкое мѣсто бухты, чтобы они тамъ попали на мель. Дѣйствительно имъ и удалось отрѣзать часть стада около 30 штукъ и загнать ихъ въ гавань; остальная часть стада, болѣе 100 штукъ, во время успѣла спастись. Загнанные киты были уже около стоящихъ на якорѣ кораблей, когда совершенно неожиданно двѣ лодки отчалили отъ берега и прямо направились на стадо. Киты такъ испугались, что быстро повернули назадъ, подбросили одну лодку такъ, что она чуть не перевернулась, и бросились къ выходу изъ гавани, плывя между лодками и подъ ними. Тогда стали стрѣлять и бросать остроги въ спасающихся китовъ, изъ которыхъ одинъ выпрыгнулъ изъ воды на высоту отъ

8—10 м.; такимъ образомъ удалось загнать трехъ китовъ въ мелкую воду. Однако изъ нихъ два все-таки сумѣли спастись и только одинъ застрялъ въ илѣ на самомъ концѣ бухты. Его убили послѣ многихъ ударовъ остроги и топора по головѣ, и онъ окопѣлъ, издавая громкое сошвіе, которое напоминало ревъ медвѣдя, а изъ пасти и изъ ранъ потекла горячая кровь».

Если-бы кильскіе рыбаки были столь-же опытные въ китоловномъ промыслѣ, какъ сѣверные ихъ собратья, то добыча ихъ несомнѣнно была бы гораздо обильнѣе. На всѣхъ сѣверныхъ островахъ уже съ древнѣйшихъ временъ привыкли загонять на берегъ гриндъ, появляющихся недалеко отъ земли. Уже въ древней рукописи (Königsspiegel), хотя довольно темно, но говорится объ этой ловлѣ. «Сельдяной китъ (Sild Reiki), или рыбій китъ (Fisk Reiki)», говорится тамъ, «загоняетъ селедокъ и другихъ рыбъ въ большомъ количествѣ изъ открытаго моря къ берегамъ и такимъ образомъ не только не вредитъ человѣку, но даже приноситъ ему большую пользу, какъ будто онъ Богомъ для этого и созданъ. Онъ гонитъ рыбу передъ собой до тѣхъ поръ, пока рыбаки съ благодарностью и приличнымъ образомъ собираютъ дары, которые Провидѣніе имъ посылаетъ изъ моря. Если-же при этомъ происходятъ ссоры и драки, и кровь животныхъ течетъ въ море, то китъ уводитъ всю стаю рыбъ, которыхъ онъ пригналъ, обратно и, такимъ образомъ, отнимаетъ у жителей острововъ необходимую для нихъ добычу». Лишь изъ послѣдующихъ сообщеній стало ясно, что подразумѣваетъ лѣтопись подъ словами «пролить кровь въ море». Граба описываетъ охоту за гриндами на Феререкскихъ островахъ очень подробно и живописно, и въ этомъ описаніи отчасти объясняется вышеупомянутое выраженіе.

«2-го іюля», рассказываетъ онъ, «вдругъ раздался со всѣхъ сторонъ громкій крикъ: «гриндабудъ». Крикъ этотъ обозначаетъ, что одна изъ рыбацкихъ лодокъ замѣтила стадо гриндъ недалеко отъ береговъ. Въ одну минуту весь городъ Торсгафенъ пришелъ въ волненіе; изъ всѣхъ устъ слышался крикъ «гриндабудъ» и всеобщая радость указывала на надежду скоро полакомиться кускомъ мяса этого кита. Люди бѣжали по улицамъ, точно врагъ былъ у воротъ города. Большинство стремилось къ лодкамъ, нѣкоторые съ огромными, такъ называемыми китовыми ножами; женщины носившія догояли мужей, чтобы дать имъ кусокъ сушеного мяса въ видѣ провізіи; на дѣтей не обращали вниманія и съ разбѣгу ихъ опрокидывали, одинъ рыбакъ въ суматохѣ даже упалъ изъ лодки въ море. Въ теченіи 10 минутъ было приготовлено къ отплытію 11 восьми-весельныхъ лодокъ: люди сняли съ себя куртки и такъ усердно гребли, что лодки полетѣли по морю, какъ стрѣлы. Мы присоединились къ старшинѣ, лодка котораго съ гребцами была готова, но сначала мы зашли съ нимъ на возвышенный бастіонъ, чтобы оттуда посмотрѣть, гдѣ находятся киты. Въ подзорную трубу мы увидали двѣ лодки, которыя слѣдили за китами. Въ ближайшей деревнѣ показался высокій столбъ дыма, тотчасъ затѣмъ другой на соседней горѣ, и это повторилось на всѣхъ другихъ возвышенностяхъ; въ ближайшія деревни были посланы, кромѣ того, гонцы; весь фіордъ былъ покрытъ лодками. Мы сѣли на яхту старшины и скоро догнали остальные лодки. Тогда мы увидали китовъ, около которыхъ образовался большой полукругъ изъ лодокъ; около 30 шлюпокъ, на разстояніи 100 шаговъ одна отъ другой, окружали стадо китовъ и медленно гнали его передъ собой въ гавань Торсгафена. Около четверти всѣхъ китовъ были видны надъ поверхностью воды: то выдвигалась голова и пускала свой фонтанъ, то показывался высокій спинной плавникъ, а иногда и вся передняя часть тѣла. Если киты пробовали пробраться между лодками, то въ нихъ кидали камнями и кусками свинца, прикрѣпленными къ длиннымъ бичевкамъ; если они быстро плыли

впередъ, то за ними гнались, напрягая всѣ свои силы. Старшина смотрѣлъ за порядкомъ и приближался къ тѣмъ лодкамъ, которыя плыли слишкомъ далеко впередъ или дѣлали другія ошибки. Когда киты были ужъ близко отъ входа въ гавань и имъ трудно было спастись, то мы вышли на берегъ и поспѣшили въ городъ. Вся набережная была переполнена людьми, которые собрались, чтобы полюбоваться интереснымъ зрѣлищемъ убоя китовъ. Мы выбрали себѣ удобное мѣсто, съ котораго можно было хорошо видѣть всю ловлю.

«Чѣмъ ближе киты приближались къ гавани и берегу, тѣмъ они дѣлались безпокойнѣе, собирались въ тѣсную кучу и не такъ обращали вниманіе на бросаніе камней и хлопаніе веслами по водѣ. Рядъ лодокъ становился все тѣснѣе около несчастныхъ жертвъ; киты подвигались медленнѣе, какъ-бы предвидя опасность. Когда же они доплыли до самаго узкаго мѣста гавани, имѣющаго около 250 шаговъ ширины и не болѣе 500 длины, то они очевидно поняли въ чемъ дѣло, не захотѣли быть загнанными, какъ стадо овецъ, и бросились обратно. Критическій моментъ наступалъ. Лица всѣхъ островитянъ выражали безпокойство, заботу, надежду, а также и жажду крови. Поднялся страшный крикъ; всѣ лодки бросились на стадо китовъ и тѣхъ изъ нихъ, которые были не слишкомъ близко, такъ что не могли опрокинуть лодку ударомъ хвоста, люди стали безжалостно колотъ своими широкими острогами. Раненныя животныя бросились впередъ съ ужасною быстротою, и все стадо послѣдовало за ними.

«Тогда началось страшное зрѣлище: всѣ лодки бросились на китовъ и, не обращая вниманія на ихъ движеніе, рыбаки стали колотъ животныхъ со всѣхъ сторонъ. Люди, стоявшіе на берегу, входили въ воду до плечъ, приближались къ раненымъ животнымъ, втыкали имъ въ тѣло или въ дыхалы желѣзные крючки, привязанные къ веревкамъ, и три, четыре человекъ вытаскивали кита совсѣмъ на сушу и тогда перерѣзывали ему горло до самаго хребетнаго столба. Во время борьбы со смертью умирающія животныя хлестали воду своими широкими хвостами, свѣтлая вода гавани была окрашена кровью въ красный цвѣтъ, и киты выпускали изъ ноздрей кровавые фонтаны. Кровавая работа такъ возбудила островитянъ, что они потеряли всякій страхъ и метались, какъ безумные. Около 30 лодокъ, 300 человекъ и 80 отчасти мертвыхъ, отчасти еще живыхъ китовъ стѣснились на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ квадратныхъ сажень; крикъ и шумъ были страшные. Платья, лица и руки въ обыкновенное время столь добродушныхъ жителей Ферерскихъ острововъ были вымазаны кровью, такъ что рыбаки скорѣе походили на людоедовъ Полинезіи; во время этой бойни на лицахъ не замѣтно было ни малѣйшаго слѣда жалости. Только, когда одинъ изъ людей былъ оглушенъ ударомъ хвоста умирающаго кита и одна изъ лодокъ была разбита въ щепки, люди нѣсколько опомнились и съ большею осторожностью стали оканчивать это отвратительное побоище. Ни одинъ изъ китовъ не спасся, и всѣ 80 лежали мертвыми на берегу. Какъ только вода замутилась кровью и движеніями китовъ на мелкомъ мѣстѣ, то живые киты какъ-бы слѣпнуть и безтолково кружатся на одномъ мѣстѣ; если одинъ изъ нихъ даже и попадетъ въ чистую воду, то черезъ минуту опять-таки возвращается къ своимъ товарищамъ.

«Ловля окончилась благополучно, къ большому удивленію островитянъ, такъ какъ на ловлю смотрѣлъ пасторъ и нѣсколько беременныхъ женщинъ. Здѣсь твердо убѣждены, что киты тотчасъ обращаются въ бѣгство, когда увидятъ пастора, такъ что во время ловли его всегда просятъ спрятаться за лодки. По общему мнѣнію, гринды также терпѣть не могутъ беременныхъ женщинъ, и потому многіе рыбаки просили старшину приказать имъ удалиться съ набережной, что однакожь испол-

нено не было; всѣ загнанные киты были убиты, несмотря на пастора и беременныхъ женщинъ. Часто однако одного изъ китовъ нарочно выпускають, думая, что онъ въ послѣдствіи въ эту-же бухту приведетъ другое стадо.

«Послѣ часового отдыха трупы китовъ уложили рядомъ на берегу, ихъ смѣрили и величину обозначили римскими цифрами надрѣзами на кожѣ. Добыча раздѣляется пропорціонально количеству земли, и обычай этотъ заведенъ еще въ очень древнія времена. Послѣ того, какъ свѣдущій человекъ измѣрилъ и опредѣлилъ цѣну каждаго кита, изъ общей массы вычитаются: десятая часть и извѣстныя доли на бѣдныхъ, сиротъ, на страховку зданій, для сторожей и оцѣнщиковъ и т. д. Десятая раздѣляется въ свою очередь на три части: одна на церковь, другая пастору, а третья королю или его представителю. Особая часть отдѣляется для тѣхъ лодокъ, экипажъ которыхъ первый указалъ на китовъ, а боцманъ этой лодки получаетъ голову. Одинъ маленькій китъ отдѣляется для того, чтобы устроить тотчасъ-же всеобщій пиръ для всѣхъ участниковъ. Одинъ изъ китовъ продается, и полученныя деньги распредѣляются между тѣми рыбаками, у которыхъ во время ловли были попорчены лодки, или сломаны весла. Сторожами, которые остаются всю ночь около китовъ, чтобы ихъ не унесъ приливъ, также опредѣляется особая плата. Вся остальная добыча дѣлится на двѣ равныя части, изъ которыхъ одну получаетъ тотъ приходъ, гдѣ произведена была ловля, а другую весь островъ. Каждая деревня имѣетъ извѣстное число лодокъ и на каждой лодкѣ свой постоянный экипажъ. Китовъ раздѣляютъ по лодкамъ. Какъ только раздастся крикъ «гриндабудъ», во всѣ деревни, которыя должны участвовать въ ловлѣ, посылаются гонцы, и эти деревни должны тотчасъ-же снаряжать свои лодки, чтобы получить опредѣленную долю изъ добычи. Если онѣ не придутъ черезъ сутки, а въ крайнемъ случаѣ черезъ двое сутокъ на мѣсто распредѣленія добычи, то доля ихъ продается съ аукціона и полученныя деньги идутъ въ кассу для бѣдныхъ. Причина этого правила заключается въ томъ, что трупы китовъ черезъ двое сутокъ начинаютъ портиться; островитяне говорятъ, что у нихъ «печень горитъ».

«Когда каждому была указана его доля, китовъ начали рѣзать на части, что происходитъ слѣдующимъ образомъ. Сначала отрѣзаются лапы, затѣмъ разрѣзають спину вдоль по всей длинѣ тѣла. Затѣмъ начинаютъ рѣзать сало широкими полосами, потомъ вырѣзають кусками мясо и вынимають самые лакомые куски для островитянъ, именно: печень, сердце и почки; послѣ этого переворачивають трупъ на другую сторону и такимъ-же образомъ обдирають и ее. Польза отъ этихъ животныхъ для жителей Ферерскихъ острововъ очень велика. Отъ каждаго кита получается среднимъ числомъ бочка ворвани, а мясо и жиръ ѣдятъ, какъ въ свѣжемъ, такъ и въ соленомъ видѣ. Мясо этого кита тѣмъ вкуснѣе, чѣмъ оно свѣжѣе. Я самъ ѣлъ свѣжее мясо этихъ китовъ и нашелъ его вкуснымъ: оно похоже на копченую и нѣсколько жесткую говядину. Хотя жиръ и не имѣетъ никакого особаго вкуса, но ѣсть его мнѣ было противно. Когда островитяне въ теченіи двухъ недѣль ѣдятъ свѣжее китовое мясо, то лица и руки ихъ и даже волоса дѣлаются блестящими отъ жира. Черезъ 48 часовъ мясо уже не годится для пищи и дѣйствуетъ, какъ рвотное. Изъ кожи ластовъ дѣлають ремни для весель, а кости китовъ употребляютъ на устройство изгородей около садовъ и огородовъ. Желудокъ надувають и когда онъ высохнетъ, то его употребляютъ для сохраненія ворвани; такимъ образомъ безъ употребленія остаются лишь однѣ кишки, и ихъ на лодкахъ вывозятъ въ открытое море и тамъ выбрасываютъ, чтобы онѣ не гнили на землѣ».

Въ открытомъ морѣ за гриндами охотятся только въ видѣ исключенія. Китолы, которые надѣются на лучшую добычу, не спускають лодокъ, чтобы ловить

этого кита, и только въ случаѣ большой неудачи корабли начинаютъ заниматься этой охотой. Гринду убиваютъ острогами точно такъ, какъ и другихъ китовъ, но каждая лодка гонится за отдѣльнымъ китомъ, и онѣ помогаютъ другъ другу только тѣмъ, что стараются разогнать китовъ въ разныя стороны. Обыкновенно гринда при видѣ своихъ враговъ выказываетъ такой-же безтолковый страхъ, какъ и около береговъ, начинаетъ медленно плавать то туда, то сюда, такъ что люди всегда найдутъ время удачно бросить въ него острогою. Очень часто гринда умираетъ отъ перваго удара, а если нѣтъ, то его добиваютъ копьями. Только въ рѣдкихъ случаяхъ бываетъ, что этотъ китъ бросается на лодку и старается ее опрокинуть.

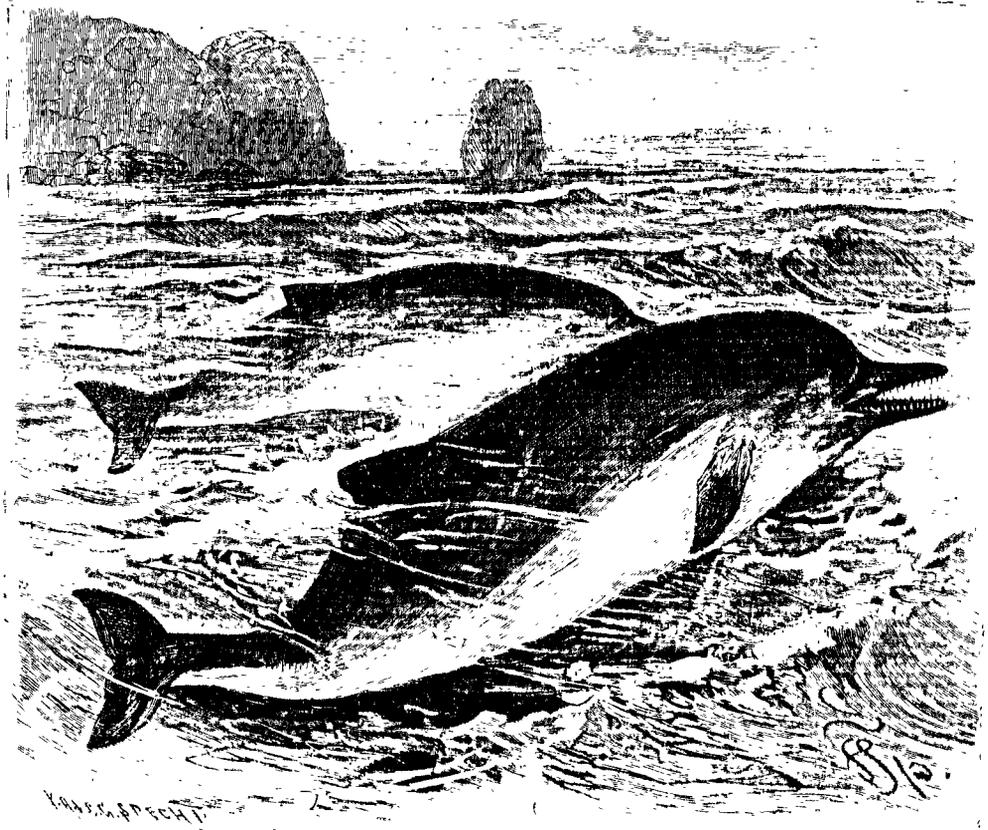
* *
*

Ни одинъ китъ и даже ни одно морское животное не занимали такъ древнихъ писателей и ученыхъ, какъ дельфинъ; онъ послужилъ темой для всевозможныхъ басенъ и поэтическихъ описаній. Преданіе говоритъ, что дельфины спасли греческаго поэта Аріона, котораго разбойники выбросили съ корабля въ море, и, очарованные его пѣснями, привезли невредимымъ къ мысу Тенарскому. Плиніи приводитъ привлекательный рассказъ о мальчикѣ, который частымъ кормленіемъ такъ приручилъ къ себѣ дельфина и приобрѣлъ его любовь, что онъ нѣсколько лѣтъ сряду ежедневно перевозилъ его черезъ заливъ въ Пуццолі, гдѣ мальчикъ посѣщалъ школу, и точно также ежедневно привозилъ его домой. «Когда мальчикъ умеръ», говоритъ этотъ писатель, «то дельфинъ все-таки ежедневно появлялся на опредѣленномъ мѣстѣ и такъ скучалъ о потерѣ своего любимца, что скоро околѣлъ». Рассказываютъ еще басню о томъ, что въ древности дельфины помогали людямъ при ловлѣ морскихъ усачей (*Varbus*), загоняя ихъ цѣлыми стаями въ сѣти, и за это содѣйствіе получали въ вознагражденіе часть добычи и куски хлѣба, намоченные въ винѣ. Когда одинъ Карійскій царь велѣлъ въ гавани привязать на цѣпь пойманнаго дельфина, то появилась цѣлая стая другихъ дельфиновъ и они такъ ясно выражали просьбу объ освобожденіи товарища, что царь не могъ устоять и велѣлъ его отпустить. Плиніи совершенно серьезно утверждаетъ, что молодые дельфины плаваютъ въ сопровожденіи стараго, который имъ служитъ руководителемъ и дядькой. Говорятъ, что видѣли дельфиновъ, которые уносили мертваго товарища, чтобы его не съѣли хищныя рыбы. Старый писатель Геснеръ не только считаетъ всѣ вышеприведенные рассказы за несомнѣнныя истины, но даже пополняетъ ихъ, благодаря своей начитанности, и не забываетъ рассказать о высокиихъ достоинствахъ дельфина. «Дельфина совершенно вѣрно считаютъ и почитаютъ какъ короля и властелина морей, такъ какъ это самое быстрое, сильное и хитрое морское животное, почему французскій король по имени его называлъ провинцію (*Dauphiné*), и многіе другіе князья и регенты помѣстили это животное въ свои гербы, а его изображеніе часто встрѣчается на золотыхъ и серебряныхъ монетахъ, картинахъ и знаменахъ. Старшій сынъ французскаго короля получаетъ названіе *Dauphin* и въ своемъ гербѣ имѣетъ изображеніе дельфина; это-же животное изображено на многихъ монетахъ римскихъ императоровъ, напримѣръ Августа, Тиверія, Домиціана, Вителія, а также на многихъ греческихъ. На монетѣ императора Тита Веспасіана изображенъ якорь съ опрокинутымъ дельфиномъ, что должно означать, смотря по обстоятельствамъ, быстроту и медлительность, дѣйствіе и бездѣйствіе. Дельфинъ, впрочемъ, служилъ также эмблемой моря, власти надъ водой, привязанности къ маленькимъ дѣтямъ, горячности чувствъ, любви и т. д.»

Дельфинъ, вмѣстѣ съ другими сходными видами, образуетъ особый родъ (*Delphinus*), отличительные признаки котораго состоятъ въ слѣдующемъ. Относи-

тельно небольшая голова спереди заостряется и оканчивается клювовидной мордой, которая по длинѣ равняется мозговой части черепа или даже превосходить ее; челюсти усажены очень многочисленными конусообразными и остающимися на всю жизнь зубами; ласты прикрѣплены къ сторонамъ тѣла примѣрно въ концѣ первой пятой части его длины; спинной плавникъ возвышается почти на половину спины, а хвостовой относительно очень великъ и имѣеть правильную полулунную форму.

Дельфинъ (*Delphinus delphis*, *Delphinus delphinus*, *antiquorum* и *vulgaris*. Schnabelfisch. Dauphin) имѣеть въ среднемъ около 2 м. длины, спинной плавникъ

Дельфинъ. *Delphinus delphis* 1/18 наст. вел.

30 см. длины, а ласты отъ 55—60 см. длины и 15—18 см. ширины. Относительно маленькая голова занимаетъ приблизительно четвертую часть длины всего тѣла. лобъ слегка выпуклый и отдѣляется отъ не очень длинной, совершенно прямой и вытянутой морды поперечной бороздкой и находящимся за нею валикомъ; морда имѣеть видъ клюва и сплюснута какъ сверху, такъ и снизу. Продолговатые глаза лежать на небольшомъ разстоянн за угломъ рта и имѣють сердцевидный зрачекъ. Уши расположены за глазами, а дыхало между ними. Веретенообразное туловище скорѣе сжато, чѣмъ вытянуто, передняя часть его круглая, а задняя слабо сжата съ боковъ. Спинной плавникъ узкій, высокій и на концѣ острый; передній край его выпуклый, а задній довольно глубоко вырѣзанъ, такъ что нѣсколько похожъ на серпъ. Ласты прикрѣплены около первой трети туловища и нѣсколько длиннѣе и

уже спинного плавника; хвостовой плавник раздѣленъ на двѣ тупыя лопасти и въ серединѣ немного вырѣзанъ. Кожа необыкновенно гладкая и представляет не только глянцевою, но почти зеркальную поверхность; сверху она зеленовато-бураго или зеленовато-чернаго цвѣта, а снизу чисто-бѣлаго, причемъ граница между обоими цвѣтами представляет собою извилистую линію; по сторонамъ на бѣломъ кое-гдѣ видны сѣрыя, или черноватая пятна. Число зубовъ бываетъ далеко не всегда одинаково. Обыкновенно ихъ насчитываютъ отъ 42—50 въ каждой половинѣ челюсти, но случалось убивать дельфиновъ, у которыхъ на каждой сторонѣ вверху и внизу было по 53 зуба, такъ что въ общемъ число зубовъ доходило до 212. Зубы сидятъ на одинаковыхъ промежуткахъ, такъ что верхніе, при закрытіи челюстей, приходятся между нижними; они довольно длинныя, коническіе, на концѣ очень острые и немного загнуты снаружи внутрь; средніе въ каждой челюсти самыя длинныя, а передніе и задніе дѣлаются постепенно и довольно замѣтно все меньше и меньше.

Родиною этого извѣстнаго животнаго, которое такъ забавляетъ моряковъ и путешественниковъ, можно считать всѣ моря сѣвернаго полушарія. По своимъ движеніямъ и образу жизни дельфинъ оказывается еще болѣе склоннымъ къ разнымъ играмъ, чѣмъ другіе его родичи. Иногда онъ рыщетъ по волнамъ въ открытомъ морѣ далеко отъ берега, иногда-же подымается въ рѣки вверхъ по теченію. Стада дельфиновъ приближаются къ кораблямъ, возятся около нихъ, пока не отправятся далѣе, безпрестанно ныряютъ и снова поднимаются, выставляютъ на минуту верхушку головы надъ поверхностью моря, выпускаютъ съ шумомъ свои фонтаны и снова исчезаютъ въ глубинѣ. Они плаваютъ такъ быстро, что не только легко слѣдуютъ за самымъ быстрымъ пароходомъ, но въ это время еще дѣлаютъ разные фокусы, кувыркаются, валяются по водѣ и кружатся около судна, не отставая отъ него ни на минуту. Иногда одинъ изъ нихъ вдругъ выскакиваетъ совсѣмъ изъ воды и затѣмъ падаетъ впередъ внизъ головою, не производя при паденіи почти никакого шума. Пехуэль-Леше, подтверждая и дополняя мои наблюденія, пишетъ о нихъ слѣдующее: «Каждый морякъ», говоритъ онъ, «радуется, когда встрѣтитъ стадо дельфиновъ. Веселыя животныя плывутъ длинной и относительно довольно узкой толпой, легко прорѣзая волны; они сплываютъ точно на перегонку и успѣваютъ при этомъ еще дѣлать веселые прыжки. Блестящія тѣла ихъ описываютъ иногда надъ водою дугу въ нѣсколько метровъ ширины; затѣмъ они снова падаютъ въ воду, а затѣмъ опять прыгаютъ въ высоту. Самыя ловкіе изъ нихъ кувыркаются на воздухѣ, пресмѣшно махая при этомъ своимъ хвостомъ; другіе ложатся на бокъ или на спину, иные-же прыгаютъ совершенно вертикально, точно танцуютъ, нѣсколько разъ сряду высовывая переднюю часть тѣла изъ воды при помощи сильнаго хвоста, иногда они при этомъ сгибаются въ дугу. Какъ только они увидятъ корабль, который несетя на всѣхъ парусахъ при попутномъ вѣтрѣ, то они тотчасъ сплываютъ къ нему, и, какъ-бы нарочно, начинаютъ показывать всѣ свои фокусы. Дельфины большими кругами плывутъ около судна, прыгаютъ впереди и по сторонамъ его, возвращаются назадъ и выказываютъ все свое искусство. Чѣмъ быстрее идетъ корабль, тѣмъ оживленнѣе дѣлаются и ихъ движенія».

Они образуютъ стаи отъ 10—100 штукъ, а иногда и болѣе. Пехуэль-Леше въ тропическихъ моряхъ видалъ стада дельфиновъ въ нѣсколько тысячъ штукъ. Основною чертою ихъ характера является общественность, но причиной этого явленія слѣдуетъ считать скорѣе общій интересъ, а не взаимную привязанность. Древніе, конечно, останавливались на послѣднемъ предположеніи и выхваляли взаимную любовь и привязанность дельфиновъ. Геснеръ говоритъ: «Дельфины выказываютъ

удивительную любовь не только другъ къ другу, но также къ своимъ дѣтенышамъ, родителямъ, мертвымъ товарищамъ, всѣмъ вообще китамъ и людямъ. Особенная любовь ихъ къ дѣтенышамъ выказывается въ томъ, что самецъ и самка, разъ спарившись, остаются вмѣстѣ до смерти и бывають иногда окружены многочисленнымъ семействомъ. Родители воспитываютъ своихъ дѣтей, кормятъ ихъ, иногда носятъ ихъ въ своемъ клювѣ, сопровождаютъ ихъ повсюду и научаютъ охотиться. Когда они собираются въ стаи для битвы, то дѣтенышей оставляютъ за собой, а если плывутъ спокойно, то передъ собой; за дѣтенышами слѣдуютъ самки, а сзади плывутъ взрослые самцы, которые ихъ защищаютъ и не оставляютъ даже въ минуту опасности. Если молодого дельфина ударятъ багромъ и тащить къ берегу, то родители за нимъ слѣдуютъ, чтобы его спасти, такъ что мать тогда легко убить или словить вмѣстѣ съ ея дѣтенышами. Когда же родители сдѣлаются слабыми и безсильными, то молодые ихъ кормятъ и помогаютъ при плаваніи».

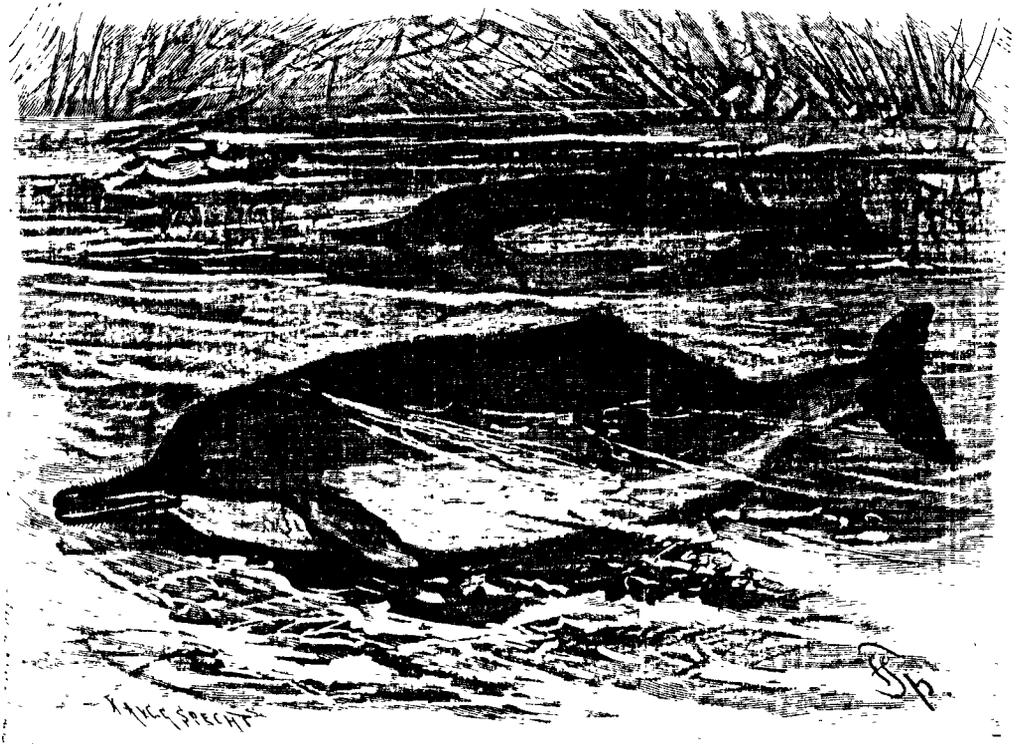
Зубы дельфина ясно показываютъ, что онъ принадлежитъ къ числу самыхъ большихъ морскихъ хищниковъ; говорятъ, что онъ даже нападаетъ на раненыхъ товарищей. Пища его состоитъ изъ рыбъ, раковъ, головоногихъ и другихъ морскихъ животныхъ. Онъ любитъ охотиться за сардинками и селедками, а на летучихъ рыбъ нападаетъ съ особенной жадностью. Послѣ 10-ти мѣсячной беременности самка рождаетъ дѣтеныша отъ 50—60 см. длины и выказываетъ относительно него довольно долго большую нѣжность. Предполагаютъ, что дѣтеныши вполнѣ вырастаютъ только черезъ 10 лѣтъ, зато, по увѣренію одного древняго греческаго писателя, дельфинъ можетъ жить до 130 лѣтъ. Съ другой стороны рыбаки, которые при ловлѣ дельфиновъ дѣлали имъ надрѣзы на хвостовомъ плавникѣ, полагаютъ, что они живутъ не болѣе 25—30 лѣтъ.

Самымъ злымъ врагомъ дельфина слѣдуетъ считать не человѣка, а хищную козатку, такъ какъ человѣкъ преслѣдуетъ дельфина только тогда, когда не можетъ добыть себѣ другого свѣжаго мяса. Еще нынѣ человѣкъ въ извѣстной степени падитъ дельфина. Однако въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и теперь еще рыбаки окружаютъ своими лодками стадо дельфиновъ, какъ это дѣлали еще древніе греки, пугаютъ ихъ внезапнымъ крикомъ и стараются загнать къ берегу, гдѣ животныя въ страхѣ попадаютъ на мель. Передъ смертью животное издаетъ довольно громкій вздохъ, похожій на стонъ. Китоловы, которые нуждаются въ свѣжемъ мясѣ, также иногда убиваютъ одного изъ дельфиновъ, которые, по обыкновенію, играютъ около корабля. «Весь экипажъ», рассказываетъ Пехуэль-Леше, «собирается на носу корабля и начинаетъ свистѣть на разные лады, что образуетъ страшную какофонію; но говорятъ, что дельфинъ любитъ музыку и изъ-за этого свиста еще больше приближается къ судну. Къ одной изъ рей придѣлываютъ блокъ и черезъ него пускаютъ веревку, къ концу которой придѣланъ гарпунъ. Гарпунщикъ отправляется на рею, а 20 или 30 рукъ держатъ конецъ веревки. Нѣсколько штукъ дельфиновъ плывутъ мимо корабля, гарпунщикъ нѣсколько секундъ слѣдитъ за ними глазами, а затѣмъ, сильно размахнувшись, бросаетъ гарпунъ въ спину одного изъ животныхъ. «Сидитъ!» кричитъ онъ сверху, и люди, держащіе другой конецъ веревки, быстро тащатъ ее назадъ, такъ что дельфинъ въ одно мгновеніе оказывается около борта. Ему накидываютъ петлю на спинной плавникъ, и бѣдное животное скоро лежитъ мертвымъ на палубѣ. Его товарищи, конечно, исчезли, такъ какъ никакъ не ожидали такой неблагодарности со стороны людей. Однако, на разстояніи одной мили отъ корабля, они снова выплываютъ и продолжаютъ свое странствованіе, какъ ни въ чемъ не бывало. Можетъ-быть, они скоро приблизятся къ другому кораблю и начнутъ играть около него».

Въ прежнее время почти всѣ береговые жители ѣли мясо дельфиновъ, особенно въ католическихъ земляхъ, такъ какъ дельфина считали тамъ рыбой и ѣли даже въ посту. Англичане и французы умѣли очень искусно приготовить мясо этого животного, такъ что кушанья изъ него выходили довольно вкусными. Теперь же почти вездѣ перестали ѣсть это мясо. У древнихъ римлянъ дельфинъ игралъ довольно важную роль въ медицинѣ: печень считалась хорошимъ средствомъ противъ перемежающейся лихорадки, а печеночный жиръ служилъ лѣкарствомъ отъ опухоли; дымомъ зажженного жира лѣчили боли въ нижней части живота. Сжигали цѣлыхъ дельфиновъ, золу смѣшивали съ медомъ и эту мазь употребляли противъ разныхъ болѣзней.

* * *

Уже въ 1819 году А. Гумбольдтъ издалъ свои наблюденія объ одномъ

Иния. *Inia inia amazonica*. $\frac{1}{10}$ наст. вел.

дельфинѣ, встрѣчающемся въ прѣсныхъ водахъ Южной Америки, но подробно это животное не описалъ Демаре въ слѣдующемъ году получилъ это животное изъ Лиссабонскаго музея и составилъ его описаніе, но довольно короткое и неполное. Болѣе подробныя свѣдѣнія обнародовали въ 1831 г. нѣмецкіе натуралисты Спиксъ и Марціусъ; однако вполне научное описаніе было составлено французомъ Д'Орбиньи. Этому натуралисту, который путешествовалъ по Перу, скоро послѣ Спикса и Марціуса, удалось поймать само животное; еще незнакомый съ работами вышеупомянутыхъ нѣмецкихъ натуралистовъ, онъ, къ своему большому удивленію, узналъ, что въ прѣсныхъ водахъ материка, на разстояніи 500 миль отъ Атлантическаго океана, живетъ большая «рыба», причемъ онъ изъ описанія догадался, что дѣло идетъ о

дельфинѣ. Къ сожалѣнію, индѣйцы вовсе не умѣли владѣть гарпуномъ и потому не могли добыть ему это животное. Наконецъ на границѣ съ Бразиліей, около военного поста Принчипе Добейера, ему словили это животное солдаты, которые занимались этою охотою: такимъ образомъ онъ получилъ возможность срисовать и подробно описать этого дельфина.

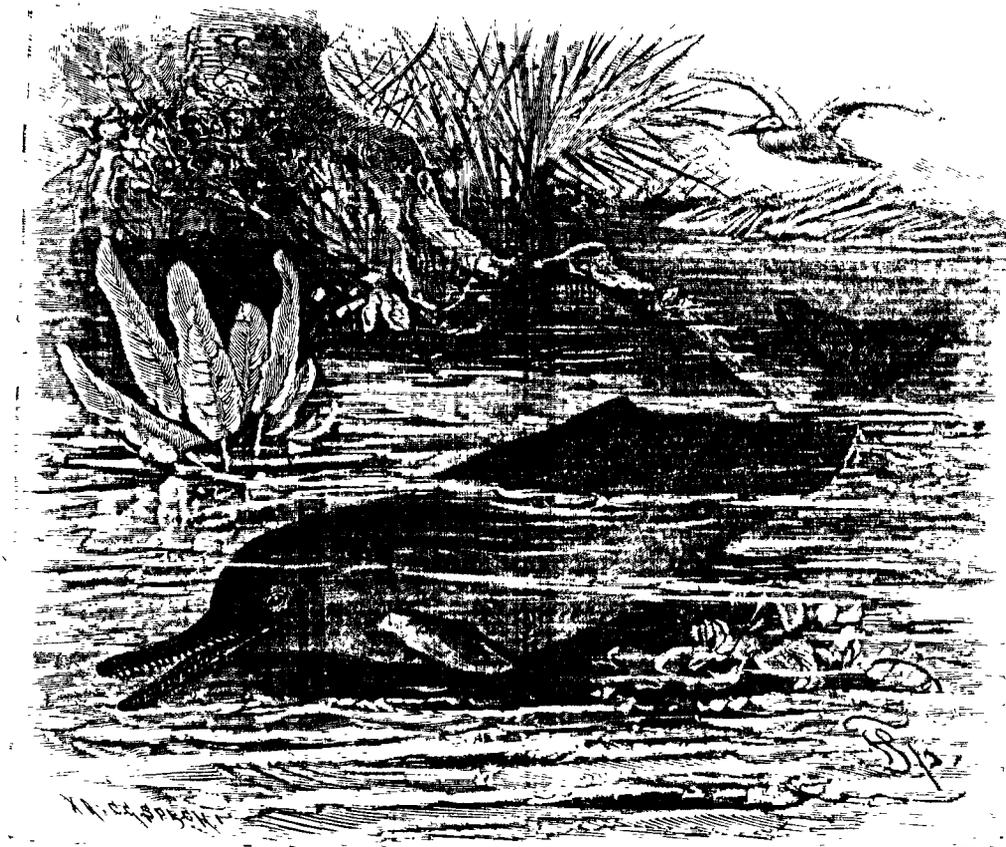
Инія или **Южно-американскій Рѣчной Дельфинъ**, называемый на его родинѣ также **Буфео** или **Бонто** (*Inia amazonica*, *Delphinus amazonicus*, *Inia boliviensis*) служитъ представителемъ особаго рода **Длинноклювыхъ дельфиновъ** (*Inia*). Онъ отличается узкой, круглой, на концѣ тупой и покрытой щетинами мордой, которая очень похожа на клювъ; въ каждой челюсти находится 66 или 68 острыхъ зубовъ съ большими и загнутыми назадъ коронками. Туловище у него довольно стройное, лапы на концѣ вырѣзаны и имѣютъ полулунную форму, хвостовой плавникъ не раздѣленъ на лопасти, а жировой плавникъ на спинѣ очень низокъ. Длина туловища колеблется между 2 и 3 м.; у животнаго 2 м. длины спинной плавникъ имѣетъ около 40 см. длины и не болѣе 5 см. вышины; лапы имѣютъ 41 см. длины и 16 см. ширины, а хвостовой плавникъ—47 см. ширины. Самка, говорятъ, бываетъ вдвое меньше. Верхняя сторона тѣла у иніи окрашена въ блѣдно-голубоватый цвѣтъ, а нижняя въ красновато-розовый цвѣтъ; встрѣчаются однако измѣненія въ окраскѣ, напримѣръ видѣли совсѣмъ красноватыхъ или совсѣмъ черноватыхъ животныхъ. Въ послѣднее время старались даже различить нѣсколько видовъ этихъ дельфиновъ.

Насколько до сихъ поръ извѣстно, описываемое животное живетъ во всѣхъ рѣчныхъ водахъ Южной Америки между 10° и 17° южной широты. Въ Амазонской рѣкѣ и ея притокахъ, а также въ Ориноко, оно встрѣчается довольно часто. По своимъ движеніямъ инія, говорятъ, сильно отличается отъ морскихъ дельфиновъ; она плаваетъ не такъ быстро и вообще болѣе медленна, для дыханія на поверхности воды она подымается очень часто и встрѣчается лишь небольшими обществами. Гумбольдтъ, впрочемъ, не подтверждаетъ послѣдняго наблюденія, а говоритъ, что онъ ихъ встрѣчалъ въ одномъ мѣстѣ въ большомъ количествѣ. «Въ воздухѣ совсѣмъ стихло», говоритъ онъ, «и на поверхности рѣки показались довольно большія китообразныя животныя, похожія на дельфиновъ нашихъ морей; они плавали многочисленными рядами и играли на поверхности воды. Крокодилы, по природѣ своей лѣнныя и медленныя, казалось, боялись этихъ шумныхъ и подвижныхъ животныхъ; мы видѣли, что они уходили подъ воду, когда къ нимъ приближались дельфины. Удивительно, что китообразныя встрѣчаются такъ далеко отъ океана; ихъ здѣсь видятъ во всякое время года, и ничто не заставляетъ предполагать, что они въ извѣстное время подымаются вверхъ по рѣкамъ, какъ лососи». Шомбургкъ наблюдалъ рѣчныхъ дельфиновъ, которыхъ онъ принималъ также за иніи, въ Гвианѣ. Они появлялись въ особенно большомъ количествѣ во время тропическихъ дождей и вскорѣ послѣ нихъ, когда всѣ рѣки были еще переполнены водою. «Нерѣдко можно было сразу видѣть ихъ 6 или 8 штукъ, которыя плавали парами; иногда они стремительно скоро плыли около поверхности воды, иногда же правильно подымались и опускались, причемъ высовывали изъ воды не только свою острую морду, но и большую часть своего туловища. Какъ только голова показывалась надъ водою, они выпускали проглоченную воду въ видѣ мелкаго дождя изъ своихъ ноздрей, что придавало большую красоту рѣкѣ, окруженной тропическими лѣсами; при этомъ они издавали довольно громкій шумъ, нѣсколько похожій на фырганіе лошадей». Отъ Батса мы узнаемъ, что въ Амазонкѣ встрѣчаются по крайней мѣрѣ три вида дельфиновъ, и что эти китообразныя вездѣ довольно многочис-

сленны, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаются даже въ удивительно большомъ количествѣ. «На широкихъ мѣстахъ этой рѣки», говоритъ вышеупомянутый натуралистъ, «отъ устья вверхъ по теченію, на разстояніи 1500 англійскихъ миль безпрестанно слышишь, особенно ночью, какъ эти дельфины плескаются, дуютъ и сопятъ, и эти звуки въ значительной степени способствуютъ тому, что въ душѣ путешественника является такое же чувство одиночества и отчужденности отъ всего міра, какое бываетъ, когда путешествуешь по морю. По способу появленія на поверхности воды и обратнаго нырянья, можно тотчасъ отличить вышеописаннаго бонто отъ встрѣчающагося вмѣстѣ съ нимъ въ нижнемъ теченіи Амазонской рѣки другого дельфина, **Тукукси** (*Steno tucuxi*). Послѣдній при появленіи на поверхности воды поднимается прямо вверхъ, такъ что прежде всего видишь его спинной плавникъ, а послѣ выдыханія ныряетъ тихо, головою впередъ; первый же, т. е. бонто высовываетъ прежде всего голову, затѣмъ дышетъ и послѣ того, выгибая спину, ныряетъ внизъ головою, такъ что при этомъ видна вся его спина и хвостовой плавникъ. Кромѣ этого различія въ движеніяхъ бонто отличается еще тѣмъ, что онъ всегда держится парами». По этому описанію видно, что инія во многомъ похожа на встрѣчающуюся въ нашихъ моряхъ морскую свинью. Отъ другихъ наблюдателей мы узнаемъ, что инія почти всегда держится на поверхности воды и довольно часто высовываетъ изъ нея свою длинную клювовидную морду, проглатывая пойманную добычу надъ водою. Пища ея состоитъ главнымъ образомъ изъ маленькихъ рыбъ, но говорятъ, что она ѣстъ также и нѣкоторые плоды, которые падаютъ въ рѣку съ стоящихъ на берегу деревьевъ. Инія держатся охотнѣе всего тамъ, гдѣ вода чиста и глубока, а также и около устьевъ притоковъ, очевидно потому, что въ этихъ мѣстахъ больше всего бываетъ рыбы. О времени спариванія и продолжительности беременности еще ничего неизвѣстно. Самка, которую наблюдалъ Д'Орбиньи, шесть часовъ до своей смерти родила дѣтеныша, который имѣлъ всего одинъ футъ длины. Кромѣ того извѣстно, что мать точно такъ же заботится о своемъ дѣтенышѣ, какъ и другіе дельфины.

Туземцы инію не преслѣдуютъ. Мясо ея, говорятъ, очень твердо, жира у нея мало, а кожа годится развѣ только для щитовъ; поэтому охота за нею невыгодна. Однако ее шадятъ не столько потому, что отъ нея мало пользы, а скорѣе вслѣдствіе особыхъ возрѣній на нее самое и на образъ ея жизни. По словамъ Бэтса, про это животное ходятъ у туземцевъ различные таинственные рассказы. Въ глазахъ многихъ прибрежныхъ жителей инія есть злая водяная волшебница, которая иногда появляется въ образѣ прекрасной женщины, съ длинными вьющимися волосами и увлекаетъ неопытныхъ молодыхъ людей для того, чтобы погубить ихъ. Въ такомъ видѣ она часто появляется даже на улицахъ города Эга, и многіе люди ею увлекались и слѣдовали за ней до берега рѣки; волшебница тогда съ громкимъ побѣднымъ крикомъ обнимала ихъ и вмѣстѣ со своею жертвою исчезала въ волнахъ. Никто поэтому не станетъ нарочно убивать рѣчного дельфина и, хотя жиръ его вполне пригоденъ для горѣнія въ лампахъ, никто не станетъ пользоваться такимъ свѣтильникомъ, такъ какъ, по общему мнѣнію, вмѣсто того, чтобы свѣтить, онъ производитъ слѣпоту или вредитъ другимъ образомъ. Бэтсъ нѣсколько лѣтъ сряду напрасно уговаривалъ индѣйцевъ поймать для него инію и наконецъ, воспользовавшись большою нуждою одного бѣдняка, уговорилъ его заняться этой охотой. Но бѣдный рыбакъ потомъ горько раскаивался въ этомъ поступкѣ и суевѣрно утверждалъ, что послѣ этой охоты счастье его совсѣмъ оставило.

Подъ именемъ *Platanista* Плиніи описываетъ дельфина, который живетъ въ Гангѣ и, по его словамъ, достигаетъ 7 п. длины. Подобное животное дѣйствительно существуетъ, но оно ростомъ гораздо меньше, чѣмъ утверждаетъ знаменитый древній натуралистъ, именно не болѣе 2 п. длины. Дельфинъ этотъ отличается отъ другихъ видовъ очень стройнымъ туловищемъ, полулуннымъ и раздѣленнымъ на двѣ лопасти спиннымъ плавникомъ, нѣсколько приподнятой кверху длинной, тонкой, клювовидной мордой, которая на концѣ почти такой же ширины, какъ у основанія; на верхней челюсти замѣтенъ гребень, который окружаетъ длин-

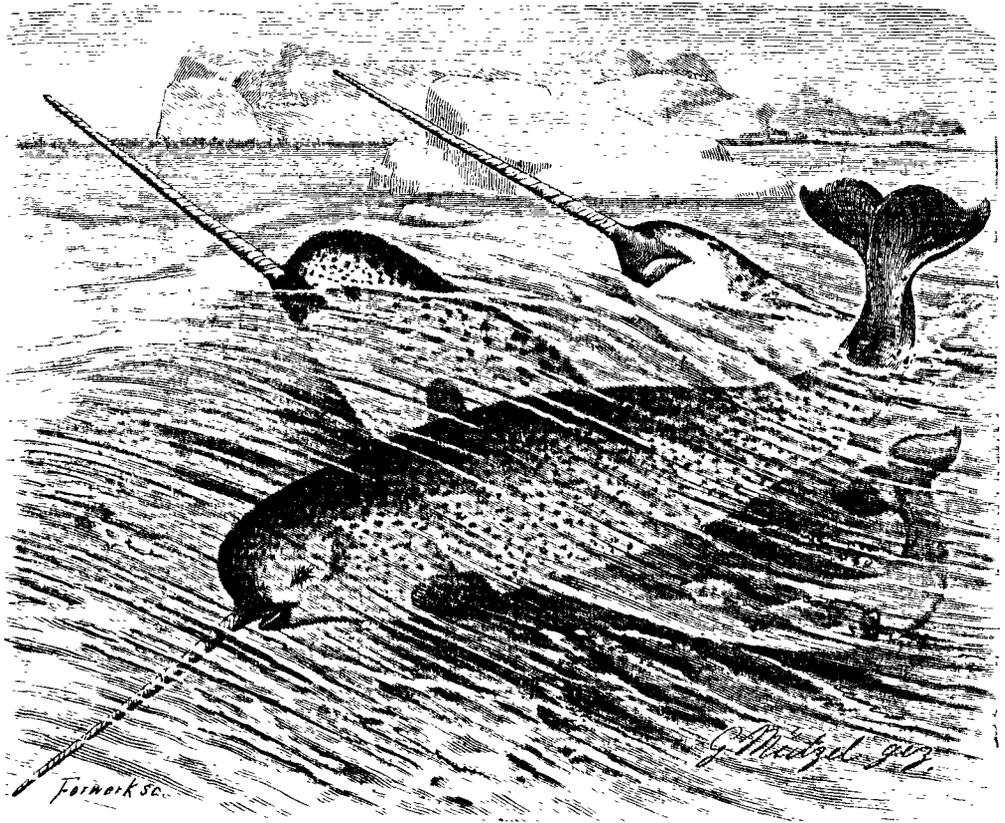

Суеукъ Гангскій. *Platanista gangetica*. $\frac{1}{18}$ наст. велнч.

ныя, узкія, стоящія рядомъ ноздри. Дельфинъ этотъ называется **Суеукъ Гангскій** (*Platanista gangetica*, *usa gangeticus*, Schnabeldelphin, Dauphin du Gange). Въ Индіи онъ носитъ названіе **Зундзе**, **Зузу**, **Булханъ**, **Гиху**, по санскритски онъ называется **Зизумаръ**. На челюстяхъ у него замѣчаются отъ 30—32 большихъ коническихъ и острыхъ зубовъ, загнутыхъ немного назадъ; передніе изъ нихъ самые длинные и тонкіе. Спинной плавникъ обозначенъ только небольшой складкой кожи, кожа сверху сѣровато-черная, а снизу сѣровато-бѣлая. Жердонъ увѣряетъ, что довольно часто встрѣчаются животныя, испещренныя мелкими сѣрыми пятнами, а Андерсонъ замѣтилъ, что самцы меньше ростомъ, но толще самокъ, и имѣютъ также болѣе короткій клювъ.

Это удивительное животное, которое не можетъ однако считаться единствен-

нымъ представителемъ дельфиновъ. живущихъ въ рѣкахъ юго-восточной Азій, встрѣчается не только въ Гангѣ и его притокахъ, но также въ Брампутрѣ и въ Индѣ. Въ нижнемъ теченіи Ганга его чаще всего видно въ холодное время года; предполагаютъ, что въ жаркое время онъ поднимается вверхъ по рѣкѣ. Канторъ предполагалъ, что онъ уходитъ въ море, но это не подтвердилось. Стерндаль полагаетъ, что онъ всегда живетъ въ прѣсной водѣ и что только лѣтомъ во время дождей его не такъ легко замѣтить, потому что вода дѣлается мутной. Андерсонъ, который цѣлыхъ 10 дней держалъ сусука въ неволѣ, говоритъ, что ему нужно очень мало времени

Единорогъ. *Monodon monoceros* $\frac{1}{4}$ нн наст. велич.

для дыханія; онъ поднимается на поверхность черезъ каждыя 30—45 секундъ, но только на одно мгновеніе. Само собой разумѣется, что животное можетъ оставаться и дольше подъ водой. Пища состоитъ главнымъ образомъ изъ рыбъ и раковъ; иногда у него въ желудкѣ находятъ зерна риса и остатки насѣкомыхъ, но эти вещества, по словамъ Андерсона, получаются изъ съѣденныхъ дельфиномъ рыбъ. Предполагаютъ, что беременность продолжается отъ 8 до 9 мѣсяцевъ; дѣтенышей бываетъ одинъ, рѣдко два; они рождаются отъ апрѣля до іюня и въ началѣ, говорятъ, прицѣпляются мордой къ спинному плавнику матери. Мясо его ѣдятъ въ нѣкоторыхъ областяхъ Индіи, особенно охотно женщины, такъ какъ пища эта, какъ увѣряютъ тамъ, способствуетъ дѣтороженію. Жидкая ворвань идетъ на смазку кожи и вообще высоко цѣнится, такъ какъ представляетъ собою хорошую мазь противъ

боли въ конечностяхъ и онѣмѣнія ихъ. Мушцины натираются ею, чтобы сдѣлаться сильнѣе.

* * *

Единорогъ или **Нарвалъ** настолько отличается отъ другихъ зубастыхъ китовъ, что его не только отдѣляютъ въ особый родъ (*Monodon*), но даже въ отдѣльное семейство (*Monodontidae*). Норвежцы его называютъ *Lighthval*, исландцы *Þlhval* и *Rödkamm*, гренландцы *Tauwar* и *Tugalik* (*Monodon monoceros*, *Narwal*). Зубная система его отличается особенно двумя рѣзцами, изъ которыхъ одинъ, большую частью лѣвый, развивается въ огромный бивень, имѣющій отъ 2—3 метровъ длины; бивни эти выдаются изъ челюсти въ горизонтальномъ направленіи, относительно довольно тонки, внутри пустые и свернуты винтомъ справа налѣво. У самокъ бивни эти развиваются только въ видѣ исключенія и бываютъ гораздо меньше. Кромѣ того на верхней челюсти замѣтны два небольшихъ переднихъ зуба и по одному коренному; но зубы эти бываютъ большую часть только у молодыхъ животныхъ; на нижней челюсти зубовъ никогда не бываетъ. Черепъ развитъ не симметрично, второй шейный позвонокъ срастается съ третьимъ и четвертымъ, а иногда съ пятымъ и шестымъ; позвоночникъ состоитъ кромѣ того изъ 12 спинныхъ, 9 поясничныхъ и 24—26 хвостовыхъ позвонковъ; грудная кость спереди и сзади имѣетъ вырѣзки, а по срединѣ отверстіе; лопатки короткія и широкія; плечевая кость на верхнемъ концѣ очень утолщена, вверху плоская и срослась съ предплечьемъ, кисть состоитъ изъ 7 костей запястья и 5 пальцевъ, имѣющихъ 3, 4 и 5 суставовъ. Цилиндрическая, спереди округленная голова занимаетъ седьмую часть удлиненаго веретенообразнаго тѣла; очень короткая, широкая и толстая морда съ правой стороны нѣсколько скошена, не отдѣляется отъ плоскаго лба и спереди сфѣзана почти отвѣсно. Глаза сидятъ довольно далеко по сторонамъ головы, немного выше рта, а очень маленькія уши расположены около 15 см. за ними; полулунное дыхало находится на срединѣ лба, между глазами. Отъ дыхала идетъ короткая общая трубка къ двумъ воздушнымъ мѣшкамъ, которые находятся подъ ноздрями, довольно широки и внутри одѣты темно-сѣрой кожей; мѣшки эти соединяются съ дыхательнымъ горломъ и могутъ быть сверху закрыты клапанами. Настоящаго спиннаго плавника нѣтъ и онъ обозначенъ только складкой кожи. Ласты сидятъ на концѣ первой пятой части тѣла; они коротки, яйцевидны и спереди толще, чѣмъ сзади; очень большой хвостовой плавникъ раздѣленъ на двѣ лопасти и сзади имѣетъ по срединѣ глубокую вырѣзку. Окраска очень глянцевиной, мягкой, бархатистой кожи довольно разнообразна, смотря по возрасту и полу. У самцовъ на бѣлой или желтоватобѣлой основной окраскѣ замѣчаются многочисленныя, неправильной формы, но большую частью удлиненыя, довольно большія темно-бурыя пятна, которыя гуще всего сидятъ на спинѣ, а на животѣ очень рѣдки, на головѣ же эти пятна почти сливаются. У самокъ пятна меньше, но сидятъ гуще, чѣмъ у самца; молодые животные гораздо темнѣе старыхъ. Встрѣчаются иногда единороги совсѣмъ бѣлые, желтоватобѣлые и сѣроватобѣлые безъ пятенъ. Длина животнаго доходитъ до 6 м., но чаще бываетъ отъ 4—5 м., ластъ длиною въ 30—40 см., ширина хвостоваго плавника 1—1,3 м.

Неудивительно, что наши предки рассказывали объ единорогахъ разныя баснословныя исторіи. Столь поразительное животное, безъ сомнѣнія, должно возбуждать удивленіе людей, а до тѣхъ поръ, пока наука не скажетъ своего трезваго и дѣльнаго слова, фантазія досуужихъ людей можетъ сильно разыгрываться. Особенно баснословныя предположенія относились къ зубу единорога. Уже Страбонъ говоритъ о морскомъ «Орикѣ», который очень большого роста и вмѣстѣ съ китомъ встрѣчается

у береговъ Испаніи. Альбертъ Великій рассказываетъ довольно много объ этомъ животномъ и называетъ его рыбой, у которой на лбу сидитъ рогъ; этимъ рогомъ животное можетъ проткнуть другихъ рыбъ и даже корабли, но оно такъ медленно въ своихъ движеніяхъ, что отъ него легко спастись. Рошфоръ первый даетъ хорошее изображеніе нарвала и первый же приводитъ рассказъ о томъ, что этотъ китъ пользуется своимъ зубомъ для борьбы съ другими китами и что онъ имъ также разбиваетъ ледъ, отчего очень часто встрѣчаются животныя съ обломанными зубами. Фабриціусъ первый сомнѣвается въ томъ, что нарвалъ протыкаетъ камбалъ и другихъ рыбъ, которыми онъ питается, своимъ зубомъ, а затѣмъ поднимаетъ зубъ къверху, чтобы добыча понемногу скользила до рта, гдѣ онъ схватываетъ ее языкомъ. Скоресби наконецъ соглашается съ мнѣніемъ, что бивень единорога служитъ ему необходимымъ орудіемъ для разламыванія льда. Мы съ своей стороны думаемъ, что бивень единорога вужно считать однимъ изъ тѣхъ многочисленныхъ орудій для защиты и нападенія, которымъ снабжены самцы многихъ животныхъ. Если бы этотъ зубъ былъ необходимъ для ловли и добычи или для какой-нибудь другой настоящей надобности, то трудно было бы объяснить, какъ самки обходятся безъ него.

Единорогъ долженъ считаться жителемъ сѣверныхъ морей и чаще всего встрѣчается между 70° и 80° с. ш. Онъ очень обыкновененъ въ Девисовомъ проливѣ и Баффиновомъ заливѣ, въ Ледовитомъ океанѣ между Гренландіей и Исландіей, около Новой Земли и на сѣверныхъ берегахъ Сибири; его рѣдко можно встрѣтить южнѣе полярнаго круга: на берегахъ Великобританіи, насколько мнѣ извѣстно, въ послѣдніи столѣтія были выброшены на берегъ только 4 нарвала; у нѣмецкихъ береговъ видали и убили двухъ единороговъ въ 1736 году. На родинѣ онъ почти всегда встрѣчается многочисленными стадами, такъ какъ любитъ общество не менѣе другихъ китовъ. «Во время ихъ странствованій», говоритъ Браунъ, «я видалъ стада въ нѣсколько тысячъ экземпляровъ. Тѣсными рядами, зубъ около зуба и хвостъ около хвоста, точно полкъ кавалеріи, направлялись они къ сѣверу, правильно приподнимаясь и опускаясь, причѣмъ путь ихъ извивался волнообразно. Подобныя стада не всегда состоятъ изъ особей одного и того-же пола, какъ утверждаетъ Скоресби, но въ нихъ въ перемежку встрѣчаются самцы и самки». Относительно своихъ странствованій и выбора мѣстожительства единороги ближе всего подходятъ къ бѣлухамъ, но можетъ быть больше, чѣмъ эти послѣднія, должны быть названы полярными животными, такъ какъ направляются на югъ только съ наступленіемъ самыхъ сильныхъ зимнихъ морозовъ и возвращаются на сѣверъ, какъ только ледъ начинаетъ таять. Поэтому въ датской части Гренландіи они правильно живутъ на всѣхъ берегахъ отъ декабря до марта, и то рѣдко южнѣе 55° с. ш. Когда льды понемногу затягиваютъ поверхность воды и такимъ образомъ уменьшаютъ пространство, гдѣ они могутъ ловить добычу, то нарвалы большею частью вмѣстѣ съ бѣлухами собираются въ тѣхъ мѣстахъ, которыя остаются незамерзшими даже въ самые сильные морозы и при дыханіи на поверхности воды образуютъ такую густую толпу, что старшій писатель Фабриціусъ удивляется, какъ они искусно маневрируютъ, чтобы не ранить другъ друга своими бивнями. На подобнаго рода наблюденіяхъ основывается, вѣроятно, и въ послѣднее время высказанное предположеніе, что животныя эти разбиваютъ ледъ своими бивнями, между-тѣмъ какъ вѣрнѣе предположить, что подобныя небольшія полынья именно потому и не замерзаютъ зимою, что такое большое количество крупныхъ животныхъ въ нихъ безпрестанно толкуются и колыхать воду. По описаніямъ новѣйшихъ мореплавателей это китообразное животное представляетъ собою подвижное и веселое созданіе, которое привлекаетъ взоры наблюдателя быстротой своихъ движеній и безпрестаннымъ появленіемъ на поверх-

ности воды и ныряемъ. Они вовсе не заводятъ битвъ съ другими китами, какъ сочиняли древніе, и живутъ между собою довольно мирно до тѣхъ поръ, пока не вмѣшается въ дѣло любовь и не возбудитъ гнѣвъ двухъ самцовъ. Что подобное дѣйствительно встрѣчается и что битвы между двумя самцами бываютъ дѣйствительно серьезныя, можно съ достовѣрностью предположить по тому, что рѣдко убиваютъ стараго нарвала съ неповрежденнымъ зубомъ и что часто наблюдали такіе случаи, гдѣ не только бивни были обломаны, но въ пустыхъ ячейкахъ ихъ торчали кончики чужихъ зубовъ. О размноженіи единороговъ до сихъ поръ извѣстно очень мало: Браунъ одинъ сообщаетъ, что животныя совокупаются въ вертикальномъ положеніи и что самка рождаетъ лишь одного дѣтеныша.

Пищею единороговъ служатъ рыбы, голыя моллюски и голотурія. Скоресби находилъ въ желудкѣ ихъ камбалъ, которыя были въ три раза шире ихъ глотки, и удивляется, какъ животное можетъ своимъ беззубымъ ртомъ удержать такую большую добычу и проглотить ее; онъ поэтому предполагаетъ, что нарвалъ прежде протыкаетъ камбалу своимъ зубомъ и проглатываетъ уже мертвою. Почтенный натуралистъ однако снова забываетъ бѣдную самку, которая также должна питаться. Вѣроятно, единорогъ ловитъ свою добычу на-ходу и такъ ее сжимаетъ своею пастью, что ее сказывается возможно проглотить: живущіе въ неволѣ тюлени имѣютъ также обыкновеніе свертывать камбалу такъ, какъ кухарки свертываютъ блины въ трубочку, и такимъ образомъ готовятъ эту широкую добычу къ проглатыванью.

Много опасностей и враговъ угрожаетъ жизни единорога, и не отъ какого кита не находятъ такъ часто остатковъ, какъ отъ нихъ. Зима наступаетъ въ полярныхъ моряхъ иногда удивительно скоро и внезапно покрываетъ ледянымъ покровомъ поверхность воды, что въ высшей степени затрудняетъ жизнь всѣмъ морскимъ животнымъ, дышащимъ атмосфернымъ воздухомъ; такимъ образомъ погибаютъ сотни и тысячи этихъ китобразныхъ, и море впоследствии выбрасываетъ ихъ трупы или скелеты на берегъ. Единорога мучатъ маленькіе паразиты и на него нападаютъ крупныя враги. Небольшіе червеобразные паразиты встрѣчаются въ огромномъ количествѣ не только во внутренностяхъ, но и въ полости рта, за нѣбомъ; они жадно впиваются въ кожу, причиняютъ злокачественныя воспаленія и затрудняютъ единорогу принятіе пищи. Страшные меченосы (*Xiphias*) нисколько не боятся бивней нарвала и нападаютъ на нихъ точно такъ-же, какъ на безоружныхъ бѣлухъ. Наконецъ и человѣкъ усердно ихъ преслѣдуетъ. Этой охотой, впрочемъ, занимаются больше сѣверныя инородцы, а не пріѣзжіе китоловы. такъ какъ быстрота и ловкость этого животнаго затрудняютъ ловлю его, которая дѣлается легкою только въ тѣхъ небольшихъ полыньяхъ, гдѣ единороги собираются въ большомъ количествѣ для дыханія. Въ открытомъ морѣ иногда бьютъ ихъ остроугою, но ловля однако незначительна, такъ какъ она не особенно выгодна для европейцевъ и американцевъ. Мясо и жиръ одинаково высоко цѣнятся. Первое очень вкусно, особенно если хорошо приготовлено. Всѣ датчанки, живущія въ Гренландіи, подаютъ это мясо на столъ варенымъ или жаренымъ и покрытымъ желе, которое приготовлено изъ жирной кожи нарвала, причѣмъ убѣждены, что это кушанье понравится даже чужому избалованному гостю. Туземцы Гренландіи дѣлятъ это мясо варенымъ и сушенымъ, а кожу и жиръ въ сыромъ видѣ; жиръ кромѣ того жгутъ въ лампахъ; изъ сухожилій готовятъ нитки, изъ глотки дѣлаютъ пузыри, которые употребляются при рыбной ловлѣ, и даже кишки идутъ въ дѣло.

Въ прежнія времена за бивни единорога платили необыкновенно большія деньги. Имъ приписывали разныя волшебныя свойства и умѣли ими пользоваться гораздо разнообразнѣе, чѣмъ мы, которые видимъ въ этихъ зубахъ только вещество,

нѣсколько похоее на слошовую кость. Еще полтораота лѣтъ тому назадъ въ Европѣ было мало бивней единороговъ, и тѣ, которые привозились изрѣдка мореплавателями, очень легко продавались. Ихъ считали за рогъ библейскаго единорога, и потому англичане украшали такимъ зубомъ лобъ баснословнаго единорога, изображеннаго на ихъ гербѣ. Фитцингеръ пишетъ: «Императоры и короли приказывали изъ этихъ зубовъ готовить себѣ трости, которыя были украшены искусной рѣзбой; ихъ носили за королями въ торжественныхъ случаяхъ, какъ нѣчто особенно драгоценное. Изъ подобныхъ зубовъ готовились и епископскіе посохи. Еще въ XVI столѣтіи въ Байрейтскомъ архивѣ сохраняли 4 подобныхъ зуба, какъ необыкновенную рѣдкость. Два байрейтскихъ маркграфа получили одинъ изъ этихъ зубовъ отъ императора Карла V въ уплату значительнаго долга, а за самый большой изъ нихъ въ 1559 году венеціанцы предлагали огромную сумму въ 30 тысячъ цехиновъ, но предложеніе ихъ было отвергнуто. Третій употреблялся какъ лѣкарство, но только для лицъ княжескаго семейства, и его считали столь драгоценнымъ, что когда приходилось отрѣзывать ломтикъ, то при этомъ присутствовали уполномоченные отъ обоихъ владѣтельныхъ князей. Бивень единорога, который висѣлъ на золотой цѣпи въ музей саксонскаго курфюрста въ Дрезденѣ, цѣнили въ 100 тысячъ талеровъ».

Съ увеличеніемъ мореплаванія зубы эти все болѣе и болѣе теряли цѣну. Гренландское торговое общество въ началѣ XVIII столѣтія послало много подобныхъ зубовъ въ Москву, предлагая ихъ купить русскому царю, но врачъ царя отсвѣтывалъ ихъ покупать, сказавши, что это не рога настоящихъ единороговъ, а зубы большой рыбы. Посланный долженъ былъ вернуться въ Копенгагенъ, не продавши ни одного бивня, и тамъ надъ нимъ очень смѣялись и бранили его. Чѣмъ болѣе убѣждались въ томъ, что зубы эти вовсе не рога баснословнаго единорога, тѣмъ болѣе переставали вѣрить въ ихъ чудесную силу; но еще въ концѣ прошлаго столѣтія куски этихъ зубовъ находились во всѣхъ аптекахъ, и нѣкоторые врачи прописывали жженую кость единорога. Въ нынѣшнее время, по Вестендарну, одинъ килограммъ бивня, величиною въ 1 м., стоитъ около 12 марокъ, а каждый килограммъ бивня въ 2 м. и больше, именно—18 марокъ.

Для полноты описанія я, по крайней мѣрѣ, упомяну о третьемъ семействѣ зубастыхъ китовъ, именно **Клюворылыхъ нитахъ** (*Hyperoodentidae*), которые водятся въ южныхъ моряхъ и заключаютъ въ себѣ нѣсколько видовъ. Принадлежащія сюда киты отличаются отъ дельфиновъ какъ вытянутымъ въ видѣ клюва рыломъ, такъ и зубами: на нижней челюсти съ каждой стороны у нихъ по одному или по два зуба, а иногда еще нѣсколько неразвитыхъ зубовъ, коронки которыхъ не выдаются изъ десенъ.

Одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ китовъ этого семейства **Доглингъ** или **Высоколобый Клюворылъ**, называемый англичанами *Bottlenose*, норвежцами *Nebbhal*, исландцами *Andarnefia* или *Andhvalur*, гренландцами **Анарнякъ** и т. д. (*Hyperoodon bidens*, *Delphinus bidens*, *hyperodon* и *hunteri*, *Hyperoodon borealis*, *rostratum*, *butskopf* и *hunteri*, *Cetodiondon hunteri* и т. д. *Entenwal*. *Baleine à bec*), довольно большой китъ, достигающій отъ 6—8 м. длины. Туловище его нѣсколько напоминаетъ туловище косатки, но еще болѣе вытянуто; самое толстое мѣсто приходится передъ серединой тѣла, а къ хвосту оно сильно утончается. Маленькіе глаза расположены за углами рта, едва замѣтныя уши—за глазами, полулунное дыхало—на возвышенной части лба между глазами. Лапы довольно малы, коротки и узки, удлиненной яйцеобразной формы, у основанія сьужены, въ серединѣ также сьужены и наконецъ тупо округ-

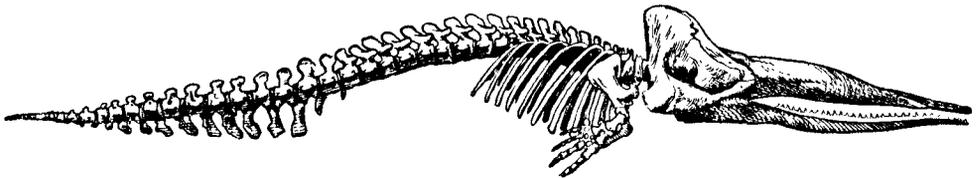
лены; они сидятъ въ концѣ первой трети длины туловища. Маленькій, низкій спинной плавникъ сидитъ на послѣдней трети длины туловища, спереди выпуклый, назадъ вогнутый, слѣдовательно имѣеть видъ серпа. Хвостовой плавникъ очень большой, имѣеть сзади лишь незначительную вырѣзку и раздѣленъ на двѣ довольно острые лопатки. Клювовидно-вытянутая морда имѣеть отъ 30—60 см. длины; отъ середины нижней челюсти, съ каждой стороны замѣчается короткая, но глубокая складка кожи, направляющаяся назадъ; подобная складка находится сзади около горла. Кожа на всемъ тѣлѣ гладкая и блестящая, почти одноцвѣтно-черная, но на верхней части все-таки обыкновенно темнѣе, чѣмъ на нижней.

Область распространенія кюворыла простирается на Ледовитый океанъ и сѣверъ Атлантическаго; но отсюда онъ предпринимаетъ правильныя странствованія и такимъ образомъ появляется въ болѣе или менѣе южныхъ моряхъ. Онъ ежегодно встрѣчается около Ферерскихъ острововъ и нерѣдко у береговъ Великобританіи, гдѣ даже заходитъ въ глубокія и широкія устья рѣкъ. У береговъ Гренландіи онъ не очень обыкновененъ, но при входѣ въ Девисовъ проливъ встрѣчается часто, болшую частью небольшими обществами въ 3—4 экземпляра. Объ его образѣ жизни у насъ мало свѣдѣній, можетъ быть потому, что онъ мало отличается отъ другихъ зубастыхъ китовъ, въ особенности отъ дельфиновъ. По словамъ Пехуэль Леше, доглингъ дышетъ коротко и съ шумомъ отъ 4—6 разъ сряду, причемъ выпускаетъ низкій и тонкій фонтанъ; между дыханіями онъ не остается на поверхности воды, а послѣ каждого раза ныряетъ. Однако глубоко онъ тогда не уходитъ, такъ что его можно видѣть подъ водою. Пищу его составляютъ головоногія, голыя моллюски и, при случаѣ, мелкая рыба. Моллюсковъ онъ съѣдаетъ несмѣтное количество: въ желудкѣ одного убитаго кюворыла нашли остатки около 10 тысячъ этихъ животныхъ. Сравнительно со своей незначительной величиной онъ ныряетъ очень глубоко и остается подъ водою долго; по наблюденіямъ Кюкенталя, раненый гарпуномъ кюворыль, вытянулъ 300 саженой веревки и оставался подъ водою 45 минутъ.

Доглингъ былъ выбрасываемъ на берегъ нѣсколько разъ, на берегахъ Англіи, Франціи, Голландіи, Германіи, Швеціи, Европейской Россіи и Сибири. Въ сентябрѣ 1788 года около Гонфлера попала на берегъ самка со своимъ дѣтенышемъ. Мать долго старалась столкнуть маленькаго кита въ глубокое мѣсто и отъ того сама погибла. Рыбаки, замѣтившіе обоихъ животныхъ, вытащили дѣтеныша совсѣмъ на сушу и смертельно ранили самку, которая долго не отходила отъ своего дѣтныща. Хотя ей удалось уилыть въ открытое море, но на слѣдующій день ее нашли на берегу мертвою на разстояніи 3 миль отъ того мѣста, гдѣ она была ранена. Въ 1867 году два кюворыла появились въ гавани Ньюпорта въ Сѣверной Америкѣ и ихъ стали усердно преслѣдовать; одинъ изъ нихъ ушелъ въ море, но другого убили; онъ оказался въ 8,2 м. длины, ширина хвоста равнялась 1,85 м., клювъ имѣлъ 68 см. длины, а въ желудкѣ нашли многочисленные остатки каракатицъ. Въ послѣднее время норвежскіе китоловы каждую весну занимаются правильной ловлей кюворыла около острова Янгъ-Майенъ и ихъ ежегодно убиваютъ сотнями. У кюворыла, какъ и у кашалота, находятъ въ головѣ жидкій спермацетъ, который расположенъ въ тканяхъ надъ верхними челюстями.

Представителемъ четвертаго семейства зубастыхъ китовъ, **Кашалотовыхъ**, служитъ **Кашалотъ**, называемый англичанами Spermwhale, исландцами Tweldhval, гренландцами **Кегутильнъ**. (*Catodon macrocephalus*, *Balaena macrocephala*, *Physeter macrocephalus*)

и trampo. Pottwal. Cachalot). Кашалотъ несомнѣнно самый неуклюжій и безобразный видъ всего отряда китообразныхъ; онъ отличается необыкновенно массивной головой, у которой морда сильно раздута и спереди какъ-бы обрублена; у него только одно дыхало, расположенное не совсѣмъ симметрично на лѣвой сторонѣ головы. Нижняя челюсть кашалота состоитъ изъ двухъ половинокъ, очень близко стоящихъ другъ къ другу и образующихъ спереди чрезвычайно острый уголъ; на нижней челюсти мы замѣчаемъ одинъ рядъ конусообразныхъ, почти одинаковой величины зубовъ; на верхней челюсти замѣтны только недоразвитые зубы. Грэй очень опредѣленно различаетъ два вида кашалотовъ, изъ которыхъ каждый, по его мнѣнью, служитъ представителемъ особаго подсемейства. Однако слѣдуетъ еще рѣшить вопросъ, постоянны ли отличительные признаки, приводимые Грэемъ и не принадлежатъ-ли они къ числу случайныхъ. Опытные китоловы считаютъ, что всѣ кашалоты принадлежатъ къ одному виду, но полагаютъ, что различныя мѣстныя условія и количество пищи имѣютъ влiяне не только на величину этого кита, но и на строенiе нѣкоторыхъ частей тѣла. Изслѣдованiе этихъ животныхъ встрѣчаетъ почти непреодолимыя трудности и мѣшаетъ, какъ правильно замѣчаетъ Пенпигъ, составить себѣ вѣрное понятiе объ его вѣншемъ видѣ. «Хорошенько рассмотреть это животное можно только тогда, когда оно бываетъ выкинуто волнами на берегъ; однако и въ этомъ случаѣ тѣло его не

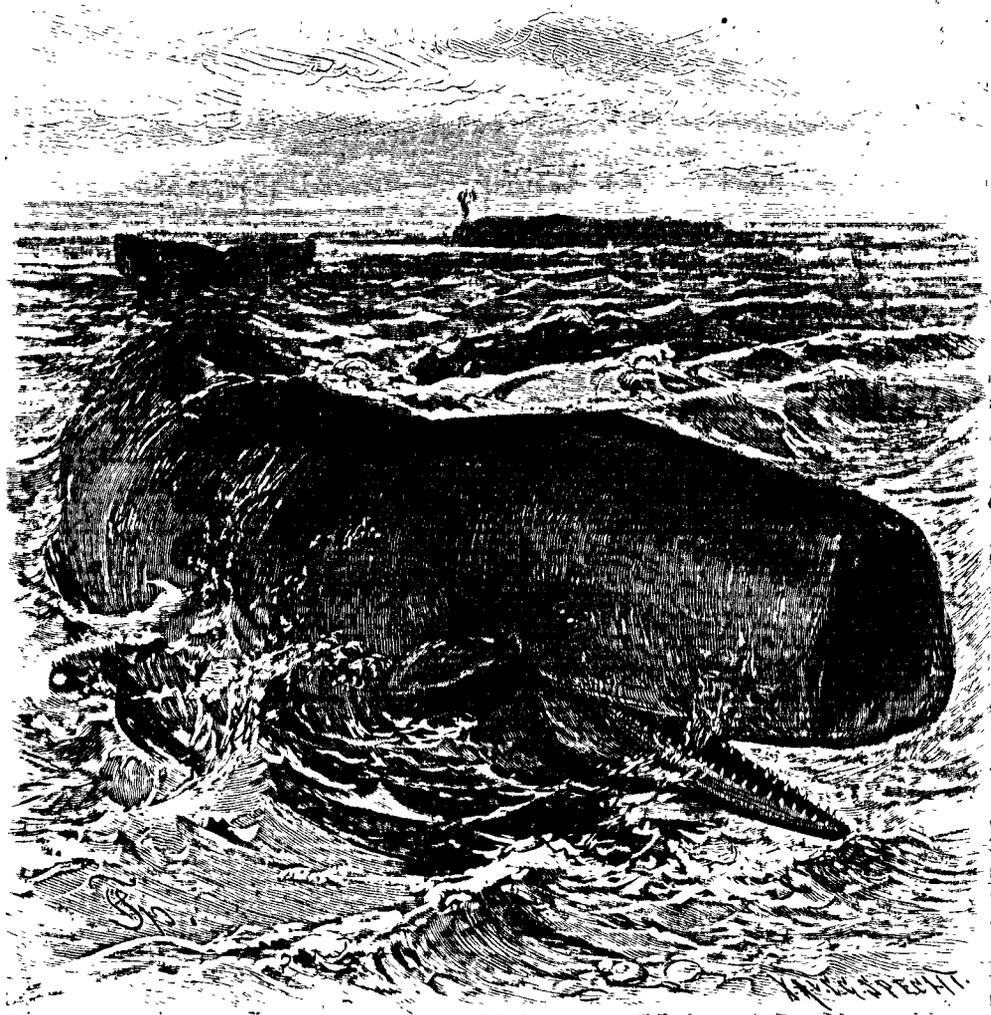

Скелетъ кашалота.

сохраняетъ настоящей формы и рисовальщикъ не можетъ его вѣрно срисовать, потому что чудовищно большое тѣло сжимается отъ собственной тяжести и кромѣ того вдавливается въ песокъ. Спокойно лежащихъ на водѣ кашалотовъ можетъ видѣть только китоловъ, и то при счастливомъ случаѣ; но при видѣ такой богатой добычи ему, конечно, не до рисованiя. Этимъ можно объяснить, что до сихъ поръ не существуетъ вполнѣ безукоризненнаго рисунка кашалота, составленнаго опытнымъ глазомъ наблюдателя-специалиста, а безъ подобнаго рисунка зоологамъ очень трудно устранить всякiя недоразумѣнiя, касающiяся этого животного».

По длинѣ тѣла кашалотъ уступаетъ только немногимъ беззубымъ китамъ; по нѣкоторымъ наблюдениямъ длина старыхъ самцовъ доходить до 30 м., но вѣроятно правильнѣе опредѣлить эту длину среднимъ числомъ въ 20—23 м., пока еще не сдѣланы точныя измѣренiя. Окружность тѣла достигаетъ 9—12 м., а ширина огромнаго плеса до 5 м. Всѣ эти измѣренiя относятся къ самцамъ, потому что самки всегда гораздо меньше и не достигаютъ даже половины этой длины. Ласты въ сравненiи съ длиной тѣла удивительно малы: у самаго большого животного они бываютъ не длиннѣе 2 м., при 1 м. ширины. Огромная голова кашалота похожа на безобразную колоду и по ширинѣ и высотѣ не отличается отъ туловища, которое незамѣтно съ нею соединяется. Если разсматривать туловище спереди, въ поперечномъ разрѣзѣ, то середина спины нѣсколько вогнута; бока сначала идутъ почти отвѣсно, но къ животу очень сильно расширяются, а на нижней сторонѣ живота образуется какъ-бы киль, очень тупой на передней трети тѣла, а затѣмъ къ хвосту все болѣе и болѣе заостряющiйся. На послѣдней трети спины возвышается низкiй горбовидный и какъ-бы раздутый жировой плавникъ, который не можетъ двигаться, спереди возвы-

шается постепенно, а сзади как-бы обрѣзанъ. Короткіе, широкіе и толстыя ласты прикрѣплены тотчасъ за глазами; на верхней поверхности ихъ замѣтны пять продольныхъ складокъ, соответствующихъ пальцамъ, а на нижней сторонѣ они совсѣмъ гладки. Хвостовой плавникъ не имѣетъ сзади большой вырѣзки и потому не раздѣленъ на двѣ лопасти; у молодыхъ экземпляровъ задній край его имѣетъ складки,

Кашалотъ. (*Catodon macrocephalus*) ¹ 125 наст. вел.

а у старыхъ онъ гладкій и задній край образуетъ почти прямую линію. Отъ спинного плавника до хвоста вдоль спины расположено нѣсколько возвышеній, имѣющихъ видъ небольшихъ горбовъ. Дыхало расположено не на лбу, какъ у другихъ китовъ, а около верхняго края морды; оно лежитъ не на самой серединѣ, а немного налѣво и имѣетъ видъ щели, искривленной въ видѣ французскаго S, отъ 20—30 см. длины. Пасть очень широка и раскрывается почти до глазъ. Нижняя челюсть гораздо короче и уже верхней, которая при закрытомъ ртѣ ее обхватываетъ; на верхней челюсти замѣчаются также конусообразныя зубы безъ корней, изъ которыхъ

многіе потомъ выпадаютъ, а другіе почти не выдаются изъ десенъ. Зубы нижней челюсти гораздо больше, ихъ бываетъ отъ 39—52; на одной сторонѣ часто больше, чѣмъ на другой. У молодыхъ животныхъ кончики зубовъ острые, впоследствии они притупляются, а у очень старыхъ животныхъ они состоятъ изъ пустого эмалеваго конуса, полость котораго наполнена костянымъ веществомъ. Голова поражаетъ своей огромной массой и тѣмъ, что къ мордѣ она вовсе не суживается, черепъ-же замѣчательнъ своею несимметричностью. На головѣ подъ слоемъ жира, имѣющаго нѣсколько сантиметровъ толщины, находится слой сухихъ жилъ, закрывающій собою полость, раздѣленную пополамъ поперечной перегородкой со многими отверстиями. Вся эта полость наполнена прозрачной маслянистой жидкостью, спермацетомъ, который кромѣ того находится въ длинной трубкѣ, идущей отъ головы къ хвосту и въ небольшихъ мѣшечкахъ, разбѣянныхъ въ мясо и жирѣ. Въ шеѣ срастаются 6 позвонковъ, такъ что подвижнымъ остается одинъ атлантъ; затѣмъ замѣчаются 14 грудныхъ позвонковъ съ ребрами, 20 поясничныхъ и 19 хвостовыхъ. Лопатка довольно узкая, плечевая кость коротка и толста и срастается съ еще болѣе короткимъ предплечьемъ. Мясо кашалота твердое, крупноволокнистое и перерѣзано многими толстыми и крѣпкими сухими жилами. Поверхъ мяса лежитъ слой жира различной толщины. Кожа голая, почти совершенно гладкая и блестящая; сверху она темно-бурая, иногда почти чернаго цвѣта, а животъ, хвостъ и нижняя челюсть окрашены свѣтлѣе; у очень старыхъ китовъ свѣтлая окраска распространяется и на голову. Языкъ всю свою нижнюю поверхность сросся съ нижней челюстью, желудокъ раздѣленъ на четыре части, кишки въ 15 разъ длиннѣе туловища, дыхательное горло раздѣлено на три главныхъ вѣтви. Кромѣ того еще замѣчательно строеніе мочевого пузыря, который наполненъ темной, маслянистой, оранжеваго цвѣта жидкостью. Въ этой жидкости плаваютъ иногда шарообразные, твердые комки отъ 8—30 см. въ диаметръ и отъ 6—10 kgr. вѣса; по всей вѣроятности это болѣзненный продуктъ, сходный съ мочевыми камнями другихъ животныхъ. Комки эти и представляютъ драгоценное вещество, **амбру**, имѣющую большое примѣненіе въ парфюмерномъ искусствѣ.

Кашалотъ водится почти во всѣхъ моряхъ, за исключеніемъ Ледовитыхъ океановъ и сосѣднихъ съ ними морей. Еще нынѣ, отъ времени до времени, появляются извѣстія объ его присутствіи въ самыхъ сѣверныхъ моряхъ, но извѣстія эти объясняются тѣмъ, что въ прежнія времена китоловы почти исключительно посѣщали Ледовитый океанъ и изрѣдка тамъ убивали или видали случайно зашедшаго туда кашалота, что и подало поводъ ко многимъ ошибкамъ. Нельзя однако отрицать, что кашалотъ, по крайней мѣрѣ въ прежнее время, когда онъ былъ многочисленнѣе, нерѣдко встрѣчался и въ сѣверныхъ широтахъ, и до сихъ поръ иногда тамъ попадаетъ. Повидимому, онъ точно такъ-же хорошо себя чувствуетъ въ умѣренномъ и холодномъ поясѣ, какъ и въ тропическихъ моряхъ, подъ палящими лучами солнца. Однако въ большемъ количествѣ кашалотъ встрѣчается только въ теплыхъ моряхъ, а въ холодныхъ попадаютъ лишь отдѣльно странствующія или оставшія отъ стада животныя. По мнѣнію Пехуэль-Леше, настоящею родиною кашалота слѣдуетъ считать моря между 40° с. ш. и такимъ-же градусомъ ю. ш.; отсюда онъ, слѣдуя по теплымъ теченіямъ, заходитъ неправильно какъ на сѣверъ, такъ и на югъ до 50 градусовъ, а иногда и дальше. Тѣ экземпляры, которые иногда попадались около 55 и 60° с. и ю. ш. или еще дальше отъ экватора, слѣдуетъ считать заблудившимися животными; стада кашалотовъ въ этихъ широтахъ не встрѣчалъ еще ни одинъ опытный китоловъ, на слова котораго можно положиться. Около южной оконечности Африки кашалотовъ никогда не встрѣчали, а около южной оконечности Америки

они попадались нерѣдко. По словамъ Брауна онъ въ высшей степени рѣдко встрѣчается въ Девисовомъ проливѣ и Ваффиновомъ заливѣ. «Какъ было прежде, мнѣ неизвѣстно,» говоритъ этотъ натуралистъ, «но нынѣ китоловы Девисова пролива знаютъ кашалота только по имени, и многіе изъ нихъ улыбаются, когда спрашиваютъ ихъ о присутствіи этого кита въ тамошнихъ водахъ. Даже между эскимосами я нашелъ только нѣкоторыхъ, которые кое-что знали о кашалотѣ отъ третьихъ лицъ и, несмотря на очень тщательные распросы, я могъ узнать только объ одномъ случаѣ, именно въ новѣйшее время, въ 1857 году, что кашалотъ былъ убитъ около береговъ Гренландіи».

Кашалоты, подобно дельфинамъ, плаваютъ тѣсными кучками или стадами: количество экземпляровъ этихъ стадъ бываетъ очень различно, но они всегда держатся глубокихъ мѣсть. Они охотно плаваютъ около крутыхъ береговъ и старательно избѣгаютъ гибельныхъ для нихъ мелей, хотя изрѣдка и тамъ показываются. Китоловы рассказываютъ, что каждое стадо имѣетъ предводителя, стараго большого самца, который ведетъ всю толпу самокъ и молодыхъ, изъ которыхъ состоитъ прочая часть стада, и защищаетъ ихъ отъ нападенія враждебныхъ животныхъ. Старые самцы появляются иногда въ одиночествѣ или собираются въ небольшія общества. Большое стадо состоитъ обыкновенно изъ 20—30 животныхъ; но въ извѣстное время собираются, говорятъ, нѣсколько стадъ вмѣстѣ и тогда странствуютъ въ числѣ нѣсколькихъ сотенъ. Скаммонъ подтверждаетъ въ главныхъ чертахъ эти свѣдѣнія. По его наблюденіямъ, чаще всего видишь стада въ 15—20 штукъ, а иногда и болѣе сотни, и хотя самцы большую часть года встрѣчаются по-одиночкѣ, однако бывають случаи, что эти чудовища собираются вмѣстѣ и образуютъ довольно большія общества. Вожаками въ стадахъ бывають по-очереди нѣсколько старыхъ самцовъ, что необходимо вслѣдствіе того, что самки, когда у нихъ есть дѣтеныши, только о нихъ и заботятся, и ни на что другое не обращаютъ вниманія. Молодые самцы иногда образуютъ отдѣльныя стада и не разлучаются до полной возмужалости.

Относительно скорости движеній, кашалотъ мало уступаетъ другимъ быстро плавающимъ китамъ. Даже при спокойномъ плаваніи онъ проходитъ отъ 3—6 морскихъ миль въ часъ, а при возбужденіи такъ быстро прорѣзаетъ волны, что оставляетъ за собой пѣнящійся слѣдъ, какъ пароходъ. Его можно издали узнать по его движеніямъ. Когда онъ плаваетъ спокойно, то безшумно движется подъ поверхностью воды; когда-же онъ торопится, то такъ сильно машетъ хвостомъ вверхъ и внизъ, что голова его то поднимается надъ поверхностью воды, то глубоко опускается внизъ. Нерѣдко становится онъ въ водѣ отвѣсно, высоко выставляя или голову или хвостовой плавникъ, чѣмъ отличается отъ большинства другихъ китовъ. Случается даже, что онъ съ большою силою выбрасывается надъ поверхностью воды, повторяетъ это два, три раза сряду, а затѣмъ надолго уходитъ въ глубину. Если его долго преслѣдуютъ или беспокоятъ, то онъ также становится стоймя въ водѣ, выставляя голову, чтобы оглядѣться кругомъ, или ложится горизонтально на воду и перевертывается со стороны на сторону. Когда онъ играетъ, то приподнимаетъ то одинъ, то другой плавникъ и сильно бьетъ ими по водѣ или такъ сильно хлопаетъ по волнамъ своимъ плескомъ, что шумъ слышенъ очень далеко; при этомъ надъ поверхностью воды поднимаются высокія, пѣнистыя волны, которыя въ свѣтлые дни видны на разстояніи до 10 морскихъ миль и служатъ китоловамъ указаніемъ на присутствіе кашалотовъ. Обыкновенно подобнаго рода усиленныя движенія чудовища приписываютъ его стараніямъ освободиться отъ мучащихъ его паразитовъ; но на кашалотахъ рѣдко встрѣчаются тѣ животныя паразиты, которые

въ столь огромномъ количествѣ живутъ на кожѣ другихъ китовъ, и потому слѣдуетъ предположить, что онъ исполняетъ подобныя гимнастическія упражненія для мотона или ради удовольствія.

Пехуэль-Леше говоритъ, что животныя одного стада становятся часто въ правильные ряды, какъ будто на парадѣ; ряды ныряютъ и выпускаютъ фонтаны одновременно. Подобные ряды направляются въ одну сторону по прямому направленію и по всей вѣроятности это случается во время ихъ странствованій. При отсутствіи вѣтра кашалоты лежатъ иногда совершенно неподвижно на водѣ и качаются на волнахъ, иногда-же становятся вертикально, очень смѣшно выставляя свои головы на воздухъ. Въ послѣднемъ случаѣ издали кажется, что видишь передъ собой торчащія изъ воды толстыя бревна, или горлышки чудовищно большихъ бутылокъ. Вышеупомянутый натуралистъ, точно такъ, какъ и Скаммонъ, утверждаетъ, что ни одинъ китъ не двигается и не дышетъ столь правильно, какъ кашалотъ. Когда онъ вынырнетъ, то выпускаетъ не очень высокій, обыкновенно не выше одного метра фонтанъ, который однако очень толстъ и раскидистъ; фонтанъ этотъ наклоненъ впередъ и нѣсколько налѣво и съ мачты корабля виденъ на разстояніи отъ 3 до 5 морскихъ миль. Если кашалотъ торопится, то дышетъ лишь въ теченіи 2—4 секундъ и при этомъ громко пыхтитъ; если-же онъ спокоенъ, то остается на поверхности воды вдвое и втрое дольше. Число вдыханій зависитъ отъ величины животнаго, но каждое изъ нихъ, если его не беспокоятъ, остается всякій разъ одинаковое число секундъ надъ поверхностью воды, и промежутки между вдыханіями, во время которыхъ онъ остается въ глубинѣ, также одинаковы. Самки и дѣтеныши обоихъ половъ остаются подъ водою гораздо меньше, чѣмъ старые самцы; послѣдніе выдыхаютъ свои фонтаны въ теченіи 10—15 минутъ, повторяя это 40, 60 и даже 70 разъ сряду; послѣ того они какъ-бы кувиркаются, выставляютъ надъ водою свой плескъ и, достигнувъ отвѣснаго направленія, глубоко ныряютъ въ воду, гдѣ остаются до слѣдующаго вдыханія 20, 40 а иногда и 50 минутъ. Когда Скаммонъ въ 1853 году находился на китоловномъ суднѣ, то около Черепашьихъ острововъ въ Тихомъ океанѣ былъ убитъ большой кашалотъ, за которымъ гнались съ 11 часовъ утра до 4 часовъ пополудни; въ это время онъ правильно брызгалъ 55 разъ при каждомъ появленіи на поверхности воды, и затѣмъ каждый разъ оставался 55 минутъ подъ водою, при преслѣдованіи онъ плылъ какъ подъ водою, такъ и на поверхности ея со скоростью 3 морскихъ миль въ часъ. Небольшіе и молодые кашалоты не выказываютъ такой правильности при дыханіи и ныряніи, брызгаютъ не такъ много разъ подъ рядъ и чаще ныряютъ. По наблюденіямъ Скаммона маленькіе кашалоты остаются надъ водою лишь четвертую или пятую часть того времени, какое употребляютъ на это большіе, выдыхаютъ отъ 30 до 40 разъ, и подъ водою остаются не дольше 20—30 минутъ. Опытные китоловы увѣряютъ, что они по слуху могутъ отличить кашалота отъ другихъ китовъ, такъ какъ его выдыханіе производитъ совершенно своеобразный шумъ, который нельзя смѣшать съ шумомъ, производимымъ другими морскими животными.

Между внѣшними чувствами, осязаніе, повидимому, занимаетъ первое мѣсто: въ кожѣ находится множество нервныхъ сосочковъ, и она способна воспринимать самое незначительное прикосновеніе. Зрѣніе не очень плохо, и слухъ, вѣроятно, довольно развитъ, такъ какъ кашалотъ слышитъ даже негромкіе звуки. Китоловы знаютъ это очень хорошо, и при тихой погодѣ избѣгаютъ всякаго шума, если желаютъ подстеречь свою добычу. По своему характеру, кашалотъ болѣе похожъ на дельфиновъ, чѣмъ на беззубыхъ китовъ, но избѣгаетъ близости человѣка гораздо тщательнѣе, чѣмъ общежительный дельфинъ. Если кашалота преслѣдуютъ или на

него нападаютъ, то вмѣсто страха у него иногда является такая страсть къ борьбѣ, которую мы не замѣчаемъ ни у одного изъ китовъ. Часто наблюдали, что небольшая стая дельфиновъ можетъ обратитьъ въ поспѣшное бѣгство огромное стадо кашалотовъ; по опыту также извѣстно, что старые самцы, при приближеніи корабля, стараются какъ можно скорѣе спастись бѣгствомъ. Случалось, что цѣлое стадо такъ сильно пугалось приближенія врага, что, какъ-бы обезумѣвъ, оставалось на мѣстѣ, двигаясь безтолково и неловко, и давало такимъ образомъ возможность людямъ убить нѣсколько штукъ заразъ. Китоловы говорятъ, что подобный беспорядокъ и страхъ случается тогда, когда ранена сначала самка; если-же раненъ вожакъ, то все стадо обращается въ бѣгство. По наблюдениямъ Скаммона, самки выказываютъ большую привязанность другъ къ другу; онѣ собираются около раненой подруги, окружаютъ шлюпку и долго остаются около умирающей, хотя очень часто это ведетъ къ гибели нѣкоторыхъ изъ нихъ. Между молодыми самцами этой привязанности не замѣчается; они оставляютъ товарища, раненаго острогой.

Кашалотъ главнымъ образомъ питается разными видами головоногихъ, при чемъ, конечно, проглатываетъ и маленькихъ рыбъ, которыя очутятся въ его широкой пасти, но специально за ними онъ не охотится. Мореплаватели прежнихъ временъ рассказывали, что кашалотъ нападаетъ на акуль, тюленей, дельфиновъ и даже на беззубыхъ китовъ, но новѣйшіе наблюдатели ничего подобнаго не замѣчали. Съ другой стороны утверждаютъ, что онъ не пренебрегаетъ и растительной пищей, напримѣръ проглатываетъ плоды, занесенные рѣками въ открытое море. Такъ какъ онъ долѣе другихъ китовъ можетъ оставаться подъ водою, то ему легко изслѣдовать различныя пещеры и углубленія морского дна, недоступныя его родичамъ, поэтому едва-ли онъ когда-нибудь испытываетъ недостатокъ въ пищѣ. Въ точности мы еще не знаемъ, какимъ образомъ онъ схватываетъ добычу, но опытные наблюдатели полагаютъ, что онъ это дѣлаетъ такъ: спустившись въ глубину, онъ открываетъ свою очень подвижную нижнюю челюсть настолько, что она образуетъ съ туловищемъ почти прямой уголъ; подвигаясь медленно впередъ, онъ ею, какъ-бы сѣтью, захватываетъ попадающіхся животныхъ, раздробляетъ ихъ зубами и глотаетъ. Скаммонъ подтверждаетъ это предположеніе, при этомъ очень вѣрно замѣчаетъ, что въ высшей степени трудно себѣ представить, какимъ образомъ такое громадное животное добываетъ себѣ то изумительно большое количество пищи, которое ему необходимо для насыщенія. При этомъ слѣдуетъ однако имѣть въ виду, что между головоногими встрѣчаются столь громадныя животныя, что для полнаго насыщенія достаточно и одного изъ нихъ.

Матери съ сосунами встрѣчаются во всякое время года. Беннетъ-же, который подробнѣе другихъ говоритъ о дѣтенышахъ, утверждаетъ, что сосуны въ мартѣ, апрѣлѣ, октябрѣ и ноябрѣ не встрѣчаются; это однако не доказываетъ, что въ указанные мѣсяцы дѣтеныши вовсе не рождаются. Послѣ 10 мѣсячной (?) беременности самки рождаютъ одного и рѣдко двухъ дѣтенышей. Новорожденные кашалоты въ четыре раза меньше матери и тотчасъ послѣ появленія на свѣтъ начинаютъ весело плавать около матери. Для кормленія мать ложится на бокъ и дѣтенышъ схватываетъ сосокъ не кончикомъ, а угломъ рта.

Охотиться за кашалотами начали уже съ древнихъ временъ, но особенно усердно китоловы стали преслѣдовать его съ конца XVII-го столѣтія по примѣру американцевъ. Съ начала нынѣшняго столѣтія главнымъ мѣстомъ ловли кашалотовъ служитъ южная часть Тихаго океана и дѣломъ этимъ почти исключительно занимаются англичане и сѣверо-американцы. Съ 1820—1830 годъ англійскими китоловами было добыто 45,933 бочки спермацету, слѣдовательно среднимъ числомъ

въ годъ 4600 бочекъ; въ 1831 и 1832 годахъ добыча увеличивалась до 7605 и 7165. Но въ послѣднія десятилѣтія добываніе спермацета значительно уменьшилось: въ пятидесятыхъ годахъ американцы ежегодно добывали отъ 73 до 103 тысячъ бочекъ ворвани, а въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ только половину этого количества. Отъ большого кашалота-самца получается отъ 80—120 бочекъ ворвани и цѣна животнаго, смотря по очень колеблющимся цѣнамъ ворвани, бываетъ отъ 9 до 20 тысячъ марокъ; самки гораздо меньше ростомъ и стоятъ менѣе половины этой цѣны.

Охота на кашалота сопряжена съ большими опасностями, чѣмъ ловля другихъ китовъ. Беззубые киты только въ видѣ исключенія пытаются нанести вредъ своимъ преслѣдователямъ, между тѣмъ какъ кашалотъ при нападеніи на него защищается, храбро устремляется на противниковъ и какъ оружіемъ пользуется не только своимъ хвостомъ, но даже своими страшными зубами. Что онъ дѣйствительно защищается зубами, доказано многочисленными наблюденіями: на примѣръ, случалось убивать старыхъ самцовъ съ совершенно изуродованной нижней челюстью, которая, очевидно, была повреждена въ битвѣ съ другимъ кашалотомъ или какимъ нибудь другимъ, можетъ быть, неизвѣстнымъ морскимъ чудовищемъ. Кромѣ того, китоловы знаютъ по собственному опыту, что защищающійся кашалотъ не только наноситъ лодкамъ удары своей головой или мощнымъ хвостомъ, но прямо схватываетъ ихъ настью и легко разламываетъ зубами. Наблюденія показали, что онъ можетъ раздвинуть свою зубастую нижнюю челюсть такъ, что она образуетъ съ головой почти прямой уголъ, а также легко двигаетъ ея изъ стороны въ сторону. Когда въ него попадетъ гарпунъ, то онъ иногда неподвижно остаётся на мѣстѣ, какъ-бы парализованный и даетъ такимъ образомъ возможность китоловамъ быстро удалиться; но въ большинствѣ случаевъ онъ отчаянно защищаетъ свою жизнь, не ищетъ спасенія въ бѣгствѣ, но мститъ за нанесенныя раны съ большимъ ожесточеніемъ. Всѣ опытные моряки рассказываютъ случаи несчастій, происшедшихъ отъ столкновенія съ кашалотомъ; многіе изъ этихъ рассказовъ, вѣроятно, преувеличены, нѣкоторые даже просто выдуманы, но значительное число несчастныхъ случаевъ вполне достоверно и официально доказано. Мы приведемъ для примѣра нѣкоторые подобныя столкновенія.

Въ 1807 году на берегахъ Массачусета кашалотъ напалъ на корабль «Нантукетъ» и такъ его разбилъ, что судно пришло въ полную негодность. Въ 1820 году шлюпки корабля «Эссексъ» гнались за стадомъ кашалотовъ, между тѣмъ какъ корабль слѣдовалъ за ними съ полуопущенными парусами. Вдругъ недалеко отъ него появился огромный кашалотъ-самецъ, который направился къ кораблю и какъ бы случайно ударилъ его головою въ бокъ. При этомъ ударѣ корабль былъ довольно сильно поврежденъ, но и китъ, повидимому, сильно ушибся, потому что онъ сталъ неистово валиться по водѣ, но затѣмъ поправился и удалился отъ корабля. Экипажъ полагалъ, что онъ уже избавился отъ чудовища и сталъ усиленно выкачивать воду, такъ какъ слѣдствіемъ столкновенія оказалась значительная пробоина, но скоро съ ужасомъ увидали, что кашалотъ остановился на разстояніи ста саженой, обернулся и яростно снова бросился на корабль: онъ ударилъ его въ носъ и такъ разбилъ его, что корабль тотчасъ началъ тонуть. Экипажъ среди океана долженъ былъ спасаться на свои шлюпки; двѣ изъ нихъ плавали 93 и 97 дней по морю и были наконецъ спасены другими кораблями, при чемъ въ каждой шлюпкѣ остались живыми только 2 и 3 человека, которые долго питались трупами своихъ умершихъ товарищей; прочія шлюпки пропали. Другое американское китоловное судно бригъ «Анна Александръ» въ 1851 году около береговъ Перу было также сильно повре-

ждено кашалотомъ и пошло ко дну. Въ томъ-же году другое китоловное судно «Цитизентъ» не подверглось той-же участи только потому, что, вслѣдствіе сильнаго вѣтра могло быстро повернуть въ сторону, такъ что кашалотъ только мимоходомъ за-дѣлъ его. Четыре мѣсяца послѣ погибели корабля «Анна Александръ» экипажъ барки «Ревекка» напалъ на огромнаго кашалота, котораго убили довольно легко безъ приключеній. Въ его тѣлѣ нашли два гарпуна съ надписью «Анна Александръ»; голова кита была сильно повреждена, изъ огромныхъ ранъ торчали куски досокъ корабельной обшивки.

Разсказываютъ даже случаи нападенія кашалотовъ на корабли, которые вовсе не беспокоили кита. Такъ случилось съ англійскимъ кораблемъ «Ватерлоо», нагруженнымъ южными плодами. Трудно перечислить всѣ тѣ корабли, которые были разбиты этими морскими гигантами, такъ какъ часто весь экипажъ при этомъ погибалъ. Пехуэль Леше разсказываетъ слѣдующій случай. «16 декабря 1867 года одинъ изъ офицеровъ барки «Осцеола» ранилъ острогою кашалота, но шлюпка его была тотчасъ разбита китомъ, другой офицеръ поспѣшилъ на помощь, но и его шлюпка подверглась той-же участи; третья шлюпка занялась спасеніемъ плавающихъ по морю людей, а четвертая приблизилась къ киту, который схватилъ ее зубами и совершенно раздробилъ. Тогда были снужены двѣ запасныя лодки, но кашалотъ такъ яростно напалъ, что онѣ должны были спастись къ кораблю. Тогда чудовище бросилось на самый корабль, но навесло ему только ударъ бокомъ въ носъ, такъ что, хотя онъ былъ очень сильно потрясенъ и потерялъ нѣсколько досокъ, но все-таки остался годнымъ къ плаванію. Китъ также получилъ значительныя поврежденія отъ столкновенія и отъ нѣсколькихъ пушенныхъ въ него разрывныхъ пуль; поэтому онъ пересталъ такъ яростно нападать. Къ вечеру оба противника какъ-бы заключили перемиріе, но оставались на полѣ сраженія. Утромъ экипажъ снова напалъ на кашалота, который значительно ослабѣлъ и тащилъ за собой веревку съ остатками разломанной лодки. Наконецъ его удалось убить. Но подобныя приключенія оканчиваются не всегда такъ благополучно; многіе пропавшіе безъ вѣсти корабли, вѣроятно, уничтожены кашалотами, такъ что никто изъ экипажа не спасся и не могъ дать знать о несчастіи. Нѣкоторые старые самцы приобрѣли у китолововъ печальную извѣстность своею способностью разбивать корабли и расщеплять зубами шлюпки, напимѣръ огромный кашалотъ, жившій въ моряхъ около Новой Зеландіи и потому получившій отъ моряковъ прозвище «Ново-зеландскаго Тома». Онъ, говорятъ, не позволялъ ни одной шлюпкѣ приблизиться къ себѣ, шель имъ на встрѣчу и разбивалъ, если онѣ не успѣвали во время спастись. Но на корабль онъ не нападалъ. Объ этомъ «Томѣ» у китолововъ существуютъ многія сказанія и даже пѣсни; въ спинѣ его торчитъ множество гарпуновъ, такъ что онъ имѣетъ видъ ежа. Достоверно извѣстно о немъ слѣдующее приключеніе. Корабль «Адонисъ» и нѣкоторые другіе хотѣли въ пятидесятихъ годахъ завладѣть имъ соединенными силами, но кашалотъ въ короткое время разгрызъ и разбилъ 9 шлюпокъ и убилъ 4 людей, такъ что прочіе должны были отказаться отъ преслѣдованія. Во всякомъ случаѣ кашалота слѣдуетъ считать за самаго храбраго и свирѣпаго изъ всѣхъ китовъ; это, безъ сомнѣнія, самое страшное морское чудовище».

Выгоды отъ ловли кашалота довольно значительны, но едва-ли вознаграждаютъ за тѣ опасности, которымъ подвергаются при этомъ китоловы. Кромѣ сала, изъ котораго получается очень хорошая ворвань, кашалотъ доставляетъ еще спермацетъ и амбру. Спермацетъ, который получается изъ полостей на головѣ, въ свѣжемъ состояніи жидокъ, прозраченъ и почти безцвѣтенъ, но на холодѣ застываетъ и получается тогда бѣлый цвѣтъ. Чѣмъ больше его очищаютъ, тѣмъ онъ дѣлается крѣпче

и суше, такъ что наконецъ получаетъ видъ мелкозернистой массы, состоящей изъ тонкихъ листочковъ, имѣющихъ блескъ перламутра. Его употребляютъ для нѣкоторыхъ мазей и дѣлаютъ изъ него также свѣчи, которыя считаются самыми лучшими. Еще болѣе драгоцѣнный продуктъ представляетъ собою амбра, о которой уже съ древнихъ временъ существуетъ много баснословныхъ разсказовъ. Это легкая, мягкая, воскообразная масса, окрашенная въ различный цвѣтъ; на ощупь она жирна, имѣетъ пріятный запахъ, отъ теплоты размягчается, въ кипящей водѣ обращается въ маслообразную жидкость, а при сильной жарѣ испаряется. Ее чаще всего употребляютъ для благовонныхъ куреній или примѣшиваютъ къ эфирнымъ масламъ и мылу. Уже древніе римляне и арабы высоко цѣнили амбру и знали употребленіе ея, а у грековъ она была извѣстна какъ успокаивающее медицинское средство, которое употребляли противъ судорогъ; еще до конца прошлаго столѣтія амбру держали въ аптекахъ въ качествѣ лѣкарства. Очень долго происхожденіе амбры было вполнѣ загадочно. Древніе греки справедливо считали ее изверженіемъ какого-то животнаго, но впоследствии явились другія предположенія. То ее считали за пометъ баснословной птицы, питающейся исключительно благовонными травами, то за морское растеніе, похожее на губку, то за смолу, то наконецъ за видоизмѣнившуюся морскую гвѣзду. Бойльстаунъ первый въ 1724 году узналъ отъ какого животнаго получается это драгоцѣнное вещество. Разсказываютъ, что нѣкоторые счастливые китоловы находили во внутренностяхъ большихъ самцовъ комки амбры въ 25 kgr. вѣса и прежде полагали, что въ мочевомъ пузырьѣ кашалота находили даже комки въ 70 и 75 kgr. Еще чаще, чѣмъ изъ внутренностей кашалота амбру находятъ плавающей на поверхности моря. Несомнѣнно, что дѣйствительно находили куски въ 90 kgr. вѣса, 1,5 м. длины и $\frac{1}{2}$ м. ширины.

Кромѣ вышеупомянутыхъ продуктовъ зубы кашалота также находятъ примѣненіе. Они внутри желтоваты, какъ сообщаетъ Вестендаръ, но состоятъ изъ очень плотнаго и прочнаго вещества; поэтому изъ нихъ часто дѣлаютъ пуговицы и игральные марки; одинъ килограммъ зубовъ стоитъ отъ 5—8 марокъ.

Отрядъ XIV°.

Сумчатыя (Marsupialia).

Въ классѣ млекопитающихъ, послѣ обезьянъ, китообразныхъ и однопроходныхъ или птице-звѣрей, отрядъ Сумчатыхъ болѣе всѣхъ другихъ можетъ привлечь наше вниманіе. Ближайшее изученіе этихъ животныхъ доказываетъ, что понятіе «отрядъ» по отношенію къ нимъ получило необычайно широкое значеніе. Мы соединяемъ подъ названіемъ сумчатыхъ значительное число разнообразныхъ семействъ млекопитающихъ, которыя, за исключеніемъ сумки, способа размноженія и половыхъ органовъ имѣютъ между собою очень мало общаго. Ихъ скорѣе можно было-бы считать отрядами особаго подкласса млекопитающихъ.

При изученіи относящихся сюда животныхъ сама собою возникаетъ мысль, что мы имѣемъ дѣло съ группой, которая особенно процвѣтала въ то время, когда на землѣ жили еще огромныя неуклюжія амфибіи, летучія ящерицы и морскія чудовища въ родѣ ихтиозавра. Очень вѣскіе доводы заставляютъ предполагать, что сумчатыя представляютъ изъ себя лишь немного измѣненныхъ потомковъ млекопитающихъ прошедшихъ геологическихъ періодовъ. Болѣе подробное изученіе сумчатыхъ и сравненіе ихъ съ другими млекопитающими выясняютъ, что внѣшній видъ ихъ очень разнообразенъ и они часто напоминаютъ представителей другихъ отрядовъ; но не менѣе бросается въ глаза и то, что ихъ организація гораздо несовершеннѣе сравнительно съ тѣми животными, на которыхъ они похожи. Именно это сходство съ другими, выше развитыми представителями того-же класса даетъ, повидимому, указаніе на значеніе отряда. Еслибы они дѣйствительно относились къ отдѣльнымъ болѣе развитымъ отрядамъ, то главнѣйшій систематическій признакъ, — зубная система, представлялъ-бы у сумчатыхъ сходное съ этими отрядами строеніе. Если не обращать вниманія на сумку, то сумчатый волкъ по внѣшнему виду несомнѣнно имѣетъ сходство съ собакой, сумчатая кунница — съ виверрой, сумчатая мышь — съ землеройкой, вомбатъ — съ грызуномъ, точно такъ-же, какъ сумчатая бѣлка похожа на летучую бѣлку, а кенгуру имѣетъ, повидимому, голову жвачнаго. Однако зубная система и внутреннее строеніе этихъ сумчатыхъ обнаруживаютъ всюду коренныя отличія отъ сравниваемыхъ съ ними представителей высшихъ отрядовъ, и это не позволяетъ соединять ихъ.

Если сравнить сумчатое животное съ хищнымъ или грызуномъ, то даже для самаго непроницательнаго глаза тотчасъ-же становится яснымъ, что оно во всѣхъ

отношеніяхъ менѣе развито и менѣе совершенно, чѣмъ похожій на него хищникъ или грызунъ. Эта отсталость сумчатого проявляется или въ формѣ всего тѣла, или въ строеніи отдѣльныхъ органовъ, или въ зубной системѣ. Можно говорить объ удовольствіи, испытываемомъ при видѣ граціозно сложеннаго хищника или грызуна, но, разсматривая сумчатое животное, рѣдко удастся получить подобное впечатлѣніе. Одно возбуждаетъ въ насъ только чувство удивленія, но не симпатіи, другое — пожалуй смѣхъ, третье производитъ на насъ прямо отталкивающее впечатлѣніе. Нашему глазу, привыкшему къ другимъ формамъ животныхъ, всегда чего-то недостаетъ при разсматриваніи сумчатого. При изученіи строенія зубовъ, мы приходимъ къ столь-же неблагоприятному выводу относительно положенія изучаемаго животного въ ряду остальныхъ. Ихъ зубная система, по сравненію съ зубными системами соотвѣствующихъ хищниковъ и грызуновъ, оказывается болѣе несовершенной и скудной. Челюсти хищнаго сумчатого снабжены достаточнымъ числомъ зубовъ, и порядкомъ ихъ такой-же, какъ у хищниковъ, но всегда они менѣе развиты, или расположены болѣе неправильно, или тупѣе, иногда хуже по цвѣту, т. е. менѣе бѣлы и чисты, чѣмъ зубы настоящаго хищника позднѣйшаго времени. То, что было сказано о хищныхъ сумчатыхъ, вполне примѣнимо и къ остальнымъ. Такимъ образомъ мы вполне основательно можемъ принять, что имѣемъ дѣло съ несовершенными, еще недостаточно развитыми существами.

Вообще о строеніи тѣла сумчатыхъ общаго можно сказать очень мало. Различные представители отряда болѣе уклоняются другъ отъ друга, чѣмъ представители любого другого отряда. Зубамъ соотвѣствуетъ конечно и строеніе органовъ пищеваренія, а до нѣкоторой степени и внѣшнее строеніе тѣла; а такъ какъ между сумчатыми мы имѣемъ и настоящихъ хищныхъ, и травоядныхъ животныхъ, даже такихъ, которыя напоминаютъ жвачныхъ, то едва-ли можетъ быть и рѣчь объ ихъ однородномъ строеніи. Не говоря уже о величинѣ, которая колеблется отъ размѣровъ оленя средней величины до размѣровъ землеройки, никакой другой отрядъ не заключаетъ настолько разнообразныхъ животныхъ; потому было-бы излишнимъ говорить здѣсь о томъ, что пришлось-бы неразъ повторять въ дальнѣйшемъ изложеніи. Можно указать нѣкоторыя общія особенности скелета. Черепъ по большей части конусообразно удлинень; мозговая коробка по сравненію съ лицевой частью и съ носовой полостью меньше, чѣмъ у животныхъ, о которыхъ мы уже говорили; отдѣльныя кости не срастаются такъ рано и тѣсно, какъ у тѣхъ. Такъ напримѣръ, составныя части затылочной и височной костей нерѣдко остаются неслитыми. Характерны два или нѣсколько отверстій въ твердомъ небѣ, частью въ верхнечелюстной, частью въ небной кости. Позвоночный столбъ состоитъ обыкновенно изъ 7 шейныхъ позвонковъ, 12—15 позвонковъ, несущихъ ребра, 4—6 поясничныхъ, 2—7 крестцовыхъ и различнаго числа хвостовыхъ, такъ какъ хвостъ то совершенно не виденъ снаружи или недоразвитъ, то достигаетъ чрезвычайно большихъ размѣровъ. Ключица, за исключеніемъ немногихъ видовъ, всегда существуетъ; строеніе переднихъ и заднихъ конечностей, напротивъ, очень разнообразно. Мозгъ отличается незначительнымъ развитіемъ: полушарія большого мозга почти совершенно плоски, что не говоритъ въ пользу сумчатыхъ и объясняетъ достаточно незначительную степень развитія ихъ умственныхъ способностей. Желудокъ у видовъ, питающихся мясомъ, насѣкомыми и плодами, простой и округленный, у другихъ замѣтно удлинень; кишка тоже можетъ представлять очень разнообразное строеніе. Зубы сумчатыхъ лишь въ одномъ отношеніи вполне сходны съ зубами выше развитыхъ млекопитающихъ: именно, что они частью подлежатъ смѣнѣ; во всемъ остальномъ они отличаются очень существенно. Особенно отличается большинство сумчатыхъ значительнымъ числомъ зубовъ. Клыки, очень большіе у

питающихся мясомъ, мало развиты у животныхъ, питающихся растеніями, а у многихъ изъ нихъ и вовсе отсутствуютъ; число рѣзцовъ обыкновенно неодинаково въ обѣихъ челюстяхъ; ложнокоренные съ двумя корнями; истинные коренные остро-бугорчаты или снабжены складками эмали различной формы. Всѣмъ представителямъ отряда обще одно строеніе половыхъ органовъ и присутствіе костей сумокъ. Послѣднія происходятъ изъ сухожилій наружной косой брюшной мышцы, которыя прикрѣпляются спереди къ лобковымъ костямъ, окостенѣваютъ и такимъ образомъ становятся такъ называемыми сумочными костями; эти кости существуютъ и у самца, хотя не имѣютъ здѣсь никакого значенія; у самки-же онѣ укрѣпляютъ брюшную стѣнку и защищаютъ дѣтенышей, находящихся въ сумкѣ, отъ давленія брюшныхъ внутренностей матери. Въ сумкѣ находятся сосцы молочныхъ железъ, къ которымъ присасываются дѣтеныши, рождающіеся недоношенными. Сумка можетъ представлять настоящій карманъ или недоразвиваться, образуя двѣ кожитыя складки, или даже быть въ совершенно зачаточномъ состояніи. Дѣтеныши являються на свѣтъ въ такомъ состояніи, какъ ни у одного высшаго млекопитающаго. Они малы, голы, слѣпы и имѣютъ лишь зачаточныя конечности. Послѣ рожденія они присасываются къ одному изъ сосцовъ, которые обыкновенно имѣютъ видъ длинной конической бородавки и скоро замѣтно вырастаютъ. Затѣмъ они быстро развиваются, оставляютъ по временамъ сосокъ и вылѣзаютъ изъ сумки.

Чтобы ближе прослѣдить, какимъ образомъ происходитъ рожденіе дѣтенышей, намъ необходимо бросить прежде взглядъ на внутреннее строеніе органовъ размноженія. Женскіе половые органы состоятъ изъ двухъ яичниковъ, двухъ фаллопиевыхъ трубъ, двухъ матокъ и двухъ влагалищъ. Яичники или малы и имѣютъ простое строеніе, или велики и гроздевидны; у вомбата они больше, чѣмъ у какого-либо млекопитающаго вообще; каждый яйцеводъ расширяется въ особую матку, которая открывается въ отдѣльное влагалище. Зародышъ никогда не бываетъ соединенъ съ маткой послѣдомъ.

Послѣ кратковременной беременности сумчатое животное рождаетъ дѣтенышей, беретъ ихъ ртомъ и прикладываетъ къ соску. Здѣсь они и висятъ до тѣхъ поръ, пока у нихъ не разовьются органы чувствъ и конечности; у формъ-же, снабженныхъ развитою сумкой, она служитъ въ теченіи этого времени не только гнѣздомъ и мѣстомъ убѣжища, но какъ-бы второю маткой, второй утробой матери. Отсюда молодое животное дѣлаетъ позднѣе все болѣе и болѣе значительныя прогулки; но все дѣтство оно проводитъ, присосавшись къ соску, а нѣкоторые представители этого замѣчательнаго отряда, развивающіеся въ маткѣ лишь въ теченіи мѣсяца или немного долѣе, остаются въ сумкѣ въ продолженіи 6—8 мѣсяцевъ. Отъ дня зачатія до того, когда дѣтенышъ можетъ высовывать голову изъ сумки, проходитъ у исполинскаго кенгуру около 7 мѣсяцевъ; съ этого времени до того, когда онъ въ первый разъ оставляетъ сумку, еще около 9 недѣль и столько-же времени молодой кенгуру живетъ затѣмъ частью въ сумкѣ, частью внѣ ея. Число дѣтенышей можетъ быть очень значительно.

Какъ уже было замѣчено, сумчатые въ настоящее время населяютъ Австралію и нѣкоторые прилежащіе острова, а также Южную и Сѣверную Америку. Въ Америкѣ находятся лишь представители одного семейства, главнымъ образомъ въ южной ея части. Соответственно очень различному строенію тѣла, сумчатые и въ образѣ жизни представляютъ мало общаго: одни изъ нихъ хищники, другія питаются растеніями; многія живутъ на землѣ, другія на деревьяхъ, нѣкоторыя по временамъ даже въ водѣ; большая часть ихъ—ночныя животные, нѣкоторыя однако дѣятельны и днемъ. Изъ хищныхъ многія ловко бѣгаютъ и лазаютъ, изъ питающихся

растениями некоторые очень быстры и выносливы в бѣгѣ; однако при сравненіи съ выше развитыми млекопитающими нельзя не замѣтить, что какъ тѣ, такъ и другія по быстротѣ движеній стоятъ далеко позади своихъ высшихъ родичей; даже самое совершенное изъ хищныхъ сумчатыхъ далеко не достигаетъ подвижности настоящаго хищника. Кенгуру уступаетъ оленю или антилопѣ, а вомбатъ каждому, даже самому неуклюжему грызуну. Тоже относится и къ душевнымъ способностямъ сумчатыхъ; и въ этомъ отношеніи ихъ нельзя сравнивать съ другими млекопитающими. Одни лишь внѣшнія чувства стоятъ у нихъ, быть можетъ, на той же ступени, какъ у остальныхъ млекопитающихъ; понятливость ихъ, напротивъ, всегда ничтожна. Каждое сумчатое, по сравненію съ приблизительно соответствующимъ ему высшимъ млекопитающимъ, является существомъ глупымъ, неспособнымъ ни къ развитію, ни къ облагороженію, неподдающееся ни обученію, ни воспитанію. Никогда нельзя надѣяться сдѣлать изъ сумчатого волка такое животное, какъ собака, имѣющая чуть не человѣческій разумъ. Несовершенство, грубость и неуклюжесть сумчатыхъ особенно ясно обнаруживаются въ ихъ нравахъ и привычкахъ. Глазъ, хотя бы онъ былъ великъ и ясенъ, выражаетъ тупость и бессмысленность; самое внимательное наблюденіе не заставитъ измѣнить такого мнѣнія. Какъ характерныя свойства всѣхъ сумчатыхъ, можно отмѣтить: равнодушіе къ всему окружающему, если дѣло не идетъ о добычѣ пропитанія, если, слѣдовательно, въ дѣло не замѣшивается желудокъ; безучастіе къ переменамъ судьбы и недостатокъ симпатіи, любви и дружбы. У этихъ отсталыхъ существъ мало замѣтно или вовсе незамѣтно способности примѣняться къ обстоятельствамъ, т. е. привыкать къ переменѣ условій. Некоторыхъ хищныхъ сумчатыхъ называютъ злобными и драчливыми, потому что, доведенныя до крайности, они безъ разбора пускаютъ въ ходъ свои зубы; напротивъ, некоторыхъ сумчатыхъ, питающихся растениями, называютъ кроткими и добродушными, такъ какъ они почти или вовсе даже не пытаются защищаться. Но этимъ не обрисовывается вѣрно характеръ ни тѣхъ, ни другихъ: хищное животное, яростно отстаивающее свою свободу и наиболѣе способное защищаться, которое въ первое время неволи бѣшено и свирѣпо кусаетъ всѣхъ, кто къ нему подойдетъ, при хорошемъ обращеніи постепенно дѣлается любящимъ, преданнымъ существомъ; сумчатое же всегда остается вѣрнымъ себѣ и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ неволи едва научается отличать ходячаго за нимъ сторожа отъ другихъ людей. Такъ же мало привыкаетъ оно угождать въ чемъ-нибудь человѣку, примѣняться къ его желаніямъ, такъ-же мало приобретаетъ оно привязанности и симпатіи къ нему, такъ-же мало дружится оно съ остальными животными, даже и съ себѣ подобными. Въ душѣ сумчатого животнаго, повидимому, есть лишь намекъ на чувства любви и ненависти; равнодушіе и безучастіе проявляетъ даже мать по отношенію къ дѣтенышамъ, которыми она болѣе и долѣе занимается, чѣмъ какое-либо изъ высшихъ животныхъ. Если она дѣйствительно и обнаруживаетъ материнское чувство и нѣжность, то на внимательнаго наблюдателя они производятъ впечатлѣніе скорѣе механическихъ, чѣмъ сознательныхъ дѣйствій. У сумчатыхъ вовсе не замѣчается материнской гордости при видѣ своего потомства, той радости, которую доставляетъ дѣтенышъ своей матери у другихъ, выше стоящихъ млекопитающихъ. Ни одна мать у нихъ не играетъ, насколько мнѣ извѣстно, со своими дѣтенышами, не учитъ, не воспитываетъ ихъ. Дѣтенышъ, находясь въ сумкѣ, постепенно научается управлять своими членами и двигаться въ своемъ тѣсномъ помѣщеніи; ставши до нѣкоторой степени самостоятельнымъ, онъ убѣгаетъ обратно въ сумку въ случаѣ опасности, о которой мать всегда предупреждаетъ его. Когда бремя становится слишкомъ тяжелымъ, тогда мать сама, вѣроятно, прогоняетъ дѣтеныша; но иногда и послѣ того онъ возвращается обратно,

чтобы, если можно, сосать вмѣстѣ съ позднѣе родившимися братьями и сестрами, даже въ томъ случаѣ, если самъ уже имѣеть дѣтенышей и долженъ заботиться о своемъ потомствѣ. Такимъ образомъ дѣйствительно самостоятельными они становятся лишь въ сравнительно очень позднемъ періодѣ жизни.

Пища сумчатыхъ въ высшей степени разнообразна. Всѣ виды, которые соотвѣтствуютъ хищникамъ, преслѣдуютъ другихъ животныхъ, поѣдаютъ моллюсковъ, рыбъ и другую добычу, выбрасываемую моремъ, или пададь наземныхъ животныхъ; меньшіе виды охотятся за птицами, насѣкомыми и червями. Растительноядныя питаются плодами, листьями, травами и корнями, которые они срываютъ или оцпиываютъ. Первые иногда приносятъ вредъ и досаждаютъ, преслѣдуя стада, забираясь ночью въ курятники и производя другія неприятности; остальные уже потому едва-ли могутъ быть вредными, что поселяющіеся въ тѣхъ странахъ европейцы истребляютъ ихъ такъ быстро, какъ только возможно, не преслѣдуя какой-нибудь опредѣленной цѣли, но лишь удовлетворяя своей необузданной страсти къ охотѣ. Вообще ни польза, ни вредъ, приносимые сумчатыми, не имѣютъ большого значенія. Въ дѣло идетъ мясо и шкура лишь немногихъ видовъ, а остальные ни къ чему не нужны.

Томасъ раздѣлилъ сумчатыхъ въ 1888 г. на 6 семействъ, 37 родовъ и 151 видъ, которые образуютъ два подотряда, характеризующихся зубной системой: первые изъ нихъ питаются растеніями, а вторые мясомъ.

У представителей подотряда **Растительноядныхъ** (Diprotodontia) мы находимъ въ верхней челюсти съ каждой стороны не болѣе трехъ рѣзцовъ, въ нижней всегда лишь по одному, который зато отличается особой длиною и сильнымъ развитіемъ. Клыки обыкновенно малы и развиты гораздо слабѣе рѣзцовъ; въ нижней челюсти ихъ почти никогда не бываетъ. Коренные зубы снабжены бороздками или усажены тупыми бугорками. Представители этого подотряда, который ограниченъ австралійскою областью, питаются исключительно плодами или травой; между ними виды, поѣдающіе насѣкомыхъ, очень рѣдки. Ихъ раздѣляютъ на три семейства: **Длинноногія**, **Лазящія**, и **Вомбатовыя**, которыя вмѣстѣ заключаютъ 25 родовъ и 87 видовъ.

Въ первомъ семействѣ растительноядныхъ мы соединяемъ **Длинноногихъ** или **Прыгающихъ** (Macropodidae), характеризующихся зубами и по большей части очень своеобразнымъ видомъ. Въ верхней челюсти находится обыкновенно три рѣзца, изъ которыхъ первый болѣе всѣхъ, клыки встрѣчаются лишь въ видѣ исключенія; въ нижней челюсти существуетъ лишь одинъ широкій долотообразный рѣзецъ, а клыковъ нѣтъ; кромѣ того въ каждой челюсти, вверху и внизу насчитываютъ по 2 ложнокоренныхъ и по 4 истинныхъ коренныхъ зуба. Передній ложнокоренной зубъ рано выпадаетъ; смѣна зубовъ происходитъ у всѣхъ видовъ. Прыгающія сумчатые, какъ показываетъ ихъ названіе, двигаются впередъ по большей части скачками; нѣкоторые виды умѣютъ однако взлѣзать на деревья. Согласно способу передвиженія, заднія ноги у нихъ значительно длиннѣе переднихъ; между тѣмъ какъ на переднихъ имѣются всѣ пять пальцевъ, на заднихъ всегда лишь по четыре, именно у всѣхъ членовъ семейства, за исключеніемъ одного только рода и вида (*Hypsiprymnodon moschatus*) не достааетъ перваго большого пальца. Четвертый палецъ заднихъ ногъ очень великъ и вооруженъ большимъ когтемъ; нѣсколько слабѣе развитъ пятый, между тѣмъ какъ второй и третій очень тонки и срослись между собою. Длинный хвостъ лишь у одного вида (*Hypsiprymnodon moschatus*) голый, у всѣхъ остальныхъ

онъ покрытъ волосами и въ нѣкоторыхъ случаяхъ употребляется животнымъ для схватыванія и обвиванія вокругъ вѣтвей. Желудокъ мѣшкообразенъ, слѣпая кишка есть; сумка велика и открыта впередъ.

Слѣдуя дѣленію сумчатыхъ, данному Томасомъ, мы раздѣляемъ 12 родовъ и 53 вида этого семейства на три подсемейства: кенгуру, потору или кенгуровыхъ крысъ и цѣпконогихъ.

Подсемейство **Кенгуру** (Macropodinae) заключаетъ, рядомъ съ гигантами отряда, животныхъ величиною съ кролика, но всѣ они имѣютъ крайне странный видъ. Тѣло кенгуру увеличивается въ объемѣ по направленію спереди къзади, наиболѣе развита задняя часть тѣла, благодаря замѣчательно большимъ заднимъ конечностямъ. Въ противоположность имъ голова и грудь необыкновенно малы. Передвиженіе кенгуру совершается почти исключительно при помощи задней части тѣла, и этимъ объясняется ея развитіе. Кенгуру можетъ лишь въ очень незначительной степени пользоваться своими слабыми передними ногами при ходьбѣ и для схватыванія пищи, между тѣмъ какъ очень удлиненыя заднія ноги и сильно развитый хвостъ позволяютъ ему двигаться скачками. Заднія ноги и хвостъ составляютъ безусловно самое характерное во всемъ животномъ. Ноги имѣютъ толстое бедро, длинную голень, непропорціонально удлиненную плюсну и толстые длинные пальцы, изъ которыхъ четвертый снабженъ большимъ копытообразнымъ ногтемъ. На заднихъ конечностяхъ лишь четыре пальца, такъ какъ недостаетъ большого. Хвостъ относительно толще и длиннѣе, чѣмъ у всякаго другого млекопитающаго, и крайне мускулистъ. По сравненію съ задними конечностями переднія представляются недоразвитыми хватательными органами, но это вовсе не значитъ, чтобы онѣ были недоразвиты и въ смыслѣ подвижности. Онѣ имѣютъ по пяти пальцевъ, снабженныхъ круглыми, умѣренно и одинаково развитыми ногтями, и служатъ, какъ руки. Голова, по формѣ, представляетъ нѣчто среднее между головою оленя и зайца.

Скелетъ кенгуру.

Родину кенгуру составляетъ Австралія и прилежащія къ ней острова; обширныя, богатая травою равнины внутри этой части свѣта составляютъ любимое мѣстопробываніе ихъ. Нѣкоторые виды предпочитаютъ мѣстности, покрытыя кустарникомъ, травянистымъ равнинамъ съ рѣдкими деревьями, другіе предпочитаютъ скалистыя горы, иные избрали для своего мѣстопробыванія непроницаемыя чащи, въ которыхъ должны приготовить себѣ тропинки, обламывая вѣтви, или живутъ какъ ни невѣроятнымъ можетъ это показаться, на скалахъ и даже на деревьяхъ. Большая часть видовъ ведетъ дневной образъ жизни; болѣе мелкіе, напротивъ, — ночныя животныя, которыя днемъ прячутся въ небольшихъ углубленіяхъ, и обыкновенно

возвращаются туда. Нѣкоторые населяютъ также расщелины скаль, въ которыя правильно возвращаются послѣ выхода за пищей.

Изъ большей части областей Австраліи, заселенныхъ европейцами, кенгуру вытѣснены. «Уже теперь», рассказывалъ давно Старый Бушменъ, (анонимный, но надежный наблюдатель): «на разстояніи 30 миль вокругъ Мельбурна едва-ли можно увидѣть хотя-бы одного кенгуру. Животныя истреблены тамъ безцѣльнымъ и беспорядочнымъ преслѣдованіемъ со стороны поселенцевъ. Они сохраняются обыкновенно вездѣ, гдѣ европеецъ не поселился еще прочно. Я со своей стороны встрѣчалъ ихъ въ Портъ-Филиппъ въ такомъ большомъ числѣ, что вмѣстѣ со своими товарищами по путешествію могъ въ теченіи двухъ-лѣтняго пребыванія тамъ убить болѣе 2000 штукъ. Устройство поверхности этой страны чрезвычайно благоприятствуетъ имъ. Большіе сплошные лѣса смѣняются широкими равнинами; такія-то мѣстности и доставляютъ кенгуру все необходимое для ихъ жизни. Можетъ быть они еще многочисленнѣе внутри страны; мнѣ по крайней мѣрѣ кажется вѣроятнымъ, что они оттуда распространяются въ прибрежныя страны.

«Ихъ любимыя пастбища—богатыя травою равнины, окруженныя лѣсами, заросшими кустарникомъ, или расположенныя вокругъ лѣсовъ. Лѣтомъ они предпочитаютъ влажныя мѣстности, зимою—сухія. Безъ воды они, повидимому, могутъ долго обходиться; по крайней мѣрѣ я часто находилъ поселенія ихъ, которыя отстоятъ отъ воды на цѣлыя мили, и при этомъ не наблюдалъ, чтобы они ночью правильно приходили въ опредѣленные мѣста на водопой. Напротивъ, мнѣ бросилось въ глаза, что они охотно держатся по близости пасущагося рогатаго скота. Каждое стадо имѣетъ свое пастбище или нѣсколько, соединенныхъ между собою хорошо протоптанными тропинками. Число животныхъ въ стадѣ различно. Я часто видѣлъ стада по 100 штукъ, но по большей части по 50; они очень любятъ общество. Мелкіе виды обыкновенно соединяются въ меньшія группы; чаще всего ихъ случается видѣть по-одиночкѣ или самое большее штукъ двѣнадцать вмѣстѣ. Одно и то-же стадо никогда не раздѣляется и не смѣшивается съ другими. Во главѣ каждаго общества стоитъ старшій самецъ, за которымъ остальные члены слѣдуютъ безъ разсужденія, какъ во время бѣгства, такъ и при отправленіи на пастбище, точно такъ-же, какъ овцы за вожакомъ—бараномъ. Рано утромъ и вечеромъ въ сумерки они пасутся, а днемъ, если чувствуютъ себя въ безопасности, отдыхаютъ часто въ продолженіи цѣлыхъ часовъ. Иногда они представляютъ очень интересный видъ: одни медленно пасутся на жесткой травѣ, другіе играютъ между собою, третьи лежатъ на боку въ полуснѣ.

«До времени спариванія каждое стадо живетъ въ мирѣ. Но любовь возбуждаетъ и этихъ животныхъ—особенно самцовъ, которые тогда часто вступаютъ въ серьезныя битвы между собою. Послѣ времени спариванія самыя старыя животныя обыкновенно отдѣляются отъ стада и ведутъ одинокую жизнь въ болѣе густомъ лѣсу».

Кенгуру безусловно принадлежатъ къ самымъ замѣчательнымъ изъ млекопитающихъ. Въ нихъ собственно все достойно удивленія: ихъ движенія и отдыхъ, способъ добыванія пищи, размноженіе, развитіе и духовная жизнь. Походка ихъ, которую можно наблюдать, когда они пасутся, представляетъ неуклюжее, безпомощное ковылянье. Животное опирается на ладони переднихъ конечностей и подвигаетъ впередъ заднія ноги мимо переднихъ, такъ что онѣ оказываются между послѣдними. При этомъ оно должно опираться сзади на хвостъ, такъ какъ иначе оно не могло-бы такъ высоко поднять длинныя заднія ноги, чтобы передвинуть ихъ. Но кенгуру никогда и не остается въ этомъ крайне неудобномъ для него положеніи дольше, чѣмъ того требуетъ необходимость. Даже когда онъ щиплетъ траву, то обыкновенно сидитъ

на задних ногах и хвостѣ, а переднія конечности свѣшиваются. Какъ только онъ срываетъ какое-нибудь любимое растеніе, то встаетъ, чтобы съѣсть его въ обыкновенной позѣ. При этомъ животное опирается на подошвы ногъ и на плотно прижатый къ землѣ хвостъ; благодаря этому, тѣло твердо и удобно покоится какъ на треножникѣ. Рѣже оно стоитъ на трехъ ногахъ и хвостѣ — это бываетъ въ томъ случаѣ, если ему надо дѣлать что-нибудь на землѣ другою переднею ногою. Наполовину насытившись, кенгуру ложится на землю въ растяжку, далеко вытянувъ заднія ноги. Если ему въ этомъ положеніи вздумается ѣсть, то задняя часть его тѣла остается покойно лежать, а переднюю онъ подпираетъ только короткими передними конечностями. Во время сна болѣе мелкіе виды принимаютъ такое-же положеніе, какъ заяцъ на лежкѣ: они садятся, плотно прижавшись къ землѣ, на все четыре ноги и на подогнутый подъ тѣло хвостъ. Это положеніе позволяетъ имъ въ любое мгновеніе тотчасъ пуститься въ бѣгство. Самый ничтожный шорохъ мгновенно испугиваетъ отдыхающаго кенгуру, особенно старыхъ самцовъ, которые быстро поднимаются тогда, чтобы осмотрѣться, насколько возможно; при этомъ они становятся на кончики пальцевъ и опираются болѣе на конецъ хвоста.

Если кенгуру замѣчаетъ что-нибудь подозрительное, то онъ прежде всего думаетъ о бѣгствѣ и при этомъ проявляетъ всю свою подвижность. Онъ прыгаетъ, какъ и всегда при скоромъ бѣгѣ, исключительно съ помощью заднихъ ногъ, но дѣлаетъ прыжки, которые по своей длинѣ превосходятъ прыжки всѣхъ остальныхъ животныхъ. Переднія ноги онъ плотно прикладываетъ къ груди, хвостъ вытягиваетъ прямо назадъ, отталкивается, напрягая изо всей силы мощные мускулы своихъ длинныхъ, тонкихъ и упругихъ заднихъ ногъ, подлетаетъ кверху и, какъ стрѣла, описываетъ по воздуху пологую дугу. Нѣкоторые виды держатъ тѣло во время прыганія горизонтально, другіе болѣе приподнимаютъ его; уши въ этомъ случаѣ закинуты назадъ на загривокъ, между тѣмъ какъ при спокойномъ бѣгѣ они подняты. Если животное не испугано, то дѣлаетъ лишь маленькіе прыжки, самое большее длиною 3 м.; но лишь только встревожено, оно удваиваетъ и утраиваетъ усилія. Оно прыгаетъ правою ногою немного прежде, чѣмъ лѣвой, какъ отдѣляясь отъ земли, такъ и опускаясь, притомъ ставитъ правую ногу нѣсколько впереди. При каждомъ прыжкѣ тяжелый хвостъ дѣлаетъ размахи вверхъ и внизъ и тѣмъ энергичнѣе, чѣмъ болѣе прыжки. Всякаго рода повороты кенгуру выполняетъ съ помощью 2—3 маленькихъ прыжковъ, не управляя, повидимому, при этомъ хвостомъ. Онъ всегда ступаетъ лишь на пальцы и никогда не падаетъ на переднія ноги. Различныя виды неодинаково держатъ переднія ноги: одни отставляютъ ихъ отъ тѣла, другіе болѣе прижимаютъ и скрещиваютъ. Прыжки непосредственно слѣдуютъ одинъ за другимъ, и каждый равняется по крайней мѣрѣ 3 м., а у болѣе крупныхъ видовъ нерѣдко и 6—10 м. въ длину при вышинѣ въ 2—3 м. Даже въ неволѣ они прыгаютъ, если ихъ гонять въ большой загородкѣ, на разстояніе до 8 м. Понятно, что нужна превосходная собака, чтобы слѣдовать за кенгуру, и дѣйствительно мало такихъ охотничьихъ собакъ, которыя въ состояніи выполнить это. Въ мѣстности, заросшей кустарникомъ, преслѣдованіе очень скоро приходится прекратить, такъ какъ убѣгающій кенгуру легко перепрыгиваетъ черезъ попадающіеся кусты, между тѣмъ какъ собака должна обходить ихъ. На неровной почвѣ онъ движется медленнѣе; особенно ему трудно спускаться со склона, такъ какъ при сильномъ прыжкѣ онъ здѣсь легко можетъ кувырнуться черезъ голову. Животное можетъ бѣжать въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, не уставая.

Изъ внѣшнихъ чувствъ кенгуру выше всего можно поставить слухъ; по крайней мѣрѣ у животныхъ въ неволѣ постоянно замѣчается движеніе ушами, какъ у нашего

благороднаго оленя. Зрѣніе слабѣе, а обоняніе, вѣроятно, развито довольно плохо. Нѣкоторые наблюдатели рассказываютъ тѣмъ не менѣе, что кенгуру отлично видятъ, слышать и чувятъ. Это въ высшей степени глупыя животныя; даже овца въ умственномъ отношеніи стоить гораздо выше ихъ. Все необыкновенное сбиваетъ ихъ съ толку, такъ какъ имъ недостаетъ способности быстро сообразоваться съ обстоятельствами. Ихъ мозгъ работаетъ медленно; каждое воспринятое ими впечатлѣніе лишь очень медленно перерабатывается въ ихъ мозгу; нужно продолжительное время, чтобы они съ нимъ освоились. Кенгуру, живущій на свободѣ, если ему грозитъ опасность или если онъ предполагаетъ ее, бросается бѣжать, причемъ едва можетъ остановиться, и иногда дѣлаетъ такіе прыжки, при которыхъ неминуемо долженъ сломать крѣпкія кости своихъ ногъ; плѣнный кенгуру въ высшей степени подозрительно относится къ новому помѣщенію. Если онъ даже выросъ въ загородкѣ съ желѣзной рѣшеткой, то все-таки при перенесеніи его на новое мѣсто, онъ можетъ разбить объ нее голову; хозяинъ необходимо долженъ принять мѣры предосторожности и запереть его предварительно на нѣсколько дней въ стойло, въ которомъ кенгуру, бѣгая, не можетъ разбить свою слабую голову и въ то-же время имѣетъ возможность присмотрѣться къ новому помѣщенію. Онъ начинаетъ понимать, что оно во всѣхъ существенныхъ чертахъ сходно съ прежнимъ, понемногу привыкаетъ къ нему и проталкиваетъ себя прыжками тропинки. Рядомъ съ нимъ могутъ быть посажены другіе кенгуру; но новичекъ видитъ въ нихъ сначала какія-то страшныя существа, да и они думаютъ о немъ то-же самое. Попривыкнувъ, кенгуру одного и того-же вида или разныхъ начинаютъ яростно драться между собою сквозь рѣшетку; для низшихъ страстей, каковы зависть и ревность, даже мозгъ кенгуру достаточно развитъ. Пойманный кенгуру научается, правда, узнавать людей, но я сомнѣваюсь, чтобы онъ отличалъ своего сторожа отъ другихъ. Онъ понемногу привыкаетъ къ людямъ вообще, но не отличаетъ между ними кого-нибудь, по крайней мѣрѣ онъ оставляетъ постепенно свою первоначальную боязливость, но никогда не доходитъ до того, чтобы заключить настоящую дружбу съ человѣкомъ. Эта боязливость—самая выдающаяся черта въ характерѣ описываемаго животнаго, и оно нерѣдко становится жертвой ея. Плѣнные кенгуру не только убиваются, наскакивая на рѣшетку, но въ буквальномъ смыслѣ слова умираютъ отъ страха. Свои чувства они проявляютъ прежде всего сильнымъ испусканіемъ слюны, причемъ мочатъ себя переднія и заднія ноги, часто пытаются слизывать слюну и тѣмъ только ухудшаютъ дѣло. При этомъ они, какъ сумасшедшіе, бѣгаютъ кругомъ, затѣмъ садятся, трясутъ и подергиваютъ головою, двигаютъ ушами, испускаютъ слюну и снова трясутъ головою. Такія движенія производятъ они, пока длится ихъ страхъ. Одинъ кенгуру, котораго я наблюдалъ, умеръ скоро послѣ сильной грозы вслѣдствіе испуга. Ударъ молніи несказанно поразилъ его. Повидимому ослѣпленный, онъ тотчасъ послѣ молніи прыгнулъ вверхъ, сѣлъ затѣмъ на заднія ноги и хвостъ, наклонилъ въ сторону голову, сталъ крайне подозрительно и растерянно трясти головою, испугавшись грознаго явленія, поворачивалъ уши по направленію раскатовъ грома, жалобно смотрѣлъ на свои смоченныя дождемъ и слюною переднія лапы, облизывалъ ихъ съ истиннымъ отчаяніемъ, быстро дышалъ и трясъ головою до вечера, когда кровоизліаніе въ легкія прекратило его жизнь; оно наступило, повидимому, скорѣе, чѣмъ животное поняло ужасное происшествіе.

При радостномъ возбужденіи кенгуру ведетъ себя иначе. Онъ, правда, тоже испускаетъ слюну и трясетъ головою, но уши его гордо подняты, онъ старается всевозможными движеніями переднихъ ногъ и хриплымъ блянніемъ выразить свои неясныя ощущенія. Онъ можетъ придти въ радость, когда послѣ продолжительной

умственной работы придетъ къ убѣжденію, что и у кенгуру существуетъ два пола. Какъ скоро въ немъ зародится предчувствіе любви, онъ старается выразить ее; влюбленный самецъ самымъ страннымъ образомъ ухаживаетъ за самкой. Онъ ходитъ или прыгаетъ вокругъ предмета своей любви съ различными тѣлодвиженіями, трясетъ отъ времени до времени головою, издаетъ упомянутое хриплое бляеніе, которое лучше всего можно бы сравнить съ подавленнымъ кашлемъ, слѣдуетъ по пятамъ за совершенно равнодушной красавицей, обнюхиваетъ ее со всѣхъ сторонъ и начинаетъ затѣмъ шекотать и гладить ея хвостъ, этотъ важнѣйшій органъ кенгуру. Большое вниманіе удѣляетъ онъ также ея сумкѣ; по крайней мѣрѣ онъ оцупываетъ и обнюхиваетъ ее, когда только можетъ. Нѣкоторое время спустя самка обыкновенно оборачивается съ недоступнымъ видомъ и поднимается передъ назойливымъ самцомъ. Самецъ тотчасъ приближается къ ней прыжками и ожидаетъ, повидимому спокойно, заслуженнаго наказанія, однако пользуется удобнымъ моментомъ, чтобы обнять самку. Последняя не теряетъ времени и наноситъ надоедливому ухаживателю ударъ задними ногами, но послѣ того, какъ онъ нѣсколько разъ обниметъ ее, она находитъ, что и ей лучше всего сдѣлать то-же самое; и тогда оба животныхъ стоятъ вмѣстѣ, крѣпко обнявшись, трясуть и качаютъ головою, обнюхиваютъ другъ друга и съ удовольствіемъ покачиваются туда и сюда, опираясь на хвосты. Какъ только объятія кончились, опять начинается та же церемонія, которая снова оканчивается объятіями. Все ухаживаніе въ высшей степени комично и, разумѣется, смѣшитъ каждаго наблюдателя.

Совсѣмъ иначе бываетъ, если нѣсколько влюбленныхъ самцовъ ухаживаютъ за одной самкой. Дѣло часто доходитъ до ссоръ и дракъ. Они не расточаютъ болѣе нѣжныхъ доказательствъ любви передъ хвостомъ самки. Оба противника съ угрозами прыгаютъ другъ около друга и стараются при первой возможности обхватить другъ друга. Если это удастся имъ, то они оба опираются сразу на хвосты и свободными теперь задними ногами стараются распороть острыми когтями другъ другу брюхо, въ то-же время они дерутся передними лапами. Такіе поединки вовсе не безопасны, такъ какъ сила ихъ заднихъ ногъ очень значительна и большіе когти могутъ причинять глубокія раны. Особенно неуживчивы, повидимому, мелкіе виды; они постоянно выщипываются другъ другу въ волоса, при этомъ иногда немного, а иногда и до-гола выщарапываютъ шерсть.

Сила размноженія всѣхъ кенгуру незначительна. Большіе виды рѣдко мечутъ болѣе одного дѣтеныша. Несмотря на значительную величину нѣкоторыхъ кенгуру, беременность самокъ длится изумительно короткое время. У испанскаго кенгуру, напримѣръ, лишь 39 дней. По истеченіи этого времени дѣтенышъ рождается, какъ у всѣхъ млекопитающихъ. Мать беретъ его ртомъ, раскрываетъ передними конечностями сумку и плотно прикладываетъ маленькое, невзрачное существо къ одному изъ сосковъ. Черезъ 12 часовъ послѣ рожденія молодой кенгуру этого вида имѣетъ въ длину нѣсколько болѣе 3 см. Его однако можно сравнить лишь съ зародышами другихъ животныхъ, такъ какъ онъ совершенно не развитъ, кожа его просвѣчиваетъ насквозь, онъ мягокъ и похожъ на червя; его глаза закрыты, уши и ноздри едва намѣчены, нѣтъ еще даже зачатка конечностей. Между дѣтенышемъ и матерью не существуетъ, повидимому, ни малѣйшаго сходства. Переднія конечности, напримѣръ, на треть длиннѣе заднихъ. Онъ виситъ на соскѣ безъ замѣтнаго движенія, сильно сжавшись, загнувъ короткій хвостъ вверхъ между задними ногами. Сосать самъ онъ не способенъ, но когда прикрѣпится къ соску, послѣдній такъ значительно разбухаетъ, что большія губы дѣтеныша плотно обхватываютъ его, а сосокъ, въ свою очередь, плотно обхватываетъ ротъ. Насколько извѣстно до настоящаго времени, молодой кенгуру

вовсе не сосетъ, а молоко, безъ всякаго усилія съ его стороны, изъ соска прямо брызжетъ ему въ ротъ. Почти 8 мѣсяцевъ онъ проводитъ и питается исключительно въ сумкѣ; однако уже тогда онъ начинаетъ, отъ времени до времени, высовывать голову изъ нея, но самостоятельно двигаться не въ состояніи. Овень наблюдалъ на одномъ очень молодомъ исполинскомъ кенгуру, что тотъ усиленно, но медленно дышалъ и двигалъ передними ногами, но лишь тогда, если ихъ трогали. Названный естествоиспытатель черезъ 4 дня послѣ рожденія велѣлъ отнять дѣтеныша отъ соска, чтобы опредѣлить, насколько онъ связанъ съ матерью, чтобы изслѣдовать молоко и посмотреть, пользуется-ли столь несовершенное животное собственными силами, чтобы снова прикрѣпиться къ соску, или-же мать должна сама прикрѣпить его. Когда дѣтенышъ былъ отнятъ, на концѣ соска показалась капля бѣловатой жидкости. Дѣтенышъ сильно двигалъ конечностями, послѣ того, какъ былъ отнятъ отъ соска, но не дѣлалъ замѣтныхъ усилій, чтобы прикрѣпиться ногами къ кожѣ матери или ползти, и обнаруживалъ полную беспомощность. Его положили тогда на дно сумки и освободили мать. Она обнаруживала рѣшительное неудовольствіе, горбилась, скребла наружныя стѣнки сумки, открыла ее лапами, всунула туда голову и свободно двигала ею внутри въ различныхъ направленіяхъ. Дѣтенышъ умеръ, такъ какъ мать не прикрѣпила его снова, а сторожъ тоже не могъ сдѣлать этого.

Впослѣдствіи сталъ извѣстенъ фактъ, что одинъ молодой кенгуру, котораго оторвали отъ соска силою или который самъ случайно отпалъ, снова присосался послѣ долгаго промежутка времени. Лейслеръ рассказываетъ, что онъ нашелъ на соломѣ дѣтеныша, правда, нѣсколько болѣе развитого, но который уже совсѣмъ похолодѣлъ, приложилъ его къ соску и онъ присосался и сталъ развиваться. То-же подтверждаютъ и позднѣйшіе опыты Овена. Жофруа Сентъ-Илеръ открылъ мускулъ, который лежитъ надъ выменемъ и выжимаетъ или по крайней мѣрѣ можетъ выжимать молоко въ ротъ еще безсильнаго дѣтеныша, но указаніе это не подтверждено. Изъ другихъ и особенно новѣйшихъ наблюденій слѣдуетъ, что кенгуру, разъ достигши извѣстной величины, растетъ очень быстро, особенно начиная съ того времени, когда покрывается волосами. Онъ можетъ тогда поднимать свои длинные уши, которыя до того висятъ по бокамъ головы. Съ этого времени онъ очень часто высовывается, если мать сидитъ спокойно. Онъ выставляетъ голову, озирается во все стороны, передними лапами роется уже въ сѣнѣ и понемногу начинаетъ ѣсть траву. Мать все еще проявляетъ чрезвычайную заботливость по отношенію къ дѣтенышу, но не такъ тревожится, какъ прежде. Сначала она лишь съ величайшимъ неудовольствіемъ допускаетъ какія-либо попытки людей, желающихъ посмотрѣть или потрогать дѣтеныша въ сумкѣ. Точно такъ-же, какъ къ человѣку, относится она въ это время и къ самцу, который обнаруживаетъ живое любопытство и постоянно приближается, чтобы видѣть своего потомка. Она отвѣчаетъ на навязчивое приставанье тѣмъ, что отворачивается, если ей долго надобѣдаютъ, или сердито и хрипло ворчитъ, а иногда даже защищается и ударами. Съ того времени, когда дѣтенышъ начинаетъ высовывать голову изъ сумки, она менѣе старательно прячетъ его. Дѣтенышъ и самъ крайне боязливъ и при малѣйшей опасности прячется въ сумку. Здѣсь онъ не всегда сидитъ въ одномъ положеніи, но принимаетъ всевозможныя позы. Случается видѣть, какъ онъ выглядываетъ изъ сумки, высунувъ голову, и нерѣдко рядомъ съ нею высовываетъ и заднія ноги и хвостъ; иногда-же видны лишь заднія ноги, а голова спрятана. Очень привлекательное зрѣлище представляетъ мать, когда она, желая продолжать путь, загоняетъ выглядывающаго изъ сумки дѣтеныша; если онъ не слушается, она

даетъ ему легкій ударъ лапами. Спустя долгое время послѣ того, какъ дѣтенышъ начинаетъ выглядывать изъ сумки, онъ по временамъ покидаетъ свое убѣжище и бѣгаетъ рядомъ съ матерью на свободѣ, но еще долго, въ случаѣ опасности, прячется снова въ сумку. Онъ сильными прыжками приближается къ матери, которая сидитъ спокойно на заднихъ ногахъ, и бросается, не останавливаясь ни на мгновение, внизъ головою въ полуоткрытую сумку, поворачивается и выглядываетъ изъ ея отверстія.

«Въ концѣ сентября», говоритъ Вейнландъ, которому я слѣдовалъ въ предшествовавшемъ изложеніи, «мы замѣтили, что рожденная въ январѣ юная самка беннетовскаго кенгуру послѣдній разъ была въ сумкѣ; но хотя дочь и не пользовалась болѣе защитою матери, тѣмъ не менѣе не переставала требовать отъ нея пищи. Еще 22 октября мы видѣли, какъ она сосала мать и, къ нашему немалому изумленію, наблюдали въ тотъ-же день въ ея сумкѣ то своеобразное дрожаніе и подергиваніе, которыя не оставляли никакого сомнѣнія относительно собственнаго ея состоянія. Этотъ странный, насколько намъ извѣстно, никогда еще не наблюдавшійся фактъ твердо установленъ: само будучи уже матерью и кормя молокомъ дѣтеныша въ своей сумкѣ, это животное все еще требуетъ молока у своей матери! Но еще болѣе мы были удивлены при вскрытіи старой самки, которое, къ сожалѣнію, стало необходимымъ, такъ какъ она убилась, ударившись о рѣшетку: въ сумкѣ былъ уже мертвый, еще голый дѣтенышъ, длиною въ 7 см., который слѣдовательно родился по крайней мѣрѣ двумя мѣсяцами раньше, т. е. оказалось, что самка кенгуру въ данномъ случаѣ кормила молокомъ одновременно дѣтенышей двухъ пометовъ и косвенно еще своего внука—упомянутую молодую самку, которая сама носила и кормила молокомъ дѣтеныша въ сумкѣ».

Путешественники по Австраліи рассказываютъ, что кенгуру-матери при большой опасности, именно, если чувствуютъ себя ранеными, оригинальнымъ образомъ освобождаются отъ своихъ дѣтенышей. Если онѣ видятъ, что не въ состояніи бѣжать далѣе вмѣстѣ съ ними, то быстро вынимаютъ ихъ изъ сумки, садятъ на землю и убѣгаютъ далѣе, постоянно оглядываясь, пока могутъ, на преслѣдователей; онѣ охотно жертвуютъ слѣдовательно дѣтенышемъ для своего спасенія, но лишь рѣдко достигаютъ цѣли, такъ какъ разгоряченные преслѣдователи обращаютъ главное вниманіе на мать и проносятся мимо дѣтеныша.

Пища кенгуру смѣшанная; они предпочитаютъ траву и листья деревьевъ, но кромѣ того поѣдаютъ также корни, кору и почки деревьевъ, плоды и различныя растенія. Любимую пищу ихъ составляетъ особая трава, которую и называютъ травой кенгуру и которая служитъ вѣрнымъ признакомъ мѣстообитанія этого животнаго; кромѣ того они ѣдятъ верхушки, листья и почки извѣстныхъ кустарниковъ. Нѣкоторые естествоиспытатели полагали, что кенгуру пережевываютъ жвачку; однако, несмотря на тщательное наблюденіе, я не могъ подтвердить это ни у одного кенгуру. Они, правда, часто подолгу жуютъ какое-нибудь растеніе, но не отрыгаютъ обратно въ ротъ разъ проглоченную пищу.

Кенгуру составляютъ на родинѣ самую важную дичь, и поэтому за ними страстно охотятся и хищныя животныя, и люди, какъ туземцы, такъ и бѣлые. Черные стараются по возможности незамѣтно подкрасться къ пасущемуся стаду кенгуру и умѣютъ такъ ловко обойти ихъ, что по крайней мѣрѣ нѣсколько штукъ изъ стада становятся ихъ добычею. На большихъ охотахъ часть охотниковъ ложится въ засаду, а другіе гоняютъ на нихъ дичь, причемъ сначала подкрадываются какъ можно ближе къ пасущимся стадамъ, а затѣмъ вдругъ вскакиваютъ съ крикомъ. Испуганныя животныя поворачиваютъ въ ту сторону, которая кажется имъ безопасной, и та-

кимъ образомъ почти навѣрняка попадаютъ въ руки спрятавшихся охотниковъ. Кромѣ того австралійцы умѣютъ устраивать всякаго рода петли и силки и очень искусно разставляютъ ихъ. Гораздо большія опустошенія, чѣмъ австралійцы, производятъ между кенгуру бѣлые. Они употребляютъ всевозможныя средства для того, чтобы истреблять ихъ: ловятъ ихъ петлями, избиваютъ съ помощью огнестрѣльнаго оружія, затравливаютъ собаками и притомъ только изъ кровожадности, просто, чтобы убивать ихъ; убитыхъ оставляютъ гнить въ лѣсу. «Вотъ почему», пишетъ анонимный авторъ, «кенгуру уже истреблены въ окрестностяхъ всѣхъ болѣе значительныхъ городовъ и поселеній. Если эта дикая охота будетъ продолжаться такимъ же образомъ, то скоро они и внутри страны будутъ принадлежать къ числу наиболѣе рѣдкихъ млекопитающихъ. Я не могу признать, чтобы они приносили вредъ на обширныхъ, поросшихъ травою равнинахъ. По близости отъ селеній они, правда, становятся надѣдливыѣ, чѣмъ наши зайцы и кролики; но это не оправдываетъ безразсудное преслѣдованіе. Они перескакиваютъ ночью черезъ изгороди и поѣдаютъ растенія на поляхъ, но нѣсколькихъ пугалъ достаточно, чтобы удерживать ихъ. Я склоненъ думать, что тѣ, кто такимъ безразсуднымъ образомъ преслѣдуетъ кенгуру, вовсе не въ состояніи понимать значенія животныхъ. Я не хочу отвергать, что шкура и мясо кенгуру менѣе цѣнны, чѣмъ шкура и мясо нашего оленя, но все же и то и другое вовсе не настолько лишено цѣнности, какъ кажется австралійцамъ. Многіе считаютъ мясо кенгуру немного лучше, чѣмъ падаль, не берутъ его даромъ, даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ за бычачье и баранье мясо платятъ сравнительно дорого; за шкуру торговцы даютъ не болѣе 1,5 шиллинга или марки. Но я, на основаніи собственнаго опыта, могу увѣрить, что мясо вовсе не дурно, а шкура ни въ чемъ не уступаетъ телячьей и притомъ тоньше ея. Увѣряютъ, будто бы мясо кенгуру не питательно; но я считаю это положительно невѣрнымъ. Я и мой старшій спутникъ питались мясомъ кенгуру во все время пока были въ лѣсу, и выполняли свою работу такъ же хорошо, какъ и другіе. «Берегите муку и старайтесь добыть кенгуру», говорятъ обыкновенно бушмены, если мука приходитъ къ концу. Я не хочу оспаривать, что мясо это лишь второстепеннаго качества, такъ какъ оно сухо и безвкусно, очень кровависто, темнаго цвѣта и не такъ приятно, какъ баранина; но я утверждаю, что имъ не слѣдуетъ пренебрегать и что въ частности хвостъ даетъ превосходный супъ.

«Самый добычливый способъ охоты на кенгуру — это составить цѣпь изъ стрѣлковъ и велѣть доѣзжаему съ помощью собакъ гнать животныхъ на охотниковъ. Большое значеніе для охоты имѣетъ хорошій загонщикъ. Кенгуру можно гнать въ любомъ направленіи, и они всегда крѣпко держатся разъ принятаго; стадо, правда, раздѣляется, но и тогда они не уклоняются отъ намѣченнаго пути. Стрѣлкамъ лучше всего садиться подъ деревьями и ждать, пригнувшись къ землѣ, пока животныя не подойдутъ на разстояніе выстрѣла. Иногда все стадо прорывается въ одномъ мѣстѣ черезъ цѣпь стрѣлковъ; но по большей части кенгуру при первомъ выстрѣлѣ рассыпаются и бѣгутъ вдоль цѣпи. Кто умѣетъ стрѣлять, тотъ при каждой облавѣ убиваетъ нѣсколько штукъ. Одинъ изъ охотниковъ долженъ еще прежде, чѣмъ стадо подойдетъ на разстояніе выстрѣла, выстрѣлить въ него, чтобы его разсѣять; остальные должны по возможности имѣть при себѣ наготовѣ по два ружья и, конечно, быть увѣренными въ своемъ выстрѣлѣ. Что касается меня, то я такимъ образомъ убивалъ часто четыре штуки во время одной облавѣ. Никогда нельзя позволять себѣ подбѣгать къ первому застрѣленному животному, такъ какъ преждевременнымъ появленіемъ можно разсѣять всѣхъ остальныхъ. Нерѣдко случается, что одна пуля поражаетъ двухъ кенгуру, а мой старшій товарищъ застрѣлилъ дублетомъ

каждой пулею по двѣ самки, изъ которыхъ у трехъ въ сумкахъ было по большому дѣтенышу, такъ что онѣ двумя выстрѣлами добыли 7 животныхъ. Если кенгуру приближаются не слишкомъ стремительно, то можно посоветовать помянуть ихъ свистомъ, такъ какъ они, подобно другой дичи, часто останавливаются въ такомъ случаѣ на мгновенье и поднимаютъ голову. Они очень живучи и раненые далеко убѣгаютъ.

«Весь секретъ стрѣльбы по кенгуру, которую многіе считаютъ чрезвычайно трудной, заключается въ томъ, чтобы не слишкомъ торопиться. Никогда не слѣдуетъ стрѣлять прежде, чѣмъ кенгуру приблизится на разстояніе вѣрнаго выстрѣла, и тогда слѣдуетъ цѣлить въ шею. Я долженъ однако сказать, что оригинальный способъ прыганія, свойственный этимъ животнымъ, очень смущаетъ новичковъ, да и опытному стрѣлку вовсе не легко убить кенгуру, мчащагося во весь опоръ. Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что эта охота, если ею заниматься изодня въ день цѣлые мѣсяцы, наконецъ становится очень мало занимательной. Ясно, что болѣе достойно для хорошаго охотника подкрасться къ пасущимся кенгуру съ надежнымъ, испытаннымъ ружьемъ въ рукѣ, выбрать въ стадѣ самаго большого самца и свалить его. Стрѣлять ихъ изъ ружья потому особенно трудно, что шея и грудь очень малы, а выстрѣлъ черезъ нижнюю часть тѣла животного рѣдко сваливаетъ его. Зажиточные колонисты обыкновенно охотятся за кенгуру съ собаками и употребляютъ для этого особую породу охотничьихъ собакъ, которыхъ и называютъ кенгуровыми собаками (Känguruhunde). Хорошія собаки скоро загоняютъ кенгуру, особенно, если почва влажна, и умѣютъ ловко избѣгать ударовъ опаснаго оружія этихъ животныхъ. Дѣло въ томъ, что охота на кенгуру не всегда идетъ такъ спокойно, какъ можно было бы думать; и это смирное животное умѣетъ защищаться. Вся сила его заключается въ мощныхъ заднихъ ногахъ, четвертый палецъ которыхъ, какъ извѣстно, снабженъ острымъ ногтемъ. Имъ кенгуру наноситъ врагамъ опасныя раны. Молодые собаки постоянно подвертываются подъ когти заднихъ ногъ, но нѣсколько глубокихъ ранъ или ударовъ, полученныхъ отъ бьющаго задними ногами кенгуру, очень скоро дѣлаютъ ихъ осторожными. Въ случаѣ крайности животное старается защищаться также зубами: я видѣлъ, какъ старый самецъ обхватилъ собаку передними лапами и старался укусить ее. Человѣкъ тоже долженъ остерегаться, чтобы не испытать на себѣ силу ногъ кенгуру; во всякомъ случаѣ охотникъ поступаетъ разумно, если тотчасъ перерѣжетъ подстрѣленному животному сухожилія, такъ какъ даже смертельно раненныя они могутъ нанести опасныя удары задними ногами. Я два раза подвергался опасности быть раненымъ кенгуру и оба раза былъ съ такою силою сбитъ съ ногъ, что лишился чувствъ, но къ счастью, оба раза я находился очень близко отъ кенгуру, такъ что получалъ удары не когтемъ, а подошвой. Разъ старый самецъ прямо напалъ на меня, и я былъ сердечно радъ, что животное свалилось, лишившись силъ, прежде чѣмъ могло что-нибудь сдѣлать со мной».

Всѣ виды кенгуру безъ особыхъ затрудненій привыкаютъ къ неволѣ, безъ труда прокармливаются сѣномъ, зеленымъ кормомъ, листьями, рѣпой, зернами, хлѣбомъ и тому подобной пищей, не требуютъ зимою особенно теплаго хлѣва и при надлежащемъ уходѣ довольно легко размножаются. Хотя они любятъ тепло и охотно грѣются и нѣжатся на солнцѣ, имъ не вредитъ однако и довольно суровая зимняя стужа и снѣгъ, если только они имѣютъ сухое и защищенное отъ вѣтра мѣстечко, куда могутъ спрятаться. Благодаря этой невзыскательности и нечувствительности къ вліянію погоды, кенгуру въ настоящее время представляютъ самое обыкновенное явленіе во всѣхъ зоологическихъ садахъ и ежегодно выращиваются въ большомъ числѣ. Тѣмъ не менѣе они вообще едва-ли могутъ когда-нибудь оправ-

дать тѣ надежды, которыя на нихъ возлагались. На мой взглядъ лишь очень немногіе изъ нихъ годятся для переселенія къ намъ, именно для населенія дичью большихъ охотничьихъ районовъ. Я не говорю уже о томъ, что они, совершенно предоставленные самимъ себѣ, едва-ли могутъ выжить въ нашемъ климатѣ, но ихъ размноженіе слишкомъ слабо и польза слишкомъ незначительна для того, чтобы можно было рекомендовать ихъ для замѣны нашей исчезающей дичи. Напротивъ, въ менѣе обширныхъ, огороженныхъ и охраняемыхъ паркахъ, гдѣ они не могутъ принести вреда, они служатъ хорошимъ украшеніемъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ баронъ Филиппъ фонъ-Безелагеръ сдѣлалъ опытъ разведенія въ Германіи кенгуру Беннета, а именно въ Рейнской провинціи, въ лѣсу около Геймерцгейма, величиною въ 500 гектаровъ. Сюда въ 1887 г. было пушено сначала 5 кенгуру: 2 самца и 3 самки. Они очень хорошо выдержали зиму на свободѣ, несмотря на глубокой снѣгъ и холодъ, доходившій до 22,5° С., и питались сначала тѣмъ, что могли найти въ лѣсу, такъ какъ лишь поздно обрѣли мѣста, гдѣ былъ приготовленъ для нихъ кормъ; здѣсь они охотнѣ всего ѣли рѣпу, жадно поглощали также овсяные снопы, а позднѣе предпочитали каштаны всякому другому корму. Въ ноябрѣ одна самка съ дѣтенышемъ въ сумкѣ была найдена мертвою, вѣроятно убитою кѣмъ-нибудь; два самца и одна самка были выгнаны изъ парка бѣгавшими по лѣсу собаками, но самка была поймана и перезимовала въ хлѣву; одинъ изъ выгнанныхъ самцовъ былъ застрѣленъ въ лѣсу въ охотничьемъ округѣ, отстоящемъ на разстояніи трехъ часовъ ходьбы; другой такъ и пропалъ, но, безъ сомнѣнія, это и есть тотъ экземпляръ, который былъ убитъ въ октябрѣ 1889 г. около Кельберга въ Эйфель. Въ питомникѣ перезимовалъ лишь послѣдній экземпляръ—самка; къ ней пустили весной 1888 г. вторую пойманную самку и полученнаго изъ Парижа самца; всѣ трое соединились вмѣстѣ и ихъ часто наблюдали. «При этомъ оказалось», пишетъ баронъ фонъ-Безелагеръ, «что они были осторожныѣ или обладали болѣе острыми чувствами, чѣмъ косули. Именно, если они паслись вмѣстѣ съ послѣдними на просѣкѣхъ или на лугахъ и къ нимъ подкрадывался человекъ, то кенгуру по большей части уже убѣгали, когда косули были еще совершенно спокойны». 20 августа 1888 г. авторъ подкарауливалъ на помостѣ самца косули. «Вдругъ близко позади меня» пишетъ онъ. «зашумѣли кусты и тотчасъ послѣ того что-то сильно ударило подъ помостомъ. Я подумалъ, что это былъ самецъ косули; но тотчасъ вслѣдъ затѣмъ я замѣтилъ кенгуру, который сидѣлъ въ своемъ логовищѣ; онъ прыгнулъ дальше и при этомъ сильно ударилъ задними ногами о землю. Этимъ способомъ кенгуру этого вида предохраняютъ другъ друга. Звукъ похожъ на извѣстное «пак-пак» кролика, только гораздо сильнѣе. Тотчасъ-же вслѣдъ затѣмъ я увидѣлъ двухъ молодыхъ кенгуру, уже больше зайца, которые осторожно и тихо прокрадывались черезъ поляну». Нѣтъ сомнѣнія поэтому, что эти кенгуру хорошо чувствуютъ себя въ своемъ новомъ отечествѣ и даже размножаются. Нѣкоторые были, можетъ быть, безразсудно застрѣлены, другіе распуганы; говорятъ, напримѣръ, что нѣкоторое число ихъ поселилось въ горахъ Эйфель, но во всякомъ случаѣ нашъ авторъ могъ написать въ охотничьей газетѣ «Der Weidmann», весной 1890 г. слѣдующее: «Эти кенгуру, которые были здѣсь выпущены, несомнѣнно быстро размножаются». О душевныхъ способностяхъ этихъ животныхъ баронъ фонъ-Безелагеръ сообщаетъ намъ въ письмѣ еще слѣдующее: «По моему мнѣнію, по остротѣ чувствъ и осторожности они не уступаютъ нашей дичи. Ближе можно будетъ познакомиться съ ними въ этомъ отношеніи лишь тогда, когда они настолько размножатся, что можно будетъ начать охотиться за ними. Лишь тогда будетъ видно, трудно-ли ихъ перехитрить. Мнѣ кажется, что они умнѣе, чѣмъ хваленая лиса».

Изъ 7 родовъ и 38 видовъ, на которые распадается это подсемейство, на первомъ мѣстѣ ставятъ **Большеногоихъ кенгуру** или **кенгуру** въ тѣсномъ смыслѣ слова (*Macropus. Grossfusskänguruh. Macropodes*), отличительные признаки которыхъ слѣдующіе: голая морда, хорошо развитыя уши, направленные внизъ волосы на затылкѣ, большое различіе въ длинѣ переднихъ и заднихъ ногъ, очень длинный главный коготь на заднихъ ногахъ и толстый, къ концу утончающійся, покрытый гладкою шерстью хвостъ.

Исполинскій кенгуру (*Macropus giganteus, M. major, etc. Riesenkänguruh. Kangaroo géant*), **Бумеръ** (*Boomer*) поселенцевъ, принадлежитъ къ самымъ крупнымъ видамъ семейства. Очень старые самцы въ сидячемъ положеніи такого-же почти роста, какъ человѣкъ; длина ихъ до 3 м., изъ которыхъ около 90 см. приходится на хвостъ; вѣсъ колеблется между 100 и 150 kgr. Самка среднимъ счетомъ на треть меньше самца. Мѣхъ плотный, густой, гладкій и мягкій, похожій нѣсколько на овечій; цвѣтъ его неопредѣленно - бурый, смѣшанный съ сѣрымъ. Переднія конечности, голени и плюсны бѣлаго или сѣровато-бѣлаго цвѣта, пальцы заднихъ ногъ черноватые; голова того-же цвѣта, какъ спина, съ темными полосами по бокамъ; наружная сторона ушей у западно-австралийскихъ экземпляровъ обыкновенно свѣтлѣе головы, у животныхъ съ востока этого материка по большей части темнѣе; хвостъ буроватый, къ концу становится постепенно темнѣе, конецъ его черный.

Кукъ открылъ этотъ видъ кенгуру въ 1770 году на берегу Новаго Южнаго Валлиса и далъ ему имя на основаніи туземнаго названія. Онъ живетъ во всей Австраліи и Тасманіи и распадается на три подвида, изъ которыхъ одинъ населяетъ послѣдній островъ, а наиболѣе широко распространенный описанъ выше.

Исполинскій кенгуру водится на поросшихъ травою равнинахъ или въ рѣдкихъ лѣсахъ, состоящихъ изъ кустовъ, какіе часто встрѣчаются въ Австраліи. Въ кустарники онъ удаляется преимущественно лѣтомъ, чтобы защищать себя отъ горячаго полуденнаго солнца. Въ настоящее время, благодаря непрерывному преслѣдованію, онъ далеко отгѣсненъ внутрь страны, да и здѣсь начинаетъ попадаться рѣже. Онъ живетъ стадами, но не такъ общителенъ, какъ полагали сначала, принимая за одно стадо соединеніе различныхъ семействъ вмѣстѣ. Обыкновенно случается видѣть ихъ лишь по три или четыре штуки вмѣстѣ, но между ними такъ мало связи, что, собственно говоря, ни одинъ изъ нихъ не заботится о другихъ, а каждый идетъ независимо своей дорогой. На особенно хорошемъ пастбищѣ собирается большее число ихъ; но они снова раздѣляются, когда въ данной мѣстности не находятъ болѣе корма. Прежде думали, что самцовъ должно считать вожаками стада, вѣроятно потому, что они казались пригодными для этого по своей значительной величинѣ. Но и это предположеніе оказалось невѣрнымъ. Всѣ наблюдатели согласны между собою въ томъ, что исполинскій кенгуру въ высшей степени робокъ и пугливъ и лишь рѣдко позволяетъ человѣку приблизиться къ нему, какъ желательно.

Гульдъ, который написалъ превосходное сочиненіе о млекопитающихъ Австраліи, говоритъ о бѣгущихъ исполинскихъ кенгуру слѣдующее: «Я съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю о прекрасномъ бумерѣ, который внезапно былъ поднятъ собаками на открытой равнинѣ и затѣмъ бросился бѣжать. Сначала онъ вытянулъ шею, чтобы оглянуться на преслѣдователей и посмотреть, съ какой стороны ему открытъ путь; но затѣмъ онъ помчался впередъ, не промедливъ ни одного мгновенія, и далъ намъ возможность наблюдать самую безумную скачку, какую только можно себя представить. Съ быстротою птицы, въ одинъ приемъ про-

БОЛЬШОЙ КЕНГУРУ.

скакалъ онъ 14 (англійскихъ) миль, а такъ какъ передъ нимъ не было никакихъ преградъ, то я нисколько не сомнѣвался въ томъ, что бѣглець уйдетъ отъ насъ. Но, къ его несчастію, онъ попалъ на косу, вдававшуюся въ море приблизительно на 2 мили. Здѣсь путь былъ ему отрѣзанъ, и онъ принужденъ былъ искать спасенія вплавь. Морской рукавъ, который отдѣлялъ его отъ материка, былъ приблизительно шириною въ 2 мили, и свѣжій вѣтерокъ гналъ волны прямо противъ кенгуру. По ему оставалось только два выхода: или вступить въ битву съ собаками, или искать спасенія въ морѣ. Потерявъ голову, онъ бросился въ волны и мужественно поплылъ черезъ рукавъ, хотя волны наполовину захлестывали его. Но подъ конецъ кенгуру все-же былъ принужденъ повернуть назадъ и утомленный, обезсиленный скоро сталъ жертвой преслѣдователей. Разстояніе, которое онъ промчался во время бѣг-

Падемелонъ. *Macropus thetidis*. $\frac{1}{2}$, наст. вел.

ства, если считать различные повороты, не могло быть менѣе 18 миль, и кромѣ того онъ проплылъ еще добрыхъ 2 мили. Я не въ состояніи опредѣлить время, въ какое онъ проскакалъ это пространство, но полагаю, что прошло около двухъ часовъ до того времени, когда онъ достигъ конца упомянутой косы. Но тамъ онъ прыгалъ еще такъ-же быстро, какъ и вначалѣ».

Вообще къ тому, что уже было сообщено, я ничего не могу прибавить относительно жизни этого животнаго; надъ этимъ именно видомъ семейства было сдѣлано больше всего наблюденій. Въ настоящее время у насъ рѣже можно видѣть исполинскаго кенгуру въ неволѣ, чѣмъ прежде, такъ какъ тогда онъ былъ гораздо обыкновеннѣе на своей родинѣ. При хорошемъ уходѣ онъ долго выживаетъ у насъ; нѣкоторые жили въ Европѣ 10—25 лѣтъ.

Болѣе мелкіе виды этого рода, въ противоположность крупнымъ кенгуру, т. е. кенгуру въ тѣсномъ смыслѣ, называютъ **Валлаби** (*Wallabys*). Одинъ изъ красивѣйшихъ между ними **Падемелонъ** (*Macropus thetidis*, *Halmaturus thetidis* и *nuchalis*. *Pademelon*).

Онъ едва достигаетъ трети роста исполинскаго кенгуру; длина его равняется лишь 1,1 м., изъ которыхъ 45 см. приходится на хвостъ. Шерсть длинная и мягкая, цвѣтъ верхней стороны буро-сѣрый, на затылкѣ переходящій въ ржаво-рыжий; нижняя сторона—бѣлая или желтовато-бѣлая; бока рыжеватые, ноги равномерно бурога цвѣта, переднія ноги сѣраго; хвостъ, покрытый короткими, жесткими волосями, сверху сѣрый, снизу буровато-бѣлый.

Падемелонъ населяетъ богатая кустарникомъ мѣстности Южнаго Квинсленда, Новаго Южнаго Валлиса и Викторіи и живетъ здѣсь по-одиночкѣ или маленькими стадами; ради его нѣжнаго, въ высшей степени вкуснаго мяса, которое похоже на мясо нашего зайца, за нимъ ревностно охотятся какъ туземцы, такъ и колонисты. По образу жизни онъ совершенно сходенъ со своими родичами. У содержимыхъ въ неволѣ мнѣ бросилось въ глаза, что они при прыганіи довольно сильно размахиваютъ своими передними ногами и оставляютъ ихъ въ стороны отъ тѣла, между тѣмъ какъ другіе виды прижимаютъ ихъ. По этой особенноти падемелона можно отличить съ перваго взгляда отъ другихъ очень похожихъ на него видовъ. Парочка, которую я держалъ, вела себя, какъ и большинство прыгающихъ сумчатыхъ, прекрасно по отношенію другъ къ другу, но не съ родственными видами. Самецъ **Ржаво-брюхаго валлаби** (*Macropus billardieri*), который случайно попалъ въ загородку, подвергся нападенію со стороны падемелона-самца изъ ревности, но съ успѣхомъ выдержалъ битву. Результатъ былъ тотъ, что соперникъ повывергалъ у нашего падемелона довольно много волосъ. Когда я увидѣлъ его послѣ этой битвы, то нижняя часть его спины была исцарапана почти до гола и мѣстами покрыта значительными шрамами. По поврежденіямъ было видно, что валлаби повалилъ его на землю и билъ задними ногами. Падемелонъ-самка была тоже нѣсколько поцарапана, вѣроятно потому, что не соглашалась уступить бурнымъ ухаживаніямъ до того времени безбрачнаго пришельца. * *

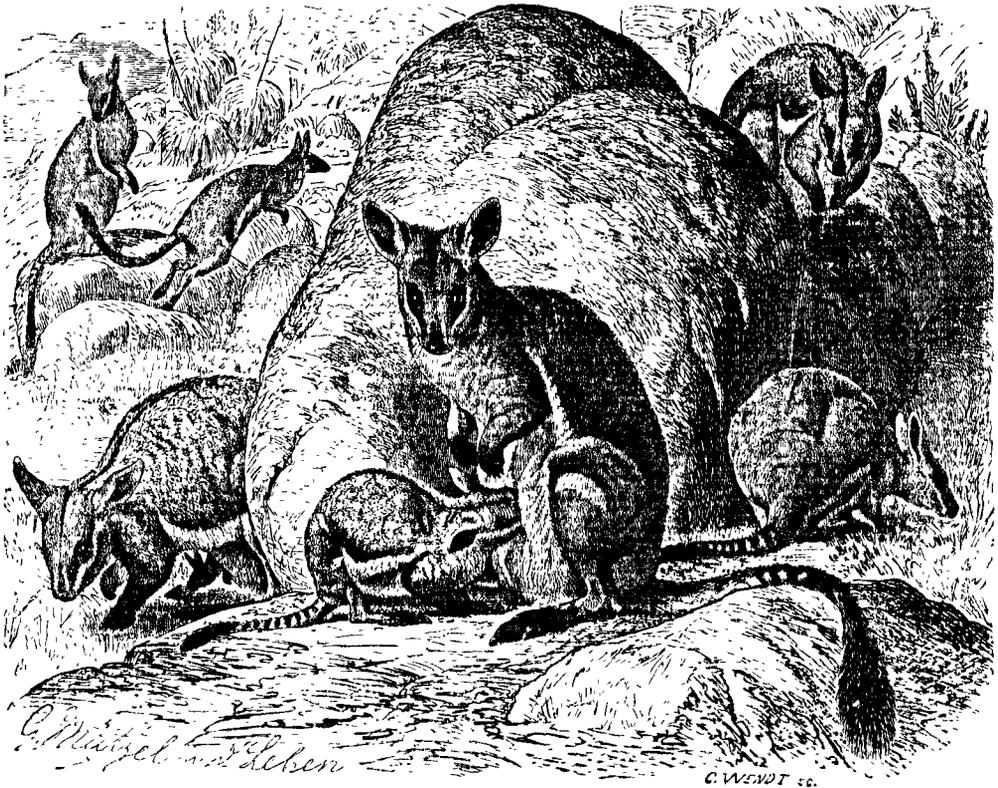
Въ горахъ живутъ 6 видовъ **Горныхъ Кенгуру** (*Petrogale Bergkänguruh*), прыгающихъ сумчатыхъ средней величины, нѣсколько отличающихся отъ длинноногихъ кенгуру зубной системой, короткими главными когтями заднихъ ногъ и хвостомъ одинаковой толщины въ передней и задней части, имѣющему на концѣ кость.

Южноавстралійскій **Каменный кенгуру** (*Petrogale penicillata*, *Macropus* и *Heterogopus penicillatus, albogularis* etc. *Felsenkänguruh. Kangaroo des roches*) достигаетъ вмѣстѣ съ хвостомъ, который равенъ по длинѣ тѣлу, 1,25 м. въ длину; цвѣтъ его темный пурпурово-сѣрый, на бокахъ бѣловато-бурый, сзади черный, снизу бурый или желтоватый, на подбородкѣ и груди бѣлый, на щекахъ сѣровато-бѣлый съ неясной темной полоской, края темныхъ ушей желтые, ноги и хвостъ черные.

Равный ему по величинѣ восточноавстралійскій **Желтоногіи кенгуру** (*Petrogale xanthopus. Gelbfussskänguruh. Kangaroo à pieds jaunes*), изображение котораго мы прилагаемъ, бѣднаго рыжевато-бурога цвѣта, смѣшаннаго съ сѣрымъ, вдоль середины спины темнѣе, снизу бѣлый, поперечная полоска на бедрѣ, а также боковая, рѣзко отграниченная отъ бѣлой нижней стороны продольная полоса—черноватая, плоски желтаго цвѣта, хвостъ съ желтыми и черно-бурыми кольцами. Болѣе или менѣе значительныя уклоненія, повидимому, нерѣдки у горныхъ и желтоногихъ кенгуру.

Горы южной Австраліи населены значительнымъ числомъ каменныхъ кенгуру; однако ихъ не часто случается замѣтить, такъ какъ это животныя ночныя, которыя лишь крайне рѣдко появляются раньше солнечнаго заката изъ темныхъ пещеръ и разсѣлинь между скалами. Проворство, съ которымъ это животное лазаеъ

по скалистымъ стѣнамъ, вполне могло-бы сдѣлать честь обезьянѣ. Его искусство въ лазаніи гораздо болѣе защищаетъ его отъ преслѣдованій человѣка и другихъ враговъ, чѣмъ остальныхъ родичей. Охота за каменнымъ кенгуру требуетъ большой опытности отъ охотника, да и то она успѣшна лишь въ томъ случаѣ, если удастся выслѣдить тропинку, которой твердо держится эта дичь. Туземцы доходятъ по хорошо замѣтному слѣду до самой расщелины, въ которой животное прячется днемъ, и тамъ убиваютъ его; но для такой охоты нужно удивительное терпѣніе дикаря, европеецъ благоразумно отказывается отъ нея. Болѣе опасный врагъ, чѣмъ человѣкъ для этихъ кенгуру оказывается, говорятъ, динго, такъ какъ онъ довольно часто живетъ въ тѣхъ

Желтоногій кенгуру. *Petrogale xanthopus*. $\frac{1}{10}$ наст. вел.

пещерахъ, куда прячется днемъ каменный кенгуру. Однако и ему удается овладѣть этимъ очень осторожнымъ животнымъ лишь при неожиданномъ нападеніи; если кенгуру замѣчаетъ врага, то нѣсколькими прыжками ставитъ себя внѣ всякой опасности. Его ловкость позволяетъ ему безъ труда достигать самыхъ высокихъ и недоступныхъ мѣстъ. Притомъ, по увѣреніямъ туземцевъ, каменный кенгуру живетъ преимущественно въ такихъ расщелинахъ, которыя имѣютъ по нѣскольку выходовъ. Раненые они обыкновенно погибаютъ для охотника, такъ какъ прячутся передъ смертью въ какую-нибудь пещеру и тамъ умираютъ.

Въ послѣднее время желтоногихъ и каменныхъ кенгуру не разъ привозили къ намъ живыми, и теперь можно видѣть, особенно послѣднихъ, во многихъ зоологическихъ садахъ. По своему нраву они, кромѣ любви къ лазанію, ничѣмъ не отличаются отъ своихъ родичей. Если въ ихъ загородкѣ устроить для нихъ искусственную

скалу, то они охотно лазают по ея уступамъ, принимаютъ различныя положенія, возможныя только для нихъ, и представляютъ красивое зрѣлище. Ихъ искусство въ лазаніи доходитъ часто до того, что они могутъ перелѣзать черезъ рѣшетки въ 2—3 м. вышиною, такъ какъ они, повидимому, взбираются на скалы не только прыжками, но и цѣпляясь. Чтобы добраться до высоты, имъ не всегда необходима большая площадь, гдѣ-бы они могли свободно разбѣжаться, но они умѣютъ достигать своей цѣли и иначе. Во Франкфуртѣ они, какъ сообщаетъ Гаакъ, часто бѣгаютъ по крышамъ клѣтокъ, вышиною въ 2 м., въ загородкѣ для куръ, куда ихъ помѣстили; они попадаютъ туда, взлѣзая по загородкѣ изъ проволочной сѣти, принадлежащей нѣсколькимъ клѣткамъ.

При хорошемъ уходѣ они размножаются въ неволѣ такъ-же легко, какъ ихъ родичи.

* *

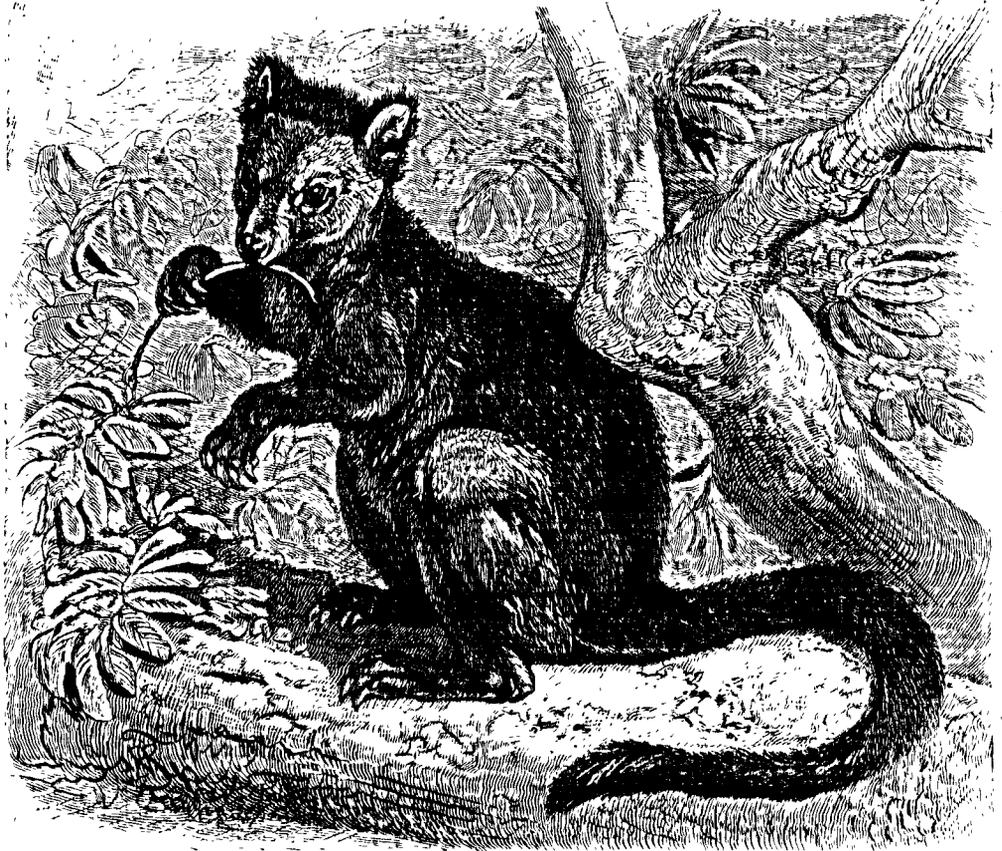
Представителемъ другого рода подсемейства служитъ **Зайцеобразный кенгуру**

Зайцеобразный кенгуру (*Lagorchestes leporoides*). $\frac{1}{2}$ наст. велич.

(*Lagorchestes leporoides*, *Macropus leporoides*. Hasenspringer. Kangaroo leporoide), называемый такъ потому, что по характеру и окраскѣ онъ сильно напоминаетъ зайца. Длина его равняется 60 см., изъ которыхъ около 35 см. приходится на хвостъ. Тѣло вытянуто, ноги и когти тонки, маленькія переднія лапы вооружены острыми узенькими когтями. Морда покрыта бархатистыми волосами, уши заострены на концахъ, изнутри одѣты длинными бѣлыми волосами, а снаружи короткими черными и бѣлыми. Остальной мѣхъ представляетъ то трудное для описанія смѣшеніе цвѣтовъ, которое мы встрѣчаемъ на шкурѣ зайца. Волоса на верхней сторонѣ у корня черные, потомъ рыжевато-бурые, затѣмъ ржаво-бѣлые и наконецъ черные. Грудь и брюхо окрашены въ сѣрый и ржаво-бѣлый цвѣтъ, на каждой голени находится темное пятно; ноги сѣрыя съ крапинками, волоса на мордѣ черные и бѣлые.

Зайцеобразный кенгуру населяетъ большую часть внутренней Австрали и сильно напоминаетъ по своему образу жизни нашего зайца. Подобно послѣднему, это животное ночное, которое днемъ прячется въ глубоко вырытомъ логовищѣ и тогда, прежде чѣмъ подняться, онъ близко подпускаетъ къ себѣ охотниковъ и собакъ, въ надеждѣ, что сходство его одежды съ почвой защититъ его. Дѣйствительно онъ часто обманываетъ собакъ и, даже убѣгая отъ нихъ, употребляетъ различныя хитрости, дѣлая, подобно нашему зайцу, неожиданныя петли и поворачивая какъ можно скорѣе назадъ. Одно наблюдение, сдѣланное Гульдомъ, заслуживаетъ

Медвѣдеобразный кенгуру. (*Dendrolagus ursinus*). 1; наст. велич.

упоминанія. «На одной изъ равнинъ южной Австрали», разсказываетъ онъ, «я охотился за однимъ зайцеобразнымъ кенгуру съ двумя проворными собаками. Послѣ того, какъ онъ пробѣжалъ около четверти мили, онъ вдругъ повернулся и побѣжалъ обратно по направленію ко мнѣ. Собаки слѣдовали за нимъ по пятамъ. Я стоялъ совершенно неподвижно, и животное подбѣжало ко мнѣ на разстояніи 6 м. прежде, чѣмъ замѣтило меня. Къ моему большому изумленію, оно не повернуло однако ни направо, ни налево, а однимъ сильнымъ прыжкомъ перескочило мнѣ черезъ голову. Я былъ не въ состояніи выстрѣлить ему вслѣдъ».

* * *

Искусство лазанья среди прыгающихъ сумчатыхъ достигаетъ своей высшей

✱

степени развитія у четырехъ видовъ **Древолазовыхъ кенгуру** (*Dendrolagus*. Baumkänguruh) изъ Новой Гвинеи и Сѣвернаго Квинсленда. Большія и сильныя переднія конечности, которыя только немного меньше заднихъ, составляютъ очень характерный отличительный признакъ этого рода. Верхніе рѣзцы почти одинаковой величины; клыки по большей части гораздо меньше рѣзцовъ. Когти четвертаго и пятаго заднихъ пальцевъ согнуты, также какъ и когти на пальцахъ переднихъ конечностей, а не прямые конусообразные, какъ у остальныхъ родовъ этого подсемейства. Изображенный на рисункѣ представитель этого рода **Древолазъ** или **Медвѣдеобразный кенгуру** (*Dendrolagus ursinus*. Bärenkänguruh. Dendrolage ursin) Новой Гвинеи — довольно большое животное, длиною въ 1,25 м., изъ которыхъ нѣсколько болѣе половины приходится на хвостъ; тѣло у него короткое и толстое, голова короткая. Мѣхъ состоитъ изъ жесткихъ, черныхъ, у основанія буроватыхъ волосъ; кончики ушей, лице и брюхо—бурые; щеки желтоватыя; кольцо вокругъ глаза темнѣе.

Всѣ наблюдатели согласны съ тѣмъ, что нельзя представить себѣ болѣе страннаго явленія, какъ древолазъ, который весело движется по вѣтвямъ и продѣлываетъ почти всѣ фокусы гимнастическаго искусства, какіе продѣлываютъ и другія лазящія млекопитающія. Съ величайшей легкостью животное взбирается по стволамъ деревьевъ, съ увѣренностью бѣлки поднимается и опускается по нимъ, но тѣмъ не менѣе оно кажется тамъ въ вышинѣ до такой степени не на мѣстѣ, что каждый наблюдатель бываетъ просто озадаченъ, когда это черное длинноногое существо неожиданно вспрыгиваетъ съ земли на дерево и движется тамъ по качающимся вѣтвямъ. Какъ и нужно было ожидать, судя по его мѣстожительству, оно питается преимущественно листьями, почками и побѣгами деревьевъ, а вѣроятно ѣсть также и плоды.

Его рѣдко приходится видѣть въ неволѣ; я видѣлъ лишь одного. Онъ жилъ въ Роттердамскомъ зоологическомъ саду, но былъ запертъ въ клетку, въ которой не могъ обнаруживать своихъ способностей. Къ сожалѣнію, мои попытки приобрѣсти его не увѣнчались успѣхомъ. Какъ пишетъ мнѣ Розенбергъ, онъ долгое время держалъ медвѣдеобразнаго кенгуру вмѣстѣ съ однимъ его родичемъ. «Оба вида скоро становятся ручными, легко привыкаютъ къ своему хозяину и не обнаруживаютъ ни малѣйшаго страха передъ собаками. Мои плѣнники бѣгали свободно и слѣдовали за мною по питамъ быстро повторяющимися прыжками на заднихъ ногахъ. Когда они лазали, то обхватывали передними конечностями стволъ или вѣтвь, но дѣлали это нѣсколько неуклюже. Я кормилъ ихъ растительной пищей, именно зрѣлыми низангами, которыя они, сидя на заднихъ ногахъ, подносили ко рту и ѣли по обезьяньи, только болѣе неловко. Медвѣдеобразный кенгуру хорошо извѣстенъ въсемъ населенію въ Новой Гвинееѣ подъ названіемъ **Ніаай**; они часто ловятъ его и нерѣдко доставляютъ живымъ въ Тернате».

Маленькихъ прыгающихъ сумчатыхъ второго подсемейства, которое обнимаетъ 4 рода и 9 видовъ, называютъ **Потору** или **Кенгуровыми крысами** (*Potoroinae*; Känguruhratten Kangaroo-Rats). Они еще очень похожи на болѣе крупныхъ родичей, но кромѣ незначительной величины отличаются также длинными когтями на среднихъ пальцахъ переднихъ конечностей, а главнымъ образомъ зубной системой: въ верхней челюсти всегда существуютъ клыки, по большей части хорошо развитые. Область распространенія подсемейства ограничена материкомъ Австраліи и Тасманіей.

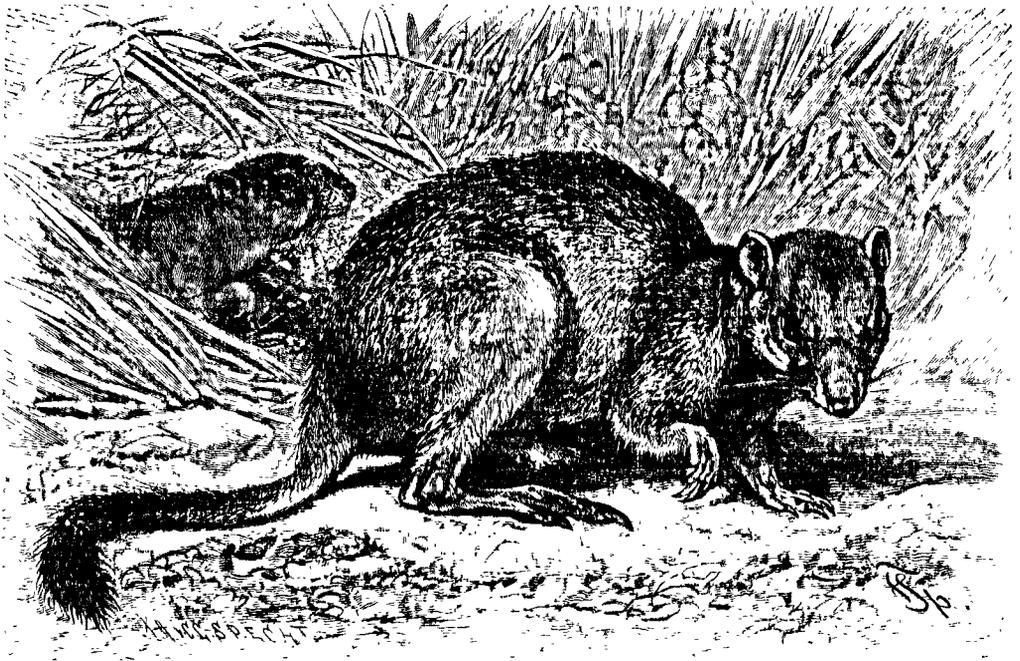
* * *

Одинъ изъ крупнѣйшихъ видовъ кенгуровыхъ крысъ, **Косматый потору** (*Vet-*

tongia penicillata, *ogilbyi* и *gouldii*, *Hypsiprymnus penicillatus* и *ogilbyi*; *Macropus penicillatus*. *Opossumratté*. *Potoroo de Gould*). Животное это величиною съ кролика съ очень короткими круглыми ушами и довольно длиннымъ мѣхомъ. Цвѣтъ верхней стороны сѣро-бурый съ черными и бѣлыми крапинками, нижней—грязно-бѣлый или желтоватый. Косматый потору отличается особенно гребнемъ длинныхъ, черныхъ, косматыхъ волосъ на послѣдней трети хвоста; вся длина его—67 см., изъ которыхъ на хвостъ приходятся 31 см. Родина его весь материкъ Австраліи за исключеніемъ самыхъ сѣверныхъ областей.

Объ образѣ жизни и поведеніи его Гульдъ сообщаетъ приблизительно слѣдующее.

«Подобно остальнымъ видамъ того же рода косматый потору вырываетъ себѣ въ землѣ углубленіе, въ которомъ помѣщаетъ сдѣланное изъ травы толстостѣн-

Косматый потору. *Bettongia penicillata*. $\frac{1}{4}$ наст. велич.

ное гнѣздо, которое по внѣшнему виду настолько соответствуетъ окружающей обстановкѣ, что необходимо очень внимательно искать его, чтобы замѣтить. Мѣсто для него выбирается всегда между кустиками травы или около куста. Днемъ одно животное или пара ихъ лежатъ въ такомъ гнѣздѣ совершенно скрытыя отъ глазъ наблюдателя, такъ какъ они всегда тщательно закрываютъ отверстіе, образовавшееся въ гнѣздѣ при влѣзаніи въ него. Туземцевъ это, впрочемъ, не можетъ обмануть. Они замѣчаютъ почти каждое гнѣздо и убиваютъ затѣмъ спящихъ обитателей его ударомъ палицы. Весьма замѣчательнъ способъ, которымъ эти маленькіе конгугу притаскиваютъ жесткую траву для своего гнѣзда. Они пользуются для этого своимъ хвостомъ, который очень удобенъ для схватыванія. Животное беретъ имъ пучекъ травы и тащитъ его въ опредѣленное мѣсто; можно представить себѣ, какой странный и забавный видъ оно имѣетъ при этомъ. Въ неволѣ они тоже притаскиваютъ себѣ такимъ образомъ матеріалы къ своему

логовищу: по крайней мѣрѣ такъ поступали нѣсколько экземпляровъ, которыхъ держалъ графъ Дерби въ паркѣ для животныхъ въ Носли (Knowsley), по возможности старая удовлетворять всѣмъ ихъ потребностямъ.

«Въ Австраліи эти сумчатые живутъ на сухихъ равнинахъ и холмахъ, поросшихъ рѣдкими деревьями и кустами. Хотя они и не живутъ стадами, но все-же соединяются вмѣстѣ въ довольно большомъ числѣ. Они выходятъ за пищей лишь послѣ наступленія ночи и ѣдятъ траву и корни; послѣдніе, благодаря своей ловкости, она выкапываютъ изъ земли безъ особеннаго затрудненія. Охотникъ узнаетъ ихъ присутствіе по норкамъ, вырытымъ подъ кустами. Если ихъ потревожатъ днемъ, то они съ изумительной быстротою спѣшатъ къ какой-нибудь щели въ землѣ или скалѣ или дуплу въ деревѣ, которыя могутъ защитить ихъ, и обыкновенно съ успѣхомъ укрываются здѣсь».

Крысиный потору (*Potorous tridactylus* и *murinus*, *Hypsiprymnus setosus*, *apicalis* и *mysurus*, *Macropus minor* etc. *Känguruhratte*. *Potoroo-rat*) отличается удлиненной головой, короткими ногами и крысыимъ хвостомъ. Длина тѣла равняется 40 см., длина хвоста 25 см. Тѣло коротко и приземисто, шея толста, хвостъ длинный, плоскій, покрытъ довольно ясными кольцами и чешуйками и, кромѣ того, рѣдкими, короткими и жесткими волосами, частью-же голый. Длинный, рыхлый, слабо блестящій мѣхъ сверху темно-бураго цвѣта съ примѣсью чернаго и блѣдно-бураго, на нижней сторонѣ грязно или желтовато-бѣлаго. Волоса имѣютъ темныя основанія, а на верхней сторонѣ тѣла также черныя кончики; между ними стоятъ болѣе короткіе волоски съ желтыми кончиками. Хвостъ у корня и сверху буроватый, вдоль боковъ и снизу чернаго цвѣта.

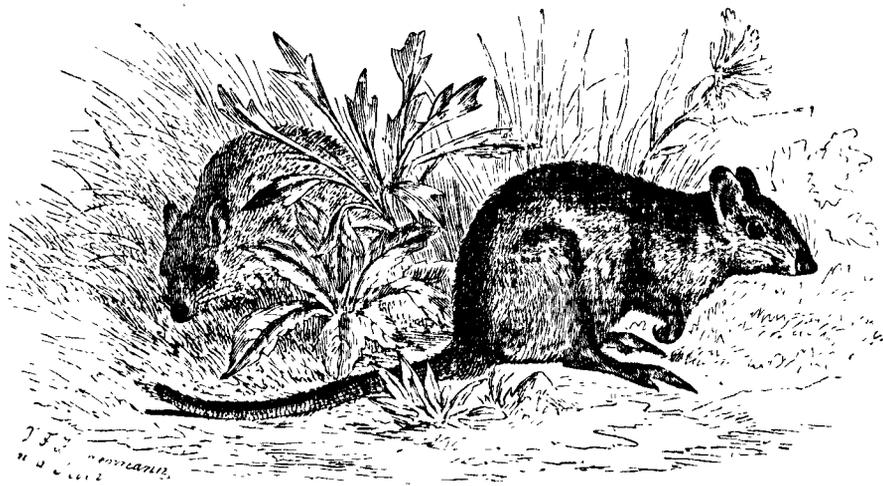
Колоніи Новаго Южнаго Валлиса, Викторіи, Южной Австраліи и Тасманіи составляютъ родину крысинаго потору; у Портъ-Джаксона онъ прежде былъ очень обыкновененъ. Онъ любитъ мѣстности, поросшія рѣдкими кустами и избѣгаетъ открытыхъ пастбищъ. Они выкапываютъ себѣ между кустами травы углубленія въ землѣ, тщательно выстилаютъ ихъ сухой травой и сѣномъ и спятъ въ нихъ, обыкновенно по нѣсколько штукъ вмѣстѣ цѣлый день; это тоже настоящіе ночныя животныя и выходятъ пасть лишь къ заката солнца. Логовище устроено такъ-же искусно, какъ и у описанныхъ родичей этого животнаго.

По своимъ движеніямъ крысиный потору очень существенно отличается отъ кенгуру. По моимъ собственнымъ наблюденіямъ, онъ бѣгаетъ совершенно иначе и гораздо легче, чѣмъ кенгуру, скорѣе какъ тушканчики, т. е. подвигаетъ сначала одну заднюю ногу, а потомъ другую, а не обѣ сразу. Этотъ бѣгъ короткими шагами, какъ можно назвать движенія крысинаго потору, необыкновенно быстръ и вмѣстѣ съ тѣмъ позволяетъ животному обнаруживать гораздо большую ловкость, чѣмъ это могутъ сдѣлать двигающіеся скачками кенгуру. Крысиный потору быстръ, проворенъ, живъ и по землѣ пронырливаетъ и скользитъ, какъ тѣнь. Опытная собака ловить его безъ особаго труда; но неопытный охотникъ тщетно будетъ стараться отыскать его, если онъ уже оставилъ логовище. Въ гнѣздѣ его легко можетъ поймать и человекъ, такъ какъ онъ спитъ довольно крѣпко и подпускаетъ очень близко своего злѣйшаго врага. По отношенію къ пищѣ онъ отличается отъ описанныхъ до сихъ поръ его родичей. Онъ роется, отыскивая главнымъ образомъ клубни, и корни, и поэтому причиняетъ иногда ощутительный вредъ полямъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ зоологическіе сады, крысиный потору нрѣдко попадаетъ живымъ въ Европу. Онъ отлично выживаетъ при очень простой пищѣ и не требуетъ никакой особенной защиты. Ему достаточно ящика съ сѣномъ или маленькой землянки; если ему не дадутъ никакого жилища, то онъ самъ вы-

рываетъ себя норку и, какъ на родинѣ, тщательно выстилаетъ ее травой, листьями и сѣномъ. Норка эта почти шарообразна, вверху уже, чѣмъ посрединѣ, очень гладко выстлана и такъ искусно прикрыта сверху, что подъ пучкомъ сухой травы трудно было-бы предположить существованіе жилища животнаго. Только если снять верхнюю покрывку, то можно видѣть, какъ потору лежитъ, свернувшись клубкомъ вмѣстѣ со своими товарищами, но лишь на одно мгновеніе: какъ только свѣтъ разбудитъ его, онъ однимъ прыжкомъ бросается изъ гнѣзда и спѣшитъ спастись со свойственной ему быстротой. Хотя это чисто ночное животное, но оно умѣетъ однако очень ловко двигаться и днемъ; потору вѣрно и быстро избѣгаетъ различнаго рода препятствій. Онъ перебирается черезъ рѣшетки и перепрыгиваетъ черезъ нихъ съ удивительной легкостью.

Въ неволѣ они выходятъ изъ норокъ въ лѣтніе мѣсяцы часа за полтора до заката солнца, осенью и зимою относительно поздне и крайне веселе прыгаютъ и спуютъ въ своей загородкѣ. Пасколько днемъ они съ неудовольствіемъ встрѣчаютъ

Крысиный потору. *Potorous tridactylus*. $\frac{1}{6}$ наст. вел.

всякое безпокойство, настолько вечеромъ съ любопытствомъ приближаются, чтобы посмотрѣть на того, кто подойдетъ къ рѣшеткѣ ихъ жилища. Въ это время они охотно позволяютъ трогать себя, между тѣмъ, какъ днемъ отвѣчаютъ на каждое такое проявленіе дружбы недовольнымъ ворчаніемъ, неожиданными прыжками по направленію къ глядющему, а въ случаѣ крайности и кусаньемъ. Англійскіе авторы, которые наблюдали крысиныхъ потору въ Австраліи, утверждаютъ, что они очень боязливы, но я не могу подтвердить этого на основаніи своихъ наблюденій; напротивъ, я нахожу, что они смѣлѣе, чѣмъ большіе кенгуру. Особенно самцы могутъ быть названы даже очень смѣлыми и бываютъ иногда злыми. Они вовсе не боятся человѣка и съ безуміемъ грызунъ бросаются на него, если онъ внезапно приблизится къ нимъ. Самецъ оказывается часто жестокимъ по отношенію къ собственнымъ дѣтенышамъ, всячески мучитъ изъ ревности молодыхъ самцовъ и иногда до такой степени дерется, что они умираютъ отъ этого.

Побужденіе къ совокуленію, повидимому, очень сильно у крысиныхъ потору. Самецъ гоняетъ тогда самку цѣлую ночь по загородкѣ, сваливаетъ ее, кусаетъ и бьетъ, если она не хочетъ добровольно подчиниться ему. Одна самка, которую я держалъ, была при такихъ обстоятельствахъ убита разгоряченнымъ

самцом вмѣстѣ съ ея довольно большимъ дѣтенышемъ въ сумкѣ, вѣроятно потому, что она не хотѣла подпустить его къ себѣ. Размноженіе происходитъ три или четыре раза въ теченіи года, такъ какъ дѣтеныши вырастаютъ чрезвычайно быстро. Одна изъ моихъ самокъ приносила въ среднемъ по дѣтенышу каждые три мѣсяца; отсюда слѣдуетъ, что беременность и развитіе дѣтеныша въ сумкѣ требуютъ лишь весьма короткаго времени. По истеченіи полугода дѣтеныши достигаютъ величины старыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ становятся способными къ размноженію. Насколько мнѣ извѣстно, крысиные потору рождаютъ всегда лишь одного дѣтеныша.

Можетъ быть стоило-бы сдѣлать попытку поселить у насъ это странное и привлекательное животное. Можно было-бы разводить этихъ животныхъ въ большомъ огороженномъ саду, затѣмъ высадить ихъ и предоставить на нѣкоторое время самимъ себѣ. У насъ-бы оказалась тогда новая, не очень вредная для полей и огородовъ дичь.

На основаніи моихъ наблюденій и наблюденій другихъ естествоиспытателей можно принять, что нашъ климатъ пригоденъ для крысинаго потору или если нѣсколько и вреденъ, то по крайней мѣрѣ въ гораздо меньшей степени, чѣмъ для кенгуру. Даже сильный снѣгъ мало вредитъ имъ; болѣе сильный и продолжительный холодъ они потому легче переносятъ, чѣмъ ихъ родичи, что для сна они прячутся въ свое теплое гнѣздо. Такимъ образомъ они удовлетворяютъ большей части тѣхъ условій, которыя нужно требовать отъ животныхъ, подлежащихъ акклиматизаціи. Мясо ихъ, конечно, уступаетъ мясу зайца, но я думаю, что оно приблизительно такого-же качества, какъ мясо нашего дикаго кролика.

Третье подсемейство прыгающихъ сумчатыхъ, семейство **Цѣпноногихъ сумчатыхъ** (*Hypsiprymnodontidae*. Greiffusshüpfer), какъ мы будемъ его называть, состоитъ изъ одного только рода и вида **Цѣпноногъ** (*Hypsiprymnodon moschatus*, *Pleopus nudicaudatus*. Greiffusshüpfer. *Potoroo musqué*), который заслуживаетъ особаго вниманія, такъ какъ тѣсно связываетъ прыгающихъ сумчатыхъ съ лазающими. Онъ маленькаго роста, похожъ на крысу, длиною около 41 см., изъ которыхъ 16 приходятся на голый, чешуйчатый хвостъ, утончающійся къ концу. Круглыя уши велики, тонки и голы; заднія ноги немного длиннѣе переднихъ. Заднія ноги снабжены длиннымъ большимъ пальцемъ, который можетъ противопоставляться остальнымъ, и представляютъ слѣдовательно настоящія хватательныя ноги или заднія руки. Остальные пальцы заднихъ ногъ снабжены когтями равной величины а на большомъ когтя нѣтъ; когти переднихъ ногъ малы и тонки. Мѣхъ густой и бархатистый, на темномъ фонѣ покрытъ ржаво-оранжево-сѣрыми крапинками, больше всего на спинѣ, менѣе на брюхѣ; на головѣ и конечностяхъ крапинки едва замѣтны. Ноги и ступни бураго цвѣта; послѣднія голы до верхней стороны средняго задняго пальца.

Объ этомъ животномъ, которое водится въ Квинслендѣ, Рамзай пишетъ: «Я встрѣтилъ это въ высшей степени замѣчательное и странное сумчатое животное въ первый разъ въ январѣ 1874 г. во время посѣщенія рѣки Гербарта, гдѣ оно населяетъ влажныя мѣстности, густо поросшія кустарникомъ по берегамъ рѣкъ и по склонамъ прибрежныхъ горъ этой области. Животное понадается вовсе нерѣдко, но, благодаря своему скрытому образу жизни и густымъ лѣснымъ зарослямъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно водится, его всегда трудно добыть. По образу жизни его можно считать за дневное животное; движенія его въ спокойномъ состояніи довольно изыщны; оно ходитъ почти такимъ-же образомъ, какъ крысиные потору, на которыхъ оно

очень похоже. Пищу добываетъ себѣ, роясь въ растительныхъ остаткахъ на лѣсной почвѣ, гдѣ оно находитъ насѣкомыхъ, червей и клубни растеній; часто ѣсть также пальмовыя ягоды (*Rychoserma alexandrae*), сидя, какъ кускусъ, на заднихъ ногахъ и держа ягоды въ переднихъ лапахъ, или иногда копасть землю, какъ сумчатые барсуки. Рѣдко встрѣчаются они болѣе одного или двухъ вмѣстѣ, если ихъ не сопровождаютъ дѣтеныши. Въ мартѣ 1874 г. я получилъ отъ Бродбента самку съ двумя дѣтенышами въ сумкѣ, которые были очень малы и походили на молодыхъ сумчатыхъ барсуковъ. Въ томъ-же мѣсяцѣ былъ застрѣленъ полувзрослый дѣтенышъ

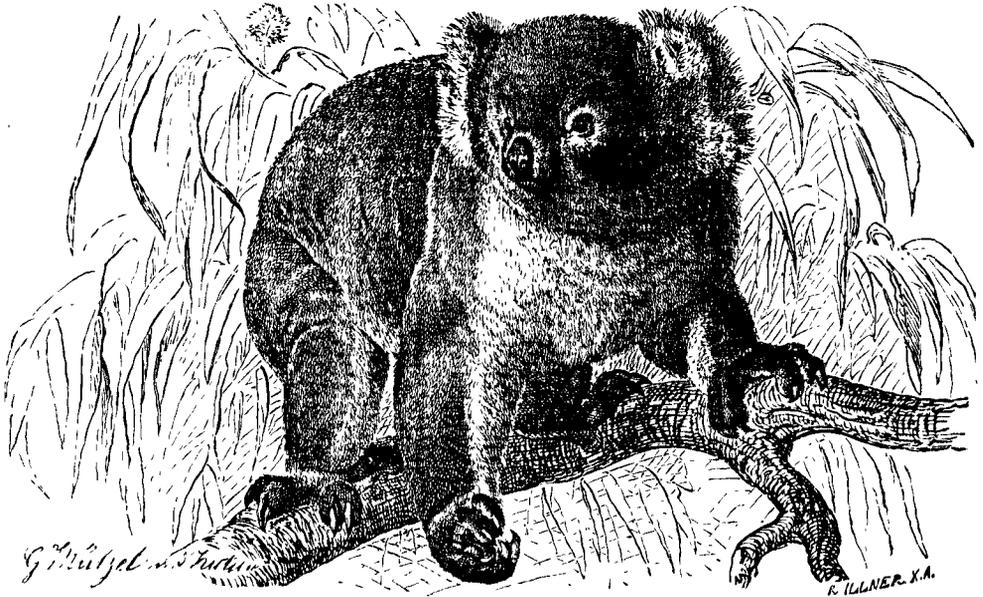
Цѣпконогъ. *Purpsirymnodon moschatus*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

вмѣстѣ съ самцомъ и самкой. Животныя очевидно рожаютъ дѣтенышей въ дождливое время года, которое продолжается отъ февраля до мая».

Семейство **Лазяющихъ сумчатыхъ** (*Phalangeridae*. *Kletterbeutler*. *Phalangistes*) раздѣляютъ на три подсемейства; представители ихъ живутъ на деревьяхъ и питаются по большей части растеніями, рѣдко мясомъ или насѣкомыми; они отличаются пятью пальцами на переднихъ и заднихъ ногахъ, простымъ желудкомъ и присутствіемъ хорошо развитой, отрывающейся спереди сумки. На заднихъ ногахъ второй и третій палецъ срослись между собою, четвертый длиннѣе всѣхъ, а лишенный ногтя большой палецъ можетъ противооплагаться остальнымъ; пальцы переднихъ ногъ приблизительно равны между собою. Зубы отдѣльныхъ представителей семейства настолько уклоняются отъ зубовъ ближайшихъ къ нимъ формъ, что трудно

дать общее описаніе ихъ. 12 родовъ и 31 видъ семейства распределены по австралийскимъ островамъ отъ Целебеса до Тасманіи.

Первое подсемейство (*Phascolarctinae*), состоящее изъ одного только рода и вида, знакомитъ насъ съ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ сумчатыхъ—**Коала** или **Сумчатымъ медвѣдемъ** (*Phascolarctus cinereus*, *Lipurus cinereus* etc. *Beutelbär*. *Koala*). Безхвостое тѣло сложено плотно, голова толстая, съ короткой мордой, ротъ снабженъ защечными мѣшками, уши большія и покрыты густыми волосами; пятипалыя переднія и заднія лапы составляютъ настоящія хватательныя ноги. На переднихъ ногахъ оба внутреннихъ пальца могутъ противопоставляться тремъ остальнымъ; заднія ноги имѣютъ большой, лишенный когтя, но тоже способный къ противополо-

Коала. *Phascolarctus cinereus*. $\frac{1}{6}$ наст. вел.

женію большой палецъ и неравные между собою по величинѣ остальные пальцы, которые вооружены острыми, длинными и согнутыми когтями и такимъ образомъ очень приспособлены къ лазанію. Въ зубной системѣ бросаются въ глаза неравные верхніе рѣзцы, изъ которыхъ первый самый большой и толстый, маленькіе клыки и бугорчатые коренные зубы; рѣзцовъ въ верхней челюсти по три, въ нижней лишь по одному, ложно-коренныхъ по одному, настоящихъ по четыре въ каждой челюсти, между тѣмъ какъ клыки существуютъ лишь въ верхней челюсти.

Названіе «сумчатый медвѣдь» очень подходитъ къ этому животному; дѣйствительно коала и по общему виду, и по походкѣ, и по всей осанкѣ представляетъ рѣшительное сходство съ молодымъ медвѣдемъ. Длина его достигаетъ приблизительно 60 см., высота у загривка около половины этой величины. Общее впечатлѣніе своеобразное, главнымъ образомъ, благодаря толстой головѣ съ далеко разставленными ушами, покрытыми замѣчательно взъерошенными волосами, съ маленькими глазами и широкой тупой мордою. Мѣхъ очень длиненъ и густъ, нѣсколько косматъ, но при этомъ тонокъ, мягокъ и волокнистъ; лице вдоль переносы и отъ носа до

глазъ почти голое; зато волосы на наружной и внутренней сторонѣ ушей очень густы, также какъ и на остальномъ тѣлѣ; цвѣтъ верхней стороны рыжевато-пепельно-сѣрый, нижней—желтовато-бѣлый, наружной стороны ушей—черно-сѣрый.

Родину сумчатого медвѣдя составляетъ восточная Австралія отъ Квинсленда до Викторіи. Онъ нигдѣ не попадается часто и потому извѣстенъ довольно мало. Самецъ и самка держатся парами; они двигаются на высочайшихъ деревьяхъ съ медленностью, благодаря которой они получили также названіе «австралійскаго лѣннивца». Недостатокъ быстроты съ избыткомъ вознаграждается невѣроятной осмотрительностью и увѣренностью, которыя онъ проявляетъ при лазаніи и которыя позволяютъ ему проходить даже по самымъ концамъ вѣтвей. Только принужденный недостаткомъ пищи и то лишь въ исключительныхъ случаяхъ, онъ оставляетъ верхушки деревьевъ и странствуетъ по землѣ, еще медленно, лѣнливо и беспомощно, если это можно себѣ представить, чѣмъ на вѣтвяхъ, и перебирается на другое дерево, которое обѣщаетъ ему новую пищу. Это животное полусичное по крайней мѣрѣ самую свѣтлую и жаркую часть дня онъ проводитъ въ снѣ, глубоко запрятавшись въ верхушкѣ каучуковаго дерева, которое составляетъ его любимое мѣстопробываніе. Къ вечеру онъ начинаетъ ѣсть. Спокойно, невидимый для другихъ существъ, населяющихъ эти чащи, онъ, не торопясь, поѣдаетъ молодые листья и побѣги деревьевъ, держа ихъ передними лапами и обкусывая рѣзцами. Въ сумерки онъ иногда спускается и на землю и роется здѣсь, отыскивая корни. Во всемъ своемъ поведеніи коала обнаруживаетъ болѣе, чѣмъ обыкновенную тупость. Его называютъ чрезвычайно добродушнымъ и мирнымъ животнымъ, которое нелегко привести въ возбужденное состояніе и которое молчаливо занимается своимъ дѣломъ. Крайне рѣдко удается слышать его голосъ, глухой лай, который переходитъ въ рѣзкій, пронзительный крикъ лишь въ томъ случаѣ, если животное очень голодно или его упорно дразнятъ. Въ случаѣ сильнаго гнѣва онъ иногда принимаетъ угрожающую позу. Но онъ не имѣетъ такихъ дурныхъ намѣреній, какъ это можетъ показаться, такъ какъ едва-ли можно у него предположить серьезное намѣреніе кусаться или царапаться.

Поймать коала, при тупости этого животнаго, не представляетъ большого труда, и онъ безропотно покоряется своей судьбѣ и неволѣ. Здѣсь онъ не только очень скоро становится ручнымъ, но и замѣчательно быстро научается узнавать своего хозяина и даже пріобрѣтаетъ извѣстную привязанность къ нему. Его кормятъ листьями, кореньями и т. п. ѣду онъ подноситъ ко рту передними лапами, причемъ садится на заднюю часть тѣла, между тѣмъ какъ въ другихъ случаяхъ садится какъ собака.

Насколько извѣстно, самка рождаетъ лишь одного дѣтеныша. Она таскаетъ его, когда онъ растеть, въ сумкѣ, а затѣмъ еще долгое время на спинѣ или на плечахъ и обращается съ нимъ съ большой заботливостью и любовью. Дѣтенышъ крѣпко прицѣпляется къ шеѣ матери и безучастно посматриваетъ на окружающій міръ въ то время, когда мать съ осторожностью, заслуживающей уваженія, лазаетъ по деревьямъ.

Европейцамъ коала извѣстенъ лишь съ 1803 года; туземцы, которые называютъ его **Горибунъ**, съ древнихъ временъ считаютъ его цѣнной дичью. Ради его мяса они очень ревностно преслѣдуютъ его, именно лазая подобно ему по деревьямъ. Охотясь за коала, они не затрудняются взлѣзать на тонкіе стволы, вышиною болѣе 20 м. Они загоняютъ животное на самую верхнюю вѣтвь и сбрасываютъ его оттуда на землю своимъ товарищамъ или убиваютъ тамъ-же палицей.

Богатое видами подсемейство лазающих сумчатых составляют **Кускусовыя** (*Phalangerinae*. Kleinbeutler. Couscous), которые достигают величины не болѣе крупной куницы. Они снабжены обыкновенно длинным хватательным хвостомъ, морда ихъ коротка и широка. Желудокъ простой и богатъ железами, слѣпая кишка чрезвычайно длинна. Зубы велики и хорошо развиты. 11 родовъ и 30 видовъ кускусовыхъ живутъ также въ Австраліи и на близъ лежащихъ островахъ.

Всѣ они живутъ на деревьяхъ и потому встрѣчаются только въ лѣсахъ; лишь въ исключительныхъ случаяхъ нѣкоторыя спускаются на землю, обыкновенно-же проводятъ всю жизнь на верхушкахъ деревьевъ. Почти всѣ виды спятъ большую часть дня, а если и пробуждаются отъ голода, то лишь на короткое время. При наступлении темноты они выходятъ изъ своихъ уѣжищъ за пищей, которая состоитъ главнымъ образомъ изъ плодовъ, листьевъ и почек. Нѣкоторые ѣдятъ, правда, также птицъ, яйца и насѣкомыхъ, но другіе ѣдятъ только молодые листья и побѣги или роются въ землѣ, отыскивая корни; здѣсь они устраиваютъ себѣ, какъ говорятъ, подземныя жилища, въ которыхъ спятъ въ теченіи холоднаго времени. По своимъ движеніямъ кускусовыя существенно отличаются другъ отъ друга. Одни медленны и крайне осторожны и потому двигаются, крадучись; другія отличаются живостью и проворствомъ. Всѣ умѣютъ отлично лазать, нѣкоторыя дѣлаютъ также широкіе прыжки. Цѣпкій хвостъ и встрѣчающаяся у многихъ летательная перепонка указываютъ уже на эти способности. При ходьбѣ они ступаютъ всею подошвой, при лазаніи стараются по возможности обезопасить себя отъ паденія. Большая часть живетъ обществами или держится вмѣстѣ парами. Они рожаютъ 2—4 дѣтенышей. Это кроткія, безобидныя, пугливыя существа. Если ихъ преслѣдуютъ, то нѣкоторыя привѣсиваются на вѣтви хвостомъ и долгое время остаются въ этомъ положеніи безъ движенія, очевидно стараясь такимъ образомъ спрятаться. Въ неволѣ, хотя нѣкоторыя и обнаруживаютъ извѣстную привязанность къ своему сторожу, но большая часть едва научается узнавать его. При хорошемъ уходѣ почти всѣ долго выживаютъ въ неволѣ. Кормленіе ихъ не представляетъ никакихъ затрудненій.

* * *

Въ лѣсахъ острова Целебеса, Моллукскихъ, Новой Гвиней, Тиморской группы и Сѣвернаго Квинсленда живутъ представители своеобразнаго рода этого подсемейства — **Кускусы** (*Phalanger*). Они неуклюжаго сложенія, съ небольшими или даже короткими ушами, съ вертикально вытянутыми зрачками и густымъ, болѣе или менѣе волнистымъ мѣхомъ; хвостъ покрытъ волосами лишь у корня, вторая половина его голая и бородавчатая.

Пятнистый кускусъ или **Вангалъ** обитателей Ару (*Phalanger maculatus*, *Cuscus maculatus* etc. *Tüpfelkuscus*. *Phalanger maculé*), одинъ изъ красивѣйшихъ видовъ этого рода, достигаетъ во взросломъ состояніи общей длины въ 1,1 м., изъ которыхъ около 48 см. приходится на хвостъ. Тѣло одѣто густымъ, волнистымъ, шерстистымъ, мягкимъ какъ шелкъ, мѣхомъ. Цвѣтъ его разнообразно варьируетъ. По большей части бѣлый съ желтоватымъ или сѣроватымъ налетомъ мѣхъ верхней стороны тѣла разрисованъ большими, неправильными, ярко-ржаво-рыжими, темнубурными или черными пятнами, которые расплываются на наружной сторонѣ ногъ, нижняя сторона всегда безъ пятенъ и чисто бѣлаго цвѣта, ноги ржаваго цвѣта; лице и лобъ у старыхъ животныхъ ярко-желтые, у болѣе молодыхъ ржаво-желтые; уши чисто-бѣлаго цвѣта, а голыя мѣста красноватаго; бѣлый хвостъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ имѣетъ нѣсколько пятенъ. У молодыхъ животныхъ послѣднія свѣтлѣе, у сосущихъ сѣрмя.

Пятнистый кускусъ населяетъ острова къ востоку отъ Целебеса до Новой Гвинеи и Сѣверной Австрали; на самомъ Целебесѣ, группѣ Гилоло, южныхъ Молдукскихъ островахъ и архипелагѣ Бисмарка существованіе его еще не доказано съ достовѣрностью. Мы обязаны первыми свѣдѣніями о жизни этого животнаго голландцу Валентину. Онъ рассказываетъ, что на Амбоинѣ кускусовая ласка или **Кусу**, какъ его называютъ малайцы, представляетъ одну изъ самыхъ странныхъ формъ.

Пятнистый кускусъ. *Phalanger maculatus*. $\frac{3}{4}$ наст. величинъ.

«Голова имѣетъ большое сходство съ головою крысы или лисицы. Мѣхъ тонокъ и густъ, какъ у кошки, но болѣе волнистъ, рыжаго и сѣраго цвѣта, почти какъ у зайца. Нѣкоторые рыжеваты, нѣкоторые бѣлы, самки по большей части сѣры. Большіе виды очень злы и опасны, такъ какъ, если они сидятъ на деревѣ и кто-нибудь схватитъ ихъ за хвостъ, они могутъ утащить человѣка вверхъ и затѣмъ сбросить оттуда. Они защищаются также своими острыми когтями ихъ лапъ, которыя снизу голы, почти какъ рука ребенка; они пользуются ими, какъ обезьяны; напротивъ, зубами они не защищаются, хотя они у нихъ очень остры. Конецъ хвоста обнаженъ и загнутъ; они такъ крѣпко держатся имъ за вѣтви, что ихъ можно оторвать лишь съ большимъ

трудомъ. На Моллукскихъ островахъ они живутъ не въ норахъ, а въ лѣсахъ, особенно тамъ, гдѣ есть сѣмена деревьевъ. На Церамѣ и Буру ихъ больше, чѣмъ на Амбонѣ, такъ какъ здѣсь они боятся людей, которые ловятъ ихъ оригинальнымъ способомъ и употребляютъ въ пищу; для туземцевъ они представляютъ лакомый кусокъ и въ жареномъ видѣ похожи по вкусу на кроликовъ. Но голландцы не ѣдятъ ихъ. Надо пристально смотрѣть на повисшее на хвостѣ животное, тогда оно изъ страха расслабляетъ хвостъ и падаетъ съ дерева. Но лишь нѣкоторые только люди обладаютъ способностью взглядомъ заставить падать кускусовъ съ деревьевъ. Животныя прыгаютъ съ дерева на дерево какъ бѣлки, и загибаютъ при этомъ хвостъ крючкомъ. Они цѣпляются за вѣтви хвостомъ, чтобы тѣмъ легче добраться до плодовъ, которыми они питаются. Они поѣдаютъ зеленые листья, наружную скорлупу нѣкоторыхъ орѣховъ, пизанги и другіе сочные плоды. При этомъ они садятся, какъ бѣлки. Если они ходятъ по землѣ и ихъ застанутъ врасплохъ, то они въ одно мгновеніе взбираются на деревья. Если ихъ испугать, то они отъ страха мочатся. Между задними ногами находится сумка, гдѣ сохраняются 2 — 4 дѣтеныша, которые такъ крѣпко висятъ на соскахъ, что при отрываніи ихъ идетъ кровь. Почти каждая самка, которую находятъ, имѣетъ въ мѣшкѣ дѣтенышей; онѣ, должно быть, постоянно беременны».

Болѣе новыя свѣдѣнія сообщили Лессонъ и Гарно, которые встрѣтили родственный видъ въ Новомъ Мекленбургѣ. «Туземцы ежедневно приносили на судно множество этихъ животныхъ живыми. Они ломали имъ ноги и всовывали въ ротъ кусокъ дерева, вѣроятно, чтобы помѣшать имъ кусаться. По рассказамъ туземцевъ, кускусы выдаютъ себя вонью; ихъ очаровываютъ затѣмъ пристальнымъ взглядомъ и ловятъ, когда они отъ утомленія распускаютъ хвостъ и упадутъ на землю. Туземцы необыкновенно любятъ ихъ жирное мясо, откармливаютъ пойманныхъ и некутъ ихъ съ кожей и шерстью на угляхъ. Изъ зубовъ готовятъ ожерелья, пояса и украшения для оружія, часто длиною въ сажень и болѣе».

Куа и Гэмаръ замѣчаютъ, что пятнистый кускусъ очень походитъ на американскихъ лѣнивцевъ. По ихъ словамъ, онъ такъ-же тупъ и проводитъ большую часть жизни въ темнотѣ. Если ему мѣшаетъ свѣтъ, то онъ причетъ голову между ногами и переменяетъ положеніе лишь тогда, когда захочетъ ѣсть; при всей своей тупости онъ обнаруживаетъ однако большую жадность. Въ лѣсахъ всѣ извѣстные виды питаются пріятными плодами; въ неволѣ они ѣдятъ, если имъ недостаетъ растительной пищи, и сырое мясо. Ихъ поведеніе въ клѣткѣ или комнатѣ такъ-же мало привлекательно, какъ и вѣтшинный видъ ихъ. Они лѣнливы и смиренны, сонливы и угрюмы, ѣдятъ жадно и пьютъ очень много. Съ себѣ подобными они обращаются дурно, часто съ ворчаніемъ и пронзительнымъ крикомъ наносятъ другъ другу удары, фыркаютъ какъ кошки, шипятъ и дразнятъ другъ друга. Днемъ ихъ большіе кармино-красные глаза, которыхъ зрачекъ сокращается до степени узкой щели, имѣютъ своеобразное глупое и вялое выраженіе; ночью они свѣтятся, какъ у другихъ ночныхъ животныхъ; въ это время они во многихъ отношеніяхъ напоминаютъ лори. Если они не ѣдятъ и не спятъ, то лижутъ себѣ ланы или хвостъ; другихъ способовъ проводить время кускусы, повидимому, не знаютъ. Животныя эти лишь на Амбонѣ называются кускусами, въ Австраліи ихъ называютъ **Гебунъ**, на Вайгю **Рамбаве** или **Шамшамъ**, на Ару **Вангалъ**; очень вѣроятно, что они носятъ особое названіе на каждомъ островѣ.

Уоллесъ мало прибавляетъ къ этимъ даннымъ. По его наблюденіямъ, кускусы питаются почти исключительно листьями и проглатываютъ очень значительныя количества ихъ. Благодаря густотѣ ихъ мѣха и замѣчательной живучести, ихъ не

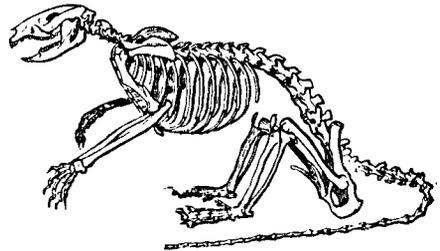
легко добыть. Хорошій выстрѣлъ застрѣваетъ часто въ ихъ кожѣ, не вредя имъ, и даже если имъ сломятъ спинной хребетъ или дробина попадетъ въ мозгъ, то они умираютъ часто лишь черезъ нѣсколько часовъ. Туземцы ловятъ ихъ безъ труда, взлѣзая за ними на деревья, такъ что собственно надо удивляться, что они еще встрѣчаются на островахъ. На одномъ изъ острововъ Ару туземцы привесли Уоллесу убитаго пятнистаго кускаса, но не хотѣли уступить его, такъ какъ намѣревались полакомиться его мясомъ. Такъ какъ путешественнику нужна была шкура, то онъ долженъ былъ рѣшиться тотчасъ-же приступить къ сдиранію ея, чтобы получить кожу. Мясо было тотчасъ-же разрѣзано счастливыми охотниками и зажарено.

Несмотря на эту любовь туземцевъ къ мясу кускуса, непонятно, отчего поиманные кускусы крайне рѣдко привозятся живыми въ Европу, такъ какъ жители Моллукскихъ острововъ и острововъ Ару ведутъ дѣятельную торговлю животными, чтобы вымѣнивать на нихъ европейскія произведенія.

* * *

Гораздо чаще попадають къ намъ **Кузу** (*Trichosurus*), близко родственныя кускусамъ лазающія сумчатая, съ такими-же зубами, какъ у послѣднихъ, отличающіеся по внѣшнему виду округленнымъ зрачкомъ, довольно большими ушами, гладкой шерстью и хвостомъ, покрытымъ волосами до нижней стороны кончика.

Одинъ изъ наиболее извѣстныхъ видовъ этого рода **Кузу-лиса** (*Trichosurus vulpecula*, *Phalangista vulpina*, *P. melanura*, *fuliginosa*, *cooki*, *Didelphis vulpina* и *lemurina* etc. *Fuchs-kusu*, *Phalanger-renard*), животное, которое, повидимому, соединяетъ изящное строеніе нашей бѣлки съ внѣшнимъ видомъ лисицы. Длина тѣла равняется 60 см., длина хвоста 45 см. Тѣло вытянутое, шея короткая

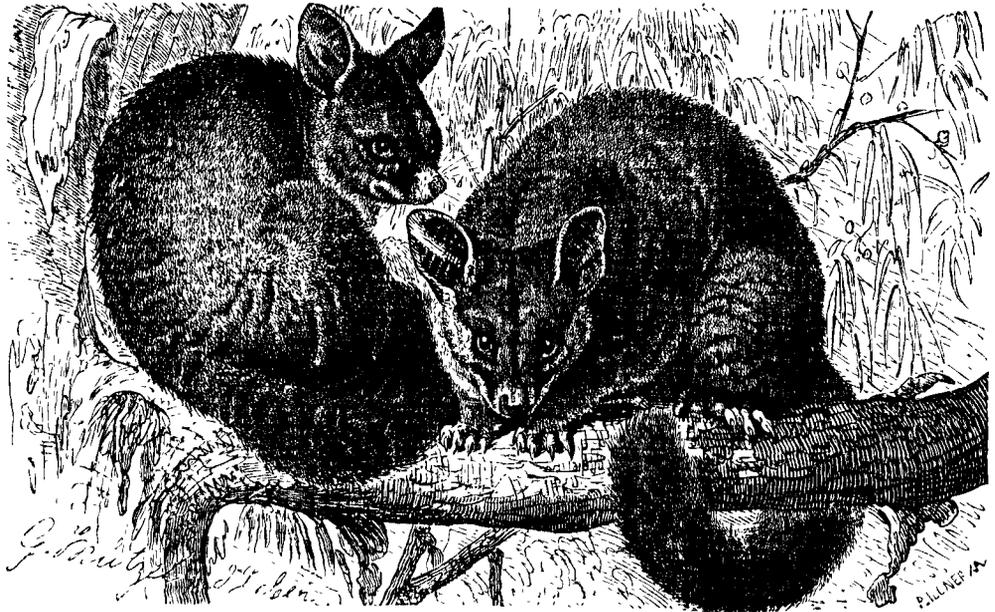

Скелетъ Кузу-лисы.

и тонкая, голова удлинённая, морда короткая и заостренная, верхняя губа глубоко расщеплена. Изъ другихъ признаковъ этого животнаго надо указать: стоячія, заостренные уши средней величины, расположенныя по бокамъ головы глаза съ продолговатымъ зрачкомъ, голыя подошвы, плоскіе ногти на большихъ пальцахъ заднихъ ногъ и сильно сжатые, серпообразныя когти на остальныхъ пальцахъ ногъ, неполная, состоящая лишь изъ невысокой кожной складки сумка у самки, наконечъ густой и мягкой мѣхъ, состоящій изъ шелковистаго подшерстка и довольно короткой жесткой ости. Цвѣтъ верхней стороны буровато-сѣрый съ рыжевато-чалымъ оттѣнкомъ, который мѣстами замѣтно преобладаетъ; нижняя сторона тѣла свѣтлая охрово-желтая; нижняя часть шеи и груди по большей части ржаво-рыжая; спина, хвостъ и усы черныя, голыя внутри уши покрыты съ наружной стороны свѣтлыми охрово-желтыми, на внутреннемъ краю черно-бурыми волосами. Молодыя животныя свѣтлаго пенельно-сѣраго цвѣта, смѣшаннаго съ чернымъ, снизу они окрашены какъ старыя. Кромѣ того встрѣчается много индивидуальныхъ отклоненій.

Кузу-лиса живетъ въ Австраліи и Тасманіи и представляетъ одно изъ самыхъ обыкновенныхъ сумчатыхъ животныхъ Австраліи. Подобно родичамъ, она живетъ исключительно въ лѣсахъ на деревьяхъ и ведетъ чисто ночной образъ жизни; она появляется изъ своего убежища лишь черезъ 1—2 часа послѣ заката солнца. Хотя она и отлично умѣетъ лазать по деревьямъ и тѣло ея превосходно приспособлено для такого движенія, тѣмъ не менѣе она оказывается лѣзвивымъ и медлен-

нымъ созданіемъ по сравненію съ другими животными сходнаго строенія, особенно съ бѣлками. Цѣпкій хвостъ играетъ важную роль при лазаніи; кузу-лиса собственно не дѣлаетъ ни одного движенія, предварительно не укрѣпившись прочно съ помощью этого необходимаго для нея органа. На землѣ она, говорятъ, еще медлительнѣе, чѣмъ на деревьяхъ. Пища состоитъ по большей части изъ растительныхъ веществъ; однако она никогда не пренебрегаетъ маленькой птицей или другимъ слабымъ позвоночнымъ. Свою добычу этотъ хищникъ-любитель сначала долго мучитъ, какъ куница, треть и поворачиваетъ ее въ переднихъ лапахъ и наконецъ подноситъ ко рту, острыми зубами открываетъ черепъ и выѣдаетъ сначала мозгъ. Лишь послѣ того онъ принимается за остальное. Какимъ образомъ кузу-лиса ловитъ животныхъ на свободѣ, не удалось наблюдать. Ея медлительность, говорятъ,

Кузу-лиса. *Trichosurus vulpecula*. $\frac{1}{6}$ наст. вел.

такъ велика, что ее безъ особеннаго затрудненія можетъ поймать человекъ, нѣсколько опытный въ лазаніи. Какъ скоро кузу замѣчаетъ опасность, она повисаетъ на вѣтви съ помощью хвоста и, чтобы ее не замѣтили, долго остается неподвижною въ этомъ положеніи; благодаря этому, она довольно часто ускользаетъ отъ взглядовъ преслѣдователей. Если ее найдутъ, то она почти не старается избѣжать грозящей опасности; по отношенію къ ней примѣняютъ тоже «сосматриваніе съ дерева».

Самка рождаетъ лишь двухъ дѣтенышей и долгое время носить ихъ съ собою въ сумкѣ, а позднѣе также на спинѣ, пока молодые не выростутъ настолько, что способны обходиться безъ материнскихъ попеченій. Приручаютъ ихъ безъ труда. Въ новѣйшее время живыя кузу-лисы часто привозятся въ Европу. Большая часть зоологическихъ садовъ имѣетъ по нѣскольку экземпляровъ. Находящаяся въ неволѣ кротки и миролюбивы, т. е. не пытаются кусаться, но такъ глуны, безучастны и такъ лѣнны, что доставляютъ мало удовольствія. Пока свѣтло, онѣ стараются по возможности укрыться отъ взглядовъ посѣтителей, зарываются глубоко въ сѣно и прячутся въ другихъ укромныхъ уголкахъ. Почти цѣлый день онѣ спятъ и при

этомъ свертываются клубкомъ, кладутъ голову между ногъ и прикладываютъ морду къ брюху. Если имъ помѣшаютъ спать, то онѣ обыкновенно становятся угрюмы и обнаруживаютъ дурное расположеніе духа. Лишь къ вечеру онѣ дѣлаются бодрѣе и въ это время бывають очень подвижны. Ихъ кормятъ хлѣбомъ съ молокомъ, мясомъ, плодами и различными кореньями; держать ихъ въ неслишкомъ маленькой клѣткѣ, но она должна однако быть довольно прочной, такъ какъ онѣ легко могутъ прогрызть ее. Двѣ кузу-лисы, которыхъ я держалъ въ веволѣ, перегрызли палки рѣшетки толщиною въ дюймъ, двѣ другихъ—досчатую стѣвку ихъ клѣтки и убѣжали. Большая куча хвороста по близости отъ ихъ прежняго жилища послужила имъ убѣжищемъ. Ночью онѣ бѣгали по саду и принадлежащему ему двору и лазали вверхъ и внизъ по изгороди и ближайшимъ деревьямъ. Одинъ изъ бѣглецовъ былъ пойманъ снова и сталъ каждый вечеръ звать своего товарища громкимъ «кук, кук, кук». Этотъ обыкновенно шель на зовъ, но очень осторожно избѣгалъ всѣхъ разставленныхъ ему ловушекъ. Такъ онъ прожилъ въ саду 14 дней, каждую ночь уносилъ къ себѣ поставленный для него кормъ и снова исчезалъ. Наконецъ, однажды онъ не остерегся и попался за это свободой.

Одна самка, которая была пріобрѣтена мною, и родила въ пути обращалась очень нѣжно со своимъ дѣтенышемъ, день и ночь держала его въ лапахъ и жила съ нимъ въ мирѣ даже тогда, когда онъ выросъ. Пльвники неприятны тѣмъ, что распространяють камфарный запахъ, который въ тѣсномъ помѣщеніи становится очень удушливымъ.

Туземцы ревностно преслѣдуютъ это животное и считаютъ его мясо, несмотря на издаваемый имъ крайне противный для насъ запахъ, за лакомый кусокъ и умѣютъ также различнымъ образомъ употреблять въ дѣло его шкуру. Пакидку, приготовленную изъ мѣха кузу, оби носятъ съ такимъ же удовольствіемъ, какъ мы соболью или кунью шубу. Дѣйствительно мягкій, волокнистый мѣхъ представляетъ пушной товаръ, очень цѣнный даже колонистами; о немъ знатоки высказались съ большимъ одобреніемъ. Поэтому нѣтъ ничего невѣроятнаго, что мѣхъ кузу-лисы войдетъ въ употребленіе. Это предположеніе, какъ пишетъ намъ г. Ломеръ, начинается оправдываться: шкуры поступаютъ въ торговлю подъ названіемъ «австралійскаго опоссума»; въ шестидесятыхъ годахъ ихъ поступало ежегодно 30,000 штукъ, въ настоящее время около 2 милліоновъ штукъ. Конечно, эти шкуры принадлежатъ не только кузу-лисы, но и нѣкоторымъ другимъ австралійскимъ сумчатымъ. Смотря по величинѣ, красотѣ и цвѣту, цѣна колеблется отъ 60 шфенниговъ до 10 марокъ за штуку.

* *
*

Сумчатая бѣлка (*Petauroides*. *Beutelhörnchen*. *Petauristes*) по своему внѣшнему виду представляютъ такое обманчивое сходство съ болѣе знакомыми намъ летягами, что ихъ можно было бы смѣшать съ этими послѣдними, если бы онѣ не отличались рѣзко отъ упомянутыхъ грызуновъ своей зубной системой.

Единственный видъ этого рода, **Летунъ** (*Petauroides volans*, *Petaurus taguanoides* etc. *Beuteleichenhorn*, *Petauriste volant*), снабженъ летательной перепонкой, которая спереди доходитъ до локтя, сзади до основанія большого пальца. Тѣло его достигаетъ въ длину до 50 см., съ нижней стороны голый хвостъ приблизительно такой же длины. Голова маленькая, морда короткая и заостренная, глаза очень велики, уши широки и покрыты густой, почти мохнатой шерстью. На ногахъ находятся крѣпкіе, согнутые и острые ногти. Очень длинный и мягкій, на хвостѣ пушистый мѣхъ варьируетъ въ цвѣтѣ. Обыкновенно верхняя сторона буровато-чернаго цвѣта, голова болѣе буроватая, летательная перепонка покрыта бѣ-

ловатыми крапинками; морда, подбородокъ и лапы черные; горло, грудь и брюхо бѣлыя; хвостъ черного или буровато-черного цвѣта, блѣднѣе у корня и желтовать на нижней сторонѣ. Но существуетъ столько уклоненій въ цвѣтѣ, что едва-ли можно найти два экземпляра, которые были бы окрашены совершенно одинаково. Бурый цвѣтъ шкуры переходитъ у однихъ экземпляровъ въ самый темный буро-черный цвѣтъ, у другихъ весь мѣхъ сѣраго цвѣта, какъ на верхней сторонѣ, такъ и на летательной перепонкѣ, а нерѣдко встрѣчаются и очень красивые альбиносы. Во всякомъ случаѣ нижняя и внутренняя сторона конечностей остаются чисто бѣлаго цвѣта.

Летунъ населяетъ Австралію и Квинслендъ до Викторіи, особенно большіе лѣса между Портъ-Филиппъ и Мортонъ-Бай и, какъ говорятъ, тамъ обыкновененъ, хотя его лишь изрѣдка случается видѣть живымъ въ неволѣ или убитымъ—въ рукахъ туземцевъ. Подобно всѣмъ своимъ родичамъ—это ночное животное: къ утру онъ прячется въ дуплахъ большихъ засохшихъ деревьевъ и проводитъ здѣсь день въ снѣ, въ безопасности отъ всѣхъ враговъ; только всегда голодный и всегда бдительный туземецъ, глазъ котораго непрерывно блуждаетъ вокругъ, отыскивая что-либо съѣдобное, по ничтожнымъ слѣдамъ, оставленнымъ летуномъ, умѣетъ отыскать мѣсто, гдѣ онъ спитъ. Легкая царапина на корѣ дерева, нѣсколько волосъ на краю отверстия, черезъ которое животное влѣзло, даютъ темнокожему обитателю такія точныя свѣдѣнія относительно желанной добычи, какъ будто бы онъ самъ видѣлъ, какъ она вошла въ свое жилище. Онъ достаточно опытенъ, чтобы по этимъ указаніямъ опредѣлить, посѣщало-ли животное недавно дупло или оно было въ немъ за долго до того. Коль скоро признаки обѣщаютъ успѣхъ, онъ взбирается на дерево, изслѣдуетъ его, ударяетъ по стволу, чтобы опредѣлить по звуку глубину дупла, гдѣ лежатъ животное, и тѣмъ или другимъ способомъ добирается до спящей бѣлки; затѣмъ онъ схватываетъ ее за хвостъ, быстро вытягиваетъ вонъ, такъ что она не успѣваетъ пустить въ дѣло свои когти или зубы, вертитъ нѣсколько разъ въ воздухѣ и сильнымъ ударомъ о стволъ раздробляетъ ей черепъ и бросаетъ внизъ на землю. Особенно странно, что летунъ не покидаетъ своего дупла и въ томъ случаѣ, если просыпается отъ стука топора, которымъ продѣлываютъ ходъ къ его гнѣзду. Вѣроятно испугъ отъ ужаснаго посѣщенія такъ великъ, что совершенно лишаетъ животное разсудка. Напротивъ, если его поймаютъ, то оно такъ хорошо защищается своими крѣпкими, острыми и крючковатыми когтями, что безусловно необходимо схватить его вышеуказаннымъ способомъ и быстро убить, чтобы избѣжать значительныхъ пораненій. Увѣряютъ, что раздраженный летунъ дерется съ ожесточеніемъ и почти такъ-же хорошо умѣетъ пускаться въ ходъ свои зубы, какъ и когти. Мясо его считается лакомымъ кускомъ, а такъ какъ животное достигаетъ довольно значительной величины, то за нимъ ревностно охотятся, какъ за хорошей дичью; въ этой охотѣ, на ряду съ черными туземцами Австраліи, принимаютъ участіе и колонисты. Безъ помощи первыхъ бѣлый самъ рѣдко получилъ бы возможность поѣсть этого цѣннаго мяса, такъ какъ для того, чтобы добыть это животное, нужно имѣть развитое съ дѣтства охотничье чутье черныхъ, ихъ острый глазъ и ловкую руку.

Взрослый летунъ отличается быстротою, ловкостью и вѣрностью движеній. Онъ положительно перелетаетъ съ вѣтви на вѣтвь, прыгаетъ на значительныя разстоянія, необыкновенно быстро взбирается опять на верхушку и переходитъ такъ съ дерева на дерево, съ вершины на вершину. При этихъ прыжкахъ его длинная, мягкая, шелковисто-блестящая шерсть волнуется, и блѣдное сіяніе луны причудливо отражается въ ней, придавая всему животному какой-то волшебный видъ.

Пища его состоитъ изъ листьевъ, почекъ, молодыхъ вѣтвей, а можетъ быть также и корней. Это животное рѣдко спускается на землю, чтобы искать здѣсь пищи; обыкновенно оно дѣлаетъ это лишь тогда, если хочетъ перебраться съ одного дерева на другое, отстоящее очень далеко. Неволю летунъ переносить, говорятъ, долго; однако лишь крайне рѣдко удается добыть его, и европейцы-путешественники тщетно предлагали за него довольно значительныя суммы.

* *
*

Къ сумчатымъ бѣлкамъ примыкаютъ три вида **Сахарныхъ бѣлокъ** (*Petaurus*, *Zuckerhörnhen*, *Petauristes*), хвостъ которыхъ покрытъ волосами и на концѣ. Наибольше

Сахарная бѣлка. *Petaurus sciureus*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

извѣстный видъ есть, конечно, **Сахарная бѣлка** (*Petaurus sciureus*, *Didelphus sciurea*, *Belideus sciureus*, *Zuckereichhorn*, *Petauriste sciurien*), такъ какъ уже изъ самаго названія ея можно заключить, что этотъ видъ сталъ всеобщимъ извѣстнымъ животнымъ. Нельзя отрицать, что названіе, данное ему первыми колонистами, выбрано удачно, такъ какъ не только по виду, но и по величинѣ это животное похоже на нашу бѣлку и еще болѣе на тагуана. Вытянутое и тонкое тѣло, благодаря летательной перепонкѣ, натянутой между ногами, кажется необыкновенно широкимъ; шея коротка и довольно толста, плоская голова оканчивается короткой, вѣсколку заостренной мордой; хвостъ очень длинный, округленный, висящій и мохнатый. Стоячія уши длинные, но тупо заострены; глаза велики и выдаются въ видѣ полушарій. Мѣхъ очень густой, чрезвычайно тонкій и мягкій; летательная перепонка покрыта волосами, и только уши голы на внутренней сторонѣ, на наружной-же сторонѣ покрыты

волосами, по крайней мѣрѣ у основанія. Вся верхняя сторона тѣла пепельно-сѣраго цвѣта; летательная перепонка снаружи окаймлена темнымъ орѣхово-бурымъ и бѣлымъ цвѣтомъ; нижняя сторона—бѣлая съ слабо-желтоватымъ оттѣнкомъ, къ краю-же буроватая. Ржаво-бурая полоска тянется черезъ глаза и пробѣгаетъ къ ушамъ, другая полоска впереди ржаво-бурая, на лбу ярко-капитаново-бурая полоса проходитъ по спинкѣ носа, по лбу и по средней линіи спины. Хвостъ у корня свѣтлаго пепельно-сѣраго цвѣта, на концѣ чернаго. Вся длина животнаго достигаетъ 46 см., изъ которыхъ нѣсколько болѣе половины приходится на хвостъ.

Сахарная бѣлка встрѣчается отъ Квинсленда до Викторіи. Это настоящее древесное животное, которое, подобно большинству ея родичей, бодрствуетъ ночью. Днемъ она прячется въ самой густой чащѣ деревьевъ, гдѣ отыскиваетъ или душло, или развилину и, свернувшись въ клубокъ, предается сну; съ наступленіемъ сумерекъ начинается ея дѣятельность. Тогда она съ ловкостью бѣлки лазаетъ по деревьямъ, притомъ всегда снизу вверхъ, такъ какъ сверху внизъ она прыгаетъ, расправивъ свою летательную перепонку. Днемъ нельзя признать въ ней животное, которое наблюдали ночью. Она кажется скорѣе какимъ-то безжизненнымъ существомъ, чѣмъ проворнымъ обитателемъ деревьевъ. Она спитъ, боясь свѣта, лишь иногда только просыпается, чтобы съѣсть что-нибудь; шатаясь, неувѣренно передвигаетъ она свои ноги и боязливо избѣгаетъ лучей ненавистнаго свѣта. Совершенно иною является она въ одну изъ ясныхъ, волшебныхъ лунныхъ ночей своей родины. Глазъ съ изумленіемъ слѣдитъ теперь за движеніями сахарной бѣлки. Они становятся такъ-же легки, проворны и ловки, какъ движенія самой шаловливой обезьяны, самой проворной бѣлки. Лишь на землѣ она кажется неуклюжей и движется шатающимся, невѣрнымъ шагомъ; но на землю, къ которой она относится почти враждебно, она и спускается лишь въ крайней нуждѣ, напримѣръ, если деревья такъ далеко отстоятъ одно отъ другого, что даже летательная перепонка не позволяетъ ей перепрыгнуть черезъ раздѣляющій ихъ промежутокъ. Она можетъ дѣлать чрезвычайно длинныя прыжки и при этомъ произвольно измѣнять направленіе. Если она имѣетъ возможность прыгнуть съ высоты въ 10 м., то способна достигъ дерева, отстоящаго отъ нея на 20—30 м.

На одномъ кораблѣ находилась сахарная бѣлка, которой можно было предоставить свободно бѣгать по судну. Это веселое созданіе было любимцемъ всего экипажа; оно такъ освоилось съ судномъ, что его можно было видѣть то на самыхъ верхушкахъ мачтъ, то внизу— въ трюмѣ. Однажды эта сахарная бѣлка, при сильномъ вѣтрѣ, взобралась на свое любимое мѣсто—на верхушку мачты. Боялись, что во время одного изъ ея прыжковъ вѣтеръ подхватитъ ее и унесетъ въ море, поэтому одинъ изъ матросовъ рѣшился принести внизъ своего любимца. Когда онъ близко подобрался къ животному, послѣднее рѣшилось избѣжать неприятной для него поимки и достигъ палубы посредствомъ удивительнаго прыжка. Въ это самое мгновеніе судно, подхваченное сильнымъ порывомъ вѣтра, легло на бокъ такимъ образомъ, что бѣлка по всѣмъ расчетамъ должна была упасть въ волны. Не считали уже погибшей, но она сумѣла вывернуться изъ бѣды. Ловкимъ поворотомъ своего превосходнаго руля она вдругъ измѣнила направленіе полета и, описывая большую дугу, перелетѣла далеко впередъ и счастливо достигла палубы. Всѣ наблюдатели единогласно выражали удивленіе передъ этимъ прыжкомъ и увѣряли, что онъ былъ выполненъ съ такимъ изяществомъ и отвагой, что рѣдко можно увидѣть что-либо подобное. Вообще сахарная бѣлка очень хорошенькое животное, если и не совсѣмъ безобидное, то все-же легко приручаемое, ночью къ тому-же чрезвычайно живое, бодрое и забавное, но, къ сожалѣнію, всегда нѣсколько боязливое.

Человѣкъ, искусно лазающій, легко можетъ поймать ее во время ея сна, особенно если для этой охоты соединятся вмѣстѣ нѣсколько человѣкъ; свѣтъ до такой степени ослѣпляетъ ее, что даже, если она хочетъ воспользоваться своимъ искусствомъ въ летаніи, то не попадаетъ на намѣченную вѣтвь и вмѣсто дерева летитъ на землю, гдѣ человѣкъ очень скоро нагоняетъ ее. Ее вовсе нерѣдко можно найти въ домахъ колонистовъ, которые ухаживаютъ за нею съ большою заботливостью. Умъ ея незначителенъ, но она до нѣкоторой степени вознаграждаетъ недостатокъ умственныхъ способностей своею шаловливостью и веселостью, кротостью и изяществомъ. По клѣткѣ она непрерывно прыгаетъ въ теченіи всей ночи и при этомъ часто принимаетъ самыя удивительныя позы. Она безъ большого труда выкакаетъ ко всякому корму, хотя плоды, почки и насѣкомыя всегда остаются ея любимой пищей уже потому, что эти вещества соотвѣтствуютъ ея естественной пищѣ. Особенно охотно она ѣстъ медъ эвкалиптусовъ, и насѣкомыя навѣрное тоже составляютъ значительную часть ея пищи. На плѣнникахъ въ Лондонскомъ зоологическомъ саду наблюдали, что они очень охотно поѣдали мертвыхъ воробьевъ и куски мяса, которые имъ бросали, и потому полагаютъ, что онѣ ночью безъ шума подкрадываются, подобно лорн, къ спящимъ птицамъ и другимъ мелкимъ животнымъ и умерщвляютъ ихъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ онѣ приносятъ значительный вредъ персикамъ и апельсинамъ.

Общительность сильно развита у сахарной бѣлки. Въ лѣсахъ всегда попадаются по нѣскольку животныхъ этого вида вмѣстѣ, хотя кажется, что они не особенно дружелюбно и съ любовью обращаются другъ съ другомъ. Въ неволѣ сахарная бѣлка дружится также съ прочими мелкими животными и обнаруживаетъ известную привязанность даже къ человѣку. О жизни ихъ въ неволѣ рассказываетъ кое-что Беннетъ. Онъ досталъ молодую самку и привезъ ее собою въ Европу. «Хотя она была еще молода», говоритъ онъ, «однако я нашелъ ее очень дикой и непріятной. Она плевалась, ворчала и кричала, если ее брали въ руки, и сопровождала каждый звукъ кусаніемъ и царапаньемъ. Ея когти были очень остры и причиняли такія-же раны, какія наносятъ обыкновенно кошки; напротивъ, мелкіе зубы были недостаточны для того, чтобы нанести серьезныя поврежденія. Несомнѣнно одно, что животное, которое ведетъ себя такъ бѣшено въ ранней молодости, должно сильно кусаться въ старости. Постепенно мой плѣнникъ становился болѣе ручнымъ и позволялъ брать себя въ руки, не кусаясь и не царапаясь. Онъ лизалъ также руку, если ему давали сладости, которыя онъ чрезвычайно любилъ, и позволялъ дотрогиваться до его маленькаго носа и гладить его. Но какъ только кто-нибудь позволялъ себѣ схватить его за тѣло, онъ приходилъ въ чрезвычайное бѣшенство и въ гнѣвѣ кусался и царапался, издавая при этомъ свое ворчаніе, похожее то на мурлыканье, то на фырканье. Онъ относился спокойнѣе къ тому, если его схватывали за хвостъ и держали не слишкомъ долго. При этомъ онъ растягивалъ свою летательную перепонку, какъ-бы желая обезопасить себя на случай паденія. Въ такомъ положеніи можно было гораздо лучше рассмотретьъ сверху и снизу его удивительную шкуру, чѣмъ во всякомъ другомъ. Хотя онъ и сталъ ручнымъ, но, повидному, не обнаруживалъ ни малѣйшей любви къ тѣмъ, которые его кормили; по отношенію къ чужимъ и къ знакомымъ ему лицамъ онъ велъ себя одинаково хорошо или одинаково дурно.

«Въ теченіи дня онъ лежалъ тихо и спокойно, свернувшись въ клубокъ и прикрывшись своимъ пушистымъ хвостомъ. Лишь иногда онъ просыпался и немного ѣлъ. Въ такихъ случаяхъ казалось, что онъ ничего не видитъ или, по крайней мѣрѣ, что яркій дневной свѣтъ ему крайне непріятенъ. Но вечеромъ въ су-

мерки и ночью начиналась настоящая его жизнь и деятельность. Это было совершенно другое существо. Въ своей клѣткѣ онъ лазалъ вверхъ и внизъ, безъ отдыха и остановки поднимался вверхъ по палкамъ, не останавливаясь ни на мгновение. Выпущенный въ комнату, онъ тотчасъ-же взлѣзалъ на самую высокую мебель и, чѣмъ болѣе онъ могъ двигаться, тѣмъ, повидимому, дѣлался довольнѣе и тѣмъ лучше чувствовалъ себя. Его нельзя было сравнить съ тѣмъ беспомощнымъ существомъ, какимъ онъ былъ днемъ. Только однажды я видѣлъ его оживленнымъ и днемъ. Это было въ Лондонскомъ зоологическомъ саду, гдѣ пасмурное небо гигантскаго города вполне могло заставить его думать, что наступила уже ночь.

«Мы кормили сахарную бѣлку молокомъ, изюмомъ и миндалемъ. Сладости всякаго рода, какъ конфеты, такъ и сахаръ, она предпочитала всему другому. Плоды

Сумчатая мышь. *Acrobates pygmaeus*. Насг. вел.

она высасывала, такъ что оставалась лишь корка. Она требовала немного, но была жирна и находилась въ очень хорошемъ состояніи. Разъ ночью она убѣжала изъ заключенія, но на слѣдующій день была замѣчена на верхнихъ вѣтвяхъ ивы, росшей на открытомъ воздухѣ, гдѣ она спокойно отдыхала въ одной изъ развилинъ. Пришлось влѣзть за нею одному мальчику, который нашелъ ее наверху въ глубокомъ снѣ. Онъ незамѣтно приблизился къ ней, схватилъ ее за хвостъ и бросилъ внизъ съ высоты около 20 м. Она тотчасъ-же расправила свою летательную перепонку и здрава и невредима очутилась внизу, гдѣ ее тотчасъ-же снова поймали. Часто случается видѣть, что она во время ѣды удобно лежитъ на спинѣ; ѣсть она, держа маленькій сосудъ передними лапами и лакая, какъ котенокъ. Во время путешествія въ Лондонъ мы, къ счастью, все время могли доставлять ей молоко, и она такимъ образомъ чувствовала себя все время хорошо. Понемногу она стала настолько ручной, что мы могли пускать ее иногда вечеромъ бѣгать по палубѣ. Тутъ она играла какъ молодая кошечка и, повидимому, радовалась, когда ее чесали. Однако

и тогда она неохотно позволяла ловить себя и тотчас начинала плевать и хватать руку, которая брала ее».

О размноженіи сахарной бѣлки, повидимому, неизвѣстно еще ничего, по крайней мѣрѣ ни въ одномъ изъ знакомыхъ мнѣ сочиненій я не нашелъ никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній по этому вопросу.

* *
* *

Карликъ между лазающими сумчатыми, **Сумчатая мышь** (*Acrobates rugmaeus*, *Didelphys rugmaea*, *Petaurus rugmaeus* etc. *Beutelmaus*. *Acrobate rugmée*) справедливо считается представителемъ особаго рода. Широкая летательная перепонка доходитъ до основанія кисти; хвостъ перообразенъ, усаженъ волосами въ два ряда; уши покрыты рѣдкими волосами. Это миловидное животное по величинѣ равняется приблизительно нашей домашней мыши и, если сидитъ на вѣтви, приложивъ къ тѣлу растяжимую летательную перепонку, то до такой степени похоже на этого изящнаго и тѣмъ не менѣе такъ сильно ненавидимаго грызуна, что ихъ можно смѣшать. Вся длина сумчатой мыши равняется приблизительно 14,5 см., изъ которыхъ немного болѣе половины приходится на хвостъ, остальное на тѣло. Короткій, мягкій мѣхъ сверху сѣро-бураго, снизу желтовато-бѣлаго цвѣта; глаза окружены черными кольцами; уши спереди темныя, сзади бѣловатыя. Оба преобладающихъ цвѣта тѣла рѣзко разграничены. При сидѣніи летательная перепонка прилегаеть складками къ тѣлу и служитъ такимъ образомъ совершенно своеобразнымъ украшеніемъ. Нѣжный бѣлый цвѣтъ на нижнемъ краю ея можно сравнить съ изящной кружевной оборкой накидки, лежащей на плечахъ животнаго.

Сумчатая мышь, водящаяся въ восточной Австраліи отъ Квинсленда до Викторіи, питается, подобно ея родичамъ, листьями, плодами, почками и другими нѣжными частями растений, но не пренебрегаетъ и маленькимъ насѣкомымъ, если случайно найдетъ его. По живости и подвижности она едва-ли уступаетъ своимъ родичамъ, а по способности перепрыгивать или перелетать на большія разстоянія съ помощью растянутой летательной перепонки у нея немного соперниковъ. Говорятъ, что какъ туземцы, такъ и поселенцы по близости отъ Портъ-Джаксонъ очень любятъ это маленькое животное и часто держатъ его ручнымъ въ клѣткахъ; однако пока нѣтъ еще болѣе точныхъ свѣдѣній ни о жизни и поведеніи въ неволѣ, ни о жизни на свободѣ, ни о размноженіи и воспитаніи дѣтеншей этого красиваго созданія.

Третье подсемейство лазающихъ сумчатыхъ (*Tarsipedinae*) состоитъ изъ одного только рода и вида, **Пятнохода**, какъ мы намѣрены называть его (*Tarsipes rostratus* и *spenserae*. *Rüsselbeuteltier*. *Tarsipede*). Стройный звѣрекъ, длиною до 16 см., изъ которыхъ до 9 см. приходятся на покрытый рѣдкой шерстью цѣпкій хвостъ, характеризуется очень длиннымъ и тонкимъ хоботомъ, длиннымъ, вытягивающимся языкомъ, отсутствіемъ слѣпой кишки и недоразвитыми истинными коренными зубами. Когти недоразвиты за исключеніемъ когтей двухъ сросшихся между собою пальцевъ, слѣдующихъ за большимъ пальцемъ заднихъ ногъ. Шерсть коротка, груба и жестка, сверху сѣраго цвѣта съ тремя продольными черными или бурыми полосами, на бокахъ блѣдно-ржавая, снизу желтовато-бѣлая, на ногахъ сѣрая, на ступняхъ бѣлая.

Этотъ замѣчательный звѣрекъ живетъ въ западной Австраліи и занимаетъ совершенно обособленное положеніе по отношенію къ другимъ представителямъ того же семейства; онъ похожъ лишь на мурангѣда изъ плотоядныхъ сумчатыхъ, кото-

рый тоже отличается маленькими зубами и вытяжнымъ языкомъ и живетъ тоже въ западной Австрали. Оригинальности строения его тѣла соответствуетъ и образъ жизни, такъ какъ главную пищу его составляетъ, на ряду съ насекомыми, также медъ. Супруга сэра Джорджа Грея пишетъ о пяткоходѣ: «Мы нѣкоторое время имѣли двухъ такихъ звѣрковъ; первый экземпляръ, посланный домой, умеръ, какъ я опасуюсь, отъ голода, такъ какъ мнѣ сказали, что они питаются корнями и орѣ-

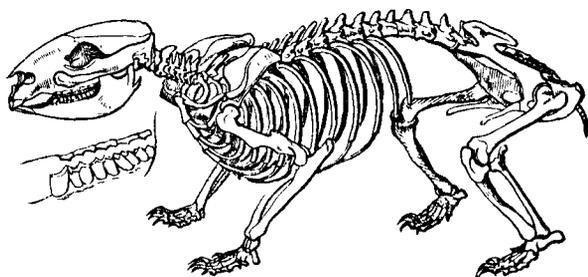
Пяткоходъ *Tarsipes rostratus*. $\frac{2}{3}$ наст. вел.

хами; но я нашла, что это ошибка, такъ какъ это плотоядные животныя и ѣдятъ молей и мухъ; по крайней мѣрѣ это дѣлалъ второй экземпляръ, котораго мы имѣли. Онъ обыкновенно хваталъ молей и тому подобныхъ животныхъ за оба крыла и держалъ обѣими передними лапами; онъ съѣдалъ только тѣло, а крылья бросалъ. Никогда я не видѣла, чтобы онъ пилъ. Обыкновенно онъ спалъ днемъ, свернувшись въ клубокъ, а ночью становился очень бодрымъ и лазалъ по вѣтвямъ деревьевъ; онъ охотно повисалъ съ помощью хвоста на маленькой вѣтви и вдругъ перепрыгивалъ на другую». Джилбертъ тоже указываетъ на жадность, съ которою эти животныя ловятъ и поѣдаютъ мухъ, и затѣмъ продолжаетъ: «Искусственная пища, которую

ему давали, состояла изъ размяченного, сильно подслащенного сахаромъ хлѣба, въ который онъ всовывалъ свой языкъ точно такъ-же, какъ это дѣлаютъ изъ птицъ медососы, когда хотятъ всасывать медъ изъ вѣнчика цвѣтка. Джонсонъ Друммондъ застрѣлилъ пару этихъ животныхъ въ то время, когда они сосали медъ изъ цвѣткови *Melaleuca*; онъ внимательно наблюдалъ ихъ и ясно видѣлъ, какъ они всовывали въ цвѣты свои длинные языки, совершенно какъ упомянутыя птицы».

Третье семейство растительноядныхъ сумчатыхъ обнимаетъ **Вомбатовъ** (*Phascolomyidae*. Plumpbeutler. Wombat); это представитель сумчатыхъ, похожихъ на грызуновъ. Въ настоящее время извѣстны три вида вомбатовъ, которые всѣ сходны между собою по виду и характеру. Сложеніе ихъ въ высокой степени неуклюже, тѣло тяжело и толсто, шея коротка и толста, голова неуклюжа, хвостъ представляетъ маленькій, почти голый зачатокъ; конечности коротки, кривы; ноги

пятипалыя, вооруженныя длинными, крѣпкими, серповидными когтями, которыхъ нѣтъ лишь на большихъ пальцахъ заднихъ ногъ, ступни широкія и голыя; пальцы, слѣдующіе за большими пальцами заднихъ ногъ, отчасти сращены между собою. Очень характерна зубная система: передніе широкіе рѣзцы, которыхъ въ каждой половинѣ челюсти по одному, соответствуютъ большимъ рѣзцамъ грызуновъ. Кромѣ нихъ вверху и внизу находится по одному ложнокоренному и по 4 длинныхъ, кривыхъ истинныхъ коренныхъ. 13—15 позвонковъ имѣютъ ребра, 4—6 лишены реберъ; крестцовая кость состоитъ изъ 4, хвостъ изъ 12—16 позвонковъ. Во внутренностяхъ отмѣтимъ присутствіе слѣпой кишки съ червеобразнымъ отросткомъ.

Скелетъ вомбата.

Тасманскій вомбатъ (*Phascolomys ursinus, wombat, fossor, fusca, lassii etc.* Tasmanische Wombat. Wombat de Tasmanie) достигаетъ въ длину 95 см. и имѣетъ короткія и округленныя уши. Цвѣтъ крапчатый, темный сѣро-бурый, обусловливаемый тѣмъ, что волоса у корня темно-бурого, на кончикѣ по большей части серебристо-бѣлаго цвѣта, мѣстами черные.

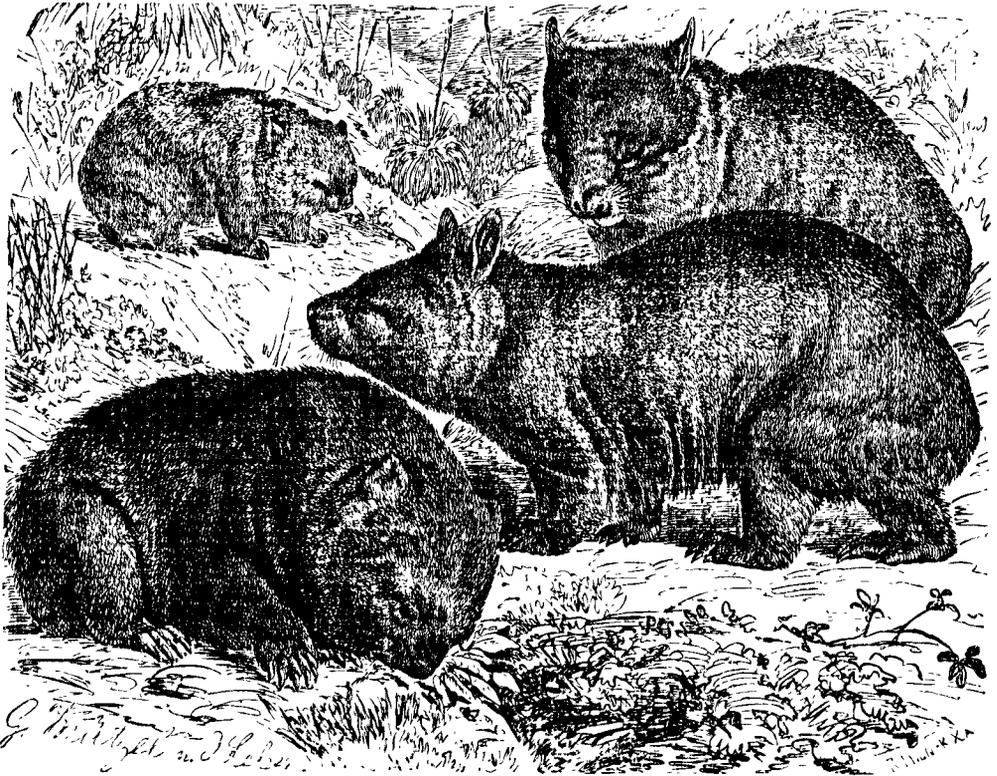
Очень похожъ на него, но больше ростомъ, **Митчеллевъ вомбатъ** (*Phascolomys mitchelli*).

Широколобый вомбатъ (*Phascolomys latifrons, P. lasiorhinus etc.* Breitstirnwombat. Wombat à large front) тоже по большей части крупнѣе тасманскаго вомбата, и достигаетъ въ длину не менѣе 1 м.; волоса его мягче, чѣмъ у его родичей, и свѣтлаго мышинно-сѣраго цвѣта. Отдѣльные болѣе темные чало-бурые или рыжевато-бурые волоса стоятъ между другими и придаютъ мѣху рыжеватый отливъ. Пятно надъ глазомъ, шея, грудь и внутренняя сторона переднихъ конечностей бѣлаго цвѣта. Большія выдающіяся уши оканчиваются довольно острымъ кончикомъ.

Тасманія и острова Бассова пролива составляютъ родину перваго вида, южная Австралія—родину послѣдняго изъ названныхъ видовъ. Митчеллевъ вомбатъ водится въ Повомъ Южномъ Валлисѣ, Викторіи и южной Австраліи. Всѣ виды жи-

вуть въ густыхъ лѣсахъ, вырываютъ себѣ здѣсь широкія норы и очень глубокіе ходы въ землѣ и проводятъ въ нихъ весь день въ снѣ. Только когда ночь вполнѣ наступила, вомбать выбирается наружу и отправляется своей неровной походкой искать пищи. Питается онъ преимущественно одной жесткой, похожей на ситникъ травой, которая покрываетъ большія пространства, но не брезгаетъ всякаго рода травами и корнями; послѣдніе онъ добываетъ, сильно разрывая землю. Всѣ виды этого рода ведутъ, повидимому, одинаковый образъ жизни и сказанное объ одномъ— относится и ко всѣмъ остальнымъ.

Вомбать кажется еще болѣе безпомощнымъ, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности.

Тасманскій вомбать. *Phascolomys ursinus* и Широколобый вомбать. *Phascolomys latifrons*.
 $\frac{1}{8}$ наст. величины.

Движенія его медленны, но тверды и сильны. Такое тупое и равнодушное существо, какъ онъ, нелегко вывести изъ спокойнаго состоянія. Онъ прямо и безостановочно идетъ своимъ путемъ, не останавливаясь ни передъ какимъ препятствіемъ. Туземцы разсказываютъ, что во время своихъ ночныхъ скитаній онъ часто скатывается, какъ камень, въ канавы, по берегу которыхъ плетется медленной рысью; но, не сбиваясь съ пути, онъ продолжаетъ бѣжать по сухому дну, въ томъ-же направленіи какъ и раньше, пока не выберется гдѣ-нибудь снова наверхъ; онъ продолжаетъ свой путь съ такимъ равнодушіемъ, какъ будто-бы съ нимъ ничего не случилось. Судя по тѣмъ животнымъ, которыхъ я наблюдалъ въ неволѣ, эти разсказы вовсе не кажутся такими невѣроятными, какъ можно-бы подумать. Дѣйствительно трудно чѣмъ-нибудь возбудить вомбата, хотя при извѣстныхъ обстоятельствахъ его и можно разсердить. Несомнѣнно одно, что это такой упрямецъ, какого едва ли

можно еще найти, если только не назвать это качество болѣе благороднымъ именемъ—настойчивостью. Что онъ разъ задумалъ, то старается выполнить, не обращая вниманія на всѣ трудности. Если онъ началъ рыть нору, и если ее зарывать, то онъ съ спокойствіемъ мудреца сто разъ выроетъ ее снова. Австралійскіе переселенцы говорятъ, что онъ крайне миролюбивъ и, не обнаруживая безпокойства и раздраженія, позволяетъ поднять себя съ земли и унести; но если въ его упрямую голову придетъ разъ мысль объ оборонѣ, то онъ становится серьезнымъ противникомъ, такъ какъ тогда онъ бѣшено и опасно кусаетъ безъ разбора направо и налево. Я могу подтвердить эти данныя. Плѣнники, которыхъ я держалъ, вели себя такимъ-же образомъ. Именно, если имъ связывали ноги или схватывали ихъ за ноги, то они выказывали большую злобу и когда это черезъ-чуръ раздражало ихъ, то кусались очень сильно.

Какъ и большая часть австралійскихъ животныхъ, вомбатъ отлично выживаетъ у насъ въ неволѣ. При хорошемъ уходѣ и надлежащей пищѣ онъ, повидимому, чувствуетъ себя очень хорошо, становится при этомъ почти ручнымъ, т. е. настолько привыкаетъ къ человѣку, что ему можно позволить бѣгать на свободѣ по дому. Его равнодушіе позволяетъ ему забыть неволю и скоро примиряетъ его съ его участіемъ; по крайней мѣрѣ ему никогда не приходитъ мысль убѣжать. Въ Тасманіи онъ, говорятъ, составляетъ обыкновеннаго товарища рыбаковъ и, какъ собака, бѣгаетъ между ихъ хижинами. Однако не слѣдуетъ думать на основаніи этого, что онъ можетъ подружиться со своимъ хозяиномъ. Къ человѣку относится такъ-же равнодушно, какъ и къ остальному міру. Если онъ сытъ, то не заботится ни о чемъ, что вокругъ него происходитъ; каждое мѣсто для него хорошо въ такомъ случаѣ.

У насъ это вялое, ко всему безучастное существо легко можно прокормить зеленымъ кормомъ, морковью, рѣпой, плодами, сѣменами и хлѣбными зернами; когда-же ему дадутъ немного молока, то это доставляетъ ему особенное наслажденіе. Однако не слѣдуетъ давать ему слишкомъ много этого напитка, который большинство животныхъ очень любитъ; иначе, какъ убѣдились англійскіе естествоиспытатели, ему можетъ придти въ голову лечь въ чашку съ молокомъ и выкупаться въ ней. Въ Англійи два вида вомбатовъ были уже доведены до размноженія, и при этомъ можно было наблюдать, что самка рождаетъ 3—4 дѣтенышей и съ большой заботливостью и любовью ухаживаетъ за ними и воспитываетъ ихъ, особенно пока они находятся еще въ сумкѣ. Даютъ-ли эти опыты право причислить вомбата къ тѣмъ животнымъ, которыхъ слѣдовало-бы развести у насъ, какъ думали французы, это я предоставляю на судъ читателей. Въ Австраліи считаютъ, правда, мясо вомбата вкуснымъ и употребляютъ въ дѣло также его шкуру, но у насъ ни то, ни другое не можетъ считаться особенно цѣннымъ.

Второй подотрядъ сумчатыхъ состоитъ изъ **Плотоядныхъ** (Polyprotodontia. Fleischfresser. Marsupiaux carnivores), которые отличаются отъ представителей перваго подотряда большимъ числомъ рѣзцовъ, которыхъ въ каждой половинѣ челюсти наверху по 4 или 5, внизу по 3 или 4. Мелкіе, почти одинаковые между собою рѣзцы гораздо меньше длинныхъ и остроконечныхъ клыковъ. Истинныя коренныя зубы въ этомъ подотрядѣ, заключающемъ рядомъ съ плотоядными и насѣкомоядными животными также и нѣсколько всеядныхъ, обыкновенно остробугорчаты. Мы различаемъ, по Томасу, 8 родовъ и 64 вида плотоядныхъ сумчатыхъ, которые распредѣляются въ одно американское и два австралійскихъ семейства.

Даже не специалистъ легко можетъ отличить представителей перваго семейства плотоядныхъ сумчатыхъ, семейство **Язвичныхъ**, **Сумчатыхъ барсуковъ** или **Бан-**

динуть (Peramelidae. Beuteldachse. Perameles). Значительно удлиненные задние ноги и очень своеобразное строение пальцев этих животных составляют признаки, которые должны броситься в глаза каждому. Из 5 пальцев передних ног лишь два или три средних велики, свободны и снабжены большими серпообразными когтями. Второй и третий палец задних ног срослены между собою до ногтей; большого пальца нѣтъ или онъ недоразвитъ, четвертый палецъ очень длиненъ. Тѣло въ общемъ плотное, голова, и особенно морда, заострена; хвостъ обыкновенно очень коротокъ и покрытъ рѣдкими волосами, лишь въ исключительныхъ случаяхъ онъ длиненъ и пушистъ; уши по большей части умѣренные, напротивъ, у нѣкоторыхъ видовъ замѣчательно велики. Сумка открыта у самки сзади. Зубная система состоитъ изъ 4 или 5 верхнихъ и 3 нижнихъ рѣзцовъ, 1 клыка, 3 ложнокоренныхъ и 1 истинныхъ коренныхъ зубовъ въ каждой челюсти.

Сумчатые барсуки живутъ въ Австраліи и Новой Гвинее въ норахъ, которыя они выкапываютъ себѣ въ землѣ и въ которыя прячутся съ величайшей поспѣшностью при малѣйшей опасности. Иногда они встрѣчаются по близости отъ плантацій или человѣческихъ поселеній, обыкновенно же держатся вдали отъ заклятаго врага всѣхъ животныхъ. Большинство видовъ живетъ обществами и ведетъ исключительно ночной образъ жизни. Ихъ движенія довольно быстры и своеобразны: походка ихъ представляетъ рядъ то болѣе короткихъ, то болѣе широкихъ не то прыжковъ, не то шаговъ. Пищю служатъ имъ главнымъ образомъ растенія, особенно сочные корни и клубни; однако между прочимъ они поѣдаютъ также насѣкомыхъ и червей или сѣмена.

Всѣ сумчатые барсуки робкія и пугливыя, крайне добродушныя, безобидныя и миролюбивыя животныя, которыя на свободѣ пугаются каждой опасности и боязливо стараются убѣгать отъ человѣка. Въ неволѣ они безъ сопротивленія подчиняются своей участи и уже въ короткое время становятся ручными и довѣрчивыми. Въ этомъ заключается единственная польза, которую они могутъ приносить человѣку, такъ какъ ни одинъ видъ не употребляется въ пищу и не даетъ шкуры, которая шла бы въ дѣло. Вредъ, приносимый ими, заключается, какъ говорятъ, въ томъ, что они роются на поляхъ и иногда причиняютъ опустошенія на плантаціяхъ. Семейство это распадается на 3 рода, которые всѣ вмѣстѣ заключаютъ 14 видовъ.

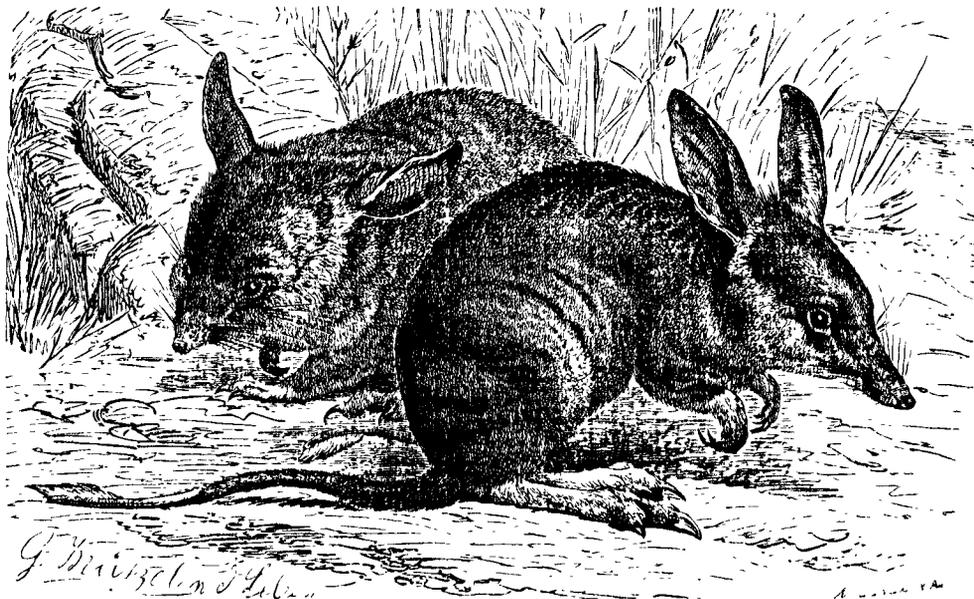
* * *

Къ **Сумчатымъ барсукамъ** или **язвицамъ** въ тѣсномъ смыслѣ слова (Perameles), которые, кромѣ Австраліи, водятся и въ Новой Гвинее, принадлежитъ вмѣстѣ съ 10 другими видами также **Остроносая язвица** (Perameles nasuta. Nasenbeute'dachs. Bandicoot nez pointu), животное своеобразнаго вишняго вида, которое почти настолько же похоже на кролика, какъ и на землеройку. Оно справедливо носить свое названіе въ томъ отношеніи, что обладаетъ очень длинной мордой. Именно верхняя часть ея удлинена, и кончикъ носа далеко выдается надъ нижнею губою. Уши, покрыты очень короткими волосами, внизу широки, но быстро заостряются, глаза малы. Вытянутое тѣло снабжено висящимъ, покрытымъ короткой шерстью хвостомъ средней длины и покоится на довольно толстыхъ ногахъ, изъ которыхъ заднія почти вдвое длиннѣе переднихъ. На передней парѣ ногъ внутренне и наружныя пальцы намѣчены лишь въ видѣ бородавокъ и расположены такъ далеко назадъ и такъ скрыты подъ волосами, что ихъ трудно найти. Остальные три пальца, которыми животное ступаетъ, имѣютъ большіе, серпообразно согнутые когти. Не густой, но довольно длинный, рыхлый и жесткій, даже почти щетинистый мѣхъ состоитъ изъ рѣдкихъ и короткихъ волосъ подшерстка и болѣе длинныхъ волосъ ости. Сверху

онъ испещренъ буровато-чало-желтыми и черными крапинками, что обусловливается главнымъ образомъ двойной окраской отдѣльныхъ волосъ, которые внизу сѣраго цвѣта и постепенно переходятъ въ черный, но часто съ буровато-чало-желтыми кончиками. Нижняя сторона грязно-желтовато-бѣлаго цвѣта, верхняя сторона заднихъ ногъ свѣтло-буровато-желтаго. Хвостъ сверху чернобурый, снизу свѣтло-каштаново-бурый. Уши усажены по краямъ буроватыми волосами, но голая кожа всюду просвѣчиваетъ. Взрослыя животныя длиною болѣе 50 см., вмѣстѣ съ хвостомъ, который равняется полнымъ 12 см.; у загрызка вышина ихъ равняется около 10 см.

* *

Своеобразный видъ этого рода — **Полосатая язвица** (*Perameles bougainvillei*. Bindenbeutel-dachs. Bandicout de Bougainville), меньше предыдущей, длиною лишь

Остроноса язвица. *Perameles nasuta*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

42 см., включая хвостъ, который равенъ 10 см., и на болѣе свѣтломъ фонѣ покрыта темными полосками. Общій цвѣтъ представляетъ смѣсь чернаго съ желтымъ; первый преобладаетъ на спинѣ, послѣдній на бокахъ; по задней части пробѣгаетъ нѣсколько болѣе или менѣе рѣзко ограниченныхъ, темныхъ полосъ, между которыми выступаютъ болѣе свѣтлыя. Голова, передняя часть спины и ноги кажутся болѣе сѣрыми. Полосатая язвица живетъ въ западной, южной и юго-восточной Австрали.

Остроноса язвица живетъ въ возвышенныхъ, болѣе прохладныхъ горныхъ областяхъ восточной Австрали, особенно Новаго Южнаго Валлиса. Ея нѣтъ на жаркихъ равнинахъ этой части свѣта, но она однако часто спускается къ морскому берегу. Тамъ, гдѣ встрѣчается, она очень обыкновенна и часто прорываетъ подъ землей длинныя ходы, частью для добыванія пищи, частью чтобы устроить себѣ жилище. Сѣтъ дорожекъ въ видѣ бороздокъ, ведущихъ отъ одной норы къ другой, покрываетъ нѣрѣдко обширныя равнины. Упомянутыя норы особенно многочисленны подъ кустами. Длинныя и крѣпкіе когти сумчатаго барсука даютъ ему возможность вырывать эти полуподземныя ходы и норы; а такъ какъ именно корни и клубни со-

ставляют, повидимому, его главную пищу, также какъ и другихъ язвицъ, то онъ, подобно кроту, долженъ постоянно вырывать новые ходы, чтобы поддерживать свою жизнь. Длинный хоботъ тоже служить ему для рытья. Кромѣ корней онъ поѣдаетъ червей и насѣкомыхъ; но пока можетъ имѣть растительную пищу, онъ, кажется, предпочитаетъ ее всякой другой. Иногда онъ причиняетъ довольно значительныя опустошенія на картофельныхъ поляхъ и въ амбарахъ съ зерновымъ хлѣбомъ и почти такъ же непріятенъ этимъ, какъ мыши и крысы. Къ счастью, у него нѣтъ такихъ рѣзцовъ, какъ у этихъ вредныхъ животныхъ, и потому земледѣлецъ при извѣстной предусмотрительности можетъ избавиться отъ нежелательныхъ посѣщеній; надо заботиться о томъ, чтобы фундаментъ такихъ амбаровъ глубоко входилъ въ землю, такъ какъ бандикутъ иначе подрывается подъ нихъ. Своеобразныя движенія этого животнаго представляютъ нѣчто среднее между бѣгомъ и прыжками и должны болѣе всего походить на движенія кролика, такъ какъ бандикутъ ступаетъ поочередно передними и задними ногами, а слѣдовательно не движется, подобно кенгуру, исключительно на заднихъ ногахъ. Голосъ его можно слышать лишь тогда, когда его ранять; онъ состоитъ изъ рѣзкихъ свистящихъ звуковъ, которые живо напоминаютъ пискъ крысъ. Переселенцы смотрятъ, повидимому, на него и его родичей съ такимъ же отвращеніемъ, какъ мы на только что упомянутыхъ грызуновъ, и преслѣдуютъ всѣхъ бандикутовъ, когда и какъ только могутъ. Самка рождаетъ, говорятъ, болѣе одного раза въ годъ 3—6 дѣтенышей и долгое время носить ихъ въ своей открытой сзади сумкѣ.

О жизни сумчатого барсука въ неволѣ очень подробныя свѣдѣнія сообщилъ Шмидтъ; изъ нихъ я и заимствую приводимыя ниже данныя. Сумчатые барсуки—сумеречныя и ночныя животныя, которыя спятъ цѣлый день. Тѣ экземпляры, которыхъ наблюдалъ Шмидтъ, самецъ и самка, сидѣли днемъ, свернувшись и прижавшись другъ къ другу, въ снѣгъ, въ которое они прятали переднюю часть тѣла или совсѣмъ зарывались. Животныя сильно сгибали при этомъ спину, голову клали подъ брюхо, такъ что лобъ касался земли, а морда торчала между задними ногами; хвостъ былъ поджатъ, глаза закрыты, уши сложены продольными складками и приблизительно на серединѣ длины согнуты поперекъ кнаружи. Вскорѣ послѣ прибытія во Франкфуртскій зоологическій садъ сумчатыхъ барсуковъ можно было лишь съ трудомъ разбудить отъ этого дневного сна. Можно было трогать ихъ, трясти, даже брать въ руки, прежде чѣмъ они пробуждались; потомъ было достаточно слегка дотронуться до нихъ, чтобы разбудить ихъ. Если ихъ не будили нарочно, то крайне рѣдко случалось находить ихъ бодрствующими днемъ; однако и тогда они не оставляли добровольно своего гнѣзда. Только вечеромъ, когда дѣлалось темно, животныя становились бодрыми, но и то не сразу. Сначала сѣно, въ которомъ они прячутся, слегка движется, скоро вслѣдъ затѣмъ показывается острая мордочка, которая вытягивается кверху, нюхая по сторонамъ и поворачиваясь во всѣ стороны, и скоро втягивается обратно. Послѣ этихъ предварительныхъ развѣдокъ животное поднимаетъ всю переднюю часть тѣла, но скоро опять скрывается. Маленькіе и вначалѣ заспаные глаза открываются все болѣе и болѣе, и повислыя прежде уши поднимаются вверхъ. Не переставая зѣвать, сумчатый барсукъ оставляетъ, наконецъ, иногда лишь черезъ часъ послѣ перваго пробужденія, гнѣздо, въ которомъ онъ спалъ, и направляется къ ящику съ кормомъ, чтобы поѣсть; пища его весьма разнообразна; она состоитъ изъ пшеницы, ячменя, овса, конопли, хлѣба, варенаго картофеля, майскихъ жуковъ, личинокъ ихъ и мучныхъ червей, муравьиныхъ яицъ и т. д. При жеваніи онъ издаетъ щелкающіе звуки; пицу онъ хватаетъ зубами и держитъ передними лапами; маленькіе куски, муравьиныя яйца, зерна пшеницы онъ

береть языкомъ. Плѣнники Шмидта очень любили майскихъ жуковъ, личинокъ ихъ и мучныхъ червей, но были такъ глупы и вялы, что послѣдніе часто убѣгали отъ нихъ незамѣченные.

Когда животныя поѣли, то начинаютъ безостановочно бѣгать взадъ и впередъ по клеткѣ, обыкновенно вдоль стѣнъ. При ходьбѣ они опираются на всѣ четыре ноги; благодаря неровной длинѣ конечностей, движеніе ихъ напоминаетъ прыгалье зайцевъ и кроликовъ; самое быстрое движеніе состоитъ изъ прыжковъ, при которыхъ тѣло сильно колеблется вверхъ и внизъ. Сидя, сумчатые барсуки могутъ принимать всякія позы, могутъ, такъ же какъ тушканчики, подниматься на заднихъ ногахъ, такъ что только пальцами касаются земли. Хвостъ не служитъ опорой ни при какомъ движеніи, а свѣшивается внизъ и волочится вслѣдъ за животнымъ.

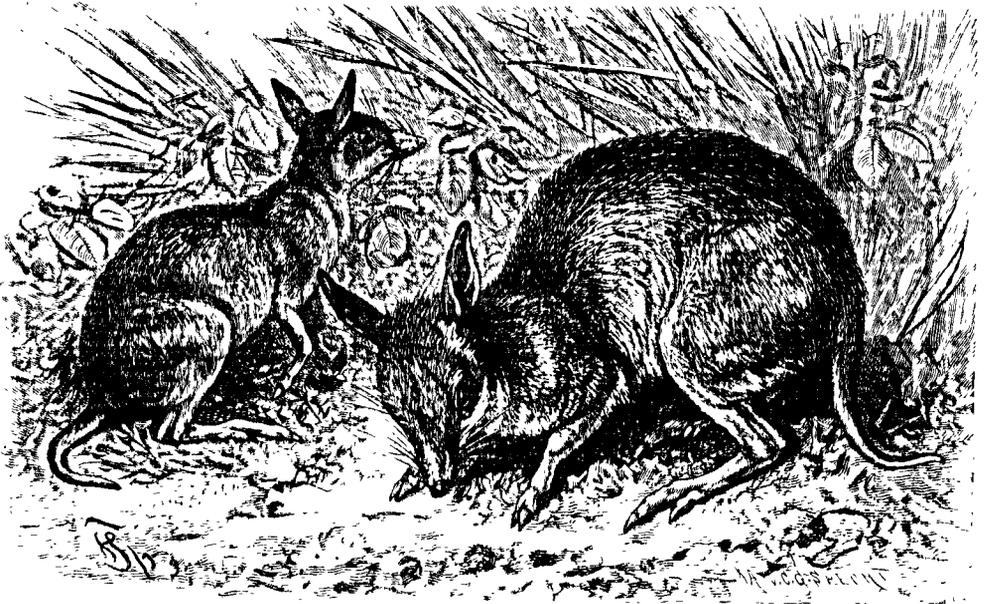
Всю ночь животныя проводятъ въ бѣготнѣ, играя между собою, гоняются другъ за другомъ и лишь при наступленіи утра съ первыми лучами солнца возвращаются въ свое гнѣздо. Въ декабрѣ они показываются послѣ 5 часовъ вечера и возвращаются обратно къ 7 часамъ утра; въ іюнѣ и іюлѣ они становятся бодрыми лишь къ 10 часамъ вечера и снова прячутся уже раньше 4 часовъ утра.

«Характеръ язвиць», говоритъ Шмидтъ, «смирный и безобидный. Ихъ можно взять въ руку и держать, причемъ они не выказываютъ ни малѣйшаго намѣренія кусаться или царапаться; самое большое, что они пытаются высвободиться изъ руки, но и такія попытки никогда не бываютъ сильными. Лишь очень рѣдко, если имъ мѣшаютъ спать, они дѣлаютъ сердитую и злую гримасу; послѣдняя заключается въ томъ, что они нѣсколько открываютъ углы рта и, насколько возможно, оттягиваютъ ихъ назадъ, что соответствуетъ щелканью зубами другихъ животныхъ; въ то же время они издаютъ носомъ продолжительное сопѣніе. При всей ихъ кротости и безобидности они тѣмъ не менѣе вовсе не доврчивы, а такъ-же глупы, какъ и большинство другихъ сумчатыхъ. Они, правда, иногда подходятъ, если ихъ приманиваютъ, и обнюхиваютъ протянутый имъ палецъ; однако выраженіе ихъ фізіономіи ясно показываетъ при этомъ, что животное дѣлаетъ это лишь изъ глупаго любопытства. Въ большинствѣ случаевъ они вовсе не слушаютъ зова или пугаются его, какъ и всякаго другого шума, и послѣдно убѣгаютъ въ свое гнѣздо. Однако испугъ длится у нихъ очень недолго, обыкновенно животныя тотчасъ-же показываются снова, какъ будто-бы ничего не случилось. Несмотря на это ничтожное развитіе духовныхъ способностей, по внѣшнему виду кажется, что они внимательны и понятливы; это обуславливается, конечно, преимущественно большими стоячими ушами и острой мордой, такъ какъ глаза, повидимому, лишены жизни и выраженія. Изъ ихъ чувствъ можно считать самыми острыми обоняніе и слухъ. Я наблюдалъ, кормя ихъ майскими жуками, что они не сразу замѣчали насѣкомое, которое передъ ними держали, и только послѣ того, какъ нѣсколько разъ совершенно случайно находили упавшихъ на землю жуковъ, они поняли связь между происходящимъ при этомъ шумомъ и лакомымъ кусочкомъ, но тѣмъ не менѣе не могли различить мѣсто паденія насѣкомаго. Послѣ того, каждый разъ, какъ они слышали, что что-нибудь падало, они самымъ ревностнымъ образомъ обыскивали песокъ».

* * *

Херопъ (*Choeropus castanotis, escaudatus* и *occidentalis*. Stutzbeutler. *Choerope*) составляетъ второй родъ сумчатыхъ барсуковъ. Онъ живо напоминаетъ слоноземлеройку, съ которой мы познакомились во второмъ томѣ на страницѣ 398. Довольно тонкое тѣло покоится на очень тонкихъ и длинныхъ ногахъ, причемъ заднія зна-

чительно длиннѣе переднихъ. Морда острая; уши очень длинны, хвостъ средней длины, покрытъ рѣдкими волосами и снабженъ незначительнымъ гребнемъ. На переднихъ ногахъ находится лишь по два развитыхъ короткихъ пальца одинаковой длины съ короткими, но крѣпкими когтями; перваго и пятаго пальца здѣсь вовсе нѣтъ, четвертый недоразвитъ; заднія ноги имѣютъ лишь по одному развитому пальцу, именно четвертому, къ которому прилегаютъ очень недоразвитые остальные. На основаніи этого замѣчательнаго строенія ноги животному дали и его научное названіе, которое значитъ «свиноногій», хотя при внимательномъ разсмотрѣніи сходство его ноги со свиной оказывается только кажущимся. Видовое названіе тоже было дано при особенныхъ обстоятельствахъ. Томасъ Митчелль, открывшій это животное, вытащилъ первый и единственный экземпляръ, добытый имъ живымъ, изъ древеснаго дупла, куда онъ спрятался; онъ былъ не менѣе удивленъ, чѣмъ туземцы, которые гово-

Херонъ. *Chocropus castanotis*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

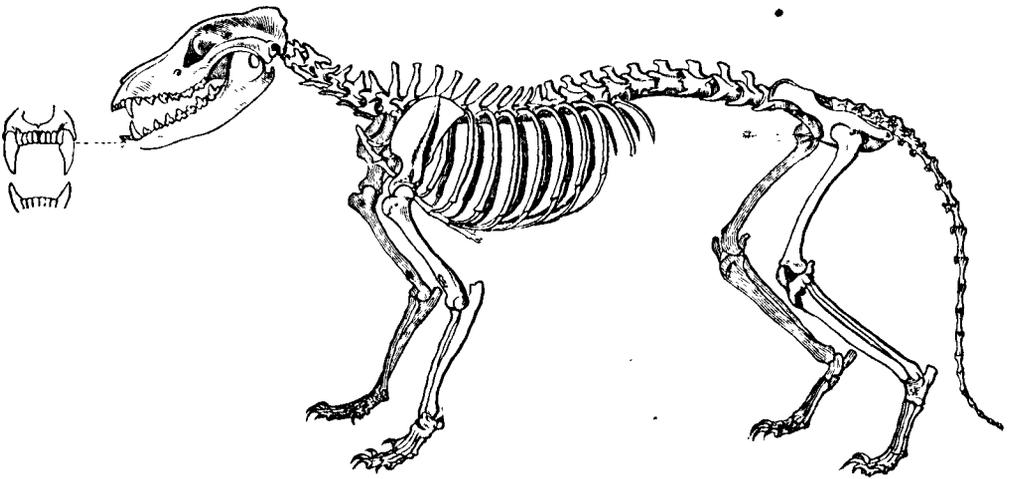
рили, что никогда не видѣли такого существа. Больше всего бросилось естествоиспытателю въ глаза отсутствіе хвоста и потому онъ далъ животному видовое названіе *caudatus* (безхвостый). Но позднѣе присланные въ Европу хероны все имѣли хвосты, и поэтому выяснилось, что первый экземпляръ этого вида, поавшій въ руки изслѣдователей, лишился хвоста, благодаря несчастному случаю; пришлось хотя это было и неудобно, перемѣнить первоначальное видовое названіе.

Животное достигаетъ приблизительно величины маленькаго кролика; длина его около 35 см., изъ которыхъ 10 см. приходится на хвостъ. Длинный, рыхлый, мягкій мѣхъ на верхней сторонѣ буро-сѣраго цвѣта, снизу бѣлаго или желтовато-бѣлаго; хвостъ сверху черный, на концѣ и на нижней сторонѣ буровато-бѣлый; большія уши покрыты ржаво-желтыми, къ кончику черными волосами; переднія лапы бѣловатая, заднія блѣдно-рыжія, ихъ большой палецъ грязно-бѣлый.

Насколько извѣстно, до настоящаго времени херонъ населяетъ почти всю Австралію, можетъ быть за исключеніемъ крайняго сѣвера, востока и сѣверо-востока. Главнымъ мѣстопребываніемъ его служатъ равнины, поросшія жесткой, рѣзкущей

травою. Въ общемъ онъ живетъ такъ-же, какъ сумчатые барсуки, но дѣлаетъ себѣ довольно искусно гнѣздо изъ сухой травы и листьевъ. такъ хорошо скрытое подъ густымъ кустарникомъ, что даже опытный охотникъ съ трудомъ можетъ отыскать его. Пища его состоитъ, говорятъ, изъ различныхъ растительныхъ веществъ и насѣкомыхъ. Болѣе точныхъ свѣдѣній объ его образѣ жизни до настоящаго времени не имѣется.

Хищныя сумчатя (Dasyuridae) составляютъ второе семейство этого подотряда, заключающее 7 родовъ съ 26 видами. Переднія и заднія ноги у нихъ одинаковой длины; первыя имѣютъ пять пальцевъ, послѣднія тоже пять или четыре пальца, приблизительно равныхъ и сросшихся между собою; большого пальца на заднихъ ногахъ нѣтъ или, если онъ и существуетъ, то малъ и лишень когтя. Покрытый шерстью хвостъ длиненъ и не пригоденъ для схватыванія. Же-

Скелетъ сумчатого волка.

лудокъ простой, слѣпой кишки нѣтъ. Сумки у нѣкоторыхъ нѣтъ; у тѣхъ, у которыхъ есть, она открывается спереди или снизу.

Изъ относящихся сюда животныхъ на первое мѣсто ставятъ подсемейство **Сумчатыхъ кунницъ (Dasyurinae. Beutelmarder. Dasyures)**, состоящее изъ 6 родовъ и 25 видовъ. Отличительные признаки заключаются въ зубной системѣ: каждая половина челюсти имѣетъ вверху 4, внизу 3 рѣзца, 1 клыкъ, 2—4 ложнокоренныхъ и 4 истинныхъ коренныхъ зуба. Всѣ виды, принадлежащія къ этому семейству, живутъ въ настоящее время лишь въ австралійской области отъ Новой Гвинеи до Тасманіи.

Сумчатя кунницы держатся какъ въ лѣсахъ, такъ и въ скалистыхъ мѣстностяхъ или на морскихъ берегахъ и живутъ здѣсь или въ глубокихъ логовищахъ и норахъ, подъ корнями деревьевъ и въ расщелинахъ скаль, или въ дуплахъ деревьевъ. Однѣ двигаются только по землѣ, другія превосходно лазаютъ, а нѣкоторыя держатся почти исключительно на деревьяхъ. Походка ихъ крадущаяся и осторожная, ступаютъ онѣ всею ступнею. Почти всѣ—ночныя животныя, которыя весь день спятъ въ своихъ убожищахъ, а въ сумерки выходятъ за добычей. Во время этихъ походовъ онѣ подбираютъ добычу на морскихъ берегахъ и поѣдаютъ

здѣсь всѣхъ животныхъ, выброшенныхъ моремъ, безразлично, свѣжія они, или гнилыя; живущія на деревьяхъ питаются главнымъ образомъ насѣкомыми и охотятся развѣ за мелкими млекопитающими и птицами и ихъ яйцами; самые крупныя виды посѣщаютъ также человѣческія жилища и, подобно куницамъ, часто въ одну ночь могутъ передушить весь курятникъ; подобно нашимъ свѣрнымъ лисицамъ, они нахально грабятъ амбары и кладовыя и крадутъ здѣсь мясо и жиръ. Болѣе мелкіе виды пролѣзаютъ черезъ самое узкое отверстіе, и потому ихъ такъ-же ненавидятъ, какъ куницъ и хорьковъ; самый крупный видъ нападаетъ на стада овецъ и по временамъ производитъ въ нихъ значительныя опустошенія. Многія подносятъ пищу ко рту передними лапами. Голосъ ихъ состоитъ изъ своеобразнаго ворчанія и звучнаго лая. Болѣе крупныя очень дики, злы и неприручима, въ случаѣ нападенія бѣшено защищаются своими острыми зубами; болѣе мелкія, напротивъ, смиренны и добродушны, нѣкоторыхъ можно легко держать въ неволѣ и приручить безъ большаго труда; но оцѣ никогда не проявляютъ видимой привязанности или вообще болѣе теплаго чувства по отношенію къ своему хозяину. Весною самки рожаютъ 4—5 дѣтенышей.

Вредъ, приносимый представителями этого подсемейства, сильно перевѣшиваетъ пользу отъ нихъ и оправдываетъ самое ревностное преслѣдованіе ихъ.

* *

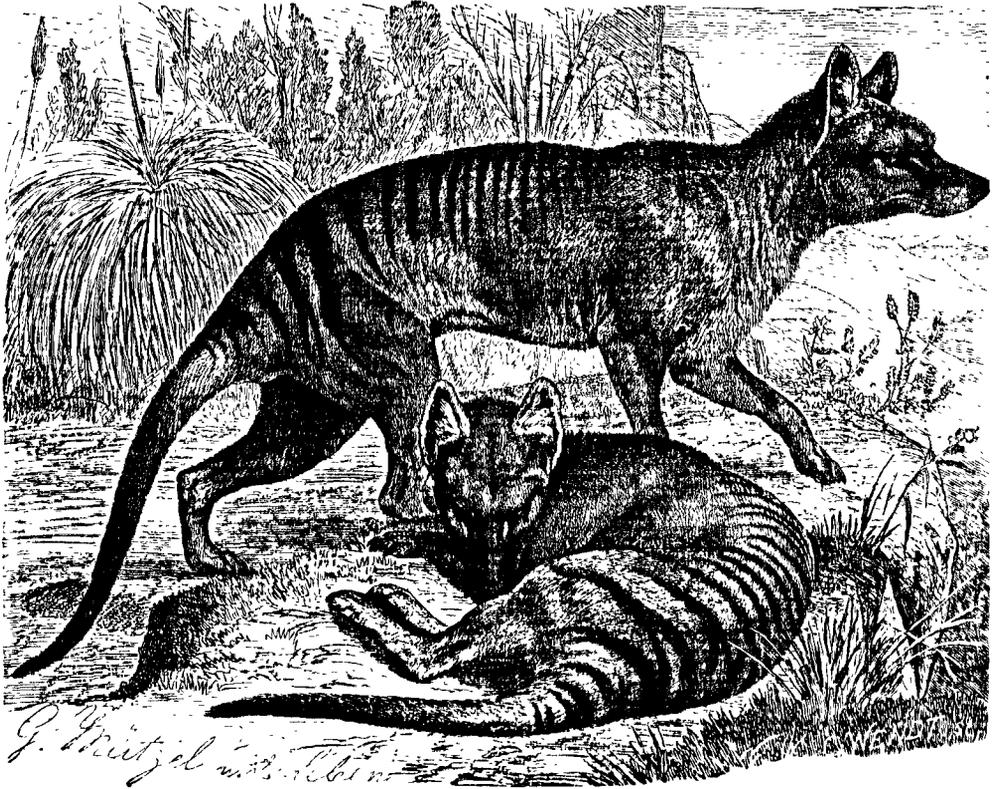
Сумчатый волкъ или **Мѣшконецъ** (*Thylacinus cynocephalus*, *Didelphys*, *Dasyurus* и *Perasyon cynocephalus* etc. Beutelwolf. Thylacin), единственный нынѣ живущій представитель особаго рода, не безъ основанія носить свое имя; онъ въ самомъ дѣлѣ похожъ на дикую собаку. Его вытянутое тѣло, форма головы, сильно отдѣленная отъ остальной головы морда, стоячія уши, злые глаза, а также поднятый вверхъ хвостъ напоминаютъ собаку. только конечности относительно коротки, и зубы существенно отличаются. Въ каждой половинѣ верхней челюсти находится по 4, въ нижней по 3 рѣзца, кромѣ того, вверху и внизу по 1 клыку, 3 ложнокоренныхъ и 4 истинныхъ; всего слѣдовательно 46 зубовъ. Сумчатая кость замѣнены волокнистыми хрящами.

Сумчатый волкъ—самое крупное изъ всѣхъ плотоядныхъ сумчатыхъ. Длина его тѣла болѣе 1 м., длина хвоста 50 см., старые самцы, какъ увѣряютъ, становятся еще замѣтно больше, достигая общей длины около 1,9 м. Короткій, пушистый мѣхъ сѣро-бурого цвѣта, на спинѣ съ 12—14 черными поперечными полосами. Волоса на спинѣ при основаніи темно-бурые, а передъ темнымъ концомъ желтовато-бурые; волосы на брюхѣ блѣдно-бурые у корня и буровато-бѣлые на концѣ. Голова свѣтлая, область глазъ бѣловатая; у передняго угла глаза находится темное пятно, а надъ глазомъ полоска. Когти бурые. Кзади волосы на спинѣ удлиняются и достигаютъ на бедрахъ наибольшей длины. Мѣхъ не особенно тонокъ, но коротокъ и нѣсколько курчавъ. Хвостъ лишь у корня покрытъ мягкими волосами, а на остальномъ протяженіи жесткими. Выраженіе лица у животнаго совершенно иное, чѣмъ у собаки, въ глаза бросаются далеко разрѣзанный ротъ и большей величины глаза.

Сумчатый волкъ живетъ въ Тасманіи. Въ первое время европейской колонизаціи онъ понадеялся очень часто, причинялъ много хлопотъ и убытка скотоводамъ, такъ какъ прилежно посѣщалъ стада овецъ и птичьи дворы. Позднѣе огнестрѣльное оружіе все болѣе и болѣе отгоняло его, и теперь онъ отгнѣсенъ внутрь острова. Здѣсь, въ нѣкоторыхъ гористыхъ мѣстностяхъ онъ все еще водится въ довольно значительномъ количествѣ, чаще всего на высотѣ около 1000 м. надъ

уровнемъ моря. Расщелины скалъ въ темныхъ, почти недоступныхъ для человѣка ущельяхъ, естественныя или вырытыя имъ самимъ глубокія норы составляютъ его дневное убѣжище; отсюда онъ предпринимаетъ свои хищническіе набѣги.

Сумчатый волкъ—ночное животное и очень боится яркаго свѣта. Чрезвычайную чувствительность его глазъ къ дневному свѣту доказываютъ непрерывныя движенія мигательной перенонки; ни одна сова не старается тщательнѣе защитить глаза отъ рѣзкаго свѣта, чѣмъ онъ. Вѣроятно благодаря этой чувствительности къ свѣту, днемъ онъ неповоротливъ и неловокъ, ночью-же, напротивъ, бодръ, энергиченъ и часто даже смѣлъ и опасенъ; онъ не боится борьбы и часто выходитъ изъ

Сумчатый волкъ. *Thylacinus cynocephalus*. $\frac{1}{11}$ наст. вел.

нея побѣдителемъ, такъ какъ единственными опасными врагами его могутъ быть собаки. Если онъ и не самое дикое изъ всѣхъ хищныхъ сумчатыхъ, во всякомъ случаѣ превосходитъ своихъ родичей силой и смѣлостью и уже по этому заслуживаетъ свое названіе. Соответственно своему росту онъ приноситъ столько-же вреда, какъ его сѣверный тезка.

Пища полосатаго волка состоитъ изъ всякихъ мелкихъ животныхъ, которыхъ онъ можетъ добыть и одолѣть; притомъ онъ уничтожаетъ какъ позвоночныхъ, такъ и безпозвоночныхъ, начиная отъ насѣкомыхъ и моллюсковъ и до лучистыхъ животныхъ. Тамъ, гдѣ горы доходятъ до морского берега и гдѣ переселенцы не утвердились еще прочно, онъ бродитъ ночью по берегу, нюхаетъ по сторонамъ и отыскиваетъ всевозможныхъ животныхъ, выброшенныхъ волнами. Двустворчатые и другіе моллюски, которыхъ попадается очень много, составляютъ главную его

пищу, если только счастье не улыбнется ему и море не приготовитъ ему пирь, выбросивъ на берегъ полусгнившую рыбу или тюленя. Но сумчатый волкъ предпринимаетъ и болѣе трудныя охоты. На богатыхъ травою равнинахъ и въ низменностяхъ, поросшихъ кустами, онъ преслѣдуетъ быстрого кенгуру, а въ рѣкахъ и прудахъ—утковоса, несмотря на его искусство въ плаваніи и ныряніи. Если онъ очень голоденъ, то не пренебрегаетъ никакою пищею и не боится даже острыхъ иглъ, покрывающихъ ехидну.

Животное это ловятъ въ ловушки, если оно въ своихъ разбойничьихъ экскурсіяхъ появляется около деревень, или травятъ его собаками. Отъ послѣднихъ онъ умѣетъ хорошо защищаться и обнаруживаетъ при этомъ храбрость и свирѣпость, вовсе не соответствующія его незначительной величинѣ. Въ крайнемъ случаѣ онъ дерется по-истинѣ отчаянно, и съ нимъ нелегко справиться цѣлой стаей собакъ.

О жизни сумчатого волка въ неволѣ мало можно разсказать. Глупый и тупой, какъ всѣ его родичи, онъ едва-ли можетъ возбудить участіе къ себѣ. Только что пойманные, говорятъ, ведутъ себя сначала очень упрямо и непокорно, съ ловкостью конки лазаютъ въ своей клѣткѣ и по балкамъ дома и дѣлаютъ прыжки, вышиною въ 2—3 м. При продолжительной жизни въ неволѣ уменьшается какъ ихъ подвижность, такъ и дикость по отношеніи къ человѣку; однако они никогда не дружатся со своимъ сторожемъ, едва научаются узнавать его и отличать отъ другихъ людей, относятся къ нему совершенно равнодушно и развѣ при видѣ предлагаемаго имъ мяса до нѣкоторой степени оживляются. Вообще-же они по цѣлымъ часамъ бѣгаютъ по своей клѣткѣ, не заботясь вовсе о томъ, что происходитъ вокругъ нихъ, или лежатъ и отдыхаютъ, или спятъ также равнодушно на одномъ и томъ-же мѣстѣ. Ихъ ясный, темно-бурый глазъ тупо смотритъ на наблюдателя и вовсе не имѣетъ того выраженія, какъ глазъ настоящаго хищника.

* *
*

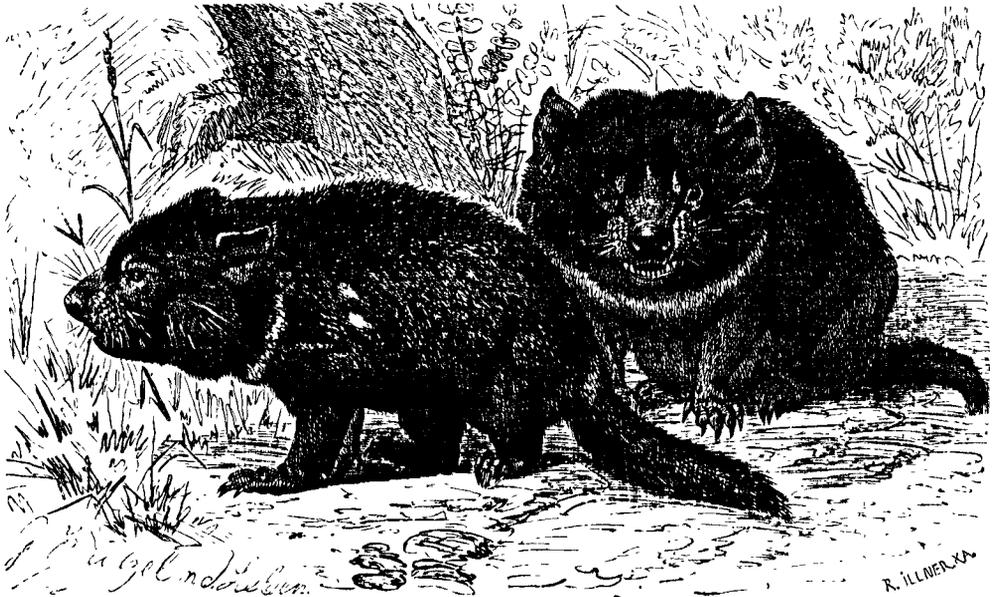
Ближайшій родичъ сумчатого волка, **Дьяволъ** колонистовъ (*Sarcophilus ursinus*, *Didelphys ursina*, *Dasyurus* и *Diabolus ursinus*, Teufel, *Dasyure horissé*), несравненно безобразнѣе его и производитъ крайне отталкивающее и противное впечатлѣніе. Онъ составляетъ также особый родъ. Животное получило своемногозначительное названіе, благодаря своей невѣроятной дикости и неприручivosti. Всѣ наблюдатели единогласно говорятъ, что едва-ли можно представить себѣ болѣе неприятное, болѣе задорное, отчаянное и бѣшеное существо, чѣмъ этотъ сумчатый дьяволъ; его дурное расположеніе духа и злоба никогда не прекращаются, и гнѣвъ его всныхиваетъ яркимъ пламенемъ при самомъ незначительномъ поводѣ. Въ неволѣ, даже при самомъ тщательномъ уходѣ, онъ не теряетъ своихъ качествъ и никогда не научается узнавать или любить человѣка, который кормитъ его и ходитъ за нимъ; напротивъ, онъ съ такой-же ненавистью и безразсудной яростью нападаетъ на своего сторожа, какъ и на всякое другое существо, которое осмѣлится къ нему приблизиться. При этой отвратительной свирѣпости неприятно поражаетъ вовсе не соответствующая его названію глупость и вялость. Сумчатый дьяволъ или спитъ въ самомъ темномъ углу своей клѣтки, или щелкаетъ своими страшными зубами и бѣшено огрызается вокругъ себя, если думаетъ, что можетъ достать того, кто къ нему приближается. Въ этихъ взрывахъ злобы, повидимому, только и проявляется духовная дѣятельность, къ которой онъ способенъ.

Признаки рода (*Sarcophilus*), представителемъ котораго служитъ сумчатый дьяволъ, слѣдующіе: сложеніе плотное, голова очень велика, неуклюжа, толста, съ широкой мордой; уши короткія, снаружи покрыты волосами, внутри голыя и склад-

чатый; глаза маленькіе; зрачки круглые; носъ голый; губа усажена многочисленными бородавками; хвостъ коротокъ, конической формы, очень толстъ у корня и быстро утончается; низкія, нѣсколько кривыя ноги приблизительно равной длины. Въ зубной системѣ однимъ ложно-кореннымъ зубомъ меньше, чѣмъ у сумчатого волка. Мѣхъ состоитъ изъ короткихъ, нигдѣ не удлиняющихся, мягкихъ волосъ; волнисто закрученные волосы усомъ толсты, щетинисты и коротки, пучекъ щетинокъ на щекахъ чрезвычайно длиненъ. Голова покрыта рѣдкими черными волосами, такъ что между ними просвѣчиваетъ красноватая кожа.

На груди сумчатого дьявола находится бѣлый галстучекъ и обыкновенно два бѣлыхъ пятна; все остальное тѣло одѣто чернымъ, какъ сажа, мѣхомъ. Вся длина животнаго около 1 м., изъ которыхъ на хвостъ приходится около 30 см.

Вначалѣ сумчатый дьяволъ доставлялъ поселенцамъ въ Тасманіи много хлопотъ,

Дьяволъ. *Sarcophilus ursinus*. 1/10 наст. вел.

такъ какъ сильно препятствовалъ разведенію домашней птицы. Онъ проникалъ, какъ куница, въ курятникъ и свирѣпствовалъ здѣсь съ такою кровожадностью, какую можетъ обнаруживать кромѣ него только куница. Поэтому съ самаго начала его стали жестоко ненавидѣть и преслѣдовать самымъ беспощаднымъ образомъ, тѣмъ болѣе, что находили его мясо вкуснымъ или по крайней мѣрѣ съѣдобнымъ. Ставили всякаго рода ловушки и устраивали большія охоты. Благодаря этому, онъ очень скоро постигъ могущество и разумъ человѣка, научился бояться его и удалился въ самые густые и недоступные горные лѣса. Во многихъ мѣстностяхъ онъ уже истребленъ и даже тамъ, гдѣ онъ еще встрѣчается, его замѣчаютъ теперь довольно рѣдко.

Это настоящее ночное животное; онъ въ такой-же степени боится дневного свѣта, какъ сумчатый волкъ или наши совы. Свѣтъ, повидимому, причиняетъ ему дѣйствительно боль; по крайней мѣрѣ на содержимыхъ въ неволѣ наблюдали, что, когда ихъ выносили на свѣтъ, они тотчасъ торопливо и испуганно старались отыскать самое темное мѣсто въ своей клеткѣ, скорчивались, отворачивались отъ свѣта и

старались защитить глаза от крайне неприятнаго дѣйствія свѣта съ помощью постоянныхъ движеній мигательной перепонки. Пока солнце находится еще на небѣ, сумчатый дьяволъ прячется въ самыхъ темныхъ и глубокихъ норахъ, въ расщелинахъ скалъ, подъ корнями деревьевъ и здѣсь впадаетъ въ глубокой сонъ, похожий на смерть; тогда его не можетъ разбудить даже шумъ охоты. Послѣ наступленія ночи онъ оставляетъ логовище и бродить, ища добычи. При этомъ онъ оказывается относительно быстрымъ и проворнымъ въ своихъ движеніяхъ и выносливымъ на бѣгу; но все-таки по ловкости и гибкости онъ стоитъ безконечно позади виверръ и куницъ, съ которыми хотѣли его сравнивать. Его осанка и нѣкоторыя привычки напоминаютъ медвѣдя. При ходьбѣ онъ ступаетъ всею ступнею, при сидѣніи опирается, какъ собака, на заднюю часть.

Со своей обычной яростью онъ нападаетъ на всѣхъ животныхъ, которыя ему только попадаютъ. Онъ отыскиваетъ себѣ добычу, какъ между позвоночными, такъ и между безпозвоночными; изъ того, что даетъ ему эта, надо сознаться, скудная страна или море, онъ не брезгаетъ ничѣмъ, такъ какъ его прожорливость не уступаетъ его ярости. Во время своихъ хищническихъ походовъ онъ издаетъ звуки, которые представляютъ нѣчто среднее между звучнымъ лаемъ и ворчаньемъ. Его прожорство часто служитъ причиною его гибели. Онъ идетъ, не задумываясь, въ любую ловушку и беретъ всякую приманку, состоитъ-ли она изъ кусочка мяса какого-либо позвоночнаго или раковины, или изъ другого низшаго животнаго. Труднѣе, говорятъ, охотиться за нимъ съ собаками: видя себя въ опасности, онъ въ дракѣ проявляетъ необычайную храбрость и защищается до конца противъ каждаго, даже болѣе сильнаго противника. Большая сила челюстей, страшные зубы, бѣшеная ярость и безстрашіе часто позволяютъ ему побѣдоносно отражать нападенія собаки. И дѣйствительно, едва-ли найдется такая охотничья собака, которая вступила-бы съ нимъ въ бой.

Въ неволѣ онъ остается всегда вѣрнымъ себѣ, т. е. по простствіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ такъ-же бѣшенъ и яростенъ, какъ въ первый день. Безъ малѣйшаго повода онъ бросается иногда на жерди своей клѣтки и наноситъ кругомъ удары лапами, какъ будто-бы онъ хотѣлъ растерзать на мѣстѣ того, кто къ нему приближается. Причины взрывовъ его гнѣва иногда просто непостижимы, такъ какъ они проявляются даже при самомъ лучшемъ уходѣ или по отношеніи къ самымъ доброжелательнымъ и невиннымъ животнымъ. О дружественномъ отношеніи къ своему воспитателю или хотя бы о какомъ-нибудь подобномъ чувствѣ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ въ тупости и глупости онъ ничуть не уступаетъ большинству своихъ родичей. Если въ его клѣткѣ есть укромный уголокъ, то днемъ его рѣдко можно видѣть, такъ какъ онъ спитъ или дремлетъ весь день. Разбудить его не особенно трудно; но и тогда его нелегко сдвинуть съ мѣста; всякому насилію онъ энергично противится и приходить обыкновенно при этомъ въ невыразимую ярость. Кажется, что онъ всегда въ дурномъ расположеніи духа и сердитъ; по самому незначительному поводу онъ выражаетъ свою злобу ворчаніемъ, чиханіемъ, фырканьемъ и стонами, развѣваетъ при этомъ пасть и скалитъ зубы. Только когда ночь вполне наступила, онъ оживляется и проявляетъ такое проворство, котораго отъ него нельзя было ожидать. Въ неволѣ онъ ѣсть всякаго рода пищу; довольно продолжительное время его можно кормить одними только костями, которыя онъ легко раздробляетъ своими крѣпкими зубами.

Число дѣтенышей, какъ говорятъ, колеблется отъ 3 до 5. Утверждаютъ, что самка долго носитъ ихъ съ собою. Больше ничего о размноженіи его неизвѣстно. Мясо его похоже, какъ говорятъ, на телятину.

Сумчатая куница (*Dasyurus. Beutelmarder. Dasyures*), которыхъ въ 1888 г. различали 5 видовъ, составляютъ особый родъ. По общему виду онѣ занимаютъ приблизительно середину между лисицами и куницами, не представляя однако ни съ тѣми, ни съ другими сходства, которое бросалось-бы въ глаза. Тѣло тонкое и вытянутое, шея довольно длинна, голова впереди заострена. Зубная система такая-же, какъ у сумчатого дьявола. Хвостъ длинный, повислый и равномерно пушистый; ноги низкія и средней толщины, заднія ноги нѣсколько длиннѣе переднихъ и отличаются отсутствіемъ большого пальца; пальцы свободны и вооружены крѣпкими, серпообразными, острокопечными когтями.

Одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ видовъ этого рода — **Пятнистая сумчатая куница** (*Dasyurus viverrinus, Didelphys viverrina, Dasyurus maugei. Tüpfelbeutelmarder. Dasyure de White*), чало-бурого цвѣта, иногда свѣтлѣе, снизу бѣлаго. На всей верхней сторонѣ находятся различной формы неправильно распредѣленные пятна, которыя на головѣ мельче, чѣмъ на тѣлѣ. Нѣсколько заостренные уши умѣренной

Пятнистая сумчатая куница. *Dasyurus viverrinus*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

величины и одѣты короткими черными волосами. Конецъ морды красно-мясного цвѣта. У взрослого животного длина тѣла достигаетъ 40 см., длина хвоста 30 см., при высотѣ у загривка въ 15 см. Представители этого вида распространены по Новому Южному Валлису, Викторіи, Южной Австраліи и Тасмани.

Любимое мѣстопребываніе пятнистой сумчатой куницы составляютъ лѣса на берегахъ моря. Здѣсь она прячется днемъ въ подземныхъ логовищахъ, подъ корнями деревьевъ и камнями или въ дуплахъ деревьевъ. Послѣ наступленія ночи она бродитъ въ поискахъ за пищей, уходя часто на далекое разстояніе. Она ѣсть главнымъ образомъ мертвыхъ животныхъ, выброшенныхъ моремъ, но охотится также въ лѣсу за мелкими млекопитающими или гнѣздящимися на землѣ птицами; не пренебрегаетъ также и насѣкомыми. Она посягаетъ также курятники и, какъ куница, безошадно душитъ захваченныхъ ею птицъ, а также крадетъ мясо и жиръ изъ жилищъ челоуѣка. Походка ея крадущаяся и осторожная, но движенія быстры и ловки; однако она лазаетъ плохо и поэтому охотнѣе всего держится на землѣ, хотя иногда и поднимается по наклоннымъ стволамъ деревьевъ. Число дѣтенышей колеблется между 4 и 6.

Сумчатую куницу преслѣдуютъ съ такою-же ненавистью, какъ и выше на-

званных хищных сумчатых. Ее ловят часто в значительном числѣ в желѣзные капканы, куда кладутъ вѣ качестве приманки какое-нибудь мясо. Для содержанія вѣ неволѣ она мало пригодна, такъ какъ это одно изъ самыхъ скучныхъ существъ, какихъ только я знаю. Ее нельзя назвать ни злой, ни добродушной, ни живой, ни спокойной: она просто скучна. Умъ ея, повидимому, очень ограниченъ. Она никогда не обнаруживаетъ привязанности или любви къ своему хозяину и никогда не становится ручной. Если приблизиться къ ея клѣткѣ, она уходитъ вѣ уголь, прячетъ спину и, насколько можетъ, разѣвываетъ ротъ. Хотя эта поза и имѣетъ угрожающій видъ, но на самомъ дѣлѣ вовсе не страшна: если продолжать приближаться къ ней, она не отваживается на рѣшительное противодействие. Возбужденіе она выражаетъ, издавая хриплое сопѣніе, которое едва-ли можно назвать фырканьемъ; она не думаетъ защищаться какимъ-нибудь инымъ способомъ, напримѣръ зубами. Свѣта она боится такъ-же, какъ и другіе представители этого семейства, и потому всегда удаляется днемъ вѣ самый темный уголь своей клѣтки. Такъ какъ она нечувствительна къ вліянію погоды и довольствуется всякой животной пищей, то ее можно содержать безъ особаго труда. Сырое или вареное мясо всякаго рода составляетъ для нея вполне пригодную пищу. Она не проявляетъ такой жадности, какъ остальные хищныя сумчатые. Данный ей кусокъ мяса она схватываетъ съ поспѣшностью, отрываетъ кусочекъ, подпрыгивая бросаетъ его вверхъ, ловитъ и проглатываетъ. Если кусокъ легъ не такъ, какъ надо, то она помогаетъ себѣ передними лапами. Окончивъ обѣдъ, она садится на заднюю часть, быстро третъ переднія лапы одну о другую и вытираетъ ими свою влажную морду или чиститъ все тѣло, такъ какъ она очень чистолютва.

* * *

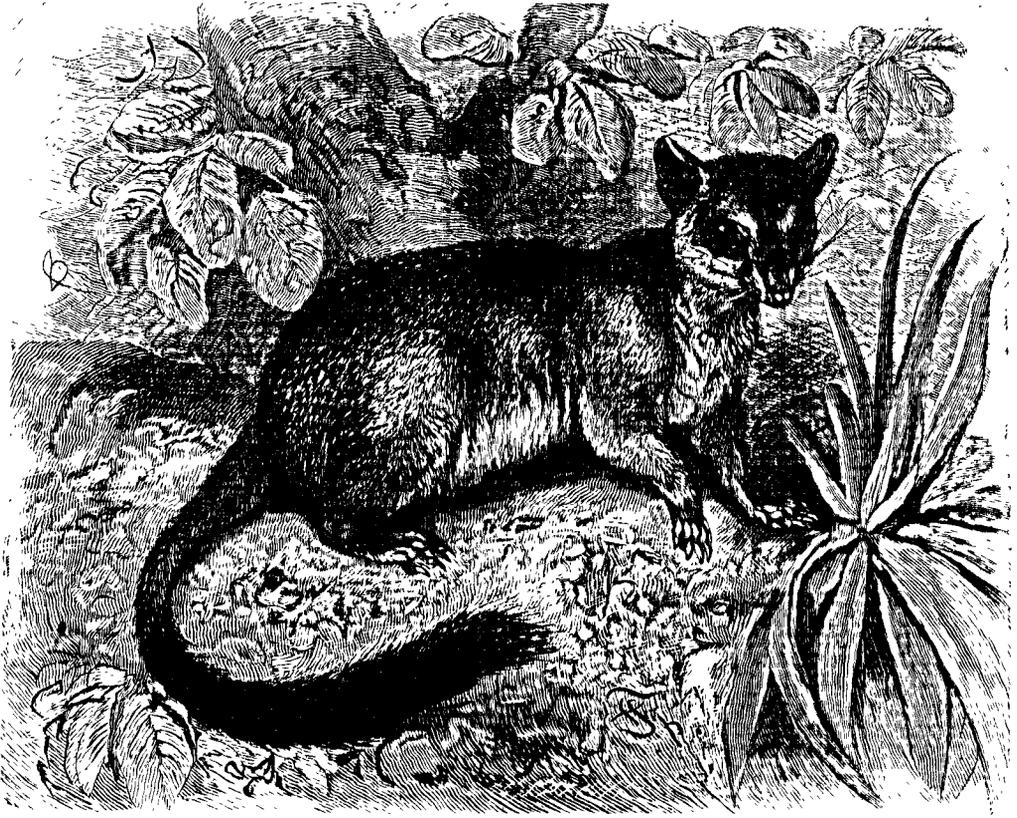
13 видовъ **Сумчатыхъ сонъ** или **Мышевидокъ** (*Phascogale*. *Beutelbilche*. *Phascogales*) представляютъ мелкихъ хищныхъ сумчатыхъ, болѣе или менѣе похожихъ на землероекъ. Длина тѣла этихъ животныхъ незначительна, хвостъ ихъ умѣренной длины. Плотное тѣло покоится на короткихъ ногахъ съ маленькими пятипалыми лапами, которыя, за исключеніемъ большого пальца заднихъ ногъ, лишенаго когтя, вооружены крючковатыми, остроконечными когтями. Голова заострена, глаза и уши довольно большіе. Вѣ зубной системѣ бросаются вѣ глаза сильноразвитые верхніе рѣзцы; тонкіе клыки бывають лишь умѣренной величины, остроконические ложно-коренные зубы напоминають по своимъ бугоркамъ зубы наѣкомоядныхъ. Кромѣ обыкновеннаго числа рѣзцовъ вѣ каждой челюсти имѣется по одному клыку, по большей части по 3 ложно-коренныхъ и по 4 настоящихъ коренныхъ зуба.

Сумчатые сони населяють Австралію и Палуасскіе острова, живутъ на деревьяхъ и питаются почти исключительно наѣкомыми. Ихъ образъ жизни и привычки еще недостаточно изслѣдованы, и потому мы можемъ рассмотреть ихъ лишь бѣгло.

Мы можемъ познакомиться съ этимъ родомъ прежде всего по **Тафа**, какъ туземцы называютъ это маленькое животное, *Phascogale penicillata*, *Didelphys penicillata*, *Dasyurus penicillatus* и *tafa*. *Tafa*. *Taroa-Tafa*). По величинѣ она равна приблизительно нашей бѣлкѣ; длина тѣла равняется 24 см., длина хвоста—22,5 см. Длинный, мягкій, волнистый, довольно рѣдкій мѣхъ на верхней сторонѣ тѣла сѣраго цвѣта, на нижнихъ частяхъ тѣла бѣлаго или желтовато-бѣлаго. Середина лба или темени темнѣе, всѣ другіе волоса съ черными кончиками; пальцы бѣлые. Хвостъ на протяженіи первой четверти длины покрытъ гладко прилегающими волосами, похожими на волоса тѣла; на протяженіи слѣдующей четверти онъ покрытъ

болѣ короткими волосами, сверху болѣ свѣтлаго, снизу бураго цвѣта, вторая половина хвоста одѣта длинными, пушистыми, темными волосами.

Тафа кажется маленькимъ, красивымъ, безопаснымъ созданиемъ, неспособнымъ причинить какой-либо вредъ и потому пригоднымъ для того, чтобы стать любимцемъ человѣка; но едва ли какое-либо другое животное можетъ до такой степени противорѣчить по своему характеру первому впечатлѣнію, которое оно производитъ, какъ это хищное сумчатое, составляющее одно изъ величайшихъ бѣдствій для колонистовъ. Дикій, кровожадный и смѣлый хищникъ просто пьянѣетъ отъ кро-

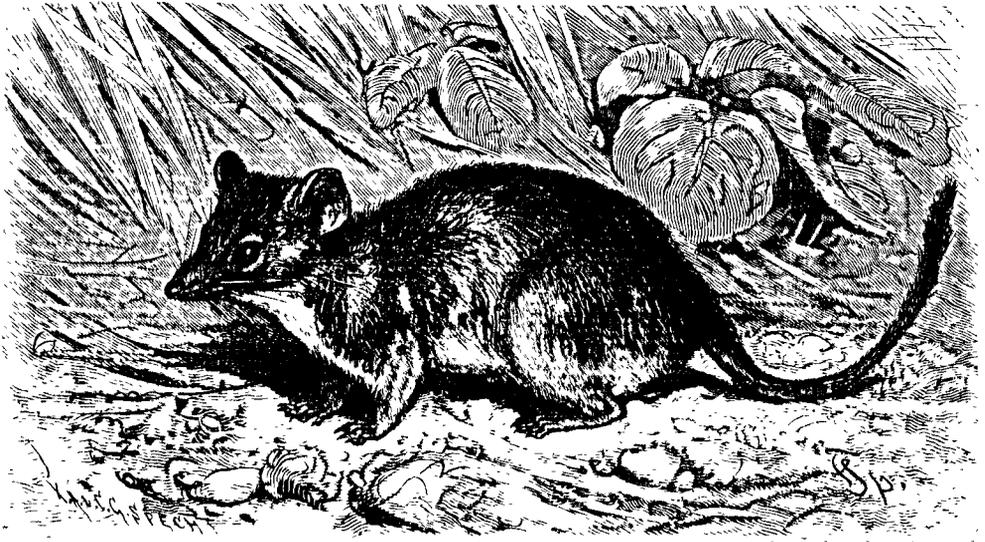
Тафа. *Phascogale penicillata*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

ви умерщвленныхъ имъ животныхъ и во время своихъ хищническихъ набѣговъ умѣетъ проникать въ самыя внутреннія части человѣческихъ жилищъ. Ея незначительная величина и маленькая голова позволяютъ ей пролѣзть черезъ самыя маленькія отверстія и, если ей удастся проникнуть въ помещеніе, гдѣ живутъ домашнія животныя, то она свирѣпствуетъ здѣсь совершенно невѣроятнымъ образомъ. Отъ этого назойливаго созданія не защищаетъ ни стѣна, ни ровъ, ни изгородь. Оно пролѣзаетъ черезъ самую узкую щель, всюду пробирается, перепрыгиваетъ черезъ стѣну или изгородь, находитъ всюду себѣ доступъ, снизу или сверху, съ той или другой стороны. Къ счастью для колонистовъ, у тафа нѣтъ такихъ рѣзцовъ, какъ у нашихъ крысъ, и достаточно хорошей двери, чтобы удержать ее. Но каждый хозяинъ долженъ самымъ тщательнымъ образомъ запирать курятники и голубятни, если хочетъ сохранить своихъ птицъ. Если бы тафа была величиною съ

сумчатого волка и сохранила бы свою кровожадность, то она съѣла бы необитаемыми цѣлыя страны и безусловно была бы самымъ страшнымъ изъ всѣхъ хищныхъ животныхъ.

Колонисты утверждаютъ единогласно, что непрерывное преслѣдованіе, которому подвергается тафа, какъ со стороны бѣлыхъ, такъ и туземцевъ, нельзя объяснить исключительно ея хищностью и кровожадностью, но что этому содѣйствуетъ также особая ненависть къ ней, обуславливаемая совершенно иной причиною. Тафа, при нападеніи на нее, защищается, говорятъ, съ такою яростью и наноситъ при этомъ такія болѣзненные и даже опасныя раны, что уже одно появленіе ея возбуждаетъ въ человѣкѣ жажду мщениа.

Обыкновенно тафа только ночью оставляетъ свое убѣжище и бродитъ, отыскивая добычу. Однако довольно часто случается видѣть, что она бѣгаетъ и

Желтоногая сумчатая мышь. *Phascologale flavipes*. Натур. велич.

днемъ, причеиъ свѣтъ, повидимому, не мѣшаетъ ей. Она обладаетъ большою подвижностью и ловкостью, которыя проявляются главнымъ образомъ на вѣтвяхъ деревьевъ. Здѣсь она проводитъ большую часть жизни и съ быстротою и гибкостью бѣлки прыгаетъ и нымгаетъ съ вѣтви на вѣтвь, съ одного дерева на другое. Длинный хвостъ приноситъ при этомъ пользу въ качествѣ прекраснаго руля или балансира. Тафа находитъ обыкновенно себѣ приютъ въ дуплахъ деревьевъ; здѣсь выкармливаетъ она и своихъ дѣтенышей. Она широко распространена въ Австраліи и такъ же часто встрѣчается на равнинѣ, какъ и въ горахъ; этимъ она отличается отъ большинства другихъ австралійскихъ животныхъ, которыя ограничиваются обыкновенно поясомъ опредѣленной высоты.

Второй видъ этого рода **Желтоногая сумчатая мышь** (*Phascologale flavipes* и *rufogaster*, *Antechinus stuartii* etc. *Beutelgilbmaus*, *Phascogale à pieds jaunes*), животное, которое достигаетъ въ длину около 13 см. и имѣетъ хвостъ длиною въ 8 см. Довольно обильный и мягкій мѣхъ у основанія темно-сѣраго цвѣта, а снаружи черноватаго съ желтыми крапинками, на бокахъ рыже- или охрово-желтаго. снизу болѣе свѣтлаго желтаго; подбородокъ, грудь и брюхо бѣлые или желтые; хвостъ

свѣтлый, испещренный мѣстами болѣе темными крапинками. Бѣлобрюхіе экземпляры получаются изъ западной и сѣверной части Австраліи, желтобрюхіе изъ восточной.

* * *

Мы должны упомянуть здѣсь еще объ одномъ маленькомъ хищномъ сумчатомъ, которое живо напоминаетъ тушканчиковъ и которое мы будемъ поэтому называть **Сумчатымъ тушканчикомъ** (*Antechinomys laniger*, *Phascogale lanigera*. Веу-

Сумчатый тушканчикъ. *Antechinomys laniger*. $\frac{2}{3}$ наст. велич.

telspringmaus, *Phascogale gerboise*). Онъ представляетъ единственный видъ этого рода, который отличается маленькой, стройной фигурой, очень большими ушами, очень длиннымъ хвостомъ, снабженнымъ кистью, и необыкновенно удлинненными задними ногами, пальцы которыхъ приблизительно равной длины. Преобладающій цвѣтъ длинной, тонкой и мягкой шерсти сверху неопредѣленно сѣрый, который на бокахъ и снизу становится свѣтлѣе. Вся длина животного нѣсколько болѣе 20 см., длина хвоста не менѣе 12 см. Судя по виду заднихъ ногъ, похожихъ на заднія ноги тушканчиковъ, можно сказать а priori, что сумчатый тушканчикъ пере-

двигается преимущественно прыжками. Креффтъ дѣйствительно убѣдился въ этомъ фактѣ на основаніи собственныхъ наблюденій. Родина этого животнаго—южный Квинслендъ и Новый Южный Валлисъ. Питается оно, конечно, насѣкомыми.

* * *

Мурашедь (*Murmesobius fasciatus*, M. diemensis. Ameisenbeutler, *Murmesobie*) служитъ единственнымъ представителемъ второго подсемейства хищныхъ сумчатыхъ (*Murmesobiinae*). Тѣло его длинно, голова очень заострена, заднія ноги четырехпалыя, переднія пятипалыя; заднія ноги нѣсколько длиннѣе переднихъ, подошвы не покрыты волосами, пальцы раздѣльны. Хвостъ повислый, длинный и косматый. Самка не имѣетъ сумки. На груди находится замѣчательная и очень сложная железа, открывающаяся нѣсколькими протоками и свойственная обоимъ поламъ. Зубная система животнаго чрезвычайно богата: число зубовъ больше, чѣмъ у какого-либо другого млекопитающаго, за единственнымъ исключеніемъ армадилла и нѣкоторыхъ китообразныхъ, именно не менѣе 50—54, такъ какъ въ каждой челюсти, кромѣ 4 рѣзцовъ вверху и 3—4 внизу, находится по 1 клыку, по 3 ложно-коренныхъ и вверху по 5, а внизу по 5—6 истинныхъ коренныхъ. Языкъ длинный, тонкій, къ концу суженъ, отличается совершенно гладкой поверхностью и можетъ вытягиваться.

Мурашеда можно по справедливости считать однимъ изъ самыхъ красивыхъ и привлекательныхъ по виду сумчатыхъ. По величинѣ онъ равенъ приблизительно нашей обыкновенной бѣлкѣ. Длина тѣла около 25 см., длина хвоста около 18 см. Тѣло покрыто густымъ мѣхомъ, голова коротка, хвостъ, напротивъ, длиненъ, покрытъ косматыми волосами, чернаго цвѣта. Подъ длинной, довольно жесткой остью лежитъ густой, короткій подшерстокъ, по бокамъ верхней губы торчатъ усы, подъ глазами щетинистые волоса. Окраска крайне своеобразна. Охрово-желтый цвѣтъ передней и верхней части тѣла кажется свѣтлѣе отъ примѣси бѣлыхъ волосъ; онъ постепенно переходитъ сзади въ густой черный цвѣтъ, который покрываетъ большую часть задней половины тѣла, но прерывается бѣлыми или рыжеватыми переречными полосками. Первые изъ этихъ полосокъ не ясны и слиты съ основнымъ цвѣтомъ, слѣдующія чистаго цвѣта, ближайшія къ нимъ опять затемнены основнымъ цвѣтомъ, послѣдняя опять совершенно чиста; однако иногда встрѣчаются и отклоненія въ расположеніи и цвѣтѣ полосокъ, боковыя половины которыхъ бывають часто перемѣнены. Полоски обуславливаются тѣмъ, что волоса, черные въ нижней половинѣ и на концѣ и бѣлые или рыжеватые въ серединѣ, расположены такимъ-же образомъ, какъ у зеровой мангусты. Вся нижняя сторона желтовато-бѣлая, пахи блѣдно-чало-желтые, ноги на наружной сторонѣ блѣдно-буровато-желтыя, на передней сторонѣ бѣлыя. На головѣ черные волоса въ смѣси съ чало-желтыми и нѣкоторымъ количествомъ бѣлыхъ производятъ буроватую окраску. Верхняя сторона хвоста представляетъ грубую смѣсь блѣдно-желтаго и чернаго цвѣта; нижняя сторона его окрашена яркимъ ржаво-рыжимъ цвѣтомъ. Носъ, губы и когти чернаго цвѣта. Подшерстокъ бѣловато-сѣраго цвѣта.

Несмотря на такое рѣзкое разграниченіе цвѣтовъ, животное производитъ пріятное впечатлѣніе, которое еще болѣе увеличивается, если приходится видѣть его въ живомъ видѣ. Оно такъ-же подвижно, какъ и выше описанные виды. Если оно обращается въ бѣгство, то довольно быстро движется мелкими прыжками, причѣмъ держитъ хвостъ совершенно такъ-же, какъ наша бѣлка. Бѣжить мурашедь не особенно скоро, но его ловкость и хитрость съ избыткомъ вознаграждаютъ недостатокъ быстроты. Въ лѣсу, нетронутомъ еще рукою человѣка, его любимомъ мѣ-

стопребываніи, онъ легко можетъ спрятаться или въ дуплѣ дерева или подъ корнями, или же въ расщелинѣ скалы; такія убѣжища мурашеѣдъ умѣетъ найти даже во время самаго энергичнаго преслѣдованія; онъ скрывается въ нихъ съ большою ловкостью и извлечь оттуда его очень трудно. Даже дымъ, который коварный человѣкъ обыкновенно употребляетъ для того, чтобы выгнать изъ норы спрятавшееся животное, не производитъ, говорятъ, на мурашеѣда желаемого дѣйствія; во всякомъ случаѣ, человѣкъ гораздо раньше устааетъ при этомъ отъ возни при выкуриваніи, чѣмъ дымъ, затрудняющій дыханіе и отравляющій воздухъ, начнетъ дѣйствовать на мурашеѣда. Главная пища мурашеѣда указана уже самымъ названіемъ его. Его и находятъ преимущественно въ такихъ лѣсныхъ мѣстностяхъ, гдѣ встрѣчаются во множествѣ муравьи. Онъ совершенно, какъ муравьеѣдъ, всовываетъ языкъ въ кишачую кучу муравьевъ и затѣмъ, когда масса разозленныхъ насѣкомыхъ вѣшится въ него, челю-

Мурашеѣдъ. *Murresobius fasciatus* $\frac{1}{2}$ наст. велич.

стями быстро втягиваетъ его обратно въ ротъ. Говорятъ, что кромѣ того онъ ѣстъ также другихъ насѣкомыхъ, иногда смолу, выступающую на вѣтвяхъ эвкалиптовъ, и даже траву.

Въ противоположность упомянутымъ хищнымъ сумчатымъ мурашеѣдъ въ высшей степени безобиденъ. Если его поймутъ, то онъ не думаетъ о томъ, чтобы кусаться или царапаться, а выражаетъ свое неудовольствіе только слабымъ хрюканьемъ. Если онъ убѣждается, что не можетъ ускользнуть, то безъ сопротивленія подчиняется неволь; но обыкновенно скоро гибнетъ, такъ какъ человѣкъ не можетъ доставлять ему въ достаточномъ количествѣ нужную пищу. Число дѣтенышей колеблется, говорятъ, отъ 5 до 8.

Двуутробки (*Didelphyidae*. *Beutelratten*. *Sarigues*) составляющія третье семейство этого подотряда, представляютъ сумчатыхъ, которыя достигаютъ самое большее величины домашней кошки, но часто не превышаютъ по величинѣ мышь.

Тѣло плотное, голова имѣетъ болѣе или менѣе заостренную морду. Хвостъ по большей части длинный, голый на концѣ и служитъ для хватанія, иногда хвостъ короткий и болѣе или менѣе покрытъ волосами; заднія ноги нѣсколько длиннѣе переднихъ, лапы пятипалыя, у одного рода пальцы соединены плавательными перепонками, большой палецъ заднихъ ногъ можетъ противопоставляться остальнымъ. Самки нѣкоторыхъ видовъ не имѣютъ сумки, у другихъ она существуетъ и открыта чаще сзади, чѣмъ спереди. Въ строеніи зубовъ ясно выраженъ характеръ хищнаго животнаго. Клыки развиты довольно сильно, 4 настоящихъ коренныхъ зуба каждой челюсти снабжены болѣе или менѣе остроконечными зубцами съ рѣжущимъ краемъ, 3 ложнокоренныхъ зуба также съ остроконечными зубцами; рѣзцы, которыхъ въ верхней челюсти съ каждой стороны по 5, въ нижней по 4, то меньше, то больше, то тупѣе, то острѣе, оба среднихъ въ верхней челюсти по большей части длиннѣе другихъ.

Въ прошедшіе геологическіе періоды двуутробки водились въ Европѣ, въ настоящее-же время онѣ населяютъ въ числѣ двухъ родовъ и 24 видовъ Америку и притомъ главнымъ образомъ южно-американскую область, такъ какъ въ сѣверной водится лишь одинъ видъ, встрѣчающійся и на югѣ. Почти всѣ онѣ живутъ въ дѣсахъ или въ густомъ кустарникѣ и селятся здѣсь въ дуплахъ деревьевъ, подь землю и норахъ, въ густой травѣ и кустарникѣ. Одинъ видъ населяетъ берега мелкихъ рѣкъ и ручьевъ, превосходно плаваетъ и прячется въ подземныхъ норахъ. Всѣ онѣ ночныя животныя и ведутъ одинокую, бродячую жизнь и только въ теченіи времени спариванія держатся вмѣстѣ со своими самками. Походка ихъ на ровномъ мѣстѣ довольно медленна и не тверда; ступаютъ онѣ всею ступнею, большая часть ихъ однако можетъ, хотя и не безъ труда, взлѣзть на деревья, привѣшиваясь съ помощью хвоста, превратившагося въ органъ хватанія, и цѣлые часы оставаться въ такомъ положеніи. Изъ ихъ чувствъ, кажется, лучше всего развито обоняніе. Духевныя способности очень незначительны, хотя нельзя отрицать у нихъ извѣстной хитрости; именно онѣ умѣютъ избѣгать всякаго рода ловушекъ. Пища ихъ состоитъ изъ мелкихъ млекопитающихъ, птицъ и ихъ яицъ, а также изъ мелкихъ земноводныхъ, насѣкомыхъ и ихъ личинокъ и червей; въ случаѣ нужды онѣ ѣдятъ также плоды. Живущіе въ водѣ и плавающіе виды ѣдятъ главнымъ образомъ рыбу, болѣе крупные сухопутные виды посѣщаютъ жилища человѣка и думаютъ здѣсь всѣхъ болѣе слабыхъ животныхъ, до которыхъ только могутъ добраться, упитываются ихъ кровью и просто пьютъ отъ нея. Ихъ голосъ состоитъ изъ своеобразно шипящихъ звуковъ; онѣ издаютъ его только тогда, когда ихъ бьютъ. Въ случаѣ преслѣдованія онѣ никогда не защищаются, а обыкновенно притворяются мертвыми, если не могутъ больше спрятаться. Въ страхѣ онѣ издаютъ сильный, противный запахъ, въ родѣ чесночнаго.

Надъ двуутробками хорошіе естествоиспытатели производили ревностныя и тщательныя наблюденія, и многое, что мы знаемъ о размноженіи сумчатыхъ животныхъ вообще, и въ частности о развитіи ихъ дѣтенышей, основывается на данныхъ, сообщенныхъ этими изслѣдователями. «Въ серединѣ зимы», говоритъ Ренгеръ о видахъ сумчатыхъ крысъ, живущихъ въ Парагваѣ, «именно въ августѣ, наступаетъ у нихъ, повидимому, время спариванія: по крайней мѣрѣ въ этомъ мѣсяцѣ часто встрѣчаются оба пола вмѣстѣ, а въ слѣдующемъ мѣсяцѣ попадаются беременныя самки. Онѣ рожаютъ дѣтенышей только разъ въ годъ. Число дѣтенышей не одинаково не только у разныхъ видовъ, но и у разныхъ самокъ одного и того же вида. У одного вида я находилъ до 14 дѣтенышей, но часто лишь 8 или 4, а разъ только одного. Беременность продолжается нѣсколько болѣе трехъ недѣль.

Въ началѣ сентября дѣтеныши являюся на свѣтъ и тотчасъ поступаютъ въ сумку или подъ кожныя складки на брюхѣ матери; тамъ они присасываются къ соскамъ и остаются въ этомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока не достигнуть полного развитія. Это требуетъ болѣе пятидесяти дней. Тогда они оставляютъ сумку, но не покидаютъ матери, такъ какъ, даже умѣя питаться самостоятельно, они виѣпляются въ ея мѣхъ, и она еще нѣкоторое время носить ихъ съ собою.

«Величина новорожденныхъ дѣтенышей, которые не являются на свѣтъ всѣ одновременно, равняется самое большее 12 т. т.; тѣло ихъ голое, голова велика по отношенію къ остальнымъ частямъ тѣла, глаза закрыты, ноздри и ротъ открыты, уши сложены въ поперечныя и продольныя складки, переднія ноги скрещены на груди, заднія на брюхѣ, а хвостъ завернутъ внизъ; они не обнаруживаютъ ни малѣйшаго движенія даже въ отвѣтъ на внѣшнее раздраженіе. Тѣмъ не менѣе черезъ короткое время послѣ того, какъ попадутъ въ сумку, они оказываются присосавшимися къ соскамъ. Дѣтеныши остаются въ сумкѣ почти два мѣсяца, все время не оставляя сосковъ, за исключеніемъ послѣднихъ дней. Въ первые два мѣсяца на нихъ не замѣчается никакого другаго измѣненія, кромѣ того, что они значительно вырастаютъ и что около рта начинаютъ показываться щетинки. Черезъ 4 недѣли они достигаютъ приблизительно величины домашней мыши, мѣхъ выстунаетъ на всемъ тѣлѣ, и они могутъ нѣсколько двигать передними ногами. По словамъ Азары, они уже въ этомъ возрастѣ могутъ держаться на ногахъ; около седьмой недѣли они достигаютъ почти величины крысы и у нихъ открываются глаза. Съ этого времени они не висятъ болѣе цѣлый день на соскахъ и оставляютъ по временамъ сумку. Но тотчасъ же возвращаются въ нее обратно, если имъ угрожаетъ опасность. Но скоро мать закрываетъ для нихъ сумку, которая не можетъ болѣе вмѣстить ихъ всѣхъ, зато носить ихъ въ теченіи нѣсколькихъ дней съ собою на спинѣ и на бокахъ, гдѣ они держатся за шерсть до тѣхъ поръ, пока не будутъ въ состояніи добывать себѣ питаніе.

«Въ теченіи первыхъ дней послѣ рожденія молочныя железы выдѣляютъ лишь прозрачную, нѣсколько липкую жидкость, которую находятъ въ желудкѣ дѣтенышей; позднѣе эта жидкость становится все гуще и наконецъ дѣлается настоящимъ молокомъ. Когда дѣтеныши оставили соски, то они перестаютъ сосать, и самка дѣлитъ съ ними свою добычу, особенно если она состоитъ изъ птицъ или яицъ. Я хочу упомянуть еще объ одномъ наблюденіи, которое Парлетъ, какъ онъ утверждалъ, сдѣлалъ надъ самкой, кормившей молокомъ дѣтенышей. Ни онъ, ни я никакъ не могли узнать, какимъ образомъ дѣтеныши удаляютъ калъ и мочу. Во время моего отсутствія одна самка родила, и Парлетъ наблюдалъ ее въ теченіи 5 недѣль; по возвращеніи моемъ онъ рассказалъ мнѣ, что дѣтеныши въ теченіи первыхъ дней вовсе не выдѣляютъ кала, что они начинаютъ испражняться не раньше, какъ на 24 день послѣ рожденія и что самка въ это время открываетъ для этой цѣли отъ времени до времени свою сумку.

«Всѣ двуутробки, которыхъ я нашелъ въ Парагваѣ, могутъ быть до извѣстной степени приручены, т. е. онѣ привыкаютъ настолько къ людямъ, что ихъ можно трогать и носить; онѣ не кусаются, но никогда не научаются узнавать своего сторожа и вообще не обнаруживаютъ ни малѣйшаго ума. Въ Парагваѣ рѣдко кому придетъ въ голову приручить двуутробку. Ихъ внѣшній видъ слишкомъ безобразенъ, а издаваемый имъ запахъ слишкомъ отвратителенъ. Притомъ же ихъ причисляютъ къ самымъ опаснымъ врагамъ домашнихъ птицъ, даже если онѣ находятся въ неволѣ. Вслѣдствіе приносимаго ими вреда люди всюду преслѣдуютъ ихъ. Ихъ или ловятъ въ ловушки, или подстерегаютъ ночью и, какъ только онѣ

приблизится къ птичьему двору, вдругъ выходятъ имъ на встрѣчу со свѣтомъ. Ослѣпленныя свѣтомъ, онѣ не могутъ убѣжать, и ихъ легко убиваютъ».

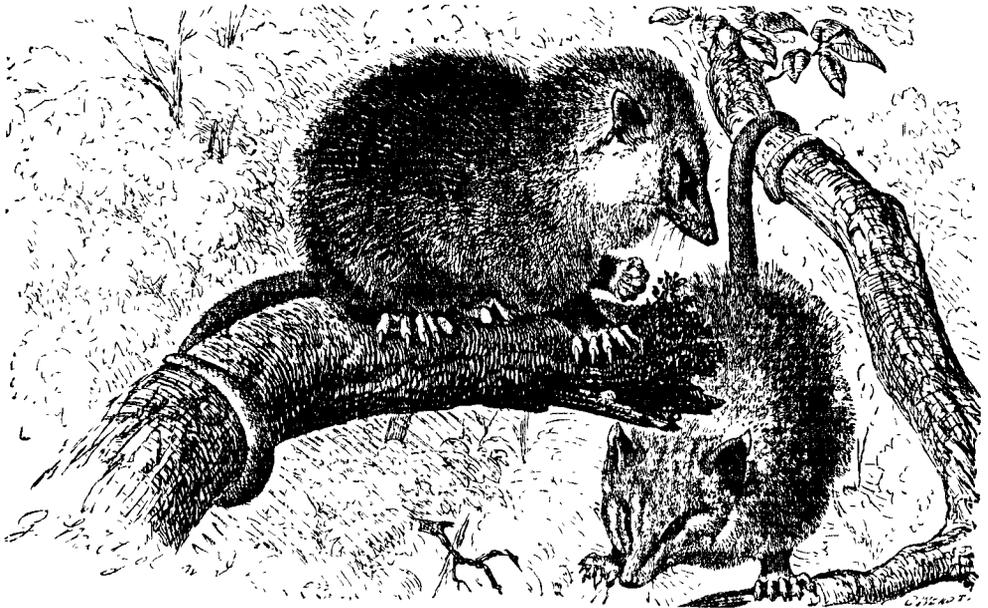
По словамъ Бурмейстера, ихъ ловятъ въ Бразиліи съ помощью водки, которую выставляютъ для нихъ въ удобномъ мѣстѣ. Онѣ пьютъ и до такой степени пьянѣютъ, что ихъ легко тогда можно поймать. Мясо ихъ ѣдятъ только негры; мѣхъ ни-куда не годенъ, но волоса находятъ примѣненіе.

Изъ двуутробокъ наиболѣе извѣстенъ **Опоссумъ** (*Didelphys marsupialis*, *D. virginiana* и *azarae* etc. *Opossum.*). Онъ не отличается ни окраской, ни какими-либо привлекательными чертами характера и справедливо считается крайне противнымъ созданіемъ. Длина тѣла опоссума болѣе 47 см., длина хвоста около 43 см. Тѣло мало вытянуто и довольно неуклюже, шея коротка и толста, голова длинна съ плоскимъ лбомъ, постепенно переходитъ въ длинную заостренную морду; ноги коротки, пальцы свободны и почти одинаковой длины; заднія ноги снабжены большимъ пальцемъ, который можетъ противопоставляться остальнымъ; довольно толстый, круглый и заостренный на концѣ хвостъ покрытъ волосами только у корня, а отсюда до конца голый и окруженъ тонкими рядами чешуекъ, между которыми лишь мѣстами выступаетъ нѣсколько короткихъ волосъ. Самка имѣетъ настоящую сумку. Основной цвѣтъ колеблется отъ бѣлаго до чернаго во всѣхъ степеняхъ смѣшенія. Южно-американская разновидность, **Опоссумъ Азары** (*Didelphys marsupialis azarae*), имѣетъ на лицѣ три рѣзкихъ темныхъ полоски на свѣтломъ фонѣ. Америка отъ сѣверныхъ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ до Чили и Южной Бразиліи составляетъ родину опоссума. Въ среднихъ частяхъ этой обширной области онъ всюду встрѣчается часто и вовсе не на радость людямъ. Мѣстопробываніемъ ему служатъ лѣса и кустарники и чѣмъ они гуще, тѣмъ охотнѣе держится въ нихъ опоссумъ.

«Мнѣ кажется», говоритъ Одюбонъ, «что я вижу еще теперь, какъ одно изъ этихъ животныхъ медленно и осторожно пробирается по тающему снѣгу, обнюхивая почву, не найдется-ли чего съѣдобнаго. Вонъ оно натолкнулось на свѣжій слѣдъ курицы или зайца, поднимаетъ морду вверхъ и нюхаетъ по сторонамъ. Наконецъ опоссумъ рѣшается и торопливо бѣжитъ по избранной дорогѣ со скоростью хорошаго ходока. Вотъ онъ ищетъ чего-то и, кажется, не рѣшается, какого направленія ему держаться: предметъ его преслѣдованія сдѣлалъ сильный прыжокъ или петлю прежде, чѣмъ опоссумъ нашелъ его слѣдъ. Онъ поднимается на заднія лапы, стоитъ нѣсколько мгновеній въ такомъ положеніи, озирается, снова обнюхиваетъ землю и пускается рысью дальше. Но вотъ онъ рѣшительно останавливается у корней стараго дерева. Онъ обходитъ кругомъ мощнаго ствола по покрытымъ снѣгомъ корнямъ и находитъ между ними отверстіе, въ которое тотчасъ и проскальзываетъ. Проходитъ нѣсколько минутъ, и онъ появляется обратно, таща въ зубахъ уже мертвую земляную бѣлку, и начинаетъ взбираться на дерево. Онъ медленно карабкается наверхъ. Первая развилина вѣтви, повидимому, не удовлетворяетъ его: онъ полагаетъ, конечно, что слишкомъ открытъ здѣсь для взглядовъ какого-нибудь страшнаго врага, и потому поднимается выше, пока не скроется въ болѣе густыхъ вѣтвяхъ, переплетенныхъ дикимъ виноградомъ. Здѣсь онъ спокойно садится, обвиваетъ хвостомъ вѣтвь и раздираетъ острыми зубами несчастную бѣлку, все время держа се передними лапами. «Наступили веселые весенніе дни, почки лопаются, но опоссумъ все еще долженъ терпѣть голодь, онъ совершенно истощенъ. Онъ посѣщаетъ берега прудовъ и бываетъ радъ, если увидитъ молодую лягушку, которая доставляетъ ему сносный обѣдъ. Понемногу

проростаеъ клюква и крапива, и онъ съ удовольствіемъ ѣсть молодые побѣги. Утренній крикъ дикаго индюка ласкаетъ слухъ хитраго существа; опоссумъ очень хорошо знаетъ, что скоро услышитъ и индѣйку и выслѣдить ее до гнѣзда: тамъ онъ рассчитываетъ съ наслажденіемъ пить яйца. Во время своихъ скитаній по лѣсу то по землѣ, то по вершинамъ деревьевъ, онъ слышитъ пѣніе пѣтуха, и восхищеніе овладѣваетъ имъ при воспоминаніи о сочной добычѣ, которою онъ лакомился въ прошлое лѣто на сосѣднемъ дворѣ». Туда-то голодный плутъ направляетъ свои стопы и, если обстоятельства благопріятствуютъ этому, то прокрадывается въ курятникъ.

Опоссумъ, какъ показываетъ все его строеніе, животное древесное, на землѣ онъ передвигается, напротивъ, довольно медленно и безпомощно. При ходьбѣ онъ ступаетъ всюю ступнею. Всѣ движенія его вялы, и даже бѣгъ не быстръ, хотя и

Опоссумъ. *Didelphys marsupialis*. $\frac{1}{2}$ наст. величины.

состоитъ изъ ряда прыжковъ, похожихъ на иноходъ. По деревьямъ животное лазаетъ, напротивъ, съ большою увѣренностью и довольно бойко. При этомъ ему много помогаютъ цѣпкій хвостъ и большія пальцы заднихъ ногъ, они противопоставляются остальнымъ, и онъ можетъ обхватывать ими вѣтви и крѣпко держаться за нихъ. Нерѣдко онъ вѣшается на хвостъ и остается въ этомъ положеніи цѣлые часы. Неуклюжее сложеніе мѣшаетъ ему, правда, лазать съ такою-же быстротою и ловкостью, какъ могутъ лазать четверорукии или грызуны; однако на деревьяхъ онъ въ достаточной степени защищенъ отъ враговъ. Изъ его чувствъ особенно развито обоняніе; говорятъ, что способность выслѣживать добычу очень сильно развита у него. Онъ чувствителенъ къ свѣту, который его ослѣпляетъ, и потому тщательно избѣгаетъ его. Этого достаточно, чтобы признать, что и зрѣніе должно быть у него довольно хорошо развито. Но другія чувства стоятъ несомнѣнно на очень низкой ступени развитія.

Въ большихъ темныхъ лѣсахъ опоссумъ, крадучись, бродитъ и днемъ и ночью, хотя предпочитаетъ темноту свѣту. Но тамъ, гдѣ онъ бѣдится опасности, и даже тамъ,

гдѣ ему досаждаеть дневной свѣтъ, онъ появляется лишь ночью и спитъ цѣлый день въ норахъ или дуплахъ деревьевъ. Лишь во время спариванія онъ живетъ вмѣстѣ съ самкой; въ остальное-же время живетъ одиноко, подобно всѣмъ близко родственнымъ ему животнымъ. Онъ не имѣетъ опредѣленнаго жилища, а пользуется любимымъ укромнымъ уголкомъ, который онъ находитъ по окончаніи своихъ ночныхъ скитаній при наступленіи утра. Если счастье особенно благопріятствуетъ ему, и онъ находитъ нору, въ которой живетъ какой-либо слабый грызунъ, то, конечно, это ему на руку; въ такомъ случаѣ первоначальный обитатель такого жилья долженъ сдѣлаться его жертвой. Онъ поѣдаетъ, какъ мы можемъ заимствовать изъ описанія, даннаго Одюбономъ, всѣхъ мелкихъ млекопитающихъ и птицъ, которыхъ только можетъ добыть, а также яйца, различныхъ земноводныхъ, болѣе крупныхъ насѣкомыхъ, ихъ личинокъ и даже червей, но въ случаѣ недостатка животной пищи довольствуется сѣменами, напр. маисомъ, и съѣдобными кореньями. Кровь онъ предпочитаетъ всякой другой пищѣ и потому тамъ, гдѣ можетъ, свирѣпствуетъ съ кровожадностью, неподдающеюся описанію. Въ курятникахъ онъ часто умерщвляетъ всѣхъ обитателей и въ такомъ случаѣ высасываетъ только ихъ кровь, не трогая мяса. Это питье крови, какъ говорятъ, опьяняетъ его, какъ нашихъ куницъ, такъ что нерѣдко его находятъ утромъ спящимъ между мертвыми птицами. Въ другихъ случаяхъ осторожный, во время удовлетворенія своей кровожадности онъ становится слѣпъ и глухъ, забываетъ всякую опасность и, не прекращая убійства, безъ сопротивления позволяетъ собакамъ задушить себя или разозленному фермеру убить.

Впрочемъ убить опоссума нелегко, такъ какъ онъ живучъ и въ случаѣ крайности умѣетъ спастись, притворяясь мертвымъ. «Вполнѣ сознавая свою неспособность къ сопротивленію», говоритъ Одюбонъ, «онъ свертывается клубкомъ. Чѣмъ болѣе неистовствуетъ фермеръ, тѣмъ менѣе обнаруживаетъ опоссумъ свои ощущенія. Тогда онъ лежитъ не мертвый, но изнуренный, съ открытымъ ртомъ, высунутымъ языкомъ, мутными глазами, такъ что мясная муха могла-бы положить свои яйца ему въ мѣхъ, до тѣхъ поръ, пока не уходить его мучитель. «Конечно», думаетъ крестьянинъ, «животное мертво». И ты, читатель, не ошибись—животное только притворяется. Едва врагъ ушелъ, какъ оно поднимается на ноги и удираетъ обратно въ лѣсъ».

На основаніи наблюденій надъ опоссумомъ въ неволѣ установлено съ достаточной достовѣрностью, что самка рождаетъ дѣтенышей приблизительно послѣ 14 дневной беременности или, лучше сказать, переноситъ ихъ изъ своего тѣла въ сумку. Число дѣтенышей колеблется между 4 и 16. Вначалѣ они еще совершенно безформенны и очень малы, приблизительно съ горошину; глазъ и ушей нѣтъ, даже ротовая щель не явственна, хотя она, конечно, должна быть достаточно развита, чтобы служить соединительнымъ звеномъ между дѣтенышемъ и матерью. Ротъ развивается гораздо раньше, чѣмъ всѣ остальные части тѣла; лишь гораздо позднѣе развиваются до нѣкоторой степени глаза и уши. Приблизительно черезъ 14 дней открывается сумка, которую мать можетъ произвольно суживать и расширять съ помощью особыхъ кожныхъ мускуловъ; а приблизительно черезъ 50 дней дѣтеныши уже совершенно развиты. Они въ это время величиною съ мышь, покрыты волосами на всемъ тѣлѣ и открываютъ теперь также глаза. По прошествіи 60 дней кормленія ихъ въ сумкѣ всѣ ихъ возрастаетъ болѣе чѣмъ въ 100 разъ по сравненію съ первоначальнымъ. Мать ни въ какомъ случаѣ не позволяетъ открывать сумку, чтобы разсмотрѣть дѣтенышей. Она выдерживаетъ всякое мученіе, даже если ее повѣсятъ надъ огнемъ, но не подчиняется этому требованію. Лишь достигнувъ величины крысы, дѣтеныши оставляютъ сумку, но остаются еще

при матери, умѣя уже бѣгать, и предоставляютъ ей добывать пищу и заботиться о нихъ.

Вслѣдствіе вреда, который опоссумъ причиняетъ домашнимъ птицамъ, если проникаетъ на ферму, его всюду ненавидятъ и безпощадно преслѣдуютъ. Негры особенно ревностные враги этого животнаго; они убиваютъ его, гдѣ и когда только можно, и лучше другихъ умѣютъ извлекать изъ него пользу. Мясо животнаго несъѣдобно для европейца, благодаря крайне противному запаху, похожему на чесночный, который зависитъ отъ выдѣлений двухъ железъ, расположенныхъ по сторонамъ прямой кишки, и передается мясу, дѣлая его негоднымъ къ употребленію; но неграмъ оно очень нравится и вознаграждаетъ ихъ за трудъ ловли.

Поведеніе опоссума въ неволѣ едва-ли можетъ доставить удовольствіе наблюдателю. Я могу утверждать на основаніи своихъ наблюденій, что это животное еще скучнѣе, чѣмъ другія хищныя сумчатая. Опоссумъ лежитъ, свернувшись, цѣлый день безъ движенія въ своей клѣткѣ, и только если его дразнить, то отъ него можно добиться лишь одного движенія: онъ открываетъ пасть, насколько можетъ, и держитъ ее открытой все время, пока передъ нимъ стоять, точно ему вставили въ ротъ распорку. Того ума, который Одюбонъ приписываетъ опоссуму, живущему на свободѣ, не видно и слѣда. Онъ вялъ, лѣнивъ, сонливъ и кажется отвратительно глупымъ: этими словами лучше всего можно охарактеризовать его поведеніе въ неволѣ.

Шкура опоссума идетъ на выдѣлку и продается подъ именемъ «кэнгуру»; по Ломеру, въ настоящее время въ торговлю поступаетъ около 600,000 штукъ. Цѣна шкуры устанавливается, смотря по красотѣ и спросу, зависящему отъ моды, въ 0,5—2,5 марки.

* *
*

Отъ двуутробокъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, **Шупати**, составляющіе особый подродъ (*Philander. Schupati. Philandre*) отличаются главнымъ образомъ неполной сумкой у самки. Она состоитъ изъ двухъ складокъ кожи, которыя прикрываютъ висящихъ на соскахъ, еще неразвитыхъ дѣтенышей.

Самый крупный видъ изъ всѣхъ шупати и одна изъ самыхъ крупныхъ двуутробокъ вообще есть **Ракоѣдная двуутробка** (*Didelphys [Philander] philander, D. dichgura* etc. *Krebsbeutler. Stabier*), тѣло которой длиною въ 24 см., а хвостъ въ 32 см. Густые, мягкіе и шерстистые волосы грязнаго желтовато- или рыжеватосѣраго цвѣта, снизу желтаго. Блѣдно-сѣрое лицо имѣетъ бурую полосу посрединѣ и темныя пятна вокругъ глазъ; задняя половина хвоста кажется бѣловатой.

Ракоѣдная двуутробка распространена довольно широко, быть можетъ по всему жаркому поясу Америки и встрѣчается въ большомъ числѣ въ лѣсахъ Бразиліи, охотнѣ всего по близости болотъ, которыя доставляютъ ей раковъ и краббовъ. Она живетъ почти исключительно на деревьяхъ и спускается на землю только тогда, когда хочетъ охотиться внизу. Совершенно голый, цѣпкій хвостъ облегчаетъ ей лазаніе; во всякомъ положеніи, въ какомъ случается ее видѣть, она всегда держится имъ и, собираясь отдохнуть, прежде всего обвиваетъ свой длинный крысивый хвостъ раза два вокругъ ближайшей вѣтви и такимъ образомъ обезпечиваетъ себя отъ паденія. На землѣ она ходитъ медленно и плохо, но тѣмъ не менѣе можетъ справиться съ мелкими млекопитающими, земноводными и насѣкомыми, а также раками, ея любимой пищей. На деревьяхъ она охотится за птицами и отыскиваетъ ихъ гнѣзда, но ѣсть, подобно опоссуму и другимъ родичамъ, и плоды. Она тоже посѣщаетъ, какъ говорятъ, птичьи дворы и производитъ тамъ среди куръ и голубей

большія опустошенія. Дѣтеныши ракоѣдной двуутробки очень сильно отличаются по цвѣту отъ взрослыхъ. Послѣ рожденія они остаются короткое время совершенно голыми; выросши настолько, что могутъ оставлять сумку, они покрываются короткими, мягкими, какъ шелкъ, волосами блестящаго орѣхово-бурого цвѣта, который лишь постепенно переходитъ въ черновато-бурю окраску старыхъ животныхъ. Всѣ наблюдатели единогласно говорятъ, что звѣрки, когда оставляютъ сумку и двига-

Ракоѣдная двуутробка. *Didelphys philander*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

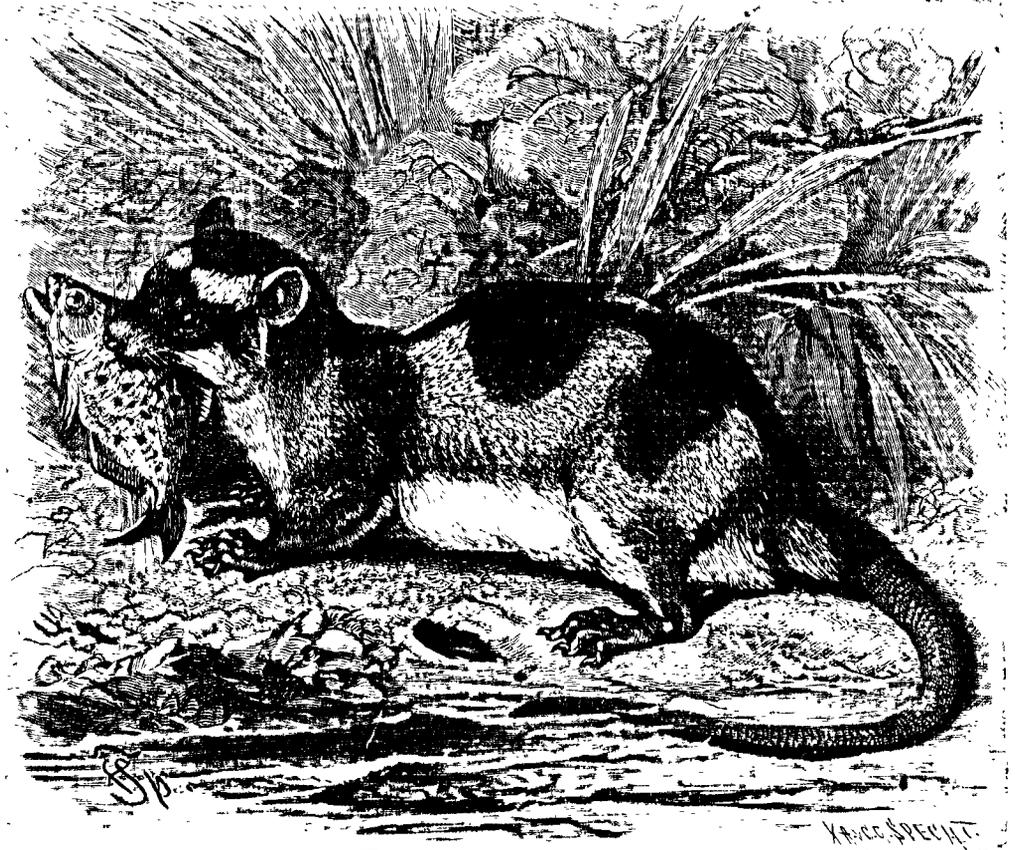
ются вокругъ матери или по ней, представляютъ чрезвычайно привлекательное зрѣлище.

* *
*

Второй родъ этого семейства имѣетъ до настоящаго времени только одного извѣстнаго представителя, который живетъ преимущественно въ водѣ. **Плавунъ** (*Chironectes minimus*, *C. variegatus* и уарок, *Lutra minima* и *sarcovienna* Schwimmbeutler. *Chironecte*). Отъ родичей онъ отличается по строенію ногъ. Переднія и заднія ноги съ голыми подошвами и снабжены пятью пальцами; задніе замѣтно больше переднихъ, соединены плавательной перепонкой, и вооружены большими длинными, серповидными когтями. Пальцы переднихъ ногъ вооружены лишь слабыми, маленькими и короткими когтями, которые такъ прикрѣплены къ концамъ пальцевъ, что при ходьбѣ не касаются земли. Большой палецъ удлинень; позади него нахо-

дится еще твердый отростокъ, похожій на шестой палець и происходящій отъ удлиненія гороховидной кости. Очень длинный хвостъ покрытъ лишь у корня короткими и густыми волосами, остальная часть его одѣта ромбическими чешуйками. Голова относительно мала, морда длинна и заострена, мѣхъ мягокъ. Самка снабжена полной сумкой, самецъ — покрытой густымъ мѣхомъ мошонкою. По строенію зубовъ плавунъ почти совершенно сходенъ съ другими двутробками.

По общему виду животное это похоже приблизительно на крысу. Уши довольно велики, яйцеобразно округлены, кожисты и голы, глаза малы. Благодаря

Плавунъ. *Chironectes minimus*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

большимъ защечнымъ мѣшкамъ, которые открываются въ ротовую полость далеко назадъ, лице часто кажется толще, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности. Вытянутое, цилиндрическое, скорѣе приземистое, чѣмъ стройное тѣло покоится на короткихъ ногахъ съ широкими ступнями; переднія ноги имѣютъ совершенно свободные, очень длинные и тонкіе пальцы, между тѣмъ какъ заднія представляютъ сильно развитыя плавательныя ноги. Хвостъ почти такой-же длины, какъ тѣло, и можетъ обвиваться, хотя и не употребляется въ качествѣ органа хватанія. Мягкій, гладкій, прилегающій мѣхъ, состоящій изъ болѣе рѣдкихъ и длинныхъ волосъ ости и густого подшерстка, окрашенъ на синевѣ въ прекрасный пепельно-сѣрый цвѣтъ и рѣзко отграниченъ отъ бѣлой нижней стороны тѣла. На сѣромъ фонѣ спины видно шесть черныхъ широкихъ поперечныхъ полосъ, именно: первая изъ нихъ тянется по лицу,

вторая по темени, третья по переднимъ ногамъ, четвертая по спинѣ, пятая по поясицѣ, шестая по крестцу. Вдоль средней линіи спины пробѣгаетъ темная полоска отъ одной поперечной полосы до другой. Уши и хвостъ черные, лапы сверху свѣтло-бурая, подошвы темно-бурая. У взрослыхъ животныхъ тѣло длиною около 40 см., хвостъ почти такой-же длины.

Плавунъ распространенъ по большей части южно-американской области. Онъ встрѣчается отъ Гватемалы до Южной Бразиліи, но; повидимому, попадаетъ вездѣ рѣдко или, по крайней мѣрѣ, его трудно добыть; поэтому его до сихъ поръ можно найти лишь въ очень немногихъ зоологическихъ коллекціяхъ. Паттереръ, который 17 лѣтъ собиралъ коллекціи въ Бразиліи, получилъ животное всего три раза и то лишь случайно. Нечего удивляться поэтому, что мы почти ничего не знаемъ еще объ его образѣ жизни. Извѣстно, что онъ держится главнымъ образомъ въ лѣсахъ, по берегамъ маленькихъ рѣкъ и ручьевъ и, подобно большинству водныхъ млекопитающихъ, прячется преимущественно въ норахъ по берегу или плаваетъ въ рѣкѣ; благодаря этому, онъ обыкновенно ускользаетъ отъ наблюденія. Говорятъ, что онъ выходитъ за пищей и днемъ, и ночью, плаваетъ съ величайшей легкостью и можетъ быстро и ловко двигаться также на сушѣ. Пища его состоитъ, какъ утверждаютъ, изъ мелкихъ рыбъ или другихъ маленькихъ водныхъ животныхъ и изъ рыбьей икры; однако, большіе защечные мѣшки указываютъ, конечно, на то, что плавунъ не пренебрегаетъ также и растительными веществами. Говорятъ что, наполнивъ эти запасныя вмѣстилища пищей, животное возвращается на сушу, чтобы тамъ заняться ѣдою.

Самка рождаетъ около 5 дѣтенышей, вынашиваетъ ихъ въ сумкѣ, затѣмъ уже довольно рано ведетъ ихъ въ воду и долгое время обучаетъ здѣсь плаванію, ныржанію и добыванію пищи. Возвращаются-ли дѣтеныши въ случаѣ опасности въ сумку, или прицѣпляются къ матери, или прячутся въ углубленія берега, неизвѣстно. Охота и ловля плавуна зависятъ, повидимому, отъ случая. Лишь рѣдко случается, какъ говорятъ, выстрѣлить въ животное, когда оно показывается на срединѣ рѣки. Обыкновенно тѣхъ немногихъ, которыхъ удается добыть, находятъ, вынимая верши, разставленныя для ловли рыбы, въ которыхъ они запутываются и задыхаются.

Отрядъ XV.

Однопроходныя (Monotremata).

Долгое время шелъ оживленный споръ о томъ, къ какому отряду должно отнести однопроходныхъ; теперь вопросъ этотъ рѣшенъ окончательно. Превжній взглядъ старыхъ зоологовъ, которые хотѣли видѣть въ однопроходныхъ особый классъ животнаго царства, правда, потерялъ свое значеніе, но въ настоящее время въ значительной степени онъ снова приобрѣлъ право существованія; ни одинъ зоологъ не относитъ теперь ехидну и утконоса къ сумчатымъ или, еще того менѣе, къ неполнозубымъ, но справедливо считаютъ ихъ представителями особаго отряда, а можетъ быть даже подкласса млекопитающихъ.

Что однопроходныя дѣйствительно кормятъ дѣтенышей молокомъ, это уже давно поставлено внѣ всякаго сомнѣнія; но лишь точныя изслѣдованія Гегенбаура познакомили насъ съ истинной природой ихъ молочныхъ железъ. Превже долгое время ихъ не замѣчали и потому уже въ началѣ этого столѣтія были увѣрены въ справедливости указанія, сдѣланнаго изслѣдователемъ, впервые открывшимъ утконоса, именно, что утконосъ кладетъ яйца; позднѣе указаніе это сочли за басню. Но это правильное возрѣніе начали оспаривать, когда Меккель нашелъ у утконоса млечныя железы, которыя другіе естествоиспытатели разсматривали превже за слизоотдѣлительныя железы, такъ какъ у однопроходныхъ вовсе нѣтъ наружныхъ сосковъ; железы, лежащія по бокамъ брюха, открываются многими тонкими протоками на кожѣ, которая однако и на этихъ мѣстахъ покрыта волосами. Такъ какъ нѣкоторыя самцы млекопитающихъ имѣютъ подобныя железы на тѣхъ-же мѣстахъ, то первые изслѣдователи, вскрывавшіе однопроходныхъ, не считали ихъ за молочныя железы, пока Меккель не доказалъ, что названныя железы у самцовъ утконоса не развиты; Бэръ же замѣтилъ, что млечныя железы китовъ устроены такимъ-же образомъ. Овенъ изслѣдовалъ позднѣе (въ 1832 г.) эти железы и нашелъ, что каждая имѣетъ около 120 отверстій на кожѣ и что онѣ выдѣляютъ питательную жидкость, которую онъ нашелъ въ свернутомъ состояніи также въ желудкѣ дѣтенышей. На основаніи этого онъ причислялъ однопроходныхъ къ классу млекопитающихъ. Но 2 сентября 1884 г. Гаакъ сообщилъ королевскому Южно-Австралийскому обществу въ Аделаидѣ, что за нѣсколько недѣль до того онъ нашелъ въ большой, неизвѣстной до того времени сумкѣ живой ехидны-самки яйцо, которое онъ и показалъ на засѣданіи. Въ тотъ-же самый день въ Монреалѣ была прочи-

тана телеграмма, сообщавшая собравшимся там членам Британской ассоциации, что другой исследователь, работавший в то время в Австралии, Кальдуэлль убедился, что однопроходные кладут яйца. Эти открытия должны были снова сделать сомнительным тесное родство однопроходных с остальными млекопитающими, тем более, что Гегенбаурь доказал в 1886 г., что железы, доставляющие пищу вышедшим из яиц детенышам однопроходных, по своему строению не соответствуют, как у других млекопитающих, салным железам, а представляют измененные потовые железы. Если к этому прибавить, что утконос имеет в течение значительного периода своей жизни хотя и настоящие зубы, но сильно отличающиеся от зубов всех других ныне живущих млекопитающих, как открыл Томас лишь в 1888 г., и что, в противоположность всем другим теплокровным животным, температура крови однопроходных не превышает 28 градусов Цельсия, то не покажется странным, если мы отделим их в качестве второго главного отдела класса млекопитающих от первого, к которому мы должны отнести, в качестве настоящих млекопитающих, сумчатых и вышних млекопитающих, или даже если мы составим из них особый класс позвоночных. Такое деление может быть, и будет установлено позднее; пока же мы относим этих животных к последнему и ниже всего стоящему отряду млекопитающих, куда входят только они одни.

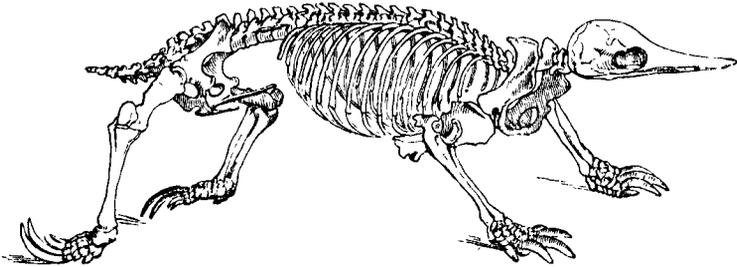
С остальными млекопитающими однопроходные сходны прежде всего по своим наружным покровам: у утконоса мех, а у ехидны иглы; в остальном они и по внешнему виду существенно отличаются от других известных форм этого класса. Роговой клюв, напоминающий клюв плавающих птиц, замѣняет у них морду; выводные протоки кишечника, мочевых и половых органов открываются вмѣстѣ, в такъ называемую клоаку. Это образование мы встрѣчаемъ опять у птицъ, которыхъ однопроходные напоминаютъ, кромѣ яицъ съ большимъ желткомъ, также присутствіемъ дужки, образованной изъ сросшихся между собою ключицъ, и тѣмъ, что правый яичникъ у нихъ отчасти недоразвитъ. Если такимъ образомъ нельзя не замѣтить родства ихъ съ птицами, а также съ пресмыкающимися и земноводными, то съ сумчатыми ихъ связываетъ существованіе въ тазѣ сумчатыхъ костей.

Однопроходные—небольшія млекопитающія съ плотнымъ, нѣсколько сплюснутымъ сверху ввизъ тѣломъ, очень короткими ногами, клювообразными челюстями, одѣтыми сухою кожей, маленькими глазами, короткимъ хвостомъ, разставленными кнаружи ногами съ большими когтями; у самца на пяткѣ замѣчается полая шпора, которая стоитъ въ связи съ особой железой. Наружной ушной раковины нѣтъ вовсе; зубы, существующіе лишь у утконоса, состоятъ изъ плоскихъ, блюдцеобразныхъ пластинокъ, снабженныхъ на краю бугорками или выемками, который прилегаютъ къ челюстямъ. На черепѣ многіе швы срастаются очень рано; также вполне окостѣваютъ и реберные хрящи. Слюнные железы велики, желудокъ простой, слѣпая кишка очень коротка. Настоящей матки нѣтъ, такъ какъ яйцеводы открываются въ клоаку.

Кромѣ костей одной вымершей ехидны нашли зубы ископаемыхъ животныхъ, которые представляютъ сходство съ зубами утконоса; въ настоящее время этотъ своеобразный отрядъ ограничивается двумя семействами: ехиднѣ и утконосовъ. Изъ этихъ семействъ последнее заключаетъ лишь одинъ известный родъ, а первое—два.

Семейство **Ехиднѣ** (Echidnidae. Ameisenigel. Echidnés), состоящее изъ двухъ

родовъ, каждый съ однимъ видомъ, отличается неуклюжимъ тѣломъ, покрытымъ мѣхомъ, который на большей части тѣла перемѣшанъ съ иглами; клювъ цилиндрическій, совершенно беззубый, расщепленный лишь на переднемъ концѣ; хвостъ короткій, зачаточный; пальцы свободные, не вполнѣ подвижны; языкъ длинный, тонкій, червеобразный, можетъ далеко высовываться изо рта, какъ и у другихъ животныхъ, питающихся муравьями. По вѣншему виду ехидны гораздо болѣе отличаются отъ утконоса, чѣмъ по внутреннему строенію. Нѣмецкое названіе (*Ameisenigel*—муравьиный ежъ) очень характерно для нихъ. Короткая шея постепенно переходитъ въ плотное, нѣсколько приплюснутое неуклюжее тѣло, а на другомъ концѣ—въ продолговато-округлую, относительно маленькую голову, отъ которой рѣзко ограниченъ вытянутый въ длину, тонкій, трубчатый клювъ. Сверху онъ выпуклый, снизу плоскій; довольно широкъ при основаніи, къ концу суживается и тупо оканчивается, на самомъ переди его находится очень маленькая и узкая ротовая щель. Верхняя челюсть немного длиннѣе нижней; маленькія яйцевидныя поздри расположены почти на концѣ верхней челюсти, тамъ, гдѣ покрывающая его голая кожа становится мягче и допускаетъ нѣкоторую подвижность морды. Маленькіе глаза лежатъ глубоко по сторонамъ головы и характеризуются тѣмъ, что кромѣ вѣкъ снабжены и мига-

Скелеть ехидны.

тельной перепонкой. Наружныхъ ушныхъ раковинъ не видно и слѣда; слуховой проходъ лежитъ далеко назадъ и скрытъ подъ иглистымъ покровомъ тѣла; онъ замѣчательно широкъ, но имѣетъ форму щели, такъ какъ прикрытъ складкой кожи, которую животное, прислушиваясь, можетъ приподнимать; въ другихъ-же случаяхъ щетинки, окружающія наружное отверстіе, могутъ совершенно закрывать его. Конечности относительно коротки, сильны, толсты, нѣсколько неуклюжи и приблизительно равной длины; заднія ноги отодвинуты далеко назадъ и вывернуты кнаружи, переднія прямы; пальцы мало подвижны и вооружены длинными, широкими и крѣпкими, пригодными для рытья когтями, которые особенно развиты на переднихъ ногахъ. На пяткахъ заднихъ ногъ у самца находится крѣпкія, остроконечныя, полныя внутри роговыя шпоры, которыя стоятъ въ связи съ особой железой; такое строеніе шпоръ подало поводъ къ мнѣнію, будто-бы онѣ служатъ самымъ страшнымъ оружіемъ животного и что черезъ нихъ, какъ черезъ зубъ змѣи, изливается ядъ. Зачаточный хвостъ сильно притупленъ на концѣ. Языкъ можетъ высовываться далеко за челюсти и покрытъ липкой слизью, которая помогаетъ при захватываніи пищи; эта слизь выдѣляется большими слюнными железами. Зубовъ нѣтъ и слѣда; но на небѣ стоятъ поперечные ряды мелкихъ, жесткихъ, остроконечныхъ, направленныхъ назадъ, роговыхъ шиповъ, которые, вмѣстѣ съ шипами на языкѣ, замѣняютъ зубы. Обѣ млечныя железы имѣютъ множество выводныхъ отверстій и лежатъ по бокамъ брюха самки въ неглубокихъ ямкахъ. Эти ямки, по словамъ Гаака, по крайней мѣрѣ у ехидны, незадолго до кладки яйца лежатъ въ боковыхъ складкахъ высжи-

вательной сумки, которая образуется лишь для принятія и насиживания яйца; позднѣе она заключаетъ дѣтеныша и, по мѣрѣ его роста, сильно увеличивается въ объемѣ, а послѣ выхода дѣтеныша снова сглаживается. Сумка открывается спереди и уже вначалѣ настолько велика, что можетъ вмѣстить карманные часы, въ послѣдствіи же, повидимому, совершенно исчезаетъ. Р. фонъ-Ленденфельдъ нашелъ, что во время насиживания яйца, температура высивательной сумки становится выше, чѣмъ въ остальномъ тѣлѣ, и что кожа, образующая сумку, благодаря значительному переполненію кровью, кажется сильно покраснѣвшей и до извѣстной степени воспаленной. Повидимому, иглистая ехидна кладетъ всегда только одно маленькое, но снабженное большимъ желткомъ яйцо съ похжей на пергаментъ скорлупою; сколько яицъ кладетъ шерстистая ехидна и какъ высиваетъ ихъ, неизвѣстно. Не опредѣлена также продолжительность насиживания у иглистой ехидны. Вышедшій изъ яйца дѣтенышъ этого вида, подобно дѣтенышамъ сумчатыхъ, очень малъ, голъ и слѣпъ и отличается отъ родителей особенно своей короткой мордою. Какъ онъ сосетъ, точно неизвѣстно. Повидимому, онъ долго остается въ сумкѣ матери. Въ 1885 г. зоологическій музей въ Аделаидѣ получилъ самку иглистой ехидны, въ сильно расширенной сумкѣ которой находился еще достигшій приблизительно четверти роста дѣтенышъ, покрытый рѣдкими, слабо развитыми иглами.

Родина ехиднъ простирается отъ Новой Гвинеи по Австраліи и до Тасманіи

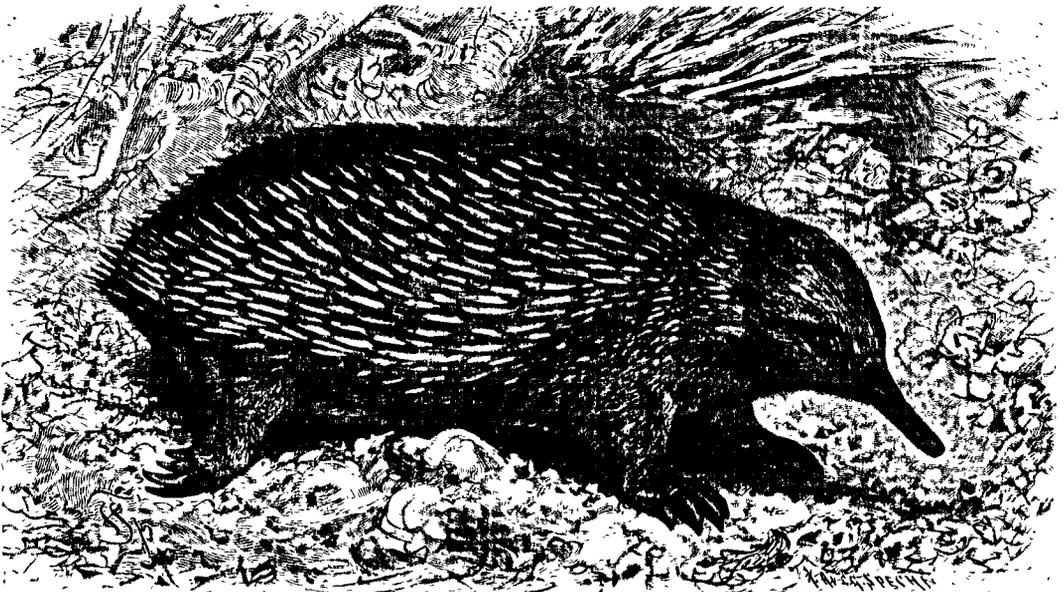
Изъ двухъ родовъ, составляющихъ это семейство и заключающихъ лишь по одному виду, тотъ, къ которому принадлежитъ **Иглистая ехидна** (*Echidna aculeata*. Stache igel. *Echidné épineux*), отличается прежде всего пятипалыми ногами. Всѣ пальцы снабжены когтями; когти переднихъ ногъ широки, мало согнуты и направлены впередъ; коготь на большомъ пальцѣ меньше, чѣмъ на остальныхъ; когти на заднихъ ногахъ тоньше, согнуты кнаружи и очень различной длины: коготь большого пальца коротокъ, тулъ и округленъ, а коготь второго, часто также и третьяго пальца гораздо длиннѣе когтей четвертаго и пятаго. Клювъ длиною равенъ приблизительно остальной части головы; онъ прямой или слегка согнутъ вверхъ. Кромѣ 7 шейныхъ позвонковъ мы находимъ 16 спинныхъ, 3 поясничныхъ, 3 крестцовыхъ и 12 хвостовыхъ, всего слѣдовательно 41 позвонокъ.

Родина иглистой ехидны—Австралія, Новая Гвинея и Тасманія. Въ каждой изъ названныхъ областей видъ этотъ имѣетъ особую разновидность.

Австралійская иглистая ехидна (*Echidna aculeata typica*, *E. hystrix*, *longiaculeata*, *australiensis*, *australis* и *acanthion*, *Myrmecophaga aculeata*, *Ornithorhynchus Echinopus* и *Tachyglossus hystrix*, *Tachyglossus aculeatus*. Australische Stacheligel.), величина которой занимаетъ середину между размѣрами папуасской и тасманской ехиднъ, имѣетъ относительно длинный клювъ. Лице и ушная область покрыты воицѣ или преимущественно гладкими щетинами, которыя оставляютъ непокрытыми полосы на лбу и на каждой щецѣ. Цвѣтъ головы такой-же или едва свѣтлѣе спины. Спинныя иглы длинны, жестки и крѣпки, достигаютъ часто длины 6 см. и обыкновенно совсѣмъ закрываютъ стоящіе между ними волоса. Цвѣтъ ихъ при основаніи блѣдно-желтый, переходящій на серединѣ въ оранжево-желтый, а на концѣ въ черный; немногія иглы желты на всемъ протяженіи. Волоса на спинѣ черные или темно бурые; обыкновенно ихъ почти вовсе не видно, иногда же, можетъ быть въ извѣстныхъ времена года, они выдаются надъ иглами задней части спины. Ноги и вся нижняя сторона покрыты темно-бурымъ мѣхомъ съ примѣсю большого

количества гладких щетинок. Широкие, жесткие и прямые когти передних ног равномерно увеличиваются въ длину по направлению от краевъ къ серединѣ. На заднихъ ногахъ большой палецъ имѣетъ короткий, тупой коготь, второй палецъ — очень длинный и крѣпкій коготь, повернутый кнаружи и назадъ, между тѣмъ какъ когти остальныхъ пальцевъ очень малы и слабы и, повидимому, не имѣютъ большого значенія. Короткій хвостъ конической формы, равномерно округленъ и совершенно обнаженъ на концѣ. Длина животного равняется приблизительно 40 см., изъ которыхъ нѣсколько болѣе 1 см. приходится на хвостъ. Этотъ подвида свойственъ всему материку Австрали и, по Гааке, встрѣчается также на островѣ Кенгуру у южнаго берега Австрали.

Отъ этого австралийскаго подвида Папуасская иглистая ехидна (*Echidna aculeata lawesi*, E. и *Tachyglossus lawesi*. Der Papuanische Stacheligel. *Echidnérapua*)

Австралийская иглистая ехидна. *Echidna aculeata typica* ♀, наст. вел.

отличается меньшей величиною, болѣе короткими спинными иглами, между которыми видны волоса, большимъ количествомъ иглъ на головѣ, ногахъ и брюхѣ, и относительно болѣе длиннымъ клювомъ.

Экземпляры этой ехидны до настоящаго времени были доставлены лишь изъ Портъ-Моресби въ юго-восточной части Новой Гвинеи; по словамъ Гааке, этому подвиду принадлежали тѣ иглы, которыя этотъ авторъ нашелъ въ наконечникахъ стрѣлъ у туземцевъ рѣки Стриккландъ внутри Новой Гвинеи.

Тасманская иглистая ехидна (*Echidna aculeata setosa*, E. *setosa*, *breviaculeata* и *brevicaudata*, *Echinopus* и *Tachyglossus setosus*. Der Tasmanische Stacheligel, *Echidné soyeux*) отличается отъ австралийскаго подвида болѣе значительной величиною, такъ какъ можетъ достигать 50 см., и еще тѣмъ, что мѣхъ на головѣ, бокахъ, брюхѣ и ногахъ не заключаетъ щетинокъ. Цвѣтъ головы обыкновенно гораздо свѣтлѣе, чѣмъ цвѣтъ остальнаго тѣла. Шипы на спинѣ коротки и толсты, стоящіе между ними волоса выдаются надъ ними и болѣе или менѣе прикрываютъ ихъ, шипы на пле-

часть, бокахъ и бедрахъ тѣмъ не менѣе длиннѣе волосъ. Волоса на спинѣ темно-бурые, на брюхѣ замѣтно свѣтлѣе, на груди бываетъ обыкновенно бѣлое пятно различной величины. Отношенія длины когтей на заднихъ лапахъ нѣсколько другія, чѣмъ у австраійскаго подвида, такъ какъ третій коготь почти такой-же длины и толщины, какъ второй и значительно болѣе четвертаго и пятаго. Однако встрѣчаются и исключенія, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ. Только что описанный подвидъ извѣстенъ до настоящаго времени лишь изъ Тасманіи; можетъ быть онъ находится также въ тѣхъ мѣстностяхъ Викторіи, которыя по климату и фаунѣ сходны съ Тасманіей.

Иглистая ехидна предпочитаетъ гористыя мѣстности равнинамъ и достигаетъ иногда до 1000 м. надъ уровнемъ моря. Сухіе лѣса, въ которыхъ она можетъ выкапывать себѣ логовища и норы подъ корнями деревьевъ, особенно нравятся ей. Здѣсь она прячется днемъ, а ночью выходитъ и, нюхая по сторонамъ и роясь, отправляется за добычей. Движенія ея живы, особенно при рытвѣ, въ которомъ она очень искусна. Ходитъ она тихо, нагибая при этомъ голову и туловище къ землѣ; при рытвѣ она одновременно приводитъ въ движеніе всѣ четыре ноги и, подобно броненосцамъ, можетъ просто погружаться въ землю на глазахъ зрителя. Въ сумерки не очень легко замѣтить это животное, похожее цвѣтомъ на землю; его и находятъ поэтому только случайно, когда оно по обыкновенію безпокойно перебѣгаетъ съ одного мѣста на другое. При этомъ ехидна изслѣдуетъ каждую ямку, каждую щель, и лишь только почуетъ что-нибудь съѣдобное, то мгновенно приводитъ въ движеніе свои сильныя ноги, чтобы расширить себѣ входъ. Насѣкомыя и черви, а особенно муравьи и термиты составляютъ по преимуществу ея пищу. Ихъ она отыскиваетъ съ помощью очень чувствительнаго кончика носа, который, кажется, болѣе пригоденъ для осязанія, чѣмъ для обонянія. Бѣтъ она такъ-же, какъ и другія животныя, питающіяся муравьями, т. е. высовывая свой червеобразный языкъ и быстро стягивая его обратно, когда онъ покроеся муравьями; такъ же какъ они, ехидна примѣшиваетъ къ этой пищѣ много песку или пыли, а иногда и сухого дерева, такъ что желудокъ ея всегда наполненъ ими. Иногда въ немъ находятъ и траву.

Если схватить иглистую ехидну, то она мгновенно свертывается въ шаръ и ее очень трудно въ этомъ случаѣ удержатъ, такъ какъ острые иглы при энергическомъ свертываніи наносятъ обыкновенно чувствительныя раны. Свернувшись ехидну не легко унести; лучше всего схватить ее за заднія ноги, тогда можно не обращать вниманія на всѣ ея усилія и движенія. Если она успѣла вырыть ямку извѣстной глубины, то вытащить ее оттуда чрезвычайно трудно. Она растопыряется, какъ броненосцы, и такъ крѣпко упирается о стѣнки своими иглами, что какъ-бы прилипаетъ къ нимъ. Сильные когти ногъ при этомъ, понятно, тоже пускаются въ дѣло, чтобы укрѣпиться, насколько возможно. Она умѣетъ прицѣпляться также и къ другимъ предметамъ. «Когда мнѣ», говоритъ Беннетъ, «принесли ехидну и посадили ее въ жестянку для растений, чтобы ее было легче нести, то, придя домой, я нашелъ, что животное пристало къ стѣнкамъ жестянки, какъ раковина морского блюдечка (Patella) къ скалѣ, такъ что виднѣлась лишь безпорядочная куча иглъ. Острія этой иглистой одежды такъ остры, что причиняютъ чувствительную боль при самомъ легкомъ прикосновеніи. Было совершенно невозможно вытащить такимъ образомъ съжившуюся ехидну, и только пріемъ, примѣняемый къ морскому блюдечку, могъ заставить ее отцѣпиться. Мы медленно всунули подъ ея тѣло лопату и потомъ съ силой подняли ее. Попавъ разъ въ руки, она оказывается совершенно безобидной». Заявленіе туземцевъ, будто-бы самецъ можетъ

поранить своего врага шпорой задней ноги и излить черезъ нее въ рану ядовитую жидкость, судя по всѣмъ опытамъ, должно считать басней. Ехидна-самецъ вовсе и не пытается пользоваться для защиты своею шпорой, да и вообще едва-ли думаетъ о томъ, чтобы защищаться. Противъ четвероногихъ враговъ ехидна защищается, какъ ежъ, свертываясь клубкомъ, а если успѣваетъ, то съ возможной быстротой зарывается въ землю. Тѣмъ не менѣе сумчатый волкъ овладѣваетъ ею и съѣдаетъ ее съ кожей и шипами.

Голосъ, который издаетъ это странное существо, если его сильно беспокоятъ, состоитъ изъ слабого хрюканія. Изъ чувствъ выше всего стоятъ слухъ и зрѣніе; остальные очень тупы.

Подробное описаніе жизни этого животнаго на свободѣ далъ въ 1881 г. сынъ Беннета, который, въ сопровожденіи одного туземца, по имени Джонни, отыскивалъ много ехиднъ, чтобы изслѣдовать ихъ размноженіе. «Моя первая экскурсія съ Джонни», говоритъ онъ, «выяснила существованіе многочисленныхъ препятствій, мѣшающихъ выполненію моего плана. Мы видѣли много слѣдовъ, но не видѣли ни одного животнаго. Почва была разрыта, какъ будто-бы въ ней рылось большое число свиней; это дѣлаютъ ехидны своимъ клювомъ, чтобы отыскивать насѣкомыхъ подъ опавшей листвою. Онѣ обращаются затѣмъ къ сваленнымъ гнилымъ деревьямъ, совершенно освобождаютъ ихъ отъ коры, выцарапываютъ червоточину и поѣдаютъ насѣкомыхъ, именно мелкихъ жуковъ, муравьевъ и одинъ видъ сочныхъ бѣлыхъ червей. Много мелкихъ сухихъ деревьевъ было выворочено съ корнями ехиднами, во время отысканія пищи. Онѣ особенно жадны до термитовъ, которые устраиваютъ глиняные холмики около 18 дюймовъ вышиною. Этими холмиками онѣ овладѣваютъ, строго придерживаясь опредѣленнаго плана; сначала онѣ окапываютъ гнѣздо кругомъ, выгребаютъ землю, дѣлаютъ щель въ мѣстѣ соприкосновенія гнѣзда съ почвою, проглатываютъ все, что имъ попадаетъ на пути, наконецъ продѣлываютъ въ серединѣ дыру и опоражниваютъ все гнѣздо, не оставляя ни одного существа, которое могло-бы разсказать объ ихъ посѣщеніи. Муравьевъ-солдатъ (большой вооруженный муравей) онѣ не трогаютъ: ихъ гнѣзда находились около самыхъ построекъ термитовъ, но оставались нетронутыми. На большихъ сахарныхъ муравьевъ, которые нагромождаютъ песчаные холмики около 16 дюймовъ вышиною и 4 фута въ діаметръ, онѣ нападаютъ, причемъ сначала ложатся, высунувъ языкъ, на холмикъ и втягиваютъ въ ротъ тѣхъ муравьевъ, которые на него попадаютъ; въ этомъ положеніи онѣ часто остаются въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ. При этомъ въ ихъ желудокъ безъ сомнѣнія попадаетъ песокъ. Затѣмъ онѣ прорываютъ ходъ съ одной стороны къ другой и находятъ тамъ лакомую пищу, которую и поѣдаютъ. Днемъ онѣ бродятъ мало и начинаютъ свои поиски часа за два до заката солнца. Слышать ехидны очень хорошо, такъ что приходится двигаться чрезвычайно осторожно и медленно, чтобы не встревожить ихъ; при малѣйшемъ шорохѣ листа онѣ присѣдаютъ къ землѣ и начинаютъ тотчасъ-же закапываться. Онѣ дѣлаютъ это ногами, причемъ всовываютъ въ ямку все тѣло и выгребаютъ землю себѣ на спину. Быстрота, съ которою онѣ выполняютъ это, почти невѣроятна, и послѣ исчезновенія животнаго вырытой земли замѣтно мало. Обыкновенно онѣ не роютъ далеко впередъ; я видѣлъ это только разъ, когда ехидну посадили въ ящикъ безъ дна: она исчезла подъ ящикомъ въ землѣ и вышла наружу на разстояніи 10 футовъ по другую сторону стѣнки».

О поведеніи иглистой ехидны въ неволѣ разсказываютъ Гарно, Куа, Гэмаръ и Гааке. Куа и Гэмаръ добыли въ Гобартѣ живого самца. Въ первый мѣсяцъ онъ не ѣлъ ничего и замѣтно исхудалъ, но, повидимому, чувствовалъ себя хорошо. Онъ

былъ совершенно безучастенъ и глупъ, лежалъ днемъ, спрятавъ голову между ногъ, растопыривъ свои иглы, но не свертываясь, и отыскивалъ темныя мѣста. Онъ очень любилъ свободу, по крайней мѣрѣ дѣлалъ всякія усилія, чтобы выйти изъ клѣтки. Если его сажали въ большую кадку для растений, наполненную землею, то онъ менѣе, чѣмъ въ двѣ минуты зарывался до дна, дѣйствуя своими сильными ногами, причѣмъ иногда помогаль себѣ и мордой. Позднѣе онъ началъ лизать, а подѣ конецъ и пить воду съ медомъ и сахаромъ. Онъ умеръ оттого, что его слишкомъ усердно выкупали. Гарно купилъ иглистую ехидну въ Портѣ-Джаксонѣ отъ человѣка, который сказалъ ему, что кормилъ животное уже въ теченіи двухъ мѣсяцевъ различнаго рода растительной пищей. и увѣрялъ, что оно на свободѣ ѣсть мышей и т. п. По совѣту продавца, Гарно заперъ животное въ ящикъ съ землею и давалъ ему зелень, супъ, сырое мясо и мухъ; но до всего этого ехидна и не дотрогивалась; она начала только тотчасъ-же лакать воду. Такъ она прожила три мѣсяца, пока ее не привезли на островъ Св. Маврикія. Тамъ ей дали муравьевъ и дождевыхъ червей. Ихъ она тоже не ѣла, но, повидимому, ей очень понравилось кокосовое молоко, такъ что явилась надежда довести ее до Европы; однако за 3 дня до отъѣзда ее нашли мертвой. Животное это проводило обыкновенно 20 часовъ въ сутки въ снѣ, а остальное время бродило. Если оно встрѣчало на пути какое-нибудь препятствіе, то старалось удалить его и измѣняло направленіе, лишь замѣтивъ бесплодность своихъ стараній, вѣроятно потому, что вспоминала свое рытье на свободѣ. Въ комнатѣ эта ехидна выбирала одинъ уголь, чтобы оставлять тамъ свой пометь; другой темный уголь, который былъ заставленъ ящикомъ, она избирала для сна. Часто она какъ-бы назначала себѣ извѣстныя границы и долгое время бѣгала взадъ и впередъ, не переступая ихъ. Она ходила, опустивъ голову, какъ будто погруженная въ размышленія, и хотя двигалась очень неуклюже и волоча ноги, но все-же проходила въ минуту болѣе 10 м. Длинный носъ служилъ ей органомъ осязанія. Желая прислушаться, она открывала уши, какъ дѣлаютъ обыкновенно совы, и тогда ея слухъ былъ повидимому очень тонокъ. Характеръ ея былъ кротокъ и ласковъ. Она охотно позволяла гладить себя, но все-же была очень пуглива и при малѣйшемъ шумѣ свертывалась клубкомъ, какъ ежъ, такъ что не видно было ея носа. Она дѣлала это каждый разъ, когда около нея топали ногою, и лишь по прошествіи долгаго времени, когда шумъ совершенно прекращался, медленно развертывалась. Однажды она не вышла на свою обыкновенную увеселительную прогулку; Гарно выгналилъ ее поэтому изъ угла и сталъ сильно трясти ее. Ехидна дѣлала такія слабыя движенія, что онъ подумалъ, что она умираетъ; поэтому онъ перенесъ ее на солнце, растеръ ей брюхо теплымъ сукномъ; послѣ этого она оправилась, и къ ней постепенно возвратилась прежняя бодрость. Скоро послѣ того она стала спать по 48, позднѣе по 72, а подконецъ даже по 80 часовъ сряду, но теперь знали уже, въ чемъ дѣло, и не тревожили ее. Если ее будили, то повторялось то-же самое, что было въ первый разъ; если-же она просыпалась сама, то тотчасъ-же становилась бодрой. Иногда она бѣгала и ночью, но такъ тихо, что ее и не замѣтили-бы, если-бы она не обнюхивала отъ времени до времени ноги людей.

Гаакъ неоднократно держалъ въ Австраліи иглистыхъ ехиднъ и произвелъ опыты надъ ихъ искусствомъ въ лазаніи, выносливости по отношенію къ голоду и размноженіемъ. «Первую иглистую ехидну, которую я приобрѣлъ», пишетъ онъ: «я посадилъ въ своей рабочей комнатѣ подѣ опрокинутый ящикъ, что ей, повидимому, не особенно нравилось. Она постоянно старалась ускользнуть изъ своей тюрьмы, высовывала наружу свой языкъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оставался достаточный промежутокъ между поломъ и краемъ ящика, и ощупывала имъ вок-

ругъ. Наконецъ ей удалось ночью поднять тяжелый ящикъ и освободиться. Долгое время я тщательно искалъ ее и наконецъ нашелъ, къ моему величайшему изумленію, въ другомъ ящикѣ вышиною около 40 см., который былъ открытъ сверху и наполненъ до половины кусками золотоноснаго кварца, величиною приблизительно съ кулакъ, завернутыми въ бумагу. На половину зарывшись, она удобно спала между завернутыми кусками кварца, которые, повидимому, показались ей очень удобнымъ ложемъ по сравненію съ поломъ. Двухъ другихъ иглистыхъ ехиднъ, принимая во вниманіе замѣченное искусство этихъ животныхъ въ лазаніи, я посадилъ въ бочку вышиною до 1 м. и шириною въ 50 см. въ обширномъ помѣщеніи въ нижнемъ этажѣ зданія музея въ Аделаидѣ. Казалось невозможнымъ, чтобы онѣ могли вырваться изъ своей тюрьмы, имѣвшей форму обыкновенной бочки. Тѣмъ не менѣе одному изъ животныхъ удалось бѣжать. Послѣ безплодныхъ поисковъ въ теченіи нѣсколькихъ дней, я разъ утромъ нашелъ его снова вмѣстѣ съ товарищемъ въ бочкѣ; ехидна, вѣроятно, услышала товарища и взобралась между стѣною и бочкой до края ея, откуда и свалилась обратно въ бочку. Такъ какъ я хотѣлъ анатомировать этихъ животныхъ и для этого освободить ихъ отъ мѣшавшаго вскрытію жира, то я оставилъ ихъ голодать и пришелъ къ тому заключенію, что онѣ безъ видимаго вреда для здоровья могутъ голодать по крайней мѣрѣ въ теченіи мѣсяца. Я нашелъ, что кишка одной иглистой ехидны послѣ приблизительно шести-недѣльнаго поста была наполнена исключительно нескомъ, который находился въ распоряженіи животнаго. Это можетъ служить указаніемъ, какъ должно готовить пищу для этихъ животныхъ, содержимыхъ въ неволѣ. Иглистыхъ ехиднъ, отвыкшихъ уже отъ матери, не слѣдовало-бы кормить молокомъ. При мелкозернистомъ кормѣ, состоящемъ изъ равныхъ частей растертаго мяса, яичнаго желтка, мелкоразмолотаго коноплянаго сѣмени, толченыхъ сухарей, тертой моркови и чистаго песка, можно будетъ, по моему мнѣнію, долго сохранить иглистыхъ ехиднъ въ неволѣ и онѣ приступятъ, можетъ быть, къ размноженію. Прибавленіе муравьиныхъ яицъ и мучныхъ червей дѣлаетъ пищу еще здоровѣе; съ этими животными придется обращаться совершенно такъ-же, какъ съ насѣкомоядными птицами. Перевѣздъ изъ Австраліи къ намъ, очень сокращенный благодаря быстроходнымъ пароходамъ новѣйшаго времени, большинство ехиднъ могло-бы перевести безъ лиши.

«Что касается до размноженія иглистой ехидны, то до моего открытія не было извѣстно ничего относительно временно образующейся и заключающей въ себѣ яйцо выводковой сумки на брюхѣ самки. Въ началѣ августа 1884 г. я досталъ парочку иглистыхъ ехиднъ съ острова Кенгуру. Нѣсколько недѣль спустя, я прочелъ замѣчанія Гегенбаура относительно давно уже описанныхъ Овеномъ полудунныхъ складочекъ на брюхѣ самки, при основаніи которыхъ открываются протоки млечныхъ железъ. Гегенбауръ тщетно искалъ этихъ углубленій на своемъ экземплярѣ, сохраненномъ въ спирту; я рѣшился поэтому поискать ихъ у живого животнаго. Я велѣлъ слугѣ держать мою ехидну въ воздухѣ за заднюю ногу и сталъ ощупывать брюхо животнаго. Я не нашелъ здѣсь двухъ описанныхъ и изображенныхъ Овеномъ складокъ, но зато нашелъ большую сумку, достаточно широкую, чтобы вмѣстить мужские часы. Это и была выводковая сумка, образующаяся до кладки и служащая для помѣщенія яйца; позднѣе она расширяется по мѣрѣ роста дѣтеныша и снова исчезаетъ, послѣ того, какъ онъ перестаетъ сосать. Въ качествѣ послѣднихъ слѣдовъ ея остаются, повидимому, боковыя складки, въ которыхъ лежатъ отверстія млечныхъ железъ. Только зоологъ можетъ понять, до какой степени я былъ ошеломленъ, когда вытащилъ изъ сумки яйцо! Первое замѣченное яйцо млекопитающаго, которое можно было показать ученому обществу! Оно находится теперь вмѣ-

стѣ съ чучеломъ матери и положенной въ спиртъ выводковой сумкой ея въ музеѣ въ Аделаидѣ. Неожиданная находка до такой степени смутила меня, что я сдѣлалъ глупость, возможную лишь при такихъ необычайныхъ обстоятельствахъ, именно сильно сжалъ яйцо между указательнымъ и большимъ пальцемъ и произвелъ на немъ такимъ образомъ трещину. Къ сожалѣнію, его жидкое содержимое, конечно вслѣдствіе поимки и содержанія въ неволѣ матери, начало уже разлагаться. Длина эллиптическаго яйца равнялась 15, толщина 13 m.m.; скорлупа была жестка и пергаментообразна, какъ у яицъ многихъ пресмыкающихся.

«Особенное значеніе въ исторіи размноженія иглистой ехидны имѣетъ своеобразная, образующаяся лишь на время выводковая сумка, рѣзко отличающаяся отъ сумки сумчатаго животнаго. Она стала извѣстна такъ поздно потому, что она исчезаетъ послѣ періода размноженія, а также у экземпляровъ, сохранныхъ въ спирту безъ особыхъ предосторожностей и у чучель. Что она, благодаря росту дѣтеныша, расширяется по крайней мѣрѣ до величины кулака, я наблюдалъ позднѣе на одномъ экземплярѣ въ музеѣ Аделаиды. Я не могъ произвести дальнѣйшихъ наблюденій вслѣдствіе отъѣзда изъ Австраліи». По Ленденфельду, въ выводковой сумкѣ во время насиживания яйца развивается болѣе высокая температура, чѣмъ въ остальномъ тѣлѣ. О совокупленіи, кладкѣ яйца и продолжительности насиживания не извѣстно ничего. Довольно твердо установленъ лишь тотъ фактъ, что иглистая ехидна кладетъ обыкновенно только одно яйцо.

Туземцы называютъ иглистую ехидну **Никобеянь**, **Янокумбине** и **Когера**. Нѣкоторые австралийцы жариваютъ ее въ шкурѣ, какъ цыгане нашего ежа, и ѣдятъ ее; европейцы тоже увѣряютъ, что приготовленная такимъ образомъ иглистая ехидна представляетъ превосходное кушанье; въ Новой Гвинее, какъ наблюдалъ Гаакъ на рѣкѣ Стрикландѣ, ея иглы употребляютъ въ качествѣ наконечниковъ для стрѣлъ. Этимъ и ограничивается та незначительная польза, которую это животное можетъ приносить человѣку.

* *
* *

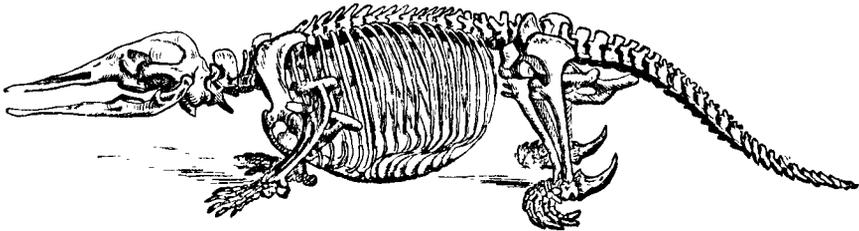
Второй родъ и видъ ехиднъ представляетъ открытое лишь недавно животное, водящееся въ Новой Гвинее, которое мы, въ противоположность иглистой ехиднѣ, назовемъ **Шерстистой ехидной** (*Proechidna bruijnii*, *Tachyglossus*, *Acanthoglossus* и *Echidna bruijnii*, *Proechidna villosissima*. Vliessigel. *Echidné laineux*). Этотъ родъ, который нельзя рѣзко отдѣлять отъ предыдущаго, отличается числомъ пальцевъ—именно на всѣхъ ногахъ лишь по три. Первый и пятый палецъ не развиты; иногда встрѣчаются однако животныя съ 5 передними 4 задними пальцами. Длина когтей заднихъ ногъ уменьшается постепенно по направленію изнутри кнаружи. Согнутый клювъ почти вдвое длиннѣе остальной части головы. Животное длиною около 0,5 m.; голова, тѣло и конечности густо покрыты грубой шерстью равномерно темно-бураго или чернаго цвѣта съ небольшою примѣсью гладкихъ щетинъ или вовсе безъ нихъ; въ ней скрыты лишь немногочисленныя, короткія, по большей части совершенно бѣлыя, иногда только бурья при основаніи иглы.

Шерстистая ехидна извѣстна до настоящаго времени лишь изъ сѣверо-западной части Новой Гвинеи; объ ея образѣ жизни нѣтъ никакихъ свѣдѣній.

Утконосъ (*Ornithorhynchus anatinus*, *O. paradoxus*, *fuscus*, *rufus*, *brevirostris*, *crispus* и *laevis*, *Platypus* и *Dermipus anatinus*. Schnabeltier. *Ornithorinque*) служить единственнымъ извѣстнымъ представителемъ второго семейства (*Ornithorhynchidae*) этого отряда. Мы обязаны Беннету старшему первымъ хорошимъ опи-

саніемъ этого, по истинѣ «чудеснаго» существа, которое долгое время послѣ того, какъ было открыто приводило въ изумленіе какъ изслѣдователей, такъ и людей неученыхъ. Внѣшній видъ и образъ жизни этого животнаго оказались настолько странными, что Беннетъ поѣхалъ въ Австралію съ единственной цѣлью познакомиться съ нимъ. До того времени въ Европу доходили о немъ лишь неопредѣленные извѣстія. Знали только, что утконосъ живетъ въ водѣ и служитъ предметомъ ревностной охоты туземцевъ, такъ какъ доставляетъ вкусное жаркое, и что онъ кладетъ яйца; послѣднее считали басней, пока Кальдуэлль въ 1884 г. не сообщилъ, что нашелъ яйца этого животнаго. «Новоголландцы», рассказываетъ одинъ изъ старыхъ авторовъ, «сидятъ на берегу, вооруженные маленькими копьями, и выжидаютъ, пока это животное вынырнетъ. Улучивъ удобное мгновеніе, они очень ловко бросаютъ копье въ эту дичь и очень искусно ловятъ ее такимъ образомъ. Часто туземецъ сидитъ цѣлый часъ въ засадѣ, прежде чѣмъ попытается бросить копье въ утконоса; но зато всегда вѣрнымъ ударомъ пронзаетъ тѣло».

Беннетъ ѣздилъ въ Австралію въ первый разъ въ 1832 г., затѣмъ еще разъ въ 1858 и сообщилъ добытые результаты сначала въ одномъ ученomъ англійскомъ журналѣ, а затѣмъ подробно изложилъ ихъ въ особомъ сочиненіи. Позднѣе свѣдѣнія объ образѣ жизни утконоса сообщили Беннетъ-сынъ и Ленденфельдъ.

Скелеть утконоса.

Утконосъ носитъ различныя названія въ своемъ отечествѣ. Туземцы называютъ его, смотря по мѣстности, **Маллангонгъ**, **Тамбриетъ**, **Тохумбукъ** и **Муффленгонгъ**. Область распространенія его ограничивается, насколько извѣстно до настоящаго времени, южной частью Австралійскихъ колоній, Викторіей, Новымъ Южнымъ Валиссомъ и Квинслендомъ на сѣверъ до 18 градуса южной широты. Его находятъ также въ Тасманіи; въ западной части Австраліи его, повидимому, нѣтъ.

Утконосъ нѣсколько больше ехидны, длина его около 60 см., изъ которыхъ около 14 см. приходится на хвостъ. Самецъ значительно больше самки. Приплюснутое тѣло похоже нѣсколько на тѣло бобра или выдры. Ноги очень коротки, всѣ лапы пятипалыя и снабжены плавательной перепонкой. На переднихъ ногахъ, которыя обладаютъ наибольшей мышечной силою и служатъ какъ для плаванія, такъ и для рытья, плавательная перепонка продолжается нѣсколько далѣе когтей; она очень гибка, растяжима и отодвигается назадъ, когда животное роетъ. Всѣ пальцы очень сильны, тупы и превосходно приспособлены для рытья. Два среднихъ длиннѣе остальныхъ. Короткія заднія ноги выворочены назадъ и напоминаютъ заднія ноги тюленя: онѣ дѣйствуютъ главнымъ образомъ по направленію назадъ и кнаружи. Первый палецъ ихъ очень коротокъ; всѣ когти загнуты назадъ, они длиннѣе и острѣе, чѣмъ на переднихъ ногахъ, но плавательная перепонка соединяетъ лишь основанія пальцевъ. У самца нѣсколько выше пальцевъ сидитъ обращенная внутрь, остроконечная и подвижная шпора, которая можетъ довольно замѣтно поворачиваться. Хвостъ плоскій, широкій и рѣзко устьеченный на концѣ, гдѣ сидятъ длин-

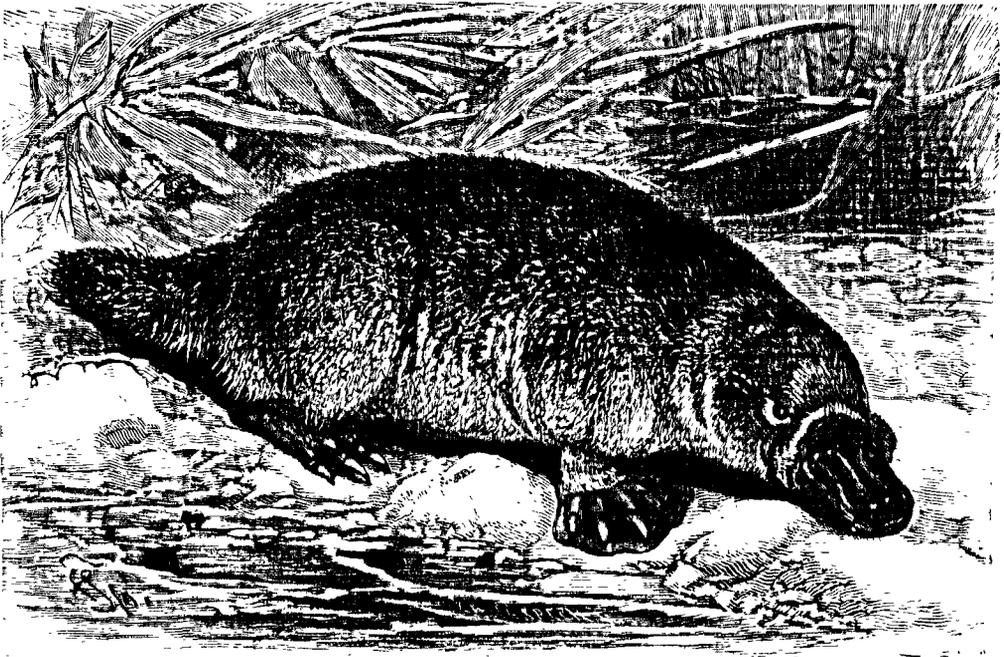
ные волоса: у болѣе старыхъ животныхъ онъ снизу совершенно голый или, по крайней мѣрѣ, покрытъ только рѣдкими, грубыми волосами; у молодыхъ-же онъ вполне покрытъ шерстью, такъ что волоса на нижней сторонѣ хвоста стираются, вѣроятно лишь съ теченіемъ времени. Голова довольно плоская, маленькая и настолько рѣзко отличается своимъ широкимъ утинымъ клювомъ отъ головы другихъ млекопитающихъ, что ставитъ утконоса совершенно особнякомъ. Обѣ челюсти вытянуты и сплошь одѣты роговою кожей, которая продолжается назадъ въ видѣ своеобразной оторочки; онѣ имѣютъ у взрослого животнаго лишь по 4 роговыхъ зуба, изъ которыхъ верхній и передній зубъ длиненъ, узокъ и остеръ, между тѣмъ какъ задній широкій и плоскій имѣетъ видъ коренного зуба. Въмѣсто этихъ роговыхъ зубовъ молодой утконосъ, не достигшій трети или половины величины взрослого животнаго, имѣетъ 8 настоящихъ зубовъ, похожихъ на плоскія, неправильно округленныя блюдечки и усаженныхъ по краю крупными и мелкими бугорками. Эти, лишь недавно открытые, настоящіе зубы напоминаютъ зубы *Microlestes* и другихъ мелкихъ млекопитающихъ юрскаго періода. Послѣ того какъ они совершенно сотрутся и наконецъ выпадутъ, ихъ замѣняютъ вышеописанныя образованія, состоящія изъ ороговьшей слизистой оболочки полости рта. Ноздри лежатъ на верхней сторонѣ клюва около конца, а маленькіе глаза—высоко на головѣ; ушные отверстія, которыя могутъ закрываться, расположены близко отъ наружнаго угла глаза. Складка, продолжающаяся въ видѣ оторочки надъ передней частью головы и горломъ, приноситъ животному большую пользу, удерживая иль во время отысканія пищи отъ прилегающаго къ ней мѣха и защищая отъ земли глаза во время рытья. Языкъ мясистъ, но усаженъ роговыми зубцами и утолщается сзади въ видѣ своеобразнаго превака, который совершенно замыкаетъ ротъ. Такимъ образомъ клювъ служитъ превосходнымъ ситомъ, которое позволяетъ животному изслѣдовать воду, отдѣлять съѣдобное отъ несъѣдобнаго и сохранять съѣдобное въ объемистыхъ защечныхъ мѣшкахъ, простирающихся по бокамъ головы, чтобы затѣмъ, не торопясь, пережевать пищу.

Мѣхъ утконоса состоитъ изъ густыхъ, грубыхъ волосъ ости темно-бураго цвѣта съ серебристо-бѣлымъ оттѣнкомъ; подъ ними лежитъ очень мягкій сѣроватый подшерстокъ, похожій на подшерстокъ тюленя и морского бобра. На горлѣ, груди и нижней сторонѣ тѣла мѣхъ и волоса гораздо тоньше и шелковистѣе. Мѣхъ верхней стороны, особенно на самыхъ кончикахъ, довольно жестокъ; волоса тамъ широки и копьевидны и стоятъ подъ угломъ къ болѣе тонкимъ, непосредственно прилегающимъ къ кожѣ. Общій цвѣтъ ости рыжій или черно-бурый, на нижней сторонѣ грязный сѣровато-бѣлый, на подбородкѣ у основанія ногъ, на задней части брюха и у заднепроходнаго отверстія часто матовый, каштаново-бурый; узкое кольцо вокругъ глаза бѣлое или желтоватое. Верхняя сторона окрашена то свѣтлѣе, то темнѣе; на основаніи этого полагали, что можно различить нѣсколько видовъ утконосовъ. Ноги рыжевато-бурыя; клювъ, сверху чернаго цвѣта, снизу желтаго и чернаго. Молодые животныя отличаются отъ старыхъ красивыми, тонкими, серебристо-бѣлыми волосами на нижней сторонѣ хвоста и надъ самыми лалами. Мѣхъ, особенно мокрый, издаетъ своеобразный рыбный запахъ, обуславливаемый, вѣроятно, маслянистымъ выдѣленіемъ. Австралийцы, несмотря на этотъ противный запахъ, ѣдятъ очень охотно мясо этого животнаго.

Утконосъ живетъ охотнѣе всего на тихихъ берегахъ рѣкъ, поросшихъ многочисленными водяными растеніями и затѣненныхъ лиственными деревьями. Здѣсь онъ устраиваетъ себѣ около берега болѣе или менѣе искусно сдѣланное жилище. Первая нора, которую видѣлъ Беннетъ, находилась въ крутомъ берегу между травой, у самой рѣчки. Извилистый ходъ, длиною около 6 м., открывался въ обширное

котловидное логовище, которое, какъ и ходъ, было выстлано сухими водяными растениями. Но обыкновенно каждое жилище имѣетъ по два входа; одинъ подъ поверхностью воды, другой около 30 см. надъ нею. Иногда случается, что входъ удаленъ отъ воды метра на $1\frac{1}{2}$. Нора поднимается косвенно снизу вверхъ, такъ что во время разлива вода рѣдко проникаетъ въ логовище. Животное, повидимому, соображается съ высотой уровня воды и соответственно этому удлиняетъ нору иногда до 15 м. длины.

Болѣе точное описаніе нѣсколькихъ жилищъ утконосовъ далъ позднѣе сынъ Беннета. Ходъ перваго жилища былъ шириною приблизительно 10—11 см., вышиною 8 см. и поднимался, дѣлая постоянно извилины; приблизительно на разстояніи 1,5 м. отъ входа располагалась справа камера длиною въ 30 см., вышиною

Утконосъ. *Ornithorhynchus anatinus*. $\frac{1}{4}$ наст. величины.

15 см. и шириною 21 см., на разстояніи 1,5 м. далѣе—другая, похожая на первую. Еще 3 м. далѣе находилась болѣе крупная камера длиною въ 50 см., шириною въ 21 см., вышиною въ 26 см. Въ ней было гнѣздо изъ сухой травы, стеблей тростника и листьевъ эвкалиптуса; послѣдніе были черны, слѣдовательно, очевидно, принесены со дна рѣки. Гнѣздовая камера не имѣла выхода вверхъ. Второе, найденное Беннетомъ младшимъ жилище было очень похоже на первое; въ немъ было три боковыхъ камеры. Какъ и въ первомъ гнѣздѣ, онѣ лежали выше хода; назначеніе этихъ камеръ Беннетъ не могъ выяснитъ. Отличны отъ этихъ жилищъ утконосовъ равнины были тѣ, которыя Ленденфельдъ нашелъ на берегахъ горныхъ ручьевъ въ Австраійскихъ Альпахъ. «Жилища, которыя сильно отличались отъ жилищъ утконосовъ равнины, состояли не изъ простой, прямой, наклонно восходящей норы, а, по большей части, изъ сѣти нѣсколькихъ, часто извилистыхъ ходовъ, соединившихся между собою на подобіе лабиринта. Обыкновенно можно отличить главный ходъ, который начинается на глубинѣ 0,5—1,5 м. подъ уровнемъ воды между корнями

растущих на берегу кустовъ и деревьевъ и идетъ наклонно вверхъ подъ угломъ въ 20—45 градусовъ къ горизонту. Нижняя часть хода, наполненная водою, идетъ черезъ густое сплетеніе корней и часто вовсе не имѣетъ земляныхъ стѣнокъ. Отъ верхней, сухой части главнаго хода отходить нѣсколько второстепенныхъ ходовъ такой-же длины, какъ главный. Я наблюдалъ до четырехъ такихъ вторичныхъ ходовъ; всѣ кромѣ одного спускаются въ воду и теряются между густыми сплетеніями корней, а одинъ открывается надъ поверхностью воды, тоже за корнями. Насколько я могъ видѣть, боковые ходы, открывающіеся подъ водою, имѣютъ широкія отверстия, между тѣмъ какъ верхній ходъ, открывающійся на воздухъ, такъ прикрытъ корнями, что утконосу невозможно проникнуть черезъ него. Онъ служитъ, повидимому, для вентиляціи. Ходы шириною около 15 см.; вообще верхняя, неразвѣтвленная часть главнаго хода уже, чѣмъ нижнія части; онъ такъ узокъ здѣсь, что утконосъ не можетъ въ немъ повернуться. На концѣ главнаго хода, на высотѣ 1—2 м. надъ уровнемъ воды, лежитъ гнѣздо: низкая, округленная камера шириною въ 30—50 см., вышиною въ 25—30 см., устланная нѣжными листьями водяныхъ растений и тому подобными веществами. Здѣсь самка кладетъ въ началѣ лѣта нѣсколько яицъ съ мягкой скорлупою».

Утконосовъ можно видѣть въ рѣкахъ Австраліи во всякое время, но чаще всего въ весенніе и лѣтніе мѣсяцы, и точно неизвѣстно, существуетъ ли у нихъ зимній сонъ. Они собственно сумеречныя животныя, хотя оставляютъ на короткое время свои убѣжища и днемъ, отправляясь за пищею. Если вода очень чиста, то можно слѣдить глазами за движеніями утконоса, который то ныряетъ, то снова появляется на поверхности. Кто хочетъ наблюдать его, тотъ долженъ оставаться совершенно неподвижнымъ, такъ какъ ни одно движеніе не ускользаетъ отъ его остраго зрѣнія, ни малѣйшій шумъ—отъ его тонкаго слуха. Утконосъ рѣдко остается на поверхности долѣе 1 или 2 минутъ, затѣмъ ныряетъ и снова появляется на небольшомъ разстояніи. Какъ наблюдалъ Беннетъ на утконосахъ, содержимыхъ въ неволѣ, это животное охотно держится у берега надъ самымъ иломъ и ползаетъ между корнями и листьями водяныхъ растений, которые служатъ главнымъ мѣсто-пробываніемъ насѣкомыхъ. Пищу, которую утконосъ при этомъ собираетъ, именно преимущественно мелкихъ водныхъ насѣкомыхъ и моллюсковъ, онъ причетъ сначала въ защечные мѣшки и затѣмъ съѣдаетъ на покой.

«Въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ», рассказываетъ Беннетъ, «я приблизился къ маленькой рѣчкѣ въ Австраліи и такъ какъ я зналъ, что утконосъ предпочитаетъ сумерки, то и постарался увидѣть его въ это время. Съ ружьемъ въ рукѣ мы терпѣливо ждали на берегу. Немного спустя мы увидѣли довольно близко на поверхности воды черное тѣло, верхушка, т. е. голова, котораго поднималась лишь немного надъ уровнемъ воды. Мы оставались неподвижны, чтобы не испугать животное, наблюдали его и старались по возможности слѣдить за его движеніями. Надо приготовиться къ выстрѣлу въ то время, когда утконосъ ныряетъ, и стрѣлять въ него въ то самое мгновеніе, когда онъ снова появляется. Только выстрѣлъ въ голову убиваетъ животное, такъ какъ его торчащія густые волосы значительно мѣшаютъ дробіи проникнуть въ тѣло. Я видѣлъ утконоса, у котораго черепъ былъ раздробленъ выстрѣломъ, между тѣмъ какъ кожа его оказалась едва поврежденной. На первый день охота наша оказалась безуспѣшна, а на слѣдующее утро, когда вода въ рѣчкѣ поднялась отъ дождя, мы видѣли во все время до полудня лишь одного утконоса, и тотъ былъ слишкомъ остороженъ, чтобы можно было выстрѣлить въ него навѣрняка. Возвращаясь домой послѣ полудня, мы были счастливыѣ. Мы ранили одного утконоса, повидимому, тяжело; онъ тотчасъ же погрузился,

но скоро снова поднялся на поверхность. Несмотря на раны, онъ продолжалъ нырять, но каждый разъ на болѣе короткое время, чѣмъ обыкновенно, и старался достигнуть противоположнаго берега, вѣроятно потому, что ему трудно было двигаться въ водѣ и онъ хотѣлъ спастись въ своемъ жилищѣ. Онъ плылъ тяжело, держась гораздо выше надъ водою, чѣмъ обыкновенно; однако пришлось сдѣлать еще два выстрѣла, прежде чѣмъ онъ остался неподвижнымъ на поверхности воды. Когда собака принесла его намъ, мы увидѣли, что это былъ прекрасный самецъ. Онъ былъ еще не совсѣмъ мертвъ, двигался отъ времени до времени и не издавалъ никакого звука, только часто дышалъ черезъ ноздри. Пѣсколько минутъ послѣ того, какъ его достали изъ воды, онъ ожилъ и тотчасъ побѣжалъ къ рѣкѣ нетвердой походкой. Минуть черезъ 25 послѣ того онъ нѣсколько разъ кувырнулся черезъ голову и умеръ. Такъ какъ я много слышалъ о томъ, какъ опасенъ уколъ шпоры даже смертельно раненаго животнаго, то я, схвативъ его, тотчасъ же поднесъ руку къ самымъ «ядовитымъ» шпорамъ. Дѣлая энергическія усилія освободиться, онъ нанесъ мнѣ нѣсколько царапинъ задними лапами, а также и шпорою; но мнѣ кажется, что онъ укололъ меня нечаянно. Говорили далѣе, будто бы утконосъ, желая пустить въ дѣло это оружіе, ложится на спину, но, конечно, это покажется невѣроятнымъ всякому, кто хоть сколько-нибудь знаетъ это животное. Я положилъ его на спину, но онъ и не думалъ пускать въ дѣло шпору, а старался только стать на ноги. Короче, я дѣлалъ весьма разнообразныя опыты, но безъ всякихъ результатовъ, и потому я убѣжденъ, что шпора не служитъ оружіемъ, но имѣетъ другое назначеніе, тѣмъ болѣе, что и позднѣйшіе опыты надъ ранеными животными дали тотъ же самый результатъ. Туземцы, правда, называютъ шпору «дерзкой»; подъ этимъ словомъ они вообще подразумѣваютъ все вредное или ядовитое; однако они употребляютъ то-же выраженіе и относительно царапанія задними ногами и вовсе не боятся схватывать живого утконоса-самца. Когда это странное существо бѣжитъ по землѣ, то оно производитъ впечатлѣніе чего то сверхъ естественнаго, и его оригинальный видъ можетъ легко испугать трусливаго человѣка. Кошки тотчасъ же убѣгаютъ отъ него и даже собаки, которыя не были нарочно дрессированы для охоты за нимъ, смотря на него, настороживъ уши, но не смѣютъ тронуть.

«Вечеромъ въ тотъ же день мы добыли и самку. Выстрѣлъ попалъ ей въ клювъ и убилъ почти наповалъ; она нѣсколько разъ тяжело вздохнула и сдѣлала нѣсколько судорожныхъ движеній задними ногами. Намъ увѣрили, что всѣ животныя, которыхъ выстрѣлъ не убиваетъ мгновенно, ныряютъ и не показываются болѣе, но мои наблюденія не подтверждаютъ этого. Они исчезаютъ, правда, если по нимъ промахнутся, и ныряютъ даже раненые, но скоро появляются на незначительномъ разстояніи снова на поверхности воды, чтобы перевести духъ. Даже раненые часто уходили отъ собаки, то быстро ныряя, то запрятываясь у берега въ осоку и тростникъ. Часто приходилось дѣлать два или три выстрѣла, чтобы убить утконоса или хотя бы ранить настолько тяжело, чтобы его можно было достать изъ воды».

По приказанію Беннета, были раскопаны много жилищъ утконосовъ, и потому онъ имѣлъ возможность наблюдать нѣсколько этихъ животныхъ въ неволѣ. «Я велѣлъ», говоритъ онъ, «разрыть одно жилище, несмотря на всѣ отговорки лѣниваго туземца, который положительно не могъ понять, зачѣмъ я хочу имѣть утконосовъ, когда имѣю въ избыткѣ быковъ и овецъ. Входъ или преддверіе жилища были широки по сравненію съ слѣдующимъ участкомъ норы; послѣдняя становилась все уже по мѣрѣ того, какъ мы подвигались далѣе впередъ, пока наконецъ ходъ не сѣзнулся до толщины животнаго. Мы прослѣдили его на разстояніе 3 м. Вдругъ изъ земли показалась голова утконоса, какъ будто бы его только что разбудили и онъ спустился

посмотрѣть, чего намъ нужно. Однако, повидимому, онъ пришелъ къ убѣжденію, что наша шумная работа не клонится къ его благу, такъ какъ онъ поспѣшно устремился обратно. Но когда онъ повернулся задомъ, его схватили за заднюю ногу и вытащили изъ норы. Онъ, казалось, былъ очень встревоженъ и удивленъ этимъ; по крайней мѣрѣ, отъ страха конечно, онъ тотчасъ выпустилъ свои очень непріятно пахнуція испражненія, нельзя сказать, чтобы нашему удовольствію. Животное не издавало никакого звука и не пыталось защищаться, но, стараясь убѣжать, немного оцарапало задними ногами мою руку. Его маленькіе, свѣтлые глаза блестя; ушные отверстия расширились, то суживались, какъ будто бы онъ хотѣлъ уловить каждый звукъ; сердце его сильно билось отъ страха. Черезъ нѣсколько времени утконось, повидимому, покорился своей судьбѣ, хотя отъ времени до времени и пытался еще убѣжать. Я не смѣлъ схватывать его за шкуру; мѣхъ такъ рыхлъ, что кажется, будто животное заключено въ толстый мѣховой мѣшокъ. Мы посадили пойманную нами взрослую самку въ бочку, наполненную травой, рѣчнымъ иломъ, водой и т. д. Она скребла повсюду, стараясь убѣжать, но увидя, что всѣ усилія ея тщетны, успокоилась, свернулась и, повидимому, заснула. Ночью она была очень безпокойна и опять скребла передними лапами, точно желая вырыть себѣ нору. Утромъ я нашелъ ее крѣпко уснувшей; при этомъ она подвернула подъ себя хвостъ, подогнула голову и клювъ подъ грудь и свернулась клубкомъ. Когда я нарушилъ ее дремоту, она заворчала, почти какъ щенокъ, но потише и пожалуй благозвучнѣе. Цѣлый день она оставалась почти спокойной, ночью же опять пыталась убѣжать и издавала продолжительное ворчаніе. Всѣ сосѣди европейцы, которые такъ часто видѣли это животное мертвымъ, были рады, что имъ наконецъ представился случай наблюдать его живымъ; я думаю, что это вообще былъ первый случай, когда европеецъ поймалъ живого утконоса и изслѣдовалъ его жилище.

«Убѣжая, я сунулъ своего маллангонга въ маленькій ящикъ съ травой и взялъ съ собой. Чтобы дать ему отдыхъ, я черезъ нѣкоторое время разбудилъ его, привязалъ ему къ задней ногѣ длинную веревку и посадилъ его на берегъ. Онъ скоро нашелъ дорогу въ воду и поплылъ противъ теченія, видимо наслаждаясь тѣми мѣстами, которыя гуще всего поросли водяными растеніями. Наплававшись до сыта, утконось вылѣзъ на берегъ, легъ на траву и сталъ съ наслажденіемъ скрестись и причесываться. Чистился онъ задними лапами поочередно, но скоро оставилъ въ покоѣ привязанную лапу, такъ какъ ею было неудобно дѣйствовать. Гибкое тѣло утконоса сильно сгибалось при этомъ навстрѣчу чистившей его ногѣ. Чистка продолжалась болѣе часа, зато по окончаніи ея животное стало болѣе блестящимъ и гладкимъ, чѣмъ прежде. Я положилъ разъ руку на то мѣсто, которое утконось въ это время скребъ, и могъ замѣтить, когда его когти скользили по моей рукѣ, что онъ дѣйствовалъ очень осторожно. Когда я со своей стороны попробывалъ почесать его, онъ отбѣжалъ на нѣкоторое разстояніе, но скоро снова принялся чиститься. Наконецъ онъ позволилъ мнѣ слегка погладить его по спинѣ, но не давалъ брать себя въ руки.

«Нѣсколько дней спустя я снова доставилъ ему случай выкупаться, на этотъ разъ въ чистой рѣкѣ, гдѣ я могъ ясно слѣдить за всѣми его движеніями. Онъ быстро нырялъ до дна, оставался тамъ короткое время и поднимался наверхъ. Онъ бродилъ около берега подну, ощупывая все своимъ клювомъ, который, повидимому, имѣетъ важное значеніе въ качествѣ очень нѣжнаго органа осязанія. Должно быть онъ находилъ при этомъ хорошую добычу, такъ какъ каждый разъ, какъ онъ вытаскивалъ клювъ изъ ила, въ немъ очевидно было что-то съѣдобное и челюсти двигались затѣмъ въ стороны, какъ при жеваніи. Онъ не трогалъ различныхъ насѣко-

мышъ, которыя порхали вокругъ него, или потому, что ихъ не видалъ, или потому, что предпочиталъ ту пищу, которую находилъ въ илѣ. Послѣ ѣды онъ иногда вылѣзалъ на берегъ, на половину высунувшись изъ воды, или ложился навзничъ, причѣмъ чесалъ и чистилъ своей мѣхъ. Въ свою тюрьму онъ возвращался вообще очень неохотно, а на этотъ разъ вовсе не хотѣлъ успокоиться. Ночью я слышалъ, какъ онъ скребся въ своемъ ящикѣ, который стоялъ въ моей спальнѣ; на утро же я нашелъ ящикъ пустымъ. Утконосу удалось отодрать одну изъ досокъ и убѣжать. Такимъ образомъ всѣ мои надежды на дальнѣйшія наблюденія оказались тщетными».

Въ новую побѣдку Беннету удалось найти гнѣздо съ тремя дѣтенышами, которые были уже покрыты шерстью, и наблюдать ихъ нѣкоторое время. «Когда мы нашли гнѣздо съ дѣтенышами», говоритъ Беннетъ «и посадили ихъ на землю, они, хотя и стали бѣгать вокругъ, но не дѣлали такихъ страшныхъ усилій спастись бѣгствомъ, какъ старые. Туземцы, у которыхъ при видѣ этихъ жирныхъ молодыхъ животныхъ потекли слюнки изо рта, говорили, что этимъ дѣтенышамъ было уже 8 мѣсяцевъ, и прибавляли, что старые утконосы только вначалѣ кормятъ молодыхъ молокомъ, а потомъ насѣкомыми, мелкими моллюсками и иломъ. Въ своемъ помѣщеніи эти молодые животныя принимали во время сна самыя различныя положенія. Одинъ свертывался, какъ собака, и плотно прикрывалъ клювъ хвостомъ, другой лежалъ на спинѣ, вытянувъ ноги, третій на боку или свернувшись клубкомъ, какъ ежъ. Если имъ надоѣдало одно положеніе, они укладывались иначе, но охотнѣе всего свертывались клубкомъ, причѣмъ клали переднія лапы подъ клювъ, сгибали голову къ хвосту, скрещивали заднія лапы надъ клювомъ и поднимали вверхъ хвостъ. Хотя они и были покрыты густымъ мѣхомъ, но все же любили тепло. Они позволяли мнѣ дотрогиваться до шкуры, но не до клюва—новое доказательство его чувствительности.

«Дѣтенышамъ я могъ спокойно предоставлять бѣгать по комнатѣ, но старое животное такъ упорно старалось прорыть стѣну, что я былъ принужденъ запереть его. Тамъ оно спокойно лежало весь день, но ночью возобновило попытки освободиться. Если я мѣшалъ утконосамъ спать, то всегда поднималось общее ворчаніе.

«Маленькое семейство моихъ утконосовъ прожило еще нѣкоторое время, и я могъ наблюдать его привычки. Звѣркамъ, повидимому, часто снилось, что они плаваютъ, такъ какъ ихъ переднія лапы часто дѣлали соответственныя движенія. Если я сажалъ ихъ днемъ на землю, то они отыскивали темное мѣстечко для отдыха и тамъ или въ своемъ помѣщеніи скоро засыпали, свернувшись клубкомъ; однако они предпочитали свое обыкновенное мѣсто отдыха всякому другому. Случалось также и совершенно обратное: они оставляли изъ каприза ту постель, на которой спали цѣлые дни, и залѣзали за какой-нибудь ящикъ или вообще въ темное мѣсто. Если они спали крѣпко, то ихъ можно было трогать, и они не просыпались.

«Разъ вечеромъ оба моихъ маленькихъ любимца вышли въ сумерки и стали, какъ обыкновенно, ѣсть свой кормъ; затѣмъ они начали играть между собою, какъ пара щенковъ, хватая другъ друга клювомъ, поднимая переднія лапы, перелѣзая другъ черезъ друга и проч. Иногда одинъ изъ нихъ падалъ, и можно бы ждать, что онъ поспѣшно поднимется и снова начнетъ бороться, но ему вдругъ приходило въ голову продолжать неподвижно лежать и чесаться; его противникъ спокойно смотрѣлъ на него и ожидалъ возобновленія игры. Во время бѣганія они были чрезвычайно оживлены, ихъ маленькіе глаза блестѣли, ушные отверстія необыкновенно быстро открывались и закрывались. Такъ какъ глаза утконосовъ лежатъ очень высоко на головѣ, то они плохо видятъ прямо передъ собою, а потому часто наталкиваются и опрокидываютъ легкіе предметы. Я часто видѣлъ, что они поднимали

голову, какъ бы желая осмотрѣться; иногда они начинали играть даже со мною: я гладилъ и чесалъ ихъ, а они съ удовольствіемъ принимали эти ласки, въ шутку кусали мои пальцы и вообще вели себя и въ этомъ случаѣ совершенно какъ щенята. Если ихъ мѣхъ былъ мокръ, то они не только чесали его, но и чистили, совсѣмъ какъ утка чиститъ свои перья. Послѣ этого шерсть всегда становилась гораздо красивѣе и глянцевитѣе. Если я сажалъ ихъ въ глубокой сосудъ, наполненный водою, то они старались поскорѣе выбраться оттуда. Если же вода была неглубока и въ углу находился кусокъ дерна, то это чрезвычайно нравилось имъ. Въ водѣ они повторяли совершенно такія же игры, какъ на землѣ, а если уставали, то ложились на дернъ и чесались. Почистившись, они обыкновенно прогуливались нѣкоторое время назадъ и впередъ по комнатѣ и затѣмъ отправлялись на покой. Рѣдко они оставались въ водѣ долѣе 10—15 минутъ. Иногда я и ночью слышалъ ихъ ворчаніе, казалось, что они играли или дрались, но утромъ я всегда находилъ ихъ спокойно спящими въ своемъ гнѣздѣ.

«Сначала я былъ склоненъ считать ихъ ночными животными; но скоро я убѣдился, что образъ жизни ихъ очень неправиленъ; они оставляли мѣста отдыха въ самое различное время, какъ днемъ, такъ и ночью, съ наступленіемъ темноты они, впрочемъ, становились живѣе и подвижнѣе. Я могъ придти лишь къ одному несомнѣнному выводу, что они въ одинаковой степени и дневныя, и ночныя животныя, хотя и предпочитаютъ прохладу и сумерки жару и яркому свѣту полудня. Это можно сказать не только о молодыхъ утконосахъ, но также и о старыхъ. Иногда они спали цѣлый день и оживлялись ночью, иногда наоборотъ. Часто одинъ спалъ, а другой бѣгалъ. Иногда самецъ сначала оставлялъ гнѣздо, а самка продолжала спать; набѣгавшись и наѣвшись влать, онъ свертывался въ клубокъ и располагался спать; тогда наступала очередь самки; въ другой разъ они появлялись оба вмѣстѣ. Разъ вечеромъ, когда оба бѣгали, самка издала пискъ, какъ будто бы звала своего товарища, который спрятался гдѣ-то въ комнатѣ за мебелью. Онъ тотчасъ отвѣтилъ подобнымъ же звукомъ и самка побѣжала къ тому мѣсту, откуда послышался отвѣтъ.

«Было крайне забавно видѣть, какъ эти странныя животныя зѣвали или потягивались. Они вытягивали при этомъ переднія лапы и растягивали, насколько возможно, плавательную перепонку. Хотя это было совершенно естественно, но все же казалось крайне смѣшнымъ, такъ какъ мы не привыкли видѣть, чтобы утка зѣвала. Я часто удивлялся, какимъ образомъ они попадали на книжный шкафъ или на другую какую-нибудь мебель. Наконецъ я увидѣлъ, какъ они прижимались спиною къ стѣнѣ, упирались ногами въ шкафъ и такимъ образомъ крайне быстро взбирались наверхъ, благодаря своимъ сильнымъ спиннымъ мускуламъ и острымъ когтямъ. Я кормилъ ихъ хлѣбомъ, размоченнымъ въ водѣ, круто свареннымъ яйцомъ и очень мелко изрубленнымъ мясомъ. Молоко они, повидимому, не предпочитали водѣ.

«Вскорѣ послѣ моего прибытія въ Сидней животныя, къ моему большому огорченію, стали худѣть, и ихъ мѣхъ потерялъ свой красивый, блестящій видъ. Они ѣли мало, но еще бодро бѣгали по комнатѣ; однако если имъ приходилось промокнуть, то мѣхъ сбивался въ видѣ войлока и они не высыхали уже такъ скоро, какъ прежде. Все въ нихъ указывало на то, что они нездоровы, и ихъ видъ могъ возбуждать лишь состраданіе. 29 января умерла самка, 2 февраля самецъ. Я продержалъ ихъ лишь около 5 недѣль».

Изъ дальнѣйшихъ наблюденій. сѣланыхъ Беннетомъ, мы узнаемъ, что утконосъ не можетъ долго оставаться живымъ въ водѣ. Когда одного изъ нихъ по-

садили только на 15 минутъ въ глубокую воду, такъ что онъ не могъ найти мелкаго мѣста, то его вынули уже совершенно истомленнымъ, еле живымъ.

Неудачная попытка Беннета привезти утконоса живымъ въ Европу не испугала его. Онъ заказалъ особую клѣтку и во второй разъ поѣхалъ въ Австралію за утконосами. Но и на этотъ разъ усилія его не увѣнчались желаемымъ успѣхомъ. Зато онъ пополнилъ свои наблюденія. Такъ онъ узналъ, что сѣмянные железки самца припухаютъ, какъ у птицъ, передъ временемъ спариванія и достигаютъ величины голубинаго яйца, между тѣмъ какъ въ другое время имѣютъ величину маленькихъ горошинъ. Беннетъ снова добылъ нѣсколько живыхъ утконосовъ. «Два плѣнника, которыхъ мнѣ принесли 28 декабря 1858 г.», говоритъ онъ, «были такъ боязливы, что, когда имъ нужно было подышать, они выставляли изъ воды лишь конецъ клюва, затѣмъ оба очень поспѣшно ныряли и, казалось, хорошо знали, что за ними наблюдаютъ. Самое продолжительное время, которое они могли оставаться подъ водою, не поднимаясь на поверхность, равнялось 7 минутамъ 15 секундамъ. Когда мы стали наблюдать за ними издали, одинъ вылѣзъ изъ бочки съ водою и попытался убѣжать. Это доказываетъ, что утконосы замѣчали съ помощью зрѣнія или слуха, откуда мы за ними наблюдаемъ; пока мы стояли около нихъ, они никогда не пытались убѣжать и вообще рѣдко появлялись на поверхности. Понемногу они, подобно большей части австралійскихъ животныхъ, стали болѣе ручными, показывались на поверхности воды и даже позволяли себя трогать. Самка обыкновенно ѣла свою пищу, плавая на поверхности воды. Она была гораздо болѣе ручной, чѣмъ самецъ, который охотнѣе оставался на днѣ.

«Съ 29 по 31 декабря мои утконосы чувствовали себя очень хорошо и были бодры. Утромъ и вечеромъ я сажалъ ихъ на 1 или 2 часа въ воду, куда бросалъ немного мелко искрошеннаго мяса, чтобы по возможности приучить ихъ къ такой пищѣ, съ помощью которой ихъ можно было бы переслать живьемъ въ Европу. Поведеніе ихъ согласовалось со всѣми прежними наблюденіями. Если грязь попадала слишкомъ близко къ ихъ чувствительнымъ ноздрямъ, то можно было замѣтить движеніе воды, которымъ они какъ бы хотѣли отогнать эту грязь отъ себя. Въ случаѣ неудачи они начинали мыть свой клювъ. Если я тревожилъ самца ночью, то онъ обыкновенно ворчалъ и издавалъ своеобразный рѣзкій свистъ, по всей вѣроятности призывая товарища. Самка умерла уже 2-го января, самецъ же прожилъ до 4-го. Я устроилъ клѣтку съ удобнымъ сосудомъ, наполненнымъ водою, въ которой животныя, повидимому, чувствовали себя очень хорошо. Но утромъ 5-го января я нашелъ самца мертвымъ на днѣ, откуда онъ, вѣроятно вслѣдствіе слабости, не могъ выбраться и дойти до своего гнѣзда. Человѣкъ, принесшій мнѣ этихъ животныхъ, увѣрялъ, что онъ въ теченіи 14 дней кормилъ двухъ утконосовъ рѣчными раковинами, которыя онъ разламывалъ и бросалъ въ воду, и что оба животныхъ погибли случайной смертью. Я самъ видѣлъ одно очень молодое животное, которое продержали 3 недѣли, кормя его червими».

Утконосъ кладетъ нѣсколько яицъ съ мягкой скорлупой, въ которыхъ зародыши, согласно открытію Кальдуэлла, находятся на той же стадіи развитія, какъ въ куриномъ яйцѣ, послѣ 36 часовъ насиживанія. Насиживаніе яицъ происходитъ въ гнѣздѣ. Дѣтеныши, выходящіе изъ яицъ, малы, голы, слѣпы и безпомощны, какъ у ехидны и сумчатыхъ. Клювы ихъ коротки. Въ описанномъ выше гнѣздѣ Беннетъ-младшій нашелъ двухъ молодыхъ животныхъ, которымъ было, вѣроятно, около одного мѣсяца. Они лежали, свернувшись клубкомъ, и прикрывали хвостомъ прижатый къ брюху или спинѣ клювъ, а передней ногою—хвостъ. Дѣтеныши имѣли въ длину 5 см., были круглы и хорошо упитаны, сѣраго цвѣта, голы и блестяли,

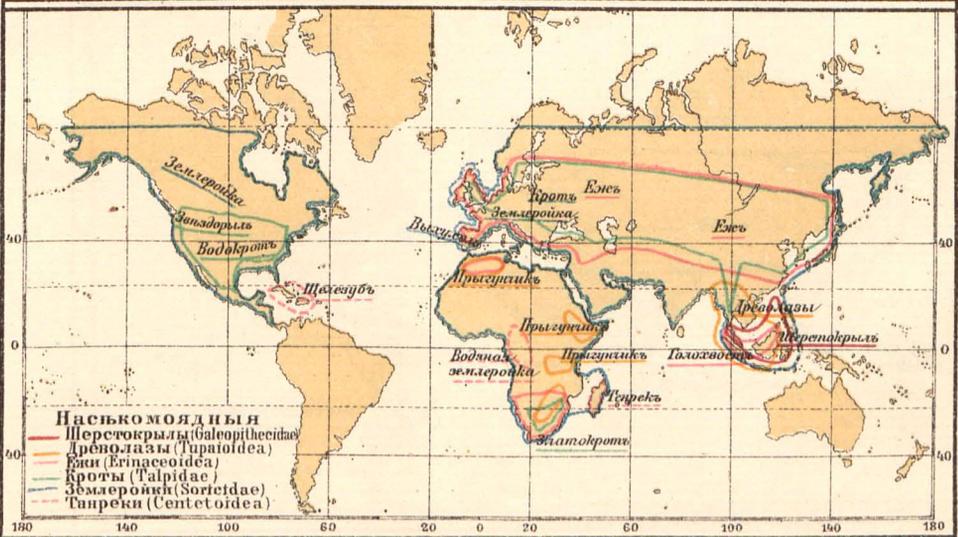
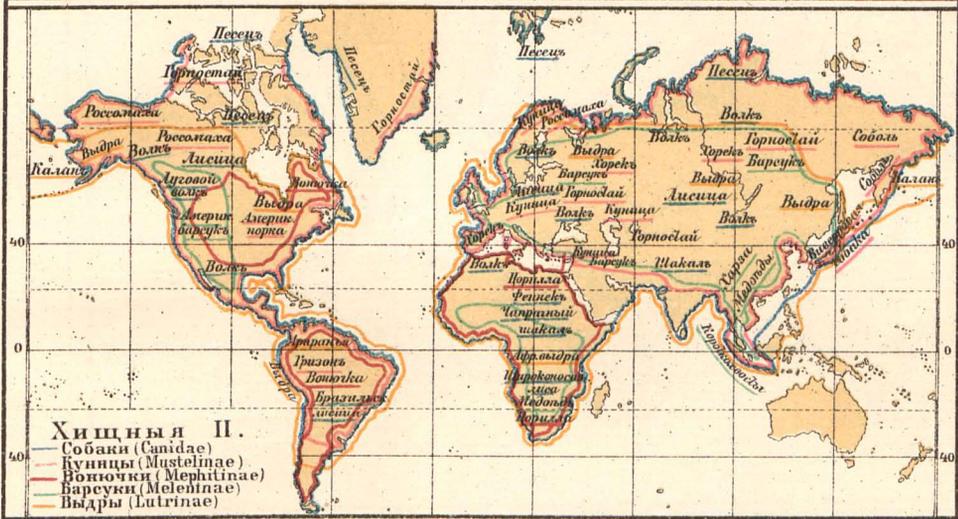
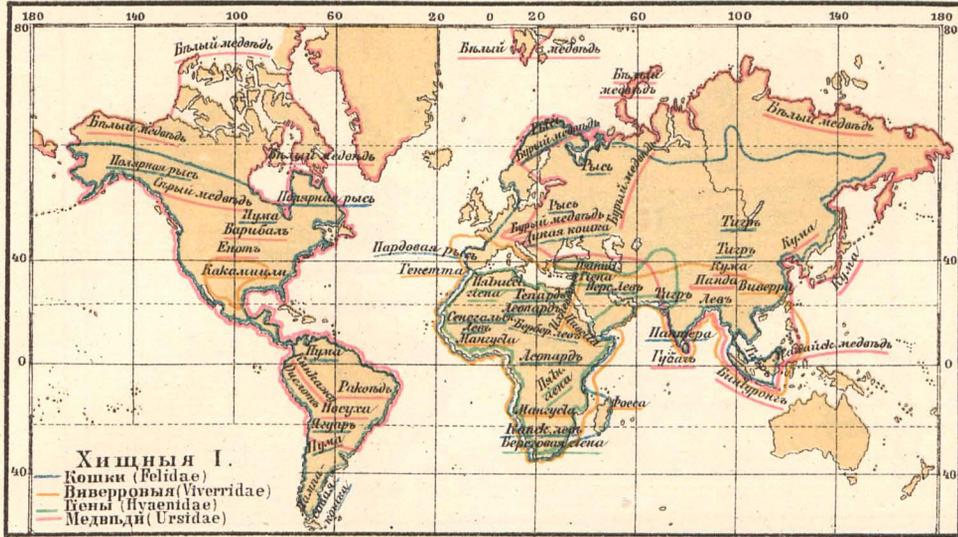
какъ бархатъ; глаза ихъ были еще не вполне открыты. Маленькія животныя отдыхали охотнѣе всего на спинѣ и клали клювъ на одну изъ переднихъ ногъ, вытягивая другую. Если ихъ беспокоили, то они шипѣли или пищали, какъ молодые утки. Хотя они и не получали никакой пищи, но умерли только черезъ нѣсколько дней и оставались до смерти очень бодрыми. Двухъ дѣтенышей длиною лишь въ 11—12 см., взятыхъ изъ другого гнѣзда, тотъ же наблюдатель бросилъ въ воду; они плавали, дѣлая сильныя движенія, но, несмотря на всѣ усилія, не могли держать голову надъ водою. Днемъ они спали; ночью были очень беспокойны. Хотя и удалось влить имъ въ ротъ немного подслащеннаго молока, которое они, по видимому, проглатывали, какъ бы лакая, но ихъ все-таки не удалось сохранить живыми. Они умерли черезъ 4 дня, не похудѣвъ за это время замѣтнымъ образомъ.

Въ зоологическомъ саду въ Мельбурнѣ утконосовъ держали за послѣднее время въ неволѣ; въ Европу до настоящаго времени не привезли еще ни одного живымъ.

Къ описанному однопроходнымъ примыкаетъ, можетъ быть, одно открытое лишь недавно, еще не получившее названія животное съ металлически-блестящими волосами, живущее подъ землею во внутренности Австраліи; оно извѣстно до сихъ поръ лишь по единственному, къ сожалѣнію, поврежденному экземпляру и не было еще подробно описано.

Еще болѣе важное дополненіе къ естественной исторіи низшихъ млекопитающихъ могло бы доставить единственное наземное млекопитающее Новой Зеландіи. Это животное похоже по внѣшнему виду на выдру, подобно ей живетъ около воды, или въ водѣ и въ настоящее время водится, вѣроятно, лишь въ горныхъ озерахъ Южныхъ Альпъ Новой Зеландіи. Его неоднократно видѣли и разъ такъ близко, что могли ударить его кнутомъ, послѣ чего оно съ рѣзкимъ крикомъ исчезло въ водѣ. Юліусъ фонъ-Гаастъ видѣлъ его слѣды на снѣгу. Тѣмъ не менѣе еще не удалось овладѣть имъ. Новая Зеландія обладаетъ наиболее низко стоящей фауной птицъ изъ всѣхъ странъ земного шара; возможно, что и единственное живущее туземное млекопитающее стоитъ настолько же ниже однопроходныхъ, какъ эти послѣднія ниже сумчатыхъ, и потому оно можетъ доставить важныя и, быть можетъ, неожиданныя данныя для сужденія о первоначальномъ происхожденіи самого высшаго класса позвоночныхъ.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЖИВОТНЫХ II. МЛЕКОПИТАЮЩИЯ II.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

I, II, III ТОМОВЪ.

МЛЕКОПИТАЮЩІЯ.

А.

- Аашари. III, 153.
Абокъ. III, 380.
Абу-Аддасъ. III, 393.
Абу-Делафъ. II, 727.
Абу-Кирфа. II, 726.
Абуланджъ I, 144.
Абу-эль-хоссеивъ. II, 36.
Аварисъ. III, 109.
Авукъ. II, 333.
Авюръ. II, 324.
Агазень. III, 396.
Аглектокъ. II, 323.
Агуара. II, 286.
Агуарачай. II, 58.
Агути. II, 615.
Адамсадъ. II, 267.
Аддасъ. III, 393.
Аддасы. III, 393.
Адьягъ. II, 70.
Ай. II, 80.
Ай-ай. II, 681,
Ай-ай. I, 320.
Аксисъ. III, 498.
Акумба. I, 289.
Алагата. II, 510.
Алагдагенъ. II, 510.
Алагтати. II, 509.
Алангу. II, 723.
Алатъ. III, 529.
Алимвохъ. II, 640.
Алла. III, 4.
Альмикви. II, 401.
Аллака. III, 171.
Алуатъ. I, 210.
Альмицилоро. II, 414.
Анава. III, 109.
Анарнакъ. III, 660.
Ангаирао. I, 627.
Андара. I, 483.
Ави. III, 4.
Аноа. III, 349.
Анта. III, 95.
Антилопа бѣлая. III, 356.
— бѣкерова. III, 386.
— водяная. III, 383.
— зобастая. III, 360.
— индѣйская. III, 406.
— карликовая бѣлолобая. III, 413.
— карликовая лѣсная. III, 413.
— левретка. III, 412.
— лѣсная большая. III, 400.
— лѣсная пестрая. III, 399.
— лѣсная пятнистая. III, 400.
— мускусная. III, 416.
— саблерогая. III, 390.
— серна. III, 419.
— степная. III, 436.
— чалая. III, 385.
— черная. III, 386.
— четырехрогая. III, 409.
Антилопы. III, 353.
— болотныя. III, 380.
— винторогія. III, 395.
— водяныя. III, 382.
— высокорогія. III, 362.
— железныя. III, 379.
— горныя. III, 419.
— карликовыя. III, 412.
— козы. III, 422.
— коневидныя. III, 384.
— коровьи. III, 375.
— коровьи. III, 402.
— красныя. III, 416.
— лѣсныя. III, 398.
— оленекозьи. III, 357.
— собственно. III, 357.
— хоботныя. III, 437.
— хохлатыя. III, 410.
Апаръ. II, 710.
Апелла. I, 240.
Аперей. II, 609.
Апіа. III, 583.
Апуя. III, 559.
Арба. III, 10.
Аргали. III, 237.
Ариги. I, 246.
Ариранья. I, 715.
Арисъ. III, 109.
Аркаръ. III, 237.
Армадиллы. II, 704.
Арна. III, 341.
Арна-Байива. III, 341.
Арня. III, 341.
Ару. I, 219.
Арун. III, 230.
Аръ. I, 477.
Аръ. III, 210.
Асвалъ. II, 267.
Ассанатъ. II, 442.
Атой. II, 58.
Атши. III, 425.
Ашкоко. III, 127.

Б.

- Баамъ. I, 77.
Бабакото. I, 283.
Бабируса. III, 553.
Бабуинъ. I, 178.
Бабуны. II, 509.
Багдадли. III, 54.
Багдаша. I, 499.
Багдосъ. I, 574.
Багиръ. II, 34.
Бадакъ. III, 108.
Бадулъ. I, 354.
Байбакъ. II, 463.
Бавантапъ. I, 129.
Бавара. I, 129.

Балу. II, 251.
 Бава. II, 267.
 Банбираль I, 499
 Бан-бираль. I, 303.
 Бандарь I, 161.
 Бандикутъ. III, 716.
 Бандого-туту. III, 349.
 Вантенгъ. III, 303.
 Ванъ-Кута. II, 68.
 Ваоза. II, 68.
 Барабара I, 504.
 Баразингъ. III, 496.
 Барай. III, 496.
 Баранъ гривистый. III, 228.
 — толсторогий. III, 245.
 Бараны. III, 225.
 — валахскіе. III, 250.
 — дикіе. III, 228.
 Барибаль. II, 247.
 Барригудо. I, 229.
 Баррисъ. I, 77.
 Барсукъ. I, 677.
 Барсучьи. I, 676.
 Баруть. III, 357.
 Бахъ. I, 403.
 Башомъ. II, 37.
 Баяръ-Китъ. II, 723.
 Бегемотовья. III, 563.
 Бегемотъ. III, 563
 — либерійскій. III, 563 и
 578.
 — маленький. III, 578.
 Бегинъ. III, 280.
 Бедень. III, 181.
 Безъмянное животное. II,
 268.
 Бейза. III, 388.
 Вени-Израэль. III, 412.
 Беогниъ. III, 280.
 Вледерь. II, 324.
 Берендо. III, 445.
 Берки. III, 409.
 Бигана. II, 34
 Бизонъ. III, 283.
 — индійскій. III, 298.
 Бизоны. III, 275
 Бигли. II, 153.
 Билла. I, 501.
 Винтуронгъ. II, 275.
 Вируангъ. II, 254.
 Вируль. III, 409.
 Витюгъ русскій. III, 56.
 Вишаринъ. III, 147.
 Вобрь. II, 485.
 — болотный. II, 634.
 — канадскій. II, 487.
 — морской. I, 717.
 — мускусный. II, 417.
 Вобровья. II, 483.
 Бого. III, 330
 Боккомбуль. I, 293.
 Боксеры. II, 137.
 Болита. II, 710
 Волонки. II, 154.
 Вонассусъ. III, 274.
 Вондарь. I, 582.
 Вонто. III, 653.

Бореле. III, 109.
 Бородавочки. III, 555
 Бородавочникъ африканскій
 III, 556.
 — беззубый. III, 556.
 Бохарія. II, 37
 Бодъ. III, 201.
 Брайтъ. I, 574.
 Браудрузелдуръ. II, 320.
 Броненосецъ гигантскій. II,
 713.
 — трехпоясный. II, 710.
 — шестипоясный. II, 706.
 — щетинистый. II, 705.
 Броненосцы. II, 702 и 704.
 Бруанъ. II, 254.
 Бру-самунди. I, 300.
 Буанзу. II, 68.
 Бубаль бѣлолобый. III, 375.
 — сенегальскій. III, 375.
 — степной. III, 376.
 Бубалы. III, 374
 Бубастось. I, 441.
 Буденгъ. I, 124.
 Буйволь дикій. III, 276.
 — индійскій. III, 341.
 — рыжий. III, 338
 — рѣчной. III, 563.
 — тропическій. III, 332.
 — черный. III, 330.
 Буйволы. III, 330.
 Булханъ. III, 655.
 Бульдоги. II, 137.
 Бумерь. III, 686.
 Бундерь. I, 161
 Бундоба. III, 298.
 Бунереатору. III, 295.
 Бунпарра. III, 298.
 Бунъ-раху. II, 723.
 Бурета. III, 357.
 Бурія. III, 498.
 Бурундуки. II, 444.
 Бурундукъ американскій. II,
 445
 — сибирскій. II, 444.
 Бурханъ. I, 413.
 Буфео. III, 653.
 Буффало. III, 284.
 Быки. III, 265
 — англійскіе короткорогіе.
 III, 318.
 — безгорбые. III, 511.
 — бизоновидные. III, 298.
 — венгерскіе. III, 519.
 — голландскіе. III, 317.
 — горбатые. III, 308.
 — длиннорогіе. III, 308.
 — длинношерстые. III, 268
 — домашніе. III, 317.
 — дургамскіе. III, 318.
 — итальянскіе. III, 319.
 — короткорогіе. III, 308.
 — собственно. III, 294.
 — стениые. III, 319.
 — фрибургскіе. III, 317.
 — черкасскіе. III, 319
 — швейцарскіе. III, 318.

Быки швейцарскіе горные.
 III, 319.
 Быкъ голубой. III, 406.
 — джунглей. III, 298.
 — длиннолобый. III, 311.
 — европейскій дикій. III,
 275.
 — лобастый. III, 311.
 — мускусный. III, 259.
 — первобытный. III, 274.
 — полудикій англійскій. III,
 313
 — шотландскій. III, 313.
 — рыба. III, 583
 — широколобый. III, 295
 Бьесъ. III, 529
 Бѣлчи. II, 423.
 Бѣлка земляная полосатая
 сибирская. II, 444.
 — карликъ. II, 436.
 — кошачья. I, 609
 — обыкновенная. II, 426.
 — сахарная. III, 707
 Бѣлки дневныя. II, 426
 — летучія. II, 438.
 — настоящія. II, 423 и 426.
 — сахарныя. III, 707
 — сусликовыя. II, 447.
 Бѣлодушка. I, 619.
 Бѣлуха. III, 639.
 Бѣлякъ. II, 664.
 — альпійскій. II, 663
 — сѣверный. II, 663.

В.

Ва. II, 273.
 Ваббра. III, 127.
 Ваббрь. III, 132.
 Ваганзу. III, 559,
 Вагати. I, 501.
 Вакдонка. II, 273.
 Вали. III, 181.
 Валабин. III, 687.
 — ржаво-брюхий. III, 688.
 Валуви. I, 295.
 Вальке. II, 37.
 Вампиры. I, 386
 Вампиръ большой. I, 386.
 Ванаку. I, 246.
 Ванаръ. I, 119.
 Вангалъ. III, 700.
 Вапити. III, 496.
 Вара. III, 107.
 Варакъ. III, 107.
 Вари. I, 288.
 Варрагалъ. II, 84.
 Вауау. I, 110.
 Вахагъ. I, 403
 Вдовушка. I, 254
 Векша. II, 426.
 — сѣверная. II, 426.
 Велли. III, 526.
 Верблюды. III, 146.
 — дикіе. III, 159

Верблюды двугорбый III, 158.
 — одногорбый III, 146.
 Виверра мексиканская II, 295.
 Виверровья I, 566.
 Виверры I, 570.
 — кошконогия I, 570.
 — собаконогия I, 570.
 Вигонь III, 173.
 Визгуны I, 232.
 Викувья III, 173.
 Вилороговья III, 445.
 Вилорогъ III, 445.
 Виль-муха III, 505.
 Виогене II, 251.
 Вискаша II, 649.
 Виякъ I, 627.
 Водолазъ II, 155.
 Водосвинка II, 623.
 Водяная верблюдица I I I, 587.
 Волки II, 20.
 — широколобые II, 22.
 Волкъ II, 20.
 — африканскій II, 36.
 — береговой II, 10.
 — болотный I, 20.
 — буланый II, 33.
 — гривистый II, 49.
 — горный II, 73.
 — земляной II, 15.
 — золотой II, 22.
 — золотой II, 42.
 — индѣйскій II, 34.
 — камышевѣй II, 33.
 — красный II, 49.
 — мексиканскій II, 21.
 — луговой II, 50.
 — лѣсной II, 20.
 — лѣсной II, 74.
 — морской II, 326.
 — оборотень II, 22.
 — охотничій II, 22.
 — нестрый II, 62.
 — полосатый II, 38.
 — сѣверо-американскій II, 33.
 — тибетскій II, 20.
 — тигровый II, 7.
 — тимберовый II, 33.
 — фалкландскій II, 79.
 — хищный II, 22.
 — шакаль II, 36.
 Вольферене I, 666.
 Вомбатъ митчеллеви III, 713.
 — тасманскій III, 713.
 Воючка I, 693.
 — американская I, 697.
 — лѣсная II, 699.
 Воючки I, 696.
 Воркучь II, 316.
 Вунль III, 109.
 Вурбагуль I, 354.
 Выдра американская I, 715.
 — рѣчная I, 704.
 Выдры I, 704.

Выхухоли II, 414.
 Выхухоль II, 415.

Г.

Габи III, 295.
 Гадороро III, 95.
 Гадьяхъ III, 4.
 Газели III, 363.
 Газель III, 364.
 — изабелловая III, 356.
 — индѣйская III, 409.
 — черновосая III, 356.
 Гази II, 68.
 Гай III, 4.
 Гайя III, 4.
 Гаки II, 445.
 Гамаль III, 149.
 Гамауль III, 149.
 Ганда III, 105.
 Гандха-гокаль I, 576.
 Гариать II, 238.
 Гауръ III, 71.
 Галаго I, 309.
 — большой I, 314.
 — обыкновенный I, 310.
 Гамадриль I, 186.
 Гамма III, 95.
 Гаоля III, 298.
 Гаоръ III, 298.
 Гаргаданъ III, 109.
 Гарна III, 357.
 Гарреа III, 398.
 Гато вермельо I, 514.
 Гато-де-Монте I, 511.
 Гато-муриско I, 511.
 Гаруа III, 396.
 Гауръ III, 294.
 Гаяль III, 298.
 Гаяль III, 295.
 Гвазуп III, 513.
 Гверца I, 129.
 Гверца I, 129.
 Гебе I, 186.
 Геесъ II, 37.
 Гебунъ III, 702.
 Гедангикъ III, 109.
 Гезела I, 480.
 Гейикъ III, 204.
 Геллада I, 194.
 Генетта I, 577 и 578.
 Генда III, 105.
 Генра III, 105.
 Генарды I, 557.
 Генардъ азиатскій I, 557.
 — крапчатый I, 557.
 — шерстистый I, 557.
 Ги III, 526.
 Гиббонъ I, 107.
 Гиббонъ бѣлорукій I, 108.
 Гидаръ II, 42.
 Гикъ III, 639.
 Гиндоль III, 93.
 Гиппопотамъ III, 563.
 Гиппотигры III, 83.

Гирара I, 672.
 Гирунъ III, 357.
 Гифаръ III, 529.
 Гиху III, 655.
 Глигтодонъ II, 702.
 Гиена береговая II, 10.
 — полосатая II, 12.
 — пятнистая II, 6.
 Гиены II, 1.
 Гну III, 440.
 — обыкновенный III, 441.
 — полосатый III, 443.
 Гобангъ I, 693.
 Гомари III, 563.
 Гона-руаа III, 500.
 Гонде III, 529.
 Гораль III, 422.
 Горбачъ III, 612.
 Горибунъ III, 699.
 Горилла I, 59.
 Горкуръ III, 71.
 Горностаи I, 647.
 Горосунъ III, 436.
 Горь III, 105.
 Гофферъ II, 586.
 Гребневикъ II, 629.
 Гризли II, 24.
 — коричневый II, 244.
 Гривонъ I, 674.
 — большой I, 675.
 Гривоны I, 672.
 Грида III, 611.
 Гривуны II, 421.
 Губачи II, 222.
 Гуазупита III, 516.
 Гуанако III, 164.
 Гуаръ II, 49.
 Гунди II, 631.
 Гунешъ III, 3.
 Гупура II, 295.
 Гуроны I, 672.
 Гурайя III, 406.
 Гусаръ I, 150.
 Гуты II, 615.

Д.

Даманы III, 126.
 Данта III, 95.
 Дау III, 84.
 Даунае III, 588.
 Двазала III, 6.
 Дворяшки II, 166.
 Двукончатныя III, 136.
 Двуногий мыши II, 502.
 Двуузробка ракоѣдная III, 739.
 Двуузробки II, 733.
 Дегу II, 629.
 Дельфинъ III, 648.
 — рѣчной южно-американскій III, 653.
 — черный III, 641.
 Дельфины III, 628.
 — длинноклювые III, 653.
 Десманъ II, 415.

Десмодъ рыжій. I, 383.
 Десмоды. I, 383.
 Джамауль. III, 149.
 Джамусь. III, 345.
 Джамусь-эль-Бааръ. III, 563.
 Джангли. II, 68.
 Джангли-Байва. III, 341.
 Джангли-бакра. III, 409.
 Джанъ. III, 62.
 Джеммель. III, 146.
 Джербоа. II, 502.
 Джерай. III, 500.
 Джеркуль. II, 73.
 Джиггетай. III, 62.
 Джилидъ. III, 587.
 Джилдъ. III, 588.
 Джила. III, 357.
 Дванга. III, 529.
 Дверень. III, 360.
 Дибъ. II, 42.
 Дикообразовья. II, 589.
 Дикообразъ. II, 591.
 — индѣйскій. II, 592.
 — пѣнкохвостый. II, 601.
 Дикообразы древесные. II, 601
 — земные. II, 590.
 — лазающіе. II, 597.
 — собственно. II, 590.
 — пѣнкохвостые. II, 601.
 Димугъ. I, 666.
 Динго. II, 84.
 Диана. I, 144.
 Діебъ. II, 42.
 Діудъ. II, 333.
 Длинноножка. II, 397.
 Доги. II, 129.
 — англійскіе. II, 136.
 — кубскіе. II, 139.
 — медвѣжьи. II, 136.
 — молосскіе. II, 136.
 Доглингъ. III, 660.
 Догъ датскій. II, 129.
 — Ирландскій. II, 135.
 — нѣмецкій. II, 130.
 — тибетскій. II, 140.
 — Ульмскій. II, 130.
 Дода. III, 409.
 Доваль. I, 430.
 Долгоногъ. II, 512.
 — кафрскій. II, 512.
 Долгопять-пугало. I, 315.
 Долгопята. I, 315.
 Домъ. II, 251.
 Доо. III, 403.
 Доръ. I, 594.
 Древолазъ. III, 692.
 Дрилъ. I, 198.
 Дромадеръ. III, 146.
 Дсоу. III, 10.
 Ду. I, 603.
 Дукеръ. III, 411.
 Дуни. III, 498.
 Дшера-крумль. III, 341.
 Дшига. III, 529.
 Дчирки. II, 445.
 Дюгонъ. III, 586.

Е.

Единорогъ. III, 113.
 Единорогъ. III, 657.
 Ежекрьсы. II, 633.
 Ежи. II, 369.
 — щетинистые. II, 398.
 Ежъ европейскій. II, 371.
 — свиной. II, 372.
 — собачій. II, 372.
 — щетинистый. II, 399.
 Елень. III, 458.
 Емуранки. II, 554.
 Емуранчикъ. II, 509.
 Ендако. II, 54.
 Еногъ. II, 277.
 — гиммалайскій. II, 273.
 Еридъ. II, 267.
 Ехидна иглистая. III, 746
 — австралійская. III, 746.
 — вапуасская. II, 747.
 — тасманская. III, 747
 — шерстистая. III, 752.
 Ехидны. III, 744.

Ж.

Жвачныя. III, 136
 — безрогія. III, 137.
 — плотнорогія. III, 137.
 — полорогія. III, 176,
 Жираффа. III, 138.
 Жираффы. III, 137.
 Жиряки. III, 126.
 Жирякъ абиссинскій. III,
 128
 — древесный. III, 133.
 — капскій. III, 133.
 — мозамбикскій. III, 133.

З.

Заать. I, 693.
 Заяцъ-кролики. II, 675.
 Заяцы. II, 655.
 — африканскіе. II, 668.
 — ирландскіе. II, 663.
 Заячкы. II, 510.
 Замбаръ. III, 500.
 Запа. III, 309.
 Затча. III, 639.
 Зау. III, 249.
 Заяцъ альпійскій. II, 664.
 — верблужій. II, 510.
 — земляной. II, 509.
 — золотой. II, 615.
 — каменный. II, 669.
 — канскій. II, 669.
 — пустыни. II, 668.
 — русакъ. II, 655.
 — сибірскій. II, 655.

Заяцъ толстохвостый. II, 669.
 — Тумакъ. II, 655.
 — южно-европейскій. II,
 655.
 Заячы. II, 653.
 Зебръ. III, 85.
 — Гриви. III, 86.
 Зебу. III, 309.
 Зегунгъ. I, 693
 Землеройка волыная. II, 409.
 — домовая. II, 407.
 — лѣсная. II, 404.
 — тосканская. II, 408.
 Землеройки. II, 402.
 — водяныя. II, 409.
 — обыкновенныя. II, 404.
 — настоящія. II, 403.
 — полевныя. II, 407.
 Земляной поросенокъ. II, 727.
 Зерау. III, 249.
 Зерафе. III, 138.
 Зизумаръ. III, 655.
 Зингъ-вингъ. III, 383.
 Змѣѣдъ. III, 206.
 Зона. II, 251.
 Зонарь. II, 251.
 Зохень. III, 10.
 Зригала. II, 42.
 Зубри. II, 73.
 Зубръ. III, 272.
 Зузу. III, 655.
 Зундае. III, 655.

И.

Ивондуэ. II, 640.
 Иглошерсть. II, 597.
 Игрунка карликовая. I, 277.
 — львиная. I, 268.
 Игрунки. I, 268.
 Игубу. III, 563.
 Изаръ. III, 424.
 Икаръ. I, 498.
 Илабутума. III, 441.
 Ильбигае. II, 54.
 Имвубу. III, 563
 Импала. III, 362
 Импофо. III, 403.
 Имсиги. III, 382.
 Ингеръ. I, 318.
 Индлову. III, 10.
 Индри. I, 282.
 — настоящій. I, 283.
 — хохлатый. I, 283.
 Инзефо. III, 403.
 Инія. III, 653.
 Иніяты. III, 330.
 Инконеко. III, 443.
 Инсего. I, 77.
 Иншоко. I, 77.
 Инпуре. III, 559.
 Ирбисъ. I, 498.
 Ихараль. III, 223.
 Ихневмонъ. I, 590.
 Ихневмонн. I, 590.

I.

Ие. II, 273.
 Иерфъ. I, 666.
 Иерь. III, 223.
 Иу-мин-мао. I, 586.
 Иуруми. II, 693.

K.

Каама III, 376.
 Кабаллай. II, 723.
 Кабанъ. III, 539.
 — индѣйскій. III, 540.
 — олень. III, 553.
 Кабарга. III, 529.
 Кабарги. III, 529.
 Каберу II, 37.
 Кабри III, 445.
 Кабрить. III, 445.
 Кагесъ III, 356.
 Кагуангъ. II, 418.
 Кагуаре. II, 699.
 Кадаба. III, 500.
 Кадоликъ. II, 320.
 Кайи или кай. I, 233.
 Какало. I, 250.
 Какамицли. I, 608.
 Какортакъ. II, 324.
 Какуо. III, 526.
 Каланъ. I, 717.
 Калонгъ. I, 351.
 Кальвить. III, 357.
 Кама. II, 210.
 Кама. III, 376.
 Камели. III, 149.
 Камелиа. III, 149.
 Камоааль. III, 149.
 Камми. I, 666.
 Камуи-камуи. II, 251.
 Камкури. III, 526.
 Камна III, 402.
 Камибара. II, 623.
 Каппаро. I, 229.
 Капустница. III, 591.
 Капуцинъ. I, 233.
 Капуога. II, 623.
 Карагуаръ. I, 515.
 Каразиси II, 56.
 Карайя. I, 210.
 Каракала. I, 535.
 Карбау. III, 347.
 Карбо. III, 347.
 Карибу. III, 473.
 Каридагуаресъ. I, 229.
 Каркова. III, 298.
 Карури. I, 250.
 Каруфъ. III, 230.
 Каръ-лагуна. III, 504.
 Кассоли-Маньюръ. II, 723.
 Кастура. III, 529.
 Катта. I, 292.
 Катуйени. III, 298.
 Кахау. I, 127.

Качваръ. III, 242.
 Кашадотъ. III, 661.
 Квагга. III, 83.
 Квагги пестрыя. III, 86.
 Квогело. II, 722.
 Кегутиликъ. III, 661.
 Кейтлоа. III, 109.
 Кеке. III, 127.
 Келелуакъ. III, 639.
 Кельбъ-ель-хала. II, 38.
 Кенгуру III, 676.
 — болышеногіе. III, 686.
 — горные. III, 688.
 — древолазовые. III, 692.
 — желтоногіе восточно-австралийскій. III, 688.
 — зѣйдеобразный. III, 690.
 — исполнскій. III, 686.
 — каменный южн-австралийскій. III, 688.
 — крысиный. III, 694.
 — медвѣдеобразный III, 692.
 — собственно. III, 686.
 Кепоркакъ. III, 598.
 Кепоркакъ. III, 612.
 Керабау. III, 347.
 — яванскій. III, 348.
 Кердетшъ. III, 71.
 Кердетъ III, 71.
 Керкаль. I, 483.
 Кехиланъ. III, 53.
 Кибобо II, 563.
 Кидангъ. III, 526.
 Кидшапгъ. III, 526.
 Кикнебъ III, 324.
 Кингчарлы II, 154.
 Кинкажу. II, 295.
 Кирасеу. II, 207.
 Кирдъ. I, 186.
 Кирн. I, 594.
 Кирса. II, 207.
 Кистехвость. II, 596.
 — африканскій. II, 596.
 Китообразныя. III, 594.
 Китъ гренландскій III, 623.
 — желтобрюхій. III, 619.
 — остроголовый. III, 621.
 — полярный. III, 618.
 — рыбій. III, 645.
 — сельдяной. III, 645.
 Киты III, 594.
 — беззубые. III, 610.
 — зубастые. III, 628.
 — кашалотовые. III, 661.
 — кляворылые. III, 660.
 — круглоголовые. III, 641.
 — настоящіе. III, 622.
 — травоядные. III, 580.
 Кіапгъ. III, 62.
 Кіэн-зень. III, 107.
 Кія. I, 403.
 Кляворогъ. I, 141.
 Кляворыльвысоколобый. III, 660.
 Коала. III, 698.
 Коата. I, 219.
 Коати. I, 507.

Коати. II, 286.
 Кобаба III, 111.
 Когера III, 752.
 Когтекопытный. III, 127.
 Кожаны I, 373.
 Кожанъ-обыкновенный. I, 373.
 Коза ангорская. III, 211.
 — бѣлая. III, 351.
 — варварійская. III, 21.
 — горбоносая анванская. III, 210.
 — горная сѣверо-американская. III, 351.
 — дикая. III, 518.
 — домашняя. III, 209.
 — европейская. III, 211.
 — египетская. III, 216.
 — египетская короткоухая. III, 210.
 — карликовая. III, 216.
 — кашмирская. III, 214.
 — ливійская. III, 210.
 — лохматая. III, 21.
 — мамбрійская. III, 215.
 — непальская. III, 211.
 — пильская. III, 216.
 — плосконосая египетская. III, 210.
 — плоскорогая. III, 211.
 — свѣтловая. III, 351.
 — суданская. III, 210.
 — эѳиопская. III, 210.
 — анванская. III, 210.
 Козель безоаровый. III, 201.
 — болышеногій. III, 206.
 — болотный. III, 380.
 — голубой. III, 385.
 — вилторогій. III, 206.
 — водяной. III, 206.
 — водяной. III, 382 и 401.
 — дикій. III, 201.
 — домашній. III, 201.
 — пестрый. III, 203.
 — черный. III, 386.
 Козерогъ альпійскій. III, 181.
 — европейскій. III, 181.
 — пиренейскій. III, 195.
 Козероги. III, 181.
 Козловыя. III, 177.
 Козлы. III, 179.
 Козлы лѣсные. III, 398.
 Козлы собственно. III, 201.
 Козы горныя. III, 351.
 Койотъ. II, 50.
 Койруни. III, 559.
 Конпу. II, 634.
 Кокко. III, 127.
 Коконъ. III, 443.
 Кола. II, 42.
 Колза. II, 68.
 Колзунъ. II, 68.
 Колли. II, 168.
 Комба. I, 311.
 Консолень. III, 500.
 Конгсаль. II, 37.
 Конь морской. II, 336.
 Корова дикая. III, 390.

- Корова морская. III, 590.
 — морская. II, 336.
 — степная. III, 390.
 Корсакъ. II, 207.
 Короткохвостъ. I, 693.
 Косатка. III, 630.
 Косуля. III, 517.
 — азиатская. III, 520.
 — бразильская. III, 516.
 — европейская. III, 518.
 — манджурская. III, 520.
 Котикъ. I, 717.
 — морской. II, 358.
 Котри. III, 409.
 Коть морской. II, 354.
 Кошка ангорская. I, 458.
 — безхвостая. I, 459.
 — буланая. I, 439.
 — голубовато-сѣрая. I, 459.
 — дикая. I, 432.
 — длиннохвостая. I, 528.
 — домашняя. I, 441.
 — джунглевая. I, 532.
 — карликовая. I, 459.
 — картезианская. I, 459.
 — китайская. I, 459.
 — крапчатая. I, 499.
 — красная. I, 514.
 — кустарниковая. I, 504.
 — куманская. I, 459.
 — леопардовая. I, 501.
 — медвѣжья черная. II, 275.
 — мраморная. I, 430.
 — манская. I, 459.
 — огненная. I, 441.
 — намысовая. I, 530.
 — пустыни. I, 536.
 — рыболовъ. I, 499.
 — рыжая. I, 459.
 — Тобольская. I, 459.
 — сямская. I, 459.
 — степная. I, 438.
 — тигровая. I, 528.
 — хорассанская. I, 459.
 — хорьковая. I, 565.
 Кошки. I, 394.
 — Цоваго свѣта. I, 506.
 — одноцвѣтныя. I, 506.
 — поперечно-полосатыя. I, 403.
 — пятнистыя. I, 459.
 — Старога свѣта. I, 402.
 Кохлани. III, 53.
 Крась. III, 223.
 Кровососы. I, 377.
 Кроликъ. II, 670.
 — ангорскій. II, 674.
 — дякій. II, 670.
 — домашній. II, 673.
 — Порто-Санто. II, 674.
 — русскій. II, 674.
 — серебристый. II, 674.
 — шелковистый. II, 674.
 Кровь обыкновенный. II, 384.
 — щитконосный. II, 715.
 Кроты. II, 382.
 Крыланъ златошейный. I, 361.
 — нильскій. I, 360.
 — пальмовый. I, 360.
 Крыланы ночные. I, 360.
 Крыса водяная. II, 560.
 — земляная. II, 560.
 — мускусная. II, 556.
 — мѣшетчатая. II, 586.
 — фараонова. I, 590.
 — хомяковая. II, 522.
 — черная. II, 522.
 Крысодавы. II, 164.
 Крысы. II, 521.
 — болотныя. II, 560.
 — кенгуровыя. III, 692.
 — кустарниковыя. II, 628.
 — мѣшетчатыя. II, 584 и 585.
 Крючкохвостка бурая. I, 240.
 — рогатая. I, 242.
 Куанду. II, 601 и 606.
 Куасси. II, 286.
 Куау-Тенцо. II, 295.
 Кубинъ. II, 418.
 Кугуаръ. I, 506.
 Кудайеръ. III, 93.
 Кудари. III, 529.
 Куду. III, 395.
 Кузманзе. I, 603.
 Кузу. III, 703.
 Кузу-лиса. III, 703.
 Куланъ. III, 62.
 Кулу-гамба. I, 77.
 Кукама. III, 388.
 Кукангъ. I, 300.
 Куксио. I, 246.
 Куница каменная. I, 619.
 — настоящая. I, 612.
 — пальмовая индѣйская. I, 582.
 — малайская. I, 582.
 — рыболовъ. I, 627.
 — сосновая. I, 626.
 Куницы. I, 612.
 — пальмовыя. I, 581.
 Кунъ. II, 277.
 Кума. II, 251.
 Куыря. III, 6.
 Кускусъ пятнистый. III, 700.
 Кускусы. III, 700.
 Кустарная корова. III, 338.
 Кусу. III, 701.
 Кутерова свинка. II, 609.
 Кутора водяная. II, 409.
 Куторы. II, 409.
 Кухумби. II, 295.
 Кунгаръ. III, 241.
 Куэрукъ. I, 501.
 Кхамсь. III, 53.
 Кхатась. I, 574.
 Кхуть-эль-хала. I, 536.
 Кюй. II, 602.
 Лавунъ. I, 413.
 Лайяръ банаръ. I, 300.
 Лакай. II, 624.
 Лакати. I, 582.
 Лалава. III, 529.
 Лама. III, 167.
 Ламантинъ. III, 583.
 — африканскій. III, 582.
 — узколобый. III, 584.
 Ламантны. III, 582.
 — американскіе. III, 582.
 Ламы. III, 162.
 Лангуръ. I, 119.
 Ландга. II, 34.
 Лани. III, 483.
 Ландцетонъ египетскій. I, 384.
 Ландцетонсы. I, 384.
 Ланъ. III, 483.
 Ланундеръ. I, 166.
 Ларъ. I, 108.
 Ласка. I, 640.
 — большая. I, 647.
 — древесная. II, 295.
 — кускусовая. III, 701.
 Ластоногія. II, 299.
 Лавретка. II, 124.
 Левъ. I, 459.
 — абиссинскій. I, 461.
 — белгривый. I, 461.
 — варварійскій. I, 460.
 — гудшератскій. I, 461.
 — канскій. I, 461.
 — морской. II, 348.
 — морской. II, 361.
 — персидскій. I, 461.
 — Сенегальскій. I, 461.
 — серебряный. I, 506.
 Ледра. III, 356.
 Лемаръ. II, 575.
 Лемуры. I, 280.
 Леопардъ. I, 479.
 — африканскій охотничій. I, 557.
 — дымчатый. I, 428.
 — морской. II, 313.
 — сибѣжный. I, 498.
 — черный. I, 482.
 Леопарды охотничьи. I, 557.
 Летающая собака. I, 351.
 Летунъ. III, 705.
 Летучая лисица. I, 354.
 Летучая мышь бродячая. I, 369.
 — карлица. I, 368.
 — короткоухая водяная. I, 367.
 — красная. I, 367.
 — прудовая. I, 339.
 — сѣрая. I, 366.
 Летучіе маки. II, 417.
 Летучія кошки. II, 417.
 Летучія мыши. I, 325.
 — водяныя. I, 367.
 — гладконосыя. I, 361.
 — горныя. I, 369.
 — короткоухія. I, 367.
 — короткохвостыя. I, 362.

Л.

Лаггаръ. I, 557.

Летучія плогодныя. I, 348.
 — равнохвостыя. I, 363.
 — ранолетающія. I, 369.
 — скрытохвостыя. I, 362
 — сѣрыя. I, 365.
 Летучія собаки. I, 348.
 — собственно. I, 351.
 Летяга сибирская II, 440
 Летаги. II, 438.
 Линг-ле II, 724.
 Лисангъ. I, 580.
 Лисица бразильская. II, 58.
 — каменная II, 198.
 — луговая. II, 209.
 — обыкновенная. II, 176.
 — полярная. II, 198.
 — степная. II, 207.
 — сѣрая. II, 214.
 — широконосая. II, 217.
 Лисица. II, 176.
 Лисицы-березовки. II, 178.
 — большехвѣ. II, 209.
 — бѣлыя. II, 199.
 — голубыя. II, 199.
 — горѣлыя. II, 178.
 — крестовки. II, 179.
 — степныя маленькія. II, 210.
 — тирольскія. II, 179.
 — чернобурья. II, 179.
 — черныя. II, 179.
 Лисогонъ. II, 151.
 Листоносы. I, 376.
 Лонгра. I, 715.
 Лори. I, 296.
 — толстый. I, 300.
 — тонкій. I, 297.
 Лоси. III, 458.
 Лось. III, 458.
 — сѣверо-американскій. III, 470.
 Лошакъ. III, 80.
 Лошади. III, 40.
 — бельгійскія. III, 57.
 — безкровныя. III, 56.
 — ганноверскія. III, 56.
 — голштинскія. III, 56.
 — дикія полосатыя. III, 83.
 — донскія. III, 56.
 — юмудскія. III, 54.
 — кавкаскія. III, 56.
 — кладрубскія. III, 56.
 — липицянскія. III, 56.
 — мекленбургскія. III, 56.
 — ольденбургскія. III, 56.
 — полосатыя африканскія. III, 83.
 Лошади полукровныя. III, 56.
 — сѣверо-французскія. III, 57.
 Лошади текинскія. III, 54.
 — тигровыя. III, 83.
 — полосатыя. III, 62.
 Лошадь англійская. III, 56.
 — англо-арабская. III, 55.
 — англо-бретонская. III, 56.
 — англо-норманская. III, 56.
 „жизнь животн.“ Брѣма.

Лошадь андалузская. III, 56
 — арабская. III, 50.
 — арденская. III, 56.
 — багдадская. III, 54.
 — берберская. III, 53.
 — горная. III, 85.
 — домашняя. III, 49
 — испанская полукровная. III, 56.
 — карабахская. III, 54.
 — клейдесдэльская. III, 56.
 — клеветландская. III, 56.
 — курдская. III, 54.
 — ломовая. III, 56.
 — орловская. III, 56.
 — персидская. III, 54.
 — пинцаунская. III, 56.
 — Пржевальскаго. III, 49.
 — Сахары. III, 53.
 — сирійская. III, 54.
 — Сѣверной Африки. III, 53.
 — тигровая Буршелева. III, 84.
 — тигровая Шапмана. III, 85.
 — тракенская. III, 56
 — турменская. III, 54
 — чистокровная англійская. III, 54
 — ютландская. III, 56.
 Лутунгъ. I, 124.
 Лѣнвивецъ австралійскій. III, 699.
 — двушпалый. II, 681
 — трехшпалый. II, 681.
 — цейлонскій. I, 298.
 Лѣнвивцы. II, 680.
 — двушпалые. II, 681.
 — трехшпалые. II, 681.
 Лунг-ле II, 724.
 Лысунъ. II, 320.
 Лыма. III, 167.

М.

Маау. I, 477.
 Маготъ. I, 167.
 Мазамъ. III, 507.
 Мазангъ-Наба. III, 529.
 Майконгъ. I, 674.
 Майконгъ. II, 56.
 Майо. I, 318.
 Майотта. I, 285.
 Майпури. III, 95.
 Макаду. I, 159.
 Макаки. I, 155.
 Макако. I, 155.
 Макакъ. I, 155.
 — свинообразный. I, 166.
 Маки. I, 285.
 — бѣлобродый. I, 289.
 — домовый. I, 315.
 — карликовый. I, 308.
 — кошачій. I, 295.
 — медвѣжій. I, 306.
 — полчокъ. I, 308
 Маки ушастый. I, 309
 — черный. I, 289.
 Мала. I, 438.
 Малаатъ. I, 114.
 Маллангонгъ. III, 753.
 Мальмай. I, 318
 Мампалонъ. I, 587.
 Манавири. II, 295.
 Манато. III, 585.
 Мангабъ обкновенный. I, 151.
 Мангабы. I, 151.
 Манго. I, 159.
 Мангобей. I, 145.
 Мангуста зебровая. I, 528.
 — золотопыльная. I, 594.
 — кошквидная. I, 608.
 — крабовая. I, 602.
 — лисицевидная. I, 606
 — полосатая. I, 598.
 — яванская. I, 594.
 Мангусты. I, 590,
 Мангустъ. I, 594.
 Мандриль. I, 197.
 Мануготу. III, 406.
 Манупуъ. I, 438.
 Мануху. III, 111.
 Мара. II, 612
 Марави. III, 406.
 Мараль. III, 486.
 Маравиль. II, 6.
 Марбетле. II, 466.
 Маргачъ. III, 436
 Маргуай. I, 528.
 Маривина. I, 268.
 Маримонда. I, 219.
 Маркатъ. I, 161.
 Мармоветъ. I, 272.
 Мармотелла. II, 466.
 Мармотта. II, 466.
 Мартышка бородатая. I, 144.
 — голуболицая. I, 145.
 Мартышки. I, 133.
 Маръ-куръ. III, 206.
 Масса. III, 230.
 Мاستифъ. II, 135.
 Матако. II, 710.
 Матамомбо. III, 563.
 Мау-ми. I, 441.
 Маха. III, 500.
 Махбатралъ. I, 499.
 Махъ. III, 496
 Машикъ-билла. I, 576.
 Маясь. I, 96.
 Мбала. I, 589.
 Мбаракайя. I, 524.
 Мбуа. II, 95.
 Мбукумбуку. I, 51.
 Мбулу. II, 39.
 Мвубу. III, 563.
 Мвули. III, 400.
 Ме. III, 92.
 Меббля. II, 63.
 Медвѣдобразный лѣнвивецъ. II, 268.
 Медвѣди. II, 219.
 — азиатскіе черныя. II, 252-

- Медвѣди американскіе. П, 242.
 — кошковидные. П, 272.
 — маленькіе американскіе. П, 277.
 — собственно. П, 222.
 Медвѣдки. I, 718.
 Медвѣды атласскій. П, 223
 — большой бурый. П, 242.
 — бурый. П, 222.
 — бѣлый. П, 257.
 — гиммалайскій. П, 251.
 — горный тибетскій. П, 272.
 — губачь. П, 267.
 — малайскій. П, 254.
 — обыкновенный бурый. П, 222.
 — полудунно - пятнистый. П, 252.
 — полярный П, 257.
 — свѣтло-рыжий. П, 223
 — серебристый. П, 242.
 — сирійскій. П, 23.
 — свѣтовой. П, 237.
 — сѣрый. П, 242.
 — длиннохвостый. П, 295.
 — чалый. П, 223.
 — черный. П, 247.
 Медоѣдъ. I, 690.
 Медоѣды. I, 689.
 Мелончило. I, 598.
 Мелонъ. I, 598.
 Медведь-антилопа. Ш, 393.
 Менури. I, 582.
 Медвянганъ Ш, 503.
 Мериносы. Ш, 252.
 Мериу. Ш, 500.
 Месъ I, 96.
 Миво. I, 242.
 Микка. Ш, 498.
 Микчанъ. Ш, 529.
 Мивянганъ. Ш, 503.
 Мирга. Ш, 357.
 Мирики. I, 219.
 Миркина. I, 259.
 Мистбеллери. П, 466.
 Митунъ. Ш, 295.
 Мисрга. Ш, 6.
 Мкака. П, 436.
 Многоконтныя. Ш, 135.
 Молоссы. I, 378.
 Мона. I, 145.
 Монгоць. I, 292.
 Мона. Ш, 470.
 Моно-рабонъ. I, 250.
 Монофо. I, 250.
 Моньеть. I, 155.
 Моозе. Ш, 470.
 Моозедеръ. Ш, 470.
 Моць. П, 138.
 Моржъ. П, 333.
 Моринъ-Ялма. П, 510.
 Морская дѣва. Ш, 586.
 Морская казарейка. Ш, 640.
 Морская свинка. П, 609.
 — растрепанная. П, 610.
 Морская собака. П, 319.
 Морскіе люди. Ш, 586.
 Морскія женщины. Ш, 586.
 Морскъ. П, 333.
 Морунга. П, 326.
 Морюмки. П, 445.
 Мотлози. П, 218.
 Мофо. Ш, 403
 Мцаказе. Ш, 338.
 Мпонго. Ш, 399.
 Мпунгу. I, 59.
 Мригъ. Ш, 357.
 Мугатеа. I, 594.
 Музангъ. I, 582.
 Музе. Ш, 470.
 Муйдо. I, 145.
 Муккназь. Ш, 3.
 Муль. Ш, 80.
 Мунгли. I, 594.
 Мунго. I, 594.
 Мунгосъ. I, 594.
 Мунгъ. Ш, 341.
 Мункъ. П, 466.
 Мунджаки. Ш, 526.
 Мунджакъ. Ш, 526.
 Мунтжакъ. Ш, 526.
 Муравейникъ. П, 222.
 Муравьѣдъ-гривистый. П, 693
 — двуналый. П, 701.
 — малый. П, 701.
 — панцирный. П, 794.
 Муравьѣды. П, 693.
 Мурашеѣдъ. Ш, 732.
 Мурбентле. П, 466.
 Мурмели. П, 466.
 Мурмантли. П, 466.
 Мусва. Ш, 470.
 Мусква. П, 247.
 Мусквашъ. П, 556.
 Мусмонъ. Ш, 233.
 Мустанги. Ш, 46.
 Муфлонъ европейскій. Ш, 233.
 Муфлоны корсиканскіе. Ш, 233.
 Муфлоны сардинскіе. Ш, 233.
 Муфра. Ш, 233.
 Муфроне. Ш, 233.
 Муффленгонъ. Ш, 753.
 Мушловки. П, 480.
 Мьюкъ Kia. П, 275.
 Мышанки. П, 178.
 Мышевидки. Ш, 728.
 Мыши. П, 534.
 Мыши кроотообразныя. П, 580.
 Мыши настоящія. П, 520.
 Мышиная собака. I, 702.
 Мышиныя. П, 515.
 Мышь. П, 521.
 — альпійская. П, 466.
 — альпійская. П, 565.
 — броненосная. П, 715.
 — варварійская. П, 545.
 — домашняя. П, 535.
 — каспійская. П, 523.
 Мышь кроотообразная африканская. П, 583.
 Мышь лѣсовая. П, 535.
 — малютка. П, 542.
 — полсовая. П, 536.
 — полосатая. П, 545.
 — понтійская. П, 452.
 Мѣшковосы. П, 585.
 Мѣшконосы прыгающій. П, 585.
 — прыгунъ калифорнскій. П, 585.
 Мѣшконосъ. Ш, 722.
 Н.
 Наконгъ. Ш, 400.
 Нандинія. I, 588.
 Нане. Ш, 351.
 Наото. П, 54.
 Нарвалъ. Ш, 657.
 Нари. П, 42.
 Наріа. П, 42.
 Настѣкомоядныя. П, 367.
 Нахаръ. I, 403.
 Нгаранъ. Ш, 330.
 Нго. I, 483
 Нгуву. Ш, 563.
 Нгуле. I, 557.
 Нгулунгу. Ш, 399.
 Нгуяла. I, 59.
 Ндембо. Ш, 10.
 Ншего-мбуве. I, 77.
 Ндшина. I, 59.
 Невала. I, 594.
 Негретти. Ш, 254.
 Неджеди. Ш, 53.
 Нейтервоакъ. П, 324.
 Нейтке. П, 320.
 Нелеть. Ш, 396.
 Нелеть. Ш, 398.
 Непарнокопытныя. Ш, 40.
 Неполнозубыя. П, 678.
 Нерка. П, 42.
 Нериухи. П, 347.
 Нетоныри. I, 365.
 — малорослые. I, 370.
 — большой. I, 366.
 — бразильскій. I, 382.
 — карликъ. I, 371.
 Низернакъ. Ш, 641.
 Никобейцы. Ш, 752.
 Нилбандаръ. I, 203
 Нилгай. Ш, 406.
 Нилгаръ. Ш, 406.
 Нилгау. Ш, 406.
 Нимсъ. I, 593.
 Ниаай. Ш, 692.
 Ниснасъ. I, 144.
 Ніяли. Ш, 338
 Ніяти. Ш, 330.
 Норка. I, 657.
 — американская. I, 658.
 — европейская. I, 658.
 Носороги. Ш, 102.
 — африканскіе. Ш, 109.
 — панцирные. Ш, 105.
 — полупанцирные. Ш, 108.

Носорогъ. III, 1051
 — бѣлый. III, 111
 — двурогій. III, 109.
 — индѣйскій. III, 105.
 — кистеухій. III, 108.
 — полупанцирный. III, 108.
 — суматрскій. III, 108.
 — туфовскій. III, 111.
 — черный. III, 109
 — ширококрылый. III, 111.
 — яванскій. III, 107.
 Носуа бѣлоноса. II, 287.
 — обыкновенная. II, 286.
 Носуи. II, 286.
 Нсамба III, 10.
 Нсао. III, 10.
 Нсау. III, 10.
 Нсику. I, 77.
 Нсову. III, 10.
 Нумбо, III, 443.
 Нутриа. II, 634.
 Нутурины-харант. III, 505.
 Нья-шакаль. II, 218.
 Нэке-эль-Баръ. III, 587.

О.

Оадо. II, 324.
 Обезьяна аспидная. I, 229.
 — бородастая. I, 203.
 — бѣлобородая. I, 234.
 — бѣлопечал. I, 234.
 — варварійская. I, 167.
 — зеленая. I, 144.
 — вологолобая. I, 219.
 — китайская. I, 159.
 — носатая. I, 127.
 — ночная. I, 259.
 — обыкновенная. I, 167
 — священная. I, 119.
 — серебряная. I, 272.
 — турудкая. I, 167.
 — чалая. I, 234.
 — черномавая. I, 151.
 — шляпная. I, 159.
 — явайская. I, 155.
 Обезьяны. I, 37.
 — игрунковые. I, 262.
 — короткохвостыя. I, 249.
 — крылатыя. II, 417.
 — длинхвостыя или саки.
 I, 245.
 — лѣнливцы. I, 296
 — медвѣдеобразныя. I, 133.
 — мохнатыя. I, 229.
 — мягкохвостыя. I, 244.
 — паукообразныя или цѣп-
 кия. I, 218.
 — собакообразныя. I, 173.
 — собакообразныя. I, 117.
 — толстотѣлыя. I, 118.
 — тонкотѣлыя. I, 118.
 — узконосыя. I, 58
 — цѣпкохвостыя. I, 208.
 — человекообразныя. I, 58.
 — шелковистыя. I, 272.

Обезьяны широконосыя. I.
 205.
 Овражекъ. II, 451.
 Овца ассуанская. III, 249.
 — безхвостая. III, 250
 — винторогая. III, 250'
 — вислухая. III, 249 и 250.
 — длинноногая. III, 250.
 — длинношерстая. III, 250.
 — домашняя обыкновенная.
 III, 250.
 — жирнохвостая. III, 254.
 — жирноногочная. III, 250.
 — израильская. III, 127.
 — каракулевая. III, 251.
 — киргизская. III, 251.
 — короткохвостая. III, 250.
 — критская. III, 250.
 — курдючная. III, 249.
 — курдючная. III, 254.
 — длиннохвостая. III, 250.
 — намирская. III, 241.
 — черноголовая. III, 255.
 Овцебыкъ. III, 259
 Овцы домашнія. III, 248.
 — линкольнширскія. III,
 251.
 — ворфольскія. III, 251.
 Овчарка. II, 167.
 — шотландская. II, 168.
 Оготова. II, 675.
 Оготово. II, 675.
 Однопроходныя. III, 743.
 Олень-кантшилъ. III, 534.
 Олени. III, 453.
 — американскіе. III, 507.
 — благородные. III, 486.
 — зачаточнорогіе. III, 513.
 — индѣйскіе. III, 496.
 — консерогіе. III, 516.
 — сѣверные. III, 471.
 Олень благородный. III, 487.
 — болотный. III, 496.
 — валлихскій. III, 502.
 — виргинскій. III, 507.
 — гривистый. III, 503.
 — длинногривый. III, 502.
 — калифорнскій. III, 496.
 — канадскій. III, 496.
 — пампасовый. III, 513.
 — пятнистый. III, 498,
 — свиной. III, 505.
 — сѣверный. III, 471.
 — дикій. III, 471.
 — домашній. III, 471.
 Оленьки III, 534.
 Омке. II, 440.
 Онагръ. III, 71.
 Онгуириро. I, 557.
 Ондава. II, 556.
 Онез. III, 360.
 Опоссумъ. III, 736.
 — Азары. III, 736.
 — южно-американскій. III,
 736.
 Орангъ-Утаутъ. I, 96.
 Ориби. III, 417.

Ориксъ. III, 657.
 Орланъ хохлатый. I, 140.
 Орѣшниковыя. II, 472.
 Осель греческій. III, 74.
 — домашній. III, 72.
 — египетскій. III, 74.
 — испанскій. III, 74.
 — сомальскій. III, 73.
 — степной. III, 72
 Ослы. III, 62.
 — арабскіе. III, 74.
 — дикіе пятнистыя. III, 86.
 Осмизубъ африканскій. II,
 631.
 Осмизубы. II, 628.
 Осмизубыя. II, 627.
 Офионъ. III, 233.
 Оцелотъ. I, 525.
 Очагу. II, 624.

П.

Паванъ съ епанчой. I, 186.
 — хохлатый. I, 177.
 — черный. I, 177.
 Павианы. I, 173.
 Пагума. I, 586.
 Падемелонъ. III, 687.
 Пазангъ. III, 201.
 Пака. II, 620.
 Пакила. III, 559.
 Пакиліе. III, 559.
 Пакии. I, 507.
 Пако. III, 171.
 Пала. III, 362.
 Палангъ. I, 483.
 Панголия. II, 722.
 Панда. II, 273.
 Пантера. I, 480.
 — длиннохвостая. I, 482.
 — зондекая. I, 482.
 — сѣрая. I, 522.
 — черная. I, 482.
 Пара. III, 505.
 Паруаку. I, 248.
 Парнокопытныя. III, 135.
 — нежвачныя. III, 536.
 Пасанъ. III, 388.
 Пасюкъ. II, 523.
 Пахта. I, 441.
 Пеюунгъ. III, 298.
 Пеканъ. I, 627.
 Пекари. III, 559.
 — мускусный. III, 559.
 Перака. III, 559
 Перамау. III, 298.
 Перевязка. I, 629
 Першеронъ. III, 56.
 Песецъ. II, 198.
 — гренадскій. II, 202.
 — европейскій. II, 202.
 Пескокопъ. II, 583.
 Пеструшка полярная. II, 575.
 Пеструшки. II, 575.
 Песчанка египетская. II, 518.
 — гребенчиковая. II, 520.
 *

Песчанки. II, 517.
 Печуга. III, 639.
 Пигарга. III, 375.
 Пинче. I, 271.
 Пинчеръ косматый. II, 166.
 — обезьяна. II, 166.
 Пинчеры. II, 164.
 — гладкошерстые. II, 164.
 Пифо. III, 403.
 Пишу. I, 538.
 Пищуха карликовая. II, 677.
 Пищухи. II, 675.
 Плавунъ. III, 740.
 Подковоносъ большой. I, 390.
 — малый I, 387.
 Подковоносы. I, 387.
 Поини. III, 559.
 Полевая лань. III, 363.
 Полевка земляная. II, 568.
 — лѣсная. II, 567.
 — обыкновенная. II, 569.
 — подземная. II, 574.
 — снѣговая. II, 565.
 — экономка. II, 573.
 Полевки. II, 555.
 — земляныя. II, 568.
 — короткоухія. II, 574.
 — лѣсныя. II, 567.
 — настоящія. II, 560.
 — полевныя. II, 569.
 Полетуха. II, 440
 Полосатики. III, 612.
 — малыя. III, 620.
 Полосатикъ большой III, 615.
 — длиннорукий III, 612.
 — карликъ. III, 620.
 — малый. III, 620.
 — полярный. III, 618.
 Полоскунъ. II, 277.
 Полоскуны. II, 277.
 Полукоалы. III, 223.
 Полукопытныя. II, 608.
 Полумаки. I, 293.
 Полуобезьяны. I, 278.
 Полчокъ. II, 473.
 — садовый. II, 477.
 Пови. III, 56.
 — шотландскій. III, 56.
 Порѣшныя. I, 704.
 Потто. I, 305.
 Потору. III, 692.
 — косматый. III, 692.
 Протель. II, 15.
 Прыгунчики. II, 337.
 Прыгунчикъ обыкновенный.
 II, 337.
 — сѣверо-американскій. II,
 499.
 Прыгуны. I, 253.
 Прыгунцы. II, 323.
 Пудель. II, 160.
 Пума. I, 506.
 Пушаки. II, 649.
 Пушакъ перуанскій. II, 649.
 Питкоходъ. III, 711.

Р.

Рабу. I, 594.
 Ракобѣдъ. II, 286.
 Ракунь. II, 277.
 Рамбаве. III, 702.
 Рамъ-Гунъ. II, 68.
 Ранемъ-израэль. III, 127.
 Расса. I, 576
 Рассе. III, 241.
 Ратель. I, 690.
 — индѣйскій. I, 692.
 Ратва. III, 526.
 Ра-чи. III, 206.
 Ревунъ рыжій. I, 210.
 — черный. I, 210.
 Ревуны I, 208.
 Ремво. II, 640.
 Ремъ. III, 113.
 Реръ. III, 566.
 Римау-акаръ. I, 501.
 Ривхъ. II, 251.
 Робахъ. I, 186.
 Роби. III, 563.
 Рогатые львы. III, 114.
 Розалия. I, 268.
 Ронсъ. III, 529.
 Росмаръ. II, 333.
 Россомаха. I, 665.
 Рукокрылья. I, 325.
 Руконожка. I, 321.
 Русъ. III, 529.
 Рыба—джунглей. II, 724.
 Рысаки. III, 56.
 Риси. I, 531.
 Рысь болотная. I, 532.
 — обыкновенная. I, 540.
 — пардовая. I, 554.
 — полярная. I, 538.
 — рыжая. I, 539.
 — степная. I, 535.

С.

Сабера. II, 448.
 Сагуассу. I, 253.
 Сагунъ красный. I, 270.
 Сагунъ. I, 272.
 Сайга. III, 436.
 Сайгакъ. III, 436.
 Саймири. I, 255.
 — мертвая голова I, 255.
 Сайяръ. I, 576.
 Саки. I, 245.
 Саки I, 598.
 — бѣлоголовый I, 246.
 — жидовскій или чертовъ.
 I, 246.
 — краснолицый. I, 250.
 — мохватый I, 248.
 Саладангъ. III, 93.
 Саладангъ. III, 298.
 Салофжка. I, 345.
 Саль-салу. II, 723.
 Сали. II, 326.
 Сапажу. I, 232.
 — бѣлый I, 240.
 — рогатый. I, 242.
 Сапигунъ. III, 349.
 Серга. III, 498.
 Сасинъ III, 357.
 Сасса. III, 419.
 Сатана. I, 133.
 Сатиръ. I, 96.
 Сафанъ. III, 127.
 Сачакъ. I, 498.
 Свиная полулопастная. II,
 639
 — щетинистая. II, 639.
 Свиньи. III, 539.
 — гарпконовыя. III, 546.
 — дикія азиатскія. III, 545.
 — африканскія. III, 551.
 — индѣйскія III, 545.
 — малайскія III, 545.
 — китайскія III, 546.
 — лѣсныя. III, 558.
 Свиныя андаманская. III,
 540.
 — беркширская. III, 546.
 — бородавчатая. III, 540.
 — бородастая. III, 540.
 — бѣлобородая. III, 540.
 — восточно-африканская
 III, 553.
 — гривистая. III, 540.
 — дикая. III, 539
 — домашняя. III, 545.
 — карликовая. III, 546.
 — кистеухая. III, 551.
 — кустарная. III, 553.
 — морская. III, 634.
 — морщинистая III, 546.
 — папуасская. III, 540.
 — полосатая. III, 540.
 — рѣчная. III, 563.
 — сеаарская. III, 540.
 — тиморская. III, 540.
 — целебеская. III, 540.
 — черная. III, 540.
 Серваль. I, 504
 Сергачинъ. III, 360
 Серна. III, 424.
 — альпійская. III, 424.
 — европейская. III, 423.
 — иберійская III, 424.
 — кавказская. III, 424.
 Сервобыкъ капскій. III,
 388.
 Сернобыки. III, 387.
 Серны глетчерныя. III, 426.
 Сетахемъ. I, 347.
 Сибезе. II, 640.
 Сивунги. I, 557.
 Сивучъ. II, 348
 Сигъ. I, 498.
 Сигаль. II, 42.
 Сиддаки II, 68.
 Сивель. II, 452.
 Сикмаръ. I, 430.

Снег-хумъ. I, 581.
 Сидень. I, 203.
 Силлу. II, 723.
 Симбуа. II, 95.
 Симоръ. II, 452.
 Смиръ. II, 62.
 Сингалика. I, 203.
 Сингалуа. I, 318.
 Синха. I, 461.
 Сирены. III, 580.
 Ситутунга. III, 400
 Сиамангъ. I, 108.
 Скайнъ. III, 181
 Скаунъ горный. III, 370
 Скауны III, 369.
 Скункъ. I, 698.
 Скунсъ. I, 698.
 Слоноземлеройка. II, 397.
 Слоноз авіатскій. III, 4.
 — африканскій. III, 10.
 — индѣйскій. III, 4.
 — морской. II, 326.
 Словы. III, 1.
 — бѣлье. III, 7.
 — одинокіе. III, 19.
 Слѣпышъ. II, 581.
 Собака борзая волчья. II, 126
 — Шотландская. II, 126
 — бразильская. II, 128.
 — виверровая. II, 54.
 — волчья африканская. II, 82.
 — выдровая. II, 144.
 — гелювая. II, 62.
 — голая. II, 126.
 — дикая индѣйская. II, 68.
 — малайская. II, 70.
 — домашняя. II, 98.
 — емотовая. II, 54.
 — Инковъ. II, 81.
 — итальянская. II, 124.
 — кровяная. II, 150.
 — луговая. II, 455.
 — лѣсная. II, 65 и 74.
 — Ньюфаундлендская. II, 155.
 — оленья. II, 151.
 — папуасская. II, 97.
 — полярная. II, 171.
 — Сентъ-Бернардская. II, 156.
 — саванновая. II, 56.
 — степная. II, 38.
 — эскимосская. II, 170.
 Собаки. II, 17.
 — Бленгеймскія. II, 154.
 — бродячія. II, 88.
 — борзые. II, 117.
 — персидскія. II, 117.
 — центрально-африканскія. II, 117.
 — дворовыя. II, 166.
 — длинноухія. II, 19.
 — индѣйскія. II, 52.
 — камчатскія. II, 172.
 — комнатныя. II, 136.

Собаки легавыя. II, 146.
 — охотничьи собственно. II, 146.
 — парія. II, 88.
 — сибирскія. II, 175.
 — собственно. II, 19.
 — шелковистыя. II, 154.
 — шиллукскія. II, 94.
 — южно-американскія. II, 56.
 Собакообезьяна. I, 177.
 Собать. I, 571.
 Соболь. I, 623.
 — американскій. I, 626.
 Сова. II, 472.
 — садовая. II, 477.
 Сонъ-Рамъ. II, 68.
 Сова лѣсная. II, 476.
 — орѣшниковая. II, 480.
 — большая. II, 477.
 — садовая. II, 477.
 Сохатый. III, 462.
 Страннохвосты. I, 581.
 Стервятникъ. 222.
 Сугорія. III, 505.
 Сувель. II, 451.
 Сулю. I, 581.
 Сумчатая кунница пятнистая. III, 727.
 Сумчатая мышь. III, 711.
 — желтоногая. III, 730.
 Сумчатый волкъ. III, 722.
 — дьяволь. III, 724.
 — медвѣдь. III, 698.
 — тушканчикъ. III, 731.
 Сумчатые. III, 671.
 — барсуки. III, 716.
 — бѣлки. III, 705.
 — вомбатовыя. III, 73.
 — длинноногія. III, 675.
 — кунницы. III, 721 и 727.
 — кускусовыя. III, 700.
 — лазающія. III, 697.
 — плотоядныя. III, 715.
 — язвичныя. III, 716.
 — прыгающія. III, 675.
 — растительноядныя. III, 675.
 — соня. III, 728
 — цѣпноногія. III, 696
 — хищныя. III, 721.
 Суриката. I, 606.
 Сырילו. I, 697.
 Сурки. II, 462.
 Сурковыя. II, 449.
 Сурокъ альпійскій. II, 466.
 Суслики. II, 451.
 Сусликъ настоящій. II, 451.
 — пятнистый. II, 451.
 — сѣрый. II, 451.
 Сусуръ Гангскій. III, 655.
 Сфинксъ. I, 178.
 Сынь воздуха. III, 50.
 Сыщикъ. I, 592.
 Съваки. II, 356.
 Съпоставецъ. II, 675.

Т.

Таберга. III, 529
 Тагаау. III, 559.
 Тагуацъ. II, 438.
 Тапра. I, 672.
 Таититу. III, 559.
 Таки. I, 347.
 Таксы. II, 140.
 Такуахе. II, 401.
 Тамандуа. II, 699.
 Таманоа. II, 693.
 Тамарины. I, 271.
 Тамбриетъ. III, 753.
 Тамъ. I, 477.
 Тана. II, 396.
 Тандабана. I, 318.
 Тапрековые. II, 399.
 Тапрекъ. II, 399.
 Тауки. II, 54.
 Таникати. III, 559.
 Тапирете. III, 95.
 Тапиръ американскій. III, 95.
 — двудвѣтный. III, 93.
 — чапачинный. III, 93.
 Тапиры. III, 92.
 Тарасху. III, 93.
 Тарпаны. III, 42.
 Таръ. III, 223.
 Тасту. III, 559.
 Тату. II, 704.
 Татуной. II, 705.
 Тафа. III, 728.
 Талессу. III, 559.
 Телангу. I, 298.
 Телаль. III, 396.
 Тейтламацаме. III, 444.
 Текуела. II, 62.
 Теледу. I, 693.
 Телдео. I, 693.
 Тембо. III, 10.
 Тендъ. I, 310
 Тенну. III, 93.
 Теръ. III, 223.
 Таура. III, 206.
 Тигрилло. I, 528.
 Тигръ. I, 403.
 — бенгальскій. I, 418.
 — верблужій. I, 461.
 — древесный. I, 428.
 — индѣйскій. I, 424.
 — королевскій. I, 403.
 — людоѣдъ. I, 409.
 — ночной. I, 515.
 — пещерный. I, 428.
 — лранскій. I, 404.
 Тикагуликъ. III, 620.
 Тикмуха. III, 498.
 Тикъ. III, 181.
 Тиа-Гельманъ. II, 510.
 Тоггулъ-бавали. I, 354.
 Токе. III, 204.
 Товуро-зидшери. I, 194.
 Тора. III, 376.
 Торго. III, 529.

Гори. Ш, 376.
 Торбаганчикъ. П, 509.
 Тохумбукъ. Ш, 753.
 Тоэсъ. I, 497.
 Трубовзубъ канскій. П, 727.
 Трубовзубы. П, 726.
 Тукотуко. П, 630.
 Тукукси. Ш, 654.
 Тунноливъ. Ш, 615.
 Тупайи. П, 395.
 Туръ. Ш, 181.
 Туръ. Ш, 275.
 Тушканчики. П, 502.
 — настоящіе. П, 501.
 Тушканчиковыя. П, 497.
 Тушканчикъ египетскій. П, 502.
 — мохноногий. П, 509.
 Тшита. I, 483.
 Тэтэль. Ш, 376.
 Тюлени. П, 303.
 — ушастые. П, 347.
 Тюлень Обьобрухий. П, 320.
 — каспійскій. П, 320.
 — кольчатый. П, 320.
 — обыкновенный. П, 319.
 — сѣдлстый. П, 320.
 — чернобокій. П, 320.
 — щетинистый. П, 320.

У.

Уакари. I, 250.
 Угудора. I, 582.
 Угудье. Ш, 237.
 Удивительныя летучія мыши. П, 417.
 Уза. П, 267.
 Уинкаръ. Ш, 496.
 Улстяти. I, 272.
 — темный. I, 273.
 Умбри. Ш, 233.
 Умингарокъ. Ш, 260.
 Умки. П, 440.
 Унау. П, 681.
 Уна халлолава. I, 298.
 Унко. I, 110.
 Унсосо. Ш, 443.
 Унтаронгъ. П, 275.
 Унца. I, 514.
 Упетане. Ш, 109.
 Упетане. Ш, 109.
 Уралава. I, 576.
 Урва. I, 602.
 Уркъ. Ш, 163.
 Урумъ. Ш, 588.
 Утконосъ. Ш, 752.
 Ушанъ курносый. I, 375.
 — обыкновенный. I, 362.
 Ушаны. I, 362.

Ф.

Фавиъ. I, 242.
 Фандайетъ. Ш, 357.

Фара. П, 68.
 Фаръ-эль-Бухсъ. П, 640.
 Фатагенъ. П, 723.
 Фатенуорго. П, 324.
 Фахадъ. I, 557.
 Фенки. П, 209.
 — настоящіе. П, 210.
 Фертитъ. Ш, 109.
 Фетшалъ. Ш, 230.
 Фиборга. Ш, 639.
 Филь. Ш, 10.
 Фиаль. П, 42.
 Фонгесъ. I, 129.
 Фосса. I, 565.

Х.

Хава. I, 674.
 Хандун-дява. I, 499.
 Хануманъ. I, 119.
 Харза. I, 627.
 Харимау. I, 403.
 — бинтангъ. I, 483.
 — даханъ. I, 428.
 Хармасъ. Ш, 10.
 Хасти. Ш, 4.
 Хати. Ш, 4.
 Хаузе. П, 50.
 Хахма. I, 178.
 Хедживъ. Ш, 153.
 Херопъ. Ш, 719.
 Хищныя. I, 391.
 Хиерогриллонъ. Ш, 127.
 Хоангянгъ. Ш, 360.
 Хоботныя животныя. Ш, 1.
 Хомяки. П, 546.
 Хомякъ. П, 546.
 — сунгарскій. П, 554.
 Хонига. I, 483.
 Хорекъ. I, 628.
 — африканскій. I, 635.
 — сумчатый. I, 565.
 Хорски. I, 628.
 — полосатые. I, 701.
 Хорьковыя. I, 610.
 — барсучьи. I, 612.
 — выдровныя. I, 612.
 — пальцеходящія. I, 612.
 — стопоходящія. I, 612.
 Хохлачи. П, 324.
 Хохлачь обыкновенный. П, 324.
 Хуанако. Ш, 164.
 Хуламуха. Ш, 526.
 Хулокъ. I, 108.
 Хульмапъ. I, 119.
 Хутя-Конга. П, 633.

Ц.

Церда. П, 212.
 Цессебе. Ш, 376.
 Циветта азиатская. I, 574.

— африканская. I, 570.
 — настоящія. I, 574.
 — тигровая пятнистая. I, 581.
 Цимарроны. Ш, 45.
 Цокоръ. П, 582.
 Цорилла. I, 702.
 Цорре. П, 59.
 Цѣиконогъ. Ш, 696.

Ч.

Чаль. Ш, 109.
 Чамекъ. I, 219.
 Чанго. П, 20.
 Чанго. П, 33.
 Чати. I, 524.
 Чаусъ. I, 532.
 Чекалка. П, 42.
 Чигри. Ш, 357.
 Чикаглейсъ. Ш, 620.
 Чикара. Ш, 409.
 Чикори. Ш, 111.
 Чимпенве. I, 77.
 Чингала. I, 203.
 Чинмунъ. П, 444.
 Чита. I, 501.
 Чита. I, 557.
 Читаль. Ш, 498.
 Чудовищная свинья Иѣмецкаго моря. П, 336.
 Чуи. I, 504.
 Чукута. I, 250.
 Чукупо. I, 250.
 Чурра. Ш, 252.

Ш.

Ша. Ш, 248.
 Шакалъ. П, 42.
 — сѣрый. П, 16.
 — чапратный. П, 47.
 Шамшамъ. Ш, 702.
 Шанхъ. Ш, 4.
 Шантъ. Ш, 500.
 Шарминди билли. I, 300.
 Шес. Ш, 529.
 Ше-Гангъ. Ш, 529.
 Шезау. Ш, 356.
 Шерь. I, 461.
 Шестокрыль обыкновенный. П, 418.
 Шестокрылы. П, 417.
 Шикалъ. П, 42.
 Шилу. П, 448.
 Шимпанзе. I, 77.
 Шиншила большая. П, 642.
 — малая. П, 642.
 Шиншиловыя. П, 642.
 Шиншиллы. П, 642.
 — настоящія. П, 643.
 — ублюдки. П, 643.
 Шпангъ. Ш, 529.
 Шпу. I, 246.
 Шиябандаръ. I, 203.

Шпиць. II, 169.
Шупати. III, 739.
Шарь. I, 403.

Щ.

Щелезубь кубский. II, 401.
Щелезубы. II, 401.
Щитоносецъ II, 715.
— чилийский. II, 715
Щучий китъ. III, 620.

Э.

Эдарась. II, 401.
Эдро III, 412.

А.

Abendsegler. I, 373.
Abok. III, 380.
Acanthoglossus bruijnii. III, 752.
Ackermäuse. II, 568.
Acrobate pygmée. III, 711.
Acrobates pygmaeus. III, 711.
Acronotus bubalis. III, 376.
Acronotus caama. III, 376.
Addax III, 393.
— nasomaculatus. III, 393.
Adenota III, 379.
— magaceros. III, 380.
— megaceros. III, 380.
Adjag. II, 70.
Aegoceros ammon III, 233.
— argali. III, 237.
— hispanicus. III, 195
— ibex. III, 181.
— montanus. III, 245
— aegagrus. III, 201.
— pictus. III, 203.
— pictus. III, 201.
— pyrenaicus. III, 195.
Aegoceros equinus III, 385
— leucophaeus. III, 385.
Aegyptische Klappnase. I, 384.
Aegyptischeziege III, 216.
Aepyceros. III, 362
— melampus. III, 362.
Affenpintsher. II, 166.
Africanicher Gepard. I, 557.
Agricola. II, 568.

Эйра. I, 514.
Элень. III, 402.
Энтрезина. III, 252.
Эрнебъ. II, 668.
Эззиетъ. III, 563.
Эеионский быкъ. III, 113.

Ю.

Юнгъ. II, 275.
Юсь-чалангъ. I, 557.

Я.

Ягла. III, 223.

Ягуаретте. I, 516.
Ягуарунди. I, 511.
Ягуаръ I, 514.
Язвица полосатая III, 717.
— остроносыя. III, 716.
Язвцы. III, 716.
Языкосоы. I, 379.
Якъ. III, 268.
Янокумбине. III, 752.
Ящеръ. II, 718.
— длиннохвостый. II, 721.
— степной. II, 725.

Ө.

Өось. II, 42.

— agrestis. II, 568.
Agricole commune. II, 568.
Agricoles. II, 568.
Agrodus lalandii. II, 217.
Ai. II, 681.
Ailurinae. II, 272.
Ailuropoda. I, 570.
Ailuropus melanoleucus. II, 272.
Ailurus fulgens. II, 273.
— ochraceus. II, 273.
Alactaga II, 509.
— spiculum. II, 509.
Alce capensis III, 403.
Alcelaphus. III, 375.
— bubalis. III, 376.
— mauretanicus. III, 376.
Alcelophus caama. III, 376.
— lunatus. III, 376.
Alces. III, 458.
— americanus. III, 470
— antiquorum III, 458.
— jubatus. III, 458
— machlis. III, 470.
— malehis. III, 470.
— muswa. III, 470.
— palmatus. III, 458.
Algar. II, 319.
Algazel. III, 388.
Alpenhase. II, 664.
— murmelthier. II, 466.
— pfeifhase. II, 675.
— steinbock. III, 181.
— wolf. II, 73.
Ameisenbären. II, 693.
— beutler III, 732.
— igel. III, 744.

Ammitragus tragelaphus. III, 228.
— pennantii. II, 409.
Amphisorex linneanus. II, 409.
Andarnetia. III, 660.
Andhvalur. III, 660.
Ane. III, 72.
Angoraziege. III, 211.
Anoa depressicornis. III, 349.
Antechinomys laniger. III, 731.
Antechinus stuartii. III, 730.
Anthromopoppha. I, 58.
Anthropopithecus chimpanza I, 77
Antidorcas. III, 368.
— euchore. III, 370.
Antilocapra americana. III, 445.
— furcifer. III, 445.
Antilocapridae. III, 445.
Antilope. III, 357.
— addax III, 393.
— albifrons. III, 375.
— albigipes. III, 406.
— americana. III, 351.
— americana. III, 445.
— antiflexa. III, 445.
— arundinacca. III, 380.
— beisa. III, 388.
— bennetti. III, 409
— bezoartica. III, 357.
— bubalis. III, 376.
— caama. III, 376.
— caama. III, 403.
— celebica. III, 349.
— cervicapra. III, 357

- chauve. III, 375.
 — chicara. III, 409.
 — cokei. III, 375.
 — compressicornis. III, 349.
 — dama. III, 356.
 — depressicornis. III, 349.
 — des Indes. III, 357.
 — dorcas. III, 364.
 — dorsata. III, 370.
 — eleotragus. III, 380.
 — ensicornis. III, 390.
 — equina. III, 385.
 — euchore. III, 370.
 — furcifer. III, 445.
 — glauca. III, 385.
 — gnu. III, 441.
 — goral. III, 422.
 — gorgon. III, 443.
 — gutturosa. III, 360.
 — hemprichiana. III, 412.
 — iodes. III, 409.
 — lanigera. III, 352.
 — leucophaea. III, 385.
 — leucopus. III, 406.
 — leucoryx. III, 390.
 — lichtensteinii. III, 375.
 — maculata. III, 399.
 — mauretana. III, 376.
 — melanura. III, 417.
 — megaceros. III, 380.
 — melampus. III, 362.
 — mergens. III, 411.
 — nez-taché. III, 393.
 — nicticans. III, 411.
 — nigra. III, 386.
 — oreas. III, 403.
 — oreotragus. III, 419.
 — orientalis. III, 360.
 — oryx. III, 388.
 — palmata. III, 445.
 — picta. III, 406.
 — platyceros. III, 349.
 — pygarga. III, 375.
 — quadricornis. III, 409.
 — recticornis. III, 388.
 — rupicapra. III, 424.
 — saiga. III, 436.
 — saliens. III, 370.
 — saltatrix. III, 419.
 — scoparea. III, 417.
 — scripta. III, 399.
 — scythica. III, 436.
 — senegalensis. III, 375.
 — strepsiceros. III, 395.
 — striaticornis. III, 409.
 — taurina. III, 443.
 — tragocamelus. III, 406.
 — zebra. III, 395.
- Antilopes à cornes torses.** III, 395.
 — vaches. III, 402.
- Antilopinae.** III, 353.
Aotus trivirgatus. I, 259.
Aper aethiopicus. III, 556.
 — orientalis. III, 553.
Aplocère des neiges. III, 352.
Aplocerinae. III, 351.
- Aplocerus americanus.** III, 352.
 — lanigerus. III, 352.
 — montanus. III, 351.
- Арнер.** II, 316.
Arachnocebus gracilis. I, 297.
Arctictis binturong. II, 275.
 — penicilata. II, 275.
Artiodactyla. III, 135.
Arctocebus calabarensis. I, 306.
Arctocephalus monteriensis. II, 348.
 — ursinus. II, 354.
Arctopithecus I. 262.
Arctopithecus flaccidus. II, 681.
Arctominae. II, 449.
Arctomys. II, 462.
 — bobac. II, 463.
 — latrans. II, 455.
 — ludovicianus. II, 455.
 — marmota. II, 466.
- Ardvarken.** II, 727.
Ariela. I, 598.
 — taenionota. I, 598.
Arimaou Dahan. I, 428.
Aristippe nilssonii. I, 369.
Arvicola. II, 560.
 — agrestis. II, 568.
 — amphibius. I, 560.
 — arenicola. II, 569.
 — argentorotensis. II, 560.
 — arvalis. II, 569.
 — ater. II, 560.
 — baillonii. II, 568.
 — britannica. II, 568.
 — destructor. II, 560.
 — duodecimcostatus. II, 569.
 — fulvus. II, 567.
 — fulvus. II, 569.
 — glareolus. II, 567.
 — lebrunii. II, 565.
 — leucurus. II, 565.
 — monticola. II, 560.
 — neglecta. II, 568.
 — nivalis. II, 565.
 — oeconomus. II, 573.
 — pertinax. II, 560.
 — pratensis. II, 567.
 — pyrenaicus. II, 574.
 — riparia. II, 567.
 — rufescens. II, 567.
 — selysii. II, 574.
 — subterraneus. II, 574.
 — vulgaris. II, 569.
- Arvicolidae.** II, 555.
Ascomys bursarius. II, 586.
 — canadensis. II, 586.
Asiatischer Gepard. I, 557.
Asiatische Zibethkatze. II, 574.
Asinus. III, 62.
 — asinus. III, 72.
 — burchellii. III, 84.
 — chapmanii. III, 85.
 — grevyi. III, 86.
 — hamar. III, 71.
 — hemionus. III, 62.
- hemippus. III, 71.
 — indicus. III, 71.
 — kiang. III, 62.
 — onager. III, 71.
 — polyodon. III, 62.
 — quagga. III, 83.
 — taeniopus. III, 72.
 — zebra. III, 85.
- Asiapan.** II, 442.
Assapanick. II, 442.
Atéles. I, 218.
Ateles. I, 218.
 — Bartletii. I, 219.
 — beelsebuth. I, 219.
 — chamek. I, 219.
 — hypoxanthus. I, 219.
 — oriodes. I, 219.
 — paniscus. I, 219.
 — pentadactylus. I, 219.
- Atelodus.** III, 109.
 — bicornis. III, 109.
 — simus. III, 111.
- Atherura.** II, 596.
 — africana. II, 596.
Atherure. II, 596.
Auchenia. III, 162.
 — huanaco. III, 164.
 — lama. III, 167.
 — pacos. III, 171.
 — Vicunia. III, 173.
- Aucr.** III, 273.
Auerochs. III, 274.
Aulacodus semipalmatus. II, 639.
 — swinderianus. II, 639.
- Australische Stacheligel.** III, 746.
Axis. III, 498.
 — axis. III, 498.
 — maculatus. III, 498.
 — major. III, 498.
 — medius. III, 493.
 — oryzeus. III, 498.
 — porcinus. III, 505.
- Aye-Aye.** I, 322.

B.

- Babiroussa.** III, 553.
Babouin. I, 178.
Babuin. I, 178.
Babyrussa alfurus. III, 553.
Bakers Pferdantilope. III, 386.
Balacna antiquorum. III, 615.
 — boops. III, 620.
 — boops. III, 612.
 — borealis. III, 618.
 — longimana. III, 612.
 — macrocephala. III, 661.
 — musculus. III, 615.
 — mysticetus. III, 623.
 — physalus. III, 615.
 — rostrata. III, 620.
- Balaenoptera.** III, 620.
 — acutorostrata. III, 615.
 — antiquorum. III, 615.

- boops. III, 618.
- boops. III, 615.
- carolinae. III, 618.
- davidsoni. III, 620.
- gibbar. III, 615.
- gigas. III, 618.
- laticeps. III, 618.
- musculus. III, 615.
- physalus. III, 615.
- rostrata. III, 620.
- sibbaldii. III, 618.
- tenuirostris. III, 618.
- Balaenopteridae. III, 612.
- Baleine à bec. III, 660.
- franche. III, 623.
- Bandicout de Bougainville. III, 717.
- nez pointu. III, 716.
- Bandikuts. III, 716.
- Barbastelle. I, 375.
- Barbastellus communis. I, 375.
- daubentonii. I, 375.
- Bärenkänguruh. III, 692.
- Bärenmaki. I, 306.
- Bärenstummelaffe. I, 133.
- Bartaffe. I, 203.
- Bartenwale. III, 610.
- Bartschwein. III, 540.
- Bassarison. II, 294.
- Bassaristasuta. I, 608.
- sumichrasti. I, 608.
- Basset. II, 141.
- Bastard-Chinchillas. II, 643.
- Bastardgamsbock. III, 385.
- Bastardhartebeest. III, 376.
- Batherygue. II, 583.
- Batherygus maritimus. II, 583.
- suillus. II, 583.
- Baumkänguruh. III, 692.
- Baumschläfer. II, 476.
- Baumstachler. II, 601.
- Beagle. II, 153.
- Beisa. III, 388.
- Belideus sciureus. III, 707.
- Beluga. III, 639.
- catodon. III, 639.
- leucas. III, 639.
- Bellette. I, 640.
- Béne. III, 540.
- Bergkänguruh. III, 688.
- Bergsteinbock. III, 195.
- Bettongia gouldii. III, 693.
- ogilbyi. III, 693.
- penicillata. III, 693.
- Beutelbär. III, 698.
- bilche. III, 728.
- dachse. III, 716.
- eichhorn. III, 705.
- gilbmaus. III, 730.
- hörnchen. III, 705.
- marder. II, 721. 727.
- maus. III, 711.
- ratten. III, 733.
- springmaus. III, 731.
- wolf. III, 722.
- Bezoarziege. III, 201.
- Biber. II, 485.
- Bibos. III, 298.
- cavifrons. III, 298.
- gaurus. III, 298.
- subhemalachus. III, 298.
- Bicho ciego. II, 718.
- Bidactyla. III, 136.
- Bilch. II, 473.
- Bilche. II, 472.
- Bilchmaki. I, 308.
- Bindenbeuteldachs. III, 717.
- Bindenschwein. III, 540.
- Bindeohr. I, 362.
- Binturong. II, 275.
- Birkfuchs. II, 178.
- Bisamratte. II, 556.
- Bisamrüssler. II, 414.
- Bisamschwein. III, 559.
- Bison. III, 284.
- americanus. III, 284.
- d'Europe. III, 276.
- poepagus. III, 268.
- Blaahval. III, 618.
- Blaireau. I, 677.
- Blastocerus. III, 513.
- campestris. III, 513.
- Blaumäulige Meerkatze. I, 146.
- Blauw Wildebeest. III, 443.
- Bleichbock. III, 417.
- Blesshock. III, 375.
- Blindmaus. II, 581.
- Bobak. II, 463.
- Boeuf musqué. III, 260.
- Bocufs. III, 265.
- Bok. III, 477.
- Bokkalb. III, 477.
- Bonassus. III, 275 и 276.
- americanus. III, 284.
- Bonnet chinois. I, 159.
- Boomer. III, 686.
- Borkenthier. III, 591.
- Borstengürteltier. II, 705.
- Bos. III, 294 и 267.
- africanus. III, 309.
- americanus. III, 284.
- arni. III, 341.
- banteng. III, 303.
- bison. III, 276.
- bonassus. III, 276.
- bubalus. III, 341.
- caffer. III, 330.
- cavifrons. III, 298.
- connochaetes. III, 441.
- depressicornis. III, 349.
- frontalis. III, 295.
- frontosus. III, 311.
- gaurus. III, 298.
- gavaeus. III, 295.
- gnu. III, 441.
- indicus. III, 309.
- kerabau. III, 347.
- longifrons. III, 311.
- moschatus. III, 260.
- primigenius. III, 275.
- priscus. III, 275 и 276.
- pumilus. III, 338.
- sondaicus. III, 303.
- scoticus. III, 313.
- sylhetanus. III, 295.
- taurus dunelmensis. III, 818.
- friburgensis. III, 317.
- hollandicus. III, 317.
- urus. III, 275.
- zebu. III, 309.
- Bosbok. III, 400.
- Boschhatte. I, 505.
- Boselaphus bubalis. III, 376.
- caama. III, 376.
- mauretanicus. III, 376.
- senegalensis. III, 375.
- Bottleneck. III, 660.
- Bouquetin. III, 181.
- des Pyrénées. III, 195.
- Bouquetins. III, 181.
- Bovidae. III, 176.
- Bovinae. III, 265.
- Bowhead. III, 623.
- Brachiure. I, 249.
- Brachyotus. I, 367.
- daubentonii. I, 367.
- Brachyteles hypoxanthus. I, 219.
- Brachyura. I, 362.
- Brachyurus. I, 249.
- calvus. I, 250.
- melanocephalus. I, 250.
- ouakari. I, 250.
- rubicundus. I, 253.
- Bradylemur tardigradus. I, 300.
- Bradype. II, 681.
- Bradypodidae. II, 680.
- Bradypus. II, 681.
- didactylus. II, 681.
- pallidus. II, 681.
- tridactylus. II, 681.
- ursinus. II, 267 и 268.
- Bramatherium. III, 138.
- Brandfuchse. II, 178.
- Brandmaus. II, 536.
- Braque. II, 146.
- Braune Bär. II, 222.
- Braune Rollaffe. I, 240.
- Breitstirnwombat. III, 713.
- Brimmil. II, 316.
- Bruinvisch. III, 634.
- Brunskop. III, 635.
- Bubal. III, 376.
- Bubales. III, 374.
- Bubalis. III, 374.
- albifrons. III, 375.
- bubalis. III, 376.
- caama. III, 376.
- lunata. III, 376.
- mauretanicus. III, 376.
- pygarga. III, 375.
- senegalensis. III, 375.
- Bubalus. III, 330 и 376.
- acquinotialis. III, 330.
- acquinotialis. III, 332.
- arni. III, 341.
- brachyceros. III, 338.

- buffelus III, 341.
 — caffer. III, 330.
 — centralis. III, 332.
 — centralis. III, 330.
 — kerabau. III, 347.
 — reclinis. III, 338.
 — vulgaris. III, 341.
 Bucerus. I, 141.
 Buckelwal. III, 612.
 Buffle indien. III, 342.
 — noir. III, 330.
 — roux III, 338.
 Bullenbeisser. II, 135.
 Bunder. I, 161.
 Buntbock. III, 375.
 Burunduk. II, 444.
 Buschbock. III, 400.
 Buschhund. II, 306.
 Buschkuh. III, 338.
 Buselaphes. III, 402.
 Buselaphus. canna. III, 403.
 — oreas. III, 403.
 Byerly Turk. III, 55
- C.**
- Cabiai II, 623.
 Cabramontes. III, 195.
 Cabri. III, 445.
 Cacajao melanocephala. I, 250
 Cachalot. III, 662.
 Callithrix. I, 253.
 — argentata. I, 272.
 — lugens. I, 254.
 — personata. I, 253.
 — rosalia. I, 269
 — torquatus. I, 254
 Callomys aureus. II, 649.
 — laniger. II, 642.
 — viscacha. II, 649.
 Callorhinus ursinus. II, 354.
 Calocephale groenlandais. II, 320.
 Calocephalus groenlandicus. II, 320.
 — oceanicus. II, 320.
 — vitulinus. II, 319.
 Calotragus. III, 416.
 — oreotragus. III, 419.
 — scoparius. III, 417.
 Camelidae. III, 146.
 Camelopardalidae. III, 138.
 Camelopardalis giraffa. III, 138.
 Camelus. III, 146.
 — bactrianus. III, 158.
 — ferus. III, 159.
 — dromaderius. III, 146.
 Campagnol. II, 560.
 — aux oreilles courtes. II, 574.
 — des Alpes. II, 565.
 — économique. II, 573.
 — fauve. II, 567.
 — ordinaire. II, 569.
 Campagnols. II, 555.
 — des bois. II, 567.
 Caniche. II, 160.
 Canidae. II, 17.
 Canis. II, 19.
 — adustus. II, 38.
 — albus. II, 33.
 — alopex. II, 176.
 — alpinus. II, 73.
 — antarcticus. II, 79.
 — anthus. II, 36 и 82.
 — ater. II, 33.
 — aureus. II, 42.
 — australasiae. II, 84.
 — azarae. II, 58.
 — barbarus. II, 42.
 — brasiliensis. II, 56.
 — campestris. II, 49.
 — cancrivorus. II, 56.
 — cinereo-argentatus. II, 214.
 — corsac. II, 207.
 — crocutus. II, 6.
 — dingo. 84.
 — dukhunensis. II, 68.
 Canis familiaris africanus. II, 126.
 — domesticus. II, 166.
 Canis familiaris domesticus borealis. II, 171.
 — pecuarius. II, 167.
 — pomeranus. II, 169.
 Canis familiaris extrarius. II, 154.
 — genuinus. II, 160.
 — St. Bernhardi. II, 156.
 — terrae novae. II, 155.
 Canis familiaris grajus. II, 117.
 — hibernicus. II, 126.
 — italicus. II, 124.
 — leporarius. II, 126.
 Canis familiaris gryphus. II, 164.
 — hirsutus. II, 166.
 Canis familiaris irritans. II, 153.
 — leporarius. II, 117.
 Canis familiaris molossus. II, 129.
 — danicus. II, 129.
 — fricator. II, 138.
 — germanicus. II, 130.
 — gladiator. II, 137.
 — hibernicus. II, 135.
 — tibetanus. II, 140.
 — typicus. II, 136.
 Canis familiaris sagax. II, 146.
 — acceptorius. II, 151.
 — avicularius. II, 146.
 — sanguinarius. II, 150.
 — vulpicapus. II, 152.
 Canis familiaris vertagus. II, 140.
 — rectipes. II, 144.
 — scoticus. II, 144.
 Canis fruster. II, 50.
 — gigas. II, 33.
 — griseus. II, 33.
 — griseus. II, 214.
 — himalayanus. II, 68.
 — hyaena. II, 12.
 — indicus. II, 42.
 — ingae. II, 76.
 — isatis. II, 198.
 — jubatus. II, 49.
 — lagopus. II, 198.
 — lalandii. II, 217.
 — lateralis. II, 38.
 — latrans. II, 50.
 — lupaster. II, 36.
 — lupus. II, 20.
 — lycaon. II, 20.
 — megalotis. II, 217.
 — melampus. II, 58.
 — melanostomus. II, 58.
 — mesomelas. II, 47.
 — mexicanus. II, 33.
 — micrurus. II, 42.
 — nubilus. II, 33.
 — occidentalis. II, 33.
 — pallipes. II, 34.
 — pictus. II, 62.
 — primaevus. II, 68.
 — procyonoides. II, 54.
 — rufus. II, 33.
 — rutilans. II, 70.
 — silvestris. II, 80.
 — sinensis. II, 37.
 — sumatrensis. II, 70.
 — tricolor. II, 62.
 — variabilis. II, 33.
 — variegatus. II, 36.
 — variegatus. II, 47.
 — venaticus. II, 74.
 — vetulus. II, 58.
 — vulpes. II, 176.
 — vulpes. II, 214.
 — zerda. II, 210.
 Canna. III, 403.
 Caparro. I, 229.
 Capella. III, 423.
 — caucasica. III, 425.
 — piraenaica. III, 424.
 — rupicarpa. III, 424.
 Capra. III, 179.
 — aegagrus. III, 201.
 — Aegoceros. III, 233.
 — africana. III, 364.
 — alpina. III, 181.
 — americana. III, 351.
 — ammon. III, 233.
 — beden. III, 181.
 — bezoartica. III, 201.
 — bezoartica. III, 357.
 — caucasica. III, 181.
 — cervicapra. III, 357.
 — Colombiana. III, 352.
 — falconieri. III, 206.
 — flava. III, 360.
 Capra hircus aegyptiaca. III, 210.
 — aegyptiaca. III, 216.

- Capra aethiopica*. III, 210.
 — *angorensis*. III, 211.
 — *laniger*. III, 214.
 — *libica*. III, 210.
 — *mambrica*. III, 215.
 — *reversa*. III, 216.
 — *thebaica*. III, 210.
Capra hispanica. III, 195
ibex. III, 181.
 — *jemlaica*. III, 223
 — *jerdoni*. III, 208.
 — *megaceros*. III, 206.
 — *mergens*. III, 411,
 — *montana*. III, 245
 — *pyrenaica*. III, 195.
 — *rupicarpa*. III, 424.
 — *sibirica*. III, 181.
 — *skyn*. III, 181.
 — *tatarica*. III, 436.
 — *walie*. III, 181.
Capreolus. III, 517.
 — *capraea*. III, 518.
 — *pygargus*. III, 518.
 — *mandchuricus*. III, 520.
 — *vulgaris*. III, 518.
Capricornis goral. III, 422.
Caprinae. III, 177
Capromys. II, 633.
 — *fournieri*. II, 633.
 — *pilorides*. II, 633
Caprovis argali. III, 237.
 — *musimon*. III, 233.
 — *polii*. III, 242
Capucin. I, 233.
Caracal melanotis. I, 535.
Cariacus. III, 507.
 — *campestris*. III, 513.
 — *rufus*. III, 516
 — *virginianus*. III, 507.
Carnivoça. I, 391
Cassus alpinus. II, 471.
Castor. II, 483 и 485.
 — *americanus*. II, 487.
 — *canadensis*. II, 487.
 — *communis*. II, 485.
 — *fiber*. II, 485.
 — *moschatus*. II, 415.
 — *zibethicus*. II, 556.
Castoridae. II, 483.
Catarrhini. I, 58.
Catoblepas. III, 440.
 — *gnu*. III, 441.
 — *taurinus*. III, 443.
Catodon macrocephalus. III, 661.
Catta. I, 292
Catus ferus. I, 432.
 — *maniculatus*. I, 439
 — *manul*. I, 438.
Cavia aperca. II, 609.
 — *cutleri*. II, 609.
 — *paca*. II, 620.
 — *patagonica*. II, 610.
 — *porcellus*. II, 609.
Caviadées. II, 608.
Cavidac. II, 608.
Caviidae. II, 608
Cebidae. I, 208.
Cebus. I, 232.
 — *apella*. I, 240.
 — *capucinus*. I, 233.
 — *fatuellus*. I, 242.
 — *frontatus*. I, 242.
 — *hypoleucus*. I, 234.
 — *leucogenys*. I, 234
 — *niger*. I, 242.
 — *olivaceus*. I, 234.
 — *satanas*. I, 246.
 — *sciureus*. I, 255.
 — *seniculus*. I, 210.
 — *torquatus*. I, 254.
 — *vellerosus*. I, 242.
Centetes. II, 399.
 — *armatus*. II, 399.
 — *ecaudatus*. II, 399.
 — *setosus*. II, 399.
 — *variegatus*. II, 399.
Centetidae. II, 398.
Cephalolophus. III, 410.
 — *mergens*. III, 411.
Ceratherium simum. III, 111.
Ceratorhinus. III, 108.
 — *lasiotis*. III, 108.
 — *niger*. III, 108.
 — *sumatrensis*. III, 108.
 — *sumatranus*. III, 108.
Cercocebus. I, 151.
 — *fuliginosus*. I, 151.
Cerf. III, 486.
 — *cochon*. III, 505.
 — *d' Aristote*. III, 500.
 — *de Duvaucel*. III, 496.
 — *de Virginie*. III, 507.
 — *de Wallich*. III, 503.
Cercolabes. II, 601.
 — *novae hispaniae*. II, 601.
 — *prehensilis*. II, 606.
 — *villosus*. III, 602.
Cercolabinae. II, 597.
Cercopithecus brachyotus. II, 295.
 — *caudivolvulus*. II, 295.
Cercopithecus. I, 133.
 — *aethiops*. I, 145.
 — *albigena*. I, 151.
 — *barbatus*. I, 144.
 — *cephus*. I, 145.
 — *diana*. I, 144.
 — *erlebeni*. I, 146.
 — *fuliginosus*. I, 151.
 — *griseoviridis*. I, 144.
 — *hamadryas*. I, 186.
 — *mona*. I, 145.
 — *nictitans*. I, 146.
 — *patas*. I, 150.
 — *pirhonotus*. I, 150.
 — *pygerythrus*. I, 146.
 — *ruber*. I, 150.
 — *sabaeus*. I, 144.
Cerus bengalensis. II, 502.
 — *hippelaphus*. II, 502.
 — *maximus*. II, 502.
 — *rusa*. II, 502.
 — *unicolor*. II, 502.
Cervicapra. II, 357.
 — *arundinacea*. II, 380.
 — *bezoartica*. II, 357.
Cervichevre à quatre cornes. II, 409.
Cervidae. II, 453.
Cervulus. II, 526.
 — *aureus*. II, 526.
 — *muntjac*. II, 526.
Cervus. II, 486.
 — *alces*. II, 458.
 — *aristotelis*. II, 500.
 — *axis*. II, 498.
 — *bahrainja*. II, 496.
 — *barbarus*. II, 496.
 — *campestris*. II, 513.
 — *canadensis*. II, 496.
 — *capreolus*. II, 518.
 — *dama*. II, 483.
 — *dodur*. II, 505.
 — *dolichurus*. II, 516.
 — *duvaucelli*. II, 496.
 — *elaphoides*. II, 496.
 — *elaphus*. II, 486.
 — *heterocervus*. III, 500.
 — *homalus*. III, 445.
 — *jarai*. III, 500.
 — *leucogaster*. III, 513.
 — *lobatus*. III, 470.
 — *moschatus*. III, 526.
 — *muntjac*. III, 526.
 — *niger*. III, 505.
 — *niger*. III, 500.
 — *original*. III, 470.
 — *porcinus*. III, 505.
 — *pygargus*. III, 518.
 — *rufus*. III, 516.
 — *saumur*. III, 500.
 — *simplicicornis*. III, 516.
 — *subcornutus*. III, 526.
 — *tarandus*. III, 471.
 — *virginianus*. III, 507.
 — *wallichii*. III, 502.
Cetacea. III, 594.
Cetiodiondon hunteri. III, 660.
Chameau. III, 158.
Chamois. III, 424.
Chapmans Tigerpferd. III, 85
Charsamarder. I, 627.
Chat-civette. I, 500.
 — *des pampas*. I, 530.
 — *ganté*. I, 439
 — *marbré*. I, 430.
 — *nain*. I, 501.
 — *oceloide*. I, 529
 — *sauvage*. I, 432.
 — *tigre*. I, 528.
Chati. I, 524.
Chaus servalina. I, 504.
Chauve-souris. I, 365.
 — *ordinaire*. I, 366.
Cheloniscus gigas. II, 713.
Cheval. III, 49.
Chevaux. III, 40.
Chèvre à cornes torsées. III, 206.
 — *angora*. III, 211.

- Chévre d'Egypte. III, 216.
 — du Cachmire. III, 214.
 — naine. III, 216.
 Chevreuil. III, 518.
 Chevrotain musqué. III, 530.
 — pygmée. III, 534.
 Chevrotains. III, 529.
 Chien-civette. II, 54.
 — crabier. II, 56.
 — de basse-cour. II, 166.
 — de berger. II, 167.
 — de Terre Neuve. II, 155.
 — des prairies. II, 455.
 Chimpanza gorilla. I, 59.
 Chinchilla. II, 642.
 — brevicaudata. II, 642.
 Chinchillas. II, 642.
 Chipmunk. II, 445.
 Chirogale. I, 295.
 Chirogaleus. I, 295.
 — coquereli. I, 296.
 — furcifer. I, 295.
 Chiromyda. I, 322.
 Chiromys madagascariensis.
 I, 322.
 Chironecte minimus. III, 740.
 — variegatus. III, 740.
 — yapok. III, 740.
 Chironectes. III, 740.
 Chiroptera. I, 325.
 Chlamydochore tronqué. II,
 715.
 Chlamydochore truncatus. II,
 715.
 Choerops III, 719.
 Choeropsis liberiensis. III, 578.
 — castanotis. III, 719.
 — ecaudatus. III, 719.
 — occidentalis. III, 719.
 Choirepotamus africanus. III,
 553.
 — pictus. III, 551.
 Choloepeus. II, 681.
 — didactylus. II, 681.
 — hoffmanni. II, 681.
 Chrysoeyon jubatus. II, 49.
 — latrans. II, 50.
 Chrysothrix. I, 255.
 — sciurea. I, 255.
 Chuchos. III, 170.
 Cimarrones. III, 45.
 Civette. I, 570.
 Civettes. I, 568.
 Cladobates tana. II, 396.
 Coassus. III, 516.
 — rufus. III, 516.
 Coati. II, 286.
 — Mondi. II, 287.
 Coboldmaki. I, 315.
 Cochon d'Inde. II, 609.
 Coelogenis. I, 507.
 — fulvus. II, 620.
 — paca. II, 620.
 — subniger. II, 620.
 Coendu. II, 608.
 Colobe. I, 129.
 Colobus. I, 129.
 Colobus guereza. I, 129.
 — satanas. I, 133.
 — ursinus. I, 133.
 Colus tataricus. III, 436.
 Conepatus amazonicus. I, 697.
 — humboldtii. I, 697.
 — nasutus. I, 697.
 Coudous. III, 395.
 Couscous. III, 700.
 Crabier. III, 739.
 Cricetus songarus. II, 554.
 Cricetinae. II, 546.
 Cricetus. II, 546.
 — bursarius. II, 586.
 — frumentarius. II, 546.
 — laniger. II, 642.
 — vulgaris. II, 546.
 Crocidura. II, 407.
 — aranea. II, 407.
 — etrusca. II, 408.
 — moschata. II, 407.
 — musaranea. II, 407.
 — suaveolens. II, 408.
 — thoracica. II, 407.
 Crocuta maculata. II, 6.
 Crossarchus dubius. I, 603.
 — obscurus. I, 603.
 — typicus. I, 603.
 Crossopus. II, 409.
 — fodiens. II, 409.
 — psilurus. II, 409.
 Crycetomys gambianus. II, 522.
 Cryptoprocta ferox. I, 565.
 Ctenodactylus. II, 631.
 Ctenomys. II, 629.
 — magellanicus. II, 630.
 Cuniculus. II, 670.
 — subterraneus. II, 581.
 Cuscus maculatus. III, 700.
 Cycloturus didactylus. II, 701.
 Cynailurus guttatus. I, 557.
 — jubatus. I, 557.
 — lanceus. I, 557.
 — soemmerringii. I, 557.
 Cynaticus melanogaster. II, 75.
 Cynictis penicillata. I, 608.
 — steedmanni. I, 606.
 — typica. I, 608.
 Cynocephale. I, 173.
 Cynocephale nègre. I, 177.
 Cynocephalus. I, 173.
 — babuin. I, 178.
 — gelada. I, 194.
 — hamadryas. I, 186.
 — leucophaeus. I, 198.
 — mormon. I, 197.
 — niger. I, 177.
 — porcarius. I, 178.
 — silenus. I, 203.
 — sphinx. I, 178.
 — toth. I, 186.
 Cynogale barbata. I, 587.
 — bennettii. I, 587.
 — venatica. II, 75.
 Cynomolgus cynocephalus. I,
 155.
 — sinicus. I, 159.
 Cynomys griseus. II, 455.
 — ludovicianus. II, 455.
 — socialis. II, 455.
 Cynonycteris. I, 360.
 — aegyptiacus. I, 360.
 — collaris. I, 361.
 — stramineus. I, 360.
 Cynopithecini. I, 58.
 Cynopithecus. I, 177.
 — malayanus. I, 177.
 — niger. I, 177.
 Cynopoda. I, 570.
 Cyon. II, 68.
 — alpinus. II, 73.
 — dukhunensis. II, 68.
 — grayiformis. II, 68.
 — primaevus. II, 68.
 — primaevus. II, 70.
 — rutilans. II, 68.
 — rutilans. II, 70.
 Cystophora. II, 324.
 — borealis. II, 324.
 — cristata. II, 324.

D.

- Dachs. I, 677.
 Dächsel. II, 141.
 Dactyloceros dama. III, 483.
 Daim. III, 483.
 Dama. III, 483.
 — maura. III, 483.
 — platyceros. III, 483.
 — vulgaris. III, 483.
 Damalis. III, 75.
 — bubalis. III, 376.
 — mauretanicus. III, 376.
 — oreas. III, 403.
 — pygarga. III, 375.
 — senegalensis. III, 375.
 Damhirsch. III, 483.
 Dämmling. III, 483.
 Darley Arabian. III, 55.
 Dasypodidae. II, 702.
 Dasypoides. II, 702.
 Dasyprocta. II, 615.
 — aguti. II, 615.
 Dasypus. II, 670.
 Dasypus. II, 704.
 — apar. II, 710.
 — gigas. II, 713.
 — gilvipes. II, 706.
 — setosus. II, 706.
 — sexcinctus. II, 706.
 — tricinatus. II, 710.
 — villosus. II, 705.
 Dasyre de White. III, 727.
 — hérissé. III, 724.
 Dasyures. III, 727.
 Dasyrus. III, 721.
 Dasyrus. III, 727.
 — cynocephalus. III, 722.
 — maugéi. III, 727.
 — penicillatus. III, 728.
 — tafa. III, 728.
 — ursinus. III, 724.

Dasyurus viverrinus. III, 727.
Dasyuridae. III, 721.
Dasyurinae. III, 721.
Daubentonia madagascariensis. I, 322.
Daubentoniada. I, 322.
Dauphin. III, 649.
— du Gange. III, 655.
Dauw. III, 84.
Delphinidae. III, 628.
Delphinapteras albicans. III, 639.
Delphinapterus leucas. III, 639.
Delphinus. III, 648.
— *albicans*. III, 639.
— *amazonicus*. III, 658.
— *antiquorum*. III, 649.
— *bidens*. III, 660.
— *deductor*. III, 641.
— *delphinus*. III, 649.
— *delphis*. III, 649.
— *duhamelii*. III, 630.
— *gladiator*. III, 630.
— *globiceps*. III, 641.
— *grampus*. III, 630.
— *grampus*. III, 641.
— *hunteri*. III, 660.
— *hyperodon*. III, 660.
— *leucas*. III, 639.
— *melas*. III, 641.
— *orca*. III, 630.
— *phocaena*. III, 634.
— *swinewal*. III, 641.
— *vulgaris*. III, 649.
Dendrobis degus. III, 629.
Dendrohyrax dorsalis. III, 138.
Dendrolage ursin. III, 692.
Dendrolagus. III, 692.
— *ursinus*. III, 692.
Denticete. III, 628.
Dermipus anatinus. III, 752.
Desman moscovite. II, 415.
Desmans. II, 414.
— *des Pyrénées*. II, 414.
Desmodus. I, 383.
— *rufus*. I, 383.
Deukerbok. III, 411.
Diabolus ursinus. III, 724.
Dickhornschaaf. III, 245.
Dicotyles. III, 559.
— *albirostris*. III, 559.
— *labiatus*. III, 559.
— *tajaca*. III, 559.
— *minor*. III, 559.
— *torquatus*. III, 559.
Dicranoceros furcifer. III, 445.
Didelphys azarae. III, 736.
— *cynocephalus*. III, 722.
— *diehrura*. III, 739.
— *lemurina*. III, 703.
— *macrotrarsus*. I, 315.
— *marsupialis*. III, 736.
— *azarae*. III, 736.
— *penicillata*. III, 728.
— *philander*. III, 739.

Didelphys pygmaea. III, 711.
— *sciurea*. III, 707.
— *ursina*. III, 724.
— *virginiana*. III, 736.
— *viverrina*. III, 727.
— *vulpina*. III, 703.
Didelphyidae. III, 733.
Dipodidae. II, 497.
Dipodinae. II, 501.
Dipodomys. II, 585.
Diprotodontia. III, 675.
Dipus. II, 502.
— *aegyptius*. II, 502.
— *alactaga*. II, 509.
— *americanus*. II, 499.
— *caffer*. II, 512.
— *canadensis*. II, 499.
— *halticus*. II, 509.
— *hudsonius*. II, 499.
— *jaculus*. II, 509.
— *lagopus*. II, 509.
— *maximus*. II, 649.
— *sagitta*. II, 509.
Doggen. II, 129.
Dogues. II, 129.
Dolichotis patagonica. II, 612.
Doppelnashorn. III, 109.
Douroucouli. I, 259.
Dreizehenfaultier. II, 681.
Dreizehenfaultiere. II, 681.
Dschiggetai. III, 62.
Dschangelrind. III, 298.
Dseren. III, 360.
Dyphilla. I, 380.
Dyphillata. I, 383.
Dypodomys philippii. II, 585.
Dysopes. I, 382.
Duiker. III, 412.
Ducker. III, 411.

E.

Echidna acanthion. III, 746.
— *aculeata*. III, 746.
— *lawesi*. III, 747.
— *setosa*. III, 747.
— *typica*. III, 746.
— *australiensis*. III, 746.
— *australis*. III, 746.
— *breviaculeata*. III, 747.
— *brevicaudata*. III, 747.
— *bruijnii*. III, 752.
— *hystrix*. III, 746.
— *longiaculeata*. III, 746.
— *setosa*. III, 747.
Echidné épineux. III, 746.
— *laineux*. III, 752.
— *papua*. III, 747.
— *soyeux*. III, 747.
Echidnés. III, 744.
Echidnidae. III, 744.
Echinopus hvstrix. III, 746.
— *setosus*. III, 747.
Ecureuil. II, 426.
Edelhirsch. III, 486.

— *marder*. I, 612.
Edentata. III, 678.
Egocère bleu. III, 385.
— *de Baker*. III, 386.
— *noir*. III, 386.
Eichborn. II, 426.
Eichhornaffen. I, 262.
Eira elya. I, 672.
Eisbär. II, 257.
Elan. III, 458.
Eland. III, 403.
Elch. III, 458.
Elen. III, 403.
Elen. III, 458.
Elend. III, 458.
Elendantilope. III, 403.
Elent. III, 458.
Eleotragus arundinaceus. III, 380.
— *reduncus*. III, 380.
Elephantenrobbe. II, 326.
— *spitzmaus*. II, 397.
Elephantidae. III, 1.
Elephas. III, 13.
— *africanus*. III, 10.
— *asiaticus*. III, 4.
— *indicus*. III, 4.
— *sumatranus*. III, 10.
Eliomys. II, 477.
— *nitela*. II, 477.
Elk. III, 459.
Elo. III, 460.
Engalo. III, 556.
Enhydra marina. I, 717.
— *stelleri*. I, 717.
Enhydris lutris. III, 717.
Entelle. I, 119.
Entenwal. III, 660.
Epagneul. II, 154.
Epaulard à tête ronde. III, 641.
Equidae. III, 40.
Equus. III, 40.
— *asinus*. III, 72.
— *africanus*. III, 72.
— *somalicus*. III, 73.
— *burchelii*. III, 84.
— *caballus*. III, 49.
— *chapmanii*. III, 85.
— *festivus*. III, 84.
— *grevyi*. III, 86.
— *hamar*. III, 71.
— *hemionus*. III, 62.
— *hemippus*. III, 71.
— *hinuus*. III, 80.
— *indicus*. III, 71.
— *kiang*. III, 62.
— *montanus*. III, 84.
— *mulus*. III, 80.
— *onager*. III, 71.
— *polyodon*. III, 62.
— *przewalskii*. III, 49.
— *quagga*. III, 83.
— *tacmopus*. III, 72.
— *zebra*. III, 85.
Erdferkel. II, 726 и 727.
Erdmaus. II, 568.

Erdmaus wolf. II, 15.
 Erethizon dorsatum. II, 597.
 Erinaceidae. II, 369.
 Erinaceus ecaudatus. II, 399.
 — europaeus. II, 371.
 Eriomys. II, 642.
 — chinchilla. II, 642.
 — lanigera. II, 642.
 Esel. III, 72.
 Eumetopias californiana. II, 348.
 — stelleri. II, 348.
 Euphractes villosus. II, 705.
 Euryceros euryceros. III, 400.

F.

Fahlaffe. I, 234.
 Falbenantilope. III, 385.
 Falbkatze. I, 439.
 Faulthiere. II, 680.
 Feldbase. II, 655.
 Feldmaus. II, 569.
 Felidae. I, 394.
 Felis. I, 402.
 — affinis. I, 532.
 — bengalensis. I, 501.
 — borealis. I, 538.
 — canadensis. I, 538.
 — capensis. I, 504.
 — caracal. I, 535.
 — catolynx. I, 532.
 — catus. I, 432.
 — celidogaster. I, 500.
 — chalybeata. I, 532.
 — chalybeata. I, 482.
 — charltoni. I, 430.
 — chaus. I, 532.
 — chinensis. I, 502.
 — concolor. I, 506.
 — diardii. I, 428.
 — dongolensis. I, 532.
 — eyra. I, 514.
 — galeopardus. I, 504.
 — guigna. I, 529.
 — guttata. I, 557.
 — Herschellii. I, 502.
 — himalayna. I, 500.
 — inconspicua. I, 502.
 — irbis. I, 498.
 — isabellina. I, 542.
 — Jacquemontii. I, 532.
 — jaguarundi. I, 511.
 — javanensis. I, 501.
 — jerdoni. I, 502.
 — jovensis. I, 502.
 — jubata. I, 557.
 — Katas. I, 532.
 Felis leo barbatus. I, 460
 — capensis. I, 461.
 — persicus. I, 461.
 — senegalensis. I, 461.
 — leopardus. I, 479.
 Felis libyca. I, 532.
 — lupulina. I, 540.

Felis lynx. I, 540.
 — macrosceloides. I, 428.
 — macrura. I, 529.
 Felis maniculata. I, 439.
 Felis maniculata domestica. I, 441.
 — angorensis. I, 458.
 — ccaudata. I, 459.
 Felis manul. I, 438
 — maracaya. I, 524.
 — margay. I, 528.
 — marginata. I, 532.
 — marmorata. I, 430.
 — melas. I, 482.
 — minuta. I, 501.
 — mitis. I, 524.
 — nebulosa. I, 428.
 — nigripictus. I, 438.
 — nipalensis. I, 502.
 — Ogilbii. I, 502.
 — onza. I, 514.
 — pajeros. I, 530.
 — panthera. I, 480.
 — panthera. I, 514.
 — pardalis. I, 525.
 — pardina. I, 554.
 — pardochrous. I, 502.
 — pardus. I, 479 и 483.
 — pulchella. I, 439.
 — puma. I, 506.
 — Ruepellii. I, 532.
 — rueppelii. I, 439.
 — serval. I, 504.
 — sumatrana. I, 501.
 — tigrina. I, 528.
 — tigris. I, 403.
 — tulliana. I, 482.
 — uncia. I, 498.
 — undata. I, 501.
 — varia. I, 480.
 — variegata. I, 482.
 — viverriceps. I, 499.
 — viverrina. I, 499.
 — wagati. I, 502.
 — wiedii. I, 529.
 Felsenkänguruh. III, 688.
 Fenecus arabicus. II, 210.
 — brucei. II, 210.
 — zerda. II, 210.
 Ferkelratten. II, 633.
 Fiber. II, 483.
 — zibethicus. II, 556.
 Fichtenmarder. I, 626.
 Fingerthier. I, 322.
 Finnfish. III, 615.
 Finnwal. III, 615.
 Fisk Reiki. III, 645.
 Fischermarder. I, 627.
 Fischotter. I, 704.
 Fleischfresser. III, 715.
 Fliegende Hund. I, 351.
 Flugfuchs. I, 354.
 Flughörnchen. II, 438.
 Flusspferd. III, 563.
 Foetorius. I, 628.
 — erminea. I, 647.
 — furo. I, 635.

Foetorius lutreola. I, 658.
 — sarmaticus. I, 629.
 — vison. I, 658.
 — vulgaris. I, 640.
 Földi-Kölkök. II, 583.
 Fossa. I, 565.
 Fossane. I, 565.
 Fouine. I, 619.
 Fourmiliers. II, 693.
 Foxhound. II, 152.
 Fretkatze. I, 565.
 Frett. I, 635.
 Fuchs. II, 176.
 — hund. II, 152.
 — kusu. III, 703.
 — manguste. I, 606.
 Furchenwale. III, 612.
 Furet. I, 635.
 Fur-seal. II, 354.
 Fusswurzelthiere. I, 315.

G.

Gabelbock. III, 445.
 Galago. I, 310.
 — cuvieri. I, 310.
 — moholi. I, 310.
 — senegalensis. I, 310.
 Galea subfusca. I, 672.
 Galeopithecidae. II, 417.
 Galeopithecus. II, 417.
 — rufus. II, 418.
 — temminckii. II, 418.
 — variegatus. II, 418.
 — volans. II, 418.
 Galera barbara. I, 672.
 Galictis. I, 672.
 — allamandi. I, 675.
 — barbara. I, 672.
 — vittata. I, 674.
 Gallidictio chrysogaster. I, 627.
 Gartenschläfer. II, 477.
 Gavaeus gaurus. III, 298.
 — frontalis. III, 295.
 Gayal. III, 295.
 Gazella. III, 363.
 — africana. III, 364.
 — bennetti. III, 409.
 — euchore. III, 370.
 — pygarga. III, 375.
 Gazelle. III, 364.
 — pourpre. III, 375.
 Geflecte Hyäne. II, 6.
 Gelbfusskänguruh. III, 688.
 Gemsbock. III, 388.
 Gemse. III, 424.
 Genetta. I, 577.
 — afra. I, 578.
 — bonapartei. I, 578.
 — vulgaris. I, 578.
 Genette. I, 578.
 Geomynae. II, 585.
 Geomys. II, 586.
 — bursarius. II, 586.

Geomys canadensis. II, 586.
Geparda guttata. I, 557.
 — *jubata*. I, 557.
Gerbille d'Egypte. II, 518.
Gerbilles. II, 517.
Gerbillus labradorius. II, 499.
Gerboise à trois doigts. II, 502.
Gerboises. II, 497.
Gibbar. III, 615.
Gibbon brun. I, 110.
 — *noir*. I, 108.
Gibbons. I, 107.
Ginsterkatze. I, 577.
Glirismia. I, 322.
Glromorpha. I, 322.
Glis esculentus. II, 473.
 — *norwegicus*. II, 523.
 — *vulgaris*. II, 473.
Globiocephalus. III, 641.
 — *melas*. III, 641.
 — *swinewal*. III, 641.
Glouton. I, 666.
Glossophaga. I, 379.
Glyptodon. II, 702.
Gnou. III, 441.
 — *à bandes*. III, 443.
Gnu. III, 441.
Godolphin Arabian. III, 55.
Goldfuchs. II, 178.
Goldstaubmanguste. I, 594.
Goldstirnaffe. I, 219.
Golunda barbara. II, 545.
Goral. III, 422.
Gorilla gina. I, 59.
 — *savagci*. I, 59.
Gouazou-Pita. III, 516.
 — *Ti*. III, 513.
Grand fer à cheval. I, 390.
Grauer Seehund. II, 320.
Grauer Wollaffe. I, 229.
Graufuchs. II, 214.
Greiffushüpfer. III, 696.
Greifstacheln. II, 601.
Griffon. II, 164.
Grimmia mergens. III, 411.
Grindwal. III, 641.
Grislibär. II, 242.
Grison. I, 672 и 674.
Grisonia vittata. I, 674.
Grivet. I, 144.
Grossfusskänguruh. III, 686.
Grünaffe. I, 144.
Grünzochsen. III, 268.
Guenon. I, 133.
Guepard d'Asie. I, 557.
Guib. III, 399.
Guilliomys chilensis. II, 634.
 — *coypus*. II, 634.
Gulo. I, 665.
 — *arcticus*. I, 666.
 — *barbatus*. I, 672.
 — *borealis*. I, 666.
 — *capensis*. I, 690.
 — *larvatus*. I, 586.
 — *leucurus*. I, 666.
 — *luscus*. I, 666.

— *mustela*. I, 672.
 — *urva*. I, 602.
 — *vittatus*. I, 674.
 — *volveronc*. I, 666.
 — *vulgaris*. I, 666.
Gummithiere. I, 311.
Gürtelmaus. II, 715.
Gürtelthiere. II, 702 и 704.
Gymnorhyna. I, 361.
Gymnura. I, 362.

H.

Hacks. III, 56.
Halbmake. I, 293.
Halbmakis. I, 293.
Halbpanzer-Nashorn. III, 108.
Halichoerus grypus. II, 320.
Halicore. III, 581.
 — *australis*. III, 586.
 — *cetacea*. III, 586.
 — *dujong*. III, 586.
 — *stelleri*. III, 591.
Halmaturus nuchalis. III, 687.
 — *thetidis*. III, 687.
Halsbandflughund. I, 361.
Haltomys aegyptius. II, 502.
Hamadryas chaeropithecus. I, 186.
Hamster. II, 546.
Hapale. I, 268.
 — *argentata*. I, 272.
 — *jacchus*. I, 272.
 — *leonina*. I, 268.
 — *leucotis*. I, 279.
 — *oedipus*. I, 271.
 — *penicillata*. I, 273.
 — *pygmaea*. I, 277.
 — *rosalia*. I, 268.
Hapalemur. I, 293.
 — *griseus*. I, 293.
 — *olivaceus*. I, 293.
Haplocercus americanus. III, 352.
 — *lanigerus*. III, 352.
Hartebeest. III, 376.
Hartläufer. III, 556.
Haselmaus. II, 477 и 480.
Hasen. II, 653 и 655.
 — *maus*. II, 649.
 — *mäuse*. II, 642.
 — *mäuse*. II, 649.
 — *Springer*. III, 690.
Haushunde. II, 166.
 — *maus*. 535.
 — *spitzmaus*. II, 407.
Hausratte. II, 522.
Helamys capensis. II, 512.
Helarectos eurystylus. II, 254.
 — *malayanus*. II, 254.
 — *tibetanus*. II, 251.
Helladotherium. III, 138.
Helogale taenionota. I, 598.
Hemitragus. 223.
 — *goral*. III, 422.

— *jemlaicus*. III, 223.
Hermelin. I, 647.
Hermine. I, 647.
Herpestes. I, 590.
 — *andersoni*. I, 594.
 — *canerivorus*. I, 602.
 — *fasciatus*. I, 598.
 — *ferrugineus*. I, 594.
 — *frederici*. I, 594.
 — *griseus*. I, 594.
 — *ichneumon*. I, 590.
 — *javanicus*. I, 594.
 — *malaccensis*. I, 594.
 — *mungo*. I, 594.
 — *pallidus*. I, 594.
 — *penicillatus*. I, 606.
 — *pharaonis*. I, 590.
 — *taenionotus*. I, 598.
 — *urva*. I, 602.
 — *waldringtonii*. I, 598.
 — *zebra*. I, 598.
Herrisson. II, 371.
Heteropus albugulari. III, 688.
 — *penicillatus*. III, 688.
Hippelaphus. III, 500.
 — *aristotelis*. III, 500.
Hippopotame. III, 563.
 — *nain*. III, 578.
Hippopotamidae. III, 563.
Hippopotamus amphibius. III, 563.
 — *australis*. III, 563.
 — *liberiensis*. III, 578.
 — *terrestris*. III, 95.
Hipposideros bihastatus. I, 387.
Hippotigris antiquorum. III, 85.
 — *burchellii*. III, 84.
 — *isabellinus*. III, 83.
 — *quagga*. III, 83.
 — *zebra*. III, 85.
Hippotragus. III, 384.
 — *bakeri*. III, 386.
 — *leucophaeus*. III, 385.
 — *niger*. III, 386.
Hircus. III, 201.
 — *aegagrus*. III, 201.
 — *aegyptiaca*. III, 210.
 — *thobaica*. III, 210.
Hirscheber. III, 553.
 — *hund*. II, 151.
 — *ziegenantilope*. III, 357.
Hocheur. I, 146.
Hochhornantilopen. III, 362.
Höckerochs. III, 309.
Höhlenmaus. II, 574.
Honigdachs. I, 690.
Huffpötler. II, 608.
Hulman. I, 119.
Humphack. III, 612.
Hundfiskar. III, 635.
Hunters. III, 56.
Hüpfmaus. II, 499.
Hurlleur noir. I, 210.
 — *roux*. I, 210.
Huronc. I, 672.

Hufeisennas. I, 390.
Hutaffe. I, 159.
Huzar. I, 150.
Hvalhund. III, 634.
Hyaemoschus aquaticus. III, 534.
Hyaena antiquorum. II, 12.
 — *brunnea*. II, 10.
 — *capensis*. II, 6.
 — *crocuta*. II, 6.
 — *fasciata*. II, 12.
 — *fusca*. II, 10.
 — *maculata*. II, 6.
 — *orientalis*. II, 12.
 — *picta*. II, 62.
 — *striata*. II, 12.
 — *venatica*. II, 62.
 — *villosa*. II, 10.
 — *virgata*. II, 12.
 — *vulgaris*. II, 12.
Hyaenenhund. II, 62.
Hyaenidae. II, 3.
Hydrochoerus capybara. II, 623.
Hydromys coypus. II, 634.
Hylaphus porcinus. III, 505.
Hyène brune. II, 10.
 — *rayée*. II, 12.
 — *tacheté*. II, 6.
Hylje. II, 319.
Hylobates. I, 107.
 — *agilis*. I, 110.
 — *concolor*. I, 114.
 — *hoolock*. I, 108.
 — *hulock*. I, 108.
 — *lar*. I, 108.
 — *leuciscus*. I, 114.
 — *leucogenys*. I, 109.
 — *rafflesii*. I, 110.
 — *syndactylus*. I, 108.
 — *variegatus*. I, 110.
Hylogalearia ferruginea. II, 396.
Hyperoodon bidens. III, 660.
 — *borealis*. III, 660.
 — *butskopf*. III, 660.
 — *hunteri*. III, 660.
 — *rostratum*. III, 660.
Hyperoodontidae. III, 660.
Hypsimprymnodontidae. III, 696.
Hypsimprymnus apicalis. III, 694.
 — *mysurus*. III, 694.
 — *ogilbyi*. III, 693.
 — *penicillatus*. III, 693.
 — *setosus*. III, 694.
Hypsimprymnodon moschatus. III, 696.
Hypudaeus. II, 567.
 — *alpinus*. II, 565.
 — *glarcolus*. II, 567.
 — *hercynicus*. II, 567.
 — *nageri*. II, 567.
 — *nivalis*. II, 565.
 — *nicicola*. II, 565.
 — *oeconomus*. II, 573.
 — *petrophilus*. II, 565.

Hypudaeus rufofuscus. 569.
Hyracidae. III, 126.
Hyrare. I, 672.
Hyrax abyssinicus. III, 128.
 — *capensis*. III, 133.
 — *dorsalis*. III, 133.
 — *mosambicus*. III, 133.
Hystrichidae. II, 589.
Hystrichinae. II, 590.
Hystrix. II, 590.
 — *cristata*. II, 591.
 — *dorsata*. II, 597.
 — *hudsonia*. II, 597.
 — *leucura*. II, 592.
 — *libmanni*. II, 601.
 — *mexicana*. II, 601.
 — *novae hispaniae*. II, 601.
 — *pilosa*. II, 597.
 — *prehensilis*. II, 606.

I.

Ibex. III, 181.
 — *alpinus*. III, 181.
 — *imberbis*. III, 436.
 — *pyrenaicus*. III, 195.
Ichneumon. I, 590.
 — *aegypti*. I, 590.
 — *javanicus*. I, 594.
 — *pharaonis*. I, 590.
 — *taenionotus*. I, 598.
Ichneumonia albescens. I, 606
 — *ruber*. I, 606.
Icticyon. II, 74.
 — *venaticus*. II, 74.
Ictides albifrons. II, 275.
 — *ater*. II, 275.
Ictis. I, 635.
Ictonyx capensis. I, 702.
Igel. II, 371.
Ilhval. III, 657
Iltis. I, 628.
Indicator. I, 691.
Indischer Büffel. III, 341.
Indischer Ratel. I, 692.
Indris brevicaudatus. I, 283.
Inia. III, 653.
 — *amazonica*. III, 653.
 — *boliviensis*. III, 653.
Insectivora. II, 367.
Inuus brachyurus. I, 198.
 — *ecandatus*. I, 167.
 — *leucophaeus*. I, 198.
 — *niger*. I, 177.
Isard. III, 424.
Isatis. II, 198.
Isodon fournieri. II, 633.
Istiophora. I, 376.
Italienischer Hund. II, 124.

J.

Jacchus penicillatus. I, 273.
 — *pygmaeus*. I, 277.
 — *rosalia*. I, 269.

Jacchus vulgaris. I, 272.
Jaculinae. II, 499.
Jaculus americanus. II, 499.
 — *hudsonius*. II, 499.
 — *labradorius*. II, 499.
Jerf. I, 667.
Juan calado. II, 718.

K.

Kaama. III, 376.
Kammratte. II, 629.
Kanguroo à pieds jaunes. III, 688.
 — *des roches*. III, 688.
 — *géant*. III, 686.
 — *leporoide*. III, 690.
 — *Rat*. III, 692.
Känguruhratte. III, 694.
 — *ratten*. III, 692.
Kaninchen. II, 670.
Kantschil. III, 534.
Kapuziner. I, 233.
Kaschmirziege. III, 214.
Kassigiak. II, 319.
Katzenfrett. I, 608.
 — *maki*. I, 295.
Killer. III, 634.
Kinkajou. II, 295.
Klammeraffen. I, 218.
Klappenmütze. II, 324.
Kleubeutler. III, 700.
Kletterbeutler. III, 697.
 — *stachelschweine*. II, 597.
Klippsspringer. III, 419.
Koala. III, 698.
Kob. III, 382.
Koba. III, 375.
Kobbe. II, 319.
Kobus. III, 382.
 — *ellipsiprymnus*. III, 382.
 — *singsing*. III, 383.
Koupara. II, 75.
Krabbenmanguste. I, 602.
Kragenbär. II, 251.
Kraffenaffe. I, 268.
Krebsbeutler. III, 739.
Kreuzfuchs. II, 179.
Kronenindri. I, 283.
Kropfantilope. III, 360.
Kubbsäl. II, 319.
Kudu. III, 395.
Kugelgürtelthier. II, 710.
Kuhantilopen. III, 374.
Kuhantilopen. III, 375.
Kulan. III, 62.
Kurzohrmäuse. II, 574.
 — *schwanzaffe*. I, 249.
Kusimanse. I, 603.
Kynos pictus. II, 62.
Kyphobalaena hoops. III, 612.

L.

Laggar. II, 319.
Lagidium. II, 649.

- Lagidium cuvieri*. II, 649.
 — *peruanum*. II, 649.
Lagochestes leporoides. III, 690.
Lagomys. II, 675.
 — *alpinus*. II, 675.
 — *ogotona*. II, 675.
 — *pusillus*. II, 677.
Lagostomidae. II, 642.
Lagostomus laniger. II, 642.
 — *trichodactylus*. II, 649.
 — *viscacha*. II, 649.
Lagotrichia caparo. I, 229.
Lagotrix. I, 229.
 — *Humboldti*. I, 229.
Lagotis criniger. III, 649.
 — *cuvieri*. II, 469.
Lalandi. II, 16.
Lama huanaco. III, 164.
 — *pacos*. III, 171.
 — *peruana*. III, 187.
 — *vicunia*. III, 173.
Lamentin. III, 583.
Lamictis carcharias. I, 587.
Langschwanzkatze. I, 529.
Langschwanzpanther. I, 482.
Langschwanzschuppentier. II, 721.
Lapin. II, 670.
Larvenroller. I, 586.
Larvenschwein. III, 553.
Latax marina. I, 717.
Lemming. II, 575.
Lemminge. II, 575.
Lemmings. II, 575.
Lemmus insularis. II, 568.
 — *norwegicus*. II, 575.
 — *pratensis*. II, 564.
 — *schermans*. II, 560.
 — *zibethicus*. II, 556.
Lemur. I, 285.
 — *catta*. I, 292.
 — *flavus*. II, 295.
 — *galago*. I, 310.
 — *griseus*. I, 293.
 — *indri*. I, 283.
 — *leucomystax*. I, 289.
 — *leucopsis*. I, 255.
 — *macaco*. I, 289.
 — *mayottensis*. I, 285.
 — *mongoz*. I, 292.
 — *niger*. I, 283.
 — *nigrifrons*. I, 292.
 — *psylodactylus*. I, 322.
 — *spectrum*. I, 315.
 — *varius*. I, 288.
 — *volans*. II, 418.
Lemuridae. I, 280.
Leontopithecus fuscus. I, 268.
 — *leonus*. I, 268.
Leopardus antiquorum. I, 479.
 — *dosul*. I, 430.
 — *Ellioti*. I, 502.
 — *Horsfieldi*. I, 502.
 — *irbis*. I, 498.
 — *japonicus*. I, 482.
 — *macrurus*. I, 482.
Leopardus maracaya. I, 524.
 — *melas*. I, 482.
 — *onza*. I, 514.
 — *pajeros*. I, 530.
 — *paliopardus*. I, 522.
 — *panthera*. I, 480.
 — *pantherinus*. I, 482.
 — *pardalis*. I, 525.
 — *tigrinoides*. I, 529.
 — *tigrinus*. I, 528.
 — *uncia*. I, 498.
 — *variegatus*. I, 482.
 — *varius*. I, 480.
Lepilemur. I, 295.
Leporidae. II, 653.
Leporidés. II, 653.
Leptodactyla. I, 322.
Lepus. II, 655.
 — *aethiopicus*. II, 668.
 — *albus*. II, 664.
 — *alpinus*. II, 664.
 — *alpinus*. II, 675.
 — *aquilonius*. II, 655.
 — *borealis*. II, 664.
 — *campicola*. II, 655.
 — *canescens*. II, 664.
 — *capensis*. II, 670.
 — *caspicus*. II, 655.
 — *crassicaudatus*. II, 670.
 — *cuniculus*. 670.
 — *darwinii*. II, 675.
 — *europaeus*. II, 655.
 — *glacialis*. II, 663.
 — *hibernicus*. II, 664.
 — *medius*. II, 655.
 — *saxatilis*. II, 670.
 — *timidus*. II, 664 и 655.
 — *variabilis*. II, 664.
 — *vulgaris*. II, 655.
Lerot. II, 477.
Leucocyon legopus. II, 198.
Leuconoë daubentonii. I, 367.
Levrette. II, 124.
Lévrier. II, 117.
Lichanotus brevicaudatus. I, 283.
 — *Indri*. I, 282.
 — *mitratus*. I, 283.
Lièvre ordinaire. II, 655.
 — *variable*. II, 664.
Lièvres. II, 655.
Lighthval. III, 657.
Lince. I, 555.
Linsang gracilis. I, 580.
Lion marin. II, 361.
Lipotus mellivora. I, 690.
Lippenbär. II, 267.
Lipurus cinereus. III, 698.
Lobo cervical. I, 555.
Löffelhund. II, 217.
Loir. II, 473.
 — *dryade*. II, 476.
Loirs. II, 472.
Loutra brasiliensis. I, 715.
Lori grèle. I, 297.
Loris bengalensis. I, 300.
 — *ceylonicus*. I, 297.
Loris gracilis. I, 297.
Lotor vulgaris. II, 277.
Loup. II, 20.
 — *d'Égypte*. II, 36.
 — *des prairies*. II, 50.
 — *malais*. II, 70.
 — *rayé*. II, 38.
 — *rouge*. II, 49.
 — *tricolore*. II, 62.
 — *variable*. II, 33.
Loutre. I, 704.
 — *de Bresil*. I, 715.
 — *de Kamtchatka*. I, 717.
Löwenäffchen. I, 268.
Loxodon africanus. III, 10.
Lupus. II, 20.
 — *adustus*. II, 38.
 — *anthus*. II, 36.
 — *aureus*. II, 42.
 — *cancrivorus*. II, 56.
 — *chanco*. II, 20.
 — *jubatus*. II, 49.
 — *laniger*. II, 20.
 — *lateralis*. II, 38.
 — *lupaster*. II, 36.
 — *lupus*. II, 20.
 — *mesomelas*. II, 47.
 — *occidentalis*. II, 33.
 — *pallipes*. II, 34.
 — *procyonoides*. II, 54.
 — *silvestris*. II, 20.
 — *simensis*. II, 37.
 — *variegatus*. II, 36.
 — *vetulus*. II, 58.
 — *vulgaris*. II, 20.
Lutra brasiliensis. I, 715.
 — *canadensis*. I, 715.
 — *indica*. I, 705.
 — *lutreola*. I, 658.
 — *lutris*. I, 717.
 — *minima*. III, 740.
 — *minor*. I, 658.
 — *nair*. I, 705.
 — *nudipes*. I, 704.
 — *sarcovienna*. III, 740.
 — *vittata*. I, 674.
 — *vulgaris*. I, 704.
Lutréole. I, 658.
Lutreola vison. I, 658.
Lutridae. I, 704.
Lycalopex azarae. II, 58.
 — *cancrivorus*. II, 56.
Lycan. II, 61.
 — *pictus*. II, 62.
 — *tricolor*. II, 62.
 — *typicus*. II, 62.
 — *venaticus*. II, 62.
Lyciscus cayotis. II, 50.
Lynx. I, 531 и 540.
 — *borealis*. I, 538.
 — *borealis*. I, 510.
 — *canadensis*. I, 538.
 — *caracal*. I, 535.
 — *cervarius*. I, 540.
 — *chaus*. I, 532.
 — *des marais*. I, 532.
 — *du Canada*. I, 538.

- Mimetes troglodytes*. I, 77.
Mink. I, 658.
Mirikina. I, 259.
Mohrenaffe. I, 151.
Mollmaus. II, 560.
Molossus. I, 378.
Mone. I, 145.
Mongoz. I, 292.
Monodon. III, 657.
 — *monoceros*. III, 657.
Monodontidae. III, 657.
Monophyllata. I, 383.
Monotremata. III, 742.
Mopsfledermaus. I, 375.
Morderor. I, 377.
Morenmaki. I, 289.
Mormon maimon. I, 197.
Mors. II, 336.
Morse. II, 333.
Morunga elephantina. II, 326.
Moschidae. III, 529.
Moschus chrysogaster. III, 529.
 — *leucogaster*. III, 529.
 — *moschiferus*. III, 529.
 — *saturatus*. III, 529.
Moschusthier. III, 530.
Moschushiere. III, 529.
Moufette d'Amérique. I, 697.
 — *de java*. I, 693.
 — *des Etats-Unis*. I, 698.
Mouflon d'Afrique. III, 228.
 — *d'Europe*. III, 233.
Moustac. I, 146.
Mouton à large queue. III, 254.
 — *à tête noire*. III, 255.
Moutons. III, 225.
Mulet. III, 80.
Mulot. II, 535.
 — *rain*. II, 542.
Mungo. I, 594.
Munt-jack. III, 525.
Muridae. II, 515.
Murinae. II, 520.
Murmeltier. II, 466.
Mus. II, 534.
 — *aegyptius*. II, 502.
 — *agrarius*. II, 536.
 — *agrestis*. II, 568.
 — *alexandrinus*. II, 522.
 — *amphibius*. II, 560.
 — *aquaticus*. II, 523.
 — *aquatilis*. II, 560.
 — *arctomys*. II, 463.
 — *arvalis*. II, 569.
 — *avellanarius*. II, 480.
 — *barbarus*. II, 545.
 — *bursarius*. II, 586.
 — *caffer*. II, 512.
 — *campestris*. II, 542.
 — *castoroides*. II, 634.
 — *citillus*. II, 451.
 — *corilinum*. II, 480.
 — *coypus*. II, 634.
 — *ericetus*. II, 542.
 — *decumanus*. II, 523.
Mus domesticus. II, 535.
 — *gambianus*. II, 522.
 — *glareolus*. II, 567.
 — *glis*. II, 473.
 — *gregarius*. II, 563.
 — *hibernicus*. II, 523.
 — *islandicus*. II, 535.
 — *labradorius*. II, 499.
 — *laniger*. II, 642.
 — *lemmus*. II, 575.
 — *longipes*. II, 499.
 — *maritimus*. II, 583.
 — *marmota*. II, 466.
 — *messorius*. II, 542.
 — *minutus*. II, 542.
 — *musculus*. II, 535.
 — *norwegicus*. II, 575.
 — *oeconomus*. II, 573.
 — *paca*. II, 620.
 — *paludosus*. II, 560.
 — *parvus*. II, 542.
 — *pendulinus*. II, 542.
 — *pratensis*. II, 542.
 — *quercinus*. II, 477.
 — *rattus*. II, 522.
 — *rubens*. II, 536.
 — *saccatus*. II, 586.
 — *saliens*. II, 509.
 — *schermans*. II, 560.
 — *silvestris*. II, 523.
 — *soricinus*. II, 542.
 — *suillus*. II, 583.
 — *sylvaticus*. II, 535.
 — *tamaricinus*. II, 520.
 — *terrestris*. II, 560.
 — *typhlus*. II, 531.
 — *zibethicus*. II, 556.
Musang. I, 583.
Musaraigne Carrelet. II, 404.
 — *d'eau*. II, 409.
 — *etrusque*. II, 408.
Musaraignes. II, 402.
Muscardin. II, 480.
Muscardinus. II, 480.
 — *avellanarius*. II, 480.
Musculus dichrurus. II, 535.
Musette. II, 407.
Muskrat. II, 556.
Mustela. I, 612.
 — *americana*. I, 626.
 — *canadensis*. I, 627.
 — *candida*. I, 647.
 — *capensis*. I, 690.
 — *erminea*. I, 647.
 — *Eversmanni*. I, 628.
 — *ferrugineus*. I, 627.
 — *flavigula*. I, 627.
 — *foetida*. I, 628.
 — *foetorius*. I, 628.
 — *foina*. I, 619.
 — *furo*. I, 635.
 — *gale*. I, 640.
 — *galera*. I, 672.
 — *galera*. I, 594.
 — *gulina*. I, 672.
 — *gulo*. I, 666.
 — *huro*. I, 626.
Mustela kardwickii. I, 627.
 — *leucopus*. I, 626.
 — *leucotis*. I, 626.
 — *lutra*. I, 704.
 — *lutrocephala*. I, 658.
 — *lutreola*. I, 658.
 — *lutris*. I, 717.
 — *martes*. I, 612.
 — *melanorhyncha*. I, 627.
 — *minx*. I, 658.
 — *nivalis*. I, 640.
 — *pennanti*. I, 627.
 — *peregrina*. I, 629.
 — *praecincta*. I, 629.
 — *pusilla*. I, 640.
 — *quiqui*. I, 674.
 — *sarmatica*. I, 629.
 — *tayra*. I, 672.
 — *vison*. I, 658.
 — *vittata*. I, 674.
 — *vulpina*. I, 626.
 — *zibellina*. I, 623.
 — *zorilla*. I, 702.
Mustelidae. I, 610.
Musthier. III, 470.
Mvuli. III, 400.
Mycetes. I, 208.
 — *caraya*. I, 210.
 — *niger*. I, 210.
 — *seniculus*. I, 210.
Mydaus. I, 693.
 — *javanicus*. I, 693.
 — *meliceps*. I, 693.
 — *tetagon*. I, 693.
Myocastor coypus. II, 634.
 — *zibethicus*. II, 558.
Myodes. II, 575.
 — *lemmus*. II, 575.
Myogale moschata. II, 415.
 — *moscovitica*. II, 415.
 — *pyrenaica*. II, 414.
Myogalinae. II, 414.
Myopotame. II, 634.
Myopotamus bonariensis. II, 634.
 — *coypu*. II, 634.
Myotus. I, 365.
 — *daubentonii*. I, 367.
 — *murinus*. I, 366.
Myoxidae. II, 472.
 — *avellanarius*. II, 480.
 — *dryas*. II, 476.
 — *glis*. II, 473.
 — *muscardinus*. II, 480.
 — *nitedulae*. II, 476.
 — *nitela*. II, 477.
 — *quercinus*. II, 477.
 — *speciosus*. II, 480.
Myrmecobie. III, 732.
Myrmecobiinae. III, 732.
Myrmecobius diemensis. III, 732.
 — *fasciatus*. III, 732.
Myrmecophaga aculeata. III, 746.
 — *bivittata*. II, 699.
 — *crispa*. II, 699.

Myrmecophaga didactyla. II, 701
 — *jubata*. II, 693
 — *myosura*. II, 699
 — *nigra*. II, 699.
 — *tamandua*. II, 699.
 — *ursina*. II, 699.
Myrmecophagidae. II, 693.
Myrmidon didactylus. II, 701.
Mysticete. III, 610.
Mysticetes. III, 610.
N.
Nabelschwein. III, 559.
Nachtschwirrer. I, 365.
Nandinia binotata. I, 588.
Nannugo. I, 370.
 — *pipistrellus*. I, 371.
Nanotragus hemprichii. III, 412.
Narwal. III, 657.
Nasalis larvatus. I, 127.
Nasenne. I, 127.
 — *beuteldachs*. III, 716.
Nashorn. III, 105.
Nasique. I, 127.
Nasua. II, 286.
 — *nasica*. II, 287
 — *rufa*. II, 286.
Nebbwal. III, 660.
Nehelparder. I, 428.
Nemorhoedus. III, 422.
 — *goral*. III, 422.
Neofelis macroscelides. I, 428.
Neotragus. III, 412
 — *hemprichii*. III, 412
 — *moschatus*. III, 416.
Nerz. I, 658.
Neufundländer. II, 155
Nilflughund. I, 360.
Nilgau. III, 406.
Nisa. III, 635
Nise. III, 635.
Noctule. I, 373.
 — *de Nilson*. I, 369.
Nordwal. III, 623.
Notophorus torquatus. III, 559.
Nuorjo. II, 319.
Nutu. III, 393.
Nyctereutes procyonoides. II, 54.
 — *viverrinus*. II, 54.
Nycteribia. I, 355.
Nycteris fuliginosus. I, 327
Nycticteles bengalensis. I, 300.
 — *cinereus*. I, 300.
 — *javanicus*. I, 300.
 — *potto*. I, 305.
 — *tardigradus*. I, 300.
Nyctipithecus. I, 259.
 — *felinus*. I, 259.
 — *trivirgatus*. I, 259.
 — *vociferus*. I, 259.
Nyctonomus Brasiliensis. I, 340 и 382.
Nyl-Ghau. III, 406

O.

Ocelot. I, 525.
Octodon. II, 628.
 — *cumingii*. II, 629.
 — *pallidus*. II, 629.
Octodontidae. II, 627.
Odobaenus rosmarus. II, 333.
Oediponeichos oedipus. I, 271.
Oegagre. III, 201.
Ohiohin. II, 445.
Ohrenfledermaus. I, 362.
Old Ephraim. II, 242.
Onagre. III, 71.
Once. I, 498.
Ondatra. II, 556.
 — *zibethica*. II, 556
Opara. III, 634.
Opossum. III, 700.
 — *maus*. I, 371.
 — *ratte*. I, 371.
Orca. III, 400.
 — *gladiata*. III, 400.
Orcinus orca. III, 400.
Oreas canna. III, 408.
Oreillard. I, 362.
 — *d'Europe*. I, 362.
Oreotragus saltatrix. III, 419.
Orignal. III, 470.
Ornithorhynchus anatinus. III, 752.
 — *brevirostris*. III, 752.
 — *crispus*. III, 752.
 — *fuscus*. III, 752
 — *hystrix*. III, 746
 — *laevis*. III, 752.
 — *paradoxus*. III, 752
 — *rufus*. III, 752.
Ornithorinque. III, 752.
Ornithorhynchidae. III, 752.
Ornswin. III, 634.
Orque. III, 630.
Orycterope du Cap. II, 727.
Orycteropes. II, 726.
Orycteropodidae. II, 726
Orycteropus aethiopicus senegalensis. II, 727.
 — *capensis*. II, 727.
Orycterus maritimus. II, 583.
Oryx. III, 387.
 — *beisa*. III, 388.
 — *capensis*. III, 388.
 — *du Soudan*. III, 390.
 — *gazella*. III, 388.
 — *leucoryx*. III, 390.
 — *nasomaculata*. III, 393.
Otaria jubata. II, 361.
 — *leonina*. II, 361.
 — *ursina*. II, 354.
Otarie californienne. II, 348.
Otariidae. II, 347.
Otocyon caffer. II, 217.
 — *landii*. II, 217.
Otolemur agisymbanus. I, 311.
 — *crassicaudatus*. I, 314.
Otolienus agisymbanus. I, 311.
 — *crassicaudatus*. I, 314.

Otolienus galago. I, 310.
 — *senegalensis*. I, 310.
 — *teng*. I, 310.
Ottaria gillespii. II, 354.
 — *stelleri*. II, 348.
Otterhund. II, 144.
 — *menk*. I, 661.
Ouakari. I, 250.
Ouakaria calva. I, 250.
Ouanderou. I, 203.
Ouistiti à pinceau. I, 203.
 — *argenté*. I, 203.
 — *leonier*. I, 203.
 — *noir*. I, 203.
Ovis. III, 225.
 — *ammon*. III, 237.
Ovis argali. III, 237.
Ovis aries catotis. III, 249.
 — *hispanica*. III, 252.
 — *platyura*. III, 249.
 — *marin*. II, 354.
 — *noir*. II, 247.
Ovibos moschatus. III, 260.
Ovibovinae. III, 260.
Ovis. III, 225.
 — *ammon*. III, 237.
Ovis argali. III, 237.
Ovis aries catotis. III, 249.
 — *hispanica*. III, 252.
 — *platyura*. III, 249.
 — *steatopyga*. III, 254.
 — *steatopyga persica*. III, 255.
 — *syenitica*. III, 249.
Ovis californiana. III, 245.
 — *cervina*. III, 245.
 — *montana*. III, 245.
 — *montana*. III, 351.
 — *musimon*. III, 233.
 — *polfi*. III, 242.
 — *pygargus*. III, 245.
 — *tragelaphus*. III, 228.
 — *vignei*. III, 248.
Oxygois indicus. II, 42.
Ozanna leucophaea. III, 385.
 — *nigra*. III, 386.

P.

Pachyura etrusca. III, 408.
Pademelton. III, 687.
Pagophilus groenlandicus. II, 320.
Paguma larvata. I, 586.
Pagume. I, 586.
Pajaroleon. I, 511.
Pajeros pampanus. I, 530.
Pala. III, 362.
Palmenroller. I, 582.
Palmflughund. I, 360.
Paludicola. II, 560.
 — *amphibius*. II, 560.

- Paludicola lebrunii*. II, 565.
 — *lecurus*. II, 565.
 — *nivalis*. II, 565.
Pampashirsch. III, 513.
Pampaskatze. I, 530.
Pangolin à longue queue. II, 721.
 — *d'Inde*. II, 722.
 — *des sables*. II, 725.
Pangolins. II, 718.
Panthère de lava. I, 482.
 — *noire*. I, 482.
Panugo. I, 373.
 — *noctula*. I, 373.
Papio babuin. I, 178.
 — *hamadryas*. I, 186.
Papion. I, 178.
 — *noir*. I, 178.
Papuanische Stacheligel. III, 747.
Papuaschwein. III, 540.
Paradoxurus. I, 581.
 — *albifrons*. II, 275.
 — *bondar*. I, 582.
 — *crossii*. I, 583.
 — *dubius*. I, 582.
 — *fasciatus*. I, 582.
 — *hermaphroditus*. I, 582.
 — *hirsutus*. I, 582 et 583.
 — *larvatus*. I, 586.
 — *linsang*. I, 580.
 — *musanga*. I, 582.
 — *niger*. I, 582.
 — *nigrifrons*. I, 583.
 — *pallasii*. I, 582.
 — *pallasii*. I, 583.
 — *pennantii*. I, 582.
 — *prehensilis*. I, 580.
 — *prehensilis*. I, 582.
 — *strictus*. I, 583.
 — *typus*. I, 582.
Pardalis. I, 496.
Parde. I, 554.
Pardelkatze. I, 525.
Pardelluchs. I, 554.
Parsesux. II, 680.
 — *du Bengale*. I, 300.
Pariahund. II, 88.
Passan. III, 388.
Patas. I, 150.
Pavian. I, 173.
Pazan. III, 388.
Pedetes. II, 512.
 — *caffer*. II, 512.
 — *capensis*. II, 512.
Pedetinae. II, 512.
Pekan. I, 627.
Pekari. III, 559.
Pelagius monachus. II, 320.
Peracyon cynocephalus. III, 722.
Perameles. III, 716.
 — *bougainvillei*. III, 717.
 — *nasuta*. III, 716.
Peramelidae. III, 716.
Perissodactyla. III, 40.
Perodicticus calabarensis. I, 306.
 — *potto*. I, 305.
Petauriste sciurien. III, 707.
 — *voeant*. III, 705.
Petauristes. III, 705.
Petanistes. III, 707.
Petauroides. III, 705.
 — *volans*. III, 705.
Petaurus. III, 707.
 — *pygmaeus*. III, 711.
 — *sciureus*. III, 707.
 — *taguanoides*. III, 705.
Petit Chinchilla. II, 642.
 — *fer à cheval*. I, 387.
 — *fourmilier*. II, 701.
 — *griffon*. II, 166.
 — *mulet*. III, 80.
Petrogale. III, 688.
 — *penicillata*. III, 688.
 — *xanthopus*. III, 688.
Pfeifhasen. II, 675.
Pferd. III, 49.
Pferde. III, 40.
Pferdeböcke. III, 384.
Pferdespringer. II, 509.
Pfifferaffe. I, 242.
Phacochoere à incisives. III, 556.
Phacochoerus. III, 555.
 — *aeliani*. III, 556.
 — *aethiopicus*. III, 556.
 — *africanus*. III, 556.
 — *barbatus*. III, 556.
 — *edentatus*. III, 556.
 — *haroja*. III, 556.
 — *hoiropotamus*. III, 558.
 — *incisivus*. III, 556.
 — *larvatus*. III, 553.
 — *pallasii*. III, 556.
 — *typicus*. III, 556.
Phalanger. III, 700.
 — *maculatus*. III, 700.
 — *maculé*. III, 700.
 — *renard*. III, 703.
Phalangeridae. III, 697.
Phalangerinae. III, 700.
Phalangista cooki. III, 703.
 — *fuliginosa*. III, 703.
 — *melanura*. III, 703.
 — *vulpina*. III, 703.
Phalangistes. III, 697.
Phaschocherus aeliani. III, 556.
 — *barbatus*. III, 556.
 — *edentatus*. III, 556.
 — *incisivus*. III, 556.
 — *palasii*. III, 556.
 — *typicus*. III, 556.
Phascogale à pieds jaunes. III, 730.
 — *flavipes*. III, 730.
 — *gerboise*. III, 731.
 — *lanigera*. III, 731.
 — *penicillata*. III, 728.
 — *rufogaster*. III, 730.
Phascogales. III, 728.
Phascolaretinae. III, 698.
Phascolarctus cinereus. III, 698.
Phascologale. III, 728.
Phascomyidae. III, 713.
Phascolomys fossor. III, 713.
 — *fusca*. III, 713.
 — *lassii*. III, 713.
 — *lasiiorhinus*. III, 713.
 — *latifrons*. III, 713.
 — *mittchelli*. III, 713.
 — *ursinus*. III, 713.
 — *wombat*. III, 713.
Phatages hedenborgii. II, 725.
 — *temminckii*. II, 725.
Philander. III, 739.
 — *phylander*. III, 739.
Philandre. III, 739.
Phoca. II, 319.
 — *albicauda*. II, 320.
 — *canina*. II, 319.
 — *caspica*. II, 320.
 — *communis*. II, 319.
 — *crinata*. II, 324.
 — *cucullata*. II, 324.
 — *dimidiata*. II, 324.
 — *dorsata*. II, 320.
 — *elephantina*. II, 326.
 — *foetida*. II, 320.
 — *groenlandica*. II, 320.
 — *isidori*. II, 324.
 — *jubata*. II, 361.
 — *lagura*. II, 320.
 — *leonina*. II, 326.
 — *leucopla*. II, 324.
 — *linnei*. II, 319.
 — *littorea*. II, 319.
 — *lutris*. I, 717.
 — *mitrata*. II, 324.
 — *muelleri*. II, 320.
 — *oceanica*. II, 320.
 — *pilayi*. II, 320.
 — *semilunaris*. II, 320.
 — *stelleri*. II, 348.
 — *ursina*. II, 354.
 — *variegata*. II, 319.
 — *vitulina*. II, 319.
Phocaena. III, 634.
 — *communis*. III, 634.
 — *melas*. III, 641.
 — *orca*. III, 630.
 — *rondeletii*. III, 634.
Phocidae. II, 303.
Pholidotus indicus. II, 722.
 — *longicaudatus*. II, 721.
Phoque. II, 319.
 — *à trompe*. II, 326.
 — *Capucin*. II, 324.
Phoques. II, 303.
Phyllorhina. I, 376.
Phyllostoma. I, 386.
 — *bidens*. I, 340.
 — *spectrum*. I, 386.
Phyllostomata. I, 376.
Physalus. III, 615.
 — *antiquorum*. III, 615.
 — *vulgaris*. III, 615.

- Physeter catodon*. III, 639.
 — *macrocephalus*. III, 661.
 — *trumpo*. III, 662.
Piglerok. III, 635.
Pika. II, 675.
Pikewhal. III, 620.
Pinche. I, 271.
Pinnipedia. II, 299.
Pinseläffchen. I, 273.
 — *schwein*. III, 551.
Pintscher. II, 164.
Pipistrelle. I, 371.
Pitheci. I, 37.
Pithecia. I, 245.
 — *adusta*. I, 245.
 — *hirsuta*. I, 248.
 — *israelitica*. I, 246.
 — *leucocephala*. I, 246.
 — *melanocephala*. I, 250.
 — *nocturna*. I, 246.
 — *ouakari*. I, 250.
 — *rufiventer*. I, 246.
 — *satanas*. I, 246.
Pitheciidae. I, 244.
Pithecus chimpanza. I, 77.
 — *gorilla*. I, 59.
 — *inuus*. I, 167.
 — *satyrus*. I, 96.
 — *syndactylus*. I, 108.
 — *variegatus*. I, 110.
Pithesciurus sciureus. I, 255.
Platanista. III, 655.
 — *gangetica*. III, 654.
Platyceros. III, 483.
Platypus anatinus. III, 752.
Platyrrhinus jubatus. II, 361.
Platyrrhini. I, 205.
Plecotus. I, 362.
 — *auritus*. I, 362.
Pleopus nudicaudatus. III, 696.
Plumpbeutler. III, 713.
 — *lori*. I, 300.
Poephagus. III, 268.
 — *grunniens*. III, 268.
Polarfuchs. II, 198.
Polarluchs. I, 538.
Polatouche. II, 438.
 — *de Sibirie*. II, 440.
Polyprotodontia. III, 715.
Porc épïc. II, 591.
Porcellus frumentarius. II, 546.
Porcellus cobaya. II, 609.
Porcus. III, 553.
 — *babyrussa*. III, 553.
 — *silvestris*. III, 556.
Porpoise. III, 534.
Portax pictus. III, 406.
Pota barbatus. I, 587.
 — *mophilus*. I, 587.
Potamochoerus. III, 551.
 — *africanus*. III, 553.
 — *albifrons*. III, 551.
 — *larvatus*. III, 553.
 — *penicillatus*. III, 551.
 — *porcus*. III, 551.
Potomys coypus. II, 634.
Potoroinae. III, 692.
Potoroo de Gould. III, 693.
 — *musqué*. III, 696.
 — *rat*. III, 694.
 — *murinus*. II, 694.
 — *tridactylus*. III, 694.
Potos caudivulvulus. II, 295.
Potto bosmani. I, 305.
 — *geoffroyi*. I, 305.
Pottwal. III, 662.
Pougounié. I, 582.
Prairiehund. II, 45.
Prankenbär. II, 272.
Prionodon. II, 713.
 — *gigas*. II, 713.
Prionodon. I, 580.
 — *gracilis*. I, 580.
 — *maculosus*. I, 580.
 — *parvulus*. I, 580.
Proboscidea. III, 650.
Probulalus. III, 349.
Procupra. I, 300.
 — *gutturosa*. III, 360.
Prochilus labiatus. II, 267.
 — *malayanus*. II, 254.
 — *ursinus*. II, 267.
Proechidna bruijnii. III, 752.
 — *villosissima*. III, 752.
Procyon. II, 277.
 — *brachyurus*. II, 277.
 — *carnivorus*. II, 286.
 — *gularis*. II, 277.
 — *lotor*. II, 277.
 — *obscurus*. II, 277.
Procyoninae. II, 277.
Propithecus diadème. I, 283.
Propithecus diadema. I, 283.
Prosimii. I, 278.
Protele. II, 15.
Proteles cristatus. II, 15.
 — *lalandii*. II, 15.
Prox. III, 483.
 — *muntjac*. III, 526.
Pudel. II, 160.
Pustelschwein. III, 540.
Putois. I, 628.
 — *de Pologne*. I, 629.
Putorius. I, 628.
 — *communis*. I, 628.
 — *erminea*. I, 647.
 — *foetidus*. I, 628.
 — *furo*. I, 635.
 — *lutreola*. I, 658.
 — *sarmaticus*. I, 629.
 — *typus*. I, 628.
 — *vison*. I, 658.
 — *vulgaris*. I, 628.
 — *vulgaris*. I, 640.
 — *zorilla*. I, 702.
Psammomys oheus. II, 518.
Pseudanthropustroglodytus. I, 77.
Pseudalopex azarac. II, 58.
Pseudophyllata. I, 383.
Pseudostoma bursarius. II, 586.
Pterobalaena communis. III, 615.
 — *gigas*. III, 618.
Pteromys. II, 438.
 — *petaurista*. II, 438.
 — *sibiricus*. II, 440.
 — *volans*. II, 440.
 — *volucella*. II, 442.
Pteropina. I, 348.
Pteropus. I, 351.
 — *egypti*. I, 351.
 — *indicus*. I, 351.
 — *macrotis*. I, 351.
 — *macrocephalus*. I, 354.
 — *medius*. I, 354.
 — *stramineus*. I, 360.
Puma concolor. I, 506.
 — *eyra*. I, 514.
 — *guarundi*. I, 511.

Q.

Quastenstachler. II, 596.

R.

Rangifer. III, 471.
 — *caribu*. III, 473.
 — *megaceros*. III, 459.
 — *tarandus*. III, 471.
Rappenantilope. III, 386.
Rat. II, 522.
 — *à barbe*. II, 536.
 — *à poche*. II, 586.
 — *d'eau*. II, 560.
 — *de Barbarie*. II, 545.
 — *taupe*. II, 581.
Rats-taupes. II, 580.
Ratel. I, 690.
 — *indien*. I, 692.
Ratelus capensis. I, 690.
 — *typicus*. I, 690.
Raton. II, 277.
Rauhohr-Nashorn. III, 108.
Razorback. III, 615.
Redunca. III, 380.
 — *megaceros*. III, 380.
 — *oleotragus*. III, 380.
Reh. III, 518.
Renard. II, 176.
 — *gris*. II, 214.
Renne. III, 471.
Remmäuse. II, 517.
Rennthier. III, 471.
Reuthal. III, 623.
Reutmaus. II, 560.
Rhabdogale mustelina. I, 702.
Rhesus. I, 161.
Rhinaster bicornis. III, 109.
Rhinoceros. III, 105.

- Rhinoceros africanus*. III, 109.
 — *asiaticus*. III, 105.
 — *aswellii*. III, 111.
 — *bicornis*. III, 109.
 — *brucei*. III, 109.
 — *burchellii*. III, 111.
 — *camus*. III, 111.
 — *crossii*. III, 108.
 — *d'Afrique*. III, 109.
 — *de Java*. III, 107.
 — *de Mallaca*. III, 108.
 — *de Sumatra*. III, 108.
 — *floweri*. III, 107.
 — *gris*. III, 111.
 — *indicus*. III, 105.
 — *inermis*. III, 107.
 — *javanicus*. III, 107.
 — *javanus*. III, 107.
 — *keitloa*. III, 109.
 — *lasiotis*. III, 108.
 — *nasalis*. III, 107.
 — *simus*. III, 111.
 — *sondaicus*. III, 107.
 — *stenocephalus*. III, 105.
 — *sumatranus*. III, 108.
 — *sumatrensis*. III, 108.
 — *tichorhinus*. III, 104.
 — *unicornis*. III, 105.
 — *vomperi*. III, 109.
Rhinocerotidae. III, 102.
Rhinochoerus indicus. III, 93.
 — *sumatranus*. III, 93.
Rhinolophus. I, 387.
 — *bihastatus*. I, 387.
 — *ferrum-equinum*. I, 390.
 — *hippocrepis*. I, 387.
 — *hipposideros*. I, 387.
 — *unihastatus*. I, 390.
Rhinomys jaculus. II, 397.
Rhinopoma. I, 384.
 — *hartwickii*. I, 384.
 — *microphyllum*. I, 384.
 — *microphylle*. I, 385.
Rhytina stelleri. III, 591.
Rhyaena capensis. I, 606.
 — *suricata*. I, 606.
 — *tetradactyla*. I, 606.
 — *typica*. I, 606.
Riedantilope. III, 380.
Riedbock. III, 380.
Riesengürtelthier. II, 713.
Riesenkänguruh. III, 686.
Riesenwal. III, 618.
Rinder. III, 265.
Rindsantilopen. III, 402.
Ringelrobbe. II, 320.
Rippesicht. III, 526.
Ritbok. III, 880.
Roadsters. III, 56.
Rodentia. II, 421.
Rogue. III, 19.
Rohrratte. II, 639.
Rödkamm. III, 657.
Rollaffen. I, 232.
Roodebock. III, 362.
Rorqualus minor. III, 620.
Roquet. II, 169.
Rorhqual. III, 612.
 — *géant*. III, 618.
 — *longimana*. III, 612.
 — *nain*. III, 620.
Rorquals. III, 612.
Rosmarus arcticus. II, 333.
 — *obesus*. II, 333.
Rotbüffel. III, 338.
Rote Brüllaffe. I, 210.
Rötelläfchen. I, 269.
Rotspiesshirsh. III, 516.
Roussa-Itan. III, 502.
Roussette. I, 351.
 — *à collier*. I, 361.
 — *d'Edwards*. I, 354.
 — *d'Egypte*. I, 360.
 — *paillée*. I, 360.
Roymbock. III, 362.
Roymbuk. III, 362.
Rucervus. III, 496.
 — *duvaucelli*. III, 496.
Rückendrösenantilopen. III, 379.
Rupicapra americana. III, 352.
Rusa. III, 500.
 — *aristotelis*. III, 500.
 — *hippelaphus*. III, 502.
 — *porcinus*. III, 505.
Rüsselbeutelthier. III, 711.
Rüsselspringer. II, 397.
- S.**
- Saamang*. I, 108.
Säbelantilope. III, 390.
Sacalius indicus. II, 42.
Saccomyidae. II, 584.
Saccomyinae. II, 585.
Saccophorus bursarius. II, 586.
Sacrophilus. III, 724.
 — *ursinus*. III, 724.
Sagouin. I, 253.
Sagouin. I, 272.
 — *à masque*. I, 253.
 — *argentatus*. I, 272.
 — *veuve*. I, 254.
Saguin. I, 272.
Sahuassu. I, 253.
Saiga. III, 436.
 — *tataricus*. III, 436.
Saimiri. I, 255.
Saimiris sciureus. I, 255.
Saimiri tête de mort. I, 255.
Sajouassou. I, 240.
Saki. I, 245.
 — *à tête blanche*. I, 246.
 — *noir*. I, 246.
 — *satanas*. I, 246.
 — *velu*. I, 248.
Salpuga betica. I, 348.
Sambar. III, 500.
Sandrennmaus. II, 518.
Sanglier. III, 539.
 — *à bandes*. III, 540.
 — *à barbe blanche*. III, 540.
Sanglier à crinière. III, 540.
 — *à masque*. III, 553.
 — *à pinceaux*. III, 551.
 — *à verrues*. III, 540.
 — *barbu*. III, 540.
 — *noir*. III, 540.
Sapajou. I, 232.
 — *à barbe blanche*. I, 234.
 — *à gorge blanche*. I, 234.
 — *cornu*. I, 242.
 — *olivâtre*. I, 234.
Sarigues. III, 733.
Satansaffe. I, 246.
Sattelrobbe. II, 320.
Satyros Chimpanza. I, 77.
 — *gorilla*. I, 59.
 — *lagarus*. I, 77.
Savannenhund. II, 56.
Sehabrakenhiäne. II, 10.
Schabraken-schakal. II, 47.
Schabrakentapir. III, 93.
Schafe. III, 225.
Schäferhund. II, 167.
Schafochs. III, 260.
Schakalwolf. II, 36.
Scharlachgesicht. I, 250.
Schelk. III, 459.
Schelo. III, 460.
Schermaus. II, 560.
Schlanklori. I, 297.
 — *affen*. I, 118.
Schleichkatzen. I, 566.
Schleichkatzenhund. II, 54.
Schirrantilope. III, 399.
Schlitzrüssler. II, 401.
Schnabeldolphin. III, 655.
 — *fisch*. III, 649.
 — *tier*. III, 752.
 — *wal*. III, 620.
Schneehase. II, 664.
 — *maus*. II, 565.
 — *ziege*. III, 352.
Schopfantilopen. III, 410.
 — *pavian*. I, 177.
Schraubenantilope. III, 395.
 — *ziege*. III, 206.
Schupati. III, 739.
Schupp. II, 277.
Schuppenthier. II, 718.
Schwarzbär. II, 277.
 — *büffel*. III, 330.
 — *fuchs*. II, 179.
 — *panther*. I, 482.
 — *schwein*. III, 540.
Schwarze Brüllaffe. I, 210.
Schweifaffen. I, 245.
Schweinhirsch. III, 505.
 — *affe*. I, 166.
Schweishund. II, 150.
Schwertwal. III, 630.
Schwimmbeutel. III, 740.
Sciorepterus sibiricus. II, 440.
Scirtetes. II, 509.
 — *decumanus*. II, 509.
 — *jaculus*. II, 509.
 — *spiculum*. II, 509.

- Scirtetes vexillarius*. II, 509.
Sciuridae. II, 423.
Sciurinae. II, 423.
Sciuropterus volucella. II, 442.
Sciurus. II, 426.
 — *alpinus*. II, 426.
 — *degus*. II, 629.
 — *glis*. II, 473.
 — *italicus*. II, 426.
 — *madagascariensis*. I, 322.
 — *minutus*. II, 436.
 — *ocularis*. II, 448.
 — *petaurista*. II, 438.
 — *quercinus*. II, 477.
 — *rotans*. II, 440.
 — *rutilus*. II, 448.
 — *striatus*. II, 444.
 — *uthensis*. II, 444.
 — *volucella*. II, 442.
 — *vulgaris*. II, 426.
Scopophorus scoparius. III, 417.
Scotophylus murinus. I 366.
Seal. II, 319.
Sealskin. II, 361.
Sechsbindingürtelthier. II, 706.
Seebär. II, 354.
Seehund. II, 319.
Seehunden. II, 303.
 — *löwe*. II, 348.
 — *mönch*. II, 320.
Seidenhund. II, 154.
Selach. II, 319.
Selkin. II, 319.
Semle. III, 477.
 — *kalb*. III, 477.
Semnopithecus. I, 118.
 — *entellus*. I, 119.
 — *maurus*. I, 124.
 — *nasicus*. I, 127.
 — *schistaceus*. I, 121.
Semnopitheques. I, 118.
Senegalantilope. III, 375.
Seeotter. I, 717.
Serafe. III, 145.
Serval galeopardus. I, 504.
Shorthorn. III, 318.
Siamanga. I, 108.
 — *hoolock*. I, 108.
 — *syndactyla*. I, 108.
Sibbaldius. III, 618.
 — *borealis*. III 618.
 — *latirostris*. III, 618.
 — *sulfureus*. III, 619.
Sibirisches Flatterhörnchen. II 440.
Siebenschläfer. II, 473.
Sild Reiki. III, 645.
Silenus vetus. I, 203.
Silberäffchen. II, 272.
 — *fuchs*. II, 179.
Sildreki. III, 615.
Sildrör. III, 615.
Sillhval. III, 615.
Simia apella. I, 240.
 — *argentata*. I, 272.
 — *beelsebuth*. I, 219.
Simia capucina. I, 233.
 — *caraya*. I, 210.
 — *chamek*. I, 219.
 — *chiropotes*. I, 246.
 — *cynocephalus*. I, 178.
 — *diana*. I, 144.
 — *entellus*. I, 119.
 — *fatuellus*. I, 242.
 — *ferox*. I, 203.
 — *gorilla*. I, 59.
 — *hamadryas*. I, 186.
 — *hircina*. I, 198.
 — *hirsuta*. I, 248.
 — *inuus*. I, 167.
 — *jacchus*. I, 272.
 — *lagothrix*. I, 229.
 — *leonina*. I, 268.
 — *longimana*. I, 108.
 — *leucophaeus*. I, 198.
 — *lugens*. I, 254.
 — *maimon*. I, 198.
 — *melanocephala*. I, 250.
 — *mona*. I, 145.
 — *morta*. I 255.
 — *nasalis*. I, 127.
 — *nemestrina*. I, 166.
 — *nigra*. I, 177.
 — *oedipus*. I, 271.
 — *paniscus*. I, 219.
 — *penicillata*. I, 273.
 — *personata*. I, 253.
 — *pithecia*. I, 246.
 — *rosalia*. I, 269.
 — *rostrata*. I, 127.
 — *sabaea*. I, 144.
 — *sagulata*. I, 246.
 — *satyrus*. I, 96.
 — *sciurea*. I, 255.
 — *seniculus*. I, 210.
 — *sinica*. I, 159.
 — *trivirgatus*. I, 259.
 — *troglydites*. I, 77.
 — *vidua*. I, 254.
Siphneus aspalax. II, 582.
Sivatherium. III, 138.
Skältokar. II, 319.
Skünk. I, 698.
Smutsia temminckii. II, 725.
Solenodon. II, 401.
 — *cubanus*. II, 401.
Sorex. II, 404.
 — *amphibius*. II, 409.
 — *araneus*. II, 407.
 — *bicolor*. II, 409.
 — *carinatus*. II, 409.
 — *castaneus*. II, 404.
 — *ciliatus*. II, 409.
 — *concinus*. II, 404.
 — *constrictus*. II, 409.
 — *coronatus*. II, 404.
 — *cunicularia*. II 404.
 — *eremita*. II, 404.
 — *etruscus*. II, 408.
 — *fimbriatus*. II 407.
 — *fluviatilis*. II, 409.
 — *foliens*. II, 409.
 — *glis*. II, 396.
Sorex hydrophilus. II, 409.
 — *labiosus*. II, 404.
 — *lineatus*. II, 409.
 — *melanodon*. II, 40
 — *moschatus*. II
 — *natans*. II
 — *nigripes*.
 — *paucisulcatus*. II
 — *peromyscus*. II
 — *pringi*. II
 — *septentrionalis*. II
 — *terrestris*. II
 — *uropus*. II
 — *zosterops*. II
Sorex aspalax. II, 580.
Sorex aspalax. II, 582.
 — *microphthalmos*. II, 581.
 — *pallasii*. II, 581.
 — *typhlus*. II, 581.
 — *xanthodon*. II, 581.
Speckhauer. III, 631.
 — *hugger*. III, 634.
 — *maus*. I, 345.
Spermophilus. II, 451.
 — *citillus*. II, 451.
 — *guttatus*. II, 451.
 — *ludovicianus*. II, 455.
 — *musicus*. II, 451.
 — *undulatus*. II, 451.
Spermwhale. III, 661.
Sphingurus. III, 601.
 — *novae hispaniae*. II, 601.
Sphinx. I, 178.
Spiessböcke. III, 387.
Spitz. II, 169.
 — *hörnchen*. II, 395.
 — *mäuse*. II, 402.
Spizaëtos occipitalis. I, 140.
Springaffe. I, 253.
 — *antilopen*. III, 369.
 — *bock*. III, 369 и 370.
Springer. III, 634.
Springnager. II, 497.
Stacheligel. III, 746.
 — *schwein*. II, 591.
Steinböcke. III, 181.
Steinmarder. I, 619.
Stellère. III, 591.
Stemmatopus cristatus. II, 324.
 — *mitratus*. II, 324.
Steno tucuxi. III, 654.
Stenodactylus massoni. II, 631.
Stenops. I, 296.
 — *gracilis*. I, 297.
 — *tardigradus*. I, 300.
Stenorynchus albiventer. II, 320.
 — *leptonix*. II, 313.
Stentor niger. I, 210.
 — *seniculus*. I, 210.

- Steppenfuchs. II, 207.
 — kuhantilope. II 876.
 — schuppentier. II, 725.
 — wolf. II. 50.
 Sterpsiceros cervicapra. III 357.
 Stinkdachs I. 693.
 Stöberhund. II, 153.
 Strandgraber. II, 583.
 — wolf. II, 10.
 Strauchratten. II. 628.
 Streifengnu. III, 443.
 — hyäne. II, 12.
 — maus. II, 545.
 — wolf. II, 38.
 Strepsiceros. III, 393.
 Strepsiceros. III, 395.
 — addax. III, 393.
 — excelsus. III, 395.
 — kudu. III, 395.
 Stummeltaffen. I, 129.
 Stumpfashorn. III, 111.
 Stutzbeutel. III, 719.
 Stylocercus muntjac. III, 526.
 Subulo rufus. III, 516.
 Sulgan. II, 677.
 Sulphurbotten. III, 619.
 Sumpfbiber. II, 634.
 — hirsch. III, 496.
 — luchs. I, 532.
 Sunsa. I, 594.
 Suricata tetractyla. I, 606.
 — zenick. I, 606.
 Surilho. I, 697.
 Surmulot. II, 523.
 Sus. III, 539.
 — aethiopicus. III, 556.
 — africanus. III, 553.
 — africanus. III, 556.
 — albirostris. III, 559.
 — andamanensis. III, 540.
 — angalla. III, 556.
 — aper. III, 539.
 — balyrussa. III, 553.
 — barbatus. III, 540.
 — celebensis. III, 540.
 — choiropotamus. III, 553.
 — cristatus. III, 540.
 — fasciatus. III, 539.
 — guinensis. III, 551.
 — hoirepotamus. III, 553.
 — labiatus. III, 559.
 — larvatus. III, 553.
 — leucomystax. III, 540.
 — lybiensis. III, 540.
 — niger. III, 540.
 — papuensis. III, 540.
 — penicillatus. III, 551.
 — pictus. III, 551.
 — porcus. III, 551.
 — scrofa. III, 539.
 — senarensis. III, 540.
 — verrucosus. III, 540.
 — vittatus. III, 540.
 — tajaca. III, 559.
 — timorensis. III, 540.
 — torquatus. III, 559.
 Susa gangeticus. III, 655.
 Suslik. II, 451.
 Svinehval. III, 635.
 Syntheres. II, 601.
 — prehensilis. II, 606.
 Synotus. I, 374.
 — barbastellus. I, 375.

T.
 Tachyglossus aculeatus. III, 746.
 — bruijnii. III, 752.
 — hystrix. III, 746.
 — lawesi. III, 746.
 — setosus. III, 747.
 Tafa. III, 728.
 Tagnicat. III, 559.
 Taguan. II, 438.
 Tahr. III, 223.
 Talpa europaea. II, 384.
 — vulgaris. II, 384.
 Talpidae. II, 382.
 Tamandua bivittata. II, 699.
 — tetractyla. II, 699.
 — tridactyla. II, 699.
 Tamanoir. II, 693.
 Tamarin oedipe. I, 271.
 Tamias. II, 444.
 — americanus. II, 445.
 — lysteri. II, 445.
 — striatus. II, 444.
 Tangfisch. II 319.
 Tapir à dos blanc. III, 93.
 — d' Amérique. III, 95.
 Tapiridae. III, 92.
 Tapirus americanus suillus. III, 95.
 — anta. III, 95.
 — bicolor. III, 93.
 — indicus. III, 93.
 — malayanus. III, 93.
 — sumatranus. III, 93.
 — terrestris. III, 95.
 — Tapoa-Tafa. III, 728.
 Tarandus arcticus. III, 471.
 — groenlandicus. III, 471.
 — rangifer. III 471.
 Tarsidae. I, 315.
 Tarsier spectre. I, 315.
 Tarsiers. I, 315.
 Tarsipedinae. III, 711.
 — rostratus. III, 711.
 — spenserac. III, 711.
 Tarsius bancanus. I, 315.
 — fischeri. I, 315.
 — fuscomanus. I, 315.
 — maucauco. I, 315.
 — pallasii. I, 315.
 — spectrum. I, 315.
 Tartarin. I, 186.
 Taschenmäuse. II, 585.
 — nager. II, 584.
 — ratte. II, 586.
 — ratten. II, 585.
 — springer. II, 585.
 Taschenmäuse springmäuse. II, 585.
 Tasmanische Wombat. III, 713.
 Tatou à six bandes. II, 706.
 — géant. II, 713.
 — velu. II, 705.
 Tatous. II, 704.
 Tatusia. I, 704.
 — apar. II, 710.
 — tricincta. II, 710.
 — villosa. II, 705.
 Taupe. II, 384.
 Tauwar. III, 657.
 Taxus europaeus. I, 677.
 — gulo. I, 666.
 — mellivora. I, 690.
 — vulgaris. I, 677.
 Tchakma. I, 178.
 Tenlie. II, 47.
 Tetraceros. II, 409.
 — quadricornis. III, 409.
 Tettstschaf. III, 254.
 Teufel. III, 724.
 Teufelsaffe. I, 133.
 Thalassaretos maritimus. II, 257.
 — polaris. II, 257.
 Theropithecus gelada. I, 194.
 Thiosmus chilensis. I, 697.
 — marputio. I, 697.
 Thous canerivorus. II, 56.
 Thrasher. III, 634.
 Thylacin. III, 722.
 Thylacinus cynocephalus. III, 722.
 Tigeriltis. I, 629.
 Tigerkatze. I, 528.
 Tigris macroscelides. I, 428.
 — regalis. I, 403.
 Timberwolf. II, 33.
 Todtenköpfchen. II, 255.
 Tolypeutes tricinctus. II, 710.
 Torsipede. III, 713.
 Tragelaphes. III 398.
 Tragelaphus. III, 398.
 — albivirgatus. III, 400.
 — euryceros. III, 400.
 — kudu. III, 395.
 — scriptus. III, 399.
 — silvaticus. III, 400.
 — speki. III, 400.
 Tragulidae. III, 534.
 Tragulus canchil. III, 534.
 — pygmaeus. III, 534.
 Trampeltier. III, 158.
 Trichechidae. II, 333.
 Trichechus. II, 333.
 — divergens. II, 333.
 — manatus. III, 583.
 — obesus. II, 333.
 — rosamarus. II, 333.
 Trichosurus. III, 703.
 — vulpecula. III, 703.
 Triphyllata. I, 383.
 Troglodytes gorilla. I, 59.
 — niger. I, 77.
 — savagei. I, 59.

Trugratten. II, 627.
 Tuckhval. III, 623.
 Tugalik. III, 657.
 Tumler. III, 635.
 Tummler. III, 634.
 Tupaiia ferruginea. II, 396.
 tana. III, 396.
 Tupaiidae. II, 395.
 Tupalo. II, 319.
 Tüpfelbeutelmauder. III, 727.
 Tüpfelgepard. I, 557.
 Tüpfelhirsch. III, 498.
 Tüpfelkatze. I, 500.
 Tüpfelkuseus. III, 700.
 Turnspit. II, 144.
 Tusker. III, 18.
 Twelhdhval. III, 661.

U.

Unau. II, 681.
 Unaux. II, 681.
 Ur. III, 273.
 Urochs. III, 274.
 Urocyon virginianus. II, 214.
 Urox. III, 274.
 Ursinae. II, 222.
 Ursitaxus inauritus. I, 692.
 Urson. II, 597.
 Ursus albus. II, 257.
 — americanus. II, 247.
 — aretos. II, 222.
 — brasiliensis. I, 674.
 — cadavenirus. II, 222.
 — canadensis. II, 242.
 — caudivolvulus. II, 295.
 — cinereus. II, 242.
 — collaris. II, 222.
 — crowtheri. II, 223.
 — ferax. II, 242.
 — foetidus. I, 693.
 — formicarius. II, 222.
 — gedrosianus. II, 251.
 — grandis. II, 222.
 — griseus. II, 242.
 — gulo. I, 666.
 — japonicus. II, 251.
 — horribilis. II, 242.
 — isabellinus. II, 223 и 237.
 — indicus. I, 692.
 — mormatus. II, 267.
 — labiatus. II, 267.
 — lotor. II, 277.
 — malayanus. II, 254.
 — marinus. II, 257.
 — maritimus. II, 257.
 — melanoleucus. II, 272.
 — meles. I, 677.
 — mellivora. I, 690.
 — normalis. II, 222.
 — polaris. II, 257.
 — richardsonii. II, 242.
 — sibiricus. I, 666.
 — syriacus. II, 223.
 — taxus. I, 677.
 — tibetanus. II, 251.

Ursus torquatus. II, 251.
 Urus. III, 274.
 Urva cancrivora. I, 602.

V.

Vaagehwal. III, 620.
 Vampire. I, 386.
 Vampyrus spectrum. I, 386.
 Vari. I, 288.
 Verret. I, 146.
 Vespertilio. I, 365.
 — aedilis. I, 367.
 — auritus. I, 362.
 — barbastellus. I, 375.
 — borealis. I, 369.
 — brachyotus. I, 369.
 — brevimanus. I, 362.
 — cornutus. I, 362.
 — dasycneme. I, 339.
 — daubentonii. I, 367.
 — emarginatus. I, 367.
 — ferrugineus. I, 373.
 — ferrum-equinum. I, 390.
 — lasiopterus. I, 373.
 — macuanus. I, 373.
 — microphyllus. I, 384.
 — minutus. I, 387.
 — murinus. I, 366.
 — myotis. I, 366.
 — nigricans. I, 371.
 — noctula. I, 373.
 — otus. I, 362.
 — pigmaeus. I, 371.
 — pipistrellus. I, 371.
 — proterus. I, 373.
 — schinzii. I, 367.
 — spectrum. I, 386.
 — submurinus. I, 366.
 — volgensis. I, 367.
 Vespertiliones. I, 362.
 Vespertillon de Daubenton. I, 367.
 Vesperugo. I, 369.
 — nilssonii. I, 369.
 — noctula. I, 373.
 — pipistrellus. I, 371.
 Vesperus nilssonii. I, 369.
 Vigogne. III, 173.
 Vielfrass. I, 666.
 Vierhornantilope. III, 409.
 Virginiahirsch. III, 507.
 Viscacha. II, 649.
 Viscache. II, 649.
 Vison. I, 658.
 — lutrecephala. I, 658.
 — lutreola. I, 658.
 Viverra. I, 570.
 Viverra. I, 635.
 — aurita. II, 210.
 — bengalensis. I, 576.
 — binturong. II, 275.
 — bondar. I, 582.
 — capensis. I, 690.
 — carcharias. I, 587.

Viverra caudivolvula. II, 295.
 — caudivolvulus. II, 295.
 — civetta. I, 570.
 — civettina. I, 575.
 — civettoides. I, 574.
 — erminea. I, 647.
 — genetta. I, 578.
 — gracilis. I, 580.
 — hermaphrodita. I, 583.
 — hyaenoides. II, 15.
 — ichneumon. I, 590.
 — indica. I, 576.
 — larvata. I, 586.
 — linsang. I, 580.
 — lutra. I, 704.
 — lutreola. I, 658.
 — maculata. I, 578.
 — malaccensis. I, 576.
 — marputio. I, 697.
 — martes. I, 612.
 — melanurus. I, 574.
 — mellivora. I, 690.
 — mephitis. I, 698.
 — mungo. I, 594.
 — musanga. I, 583.
 — mustela. I, 640.
 — nasua. II, 286.
 — nigra. I, 582.
 — orientalis. I, 574.
 — pallida. I, 576.
 — poliocephala. I, 672.
 — prechusilis. I, 580.
 — putorius. I, 628.
 — quiqui. I, 674.
 — rasse. I, 576.
 — sarmatica. I, 629.
 — striata. I, 702.
 — suricata. I, 606.
 — tetradactyla. I, 606.
 — undulata. I, 574.
 — vittata. I, 674.
 — vulpecula. I, 672.
 — zibellina. I, 623.
 — zibetha. I, 574.
 — zorilla. I, 702.
 Viverriceps viverrina. I, 500.
 Viverricula. I, 576.
 — malaccensis. I, 576.
 Viverridae. I, 566.
 Vliesigel. III, 752.
 Vorstehhund. II, 146.
 Vulpes. II, 176.
 — azarae. II, 58.
 — chama. II, 210.
 — cinereo-argentatus. II, 214.
 — corsac. II, 207.
 — flavescens. II, 180.
 — fuliginosus. II, 198.
 — lagopus. II, 198.
 — mesomelas. II, 47.
 — minimus. II, 210.
 — montana. II, 180.
 — vulgaris. II, 176.
 — zaarensis. II, 210.
 — zerdo. II, 210.
 Vitulus silenus. I, 203.

W.

Waschbär. II, 277.
 Waldböcke. III, 393.
 — hund. II, 75.
 — maus. II, 535.
 — spitzmaus. II, 404.
 — wühlmaus. II, 567.
 Wallabys. III, 687.
 Wallichhirsch. III, 502.
 Walross. II, 333.
 Wanderfledermaus. I, 369.
 — ratte. II, 523.
 — ratte. II, 523.
 Wapiti. III, 496.
 Wara-Nashorn. III, 107.
 Warzenschwein. III, 556.
 Wasserbock. III, 382.
 Wasserböcke. III, 382.
 — fledermaus. I, 367.
 — ratte. II, 560.
 — schwein. II, 623.
 — spitzmaus. II, 409.
 Wechselwolf. II, 33.
 Weissbartaffe. I, 234.
 — schwein. III, 540.
 Weissfisch. III, 639.
 Weiss händiger gibbon. I, 108.
 — kopffaffe. I, 246.
 — russelbär. II, 287.
 — schulteraffe. I, 234.
 — stirnmaki. I, 289.
 Wickelbär. II, 295.
 Wiesel. I, 640.
 Wildebeest. III, 441.
 Wildkatze. I, 432.
 — schwein. III, 539.

Wimperspitzmaus. II, 408.
 Windhund. II, 117.
 Windspielantilope. III, 412.
 Winselaffen. I, 232.
 Wisent. III, 276.
 Witwenaffe. I, 254.
 Wolf. II, 20.
 Wollaffen. I, 229.
 Wolliger Gepard. I, 557.
 Wombat. III, 713.
 — à large front. III, 713.
 — de Tasmanie. II, 713.
 Wuhlmäuse. II, 555.
 Wuhlratten. II, 560.
 Wurfmäuse. II, 580.
 Wurzelmaus. II, 573.
 Wüstenspringmaus II, 502.

X.

Xerus. II, 447.
 — leucoumbrinus. II, 448.
 — rutilus. II, 448.
 — rutilus. II, 448.

Y.

Yak. III, 268.

Z.

Zalophus californianus. II, 349.

Zarka hirsuta. I, 248.
 Zebra. III, 85.
 Zebromanguste. I, 598.
 Zebre. III, 85.
 Zibelline. I, 623.
 Zibetkatze. I, 570.
 Zibeth. I, 574.
 Zibethkätzchen. I, 576.
 Ziemni-bisak. II, 583.
 Zierböckchen. III, 416.
 Ziesel. II, 451.
 Ziphius. II, 305.
 Zobel. I, 623.
 Zokor. II, 582.
 Zoallia capensis. I, 702.
 — leucomelas. I, 702.
 — striata. I, 702.
 Zottelaffe. I, 248.
 Zuckereichhorn. III, 707.
 Zuckerhörnchen. III, 707.
 Zweizehenfaultier. II, 681.
 Zweizehenfaultiere. II, 681.
 Zweizehige Ameisenfresser II, 701.
 Zwergfledermaus. I, 371.
 Zwergflusspferd. III, 578.
 Zwerghufeisenmaus. I, 387.
 Zwergkatze. I, 501.
 Zwergmaki. I, 308.
 Zwergmaus. II, 542.
 Zwergpfeifhase. II, 677.
 Zwergseidenäffchen. I, 277.
 Zwergwal. III, 620.
 Zwergziege. III, 216.

